

А.Х. ШЕУДЖЕН

АДЫГИ

А.Х. ШЕУДЖЕН

Без адыгов Кавказ – не Кавказ.

И. В. Сталин

АДЫГИ

В двух томах
Том I

ОАО «Полиграф-ЮГ»
Майкоп – 2022

УДК 94 (470.621)
ББК 63.3 (2Рос.Ады)
Ш 52

Рецензенты:

Ачмиз Казбек Гучипсович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований;

Хагуров Айтёч Аюбович

доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Адыгея и Кубани,
ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Ш 52 Шейджен А.Х. Адыги. В 2-х томах. Том I. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2022. – 752 с.

В книге на строго документальной основе изложены узловые моменты расселения и миграции адыгских племен в историческом прошлом. Рассмотрены проблемные вопросы становления и развития адыгской государственности, трансформации религиозных верований у адыгов, возникновения письменности, развития работорговли в исторической Черкесии, а также изменчивости географических названий Северного Кавказа. Монография знакомит читателей со многими зачастую малоизвестными широкой читательской аудитории аспектами истории адыгов.

Рассчитана на школьников-старшеклассников, студентов, молодых ученых, учителей школ и преподавателей вузов, а также для всех, кто интересуется прошлым и настоящим своей любимой малой родины – Земли адыгов.

ISBN 978-5-7992-1032-8
ISBN 978-5-7992-1033-5 (Том I)

© Шейджен А.Х., 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	19
ВВЕДЕНИЕ.....	21
АДЫГИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ.....	23
1. Местоположение на Северо-Западном Кавказе племен – предков адыгов при первобытно-общинном строе	23
1.1. «Остров Кавказ в море Тетис»: на заре геологической истории Земли.....	23
1.2. Каменный век	24
1.2.1. Первое появление человека на Кавказе	25
1.2.2. Неолит: эпоха матриархата.....	27
1.2.2.1. Неолитическая революция: «первый экономический переворот в истории человечества»	27
1.2.2.2. «Власть матери»: эпоха матриархата.....	28
1.2.3. «В целом каменный век был героической эпохой...»	29
1.3. Эпоха бронзы на Кавказе.....	29
1.3.1. Энеолит: переходный период от каменного века к бронзовому.....	29
1.3.1.1. Бронзовый век на Северном Кавказе	30
1.3.1.2. «В период энеолита и бронзы... на Северо-Западном Кавказе выделяется абхазо-адыгская этническая группа».....	31
1.3.2. Майкопская археологическая культура на Северо-Западном Кавказе.....	32
1.3.2.1. «На заре эпохи бронзы здесь складывается майкопская культура»	33
1.3.2.2. Майкопская культура – «свидетельство единства населения Северо-Западного Кавказа в этническом отношении»	33
1.3.2.3. «Яркая и самобытная майкопская культура сложилась благодаря и активным связям предков абхазо-адыгов с племенами Малой Азии»	34
1.3.2.4. «Майкопская культура – явление значительное и уникальное не только в масштабе Кавказа, но и всей истории Европы»	35
1.3.2.5. «Высочайший уровень металлургии и металлообработки в майкопской среде»	36
1.3.2.6. «Племена майкопской культуры... расселились в восточном направлении до границ современного Дагестана».....	37
1.3.3. Древнейшая, древняя и новая история города Майкопа	37
1.3.3.1. «В позднем палеолите... неолит типа кромагонца активно обживает окрестности Майкопа».....	37
1.3.3.2. «Расшифровка майкопской плиты дала возможность уточнить время закладки города Ах-Мае на месте современного Майкопа».....	38
1.3.3.3. Основные вехи древнейшей и древней истории Майкопа.....	40
1.3.3.4. Материалы к дате образования крепости Майкоп и современного города	41
1.3.3.5. «Город Майкоп учреждается...»	41
1.4. Племена дольменной культуры: границы расселения	42
1.4.1. Дольменная археологическая культура	42
1.4.2. Дольменные группы Причерноморья-Средиземноморья.....	44
1.4.2.1. Дольмены на Кубани: «На территории бывшего СССР подобные уникальные памятники известны только на Северо-Западном Кавказе и в Абхазии»	44
1.4.2.2. Дольмены – мифические <i>испы унэ</i> – «дома карликов»?	44
1.4.2.3. «Дольменная группа – это особое родовое кладбище, игравшее роль храмового комплекса»	45
1.4.2.4. «Древнейшим типом дольменных построек являются плиточные сооружения...»	46
1.4.2.5. «Каким образом люди могли возвести столь циклопические сооружения?».....	46
1.4.2.6. «Черты, близкие западнокавказским дольменам, можно найти в древних постройках Средиземноморья»	47
1.4.2.7. «Строителей дольменов и строителей египетских пирамид объединял... заупокойный культ с его заботой о загробной жизни»	48
1.4.3. Беречь и сохранять – или варварски уничтожать: два подхода к уникальным памятникам прошлого.....	49
1.4.3.1. «Чувство почтения к далеким предкам и боязнь нарушить их покой»: беречь и охранять дольмены	49
1.4.3.2. Разрушение дольменов на Кубани: «Действия, оцененные как проявление варварства...».....	50
1.4.3.3. Графиня Уварова: «Варварство продолжается»	51
1.4.3.4. Современные вандалы: «Особой дикостью отличается уничтожение Кожуховской группы дольменов»	52
1.4.3.5. Сохранить дольменный комплекс «Псынако» – одну из древнейших обсерваторий Евразии.....	53
1.5. Северокавказская археологическая культура	54
1.5.1. Племена северокавказской культуры.....	54
1.5.2. Эпоха поздней бронзы и раннего железа.....	54
1.5.2.1. Прикубанская культура на Северо-Западном Кавказе	54
1.5.2.2. Кобанская археологическая культура.....	55
1.5.2.3. Ямная, катакомбная культуры.....	56

2. Расселение племен Северо-Западного Кавказа в эпоху раннего железа	57
2.1. Железный век на Кавказе.....	57
2.1.1. «Эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»	57
2.1.2. «Переход на более высокий этап развития – к кочевому скотоводству и плужному земледелию»	58
2.2. Киммерийцы и скифы на Северо-Западном Кавказе.....	58
2.2.1. «Через Северный Кавказ двигались мощные орды киммерийских племен».....	59
2.2.1.1. «Воспоминания о них (киммерийцах) отразились в названиях, переживших тысячелетия»	59
2.2.1.2. Археологические памятники киммерийской культуры	60
2.2.1.3. Расселение и миграции киммерийцев в историческом прошлом.....	61
2.2.1.4. «Киммерийцы проникали в среду местных племен, оказывая влияние на их культуру»	62
2.2.1.5. Киммерийцы – «отдаленные предки адыгов»?	63
2.2.2. «Геродот впервые упоминает проживающее в равнинном Закубанье скифское племя авхатов»	64
2.2.3. Скифы-сарматы-сираки на Северо-Западном Кавказе	64
2.2.3.1. Роль скифов-сколетов в этногенезе местных адыгских племен	64
2.2.3.2. Кочевники-сарматы (савроматы): тесные контакты с предками адыгов	67
2.2.3.3. Сираки: «беглецы из народов, живущих выше...»	69
2.3. Меоты – предки адыгов, коренное население Северо-Западного Кавказа	69
2.3.1. Расселение меотских племен	70
2.3.1.1. «Обрывки всех наречий, ропот дикий...»: античные источники о племенах Приазовья-Причерноморья	70
2.3.1.2. Данные современных исследователей о расселении меотов, синдов и керкетов	72
2.3.1.3. Памятники синдо-меотской культуры	74
2.3.1.4. Поселения и жилища меотских племен	75
2.3.1.5. Хозяйство меотов	76
2.3.2. «Царь синдов и всех меотов...»: греческая колонизация Земли адыгов.....	77
2.3.2.1. Начало греческой колонизации Приазовья-Причерноморья	78
2.3.2.2. Взаимоотношения меотов с Боспорским царством	79
2.3.2.3. Торговые связи меотов с Боспором и метрополией	80
2.3.2.4. От расцвета – к упадку: сокрушение кочевниками Боспорского царства	82
2.4. Волны кочевников: аланы, готы, гунны, авары в степях Северо-Западного Кавказа	83
2.4.1. Этногеография Северного Кавказа в позднюю античную эпоху и в раннем средневековье	83
2.4.2. Аланы-овсы на Северном Кавказе	84
2.4.3. «Прорываются рыжие готы к лазури южных лагун...»	85
2.4.4. «Вторжение гуннов наносит последний удар по Боспорскому царству»	86
2.4.4.1. «Гуннское нашествие оказалось трагическим для большинства населения Северо-Западного Кавказа»	87
2.4.4.2. Атилла – «Молот вселенной, Бич Божий»: взаимоотношения меотов с гуннами	88
2.4.5. Вторжение аваров на Землю адыгов: князь Лавристан против хана Байкана	90
3. Миграции племен зихов-касогов-черкесов. Средневековая Черкесия	91
3.1. Византийское владычество на Северо-Западном Кавказе	91
3.2. Великая Булгария и Хазарский каганат.....	92
3.2.1. Великая Булгария на Земле адыгов.....	92
3.2.1.1. Возвышение булгар на западе степного Предкавказья	92
3.2.1.2. «Государь Кубрат – объединитель всех булгарских племен»	92
3.2.2. «Хазары кровью солили реки...»: Хазарский каганат и адыги.....	93
3.2.2.1. Хазарский федеративный союз племен: от возвышения к упадку	93
3.2.2.2. Взаимоотношения адыгов с Хазарским каганатом.....	94
3.2.2.3. Князь Безруко Болотоков: походы против Хазарии и взятие Тумен-Тархана	95
3.2.3. Печенеги, торки и половцы: «три колена одного и того же народа»	96
3.3. Первые контакты адыгов с Русью.....	97
3.3.1. «Из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги»	97
3.3.2. Касоги: политические, культурные и торговые связи с соседними народами в период средневековья	98
3.4. Русское Тмутараканское княжество и адыги	98
3.4.1. «Тмутараканский остров»: Тмутаракань-Таматарха в X-XI столетиях	98
3.4.2. «У византийских летописцев Таматарха фигурирует как зихский (касожский) город»	99
3.4.3. Поход князя Мстислава «на касоги»: поединок с князем Редедей.....	100
3.4.4. Взаимоотношения касогов с «фрусичами»: от конфронтации к боевому содружеству	101
3.4.5. «Позиции Тмутараканского княжества пошатнулись»	103
3.4.6. Тмутаракань после распада русского княжества	103
3.4.7. К истории происхождения географического названия Тмутаракани – современного города Тамани	104
3.5. Нашествие татаро-монголов на Землю адыгов	106
3.5.1. Вторжение войск Чингис-хана на Северо-Западный Кавказ	107

3.5.2. Адыги под властью «Золотой Орды»: «покорность черкесов сомнительна...»	108
3.5.2.1. Самоотверженная борьба горцев за свою независимость	109
3.5.2.2. «Черкесы признавали над собою татарскую власть не иначе, как, будучи к тому принуждены силою»	110
3.5.2.3. Возрастание влияния черкесов в «Золотой Орде»	110
3.5.2.4. Взаимоотношения черкесских воинов-мамлюков с «Золотой Ордой»	111
3.5.2.5. Возвышение Кабарды: «Овсетия стала называться Черкезией или Кабардо»	112
3.5.2.6. «Хаджи-Черкес ...пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай»	112
3.5.2.7. Распад «Золотой Орды»: «Черкасы ...побили татар добре много»	113
3.6. Адыги против Тамерлана (Тимура): в борьбе за независимость своей Родины	115
3.7. «Великое переселение» адыгских народов	117
3.7.1. «Народные предания адыгов о «великом переселении»	117
3.7.1.1. «Предание, записанное Ш.Б. Ногмовым, знает два этапа этого передвижения»	117
3.7.1.2. Мнение современных ученых о достоверности народных преданий о «великом переселении» адыгов	118
3.7.2. Причины и время миграций предков адыгов на восток	119
3.7.2.1. Причины переселения части адыгов в восточном направлении	119
3.7.2.2. «Массовый характер миграции адыгов на восток получили после вторжения на Кавказ татаро-монголов»	120
3.7.2.3. «Переселенческие движения» кабардинцев в эпоху средневековья	121
3.7.3. Итоги и следствия передвижения адыгов на восток	122
3.7.3.1. Трудности при воссоздании реальной этнополитической карты феодальной Кабарды	122
3.7.3.2. «Черкесия стала страной, территория которой была сопоставима с территорией Московского княжества»	123
3.7.3.3. «Движение кабардинцев на восток ...привело к образованию особого народа абхазо-адыгской группы»	124
3.8. Генуэзские колонии на Земле адыгов	125
3.8.1. «Большую тревогу вызывали у татар крепнущие связи адыгов с генуэзцами»	125
3.8.2. «Знатный генуэзец Гизольфи... превратил Матрегу (Тамань) в полунезависимое феодальное владение своей семьи»	126
3.8.3. «Между адыгами и генуэзцами сложились стабильные отношения, основанные на огромной заинтересованности сторон в торговле»	126
3.8.3.1. Главнейшие торговые центры Черкесии в XIII-XV вв.	126
3.8.3.2. Основные предметы черкесско-генуэзской торговли	127
3.8.3.3. Взаимоотношения между адыгами и генуэзцами в торговой сфере	128
3.8.3.4. «Масштабный вывоз в Турцию и в страны Средиземноморья продуктов полеводства, скотоводства, пчеловодства...»	129
3.8.4. «Против Каффы!»: выступления горцев против генуэзских колонистов	131
3.8.5. «Колонии генуэзцев были разорены»: на смену генуэзского владычества приходит османский гнёт	131
3.9. Турки-османы и крымские ханы: «Всю землю Черкасскую воевали и жгли, и жены и дети имали...»	132
3.9.1. Между молотом и наковальней: Черкесия в узле противоречий между Портой, Крымским ханством и Россией	132
3.9.2. «Не проходит и года, в котором татары не произвели бы на их (черкесов) страну какого-нибудь набега»	133
3.9.3. Ибн-Кемаль: «Опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне...»	133
3.9.4. К взаимоотношениям Черкесии и Крымского ханства в XV столетии	134
3.9.4.1. Из Черкесии «выдачи нет, и любой человек может найти здесь убежище»	134
3.9.4.2. «Капы-кулу»: пехотная гвардия из черкесов при дворе крымских ханов	135
3.9.5. XVI в.: «Экспансия Крымского ханства усиливается...»	135
3.9.5.1. «Крымский хан Менгли-Гирей заставил повиноваться и буйный от природы народ черкесский»	135
3.9.5.2. Борьба адыгов с Астраханским и Крымским ханством и владельцами Дагестана	136
3.9.5.3. «Давление на адыгские народы со стороны крымского хана и османских султанов неуклонно усиливалось...»	138
3.9.5.4. «Уже близка была минута решительного перелома...»	140
3.10. Адыги и Русь: начало долгого совместного пути	141
3.10.1. Адыги перед выбором: «включиться в политическую орбиту Крымского ханства или же склониться к союзу с Московским государством?»	141
3.10.1.1. Регулярные московско-адыгские связи начали устанавливаться еще в период генуэзской колонизации Приазовья-Причерноморья	141
3.10.1.2. Была ли альтернатива союзу адыгов с Русским государством?	142
3.10.2. С надеждой на помощь и защиту	142
3.10.3. Посольства адыгов в Москву: «Крест целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служить государю до своего живота»	143

3.10.3.1. Первое посольство: «Приехали к государю черкасские князья бити челом, чтобы их государь от крымского царя оборонил»	143
3.10.3.2. Второе посольство: «И царь пожаловал их великим своим жалованием, принял их под свою высокую руку»	144
3.10.3.3. Третье посольство: «Бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служитьи...»	145
3.10.3.4. Новые посольства: «Служити им государю царю и великому князю Ивану Васильевичу вся Руси и навеки быти неотступным»	146
3.10.4. «Вместе одолеть врага»: боевое содружество русских и адыгов	148
3.10.4.1. «Строительство крепости на р. Сунже значительно повысило политическую роль княжества Темрюка Идарова...»	148
3.10.4.2. Ливонская война: «хороший пример боевого содружества русских и адыгов»	150
3.10.4.3. «Черкасы все служат государю нашему»	151
3.10.5. Миф или реальность: «добровольное присоединение» или равноправный союз адыгов и русских?	153
3.10.5.1. «Народ был обрадован союзом и покровительством России»	153
3.10.5.2. Симмахия («вместе + сражаюсь»): «военно-политический союз, известный со времен Древней Греции и Рима»	154
3.10.5.3. «Ни Иван Грозный, ни Федор Иванович не называли себя обладателями Кабардинских земель»	155
3.10.5.4. «Это был оптимальный для того времени исторический выбор...»	156
3.10.6. Возвышение и упадок рода Идаровых в контексте взаимоотношений Кабарды и России	157
3.10.6.1. Этапы взаимоотношений Кабарды и России	157
3.10.6.2. «Большое княжение» навсегда уходит из рода Идаровых: постепенная утрата их влияния в Кабарде	158
3.10.6.3. Объединенная коалиция владетелей Казыевой и Шолоховой Кабарды против князей Черкасских	158
3.10.6.4. «Судьба некогда могущественного кабардинского княжества Идаровых закончилась весьма показательно»	159
3.11. «Выезжали на службу в Россию»: жизнеописания представителей клана князей Черкасских	159
3.11.1. «Князья Черкасские... стяжали имени своему блистательное место в русских летописях»	159
3.11.1.1. «В процессе сближения адыгских народов с Россией позитивную роль сыграла деятельность князей Черкасских»	159
3.11.1.2. Договорные и «жалованные» грамоты кабардинским князьям	160
3.11.2. Адыги при дворе русского царя в XVI столетии	161
3.11.2.1. «Поставление на царство» Симеона Бекбулатовича	161
3.11.2.2. Домануко Темрюкович Черкасский: «последовательный сторонник тесного политического союза с Россией»	163
3.11.2.3. Михаил Темрюкович Черкасский: «Фактически стал первым человеком в государстве после царя Ивана Грозного»	164
3.11.2.4. «Приехал из Черкас в Москву Майстрюк-князь Темрюкович...»	165
3.11.2.5. Борис (Карашай) Камбулатович Черкасский: «один из самых видных и опытных военачальников России»	166
3.11.2.6. Василий (Кази) Карданукович Черкасский – первый воевода Московского войска	167
3.11.2.7. Кудадек, Куденет и Кельмамбет Черкасские: князья Кабарды на русской службе (XVI – начало XVII в.)	167
3.11.3. Смутное время: князья Черкасские на высших постах Российского государства	167
3.11.3.1. «Ставили на царство Михаила Романова...»: к генеалогии князей Черкасских в XVII столетии	168
3.11.3.2. Сунчалей Канкычевич Черкасский: «В период Смутного времени сохранил верность присяге и союзническому долгу»	168
3.11.3.3. Воевода Григорий (Сунчалей) Сунчалеевич Черкасский: «Царь Алексей Михайлович в свое отсутствие оставлял его «Москву ведати»	169
3.11.3.4. Иван Борисович Черкасский: двоюродный брат царя Михаила Романова	169
3.11.3.5. Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович Черкасский: «Выдвигался его сторонниками на царский престол»	170
3.11.3.6. Родственные связи князей Черкасских с наследниками русского престола	170
3.11.4. Князья Черкасские на службе России: середина-конец XVII столетия	171
3.11.4.1. Роль князей Черкасских в отражении польской угрозы и сохранении безопасности Руси	171
3.11.4.2. Муцал Сунчалеевич Черкасский: «правитель над нерусским населением Терского города»	171
3.11.4.3. Касбулат Муцалович Черкасский: выдающийся военачальник и искусный дипломат	172
3.11.4.4. «Пшимах-мурза Канбулатович Черкасский служит государю всею правдою, и в Кабарде его на княжество все хотят»	172
3.11.4.5. «Урускан-Яков Куденетович был очень любим царем и всеми людьми»	173
3.11.4.6. Михаил Яковлевич Черкасский: «В становлении и укреплении русской армии и государства князь с сыновьями сыграли выдающуюся роль»	174
3.11.4.7. Михаил (Алий) Алигукович Черкасский: вклад в создание русской регулярной армии	175

3.11.5. «Служить русскому государю с усердием»: к родословной кабардинского клана Бековичей-Черкасских.....	175
3.11.5.1. Предки Александра (Девлет-Гирея) Бековича-Черкасского.....	176
3.11.5.2. Юные годы: «В чертах черкеса – благородство и твердость духа, отличающие воина по происхождению»	176
3.11.5.3. «Деятельный и умный кабардинец»: дипломатическая миссия Александра Бековича-Черкасского в Кабарду и Дагестан	177
3.11.5.4. Последняя экспедиция в Хиву: трагическая гибель кабардинского князя	178
3.11.5.5. Судьба ближайших родственников и потомков князя Александра Бековича-Черкасского	179
3.11.6. XVIII столетие: «Созвездие имен известных...»	180
3.11.6.1. Алексей Михайлович Черкасский: «Великий канцлер Российской империи, безукоризненно честный и разумный...»	180
3.11.6.2. Александр Андреевич Черкасский: гофмаршал герцога Шлезвиг Гольштинского – будущего царя Петра III.....	180
3.11.6.3. Петр Борисович Черкасский: генерал-губернатор Москвы и Московской губернии	181
3.11.7. Князья Черкасские в XIX столетии	181
3.11.7.1. «По случаю внесения рода князей Бековичей-Черкасских в Российскую дворянскую родословную книгу...».....	181
3.11.7.2. Владимир Александрович Черкасский: Московский городской голова.....	182
3.11.7.3. Михаил Борисович Черкасский: начальник Штаба командующего Балтийским флотом	182
3.11.7.4. Федор Бекович-Черкасский: «кабардинский князь вместе с царскими войсками участвовал в разгроме кабардинских же аулов»	183
3.11.7.5. Пристав Малой Кабарды Ефим Каспулатович Бекович-Черкасский: первый горский плантатор-рисовод.....	184
3.11.7.6. XVIII-XIX столетия: «Черкесская ветвь» в родословной А.С. Пушкина	184
3.11.8. Командир «Кабардинской сотни» Федор Николаевич – последний представитель рода Бековичей-Черкасских	185
3.11.8.1. Предки Федора-Тембота. Раннее детство.....	185
3.11.8.2. Юность. Начало военной службы	186
3.11.8.3. «Назначен командиром Кабардинской сотни Кавказской конной бригады»: участие Тембота в русско-японской войне.....	186
3.11.8.4. Кабардинский конный полк на фронтах первой мировой войны.....	187
3.11.8.5. 1917 г.: полковник Ф.Н. Бекович – командир 1-го гвардейского Кирасирского полка.....	187
3.11.8.6. Генерал Врангель: «Кабардинцы выделяются из всех горских народов своей храбростью и доблестной службой на фронте»	188
3.11.8.7. Эмиграция: «Уходил из Крыма в Турцию генерал-майор Бекович-Черкасский, удостоенный 9-ти боевых наград России...»	190
3.12. Адыги западные и восточные: проблемы расселения в конце XV – начале XVIII вв.	190
3.12.1. Границы Земли адыгов – Черкесии	190
3.12.2. Сведения дореволюционных и современных авторов о расселении западных адыгов в XVI-XVIII вв.	191
3.12.2.1. Сведения дореволюционных источников о расселении адыгов до начала экспансии Российской империи на Северный Кавказ	191
3.12.2.2. Расселение адыгов в XVI-XVIII вв., по данным современных авторов.....	195
3.12.3. Восточная группа адыгов – кабардинцы и их соседи	196
3.12.3.1. «Кабартыньские черкесы»: к истории происхождения термина «Кабарда»	196
3.12.3.2. Расселение и хозяйственная деятельность кабардинцев в XV-XVII вв.	198
3.12.3.3. «На востоке Черкесия граничила с Каспийским морем»: границы Кабарды в XVI – начале XVIII в.	200
3.12.3.4. «Рубежные» территории исторической Черкесии	202
3.12.3.5. Соседи адыгов в эпоху позднего средневековья.....	203
3.12.3.6. У истоков: в преддверии массовой колонизации черкесских земель	207
3.12.3.7. Заселение казаками части территории Кабарды в позднем средневековье	207
3.12.4. Ближайшие «родственники» адыгов – абазинцы: местоположение кланов	208
3.12.4.1. «В абазгах первых веков н. э. можно видеть ядро зарождавшегося абазинского этноса»	208
3.12.4.2. Миграция абазин с Черноморского побережья на северный склон Кавказа	209
3.12.4.3. «Абазины и адыги жили в мире и согласии»	210
3.12.4.4. «Притязания крымского хана на абазинцев нарушают свободу кабардинцев»	211
3.12.4.5. «Точное время установления зависимости абазин от кабардинцев неизвестно...».....	212
3.12.4.6. «Абазины, как и кабардинцы, ищут поддержки и покровительства Москвы»	213
3.12.4.7. Территориальные группы абазин: тапанта и шкарауа.....	214
3.12.5. Взаимоотношения адыгов с народами Северного Кавказа в XVI – начале XVII вв.	215
3.13. Меоты-керкеты-зихи-касоги-черкесы-адыги: к проблеме становления самоназвания адыгов	216
3.13.1. К вопросу о консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности	216

3.13.1.1. Кто же вы, предки адыгов?.....	217
3.13.1.2. «Чужестранцы дают им прозвища, но они забываются, и только имена национальные сохраняются»	218
3.13.2. «Вокруг озера Меотиды живут МЕОТЫ...»	219
3.13.3. «КЕРКЕТЫ – справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве»	220
3.13.4. «ЗИХИ, называемые так на простонародном языке по-итальянски, гречески и латински...»	221
3.13.4.1. «I тысячелетие н. э. было временем, когда мелкие племенные языки превращались в более крупные языки народностей»	221
3.13.4.2. «Зихи – народ жестокий и варварский... они весьма искусны в ремеслах»	222
3.13.4.3. «В слове <i>зихи</i> я слышу адыгское <i>зыхы</i> , что буквально означает «одноморье», «одноморцы».....	223
3.13.5. «КАСОГИ (касогдиане) – люди кроткие и доступные вере...».....	224
3.13.5.1. «Император Юстиниан I ...вел войну с племенем, называемым <i>хаскун</i> (<i>каскуп</i>)»	224
3.13.5.2. «Святослав приведе их (касогов) к Киеву»	225
3.13.5.3. «В имени Кес или Кесс нетрудно увидеть персонификацию этнонима <i>кескеш</i> ...»	226
3.13.5.4. «Этноним <i>казак</i> ... генетически связан с <i>касогами</i> ?	227
3.13.5.5. «Анализ этнических названий хаттов и кашков привел к выводу об их родстве с абхазо-адыгами»	227
3.13.6. «Этноним «ЧЕРКЕС», возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов...» ..	228
3.13.6.1. «Термин черкес в форме <i>джаркас</i> впервые упоминается в египетских хрониках XII в.».....	228
3.13.6.2. «Черкесы – от названия одного из меотских племен античной эпохи – <i>керкетов</i> »	229
3.13.6.3. «От двух братьев, называемых Чер и Кес, ...горские жители и наименование черкесов получили».....	230
3.13.6.4. «В толковании термина «черкесы» ученые выделяют концепции: греко-римскую, иранскую, тюрко-иранскую и тюркскую».....	231
3.13.6.5. «У нас, на Руси, не только в былое время, но и теперь в простонародье, назывались черкесами без различия все горцы»	232
3.13.7. АДЫГИ: к происхождению самоназвания адыгского народа	233
3.13.7.1. «Они с гордостью говорят: <i>сэ сыадыгэ</i> » – «я адыг».....	233
3.13.7.2. «В основе самоназвания <i>адыге</i> лежит этноним античного времени <i>зихи</i> через промежуточную форму <i>адзыге</i> »	234
3.13.7.3. «Живущие у воды»? «островитяне»? «потомки антов»? разнообразные мнения о происхождении этнонима <i>адыги</i>	235
3.14. Любовь и политика: к истории «династических браков» у адыгов.....	236
3.14.1. «Мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом...».....	236
3.14.2. У истоков: брачные союзы предков адыгов с правителями Боспорского царства.....	237
3.14.3. Родственные связи адыгов с Русским государством	237
3.14.3.1. Брачные союзы знатных черкешенок с русскими князьями	237
3.14.3.2. Жена Ивана Грозного кабардинка Гуащэней: укрепление военно-политического союза адыгов с Русью.....	238
3.14.4. «Династические браки» знатных черкешенок с генуэзскими князьями и молдавскими государями	243
3.14.4.1. Брак генуэзского князя Захария де Гизольфи с дочерью адыгского князя Безрука	243
3.14.4.2. Жена молдавского господара Стефана Великого – черкесская княгиня Мария	243
3.14.5. Черкешенки – жены царей, шахов, ханов, султанов и королей	244
3.14.5.1. Кабардино-грузинские родственные связи	244
3.14.5.2. «Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом»: контакты с Дагестаном, Осетией и Балкарией.....	245
3.14.5.3. Брачные союзы калмыцких ханов с кабардинскими князьями	246
3.14.5.4. Саин-Булат: сын астраханского царевича Бекбулата и дочери князя Темрюка Алтынчач.....	246
3.14.5.5. «Темрюк Идарович опирался на князей Большой Ногайской Орды»	247
3.14.5.6. В гареме турецкого султана: «В короткое время дворец наводнился выходцами с Кавказа»	248
3.14.5.7. «Гирей – крымские ханы – часто женились на черкешенках из княжеских фамилий...»	250
3.14.5.8. Знатные черкешенки – матери и жены арабских халифов и шахов	251
3.15. «Смутные времена»: Черкесия в XVII в.	252
3.15.1. «Соберу на них бедствия...»: продолжающиеся набеги османов и крымских ханов на черкесов	252
3.15.2. «Три султана крымских с ратными людьми пришли на нас... и мы бой им дали и их побили»	253
4. Черкесия перед угрозой нашествия и поглощения со стороны могущественных соседей: расселение и численность адыгов в XVIII в.	254
4.1. Самоотверженная борьба адыгов против Османской империи и Крымского ханства.....	254
4.1.1. Вторжения турок и татар на Землю адыгов.....	254
4.1.1.1. Пейсонель о взаимоотношениях черкесов с крымскими ханами в XVIII столетии	254
4.1.1.2. «Никогда не слыхано было такого их избиения»: разгром кабардинцами османо-татарского войска Каплан-Гирея (1708 г.)	255

4.1.1.3. «Татары были разбиты наголову, сам хан едва успел спастись и потерял даже свои сапоги» (1723 г.).....	257
4.1.1.4. «Черкесские владельцы ...изъявили готовность служить русскому царю всею Кабардой»	258
4.1.2. Конец XVIII в.: усиление позиций России и ослабление турецкого влияния среди адыгов.....	259
4.1.2.1. «Черный народ из черкесов о подданстве Крыму и слушать не хотел»	259
4.1.2.2. «Вновь разгорелось пламя очередной русско-турецкой войны...».....	259
4.1.2.3. «При взятии турецкой крепости Анапа было захвачено 130 вражеских знамен...»	261
4.1.3. Неудачная попытка крымских ханов наладить разработку золотых и серебряных месторождений в Земле адыгов.....	262
4.1.3.1. «Сказывал он, Каншов-мурза, что есть в Черкасских горах ...серебряная руда и свинец».....	262
4.1.3.2. Крым-Гирей: попытка овладеть Черкесскими серебряными и золотыми рудниками.....	262
4.1.3.3. Добыча золото- и серебросодержащих руд в Черкесии в XIX в.	263
4.1.4. «Многие годы от крымцев покою не имеем...»: к положению Кабарды в XVIII в.	263
4.1.4.1. Марионеточное «Кубанское ханство» в составе Крымского: эпизоды борьбы с крымскими и ногайскими татарами.....	263
4.1.4.2. «Их (кабардинцев) внушительная сила заставляла трепетать весь Кавказ»	264
4.2. «Двуликий Янус»: притязания царизма на Северо-Западном Кавказе	265
4.3. «Игнат-казаки»: некрасовцы на Земле адыгов.....	266
4.3.1. Конец XVII в.: появление первых групп донских казаков на Кубани.....	266
4.3.2. Исход некрасовцев с Дона на Кавказ: «Самая устойчивая группа вольного казачества».....	267
4.3.3. «Все правящие крымские ханы видели в некрасовцах... верных защитников своего трона»	268
4.3.4. «Разорить гнездо разбойников-некрасовцев...»	269
4.3.5. Возвращение на родину: дальнейшая судьба некрасовцев	270
4.4. Суворов на Кубани: портрет без ретуши.....	270
4.4.1. «Знаменитейший полководец сего и других веков»: вехи биографии	271
4.4.2. «Хан Кубани» Шагин-Гирей: предыстория трагедии ногайского народа	272
4.4.3. Суворов – горцам: «Давайте жить дружно, иначе ...»	273
4.4.4. Строительство Кубанской укрепленной линии.....	274
4.4.5. Выселение ногайцев с Кубани: первый опыт депортации кавказских народов?	275
4.4.5.1. «Турция, вопреки трактату, возмущает татарские орды...»	275
4.4.5.2. «Переселение было в самом своем основании насилием».....	276
4.4.5.3. «Мятеж охватил все ногайские орды».....	276
4.4.5.4. «Уничтожение Суворовым ногайских татар на Кубани много содействовало развитию и процветанию Кавказского края»	277
4.5. «Пожаловали в вечное владение...»: переселение запорожских казаков на Кубань.....	278
4.5.1. «За верну службу мать-царица Тамань с Кубанью подарила...»: предыстория переселения казаков....	278
4.5.1.1. «Испросить» у Екатерины II новые земли для поселения Черноморского казачьего войска	278
4.5.1.2. «Пойдите в эту южную страну и осмотрите землю, какова она»: рекогносцировочная миссия Мокия Гулика.....	279
4.5.1.3. «Делегация запорожцев, отправленная в Петербург, выдвигала огромные претензии в отношении территории».....	279
4.5.2. «Всемилоштивейше пожаловали в вечное владение остров Фанагорию со всею землею, лежащею на правой стороне р. Кубани»	280
4.5.3. «В Тамани жыть, вирно служить, гранцию держаты, рыбу ловыть, горилку пыть...»	280
4.5.4. «Расставивши по р. Кубани пограничную стражу, ...место сыскал под войсковой град»	282
4.5.4.1. «На месте пригорода Екатеринодара – Крутлика был бжедугский аул Кушьмезуко-уй»	282
4.5.4.2. «К домостроительству удобное время сего лета проходит, а у нас еще ничего не начато»	283
4.5.4.3. «Приводить жителей ленивых к трудолюбию, шулунов к благонравию...»	283
4.5.4.4. «Порядок общей пользы»: свод правил «ратной и гражданской жизни для каждого живущего в Черномории человека»	284
4.5.4.5. «Буде кто злообычен в пьянстве, беспрерывно пьян, – такого присылать в правительство для определения на воздержание»	285
4.5.4.6. «Смотреть за жителями, дабы они около войскового града состоящих лесов отнюдь не рубили...»	286
4.5.4.7. Взгляд из 1818 г.: «Думал ли я, чтобы столица целого народа была не что иное, как обыкновенная деревня?»	286
4.5.4.8. «Вернуть Краснодару его историческое название: Екатеринодар». ...А надо ли?.....	288
4.5.5. «Ради собрания войска и прибежища бездомовных казаков, выстроить 40 куреней...»	289
4.5.6. «Вратари Кавказа»: так на рубеже XVIII-XIX вв. назовут себя эти защитники южных рубежей России	290
4.6. Адыги и казаки – добрые соседи.....	291
4.6.1. «Запорожские казаки живут по Кубанской стороне моря в шишах, где и стоят немалыми ватагами...».....	291
4.6.2. «Соседей не выбирают, – это дар Аллаха».....	292
4.6.3. «Следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам».....	293

4.6.3.1. «Наблюдать, чтобы владельцы поселившиеся при Кубани, не имели от местного казачьего населения никаких притеснений»	293
4.6.3.2. «Черноморцы полюбили горцев за их честность и в торговле всегда верили им на слово...»	293
4.6.4. «Было много желающих записаться в казаки и служить под российскими знаменами»: переход адыгов на побережье р. Кубани	294
4.6.5. Казаки-переселенцы: первые опыты хозяйствования на вновь обретенной родине.....	296
4.6.5.1. «Чем же порадовала и одарила Кубань казаков-воинов, казаков-пахарей...»	296
4.6.5.2. Эксплуатация «фантастических рыбных богатств»	296
4.6.5.3. Пшеница становится главной зерновой культурой Кубани.....	297
4.6.5.4. Рис на Кубани: первые опыты возделывания «сарачинского пшена»	298
4.7. Этнический состав населения Черкесии в XVIII в.	298
4.7.1. Изменения в расселении адыгов в XVII-XVIII вв.....	298
4.7.2. Различия адыгских племен по характеру общественного строя.....	300
4.7.2.1. Местоположение племен с «демократическим» управлением	301
4.7.2.2. «Аристократические» племена у адыгов.....	302
4.7.2.3. «Беглые (кубанские, или закубанские) кабардинцы».....	305
4.7.3. Ближайшие соседи адыгов в конце XVIII в.....	306
4.7.3.1. Карачаево-балкарская народность.....	306
4.7.3.2. Абазины.....	309
4.7.3.3. Ногайцы.....	312
4.7.3.4. Осетины.....	313
4.7.3.5. Вайнахи (ингуши, чеченцы)	314
5. Положение Черкесии перед началом Кавказской войны (первая треть XIX в.).....	315
5.1. «Черкесская карта» в русско-турецких отношениях.....	315
5.1.1. Усиление колониальных притязаний Российской империи на черкесские земли	315
5.1.2. Калаусская трагедия шапсугов: «Ужас наводило на живых людей это необычайное кладбище лучших сынов Черкесии»	316
5.1.3. «Турция, готовясь к войне с Россией, сообразила, каким богатым для нее контингентом послужат воинственные черкесы...»	317
5.1.3.1. Конфликт между черкесами и анапским пашой Хаджи-Хассан Чечен-оглы.....	317
5.1.3.2. Обострение противоречий между Россией и Турцией: взятие русскими войсками крепости Анапа	317
5.1.3.3. «Я готов быть с вами (черкесами) в дружбе и непритязательности»: из прокламации генерала Эммануэля	318
5.2. Трагедия Кабарды: «Распространился великий ужас...»	318
5.2.1. «Нужно привести Кабарду в такое состояние, чтобы впредь можно ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно»	319
5.2.2. Восстание 1804–1805 гг.: начало широкого антиколониального движения в Кабарде	320
5.2.2.1. Год 1804: «Ждите, говорю я вам, пролития вашей крови реками...»	320
5.2.2.2. Год 1805-й: восстание разрастается	322
5.2.3. «Затишье перед бурей»: посольство кабардинцев к русскому царю.....	323
5.2.4. «Не сражения или ошибки с кабардинцами, но лишение их стад и табунов...»	323
5.2.5. «После поздно будет просить о пощаде!»: прокламации генерала Ермолова, обращенные к кабардинцам	324
5.2.6. «Трагедия Кабарды, по сути, послужила прологом к последующему завоеванию Западной Черкесии».....	326
5.3. Территориальные изменения в расселении адыгов в начале XIX в.	326
5.3.1. «И новые придут вослед за ним...»: изменения в племенном составе адыгов (первая треть XIX в.)....	326
5.3.2. Расселение западных адыгов в период перед Кавказской войной, по свидетельству очевидцев	328
5.3.2.1. Первая половина XIX в.	328
5.3.2.2. Источники, опубликованные в середине-конце XIX в.....	335
5.3.2.3. «Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами, абхазцами и другими смежными с ними...»	340
5.3.2.4. Современные представления о расселении адыгов перед Кавказской войной	342
5.3.3. «Одна из лучших жемчужин в короне русского царя»: к расселению адыгов на Черноморском побережье Кавказа	344
5.3.4. Расселение кабардинцев перед Кавказской войной.....	345
5.3.5. К проблеме взаимоотношений между адыгскими племенами в начале–середине XIX в.	348
6. «Гибель Черкесии» в Кавказской войне: царское самодержавие против адыгского народа.....	349
6.1. «Кавказская» или «Русско-Черкесская»? : к терминологии и хронологии Кавказской войны.....	349
6.1.1. «Термин Кавказская война не столько условный, сколько ошибочный»	349
6.1.2. «Вопрос о хронологических рамках Кавказской войны давно вызывает споры у историков»	349
6.1.2.1. Спектр мнений исследователей о дате начала Кавказской войны	350
6.1.2.2. «Правительство Екатерины II перешло к колониальной политике в 1763-1764 гг.»	350
6.1.2.3. К дате окончания Кавказской войны	350

6.2. «Покорение горских народов или истребление непокорных...»: причины и цели Кавказской войны	351
6.2.1. «Русско-черкесская война началась по вине... самих горцев»?	351
6.2.2. «Обеспечить свой тыл завоеванием горских племен»: истинные цели и задачи Кавказской войны	352
6.2.3. «Не вина казаков, а беда их, что они оказались марионетками в руках царского самодержавия»	353
6.3. Проекты и «прожекты»: планы царизма по «умиротворению» кавказских горцев	354
6.3.1. «Цивилизованные», относительно гуманные способы «умиротворения» горцев	354
6.3.1.1. «Вместо того, чтобы истребить и разорить горские народы, – обратить их к нам убеждением собственной их пользы...»	354
6.3.1.2. Адмирал Мордвинов: «Таковых народов оружием покорить невозможно»	356
6.3.1.3. Проект князя Селим-Гирея: «Повергнуть [адыгский] народ во всероссийское подданство способом самым легким и без помощи оружия»	357
6.3.1.4. «Положение об устройстве Закубанского края»: «Показывать горцам превосходство образованного народа над грубыми племенами»	358
6.3.1.5. Проект титулярного советника Бегичева «О введении христианской веры на Кавказе между горскими народами»	360
6.3.1.6. «Генерал Филипсон: «Мерами кроткими... упрочить нашу власть в этом крае»	360
6.3.2. «Одна военная сила должна быть принята за основание укрощения племен закубанских»: военные способы покорения Кавказа	361
6.3.2.1. «Меры кротости одни недостаточны»: предложения генерала Паскевича по покорению закубанских горцев	361
6.3.2.2. Генерал Вельяминов: проект «быстрого и решительного покорения Кабарды»	363
6.3.2.3. Барон Розен: «Действовать к укрощению горцев... примерными наказаниями поколений, наиболее к нам враждебных»	364
6.3.2.4. Очередной план Паскевича: «Поставить неперменным правилом отомщать горцам истреблением их собственных аулов...»	364
6.3.2.5. Генерал Вельяминов: «Голод – вернейший и легчайший способ покорения Кавказа»	365
6.3.2.6. Высочайше предначертанный «План общего усмирения кавказских горских племен»	367
6.3.2.7. Граф Чернышев: «...Вынудить горцев к безусловной покорности воле правительства»	368
6.3.2.8. Проект Милютина-Барятинского о выселении горцев «вовнутрь Российской империи»	368
6.3.2.9. «Главнейшие доводы графа Евдокимова в пользу необходимости переселения и вспомоществования горцам»	369
6.3.3. «Это был великолепный, самый гуманный выбор из всех, которые государство-колонизатор давало побежденному народу...» Но был ли выбор?	370
6.4. Сговор: турецкий султан «уступает» Черкесию русскому царю	372
6.4.1. «Россия признала закубанцев подданными Турецкой империи, но они сами не признают себя совершенно таковыми»	372
6.4.2. «Русское правительство... решило попросту разрубить мечом гордые узлы горской политики»	374
6.5. Вторжение: «Мстили целым племенам за вину нескольких людей...»	374
6.5.1. Начало «укрощения племен кавказских»	374
6.5.2. Посредник: миссия Хан-Гирея к черкесам	375
6.5.3. «Преступление... без наказания»: военная машина царизма набирает обороты	375
6.5.3.1. Попытки со стороны адыгов мирного решения военного конфликта	376
6.5.3.2. «Пронизано необыкновенным чувством собственного достоинства»	377
6.5.3.3. «С неподкупною любовью к родине черкес сохранял твердую веру в блестящую будущность своего народа»	377
6.5.3.4. «Захват адыгских земель продолжался...»	378
6.5.3.5. «Плач адыгов»: «Русский царь вторгся в пределы Кавказа, навязывает нам войну»	379
6.6. «Будем вешать и прощать, и плюем на историю!»: методы и способы покорения Кавказа	379
6.6.1. Генерал Ермолов: «Нам нужны черкесские земли, – в самих черкесах нет никакой надобности»	379
6.6.2. Генерал Засс: «Бью черкесов как душе моей угодно!»	380
6.6.2.1. «Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище...»	380
6.6.2.2. «Император приказывает проверить эти слухи и, если это правда, то релятивно прекратить бесчеловечные поступки»	382
6.6.2.3. «Генерал Засс пользовался уважением черкесов (?!), которые чтили в нем истинно рыцарскую храбрость»	383
6.6.2.4. «За каждую голову генерал Вельяминов платил по червонцу...»	383
6.6.3. «Год 1841-й памятен в истории Западного Кавказа тем, что с него началась колонизация Закубанской страны»	384
6.6.4. «Черкесы, не помышляя о покорности, умирали от голода»: иные способы «умиротворения» горцев	384
6.7. Восстание причерноморских горцев	385
6.8. «От любви до ненависти один шаг»: к истории взаимоотношений адыгов и русских	386
6.8.1. «Поддержка и любовь со стороны всех порядочных людей русской земли...»	386
6.8.1.1. «Кавказу суждены в будущем великие судьбы»: отношение декабристов к горцам	386
6.8.1.2. «Наши кавказские мероприятия должны быть направлены на благо, а не на погибель Кавказа»	388

6.8.2. Дружеские чувства адыгов к русскому народу	389
6.8.3. «Ты мне, я – тебе...»: торговые связи адыгов с русскими в конце XVIII – начале XIX в.	391
6.8.3.1. Место Османской империи во внешней торговле адыгов до переселения казаков на Кубань.....	392
6.8.3.2. «Мера эта (открытие меновых дворов) была по вкусу черкесам, и торговля немедленно завязалась»	393
6.8.3.3. Екатеринодар, Кизляр, Моздок: центры ярмарочной торговли с горцами.....	395
6.8.3.4. Основные товары, приобретаемые у черкесов на меновых дворах и ярмарках	397
6.8.3.5. «Запрещение торговли как одно из эффективных средств «давления» на горцев.....	398
6.8.4. «И ненависть безмерна, как любовь...».....	398
6.8.4.1. Р. Скасси: «Основные причины настроенности черкесов, их ненависти против России».....	398
6.8.4.2. «Жестокость умножала ненависть и возбуждала мщение»	398
6.8.4.3. Мотив «Родина или смерть» в народных песнях адыгов.....	400
6.9. Герои и предатели: «сладкая и горькая вода из одного источника»	401
6.9.1. Мужество как важная моральная категория <i>адыгэ хабзэ</i>	401
6.9.1.1. «Он храбр, как черкес»: к истокам мужества (<i>лыгъэ</i>).....	401
6.9.1.2. «Мужество не знает страха перед смертью».....	402
6.9.1.3. «Страх бесчестия сильнее страха смерти...»	403
6.9.1.4. «Он решил лучше умереть, чем лишиться своей свободы!».....	404
6.9.2. «Гордиться славою своих предков...»	404
6.9.2.1. Мужество адыгов в борьбе с турками и крымским ханом.....	404
6.9.2.2. «Горец, окруженный целым отрядом, не сдавался и умирал с оружием в руках»: примеры мужества черкесов в борьбе с царскими колонизаторами	405
6.9.2.3. «Необычайная храбрость и военная удалость делают это племя страшным врагом для любого противника»: свидетельства очевидцев	407
6.9.2.4. К. Маркс: «Героическая борьба горцев за свободу против наседающего царизма»	408
6.9.2.5. Наполеон о мужестве черкесов-мамлюков	409
6.9.2.6. Вечная слава героям.....	410
6.9.3. «Слышал я, что у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец...»	412
6.9.3.1. «Отличался поражающей неустранимостью...».....	412
6.9.3.2. «Пользовался удивительным влиянием на шапсугов, когда надобно было действовать вооруженной рукой»	413
6.9.3.3. «Его по достоинству прозвали «Львом Кавказа»	413
6.9.4. «Все богатство тактических возможностей адыгов...»: тактика партизанской войны против царских захватчиков	414
6.9.4.1. Гибкость тактики черкесов в условиях «малой» (партизанской) войны	414
6.9.4.2. «Черкесы и убыхи ведут войну по образу всех горских народов...».....	416
6.9.4.3. «Эта артиллерия не представляет для черкесов никакой пользы...».....	418
6.9.4.4. «Штурм и осада – два варианта действий царских войск на Северном Кавказе»	419
6.9.5. По обе стороны баррикады: «Черкесы являются великолепными наездниками и блестящими воинами»	420
6.9.5.1. «Эта блестящая, великолепная черкесская конница...»	420
6.9.5.2. Адыги на службе в Русской армии: «Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия»	421
6.9.5.3. «Черкесы составляли лучшую часть османской кавалерии»: участие махаджиров в войнах на стороне Турции	423
6.9.5.4. Мужество и стойкость черкесов на фронтах первой мировой войны.....	425
6.9.5.5. Солдаты и офицеры Черкесского полка на службе Сирийского правительства.....	426
6.9.6. «В поисках славы и добычи»: у истоков средневекового черкесского рыцарства	428
6.9.6.1. «Черкесия... единственная рыцарская страна Кавказа»	429
6.9.6.2. Кодекс чести адыгского рыцарства – <i>уэркъ хабзэ</i>	430
6.9.6.3. «Князья... были элитой адыгского рыцарства и самыми ревностными хранителями и носителями рыцарской этики»	431
6.9.6.4. «Не следует и идеализировать рыцарскую этику...»	432
6.9.7. «В семье не без урода»: неприглядные факты предательства горцами своих соотечественников.....	432
6.9.7.1. «Князья Чиркасии более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели».....	434
6.9.7.2. «Мы, князья-дворяне, всегда остаемся честны...»	436
6.9.7.3. «Раскололи нас наши братья...»	438
6.9.7.4. «Шапка труса»: отношение адыгов к малодушию и трусости в бою	439
6.9.8. Национальные горские формирования в составе российских войск на Кавказе.....	440
6.9.8.1. «Кавказско-Горский полускадрон собственного Его Императорского Величества конвоя».....	440
6.9.8.2. Анапский горский эскадрон: участие в карательных экспедициях царских войск	441
6.9.8.3. Кубанско-горский полк на фронтах русско-турецкой войны 1877-1878 гг.....	442
6.9.9. Князья и владельцы аулов против своих соплеменников	443
6.9.9.1. «Гонимые черкесы желают поселиться в Черномории»: судьба клана Шеретлуковых.....	443

6.9.9.2. Султан-Али Шеретлуков: «За репрессалии, чинимые закубанским абазинцам и черкесам, ...пожалован монаршим благоволением»	444
6.9.10. «Я твой Бог и царь!»: генерал Пшекуй Могуков против своих соотечественников	445
6.9.10.1. Пшекуй Могуков: к биографической хронике	445
6.9.10.2. Произвол высокопоставленного самодура	446
6.9.10.3. Бунт: «Требуем беспристрастных выборов новых станичных правителей»	446
6.9.10.4. Князь Воронцов: «Отстранить от управления станицей сторонников Могукова...»	447
6.9.11. «Они вкусили зловредность своих дел...»	448
6.9.11.1. Князь Данбек-Лов: судьба предателя	448
6.9.11.2. Каратель кабардинского народа – полковник, князь Ф.А. Бекович-Черкасский – «родом кабардинец»	448
6.9.11.3. «Предатели ненавистны всем...»	449
6.10. Судьба братьев-кабардинцев: «Разорил и рассеял всю Кабарду...»	450
6.10.1. Генерал Засс: «В сей поход наши войска явили пример мужества, усердия и терпения»	450
6.10.2. Генерал Ермолов: «Моровая язва была союзницей нашей против кабардинцев»	451
6.11. «Лучше быть с русскими, чем повиноваться турецкому султану»: участие адыгов в Крымской войне	451
6.12. Бжедуги: трагические страницы истории	453
6.12.1. Племенное название бжедуг (<i>бжэдыгы</i>): актуальные вопросы этнонимии и топонимии	453
6.12.1.1. «Воровавшие рог»? «пчелокрады»? «самшитовцы»? «птигорцы»? калейдоскоп мнений о происхождении этнонима <i>бжедуги</i>	453
6.12.1.2. Племенное название <i>бжедуги</i> в топонимике Черкесии-Адыгеи	455
6.12.2. Краткий очерк истории бжедуг	455
6.12.2.1. «Тэхутэмрыкьо-чыгу»: к миграции бжедуг в древности и средневековье	456
6.12.2.2. Черноморское побережье Кавказа – «прародина» бжедуг?	457
6.12.2.3. Миграции и расселение бжедуг в XVII-XIX вв.	459
6.12.2.4. Пребывание бжедуг в бассейне р. Псекупс	460
6.12.3. Бзюкская битва: «Сражайтесь, храбрые бжедуги!»	460
6.12.3.1. «И восстает вражда; и поднимается раздор...»: предыстория битвы	460
6.12.3.2. «Шапсуги подверглись страшному истреблению»	462
6.12.3.3. «Всероссийская государыня не дает позволения, чтобы перейдя установленную мирными договорами границу, делать поражение»	463
6.12.3.4. «Бзюкская битва стала эрой в жизни черкесов и крепко залегла в памяти народной»	463
6.12.4. Участие бжедуг в Кавказской войне	464
6.12.4.1. «Пши-орк-зау»: восстание народа против бжедугской аристократии	464
6.12.4.2. «Бжедуги решили драться, и драться жестоко...»	465
6.12.4.3. «Отдаться под покровительство России...»: к взаимоотношениям бжедуг и русских	466
6.13. Эскалация безумия: хроника «вытеснения» адыгов с родной земли	467
6.13.1. Год 1859-й: «Решительное наступление на адыгов...»	468
6.13.2. Год 1860-й: «Приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами»	468
6.13.3. Год 1861-й: изгнание бесленеевцев, «самых опасных и вредных из черкесов»	469
6.13.4. Адыги – императору Александру II: «Живыми мы Кавказ не отдадим...»	470
6.13.4.1. «Вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и водворить на сих последних русское христианское население»	470
6.13.4.2. «Он желает извести вас из вашей земли...»	471
6.13.4.3. «Депутация черкесов была очень дерзка»: воспоминания царских генералов о визите Александра II к горцам	473
6.13.5. «Мы будем драться и все умрем, но не покинем наших лесов и гор»: обстановка в Черкесии после отъезда императора	475
6.13.6. Год 1862-й: «Все еще питая безумную мечту отстоять свою независимость, они решили сопротивляться»	476
6.13.6.1. «Высочайше» утверждено Положение о заселении казаками западной части Северного Кавказа	476
6.13.6.2. Шапсуги и натухайцы против царских войск: «закипел кровавый ужасный бой...»	477
6.13.6.3. «Борьба эта была... последними конвульсиями предсмертной агонии»	477
6.13.7. Год 1863-й: «Северный склон Кавказа покорен...»	478
6.13.7.1. «Заключительная фаза столкновения превратилась в подлинное побоище черкесов»	478
6.13.7.2. «Горцы отчаянно защищались и шаг за шагом отступали в лесные тущобы»: из дневника царского офицера	479
6.13.8. Год 1864-й: кровавый Молох войны собирает последние жертвы	481
6.13.8.1. «За Кубанью поселиться на аркане поведём...»	481
6.13.8.2. «Отряды открыли совокупные действия для изгнания этих туземцев»	481
6.13.8.3. «Надо было истребить черкесов наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие»	482
6.13.9. «Исходил кровью на берегах Черного моря один из храбрейших на всем земном шаре народов»: завершающий этап Кавказской войны	483

6.13.9.1. Урочище Кбааде: последний форпост черкесов	483
6.13.9.2. «Если это не фашизм, то что это?..»	484
6.13.9.3. Апофеоз войны: «Пир во время чумы»	485
6.13.9.4. Война окончена – борьба продолжается?.....	487
6.13.9.5. Трагедия хакучей: «искоренение остатков мятежных племен»	488
6.14. Кровавый «мартиролог» Кавказской войны: «Белая книга» преступлений царизма против адыгов	489
6.14.1. Прелюдия (1711-1829 гг.): «Навели ужас и страх на население Кубани...»	490
6.14.1.1. «Дела их – дела несправедливые, и насилие в руках их»	490
6.14.1.2. «Все, что осмелилось сопротивляться, было истреблено...»	492
6.14.2. «Кавказская война – преступление против человечности»: документы свидетельствуют	502
6.14.3. «Поминальник» карателей адыгского народа	508
6.15. «Занавес опущен...»: Кавказская война – трагическая страница в истории адыгов	510
6.15.1. Характер Кавказской войны: мнения и оценки.....	510
6.15.2. Геноцид адыгов в Кавказской войне	512
6.15.2.1. Понятие геноцида	512
6.15.2.2. «Вот ухищряются, ...чтобы задержать тебя, или умертвить, или изгнать»	512
6.15.2.3. Историк Епифанцев: «А был ли вообще геноцид адыгов со стороны царского правительства?».....	513
6.15.2.4. Во всех бедах адыгов во время Кавказской войны виноваты... сами адыги?	514
6.15.2.5. «Зачастую переселение имело целью не убийство адыгов, а абсолютно обратную задачу – их выживание!».....	514
6.15.2.6. «Если это не было геноцидом, то что же это было? Колонизация и глобальный передел мира – вот имя той войне!»	515
6.15.2.7. «Просим Европарламент ...признать геноцид адыгского народа, совершенный Российским государством с конца XVIII до начала XX вв.»	516
6.15.2.8. «Черкесский вопрос» и Зимняя Олимпиада-2014.....	517
6.15.2.9. «Четыре причины, по которым однозначно нельзя признавать геноцид»	517
6.15.3. «Кто виноват?..».....	518
6.15.4. «По ком звонят колокола...»	519
7. Махаджирство: «Великий исход» адыгов в Турцию.....	523
7.1. «Первые ласточки»: в преддверии массового переселения	523
7.1.1. Основные этапы переселения адыгов	523
7.1.2. Главнейшие события, сопутствующие «волнам» переселения адыгов в последний период войны	524
7.2. Причины массового махаджирства адыгов	524
7.2.1. Царизм – главный и непосредственный виновник трагедии адыгов.....	525
7.2.2. Провокационная роль Турции в переселении адыгов	526
7.2.3. «Сами князья-дворяне провоцировали адыгов на уход в единоверную Турцию».....	528
7.2.4. Религиозный фанатизм адыгов – одна из причин махаджирства?	529
7.3. Этапы переселения адыгов в Турцию.....	530
7.4. Ход переселения: политика вытеснения адыгов из родных мест.....	531
7.5. Шестивые обреченных: на пути к морскому берегу	532
7.6. На берегу: прощание с Родиной.....	533
7.6.1. Граф Евдокимов: «режиссер» акции по выселению адыгов	533
7.6.2. «Народ умирал на берегу массами»	533
7.6.3. «Исход» адыгов в свидетельствах царских генералов: «то были похороны исчезающего народа».....	534
7.7. Дорога в никуда: переезд адыгов-махаджиров через море в Турцию	536
7.7.1. «Жертвенной кровью вскипели моря...».....	536
7.7.2. «Конвейер смерти» продолжает свою работу... ..	537
7.7.3. «В крови будут волны, на дно канут трупы убитых...»	537
7.8. В «лагерях смерти»: на турецком берегу	539
7.8.1. «У турок не было ни средств, ни умения более или менее сносно устроить переселенцев»	539
7.8.2. «В Трапезунде все кладбища наполнены могилами, от нечистот нет проходу»: свидетельства очевидцев	539
7.8.3. «Первые эмигранты прибыли в Турцию в начале зимы, в числе 12 000 душ, – и почти все перемерли»	540
7.9. Из лагерей – в «резервации»?.....	542
7.10. «Как им живется там, в чужой стране?».....	543
7.10.1. «Адаптация северокавказских иммигрантов протекала медленно и болезненно»	543
7.10.2. Нелегкая судьба черкесов-махаджиров на Балканах	544
7.10.3. «Отчаянное положение изгнанников ...заставляло их братья за оружие, чтобы добывать средства к существованию»	544
7.10.4. «Черкесы привезли с собой с Кавказа в Палестину привычку к усовершенствованным земледельческим орудиям...»	545
7.10.4.1. Хозяйственная деятельность северокавказских иммигрантов в новых местах проживания	545
7.10.4.2. «Кавказская водяница»: черкесские водяные мельницы <i>псышъхьал</i> на Балканах	546

7.10.5. И вновь депортация: «Остались без каких-либо средств к существованию, без самых элементарных условий жизни»	547
7.10.6. Мобилизация в турецкую армию: «Черкесские полки были повсюду на линии огня; они мужественно сражались...»	548
7.10.7. «Черкесские иммигранты, в целом, сохраняли свою материальную и духовную культуру»	548
7.11. Убыхи: народ, который был... и которого не стало	549
7.11.1. К вопросу об этногенезе убыхов	549
7.11.1.1. «Убыхи – связующее звено между адыгскими народностями и абхазами»	549
7.11.1.2. «Праязык разделился на три ветви: адыгскую, убыхскую и абхазскую»	550
7.11.1.3. Самоназвание убыхов: некоторые этно- и топонимические параллели	551
7.11.1.4. Место убыхов среди генетически родственных народов и субэтносов	552
7.11.2. «Свирипы и вольные наездники»: участие убыхов в причерноморском пиратстве и прибрежной работорговле	554
7.11.3. «Были известны как люди необыкновенно храбрые и энергичные...»: сведения дореволюционных авторов об убыхах	555
7.11.4. Героизм убыхов в Кавказской войне	556
7.11.4.1. Расселение убыхов до начала Кавказской войны	556
7.11.4.2. «Это племя (убыхи) отличается упорством в войне, храбростью, отважностью предприятий и единодушием»	558
7.11.4.3. Хаджи Берзек: «Беспримерный по храбрости штурм укреплений Черноморской береговой линии»	559
7.11.5. Трагедия убыхов: «Непременное условие окончания войны – очищение Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию»	561
7.11.5.1. Александр II: «Искренно радуюсь счастливому обороту дел с убыхами...»	561
7.11.5.2. «Мы сгинем, наш сотрется след...»: печальная статистика депортации убыхов	562
7.11.5.3. «У убыхов были и желание, и возможность эмигрировать»: спорное мнение публициста	563
7.11.5.4. «Участи рабов мы предпочитаем смерть»: так было ли у убыхов «желание эмигрировать»?	565
7.12. Махаджирство и рабство: масштабы работорговли во время «исхода» адыгов в Турцию	566
7.13. «Отуречить черкесов...»	567
7.14. Дальнейшая судьба махаджиров: «И рассеял их по народам...»	568
7.15. Новые «волны» переселенческого движения в Турцию	569
7.15.1. «Поголовное выселение оставшихся горцев»: очередная провокация царских властей	570
7.15.1.1. Проект Буткевича: «Выселение мусульман в самых широких размерах в Турцию»	570
7.15.1.2. Проект князя Дондукова-Корсакова: «Этот народ (черкесы) совсем нежелателен в пределах России...»	570
7.15.2. «Стремление к переселению не исчезло среди значительной части горцев Кавказа...»	571
7.15.3. «Желание высшего начальства состоит в том, чтоб выпроваживать народ в Турцию»	574
7.15.4. «Удержать безумцев» от гибельного шага	576
7.16. Возвращение на Родину: «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?»	576
7.16.1. Причины, способствующие желанию черкесов-махаджиров вернуться на родину	577
7.16.1.1. «Тяготы переселения, высокий уровень смертности среди иммигрантов ...способствовали стремлению их к возвращению на Кавказ»	577
7.16.1.2. Обострение недовольства кавказских горцев мерами турецкого правительства	577
7.16.1.3. «Почти все они (черкесы) всегда выражали и выражают желание возвратиться на родину»	578
7.16.2. Меры по «недопущению возвращения северокавказских эмигрантов из Османской империи»	579
7.16.2.1. Александр II: «О возвращении горцев и речи быть не может»	579
7.16.2.2. «Принять все возможные меры для воспрепятствования намерению горцев»	579
7.16.2.3. «Горцев отсылать в Сибирь на поселение навсегда...»	579
7.16.2.4. Артиллерия против черкесов-переселенцев: меры турецких властей против единоверных горцев	580
7.16.3. «Поток беженцев из Турции на Кавказ не прекращался вплоть до 1914 г.»	580
7.16.3.1. «Каждое лето по несколько тысяч душ этих переселенцев возвращаются из Турции на Кавказ»	580
7.16.3.2. «Как же встречала Родина-мать своих возвращающихся переселенцев?»	581
7.16.3.3. «Сделать зависящее распоряжение, чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы...»	582
7.16.3.4. «Вторичная депортация»: принудительное выселение в Турцию возвратившихся на родину горцев	583
7.17. «Младотурки» и «кемалисты»: участие черкесов-махаджиров в двух революциях в Турции	584
7.18. Махаджирство адыгов – позорная страница в истории царской России и Турции	585
8. «Кровавая статистика»: итоги Кавказской войны и «исхода» адыгов в Турцию	586
8.1. Численность адыгов до начала Кавказской войны	586
8.1.1. «Соппротивление переписи – ...частный случай присущего многим народам чувства отвращения к подсчету людей»	587

8.1.2. «Вопрос о численности адыгов накануне их массового переселения в Турцию до настоящего времени остается спорным».....	587
8.2. «Исчислите все общество по племенам их...».....	590
8.2.1. Численность племенных образований западных адыгов	590
8.2.2. Сведения о численности кабардинцев	593
8.2.2.1. «Полону взяли больше двадцати тысяч»: ориентировочное число жителей Кабарды в XVI-XVIII вв.....	593
8.2.2.2. Оценка численности населения Кабарды в первой половине XIX в.....	595
8.3. Потери адыгов и царских войск в Кавказской войне	597
8.3.1. Потери адыгов: «Яростное, бессмысленное избиение, истребление непокорных горцев...».....	597
8.3.2. Потери регулярных царских войск и казаков в ходе Кавказской войны	599
8.3.2.1. «Против адыгов после 1830 г. обрушилась вся мощь Кавказской армии Российской империи».....	599
8.3.2.2. «Потери русской армии в Черкесии представляют собой ужасную картину человеческого жертвоприношения».....	600
8.3.2.3. «Слава Богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно до 25 000 русских солдат!»: сведения о потерях царских войск	601
8.4. «Точных статистических данных о махаджирах не существует»: ориентировочная оценка числа переселенцев с Северного Кавказа	602
8.4.1. Этнический состав переселенцев	602
8.4.1.1. Численность западных адыгов-махаджиров, переселившихся в Турцию	602
8.4.1.2. Статистика переселения кабардинцев в Турцию – «могилу заблуждающегося и обманутого народа».....	605
8.4.1.3. Сведения о числе <i>всех</i> северокавказских переселенцев в Турцию	606
8.4.2. Причины исключительно высокого разброса мнений о масштабах «исхода» адыгов в Турцию	608
8.4.3. Гибель махаджиров на чужбине: цифры и факты.....	609
8.4.4. Численность адыгов, оставшихся на своей исторической Родине после Кавказской войны.....	610
8.5. Итоги: «баланс» Кавказской войны и махаджирства	614
9. Земля адыгов в пореформенный период: геноцид продолжается?	615
9.1. «Опустела без тебя земля...».....	615
9.1.1. Что было и что стало с Землей адыгов после вмешательства царизма... ..	615
9.1.1.1. Что было...: «Самая практичная система хозяйства»	615
9.1.1.2. Что стало...: «Опустошено поле, сетует земля, ибо истреблен хлеб»	617
9.1.2. «И земля их сделалась пустынею от ярости опустошителя»	619
9.1.2.1. «Необыкновенное зрелище представлял вновь покоренный край: все мертво, нигде не души»	620
9.1.2.2. «Теперь только редкие остатки черкесской архитектуры свидетельствуют о чрезвычайном трудолюбии аборигенов страны»	621
9.1.2.3. «Черкесов уже нет, местность совершенно опустела и ждет новых деятелей...»	622
9.1.2.4. «Государственная необходимость свела их (горцев) с лица земли единым порывом...»	623
9.1.2.5. «Их обиталища необитаемы после них, кроме немногих...»	624
9.2. Колонизация Черкесии: «Кем же заселить эту пустынную страну?»	624
9.2.1. «Правительство хочет избавиться от самих горцев...»	625
9.2.2. «Вновь заселить этот пограничный, природой богато одаренный, но опустошенный край»	626
9.2.2.1. Генерал Фадеев: «Земля закубанцев была нужна государству, а в них самих не было никакой надобности»	626
9.2.2.2. «На нас лежала нравственная и политическая обязанность вновь заселить эту страну»	626
9.2.2.3. «Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»: бедственное положение горских крестьян	627
9.2.2.4. «Громадная часть земель и лесов из рук первоначальных владетелей (черкесов) перешла в руки победителей»	628
9.2.2.5. Красноречивые цифры: статистика колонизации Черкесии	629
9.2.2.6. «Печальные памятники ошибок прошлого»: итоги непродуманной колонизации «освободившихся от горцев» земель	629
9.2.3. «Погибельный Кавказ»: трудности переселенцев при освоении новых земель.....	630
9.2.3.1. «Хлебопашество Черноморского края чуждо всякого полеводного порядка»	630
9.2.3.2. «С отраслями, соответствующими местным условиям, они (казаки) не знакомы вовсе»	633
9.2.3.3. Основные причины «застоя прилива поселенцев»	633
9.2.3.4. «Новые поселенцы... мало способные к хозяйству, ленивы и не доброй нравственности»	634
9.2.3.5. Графиня Уварова: «Становится и горько, и досадно смотреть на этих поселян...»	636
9.2.3.6. «В таком переселении мы видим неизбежную для себя гибель и окончательное разорение» ...	636
9.2.3.7. «После ухода горцев в течение четверти века на побережье вовсе не было сельского хозяйства»	638
9.2.3.8. «Непродуманная колонизация, отсутствие понимания хозяйственно-культурных задач привели к экологическим бедствиям»	639

9.2.3.9. «Господи! Если хочешь испакостить свое творение – природу, отдай ее русскому человеку, а уж он ее «произведет»	641
9.2.4. «Учиться у черкесов»: взаимодействие и взаимовлияние земледельческой культуры адыгов и русских	643
9.2.4.1. «Фундаментальные приемы в сельском хозяйстве горцам известны лучше, чем могут знать это новые поселенцы»	643
9.2.4.2. Генерал Гейман: «Приселить к горным казачьим станицам черкесских семейств, способных передать свой опыт работы на земле»	644
9.2.4.3. «Переселенцы... стали присматриваться к местным народам, у которых, земледелие было поставлено удивительно хорошо».....	645
9.2.4.4. «Два почетные абадзеха, бывшие хорошими хозяевами, дают советы на счет хлебопашества в здешних местах».....	645
9.2.4.5. К вопросу о влиянии русской земледельческой культуры на развитие земледелия местного населения	646
9.3. «Кем заселить эту страну?»: соотношение адыгов и русских в пореформенный период	646
9.4. Судьба абазин в середине-конце XIX в.	648
9.5. «Отомстить туркам...»: участие адыгов в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.....	649
9.5.1. Примеры боевого содружества горцев Северного Кавказа с русским народом.....	649
9.5.2. «Адыги-махаджиры воевали в этой войне и на стороне Турции, и воевали неплохо»	650
9.5.2.1. «Войну... черкесы-махаджиры приветствовали, в надежде, что в случае победы Турции они смогут вернуться на Кавказ»	650
9.5.2.2. «В составе армии Мухтара-паши действовали отдельные иррегулярные полки черкесской кавалерии».....	650
9.5.2.3. «Регулярные турецкие войска, сильно деморализованные, возлагают свою надежду на поддержку черкесов...».....	651
9.5.2.4. «Правление Абдул-Хаида II стало периодом наивысшего военно-политического могущества черкесов»	652
9.6. На грани национальной катастрофы.....	653
9.6.1. «Край очищен от полудикого населения и предоставлен культурному народу, несущему свет Христова учения».....	653
9.6.2. «Скорбит земля родная...»	653
9.6.3. Дискриминация, ассимиляция, система круговой поруки: полный «джентльменский набор» царских колонизаторов.....	654
9.6.3.1. «С черкесами сбывается басня об умирающем льве: всякий их топчет»: положение горцев в пореформенный период	654
9.6.3.2. Дискриминация: «бесправное положение колониальных и зависимых народов».....	655
9.6.3.3. Система круговой поруки – коллективной ответственности за вину двух-трех человек.....	655
9.6.4. «Физическое уничтожение коренного населения Северного Кавказа сопровождалось духовным истреблением».....	656
9.6.4.1. «Какова же участь той части народа, которая осталась в России?».....	656
9.6.4.2. «Деятельно заниматься обрусением горцев...»	657
9.7. Территориальное размещение оставшихся на родине адыгов.....	657
9.8. «Что же дал завоеватель черкесскому народу?».....	659
10. Земля адыгов в годы Советской власти.....	661
10.1. Адыгея в период Гражданской войны	661
10.1.1. Революция 17-го года и адыги	661
10.1.1.1. «И камни вопли издадут...»: в предвидении революционных катаклизмов	661
10.1.1.2. «Кубань зашевелилась...»: участие адыгов в Гражданской войне	663
10.1.2. Белый террор в Адыгее	665
10.1.1.1. «Горские аулы сносились белыми добровольцами с лица земли; население, не успевшее бежать, – вырезалось...»	665
10.1.1.2. Волна беззаконий и террора прокатилась по аулам, станицам и селам Адыгеи.....	666
10.1.1.3. «Дикая дивизия: ...это вихрь, грозный, беспощадный ураган, сметающий на своем пути все живое».....	667
10.1.1.4. «Ни при каких обстоятельствах для подавления каких-либо беспорядков в России мы, горцы, не должны быть привлечены»	670
10.1.1.5. «Сын луны» Султан Келеч-Гирей: к кровавой биографии белого карателя	671
10.1.1.6. Генерал Улагай: «Мне безразлично, где и кому служить...»	674
10.1.3. Грязная пена: «Железный поток» на Земле адыгов	677
10.1.3.1. «Кровавый отсвет в лицах есть...»	678
10.1.3.2. «Красный террор» был... Но не в Адыгее.....	678
10.1.3.3. «Прошедшее не изменить...»: разные версии одной трагедии	680
10.1.3.4. «Бей, жги и грабь черкесов...»: как это было	681
10.1.3.5. Кто виноват: причины и уроки трагедии.....	682
10.2. Земля адыгов в предвоенные годы.....	683

10.2.1. «Начало возрождения черкесов...»: Адыгея в предвоенный период	683
10.2.2. 20-е годы: численность коренного населения Земли адыгов	685
10.2.3. «Черные пятна»: трудности на пути становления советской власти в Адыгее	687
10.2.3.1. Искажение ленинских принципов национальной политики	687
10.2.3.2. Была ли «Великая чистка» в Адыгее?	687
10.2.3.3. Коллективизация на Кубани: издержки и «перегибы»	688
10.2.4. Голод в Адыгее в 1933 г.	690
10.2.4.1. «Опустели житницы, ибо не стало хлеба...»	690
10.2.4.2. «Низкий урожай 1932 г. сделал голод неизбежным»: причины трагедии	691
10.2.4.3. «Советское руководство сработало на удивление профессионально»: оказание помощи бедственным районам	692
10.2.4.4. Достойная и вполне законная кара организаторам за «непредупреждение массового голода»	693
10.3. Адыги в Великой Отечественной войне	694
10.3.1. «Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа!»	694
10.3.2. Планы фашистов по «использованию» Кавказа	694
10.3.3. «Новый порядок»: Земля адыгов под пятой немецко-фашистских оккупантов	697
10.3.3.1. «Когда в горах наступит спокойствие, всех горцев уничтожить»: фашистская оккупация Адыгеи	697
10.3.3.2. Аул Хатукай под пятой оккупантов: воспоминания очевидца	699
10.3.3.3. Зверства оккупантов в Кабарде и Балкарии	699
10.3.4. Любовь к Родине, дружба народов Кавказа – залог победы над фашистской Германией	700
10.3.4.1. «Дерутся они, как львы...»: адыги на фронте	703
10.3.4.2. Джафар Нанкуев: «Я помню поименно всех, не вернувшихся с войны»	706
10.3.4.3. Аул Эдепсукай-1 в годы Великой Отечественной войны	708
10.3.4.4. «Сыны кабардино-балкарского народа достойно, доблестно и храбро защищают нашу Советскую Родину»	710
10.3.4.5. «Без адыгов Кавказ – не Кавказ...»	710
10.3.4.6. Партизанское движение на Северном Кавказе	712
10.3.5. «Все для фронта, все для Победы!»	713
10.3.5.1. Самоотверженный труд адыгов в военные годы	713
10.3.5.2. Отчисления адыгов в Фонд обороны – посильный вклад тружеников тыла в дело разгрома врага	714
10.3.6. «Майкоп – Кошехабль – Берлин...»	716
10.3.7. Адыги – Герои Советского Союза и России	717
10.3.8. «И боль, словно пуля, вонзается в грудь»: скорбная статистика войны	719
10.4. Адыгея сегодня	721
10.4.1. Послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства	721
10.4.2. Адыги – Герои Социалистического Труда	723
10.4.3. Лауреаты высшей награды республики «Слава Адыгеи»	724
10.4.4. Проблемы экологии в Адыгее	728
10.4.5. Краснодарское водохранилище: благо или зло?	732
10.4.5.1. К истории строительства водохранилища	732
10.4.5.2. Негативное влияние водохранилища на окружающую среду	733
10.4.5.3. Нравственный ущерб: утрата могил своих предков	735
10.4.5.4. «Ты, Кубанское море, даль твоих берегов, ты народное горе, ты – идея врагов...». А так ли это?	736
10.4.5.5. «Без искусственного моря никак нельзя»: предотвратить угрозу катастрофических наводнений	737
10.4.6. Эхо Чернобыльской трагедии	740
10.4.7. «Адыгэ Хасэ»: возрождение духовности	742
10.4.8. Возрождение казачества и адыги	742
10.4.9. Сколько же нас сейчас?: численность и расселение адыгов на территории бывшего СССР	745
10.4.10. «Пусть прекрасные цветы зацветут...»: Республика Адыгея – гарант мира и стабильности в регионе	748

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Я иссыхаю от жажды и гибну. Дайте же испить
мне вод прохладных, текущих из озера Памяти!*

Вергилий Марон (70-19 гг. до н. э.).

*История словно воскрешает и вдыхает новую
жизнь в умершее, не позволяя ему погрузиться и ис-
чезнуть в пучине забвения, и признана важнейшей
среди всех полезных людям вещей.*

Лев Диакон, византийский историк (X в.).

История адыгского народа насчитывает многие тысячелетия. О своеобразии прошлого адыгов писал еще в 1914 г. Б.Б. Шарданов: «История черкесского народа по своей оригинальности, яркости и исключительности пережитых жизненных положений является редкой не только в русской, но также и в мировой истории».

Бывают края, что недвижны веками,
Зарывшись во мглу и мох,
Но есть и такие, где каждый камень
Гудит голосами эпох!

Эти замечательные стихотворные строки талантливого русского поэта И. Сельвинского как нельзя лучше относятся к удивительно богатой и многообразной истории адыгов, – истории героической и во многом трагической.

Адыги сыграли огромную роль в истории большинства стран Восточной Европы, Малой Азии и Ближнего Востока. В силу своего географического положения, Черкесия находилась на стыке Запада и Востока, на границе мусульманского и христианского миров. Северокавказский регион всегда имел важное международное значение, – ведь именно здесь пересекались торговые пути из Западной Европы и Ближнего и Дальнего Востока: Великий шелковый путь, Гемузская дорога, Османская дорога, Волжско-Каспийский водный путь, Военно-Грузинская и Военно-Сухумская дороги. Поэтому не случайно Земля адыгов всегда оказывалась в сфере интересов различных великих держав древности и средневековья – вначале Древней Греции и Рима, Боспорского царства и Тмутараканского княжества, Хазарского каганата, Золотой Орды, Византии и, наконец, – Российской империи, Персии, Оттоманской Порты и Крымского ханства, а также западноевропейских государств – Англии и Франции.

Нелегкой была история адыгейского народа. Зародившись на Черноморском побережье Кавказа, владения предков адыгов в разные исторические эпохи то расширялись до низовьев Дона и Терека, то, как шагреновая кожа, сокращались до крохотных лоскутков, а после Кавказской войны и само понятие «Черкесия» вообще исчезло с географической карты. К началу XX в. подавляющее большинство адыгского народа оказалось на чужбине, а на Северном Кавказе осталась лишь 1/10 часть некогда многочисленного народа.

О нелегкой, полной борьбы и созидания истории адыгов повествует подготовленная академиком Российской академии наук А.Х. Шеудженом книга «Адыги», в которой освещаются в основном малоизвестные широкому кругу читателей факты. Прочитав эту монографию, проникаешься глубоким сочувствием к мужественному и гордому народу, история которого полна трагедий, о чем писал еще отдаленный потомок кабардинцев-махаджиров М.И. Кандур: «На земле трудно найти еще одну такую нацию или расу, на долю которой выпало бы столько страданий, сколько досталось моему народу...».

Следует отметить, что предлагаемая читателю книга не является очередным изложением истории адыгов, да и не это было задачей автора. Исторические события рассматриваются в ней в большей или меньшей степени лишь в связи с проблемой адыгского этногенеза. Поэтому у автора вполне определенная цель – проследить вопросы происхождения адыгов, их историко-культурные связи и взаимодействия с другими народами в процессе исторического формирования адыгской этнокультурной общности и, в конечном счете, – адыгского народа.

Книга «Адыги», несмотря на свой, на первый взгляд, научно-популярный, обзорный характер, – тем не менее, обстоятельное научное исследование, опирающееся на обширный и разнообразный археологический архивный и картографический материал, а также литературные и эпистолярные источники, имеющие отношение к раскрытию данной темы. Хронологически она охватывает огромный период с древнейших времен до дня сегодняшнего. По широте охвата и глубине раскрытия темы это произведение явится заметным событием в культурной жизни адыгов и позволит всем многочисленным народам, проживающим на территории, известной в прошлом под названием Великая Черкесия, не только по-новому взглянуть и осмыслить свое прошлое и настоящее, но и в какой-то степени заглянуть в ближайшее будущее.

Ценность настоящей книги многократно повышается за счет разделов, освещающих историю религиозных верований у адыгов (язычество–христианство–ислам), историю происхождения и развития письмен-

ности, науки, культуры, зарождения и становления адыгской государственности. Несомненный интерес должен представить и раздел, в котором впервые собраны сохранившиеся в народной памяти предания о происхождении адыгского народа, их легендарном приходе на Кавказ (впечатляет одно только перечисление самых разнообразных «версий»: «Аравийская», «Турецкая», «Египетская», «Греческая», «Генуэзская», «Хазарская», «Курская», «Рязанская» и даже: «Адыги-анты – славянское племя?» или «Запорожские казаки – потомки «пятигорских черкесов»?)). Новизной и оригинальностью отличается раздел, посвященный истории происхождения этнических и географических названий Земли адыгов.

«Как путник, утомленный зноем, припадаем мы сегодня к животворному роднику Истории, и с каждым глотком становимся сильнее, нравственно чище, мудрее», – оптимистически глядя в светлое будущее, восклицает кабардинский ученый В.Х. Пшемурзов (2003). Но, к глубокому сожалению, этот родник сейчас замутнен, а иногда и сознательно загрязняется, искажается современными историками, в полном соответствии с преобладающим сейчас конъюнктурным принципом: то, что вчера было белым, сегодня становится черным, и наоборот.

С этой точки зрения обращает на себя внимание принципиальная позиция автора при освещении тех или иных «болевых точек» истории адыгов: Кавказская и братоубийственная Гражданская войны, фашистская оккупация, затопление могил предков Краснодарским водохранилищем, горбачевская «перестройка», которая в конечном счете привела к распаду нашей любимой родины – СССР, и т. д. Глубоким уважением, сопереживанием, сочувствием к многострадальному адыгскому народу пронизана эта работа, и в то же время она направлена на консолидацию и сближение многочисленных народов, проживающих сегодня на Земле адыгов и далеко за ее пределами. Это особо ценно для всех нас, – ведь сохранить мир и спокойствие в наш взрывоопасный век, пожалуй, самая главная задача для всех жителей Краснодарского края и Республики Адыгея. Представленная монография как раз призвана учить добру, миру и согласию между людьми, кем бы по национальности они не были.

Один из крупнейших византийских историков X столетия Лев Диакон, изучавший также историю Руси, писал: «История учит людей одно одобрять и ставить себе в качестве образца, другого не гнушаться и не избегать, чтобы не осталось в неизвестности и проводилось в жизнь все полезное и ценное и чтобы никто не делал попыток ввергнуть себя в ужасные и вредные начинания... *История словно воскрешает и вдыхает новую жизнь в умершее, не позволяя ему погрузиться и исчезнуть в пучине забвения*, и признана важнейшей среди всех полезных людям вещей» (Диакон Лев. История. – М., 1988. С.7).

Прочтя эту книгу, читатель сможет лучше узнать о предках адыгов с древнейших времен и до наших дней, об их героической борьбе за свою свободу и не менее героической борьбе за сохранение и возрождение самобытности, языка, культуры и литературы; о периодах «гибели» и «возрождения» Черкесии, о религии и древних легендах, жизни адыгов в большой семье народов СССР, а теперь Российской Федерации.

Серьезная обобщающая работа, опирающаяся на солидную архивную и литературно-публицистическую базу (один только перечень использованных источников составляет около 2000 единиц!), вобрала в себя огромное количество документов, причем, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. Автор, анализируя множество разнообразных фактов и событий, выстраивает их в определенной последовательности, выявляют факторы, оказывающие воздействие на исторический процесс, определяющие тенденции его развития. В результате из калейдоскопа множества фактов и мелких «фактиков» как бы сама собой возникает целостная картина, можно сказать, целое эпическое полотно, освещающее крупными мазками многотысячелетний путь, пройденный предками адыгов с глубокой древности до дня сегодняшнего.

Книга написана в хорошем стиле, отличается свежестью восприятия и «незашоренностью» мышления, а также оригинальностью подхода к тем или иным узловым моментам истории адыгов, их хозяйственной жизни, науки и культуры, за счет чего она читается с большим интересом и, думается, должна принести определенную пользу для читателей, с точки зрения расширения их исторического кругозора.

Что хотелось бы сказать, обращаясь к самому молодому читателю, для которого вся жизнь впереди? Если эта книга для тебя – первое знакомство с историей черкесов-адыгов, то пусть она станет для тебя отправным моментом для ее более углубленного изучения. Поверь, – она стоит этого, в чем ты скоро должен убедиться. Хотелось бы надеяться, чтобы этот труд был востребован читателями и стал бы настольной книгой для всех тех, кто кому дорога историческая память, Память с большой буквы. «...Я иссыхаю от жажды и гибну. Дайте же испить мне вод прохладных, текущих из озера Памяти!» – восклицал Вергилий Марон (70-19 гг. до н. э.). Несомненно, эта книга в какой-то мере должна удовлетворить эту «жажду» читателей, их стремление познать правду Истории. Приятного и познавательного путешествия, дорогой читатель, по страницам истории Земли адыгов!

Х.Д. Хурум, доктор сельскохозяйственных наук, академик АМАН.

Тем, кто в годы кровавой Кавказской войны, в период колоссального давления военной машины царизма устоял и остался на земле своих предков, – Земле адыгов, проявив тем самым подлинное мужество, мудрость и историческую ответственность перед своими потомками, – ПОСВЯЩАЕТ свой скромный труд автор.

ВВЕДЕНИЕ

Praeteriti fides, exemplumque future. – «Наше прошлое служит примером для нашего будущего».

Латинское изречение.

Народ, не знающий своей истории, перестает быть народом.

М.Г. Аутлев, академик (1999).

Велика тяга жителей адыгских республик к познанию своей истории, – истории объективной, неприкрашенной и свободной от идеологического «прессинга» печальной памяти агитпропа и Главлита. Идея создания такой книги созрела, и созрела давно. Об этом, в частности, хорошо сказал кубанский казак Г. Вивчарь – отдаленный потомок запорожских казаков-переселенцев: «Хочу попросить наших ученых подробно описать историю адыгов и казаков, их взаимоотношений; рассказать, как появились представители других народов на этой древней и прекрасной земле».

При изучении истории адыгского народа, который в настоящее время, волей судьбы, а точнее, волей царского самодержавия, проживает более чем в 50 странах мира, расположенных на разных континентах, прежде всего возникает вопрос – всегда ли адыги были так разобщены, где их историческая родина и с какого момента можно говорить об адыгах как о самостоятельном этносе? Исследование этих проблем поможет дать более аргументированные ответы на многие вопросы, возникающие, в частности, в ходе изучения средневековой, новой и новейшей истории адыгов (Кудаева С.Г., 2007).

Этот же вопрос задавал еще в начале XIX столетия просветитель адыгов Хан-Гирей (1836): «Какое найдем средство, чтобы открыть прошедшие вековые события там, где все минувшее поглощается в бездне неизвестности, где любопытство потомства тщетно вникает обманчивому эху темных преданий?» Ему вторит современный публицист В.Х. Пшемурзов (2003): «Кто мы, адыги, когда появились на этой земле, что позволило нам пройти через горнило страшных испытаний: нашествие Тамерлана, полчищ монголо-татар и крымских ханов, столетнюю Кавказскую войну, обернувшуюся для адыгов кровавым геноцидом, – и выжить, не сломаться, сохранить себя как этнос?». В своей книге мы постарались ответить на этот непростой вопрос.

Авторы «Иллюстрированного журнала Глисона» (Лондон, 1854, янв. С.304), знакомя английских читателей с малоизвестным для них народом, затерянным где-то далеко в горах Кавказа, особо подчеркивали, что адыги (черкесы) – один из наиболее древних народов мира. Их история столь продолжительна, что, за исключением Китая, Египта и Персии, история любой другой страны не более чем рассказ о вчерашнем дне. У адыгов, – пишут авторы журнала, – поразительная особенность: они никогда не жили в подчинении внешнему господству. Адыги терпели поражение, их вытесняли в горы, подавляли превосходящей силой. Но никогда, даже на короткий срок, они не подчинялись никому, кроме собственных законов. И сейчас (т. е. в середине XIX в. – **Авт.**) они живут под властью своих вождей, по собственным обычаям. Адыги интересны еще и тем, что представляют собой *единственный народ на поверхности земного шара, который столь далеко в прошлое может проследить независимую национальную историю*. Они немногочисленны, но их регион столь важен, а их характер столь поразителен, что адыги хорошо известны древним цивилизациям. Упоминания о них в обилии встречаются у Геродота, Верия Флакка, Помпония Мелы, Страбона, Плутарха и других великих писателей. Их предания, легенды, эпос представляют собой героическое повествование о свободе, которую они сохраняют, по меньшей мере, в течение последних 2300 лет перед лицом самых могущественных в человеческой памяти правителей («Хасэ», 2009, № 8-11, май-июнь. С. 1).

В мою задачу, разумеется, не входило написание всеобъемлющей истории адыгов («нельзя объять необъятное...»), но рассматривать этногенез и миграцию адыгов вне исторического контекста, по меньшей мере, неправомерно. Поэтому в настоящей книге определенное внимание уделено историческим событиям, на «фоне» которых и происходило расселение адыгского народа по территории Северного Кавказа.

Монография базируется, в основном, на архивном материале, а также на собранных по крупицам сведениях из самых разнообразных отечественных и зарубежных источников, таких, как материалы археологических раскопок, эпиграфические памятники Боспорского царства, трактаты греко-римских авторов. Особое

внимание уделялось также русским, арабским и византийским летописям и хроникам, дипломатической переписке России, Турции и Крымского ханства XVI-XVIII вв., а также запискам русских и западноевропейских путешественников. Широко использовались периодическая печать XVIII-XX в., а также дореволюционная и современная литература, имеющая какое-либо отношение к данной теме. Обобщение всей этой, во многом разноплановой, информации дало возможность в какой-то степени воссоздать реальную многомерную картину расселения адыгских племен на протяжении последних тысячелетий, за счет чего, хотелось бы надеяться, тех или иных белых пятен в адыгской истории стало хоть немного меньше.

И, наконец, еще один весьма важный аспект. В этой монографии читатели могут найти и познать, так сказать, начало начал истории своего края, района, аула и даже, быть может, той или иной конкретной семьи. Ведь книга содержит уникальные сведения об исторических событиях, в которых принимали участие не какие-то мифические герои, а конкретные люди, аульчане, близкие и дальние родственники сегодняшних читателей. Редко какому аулу не уделено в книге хотя бы несколько слов или строк, и есть ли в Адыгее-Черкесии-Кабарде какая семья, которая не найдет здесь имя своего отдаленного предка? А ведь еще в погребальных надписях Древнего Египта, возраст которых составляет несколько тысячелетий, встречаем мудрую мысль: «Мертвого имя назвать – все равно, что вернуть его к жизни». И то, что представленная читателю книга в какой-то степени «возвращает к жизни» ныне забытые имена адыгов, наших далеких предков, – мы понимаем как выполнение священного долга потомков перед теми, кто жил до нас. Вечная им память...

АДЫГИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

1. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ ПЛЕМЕН – ПРЕДКОВ АДЫГОВ ПРИ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОМ СТРОЕ

Кавказ представляет собой поистине уникальную в геологическом и палеогеоморфологическом отношении горную страну, что внесло свои коррективы в историю появления здесь флоры и фауны, а также *хомо сапиенс* – человека разумного. Формирование современного рельефа на Кавказе началось 10 млн. лет назад.

Отдаленные предки адыгов (черкесов) проживали на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен и являлись коренными жителями этого региона. История адыгов на Северном Кавказе, как и у большинства их соседей, начинается с эпохи камня. Довольно продолжительное время жили древние люди во взаимодействии с природой, учась искусству выживания и развития. Северный Кавказ, как и в целом Кавказ, является одной из прародин человечества. «По общему мнению почти всех отечественных исследователей, – пишет П.У. Аутлев, – превращение территории Северного Кавказа в часть эйкумены (греч. *oikumene* – «области земного шара, заселенные человеком») началось 500 тыс. лет назад – раннеашельское время» (Цит. по: Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

Несколько иной, более старый, «возраст» появления человека на Северо-Западном Кавказе приводится в работах профессора Н.В. Анфимова: «Заселение Кавказа первобытным человеком шло с юга и было длительным и сложным. Древнейшие свидетельства жизни человека у нас (в Краснодарском крае. – Авт.) относятся ко времени 700-600 тыс. лет назад. Установить это помогла одна случайная находка. На берегу р. Псекупс было найдено орудие первобытного человека – ручное рубило. Следы пребывания этого древнейшего человека найдены не только на р. Псекупс, но и по течению соседних рек Апчас, Марта, а также на р. Белой...».

1.1. «Остров Кавказ в море Тетис»: на заре геологической истории Земли

*Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог...*

Омар Хайям (1048-1131).

Крупная система средиземных морей Атлантического океана... представляет собой остатки древнего моря Тетис, лежащего в глубокой геосинклинали, бороздившей весь земной шар от восточных берегов Атлантического океана через Южную Европу, Северную Африку, Индийский океан, Центральную Америку до западных берегов Атлантики.

А.К. Леонов (1958).

Первоначально Кавказ представлял собой обширный остров, имевший равнинный или слабо расчлененный рельеф. Этот остров окружало древнейшее море Тетис, остатками которого являются современные Средиземное, Черное, Азовское, Каспийское и Аральское моря. Об огромных размерах этого моря-океана, опоясывавшего на заре геологической истории Земли *весь земной шар*, сообщает А.К. Леонов (1958): «Крупная система средиземных морей Атлантического океана, в которую входит и Черное море, представляет собой остатки древнего моря Тетис, лежащего в глубокой геосинклинали, бороздившей весь земной шар от восточных берегов Атлантического океана через Южную Европу, Северную Африку, Индийский океан, Центральную Америку до западных берегов Атлантики». В условиях постоянных вспышек вулканической деятельности на «острове Кавказ» шло образование горного рельефа и погружение межгорных прогибов. К концу раннего плейстоцена на Центральном Кавказе высоты уже достигают 2000-2500 м, и там возникает высокогорный рельеф. Изменения климата в сторону похолодания приводят к образованию оледенений в горах (Твердый А.В., 2009).

Поднятия гор, оледенения, мощные вспышки вулканизма, наступления и отступления морей, окружавших «остров Кавказ», – все это образовывало ту сложную и меняющуюся природную обстановку, на фоне которой протекали наиболее ранние этапы геологической истории Большого Кавказа, а много позже – и появления здесь первого человека (Шеуджен А.Х. и др., 2001. С. 60-62).

1.2. Каменный век

*В пепле потухших костров
Мы нередко находим камни.
Они не сгорели в огне,
Их не разрушило время...
И тогда они вспоминают
Невозвратное детство мира,
Когда добывать огонь
Человека учили камни...*

Л. Букэр. «Камни».

История человечества уходит в далекое прошлое. Условно его делят на 3 периода: каменный, бронзовый и железный века (по основному материалу изготовления орудий труда).

Хронология истории первобытного общества строится на археологической периодизации. В соответствии с ней начальной эпохой человеческой истории является каменный век – самый древний и наиболее продолжительный исторический период, в течение которого изготавливались основные виды каменного оружия и орудий труда. Продолжительность его составляет около 2,6 млн. лет. Каменный век, в свою очередь, подразделяется на палеолит (древнекаменный), мезолит (среднекаменный) и неолит (новокаменный, или позднекаменный век), а также на переходный к бронзе медно-каменный век (энеолит). Кроме того палеолит делят на ранний и поздний («История Кубани...», 2004).

Древний каменный век – палеолит, включает ашельский (400 тыс. – 80 тыс. лет), мустьерский (80 тыс. – 35 тыс. лет), верхнепалеолитический (35 тыс. – 10 тыс. лет) этапы. В это время произошло три оледенения, периодическое изменение рельефа и среды обитания всего живого и растительного мира. Однако, «...какие бы циклы похолодания и потепления в ней ни чередовались, они не служили препятствием к расселению и развитию нижнепалеолитических человеческих коллективов в предгорной и холмисто-равнинных зонах Кубанского и Черноморского Кавказа. Благоприятные ландшафтные условия, сравнительно богатые фаунистические, растительные, особенно межледниковые, и водные ресурсы в указанных двух зонах явились теми «приманками», которые привлекали на Северный Кавказ первобытного человека» (Аутлев П.У., 1986).

О «притягательности» этого региона для древнейших людей писал в свое время и известный кавказовед-археолог Е.И. Крупнов (1960): «Северный Кавказ некогда жил более интенсивной жизнью по сравнению со многими областями нашей страны и всей Европы. Он был одной из культурных областей нашей Родины, жившей своей естественной созидательной жизнью не в отрыве от достижений более передовой культуры тех времен, а в живой органической связи с ней и в непосредственном, общении с соседними очагами древнего культурного мира».

Основной деятельностью тогдашних людей являлась охота на слонов, мамонтов, бизонов, пещерных медведей, тигрольвов, козлов, оленей. Охота тогда была не рыцарской забавой и не диким браконьерством, а повседневным добыванием «хлеба насущного» (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007). Всего на территории Краснодарского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии открыто более 50-ти раннепалеолитических памятников древних людей. Археологи объединяют их в несколько групп: белореченскую, кубанскую, лабинскую, сочинскую и др. К сожалению, многие ашельские памятники Прикубанья размыты водными потоками, и каменные орудия находятся на поверхности. Люди ашельской эпохи были относительно оседлыми и селились главным образом в пещерах.

Мустьерские люди широко расселились в Причерноморье, Прикубанье. Они вели в основном оседлый образ жизни, жили в хижинах и шалашах, сооруженных из деревянных жердей, костей и шкур крупных животных. Пребывание мустье в Адыгее подтверждают находки стоянок Унакозовская пещера-2 и Каменномоетская. Одна из пещер, Унакозовская-2, находится в 3 км от ст. Даховской на высоте 900 м над уровнем моря. Для жилья пещера была не пригодна, древним людям служила только небольшая входная часть пещеры. П.У. Аутлев считал, что она была временным становищем мустьерцев. Вторая пещера находится в 6 км восточнее пос. Каменномоетский, в ущелье р. Мешоко, впадающей с правой стороны в р. Белую. Пещера названа Каменномоетской, и в ней найдено около 1600 каменных изделий.

Стоянки эпохи мустье расположены на речных мысах, у обрывов, что, видимо, связано с потребностями загонной охоты. Древний человек этой эпохи (неандерталец) охотился на мамонта, бизона, оленя, сайгу, лошадь. Среди орудий труда в среднепалеолитическую эпоху преобладают разнообразные остроконечники, скребла, скребки, резцы, пластины с ретушью, наконечники копий, выполненные из кремня, доломита (Ципинов Р., 2007. С. 57).

Среднекаменный век – мезолит. Следующая за палеолитом археологическая эпоха (среднекаменный век) охватывает период 10-6 тыс. лет назад. *Мезолит* – эпоха переходов во всех отношениях в природе и условиях жизни людей, в инвентаре, хозяйстве. Ледник отступил на север, меняется растительный и животный мир, появляется человек современного типа. Но исчезают мамонты, шерстистый носорог – главные объекты коллективной охоты. В эпоху мезолита получили широкое распространение микролиты (небольшие каменные, тщательно обработанные орудия) и оббитые рубящие орудия, начали распространяться лук и стрелы. Охота принимает более индивидуальный характер. Важное хозяйственное значение приобретает

рыболовство. В Краснодарском крае открыто около 10 мезолитических памятников, наиболее известный из них – Ачинская пещера в районе Сочи («История Кубани...», 2004).

Эпоха мезолита в Адыгее представлена замечательным петроглифическим местонахождением Махошкунховским, которое расположено в 3 км к востоку от Майкопа, на северной окраине х. Пролетарского 1-го. В 1983-1984 гг. археологи нашли здесь 90 петроглифов-галеок с выгравированными изображениями. Центральным сюжетом гравировок является фигура человека, исполненная в стиле геометрического схематизма. Затем следуют изображения мамонта, слона, быка, лошади, оленя, козла, волка и зайца. На 9-ти петроглифах изображены охотничьи сцены. Кроме петроглифов найдены 8 гарпунов и одна подвеска. В петроглифах Махошкунха нашла отражение материальная культура в виде изображений 4 жилищ конической формы, 7 луков, 30 стрел, 28 дротиков, двух копий и одного лассо, что расширило представления об эпохе мезолита (Ципинов Р., 2007. С. 57).

Дополняет эту информацию А.В. Твердый (2009): «В мезолите произошли значительные изменения в образе жизни людей; охота принимает более индивидуальный характер (возможно, с применением лука и стрел), рыболовство приобретает все более важное хозяйственное значение, собирательство становится более интенсивным и складываются предпосылки для производящего хозяйства. Большинство археологических памятников мезолита находятся в среднегорье.

Духовная культура этого периода почти не изучена и представлена лишь линейными нарезками на стенах отдельных пещер, орнаментальными фигурами на костях и декоративными поделками из кости и рога, подвесками из резцов животных; в Дагестане обнаружены наскальные рисунки в пещерах (дикие козлы, зубры, солярные изображения). Из религиозных верований в первую очередь следует предполагать культ различных животных, растений, явлений природы, культ предков и т. д. В этот период территория Западного Кавказа была заселена палеонтопами-неандертальцами, которые к концу этого периода приняли облик, близкий к современному. Исследователи предполагают, что мустьерцы в общении друг с другом уже пользовались значительным числом слов и звуков. Именно в это время формируются расовые признаки. Так, на стоянке в Холодном гроте (Абхазия) были найдены человеческие кости и черепа, в которых антрополог М.М. Герасимов определил негроидные признаки.

Предположительно, первичной социальной ячейкой верхнепалеолитического общества на поздних его этапах была парная семья. Надо полагать, что мышление и память верхнепалеолитического человека позволяли собирать и определенную информацию, передававшуюся из поколения в поколение в форме достаточно примитивных еще преданий и мифов» (Твердый А.В., 2009).

Поздний палеолит охватывает период 40-12 тыс. лет назад.

Неолит. Период каменного века завершает эпоха неолита (VII-IV тысячелетия лет до н. э.), во время которой человек уже использовал шлифование и сверление, орудия с рукоятками, умел лепить посуду из глины, обрабатывать дерево, строить лодки, плести сети. В эпоху неолита завершилась стадия развития каменных орудий и на смену им начали приходить медные и бронзовые. («История Кубани...», 2004).

Ранние периоды палеолита определяются эпохой первобытного человеческого стада; в позднем палеолите оно перерастает в общинно-родовой строй (первобытная община охотников, собирателей, рыболовов). В мезолите возникает древнейшее земледелие на территории Передней и Юго-Восточной Азии и Средиземноморья, начинается приручение животных. Период неолита характеризуется развитием земледелия и скотоводства, появлением керамики и ткачества. В Передней Азии возникают Иерихон и другие древнейшие города. На это же время (бронзовый век) приходится расцвет цивилизаций Египта, Месопотамии, Средиземноморья. Проникновение этих культур на Кавказ оказало большое влияние на развитие племен этого региона. Переход к железному веку (I тысячелетие до н. э.) характеризуется началом разложения родоплеменного строя и возникновением первых государственных образований.

1.2.1. Первое появление человека на Кавказе

Кавказ на протяжении всей истории играл роль своеобразного моста, который с древнейших времен связывал Переднюю Азию с Причерноморскими степями и всей Юго-Восточной Европой.

Р.Ж. Бетров (1996).

Истоки заселения Кавказа надо искать в Передней Азии; однако время первоначального заселения человеком, т. е. его проникновения на Кавказ неизвестно.

А.В. Твердый (2009).

«Колыбелью человечества» считается Восточная и Южная Африка, где около 5 млн. лет назад обитали австралопитеки («южная обезьяна») – древнейшие предки человека. У самого начала исторического пути человечества стоит древний человек – гомогабилис (*homo habilis*). Примерно 2 млн. лет назад появляется *хомо хабилис* – «человек умелый», использовавший каменные орудия.

Процесс заселения Кавказа связан с появлением архантропов («древнейший человек») или питекантропов. Древнейшая находка нижней челюсти питекантропа, жившего 600 тыс. лет назад, обнаружена в Азыхской пещере в Азербайджане. В мустьерскую эпоху продолжается эволюция человека – появляется неандерталец (палеоантроп). С эпохой неандертальцев связаны первые погребения и зарождение религиозных верований. В верхнем палеолите огромные пространства Евразии осваивает *хomo сапиенс* – «человек разумный».

Разнообразие ландшафтов Северо-Западного Кавказа, богатство растительного и животного мира, благоприятный климат, обилие скальных убежищ издавна привлекали сюда людей. По данным Е.И. Крупнова, человек появился на Северо-Западном Кавказе около 600 тыс. лет тому назад.

Впрочем, есть и иные версии. Считается, что человек появился на Северном Кавказе около 500-200 тыс. лет назад, а широкое же освоение людьми территории Кавказа произошло во второй половине ашельской эпохи (150-80 тыс. лет назад). Вопрос о времени появления древнего человека на территории нынешнего Краснодарского края также продолжает оставаться дискуссионным. Здесь выделяются три точки зрения: согласно первой человек появился на Кубани около 1,0 млн. лет назад; по другой – в древнеашельскую эпоху – около 500 тыс. лет; по третьей версии – 350-200 тыс. лет назад («История Кубани...», 2004).

О разнообразии мнений о дате первого появления человека на Кавказе пишет А.В. Твердый (2009), отмечая, что «*время первоначального заселения человеком, т. е. его проникновения на Кавказ неизвестно*». Но при этом, – пишет историк, – истоки заселения Кавказа надо искать в Передней Азии. Явное сходство древнейших из известных в кавказском Причерноморье кремневых орудий с непосредственно предшествовавшими им по времени памятниками Южной Турции, а также факт, что в то далекое время Кавказ представлял собой полуостров, омываемый с севера морем, а с юга пока еще не ограниченный труднопроходимыми хребтами, позволяет предполагать, что первые люди проникли на Западный Кавказ через Колхиду из Малой Азии.

Наиболее вероятен период – 500 тыс. лет – 200 тыс. лет назад, т. е. время большого и теплого послеледниковья. Широкое же освоение территории Кавказа происходит в ашельскую эпоху (400 тыс. лет – 80 тыс. лет назад). Ашель – эпоха, названная по имени небольшой французской деревеньки Сент-Ашель; именно в ее окрестностях были впервые обнаружены орудия того времени (Твердый А.В., 2009).

Ранний палеолит. Группы людей передвигались с юга, через Закавказье, постепенно заселяя южный и северный склоны Кавказских гор, предгорья и равнины Закубанья – нынешнюю Адыгею и прилегающие территории. Первые представители человеческого рода, Впрочем, еще очень мало на нас похожие, стали проникать на Северо-Западный Кавказ в последней трети четвертичного периода, около 500 тыс. лет назад (по другим данным – около 600 тыс. лет) со стороны Малой Азии. Сначала сюда пришли архантропы («первоначальные люди»), затем палеоантропы («древние люди») и наконец неандертальцы. Они продвигались небольшими группами по несколько десятков особей, связанных кровным родством. Первые люди селились вблизи родников и по берегам ручьев и рек в местах изобилия растительной пищи, где могли ловить рыбу и устраивать засадки на животных. Уже архантропы умели делать рубила, ножи и скребки; они могли также пользоваться огнем и умели его разжигать. В истории развития человеческого общества – это первобытный строй, эпоха палеолита.

Освоив различные природные области Кавказа и различные высотные ландшафты, первобытные люди приспособили охотничье-собирательное хозяйство к конкретным географическим условиям. В горных районах Кавказа охотились главным образом на пещерных медведей. В горно-степных и лесостепных районах Кавказа первобытные люди охотились на бизонов, диких козлов, лошадей, зубров. Важнейшей особенностью этого промысла являлся его коллективный характер.

Первобытные стоянки людей ашельской эпохи обнаружены на территории Северо-Западного Кавказа в Прикубанье и Причерноморье. Селились первобытные люди главным образом в пещерах и гротах (Фанагорийская, Богатырские пещеры, гроты р. Цице). С наступлением оледенения им приходилось спускаться вниз, в предгорья.

Ашельские каменные орудия в Причерноморье и Прикубанье изготавливались большей частью из осадочных (кремнь, сланец, песчаник) и вулканических горных пород (обсидиан, андезит, базальт). В составе инвентаря ашельских стоянок обнаружены многочисленные примитивные орудия – отщепы, пластины, ножи, скребки, рубящие орудия (чопперы, рубила). Для охоты использовались одни орудия, для разделки туш другие, для выделки шкур третьи. К наиболее древним – раннеашельским или еще более ранним находкам на Северо-Западном Кавказе относят каменные орудия, найденные в карьере Цымбал на Таманском полуострове, в урочище Игнатенков Куток близ ст. Саратовской, в Ахштырской пещере близ г. Адлер, а также обнаруженные в так называемых Богосских ашельских мастерских близ выходов кремневого сырья на р. Псоу в районе Кадашинского мыса (устье р. Туапсе).

Стоянкой открытого типа, известной тем, что здесь частично сохранился культурный слой в первичном положении, является Средний Хаджох в Майкопском районе Адыгеи, – позднеашельская стоянка, получившая название от правого притока р. Белой (Шхагуаше). Другое название стоянки – Шахан-2 – по названию горы, на южном склоне которой находится сам памятник. Стоянка открыта в 1965 г. П.У. Аутовым и датируется финальной стадией ашеля – приблизительно 95 тыс. лет до н. э., то есть на рубеже ашеля и мустье. Среднехаджохская позднеашельская стоянка – единственная на Северном Кавказе стоянка открытого типа, сохранившаяся *in situ* – в месте нахождения» (Ципинов Р., 2007. С. 56).

Кроме среднехаджохской мастерской, известны месторождения на участке автомобильной дороги Майкоп-Каменномостский (реки Фортепянка, Хаджох, Курджипс и др.). Месторождения верхнего ашеля имеются

в долине р. Марта, в районе с. Карпово, в долинах рек Пшиш, Мешоко, Белая, Ходзь, Апчас. Наиболее крупным памятником является Абадзехское местонахождение, открытое и исследованное П.У. Аутлевым. Здесь собрана уникальная коллекция каменных орудий – около 2000 экземпляров (Твердый А.В., 2009).

Средний палеолит. Около 100 тыс. лет назад Кавказ покрылся ледниками, языки которых достигали среднегорных долин. В последующую эпоху потеплений предгорья и ущелья вновь были заселены группами неандертальцев, создавших здесь особый вариант так называемой мустьерской культуры. Основным занятием мустьерцев были охота, сбор питательных растений и корнеплодов, изготовление орудий труда. В мустьерский период все большую роль в жизни людей начинают играть пещеры.

Древнейшие следы пещерного обитания людей, относящиеся к ранне-мустьерскому периоду, выявлены в Ахштырской пещере вблизи Адлера (300 м над уровнем моря). Кроме того, наиболее известные памятники мустьерской эпохи найдены на Ильской стоянке, в долинах рек Курджипис, Фарс, Псефирь, Уруп, Тух, в районе ст. Смоленской, близ г. Хадыженска. (Твердый А.В., 2009). На Ильской стоянке обнаружены остатки искусственного жилища – дугообразные кладки из доломитовых плиток вокруг очага; там же найдены листовидные орудия для наконечников. Из оружия в то время преобладали деревянные дубины, рога, копыта, копья с каменными наконечниками. Основными объектами охоты являлись олени, муфлонообразные бараны, грызуны, птицы, рыба. К примеру, на Ильской стоянке обнаружены костные останки 3000 зубров, в Воронцовской пещере – останки 60-ти пещерных медведей, на стоянке Кудако I – останки 140 пещерных медведей; обнаружены также останки людей – архантропов, палеонтропов (зубы, челюсти) в пещерах Кавказа (Твердый А.В., 2009).

Век кроманьонца. Примерно 35 тыс. лет назад территория Черноморского побережья Кавказа была заселена кроманьонцами. Различают верхнепалеолитический (35-12 тыс. лет до н. э.) и мезолитический (12-7 тыс. лет до н. э.) периоды.

История собственно человечества ведется от верхнепалеолитической эпохи, когда была создана первичная общественная ячейка – община, состоящая из нескольких больших семей, обитавших либо в пещерах, либо совмещенных деревянных жилищах. О жизни людей в эту эпоху говорят многочисленные стоянки и местонахождения палеолитических орудий как в Закубанье, так и на Черноморском побережье Краснодарского края (у ст. Баракаевской – в верхнем течении р. Губс, пещеры в Майкопском районе на р. Дах; у пос. Каменноостовского в ущелье р. Мешоко, на р. Фортепянке близ Майкопа, в окрестностях ст. Абадзехской на р. Средний Хаджох и в других местах).

Там, где не было пещер и гротов, человек поселялся по берегам рек. К поселениям такого типа относится Ильская стоянка. Во время раскопок близ пос. Ильского были найдены топоры, наконечники копий, изготовленные из камня ножи, а также много костей животных. Тут было жилище древних охотников, обитавших на Кубани 40 тыс. лет назад. Иногда им удавалось убивать и таких крупных животных, как бизон и мамонт. На Северном Кавказе, в Баракаевской пещере впервые найдены останки первобытного человека – неандертальца, ребенка в возрасте 5-6 лет.

Главными источниками существования древнейших людей были охота и собирательство. В эпоху палеолита начинает складываться матриархальная родовая община.

1.2.2. Неолит: эпоха матриархата

1.2.2.1. Неолитическая революция: «первый экономический переворот в истории человечества»

Неолитическая революция ...означала первый экономический переворот в истории человечества.

Гордон Чайлд (1892-1957).

Главным завоеванием неолита, имевшим всемирно-историческое значение, стал переход к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству, что получило название неолитической революции.

Р. Ципинов (2007. С. 57).

Эпоха неолита (VII-IV тысячелетия лет до н. э.) завершает период каменного века. В это время люди жили в жилищах, построенных из плетеного каркаса, обмазанного с обеих сторон глиной. Существенно изменился и выбор места для поселений – преобладали неукрепленные селища вдоль рек и озер; лишь некоторые общины жили в пещерах. Кроме обмазанных глиной плетенок, некоторые жилища представляли собой легкие постройки из камня. Удивительно, что некоторые жилища, изобретенные 6-10 тыс. лет назад людьми новокаменного века, сохранились в течение тысячелетий.

В неолите появляются крупные ножевидные пластины, острия, сверла, наконечники стрел, мотыги; человек стал пользоваться клиновидными топорами, пикообразными мотыгами, первыми зернотерками. Появляется новая техника обработки камня – сверление и полировка. Достижением неолитических племен было овладение гончарным производством – изготовление глиняной посуды. Эта новая отрасль хозяйства

развивалась очень быстрыми темпами. Появляются разные формы, размеры посуды, применяется примитивный орнамент. Отличительная черта керамики этой эпохи – наличие в глиняном тесте зерен кварца и слюды. Обжиг был очень слабый, глина очень низкого качества.

Человек приручает и размножает животных. Хотя разведение домашних животных и смягчило воздействие человека на диких животных, охота все еще оставалась важной составной частью деятельности человека. Он активно охотился на оленя, косулю, медведя, зайца, барсука и др. Приручение животных началось, по-видимому, еще в мезолите. Костные останки животных в Каменноостской пещере свидетельствуют о том, что ее обитатели разводили домашних животных (собак, свиней). Помимо обработки шкур начинается ткачество (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

Начало развития земледелия выпадает как раз на неолитический период. Начальной формой этой отрасли хозяйства явилось лиманное земледелие (поймы рек, устья, дельты рек). Лиманное земледелие не требовало орошения; единственный отрицательный фактор таких территорий – наличие большого количества кустарниковой и древесной растительности; именно поэтому в инвентаре древних земледельцев получили большое распространение каменные топоры. Неолитические племена возделывали в основном пшеницу, рожь, ячмень и бобовые культуры.

Наиболее ранние данные о появлении земледелия на Северо-Западном Кавказе относятся к причерноморским районам Адыгеи (эпоха позднего неолита, V-IV тысячелетия до н. э.). Свидетельством этому является стоянка на р. Мзымте, недалеко от с. Ахштыр, Адлерского района, где С.Н. Замятниным найдены каменные (сланцевые) мотыжки. Общий уровень развития производительных сил, которого к этому времени достигли племена Северо-Западного Кавказа, а также особенности горного рельефа указанных районов обуславливали и характер земледелия, бывшего тогда мотыжным (Тхагушев Н.А., 2008). В эпоху неолита завершилась стадия развития каменных орудий и на смену им начали приходить медные и бронзовые, что во многом способствовало прогрессу в области земледелия, строительства жилищ, в военном деле, охоте и т. д. («История Кубани...», 2004).

Древние стоянки периода неолита обнаружены вблизи г. Адлера (Нижнешиловское поселение), на р. Псекупс (Ново-Вочепшийская стоянка на правой террасе р. Псекупс близ х. Нововочепший) и некоторые другие («История Кубани...», 2004). Находки, относящиеся к неолитическому времени (кремневые изделия и фрагменты керамики), были обнаружены вблизи а. Новый Казанукай (в настоящее время затоплен водами Краснодарского водохранилища), севернее а. Казазово (в чаше водохранилища). В Каменноостской пещере (Адыгея, пос. Каменноостский), было найдено более 1000 кремневых изделий (Ципинов Р., 2007. С. 57).

В период неолита основной социальной ячейкой была родовая община, состоящая из нескольких семей и возглавляемая старейшиной. Переход к оседлому образу жизни, земледелию и скотоводству, изобретение различных способов добывания огня, начало изготовления предметов потребления, переход от присваивающего хозяйства (собирательство, охота, рыболовство) к производящему, – все это английский археолог Гордон Чайлд (1892-1957) квалифицировал как «неолитическую революцию», которая означала первый экономический переворот в истории человечества.

1.2.2.2. «Власть матери»: эпоха матриархата

Матриархат (лат. mater «мать» + arche «власть») – «власть матери» – форма общественного устройства в ранний период первобытно-общинного строя, характеризующаяся доминирующим положением женщины, которая играла руководящую роль в хозяйственной и общественной жизни.

«Словарь иностранных слов» (1996).

В период позднего палеолита произошли качественные сдвиги в общественной жизни. На смену первобытному человеческому стаду приходит родовая общественная организация. Возник родовой строй и его основные ячейки – род, родовая община. Это был материнский, или матриархальный род – матриархат. Расцвет матриархата на Северо-Западном Кавказе относится к последнему этапу многотысячелетнего развития каменного века – к неолиту (новокаменному веку). Переход к производящему хозяйству вызвал переворот и в духовной жизни древнейших земледельцев, наложил отпечаток на их верования, культы. Именно в это время появились зачатки религии. В одном из гротов Западного Кавказа обнаружены изображения человека, выполненные охрой, имеются ромбические рисунки, означающие символ женского начала богини-матери.

В это время получил распространение культ женского божества. Примечательно, что на палеолитических стоянках у очагов жилищ археологи часто находят костяные фигурки женщин. Последние представлены очень дородными. Очевидно, главная идея таких статуэток – плодovitость, жизненная сила, продолжение рода, олицетворенные в женщине – хозяйке дома и очага («История Кубани...», 2004).

Археологи полагали, что основной социальной ячейкой неолитической эпохи была родовая община, состоящая из парных семей и возглавляемая старейшиной. *Появились предпосылки для замены матриархата патриархатом* (греч. patriarches – «глава рода»). (Твердый А.В., 2009).

1.2.3. «В целом каменный век был героической эпохой...»

В целом каменный век был героической эпохой, когда человек в процессе самостановления, возникновения самосознания преодолел такие трудности, каких больше нигде не встречалось на его пути.

А.Л. Монгайт (1973).

Эпоха камня оставила неизгладимые следы в истории материальной и духовной жизни жителей Кавказа.

К.К. Хутыз, Э.А. Шебзухова (2007).

«Как бы ни называли каменный век, зарей ли истории, или затянувшимся детством человечества, – писал А.Л. Монгайт, – ясно одно: этим «примитивным», «пещерным» людям мы обязаны многим, что сейчас считается элементами человеческой культуры, настолько ей свойственными, что кажется, они существовали всегда. Пользующийся современными чудесами техники человек раздувается от гордости и уверенности в своем всемогуществе. Но полезно ему напомнить, что этим могуществом он обязан тысячам поколений предков, не исключая и того неандертальца, название которого служит подчас для обозначения низшей ступени человеческого интеллекта. В каменном веке еще не была изобретена письменность, поэтому мы не знаем героев этого времени – великих художников и изобретателей (вероятно, были и такие в общей массе первобытного человека). Но в целом каменный век был героической эпохой, когда человек в процессе самостановления, возникновения самосознания преодолел такие трудности, каких больше нигде не встречалось на его пути».

В каменный век своими корнями уходят многие элементы духовной культуры, ярким выражением которой стало устное напевное творчество, мифы и сказания о животных, в том числе – адыгский героический эпос «Нарты». Об исключительно большом значении каменного века в человеческой истории размышляют К.К. Хутыз и Э.А. Шебзухова (2007). Эпоха камня оставила неизгладимые следы в истории материальной и духовной жизни жителей Кавказа, – отмечают авторы. Прототипы современных топоров, о которых народ некогда говорил: «Топор одевает, топор обувает, с топором весь свет пройдешь», родились именно в ту эпоху. Тогда же появились и «пращуры» молотов, клиньев, ножей, мотыг, сверл, резцов, без которых немислимо современное машиностроение и даже производство предметов домашнего туалета. Именно в каменном веке зародились архитектурное, ткацкое, швейное, гончарное, деревообрабатывающее, шлифовальное, косторезное дело. И самое светлое: финал каменного века породил великую, славную и бессмертную профессию хлебороба и животновода. Эта эпоха также подарила людям искусство охоты, любовь к природе и животному миру. В это же время появились и первые орудия охоты – дротики, копья и стрелы, наконечники которых были сделаны из камня. Уже в IV тысячелетии до н. э., т. е. 6 тыс. лет тому назад, население Кубани совершило первые шаги к обработке земли и животноводству. Причем высказано довольно логичное мнение о том, что изобретателем земледелия была женщина, а честь приручения животных в основном принадлежала детям (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

1.3. Эпоха бронзы на Кавказе

1.3.1. Энеолит: переходный период от каменного века к бронзовому

*Увидав черепки – не топчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.*

Омар Хайям (1048-1131).

...Резкое увеличение на Северо-Западном Кавказе числа небольших оседло-земледельческих поселений... говорит о возрастающем благополучии и накоплении излишков продуктов. В производстве последних важное место принадлежало женщине, одним из главных занятий которой было мотыжное земледелие.

А.В. Твердый (2009).

Переходный период от каменного века к бронзовому, датируемый V-III тысячелетиями до н. э., когда люди уже начинали пользоваться медными орудиями труда, принято называть энеолитом – медно-каменным веком (от греч. *энеос* — «медь» + *литос* – «камень»). Но каменные орудия все еще сохраняли за собой главенствующую роль; значение металла было все еще небольшим.

Больше всего памятников этой эпохи сосредоточено в Майкопском районе Республики Адыгея, в бассейнах рек Белой и Фарс. К эпохе раннего металла (IV-III тысячелетия до н. э.) относятся поселения: Мешоко, Ясеновая Поляна, Унакозовские пещеры, поселение Свободное на левом берегу р. Псенафы. Последнее является единственным на Северном Кавказе равнинным энеолитическим поселением типа «городища». В эту эпоху стала более разнообразной кухонная утварь, появляются сковороды, терки. Глина для посуды стала более качественной; в нее добавляется толченый камень. Появляются ямы-хранилища для зерна с вко-

паннами в них сосудами. Керамика обжигается в специальных печах. Уже в это время крупный и мелкий рогатый скот начали на летний период угонять в высокогорье, на альпийские луга (Ципинов Р., 2007. С. 58).

Несколько отстал Северо-Западный Кавказ от других регионов, в частности, от Передней Азии, по использованию металлов. Так, ранние находки медных изделий в Передней Азии относятся к VIII-VI вв. до н. э.; в Закавказье – к V-IV вв. до н. э. А на Северо-Западном Кавказе лишь в одном захоронении найдено медное колечко эпохи энеолита. Отмечены разнообразные формы погребения умерших. Покойника обильно посыпали красной краской, символизировавшей огонь, кровь и жизнь.

Определенное место в экономике энеолитических племен занимала охота, которая велась с помощью лука и стрел. Появляется новая отрасль ремесленного производства – ткачество. Можно полагать, что именно в эпоху энеолита был изобретен ткацкий станок, предназначенный для изготовления шерстяных и льняных тканей. Кремневые же изделия, найденные на стоянках с мотыжками, маловыразительны и отражают определенную деградацию кремневой индустрии. В окрестностях Сочи к данному периоду могут быть отнесены приморская стоянка «Бочаров ручей» и десятки стоянок с мотыжками, разбросанные в районе холмистых предгорий. Появились эти поселения в IV – первой половине III тысячелетия до н. э., хотя такая хронология носит пока в достаточной степени условный характер.

Социальные отношения в среде местного энеолитического населения мало изменились по сравнению с неолитической эпохой. Новой особенностью является резкое увеличение на Северо-Западном Кавказе числа небольших оседло-земледельческих поселений, что говорит о возрастающем благополучии и накоплении излишков продуктов. В производстве последних важное место принадлежало женщине, одним из главных занятий которой было мотыжное земледелие. В этих условиях материнский род должен был сохранять свое господствующее положение.

Таким образом, впервые появившись на Северо-Западном Кавказе, человек жил здесь непрерывно. Он активно осваивал природные богатства региона, вступал в контакты с соседями, совершенствовал технику производства, постепенно меняя свой физический облик и тем самым закладывал основы для дальнейшего развития (Твердый А.В., 2009).

1.3.1.1. Бронзовый век на Северном Кавказе

Медь и олово и выплавляемая из них бронза были важнейшими металлами: бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия, – это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели.

Ф. Энгельс.

Медной мотыгой или лопатой, несмотря на недостаточную твердость, обрабатывать землю было легче, чем каменными орудиями.

С.С. Берлянд (1964).

В неолите началось освоение нового материала – металла. Медь была первым металлом, из которого стали делать сначала украшения, а потом орудия труда. Вначале древние мастера научились добывать и обрабатывать самородную медь, затем перешли к получению меди из руд и литью, а позднее научились плавить сплавы на основе меди, что означало переход к бронзовому веку.

Бронза – это сплав меди и олова. Однако ее часто получали и из других сплавов: менее качественную бронзу можно получить из сплава меди с мышьяком, сурьмой или даже серой. Все зависело от наличия сырья. Бронза – сплав более твердый, чем медь, причем ее твердость увеличивается в зависимости от количества олова: чем больше в сплаве олова, тем тверже бронза, но когда количество олова превышает 30 %, эти качества исчезают. Очень важной является и другая особенность бронзы – она плавится при довольно низкой температуре, 700-900°C, а медь – при 1083°C.

Из бронзы изготавливались топоры, ножи, мотыги, мечи, а также предметы бытового обихода. Но все же бронза оставалась редким и очень дорогим материалом и использовалась в основном для производства оружия и предметов роскоши. Основные орудия труда по-прежнему изготавливались из камня и дерева.

Начался так называемый бронзовый век. Анализируя период бронзы, («среднюю ступень варварства»), Ф. Энгельс особо отмечал, что эта ступень развития человечества на Востоке началась с приручения домашних животных, а «...огородничество, вероятно неизвестное азиатским варварам низшей ступени, появилось у них не позднее средней ступени, как предтеча полеводства». И далее автор подчеркивает вторичный характер зернового производства по отношению к кормопроизводству: «В климатических условиях Туранского плоскогорья невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луговое хозяйство и культура зерновых хлебов были здесь, таким образом, необходимым условием. То же самое относится к степям к северу от Черного моря (выделено нами. – Авт.). Но если сначала зерно добывалось для скота, то скоро оно стало пищей и для человека».

Для эпохи меди и бронзы, т. е. конца III – начала II тысячелетий до н. э., мы располагаем уже совершенно определенными данными, указывающими на развитие в это время земледелия и скотоводства. Находимые на Кубани (в ст. Костромской, Андриюковской и др.) бронзовые серпы относятся к середине и ко второй половине II тысячелетия до н. э., но земледелие в это время все еще оставалось мотыжным: землю продолжали обрабатывать каменными и костяными мотыгами (Тхагушев Н.А., 2008). О том, что основу экономики неолитических племен Северо-Западного Кавказа составляли земледелие и скотоводство, пишут и авторы книги «История Кубани...» (2004).

Анализируя тот «вклад», который внесло появление бронзы в развитие мировой земледельческой культуры, С.С. Берлянд особо подчеркивает повышение эффективности обработки почвы: «Бронзовые орудия – мотыги, лопаты, кирки, а позже также соха с бронзовым сошником – значительно повысили производительность земледельческого труда. Возникла возможность намного увеличить размеры посевных площадей, особенно тогда, когда впервые для обработки земли начали использовать сохи и плуги, а тягловой силой служили быки, буйволы, лошади». Как следствие, дополняет автор, появляются крупные хозяйства, основанные на широком использовании труда рабов. Причем, эти хозяйства производили продукты земледелия не только для внутреннего употребления, но и на продажу.

Применительно к Северному Кавказу, в бронзовом веке исследователи выделяют три периода:

- эпоха ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.), – время активного развития в северокавказском регионе земледелия и особенно скотоводства;

- эпоха средней бронзы (II тысячелетие до н. э.), – период значительного изменения характера материальной культуры;

- эпоха поздней бронзы (рубеж II и I тысячелетий до н. э.), время расцвета позднебронзовых культур Северного Кавказа и первого появления железа («История народов...», 1988).

К эпохе ранней бронзы на Северо-Западном Кавказе относится майкопская культура (середина – вторая половина III тысячелетия до н. э.) («История Кубани...», 2004).

1.3.1.2. «В период энеолита и бронзы... на Северо-Западном Кавказе выделяется абхазо-адыгская этническая группа»

*Безмолвны, одиноки и без свиты
Мы шли путем, неведомым для нас...*

Данте «Божественная комедия».

В период энеолита и бронзы происходит дальнейшее развитие (и обособление) иберийско-кавказских языков, а на Северо-Западном Кавказе выделяется абхазо-адыгская этническая группа.

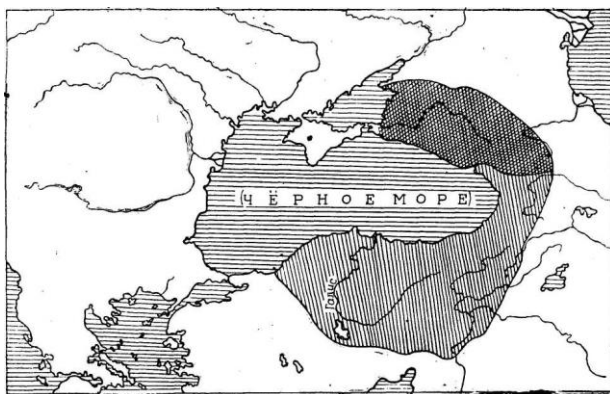
Р.Ж. Бетров (1991).

О том «вкладе», который внесло применение бронзы в этногенез Северо-Западного Кавказа и ведение хозяйственной деятельности в этом регионе, размышляет Р.Ж. Бетров (1991). Согласно предположению грузинского археолога О.М. Джапаридзе, – пишет историк, – в верхнем палеолите (около 40–10 тыс. лет назад), по-видимому, должен был начаться процесс образования кавказской культурной и этнической общности.

Основной очаг формирования этой племенной общности находился в западной части Закавказья – нынешняя Западная Грузия и Абхазия, где выявлены основные памятники ранней ступени верхнего палеолита. Иными словами, здесь проживали родственные племена – отдаленные предки современных народов местного кавказского корня, с единым языком и сходной материальной культурой. По-видимому, в начальную эпоху позднего палеолита в Западном Кавказе сложились благоприятные условия для жизни, поэтому эта область прочно осваивалась человеком. Но вот на средней ступени верхнего палеолита с улучшением климатических условий, человек постепенно занимает другие области Кавказа. К концу верхнего палеолита, в мезолите почти весь Кавказ был уже освоен человеком...

С концом каменного века (неолита), – продолжает Р.Ж. Бетров (1991) – наступает новая эра металлов, связанная, главным образом, с изготовлением и широким применением бронзы. Древние племена Европы и Азии в эту эпоху использовали также золото, серебро и другие металлы. Освоение бронзы знаменует собой мощный подъем производительных сил. Орудия и оружие из бронзы были значительно совершеннее каменных. Труд стал гораздо производительнее. Особенно большую роль металлические орудия сыграли в дальнейшем развитии земледелия и скотоводства, возникшие еще в неолите. В некоторых странах Евразии в эпоху бронзы появляются деревянные пахотные орудия. Многие народы переходят от мотыжного земледелия к плужному.

Более производительное зерновое земледелие не только обеспечивало людей постоянной пищей, но и создавало излишки продуктов, которые шли на корм скоту. Разведение скота давало больший эффект, чем мотыжное земледелие, и там, где имелись подходящие условия, у отдельных племен скотоводство становится основным видом хозяйства, надежно обеспечивающим жизнь племен и создающим излишки продуктов (прибавочный продукт).

Территория расселения древнейших абхазо-адыгских племен (по Бетрову Р.Ж., 1991).

▨ — племена, принадлежащие к абхазо-адыгской группе
▤ — племена, говорившие на языках, родственных абхазо-адыгской группе

черноморья в эпоху бронзы. Взаимодействуя между собой, племена бронзового века Южного и Северного Кавказа (III–II тысячелетия до н. э.) создали оригинальные культуры.

Прошли века и тысячелетия. О вычлениении из сложившегося общего этнокультурного пространства трех групп исторических общностей, в определенной мере обособленных друг от друга, пишут К.К. Хутыз и Э.А. Шебзухова (2007): «Распад кавказского культурного и языкового единства относится к новокаменному веку – и завершается к концу «неолитической революции» – середине IV тысячелетия до н. э. В этот период на исторической арене появляются три группы исторических общностей – западная (абхазо-адыгская), восточная (нахско-дагестанская) и южная (картвельская)».

Перед исследователями давно встали вопросы: кто же носители этих самобытных культур, на каком языке они говорили и, наконец, можно ли их считать прямыми предками коренных народов Кавказа? Нет сомнений в том, что племена – носители культур указанного времени являются предками большинства современных кавказских автохтонов. *В период энеолита и бронзы происходит дальнейшее развитие (и обособление) иберийско-кавказских языков, а на Северо-Западном Кавказе выделяется абхазо-адыгская этническая группа* (Бетров Р.Ж., 1991).

И далее историк вновь возвращается к этой мысли: «Истоки этого распада кавказского культурного и языкового единства восходят скорее всего к переходному периоду от палеолита к неолиту, т. е. к мезолиту (среднекаменному веку). Распаду палеокавказской (древнекавказской) этнокультурной общности в немалой степени способствовал и физико-географический рельеф Кавказа. К концу «неолитической революции», в V тысячелетии до н. э., это единство, в основном, уже должно было распасться. Выделяют три основные локальные варианты археологической культуры: Закавказский, Северо-Западный, Северо-Восточный. Эти три культурно-археологические области способствовали зарождению трех основных лингвистических общностей палеокавказской (древнекавказской) языковой семьи. Окончательный распад кавказского этнолингвистического единства на три группы этнических общностей – западную (абхазо-адыгскую), восточную (нахско-дагестанскую) и южную (картвельскую) – в основном завершился к середине IV тысячелетия до н. э.» (Бетров Р.Ж., 1991).

1.3.2. Майкопская археологическая культура на Северо-Западном Кавказе

Шли века. Камень, дерево и кость уже не устраивали человека как основной материал для орудий труда; появились первые металлурги; сперва орудия делались из меди, затем из бронзы. Конец IV–II тыс. до н. э. – время все большего расцвета этого ремесла. Но камень продолжает играть важнейшую роль. Наиболее яркие памятники этого времени – стоянки земледельцев с тысячами каменных мотыжек так называемого «сочи-адлерского» типа. В бронзовый век появляется ткачество и поливное земледелие, письменность, рабовладельческие цивилизации.

Эпоха патриархата на Северо-Западном Кавказе приходится на бронзовый век. На заре эпохи бронзы здесь складывается майкопская культура, распространившаяся на запад вплоть до Таманского полуострова, а на восток – до территории современной Чечни и Ингушетии. Наибольшее количество археологических памятников обнаружено в Майкопском районе, в бассейне рек Белой и Фарс.

Интенсивное развитие металлообработки, скотоводства и земледелия обусловили в свою очередь переход на более высокую ступень социального развития. Важнейшей характерной особенностью данного периода является (по крайней мере, для Кавказа) начало процесса *ломки давно существовавших первобытно-общинных отношений*. На первый план выдвигается родоплеменная верхушка, в руках которой сосредотачиваются большие богатства и тем самым создаются предпосылки имущественного расслоения; развиваются патриархальные отношения, появляется патриархальное рабство.

В эпоху энеолита (медно-каменного века) и бронзы на территории Северного Кавказа возникли яркие и самобытные культуры земледельческо-скотоводческого типа. Своими путями шло культурно-историческое развитие Закавказья и Дагестана, Северного Кавказа и Кавказского При-

1.3.2.1. «На заре эпохи бронзы здесь складывается майкопская культура»

Вся территория Западной Европы бронзовой эпохи (кроме Греции) не дала такого богатого погребения, как Майкопский курган. Курган уникален по богатству среди одновременных памятников всего Европейского континента.

Е.И. Крупнов (1960).

«Можно полагать, что древний протоадыгский слой начал возникать на Северо-Западном Кавказе с III тысячелетия до н. э., то есть со времени существования майкопской археологической культуры, – пишет Р.Ж. Бетров (1991). – Но почему эта культура носит такое название?» – спрашивает ученый.

Первые классические памятники майкопской культуры в виде больших курганов с великолепными изделиями из драгоценных металлов открыты в Прикубанье в дореволюционное время. В их числе был курган недалеко от г. Майкопа, раскопанный в 1897 г. известным русским археологом Н.И. Веселовским. Но культуру так назвали гораздо позже. Ученым долгое время казалось, что майкопская культура охватывала лишь узкий район Прикубанья, т. е. господствовало мнение о какой-то культурной обособленности Майкопского кургана и группы памятников его окружения, сосредоточенных, главным образом, в бассейнах рек Белой и Фарса. Но в советское время, а именно в 50-е гг., известный археолог Е.И. Крупнов раскопал курганы на территории Кабардино-Балкарии, имеющих сходные черты с памятниками Северо-Западного Кавказа. Именно в это время в научной литературе появляется название «майкопская культура» для обозначения значительной группы памятников, одновременных и объединенных общими характерными чертами на большом пространстве (Бетров Р.Ж., 1991).

Майкопский курган – памятник мирового значения, относящийся к середине III тысячелетия до н. э. Е.И. Крупнов в свое время заметил, что *вся территория Европы бронзовой эпохи (кроме Греции) не дала такого богатого погребения, как Майкопский курган*. Он расположен на восточной окраине г. Майкопа, на углу улиц Курганной и Подгорной. Высота его – 11 м. Основание кургана было окружено каменным кольцом – кромлехом.

Могильная яма размером 5,3 x 3,7 м, глубиной – 1,4 м была разделена на три части деревянными перегородками. В одном из отсеков ямы было, предположительно, захоронение вождя или старейшины рода; он был накрыт покрывалом, расшитым золотыми бляшками в виде фигурок бычков и львов. Погребенный был буквально усеян золотыми украшениями, бусами из сердолика и бирюзы и др. Под черепом была найдена золотая диадема, что говорит о знатности погребенного. На голове у него был убор из золотых лент, на шею ожерелья. Здесь же были найдены бронзовые и каменные орудия труда и охоты, 2 золотых и 14 серебряных сосудов, кубки, фигурки быков. В остальных отсеках обнаружены женские погребения с золотыми украшениями. Очевидно, это были наложницы царя, умерщвленные насильно. Все они лежали в скорченном положении на боку, головой на юг и были посыпаны краской (суриком). Там же найдены скелеты двух убитых слуг, которые, по религиозным представлениям того времени, должны были сопровождать знатного покойника в загробной жизни; показательно, что находившиеся при них вещи были значительно беднее. По богатству Майкопский курган сравним разве что со Старомышастовским кладом золотых и серебряных вещей. Примечательно, что драгоценный комплекс Майкопского кургана открывает экспозицию «Особой», или «Золотой» кладовой Государственного Эрмитажа (Лесков А., 2007. С. 90-91).

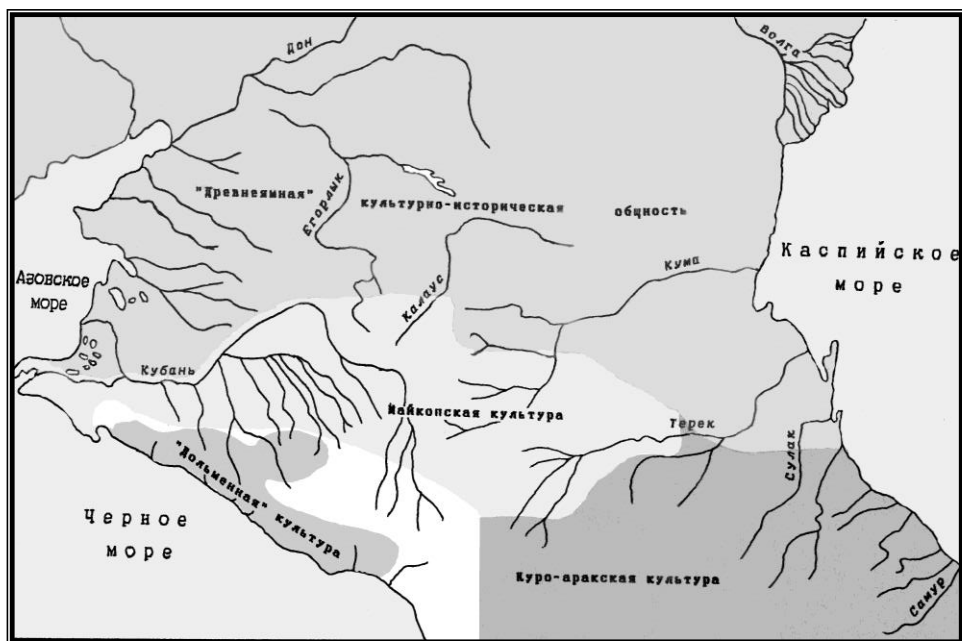
Кроме этого, найдено много других курганных захоронений (а. Уляп, с. Красногвардейское, ст. Келермеская и др.). Памятники майкопской культуры обнаружены в бассейне р. Белой и по р. Фарс южнее Майкопа: Мешохо, Скала, навесы Хаджох, Каменноостовская пещера, х. Веселый, х. Свободный, Ясенева Поляна и т. д.

1.3.2.2. Майкопская культура – «свидетельство единства населения Северо-Западного Кавказа в этническом отношении»

Установив культурную общность, отраженную в материальной культуре и в погребальных обрядах по древним памятникам Кабарды и Прикубанья, мы вправе ...предположить здесь наличие и какого-то этнического родства, поскольку об этом можно судить по однородности погребального обряда.

С.Х. Хотко (2009).

Впервые термин «майкопская культура» был введен в научный оборот Е.И. Крупновым (1951). «По материальным источникам и погребальному обряду, – отмечал ученый, – мы документально проследили ареал распространения древней и яркой культуры Северного Кавказа, впервые открытой в кургане у г. Майкопа. Одновременно мы убедились в том, что памятники этой культуры, обнаруженные на территории Кабарды, пока не давшие столь эффектных находок, как на Кубани, оказались важнейшими звеньями, связавшими ранее не связывавшиеся группы памятников, как Майкопский курган и дольмены Новосвободной – с одной стороны, и подкурганные погребения следующей эпохи – с другой. Такими звеньями оказались Долинское поселение и Соломенский курган.

Археологические культуры Северного Кавказа. III—II тысячелетия до н. э.

Установив культурную общность, отраженную в материальной культуре и в погребальных обрядах по древним памятникам Кабарды и Прикубанья, мы вправе объяснить эту общность существованием на этой территории близких родоплеменных групп, объединенных не только синстадиальностью развития (греч.: *syn* – «вместе» + *stadion* – «период, определенная ступень в развитии чего-либо, фаза развития») и существующими связями. Мы вправе предположить здесь наличие и какого-то этнического родства, поскольку об этом можно судить по однородности погребального обряда...» (Крупнов Е.И., 1951).

О существовании несомненного этнического родства северокавказских племен сообщает и С.Х. Хотко (2009): «Майкопская культура являлась, несмотря на всю свою древность, позднейшим (ближним к нам) этапом, явно показывающим *единство населения Северо-Западного Кавказа в этническом отношении*. Это единство оформилось еще в эпоху неолита, когда на территории Северо-Западного Кавказа происходили этногенетические процессы, приведшие к формированию самостоятельного антропологического типа. «Понтийский тип, – отмечает Я.А. Федоров, – был в свое время выделен В.В. Бунаком из обширного ареала средиземноморско-балканской малой расы. Формирование его, скорее всего, связано с этническими процессами неолитического времени, протекавшими в современной Абхазии и в Западной Грузии. К наиболее «чистому» типу средиземноморско-балканской расы на Кавказе следует отнести адыгский тип. Этот тип входит в состав аборигенных групп северо-западного Кавказа – кабардинцев, адыгов, абазин, черкесов, частично ингушей. К адыгскому типу относятся и ногайцы Адыго-Хабльского района Карачаево-Черкесии» (Хотко С.Х., 2009).

1.3.2.3. «Яркая и самобытная майкопская культура сложилась благодаря и активным связям предков абхазо-адыгов с племенами Малой Азии»

Майкопская культура – это новый период древней цивилизации, созданной усилиями этнически близких народов Северного Кавказа, а также народами Малой Азии – хаттскими племенами – кашками, или касками, которые были близки по языку и уровню культуры. Они проживали в азиатской части современной Турции – в Анатолии.

К.К. Хутыз, Э.А. Шебзухова (2007).

Возникновение, формирование и развитие майкопской культуры – результат сложных и разносторонних, прежде всего кавказо-ближневосточных, культурных взаимодействий. Это весьма оригинальная культура, представлявшая собой один из ярчайших феноменов бронзового века Европы и всего Евразийского пограничья.

А. Лесков (2007. С. 90).

В «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006) приводятся интереснейшие факты, свидетельствующие о существовавших в III тысячелетии до н. э. связях древнейших предков абхазо-адыгов майкопской культуры с малоазиатскими племенами. В глубокой древности адыги, убыхи и абхазы (абазины) составляли единую группу племен, имевших общее наименование и общий язык. Разделение общего для них языка-основы произошло в более позднее время – в середине II тысячелетия до н. э. и различия, имеющиеся между абхазским, убыхским и

адыгским языками, сложились впоследствии в результате их самостоятельного развития. Поэтому древнейшая история адыгов теснейшим образом переплетается с историческими судьбами убыхов, абхазов и абазин.

Около 5 тыс. лет тому назад древние предки адыгов, убыхов, абхазов и абазин занимали обширную территорию, которая охватывала центральные и западные части Северного Кавказа, все восточное и южное побережье Черного моря, а также значительную часть Малой Азии. По мнению ученых, на всей этой территории в III и II тысячелетиях до н. э. проживали племена, непосредственно принадлежавшие абхазо-адыгской языковой группе либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским.

Одними из древнейших предков абхазо-адыгов, чьи имена до нас дошли, являются многочисленные племена хаттов и касков, проживавшие в III-II тысячелетиях до н. э. в Малой Азии. Хатты (хаты) занимали северные и северо-восточные области Малой Азии, в районе изгиба р. Галис (ныне Кызыл-Ирмак в Турции). Они издавна имели более тесные связи с древневосточными цивилизациями, и в III тысячелетии до н. э. у них отмечается резкий подъем культуры. Особенно заметен прогресс металлообработки, основанной на богатых рудных запасах Малой Азии. Именно им принадлежит заслуга изобретения способа выплавки железа из руды. В настоящее время уже установлено, что хаттское название железа, совпадающее с адыгским, было заимствовано в греческом, славянских, древнекитайском и др. языках («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 81).

И далее авторы дополняют информацию о связях предков адыгов с племенами хаттов: «В Прикубанье, благодаря знакомству с достижениями древневосточных цивилизаций и активным связям со своими сородичами в Малой Азии, древние абхазо-адыгские племена смогли оказать значительное влияние на дальнейшее развитие культуры местного населения, с которым они, кстати, находились в родстве. В результате здесь сложилась яркая и самобытная майкопская культура III тысячелетия до н. э. Именно поэтому наблюдается удивительное совпадение в обряде погребения могущественного вождя в Майкопском кургане и царских гробниц хаттов в Аладжа-Хююке Малой Азии. И там, и здесь над прахом погребенных был воздвигнут роскошный балдахин, украшенный одинаковыми золотыми бляшками и литыми фигурками бычков. Совершенно одинаковы и серебряные трубки, поддерживавшие балдахин, и другие предметы роскоши: золотые штампованные пластинки в виде львов, серебряные и золотые сосуды и т. д.» (Керефов Б.М., 2006).

В майкопской культуре в настоящее время выделяют два самостоятельных хронологических этапа – ранний, собственно «майкопский», представленный одноименным курганом, а также примыкающими к нему курганными погребениями и поселениями; и более поздний, получивший название «новосвободненский этап» – по курганному могильнику близ ст. Новосвободной (Лесков А., 2007. С. 90). Одна из версий, которой придерживается большинство ученых-историков, предполагает, что племена майкопской культуры – это переселенцы из Месопотамии (хаты или арамейцы Харрана). Происхождение же новосвободненской группы племен объясняют переселением из Малой Азии кашков или протохеттских племен из Центральной Европы.

«Большинство найденных в Майкопском кургане как золотых и серебряных, так и бронзовых предметов, привозные, – отмечает Н.В. Анфимов. – Попали они сюда из Передней Азии, скорее всего, как считают исследователи, из Месопотамии». Привозными являются и бусы из полудрагоценных цветных камней. Сердолик и бирюза происходят из Ирана, лазурит – бадахшанского (афганского) происхождения, особый минерал – морская пенка – из Анатолии. Некоторые бронзовые предметы, такие как котлы из металлических листов, топоры, тесла, четырехгранные шила, желобчатые долота, проушные топоры, изготовлялись на месте.

«Племена Северо-Западного Кавказа, – пишет А. Лесков (2007), – уже во второй половине III тысячелетия до н. э. установили связи с народами Древнего Востока, и, таким образом, их история тесно связана с древнейшими государствами Передней Азии, Месопотамии, Средиземноморья и даже Индии. Большую роль эти племена сыграли и в развитии культуры Причерноморья. Благодаря посредству племен Северного Кавказа в степи Северного Причерноморья поступали кавказские и некоторые переднеазиатские изделия, например, украшения из яшмы-лазури, бирюзы и иранского сердолика.

Связь с более высокоразвитыми культурами, широкий торговый обмен, высокий уровень металлургии, скотоводства и земледелия привели к разделению общества на бедных и богатых, о чем свидетельствуют богатые захоронения представителей родоплеменной верхушки в курганах и гробницах майкопской культуры» (Лесков А., 2007. С. 90-91).

1.3.2.4. «Майкопская культура – явление значительное и уникальное не только в масштабе Кавказа, но и всей истории Европы»

Уже первые памятники в виде больших курганов, открытые в Прикубанье во второй половине XIX в., показали, что майкопская культура – явление значительное и уникальное не только в масштабе Кавказа, но и всей истории Европы.

Р.Ж. Бетров (2006).

Дополняют наши представления о майкопской культуре изыскания Р.Ж. Бетрова (2006. Вып. III). Как отмечает ученый, памятники, объединенные понятием «майкопская культура», встречаются в обшир-

ном ареале – они покрывают территорию от берегов Черного моря и почти до границ современного Дагестана. В основном это предгорно-плоскостная зона, частично – степь. Памятники с характерными признаками майкопской культуры выявлены в последнее время и в Абхазии. Уже первые памятники в виде больших курганов, открытые в Прикубанье во второй половине XIX в., показали, что *майкопская культура – явление значительное и уникальное не только в масштабе Кавказа, но и всей истории Европы*. Эта культура предстает довольно развитой для своего времени [по новейшей хронологии она датируется от конца IV до третьей четверти III тысячелетия до н. э. включительно].

Майкопские памятники отражают важные изменения в экономике и культуре местного древнейшего населения. В Закубанье майкопские племена вели оседлый образ жизни, занимаясь и отгонным скотоводством и земледелием. Укрепленные поселения имелись не только в горах, но и на равнине. При этом приоритетное значение в хозяйстве майкопских племен имело животноводство. В составе стада преобладал крупный рогатый скот и свиньи, затем мелкий рогатый скот. Следует также упомянуть один немаловажный факт – в некоторых захоронениях майкопской культуры были найдены бронзовые детали конской узды, что дает основание исследователям говорить о развитии коневодства в этот период. Именно в это время на Северном Кавказе уже была одомашнена лошадь, и она использовалась для верховой езды. Таким образом, наряду с Передней и Средней Азией, Северный Кавказ может войти в число регионов, где впервые был одомашнен конь. В целом экономика «майкопчан» определяется как скотоводческая, дававшая ощутимый прибавочный продукт. Было развито и мотыжное земледелие (Бетров Р.Ж., 2006. Вып. III).

Племена майкопской культуры были знакомы и с искусством, правда, примитивным, обожествляли солнце, гром и молнию, а также кузнечное ремесло. Культ бога грозы был широко распространен по всей Анатолии и в среде абхазо-адыгов. Немецкий ученый Адам Олеарий писал: «Когда гремит гром, они адыги радуются, выбегают наружу, приплясывая: считают счастливыми тех, в чей дом ударит молния, и они в радости проводят весь год. Если ударит в человека, он почитается святым».

Кроме того, огромным достижением племен этой культуры было изготовление керамической посуды на гончарном круге. Но после исчезновения майкопской культуры гончарный круг на Кубани был забыт почти на два тысячелетия (Твердый А.В., 2009).

1.3.2.5. «Высочайший уровень металлургии и металлообработки в майкопской среде»

Судя по Майкопскому кургану, металлическая посуда появилась здесь на раннем этапе майкопской культуры, но распространилась она по всему Северному Кавказу позже.

Р.М. Мунчаев (2003).

Несомненный интерес представляют результаты исследований изделий из металла, оставленных племенами майкопской культуры. Отмечая «высочайший уровень металлургии и металлообработки в майкопской среде», Р.М. Мунчаев (2003) обращает внимание на то, что «...более 80 находок майкопских ножей-кинжалов заметно отличны от подобных бронзовых предметов из памятников других культур, в частности, Закавказья, Анатолии и др., и местное производство их не вызывает сомнений». Более того, более 40 проушных топоров майкопской культуры, обнаруженных в подкурганных дольменах у ст. Новосвободной, «не имеют параллелей на Ближнем Востоке и являются изделиями местного производства».

Еще более очевидное отличие изделий майкопской культуры от орудий и изделий Месопотамии – бронзовая посуда, представленная в основном коваными бронзовыми котлами. Некоторые из них даже украшены «жемчужным» орнаментом, как и керамические сосуды. С.Х. Хотко (2009) обращает внимание, что этот «жемчужный» орнамент на майкопской керамике является глубоко местной чертой и отмечается на сосудах протомайкопского этапа. Подобные бронзовые котлы не известны нигде за пределами майкопской культуры. Судя по Майкопскому кургану, металлическая посуда появилась здесь на раннем этапе майкопской культуры, но распространилась она по всему Северному Кавказу позже.

Наряду с котлами обнаружено еще несколько бронзовых чаш, ладьевидное блюдо и большое блюдо с ручками, а также черпак с длинной ручкой. Обязательным атрибутом адыгской знати являлись золотые, серебряные или деревянные чаши и кубки. Много позже их изображения в прорезном виде можно было обнаружить на черкесских гербах XIV-XVI вв. и в черкесском султанате Египта: на лампах, фибулах, щитах и на конских налобниках. Вплоть до XIX в. признание вассальной связи символизировал акт дарения чаши или кубка, которым князь-пши или первостепенный аристократ-тлехотлеш наделял своего дворянина-орка.

«Производство и использование металлической посуды, – делает вывод Р.М. Мунчаев (2003), – одна из особенностей культуры населения Северного Кавказа ранней бронзы и вместе с тем яркое доказательство высокого уровня развития металлообработки у позднемайкопских племен. Ведь ни в одной области Старого Света в эту эпоху бронзовые сосуды, в частности котлы, не были столь распространены, как на Северном Кавказе. А племена куро-араксской культуры вообще не знали в то время металлической посуды».

С.Н. Кореневский (2008), один из наиболее выдающихся исследователей майкопской культуры, подтверждает наблюдения Р.М. Мунчаева: «Но самое главное – это металлическая посуда раннего и позднемайкопского этапов. В основе ее производства лежит умение майкопских мастеров отливать лист металла толщиной в 1 мм. ...Нет никаких данных, что бронзовая металлическая посуда майкопцев – это заимствование откуда-то со стороны, а не местное изготовление. В Передней Азии, к югу от Аракса, на территории куро-араксской культуры в это время посуды таких типов просто не зафиксированы».

В целом, говоря о находках металлических предметов в захоронениях майкопской культуры, Р.М. Мунчаев (2003) отмечает, что «...здесь металла больше, чем в памятниках раннебронзового века Дагестана и Закавказья. И вообще мы не знаем на смежных территориях культуры, которая могла бы сравниться с майкопской по количеству и столь широкому ассортименту металла».

1.3.2.6. «Племена майкопской культуры... расселились в восточном направлении до границ современного Дагестана»

Уже в III тысячелетии до н. э. первичная территория расселения предков племен абхазо-адыгской языковой группы простиралась довольно широко – от центральной части Северного Кавказа до восточной Малой Азии, включая все Юго-Восточное Причерноморье.

В.И. Ворошилов (2007).

Во второй половине III тысячелетия до н. э. племена майкопской культуры – древние предки адыгов – расселились в восточном направлении до границ современного Дагестана. Это было вызвано не только социально-экономическим и культурным развитием, но и участвовавшими столкновениями между различными племенными объединениями внутри абхазо-адыгской языковой группы. Особую роль в данном случае сыграли племена, строившие для своих умерших дольмены, которые не только частично смешивались с населением майкопской культуры, но и оказали на него давление, отчего оно стало ускоренно продвигаться на восток – в бассейн р. Терек. Сами же строители дольменов, двигаясь вслед за майкопскими племенами, заходили далеко за пределы Прикубанья – вплоть до районов Кабардино-Пятигорья включительно. С их участием или под их влиянием были сооружены дольмены в районе Железноводска, Нальчикская гробница, дольменовидные постройки у с. Кишпек.

Все это свидетельствует о том, что уже в III тысячелетии до н. э. первичная территория расселения предков племен абхазо-адыгской языковой группы простиралась довольно широко – от центральной части Северного Кавказа до восточной Малой Азии, включая все Юго-Восточное Причерноморье. Естественно, такое расселение на большой территории не могло не привести к обособлению отдельных племенных группировок, к появлению локальных (местных) различий внутри древней абхазо-адыгской культурной общности. Немаловажное значение имело такое влияние и воздействие окружающих племен, с которыми вступали в тесные и длительные взаимоотношения древние предки абхазо-адыгов. И действительно, с конца III тысячелетия до н. э. в пределах распространения майкопской культуры археологи считают возможным выделить две большие группы памятников – прикубанскую (западную) и терскую (восточную), которые, скорее всего, отражают наличие двух крупных племенных объединений (Ворошилов В.И., 2007).

1.3.3. Древнейшая, древняя и новая история города Майкопа

1.3.3.1. «В позднем палеолите... неолит типа кроманьонца активно обживает окрестности Майкопа»

Самая древняя находка в районе современного Майкопа – ашельское рубило ...свидетельствует о первом появлении человека в этом месте около 400 тыс. лет тому назад.

Н.Г. Ловпаче (2009).

Известный отечественный ученый – археолог и историк Н.Г. Ловпаче (2009) сделал попытку (на мой взгляд, весьма удачную) реконструировать древнейшую историю города Майкопа и тем самым пересмотреть и расширить наши представления о его, так сказать, «возрасте». Принимая во внимание несомненный интерес читателей к изысканиям ученого, ниже приведем его эссе в кратком изложении.

Самая древняя находка в районе современного Майкопа, – пишет Н.Г. Ловпаче, – ашельское рубило с устья р. Псыкош (Фортепьянки), впадающей в р. Шахагуше (Белую) слева немного выше х. Гавердовского или напротив современной северо-западной окраины города. Обнаруженное в 1925 г., оно, по мнению П.К. Перепелицына, свидетельствует о первом появлении человека в этом месте (в районе современного Майкопа) около 400 тыс. лет тому назад. Учитывая тот факт, что массовое заселение северных склонов Одыша (Одыш, Юдыш – Кавказ) происходило только в течение 150-80 тыс. лет назад, можно представить удобство и выгодность этого места для жизни, которое оценил наш древнейший земляк типа питекантропа.

Период среднего палеолита, когда на Северном Кавказе начал обитать и развиваться неандерталец, в окрестностях Майкопа не оставил следов. Это потому, что в ту эпоху, отстоящую от нас на 70–35 тыс. лет, происходило вначале продолжительное довольно теплое межледниковье, а затем – в условиях резких перепадов – похолодание и остепнение предгорий, а также среднегорья (от 500 до 2000 м над уровнем моря). Человеческие коллективы в то время расширили зону жилищного освоения и стали заселять среднегорные пещеры, поднявшись из района Майкопа на уровень Даховской пещеры на хребте Унакоз.

Но в позднем палеолите, т. е. 31-18 тыс. лет тому назад, неолит типа кромафонца активно обживает окрестности Майкопа, о чем говорят Курджипские местонахождения кремневых орудий древнекаменного века, находка челюсти «хомо сапиенса» на Майкопской пытапэ и Махошкшховском санктуарии.

Последнюю фазу древнекаменного века называют эпохой «Мадлен» и считают ее временем первого расцвета изобразительного искусства на земле. Окрестности Майкопа подтверждают этот факт. Изображения на камне – петроглифы Махошкшха, открытые в карьере х. Пролетарского, исследованные и опубликованные П.У. Аутлевым, изображают графическими средствами сцены охоты майкопских кромафонцев, вооруженных дротиками, луками со стрелами. П.У. Аутлев датирует этот санктуарий финальным палеолитом и ранним мезолитом, т. е. приблизительно 12-10 тысячелетием до н. э. [т. е. 14–12 тыс. лет тому назад] (Ловпаче Н.Г., 2009).

1.3.3.2. «Расшифровка майкопской плиты дала возможность уточнить время закладки города Ах-Мае на месте современного Майкопа»

Майкопская каменная плита с надписью показывает, что общим предкам абхазо-адыгской группы народов уже в эпоху бронзы не чужда была письменная культура...

М.Г. Аутлев (1999).

«Ах-Мае» – древний Майкоп гомеровской эпохи... играл роль столицы древней Адыгеи... Описанная во многом гипотетически история возникновения города «Ах-Мае» на месте города Майкопа относится приблизительно к рубежу XIII–XII столетий до н. э.

Н.Г. Ловпаче (2009).

Палеографические и археологические исследования свидетельствуют, – отмечает Н.Г. Ловпаче (2009), – что с рубежа XIII–XII вв. до н. э., т. е. не позже 3200 лет тому назад, на месте современного Майкопа существовал город Ах-Мае («Ах-Айя»). Но до 21 г. до н. э., т. е. с начала правления потомка азегского царя Мараны он так не назывался. Если учесть, что Хеттское царство пало в 1200 г. до н. э. под ударами «народов моря», в основном, микенцев-ахиява, а также касков, мушков и других народов с северо-востока, то основание крепости города «Ах-Мае» становится своеобразным логическим результатом событий на Малоазийском полуострове.

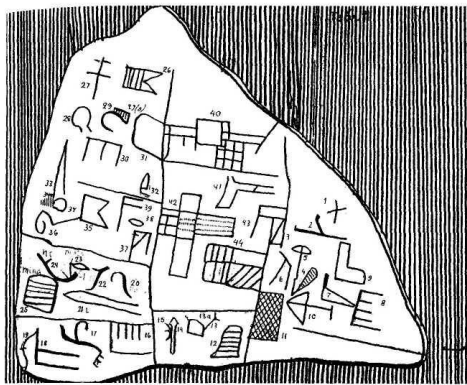
Разгром Хеттского царства породил два динамических процесса: волну переселения народов, входивших в Хеттскую империю. Часть племен передислоцировались и потеснили хеттов-неситов и хаттов (хатов). Естественно, население Хеттского государства, особенно хаттское, было сильно стеснено территориально и отдельные общины, роды и даже племена двинулись через Колхиду или через Понт (*Хышлуцлэ*) на Северо-Западный Кавказ. Возможно, была миграция и с берегов Средиземного моря (по-адыгски *Хыфыжь* – «Светлое, Белое море» или *Хышхор* – «Великое море»).

По Г.Ф. Турчанинову, Майкопская плита датируется XIII–XII вв. до н. э., т. е. ее возраст составляет 3200 лет. В надписи на этой плите упоминается, в частности, город «Ах-Айя» (в другом прочтении – «Ах-Мае»). «Однако, – пишет Н.Г. Ловпаче (2009. С. 62-63), если согласиться с Г.Ф. Турчаниновым, то, естественно, возникает вопрос: «А где же признаки города «Ах-Айя», об основании которого идет речь в тексте Майкопской плиты?» Ведь в окончательной редакции дешифровки надпись гласит:

- 1-я фраза: Этот азегского царя великого Мараны его потомок есть (букв, сын);
2. (Крепость) Айя (его) собственность есть;
3. Пагя (из) Хизы (он) сюда выйдя;
4. Сева месяца начале (голове) в...;
5. (Он) соорудил (построил) крепость году 21 в...;
6. Скалистой стране в золотой (золотоносной) земле (в) Пах(у) долине в...

В середине плитки дан чертеж, очевидно, воспроизводящий план города. Может быть, фундаментальные остатки именно этого ансамбля и покоятся под усадьбами жителей кварталов Северо-восточных садов, прилегающих к перекрестку ул. Садовой и пер. Родникового...» (Ловпаче Н.Г., 2009).

По Н.Г. Ловпаче, географическое название «Хиз» может означать то же самое, что Хышхо, т. е. Хыжьы – «Древнее море», или «Морище». Прибыв сюда во главе переселенцев из Малой Азии, этот царственно-солнечный отпрыск первым делом позаботился о безопасности своих людей. В ту беспокойную гомеровскую эпоху не только греки-ахейцы бороздили воды Средиземного и Черного морей на своих «пен-теконтерах» и «триерах». Совершали походы на колесницах и с пешими отрядами кочевые и полукочевые

Прорисовка надписи Майкопской плиты

народы степей Северного Причерноморья и Предкавказья – срубники и белозерцы, соседние кобьяковцы, кобанцы. Военственные ахейцы со времени Троянской войны тоже, колонизируя побережья Средиземного и Черного морей, не ограничивались морскими операциями. Поэтому, действие Пагя (Багья) из Хизы по строительству крепости вполне правомочно и оправдано исторически.

Имя Пагя-Багья вполне характерно для Переднеазиатско-Кавказского региона. В хеттской иероглифике имеется логограмма, совпадающая с символом бога (Bogw) Тешуба или Тарху, Тамма(ха). Если слово «Bogw» написать по хаттски, получится «Бэгуа» или «Бэгъуа» со смыслом: «дающий урожай» (адыгейское). Возможно, этот Багья – выходец из окрестностей г. Хажьи в Северной Сирии, прибыл со своей общиной, родом пли племенем в Западную Адыгею после ахивско-хеттской трагедии. Но чтобы повелевать божественным центром «Аха», необходимо быть самому божественным. Если даже такого не было, следовало объявить себя «Бэгъуа» – «Божественным, дающим плодородие». Вот поэтому Пагя-Багья Майкопской плиты есть потомок Мараны – царя-бога солнца «Амра». На абазинском языке «Багъэ» означает «Жесткий». Близкое по значению слово имеется в современном адыгском языке (Пагэ – «Высокомерный, надменный, спесивый»).

Первую дешифровку надписи Майкопской плиты, предложенную Г.Ф. Турчаниновым, в советской науке, фактически, не приняли. Г.Ф. Турчанинов, как сообщала «Адыгейская правда» (1965, 21 февр.), тоже «...не смог прочитать по-хеттски, хотя усмотрел часть знаков плиты из хеттского письма, и вынужден был прочитать по-абхазски». Но почему же нельзя читать по-хеттски? – спрашивает Н.Г. Ловпаче (2009. С. 80). Если учесть более позднюю трансформацию хеттской иероглифики, можно получить вполне логичную интерпретацию, исторически связанную с хеттской культурой эпохи поздней бронзы.

Более определенно датировать время Майкопской надписи позволяет иероглифический вариант дешифровки. Во второй графе явственно читается имя Суппула, полученное от соединения двух соседних иероглифов «суппу» – хеттское ударное орудие и «ла» – войско. Помня о том, по какому принципу древние адыгские хатты (хатууны) упрощали имена хеттских царей, логично в слове Суппула прочитать имя царя новохеттского царства Суппиулеума, которого хатууны называли Сапалул, а северокавказский вариант – Супула.

Далее, в третьей графе тремя иероглифами формируется имя другого хеттского царя Арнуванды. Левый иероглиф представляет собой схематизированный вариант логограммы слова «крепость» «Hagnasa». Далее следует символ бога-оленья «Туват» или «Руват» (Tuwat, Ruwat). В самом левом нижнем углу – геометризованная логограмма слова «анда» (anda) и значок «рѐ», соединенный с предыдущим знаком. В итоге, получается более-менее конкретная информация о начале городской жизни и истории древнего Майкопа. Известно, что в этом месте до основания города была плодородная долина с садами и культовый центр. После разгрома Хеттского царства здесь нашел убежище последний его царь Суппиулеума II (Суппула). Для него один из его соратников (возможно, воспитатель и учитель) святой человек 51-летнего возраста из касков – Касутува, заложил на северной периферии Хеттского государства город с крепостью Ма-аэ (Ma-e) в первое десятилетие XII в. до н. э. Город и крепость Суппула был освящен в честь «богини-зерно» Хаямы в год 25-летия (год процветания, а может быть, в цветущий год от рождения, т. е. в год мужской зрелости – «хатама»), по современному календарю, в июле месяце. Это произошло примерно в начале середины 2-го десятилетия II тысячелетия до н. э. Как видно, такая хронологическая привязка вполне согласуется с вышеописанной характеристикой данного исторического периода по археологическим и историческим данным. Дело, вернее, заключалось не в основании города и крепости, а в усовершенствовании оборонительных возможностей существовавшего до этого природного укрепления на левом берегу реки Псатий, т. е. Багья (по Турчанинову) укрепил и расстроил город. И далее ученый отмечает: «Название города «Ах», прочитанное Г.Ф. Турчаниновым в 1971 г. на Майкопской плите, кажется, больше соответствует историко-археологической ситуации позднебронзового времени на территории Майкопа, нежели «Айя» 1991 г. В хеттской иероглифической традиции имела логограмма слова «жрец», которое звучало как «Аха». Если учесть, что Майкоп был религиозно-культовым центром (солнечным центром «Тыгъэпса»), то возникшее подле него поселение жрецов вполне логично было назвать «жреческим». Поэтому правитель Пагья-Багья не основывал поселение в Майкопе, а лишь укрепил его, расстроил и превратил в город, оставив давно существовавшее название «Ах» (Аха)).

Таким образом, «Ах-Мае» – древний Майкоп гомеровской эпохи, ...играл роль столицы древней Адыгеи, был типичным северокавказским городом и продолжал свою древнейшую функцию культового и даже научного центра. Описанная во многом гипотетически история возникновения города «Аха-Мае» на месте города Майкопа относится приблизительно к рубежу XIII–XII столетий до н. э. (Ловпаче Н.Г., 2009).

При исследовании Майкопской плиты, взяв за основу знаки хеттской письменности, Н. Ловпаче удалось расшифровать интереснейшее сообщение о времени закладки древнего города на месте современного Майкопа. По мнению ученого, дословный перевод этого текста выглядит следующим образом:

«Касутувана – жрец бога Хебату, пятидесятиоднолетний муж, прибыв в местность «Сады», построил город отпрыску царского дома Хатти Суппиле-младшему брату Арнуванды. Тысячу рук строителей доставил он, камень и граб в город. В двадцать пятый год жизни [царя Суппилеумы], в семимесячный срок правитель освятил дворцовую крепость Ма-э (Мы-э) в честь богини зерна Хаямы двадцать одной жертвенной овцой и оралом (плугом) обпахал...».

Упомянутые в тексте имена двух хеттских царей дали возможность исследователю уточнить дату основания города Ма-э (Мы-э), иначе «Сады», – будущей столицы Адыгеи. По мнению ученого, «...возраст г. Майкопа следует отсчитывать с 1190 г. до н. э., т. е. сейчас ему 3191 год» (Ловпаче Н.Г., 2001, 5 октября; 2009).

1.3.3.3. Основные вехи древнейшей и древней истории Майкопа

В течение первого десятилетия нынешнего XXI в. город «Ах(а)–Мае – Майкоп живёт в возрасте 3200 лет. Поэтому есть возможность в 2009-2010 гг. отметить 3200-летний юбилей самого древнего города в России.

Н.Г. Ловпаче (2009. С. 205-206).

Схематичная история местности вблизи современного Майкопа, прослеженная с древнейших времён, позволила Н.Г. Ловпаче (2009) наметить её основные вехи, более или менее точно связываемые с историческими событиями различных эпох.

1. Так, *появление первых признаков цивилизованного общества здесь по материалам майкопского кургана Ошад определяется концом IV-го тысячелетия до н. э., т. е. 5000 лет тому назад.*

2. Возникновение культового центра «Ах(а)», связанное с созданием ансамбля вокруг Ошада, произошло во второй половине II тысячелетия до н. э., а оформление городского комплекса «Мае» на базе этого центра, согласно хеттской дешифровке текста Майкопской плиты – в 1200-1190 гг. до н. э., т. е. 3200 лет тому назад.

3. Следуя описанию битвы на р. Фат (Псат) в 309 г. до н. э., оставленному Диодором Сицилийским и подтверждённым Птолемеем и Страбоном, Псатская крепость и город Авхида на рубеже IV и III вв. до н. э. локализуются на территории г. Майкопа. В то время возраст городского центра насчитывал 1100 лет. Это было 2300 лет тому назад.

4. Лавристан Хамышейский, согласно «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова, должен был укрепить «Пытапэ Аух» на Шхагуаше и сделать опорным пунктом в борьбе против аваров в 550 г. н. э. Эта твердыня к тому времени простояла 1650 лет.

5. Если связать сведения древнерусской летописи и фольклора адыгов, можно вычислить время и характер совместной борьбы адыгов и славян Киевской Руси против хазар. В частности, поход кемиргоевского князя Безрука Болотоко и касожского княжича Канжо Аледжука с походом Святослава в 965 г. на хазарскую столицу Итиль, а затем, через три года вместе на Саркалу-Саркел (968 г.). В связи с этим логично представить место дислокации дружины Безруко в крепости «Аух» на р. Белой – Шхагуаше. Тогда к возрасту этой крепости прибавляется 415 лет. Всего получается 2065 лет во второй половине X в.

6. Факт существования культового центра по христианизации касогов на р. Шхагуаше (Шхагоше, Белая) по соседству с входом в Мезмайскую долину, зафиксированный надписью 1171 г. на плите церкви св. Георгия, позволяет представить древний городской пункт столицей области Милиния или Милинии и резиденцией её владетеля Георгия Пиуперти. В то время городу Милилипса или Милинэпса исполнилось 2270 лет.

7. Золотоордынские монеты ханов Узбека (1313–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), найденные в Белореченских курганах, косвенно свидетельствуют и датируют вместе с материалом Курджипского селища факт существования городского центра бывшей Милинии (Милинии) в середине XIV в. Если он назывался по-прежнему Милилипса (Милинэпса), то к его возрасту прибавилось ещё 180 лет – всего 2450 лет.

8. Турецкий путешественник Эвлия Челеби побывал здесь в 20-х гг. XVII в. Он услышал название современного Майкопа в виде «Чакал», в котором можно подразумевать «Шъхъэ-къале», т. е. «Главный город». Прибавляется ещё 270 лет, а всего возраст насчитывал в то время 2720 лет.

9. Наконец, в середине XVIII в. француз Ла-Мотрэ именует место современного г. Майкопа «Хелипса» – просто «Город» по-черкесски. Город Хелинса в середине XVIII в. был в возрасте 2850 лет.

10. В течение первого десятилетия нынешнего XXI в. город «Ах(а)–Мае – Майкоп живёт в возрасте 3200 лет. Поэтому есть возможность в 2009-2010 гг. отметить 3200-летний юбилей самого древнего города в России. От древнего Мае-Хелипсы остались десятки археологических памятников с находками материальной и духовной культуры древних кавказцев. Цитадель древнего города на левом берегу Шхагуаше – Белой (Пытапэ) оказалась долговечнее, ибо сохранилась в фундаментальном виде до сегодняшнего времени (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 205-206).

1.3.3.4. Материалы к дате образования крепости Майкоп и современного города

Название «Майкоп» в виде топонима впервые прозвучало в военной документации русской армии в 1823 г., после карательной экспедиции генерала Евдокимова в Закубанье. Через два года генерал Вельяминов совершил рекогносцировку до урочища «Майкоп».

Н.Г. Ловпаче (2009. С. 9).

Закладка крепости «Майкоп» (и, соответственно, основание одноименного города) относится, по мнению некоторых авторов, к 1857 г. Однако обнаруженные некоторые архивные материалы позволяют датировать закладку этой крепости значительно раньше. Самое первое упоминание топонима «Майкоп» в официальных документах российской армии относится к 3 июля 1823 г. А спустя два года начальник правого фланга Кавказской линии генерал А.А. Вельяминов в рапорте начальнику Кавказского корпуса генералу А.П. Ермолову упоминает высоту под названием «Майкоп»: «16 июня 1825 г. войска генерала Вельяминова перешли Кубань, чтобы «наказать абадзехов за их набеги». 23 июня отряд расположился на р. Сагауш (Белая) против горы Таглек, где теперь стоит г. Майкоп. По приказу Вельяминова, в этом месте было заложено укрепление. К началу августа 1825 г. укрепление было готово...» (Харламов Н.Г., 1912. С. 393, 395).

Это русское укрепление было заложено на месте а. Ханцево (ныне ст. Ханская) и тогда же была предпринята попытка рекогносцировки в самом урочище Майкоп. Остановку же генерал сделал на 12 верст ниже Майкопских высот, на правом берегу р. Сагваше (Шхагуаше, Белая). Как оказалось, это было в окрестностях а. Хачемзия (позже – ст. Егерухаевской, а еще позже ст. Тульской). Там, находятся высоты по обе стороны р. Мыекопс (Майкопки), в 3-х км выше современного пос. Тульского, где речка впадает в р. Сагваше. Но тогда российским войскам не удалось закрепиться в этих местах; при этом считалось, что первое укрепление в устье Майкопки стратегически не выгодно. И только через 32 года, 3 мая 1857 г. по старому исчислению, отряд под командованием генерала Козловского закладывает крепость в урочище Майкоп – в 12-ти верстах ниже по р. Шхагуаше, т. е. на месте остановки Вельяминова в 1825 г. Это вторая надпойменная терраса р. Сагваше (Шхагуаше) на резком ее повороте против высоты «Нэгыеж». Именно здесь, вблизи Майкопской высоты, офицер Дебу снял первые геодезические кроки местности. Так появилось русское укрепление с названием Майкоп, которое в упрощенной форме заимствовало адыгский топоним *Мыекъуапэ* (*Мыскъопэ*), означающее «устье долины яблонь-кислиц». Выбор генералом Козловским места первого форта подтверждается открытием крепости раннего средневековья над устьем р. Майкопки и еще трех средневековых и одной древней цитадели на месте и в окрестностях пос. Тульского. Но поскольку они выполняли оборонительную функцию местного племени касогов, а российская армия вела колонизаторскую наступательную войну, условия урочища Майкоп ей не подходили. Поэтому укрепление было перенесено вместе с названием первого форта на ровную площадку, недостижимую для черкесских выстрелов с окрестных высот.

Несмотря на это, согласно военным сводкам, абадзехи и егерухаевцы из окрестных мест организовывали нападение на русское укрепление Майкоп 26 мая и 14 июня. Ведь до прихода русских на территории современного города располагались три адыгских селения. В непосредственной близости к укреплению, на месте «Старого базара» – Кохужхабль (Когож по Н.Г. Харламову); вблизи кургана «Ошад» – Бгуашехабль, южнее Дубзавода – Касыйкохабль (Харламов Н.Г., 1912. С. 396). Кроме того, по третьей надпойменной террасе тянулась цепь небольших хаблей от юго-восточных дач до ОПХ, в основном вдоль правого берега р. Псенафы, на которых найдены черкесские терракотовые курительные трубки (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 12-13).

1.3.3.5. «Город Майкоп учреждается...»

Город Майкоп учреждается на том самом месте, где существовало в прежнее время упраздненное укрепление сего же имени...

Из «Положения о городе Майкопе» (5.01.1871 г.)

(Цит. по: Мазурик В.К. (1997).

В архивных фондах сохранился текст правительственного указа от 30.12.1869 г. (11.01. 1870 г. по н. ст.): «Вновь учреждаемым в Кубанской и Терской областях городам *Майкопу*, Баталпашинску и Грозному предоставить на 15 лет права и льготы, коими пользуются города Новороссийск и Анапа. Заведование уездами... вверить уездным начальникам. Им же присвоить все права и обязанности уездных исправников с уездным полицейским управлением, ...включая делопроизводство и счетоводство по земским повинностям и наблюдение за общим управлением в казачьих станицах, селениях государственных и временно-обязанных крестьян, горских аулах и колониях... В названных городах ввести по распоряжению начальника Кавказского упрощенные общественные управления».

Указ этот стал судьбоносным для Майкопа, – пишет В.К. Мазурик (1997). – Благодаря ему Майкоп избежал участи себе подобных в многоверстной линии укреплений, заброшенных и уже зараставших бурьяном и

крапивой. Но в окружении казачьих станиц он, казалось бы, неизбежно должен был разделить их судьбу, превратившись в станицу. Правда, была у него уже тогда особенность: в его населении преобладали купцы (торговые люди) и военные. Они стали родоначальниками мирного поселения на месте крепости. Первые – создавая экономические условия для развития, вторые – обеспечивая безопасность, защиту торговли и жителей.

1 января 1871 г. по н. ст. принято «Введение в действие... законоположений (Указ об управлении Терской и Кубанской областями и введении там судебных уставов от 20 ноября 1864 г.), представленное... по усмотрению Наместника Кавказского». В этом году в Майкопский уезд вошли 63 казачьи станицы, 21 аул (с 28 тыс. адыгов из более 84 тыс. во всей Кубанской области) и 2 немецкие колонии с 808 поселенцами. Общая численность населения уезда составила тогда 125 тыс. чел. (из 607 тыс. по всей области). Раскинувшись на территории почти 19 тыс. кв. верст в центре Кубани, уезд оказался размером с современные Израиль или Кувейт, либо с половину теперешних Бельгии, Нидерландов или Швейцарии.

5 января 1871 г. Кавказским наместником, Великим князем Михаилом Николаевичем утверждены «Положение о городе Майкопе» и «Положение об упрощенном общественном управлении в г. Майкопе». Документы опечатали и тут же с курьером отправили в Екатеринодар. Долгожданная весть достигла Майкопа к концу того же дня. Начался праздник. Поэтому и 40-летие города в 1910 г. отмечали в канун Рождества, 24 декабря (6 января 1911 г. по н. ст.).

«Положение о городе Майкопе» открывали слова: «1. Город Майкоп учреждается на том самом месте, где существовало в прежнее время упраздненное укрепление сего же имени. 2. Учреждаемый город, впредь до развития в нем населения и торговли, причисляется к V классу торговых местностей. Согласно сему с лиц, которые будут производить в этом городе без водворения в нем торговлю и промыслы, взыскиваются сборы за свидетельства и билеты по правилам, изложенным в положении 9 февраля 1865 г. о пошлинах на право торговли...» (Мазурик В.К., 1997. С.103).

...На рубеже III–II тысячелетий до н. э. племена Северного Кавказа начинают испытывать сильное влияние степных культур севера, и майкопская культура угасает. Позже возникает новая культура периода развитой (или средней) бронзы – северокавказская. Однако яркая и богатая майкопская культура бесследно исчезнуть не могла, и правы те авторы (в частности, В.И. Марковин), которые отводят ей значительную роль в сложении северокавказской культуры (II тысячелетие до н. э.). Но прежде остановимся еще на одной уникальной культуре – дольменной, ареал которой, кроме Северо-Западного Кавказа, охватывает огромные территории Причерноморья-Средиземноморья.

1.4. Племена дольменной культуры: границы расселения

Загадочной, яркой и выразительной стала дольменная археологическая культура, процветавшая на Западном Кавказе *вслед за майкопской культурой*. Впрочем, по В.И. Марковину, самые первые племена-носители дольменной культуры, пришедшие, возможно, из Западного Средиземноморья, появились на Западном Кавказе в период, соответствующий *расцвету майкопской культуры* (Бетров Р.Ж., 1991).

Дольменная культура зародилась на стыке двух эпох – ранней и средней бронзы (2000-1500 лет до н. э.) и была распространена на значительной территории Причерноморья – от Таманского полуострова до Абхазии и бассейна р. Кубань, занимая в основном горно-лесистые районы. Племена дольменной культуры традиционно занимались земледелием, скотоводством, а в приморской полосе Черноморского побережья Кавказа – морским промыслом. Культуру дольменов обычно связывают с древнейшим абхазо-адыгейским этносом («История Кубани...», 2004; Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

1.4.1. Дольменная археологическая культура

Эпоху процветания дольменной культуры следует рассматривать как период формирования протоабхазско-адыгской этнической общности.

З.В. Анчабадзе (1976).

К периоду раннего этногенеза адыго-абхазов относится распространение на Западном Кавказе так называемой дольменной археологической культуры (III-II тысячелетия до н. э.), соотносимой исследователями с далекими предками этих народов.

Т.В. Половинкина (2006).

Эпоха раннего металла на Северо-Западном Кавказе начинается около 5000 лет тому назад. Названия племен, живших здесь в то время, неизвестны. Условно в археологии их называют по форме погребальных сооружений. В горных районах Северо-Западного Кавказа и по Черноморскому побережью с середины III тысячелетия до н. э. сложилась дольменная культура, получившая свое название от своеобразных погребальных памятников в виде наземных склепов, сооруженных из огромных каменных плит, известных в научной литературе под названием дольмены (Бетров Р.Ж., 1991).

Слово «дольмен», по данным современных словарей иностранных слов, происходит от английского *dolmens* – «гробницы каменного века в виде огромного размера камней, поставленных на ребро и перекрытых сверху каменной плитой». А по мнению Л. Цикапидзе (2007. С. 63), это слово восходит к кельтскому *tol* – «стол» + *men* – «камень», то есть «каменный стол». Для европейской науки их открыл академик П.С. Паллас в 1794 г., совершая поездку по Прикубанью.

Культура дольменов существовала до последней четверти II тысячелетия до н. э. Западнокавказскую дольменную культуру многие исследователи связывают с абхазо-адыгскими племенами. Например, интересная попытка соотнесения дольменной культуры с культурой далеких предков абхазо-адыгов предпринята археологом В.И. Марковиным.

Абхазский исследователь Ш.Д. Инал-Ипа сопоставил этнографическую карту расселения абхазо-адыгских племен с группами распространения дольменов. Границы обеих карт почти полностью совпадают. «Ареал распространения кавказских дольменов и есть в основном «первоначальная» родина абхазо-черкесских племен, – пишет Ш.Д. Инал-Ипа. – С этим ареалом совпадает и распространение целого ряда других, общих для абхазов с черкесами, этнографических признаков (круглое конусообразное жилище, нартский эпос, аталычество, двухструнные смычковые инструменты и др.).»

Совпадение распространения абхазо-адыгских племен с ареалом дольменов является не случайным. Известные ученые (З.В. Анчабадзе, Л.Н. Соловьев, В.И. Марковин и др.) признают несомненной непрерывную этническую связь между создателями дольменной культуры и населением той эпохи, когда на этой территории письменными источниками локализируются, бесспорно, абхазо-адыгские племена. По мнению З.В. Анчабадзе (1976), «эпоху процветания дольменной культуры следует рассматривать как период формирования протоабхазско-адыгской этнической общности» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

Дополняет эту информацию Б.М. Керев (2006. С. 87). По особенностям конструкции среди дольменов выделяются две группы – северо-западная и юго-восточная, причем первая из них охватывает районы основного проживания адыгов, а вторая совпадает с территорией, занятой в настоящее время абхазами. Это значит, что, возможно, именно тогда наметились признаки размежевания абхазо-адыгской общности на собственно абхазские, убыхские и адыгские племена. Со временем этот процесс углубился, в результате чего где-то в середине II тысячелетия до н. э. (а по мнению некоторых ученых, возможно, еще раньше – в конце III тысячелетия до н. э.) произошел распад абхазо-адыгского единства: при этом диалекты древнеабхазского и раннеубыхского закрепились на Черноморском побережье, а древнеадыгские – на Центральном и Северо-Западном Кавказе. Сравнительно поздно последовал распад древнеадыгского языка на западноадыгский (адыгейский) и восточноадыгский (кабардинский).

Дореволюционные авторы сборника «Старые черкесские сады...» (Т. 1., 2005. С. 288) отмечают, что «...дольменная культура Северо-Западного Кавказа имеет ареал, который заключается в треугольнике Анапа-Майкоп-Очамчира. У В.И. Марковина (1974), крупнейшего российского специалиста по дольменам, читаем: «...Следует заметить, что со II тысячелетия до н. э. и до самого позднего времени на территории Западного Кавказа по археологическим материалам не ощущается существенной смены населения. Вот почему о дольменной культуре, развившейся в пределах Западного Кавказа, можно говорить как об одном из довольно важных источников абхазо-адыгского этноса». Если взглянуть на карты распространения дольменов, составленные В.И. Марковиным, Л.И. Лавровым и Ш.Д. Инал-Ипа, то становится очевидным тот факт, что дольменная культура плотно заполняет ту территорию Северо-Западного Кавказа, которая в историческую эпоху всегда удерживалась за абхазо-адыгами. То есть речь идет об очень важной, самой важной территории в истории этногенеза абхазо-адыгов. Этот процесс мог прерываться время от времени на плоскости Закубанья (хотя это случалось очень редко), чаще – на территории Южной Абхазии или Центрального Предкавказья. Но на обозначенной территории этот процесс шел всегда. Культурная, языковая и антропологическая преемственность древних, средневековых и современных абхазо-адыгов на «треугольнике» дольменной культуры – факт, проявляемый очень четко благодаря многим другим очевидным фактам – лингвистической преемственности современных абхазо-адыгских языков в отношении древнего хаттского языка Анатолии; многочисленным топонимическим следам абхазо-адыгов в Грузии; существованию особого понтийского антропологического типа, нартскому эпосу и др.

Племена, оставившие дольмены, вели оседлый образ жизни. Большинство ученых придерживаются мысли, что строителями этих древнейших каменных сооружений были племена абхазо-адыгской этнической общности. Вместе с тем, нельзя не отметить и предположение Ф. Щербины (1910) о том, что «строителями дольменов были киммеряне (киммерийцы), – одна из отраслей арийской расы».

1.4.2. Дольменные группы Причерноморья-Средиземноморья

1.4.2.1. Дольмены на Кубани: «На территории бывшего СССР подобные уникальные памятники известны только на Северо-Западном Кавказе и в Абхазии»

Там, где еще не было городов для живых, возникали причудливые города для мертвых – дольменные некрополи, утверждая права на землю предков.

А.А. Формозов (Цит. по: «Сокровища культуры Адыгеи», 2007).

*Покой и безмолвие в мире разлиты,
Вода омывает гранитные плиты
И боль о былом...*

Н. Куек (Нальби).

В своих наиболее ранних формах дольмены появились в Прикубанье в окрестностях современного г. Майкопа в конце III тыс. до н. э. Юго-восточная граница распространения дольменов проходит по линии Эшера-Цебельда. На территории бывшего СССР подобные уникальные памятники известны только на Северо-Западном Кавказе и в Абхазии. Карта, составленная В.И. Марковиным, показала, что учтенные дольмены (их было 2308) расположились на значительной территории – от Таманского полуострова до г. Очамчиры в Абхазии, т. е. протянулись они в длину на 480 км. Ширина дольменной полосы составляет от 30 до 75 км.

Группами и в одиночку дольмены тянутся от верхнего течения Лабы и до берегов Черного моря. Основная их масса сконцентрирована выше Майкопа в горах. Встречаются они в районе с.Хамышки, пос. Каменноостского, ст. Абадзехской, ст. Новосвободной, в верховьях рек Фарс, Ходзь, Пишиш, Псекупс, Афипис, Убин, Иль, Хабль, Антхырь, Бугундырь и Абин. На одной из полян, которая называется Богатырской, сохранилось около 240 дольменов (!). Это целый каменный город. На Черноморском побережье больше всего их можно встретить на юг до Туапсе и р. Псеуапсе, а также на север к ст. Раевской и до Таманского полуострова. По Е. Фелицыну, общее количество дольменов в Кубанской области составляло 1200. Но фактически их значительно больше; по данным М.А. Керашева, – около 2200 построек.

Дополняет информацию о находящихся на Кубани дольменах исследование Л. Цикапидзевой (2007. С. 63): «Картографирование местонахождений дольменов, обнаруженных на Кавказе за 200-летний период их изучения, позволило очертить территорию, занимаемую ими. Если взглянуть на карту распространения дольменов, можно заметить, что они заполняют основной, очень компактный участок, некогда полностью занимаемый абхазо-адыгами. Эта территория простирается вдоль Черного моря, достигая в ширину от 30 до 75 км. Восточная граница распространения дольменов проходит в междуречье рек Белой и Лабы. В настоящее время наука располагает сведениями о более чем 2400 мегалитических постройках (греч. *megas* «большой» + *lithos* «камень» – древние сооружения из громадных камней, служившие могильными памятниками или святилищами. – **Авт.**), воздвигнутых в древности на Западном Кавказе. Но в целом виде сохранилось не более пятой части.

По расположению на местности дольмены чаще всего образуют небольшие группы по 10-12 сооружений. Однако известны и целые дольменные поля. Такой огромный некрополь находится, например, на р. Кизинке близ ст. Баговской – 564 постройки! На территории Майкопского района есть большие скопления дольменов на Богатырской поляне, в Дегуакской долине (более 200 построек); известны Кожохские дольмены (около 120) и дольмены на Цербелевых полянах и в Усть-Сахрае (более 100 сооружений). Обычно дольмены расположены на ровных площадках среди лиственных лесов, по водоразделам, на довольно плоских вершинах гор (Цикапидзева Л., 2007. С. 63).

От строителей дольменов до нас дошли различные орудия труда. Прежде всего, это мотыгообразные орудия, а также вкладыши для серпов. Последние делали преимущественно из кремневых пластин. С одной стороны – рабочего края – их слегка зазубривали. Вбивая несколько подобных пластин в слегка изогнутую роговую, костяную или деревянную основу, получали неплохой жатвенный нож. Судя по их состоянию, почти все найденные на Черноморском побережье Кавказа вкладыши уже побывали в работе: края зубчиков затуплены до блеска и довольно-таки сильно затуплены. Такие вкладыши были найдены и в дольменах, и в ряде поселений той эпохи (Марковин В.И., 1985).

1.4.2.2. Дольмены – мифические *испы унэ* – «дома карликов»?

*В адыгской легенде говорится, что карлики сначала жили в пещерах, а потом им хитростью удалось заставить могучих великанов построить себе каменные дома (*испы унэ* – «дома карликов»).*

Р.Ж. Бетров (2006. Вып. III).

Древние, часто полуразрушенные дольмены всегда привлекали внимание местного населения. Абхазо-адыги складывали о них поэтические легенды, мифы и сказания, которые передавались из поколения в поколение и дошли до наших дней.

Гузери́пльскый до́льмен
(Слева направо: Э.М. Трахов, А.Х. Шеуджен, Г.Г. Козменко)

По преданиям адыгов, сооруженные в горах конструкции из тяжелых плит с отверстием вместо входа были построены благородными гигантами, чтобы укрыть от непогоды малорослое племя людей, у которых не хватало сил построить крепкое надежное жилище. В адыгской легенде говорится, что карлики сначала жили в пещерах, а потом им хитростью удалось заставить могучих великанов построить себе каменные дома (классический вид дольменов – четыре поставленные на ребро плиты, несущие на себе пятую – плоское перекрытие). Адыги называют дольмены *испы-ун* (*испы унэ*) – «дома карликов». Они почитали дольмены, считая их могилами предков. Шапсуги еще в недавнем прошлом приносили к дольменам жертвенную пищу (Бетров Р.Ж., 2006. Вып. III; Цикапидзева Л., 2007).

1.4.2.3. «Дольменная группа – это особое родовое кладбище, игравшее роль храмового комплекса»

*Гробницами исхолмлен дол бесплодный...
Глубь земли они устлали толпами густыми.*

Данте. «Божественная комедия».

Археологи однозначно установили, что дольмены не дома, а погребальные сооружения, своего рода склепы. Их появление относится ко второй половине III–II тысячелетия до н. э.

Л. Цикапидзева (2007. С. 63).

Археологи однозначно установили, что дольмены отнюдь не «дома» мифического малорослого народа, а погребальные сооружения, своего рода склепы. Их появление относится ко второй половине III–II тысячелетия до н. э. (Цикапидзева Л., 2007. С. 63).

Дольмены служили усыпальницами. Сейчас на территории Западного Кавказа известно более 2200 дольменов. В них, как правило, находилось от одного до трех покойников, положенных в скорченном положении и густо засыпанных красной охрой. Это были захоронения родоплеменных вождей, затем появляются массовые захоронения. Археологические находки из дольменов позволяют говорить о прекрасном владении мастерством обработки не только камня, но и металла, умении лепить прочную глиняную посуду, украшенную орнаментом. Довольно высокого уровня развития в этот период достигла строительная техника, получил распространение заупокойный культ («История Кубани...», 2004).

Вместе с тем, многие современные ученые считают, что дольмены следует рассматривать не только как погребальные сооружения, а, скорее всего, как своеобразные культово-погребальные памятники. Это подтверждается, в частности, тем, что характерной чертой погребального обряда в дольменах было стремление как можно лучше изолировать их внутренние помещения от внешнего мира. Удивительная тщательность во взаимной подгонке плит не допускала ни малейшей щели. Судя по всему, в первую очередь страх заставил живых пойти на изобретение такого прочного жилища для душ своих родственников. Страх перед смертью, страх перед духом, тенью умершего характеризует определенный этап в развитии человеческого сознания. Обряды поминания духов предков совершались перед фасадом дольмена или внутри комеховидных оград. Наряду с дольменами, в качестве погребальных помещений в горах широко использовались пещеры и гроты.

С культово-погребальным предназначением дольменов соглашается и известный краевед А.В. Твердый (2009): «Сооружения больших дольменов, даже если предполагать возможность использования теми, кто их сооружал, множества орудий и приемов, требовало усилий такого большого коллектива, каким могла быть только родовая община. В то же время, захоронения в дольменах удавались не все подряд члены рода, а лишь отдельные, избранные по каким-то признакам лица. Таким образом, можно сделать вывод, что дольменная группа – это, по-видимому, особое родовое кладбище, служившее в определенной степени, судя по жертвенным площадкам и другим атрибутам (чаши, углубления, солярные знаки и др.) одновременно для периодических молений и игравшее роль своего рода храмового комплекса. Существование такой сложной системы религиозных представлений позволяет предполагать выделение достаточно влиятельной жреческой касты». И далее автор более подробно останавливается на религиозных обрядах, сопутствующих строительству дольменов: «Об обрядах при возведении гробниц, похоронах и периодически повторявшихся жертвоприношениях можно только догадываться. Как и египетские пирамиды, дольмены скорее всего воздвигали еще при жизни тех, кому суждено было найти здесь свое последнее жилище. На ломку камня, доставку плит к месту погребения и сооружение самой усыпальницы не хватило бы немногих

дней, пока тело умершего не начало разлагаться. В ряде дольменов обнаружено по несколько костяков, но очень редко трех. Вероятно, каждый каменный домик был семейным склепом, а группа дольменов – родовым кладбищем. Тело засовывали внутрь через отверстие в передней стенке, затыкавшееся затем каменной пробкой. При новых захоронениях пробка вынималась.

Часто перед дольменами, стоящими на склоне горы, находится ровная площадка. Близ пос. Каменномостского вокруг нее вкопаны большие столбообразные камни. Такие же площадки или «дворики» есть около дольменов и в других странах – в Испании, Англии, Франции. Предполагают, что тут совершались какие-то религиозные церемонии. На верхней плите дольменов или на особых камнях перед ними кое-где выбиты чашевидные углубления для жертвоприношений и возлияний. Адыгейское племя шапсугов еще в XIX в. приносило к дольменам жертвенную пищу. Этот обряд мог сохраниться с древнейших времен, когда на кладбище приходили с пищей родичи погребенных» (Твердый А.В., 2009).

1.4.2.4. «Древнейшим типом дольменных построек являются плиточные сооружения...»

Древнейшим типом дольменных построек, относящимся, примерно, к 2400 г. до н. э., являются плиточные сооружения, у которых отсутствуют отверстия – лазы, а отдельные стены сложены насухо булыжной кладкой.

А.В. Твердый (2009).

В книге А.В. Твердого (2009) приводится описание некоторых древнейших дольменных построек, обнаруженных на Северо-Западном Кавказе: «Эпоха расцвета дольменной культуры приходится на первую половину II тысячелетия до н. э. В это время получили распространение плиточные постройки (самые распространенные на Западном Кавказе). Древнейшим типом дольменных построек, относящимся, примерно, к 2400 г. до н. э., являются плиточные сооружения, у которых отсутствуют отверстия – лазы, а отдельные стены сложены насухо булыжной кладкой.

В таких гробницах часто присутствует и каменный пол, образованный одной или несколькими плитами, которые подстилают переднюю и заднюю стены. Фасадную стену делали обычно выше и шире задней, благодаря чему такой дольмен имел трапецевидный план, а его кровля – легкий уклон назад. Боковые плиты и крыша, как правило, выступают за фасадную плиту, образуя П-образный портал, который иногда наращивали дополнительными плитами, врытыми впритык к торцам боковых стенок. Последние обычно выступают и сзади. Снаружи их часто подпирали дополнительными, наклонно поставленными плитами-пилонами. Отверстие обычно округлой формы, но иногда древние дольменостроители высекали и квадратные; находились они в большинстве случаев в передней стенке дольмена. Отверстие затыкали массивной грибообразной пробкой. Один из дольменов на р. Цуквадже (р-н Большого Сочи) имеет отверстие и в задней, меньшей по величине плите. Иногда в задней стене высекали так называемую «ложную» пробку (лево-бережье р. Хошепс, Туапсинский р-н). Размеры плиточных дольменов различны. Как правило, высота фасадной плиты 2,0-2,5 м, длина боковых стенок 3-4 м, толщина плит колеблется между 0,11 и 0,75 м.

В свое время ведущий специалист по западно-кавказским дольменам – В.И. Марковин утверждал, что подкурганые дольмены у ст. Новосвободненской являются самыми древними дольменными сооружениями в нашем регионе. Теперь этот вывод уже не кажется столь очевидным, и специалисты считают возможным поставить вопрос о том, что некоторые из туапсинских дольменов являются более древними, чем новосвободненские памятники (Хотко С.Х., 2009). Самые же поздние из дольменов, раскопанные в Причерноморье, датируются I тысячелетием до н. э. Примечательно, что склепы, сходные с ними по форме, но сложенные уже не из монолитов, а из мелких камней, строились на Кавказе вплоть до XI-XII вв. н. э. (Твердый А.В., 2009).

1.4.2.5. «Каким образом люди могли возвести столь циклопические сооружения?»

Казаки называли дольмены «богатырскими хатками», так как считали, что их могли построить только очень могучие люди. И действительно, вес некоторых плит достигает 40 т (!), хотя обычными являются камни весом от 0,5 до 3,0 т; при этом подсчитано, что крупный дольмен должны были строить 150 чел. в течение двух лет.

А. Савельев (2009).

Технически эти люди были оснащены крайне слабо. Тем не менее, они создали такие каменные сооружения, каких не оставили после себя не только кавказские абorigены предшествующей эпохи, но и жившие позднее по берегам Черного моря скифы, сарматы, и славяне.

А.В. Твердый (2009).

Дольмены остаются интересными и загадочными памятниками древности, хотя создателями их были не мифические великаны, а обыкновенные люди, причем технически очень слабо оснащенные, не знавшие

совсем железа и пользовавшиеся для обработки огромных каменных глыб простейшими орудиями из бронзы и камня. Неизвестно также, как древние обитатели Западного Кавказа передвигали и устанавливали многотонные плиты (стены некоторых дольменов иногда достигают 4 м толщины). По подсчетам советского археолога Б.А. Куфтина, для того, чтобы установить крышу одного дольмена Абхазии, требовался труд не менее чем 150 чел. (Бетров Р.Ж., 1991).

Казаки называли дольмены «чертовыми хатками», «дедовыми хатами», или «богатырскими хатками», так как считали, что их могли построить только очень могучие люди. И действительно, по А. Савельеву (2009), вес некоторых плит достигает 40 т (!), хотя обычными являются камни весом от 0,5 до 3,0 т; при этом подсчитано, что крупный дольмен должны были строить 150 чел. в течение двух лет.

«Каким же образом люди могли возвести столь циклопические сооружения?» – размышляет А.В. Твердый (2009). Самые ранние из дольменов были возведены более 4000 лет назад племенами, уже освоившими земледелие, скотоводство и плавку меди. Но ведь строители дольменов еще не знали железа, еще не приручили лошадь и продолжали пользоваться примитивными орудиями из камня. Технически эти люди были оснащены крайне слабо. Тем не менее, они создали такие каменные сооружения, каких не оставили после себя не только кавказские аборигены предшествующей эпохи, но и жившие позднее по берегам Черного моря скифы, сарматы, и славяне. Так, дольмен в Эшери (Абхазия) сложен из плит длиной 3,7 м и толщиной до полуметра. Одна крыша весила 22,5 т (!). Нелегко было поднять такую тяжесть на уровень стен, а это отнюдь не единственная проблема. Нередко камни доставляли за много километров. Вдалеке от гор в степном Прикубанье найден дольмен, покрытый плитой, которую «...с трудом сбросили 10 человек».

Во II тысячелетии до н. э. население Кавказа не достигло еще рабовладельческой стадии, но очень богатые вожди здесь уже выдвинулись. Могила с балдахином и прочими сокровищами в Майкопском кургане даже древнее дольменов. Все же до эпохи железа основы первобытной жизни на Кавказе не были поколеблены. Вероятно, весь род трудился над каждым склепом из камня. Полторы сотни людей тратили силы и время, чтобы достойно обставить переход своего собрата в мир иной, и никто из них не думал, что лучше употребить эти силы и время на обработку полей, совершенствование орудий или художественное творчество.

Люди, соорудившие дольмены, лепили посуду от руки, хотя в южных районах Закавказья с середины II тысячелетия до н. э. распространился гончарный круг. Обитатели Северо-Западного Кавказа мотыжили землю, не помышляя о плуге, давно известном в Двуречье, пользовались многими костяными и каменными орудиями и охотились с таким примитивным орудием, как праща (шарики для пращи часто встречались при раскопках дольменов). И вот, при всей этой технической бедности те же люди ворочали 22-тонными монолитами, к которым не подступились в позднейшие времена, знакомые с плугом и гончарным кругом, освоившие железо и оседлавшие лошадь. Характернейший пример одностороннего развития общества – явления, поражающего нас в истории от древности до сего дня, – включает свое эссе А.В. Твердый (2009).

1.4.2.6. «Черты, близкие западнокавказским дольменам, можно найти в древних постройках Средиземноморья»

Кубанские дольмены имеют немало общего с аналогичными мегалитами бассейна Средиземного моря, которые расположены вдоль морских течений, идущих в сторону Черного моря. Идея строительства дольменов могла быть как заимствована извне, так и возникнуть в среде самого древнего абхазо-адыгского населения.

К.К. Хутиз, Э.А. Шебухова (2007)

Если рассуждать в рамках миграционных версий происхождения западнокавказских дольменов, то нельзя не обратить внимание на те высказывания специалистов, согласно которым наибольшую типологическую близость с нашими памятниками обнаруживают португальские дольмены...

С.Х. Хотко (2009).

Нет еще ответа на главный вопрос: *откуда* пришла к нам идея погребального сооружения. Археологи давно обратили внимание на то, что наиболее близкие черты западнокавказских дольменов можно найти в древних постройках Средиземноморья. В Палестине, Северной Африке, Испании, Португалии, Франции изучены каменные склепы, очень похожие на кавказские. Строили их разные племена и не всегда в одну и ту же эпоху, но *идея такой постройки несомненно должна была иметь общее происхождение*. Некоторые археологи думают, что дольмен воспроизводит форму египетской гробницы-мастабы, другие их опровергают. Бесспорно лишь тяготенье дольменов к приморским районам, указывающее на роль морских сношений в распространении этих своеобразных усыпальниц (Твердый А.В., 2009).

По мнению авторов книги «Черноморское побережье...» (1916), ареал распространения дольменов весьма широк и охватывает не только страны Средиземноморья: «В Европе дольмены распространены в основном на западе, а именно: в Северо-Западной Германии, в Дании в Голландии, Бельгии, Шотландии, Франции, Испании, Португалии; Италии, Австрии, Пруссии, на Балканском полуострове, также они были найдены в небольшом количестве в Крыму».

В.И. Марковин также считает, что черты, наиболее близкие западнокавказским дольменам, можно найти в древних постройках Пиринейского полуострова (Португалия, Испания), на Корсике и ближайших к ней островах Средиземноморья, в Северной Африке, Палестине. Особенно похожи дольмены на территории доисторической Фракии (Лалапаша), также имеющие приставные порталные плиты и те же пропорции, что и наши дольмены. Исследования В.И. Марковина дают основания утверждать, что мегалитические постройки, похожие на кавказские (абхазо-адыгские), расположены вдоль морских течений, а они в Средиземном море идут от Гибралтара вдоль северного побережья и заворачивают в Черное море, омывая Кавказское побережье. И везде по линии течений имеются дольмены, схожие с кавказскими, что как бы указывает на один общий центр происхождения древнего народа – носителя дольменной культуры. Развивая свою точку зрения, В.И. Марковин выдвинул гипотезу, что «идея» дольменов без людей, видевших и строивших их, на Кавказ не могла проникнуть. Ее привнесли извне... (Бетров Р.Ж., 1991).

Это же мнение разделяют другие ученые: «Происхождение дольменов на территории, где ныне проживают адыгейцы и абхазы, возможно, свидетельствует о широких связях далеких предков северокавказцев с другими народами, – пишут К.К. Хутиз и Э.А. Шебзухова (2007). – Дело в том, что кубанские дольмены имеют немало общего с аналогичными мегалитами бассейна Средиземного моря, которые расположены вдоль морских течений, идущих в сторону Черного моря. Идея строительства дольменов могла быть как заимствована извне, так и возникнуть в среде самого древнего абхазо-адыгского населения.

Тщательный анализ материалов и сложные их сопоставления привели В.И. Марковина к следующим выводам. В период, соответствующий расцвету майкопской культуры, на Западном Кавказе появились новые племена-носители «дольменной культуры», пришедшие, возможно, из Западного Средиземноморья. Исходными пунктами их считаются западная часть Пиренейского полуострова (современная Португалия) и о. Сардиния. Именно отсюда началось их движение (наиболее близкие черты западнокавказским дольменам В.И. Марковин находит в древних постройках Португалии, Испании, на Корсике и ближайших островах Средиземноморья). Переселенцев могла пленить благодатная природа Западного Кавказа. Двигаясь вдоль берегов на многovesельных судах и кораблях, оснащенных парусами, часть из них могла осесть по берегам Северной Африки, остаться в бассейне Мраморного моря и т. д., а часть достигла Западного Кавказа. Уже с первых шагов по кавказской земле *строители дольменов попали под воздействие носителей майкопской культуры*. Постепенно строители дольменов полностью растворяются среди окружающих племен.

Вопрос о происхождении дольменов, кроме археологии и этнографии, уводит также в мир лингвистики, сложных грамматических и фонетических сопоставлений. Дело в том, что есть еще одна линия связей Кавказа с Пиренеями. Эта баски (самоназвание – *эускалдунак*). Народ этот, живущий ныне в основном в Испании и в прилегающих к ней южных районах Франции, этнографически обособлен, язык его ничего общего не имеет с испанским. Между тем, по языку и культуре баски довольно близки кавказским народам, особенно абхазо-адыгам.

«Здесь интересен и еще один факт, – пишет В.И. Марковин. – Язык басков, если сравнивать его с языками народов Кавказа, наиболее всего близок языку населения причерноморских районов, а с удалением к Чечено-Ингушетии и Дагестану находит все меньше и меньше параллелей. Таким образом, отдаленные предки баски, как и предки адыгов, вполне могли иметь контакты». По мнению В.А. Чирикба (1985), обнаруженные им баскско-северокавказские звуковые соответствия позволяют поставить проблему генетического родства данных языков на реальную основу (Бетров Р.Ж., 1991).

1.4.2.7. «Строителей дольменов и строителей египетских пирамид объединял... заупокойный культ с его заботой о загробной жизни»

Возводя дольмены, их строители, как и египтяне, создавали вместилища для души умерших предков, которые должны были магически влиять на будущий достаток и плодородие.

В.И. Марковин (1974)

Как и египетские пирамиды, дольмены скорее всего воздвигали еще при жизни тех, кому суждено было найти здесь свое последнее жилище.

А.В. Твердый (2009)

Кавказские дольмены иногда сравнивают с древнеегипетскими пирамидами. Например, Л.И. Лавров считал, что строителей дольменов и их современников – строителей египетских пирамид объединял один и тот же заупокойный культ, с его исключительной заботой о загробной жизни. По мнению автора, это свидетельствует о реальных связях, существовавших между странами в далекую эпоху. Известный археолог А.А. Формозов также полагает, что идеология племен Северного Кавказа в чем-то переключалась с представлениями древних египтян. И для тех, и для других было важнее создать рассчитанное на тысячелетия погребальное сооружение, чем сделать для себя удобное жилище. Египетские пирамиды воздвигали рабы, обреченные на жизнь в хижинах из тростника и кирпича-сырца, но и дворцы фараонов не могли соперничать с величием и роскошью пирамид. Только фундаменты уцелели от домов рядовых египтян» (Бетров Р.Ж., (1991).

«До сих пор не могу не удивляться, – пишет В.И. Марковин, – гению древних строителей дольменов, умевших так плотно скреплять отдельные плиты, что порой не просунешь между ними лист бумаги». Относительное сходство тут может быть прослежено по линии их герметичности, массивности, недоступности содержания постороннему оку. Египетский фараон считался средоточием производительных сил природы. Он отвечал за хороший урожай, обильный приплод скота, рождаемость людей. Эти же функции сохранялись за ним и после смерти. Потребовать пирамиду с хранящейся в ней мумией – это значит уничтожить чудодейственность фараона, в первую очередь его беспредельное влияние на все живое». С таким сопоставлением вполне можно согласиться. Это дает повод приоткрыть завесу над теми идеями, которыми руководствовались египтяне, строя свои пирамиды и мастабы, – гробницы, еще больше похожие на дольмены. Рассматривая каждую деталь дольменов, все больше и больше приходишь к выводу что, возводя их, строители создавали вместилища для умерших предков, которые магически должны были влиять на будущий достаток и плодородие.

Если перенести все сказанное на захоронения в дольменах, то можно увидеть в этих погребальных западнокавказских сооружениях воплощение той же идеи – магическим путем благоприятствовать живущему населению, обеспечивать людей хорошим урожаем. Отсюда и некоторые детали, встречающиеся на дольменах – зигзагообразный узор (дольмены близ Азербиевки, а также на р. Пшаде), символизировавший воду. Ведь без воды земля засохнет и не даст урожай. Изображение выпуклостей на дольменах, напоминающих женскую грудь (Большое Псеушко, Анастасиевка) также может быть лишь символом плодородия. Таким образом, по В.И. Марковину, возводя дольмены, их строители, как и египтяне, создавали вместилища для душ умерших предков, которые должны были магически влиять на будущий достаток и плодородие. Об этом свидетельствует и солярная ориентация большинства дольменных сооружений, а также выбитые на петроглифах солярные знаки в некоторых дольменах (у а. Солохаул, пос. Лазаревское и др.) – ведь солнце с древнейших времен считалось символом плодородия.

В Индии в настоящее время подобные памятники еще воздвигаются местами над умершими. На Кавказе (Абхазия) в дольменах находили человеческие кости погребенных в сидячем положении, отличавшихся высоким ростом, крепким сложением и бархидеальной формой черепа. При костях были найдены черепки глиняной посуды с прямолинейным или волнистым узором, кремневые скребки, каменные бруски, бронзовые кольца, серьги, стрелы, булавы, зеркала, стеклянные бусы и проч. В одном из дольменов найдена боспорская монета Рискупориса IV (215 г. н. э.). В дольменах Крыма найдены более поздние памятники и, кроме того, есть указания на трупосожжение («Черноморское побережье...», 1916).

1.4.3. Беречь и сохранять – или варварски уничтожать: два подхода к уникальным памятникам прошлого

1.4.3.1. «Чувство почтения к далеким предкам и боязнь нарушить их покой»: беречь и охранять дольмены

Горцы, предшественники наши в Закубанском крае, относятся вообще с большим уважением к памятникам старины, в чем бы они не заключались...

Е.Д. Фелицын (1897).

Разноплеменные горцы с благоговением, смешанным с суеверием, относятся к дольменам. Не было случая, чтобы горцы сознательно их разрушали...

«Черноморское побережье...» (1916).

Дольмены разной величины и типа встречались раньше во множестве по долинам и склонам гор Черноморского побережья, покрытых лесом. Как отмечают авторы книги «Черноморское побережье...» (1916), «...разноплеменные горцы с благоговением, смешанным с суеверием, относятся к дольменам. Не было случая, чтобы горцы сознательно их разрушали...».

Аборигены – кавказские племена железного века берегли древние кладбища. 100-150 лет назад русские казаки, заселившие Прикубанье, постоянно наталкивались на совершенно целые дольмены. Большинство из них были заткнуты пробками. Местные жители-горцы еще смутно помнили о поклонении древним могилам, а кое-где продолжали выполнять эти обряды. Адыги были уверены, что повреждение дольменов повлечет за собой мор и несчастье. При этом *почтение к далеким предкам и боязнь нарушить их покой в течение 40 столетий передавались адыгами от дедов к отцам, от отцов к детям и даже к чужим по происхождению народам.*

«В ареале западно-кавказских дольменов, – пишет В.А. Дмитриев, – зафиксированы многие примеры бережного, охранного отношения абхазского и адыгского населения к дольменам, приписывающего памятникам роль центров общинного пространства, как семейного, так и сельского». К сожалению, нельзя не отметить вандализм по отношению к дольменам со стороны «цивилизованных» колонизаторов, являющийся проявлением стремления к уничтожению культурно-чуждых знаковых объектов при освоении территории новым, неадаптированным ее населением.

1.4.3.2. Разрушение дольменов на Кубани: «Действия, оцененные как проявление варварства...»

Десятки разрушенных, изуродованных дольменов встречаются на каждом шагу: около поселенческих селений, шоссе-сейных дорог и дач – и красноречиво говорят, как мы поступаем с этими редкими свидетелями седой древности.

«Черноморское побережье...» (1916).

За 30-40 лет казаки разрушили древние усыпальницы, – иногда, чтобы получить камень для мощения дорог и на фундаменты жилищ, а то и просто так, забавы ради...

А.В. Твердый (2009).

В отличие от местных жителей – адыгов, которые с «благоговением, смешанным с суеверием», относились к дольменам, казаки и «иностранцы» из центральных губерний России зачастую сознательно, «самым варварским способом», разрушали эти священные для горцев памятники седой старины («Черноморское побережье...», 1916). О плачевной судьбе уникальных археологических памятников размышляет дореволюционный автор С. Васюков (1902): «В горах Черноморья сохранились древнейшие сооружения из огромных каменных плит (пяти), сложенных наподобие жилищ с круглым отверстием с одной стороны... Одни дольмены находятся высоко в горах, другие ниже в ущельях. Кто, когда, какой народ и для какой цели строил их? – неизвестно. Эти удивительные по крепости постройки называются доисторическими памятниками, которыми дорожили, оберегая их, черкесы. Но русские, главным образом инженеры и подрядчики, большинство дольменов разрушили, употребив их огромные камни на постройку мостов...».

Н. Талицкий (1912) подчеркивает психологические основы варварского отношения колонистов к сооружениям, оставшимся в покоренной стране. Сказывался, конечно же, низкий уровень образованности. Но далеко не всегда, так как памятники разрушались и во владениях аристократов, генералов, офицеров, церковнослужителей, интеллигенции. Автор отмечает, что церковь в ст. Шапсугской была сооружена на фундаменте из дольменных плит. Эта церковь из плит и осколков дольменов получилась качественной и стоит поныне. Действия, оцененные им как проявление варварства, на самом деле крайне символичны: культовые сооружения побежденного народа разрушались и шли в основания церквей колонистов. Примеры такого рода далеко не единичны. Ф.П. Доброхотов указывает, что «в селении Береговом местный храм целиком построен из камня разрушенных дольменов, в селении Пшада – мельница. Десятки разрушенных, изуродованных дольменов встречаются на каждом шагу, около поселенческих селений, шоссе-сейных дорог и дач, и красноречиво говорят, как мы поступаем с этими редкими свидетелями седой древности» («Черноморское побережье...», 1916).

С горечью пишет краевед А.В. Твердый: «Охраняемые народным поклонением, мегалиты Бретани и Закавказья благополучно дожили до сего дня. Отечественным же дольменам не повезло. В 1897 г. основатель исторического музея в Екатеринодаре Е.Д. Фелицын сетовал: «Горцы, предшественники наши в Закубанском крае, относятся вообще с большим уважением к памятникам старины, в чем бы они не заключались... К сожалению, кубанские казаки, унаследовав их места, не подражают этой похвальной черте горцев. Еще до революции были уничтожены сотни дольменов. Часто их разбивали без цели, просто, чтобы «испытать силу». Даже интеллигентные инженеры способствовали разрушению памятников, распорядившись использовать эти плиты на щебень для Черноморского шоссе...». Как это не печально, – пишет краевед, – наши трактористы тоже любят пробовать на дольменах «кто кого возьмет» – разобьет трактор каменный дом или сломается. И вот результаты. Больше всего дольменов было в Закубанье – в верховьях р. Белой и по долинам рек Пшеха, Фарс, Губс и Ходзь. На «Богатырской поляне» у ст. Новосвободной в 1885 г. стояло 360 дольменов, в 1928 г. – 20, а нынче их нет совсем. Очевидцы вспоминали, что вытянутые правильными рядами, они напоминали улицы а маленькой деревне. Недаром адыгейцы называли дольмены «*спыун*» («*съссыптъуна*», «*исп-ун*») – «дома карликов», а кубанские казаки «богатырскими хатками». Потом за 30-40 лет казаки разрушили древние усыпальницы, – иногда, чтобы получить камень для мощения дорог и на фундаменты жилищ, а то и просто так, забавы ради. Сейчас на Богатырской поляне местами торчат из земли лишь зубья расколотых плит. Большое число дольменов было уничтожено раньше, чем археологи успели всерьез ими заняться. Даже там, где сохранились крыша и стены, внутри все перекопано кладоискателями, кости погребенных и глиняные сосуды разбиты и выкинуты наружу. Поэтому наши сведения о дольменах очень неполны».

Итак, «темные неграмотные горцы», как их зачастую называли царские колонизаторы, ничем не повредили дольменам, а народ с более высокой культурой стер их с лица земли. Разгадка парадокса в том, что для адыгейцев *исп-ун* был чем-то священным, а для русских переселенцев – чужим, непривычным и ненужным», – завершает свое эссе, проникнутое болью за поруганные памятники, кубанский краевед А.В. Твердый (2009).

1.4.3.3. Графиня Уварова: «Варварство продолжается»

Особый размах разрушение дольменов приобрело с окончанием Кавказской войны (1864), с началом массовой колонизации края и связанным с этим интенсивным строительством и эксплуатацией местных ресурсов.

О.П. Куликова, В.А. Трифонов (2001)

Наряду с уничтожением лесных угодий и вырубкой черкесских садов, эпоха «привнесения культуры» в страну адыгов во время и после окончания Кавказской войны ознаменовалась разрушением исторических памятников: мегалитических сооружений древности, средневековых курганных некрополей, каменных строений, сохранившихся от времен византийского и генуэзского присутствия. Практически полностью были стерты с лица земли памятники османского периода, не говоря уже о надгробиях адыгских кладбищ. Эта «война» с памятниками психологически и идеологически была связана со стилем колониальной политики царского самодержавия.

Начало разрушению мегалитических некрополей, как и истреблению лесных покровов, положили царские войска. Помимо того, что дольмены расстреливались из артиллерийских орудий и взрывались ради любопытства, их просто разламывали под различные нужды. Так, например, Фредерик Байерн, хранитель Кавказского музея в Тифлисе, отмечал, что «...проходившие до меня по этим местам (район Пшады. – Авт.) войска приспособили один дольмен к устройству в нем походной печи» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

О том, что варварское разрушение уникальных археологических памятников продолжалось и много позже после окончания Кавказской войны, свидетельствуют многие источники, в том числе дневники графини П.С. Уваровой (1891), путешествовавшей по Кавказу в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в.: «В ст. Береговой дольмен из цельного камня прямо во дворе одного из поселян, приспособившего его под курятник... В Геленджике дольмен из цельного камня стоял, по словам старосты, у въезда в станицу, но был взорван и перевезен в Кабардинку для водопровода... В Пшадском ущелье – два больших и хорошо сохранившихся дольмена, – в одном из них переднее круглое отверстие значительно увеличено в недавнее время пастухами, обратившими дольмены во временное жилище». На земле генерала Астафьева в ущелье р. Джубги внимание графини Уваровой привлек «дольмен гигантских размеров, с лицевой стороны которого пристроен двор овальной формы, обнесенный двумя рядами обтесанных глыб серого песчаника, ...верхний ряд камней двора сброшен старанием людей... Переднее круглое отверстие использовалось как печное жившими одно время в дольмене пластунами... В правой стенке проделано четырехугольное окошечко, он также принадлежит позднейшей работе тех же пластунов». И далее графиня пишет: «По словам старосты, можно заключить, что вся эта местность (район Джубги. – Авт.) была некогда весьма богата дольменами: на его памяти завалены и уничтожены по крайней мере два из них».

«Эти удивительные по крепости постройки, – писал С. Васюков (1902), – называются доисторическими памятниками, большинство дольменов разрушили, употребив их огромные камни на постройку мостов во время проведения в 1891 г. берегового шоссе от Новороссийска в Сухум. Подверглись разрушению дольмены, поставленные невысоко, так как по вершинам гор сохранились, например, близ Геленджика и еще каким-то чудом остались целы дольмены, вблизи шоссе, в 2-х верстах от селения Пшада. Близ Фальшивого Геленджика находился огромный дольмен, в котором жил поселянин Фоменко, но строители Новороссийско-Сухумского шоссе неизвестно по какому праву выгнали его, а дольмен употребили на дорожные надобности. Имея в виду, что эта самая важная стройка велась под непосредственным руководством генерала Анненкова, начальника Черноморского округа, то и разрушение дольменов произошло с его одобрения».

Дополняет эту нелицеприятную информацию автор начала XX столетия Н. Талицкий (1912): «Большинство дольменов уже разрушено, как временем, так, во многих случаях, и варварством людей. Так, каменщики пользовались ими как готовым каменным материалом для выработки жерновов, молотильных катков или просто – материалом для построек. Вообще не так давно, дольмены истреблялись всеми, кому только было не лень, часто без видимой цели. Сохранились указания, что дольмены возле ст. Шапсугской в долине р. Кабардинки разрушены часто проходящими здесь на «шапсугские» табачные плантации рабочими-греками. Эти рабочие сокрушали дольмены просто от нечего делать, во время привала на отдых. Иногда от дольмена остаются лишь незначительные осколки. Теперь вот запрещено начальством разрушать дольмены, но кто может поручиться, все-таки, за их целостность? Кто запретит каким-либо рабочим или чабанам проявлять свою силу на этих созданиях рук древнего человека?».

1.4.3.4. Современные вандалы: «Особой дикостью отличается уничтожение Кожохской группы дольменов»

Даже на фоне многочисленных разрушений конца XIX – начала XX вв. особой дикостью отличается уничтожение в 1994-1996 гг. на окраине пос. Каменноостский (Республика Адыгея) хорошо известной в науке Кожохской группы дольменов...

О.П. Куликова и В.А. Трифонов (2001).

В руки вандалам попался самый необычный дольмен на юге России: с двумя отверстиями – не только на фасадной, но и на плите перекрытия...

И. Желябин (2011).

К сожалению, опасение, высказанное Н. Талицким (1912), сегодня актуально так же, как и 100 лет назад. Больно об этом писать, но к перечисленным выше вопиющим фактам разрушения исторических памятников нашими далекими предками присоединяются и современные вандалы. Уже в советское время, по данным А.В. Дмитриева, только в районе Новороссийска было уничтожено 10 дольменов, а близ Геленджика не менее 35! Причем, из последних 6 уникальных памятников были разрушены в течение 1980-1990 гг., – дольмены сносили бульдозерами в поисках кладов либо очищая участки под сады. «Даже на фоне многочисленных разрушений конца XIX – начала XX вв., – отмечают О.П. Куликова и В.А. Трифонов, – особой дикостью отличается уничтожение в 1994-1996 гг. на окраине пос. Каменноостский (Республика Адыгея) хорошо известной в науке Кожохской группы дольменов... На месте расположения многочисленных дольменов были разбиты дачные участки, дольмены разрушены, а их обломки пошли на строительство дороги и фундаментов домов» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008. С. 77).

А вот еще один неприглядный факт, относящийся не к дореволюционному периоду, не к наследию нашего советского прошлого или же к годам так называемой «перестройки», – нет, он, к сожалению, относится ко дню сегодняшнему. В недавнем номере газеты «Аргументы недели» от 5 мая 2011 г. помещена заметка, красноречиво озаглавленная «Расхититель гробниц», которую привожу в кратком изложении:

«Житель Кубани перевез дольмены к себе на участок. Но не для того, чтобы любоваться, – предприимчивый бизнесмен решил заработать на уникальных памятниках археологии. Мужчина с рабочими разобрал древние сооружения и перевез на тракторе на арендованный земельный участок. Здесь он планировал устроить платные экскурсии для туристов. Сохранность дольменов его вовсе не беспокоила: при транспортировке плиты серьезно пострадали. На своем участке бизнесмен из пяти дольменов собрал два. Одну из плит вообще установили неправильно: изнаночной стороной.

Первыми забили тревогу местные жители, они-то и сообщили в УВД Геленджика о том, что неподалеку от сел Пшада и Михайловский Перевал разрушены дольмены. «Сотрудники полиции вместе со специалистами по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей наследия Краснодарского края выехали на место, – рассказал начальник пресс-службы ГУ МВД по Краснодарскому краю Игорь Желябин. – Действительно, три разрушенных дольмена находились в лесу в четырех километрах от села Пшада. У одного не было двух боковых и одной задней плиты, у другого – крышки, у третьего украли фасадную плиту с отверстием в центре. Еще два пострадавших древних сооружения нашли в 2-х км. В руки вандалам попался самый необычный дольмен на юге России: с двумя отверстиями – не только на фасадной, но и на плите перекрытия».

Поймали дельца быстро, да он и не пытался скрываться: памятники археологии выгрузил на участке прямо возле трассы, в 10-ти км от Пшады. «В настоящее время установлен круг лиц, совершивших преступление, обнаружена техника, на которой перевозили дольмены, – рассказали в пресс-службе. – По данному факту возбуждено уголовное дело по статье 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение памятников истории или культуры». Предпринимателю грозит до двух лет тюрьмы. Кроме того, ему придется возместить затраты на восстановление дольменов...» («Аргументы недели», 2011, № 17, 5 мая).

И еще одна информация, в которой также приводятся сведения о современных (2011 г.) вандалах. В заметке Е. Кузнецова «В Сочи нашли 14 неизвестных науке дольменов» читаем: «На днях сочинские охотники наткнулись в горах возле поселка Солоники на странные бетонные плиты. Сначала подумали, что на высоте в 700 м над уровнем моря кто-то не достроил здания. Но знающие люди ахнули: да это же дольмены! Насчитали их 14 шт., возраст которых превышает три тысячи лет.

«В одном только Лазаревском районе числятся 120 древних сооружений, и все они охраняются. Так что я сомневаюсь, что в Солоникинской щели нашли именно ранее неизвестные строения: там все изучено вдоль и поперек», – считает заведующая отделом Музея истории Сочи Елена Делина. Однако краеведы не исключают, что находки действительно ранее не были учтены, – ведь находятся они на труднодоступных участках: в горах или зарослях. «Теперь дольмены будут тщательно изучать, для этого нужно получить специальное разрешение от Минкультуры, – рассказал начальник отдела памятников при краевом управлении по охране историко-культурных ценностей Георгий Давыденко. – Потом информацию передадут нам, и тогда мы поставим дольмены на госучет».

Дольмен из бассейна р. Пшада, украденный в 2011 г. вандалами с целью личного обогащения

Ответственные за культурное наследие обещают, что в таком случае будут регулярно следить за объектами. Ведь уже не раз были случаи, когда народ портил исторические строения. К примеру, один житель пос. Пшада спустил с гор по частям аж четыре дольмена и собрал их возле дороги, зазывая народ «приобщиться к древности» за энную плату. «Гражданину вынесен приговор по 243-й статье УК РФ («Повреждение и разрушение объектов культурного наследия»). Приговорили лишь к штрафу в 20 тыс. руб. – уж больно хорошие характеристики у него были», – признаются правоохранители. Правда, историки тоже судятся с последователем Остапа Бендера и хотят потребовать с него еще и материальный ущерб, который, к слову сказать, исчисляется миллионами рублей.

Немало хлопот доставляют охранникам истории и так называемые анастасиевцы – сектанты, черпающие энергию из языческих могил и прочих загадочных мест. Многие дольмены нужно постоянно

ремонтировать, особенно те, которые находятся на высоте. После модернизации анастасиевцы заваливают жалобами ЮНЕСКО и приемную президента России: мол, из-за вмешательства туда не поступает «космическая энергия». Однако это не мешает им устраивать свои оргии в районе дольменов и оставлять после себя кучу мусора. Ученые опасаются, что сектанты узнают о находке и доберутся до новых строений в Солониках» (Кузнецов Е., 2011, 28 окт. С. 4). К этому же ряду «деяний» современных вандалов – осквернению могил предков относится и такое сообщение: «Черные копатели» за несколько дней разрушили шестиметровый курган Табор в Шовгеновском районе Адыгеи. Древнее захоронение сровняли с землей при помощи экскаватора. Прокуратура республики проводит проверку» («Комсомольская правда», 2011, 7-14 июля. С. 13).

Думается, комментарии к столь красноречивым документам людского невежества (если не сказать преступления) – излишни. Как здесь не воскликнуть вместе с автором первой публикации: «Доколе, Господи!?!»...

1.4.3.5. Сохранить дольменный комплекс «Псынако» – одну из древнейших обсерваторий Евразии

Дольменный комплекс «Псынако» по праву должен был бы занять достойное место рядом с такими редчайшими памятниками древней цивилизации, как Стоунхедж в Англии и Нью-Грейндж в Ирландии.

Сообцокова Н.И. (2010. С. 57).

Исключительная ценность археологического дольменного комплекса «Псынако», именно комплекса, а не единичного объекта, – в том, что он является одной из древнейших обсерваторий Евразии, сооруженной неизвестными мастерами примерно 5000 лет назад. Комплекс «Псынако», по мнению Н.И. Сообцоковой (2010. С. 57), по праву должен был бы занять достойное место рядом с такими редчайшими памятниками древней цивилизации, как Стоунхедж в Англии и Нью-Грейндж в Ирландии.

«Псынако» представляет собой археологический комплекс, находящийся недалеко от Туапсе и состоящий из искусственного фундамента, дольмена с подземным коридором, замурованного в каменный купол, который, в свою очередь, укрыт в гидроупорный глиняный купол. Все это надежно защищено панцирем, вершина которого увенчана каменным кругом.

Углы (стыки стенок) дольмена направлены строго по сторонам света. Вершины гор и хребтов, прекрасно видимые с вершины «Псынако», являются «вечными» природными ориентирами для точного определения направлений азимутов захода и восхода небесных светил.

В 500 м восточнее расположен еще один загадочный мегалитический объект, в какой-то мере напоминающий первый дольмен, на высоте около 100 м над «Псынако». Но самое удивительное в том, – пишет автор, – что два человека, стоящих на вершинах этих сооружений, могут спокойно, не напрягая голос, разговаривать друг с другом. Аналогов подобному сооружению на планете научный мир еще не знает.

Тем не менее, судьба очень сурово обошлась с этим поистине бесценным памятником мировой культуры. О «Псынако», по существу, напрочь забыли и бросили его на произвол судьбы... Годы идут, солнце, ветер, дождь, снег ведут свою разрушительную работу и «Псынако» медленно, но верно приходит в упадок. «И не далек, по всей вероятности, тот день, когда уникальнейший памятник мегалитической культуры, которым по праву могла бы гордиться как Адыгея, так и вся мировая культура, навсегда будет утерян для потомков, для мира», – с горечью завершает свое сообщение Н.И. Сообцокова (2010. С. 56-57).

1.5. Северокавказская археологическая культура

Не было числа всем народам, которые были перед ними, хотя позднейшие не порадуются им.

Библия. Книга Екклесиаста (4; 16).

1.5.1. Племена северокавказской культуры

Носители рассмотренной выше дольменной культуры граничили с территорией северокавказской археологической культуры эпохи средней бронзы (II тыс. до н. э.). Территория ее охватывала как предгорные (степные), так и горные районы Северного Кавказа. Племена этой культуры, обитавшие в степной части Предкавказья, вели оседлый образ жизни; основными видами хозяйства были скотоводство и земледелие, а также металлургия и металлообработка.

Как отмечают авторы «Истории Кубани...» (2004), северокавказская культура представлена подкурганскими погребениями в степном Предкавказье от р. Лабы до Терека. В Прикубанье памятники этой культуры открыты в курганах близ аулов Уляп и Хатажукай, станиц Казанской, Константиновской, с. Успенского, х. Свободный Мир Мостовского района, городов Армавира и Курганинска. Памятники северокавказской культуры относительно хорошо изучены: это курганы в степных и предгорных районах, групповые некрополи, содержащие могилы в виде каменных ящиков, склепов и ям.

Для раннего этапа этой культуры характерны каменные мосты, кремневые наконечники стрел, шлифовальные топоры, глиняные красно-коричневые или черные сосуды. К бронзовым орудиям труда относятся серпы. Важную роль в хозяйстве играла металлургия и обработка металлов. *Северокавказская культура сложилась на основе предшествующей майкопской культуры*, прошла в своем развитии несколько этапов. XV в. – конец II в. до н. э. – время ее упадка, который совпадает с интенсивным наступлением степных племен с севера («История Кубани...», 2004).

1.5.2. Эпоха поздней бронзы и раннего железа

Важнейшей вехой в формировании древнеадыгских племен явилась эпоха поздней бронзы и раннего железа, когда произошло сложение основных культур, непосредственных предков адыгов. В это время на Северо-Западном Кавказе сформировалась прикубанская культура, а на Центральном Кавказе – кобанская. Каждая из них имела свои собственные корни и истоки в предшествующей «северокавказской» культуре II тысячелетия до н. э., которая, в свою очередь, была тесно связана своим происхождением с майкопской. Поэтому неудивительно, что и прикубанская и кобанская культуры, хотя они являются самостоятельными, во многом проявляют значительное сходство.

1.5.2.1. Прикубанская культура на Северо-Западном Кавказе

Железо получается из земли; из камня выплавляется медь.

Библия. Книга Иова (28; 2).

У населения Северо-Западного Кавказа в конце эпохи бронзы отмечено существование особого прикубанского очага металлургии и металлообработки, развивавшегося в тесном контакте с раннекобанской культурой на западе.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Важную роль в поддержании регулярных связей Северного Кавказа с Восточной Европой играли племена Северо-Западного Кавказа, занимавшие особое промежуточное положение. Через них в горные районы Центрального и Северо-Восточного Кавказа попадали центрально- и восточноевропейские изделия. В свою очередь, через Прикубанье распространялись далеко на запад, в Нижнее Подонье и в Поволжье предметы кобанской культуры (бронзовые сосуды, топоры, украшения и т. д.) (Керефов Б.М., 2006).

У населения Северо-Западного Кавказа в конце эпохи бронзы отмечено существование особого прикубанского очага металлургии и металлообработки, основанного на местном производстве цветных металлов и развивавшегося в тесном контакте с раннекобанской культурой на западе. Прикубанский очаг был выделен известным археологом А.А. Иессеном в основном по многочисленным находкам икладам бронзовых вещей (топоры, серпы, тесла, секиры, наконечники копий и др.) из Пицунды, Сочи, Туапсе, Новосвободной, Майкопа, Упорной, Удобной, Бекешевской и т. д.). Этот очаг рассматривался в целом как локальное производственное объединение, внутри которого выделяются три территориальные группы: верхнекубанская (зона сильного смешения прикубанской и кобанской культур), западная (бассейн среднего течения Ку-

бани; реки Белая, Большая и Малая Лаба, Фарс и др.), *получившая название прикубанской культуры*, и черноморская группа (зона между Сочи и Бзыбью — приграничный район со смежной колхидской культурой).

В развитии прикубанского очага, в совокупности охватывавшего, по мнению А.А. Иессена, промежуток времени с XII-XI по VII в. до н. э., были намечены три этапа, при этом позднейший синхронизировался с группой древнейших памятников скифского типа.

В настоящее время хронологическая схема А.А. Иессена значительно скорректирована: вместо трех этапов развития прикубанского очага металлургии предложена двухчленная периодизация, причем наиболее ранняя группа приурочивается к XV-XII вв. до н. э., а поздняя — к XII-X вв. до н. э. Несмотря на эти уточнения, незыблемым в работе А.А. Иессена осталось его положение относительно этнокультурной атрибуции носителей прикубанского очага металлургии, которые, по мнению исследователя, генетически связаны с позднейшим адыго-черкесским этносом. Помимо керамического производства и скотоводства, прослеживаемого по раскопкам первых поселений, создатели прикубанского очага металлургии уже широко практиковали плужное земледелие.

Широкое производство и применение бронзовых серпов племенами Северо-Западного Кавказа отмечается с конца II тысячелетия до н. э. В частности, в свое время А.А. Иессеном были проанализированы более 105 экземпляров серпов, сугубо прикубанское происхождение и производство которых местным населением не вызывало у него сомнения. Недавние находки (около 50 экземпляров) серпов в урочище Нарат Эшик на берегу р. Маруха (КЧР) подтверждают выводы исследователя и позволяют внести коррективы и в функциональное назначение этого вида орудия, часть из которых «...использовалась при «ударной» косовице трав или колосовых, как современная ручная коса».

Адыгские названия плуга (*пхъэIэцэ* / *пхъэIэшъэ* — «деревянное орудие / оружие») и серпа (*гъуыпчъ* / *гъубжэ* — от слов: *гъу* «металл» + *пчэ*, *пчи* «копье, пика») относятся к древнейшему пласту культурной лексики адыгов. Все это показывает несостоятельность утверждения некоторых исследователей, что начало плужного земледелия на Северном Кавказе относится к более позднему периоду и связано с кочевниками-скифами (Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 71-73).

1.5.2.2. Кобанская археологическая культура

На Кубани к кобанской культуре относятся памятники, обнаруженные в верховьях р. Урупа... В них найдены многочисленные бронзовые предметы, отражающие высокое мастерство и знание приемовковки, литья, обработки поверхности предметов.

«История Кубани...» (2004).

Поздний период северокавказской культуры археологи называют кобанским, выделяя его в отдельную культуру. *Кобанская культура относится к концу бронзового и началу раннего железного века*, свое название она получила по могильнику, расположенному около с. Верхний Кобан в Северной Осетии. На Кубани к этой культуре относятся памятники, обнаруженные в верховьях р. Урупа (могильник у ст. Удобной, поселения Заслонка и Каменные Столбы). В них найдены многочисленные бронзовые предметы, отражающие высокое мастерство и знание приемовковки, литья, обработки поверхности предметов.

Археологические источники свидетельствуют об оседлом образе жизни скотоводческо-земледельческих племен с развитой металлургией бронзы и знакомых с первыми железными изделиями. Погребения совершались в прямоугольных ямах, внутри которых помещались строения из каменных плит, сосуды, оружие, украшения. В погребениях найдены также кости домашних животных (лошади, коровы, овцы, свиньи) («История Кубани...», 2004).

Следует подчеркнуть, что кобанская культура и ее локальные (местные) различия формировались и развивались на культурной основе разных по своему происхождению кавказских племен. В частности, особую роль в образовании отличительных особенностей так называемого «западного варианта» (охватывал районы к западу от р. Баксан до Верхнего Прикубанья, а также Пятигорье) кобанской культуры сыграли племена древнеадыгского круга — отдаленные потомки проживавших здесь с III тысячелетия до н. э. майкопских племен.

Встречающиеся в этом районе погребальные сооружения в виде массивных каменных ящиков обнаруживают непрерывную линию развития и уходят своими корнями еще к дольменовидным гробницам III тысячелетия до н. э. (Нальчикская, Кишпекская и др.). В Верхнем Прикубанье традиция сооружения настоящих дольменов сохранилась почти до самого конца II тысячелетия до н. э. Верхнее Прикубанье и район Пятигорья были особой зоной, где кобанская культура в значительной степени смешивалась с прикубанской, связанной с западным массивом древнеадыгских племен. Именно здесь, в пределах прикубанской культуры в начале I тысячелетия до н. э. сложилась культура племен — прямых предков современных адыгов. Это были многочисленные племена меотов и синдов — далекие потомки «майкопцев» и строителей дольменов.

1.5.2.3. Ямная, катакомбная культуры

Начиная с первой половины II тысячелетия до н. э. в Прикубанье начинают проникать племена катакомбной культурно-исторической общности. Пришельцы хоронили своих покойников в подкурганых камерных гробницах, получивших название катакомб. Племена катакомбной культур оказались в тесном контакте с аборигенным населением.

Р.Ж. Бетров (1991).

В конце III – начале II тысячелетия до н. э. на Северо-Западном Кавказе появляются племена *ямной культуры*, имевшие, наряду с полукочевым скотоводством, и зачатки земледелия. На смену им пришли племена *новотитаровской культуры* (2700-2000 гг. до н. э.), представленные подкурганскими погребениями в междуречье Кубани, Бейсуга и Протоки, а также отдельными захоронениями в Восточном Закубанье. К этой культуре относятся погребения литейщика, обнаруженные в 1979 г. у х. Лебеди Калининского района, с сопутствующими ремесленнику орудиями труда: жаровней, литейными формами. Это свидетельствует о новом разделении труда у носителей новотитаровской культуры и выделении из числа скотоводов и земледельцев ремесленников.

Несколько позже на Северо-Западном Кавказе отмечены племена *катакомбной археологической культуры*. Массивные каменные зернотерки, наличие крупных пифосовидных сосудов говорят о существовании вспомогательного земледельческого уклада. Находки зернотерок связаны с узкой приморской полосой и низовьями степных рек, на которых сконцентрированы курганы-кладбища родовых коллективов («Очерки истории Кубани...», 1996).

О связи бытовавшей в Прикубанье северокавказской культуры, представленной в основном курганными комплексами, с ямной, а позднее с катакомбной археологическими культурами сообщает Р.Ж. Бетров (1991): «Уже в конце III тысячелетия и особенно в течение II тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе наблюдается важный процесс – установление этнокультурных связей местного населения с племенами ямной, а затем катакомбной культуры степей Северного Причерноморья, Подонья, Поволжья и Северного Предкавказья. Предполагается даже инфильтрация «катакомбников» в местную среду. В это время исчезают богатые курганы майкопского облика, некрополи становятся менее дифференцированными по погребальному инвентарю; совершенно исчезают поселения, что, видимо, говорит об усилившейся подвижности северокавказских племен. Возможно, уже в то далекое время в языках северокавказских автохтонов начали откладываться элементы индоевропейской лексики. Отмечены случаи «индоиранизмов» в северокавказских языках. Исследователи, например, предполагают наличие древних иранизмов в западнокавказских (абхазо-адыгских) языках. По мнению некоторых лингвистов, это результат не просто культурных контактов, но субстратных отношений (Бетров Р.Ж., 1991).

Как отмечает А.В. Твердый (2009), наиболее поздние памятники катакомбной культуры известны на Нижнем Дону, Таманском полуострове и в пойме Кубани. Эти районы, особенно последние, известны, как территория, связанная с киммерийцами. Оба факта совпадают и во времени, позднекатакомбные памятники здесь примерно одновременны сообщениям письменных источников о пребывании в этих областях киммерийцев. Такое совпадение является существенным аргументом в пользу предлагаемой точки зрения.

Очень любопытные данные дают раскопки городища Киммерика на Керченском полуострове. Это небольшой греческий город, но само название указывает на какую-то связь с киммерийцами. Уже в 40-х гг. XX столетия при разведочных раскопках в нижнем слое городища, предшествовавшем греческой колонизации, найдены обломки глиняной посуды эпохи бронзы II тысячелетия до н. э. Такого же типа вещи были встречены и позднее, когда в 50-х гг. XX столетия экспедиция Керченского историко-археологического музея начала систематические раскопки городища. Были обнаружены кремневые наконечники стрел, обломки каменных топоров и обломки глиняной посуды с характерным узором. Все это относится к позднему этапу катакомбной культуры. Там же в Киммерике археологам посчастливилось обнаружить и другое поселение той же культуры и того же времени. Но Киммерик не единственный памятник пребывания катакомбных племен в этой части Крыма. Известны поселения близ Феодосии (у с. Щebetовки), в районе с. Планерного. Таким образом, археологическими памятниками киммерийцев можно считать те поселения, которые археологи относят к катакомбной культуре (Твердый А.В., 2009).

2. РАССЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Ведь уже прошли поколения до меня!...

Коран. Сура 46; 16.

*Мы знали хорошо,
Куда наш путь ведет...*

Гийевик.

С закатом северокавказской культуры, на этой же территории сложились адыгские (черкесские) и абазинские племена, в значительной степени генетически связанные с местным населением далекого прошлого. Культурное единство северо-западной группы кавказских племен, известное нам в новое время, таким образом, возникло, очевидно, не позднее бронзового века. Отдаленными потомками племен майкопской культуры и строителей дольменов были многочисленные племена меотов и синдов. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические материалы, указывающие на непрерывный процесс развития культур древнего населения Северо-Западного Кавказа с эпохи ранней бронзы до эпохи железа. Так, например, на территории расселения синдов, торетов и керкетов, ахеев и зихов раскопаны подкурганые дольменообразные каменные ящики VII-IV вв. до н. э. Происхождение их от кавказских дольменов эпохи ранней бронзы более очевидно, поскольку здесь имеются все характерные черты этого погребального сооружения: пазы для сборки ящика и отверстие в передней стенке. Все это говорит об общности происхождения меотских племен и синдов.

Подтверждается это и письменными источниками. Античные авторы единодушно считали синдов родственными меотам, хотя упорно выделялись среди прочих меотских племен. Это было связано не только с особенностями их быта и обряда, но и с тем, что синды раньше всех подверглись значительному греческому влиянию (Кереев Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 87).

2.1. Железный век на Кавказе

2.1.1. «Эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора»

Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора.

Ф. Энгельс (1820-1895)

Они (черкесы) очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куят и изготавливают из него всякого рода орудия.

Э. Кемпфер (1697)

Открытие железа и изобретение способа обработки железной руды были очень важными событиями. Сначала человечество ознакомилось с метеоритным железом. Поэтому хетты и египтяне называли железо «небесным» металлом. Ценилось оно в 10 раз дороже золота (!). О месте этого металла в жизни адыгов размышляет Н.И. Соколов (2010. С. 226): «Железо вписало себя в историю человечества твердо и надежно. Еще в глубокой древности, когда этот удивительный металл служил лишь украшением, он своей твердостью завоевал важное место в жизни древних адыгов. Не случайно фамилии Гучетль, Гучеминов, Гучев, что в переводе означает Железнов, Железняков, сын Железа, — одни из самых распространенных среди адыгов».

В начале I тысячелетия до н. э. происходит переход от эпохи бронзы к раннему железному веку. Ход исторического события приводит к переходу племен Северо-Западного Кавказа на более высокую ступень. Это связано было с использованием человеком железа. Это приводит к важным изменениям в хозяйственной жизни племен.

Умение получать железо из руды открывает, как указывает Ф. Энгельс, «...эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным земледелие на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств, оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов».

Железо на Северном Кавказе появляется в начале I тысячелетия до н. э.; а с VIII-VII вв. до н. э. начинается уже массовое его применение, когда оружие и орудия труда стали делать не только из бронзы, но и из железа. В это время железные предметы не только повторяют форму бронзовых вещей, но нередко один и тот же предмет изготовлен из двух металлов — бронзы и железа. Процесс замены бронзовых вещей железными лучше всего прослеживается на примере оружия. В древних кобанских и протомеотских погребениях VIII-VII вв. до н. э. найдены мечи с железным клинком и бронзовой рукоятью. Такие составные мечи и кинжалы обнаружены в большом количестве по всему Северному Кавказу.

В течение VII-IV вв. до н. э. железо становится основным материалом для изготовления орудий труда и оружия. Правда, бронзовые изделия и в этот период по-прежнему продолжают встречаться. Но в соперничестве с железом бронза уже отошла на второй план и теперь из нее, кроме наконечников стрел и редких образцов защитных доспехов, изготавливают только предметы одежды (пряжки, пояса, бляхи), украшения (браслеты, перстни, гривны, височные кольца) и части конского убора (Кереев Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 71-73)

2.1.2. «Переход на более высокий этап развития – к кочевому скотоводству и плужному земледелию»

Появление деревянной сохи с железным сошником и в особенности появление железного плуга с использованием тяговой силы животных совершило переворот в земледелии. ...Земледелие для многих людей стало основным способом добывания пищи.

С.С. Берлянд (1964).

Наступление железного века совпало с важным событием, сыгравшим огромную роль в истории Старого Света. Оно было связано с возникновением кочевого скотоводства у пастушеских племен, обитавших в степях Евразии от Монголии на востоке до Дуная на западе. Этот процесс начался еще в эпоху бронзы, но получил огромное развитие в начале I тысячелетия до н. э., когда степная полоса Евразии, включая Предкавказье, стала заполняться кочевьями разноязычных скотоводческих племен, остро нуждающихся в продукции оседло-земледельческих племен, что стимулировало обмен, развитие контактов, изменение общественных отношений. Племена кобанской и прикубанской культур, жившие в предгорно-плоскостной части, гораздо раньше оказались втянутыми в тесные, а порой и сложные взаимоотношения с первыми кочевниками степей, следовательно, их историческое развитие пошло более ускоренными темпами. При переходе к кочевому скотоводству преобладало коневодство и овцеводство, о чем свидетельствовали многочисленные курганы, в которых были найдены конские, воловьих костяки, как, например, в кургане а. Уляп, Шовгеновского района. В связи с ростом стад наблюдается значительная подвижность племен в поисках пастбищ, что приводит к частым военным столкновениям, которые возникают из-за захвата пастбищ, угона скота, грабежа соседей. Захваченных военнопленных теперь обращают в рабов (Керефов Б.М., 2006; Тхагушев Н.А., 2008).

Другие же племена, продолжая вести оседлый образ жизни на основе земледелия, переходят на более высокий этап развития – к плужному земледелию. В это время происходят и социальные сдвиги внутри племен. Развитие производства во всех областях хозяйственной деятельности приводит к постепенному накоплению богатств у отдельных семей. В роде, племени появляются богатые семьи, образующие родовую аристократию, в экономическую зависимость от которых попадает рядовая масса общинников (Твердый А.В., 2009).

Подчеркивая поистине революционную роль железа в становлении и развитии пашенного земледелия, С.С. Берлянд (1964) пишет: «Появление деревянной сохи с железным сошником и в особенности появление железного плуга с использованием тяговой силы животных (быков, лошадей, ослов и других) совершило переворот в земледелии. Возникла возможность разработки больших участков и в степной и в лесной зонах. Земледелие для многих людей стало основным способом добывания пищи».

В железном веке происходит резкий скачок в создании мощных средств воздействия на природу. Орудия истребления животных растут значительно быстрее, чем совершенствуется человек, его культура общения с природой. Возникает производство не только для себя, но и для обмена. Во все исторические времена истреблению дичи способствовали многочисленные походы людских полчищ и войск через Северный Кавказ (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

2.2. Киммерийцы и скифы на Северо-Западном Кавказе

С течением времени, начиная особенно с VIII–VII вв. до н. э. и позднее, ...вплоть до позднего средневековья территория Северного Кавказа служила своеобразным историческим коридором, по которому проходили различные народы.

Р.Ж. Бетров (1991).

Древние меоты соседствовали с киммерийцами, происхождение которых остается спорным до сих пор, однако сходство культур этих народов свидетельствует об их близости и взаимосвязи.

К.К. Хутыз, Э.А. Шебзухова (2007).

Распространение железа способствовало интенсивному развитию кузнечного, оружейного ремесла, других отраслей ремесленного производства. Был сделан важный шаг по пути ко второму общественному разделению труда – отделению ремесла от земледелия, усилилось значение имущественного и социального неравенства, были подготовлены предпосылки формирования классового общества в рамках вновь созданных племенных образований.

В рассматриваемое время, благодаря древнегреческим, римским и восточным письменным источникам, нам становятся известными названия племен и народностей, населявших степи Предкавказья и Черноморское побережье Кавказа. Здесь оставили заметный след киммерийцы, скифы, позже сарматы и другие народы. Наряду с ними, *основным населением Северо-Западного Кавказа в I тысячелетии до н. э. являлись меоты* и родственные им племена Черноморского побережья (синды, керкеты, гениохи, зихи и др.), имевшие самое непосредственное отношение к ранним адыгам (Бетров Р.Ж., 1991).

2.2.1. «Через Северный Кавказ двигались мощные орды киммерийских племен»

*И я увидел долгий взгляд перья,
Людей, погрявших в омуте реки;
Была свирепа их толпа нагая...*

Данте. «Божественная комедия».

*И не на чем было врагам примириться;
Враги потирали врагов.
Легендой туманились здесь киммерийцы
Еще на заре веков... –*

И. Сельвинский (1899–1968).

С I тысячелетия до н. э., характеризующегося переходом от бронзы к железу, благодаря письменным источникам античных авторов и соседних народов, впервые становятся известны названия племен и народностей Северного Причерноморья, Крыма, Северного Кавказа. Это – степные ираноязычные кочевники – киммерийцы, скифы, сарматы, а также тавры, синды, меоты, керкеты, зихи, гениохи, колхи и другие.

Заключительный период позднебронзового века на территории Западного Кавказа был полон драматизма, – пишет известный историк Н.Г. Ловпаче (2009). В это время в Северо-Западном Причерноморье появилась грозная сила лице киммерийцев. Эти полумифические легендарные воинственные кавалеристы, которые первыми в мире оседлали лошадь и благодаря ей сделались очень мобильными и непобедимыми, двигались по Северному Причерноморью на восток. М.И. Артамонов (1974. С. 55) гипотетически выводил их из Малой Азии. Это вполне логично, потому что эти степняки-кочевники-скотоводы, в конце концов, почему-то закончили свою историю в центральной Анатолии. Если данное предположение ленинградского археолога и историка верно, этот народ, вероятно, после развала Хеттского царства в 1200 г. вначале тоже был вытеснен на Балканы. Затем через Фракию он проник в Северное Причерноморье.

2.2.1.1. «Воспоминания о них (киммерийцах) отразились в названиях, переживших тысячелетия»

*Страна эта (Северо-Западный Кавказ. – Авт.)
была населена киммерийцами, и воспоминания о них
отразились в названиях, переживших тысячелетия.*

А.В. Твердый (2009)

Самые ранние сведения о киммерийцах обнаружены в ассирийских клинописных текстах на глиняных табличках времен *Дария Гистана* (конец VIII в. до н. э.), найденных в ассирийской столице Ниневии. Согласно им, народ *гимери* (*гиммираи*, *гамер*, *гомер*) состоял из двух племен – Гомурха и Тихрохуда (Ворошилов В.И., 2007). К этому же времени (VIII в. до н. э.) относится упоминание о киммерийцах в поэмах легендарного древнегреческого поэта *Гомера*:

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос.
Ночь безотрадная там искони окружает живущих...

[Кстати, не исключена возможность, что и само имя поэта Гомера восходит к этнониму *гомер*, *гамер* – «киммериец». Тем более, что в библейской 1-й книге Паралипоменон (1; 5-6), в родословной Адама, среди многих десятков и сотен имен встречается аналогичное имя: «Сыновья Иафета: *Гомер*, Магог, Милай... Сыновья *Гомера*: Аскеназ, Рифат и Фогарма». Подобное же имя, на этот раз женское, но также напоминающее нам о древнем народе *гомер* – киммерийцах, – встречается и в Книге пророка Осии (1; 2-3): «И сказал Господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу... И пошел он, и взял *Гомерь*, дочь Дивлаима». – Авт.)].

Библейский пророк *Иезекииль*, живший за 600 лет до Рождества Христова, также упоминает о народе *гомер*, или *джимер*, живущем к северо-востоку от древней Иудеи: «...И поверну тебя, и вложу удила в чело твое, и выведу тебя и все войско твое, и коней и всадников, ...персов, эфиоплян (эфиопов), ливийцев и *гомера* со всеми отрядами его... от пределов севера (Книга пророка Иезекииля, 38; 4-6).

Дополняют информацию о киммерийцах более поздние античные авторы:

Эсхил (525-456 гг. до н. э.): «Граница между Азией и Европой проходит по Киммерийскому Боспору (Керченский пролив)... Ты дойдешь до Киммерийского перешейка, у самого узкого прохода внутреннего моря; смело оставив перешеек, ты выплыви через узкий пролив Меотийский... и т. д.».

Скимн Хиосский (V в. до н. э.): «Отплывающему из Устья (Керченский пролив), – встречается город Киммерис, так называемый по причине варваров-киммерийцев...». В другом переводе: «При самом выходе из устья лежит город Киммерида (Тамань)».

Гелланик Мителенский (V в. до н. э.): «Когда замерз Киммерийский Боспор (Керченский пролив), амазонки, перешедши его, пришли в Аттику».

Геродот, «отец истории» (490-424 гг. до н. э.) пишет, что за два-три столетия до него, т. е. около VIII-VII вв. до н. э. или, быть может, несколько ранее, в степных районах Черного и Азовского морей господ-

ствовали киммерийцы – население Боспора Киммерийского (Керченский пролив). При этом область кочевий киммерийцев распространялась и на степи Предкавказья, где они соседствовали с племенами прикубанской и кобанской культур. Геродот пишет: «Зима здесь столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа... По настоящее время есть в Скифии Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы, область с именем Киммерии и так называемый Киммерийский Босфор (Керченский пролив)».

Страбон, «отец географии» (60-20 гг. до н. э.) упоминает о главном городе киммерийцев – Киммерионе, построенном на Таманском полуострове: «От Малого Ромбита до Тирамбы и р. Антикита (Кубань) – 600 стадий и далее 120 стадий до Киммерийского селения». Далее он сообщает, что «...киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего Боспор был назван Киммерийским». Комментируя эти высказывания, Л.Я. Апостолов (1897) пишет, что «...киммерийцы далеко не были варварским народом, напротив, они строили города и старались защититься от натиска диких кочевых скифских орд, посредством сооружений валов, из которых один («Киммерийский вал») замечен еще и теперь, идущий от северо-восточного угла Таманского залива к Азовскому морю».

Упоминаемый античными авторами «Киммерикон» – название древнегреческого города-колонии, находившегося на крайнем северном выступе Таманского полуострова, в районе современного пос. Фонталовского. На Керченском полуострове (одновременно с «Киммериконом» Тамани) существовал город «Киммерик», находившийся на горе Опук, на берегу моря, в 50 км к югу от г. Керчи (Ворошилов В.И., 2007).

Как видно из вышеизложенного, древнегреческие авторы сохранили ряд географических названий, связанных с киммерийцами: Боспор (Босфор) Киммерийский – Керченский пролив, Киммерийское море (Азовское), Киммерийская область (северо-восточная часть Керченского полуострова), поселение (городище) Киммерик на Керченском полуострове, город Киммерион и Киммерийский вал (северная часть Таманского полуострова), Киммерийский брод (Киммерийские переправы) и др. Страна была населена киммерийцами, и воспоминания о них отразились в названиях, пережив тысячелетия (Твердый А.В., 2009). Таким образом, в первую очередь, вся группа приведенных названий оказывается приуроченной к району Керченского пролива и Таманского полуострова.

Но воспоминания о киммерийцах – древнейших известных науке племенах, населявших Северо-Восточное Причерноморье и Восточное Приазовье, сохранила не только местная топонимика Северо-Западного Кавказа. А.В. Твердый (2009) отмечает, что территория расселения киммерийцев была намного шире: «...Дионисий (автор I и начала II вв. н. э.) помещает киммерийцев на Западном Кавказе. Однако территория киммерийцев не ограничивалась указанным районом. У Геродота читаем: «...Страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам», а нам известно, что скифы широко расселились в степях Причерноморья, в частности, основной их территорией были степи между Доном и Днестром». Поэтому не случайно вторая область, связываемая с киммерийцами, – это река Днестр, носившая в древности название Тирас. Именно здесь, по сведениям Геродота, были похоронены киммерийские цари, которые, не желая покидать страну под натиском скифов, перебили друг друга.

Немало географических названий, связанных с киммерийцами, сохранило нам и Закавказье, но они относятся к последнему периоду их истории и отражают походы киммерийцев на Урарту и Ассирию. Возможна связь названия киммерийцев с топонимами Гумара (Хумара), Гумария, Гумиста, а также Гумри – зафиксированное Ксенофонтom (IV в.) древнее античное название г. Ленинакана (Ворошилов В.И., 2007).

2.2.1.2. Археологические памятники киммерийской культуры

Наиболее вероятна их принадлежность к индоиранцам. Установлено, что киммерийцы говорили на одном из индоевропейских языков. Скучность письменных источников о киммерийцах не дает нам возможности в настоящее время точно судить об их материальной и духовной культуре.

Е.И. Крупнов (1964).

Реальность прошлого обитания части киммерийцев в Восточном Крыму и на Северо-Западном Кавказе подтверждается археологическими и древними письменными источниками, относящимися, примерно, с VIII–VII вв. до н. э. и позже.

Р.Ж. Бетров (1991).

По некоторым письменным источникам, племена киммерийцев жили в степях Прикубанья в период с X до середины VII в. до н. э. Они разводили коров, овец, приручена была уже и лошадь. Памятники киммерийцев – это многочисленные погребения в курганах, которые встречаются по всей Кубанской степи, а также отдельные находки.

Орудия труда киммерийцы делали из бронзы, хотя продолжали существовать еще и каменные. Характерными для киммерийской культуры являются бронзовые плоские топоры, топоры с втулкой (так называемые кельты), бронзовые короткие мечи с перехватом у стержня, втульчатые бронзовые копья, первые бронзовые уди-

ла, медная и бронзовая клепаная посуда, ряд бронзовых украшений. Именно у киммерийцев появляются первые железные кинжалы и мечи с бронзовыми рукоятками (так называемые биметаллические мечи и кинжалы). Подобные предметы в большом количестве найдены и на Северо-Западном Кавказе. Например, бронзовые топоры-кельты обнаружены под г. Сочи, у станиц Келермесской и Урупской, в г. Майкопе и т. д. Возможно, с этим народом связан клад бронзовых изделий у ст. Удобной и богатое погребение в кургане Уашхиту в Адыгее.

Памятники киммерийской культуры обнаруживаются по Кубани, в Кабардино-Пятигорье и в других местах. В ряде могильников (например, Николаевский, Кубанский – в Прикубанье, Каменноостровский – в Кабардино-Балкарии) их так много, что некоторые ученые полагают, будто бы эти могильники принадлежат собственно киммерийцам. В последнее время число находок предметов киммерийского облика значительно увеличилось. Они обнаружены в Баксане, Алтуде, Кызбуруне III, Герменчике, Герпегеже и Пришибо-Малкинске. Бронзовые кельты, копья, кинжалы киммерийского типа найдены в Курпе, Заюково, Пятигорске, у станиц Бекешевской и Боргустанской. Все это свидетельствует о том, что Прикубанье и Кабардино-Балкария находились в числе исходных пунктов, откуда киммерийцы совершали походы в Закавказье и Малую Азию.

2.2.1.3. Расселение и миграции киммерийцев в историческом прошлом

В отношении южных границ расселения киммерийцев и влияния их культуры существенное значение должна иметь территория Северного Кавказа, особенно его западная часть – Прикубанье и Восточное Приазовье.

Е.И. Крупнов (1964).

Видимо, уже с IX в. до н. э. они начали совершать набеги в окружающие земли. Установив военную демократию, киммерийцы организовались в очень беспокойную агрессивную силу. В IX в. до н. э. они уже в походах достигали Дона...

Н.Г. Ловпаче (2009).

Скудность письменных источников о киммерийцах не дает нам возможности в настоящее время точно определить границы их территории, продолжительность их обитания, судить о материальной и духовной культуре.

Е.И. Крупнов на основании анализа письменных источников приходит к выводу, что «...в отношении южных границ расселения киммерийцев и влияния их культуры существенное значение должна иметь территория Северного Кавказа, особенно его западная часть – Прикубанье и Восточное Приазовье».

Судя по ассирийским и греческим данным, «люди киммерийские» исконно занимали земли по берегам Черного моря: на территории от Тамани на западе по Закубанью до р. Фарс на востоке, которая протекает в 60-ти км восточнее г. Майкопа (VIII-VII вв. до н. э.).

Некоторые исследователи считают, что киммерийцы возглавляли первое племенное объединение в степной полосе юга России, и имя их в качестве собирательного названия распространилось на все местное доскифское население Северного Причерноморья, Крыма, Северо-Западного Кавказа.

Придя на Северный Кавказ, пишет Н.Г. Ловпаче (2009), – киммерийцы постепенно изменили образ жизни на кочевой, занялись скотоводством и, опираясь на хеттский опыт коневодства, приспособили лошадь для верховой езды; вывели степную, выносливую породу лошади и превратили ее в мощное боевое средство. Видимо, уже с IX в. до н. э. они начали совершать набеги в окружающие земли. Установив военную демократию, киммерийцы организовались в очень беспокойную агрессивную силу. В IX в. до н. э. они уже в походах достигали Дона и тревожили в его низовьях население Кобяковской культуры. Поначалу кобьяковцы составляли заслон для своих кубанских родственников, в частности, жителей Красногвардейских поселений в устье рек Лабы и Псатия (Белой). Но когда набеги участились, донские кобьяковцы выдержали и, наверное, стали отходить частью в лесную зону на север, частью на юг за Пшизу (Кубань) к своим «сокультурникам». Можно предположить, что сюда мигрировали и какие-то общины белозерцев, потесненные киммерийцами из Северо-Западного Причерноморья.

Поскольку кобьяковцы освободили путь киммерийским отрядам через Тану (р. Дон), последние могли беспрепятственно достигать земель, занимаемых народами Северного Кавказа. С рубежа IX–VIII вв. до н. э. киммерийцы – «железные камиры» нартского эпоса адыгов начали постоянно тревожить своими набегами население Закубанья. Но вначале, конечно, они должны были достигать низовий Пшизы, двигаясь вдоль Меотиды, т. е. Азовского моря. Население этих мест, потревоженное разорительными набегами, стало подвигаться на юг, в страну Апсны (Абхазию) или на восток и концентрироваться вокруг города «Аха» (на месте современного Майкопа), где можно было найти защиту (Ловпаче Н.Г., 2009).

Все это говорит о том, что киммерийцы обладали исключительной подвижностью. Их отряды, состоявшие из конных стрелков, неоднократно угрожали государствам Древнего Востока (Урарту, Ассирии, Фригии, Лидии), были грозной и разрушительной силой. «Страна Гамирр», по воспоминаниям очевидцев, – наводила ужас на мировые державы Передней и Малой Азии.

Маршруты их походов пролегали вдоль восточного побережья Черного моря и через горные перевалы Центрального Кавказа (Крестовый и Мамисонский). Предполагается, что в этих походах принимали участие как союзники и некоторые племена Северо-Западного Кавказа, так и кобанцы.

Известно, что киммерийцы вступали в военные союзы со скотоводческим фракийским племенем тревров, пришедшими с Балкан в Малую Азию, во время войны с ликийцами, а также достаточно долгое время контактировали с урартами, состоя в совместных наемных отрядах у ассирийцев.

К середине VIII в. до н. э. набеги киммерийцев вынудили оседлое население левобережья р. Пшиз племени хаттов, протокеркетов Причерноморья, касков покинуть Закубанскую равнину и, частью уйти под защиту горных ущелий и лесов, а частью перевалить через хребет и расположиться среди родственных колхов-апсуа, в стране Апсны; частью же перейти в Малую Азию к родственным постхеттским племенным образованиям.

В VII в. до н. э. киммерийцы столкнулись со скифами, такими же кочевниками, как и они. Большинство простых киммерийцев, уstraшенных многочисленностью скифов, предложили оставить страну без боя; цари же решили защищаться до последней возможности. Но позже, в результате ссор и междоусобиц, цари перебили друг друга; киммерийский народ, похоронив вождей на берегу р. Тир (нынешний Днестр), удалился с родных мест. Согласно Геродоту, спасаясь от скифов, массы киммерийцев, никем и ничем не удерживаемые, устремились в степи Предкавказья, с тем, чтобы оттуда перейти в Переднюю Азию. По мнению археолога Е.И. Крупнова, киммерийцы основали свои базы в Восточном Приазовье и даже на Тамани.

Вместе с тем, другой кавказовед-этнограф – Л.И. Лавров предполагает, что самый короткий путь в Переднюю Азию был связан для киммерийцев с рядом трудностей. Во-первых, это очень сильно пересеченная высокогорная местность, – вдоль берега Черного моря на лошади проехать трудно, если не сказать невозможно из-за обрывисто-каменистой изрезанности этой полосы. Во-вторых, на пути киммерийцам препятствовали бы враждебные горские племена – протокеркеты, ахеи, гениохи, колхи. И в-третьих, киммерийские степные лошади не были приспособлены к длительным горным переходам. Ко всему этому, следует прибавить незнание дорог. Не случайно, по Геродоту, скифы, преследуя киммерийцев, почему-то пошли через Кавказские горы не по кратчайшей «меото-колхидской» дороге, а окружным путем через Дербентский проход, «оставляя Кавказскую гору по правую руку». Это потому, что скифы столкнулись со всеми перечисленными препятствиями.

Набеги киммерийцев разорили в VIII-VII вв. до н. э. малоазийские государства Фригию и Лидию, а также некоторые греческие колонии этого региона. Впрочем, как отмечает Геродот, киммерийцы не всегда были победителями; так, в начале VII в. до н. э. они были разбиты ассирийским царем Ассаргдоном, а еще несколько лет спустя их подчинил своей власти царь Мидии – Гигес. Вскоре скифы проникли в Малую Азию. В 617 г. до н. э. киммерийцы были разгромлены Алиатом, внуком Ардиса. Возможно, часть киммерийцев влилась в дружины скифов и, утратив название, вернулись в начале VII в. до н. э. в родные степи (Тернавский Н.А., 2006).

2.2.1.4. «Киммерийцы проникали в среду местных племен, оказывая влияние на их культуру»

В рассматриваемое время киммерийцы и скифы были тесно связаны с предками адыгов. Об этом свидетельствует протомеотское оружие и конский убор VIII–VII вв. до н. э., аналогичный киммеро-скифским.

Р.Ж. Бетров (1991).

Киммерийцы в течение полутора веков (первая половина VIII, VII вв. до н. э.) сблизилась и породнилась с местными кавказскими, в основном, протоадыгскими племенами...

Н.Г. Ловпаче (2009).

Киммерийцы проникали в среду местных племен, оказывая влияние на их культуру. Одновременно киммерийцы использовали их производственные центры и сами воспринимали культурные достижения местных племен. Если местные племена заимствовали у киммерийцев некоторые предметы конской упряжи, типы лука, стрел, кинжалов, мечей, то, например, киммерийцы переняли у кобанцев бронзовые топоры, бронзовую посуду и некоторые формы лепных лощеных сосудов с богатой резной орнаментацией. То, что киммерийцы проникали и, возможно, даже смешивались с местными племенами Северо-Западного Кавказа, подтверждается еще одним видом памятников. Это надгробные камни-обелиски или стелы, которые устанавливались только над могилами знатных киммерийцев. Они обнаружены в Армавире, Усть-Лабинске, Зубовском, Кызбуруне I, Кубе и окрестностях Малки (Керефов Б.М., 2006).

Киммерийцы в течение полутора веков (первая половина VIII, VII вв. до н. э.) сблизилась и породнилась с местными кавказскими, в основном, протоадыгскими племенами, ознакомились (изучили) горы, перевалы и тропы Западного Кавказа, приобрели опытных проводников из местных горцев и, наконец, оседлали лошадей северокавказской породы типа современной кабардинской породы, выведенной совместно с северокавказцами. По предположению Е.И. Крупнова, эта порода лошадей появилась в VIII в. до н. э. (Ловпаче Н.Г., 2009).

В рассматриваемое время киммерийцы и скифы были тесно связаны с предками адыгов. Об этом свидетельствует протомеотское оружие и конский убор VIII–VII вв. до н. э., аналогичный киммеро-скифским. Например, протомеотский могильник на реке Фарс содержит детали конского снаряжения, характерные для киммерийцев и скифов времени их переднеазиатских походов (VII в. до н. э.). Предметами киммерийской материальной культуры признают найденные в Прикубанье бронзовые кельты (особые топоры со втулкой), бронзовые мечи, втульчатые копья, первые железные предметы, лощеную керамику и т. д. (Бетров Р.Ж., 1991).

2.2.1.5. Киммерийцы – «отдаленные предки адыгов»?

Происхождение одного из подразделений западных адыгов – темиргоевцев («Кэмыргуй») иногда связывают с восточной группой киммерийцев. Действительно, некоторые данные дают повод для такого предположения, и с этой версией необходимо считаться.

Р.Ж. Бетров (1991).

«К сожалению, пишет Б.М. Керев (2006), – достаточных сведений о языке киммерийцев мы не имеем». Поэтому существовали многочисленные догадки по поводу того, каким народам они были родственны. Отдельные ученые и до сих пор считают киммерийцев отдаленными предками адыгов. Например, они связывают с именем киммерийцев название адыгского субэтноса темиргоевцев (*камер – Кэмыргуй – кемиргой – темиргой*). Исходя только лишь из характера имен киммерийских вождей или царей, упоминаемых в древних источниках (Теушпа, Тугдамме, Лигдамис или Шандакшатра), большинство ученых определяют их как ираноязычное племя, родственное скифам. Впрочем, в последние годы вновь разгорелась острая дискуссия по вопросу этнолингвистической принадлежности киммерийцев вплоть до отождествления их с ранними скифами или оспаривания их историчности как этноса. Как бы не решался этот вопрос, нельзя игнорировать тот факт, что вплоть до недавнего времени у некоторых народов Кавказа (например, у грузин и осетин) было известно слово «*гмири*», «*гмир*», «*гмир*», «*кимер*» со значением «герой, богатырь, великан». От них же было заимствовано и древнерусское слово «*коумир*» – «кумир, идол». Как видно, у кавказских народов имя киммерийцев в свое время, скорее всего, вызывало восхищение, а не вражду.

Свое мнение по этому вопросу излагает Р.Ж. Бетров (1991): «Происхождение одного из подразделений западных адыгов – темиргоевцев («Кэмыргуй») иногда связывают с восточной группой киммерийцев. Действительно, некоторые данные дают повод для такого предположения, и с этой версией необходимо считаться. Однако, – продолжает ученый, – *пребывание киммерийцев в Прикубанье еще не доказывает происхождение от них всех адыгов*. Имеющийся комплекс исторических фактов явно противоречит этой теории, хотя она поддерживалась такими учеными, как В.Д. Блаватский, М.И. Артамонов и известный этнограф Л.И. Лавров.

Беспочвенность этой точки зрения стала ясна после того, как была доказана иранская принадлежность киммерийского и скифского языков. Ведь совершенно очевидно отсутствие генетического родства между северокавказскими и индоевропейскими (в данном случае иранскими) языками. В базисной лексике этих языков какие бы то ни было совпадения отсутствуют; коренным образом различаются также фонологические и морфологические системы, и если мы встречаемся со словарными сходствами между северокавказскими и индоевропейскими языками, то речь, несомненно, должна идти о заимствованиях» (Бетров Р.Ж., 1991).

До сих пор среди ученых нет единого мнения о дальнейшей судьбе киммерийцев. По свидетельству Геродота, киммерийцы были вытеснены скифами на южное побережье Черного моря. Не исключено родство киммерийцев с приазовскими племенами синдов, предками адыгов (Ворошилов В.И., 2007). По мнению Ф.А. Щербины, «...киммерийцы ушли со своей родины не одним и тем же путем, о котором упоминает Геродот, и не в одну Малую Азию. Часть их, вероятно, осела в Западной Европе под именем кимров, смешавшись с другими народами, в частности, с кельтами; часть же никуда не уходила с Таманского полуострова. Так, Дионисий говорит: «...С савроматами же соседят синды, киммерийцы и живущие вблизи Эвксина керкетии, тореты и сильные ахейцы». Несомненно, что киммерийцы сливались с теми и другими народностями; тем более, что *все три народности (киммерийцы, скифы, племена проадыгов) были родственны*».

Свое видение этой проблемы у Хавжоко Муфти. Он отмечает, что после поражения киммерийцы рассеялись и распались на несколько групп: «Одни ушли на запад, другие – на юг... Лишь синды и кемиргеи, составлявшие основную группу, будучи кавказцами, остались на Кавказе и продолжали жить под этими названиями как разные племена черкесского народа. Название кемиргеи означает по-черкесски «киммериец», и они составляют одно из основных черкесских племен...».

2.2.2. «Геродот впервые упоминает проживающее в равнинном Закубанье скифское племя авхатов»

Прав Б.Н. Граков (1971), когда называет «скифоидными» культуры местных северокавказских народов скифской эпохи. В связи с этим, правильнее рассматривать захоронения в больших кубанских курганах VI-IV вв. до н. э. погребениями местных кавказских вождей, а не скифских.

Н.Г. Ловпаче (2009).

Примерно, на рубеже VII и VI вв. до н. э., – пишет известный историк и археолог Н.Г. Ловпаче (2009), – киммерийцы в массе освободили Западный Кавказ и переселились в Малую Азию, а равнинное Закубанье вновь стало постепенно заселяться возвратившимися с гор хаттами, касками, пракеркетами, а также авхатами. Именно в этот период «отец истории» древнегреческий историк Геродот впервые упоминает проживающее в равнинном Закубанье «скифское племя авхатов».

Более поздние авторы настойчиво указывают, что именно в землях этого племени авхатов (авхетов) берет свое начало р. Гипанис (Кубань) (Овидий, Плиний Секунд, Клавдий Птолемей, Гай Юлий Солин). А что собой могло представлять «скифское племя авхатов (авхетов)», можно судить по следующему отрывку из комментария Евстафия, митрополита Фессалоникийского, жившего в XII в. н. э., к «Землеописанию» Дионисия: «Говорят также, что и следующие за ними скифы прежде когда-то питались хлебом и занимались земледелием, но потом, переменяв образ жизни, сделались кочевниками, стали жить особняком и без городов, о причине этого будет сказано после». Это значит, – продолжает Н.Г. Ловпаче (2009), – что прав Б.Н. Граков (1971), один из главных советских исследователей скифского периода, когда называет «скифоидными» культуры местных северокавказских народов скифской эпохи. В связи с этим, правильнее рассматривать захоронения в больших кубанских курганах VI-IV вв. до н. э. погребениями местных кавказских вождей, а не скифских.

Еще меньше располагает к мысли о скифах сам этноним авхаты (авхеты), – потомки Липоксая, по Геродоту. *Имя прапредка этих «скифов» Липоксая и сам этноним, в первую очередь ассоциируются с северокавказскими хаттами, т. е. адыгами.*

Н.Г. Ловпаче (2009. С. 116) отмечает, что после ухода киммерийцев часть закубанских дружин нартов переселилась на правый берег р. Пшиз (она же: Вардан, Гипанис, Антикит, Кубань). Они составили своеобразный «буфер» в Прикубанье между царскими скифами в низовьях правого берега Таны (Дона). В дальнейшем эти военизированные подразделения хаттов, касков, керкетов и авхатов все больше отступали от Кубани, уходя в степь, и к V в. до н. э., т. е. ко времени Геродота, окончательно превратились в кочевников по образу жизни, хозяйственным занятиям и общественно-политическому строю.

О наличии в рассматриваемом районе хаттов свидетельствует гидроним «Аттикит», или «Антикит», который означает «место проживания племени хъаттов или хъантов – аттов, антов. О касках сигнализирует город «Гаргаза» (Каркаса) в устье р. Аттикита, а также ольвийские надписи II в. до н. э., сообщающие о «Каскене, сыне Касага».

Более точная географическая привязка авхатов содержится в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, жившего в I-II вв. н. э. Этот автор указывает «город Геруса (по другим источникам Гаргаза) в устье р. Аттикит, город Матета в устье р. Псатия и по этой же реке город Авхиду». При анализе географической информации Клавдия Птолемея выясняется, что древнегреческие информаторы Аттикитом называли р. Кубань или Лабу до нынешнего Усть-Лабинска, а нижнее течение до устья – Гипанисом, или Варданом. Корреляция сведений различных авторов приводит к заключению, что р. Псатий это р. Шхагуаше (Сагвашэ – Белая), а город Авхида был расположен выше по течению, у выхода реки из гор, на месте нынешнего Майкопа (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 116-117).

2.2.3. Скифы-сарматы-сираки на Северо-Западном Кавказе

2.2.3.1. Роль скифов-сколетов в этногенезе местных адыгских племен

У скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством: их жилища – в кибитках.

Геродот (490-424 гг. до н. э.)

Скифы, вытеснившие киммерийцев, представляли собой объединение многочисленных племен, ядром которых выступали ираноязычные народности. Расселившись в низовьях Дона и северных районах Предкавказья, скифы установили тесные связи с соседними северокавказскими народами. Скифы, как следует из описания Геродота, состояли из шести племен: скифов царских, скифов-кочевников, скифов-земледельцев, скифов-пахарей. По мнению Д.С. Раевского (2006), скифы царские, пришедшие в степи Причерноморья, будучи теснимыми массагетами, слились с родственными им *киммерийцами*. Ученый весьма аргументированно отстаивает точку зрения этнокультурного взаимодействия ираноязычных кочевых и осед-

лых групп и формирование «новой» скифской культуры на основе киммерийского субстрата. Другой исследователь утверждает, что скифы пришли на Кавказ уже сформированным этносом и не имеют в своем комплексе признаков местных традиций (Тернавский Н.А., 2006).

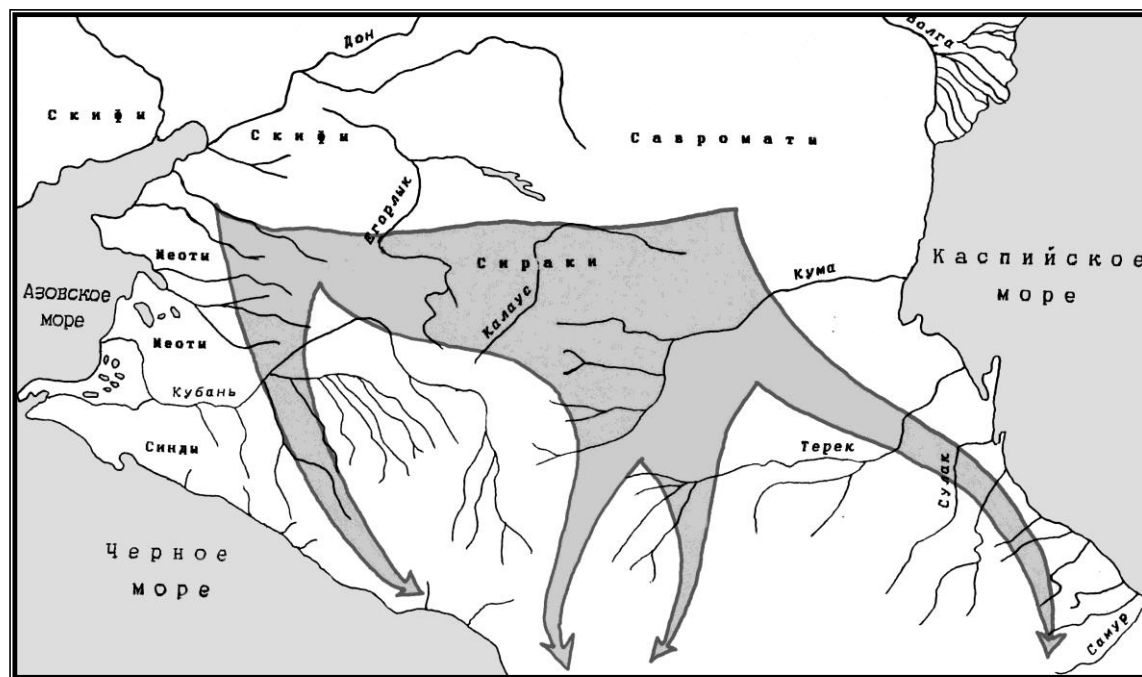
Сами себя скифы называли «сколетами», а персы именовали их «саками». Значение названий этого народа не установлено до сих пор и существует много предположений. Скифы делились на шесть больших племен, названия которых нам сообщил Геродот, посетивший Скифию: «царские скифы», «скифы-кочевники», «скифы-пахари», «скифы-земледельцы», алазоны и каллипиды. Однако, по Геродоту, не всегда ясно, составляли ли все собственно скифские племена единое целое в отношении языка или были какие-то различия между ними («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

Несомненный интерес представляет эссе кубанского историка-краеведа А.В. Твердого (2009) о пребывании скифов на Северо-Западном Кавказе и об их роли в этногенезе местных племен, которое приводится в кратком изложении. Во многих степных районах Северного Кавказа, Украины и Казахстана, Волжско-Уральских степей и Алтая, – пишет автор, – высятся древние курганы, принадлежавшие скифам и родственным им племенам.

«Отец истории» Геродот сообщает, что в VII в. до н. э. киммерийцы были вытеснены из Северного Причерноморья скифами, и, спасаясь от последних, бежали вдоль восточного берега Черного моря в Малую Азию в VIII в. до н. э. Скифы, победившие киммерийцев, преследовали их, но поскольку маршрут скифов был иным, можно полагать, что их походы в Закавказье и далее до Египта и Сирии не были связаны с исходом киммерийцев; тем более, что хронологически скифские походы относятся к VII в. до н. э. Известно, что скифы участвовали в разгроме царства Урарту, а затем и Ассирии. На территории нынешнего Азербайджана ими было основано мощное политическое объединение, известное как Скифское царство. Вероятно, скифы расселились в степных районах Азербайджана и Дагестана. Но главная масса скифов обитала в течение двух веков на обширных пространствах от Алтая до Дуная. Отсюда можно предположить, что скифы пришли в Северное Причерноморье с востока из-за Дона.

Надо сказать, что древние государства Востока сразу же почувствовали на себе боевую мощь скифской конницы. Она неожиданно появлялась в самых различных местах – от Ирака и Малой Азии до границ Египта, где скифам принес дань фараон Псамметих. Не об этих ли «жестоких и немилосердных» всадниках сообщали в свое время библейские пророки: «Вот, идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли. Держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны, голос их шумит как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою...» (Книга пророка Иеремии, 6; 22-23).

Ассирийский царь Асахарддон искал союза со скифами и намеревался отдать свою дочь в жены скифскому царю Портатуа. В зависимости от скифов оказались мидяне и другие западно-иранские племена. Господство же скифов в Передней Азии закончилось, по рассказу Геродота, после того, как царь Мидии Киаксар (625-585 гг. до н. э.), пригласив на пир скифских вождей, предательски перебил их.

Расселение племен на Северном Кавказе в VII в. до н. э.
Стрелками указано направление походов скифов (по Е.И. Крупнову, 1960).

До сих пор остается загадкой, откуда скифы пришли в Прикубанье? Геродот объясняет появление скифов в Европе просто переселением. Скифы-кочевники жили сначала в Азии, перешли р. Аракс и двинулись оттуда на север, дошли до владений киммерийцев и в свою очередь, вытеснили их, заняв их земли.

Со временем боевая мощь скифов была подорвана. Первое сокрушительное поражение скифы потерпели в 339 г. до н. э., когда против них выступил македонский царь Филипп II, отец Александра Великого. Этот эпизод связан с трагической судьбой престарелого скифского царя Атея. 90-летний Атей повел свое войско в бой и нашел свою смерть. Скифы были разбиты. Но покорить Скифию македонянам все же не удалось.

Опасность надвигалась с востока. Несметные полчища сарматов, родственных скифам племен, уже давно зарившихся на их пастбища и богатства, пошли в конце IV в. до н. э. в решительное наступление на запад из-за Волги и Дона. По словам древнегреческого историка Диодора, они «опустошили значительную часть Скифии, поголовно истребляя побежденных и превратили значительную часть страны в пустыню». С этого времени и начинается упадок Скифии. Территория ее сокращается до пределов Крыма и Нижнего Приднепровья. Правда, они еще ведут активную борьбу против греческих государств Северного Причерноморья – Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства, но борьба эта шла с переменным успехом и былого могущества скифам уже никогда не удавалось достичь.

О заключительном периоде скифской истории практически ничего не известно. Скифы все больше смешиваются с окружающими народами. Культура их постепенно теряет своеобразие. Примерно в III в. н. э. прекращается жизнь в последней столице скифов – Неаполе, и они окончательно исчезают с исторической арены. Только название Скифия долго еще живет в средневековой Западной Европе, но уже совсем в другом значении: так называют всю Восточную Европу, населенную в то время уже главным образом славянскими народами... (Твердый А.В., 2009).

О влиянии, которое оказали скифы на местные племена, и наоборот, меоты на скифов, – сообщают многие авторы: «Скифы оказали существенное влияние на культуру меотов, тавров и даже греков. Уже древние авторы упоминают о существовании в Северном Причерноморье и на Кавказе оседлых скифов-борисфенитов, тавроскифов и даже эллинских скифов – «каллипидов». Судя по археологическим памятникам V-IV вв. до н. э., меоты переняли многие скифские обычаи, в том числе и погребальный. В свою очередь скифы, осевшие на бывших этнических землях меотов, переняли у них некоторые элементы земледельческой культуры (Тернавский Н.А., 2006).

Информацию о «взаимообогащении» культуры скифов и местных племен Центрального Кавказа дополняет Б.М. Керев (2006): «Скифы оставили целый ряд замечательных памятников. Целые курганные группы, где захоронены скифские воины и их военачальники, раскопаны в Кабардино-Балкарии у селений Заюково, Чегем-1, Шалушка, Вольный Аул и у г. Нальчика. Наиболее яркими памятниками скифов здесь являются два курганных могильника VII-V вв. до н. э. у с. Нартан, открытые и раскопанные в последние годы археологами Кабардино-Балкарии. Эти могильники принадлежат конной дружине скифов и их вождям, которые захоронены в больших квадратных ямах (иногда 7х7 м), где дополнительно были сооружены деревянные срубы сложных конструкций. Во время похорон, по обычаю скифов, эти деревянные срубы поджигались, что приводило к обожжению погребенных, коней и находившихся в могиле вещей. Вместе с умершим или убитым в бою знатным воином захоронены его слуга или рабыня (иногда и жена), а также до пяти взнузданных коней, преданных смерти специально для этой цели. Этот жестокий обычай, свидетельствует о далеко зашедшем имущественном и социальном неравенстве и наличии у скифов признаков раннеклассовых отношений еще в VII-VI вв. до н. э.

В VI-IV вв. до н. э. культура скифов Предкавказья претерпевает определенные изменения. Длительное совместное проживание скифов с кобанскими племенами предгорий и равнин способствовало смешению и взаимообогащению их культур. Это хорошо прослеживается на материалах кобанских и скифских могильников. Например, если в наиболее ранних (VII-VI вв. до н. э.) нартанских курганах почти нет вещей кобанской культуры, за исключением глиняной и металлической посуды, то в более поздних (VI-IV вв. до н. э.) число их значительно возрастает. В то же время типично скифские предметы (оружие, детали конской упряжи и украшения звериного стиля) получают широкое распространение по всему краю – вплоть до высокогорных районов. Однако наиболее сильному скифскому влиянию подверглись кобанцы, проживавшие в предгорно-плоскостной зоне. Это влияние сказалось не только в области материальной культуры, но даже и в погребальном обряде кобанских племен. В таких кобанских могильниках, как Советский (ныне Кашхатау), Нижнечегемский, Заюковский и Каменноостровский, помимо многочисленных вещей скифо-савроматского типа выявлены некоторые погребения, где захоронения произведены по скифо-савроматским обычаям. Все это свидетельствует, что *скифы и савроматы не только проникали в среду местных племен, но и оседали, смешиваясь с ними, в результате чего культура местных племен приобретает так называемый «скифоидный» характер*. Более того, по мнению ряда ученых, скифы оказались способными распространить свой язык среди плоскостных кобанцев Центрального Предкавказья. Этим было положено начало так называемой языковой «иранизации» центрально-предкавказских племен» (Керев Б.М., 2006).

Дополняет наши сведения о роли киммерийцев и скифов в формировании этногенеза племен Северо-Западного Кавказа исследование Р.Ж. Бетрзова (1991): «С эпохи раннего железа (I тысячелетие до н. э.), начиная

особенно с VIII–VII вв. до н. э. и позднее, вплоть до позднего средневековья территория Северного Кавказа служила своеобразным историческим коридором, по которому проходили различные народы. Археологические и древние письменные источники указывают, что уже в VIII в. до н. э. через Северный Кавказ двигались мощные орды киммерийских (теперь их считают потомками племен-катакомбников), а в VII в. – скифских ираноязычных племен.

Пути киммерийцев и скифов (могущественных народов, обитавших в степях Причерноморья) в Южный Кавказ и Переднюю Азию проходили и по территории Северо-Западного Кавказа. И при возвращении назад в начале VI в. до н. э. скифы могли надолго задержаться в отдельных местах Прикубанья, о чем свидетельствуют всемирно известные скифские курганы, изученные на территории Северо-Западного Кавказа, в частности в Адыгее. В это же время начинается древнегреческая колонизация Северного и Восточного Причерноморья» (Бетров Р.Ж., 1991).

2.2.3.2. Кочевники-сарматы (савроматы): тесные контакты с предками адыгов

*И девы Колхиды, бесстрашные в битвах,
И скифов народ, что на крайнем пределе
Земли обитают, у вод Меотийских
И племя сарматов, любимцев Арея...*

Эсхил (525–456 гг. до н. э.).

Во II в. до н. э. сарматские племена, стоявшие по уровню своего общественного развития ниже скифов (их называли «женоконтролируемыми» из-за пережитков матриархата), начинают совершать походы на запад, обрушиваясь как на скифов, так и на города Причерноморья.

А.В. Твердый (2009).

Северными соседями меотов в середине I тысячелетия до н. э. были кочевники-сарматы, или савроматы (как их называли в раннем периоде), которые в IV–III вв. до н. э. начинают теснить скифов. Одним из первых упоминает о сарматах, живших «у вод Меотийских» (Азовского моря), – Эсхил (525–456 гг. до н. э.):

*И девы Колхиды, бесстрашные в битвах,
И скифов народ, что на крайнем пределе
Земли обитают, у вод Меотийских
И племя сарматов, любимцев Арея...*

По легенде, рассказанной Геродотом (490–424 гг. до н. э.), савроматы произошли от союза юношей из племени «царских скифов» с девушками-воительницами – амазонками. В этом мотиве прослеживается отражение высокого положения женщины в сарматском обществе. В легенде объясняется, почему именно Дон стал границей между скифами и савроматами («за рекой Танаисом уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины в Меотийское озеро, на 15 дней пути»).

В IV–I вв. до н. э. политическая и этническая обстановка на Кубани изменилась в связи с активизацией и передвижениями сарматских племен. Часть кочевников на рубеже нашей эры перешла к оседлому образу жизни. У меотов появляются общесарматские элементы культуры: оружие, предметы туалета, украшения. «Таким образом, – пишет Р.Ж. Бетров (1991), – происходит соприкосновение сарматов с синдо-меотами Северо-Западного Кавказа. О тесных контактах сарматов и предков адыгов свидетельствует огромный археологический материал. Влияние сарматской культуры было настолько сильно, что это вызвало внешнее переформирование материальной культуры части древнеадыгских племен и даже появление новых типов погребальных сооружений – катакомб и склепов. Однако и меоты-земледельцы оказывали значительное влияние на пришельцев. Под влиянием высокой культуры местных племен сарматы частично переходят к оседлости».

Дополняет эту информацию А.В. Твердый (2009), который гибель многих поселений в правобережье Средней и Нижней Кубани в первой половине III в. до н. э. объясняет постоянными нападениями сарматских орд, которые к тому времени перешли через Танаис (Дон), распространились на восточном побережье Меотиды (Азовского моря), в Причерноморье, Прикубанье и Предкавказье. Сарматов античные авторы знают с V в. до н. э. Сарматы – народ, занимавший огромную территорию в Подонье, Среднем и Нижнем Поволжье, Северном Прикаспии, на Южном Урале. Родина сарматов – место формирования их культур – поволжские и приуральские степи. Исследованиями ученых выделены две обширные области культуры – Нижнеповолжская и Самаро-Уральская. Савроматы Поволжья были большим и мощным союзом племен, успешно развивавшимся в VI–IV вв. до н. э. по соседству со скифами, с которыми поддерживали мирные взаимоотношения, как и с соседними народами Кавказа.

Характерной чертой общественного устройства савроматов на раннем этапе их истории было, как отмечено выше, особое положение женщины, что дало повод грекам называть их «женоконтролируемыми». Древние авторы передавали многочисленные легенды о воинственных амазонках, от которых якобы произошли савроматы. Савроматские женщины наравне с мужчинами владели оружием, участвовали в войнах и, как сообщают источники, они не имели права выходить замуж, пока не убьют хотя бы одного врага. В погребениях савроматских женщин часто встречаются оружие и конская сбруя (Керефов Б.М., 2006).

Первым постоянным занятием воинственных сарматов было кочевое скотоводство, вторым – непрерывные столкновения с соседями, горными кавказскими группами, в меньшей степени с меотами на Кубани и с непримиримыми родственниками – аорсами – на севере и северо-востоке (Твердый А.В., 2009).

В отличие от районов Центрального Предкавказья, частичное проникновение и оседание сарматов в Прикубанье не привело к смене языка у меотов. Наоборот, оседавшие сарматы были ассимилированы и растворились среди меотов – древних предков адыгов. Подобный вывод археологов подтверждается и историческими преданиями. На это указывал еще в свое время Ш.Б. Ногмов (1893), отмечавший, что память об этих пришельцах сохранилась у адыгов чуть ли не до наших дней. Он писал: «Здесь нелишне будет переименовать все народы, которые были в сношении с нашими предками и даже посредством частных переселений, или, переходя в горы массаи и присоединяясь к нашему народу, могли иметь большое влияние на состав и образование языка... Еще осталось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род от сарматов и по тому носят название «шармат». Здесь, кстати, приведу одну старинную сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были с ними в коротких сношениях. Когда кто-нибудь в обществе много шутит и заставляет других смеяться, то ему говорят: «Ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся...». Здесь уместно отметить, что в настоящее время фамилия «Шъэрмэт» – «Шармат» (принятое русское написание – «Шерметов») известна в нескольких кабардинских, абазинских селах.

Впрочем, после первых враждебных столкновений между пришлыми сарматами и местными племенами устанавливаются тесные контакты и дружественные отношения. В течение нескольких столетий происходит взаимовлияние культур этих племен. Так, в Кабардино-Балкарии известны десятки пунктов, где археологи раскопали погребения сарматов. Это курганные захоронения у селений Этоко, Кишпек, Чегем-1 и 2, Шалушка, Нартан, Нижний Черек, Нижний Джулат (у г. Майского) и т. д. Здесь обнаружены типичные для сарматов предметы: длинные железные мечи с кольцевидными и серповидными наконечниками, крючки для подвешивания колчана к поясу, железные наконечники стрел, бронзовые зеркала большого диаметра (18-22 см) и различные сосуды культового значения.

С конца II в. до н. э. сарматы постепенно переходят к оседлости и смешиваются с местными племенами. Их поселки располагались вблизи родовых кладбищ. В Кабардино-Балкарии известно несколько таких крупных поселений: у селений Заюково, Аргудан, Терек, Хамидие и Нижний Джулат. К рубежу нашей эры процесс оседания сарматов значительно усилился; есть достаточно убедительные доказательства, что к этому времени сарматы уже заняли все степи Причерноморья («Мифы народов мира». Т.2. 1992. С. 449).

В условиях длительного взаимодействия и смешения различных по происхождению этносов – сарматских и центрально-предкавказских племен происходит нивелировка их культур, усиливается процесс языковой «иранизации», способствовавшей появлению двуязычия, т. е. параллельного употребления кавказских языков и иранского, выступавшего в роли связывающего языка в межплеменных сношениях. Иначе сложилась судьба племен, проживавших в горной зоне. Это были потомки кобанских племен, оказавшихся в сарматское время отрезанными от равнин края. Потеряв на какое-то время доступ к равнинам, их развитие пошло замедленными темпами. Воздействие сарматов на них было незначительным и опосредованным (Керефов Б.М., 2006).

На рубеже IV-III вв. до н. э. начинается массовое передвижение сарматов, стимулированное экономическими потребностями экстенсивного кочевнического хозяйства и развитием новых социальных институтов – оформлением так называемой военной демократии. Самые сильные и многочисленные сарматские союзы племен, издавна живших в Заволжье и Южном Приуралье, быстро передвигаются на запад – на территорию Нижневолжского и Нижнедонского родственного савроматского массива. Эти союзы племен вошли в историю под именами, известными и античным авторам: аорсы, роксоланы и др.; позднее – аланы.

Следующим этапом их экспансии было нашествие на собственно скифские территории, разгром и окончное вытеснение скифов в Крым. Уже в III в. до н. э. сарматы переходят Дон, их погребения появляются значительно западнее Дона и даже на Днепре. Это были поволжско-приуральские сарматы. Давно существовавшее савроматское объединение между Доном и Нижней Волгой, как более слабое, распалось под ударами их сильных родственников. Сами нижневолжские сарматы частью были увлечены аорсами и роксоланами в их походы и частью, не имея сил отстоять свою территорию, ушли в Предкавказье и за Кубань в среднем ее течении. Поэтому новое расселение сарматов происходило в первую очередь не на запад, а на юго-запад, т. е. на территорию Северного Кавказа. Натиск этих сарматов был очень интенсивным (Твердый А.В., 2009).

Мощные племенные образования сарматов (языги, роксоланы, сираки и аорсы) сыграли большую роль в истории юга нашей страны, принимали в разной степени участие в этногенетических процессах формирования многих народов, в том числе Северного Кавказа. Последние века до н. э. и первые века н. э. вошли в историю Северо-Западного Кавказа под названием меото-сарматского периода. *Меоты, и частично ассимилировавшиеся сарматы (сираки), как считают, заложили основы в формировании адыгской народности* (Бетров Р.Ж., 1991).

2.2.3.3. Сираки: «беглецы из народов, живущих выше...»

В процессе этногенеза, растворив в своей среде часть сарматского племени сираков, меоты Кубани обогатили свою материальную и духовную культуру.

П.У. Аутлев.

В IV-I вв. до н. э. сираки занимали северокавказские степи, вклиниваясь и на территории, заселенные меотами. Вероятно, некоторые меотские племена вошли в мощный племенной союз, возглавляемый сираками.

Р.Ж. Бетров (1991).

По мнению Страбона, одно из сарматских племен – сираки – это «беглецы из народов, живущих выше (т. е. аорсов)»; они занимали северокавказские степи и «спускались к югу до Кавказских гор». К I-II вв. н. э. степные пространства Кубани до р. Маныча, включая и северные районы Восточного Приазовья, были объединены в мощный союз племен, возглавлявшийся сираками. Возможно, и часть меотских племен Среднего Прикубанья и восточного берега Азовского моря также входила в него. Боспорские цари пытались использовать некоторые сарматские группировки как в международной, так и во внутривосточной борьбе. Так, Эвмел (310-304 гг. до н. э.), сын Перисада I, завоевал царский престол в борьбе с братом Сатиром и племянником Пританом, опираясь на помощь царя племени фатеев, входящего, скорее всего, в сиракский союз. Имя их царя Арифарн, т. е. носитель *фарна* – солнечного знака, явно иранское.

Язык сарматов, как и скифов, относится к иранской языковой группе. Сираки были постепенно ассимилированы меотами и смешались с ними. Это обстоятельство особо отмечают многие историки. Так, авторы книги «Меоты – предки адыгов» (1989) утверждают: «Меоты – одни из отдаленных предков адыгов, вошедшие в себя и ираноязычных сираков». По мнению П.У. Аутлева, «...в процессе этногенеза, растворив в своей среде часть сарматского племени сираков, меоты Кубани обогатили свою материальную и духовную культуру» (Цит. по: Твердый А.В., 2009).

После разгрома сираков в 49 г. н. э. все степи Северного Кавказа, Прикубанья и Ставрополя становятся пристанищем победивших их аорсов и роксолан. В первые века нашей эры в кубанских степях начинает господствовать новое племя, пришедшее с востока – аланы (Твердый А.В., 2009).

2.3. Меоты – предки адыгов, коренное население Северо-Западного Кавказа

В отличие от ираноязычных донских меотов, кубанский меотский массив сохранил и пронес через всю свою многотрудную историю собственную адыгоязычность.

Н.В. Анфимов.

Непосредственным продолжением северокавказской археологической культуры является культура синдо-меотов, которая расцвела в следующий период поздней бронзы и раннего железа (I тысячелетие до н. э.).

Р.Ж. Бетров (1991).

Непосредственным продолжением рассмотренной выше северокавказской археологической культуры является культура синдо-меотов, которая расцвела в следующий период поздней бронзы и раннего железа (I тысячелетие до н. э.). Эпоха эта ближе к нам и здесь мы располагаем многочисленными археологическими и письменными источниками, хорошо изученными топонимическими, лингвистическими и др. материалами. Они с самого начала позволили установить *несомненную принадлежность многочисленных меотских племен к адыгскому этносу* (с включениями отдельных ираноязычных элементов) – тезис, принятый большинством исследователей (Бетров Р.Ж., 1991).

Коренным населением Восточного Приазовья, Прикубанья и Закубанья (Черкесии-Адыгеи) были племена меотов – отдаленные предки адыгов. Наименование «меоты» представляет собой собирательный термин. Меотская культура, которая начинает складываться в VIII в. до н. э. по восточному побережью Азовского моря и в бассейне нижнего и среднего течения реки Кубань, своими корнями уходит в глубь веков, обнаруживая генетическую преемственность от бронзовых культур II–III тысячелетий до н. э. Согласно одной из гипотез, название «меоты» происходит от «*мэутхъох*» («Море, которое мутнеет»), что вполне правдоподобно, поскольку меоты жили в основном в Восточном Приазовье (Бетров Р.Ж., 1991).

Подтверждение преемственности меотов-черкесов-адыгов мы находим как в археологических памятниках, так и в лингвистических данных, географических названиях. Собственные имена, сохранившиеся в боспорских надписях на каменных плитах, и сегодня, спустя два тысячелетия, можно встретить у адыгов: Баго (Багос), Дзадэу, Блепс и др. Такие названия местностей как Псейтук, Псоа, Псехако, Ахчипсу (Ачипсху) и др.

содержат корень *пс* – («вода») и находят объяснение в современных адыгских языках. С этим же «водным» корнем связан и ряд названий рек на Северо-Западном Кавказе и Черноморском побережье: Афипс, Псезуапсе, Туапсе, Макопсе, Псоу, Хашупсе и т. д. Более того, специально проведенное исследование древнейшей топонимики реки Кубани дало возможность выявить десятки названий (их вариантов и разночтений), связанных все с тем же корнем *пс*: Пси, Псо, Псу, Псицхе, Псидше, Псиш, Псише, Психр, Псыж, Псыжь, Псыжь, Псыз, Псызь, Псатхис, Псатий, Псатис, Псатес, Псат и др. (Галкин Г.А., Коровин В.И., 1979).

Не случайно ряд авторов относят древнее меотское население к единому адыго-кабардинскому этническому массиву. Меотская культура складывалась в VIII – первой половине VII вв. до н. э. Раскопки меотских городищ на территории Адыгеи (Тахтамукайское, Ново-Вочепшийское, х. Красного) подтвердили развитие меотской культуры вплоть до раннего средневековья (VII-VIII вв. н. э.).

2.3.1. Расселение меотских племен

«Не было еще истории, не существовало ее документальных данных, а черкесы жили на Кавказе в доисторические времена, были древнейшими коренными обитателями его», – писал Ф. Щербина, историк Кубани и Кавказа в целом, статистик, член-корреспондент РАН (Цит. по: «Хасэ», 2009, № 1-4, февр.-март. С. 3).

2.3.1.1. «Обрывки всех наречий, ропот дикий...»: античные источники о племенах Приазовья-Причерноморья

*Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и вскрики
Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле незаренной...*

Данте. «Божественная комедия»

*Адыгские племена вместе с абхазскими должны
быть, если не первобытными, то, по крайней мере,
древнейшими жителями Черноморского побережья.*

Л.Я. Люльс (1857)

Благодаря письменным источникам, начиная с древневосточных, греческих и римских, нам стали известны названия народов Северного Кавказа, в числе которых: атыхи-наргы, каски, ахеты, хатты, керкеты, меоты, синды, фатеи, зихи, тореты, дандарии, гениохи и др. Все они в разной степени участвуют в создании мощного этнического массива – адыге – современных адыгейцев, черкесов и кабардинцев (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

СКИЛАКС КАРИАНДСКИЙ (521-482 гг. до н. э.), античный географ: «Азия начинается от р. Танаиса и первый народ в Понте (Черное море) савроматы, которыми управляют женщины. Боспор зимой замерзает. На Понте (Черное море) есть река Эгиппий (Кубань) и племя кораксы (абхазы). ...За меотами следует народ синды, их область простирается и за пределы Озера (Азовское море), и города в ней эллинические следующие: Фанагора, Кепы, Синдская гавань (Анапа), Патус (Геленджик). Порядок расселения этих племен представляется следующим образом:

1. Савроматы – по берегам Таны (р. Дон).
2. Синды – занимали почти весь Таманский полуостров и берег Черного моря до современной Анапы.
3. Керкеты – от нынешней Анапы до Геленджика.
4. Ахейяне – вдоль морского берега на юго-восток от современного Геленджика. Их соседи – гениохи.
5. Гениохи – граничили на юго-востоке с Великой Диоскурией.
6. Колхи – между гениохами и рекой Фазом (Фазис, Рион).
7. Меоты – на берегах Меотийского (Азовское) моря.

О меотах упоминают и другие, более поздние античные авторы. Так, по Дионисию: «Вблизи Меотского озера (Азовского моря. – **Авт.**) живут сами меоты...»; по Евстафию: «Живущие вокруг Меотиды воинственны, преданы земледелию и после скифского племени по силе, – от них-то как некоторые говорят, дано название Меотиде. Около вышеописанной Меотиды живут сами меоты, получившие стало быть, имя от Меотиды или, пожалуй, от которых Меотское озеро получило свое название» (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007).

ГЕРОДОТ (485-425 гг. до н. э.): «Вплоть до области скифов вся страна (Северо-Западный Кавказ. – **Авт.**) представляет равнину с толстым слоем почвы. А оттуда земля уже твердая, как камень, и неровная. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножия гор обитают люди. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами... Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте».

ПСЕВДО-ГИППОКРАТ (460-377 гг. до н. э.): «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды (Азовского моря). Название его – савроматы. Так называемая Скифская пустыня представляет собой равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную : по ней текут большие реки».

СКИМН ХИОССКИЙ (V в. до н. э.): «Затем следует город Фанагория (близ станицы Сенной) и гавань Синдская (Анапа). Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде, вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, рек и топей, находящихся на противоположной (от моря) стороне; с другой благодаря морю и озеру. При самом выходе из устья лежит город Киммериды (Тамань)».

СТРАБОН (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.). Перечисляя названия этих племен, Страбон в своей «Географии», написанной на основании большого количества ранних источников, приводит следующую географическую схему расположения народностей в Восточном Приазовье и на Черноморском побережье Кавказа:

Территорию с севера, начиная от р. Дона, занимали кочевые племена скифов, живших в повозках. Южнее, по Страбону, жили сарматы, аорсы и сираки, владения которых простирались до Кавказских гор. Это были частью пастухи-кочевники, частью – земледельцы, жившие в палатках. По соседству с ними, вдоль берегов Азовского моря от Дона до Кубани, обитали меоты, целый ряд скифских и смешавшихся со скифами племен. Далее к югу, собственно на Таманском полуострове, составлявшем центр Азиатского Боспора, помещались греки-колонисты и часть меотов; по соседству с ними, по левую сторону устьев Кубани, находились синды. Отсюда на юг, вдоль Черноморского побережья, жили ряд различных племен. По Страбону, эти народности можно расположить следующим образом:

За скифами, занимавшими Черноморское побережье от устьев р. Кубани до нынешней Анапы, жили на прибрежной полосе до современного Геленджика керкеты, за ними тореты, по имени которых и древний Геленджик назывался Ториком (некоторые авторы считают, что керкеты и тореты могли составлять одну народность). За торетами южнее по побережью помещались сначала ахеи, затем зиги, далее гениохи и, наконец, колхи (близ нынешнего Сухуми). Во вторую линию по Черноморскому побережью в устьях р. Кубани жили аспургиане, занимавшие земли рядом с синдами между Фанагорией (близ ст. Сенной) и Горгиппией (Анапа). Далее на юг от торетов над колхами жили фтирофаги, соаны и другие мелкие народности Закавказья.

Такова вкратце схема расположения народов Северо-Западного Кавказа по Страбону. Большинство других античных писателей, за некоторым исключением, называют те же народы и в том же порядке местоположение их.

ПЛИНИЙ (23-79 гг. н. э.): «В числе народов, через земли которых протекает Танаис (низовья р. Дон), есть сатархеи... В залив (Таманский) впадает р. Гипанис (Кубань. – Авт.) своим естественным руслом. Царь Фарнак расчистил второе русло – Сехерий (Черноморское русло р. Кубани). Далее государство Синдов... Город Синдика находится у устья р. Сехерий при впадении ее в Понт. Здесь есть народ джигбы, или сильвы, сильпы (т. е. джихи – зихи – адыги. – Авт.). ...На берегу Боспора лежат: Гермонасса при входе в Босфор, затем милетский город Кепы, дальше Стратоклия, Фанагория».

ТАЦИТ КОРНЕЛИЙ (55-117 гг. н. э.): «Римляне, перейдя р. Панду (Кубань. – Авт.), вступили в город дандариев Созу (в низовьях р. Кубани)».

АРРИАН ФЛАВИЙ (95-175 гг. н. э.), совершивший в 131 г. н. э. инспекционную поездку из Трапезунта до Диоскурии, зафиксировал появление в Колхиде новых племен – санигов, апсилы и абазгов. «За лазами, – писал Арриан, обращаясь к императору Адриану, – следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя».

Из-за враждебного отношения населения Арриан не смог посетить земли к северу от Диоскурии, но, тем не менее, он дал подробное описание и этого участка побережья: на расстоянии 350 стадиев от Диоскурии он помещает город Питиунт, затем через 150 стадиев – населенный пункт Нитик (примерно в районе современного г. Гагры); от Нитика до р. Абаска 90 стадиев. Здесь, видимо, подразумевается или Мзымта, или Псоу, а само название р. Абаска (Абасгос) связано с названием племени абазгов. Еще через 120 стадиев он называет стоянку в устье р. Боргис, в которой можно усмотреть название речки Бурки, упоминаемой Птолемеем, локализуемой близ современной р. Лиापисты. От Боргиса через 60 стадиев Несис (район современного г. Адлера). От Несиса до Масаитики 90 стадиев: в названии Масаитики усматривается современное название Матцы. От Масаитики до Ахеунта, «каковая река отделяет зилхов и санигов», расстояние в 60 стадиев. Река Ахеунт может быть локализована в районе Сочи.

Арриановские «зилхи» идентичны зихам (зигам) Страбона и зикхам Птолемея. У этих «зилхов» Арриан указывает «царя» Стахемфака. Упоминание Аррианом на значительном расстоянии (240 стадий) к северу от Питиунта р. Абасгос можно признать за свидетельство распространения к этому времени абазгов вплоть до Псоу или Мзымты (Максидов А.А., 2003).

ДИОНИСИЙ (II в. н. э.): «Если пройти прямо через Киммерийский Боспор, встретится другой обширнейший остров, который лежит внутри Меотийского озера (имеется в виду «остров» Тамань. – Авт.). С савроматами же соседят синды, киммерийцы и живущие вблизи Евксина (Черное море) керкети, тореты и сильные ахейцы. Их (ахеев) соседи – гениохи и зиги».

СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ (около 400 г. н. э.): «Гермонасса – небольшой остров с городом при Киммерийском Боспоре. Есть остров в устье Гипаниса, называемый Фанагора у устья Меотиды – местечко Портмий. Некоторые говорили, что синдское племя есть отрасль меотов, т. е. скифов».

ОРОСИЙ ПАВЕЛ (417 г. н. э.): «От Каспийского моря на востоке до р. Танаиса и Меотийских болот, которые лежат на запад, обитает 34 племена».

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ (V в. н. э.): «Прибрежную ее (т. е. Эвлевсии) часть занимают варвары вплоть до так называемого Меотийского озера и р. Танаис, которая впадает в озеро. Само это озеро впадает в Понт Эвксинский (Черное море). Готы-тетракситы жили у Меотийского озера и южнее его. А к северу живут бесчисленные народы антов. У Меотиды есть зехи, сагиды, абасги».

ПСЕВДО-АРРИАН (V в.) размещает санигов между реками Абасгос и Ахеунт (одна из рек в районе Сочи, возможно, Шахе). Между этими двумя реками Псевдо-Арриан указывает также весьма интересное, с точки зрения абхазо-адыгской лексики, название – Брухонт – так называлась речка на расстоянии 120 стадиев к северу от Абасгоса. Автор сразу же оговаривается, что в его время эта речка называется Мизиг. Тем не менее, через 100 лет после Псевдо-Арриана, в VI в., византийский автор Прокопий Кесарийский отмечает в этом же районе, между Абазгией и Зихией, племя брухов, в которых некоторые авторы усматривают, не без основания, позднейших убыхов.

На расстоянии около 150 стадиев к северу от Ахеунта, на территории зихов, Псевдо-Арриан указывает еще один населенный пункт, которого нет у самого Арриана, – это укрепленное поселение Бага. Это название в точности совпадает с наименованием многочисленного абазинского общества Баг и довольно распространены адыгскими и абхазскими фамилиями Баг и Багба. Далее, на расстоянии 120 стадий от поселения Бага, Псевдо-Арриан указывает населенный пункт Старая Лазика, фигурирующий и у оригинального Арриана на территории керкетов. Сообщение о Старой Лазике в стране керкетов позволило Дж. Кисслингу и Г.А. Меликишвили сделать вывод о керкетском происхождении лазов.

Далее у Псевдо-Арриана следует пассаж, полностью отсутствующий в дошедших до нас текстах самого Арриана. В районе Старой Лазики этот автор указывает р. Никопсис и рядом с ней еще одну реку под названием Псахапсис. Это сообщение тем более ценно, что позволяет разрешить сразу два вопроса: определенную точную локализацию Старой Лазики, а также достоверность вставок анонимного автора. Через 500 лет после этого первого упоминания р. Никопсис ее название вновь фигурирует в письменном источнике – Константин Порфирородный упоминает Никопсис в связи с вопросом о границе между Зихией и Абазгией: «За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до р. Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия». Никопсис отождествляется современными исследователями с Негопсухо как на основании фонетического сходства, так и территориального ее расположения. Это позволяет локализовать Старую Лазикку также в районе Негопсухо (более точная транскрипция, приближенная к адыгскому звучанию, Ныджепсухо). Псахапсис в таком случае может быть отождествлен с речкой Шапсук. Вероятность адыгской этимологии «Псахапсис» совершенно очевидна (Максидов А.А., 2003).

Локализовать отдельные меотские племена на современной карте довольно сложно. Единственным исключением являются синды, обитавшие в районе между Керченским проливом и современной Анапой. Несмотря на то, что синды считались меотами, они представляли собой обособленный народ. В IV в. до н. э. область синдов простиралась за пределы Меотиды (Азовского моря) и в ней были греческие города-колонии: Фанагория, Кепы, Патус, Синдская гавань (Горгиппия, Анапа) и др.

2.3.1.2. Данные современных исследователей о расселении меотов, синдов и керкетов

В результате археологических раскопок выясняется, что восточная граница меотов простиралась, по крайней мере, до Ставропольского плато (до ст. Прочноокопской). Восточнее р. Уруп жили племена, возможно, родственные меотам.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Сведения, содержащиеся в древних источниках, весьма кратки и разобщены, поэтому учеными предложено несколько вариантов локализации меотских племен.

А.В. Твердый (2009).

МЕОТЫ. Как видно по данным античных авторов, – пишет Б.М. Керевов (2006), – меоты размещались в основном вдоль восточного побережья Азовского и Черного морей и в дельте р. Кубани. Но археологические исследования показывают, что в VII в. до н. э. – III в. н. э. меоты населяли более обширную территорию, которая ограничивалась на западе Азовским морем, на юге – северными склонами Кавказского хребта. На севере – в степной части правобережья Кубани – меоты соседствовали с кочевыми ираноязычными племенами савроматов. Более распылчата восточная граница расселения меотов. Ни один из древних авторов не указывает на это. Лишь в результате археологических раскопок выясняется, что восточная граница меотов простиралась, по крайней мере, до Ставропольского плато (до ст. Прочноокопской). Восточнее р. Уруп жили племена, возможно, родственные меотам. Кроме того, существовала еще одна отдельная группа меотов, населявшая районы Нижнего Дона, и прежде всего его дельту. Донские меоты, издавна оказавшиеся в окружении ираноязычных

племен, значительно отличались по своей культуре от основного массива меотов Прикубанья. По мнению ряда ученых, это – результат либо иного их происхождения, либо ранней их иранизации.

Источники свидетельствуют, что в первые века н. э. под давлением сираков ряд меотских племен вынужден был переселиться с правого берега Кубани в Закубанье, где жили родственные им племена. В связи с этим переселением, возникают новые городища (Гатлукайское, а. Шенджий и др.). Меоты продолжают жить на этой территории и в эпоху раннего средневековья. Раскопки городищ в а. Октябрьском и Нововочепшійском на р. Псекупс показали непрерывность жизни на них с последних веков до н. э. до VII в. н. э., что дает основание говорить о едином культурном этносе (Твердый А.В., 2009).

В настоящее время большинство ученых (археологи, историки и лингвисты) считают, что меотские племена, упоминаемые в античных источниках, являются древними предками адыгов (кабардинцев, адыгейцев и черкесов). В доказательство того, что в древности адыги проживали на Северо-Западном Кавказе, приводятся многочисленные и убедительные данные топонимики (географические названия) и ономастики (названия имен), которые объясняются на материале адыгских языков. Адыгское происхождение легко и убедительно прослеживается в меотских этнонимах *псессы*, *досхи*, *аррехи* и др., включающих *псе* (*псы*) «вода, река», суффикс «х» – обычные и широко продуктивные элементы, образующие этнонимические названия в адыгских языках. Археологические же материалы свидетельствуют о преемственности культур на Северо-Западном Кавказе от эпохи бронзы до периода раннего средневековья (Керефов Б.М., 2006).

СИНДЫ. Изучение письменных источников и археологических памятников дает основание утверждать, что с V в. до н. э. в Нижней Кубани существовало Синдское рабовладельческое государство, – одно из первых государственных образований на территории бывшего СССР. До начала греческой колонизации синды были многочисленным и культурным народом, у них был свой царь, они строили города, чеканили свою монету, имели тесные торговые связи с греческими городами-полисами. Ф. Щербина, основываясь на созвучии имен синдов и Синд (Инд), выдвигает гипотезу о приходе синдов из Средней Азии, или Бактрианы. Впоследствии, когда готы заняли Таманский полуостров и часть Черноморского побережья, Синдика стала известна под именем Евдусии.

Достаточно ранние упоминания о синдах, Синдской Гавани, встречающиеся у греков, по всей видимости, объясняются тем, что они жили на этих землях задолго до прихода эллинистических колонистов, – пишет Н.А. Тернавский (2006). Не только выгодное географическое положение, но и довольно высокое социально-экономическое развитие обратило внимание на этот народ. Синды, судя по топонимическим названиям, занимали довольно значительную территорию современного Таманского полуострова уже в первой половине I тысячелетия до н. э. Гекатей Милетский говорит о «Синдской расселине», Страбон о городах синдов – Синдике, Синдской Гавани, Абораке.

Споры об этнической принадлежности синдов ведутся давно, несмотря на то, что многие исследователи видят в них *представителей одного из автохтонных меотских племен*, тем не менее, выделение их в эпиграфике (в первую очередь титулатуре боспорских правителей) из числа прочих меотов свидетельствует либо об их многочисленности и влиянии, либо об этнической отличительности. О.Н. Трубачев и некоторые другие исследователи склонны видеть в синдах одно из индоевропейских племен, осевших здесь очень рано. Ученый приводит ряд этнонимов и топонимов, которые, по его мнению, свидетельствуют о родственной связи синдов с индоевропейцами. Я.И. Манандян говорит о том, что Синдика была известна халдам и древним персам в начале I тысячелетия до н. э., и что синды имели торговые отношения с Урарту (Тернавский Н.А., 2006).

В этой связи интересно упоминание Сократа (V в.) о том, что «...во времена императора Константина приняли христианство племена внутренней Индии на Кавказе (судя по всему, подразумевалась не Индия, а Синдика) и иберы (Закавказье). В рукописи М.К. Теаева упоминается адыгейская народная песня «Ти Кавказ» (Наш Кавказ), в которой говорится, что адыги вышли из Индии (скорее всего, и здесь имелась в виду Синдика) (Ворошилов В.И., 2007).

КЕРКЕТЫ. Значительно меньше сведений сохранилось о расселении керкетов – ближайших юго-восточных соседей синдов. Страбон, живший на рубеже нашей эры, упоминает побережье керкетов длиной 850 стадий или около 15 км. В одном из описаний побережья Черного моря (V в. до н. э.) Псевдо-Арриан сообщает, что от Синдской гавани до гавани Пагры, местоположение которой пока не установлено, жили народы керкеты или ториты, а также евдусианы, «говорящие на готском или таврском языке». Далее автор вновь отмечает: «От Гермонассы (Тамань) до Синдской гавани (Анапа) вдоль Меотиды (Азовское море) живут синды, за ними – керкеты, называемые также торитами, – народ справедливый, добрый и весьма опытный в мореходстве». Как утверждает Ф. Щербина, керкеты, несомненно, – современные нам черкесы, а тореты – племя, весьма близкое к ним.

Северная группа меотов, издавна жившая среди скифов и савроматов, населяла северную часть Восточного Приазовья и дельту Танаиса (р. Дон). Заслуживает внимания вывод Ф. Щербины о «преемственности» адыгов-меотов: «Потомками синдов, керкетов и торетов являются черкесы или, точнее, два племени их: натухайцы, занимавшие в последние времена Синдику и часть Черноморского побережья, и шапсуги, владения которых шли с севера через хребет к современному Геленджикю и далее на юг».

По имеющимся данным, меоты находились на этапе военной демократии, характерной для эпохи разложения первобытно-общинного строя. В основе общественного строя была родоплеменная организация. Рабство было патриархального типа (таким оно оставалось у адыгов до позднего средневековья. – Авт.). Вместе с тем, Помпоний Мела называет меотов «женоуправляемыми», подчеркивая этим наличие у них сильных пережитков матриархата. Основными занятиями меотов были плужное земледелие, пастушеское скотоводство и рыболовство.

2.3.1.3. Памятники синдо-меотской культуры

Материалы меотских могильников обильны и разнообразны. Главное место по количеству находок занимает керамика – разнообразные по форме и качеству выделки глиняные сосуды (миски, кубки, горшки, кувшины и т. д.).

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Меоты, ...которые в течение ряда веков, сосуществовая и сталкиваясь то с греками и скифами, то с сарматами и аланами, обрели устойчивую общность и оставили крупный культурный слой под общим названием «меотская культура».

К.К. Хутыз, Э.А. Шебзухова (2007).

Культура меотов складывается на заре железного века и продолжает развиваться на протяжении более чем 10-ти веков, претерпевая значительные изменения и испытывая воздействие культур соседних народов и государств. К настоящему времени накоплен огромный археологический материал, являющийся основным источником для изучения культуры, истории, экономики и общественного строя меотов. Исследованы сотни поселений, городищ и могильников, где выявлены тысячи погребений.

Б.М. Керев (2006) в развитии меотской культуры выделяет ряд этапов: протомеотский (VIII – первая половина VII в. до н. э.), раннемеотский (конец VII – VI в. до н. э.), среднемеотский (V – первая половина I в. до н. э.) и позднемеотский (вторая половина I в. до н. э. – III в. н. э.).

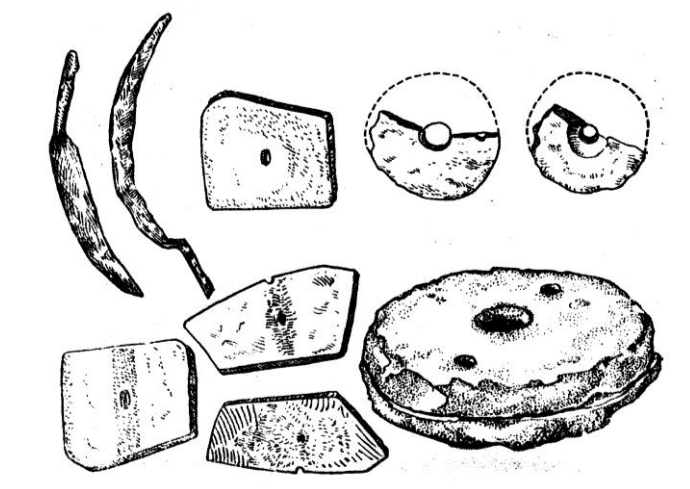
Древнейшими памятниками, соответствующими периоду сложения меотской культуры, являются Николаевский, Кубанский, Псекупский, Абинский, Толстый Мыс и другие бескурганые грунтовые могильники. Умерших хоронили в простых ямах, а в некоторых могильниках (например, Фарс) сооружались каменные конструкции типа кобанских. Погребенные лежат либо вытянуто (большинство) на спине, либо в скорченном положении на боку. Они сопровождались разнообразными лепными сосудами типа корчаг, ковшей и горшками.

Выделяется группа захоронений воинов с конями, точнее, со шкурой коня с оставленными при ней головой и нижними частями ног с копытами. Здесь же с ними обычно находятся бронзовые удила и псалии, бляхи конского убора. Из оружия чаще всего встречались бронзовые наконечники стрел и копья, железные ножи, топоры-секиры, а также биметаллические кинжалы. Весь этот набор вещей сходен с изделиями киммерийского типа, широко распространившегося к этому времени по обширной территории. Хотя в протомеотских могильниках не обнаружено погребений, сколько-нибудь выделяющихся значительным богатством вещей, процесс разложения первобытно-общинного строя здесь уже явственно. Социальное и имущественное расслоение меотского общества происходит ускоренными темпами в раннемеотский и, особенно, в среднемеотский периоды, что хорошо прослеживается по материалам могильников и городищ. Этому способствовали несколько важнейших обстоятельств: внедрение в быт меотов нового металла – железа, возникновение кочевого скотоводческого хозяйства и походы киммерийцев и скифов, а также образование на восточном побережье Азовского и Черного морей греческих городов-колоний.

По сравнению с протомеотским периодом число исследованных грунтовых могильников, относящихся к последующим этапам развития меотской культуры, значительно больше. Некоторые из них использовались на протяжении нескольких веков. Так, например, Усть-Лабинский могильник № 2 просуществовал с VI в. до н. э. вплоть до II в. н. э. включительно (т. е. на протяжении 800 лет). В отдельных могильниках раскопано до нескольких сот могил. Такие обширные могильники позволяют иногда до мельчайших подробностей проследить происходящие изменения в развитии меотской культуры.

Наметившиеся в протомеотское время местные (локальные) различия отдельных групп памятников сохраняются более или менее отчетливо почти вплоть до конца среднемеотского периода. С этого времени наблюдается несколько иная картина: различия теперь прослеживаются между памятниками западных и восточных районов, причем граница проходит где-то между Усть-Лабинской и Ладожской группами.

В среднемеотский период не только в мужских, но и в женских погребениях довольно часто встречается оружие. Наряду с тяжелыми копьями широкое распространение получают легкие копья, употреблявшиеся для метания. Их находят в могилах по нескольку штук. Под воздействием скифов среди меотов распространились мечи акинаки с брусковидным, а иногда и с когтевидным навершием. В последующее время меоты вырабатывают собственный тип этого вида оружия, так называемые «синдо-меотские» мечи с брусковидным навершием и без перекрестья. Их было два вида: узкие с длинными клинками и широкие. По-

Жернова и серпы из меото-сарматских городищ Прикубанья
(по Кантария М.В., 1989)

следние имели ширину 11-12 см у основания клинка, что напоминает один из излюбленных мечей у нартов *джатэбгуэ клэшI* (короткий и широкий меч). Встречаются довольно часто в могилах и наконечники стрел, но преимущественно из железа. Защитное оружие (шлемы, панцири) найдено лишь в некоторых богатых погребениях.

Довольно многочисленны и предметы конской сбруи, которые в V-III вв. до н. э. чаще всего изготавливались из железа. Но продолжают встречаться бронзовые псалии и бляхи, иногда оформленные в зверином стиле. Появляются новые формы удила с крестовидными и колесовидными псалиями. В меотских могильниках широко представлены также предметы быта и украшений: различные типы бронзовых зеркал, серьги, браслеты, перстни, гривны, многочисленные бусы (Керефов Б.М., 2006).

2.3.1.4. Поселения и жилища меотских племен

Наиболее ранние поселения неукрепленного типа у меотов относятся еще к VIII-VI вв. до н. э. ... В последующие века, с естественным приростом населения и оседанием части кочевников высокий берег Кубани покрывается густой сетью городищ.

Б.М. Керефов (2006).

Основными источниками по истории, экономике, общественному строю и культуре меотов, как и других древних народов Северного Кавказа, являются памятники археологии: поселения, остатки жилищ, грунтовые могильники и курганы. Поселения меотов на ранней стадии развития представляли собой небольшие родовые поселки, расположенные по берегам рек. С конца V в. до н. э. они расширяются, появляются валы и рвы. Укрепленные поселения-городища оседлого населения известны в Закубанье.

На местах проживания меотов в среднем и нижнем течении Кубани и в Восточном Приазовье находим знаменитые Келермесские, Костромские и Ульские курганы, датируемые VII-V вв. до н. э., древнее государство Синдику с поразительно высоким уровнем социально-экономического развития в VI-IV вв. до н. э., о чем свидетельствуют Семибратские курганы и остатки крупного Синдского города. «В древности, – пишет историк Н.И. Сообцокова (2010. С. 157), – предки адыгов возводили крепости и городища, стены которых достигали 4 м толщины. Примером тому служит древнее синдское городище в районе нынешней ст. Варениковской Краснодарского края».

Захоронения в протомеотских могильниках представляли собой неглубокие грунтовые ямы. Умерших хоронили на боку или вытянуто на спине. Рядом с покойником в могиле помещался погребальный инвентарь (Твердый А.В., 2009).

В «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006) помещена исчерпывающая информация, дополняющая наши представления о своеобразии жилищ и поселений у меотских племен, которую привожу в кратком изложении. Как пишет Б.М. Керефов (2006), наряду с появлением у одних племен Прикубанья в эпоху раннего железа кочевого скотоводческого (с преобладанием коневодства) хозяйства, у других племен меотов продолжает сохраняться земледельческий уклад хозяйства. Оседлое земледельческое население занимало в основном территории по восточному побережью Азовского моря, по берегам р. Кубани и по ее левым притокам.

Наиболее ранние поселения (более 30) неукрепленного типа у меотов относятся еще к VIII-VI вв. до н. э., но они недостаточно изучены. В последующие века, с естественным приростом населения и оседанием части кочевников высокий берег Кубани покрывается густой сетью городищ. Все они имели разную продолжительность существования и разную степень развития. Особенно много (более 150) их становится в позднемеотский период (вторая половина I в. до н. э. – I в. н. э.). Например, в Усть-Лабинской группе они образуют почти непрерывную цепь. По минимальным подсчетам археолога И.С. Каменецкого, на рубеже II-III вв. н. э. общая площадь городищ этой группы достигает огромной цифры – 1 237 797 кв. м, а средняя

численность населения (из расчета 5 чел. на семью), одновременно проживавшего здесь, составляла 62 тыс. чел. На другом ограниченном участке – в треугольнике между Кубанью и Лабой – сохранившаяся площадь небольших городищ – 181 726 кв. м, где жило около 10 тыс. чел. Некоторые городища достигают значительных размеров. Например, в Ладожской группе городище Конусное тянется вдоль берега на 1800 м. В таких городищах могло проживать по несколько тысяч человек.

На многих городищах имеются мощные культурные слои, свидетельствующие о длительном и непрерывном их существовании. Они имеют также развитую систему оборонительных укреплений – «цитадели» (сильно укрепленная центральная часть, отделенная от остальной площади городища глубоким рвом и валом) и внешние рвы. Время сооружения этих укреплений точно не выяснено, но, как показывают материалы отдельных городищ (например, Елизаветинское близ Краснодара), оно относится к IV в. до н. э. Хотя, как полагают археологи, в различных районах Прикубанья возведение укреплений могло происходить в разное время.

О характере меотских жилищ нет полных данных. Но в некоторых городищах встречались остатки турлучных и саманных построек. На донских меотских городищах выявлены подквадратные, с округленными углами жилища, стенки которых сделаны из камыша. Снаружи они обмазывались глиной. Высота стен достигала 2,5 м. Пол был глинобитный, крышу делали из камыша. В центре такого жилища располагался открытый очаг; у задней стенки иногда устроены большие хлебопекарные печи, сложенные из сырцовых кирпичей. Вдоль стен располагались глинобитные лежанки.

На городищах и поселениях Прикубанья найдены многочисленные кости домашних животных (коровы, лошади, овцы, свиньи, собаки), большое количество керамики, серпы, сошники, мотыги, жернова, рыболовные грузила, металлические украшения и т. д. Наряду с материалами могильников и письменных источников они позволяют охарактеризовать экономическую и культурную жизнь меотов (Керефов Б.М., 2006).

2.3.1.5. Хозяйство меотов

Плодородные степные районы правобережья Кубани и долины рек были чрезвычайно удобны для земледелия, а заболоченные низины и предгорья являлись прекрасными пастбищами для скота.

Б.М. Керефов (2006)

Основой хозяйства меотов являлось земледелие и скотоводство. Плодородные степные районы правобережья Кубани и долины рек были чрезвычайно удобны для земледелия, а заболоченные низины и предгорья являлись прекрасными пастбищами для скота («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 94-96).

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ у меотов достигло высокого уровня, что позволяло производить хлеб не только для собственного потребления, но и для вывоза. Они возделывали пшеницу, ячмень, рожь, просо. На многих городищах найдены обуглившиеся зерна этих культур. Пахотным орудием был деревянный плуг (рало). Возделывали пшеницу, ячмень, рожь, просо, чечевицу и бобовые культуры, из технических культур – лен (Твердый А.В., 2009).

СКотоводство. Второе место в хозяйстве меотов занимало скотоводство, которое давало тягловую силу, мясо, молоко, шкуры и шерсть. Высоко было развито и коневодство, поставляющее боевых коней и коней для передвижения. Поскольку и в могилах нередко встречаются отдельные части туши коня, считается, что и конина шла в пищу. Судя по материалам курганных захоронений, верховые кони являлись и мерилом богатства.

Рыболовство. Меотские поселения и городища располагались преимущественно по берегам рек, поэтому вполне естественно, что рыболовный промысел играл в хозяйстве значительную роль. Не случайно одно из древних названий Кубани – Антикитес – «Река, обильная рыбой (осетром)». На Воронежском городище найден сероглиняный кувшин с изображением рыбы, похожей на осетра. О том, что рыбный промысел играл в хозяйстве меотов немаловажную роль, сообщали многие античные и средневековые авторы:

Полибий (205-123 гг. до н. э.): «Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт (Черное море) страны доставляют нам в Грецию скот и в изобилии соленую рыбу».

Страбон (60-20 гг. до н. э.): «При плавании вдоль побережья, отправляясь из Танаиса (Дон), мы встречаем на расстоянии 800 стадий реку под названием Большой Ромбит (Ея?), где находятся большие места ловли рыбы. Затем еще в 800 стадиях расположен Малый Ромбит (Бейсуг?) и мыс, где также есть, хотя и меньше, места для рыбной ловли. Меоты занимаются земледелием и рыбной ловлей по этому побережью. ... Зимой морской путь из Пантикапея (Керчи) в Фанагорию (ст. Сенная) становится доступным для повозок. пойманная во льду рыба добывается путем «выкапывания» с помощью так называемой «гангамы» (остроги)».

Помпонию Мела (около 44 г. н. э.): «Немного островов имеется в Меотиде (Азовское море). Они не все обитаемы, ибо на них плохие пастбища. Поэтому обитатели их сушат на солнце мясо больших рыб, размазывают его в муку и употребляют вместо хлеба...».

Аммиан Марцеллин (писал в 353-378 гг. н. э.): «По левую сторону р. Танаиса (Дона) на широком пространстве живут савроматы, по земле которых текут непересыхающие реки: Марабий или Марракус (Кавказ?), Ромбит (Ея?), Теофаний или Феофан (Бейсуг?) и Тотардиан или Тоттордан (Кубань). Все они – рыбные реки, впадающие в Палус Меотийский (Азовское море)».

Масуди (943 г.): «На пределах Хазарской реки (р. Кубань) жили адемы (адыгское племя адемы. – Авт.), занимались рыбной ловлей; они не имеют ни царей, ни правителей».

Константин Багрянородный, византийский император (945-959 гг.): «С восточной стороны в Меотийское море впадают многие реки – р. Танаид (Дон) и Хоракул (северный рукав Кубани), в которой ловится рыба «верзитик» (судя по всему, осетровых пород. – Авт.).

Меотам принадлежали наиболее богатые рыбой пункты Азовского побережья и Кубани. На городищах и поселениях повсеместно встречаются кости рыб, жаберные пластинки, щитки осетровых пород и целые пласти рыбы чешуи. Их анализ показывает, что меоты ловили сома, стерлядь, севрюгу, белугу, осетра, сазана и судака. Основной способ рыбной ловли – сетевой. Повсеместно на меотских городищах вдоль Кубани можно встретить глиняные грузила для сетей. На некоторых городищах (например, Подазовское) обнаружены рыбозасолочные ямы. Все это говорит о том, что рыба шла и на внешний рынок. Охота имела подсобное значение.

РЕМЕСЛО. Ремесленное производство было развито в основном у оседлых меотов. Это и металлопроизводство, и ювелирное дело, но главное место по количеству находок занимает керамика – разнообразные по форме и качеству выделки глиняные сосуды. Если в протомеотский и раннемеотский периоды преобладали лепленные руками чернолощенные сосуды, украшенные иногда геометрическим орнаментом, то начиная с V в. до н. э. появляется сероглиняная посуда, изготовленная на гончарном круге. Впоследствии такая посуда становится господствующей.

С появлением гончарного круга появляются и центры по производству керамики. Одним из таких наиболее известных центров было Елизаветинское городище близ Краснодара. Здесь открыто около десятка гончарных печей и керамический брак. Меоты в широком ассортименте изготавливали различные кувшины, горшки, миски, чаши, кубки, вазочки, различные сосуды. Притом меотские художники не забывали украсить керамику не только орнаментом, но и рисунками животных – козла, барана, зубра, собаки, медведя. На оформлении некоторых сосудов сказывалось античное влияние. Высококачественная сероглиняная посуда меотов пользовалась высоким спросом у соседних и отдаленных племен. Она попадала далеко в степь, вплоть до Поволжья и даже до Казахстана, не говоря уже о восточных районах Северного Кавказа.

Развивается также ткачество, ювелирное, кожевенное, деревообрабатывающее, косторезное и другие ремесла. Кроме местных изделий, меоты получали большое количество предметов ремесленного производства из античных городов и другие товары путем торговли (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

ТОРГОВЛЯ И МОРЕПЛАВАНИЕ. Важное место в жизни меотских племен занимала торговля. Торговые связи осуществлялись не только по суше. Письменные источники свидетельствуют, что отдельные меотские племена были хорошими мореходами, причем морская торговля часто совмещалась с пиратством. Страбон и римский историк Тацит (умер в 120 г. н. э.) писали, что ахеи, зиги (зихи) и их южные соседи – гениохи строили для нападения на проплывающие корабли небольшие узкие и легкие лодки вместимостью до 25-30 чел. – так называемые *камары*. Об искусстве мореплавания различных меотских племен писали и другие авторы. Николай Дамасский (I в. до н. э.) указывает, что «у керкетов, если кто, управляя лодкой, ошибается, то все подходит один за другим и плюют на него». Авторы V в. н. э. также отмечают, что «керкеты... народ... весьма опытный в мореходстве».

Торговля (как сухопутная, так и морская) у меотов получает особенное значение и развитие после возникновения на Черноморском побережье греческих городов и образования Боспорского царства (Керефов Б.М., 2006).

2.3.2. «Царь синдов и всех меотов...»: греческая колонизация Земли адыгов

В VIII-VI вв. до н. э. имела место так называемая Великая греческая колонизация, под которой понимается переселение греков в различные районы Средиземного и Черного морей. По мнению ученых, эта колонизация была вызвана экономическими и демографическими причинами. Первоначально доминирующую роль в колонизаторской деятельности греков, по крайней мере, в отношении Черного моря, играли не города собственно Греции, а эллинские полисы на побережье Малой Азии (Милет и др.). Кстати, и Геродот был выходцем оттуда. Впервые греки вышли в Черное море, очевидно, в VIII в. до н. э.

Около 640 г. до н. э. возникло первое греческое поселение на северном побережье Черного моря – на острове Березань, а затем на протяжении второй половины VII-VI вв. до н. э. были отстроены Ольвия на правом берегу Южно-Бугского лимана; позже Херсонес в Крыму (старорусское название – Корсунь, в окрестностях нынешнего Севастополя) и др. Все эти пункты за исключением Херсонеса были основаны выходцами из малоазиатского Милета (Твердый А.В., 2009).

На восточном берегу Черного моря возникли древнегреческие колонии-полисы Фасис (Поти), Диоскуриада (южнее (Сухуми), Питнунт (Пицунда) и ряд других. А в III в. до н. э. была основана самая северная из греческих колоний в Восточной Европе, располагавшаяся в устье Дона, – город Танаис. Но самые известные и значительные по своему влиянию города-полисы, вошедшие позже в состав Боспорского царства, были основаны в Крыму и на Таманском полуострове Восточного Приазовья («История Кубани...», 2004; Керефов Б.М., 2006).

2.3.2.1. Начало греческой колонизации Приазовья-Причерноморья

Греки принесли развитую античную цивилизацию на берега Черного и Азовского морей. ...В Крыму и на Таманском полуострове появилось государство под названием Боспорское царство.

Р.Ж. Бетров (1990).

Греческие города-полисы были сложившимися рабовладельческими торгово-земледельческими и ремесленными центрами, поставщиками хлеба, сырья и рабов из Причерноморья в Грецию.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Формирование меотской культуры совпало с освоением греками Северного и Восточного Причерноморья. Р.Ж. Бетров пишет, что «греки принесли развитую античную цивилизацию на берега Черного и Азовского морей». Столь пристальное внимание древних греков к Причерноморью-Приазовью не было явлением случайным. Греческие мореходы очень рано познакомились с Северным Причерноморьем. Это нашло отражение в их мифах и сказаниях, древнейшие из которых относятся ко II тысячелетию до н. э. (мифы и сказания об аргонавтах, совершивших на корабле «Арго» поход в Колхиду за золотым руном, о храбром и хитроумном Одиссее, блуждавшем в стране киммерийцев, о прикованном к скале в горах Кавказа Прометее и др.).

Указанные мифы отражают тот период, когда для греков Черное море еще было чем-то далеким, труднодоступным и плавание к его берегам – опасным. Сложению такого впечатления способствовали, кроме всего прочего, жившие там воинственные племена, а также отсутствие каких-либо островов для поэтапного успешного освоения черноморских берегов. Поэтому-то первоначально греки называли Черное море «Понтос Аксенос» – *Негостеприимное море*. Лишь впоследствии, поселившись на его берегах и познакомившись с богатым краем, они переименовали Понт Аксенос в Понт Евксинский – *Гостеприимное море*, о чем рассказано в книге «География» Страбона. Подробнейший свод древних и средневековых названий Черного моря, в том числе упомянутых Страбоном, приводится в «Историко-географическом сборнике» (Галкин Г.А., 2007).

Первые поселения греков появились на северном побережье Черного моря, как было отмечено выше, в самом конце VII в. до н. э. или в самом начале VI в. до н. э. Греков привлекали плодородные равнины Причерноморья, где можно было возделывать хлеб и вывозить его в Грецию. У приазовских и причерноморских кочевников были также огромные табуны лошадей и отары овец, которые давали много продуктов животноводства для вывоза. Кроме того, Азовское и Черное моря и реки, впадавшие в них, изобиловали рыбой, а частые военные столкновения местных племен не обходились без захвата пленных, которых можно было приобретать с большой выгодой для перепродажи их в рабство. Сами же греки стремились расширить границы рынка для сбыта своих товаров.

В VI-V вв. до н. э. греческие города возникли на всем протяжении северной береговой полосы Черного моря, а затем и в районе Азовского моря. Античные авторы сохранили нам более 30 наименований греческих городов, возникших в разное время. Большая группа городов была основана на берегах Керченского пролива, называвшегося греками Боспором Киммерийским. По их представлению, Боспор Киммерийский разделял Европу и Азию: земли, расположенные к западу от пролива, греческие географы считали европейской частью, а к востоку – азиатской. В частности, на берегу Керченского пролива, на месте современной Керчи был основан город Пантикопей – центр Боспорского царства, южнее его Нимфей, а северо-восточнее Пантикапея – Мирмекий.

Крупнейшим городом азиатской части Боспора – на Таманском полуострове – являлась Фанагория, которую основал в 540 г. до н. э. теосец Фанагор. Археологами открыты остатки каменных зданий, в которых жили греки. Особое внимание привлекло одно огромное по размерам помещение – гимназия, где молодые греки занимались физическими упражнениями. Среди развалин найдены принадлежности для занятий гимнастикой. Обнаружены арибаллы – специальные сосуды, в которых хранили масло для натирания тела. В Фанагории сосредоточилась вся торговля с племенами Прикубанья. Во время раскопок обнаружены склады амфор V в. до н. э., служивших для хранения и транспортировки большого количества жидких и сыпучих продуктов. Примечательно и такое свидетельство античного автора – Аммиана Марцеллина (писал в 353-378 гг. н. э.): «Торговые греки очищали от насосов устья рек, проводили и очищали каналы и обратили Эйону (Таманский полуостров. – Авт.) в ряд островов».

К западу от Фанагории, на месте нынешней ст. Тамань, возникла Гермонасса. Недалеко от нее были расположены Патрэй, Кепы, Корокондама. В районе современной Анапы возник пункт Синдская гавань (г. Синдик), в IV в. до н. э. переименованный в Горгиппию. В склепах этого города были открыты уникальные произведения греческого искусства. На неповторимых фресках одного из них изображены подвиги Геракла, а в склепе рядом, где в саркофаге погребен знатный воин, лежали великолепные золотые мужские перстни, шейная гривна, покрытый золотой чеканкой кинжал и ножны с изображением орла, терзающего зайца. На голове воина был золотой венок с фигурой Афродиты (богини любви и красоты). Именно эти города сосредоточили в своих руках всю торговлю с меотскими племенами Прикубанья. Все перечисленные древнегреческие

города-колонии были самостоятельными государствами: ни в экономическом, ни в политическом отношении они не зависели от своей метрополии. Колонии имели свое правление, суды, законы, проводили независимую внутреннюю и внешнюю политику, чеканили свои монеты («История Кубани...», 2004).

В 480 г. до н. э. греческие города, расположенные по обоим берегам Керченского пролива, объединились в одно государство под главенством Пантикапея, чеканившего еще с середины VI в. до н. э. собственную серебряную монету. Общность торговых интересов, а также необходимость совместной защиты от возможных нападений со стороны местных племен были главными причинами политического сплочения этих городов (Керефов Б.М., 2006).

Во главе Боспорского царства стояли архонты (правители), избираемые первоначально из знатного греческого рода Археанакта, основателя Пантикапея. Власть Археанактидов стала наследственной и, по свидетельству греческого историка, жившего в I в. до н. э. – Диодора Сицилийского, эта династия правила Боспором в течение 42 лет.

В 438 г. до н. э. к власти приходит новая династия – Спартокидов, родоначальником которой стал Спарток I. Спартокиды правили Боспорским царством до II в. до н. э. Происхождение этой династии до сих пор остается неясным. Поскольку имена Спартока и некоторых других его потомков не греческие, а фракийские, вопрос о том, кем были они по происхождению, решается различными учеными по-разному. Одни считают Спартока фракийцем или фракизированным скифом, другие предполагают, что он – выходец из синдо-меотских племен. Так, М.И. Артамонов (1949) и Е.И. Крупнов (1957) считали Спартокидов не греческой, а синдской (меото-синдской) династией, а само Боспорское царство ученые иногда даже называют «полумеотским» государством (Бетрозов Р.Ж., 1991).

Приход к власти Спартока знаменовал собой начало нового этапа в истории Боспора, связанного со стремлением к территориальному расширению как на западе, так и на востоке. В этом плане Спарток I не смог достичь многого, так как он вскоре умер. Его преемники Сатир I, Левкон I и Перисада I завершили присоединение Синдики к Боспорскому царству.

Период наивысшего экономического подъема боспорских городов приходится на правление царей Левкона I и Перисада I. Именно в это время значительно расширились границы городов Фанагории, Гермонассы, Горгиппии. Полная эллинизация и подчинение Боспору синдских племен обусловили появление на землях последних многочисленных поселений сельского типа и усадеб. Они покрыли сплошной сетью Таманский полуостров, простираясь по морскому побережью вплоть до Цемесской бухты (Твердый А.В., 2009).

Вмешательство Боспорских царей во внутренние дела Синдики, связанное со стремлениями расширить границы своего царства, нашедшее отражение в посвященных надписях, привело к потере политической самостоятельности меотских племен, что, однако, не лишило их определенного статуса автономии. В IV-III вв. до н. э. Боспорское царство династии Спартокидов уже представляло собой полиэтническое государство со своеобразной греко-варварской культурно-территориальной и этнической общностью (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

2.3.2.2. Взаимоотношения меотов с Боспорским царством

В надписи на статуе царя Аспурга (начало I в. н. э.) сказано, что он «царствует над всем Боспором и Феодосией, синдами, меотами, таранитами, торетам, псессами и танайтами».

А.В. Твердый (2009).

Исторические судьбы меотов тесно переплетались с историей Боспорского царства, просуществовавшего около тысячелетия. В VI в. до н. э. на Таманском полуострове, где жили меоты, возникли древнегреческие колонии-полисы. Следует обратить внимание, что города-полисы основывались греками не на пустом месте, – главным образом там, где уже существовали поселения местных племен, которые первоначально охотно предоставляли грекам эти места. Они (и особенно их племенная знать) были заинтересованы в торговых связях с греками. Но со временем стремление греческих колонистов к расширению своих владений за счет вытеснения местных племен и их порабощения натолкнулись на сопротивление. Поэтому вскоре вокруг этих городов выросли каменные оборонительные стены и валы.

Левкон I (390-351 гг. до н. э.) завершил присоединение Синдики. Вслед за синдами Левконом I были присоединены и другие меотские племена Нижнего Прикубанья и восточного Приазовья: тореты, дандарии и псессы. В некоторых надписях времени Левкона I, высеченных на каменных блоках, его титул обозначен как «архонт Боспора и Феодосии, царь синдов, торетов, дандариев и псессов». Спустя какое-то время к титулу его преемника Перисада I (351-309 гг. до н. э.) добавляются фатеи и доски, которые жили вдали от морского берега, а он именуется уже царем «всех меотов» (Керефов Б.М., 2006). Но, как считают ученые, *присоединение меотов к Боспору носило, скорее всего, формальный характер*, чем фактический, поскольку их территория не была включена в границы царства. Следовательно, меотские племена сохраняли какую-то самостоятельность и продолжали подчиняться собственным царям и вождям. Подчинение их Боспору означало только, что они должны были признавать власть боспорских царей и выплачивать им дань хлебом и другими продуктами, а в случае необходимости поставлять воинов и предоставлять на своей территории свободу действия купцам. Что

же касается внутренней жизни, то они сохраняли свои обычаи и образ жизни, а также родоплеменной быт. На это указывают и некоторые письменные источники. Весьма показателен рассказ Диодора Сицилийского о борьбе за власть на Боспоре после смерти Перисада I (309 г. до н. э.) между его сыновьями. По словам автора, против законного наследника Сатира II выступил его младший брат Евмел. Где-то в Прикубанье, на берегу р. Фат, произошло большое сражение. В данном сражении принимал участие и царь меотского племени фатеев Арифарн, поддерживавший Евмела. Причем, согласно источникам, Арифарн прибыл на поле битвы вместе с отборной дружиной и войском, состоявшим из 20-тысячной конницы и 22-тысячной пехоты. В битве с Сатиром Евмел и Арифарн потерпели поражение и бежали с войском в замок Арифарна, находившийся в лесистой и болотистой местности на берегу р. Фат. Замок был хорошо укреплен высокими башнями. Сатир пытался атаковать замок, вырубив лес, окружавший его, но был при этом смертельно ранен и вскоре умер. Брат и преемник Притан пытался продолжить борьбу, но его попытки не увенчались успехом. Евмел с помощью фатеев захватил «немало городов и укреплений». Притан был убит, а боспорским царем стал ставленник Арифарна Евмел.

Все это свидетельствует о том, что отдельные меотские племена, обладая значительными вооруженными силами, имели возможность освободиться от притязаний Боспора. То, что подобного рода попытки со стороны меотов действительно могли иметь место, подтверждают надписи с изменениями списка племен, подчиненных боспорским царям. Страбон также пишет, что «...из всех азиатских меотов одни подчинялись владетелям торгового места на Танаисе, другие боспорцам, но иногда то один, то другой народ отпадали от них» (Кереев Б.М., 2006). И далее автор останавливается на взаимовлиянии культур аборигенов и пришельцев: «Меоты и другие местные племена, будучи тесно связаны с греками, испытывали их культурное влияние. Греки-колонисты познакомили местное население с достижениями античной цивилизации. В свою очередь и Боспор испытывал влияние местной культуры. В частности, боспоряне заимствовали тактику боя, некоторые виды вооружения, типы одежд, более удобные в условиях Северного Причерноморья, чем греческая. Во многих городах азиатской части Боспора (Фанагории, Тирамбе, Корокондаме и др.) увеличивается и число горожан – рядовых общинников из синдо-меотских племен. На это указывают черты синдо-меотского погребального обряда в грунтовых могильниках этих народов. Их присутствие придавало известное своеобразие боспорской культуре».

Развивает мысль о взаимовлиянии культур Н.А. Тернавский (2006): «Предки абхазских и адыгских племен испытали влияние греческой культуры, распространение которой шло через политические, торговые центры Колхиды, Боспорского царства, несколько позже влияние исходило от тюркоязычных кочевников – гуннов, хазар, половцев. Это влияние оспаривалось ираноязычными аланами, оно то ослабевало (как, например, после распада конфедерации гуннских народов), то усиливалось с созданием огузского государственного образования Баланджир и татаро-монгольским нашествием, крымско-татарскими и турецкими завоевательными кампаниями».

И в последующие века меото-синдские племена играли активную роль в политической жизни Боспора. Так, по сообщению Страбона, в период династической борьбы за боспорский престол после смерти Понтийского царя Митридата VI Евпатора, ряд правителей – Асандр, Динамия, Аспург – опираются на синдо-меотские племена Прикубанья и с их помощью приходят к власти. В I в. н. э., в период нового расцвета Боспора, меотские племена были снова подчинены. В надписи на статве царя Аспурга (8-38 гг. н. э.) сказано, что он «царствует над всем Боспором и Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетами, пессами и танаитами» (Твердый А.В., 2009).

2.3.2.3. Торговые связи меотов с Боспором и метрополией

Греки налаживали дружеские связи, без которых немислима была торговля. Они вывозили хлеб, соленую рыбу, вылавливаемую в Азовском море, мясо, шерсть, кожу и меха, обменивая все это на предметы роскоши и вина.

К.К. Хутиыз, Э.А. Шебзухова (2007)

В античную эпоху, как, впрочем, и в период средневековья, наряду с земледелием и скотоводством, большую роль в экономической жизни адыгов играла торговля (Кереев Б.М., 2006). Многочисленные материалы адыгских могильников свидетельствуют об их интенсивных торговых связях с другими народами, в том числе и заморскими. Этому в значительной степени способствовала близость причерноморских городов, ставших в средние века более активными в осуществлении торговых связей. Ассортимент ввозимых и вывозимых товаров и предметов был весьма разнообразен. Из Византии поступала керамика, шелковые ткани, стеклянные сосуды, различные украшения; из Ирана и Дагестана – кольчуги, шлемы и холодное оружие; из стран Востока (Средняя Азия, Индия) привозились дорогие шелковые ткани, бусы из полудрагоценных камней. Предметы христианского культа поступали главным образом из Византии, Руси и Грузии. При этом предметы роскоши оседали в основном в руках племенной знати – верхушки адыгского общества. Автор X в. Масуди отмечает, что кешаки носят одежду не только из своих, но и из привозных тканей «румской (византийской) парчи, пурпура и иных шелковых материй, затканых золотом». Находки привозных вещей (фрагменты тканей, стеклянной посуды, украшений, а также монет и т. д.) в адыгских погребениях подтверждают сообщения письменных источников.

Если в предшествующие времена внешний обмен совершался главным образом через греческих купцов, то в период раннего средневековья сами адыги часто предпринимают торговые поездки в чужие земли. Причем торговля теперь велась не только по суше, но и по морю. Масуди писал, что выделяемая в стране кешаков (адыгов) полотняная ткань «гала» очень прочная и нежная и превосходит по своим качествам арабскую ткань «дибаки». Поэтому она очень ценится (до 10 динаров) на иноземных рынках. Далее он же указывает, что среди многочисленных иноземных купцов, съезжающихся в Трапезунд, часто бывают торговцы из страны Кешк (адыгов-касогов), приплывающие на своих собственных кораблях («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 104-106).

ТОРГОВЛЯ ЗЕРНОМ занимала важнейшее место в Боспорском царстве. Не случайно на пантикапейских монетах IV в. до н. э. изображался хлебный колос и античный плуг.

Основным потребителем меотского хлеба с конца V в. до н. э. и на всем протяжении IV в. до н. э. являлись Афины. При этом основная масса хлеба, вывозимого Боспором в Грецию, поступала из прикубанских районов. По свидетельству Демосфена, во второй половине IV в. до н. э. Боспор вывозил ежегодно в Афины 400 000 медимнов хлеба, т. е. около 15 670 т. Страбон же называет еще большую цифру – около 87 500 т («История Кубани...», 2004; Кереев Б.М., 2006).

«Обильный ввоз боспорского хлеба в Афины, – подчеркивает В.Ф. Гайдукевич (1949), – чрезвычайно облегчал грекам трудную задачу обеспечения населения питанием... Крупнейшими хлеботорговцами были сами боспорские цари и члены царской фамилии. Значение Спартокидов в хлебной торговле было столь значительно, что они как бы заслонили собой всех прочих боспорских купцов-экспортеров».

В снабжении Афин в IV в. до н. э. Боспор играл настолько важную роль в сравнении с прочими причерноморскими греческими колониями, что нередко афинские ораторы в своих речах употребляли термин Понт (Черное море) для обозначения Боспора, т. е. когда говорили о доставлявшемся хлебе из Понта, то подразумевали – и это было вполне понятно афинянам – боспорские гавани Пантикапей и Феодосию. Заслуги Перисада I перед государством (т. е. Афинами. – **Авт.**) были признаны настолько большими, что его даже причислили к сонму богов... Афинское народное собрание вынесло решение: «Восхвалить царя Спартока, сына Евмела, боспорца, и увенчать золотым венком по закону за добродетель и благорасположение, в котором он пребывает к народу, поставить ему медную статую на агоре (т. е. на городской площади) около предков (в Афинах уже стоял мраморный памятник царям-соправителям Спартоку II и Перисаду I и их младшему брату Аполлонию. – **Авт.**) и другу в акрополе».

Дополняет эту информацию С.Х. Хотко (2008). Историк обращает внимание на то, что активность населения Боспора в торговле хлебом была обусловлена, в конечном счете, специфическим международным положением Генуи и Византии. Можно вспомнить, что античные греки столетиями покупали зерно в синдомеотских землях, а цари Боспора Спартокиды даровали афинским купцам привилегию первыми загружать свои суда. Боспорское царство имело очень маленькую собственную территорию, состоявшую из двух полуостровов – Керченского и Таманского. Практически весь хлеб, поставлявшийся гражданами Боспора в Элладу и на другие рынки Средиземноморья, закупался в меотских землях Прикубанья и Восточного Приазовья. В своей работе В.Ф. Гайдукевич (1949) отмечает как преимущественное значение меотских территорий в производстве пшеницы, так и их важнейшее значение во внутренней и внешней политике царей-Спартокидов.

Таким образом, территория расселения древнеадыгских племен – синдов и меотов – являлась важнейшим хлебопроизводящим районом. Земледелие носило интенсивный характер, – успех достигался не через расширение посевных площадей, но путем создания условий для земледелия. Площадь данных земель на Таманском полуострове в боспорский период, по некоторым данным, составляла 48 000 га, что равняется 40 % всей территории.

Как было отмечено выше, во второй половине I тысячелетия до н. э. у оседлых меото-сарматских племен Прикубанья основой хозяйства являлось плужное земледелие и пастушеское скотоводство (разведение свиней, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей). Плуг был, по-видимому, деревянный. На адыгском языке плуг называется *пхъэлаш*, что по-русски буквально означает – деревянное орудие. При уборке хлебов жатва производилась железными серпами (*гъунчI*). О развитии земледелия также свидетельствуют глиняные сосуды (*хоший-чад, къошын*), зерновые ямы, служившие для хранения зерна, примитивные каменные зернотерки, жернова. Последние были усовершенствованы в виде круглых ручных мельниц (*лашъхъал*).

На Боспоре существовала двупольная система земледелия: земля делилась на два участка, один из которых оставался под паром, а другой обрабатывался ралом с полозом. Позднее, в I в. до н. э. на Боспоре получили распространение железные наральники, выкованные из плоских брусков. Землю для посева обрабатывали железными мотыгами полулунной формы, напоминающими современную тяпку. Урожай собирали при помощи железных серпов и кос. Зерно размалывали зернотерками, в IV-III вв. до н. э. появились жернова («История Кубани...», 2004; Хотко С.Х., 2008).

ТОРГОВЛЯ РЫБОЙ. Важной статьей боспорского экспорта была соленая и вяленая рыба ценных пород. Рыболовство становится важной отраслью боспорского хозяйства. Осетровая рыба, наряду с хлебным колосом, как символ богатства государства, помещается на боспорских монетах второй половины IV в. до н. э. (Твердый А.В., 2009). В связи с этим примечательно, что большое количество древних и средневековых географических названий на Северо-Западном Кавказе связано с «рыбной» тематикой: Балык-денгиз – старинное название Азовского моря; Балык-су и Балакшевский лиман – река и водоем на Западном Кавказе; а

также античное название р. Кубани – Антикитес – из греческого «Осетровая река» (варианты, разночтения, искажения авторов и их более поздних комментаторов: Антикатес, Антиката, Атикитис, Антикит, Антикита, Антикельт, Антикейт, Антикейта и т. д.) (Галкин Г.А., Коровин В.И., 1979. 1980; Галкин Г.А., 2007).

ВИНОДЕЛИЕ. Помимо рыбы, икры осетровых и хлеба, Боспор вывозил в Грецию вино, скот, кожи, меха, невольников. Кстати, скифские рабы не пользовались большим спросом из-за их строптивости, а также «...из-за потенциальной склонности к вину, которое скифы, в отличие от эллинов, пили неразбавленным». Особенно большое распространение в боспорских городах получили виноградарство и виноделие. Археологами обнаружены остатки виноделен, открыты каменные давящие площадки, прессы, резервуары для отстаивания и хранения вина. Остатки виноделен открыты, в частности, в Тиритане, Мирмекии, Фанагории и других боспорских городах.

РЕМЕСЛО. С IV, а особенно VIII–II вв. до н. э. в боспорских городах процветали ремесленные производства. Изготавлилось оружие и орудия труда из железа и бронзы, каменные и деревянные погребальные саркофаги, надгробия из песчаника, известняка, ракушечника и мрамора; процветало столярное дело, изготовление мебели, косторезное ремесло. Существовали мастерские по переработке кож, а с III в. до н. э. стало развиваться стеклотеление («История Кубани...», 2004).

Особо следует отметить *керамическое производство*. Греки не знали деревянных бочек, все сыпучие и жидкие продукты они хранили и перевозили в огромных глиняных сосудах. Потребность в них была большая, поэтому производство керамики на гончарном круге было важной отраслью ремесленного производства. Изготавливалась керамическая тара: пифосы и амфоры, кухонная посуда, художественные вазы, столовая посуда, глиняные статуэтки-терракоты; в специальных мастерских-эргастериях производили черепицу.

Примечательно, что эллинские полисы изначально специализировались на ремесленном производстве товаров, необходимых аборигенам. Греческие ремесленники специально работали на «варваров», а потому на найденных в курганах вазах имеются изображения не только традиционных сцен из греческой мифологии, но и из обыденной жизни скифов. Встречаются сцены из военной жизни, изображения столкновений скифов и эллинов.

ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА. Полностью обеспечить себя вином, которое считалось у греков необходимым продуктом питания, боспорцы не могли, поэтому такое распространение получил импорт родосского, геранлейского, синопского вина (Твердый А.В., 2009).

Здесь уместно отметить, что вообще греческие импортные товары пользовались большим спросом среди знати скифских и меотских племен. Товары из материковой Греции, с островов Эгейского моря, из малоазиатских центров и других мест поступали в города Боспорского государства и к местным меотским племенам в основном через город Синдик (Синдская гавань), правители которого были заинтересованы в расширении взаимовыгодного торгового обмена с Боспором и метрополией.

Для лучшей организации взаимовыгодной торговли боспорские купцы создавали на землях местных племен торговые пункты (фактории или эмперии). Такая торговая фактория возникла в конце IV в. до н. э. и в среднем течении Кубани на месте крупного меотского поселения, располагавшегося в районе современной ст. Елизаветинской. Это был самый восточный торговый пункт боспорян среди меотских племен.

Отсюда импортные товары широко расходились по всем направлениям. На многих городищах и могильниках, расположенных далее в глубине предгорий и вверх по течению р. Кубани, найдены многочисленные остродонные амфоры, ювелирные изделия, доспехи греческого производства, античные сосуды и т. д. Конечно, большинство из них сосредоточивалось в руках племенной знати, что приводило к еще большему углублению имущественного и социального неравенства в меотском обществе (Керефов Б.М., 2006).

Дополняет эту информацию С.Х. Хотко (2008). Историк отмечает, что торговая активность меотов была обусловлена, в конечном счете, специфическим международным положением Генуи и Византии. Можно вспомнить, что античные греки столетиями покупали зерно в синдо-меотских землях, а цари Боспора Спартокиды даровали афинским купцам привилегию первыми загружать свои суда. Боспорское царство имело очень маленькую собственную территорию, состоявшую из двух полуостровов – Керченского и Таманского. Практически весь хлеб, поставлявшийся гражданами Боспора в Элладу и на другие рынки Средиземноморья, закупался в меотских землях Прикубанья и Восточного Приазовья.

2.3.2.4. От расцвета – к упадку: сокрушение кочевниками Боспорского царства

*И погубили Мы более сильных мощью, чем они, и
прошел уже пример первых...*

Коран. Сура 43; 7.

*Идет пагуба; будут искать мира, и не найдут.
Бедя пойдет за бедою.*

Библия. Книга пророка Иезекииля (7; 25, 26).

В связи с появлением на Северном Кавказе *сарматов*, их вклиниванием во II в. и в первой половине I в. до н. э. в среду меотского населения, в результате вооруженных межплеменных столкновений существенно нарушаются налаженные отношения античных городов с аборигенами, что отрицательно сказыва-

ется на положении Боспора. Одновременно с сарматской экспансией в Крыму активизировались скифы. Во II в. до н. э. на Боспоре рабы и зависимое скифское население во главе со скифом-рабом Савмаком подняли восстание. Оно охватило всю европейскую часть Боспора (граница Европы и Азии в то время проходила по Дону и Керченскому проливу). Восстание продолжалось примерно год, после его подавления Боспор вошел в состав сильного эллинистического государства Понт.

С начала I в. до н. э. на Боспоре устанавливается новая, «понтийская» династия. Боспор попадает под римское влияние, боспорские «цари» признают римских императоров своими покровителями, но фактически остаются самостоятельными. Более того, на I-II вв. н. э. приходится кратковременный экономический подъем и стабилизация политической жизни боспорских городов. Однако со временем изменяется этнический состав территорий, заметно увеличивается процент негреческого, сарматского населения. Процесс сарматизации усиливается, и в 93 г. Боспорский престол переходит к царю с сарматским именем – Савромату (93-123) («История Кубани...», 2004; «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

Последний расцвет Боспорского государства длился недолго. Охвативший весь античный рабовладельческий мир глубокий социально-экономический и политический кризис проявился на Боспоре. Усиливается натиск варварских племен. В начале III в. н. э. в Северном Причерноморье появляются германские племена, получившие название *готов*. В 30-х гг. III в. они разрушили Горгиппию, в 40-х гг. – Танаис, затем обрушились на другие города.

Уже в 340 г. Боспор прекратил выпуск монеты, а в 363 г. был вынужден просить о помощи римского императора Юлиана. В 370-х гг. прокатившаяся через Кавказ и Крым волна *гуннов* окончательно сокрушила Боспорское царство. В 80-х гг. IV в. гунны до основания разрушили поселения и города на Таманском полуострове и, переправившись через Керченский пролив, превратили в развалины города европейского Боспора. Как писали библейские пророки, «Беда за бедою: вся земля опустошается, внезапно разорены шатры мои...» (Книга пророка Иеремии (4; 20)). И хотя на развалинах греческих городов жизнь постепенно стала возрождаться, Боспорское государство прекратило свое существование. Нашествием гуннов завершается многовековой период развития античных городов в Северном Причерноморье. Территории Боспора в V-VI вв. превратились в одну из провинций Византийской империи («История Кубани...», 2004; Твердый А.В., 2009).

Подводя итоги греческой колонизации Северо-Западного Кавказа, Б.М. Керфов (2006) отмечает: «С появлением греческих городов, развитием взаимоотношений между ними и местными племенами в истории юга нашей страны началась античная эпоха. Греческие города-полисы были сложившимися рабовладельческими торгово-земледельческими и ремесленными центрами, поставщиками хлеба, сырья и рабов из Причерноморья в Грецию».

2.4. Волны кочевников: аланы, готы, гунны, авары в степях Северо-Западного Кавказа

2.4.1. Этногеография Северного Кавказа в позднюю античную эпоху и в раннем средневековье

Увы! Шум народов многих... Рев племен! Они режут, как режут сильные воды.

Книга пророка Исая (17; 12).

*Племена уходят в могилу,
Идут, проходят года...*

А. Блок (1880–1921).

Важным фактором, повлиявшим на исторические судьбы аборигенов Северо-Западного Кавказа, в том числе предков современных адыгов, явилось появление на этой территории в период раннего средневековья кочевников – степных племен юга Восточной Европы.

Уже с эпохи бронзы степные и лесостепные пространства Евразии (от р. Дунай до р. Хуанхэ в Китае) стали колыбелью кочевого скотоводства. Это был особый тип хозяйства, который отличался рядом специфических особенностей. Кочевники вынуждены были совершать постоянные передвижения в поисках пастбищ. В степях, часто переходящих в бедные водой полупустыни, кочевой образ жизни был единственно возможным.

Восточноевропейские степные просторы (Северное Причерноморье, Придонье, Нижнее Поволжье, Прикаспийская низменность) принадлежали племенам т. н. североиранской языковой группы, входящей в индоиранскую ветвь индоевропейской языковой семьи, которые находились в условиях таборного кочевания, – вначале это были киммерийцы (носители катакомбной культуры степей), а затем мощное объединение скифских племен (потомки племен т. н. срубной культуры), о чем речь шла выше. Позже их сменили многочисленные сармато-аланские племенные союзы (Керфов Б.М., 2006).

Подводя итог первоначальной этнической раннесредневековой ситуации на Кубани и в смежных районах, можно утверждать, что в предгорной полосе Западного Кавказа находилась область джиков-адыгов; Центральный Кавказ, в том числе горные районы Карачаево-Черкесии и Краснодарского края, Пятигорье, занимали осы-аланы, которые очень рано включили в свой состав кавказские племена потомков кобанцев, а на север

от Кубани, на территории Краснодарского края жили оногуры и болгарские (болгарские) племена; к северу от Кумы – барсилы, к которым примыкали хазары-акациры; к востоку от всех этих народов кочевали савиры.

Не позднее начала VI в. самый большой на Северном Кавказе оногурский союз распался на две группировки: утигуров и кутригуров. Через некоторое время утигуры были истощены в долгой борьбе с кутригурами, откочевавшими за Дон, к северному побережью Азовского моря. Войны между ними инспирировались и поддерживались византийским императором Юстинианом I (527-565 гг.). Позже на этой территории отмечено присутствие кочевых племен аваров и, наконец, огромную территорию юга Русской равнины занял Хазарский каганат.

70-е гг. VI в. отмечены экспансией тюрков, величайшего по территории азиатского государства – Тюркютского каганата. Способными оказать сопротивление в Предкавказье в то время были лишь аланы, объединившиеся с остатками ослабленных утигуров. Их сопротивление было сломлено к 576 г. Тюрки формально могли считать алан и утигуров покоренными.

2.4.2. Аланы-овсы на Северном Кавказе

Эта страна (Алания) полна всяческих благ, есть в ней много золота, великолепных одеяний, благородных коней, стального оружия, ...кольчуг и благородных камней.

Шапух Багратуни (1356).

Аланы были самым значительным народом, определявшим средневековую историю Западного Кавказа. Однако их целостность в Предкавказье была нарушена в связи с появлением здесь в 375-378 гг. гуннов.

А.В. Твердый (2009).

В I-II вв. н. э. сираки теряют свое господствующее положение в степях Северо-Западного Кавказа, уступая это место аланам, которые объединяют сарматские племена в сильный алано-сарматский союз племен. Впервые племена алан-овсов – ираноязычных предков современных осетин, балкарцев и карачаевцев – появились на Северном Кавказе в I в. н. э., и с тех пор их жизнь была тесно связана с данным регионом. Несколько позже, в конце II – начале III в. аланы объединяют кочевые сарматские племена в сильный алано-сарматский союз. Уже И. Флавий в конце I в. н. э. упоминал Аланию, говоря, что «...племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса (р. Дон) и Меотиды (Азовское море). В целом же Алания занимала равнины Предкавказья от Прикубанья на западе вплоть до нижнего течения Терека на востоке» (Твердый А.В., 2009).

«С первых веков н. э., – пишет Р.Ж. Бетров (1991), – начинается массовая миграция на Северный Кавказ родственных сарматам воинственных кочевников-аланов. Под их давлением местное население вынуждено было покидать насиженные места на правобережье Кубани и переселяться в Закубанье. Особенно усилилась миграция кочевников в конце IV в. н. э., когда масса алан, живших в Прикаспии в междуречье Волги и Дона, под давлением гуннов отхлынула в предгорья Центрального Кавказа. Именно аланы, отдаленные ираноязычные предки современных осетин, балкарцев и карачаевцев, стояли у истоков создания кубанской позднебронзовой культуры».

Дополняет эту информацию о древних аланах-овсах Е.Л. Марков (1887): «Монах Бекон, путешественник XIII столетия, отличает горы Христиан – Ааз (т. е. Асы) от гор Аланов. Но вообще, огромное большинство византийских, арабских и европейских писателей Средневековья называют Кавказский хребет Аланскими горами и считают за аланов все племена, жившие по северному склону Кавказа, у истоков Кубани и Терека, и по равнине, вплоть до царства Хазарского и берегов Азовского и Каспийского морей. Так, например, Иосафат Барбаро, автор XV в., прямо говорит, что «имя Алании происходит от народа аланов, которые на своем языке зовут себя ас». Только одни ближайшие соседи осетин, – грузины всегда строго отличали в своих описаниях «Осет» (при истоках Терека) от «Аланет» (у истоков Кубани, западнее оссов). На старой карте Николая Делиля «Аланет» показана у северной подошвы Эльбруса... В XI в. осетины образуют довольно сильное царство и имеют даже династию царей, которые рождаются с разными владетельными домами, даже с византийскими императорами» (Марков Е.Л., 1887).

Много позже, во второй половине XII в. начинается новый период развития аланского общества, – постепенный упадок Аланского племенного объединения. В этот период Алания, как и соседние кавказские объединения, была охвачена феодальной раздробленностью. Сказалась слабость Аланского государства, несовершенство государственной машины, отсутствие централизованного аппарата и юридических норм. Доминиканский монах Юлиан, живший в Алании в 1236 г. в течение 6-ти месяцев, красочно воспроизводит обстановку острых межфеодальных конфликтов и войн: в Алании теперь «...столько вождей, сколько и селений, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села. Человекоубийство у них не считается ни за что». И далее – феодальные междоусобицы достигли такой остроты, что во время пахоты «...все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе жнут» (Цит. по: Твердый А.В., 2009).

Несколько слов о хозяйстве аланов. На заре своей истории они вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Как пишут исследователи, «...выходцы из сарматской среды, аланы постоянными войнами распространили свое название на другие племена». На Кубани с ранними аланами связывают курганы «Зо-

лотога кладбища» между ст. Воронежской и Казанской, правобережье Кубани, а также восточную часть Краснодарского края (территории Лабинского, Мостовского и Отраденского районов).

Наиболее изучена на Западном Кавказе экономика аланов, в основе которой лежало высокоразвитое земледелие и скотоводство, унаследованное от древнего исконно земледельческого населения Центрального и Северо-Западного Кавказа. Аланские оседлые племена возделывали просо, пшеницу, ячмень, коноплю, возможно, горох и гречиху. Арабский путешественник X в. Масуди писал, что земля алан хорошо возделана. Множество жерновов, зернотерок, серпов находят при раскопках аланских поселений, чересла плугов обнаружены на городищах Адюх в Карачаево-Черкесии и на Ильичевском городище в Краснодарском крае. Это свидетельствует о наличии у алан тяжелого плуга, снабженного череслом и колесным передком. Такой плуг, очевидно, употреблялся в равнинной и предгорной зонах на мягких почвах. В горах бытовала соха.

В горах и предгорьях существовало подсечное и террасное земледелие с применением удобрения. Не меньшее значение имело домашнее скотоводство с использованием откожевки на высокогорные пастбища. Развивалось овцеводство, культивировался крупный рогатый скот, выращивались низкорослые крупноголовые лошади, а также высокие алхантекинские. На горных отгонных пастбищах строились летние поселки-становища, иногда с мощными каменными укреплениями. Наряду с домашним скотоводством, ведущим занятием у алан с V в. стало земледелие. Судя по костным останкам дикого кабана, косули, дикого оленя, рыб, имели значение охота и рыболовство. С первых веков своей истории аланы были и хорошими мастерами-ремесленниками (Твердый А.В., 2009).

Ремесла и искусства совершенствовались в течение всей истории – до середины XIII в. Один из поздних авторов Шапух Багратуни писал об аланах: «Эта страна полна всяческих благ, есть в ней много золота, великолепных одеяний, благородных коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и благородных камней». Массовое производство железных орудий опиралось на местную рудную базу. На территории всей Алании выявлено немало средневековых следов выработок и плавки железной руды. Как показывает металлография некоторых экземпляров мечей и сабель, они отличались упругостью и вязкостью клинка, твердостью лезвия, которое проходило цементацию.

Кузнецы делали лемеха к плугу, чересла, сошники, ножницы для стрижки овец, рабочие топоры, долота, напильники, тесла, зубила, шилья, различные виды гвоздей, кольца, крюки, петли дверные; в связи с распространением христианства, некоторые мелкие предметы церковного обихода. Из железа изготавливались сабли, ножи, секиры, наконечники копий и стрел, кольчуг, стремяна, удила, подковы, конская сбруя. Широко была распространена обработка цветных металлов: меди, серебра, олова, свинца, цинка и их сплавов. Мастера с честью продолжали замечательные традиции обработки древними кобанцами бронзы. Имеются многочисленные находки литейных форм (глиняных и каменных), двусторчатых, разъемных и односторонних. При изготовлении оружия применялиськовка, чеканка цветных металлов. Высоко было развито ювелирное искусство: амальгамное золочение, гравировка, зернение, инкрустация цветными вставками из стекла, драгоценных и полудрагоценных камней (Твердый А.В., 2009).

Аланы были воинственными племенами, что нашло отражение в письменных источниках Византии, Грузии, Сирии, арабского Востока. Об этом же говорит оружие, найденное в аланских захоронениях. Под давлением воинственных кочевников-аланов местное население вынуждено было покинуть насиженные места на правобережье Кубани и переселяться в Закубанье. Особенно усилилась миграция кочевников в конце IV в. н. э., когда масса алан, живших в Прикаспии в междуречье Волги и Дона, под давлением гуннов отхлынула в предгорья Центрального Кавказа (Бетров Р.Ж., 1991).

Нашествие гуннов во многом изменило обычный уклад жизни аланского общества. Часть алан была истреблена, часть ушла вместе с гуннами на запад. Аланы, кочевавшие в степях Предкавказья, во время гуннского нашествия бежали в горы Кавказа и поселились в верховьях Терека и Кубани. Памятники аланской культуры открыты на правобережье Кубани в окрестностях ст. Старокорсунской.

V-VII вв. для алан, бежавших в горы после гуннского нашествия, были периодом формирования и становления раннесредневековой аланской культуры. Западные районы обитания алан меньше подвергались нападениям кочевников, поэтому развитие культуры здесь происходило в более стабильной обстановке (Твердый А.В., 2009).

2.4.3. «Прорываются рыжие готы к лазури южных лагун...»

*Затем прорываются рыжие готы
К лазури южных лагун...*

И. Сельвинский (1899–1968).

В начале III в. н. э. в Северном Причерноморье появляются германские племена, получившие название готов. В 30-х гг. III в. они разрушили Горгиптию, в 40-х гг. – Танаис, затем обрушились на другие города.

«История Кубани...» (2004).

Первыми по времени пришельцами на Северный Кавказ были готы. Они появились на Северном Кавказе еще во времена существования Боспорского царства и осели на территории Таманского полуострова и смежного с ним Черноморского побережья. По преданию, готы вышли с территории Скандинавии. Это были

арийцы, не имеющие ничего общего с кочевыми народами Азии. Готы достигли уже известной степени гражданского развития и исповедовали на юге христианскую религию.

В I-II вв. н. э. готы распространили свое владычество от устьев Вислы и берегов Балтики над равнинами, прилегающими к югу и востоку от Карпатских гор до устья Дуная и до северного берега Черного моря. В I в. до н. э. с запада на греческие города-полисы стали нападать готы, жившие тогда западнее Днестра, разгромившие Ольвию. Поэт Овидий Назон, сосланный на берега Черного моря, очень красочно описал положение угасавших городов: «Кругом грозят жестокими войнами бесчисленные племена... Враг густыми толпами подобно птицам налетает и уносит добычу, ...поэтому редко кто осмеливается обрабатывать землю, да и тот несчастный, одной рукой пашет, а в другой держит оружие... Чуть часовой с дозорной вышки подает сигнал тревоги, мы тотчас дрожащей рукой надеваем доспехи. Свирепый враг, вооруженный луком и напитанным ядом стрелами, осматривает стены на тяжко дышащем коне... Иногда, правда, бывает мир, но никогда веры в мир...».

Рабовладельческие города-полисы (государства) не могли противостоять нашествиям готов и сарматов и оградить подвластные им небольшие земли от разорения. Римская оккупация Причерноморья в I в. до н. э., и включение большинства городов в состав Римской империи не могли существенно изменить положения, поскольку римляне рассматривали эти города только лишь как источник получения продуктов и рабов, как передаточные пункты в торговых и дипломатических сношениях с необъятным «варварским» миром, подступавшим в это время вплотную к узкой прибрежной полосе греческих колоний.

Заметно усилились нашествия кочевников с середины III в. н. э. Начиная с этого времени, воинственные готы совершали опустошительные набеги на Черноморское побережье, Малую Азию и Грецию. Писатель Дескипп, живший в III в. н. э., говорит, что «скифы, называемые готами, большую массу, переправившись при Дакии через реку Истр (Дунай), подвергли между 249 и 251 гг. по Рождеству Христову опустошению подвластную римлянам страну». Закрепившиеся в Приазовье готы вторглись и на территорию Боспора. В 250-270 гг. боспорцы были вынуждены предоставлять им свой флот для пиратских походов. Готы грабили прибрежные города Кавказа, Южного Причерноморья, Малой Азии и нападали даже на Грецию и римские придунайские провинции. К концу III в. активность готов ослабевает (Твердый А.В., 2009).

Еще больше ухудшилось положение раннеадыгских племен в конце IV – начале V в. н. э., когда из Крыма произошло очередное вторжение готов, которые захватили часть Черноморского побережья на Тамани («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 102). Они заняли древнюю Синдику, которая получила вследствие этого название Евдуссии, и распространились отсюда у берегов Черного моря до нынешнего Геленджика и южнее его. Здесь осели готы-тетракситы, названные, вероятно, так потому, что управлялись четырьмя начальниками, или топархами. Это было во времена императора Юстиниана, царствовавшего между 527 и 565 гг. по Рождеству Христову и присоединившего, благодаря победам своих полководцев, Боспорское царство от Восточной Римской империи к Западной – Византийской. В ту пору готы делились на области, носившие название «климат». Во главе каждой климаты стоял обыкновенно топарх (наместник, губернатор, протектор над готами). Вероятно, Евдуссия представляла собой одну или четыре таких климат. Местность, находившуюся вблизи Анапы и занятую тетракситами, Прокопий называл Евлисией. В то время Синдика, по словам этого писателя, называлась уже Евдуссией. Все побережье между Синдикой и нынешним Геленджиком, где прежде обитали керкеты и тореты, населено было евдуссианами, которые говорили на готском и таврском языках. Очевидно, готы слились в Крыму с таврами и, проникнув на Черноморское побережье, меньшую часть коренного прибрежного населения – синдов, керкетов и торетов, поглотили, а большую часть того же населения оттеснили в горы.

Потомки готов-тетракситов основали могущественный Готский союз, который спустя столетие, в IV в. н. э. был разгромлен гуннами. Несколько позже причерноморские зихи, занимавшие тогда небольшое пространство вдоль восточного берега Черного моря между современными Гагрой и Туапсе, победоносно завершили войну с готами, что дало им возможность раздвинуть границы своих владений до современного Геленджика (Твердый А.В., 2009). После 580 г. сведения о готах теряются. Когда-то воинственные готы-тетракситы не смогли устоять от напора более сильных и могущественных кочевников, двинувшихся из глубин Азии. В это время с востока на Европу двинулись полчища гуннов. И хотя готы-тетракситы при этом остались как бы в стороне, главная масса единоплеменных им готов, обитавших в долине Истра (Дуная), была вытеснена оттуда гуннами, и готы вынуждены были переселиться во Фракию (Твердый А.В., 2009).

2.4.4. «Вторжение гуннов наносит последний удар по Боспорскому царству»

*Пришел и осел на долгие годы
Овеянный ржанием гунн...*

И. Сельвинский (1899–1968)

*И опустошал Давид ту страну, и не оставлял в
живых ни мужчины, ни женщины, и забирал и овец, и
волов, и ослов, и одежду.*

1-я Книга Царств (27; 9)

Исторические сведения о нашествии гуннов на Северный Кавказ и на Боспорское царство скудны. Нашествие это напоминает нечто в роде сильного и стремительного вихря, который, разрушая все в своем круговороте, не оставил после себя никаких следов. От гуннов в пределах Боспорского царства и нынешнего

Краснодарского края практически ничего не сохранилось до наших дней, кроме общих исторических указаний о разрушительном нападении полудиких азиатских орд. Началом новой эпохи в истории населения степей южной части Восточной Европы явился 370 г.

Хронологически этот период можно отнести к раннему средневековью. Как отмечают К.К. Хутыз и Э.А. Шебзухова (2007), «...более или менее определенно выделяются 4 периода в истории адыгского средневековья; их можно определить и условно назвать следующим образом:

- IV–VI вв. н. э. – ранне-зихский (или просто зихский);
- VII–IX вв. – ранне-касожский период;
- X–XIII вв. – касожский период;
- XIII–XV вв. – шитхальский (Белореченская культура);
- XVI–XVII вв. – позднее средневековье».

Неисчислимы орды Гуннского союза племен, по словам Аммиана Марцеллина, «этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, достиг аланов и Меотиды» (Цит. по: Бетров Р.Ж. (1991).

2.4.4.1. «Гуннское нашествие оказалось трагическим для большинства населения Северо-Западного Кавказа»

И поднимешься, как буря, пойдешь, как туча, чтобы покрыть землю, – ты и все полчища твои...

Книга пророка Иезекииля (38; 9).

Весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом, ...не щадили ни религии, ни возраста, не жалели плачущих малюток.

Евсевий Иероним (331–420 гг. н. э.).

Раннее средневековье ознаменовано великим переселением, насилием и уничтожением целых народов. Войны и пожары как смерч пронеслись из глубин Азии до Западной Европы, сметая на своем пути этнические общины. Жизнь в степных районах вымирала. Особо тяжелый ущерб населения Предкавказья нанесло гуннское нашествие.

Гунны (хунну) – кочевой народ Центральной Азии, обитавший первоначально к северу и западу от р. Хуанхэ. В III–II вв. до н. э. они создали на территории Монголии и Южного Прибайкалья военно-племенной союз, известный по китайским источникам как «хунну». Гунны доставляли много хлопот Китайской империи. По мнению профессора Ф. Бруна, именно гунны разгромили Манчжурию и Китай, опустошив эти государства. Однако в середине I в. до н. э. в результате внутренних противоречий и под ударами Китая, гунны раскололись на северных и южных. Южные заняли часть Китайской территории, а северные откочевали на запад в Приуралье, Северный и Центральный Казахстан.

Во II–IV вв. н. э. их продвижение на запад усиливается. Автор IV в. Аммиан Марцеллин, будучи очевидцем этих событий, так описывает образ жизни гуннов: «У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина, – он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше».

В IV в. гунны заняли всю Среднюю Азию, часть их осела в долине р. Аму-Дарья. Остальная масса гуннов проникла через Урал в Европу и, перейдя Волгу, обрушились на аланов и сарматов. Первой их жертвой стали аланы, часть которых (предки современных осетин) спаслась в горах и предгорьях Центрального Кавказа. По сведениям Аммиана Марцеллина, гунны учинили страшный разгром не только алан, но и готов-грейтунов (остготов).

На Северо-Западном Кавказе кочевники впервые появились в 371 г. н. э., когда «...главные силы гуннов, увлекая за собой покоренные массы алан, продвинулись через низовья Дона к Северному Причерноморью. Другая часть гуннов, преследуя уцелевшие группы аланских племен, двинулась на Северный Кавказ по прикаспийским степям на юг – до Терека и Кубани, а затем на запад – до Таманского полуострова». Захватив степные пространства Северного Причерноморья и Восточного Приазовья, гунны некоторое время оставались там, кочуя и собирая дань с уцелевшего после погрома местного населения (Керефов Б.М., 2006).

Как сообщает Р.Ж. Бетров (1991), «...преследуя уцелевших алан, которые, спасаясь, устремились на Северный Кавказ, часть гуннов, пройдя через Прикубанские степи, razорила земли меотов, а затем двинулась к Черному морю и Керченскому проливу. Проникнув на Таманский полуостров, кочевники подвергли уничтожению часть городов и жителей Боспора (Кепы, Фанагория, Гермонасса и др.). Гунны прошли также по территории Синдики, разрушая города и села. Все это хорошо прослеживается по археологическому материалу (следы пожаров, разрушений и внезапного ухода населения, останки погибших и т. д.). Некоторые из разрушенных городов больше не возрождались (например, Кепы – небольшой город на восточном берегу Таманского залива)».

Аланы окончательно были разбиты в 372 г. близ р. Танаис (р. Дон) под предводительством своего вождя Баламбора. При этом часть алан была увлечена гуннами в Западную Европу, а в основном они сконцентрировались в предгорной и горной зоне Кавказа. В степном Предкавказье за спиной основных гуннских сил, передвинувшихся на запад, оставалось могущественное племя гуннов-акациров (что значит по-тюркски «лесные люди». Термин, видимо, указывает на происхождение племени). Кроме того, здесь были предки булгарской племенной группы.

Об этом «страшном разгроме» алан и других местных племен сообщает современник Атиллы Евсевий Иероним (331–420 гг. н. э.): «Весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом, ...не щадили ни религии, ни возраста, не жалели плачущих малюток» («Кавказ и Дон...», 1991. С. 392). Не о них ли писали библейские пророки: «Никто не мог устоять пред лицом их, потому что страх пред ними напал на все народы» (Книга Есфирь, 9; 2).

Другой древний историк – Аммиан Марцеллин, антиохийский грек, написавший римскую историю с 96 по 378 гг. н. э., следующим образом отразил гуннское нашествие: «Именно гунны, вторгнувшиеся в земли тех аланов, которые сопредельны с тревтунгами и обыкновенно называются танаитами (танаиты – жители Приазовья, низовьев Дона-Танаиса. – Авт.), многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они с большей уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Эрменриха, царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами наведшего страх на соседние народы» (Цит. по: Ловпаче Н.Г., 2009).

В 395 г. гунны совершили новый набег на восточные провинции Римской империи. То были гунны Предкавказья, которых позднее римские писатели выделяют из общей массы этого народа, ушедшего в основном на Запад. Армянские источники, а также грузинская летопись «Картлис Цховреба» называют различные гуннские группировки, находившиеся на Северном Кавказе с конца IV и в V вв. н. э. Часть их, акациры, недолго были хозяевами предкавказских степей – от правобережья р. Кубани до устья Волги.

Гуннское нашествие оказалось трагическим для большинства населения Северо-Западного Кавказа. Южная волна гуннов прошла через Прикубанье на Таманский полуостров. Оттуда, форсировав Керченский пролив, гунны вторглись в Крым. Боспорские города были превращены в груды развалин; их жители были либо перебиты, либо угнаны.

О том, что территория, захваченная гуннами, простиралась от Центрального Кавказа до побережья Азовского моря, сообщает выдающийся византийский историк Прокопий Кессарийский в своем труде «Война с готами», написанном в 545-550 гг.: «За Каспийскими воротами (так он называет Дарьяльский проход) расстилаются поля ровные и гладкие... Здесь поселились почти все гуннские племена, и простираются они до озера Меотиды (Азовского моря)...». При этом на «горе Кавказ», по мнению Прокопия Кессарийского, были заселены с запада на восток абазги, зихи, сагины, аланы. Абазги – абхазские племена; зихи – несомненно, предки адыгов; сагины – этническая группа, обитающая на границе горной и степной областей; за ними жили племена гуннов.

2.4.4.2. Атилла – «Молот вселенной, Бич Божий»: взаимоотношения меотов с гуннами

Слышен храп коней его, от громкого ржания жеребцов его дрожит вся земля, и придут, и истребят землю и все, что на ней...

Книга пророка Иеремии (4; 29).

Гунны всколыхнули застоявшийся быт, разорили Северный Кавказ, но радикально не нарушили жизнь народов этой страны.

Ш. Ногмов (1893).

Уже в 30-40-х гг. V в. верховный глава всей гуннской политической конфедерации Атилла (годы правления: 433-454) стремится подчинить близкие гуннам по происхождению племена, распространившиеся вместе с ним в Предкавказье, и даже ираноязычные группы, очевидно, алан. *Войска Атиллы, известного под именем «Бича Божьего», опустошили и покорили значительную часть Западной Европы* (Твердый А.В., 2009).

Земля адыгов была опустошена. Отхлынув, гунны оставили после себя могильные курганы, пепел пожарищ и страшную память, которая пережила века и тысячелетия. Шора Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» (1893) так отзывался о нашествии гуннов: «Хотя предание не оставило никаких сказаний о великом завоевателе (Аттиле. – Авт.), но можно утвердительно сказать, что адыги были им покорены и признавали над собою его власть; песни упоминают, что они служили в его войске».

До настоящего времени сохранились народные предания, подтверждающие, что Атилла покорил Черкессию и «заставил сынов ее» присоединиться к своему войску». В адыгских песнях говорится: «По большим горам, как блестящие звезды, стекаются к Аттиле воины наши, наносящие удары, подобно ударам грома. Отборная конница наша отправляется вслед за Аттилой с охотой. Если же этого недостаточно, то приготовимся ехать и мы».

В результате натиска орд кочевников-тюркютов меоты вынуждены были переселиться, бросив свои города, к своим сородичам на левобережье Кубани и продвинуться в горы. Горы спасли предков адыгов как этническую общность и в последующие нашествия. Переселившись в горы, меоты вынуждены были строить оборонительные стены, устраиваться на высотах с отвесными скальными карнизами, порой используя ранее населенные их предками пещеры. Они сумели сохранить свой язык и культуру, высоко ценили воинскую доблесть, мужество и отвагу (Хутиз К.К., Шебзухова Э.А., 2007). Тем не менее, в результате нашествия гуннов территория расселения предков адыгов – меотских племен значительно сократилась. Под напором кочевников позднемеотские племена вынуждены были уйти с правобережья Кубани в предгорье, приморские и горные районы Закубанья, где возникли их новые городища (Гатлукайское, Пшикуйхабльское, Кошехабльское, Ново-Михайловское и др.). Часть адыгов скрылась в верховьях Кубани.

В результате этих бурных событий в письменных источниках IV-V вв. н. э. упоминание отдельных меотских племен становится очень редким, что говорит о значительном ослаблении их роли в то время на Северо-Западном Кавказе. Кроме того, начиная с этого времени со страниц сочинений древних авторов навсегда исчезает собирательное имя «меоты» (Керефов Б.М., 2006). Вместе с тем, по мнению некоторых авторов, «...как ни странно, но *гуннское нашествие не прервало жизни адыгских племен левобережья Пшиза (Кубани)*». Согласно археологическим материалам, фольклорным источникам и сведениям Ш. Ногмова, гунны «всколыхнули застоявшийся быт, разорили Северный Кавказ, но радикально не нарушили жизнь народов этой страны». Во время самих кочевнических погромов население Авхиды правой террасы Шхагуаше (Белой), предупреждаемое заранее северо-восточными соседями, вовремя переходило на левый берег под защиту реки, крепости и леса (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 159).

Об этом пишут и другие исследователи. По их мнению, опустошительное нашествие гуннов, хотя и затормозило в значительной степени социально-экономическое развитие синдо-меотских племен – предков адыгов, все же не уничтожило полностью их традиции древней культуры. Наиболее ощутимый урон был нанесен земледельческо-скотоводческому населению степного правобережья Кубани. В результате эти плодородные земли оказались занятыми кочевниками. Что же касается районов Закубанья, то здесь на протяжении всего I тысячелетия н. э. не было никакой смены населения, и традиции культуры древних адыгов не прерывались. Многие поселения меотов, возникшие еще в последних веках до н. э. – первых веках н. э., просуществовали непрерывно до VII-VIII вв., что свидетельствует о преемственности развития раннесредневекового адыгского населения от позднемеотских племен («История народов Северного Кавказа...» Т. 1. 1988).

Позднемеотские городища, в том числе и восточного Закубанья, куда гуннской коннице легче было прорваться, форсируя не очень еще полноводные реки во главе с Кубанью, вскоре после 370 г. н. э. возобновили функционирование. Дело в том, что гунны, побеждая в одиночку разрозненные силы горцев, грабя их и присоединяя к себе, в дальнейшем удовлетворялись их участием в грабительских походах. Так, в 395 г. *гуннская орда с участием овсов (алан) и джиков (зихо-адыгов)* прорвалась в Закавказье и учинила там страшный погром (Бетров Р.Ж., 1991). В грузинской летописи тюркоязычные гунны – организаторы похода – были названы «пачаниками», т. е. печенегами.

О дальнейшей судьбе гуннов, покинувших Северный Кавказ, и их предводителя – Аттилы сообщает И.Н. Анфимов (1990): «Опустошив Приазовье и Причерноморье, гунны продвинулись дальше на запад и образовали через несколько десятилетий государство в Паннонии (на территории современной Венгрии). В это непрочное государственное объединение, достигшее наибольшего могущества при Аттиле (445-454), входили также и оставшиеся в Причерноморье племена Гуннского союза. Но вскоре после смерти Аттилы его держава распалась, и история народов, пришедших в европейские степи, стала развиваться самостоятельно. Их имена появляются на страницах византийских и закавказских хроник. Акациры, барсилы, савиры, авары, утигуры, кутригуры, булгары, хазары – вот лишь некоторые из этих кочевых народов, говоривших на различных диалектах западнотюркского языка».

В заключение приведем результаты исследования известного специалиста в области адыгской топонимики Дж. Кокова (2006). Как известно, – отмечает автор, – «Ошхамахо» (*Юашъхъэмахуэ, Уашхамахо*) – кабардинское название высочайшей вершины Кавказа Эльбруса (5642 м) – «Гора счастья». Появление этого названия Ш. Ногмов связывает с тем периодом жизни адыгов, о котором песни сохранили известия о нашествии Аттилы (он же – Адиль, Бич небесный). Как поется в старинной песне адыгов, «Господь бог помиловал нас, горы и ущелья наши; Бич небесный отступил от нас благополучно». С тех пор, как говорит Ш. Ногмов, «народ называет Шат-гору Ошхамахо, то есть «счастливою» потому что он, дойдя до нее, удалился от наших пределов». Так же объясняет возникновение названия *Юашъхъэмахуэ* и известный дореволюционный историк, Т. Хаджимуков: «Не миновал страны (черкесов) и «Бич Божий, Молот вселенной» – Аттила. Нашествие Аттилы оставило не меньшие следы в народном воображении, чем вторжение Байкана. Народ помнит, что Аттила, дойдя до Шат-горы, внезапно повернул назад, и с тех пор Шат-гора носит название «счастливая» («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 724-725).

Со смертью Аттилы (454 г.) Гуннский племенной союз распался. В степях Приазовья гунны-акациры к 463 г. были покорены сарагурами и оногурами. По имени булгар-оногуров Приазовье называлось еще в

VII в. «страной Оногурией». В VI в. оногуры занимали степи правобережья Кубани и значительную часть Таманского полуострова, потеснив готов-тетракситов в предгорья Западного Предкавказья.

Гуннское нашествие второй половины IV в. стало концом древней истории Восточной Европы и Северного Кавказа, положило начало «великому переселению народов» и открыло эпоху средневековья с его феодальным строем.

2.4.5. Вторжение аваров на Землю адыгов: князь Лавристан против хана Байкана

Байкъан ихъэдэ лъагъо («Путь Байкана усеян трупами»).

Адыгская пословица.

Лавристан Хамышейский... отважился на войну с аварским ханом Байканом, опустошившим Западную Черкесию и окончательно расстроившим жизнь в равнинном Закубанье и даже в Причерноморье.

Н.Г. Ловпаче (2009).

Разрушительный удар культурному развитию Черкесии нанес аварский хан Байкан, который разгромил, сжег дотла поселения адыгов. Предание говорит, что в VI в. аварский хан Байкан, опустошив многие земли, потребовал через своих послов подданства и от черкесов. Среди черкесских вождей того времени особенно был славен князь Лавристан. По мнению Н.Г. Ловпаче (2009), именно «...Лавристан Хамышейский, согласно «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова, отважился на войну с аварским ханом Байканом, опустошившим Западную Черкесию и окончательно расстроившим жизнь в равнинном Закубанье и даже в Причерноморье. Лавристан, несомненно, был старшим зихским князем и, видимо, считался наместником Византийского императора в середине VI в. н. э. Европейцы таких князей в своих хрониках называют царями...».

Под влиянием Лавристана адыгские вожди ответили ханским послам гордым отказом. «Кто может лишить нас вольности? – сказали они. – Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет всегда, доколе есть война и мечи на свете. Не дадим дани, доколе останется у нас хоть один меч, доколе останется хоть один из нас в живых...». Но силы Лавристана оказались недостаточными для борьбы с аварами. Их предводитель хан Байкан, возмущенный отказом адыгов покориться, подверг Западную Адыгею «страшному разорению и истреблению». Вместе с 60-тысячным войском Байкан вторгся в Землю адыгов и от берегов Черного моря до верховьев Кубани опустошил ее огнем и мечом, разграбил селения, сжег поля, истребил жителей. Сам князь Лавристан, по сказанию, погиб в этой борьбе, и могилу его указывают под горою Бештау. Бедный народ, облитый кровью, без хлеба и пристанища, лишенный своих вождей, искал спасения в горах и дремучих лесах. Страна запустела, и там, где были селения и пашни, разросся дикий лес, и бродили лишь дикие звери. Началась, по словам В.А. Потто (1885), эпоха упадка черкесского народа. Кровавое нашествие и грозный образ жестокого хана на белом коне неизгладимыми чертами залегли в народной памяти. До настоящего времени в народе сохранилась песня о нашествии хана Байкана в Землю адыгов, в которой они обращались к христианскому пророку Илье:

Спаситель и помощник наш, могущественный Илия!
Из огромных туч неотразимой дланью уничтожь коня Байканова,
Белизной подобного натающим снегам горных хребтов наших.
Гонимые старцы и дети ищут убежища
Вдали от родных пепелищ своих.
Ужасная неизвестность умножает их горесть,
Слезы их льются подобно источникам,
Которые питают горные воды...

И поныне народ некоторые дороги, ведущие от берегов Черного моря через горные ущелья до р. Кубань, называет «*Байкъан и хъэдэ лъагъуэ*», т. е. «Байканов смертоносный путь». И ныне при виде красивой белой лошади говорят «Байканов белый конь». Белый каменный бугор между Анапой и Новороссийском, напоминающий в туманной дали фигуру лошади, народ назвал «Байканов конь». О зверствах грозного хана свидетельствует и сохранившаяся до настоящего времени адыгская пословица: *Байкъан ихъэдэ лъагъо* («Путь Байкана усеян трупами»).

В результате аварского нашествия в равнинном Закубанье прекратилась жизнь на большинстве поселений, в том числе и укрепленных. Население, спасшееся от погрома, скрылось в горах, а какая-то часть перевалила через Главный Кавказский хребет, к родственным апсилам и абасгам. Но какая-то часть адыгских князей, – отмечает Н.Г. Ловпаче (2009. С. 163), видимо, приняла условия Байкана. Так же, как гунны, они требовали участия адыгских отрядов в грабительских походах. Ш. Ногмов перечисляет знатных воинов, больше всего дворянского происхождения, участвовавших в походе вместе с Байканом на Дербент и Гуртат на Куре. Он пишет, что в результате войны, продолжавшейся несколько лет, эти крепости были взяты, но войско адыгов потеряло более двух третей своих воинов. Автор «Истории адыгейского народа» перечисляет следующих участников похода: юный князь Хош, первостепенный орк Падис Муко, братья древнешапсугского рода Шеретлуко; князь Гугов; витязи Джамин Догов, Олгико и Хатошуко; Болат Готов; Гуго (он же Гуко, Гого, Гуако, Гуаго) Готов; Хож (Хош) – абазинские роды, которые могли в то время обитать поблизости от Авхиды или непосредственно в заречной части города. С середины VII в., авары окончательно сходят с исторической арены Северного Кавказа.

3. МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН ЗИХОВ-КАСОГОВ-ЧЕРКЕСОВ. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕРКЕСИЯ

3.1. Византийское владычество на Северо-Западном Кавказе

И стал жить Боспор в мире под римской властью...

Иоанн Малала (VI в.).

Греческий император Юстиниан, по сказанию старцев Юстин или Юстук, был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем...

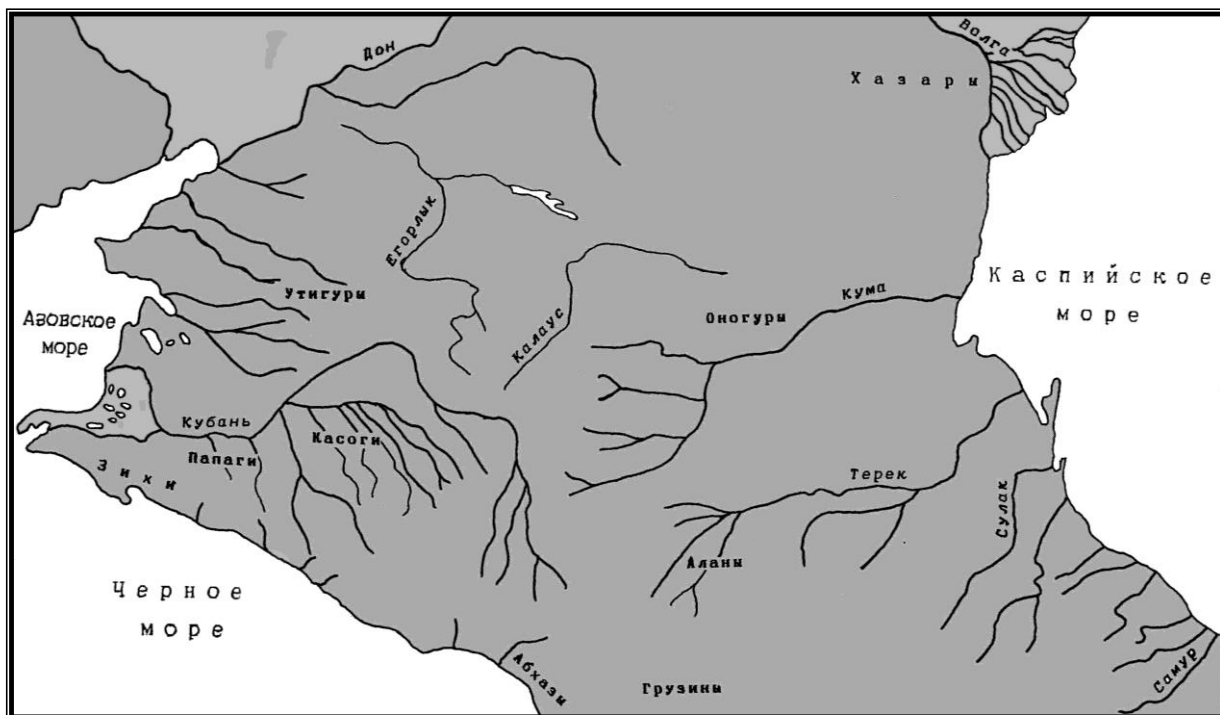
Ш. Ногмов (1893).

В V-VI вв. на восточную часть Боспора, где жили меоты, распространила свою власть Византийская империя. В 533 г. император Юстиниан установил свою власть на обоих берегах Керченского пролива. Боспорское царство стало провинцией Византийской империи (Прокопий, 2007).

Расширение влияния Византии на Северо-Западном Кавказе начинается с V в., а окончательно утверждается она на Боспоре при императоре Юстиниане I (518-527 гг.). Значительная часть адыгов, прежде всего, зихов, а также западная группа алан – жителей верховьев Кубани и Пятигорья – придерживались византийской ориентации. Византия, стремясь осуществить свое господство над местными племенами, сочетала военную экспансию с установлением торговых связей и усиленным распространением христианства среди горцев. «Адыги, – писал Ш. Ногмов, – приняли его от греков без сопротивления, что и послужило сближению этих двух народов». Следует отметить, что византийское владычество в Северном Причерноморье продолжалось далеко не все средневековье, а лишь с V в. по конец VI в., а также в IX-X вв.

Воспоминания о Юстиниане надолго сохранились в адыгском фольклоре: «Греческий император Юстиниан, – говорит Ш. Ногмов, – по сказанию старцев Юстин или Юстук, был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем. С помощью наших предков он одолел врагов империи. ...Имя Юстиниана было в таком уважении между адыгами, что для подтверждения своих слов народ клялся юстиниановым столом и юстиниановым тронем».

В период византийского влияния (с VI до VIII вв.) на Черноморском побережье Кавказа к северу от рек Шахе-Псеуапсе происходит консолидация аборигенных зихских племен с формированием адыгской (черкесской) народности, а к югу – объединение санигов, абазгов и апсиров с формированием абхазско-абазинской группы племен, послуживших этнической основой усилившегося молодого Абхазского царства (Ворошилов В.И., 2007).

Северный Кавказ в V-X вв. (по Н.В. Анфимову, 1980).

3.2. Великая Булгария и Хазарский каганат

3.2.1. Великая Булгария на Земле адыгов

В раннесредневековой истории Северного Кавказа видная роль принадлежит тюркоязычным кочевым племенам булгар (иначе: уннугундуры-булгары), которые жили в степях Предкавказья, включая нижнее течение р. Кубани. О пребывании булгар на Северо-Западном Кавказе сообщают многие средневековые авторы: Моисей Хоренский (VII в. н. э.): «Между булгарами и Понтом живут кавказские народы куты (кутеты), сваны»; Никифор (VIII-начало IX в.): «У Меотидского озера, по реке Кофис (Кубань) располагается называвшаяся в древности Великая Булгария и так называемые катраги, их соплеменники»; Феофан Византийский (начало IX в.): «До реки, называемой Куфис (Кубанирсу, Кубань) простирается древняя Великая Булгария».

3.2.1.1. Возвышение булгар на западе степного Предкавказья

Зачем мятутся народы и племена замышляют тщетное?

Псалтырь (2; 1).

30-е гг. VII в. – годы крушения как Аварского, так и Тюркского каганата... Принято считать 635 г. годом оформления политического объединения приазовских, причерноморских и предкавказских булгар – так называемой Великой Булгарии.

А.В. Твердый (2009).

Возвышение булгар на западе степного Предкавказья, судя по археологическим материалам и письменным источникам, датируется концом VI – началом VII вв. Центром политического объединения булгар в это время были Восточное Приазовье и Тамань, где возродились к жизни древние города Фанагория, Гермонасса и др. В то время на территории Северного Кавказа все больше проявляется тенденция к образованию кочевых раннеклассовых обществ с чертами государственности. Согласно «Истории» византийского патриарха Никифора, в 635 г. восстали гунны-булгары во главе с их «государем» Кубратом против авар или тюркютов.

30-е гг. VII в. – годы крушения как Аварского каганата, занимавшего главным образом земли Паннонии и прикарпатских славян, так и Тюркского каганата, крупнейшего государства Азии, распространившегося на запад до Северного Кавказа и Приазовья. Обычно принято считать 635 г. годом оформления политического объединения приазовских, причерноморских и предкавказских булгар – так называемой Великой Булгарии.

Великая Булгария простиралась на восток и юго-восток от Дона или, что менее вероятно, от устья Днепра до течения Кубани, захватывало все Центральное Предкавказье, включая ставропольские степи. Центральными районами Великой Булгарии были Северное и Восточное Приазовье, Тамань. Ханская ставка находилась в Фанагории (близ современной ст. Сенной). Размещение столицы Великой Булгарии на Таманском полуострове было продиктовано рядом причин: ведение торговли с Византией, сбор пошлин с купцов и дани с местных покоренных племен.

3.2.1.2. «Государь Кубрат – объединитель всех булгарских племен»

И пойдешь с места твоего, от пределов севера, – ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное.

Книга пророка Иезекииля (38; 15).

Кубрат предстает, по описаниям византийских авторов, как выдающийся политический деятель той эпохи – объединитель всех булгарских племен.

И.Н. Анфимов (1990).

Дополняет информацию о «Кубанской Булгарии» известный историк И.Н. Анфимов (1990): «Судя по сообщениям византийских писателей, Нижнее Прикубанье, включая Таманский полуостров и Приазовье, с V в. населяли племена булгар, которые создали новое политическое образование – Великую Булгарию – во главе с энергичным ханом Кубратом (30–40-е гг. VII в.), воспитанным при дворе византийских императоров. Он заключил союз с Византией, и император Ираклий пожаловал ему почетный титул патрикия, подкрепленный богатыми дарами, поскольку империя всегда стремилась иметь сильных союзников на северных границах для сохранения своих владений в Крыму и поддержания международной торговли через северопричерноморские портовые города и перевалы Кавказа. Столицей Великой Булгарии стала разграбленная еще гуннами Фанагория (находилась на берегу Таманского залива, к юго-западу от современного пос. Сенного)».

Кубрат предстает, по описаниям византийских авторов (Феофана, Никифора, армянского автора Анания Ширакаци и др.), как выдающийся политический деятель той эпохи – *объединитель всех булгарских племен*. Он был хорошо принят в Константинополе, крещен там, получил высокий чин патрикия, до конца жизни был верен дружбе с Византией.

Наибольшего могущества Великая Булгария достигла в VII в. В «Армянской географии» Моисея Хоренского приводятся сведения о племенах северокавказских булгар: купи-булгар, дучи-булгар и др., размещавшихся в нижнем течении Кубани и в Восточном Приазовье: «Из Кавказа текут две реки: Валданис (Кубань), текущая до горы Коракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотисом и Понтом. Другая река, Псевхрос (черноморское русло Кубани) отделяет Боспор от тех мест, где находится городок Никопс. Между булгарами и Понтом живут кавказские народы куты (кутеты), сваны». Переход части кочевников к оседлости обусловил появление новых поселений по берегам степных рек и вдоль восточного побережья Азовского моря. Остатки таких поселений, принадлежавших, скорее всего поздним булгарам, обнаружены археологами на правом берегу р. Кубани (Анфимов И.Н., 1990).

После смерти хана Кубрата (642 г.) Великая Булгария распалась на несколько орд, которые возглавлялись сыновьями Кубрата. Началась междоусобная борьба между ними. Как пишет И.Н. Анфимов (1990), раскол Великой Булгарии после смерти Кубрата на несколько орд вызвал у правителей Хазарии желание присоединить и приазовских булгар, захватить их великолепные пастбища, богатейшие рыбные промыслы и начинающие отстраиваться черноморские порты. В результате войны *земли булгар вошли в состав Хазарского каганата*. Часть булгар, не захотевших подчиниться хазарам, во главе с ханом Аспарухом откочевала на Дунай, где, покорив славянские племена, положила начало Дунайской Болгарии. Эти булгары, будучи этническим меньшинством, дали имя новому государству и народу, но сами быстро растворились в славянской среде.

«Армянская география» рассказывает, что переселение булгар на Дунай происходило из области, носившей название Гиппийские (или Булгарские) горы. Для уточнения этого места говорится, что близ этих гор протекает рукав Волги в сторону Танаиса. А.В. Гадло, тщательно проанализировав письменные ранне-средневековые источники, убедительно показал, что под этим рукавом можно понимать только систему Маныча, которая ограничивает с севера Ставропольскую возвышенность. Таким образом, – заключает А.В. Твердый (2009), – Гиппийские горы – это Ставропольская возвышенность, входящая некогда в состав территории булгарского объединения. Впрочем, есть иное мнение, что название Гиппийские горы относилось древними авторами к Кавказским горам в районе Эльбруса, откуда берет начало река Гипанис (Гиппанис, Гипп, Ипанис), названная так от греч. *γίππ, ιππος* – «лошадь» (Галкин Г.А., Коровин В.И., 1979; 1980). Другая часть булгар во главе с братом Аспаруха – ханом *Батбаем* осталась в Приазовье-Прикубанье и постепенно ассимилировалась в хазарской среде.

3.2.2. «Хазары кровью солили реки...»: Хазарский каганат и адыги

*Хазары кровью солили реки,
Татары когтили Крым,
Пока приморье держали греки,
А греков теснил Рим...*

И. Сельвинский (1899–1968).

К концу VII в. Хазария представляет собой крупную политическую силу... Хазары овладели Северным Кавказом, на западе под их владычеством оказались часть Крыма, Таманский полуостров. Адыги (хотя бы частично), как и другие народы, вошли в состав каганата.

Р.Ж. Бетров (1991).

3.2.2.1. Хазарский федеративный союз племен: от возвышения к упадку

В период раннего средневековья на юге Восточной Европы большую роль играют хазары. Колыбелью хазар были Прикаспийские степи. К VI в. они стали во главе племенного союза, обитавшего на землях нынешнего Дагестана. Хазарский федеративный союз племен превращается в своеобразное государство. Как пишет Е. Черных (2011), «...некогда Хазарский каганат потрясал Византию, арабский мир, многие другие страны. Киев, соседние славянские земли тоже платили дань империи, лежавшей на территории нынешнего Кавказа. Крыма, Поволжья. Придонья. Главным форпостом каганата была могучая крепость Саркел».

Хазарский каганат образовался в прикаспийских степях в первой трети VII в. Остатки могущественного тюркского рода Ашина осели у близких им в этническом отношении хазар, положив начало правящей династии. Этим они поставили новое государственное образование во враждебные отношения и с тюрками, и с болгарями.

В результате войны между булгарами и хазарами в состав Хазарского каганата вошли и земли булгар. Как было отмечено выше, часть булгар ушла на Дунай, а другая часть во главе с ханом *Батбаем* осталась в Приазовье-Прикубанье. Этническая и языковая близость булгар и хазар привела к быстрому слиянию их в единый, достаточно монолитный союз, который стал основой раннефеодального государства.

В конце VII в. хазары захватили Боспор и Фанагорию. При этом Боспор, который в V – начале VI в. был захвачен гуннами, а в 20-х гг. VI в. был присоединен к Византии как один из важных пограничных пунктов империи, – теперь стал резиденцией тудуна – хазарского наместника Восточного Крыма.

О том, с какой жестокостью хазары расправлялись с побежденными народами, свидетельствует следующее сообщение летописца (правда, это свидетельство относится к покорению в 626 г. грузин, но вряд ли хазары были более «милосердны» к другим народам, в том числе и к адыгам. – **Авт.:**) «Стоны и вопли матерей к детям раздавались подобно бляенью многочисленного стада овец к ягнятам своим. За ними вслед бросались враги немилосердные; руки их проливали потоки крови; ноги их давили трупы. Когда прервались голоса, вопли и стоны и когда ни один не остался в живых, тогда только узнали хищники, что насытились мечи их...». Почти все население города было истреблено, все храмы и здания разрушены. Обоим правителям Тифлиса, персу и грузину, хазарский царь приказал выколоть глаза, содрать с живых кожу, выделать ее и, набив сеном, повесить на зубах стены (Марков Е.Л., 1887. С.299).

Ослабление Великой Болгарии, – отмечает А.В. Твердый (2009), – открыло хазарам возможность подчинить ее своей власти. Орда Батбая, старшего сына Кубрата, покорилась хазарскому владыке – кагану. Экономика Хазарии отличалась тем, что основывалась на двух принципиально различных системах: кочевом скотоводстве и земледелии. Распространение власти хазар на Приазовье и Крым способствовало как установлению активных политических контактов каганата с Византией, так и обретению им контроля над транзитной торговлей в регионе. Увеличение оседлого населения привело к возникновению городов.

Несколько позже, в VIII в. Хазарский каганат сформировался в мощное раннефеодальное государство с многоплеменным населением, развитым сельским хозяйством, ремеслами и торговлей, территория которого охватывала степи юга Восточной Европы – от Волги и Каспия до Днепра и Крыма. В него входили и многие северокавказские народы (Анфимов И.Н., 1990).

3.2.2.2. Взаимоотношения адыгов с Хазарским каганатом

Я пошлю и возьму все племена северные... и приведу их в землю свою, на жителей ее и на все окрестные народы; и совершенно истреблю их и сделаю их ужасом и вечным запустением.

Книга пророка Иеремии (25; 9)

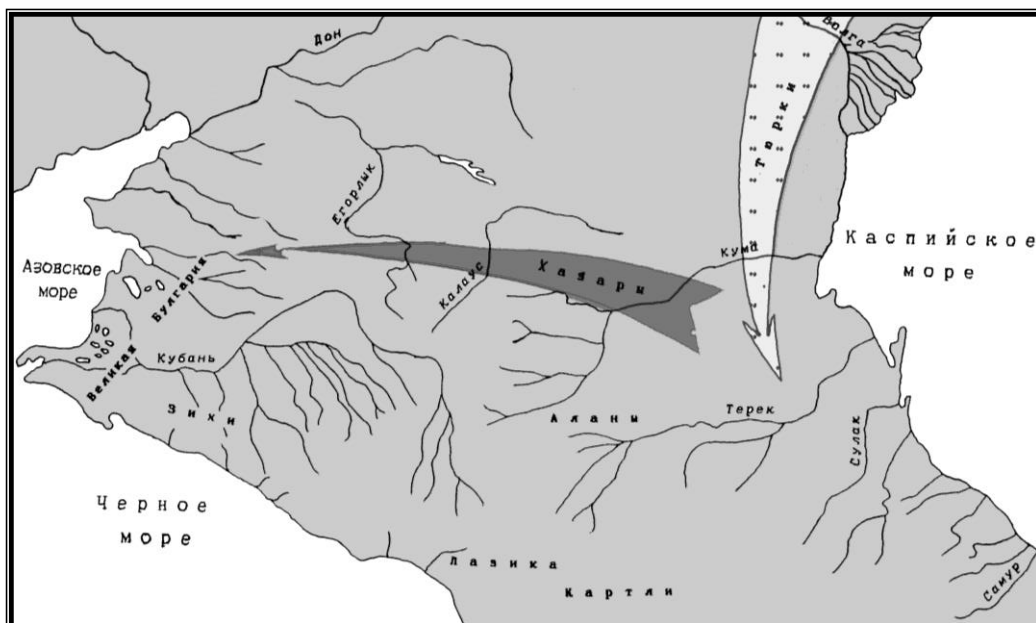
Народный фольклор говорит о военных столкновениях хазар с адыгами. С этого времени (конец VII в.), по-видимому, связи адыгов с тюркскими племенами стали более тесными.

Р.Ж. Бетров (1991)

С середины VII в., – отмечает Н.Г. Ловпаче (2009), – когда авары окончательно сходят с исторической арены Северного Кавказа, и когда тюркюты совершенно дестабилизировали положение в этом регионе, до начала VIII в., т. е. до реального формирования Хазарского каганата как самой значительной политической силы в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе, – адыги обитали в горах. Фактически нет ни одного памятника археологии в равнинном левобережье Пшиза (р. Кубани) того времени, который можно датировать VII в. н. э. Это и понятно, так как постоянные набеги приазовских болгар с запада, тюркютов и алан с востока (а к концу VII в. тюркютов сменили хазары) не давали возможности народу спокойно трудиться и жить на своей земле. Но, тем не менее, как и в киммерийско-скифскую эпоху, земли Закубанской Западной Черкесии сезонно использовались адыгами не только для отгонного скотоводства, но и для эпизодического земледелия. Были выведены специальные сорта проса, семена которого, будучи посеяны глубже, могли всходить через три и даже через семь (!) лет. В то же время адыги, находясь в горах, зорко следили за равниной, чтобы никто из пришельцев не задерживался на постоянное жительство. Для этого существовали мобильные общества военизированных конных скотоводов, которые контролировали левобережье Пшиза, имея возможность, в случае вражеского вторжения, посредством кавалерийского маневрирования нейтрализовать или дезориентировать противника, оградив оседлое население горных ущелий от разорения, истребления и плена (Ловпаче Н.Г., 2009).

Как отмечает Б.М. Кереев (2006), взаимоотношения адыгов с Хазарским каганатом, распространившим свое владычество в северокавказских степях, включая приазовские и прикубанские степи, а также Таманский полуостров, были весьма сложными. Почти все северокавказские племена платили дань хазарам. В сохранившемся письме хазарского кагана (царя) X в. Иосифа кордовскому халифу приводится подробный перечень данников Хазарии, среди которых упомянуты и «жители страны Каса» (кашаки-касоги), которые «платят дань». События, о которых в нем говорится, относятся к более раннему времени, главным образом к периоду наивысшего расцвета Хазарского каганата (VIII-IX вв.).

В IX в. Хазария, ослабленная из-за частых войн с арабами, с трудом противостояла натиску кочевых орд венгров и печенегов. А к середине X в. она превратилась из могущественной державы в небольшое государственное образование, теснимое врагами со всех сторон. Дипломатические поражения, неудачные войны, территориальные утраты объяснялись внутренним ослаблением каганата, оторванностью иудейского правительства от своего народа.

Хазары и Великая Булгария в VI–VII вв. (по С.А. Плетневой, 1976).

В начале 60-х гг. X в. Хазария уже переживала закат своего могущества. Так называемый анонимный «Кембриджский документ» первой половины X в. упоминает народы, которые в то время воюют с хазарами. Среди них, рядом с аланами, указан и «народ Зибус», имя которого, по мнению специалистов, записано в искаженном виде и его следует читать как «Зикус», то есть зихи-адыги.

Последний удар Хазарии нанесла Русь. И произошло это в 965 г. Согласно русским летописям, в том году «...пошел Святослав на хазар. Услышав это, хазары вышли навстречу во главе со своим каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и город их Белую Вежу (Саркел) взял. И победил ясов и касогов».

Некоторые ученые буквально воспринимают ту последовательность событий, какой следует летописец, и поэтому считают, что взятие Белой Вежи (Саркела) на самом деле предшествовало победе над ясами (аланами) и касогами (адыгами). Известие летописца значительно уточняется и дополняется данными арабского автора Ибн-Хаукаля (70-е гг. X в.). Как он рассказывает, русы во время этого похода разгромили столицу Хазарии Итиль (в низовьях Волги). Далее Святослав взял их город Семендер (в районе Махачкалы), после чего он и отправился на запад. Здесь-то, по пути из Северного Дагестана по Предкавказью, произошло столкновение войск Святослава с аланами-ясами и адыгами-касoгами. Считается, что тогда же и произошло покорение Таматархи (совр. Тамань), на месте которой позднее возникло Тмутараканское русское княжество. И, наконец, из страны адыгов-касогов, т. е. от низовьев Кубани, Святослав двинулся на Дон, где состоялся штурм и взятие хазарской крепости Саркел.

Позже, в 985 г. киевский князь Владимир в союзе с гузами воевал в Волжской Булгарии, а затем, спустившись по Волге, овладел Хазарией и наложил на нее дань. *Хазарская держава перестала существовать*. Отдельные их группы упоминаются в хрониках последующих столетий, – в частности, в Тмутаракани проживала многочисленная хазарская община.

Ослабление хазар и их отход на Дон привели к возрождению Земли адыгов. На руинах античных городов Тиритаки, Мирмекия, Илурата, Нимфея, Фанагории, разрушенных кочевниками, стали возникать новые поселки, названия которых нам неизвестны. Боспор снова выдвинулся как крупный и центр торгового обмена. На азиатском берегу пролива на месте античной Гермонассы вырос портовый город Таматарха (Твердый А.В., 2009).

3.2.2.3. Князь Безруко Болотоков: походы против Хазарии и взятие Тумен-Тархана

Представляет интерес свидетельство Ш.Б. Ногмова о том, что адыги во главе с князьями Безруко Болотоковым и Алегуко (Алыджыкѳуэ) Канжовым участвовали в штурме и взятии хазарской крепости Саркел в низовьях Дона.

А.В. Твердый (2009).

О некоторых малоизвестных аспектах противодействия адыгских племен и общин расширению экспансии Хазарского каганата сообщает известный историк А.В. Гадло (2005. Вып. II). Действуя как союзник

каганата и опираясь на его поддержку, Инал на время сумел потушить огонь сопротивления хазарам, но как только единая политическая власть ослабла, пламя вспыхнуло с новой силой. Адыги, как и другие народы Северного Кавказа, не хотели мириться ни с хазарской данью, ни с захватом кочевниками, вошедшими в состав каганата, степных и горных пастбищ, которые использовались самими адыгами, ни с установлением хазарского контроля над перевальными путями, которые проходили через их земли. После смерти Инала мирные отношения с хазарами сменяются непрерывной цепью войн и столкновений. Согласно происходящему из Константинополя свидетельству, относящемуся к началу 60-х гг. X в., *зихи-черкесы являлись одним из народов, постоянно враждебных хазарам*.

В народной памяти адыгов сохранилось предание об одной из адыго-хазарских войн. Несмотря на многослойность и характерные для народной памяти анахронизмы, неизбежные в источнике такого рода, оно в целом отражает вполне реальную ситуацию, которая могла иметь место в конце IX или начале X в. Героем этого предания является потомок Инала кемиргойский князь Безруко Болотоков. Ему приписываются два похода против Хазарии и взятие Тамтарака (Тюмен-тархана, ныне г. Тамань). Поводом, заставившим Безрука вступить в борьбу с каганатом, как следует из предания, был голод, охвативший Страну адыгов вследствие поразившего ее неурожая. Естественно, что в условиях неурожая дань, которую адыги должны были выплачивать хазарам, становилась непосильным бременем, и попытка хазар получить ее могли породить не только сопротивление отдельным чиновникам, собиравшим дань, но и войну за полное свержение хазарского ига.

Согласно преданию, Безруко в союзе с другими адыгскими князьями, а также с пришедшими на помощь адыгам соседями кемиргоевцев овсами-аланами (в тексте опсы) и «татарами» (под татарами имелись в виду кочевники, вероятнее всего, как и в русских былинах, печенеги) совершил глубокий рейд на север и дошел до хазарской крепости Саркел (в тексте Саркала), находившейся в районе современного Цимлянского водохранилища на Дону. Весь юго-западный участок Хазарского пути из Европы в Азию на время, таким образом, оказался в руках адыгов и их союзников. Письменные источники о подобных акциях адыгов молчат, но то, что аланы-овсы совершали глубокие рейды в глубь Хазарии, перекрывая внутренние магистрали, по которым обычно передвигались отряды хазарских воинов, хорошо известно из сочинений Константина Багрянородного (Гадлю А.В., 2005. Вып. II).

Но достоверно ли участие адыгских воинов во взятии Саркела? На этот вопрос можно ответить утвердительно, и есть данные, которые это подтверждают. Во-первых, разгром Хазарского каганата, с которым воевали адыги и которому платили они дань в период его былого могущества, был им на руку и освобождал их от врага. Во-вторых, Новгородская летопись свидетельствует, что после завершения этого похода Святослав вернулся в Киев и привел с собой многих ясов и касогов. Некоторые ученые считают, что это были военные отряды, которые Святослав привлек для участия в ожидавшемся походе на дунайских булгар (Керефов Б.М., 2006).

3.2.3. Печенеги, торки и половцы: «три колена одного и того же народа»

Половцы заняли во второй половине XI в. южно-русские степи, когда здесь уже находились печенеги и торки. Вскоре половцы вытеснили последних и прочно утвердились на крайнем юге Руси и в Предкавказье.

А.В. Твердый (2009).

Половцы закон держат отец своих кровь проливати, хвалящееся о сем и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы (сусликов. – Авт.), и поимают мачехи своя и ятрови, и ины обычая отец своих творят худыя.

Из русских летописей (X в.).

Народ, заменивший в южно-русских степях хазар, русские называли печенегами, – пишет А.В. Твердый (2009). – Этот народ был тюркского происхождения. Когда печенеги появились в Европе, достоверно неизвестно, но в IX в. н. э. они кочевали уже на землях, лежавших между Волгой и Уралом, куда, в свою очередь, перешли из Средней Азии. В Средней Азии *печенеги вели совместную жизнь с единоплеменными им торками и половцами, составляя вместе как бы три колена одного и того же народа*.

Наиболее явные следы оставили в Предкавказье половцы, единоплеменники и сородичи печенегов и торков. Половцы, известные под именем «куманов» или «команов», были чистокровными тюрками. Представляет несомненный интерес тот факт, что из выявленных 300 древних и средневековых географических названий реки Кубань одно из них – «Куман» (варианты: – Кумана, Кумань, Кумака и т. д.) – связано именно с этим кочевым народом (Галкин Г.А., Коровин В.И., 1980). Помимо других указаний, тюркские корни этого народа подтверждаются сохранившимся словарем половецкого языка. И. Блау производит половцев от турок из северной окраины Ирана или Порты. Русские летописцы производят половцев от Измаила, считая их «братьями» туркмен, печенегов и торков, и дают им следующую нелицеприятную оценку: «Половцы закон держат отец своих кровь проливати, хвалящееся о сем и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы (сусликов. – Авт.), и поимают мачехи своя и ятрови и ины обычая отец своих творят худыя» (В

вольном переводе с древнерусского: «Закон половцев допускает: проливать кровь своих отцов, и тем хвалиться; пожирать мертвечину и всю нечистоту, хомяков и сусликов; сожительствовать со своей мачехой и сестрой жены, и творить иные худые обычаи») («Кавказ...». Вып. IX. 2011. С. 15).

Перебравшись из Средней Азии в Европу, половцы заняли во второй половине XI в. южно-русские степи, когда здесь уже находились печенеги и торки. Вскоре половцы вытеснили последних и прочно утвердились на крайнем юге Руси и в Предкавказье. Главная масса этого кочевого народа осела в устьях Дона и отсюда совершала набеги на Русь. Часть половцев осела на Таманском полуострове. В Европу половцы явились настоящими кочевниками. В 1170 г. Рабби Петахчи писал, что половцы жили в палатках. В 1185 г. Евстафий Фессалоникский утверждал, что у половцев не было ни сел, ни городов. В 1245 г. Плано Карпини, говоря о конгитах, упоминает, что, подобно команам (половцам), они питались от скотоводства и домов не строили (Твердый А.В., 2009).

3.3. Первые контакты адыгов с Русью

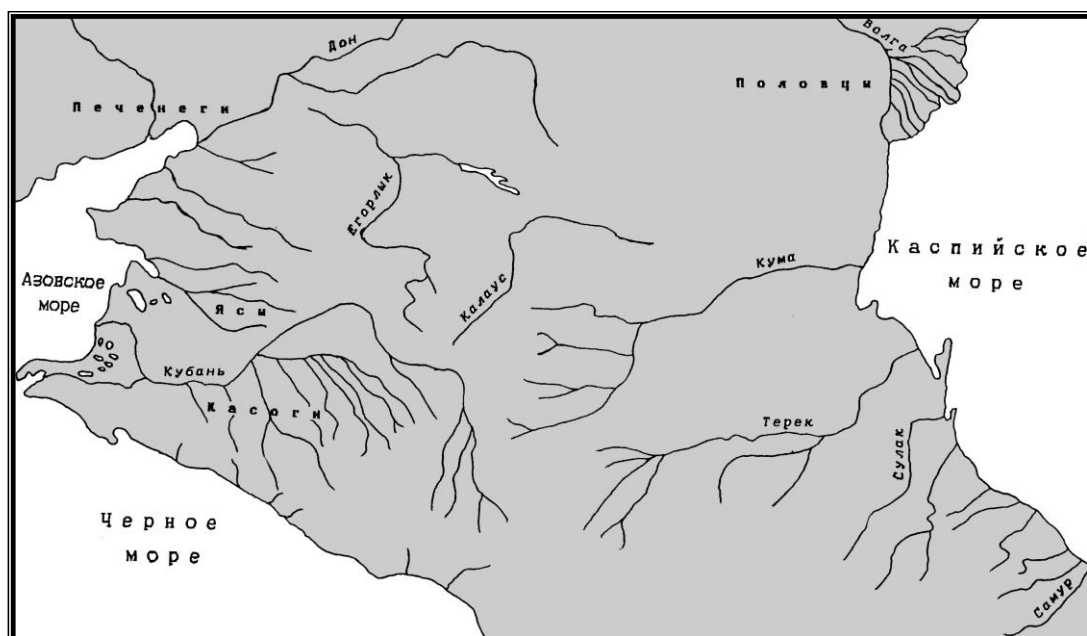
3.3.1. «Из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги»

Связи адыгов с восточными славянами берут свое начало еще в IV-IX вв. Только благодаря экономическим и военным связям славян с Кавказом стало возможным образование в IX в. на Таманском полуострове русского княжества Тмутаракань.

А.А. Ципинов (2004).

Отечественные историки в своих исследованиях пришли к выводу, что предки адыгов имели тесные связи с восточными славянами еще задолго до возникновения Тмутараканского княжества. Б.А. Рыбаков на основе изучения кабардинского эпоса, славянских сказаний и византийских источников полагает, что в Северо-Западной части Кавказа в середине I тысячелетия н. э. (IV-V вв.) находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они растворились среди адыгских (зихско-керкетских) племен и привнесли в эту среду русский эпос. По мнению Л.И. Лаврова, археологические, этнографические и языковые материалы позволяют говорить о связях с глубокой древности и полагать, что «...из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими с восточными славянами являются адыги» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

Позже, в X-XII вв. на Таманском полуострове завязывается узел адыго-русских взаимоотношений, временами полных противоречий. Большую роль в этом сыграло образование Тмутараканского княжества, которое охватывало Таманский полуостров, Восточный Крым и, возможно, низовья Кубани. Центром княжества была Тмутаракань (древняя Таматарха, совр. Тамань). Тмутаракань попала под власть Древнерусского государства в результате похода Святослава в 965 г. (Керефов Б.М., 2006).

Южные соседи Руси. 862–1054 гг. (по Крупнову Е.И., 1960).

3.3.2. Касоги: политические, культурные и торговые связи с соседними народами в период средневековья

Касоги... представляли северо-восточную группу адыгских родоплеменных объединений. В более позднее время это имя в ряде источников X столетия покрывает собою весь адыгский массив Северо-Западного Кавказа.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006)

К X столетию предки современных адыгов – зихи и касоги представляли собой мощные союзы племен, объединенные единым языком, общностью территории и культуры. Единым народом считали их русские летописи, которые в X-XIII вв. всех их называли «касогами». В то время они занимали значительные пространства от Таманского полуострова на западе до Алании на востоке и от Абхазии на юго-востоке до степей Предкавказья на севере, где соприкасались с тюркоязычными кочевниками.

Поскольку речь зашла о соседях касогов, следует отметить, что к X в. северо-западная граница Абхазского царства достигала района Геленджика; при этом абхазская экспансия происходила большей частью мирным путем, когда, при относительно слабом перемещении этнических элементов, абортинное население переходило на язык более сильного и влиятельного соседа. С X в. до середины XIII в. на абхазское влияние накладывается культурное воздействие усилившегося Грузинского царства.

Несмотря на их разобщенность, касоги поднимались, как один, на оборону своей Родины, когда ей угрожал враг извне. Так было в 951 г., когда на них напал хивинский хан. Война эта кончилась пленением хана. Ему отрубили голову и поставили около нее щит с надписью: «Это – возмездие захватчику чужих стран».

Касоги имели широкие политические, культурные и торговые связи с соседними народами. Например, политические образования адыгов имели союзнические отношения или же (гораздо чаще) вступали в борьбу с хазарами, которые еще с VII в. закрепились в Западном Предкавказье. Сильнейший удар господству хазар в Восточном Предкавказье был нанесен Русью.

В 915 г. впервые появились на границах Киевской Руси, Хазарии, Алании и Черкесии (Касахии) печенеги. В адыгских нартских сказаниях они выступают под названием *чинты* (*кинты*), в произношении, близком к их греческому наименованию – *пачинакиты*. Опустошительные набеги чинтов со стороны Дона истощали страну адыгов. «Войско чинтов, постоянно нападавшее на нарттов, заливало край кровью, грабило и разоряло население, сеяло нищету и тревогу», – говорится в адыгском эпосе.

Еще больше беспокоили печенеги Киевскую Русь. Связанные дружбой и союзом с Византией, они, по словам Константина Багрянородного, могли «легко нападать на земли росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их земли» (Ципинов А.А., 2004; Тернавский Н.А., 2006). В борьбе с печенегами, вторгшимися из-за Волги в Северное Причерноморье, русская дружина во главе с киевским князем Владимиром в 944 г. заняла на Таманском полуострове хазарский город Таматарху (Самкерц) и основала здесь русское княжество с центром в Тмутаракани (Тамань). Кроме русов, в этом городе жили касоги (адыги), хазары, аланы, армяне, греки.

3.4. Русское Тмутараканское княжество и адыги

Появление на южных рубежах Руси Тмутараканского княжества связывается с захватом князем Владимиром Святославовичем в 988 г. ряда городов на Крымском полуострове. Спустя год, в 989 г. князь укрепил Тамань-Тмутаракань за Русью и «посадил там на княжение» своего сына Мстислава. В состав княжества входили сам город Тмутаракань и окружающие его сельские территории; а также в Крыму – Керчь с сельскохозяйственной округой. В подчинении Тмутараканского княжества находился город Саркел – Белая Вежа. Благодаря своему выгодному положению, Тмутараканское княжество контролировало Подонье, Кубань и Нижнюю Волгу. Какое-то время, по мнению историков, Тамань-Тмутаракань определяла политику всего Северного Кавказа (Шеуджен Ф., 2012. С. 9).

3.4.1. «Тмутараканский остров»: Тмутаракань-Таматарха в X-XI столетиях

*Киевский князь Владимир – сыну Мстиславу:
«Ступай княжить в Тмутаракань, принуди соседей
уважать себя».*

Южно-Русская летопись (988 г.)

В середине X в. русские князья совершили ряд походов в Закавказье и на Каспий. В 970 г., в отсутствие Святослава, находившегося в Болгарии, печенеги осадили Киев. Извещенный об этом матерью (княгиней Ольгой) и сыновьями, Святослав пришел с войском, прогнал печенегов в степь и вернулся в Болгарию. Но в Болгарии Святослав потерпел поражение от византийского императора Иоанна Цимисхия, вынужден был заключить с ним мир и возвращаться обратно. По пути в Киев, в районе Днепровских порогов, истощенное сражениями войско Святослава было окружено печенегами, а сам Святослав убит. Это произошло в 972 г. Но за несколько лет до этого, в 965-966 гг., Святослав совершил свой знаменитый восточный поход, в ходе которого

подчинил вятичей и нанес сокрушительное поражение хазарам. Затем он прошел по землям ясов (алан) и касогов (адыгов) и, освободив их от хазарской зависимости, сделал своими союзниками. Повествуя об этом, Первая Новгородская летопись сообщает, что летом 965 г. Святослав взял штурмом хазарский г. Саркел (Белая Вежа), затем победил ясов и касогов и «...многих из них приведе в Киев на поселение» (Ципинов А.А., 2004).

Допускают, что в то время аланские и адыгские отряды нужны были Святославу в преддверии ожидаемого похода на Дунай, в Болгарию. Однако нельзя рассматривать это как случайный и незначительный эпизод русско-адыгских отношений. Соединение русских и адыгских сил и возможностей в этот период диктовалось необходимостью противостоять византийско-печенежскому военно-политическому союзу, который представлял реальную угрозу как для Руси, так и для Страны адыгов (*каскунов*), которую Византия пыталась подчинить еще в VI в., со времен императора Юстиниана (Тернавский Н.А., 2006).

К этому же периоду большинство специалистов относит появление на Таманском полуострове поселения русов. До их появления на Тамани здесь имелось значительное торговое поселение византийцев – так называемая Таматарха. Считается, что Тмутаракань – это русское название византийской Таматархи (Максидов А.А., 2003). Здесь уместно отметить следующий факт. В «Истории адыгейского народа» Шоры Ногмова сказано, что еще до победоносных походов Святослава на хазар в 965 г. адыги во главе с князьями Безруко Болотоковым и Алегуко Канжовым вели войны с хазарами. В ходе одной из них Алегуко попал в плен к хазарам и был заточен в тюрьму в г. Саркела (Саркал, или Белая Вежа) на Дону. Через три года Безруко, соединив свои силы с силами опсов (овсов-алан) и татар (видимо, гузов или черных булгар), взял Саркел и освободил князя Алегуко. Утверждается, что в результате этого похода адыги заняли все царство Хазарское по берегу Азовского моря и овладели Тамтаракаем (Тмутараканью). Не исключено, что эти события действительно имели место. Видимо, они не только повлияли на решение Святослава покончить с Хазарией, но и облегчили ему эту задачу (Ципинов А.А., 2004; Тернавский Н.А., 2006).

Как отмечает Б.М. Керемов (2006), в 988 г. великий князь Владимир, распределяя земли Древнерусского государства между своими сыновьями, отдал Тмутаракань в управление младшему из них – Мстиславу». Но в работе А.А. Максидова (2003) приводится несколько иная дата передачи Тмутаракани Мстиславу: «В летописях говорится, что Тмутаракань являлась самостоятельным русским княжеством, которым правили потомки Рюрика. В 1015 г. киевский великий князь Владимир Святославич оставил Тмутаракань в качестве наследного удела своему сыну Мстиславу... Получив княжение в 1015 г., Мстислав отправился в Тмутаракань лишь через 7 лет – в 1022 г. Причем его прибытие туда, по сути, стало масштабной военной акцией. Дело в том, что в период с 965-го по 1022 г. власть киевских правителей здесь была номинальной: городом фактически управляли касоги. Византийские историки этого периода даже не упоминают о какой-либо связи, политической или экономической, Таматархи с Киевом. Напротив, у византийских летописцев Таматарха фигурирует как зихский (т. е. касожский) город, как центр одной из трех зихских епархий» (Максидов А.А., 2003).

О том, что представляла собой Тмутаракань в X-XI вв., ставшая после похода князя Владимира в Таврику русским владением, можно судить по данным византийского императора Константина Багрянородного, писавшего о нем в середине X в. (он называл этот город Таматархой, – имелся в виду сам город Тмутаракань и его сельскохозяйственная округа, простиравшаяся на 18-20 миль вглубь Кубанской дельты). «Киево-Печерский патерик» особо выделяет эту территорию, называя ее «Тматороканским островом». На территории будущего княжества в то время проживали адыги-касoги, греки, русы, хазары, аланы и другие (Керемов Б.М., 2006).

В известном письме хазарского кагана (царя) Иосифа кордовскому халифу, датированном серединой X в., сообщается, что земля Хазарии «...состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек. У нее много фруктовых деревьев». (Обращает на себя внимание тот факт, что речь здесь идет об орошаемом земледелии Тмутаракани, – в то время части Хазарского каганата). Позже об этом писал и арабский автор XII в. ал-Идриси (1154): «Город Тмутаракань ...окружен возделанными полями и виноградниками». О том, что в русском княжестве были широко развиты виноградарство и садоводство, писал и Абу Хамид Ал-Тарнати (умер в 1169 г.): «Много у них всяких благ, таких как мед, масло, фрукты в их долинах... В нем растут виноград, айва, гранат, яблоки, груши, абрикосы, персики, орехи» (Твердый А.В., 2009).

Значительную часть населения Тмутаракани составляли выходцы из приморских и прикубанских адыгских общин, переселение которых на «Тматороканский остров», как называли эту местность современники, усилилось после разгрома Святославом каганата и ликвидации в городах хазарской государственной администрации и военных гарнизонов.

3.4.2. «У византийских летописцев Таматарха фигурирует как зихский (касожский) город»

У византийских летописцев Таматарха фигурирует как зихский (т. е. касожский) город, как центр одной из трех зихских епархий.

А.А. Максидов (2003).

Тмутараканское княжество оказывало сильное влияние на развитие культуры народов Северного Кавказа. Город Тмутаракань был крупным культурным и религиозным центром. Княжество сыграло видную роль в распространении христианства на Северо-Западном Кавказе (Твердый А.В., 2009).

О том, что «...Мстислав был не только главой Тмутараканского княжества, но и, одновременно, – светским главой всех адыгов-христиан, поскольку на подвластной ему территории находился общеадыгский епархиальный центр», – сообщает А.В. Гадло (2006). Насколько глубокими были его связи с адыгским миром, свидетельствует тот факт, что его сыну было дано необычное для русской княжеской семьи, но популярное на Кавказе христианское имя Евстафий. Очевидно, до событий 1015-1019 гг., не надеясь вернуться на Русь, Мстислав серьезно стремился связать свой род с Кавказом. Евстафий Мстиславич действительно остался княжить в Тмутаракани, когда Мстислав перешел в Чернигов. Известие об этом имеется у В.Н. Татищева: «В 6541 (т. е. 1033 г.) ...умре Евстафий, сын Мстиславль, во Тмуторокани, и бысть жалость велиа по нем». Видимо, местная церковь поддерживала Мстислава, видя в нем реальную силу, способную расширить ее влияние среди населения Северо-Западного Кавказа – касогов (Гадло А.В., 2006. Вып. III).

В этой связи весьма симптоматично, что персидский Аноним, написавший в 80-х гг. X в. книгу «Худуд ал-алем», переносит на Тмутаракань этническое имя адыгов-касогов, называя этот город Касек. Археологические материалы Таманского городища (Тмутаракани) также свидетельствуют о росте адыгского компонента в составе населения города в конце X в. И позже город не теряет значения как торговый центр и даже приступает к чеканке своей монеты по образцу Иоанна Цимисхия и Василия II – Константина VIII (Гадло А.В., 2006. Вып. III).

Адыги-касоги не могли примириться с образованием чуждого княжества на своей земле. Как справедливо отмечают А.Т. Керашев и А.Ю. Чирг, возникновение на Тамани Тмутараканского княжества вряд ли отвечало политическим интересам адыгского владетеля – князя Редеди, который к тому времени уже добился подчинения всех родственных племен.

3.4.3. Поход князя Мстислава «на касоги»: поединок с князем Редедей

В адыгских народных преданиях встречается широко распространенный в фольклоре многих народов мотив единоборства богатырей, в данном случае – между касожским богатырем Редедей и русским князем Мстиславом.

А.А. Ципинов (2004)

Перед сражением касожских и русских войск Мстислав и Редедя договорились решить возникший спор за власть в Тмутаракани через единоборство, не проливая кровь тысяч людей, приготовившихся к битве.

«История многовекового...» (2007)

Стараясь укрепить и расширить свои владения, правитель Тмутаракани князь Мстислав в 1022 г. совершил большой поход «на касоги». Против него выступило объединенное адыгское войско. В повести «Кавказский пленник» А.С. Пушкин упоминает «Мстислава древний поединок» и дает такое примечание: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удамым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с касогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю» (Цит. по: Пшемурзов В.Х., 2003. С. 50-51).

Вот как описывается это событие в «Повести временных лет»: «В год 6530 (1022 г. – **Авт.**) ...пришел Ярослав к Берестю. В то же время Мстислав, который владел Тмутараканью, пошел на касогов. Узнав об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя (адыг.: Редада, Ридада) Мстиславу: «Чего ради мы будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое».

Высочайшим благородством, заботой о своих воинах пронизано было это предложение адыгского князя. Интересно, что подобный сюжет задолго до этого был отражен в древнегреческом мифе о Давиде и Голиафе, а еще ранее – в библейской 1-й Книге Царств (17; 3-9): «И стали филистимляне на горе с одной стороны, а израильтяне на горе с другой стороны, и между ними была долина... И выступил из стана филистимского единоборец по имени Голиаф. И кричал он: «Выберите у себя человека, и пусть сойдет ко мне. Если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его, то вы будете нашими рабами, и будете служить нам...».

И вновь слово русской летописи: «И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою». И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О, Пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, – построю церковь во имя твое». И, сказав это, ударил Редедю о землю. И выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмутаракань, заложил церковь св. Богородицы, и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмутаракани» («История многовекового...», 2007).

Интересно, что в некоторых других источниках этот же эпизод освещается несколько под иным углом зрения, более «удобном» для касогов. Так, в книге адыгского историка-эмигранта Р. Трахо «Черкесы»

(Мюнхен, 1956) читаем: «Чтобы избежать кровопролития, черкесский вождь Редедя предложил князю Мстиславу решить участь сражения единоборством, без оружия, что было принято русским князем. Но тот вероломно (?) нарушил слово, перерезал горло Редедю, и Тамань осталась в его руках». Ему вторит современный автор – В.Х. Пшемурзов (2003. С. 50-51): «Выходит, особо гордиться победой Мстислава нечего, так как тмутараканский князь «одоле» касожского богатыря Редедю бесчестным, подлым (?) способом».

В «коварстве», «вероломстве» упрекает русского князя и публицист Н.И. Сообцокова (2010): «Мстислав *вероломно нарушил условие*, оговоренное в начале поединка, состязаться в чисто силовой схватке. Чтобы одолеть более сильного противника, он воспользовался ножом. Этот эпизод продемонстрировал благородство и самоотверженность со стороны адыгского князя и *вероломство со стороны русского князя Мстислава, его желание добиться победы любыми средствами...*». И далее публицист окончательно «добывает» русского князя: «Как показывает история, Мстислав ничего выдающегося для Руси не совершил. Кроме этого поединка, он известен лишь тем, что в междоусобной войне он разгромил (не коварством ли?) своего старшего брата Ярослава Мудрого, который мог сделать для Руси еще немало полезного» (Сообцокова Н.И., 2010. С. 129).

[Судя по сообщению летописей, *весь поединок между князьями проходил без оружия*, и нож Мстислав достал лишь *после того*, когда он «ударил Редедю об землю», но не раньше. Так при чем же здесь «вероломство» и «подлость», в которых русского князя, ничтоже сумняшеся, упрекают В.Х. Пшемурзов, Н.И. Сообцокова и иже с ними? – **Авт.].**

Следует особо подчеркнуть, что оба воина проявили в схватке немалую силу, отвагу и мужество. В народном эпосе адыгов (имеется в виду предание «Как Редедя боролся с русским князем-богатырем») это событие сохранилось многие столетия спустя; имя Редеди стало символом доблести, чести и воинской славы у древних черкесов. Как здесь не вспомнить А.Т. Твардовского, который в поэме «Василий Теркин» также обыгрывает подобный сюжет:

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит, –
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

Память о поединке Редеди с тмутараканским князем сохранилась не только в русских летописях, но и в адыгском предании. Оно было записано Ш.Б. Ногмовым в его «Истории адыгейского народа» и довольно сходно с летописным рассказом, с той лишь разницей, что здесь инициатива столкновения приписывается не русским, а адыгам, выступившим в поход на «Тамтаракай» (так адыги называли Тмутаракань). Интересно и то, что в версии Ногмова имя Редедя принадлежит не князю адыгов, а «могучему великану», богатырю-борцу, принимающему на себя сакральную функцию князя в единоборстве с предводителем врагов и погибающему за свой народ. Согласно условиям поединка, князь Мстислав наложил дань на касогов, забрал с собой семью Редеди – жену и двух сыновей. Сыновья были крещены Мстиславом и получили имена Роман и Юрий. Впоследствии один из сыновей Редеди – Роман женился на дочери Мстислава Владимировича. И, как указывается в более поздних (XVI-XVII вв.) родословных преданиях, русские дворянские фамилии Лопухиных, Белоутовых, Глебовых, Сорокоумовых, Ушаковых (предки знаменитого флотоводца) и др. возводили свое начало к Роману и Юрию Редедичам (Гадло А.В., 2006. Вып. III; Кереев Б.М., 2006).

Комментируя поединок русского и касожского князей, историк А.В. Гадло обращает внимание на то, что, победив в единоборстве касожского князя, Мстислав приобрел право на власть не только над западными адыгами, населявшими Кубанскую дельту, но и над всей адыгской общностью, сувереном которой был Редедя. Причем акт единоборства, происходившего открыто на глазах представителей сторон на паритетных условиях, должен был восприниматься как ритуальная форма передачи власти. Не случайно русская летопись не говорит ни о сопротивлении адыгов (касогов) Мстиславу, ни о битве, последовавшей за поединком.

3.4.4. Взаимоотношения касогов с «русичами»: от конфронтации к боевому содружеству

Согласно летописному повествованию о событиях 1023-1024 гг., Мстислав был признан вождем адыгских дружин, и они последовали за ним на Русь, где составили ядро его войск в сражениях с Ярославом.

А.В. Гадло (2006).

Образование Тмутараканского княжества сыграло огромную роль в дальнейшем развитии русско-северокавказских контактов во всех сферах: торговой, экономической, культурной, военно-политической.

Фатима Шеуджен (2012).

Контакты между Русью и адыгами имели место уже в раннем средневековье. В X-XII вв. они стали постоянными и носили в основном дружественный, взаимовыгодный характер.

Так, в период, когда Киевской Русью правили князья Олег (879–912), Игорь (912–945), княгиня Ольга (945–957), Святослав (957–972), Владимир Святой (980–1015), Ярослав Мудрый (1015–1054), – адыгов и русских объединяла общая борьба против хазар, византийцев, печенегов. Угроза, исходящая от половцев, сплачивала их при Святославе II Ярославиче (1054–1076), Всеволоде I Ярославиче (1078–1093), Владимире Мономахе (1113–1125), Мстиславе Владимировиче (1125–1132), Игоре Святославовиче (1178–1202) («История многовекового...», 2007).

По договору, заключенному после поединка Мстислава и Редеди, земли касогов перешли в подданство Тмутараканского княжества.

Адыги вынуждены были признать власть Мстислава. В 1022 г. касоги отказались от уплаты дани и попытались выйти из подчинения Тмутараканского княжества, но неудачно. На них была наложена дополнительная дань. О том, что и много позже, во второй половине XI столетия, адыги были вынуждены платить дань Тмутараканскому княжеству, сообщает русская летопись, датируемая 1066 г.: «Ростиславу соушу Тмутараканю и емлюшу дань су касог и су иных стран», т. е. касоги и «иные страны» платили дань русскому князю (Керефов Б.М., 2006).

Вместе с тем, есть немало фактов, подтверждающих, что русичи привлекали касогов на помощь в своей междоусобной борьбе за княжеский престол. Согласно летописному повествованию о событиях 1023–1024 гг., Мстислав был признан вождем адыгских дружин, и они последовали за ним на Русь, где составили ядро его войск в сражениях с Ярославом (Гадло А.В., 2006. Вып. III). Как отмечают русские летописи, в 1023 г. князь Мстислав, получивший прозвище «Удалой», «...усилившись касожскими (черкесскими) полками, решил искать себе лишних волостей после умерших братьев» и вторгся в пределы Руси. Его брат Ярослав срочно вызвал к себе на помощь варягов, но Мстислав разбил их и «сел на княжение» в Чернигове.

Дополняет эту информацию Б.М. Керефов (2006): «На следующий год после поединка с Редедой Мстислав с хорошо вооруженной дружиной, состоявшей из хазар и касогов-адыгов, пошел на Чернигов, где в жестоком сражении нанес поражение своему брату – великому князю Ярославу Мудрому. С помощью той же дружины он добился в 1025 г. раздела Руси на две части: западная от Днепра с Киевом досталась Ярославу, а себе оставил восточную и остался княжить в Чернигове. По летописи, Мстислав души не чаял в своей дружине и ничего не жалел для нее».

Представляет несомненный интерес комментарий современных историков к легендарному поединку Мстислава с Редедой: «В дальнейшем это событие не ухудшило, а, в известном смысле, даже улучшило характер русско-адыгских отношений. По сведениям Шоры Ногмова, вслед за поражением Редеди адыги с помощью овсов (аланов) вновь овладели Тмутараканью. Но, сознавая свое единство с русскими в рамках Тмутараканского княжества и признавая Мстислава своим – касожским правителем, в 1023 г. они сражались на стороне Мстислава с Ярославом Мудрым в битве близ Листвена на Северской земле. Мстислав одержал в этой битве победу, варяги, сражавшиеся на стороне Ярослава, бежали. Бежал, потеряв свой золототканый плащ, и предводитель варягов Якун» («История многовекового...», 2007).

Тмутараканское княжество имело торговые связи с адыгами, ясами и другими народами Северного Кавказа. Не случайно арабский автор аль-Надим (80-е гг. X в.) упоминает о переписке «одного из царей горы Кабк (Кавказ) с русским царем», очевидно, князем Киева.

Адыго-русские взаимоотношения в период Тмутараканского княжества не ограничивались политическими и торговыми связями, а оставили ощутимые следы и в культуре обоих народов. Время расцвета Тмутаракани приходится на XI в., когда территория русского княжества охватывала Восточный Крым, Таманский полуостров и Нижнее Прикубанье. В отдельные годы восточная граница княжества достигала устья р. Большой Егорлык, впадающего в Маныч. При этом периоды военного противостояния коренного населения – адыгов и русов сменялись периодами длительного и прочного мира.

Мстислав, в бытность его верховным князем Тмутаракани, высоко ценил поддержку адыгов-касогов. В укреплении связей Мстислава с адыгским окружением города была заинтересована и козарская (хазарская) община. Город был главной артерией, соединявшей Северо-Западный Кавказ с рынками Малой Азии и Средиземноморья. От безопасности торговых путей в значительной степени зависело благосостояние его обитателей, занимавшихся ремеслом и посреднической торговлей. Мстислав и его дружина были своеобразными «гарантами» нормального функционирования, сохранности и процветания городского организма (Гадло А.В., 2006. Вып. III).

Значение Тмутараканского периода в жизни славян и адыгов трудно переоценить. Воцарение в Тмутаракани и подчинение своему влиянию касогов заметно усилило позиции Мстислава в борьбе за наследство князя Владимира. Фактически за его спиной стояла вся Северо-Западная Черкесия с воинственным населением, издавна приобщенным к православию. Владевший Тмутараканским княжеством после него князь Ростислав Владимирович продолжил заложенные Мстиславом традиции русско-адыгского политического союза и боевого содружества.

Очевидно, что и для Черкесии этот союз был выгодным. Он стал одним из этапов зарождения адыгской государственности и распространения касожского влияния не только на Кавказе, но и в Крыму. В этот период вся восточная часть Крыма с центром в Керчи (Корчев) входила в состав Тмутараканского княжества и стала местом расселения для различных групп адыгского народа («История многовекового...», 2007).

3.4.5. «Позиции Тмутараканского княжества пошатнулись»

И до сих пор кабардинцы восклицают: «Там-таркѣй уыхъу, Тамтаркѣй йымахуэр къыпхуыкІуэ» («Да постигнет тебя участь Тамтаракая», «Да настигнет тебя день Тамтаракая»), выражая этими словами наивысшее проклятие и презрение.

Ш. Ногмов (1861).

На горизонте уже маячили грозные силы половцев. Во второй половине XI в. они захватили южнорусские и северокавказские степи, под их давлением территория княжества постепенно сокращается.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

После гибели Мстислава в 1036 г. княжить в Тмутаракани стал его племянник Ростислав. Он стал брать дань у касогов и с других соседних стран. Но *позиции русского княжества к тому времени уже несколько пошатнулись*. Касоги, помня о своем поражении, решили отомстить русам за смерть Редеди. При этом они опирались на помощь восточных соседей – ясов-осетин, которые прислали им 6000 отборных воинов. Но кровопролитная война на этот раз не принесла горцам победу. Как отмечает С.М. Броневский (1823), вскоре после этого «...на правобережье Кубани напали куманы или половцы, а на южную и западную границы – чихи (зихи), кои распространились по северной стороне Кавказа, подвигаясь все далее к северу, в степь между устьями Дона и Волги».

Принято считать, что Тмутараканское княжество погибло под натиском кочевников-половцев. Однако предания адыгов донесли до нас известия о разорении княжества касогами. Одержав-таки победу, они возвратились домой с богатой добычей и множеством пленных. Об этом, в частности, пишут авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии»: «В начале XII в. Русь потеряла Тмутаракань. Очевидно, в этих событиях свою роль сыграли и адыги. Если верить преданию, то адыги предпринимали неоднократные попытки отомстить за смерть Редеди и ходили войной на «Тамтаракайскую землю». В конце концов, говорится в предании, адыгам удалось «победить и разорить всю область Тамтаракайскую». «С этого времени, – указывает Ш.Б. Ногмов, – ведется у адыгов пословица: *Тамтаркѣй уыхъу, Тамтаркѣй йымахуэр къыпхуыкІуэ* («Да постигнет тебя участь Тамтаракая», «Да настигнет тебя день Тамтаракая»). (Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 107).

К 1094 г. Тмутаракань больше не упоминается в русских летописях, а территория княжества с 1169 г. была включена в состав половецких владений хана Кончака, а позже вновь оказалась под властью Византийской империи.

3.4.6. Тмутаракань после распада русского княжества

В результате происков Византии и половецкого нашествия Тмутараканское княжество прекратило свое существование, а славянское население, вероятно, частично покинуло Кавказ, а частично смешалось с кавказскими племенами.

Н.А. Тернавский (2006).

Тмутараканское княжество окончательно отпало от главного массива русских земель в первые десятилетия XII в., когда под ударами объединенных русских дружин половцы были вынуждены откочевать в северокавказские степи, отрезав от основной Руси ее окраинную территорию. Постепенно Тмутараканское княжество, окруженное со всех сторон инородцами, утратило свое прежнее значение южного форпоста Руси. Тем не менее, Тмутаракань, оторвавшись от Русского государства и попав в сферу влияния Византии и степных народов Северного Кавказа, прежде всего половцев, продолжала жить своей жизнью. Можно утверждать, что не только господство половцев, владычество Византии, но и страшное Батыево нашествие не истребило русское население на Таманском полуострове. Даже в середине XII в. арабский автор Абу Абдаллах Мухаммадал-Идриси (1154) писал о Матархе (Таматарха, Тмутаракань) как о цветущем городе: «От устья реки Русиййа (Кубань) до Матархи 20 миль. Матарха – это вечный город, существует с древних времен, и неизвестно, кто его построил. Здесь есть виноградники и поля. Его владыки мужественны, благоразумны и решительны. Их почитают по причине их отваги и их власти над теми, кто соседствует с ними. Это большой город с множеством жителей, с процветающими округами; в нем имеются рынки и собираются ярмарки, посещаемые людьми из самых дальних соседних стран...».

И позже, в начале XIII в., княжество все еще продолжало существовать. Вот как описывает жителей Тмутаракани венгерский монах, посетивший Приазовье в 1237 г.: «Я прибыл в Зихию, в город Матрику где князь и народ называют себя христианами, имеют книги и священников греческих. Зихский князь, хоть и был христианином, имел 100 жен». Из этого известия мы видим, что политическая организация и зачатки культуры, насажденные в Тмутаракани при русских князьях, не исчезли здесь до самого прибытия татар, хотя

заметно уже одичание, огрубение под влиянием окружающей варварской обстановки. Вероятно, это одичание состояло в связи с изменением в самом составе населения – по-видимому, преобладающую роль в Тмутаракани играл уже не славянский элемент, а инородческий (Твердый А.В., 2009).

В XV в. Тмутараканью (Матрегой) завладела генуэзская фамилия Гизольфи. Таманские города вновь, как и в период существования Боспорского царства, были вовлечены в мировую торговлю между Западом и Востоком. В конце этого столетия на территории бывшего Боспора образовалось независимое от татаро-монголов Крымское ханство, в которое входил и Таманский полуостров. С утверждением на низовьях Дона и на Кубани татар Тмутараканское княжество окончательно исчезает с исторической сцены. В связи с турецкой экспансией оно становится зависимым от Османской империи. Здесь строится крепость Хункала, просуществовавшая вплоть до ликвидации Крымского ханства и вхождения его в состав России в 1792 г., сюда поселились черноморские казаки, основавшие станицу Тамань (Твердый А.В., 2009; Шеуджен Ф., 2012. С.9).

3.4.7. К истории происхождения географического названия Тмутаракани – современного города Тамани

В адыгском эпосе «Нарты» встречается герой по имени Темэныу, в котором темэн – «таманский», шыу – «всадник» (т. е. «Таманский всадник»). Само же слово темэн означает в языке адыгов «болото», что соответствует характеру местности – весь этот район сильно заболочен.

А.М. Гадагатель (1967).

В завершение данного раздела хотелось бы проследить историю происхождения географического названия древнего города Таматархи-Тмутаракани, известного сегодня под именем «Тамань», а также проследить вполне определенные связи названия этого пункта с г. Астраханью.

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ «ТАМАНЬ». Когда-то на месте этого города был античный город-полис *Гермонасса*, основанный в VI в. до н. э. греками с острова Лесбос. Тогда же вошел в состав Боспорского царства. С самого начала город имел двухэтажные каменные дома с печами и зернохранилищами. Здания крылись черепицей и содержали по 5 комнат (Шеуджен Ф., 2012). В центре города располагался акрополь (греч. *acropolis* «высокий» + «город» – укрепленная часть античного города, располагавшаяся обычно на холме), а на его окраине высился величественный храм Афродиты.

Афродита (у римлян – Венера) – в греческой мифологии богиня любви и красоты. Одновременно являлась богиней плодородия, весны и жизни. Она же – богиня браков, а также покровительница рожениц и кормящих матерей. У Гомера она появляется из морской пены близ острова Кипр. Геродот сообщает о почитании Афродиты на Ближнем Востоке, в Сирии, Персии и даже у скифов Причерноморья («Мифы народов мира». Т. 1. 1987. С. 132).

Об этом городе упоминают многие древнегреческие и римские авторы. Так, Псевдо-Арриан (V в. до н. э.) сообщает: «От *Гермонассы* до Синдской гавани (Анапа) вдоль Меотиды (Азовское море) живут синды, за ними – керкеты – народ справедливый». Плиний (23-79 гг. н. э.) пишет: «На берегу Боспора (Керченского пролива) лежат: *Гермонасса* при входе в Босфор, затем милетский город Кепы, дальше Стратоклия, Фанагория...». Стефан Византийский (около 400 г. н. э.): «*Гермонасса* – небольшой остров с городом при Киммерийском Боспоре». В VI в. нашествием кочевников гуннов античные колонии в Причерноморье-Приазовье были уничтожены. Город возродился под властью Византии, под названием Таматарха.

К VII-X вв. н. э. он становится одним из главных городов средневековой Великой Булгарии, составлявшей часть Хазарского каганата. В это время он был известен под именем Самкерц (Самбарей). А вскоре он стал русским городом – Тмутараканью, столицей славянского княжества. Впервые летописное упоминание о нем встречается в «Повести временных лет» под 988 г.: «...посадиша Мьстислава в Тмутарокани». В этом городе, кроме русов, жили также касоги (черкесы-адыги), хазары, аланы, армяне, греки. К этому периоду относится и знаменитый «Тмутараканский камень», на котором была высечена надпись о замерзании Керченского пролива: «В лето 6576 (1068 г.) индикта 6, Глеб князь мерил море по льду от Тмутараканя (Тамань) до Кърчева (Керчь) 8054 сажени (около 17 км)». Позже этот город пал под ударами кочевников – татаро-монголов, половцев, ногайцев. Древний город, разрушенный степными кочевниками, затем возрождается под именем Матраха генуэзцами, которые имели в Земле адыгов многочисленные торговые фактории. Еще раньше, в X в. византийский император Константин Багрянородный также знал Тамань в форме Таматарха. Более того, установлено, что тысячелетием раньше подобная форма (Таматарха, Тюматарха) встречалась у Страбона (I в. н. э.), правда, в качестве названия острова в низовьях Кубани, на котором был расположен упомянутый город.

В 1419 г., по данным профессора Бруна, владельцем Тамани был генуэзец Симоне-де-Гвизольфи. В конце XV в. этот город захватили турки и превратили в мощную крепость Хункала. К этому времени относится сообщение префекта Каффы, Татари и др. о том, что Тамань (Матраха) – главный город Черкесии, подвластный турецкому падишаху. В нем велась деятельная торговля. Отсюда вывозилось в значительном коли-

честве, бочками, коровье масло (из нынешней степной части края). Из Тамани шла в другие страны икра красной рыбы, приготовленная в нынешнем Темрюке. «Продукта этого, – писал д'Асколи, – хватает не только на все места Татари и Черного моря, но также на Константинополь и на острова (Греческого) архипелага».

Несколько позже Тамань посетил Боплан. По его словам, этот город находился в земле черкесов, но принадлежал туркам. Еще позже, в 1711 г. Тамань описал француз Обри де ла Мотрэ: «Тамань хотя и небольшой, но очень населенный город. Его можно было бы назвать колонией армян, грузин, мингрелов и черкесов, так как они составляют большую часть его населения, что наблюдается также в Темрюке...». При этом, – пишет автор, – черкесы или татары, исповедовавшие христианскую религию, считались «самым правожерным народом» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 85-107).

Некоторое представление об этом городе, относящееся к середине XVIII в., можно получить из записок Пейсонеля «Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг.». В частности, он пишет: «Тамань – маленький город, расположенный на восточном берегу Еникольского (Керченского) пролива; в нем насчитывается около 6000 жителей, 12 мечетей и около 100 лавок. Хотя город Тамань находится на территории крымского хана, однако же, он считается во владении черкесов. В городе есть маленькая крепость, которая включена в число местностей, подчиненных турецкому султану. Султан содержит там небольшой гарнизон янычар...». Эта крепость функционировала до присоединения к России Крыма и Таманского полуострова, т. е. до конца XVIII в., а затем превратилась в заштатный городок Тамань, который столь образно изобразил в свое время М.Ю. Лермонтов.

Откуда же произошло современное название этого города? Существует несколько версий происхождения названия Тмутаракань-Таматарха-Тамань. По И. Миллеру, «остров Тамань назван так от бываемых на нем частых туманов». В свою очередь, Ф.Е. Корш считает что Таматарха-Таматархан произошло от слов *темир* («железо») + *тархан* («человек, свободный от уплаты налогов»), что в сочетании образует «железный человек». Разумеется, эти «объяснения», мягко говоря, несерьезны. По М. Фасмеру, «...таман – древний тюркский титул, который и дал современное название Тамань». Близко к этому и объяснение В.Н. Ратушняка: «Хазары дали городу название Тумен-тархан, т. е. место ставки военачальника – главы округа, выставляющего 10000 воинов – тумен».

Определенный интерес представляет «гунно-тохарская» гипотеза происхождения названия г. Тамани – Таматархан, предложенная В. Скурлатовым. О тохарах (токхар в аланском языке – «воин») упоминали еще римские источники II-I вв. до н. э. В тохарском войске самое крупное подразделение (10 тысяч) называлось «тмам» или «тумане». Этот термин впоследствии заимствовали тюрки («тюмян»), монголы («тюмен») и персы («туман»). Русские же использовали в таком случае слово «тьма». По мнению В. Скурлатова, какая-то гунно-тохарская «тьма» (т. е. 10-тысячное подразделение) увидела в дельте Кубани удобную базу и она получила наименование «остров тьмы» – «остров Тамань». А поскольку курень или ставка командования «тьмы» по-тюркски звучит «Тамань-таркхан», то в русско-тюркском варианте должно получиться «Тмутаракань». Аналогично, утверждает В. Скурлатов, получилось и «Ас-торокань» (современный Астрахань), что буквально означает «курень асов» («ставка алан»).

Параллель «тьма» = «10 тысяч» принимает и русский историк В.Н. Татищев в своем «Лексиконе Российском, историческом, географическом» (1793 г.), объясняя название Тмутаракань как «...город 10000 тараканов» (?!). Подобную же «научную теорию» развивает и претендующий на некое свое, уж очень «оригинальное» видение исторических событий, В.Н. Федорович (1994): «В 965 г. князь Святослав разбил яссов и кософов (адыгов) и взял Тамань. Заглянули в жилища побежденных, и столько тараканов там увидели – тьму! Так и прозвали это место: «Тьмутаракань». Комментировать эти несерьезные «научные гипотезы», думается, не следует.

Определенный интерес представляет следующее предположение доктора исторических наук В. Касьянова: «Тмутаракань, Тумантаркан, Тумантархан, – одно из сложнейших названий. До X столетия, пока территорию не завоевала Киевская Русь, Тумантаркан был одним из крупнейших городов. У татаро-монголов «*тьма*» – это поселение, «*таркан*» – укрепленное; получается «Тумантаркан» – «укрепленное поселение». Но если обратиться к древнеславянскому языку, появляется другое объяснение. «*Тму*, *тьму*, *туму*» означает край, отдаленную часть территории. Что, впрочем, тоже соответствует действительности», – завершает свой экскурс в историю географического названия г. Тамани В. Касьянов (Цит. по: Шеуджен Ф., 2012. С. 9).

Ближе к историческим реалиям предположение А.М. Гадагатля (1967) о древнеадыгских корнях этого названия. Здесь уместно вспомнить, что уже в адыгском эпосе «Нарты» встречается герой по имени Темэншыу, в котором *темэн* – «таманский», *шыу* – «всадник» (т. е. «Таманский всадник»). Само же слово *темэн* означает в языке адыгов «болото», что соответствует характеру местности – весь этот район сильно заболочен.

ТАМАНЬ И... АСТРАХАНЬ – ТОПОНИМИЧЕСКИЕ «БЛИЗНЕЦЫ»? Казалось бы, что общего в написании и смысле таких, казалось бы, совершенно разных географических названий, как «Тамань» и «Астрахань»? Но, оказывается, в топонимическом отношении оба эти названия весьма близки и являются, образно говоря, самыми ближайшими «родственниками».

Несколько слов о предыстории вопроса. Архивные изыскания свидетельствуют, что в эпоху средневековья Астрахань была в сфере влияния адыгов-кабардинцев. Так, посаженный в 1532 г. на астраханский престол хан Ахкубек (Акобек), спустя год, взял в жены кабардинскую княжну. В 1551 г. черкесы захватывают Астрахань и возводят на астраханский трон своего ставленника Ямгурчея, женатого на черкешенке («История многовекового...», 2007; Хотко С.Х., 2008). Несколько позже, продолжая традицию династических браков, занимавших большое место во внешней политике, князь Кабарды Темрюк Идарович отдает свою старшую дочь княгиню Алтынчач («Золотоволосая») за астраханского «царевича» Бекбулата. Именно через кабардинскую княжну Алтынчач и астраханского царевича Бекбулата Иван IV находился в родстве с казанскими, касимовскими и астраханскими ханами (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II; Опрышко О.Л., 2007; Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

Рассматривая историю происхождения современного названия города Астрахани, следует учитывать, что на протяжении столетий в этом районе, несмотря на частые разрушения, неизменно возникали города хазар, половцев, монголов. И каждый из этих народов, наряду со многими другими, оставил свой «топонимический след» в названиях этого города: Итиль, Беленджер, Хаз-Тархан (в русских летописях: Хаджихан, Хаджи-тархан, Цитрахи, Цытрохань, Азсторохань) и т. д. В 1556 г. татарская Астрахань стала русским городом, и в номенклатуре ее названий появились такие явно «русифицированные» варианты как Аш-Тарханы, Асторохань, Вастрхань и, наконец, Астрахань. В общей сложности номенклатура исторических названий этого города насчитывает (с учетом разночтений и искажений) около 80 наименований.

В свое время профессор В.А.Никонов (1966) высказал предположение о возможной связи топонимов Астрахани и Тмутаракани-Тамани. С целью проверки этой гипотезы нами был проведен сравнительный анализ некоторых старых названий этих населенных пунктов:

<i>Астрахань:</i>	<i>Тамань:</i>
Хаз-Тархан	Таматарха
Хази-Тархан	Тама-Тархан
Хозь-торохан	Тому-торохан
Хозиторокань	Тументархан
Аз-таракан	Тму-таракан
Азторокань	Тьмугорокань
Азтрахан	Тьмугорокань
Азтрахань	Тьмутаракань и т. д.

Учитывая полную аналогию первоначальных форм названия города Тамани (Тама-Тархан) с древнейшими названиями Астрахани (Хаз-Тархан), можно утверждать, что «возраст» последней не ограничен эпохой татаро-монгольского нашествия, как это было принято считать, а восходит, как и Тамань-Таматарха, — к античным временам.

Номенклатура географических названий города Тмутаракань (Тамань) в историческом прошлом:

1. Ада. 2. Маритандис. 3. Гермонасса. 4. Мадрика. 5. Матакха. 6. Матарха. 7. Матега. 8. Матерка. 9. Матлука. 10. Матлуха. 11. Матрага. 12. Матраха. 13. Матрега. 14. Матрека. 15. Матрига. 16. Матрика. 17. Матриха. 18. Матрица. 19. Матега. 20. Матуга. 21. Матурга. 22. Метерха. 23. Метраха. 24. Минтана. 25. Россия. 26. Самакарц. 27. Самкарап. 28. Самкарич. 29. Самкерц. 30. Сам-Крц. 31. С-м-к-рц. 32. Смкрш. 33. Таматарака. 34. Таматарка. 35. Таматарха. 36. Таматархия. 37. Тамирака. 38. Тиметрака. 39. Тиметраха. 40. Тома-горхан. 41. Тома-тархан. 42. Тама-Тархан. 43. Тумугорохан. 44. Торокань. 45. Таматаркай. 46. Тамтаракай. 47. Тмутаракай. 48. Тмутараканск. 49. Тмутаракань. 50. Тмутаракань. 51. Тьмугорокань. 52. Тумутаракан. 53. Тумугорокан. 54. Торокан. 55. Тьмугорокан. 56. Турокань. 57. Тумутаракань. 57а. Тументархан. 58. Тьмугорокань. 59. Тьмугорокань. 60. Тьмугорокань. 61. Тьмугорокан. 62. Тьмугорокан. 63. Тьмугорокань. 64. Таме. 65. Томе. 66. Танкама. 67. Темен. 68. Темэн. 69. Томан. 70. Тамань. 71. Туман. 72. Тумень. 73. Табань. 74. Таван. 75. Тавань. 76. Таман. 77. Таман-калах. 78. Тамань (Шеуджен А.Х. и др., 1998).

3.5. Нашествие татаро-монголов на Землю адыгов

В международном отношении основными событиями для всех народов Северного Кавказа в эпоху средневековья было татаро-монгольское нашествие и образование государства «Золотая Орда», которое стало главным определителем политических отношений между народами, государствами, племенами этой зоны, в том числе адыгскими народами (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

В летописях XIII – первой половины XVI в. (Новгородской первой летописи старшего извода, Рогожском летописце, Лаврентьевской, Ермолинской и Никоновской летописях) можно найти сообщения о татаро-монгольском нашествии в страну касогов в 1222 г.; о том, что был «мор» (заразная болезнь) среди многочисленных народов в 1346 г., среди которых упоминаются и черкесы; о наеме Мамаем в свое войско в числе других и черкесов в 1380 г. и т. д. Исследованиями советских историков установлено, что эти известия отражали вполне достоверные события (Дзамихов К.Ф., 2008).

3.5.1. Вторжение войск Чингис-хана на Северо-Западный Кавказ

Издалека приходят всадники его, прилетают, как орел, бросающийся на добычу. Весь он идет для грабежа; устремив лицо свое вперед, он забирает пленников, как песок.

Книга пророка Аввакума (1; 6-9).

*Монголы мчались диким скоком,
Все захлестнул лавины гул...
Горели трупы в дымном сраде,
Всю ночь монголы жгли дома,
Грудных детей потехи ради
В огонь швыряли, как дрова,
Чадило пламя в зимнем небе...
Младенческий, далекий век...*

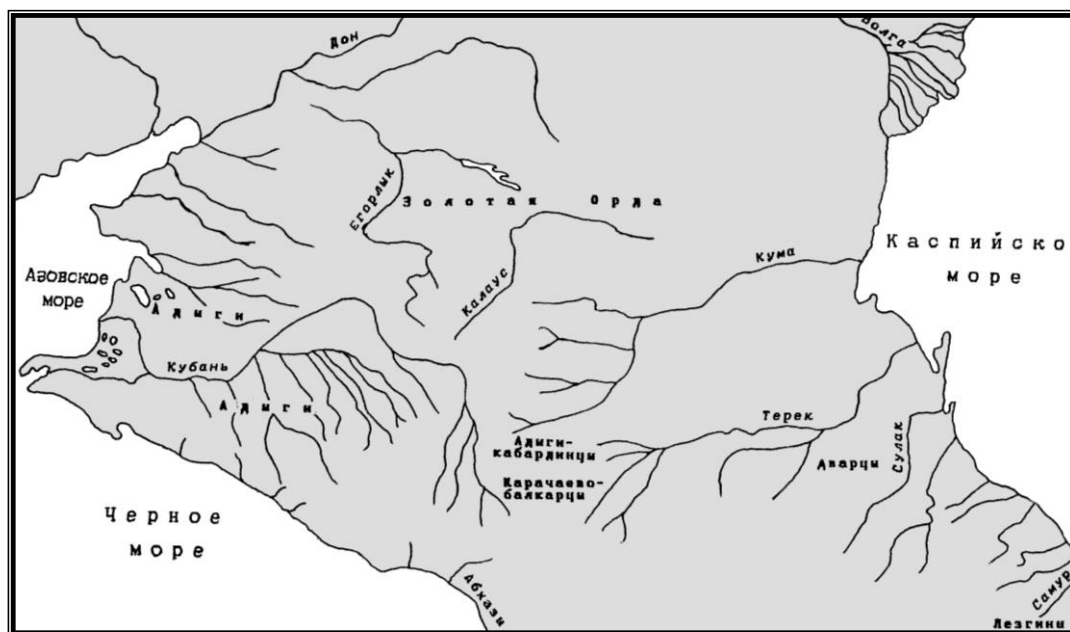
Н. Доризо (1936-2011).

XIII столетие вошло в историю адыгов, как время тяжелых испытаний и упорной борьбы за независимость против татаро-монгольских завоевателей. Еще в конце XII в. в глубине Азии сложилось крупное феодальное государство монголов и татар. Вождь одной из дружин храбрый Темучин на курултае (общее собрание, типа русского вече или адыгского хасэ. – **Авт.**) видных феодалов был провозглашен великим ханом нового государства под именем Чингис-хана. Э.А. Шеуджен сообщает, ссылаясь на древних историков, что у воинов Чингис-хана было «львиное мужество, собачье терпение, хитрость лисицы, хищность волка».

О том, как выглядели татаро-монголы, опустошившие в XIII в. Русь и Северный Кавказ, сообщает в своей «Хронике» очевидец – ученый архидиакон, монах Фома из Сплита: «Эти люди малого роста, но груди у них широкие. Внешность их ужасная: лицо без бороды и плоское, нос тупой, а маленькие глазки отстоят далеко друг от друга... Они не едят хлеба, пища их – мясо, а питье – кобылье молоко и кровь. С собой татары ведут много пленных, которых они гонят впереди себя и убивают, если увидят, что те не бросаются слепо в бой. Сами татары неохотно идут в бой первыми» (Цит. по: Ян В., 1960).

В короткий срок из ранее враждовавших между собой отрядов выросла грозная сила. Двинулась она в Северный Китай, а вскоре могущественные завоеватели обрушились на плодородные степи Средней Азии и через Иран вышли на Кавказ. Разгромив военные силы Грузии, передовые отряды Джебе и Субедея Ширванским ущельем проследовали на Северный Кавказ, где в 1222 г. одолели аланов, а затем кипчаков-половцев.

По пятам половцев татаро-монгольские отряды дошли до Крыма, разграбили Судак и устремились в половецкие степи – южную «украину» (окраину) Руси. По свидетельству историка Рашид-ад-Дина, «...в пути они повсеместно чинили избиения и грабежи». Через 12 лет состоялся новый поход Бату-хана (хана Батыея) – внука Чингис-хана. Разграбив Киев, на половецких степях он основал свое государство – «Золотую Орду», которая занимала огромную территорию от Крыма до Хорезма и от поволжских булгар до Северного Кавказа.

Расселение народов на Северном Кавказе в XIII–XIV вв.

И далее Чингис-хан предполагал идти со своим войском к «последнему морю» – завоевав Западную Европу, выйти к берегам Атлантики. Как писали летописцы, Чингис-хану принадлежали слова: «Я дойду до последнего моря, и тогда вся Вселенная окажется под моей рукой». ...Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает». Хорошо сказал о неосуществленных планах монгольского завоевателя А.С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение Запада было спасено растерзанной и издыхающей Россией...».

3.5.2. Адыги под властью «Золотой Орды»: «покорность черкесов сомнительна...»

Покорность черкесов всегда была сомнительна. Признавали над собою татарскую власть не иначе, как будучи к тому принуждены силою...

С. Броневский (1823).

В начале XIII в. адыги Северо-Западного Кавказа переживали очередную политическую консолидацию. Она была стимулирована взятием крестоносцами Константинополя и падением в 1204 г. византийской императорской династии Ангелов, когда адыгам удалось вновь включить Тмутаракань в свою политическую систему, во главе которой стоял верховный князь, одновременно являвшийся и архонтом города. Однако этот важнейший процесс был нарушен татаро-монгольским нашествием. В 1220 г. 30-тысячный монгольский корпус под командованием Джэба и Субэдея вторгся в Закавказье. Опустошив часть Грузии, в 1222 г. монголы прошли на Северный Кавказ через горные ущелья Дагестана (Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 110).

Аланы и кочевавшие в Предкавказье половцы/кыпчаки, заключив союз, выступили в 1222 г. против врага. И, как свидетельствует персидский историк Рашид ад-Дин (1247-1318), «никто из них не остался победителем». Воспользовавшись передышкой, предводители монголов пошли на хитрость, чтобы расколоть союз аланов и половцев. С этой целью они обратились к кыпчакам: «Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же нам чужие: мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платьев, сколько душа ваша пожелает, (только) представьте их (алан) нам».

Таким образом, участь алан была решена. Прельстившись на подарки и обещанный мир, половцы разошлись по своим кочевьям, оставив аланов одних; монголы «одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийства и грабежа», – заключает Рашид ад-Дин. Но измена половецких ханов дорого обошлась им и их соплеменникам. Монголы нагрянули на них внезапно, убивая всякого, кого находили, «когда они, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по всем областям». Застигнутые врасплох, половцы бежали без боя, часть из них рассеялась, часть ушла за Днепр и в приазовские степи, «большинство же их, собравшись, направились к Дербенту Ширвана». Преследуя половцев, монголы овладели городом Судак в Крыму, затем дошли до Дона, забирая у местного населения все необходимое для себя.

Поддавшись просьбе половцев/кыпчаков о помощи, русские войска выступили навстречу монголам. Русско-половецкое войско численностью до 80 тыс. ратников, преследуя отступавших монголов до р. Калки, вынудило их 31 мая 1223 г. принять бой, но было наголову разбито, после чего монголы ушли на восток. Однако при переправе через Волгу они натолкнулись на засаду волжских булгар и потерпели поражение, так что в Монголию вернулись лишь немногие.

Упомянутые выше события 1222-1223 гг. в достаточной степени достоверно изложены в летописи арабского автора Ибн-Альасира: «...Пришли в Аланию. Аланы собрали и кипчаков и сразились. Никто не мог одержать победу. Тогда татары уговорили кипчаков отойти с помощью даров и денег. Напали на алан и разбили их. А потом пошли на кипчаков, которые разошлись по домам. Татары пробыли некоторое время в земле кипчакской, но потом в 620 г. (т. е. 1223 г.) двинулись в страну русских. Услышав вести о них, русские и кипчаки, успевшие подготовиться к бою с ними, вышли на пути татар, и они (татары) обратились вспять, ...гнали 12 дней, но потом татары обратились на русских и кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них. Для последних это было совершенно неожиданно... Несколько дней бились. Татары превосходили числом (значительно). Наконец, татары одолели...».

Скорее всего, пишет Б.М. Керефов (2006. С. 110), – в тот период татаро-монголы столкнулись и с адыгами, поскольку русский летописец под 1223 г. записал: «...и мы слышахом яко многы страны поплениша. Ясы, обезы, *касоги* и половец безбожных множества избита и инех загнаша и тако измориша убиваемы...». Однако поход 1222-1223 гг. оказался лишь разведывательным и не преследовал территориального захвата.

3.5.2.1. Самоотверженная борьба горцев за свою независимость

Четыре года понадобилось монголам для завоевания ключевых позиций в нагорной полосе Северного Кавказа, – Но Зихия, находящаяся в недоступных местах, не была покорена татаро-монголами.

К.К. Хутыз, Э.А. Шебзухова (2007).

Когда татаро-монголы вторглись в земли адыгов, живших к западу от алан, захватчики встретили с их стороны упорное сопротивление. Персидский историк Рашид-ад-Дин отмечал, что в 1237 г. «Менгу-каан (Мангу-хан) и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукар». При этом историк особо отметил мужественное сопротивление горцев захватчикам. Считается, что этот поход не был заурядным набегом, поскольку он длился несколько месяцев, а во главе его стояли крупные военачальники, двоюродные братья хана Бату. Следовательно, адыги (черкесы) упорно сопротивлялись врагу, хотя упоминание о гибели адыгского (черкесского) государя может говорить о поражении. «...Четыре года понадобилось монголам для завоевания ключевых позиций в нагорной полосе Северного Кавказа, – пишут К.К. Хутыз и Э.А. Шебзухова (2007). – Но Зихия, находящаяся в недоступных местах, не была покорена татаро-монголами. Многие народы были уничтожены или покорены монголами, другие вынуждены были укрыться в горах от полного истребления. Это была крупнейшая катастрофа средневекового времени».

На втором курултае татаро-монгольских ханов военачальников было принято решение: «Обратить победоносный меч на голову вождей русских и яских (аланов) за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления». Во время опустошительного похода 1238 г. была разгромлена столица аланов г. Магас, захвачена равнинная зона. Горы стали последним оплотом и прибежищем этого некогда выдающегося народа (Твердый А.В., 2009). Сохранилось донесение хана Бату Угедю: «Силою Вечного Неба мы разрушили город Мегет (Магас) и подчинили твоей праведной власти 11 стран и народов» (Мегет, предположительно, – Нижний Архыз в Карачаево-Черкесии – Авт.).

Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа» приводит народное предание о нашествии Китай-хана на Кабарду. В нем рассказывается о том, что «Китай-хан», под именем которого историк подразумевает Чингис-хана, предложил касогам через послов не воевать, а с помощью «пелуанов» (борцов) решить, – какой народ будет править, а какой – повиноваться. Он выставил знаменитого татарского богатыря Кайсына. Но кабардинцы (касоги) переодели богатырскую женщину Лашин в мужскую одежду, и она положила татарского богатыря на лопатки. Раздосадованный Китай-хан, «...отблагодарив князей и подарив им семь рабов, простился с народом и отправился восвояси».

Позднее, уже в 1240 г. войска Бату-хана (хана Батые) загнали алан в горы Центрального Кавказа и окончательно нейтрализовали их как северокавказскую военную силу; половцев использовали в качестве основной массы своего войска, над Русью установили постоянный контроль, подчинив системе военного феодализма, или, как принято считать в истории, установив на Руси татаро-монгольское иго. Но вопреки утверждениям в письменной исторической традиции России и СССР о существовании татаро-монгольского ига у *всех народов Кавказа*, ни по фольклорным данным, ни по источникам европейских или восточных авторов, ни по археологическим материалам, – у адыгов такое «иго» практически не обнаруживается (Ловпаче Н.Г., 2009).

Аланы и черкесы продолжали вести самоотверженную борьбу за свою независимость, которая красочно описана арабскими и персидскими авторами (Рашид-ад-Дин, Джувейни, Ийезди, Хандаллах, Казвини и др.), а также европейскими путешественниками – посланцами от римского папы в ставку великого монгольского хана Карпини и Рубруком. В частности, Плано Карпини подробно описывает 12-летнее сопротивление алан на какой-то загадочной горе, очевидно, имеется в виду Дарьяльская крепость. Гильом Рубрук в 1254 г. тоже писал о стойком сопротивлении алан монголам именно в горных ущельях: «Аланы на этих горах все еще не покорены». Усмирять непокорных горцев монголам приходилось и позднее. Так, русская летопись сообщает об объединенном походе монголов и зависимых от них русских князей в 1278 г. против «славного яского города Дедакова, расположенного за горами Яскими и Черкесскими в долине Терека» (Твердый А.В., 2009).

Временами татаро-монголы проводили крупномасштабные карательные экспедиции против свободлюбивых горцев. Подобные акции были ответом на антимонгольские выступления, поскольку «Золотая Орда» удерживала в своей системе покоренные этносы именно угрозой нападения: «Черкесы, русские и ясы не в силах сопротивляться султану этих стран и потому (живут) с ним как его подданные, хотя у них и есть цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них набеги и стеснял их осадами», – отмечали очевидцы этих событий.

3.5.2.2. «Черкесы признавали над собою татарскую власть не иначе, как, будучи к тому принуждены силою»

Подчинение им (монголам) зихов ...было очень сомнительно: в тесных и горных местностях они оставались фактически независимыми, а жившие в равнине признавали монгольское владычество, пока или когда они были принуждены к этому.

Тунман, немецкий историк (1960).

В результате военных действий 1237-1240 гг. татаро-монголы захватили значительные территории Северного Кавказа. Современники походов татаро-монголов отмечают, что хану Бату удалось покорить «рус, черкес и ас до моря Мраков (Море Мраков, Море Мрака – средневековое название Черного моря. – Авт.)». Тем не менее, повсеместного покорения населения татаро-монголам не удалось осуществить. Об этом свидетельствуют письменные источники.

Хотя татаро-монголы в XIII в. и дошли до Черного моря, однако завоеватели не смогли распространить свою власть на Черноморское побережье Кавказа вследствие упорного сопротивления живших там так называемых «белых черкесов» (судя по всему, имеется в виду «Белая Зихия», о которой упоминали еще античные авторы). Жители горной зоны Черкесии и побережья Черного моря не были подчинены татаро-монголам и позже, во второй половине XIII в. Например, французский посол Вильгельм Рубрук, отправленный в 1253 г. Людовиком IX в Монголию, отмечал, что «Зикия не повинуется татарам» и что «черкесы и аланы, или аас, ...все еще борются против татар». В то же время Рубрук свидетельствует, что адыги и аланы приезжают в ставку монгольского хана Бату и «привозят ему подарки». Следовательно, часть адыгов и алан вынуждена была признать над собою верховную власть «Золотой Орды» и платить дань, тогда как другая часть все еще продолжала борьбу. Такое положение отмечается почти до середины XIV в. Тем не менее, изучение архивных документов дало возможность исследователям сделать вывод о чисто «номинальном» подчинении адыгов татаро-монголам. «Подчинение им (монголам) зихов или других черкесов, – писал немецкий историк Тунман, – было очень сомнительно: в тесных и горных местностях они оставались фактически независимыми, а жившие в равнине признавали монгольское владычество, пока или когда они были принуждены к этому. Они жили еще в этот период по всему восточному берегу Азовского моря и Дона. Они завладели Керчью и Крымом, часто нападали на этот полуостров и другие европейские местности!».

Эту же мысль подчеркивает и С. Броневский (1823): «Чихи (зихи-черкесы) противостояли им весьма упорно, но были укрошены в 1277 г. ханом Мангу-Тимуром и Ногаем». Таким образом, по С. Броневскому, монголы сделали владетелями Азова и Тамани, равно как и многих областей внутри Кавказа, однако «...покорность черкесов всегда была сомнительна, или держалась на крепких уговорах. Они сохраняли независимость в окружении гор и лесов, землях в их находящихся; а жившие по открытым местам признавали над собою татарскую власть не иначе, как, будучи к тому принуждены силою. Они удержали за собою восточный берег Азовского моря до Дона, овладели Керчью в Крыму, делали частые набеги, как в сам полуостров, так и в другие страны Европы». И далее С. Броневский делает неожиданный вывод: «От них и произошли сии шайки казаков, в то время появившихся» (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

Подобную трактовку этих событий мы находим также у И. Бларамберга и Клапрота. Они сообщают, что поскольку в степной полосе количество татаро-монголов было сравнительно небольшим, это дало возможность адыгам, в связи с необходимостью расширения пахотных земель, постепенно переселиться на правобережье Кубани, а также на восточное побережье Азовского моря.

3.5.2.3. Возрастание влияния черкесов в «Золотой Орде»

С течением времени соседние (с монголами), обитавшие в тех странах племена, каковы аланы, зихи, готы, руссы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались союзниками их на войне.

Г. Пахимер, византийский историк (XIII в.).

Летописные источники сообщают, что адыги, как вассалы «Золотой Орды», вынуждены были участвовать в военных действиях и отряжали дружины своих воинов в ханские войска. Так, черкесы упоминаются в составе войск Токтай-хана (Токта-хана, Токту-хана, 1290-1312 гг.). По имеющимся сведениям, Токтай-хан в свое время отдал на воспитание адыгским князьям своего малолетнего племянника – царевича Узбека.

В 1312 г. Узбек, отправив Токтай-хана, узурпировал власть в «Золотой Орде» и объявил ислам ее государственной религией. Естественно, что в силу принципов института аталычества часть адыгов приняла самое активное участие в узурпации престола Узбеком и в последовавшей затем борьбе по упрочению своей власти. Глухие сведения в письменных источниках о войне хана Узбека с черкесами в 20-х гг. XIV в., во время которой один из предводителей монгольского войска – Хасан был либо убит, либо смертельно ранен, возможно, связаны с попыткой расправиться с той группировкой адыгов, которая не поддержала восшествие Узбека на престол.

О «сильном возрастании» политического веса и влияния адыгов в период правления ханов «Золотой Орды» Тохты (1290-1312) и Узбека (1312-1342) сообщают и авторы книги «История многовекового...» (2007). Этому, по мнению Р. Трахо, способствовало то обстоятельство, что царевич Узбек с малых лет воспитывался у адыгских князей. Следует сказать, что 30-летнее правление Узбека – время расцвета «Золотой Орды», усиления власти золотоордынских ханов и установления твердого порядка на подвластных им территориях. Фактически «Золотая Орда» превратилась в отдельное раннефеодальное государство, включавшее в свой состав множество народов, из которых, если не считать кипчаков, самыми многочисленными были русские и вслед за ними адыги. Именно в этот период, при Иване Калите, начинается также возвышение Москвы. Из небольшого удела она превращается в последующем – уже в первой половине XV в. – в могущественное княжество. Одновременно с этим и сравнительно небольшая Кабарда становится со временем самым крупным и влиятельным политическим объединением на Северном Кавказе.

Высоко оценивая ум, деловитость и исполнительность московских князей Юрия и Ивана Даниловичей, хан Узбек поддерживает их в борьбе с захватническими устремлениями литовского князя Гедимины. На стороне Ивана Даниловича Калиты, внука Александра Невского, выступают татары и в период его борьбы за великое княжение с другими князьями, и прежде всего тверскими. В 1328 г. с помощью Орды Иван Калита утвердился на великокняжеском престоле, и с этих пор великое княжение прочно и навсегда закрепляется за Москвой, занимающей выгодное в географическом отношении место в самом центре Русских земель.

В 1380 г. в Куликовской битве адыги сражались на стороне хана Мамай, а в 1395 г. – в войсках Тохтамыш. При этом часть адыгов постоянно жила в городах «Золотой Орды». В частности, в ее столице – Сарае в XIV в. был целый адыгский квартал, а «у султана этого государя – рати черкесов». О том, что в татарской столице был черкесский квартал, сообщает арабский путешественник Ибн-Батута, побывавший здесь в 1333 г.: «Сарай – один из красивейших городов... В нем живут разные народы, как-то: монголы – это настоящие жители страны и владыки ее, некоторые мусульмане; асы, которые мусульмане, кыпчаки, *черкесы* и русские и византийцы... Каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их». В этой связи интересно, что кабардинские исторические предания сохранили сведения о пребывании их в Сарае (каб. «Шьэрау») и их возвращении оттуда.

Характерно, что со времени гибели адыгского (черкесского) государя Тукара в 1237 г. и до 20-х гг. XIV в. в источниках отсутствуют сведения о кровопролитных сражениях между адыгами и татаро-монголами. Византийский историк второй половины XIII в. Георгий Пахимер писал, что «с течением времени соседние (с монголами), обитавшие в тех странах племена, каковы аланы, *зихи*, готы, руссы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, *приняв их нравы и одежду, сделались союзниками их на войне*» (Цит. по: Б.М. Керефову, 2006).

3.5.2.4. Взаимоотношения черкесских воинов-мамлюков с «Золотой Ордой»

Адыгские воины принимали активное участие на стороне мамлюкско-золотоордынской коалиции... Это вполне отвечало интересам Черкесии и помогло укреплению позиций страны в «Золотой Орде».

«История многовекового...» (2007).

Среди причин возросшей мощи Черкесии выделяют политическую, материальную и моральную поддержку, которую оказывал адыгам Египетский султанат («История многовекового...», 2007). В 1250 г. его подчинили, свергнув египетского султана, наемные кипчакские и черкесские воины-мамлюки. Хан Берке, захвативший в 1254 г. власть в «Золотой Орде» принял мусульманство и вступил с мамлюками в союз, в основе которого лежала борьба против общего врага – внука Чингис-хана хана Хулагу, монгольского правителя Средней Азии и Персии. Будучи приверженцем христианства и пользуясь поддержкой христианских правителей Европы и Азии, Хулагу поставил перед собой задачу сокрушить мамлюкское государство и подчинить «Золотую Орду». 3 сентября 1260 г. при Айн-Джалуте в Сирии мамлюки встретили вторгшиеся на их территорию войска Хулагу и разбили их. Крахом закончился и поход Хулагу на «Золотую Орду»; в 1261 г. на Кавказе он потерпел поражение от войск Берке. Спустя 29 лет, весной 1290 г., на берегах р. Карасу южнее Дербента произошло сражение ильхана Аргуна и золотоордынского хана Тулабугу, закончившееся поражением последнего.

В каждом из этих сражений адыгские воины принимали активное участие на стороне мамлюкско-золотоордынской коалиции, и не исключено, что их действия координировались черкесскими правителями в Египте и на Кавказе. На данном этапе истории это вполне отвечало интересам Черкесии и помогло укреплению позиций страны в «Золотой Орде» («История многовекового...», 2007).

3.5.2.5. Возвышение Кабарды: «Овсетия стала называться Черкезией или Кабардо»

Распад «Золотой Орды» способствовал политическому возвышению кабардинских князей, которые заняли господствующие позиции на Предкавказской равнине и в предгорьях, держа в своих руках выходы из горных ущелий.

О.Б. Бубенок (2006. Вып. IV).

К началу XIV в. географическое название Кабарда, являвшееся только обозначением крошечной области в междуречье рек Баксана и Чегема, преобразуется в название целой страны, именовавшейся ранее Аланией, или Страной асов, и становится одновременно составной частью Черкесии.

«История многовекового...» (2007).

Ближние отношения с ханом Узбеком способствуют, как видно из архивных и летописных источников, возвышению Кабарды. Расширяется ее территория, возрастают вес и влияние кабардинских феодалов – тлекулешей как в самой Кабарде, так и во всей Алании и Черкесии. Численность местного – адыгского и осетинского (овского) – населения увеличивается с каждым годом. Изменяются основные черты общественного строя и бытового уклада адыгов, включая и обряд погребения покойников, ознаменовавшийся появлением так называемых кабардинских курганов.

Место Алании, или Страны асов, постепенно, а к началу XIV в. окончательно, занимает Кабарда. После разгрома в 1240-1241 гг. Алании большая часть уцелевших асов, или овсов, небольшие группы адыгов и кипчаков (басиан) поселяются высоко в горах Центрального Кавказа в окрестностях Дарьяльского прохода и образуют горную страну, которую грузины называют Овсети, то есть так же, как они называли прежде Кавказскую Аланию в целом. Остальная часть Алании вслед за этим стала одной из областей Черкесии под названием Кабарда.

Предельно ясно описывает этот процесс грузинский историк XVIII в. царевич Вахушти Багратиони: «После же опустошения Овсетии (татаро-монголами. – **Авт.**) и вступления их (овсов) внутрь Кавказа *стали называться – Овсетия Черкезией или Кабардо*, а находящиеся в горах Кавказа по имени вступивших сюда (овсов) Овсетией». Возникновение Кабарды, таким образом, рассматривается как естественное социальное и политическое развитие самой Алании и кабардинского (черкесского) населения этой страны. При этом нельзя исключить, что имела место и миграция адыгского населения из Западной Черкесии, о чем свидетельствует и адыгский фольклор. Но фактор миграции играл здесь не главную роль, как полагают некоторые историки, а второстепенную.

В результате именно такого – естественного – развития аланского общества к началу XIV в. географическое название «Кабарда», являвшееся только обозначением крошечной области в междуречье рек Баксана и Чегема, преобразуется в название целой страны, именовавшейся ранее Аланией, или Страной асов, и становится одновременно составной частью Черкесии. При этом этноним «кабардинцы» закрепляется за восточными черкесами – преобладающим населением Кабарды («История многовекового...», 2007).

Дополняют информацию о возвышении Кабарды другие источники. В XIV-XV вв. вследствие ослабления «Золотой Орды», как считают многие исследователи, Центральное Предкавказье стало заселяться продвигавшимися сюда из Прикубанья племенами адыгов – предками кабардинцев (Бубенок О.Б., 2006. Вып. IV). Данные археологии свидетельствуют, что уже в XIV-XV вв. территория прежней плоскостной Алании в бассейне Терека была заселена выходцами из Прикубанья – адыгейскими племенами, которые заняли левобережье Терека. Так образовалась Большая Кабарда. К концу XV в. предки кабардинцев освоили его правобережье – Малую Кабарду. Тогда же кабардинцы окончательно осваивают степные и предгорные пространства бассейна Терека. В результате их поселения стали доходить до низовьев этой реки, вплоть до побережья Каспийского моря.

Распад «Золотой Орды» способствовал политическому возвышению кабардинских князей, которые заняли господствующие позиции на Предкавказской равнине и в предгорьях, держа в своих руках выходы из горных ущелий. Это впоследствии дало кабардинцам возможность подчинить горцев, каковыми являлись балкарцы, осетины и другие народы региона. На юг от кабардинцев традиционно проживали предки тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, которых сейчас считают представителями отдельных этносов (Бубенок О.Б., 2006. Вып. IV).

3.5.2.6. «Хаджи-Черкес ...пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай»

Хаджи-Черкес, владетель астраханских уделов, пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай. Мамай отправился в Крым и стал править им независимо.

Ибн Халдун, визирь при черкесском султани Египта Баркуке (XIV в.)

Правил Черкесбек-хан недолго, но именно он заложил фундамент политической независимости Астраханского ханства.

С.Х. Хотко (2008).

Ко второй половине XIV в. власть золотоордынских ханов на Северном Кавказе уже ослабла и стала постепенно клониться к упадку. Разразился острый политический кризис, растянувшийся на два десятка лет. С 1359 г. началась, говоря словами древнерусской летописи, «великая замятия» – смена ханов, многие из

которых правили меньше года. Сильнейший удар «Золотой Орде» был нанесен в 1380 г. на Куликовом поле, когда войско Мамай было разгромлено («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 110). Примечательно, что в этот период (вторая половина XIV в. на какое-то время трон великого хана «Золотой Орды» занял адыг – Хаджи-Черкес. Несомненный интерес представляет эссе С.Х. Хотко (2008) о возвышении адыгского князя Хаджи Черкеса и его победе над самим Мамаем, которое привожу в кратком изложении.

Астраханское ханство, как и Крымское, – пишет автор, – выделилось в самостоятельное государство лишь в середине XV в. Но задолго до появления татаро-монголов, еще в хазарские времена, был основан город Ас-Тархан как место резиденции крупного военачальника. И судя по всему – «аса» (асы, оссы) – по происхождению аланы-осетины. Русская транслитерация города Астрахань весьма близка к оригиналу.

Выгодное географическое расположение всегда делало Астрахань достаточно самостоятельным городом. Поэтому, в золотоордынский период, наряду с Казанью и Крымом Астрахань становится центром притяжения торговли и населения. И уже задолго до распада империи были видны линии раскола. Совершенно четко будущие ханства обозначились в 60-70-е гг. XIV в. – в период «татарской замятни». Оказывается, что черкесы имели самое непосредственное отношение и к основанию ханства в дельте Волги, и к его разрушению.

Начиная со второй половины 60-х гг. XIV в. (1367 г.), Астраханью владеет Хаджи-Черкес. Ни в одном источнике его имя не фигурирует в списке царевичей Золотой Орды. Очевидно, Хаджи-Черкес не был Чингизидом, но при этом, как и Мамай, был много более влиятелен, чем многие представители династии. Вслед за известным исследователем «Золотой Орды» М.Г. Сафаргалиевым, мы можем предположить, что Хаджи-Черкес был выходцем «из черкесов, входивших в состав «Золотой Орды», или имел к ним какое-то отношение». Хаджи-Черкес, скорее всего, являлся черкесским князем, возглавившим черкесскую группировку в Орде.

Весьма знаменательно, что большое внимание его персоне уделяет Ибн Халдун, визирь при черкесском султане Египта Баркуке. Согласно Ибн Халдуну, Хаджи-Черкес сделал блестящую карьеру при Бердибеке, последнем золотоордынском хане, контролировавшем всю империю. Хаджи-Черкес занимал пост командующего армией. После смерти Бердибека он занял Астрахань и, более того, в 1369 г. захватил столицу – Сарай. «Когда же Хаджи-Черкес, – сообщает Ибн Халдун, – ушел из Астрахани в Сарай, то Урус-хан послал войска свои из горной страны Хорезмской, которые осадили Астрахань, Хаджи-Черкес послал свои войска против них с одним из эмиров своих, который прибегнул к хитрости, успел отогнать их от Астрахани, потом внезапно напал на них и на эмира, предводительствовавшего ими. Хаджи-Черкес был очень озабочен этой враждой. Против него выступил Айбек-хан, отнял у него Сарай и несколько времени самовластно правил им».

Возвышение Черкеса относится ко времени до 1367 г., т. к. этим годом датирована карта братьев Франциска и Доминика Пицигани, на которой отмечена резиденция Черкесбек-хана – «*Casa de jarcasi*» – на правом берегу Волги выше современного Саратова.

Хаджи-Черкес отнял Сарай у не заурядной персоны, у самого Мамай. Согласно В.Л. Егорову, это произошло в 1374 г. У Ибн Халдуна читаем: «Хаджи-Черкес, владетель астраханских уделов, пошел на Мамай, победил его и отнял у него Сарай. Мамай отправился в Крым и стал править им независимо». Получается, что за два года до знаменитой в российской истории битвы на р. Воже, где впервые московское войско нанесло поражение армии Мамай, последний был разбит Хаджи-Черкесом (соответственно за 6 лет до Куликовской битвы). С одной стороны, это повышает наш интерес к персоне Хаджи-Черкеса, а с другой стороны, возникает вопрос: а так ли уж грозен был Мамай? Важно, что сохранились монеты не только Мамай, но и Хаджи-Черкеса, отчеканенные в 1374-1375 гг. в Астрахани. Этот факт говорит о том, что Астрахань оставалась вотчиной Черкеса и после его ухода из Сарая, а также о статусе Астрахани, т. к. не всякий город являлся центром эмиссии.

Во время наивысшего могущества Черкеса в его владения входило все Нижнее Поволжье с Сараем, Новым Сараем и Хаджи-Тарханом (Астраханью). А.Н. Насонов предполагает, что власть Хаджи-Черкеса распространилась еще на две области – Хорезм и Мохши.

Правил Черкесбек-хан недолго, но именно он заложил фундамент политической независимости Астраханского ханства. Эту точку зрения разделяют и авторы первого тома Советской исторической энциклопедии, и И.В. Зайцев, автор первого монографического исследования по истории Астраханского ханства, – завершает свое эссе С.Х. Хотко (2008).

3.5.2.7. Распад «Золотой Орды»: «Черкасы ...побили татар добре много»

Черкесы каждый день бьются с татарами, которыми окружены со всех сторон; по Боспору (Керченский пролив) проникают до Херсонеса, особенно зимой, грабят фракийских жителей, т. е. татар, причем несколько человек черкесов гонят перед собой большую татарскую орду.

Дж. Интериано (1501).

В конце XV в. одряхлевшая Большая Орда стала жертвой крымских и черкесских нападений.

С.Х. Хотко (2008).

Много позже о постоянных войнах, которые с переменным успехом ведут татары и черкесы, подробно писал Интериано, в конце XV в. побывавший в Черкесии: «Они (адыги. – Авт.) постоянно воюют с тата-

рами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за Босфор (Боспор, Керченский пролив) вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффа, основанная в древности гетуэцами. Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить жителей скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости. Их военный головной убор походит на те, которые мы видим на древних изображениях, он закрывает щеки и прикрепляется под горлом по древнему обычаю. Татары – народ более терпеливый (и выносливый) в нужде настолько, что это просто удивительно, и потому они часто одерживают победу над черкесами тем, что с самого начала, если возможно, заводят их в какие-нибудь непроходимые болота, в снега или холодные места, лишённые всего необходимого, и там благодаря своему терпению и настойчивости нередко их побеждают» (Цит. по: «История многовекового...», 2007). О том, что «...на равнинах Черкесии кочевали многие татары, постоянно грабя черкесов и русских», и пользуются славой «безумных храбрецов», – сообщал и Кантарини, побывавший на Северо-Западном Кавказе в 1476 г.

О предпосылках заключения русско-адыгского военно-политического союза, столь явно проявившихся в первой половине XVI столетия, в период, предшествующий распаду «Золотой Орды», размышляют авторы книги «История многовекового...» (2007). На рубеже XV-XVI вв. достиг апогея политический конфликт между бывшими уделами «Золотой Орды». Возникло два политических блока. Союзником крымского хана Менгли-Гирея выступил великий князь московский Иван III (1462–1505), который проводил политику по созданию централизованного Русского государства и в 1480 г. отказался платить дань Большой Орде. В свою очередь, Великое княжество Литовское, соперничавшее с Москвой за власть над удельными русскими княжествами, поддерживало ордынских ханов.

Адыгские князья не вошли в сложившиеся политические коалиции, в отличие от ногайских мурз, часто выступавших в качестве московских союзников. Но военная активность кабардинцев сыграла заметную роль в разгроме Большой Орды. Ее правители, подвергаясь чувствительным ударам со стороны крымских и русских войск, пытались укрыться со своими подданными в предкавказских степях, у самых границ адыгских земель. Потерпев в 1491 г. крупное поражение от крымцев, хан Большой Орды Муртаза откочевал на юг. По сообщению русского посла в Крыму И. Лобан-Колычева, весной 1492 г. «Орда пашню пахала на Куме, а пошла, сказывают, Черкасцы воевати».

В конце XV в. борьба горцев за свободу и независимость Земли адыгов продолжалась. Так, в июне 1498 г. русский посол в Крыму Борис Челищев сообщал из Крыма, что «...приходили черкасы (т. е. адыги) на Большую Орду, да побили, сказывают, татар добре много. И царю деи Маахмату (хан Большой Орды Сейид-Мухаммед. – Авт.) под Черкасы прожить не можно, он... мыслит пойти на сю сторону Дону». Это сообщение, по всей видимости, отражало не какой-то заурядный набег, каких было множество, а масштабную спланированную акцию.

Таким образом, мощный удар, нанесенный адыгами, заставил Орду передвинуться ближе к Крыму. Соппротивление черкесов и ногайцев продолжалось и позже. Большая Орда вновь подверглась черкесским набегам в 1499 г. При этом ежегодные весенние откочевки на юг «под Черкасы», подальше от крымцев и русских, не могли избавить ордынцев от непосредственной военной угрозы. А спустя год, летом 1500 г. хан Шейх-Ахмед, главный правитель Большой Орды, сменивший Сейид-Мухаммеда, обратился к крымскому хану Менгли-Гирею с просьбой разрешить ему перейти с ордой к Днепру, так как за Доном «нам недобро кочевать, – многие с нами брани чинят от Нагай и от Черкас». Однако перекочевать к Днепру ему было отказано, и Большая Орда осталась в Предкавказье, терпя крайнюю нужду и стеснение. Под давлением черкесов и ногайцев, не считаясь с враждебностью Бахчисарая, Большая Орда перешла на правый берег Дона. Ф. Ромодановский, московский представитель в Крыму, сообщал в июне 1501 г., что татары Большой Орды, предводительствуемые Шейх-Ахмедом, «без воли (т. е. без разрешения) прикочевали к Дону за тем, что... Тюмень (ногайское княжество. – Авт.) и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвселе блюдет».

Окончательно Большая Орда рухнула в 1502 г., в результате конфликтов с Крымом и черкесами. Уже весной 1502 г. Менгли-Гирей наголову разгромил своих противников и разрушил их столицу Сарай. Большая Орда прекратила свое существование. Наследием Большой Орды в конце XV – начале XVI в. овладели крымские татары, ногаи и черкесы. С этого времени политическая ситуация в междуречье Дона и Волги определялась противоречиями между Крымом, Ногайской ордой и Черкесией; позднее, с середины XVI в., активное участие в крымско-черкесских делах стала принимать и Россия (Максидов А.А., 2003; Хотко С.Х., 2008). Авторы книги «История многовекового...» (2007) особо подчеркивают, что «...адыги внесли существенный вклад в разгром Большой Орды. Правители черкесских княжеств не координировали своих действий с крымским ханом или великим князем Московским. Походы адыгов на Большую Орду имели для них характер традиционной войны с чингизидами за независимость и борьбы с кочевыми народами за право беспрепятственного хозяйственного использования степного Предкавказья».

Адыги, хотя и пострадали от нашествия татаро-монголов, сумели сохранить свой военный и экономический потенциал, культурные традиции. Все увеличивавшееся количество населения и необходимость освоения новых земель для проживания потребовало перенесения части аулов на освободившиеся земли, ранее занимаемые аланами. Крупная этническая группа адыгов – кабардинцы – начали осваивать в конце XIV и начале XV в. Центральный Кавказ (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

3.6. Адыги против Тамерлана (Тимура): в борьбе за независимость своей Родины

*Несется конница, сверкает меч и блещут конья;
убитых множество и груды трупов; спотыкаются о
трупы их...*

Книга пророка Наума (3; 3).

*Смотри: завоеватели земли,
Все шахи в землю черную легли...
Где ханы, где их предок Чингис-хан?
Где Угедей, властительный каган?
Где хан Тимур, что мир завоевал?
Он с армией бесчисленной прахом стал.*

Алишер Навои (1441-1501).

Немалую роль в падении могущества «Золотой Орды» сыграл мощный удар, нанесенный русскими дружинами ордынцам на Куликовом поле в 1380 г. Поистине, оправдалось библейское пророчество: «Но все пожирающие тебя, будут пожраны; и все враги твои – все сами пойдут в плен; и опустошители твои будут опустошены» (Книга пророка Иеремии, 30, 16). Второй сокрушительный удар «Золотой Орде» нанес в конце XIV в. среднеазиатский завоеватель Тимур (Тамерлан), с чьим именем связано новое нашествие на Землю адыгов. Создав в Средней Азии обширное государство, Тамерлан стал претендовать на мировое господство. Черным смерчем прошел он по «Золотой Орде», уничтожая непокорных. К. Маркс писал: «...политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и, таким образом, всюду наводить ужас». По свидетельству современников, «Тимур имел обычай, после поголовного избиения жителей какой-нибудь страны, собирать в одно место головы убитых – их количеством он измерял свое могущество и царское величие». В 1395 г., как рассказывают предания и летописные источники, Тамерлан двинулся на Кавказ.

Былое величие «Золотой Орды» пытался восстановить молодой хан Тохтамыш, который при поддержке могущественного властителя Средней Азии Тимура сумел захватить власть. Собрав значительные силы, куда входили также адыги-черкесы, Тохтамыш стал проводить активную внешнюю политику. Он совершил несколько походов на Русь и в Закавказье, но вскоре его претензии на восстановление мощи «Золотой Орды» столкнулись с не менее честолюбивыми намерениями Тимура, претендовавшего на мировое господство. ...Тохтамыш с кумыкской ордой монголов шел из Крыма навстречу Тимуру. Тамерлан смял и уничтожил эту орду и, двигаясь дальше по северной стороне Кавказа, гнал Тохтамыша на запад. Их решающее столкновение произошло 15 апреля 1395 г. на р. Малке, в районе нынешней ст. Солдатской, в междуречье Куры и Терека, известного кабардинцам как «Къуырей гуыбгъуэ» (Курей-поле).

Тамерлан разбил противника, на стороне которого воевали и адыги (черкесы), и остатки орды Тохтамыша спаслись в ущельях Эльбруса. Сведения об этом эпизоде сохранились в летописи Шереф ад-Дина Али Иезди: «23 джумади 11. 797 г. (т. е. 15 апреля 1395 г.) в сражении войска Тохтамыша, благодаря военному искусству Тимура, стойкости и храбрости, проявленным войнами его армии, были разбиты наголову. Армия Тохтамыша отступала в полном беспорядке и несогласованности... Эмир Утурку скрылся в горах Центрального Кавказа». Преследуя Тохтамыша, Тимур вторгся в Крым, затем разорил рязанские земли и захватил Азак-Азов («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 110). Вернувшись затем на Северный Кавказ, он приказывает своим полководцам завоевать земли западных адыгов (черкесов). У него были особые счета с адыгами: ведь они были союзниками Тохтамыша.

Осенью 1395 г. Тимур вторгся в Западную Черкесию. Движение его огромной конной армии (персидские авторы говорят о 200 000 всадников!) через степи Черкесии было сопряжено со значительными трудностями. Татарские полчища сжигали леса и поля и уничтожали все живое на своем пути. Примечательно, что «тактикой выжженной земли» пришлось воспользоваться и адыгам при отражении похода Тимура. Адыги, видя огромные силы Тимура, прибегли к тактике, не раз применявшейся степными кочевниками, – они начали отходить и сжигать луга на пути войска захватчиков. Как писал персидский автор первой половины XV в. Низам-ад-Дин Шами, учитывая бесполезность вооруженного сопротивления огромной армии Тимура, адыги сожгли луга, которые были между Таной (Азовом) и Кубанью, в результате чего «...лишенное корма большое количество лошадей и скота погибло, а войско Тамерлана перенесло много страданий и с трудом перешло через реки, топи и болота» (Цит. по: Малкондуев Х.Х., 2005. Вып. II). Само войско вынуждено было изменить маршрут и двигаться вдоль Азовского моря. Можно предположить, что это описание относится к району Таманского полуострова, где располагались богатые черкесские города Матрега (совр. Тамань) и Копа (совр. Славянск-на-Кубани). Разгневанный этим Тимур направил против адыгов (черкесов) большую карательную экспедицию во главе со своим внуком Мухаммед-Султаном, мирзой Миран-шахом и опытным полководцем Джехан-шахом-Бахадуром, с тем, чтобы «...они поскорее покорили эту область и вернулись обратно». Новая экспедиция привела к огромным людским и материальным жертвам со стороны адыгов.

Как отмечают персидские источники (Шереф-ад-Дина Йезди), «...монголы «ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу и благополучно возвратились, удостоились чести целования ковра» (Хотко С.Х., 2008). У Абд-ал Разакка Сомарконди в описании этого похода говорится, что посланные войска «...опустошили эту область до берегов Франкского моря, называемого морем Азакским (Азовское море. – Авт.). Разорив левую и правую стороны тех степей до подножий гор, до берега моря, с несметной добычей и громкими победами они вернулись в высочайшую орду, доложили о положении той области».

«В этом году, – пишут другие авторы, – Тимур напал на черкесские земли, разграбил их селения, разорил город Кубань и страшное учинил опустошение, но черкесы при том не ослабевали и защищали свою вольность». В этой выдержке определенный интерес представляет упоминание о городе Кубань (Кубан). По некоторым сведениям, имелся в виду древний город Керменчук, или Кирмон. В XIV в. он известен как город Кубань – небольшой городок на р. Протоке, близ нынешнего г. Ачуева, бывший тогда «одним из первых городов сей страны». По-видимому, это произошло в конце октября или начале ноября 1395 г. Как видно, карательная экспедиция Тимура воздержалась от глубокого проникновения в горные районы, где, скорее всего, нашло убежище адыгское население. Разорены были главным образом поселения адыгов, располагавшиеся вдоль р. Кубани, в ее низовьях и от предгорий Кавказского хребта до Азовского моря. В источниках отсутствуют сведения и о многочисленных истреблениях людей, как это имело место на Центральном и Северо-Восточном Кавказе.

После этих погромов Тимур направился в верховья Кубани, где были разгромлены владения ассских (аланских) правителей Буриберди и Буракана, Кулу и Тауса, располагавшиеся в горных районах нынешней Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Согласно письменным источникам, отряды Тимура «в горных укреплениях и защищенных ущельях» встретили ожесточенное сопротивление горцев. Но силы не были равны и войска Тимура «истребили многих из тех неверных, ...разорили их крепости» и захватили много добычи. Имеются данные, что здесь сам Тимур «с целью джихада (война за веру) взшел на гору Эльбрус», что может быть преувеличением со стороны летописцев Тимура (Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 110).

Разорив эти области, Тимур направился во владения Пулада, где скрывался один из главных полководцев Тохтамыша – Утурку. Пройдя через местность Балкан (предположительно Черекское ущелье), войска Тимура двинулись на крепость Кабчигай, находившуюся в «чрезвычайно недоступном ущелье». По мнению ученых, возможно, эта крепость располагалась в районе сел Верхний Чегем. Несмотря на упорное сопротивление, Тимур взял крепость и сжег ее. Утурку бежал в район Эльбруса «в местность Абаса» (Абаза), где и был схвачен в плен.

Больше года Тимур потратил на поход против Тохтамыша. Из этого времени он около восьми месяцев провел на Северном Кавказе. Огнем и мечом прошелся он не только по Северо-Восточному Кавказу. Слова К. Маркса, сказанные им о Малой Азии, что «Тимур ушел, оставив безмолвие кладбища», можно с полным основанием отнести и к нашему благодатному краю. Кровавопролитный поход Тимура оставил глубокий след в памяти народов Северного Кавказа («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 110). А в 1400 г. завоеватель двинулся в земли овсов, или алан. Как отмечал грузинский царевич Вахушти Багратиони, «...города овсов были разрушены; Овсетия (имеется в виду ее равнинная часть) стала называться Черкесией или Кабардой». Верховья Кубани и Зеленчуков, а также Пятигорье вошли в состав территории, именуемой Черкесией или Черкасией (Малкондуев Х.Х., 2005. Вып. II).

Земля адыгов долго не могла оправиться от разрушительных последствий нашествия кровавого Тимура. А сам завоеватель, как образно заметил В.А. Жуковский, –

Он совершил свое течение
И в бездне вечности исчез...
Могилы, пепел, разрушенье,
Пучина бедствий, крови, слез, –
Вот путь его...

Распад «Золотой Орды» и государства Тимура не принес полной свободы народам Северного Кавказа. Они все еще оставались, хотя и формально, в зависимости от татар. В 1492 г. Ногайская орда пыталась навязать свою власть пятигорским черкесам, а в 1500 г., судя по источникам, в местность в «пяти горах под Черкесы» откочевала даже часть татар Большой орды. Но наибольшую угрозу для кабардинцев постепенно стали представлять Крымское ханство и Османская империя, с которыми не раз придется столкнуться адыгам в борьбе за свою независимость (Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 110-111).

Татаро-монгольское господство и нашествие Тамерлана имели тяжелейшие последствия для народов Северного Кавказа. Погибло значительное число местных жителей, их хозяйству был нанесен большой ущерб. Эти нашествия привели к значительной «перекройке» этнической карты Кавказа, вынужденному переселению адыгских народов с прежних мест обитания. Тем не менее, жители Черкесии сумели в упорной борьбе с завоевателями не только отстоять существование своей Родины, но и расширить ее пределы до р. Дона и Сунжи. К началу XVI в. адыги являлись одной из наиболее мощных этнических групп на Северном Кавказе.

Падение ордынского владычества и возвращение орд Тамерлана в Среднюю Азию обусловило политическую гегемонию кабардинцев на Центральном Кавказе, – пишет Кереев Б.М. (2006), – а владение обширными землями способствовало резкому сдвигу в сфере социально-экономического и культурного развития, упрочению и дальнейшему развитию феодальных отношений.

Феодальная иерархия в Кабарде была довольно многоступенчатой. По сведениям Интериано, у черкесов имелись знатные, вассалы, сервы и невольники. Но не было объединяющей власти. «Постоянные междоусобия князей», о которых писал Ш. Ногмов, намного осложняли (а зачастую делали невозможной) консолидацию сил перед реальной угрозой поглощения адыгских территорий могущественными соседями – Османской империей, Крымским ханством, наконец, царской Россией. Но об этом речь пойдет дальше...

3.7. «Великое переселение» адыгских народов

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки...

Библия. Книга Екклесиаста (1, 4).

Вступление племен Северо-Западного Кавказа в эпоху становления классовых отношений в значительной степени отразилось на географии их расселения. Бесперывные вторжения орд завоевателей также вносили заметные изменения в этническую карту этого региона. Одни племена, уступая напору агрессоров, оставляли насиженные места, переселяясь на новые территории. Невольно вспоминается библейское: «И будут они бродить по земле, жестоко угнетенные и голодные» (Книга пророка Исайи, 8; 21). Другие племена растворялись в культуре пришельцев, теряя свою самобытность. Третьи, проявив твердость и исключительную жизнеспособность, сумели сохранить свое этническое лицо. К последним можно отнести адыгов. Они сохранили верность традициям своих предков, преданность древней кавказской земле.

Татаро-монгольские завоевания и нашествие Тимура надолго прервали консолидационный процесс адыгской общности. Трагические события XIII-XIV вв. вызвали также перемещения и смешение племен и народностей разного происхождения, в результате чего существенно изменилась этнополитическая карта Северного Кавказа.

К числу важнейших этнополитических процессов того времени относится расселение определенных адыгских групп к северу от Кубани, в Восточное Приазовье, а также на восток – в районы Пятигорья и бассейн р. Терек. С этим процессом связывается завершающий этап *образования самостоятельной политической единицы Кабарды и формирования кабардинского субэтноса* («Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

3.7.1. «Народные предания адыгов о «великом переселении»

3.7.1.1. «Предание, записанное Ш.Б. Ногмовым, знает два этапа этого передвижения»

Земли, впервые освоенные Тамбиевым, с тех пор стали называться Къэбэрдей (Къэбэртэй), то есть буквально «владение Кабарды, Кабардова собственность».

А.В. Гадло (2006).

У кабардинцев существует следующая легенда о причинах передвижения адыгов на восток и о роли Кабарды Тамбиева в этом процессе. Как сообщает А.В. Гадло (2006. Вып. IV), согласно кабардинским преданиям, Кабарда Тамбиев был тлякотлешем (то есть дворянином высшего ранга, следующего после пши, наследственно князя Иналовича) у князей Болотоковых, которые владели коренными землями восточной части Страны адыгов, то есть землями Касахии Константина Багрянородного, областью собственно касогов. Эти земли располагались в междуречье Кубани и ее притока Лабы, и в XV-XIX вв., да и в настоящее время, их населяла особая этно-территориальная группа адыгов *кемгуи* (кемиргоевцы – темиргоевцы). Болотоковы передавали из поколения в поколение титул «князь из князей», то есть, по-видимому, сохраняли старшинство в роде потомков Инала.

Тамбиев, согласно преданиям, ушел из владений Болотоковых, дабы избежать столкновения с князем, и во главе небольшой группы преданных ему людей (очевидно, его вассалов, так как тлякотлешим имели зависимость от них воинов-дворян и общинников) перешел в низовья р. Малки. Здесь, как говорят предания, Тамбиев и его спутники наткнулись на кочевье хана *«тургуты»*, которому принадлежали земли современной Кабарды. Хан отдал эти земли Тамбиеву в обмен на его жену (вследствие чего за родом Тамбиевых утвердилось неслестная слава «женопродавцев») и навсегда их покинул. Тамбиев осел и начал обживать новые земли. К нему из Кяха (с Кубани, но, может быть, и конкретно – с низовьев Кубани) постепенно стали стягиваться беглецы, недовольные насилием князя Болотокова. Среди них были, видимо, люди из различных этнотерриториальных адыгских групп, но были и неадыги. Так, предание особо рассказывает о появлении среди переселенцев еврея-кожевника Куденета. Куденету Кабарда Тамбиев отдал в жены свою дочь, а в дальнейшем уступил и значительную часть своей земли. Несмотря на исключительное положение, которое Кабарда Тамбиев занял на вновь освоенных им и его спутниками землях, он, как следует из преданий, не разорвал своих отношений (вассальных связей) с Болотоковыми и другими прикубанскими князьями, вед-

шими свой род от Инала, и не стал на новых адыгских землях князем – пши. Когда в дальнейшем князья, потомки Инала, стали переселяться с Кубани в Центральное Предкавказье, род Тамбиева в сословной иерархии кабардинцев занял второе после князей место. Третье место занял род, происходивший от дочери Тамбиева и Куденета – Куденетовы. Оба рода сохранили свои привилегии до XIX в., причем значение этих привилегий у рода Куденета со временем стало выше, чем у рода самого Кабарды.

Земли, впервые освоенные Тамбиевым, с тех пор стали называться *Къэбэрдей* (*Къэбэртэй*), то есть буквально «владение Кабарды, Кабардова собственность» (Гадло А.В., 2006. Вып. IV).

3.7.1.2. Мнение современных ученых о достоверности народных преданий о «великом переселении» адыгов

События, отраженные основной сюжетной линией этих преданий, с полным основанием можно датировать XII в., и даже уже началом XII столетия...

А.В. Гадло (2006).

Привлечение археологических и исторических данных дало возможность современным ученым-историкам критически оценить достоверность приведенного выше предания. Учитывая несомненный интерес к этому вопросу, приведем в кратком изложении комментарии А.В. Гадло (2006) к легендарной версии о переселении адыгов в восточные районы Предкавказья.

Фольклорная традиция о передвижении адыгов на восток из Прикубанья, нашедшая вполне определенное отражение в той части предания, которая была записана Ш.Б. Ногмовым, – знает два этапа этого передвижения. Первый этап – это переселение на восток отдельных групп, в том числе групп, возглавляемых князьями, потомками Инала; второй этап – это широкое переселение, приведшее к столкновению между переселенцами первой и второй волн, завершившееся разделом Кабарды между четырьмя княжескими кланами. Ш.Б. Ногмов (вероятно, потому, что опирается в своей «Истории» в основном на княжескую версию этногенетической традиции адыгов) не упоминает о Тамбиеве. Распространенная же в народе уоркская (уорки – сословие, обычно приравниваемое в литературе к дворянам, в которое входили также и тлякотлеши, составлявшие в нем высший пласт, – пшиуорки) версия, отдающая приоритет Тамбиеву, хотя тоже помнит о двух этапах, но либо умалчивает, либо очень смутно упоминает о князьях.

Данные археологии свидетельствуют о том, что массовое переселение адыгов из Прикубанья на восток начинается не ранее второй половины XIII в. и проходит главным образом в XIV-XV вв. Но, поскольку Этокский памятник свидетельствует о том, что первые адыгские группы появились в Центральном Предкавказье уже в XII в., приходится признать, что массовое переселение было вторичным и ему предшествовал действительно этап спорадической (*sporadikos* – «единичный, случайный») миграции, археологические следы которого остаются еще не найденными, как, впрочем, и следы синхронных ему кочевых образований, населявших степь. Этот этап, вероятнее всего, соответствует тому этапу, который в фольклорной традиции отложился как предания о Тамбиеве, и, следовательно, события, отраженные основной сюжетной линией этих преданий, с полным основанием можно датировать XII в., и даже уже началом XII столетия, принимая во внимание дату Этокского памятника.

Особенностью преданий о Тамбиеве по сравнению с рядом других фольклорных этногенетических источников является то, что в них содержится очень существенный, датирующий отраженные в них события элемент. Согласно преданиям, Кабарда Тамбиев на освоенных им землях вначале обнаружил кочевье хана *тургутов*, который принял его, выделил ему земли для поселения и включил его в число своих вассалов и советников. Тургутами кабардинцы XIX в., когда были впервые записаны эти предания, называли калмыков. В составе калмыцких родоплеменных подразделений действительно есть крупное объединение *торгоут*, которое в XIX в. занимало в основном прибрежные прикаспийские юго-восточные районы Калмыцких степей. В период переселения калмыков на территорию Азово-Каспийского междуморья *торгоуты*, вероятнее всего, как одно из наиболее активных калмыцких племен, действовали по всей линии соприкосновения с владевшими тогда Северокавказской степью адыгами. Но поскольку переселение калмыков и установление контактов между ними и адыгами произошло только в 30-х гг. XVII в., то есть тогда, когда адыги уже освоили не только Центральное Предкавказье, но и степи, лежавшие к востоку от него вплоть до Каспия, этноним *тургут* (*торгоут*) в преданиях о Кабарде Тамбиеве явно скрывает за собой не калмыков, а другой, более древний этнос. Вряд ли случайно в некоторых вариантах преданий вместо *тургутов* называются *френги*, являющиеся для многих народов Кавказа синонимом чужой, пришедшей извне общности, сочетающей черты и восточных, и западных средневековых воинов и торговцев, путешественников и горожан. Можно думать, что этноним *тургуты* казался некоторым сказителям не соответствующим той эпохе, которую они описывали, и они искали ему замену, вводя в повествование, с их точки зрения, более достоверный и понятный слушателям этноним-маску.

Учитывая, что разбор сюжетной линии преданий о Тамбиеве уводит в XII в., правомерно упоминающихся в них *тургутов* сопоставить с реально существовавшими тогда на Северном Кавказе *тюркютами*

(*тюрками, торками* русской летописи), перекочевавшими под именем *гузов (огузов)* еще в начале X в. из-за Каспия на территорию Хазарии. После падения каганата они вместе с печенегами (тоже тюрками-огузами) оказались полными хозяевами Северокавказской и Поволжской степей, которыми владели до вторжения в эти степи куманов (половцев и кыпчаков), в середине XI в. включивших не ушедшие на запад за Дон их родоплеменные объединения в состав своих орд. Вполне естественно, что адыги, вначале столкнувшиеся с тюркютами (торками), а потом с близкими им по культуре, образу жизни, языку кыпчаками и куманами, перенесли на последних их имя (Гадло А.В., 2006. Вып. IV).

3.7.2. Причины и время миграций предков адыгов на восток

Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем.

В.Г. Белинский (1811-1848).

Проблема обстоятельств и времени основания Кабарды приобрела особую актуальность в последние годы в связи с отчетливым стремлением ряда авторов отнести начало этого процесса к первым десятилетиям XVI в. Указанный регион предлагают считать исключительно татарским и аланским, а появление в нем адыгов считают результатом османо-крымской агрессии в конце XV – начале XVI в.

С.Х. Хотко (2008) аргументировано опровергает версию о том, что где-то около 1500 г. *под давлением турок и крымских татар (?)* часть западных адыгов «внезапно» снялась с места и двинулась «искать спасения за 500 миль от Керченского пролива». И далее историк обращает внимание и на следующий немаловажный факт: «Еще более гипотетично, что столь канцелярская публика, как османы, могла оставить без внимания столь масштабную миграцию населения на Северном Кавказе. 1500 г. не может быть точкой отчета еще и потому, что русские источники под этой датой содержат известие о пятигорских черкесах. Кстати, Ксаверио Главани, консул Франции в Крымском ханстве, он же автор «Описания Черкесии» (1724) сообщает нам мнение самих черкесов, согласно которому черкесские княжества-«округа» (в их числе и Кабарда) появились в гегуэзскую эпоху, то есть в XIII-XV вв. (Хотко С.Х., 2008).

3.7.2.1. Причины переселения части адыгов в восточном направлении

Принято считать, что главной причиной такого расселения была возросшая потребность в пастбищах в условиях развития феодальных отношений и междоусобная борьба феодальной верхушки адыгского общества.

«Адыгская (черкеская) энциклопедия» (2006).

Татаро-монгольское нашествие в XIII в. в корне перекроило этническую карту Северного Кавказа. Как предполагал Л.Я. Люлье (1857), на переселение черкесских племен имело влияние появление монголов, шедших в 1237 г. на покорение Казарии; а потом поход Батый-хана и, наконец, Тимура в 1395 г. на Азов». Завоеватели, разгромив алан и кипчаков, рассеяли их; часть горцев была загнана в теснины Кавказских гор. В результате карачаево-балкарцы, аланы-осетины, вайнахи и другие народы, надолго изолированные в горах, были обречены на тяжелую борьбу за свое существование.

О действительных причинах переселения адыгов на восток существуют разные мнения, – отмечает Р.Ж. Бетров (1991). Некоторые исследователи указывают на стремление кабардинцев в тот период «перехватить» торговый путь из Абхазии через Клухорский перевал на Северный Кавказ. Другие считают, что это произошло под напором хазар (данную точку зрения, как считает Р.Ж. Бетров, – совершенно нельзя принять хотя бы потому, что хазарское объединение занимало Прикаспийскую низменность и Приморский Дагестан и хазары никак не могли «напирать» на кабардинцев с запада; кроме того, во время передвижения кабардинцев на восток Хазарский каганат уже не существовал, сойдя полностью с политической карты южной части Восточной Европы). Критикуя указанные точки зрения, кавказовед Е.И. Крупнов заметил, что «эти передвижения раньше всего происходили под влиянием не внешних, а внутренних факторов феодального развития адыго-черкесо-кабардинского общества». Главной причиной данного миграционного процесса Л.И. Лавров считает возросшую потребность в пастбищных землях с ростом феодальных отношений и вытекавшим из этого расширением феодального производства.

Нашествие монголов внесло крупные изменения не только в политическую, но и в этническую карту Северного Кавказа. «Спасшиеся от погрома половцы и аланы бежали в горы, – писал Л.И. Лавров, – где смешались друг с другом и образовали новые народы карачаевцев и балкарцев. Переселение на восток части адыгов положило начало кабардинскому народу».

Жившие в степях половцы (кипчаки) подверглись настоящему истреблению. Монголы вытеснили алан из плоскостной Алании. Часть алан продвинулась на восток, очевидно, в горы нынешней Северной Осетии, другая – в высокогорные ущелья Карачая и Балкарии. Туда же были потеснены и кипчаки. Монголы в этих местах были

недолго и вскоре их покинули. Таким образом, предгорья от Лабы до Терека оказались в основном свободными. Адыги, уже давно стремившиеся к расширению своих пастбищ и пахотных земель, получили возможность занять огромную территорию, плодородную, богатую, удобную для скотоводства и земледелия.

Приведенное выше мнение в свое время прочно утвердилось в научной литературе (Е.И. Крупнов, Л.И. Лавров, Е.П. Алексеева и др.). Но, как отмечает Р.Ж. Бетров (1991), если безоговорочно принять этот тезис, может создаться впечатление, что монголы явились на Северный Кавказ только затем, чтобы разгромить половцев и аланское военно-политическое объединение и затем... мирно уйти, освободив путь кабардинским племенам на восток. По А.А. Ципинову (2004), перечень мотивов переселения адыгов из Прикубанья на восток выглядит следующим образом.

Социальные: «Тамбиев, Кабарда которого звали, жил в Хажретии (Прикубанье – Авт.). Он был крепостным какого-то князя. Не поладив с князем, убежал сюда» («Тамбий КъэбардэкIэ эджэр Хъэжрэтым щыпсэуэ щытащ. Ар зыгуэрэм и пщылIти и пщымрэ езымрэ зыгурымыIуэ хъури и пщым кыIэщIэкIри мыбы къэкIуащ»).

Религиозные: «Его братья не ели свинину, а он сам ел. Из-за этого братья не поладили, и Черкес ушел из страны» («Абы и къуэщхэм кхъуэл яшхьртэкьын, езым иштх. Абы щхьэкIэ зыгурымыIуэ хъури, Чэркэсыр хэкум кыкIащ»).

Бытовые – споры из-за нехватки земли, охотничьих угодий и т. д.

Эти мотивы в какой-то степени отразили действительные причины переселения части адыгов на Центральный Кавказ. Причины их переселения и связанные с ними конфликтные ситуации в основном совпадают с историческими. По мнению специалистов-историков, *продвижение адыгов на восток происходило прежде всего под влиянием внутренних факторов феодального развития: возросшая потребность в пастбищах и междоусобная борьба феодалов*. То же самое можно сказать относительно религиозных мотивов. С одной стороны, часть адыгов Северо-Западного Кавказа продолжала исповедовать христианство при доминирующем положении дохристианских языческих верований. С другой – уже в раннем средневековье на Северном Кавказе значительное распространение получает ислам (Ципинов А.А., 2004).

3.7.2.2. «Массовый характер миграции адыгов на восток получили после вторжения на Кавказ татаро-монголов»

По мнению Л.И. Лаврова и Н.А. Шафиева, переселение адыгов в центральные районы Северного Кавказа происходило в основном во второй половине XIII – в середине XIV вв.

А.Т. Керашев, А.Ю. Чирг (1994).

До настоящего времени нет единого мнения о времени начала переселения адыгов на восток. Некоторые авторы полагают, что миграция адыгов в восточном направлении была длительным процессом, охватившим время с первых веков н. э. до XIV-XV вв. и протекавшим в несколько этапов. По мнению Л.И. Лаврова и Н.А. Шафиева, переселение адыгов в центральные районы Северного Кавказа происходило в основном во второй половине XIII – в середине XIV вв. В.С. Бесланев (1995) считает, что так называемый Этокский памятник, который датируется 1130 г., свидетельствует о начале продвижения адыгов на восток значительно раньше XIII в. По А.Т. Керашеву и А.Ю. Чиргу (1994), «процесс переселения начался еще в X-XI вв. Уже в XII в. адыги достигли верховьев Кубани. По всей вероятности, отдельные группы протоадыгов (касов) и адыгов находились здесь постоянно, как до монгольского нашествия (в составе Хазарского каганата), так и в период «Золотой Орды». Не зря русские и арабские летописцы данного периода называют горы между Каспийским и Черным морями «Черкесскими», тем самым, давая еще одно основание для предположений, согласно которым именно это значение стоит за топонимом «Кавкас» (так в тексте). Отмечается, в частности, что «...эти два моря (Каспийское и Черное. – Авт.) почти сталкиваются, не будь между них гор Черкесских, составляющих между ними грань непроходимую» (Тизенгаузен В.Т., 1941).

Однако массовый характер миграции адыгов на восток получили после вторжения на Кавказ татаро-монголов. Надо иметь в виду, что суть происходящих перемещений связана не с переселением адыгских племен с их первоначальной родины, а с расширением их владений. Причины и временные рамки племенных передвижений, по А.Т. Керашеву и А.Ю. Чиргу (1994), следующие. Развитие феодальных отношений, новые приемы хозяйствования потребовали привлечения новых площадей под пашни и пастбища. Разорительное вторжение на Северный Кавказ татаро-монгольских орд «очистило» обширные равнинные пространства от местного населения; многие народы, в том числе, аланы, отступили в горы. Желание адыгской знати расширить «жизненное пространство» подкреплялось непрекращающимися распрями и междоусобицами, возникавшими на почве феодальной тесноты. В силу названных обстоятельств, в течение XIII-XIV вв. адыги постепенно раздвинули границы своей территории. На севере они достигли р. Таны (Дон), овладев плодородными землями Восточного Приазовья. А на востоке адыгские переселенцы вышли к берегам р. Сунжи. Так постепенно началось продвижение некоторых групп адыгов на север от р. Кубани, а также на восток, в бассейн р. Терек, где к концу XIII-XIV вв. они расселились на значительной территории предгорных районов Центрального Кавказа, высвободившихся к тому времени от алан. Тем самым было положено начало обособлению части

адыгов в самостоятельную народность – кабардинцев (так, по Н.В. Анфимову, стали называть переселившихся на восток адыгов). Численность их до конца XIV-начала XV вв. была относительно невелика, т.к. этот район (правобережье рек Терека с Малкой и район Пятигорья) был еще занят тогда татаро-монголами и кипчаками.

Особую популярность в последнее время среди большинства археологов приобрело мнение о том, что временем массового расселения адыгов в центральной части Северного Кавказа является конец XIV – начало XV в., поскольку именно лишь тогда получают широкое распространение в данном районе адыгские (кабардинские) подкурганные захоронения (Керефов Б.М., 2006). Здесь надо отметить следующее обстоятельство. Небольшие группы адыгов (кабардинцев) проникали в пределы Центрального Предкавказья уже в конце XIII и в XIV вв. Однако *массовое* передвижение кабардинских племен к востоку от Прикубанья происходит много позже, с конца XIV или в XV вв., когда «Золотая Орда» приходит в упадок. И именно с этого момента (конец XIV – начало XV вв.) возникла благоприятная политическая обстановка для массовой миграции кабардинских племен на восток (Бетрозов Р.Ж., 1991).

Дополняет эту информацию С.Х. Хотко (2008): «С середины XIV в. Черкесия доминирует на пространстве от Дона до Абхазии и от Тамани до Сунжи. В эту эпоху возникает географическое понятие – «Черкесская степь». Тана – город в «Верхней Черкесии». А татары путешествуют из Крыма в Астрахань, «оглябая Черкессию». И далее историк развивает свою мысль. Важное свидетельство того, что регион исторической Кабарды в начале XV в. был занят адыгами, – пишет он, – это маршрут войска «Золотой Орды» в 1438 г. «Пройдя около Астрахани, – сообщает Иосафат Барбаро (1452), – они пришли в Таманские степи (имеются в виду «Тюменские степи» на Тереке. – Авт.); затем, обогнув Черкессию, они направились к Тане (р. Дон) и заливу. (Таганрогскому)». И вполне правомерно спросить: какую Черкессию так старательно могли *оглябать* ордынцы, если не Кабарду?

О причинах и последствиях переселения части адыгов на Центральный Кавказ размышляет В.И. Ворошилов (2007). Историк обращает внимание на то, что активизация адыгейской (черкесской) экспансии на юго-восток наблюдается именно после походов Батые (1236-1240 гг.) и нашествия Тимура (1395 г.) на Северный Кавказ. Если до этого предки адыгов теснились в северо-западной части Кавказа, то после спада татаро-монгольских нашествий происходило их интенсивное расселение к юго-востоку, до современных Кабарды и Осетии, а по берегу моря к югу от Геленджика. При этом наблюдалось несколько волн черкесской экспансии к югу вдоль побережья, а также переселения в обратном направлении (например, расселение шапсугов из долины Псеузапсе к северу вплоть до Геленджика, или передвижение бжедухов из района Хоста-Сочи до Туапсе и далее, а затем на северный склон). В результате черкесской экспансии к началу XVII в. абазинский (абхазский) язык отступает уже к району Туапсе, а к концу XVIII в. эта граница отходит к югу от Сочи. Одновременно усиливается влияние убыхских племен, и они расширяют границы своей территории (Ворошилов В.И., 2007).

Одновременно с переселением групп адыгов от р. Кубани на восток и на север, в Восточное Приазовье, одно из меото-зихо-адыгских племен, обитавших на северном побережье Азовского моря в районе современного г. Таганрога, в XIV в. переселилось в район Пятигорья и Ошхамахо (Эльбрус), потеснив алан, бежавших туда веком раньше из северокавказских степей.

«Следы» прежнего проживания адыгов-кабардинцев сохранились на карте генуэзца Висконти (1318 г.), где в районе нынешнего Таганрога имеется надпись «Кабарди». Интересно, что географические названия сохранили память о пребывании предков кабардинцев и в Крыму. Л. Люлье сообщает, что «...существуют там и поныне (1857 г.) развалины замка «Черкес-Кермен»; местность между речками Бельбек и Кача называется «Кабарда» и «Черкес-дюзь», т. е. «Черкесская равнина». Это отражено и в адыгском сказании «Тауч и Пэштэуко Тлешеж», в котором действие происходит в адыгейской среде в Крыму, близ Керчи...».

Как свидетельствуют западноевропейские источники и народный эпос, Черкесия в XIII-XV вв. не представляла собой единого политического образования, а была раздроблена на целый ряд племенных объединений (жанеевцев, хатукаевцев, абадзехов и т. д.). Карты того периода подтверждают, что к концу XV в. территория между низовьями Дона и Кубани еще являлась составной частью Черкесии, и лишь позже она попала под контроль кочевников.

3.7.2.3. «Переселенческие движения» кабардинцев в эпоху средневековья

Средневековые адыгов – это история их последовательного переселения с побережья Черного моря на Центральный Кавказ.

С. Бейтуганов (1993).

Средневековые адыгов – это история их последовательного переселения с побережья Черного моря на Центральный Кавказ (XI-XV вв. Постоянные перемещения, на этот раз за Кубань, отмечались и позже, в XVI-XIX вв.

По данным Люлье, собранным им в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в., «кабардинцы считали себя арабийскими выходцами». Переселившись оттуда, согласно этой версии, их предки «...очутились в Крыму.

Затем кабардинцы, по неизвестным причинам, переселились на Кавказ и избрали местом расселения Анапу. К началу XV в. относится славное царствование князя Инала Тегена, которого кабардинские князья считают своим родоначальником. В борьбе против крымского хана переселенцы все дальше продвигались на восток и, наконец, перешли к подошвам гор Бештау, где, по историческим данным, жили в XV в.».

Согласно этим преданиям, в основном совпадающим со сведениями И.Ф. Бларамберга, предки кабардинцев после заселения нынешней территории обратно в Крым не возвратились, что, по-видимому, достовернее, хотя некоторые из них, конечно, могли возвращаться в места раннего обитания на Западном и Центральном Кавказе. Так, Ногмов пишет, что после смерти князя Идара князь Кануко Берсланович, уговорив своего отца и выбрав удобное время, успел увести из Кабарды до 200 семейств. Он поселился с ними на речке Орпе (р. Уруп); их потомки, жившие там, называются бесленеевцами.

Архивные материалы свидетельствуют, что «...в 1614 г. кабардинские князья протурецкой ориентации Алегуко и Хотождука переселились с берегов Баксана за Кубань, надеясь на поддержку Крыма в их борьбе с потомками Шолоха. В сущности, тогда переселилась почти вся Кабарда, начиная с реки Баксан».

Некоторые подробности о переселении кабардинцев содержатся в «Изъяснении о кабардинских народах...», которое датируется 1732 г. и составлено на основании преданий. Кабардинцы по происхождению, ротмистр Иван Татаров и мурза Бий-Мурза Батырев, «что могут пометовать о кабардинцах», сообщили из крепости св. Креста в Коллегию иностранных дел, что их соотечественники «немалое время» тому назад жили на Куме. После одного из многих конфликтов между кабардинскими князьями князь Бекмурза «ушел в Крым и, выпрося там от крымского хана войска, при котором был командир Сават-Гирей-салтан, пришед черкесских всех князей и с их подвластными побрали в полон и перевели на Орб (т. е. Орп, Урп, Уруп. – **Авт.**) реку и там их поселили». Хронологически эти события приходятся на конец XVII в., на то время, когда «в Терке были от черкес в аманатах Бек-Мурзы сын Давлет-Кирей (которому по крещению дано было имя Александр)».

Кабардинцы, на Урупе долго не оставаясь, перебрались на Кубань, с Кубани – на Бургусант, а оттуда перешли «на Бештау (к Пяти Горам), где бывало и прежде их жилище». Из-за угрозы со стороны Крыма кабардинцы вновь предприняли кочевье и «перешли в крепкое место в горы на реку Баксан, и поселясь домами, жили» (Бейтуганов С.Н., 2007).

Малоизвестные сведения о переселенческих движениях кабардинцев содержатся и в так называемых «претензиях» к ним крымского хана Крым-Гирея. В 1760 г. он прислал в Большую Кабарду нарочного с объявлением, что «как кабардинцы издревле были подданные турецкие и на нынешних местах поселены бывшим наперед сего крымским же ханом Саадат-Гиреем, почему и подати им, ханам, платили, а по сему и он, хан Крым-Гирей требовал от кабардинцев такого же исполнения, с тем, чтобы наперед они переселились за Кубань, в противном случае угрожал принудить к тому силою... Но кабардинские владельцы ни в чем хана не послушали и от предложений его, не убоясь их угроз, отказались» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

3.7.3. Итоги и следствия передвижения адыгов на восток

3.7.3.1. Трудности при воссоздании реальной этнополитической карты феодальной Кабарды

Если отождествлять территорию феодальной Кабарды с этнической территорией, ...то наличие кабардинских селений за пределами обрисованной таким образом «этнической карты» неизбежно будет рассматриваться как доказательство освоения ими новой этнической территории.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006) подчеркивают, что неминуемые трудности при решении проблемы миграции адыгов на восток обусловлены не столько отсутствием соответствующих материалов, сколько ошибочными методами их интерпретации. В кратком изложении их основные доводы представляются следующим образом. Прежде всего, авторы обращают внимание на «мифологизацию» факторов изменения границ феодальной Кабарды, когда ее завоевание Россией считалось (в соответствии с господствующими взглядами на ее «цивилизаторскую миссию на Кавказе») добровольным присоединением к ней, а аннексия значительной части ее территории – освоением никому не принадлежащих земель. В общественное сознание кабардинцев внедрялось представление о том, что она не превышала их современную этническую территорию. В сущности, как утверждают авторы упомянутой энциклопедии, – одна из главных задач советского исторического адыговедения заключалась в том, чтобы воспрепятствовать оживлению в исторической памяти народа неприемлемых для идеологии того времени сравнений современных административно-территориальных и этнических границ с территорией Кабарды в XVI-XVIII вв. В этом контексте ее сознательное сужение историками фактически оправдало колониальную политику России и тем самым замалчивало ту катастрофу, которая постигла адыгский народ в ходе и результате Кавказской войны. Но если сосредоточить внимание на концептуальных подходах, то обнаруживается, что выявлению реальной динамики этнической и политической карты феодальной Кабарды в первую очередь препятствовали:

1) сведение процессов ее изменения к известной в истории подвижности кабардинских населенных пунктов, к их переселению, т. е., по существу, к внутренним миграциям, которые, в свою очередь, рассматривались как освоение кабардинцами новой этнической территории;

2) сопоставление политических границ Кабарды с этнической территорией кабардинцев, а последней только с территорией, где располагались их населенные пункты;

3) понимание того обстоятельства, что феодальная Кабарда изначально являлась полиэтническим государственным образованием, территориальный суверенитет которого закономерно превышал непосредственно этническую территорию кабардинцев;

4) игнорирование особенностей функционирования власти-собственности в масштабах всей Кабарды и в рамках удельных княжеств, а также специфики иерархической структуры землевладения и политической системы в целом.

В самом деле, если отождествлять территорию феодальной Кабарды с этнической территорией, т. е. только с территорией расселения этнических кабардинцев, а последнюю – с пространством, где располагались их населенные пункты, исключая из него земли, находившиеся вдалеке от них, в том числе и хозяйственные угодья, то наличие кабардинских селений за пределами обрисованной таким образом «этнической карты» неизбежно будет рассматриваться как доказательство освоения ими новой этнической территории. Внешне создается впечатление, что исследуется динамика ее изменения. В действительности же изучались эпизодические и весьма незначительные в масштабах всей Кабарды случаи внутренних миграций.

Между тем очевидно, что новые поселения возникали на старой территории, принадлежащей тем или иным малокабардинским князьям. Куда бы они ни передвигались в XVII-XVIII вв.: на юг, север или запад, они передвигались внутри княжеств Таусултановых, Ахловых и Мударовых (последние представляли собой две ветви рода Гиляхстановых), которые в свою очередь были разделены между их вассалами. Границы феодальных владений были твердо фиксированы, и обычное право строго регламентировало процессы переселения. Сама его возможность зависела от места владельца села в сословной иерархии (переселялись не просто населенные пункты, а вотчины, принадлежавшие тем или иным феодальным владельцам). Князь, находившийся наверху социальной пирамиды, мог переселяться только в пределах своего княжества, первостепенные дворяне – в рамках своих родовых владений, а их вассалы – с разрешения своих сюзеренов (Кажаров В.Х., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.120-121).

3.7.3.2. «Черкесия стала страной, территория которой была сопоставима с территорией Московского княжества»

Своеобразным политическим и этногеографическим центром Черкесии становится область «Пятигор» (Беиштау), поэтому в описаниях и на географических картах конца XV-XVI вв. очень часто ее жители выступают под общим названием пятигорских черкес.

Б.Х. Бгажноков (2006. Вып. III).

Само обозначение страны – Chirkassi petigorski – свидетельствует о том, что Пятигорье (Беиштау) стало политическим и географическим центром Черкесии.

«История многовекового...» (2007).

По сведениям венецианского путешественника Иосафата Барбаро, относящимся к XV столетию, черкесы жили в непосредственной близости от Азова и постоянно нападали на этот город. Скорее всего, это были жанеевцы, княжество которых было в тот период самым сильным из всех других адыгских княжеств. Начиная с XV в., к Черкесии относят также причерноморские территории за Главным Кавказским хребтом, населенные исторически зихами – этнической общностью, на основе которой сформировались позднее шапсуги, нутхайцы, абазехи, тесно с ними связанные убыхи и джигеты (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III).

Примечательно, что Барбаро уже в середине XV в. зафиксировал расселение кабардинцев на восток от черкесского княжества Кремух через три княжества или племенные подразделения: «За Кремухом обитают разные народы, в недалеком расстоянии один от другого, как то киппики, татакозцы, собайцы, кавертейцы и асы (т. е. аланы)». С.Х. Хотко (2008) разъясняет, что Кремух у Барбаро ассоциируется с Темиргоем, учитывая адыгское название Кемарук, которое также было известно и достаточно часто фигурирует в источниках. Археологически Кремух вполне сопоставим с центром Белореченской культуры. Какие территории занимали киппики, собай, татакозцы, – пишет С.Х. Хотко (2008), – мы не знаем, но даже, если на каждое племя приходилась узкая полоска земли в 50-70 км, вытянутая в сторону Главного хребта, то западные пределы кабардинцев начинались в 150-200 км от Лабы. Так и было в последующие века. Источник свидетельствует, что за кабардинцами следуют аланы или асы (предки современных осетин. – Авт.).

Итальянский географ и этнограф Дж. Интериано (1501), длительное время находившийся среди адыгов в конце XV в., отмечал, что черкесские земли тянутся на восток на 8 дней пути. Можно предположить, что день пути верхом позволял преодолеть расстояние в 100 км. Тем более, правобережье Кубани лишено рек и, естественно, имело торную дорогу с запада на восток Северного Кавказа. Правобережье Кубани в этот период было заселено адыгами, и часть территории Кремуха и других черкесских княжеств выходила

на правый берег. Можно вспомнить, что Барбаро за три дня преодолел расстояние от Таны в устье Дона до Кремуха – это более 300 км. Тогда протяженность Черкесии на восток в 1500 г. равнялась 800 км. Это примерно тождественно современному Пседаху в Чечне (Хотко С.Х., 2008). И далее Интериано продолжает свой рассказ о расселении черкесов в то время: «Зихи, ...именуемые черкесы, сами себя называют *адига*, ... живут в пространстве от реки Таны (Дона) до Азии по всему тому морскому побережью, которое лежит по направлению к Босфору Киммерийскому (Керченскому проливу), ...вплоть до мыса Бусси и реки Фазиса и здесь граничит с Абхазией, то есть частью Колхиды. А все их побережье... составляет около пятисот миль...». Таким образом, с середины XIV в. Черкесия доминирует на пространстве от Дона до Абхазии и от Тамани до Сунжи. К 1600 г. Черкесия теряет почти все земли между Доном и Кубанью, но зато вытягивается максимально на восток, вплоть до Каспийского моря (Хотко С.Х., 2008).

Много позже, в конце XVII столетия, зафиксированный у Интериано термин *Зихия* (так же как и употреблявшиеся отдельными авторами термины *Алания*, *Татария*) уже почти окончательно выходит из употребления, уступив место термину *Черкесия* как единому обозначению страны с преобладающим черкесским или адыгским населением (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III).

В XV в. граница между западными и восточными адыгами (кабардинцами) была достаточно условной и имела скорее этнографический характер. Кабардинские владения на крайнем западе во второй половине XV в. занимали бассейн Верхней Кубани до Лабы. Однако уже с начала XVI в. процессы территориального обособления западных и восточных адыгов стали прогрессировать. Это было связано прежде всего с миграционной и завоевательной политикой кабардинцев в восточном направлении. Основная масса восточных адыгов – кабардинцев утверждала свое господство в Центральном Предкавказье и низовьях Терека. Лишь небольшая часть кабардинцев в результате междоусобиц откололась от основного массива и осталась в междуречье Лабы и Урупа под названием бесленеевцев (по имени князя Беслана). Бассейн верхней Кубани постепенно заселили локальные группы абазин, оказавшиеся в поземельной и политической зависимости от кабардинских и бесленеевских князей. Таким образом, несмотря на сохранение политического контроля над этими землями, восточные адыги (кабардинцы) оказались оторваны от основного адыгского этнического массива. Кубань стала естественной границей между Кабардой и Западной, так называемой Закубанской Черкесией (Кожев З.А., Прасолов Д.Н., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.116-121).

Приведенную выше информацию о территориальных границах Кабарды после переселения сюда части адыгов из Западной Черкесии дополняют авторы книги «История многовекового...» (2007). Отмечается, в частности, что по мере ослабления и распада «Золотой Орды» усиливались и позиции адыгов на Северном Кавказе. Уже в первой половине XV в. не только Западная, но и Восточная Черкесия, или Кабарда, фактически не подчинялись «Золотой Орде». *Черкесия стала постепенно страной, территория которой была сопоставима с территорией Московского княжества*, о чем свидетельствует карта английского посланника в России Антония Дженкинсона. По мнению Б.А. Рыбакова, она, хотя и составлена в 1562 г., отражает состояние Московского княжества, а, следовательно, и Черкесии в конце XV в. На карте Дженкинсона Черкесия занимает основную часть Северного Кавказа, вклиниваясь между Крымским и Астраханским ханствами, простираясь на север вплоть до низовьев Дона и Кумо-Манычской впадины, на восток – до земель в устье Терека. Само обозначение страны – *Chirkassi petigorski* – свидетельствует о том, что Пятигорье (Бештау) стало политическим и географическим центром Черкесии. По словам Е.П. Алексеевой, «в районе Пятигорья, на месте нынешней ст. Бургустанской, был уже в XIV в. большой по тем временам черкесский город, который впоследствии стал известен как итальянская колония Борго-Санто».

Пятигорскими, или кабардинскими, черкесами называли в первую очередь кабардинцев, выделяя их тем самым из общей массы адыгских (черкесских) народностей. Кабарда становится в конце XV в. самым крупным на Северном Кавказе феодальным объединением с четко выраженными элементами государственности, с территорией, которая превышала территорию всей остальной Черкесии. На западе ее границы проходили по р. Лабе, на востоке до Каспия при впадении в море р. Терека, на севере по Кумо-Манычской впадине, на юге достигали в ряде мест вершин Кавказа. Народонаселение Кабарды могло составлять в начале XVI в. около 500 тыс. чел. («История многовекового...», 2007). [На мой взгляд, эта цифра довольно-таки завышена и отражает, судя по всему, численность населения *всей* Черкесии – и западной и восточной].

3.7.3.3. «Движение кабардинцев на восток ...привело к образованию особого народа абхазо-адыгской группы»

Движение кабардинцев на восток и расселение в предгорьях Центрального Кавказа привело к образованию особого народа абхазо-адыгской группы. Хотя кабардинцы сохранили с адыгами общность языка и культуры, их жизнь в новых условиях неизбежно привела к обособлению.

Р.Ж. Бетров (1991).

О значении движения на восток в XV–XVI вв. для кабардинского (шире: адыгского) этноса размышляет Р.Ж. Бетров (1991). Картографирование кабардинских курганов показывает, что ранние из них располагаются на широкой территории – от Большого Зеленчука (приток Кубани) на западе и на востоке – до рек Сунжи и Фор-

танги (приток Терека). Позднее кабардинцы распространились на современной территории Кабардино-Балкарии и Пятигорья. По мнению Р.Ж. Бетрозова, максимальное расселение кабардинцев приходится на XV–XVI вв.

К середине XVI в. они занимали предгорья и равнины от верховьев р. Кубань на западе и до бассейна р. Сунжи на востоке. В дальнейшем попытки кабардинских феодалов к расширению своей территории в нижнем течении р. Терек вызвали противодействие дагестанских владетелей. Впоследствии, по ряду политических причин, территория, занимаемая кабардинцами, постепенно сузилась до современных границ.

Таким образом, *движение кабардинцев на восток и расселение в предгорьях Центрального Кавказа привело к образованию особого народа абхазо-адыгской группы*. Хотя кабардинцы сохранили с адыгами общность языка и культуры, их жизнь в новых условиях неизбежно привела к обособлению. На это повлияла не только оторванность кабардинцев от прародины, от основной массы адыгов. Большое значение имели контакты их со старым населением Центрального Предкавказья – автохтонами и пришельцами – татаро-монголами и кипчаками.

Приход кочевников не мог привести к исчезновению коренного населения Северного Кавказа. Этот регион оставался заселенным татаро-монголами и попавшими под их власть аланами, кипчаками и автохтонами Северного Кавказа. Надо полагать, что у кабардинцев в новых условиях и под воздействием соседних народов несколько изменились материальная и духовная культура и даже антропологический тип. Половцы (кипчаки), бежавшие во время нашествия монголов из степей и осевшие в плоскостной Алании, кабардинцами впоследствии частично были вытеснены в горные районы Центрального Кавказа и частично ассимилированы. По-видимому, кабардинские племена ассимилировали и часть ираноязычного населения, уцелевшего от монгольских погромов. По мнению Е.И. Крупнова, можно говорить о сильной инфильтрации адыгейско-черкесских элементов в среду аборигенов-алан, которые, конечно, никуда не уходили, а, оставаясь на месте, с течением времени были «очеркешены» (Бетрозов Р.Ж., 1991).

Основным занятием кабардинцев в XIII–XV вв. было скотоводство и земледелие. Из сельскохозяйственных культур разводили преимущественно ячмень, просо, полбу. Свои потребности в хлебе кабардинцы удовлетворяли полностью.

В отличие от западных адыгов, в хозяйстве кабардинцев преобладающее значение приобрело скотоводство. Причем, главное внимание уделяется развитию коневодства, которое достигло высокого уровня. К этому времени большую известность получает кабардинская порода лошадей, формирование которой относят к X в. Уже к XV–XVI вв. и позднее своими качествами кабардинская порода лошадей стала широко известна за пределами Кавказа. Интериано, наблюдавший жизнь черкесов на протяжении нескольких лет во второй половине XV в., отмечал, что у них нет ничего дороже коня и часто случается, что они «отдают все свое состояние за коня, который им понравится». Значительного развития достигло в это время ремесло (оружейное дело, металлообработка, прядение, ткачество), существовавшее в основном в виде домашнего производства (Кереев Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 112).

3.8. Генуэзские колонии на Земле адыгов

Важное место во внешнеполитических связях адыгов XIII–XIV вв. занимали отношения со странами Западной Европы и, прежде всего, с Италией. В XIII в. происходит интенсивное проникновение итальянских колонистов на побережье Черного моря.

3.8.1. «Большую тревогу вызывали у татар крепнущие связи адыгов с генуэзцами»

Народы черкесские весьма уважают христиан, почитая себя потомками генуэзцев, и у них еще видно много остатков городов, построенных генуэзцами.

Ферран (1709).

На территории Черкесии вдоль берега Черного моря находилось 39 торговых поселений генуэзцев. Все они были размещены в адыгских населенных пунктах и городах с согласия местных князей и вождей, получавших за это арендную плату.

«История многовекового...» (2007).

В 60-х гг. XIII в. на северном побережье Черного моря появились первые генуэзские колонии. После Каффы (Феодосия) и Восперо (Керчь) были заложены крупные фактории в Восточном Приазовье-Причерноморье: Матрега (Тамань), Копа (Славянск-на-Кубани), а также Тана (Азов), Мапа (Анапа), Калослимен (Новороссийск), Мавролако (Геленджик), Себастиополис (Сухуми) и др. А всего на территории Черкесии вдоль берега Черного моря находилось 39 торговых поселений генуэзцев. Все они были размещены в адыгских населенных пунктах и городах с согласия местных князей и вождей, получавших за это арендную плату («История многовекового...», 2007). Согласно уставу колоний, генуэзцы должны были платить адыгским князьям дань.

Большие группы адыгов постоянно проживали в Матреге, Каффе, Тане, Воспоро и других генуэзских городах и поселениях в Крыму и на Азовском море. Пользуясь поддержкой генуэзцев и золотоордынских ханов, черкесские князья становились здесь правителями некоторых крупных городов и территорий. Среди

них упоминают Верзахта и Миллена, правивших Керчью в 1320-1330 гг.; наместника в Тане Зихабей (1358); золотоордынского наместника Крыма черкесского князя Жанкасиус-Зиха (Черкес-Бека) (1379-1386), чья резиденция располагалась в Солгате («История многовекового...», 2007).

Под властью местного черкесского князя находилась Копя. Когда один из ее правителей возвел в своих владениях крепость, то консулу Каффы приказом из Генуи повелевалось принять срочные меры к ее уничтожению. О непрочности позиций Каффы в Копе говорит и тот факт, что согласно Уставу генуэзских колоний в Черном море 1449 г. консул Копы должен был по прибытии туда «поднести подарки владельческим особам из Зихии», т. е. знатным черкесам («История Кубани...», 2004).

3.8.2. «Знатный генуэзец Гизольфи... превратил Матрегу (Тамань) в полунезависимое феодальное владение своей семьи»

Генуэзцы стремились не только к экономическому, но и политическому господству в Зихии. В 1419 г. генуэзец Симоно Гизольфи женился на дочери зихского князя Берозока. С тех пор и до конца XV в. Матрега-Тамань оставалась владением фамилии Гизольфи.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Сохраняя значительную самостоятельность, Матрега находилась в двойном – адыгском и генуэзском – подчинении... Пользуясь поддержкой генуэзцев и золотоордынских ханов, черкесские князья становились правителями некоторых крупных городов и территорий.

«История многовекового...» (2007).

Одной из особенностей некоторых итальянских колоний являлась их зависимость не только от Каффы, но и от местных владетелей – как итальянского, так и местного (черкесского) происхождения. Каффа в Крыму была вынуждена вести гибкую политику в отношении признания в некоторых из генуэзских колоний большей независимости.

Например, Матрегой с 1419 г. владели знатные генуэзцы Гизольфи. Один из них – Гизольфи, породнившись с Бики-ханум – дочерью черкесского князя из рода Биберди, – превратил эту чрезвычайно важную для Каффы колонию в полунезависимое феодальное владение своей семьи. Каффа, осознававшая опасные для себя последствия сепаратизма местного князя, шла, однако, на поддержку Гизольфи. Матрега имела для итальянцев стратегическое значение. Располагаясь на берегу Керченского пролива, она обеспечивала бесперебойное сообщение колонизаторов с Боспором, находившейся в Крыму, а оттуда – с другими крымскими владениями Генуи («История многовекового...», 2007).

Дополняет эту информацию К.Ф. Дзамихов (2008). Он отмечает, что важным эпизодом адыго-русских связей была переписка Ивана III с «таманским князем» Захарьей Гуйгурсисом. Ф.К. Брун, Л.И. Лавров и А.М. Некрасов в своих работах убедительно доказали, что Захарья Гуйгурсис и хорошо известный по генуэзским материалам владетель Матреги князь Захария де Гизольфи – одно лицо. Захария был сыном знатного генуэзца Винченцо ди Гизольфи и дочери адыгского князя Берозоха Бике-ханум. Женитьба на Бике-ханум дала Гизольфи в удел принадлежавший Берозоху город Матрегу (Тамань). С этого времени Матрега находилась в двойном подчинении – генуэзским властям и адыгским князьям, но при этом сохранила значительную самостоятельность (Дзамихов К.Ф., 2008).

3.8.3. «Между адыгами и генуэзцами сложились стабильные отношения, основанные на огромной заинтересованности сторон в торговле»

Черкесия была важным связующим звеном в торговле Западной Европы со Средней Азией и Китаем. В XIII-XV вв. эта торговля была преимущественно в руках итальянских морских республик – Генуи и Венеции.

Какие товары вывозились из Западного Кавказа? В источниках упоминаются главным образом рабы, а также сушеная и соленая рыба, икра, воск, хлеб, мед, дерево (самшит и другие сорта), бараньи шкуры, лисьи, куньи и прочие меха, хлопчатая бумага, шафран, серебряная руда, вино, фрукты. При этом наибольший удельный вес имели рабы, рыба, мех, хлеб, воск (Зевакин Е.С., Пенчко Н.А., 2007. Вып. V).

3.8.3.1. Главнейшие торговые центры Черкесии в XIII-XV вв.

Так называемая «Анапская дорога» проходила от Маты (Анапы) ...через р. Марух к Кубани и затем в Карачай. Оттуда одна ветвь перебрасывалась через Главный Кавказский хребет в Цебельду, а другая шла по Тереку к побережью Каспийского моря».

Н.Г. Ловпаче (2009).

В силу натурального хозяйства у адыгов, внутреннего обмена в Черкесии почти не было. Как правило, торговали с соседями. При этом торговля носила меновый характер. Денежное обращение отсут-

ствовало и, как писал Интериано (1501), сделки совершались «на бокасины, т. е. куски полотна на рубашу» («История Кубани...», 2004).

В XIII-XV вв. адыги, как западные, так и восточные (кабардинцы), торговали с генуэзскими городами на Черноморском побережье. Но более тесную связь с ними имели западные адыги.

В Крыму наиболее крупными генуэзскими колониями – торговыми факториями были Каффа (г. Феодосия) и Черко (бывший Боспор, ныне г. Керчь), – по свидетельству современников – «наполовину черкесский город». В первой половине XIV в. правителем города Черко был черкесский князь Мелен. Вассалами были у него жившие в Крыму черкесские князья, а самом городе проживало много черкесских купцов и ремесленников. Правителем города Солхата в Крыму был Черкес-бек. Как отмечает А.П. Хабаху (2000. С. 16), «...многие современники даже ошибались, считая крымские епархии Зихскими, а Крым – частью территории Зихии (Черкесии)». А на восточном побережье Азовского моря крупнейшими генуэзскими факториями были Копа, Мапа (Анапа), а также Матрега (Тамарха, Тмутаракань, совр. Тамань), причем последняя была самым крупным центром для торговли со всей Черкесией. Это был хорошо укрепленный порт, через который шли товары в Турцию, Западную Европу, а также на Северный Кавказ. Население его состояло в основном из адыгов, итальянцев и греков.

Второй по важности колонией генуэзцев была Копа, основанная на правом берегу Кубани во владениях черкесского князя Биберда Петрезека (в районе современного города Славянск-на-Кубани). Мапа (Анапа) находилась также в гуще адыгского населения. В определенные дни здесь бывали большие базары, куда адыги привозили свои продукты. Отсюда шел в горы, а затем через р. Теберду знаменитый генуэзский торговый путь. На этом длинном пути генуэзцы имели фактории и укрепления. Память о них осталась у многих народов Северного Кавказа (в том числе у кабардинцев и балкарцев) в виде преданий, связанных с «дженуз» или «ференджи», как местное население называло генуэзцев.

В 1266 г. Генуэзская республика по договоренности с золотоордынскими ханами, которые чувствовали себя главными хозяевами на Северном Кавказе, проложила торговый путь от побережья Черного моря к Каспию и в Закавказье. Эта так называемая «Анапская дорога» проходила от Мапы (Анапы) «...через ст. Хабльскую, Саратовскую, Ханскую, Царскую (Новосвободную), Псебай, Курджиново, реки Кяфар, Большой Зеленчук ниже древнего селения (где сохранились два христианских храма и часовня), далее через р. Марух на р. Теберда к Кубани и затем в Карачай. Оттуда одна ветвь перебрасывалась через Главный Кавказский хребет в Цебельду, а другая шла по Тереку к побережью Каспийского моря». Генуэзцы-католики приспособили более ранние христианские храмы, находившиеся на этом пути, для богослужения, построили торговые фактории и укрепления при них с ногайскими наемными гарнизонами, охраняющими от нападения разбойников (Ловпаче Н.Г., 2009).

3.8.3.2. Основные предметы черкесско-генуэзской торговли

В 1268 г., когда в Италии был большой голод, ...татары, аланы, зихи (черкесы), руссы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам.

Е.С. Зевакин, Н.А. Пенчко (2007. Вып. V).

Генуэзцы торговали итальянским сукном, хлопчатобумажными и бархатными тканями, парчой. Ввозились также венецианское стекло, мыло, соль, пряности, а также сабельные клинки с гербами и тисненными рисунками, пользующиеся большим спросом у местного населения. А вывозили генуэзцы в основном рабов, меха, хлеб, скот, сушеную и вяленую рыбу, икру. К продуктам экспорта относились также мед, воск, фрукты, овощи, вино, мясо, кожа, меха, смола, строевой лес, пенька и, что немаловажно, – зерно (просо, ячмень, пшеница).

РАБОТОТГОВЛЯ. Как отмечает А. Тюркель (2009), «...если сперва генуэзцы осуществляли лишь надзор над продажей рабов, то затем выгодность торговли побудила их сначала обложить пошлиной покупаемых рабов, а потом и забрать торговлю рабами в свои руки» (Цит. по: Мальбахов Б.К., 1998).

Генуэзские купцы проникали глубоко вовнутрь Земли адыгов; не ограничиваясь обычной, традиционной торговлей, они угоняли в неволю мужчин, девушек и детей, которых продавали на невольничьих рынках Средиземноморья. Особо ценились там молодые черкесы и черкешенки. В свою очередь, папские миссионеры «крестом и мечом» пытались насадить среди черкесов свою католическую веру и искоренить языческое поклонение священным деревьям, сохранявшееся у большинства адыгских племен. Судя по всему, они неукоснительно следовали библейским заветам: «Сказал ему Господь: разрушь жертвенник Ваала, который у отца твоего, и сруби священное дерево, которое при нем» (Книга судей, 6; 25).

О масштабах работ торговли, осуществлявшейся в XIII столетии итальянскими колонизаторами (кстати, по их словам, несущими «темным» черкесам «свет Христова учения»), свидетельствуют другие документы – генуэзские нотариальные акты из Каффы за 1281-1289 гг.:

«7 октября 1281 г. Банкир Мануэль, грек, продает рабыню-зихийку по имени Ахина за 20 золотых иперперов»;

«12 июля 1289 г. Кожевник Энрико продает раба-зиха по имени Мартин за 360 аспров»;
«20 июля 1289 г. Мясник Гильельмо продает раба-черкеса по имени Джарказ, 12 лет, за 300 аспров»;
«4 мая 1290 г. Венецианец Джакомо продает раба-черкеса по имени Соголи, 10 лет, за 475 аспров», и т. д.

ЗЕРНО. Кроме рабов, не менее важным предметом вывоза был хлеб. В первое время проникновения Генуи на Черное море, когда колонии представляли из себя группы домов и складов, генуэзцы должны были покупать хлеб у «туземцев», как их называли современники. Кто были эти «туземцы»? Очевидно, что колонии, расположенные на черкесской территории или близ нее, зависели в этом отношении от своих соседей. Итальянец Винья в своих комментариях к сборнику «Тауро-Лигурия» пишет: «Владения генуэзцев не распространялись далее городской черты, ...за которой начинались области, возделываемые туземцами, а небольшая территория, предоставленная для этой цели колонистам, была по большей части расположена в гористой и неплодородной местности». Но и в более позднюю эпоху, в XIV и XV вв., итальянские колонисты покупали хлеб в Алании и Черкесии. Хлеб предназначался не только для внутреннего рынка, для удовлетворения потребностей Черноморских колоний, но и для внешнего – в Византию, Трапезундскую империю и в Европу. Из «Венецианской хроники» Мартино Канале мы узнаем, что в 1268 г., когда в Италии был большой голод и в Венеции сильно вздорожали продукты, венецианский дож (правитель) Лоренцо Тьеполо «и благородные венецианцы разослали корабли всюду, даже к татарам и во многие другие приморские страны с повелением закупить хлеб за пределами республики, привезти в Венецию и раздать его жителям... Татары, аланы, зихи (черкесы), руссы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам» (Зевакин Е.С., Пенчко Н.А., 2007. Вып. V).

О значении поставок зерна из колоний свидетельствуют многочисленные документы. Когда в начале 1340-х гг. торговля через Тану и Каффу прервалась, в Византии вскоре возник серьезный недостаток ржи и соли. В контрактах Каффы за XIII в. часто фигурируют большие транспорты ржи, ячменя и проса, отправляемые в Трапезунд и Самсун. Урожай зерна у алан и черкесов находили быстрый сбыт у татар в неплодородном Крыму.

РЫБА И ИКРА. Документы XIII в. свидетельствуют об интенсивном товарообмене с черкесами в устье Кубани, о ярмарке в Копе. Основную статью черкесского экспорта в Европу составляла соленая рыба и икра, вывозимая бочками в 5 канмаров (61,5 кг). В обмен на икру и рыбу местное население получало грубые ткани, а генуэзцы – громадную прибыль, о которой упоминают источники даже в XVI столетии.

3.8.3.3. Взаимоотношения между адыгами и генуэзцами в торговой сфере

Торговля велась на неравноправной основе, поскольку адыги не знали истинной ценности предлагаемых им на обмен товаров. Сотрудничая с местной верхушкой, купцы не церемонились с рядовыми людьми.

«История Кубани...» (2004).

На протяжении длительного периода существования генуэзских колоний в Крыму и на Западном Кавказе между адыгами и генуэзцами сложились стабильные отношения, основанные на огромной заинтересованности сторон в торговле.

«История многовекового...» (2007).

«Торговля велась на неравноправной основе, поскольку адыги не знали истинной ценности предлагаемых им на обмен товаров, – безапелляционно утверждают авторы книги «История Кубани...» (2004). Но так ли это? Ведь колонисты вывозили товары из Черкесии отнюдь не по колонизаторскому принципу типа: «Вы нам золото, серебро и драгоценные камни, а мы вам стеклянные бусы и ленточки».

Наоборот, документы свидетельствуют, что в обмен на товары, предоставляемые черкесами, генуэзцы предлагали им соль, рис, горчицу, пряности, хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, мыло, благовония, в том числе ладан, имбирь (мешая который с медом, черкесы варили крепкий напиток). Черкесская знать охотно приобретала, предметы роскоши – ковры, дорогие ткани, ювелирные украшения, художественное стекло, богато украшенное оружие, а также клинки для сабель. Торговля носила по преимуществу меновой характер, – денежные отношения с трудом проникали в эту сферу (монеты – *аспры*, служили генуэзцам главным образом для торговли с татарами). А в качестве единицы товарообмена с горцами выступал *бокасин* (*бакасин*) – кусок ткани из тонкого льна, достаточный для пошива одной мужской рубахи (Керфов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 112).

«На протяжении длительного периода существования генуэзских колоний в Крыму и на Западном Кавказе (1266–1475) между адыгами и генуэзцами сложились стабильные отношения, основанные на огромной заинтересованности сторон в торговле», – отмечают авторы книги «История многовекового...» (2007). Но вместе с тем, сотрудничая с местной верхушкой, купцы зачастую не церемонились с рядовыми людьми. Так, черкесов, живших в Копе, генуэзцы принуждали к заключению выгодных для себя сделок под угрозой лишения их соли, так необходимой для засолки рыбы. Один из параграфов Устава 1449 г. предписывал всю неиспользованную в Копе соль привозить обратно в Каффу или бросать ее в море под угрозой взимания крупного штрафа

в случае неисполнения предписания. Население колоний Северо-Западного Кавказа, кроме того, отбывало налоговую повинность в пользу Генуи, пытаясь освободиться от нее. Местную знать, напротив, колонизаторы поощряли богатыми подарками (Генуя выделяла для этого специальные средства), приглашали ко двору консула Каффы. Князья Мапы и Таманского полуострова субсидировались ежегодной суммой из Генуи, естественно, с целью удержания их в зависимости («История Кубани...», 2004).

В 1471 г. итальянский консул Филиппо Кьявройя заключил соглашение с князем Зихии «к великой выгоде наших купцов». Подобное соглашение было заключено и в 1473 г. Позже один из генуэзских колонистов Коваллино Ковалло заключил соглашение с черкесским князем Парабиоком. В донесении консула Каффы упоминаются соглашения генуэзцев с князьями Зихии Петрезоком, Копарио Бельзебоком и Биберди (он же: Биберда, Биберит) – правителем области Кремух между Сочи и Вардане. Один из этих князей построил в 1475 г. крепость Копу (ныне – Славянск-на-Кубани). Однако, как свидетельствуют документы тех лет, «коварные зихи часто нарушали соглашения и мирные договоры».

3.8.3.4. «Масштабный вывоз в Турцию и в страны Средиземноморья продуктов полеводства, скотоводства, пчеловодства...»

Нашел ты мед? Ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им не изbleвать его.

Книга притчей Соломоновых (25; 16).

Объемы османо-черкесской и крымско-черкесской торговли в середине XVIII в. были столь значительны, что вызвали энтузиазм у голландского консула в Крыму Карла Пейсонеля..

А.А. Епифанцев (2010).

Масштабный вывоз из Черкесии в Турцию и в страны Средиземноморья продуктов полеводства, скотоводства, пчеловодства и леса продолжался и позже, – весь османский период (XVI-XVIII вв.) (Бижев А.Х., 1994. С. 118). Хорошо дополняет информацию о черкесской торговле сообщение И.Г. Гербера (1728). Эти сведения, относящиеся, правда, к гораздо более позднему времени, тем не менее, дают возможность получить некоторое представление об основных статьях экспорта товаров из Черкесии: «Продукты их (черкесов) состоят большей частью в скотских кожах, овчинах, шерсти, толстом сукне, войлочных епанчах, сале, меде, воске, просе и прочих некоторых мелочах. Россиянам, кавказцам, туркам и таврическим татарам променивают они свои продукты на сахар, вино и прочие потребные для одежды и домашнего хозяйства мелочи» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 156). О том, что «...с берегов Черкесии вывозятся мед, воск, бычьи и козлиные шкуры, пушнина, зерно – рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, которые турки транспортируют в Анатолию», – сообщает Фредерик Дюбуа де Монпере (1839). Но наиболее полная информация о черкесской торговле за рассматриваемый приводится в книге видного французского ученого, дипломата, политического деятеля Карла Пейсонеля (1727-1790). По его сведениям, к середине XVIII столетия масштабы этой торговли значительно расширились: «Общий вывоз товаров из Черкесии простирался, по тогдашним деньгам (считая только один таманский рынок и Каплу), до 2-х млн. руб. Из этого количества на долю одного восточного побережья приходилось около 1 млн. руб. по нынешнему курсу» (Клинген И.Н., 2005). В своей книге «Исследование торговли на Черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг.», переизданной в 1927 г., автор пишет: «Черкесия экспортирует через Тамань и Каффу до 10 млн. фунтов шерсти, 100 тыс. штук сукна, 5–6 тыс. штук одежды, 60 тыс. суконных шальвар, 200 тыс. бурок, 5–6 тыс. бычьих шкур, 500–600 тыс. фунтов меда, 7–8 тыс. «ока» воска, 50 тыс. куньих, 100 тыс. лисьих, 3 тыс. медвежьих, 500 тыс. овечьих шкур» («Хасэ», 2009, № 1-4, февр.-март. С. 13).

И.Н. Клинген (1897) приводит со своими комментариями сведения о торговле на восточном берегу Черного моря во второй половине XVIII в., помещенные в упомянутой выше книге Пейсонеля: «...Общее количество ввоза через Тамань и близкий к последней рынок Каплу достигало для всей Черкесии до 834 630 руб. серебром, но на долю Черноморского округа, пропорционально населению, следует считать только около 350 000 руб., в том числе:

Ввозилось:

Разных ситцев, тафты и прочих легких тканей, а также:	
сукна на	85 000 руб.
холста	85 000 «
фесок	2 000...«
шелку цветного, по 280 руб. за 1 пуд	38 000 «
12-15 тыс. фунтов (4,9-6,2 т) нити шелков сырца	45 000 «
шелковых снурков (шнурков)	1 000 «
бумажной пряжи 2000 пуд. (32,8 т)	8 000 «

железа 1750 пуд. (28,7 т) по 2 руб.	3 500 «
свинца для пуль 3500 пуд. (57,4 т)	12 000 «
риса из Каира и Филиппополя 5300 пуд. (86,9 т)	4 760 «
черной маслины 100 пуд. (1,6 т) по 1 руб. 60 коп.	160 .«
сафьяну красного и желтого 4000 шт.	4 000 «
ружейных стволов	2 000 «
луков 800 шт.	4 000 «
кос германских 1214 по 40 коп. за шт.	5 200 «

Вывозилось:

всего на 800 000 руб. в том числе:	
шерсти немойтой, 63 000 пуд. (1008 т)	441 000 «
сукна разного	144 000 «
шитых чекменей	7 000...«
ткани для штанов	26 500 «
бурок 80 000 шт.	120 000 «
кож	5 500 «
20 000 куньих шкур по 75 коп.	15 000 «
40 000 лисьих шкур по 45 коп.	18 000 «
40 000 волчьих шкур по 1 руб.	40 000 «
1200 медвежьих шкур по 1 руб.	1 200 «
200 000 овечьих и ягнячьих шкур по 3 коп.	6 000 «
40 000 гросс (5 760 000 шт.) стрел для луков	48 000 «
240 пуд. (3,8 т) воска по 5 руб.	1 200 «
(Остальной воск шел в обмен)	
до 10 000 пуд. (160 т) меда (в обмен на товары).	

«Кроме того, – пишет И.Н. Клинген, – между Шахе, Аше, Мамай, Сочи, Хоста, Адлер и несколькими другими бухтами издавна существовали прямые сношения горцев с Турцией, так что тамошние грузы совсем не попали в счет Пейсонеля, а между ними были очень значительные, как-то: мед, воск, кукуруза, тис и самшит. В общем, поэтому, ввоз можно было считать не менее 400 000 руб., а вывоз, вероятно, не менее 1 000 000 руб. Этот избыток, вследствие крайне недобросовестной торговли и обмена со стороны купцов, конечно, слишком мал сравнительно с тем, какой можно было бы выручить при уплате за товары черкесов по действительной их стоимости» (Клинген И.Н., 2005).

Несомненный интерес представляет и сообщение Пейсонеля о поистине огромных масштабах продажи за рубеж рыбы ценных пород (осетр, белуга, судак и др.), выловленной в низовьях Кубани, а также в лиманах Восточного Приазовья. Опять же, эти сведения относятся к концу XVIII столетия, а в XIII-XIV вв., судя по всему, приведенные ниже цифры добычи и экспорта рыбопродуктов были еще больше: «Окрестности Ачу (Ачуева) снабжают огромным количеством икры и сухой рыбы. Икра получается из осетров или белуги. Ежегодно из Ачу вывозят около 3000 ц (т. е. 300 т! – Авт.) икры; отправляют ее в больших бочках в Каффу и Константинополь; на месте она продается по 7 пара за око (1 пара = 2 коп.; 1 око = 1,36 кг. – Авт.).

Сушеной рыбы имеется 4 сорта: 1-й белуга, которую по длине разрезают на куски, называемые *tchilim*; затем их солят, сушат и на месте продают по 5 пара за штуку; в Каффу, Трапизонд и Константинополь отправляется ежегодно около 2000 ц белуги. 2-й сорт *suruk*, которую также разрезают на куски более мелкие и продают таким же образом и по той же цене, как и белугу, но в большем количестве. 3-й сорт – сазан или; карп; эта рыба распластывается, сушится не просоленной и продается по 10-12 пара за штуку; вывозится она в Батум, откуда уже распространяется по всей Турецкой Грузии, где продается по 2-3 пара за штуку. 4-й сорт – сула (судак), приготовляемая таким же образом и продаваемая по той же цене, как и предыдущая; много ее вывозится в Грузию и Константинополь. Улов сазанов и сулы бывает иногда столь обильный, что не знают куда девать эту рыбу, вследствие чего она выбрасывается и гниет на берегу.

Казаки, подданные хана, известные под именем *sari tnad*, производят рыбную ловлю в Ачу, начиная с мая до конца октября: в другие месяцы года она невозможна, потому что р. Кубань бывает покрыта льдом. В день, когда начинается ловля, бей устраивает большой праздник... Ловля белуги производится довольно своеобразным способом: место, избранное в реке, огораживается ивовым плетнем, в котором устраивается дверь или вход таким образом, чтобы рыба, вошедшая в ограду, не могла более выйти оттуда. Ловля карпов и сулы производится сетями. Из Ачу вывозится также ежегодно 2000-3000 ц рыбьего жира, цена которого от 5 до 6 пара за око. Ногайцы употребляют его в пищу, а татары для освещения. Ко всему этому надо также прикупить еще 100 ц рыбьего клею, который продается по 10-12 пара за око» (Пейсонель К., 1927. С. 28).

3.8.4. «Против Каффы!»: выступления горцев против генуэзских колонистов

*О генуэзцы, вы, в чьем сердце минул
Последний стыд и все осквернено,
Зачем ваш род еще с земли не сгинул?...*

Данте. «Божественная комедия»

Колониальная система, смысл функционирования которой сводился к получению максимально большой выгоды... за счет нещадной эксплуатации населения колоний, – показала в это время свою полную несостоятельность.

«История Кубани...» (2004).

Вторая половина XV в. – время непрекращающихся смут, волнений, восстаний населения колоний, проходивших под общим лозунгом – «Против Каффы!». Колониальная система, смысл функционирования которой сводился к получению максимально большой выгоды с наименьшим риском и затратами – за счет нещадной эксплуатации населения колоний, – показала в это время свою полную несостоятельность («История Кубани...», 2004).

Тревога в отношении сепаратизма князей, возможных восстаний черкесов никогда не оставляла хозяев колоний. Устав 1449 г. запрещал генуэзцам родниться с местным населением. В графе расходов банка Сан-Джорджо на колонии постоянно фигурируют суммы, отпущенные на защиту генуэзских купцов, а также для обороны генуэзских замков на территории самих колоний. Правители Копы, например, вместо того чтобы снаряжать и отправлять воинов-черкесов на службу в Каффу, сами принимали участие в нападении тех же черкесов на купцов-генуэзцев, следовавших в Копу для торговли. Время от времени приходилось отправлять из Каффы военные суда для отражения нападений корсаров-черкесов.

3.8.5. «Колонии генуэзцев были разорены»: на смену генуэзского владычества приходит османский гнёт

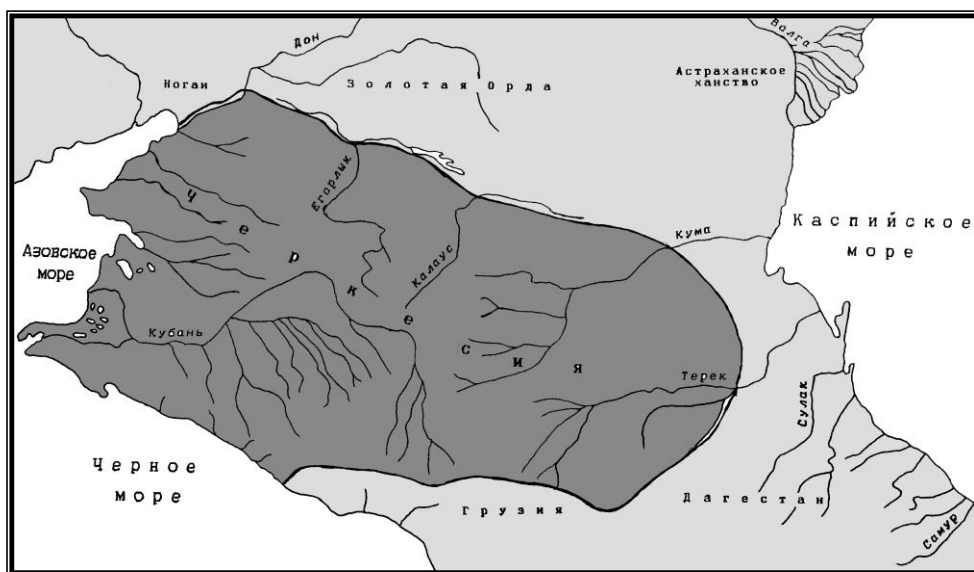
Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, несколько не стыдятся и не краснеют. За то падут между падишахи и будут повержены...

Книга пророка Иеремии (6; 15).

7 и 8 июня 1475 г. все валахи, поляки, русские, грузины, зихи (адыги) и всякие другие христианские нации были схвачены, лишены одежд и частью проданы в рабство, частью закованы в цепи...

Из документов XV в. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

Адыги оказывали сопротивление колонизаторам. Так в 1457 г. черкесский князь Кадибельди захватил замок владельца Матреги (Тамань), после чего последний отмечал в своих записках: «Народ восстал против Каффы и завладел замком Матреги вместе с князьями Зихии». Но это восстание против пришельцев было тогда подавлено.

Территория, занимаемая адыгами в XV–XVI вв.

Генуэзские колонии просуществовали на Северо-Западном Кавказе почти до конца XV в. После захвата турками Константинополя в 1453 г. начинается активное проникновение османов на Кавказ. Колонии генуэзцев были разорены, и на их месте возникли турецкие крепости. В 1475 г. турки захватили Каффу (Феодосию). Почти все ее население было обращено в рабство. Сохранилось письмо очевидца, описавшего взятие этой генуэзской фактории: «7 и 8 июня все валахи, поляки, русские, грузины, *зихи (адыги)* и *всякие другие христианские нации* были схвачены, лишены одежд и частью проданы в рабство, частью закованы в цепи...». (Обращает на себя внимание причисление зихов-адыгов к «христианским нациям». – Авт.).

3.9. Турки-османы и крымские ханы: «Всю землю Черкасскую воевали и жгли, и жены и дети имали...»

3.9.1. Между молотом и наковальней: Черкесия в узле противоречий между Портой, Крымским ханством и Россией

Теперь татары угрожают нашей земле, готовят нам цепи неволи и, как хищный зверь, с жадностью смотрят на наше достояние.

Султан Хан-Гирей (1841).

*Хан передал: «Молва права –
Нагрянул я с несметной силой.
Где я пройду, взойдут могилы –
Земли печальная трава.
Могу пожечь все, разорить...»*

А. Гадагатль.

Внешнеполитическая история адыгов в значительной степени определялась географическим положением территории их проживания. В XVI-XVIII вв. за влияние на Северном Кавказе соперничали Османская Порта (Турция), Крымское ханство и Россия. Политика османов в этом регионе являлась частью стратегического плана Порты в Закавказье и на Ближнем Востоке. Диктовалась потребностями войны с шахским Ираном за контроль над транскавказскими дорожными магистралями, имевшими важнейшее военнополитическое и торгово-экономическое значение. Эти же цели преследовала и Россия. Одним из театров военных действий между Портой и Ираном был Восточный Кавказ; основной коммуникацией, по которой осуществлялась доставка турецких отрядов в тыл иранских войск, – северокавказский путь. Значительная часть его проходила по территории адыгов, что в большой мере предопределило ход исторических событий в этом регионе. Овладев в конце XV – начале XVI в. южночерноморскими и Керченским проливами, Порта установила свой контроль над международной торговлей в Азово-Черноморском бассейне. Проводником политики турецких султанов на Северном Кавказе выступало Крымское ханство. Постепенно турки создали на Черноморском и Азовском берегах свои опорные пункты: крепости Матрега (Тамань), Суджук-кале (Новороссийск). Коплу (Славянск-на-Кубани), Атчу (Ачу, Ачуев), Темрюк, Агджа, а также Кызыл-Таш в старом черноморском устье р. Кубани – важные торгово-стратегические пункты. Немногочисленные гарнизоны янычар обороняли крепости от нападений с моря и суши и никогда не были уверены в своей полной безопасности. Часто бывало, что турки не осмеливались выходить за их пределы (Половинкина Т.В., 2006. с. 6).

Следует подчеркнуть, что черкесские князья вели себя независимо и в целом враждебно по отношению к Крымскому ханству. Поэтому крымские татары, по свидетельству Барбаро (1452), избегали появляться в Черкесии без особой нужды и путешествовали из Крыма в Астрахань, обходя адыгские земли. Больше всего опасались они объединения черкесских вождей и князей с Большой Ордой, с перспективой поглощения Крымского ханства Черкесией. Реальные очертания приобретали эти опасения в связи с усилением Кабарды и кабардинского влияния на Астраханское ханство («История многовекового...», 2007).

Дополняют эту информацию авторы одного из сайтов Интернета: «Итальянец Эмилио Дортелли д'Асколи в то время писал о татарах: «Они также воздерживаются ходить в Черкесию, потому что там очень воинственный народ». В 1438 г. хан Кичи-Мухаммед пошел войной с Волги на хана Улу-Мухаммеда, кочевавшего в районе Крыма. Армия Кичи-Мухаммеда прошла возле Астрахани, обогнула черкесские земли, вышла на таманскую степь и далее направилась к северу по Дону. Джовани Лукка отмечал: «Постоянное беспокойство, которое причиняют черкесам татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах». И далее он писал: «Кроме войны, всецело их занимающей, они не знают другого занятия. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар». Об этом же сообщал и турецкий историк Джевдет-паша: «Один черкес вполне способен пленить десяток ногайцев».

Эвлия Челеби, турецкий путешественник, был в восторге от храбрости крымских воинов, но, увидев сражение крымцев с черкесами, крайне изумился тем, с какой легкостью расправляются адыги с татарами. Он написал о черкесах в своей книге: «Они вступают в бой как бешеные медведи» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

3.9.2. «Не проходит и года, в котором татары не произвели бы на их (черкесов) страну какого-нибудь набега»

Черкесы с татарами сражаются часто, так как не проходит года, в который бы татары, привлекаемые, главным образом, красотой рабынь из этого народа, не произвели бы набега на их страну. И ногайцы часто с той же целью производят набеги сюда.

Джовани де Лукка (1629).

*Кавказу сабель памятен удары,
Менялись ханы, враг сменял врага.*

А. Кешоков.

В XV-XVI вв. Северный Кавказ становится объектом завоевательной политики могущественной Османской империи, которая захватила в то время огромную территорию на трех материках – в Азии, Африке и Европе. Плацдармом для турецкого наступления на Россию и Северный Кавказ служило Крымское ханство, основанное в середине XV в. Позже оно стало вассалом Турции; крымские ханы не только способствовали турецкой экспансии на Северо-Западном Кавказе, но и сами проводили агрессивную политику по отношению к кавказским народам. По словам Дж. Лукка (1629 г.), «...не проходит и года, в котором татары не произвели бы на их (черкесов) страну какого-нибудь набега». Начинается многовековая упорная борьба русского и северокавказских народов против турецких и татарских завоевателей, вторжения которых участились с захватом ими морского побережья Черкесии. Турками и крымцами систематически предпринимались военные походы на адыгов с целью их подчинения и наложения дани. Сопротивление адыгов жестоко подавлялось, и они вынуждены были прибегать к помощи России.

Усиление позиций Черкесии на Северном Кавказе беспокоило не только Крымское ханство, но в еще большей степени султана Османской Турции Мехмеда II. С юга его теснили черкесские мамлюки, на севере набирала силу сама Черкесия с перспективой подчинить своему влиянию генуэзцев и Крымское ханство. Мало того, в этот период дважды – в 1458 и 1472 гг. – черкесы нападали на Трапезунд. В последнем из названных походов принимали участие 24 черкесских корабля. В этих условиях стратегическая задача, которую предстояло решить Мехмеду II, озабоченному войнами на востоке и особенно, на юге с Мамлюкским султанатом, – укрепить свои позиции на севере: подчинить Крым, Молдавию, Черкесию, заручиться через Крымское ханство союзом с Литвой и Москвой. В этих планах Черкесия занимала одно из центральных мест.

Надо отметить, что в результате уже первого похода позиции Черкесии в этом регионе были ослаблены. В 1475 г. турки захватили приморские города Черкесии: Матрегу, Копу и Анапу, погибло множество людей, в том числе в Копе (ныне – г. Славянск-на-Кубани) – местный черкесский князь. Судя по всему, это был Парсабок, последний из упоминавшихся итальянцами владетель Копы. Кроме того, турками были взяты и разграблены Каффа (Феодосия) и Тана (Азов), где влияние черкесских феодалов, тесно связанных политически и экономически с генуэзцами и татарской верхушкой, было также велико. «Жившие в Каффе адыги первыми из своих соплеменников столкнулись с османским нашествием», – пишет А.М. Некрасов.

После того, как в 1475 г. турки овладели Анапой, адыги оказались под еще более жестоким гнетом Турции. Анапа при турках стала крупным невольничьим рынком в Черноморье, а также центром пропаганды ислама среди племен Северо-Западного Кавказа (до прихода турок адыги были язычниками, а затем христианами). Всякое неповиновение свободолюбивых адыгов жестоко каралось. Начиная с XVI в., турки и крымские ханы ежегодно вывозили с кавказского побережья более 12000 рабов. Но вскоре после этого адыги выбили из приморских городов Черкесии турецкие гарнизоны и вновь заняли Анапу и Копу, что и послужило, спустя 4 года, поводом для вторичного вторжения турок в непокорную страну («История многовекового...», 2007).

После победоносных походов в Крым и Черкесию в 1475 г. и в Молдавию в 1476 г., Мехмед II в 1479 г. совершает, минуя Крым, новый, неожиданный для всех, кровавый поход в Черкесию («История многовекового...», 2007).

3.9.3. Ибн-Кемаль: «Опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне...»

Господи наш! Помоги же нам против народа неверного!... И сражайтесь с ними, пока не будет искушения, и религия вся будет принадлежать Аллаху.

Коран. Суры 2, 286; 8, 40.

И будут повержены трупы людей, как навоз на поле, и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их.

Библия. Книга пророка Иеремии (9; 22).

25 марта 1479 г. огромное войско Мехмеда II переправилось на черкесский берег по морю, минуя Крым, и обрушилось на мирные города и селения. Адыги, не ожидавшие нападения, понесли большие поте-

ри. Уничтожая все на своем пути, турки расправлялись с защитниками страны, обращали в рабство пленных. Об этом свидетельствует приводимая ниже выдержка из труда Ибн Кемаль: «По приказу государя-завоевателя мира... люди победоносного войска прошли горы... во множестве пересекли Понт (Черное море) и достигли страны черкесов. В той стране каждый день гордые храбрецы (здесь: турки. – **Авт.**) своими острыми мечами снимали головы мятежникам (адыгам), тщетно боровшимся против газиев; изрубив на куски... тех нечестивцев (т. е. адыгов-христиан), бросали их на съедание воронам». Как здесь не вспомнить библейское пророчество: «И будут повержены трупы людей, как навоз на поле, и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их» (Книга пророка Иеремии, 9; 22).

И далее Ибн-Кемаль продолжает: «Опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне. Пришедшие в ту страну храбрецы неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав взятых в добычу красавиц. В каждом селении страны черкесов пленили по 50-100... красавиц, обратили в рабство множество пленников... Присоединив к Кубе (Копя, Копыл, ныне – г. Славянск-на-Кубани. – **Авт.**), также и Анабу (Анамба, Анапа) со всеми окружающими землями... разгромили владения черкесов, очистили саблём ту страну, копьями подведя черту под жизнью бунтовщиков и тамошних мятежников. Присоединив к Кубе также и Анабу, уничтожили злосчастных врагов, днём и ночью испытывавших ненависть к находившимся в тех краях сыновьям ислама и татарам. С покорением указанных краев, вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истинной веры Мухаммеда... Для поднимающихся на газават та земля стала передним краем... Каждому человеку, ищущему дело, ...открылась возможность заняться в том краю газаватом и приобрести множество драгоценностей и трофеев...». Поистине, как говорится в Коране (суры 2, 286; 8, 40), «Господи наш! Помоги же нам против народа неверного!.. И сражайтесь с ними, пока не будет искушения, и религия вся будет принадлежать Аллаху».

В конечном итоге турки отбили лишь два приморских города и вынуждены были пока отказаться от планов проникновения в глубь страны, где они встретили столь сильное сопротивление. Однако, начиная с этого времени, Турция в союзе с Крымом надолго закрепляется на берегах Черкесии и всячески пытается подчинить своей власти всю страну, включая Кабарду. Фактор крымско-турецкого влияния и давления становится, начиная с 1479 г., доминирующим не только во внешней, но и во внутренней политике Западной Черкесии и Кабарды. Вот почему уже в этот период со стороны адыгских владетелей предпринимаются *первые попытки установить отношения с Московским княжеством, заручиться поддержкой Ивана III* («История многовекового...», 2007).

3.9.4. К взаимоотношениям Черкесии и Крымского ханства в XV столетии

3.9.4.1. Из Черкесии «выдачи нет, и любой человек может найти здесь убежище»

Многие крымцы, по каким-либо причинам вынужденные бежать из ханства, находили приют именно у адыгов на Кавказе. Татары хорошо знали, что из Черкесии «выдачи нет», и любой человек, согласно горским законам гостеприимства, может найти здесь убежище.

<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>

Казалось бы, судя по изложенному выше, история взаимоотношений адыгов с Крымским ханством состоит лишь из негативных моментов. Но, объективности ради, следует отметить и иные факты, вступающие в противоречие с приведенными выше. О некоторых малоизвестных аспектах взаимоотношений адыгов с Крымским ханством размышляют авторы одного из сайтов Интернета: «Больше всего адыги и абхазы известны в истории Крымского ханства, как государства, непосредственно граничившего с Черкесией. При этом многие из них стремительно продвигались по служебной лестнице и играли важную роль в политической жизни Крымского ханства. Кроме того, многие крымцы, по каким-либо причинам вынужденные бежать из ханства, находили приют именно у адыгов на Кавказе. Татары хорошо знали, что из Черкесии «выдачи нет», т. к. Черкесия не входит в зону влияния крымских ханов, и любой человек, согласно горским законам гостеприимства, может найти здесь убежище. Так, в 1468 г. свергнутый с крымского престола хан Нур-Девлет, опасаясь репрессий со стороны нового хана, скрылся в Черкесии. Собрав войско из адыгов, он попытался вернуть себе власть в Крымском ханстве, но потерпел поражение. Еще один член рода Гиреев, Ислам-Гирей, спасаясь от преследования, покинул родину и поселился в Черкесии. От него пошла адыгская ветвь рода Гиреев. В 1475 г. в Черкесию бежал бей Эминек, глава рода Ширин – самого могущественного после Гиреев рода в Крыму. Сын хана Бахадир-Гирей – Мубарек-Гирей воспитывался в Черкесии, в «племени Заба», о чем повествует турецкий путешественник Эвлия Челеби (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

3.9.4.2. «Капы-кулу»: пехотная гвардия из черкесов при дворе крымских ханов

В Крыму находится 12 тысяч капы-кулу. Теперь они на положении хан-кулу. Это – целый полк из детей черкесов, абхазцев и грузин. Роду Османов от них никогда не случалось измены.

<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>

Дополняет приведенную выше информацию о довольно-таки своеобразных, сложных взаимоотношениях черкесов и татар следующее сообщение о существовании при дворе крымских ханов личной гвардии, «по типу турецких янычар». Личная гвардия ханских телохранителей – сеймены – формировалась из наиболее опытных и преданных хану воинов. По свидетельству Мехмеда Сеная, многие из сейменов обучались воинскому ремеслу в Черкесии, и многие адыги, убыхи и абхазы входили в состав сейменской гвардии. Кроме того, крымские ханы создали при своем дворе «капы-кулу», пехотную гвардию, которая составлялась, подобно янычарам, из пленных или купленных юношей. Как отмечал турецкий ученый Фундуклу, подавляющее большинство в этой гвардии составляли черкесы. А вот что писал про капы-кулу Эвлия Челеби: «Кроме 80-ти тысяч татарских воинов при хане в Бахчисарае и в окрестностях Бахчисарая, в деревнях и отарах постоянно живут капы-кулу. Они были доставлены от султана Баязида Вели Менгли Герая-хану из рабов Порога Счастья в качестве воинов-стрелков из ружей. В то время капы-кулу было всего 12 тысяч. Со временем эти отряды уничтожались и их осталось не больше 3-х тысяч. Но враги все еще считают, что в Крыму находится 12 тысяч капы-кулу. Теперь они на положении хан-кулу. Однако они не татары. Это – целый полк из детей черкесов, абхазцев и грузин». И далее Челеби делает следующее дополнение: «Роду Османов от них никогда не случалось измены».

И еще один примечательный факт. Согласно данным адыгского народного фольклора, черкесские отряды в составе крымских войск участвовали в походе на Дагестан и во взятии города Дербент. В этом походе темирговские князья Болотоковы так отличились своей храбростью, что крымский хан дал их роду право на черного хана (кара-хана). Это означало, что Болотоковы имели все права хана над народом везде, где он сам, белый хан, то есть повелитель Крыма, не управляет лично народом (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

3.9.5. XVI в.: «Экспансия Крымского ханства усиливается...»

3.9.5.1. «Крымский хан Менгли-Гирей заставил повиноваться и буйный от природы народ черкесский»

Конец XV в. и начало XVI в. характеризуются усилением Османской империи и вовлечением адыгов в новый водоворот истории.

К.К. Хутыз, Э.А. Шебзухова (2007).

*Народ, извечный, как земля,
Кто б не играл судьбой,
Все вековые векселя
Оплачены тобой...*

В. Федоров

В XVI в. усиливается экспансия Крымского ханства, претендующего на Землю адыгов. По неполным данным, только в первой половине этого столетия крымские ханы совершили 43 похода на южные пределы России и множество походов на адыгов. В результате этих нападений некоторые племена, например, хегаки (хагайки) были почти полностью истреблены.

1489 г. Несомненный интерес представляет следующий факт. В 1489 г. к Менгли-Гирею за помощью обратился жанеевский князь Антонон (Айтек), и крымское войско приняло участие в междоусобной войне жанеевцев. Победившая группировка князей уступила хану, а соответственно и османам, город Матрегу, где уже в 1501-1502 гг. обосновалась османская администрация и таможня. В этот период упоминаемые в источниках крымско-черкесские столкновения носили характер скорее военных демонстраций, чем боевых действий, преследующих стратегические цели (Максидов А.А., 2003).

1501 г., весна. Один из первых набегов турков и крымцев на Землю адыгов состоялся в самом начале XVI столетия. Так, например, весной 1501 г. сын османского султана Байазид II, Мехмед, занимавший пост бейлербея Каффы, организовал поход в один из западных районов Черкесии. «Сын турецкого Махмет Салтан Каффинской, – сообщал Ф. Ромодановский, – сей весной посылал ратью людей своих на Черкасы 300 чел., да 200 чел. черкас с ними ж ходили, которые у Каффинского служат; а царев Муртозин сын с Азовскими казаки с ними ж ходил вместе на Черкасы; и черкасы турков всех да и черкас тех Каффинского Салтана людей побили; а Муртозин сын утек, а людей у него многих побили».

1501 г., осень. Несколько позже произошел очередной инцидент, где инициаторами отмечены уже черкесы: «К Азову, сказывают, приходили черкасы с 400 чел. И черкасы пришел к городу за пять верст, да стали

втай (тихо, втайне. – **Авт.**), а 30 чел. к городу послали. И те, ехав под Азов, да животину отогнали. И азовские казаки Азь Черкас и Карабай, а всех их человек с 200, да за теми черкасы в погоню пошли, которые у них животину отогнали; и те их примчали на своих товарищов, где они стояли, и черкасы азовских казаков побили, сказывают, человек с 30, ...а Азь Черкас и Карабая, сказывают, тут же убили» (Максидов А.А., 2003).

1515 г. Готовясь к решающей схватке со своими соперниками за гегемонию в мусульманском мире, османы тем не менее не оставляли без внимания и Северный Кавказ. В апреле 1515 г. состоялся поход в Черкессию во главе с сыновьями Менгли-Гирея Карачурой и Мухаммедом. Результаты похода неизвестны. (Максидов А.А., 2003) В том же 1515 г., через год после успешного начала крупномасштабной войны с Ираном, османы заложили на границе Черкесии две крепости – Темрюк в устье Кубани и Кизил-Таш на острове Адахун, ограниченном реками Кубанью и Адагулом и морским побережьем. Источники прямо свидетельствуют, что эти укрепления были воздвигнуты ими для защиты от черкесов («История многовекового...», 2007).

Но постепенно татарам удалось в какой-то мере подчинить адыгов Крымскому ханству. «История крымских ханов» свидетельствует, что «...крымский хан Менгли-Гирей заставил повиноваться и буйный от природы народ черкесский». Однако адыги не смирились и продолжали самоотверженную борьбу за свою свободу и независимость. В русских документах того времени сохранились многочисленные сообщения о сопротивлении адыгов татарским захватчикам.

1518 г., лето. Согласно одному донесению в Москву, датированному январем 1519 г., летом 1518 г. крымское войско во главе с калга-султаном Бахадиром-Гиреем (он же Багатур-Гирей, сын Мухаммеда-Гирея, «Богатырь-Царевич» по русским документам) двинулось на Кабарду. При этом сам Бахадир-Гирей в письме турецкому султану сообщал: «...ино ежегодная у нас война с черкасы...». Адыги разбили крымского хана, о чем сообщал русский посол И. Челищев: «Богатырь-Царевич был у черкасов, и черкасы его побили; сказывают, только треть людей вышла от черкас, а два жеребья (т. е. две трети. – **Авт.**) людей побито» (Максидов А.А., 2003; Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007). Много крымских воинов, как простых, так и знатных, сложило свои головы в адыгских землях. Так, спустя 5 лет, в 1523 г. был убит черкесами сам хан Мухаммед-Гирей.

1519 г., весна. Фортификационные работы османов затянулись до конца 1519 г. Все это время крымские ханы выделяли многочисленные воинские контингенты для прикрытия строящихся крепостей от нападений черкесов. Например, весной 1519 г. по приказу султана приемник Менгли-Гирея, хан Мухаммед-Гирей (1515-1523), направил к устью Кубани 8-тысячный корпус под командованием своих сыновей Казы-Гирея и Бабея. Османы и крымцы, продолжая укреплять свои границы, проводили и активные наступательные акции.

Восточное направление крымской агрессии мотивировалось не только стремлением подчинить черкесов, но и обострившимся соперничеством с Ногайской Ордой и Астраханским ханством, которые поддерживали тесные политические и династические связи с кабардинцами («История многовекового...», 2007).

Не раз появлялись адыги и в Крыму, под стенами самой Каффы (Феодосия). Несмотря на поражение крымского войска, значительная часть адыгских племен (возможно, все западные адыги) вскоре занимают подчиненное положение по отношению к Крымскому ханству. Так, весной 1519 г. Мухаммед-Гирей писал русскому царю Василию III: «От черкас к нам послы приходили, они хотят дать нам дань, и они на нашей службе со всею своею ратью хотят быть готовы». По мнению адыгских феодалов, подчинение Крымскому ханству должно было в какой-то мере обезопасить Черкессию от татарских грабительских набегов. Но эта временная «передышка» дорого стоила адыгам. Они должны были откупаться от крымских ханов богатыми подарками, в первую очередь, рабами. Позже, в XVII в., существовал обычай преподнесения каждому вступающему на престол крымскому хану большого количества черкесских мальчиков и девочек, которые затем отсылались ханом в Стамбул в гарем турецкому султану.

3.9.5.2. Борьба адыгов с Астраханским и Крымским ханством и владельцами Дагестана

Если и пользы никакой не будет, к белой мечети [в Бахчисарае] прорвусь.

Андемиркан, народный герой адыгов (1527).

В 30-х и в начале 50-х гг. XVI в. Крымское ханство и Османское государство наращивали силу и масштабы нападения на адыгов. Несмотря на отчаянное сопротивление, жестокому разорению подверглись адыги – хатукаевцы и жанеевцы, кабардинцы и бжедуги. Впервые против адыгов было применено огнестрельное оружие. Крымские ханы своими походами ослабляли адыгов. Османы же преследовали далеко идущие цели и впоследствии, много позже, приняли участие в совершившейся в XIX в. трагедии адыгского народа... (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

XVI в. – был сложный для Кабарды период, когда ей пришлось отстаивать свои позиции не только в борьбе Крымским и Астраханским ханствами, Ногайской ордой, но и с сильными феодальными владениями в Дагестане – Казикумухским шамхальством, Кайтагским уцмийством и другими, – за спиной которых стоял Сефевидский Иран. Сплотившись под властью Беслана Тучного и других влиятельных князей, кабардинцы сумели устоять перед натиском противника и одержать ряд крупных побед («История многовекового...», 2007).

1532 г. Отстаивая независимость, кабардинцам приходилось закреплять свои успехи. В 1532 г. они захватывают Астрахань, а еще раньше, видимо, в 20-х гг. XVI столетия, под предводительством князя Татлостана Жанхотуко вторгаются в Крым и осаждают Бахчисарай. – столицу Крымского ханства. Хан был вынужден выплачивать адыгам дань – сто повозок с дорогими тканями (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Взяв штурмом Астрахань, кабардинцы свергли недавно воцарившегося на престоле хана Касима и посадили на трон сына тюменского князя Муртазы – Ахкубека, который был зятем одного из кабардинских князей. Историк Карамзин писал: «Новый царь астраханский Касим также предлагал тесный союз великому князю, но едва его посол успел доехать до Москвы, черкесы, взяв Астрахань, убили царя и с богатою добычей удалились в горы». Опровергая мнение М.Г. Сафаргалиева, согласно которому после этого адыги стали хозяевами Астрахани, А.М. Некрасов пишет, ссылаясь на летописные известия, что они сразу же покинули Астрахань, довольствуясь возведением на престол своего сторонника.

Русская летопись так описывала поход 1532 г.: «пришли к Астрахани безвестно Черкасы да Астрахань взяли, царя и князей побили и животы их пограбили, и пошли прочь. А на Астрахани учинился Ахкубек царевич». Ногайские мурзы писали московскому князю об этом следующим образом: «Ахкубек-царь дяди своего юрта ездил в Черкасы, и юрт его, взяв, дали ... Ахкубек-царь с Черкасы по женитве учинился, и они ему юрт его, взяв, дали», «Ахкубеку-царю было прибежище в Черкасах, и они его дела постарались, да Астрахань взяв и дали ему». ...Несколько позже, в 1546 г. астраханский владетель Ахкубек решил избавиться от протектората черкесов, ставшего для него обременительным. В том же году адыгские отряды взяли Астрахань и свергли изменника Ахкубека, возведя на ханский престол нового хана – Ямгурчи. Когда в 1550 г. казаки захватили Астрахань, хан Ямгурчи вернул себе город при помощи черкесских воинов. Примечательно, что оба этих астраханских хана – Ахкубек и Ямгурчи – были женаты на черкешенках. Прикаспийские степи в районе Астрахани в XIV-XVI вв., до захвата Астраханского ханства русскими, контролировали черкесы. Так, сообщается, что 300 янычар сопровождали османского посла в Бухару шейха Абдул-Лятифа, «чтобы оградить его от черкесов, которые убили Баба-Шейха (предыдущего посла. – **Авт.**) по дороге из Астрахани» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Так же, согласно фольклорным данным, действовали кабардинцы в Крыму. Осадив, в ответ на беспрестанные нападения крымских татар, Бахчисарай, предводитель кабардинского войска князь Дударуко, один из сыновей Талостана Джанхотова (по другим данным, сам Талостан Джанхотов), ограничился тем, что получил от крымского хана откупные и, несмотря на недовольство других князей, желавших продолжить военные действия с крымцами, вывел свои войска с полуострова. Именно тогда герой средневековой Кабарды Андемиркан, принимавший участие в этом походе, произнес фразу, ставшую затем крылатой: «Если и пользы никакой не будет, к белой мечети прорвусь».

1533 г. Черкесы принимали участие во внутригрузинских войнах. В 1533 г. Маmia III Дадияни, царь Абхазии, пытался покорить Джигетию (приморских адыгов. – **Авт.**) Однако абхазы перешли на сторону джиков, решив исход сражения в их пользу. Когда Маmia изгнал из Зугдиди своего брата Георгия III, то последний бежал в Абхазию. Последующее сражение, где Георгий возглавил пришедшее ему на помощь ополчение «абхазов, джиков и черкесов» было им проиграно. В 50-х гг. XVI в. правитель Мингрелии заключил мир с черкесами и, по свидетельству М. Кавалли, нашел, что «...с ними иметь дело лучше, чем с турками, потому что черкесам также нисколько не улыбалось вторжение в эти места турок, которые в скором времени обобрали бы его (т. е. правителя Мингрелии) и подчинили себе и победителя, и побежденного» (Хотко С.Х., 2008).

Адыги не стремились закрепить успехи на поле боя завоеванием чужих территорий или уничтожением больших сил противника. Их заботили лишь вопросы безопасности и стабильности на границах Кабарды и Черкесии в целом. Но действия, предпринимаемые в этих целях кабардинцами, сильно беспокоили Турцию и Крым. Уже через год после восхождения хана Ахкубека на Астраханский престол крымско-турецкие войска свергли его. В 1533 г. Ахкубек бежал из Астрахани и получил убежище в Кабарде. А спустя два года, в отместку за вмешательство адыгов в астраханские дела ногайцы Большой Орды напали на Кабарду и нанесли ей большой урон («История многовекового...», 2007).

1535 г. Кроме крымских татар, на черкесов нападали и ногайцы. Весной 1535 г. был большой поход ногаев, о чем сообщал русский посол в Ногайской орде Д. Губин: «Кошум-мурза, и Мамай-мурза, и Исмаил-мурза, и Келмагмет, и Урак и все мелкие мурзы, собравши людей, пошли черкас воевать...». Завоеватели несли горским народам разорение, рабство и смерть.

3.9.5.3. «Давление на адыгские народы со стороны крымского хана и османских султанов неуклонно усиливалось...»

В 1539 г. состоялась крупная экспедиция османов и татар в Черкесию. Поводом послужил отказ прислать султану невольников, число которых установил султан. Поход провалился.

А.А. Максидов (2003. С. 46).

...Давление на адыгские народы со стороны крымского хана и османских султанов неуклонно усиливалось. Оно брало начало с 70-х гг. XV в. и к середине XVI в. выросло в крупномасштабное наступление.

К.Ф. Дзамихов (2008).

В конце 30-х гг. XVI в. на крымский престол османами был поставлен Сахиб-Гирей, бывший казанский хан. Как пишет К.Ф. Дзамихов (2008), турецкий султан оказал хану крупную военную помощь, предоставив 1000 янычар, а также пушки и пищали. Период правления Сахиб-Гирея характеризуется агрессивной наступательной политикой Крыма против адыгов и Руси. Многие из походов подробно описаны в крымской хронике XVI в. «История Сахиб-Гирей-хана», автор которой Реммал-хаджи являлся участником и очевидцем описываемых событий.

1539 г. В мае-июне этого года крымцы численностью 40 тыс. чел., среди которых были и турецкие янычары, совершили поход от Тамани через Кубань, от горы Тхаб вдоль горы Эльбрус, где воевали против жанеевцев, темиргоевцев, бесленеевцев. Возможно, они дошли и до Кабарды. С самого начала эта экспедиция была санкционирована турецким султаном Сулейманом I, который кроме подчинения адыгов хотел иметь свободным для осmano-крымских войск путь на Дагестан и Закавказье. Примечательно, что через несколько месяцев после возвращения из Черкесии, крымский хан осенью 1539 г. организовал нападение на Русь (Дзамихов К.Ф., 2008).

Новые широкомасштабные наступления на адыгов и Русь предпринимаются в 1540-х гг. За один только 1545 г. крымское войско дважды ходило воевать в Черкесию – весной на западных адыгов («ближних Черкас»), осенью на «дальних Черкас, на Хабартку», т. е. кабардинцев.

1545 г., весна. Как сообщают очевидцы, в 1545 г. крымский хан предпринимает новое широкомасштабное наступление на Землю адыгов. По сообщению Реммал-ходжи, поводом для похода на жанеевцев послужил отказ жанеевского князя Кансаука (Кансавука) прислать султану в подарок невольников-черкесов. Крымский хан Сахиб-Гирей (Сагиб-Гирей) немедленно двинулся к Керчи, где для него уже было приготовлено 300 грузовых судов для переправы через Керченский пролив. В составе ханского войска были и янычары, вооруженные огнестрельным оружием. Черкесы заблаговременно подготовились к приходу татар, разделили свое 10-тысячное войско на несколько частей и сосредоточились в укрепленных местах, подходы к которым защищали рвы со вбитыми в дно острыми кольями. У дорог черкесами были устроены засады. Но несмотря на эти приготовления, черкесское войско было рассеяно. Кансауку с небольшим отрядом с трудом удалось скрыться.

Решающую роль в поражении горцев сыграла артиллерия и неизвестное черкесам огнестрельное оружие захватчиков. Дело в том, что в походах на Русь и Черкесию крымцы широко применяли артиллерию и пищали, предоставленные османами. Например, именно с помощью артиллерии Сахиб-Гирей рассеял жанеевское войско. Успешность крымских походов объясняется не только отсутствием равнозначного огнестрельного оружия у адыгов, но, главное, по мнению К.Ф. Дзамихова (2008), – это нескоординированность действий различных адыгских народностей (в 1545 г. жанеевцы выставили 10 тыс. войска, а крымцев было в несколько раз больше). Уже с этого периода в различных письменных источниках находит отражение междоусобная борьба в адыгских княжествах, когда представители враждующих сторон просили помощь в Крыму.

1545 г., осень. Некоторое время спустя, согласно рассказу Реммал-ходжи, в Крым приехал кабардинский правитель Элбозду (Ельбозду, Албуздуй в русских источниках). Этот князь потерпел поражение в борьбе со своими двоюродными братьями Конуко и Елбутлуко и бежал из Кабарды. И. Хаммер и В.Д. Смирнов полагают, что в этом же году он воевал «против мятежного племени жанэ». Теперь же он просил крымского хана помочь ему вернуться к власти, причем сам Элбозду вызвался быть проводником. Воспользовавшись удобным случаем, Сахиб-Гирей вновь собрал 70-тысячное войско, включавшее и янычар, и осенью 1545 г. двинулся на Кабарду. Предатель Элбозду выбрал самый удобный момент для нападения на своих соотечественников – приближалось время жатвы, когда множество кабардинцев приходило в определенный район собирать урожай. Кроме кабардинцев, предупредил князь, здесь же собирают урожай со своих полей и люди племени бужадук (бузудук, или бжедуги).

Этот важный в агрикультурном отношении район Кабарды крымское войско достигло на 8-й день пути. О кабардинском сопротивлении А.М. Некрасов пишет лишь то, что местных жителей удалось застать врасплох, но «бжедуги, насчитывавшие 10 тыс. чел., узнали о нападении заранее и решили пойти на хитрость – начать переговоры с ханом, а ночью напасть на крымский лагерь. Войско Сахиб-Гирея расположилось, по словам Реммал-Ходжи, у р. Белх (Балк, нынешней Малки. – Авт.).

«Но что же это были за бжедуги, которые могли на территории Кабарды, где они появились для сельскохозяйственных работ, выставить 10-тысячную армию и решиться атаковать многократно превосходящие

силы хана?», – недоумевает С.Х. Хотко (2008). Присутствие бжедуг в Кабарде комментируется А.М. Некрасовым (1990), по мнению С.Х. Хотко, совершенно неубедительно: «Дважды в год отправляться туда для весеннего сева и осеннего сбора урожая бжедуг заставляла, вероятно, нехватка пахотных земель в тех местах, где они жили постоянно. Согласно более поздним данным, бжедуги жили в горах южнее хатукаевцев, т. е. на значительном расстоянии от Кабарды...». Но ведь это – просто-напросто невероятная картина постоянных миграций целого субэтноса в целях выращивания хлеба. Якобы около 10 000 чел. на арбах отправлялось за более чем 400 км, и так – дважды в год! Но ведь в долинах Закубанья было гораздо больше площадей для полеводства, чем во всем нижнем междуречье Малки и Баксана! Гораздо убедительнее выглядит, на его взгляд, предположение о постоянном проживании части бжедугского племени в западной части Кабарды. «Более того, – пишет историк, – как раз бжедуги могли выступить в роли первых абазинских переселенцев в Кабарде и на северном склоне в целом. Согласно Эвлии Челеби, бжедуги являлись одним из племен причерноморской Абазии, а «черкесизированные» бжедуги враждовали и граничили с ними по линии Туапсе-Гойтх...».

Но свой план внезапного ночного нападения на лагерь крымского хана бжедугам осуществить не удалось, так как хан с помощью Элбозду разгадал их замысел. Ночная атака на лагерь Сахиб-Гирея закончилась разгромом бжедуг, хотя Реммал-Ходжа особо отмечает их стойкость и отвагу. В кровопролитной битве погибают и многие князья Кабарды и в их числе один из сыновей Идара – Кидиришко, младший брат будущего правителя Кабарды Темрюка Идарова («История многовекового...», 2007; Дзамихов К.Ф., 2008). Как нам известно из сообщения русского гонца, возвращался Сахиб-Гирей с войском и пленными через Темрюк и Керчь, а значит, через западноадыгские земли, которые почти наверняка вновь подверглись разорению (Хотко С.Х., 2008).

1546 г. – черкесы, по всей видимости бжедуги и кабардинцы, захватили Астрахань и, свергнув изменившего им Ак-Кубека, возвели на трон Ямгурчи. Один из ногайских мурз сообщал в Москву, что Ямгурчи, как в свое время Ак-Кубек, черкесам «в свойстве учинился», и они «ему братство учинили, юрт его взяв, дали же добр деи» (Максидов А.А., 2003).

1547 г. В этом году крымское войско двинулось через Кабарду в Дагестан и Астрахань. По пути татары грабили черкесские аулы, угоняли множество людей для продажи в рабство. Документы свидетельствуют, что крымские ханы «...всю землю Черкасскую воевали и жгли, и жены и дети имали, и животину и овцы пригнали». Позже хан Магмет-Гирей, хвалясь успехами своего набега на Кабарду, писал: «Полону взяли больше 20 тысяч...». Опасаясь усиления черкесов и их союзников-ногаев, крымский хан Сахиб-Гирей атаковал Астрахань и изгнал Ямгурчи, женатого на черкешенке. Характерно, что этот царственный изгнанник вновь нашел убежище в Черкесии и при поддержке черкесов опять воцаряется в Астрахани в 1550-1551 гг. (Максидов А.А., 2003; «История многовекового...», 2007).

В 1551 г., по данным Реммал-хаджи, состоялся организованный по приказу турецкого султана поход крымского хана Сахиб-Гирея на хатукаевцев и бжедуг. Поводом явилось нападение черкесских правителей Алегука (Элька) и Антанука, – сыновей хатукайского князя Джанбека (Хантука), на османских подданных под Азовом.

Историк Реммал-ходжа приводит гордые речи одного из братьев: «Хан, говорят, идет грабить нас, но мы поведем себя не как жанеевцы и кабардинцы. Он силен своими пушками, а мои пушки и пищали – крутые горы и быстрые кони». Как здесь не вспомнить слова средневекового автора Герберштейна (1988) о черкесах: «Полагаясь на неприступность гор, они не подчиняются ни туркам, ни татарам». Ожидая прибытия крымского войска, братья Алегук и Антанук со своими людьми скрылись в горах Бужадук (т. е. в земле бжедуг). После ожесточенного сражения Сахиб-Гирей захватил и уничтожил дотла адыгские укрепления, а Антанук попал в плен.

Этот поход для Сахиб-Гирея имел роковые последствия. По возвращении из Черкесии он был убит, а на крымский трон взошел присланный из Стамбула его племянник Давлет-Гирей (Девлет-Гирей), заручившийся поддержкой турецкого султана Сулеймана Великолепного. Давлет-Гирей I (1551-1577) – один из наиболее могущественных крымских династов – имел значительное черкесское окружение. Он был зятем князя Тарзатыка, сыновья которого, упоминаемые в русских источниках как Татар-мурза и Ахмет-Аспат Черкасские, служили при дворе Давлет-Гирея (Максидов А.А., 2003).

1553 г. Обеспокоенный начавшимися контактами адыгов с Иваном IV, а также упорством, с которым кабардинцы защищают свои интересы в Астрахани, в 1553 г. крымский хан Девлет-Гирей обрушился на Кабарду, прежде всего на поселения Идарейского княжества. Девлет-Гирею удалось уйти, захватив в плен одного из младших братьев Темрюка, Ельбазда, вместе с женой и детьми. Позже хан Девлет-Гирей писал польскому королю Сигизмунду-Августу, что вернулся из похода на пятигорских черкесов «з добычею великою». Поздравляя хана с успешным завершением похода в Кабарду, Сигизмунд-Август объясняет причину захвата Ельбазда Идаровича тем, что тот активно действовал против Крыма и Турции, объединившись с великим князем Московским (Максидов А.А., 2003; «История многовекового...», 2007).

1556 г. С.Х. Хотко особо подчеркивает, что Черкесия никогда не входила в состав Османской империи. Напротив, воинственные горцы сами нередко досаждали туркам-османам, и те во все времена предпочитали не тревожить их. Так, в 1556 г. черкесы (по всей видимости, жанеевцы при участии кабардинцев) захватывают османские крепости Темрюк и Тамань. Несколько позже, в 1560-1561 гг. состоялся ряд черкесских набегов на Крым, а в 1567 г. – очередной поход крымских татар на Кабарду (Максидов А.А., 2003).

1557 г. Оздемир-паша, адыгский полководец на службе у турецкого султана, в 1557 г. завоевал для Османской империи Судан, Эфиопию и Йемен. Вот что писал о нем в своей «Книге путешествий» известный турецкий путешественник Эвлия Челеби «В году 991, во время правления султана Селима II, Осман-паша, сын Уздемира, проезжая через Черкесию на Ширван и Шемаху, беев тамошних под управление эялета Каффенского (Каффа=Феодосия) отдал. Взял он от них заложников, а собственного сына и дочь бею Кабарды в залог оставив и из Кабарды жену взяв, с землей черкесов узами крови благополучно соединился. Затем силами 70-ти тысяч богатырей черкесских, или с помощью беев черкесских и беев владыки Дагестана, добыл он Генджу, Ширван, Шемаху, Тифлис, Томанис, Дербенд, город Сериреллан, город Ариш, город Ниязабад и город Сабуран — всего семьдесят шесть городов значительных и замков. Бея кабардинского же, именем Искендер-бей, каффенским пашой назначил и народом черкесским полуостров Таманский заселил, из-за чего гяурские казаки азовские в море Черное выходить уже не могли...».

«Беев черкесских, — продолжает Челеби, — начиная от полуострова Таманского до горы Эльбрус, к которой оттуда в течение 70-ти дней на восток ехать надлежит, — всего сорок, и каждому из них жалованье назначено. Когда османы войну какую-нибудь ведут, то едут они на нее с пашой Каффенским. Однако вместо жалованья выдается им сукно, попоны, луки, ружья, порох, пули и ткани. Это подданные династии Османской, а султаны османские властны снимать их с должности и назначать. Когда бей какой-нибудь умирает, правление после него его сыну или какому-нибудь другому кровному, который этого достоин, передается. Бунчуками, однако, хоругвями, флагами или знаменами какими-либо беи не обладают.

Со времен Осман-паши, сына Уздемира, были они всегда верны и послушны династии Османской. Однако при османском султани Османе дефгердары каффенские задержали упомянутым беям черкесским жалованье за службу. С тех времен они не то чтобы против осман бунтуют, но и послушания не выказывают, а бывает и так, что приезжают они к ханам крымским и в делах различных им помогают. *Жалованья недостает этому войску черкесскому, дабы убоготорить и привязать их к себе!*», — завершает свой рассказ Эвлия Челеби (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

1569-1571 гг. В 1569 г. состоялся поход османских войск с участием Давлет-Гирея на Астрахань. Примечательно, что турецкими войсками предводительствовал черкес Касим-паша, жанеевский «аристократ» на службе у Сулеймана Великолепного, а затем и Селима II. Он занимал пост наместника Крыма с резиденцией в Каффе (бейлербей Каффы), и идея захвата Астрахани принадлежала именно ему. В архивных источниках сообщается о 3-тысячном бжедугском отряде в составе армии Касим-паши, который впоследствии в полном составе перешел на сторону кабардинцев. Последние атаковали лагерь Касим-паши под Астраханью и после ряда сражений вынудили его отступить в Крым. При этом собственно русское участие в разгроме армии Касим-паши было очень скромным. Основным его противником являлся старший князь Кабарды Темрюк Идаров, — это подтверждается и тем обстоятельством, что Касим-паша одновременно со своим выступлением из Крыма послал в Кабарду войско во главе с султаном Алды-Гиреем, но Темрюк разбил его (Максидов А.А., 2003).

Провал похода 1569 г. для Давлет-Гирея не имел особых последствий. В 1570 г. он лично возглавляет поход в Кабарду, а в 1571 г. захватывает и сжигает Москву. В этом походе участвуют большие массы западно-черкесской конницы (Максидов А.А., 2003).

1572 г. В XVI в., даже тогда, когда Османская держава пребывала в зените своего могущества, черкесы отнюдь не хотели смириться с участью побежденного народа и не раз наносили туркам и крымским ханам ощутимые удары. Не раз они нападали на турецкие торговые и военные суда в Черном море и даже совершали вылазки на южный, турецкий берег. Так, венецианский посол в Персии в своем донесении от 25 июля 1572 г. из г. Конья рассказывает, что христиане-черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разграбили за 300 миль отсюда все поселения побережья, перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары. В своей недавней работе «Землевладение и землепользование на Кубани» М.И. Лукомец, подводя итоги татаро-монгольского нашествия на Землю адыгов, высказывает довольно сомнительную мысль: «Монгольским игом, точно туманной пеленой, покрываются страницы кубанской истории. Что делалось в эту эпоху здесь, — сказать трудно (почему «трудно»? — Авт.). *Когда пала «Золотая Орда» и обессилели монголы, черкесы объединились с татарами* (выделено нами. — Авт.)». Вышеприведенные факты опровергают утверждение М.И. Лукомца о каком-то мифическом «объединении» адыгов с захватчиками. Не объединение было, — была самоотверженная борьба черкесов за свою свободу и независимость; борьба, которая, в конечном счете, не без помощи России, увенчалась успехом.

3.9.5.4. «Уже близка была минута решительного перелома...»

Уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самостоятельность Кабарды...

III. Ногмов (1847).

Середина XVI столетия... Как отмечает О.Л. Опришко (2007), вначале турки и крымские ханы ограничивались лишь грабежом и взятием пленников. Потом их устремления пошли дальше: покорить адыгов и сделать послушным орудием в своей захватнической политике на Кавказе. Земли Черкесии и Кабарды, про-

стиравшиеся от низовьев реки Кубани до реки Сунжи, впадающей в Терек, привлекали внимание чужеземцев не только своим богатством, но еще и тем, что занимали важное стратегическое положение на Северном Кавказе. Именно это и стало к середине XVI столетия главным для Турции и Крыма.

Турецкие султаны Сулейман I, Селим II и крымский хан Девлет-Гирей, укрепляя связи со своим сторонником шамхалом Тарковским – владельцем Кумыкского ханства в Прикаспии, надеялись навсегда встать твердой пятой на Северном Кавказе. Это было им необходимо еще и потому, что с берегов Черного моря через Кабарду турки и крымцы направляли свои войска в восточное Закавказье, где то и дело возникали их войны с Персией – сильной и влиятельной соперницей в захватнической политике. И постоянной помехой в их планах было сопротивление, оказываемое кабардинцами и черкесами. Но, разобщенные на целый ряд зачастую враждовавших между собой княжеств, они не могли вести организованную, общую борьбу. Междоусобицы ослабляли Кабарду, силы народа растрачивались в братоубийственных, кровопролитных войнах.

Весьма образно, с болью в сердце, этот нелегкий для адыгов период охарактеризован в работе О.Л. Опрышко (2007): «На черкесов и кабардинцев нападали турки и крымцы, шамхал Тарковский, а также мурзы Астраханского ханства и Малой Ногайской орды (Мурзы – так русские летописи и документы называли князей и феодалов у народов Северного Кавказа, Крыма и Востока. – Авт.). Со всех сторон угрожал им враг, они задыхались в его окружении. Казалось, нет спасения и остается единственный выход – покориться Османской империи и Крыму. «Уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самостоятельность Кабарды...», – читаем в «Истории» Ш.Б. Ногмова. В непрерывных войнах гибли тысячи черкесов и кабардинцев. Все меньше оставалось у них сил для борьбы, все туже затягивалась вокруг них петля иноземного ига...».

Раздираемые внутренними противоречиями, адыги не могли самостоятельно отражать набеги Турции и крымских ханов и защитить свою Родину. Внутреннее и внешнее положение черкесов и вытекавшие из него интересы самосохранения объективно-исторически требовали заключения союза с могущественным северным соседом – Россией, которая могла бы защитить Землю адыгов от агрессивных устремлений Турции и Крымского ханства.

Такой была, если быть предельно кратким, ситуация во всей Черкесии и Кабарды накануне интенсивных контактов Ивана IV Грозного и Темрюка Идарова. Кабарда в этот период казалась вполне сложившимся и сильным государством, с хорошо сбалансированной и последовательной внешней политикой. Однако лучше, чем кто-либо другой, сознавая масштабы внешних угроз, Темрюк Идаров предпринимает беспрецедентные меры с целью внутренней консолидации и упрочения внешнеполитических позиций Кабарды. Самыми радикальными среди них были шаги, направленные на сближение с Россией («История многовекового...», 2007).

3.10. Адыги и Русь: начало долгого совместного пути

Адыгские посольства в Москву, – отмечает С.Х. Хотко (2007. С. 10-11), – одно из важнейших политических событий в адыгской истории XVI-XVII вв. Весьма велико их значение и для собственно русской истории, так как установление связей с черкесскими княжествами открыло для Москвы важные политические преимущества в противостоянии Крыму и Турции.

3.10.1. Адыги перед выбором: «включиться в политическую орбиту Крымского ханства или же склониться к союзу с Московским государством?»

3.10.1.1. Регулярные московско-адыгские связи начали устанавливаться еще в период генуэзской колонизации Приазовья-Причерноморья

Народ, утративший свою историю, не может существовать как самостоятельный народ. Но народ, имеющий историю, будь он даже маленький, с большими народами может сосуществовать, не исчезая.

Н.А. Цагов (1913).

Авторы одного из сайтов Интернета обращают внимание на тот факт, что регулярные московско-адыгские связи начали устанавливаться еще в период генуэзского контроля над торговлей на Северо-Западном Кавказе. В конце XV столетия по Дону пути постоянно приходили караваны русских купцов в Азов и Каффу, где русские купцы встречались и устанавливали торговые связи с горцами Северного Кавказа, не только проживающими в городских центрах и их окрестностях, но и с жителями более отдаленных мест.

В 1552 г. адыги вместе с русскими приняли участие во взятии Казани. В 1552, 1555 и 1557 гг. представители западных адыгов (жанеевцев, бесленеевцев и др.), восточных адыгов (кабардинцев) и абазинцев обращались к Ивану Грозному с просьбой о покровительстве для борьбы с Крымским ханством. Им удалось заручиться покровительством русского царя и отныне они могли рассчитывать на военную и дипломатическую помощь Москвы, а сами обязывались являться на службу царю.

В 1556 г. адыги осуществили ряд смелых военных операций, в результате которых были захвачены османско-татарские военные базы Темрюк и Тамань. Эта акция адыгов во многом способствовала разгрому русскими Астрахан-

ского ханства в том же году. В 1558-1560 гг. ряд военных экспедиций на крымскую территорию предпринял лидер запорожских казаков Вишневецкий и вместе с его войсками выступили адыги (в частности, под Таманью).

В 1561 г. Иван Грозный женился на дочери известного кабардинского князя Темрюка Идарова и после крещения в Москве она стала царицей Марией. Прорусски настроенный Темрюк Идаров пытался объединить всех адыгов, но потерпел неудачу. Он вынужден был призвать на помощь русские войска для борьбы с антирусски настроенными лидерами адыгов. По его просьбе дважды, в 1562-1563 и 1565-1566 гг., русские войска совершали походы в Кабарду.

В 1570-е гг. крымцы и османы сумели восстановить свое влияние на Северо-Западном Кавказе, но московские цари продолжали считать, что Земля адыгов находится в сфере интересов Руси и, по возможности, оказывали им посильную помощь (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

3.10.1.2. Была ли альтернатива союзу адыгов с Русским государством?

Памяти этой время не тронет...

Льюис Кэрролл (1964).

Реалии политической обстановки на Северо-Западном Кавказе обусловили решительную попытку западночеркесских княжеств, опираясь на союз с Россией, противостоять нарастающей экспансии Крыма.

Т.Х. Алоев (2007).

Т.Х. Алоев (2007) обращает внимание на тот факт, что ко времени первых зафиксированных контактов Московского государства с западночеркесскими княжествами, Кабарда уже более столетия фигурировала на политической карте Кавказа как целостное и независимое государство. В источниках XVI-XVII вв. она обозначалась как Кабартыйское паньство, Пятигорское государство, Кабардинское княжество, а ее владетельные князья наряду с бесленеевскими и жанеевскими воспринимались на Руси как «черкасские государи».

К началу 1550-х гг. не крупные, но довольно мощные в масштабах региона черкесские княжества Жанетии и Бесленея стояли перед дилеммой: подчиниться в той или иной форме полувековому натиску татар и включиться в политическую орбиту Крымского ханства или же склониться к альтернативе союза с далеким, но набирающим силу Московским государством. Реалии политической обстановки на Северо-Западном Кавказе обусловили решительную попытку западночеркесских княжеств, опираясь на союз с Россией, противостоять нарастающей экспансии Крыма. Завязавшееся в 1552 г. интенсивное дипломатическое общение, совместные военные акции (в 1553 г. вместе с русским войском на Украину вышел бесленеевский князь Машуко Кануков, в 1556 г. жанеевцы во главе с Таздруем и Сибокком овладели турецкими крепостями Темрюк и Тамань, а в 1558 г. сыновья упомянутых князей Иван Машук и Василий Сибок со своими отрядами активно включились в боевые действия с Орденом); готовность адыгских князей принять православие, оставление в Москве и крещение их сыновей (у Сибока – два сына: Александр и Василий, у Машуко – сын, у Елбаздуко – сын и т. д.), – все это довольно зримо иллюстрирует путь политического развития, которую выбрали княжества Западной Черкесии. *Основной и чуть ли не единственной реальной причиной, определившей этот выбор, являлась угроза со стороны Крымского ханства*, что проходит красной нитью практически во всех источниках (Алоев Т.Х., 2007. Вып. V).

3.10.2. С надеждой на помощь и защиту

*Как тягостна была и непроста
Дорога неизбежная к России!
Но все ж навстречу мы друг другу шли.
Мы все прошли – лишения и войны,
И боль земли, и скорбь моей земли,
И оставались в памятной дали
Могильные холмы – как будто волны...*

И. Машбаш.

Нет никаких оснований утверждать, что отношения между русскими и адыгами складывались изначально как враждебные. Наоборот, как отмечал Ф. Щербина, казаки издавна поддерживали оживленные связи с горцами, и чем отдаленнее было историческое время, тем прочнее были, по-видимому, эти связи. И действительно, факты подтверждают, что история установления дружеских связей адыгов с русскими (славянами) уходит своими корнями вглубь веков, к временам Киевской Руси и Тмутараканского княжества. Татаро-монгольское нашествие нанесло удар по русско-адыгским связям и на время отрезало народы Северного Кавказа от Руси.

Новый этап во взаимоотношениях горцев с Россией начинается с середины XVI в., после распада «Золотой Орды» и образования Русского централизованного государства. Именно в это время усиливается турецко-татарская агрессия против адыгов, которая, в свою очередь, приводила к ожесточенной борьбе последних про-

тив колонизаторов (например, восстание жанеевцев против турок и крымских татар в 1551 г.). Не будучи в силах самостоятельно сбросить иго султанской Турции и Крымского ханства, народы Кабарды и Черкесии вынуждены были обратиться за помощью к сильному северному соседу – России. Многочисленные исторические факты, содержащиеся в документальных источниках, убедительно свидетельствуют, что северокавказские народы, в том числе кабардинцы и западные адыги, с давних пор видели в России ту силу, которая надежно защитит их от кровавых и опустошительных нашествий иноземных агрессоров и поработителей.

3.10.3. Посольства адыгов в Москву: «Крест целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служить государю до своего живота»

В русских источниках самые первые сведения о черкесских князьях содержатся в летописных материалах, повествующих об адыгских посольствах в Москву в 1550-х гг. В течение 1552-1561 гг. между многими адыгскими владельцами и Московским государством происходит интенсивный обмен посольствами, ведутся переговоры о взаимной помощи и поддержке, прежде всего военной (Дзамихов К.Ф., 2008).

В историографии принято считать, что причиной установления связей адыгов с Россией в 1550-х гг. была международная политика того времени – война между Турцией и Персией за Закавказье в 1548-1555 гг., набеги крымского хана на Русь и Северный Кавказ, восточная политика Русского государства, «особенно присоединение к России Казанского и Астраханского ханств». При этом непосредственным поводом для первого «черкасского» посольства в Москву являлся, очевидно, поход крымского хана против мятежных жанеевцев, совершённый в 1551 г. (Пчелов Е.В., 2007. С. 11).

3.10.3.1. Первое посольство: «Приехали к государю черкасские князья бити челом, чтобы их государь от крымского царя оборонил»

Ожидает нас немалый путь и нелегка дорога...

Данте. «Божественная комедия»

Утлүмэ уз, узымэ уцымылэжсь напкI – «Двое в согласии – едины и сильны, а один – все равно, что его нет».

Адыгская пословица

Первые связи адыгских княжеств с Московским государством установились в середине XVI в. и были вызваны продвижением России на восток за счет присоединения Поволжья (Казанское и Астраханское ханства) и выходом к землям Северного Кавказа. Сначала к русскому царю обратились князья западно-черкесских народов: жанеевских, бесленеевских и абазинских «черкасов», с просьбой принять их под своё покровительство и защитить от крымского хана (Пчелов Е.В., 2007).

Самое первое посольство адыгских племен прибыло в Москву к царю Ивану IV Грозному в ноябре 1552 г. По сообщению Никоновской летописи, в 7061 г. (1552 г. по нашему календарю) «...приехали к государю и великому князю черкасские князья Маашук-князь (Машуко, Машук Кануков), да князь Иван Езбозлуков (Езбобуев), да Танащук-князь (Танащук) бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился за них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил». Возглавлявшие посольство князь Маашук Кануков был бесленеевским владельцем, Иван Езбозлуков – абазинским, а Танащук, как видно из контекста и этого, и последующих посольств, – был западночеркесским князем. Они просили принять адыгов и абазин в русское подданство и оказать помощь в борьбе с Крымским ханством. Здесь важно подчеркнуть, – пишет Е.В. Пчелов (2007), – что главной просьбой западночеркесских князей была защита их от крымского хана. Иначе говоря, северокавказские соседи просили от России прежде всего военной помощи в обмен на то, чтобы государь «их з землями взял к себе в холопи», т. е. принял их на свою службу, прежде всего военную. В случае удовлетворения просьбы черкесские князья становились вассалами русского царя. По-видимому, первоначально, этот вассалитет не оформлялся какими-либо документами (типа «шертных записей»).

Дополняет эту информацию О.Л. Опрышко (2007). Как пишет историк, в октябре 1552 г. колокольным звоном всех церквей и соборов Москва возвестила о взятии Казани, а менее месяца спустя белокаменная столица Руси встретила посланников из далекой «Черкасской земли». В те ноябрьские дни москвитяне впервые увидели на своих улицах людей из страны «Черкас пятигорских». Иван IV принимал гостей в Грановитой палате Кремля, служившей для приемов иностранных посланников, заседаний и торжественных обедов. По обычаю того времени, послы «черкасские», прежде чем сказать свое слово, преподнесли ему дары – кольчугу со шлемом, саблю, дорогое конское снаряжение, яркий восточный наряд из персидской парчовой ткани. Адыгские послы, представлявшие свои княжеские владения, рассказывали царю о том, что турки и крымцы разоряют их земли, опустошают поселения, убивают и угоняют в рабство юношей и мужчин, забирают в гаремы женщин и девушек. Князья «били челом», и старший из них Машуко Кануков обратился к царю Ивану Васильевичу с просьбой принять их земли со всем населением в подданство могущественной Руси и защитить от захватчиков.

Черкесские князья задержались в Москве до середины 1553 г. Они ходили в поход с Иваном Грозным на «государевы уkraine», а после известий о крымском набеге «на Черкасы» были отпущены на родину.

Как свидетельствует летопись, в августе 1553 г. государь «...черкасских князей отпустил по их челобитию в Черкасы, и крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служить государю до своего живота: куды их государь пошлет на службу, туды им ходити» (крестоцелование, по мнению историков, может свидетельствовать, что среди адыгов тогда сохранялось христианство).

Вместе с адыгскими князьями царь отправил «в Черкасы» своего посла, дьяка Посольского приказа Андрея Фёдоровича Щепотьева с двумя сотнями конных воинов. Он получил наказ на месте узнать об обстановке и положении дел – «правды их видети», выяснить силы, стоявшие за сближение с Русью (Пчелов Е.В., 2007; Дзамихов К.Ф., 2008).

Почти два года пробыл на Северном Кавказе Андрей Щепотьев. Он видел разоренные турками и крымцами поселения, слезы матерей, потерявших своих детей, горе вдов, мужья которых пали в неравных боях за свободу. Щепотьев сумел встретиться и познакомиться не только с теми, кто стоял за дружбу и союз с Россией, но и с ее противниками, ставшими на сторону Турции и Крыма. Одни князья принимали его с радостью, другие сдержанно или даже враждебно. Да это и понятно, ведь не для всех русский посланник был желанным гостем. Но зато там, где дьяка Посольского приказа встречали дружелюбно, он во всей полноте познал радушие кабардинцев и черкесов, их готовность отдать для гостя все самое лучшее, готовность не только его принять, накормить и дать кров, но и защитить от врага, даже ценой собственной жизни (Опрышко О.Л., 2007).

Известие о приезде адыгских послов в Москву вызвало в 1553-1554 гг. разрушительное нашествие крымского хана Девлет-Гирея (Давлет-Гирея) на пятигорских черкесов, после которого он хвастливо писал польскому королю Сигизмунду, что вернулся из похода на пятигорских черкесов «з добычею великою». Из ответной грамоты польского короля видно, что этот поход был предпринят с целью «наказания» адыгских князей за их ориентацию на Россию. Король поздравил крымского хана с победой и завершил свое письмо словами: «И мы ся того сердечно веселим».

3.10.3.2. Второе посольство: «И царь пожаловал их великим своим жалованием, принял их под свою высокую руку»

Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, ...к народу рослому, все попирающему; землю которого прорезывают реки.

Книга пророка Исайи (18; 2).

И бити челом князья черкасские ото всей земли Черкасские, чтобы государь пожаловал, дал им помощь на Турьского и на Азов, и на Крымского царя, а они холопы царя..., с женами и с детьми вовеки.

Из русских летописей.

В августе 1555 г. вместе с Щепотьевым в Москву прибыло в составе 150 чел. второе посольство с крайнего запада Черкесии – из княжества Жанэ, которое в этот период являлось наиболее сильным в военном отношении в Черкесии. Как видно из дипломатической переписки, в столицу приехали «князи черказские от всей земли Черказские», а точнее, от западноадыгских племён («жаженьские черкасы», т. е. жанеевские черкесы). Во главе делегации был старший князь Жанетии Сибок, его сын Кудадек, брат Сибока Ацымгук, а также абазинский князь Тутарыка Езбозлуков (Езбозлуев). В историографии высказывается вполне обоснованное мнение, что это второе посольство представляло через посредство жанеевских князей значительную часть феодальных домов Западной Черкесии от Тамани до Верхней Кубани (Хотко С.Х., 2007. с. 10-11).

Андрей Щепотьев в присутствии членов царского двора и адыгских послов сообщил царю Ивану IV о том, что они «дали правду *всею землею* (т. е. в принесении присяги участвовали не только князья и дворяне, но и народ. – **Авт.**) быти им неотступным от царя и великого князя и служить им в веки, как им государь велит». Получив от А. Щепотьева столь обнадеживающие данные, царское правительство решило оказать помощь адыгам, приняв их в российское подданство.

Посольству было оказано должное внимание. Тутарык и Кудадек по их челобитью были крещены, получив соответственно христианские имена Ивана и Александра. Адыгским народам была обещана помощь против их врагов: «И царь пожаловал их великим своим жалованием, принял их под свою высокую руку», и черкасским князьям «во свои им земли учинил отъезд и приезд добровольный». Русское правительство заверило послов, что оно будет оборонять адыгов от Крымского ханства. но в отношении Турции Иван IV не захотел дать каких-либо гарантий и сослался на то, что «турский солтан в миру со царем и великим князем», и он не может открыть военные действия против него.

Следует отметить, что, привечая адыгов, Россия решала при этом и свои внешнеполитические проблемы – прежде всего противодействия агрессии Крымского ханства. В результате успешного посольства А. Щепотьева царизм заручился поддержкой части адыгов в борьбе с Крымом. Уже тогда в официальной переписке прямо указывалось: «И бити челом князья черкасские ото всей земли Черкасские, чтобы государь пожаловал, дал им помощь на Турьского городы (т. е. против турок) и на Азов, и на иные городы, и на

Крымского царя, а они холопы царя..., с женами и с детьми вовеки». Помогая черкесам, Россия таким образом приобретала союзников, живущих буквально под самым Крымом и в непосредственной близости от турецких крепостей («История Кубани...», 2004).

В результате этих переговоров было достигнуто соглашение о службе адыгов Русскому государству и подтверждена помощь со стороны России в борьбе адыгов с крымскими ханами и Турцией.

3.10.3.3. Третье посольство: «Бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служитьи...»

Посольство 1557 г. подвело итог всем предыдущим дипломатическим усилиям черкесов и включило в союз с Россией всю страну адыгов от Тамани до Дагестана.

С.Х. Хотко (2007).

В результате указанных посольств был заключен взаимовыгодный для адыгских народов и Московского государства военно-политический союз, который положил начало процессу тесного сближения адыгов с Россией.

К.Ф. Дзамихов (2008).

Для того, чтобы окончательно закрепить союз с Россией, Темрюк Идаров в июле 1557 г. снарядил еще одно (третье) посольство в Москву. К тому времени Темрюк являлся верховным князем (*пишивалием*, *пицыхуэ*) Кабарды. В качестве своего посла Темрюк выбрал мурзу Кавкльча (Канкльча) Канукова, вероятно, принадлежавшего к роду бесленеевских князей, что может свидетельствовать о подчинении Бесленеевского княжества верховной власти Кабардинского *пицыхуэ*. Послы прибыли с просьбами о помощи и конкретными предложениями о военном сотрудничестве (Пчелов Е.В., 2007. С. 13).

Никоновская летопись так сообщает об этом событии: «Приехали князья черкасские служитьи государю: Маашук-князь (Машуко) Кануков, да Себок – князь Кансауков, да Чюгук-мирза, да Тохта-Мурза, да Татар-мурза со своими дружинами, ... и царь их пожаловал и устроил их». Оба князя крестились: Маашук получил христианское имя Иван, а Сибок – Василий. Их крестильные имена соответствовали именам их сюзерена царя Ивана IV и его отца Василия III (напомним, что имя «Иван» носил и адыгский князь Иван Езбозлуков). В другом летописном своде этот же эпизод представлен следующим образом: «Того же году (1557), месяце июле, прислал из Асторохани [воеводы] Иван Черемисинов да Михайло Колупаев Васку Врыжского (Ваську Вражского) с черкасским мурзою с Кавкльчем (Канкльчем) Кануковым... А пришел [он] от братии, от кабартыньских князей черкасских, от Темрюка да от Тазрюта-князя *бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служитьи и в холопстве [подданстве] их учинил*, а на Шевкал (правитель Дагестана. – Авт.) был им государь пожаловал, астороханским воеводам велел помочь учинити. Да говорил Кавкльч-мурза Черкасской: только их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов так же, как их братью пожаловал, черкасских жаженских [жане] князей Машука и Себока с братьею с их, и с кабартыньскими черкасы в одной правде и в заговоре Иверский князь и вся земля Иверская (Восточная Грузия. – Авт.) и государю с ними же быют челом, чтоб государь царь и великий князь их потому же пожаловал, как и тех всех» (Опрышко О.Л., 2007; Пчелов Е.В., 2007. С. 13).

Иван IV принял посла Канкльча Канукова в Золотой Грановитой палате, недавно отстроенной итальянскими мастерами. В торжественной тишине придворные приняли у кабардинских посланников и поднесли к царскому месту богатые дары, привезенные государю всея Руси Ивану Васильевичу от князя Темрюка: знаменитые доспехи – «черкасские пансыри», сабли и кинжалы из дамасской стали, ковры азиатские, золотые восточные кубки и громадные туры рога, оправленные в серебро и золото с драгоценными камнями.

Посольский дьяк Андрей Щепотьев перевел царю речь Канкльча: «Главный князь Кабарды Темрюк Идаров прислал к тебе, государь, мурзу своего с дарами, бьет челом и просит принять Кабардинскую землю, с ее лесами и реками, горами и равнинами, в твоё, государево, подданство и охранять ее от всяких недругов со всех сторон...».

Кабардинские князья передали Ивану Грозному и просьбу грузинского царя, чтобы он их пожаловал так же, как и всех черкесских князей. Русское правительство выдало адыгским послам соответствующую грамоту. Из нее видно, что кабардинские (черкесские) народы приняли подданство России на условии сохранения прав местных князей. Комментируя это событие, Е.В. Пчелов (2007, С. 13) отмечает, что «...появление в царском титуле кавказских объектов имеет принципиально важное значение, как свидетельство того, что русско-грузинские и русско-кабардинские отношения развивались параллельно и взаимосвязано». Тот памятный июль 1557 г. и считается в истории исходной датой, когда Кабарда встала под защиту и покровительство Российского государства как союзница в борьбе с общими врагами. Примечательно, что только за 10 последующих лет (1558–1567 гг.), как свидетельствуют летописи, в ответ на посольство Темрюка в Москву у него около шести раз бывали русские послы и около четырех раз ему была оказана военная помощь (Опрышко О.Л., 2007; Дзамихов К.Ф., 2008).

Завершая обзор первых адыгских посольств в Москву, С.Х. Хотко (2007) отмечает, что «...посольство 1557 г. подвело итог всем предыдущим дипломатическим усилиям черкесов и включило в союз с Россией всю страну адыгов от Тамани до Дагестана (современная плоскостная Чечня в этот период была заселена кабардинцами и составляла важнейшую часть владений Темрюка). Более того, дата, очевидно, имеет отношение ко всем горским народам Центрального Кавказа – осетинам, ингушам, балкарцам и карачаевцам, а также к части чеченцев. Феодальная Кабарда объединяла все эти народы, и политический выбор кабардинцев автоматически распространялся на все вассальные территории».

Принятие русского подданства или признание сюзеренитета русского царя в целом способствовали усилению региональной мощи Кабарды и Западной Черкесии. Политически и в смысле феодального права российский сюзеренитет через Темрюка и его потомков распространялся на все население Центрального Кавказа. В этом плане 1557 г. – дата актуальная не только для адыгской истории, но и для большей части Северного Кавказа (Хотко С.Х., 2007. С. 10-11).

3.10.3.4. Новые посольства: «Служити им государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и навеки быти неотступным»

Камбулат Идарович «з братьею и з детьми и с племянники» дали шертную запись, «что служити им государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и ево царевичю князю Ивану Ивановичу, навеки быти неотступным».

Е.В. Пчелов (2007).

1563 г. Очередное посольство адыгов в Москву состоялось в 1863 г., – брат Марии Темрюковны «Матлов-князь» приезжал, по поручению князя Темрюка Идаровича, к русскому к государю с просьбой о строительстве крепости в низовьях Терека, предназначенной для охраны северокавказского пути, который вёл в Закавказье. Крепость была построена, но вскоре по требованию Крымского ханства и стоявшей за ним Османской империи, была снесена. Впрочем, ликвидация Терского городка не уберегла Русское государство от похода крымского хана на Москву в мае 1571 г. На несколько лет в отношениях России с Кабардой наступил перерыв.

1578 г. Новое кабардинское посольство в Москву («ото всее Черкасские земли») прибыло лишь в начале 1578 г. Его возглавлял старший кабардинский князь Камбулат (в русских текстах Канбулат) Идарович, брат Темрюка (которого уже не было в живых). Посольство было вызвано возобновлением ирано-турецкой войны и стремлением Ирана и Турции овладеть северокавказским путём. Посольство просило царя взять кабардинских князей «под свою царскую руку», «оберегать ото всех недругов», поставить город на Терке-реке и послать туда воеводу и людей «с огненным боем», чтобы в том городе от недругов «мочно быти безстрашным».

Князю Камбулату была выдана жалованная «большая» грамота с царской золотой печатью «как в нашем жалованье всей Черкасской земле быти». Камбулат Идарович «з братьею и з детьми и с племянники» дали шертную запись, «что служити им государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и ево царевичю князю Ивану Ивановичу, навеки быти неотступным». Новый Терский город был построен воеводой Лукой Захарьиным Новосильцевым, но и он просуществовал недолго (Пчелов Е.В., 2007).

Оценивая значение посольств адыгских князей в Москву, С.Х. Хотко (2008) подчеркивает: «Адыгские посольства к Ивану IV являются одним из самых важных политических событий в истории региона в XVI в. Для Московского царства политические контакты с князьями Черкесии были важны как в плане организации противодействия крымскому натиску, так и с точки зрения признания его авторитета на международной арене».

1588 г. Новый этап в истории кабардино-русских отношений начался в конце 1580-х гг. и имел принципиальное для русской стороны значение. Как отмечает Е.В. Пчелов (2007), спорадические (греч. *sporadikos* – «единичные, случайные») связи, казалось, уступали место более основательным действиям. 4 января 1588 г. в Москву приехали кабардинские князья Мамстрюко (Мамстрюк) Темрюкович (брат царицы Марии) и его двоюродный брат Куденет (Куденек-мурза) Канбулатович из рода Идаровых

20 января 1588 г. они были приняты в Золотой Грановитой палате царем Федором Ивановичем – его Темрюкович помнил еще 8-летним ребенком: «И генваря в 20 день... Мамстрюк-князь да Куденет-мурза государю били челом, чтобы их государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своем государеве жалованье во обороне от их недругов по тому ж, как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его государев, блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси». И велел бы государь для их обороны от турецкого [султана] и от крымского [хана] на Терке город поставить (взамен ранее снесенного по настоянию крымских ханов и Турции. – **Авт.**). А они государю учнут служить всякие его государевы службы... А к иному государю, к Крымскому, и к Турскому, и к Шавкальскому, и к иным не пристанут, а учнут жить в государевом Терском городе перемещаясь...». Причём, предполагалось, что в этом городе будут попеременно находиться от князей аманаты, оставленные «в заклад» (Пчелов Е.В., 2007).

Правительство царя Федора Ивановича обещало помогать кабардинцам в их борьбе с врагами, как это делалось и при Иване IV. В начале того же 1588 г. воеводам во главе с Андреем Ивановичем Хворостининым было дано указание возвести на берегах Терека два укрепления. После царского приема послы и их уздени, по давней установившейся традиции, «жаловались» подарками. В документах Посольского приказа сказано, что князь Мамстрюк получил 50 руб. деньгами и шубу соболью, его двоюродный брат Куденет – 30 руб. с шубой, а остальные 35 чел. их свиты по 3–4 руб. и по «сукну доброму» на кафтаны (Опрышко О.Л., 2007).

25 июля 1588 г., за несколько дней до своего отъезда, Мамстрюко и Куденет были приведены от имени «Канбулата-князя и ото всех кабардинских черкас» к шертной записи – клятве «по своей вере по мусульманскому закону»: В ней говорилось, что царь взял кабардинских князей «под свою царскую руку и во оборону ото всяких недругов». «И нам, Канбулату-князю, и братье нашей Думануку-князю и всей братье нашей и детям нашим и племянником и всем нашим лутчим людям со всею Кабардою черкасскою государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси служить, и от государя царя и великого князя быти нам всем неотступным и до своего живота...». Таким образом, шертная запись давалась от «всей Черкасской земли».

В этом уникальном документе – своеобразной присяге адыгов на верность русскому государю, также говорилось: «И нас, Канбулата-князя, и меня, Мамстрюка-князя, и Куденека-мурзу, и всех братью нашу и племянников царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси пожаловал, взял нас под свою царскую руку и во оборону ото всяких наших недругов... А хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси друг, тот и нам будет друг, а хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси недруг, тот и нам будет недруг, и на того нам со государевыми воеводами с астраханскими и с терскими воеводами с ратными людьми ходити и приводити во государеву волю... Также которые недруги, Турского рать и Крымской или иные которые недруги, пойдут ко государеве вотчине к Астрахани или к Терскому городу, и нам будучи в Терском городе со государевыми воеводами за город стояти и битись с ними досмерти и государевых воевод не выдати и хитрости и оману [обману] над государевыми воеводами и над ратными людьми и над городом хитрости некоторые не учинити. Также, коли государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велит нам идти на которого своего недруга, на Литовского или в Немцы, и нам и нашим братьям и детям идти на государеву службу, колким коли государь велит идти на свою государеву службу...».

В «шертной записи» от имени участников посольства говорилось, что князья Камбулат, Мамстрюк, Домонуко, все их братья, племянники и дети отныне, сменяя друг друга, будут жить в новой Терской крепости и участвовать с ее воеводами в походах на «недруга на всякого заодно» (Опрышко О.Л., 2007).

Этот документ имел принципиальное для русского правительства значение. Если раньше кабардинские князья становились лишь вассалами царя (в большей степени в индивидуальном порядке), а попытки России установить определённое влияние в Кабарде успеха не имели, то теперь речь шла об установлении протектората над всей Кабардинской землёю. Этот протекторат не предполагал установления жёсткого контроля над внутренними делами Кабарды, выплаты кабардинцами каких бы то ни было налогов (дани, «поминок» и т. п.) в царскую казну, ликвидации местного самоуправления (княжеств и самобытной политической системы), вмешательства в социальную, религиозную или культурную жизнь Кабарды и уж тем более включения кабардинской земли в состав Русского государства. Этот документ свидетельствует еще и о том, что договоренности между Кабардой и Россией возникли и действовали не как единовременный акт. Они вырабатывались и складывались постепенно, в течение двух-трех десятилетий, и не только в ходе переговоров и подписания соответствующих соглашений, но и в практике боевого содружества. («История многовекового...», 2007).

Принципиально важными были следующие моменты:

1. Приведение к шерти, т. е. к присяге на верность как можно большего числа кабардинских князей, а в идеале и всей Кабарды;

2. Ограничение внешней политики Кабарды интересами Русского государства («не приставати» к крымскому хану; турецкому султану или иным властителям). В связи с этим помощь Кабарде против её внешних врагов. В обмен на помощь кабардинские владетели при необходимости должны были участвовать в военных походах Московского царства.

3. Строительство форпостов России в кабардинской земле для контроля над важнейшим северокавказским путём, шедшим в Закавказье и Дагестан и над выполнением условий шерти со стороны кабардинских князей, а в случае необходимости и для военной помощи кабардинцам. При этом залогом верности князей царю должны были стать аманаты.

4. Контроль над выборами верховного (большого) князя Кабарды и утверждение этого выбора (или даже назначение пшышхуэ). В реальности это осуществить оказалось невозможным, и фактического воплощения это стремление русского правительства не получило.

Таковы были характерные черты протектората России над Кабардой, предполагавшиеся и проводившиеся в жизнь русским правительством (Пчелов Е.В., 2007).

Шертная запись на верность русскому царю, принятая в июле 1588 г. кабардинскими князьями во главе с верховным князем (пшышхуэ) Камбулатом Идаровичем за всю «Черкасскую Кабардинскую землю», установившая протекторат России над Кабардой, в какой-то степени ограничивала внешнюю политику Ка-

барды общими интересами московского царя и кабардинских князей, но, одновременно, сохраняла местное самоуправление, законы и обычаи горцев.

Русско-кабардинские связи в это время развивались параллельно с установлением отношений с Кахетинским царством (Иверией), поскольку путь в Закавказье лежал через земли Кабарды. В сентябре 1587 г. кахетинский царь Александр признал протекторат России над Кахетией – «Иверской землёй» (Пчелов Е.В., 2007).

После принесения присяги от царского имени «Черкаские земли начальнику» князю Канбулату Идаровичу и другим князьям («и всея Кабардинские земли князем и мурзам») была дана царская жалованная («жаловальная») грамота с золотою печатью (июль 1588 г.). В ней вновь подтверждалось, что «мы, великий государь царь и великий князь Федор Иванович... всея вашу Черкасскую землю Кабардинскую по вашему челобитью пожаловали есмя, взяли в свое царское жалованье под свою царскую руку и хотим вас держати всея Черкасскую землю под своею царскою крепкою рукою [в службе и во обороне]...». Далее в жалованной грамоте перечислялись условия, на которых осуществлялись взаимоотношения Кабарды и России.

В начале августа 1588 г. князья были отпущены домой. Одновременно были отпущены и послы «черкаских князей» Шолоха, Алхаса и Ших-мурзы (с послами были посланы князьям соответствующие грамоты). К этому времени (весной 1588 г.) воевода Михаил Иванович Бурцов с царскими стрельцами и казаками уже построил новый Терский город – своеобразный форпост русского государства на Северном Кавказе (Опрышко О.Л., 2007). Он находился на другом месте, нежели прежде в устье Терека, на протоке р. Тюменке (поэтому иногда именовался «Тюменским острогом»). Это уже было его окончательное местоположение. Далее начали устанавливаться отношения и с другими черкесскими князьями.

В 1589 г. скончался верховный князь Камбулат Идарович, и в Кабарде случилось замешательство; следующим пши-валием (*пшылихуэ*) стал Исламбек (Асланбек) Кайтуков (Кайтукин), который тоже вскоре умер, после чего правителем стал его брат Янсох (Жансох).

О смерти Камбулата воевода князь А.И. Хворостинин узнал в конце мая 1589 г., а уже 2 июня он привёл к шерти трёх сыновей князя Камбулата и тлекотлеша Хоту Анзорова, пользовавшегося большим влиянием в Кабарде. После чего «горские черкаские князи» сыновья Камбулата, Мамстрюк Темрюкович и «почтенный человек Хотов Анзуров» направили царю челобитную, в которой сообщали о смерти Камбулата и уверяли, что «от тебя, государя царя, мы, холопы твои, безотступны до своей смерти и хотим тебе же, царю государю, служить, как отец наш тебе, царю государю, при своем животе прямил и служил... И как, государь, зима пристанет, и ты б, государь царь, дал нам своих государевых воинских людей, стрельцов и казаков, а воевати твоих государевых непослушников-черкас, которые тебе, государю, не прямят и не служат, и кумычан, которые тебе, государю, не прямят же» (Пчелов Е.В., 2007).

3.10.4. «Вместе одолеть врага»: боевое содружество русских и адыгов

3.10.4.1. «Строительство крепости на р. Сунже значительно повысило политическую роль княжества Темрюка Идарова...»

Божьим изволением излюбив, взяли есмя у кабардинского князя у Темрюка Айдаровича дочь его за себя, и кабардинские князи нам служить учили, и по челобитью князя Темрюка и всех кабардинских князей в их вотчине поставили город на Терке на реке по нашему приказу...

Царь Иван Грозный – султану Селиму II (1570).

В январе 1568 г. Иван IV в грамоте крымскому хану Девлет-Гирею главным аргументом... выдвигалось то обстоятельство, что он построен «по Темрюкову – князюму челобитью... для его береженья... на его земле».

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006)

Прежде всего, хотелось бы напомнить предысторию строительства крепости на р. Сунже – Терского города. Пространство земли между устьем Терека и Сунжи было не просто местом, где компактно проживали отдельные группы адыгов, а территорией, которая входила в состав Кабарды и в то же самое время находилась под суверенитетом могущественного княжества Идаровых («Идареевой Кабарды»). Это своеобразное государство в государстве в течение полувека определяло внешнеполитический курс Кабарды, стало инициатором заключения в 1557 г. военно-политического союза с Россией и тем самым вовлекло в орбиту ее влияния соседние народы. Необходимость военной защиты от Турции, Крымского ханства, Ирана, Шамхальства Тарковского и ногайцев, а также от внутренних врагов в лице князей Кайтукиных, придерживавшихся прокрымской ориентации, вынуждает великого князя Кабарды Темрюка Идарова обратиться с просьбой к московскому царю Ивану IV о строительстве крепости в районе впадения р. Сунжи в Терек. Строительство ее началось в 1563 г., а завершено в 1567 г.; при этом она получила название «Терский город».

В январе 1568 г. Иван IV в грамоте крымскому хану Девлет-Гирею главным аргументом, доказывающим право основания города в данном месте, выдвигалось то обстоятельство, что он построен «по Темрюкову – князюму челобитью... для его береженья... на его земле» (курсив наш. – Авт.).

Посол в Турции И.П. Новосильцев в июле 1570 г., отвечая на вопросы великого визиря Мухамеда Соколли, очерчивает территорию княжества Темрюка Идарова следующим образом: *«А та земля изстари была от Кабарды от Темрюкова юрта по Терке по реке и до моря его, Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил... а не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темрюка никто»* (курсив наш. – Авт.).

Дополняют информацию о предыстории и истории строительства этой крепости исследования Е.В. Пчелова (2007). Как отмечает историк, для охраны «перевоза» на главном северокавказском пути, который вёл в Закавказье, по просьбе Темрюка Идаровича в его «вотчине», т. е. на его земле, русское правительство построило крепость («город») на левом берегу р. Сунжи, недалеко от её впадения в Терек, взяв таким образом этот важнейший путь под свой контроль. Одновременно крепость была форпостом русского присутствия на Северном Кавказе в ней имелся русский гарнизон и назначался воевода. С просьбой об этом в Москву приезжал брат Марии Темрюковны «Матлов-князь».

Крепость называлась Терки, или Терский город. Её появление стало серьёзным шагом в продвижении России на юг. Но возведение Терки вызвало крайне негативную реакцию Крыма и стоявшей за ним Османской империи, и в конечном итоге в начале 1571 г. крепость пришлось снести.

В дипломатической переписке по этому поводу встал вопрос о взаимных правах на северокавказские земли. Турецкая сторона подчёркивала, что «то все земля, Черкасы и Кумыки и Крым-шевкалы, государя нашего, и вера наша ж», а турецкий султан Селим II в июле 1570 г. писал Ивану Грозному: «И нашего величества князи наши холопи Кабардинские земли искони вечные наши бывали, а ныне в Кабардинской земле город поставлен, и которые из Астороханские земли кипчажские и иные земли мусульманы к нам приезжали в наши страны, а ныне на той дороге стоят твоего величества люди, и потому к нашему величеству к. странам нашим не ездят, что там поставлен город, И для того от нашего величества крымской царь Девлет-Кирей (Девлет-Гирей. – Авт.) и иные многие князи холопи наши не со мною ратью ходили».

Русский царь, не желая обострять отношения с султаном, отговаривался незнанием: «Божьим изволением излюбив, взяли есмя у кабардинского князя у Темрюка Айдаровича дочь его за себя, и кабардинские князи нам служить учили, и по челобитью князя Темрюка и всех кабардинских князей в их вотчине поставили город на Терке на реке по нашему приказу, и астороханские воеводы из наши отчины из Асторохани людей наших посылали в тот город, чтоб Темрюку-князю от его недрузей быти сбережнее. А того у нас и до твоей, брата нашего, грамоты слуху не было, что черкасы пятигорские твоему царьству прикладны были, и только бы нам о том ведомо было, и нам было про что на том месте город ставити, а с тобою, братом нашим, недружбу вести» (Пчелов Е.В., 2007).

Строительство крепости на р. Сунже значительно повысило политическую роль княжества Темрюка Идарова как внутри Кабарды, так и на всем Северном Кавказе. Через Идаровых, в «вотчине» которых была построена эта крепость, Россия стала контролировать «Астраханский путь», идущий из Центральной Азии на Ближний Восток и в Закавказье. Тем самым княжество Идаровых стало мощным препятствием, сдерживающим агрессию Турции и Крымского ханства на Кавказе. В 1569 г. эти государства организовали крупнейший военный поход против Астрахани, стремясь взять реванш за падение Астраханского и Казанского ханств, открыть путь в Центральную Азию и одновременно создать плацдарм для нанесения удара через Дербент по Сефевидскому Ирану. Но он не достиг своей цели. Значение княжества Идаровых было продемонстрировано в разгроме отступавших турок и крымцев. (В отместку за неудачу Астраханского похода Девлет-Гирей в 1570 г. сжег Москву.) (Кажаров В.Х., 2006).

По настоянию турок, как было отмечено выше, Терский город был снесен. Но причины, побудившие к строительству этой крепости, сохранялись. Для России по-прежнему была актуальной задача защиты своих южных рубежей путем расширения сфер влияния на Северном Кавказе, а для Кабарды – обороны от агрессии со стороны Крыма и Турции. В июле 1588 г. по поручению «большого князя» Кабарды Камбулата Идарова его племянник Мамстрюк Темрюков и сын Куденек Камбулатов, уполномоченные им в качестве послов, просили московского царя «для их обороны от Турского и от Крымского на Терке город поставити». В результате переговоров Камбулату Идарову и «всей кабардинской земле» была дана жалованная грамота царя Федора Ивановича, в которой он велел «на Терке-реке, на устье Терском... город поставити» (Цит. по: Кажаров В.Х. 2006).

Основание «Терского города» в устье Терка по просьбе самих же кабардинцев говорит о том, что именно здесь проходили восточные рубежи Кабарды. В противном случае их просьба во всех отношениях выглядела бы абсурдной. Но почему «большой князь» Кабарды не просит построить на западе страны: к примеру, на Куме, в районе Пятигорья, на Малке или Баксане? Эти места располагались ближе к владениям, находившимся под протекторатом Крыма, и, на первый взгляд, могли быть успешно использованы в качестве первого и основного эшелона обороны при его нападениях.

Нужно, однако, учитывать, что Кабарда и во второй половине XVI в. не являлась централизованным государством, в котором строительство оборонительных сооружений и их структура могли диктоваться соображениями общей и равной безопасности для всех подданных. Указанная территория принадлежала потомкам князя Кайтуки Бесланова, которые в основном (несмотря на эпизодические и во многом формальные изъявления лояльности к Москве) придерживались прокрымской ориентации. В этих условиях стремление

Идаровых возвести город-крепость во владениях своих противников лишалось бы всякой политической логики и военно-стратегической целесообразности. Остается только одно объяснение: они, прося московского царя от имени «всей кабардинской земли» построить крепость в устье Терека, и как бы защищая интересы всей Кабарды, на самом же деле были обеспокоены положением своего княжества, оказавшегося одновременно под ударами с запада – Крымского ханства и князей Кайтукиных, с севера – ногайцев, а с юга – Шамхальства Тарковского. Этот мотив главенствует во всех их челобитных по данной проблеме.

И если бы место основания крепости не находилось в их владениях, то, как уже отмечалось, их просьба о ее постройке теряла бы всякий смысл. Рассуждая от противного, какой был смысл им просить о ее возведении не в своем княжестве, а в Шамхальстве Тарковском, от которого они, кстати, собирались обороняться с ее помощью? Еще более абсурдной представляется просьба о ее строительстве на территории ногайцев. Ничейной же земли в этом стратегически важном районе, где сталкивались геополитические интересы различных государств и народов, попросту и быть не могло. И то обстоятельство, что Идаровы просили построить ее именно в устье реки Тюменки (протока дельты Терека) красноречиво говорит о том, кому принадлежала эта территория.

Возведение города-крепости на восточных рубежах княжества Идаровых и на максимальном удалении от Крыма делало его легко доступным для России (как с моря, так и с суши), которая этой по существу военной базой положила начало своему продвижению на Кавказ (Кажаров В.Х., 2006).

3.10.4.2. Ливонская война: «хороший пример боевого содружества русских и адыгов»

В лето 7066-го разгневался царь и великий князь Иван Васильевич на ливонские немцы и послал на них рать свою, царя Шихаля и воевод со множеством воинства князей и детей боярских и черкасы пятигорские и татары и черемиса...

Из Псковской летописи Псково-Печерского монастыря (1558).

Западно-черкесские и кабардинские феодалы со своими отрядами принимали участие во многих войнах России с другими государствами: в Ливонской войне (1558-1583), в войнах с Крымским ханством, с Османской империей и др.

А.В. Кушхабиев (2007).

Хорошим примером боевого содружества русских и адыгов стало участие последних в Ливонской войне. В начале января 1558 г. Россия начала войну с Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю и возвращение русских земель, захваченных немецкими «псами-рыцарями» три столетия назад. 40-тысячная армия, в которой вместе с русскими людьми находились кабардинцы, черкесы, казанские татары, мордва и чуваша, перешла западную границу и стала успешно продвигаться вперед, занимая города и села Ливонии. По свидетельству летописи, в октябре 1558 г. царь направил к ливонскому замку Рынголу (Рингену), находившемуся во владениях дерптского епископа, среди других отрядов и дружины черкесских князей бесленевского Ивана (Маашука) Канукова и жанеевского Василия (Сибока) Кансаукова, которые выступили в передовом полку. «А велел воеводам (царь) съезжаться в передовой полк ко князю Ивану Маашику Черкасскому». Под предводительством своих князей Сибока и Маашука адыги с русскими ратниками участвовали во взятии 20 замков и при этом, как отмечают русские летописи, проявили «доблесть великую». По словам военного историка В.А. Потто, кабардинцы отличились в Ливонской войне «при взятии г. Мильтена и, в особенности, при осаде города Дерпта, под которым они совместно с русскими войсками наголову разбили немецкую конницу, пытавшуюся сделать вылазку из города» (Пчелов Е.В., 2007. С. 17).

Вместе с тем, по мнению Т.М. Кармова (2006. Вып. III), вопрос о присутствии кабардинских всадников в русских войсках на первом этапе Ливонской войны до настоящего времени остается дискуссионным. Автор обращает внимание на то, что черкесы упоминаются в составе корпуса Шиг-Алея, однако были ли это кабардинцы – неясно. Доподлинно известно, что после женитьбы царя Ивана Грозного на дочери князя Темрюка Идарова в 1561 г. кабардинцы принимали активное участие в военных действиях в Прибалтике и на территории Великого княжества Литовского. Что же касается первых военных лет (1558-1560), то мнения исследователей по этому вопросу различны. Из всех сторонников «присутствия» в Ливонской кампании восточночеркесских всадников обстоятельней высказался В.Б. Вилинбахов: «С самого ее начала в составе русской действующей армии находились отряды кабардинских князей. ...В декабре армия двинулась к Пскову под командованием царя Шиг-Алея, воеводы князя М. Глинского, брата царицы – Данилы Романовича и других военачальников. В одних рядах с русскими ратниками шли татары, черемисы, мордва и «черкасы пятигорские». Аналогичной точки зрения придерживаются С.К. Бушуев, Т.Х. Кумыков и Е.Н. Кушева (Кармов Т.М., 2006. Вып. III).

Н.И. Костомаров в своей книге «Ливонская война» (1865) также определенно говорит об участии кабардинцев в русских войсках в начале войны и ссылается на псковские летописи. Он не уточняет, какие

именно черкесы участвовали во вторжении, но, рассказывая о втором зимнем походе 1559 г. отмечает «пятигорских черкесов». Строевский список Псковской летописи Псково-Печерского монастыря о начале Ливонской войны сообщает следующее: «В лето 7066-го разгневался царь и великий князь Иван Васильевич на ливонские немцы и послал на них рать свою, царя Шихалья и воевод со множеством воинства князей и детей боярских и черкасы пятигорские и татары и черемиса. Второй зимний поход охарактеризован следующим образом: «...царь и великий князь Иван Васильевич на Немцы послал рать большую, князя Семена Ивановича Микулинского и иных многих воевод, тако же со множеством воинства, князей и детей боярских, и черкасы пятигорские, и царевич Тохтамыш, и татары, и черемиса...». Как видно из текста, пятигорские черкесы были и в первом, и во втором походе (Кармов Т.М., 2006. Вып. III).

3.10.4.3. «Черкасы все служат государю нашему»

И получили они помощь после того, как были угнетены...

Коран. Сура 26; 228.

Бэр эжъотымэ теклоныгъ – Боевое содружество – победа.

Адыгская пословица

В середине XVI в. союзнические отношения между адыгами и Русским государством заметно укрепились. Отныне кабардинцам вместе с русским и другими народами, населявшими страну, предстояло вести совместную борьбу с общим врагом, участвовать в походах, вместе радоваться победам и переживать неудачи. И обретали полный смысл и подлинное значение слова клятвы, данной сынами адыгской земли в Москве: «...служити государю до конца своей жизни, куда их государь пошлет на службу, туда им ходити» (Опрышко О.Л., 2007).

Специальные книги Разрядного приказа, ведавшего военными делами России, летописные источники, составленные во второй половине XVI в. и позже, дают нам немало сведений об участии кабардинцев и черкесов в походах русской армии.

1555 г. К этому времени, русско-адыгское боевое содружество уже не раз было проверено на деле. Известно, что уже в самом начале установления взаимоотношений, летом 1555 г., войско боярина Ивана Васильевича Шереметева (Шереметьева), было послано в степь навстречу войскам крымского хана, чтобы отвлечь от похода на кабардинцев крымского хана, уже переправившегося через Керченский пролив. В ходе этого сражения с крымцами русские понесли тяжёлые потери, но спасли адыгов от очередного разорения.

Есть достоверная информация, что уже в самом начале обмена посольствами, в 1555-1556 гг. на русской службе находился черкесский военный отряд в количестве 5000 чел. Воодушевленные поддержкой Москвы, войска адыгских князей Темрюка и Сибока двинулись против крымского хана и «...взяли два города – Темрюк да Тамань». Как здесь не вспомнить адыгскую пословицу: «Бэр эжъотымэ теклоныгъ – Боевое содружество – победа».

И позже русское правительство неукоснительно выполняло свое обещание о «береженье» черкесов от крымских татар. Когда в 1556 г. крымский хан снова пошел на пятигорских черкес, он узнал, что под Ислам-Керменем на Днепре появились отряды Ржевского, что также отвлекло его силы от покорения черкесов, – русские войска заставили татар вернуться в Крым («История многовекового...», 2007).

1557 г. В этом году расширились выезды черкесских князей на службу русскому государю. В Никоновской летописи этот момент был специально выделен и обозначен: «О приезде князей черкасских служити государю». В сообщении говорилось: «Того же месяца (т. е. в июне. – Авт.) приехали князи черкасские служити и о устрое бити челом и прокы себе, Машук-князь Кануков да Себок-князь Кансауков да Чюгук-мирза да Тохта-мурза да Татар-мурза – служил у Крымского, царю крымскому шурина, царя Давлит-Кирея болшаа царица сестра его родная и дочь Татзатык-мурза, – да с ними люди их... И царь и государь их пожаловал и устроил их...» (Дзамихов К.Ф., 2008).

1558 г. Исследователи отмечают, что русско-адыгское военное содружество обеспечило горцам определенную безопасность. Россия в трудной обстановке заступалась за своего нового союзника, оказывая ему всестороннюю помощь, как военную, так и дипломатическую. Чтобы обезопасить страну от возможного набега крымцев с юга, Иван IV отправил в заслон на Днепр несколько тысяч стрельцов и казаков под началом воеводы Дмитрия Вишневецкого. Как раз тогда украинские казаки высадились на днепровском острове Хортица, ставшем впоследствии центром знаменитой Запорожской Сечи, укрепились на нем и отсюда стали нападать на крымские кочевья. Вишневецкий, не теряя времени, ушел с полком на Украину.

Одновременно в Кабарду отправлялся Канклыч Кануков, получивший в Москве приказание собрать отряд кабардинцев, выйти с ним на Днепр и соединиться с посланными туда русскими ратниками. Вот одна из документальных записей за январь 1558 г., свидетельствующая о воинской службе посла князя Темрюка – Канукова: «...Того же месяца царь и великий князь отпустил на крымские улусы князя Д.И. Вишневецкого, да с ним черкасского мурзу кабардинского Канклыча Канукова государь отпустил в Кабарду в Черкасы, а велел им [кабардинцам], собрався, итти всем к князю Дмитрию же на помощь. А отпущены в Черкасы на Казань да на Астрахань судном, а из Черкас им итти ратью [к Вишневецкому] мимо Азова»... (Опрышко О.Л., 2007).

Войска князя Д. Вишневецкого, в составе которых находились адыги, активно действовали против татар в районе Перекопа, наведя страх на жителей ханства. В 1558-1559 гг. отряд Д. Адашева и Д. Вишневецкого успешно громил татар в Восточном Крыму. («История Кубани...», 2004). В том же 1558 г. русский царь приказывал ногайскому князю, чтобы он «черкасам лиха никакого не учинил». И позже, в грамоте крымскому хану Адиль-Гирею (1570 г.) русское правительство также указывало: «Черкасской земли не воевать».

1560 г. В феврале 1560 г. члены адыгского посольства в Москву князя Сибок и Машук были отпущены в Черкесию вместе с отправленным «в Черкасы» князем Д. Вишневецким. Совместные действия адыгов и отрядов во главе с русским военачальником создали серьезную угрозу на Северо-Западном Кавказе туркам и татарам. В этом же году, по просьбе кабардинских князей Иван IV посылает войско во главе с воеводой Иваном Черемисиновым в поход на дагестанского шамхала – давнего противника Кабарды. Одновременно делается все возможное, чтобы Темрюк мог одержать верх над своими политическими противниками из числа кабардинских и других северокавказских владельцев («История многовекового...», 2007).

1561 г. Действуя совместно с черкесами, Вишневецкий дважды осаждал Азов, планируя нанести удар по Крыму и центру османского присутствия в нем – Каффе. В начале 1561 г. объединенная русско-адыгская рать достигла Каффы, заставив встревоженных турок направить в регион флот (турки не сумели тогда высидеться в незнакомом месте и позорно отступили). Всего же в 1560-1561 гг. совместные адыгские и русские войска совершили несколько походов на Крым, нанеся татарам мощные удары. Это встревожило Турцию, которая была вынуждена подготовить войска для защиты Крыма. (Пчелов Е.В., 2007. С. 12-13).

1562 г. В сентябре 1562 г., уже после женитьбы на Марии Темрюковне, в связи с обострившейся ситуацией в Кабарде, грозившей смещением Темрюка, Иван IV направил туда «посольством» Григория Семёновича Плещеева, вместе с которым из Казани и из Астрахани было отправлено 500 стрельцов, во главе с Григорием Вражским, и 500 казаков. «А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куцы его Темрюк-князь учнет посылати».

Воспользовавшись этой поддержкой, Темрюк вступил во владения непокорного кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукова, союзником которого был основатель Малой Ногайской орды мирза Гази бен Урак (Казый Ураков русских источников). «И Темрюк со государскими людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы... и взяли три городки... А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добились челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них положил» (Пчелов Е.В., 2007. С. 17). В 1562-1563 гг. Идаров вместе с русскими воеводами совершил ряд крупных походов против кабардинских князей, придерживавшихся турецко-крымской ориентации. Одновременно эти походы способствовали обеспечению беспрепятственных связей Кабарды и России с Грузией через перевалы центральной части Кавказского хребта.

1565 г. В Кабарду, по просьбе адыгов, посылались крупные военные силы. В сентябре 1565 г., по сообщению Никоновской летописи, Иван Грозный «в Кабарду полем послал воеводу своего князя Ивана княже Дмитриева сына Дашкова, а с ним детей боярских Мурамцова да Мещерян, да Ивана Фестова с казаки с Михайлова города да с Разского и с Шацкого и со всеми казаки Рязанские украинны; а Мамстркжа князя отпустил царь и великий князь в судех...». При поддержке русских войск Темрюк вновь действует против «непослушного» Пшеапшоко, владениям которого был нанесён большой урон. Эти сведения хорошо сопоставляются с сообщениями других источников, в частности разрядных книг (Дзамихов К.Ф., 2008).

Действия Темрюка были направлены на установление доминирующих позиций княжеского рода Идаровых в Кабарде, а затем и во всей Черкесии. Возможно, – пишет Е.В. Пчелов (2007, С. 16), – он ставил своей целью широкое политическое объединение всех черкесских княжеств, а «централизаторские» тенденции в середине XVI в. воспринимались как весьма актуальные.

1569 г. Еще в 1563 г. адыгские князья протурецкой ориентации обратились к султану с предложением совместно идти войной на Астрахань и вернуть ее под власть Турции. В 1565 г. в Бахчисарай прибыли послы от «горских черкес», повторившие такое предложение. Однако, когда в 1569 г. крымские татары и турки двинулись в поход на Астрахань, западные адыги передумали и не приняли в нем участия. За это они пострадали от карательной экспедиции, организованной татарами. Но и татарам пришлось нелегко: «черкасы царевичевых татар побили». Об этом событии сообщал в Москву русский посол А. Нагой.

Положение Кабарды на Кавказе особенно укрепилось после женитьбы царя Ивана Грозного на дочери Темрюка Идарова – Кученей (Гушенай, Гошевнай, христианское имя – Мария). Кабардинские князья охотно выезжали в Москву, достигнув там высоких военных и гражданских чинов (Михаил Черкасский, Александр Черкасский, Дмитрий Майстрюкович, Сунчалей и др.).

1570 г. Кабардинское войско во главе с Темрюком пришло на помощь абазинам, которые подверглись нашествию войска крымского царевича Адиль-Гирея. В сражении на р. Ахупсе Темрюк был ранен, а два его сына Мамстрюк и Биберюк (Булгайрук) попали в плен. Темрюк Идаров скончался от полученных ран в 1571 г.

1572 г. Во второй половине 60-х гг. XVI в. связи России с Западной Черкесией несколько ослабли. Одновременно усиливается протурецкая ориентация части адыгских племен. Так, сохранились документы, подтвер-

ждающие, факт дружеского отношения адыгов к туркам. Как отмечает С.Х. Хотко, «...единственный раз турецкой армии удалось пройти через всю территорию Черкесии. Это произошло в 1572 г.: армию возглавлял опытный османский военачальник черкесского происхождения Черкес Оздемир-оглу Осман-паша. Он был принят соплеменниками как дорогой гость. Турецкий автор Э. Челеби сообщает, что его армия зимовала в Черкесии в течение семи лет, ведя в «Ширване и Шемахе войну с персами». Но несмотря на ослабление дипломатических и политических контактов, русское правительство продолжало считать черкесов и абазин своими подданными. В русских источниках последующих десятилетий постоянно подчеркивается, что «...черкасы все (выделено нами. – Авт.) служат государю нашему», что под рукой русского царя находятся «горские князи и Черкасская земля; Кабардинская, Абазинская и Ногайские орды, а также черкасы абыснейские (т. е. бесленеевцы). В титуле царя Бориса Годунова значится: «Государь кабардинские земли, черкасских и горских князей».

3.10.5. Миф или реальность: «добровольное присоединение» или равноправный союз адыгов и русских?

3.10.5.1. «Народ был обрадован союзом и покровительством России»

Народ был обрадован союзом и покровительством России.

Ш. Ногмов (1847).

Еще 425 лет тому назад адыги, прислушавшись к голосу своего сердца, добровольно вошли в состав Русского государства...

М.А. Кумахов (1985).

Летом 1957 г. во всех адыгских республиках Северного Кавказа одновременно прошла шумная и помпезная волна юбилеев «400-летия добровольного присоединения к России Кабарды, Черкесии и Адыгеи». Кампания сопровождалась целым «звездопадом» орденов и медалей, званий и степеней, обрушившимся на руководство автономных областей, а также на ряд руководителей предприятий и организаций. Эта дата (1557 г.) практически до сегодняшнего дня официально «закреплена» в исторической и краеведческой литературе.

Комментируя то давнее событие, С.Х. Хотко (2007) пишет: «В 1957 г. в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии прошли торжества по поводу 400-летия «добровольного вхождения адыгов в Россию». В российской советской историографии факт принятия адыгскими князьями присяги Ивану IV трактовался как неопровержимое свидетельство *добровольного вхождения* всей страны адыгов – Черкесии – в состав Московского царства. Это отвечало советской идеологической концепции добровольности вхождения стран и народов в Российскую империю.

Отношение к этой теме претерпело существенное изменение с конца 80-х гг. XX в. На Северо-Западном Кавказе в адыгских центрах – Майкопе, Нальчике и Черкесске – в национальной историографии произошло более трезвое и соответствующее содержанию источников переосмысление события из «добровольного вхождения» в «заключение военно-политического союза». Адыгские историки, надо отдать им должное, сохранили при этом главное – позитивный смысл обращения адыгов к России. «В целом место, которое стали уделять этому событию на страницах обобщающих трудов, вполне заслуженное и справедливо оцененное», – подчеркивает С.Х. Хотко (2007. с. 10-11).

Вместе с тем, в последнее время, в полном соответствии с модным сейчас конъюнктурным принципом: «то, что было ранее белым, становится черным, и наоборот», все чаще появляется утверждение, что «никакого *добровольного* присоединения адыгов к России в XVI в. не было», что Россия «*насильно*» присоединила адыгов к себе. О чем же говорят факты?

Как было отмечено выше, в середине XVI в. внешнеполитическое положение горских народов Северного Кавказа было чрезвычайно тяжелым. Османская империя со своим вассалом – Крымским ханством, а также Персия проводили захватническую политику, стремясь присоединить к себе земли горцев. Адыги упорно сопротивлялись, однако агрессивные вражеские поползновения не прекращались. Земля адыгов оказалась перед угрозой захвата, а народ ее – перед угрозой физического уничтожения, угона в рабство или унижительной ассимиляции – «растворения» среди турок и крымских татар, полной потери своей национальной самобытности. В таких условиях и в связи с этим, адыги сочли возможным (и необходимым) для борьбы с турками и татарами вступить под покровительство могущественного северного соседа – России, что стало реальным в результате адыгских посольств в Москву в 1552-1557 гг. Подчеркиваем: не добровольное (а тем более, принудительное) *присоединение* Земли адыгов к России, а *военно-политический союз* равноправных партнеров, вызванный крайней необходимостью. Именно о союзе и покровительстве, а не о «добровольном присоединении» говорил в середине XIX в. и Ш. Ногмов, утверждая, что адыгский народ был обрадован союзом и покровительством России. А ведь, как свидетельствует народная мудрость, *Цыфымэ аlorэм ишыпкэз хэлъ* – «Что говорят в народе, в том есть доля правды». Следует отметить, что этот союз между Москвой и Черкесией был взаимовыгоден. Горцам выгодно было иметь сильного покровителя. А для Ивана Грозного адыги, в свою очередь, были ценным союзником на Северном Кавказе в борьбе против Крыма и турок, постоянно тревоживших южные рубежи Руси.

Юбилейная медаль в честь
«400-летия добровольного
присоединения к России Кабарды,
Черкесии и Адыгеи»

Свой взгляд на описываемые события излагают авторы книги «Черкесия в XIX в.»: Нет никаких оснований утверждать, что результатом этих посольств явилось «добровольное присоединение» адыгов к России. Абсолютно прав был казачий историк П.П. Короленко, который об этом писал еще в 1908 г. следующее: «Была ли в этом случае хитрость со стороны черкесов или произвольное выражение летописца, сообщившего это событие, но только невероятно (почему «невероятно»? – **Авт.**), чтобы народ черкесский поручил своему послу готовность вступить в русское подданство. Они скорее готовы были погибнуть от врагов при защите своей свободы, чем покориться чужой воле, хотя бы и Московского царя...». Нет, никакой «хитрости летописца» и подтасовок им фактов не было. Суть обращения адыгов к русскому царю изложена была более чем четко и исторически достоверно. Как же иначе еще понять фразы из обращения адыгов к Ивану Грозному, чтобы «их государь пожаловал, вступился за них, а их з землями взял к себе в холопи (т. е. взял в подданство), а от крымского царя оборонил» (1552 г.). Или: «А они (черкесы) – холопи царя с женами и детьми вовеки» (1555 г.). И, наконец, резюме летописца: «И царь принял их под свою высокую руку».

Выше мы упомянули, что этот союз был выгоден не только для адыгов, но и в равной степени для России. Как отмечал историк С.М. Соловьев, еще с XVI в., когда русские границы достигли устьев Волги через покорение Астрахани, Россия волей-неволей должна была вмешиваться в дела кавказских народов. Интересы трех больших государств: России, Турции и Персии – сталкивались на перешейке между Черным и Каспийским морями, среди варварского, раздробленного, «порозненного в вере» народонаселения, части которого находились в постоянной борьбе друг с другом. И далее историк подчеркивает, что Россия, призываемая на помощь христианским народонаселением (адыги в то время были христиане. – **Авт.**), не могла позволить усилиться здесь магометанскому влиянию, особенно турецкому. С этой точки зрения особый практический интерес для Руси имело укрепление контактов с горскими народами, в первую очередь, с самым многочисленным этносом Северного Кавказа – адыгами. Таким образом, обращение адыгов к Русскому государству отнюдь не означало их немедленного вхождения в состав России, что особенно относилось к западным адыгам.

Тем не менее, тезис о «*вхождении*» адыгских территорий в состав Российской империи все еще упорно блуждает по страницам исторических изданий (например, у Н.Ф. Юркина: «Переговоры нового посольства адыгов и русского правительства завершились добровольным *вхождением Адыгеи в состав Русского государства*. Это произошло в 1557 г.»). Процесс этот был сложным и длительным. При всем том, однако, адыгские посольства 50-х гг. XVI в. в Москву, несомненно, открывали новый этап в истории адыгов, – этап сближения с Русским государством; способствовали дальнейшему развитию экономических, политических и культурных связей адыгов с русским народом. С того времени история адыгских народов становится все более связанной с историей России.

3.10.5.2. Симмахия («вместе + сражаюсь»): «военно-политический союз, известный со времен Древней Греции и Рима»

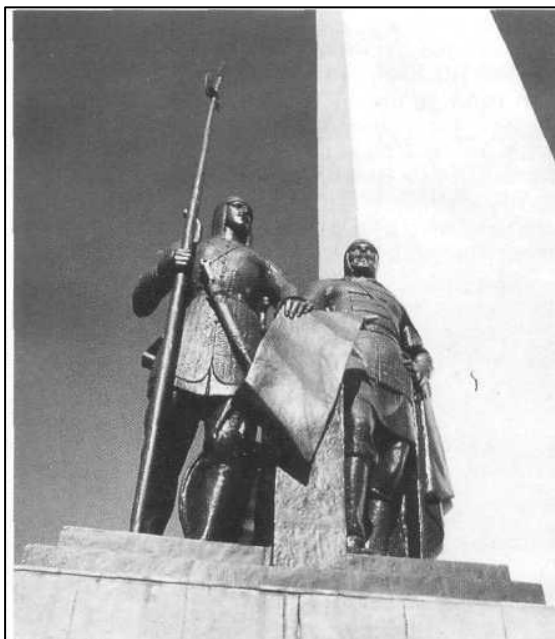
Состоялось весьма выгодное для Руси сближение со всеми черкесами, в том числе с «тюменскими» – то есть восточными адыгами, или кабардинцами, и «таманскими» – западными адыгами.

С. Броневский (1823).

Симмахия – военно-политический союз... В случае надобности и по мере возможности каждая из сторон обязывалась оказывать друг другу военную помощь в борьбе с внешними врагами и нести в этих целях военную службу на территориях союзного государства.

Б.Х. Бгажников (2005).

Оценивая преимущества, полученные Московским царством благодаря соглашениям с Темрюком Идаровым и женитьбой Ивана Грозного на дочери Темрюка Гуашаней, русский историк начала XIX в. С. Броневский указывал, что «...состоялось весьма выгодное для Руси сближение со всеми черкесами, в том

«Навеки с Россией». Памятник в г. Майкопе в честь дружбы русского и адыгского народов

числе с «тюменскими» – то есть восточными адыгами, или кабардинцами, и «таманскими» – западными адыгами». Русско-кабардинские договоренности позволяли московскому правительству прочно утвердиться в районе, находившемся в сфере контроля и геополитических интересов Крыма, Османской империи, Ирана. Адыги в свою очередь надеялись на Московское царство как на надежную силу, способную защитить их от притязаний на их земли крымских ханов и османских султанов («История многовекового...», 2007).

Об исторических предпосылках заключенного в середине XVI в. союза адыгов с Русским государством размышляет Б.Х. Бгажноков (2005. Вып. II). Из-за складывающейся неблагоприятной для адыгов военно-политической обстановки, – пишет историк, «...князь Темрюк все больше склоняется к альянсу с Московским государством, в меньшей степени нуждавшимся в сильных союзниках на Кавказе».

Народные сказители так оценили его шаги по направлению к России (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007. С. 19):

Семь месяцев трудных сидел ты в седле,
Доспехи надев боевые.
Ты благо принес Кабардинской земле,
Открыл нам просторы России.

В течение 1552-1561 гг. между Кабардинским и Московским государствами происходит обмен посольств, ведутся переговоры. Итогом переговоров становится военно-политический союз, известный со времен Древней Греции и Рима, как симмахия (греч. *сут* «вместе» + *tachomai* «сражаюсь»). В случае надобности и по мере возможности каждая из сторон обязывалась оказывать друг другу военную помощь в борьбе с внешними врагами и нести в этих целях военную службу на территориях союзного государства. Содержание этих договоренности впервые наиболее отчетливо представлено в 1588 г. в присяге на верность Кабардинской земли Русскому государству и в так называемой жаловальной грамоте царя Федора Ивановича верховному князю Кабарды Канбулату Идарову, младшему брату Темрюка.

Как видим, это был жизненно важный *равноправный союз* двух стран перед военной угрозой, исходящей со стороны Турции, Крымского ханства, Польши, Персии и других государств (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

3.10.5.3. «Ни Иван Грозный, ни Федор Иванович не называли себя обладателями Кабардинских земель»

Кабардинские князья признаны «холопами» русского царя, но ни Иван Грозный, ни Федор Иванович еще не называли себя обладателями Кабардинских земель, как это было принято по отношению к десяткам других земель и государств – субъектов Московской Руси.

С.Н. Бейтуганов (2007).

Развивает эту мысль С.Н. Бейтуганов (2007): «Приведем еще факты, исключавшие возможность *присоединения* тогдашней Кабарды к Руси. Турция, как и прежде, считала черкесские земли своими. «То все земля, черкасы... государя нашего, и вера наша ж», – заявил великий визирь Мухаммед Соколлы в 1570 г. Учитывая складывающуюся не в его пользу обстановку, Темрюк Идаров незадолго до своей смерти, после-

довавшей в 1570 г., послал к царю сына своего Булгарука, «чтоб государь его, Темрюка-князя, держал в своем имени и войну ему свою дал на крымшевкальцев (т. е. против крымского хана. – Авт.)». Держать «в своем имени» – означало сохранить и дальше покровительство русского царя с вытекающими из этого последствиями. Иван IV рискнул пойти навстречу пожеланиям своего тестя. Он пожаловал его и «...войну свою к нему посылал, и на Крым-шевкалы Темрюк-князь с нашего государя воинскими людьми ходил и Крым-шевкалы воевал». Это была последняя просьба Темрюка Идарова.

В 1571 г. крымский хан Давлет-Гирей совершил набег на Москву. Летописец сообщает: «Москва загорела вся». Разумеется, Руси в ту пору было не до присоединения чужих земель. Но в 1572 г. крымцы терпят сокрушительное поражение под Москвой, после чего кабардино-русские связи постепенно начинают налаживаться и укрепляться.

Вчитываясь в документы первых десятилетий кабардино-русских отношений, можно сделать вывод: кабардинские князья были признаны «холопами» – «слугами» русских государей в том высоком смысле, в котором это слово тогда употреблялось. В политическом (дипломатическом) лексиконе зарождающегося самодержавия слова *холоп/слуга* относились и к князьям, и к боярам. По сведениям Н.М. Карамзина, при Иване IV «знатнейшее в России титуло уже было не княжеское, не боярское, но титуло слуги царева». Итак, кабардинские князья признаны «холопами» русского царя, но ни Иван Грозный, ни Федор Иванович еще не называли себя *обладателями* Кабардинских земель, как это было принято по отношению к десяткам других земель и государств – субъектов Московской Руси. Даже после Смутного времени в начале XVII в. и восшествия на престол новой династии Романовых, в 1614 г., Шолох Тапсаруков, Казий Пшеапшоков и другие дают шерть (присягу, свидетельство покорности) царю Михаилу Романову, что они желают «быть под его царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступными». И только в 1625 г. Михаил Федорович первым из русских царей в жалованной грамоте Шолоху Сунчалеевичу Черкасскому называет себя государем и обладателем «Кабардинские земли черкасских и горских князей».

Вывод: при династии Рюриковичей между Кабардой и Русью сохранялись отношения, которые могут быть охарактеризованы как родственно-союзнические в отмеченном выше смысле. С воцарением же династии Романовых Кабарда становится в подданстве России (Бейтуганов С.Н., 2007).

3.10.5.4. «Это был оптимальный для того времени исторический выбор...»

В 1557 г. часть феодальной верхушки Кабарды во главе с Темрюком Идаровым обратилась к русскому царю Ивану IV Грозному за помощью и покровительством. Это был оптимальный для того времени исторический выбор, отвечавший и насущным потребностям Русского государства...

Б.М. Керефов и Т.Б. Керефов (2005).

В сентябре 1561 г. царь Иван IV направил к Темрюку посольство с богатыми дарами. Вернувшийся через год один из послов сообщил, что «Темрюк-князь со всею своею братию и з землею учинился государю в службе». В 1563 г. русский посол в Крыму сообщил хану, что «ныне Темрюк князь и Черкасская земля в государя нашего воле».

Е.В. Пчелов (2007).

Свое мнение о предпосылках и последствиях заключения союза между адыгами и Русским государством излагают Б.М. Керефов и Т.Б. Керефов (2005). Историки напоминают, что в 1557 г. часть феодальной верхушки Кабарды во главе с Темрюком Идаровым обратилась к русскому царю Ивану IV Грозному за помощью и покровительством. Это был оптимальный для того времени исторический выбор, отвечавший и насущным потребностям Русского государства, южные окраины которого подвергались беспрестанным нападениям крымских татар. Русское государство, столь долго продолжавшее платить унижительную дань Крымскому ханству (отменена только 3 июля 1700 г. по Константинопольскому договору), приобретала в лице Кабарды надежного союзника против общего врага и важного посредника для поддержания отношений с народами Кавказа.

В результате в 1557 г. был заключен военно-политический союз, закрепленный позже (1561) династическим браком царя Ивана IV с дочерью князя Темрюка Идарова Гошаней (Гуацэней) – Марией после крещения. Оформившийся таким образом союз не предусматривал включения Кабарды в состав Русского государства и введения в ней русской администрации, не ограничивал ее независимость. Связанная с русским царем лишь обязательствами военной службы, кабардинская аристократия сохраняла самостоятельность в решении внутренних и внешнеполитических вопросов. Считая Кабарду важнейшим стратегическим участком на Северном Кавказе и стремясь закрепить здесь свое влияние, Иван Грозный оказывает существенную военную помощь союзным кабардинским князьям в борьбе против внешних и внутренних врагов и по просьбе своего тестя воздвигает на восточных рубежах Терскую крепость (1567). В свою очередь, кабардинские военные фор-

мирования регулярно участвуют в военных мероприятиях в Ливонии, Польше и против Крымского ханства. Стабильности кабардино-русских отношений способствовали в дальнейшем кабардинские князья, выезжавшие с середины XVI в. на службу в Москву и ставшие известными в истории России как князья Черкасские. Они занимали высокое положение в правительстве и при царском дворе, возглавляли приказы, были воеводами и командующими армиями. Около 12 из них в разное время входили в состав Боярской думы, не говоря уже о том, что один из них – Михаил Алегукович в 1695 г. стал первым генералиссимусом Русского государства, а другой (Алексей Михайлович) в 1740 г. – великим канцлером (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

Резюмируя приведенную выше информацию, Е.В. Пчелов (2007) так оценивает характер взаимоотношений черкесских княжеств и Русского государства: «Итак, сведения о первых русско-черкесских связях ясно показывают следующее:

1. Сначала к московскому царю обратились западно-адыгские (западно-черкесские) князья, а затем восточно-адыгские (кабардинские), причем для обозначения этих народностей русские источники употребляли одно общее название «черкасы». Позже оно стало подразделяться на более конкретные названия: «черкасы жаженьские (жанеевские)», «черкасы пятигорские», «черкасы кабартыньские» и др.

2. Главной просьбой «черкасских» князей была военная помощь против крымского хана (у западных племен) и против дагестанского шамхала (у восточных племен).

3. В обмен на эту военную помощь «черкасские» князья становились «холопами» русского государя, обещали ему «служить», т. е. поступали на службу, признавая себя обязанными участвовать в походах русских войск на неприятеля. В свою очередь, московский царь принимал обязательство защищать верных Русскому государству западно-адыгских и кабардинских князей от их врагов» (Пчелов Е.В., 2007. С. 17).

И в заключение, заглядывая далеко вперед, следует привести следующий примечательный факт, свидетельствующий о том, что простые адыги хорошо представляли разницу между их *подданством* России и ее *покровительством*. В конце XVIII в. кабардинцы усилили борьбу с царизмом за свою независимость. В 1779 г. генерал-майор Якоби «...сделал на Большую Кабарду поиск, по собственному их (кабардинцев. – Авт.) признанию, потеряли они до 3000 чел., в том числе лучших людей и князей их». Потерпевшие поражение прислали к Якоби своих представителей и заявили генералу, что «от самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были Российскими подданными, а находились так, как кулак (гость или приятель) в покровительстве и что ныне желают покориться на тех же условиях». Однако из ответа Якоби стало видно, что Русь Ивана Грозного и Российская империя Екатерины II – далеко не одно и то же, и что традиционные родственные связи уступили место, по выражению А.С. Пушкина, «бранной мышце» (Бейтуганов С.Н. (2007).

3.10.6. Возвышение и упадок рода Идаровых в контексте взаимоотношений Кабарды и России

3.10.6.1. Этапы взаимоотношений Кабарды и России

Для княжества Идаровых процесс подчинения России проходил ускоренными темпами. ... Отношения с Московским государством княжества Идаровых после строительства Терского города в 1588 г. следует определять как вассальные с элементами прямого подданства.

В.Х. Кажаров (2006).

В характере взаимоотношений Кабарды и России можно выделить три этапа: 1) от военно-политического союза, 2) через вассальную зависимость, 3) к вхождению в нее в качестве завоеванной страны и превращению кабардинцев в прямых и неполноправных подданных империи. Но для восточной части Кабарды, княжества Идаровых, процесс подчинения России проходил ускоренными темпами. Если Большая и Малая Кабарда до 1774 г. в целом сохраняли свою независимость и строили свои взаимоотношения с Россией на основе соглашений, эпизодически сменявшихся моментами противостояния, то отношения с ней княжества Идаровых после строительства Терского города в 1588 г. и смерти Камбулата Идаровича следует определять как вассальные с элементами прямого подданства. Последние в течение XVII в. неуклонно возрастали, пока в первой четверти XVIII в. окончательно не поглотили все другие виды отношений, обусловленных феодальными договорами.

Е.Н. Кушева в свое время высказала мысль, что в XVII в. на Тереке существовало особое вассальное княжество, несколько напоминавшее владения касимовских царей. Однако оно не было создано Московским государством на голом месте. Его роль свелась к трансформации удельного княжества, являвшегося частью Кабарды, в вассальное политическое образование, отколовшееся от нее и вошедшее затем в состав России.

Назначением представителей рода Идаровых князьями над нерусским населением Терского города Россия, с одной стороны, подчеркивала, что она считает с этим своеобразным княжеством, а с другой – демонстрировала, что рассматривает их как своих прямых подданных.

Потомки Идара, укрепляя русское влияние в регионе, временно возвышались над своими политическими противниками, но в исторической перспективе, независимо от их субъективных установок, это обстоятельство ослабляло суверенитет их княжества. Его резкое возвышение в 50-60-х гг. XVI в., а затем транс-

формация в сторону вассальной зависимости с тенденцией превращения в обычную составную часть Московского государства нарушали установившийся баланс сил и интересов в Кабарде.

Для восстановления прежнего равновесия открывались две альтернативы: реализация первой предполагала возвращение к статус-кво, сложившемуся до середины XVI в. (т. е. до кабардинских посольств, направленных в Москву Темрюком Идаровым), а осуществление второй – исключение его из числа удельных княжеств, определявших стратегию внутренней и внешней политики Кабарды. Первый путь был практически недостижим, учитывая историческую ситуацию того времени и необратимость процессов, связанных с расширением южных пределов России. Реальной оставалась только вторая альтернатива. Отторжение Идаровых всей остальной Кабардой объективно явилось своеобразной формой защиты ее политического суверенитета и специфической реакцией на усиление позиции Москвы в данном субрегионе.

3.10.6.2. «Большое княжение» навсегда уходит из рода Идаровых: постепенная утрата их влияния в Кабарде

Княжество Идаровых, ориентированное только на Москву, начинает выступать как инородное политическое образование, обнаруживая несовместимость с остальной Кабардой, которая придерживалась линии, направленной на сохранение своей независимости.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

После смерти Куденека Камбулатовича в 1624 г. «большое княжение» в Кабарде навсегда уходит из рода Идаровых. Назначение московским царем их представителей князьями над нерусским населением Терского города лишь в незначительной степени могло компенсировать утрату ими влияния в Кабарде, связанную, прежде всего, с исключением их из круга потенциальных субъектов верховной власти в стране. Положение даже самых влиятельных из них (например, Касбулата Муцаловича Черкасского) не равнялось статусу кабардинских удельных князей, стремившихся проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Участие первых в политической жизни Кабарды оборачивалось вмешательством России в ее внутренние дела. Имевшиеся в их распоряжении военные силы не укрепляли, а ослабляли суверенитет Кабарды, поскольку они в качестве подданных России использовали их в ее интересах. *В итоге княжество Идаровых, ориентированное только на Москву, начинает выступать как инородное политическое образование, обнаруживая несовместимость с остальной Кабардой,* которая, прибегая одновременно к покровительству нескольких государств и лавируя между ними, тем не менее придерживалась одной линии, направленной на сохранение своей независимости. В этом главном вопросе пути их политического развития разошлись кардинальным образом. Но исторический парадокс состоял в том, что в первой половине XVIII в. княжество Идаровых оставалось, хотя и во многом формально, частью Кабарды. Во всяком случае, в качестве таковой оно по инерции рассматривалось самими кабардинцами. И эти представления не были лишены оснований. Более того, они отражали ряд совершенно объективных обстоятельств, продолжавших связывать политические разобщенные уделы. Прежде всего, это относится к особенностям структуры землевладения в Кабарде. Так, Идаровы сохраняли некоторые владения и на западе страны.

Если рассматривать *расположение кабардинских княжеств в середине XVII в. с запада на восток*, то территория, которая впоследствии стала называться Большой Кабардой, принадлежала потомкам Кайтуки Бесланова (Алегуке Шеганукину и сыновьям Казыя Пшиапшокова); пространство между правым берегом Терека и Сунжей – Таусултановым и Гиляхстановым (Мударовым и Ахловым), а земли от правого берега Сунжи до устья Терека – Идаровым. При продвижении последних на восток в начале XVI в. часть их деревень по невыясненным сейчас причинам оставалась в историческом центре Кабарды. В первой половине XVII в. они располагались чересполосно с «кабаками» их политических противников («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

3.10.6.3. Объединенная коалиция владетелей Казыевой и Шолоховой Кабарды против князей Черкасских

Конфликт внутри одного княжеского дома разрешился из-за того, что Кельмамет и Ильдар Куденек-овичи Черкасские незаконно взяли под свой сюзеренитет вассалов Сунчалеевичей.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

В начале апреля 1638 г. Кельмамет и Ильдар Куденек-овичи Черкасские, опасаясь того, что в результате княжеских междоусобиц и очередного передела владений они могут лишиться своих подвластных, обратились к царю с челобитной, в которой просили его дать «государевых людей, ...чтоб перевести нам свои кабачишки ближе к Терскому городу». Не получив помощи, они оказались не в состоянии противостоять агрессии со стороны объединенной коалиции князей Казыевой и Шолоховой Кабарды, а также мурз Малого Ногая весной

1639 г. Примечательно, что их призвали Будачей и Муцал Сунчалеевичи Черкасские, принадлежавшие к роду Идаровых. Конфликт же внутри одного княжеского дома разгорелся из-за того, что Кельмаммет и Ильдар Куденковичи Черкасские незаконно взяли под свой сюзеренитет вассалов Сунчалеевичей (Кажаров В.Х., 2006).

«Далее, – отмечают авторы энциклопедии, – события развивались по стандартной схеме. Призванные ими князья и мурзы «приходили ратью на Кельмаммета да Ильдара мурз Черкасских», основательно разорили их владения, а деревни вассалов Сунчалеевичей в качестве дополнительной меры наказания вместе с деревнями Куденковичей перевели в Казыеву и Алегукину Кабарду. Причем при переводе на новое место их «посадили порознь». Положение Куденковичей, едва спасшихся бегством, еще больше осложнилось. Этим объясняются их повторные просьбы к царю о военной помощи для возвращения захваченных у них кабаков. Наконец, она была оказана. Но «ратные люди», посланные из Терского города, вместе с войсками Куденковичей и Шолоховой Кабарды были разбиты в сражении на р. Малке в июле 1641 г. Это поражение окончательно подорвало позиции Идаровых внутри Кабарды».

3.10.6.4. «Судьба некогда могущественного кабардинского княжества Идаровых закончилась весьма показательно»

Судьба некогда могущественного кабардинского княжества Идаровых закончилась весьма показательно. Став проводником влияния России в Кабарде и на всем Северном Кавказе, оно по сути дела стало ее первой жертвой, хотя и сравнительно бескровной.

В.Х. Кажаров (2006).

Выясняя причины упадка княжества Идаровых, В.Х. Кажаров (2006) обращает внимание на то, что на предгорной равнине от Сунжи до устья Терека кроме кабардинцев проживали и представители вайнахских (чеченцы, ингуши) и дагестанских народов. В 50-70-х гг. XVI в., в период возвышения Идаровых, полиэтническая структура княжества служила дополнительным фактором укрепления его могущества. С ослаблением же его цементирующего этнополитического ядра она способствовала его распаду и в конечном счете – утрате Кабардой своего восточного удела между р. Сунжей и Каспийским морем.

Вместе с тем не следует забывать, что для этого княжества крайне неблагоприятно сложились этнодемографические процессы. Помимо прямых людских потерь, связанных с войнами и эпидемиями, они характеризовались: 1) оттоком значительной части населения на запад, к историческому центру Кабарды; 2) препятствиями, создаваемыми другими княжествами для переселения своих подвластных на восток; 3) отъездом в Москву Идаровых со своими дворянами и крепостными и последующим растворением в русской этнической среде; 4) ассимиляцией остатков кабардинцев соседними кавказскими народами; 5) ростом численности русского населения (Кажаров В.Х., 2006).

«Итак, – подчеркивает В.Х. Кажаров (2006), – судьба некогда могущественного кабардинского княжества Идаровых закончилась весьма показательно. Став проводником влияния России в Кабарде и на всем Северном Кавказе, оно по сути дела стало ее первой жертвой, хотя и сравнительно бескровной. Но цена за временное возвышение оказалась слишком дорогой не только для этого княжества. Она была сполна оплачена всей Кабардой, а затем и всеми адыгами за счет утраты независимости и разрушения многовековой адыгской цивилизации».

3.11. «Выезжали на службу в Россию»: жизнеописание представителей клана князей Черкасских

3.11.1. «Князья Черкасские... стяжали имени своему блистательное место в русских летописях»

В истории России известны, по крайней мере, три родственные между собой ветви князей Черкасских, ведущие свое происхождение от Темрюка и его родных братьев Камбулата и Желегота. «Князья Черкасские, уроженцы сурового Кавказа, – говорится в «Российском родословном сборнике», – выезжали в Россию в разные времена, вступали в брак с дочерьми русских князей и бояр... и в знатнейших чинах ознаменовали себя доблестями и заслугами, стяжали имени своему блистательное место в русских летописях» (Опрышко О.Л., 2007).

3.11.1.1. «В процессе сближения адыгских народов с Россией позитивную роль сыграла деятельность князей Черкасских»

В официальных местах и во время военных походов кабардинские князья занимали места с правой руки царя.

Г.А. Кокнев (1948).

Потомки кабардинского князя Идара (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи) с середины XVI в. ориентировались на Россию. Именно с этого периода, – отмечает А.В. Казаков (2006), – представите-

ли этих родов выезжали на службу в Россию и стали известны как Черкасские. В ранге служилых князей они вошли в существовавшую властную российскую иерархию, участвовали в политической жизни русского общества и занимали высокое положение при дворе и армии. «Князья Черкасские, – говорится в «Российском родословном сборнике», – в знатнейших чинах ознаменовали себя доблестями и заслугами, стяжали имени своему блистательное место в русских летописях» (Опрышко О.Л., 2007).

Из рода Черкасских вышли воеводы, руководители приказов и коллегий, военные и государственные деятели, в том числе генералиссимус – главнокомандующий армией и великий канцлер, губернаторы и командующие армиями. В разное время 12 представителей рода Черкасских входили в состав Боярской думы – высшего государственного органа России. Дополняют эту информацию авторы книги «История многовекового...» (2007). Демонстрируя свое особое отношение к северокавказским союзникам, Иван IV Грозный, затем его сын Федор и цари Романовы оказывают кабардинским князьям Идаровым самые высокие почести, осыпают их щедрыми дарами и предоставляют необходимую военную помощь в борьбе с внешними противниками. В летописях тех лет отмечается, что кабардинские князья пользовались почетом и привилегиями, которыми не пользовались подчас даже самые знатные русские князья и бояре. «В официальных местах и во время военных походов, – пишет в данной связи Г.А. Кокиев (1948), – кабардинские князья занимали места с правой руки царя».

Важной составной частью русско-кабардинских отношений стала в этот период деятельность Черкасских – княжеских родов, сложившихся из выезжавших на русскую службу представителей адыгской аристократии. С этого времени они в ранге служилых князей влились в состав правящего класса Московского государства, и многие из них ярко проявили себя на политическом и военном поприще.

Истории западноадыгских родов князей Черкасских посвящена работа К.Ф. Дзамихова (2008). В процессе сближения адыгских народов с Россией со второй половины XVI в., – отмечает историк, – позитивную роль сыграла деятельность Черкасских. С этого времени они в ранге служилых князей влились в состав правящего класса Московского государства, и многие из них заметно проявили себя на политическом и военном поприще. Наиболее известными были кабардинские Черкасские – потомки сыновей кабардинского князя Идара. Кроме того, существовали ветви Черкасских, которые принадлежали к другим адыгским этническим группам – бесленеевцам и жанеевцам, а именно: Ахамашуковы-Черкасские, Егуповы-Черкасские и Чюмаховы-Черкасские. История этих западноадыгских княжеских родов, в отличие от кабардинских Черкасских, не получила специального освещения в литературе. А между тем изучение истории различных семей, связанных с государственным управлением, групп семей, относящихся к определенным сословным слоям, формирования этих сословных слоев совершенно необходимо для плодотворного исследования различных аспектов политической истории («История многовекового...», 2007; Дзамихов К.Ф., 2008).

3.11.1.2. Договорные и «жалованные» грамоты кабардинским князьям

С нашими воеводами жити и нам служити и опричь нас к иному ни к которому государю не приставати. А кто нам будет недруг, тот бы и вам был недруг, и стояти вам всю землю Черкасскою Кабардинскою на нашего недруга с нашими воеводами с астораханскими и с терскими заодин...

Царь Федор Иванович – старшему князю Кабарды Камбулату Идарову (июль 1588 г.).

При раскрытии данной темы особое место занимают договорные и «жалованные» грамоты русских царей кабардинским князьям и «всей Кабардинской землею».

Договорные грамоты. Так, в договорных грамотах, приведенных в работе К.Ф. Дзамихова (2008), сообщалось о принятии в подданство и готовности Русского государства защитить Кабарду от врагов. Условия этих отношений оговаривались в основных текстах грамот. Например, в грамоте царя Федора Ивановича старшему князю Кабарды Камбулату Идарову в июле 1588 г. отмечалось: «...С нашими воеводами жити и нам служити и опричь нас к иному ни к которому государю не приставати. А кто нам будет недруг, тот бы и вам был недруг, и стояти вам всю землю Черкасскою Кабардинскою на нашего недруга с нашими воеводами с астораханскими и с терскими заодин (т. е. вместе. – Авт.)».

Содержание договорных грамот кабардинским князьям было в традиционной форме. Сам тип этих грамот свидетельствует о союзническом характере установившихся отношений между Русским государством и Кабардой. Формулировка грамот говорит о своеобразном феодальном вассалитете (лат. *vassalus* – «зависимость одного феодала от другого при обязательстве взаимной поддержки»): «...кто нам будет недруг, то бы и вам был недруг».

В договорных грамотах кабардинским князьям устанавливались и их обязанности по отношению к Русскому государству в военном плане. В цитированной выше грамоте говорилось: «А коли мы велим итти на службу черкасским князем на которого своего недруга, и тебе Канбулату – князю, и детям твоим и Домануку-князю и Мамстрюку-князю и братье их и племянником и всем князем черкасским посылати к нам на нашу службу на наших недругов братию свою и детей и племянников с ратными людьми, скольким коли велим итти ратным лю-

дем, столькими и итти». В отдельных случаях, например в грамоте Ивана Грозного князю Мамстрюку Темрюковичу, указывалось точное количество кабардинских ратников, которые должны выступить в поход.

«Жалованные грамоты». Помимо договорных, кабардинским князьям выдавались «жалованные грамоты». Так, в 1615 г. Сунчалей Янгычевич был пожалован князем «над окочаны и черкасы», служившим в Терском городе, с правом «судить и в ратном строении и во всяких делах их ведать». Грамоты, предоставлявшие такие права, получили князья Шолох Сунчалеевич и Каспулат Муцалович». Эти грамоты позволяют сделать интересное наблюдение, что черкесское население Терского города пользовалось экстерриториальностью и не подчинялось терскому воеводе. Е.Н. Кушева считает, что такие «жалованные грамоты» создавали в Терском городе рядом с русским воеводой и подчиненными ему ратными людьми особое вассальное Черкесское княжество. В отдельных случаях, например в грамоте Ивана Грозного князю Мамстрюку Темрюковичу, указывалось точное количество кабардинских ратников, которые должны выступить в поход (Дзамихов К.Ф., 2008).

Параллельно с «жалованными грамотами» кабардинским князьям, царская власть направляла грамоты астраханским и терским воеводам. В них сообщались воеводам фамилии жалованных кабардинских князей, давались инструкции по отношению к ним, определялся порядок выдачи жалованья, содержались наказания по организации совместных походов и т. д. При сопоставлении сведений, содержащихся в грамотах этих двух групп, видно, что они совпадали. Это свидетельствует о том, что тексты грамот достоверны и отражали реальные события.

Главной политической причиной выдачи рассмотренных грамот кабардинским князьям являлось, по мнению К.Ф. Дзамихова, стремление Русского государства закрепить свое влияние в Кабарде, которая была важным стратегическим участком на Северном Кавказе. «Жалованные грамоты» в данном случае использовались в качестве средства, постепенно оформлявшего феодально-подданнические отношения кабардинских князей по отношению к царской власти. Поэтому данная группа документов характеризует политическую сторону русско-кабардинских отношений (Дзамихов К.Ф., 2008).

3.11.2. Адыги при дворе русского царя в XVI столетии

3.11.2.1. «Поставление на царство» Симеона Бекбулатовича

Поставление на царство Симеона Бекбулатовича непосредственно связано с учреждением (или, точнее, возобновлением) Опричнины...

Б.А. Успенский (2002. С. 163-164).

Симеон Бекбулатович известен тем, что... с октября 1575 г. по август 1576 г., являлся «великим князем всея Руси». Иван же Грозный в это время именовал себя всего лишь «удельным князем Иваном Московским».

Е.В. Пчелов (2007).

О нелегкой судьбе племянника жены Ивана Грозного Марии Темрюковны Симеона Бекбулатовича, его фантастически-быстром восхождении на российский престол и затем – не менее стремительном падении с «Олимпа» власти – рассказывает историк Е.В. Пчелов (2007). Приведем результаты его исследования в кратком изложении. Вместе с Марией в Москву приехал и её племянник, сын Бекбулата, Саин-Булат. Около 1570 г. он занял престол Касимовского ханства, где незадолго до этого правил его дальний родственник Шах-Али, а в первой половине 1573 г. Саин-Булат крестился с именем Симеон.

Симеон Бекбулатович известен, конечно же, прежде всего тем, что в 7084 г. от сотворения мира, т. е. с осени 1575 г. по август 1576 г., являлся «великим князем всея Руси». Иван же Грозный в это время именовал себя всего лишь «удельным князем Иваном Московским». В современных исторических исследованиях новую систему, созданную Иваном Грозным в 1575 г., называют «новой Опричниной» и, по сути, уподобляют Опричнине прежней, выявляя очевидные сходства и определённые отличия.

Остаются, впрочем, неясными два вопроса. Во-первых, зачем понадобилось русскому царю на год формально отказываться от верховной власти, а во-вторых, почему для роли «великого князя» был выбран именно потомок кабардинских князей и золотоордынских правителей Симеон Бекбулатович? До некоторой степени эти вопросы взаимосвязаны, – подчеркивает историк.

Относительно причин формального отказа царя от своего статуса (отказа, заметим, неполного, поскольку Симеон Бекбулатович царём официально, по всей видимости, не именовался и, несмотря на некоторые косвенные данные, на царство не венчался) рациональным объяснением чаще всего в историографии выступают предсказания волхвов о смерти в данном году московского царя. Наряду с этим и другими, условно говоря, «рациональными» объяснениями, чрезвычайно важной представляется семиотическая интерпретация истории с Симеоном Бекбулатовичем. Один из крупнейших учёных в области историко-культурной семиотики, Б.А. Успенский (2002. С. 163-164) рассматривает это явление в контексте своеобразной «игры в царя»: «Поставление на царство Симеона Бекбулатовича непосредственно связано с учреждением (или, точнее, возобновлением) Опричнины, которое также имело подчёркнуто маскарадный характер: Грозный отдаёт Симеону Бекбулатовичу Земщину, а сам правит Опричниной, – ...тот, кто стоит во главе Земщины, выступает в роли ряженого царя...

Чрезвычайно знаменательно вместе с тем, что Симеон Бекбулатович по своему происхождению является прямым потомком ханов Золотой Орды, то есть тех, кому в своё время принадлежала *действительная* власть над русскими землями и кто *назывались царями*... Таким образом, Грозный ставит на русский престол как бы татарского хана. «Ряженым», самозванным царём становится тот, кто ранее имел бы право называться царём и править русским государством; такой царь оказывается теперь царем «ложным», царем лишь по внешнему обличью тем самым и прежние татарские ханы оказываются ложными, а не истинными царями. В свое время победив хана (царя), русский великий князь становится царем, то есть начинает именоваться так, как именовались ханы; теперь же хан превращается в царя *самозванного*. Весьма характерно, что так поступает Иван Грозный, первый русский царь, официально венчанный на царство, то есть первый монарх, имеющий *формальное* право называться русским царём». Как видим, – пишет Е.В. Пчелов (2007), – чрезвычайно глубокая мысль Б.А. Успенского основывается в том числе и на генеалогическом происхождении Симеона Бекбулатовича. Важно подчеркнуть, что ещё до своего провозглашения «великим князем всея Руси» Симеон Бекбулатович уже являлся вполне законным *царём* – царём Касимовским, правителем государства, которое представляло собой, по сути, «московскую модель Золотой Орды».

В свою очередь, автор специального исследования о Симеоне Бекбулатовиче, Н.В. Лилеев, опираясь на русские родословные книги XVI в., полагал, что Бекбулат был родным внуком Ахмата (через сына Ахмата Бахтияра). Лилеев полагал, что Бекбулат доводился Шах Али (Шигалею), казанскому и касимовскому хану (царю), троюродным братом. В свою очередь, А.В. Беляков, считает, что Тохтамыш и Бек-Пулад были скорее всего двоюродными братьями Шах-Али, т. е. внуками Бахтияра. Как бы то ни было, факт родства Бекбулата с Шах-Али бесспорен. Также бесспорно родство Бекбулата и с последним казанским ханом Едигером (Ядыгар-Мухаммедом), сыном астраханского хана Касима: Едигер был правнуком Ахмата. Таким образом, *через кабардинскую княжну Алтынчач и астраханского царевича Бекбулата русский царь Иван IV находился в родстве с казанскими, касимовскими и астраханскими ханами* (Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

Однако, возможно, не только родство с ордынскими правителями обусловило выбор Ивана Грозного. Другим генеалогически важным моментом было *родство Симеона Бекбулатовича с самим царём Иваном*. Поскольку Симеон был племянником Марии Темрюковны, то, вне всякого сомнения, он считался племянником и самого царя.

Несмотря на то, что царица Мария скончалась в 1569 г., а царский шурин, Михаил Темрюкович, погиб в 1571 г., их родственники оставались в кругу царской родни. Собственно, Иван Грозный, таким образом, *передал власть не просто потомку золотоордынских царей и самому «царю Касимовскому», но своему близкому родственнику, племяннику русской царицы*. Казалось бы, этому предположению противоречат слова Ивана IV, сказанные 29 ноября 1575 г. Даниилу Сильвестру – приказчику общества английских купцов, торговавших с Россией: «Мы передали сан нашего правления... в руки чужеродца, нисколько не родственного ни нам, ни нашей земле, ни нашему престолу», но необходимо иметь в виду, что в беседе с англичанином царь вообще старался представить дело так, будто ничего существенно не изменилось и что вся реальная полнота власти и даже царские инсигнии (лат. *insignia* – «знаки высшей власти: скипетр, трон и т. д.») всё равно остаются в его, Ивана IV, руках. На самом же деле, – продолжает историк, – «*оставление Симеона Бекбулатовича на престол*» *воспринималось как вполне реальное и вполне законное*. Об этом недвусмысленно свидетельствуют тексты присяги царям из рода Годуновых (присягавшие обязывались «не хотеть на царство ни Симеона, ни его детей», – следовательно, допускалось, что дети также теоретически могли претендовать на престол, что ещё раз подчёркивает серьёзность отношения к статусу Симеона), и сама судьба «Великого князя всея Руси» (потеря им статуса Тверского Великого князя при Фёдоре Ивановиче (по инициативе Годунова), опала при Годунове, возвращение ко двору при Лжедмитрии I и затем новая опала и постриг). Особенно опасался Симеона Бекбулатовича (который, кажется, никаких притязаний на Московское царство и не выказывал) Годунов, выбранный царём при наличии человека, у которого имелось на это если не больше, то, по крайней мере, не меньше прав.

Между тем весьма показательным оказывается и ещё один аспект генеалогических связей Симеона Бекбулатовича. Вскоре после крещения (вероятно, одновременно с возведением на русский «престол») Симеон женился на княжне Анастасии Ивановне Мстиславской, дочери боярина князя Ивана Фёдоровича Мстиславского и княжны Ирины Александровны Горбатой-Шуйской. Этот брак открывал невероятную генеалогическую «перспективу».

Во-первых, Иван Фёдорович Мстиславский был кровным родственником Ивана IV. Его мать, Анастасия Петровна, была дочерью казанского царевича Петра (Кудайкула) Ибреимовича и княжны Евдокии Ивановны, дочери Ивана III и родной сестры Василия III, а, следовательно, двоюродной сестрой самого Ивана Грозного. Таким образом, Иван Фёдорович Мстиславский доводился Ивану Грозному двоюродным племянником. Сын Ивана Фёдоровича, князь Фёдор Иванович Мстиславский (шурин Симеона Бекбулатовича) возглавлял впоследствии «Семибоярщину». Важно подчеркнуть, что некоторое время царевич Пётр, по всей видимости, считался при бездетном Василии III потенциальным наследником престола. «Гипотеза о том, что наследником Василия III был вплоть до смерти царевич Пётр, позволяет объяснить тот парадоксальный на первый взгляд факт, что и сын Василия III Иван Грозный назначил крещёного татарина Симеона Бекбулатовича «царём» всея Руси», подчёркивает в своей фундаментальной монографии А.А. Зимин.

Во-вторых, двоюродная сестра Ивана Фёдоровича Мстиславского, по матери княжна Марфа Васильевна Шуйская (также внучка Петра Ибреймовича и Евдокии Ивановны), была женой боярина князя Ивана Дмитриевича Вельского. Как уже упоминалось, сестра Ивана Дмитриевича, Анастасия Дмитриевна Вельская, была женой Василия Михайловича Юрьева (двоюродного брата царицы Анастасии Романовны) а на их дочери был женат Михаил Темрюкович.

В-третьих, тёща Симеона Бекбулатовича, княжна Ирина Александровна Горбатая-Шуйская была дочерью боярина князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского, первого русского наместника Казани, казнённого в 1565 г. А родная сестра Ирины Александровны, Евдокия, была второй женой Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, родного брата царицы Анастасии Романовны. Следовательно, через свою жену Симеон Бекбулатович не только породнился с потомством Ивана III, но и стал своего рода племянником Никиты Романовича, а значит, и царицы Анастасии. Так «Великий князь всея Руси» оказался племянником не только Марии Темрюковны, но и Анастасии Романовны.

Связанные родственными узами, все эти деятели занимали важное положение в той системе политического устройства, которую создал Иван Грозный в 1560-х, а затем в 1570-х гг. В период Опричнины Думу возглавлял царский шурин Михаил Темрюкович Черкасский, а Земщину – царские родственники (условно говоря, племянники) Иван Фёдорович Мстиславский и Иван Дмитриевич Вельский. Теперь же племянник Михаила Темрюковича и зять Ивана Фёдоровича Мстиславского, потомок ордынских ханов, Симеон Бекбулатович возглавил Земщину в новом «исполнении», став «Великим князем всея Руси». Таким образом, генеалогически он стал как бы наследником князя Мстиславского по управлению Земщиной. Примечательно, что весь этот клан состоял в родственных отношениях, во-первых, с московской царской династией, во-вторых, с разными ветвями Чингизидов (прежде всего с казанскими и астраханскими «царями»-ханами), и в-третьих, с кабардинской династией Идаровичей. Все эти многочисленные и разнообразные генеалогические связи не могли не обусловить того положения, которое занимали эти царские родственники в системе государственного управления страной.

После того, как Симеон Бекбулатович перестал быть «великим князем всея Руси», ему были пожалованы Тверь и Торжок и он стал, таким образом, «великим князем Тверским». Когда-то тверские князья были главными противниками Москвы, а Великое княжество Тверское вторым по значению среди княжеств Владимиро-Суздальской Руси: как известно, оно прекратило своё существование в 1485 г. Теперь ситуация прошлого как бы приобрела новое «отражение»: бывший «царь» Симеон Бекбулатович остался «великим князем», – но уже не «всей Руси», а Тверским, в то время как Иван Грозный являлся настоящим (нынешним) царём и великим князем Московским.

Завершая свое эссе, Е.В. Пчелов (2007) пишет: «Дальнейшая судьба Симеона Бекбулатовича была не простой. Свою жизнь он закончил в 1616 г., будучи иноком с именем Стефан (пострижен в 1606 г. по приказу Лжедмитрия I). Его жена также скончалась (в 1607 г.) в иночестве. Её новым именем было имя Александра. Князь Иван Фёдорович Мстиславский также был пострижен в монахи (ещё при Фёдоре Ивановиче) с именем Иона. Обращает на себя внимание, что аналогичное иноческое имя – Иона – получил при постриге на смертном одре и сам царь Иван Грозный».

3.11.2.2. Домануко Темрюкович Черкасский: «последовательный сторонник тесного политического союза с Россией»

Домануко (Булгайрук) Темрюкович Черкасский – ...последовательный сторонник тесного политического союза с Россией, которая поддерживала Идаровых в феодальных междоусобицах.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Домануко (Булгайрук) Темрюкович Черкасский – князь, средний сын князя – валия Кабарды Темрюка Идарова, государственный деятель. Брат Мамстрюка и Солтануко (Михаила). В русских источниках иногда упоминается под вторым именем Булгайрук (Беберюк) Впервые посетил Москву в ноябре 1558 г., находясь во главе кабардинского посольства. С ним был его младший брат Солтануко, который принял крещение и остался в Москве. В июне 1561 г. сопровождал свою младшую сестру Гошаней – невесту Ивана Грозного в Москву. В сентябре 1561 г. привез первую царскую грамоту и богатые подарки от Ивана IV в Кабарду. Вместе с отцом Темрюком и другими Идаровыми (дядьями и братьями) принимал активное участие в борьбе с Кайтукиными и Талостановыми – сильнейшими владетельными родами Кабарды. Во время сражения кабардинских войск с крымской армией царевича Алди-Гирея на р. Афипс (1570) он с братом Мамстрюком попал в плен. Выкуплен родственниками. Последовательный сторонник тесного политического союза с Россией, которая поддерживала Идаровых в феодальных междоусобицах. В самом начале XVII в. (1601 г.) погиб вместе с братом Мамстрюком в результате предательства (Братья Темрюковичи доверились закону гостеприимства, приняли приглашение на пир своего врага Кази Пшеапشوкова, были им схвачены и казнены («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090-1093).

3.11.2.3. Михаил Темрюкович Черкасский: «Фактически стал первым человеком в государстве после царя Ивана Грозного»

Михаил (Солтануко) Темрюкович Черкасский – первый из числа кабардинских князей на русской службе, известных как князья Черкасские.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Русские летописи свидетельствуют: «Год 7067-й от сотворения мира (октябрь 1558 г.). Того же месяца приехали из Черкас к царю и великому князю [Ивану] Темрюковы князьи дети большого князя из Кабарды Темрюка Булгерук-мурза да Салнук [Салтан]-мурза бити челом, чтобы государь их жаловал, своих подданных и оборонил от шамхальского государя... И царь и великий князь по их челобитию велел Салтану-мурзе бити жити у себя на дворе и крестить его велел, и нарекли ему имя князь Михайло, и велел государь его грамоте учить...» Это, – пишет О.Л. Опрышко (2007), – самое первое упоминание в летописи об известном в русской истории князе Михаиле Темрюковиче Черкасском – до крещения Салнуке (Салтане)-мурзе. Приехав в Москву вместе со старшим братом Булгайруком (в некоторых других русских источниках Булгайрук именуется Беберюком. – Авт.), он по просьбе своего отца Темрюка был крещен в православную веру и навсегда остался в России, вскоре оказавшись в самой гуще событий, происходивших в царствование Ивана IV. Булгайрук же, получив в Москве обещание о присылке в Кабарду военной помощи, вскоре отбыл на родину.

Михаил (Солтануко) Темрюкович Черкасский (около 1540-1571) – государственный деятель России. Князь. Боярин (1567). *Первый из числа кабардинских князей на русской службе, известных как князья Черкасские* («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1094).

Младший сын князя – валия Кабарды Темрюка Идарова, установившего твердые политические связи с Русским государством. Прибыл в Москву в 1558 г. и сразу принял крещение. В 1561 г. становится шурином царя Ивана Грозного. С этого времени он один из всемогущих сановников Русского государства. В 1563 г. князь участвует в победоносном штурме Полоцка, отбитого у польско-литовских войск. В 1564 г. женился на дочери боярина В.М. Захарьина-Юрьева, а сосватал ему невесту Иван Грозный, через свою первую жену состоявший в родственных отношениях с Захарьинными-Юрьевыми. Многие источники приписывают ему и его младшей сестре Гошаней (Марии) – второй жене Ивана IV – идею создания на Руси опричнины (1565-1572; 1574-1576), так как он возглавил опричное войско и стал главным воеводой страны. Долгое время был орудием борьбы Ивана IV с родовитым боярством за укрепление самодержавной власти русского государя. После сожжения Москвы крымским ханом Давлет-Гиреем (1571) Иван Грозный обрушил репрессии на свое ближайшее окружение. Шурин царя по его приказу был зарублен топорами и алебардами («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1094).

Другие исследователи дополняют информацию о Михаиле Черкасском. Они отмечают, что сын Темрюка, брат Марии – Султануко (Михаил) занимал высокие государственные посты. *Фактически сын главного князя Кабарды Темрюка Идарова Михайло Черкасский стал первым человеком в государстве после самого царя.* Сидел первым в Боярской думе и при перечислении думских списков назывался всегда первым. В России еще в течение долгого времени жила память о том, что «князь Михайло Темрюкович Черкасский тогда был человек великий и временный, и управы было на него добиться невозможно». Хоромы Михаила Темрюковича находились на Воздвиженской улице, на месте, где сейчас расположено здание Российской государственной библиотеки. 18 апреля 1564 г. дом М.Т. Черкасского был уничтожен пожаром, а осенью 1566 г. на его погорелом дворе Иван Грозный построил себе новую резиденцию – Опричный двор (Опрышко О.Л., 1993; С.Х. Хотко С.Х., 2008).

«В годы опричнины, – отмечает В. Сокуров, – Михаил Темрюкович был фактически «временщиком», главой опричнины». Михаил считался выше не только бояр, но и князей. Его именовали царевичем, т. к. его отец был валием – правителем Кабарды, а по мнению Ивана Грозного его тесть был правителем всей Черкесской земли. «В походе против татар, – пишет Р.Г. Скрынников, – Черкасский занимал пост воеводы самого многочисленного в опричном войске передового полка». Во владении Михаила Темрюковича находился город Гороховец с уездом.

Дети Михаила от боярыни Юрьевой, племянницы прежней жены Ивана Грозного Анастасии, умерли в малолетстве. Мария Темрюковна умерла 1 сентября 1569 г., а спустя почти два года, в июне 1571 г. ее брат Михаил был обвинен в измене и казнен; перед тем были убиты его 16-летняя жена и полугодовалый сын (Хотко С.Х., 2008).

3.11.2.4. «Приехал из Черкас в Москву Майстрюк-князь Темрюкович...»

*Загремело на дворе государевом,
Как приехал давно жданный гость,
Князь Черкасский – Мамстрюк Ермолаич
С храброю своей со дружиною,
Со своею молодою княгинею.*

Из русского сказания.

*А Домонуко да Мамстрюку убили Казы-мурза с
братъею, зазвав к себе меду пить, и держав их у себя
два дни скованных и на третий день убили. А Мам-
стрюк добр был собою гораздо и дорожен, и боялись
его многие в Кабарде, в зависти его и убили.*

«Родословная кабардинских князей и мурз» (XVII в.).

Мамстрюк Темрюкович Черкасский – князь, старший сын валия (главного князя) Кабарды Темрюка Идарова, известный военачальник и государственный деятель («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006, С. 103). Впервые посетил Москву в 1565 г. Его сестра Мария (Гошаней) была женой царя Ивана IV, а младший брат Михаил (Солтануко) Темрюкович Черкасский – всесильным воеводой. В свой первый приезд в Москву от имени своего отца просил Ивана IV оказать военную помощь против политических противников в Кабарде. В 1570 г. в сражении с крымскими войсками царевича Алди-Гирея на р. Афипс вместе с братом Домануко (Булгайрук/Беберук) попал в плен. Выкуплен родственниками. Как и его отец, был последовательным сторонником союза с Россией. В 1583 г., командуя объединенными силами кабардинцев и гребенских казаков, разбил османского полководца Осман-пашу, который пытался пройти из Дербента в Крым. Часто выполнял и дипломатические миссии, которые ему поручали в Москве. Контакты с народами Дагестана, Грузии, вайнахами долгое время осуществлялись исключительно через него – одного из сильнейших кабардинских князей.

В 1590-1591 гг. принял участие в походе терского воеводы Г. Засекина на Шамхальство. Оказался в плену. Вырвавшись из плена, до конца жизни оставался верен союзу с Россией. После смерти Асланбека Кайтукина (1589) какое-то время пытался добиться титула старшего князя, который перешел к Шолоху Тапсарукову. Получил из Москвы жалованную грамоту на княжение в Кабарде, но реализовать свои притязания так и не смог. Погиб в 1601 г. вместе с братом Домануко Темрюковичем Черкасским от рук Казы Пшеапшокова, который пригласил их в гости, а затем вероломно убил («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1091-1093).

Дополняют информацию о князе Майстрюке Темрюковиче другие источники. В летописной записи, относящейся к 1565 г., говорится: «Того же месяца июня в 17-й день приехал из Черкас в Москву Майстрюк-князь Темрюкович. И челом ударил царю и великому князю Ивану Васильевичу Майстрюк... от отца своего от Темрюка-князя, что Темрюку-князю пришли многие тесноты [притеснения] от черкас и ему они непослушны во всем. И государь бы пожаловал, послал свою рать в Черкасы и от непослушных его велел оборонити» (Цит. по: Опришко О.Л., 2007).

Брат Марии князь Майстрюк (Мамстрюк) пробыл в России всего три месяца, но этот приезд в Москву, первый и последний при жизни Ивана Грозного, остался в памяти русского народа в целом ряде сказаний и многочисленных вариаций исторической песни о нем, где его называют «любимым царским шурином». Как видно, по душе пришелся царю Ивану брат его жены Марии, поразивший Ивана Васильевича своим ростом, силой и удалью:

Ой ты гой еси, черкасский князь,
Велик ростом уродился ты,
Златом, серебром украсился...

Или в другом сказании:

Вот и гости к царю съехались,
Все князья-бояре, люди ратные...
Одного гостя нет как нет –
Удальца-бойца, славна витязя,
Самого князя Черкасского,
Мамстрюка ли Ермолаича...
Загремело на дворе государевом,
Как приехал давно жданный гость,
Князь Черкасский – Мамстрюк Ермолаич
С храброю своей со дружиною,
Со своею молодою княгинею.

Сюжетом многочисленных вариантов популярной песни о Мамстрюке стал случай, имевший место в дни его пребывания в Москве. Будучи при дворе Ивана Грозного, шурином царя, хорошо владевший навыками национальной адыгской борьбы, не раз встречался с местными борцами. Об одной из этих схваток с двумя русскими «могутными» (могучими) борцами так рассказывается в старинной русской песне:

Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов,
И по себе борца нашел, –
И только думает ему вера поборотная есть,
У царя в каменной Москве.
С борцами сходится Майстрюк Темрюкович:
Борьба его ученая, борьба черкесская,
Колесом он бороться пошел...

О дальнейшей судьбе князя Майстрюка сообщают летописи, датируемые 1570 г.: «Крымский царевич Адил-Гирей ходил весной в набег на земли черкесов», лежащие вблизи Кабарды. Во время жестокого сражения с войсками крымского хана князь Темрюк был тяжело ранен, а его сыновья – Майстрюк и Булгайрук попали в плен.

В январе 1571 г. в Бахчисарай были направлены гонец, которому наказывалось передать плененным братьям Марии Темрюковны «поклон» от Ивана Грозного, справиться от его имени об их здоровье, вручить им царскую грамоту с подарками (шуба беличья, атласный кафтан и сапоги), а также, главное, – выяснить возможности их выкупа. Позже Майстрюк вырвался из татарского плена, – видимо, – предполагает О.Л. Опрышко (2007), – «после долгих и настойчивых стараний посланцам Ивана Грозного удалось его выкупить; брат же его Булгайрук, на родину не вернулся – он умер или погиб в плену».

В марте 1584 г., 53-х лет от роду, Иван Грозный умер. Престол занял его сын Федор... В сентябре 1589 г. князь Мамстрюк со своими воинами, по просьбе царя Федора Ивановича, сопровождает русское посольство, которое шло через кабардинские земли в Грузию, к кахетинскому царю Александру.

И своих детей Мамстрюк Темрюкович воспитал в духе дружбы с Россией, в верности союзническим обязательствам. Как свидетельствуют «Родословные кабардинских князей и мурз» (XVII в.) и «Российская родословная книга» (1855), у Майстрюка были, кроме дочери, 6 сыновей, которые вместе с отцом храбро отражали непрерывные нападения на кабардинские земли крымских татар и турок в одном строю с русскими стрельцами и казаками.

В процессе междоусобной борьбы в Кабарде, сына князя Темрюка поддерживали многие его сторонники. Но было и немало противников. Примечательно, что русское правительство прислало ему жалованную грамоту с золотой печатью и подтверждением его старшинства. Тем не менее, «...Княжеством Кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княжества ему не дано было», – свидетельствует документ. Это значит, что главным князем Кабарды ему утвердиться не удалось.

Около 1600 г. Мамстрюк и его брат Домонуко были предательски убиты давним врагом рода Темрюковичей – князем Казыем – сыном Пшеапшоко Кайтукина. «А Домонуко да Мамстрюку убили Казы-мурза с братьею, зазвав к себе меду пить, и держав их у себя два дни скованных и на третий день убили. А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден, и боялись его многие в Кабарде, в зависти его и убили», – так донесли до нас «Родословные кабардинских князей и мурз» это печальное известие о мученической кончине братьев царицы Марии (Опрышко О.Л., 2007).

3.11.2.5. Борис (Карашай) Камбулатович Черкасский: «один из самых видных и опытных военачальников России»

За ним (Борисом Камбулатовичем) закрепляется репутация одного из самых видных и опытных военачальников России. В 1598 г. царь Борис Годунов, отправляясь в поход против крымского хана, оставил царский двор и Москву на его попечение. На заседаниях Боярской Думы числился первым.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Борис (Карашай) Камбулатович Черкасский – российский военачальник, государственный деятель. Князь, сын старшего князя Кабарды Камбулата Идарова. Боярин (1592). Двоюродный брат второй жены Ивана IV Марии Темрюковны Черкасской. В 1578 г., приехав с кабардинским посольством в Москву, Карашай остается здесь на службе. Вскоре он был крещен под именем Борис. В 1582 г. – воевода Большого полка в Новгороде. Был также воеводой в Серпухове и первым воеводой Большого полка в Туле. В 1591 г. войска под командованием Черкасского и других воевод разбили армию крымского хана Казы-Гирея, пытавшегося пробиться к Москве.

Начиная с этого времени, за ним закрепляется репутация одного из самых видных и опытных военачальников России. В 1598 г. царь Борис Годунов, отправляясь в поход против крымского хана, оставил царский двор и Москву на его попечение. Присутствовал на всех посольских приемах. На заседаниях Боярской Думы числился первым. Несмотря на огромные заслуги, попал в немилость к Борису Годунову в связи с тем, что Федор Романов – брат Марфы Никитичны Романовой – жены Черкасского, претендовал на русский престол. Когда начались репрессии против Романовых, их зять был схвачен (1599), подвергнут пыткам и издевательствам. После этого вместе с женой и двумя дочерьми был сослан на Север. Вместе с семьей находился его пятилетний племянник Михаил Романов, сын Федора Никитича. Благодаря заботам семьи Черкасского, был спасен будущий царь Михаил Федорович (1613-1645) – основатель династии Романовых. Борис Камбулатович Черкасский умер в 1601 г. в ссылке на Белоозере («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090-1093).

3.11.2.6. Василий (Кази) Карданукович Черкасский – первый воевода Московского войска

Василий (Кази) Карданукович Черкасский – российский воевода. Князь. Боярин (1598). Происходил из абазинских князей. Выехал в Москву во второй половине XVI в. В 1582 г. – первый воевода полка правой руки в московском войске, сосредоточенном в Новгороде против шведов. На протяжении нескольких лет служил на берегу Оки, охраняя русскую границу от набегов крымцев и ногайцев. С 1586 по 1588 г. он занимает здесь должность воеводы передового полка, с 1589 г. – первый воевода Сторожевого полка, первый воевода полка левой руки в Кашире. В 1591-1592 гг. – первый воевода передового полка в Туле. С 1592 по 1599 гг. вновь на Оке первый воевода полка левой руки, а затем и воевода Большого полка. Участвует и в дипломатических мероприятиях в Москве во время приемов зарубежных посланников. В 1603-1604 гг. – воевода в Астрахани, а с 1604 по 1605 г. – в Смоленске. Участник Земского Собора (1598), призвавшего на царствование Бориса Годунова (1598-1605). Тогда же пожалован боярским саном. Служил и самозванцу Лжедмитрию I (1605-1606), который в своем проекте Государственной Рады в 1605 г. определил ему место в Совете среди бояр первого класса. Вступление на престол Василия Шуйского (1606-1610) заставило князя оставить службу и удалиться в свое поместье. Казнен в 1606 г. восставшими крестьянами, выступавшими под руководством Ивана Болотникова («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090-1093).

3.11.2.7. Кудадек, Куденет и Кельмаммет Черкасские: князья Кабарды на русской службе (XVI – начало XVII в.)

Кудадек (Александр) Сибокович Черкасский – сын жанеевского князя Сибоко Кансаукова, военный деятель. Вместе с отцом в 1555 г. прибыл в Москву. После отъезда отца был принят на русскую службу. Царь Иван Грозный велел его «крестити и учить грамоте». В 1563 г. выехал в Польшу на службу к королю Сигизмунду II Августу («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1091-1093).

Куденет Камбулатович Черкасский – старший сын князя – валия Кабарды Камбулата Идарова, военный деятель. Как его дядя Темрюк Идаров и отец Камбулат, был сторонником союза с Россией. В 1588 г. вместе с Мамстрюком Темрюковичем Черкасским был принят в Москве русским царем Федором Ивановичем, который обещал им военную помощь в борьбе с политическими противниками. В начале XVII в., после вероломного убийства двоюродных братьев Мамстрюка и Домануко, совершенного лидером Кайтукиных Кази Пшеапشوковым, спасаясь от преследований, покидает Кабарду и вместе с двоюродным племянником Сунчалеем Канклычевичем Черкасским поселяется в Терском городе. В течение длительного времени находился там на службе, охраняя южные границы Русского государства. С 1616 по 1624 гг. – князь, валий Кабарды – последний из Идаровых (Черкасских). Во внешней политике последовательно ориентировался на союз с Россией. Часто использовал ее военные силы для подавления своих политических противников в Кабарде. Умер в 1624 г. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1091-1093).

Кельмаммет (Чалимат) Куденетович Черкасский – кабардинский князь из рода Идаровых (ветвь Камбулатовичей), государственный деятель. Сын князя – валия Кабарды (1616-1624) Куденета Камбулатовича Черкасского. После смерти отца и дяди Пшимахо (1631) начал борьбу за наследственные владения Идаровых со своими троюродными племянниками – Шолохом, Муцалом, Будачеем, Алегуко и Сунчалеем Сунчалеевичами (Черкасскими). Пытался восстановить влияние Камбулатовичей в Кабарде. Не обладая для этого собственными силами, пытался опереться на военную помощь России и поддержку своих союзников в Кабарде (Джиляхстановы, Талостановы) и Дагестане. Погиб 12 июля 1641 г. в битве на р. Малка при попытке разгромить своих противников – Алегуко Шогенукова, Хатокшоко Казиева и Алегуко Сунчалеевича Черкасского («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1091-1093).

3.11.3. Смутное время: князья Черкасские на высших постах Российского государства

В Российской империи в XVII в., – отмечает В.Х. Пшемурзов (2003), – были 16 «первостепенных» и 15 «второстепенных» родов, из которых 20 были княжескими. Первыми в этом списке из трех десятков фамилий были названы Черкасские.

Поскольку выше речь зашла о появлении и последующем пребывании черкесских князей в Москве, целесообразно остановиться на роли «адыгской диаспоры» в жизни тогдашнего Русского государства. Как отмечают авторы одного из сайтов Интернета, в России в XVII в. кабардинская политическая группировка была одной из наиболее влиятельных придворных партий. Ее представители рассматривались как опора трона и государства, они были регентами и воспитателями малолетних царей, командовали армиями во время войн с Польшей, Турцией, Швецией, и назначались наместниками в разные регионы страны. Они не порывали своих связей с Кабардой и постоянно «подпитывались» новыми кадрами.

Военные качества адыгских воинов были издавна известны русским, которые всегда стремились привлечь к себе на службу как можно больше черкесов. Российский воевода А. Волынский в 1728 г. сообщал царю Петру I из Кабарды: «Одно только могу похвалить, что все такие воины, каких в здешних странах не обретається, ибо, где

татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот. И никто против них не стоит, и все от них трепещут». Князь Потемкин сказал, увидев, как воюют адыги: «С 2000 черкесов не надо 12 000 татар!». Эту же мысль встречаем и у фельдмаршала В. Долгорукова, который с фронтов русско-турецкой войны писал: «...Ежели с нашей стороны выедут узденей (адыгских дворян) 100 человек, то противники больше боятся 100 человек узденей, нежели 500 человек казаков» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

3.11.3.1. «Ставили на царство Михаила Романова...»: к генеалогии князей Черкасских в XVII столетии

Представители кабардинской и западно-черкесской аристократии основали в России род князей Черкасских, которые стали крупными землевладельцами и обладали значительным влиянием при дворе. Из рода Черкасских вышли известные военные и государственные деятели России.

А.В. Кушхабиев (2007).

Историк Р.Г. Скрынников, признанный специалист по периоду Смутного времени, отмечал, что Борис и Иван Черкасские стояли в боярской иерархии «значительно выше молодого окольного Михаила Романова - будущего царя Всея Руси».

С.Х. Хотко (2008).

Выходцы из Черкесии сыграли важную роль в Смутное время, – отмечает С.Х. Хотко (2008). В начале XVII в. высокие посты в российском государстве занимали Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович Черкасский, Иван Борисович Черкасский (сын Хорошая-Бориса и внук Камбулата, младшего брата князя Темрюка), Петр Ахамашуков-Черкасский и его сын Василий Ахамашуков-Черкасский, Никита Егунов-Черкасский, Андрей Чюмахов и его сын Петр Чюмахов Черкасские.

Юный царь Михаил Романов в первые годы своего пребывания на троне нуждался в поддержке Черкасских. Иван Черкасский приходился ему двоюродным братом, а роды Романовых и Черкасских (Темрюковичей и Камбулатовичей) выступали заодно весь период правления Бориса Годунова и Шуйских. Будучи еще ребенком, Михаил Романов свое первое жизненное испытание – ссылку в Белоозеро – встретил и пережил в окружении родственников – Черкасских: княгини Марфы Никитичны Черкасской, князя Бориса Камбулатовича Черкасского и его дочери княгини Ирины Борисовны Черкасской.

Положение царя укрепилось после того, как из польского плена в Москву возвратился отец Михаила Филарет – личность настолько властная и честолюбивая, что к титулу патриарха он присоединил титул «Великого государя». «Правительство страны при Филарете, – отмечает Р.Г. Скрынников, – возглавил его родной племянник князь Иван Борисович Черкасский. В 1633 г. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский отогнал поляков от русского форпоста на западе, а его кузен – Иван Борисович Черкасский продолжал возглавлять правительство.

Степень личного влияния братьев Черкасских на государственные дела при Михаиле Романове трудно переоценить. Выдающийся специалист в истории России XVII в. А.А. Зимин указывал: «После смерти Филарета управление страной на десятилетие перешло к И.Б. Черкасскому (1633-1642)». При Иване Борисовиче Черкасском был подписан Поляновский мирный договор (3 июня 1634 г.), одним из наиболее важных последствий которого стал отказ польского короля Владислава от титула «царя Московского», которым он обладал более 20 лет.

Черкасские были, по меньшей мере, равны по степени знатности Романовым. В 1612 г., когда встал вопрос о выборе царя, многие бояре были готовы проголосовать за Ивана Борисовича Черкасского. Еще больше сторонников имелось у Дмитрия Мамстрюковича. Эстафету второго лица в государстве Дмитрий Мамстрюкович передал еще одному своему троюродному брату – Урускану-Якову Куденетовичу, сыну старшего князя Кабарды Куденета Камбулатовича. Историк Р.Г. Скрынников, признанный специалист по периоду Смутного времени, отмечал, что Борис и Иван Черкасские стояли в боярской иерархии «значительно выше молодого окольного Михаила Романова, – будущего царя Всея Руси» (Хотко С.Х., 2008).

3.11.3.2. Сунчалей Канклычевич Черкасский: «В период Смутного времени сохранил верность присяге и союзническому долгу»

Молодой царь Михаил Романов по достоинству оценил его (Сунчалей Черкасского) верность в период Смутного времени. ...При его непосредственном участии в 1614-1615 гг. многие феодалы Кабарды и Дагестана установили дружеские отношения с Россией.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Сунчалей Канклычевич Черкасский – кабардинский князь, внук Желегота – младшего брата Темрюка и Камбулата Идаровых, военный деятель. В 1588 г., по просьбе Идаровых, в 30 верстах от устья Терека русским правительством была основана крепость Терки. В начале XVII в., после поражения Идаровых в междоусобной

борьбе с Кайтукиными, он со своими подданными переселился к Теркам и основал здесь Черкесскую слободу. В 1603 г. он посетил Москву. Несмотря на опалу Черкасских (боярин Борис Камбулатович Черкасский был двоюродным братом отца Сунчалея), царь Борис Годунов даровал ему право жить в Терках. Принимал активное участие в укреплении Терской крепости – важного форпоста России на Северном Кавказе. Со своей дружиной он в 1604-1605 гг. участвовал в походе на Шамхальство 10-тысячной армии И.А. Бутурлина и А.Л. Плещеева.

В период Смутного времени (1605-1613) сохранил верность присяге и союзническому долгу. В период восстания (1613-1614) казачьего атамана Ивана Заруцкого сумел блокировать Астрахань, где засели восставшие. Молодой царь Михаил Романов по достоинству оценил его верность в период Смутного времени. В 1615 г. он был утвержден в качестве князя – правителя над нерусским населением Терков. Впоследствии его власть распространилась и на казаков, живущих в Терках. При его непосредственном участии в 1614-1615 гг. многие феодалы Кабарды и Дагестана установили дружеские отношения с Россией. Его потомки княжили в Терках до конца XVII в., пока не пресеклась фамильная ветвь Сунчалеевичей (Идаровых). Умер в 1624 г. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1095-1096).

Несколько слов о жене кабардинского князя Сунчалея Канклычевича – Желегоше Черкасской (1585 – середина XVII в.). С 1603 г. вместе с мужем жила в основанной им Черкасской слободе рядом с Терским городом. Князьями, кроме ее мужа Сунчалея, были ее сыновья Шолох и Муцал Сунчалеевичи, а также внук Касбулат Муцалович и правнук Адиль-Гирей Касбулатович Черкасские. Ее дочь Увжугта стала женой наследника персидского престола, впоследствии шаха Ирана Аббаса II (1642-1666). В 1640 г., после ссоры между Сунчалеевичами и Камбулатовичами, она была обвинена в подстрекательстве сыновей и попытке покушения на Кельмамета Куденетонича. Ее вместе с младшим сыном Сунчалеем Сунчалеевичем сослали в Астрахань. Вмешательство в 1642 г. известного воеводы и боярина Дмитрия Мамстрюковича Черкасского – троюродного дяди братьев Сунчалеевичей – помогло получить амнистию княгине и ее сыновьям. Муж, сыновья и внуки сыграли выдающуюся роль в становлении и развитии русско-сеveroкавказских отношений, проявили себя как крупные государственные деятели России.

3.11.3.3. Воевода Григорий (Сунчалея) Сунчалеевич Черкасский: «Царь Алексей Михайлович в свое отсутствие оставлял его «Москву ведати»

С 1655 г. он первый воевода среди «горских черкесов» и астраханских татар. Став боярином, занимает одно из высших мест среди российских сановников. Царь Алексей Михайлович (1645-1676) в свое отсутствие оставлял его «Москву ведати».

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Григорий (Сунчалея) Сунчалеевич Черкасский – российский воевода и государственный деятель. Князь. Боярин. Младший (седьмой) сын кабардинского князя Сунчалея Канклычевича Черкасского, выезжает в Москву в 1642 г. и начинает быстро продвигаться по службе. С 1655 г. он первый воевода среди «горских черкесов» и астраханских татар. Став боярином в 1657 г., занимает одно из высших мест среди российских сановников. Царь Алексей Михайлович (1645-1676) в свое отсутствие оставлял его «Москву ведати». С 1660 г. – первый воевода в Астрахани. При нем по запросу Оружейной палаты были отправлены в Москву мастера-оружейники из Кабарды для обучения русских мастеров. Некоторое время служил Царицынским воеводой. Ему поручались важные дипломатические дела, связанные с русско-адыгскими, русско-ногайскими и русско-калмыцкими отношениями. Отец, два старших брата – Шолох и Муцал, а затем племянник Касбулат Муцалович последовательно правили в подвассальном России княжестве Идаровых в низовьях Терека. Деятельность Черкасского по укреплению границ России в бытность его воеводой в Астрахани и Царицыне получила высокую оценку правительства. Был награжден царским «золотым» знаком – предвестником российских орденов. О роли, которую играл в государственном управлении России, свидетельствует то, что в Боярской Думе он «сидел» вторым. Умер в 1672 г. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090-1093).

3.11.3.4. Иван Борисович Черкасский: двоюродный брат царя Михаила Романова

Правительство страны при Филарете возглавил его родной племянник князь Иван Борисович Черкасский. Князь возглавил Стрелецкий приказ, приказ Большой казны, Иноземный и аптекарский приказы. Стрелецкий и Казенный приказы были ключевыми в системе государственного управления.

Р.Г. Скрынников (2005).

Иван Борисович Черкасский – князь. Боярин (1613), государственный и военный деятель. Сын Бориса Камбулатовича Черкасского. В 1599 г., через год после избрания Бориса Годунова царем, был лишен всех прав, имущества и в цепях отправлен в ссылку (Вятка). Позднее ему разрешили вернуться и жить в родовом

имении, находившемся в подмосковном Останкино. Политический оппонент Годунова, он поддержал Лжедмитрия I (1605-1606), выдававшего себя за сына Ивана IV, но вскоре охладел к самозванцу. Когда на Руси появляется Лжедмитрий II (1607), князь становится активным участником борьбы с ним. Командовал одной из трех русских армий, сражавшихся против самозванца. В 1612 г. активно участвует в освобождении Москвы от поляков. На Земском Соборе (февраль 1613 г.) при активном содействии его и Дмитрия Мамстрюковича Черкасского на русский престол был избран 17-летний Михаил Федорович Романов (1613-1645). Основатель новой царской династии России был его двоюродным братом.

В трудные годы после Смутного времени он – один из самых активных участников укрепления власти молодого царя. В 1618 г., командуя Большим полком, разбил на подступах к Москве войска претендента на русский престол польского королевича Владислава. После смерти Филарета, отца царя Михаила (1633), фактически становится главой правительства – в боярской Думе он «сидел» всегда первый и «читывался первым». В 1638 г., в связи с ожидавшимся нашествием крымского хана, назначается главным воеводой русской армии. Ему часто поручалось вести переговоры с иностранными послами. Как отмечают иностранные авторы, он был одним из образованнейших людей своего времени. Во время различных торжеств князь возлагал на голову царя шапку Мономаха. Умер в 1642 г. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090-1093).

3.11.3.5. Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович Черкасский: «Выдвигался его сторонниками на царский престол»

Первый воевода на южных рубежах России. ...Пользовался большой известностью и уважением. Он даже выдвигался его сторонниками на царский престол. На это у него было достаточно оснований, как у родственника Ивана IV Грозного.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович Черкасский – российский военный и государственный деятель. Князь. Боярин (1619). Внук кабардинского князя Темрюка Идарова и родной племянник царицы Марии Темрюковны и боярина Михаила Темрюковича Черкасских. Впервые князь упоминается в источниках на рубеже XVI-XVII вв. В это время он имел звание стольника. В Смутное время (1605-1613) отъехал к Лжедмитрию II (1607-1610) в Тушинский лагерь. Свой проступок князь искупил с оружием в руках. При освобождении Москвы в 1612 г. от поляков и сторонников Лжедмитрия II был ближайшим сподвижником князя Д.М. Пожарского. В 1613 г. воевода освобождает от польско-литовских войск Вязьму и Дорогобуж, а также крепость Белую, находившуюся на подступах к Смоленску. В 1618 г. ему удалось разбить войска польского королевича Владислава под Можайском и отбросить поляков от Москвы. За ратные заслуги и верную службу в 1619 г. был пожалован в бояре. В этом же году возглавил приказ Казанского дворца, который ведал всеми восточными землями. В 1633 г. – первый воевода полка, прибывшего к окруженному поляками Смоленску.

В течение последующих нескольких лет – первый воевода на южных рубежах России. В боярской Думе он всегда «сидел» на первых местах, сперва с Иваном Борисовичем (1619-1642), а затем с Яковом (Урусканом) Куденетовичем (1642-1651) Черкасскими – своими троюродными братьями. *Пользовался большой известностью и уважением в России. Он даже выдвигался его сторонниками на царский престол.* На это у него было достаточно оснований, как у родственника Ивана IV. Он отказался выставлять свою кандидатуру и вместе с Иваном Борисовичем Черкасским сделал все возможное, чтобы царем был избран Михаил Романов (1613-1645). («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090-1093).

Дмитрий Мамстрюкович прожил долгую жизнь. Он пережил своего троюродного брата и умер в 1651 г. Погребен в Новоспасском монастыре – общей усыпальнице Романовых и Черкасских. Дмитрий Мамстрюкович сохранял независимый нрав и в старости: он не подписал текста Соборного Уложения (февраль 1649 г.). Эстафету второго лица в государстве Дмитрий передал еще одному своему троюродному брату – Урускану-Якову Куденетовичу, сыну старшего князя Кабарды Куденета Камбулатовича.

3.11.3.6. Родственные связи князей Черкасских с наследниками русского престола

На дочери русского царя Фёдора Ивановича, Ольге, женился троюродный брат Симеона Бекбулатовича, князь Василий Корданукович Черкасский, принадлежавший к потомству брата Темрюка, Камбулата Идаровича.

Е.В. Пчелов (2007. С. 76).

Представляют интерес родственные связи князей Черкасских с наследниками русского престола, изложенные в работе Е.В. Пчелова (2007). Так, на дочери русского царя Фёдора Ивановича, Ольге, женился троюродный брат Симеона Бекбулатовича, князь Василий Корданукович Черкасский (погиб в 1607 г.), принадлежавший к потомству брата Темрюка, Камбулата Идаровича. [Напомним, что упомянутый выше Симе-

он Бекбулатович известен тем, что с октября 1575 г. по август 1576 г. являлся «великим князем всея Руси». Иван же Грозный в это время именова́л себя всего лишь «удельным князем Иваном Московским»].

Дядя Василия Кордануковича, – князь Борис, который до крещения звался Хорошай (Карашай) Камбулатович Черкасский (находился на русской службе уже в 1589 г., умер в 1602 г.), женился на Марфе Никитичне Романовой (умерла в 1610 г.), единокровной сестре патриарха Филарета, а, следовательно, тётке будущего царя Михаила Фёдоровича, и двоюродной сестре царя Фёдора Ивановича. Марфа Никитична была дочерью Никиты Романовича Захарьина Юрьева (брата царицы Анастасии Романовны) от второго брака, с княжной Горбатой-Шуйской следовательно, по матери она приходилась двоюродной сестрой жене Симеона Бекбулатовича.

Дочь Бориса Камбулатовича и Марфы Никитичны, Ирина (умерла в 1616 г.), – двоюродная сестра царя Михаила Фёдоровича, была женой боярина Фёдора Ивановича Шереметева (умерла в 1650 г.), одного из членов Семибоярщины, чья родная сестра Елена Ивановна Шереметева была последней женой царевича Ивана Ивановича, – сына (от Анастасии Романовны) и наследника Ивана Грозного (Пчелов Е.В., 2007. С. 76).

3.11.4. Князья Черкасские на службе России: середина-конец XVII столетия

3.11.4.1. Роль князей Черкасских в отражении польской угрозы и сохранении безопасности Руси

...Князья Черкасские считались более знатными, чем Романовы. Никто из предков Михаила Романова не занимал таких постов и не имел такого количества подданных, как князья Черкасские.

С.Х. Хотко (2007).

После пресечения династии Рюриковичей, – отмечает С.Х. Хотко (2007), – князья Черкасские сыграли выдающуюся роль в отражении польской угрозы и возведении Михаила Романова на царство. При этом Черкасские считались более знатными, чем Романовы. Никто из предков Михаила Романова не занимал таких постов и не имел такого количества подданных, как князья Черкасские. Роды Романовых и Черкасских (Темрюковичей и Камбулатовичей) выступали заодно весь период правления Годунова и Шуйских. Григорий Отрепьев, будущий Лжедмитрий II, воспитывался и сделал карьеру при дворах Романовых и Черкасских. Так, Василий IV Шуйский писал в Краков: «Юшка был в холопах у бояр у Микитиных детей Романовича и князя Бориса Черкасского и, заворовался, постригся в чернецы» (Хотко С.Х., 2007. с. 10-11).

Здесь уместно вспомнить, что Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович Черкасский командовал русской армией в самые напряженные годы борьбы с поляками. Иван Борисович Черкасский – фактический правитель России после смерти Филарета на протяжении 10-ти лет (1633-1642), двоюродный брат первого царя династии Романовых. Яков (Урускан) Куденстович Черкасский – великий русский полководец, под началом которого русская армия нанесла очень серьезные поражения войскам Речи Посполитой (1654-1667) и Швеции (1656-1658). Победа Черкасского – первая крупная победа Руси над Литвой и Польшей на протяжении всей более чем 700-летней истории соперничества этих государств. Уже на следующий год он захватывает мощную твердыню Динабург в шведской Прибалтике и осаждает Ригу. В 1663 г. князь наносит поражение королю Речи Посполитой Яну Казимиру.

О влиянии и могуществе Черкасских говорит тот факт, что в самом Кремле существовал Черкасский двор, в палатах которого всякий раз располагался наиболее авторитетный черкесский сановник. Останкино, Марьино Роща, Троицкое – все это являлось поместьями черкесских князей. На месте нынешней Российской государственной библиотеки стоял дворец главного опричника и шурина грозного царя – Михаила Темрюковича Черкасского. Новоспасский монастырь являлся общей усыпальницей Романовых и Черкасских (Хотко С.Х., 2007. с. 12).

3.11.4.2. Муцал Сунчалеевич Черкасский: «правитель над нерусским населением Терского города»

Муцал Сунчалеевич Черкасский (около 1608-1661) – князь, военный деятель. Сын кабардинского князя Сунчалая Канклычевича Черкасского (Идарова). Официально в должности правителя над нерусским населением Терского города (Терки) утвержден в 1645 г.; неофициально, т. е. без жалованной грамоты царя, наследовал власть во владениях Идаровых на Нижнем Тереке в 1636 г. В 1640 г. с братом Будачеем был обвинен в государственной измене. Причиной послужила самостоятельная позиция в кабардинских междоусобицах. Он был женат на сестре Алегуко Шогенукова – одного из лидеров Кайтукиных, которые имели тесные политические связи с Крымом и Малым Ногаем. Вместе с Кайтукиными боролся против потомков Камбулата Идарова. После поражения Камбулатовичей и их союзников в Малкинской битве (1641) он и его брат получили амнистию и вернулись на Кавказ.

В 1642-1643 гг. с дипломатической миссией был в Иране, встречался с шахом Аббасом II (1642-1666), который был женат на его младшей сестре Увжугте. Благодаря его посредничеству произошло примирение с русским правительством Алегуко Шогенукова и Хатокшоко (Атажуко) Казиева, которые после Малкинской битвы переселились со своими подданными в Закубанье. В 1645-1646 гг. – активный участник военных действий против крымских татар и ногайцев в Приазовье и на Дону. В 1651 г. со своими людьми принимал участие в обороне Сунженского острога от персидских и шамхальских войск («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1095).

3.11.4.3. Касбулат Муцалович Черкасский: выдающийся военачальник и искусный дипломат

23 сентября 1675 г. его отряд ...форсировал Гнилое море (Сиваш), ворвался в Крым, и на «зарю на крымские улусы были». Во время прорыва из Крыма имел место бой: «три солтана (царевича) крымских с ратными людьми пришли на нас... и мы бой им дали и их побили».

О.Л. Опрышко (1993).

Касбулат Муцалович Черкасский – князь, старший сын Муцала Сунчалеевича Черкасского (один из потомков князя Инала). Впервые упоминается в русских документах в 1648 г. в связи с приемом в царском дворце кабардинского князя Муцала Сунчалеевича Черкасского – правителя подвассального России княжества Идаровых в низовьях Терека и его сына и наследника Касбулата. Уже в 1651 г. он с братом Кантемиром в составе русского отряда под командованием отца принимал участие в двухнедельной обороне Сунженского острога от персидских и шамхальских войск. В 1661 г., после смерти отца, получил от царя Алексея Михайловича жалованную грамоту на княжение над нерусским населением Терского городка. В 1668 г. по его инициативе было решено перенести Терский город (Терки) на новое, более удобное место (Копань). Принимал активное участие в подавлении восстания 1667-1671 гг. под руководством Степана Разина. Благодаря его действиям, восстание не перекинулось на Северный Кавказ. С помощью Черкасского и его людей в 1670 г. от разинцев была освобождена Астрахань. В 1670-е гг. Касбулат Эльмурзович Черкасский принял христианство и стал называться Александром. Он дослужился до чина полковника с назначением командиром Терского Кизлярского казачьего войска (Опрышко О.Л., 1993). Известно о его успешных походах на Крым из Кабарды. В 1670 г. кабардинцы во главе с Мисостом Кайтукиным совершили удачный рейд в Крым. В 1672-1673 гг. Касбулат (Касполет) Муцалович Черкасский также предпринял ряд нападений на Крым, откуда вывел «русский полон». Командовал отрядом из гребенских казаков и кабардинцев при штурме османской крепости Азов в 1674 г. 1 сентября 1674 г. на подступах к Азову он разгромил высланный против него 1,5-тысячный османский отряд. Касбулат пользовался репутацией талантливого военачальника и вскоре к его отряду стали примыкать запорожские казаки и калмыки.

В августе 1675 г. он во главе отряда из нескольких тысяч всадников, костяк которого составляли кабардинские панцирники, организует новый поход на Крым. 23 сентября его отряд вместе с запорожским атаманом Иваном Серко форсировал Гнилое море (Сиваш), ворвался в Крым, и на «зарю на крымские улусы были». Пройдя по северо-восточным районам полуострова, отряд Касбулата через Перекоп ушел в Запорожье. Во время прорыва из Крыма имел место бой: «три солтана (царевича) крымских с ратными людьми пришли на нас... и мы бой им дали и их побили». Со своими близкими узденями (уорками) участвовал в русско-турецкой войне 1676-1681 гг., возглавляя соединения казаков, калмыков и др. Самое активное участие в боевых действиях на Украине приняли кабардинцы во главе с Касбулатом. Воины Касбулата Муцаловича проявили себя в боях за Чигирин, несли сторожевую службу у Чугуева и Харькова, охраняли переправу через Днепр у Киева (Максидов А.А., 2003).

Когда русское правительство стало склоняться к миру, посредником в установлении дипломатических контактов Москвы с Крымом и Османской империей был избран князь Касбулат Черкасский. В 1680 г. он добивается успеха в своей дипломатической миссии. К нему в Терки был направлен посол крымского хана Батырша с положительным ответом на мирные инициативы России. В результате его дипломатических усилий в 1681 г. между Османской империей и Россией был заключен мирный договор. Женат Александр Черкасский был на дочери кабардинского князя Кургоко (Андрея) Кончокина. Умер в 1681 г. (Опрышко О.Л., 1993; «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1091-1093).

3.11.4.4. «Пшимах-мурза Канбулатович Черкасский служит государю всюю правдою, и в Кабарде его на княжество все хотят»

И ныне горские кабардинские черкасы служат нашему царскому величеству и под нашею царскою рукою живут, и по нашей царской воле из наших царских рук на княжение их сажати велим...

Из письма царя Федора Ивановича турецкому султану (1594).

...И прадед его, и дед, и брат его – все были государевы прямые холопы и иного никого себе государя не имели. А ныне-де он, Пшимах, остался один и сзлужит государю также всюю правдою, и в Кабарде его на княжество все хотят.

Из обращения Пшимаха Черкасского к царю (1624).

Фактически на протяжении всего XVII столетия, наряду с избранным и признанным в самой Кабарде верховным князем, царь «жаловал» или «сажал» на кабардинский престол кого-либо из других владельцев,

чаще всего из числа Идаровичей («История многовекового...», 2007). Еще в 1594 г. царь Федор Иванович убеждал турецкого султана в том, что в полной мере обладает правом «жаловать» кого-либо из Иналовичей на большое княжение: «И ныне горские кабардинские черкасы служат нашему царскому величеству и под нашею царскою рукою живут, и по нашей царской воле из наших царских рук на княжение их сажати велим, и прежде сего и ныне на Кабарде начальные князи нашего царского величества посаженники».

Новому «правителю» Кабарды вручалась специальная, золотой печатью заверенная «жалованная грамота». О том, как все это происходило, подробно повествует один из документов того времени: «В прошлом во 132-м (т. е. в 1624 г. – Авт.) году приезжал к Москве из Кабарды Пшимах-мурза Канбулатович (Касбулатович) Черкасской, а бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси. Из давних-де лет надо всеми кабардинскими князи учинены были большим князем, прадед его Инал, а после него в Кабарде же был князем дед его, Иналов сын Идар, а после Идара был в Кабарде ж князем отец его, Идаров сын Канбулат, а после отца его Канбулата был на княжение в Кабарде брат его родной Куденек, и были у них государевы жаловальные грамоты за золотыми печатями. И брата-де его, князя Куденека, не стало, а после него в Кабарде князя нет. А ближе-де его и старее к княжеству нет никого, 200 лет и больше Кабардинское княжество из их родства не выхаживало, и прадед его, и дед, и брат его – все были государевы прямые холопы и иного никого себе государя не имели. А ныне-де он, *Пшимах, остался один и служит государю также всею правдою, и в Кабарде его на княжество все хотят*. И государь, и великий государь Святейший Патриарх пожаловали б его для их прямые и верные службы, велели его, Пшимаху, в Кабарде учинить князем также. Как были прадед, и дед, и отец, и брат его князми, и пожаловали б, велели ему дати свою государеву грамоту за золотою печатью... [На этой выписке пометка думного дьяка Ивана Грамотина: «Государь пожаловал, велел дать княжение и грамоту»]. И как Пшимах-мурза был у государя на отпуске, и княжение ему сказано при государе в то время. А говорил Пшимаху речь и сказывал ему отпуск думной дьяк Иван Грамотин. А дано Пшимаху при государе государева жалованья на отпуске: шуба камка куфтерь на соболех в 30 рублей, шапка лисья черна в 7 рублей. И дана князю Пшимаху государева жаловальная грамота о княжении, писана на александрийском на большом листу с каймою и с фигуры, Божие имя и государево титуло до владимирского писано золотом, печать у государевы грамоты золотая. А отдана та государева грамота князю Пшимаху самому на подворье» («Кабардино-русские отношения...», 1957. Т.1. С. 136-137).

3.11.4.5. «Урускан-Яков Куденетович был очень любим царем и всеми людьми»

У Николаса Витсена (1675 г.) при описании Кабарды упоминается высокое положение Якова Куденетовича при московском дворе и при этом особо подчеркивается его моральный авторитет: «Урускан-Яков Куденетович был очень любим царем и всеми людьми».

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Эстафету второго лица в Российском государстве Дмитрий передал своему троюродному брату – Урускану-Якову Куденетовичу, сыну старшего князя Кабарды Куденета Камбулатовича.

С.Х. Хотко (2008).

Эстафету второго лица в Российском государстве Дмитрий (Каншао) Мамстрюкович Черкасский передал своему троюродному брату – Урускану-Якову Куденетовичу, сыну старшего князя Кабарды Куденета Камбулатовича.

Мать Урускана-Якова – Бабасунх Алкасова Черкасская (последняя четверть XVI в. – первая треть XVII в.) – княгиня из кабардинского рода Джилахстановых, сестра Мудара Алкасова. Куденет (старший сын князя – валия Кабарды Камбулата Идарова, 1616-1624) от брака с ней имел трех сыновей: Урускана, ставшего боярином и известным полководцем России, а также Кельмамета и Ильдара Черкасских. Кроме этого, у нее был сын Камбулат Пшемахович от Пшемахо Камбулатовича – младшего брата Куденета, чьей женой она стала после смерти мужа по обычаю левирата. Все дети от первого брака были сторонниками союза с Россией. Ей с мужем и детьми пришлось бежать из Кабарды от преследований Кайтукиных. В течение длительного времени жила в Терском городе (Терки), где нес службу ее муж Куденет. Когда он стал князем – валием Кабарды, семья оказалась в эпицентре междоусобной борьбы. Противники Камбулатовых в мае 1641 г. убили ее брата Мудара Алкасова, а 12 июля 1641 г. в Малкинской битве от их рук погибли ее сыновья Кельмамет и Ильдар Куденетовичи Черкасские («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1089).

Урускан-Яков Куденетович Черкасский. Следующий выдающийся представитель плеяды Черкасских – Урускан-Яков – «воплотил в себе канонические качества черкесского рыцаря». Талантливый военачальник и видный государственный деятель России. Князь. Боярин (1645). Сын старшего князя Кабарды (1616-1624) Куденета Камбулатовича Черкасского. Имел в Москве могущественных покровителей. Его двоюродным братом был всеильный Иван Борисович Черкасский, троюродным – Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, а его крестным стал Иван Никитович Романов – родной дядя царя всея Руси.

В 1624 г. Урускан Куденетович приехал в Россию, был крещен и получил имя Яков. Не прошло и года, как он получил чин стольника и уже в 1625 г. восседал на «первом месте» среди царских стольников в Золотой палате. В 1626 г. Яков Черкасский на царском – «жениховском» месте до прихода государя во время бракосочетания последнего. Во время коронации второго царя из династии Романовых – Алексея Михайловича (28 сентября 1645 г.) Яков Черкасский «первым перед государем ходил и вино наряджал на государевом столе». Как и Дмитрий Мамстрюкович, Яков Куденетович не подписал текста Соборного Уложения (1649), так как считал, что оно нарушает его особые княжеские привилегии. Вскоре выдвигается в число наиболее опытных военачальников и влиятельных государственных деятелей России.

После восстания в Москве (1648), когда сошла на нет власть воспитателя царя боярина Морозова, Яков-Урускан возглавил правительство царя Алексея Михайловича. Однако Морозов был возвращен из ссылки, и Яков Куденетович на время отошел в тень. Но через несколько месяцев он уже во главе Стрелецкого приказа (Вооруженные силы), а немного позже возглавляет Иноземный приказ (Иностранные дела). У Николаса Витсена (1675 г.) при описании Кабарды упоминается высокое положение Якова Куденетовича при московском дворе и при этом особо подчеркивается его моральный авторитет: «Яков Куденетович был очень любим царем и всеми людьми».

Яков (Урускан) Куденетович Черкасский – великий русский полководец, под началом которого русская армия нанесла очень серьезные поражения войскам Речи Посполитой и Швеции (1656-1658). Назначен первым воеводой Большого полка в начале войны с Речью Посполитой за воссоединение Украины с Россией.

2 августа 1654 г. Яков Куденетович нанес поражение гетману Великого княжества Литовского Радзивиллу и занял Оршу. Продолжая наступление, 7 августа у г. Шклова Черкасский полностью разбил армию Радзивилла, затем занял Смоленск, продвинулся дальше на запад, и овладел стратегически важной Дубровинской крепостью.

В 1655 г. Я.К. Черкасский еще раз громит Радзивилла, затем наносит поражение гетману Польши Гансевскому. 29 июля происходит грандиозное событие – Я.К. Черкасский во главе кавалькады тяжеловооруженных черкасских всадников первым въезжает в Вильно, столицу Литвы, которая с XIII в. доминировала над западно-русскими областями, белорусскими и украинскими землями. А в августе 1655 г. Яков Черкасский занимает Гродно и Ковно. Под руководством черкасского князя русская армия впервые продвинулась так далеко на запад.

Победа Черкасского – первая крупная победа Руси над Литвой и Польшей на протяжении всей более чем 700-летней истории соперничества этих государств. В следующем году в Прибалтике овладел Динабургом и осадил Ригу. В 1663 г., когда после долгого перемирия военные действия возобновились, в районе городов Мглинь и Кригедом нанес поражение королю Речи Посполитой – Польши Яну Казимиру. Талантливый полководец, Яков Черкасский внес заметный вклад в укрепление и расширение Русского государства. Умер в 1666 г. и погребен в Новоспасском монастыре («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1095-1096).

Выдающийся вклад в развитие Урала и в Западной Сибири, создание там городов, металлургических и оружейных заводов, внесли сын и внук Якова-Урускана – Михаил и Алексей Черкасские, многолетние губернаторы этих регионов.

3.11.4.6. Михаил Яковлевич Черкасский: «В становлении и укреплении русской армии и государства князь с сыновьями сыграли выдающуюся роль»

Михаил Яковлевич Черкасский был назначен губернатором Сибири в 1697 г. Он входил в число ближайших сподвижников Петра I.

С.Х. Хотко (2007).

Михаил Яковлевич Черкасский – государственный деятель России. Князь. Боярин (1682). Сын выдающегося полководца и государственного деятеля Якова (Урускана) Куденетовича Черкасского. В 1680 г. назначается стольником к малолетнему царевичу Петру Алексеевичу – будущему императору Петру I. В 1685 г. назначен воеводой в Новгород.

Михаил Яковлевич получил назначение на Тобольское губернаторство в 1697 г., а в 1698 г. Петр поручил ему строительство первых плавильных заводов на Урале. Губернатор огромного Сибирского края, со своим помощником – «товарищем» – старшим сыном стольником Петром, развернул работы по изысканию руд, строительству железоплавильных и оружейных заводов. Черкасский успешно справился с заданием. Думный дьяк Сибирского приказа Андрей Вinius в декабре 1702 г. сообщал Петру: «А тщанием верного вашего государева раба, князя Михаила Яковлевича, на первых заводах к вешнему поплаву пушек, мортиров и гаубиц болши 100, чаю, быть; да мешают мастеров пьянство».

В 1698-1704 гг. Черкасский построил ряд плавильных заводов, некоторые из которых существуют и поныне: Невьянский завод («Старый завод»), Алапаевский, Уктусский, Каменский заводы. В 1702 г. Петр решил уступить Демидову лучший из заводов, построенных Черкасским, – Невьянский.

В 1702 г., на смену умершему за год до этого сыну Петру, в помощники к князю направляется его младший сын, стольник Алексей. Благодаря князю и его сыну армия и флот регулярно получали из Сибири вооружение, боеприпасы, корабельный лес, а казна – золото, серебро, пушнину. По заданию Петра I расширяет и углубляет работы по освоению сибирских просторов – строятся города, кирпичные, лесопильные,

медеплавильные заводы, соляные копи. Как справедливо отмечают исследователи, «...в становлении и укреплении русской армии и государства князь с сыновьями сыграли выдающуюся роль. В годы его правления началось активное освоение Сибири Русским государством.

В 1710 г., после 13 лет губернаторства в Сибири, Михаил Яковлевич Черкасский вернулся в столицу, где и скончался в 1712 г.» («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1095).

Не меньший вклад в создание промышленности на Урале и Сибири внес его сын, внук Якова-Урускана Черкасского – Алексей Михайлович, о чем речь пойдет ниже, в разделе 1.3.11.6.

3.11.4.7. Михаил (Алий) Алигукович Черкасский: вклад в создание русской регулярной армии

Если Петр I пока еще играл в «потешные», то его сторонники, и особенно М.А. Черкасский, уже стремились превратить потешные батальоны в регулярные полки.

М.М. Богословский (1969).

Важную роль в истории России конца XVII – начала XVIII в., – отмечает В.Х. Пшемурзов (2003), – играли кабардинские князья – сподвижники Петра I – Михаил Яковлевич, Михаил Алегукович, Алексей Михайлович и Александр Бекович-Черкасский. Особое место в этом перечне поистине блестящих имен выдающихся государственных деятелей России петровской эпохи занимали Михаил Алигукович Черкасский и Девлет-Гирей (Александр) Бекович.

Боярин Михаил-Алий Алигукович (Алей Алегукович) Черкасский – сын кабардинского князя Алигуко Сунчалеевича. Его мать – Таука Салтанбековна Черкасская – кабардинская княгиня, жена Алегуко Сунчалеевича. Она пользовалась большим уважением не только в Кабарде, но и на всем Северном Кавказе. Живя в Терском городе, вела переписку с сыном и с государственными учреждениями в Москве. Зная, какое влияние имеет ее сын в Москве, многие обращались к ней за помощью. Находясь в Терской крепости, вела активную деятельность по укреплению русско-кавказских отношений («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1089).

Алий Алигукович Черкасский – государственный и военный деятель России. Князь. Боярин (1679). Внук кабардинского князя Сунчалая Канклычевича Черкасского (Идарова). Быстро и успешно продвигается по службе, в 1674-1676 гг. был губернатором в Новгороде. Должность воеводы он занимал и в других городах, в том числе и в Москве. Принимал участие в русско-турецкой войне 1676-1681 гг.

С 1677 г. командовал русской армией. В 1679 г., предводительствуя русским войском, удержал османов и крымцев от вторжения на Украину. Об этом есть свидетельство в словаре Д.М. Бантыш-Каменского «Достопамятные люди Русской земли» (М., 1983. Т. 5. С. 524-528), где отмечается, что «...князь Михаил Алегукович в 1679 г., предводительствуя многотысячным войском, удержал турок и татар от вторжения на Украину, нанес последним значительный урон под Киевом».

В период восстания стрельцов (1682), поддержавших царицу Софью – сводную сестру Петра I, стремившуюся к власти, встал на сторону малолетнего Петра I. Один из тех, кто стоял у истоков преобразования «потешных» батальонов Петра I в настоящие боеспособные полки (Семеновский, Преображенский). «Если Петр I, – писал М.М. Богословский, – пока еще играл в «потешные», то его сторонники, и особенно М.А. Черкасский, уже стремились превратить потешные батальоны в регулярные полки». Юный царь доверял черкесскому князю абсолютно: он всегда оставлял его за себя во время своих многочисленных поездок. В письмах к своим сподвижникам царь Петр приказывал: «Исправлять (т. е. исполнять. – Авт.), не описывая, все, о чем станет говорить господин Черкасский».

После неудачного Азовского похода (1695), во время подготовки к следующему походу на Азов, внес деньги на строительство двух боевых кораблей. Когда встал вопрос о назначении главнокомандующего (генералиссимуса), было решено избрать на эту должность князя и боярина Черкасского. Это решение было принято 14 декабря 1695 г. на заседании царского совета по предложению самого Петра I. Однако впоследствии князя по его болезни заменил боярин Шеин. Тем не менее, Петр I назначил князя своим наместником в Москве. Один из ближайших сподвижников Петра I в его великих преобразованиях, умер (по одним источникам в 1712 г., а по другим – в 1721 г.) в зените славы, почета и уважения («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1094).

3.11.5. «Служить русскому государю с усердием»: к родословной кабардинского клана Бековичей-Черкасских

Князья Бековичи-Черкасские становятся широко известными в России в XVIII столетии. Основателем их «русской» ветви был Александр Бекович. Позже эта фамилия перешла на его родственников и их многочисленных потомков, живших в Кабарде. «Родословная князей Бековичей-Черкасских представляет собой разветвление кабардинских (черкесских) князей, ведущих свое происхождение от Инала, султана Египетского, – писал С.В. Любимов в «Материалах для родословной князей Бековичей-Черкасских» (1915). – Несмотря на разность поколений и весьма отдаленное, проблематичное родство, существовавшее между отдельными представителями черкасских князей, – их всех связывало общее происхождение – от князя Инала» (Опрышко О.Л., 2007).

3.11.5.1. Предки Александра (Девлет-Гирей) Бековича-Черкасского

Родословная князей Бековичей-Черкасских представляет собой разветвление кабардинских (черкесских) князей, ведущих свое происхождение от Инала, султана Египетского...

С.В. Любимов (1915).

В начале XVIII в. роль царского агента и посредника в отношениях Кабарды и России играл сын убежденного сторонника Крымского ханства Бекмурзы Жамботовича – Александр Бекович-Черкасский, он же: Девлет-Гирей (Давлет-Гирей) Бекмурзин, близкий сподвижник Петра Великого. Не исключено, что отец дал ему такое необычное для своей среды имя – Девлет-Гирей – в честь сына крымского хана Селим-Гирея I, при дворе которого он находился чаще, чем у себя дома, в Кабарде (Хотко С.Х., 2008).

Интересно проследить родословную этого одного из самых известных адыгских князей – Александра Бековича-Черкасского и его потомков, оставивших заметный след в адыгской и русской истории. Большую работу в этом направлении проделал В.С. Беспанев (1995), результаты исследования которого приведем в кратком изложении. Александр Бекович-Черкасский являлся основателем рода (клана) Бековичей-Черкасских. Как писал известный историк XIX в. П.В. Долгоруков, «...родоначальник этой ветви Александр Черкасский был одним из образованнейших людей своего времени и отличных способностей». Позже эта фамилия перешла на его родственников и их потомков, живших в Кабарде.

Кем же на самом деле был этот человек и как он стал Бековичем? – спрашивает О.Л. Опришко (2007). Род его по генеалогическому древу кабардинских князей действительно восходил к Иналу, умершему в середине XV столетия. Впрочем, по мнению С. Любимова (1915), к которому присоединяется академик М.Г. Аутлев (1996), род Черкасских «восходит ко временам пребывания детей князя Темрюка при дворе Ивана Грозного». Считалось, что от трех внуков Инала и пошли все владельцы Большой и Малой Кабарды. Сам же представители рода Бековича называли своими праародителями внука Инала – Янхота (Джанхота) и его сына Беспанея, являвшегося двоюродным братом князя Идара.

Прадед Александра Бековича Черкасского – князь Казый Пшеапшоков, известный в истории Кабарды XVI-XVII вв., повинный в убийстве сыновей князя Темрюка – Мамстрюка и Домонуко. В июне 1614 г. с двумя своими родственниками он «дал шерть», т. е. – присягу на верность России. А осенью в связи с попытками персидского шаха Аббаса I склонить кабардинцев на свою сторону, они заявили терскому воеводе, что от «Руси со всеми своими узденями неотступны навеки, а к Шах-Басу (Шаху Аббасу) они ехати и служить ему не хотят».

Судя по родословным кабардинских князей и мурз, у Казыя Пшеапшокова было пятеро сыновей: Атажуко (Хатокшуко, Хатакшуко), Шолох, Джамбулат, Мисост и Ислам. Его внукам и правнукам суждено будет играть главенствующую роль в политической и общественной жизни Кабарды, в то время как Идаровичи – Темрюковичи со временем отойдут на второстепенные роли. Один из детей Казыя Пшеапшокова – Джамбулат оставил после себя троих сыновей, младший из которых Бекмурза и был отцом Девлет-Гирея – будущего Александра Бековича-Черкасского (Беспанев В.С., 1995; Опришко О.Л., 2007).

3.11.5.2. Юные годы: «В чертах черкеса – благородство и твердость духа, отличающие воина по происхождению»

Имеешь ли служение – пребывай в служении. В усердии не ослабевайте.

Послание к Римлянам, 12; 7, 11

В чертах черкеса (Александра Черкасского) видны благородство и твердость духа, отличающие воина по происхождению.

И. Корб, австрийский дипломат (1699).

Попавший в юные годы в Россию Девлет-Гирей Бекмурзин, уроженец Малой Кабарды, больше известный у черкесов под именем Тембот или Темир-Булат, после крещения в православную веру, был наречен Александром. В юности Девлет-Гирей находился в городе Терки в качестве аманата, откуда его в начале 90-х гг. XVII в. принудительно отправили в Москву «к государю». В Москве он под именем Александра живет на правах члена семьи в доме дядьки царя Петра I, князя Б.А. Голицына. О.Л. Опришко восстанавливает состав той семейно-родственной среды, в которой оказался Девлет-Гирей: кузина Голицына Евдокия Ивановна в 1670 г. вышла замуж за Михаила Петровича Черкасского, а затем за Андрея Камбулатовича Черкасского. Голицыны были тесно связаны с царской семьей, а Б.А. Голицын являлся воспитателем Петра в детские годы царя. Исследователи подчеркивают, что все князья Черкасские были верны Петру – предпринимчивый государь был по душе энергичным сынам Кавказа.

В 1694 г. Александр Бекович-Черкасский – офицер Преображенского полка. О молодом Александре интересные воспоминания содержатся в дневнике австрийского дипломата Иоганна Корба, секретаря ав-

стрийской миссии в 1691-1699 гг.: «С целью блеснуть своим гостеприимством, князь Голицын приказал своим сыновьям прислужить господину послу; к ним присоединил молодого черкесского князя, недавно еще тайно похищенного у своих родителей. В выражении лиц Голицыных видна скромность, в чертах же черкеса – благородство и твердость духа, отличающие воина по происхождению».

Этот период жизни Александра Бековича-Черкасского сформировал из него настоящего русского офицера. В 1707-1709 гг. Александр проходит, по примеру самого Петра, военно-морское обучение в Голландии «для изучения кораблестроения и мореходства» (Хотко С.Х., 2008). Мореходное дело изучал «весьма прилежно». В бумагах Петра I сохранились о нем ценные биографические сведения: «Князь Александр Черкасский был послан для науки в Голландию, откуда плавал на голландских кораблях в Португалию, Испанию, в Средиземное море до Венеции и к Архангельску». По возвращении князя из-за границы он женился на княжне Марфе Борисовне Голицыной, у них родилось двое сыновей и две дочери (Бесланев В.С., 1995).

3.11.5.3. «Деятельный и умный кабардинец»: дипломатическая миссия Александра Бековича-Черкасского в Кабарду и Дагестан

Важную роль в истории России конца XVII – начала XVIII в. играли кабардинские князья – сподвижники Петра I – Михаил Яковлевич, Михаил Алегукович, Алексей Михайлович Черкасские. Ближайшим помощником Петра I был и Александр Бекович-Черкасский.

В.Х. Пшемурзов (2003).

Одним из ближайших сподвижников Петра являлся Александр Бекович-Черкасский, вошедший в историю своим благородным, рыцарским поведением в бухарском плену. Этот черкес, получивший первоклассное европейское образование, имел самые разносторонние таланты...

С.Х. Хотко (2007. С. 12).

В период правления Петра I русская политика по отношению к Кабарде была двойственной. С одной стороны, в ответ на союзнические отношения в противоборстве с Турцией и Крымом царское правительство давало обещания о принятии на выгодных условиях Кабарды в состав России на правах автономного отдельного княжества. С другой – оно брало обязательства перед Турцией и Крымом не вмешиваться в дела Кабарды и не искать с ней союза. По условиям Белградского договора 1739 г. специальная статья затрагивала впервые за всю историю русско-турецких противоречий спорный вопрос о Кабарде. Она была провозглашена «вольной» и должна была служить как бы барьером между Россией и Турцией. Такое решение не соответствовало интересам кабардинского народа и делало его беззащитным перед любой агрессией. Если бы царское правительство считало кабардинские земли неотъемлемой частью своей государственной территории, то вряд ли оно пошло на такой шаг... (Дзамихов К.Ф., 2008)

Для того, чтобы подорвать турецкое и иранское влияние на Северном Кавказе, Петр I, готовясь к трудному походу в Закавказье, направил весной 1711 г. с царской грамотой в Кабарду и Дагестан капитана русской гвардии, князя Александра Бековича-Черкасского, «деятельного и умного кабардинца, игравшего большую роль в личном окружении царя Петра». А перед его поездкой (4 марта) Петр I направил «Татархану-князю и братьям его и всему народу кабардинскому свое милостивое слово». В этой царской грамоте, обращенной к кабардинскому народу, были изложены договорные начала предлагаемого союза... «Доносил нам брат ваш князь Александр, что вы имеете желание под нашу, царского величества, высокодержавную руку поддаться и тем себя и подданных ваших из-под ига турецкого и хана крымского освободить... И мы, наше царское величество, то ваше желание приемлем милостиво и изволяем вас к себе в подданство и оборону принять. Только желаем дабы вы показали к нам ныне свою службу и верность против салтана турецкого и хана крымского, которые против нас войну начали...».

Александр удалось убедить кабардинских князей принять участие на стороне России в назревавшей войне с Турцией. По возвращении с Северного Кавказа Александр Бекович-Черкасский сообщил царю, что Кабарда остается, как всегда, верной России. Князья и уздени Большой и Малой Кабарды приняли и на этот раз присягу на верность Петру I. Правительство Петра I обещало за такое содействие принять на выгодных условиях Кабарду в состав России на правах отдельного княжества.

Условия союза, предлагаемые российским правительством, по мнению К.Ф. Дзамихова (2008), отвечали интересам кабардинского общества и являлись продолжением политико-правовой традиции во взаимоотношениях сторон с середины XVI в. Со своей стороны, кабардинскими князьями были выдвинуты следующие требования: «оставить» и «не забыть» кабардинцев в случаях заключения Россией мирного трактата с Турцией; не давать Кабарду «в разорение и оборонить от неприятеля»; не посылать кабардинцев в дальние походы на службу; наделять погодным жалованьем. Таким образом, князю А. Бековичу-Черкасскому удалось заключить очередной договор, закрепленный с обеих сторон присягой. Он обеспечивал кабардинцам покро-

вительство со стороны России, военно-политическое сотрудничество с которой укрепило бы российские позиции на Кавказе. Давая определение политике Петра I в отношении Кабарды, С.К. Бушуев считал, что петровская дипломатия стремилась нейтрализовать турецкое влияние в Кабарде и консолидировать ее как государственную единицу в составе России.

Летом 1711 г. в ходе кубанского похода кабардинские отряды атаковали Крым с востока, оказывая значительную поддержку воеводе П.М. Апраксину, наступавшему с севера. 20 октября этого же года кабардинцы нанесли поражение войску Мурад-Салтана, «побили 359, да полон взяли 40 чел., а других потопили и лошадей взято многое число». Указанные действия сковывали значительное количество османско-крымских войск на Кубани и тем облегчали положение русской армии на главном театре военных действий в ходе русско-турецкой войны 1711 г.

Османское правительство выступило с резкой угрозой в адрес Кабарды: «Кабардинские владельцы, – князья Черкасские, чего ради вы московскому государю войску пристав, наших подданных кубанских жителей разорили и войско их разбили, если бы вы, и мы бы [в] разорении не были, для чего вы на своего государя и на веру свою руку подняли. Ныне вы придите и принесите повинную, и отпустится ваше пригрешение и не разоритесь до конца, и во всякой будете милости. А буде того не учините, и в нашей воли не будете, князей ваших и узденей ни едина до вас не спасется» (Дзамихов К.Ф., 2008).

В 1712 г. вместе с Александром Бековичем-Черкасским в Москву прибыло кабардинское посольство. Многие из приехавших получили награды. Петр I прислал кабардинскому народу грамоту, в которой благодарил за службу и отмечал его храбрость. Кабарде вновь была обещана помощь на случай нападения Турции и Крыма. Специальное указание об этом было послано и астраханскому губернатору Артемию Волынскому. Многочисленные обращения кабардинских владельцев к царскому правительству с просьбой о помощи являются свидетельствами чрезвычайного положения Кабарды в связи с усилением агрессии Крыма. Поступали они и в адрес князя А. Бековича-Черкасского. Александр Бекович представил царю специальный проект, предусматривающий необходимость привлечения северокавказских народов на русскую сторону и формирования единого фронта против турецко-крымской агрессии на Кавказе. Он рекомендовал с этой целью ввести русские войска в Кабарду и Северный Дагестан. В мае 1714 г. Петр I одобрил эти предложения и предписал Сенату продумать вопрос о том, «каким образом лучше при нашей стороне удержать» северокавказских владетелей (Дзамихов К.Ф., 2008).

3.11.5.4. Последняя экспедиция в Хиву: трагическая гибель кабардинского князя

Пушкин, ссылаясь на предание, пишет, что Петр I, не очень скорбевший о неудачах, «на одре смерти жалел лишь о двух вещах: что не отмстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве – за убийство Бековича».

В.С. Бесланев (1995).

В 1714 г. Александр Бекович-Черкасский получил от Петра I очень важное и почетное задание: обследовать берега Каспия, особенно восточные, совсем не изученные, и составить подробную карту. В экспедиции участвовали 1500 солдат на 30 шхунах при 19 пушках. Составленная им первая в истории научная гидрографическая карта Каспийского моря и побережья Восточного Каспия вплоть до начала XX в. оставалась наиболее точной (Хотко С.Х., 2007. с. 12).

Спустя 3 года, в 1717 г. Петр I послал его в новую экспедицию, еще более трудную и опасную. В походе князя сопровождали два его родных брата с 20 черкесскими узденями. Новая (и последняя) экспедиция была направлена в 1716 г. в Хивинское ханство для проверки слухов о наличии большого количества золотого песка в р. Аму-Дарье (слухи не подтвердились) и выяснения возможности присоединения Хивы к России. Там же в этом же году князь был убит.

О трагической кончине А. Бековича-Черкасского сообщает Э.М. Мурзаев (1980). По его словам, в 1717 г. из Гурьевского городка по направлению к Хиве вышел большой отряд русских войск в 3000 чел. Транспорт, обслуживающий этот поход, растянулся на несколько километров. Это и было посольство князя Бековича-Черкасского к хивинскому хану. Предатель-проводник сообщил хану Хивы о походе русских. Хан решил разгромить отряд и собрал 15000 всадников. Но, не рассчитывая разбить русских в открытом бою, пустился на хитрость. Он пригласил Бековича-Черкасского к себе быть гостем и братом. Доверчивый князь согласился. Разделив русское войско на пять частей в разных концах города якобы для отдыха, хан в ту же ночь начал избиение всех русских одновременно. Самого же Бековича смерть настигла в пос. Порсу: его раздели догола и зарубили саблями. От 3-тысячного русского отряда не осталось практически никого. Как здесь не вспомнить библейское: «Он прогонит врагов от лица твоего и скажет: «Истребляй!» Упою стрелы Мои кровию, и меч Мой насытится плотью, кровию убитых и пленных, головами начальников врага...» (Второзаконие, 32, 42; 33, 27).

Несколько иное изложение этих событий приводится у других авторов. Так, С.Х. Хотко (2008) отмечает, что «...Александр нанес поражение армии хивинского хана Шир-Газы – тот капитулировал и согласился на воз-

ведение русских крепостей. Но затем, усыпив бдительность черкеса, хан предложил расквартировать его корпус по пяти городам. В итоге, все были перебиты. «Самого князя, – писал Роберт К. Масси, – приволокли в ханский шатер, где на полу была расстелена алая кошма – символ крови и мести. Князь отказался преклонить колени перед ханом, и тогда ханские телохранители – чтобы он пал ниц перед их владыкой, – перерезали ему икры своими кривыми саблями. Вслед за тем кабардинца сначала обезглавили, содрали с него кожу и, набив ее соломой, ставили чучело на обозрение во дворе ханского дворца» (по Ш. Ногмову, с него живого содрали кожу. – Авт.).

Другие источники дополняют подробности этого трагического эпизода. Александр Бекович-Черкасский погиб, выполняя ответственное поручение императора Петра I, – пишет С.Н. Бейтуганов (2007). Накануне своей трагической кончины Александру Бековичу пришлось испить горькую чашу – на Волге, под Астраханью, погибли во время бури его жена Марфа и две маленькие дочки. А.С. Пушкин писал: «Бекович в сие время (Хивинский поход. – Авт.) получил известие, что жена его (урожденная княжна Голицына) утонула с двумя своими детьми в Волге. Он впал в уныние и обезумел».

Кстати, Пушкин не очень лестно отзывался о нем. «К несчастью, Бекович был легковверен, упрям и несведущ, и предприятие великое с ним вместе погибло», – писал он, более скорбя о неудачном походе, чем о погибшем предводителе и других его участниках. Но был ли Пушкин справедлив в характеристике, данной им соратнику Петра I? – спрашивает С.Н. Бейтуганов (2007).

Последний поход Александра Бековича-Черкасского в совершенно неизвестную русским Хиву, полную опасностей, должен быть расценен как подвиг безгранично преданного императору крещеного кабардинца. «Легковверному и несведущему» (по мнению некоторых авторов) человеку Петр Великий не доверил бы «предприятие великое», а без упрямства, т. е. упорства и настойчивости, не отваживаются на рискованное дело. Как-никак выбор Петра I говорит сам за себя. И, словно в подтверждение этого, Пушкин, ссылаясь на предание, пишет, что Петр I, не очень скорбевший о неудачах, «на одре смерти жалел лишь о двух вещах: что не отмстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убийство Бековича».

Смерть «легковверного и несведущего», по прошествии стольких лет, с горечью не вспомнилась бы воинственному императору, тем более на его смертном одре: Александр Бекович безусловно был достоин внимания и доверия Петра Великого.

3.11.5.5. Судьба ближайших родственников и потомков князя Александра Бековича-Черкасского

Когда исполнятся дни твои, и ты отойдешь к отцам твоим, тогда Я восставлю семя твою после тебя, которое будет из сынов твоих...

1-я книга Паралипоменон (17; 11).

Александр (Большой) и Александр (Меньшой). У Александра Черкасского было два сына. Старший из них Александр (Большой) служил в русской армии, участвовал в войне с Турцией и Пруссией, ушел в отставку в чине полковника, умер в 1776 г. Младший сын, тоже Александр (Меньшой) служил в шляхетском корпусе, дослужился до чина бригадира (ранг между полковником и генералом), после себя оставил 4-х сыновей. Старший из них – Николай Александрович – был женат на графине Ефимовской, двое других его сыновей были участниками Отечественной войны 1812 г. Еще один сын Александра (Меньшого) – Дмитрий был коллежским ассессором. Сын его – Петр Дмитриевич ряд лет был губернатором Симбирской губернии (Бесланев В.С., 1995).

Эльмурза Бекович-Черкасский (Эль-Мурза Бек Черкасский), младший брат Александра Бековича, тоже состоял на службе в русской армии. Во время известного Персидского похода он вместе с Ассан-бек-Кеметовым добровольно явился к царю и принял «самое деятельное участие в делах похода», за что от Петра I получил чин поручика. Кроме того, Петр I пожаловал ему земли, лежащие вокруг крепости св. Креста (ныне – Ставрополь), а когда крепость была оставлена и жители ее перешли в Кизляр, переселился туда со своими людьми и Эль-Мурза. Князь командовал здесь терскими казаками и защищал с ними край от набегов горских народов. Императрица Елизавета Петровна своим указом от 15 июля 1744 г. произвела его в «генерал-майоры иррегулярных войск» и назначила начальником «Кизлярского иррегулярного войска», состоявшего из казаков, горцев и «юртовских татар», обитавших по Тереку (Опрышко О.Л., 1993; Бейтуганов С.Н., 2007).

О брате Александра – Эльмурзе упоминает А.С. Пушкин в своей «Истории Петра I»: «20 сентября 1722 г. прибыл Петр с армией к Сулаку. Там заложил но новый город, ...назван крепостью св. Креста. ...Петр повелел в крепость св. Креста перевести гарнизон и жителей терских, и поселенных близ него черкес Нижней Кабарды (Ахочинская слобода, 300 семей, – старшина Эльмирза (Эльмурза), брат Бековича-Черкасского)».

Эльмурза Бекович-Черкасский имел 8 сыновей, из них трое были офицерами русской армии. Так, Каспулат Эльмурзович (после крещения – Александр) в звании полковника командовал Терским казачьим войском. У Каспулата-Александра было 3 сына: Алексей, Федор и Ефим, о которых речь пойдет ниже (Бесланев В.С., 1995).

Александр Черкасский. Сын Александра-Каспулата Эльмурзовича Александр был генералом русской службы. Женился на княгине Любове Александровне Кончаковой (из кабардинской фамилии Мударовых),

воспитывавшейся в России. После чумы, опустошившей Малую Кабарду, Ермолов признал необходимым вновь заселить эти места. Малокабардинские земли издавна принадлежали роду Мударовых. Но так как весь род Мударовых и Кончаковых был истреблен чумой и единственной представительницей его осталась Любовь Александровна Бекович, то она признана была, вместе с сыновьями Федором и Ефимом, законной наследницей всех этих земель. Последний, Ефим, был в то время на русской службе в чине прапорщика. Бековичи переселили сюда своих крестьян из Кизляра и сделались владельцами Малой Кабарды.

3.11.6. XVIII столетие: «Созвездие имен известных...»

3.11.6.1. Алексей Михайлович Черкасский: «Великий канцлер Российской империи, безукоризненно честный и разумный...»

Алексей Михайлович... был губернатором Сибири, затем мэром новой столицы. Стал канцлером при Анне Иоанновне, и его мы можем считать последним великим представителем блистательной плеяды князей Черкасских в России.

С.Х. Хотко (2007).

Алексей Михайлович Черкасский (1680-1742) – российский военный деятель, князь, великий канцлер (1740-1742). Младший сын боярина Михаила Яковлевича Черкасского, внук Якова-Урускана. При Екатерине I Алексей Михайлович – сенатор. При Анне Иоанновне он вошел в Кабинет министров, в который входили еще только двое высших сановников империи. Будучи стольником, в течение восьми лет (1702-1710) находился в Сибири, помогая отцу управлять этим огромным краем. С 1710 г. управлял городской канцелярией строений С.-Петербурга.

В 1714 г. стал обер-комиссаром С.-Петербурга и много сделал для организации строительства в новой столице России. В 1719 г. назначается губернатором Сибири. На этом посту продолжил начатое еще отцом и старшим братом дело освоения необъятного края. Петр I с похвалой отзывался о его деятельности, так как «дела шли успешно и с великой пользой» для государства. В Петербург вернулся вскоре после смерти Петра Великого (1725). Благодаря своим личным качествам, быстро выдвинулся в первые ряды российской политической элиты. Он один из 12-ти членов восстановленного в 1730 г. Сената. 23 марта 1730 г. сенатор Черкасский награждается высшим орденом империи – св. Андрея Первозванного, а 30 августа этого же года – орденом св. Александра Невского. Через год – уже действительный тайный советник (2-й класс «Табели о рангах»). Достиг самых высоких ступеней власти.

Роль и политическое влияние А.М. Черкасского в России были огромны. 10 ноября 1740 г. назначен великим канцлером Российской империи. Его авторитет был столь велик, что он сохранил свой пост при Елизавете Петровне. Посол Франции Шетарди так напутствовал своего приемника: «держаться Черкасского, который безукоризненно честный и разумный... и при том пользующийся доверием Императрицы». С этого времени основным его занятием становятся международные дела Российской империи. Им были подписаны трактат о союзе с Пруссией (1740), трактат оборонительного союза России и Англии (1741), конвенция между Данией и Россией о снабжении кораблей, идущих из России, и многие другие документы. В ноябре 1741 г. составил манифест о вступлении Елизаветы Петровны (1741-1761) на российский престол и форму ее присяги. Честность, неподкупность и стойкость в защите интересов России признавали за ним даже его враги. В бытность нахождения А.М. Черкасского на высших постах Российского государства Кабарда была признана страной, независимой и от России, и от Турции (по Белградскому трактату, 1739 г.). Находясь на коронации Елизаветы Петровны в Москве, заболел. Скончался в начале ноября 1742 г. А.М. Черкасский был богатейшим человеком в России. По этому поводу в «Русском биографическом словаре» сказано: «Трудно среди русских найти подданного, который, подобно Черкасскому, совмещал бы самое знатное происхождение и очень большое состояние». Сыновей он не имел, а потому все его огромное состояние перешло к зятю – графу Шереметьеву.

Деятельность Михаила Яковлевича и Алексея Михайловича Черкасских на высших государственных постах, а также на Урале и в Сибири имела огромное прогрессивное значение и послужила делу укрепления оборонного потенциала России. Черкасские здесь выступили предшественниками Демидовых (Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090).

3.11.6.2. Александр Андреевич Черкасский: гофмаршал герцога Шлезвиг Гольштинского – будущего царя Петра III

Александр Андреевич Черкасский – князь. Внук сподвижника Петра I, боярина Михаила Алегуковича Черкасского. Генерал-поручик (1742). Тайный советник (1747). Смоленский губернатор (1732-1733). В 1708 г. в чине полковника участвовал в войне со шведами. В 1733 г. ложно обвинен в измене. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной пожизненной ссылкой в Сибирь. В 1739 г. обвинившие его в измене люди были арестованы по другому делу, но в ходе следствия признались в том, что они оклеветали князя. Был возвращен из ссылки. При коронации Елизаветы Петровны (1741-1761) назначен гофмаршалом к

герцогу Шлезвиг Гольштинскому Карлу-Петру-Ульриху – будущему царю Петру III. Награжден вторым по значимости орденом России – св. Александра Невского. Один из богатейших людей России – имел более 40 тыс. крепостных. Умер в 1749 г. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 1090).

3.11.6.3. Петр Борисович Черкасский: генерал-губернатор Москвы и Московской губернии

Петр Борисович Черкасский – российский военный и государственный деятель. Князь. Генерал-аншеф (1762). Службу начал гардемарином (1718). В чине полковника участвовал в русско-турецкой войне 1735-1739 гг., участник взятия Бахчисарая. Командир полка при штурме крепости Гезлев (Евпатория). Командир лейб гвардии Конного полка (1744-1760). Генерал-губернатор Москвы и Московской губернии (1760-1762). Действительный тайный советник. Был награжден орденом св. Александра Невского. Умер в 1763 г.

3.11.7. Князья Черкасские в XIX столетии

3.11.7.1. «По случаю внесения рода князей Бековичей-Черкасских в Российскую дворянскую родословную книгу...»

В 1838 г. Ефим Бекович-Черкасский «вознамерился род свой причислить к дворянскому сословию, так как онный по сие время причисленным нигде не был и не внесен в родословную книгу».

С.Н. Бейтуганов (2007).

Небезынтересно подчеркнуть, – отмечает С.Н. Бейтуганов (2007), – что только в 1838 г. Ефим Бекович-Черкасский «вознамерился род свой причислить к дворянскому сословию, так как онный по сие время причисленным нигде не был и не внесен в родословную книгу». К дворянскому сословию оставались непричисленными и родственники Ефима Александровича, проживавшие в Оренбургской губернии в городе Уфе. Ефим Бекович-Черкасский добивался выдачи ему грамоты на княжеское достоинство, поэтому, наряду с другими документами, он представил и описание «Герба фамилии Бековичей-Черкасских», которой был высочайше утвержден и значился в старинном «Российском Гербовнике» (более подробно его описание в «Гербовнике» 1798 г. приводится в разделе 2.4.6.1).

О.Л. Опрышко (2007), со ссылкой на библиографическую редкость – «Русскую геральдику» А. Лакиера, – опубликовал родовой герб князей Черкасских и изложил его основное содержание. Подробное описание этого герба выявлено С.Н. Бейтугановым (2007) в Центральном государственном архиве КБР. В протоколе Кавказского депутатского собрания, составленном 8 ноября 1839 г. по случаю внесения рода князей Бековичей-Черкасских в Российскую дворянскую родословную книгу, отмечено: «В щите, разделенном на четыре части посередине, находится малый горностаевый щиток с державою, означенный золотом. В первой части, в красном поле, черкес в золотой епанче и в княжеской шапке с пером, скачущий на белом коне с золотою сбруею, имеющий на плече золотое копьё. Во второй части, в голубом поле, между трех шестиугольных звезд серебряных, изображены крестообразно две серебряные стрелы, остроконечием вверх поднятые, на которых поставлен щит красного цвета с серебряным на нем полумесяцем. В третьей части, в серебряном поле, натурального цвета лев, держащий в передних лапах натянутый лук со стрелою. В четвертой части, в золотом поле, видны два змия, перпендикулярно перевивающиеся, натурального цвета.

Щит покрыт мантиею, принадлежащею княжескому достоинству, и шапкою с пером, имеющей вид чалмы, которая наложена на золотую корону. Сия шапка с пером изъясняет знаменитость родоначальника Черкасских князей Инала, который был султаном в Египте...» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 2, т. 2, л. 39 об.). Дополняют эту информацию материалы раздела 2.4.6.1.

Кавказское депутатское собрание решило, что оно «не может отвергнуть без уважения представленных просителем майором Бековичем-Черкасским доказательств о происхождении от княжеского достоинства, и по сему по разуму тех узаконений не должен он, проситель, лишиться порою данного ему права». Однако поскольку Дворянское собрание «не простирается до восстановления, а ограничено одним причислением к дворянству губернии дворянина», оно отправило всю документацию в Геральдию – на утверждение.

Основными претендентами на открывшееся наследство были признаны упоминавшиеся выше сыновья Каспулата-Александра Черкаского – Федор и Ефим (их мать Любовь Андреевна была урожденной княгиней Канчокиной, происходившей из фамилии Дударовых).

Акт Ермолова был высочайше утвержден в 1825 г. Он позволил Бековичу-Черкасскому «переселить 70 дворов узденей черного народа, по азиатскому праву ему с матерью и братом подвластных, и до 15 семейств из бывших узденей из Бековичей, в смутное в Кабарде время выселившихся и на возвратное в оной жительство желание изъявивших». Позволение о переселении указанных 70 дворов было необходимо, поскольку они проживали в Кизляре.

Бековичи-Черкасские заселяли свою территорию выходцами из соседних народов. Так, к его аулу присоединились еще 15 семейств «...чагар, вследствие 22-летнего превращения их». А в 1829 г. Федор пригласил

назановского старшину Чорока Амирханова в урочище Аучлак, а «после Берд Кушев со своими осетинами самовольно поселился... близ Лепшитл». Всего же в деревне Бековича-Черкасского насчитывалось 100 дворов.

О конфликтных взаимоотношениях князей Бековичей-Черкасских и других князей Малой Кабарды во второй половине XIX в. говорится в записке, подписанной Кодзоковым в 1863 г. Из нее видно, что вышеупомянутый акт Ермолова внес дополнительный раздор в среду князей. «Дело Бековичей» со временем стало серьезной проблемой. Как отмечается в документе, это дело «в течение 38 лет пребывает в темноте и служит предметом глухого враждования целого малокабардинского племени». Главная причина: князья Бековичи-Черкасские по своей родословной считались князьями Большой Кабарды, а занимали территорию в Малой Кабарде – «всего» 98 511 десятин 250 сажень (около 107 тыс. га земли). Свою лепту в «глухое враждование» внесла и продажа в 1852 г. Бековичем-Черкасским земли около 40 тыс. десятин, которая была куплена для Сунженского полка. Расхищение кабардинских земель под тем или иным предлогом, в той или иной форме продолжалось более 100 лет (Бейтуганов С.Н., 2007).

3.11.7.2. Владимир Александрович Черкасский: Московский городской голова

...Занимался изучением положения крестьян в России и выработкой проектов их освобождения от крепостной зависимости. Стоял на либеральных позициях, являясь сторонником наделения крестьян землей за выкуп.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Владимир Александрович Черкасский (1824-1878) – российский государственный деятель. Князь. Славянофил, прямой потомок сподвижника Петра I – Михаила Алегуковича Черкасского. Окончил юридический факультет Московского университета, занимался изучением положения крестьян в России и выработкой проектов их освобождения от крепостной зависимости. Стоял на либеральных позициях, являясь сторонником наделения крестьян землей за выкуп. В 1859 г. товарищ министра внутренних дел России Н.А. Милютин (фактически руководитель работ по подготовке реформы по отмене крепостного права) пригласил его в состав Редакционной комиссии, готовившей окончательный проект закона по освобождению крестьян. В 1863-1867 гг. находился в должности главного директора правительственной Комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, занимаясь устройством польских крестьян после восстания 1863-1864 гг. Положение от 19 февраля 1864 г. о наделении польских крестьян землей было выработано под его руководством и при его непосредственном участии.

В конце 60-х гг. занимает пост московского городского головы и становится активным участником проведения городской реформы в России. В 1870 г. Московская Дума по предложению Черкасского подала на имя императора Александра II адрес с предложением о дальнейшей либерализации духовной и общественной жизни в стране. В связи с отказом министра внутренних дел представить адрес царю, вышел в отставку.

С началом в 1877 г. русско-турецкой войны был назначен на пост заведующего гражданской частью при главнокомандующем русской армией в Болгарии. Ему поручалось создание Временного гражданского управления на освобождаемой от османов болгарской территории. Работа по устройству новой Болгарии подорвала его здоровье. Тяжело больной, он в первой половине февраля 1878 г. выезжает в деревушку Сан-Стефано к главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу с проектом «учреждения высшего управления Болгарии» 18 февраля он был принят великим князем и доложил о своих планах и проектах относительно Болгарии. На следующий день, 19 февраля, в день подписания Сан-Стефанского мирного договора, князь В.А. Черкасский умер («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1090-1093).

3.11.7.3. Михаил Борисович Черкасский: начальник Штаба командующего Балтийским флотом

Михаил Борисович Черкасский (1882-1919) – российский военный деятель. Князь. Контр-адмирал (1917). Выпускник Морского кадетского корпуса в С.-Петербурге (1901). Участник русско-японской войны (1904-1905). В Цусимском сражении (1905) находился на крейсере «Диана». Закончил Николаевскую морскую академию (1914). Служил в Морском Генеральном штабе (1914-1915). Флаг-капитан по оперативной части Штаба командующего Балтийским флотом, а в 1917 г – начальник Штаба. Ему принадлежит план и разработка минной обороны входа в Финский залив, в результате которой погибла флотилия новейших германских эсминцев и был надежно закрыт доступ к С.-Петербургу – столице России – вражеских судов. После Октябрьской революции, в 1918 г. преподавал курс тактики в Петроградской морской академии. Находясь по семейным делам на Украине, был схвачен и расстрелян петлюровцами. Награжден орденами: св. Станислава 2-й и 3-й степени, св. Анны 2-й, 3-й, 4-й степени, св. Владимира 3-й, 4-й степени. Имел научные труды по военно-морскому делу («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1095).

3.11.7.4. Федор Бекович-Черкасский: «кабардинский князь вместе с царскими войсками участвовал в разгроме кабардинских же аулов»

Имя генерала Федора Бековича-Черкасского вписано в историю русско-турецкой войны 1828-1829 гг. За храбрость на войне он был награжден высшими знаками отличия Российской империи: орденом св. Анны 1-й степени с алмазами и св. Владимира 3-й степени.

В.С. Бесланев (1995).

Федор Александрович Бекович-Черкасский (до крещения: Тембот, Темир-Булат Каспулатович), был отдаленным потомком (внучатым племянником) князя Александра Бековича-Черкасского – капитана русской гвардии, личного друга и советника императора Петра I; сыном князя Александра-Каспулата Эльмурзовича Бековича-Черкасского и дочери знаменитого князя Кургока Канчокина – прелестной княжны Коноко (после крещения принявшей имя Любови), последней из дома князей Мударовых.

Федор Черкасский родился в 1791 г. (по другим данным – в 1790 г.) в г. Кизляре, учился в школе в Тифлисе. Владел русским, грузинским, татарским, турецким языками, «русской и арабской письменностью». В 1805/1806 гг. воспитывался у генерала от инфантерии князя Цицианова. В 15 лет ему был присвоен классный чин губернского секретаря.

В 1806 г. произведен в чин поручика армии и участвовал в походе против персов в Азербайджане. В 1810 г. воевал за Кубанью. Молодой князь сопровождал в Петербург персидского посла, привезшего императору в подарок от шаха слона. В 1815 г. служил в Вильно при генерале М.А. Милорадовиче. В 1816 г. переведен поручиком в лейб-гвардии Казачий полк.

В 24 года получил воинское звание штабс-ротмистра. Генерал Ермолов, отправляясь на Кавказ, пригласил Ф.А. Бековича с собой в качестве адъютанта, видя в нем человека, незаменимого в предстоящих ему делах, т.к. кроме нескольких европейских и своего черкесского, князь владел в совершенстве языками: турецким, персидским, кумыкским и татарским.

Посетил Персию в составе посольства России (под руководством генерала Ермолова) в 1817 г. Произведен в чин ротмистра в марте 1818 г. В 1824 г. из лейб-гвардии Казачьего полка переведен в Херсонский гренадерский полк (г. Гори, Грузия). В возрасте 31 года ему присвоено звание полковника, а через 6 лет он стал генералом.

О противоречивости личности будущего генерала свидетельствует тот факт, что именно он, кабардинский князь, в 1825 г. принимал участие в разгроме кабардинского аула Карамурзина, чему посвящен ряд адыгских народных песен, в т. ч. «Сетования лабинцев» и др. Дореволюционные источники сообщают:

Апрель 1823 г. «Отряд генерала Вельяминова (3 батальона пехоты, Кубанский и Кавказский полки, 18 орудий пехоты и конной артиллерии) переправился у Прочного Окопа для захвата «беглых кабардинских аулов» за Лабой. Отряд полковника Фёдора Бековича-Черкасского послали разведать их местоположение. За Лабой он обнаружил укрепленный аул «беглого» кабардинского князя Али Карамурзина. Аул был сожжён, все его население погибло в огне (только знатных узденей – 68 чел.). Всего у кабардинцев погибло более 1000 чел., в плен взято 139 «душ», захвачено до 4000 голов скота и лошадей. Потери русского отряда – 3 раненых казака, из них 2 – смертельно». За этот, так сказать, «подвиг» князь был представлен к ордену св. Георгия 4-й степени. Впрочем, император Александр I категорически отказался утвердить это представление, что характеризует его здесь как опытного государственного деятеля (Скиба К.В., 2005; Епифанцев А.А. 2010. С. 158-159).

Позже имя генерала Федора Бековича-Черкасского было вписано в историю русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Являлся начальником Карского пашалыка (области) и комендантом Эрзрума, проявил большие дипломатические способности, участвуя в переговорах с представителями турецкого правительства.

За храбрость на войне он был награжден высшими знаками отличия Российской империи: орденом св. Владимира 4-й степени (19.11.1819), золотым оружием – шпагой (30.01.1820). Позже награжден орденом св. Георгия 4-й степени (11.01.1826) «За отличие, проявленное при взятии турецкой крепости Карс», а также св. Анны 2-й степени с алмазами (16.11.1828). «За отличие, проявленное против турок при взятии Эрзерума», награжден орденом св. Анны 1-й степени с императорской короной (19.01.1830). «За труды по устройству Карской области и охранению ее пределов от неприятеля» награжден орденом св. Владимира 3-й степени (08.02.1829) (Бесланев В.С., 1995).

В 1828 г. Бекович-Черкасский – командир 3-й бригады 21-й пехотной дивизии, с 04.03.1830 г. – начальник Джаро-Белооканской области, в 1830-1832 гг. – пристав Малой Кабарды, в 1832 г. – командующий Сунженской линией.

С 1825 г. проживал в Малой Кабарде. Еще в 1824 г. генерал Ермолов выдал Федору Бековичу-Черкасскому «жалованную грамоту», подтверждающую наследственное право князя на земли князей Мударовых в размере 98511 десятин. Ермолов распорядился поселить на местности «по правому берегу р. Терека, близ редута Александровского, деревни, могущие на будущее время служить обороною сей части Кабарды по снятии поста военного».

Федор Бекович-Черкасский выступал с рапортами и записками, в которых содержались предложения по общественному и политическому устройству адыгов (закубанских черкесов и кабардинцев), в т. ч. с записками «Замечания касательно просьбы кабардинского народа и средств к улучшению благосостояния онаго» (1829), «О кабардинских владениях» и др.

Для полноты освещения противоречивого облика царского генерала приведем свидетельство декабриста Е.Е. Лачинова о его встречах с Ф.А. Бековичем-Черкасским: «Князя Бековича я не только уважаю как

достойнейшего во всех отношениях человека, но и привык любить его как редкого товарища. С малолетства научась не только турецкому, но и арабскому языку, он знает их в тонкости, знает также нравы, обычаи, дух народов азиатских. Все чиновники турецкие, можно сказать, обожают его».

Федор Александрович был близко знаком с прогрессивными людьми того времени – А.С. Грибоедовым, грузинским поэтом А.Г. Чавчавадзе, А.С. Пушкиным (который упоминает его в «Путешествии в Арзрум»), поэтом А.И. Полежаевым, декабристами; по его собственным словам, хотел «улучшения экономического и культурного состояния кабардинского народа». Но в то же время он был активным проводником царской политики на Кавказе. Как было отмечено выше, в 1825 г. *кабардинский* князь вместе с царскими войсками участвовал в разгроме *кабардинских* же аулов. За преданность России мюриды Чечни и Дагестана в 1825 г. пытались истребить всю семью Бековичей-Черкасских.

Был женат. Жена – кабардинская княжна Касаева Сластамина. Детей не имел. Князь Федор умер в 1832 г. После его смерти наследство перешло его младшему брату, князю, подполковнику Ефиму (Асланбеку) Александровичу (Бесланев В.С., 1995; Казаков А.В., 2006).

3.11.7.5. Пристав Малой Кабарды Ефим Каспулатович Бекович-Черкасский: первый горский плантатор-рисовод

В Кизляре у князя Ефима Александровича четыре виноградных сада, из коих выделяется вина 400 бочек в год, в заводе два куба выгоняют кизлярской водки 50 бочек в один раз; снимается сарочинского пшена (т. е. риса. – Авт.) в год 6 тыс. мер...

Из русских документов (1839).

По сведениям ученых, климат и болотистая почва Черноморши чрезвычайно схожи с Кизлярским уездом. Кизлярские плантаторы риса в восторге от посева, следовательно, и в Черноморши разведение риса равно благотельно.

**Л.И. Кусаков, генерал-майор, начальник штаба
Черноморского казачьего войска (09.02.1858).**

Ефим Каспулатович (Александрович) Бекович-Черкасский участвовал в русско-персидской войне 1826-1828 гг., за храбрость награжден орденом св. Владимира 4-й степени и произведен в майоры. После смерти своего брата Федора был назначен приставом Малой Кабарды. Недовольные его правлением, крестьяне неоднократно восставали (например, в 1837, 1854 гг.). По данным за 1839 г., Ефиму Александровичу Черкасскому принадлежали: «...крепостных крестьян из азиатцев в Кизляре мужского пола 30, женского 15; в Малой Кабарде мужского пола 70, а женского 76, и вольноживущих в Кизляре подвластных мужского пола 50, женского 70; в Малой Кабарде мужского пола 2400, женского 2000, всего крепостных и вольноживущих 4611 душ». Ефим Бекович-Черкасский обладал и значительным хозяйством: «В Кизляре у князя Ефима Александровича четыре виноградных сада, из коих выделяется вина 400 бочек в год, в заводе два куба выгоняют кизлярской водки 50 бочек в один раз; снимается сарочинского пшена (т. е. риса. – Авт.) в год 6 тыс. мер (около 10 720 т); на ватаге ловится разной рыбы более 100 тыс. штук».

Ефим Александрович умер в конце 1850-х гг. в чине подполковника. Его супругой была Белохина Таймазова – дочь кумыкского «брагунского владельца князя Ахтола Таймазова». У них было пятеро сыновей, двое из которых являлись офицерами русской армии. Среди них – Федор Ефимович – вышел в отставку в чине поручика.

Второй сын Ефима Александровича – Николай (у кабардинцев Жанхот), родившийся в 1841 г.; окончил военную службу в чине полковника. Именно единственному сыну Николая Ефимовича – будущему генерал-майору Федору Бековичу-Черкасскому в 1904 г. и доведется принять под свое командование Кабардинскую сотню, сформированную в Нальчикском округе для участия в войне с японцами на Дальнем Востоке.

3.11.7.6. XVIII-XIX столетия: «Черкесская ветвь» в родословной А.С. Пушкина

Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности...

А.С. Пушкин (1799-1837).

Из рода Черкасских вышли воеводы, руководители приказов и коллегий, губернаторы, военные и государственные деятели, в том числе генералиссимус – главнокомандующий армией и великий канцлер... 12 представителей рода Черкасских входили в состав Боярской думы.

А.В. Казаков (2006).

Представляет несомненный интерес тот факт, что уже с начала XVIII в. род кабардинских князей Бековичей-Черкасских тесно переплетается с родословным «древом» предков А.С. Пушкина (по линии Ржевских – с IX колена). Ниже приведем выписку из генеалогической таблицы рода Ржевских-Пушкиных, помещенной в книге С.Б. Веселовского и др. «Род и предки А.С. Пушкина» (М., 1995. С. 385-387):

I колено:

Иван Воин Константинович 1-й. Казнен Иваном Грозным между 1574 и 1584 гг. (Здесь «Воин» – не имя, не фамилия, не профессия, а указание на имя христианского патрона-покровителя – св. Ивана Воина. – **Авт.**).

II колено:

Иван Иванович 2-й (умер в начале XVII в.). Голова (командир) сторожевого полка в Арзамасе (1600 г.); второй объезжий в Москве (1602 г.), и т. д.

IX колено:

Муж: Федор Петрович Квашнин-Самарин (14.09.1704 г. – 20.09.1770 г.), президент Главного магистрата, действительный статский советник.

Его жена: Анна Юрьевна Ржевская (около 1720 г. – 27.08.1781 г.).

Сестра жены: Сарра Юрьевна Ржевская (около 1721 г. – 01.06.1790 г.).

Ее муж: Алексей Федорович ПУШКИН (03.03.1717 г. – 05.11.1777 г.), капитан, пра-прадед А.С. Пушкина.

Дочь Ф.П. Квашнина-Самарина и А.Ю. Ржевской: Анастасия Федоровна Квашнина-Самарина (около 1748 г. – после 1812 г.).

Ее муж: Николай Федорович Овцын (около 1740 г. – после 1785 г.), ротмистр.

Дочь Н.Ф. Овцына и А.Ф. Квашниной-Самариной: Варвара Николаевна Овцына.

Ее муж: Дмитрий Александрович БЕКОВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ, коллежский ассессор, князь.

X колено:

Дети Д.А. Бековича-Черкасского и В.Н. Овцыной:

– Николай Дмитриевич Бекович-Черкасский, князь;

– Петр Дмитриевич Бекович-Черкасский, князь (22.02.1799 г. – 03.12.1852 г.), губернатор Симбирской губернии, камергер, действительный статский советник;

– Андрей Дмитриевич Бекович-Черкасский, князь (30.11.1800 г. – 23.02.1853 г.);

– Прасковья Дмитриевна Бекович-Черкасская, княжна (умерла в 1826 г.).

Ее муж: Петр Николаевич Сумароков (умер 11.11.1831 г.)... и т. д.

Александр Сергеевич ПУШКИН. Родился 26.05.1799 г. в Москве. В 1811-1817 гг. учился в Царскосельском Александровском лицее, 13.06.1817 г. выпущен из него в чине коллежского секретаря и определен в ведомство Коллегии иностранных дел. С мая 1820 г. – на службе в Крыму, Кишиневе и Одессе. 08.07.1824 г. уволен со службы без награждения чином и отправлен на жительство под надзором в с. Михайловское Псковской губернии. В сентябре 1826 г. – освобожден из ссылки и поселился в Москве. 14.11.1831 г. определен в Государственную коллегию Иностранных дел в прежнем чине, а 06.12.1831 г. – пожалован в титулярные советники, 31.12.1833 г. – получил звание камер-юнкера. 26.02.1836 г. командирован в Московский Главный архив для служебных занятий. Скончался 29.01.1837 г. в Петербурге от смертельной раны, полученной на дуэли с кавалергардом Ж.Дантесом. Погребен на кладбище Святогорского монастыря Псковской губернии.

Женат с 18.02.1831 г. (в Москве). Жена – Наталья Николаевна Гончарова, род. 27.08.1812 г., ум. 26.11.1861 г., погребена на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры в Петербурге. Второй брак Н.Н. Гончаровой – 16.07.1844 г. с генерал-адъютантом П.П. Ланским (1799-1877). Дети от первого брака: Александр (06.07.1833-19.07.1914), Григорий (14.05.1835-05.08.1905), Мария (19.05.1832-22.02.1919), Наталия (23.05.1836-10.03.1913) (Веселовский С.Б. и др., 1995; Ершов М., 2011).

3.11.8. Командир «Кабардинской сотни» Федор Николаевич – последний представитель рода Бековичей-Черкасских

Одно из последних упоминаний о потомках этого древнего рода относится к началу XX столетия. В должности командира 1-й кабардинской сотни Федор Николаевич (Тембот Жанхотович) Бекович-Черкасский участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг., награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечом и бантом. Позже князь Федор Николаевич принимал участие в первой мировой войне, был полковником, командиром Кабардинского конного полка, награжден орденом св. Георгия 4-й степени. В годы Гражданской войны Ф.Н. Бекович-Черкасский воевал в рядах белогвардейцев под началом Деникина и Врангеля в должности командира конной бригады, а затем и дивизии. Приказом главкома Деникина ему было присвоено звание генерал-майора. В 1920 г. князь Федор Николаевич Бекович-Черкасский эмигрировал за границу (Бесланев В.С., 1995).

3.11.8.1. Предки Федора-Тембота. Раннее детство

Князь Федор (Тембот) Николаевич Бекович-Черкасский, единственный сын Николая Ефимовича – последний представитель рода князей Бековичей-Черкасских – родился 14 мая 1870 г. в Малой Кабарде, в имении Бековичей-Черкасских, расположенном на правом берегу Терека, близ Моздока. Крестили его 16 мая в моздокской церкви и нарекли Федором. Но среди кабардинцев с самого раннего детства он станет известным как Тембот. Детство Федора-Тембота прошло в селении Бековичи (Кизлярское), где наряду с кабардинцами издавна жило много кумыков, что дало ему возможность хорошо овладеть кумыкским языком. Владел хорошо и русским.

Он приходился праправнучатым племянником известного в истории России и Кабарды князя Александра Бековича-Черкасского (Девлет-Гирея Бекмурзина) – близкого сподвижника Петра Великого, исследователя Каспийского моря, составившего его первую правильную карту, российского посла, трагически погибшего в Хиве в 1717 г. А по прямой линии штабс-ротмистр Федор Бекович-Черкасский являлся праправнуком младшего брата Александра Бековича – Эльмурзы. Генеалогическое древо Федора (Тембота) выглядит следующим образом: Эльмурза Бек Черкасский родил сына – Каспулата (Александра) Эльмурзовича. У Каспулата был сын – Ефим Каспулатович (Александрович), который, в свою очередь, родил сына Николая (Жанхота) Ефимовича. И наконец, у Николая был сын Федор (Тембот) Николаевич.

3.11.8.2. Юность. Начало военной службы

Первоначально Федор учился в Ставропольской гимназии, дававшей своим ученикам глубокие и разносторонние знания. Но, проучившись семь лет вместо положенных восьми, он переходит на военную службу и связывает с ней всю свою жизнь.

Вот первая запись в послужном списке князя Бековича-Черкасского, сделанная в разделе «Прохождение службы»: «Приказом по Кавказской кавалерийской дивизии от 14 августа 1891 г. № 26 зачислен на службу в 46-й драгунский Переяславский полк на правах вольноопределяющегося по II разряду». Этот полк в то время находился на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии. В его рядах и начал свою военную службу 20-летний князь Ф.Н. Бекович-Черкасский.

Потом он два года проучился в Елизаветградском кавалерийском училище и в августе 1894 г. окончил курс учебы по высшему 1-му разряду. В чине корнета стал служить в составе 45-го драгунского полка, расквартированного в Пятигорске, состоя в должностях помощника начальника учебной команды, заведующего полковым оружием, полкового адъютанта.

А в 1896 г. князь Бекович возглавлял полковую свитскую команду, предназначенную для эскортирования почетных гостей и именитых особ. Так довелось ему находиться при эмире бухарском во время пребывания того на Кавминводах и выполнять его некоторые поручения. В знак признательности правитель Бухары наградил корнета Бековича-Черкасского орденом, о чем в послужном списке этого офицера появилась запись: «В 17 день июля 1896 г. Высочайше разрешено принять и носить Бухарский орден восходящей звезды 3-й степени, пожалованный его Высочеством эмиром Бухарским». Федор Николаевич был известен в Кавказской кавалерийской дивизии в пору ее нахождения на Северном Кавказе, а потом и в Тифлисе, как один из лучших наездников, блестяще владевший искусством верховой езды.

29 сентября 1901 г. штаб Кавказского военного округа направляет поручика Бековича-Черкасского в Петербург для прохождения курса учебы в знаменитой на всю Россию Офицерской кавалерийской школе. Здесь он пробыл около двух лет. В стенах Офицерской кавалерийской школы ее начальник генерал А.А. Брусилов известит Федора Николаевича о том, что Высочайшим приказом от 15 марта 1903 г. ему присвоен чин штабс-ротмистра, а 16 октября вручит ему свидетельство об успешном окончании курса учебы.

Вернувшись из Петербурга в свой 45-й драгунский Северский полк, Бекович-Черкасский вскоре примет под свое командование эскадрон. В январе 1904 г. за отличие по службе он награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

3.11.8.3. «Назначен командиром Кабардинской сотни Кавказской конной бригады»: участие Тембота в русско-японской войне

Менее чем за год участия в боевых действиях против японцев в Маньчжурии князь Бекович-Черкасский получил в награду 6 орденов.

О.Л. Опрышко (1993).

В 1904 г. началась Русско-японская война. В Кабарде было распространено воззвание командующего войсками Кавказского военного округа: «На основании Высочайшего повеления императора Николая II, в Нальчикском округе надлежит сформировать конную сотню из 128 добровольцев-охотников – «кабардинцев и горцев», которая войдет в состав Терско-Кубанского конного полка» (Опрышко О.Л., 1993).

По селениям и аулам Кабарды и Балкарии началась запись добровольцев, снаряжаемых в действующую армию за счет общественных сумм, собранных по населенным пунктам округа, и государственных средств, выделяемых окружным управлением. Формируемая сотня получила официальное название – «Кабардинская сотня».

Пройдет менее двух месяцев, и вот 4 марта, когда на Дальнем Востоке уже вовсю шла война с японцами, в штабе Кавказского военного округа в Тифлисе принимается решение о назначении штабс-ротмистра 33-летнего штабс-ротмистра князя Федора Николаевича Бековича-Черкасского командиром сотни, формируемой в Нальчикском округе. «19 марта 1904 г. командирован в г. Владикавказ в распоряжение начальника Терской области, – говорится в послужном списке. – Назначен командиром Кабардинской сотни Кавказской конной бригады, формируемой для войны с японцами» (Опрышко О.Л., 1993).

14 июля 1904 г. Кабардинская сотня под командованием подьесаула Бековича-Черкасского впервые участвовала в боевой вылазке. Ее всадники, войдя в состав отряда генерал-майора Грекова, провели разведку боем на Пьелинском перевале, занятом японцами. А 18 и 19 июля со всем Терско-Кубанским полком приняли участие в бою у Лагоулина. И уже в тех первых боевых схватках с неприятелем отличился князь Федор Бекович-Черкасский. Командующий армией своим приказом от 4 сентября 1904 г. наградил его «за отличие в делах против японцев» орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» для ношения на эфесе шашки с темляком из красной Анненской ленты. С середины января 1905 г. подьесаул Ф.Н. Бекович-Черкасский начал свою службу в отдельном дивизионе разведчиков при главнокомандующем. Его боевая жизнь была заполнена вылазками в тыл противника, производимыми с целью разведки, нападений на его посты, склады, для захвата пленных, подрыва мостов на железнодорожной магистрали и через реки, разрушения дорог в гористой местности.

За боевые отличия в рядах дивизиона разведчиков в делах против японцев с середины января по конец июня Бекович-Черкасский уже 3 марта, ранее положенного срока, произведен в чин есаула, а уже 4 марта, согласно приказу начальника штаба при главнокомандующем, назначается командиром 1-й сотни дивизиона разведчиков.

В русско-японскую войну в рядах Кабардинской сотни награжден: мечами к ордену св. Станислава 3-й степени (получил до войны); орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом; св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»; св. Анны 3-й степени с мечами и бантом; св. Станислава 2-й степени с мечами; св. Анны 2-й степени с мечами «для ношения на шее». Таким образом, менее чем за год участия в боевых действиях против японцев в Маньчжурии князь Бекович-Черкасский получил в награду 6 орденов (Опрышко О.Л., 1993; 2007).

3.11.8.4. Кабардинский конный полк на фронтах первой мировой войны

Как отмечает В.С.Бесланеев, с самого же начала первой мировой войны князь и уорки Кабарды откликнулись на призыв царского правительства вести войну «до победного конца» и добились разрешения сформировать конный полк в 400 сабель. За короткое время был сформирован полк, личный состав которого насчитывал уже 500 всадников. Помощником командира Кабардинского конного полка был назначен подполковник Ф.Н. Бекович-Черкасский, прибывший в Нальчик из Центральной России. Позже он возглавил полк, получив звание полковника. Северо-Кавказская «Туземная дивизия», в состав которой входил кабардинский полк, была отправлена на фронт и быстро снискала боевую славу в сражениях с германскими войсками. В царской армии позже ее называли «Дикой дивизией».

Дополняет эту информацию О.Л. Опрышко (1993). Как отмечает историк, 21 августа 1914 г. в городе Иркутске, столь далеко от слободы Нальчик, начальник 12-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Сулимов, получив распоряжение из штаба Иркутского военного округа, вызвал к себе иркутского коменданта князя Федора Николаевича Бековича-Черкасского и вручил ему приказ за своей подписью: «Войсковому старшине князю Бековичу-Черкасскому. Предписываю Вам по сдаче должности коменданта города Иркутска отправиться в Кабардинский конный полк, формируемый в слободе Нальчик Терской области; о выезде мне донести». Спустя сутки князь Бекович выехал Сибирским экспрессом из Иркутска на Москву, оттуда через станцию Котляревскую – в Нальчик, куда он добрался в начале сентября 1914 г. Назначенный помощником командира Кабардинского конного полка по строевой части, он, будучи самым опытным из полковых офицеров по службе и боевому опыту, сыграл важную роль в формировании полка, а потом и в его подготовке для действий на фронте (Опрышко О.Л., 1993).

3.11.8.5. 1917 г.: полковник Ф.Н. Бекович – командир 1-го гвардейского Кирасирского полка

...Отметить заслуги полковника князя Бековича-Черкасского, блестящего сына Кавказских боевых орлов общей нашей Родины – России и дивизии кавказцев.

Из приказа командующего Кавказской конной дивизией генерала Багратиона (21.06.1917 г.).

Новый, 1917 г. всадники и офицеры Кабардинского конного полка встретили на Румынском фронте, в предгорьях Восточных Карпат. 14 мая 1917 г. в штабе Юго-Западного фронта, в городе Бердичеве, командующий генерал А.А. Брусилов подписал приказ, согласно которому командир Татарского конного полка Кавказской конной дивизии полковник князь Бекович-Черкасский назначался «командиром гвардии 1-го Кирасирского полка». Незадолго до этого, в апреле, Федор Николаевич принимает мусульманство, как религию своих предков, и отныне именуется Темботом Жанхотовичем, взяв себе имя, под которым он был известен среди кабардинцев, а отчеством стало кабардинское имя его отца (Опрышко О.Л., 1993).

21 июня командующий Кавказской конной дивизией генерал-лейтенант Д.П. Багратион издал приказ по дивизии. Говорилось в нем и о полковнике Бековиче-Черкасском: «Командир Татарского конного полка полковник князь Бекович-Черкасский... 14 мая сего года назначен командиром 1-го гвардейского Кирасирского полка. При его непосредственном участии, как помощника командира полка по строевой части, сформирован

Кабардинский полк, в который он вложил свою благородную душу и боевой опыт Маньчжурской кампании. Во всех отраслях службы и в частной жизни князь Бекович-Черкасский пользуется высоким авторитетом.

Конные атаки дивизиона Кабардинского полка 10 сентября 1915 г. у деревни Доброполе и взятие деревни Тышковцы конной атакой татар 31 мая 1916 г. под его командованием отмечены: первая орденом св. Георгия 4-й степени, а за вторую – представлен к св. Владимиру 3-й степени с мечами. Этого достаточно, чтобы отметить заслуги полковника князя Бековича-Черкасского, блестящего сына Кавказских боевых орлов общей нашей Родины – России и дивизии кавказцев. От лица службы сердечно благодарю полковника князя Бековича-Черкасского за отличное командование полком...» (Опрышко О.Л., 2007).

Для Тембота Жанхотовича началась новая служба в должности командира 1-го гвардейского Кирасирского полка, прославившегося еще в начале XIX в. в битвах с Наполеоновской армией. В 1-м гвардейском Кирасирском полку с начала 1917 г. служили два брата – офицеры князя Черкасские – прямые потомки известного сподвижника Петра I, весьма уважаемого им достопочтенного боярина князя Михаила Алегуковича. Старший из них – подполковник Игорь Михайлович, выпущенный в 1914 г. из Пажеского корпуса поручиком, находился на фронте с начала войны, а младший, 19-летний корнет Алексей Михайлович, окончил Пажеский корпус в январе 1917 г. Так волею судьбы встретились в одном полку, на австрийском фронте, далеко от Кабарды и Кавказа, где находились их родовые корни, князь Бекович-Черкасский и уже обрусевшие князья Черкасские. Потом, спустя три года, судьба вновь сведет Тембота Жанхотовича и Игоря Михайловича, на этот раз в Крыму, где оба они будут служить и сражаться с красными в армии генерала Врангеля. Тогда Бекович-Черкасский с сожалением узнает от Игоря Черкасского, что его младший брат Алексей погиб в рядах Добровольческой армии, при отступлении в феврале 1920 г.

Позже Тембот Жанхотович Бекович-Черкасский и Игорь Михайлович Черкасский вынуждены будут оставить Россию и окажутся в эмиграции. Но все это будет еще впереди. Пока же шел июнь 1917 г. и 1-й гвардейский Кирасирский полк под командованием полковника Бековича-Черкасского, входивший в состав 8-й армии генерала Корнилова, уже был выдвинут на исходные позиции в Галиции для предстоящего наступления... (Опрышко О.Л., 1993).

3.11.8.6. Генерал Врангель: «Кабардинцы выделяются из всех горских народов своей храбростью и доблестной службой на фронте»

Работой Кабардинских конных полков я очень доволен; кабардинцы выделяются из всех горских народов своей храбростью и доблестной службой на фронте. Их службу, как равно и имена народных героев, никогда не забудет благодарная Великая Россия.

Врангель, генерал (1919).

В конце октября 1917 г. экстренной телеграммой из Владикавказа командующий корпусом генерал-лейтенант Половцев известил командира Кабардинского полка полковника Абелова о том, что в Петрограде свергнуто Временное правительство и власть перешла к большевистскому Совету Народных Комиссаров. Архивные материалы свидетельствуют: 27 октября 1917 г. в штаб корпуса во Владикавказе прибыл из Действующей армии «...командир гвардии Кирасирского полка полковник князь Бекович-Черкасский», бывший помощник командира Кабардинского конного полка. В Кавказском конном корпусе Федор Николаевич (Тембот Жанхотович) назначается командиром 2-й бригады 1-й Кавказской конной дивизии (Опрышко О.Л., 1993).

Во второй половине ноября 1917 г., когда ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана провозглашает Горскую республику «в границах горских территорий Терской и Дагестанской областей», полковник Бекович-Черкасский назначается начальником «Военного отдела Временного правительства Союза горцев Кавказа», осуществлявшим функции военного министра.

Полковник князь Тембот Жанхотович Бекович-Черкасский до марта 1918 г. служил в составе Кавказского конного корпуса и командовал бригадой, состоявшей из Чеченского и Ингушского конных полков. С 19 по 23 марта 1918 г. в Нальчике проходил I съезд народов Нальчикского округа, провозгласивший в Кабарде и Балкарии власть Советов и избравший окружной Народный Совет. В стенограмме съезда от 23 марта есть и сведения, относящиеся к Кабардинскому конному полку: «Представитель полка спрашивает съезд, как быть с оставшимися офицерами и всадниками Кабардинского полка... Постановлено передать вопрос о Кабардинском полке в окружной Народный Совет». И в конце марта 1918 г. Кабардинский конный полк прекратил свое существование (Опрышко О.Л., 1993). А в конце 1918 г., когда к Терской области из Прикубанья приближались белогвардейские войска Добровольческой армии генерала Деникина, Чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе извещал в газете «Народная власть»: «25 декабря прибыла в Георгиевск Кабардинская кавалерийская дивизия, идущая на фронт сражаться с деникинской армией. Дивизия производит хорошее впечатление и рвется в бой».

В январские дни 1919 г. газета «Народная власть» известила читателей о том, что на революционный Терско-Кубанский фронт выступил Кабардинский шариатский полк, набранный из жителей Большой Кабарды, а вслед за ним ушел на борьбу с Деникиным и революционный Мало-Кабардинский полк из 600 всадников. «Не успела еще улечься радость, вызванная этим событием, как 14 января начал грузиться для отправки на красный

фронт новый Балкарский полк из 1500 всадников, Теперь нам можно гордиться тем, что Кабарда и Балкария отдали все – и революционных бойцов своих, и свое достояние – на защиту Советской власти, своей власти».

Но под другим знаменем и на другой стороне баррикады в огне гражданской войны оказались почти все офицеры и значительная часть всадников Кабардинского конного полка. Полковник князь Тембот Жанхотович Бекович-Черкасский до марта 1918 г. служил в составе Кавказского конного корпуса и командовал бригадой, состоявшей из Чеченского и Ингушского конных полков. После провозглашения Советской власти на Тереке, когда корпус распался, он вместе с генералом П.А. Половцевым, бригадными командирами полковниками А. Чавчавадзе и Г. Амилахвари уходит в Грузию. А летом Бекович-Черкасский пробирается на Кубань и вступает в Добровольческую армию, возглавляемую А.И. Деникиным – их боевые пути неоднократно пересекались в Маньчжурии, во время русско-японской войны, и на Австрийском фронте.

12 января 1919 г. наступавшие на Северном Кавказе части Добровольческой армии, в их составе и Кабардинская конная бригада, заняли Нальчик. «Нальчик был взят после непродолжительного боя, – сказано в журнале военных действий. – Красные во главе с комиссарами и членами окружного Совета отступили». Четыре дня спустя после взятия Нальчика, 17 января, согласно приказу командующего 3-м армейским корпусом и «главноначальствующего Терско-Дагестанской областью» генерал-лейтенанта В.П. Ляхова, полковник Бекович-Черкасский вступает в должность командира Кабардинской конной дивизии, развертываемой из шести полков, и назначается правителем Кабарды с правами военного губернатора. (В Центральном Государственном архиве КБР имеется документ – официальный бланк, датированный июлем 1919 г., на котором напечатано: «Правитель Кабарды и 5-ти Горских обществ. Нальчикского округа Терской области»).

В феврале (по другим источникам – 31 марта) 1919 г. приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанта Деникина князь Бекович-Черкасский производится в чин генерал-майора. Будучи командиром Кабардинской конной дивизии и правителем Кабарды, он выполнял приказания вышестоящего начальства, направленные на борьбу с большевиками и повстанческим движением, и сам отдавал такие же приказы, связанные с «искоренением большевизма» в Кабарде и Балкарии, направлял для борьбы с красными «экспедиционные отряды». Бекович-Черкасский, как и многие тогда, сделал свой выбор в гражданской войне и шел этим путем до последнего. Уже будучи генералом, в мае 1919 г. он принимал участие в боях с красными на Царицынском фронте. До поздней осени 1919 г., находясь в составе Кавказской армии генерала Врангеля, Кабардинские полки вели боевые действия в районе Царицына. Вот отзывы об их боевой деятельности, данные двумя высшими руководителями Белого движения на Юге России:

Правитель Кабарды Тембот Жанхотович Бекович-Черкасский в приказе, отданном им 18 сентября 1919 г. в слободе Нальчик, извещал: «Счастлив объявить всему Кабардинскому народу отзыв командующего войсками Кавказской армии генерал-лейтенанта Врангеля, сказанный мне в штабе армии о службе наших конных полков, действовавших под его командованием на Царицынском фронте, и слова Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта Деникина.

Генерал Врангель сказал: «Вас, правителя Кабарды, прошу передать славному кабардинскому народу, что *работой Кабардинских конных полков я очень доволен; кабардинцы выделяются из всех горских народов своей храбростью и доблестной службой на фронте*. Их службу, как равно и имена народных героев, никогда не забудет благодарная Великая Россия».

Генерал-лейтенант Деникин просил передать следующие его слова: «Я знаю, какую помощь дала Кабарда Добровольческой армии, я хорошо знаю, что для кабардинского народа принесенные жертвы не легки, но Вы передайте народу, что Россия не забудет ни этой помощи, ни жертв...» (Опрышко О.Л., 2007).

Весной 1920 г. в Кабарде была восстановлена советская власть. 10 марта в Нальчик вошел революционный отряд под командованием Н.А. Катханова. На следующий день он, как командующий советскими войсками Нальчикского округа, обратился к его жителям с воззванием: «10 марта нами поднято в Нальчике знамя Советской власти. Пусть этот день будет торжественным и праздничным днем. Призываю всех жителей города, без всяких исключений, к спокойствию и тишине. Долой национальные, религиозные и прочие дразги! Призываю всех граждан... приняться общими силами за строительство нашей общей разрушенной жизни. Долой месть! Долой расстрелы! Да здравствует Советская власть, шариат и объединение народа!». В Кабарде и Балкарии, как и по всей стране, начиналось строительство новой жизни (Опрышко О.Л., 1993).

В ночь на 10 марта 1920 г. генерал-майор Федор (Тембот) Бекович-Черкасский с несколькими сотнями оставшихся верными ему всадниками оставил Нальчик и отступил, ведя на пути бои с красными. Из Терской области основной путь отступления шел через Владикавказ по Военно-Грузинской дороге. По ней, занесенной глубокими снегами, обледелой дорогой, с трудом преодолеваемой в высокогорье, уходили через Главный Кавказский хребет в Грузию гражданские беженцы, а вслед за ними солдаты и офицеры разгромленной белой армии. Многие из них навсегда лишились Отечества. Позже, в мае, вместе с остатками Добровольческой армии Бекович-Черкасский во главе отряда из всадников и офицеров бывшей Кабардинской конной дивизии по Черному морю переправился в Крым, где все они вошли в состав Русской армии генерала Врангеля. Там, в Крыму, 17 мая 1920 г. генерал-майор князь Тембот Бекович-Черкасский, назначенный вскоре командиром конной бригады, обратился к своему отряду с приказом. Он напомнил о событиях, про-

исшедших в марте в Кабарде, когда им пришлось отходить на Владикавказ, и о том, что ждало их потом. И вот теперь, «...слава Аллаху, хотя и с большими лишениями, но с честью мы добрались до Крыма и вступили в ряды грозной, могучей русской армии, чтобы вместе с ней кончить начатое нами еще в 1918 г. святое дело – освобождение родины от засилья большевиков... Будьте храбры в бою – честными в миру. Оправдайте доверие к вам нового начальства в Крыму, так же, как на берегах Волги и в степях астраханских, и докажете, что вы кабардинцы. В чем да поможет вам Всевышний Аллах!».

3.11.8.7. Эмиграция: «Уходил из Крыма в Турцию генерал-майор Бекович-Черкасский, удостоенный 9-ти боевых наград России...»

...Белый Крым пал. Свершился последний акт драмы гражданской войны – поражение, бег через Черное море в Турцию, эмиграция, жизнь и смерть на чужбине. Все это выпало и на долю оставшихся в живых после боев в Крыму всадников и офицеров отряда Бековича-Черкасского...

О.Л. Опрышко (1993).

Осенью 1920 г. врангелевская армия вела тяжелые бои с частями Красной Армии. В середине ноября белый Крым пал. Вместе с оставшимися в строю всадниками и офицерами Кабардинского конного отряда в ноябре 1920 г. уходил из Крыма на корабле через Черное море в Турцию и 50-летний генерал-майор Тембот Жанхотович Бекович-Черкасский, прошедший за свою жизнь через три жестокие войны, удостоенный ордена св. Георгия 4-й степени и еще восьми боевых наград России. Первое время эмигранты-мусульмане, как военные, так и гражданские, находились в одном лагере под Константинополем. Потом жизнь разбросала их по городам и селам Турции, по странам Ближнего Востока и Европы.

Бекович-Черкасский в то время вошел в «Кавказский комитет», созданный в Константинополе группой северокавказских генералов и политических деятелей, с целью, как говорилось в программе, «...объединения всех мусульман против большевиков на почве признания генерала Врангеля. Комитет будет стремиться к объединению с другими антибольшевистскими организациями, особенно казаками». Но позже Бекович-Черкасский отошел от его деятельности в результате конфликта с врангелевским окружением. Имеется свидетельство, что он и бывший комиссар Временного правительства в Нальчикском округе Х. Чежоков, находясь в Константинополе, жили бедственно и даже вынуждены были заниматься «поденной, случайной работой», так как никаких средств к существованию у них не было. Некоторое содействие им оказывал дядя Тембота Жанхотовича, врач, живший в Турции. Потом к ним на помощь пришел бывший сослуживец Бековича-Черкасского по Кавказской конной дивизии и его хороший знакомый чеченец Тапа Чермоев, бывший председатель Горского правительства, миллионер-нефтепромышленник из Грозного, тоже ставший эмигрантом.

С 1927 г. Бекович-Черкасский жил в Париже, где обосновались тогда многие эмигранты с Северного Кавказа. В то время он примыкал к группе горцев-монархистов и вел работу по их объединению с «русской монархической организацией Николаевского полка». А это значит, что Бекович-Черкасский поддерживал бывшего Верховного Главнокомандующего великого князя Николая, с которым встречался в Ставке в 1915 г. Среди значительной части белой эмиграции он считался законным претендентом на российский престол. Но в январе 1929 г. великий князь Николай Николаевич скончался... В то время жил в Париже и писатель Н.Н. Брешко-Брешковский, его Бекович-Черкасский знал еще со времен первой мировой войны. В своей книге «Дикая дивизия», завершив повествование о событиях гражданской войны в 1920 г., он писал: «Забросило в Париж целую фалангу офицеров славной «Дикой дивизии»: князя Бековича-Черкасского, двух князей Амилахвари, Алика и Гиви. Насаждали цыганское пение на берегах Сены ротмистр Багрецов и поручик Миша Толстой, сын великого писателя земли русской. А племянник этого писателя, Андрей Берс, служивший в Чеченском [Ингушском] полку, держал ночной ресторан «Кунак».

Генерал-майор Тембот Жанхотович (Федор Николаевич) Бекович-Черкасский до конца своих дней жил в Париже. Умер он 16 ноября 1953 г. и был похоронен на мусульманском кладбище в Бобиньи, под Парижем.

3.12. Адыги западные и восточные: проблемы расселения в конце XV – начале XVIII вв.

3.12.1. Границы Земли адыгов – Черкесии

И дал им землю свою, которую дать им клятвенно обещал отцам их, – землю, текущую молоком и медом.

Книга пророка Иеремии (32; 22).

Чым нахь бай цыгълэп – «Нет большего богатства на свете, чем земля».

Адыгская пословица

Агрессия султанской Турции и Крымского ханства не могла не отразиться на расселении адыгов. По данным ряда авторов, в описываемое время на Северном Кавказе окончательно сложились территори-

ально-языковые общности, основы которых, как мы видели, были заложены много раньше. Одной из крупнейших этнических общностей выступали адыги, известные по источникам того периода под именем черкесов. Западная ветвь адыгов объединялась в рамках административно-политической области Черкесия. В это время она вполне обособилась от Кабарды (восточная ветвь черкесов), хотя территориальные границы между ними выглядели достаточно условными.

Представление о расселении, племенном делении адыгских народов конца XV – начала XVII вв. можно составить по отрывочным сведениям западноевропейских авторов, посещавших Западный Кавказ. В этот период адыги заселяли обширную территорию, главным образом на левом берегу р. Кубани вплоть до восточного побережья Черного моря от Тамани на западе до р. Лабы на востоке. В то же время адыги пользовались обширными равнинами правобережной Кубани, землями восточного берега Азовского моря до устья р. Дон.

В первой половине XVI в. адыги, вероятно, под давлением крымских ханов, уходят из Приазовья на юг. Во всяком случае, позднее XV в. в этом районе они уже не фиксируются. Самой южной точкой расселения этого народа на побережье Черного моря Дж. Лукка называет Кудесчио – пункт, который Л. Лавров отождествляет с мысом Кодош в районе современного Туапсе. Есть основания полагать, что в данный период земли адыгов простирались приблизительно до этих мест. Северной границей была р. Кубань; на востоке, в районе Пятигорья – р. Кума и далее Терек. В верхнем течении Терека и Сунжи лежали крайние восточные адыгские области. На юге же их земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту.

С этой точки зрения интересно свидетельство И. Гербера (1760) о разделении Черкесии на Западную и Восточную (Кабарду): «Черкесы. Они живут в Кабардинской земле, которая делится на Верхнюю и Нижнюю. Верхняя, или Нагорная Кабарда, граничит с Тавлистаном (Дагестан), аварами, Грузинскими горами (со стороны Имеретии), а с запада – с кубанскими татарами. Нижняя Кабарда простирается от предгория Верхней Кабарды до р. Терека и Сунжи. Обе земли невелики, их свободно можно переехать от одного края до другого в четыре дня. Из тех гор вытекают три реки: одна, называемая Кубань, течет на запад через землю кубанских татар в Черное море; другая – в Каспийское море, третья река – Кума. Черкесы обеих частей Кабарды являются одним и тем же народом и с древних времен до настоящего времени были свободными людьми, ибо, хотя *они во всякое время оказывали большую склонность к России и многие из их князей со своими людьми считались ее подданными, однако это было только на словах, и их свобода благодаря этому несколько не пострадала*».

Отметим, что на указанной территории в конце XV – начале XVI вв. жили и другие народы – абазинцы, татары, балкарцы, карачаевцы, армяне и др. Ближайшим соседом адыгов на западе было Крымское ханство. В степях к северу от р. Кубани и Кумы кочевала Большая Орда, территория которой после ее разгрома в начале XVI в. была занята Ногайской Ордой. Восточными соседями являлись феодальные владения Дагестана и осетины. По Большому Кавказскому хребту адыги граничили с грузинскими княжествами, а на Черноморском побережье – с Абхазией. В это время адыги четко разделяются на две группы – западные и восточные (кабардинцы). В дальнейшем они оформляются в родственные адыгские народности. В XV – начале XVI вв. этот процесс еще не был завершен.

3.12.2. Сведения дореволюционных и современных авторов о расселении западных адыгов в XVI-XVIII вв.

3.12.2.1. Сведения дореволюционных источников о расселении адыгов до начала экспансии Российской империи на Северный Кавказ

*Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...*

М.Ю. Лермонтов (1814–1841).

Черкесия причисляется одними к Азии, другими к Европе. К востоку страна граничит с Каспийским морем, к западу – с Меотийским озером (Азовским морем), к югу – с Черным морем, а к северу — с Кавказскими горами и рекой Доном...

Э. Кемпфер (1651-1716).

ДЖ. ИНТЕРИАНО (1501). Несомненный интерес представляет сообщение Дж. Интериано (1501 г.) о географических границах Черкесии в конце XV столетия: «Зихи (адыги)... обитают по всему азиатскому морскому берегу Тана или Дона, до Босфора (Керченский пролив), называемого в наши дни «Устьем моря Забаш», иначе – моря Таны (Азовское море); ...далее они распространяются затем вдоль берега Понта (Черное море) к югу, до Самшитовой бухты, по направлению к реке Фазу (Рион), и граничат здесь с Авогазией (Абхазия), составляющей часть Колхиды. Весь этот морской берег, вместе с береговой линией Палуса (Азовское море), имеет приблизительно 500 миль длины, распространяясь вглубь страны, на восток, на расстояние не более 5 дней пути. С суши они граничат со скифами, то есть татарами... Страна их по большей части болотистая, поросшая во многих местах тростником. Упомянутые болота происходят от больших рек, каковы: Танаис (Дон), Ромбите или Копа (Кубань), а также множество других, больших и малых рек, изобилующих заливами и

образующих почти необъятные болотистые пространства. Зихи ходят даже за Боспор, до Херсонеса. Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает. Татары заводят (черкесов) в непроходимые болота, в снега или холодные места. Черкесы постоянно бьются с татарами, которые окружают их со всех сторон. Горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости».

Э. КЕМПФЕР (1651-1716 гг.) сообщает: «Черкесия причисляется одними к Азии, другими к Европе. К востоку страна граничит с Каспийским морем, к западу – с Меотийским озером (Азовским морем. – **Авт.**), к югу – с Черным морем, а к северу — с рекой Доном...».

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ (1666). Ценные сведения о расселении адыгских племен в середине XVII в. можно найти у турецкого автора Эвлии Челеби: «Остров Тамань представляет собою один из прекрасных благоустроенных островов, расположен вблизи берегов р. Кубани, текущей сюда со стороны киблы между степью Хейхат и Черкесстаном; на нем расположены 80 черкесских деревень. Залив Адахун (Кизилташский лиман) на р. Кубани является местом, соединяющим Кубань с Черным морем; по р. Кубани плавают суда. Река воды жизни (Кубань) так велика, что начало ее в землях Дагестана, на горе Эльбрус. Омывая (береговую полосу) в 70 переходов между Черкесстаном и степью Хейхат, вблизи крепости Кызыл-таш в заливе Адахун она сливается с Черным морем.

Шегаке. Деревни народа шегаке называются кабак. Эти черкесы шегаке кое-где составляют один народ с ногайцами племени чобан. В этой местности (у Тамани) находится ставка бея шегаке, которая на языке черкесов называется «пшуко». Пшуко шегаке представляют собой 40 домов в одном месте, 10 домов в другом, 20 – в третьем, в котором поселились по соседству близкие и дальние родственники. Со стороны коблы на расстоянии одного дня пути от селения шегаке – Черное море. Черкесстан начинается от горы Эльбрус и заканчивается (землей) народа шегаке на берегу Черного моря. А Шегакские горы прилегают к горе Эльбрус (они тянутся с запада на восток до горы Эльбрус). Когда-то, когда народ шегаке прибыл на кораблях из Арабистана, Албании и Константинополя, их корабли пристали к Анапской гавани.

Жане. Ставка бея народа жане расположена у подножия гор Хайку. Пшуко племени жане – это 500 домов у этих гор. Имя бея – Антонук. Он владетель 10000 богатырей-всадников с колчанами и пеших черкесов-джигитов с ружьями. Они постоянно воюют с садаша – абхазами и убивают их. В двух часах пути, также на восток – р. Адагум, а вблизи нее – р. Сетаза. Они вытекают из Абхазской земли и впадают в р. Кубань. Область Малой Жанетии более заселена, чем Большая Жанетия. Здесь живут смелые и сильные джигиты. В крае 40 деревень и 3000 воинов. Мы с трудом перешли на лошадях р. Абин, Хабль, Иль, и Абурган. Они стекают с Абхазских гор Оюз и, протекая по земле М. Жанетии, сливаются с р. Кубанью. Отсюда, также на восток, в пяти часах пути – область Хатукай.

Хатукай. Имя бея – Джан-Гирей или Джанибе-Гирей. Бей хатукайцев – владелец 8000 хорошо вооруженных воинов. Край этот обширен. Кабак Педеси находится на берегу р. Шепси (ныне Северский район. – **Авт.**). Это также благоустроенное селение из 300 домов в стране хатукай-черкесов. Деревня Педеси у подножья гор Оюз. Народ эмира Навруза – татары жане пришли сюда, убили московского царевича, находившегося в стране, и, сражаясь с неверными калмыками, перешли р. Волгу и степь Хейхат, поселились на земле этих черкесов хатукай на берегу р. Кубани, взяв девиц у черкесов и породнившись с ними. Всего у них 10000 воинов и 6000 кибиток. Они смелые воины. Крепость Афипис-керман, предназначенная для заселения, (возведена) на земле черкесов Хатукай, но живут в ней ногайцы Навруза, т.к. если здесь поселится черкесский народ, то он будет восставать. На берегу р. Шебш находится кабак Педеси в стране хатукай-черкесов.

Адами. Благоустроенные земли племени адами. Перейдя через горы Хыр-Кархох, мы переправились через реки Супс, Еди-Кютук, Малый Псекупс (Кызлар-кеткен). Сперва мы достигли пределов адами. «Пшуко» адами находится у подножия Абхазских гор на берегу р. Кызлар-алган (Псекупс) и насчитывает 500 домов. Здесь живет бей племени адами, имя его Дигузи-бей. Все они – знатные и родовитые – являются племенем арабов-курейшитов из потомственных черкесов. Абхазы и черкесы, не встречая никакого сопротивления, делают этот народ своими подданными. О том, почему это черкесское племя называют «адами», рассказывается следующее. В скалах, расположенных недалеко от священного дерева адами, находится ряд громадных пещер. Из этих пещер вытекает река, называемая Кызлар-кеткен или Кызлар-алган (Псекупс). Внутри первой пещеры находится бронзовая статуя человека. Человек все время размахивает тяжелой бронзовой палицей. Тот, кто возьмет хотя бы самую малость несметных сокровищ, будет немедленно превращен в месиво палицей. (Э. Челеби с девятью спутниками побывал в этой пещере и живым вернулся обратно). Живущее в этом районе черкесское племя называют адами по названию того бронзового человека (адам – по-турецки означает «человек»). По преданию, сокровищницу в пещере устроил Искандер Зулкарнейн (Александр Македонский. – **Авт.**).

Такаку. Описание области Такаку. А сей народ – из потомков араба Серакиса, бежавшего из Мекки. Этот народ не воинственный. Всего же здесь 8000 чел. У большинства из них нет оружия. Народ черкесский называют такаку «чуфуд». У народа чуфуд столь много потомства и скота, что их имуществом заняты все горы и скалы, оно достигает даже южных склонов гор, а там уже лежит земля народа садаша из числа абхазов.

Болоткай. Восхваление превеликой области племени болоткай. Этот народ также является потомками араба Серакиса, бежавшего из Мекки и Медины. Мы вышли к р. Марте, затем к р. Пчас. Обе эти реки сте-

кают с абхазских гор Хабеш и текут в р. Кубань. Мы еще семь часов шли в направлении севера, пришли к р. Пшиш, затем после одного верхового перехода, к р. Шагваше (Белой). С сотней тысяч тягот и мучений переправились через р. Шагваше и сделали еще до 1000 шагов. На берегу р. Шагваше стоит «пшуко» – резиденция бея. Властителей этого края – семеро братьев: Сахадук, Элбуздай, Эль-Мурза, Базрук, Бакук и др. Эти семеро братьев распоряжаются сотней благоустроенных стоянок и 10000 хорошо вооруженных воинов. Из всего черкесского народа эти – самые отважные и сильные.

Яркуй, стоянка. Это также селение кочевого племени болоткай, здесь 300 домов из тростника. Это селение находится на берегу р. Лабы. Река Лаба до впадения в р. Кубань сливается с р. Шагваше (Белой) и они вместе, слившись воедино, текут в р. Кубань. ... Мы шли на восток.

Девы, ногайское племя. Этот народ, бежав из страны Московской, переправился через р. Волгу, но на этом берегу, в степи Хейрат, не вынес притеснений ногай-татар и переправился на этот берег р. Кубани, к черкесам. Ныне он обитает мирно среди гор, в окрестностях Адами и Болоткай. Этот народ – ногаи, численностью в 8000; отважный, могучий, мусульмане-единобожцы.

Бузудук (бжедуги. – **Авт.**) Описание земли бузудука. Сей народ также происходит от потомков Серакиса. Они сыновья брата Серакиса Джебель аль-Хеме, ушедшего в Албанию. Первыми вступившими в эту черкесскую землю являются названные народ бузудук и народ мамелюк. И эта страна Бузудук имеет много общего с абхазами. Между ними и абхазами находятся лишь невысокие горы. Бей бузудуков Азамат-Гирей. Он распоряжается в целом 3000 воинов. Они живут в труднодоступных Абхазских горах...».

Мамшуха (мамхеговцы. – **Авт.**). Это племя также происходит от потомков Серакиса. Они обитают у подножья Абхазских гор. Их, по крайней мере, 10 000, и нет у них вождей и правителей. Когда у них родится девочка или мальчик, все они плачут день и ночь. А когда один из них умрет, они также собираются вместе, едят и пьют, смеются и играют, поют песни. После этого они помещают умерших в (специальной) раке на ветвях дерева. Двигаясь на восток, мы прибыли к р. Псенафа, потом р. Гиаге, отсюда – р. Уль, Серали, затем р. Уарп. В этих местах кончается страна Мамшуха.

Бесней (бесленевцы. – **Авт.**). Во время Хулагу-хана, когда араб Серакис прибыл в эту страну из старого Мосула, он назначил своего старшего сына, Бесней, правителем над здешним народом. Отсюда мы снова пошли на восток и (прибыли) к стоянке Хатыркай. В древности это было «пшуко» народа бесней. Выйдя отсюда, (мы прибыли) к р. Лаба. Она вместе с р. Большой Лабой вливается в р. Кубань. Затем еще четыре часа мы шли на восток. Их (народа бесней) бей обитает здесь. Он распоряжается 5000 отважных, отборных воинов. И народ этот – весьма сильный, смелый, мужественный. Сей народ бесней (прежде) расселялся до самых земель Чин, Фагфур и Москва (?! – **Авт.**). Затем, (спасаясь) от притеснений вновь пришедших калмыков, они обосновались в этом ущелье. Затем мы двигались на восток. Здесь кончаются пределы бесней.

ФЕРРАН (1709): «Переехав ногайские земли, вступили мы в Черкесию, которую татары называют Адда. Земля черкесская граничит с севера с ногайцами, с юга – с Черным морем, с востока – с Грузией, а с запада – с Киммерийским Босфором (Керченский пролив), и заливом, отделяющим ее от Крыма. В сем заливе есть пристань, или морской порт Тамань. Страна Черкесия прекрасна, изобилует плодоносными деревьями, орошается прекрасными водами. Воздух здесь благоуханный и чрезвычайно здоровый. Полагаю, что от этого происходит цветущая красота черкесов».

КСАВЕРИО ГЛАВАНИ. Аналогичные сведения встречаем в записках Ксаверио Главани, составленных в 1724 г: «Черкесия расположена за р. Кубанью и простирается до гор Кавказа. Это страна плодородная, с прекрасными равнинами и горами; вода здесь в изобилии. Она граничит с одной стороны с калмыками, ныне стоящими под покровительством (русского) царя; с другой стороны – с Каспийским морем, где находится крепость Терк, принадлежащая москвитам, затем с Абазой (Абхазия), прилегающей к горе Кавказу и простирающейся до берегов Черного моря; наконец, с Меотийским болотом (Азовское море). Таким образом, страна эта заключается между морями Черным, Каспийским и Забакским (Азовским. – **Авт.**)... Черкесия делится на 14 бейликов или округов, самостоятельных каждый в своих границах. Она ни от кого не зависит и состоит под покровительством крымского хана, насколько сама признает это для себя удобным; в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований, отвергает их без стеснения» (Цит. по: Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

ПЕЙСОНЕЛЬ. В своих записках, датируемых 1750-1762 гг., К. Пейсонель пишет: «Татарская Черкесия простирается ныне от Босфора Киммерийского или пролива Еникольского (Керченского пролива. – **Авт.**) до Кабарды включительно; она ограничена на севере – кубанскими ногайцами, на юге – абазинцами и Кавказским хребтом, на востоке – Кабардой и на западе – Черным морем. Главными городами Черкесии являются Тамань, Темрюк, Атчу (Ачуев), Агджа, Сууджук (Новороссийск) и Каплу (Славянск-на-Кубани...).

Черкесы, находящиеся в зависимости от хана, разделены на 14 *кобле* или племен. Каждое племя делится на *чагары*. Чагар – собрание 10 семейств. Черкесский народ разделяется на четыре класса: беи (князья), сипаги, уздени и кулы. В каждом племени существует господствующая фамилия, которая владеет, на правах государя, всеми землями племени и распоряжается там деспотически. Каждое из этих семейств имеет первого бея (князя), т. е. старшего представителя фамилии или главу его. Главенство в данном случае достигается возрастом. Точно такие же старейшины существуют и в других семействах, принадлежащих к той же

фамилии, но все они подчиняются главному. Все эти беи делят между собой земли и подданных людей. На долю главного бея достается всегда самое большое число чагар; другие распределяют между собою остальное. Преобладающее большинство черкесского народа суть слуги и рабы своих дворян, которые могут завладевать их имуществом, умерщвлять их, продавать или отдавать кому вздумается.

Однако есть между ними два класса свободных людей—сипаги и уздени. Сипаги это есть ничто иное, как бывшие кулы, захваченные на войне или проданные своими беями, но получившие затем свободу и возвратившиеся на родину. Как они сами, так и все их потомки, представляют собою свободный класс людей, и если имеют достаточно средств, то могут приобретать имущества и покупать чагар, почему нередко становятся потом наравне с беями. Уздени — это вольноотпущенные, получившие от своих беев свободу в награду за какую-нибудь услугу. Они вместе с потомством пользуются такими же привилегиями, как и сипаги. Кулы — бесправные рабы» (Пейсонель К., 1927. С. 19-20).

И далее тот же автор дополняет свою информацию о Черкесии (орфография и чрезвычайно искаженные автором названия племен сохраняются): «Присовокупляю здесь сведения, считаемые мною точными, о черкесских племенах, находящихся в зависимости от Крымского хана. Сведения эти сообщены мне одним беим, с которым я имел случай познакомиться в Бахчисарае. В приведенном ниже списке черкесские племена расположены в том самом географическом порядке, в каком они действительно размещены с востока на запад:

Мушосты (Mouchocsi), Толаны (Tolani), Джегуритц (Djeguritz), Егеркуой (Egherkouai), Бичун-Ауг (Bitchoune-Aoug), Илоу-Куадж (Iloou-Kouadje), Бибер Дукуадж (Biber-Doukouadje), Дударук (Doudarouk), Балхи (Balchi), Беселбай (Beselbai), Сейди (Seidi), Шегерай (Chegherai), Беракай (Berakai), Баг (Bagh), Онбеш (Onbech), Шаша (Chacha), Кемир-кеи (Kemir-Keui), Абезах (Abezache), Шапсик (Chapsik), Нелухачь (Neloukhatche), Шаххакеи (Chahhakei), Бузадиг (Bouzadig), Хаджукай (Hadjoukai), Бертебай (Bertebai), Бестенеи (Bestenei), Кешекене-Егеркуай (Kichekene-Egherkouai), Януа [Джануа] (Janua), Алтыкесек-Абаза (Altikeseke-Abaza), Ада (Ada). Шесть абазинских племен давно уже утвердились в Черкесии.

Все эти племена вместе, в случае надобности, легко могут выставить 100 000 воинов и даже гораздо более. Очень понятно поэтому, насколько было бы полезно для Крымского хана всецело подчинить их себе и как велика была бы польза от черкесского народа, если бы хану удалось покорить их (Пейсонель К., 1927. С. 20-21).

[Комментарий Е. Фелицына. В числе черкесских племен, помещенных в списке Пейсонеля, упоминаются такие, которых вовсе не существует; затем некоторые названия написаны в искаженном виде и, наконец, вместо названия племен приведены (иногда) названия аулов. Таких племен, как: Толаны, Онбеш, Бичун-ауг, Ада, Балхи, и Джегуритц нет вовсе.

В искаженном виде у Пейсонеля занесены: «Мушосты» вместо Махоши, или Махошевы, жившие по левую сторону р. Лабы против Лабинской и Зассовской станиц и между средним течением рек Фарса и Уль; «Бесельбай» (Беселбай) вместо Бешильбай, обитавшие в горах, на пространстве между верховьями рек Лаба и Кардоник; «Беракай» вместо Баракай или Баракаевцы, которые населяли небольшую гористую часть Майкопского отдела между реками Губс и Ходз; «Кемир-кей» вместо Кемгуй, или Темиргоевы, занимавшие треугольную площадь, образуемую впадением р. Лабы в р. Кубань.

«Шапсык» — вместо Шапсуг, обитавших на пространстве между реками Адагум и Афипс; «Нелухачь» вместо Нодткуадж или Натухайцы, жившие по побережью Черного моря между низовьями Кубани и Пшадой, имея своей границей с востока р. Адагум; «Шеххакеи» вместо Шегаки — одно из малочисленных племен, соединившихся с Натухайцами и утратившее свою самостоятельность; «Бузадиг» вместо Бжедуг или Бжедухи, населявшие прикубанскую низменность между реками Афипс и Пшиш; «Хаджукай» вместо Хатикуюй или Хатукаевцы; Егеркуой и Кешекене-егеркуой вместо Егеркуой, которые жили по левую сторону р. Лабы между реками Псенафо и Фарсом (определение кешекене, т. е. «малое», поставлено неуместно, потому что егерухаевское племя, ввиду его малочисленности, никогда не разделялось на больших и малых); «Януа» вместо Жане, — малочисленного племени, слившегося с натухайцами в конце XVIII в.

«Бибер-Дукуадж» и «Илоу-Куадж» следует читать: Бибереды-куадж и Лоу куадж (или точнее на абазинском наречии: Бибект локт, то есть Бибертов аул, Лоу аул). Эти две последние фамилии вместе с четырьмя другими — Дударуко, Кечь, Джантемир и Трам — составляют особое племя абхазского народа, называющееся абазинцами; Басхяг (на черкесском языке) или Алты-кесек, то есть «шестиродные» (на ногайском наречии). У Пейсонеля же Биберд, Лоу, Дударуко и Алты-кесек-абаза ошибочно показаны, как отдельные племена.

Затем мы, — продолжает Е. Фелицын, — находим у Пейсонеля племя «Сейди», тогда как это есть название главенствующей фамилии бешельбаевского племени — Сид-ипа, то есть Сиды сын; у русских эта фамилия преобразилась в Сидова. «Шегерай» — Шахгиревцы, обитавшие в верховьях рек Лабы, Беракай и Баг. Баракаевцы и Баговцы населяли гористую местность между верховьями рек Лаба и Белая. «Абезах» — Абадзехи, многочисленное и сильное племя, занимавшее горы и ущелья на пространстве между р. Псекупсом и станицами Хамкетинской, Ярославской и Келермесской. «Бестней» или «Беслинеевцы», жившие по рекам Б. и М.Тегеням, Окарту, Уруп и по обоим сторонам среднего течения Лабы. В списке Пейсонеля оказываются пропущенными Тамовцы и Кизильбековцы, обитавшие в верховьях рек Лабы и Андрияка...].

3.12.2.2. Расселение адыгов в XVI-XVIII вв., по данным современных авторов

В XVI – первой половине XVII в. основной тенденцией развития феодальных владений Западной Черкесии было их дробление и возникновение в связи с процессами социально-политической дезинтеграции новых субэтнических единиц.

З.А. Кожев и Д.Н. Прасолов (2006).

В достаточной степени исчерпывающий обзор расселения адыгских племен в XVI-XVIII вв. подготовлен З.А. Кожевным и Д.Н. Прасоловым («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006). Основные моменты, на которых авторы обзора рекомендуют обратить особое внимание, – следующие: На рубеже XV-XVI вв. итальянец Дж. Интериано определял границы Черкесии по берегам Азовского и Черного морей от устья Дона до «реки Фазиса (видимо, р. Бзыбь. – **Авт.**)», где она граничила с Абхазией. Протяженность черкесского побережья, указанная автором (500 миль или более 800 км), показывает, что Дж. Интериано включал в число «зихов» (которых татары и турки называли «черкесами»), не только собственно адыгов, но и их ближайших южных соседей – убыхов и садзов. Несмотря на это, последние вплоть до окончания Кавказской войны сохраняли свою этническую самобытность. Известные адыгам под общим именем «абаза», убыхи, садзы и их соседи в XV-XIX вв. оказались вовлечены в сложные и динамичные этнические процессы, имевшие место в Западной Черкесии.

К середине XV в. основными субэтническими единицами западных адыгов (*кӏахэ* или «низовых черкесов») были хегаки, жанеевцы, бжедуги и темиргоевцы.

Хегаки занимали прибрежные земли, примыкавшие к устью Кубани и Таманскому полуострову от Анапы до Цемесской бухты. На востоке они граничили с жанеевцами, одним из наиболее многочисленных западноадыгских субэтносов.

Этническая территория **жанеевцев** включала равнинные земли по обоим берегам нижней Кубани, а также часть отрогов Кавказского хребта с выходом на Черноморское побережье от Цемесской бухты до Пшады.

Юго-восточными соседями жанеевцев было горское население долины р. Шапсухо (район Джубги), а также **бжедуги**. Последние занимали горный район в долине р. Туапсе и верховья р. Псекупс. Кроме того, бжедуги контролировали значительный участок Черноморского побережья в районе Туапсе.

Верховья Пшехи и Белой занимали локальные группы горского населения, известные в более поздних источниках под названием **абадзехов** («низовые/нижние/абазы»). Видимо, к середине XV в. они уже имели некоторые зачатки этнотерриториальной организации. Об этом можно судить по тому, что адыгскому фольклору известен некий Оздемир, возглавлявший абадзехов и других горцев в борьбе против объединительной политики Инала – родоначальника значительной части черкесских владетельных фамилий, жившего в первой половине XV в. В начале XIX в. пять из восьми аристократических (тлекогтешских) фамилий Абадзехии по имени своего родоначальника составляли родовое объединение Оздемир (*Оздемрхе*).

Далее на юг и юго-восток от Большого Кавказского хребта до побережья Черного моря и устья р. Бзыбь располагались горные и приморские общества **убыхов**, садзы и другие субэтноты.

Предгорные и степные пространства по левым притокам Кубани от Афипса до Лабы, а также значительную часть Восточного Приазовья занимали **темиргоевцы**. (В российской историографии название одного из древнейших адыгских субэтносов – кемиргоевцев (каб.-черк. – *кӏэмыргӏуей*; адыгейск. – *кӏэмгӏуй*) утвердилось в тюркизированной форме – «темиргоевцы»). В русских источниках XVI-XVII вв. оно известно в форме кеморхи или кумиргинские черкесы. – **Авт.**). По свидетельству итальянского путешественника И. Барбаро, в середине XV в. поселения черкесского владения Кремух (т. е. Кемург или Кемиргой) начинались в трех днях пути от Таны (устья Дона). Темиргоевцы, как и кабардинцы, являлись генетическими преемниками касожского племенного объединения.

Усиление военно-политического натиска на адыгские земли со стороны Османской империи и ее вассала – Крымского ханства привело к тому, что северная граница Западной Черкесии сместилась значительно южнее. К середине XVI в. Восточное Приазовье от устья Дона до течения Кубани перешло под контроль новых хозяев – мурз Малого Нагая – вассалов Крымского ханства. Поселения жанеевцев и темиргоевцев оказались оттеснены на левобережье Кубани.

После оставления адыгами Восточного Приазовья границы Западной Черкесии на протяжении нескольких веков вплоть до первой половины XIX в. оставались фактически неизменными. Однако динамика демографических процессов внутри страны нередко в короткие сроки кардинально меняла этнотерриториальную карту Западной Черкесии.

Позже, в XVI – первой половине XVII в. основной тенденцией развития феодальных владений Западной Черкесии было их дробление и возникновение в связи с процессами социально-политической дезинтеграции новых субэтнических единиц. Так, от темиргоевцев отделилась значительная часть населения во главе с князем Хатуко, получившая название **хатукаевцев**. Они заняли западную часть некогда единого темиргоевского владения по левобережью Кубани от Афипса до р. Пишиш. Несколько позднее небольшая часть хатукаевцев во главе с князьями Бхгезеноко в качестве отдельного удела вошла в состав **хегаков**. Кроме

того, в составе темиргоевского владения князей Болотоковых выделились локальные группы **егерукаевцев** (*еджерукай*) и **адамиевцев** (*адамий*).

Бжедуги разделились на четыре отрасли. Князья Черчан, Хамиш, Богорсоко и Бастоко стали родоначальниками самостоятельных княжеских домов. Черченеевское и Хамишеевское владения удержали общее субэтническое название бжедугов. Подданные Богорсоко передвинулись на северо-восток, в бассейн средней Лабы (реки Фарс, Псефирь) и под именем махошевцев вошли в число самостоятельных этнотерриториальных единиц Западной Черкесии. Подданные Бастоко мигрировали в западном направлении и осели на Черноморском побережье в долине р. Вепсне на границе хегакских владений. Эта локальная группа адыгского населения известна источникам как вепсне или вепсенцы.

Жанеевское владение во главе с княжескими домами Комео и Бечкан также не избежало разделения на ряд независимых уделов. По данным османских источников середины XVII в., Жане делилось на два «округа» – Большое и Малое Жане. Последняя располагалась на левых притоках Кубани – реках Абин, Хабль, Иль и более чем в три раза уступала Большой Жане по численности населения. Часть жанеевцев во главе с князьями Заноко также волилась в состав хегаков.

В XVI–XVIII вв. в пределах османских владений на Таманском полуострове сформировалось довольно многочисленное смешанное население (адыги, османы, армяне, евреи, греки и др.). Адыгское население Таманского полуострова (адале – «островитяне» (от тюрк. *ада* – «остров») османских источников или «таманские черкесы» русских источников) не составляло независимого владения, а проживало в пригородах османских укреплений (Тамань, Темрюк, Кизил-Таш) и в небольших селениях, число которых, по османским данным середины XVII в., достигало 80. Оно сформировалось и пополнялось в основном за счет выходцев из соседнего Хегака и Жане и управлялось собственными «беями», подконтрольными османской администрации.

Письменные источники первой четверти XVIII в. отражают резкое сокращение численности населения в княжеских владениях Западной Черкесии. Особенно эти процессы коснулись жанеевцев, хегаков и хатукаевцев. В сфере социально-политической власти княжеских династий Хегака, Жане и Хатукая на протяжении XVIII в. оставалось все меньше населения Западной Черкесии. В то же время за счет представителей непривилегированных сословий, массами бежавших к независимым горцам, заметно возросла численность и политическое влияние натухайцев, шапсугов и абадзехов, – завершают свой обзор З.А. Кожев и Д.Н. Прасолов («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.116-120).

3.12.3. Восточная группа адыгов – кабардинцы и их соседи

3.12.3.1. «Кабартыньские черкесы»: к истории происхождения термина «Кабарда»

Значение имени «Кабарда» до сих пор остается не объясненным удовлетворительно. Нельзя исключить, что это имя восходит к этнониму кавары (в русской транслитерации обычно кабары), которым обозначались некоторые хазарские родоплеменные группы...

А.В. Гадло (2006. Вып. IV).

Название «Кабарда» знают источники с середины XV в. Впервые оно упоминается у венецианца Иосафата Барбаро (1452) в форме «Квертей» уже как устойчивое название восточных адыгов.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Несомненный интерес представляет определение, пусть даже ориентировочное, возраста и этимологии самого термина – «Кабарда». Вопросом происхождения этого географического названия занимался в свое время историк Р.Ж. Бетров (1991), результаты исследования которого приведем в кратком изложении.

Как отмечает автор, особый интерес представляет термин «Кабарда» («Къэбэрдей»), ставший этнонимом для обозначения восточной группы адыгов. Есть несколько легенд, повествующих о появлении этого термина, но во всех случаях название «Кабарда» связывается с именем князя Кабарды Тамбиева, который проявил себя во время войны черкесов с ференджами (генуэзцами). По одному из преданий князь Кабарда Тамбиев уничтожил отряд генуэзцев и спас жену адыгского правителя Инала. Обрадованный Инал созвал четырех сыновей от первой жены и объявил: «Отныне все земли, которыми управляют тлякотлешы Тамбиевы, я называю Къэбэрдей, и пусть никто и после моей смерти не меняет это название. Имя такого человека, как Кабарда, нельзя предать забвению».

После смерти Инала сыновья поделили между собой адыгскую землю. Старшему Табульде достались земли к востоку от Псыжа (Кубани), куда входила и территория, которая была названа Иналом Кабардой. Табульда не посмел заменить данное отцом название Кабарда. Оттуда и пошло название Къэбэрдей. Название «Къэбэрдей» состоит из двух частей: имя владетеля Къэбарды + суффикс принадлежности *-ей* (то, что принадлежит Кабарде).

Что же касается этимологии самого имени «Кабарда», то ее связывают с тюркскими языками. В источниках XIII–XIV вв. этническое название «кабардинцы» неизвестно. Имя кабардинцы в форме «кевертей» впервые упомянуто в сочинении венецианского путешественника Иосафата Барбаро в первой половине XV в. (Бетров Р.Ж., 1991).

Дополняет эту информацию Б.М. Керев (2006), отметивший, что название «Кабарда» знают источники с середины XV в. Впервые оно упоминается у венецианца Иосафата Барбаро (в 1436-1452 гг. находился в городе Тана-Азове) в форме «Кевртей» уже как устоявшееся название восточных адыгов. По его сведениям, кевртей были непосредственными соседями «асов или аланов» (осетин).

Как было отмечено выше, предание связывает происхождение термина «Къэбэрдей» с именем адыгского владетеля Кабарда. Окончание *-ей* в слове «Къэбэрдей» является показателем принадлежности: т. е. «Къэбэрдей» – это то, что принадлежит Къэбэрдею (т. е. Кабардову). Впрочем, существуют и другие мнения об этимологии *Къэбэрдей*. Первоначально название «Къэбэрдей» (Кабарда) относилось к одному из феодальных уделов восточной части адыгов и служило только в качестве его географического обозначения. Этот удел или историческая Кабарда, по представлениям самих кабардинцев, соответствует той территории, которая значительно позднее стала известна в русских источниках сперва под названием «Казыева Кабарда», а затем так называемая Большая Кабарда. Таким образом, с самого начала этот термин обозначал территорию, а не жителей, ее населяющих, которые продолжали сами называть себя по-прежнему «адыгэ». Именно так воспринимали первоначальный смысл термина Кабарда некоторые соседние народы. Например, балкарцы именовали кабардинцев *Черкесле*, а их землю – *Къабарты*.

В русских же источниках до XVII в. для обозначения восточных адыгов наряду с наименованием «пятигорские черкесы» употреблялось название «кабартинские черкесы». Такое расширительное понимание термина применительно ко всем восточным адыгам возникло задолго до того как оно впервые нашло отражение в сочинении И. Барбаро. Это было следствием распространения политического влияния исторической Кабарды на остальные феодальные уделы восточных адыгов (Керев Б.М., 2006).

Б.М. Керев и Т.Б. Керев (2005. Вып. I) отмечают, что появление в XIII-XIV вв. адыгского населения в Центральном Предкавказье, – отмечают авторы, – представляет собой вторичное явление в их этнической истории. Оно фиксируется летописцами похода Тимура под названием «Чудур / Чутур-казак». Как устоявшееся наименование страны и народа, его населяющего, название «Кабарда» в форме «Кевртей» известно в источниках первой половины XV в. (И. Барбаро).

О происхождении этнонима существуют различные версии. Предание связывает его с именем адыгского владетеля *Кабарда*. Окончание *-ей* в слове «Кабардей» является показателем принадлежности и соответствует русскому *-ов, -ово*. «Къэбэрдей» – то, что принадлежит *Кабарду*, т. е. «Кабардову». Некоторые авторы считают, что это имя восходит к этнониму *кавары / кабары* (+ *т* — иранский суффикс множественного числа), что, скорее всего, соответствует реальности. Первоначально термин «Къэбэрдей» (Кабарда) относился к одному из феодальных уделов восточной части адыгов и служил только в качестве его географического обозначения, а не жителей его населяющих, которые по-прежнему продолжали называть себя *адыгэ*. Так воспринимали еще в XVI в. смысл этого термина крымские татары («дальние черкесы Хабартки»), ногайцы («черкасы Кабартейские») и русские, которые наряду с названием «пятигорские черкесы», употребляли наименование «кабартанские черкесы». Ближайшие соседи кабардинцев – балкарцы – до недавнего времени называли их *черкесли*, а их землю — *Къабарты* (Керев Б.М., Керев Т.Б., 2005. Вып. I).

О том, что «возраст» термина Кабарда намного старше, чем приведенные выше мнения, и восходит к раннему средневековью, размышляет А.В. Гадло (2006. Вып. IV). Следует отметить, – пишет историк, – что значение имени «Кабарда» до сих пор остается не объясненным удовлетворительно. Нельзя исключить, что это имя восходит к этнониму *кавары* (в русской транслитерации обычно *кабары*), которым обозначались некоторые хазарские родоплеменные группы, сведения о чем сохранил Константин Багрянородный.

Часть кабаров (кабардинцев?) в начале IX в. отделилась от хазар и перешла к мадьярам (венграм), обитавшим тогда в междуречье Днестра и Буга. (О существовании в эпоху раннего средневековья гипотетического государства венгров на Северном Кавказе – см. раздел 3.2.3.6). Позже, в 80-е гг. IX в., кабары передвинулась вместе с семью венгерскими племенами в Придунайские равнины. Как следует из текста, сравнительно недавно введенного в научный оборот Н. Голбом и О. Притсаком документа, составленного около 930 г. в иудейской (хазарской) общине Киева, *кабары* (в тексте *киабар*) были известной этнической общностью на юге Восточной Европы (в Причерноморье) еще на рубеже IX-X вв. На этом основании можно сделать предположение, что некоторые роды кабаров входили в состав хазарской (*козары*) общины Тмутаракани или были с нею как-то связаны. В случае верности этого предположения имя «Кабарда» может быть объяснено как овское (иранское) патронимическое *кабар-таи*, то есть Кабаров, или из рода кабаров, что вполне соответствует адыгскому обозначению кабардинцев: *къэбэртэй* (кабардинское самоназвание *къэбэрдей*) (Волкова Н.Г., 1973. С.178).

С названием своей страны кабардинцы связывают имя Кабарды Тамбиева. Здесь А.В. Гадло (2006) солидарен с мнением Р.Ж. Бетров (1991). Согласно кабардинским преданиям, Кабарда Тамбиев был *тлякотлешем* (то есть дворянином высшего ранга, следующего после *пиши*, наследственного князя Иналовича) у князей Болотоковых, которые владели землями в междуречье Кубани и ее притока Лабы. Позже во главе небольшой группы преданных ему людей (очевидно, его вассалов, так как тлякотлеш имели зависимых от них воинов-дворян и общинников) он перешел в низовья р. Малки. Земли, впервые освоенные здесь Тамбиевым, с тех пор стали называться *Къэбэрдей* (*Къэбэртэй*), то есть буквально «владение Кабарды, Кабардова собственность».

Фамильное имя князя Кабарды – Тамбиев, по мнению А.В. Гадло (2006), – вполне определенно указывает на связь с Тмутараканью: в его основе *там*, то есть первая часть термина «тмутаракань/тумен-тархан тму/тъма» (сравни у Ш.Б. Ногмова: «Там-таракай»), + *бий* (*бай*), – тюркский по происхождению термин, буквально означающий «богатый человек, господин» (Гадло А.В., 2006. Вып. IV).

И, наконец, еще один немаловажный аспект этой проблемы. О значении названия Кабарда, как «сердца» кабардинской земли, размышляют Б.Х. Бгажноков (2005) и А.В. Сивер (2007): «Как известно, термин «Кабарда» не является самоназванием кабардинцев. Слово это используется ими для обозначения небольшого участка своей территории «за Баксаном». Таким образом, «...термин *Кабарда* имел двойное значение – широкое, как наименование страны, населенной не только кабардинцами, но и многими другими народами, ...и узкое, используемое в качестве наименования одного из удельных княжеств, расположенного в Баксанской долине» (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. 12).

Представляет интерес мнение грузинского царевича, известного историка и географа Вахушти Багратиони (XVIII в.) о, так сказать, предыстории появления термина «Кабарда»: «Во время походов хаканов (военачальников) Чингис-хана разорились и опустошились города и строения от овсов (асы, аланы) и овсы стали убежать внутрь Кавказа, а большая часть их страны превратилась в пустыню; с тех пор *Овсетия* стала называться *Черкесией* или *Кабардой*».

Наблюдается также почти мистическое преклонение перед местностью «Кабарда», причем распространяющееся на всю адыгскую общность, как писал в XVIII столетии Жабаги Казанок: «В нерушимости уз, связывающих с Россией и священным Баксаном, – залог выживания адыгского народа». Такое отношение к этому месту могло быть связано не только с плодородием местных почв, но и с тем, что Баксанская долина воспринималась кабардинцами как своего рода «сердце» их народа и державы, центр распространения кабардинской власти, по аналогии с Киевом – «мать земель кабардинских» (Сивер А.В., 2007. Вып. VI. С. 63).

С этой точки зрения несомненный интерес представляет мнение одно из высших офицеров Генерального штаба Российской империи о кабардинцах: «Из всех горских племен кабардинцы завоевали наиболее громкую известность, благодаря своему... воинственному духу, храбрости, проявляемой ими в борьбе против крымских татар и в других исторических ситуациях, а также в силу того главенствующего положения, которое они занимали по отношению к своим соседям» (Цит. по: Хутиыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007).

3.12.3.2. Расселение и хозяйственная деятельность кабардинцев в XV-XVII вв.

*Склоняясь, уходят поколенья,
Приходит и проходит век...*

И. Сельвинский (1899–1968)

В Прикаспии Кабарда включала в себя пространство между низовьями Терека и Сулака, где в то же время обитали татары, ногайцы, кумыки Эндерея.

Б.Х. Бгажноков (2005).

РАССЕЛЕНИЕ КАБАРДИНЦЕВ. Начиная с XV в. (и много позже, вплоть до середины XVIII в.) восточные границы Кабарды пролегли в районе, который в хрониках Золотой Орды фигурирует иногда под названием Дешт-и-Хазар (Бгажноков Б.Х., 2005). Известно также, что в первой половине XVI в. в низовьях Терека на левом берегу располагалось Тюменское княжество, которое было частью Астраханского ханства, но находилось в зоне политического влияния кабардинцев, считавших Ногайские степи (Сотей) своей рубежной территорией. С другой стороны, в низовьях Койсу (Сулака), на правом берегу начинались владения могущественного шамхала Тарковского. Таким образом, в Прикаспии Кабарда включала в себя пространство между низовьями Терека и Сулака, где в то же время обитали татары, ногайцы, кумыки Эндерея.

Окончательно адыги утверждаются здесь в XVI в., оттеснив астраханских татар и кумыков, что вполне согласуется с известиями о том, что в сражениях с золотоордынцами адыги принимали активное участие. Судя по всему, на завершающем этапе со стороны кабардинцев освободительную войну возглавили внуки (по другим версиям, правнуки) Инала – Талостан и Беслан Жанхотовы. Отсюда повторяющиеся в адыгском феодальном эпосе сообщения о включении Прикаспийских территорий в состав Черкесии владельцем Кабарды Бесланом Тучным (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

«Книга *Большому чертежу*» (XVI в.) так определяет расселение пятигорских черкес: «Река Терек потекла из реки из Кура в ночь (т. е. на север) горы. А на низ по Терку, с левые стороны реки Терка, Кабарда. А от Кабарды, от Киз-реки вниз Терком-рекою, до устья реки Белья, 60 верст, протоку Белья реки 200 верст. А в реку в Белую пала река Черем (егем. – **Авт.**); а ниже Черем реки 20 верст река Баксан Меньшой. А ниже другая река Баксан Средней, 20 верст. А ниже Баксан-реки река Палк 20 верст; а сошлись те 4 реки все в одно место и оттого потекла одна река Белая, а по тем рекам земля Пятигорских черкас. А протоку тех рек сверху до Терка 90 верст; по тем рекам Пятигорские черкасы...». Таким образом, из этой книги видно, что пятигорские черкесы жили по рекам Баксан, Чегем, Малка, протекающим по территории Большой Кабарды. Впрочем, Е.Н. Кушева предполагает, что «...понятие «пятигорские черкесы» применялось также и к западным черкесам».

Эвлия Челеби (1666). Дополняют эту информацию записки турецкого автора Э. Челеби: «Описание обширной страны древнего народа Кабартай. Его называют «Кабарты», «Кабартай». Это потому, что старший сын Серакиса был Кабартай. Первоначально черкесский народ распространился из земель шегак (на Таманском полуострове, – **Авт.**), затем из этих девственных земель. Эта страна обширная. Язык здесь – древний. А земли Черкессстана (здесь – Кабарды? – **Авт.**) подвластны правителю Дербента. А всего у них (у племени кабарты) имеется 20 удобных селений. Их беи распоряжаются 10000 джигитов – богатырей прославленных и отважных. Воистину этот народ – возлюбленный сердец, смелый, многочисленный, широко расселившийся. Во всем Черкессстане он слывет исконным, избранным и знатным...».

Вместе с кабардинцами, в бассейне р. Терек поселилась и бесленеевская группа адыгов. Родоначальнику кабардинских, бесленеевских и темиргоевских князей Иналу (XV в.) удалось объединить значительную часть населения под своей властью. «Под его твердым и благоразумным управлением, – писал Ш. Ногмов, – прекратились смуты и беспорядки между адыгейцами. Он успел примирить воюющие силы и соединить расселенные силы». Однако единство Кабарды, как увидим ниже, сохранилось недолго.

Примечательно, что граница между Кабардой и Западной (Закубанской) Черкесией проходила в этот период от Эльбруса на север по Пятигорью до верховьев Кумы. Восточный предел адыгской этнической общности составляли кабардинцы. К XVI в. они занимали равнинные места и предгорья по левым притокам Терека, до входа в горные ущелья, по правому берегу Терека и левому берегу Сунжи, а также по рекам Малка, Баксан, Чегем и Черек. Собственно Пятигорье в описываемое время уже не было местом их постоянного жительства. В конце XVI в. Кабарда распалась на Большую (от Малки до Уруха) и Малую Кабарду (от Уруха до Среднего Терека и по правому берегу Терека). Несколько позже, вне пределов Кабарды, в районе г. Терки, при содействии Российского государства, возникло Кабардинское княжество Сунчалевичей Черкасских. По имеющимся данным, в XVI в. и позже в Большой Кабарде насчитывалось 8500 адыгских дворов.

Как отмечают авторы книги «История многовекового...» (2007), в начале XVI в. границы Кабарды на западе проходили по р. Лаббе, на востоке до Каспия при впадении в море р. Терека, на севере по Кумо-Манычской впадине, на юге достигали в ряде мест вершин Кавказа. Народонаселение Кабарды могло составлять в начале XVI в. около 500 тыс. чел.».

Архивные документы свидетельствуют, что в 1614 г. кабардинские князья протурецкой ориентации Алегуко и Хотождука переселились с берегов Баксана за Кубань, надеясь на поддержку Крымского ханства в их междоусобной борьбе. Именно тогда началось переселение кабардинцев на запад, за Кубань, особый размах получившее много позже, в 1804-1822 гг., после карательных акций царских колонизаторов. Более детально этот вопрос рассматривается в работе Т.Х. Алоева (2006). Как отмечает автор, большая часть территории обитания кабардинцев в XVI-XVII вв., по-видимому, находилась к востоку от верхнего течения р. Кубань. Однако часть субэтноса проживала западнее р. Кубань. Так, согласно Эвлии Челеби, кабардинцы жили по соседству с бесленеевцами на р. Дженджек и Большой Дженджек (Зеленчуки. – **Авт.**), а также на Верхней Кубани. Кабардинские «стоянки» имелись также в месте слияния р. Кубани и Дженджека (район нынешнего Невинномыска) и в Пятигорье («в ущелье р. Кумы» и «стоянка Бешта»). Сообщения Эвлии подтверждаются данными археологии – курганы кабардинского типа XIV-XVI вв. обнаружены во множестве и на Большом и Малом Зеленчуке.

Бларамберг, обобщив огромный массив исторических материалов по данной проблеме, не без основания писал, что «территория, которую кабардинцы занимали... простиралась до р. Уруп: в XVII в. они уступили абазинам... часть своей территории между правым берегом Урупа и левым берегом Подкумка».

Как отмечает И.Х. Калмыков, «...кабардинцы, освоив район Пятигорья и бассейны рек Малка и Терек, продолжали владеть районами Черкесии. Именно поэтому, когда в Черкесию пришли абазины, они попали в зависимость от кабардинских и бесленеевских феодалов». В источниках зафиксированы многократные заявления кабардинских князей о безусловной принадлежности абазин-тапанта, соответственно, и территории, занимаемой ими, – Кабарде. Безусловно, лучше, чем сами кабардинцы, пространственных пределов их суверенитета вряд ли кто знал... (Алоев Т.Х., 2006. Вып. III. С. 258-270).

«Большая Хуламская надпись» (1709) дополняет наши сведения о расселении кабардинцев в XVII-XVIII вв. (Пер. с арабского): «Между кабардинцами, крымцами и пятью горскими обществами возник спор из-за земель. Пять горских обществ – Балкар, Безенги, Хулан, Чегем и Баксан. Горские общества избрали Кайтукова Асланбека, кабардинца Казаниева Жабаги, крымца Сарсанова Баяна, и они сделали Торе («совет») – определили: с местности Татартюп до Терека, оттуда до равнины Кабана, оттуда до перевала Лескенского, оттуда до Жамбаша и на Малку. Верхняя часть принадлежит пяти горским обществам. С Ташлы-Каласы (ныне: Воронцовка) до Татартюпа – владение крымское. От Каш-Каласы вниз – владение русских. Свидетели при этом были: от Крыма Агалал-хан, Опчаров Отар. Писал Абдулкади Халалов, 1127 (т. е. 1709 г.)».

П.Г. Брус (1722 г.): «Со времени перехода этих областей (речь идет о Кабарде. – **Авт.**) под власть России во всех укрепленных местах разместили не только русские гарнизоны и начальников, но также чиновников и священников для проповедования христианской религии; тем не менее, черкесские народы управляются собственными князьями, знатью и судьями, которые, однако, осуществляют правосудие именем императора. Терки – столица Черкесской Татарии, являющейся наиболее южной границей теперешних владений его величества; город стоит на острове, образованном реками Терки (р. Терек) и Быстрой».

К. Главани (1724): «В стороне калмыков находится округ Кучук-Кабарта (Малая Кабарда. – Авт.), который оставался всегда верен Крыму; в нем один бей и 800 жилищ. На юге, близ Кавказа, расположен округ Тауз-Султан-кабак (Таусултан, Талостан-кабак. – Авт.), имеющий одного бея и 600 жилищ. Затем, у самой подошвы Кавказа, находится округ Гиляксан (Гилахстан. – Авт.); в нем один бей и 400 жилищ. В зависимости от этого округа состоят пять селений в Кавказских горах... Гилахстан – одна из владельческих фамилий Малой Кабарды. Принадлежащие ей селения были известны у нас под названием Ахловых и Мударовых кабаков».

(Комментарий В.С.Бесланеева: Но это неточные сведения. В первой половине XVIII в. в Малой Кабарде насчитывалось около 4000 дворов. Если исходить из того, что кабардинцы обычно жили большими семьями в 10-12 чел., то можно предположить, что их общая численность достигала 40 тыс. чел.).

Степан Чичагов (1744): «Владение Малой Кабарды, звания деревням: а) 9 деревень называются Анзоровы; б) Деревня Шоловатка; в) У Татартуповой горы деревня Кукулгаева; г) Деревня Алкабакова; д) В Татартукском ущелье деревня Кукулгаева, а живут в ней беглые люди; е) Деревня Дунжева; ж) Двор князя Алдигирея (Гиляксанова, Гилахстанова. – Авт.). з) 5 деревень называются Муртазовы; и) 4 деревни: Тузарова, Канбекукова, Елтюпова, Батушева; к) 5 деревень называются Алемурзины; л) 5 деревень называются Анзоровы; м) Деревня Бутушева; н) 5 деревень Нарукова, Чебатырева, Челкабакова, Бештокова, Насранова; о) Двор князя Казия; п) Деревни князя Баты-Мурзы, две Андырова, Басва, Хапцова, Ханова, Пыштова, Кургокина».

Кайтуко Кайсинов (1764). Ценные сведения о территориальном расселении кабардинцев в конце XVIII в. можно найти в материалах отправленного в Петербург посольства во главе с Кайтуко Кайсиновым. В докладе Коллегии иностранных дел (9 ноября 1764 г.) Екатерине II отмечалось, что Кайтуко Кайсинов «подал прошение, писанное на высочайшее имя от знатнейших Большой Кабарды владельцев, которым представляется: 1) что кабардинские земли (имеются в виду земли Большой Кабарды. – Авт.) простираются, с одной стороны, до р. Кумы и до развалин старинного гор. Маджара, на оной реке находящегося, а с другой – вниз по течению р. Терка до урочища Мекеня, лежащего на оной реке Терку ниже урочища Моздока, по крайней мере, верст 60, приведя в доказательство всего того единственную причину, что в тех местах издревле конские их, кабардинцев, табуны и прочий скот пасется, и по реке Терку до урочища Мекеня они всяким лесом пользовались и рубили на разные свои потребности» (Кажаров В.Х., 2006. Вып. IV. С. 215).

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. В устье Терека существовали все отрасли традиционной экономики кабардинцев – животноводство, коневодство и земледелие. Но здесь они занимались и другими видами хозяйственной деятельности в соответствии с природно-географическими условиями этой местности, в частности рыболовством, причем в таких размерах, что для обеспечения его нормального функционирования иногда требовалось обращение к самому царю. В мае 1645 г. князь Камбулат Пшимахович обращается к царю Михаилу Федоровичу с челобитной, в которой указывал: «Да я ж, холоп твой, для ради своей нужи посылаю людишек своих для рыбной ловли на море и в Быструю-реку (т. е. Терек). И как, государь, людишки мои привезут рыбенки, и с той рыбы с людишак моих емлют твою государеву таможенную рыбную пошлину». Камбулата Пшимаховича особенно оскорбляло то обстоятельство, что с его «братьев», проживающих в Терском городе, эту пошлину не брали.

Поскольку г. Терки стал крупным центром транзитной торговли в регионе, кабардинские князья, забыв свои сословные предрассудки, стали торговать перекупными товарами, в том числе и персидским шелком.

Передав Московскому государству значительную часть военно-оборонительных функций, князья Идаровы уже не могли своими силами столь же успешно, как и в прошлые времена, обеспечивать защиту своих подвластных от агрессивных соседей. Поэтому тот же Камбулат Пшимахович в мае 1645 г. просил царя «...в пахатную и жнитвенную пору для обереганья от недрузей наших давать своих государевых служилых людей... так же, как давал и братье моей Кельмаметь и Илдар мурзам Черкасским» (Кажаров В.Х., 2006).

3.12.3.3. «На востоке Черкесия граничила с Каспийским морем»: границы Кабарды в XVI – начале XVIII в.

А та земля изстари была от Кабарды от Темрюкова юрта по Терке по реке и до моря (Каспийского) – его, Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил...

И.П. Новосильцев, посол в Турции (1570).

В Черкесии есть только два города – Темеросса (Темрюк) и Терки; первый на Черном море, ...другой город (Терки) стоит на Каспийском море Страна черкесов лежит у самого Каспийского моря... У черкесов, живущих около Каспийского моря, нет ни городов, ни укреплений, и они живут в деревнях, в открытых местах.

Николай Витсен (1641-1717).

В течение XVI-XVIII вв. конфигурация рубежей Черкесии меняется под влиянием миграций ногайцев, калмыков, русских в предкавказские степи. Правда, некоторые общие координаты страны остаются. В начале

XVIII в. по-прежнему в этом качестве выступает пространство между тремя морями: Азовским, Черным, Каспийским – ограниченное с юга горами Кавказа, а с севера – степями вдоль берегов Кубани, Кумы, Терека (Б.Х. Бражников, 2006. Вып. III). Об этом же писал и К.Ф. Дзамихов (2008): «Территория, занятая адыгами, тянулась от границ Абхазии до низовьев р. Терек, поэтому в исторической литературе прошлого ее обозначали как земли от «моря до моря» или от «Тамани до Каспия». Общая площадь, оставшаяся в распоряжении адыгов в первой половине XIX в. составляла 180 тыс. кв. км. С запада она ограничивалась Черноморским побережьем и еще в конце XVI в. включала восточное побережье Азовского моря к юго-западу от устья Дона».

В начале XVIII в. границы Кабарды проходили: на западе по рекам Лаба и Кубань; на востоке по побережью Каспийского моря у устья Терека. Северная граница проходила по равнинам современного Ставропольского края. На протяжении второй половины XVI и XVII вв. северные территории Кабарды сокращались под натиском Крымского ханства и калмыков. В первой четверти XVIII в. значительная часть Восточной Кабарды от Каспийского моря до слияния р. Сунжи с р. Терек фактически отошла к России. Во 2-й половине XVIII в. численность кабардинцев колебалась в пределах 500 тыс. («История адыгов...», 2009. С. 351-353).

В.Х. Кажаров (2006) обращает внимание на тот факт, что Кабарда – полиэтническое государственное образование, а не только этническая территория кабардинцев. Поэтому территорию их расселения, или их этнические границы, нельзя отождествлять с политическими границами Кабарды. В этом плане ее можно сравнить со средневековой Аланией.

Территория, находившаяся под политическим суверенитетом Кабарды, заметно превышала непосредственно этническую территорию кабардинцев, охватывая также и пространство, занимаемое другими горскими народами Центрального Предкавказья, которые находились в вассальной зависимости (доходившей до от ношений прямого подданства) от кабардинских князей.

С этой точки зрения территория, населявшаяся абазинами, карачаевцами, балкарцами, частью осетин, ингушами и частью чеченцев, входила в состав Кабарды. Ее южные границы проходили по Главному Кавказскому хребту, что нашло отражение в географических картах 70-х гг. XVIII в. На западе она граничила, согласно сведениям Хан-Гирея, с закубанскими черкесами.

Одной из самых сложных проблем при изучении территории феодальной Кабарды является вопрос о ее восточных границах, хотя казалось бы, известия европейских авторов не оставляют сомнений на сей счет. Их следует рассматривать в контексте сведений о восточных рубежах Черкесии, а Кабарда, как известно, являлась ее восточной частью. Практически все авторы XVI – начала XVIII в., касавшиеся этого вопроса, отмечали, что на востоке Черкесия граничила с Каспийским морем («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006):

ИОАНН ГАЛОНИФОНТИБУС: «Эта страна (Черкесия) граничит на западе с Черным морем, на севере с Татарией, на востоке с Каспийскими горами, на юге с Грузией и Абхазией» (Галонифонтибус Иоанн, 2010).

АНТОНИЙ ДЖЕНКИНСОН, английский посланник в России, отмечал на вычерченной им карте, что Черкесия занимала основную часть Северного Кавказа, вклиниваясь между Крымским и Астраханским ханствами, простираясь на север вплоть до низовьев Дона и Кумо-Манычской впадины, на восток – до земель в устье Терека. Само обозначение страны – Chirkassi petigorski – свидетельствует о том, что Пятигорье (Бештау) стало политическим и географическим центром Черкесии (Бражников Б.Х., 2006. Вып. III; «История многовекового...», 2007).

И.П. НОВОСИЛЬЦЕВ, посол в Турции, отвечая в июле 1570 г. на вопросы великого визиря Мухамеда Соколлы, очерчивает восточные границы княжества Темрюка Идарова следующим образом: «А та земля изстари была от Кабарды от Темрюкова юрта по Терке по реке и до моря (Каспийского) – его, Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил...».

МАРТИН БРОНЕВСКИЙ, сведения которого относятся к 70-м гг. XVI в., писал, что «область... пятигорцев простирается до Каспийского, или Гирканского моря».

ДЖОВАННИ ЛУККА, посетивший Черкесию в 20-30-х гг. XVII в., отмечал, что «...черкесы населяют лесистые места. Область (их) имеет большое протяжение от Тамани до Демир-капу, иначе Дербента, – города, расположенного на берегу Каспийского моря. Страна черкесов тянется на 26 дней пути...». Утверждение автора, что «Черкесия простирается до Дербента», – ошибочно. Но сообщение о том, что она доходила до Каспийского моря, отражает реальный факт расселения адыгов в устье Терека.

АДАМ ОЛЕАРИЙ, побывавший в Терском городе в 1636 г., сообщал, что территория черкесов с востока замыкается Каспийским морем.

НИКОЛАЙ ВИТСЕН, собравший во время пребывания в России в 1664 г. богатый фактический материал о соседних с ней народах и государствах, писал: «В Черкесии есть только два города – Темеросса (Темрюк) и Темен (Терки); первый на Черном море, около залива, соединяющегося с Тейн-морем (Азовское море), другой город стоит на Каспийском море в 1100 милях от Темероссы... Главным городом черкесов у Каспийского моря прежде были Терки, но черкесы этой области теперь подвластны московитам. Страна черкесов лежит у самого Каспийского моря, ее северные соседи – астраханские ногаи, на юге – дагестанские и тарковские татары, на западе – абазы (абхазы. – Авт.) и мингрельские племена... У черкесов, живущих около Каспийского моря, нет ни городов, ни укреплений, и они живут в деревнях, в открытых местах».

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ (1666) особо отмечает, что «...земли Черкесстана (здесь – Кабарды? – **Авт.**) подвластны правителю Дербента у *Каспийского моря*».

ЯН ЯНСЕН СТРЕЙС, побывавший в устье р. Терек в 1668 г., оставил в своей книге интересные наблюдения по этому вопросу. Описав Терки как «пограничный и последний подвластный царю город», он отмечал, что от черкесов «владения его царского величества отделяет река Тимянка». Далее, он более конкретно описывает восточные границы Черкесии: «Черкесская область собственно начинается у реки Тимянки и отделяется степью от Ногаи, а с другой стороны рекой Быстрой (*южным протоком дельты Терека*. – **Авт.**) от дагестанских татар».

ЭНГЕЛЬБЕРТ КЕМПФЕР (1651-1716 гг.), сведения которого относятся к 80-м гг. XVII в., писал: «Черкесия причисляется одними [людьми] к Азии, другими к Европе. *К востоку страна граничит с Каспийским морем*, к западу с Меотским озером (Азовским морем. – **Авт.**), к югу с Черным морем, а к северу — с рекой Доном...». (Цит. по: Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III).

КСАВЕРИО ГЛАВАНИ. Аналогичные сведения встречаем в записках Ксаверио Главани, составленных в 1724 г: «Черкесия расположена за рекою Кубанью и простирается до гор Кавказа. Это страна плодородная, с прекрасными равнинами и горами; вода здесь в изобилии. Она граничит: с одной стороны, с калмыками, ныне состоящими под покровительством царя; с другой стороны, *с Каспийским морем*, где находится крепость Терк, принадлежащая московитам; затем с Абазой (Абхазией. – **Авт.**), прилегающей к горе Кавказу и простирающейся до берегов Черного моря; наконец, с Меотийским болотом. Таким образом, страна эта заключается между морями Черным, Каспийским и Забакским (Азовским. – **Авт.**)» (Цит. по: Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II).

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ (1866), ссылаясь на Герберштейна, пишет: «Под именем черкас известны были полумагометанские и полуязыческие обитатели страны, простиравшейся к северу от закубанских горцев, *между берегами Каспийского моря и Кавказским хребтом*».

С. СИУХОВ (1913 г.): «Греческие, римские и арабские историки подтверждают, что современные черкесы живут у северного подножья Кавказских гор уже тысячелетия. Исторические данные и памятники народного устного творчества черкесов указывают, что черкесские племена простирали свои владения на огромную территорию, ограниченную с юга Кавказским хребтом, с запада Черным морем, *с востока – Каспийским морем*, с севера Азовским морем и реками Доном и Волгой».

Известия европейских авторов о восточных границах Черкесии в XVI – начале XVIII в., – подчеркивает В.Х. Кажаров (2006), – должны были казаться невероятными историкам, привыкшим ограничивать территорию Кабарды рубежами, которые сложились гораздо позднее в результате аннексии значительной части ее земель. Но делается это весьма своеобразным способом: за неимением других аргументов, приведенные сведения подвергаются сомнению на основе данных более поздних авторов, в частности, сообщений И.-А. Гюльденштедта, отмечавшего в начале 70-х гг. XVIII в., что земля черкесов на востоке простирается до устья р. Сунжи, текущей в Терек.

Поскольку сравниваются сведения, относящиеся к *различным периодам истории Кабарды*, то они в принципе не в состоянии опровергнуть друг друга (если, конечно, не рассматривать ее территорию в статике). При сравнительном анализе они могут свидетельствовать только о том, что территория феодальной Кабарды с середины XVI в. до 70-х гг. XVIII в. существенно изменилась и, в частности, ее восточные границы стали проходить по р. Сунже. Но это, разумеется, не доказывает, что те же самые границы существовали и в предшествующие века. В данном случае суть проблемы заключается не в оценках степени достоверности сведений, вырванных из контекста, а в исследовании факторов, воздействовавших на изменение самой оцениваемой реальности. Все это лишний раз подчеркивает необходимость изучения территории феодальной Кабарды в динамике. При таком подходе сведения И.А. Гюльденштедта и географические карты этого времени не противоречат данным источников XVI-XVII вв. о том, что на востоке она граничила с Каспийским морем. В своей совокупности они взаимно дополняют друг друга, свидетельствуя о процессах изменения ее территории в течение трех столетий (Кажаров В.Х., 2006).

3.12.3.4. «Рубежные» территории исторической Черкесии

Рубежные земли, где адыги никогда (или временно) не селились, ...составляли почти треть всей территории страны, располагаясь практически по всему периметру ее внешних границ.

Б.Х. Бгажноков (2006. Вып. III).

Особо следует сказать, что внешние границы Черкесии не были жестко заданы и установлены. Зачастую они проходили по землям, где адыги никогда (или временно) не селились. Такие земли – их принято называть *рубежными* – составляли почти треть всей территории страны, располагаясь практически по всему периметру ее внешних границ.

Чаще всего рубежные территории использовались под пастбище или для сдачи в аренду. Наглядным примером могут служить северные территории Черкесии, где в этом качестве использовались обширные

степи на правом берегу Кубани, а также земли по рекам Калаус, Кума, Кура, Терек. Известно, что урочище Курей в пространстве между Терекком и Курой служило кабардинцам пастбищем для скота. А в степях под названием Сотей на севере и северо-востоке от Курей паслись табуны лошадей. Отсюда строки из широко известной «Песни большого ночного нападения», сочиненной в 1769 г. по следам сражений кабардинцев с вторгшимися в Кабарду царскими войсками:

В тот день наша Кабарда разгневалась:
«Наши овцы на Курейских родных степях паслись,
Нашим табунам Сотей Лысый пастбищем был.
Нынче на горное поселение их мы меняем.
Не потерпим такое!» – говорит,
И наша Кабарда на коней садится.

Еще одной формой существования рубежных территорий Черкесии было постоянное проживание на них других родственных и неродственных народов. Например, в XVI-XVII вв. значительную часть рубежных территорий на севере страны вплоть до Восточного Приазовья, Кумо-Манычской впадины и Терско-Кумской низменности занимали ногайцы; здесь же, на левом и правом крыле северных территорий, располагались поселения некрасовских и гребенских казаков, а также армян, татар, евреев (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III). Наряду с ногайцами, соседями кабардинцев издавна были карачаевцы и балкарцы, о чем речь пойдет ниже.

3.12.3.5. Соседи адыгов в эпоху позднего средневековья

Страна черкесов лежит у самого Каспийского моря. Ее северные соседи – астраханские ногаи, на юге – дагестанские и тарковские татары, на западе – абазы и мингрельские племена.

Николас Витсен (1641-1717).

Кабардинцы оттеснили их (карачаевцев, балкарцев, осетин и ингушей) ...и вынудили укрыться в горы.

В.П. Пожидаев (1999).

К XV-XVI вв. в основных чертах складывается современная этническая карта Северного Кавказа. На северо-западе весь район Прикубанья и Причерноморья до Сочи занимают адыги, которых многие народы называют «черкесами». На Центральном Кавказе на значительной части плоскости и в предгорьях размещаются восточные адыги – кабардинцы. Их соседями стали близкородственные абазыны. В высокогорной зоне жили карачаевцы, балкарцы и осетины. На Северо-Восточном Кавказе были расселены вайнахи (чеченцы и ингуши) и многочисленные народы Дагестана. Здесь же, на Тереке, с XVI в. начало формироваться гребенское казачество (Дзамихов К.Ф., 2008).

Довольно рано под политическое господство Кабарды попали горцы Центрального Кавказа от Карачая до Ингушетии. В.П. Пожидаев относил время его установления к периоду продвижения кабардинцев из Закубанья на центральнокавказские равнины, когда «...кабардинцы оттеснили их (карачаевцев, балкарцев, осетин и ингушей) ...и вынудили укрыться в горы, а чтобы обезопасить себя от внезапных нападений горцев ... проникли в их ущелья, построили там сторожевые башни и, наложив на них дань, взяли их, таким образом, под постоянный надзор». Как писал Юлиус Клапрот (1808), «...до 1808 г. могущество черкесских князей распространялось на осетин, чеченцев, абазин и татарские племена, жившие в высоких горах у истоков Чегема, Баксана, Малки и Кубани, но их могущество ослабло в результате занятия этих районов русскими». В русских источниках данные о политической зависимости от Кабарды карачаево-балкарцев и осетин появляются в первой половине XVII в. (Кожев З.А., 2005. Вып. I).

Ближайшими соседями адыгов-кабардинцев были карачаевцы и балкарцы, которые занимали смежную территорию у отрогов Эльбруса. По данным некоторых исследователей, карачаево-балкарская народность сложилась еще в XIII-XIV вв. Спустя столетие, они были уже единой этнической общностью и обитали не только в высокогорной, но и в предгорной зоне (предгорья Кабарды, Карачая и частично Осетии).

КАРАЧАЕВЦЫ. В фундаментальном справочнике «Население мира» (1981) С.И. Брук пишет о карачаевцах (самоназвание – *карачайлы*): «В сложении карачаевской народности (XIII-XIV) принимали участие местные горские племена, тюркоязычные кыпчаки, болгары, ассимилировавшие живших здесь ираноязычных алан» (Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 438). Средневековые авторы называли карачаевцев «черными черкесами».

Иоанн Галонифонтибус (XV в.) писал: «Страна, называемая Зикийей, или Черкесией, расположена у подножия гор, на побережье Черного моря. В стране нет городов, равнины там небольшие, и горы, которые тянутся до самих Каспийских гор, очень высоки. Здесь живут две группы народов: белые и черные таркасы (т. е. черкасы-черкесы). Слово «черный» означает только название народа, но не говорит о цвете его кожи. Горцы именуются черными, а те, кто живут в долинах и на побережье моря, белыми таркасами. Никто никогда не посещал этих черных, и они сами никогда не покидают гор, кроме тех случаев, когда им необходима соль. Они имеют свой собственный язык и свою письменность («Кавказ:...». Вып. III. 2010. С. 13-15).

А. Ламберти (писал в 1633-1650 гг.): «У подножия Кавказа на север живут еще несколько народов, так называемые карачаевцы или кара-черкесы, то есть черные черкесы. Они носят такое имя не потому, что они черного цвета, ибо они очень белые, но, может быть, оттого, что в их стране небо постоянно облачное и темное, язык их тюркский».

Соседние народы называли карачаевцев: адыги – *къэрэшей*, осетины – *къарасейаг*, ногаи – *къарацай*. К 30-40 гг. XVII в. карачаевцы прочно обосновались в верховьях Баксана. На карте А. Ламберти, относящейся к этому периоду, карачаевцы («карачиоли») помещены уже на территории нынешнего Карачая. В первой половине XVII в. часть карачаевцев из-за феодальных раздоров выселилась в верховья Кубани. Балкарцы в это время были расселены по Балкарскому ущелью вдоль р. Черек. Местоположение балкарских поселений не изменилось и в конце XVII в.

А. Берже (1858): «Племя Карачай живет на северо-восточном склоне Кавказских гор, близ верховьев рек Кубани и Теберды, у подошвы горы Эльбрус. Карачаевцы по праву завоевания принадлежали князьям Большой Кабарды, но с 1822 г. приняли наше подданство. Они довольно нам преданы. Главное народонаселение живет в трех аулах: Кар-Джиюрте, Хурзуте и Учъ-Кулане; многие поселились в отдельных пещерах по вершинам речек, вытекающих из подошвы Эльбруса. Урусбиевцы живут по верховьям р. Баксана, они составляют одно общество».

БАЛКАРЦЫ (МАЛКАРЫ). По данным А. Берже (1858), «...балкарцы, или малкарцы живут по верховьям рек Чегема и Черка. Малкарцы разделяются на четыре общества: а) балкарское, б) чегемское, в) хуламское и г) безингиевское. С 1822 г. они вышли из-под зависимости кабардинцев и ныне повинуются нам. Балкарцы всех четырех обществ и урусбиевцы имеют своих старшин, которые управляют ими посредством мирских сходок».

В современном справочнике «Население мира» (1981. С. 237). С.И. Брук пишет: «Балкарцы (самоназвание – *таулу*, *маллкъарлы*) обитают в южных и юго-западных районах Кабардино-Балкарской АССР, по северным склонам Главного Кавказского хребта».

НОГАЙЦЫ (НАГАЙЦЫ). В XVI-XVII вв. и позже значительную часть рубежных территорий на севере страны вплоть до Восточного Приазовья, Кумо-Манычской впадины и Терско-Кумской низменности занимали в основном ногайцы, насчитывавшие от 300 до 400 тыс. чел. Здесь же, на левом и правом крыле северных территорий, располагались поселения некрасовских и гребенских казаков, а также армян, татаров, евреев. Одновременно в Прикаспии, в пространстве между Терекон и Сулаком, кроме ногайцев жили в большом количестве кумыки и татары (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III).

К. Пейсонель (1762) так писал ногайцах: «Малая Татария. В настоящее время (середина XVIII в.) государство татарского хана включает в себе все страны, находящиеся к северу от Черного моря между р. Кубанью и Дунаем, (в том числе): вся Черкесия от Еникольского пролива, или Босфора Киммерийского (Керченский пролив) до Кабарды, где расположена орда кубанских ногайцев... Ногайцы разделены на четыре большие орды, в том числе: Кубанская, занимающая всю страну, расположенную между Азовским морем и р. Кубанью. (Комментарий *Е. Фелицына*: Орда на пространстве между низовьями р. Лабы и Хумаринским укреплением в верховьях р. Кубани называлась по именам знатнейших их фамилий: ногайцы Тохтамышевские, Мансуровские, Наурузовские и Карамурзинские).

С. Броневский (1823) дополняет эту информацию: «Нагайские колена (племена), живущие между горскими народами по ту сторону Терека, Малки и Кубани. К нагайцам-старожилам принадлежат следующие три колена:

1. Балкары или малкары, получившие название от р. Малки, живут повыше Большой Кабарды на юг в Черных горах и по верховьям тех же рек, на коих расположены кабардинцы. А именно: по Черку (всего здесь числится 1236 дворов). Старший род здесь Базиян. Старшины их приняли магометанский закон, а прочие балкарцы почитаемы за христиан, потому что едят свинину.

2. Чегемы, гивги или джики.

3. Карачай, карачаевцы, живут на возвышенной равнине у северной подошвы Эльбруса около верховьев Кубани, в числе 200 семей. Граничат к западу с Урупом и башилбайцами, к югу со сванетами, к востоку с кабардинцами, к северу с абазинцами-шестиродными. (Таким образом, С. Броневский (1823) относит балкарцев, карачаевцев и чегемов к «нагайскому племени», что не соответствует общепринятому этногеографическому делению этих племен. – **Авт.**).

Предполагать можно, что эти три колена поселились здесь до 1552 г., то есть до покорения Ногайской орды Россией. Князья Большой Кабарды почитают все эти три колена за древних своих подданных. Балкары подведомственны роду Джембулата; чегемы – родам Мисоста и Атажуки. Все три колена, заключающие 1800 дворов, несут кабардинское иго с отвращением.

Нагайцы, поселившиеся на Тереке и Кубани в XVIII в.:

4. Мансуры, числом 450 семей, живут на р. Б.Зеленчук и по Урупу между абазинцами шестиродными. Так называются по имени знатнейшего рода Мансуровых; находятся в связях с абазинскими коленами Лов и Дударука, а также с башилбайцами.

5. Наврузы, – отделение Белгородской орды (Аккермен), кочуют по равнине, лежащей напротив крепостей Кавказской и Усть-Лабинской по р. Лаба. Составляют 650 семей и управляются Кара-Мурзой Ибашевым. Наврузы подвластны бесленейским и темиргойским князьям. Кроме того, между закубанскими

черкесами проживают многие рассеянные отрасли кипчаков, мангит, касай-аула и других племен, смешавшихся с черкесами или им подвластных. Кроме того, на Кубани живут некоторые крымские султаны, рода Гиреев, которые по родственным связям с черкесами остались там на постоянное жительство: Султан Мурат-Гирей (сын Хас-Гирея), живет на Лабе выше наврузовцев, имея своих подданных 40 домов. Брат его Султан Девлет-Гирей живет между абазеками, в Черных горах, на р. Кучипс. На р. Пшекупсе несколько деревень принадлежат Султану Батыр-Гирею, чей сын Селим-Гирей в российской службе бригадир. Дети Султана Арслан-Гирея (родные братья генерал-майора Султана Менгли-Гирея) живут между нагайцами на Б.Зеленчуке. Всех нагайцев, живущих между черкесами, полагают не более 5000 дворов. А всех вообще нагайцев, кочующих и живущих по ту и эту сторону Кубани, Малки и Терека, около 18000 дворов».

А. Берже (1858): «В начале XVII в. ногайцы жили к северо-востоку от Каспийского моря между Тоболом и Яиком. Теснимые калмыками, они удалились далее на запад, к Астрахани, откуда большая часть их была переселена Петром I на Кубань и Куму, на северной стороне Кавказа. Ногайцы разделяются на закубанских и кумыкских.

1) Закубанские ногайцы населяют левый берег р. Кубани от ст. Баталпащинской (ныне г. Черкесск) до устья р. Лабы и по правую сторону Кубани в Тахтамышевских аулах и пространство близ Пятигорска.

Они подразделяются на:

а) тахтамышевские ногайцы (на левом берегу Кубани, между укреплением Хумаринским и Джугутинским). Важнейшие фамилии суть следующие: Азамат-Гирей, Тугановы, Карамурзины и Ахловы;

б) мансуровские (на левом берегу Кубани и по обоим берегам Малого Зеленчука). Важнейшие у них княжеские фамилии: Мансуровы, Бадраковы, Салангировы и Ураковы;

в) карамурзинские (по левому берегу Кубани). Во главе их фамилия Карамурзиных;

г) кипчакские (на левом берегу Кубани, между ст. Николаевской и Барсуковой). Важнейшие фамилии: Девлет-Гирей, Мамай, Алчагировы и Абуловы;

д) наврузовские ногайцы (на левом берегу Кубани, между ст. Убежинской и Тифлисской). Самые воинственные между всеми своими однородцами. В 1822 г. они бежали за Лабу, в 1823 г. часть их возвратилась обратно на Кубань, другая же осталась. Важнейшие фамилии: Селим-Гирей, Мегемет, Довлетсеевы, Бибердовы, Беймурзины, Куловы, Урусовы.

2) Кумыкские ногайцы, обитают между Сулаком и Терекком, разделяются на а) аксайских и б) костековских».

АЛАНЫ (ЯСЫ, ОСЕТИНЫ). С I в н. э. среди сарматских племен главную роль начинают играть аланы – ближайшие предки осетин по языку. В сложении алан большую роль сыграли не только сами сарматы, но и массагетские племена Средней Азии, в том числе тохары, чье имя с некоторыми видоизменениями сохранилось у осетин в форме «дигор». В эпоху раннего средневековья аланы являлись восточными соседями адыгов-кабардинцев, с которыми они установили союзнические отношения еще в первых веках н. э. Но позже, по мере роста могущества алан и формирования их раннефеодального государственного образования, отношения адыгов с ними становятся более натянутыми. Об этом свидетельствуют раннесредневековые авторы, писавшие о Северном Кавказе. Но адыги и аланы на поле боя встречались чаще не как враги, а как союзники. Согласно сообщениям русских летописей и адыгским преданиям, адыги-касоги и аланы-ясы против общего врага всегда выступали совместно. Возможно, этому способствовало и то, что на территории Западной Алании почти вплоть до монгольского нашествия проживала и какая-то часть адыгского населения, которая оказала значительное воздействие при формировании дигорских осетин и на их язык (Керефов Б.М., 2006).

Интересные соображения о наличии связи этнических названий предков осетин – *асы, азы, язы* – с такими географическими названиями как Азия, Гора азов, Азовское море, а также с племенным названием *адыги* (*языги* = *яз* + *дзиги*) излагает в своей работе Е.Л. Марков (1887), чье эссе привожу в кратком изложении. «Теперь трудно сомневаться, – пишет автор, – что осетины, или оссы, называющиеся, впрочем, сами себя «иронами», представляют собой один из первобытных обитателей Кавказа и один из самых старых народов индоевропейской семьи, гораздо старше германцев, славян и пр. Все заставляет думать, что имя «асы» — то же, что «азы», хорошо известные древним географам и историкам, известные и нашему летописцу под именем *язов*, побежденных Святославом вместе с касогами.

Страбон знает город Аза на Танаисе (то есть на р. Дон), приблизительно на месте нашего Азова, следовательно, около *Моря азов*, то есть Азовского. Плиний в числе скифских племен называет племя *Asoei*, он знает еще *язигов* — сарматов, живших между Днепром и Дунаем, о которых Страбон сообщает, что они переселились из страны между Кавказом и Доном. Французский ученый Дюбуа де Монпере само слово «язиги» объясняет составом этого народа из двух близких племен: *яз* (то есть *аз*, *ас*) и *дзиги*, которых имя сохранилось в общем названии черкесских народов *адиги* и в специальном названии одного черкесского племени на берегу Черного моря *джиги*, *джигеты*. Грузины и до сих пор всех черкесских горцев называют *джигетами*. Интересно, что все реки в нынешней Осетии носят название *Дон* (то есть «вода»): Гизель-Дон, Фиаг-Дон, Заки-Дон, Зруг-Дон и т. д. Это же слово лежит в корне всех рек Южно-Русской равнины, куда, по сведениям Страбона и Плиния, переселились азиги: река Дон (Данаис, Танаис); Данаприс, или Днепр; Данастрис, или Днестр; Данубиус, или Дунай (Donau). На этом поразительном созвучии южно-русских рек с осетинским словом *дон* — вода, ученые основывают мнение, что слово это перенесено на равнину язигами, племенем азов, или осов, жив-

ших у Дона и Азовского моря, так как до того времени Дунай назывался у древних *Истер*, Днепр — *Борисфен*, а Днестр — *Тирас*. У наших малороссиян до сих пор есть слово *дунаить*, то есть носить воду.

Самое слово «Азия», очевидно, произошло от азов, давших свое имя и Азовскому морю. Страбон под Азией понимает специальную страну — *Asia propria*, а не часть света, и под именем ее описывает берег Меотийского болота (то есть Азовского моря). Вообще, все древние авторы имя «Азия» тесно соединяли с Кавказом и Азовским морем. Недаром Геродот объясняет само название Азии именем жены Прометея, прикованного к Кавказу. Хотя другие древние писатели Греции уверяют, что Азия была не жена, а мать Прометея, жена Иафета, но это несколько не изменяет общего смысла предания, связывающего с Кавказом не только имя Азии, но и происхождение самих греков через Девкалиона, сына Прометея. Геродоту была уже известна «гора Азов» — Кавказ или Эльбрус (Марков Е.Л., 1887. С.127).

АБХАЗЫ (АБАЗЫ) были самыми многочисленными и близкими соседями адыгов, с которыми они граничили в Закубанье по Черным горам. Термин «абаза» имел собирательное значение — так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские, объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов. Даже много позже, в XVII — начале XVIII в. предков крупнейших адыгских субэтносов первой половины XIX в — шапсугов, абадзехов и натухайцев некоторые авторы называли «абазе»).

Процесс формирования абхазского народа был длительным и сложным. На начальном этапе этногенеза предки абхазов, как и родственных им адыгов, составляли часть обширного конгломерата родственных племен, населявших Восточное Причерноморье от Азовского моря до Малой Азии. Однако в конце II — начале I тысячелетия до н. э. этот регион стал ареной мощных миграционных перемещений. В Малой Азии появились индоевропейцы — хетты, а в Северо-Восточном Причерноморье — продвигавшиеся из своей южной прародины картвельские (грузинские) племена. Миграционные перемещения сопровождались активными ассимиляционными процессами, которые резко изменили этнокультурную карту региона. Генетические потомки древнейшего населения Причерноморья сохранились лишь на Северо-Западном Кавказе в лице абхазов и их ближайших этнокультурных сородичей — адыгов-черкесов.

Древнеабхазские племена довольно рано перешли к производящим формам хозяйства. Уже с IV тысячелетия до н. э. здесь активно развивались земледелие и скотоводство. Замечательным памятником культурной деятельности местных племен III-II тысячелетия до н. э. являются дольмены. Возведение из многотонных каменных плит этих погребальных сооружений свидетельствует о разнообразии строительных приемов того времени, о богатом и разнообразном духовном мире древних абхазов, находившихся в тесных контактах со средиземноморским миром, откуда в Причерноморье пришла традиция сооружения величественных мегалитов.

Первая половина I тысячелетия до н. э. на территории Абхазии характеризуется расцветом металлургии бронзы, а с VI в до н. э. начинается эпоха железа. Во второй половине I тысячелетия до н. э. Абхазия испытала сильное влияние древнеэллинской культуры. Ее проводниками были греческие города-колонии Диоскурия (на месте нынешнего Сухума), Потиунт (Пицунда), Гюэнос (Очамчира), которые превратились в крупные центры ремесел и торговли. Местное население активно вовлекалось в хозяйственную деятельность греческих полисов, оказавшись также весьма восприимчивым и к культурным импульсам великой цивилизации.

Этническая ситуация того периода порождала племенную дробность населения. Античные авторы второй половины I тысячелетия до н. э. называли местных жителей гениохи, хотя очевидно, что под этим собирательным этнонимом скрывались многочисленные абхазоязычные племенные группы. Однако уже в тот период шли активные консолидационные процессы, которые к началу нашей эры привели к образованию двух субэтнических групп древнеабхазского этноса — абазгов и апсильов.

Сильное влияние Рима, распространившееся здесь к первым векам н. э., не смогло подавить самобытные тенденции этнокультурного и этнополитического развития. Апсилы и абазги занимались земледелием, скотоводством, разнообразными ремеслами, хотя значительную роль в хозяйственном обращении занимал и римский импорт. Духовная культура сочетала следы эллинистического влияния с мощным слоем традиционного наследия, представленного разветвленным языческим пантеоном во главе с верховным богом Анцва, эпическим богатством нартского эпоса, системой художественно-эстетических канонов, ярко проявившихся в изящно орнаментированной апсильской керамике. При этом поклонение языческим культам сохранилось в горных районах Абхазии вплоть до позднего средневековья — XV-XVI вв.» (Анчабадзе Ю.Д., «Адыгская (черкеская) энциклопедия», 2006. С. 539).

Ниже приведем выдержку из издания Германа «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия академика И.А. Гюльденштедта в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг.»: «...Сии наименования, по словам грузинцев, имеют Абазинские округа... Малая Абхазия (*Abhasia minor*), как на некоторых ландкартах возле реки Кумы, конечно, происходит от Абазинских деревень, переведенных сюда Черкесами.

Абаза (здесь имеется в виду Абхазия. — **Авт.**) занимает часть высоких Кавказских гор и отлогости их к Черному морю; граничит к западу с Черным морем до устья Кабети или Кабути {а не Копети), к северу с Черкесиею, к востоку с Кабети и Сванети, а к югу с Грузинскими округами...

Абхазеты довольно миролюбивые, ежели ж и делают нападения, то более для отмщения за причиненные обиды. В таком случае они собираются под старым дубом, вонзают в него саблю и ходят несколько раз

вокруг дерева, говоря: мы идем на неприятеля (коих они называют), либо мы их поймем или умертвим. Оружие их состоит в саблях и ружьях, также в луках и стрелах. В последнюю войну (т. е. прежде 1772 г.) один из отрядов, состоявший из 300 абхазов, отважился напасть на российские войска, но был отражен с потерей).

Абхазская провинция удобно разделяется на... 1) юго-западную; 2) северо-западную; 3) на северо-восточную.

Северо-восточные округа составляют третью и наименьшую часть провинции. Еще в прошедшем столетии (т. е. в XVII), когда кабардинские князья распространялись далее на восток к Тереку, *абхазы* (здесь Герман, ссылаясь на И.А. Гюльденштедта, ошибочно прилагает этноним «абхазы» к абазинцам – **Авт.**) занимали их области, чрез то и сделались подвластны кабардинским князьям. Местность Алте-Кезек (т. е. «Шесть частей»), поелику они считают 6 родов, лежит между Черкесскими округами, Кабардою и Безленом (Бесленеем?), около Кубанских рек Инджика и Уасла или Арт и около верхней Кумы. Округи именуются: Кизиль-бек, Там, Шегрей и Сабар, Борокая или Бах с 300-ми, а Башилбай с 1000 семействами» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

В труде Вахушти Багратиона «Описание Грузинского царства» автор, опираясь на древние источники, пишет: «Границей Абхазии являются: на востоке – Малая гора (к западу от Анакопии), которая тянется от Кавказского хребта до моря; на западе же – море и река Капоэти» (Бзыбь). И.А. Гюльденштедт, вслед за Вахушти, ошибается, имея в виду не границы современной ему Абхазии, а территорию древней Абазгии и доводя ее границы только до р. Бзыби. В конце XVIII – начале XIX в. абхазо-абазинские племена граничили с убыхами по р. Хоста.

Определение Гюльденштедтом северных, восточных и южных границ Абхазии конца XVIII в. не вызывает сомнений. Ограничение Абхазии с востока «Кабети и Сванети» К.Ф. Дзамихову (2008) представляется ошибочным, – Кабети (р. Бзыбь) не может быть одновременно с запада и с востока Абхазии. Следовательно, восточной границей следует считать Сванетию (Дзамихов К.Ф., 2008).

«Исторические судьбы Абхазии и ее народа формировались под определяющим воздействием ряда факторов, – отмечает З.А. Кожев (2006). – Важнейшее значение имело автохтонное происхождение абхазов. Культурная преемственность археологического материала свидетельствует, что нынешний ареал их этнической территории и был местом этногенеза и последующего исторического развития абхазского народа. Традиционные черты этнокультурного облика сближают абхазов с северокавказским миром и прежде всего – с генетически родственными адыгами-черкесами. На протяжении веков вплоть до наших дней этот фактор обуславливал многие константы исторического самосознания абхазов. Однако другой фактор, связанный с географической локализацией на южных склонах Кавказского хребта, обусловил и другое направление политических и культурных ориентаций Абхазии, сделавших ее важнейшим субъектом исторического процесса в Закавказье.

3.12.3.6. У истоков: в преддверии массовой колонизации черкесских земель

Военно-казацкая колонизация северокавказских земель была для царского правительства своеобразным орудием, с помощью которого оно оттесняло местные народы с занимаемых ранее ими земель.

Н.В. Варивода (2005).

Военно-казацкая колонизация северокавказских земель была для царского правительства своеобразным орудием, с помощью которого оно оттесняло местные народы с занимаемых ранее ими земель. Таким путем царизм расчищал дорогу для гражданской колонизации (Варивода Н.В., 2005. Вып. I). Крестьянская колонизация сильно изменила и этнический, и социальный, и хозяйственный облик края. Переселенческое движение стало одним из важнейших каналов формирования и развития среди полиэтнического населения Кавказа русской этнической группы. Крестьянская колонизация Северного Кавказа была важнейшим шагом для экономического освоения края, ослабления напряженности в центральных губерниях, где особенно острым было малоземелье, для развития российского капитализма. Кроме того, участвуя в широком экономическом освоении региона, крестьянство вслед за казачеством и одновременно с ним, служило укрепляющим материалом политического господства российского государства в Центральном Предкавказье.

Начало массовому основанию крестьянских сел было положено указом Екатерины II о разрешении заселения края гражданским населением. Однако первые поселения русских крестьян стали появляться в предкавказских степях, по-видимому, еще в XVI-XVIII вв., и к 1784 г. в будущей Кавказской губернии уже насчитывалось 14 казацких селений (Варивода Н.В., 2005. Вып. I). Но наиболее массовая военно-казацкая колонизация черкесских земель, была предпринята царизмом в ходе кровопролитной Кавказской войны и сразу же после её окончания, о чем речь пойдет ниже.

3.12.3.7. Заселение казаками части территории Кабарды в позднем средневековье

Заселение русскими территории Кабарды началось задолго до прямой агрессии против нее. Это прежде всего казаки, ставшие селиться в ее восточных районах начиная с 70-х гг. XVI в.

В.Х. Кажаров (2006).

Освещение данной темы было бы неполным, если не упомянуть проблему заселения казаками части территории нынешней Кабарды в позднем средневековье. С последней четверти XVI в. в междуречье Терека

и Сунжи (на Терском и Терско-Сунженском хребтах или «гребнях») стали селиться православные казачьи общины – так называемые гребенские казаки. В XVII в. они были в состоянии выставить до 500 воинов. С момента своего появления на Кавказе гребенские казаки установили тесные контакты с кабардинцами (Кожев З.А., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 375).

Рассмотрению данного вопроса посвящено, в частности, исследование В.Х. Кажарова («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.126). Заселение русскими территории Кабарды, – пишет автор, – началось задолго до прямой агрессии против нее. Это прежде всего казаки, ставшие селиться в ее восточных районах начиная с 70-х гг. XVI в. Сперва это происходило по инициативе и под покровительством самих Идаровых. Затем рост численности казаков стал происходить по мере упадка княжества Идаровых.

Военно-политический союз Кабарды с Россией привел к временному усилению в стране прорусски ориентированных Идаровых. Затем оно сменилось длительной полосой господства других княжеских родов. В свою очередь, падение роли Идаровых в масштабах всей Кабарды привело к ослаблению их власти и авторитета также и внутри своего княжества. Некоторое подобие прежнего статуса обеспечивалось благодаря только поддержке России. Но дальнейшее усиление ее позиций предопределило гибель «Идаровой Кабарды». Сжатое со всех сторон враждебным окружением, разоряемое внутренними и внешними войнами, невосполнимо терявшее при этом людские и материальные ресурсы, лишенное помощи со стороны остальной Кабарды, это княжество в течение всего XVII в. приходит в упадок. А в начале XVIII в., когда род Сунчалеевичей пресекался, среди Идаровых не оставалось никого, кто мог бы управлять княжеством, сочетая эти функции с княжением над нерусским населением Терского города («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.126).

Сокращение территории Кабарды с востока. Суммируя вышесказанное, В.Х. Кажаров (2006. С.126) отмечает, что «...с полным основанием можно утверждать, что наступление России на Кабарду и соответственно на Северный Кавказ началось с той стороны, куда ее пригласили сами кабардинцы, – с востока. Иными словами, сокращение территории Кабарды началось не с севера, а с востока. В итоге до конца первой четверти XVIII в. значительная часть восточной Кабарды от Каспийского моря до слияния Сунжи с Терском отошла к России. «Если в XVI-XVII вв. Россия строила крепости на территории Кабарды по просьбе или с согласия кабардинских князей, то после она перестала считаться с их мнением», – пишет В.Х. Кажаров («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.126). Но до основания крепости Моздок в 1763 г. ее наступление не сопровождалось открытой войной, хотя оно и подкреплялось в случае необходимости внушительной военной силой. Присоединение к ней княжества Идаровых облегчалось феодальной раздробленностью Кабарды и застарелой враждой к ним большинства кабардинских князей. Несмотря на это, колонизация его территории растянулась на два века, усиливаясь по мере его упадка. Фактически оно добровольно растворилось в составе России. Поэтому только к нему и относятся те восторженные оценки, которые советские историки давали политике Темрюка Идарова и ее «прогрессивным» последствиям.

О том, как повлияло строительство русскими крепости Моздок на обострение русско-кабардинских отношений, размышляют авторы одного из сайтов Интернета. Как они отмечают, кабардинские князья более десяти лет настойчиво добивались сношения крепости мирными путями, но имперские власти не больно считались с их заслугами. Однако когда подобные укрепления стали возводиться в самом центре кабардинской земли, последовало *первое вооруженное восстание в 1763 г., ставшее началом столетней войны между Черкесией и Россией*. Активное освоение западных адыгских земель Россией началось в 1792 г., с созданием русскими войсками сплошной кордонной линии по р. Кубань (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Сокращение территории Кабарды с севера. Совершенно иной характер носила экспансия России с севера. В отличие от восточных земель, северные территории Кабарды были аннексированы ею в ходе и результате крупномасштабных и кровопролитных сражений как в первый период Кавказской войны (1763-1822 гг.), так и много позже, о чем речь пойдет ниже (Кажаров В.Х., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.126-127).

3.12.4. Ближайшие «родственники» адыгов – абазины: местоположение кланов

Многовековые связи абазин и кабардинцев, какими бы сложными они порой и ни бывали, в конечном итоге сблизили оба народа. ...У этих народов сложилась очень близкая духовная и материальная культура. Этому во многом способствовало и то, что оба народа генетически родственны, принадлежат к абхазско-адыгской языковой группе (Дзамихов К.Ф., 2008).

3.12.4.1. «В абазгах первых веков н. э. можно видеть ядро зарождавшегося абазинского этноса»

История абазин до XX в. – повесть о непрерывном уменьшении некогда большого и сильного народа...

Л.И. Лавров (1955).

Адыги и близкородственные им убыхи, абхазы, абазины являются древнейшими жителями Кавказа.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006)

Основные вехи истории и этногенеза абазин подробно излагает Ю.Д. Анчабадзе (2006): «Абазины – аборигенный народ Северо-Западного Кавказа Древнейшие этнические корни абазин уходят в этнокультурный мир

Кавказского Причерноморья, которое на протяжении тысячелетий до н. э. было заселено конгломератом родственных племен, говоривших на протоабхазоадыгских языках. Во II-I тысячелетиях до н. э. здесь протекали сложные этногенетические и языковые процессы, приведшие к распаду первичной общности на разные языки.

К рубежу н. э. начался процесс распада протоабхазоабазинского единства. В первых веках н. э. римские источники фиксируют *абазгов*, которые по р. Бзыбь соседствовали с близкородственными *апсилами* (абхазами), составляя с ними малорасчлененную в языковом и культурном отношении общность... *В абазгах первых веков н. э. можно видеть ядро зарождавшегося абазинского этноса.*

В последующие века абазго-апсильская общность скреплялась и политическим единством. Абазги играли активную роль в истории Абхазского царства (VIII-X вв.), правящая династия которой, по некоторым данным, происходила из абазгской знати.

3.12.4.2. Миграция абазин с Черноморского побережья на северный склон Кавказа

Откуда они сами (абазины) действительно пришли, – все это окутано глубочайшим мраком.

Э.Спенсер (1830).

Уйдя с Черноморского побережья, абазины поселились в верховьях Кубани, Большого и Малого Зеленчуков и вскоре стали заметной этнополитической силой в регионе...

Ю.Д. Анчабадзе (2006).

Татаро-монгольское иго и нашествие Тимура вызвали, кроме миграции на восток черкесов, также значительные перемещения и среди абазин, родственных по языку абхазам и адыгам. История этого народа своими корнями уходит в историю средневековой Абхазии. Согласно выводам исследователей, в древние времена абхазы и абазины составляли одну этническую группу, единый в языковом отношении коллектив, обитавший на одной территории. И в наше время абхазо-абазинские наречия остаются весьма общими, сохранившими общность грамматического строя и основного словарного фонда, при котором достигается взаимопонимание между представителями различных диалектов.

Самоназвание абазин («абаз») тесно связано с названием древнеабхазского племени абасгов, которое часто встречаясь в римско-византийских источниках II-VII вв., затем распространилось в разноязычных летописях в форме «абазги», «абхазы», «обезы», «абаз». Долго считалось, что предки абазин первоначально обитали по Черноморскому побережью – ашхарцы примерно от Гагр до Адлера или Мацесты, а тапантовцы далее к северо-западу, где можно найти соответствия наименования абазинских феодальных родов (Лоо, Кечь, Дадыркван). Другая гипотеза выводит предков абазин на Северный Кавказ через долины Мзымты, Бзыби и Кодора напрямую через перевалы (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор), с территории, издавна занимаемой абхазоязычным населением. Среди поводов к переселению называются недостаток удобной земли и, в особенности, пастбищных мест, кровомщение и внутренние раздоры, вытеснившие небольшие группы абхазов сначала в верховья упомянутых рек, а затем на северные склоны по соседству с кабардинцами. Согласно одному из абазинских преданий, переселенцы двигались через горные перевалы между верховьями рек Белой и Теберды. В других преданиях конкретно называются Клухорский и Марухский перевалы, а часть абазин выводится из центральной части горной Абхазии, в частности, из Цебельды. На связь с Кодорским ущельем указывают такие северокавказские названия как Теберда, Кеч, Клыч, Кваначхир и др. Одним из подходящих для переселения моментов в истории родины абазин – Апсилии были 30-е годы VIII в., когда арабские нашествия сделали ее ущелья, по словам летописца, непроходимыми и безлюдными. Многолетние археологические изыскания в Цебельде показали резкое сокращение населения в этой зоне во второй половине VIII-X вв. Не исключено поэтому, что какая-то часть апсильов могла тогда продвигаться по проторенной дороге в северокавказские ущелья.

Массовое же перемещение абазинских племен с Черноморского побережья на Северо-Западный Кавказ, вплоть до верховьев р. Кубани, началось именно в золотоордынский период (XIII-XIV вв.). Процесс расселения абазин продолжался до XVII в. и позже, причем сначала переселились тапантовцы – восточная ветвь абазин, а затем шкарауовцы. Переселению абазин в верховья Кубани благоприятствовало уменьшение здесь плотности населения в результате татаро-монгольских погромов и гибели Западной Алании. В этот период абазины известны и на восточном берегу Черного моря, к северо-востоку от Абхазии, в районе современного г.Туапсе, где они жили среди приморских черкесов. В период расцвета и распада Золотой Орды адыгами Закубанья были ассимилированы также часть татар-ногайцев и кипчаков-половцев.

Более подробно проблему массового переселения абазин с Черноморского побережья в районы Центрального Кавказа освещает Ю.Д. Анчабадзе (2006): «Инфильтрация предков абазин на Северный Кавказ началась достаточно рано. Территориальная экспансия Абхазского царства, успешно продвигавшегося на восток, осуществлялась и в северо-западном направлении. Присутствие абазин на северных склонах Кавказского хребта фиксируется еще с VIII в. Однако интенсивные миграционные перемещения начались с XIII в., после того, как монгольское нашествие на Северный Кавказ коренным образом изменило этнодемографическую карту региона.

Уйдя с Черноморского побережья, абазины поселились в верховьях Кубани, Большого и Малого Зеленчуков и вскоре стали заметной этнополитической силой в регионе, где взаимоотношения Крымского ханства Кабарды, Ногайской Орды и других субъектов исторического процесса определялись сложным переплетением конъюнктуры политического доминирования и лидерства. Отстаивая собственные интересы, абазины вступали со своими соседями то в союзнические, то в конфронтационные отношения, перераставшие порой в открытые военные столкновения.

Южная граница расселения адыгов в течение XVI – начале XVII вв. изменялась, постепенно продвигаясь на юго-восток в процессе ассимиляции «соседних адыгов» – абазин. Абазины – народность, родственная абхазам, но этнически стоящая между абхазами и адыгами.

Первые упоминания о северокавказских абазинах в русских источниках относятся ко второй половине XVI в. Так, в 1559 г. упоминается при Московском царском дворе среди послов с Кавказа «абеслинские князья». В 1600 г. московскому послу в Лондоне был дан наказ указывать среди северокавказских «государств» – подданных московского царя, – и «абазу». Достоверным свидетельством пребывания абазин на Северном Кавказе является и родословная кабардинских князей, доведенная до 1598 г., в которой упоминается дань «с абазинцев».

Некоторые сведения об абазинах этого периода приводятся в «Списке русского посла в Крым А.Ф. Нагова» (1569-1570 г.), в котором, в частности, сообщается о сражении кабардинских войск с крымским ханом у реки Ахупс (Афипс): «Приехал деи из Черкас Алди-Гирей царевич, а воевал деи черкасы Баазытцкие. И Темрюк деи князь с детьми Баазытцким черкасам приходил помогати, и был деи Темржжу-князю со царевичем бой, и Темрюк деи князь с бою съехал ранен...». После 1570 г. Темрюк не упоминается в русских исторических документах – очевидно, он скончался от полученных ран. «Баазытцкие черкасы», по мнению большинства историков, – это северокавказские абазинцы. Согласно карте «Черкесия (Чиркасия) в XVI-XVII вв.», северокавказские абазинцы занимали территорию, очерченную следующими пунктами: полуостров Тамань, река Кубань, ее левый приток Адагум. Река же Ахупс (Афипс), у которой локализуется место сражения Темрюка с крымским войском, находится приблизительно на 100 км восточнее реки Адагум (Налоев З.М., 2009).

В начале XVII вв. турецкий автор Эвлия Челеби отмечает несколько этнических групп абазин, находившихся между Бзыбью и Туапсе, говоривших «и по-абазински, и по-черкесски»: смешанная абазо-адыгская группа хамыш («кумыш»); саджа-садзы-джигеты-абхазцы; близкородственные абазины; суджавипихи-убыхи, родственные и черкесам и абхазцам; ашегали; суук-су и другие. Абазины в его время жили преимущественно между адыгами и северо-западнее Туапсе – у Анапы вплоть до Кубани («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006; Дзамихов К.Ф., 2008).

3.12.4.3. «Абазины и адыги жили в мире и согласии»

*Это все – родня твоя, –
Братья верные твои,
Это кровная родня, –
Сестры нежные твои.*

А. Исаакян (1906).

Усиление позиций Русского государства предопределило контакты абазин с Москвой и их представителями на Кавказе. Абазины были участниками дипломатических миссий северокавказских народов, направлявшихся как в Терский город, так и в Москву (1552, 1555 гг.), а периодически дававшиеся абазинскими владетелями присяги на верность царю и прошения о принятии в подданство стали средством укрепления собственных политических позиций в регионе. Однако имперское возвышение Кабарды (XVI-XVII вв.) положило конец самостоятельности абазин, которые оказались в вассальной зависимости от кабардинских и бесленеевских феодалов.

Этническая территория абазин часто менялась. Они стремились расширить ее за счет освоения плоскостных земель, куда часто переселялись абазинские князья со своими подвластными. Однако политическая обстановка заставляла либо возвращаться на прежние места жительства, либо искать новые земли для поселения» ((Анчабадзе Ю.Д., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 532).

Дополняет эту информацию К.Ф. Дзамихов (2008). Он отмечает, что «...в исторической литературе, посвященной проблеме абазино-кабардинских отношений, имеются сведения о том, что длительный период времени после своего переселения на Северный Кавказ абазины являлись независимым и довольно могущественным народом.

Ш.Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа» писал, что «...абазины и адыги жили в мире и согласии». Он же отмечает, что легендарный предводитель кабардинцев Инал оказывал особые милости абазинским князьям Аше и Шаше, а первая его жена была дочерью «славного... абазинского князя Ашева». В тяжелой борьбе с аварским ханом кабардинцы побеждают, прибегнув «под защиту абазинцев и бесленеевцев». Примечательно, что именно к эпохе правления Инала кабардинские владельцы относили начало переселения абазин на Северный Кавказ (Кожев З.А., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 375).

И далее К.Ф. Дзамихов (2008) отмечает, что адыго-абазинские отношения своими корнями уходят в глубь веков. В своих исследованиях абазинского языка А.Н. Генко писал: «Термин абадзе или абаза очень

давнего происхождения... и имеет собирательное значение: так назывались представителями черкесских (адыгских) племен все племена абхазские, объединяющиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья... На основе этого-то черкесского термина абаз... с XVIII в. упрочился русский термин «абазин».

Абазинское население северных склонов Кавказского хребта, переселившееся сюда до XVI в., рано вошло в орбиту политического и культурно-языкового влияния кабардинцев. Абазины в пределах Северного Кавказа упоминаются в русских и турецких источниках середины XVII в. Л.И. Лавров приводит сведения об одном из абазинских племен – дудуруковцах в пределах Северного Кавказа, относящиеся к 70-м гг. XVI в. И.Л. Дебу, основываясь на преданиях кабардинцев и абазин, писал, что река Кубань отделяла абазинцев от кабардинского народа. Живя рядом, кабардинцы и абазины часто выступали совместно против внешних врагов и помогали друг другу в тяжелые времена. В середине XVI в. северокавказские абазины вместе с адыгами обратились к русскому царю за помощью в борьбе против агрессии турецко-крымских войск. Прибывшие в Москву к царю Ивану IV «черкасские государи князи Маашук-князь да князь Иван Езболуков да Танашук князь били челом, чтобы их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил». В 1555 г. в Москву «приезжал «Тутарык-князь, Езболуев княжий сын», здесь он крестился, «и в крещении Тутарыку дали имя князь Иван». Е.Н. Кушева и Ч.Э. Карданов считают, что Иван Езболуев был абазинским князем. По мнению Е.Н. Кушевой, именно Тутарык упоминается под именем абазинского мурзы Додоруко в «родословной Черкасских князей», составленной в XVII в. (Дзамихов К.Ф., 2008).

3.12.4.4. «Притязания крымского хана на абазинцев нарушают свободу кабардинцев»

Россия указала турецкому правительству, что «...кабардинцы, как древние покровители абазинцев, при заключении Белградского договора получили подтверждение прежних своих прав; следовательно, притязания крымского хана на абазинцев нарушают свободу кабардинцев».

К.Ф. Дзамихов (2008).

Как отмечает К.Ф. Дзамихов (2008), абазины (тапанта) обитали как по реке Куме, так и по обеим берегам Кубани, что являлось источником многих дополнительных споров между Россией и Турцией. Российское правительство решительно отвергало притязания крымского хана на абазинцев-алтыкесекцев. При этом пресечены были старания хана Арслан-Гирея распространить свою власть и на Кабарду. Россия указала турецкому правительству, что «...кабардинцы, как древние покровители абазинцев, при заключении Белградского договора получили подтверждение прежних своих прав; следовательно, притязания крымского хана на абазинцев нарушают свободу кабардинцев».

Абазины, особенно тапанта, тяготились зависимостью от кабардинских князей и искали случая с помощью России освободиться от этого зависимого положения. Но абазинский вопрос был частью другого, более важного в то время для России – кабардинского, В силу этого и политика России в отношении абазинцев зависела от событий вокруг Кабарды.

Как отмечает З.А. Кожев (2005. Вып. I), абазины-тапанта на протяжении XVIII столетия часто меняли места обитания, но, даже находясь в Закубанье, они оставались в сфере непосредственного влияния кабардинцев. Так, в 1745 г. в ответ на требование кубанского сераскира (наместника Крымского ханства на Кубани) уплатить ясак (дань), владельцы абазин, проживавших по притокам верхнего течения Кубани, отказали ему, ссылаясь на то, что их сюзерен Асланбек Кайтукин, а, следовательно, и они не являются крымскими подданными. Попытка крымцев самовольно отогнать конский табун, принадлежащий абазинам, привела к военному столкновению, в котором на стороне последних выступили объединенные силы кабардинцев и кемиргоевцев. Поддерживая кабардинцев и выступая против притязаний крымского хана, Российское правительство в начале 1753 г. в одной из своих записок сделало следующее «изъяснение Оттоманской порте»: «Хотя река Инжик (адыгское название рек Большой и Малый Зеленчук. – Авт.), на которой ... абазинцы живут, лежит за рекою Кубаном и впадает во оную, однако же чрез то принадлежности их к кабардинцам опровергнуть невозможно, ибо напротив того – надлежит взять в рассуждение и реку Терек, о которой известно, что течение имеет в границах Всероссийской империи, и на которой с одной стороны имеются немалые российские жилища, а с другой живут подданные Его Императорского Величества – кумыки, андreeвцы, аксайцы, брагунцы и чеченцы... А в вершинах оной в горах находятся народы, которые Всероссийской империи не в подданстве, а ... во владении у тех же кабардинских владельцев» (Кожев З.А., 2005. Вып. I).

В 1767 г. кто-то из абазин (тапанта) убил кабардинского князя, последние немедленно предприняли меры и стали разорять абазин. В такой ситуации абазины (тапанта), не получая поддержки от России, ищут ее у крымского хана. В 1774 г. в лагере крымского хана на реке Малке находились тапантовцы и другие абазины. Этот поход не имел успеха, но здесь следует обратить внимание на позицию некоторых абазинских феодалов, которые, не находя поддержки у России в борьбе с кабардинскими феодалами, стали на сторону Крыма, который, в свою очередь, использует их в борьбе с Россией (Дзамихов К.Ф., 2008)

3.12.4.5. «Точное время установления зависимости абазин от кабардинцев неизвестно...»

Абазинцы, не отрицая того, что им приходилось иногда терпеть от вдесятеро сильнейших кабардинцев, никогда, однако, не признавали над собой их власти... и не платили им никакой дани.

Адиль-Гирей Кешев (1871).

Началом установления вассальной зависимости абазинских князей от кабардинских можно считать середину XVII в. Но этот процесс, хотя и зашел к концу XVIII в. далеко, так и не был до конца оформлен.

К.Ф. Дзамихов (2008).

Источники неопровержимо свидетельствуют, что в течение второй половины XVIII столетия в действиях кабардинских князей прослеживается тенденция подчинения своей власти абазин-шкарауа. К последней четверти XVIII в. некоторые из них уже прочно были закреплены за Кабардой. Вот что по этому поводу мы читаем в одном источнике: «За упомянутыми Абхазскими деревнями (здесь имеются в виду абазин-тапанта. – **Авт.**) следуют к западу еще четыре уезда: Зиди при Улу-Инджике; Барекай; Шеграй и Башилбай при Уарпе; все сии между Кумою и Уарпою живущие Абхазы суть подданные Большой Кабарды, и ей дань (подать. – **Авт.**) платят, потому кабардинцы прежние свои жилища отступя сами далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили» (Алоев Т.Х., 2006. Вып. III. С. 258-270).

Дополняет эту информацию К.Ф.Дзамихов (2008): «Академик И.А.Гюльденштедт пишет, что «...абазин платят дань кабардинцам, потому что народы Большой Кабарды прежние свои жилища, отступая сами далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили: ибо абазы, умножаясь, в полуденных горах состоять более не могли». Точное время установления зависимости абазин от кабардинцев неизвестно. Кабардинские фольклорные источники утверждают, что абазин покорил Хатожуко Мисостов. Л.И. Лавров приводит другое предание, записанное в середине XVIII в., о том, что их покорили князья Чеченук и Кази, жившие в начале XVII в. Вероятно, установление зависимости абазин от кабардинцев было актом длительным. Возможно, намек на какую-то форму зависимости абазин от кабардинцев мы находим уже в документе 1652 г., в котором говорится о принесении шерти (присяги) Алегукой Шегануковым в Терском городе. С ним приехали, говорится в документе, князья бесленеевский Кантемир-мурза и абазинский Анхот-мурза Лоов. После присяги Алегуко выдали жалованье, кубок, шубу и шапку, а абазинскому и бесленеевскому князьям дали сукна и «белья» (вероятно, беличий мех. – **Авт.**). Такое распределение подарков свидетельствует о большом авторитете Алегуко».

По мнению К.Ф. Дзамихова (2008), «началом установления вассальной зависимости абазинских князей от кабардинских можно считать середину XVII в. Но этот процесс, хотя и зашел к концу XVIII в. далеко, так и не был до конца оформлен. Кабарда, раздираемая феодальными противоречиями и находящаяся под угрозой постоянных набегов врагов, не имевшая сколько-нибудь оформленного государственного аппарата, не могла вести длительную борьбу за окончательное подчинение абазин. К тому же уровень социально-экономического развития обоих народов был одинаковым. Кроме того, абазинцы, в отличие от других вассальных народов, живших исключительно в горной местности и отстававших в своем развитии от Кабарды, экономически никак не зависели от кабардинцев. Населяя предгорья и горы между кабардинцами и бесленеевцами, они вели такой же образ хозяйствования, как и адыги, и не нуждались в их экономической помощи. Поэтому зависимость абазин от кабардинцев была периодической, связанной исключительно только с военно-политической обстановкой.

В письменных источниках о зависимости абазин от кабардинцев впервые упоминается в прошении князя Большой Кабарды Магомета Атажукина императрице Анне Иоанновне от 1731 г. В этом прошении М. Атажукин просит императрицу прислать 20 пушек и отряд калмыков, чтобы отбить у крымских ханов подвластную ему деревню на реке Кубани, «в которой 1 живет народ абазинский». Тот же М. Атажукин, бывший в 1732 г. в Петербурге в качестве посла, во время беседы в Коллегии иностранных дел утверждал, что «...абазинский народ из древних лет у предков их, кабардинцев, во владении были». В качестве давнего местожительства абазин он назвал луговую сторону р. Баксан, где до 1723 г. находились 800 дворов, способных выставить 2000 воинов. Видимо, переселение части абазин с р. Кубани на р. Баксан произошло во второй половине XVII в. Причиной тому, безусловно, была крымско-татарская агрессия. Сообщение И.А. Гюльденштедта о том, что абазинцы платят дань Большой Кабарде, «потому что народы Большой Кабарды прежние свои жилища, отступя далее на восток к Баксану и Тереку, им уступили», вполне логично и относится ко второй половине XVII в. В основе установления зависимости, видимо, лежало договорное начало. Передвижение ближе к Баксану и союз с кабардинцами обеспечивали абазинам возможность успешной борьбы с крымской агрессией и в какой-то мере «обеспечивали» зависимость вторых от первых, установление неравного союза (Дзамихов К.Ф., 2008).

Кабардинским князьям довольно часто приходилось применять вооруженную силу против своих непокорных подданных. В 1764 г. объединенные дружины Атажукиных и Мисостовых «отъехали за Кубань, ради усмирения и приведения под свою власть подвластных им абазинцев, алтыкесек называемых». В ок-

тябре 1787 г. 5-тысячное ополчение Большой Кабарды перешло в Закубанье и, приведя к покорности абазин-тапанта и башилбаевцев, взяло у них аманатов (Кожев З.А., 2005. Вып. I).

Но тем не менее, абазины далеко не всегда признавали власть над собой кабардинцев. Так, Адиль-Гирей Кешев, редактор газеты «Терские ведомости», рецензируя книгу Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа», отмечал, что «...абазинцы, не отрицая того, что им приходилось иногда терпеть от вдесятеро сильнейших кабардинцев, никогда, однако, не признавали над собой их власти и не только во время автора (т. е. Ш. Ногмова), но и прежде не платили им никакой дани. Под этой последнею кабардинцы, очевидно, разумели добычу, какую их шайкам удавалось иногда разбойничьим образом захватить в наездах своих на абазинские аулы».

Необходимо отметить, что военные столкновения абазин и кабардинцев касались, прежде всего, феодальной знати. Это были войны отдельных групп князей и дворян чаще всего за добычу, чрезвычайно характерные для эпохи средневековья. В условиях феодальной раздробленности князья в междоусобной борьбе прибегали к помощи далеких и близких соседних народов, не считаясь с интересами всего этноса. В этих междоусобицах страдали все простые люди – свободные общинники и крепостные крестьяне.

Зависимость абазин от кабардинцев сильно ослабляется в конце XVIII – начале XIX в. со строительством станиц в пределах нынешней Карачаево-Черкесии и Кавказских Минеральных Вод. В этот период некоторые абазинские аулы переселяются в Кабарду. В свою очередь, многие кабардинцы уходят на Кубань. Это еще больше сближает эти народы.

Многовековые связи абазин и кабардинцев, какими бы сложными они порой и ни бывали, в конечном итоге сблизили оба народа. Процессы многосложных взаимовлияний привели к тому, что у этих народов сложилась очень близкая духовная и материальная культура. Этому во многом способствовало и то, что оба народа генетически родственны, принадлежат к абхазско-адыгской языковой группе (Дзамихов К.Ф., 2008).

Архивные и литературные изыскания З.А. Кожева (2005. Вып. I) дают возможность несколько дополнить освещение проблемы «зависимости абазин от кабардинцев» новыми фактами. «Кабардинцы, – по свидетельству Хан-Гирея («Записки о Черкесии»), – пользуясь превосходством своих сил над соседними с ними племенами, покорили их; конечно, они не имели на то законных прав, но право сильного доставило им возможность лишить слабых свободы, за которую сами неоднократно кровь свою проливали ручьями, отражая войска крымских ханов». И далее Хан-Гирей пишет: «Важнейшими жертвами алчности могущественных тогда кабардинцев были абазины шестиродные (абазины-тапанта. – Авт.), участи которых не избежали и их соположенники, кистинские и осетинские колена и др. горные племена, которые имели несчастье быть в соседстве с кабардинцами. Покоренные их оружием, они платили посемейную дань князьям этих последних. Более же отдаленные из этих поколений по временам также повиновались им или были разоряемы».

Ш.Б. Ногмов приписывал покорение абазин Хатокшоко Мисостову, который был старшим князем Большой Кабарды в 1709-1719 гг. Л.И. Лавров, опираясь на кабардинские предания, считал, что уже в начале XVII в. большая часть северокавказских абазин была завоевана и вынуждена признать власть потомков Инала, правивших в Кабарде. Это подтверждается сообщением К. Главани в начале XVIII в. о зависимости абазин-тапанта от «черкесских беев». Сами кабардинские владельцы свидетельствовали, что абазины «издревле» ими покорены: «От времени Инала, помянутые алтыкесек абазы (абазины-тапанта. – Авт.) – наши». И.А. Гюльденштедт на основе собранных им материалов предполагал, что уже с XVII в. значительная часть северокавказских абазин была в подданстве у кабардинских князей (Кожев З.А., 2005. Вып. I).

3.12.4.6. «Абазины, как и кабардинцы, ищут поддержки и покровительства Москвы»

Большой Цека-мурза – абазинской владетель... со всеми своими абазинскими людьми... прислали его, Курмурзуку, бити челом тебе, государю... чтобы ты, государь, их пожаловал, велел им, Цеке со всеми своими людьми быть под твоею государевою высокою рукою.

Кумургука Лоов, абазинский князь (1634).

Абазины Северного Кавказа вместе с адыгами вели многовековую борьбу с крымской агрессией, но не всегда могли противостоять экспансии ханов и их вассала Малого Ногай и вынуждены были временами подчиняться диктату. Так, в отписке Терского воеводы от 6 августа 1616 г., где говорится о приготовлениях крымского хана к походу через Северный Кавказ в Закавказье в числе народов, участвовавших в этом походе, упоминаются и абазины.

Отношения кабардинцев и абазин осложнялись и феодальной раздробленностью обоих народов, различной политической ориентацией князей. Несмотря на помощь Москвы, в начале 70-х гг. XVI в. Кабарда попадает в зависимость от Крыма и платит ей дань. Но в целом в борьбе с турецко-крымской агрессией абазины, как и кабардинцы, ищут поддержки и покровительства Москвы. Удаленность абазин от русских пределов препятствовала тогда установлению прочных связей с Русским государством, которые во многом зависели от позиции Кабарды, находившейся между абазинами и ближайшими русскими укреплениями.

О раздробленности абазин свидетельствует тот факт, что на верность России в 1634 г. присягал только один абазинский князь – Кумургука Отлепшукин Лоов, который в своем письме к российским властям из Терской крепости, в частности, сообщал о том, что «...брат его большой Цека-мурза абазинской владелец» с ними, з братьею своей 12 чел., и со всеми своими абазинскими людьми... прислали ево, Кумургуку, бити челом тебе, государю... чтобы ты, государь, их пожаловал, велел им, Цеке з братьею, и со всеми своими людьми *быть под твою государевую высокою рукою*». Однако уже в 1643 г. абазинские князья Хачака Джантемиров, Саралп Лоов, Казый Доруков, Кансох Бибердов, Алкас Бегишев и Джаным Бабуков вместе с кабардинскими князьями Алегуком и Ходождуком и мурзами Малого Ногай Ураковой половины присягнули на верность России у «Пяти гор» (Дзамихов К.Ф., 2008).

Но в середине XIX в., в разгар Кавказской войны, взаимоотношения абазин с казаками и царскими войсками, как и следовало ожидать, заметно ухудшились, о чем в своем очерке «Описание племен кавказских в 1841-1864 гг.» рассказывает царский генерал М.Я. Ольшевский (2003): «Абазинское племя составляли мелкие общества: башильбаи, тамовцы, казильбеки, шахгиреи, баракаи, баговцы, псхоу, анчипсхоу и джигеты. *Ближайшими враждебными соседями Лабинской линии*, начиная с ее частей, были: башильбаи, тамовцы, казильбеки и шахгиреи. Эти небольшие абазинские общества, население которых не превышало 3-х тыс. семей, обитали на треугольном пространстве между Большой и Малой Лабой. Крайне лесистая и гористая местность *способствовала к укрывательству и безнаказанному производству ими в наших пределах хищничеств*. Башильбаи, тамовцы, казильбеки и шахгиреи управлялись старшинами, от родоначальников которых, если не ошибаюсь, они и получили эти свои названия».

3.12.4.7. Территориальные группы абазин: тапанта и шкарауа

Северокавказские абазинцы, делившиеся на горных (шкарауа) и равнинных (тапанта), задолго до XVI в. начали переселяться в верхнее Прикубанье из горных ущелий Абхазии и других территорий Причерноморья.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Абазинцы, как и адыги, были политически раздроблены. Этнодемографическое развитие абазин привело в XVI-XVII вв. к образованию двух больших территориальных групп, между которыми постепенно возникли незначительные диалектальные различия. В частности, выделяются два диалекта: – *тапанта* и *шкарауа* (*шкарауа*, *шкарауа*), которые в свою очередь распадаются на говоры.

Абазинский язык относится к абхазо-адыгской группе кавказской языковой семьи. Литературный язык основан на эльбурганско-псыжском говоре тапантского диалекта, на котором говорят большинство абазин. Антропологические особенности сближают абазин с абхазами и адыгейцами, вместе с которыми они относятся к понтийскому типу южной ветви европеоидной расы.

ТАПАНТА. Черкесы называли тапантовцев «басхяг», а ногойцы именовали их «алтыкесек абаза» («абазинцы шестиродные»). До XV в. территория нынешнего Лазаревского района г. Сочи была заселена абазинским подразделением во главе с княжеской фамилией Лоовых. Эта фамилия известна и у современных северокавказских абазин-тапантовцев (Ворошилов В.И., 2007). Позже, на карте Кабарды 1744 г. территория тапантовцев разделена на Нижнюю, Среднюю и Екещокскую Абазы. К группе тапанта относились: лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, клычевцы и джантемировцы. Абазинцы-тапанта населяли долины рек Хсаут (Хасаут), Къарданы (Кардоник), Марыха (Маруха), Инджыг Чквын (Малый Зеленчук) (Дзамихов К.Ф., 2008).

В середине XVII в. «Абазинской землицей» управляла феодальная семья во главе с «большим братом» – цекой-мурзой. Вместе с тем, подразделения абазин в описываемое время были зависимы от кабардинских князей. Так, абазинские (тапантские) князья платили дань кабардинским: дударуковцы, клычевцы и кячевцы – князьям Атажукиным; бибердовцы и часть лоовцев – Жамбулатовым; другая часть лоовцев и джантемировцы – князьям Мисостовым и т. д. Как сообщает Л.И.Лавров, в настоящее время в Кабарде проживают многие из «окабардинившихся» потомков различных тапантских племен.

В «Историческом обзоре Терека, Ставрополя и Кубани», подготовленном в 1851 г. капитаном Генерального Штаба И. Забудским, приводятся следующие сведения о соседях адыгов – абазинах:

«Абазинцы (алтыкесек, шестиродные), состоящие из шести родов, суть выходцы из Абхазии. Они поселились первоначально на северных покатостях Кавказского хребта и долго были под влиянием и властью кабардинцев, особенно племени Дударуковское. Этот народ, по первобытному характеру своему, был склонен более к мирным занятиям, нежели к хищничеству и войне, более к покорности, нежели к независимости. Избегая притеснений кабардинцев, прикубанские абазинцы и некоторые из других родов отделились сначала под наше покровительство и поселились вблизи нашей кордонной линии в первых годах этого (XIX) столетия. Неблагоразумные меры, принятые против них местным начальством, и оскорбление обычаев, освященных временем и преданием, заставили их в 1808 г. бежать за Кубань, в горы, к своим соотечественникам. Впоследствии, в 1820 г. прикубанские абазинцы Лоова и Дударукова аулов заняли места по Кубани, признали нашу зависимость и живут мирно» («Исторический обзор Терека...», 1851).

ШКАРАУА. Сведения об абазинах-шкарауа скудны. Географическая изолированность этих этнических подразделений абазин обусловила дефицит сведений о них в письменных источниках. По источникам XVI в., к группе шкаруавцев-ашхарцев относились: там, кизилбек, чегрей (чаграй), баракай, мысылбай и башилбай. Позже, в XVII в., известны следующие их подразделения: башилбаевцы, мысылбаевцы, чаграй (шах-гиреевцы), баговцы (баракаевцы). Кроме них, по сведениям Э. Челеби (1666), в горах вдоль Черноморского побережья проживали такие общности, как арат, садаша, камыш, дженби, савук, ашаги, юкары, карышан. По репрезентативным данным конца XVIII – начала XIX в., абазины шкарауа занимали высокогорную зону по рекам Большая и Малая Лаба, Уруп, Большой и Малый Зеленчук (Кожев З.А., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 375).

В упомянутом выше «Историческом обзоре Терека, Ставрополя и Кубани» (1851) приводятся следующие сведения о других подразделениях племени абазин: «Остальные абазинские племена занимают самую высшую горную полосу Правого фланга Кавказской линии, в неприступных ущельях и дебрях, между Тебердою и Губсом. Башильбаевцы, полупокорные, живут на верховьях Большаго Зеленчука, Кефара и Бежгона; Тамовцы, Кизильбековцы, Шахгиреевцы, Боговцы и Баракаевцы – по вершинам Большой и Малой Лабы, Ходза и Губса; последние племена, как непокорные, ведут с нами открытую вражду. Их первый промысел – хищничество, второй – скотоводство. Их аулы суть сборные места всех отважных искателей приключений и поживы на русской границе. Недоступность мест, ими занимаемых, даст им средство еще может быть на долгое время делать безнаказанно набеги в наши пределы; Башильбаевцы склонны к хищничеству, но несколько обуздываются близостью Надежинского укрепления, но зато передают похищенное в горы и способствуют тайно своим единоплеменникам в грабеже. Все эти 5 племен весьма мало занимаются земледелием, все богатство их состоит в скоте, все щегольство – в оружии и коне.

Прикубанские абазинцы, мирное племя, отличаются кротким характером, противу других горцев; с успехом занимаются земледелием и разводят лошадей прекрасной породы, известной на Кавказе и высоко ценимой по их качествам. Скотоводство их также обширно. Живут они в 7 аулах, управляемых князьями из рода Лоовых, Дударуковых, Кияшевых, Бебердовых и Травовых. Число сакель у них считается 498; жителей мужского пола 1 827, женского – 1 821; всего 3 648 душ. Подобно Тахтамышевским ногайцам, они занимаются продажей различных домашних произведений и леса, а также перевозкою провианта и каменного угля. Самые большие и зажиточные аулы Лоова и Дударукова, и самый лучший конский завод у Травова (350 шт.).

Башильбаевцы живут в 14 аулах, в которых считается 722 дворов; аулы их не велики, самый большой и богатый князя Магомет Гирея Сеидова, имеет только 130 сакель. Жителей у них считается мужского пола 2 353, а женского – 2 520; всего 4,873. Скотоводство значительное. Сеидовы имеют отары в 5 и 8 тыс. голов; из всех прочих племен башильбаевцы богаче других лошадьми и славятся ими между своими земляками; круглым счетом приходится на каждую душу мужского пола по два коня. Это племя управляется князьями и старшинами.

О населенности и числе аулов остальных четырех племен абазинских невозможно было собрать положительных сведений. Нам известно только, что каждое из этих племен не так многочисленно, как башильбаевское. В роде Казильбековском и Шахгиреевском приблизительно считается до 3 тыс. душ в каждом обоего пола, а в Баговском и Баракаевском не много более, около 3 500; следовательно всего народонаселения 13 тыс. душ, а в целом абазинском племени около 22 тыс. Мирные абазинцы никаких податей не платят и милиции не дают. Число вооруженного населения, которое может быть в бою, у абазинцев достоверно неизвестно, но полагают, что в случае надобности четыре непокорные племена абазинцев могут поставить до 1500 чел. всадников» («Исторический обзор Терека...», 1851).

3.12.5. Взаимоотношения адыгов с народами Северного Кавказа в XVI – начале XVII вв.

Гъунэгъур шӀумэ, ифэмэ-бжъымэ къыптэхэз («Если сосед хороший, то его влияние благотворно»).

Зигъунэгъу зилэпылэгъум инасып («Счастлив тот, кому сосед опора»).

Адыгские пословицы

В XVI-XVII вв., как и в предыдущие эпохи, северокавказские народы были тесно связаны друг с другом, прежде всего потому, что между ними не было резко очерченных границ, а жили они чересполосно. Все это предопределило развитие добрососедства, укрепление дружеских отношений, куначества, аталычества, возникновение родственных связей между ними. Добрососедские отношения, всегда существовавшие между горцами Северного Кавказа, имели и чисто экономическую основу. Так, жители высокогорной зоны (балкарцы) приобретали зерно у жителей равнины. Кабардинцы и абазины покупали металл у карачаевцев и балкарцев. Кабардинские скакуны пользовались большим спросом у всех народов Кавказа. Абазины пасли свой скот на землях кабардинцев, ногайцы – на землях «пятигорских черкас». Западные адыги, кабардинцы и балкарцы зачастую отдавали скот на выпас своим кунакам.

Так что отнюдь не феодальные междоусобицы, зачастую приводившие к «малым» войнам, определяли взаимоотношения народов Северного Кавказа. В основном между «простыми» людьми, независимо от

национальности, устойчиво поддерживались добрососедские, мирные отношения. Практически не было, как говорят сейчас, «пограничных конфликтов». Абазины в начале года небольшими группами направлялись в Грузию на сезонные полевые работы. Они поддерживали самые близкие отношения со своими соседями-абхазцами. Бжедуги дважды в год бывали в Кабарде, где для себя засевали поля, а осенью убирали урожай. Большую роль в торговле между грузинским и адыгским народами играли армяне, расселившиеся между адыгами. Все сказанное выше свидетельствует, что при всей раздробленности и разобщенности, на Северном Кавказе постепенно складывались условия, объективно способствовавшие укреплению добрососедских отношений и дружбы между его народами.

С присоединением Казани и Астрахани (1552-1556 гг.), границы России вплотную приблизились к Северному Кавказу. С этого времени стали налаживаться и укрепляться прочные связи северокавказских народов с Россией. Русское правительство, заинтересованное в укреплении своих южных границ от посягательств Крымского ханства и Османской Порты, охотно шло на сближение с народами Северного Кавказа. Так, по просьбе князя Темрюка, русское правительство отправило в Кабарду в 1562-1563 гг. войска во главе с Плещеевым, а в 1565-1566 гг. с воеводами Дашковым и Ржевским. По приказу царя Ивана IV и по просьбе князя Темрюка на Тереке у впадения в него р. Сунжи была возведена крепость Грозная («...де пришел к Темрюку-князю город поставили и Темрюк де в городе сел, а хошет де с московскими людьми итти на Сибока и на Канука»). Несколько позже адыгские князья дали слово русскому царю не иметь никаких отношений с турками и татарами, о чем сообщает Трахов: «В январе 1588 г. делегация от имени князя Камбулата и других кабардинских князей заверила царя Федора «не приставать к крымскому, турецкому (т. е. турецкому) и к шевкальскому (т. е. к Шамхалу Тарковскому)».

В начале XVII в. возобновились связи с Россией западных адыгов и абазин. В 1614 г. в г. Терки приезжал абазинский князь Кардануков, позже, в 1634 г., – представители темиргоевцев, абазин, кабардинцев, бесленеевцев. Они принесли присягу на верность Русскому государству. Знаменательно сообщение турецкого автора XVII в. Э. Челеби о том, что народы, жившие к северу от Эльбруса, в его время уже были подчинены московскому королю. Очевидно, он имел в виду карачаевцев – «Карачаеву Кабарду». Укрепление русско-адыгских отношений, строительство на Тереке русской крепости, разумеется, шло вразрез с планами Крыма и Порты, стремившихся покорить Северный Кавказ.

3.13. Меоты-керкеты-зихи-касоги-черкесы-адыги: к проблеме становления самоназвания адыгов

3.13.1. К вопросу о консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности

Проблема этногенеза является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ.

С.А. Токарев (1987).

Этногенез, этнические процессы сами по себе принадлежат к числу труднейших проблем исторической науки. По авторитетному мнению крупного советского этнографа С.А. Токарева, проблема этногенеза является чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

Сложность и интерес проблемы происхождения адыгов по народным преданиям (при общем недостатке источников) порождали самые неожиданные домыслы и теории. На протяжении многих лет преобладали конъюнктурные, а то и великодержавные подходы к вопросу о формировании адыгской народности. Среди прочих, учеными высказывалась мысль о том, что адыги не являются автохтонами Северо-Западного Кавказа, и именно это послужило причиной их «легкого», т. е. без весомых на то причин, переселения в пределы другого государства. В старой, дореволюционной и западной историографии была популярна миграционная версия происхождения адыгов. Считалось, что их предки – остатки миграционных движений, совершавшихся через Кавказ в прошлом (Кавказ в целом рассматривался как своего рода убежище народов). Этим самым конкретно-исторический вопрос о формировании адыгов подменялся поисками их прародины, места первоначального расселения предполагаемых предков адыгов (Бетров Р.Ж., 1991; Кудаева С.Г., 2007).

В настоящее время археологи прослеживают основную и ведущую линию культурной преемственности в развитии населения Северо-Западного Кавказа, начиная, по крайней мере, с неолитической эпохи и кончая ранним железным веком в I тысячелетии до н. э., когда историки с уверенностью говорят об этническом составе населения рассматриваемой области.

«Какие только взгляды не существовали по этому вопросу! Адыгам приписывалось сарматское, тюркское и даже славянское происхождение. Их предками считали выходцев из Аравии, Египта, Сирии.

Некоторые представители дореволюционной школы полагали, что адыги берут свое начало от абиссинцев, арабов, индусов. Были и такие исследователи, в том числе и советские (В.Д. Блаватский, Л.И. Лавров и др.), которые доказывали происхождение адыгов от киммерийцев, сармато-алан, гуннов. К настоящему времени многие из этих «версий» представляют уже чисто историографический интерес и не могут являться объектом научной дискуссии...» (Бетров Р.Ж., 1991; Кудасева С.Г., 2007). Некоторые из этих версий, имеющих, действительно, лишь исторический, познавательный интерес, приводятся в разделе 3 «История происхождения и расселения адыгов в народных преданиях».

3.13.1.1. Кто же вы, предки адыгов?

Не позже I тысячелетия до н. э. сложились основы коренных народов Северного Кавказа. На Северо-Западном Кавказе в это время начинается процесс формирования адыгской народности на основе более древнего населения бронзовой эпохи.

Р.Ж. Бетров (1991).

На территории Северо-Западного Кавказа издавна проживали племена, имевшие прямое отношение к адыгскому этносу. Это протоадыгское население античной эпохи являлось прямым потомком древнейших племен – носителей бронзовой культуры, так как со II тысячелетия до н. э., несмотря на довольно ощутимое влияние скифской культуры, сарматское и даже греческое воздействие, и до самого позднего времени на территории Западного Кавказа (по археологическим материалам) не ощущается существенной смены населения (Бетров Р.Ж., 1991).

Исследование, проведенное Р.Ж. Бетровым (1991) и С.Г. Кудасевой (2007), дало возможность сформулировать следующие положения, имеющие самое непосредственное отношение к процессу формирования адыгской народности:

1. Кавказоведы единодушны в том, что не позже I тысячелетия до н. э. сложились основы коренных народов Северного Кавказа. На Северо-Западном Кавказе в это время начинается процесс формирования адыгской народности на основе более древнего населения бронзовой эпохи.

Сведения о племенах, населявших в I тысячелетии до н. э. восточное побережье Азовского моря и Прикубанье, вплоть до побережья Черного моря, сохранились не только в литературных произведениях, но и в надписях на каменных плитах, происходящих с территории Боспорского царства.

Указанные источники остаются важнейшим материалом для изучения этнографии, в целом культуры, политической и экономической истории древнеадыгских племен в I тысячелетии до н. э., поскольку самостоятельной письменности и литературы племена Прикубанья в то время еще не имели. Бетров Р.Ж. (1991)

Все исследователи сходятся на том, что непосредственными предками адыгов являлись племена синдов, меотов, дандариев, фатеев, керкетов, тореатов, тарпетов, досхов, псессов, зихов, генихов и др., занимавшие в I тысячелетии до н. э. восточное побережье Черного, Азовского морей и Прикубанье, и достаточно хорошо известные по сведениям греко-римских историографов Гекатея Милетского (VI в. до н. э.), Геродота (V в. до н. э.), Гелланика Митиленского, Скилака Кариандского, Диодора Сицилийского, Страбона, Птолемея, Плиния, Полиэна, Арриана, Помпония Мелы, Псевдо-Скилака и др.

2. Известно также, что в начале нашей эры родственные протоадыгские племена начали объединяться вокруг приморского племени зихов. В I тысячелетии н. э. совершался процесс консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности. К X в. н. э. адыги, как народ с единым языком и культурой, в общих чертах сложился. Уже с первой половины X в. письменные источники считали адыгов единым народом, населявшим значительные территории от Таманского полуострова на западе и до Абхазии на юго-востоке, на севере до Приазовья и р. Кубань.

3. Правда, и в дальнейшем происходило формирование и обособление этнических групп в результате перемещения племен на новые территории. Например, миграция части адыгов на восток в XIII–XIV вв. явилась причиной образования кабардинской народности, как особой восточной группы адыгов (Бетров Р.Ж., 1991; Кудасева С.Г., 2007).

При этом, подчеркивает Р.Ж. Бетров (1991), – протоадыгское население античной эпохи являлось прямым потомком древнейших племен – носителей бронзовых культур III–II тысячелетий до н. э.

«В значительно более позднее время на этой же территории, – писал известный ученый А.А. Иессен, – сложились адыгские (черкесские) и абазинские племена, несомненно, в очень значительной степени генетически связанные с местным населением далекого прошлого. Культурное единство северо-западной группы кавказских племен, известное нам в новое время, таким образом, возникло, очевидно, не позже позднего бронзового века».

По мнению Р.Ж. Бетрова (1991), «...адыги, как единая народность, в основном сложилась к X в. С этого времени у них уже существует сознание этнического единства, имелась известная общность территории». С этого времени адыги выступают как крупная политическая сила. Но, по замечанию того же Масуди, этот многочисленный народ ослаблен тем, что «они не допускают назначить над собой царя», который бы их объединил. По видимому, об адыгском обществе того времени можно говорить как о раннефеодальном (Бетров Р.Ж., 1991).

3.13.1.2. «Чужестранцы дают им прозвища, но они забываются, и только имена национальные сохраняются»

Появление общего этнонима свидетельствует о начале формирования в среде самих адыгов общего этнического самосознания, об упрочении внутренних этнокультурных связей и о начале распространения внутри общности одного языка-диалекта...

А.В. Гадло (2005. Вып. II).

Все названия – меоты, касоги, черкасы и черкесы, обозначают одни и те же адыгские народы.

М.И. Крайсветный (2007. Вып. VI).

Дюбуа де Монперэ Ф. (1839) в своей книге «Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов, абхазцев, в Колхиде, в Грузии, Армении и в Крыму», в главе «История черкесской нации» пишет: «Если народ, оставаясь в одной и той же местности, не изменяет ни своего духовного облика, ни свойств своей природы, почти наверное можно сказать, что у него имеются свои собственные названия, которые проходят сквозь века неизменными; чужестранцы дают им прозвища, но они забываются, и только имена национальные сохраняются».

В полной мере этот тезис правомерен для адыгов, этноним которых на протяжении столетий и тысячелетий претерпел ряд трансформаций: меоты-керкеты-зихи-касоги-черкесы-адыги.

Впервые обратил внимание на столь «пеструю» номенклатуру названий одного и того же народа в конце XV – начале XVI в. Дж. Интериано (1501), который в своей книге «Быт и страна зихов, именуемых черкесами» (2006) так писал о многообразии древних названий черкесов-адыгов: «*Зихи* (zichi), называемые так на простонародном (volgare) языке по-итальянски, гречески и латински, и известные у турок и татар под именем *чиаркаси*, сами себя называют *адиге*; они обитают по всему азиатскому морскому берегу Тана или Дона, до Босфора (Керченский пролив), называемого в наши дни Восперо, «Устьем святого Иоанна», «Устьем моря Забаш», иначе – моря Таны (Азовское море), – в древности Меотийского болота; далее они распространяются затем вдоль берега Понта (Черное море) к югу, до Самшитовой бухты, по направлению к реке Фазу (Рион), и граничат здесь с Авогазией (Абхазия), составляющей часть Колхиды».

О многообразии названий адыгов (черкесов) писал и С. Броневский (1823 г.): «*Черкесы или черкасы*, чаютельно Страбоновы *керкеты*, известны у восточных писателей под именем *керкас* или *геркас*, о коих упоминаются они как о народе христианском; называются также *беш-тау*, то есть пятигорские черкесы, – частное название, относящееся только к кабардинцам. Черкесы сами себя называют *адиге* или *адале*, что значит на турецком языке «островитянин», потому что черкесы от древнейших времен до исхода последней половины XVIII в., обитали на острове Тамане. Турки называют их *черкес* или *адилар*; россияне и грузины зовут их *черкесами*, а осетинцы *казахами* (византийские писатели вывели это имя от области Казахия (в персидском языке *казак* – «бездомовный, или военный человек»).

Об этом писали и другие дореволюционные авторы, например, Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839): «Интериано называл эти племена «зихи» – по-итальянски, гречески и латински. Осетины называют черкесов *касак* или *касах*, а мингрельцы – *кашак*. Масуди упоминал их под именем *кешеки* или *зихи*. У турок они известны, как *чиаркаси* (т. е. *черкесы*). А сами себя они называют *адыги*» (Цит. по: Твердый А.В., 2009).

В своей книге историк С.Х. Хотко прослеживает «цепочку» названий адыгов, начиная со средневековья. В середине XIII в., – пишет автор, – одновременно с созданием монгольской империи Золотой Орды, в источниках начинает использоваться новый этноним для обозначения зихов – черкесы, а для обозначения Зихии – Черкесия. Русские авторы сразу восприняли именно этот восточный термин. Арабо-персидские авторы также быстро переключились на новое наименование, хотя знали и термин «зих». Греки-византийцы и итальянцы придерживались старого имени, но часто пользовались и новым обозначением. В одном итальянском документе одно и то же лицо может быть названо вначале зихом, потом черкесом. После 1500 г. итальянцы уже в основном пользуются термином черкес, но еще часто пишут зих, Зихия. Очень символично, что именно в 1501 г. в Венеции вышел в свет труд Джорджо Интериано «Быт и страна зихов, именуемых черкесами», в котором впервые использовано самоназвание «адыг» и автор специально подчеркивает, что зихи (черкесы) сами себя называют «адига» (Хотко С.Х., 2008).

Развивает эту тему известный ученый, специалист по истории адыгов, А.В. Гадло (2005). Подводя итоги объединительной деятельности Инала, историк особо отмечает тот факт, что именно он объединил адыгские племена и общины в составе одного политического образования, что имело исключительное значение для адыгской общности. По существу, именно с этого времени за адыгской общностью утверждается общий этноним, которым соседние народы обозначают всех адыгов вне зависимости от занимаемого той или иной конкретной группой района.

Для хазар и народов Востока – это наименование восточной адыгской конфедерации – касак (в русском варианте — касоги), для Византии и стран Запада этноним причерноморской конфедерации – зихи, для насе-

ления Крыма – сугды (согдиане), для народов Закавказья – касав в форме кашаг, проникший через посредство овсов и сванов, и джики, усвоенный через абасгов и апсилов. Появление общего этнонима свидетельствует о начале формирования в среде самих адыгов общего этнического самосознания, об упрочении внутренних этнокультурных связей и о начале распространения внутри общности одного языка-диалекта, выступающего в качестве языка-посредника в межплеменном и межтерриториальном общении (Гадло А.В., 2005. Вып. II).

На основании изложенного выше, многие современные авторы приходят к выводу, что *племена, жившие в горах и предгорьях Закубанья, а также на Черноморском побережье Кавказа уже к X в. сложились в адыгейскую народность с единым языком, имевшим ряд племенных диалектов*. В дальнейшем зихи, а позже касоги становятся известными в письменных источниках под именем черкесов.

3.13.2. «Вокруг озера Меотиды живут МЕОТЫ...»

Вокруг озера Меотиды живут меоты. К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, агры и аррахи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, досхи и многие другие.

Страбон (60-20 гг. до н. э.).

Одно из заметных мест в истории цивилизации предков абхазо-адыгов занимали синдо-меотские племена. Древние античные авторы знали их под общим собирательным названием меоты.

С.Г. Кудашова (2007).

Первые письменные сообщения о предках адыгов относятся к VI в. до н. э. Древнегреческим авторам они были известны под собирательным именем меотов или майотов (синды, псессы, фатеи, досхи, керкеты, другие племена), обитавших в Прикубанье и Приазовье, а также как ахеи и зихи – жители восточного берега Черного моря. Что же касается географических названий Меотида, Меотийское озеро, Меотийский пролив, восходящих к этническому племенному названию «меоты», то они встречаются в середине I тысячелетия до н. э. в произведениях Эсхила (525-456 гг. до н. э.):

«И девы Колхиды, бесстрашные в битвах,
И скифов народ, что на крайнем пределе
Земли обитают, у вод Меотийских,
И племя сарматов, любимцев Ареса...»

Ты дойдешь до Киммерийского перешейка, – продолжает Эсхил, – у самого узкого прохода внутреннего моря; смело оставив перешеек, ты выплыви через узкий *пролив Меотийский* (Керченский пролив), и на веки у смертных останется память о твоей переправе, и пролив будет назван Босфором». Об этих же водных объектах писал и «отец истории» – Геродот (490-424 гг. до н. э.): «У Меотиды есть аргиппей – «быстроконные» или «белоконные» (скифское кочевое племя. – **Авт.**).» У Гиппократ (460-377 гг. до н. э.) читаем: «В Европе есть скифский народ, живущий у Меотийского озера. Это савроматы...». Ему вторит Ликофрон (285-247 гг. до н. э.): «Скифия у Меотиды настолько холодна, что у жителей делаются обморожения».

В свою очередь, Эратосфен (275-195 гг. до н. э.) приводит надпись на лопнувшем от морозов медном сосуде, хранящемся в одном из городов на берегу Меотиды: «Если кто из людей не верит, что у нас делается, пусть убедится, взглянув на эту гидрию (сосуд), которую, как доказательство суровости зимы, поставил жрец Стротий».

Много позже название племена аборигенов упоминал и Страбон (60-20 гг. до н. э.): «[Пройдя из Закавказья на Северо-Западный Кавказ. – **Авт.**], спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, с более умеренным климатом. Есть тут некие «триглотиты» (пещерники), живущие вследствие холода в пещерах; у них уже и хлеб родится в изобилии. *Вокруг озера Меотиды живут меоты. Меоты занимаются земледелием и рыбной ловлей по этому побережью...* У моря расположена Синдская область. Пройдя в восточном направлении 180 стадий (от Корокондамы), встречается город Синдика, с гаванью того же имени. Здесь побережье ахейцев, зигов и генихов. К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, агры и аррахи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, досхи и многие другие».

В античную эпоху термин «меот» часто объединял предков адыгов, – отмечает Р.Ж. Бетров (1991), – Под этим именем скрывалась древнеадыгская этническая группа и, возможно, политическое объединение. Письменные источники расселяют их на обширной территории. Но до сего дня нет единства мнений в отношении интерпретации указанного термина,

А.Г. Лопатинский считал, что этническое название «мэоты» произошло от слова «Меотида» – эллинизованное местное название побережья Азовского моря с заболоченными берегами («болото»), на которых и жили племена-автохтоны в середине I тысячелетия до н. э.

Адыгейский ученый П.У. Аутлев выдвинул предположение, что слово «меоты» в его полной форме «Мэутхъуэх» на адыгском означает «море, которое мутнеет» («мэутхъуэ» – мутнеет, «хы» – море) и этноним «меоты» произошло от топонимического названия «мэутхъуэх». Но этимология этнонима «меоты» все же неясна, и неубедительно выглядят все попытки объяснения его природы. В связи с этим Р.Ж. Бетров (1991)

приводит свое толкование. Он напоминает, что в хеттских религиозных легендах большое место отводится культу великой богини-матери Ма. В связи с этим, ученый предполагает, что «греческие авторы именовали предков адыгов, т. е. синдо-меотов, по названию главного религиозного культа – богини Ма, или же «маиты». В этом убеждает и тот факт, что в некоторых боспорских надписях племени Северо-Западного Кавказа обозначены собирательным именем «*маиты*», а не «*меоты*». Термин «маит» членится на две части – *ма* (название божества) + *ит* – адыгский суффикс, имеющий значение принадлежности чему-нибудь (кому-нибудь). Таким образом, по Р.Ж. Бетрову (1991), «маиты» – «племена, принадлежащие верховной богине Ма».

3.13.3. «КЕРКЕТЫ – справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве»

«Керкеты» греко-римских писателей, или «черкений» в более позднее время, не кто иные, как современные черкесы, т. е. этническое название «керкеты» сохранилось в видоизмененной форме в слове «черкесы», а также в слове «черкений» (одно из подразделений бжедугов).

Р.Ж. Бетров (1991).

Вопрос о генетической связи этих двух этнонимов осложнен тем обстоятельством, что существует весьма значительный хронологический разрыв между последним упоминанием «керкетов» и первым – «черкесов».

А.А. Максидов (2003).

Античные историографы довольно часто упоминают племена керкетов (Плиний, Страбон, Николай Дамасский, Дионисий Перизетт, Псевдо-Арриан и др.). Впервые термин *керкеты* (*kercetai*) встречается у греческого автора IV в. до н. э. Скилака Кариандского, который помещает этот народ за Синдской Гаванью (т. е. Горгиппией, или же современной Анапой). А наиболее позднее свидетельство о том же народе можно найти; у автора V в. н. э. Псевдо-Арриана.

По Масуди (X в.), слово *кешек* (*керкет*) – персидское и означает «гордый, надменный». О том, что название *керкеты* (*черкесы*) происходит от персидского – «воин», отсюда черкесы переводится как «воинственные люди», – сообщает и Н.К. (Костарнова (2009).

Следует отметить, что Маркварт, говоря о *керкетах*, писал, что они, несомненно, являются собственно черкесским племенем, чье название, начиная с монгольского времени, связано с *Karkas*, что означает «четыре племени Касс» и связано с древним аланским обозначением «кашак», древнерусским «касоги», греческим «Касахия» (*Kadacia*) и составляет определение черкесов, но не связано с керкетами и принадлежит к многочисленным скифско-иранским формам множественного числа на (-*ta*), которые передают названия племен на -*tai* (керкетай) (Кудаева С.Г., 2007).

И по мнению современных лингвистов, «керкеты» греко-римских писателей, или «черкений» в более позднее время, не кто иные, как современные черкесы, т. е. этническое название «керкеты» сохранилось в видоизмененной форме в слове «черкесы», а также в слове «черкений» (одно из подразделений бжедугов) (Бетров Р.Ж., 1991).

В работе А.А. Максидова (2003) сделана попытка обосновать правомерность возведения широко известного средневекового этнонима *черкес* к античному племенному названию *керкет*. В кратком изложении его позиция представляется следующим образом. Фонетическая близость этнонимов «керкет» и «черкес», – пишет историк, – послужила основой для целого ряда попыток в кавказоведческой литературе построить линию этногенеза адыгов от керкетов. Вопрос о генетической связи этих двух этнонимов осложнен тем обстоятельством, что существует весьма значительный хронологический разрыв между последним упоминанием «керкетов» и первым – «черкесов».

Наиболее позднее упоминание керкетов принадлежит Псевдо-Орфею и Псевдо-Арриану. Так, Псевдо-Орфей (IV в. н. э.) упоминает «...племя мужей *керкетских* и гордых синдов, которые жили посреди Харандийских ущелий у Кавказского хребта в узкой Эритии» (имеется в виду территория от Анапы до Геленджика. – Авт.) (Ворошилов В.И., 2007). Ему вторит Псевдо-Арриан (V в.), который в одном из своих описаний побережья Черного моря сообщает, что от Синдской гавани (Анапа) до гавани Пагры, местоположение которой пока не установлено, жили народы *керкеты* или ториты, а также евдусианы, «говорящие на готском или таврском языке». Далее античный автор вновь возвращается к описанию этих народов: «От Гермонассы (Тамань) до Синдской гавани вдоль Меотиды (Азовское море) живут некие люди, называемые народом синдов, от которых страна эта называется Синдикой. Эти синды – варвары, но нравом кротки. За синдами же находятся *керкеты*, называемые также торитами, – народ справедливый, добрый и весьма опытный в мореходстве. От керкетов же соседнюю с ними землю занимают ахейцы... Ахейцы многочисленны и враждебны керкетам». Как утверждает Ф. Щербина (1910), керкеты, несомненно, – современные нам черкесы, а тореты – племя, весьма близкое к ним.

Приведенные выше сведения Псевдо-Арриана об изменениях в составе племен Западно-Кавказского побережья Дж. Кисслинг расценил как результат происшедших на рубеже нашей эры крупных миграций населения.

Он пришел к выводу, что около 100-75 гг. до н. э. произошло вторжение зигов (зихов) из верховьев Кубани. То обстоятельство, что Плиний Старший упоминает зигов (*Zigae*) в числе сарматских племен между Танаисом (Дон) и северным склоном Западного Кавказа, по мнению Кисслинга, подтверждает его предположение.

Вторжение зигов в районы, занимаемые керкетами, ахеями и гениохами, привело в движение эти племена. Видимо, именно в результате зигской экспансии племена керкетов и гениохов появились в Северной и Южной Колхиде. *И лазы, появившиеся в Центральной Колхиде, по всей видимости, являлись одним из керкетских племен.* О керкетском происхождении лазов, по мнению Кисслинга, говорит упоминание Аррианом пункта «Старая Лазика» на керкетском участке морского побережья (Максидов А.А., 2003). Керкеты занимали самую береговую полосу Черноморского побережья. Очень тесную связь керкетов с морем подтверждает, в частности, сообщение Николая Дамасского: «Если кто, управляя лодкою, ошибется, то все подходит один за другим и плюют на него».

Античные историки и географы упоминали большое число племен, проживающих на северо-восточном побережье Черного моря. Чаще других здесь фигурируют *керкеты*, ахеи, гениохи, а с начала новой эры – зиги (зикхи, зихи), саниги, абазги и апсилы. Так, например, Скилак Кариандский (IV в. до н. э.) в описании Кавказа перечисляет с севера на юг такие племена, как савроматы, меоты, синды, *керкеты*, тореты, ахеи, гениохи, кораксы, колика, меланхлены, гелоны, колхи.

Помпоний Мела, опиравшийся на более древние источники и создавший свое «Землеописание» около 44 г. н. э., зафиксировал с севера на юг: синдоны, *керкеттики* (*керкеты*), ахеи, гениохи, фтирофаги. Дионисий Периегет (II в. н. э.) поместил в этом секторе Кавказского побережья синдов, киммерийцев, *керкетов*, торетов, ахеев, гениохов, зигов и затем колхов. Несколько иной перечень наблюдается у Клавдия Птолемея (II в. н. э.): боспораны (на месте синдов), ахеи, *керкеты*, гениохи и сваноколы. Клавдий изменил последовательность – сначала следуют ахеи, а затем *керкеты*. У него же в другом месте сначала указана деревня Ахея, а к югу от нее залив Керкетиды.

Страбон по этому вопросу дал довольно отличающиеся друг от друга сообщения: первое он почерпнул у Артемидора (II в. до н. э.), второе – у анонимных историков-хронистов эпохи войн боспорского царя Митридата. Сообщение, восходящее к Артемидору, мало чем отличается от вышеперечисленных: «За Батами (в районе современного Новороссийска. – Авт.) Артемидор называет побережье *керкетов* с пристанями и селениями, на пространстве около 850 стадиев (стадий – древнегреческая мера длины, составлявшая, в зависимости от рельефа местности, 150-190 м. Принято считать, что 850 стадиев – расстояние примерно до современного г. Туапсе. – Авт.), затем побережье ахеян, ...далее берег гениохов... Питиунт (Пицунда) и Диоскурия (Сухум) находятся, по Страбону, на земле гениохов и в то же самое время считаются крайними северными пределами Колхиды. Здесь же Страбон отмечает, что данные историков митридатских войн более достоверны: «Но историки митридатских деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахеян, за ними зигов, затем гениохов, далее *керкетов*, мосхов, колхов, живущих над ними фтейрофагов (вшеедов), соанов и другие мелкие народцы у Кавказа».

Собственно страбовское видение этнической карты Западного Кавказа следующее: «У моря лежит азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за ней живут ахеи, зиги, гениохи, *керкеты* и макропогоны (длиннобородые). Выше их лежат теснины фтейрофагов-вшеедов. За гениохами находится Колхида...».

Таким образом, ко времени Страбона произошло перемещение керкетов из синдо-меотского сектора побережья в колхидский сектор: до Страбона ни один автор не помещал керкетов в Колхиде. Если сообщения историков митридатских войн, Артемидора Эфесского и Страбона действительно отражали реальные изменения в расположении западно-кавказских племен, то надо полагать, что в первой половине I в. до н. э. имело место значительное смещение протоабхазо-адыгов с севера на юг. Об этом свидетельствует не только миграция керкетов, но и появление в традиционном месте их проживания зигов. Кроме того, с этого времени появляются еще два племени – абазги и апсилы, занявшие часть территории гениохов и часть территории колхов. Это своего рода «великое переселение народов» в рамках Кавказа стало отправной точкой сложных этногенетических процессов, в результате которых к V в. все старые племена, известные под названиями синдов, *керкетов*, ахеев, гениохов, колхов и санов, консолидировались, и на побережье Кавказа остаются лишь два топонимических названия – Зихия и Абазгия (Максидов А.А., 2003).

3.13.4. «ЗИХИ, называемые так на простонародном языке по-итальянски, гречески и латински...»

3.13.4.1. «I тысячелетие н. э. было временем, когда мелкие племенные языки превращались в более крупные языки народностей»

Зихи начинают играть важную роль в объединительном процессе среди адыгов. Во всяком случае, в I тысячелетии н. э. античные адыгские племенные наименования Северо-Западного Кавказа исчезают и остается имя «зихи».

Р.Ж. Бетров (1991).

I тысячелетие н. э. было временем, когда мелкие племенные языки превращались в более крупные языки народностей. С начала нашей эры наиболее известным становится одно из адыгских приморских племен под названием зихи.

Наиболее раннее упоминание о зихах (зигах) встречается у Страбона (60-20 гг. до н. э.): «...Город Синдика, с гаванью того же имени. Здесь побережье ахейцев, *зигов* и гениохов». Позже о них сообщал Дионисий (II в. н. э.): «С савроматами же соседят синды, киммерийцы и живущие вблизи Евксина (Черное море) керкегии, тореты и сильные ахейцы. Их (ахеев) соседи – гениохи и *зиги*». Об этом же писал и Плиний (23-79 гг. н.э.): «Город Синдика находится у устья р. Сехерий при впадении ее в Понт. Здесь есть народ джигбы, или сильвы, *сильны* (т. е. *джихи* – *зихи*. – **Авт.**)», и т. д.

Псевдо-Арриан прямо указывает на смену населения или, по крайней мере, племенных названий: «От Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до р. Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: гениохи, кораксы, колики, меланхлены, колхи и лазы, а ныне живут зихи». Затем, указав, что расстояние от Старой Ахеи до гавани Пагры составляют 350 стадиев, он пишет, что на этом пространстве «прежде жили так называемые ахейцы, а ныне живут зихи». Севернее гавани Пагры на расстоянии в 180 стадиев он отмечает гавань Никаксин (Никапсин), от которой до Синдской гавани, «ныне называемой Эвдусией», 290 стадиев. Смена названия Синдики, или Синдской гавани, на Эвдусию также свидетельствует об изменениях в составе населения. «Итак, – здесь же сообщает Псевдо-Арриан, – от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называющиеся керкеты или ториты, а ныне живут так называемые эвдусианы, говорящие на готском или таврском языке». Анализ этих сведений Псевдо-Арриана дает возможность А.А. Максидову (2003) сделать вывод о достаточно крупных и масштабных перемещениях племен на Западно-Кавказском побережье в I в. н. э.

Из исторического развития гениохов и других племен образовались более поздние древнеабхазские племенные объединения. Что же касается зихов, то они сыграли значительную роль в дальнейшем формировании и адыгов, и абхазов.

В период продвижения ираноязычных, а затем тюркоязычных кочевников, приморские племена абхазо-адыгов оказались в более выгодном положении, чем степные меоты. Важен и тот факт, что прибрежные племена теснее были связаны с внешним миром, особенно с позднеантичными странами. По этим причинам, надо полагать, зихи начинают играть важную роль в объединительном процессе среди адыгов. Во всяком случае, в I тысячелетии н. э. античные адыгские племенные наименования Северо-Западного Кавказа исчезают и остается имя «зихи» (Бетров Р.Ж., 1991).

3.13.4.2. «Зихи – народ жестокий и варварский... они весьма искусны в ремеслах»

Зиги (зихи) фигурируют и как «дикие», «жестokie» варвары, и как «кроткие» христиане, занятые ремеслами и торговлей.

А.А. Максидов (2003).

Понтийский царь Митридат во время войны с Римом, следуя из Понта (в районе современного Сочи) на Боспор (Керченский полуостров), «отказался от намерения пройти через страну зихов из-за её суровости и дикости».

<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>

Зихи (зиги, зикхи), выступающие в отношении керкетов, ахеев и гениохов, судя по запискам очевидцев, как бы в роли агрессоров, тем не менее, характеризуются в различных источниках по-разному. В древнегрузинских источниках зиги (джики) охарактеризованы как полудикое племя. Более того, жестокость объявляется каноническим качеством зигов: раннесредневековый картлийский летописец Мровели, характеризуя царя Мирвана I, написал, что тот «жестокий, как джик». В грузинской историографии восприятие зигов (джиков) носило негативный характер; дело дошло до того, что джиками стали обозначать кровожадных барсов. Грузинский автор Сулхан Саба Орбелиани (1658-1725), толкуя термин «джики», писал: «Подобен барсу, поболее, которого персы именуют «бабр». Так называют и одно племя, сопредельное с Абхазией».

Историк В.О. Ключевский (1866) приводит выдержки из записок Герберштейна, который «...знает черкас (чиркасы или зихи), обитавших в горах за Кубанью (р. Купа), – смелых пиратов, которые по рекам, текущим с этих гор, выезжали в Черное море и грабили купеческие корабли, плывшие из Каффы (Феодосии) в Константинополь и обратно. Эти черкасы не подчинялись ни туркам, ни татарам в России».

«В течение тысячелетий, – пишет К. Кох (1842 г.), – черкесы делали набеги в долинах и на море и, по уверениям Дюбуа де Монпере, листригоны, упоминаемые у Гомера, – черкесы. Именно черкесы не позволили царю Митридату продвинуться по их земле в Фанагорию, главный город Боспорского царства, и именно черкесы были виновниками частых набегов в Грузию».

Авторы одного из сайтов Интернета сообщают следующий факт. В 66 г. до н. э. понтийский царь Митридат во время войны с Древним Римом, следуя из Понта (в районе современного Сочи) на Боспор (Керченский полуостров), «отказался от намерения пройти через страну зихов из-за её суровости и дикости». Заметим, что Митридат был царем могущественного государства, которое практически на равных воевало с непобедимыми римлянами, однако и он побоялся пройти через земли зихов – прямых предков ады-

гов. Адыги, начиная еще с античных времен, привлекались многими правителями в качестве наемников. Боевые качества адыгских (черкесских) воинов были общеизвестны. Сведения о наемниках-зихах приводятся и в трудах древнеримских философов (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Крайне отрицательная характеристика зигов содержится у византийского писателя Епифания (IX в.), автора «Жития апостола Андрея», посетившего Западный Кавказ: «Зихи – народ жестокий и варварский, и доныне наполовину неверующий». Примечательно, что о другой этнической группе адыгов – касогах – Епифаний был другого мнения: «Эти люди кроткие и доступные вере, они с радостью приняли слово проповеди». Вместе с тем, два автора середины X в.: византийский император Константин Порфирогенет (Багрянородный) и крупнейший представитель исторической мысли Аббасидского халифата аль-Масуди, дали зигам абсолютно противоположную, нежели у Епифания или Мровели, характеристику, отмечающую их трудолюбие и «искусность в ремеслах». Так, Константин Порфирогенет сообщает о зихах следующее: они строят крепости для защиты от набегов алан, они заняты земледелием и скотоводством, причем настолько интенсивно, что используют все имеющиеся у них земли, включая острова; они добывают нефть, многочисленные источники которой находятся на пространстве от Таматархи до Никопсии, и поставляют ее византийцам.

Аль-Масуди также сообщает, что зихи страдают от постоянных набегов алан; что они весьма искусны в ремеслах и изготавливают особую ткань «дибаки», равной которой нет в халифате; они опытные мореходы и на своих кораблях приходят в Трапезунд, привозя различные товары; они язычники – «исповедуют религию магов»; они имеют крепости на побережье; те зиги облачены в шикарные одежды из белой и ярко-красной ткани, расшитой золотом.

Приведенные примеры, касающиеся характеристики зигов (зихов), свидетельствуют о противоречивости источников и почти обязательной тенденциозности авторов: зиги фигурируют и как «дикие», «жестокые» варвары, и как «кроткие» христиане, занятые ремеслами и торговлей (Максидов А.А., 2003).

3.13.4.3. «В слове *зихи* я слышу адыгское *зыхы*, что буквально означает «одноморье», «одноморцы»

Античный и раннесредневековый термин «зихи» на протяжении более тысячелетия обозначал этническое имя адыгских народов Северного Кавказа. С XIII в. имя «зих» постепенно исчезает из письменных источников и заменяется именем «черкес».

С.Х. Хотко (2008).

Название предков адыгов – зихи – у различных античных и средневековых авторов звучало по-разному. С учетом искажений, вызванных несовершенством записи названий местных племен, а также ошибок самих иноязычных авторов, их комментаторов и переводчиков, этот перечень можно представить следующим образом:

- зихи, зиги, зигои, зигийцы, зегги, зехи, зенхи, зикхи, захи, зилхи, зильхи, зюги, зыхи, зюхи, заки, зичи, зиш;
- сихи, синхи, сильвы, сильпы, сагиды, саки, саши, саша, сахи;
- джихи, джихеты, джики, джикеты, джигеты, джигбы, джегаки;
- шихи, шахи, шегакки, шефаки, шегани;
- тсихи, чихи, чехи, цихи, цыхи, цикки...

Соответственно, и местность, в которой жили зихи, называлась в различных письменных источниках следующим образом: Зихия, Альба Зихия («Белая Зихия»), Зигия, Закия, Сихия, Сахия, Цихия, Циккия, Джигетия и т. д. (Галкин Г.А., Коровин В.И., 1979; 1980).

Этноним «зихи» – явно позднеантичного и раннесредневекового времени. Как было отмечено выше, он упоминался в «Географии» древнегреческого автора Страбона и позднее встречается в сочинениях греко-римских историографов до VI в. н. э. Зафиксирован термин «зихи» и в византийской историографии VI–X вв. (Бетров Р.Ж., 1991). В тех или иных искаженных вариантах этот этнический термин встречается и в более поздних источниках. Так, Плано Карпини (1253) пишет: «Чингис-хан прошел через земли Кергис (возможно, киргизов, ногайцев или других народностей, кочевавших или проживавших в низовьях Волги и на северном побережье Каспия. – **Авт.**), которых не одолел в войне, и двинулся дальше до Каспийских гор (Кавказские горы). В числе народов, покоренных татарами, были: кергис, комуки, аланы, тарки... *На западе – земля цифов (Карпини так называет зихов, черкесов. – Авт.)*».

Дополняет эту информацию Вильгельм Гильом Рубрук (около 1220–1293 гг.): «Область Цезария (судя по всему, имеется в виду территория, принадлежащая татарам, проживавшим в Крыму. – **Авт.**) окружена морем с трех сторон, а именно с запада, где находится Керсона (Херсон), с юга, где город Солдайя, – он вершина области, и с востока, где город Маритандис, или Матрика (Тамань), и устье море Танаидского. Выше устья Танаидского (Керченский пролив) находится *Зикия, которая не повинуется татарам...* К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкесы и аланы, или аас». О предках черкесов – «зигах» сообщал и Ж. Шарден (1672 г.): «От пролива Палус Меотийского (Керченский пролив) до Мингрелии тянутся на

600 миль гористые холмы. Эти горы очень красивы, покрыты лесами и населены черкесами. Турки называют эти народы «черкесами» или «керкесами». *Древние называли их общим именем заги (зихи)*».

Первую попытку объяснить историю происхождения этого этнического названия сделал Хан-Гирей (1837): «Большую часть черкесских племен разумеют под именем *тчах* (низовых). Быть может, название «чихи» (зихи), которое дает Стробон адыгским племенам, происходит от слова *тчах*». Другое мнение у А.М. Гадагаты (1967): «В слове *зихи* я слышу адыгское *зыхи*, что буквально означает «одноморье», «одноморцы».

Более достоверным и исторически обоснованным нам представляется мнение по этому вопросу Б.М. Керефова (2006): «Уже с VI-VII вв. предки адыгов становятся известными под собирательным именем «зихи». Некоторые авторы считают, что, по-видимому, от этого племенного названия происходит и термин «адыге» (через промежуточную форму «а-дзыге»). Показательно, что к VIII-X вв. из письменных источников исчезают практически все остальные, ранее многочисленные названия племен Северо-Западного Кавказа, за исключением имени «зихи». По свидетельству Анонима (VI в.), зихи жили на территории от современного Геленджика до р. Псауза, или даже до р. Шахе. Прокопий (VI в.) помещает их за абасгами, т. е. абхазами, по берегу Черного моря по направлению к Керченскому проливу. Император Константин Багрянородный (X в.) указывает на восточном берегу Черного моря только две большие народности – зихов и абасгов. О народе *камаките (зихах)* упоминает в X в. и Масуди. К X в. земли, заселенные зихами, граничили с Черным морем, Абхазией, Кавказским хребтом и Аланией. Они начинались от Тамани, от устья р. Кубань, по Черноморскому побережью до р. Нечепсухе, в устье которой тогда находился г. Никопсия.

И много позже, в XIII-XV вв. западноевропейские авторы термином «зихи» обозначали *всех* адыгов. Например, итальянский путешественник конца XV в. Джорджи Интериано, лично посетивший страну адыгов, отмечал, что «зихами» они назывались на итальянском, греческом и латинском языках, а сами себя они называли – «адига». О зихах сообщал в конце XIV в. и архиепископ Иоанн де Галонифонтибус («Страна, называемая Зикией или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря»), а также в начале XV в. – И. Шильтбергер («Зихи – это черкесы. Область зихов простиралась вдоль по берегу Черного моря, на протяжении 300 миль от реки Укрух (Кубань), отделявшей их от Таматараки (Тамань), до реки Никопсис (Нэкэпсыхь), где начиналась Абасгия, или земля абхазов»).

Все это говорит, скорее всего, о том, что сознание принадлежности к единой этнической общности у предков современных адыгов возникло в период возвышения зихов. Именно тогда они – как одно из адыгских племен – дали свое название всему адыгскому массиву. Имя зихов сохранилось не только в виде отдельных фамилий, но и в самоназвании адыгов. До сих пор абхазы называют адыгов *а-зыху*, *а-дзыху* (в абхазском языке *дз* соответствует адыгскому *д*). Следует отметить также, что ряд ученых разделяют мнение о том, что «зиги-зихи», «зигои» античных и византийских авторов – есть искаженная передача древнего самоназвания адыгов (адыгэ») (Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 102-103).

3.13.5. «КАСОГИ (касогдиане) – люди кроткие и доступные вере...»

С VII-VIII вв., наряду с именем «зихи», появляется другое собирательное имя адыгов – «касоги», которые, судя по источникам, представляли по отношению к зихам северо-восточную группу адыгских родоплеменных объединений. В более позднее время это имя в ряде источников X столетия покрывает собою весь адыгский массив Северо-Западного Кавказа.

3.13.5.1. «Император Юстиниан I ...вел войну с племенем, называемым *хаскун (каскун)*»

Император Юстиниан I (527-565) ...вел войну в пограничной к Овсети-Алании стране, на границах Авазгии, с племенем называемым хаскун (каскун), восставшим против греков.

Из грузинской летописи (Гадло А.В., 2010).

Первое упоминание о касогах относится к VII в. По некоторым данным, это название адыгам дали аланы. Как отмечает А.В. Гадло (2010), «...на северном склоне Большого Кавказа в горах и предгорьях, прорезанных притоками Кубани, сложилась конфедерация касогов (*гаи'к* – в «Армянской географии» VII в.; *каскун* – свода грузинских хроник «Картлис цховреба»; *кашак* – арабо-персидской и древнееврейской письменной традиции IX-X вв.; *касахи* – Константина Багрянородного; *касоги*, *косоги*, *кешеки*, *кашаки*, *косогдианы*, *касози*) и т. д. – русских источников XI-XII вв.)».

Впрочем, есть и разрозненные, требующие проверки, свидетельства того, что «возраст» этнонима *касоги* несколько старше и восходит, по крайней мере, к VI вв. В более позднем своде грузинских летописей есть сообщение о народе *хаскун (каскун)*; осет.-аланск.: *касдон*, *кашкон*), живущем между аланами и авазгами (абазинами). Отмечается, в частности, что император Юстиниан I (527-565) «...вел войну в пограничной к Овсети-Алании стране, на границах Авазгии, с племенем называемым *хаскун*, восставшим против греков». По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в VI столетии, точнее, в

549-550 гг., когда адыги (*хаскун, каскун*) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы, вследствие чего каскуны «подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого одним из живших в Лазике картлийских царевичей» («История многовекового...», 2007).

Касоги в форме *касогдиане* упоминаются в «Хождении апостола Андрея» (VIII в.), составленном монахом Епифанием: «Эти люди кроткие и доступные вере, они с радостью приняли слово проповеди» (Цит. по: Максидов А.А., 2003). Но возвышение касогов, очевидно, началось еще в VII в. В хорошо известной «Географии» Анания Ширакаци, где, в частности, отсутствуют сведения о зихах, к северу от страны абхазов размещены *гарши* и сваны, которые «живут между болгарами и Понтийским морем». В «гаршах», скорее всего, следует видеть *кашаг* (множественное число: *кашгар*) – сванское название адыгов-касогов (Керетов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 103-104).

На Таманском полуострове находился и одноименный город *Касек/Касак* (т. е. *Кашиак, Касог*), о котором упоминает анонимный автор книги «Худуд-аль-Алем», написанной в 982-983 гг. По мнению А.В. Гадло, этот город вырос еще раньше под защитой хазарского Тументархана (Тамтарака, Тмутаракани-Тамани). Археологические материалы Таманского городища (Тмутаракани) также свидетельствуют о росте адыгского компонента в составе населения города в конце X в. (Гадло А.В., 2006. Вып. III).

3.13.5.2. «Святослав приведе их (касогов) к Киеву»

Касоги... считали себя фактически хозяевами положения в Тмутараканском княжестве. В 1022 г. это привело к столкновению Мстислава Владимировича, получившего в 1015 г. Тмутаракань в наследный удел, с касожским князем Редедей.

«История многовекового...» (2007).

Показательно, что русские летописи, повествуя об адыгах-зихах, тем не менее, не знают имени «зихи», что весьма странно и трудно пока объяснить. Для их обозначения они пользуются тем термином, который был известен арабам и хазарам – *кашиак-касогои*.

О том, что в X столетии (около 965 г.) именно *касогои* организовали дерзкий поход на западный оплот хазар – крепость Саркалу (Саркел), но тактический просчет помешал им достойно использовать результаты этой экспедиции, – сообщает Ш. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа». В свою очередь, древнерусские летописи свидетельствуют, что в следующем, 966 г. Святослав, сокрушив Хазарский каганат, появляется на берегах Керченского пролива, где в его дружину вливается значительное число *касогов* и ясов. Более того, в летописи сказано о касогах, что «Святослав приведе их к Киеву».

Более подробные сведения об этом народе приводятся в трудах арабского географа Масуди (умер в 956 г.), который знал керкетов-касогов под именем «кешеки». В своем сочинении «Книга предупреждения и пересмотра» он называет восемь стран и народов Кавказа и среди них указывает кешеков (кашагов). В другом своем труде «Луга золота и рудники драгоценных камней» Масуди отмечает, что касоги («отличающийся необычайной красотой народ») занимали все пространство от р. Лабы до берегов Черного моря и говорили на одном языке: «По соседству с аланами, между Кабхом (Кавказские горы, Эльбрус) и Румским (Черным) морем, находится племя по имени *кашиак*; это племя благоустроенное. Что же касается их слабости по отношению к аланам, то она от того, что они не имеют общего царя. Известно, что если народы, говорящие их языком, сплотятся, то ни аланы, ни другой какой народ не будет в состоянии ничего предпринимать против них...».

Несколько иначе приведенная выше информация представляется в другом переводе: «Кешеки (кашаки, касоги. – Авт.) – характера кроткого. Кешеки расположены за царством аланов и живут между горой Кабк и Румским морем. Кешеки еще не смогли помериться силами в открытом бою с аланами, потому что у них нет вождя, который мог бы их объединить. Если бы они жили в полном согласии, ни аланы, ни другой народ не смогли бы устоять против них. Когда они в согласии между собою, тогда ни одно соседственное, воинственное племя, даже аланы, не смеют тревожить их, даже думать о влиянии над ними. Они многочисленны и воинственны. К ним доступ труден, даже можно сказать, более невозможен, чем к другим народам. Этот народ (кешеки) не смог бы отстоять и сохранить свою независимость, если бы не имел укреплений, построенных на берегу моря...». Как видно, адыги-кашаки, по представлению Масуди, весьма многочисленны и говорили на одном языке. Это важное свидетельство о том, что к X в. адыги как единая народность с единым языком и с единым самоназванием к этому времени уже сформировались («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 103-104; Твердый А.В., 2009).

Много позже мамлюкский хронист Ибн Тагри Бирди (1363) сообщает, что египетский султан Баркук происходил из черкесского племени *каса*. «Касса» здесь, видимо, означает *касаг (кашек)* – обычное для арабов и персов наименование зихов (Хотко С.Х., 2008).

3.13.5.3. «В имени Кес или Кесс нетрудно увидеть персонификацию этнонима *кескеш...*»

Для раннесредневековых, преимущественно византийских и русских источников, характерен этноним «касог», первое упоминание о которых относится к концу VIII в. (касоги русских летописей также зихи).

Р.Ж. Бетров (1991).

Представляют интерес лингвистические изыскания А.В. Гадло (2005) о происхождении этого этнонима: «В имени Кес или Кесс нетрудно увидеть персонификацию этнонима *кескеш*, известного в наиболее распространенной форме с иранским (алано-осетинским) окончанием *-ag (eg)*, *-og*. Этот этноним появляется в VIII в. у монаха-путешественника Епифания в форме *косог-диане*.

В X в. он встречается у византийского императора Константина Багрянородного (948 г.), Говоря о Стране адыгов (зихов), он называет в ней три самостоятельные области, расположенные последовательно от побережья в глубь Кавказа: собственно Зихию, Папагию и Касахию: «От Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость одноименная, простирается страна Зихия; ее территория 300 миль. Выше Зихии лежит страна, называемая Папагией, а выше страны Папагии – страна, именуемая Касахия. Выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – земля Аланская».

Зихия, по его данным, занимает побережье в районе южного рукава р. Кубани. *Папагия* лежит восточнее ее, вероятно, в междуречье Абина и Афипса (или Псекупса). *Касахия* – еще восточнее и простирается до отделяющих ее от Алании гор. Из «Истории адыгейского народа» и нартского эпоса (цикл Шабатныко) выясняется, что долгое время в Касогии (Касахии) главными князьями были представители абазинского (опсского) рода Канжоуа. Князь Алегиго (Аледжуко) был сыном главного князя.

Эти области можно сопоставить с теми этнотерриториальными образованиями, которые возникли в Закубанье после распада державы Инала. Зихией Константин, как видим, считает не коренную территорию зихов, лежавшую южнее Никопсиса, а земли приморской группы сагинов (шегаков, сугдов) и их ближайших южных соседей. Папагией он называет область родственных сагином-шегакам верхних сугдов, теперь, по-видимому, отделившихся от сородичей (Гадло А.В., 2005. Вып. II). Судя по всему, она объединяла кемиргоевцев, хатукаев, жанеевцев. Здесь, согласно «Истории адыгейского народа», правила князь Болотоко, в частности, в X в. Безруко. Территорию Папагии следует ограничить на западе р. Афипсом, на востоке р. Шхагуаше-Белой (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 180).

При этом самой обширной и густонаселенной из этих областей была *Касахия*, или *Каса*, простиравшаяся от Таманского полуострова до Кавказских гор. В XI-XII вв. этот этноним в форме *косоги (касаги)* известен русским источникам («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»). Сваны до настоящего времени называют адыгов *кашаг*, а осетины — *кесег-кесгон*. Мегрелы в XIX в. называли адыгских князей «*кашах менхе*», что значит «царь касогов» (по свидетельству И.Ф. Бларамберга) (Гадло А.В., 2005)

О древности этнического названия «*касоги/кашаки*» размышляет Б.Х. Бгажноков (2006). Он приводит известное «Письмо» хазарского кагана (царя) Иосифа кордовскому халифу, датированное серединой X в. Царь, в частности, приводит подробный перечень данников Хазарии, среди которых упомянуты и «*жители страны Каса*» (*кашаки*), к западу от алан, которые «платят дань». События, о которых в нем говорится, относятся к более раннему времени, главным образом к периоду наивысшего расцвета Хазарского каганата (VIII-IX вв.). По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями, и в этом случае речь идет, вне всякого сомнения, о стране *касогов*, черкесов или адыгов.

Самого пристального внимания заслуживают сведения об адыгах, содержащиеся в сочинениях арабских и персидских географов первой половины X в.: Масуди и Ибн-Рустэ. Так, Масуди сообщает о *кашаках (касаках)*, страна которых находится за царством кавказских аланов. Характеризуя внешний облик, быт, нравы кашаков, Масуди подчеркивает, что по своей военной мощи они превосходят алан, способных выставить в случае надобности 30 тыс. всадников (по другим данным, до 48 тыс.). Что же касается причины слабости этого народа по сравнению с аланами, то она, по словам Масуди, в том, что племена, говорящие на языке кашаков, не могут объединиться под властью одного царя. Если бы это произошло, продолжает он, то ни аланы, ни какой-либо другой народ не смог бы одержать над ними верх.

О разобщенности адыгов-касогов свидетельствуют фактически и сведения Ибн-Рустэ. Он пишет, что аланы «состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому *Д.хас*». Судя по всему, речь идет о черкесах – *джар-касах*. По всей вероятности, к этому времени в Кавказской Алании они занимали доминирующее положение, что, однако, не способствовало – во всяком случае, в этот период – сплочению и усилению самой Касахии, или Черкесии.

Совокупность этих и многих других аналогичных данных и наиболее правдоподобных предположений позволяет считать, что между этногеографическими понятиями *Касахия*, *Кашакия*, *Каса*, с одной стороны, и более поздним понятием *Черкесия* — с другой, нет никакой разницы. Уже в X в. Черкесия сформировалась как страна в Северо-Западном и Центральном Кавказе с преобладающим адыгским населением (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III).

3.13.5.4. «Этноним *казак*... генетически связан с *касогами*»?

Вполне естественно рассматривать термин (а, по сути, этноним) «козак (казак)», появившийся в письменных «отчетах» не ранее XV в., как генетически связанный с понятием «касог».

А.А. Максидов (2003).

Спорное предположение о том, что «...этноним *козак (казак)*, появившийся в письменных «отчетах» не ранее XV в., генетически связан с *касогами*, озвучивает А.А. Максидов (2003): «Взаимосвязь «Касахии», области к северо-востоку от Зихии (территории Закубанья), которая в то же время являлась частью Зихии, с этнонимами *касса* (еврейско-хазарская переписка) и *касог* (русские летописи) вполне очевидна. Эти наименования относятся к одному периоду (X в., шире – VII–XII вв.), употреблены для обозначения западно-кавказских племен и фактически синонимичны этнониму «зих».

В том же X в. современник Константина Багрянородного – Масуди употребил этноним *кашаг (кашек)* для обозначения все той же группы западно-кавказских племен. Греко-византийское название *зих* ему было, видимо, незнакомо. Не знают «зихов» и русские, и хазарские памятники (за исключением кембриджского Анонима). Таким образом, для арабов, персов, хазар и русских зихи являлись *касогами, кашагами, касахами, касаками или просто касами*. В этой связи вполне естественно рассматривать термин (а, по сути, этноним) *козак (казак)*, появившийся в письменных «отчетах» не ранее XV в., как генетически связанный с понятием *касог* (Максидов А.А., 2003. С. 46).

Приведенное выше предположение о близости этнических понятий *касоги* и *казак* развивает М.И. Крайсветный. По его мнению, «...термин «касоги» является не этнонимом, а показателем принадлежности западнокавказского (адыгского) населения к определенной социально-политической системе, демократической форме власти в виде народного законодательного собрания, которое носит название «Хаса». Это и дает основание Константину Багрянородному называть страну, населенную народом с подобной формой власти, «Касахией». Житель этой страны, естественно, полноправный член Народного собрания, будет называться, в зависимости от языка, «хасак/касог/кашак/казак», т. е. «член Хасы/Касы». Участниками Хасы были все лично свободные (вольные) члены общества» (Крайсветный М.И., 2007. Вып. VI. С. 296-297).

3.13.5.5. «Анализ этнических названий хаттов и кашков привел к выводу об их родстве с абхазо-адыгами»

Племенные названия кашков, известные по хеттским и ассирийским текстам, многие ученые связывают с абхазо-адыгскими. Само имя кашка (кашка) сопоставляется с древним названием адыгов – касоги...

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Некоторые авторы предполагают, что «возраст» средневекового названия «касоги» восходит... к хеттскому периоду истории, чуть ли не к IV тысячелетию до н. э. Так, А.А. Максидов (2003) напоминает, что в древнейшую эпоху, в IV–II тыс. до н. э., территория Малой Азии в районе современной Турции была заселена племенами, этнически родственными современным абхазо-адыгам. Автохтонное население Малой Азии именовалось хаттами, как и центральная часть этой страны – Хатти.

Многочисленные упоминания об этих древних племенах встречаются в библейском Ветхом завете. Вот только одно из них: «Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, Я даю вам: от пустыни и Ливана до реки великой, реки Ефрата, всю землю Хаттеев... будут пределы ваши» (Книга Иисуса Навина, 1; 3-4). А к северу от хаттов вплоть до побережья располагалась обширная страна *касков (кашков)*, говоривших на родственном хаттскому диалекте. На северо-востоке земли кашков доходили до сектора Трабзон-Батуми, т. е. фактически граничили с Западным Кавказом.

Многие крупнейшие специалисты по древней Анатолии, и в их числе следует особо выделить Г.А. Меликишвили и Г.Г. Гиоргадзе, указывают на сходство этнонима *каск* со средневековым этническим названием адыгов (груз. *кашаки, касаг*; арм. *гашик*; визант. *касахия*; араб. *кашах*; рус. *касог*). Более того, название самого восточного из каскеевских племен – *апешла* – созвучно с раннесредневековым обозначением абхазов (греч. *апсилы*; груз. *ашили*; арм. *апишл*) и с современным самоназванием абхазов – *апсуа* или *апиуа*.

«Это совпадение древних и средневековых этнонимов Западного Кавказа и Анатолии вряд ли случайно, – подчеркивает А.А. Максидов (2003). Названия племен, населенных пунктов, рек и антропонимы в стране Каска указывают на родство их языка с абхазо-адыгскими».

Комментируя это предположение, Р.Ж. Бетров (1991) пишет: «Анализ географических и этнических названий хаттов и кашков привел исследователей к выводу об их родстве с абхазо-адыгами. Отмечают совпадение некоторых малоазийских и западно-кавказских названий, прежде всего, по линии топонимии. Этноним *кашки* увязывают с древним названием адыгов – *кашаги*. В научной литературе часто указывается на

возможную генетическую связь данного термина с названиями адыгов в эпоху раннего средневековья – *ко-сог, кашаг, кешаг, кешак*. Имя касог просуществовало в источниках вплоть до XIII в. С названием «каски» сопоставляется этноним «касоги», встречаемый в византийских, арабских, грузинских и древнерусских источниках, как наименование адыгов в Прикубанье. Сохраняется этот термин и в языках некоторых современных народов. Например, грузины-сваны именуют адыгов *кашаг*, а осетины и сейчас называют кабардинцев термином: *кашаг, кашкон...*» (Бетров Р.Ж., 1991).

На основании изложенного выше, историк приходит к следующему выводу: «Анализ географических и этнических названий хаттов и кашков привел исследователей к выводу об их родстве с абхазо-адыгами. Отмечают совпадение некоторых малоазийских и западно-кавказских названий, прежде всего, по линии топонимии».

Эту же мысль можно встретить и у С.Н. Бейтуганова (2007). Он обращает внимание на то, что вместе с происхождением князей предания содержат и сведения о древнейших этнических корнях самих адыгов. Они подтверждаются научно. Исследователи утверждают: «Хеттский народ сложился в результате объединения нескольких племенных групп, частично различного происхождения. Древнейшим этническим субстратом были хатты, или протохетты, говорившие на языке абхазо-адыгской группы и, по всем данным, тесно связанные с Кавказом».

Как полагает З.В. Анчабадзе, топонимические реалии в северо-восточной части Малой Азии – Синопэ, Акампис, Арипса, Апсарса, Дуабзу и др. – с несомненной очевидностью свидетельствуют, что данная область в далеком прошлом была населена предками абхазо-адыгов. Этот тезис крупнейших историков подтверждается выводами археологов: по памятникам материальной культуры устанавливается факт пребывания древних абхазо-адыгов на Западном Кавказе. «Хаттско-абхазо-адыгейские племена занимали, главным образом, западную часть Кавказа, – пишет О.М. Джапаридзе. – Абхазо-адыгским племенам должна была принадлежать культура раннеземледельческих племен, выявленная, в основном, на Западном Кавказе».

Таким образом, уже к X-XI вв., по данным письменных источников, адыги-касоги уже выступают как крупная этническая и политическая сила на Северном Кавказе. В это время они занимали значительную территорию – западную часть Северного Кавказа, Прикубанье и часть Черноморского побережья. Археологические данные свидетельствуют, что какая-то часть адыгов продолжала жить и в верховьях Кубани, среди других племен, населявших Западную Аланию. Вероятно, это были потомки адыгоязычного населения западного варианта кобанской культуры (Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 103-104).

3.13.6. «Этноним «ЧЕРКЕС», возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов...»

Появление этого термина Н.Г. Волкова (1973) связывает с историческими событиями средневековой эпохи. В новых условиях, после нашествия татаро-монголов, изменившего политическую ситуацию и этническую карту Северного Кавказа, с 40-50-х гг. XIII в. источники нередко фиксируют этнические названия как бы сквозь призму тюркских языков, носители которых были ближайшими соседями северокавказцев. Н.Г. Волковой представляется вероятным, что этноним «черкес», возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов, был воспринят другими народами и прочно вошел в европейскую и восточную литературу (Бетров Р.Ж., 1991).

3.13.6.1. «Термин черкес в форме джаркас впервые упоминается в египетских хрониках XII в.»

Но почему дали кабардинцам название черкесов, им вовсе неизвестно, да и на языке их нет слова «черкес»...

«Кавказ...» (1851; 2010. Вып. V).

В описаниях XV-XVII вв. Черкесия предстает как внушительная по масштабам страна, простирающаяся с запада на восток от берегов Черного и Азовского морей до берега Каспийского моря, а с юга на север – от Главного Кавказского хребта до Кумо-Манычской впадины и Волго-Донских степей.

Б.Х. Бгажноков (2006. Вып. III).

В записках арабского автора Ибн-Халдуна есть сообщение, в котором имя адыгов приводится в форме «черкесы»: «В этих горах (Кавказ) ...живут христианские турки, эскесы, лазы и народы, которые суть смесь персов и греков, но черкесы могущественнее всех». Этот труд арабского хрониста датируется IX столетием. Близкая этому форма встречается и в сочинении Эддина Дамасского (X в.): «На северном берегу моря Нитас (Черное море) – народ *экеш* (по мнению д'Оссона, это зихи-черкесы. – Авт.)».

Тем не менее, что примечательно, большинство современных авторов продолжают считать, что этот этнический термин впервые встречается в источниках не ранее XII, а то и XIII в.: «В период татаро-монгольских завоеваний в источниках появляется новое имя для обозначения адыгов – *черкес*. Этот термин в форме «джаркас» впервые упоминается в египетских хрониках XII в., а в форме «серкесут» – в 30-х гг.

XIII в. в монгольской хронике «Алтай тобчи» («Золотое сказание»). Впоследствии имя «черкес» становится широко известным во всех восточных (арабских и персидских) и западноевропейских источниках.

Как подчеркивает Б.Х. Бгажноков (2006), влияние адыгов на этническую ситуацию на Кавказе наиболее отчетливо проявилось в период татаро-монгольского нашествия. В хрониках монгольских завоеваний XIII в. постоянно встречается упоминание о *черкесутах* и *хасутах/касутах* (*serkesut, qasut, sasut*) и о «землях черкесутов», наряду с землями оросутов (русских), асутов (алан), башкир, кипчаков, болгар и других народов Евразии. На китайской карте 1331 г. страна «Сэркэс» располагается в Центральном Предкавказье в окружении болгар, кипчаков и ас-аланов. А в описаниях XV-XVII вв. Черкесия предстает уже как внушительная по масштабам страна, простирающаяся с запада на восток от берегов Черного и Азовского морей до берега Каспийского моря, а с юга на север – от Главного Кавказского хребта до Кумо-Манычской впадины и Волго-Донских степей (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III).

В XIV-XV вв. часть адыгов заняла земли в окрестностях Пятигорья, когда после разорения Золотой орды войсками Тамерлана, к ним присоединяется ещё одна волна адыгских племен с запада, став этнической основой кабардинцев. В XVIII в. часть кабардинцев переселилась в бассейн рек Большой Зеленчук и Малый Зеленчук, где составила основу черкесов Карачаево-Черкесской республики. К 30-м гг. XV в. имя «черкесы» прочно утверждается для обозначения адыгов. С этого же времени Страна адыгов в источниках именуется Черкесией (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

О том, что слово *черкас* (*джеркас*) появляется в письменных источниках примерно с 30-40-х гг. XIII в., пишут и другие авторы: «В языке адыгов термин «черкес» существует как *шэрджэс*. В исторической литературе он является синонимом «адыг». Рассматриваемый термин и сейчас употребляется некоторыми народами Северного Кавказа, в том числе тюркоязычными, для обозначения всех адыгов: ногайское – *шеркеш*, карачаевское и балкарское – *иеркесли*, чечено-ингушское – *черси*, *черказо* (Бетров Р.Ж., 1991). Эту же дату сообщает и А.В. Кушхабиев (2007): «Термин «черкес» утвердился за адыгами в письменных источниках в XIII в.».

Западноевропейские авторы в своих сочинениях прямо указывают, что татары и турки называют адыгов «черкесами», например, Джорджио Интериано (конец XV – начало XVI в.). А до него «страну Черкесию» упоминал архиепископ Иоанн Голонифонтибус, посетивший Кавказ столетием раньше, в конце XIV – начале XV в.: «Страна, называемая Зихией или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя, и у них есть только несколько мелких феодалов, многие их села никогда никем не управлялись, а они имеют своих собственных глав» (Хутыз К.К., Шебзухова Э.А., 2007). Термин «черкесы» был известен и Эломари, секретарю султана Египта (умер в 1349 г.): «С севера его (Турана и Ирана) охватывает земля хифджахов, т. е. народа кипчакского, земли саклабов (славян), *черкесов*, русских, маджаров. Еще более раннее упоминание об этом народе относится к запискам Вильгельма Гильома Рубрука (около 1220-1293 гг.): «К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, *черкесы* и аланы...». По мнению Тебу де Мариньи, имя «черкес» – татарское и на этом языке означает «отрезающие путь» (Бетров Р.Ж., 1991).

3.13.6.2. «Черкесы – от названия одного из меотских племен античной эпохи – *керкетов*»

В Европе знали эти народы под общим именем «чиркассиенс». Русские называют их черкесы... Имя черкесов должно, вероятно, происходить от «керкеты».

Тебу де Мариньи, 1836 (Цит. по: Кудяева С.Г., 2007).

«Черкесы» – от названия одного из меотских племен античной эпохи – керкетов; от иранского чаркас – «орел», тюркского черикес – «человек-воин», татарского жарказы – «пахущие землю» и др.

Д.Н. Коков (1979).

В дореволюционной и современной литературе немало попыток объяснить происхождение этого этнонима. Так, некоторые дореволюционные авторы в своих записках, помещенных в сборник «Кавказ...» (2010), пишут: «Но почему дали кабардинцам название черкесов, им вовсе неизвестно, да и на языке их нет слова «черкес». Многие полагают, что имя Шархез («Поганый») происходит от персидского, но это ничем не доказывается: во-первых, прибытие их на Кавказ из Аравии с ханом Абуном никогда не сближало это племя ни по местности первого поселения, ни при двух последовавших затем с персидскими границами, где бы, по образу дикой жизни и по необузданной воле, можно было иметь причину придать им имя поганых; во-вторых, ближе они могли быть известными Абхазии, Карталинии или Имеретии, от которых и получить сходное с жизнью их наименование, но и в языке абхазском, грузинском и даже армянском нет переводного слова «черкес». Ближе всего можно принять за факт, что это имя происходит от собственного *чары* (ступня) и *кес* – от глагола *резать*, данного им крымскими татарами, бывшими их врагами, ибо этот народ, находясь в самом диком состоянии, не только имел, но и удерживает до нашего времени обычаи заменять нужды своими грабежами («Кавказ...». Вып. V. 2010. С. 46-47).

Судя по народным преданиям, в XI-XII вв. *кашаки* (касы, касоги, черкесы) разделились на несколько самостоятельных княжеств, и с этим разделением связано, возможно, происхождение слова «черкес». В.М. Аталиков (1996) выдвигает другую, менее убедительную версию, согласно которой *джаркас* восходит к тюркскому *жарказ*: *жар* – «земля», *каз/кас* – «копать, резать, пахать» (Бгажноков Б.Х., 2006. Вып. III; «История многовекового...», 2007).

Трудно сказать, насколько эти суждения соответствуют действительности. Исследователи дают иные объяснения этнонима «черкес», в частности, его связывают с более древними наименованиями адыгов – *керкеты* (*кашки, каски*). Этому мнению придерживался, например, Ш. Ногмов, который писал: «Что же касается до названия *черкес*, то, несмотря на то, что одни его производили от персидского языка, а другие от татарского, – думаю, что естественнее всего признать в нем древнее нарицательное имя *керкет*, которое греки часто употребляли для означения наших предков».

В настоящее время ряд лингвистов придерживаются этой версии, согласно которой «керкеты» античных историографов (более поздняя форма – «черкений») не кто иные, как современные черкесы. Принято считать, что термин «керкет» и «черкес» тождественны – в греческом алфавите не было обозначения звука «ч», оно было заменено буквой «к». Считается, что имя «черкес» сменило предшествующие ему этнические названия «зихи» и «касоги» именно в XIII в., в период уже господства в восточноевропейских степях тюрок и татаро-монголов (Бетров Р.Ж., 1991).

3.13.6.3. «От двух братьев, называемых Чер и Кес, ...горские жители и наименование черкесов получили»

Одни стараются объяснить начало этого названия («черкес») от Чера и Кеса, по преданиям, бывших будто бы, первыми родоначальниками адыгского народа; ...наконец, дагестанцы и все остальные жители Закавказья называют черкесов сар-кяс, что означает сорви-голова, головорез.

Н.Ф. Дубровин (1871).

...Черкесы происходят от двух братьев Кера и Кеса, которые пришли на Кавказ из Малой Азии.

Сапен-Линьер (2008. С. 24).

Французский автор Сапен-Линьер в своей книге «Черкесы» (2008. С. 24) выдвигает свои версии происхождения этого этнонима: «Персы первыми назвали их (адыгов) «черкесы», что на персидском языке означает «четверо мужчин», так как персы считали четверых сыновей князя Инала родоначальниками четырех княжеских ветвей, от которых будто бы произошли черкесы. Согласно другой легенде, слово «черкес» происходит от татарского *чер*, что означает «дорога, путь», и *кесмек* – «пресечь. И, наконец, третья легенда гласит, что «черкесы происходят от двух братьев Кера и Кеса, которые пришли на Кавказ из Малой Азии»

В связи с этим следует отметить, что приведенная выше версия, основанная на народных преданиях, о происхождении этнонима «черкес» от двух братьев, вышедших из Турции (Аравии), или четырех – сыновей князя Инала, – весьма плодотворна в кавказоведческой литературе, основанной на адыгских преданиях:

ДВА БРАТА: *ЧЕР И КЕС?* Так в начале XIX в. был широко известен очерк Измаила Атажукина «Краткое описание жителей горских черкес...» (1810). Перечислив адыгские племена, «следующие к Черному морю до селения Шегаки (махоши, абезихи, шапсиги, темиргойцы, бжедухи, гатюгайцы, жаны и упомянутые шегаки)», Атажукин пишет: «Все сии селения, кроме Абезих и Шапсиг, кои остались республиканцами и при своем правлении, имеют своих князей, именуемых Кануковы, Багарсуковы, Булатуковы, Ахегаковы, Кунчуковы, Хатюковы, Жановы и Зановы. Сии князья вообще во владении Турков; происхождение свое имеют от арабских князей, именуемых Курейшеми *чрез выходцев двух братьев, называемых Чер и Кес, отчего горские жители и наименование черкесов получили*» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

О том, что «происхождение названия *черкес* объясняют различно», – пишет и Н.Ф. Дубровин (1871. С. 14): «Одни стараются объяснить начало этого названия от *Чера* и *Кеса*, по преданиям, бывших будто бы, первыми родоначальниками адыгского народа; другие, не вдаваясь в такие мифические сказания, говорят, что черкес есть слово татарское, данное от речки Черек, известной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами; наконец, дагестанцы и все остальные жители Закавказья называют черкесов *сар-кяс*, что означает сорви-голова, головорез. От последнего названия произошло испорченное слово черкес, от хищнических нападений которых соседи весьма много терпели».

О Кесе, как о родоначальнике черкесов, пишет и М.И. Крайсветный (2007. Вып. VI. С. 296-297): «Позднее название «касоги» на Кавказе сменяется на «черкасы», которое можно перевести как «жители страны Касы» (адыгское слово «чер» означает «страну»). Еще позднее, в XV в., территория Кабарды объявляется «страной предка Кеса», т. е. «чер Кеса», а жители ее стали «черкесами». К сожалению, оба термина часто путаются, что весьма затрудняет их деление».

ЧЕТЫРЕ БРАТА (КЛАНА)? Известный немецкий востоковед, академик Г.Ю. Клапрот писал: «Однажды старый татарский мулла объяснил мне совершенно серьезно, что имя «черкес» составлено из персидского *чехар* (четыре) и татарского *кес* (человек), потому что эта нация происходит от четырех братьев» (Цит. по: Кудиева С.Г., 2007). Примечательно, что и по мнению другого авторитетного ученого – академика В.Ф. Минорского (1963), название *черкес/джеркас* также «...состоит из *чахар-Кас* — четыре [клана] Кас». «История многовекового...», 2007).

3.13.6.4. «В толковании термина «черкесы» ученые выделяют концепции: греко-римскую, иранскую, тюрко-иранскую и тюркскую»

Не вызывает сомнения тот факт, что этнонимы «адыге» и экзоэтноним «черкесы» появились в ходе многовекового и сложного исторического процесса формирования адыгской этнической общности.

С.Г. Кудиева (2007).

Несомненный интерес представляет эссе С.Г. Кудиевой (2007), детально рассматривающей происхождение термина «черкесы». «В толковании этого термина, – пишет автор, – ученые выделяют концепции: греко-римскую, иранскую, тюрко-иранскую и тюркскую. Это объясняется тем, что, занимая огромные территории от Малой Азии до современной Чечни, многочисленные родственные племена – древнейшие предки абхазо-адыгов не могли находиться на одинаковом уровне развития и тем более избежать взаимовлияния культур, уклада жизни и т. д. Протоадыгские племена подвергались влиянию и соседних народов.

ГРЕКО-РИМСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ. Если говорить о греко-римской концепции в толковании термина «черкес», которой придерживается большинство ученых, то она, естественно, связана с греческим влиянием.

Как было отмечено выше, – пишет автор, – самые ранние указания на греческие поселения на Северном Кавказе относятся ко второй четверти VI в. до н. э., когда существовал регулярный путь от Синопа и Трапезунда к Боспору Киммерийскому. Почти все греческие колонии в Крыму возникли не на пустом месте, а там где были поселения местных племен, т. е. синдов и меотов. Синдское государство, формально входившее в состав Боспорского царства, испытало сильное влияние греческой цивилизации. Большинство ученых, придерживающихся греко-римского толкования слова *черкес*, связывают его именно с греческим *керкет*.

Более основательные исследования относительно трансформации этнонима *керкет* в название *черкес* известны с конца XVIII в. Ш.Б. Ногмов, адыгский историк и просветитель, впервые в российском кавказоведении высказал следующее предположение о связи терминов «черкес» и «керкет»: «Что касается до названия *черкес*, то, несмотря на то, что одни его производили от персидского языка, а другие от татарского, – думаю, что естественнее всего признать в нем древнее нарицательное имя керкет, которое греки часто употребляли для означения наших предков». Эта концепция получила развитие в трудах многих ученых, хотя ими же был высказан ряд недостатков в адрес греческой версии толкования термина «черкес». Так М.В. Цицнадзе, как и ряд других авторов, считает, что название «керкеты» для обозначения адыгов является термином самого позднего происхождения. Но одно несомненно, – самоназвание этого народа адыге, и лишь другие народы называют их то черкасами, то керкетами, а порой зихами. Тем не менее, *большинство авторов утверждают, что основой термина «черкес» является «керкет»*. Ш.Д. Инал-Ипа поясняет, что у греков не было звука «ч» и соответствующую фонему они передавали через звук «к». И.Х. Калмыков согласен с Л.И. Лавровым в том, что термин *керкет* позже, будучи переделан в *черкези*, сохранился у грузин, которые передали его другим народам. А.Г. Авакян отмечает, что некоторые исследователи трансформацию этнонима «керкет» в термин «черкес» объясняют не прямым путем, а через латинский (римский) вариант этнонима «керкет» – *цирцет* (*circet*), ввиду того, что греческую фонему «к» римляне передавали через звук «ц». Поэтому, как предполагает С.Г. Кудиева (2007), цепочка трансформации этих этнонимов выглядит следующим образом: *керкет* (*kerketai*)-*циркет* (*circet*)-*черкес* (*cherkes*).

ИРАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ. Иранской версии придерживаются В.И. Абаев, М. Фасмер и др. Согласно иранской концепции, термин «черкес» означает «*caerqaes*» («орел»). В.И. Абаев проводит ближайшую параллель иранского слова «*caerqaes*» с согдийским «*carkas*» – «хищная птица», исходной формой для последнего считая «*karkasa*» (букв. «куроед») и, сравнивает *karkasa* с аварским *kahrkasa*, пехвельским *karkas*, персидским *karqas* – «коршун». Подтверждением этой цепочки В. Абаев считает вогульское слово *sarkes*, корнями уходящее в скифо-сарматский язык.

Иранская концепция дает четкое определение этимологии термина «черкес» через скифо-сарматский корень и иранское слово «*caerqaes*» (орел, коршун, куроед), а также объясняет терминологию «*kerketai*» через иранское окончание (-*tai*). Подтверждением лингвистическому обоснованию служит факт наличия иранского субстрата в районе проживания черкесских народов на Западном Кавказе в древности и раннем Средневековье (Кудиева С.Г., 2007).

ТЮРКО-ИРАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ. Если даже принять за основу первоначальное иранское происхождение термина «черкес», то факты говорят о том, что его окончательное формирование и распространение

ние, а также этническая природа связана с тюркской средой. Поэтому, возможен вариант перехода от иранской концепции к тюркской посредством изменения толкования иранского слова *carkas* или адаптации его к тюркской лингвистической среде. Подобным образом объясняется этимология термина «черкес» в так называемой промежуточной, тюрко-иранской теории происхождения термина «черкес».

Один из представителей тюрко-иранской концепции Фолькер предложил оригинальный вариант трактовки термина «черкес»: «Чисто тюркское (татарское) образование *cara-siz*, т. е. «без места, не имеющий места» и *ceri-kes* «человек-воин, боец, солдат», образованное из тюркского *ceri* – войско, воин и заимствованным из персидского слова *kes* – человек, личность». Фолькер не исключает, что последнее может быть также персидским словом – *kas* – «кто-то».

А венгерский ученый, этнограф Бесс де Жан-Шарль, побывавший на Кавказе, писал: «Черкесы представляют собой многочисленный, храбрый, сдержанный, отважный, но малоизвестный в Европе народ. Мои предшественники и путешественники утверждали, что слово «черкес» происходит из татарского языка и составлено из *чер* (*tcher* – «дорога») и *кесмек* (*kesmek* – «перерезать»)), но им не приходило в голову придать этому слову естественный и более подходящий к характеру этого народа смысл. Нужно заметить, что *чер* (*tcher*) в персидском языке означает «воитель», «мужественный», а *кес* означает «личность», «индивидуум», «один из них». Из этого можно заключить, что именно персы дали название, которое сейчас носит этот народ... Я льщу себя надеждой, что этнографы найдут подобную этимологию справедливой и не противоречащей их взглядам» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

Эти высказывания, как отмечает С.Г. Кудасева (2007), «подтверждают возможную связь (или наличие переходной стадии) между иранской и тюркской версиями».

ТЮРКСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ. Сторонники тюркской концепции считают, что термин «черкес» появился в XIII в. в период татаро-монгольского завоевания. Ссылаясь на источники, они отмечают, что именно татары впервые начали называть зихов черкесами. Н. Волкова считает, что этническая природа возникновения термина «черкес» связана с тюркской средой и с политическими событиями XIII в.

Один из сторонников тюркской (татарской) концепции В.М. Аталиков утверждает, что появление терминов «черкес» – *жарказ* и «Черкесия» связаны с Крымским ханством. Он это обосновывает тем, что название Черкесия (или Жарказия) в источниках появляется только во второй половине XIII в., а до этого употребляется название «Зихия». Но именно в XIII в. в Крыму обосновываются татары, которым и обязаны зихи этнонимом «жарказы», которое позже трансформировалось в «черкесы». Татары, как известно, были кочевниками, а зихи – земледельцами, что и выражается на тюркских языках термином *жарказ* (*жар/джар* – «земля», *каз/касс* – «копать, резать, пахать, обрабатывать», – что дословно дает: «пахарь, земледелец»).

Тем не менее, наиболее распространенным толкованием термина «черкес» среди сторонников тюркской (татарской версии) является все-таки *ceri-kes* или чисто тюркское *ceg-kes* – буквально «режущий голову, головорез».

Несмотря на большой разброс мнений, вышеизложенное подтверждает, что термин «адыги» является эндоэтнонимом (т. е. внутренним, собственным – самоназванием), а «черкесы» экзоэтнонимом (т. е. внешним, пришедшим извне названием) народа. *Не вызывает сомнения тот факт, что этноним «адыге» и экзоэтноним «черкесы» появились в ходе многовекового и сложного исторического процесса формирования адыгской этнической общности* (Кудасева С.Г., 2007).

3.13.6.5. «У нас, на Руси, не только в былое время, но и теперь в простонародье, назывались черкесами без различия все горцы»

Настоящие жители Западного Кавказа никогда не называли себя «черкесами». Они называли себя или «адыге», или по именам тех обществ, к которым принадлежали; а эти последние преимущественно назывались по именам своих родоначальников.

М.Я. Ольшевский (2003).

В странах Ближнего Востока и Северной Африки «черкесами» называют и представителей других северокавказских народов. Это обусловлено тем, что преобладающую часть северокавказских иммигрантов составляют собственно черкесы.

Р.Ж. Бетров (1991).

Как видно из предыдущего раздела, единого мнения о происхождении этнонима «черкес» до настоящего времени нет. Но тем не менее, как справедливо отмечает Н.Ф. Дубровин (1871. С. 14), «...откуда бы ни произошло название *черкес*, оно стало, однако, у нас гораздо популярнейшим и более употребительным, чем слово *адыге*, служащее выражением одинаковости происхождения и одноплеменности многих отдельных поколений черкесского народа, которые не отличаются друг от друга ни языком, ни нравами и обычаями».

В свое время на общепотребительность на Кавказе этнонима *черкесы* и место их самоназвания *адыги* обратил внимание царский генерал М.Я. Ольшевский (2003): «Еще не так давно мы, русские, разу-

мели под черкесами всех немирных обитателей Кавказа. Подобно тому, как у нас, на Руси, не только в былое время, но и теперь в простонародье называют жителя Запада – будь он англичанин или француз – немцем, а жителя Востока – будь он персиянин или индеец – татарин, так *назывались «черкесами» без различия все горцы*. Названием «черкеса» скрещивались чеченцы, осетины, кабардинцы и все другие жители Кавказа, занимавшиеся разбоем и хищничеством.

Такое название черкес для всех кавказских горцев существовало еще в первой четверти настоящего (XIX) столетия не только в разговоре, но и на письме. Часто встречалось читать о черкесах, нападающих на проезжающих по Военно-Грузинской дороге или на Тереке, тогда как их там не было и помину. В актах же прошлого (XVIII) и предшествовавших столетий и не упоминалось о существовании чеченцев и лезгин.

Отчего же мы, русские, все население Кавказского хребта принимали за один народ? Оттого, что мы прежде всего познакомились с черкесами и вообще с жителями Западного Кавказа, которые в совокупности с крымскими татарами беспокоили южные пределы нашей империи.

Между тем *настоящие жители Западного Кавказа никогда не называли себя «черкесами»*. Они называли себя или «адыге», или по именам тех обществ, к которым принадлежали; а эти последние преимущественно назывались по именам своих родоначальников» (Ольшевский М.Я., 2003. С. 477-478).

3.13.7. АДЫГИ: к происхождению самоназвания адыгского народа

Адыги (*адыгэ*) – самоназвание современных кабардинцев, черкесов, адыгейцев Республики Адыгея, шапсугов Причерноморья и всех адыгов, проживающих за рубежом («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 726). Во всем мире их называют черкесами. *Адыге-чиль*, т. е. «адыгские народы» – так абадзехи, шапсуги и натухайцы называют кабардинцев и другие родственные племена Центрального Предкавказья. Об этом, в частности, писал в середине XIX в. Л.Я. Люлье (1857), который, в отличие от других авторов, четко различал племенные названия адыге и азег (абадзехи): «В отношении разделения тех племен на черкесские (*адыге*), абхазские (*азег*) следует заметить, что кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют абадзехов, шапсугов и натухажцев общим именем «*абадзех-чиль*», что значит «абазинские народы»; всех же закубанцев, исключая бесленеевцев – «*кияхь*», то есть «низовые жители». Абадзехи же, шапсуги и натухажцы называют все племена, сохранившие феодальное управление (включая и кабардинцев), – «*адыге-чиль*», то есть «*адыгские народы*». Кроме общего самоназвания – адыгэ, имеются и дополнительные названия для субэтносов (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>):

Абадзехи – абзэх
Адамеи – адэмэй
Бесленеевцы – бесльэней
Бжедуги – бжьэдыгъу
Егерукаевцы – еджэрыкъуай
Мамхеги – мамхагъ
Кемиргоевцы – кѣмгуй
Натухайцы – нэтхьокъуадж
Шапсуги – шапсыгъ
Хатукайцы – хьатыкъуай
Убыхи – бьэхъ (пех), туахьы
Кабардинцы – адыгэ*

3.13.7.1. «Они с гордостью говорят: «сэ сыадыгэ» – «я адыг»

Их (адыгов) храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славилось, как красота и грация их мужчин и женщин. Их внешность дышит достоинством и внушает симпатию. Они с гордостью говорят: «сэ сыадыгэ» – «я адыге».

Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (1903).

На протяжении веков адыгские этнические наименования менялись не раз, а самоназвание «адыги» («адыгэ») прочно осталось.

Р.Ж. Бетров (1991).

Принято считать, что самые первые упоминания самоназвания адыгского народа – адыгэ – относятся к 70-м гг. XV в. В литературе утвердилось мнение, что впервые термин «адыге» наряду с этнонимами «черкес» и «зихи» назван Дж. Интериано, который в своей книге «Быт и страна зихов, именуемых черкесами» (1501) пи-

* Термин Къэбэрдей используется другими субэтническими группами для обозначения самого восточного черкесского субэтноса, однако в самом языке восточных черкесов («кабардинцев») этот термин обозначает только территорию (Кабарда).

сал: «Зихи, называемые так на простонародном языке по-итальянски, гречески и латински, и известные у турок и татар под именем чиаркаси, *сами себя называют адиге* (in loro proprio linguaggio appellati Adiga) (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>). Как считает С.Г. Кудасева (2007), это высказывание Интериано (конец XV – начало XVI вв.) считается «наиболее ранним упоминанием в источниках самоназвания адыгоязычных народов». К этому мнению присоединяются и авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 726): «*Адыгэ, адыге, адыга, адыг* – самоназвание адыгов, объединяемых в литературе на русском и других языках общим этнонимом *черкесы*. Этот этноним в исторических источниках встречается со второй половины XV в.».

С.Г. Кудасева (2007) обращает внимание на то, что «...термин «адыге» редко встречается в средневековых источниках и, что примечательно, – даже в литературе XVIII в. Едва ли ни единственное упоминание этого этнонима в источниках того времени имеется у П.С. Палласа (*adigee*). Для обозначения адыгов в исторической литературе и в среде соседних адыгам народов чаще использовались этнонимы «зихи», «касоги», «черкесы». Появление их относится к разным историческим эпохам». Действительно, в конце XVIII в. этот этноним встречается, кроме П.С. Палласа (1793) – только у академика И.А. Гюльденштедта (1809), путешествовавшего в конце XVIII столетия в течение трех лет по Кавказу. Так, в разделе «О Черкесии и черкесах» он пишет: «*Жители называют сами себя и землю свою адиги*, турки и татары черкас, грузинцы – черкессияни, россияне черкесами, немцы черкесиен, а осетинцы – казах. Сия земля при северной стороне Кавказа занимает плоскость у подошвы Главного и Передового хребта, от Черного моря вверх по Кубани и далее на восток, до самого устья р. Сунджи, текущей в Терек, почему и смежна она с Абхазией и Осетинскою землей, с землею кистов» (Цит. по: Кудасева С.Г., 2007).

Этот этноним встречается и у многих других дореволюционных авторов, например, у Ф.Ф. Торнау (1835): «Ближе к Анапе берег моря занят поколением черкес, или *адыге*, известным под названием натаххайцы. Племя черкес разделилось на два поколения, не сходных между собой как в отношении политического быта, так и в отношении наречий, которыми говорят. Поколение черкес, сохранившее коренной (кабардинский) язык свой во всей его чистоте, признающее над собою власть родовых князей, *преимущественно присваивает себе название «адыге»*.

Тебу де Мариньи (1836): «Интересно, что черкесы сами себя называют только *адыги*; мы не находим следов этого имени в том, что оставили нам историки древности». И далее: «Жанинское поколение (племя жанэ. – Авт.) было некогда в Кавказе сильным и могущественным. Отвага, гордость, непокорный дух и пламенный характер резко отличали жанинцев между воинственными племенами *адыге*. Отважные набегивали, часто обливала берега тихого Дона и величественной Волги кровью их обитателей».

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839): «Черкесские племена разделяются на черкесов, в подлинном смысле, или *адыгов*; кабардинцев, абадзов и абхазов... Осетины называют черкесов касак или касакх, а мингрельцы – кашак. Масуди упоминал их под именем кешеки или зихи. У турок они известны, как чиаркаси (т. е. черкесы). *А сами себя они называют адыги*».

И.Ф. Бларамберг (1840): «Черкесы (адыге, адехе) населяют северные склоны Кавказа, а также долины от крепости Анапа до слияния Терека с Сунджой. Границами их страны являются: на юго-западе – Абхазия и Черное море; на юге – Малая Абхазия и Осетия; на севере – реки Кубань, Малка и Терек отделяют их от России; на востоке Терек и Сунджа служат границей между черкесами и народностью кистов».

Л.Я. Люлье, автор конца XIX в., довольно глубоко изучивший быт адыгов: «Мы привыкли все племена, населяющие северную покатость кавказских гор, называть черкесами. *Между тем как они называют себя адыге*».

Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (1903): «Черкесы жили на Кавказе почти на тех же самых местах с древнейших времен. Первые исторические сведения о них восходят к VI в. до н. э. Их храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славилось, как красота и грация их мужчин и женщин. Их внешность дышит достоинством и внушает симпатию. Они с гордостью говорят: «сэ сыадыгэ» – «я адыге».

3.13.7.2. «В основе самоназвания *адыге* лежит этноним античного времени *зихи* через промежуточную форму *адзыге*»

По мнению Л. Лопатинского, в основе самоназвания адыге лежит этноним античного времени зихи через несохранившуюся промежуточную форму адзыгэ.

Р.Ж. Бетров (1991).

Как было отмечено выше, принято считать, что этноним *адыге* впервые зафиксирован у Интериано (1501), и затем в неискаженном виде встречается в письменных источниках XVIII-XX вв. Вместе с тем, Н.Г. Волкова справедливо отмечает, что фиксация самоназвания адыгов в источниках конца XV в. еще не означает, что возникновение термина в среде самого народа относится к этому же времени. И действительно, изыскания П.У. Аутлева дают возможность считать, что «возраст» этого этнонима намного старше и восходит, по крайней мере, к жившему в X столетии арабскому автору Х в. Масуди, в книге которого «Промывальни золота» (943 г.) можно встретить названия «адехи» или «адиги».

Другие же авторы возводят происхождение этнического термина *адыги* к еще более древним – античным временам. При этом заслуживает наибольшего внимания предположение Л.Г. Лопатинского (1897), который считал, что в основе самоназвания *адыге* лежит этноним древнего, античного времени *зихи* через промежуточную форму *адзыге*. И сейчас черкесы у абхазов известны под именем *азаху*. Этот термин считается прототипом древнего этнонима *зихи* (Бетров Р.Ж., 1991).

К этой точке зрения присоединяется и В.М. Иллич-Свитыч, который разделяет мнение о том, что в этнониме *зигои* (*зигхой*, *зихи*) византийских авторов отражается древнее самоназвание адыгов (*адыгэ*) («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 726; Ворошилов В.И., 2007).

Полагают, – отмечает профессор В.А. Никонов (1966), – что греч. *дзиху* (V в до н. э.) – испорченное *адыгэ*. Последнее сопоставление (*дзиху-зихи-адыгэ*) принято многими кавказоведами (Коков Дж.Н., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 726).

3.13.7.3. «Живущие у воды»? «островитяне»? «потомки антов»? разнообразные мнения о происхождении этнонима *адыги*

Настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. ант, изменившееся с течением времени в адыге или адыхе».

Ш.Б. Ногмов (1861).

Адыгэ, адыге, адыга, адыг – самоназвание адыгов, объединяемых в литературе на русском и других языках общим этнонимом «черкесы» Этот этноним в исторических источниках встречается со второй половины XV в.

Коков Дж.Н. (2006)

«ЖИВУЩИЕ У ВОДЫ»? Л.Г. Лопатинский объяснил название «адыге» посредством абхазского слова *адзы* – «вода», стало быть, адыге – «поморяне». Это же толкование приводит А.М. Дирр. Объяснение, аналогичное тому, что дал Лопатинский, находим и у К.Ф. Гана: «адыге от абх. *адзы* – вода». Он также считает, что этот термин имеет значение «водяных, приморских жителей». На изложенную версию опирается и В.А. Никонов (1966): «адыге» – предположительно из абхаз, *адзы* «вода» («живущие у воды»). Близкое этому объяснение самоназвания адыгов можно найти у Э. Спенсера (1830): «Эта часть Западного Кавказа все еще независима, известна под названием земли Аттехей (земли адыгов)... Русские, татары и турки называют черкесов – черкес. Мингрелы и грузины отличали их от других племен Кавказа именем казахиа. А черкесы не называют себя никаким другим именем, как аттехей (по мнению Э. Спенсера, – народ, населяющий горную страну недалеко от морского побережья: *аттех* означает «долину», и *хей* – «море». – Авт.).

К этому объяснению присоединяется и Н.К. Костарнова (2009. С. 19), которая сообщает о том, что «...есть версия, что название «адыге» произошло от абхазского *ады* – вода, отсюда «приморские люди». Впрочем, есть и иная версия: от *атыгьэ* – «дети солнца».

«ОСТРОВИТАНЕ»? «Турецкую» версию происхождения этнонима *адыги* приводит С. Броневский (1823): «Черкесские земли ...простираются в длину слишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по сей реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, досягавших прежде до самого стечения Сунжи с Терекон... Черкесы или черкасы, чаютельно Страбоновы керкеты, известны у восточных писателей под именем керкас или геркас, о коих упоминаются они как о народе христианском; называются также беш-тау, то есть пятигорские (черкесы) – частное название, относящееся только к кабардинцам. *Черкесы сами себя называют адиге или адале, что значит на турецком языке «островитянин», потому что черкесы от древнейших времен до исхода последней половины XVIII в., обитали на острове Тамане*. Турки называют их черкес и *адилар*; россияне и грузины зовут их черкесами, а осетинцы казахами (византийские писатели вывели это имя от области Казахия (в персидском языке казак – «бездомовный, или военный человек»)). К этому мнению присоединяется и Л.Я. Люлье (1857): «*Адыге*, или черкесское племя. Оно состоит из следующих отраслей: 1) абадзех, 2) шапсуг, 3) надкуадж, 4) кабертай, 5) бесленей, 6) мохошь, 7) кемгуй, 8) хатюкай, 9) бзедуг, 10) жане (жан)... Хетук, или адале. Они жили на полуострове Тамани до занятия его Войском Черноморским, и потому-то татары прозвали их «адале», что значит «островитянин». Некоторые причисляют их к корню *адыге*, а другие к корню азеге, но, будучи окружены с одной стороны татарами, а с другой черкесами, они потеряли свою народность. Несколько семей рассеяны между натухажцами, а ничтожные остатки этого племени проживали в последнее время (до 1857 г.) в 30 верстах от Тамани, в деревне *Ада*, будучи перемешаны в ней с ногайцами, татарами и выходцами с гор – черкесами» (Люлье Л.Я., 1857).

Путешествовавший по Кавказу А. Дюма (1869) также возводит этноним адыги к слову «остров»: «Адыгское, или черкесское племя населяет пространство от горы Кубани до устьев реки Кубани, потом тянется до Каспийского моря и занимает Большую и Малую Кабарду... Адыгское и черкесское племя разделяется на 16 родов... всего их 1 059 665 душ. Нынешние черкесы – один из самых воинственных народов Кав-

каза – именуют себя адигами. Корень этого слова «ада», что переводится как «остров». Более поздний автор Н.Ф. Дубровин (1871. С. 20) также возводит самоназвание адыгов не к воде, а к острову: «Черкесы сами себя называют *адыге*, что на всех наречиях этого племени, означает «остров».

ПОТОМКИ АНТОВ? В свое время Ш. Ногмов возводил этноним *адыге* к племенному названию *ант*: «Греки, занимавшие восточный берег Черного моря задолго до Рождества Христова, передали сведения о наших предках, которых они называют вообще зюгами (зихи), а иногда керкетами. Грузинские же летописцы именуют их джихами, а край называют Джихетию. Но настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. *ант*, изменившееся с течением времени в *адыге* или *адыхе*». Такую этимологию справедливо отводит А.К. Шагиров, считая ее данью отождествления адыгов со славянами-антами («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 726).

О возможной связи этнонимов «ант» и «адыге» размышляет Н.И. Сообцокова (2010. С. 288): «Реку Кубань в разные времена адыги называли по-разному: *Псыжъ* («Старая река»), *Антыкъу* – Антик («Край антов»). Удивительно, но на Кавказе, в горах, имеется озеро, которое тоже называется «Ант». А древние автохтонные (греч. *autochthones* – «коренные жители, первобытное население страны») племена, расселившиеся по берегам реки Кубани, назывались антами. Небезынтересно, что с точки зрения лингвистов, если расчленить слово «ант» на форманты, мы получаем *а-ны-ты*, то есть: *а* – указательное местоимение «тот, те»; *ны* – «мать», *ты* – «отец». В древности, когда только зарождалась семья, словам *ны* – «мать» и *ты* – «отец», возможно, придавалось сакральное (лат. *sacri* – «священный, относящийся к религиозному культу») значение.

Впрочем, в литературе есть и другие, зачастую сомнительные версии происхождения этнонима *адыги*. Так, вызывает сомнение сообщение, приведенное в работе Б.Х. Кучмезова (2007. С. 396): «Информаторы-кабардинцы в XIX в. утверждали, что этническое самоназвание *адыгэ* они восприняли от татар по принципу принадлежности к некогда ногайскому предводителю *Эдиге...*». При этом автор ссылается на работу С. Броневского, впрочем, без указания года ее издания и страницы, на которой помещено это утверждение (Алоев Т.Х., 2009. С. 14).

И еще одна версия, требующая проверки. П.К. Услар намекнул на возможность толкования этнонима *адыгэ* на материале близкородственных языков: «Все вообще племена абхазского происхождения, – пишет Услар, – известны убыхам под коллективным именем *адзыге*, ...полагаю, что это название, худо расслышанное и худо записанное, есть *azra* Белля (имеется в виду Дж. Белл, 1837. – Авт.)». Убыхское *адзыге* имеет абхазский источник, и, следовательно, его первоначальный смысл можно искать в абхазском языке. Такие попытки существуют» (Коков Дж.Н., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 726).

В заключение приведем следующую информацию, имеющую самое непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. 21 мая 1991 г. в Нальчике состоялся I Всемирный (международный) черкесский конгресс, который принял решение о создании Всемирной черкесской ассоциации ВЧА (позднее переименована в Международную черкесскую ассоциацию – МЧА). Делегаты конгресса обсудили вопрос об упорядочении терминов, используемых для обозначения черкесов (адыгов). Руководствам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии было рекомендовано вместо трех официальных этнонимов (адыгеец, кабардинец и черкес) использовать единый этноним *черкес* – на русском языке и *адыгэ* – на родном языке (последний является самоназванием всех адыгов) («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 852; Кушхабиев А.В., 2006. Вып. IV. С. 393-394).

3.14. Любовь и политика: к истории «династических браков» у адыгов

3.14.1. «Мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом...»

И выдавайте в брак безбрачных среди вас...

Коран. Сура 24; 32

Мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как наследницам благодатной жизни...

Библия. 1-е послание Петра (3; 7).

Начиная с XVI в., письменные документы (летописи, хроники, дипломатическая переписка) подтверждают широкое распространение родственных связей между адыгами и соседними народами. Как отмечают Х.Х. Сукунов и И.Х. Сукунова, эти «династические браки были результатом политических расчетов и государственной ориентации».

В документах Коллегии иностранных дел Российской империи, датируемых 1748 г., говорится: «Кабардинские владельцы дочерей своих отдают в замужество за своих же кабардинских владельцев, также за кубанских султанов и за тамошних горских владельцев и за знатных мурз, и за чеченских и кумыцких владельцев и сами женятся на их дочерях, и таковым свойством и другими случаями с ними дружатся. Но этот перечень потенциальных «женихов» далеко не полон, – адыгские князья и уорки издавна вступали в брак-

ные связи с аристократическими кланами Грузии, Дагестана, Алании-Осетии, Крымского и Астраханского ханства, Ногайской Орды, стран Ближнего и Среднего Востока, – в первую очередь Турции, Египта, Персии (Ирана). Как отмечал И. Масловский (1870), «грузинские цари, крымские ханы, шамхалы тарковские, владельцы князья Абхазии и Мингрелии, дагестанские беки, а также турецкие паши постоянно оказывали внимание и уважение кабардинским князьям». В первую очередь, это «уважение» проявлялось в заключении династических браков адыгов с соседними народами.

Кабардинские князья посредством брачных союзов издавна стремились установить дружеские отношения со многими соседними, а нередко и дальними народами. Вспомним, например, князя Темрюка Идарова, выдавшего трех своих дочерей в «чужие земли» – за русского царя Ивана Грозного, астраханского царевича Бекбулата и наследника Большой Ногайской Орды Тинехмата (Опрышко О.Л., 2007).

3.14.2. У истоков: брачные союзы предков адыгов с правителями Боспорского царства

История установления подобных брачных союзов восходит еще к античным временам. Есть документально подтвержденная информация, что синдо-меотская аристократия находилась в тесных дипломатических и брачных связях с боспорскими царями. Например, вельможа и богач *Сопей* (сравни с названием древнеадыгского племени «Собай») выдал свою дочь за сына царя Сатира I (433-398 гг. до н. э.), получив при этом высокую должность наместника. Дочь же самого Сатира I стала второй женой синдского царя Гекатея. На это указывает романтический рассказ греческого писателя II в. н. э. Полиена, который привожу в кратком изложении:

Царь синдов Гекатей был женат на меотянке Тиргатао. В результате династической борьбы он был свергнут с престола. Боспорский царь Сатир I вмешался во внутренние дела Синдики и не только вернул Гекатею престол, но выдал за него свою дочь. При этом Сатир потребовал от Гекатея убить прежнюю жену меотянку Тиргатао. Но Гекатей любил Тиргатао и не решился ее убить. Он заточил ее в крепость и велел жить под стражей. Однако Тиргатао обманула стражу и бежала. Скрываясь днем в лесах, а ночью пробираясь по пустынным скалистым дорогам, она добралась до соседнего с синдами племени яксоматов (язаматов), где были владения ее родственников. Не застав в живых своего отца, Тиргатао вступила в брак с его преемником и, собрав сородичей-меотов, начала кровопролитную войну против Сатира и Гекатея. Во время набегов меоты не раз опустошали Синдику и причиняли вред царству Сатира. Гекатей и Сатир вынуждены были просить мира, выдав в заложники сына боспорского царя. Однако вскоре мир опять был нарушен Сатиром. Он подослал наемного убийцу, который не смог, однако, привести в исполнение коварный замысел. Когда покушение раскрылось, Тиргатао велела убить заложника и возобновить войну. Она вновь подвергла земли Синдики и азиатские владения Боспора «всем ужасам грабежа и резни». Только после смерти Сатира его сын Горгипп богатыми дарами и просьбами добился мира.

Из этого рассказа следует, что во времена Сатира синды и другие меотские племена были независимыми от боспорского правителя, а синды же имели и своего царя. Стремление Сатира породниться с царем синдов Гекатеем, выдав за него свою дочь, свидетельствует и о том большом значении, которое придавали боспорские правители установлению прочных связей с Синдикой (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; Керефов Б.М., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 98-99).

Представляет интерес и информация о пребывании в 66 г. до н. э. в Закубанье правителя Понтийского царства Митридата VI Евпатора. По этому поводу античный историк Аппиан писал: «Когда Митридат вступил в область Меотиды, над которой много правителей, то все они приняли его дружески ввиду славы его деяний и царской власти. Митридат заключил с ними союз. Для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей».

3.14.3. Родственные связи адыгов с Русским государством

3.14.3.1. Брачные союзы знатных черкешенок с русскими князьями

...Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будет одна плоть.

Книга Бытие (2; 24).

Обращает на себя внимание тот факт, что русских с северокавказскими народами с давних пор связывали не только подвиги на поле брани, но и брачные союзы русских князей, невесты которых были родом с Кавказа. Так, сын Владимира Мономаха Ярополк привел с Половецкой земли «...ясы (осетин) и жену полони себе ясыню Елену», а князь Мстислав Тмутараканский выдал свою дочь за одного из сыновей адыгского князя Редеди. В 1154 г. великий князь Изяслав женился на дочери обезского (т. е. абхазского) царя (Надеждин П.П., 1895. С. 288). В истории адыгско-русских связей немало подобных примеров. Так, мурза (князь) Малой Кабарды Желегот Арасланович (в родословной – Осланович) Черкасский из рода Гилахстана был женат на дочери русского князя Алексея Долгорукова. После крещения Желегот получил имя Иван и известен в истории как Иван Черкасский. Князь А.М. Дондуков-Корсаков был правнуком ханши Джан, – дочери известного кабардинского князя Магомета Кургокина. Исторические источники сообщают, что князь Дондуков был генералом от кавалерии, видным государственным деятелем России.

Широко известен факт установления тесных контактов Кабарды с Русью путем заключения брачного союза царя Ивана IV с дочерью кабардинского князя Темрюка – Гуащэней (Кученей). Но брак Марии Темрюковны с Иваном Грозным не был единственным «царственным союзом» Черкесии в XVI в. Нельзя не вспомнить и сына князя Темрюка Идарова – Салнук-мурзу (он же: Салтан, Салтанкул), принявшего православие с именем Михаил. Впоследствии Михаил Темрюкович женился на дочери боярина Василия Михайловича Юрьева, который доводился двоюродным братом русской царице Анастасии Романовне. Таким образом, семьи первой и второй жён Ивана Грозного оказались генеалогически связанными друг с другом, и Мария Темрюковна стала родственницей покойной Анастасии Романовны. Следует обратить внимание и на тот факт, что тёщей Михаила (женой Василия Михайловича Юрьева) была княжна Анастасия Дмитриевна Вельская, сестра боярина князя Ивана Дмитриевича Вельского, одного из руководителей Земщины и, самое главное, царского родственника по линии дочери Ивана III Евдокии (Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

3.14.3.2. Жена Ивана Грозного кабардинка Гуащэней: укрепление военно-политического союза адыгов с Русью

*Ваши жены – нива для вас, ходите на вашу ниву,
когда пожелеете...*

Коран. Сура 2; 223.

*Браком царя Ивана IV с княжной Гуащэней был
закреплен военно-политический союз России и Идаро-
вой Кабарды, и Темрюк стал пользоваться в борьбе с
политическими противниками военной помощью сво-
его венценосного зятя.*

**«Адыгская (черкесская) энциклопедия»
(2006. С.1089).**

Широко известен факт установления тесных контактов Кабарды с Русью путем заключения брачного союза царя Ивана Грозного с дочерью кабардинского князя Темрюка – Гуащэней (варианты: Гуашаней, Гошаней, Гоашаней, Кученей). Прежде всего, остановимся на личности самого князя Темрюка, роль которого в этом политическом брачном союзе, прямо скажем, была немаловажной.

ОТЕЦ ГУАЩЭНЕЙ – КНЯЗЬ КАБАРДЫ ТЕМРЮК ИДАРОВ. Имя главного князя Кабарды Темрюка Идарова и его авторитет были в XVI в. широко известны не только среди самих адыгов, но и за пределами Северного Кавказа. Сближения и союза с ним искали влиятельные фамилии других народов – аварские, астраханские, ногайские, кумыкские, балкарские, карачаевские и крымские татары. Темрюк состоял в родстве с союзниками Москвы астраханским царевичем Бекбулатом, который был женат на старшей дочери Темрюка – Алтынчач, а также с сыном князя Большой Ногайской Орды Измаила – Тинахметом, который был женат на средней дочери Темрюка – Малхуруб.

Князь Темрюк был прямым потомком Идара – одного из родоначальников адыгов. По мнению В.А. Потто (1885), это был «истинный рыцарственный представитель черкесского народа». Народные сказания сохранили для потомства прекрасную черту его характера, напоминающую русского витязя Святослава. «Князь Темрюк Идаров, – говорится в них, – никогда не пользовался выгодами нечаянного нападения и всегда заранее объявлял войну, посылая сказать своим врагам: «Иду на вас!».

Определенный интерес представляет, так сказать, предыстория женитьбы русского царя на кабардинской княжне.

«ИСКАТИ ЕМУ НЕВЕСТЫ В ЫНЫХ ЗЕМЛЯХ». Напомним, что первая жена царя, Анастасия Романовна, скончалась 7 августа 1560 г. И уже через неделю, 14 августа, митрополит Макарий с церковными иерархами и боярами «били челом царю..., чтобы государь скорбь о своей царице и великой княгине отложил» и подумал о новой женитьбе. 16 августа царь объявил о своём решении жениться, «а искати бы ему невесты в ыных землях» (Пчелов Е.В., 2007. С. 18). Здесь уместно вспомнить эпизод из Книги Есфирь (2; 2-3): «И сказали отроки царя, служившие при нем: пусть бы поискали царю молодых красивых девиц. И пусть бы назначил царь наблюдателей во все области своего царства, которые собрали бы всех молодых девиц, красивых видом, ...под надзор Гега, царского евнуха, стража жен...».

Сначала были направлены посольства к европейским дворам: в Литву, «к королю о сестре» (т. е. к королю Польскому и великому князю Литовскому Сигизмунду II Августу, у которого было две сестры. – Авт.) и «к швейцкому королю дочерей смотреть» (т. е. к шведскому королю Густаву Васа, у которого было две дочери). Однако сватовство к западноевропейским невестам не увенчалось успехом. Здесь уместно вспомнить следующий любопытный факт, – Иван Грозный и много позже не оставил мысли породниться с польской и шведской династиями. «Со шведским королём Эриком XIV в 1567 г. Россия заключила договор о союзе и разделе Ливонии. В договоре был один странный пункт: король Эрик обещал прислать в жёны царю Ивану жену своего брата герцога Юхана Екатерину. Юхан, боровшийся против Эрика, был заточён в тюрь-

му, сам же царь Иван потом утверждал, что был уверен в его смерти, ...царю будто бы сообщили, что Юхана «в животе (т. е. живого) нет». Правда, Иван IV не объяснял, как он собирался уладить отношения с собственной женой – ведь царица Мария Темрюковна была тогда жива. Екатерина, однако, представлялась царю более завидной партией: ведь она была сестрой польского короля Сигизмунда II Августа. Поскольку у Сигизмунда-Августа не было детей, царь рассчитывал приобрести через этот брак права на польский престол». Было даже организовано специальное посольство в Швецию и отправлены бояре, чтобы встречать Екатерину на русской границе. Таким образом, Мария Темрюковна чуть было не стала жертвой европейской политики своего мужа (Пчелов Е.В., 2007. С. 73).

О том, что дочь кабардинского князя Темрюка Мария была далеко не единственной претенденткой на русский царский трон, свидетельствует и такой факт. Согласно Ф. Бруну, и великий московский князь Иван Васильевич «требовал еще в 1475 г. для своего сына руки черкешенки Марии из города Мангупа, столицы крымских готов, – дочери мангупского князя Исайко. Посланник русский Старков должен был справляться о том, «сколько тысяч злотых приданного Исайко намерен дать за дочерью своею». Царь Иван Васильевич начал было переговоры, но этому проекту не было суждено осуществиться, и прибывший в Крым посол русского царя не застал уже в живых князя Исайко (погибшего при обороне Мангупа от турок в 1475 г. – **Авт.**)» (Хотко С.Х., 2008. С. 17).

ПОСОЛЬСТВО К ЗАПАДНЫМ АДЫГАМ. Когда стало ясно, что попытки сватовства в Швеции, Польше и в Крыму окончились неудачей, были отправлены посольства сначала к западным адыгам – к «черкасским князьям»: жанеевскому князю Сибоку Кансаукову (в феврале 1561 г., посол Борис Иванович Сукин), к этому времени уже крестившемуся, а несколько позже – к кабардинскому «большому» князю (пшивалию, пщышхуэ) Темрюку (Темрюку) Айдаровичу (Идаровичу), – послам Фёдору Васильевичу Вокшерину и Семёну Мякинину было предписано, как указано в летописи, «у черкасских князей дочерей смотрети». Но посольство к западным адыгам – жанеевским князьям, которые в свое время были первыми из «черкасских» правителей, кто обратился за помощью к Москве, – оказалось безрезультатным, да и сами закубанские адыги вскоре совершенно выпали из орбиты российской политики на Кавказе, признав сюзеренитет крымского хана и турецкого султана. Поэтому не случайно внимание монарших сватов обратилось к дочери кабардинского князя Темрюка.

СВАТОВСТВО К КАБАРДИНСКОЙ КНЯЖНЕ. По мнению С.Х. Хотко (2007. С. 10-11), причиной заключения такого брака послужила тяжелейшая для Руси политическая ситуация – войско крымского хана Девлет-Гирея дошло до Москвы и разорило ее. «Именно такой фон, – пишет историк, – делает понятной для современного человека логику Ивана Грозного, сватающегося к черкесской княжне. Женитьба на Марии сделала Ивана Грозного членом «клуба» монархов, женатых на черкешенках, и повысила его собственный статус на Кавказе. Тем самым он стал еще одним крупным «игроком» в геополитическом пространстве Черкесии, а значит, и всего Кавказа».

Вероятно, на обращение царя Ивана в сторону кабардинских князей при поиске невесты «в ыных землях» повлиял и тот факт, что ещё с 1558 г. при царском дворе находился сын Темрюка Салнук-мурза (Салтан, Салтанкул), принявший православие с именем Михаил (он приехал в Москву в октябре 1558 г. вместе с братом Булгайруком просить военной помощи против шамхала). «От Тохтамыша и его брата Бекбулата, женатого на дочери Темрюка Айдаровича, и от Михаила Темрюковича царь Иван и его интимные советники могли иметь много сведений о дочерях князя Темрюка и вообще о невестах у кабардинских князей», – отмечал С.Б. Веселовский (1963).

«И ПОНРАВИЛАСЬ ЭТА ДЕВИЦА ГЛАЗАМ ЕГО...»: ПРИЕЗД ГУАЩЭНЕЙ В МОСКВУ. По сообщению историка Н. Карамзина, Ивану Грозному сказали, что один из знатнейших черкесских владетелей Темрюк имеет прелестную дочь. Царь хотел видеть ее в Москве, полюбил, ей дали христианское имя – Мария. Как говорится в Библии, «...и пришли слуги Давидовы к Авигее, и сказали ей так: Давид послал нас к тебе, чтобы взять тебя ему в жены... И собралась Авигея поспешно, и села на осла. И пошла она за послами Давида, и сделалась его женою» (1-я книга Царств, 25; 40-42). Или еще: «...И понравилась эта девица глазам его, и приобрела у него благоволение, и он поспешил выдать ей притиранья и все, назначенное на часть ее» (Книга Есфирь, 2; 9).

Русские летописи так сообщают о приезде Гуащэней в Москву: «...Того же лета – «7069 от сотворения мира», июня в 15-й день (т. е. 15 июня 1561 г.) в воскресенье, приехала к Москве из Пятигорских черкас кабардинского князя Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей...А с княжною же приехали к царю и великому князю брат ее Темрюков же княжий сын Доманук-мурза да Бекбулат-царевич...а за Бекбулатом Темрюкова же княжия дочь Алтынчач-царица. А Бекбулат-царевич приехал с сыном Саин-царевичем, приехали государю служить. А встречал княжну на Волге Иван Андреевич Бутурлин и к Москве с нею приехал...и поставили княжну в городе старом у Ризположенских ворот на Игнатееве дворе Вишнякова...». В свиту княжны входило около 1500 кабардинских всадников, астраханских татар, ногайцев и казаков (Опрышко О.Л., 2007; Дзамихов К.Ф., 2008).

МАРИЯ: КРЕСТИЛЬНОЕ ИМЯ КНЯЖНЫ ГОАШАНЕЙ. 6 июля 1561 г., в воскресенье, протопоп Благовещенского собора (т. е. домового храма русских государей), царский духовник Андрей (будущий митрополит Афанасий) огласил её «ко крещению и нарек ей имя во имя святой Марии Магдалины», и тогда же черкасская княжна была официально наречена царской невестой. Крещение Марии произошло через две недели, 20 июля, также в воскресенье, в кремлёвском Успенском соборе – месте коронации всех русских

царей; обряд совершал митрополит Макарий. В то же время совсем рядом, в Архангельском соборе, где покойся прах великих князей – предков царя, в его присутствии служили торжественный молебен. После завершения обряда крещения царь Иван Васильевич, по обычаю, преподнес Марии золотой крест-складень со святыми мощами и камнями из жемчуга, а царевичи Иван и Федор вручили своей будущей юной мачехе кресты из золота, украшенные драгоценными камнями с жемчугом. Впоследствии в ознаменование данного события в Кремле рядом с царским дворцом была построена церковь Марии Магдалины.

ВЕНЧАНИЕ И СВАДЬБА. Венчание состоялось через месяц, 21 августа 1561 г., «на память св. апостола Фаддея, в четверг», в Успенском соборе, «а венчал ...преосвященный Макарий митрополит всеа Руси» (Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

Как вспоминают очевидцы, 21 августа москвичи проснулись от громкого звона всех 5000 колоколов многочисленных церквей и соборов столицы. Перезвон стоял такой, что, как писали иностранные современники, «люди не могли в разговоре слышать друг друга». «Того же лета, – сказано в летописи, – августа в 21 день...в четверг, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси женился вторым браком, а взял за себя кабардинского из Черкас Темрюка-князя Айдаровича дочь, нареченную во святом крещении царевну Марию, а венчал его в соборной и апостольской церкви Успения...преосвященный Макарий, митрополит всея Руси. На радости же его тогда были брат его князь Юрий Васильевич да князь Володимир Ондреевич (В.А. Старицкий – двоюродный брат Ивана VI. – **Авт.**) и бояре и вельможи многие». И было Марии в ту пору, когда ее «смотрел и полюбил» царь Иван, отроду не более 15-16-ти лет». Как здесь не вспомнить библейское: «И полюбил царь девицу Есфирь более всех жен, и она приобрела его благоволение и благорасположение более всех девиц, и он возложил царский венец на голову ее, и сделал ее царицею...» (Книга Есфирь, 2; 17).

В Государственной Оружейной палате Московского Кремля среди многих ее сокровищ есть вещь, связанная с событием, о котором ведется рассказ. Это золотое блюдо, подаренное царем Иваном Марии в день их свадьбы. Украшенное растительным орнаментом и двуглавым византийским орлом – гербом Руси, оно имеет по кругу надпись: «В лето 7069 божию милостию благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси зделано блюдо благоверныя царице и великой княгине Марье». Трехкилограммовое золотое свадебное блюдо Марии Темрюковны считается одним из шедевров, сделанных русскими мастерами золотого дела. В старинном свадебном ритуале на Руси блюда-подносы играли определенную роль: на них обычно жених преподносил невесте головной убор – кичу, а потом во время торжественного застолья они служили для подачи молодым особых кушаний... (Опрышко О.Л., 2007).

Кроме того, царь Иван IV учредил для Марии Темрюковны золотую перстневую печать с изображением русского государственного герба и надписью: «Царицы и великой княгини Марьи печать», которой она пользовалась в переписке с мужем (в наши дни печать Марии Темрюковны хранится в Государственном историческом музее в г. Москве) («История многовекового...», 2007).

«ЦАРИЦА БЛАГОВЕРНАЯ... БЕЛАЯ ЛЕБЕДУШКА»: ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЦАРСКОЙ СВАДЬБЕ. Знаменательное событие – женитьба московского царя на кабардинке Гуашаней, нашла свое отражение в ряде документов. Так, «Соловецкий летописец» свидетельствует: «...в лето 7069-го (1561 г.) государь и великий князь Иван Васильевич взял за себя черкаску царицу и великую княгиню Марью». «Лета 7069-го, – говорит запись в «Кратком летописце», – царь и великий князь Иван Васильевич женился вторым браком, а понял княжну Марию Мирдюкову, дочь князя Черкасского». «...Вторая царица – Мария Темрюковна Черкасова Пятигорских», – сказано в рукописи XVII в. «О царицах царя Ивана Васильевича».

Значительно позже после событий 1561 г., спустя несколько десятилетий, неизвестным автором была написана «Повесть о женитьбе царя Ивана Грозного на Марии Темрюковне». Здесь отец Марии князь Темрюк ошибочно именуется как Теврюг Юнгичь, «мурза черкасов горских в Астрахани». Да и сама она называется «царица Мария Теврюговна, Астраханского черкасского царя Теврюга дщерь».

Это событие нашло отражение и в русских народных песнях и былинах. Все их безымянные авторы величали молодую княжну «царицей благоверною» и подчеркивали ее красоту, называя «купавной» или «супавной», «белой лебедушкой»:

Берет он, царь-государь, не у себя в каменной Москве,
А берет он, царь-государь, в той Золотой Орде.
У того Темрюка-царя, Темрюка Степановича,
Он Марию Темрюковну, сестру Матрюкову,
Купаву крымскую, царицу благоверную...
Он здравствует, царь-государь, у себя в каменной Москве,
В палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей, –
Пир навеселе, повел столы на радостях,
И все князи, бояри, могучие богатыри
И гости званные, пятьсот донских казаков
Пьют, едят, потешаются, зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают...

А в другой песне о царской женитьбе говорилось так:

Изволил наш царь-государь, царь Иван да Васильевич,
Он изволил жениться, да он, свет, обручиться.
Не у нас, на святой Руси, не у нас, в каменной Москве, –
Во земли во Литовския, да во той в Черкасския,
На премладой черкашеньки, а на Марье Демрюковне...

«ПОРТРЕТ ГУАЩЭНЕЙ ВО МНОГОМ ПРОТИВОРЕЧИВ». С. Горский (1912), на основании русских летописей и дипломатической переписки, а также свидетельств очевидцев, оставил нам яркий и вместе с тем во многом противоречивый портрет второй жены Ивана Грозного (всего же у русского царя за всю его жизнь только «официальных» жен было 8; практически все они были уничтожены или лично им, или же по его приказанию):

«Мария выросла среди приволья гор, умела лихо скакать на коне, отлично владела оружием. Став царицей, она сумела поставить себя так, что венценосный муж исполнял все ее прихоти. На родине она с самого раннего детства привыкла к вооруженным столкновениям, к диким необузданным проявлениям мести, к крови. В первый же год брака Мария потребовала (и настояла), чтобы царь Иоанн сделал стольником ее 18-летнего брата, князя Петра Темрюковича. Выросшая среди Кавказских гор, привыкшая к охоте и опасностям, она жаждала бурной жизни. Тихая жизнь в тереме ее не удовлетворяла. Мария с восторгом присутствовала на медвежьих травлях и даже, к ужасу бояр, с высоты кремлевских стен наблюдала за публичными казнями. Она не только не удерживала Иоанна от кровавых расправ, но сама толкала его на них. Бояре ненавидели Марию, и она платила им тем же чувством».

Русская летописная и фольклорная традиции, а также некоторые иностранные письменные источники приписывают ей сильное влияние на Ивана IV и даже идею введения на Руси Опричнины (1565-1572; 1574-1576 гг.) – режима террора против родовитого боярства, служилого класса и остатков удельного сепаратизма («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1089). По мнению А. Тюркеля (2009), «царь Иван Грозный восторгался своей женой: он видел в ее безжалостности ясное доказательство ее высокого происхождения. По его представлениям, люди царской крови должны были презирать всех, кто ниже их по «породе».

И вновь слово С. Горскому (1912): «Чтобы прочнее привязать к себе царя, Мария потакала его наклонностям к разврату (! – **Авт.**). Она окружала себя самыми красивыми девушками и сама указывала на них Иоанну. Оргии стали происходить в тереме царицы, чего прежде никогда не было. Мария, поощрявшая разврат (!), и сама не стеснялась. Почти на глазах Иоанна она чуть ли не каждый день меняла любовников. Если же находились бояре, осмелившиеся намекать Иоанну, что царица ведет образ жизни, недостойный ее высокого положения, Мария немедленно принимала меры, и смельчак попадал в ссылку или на плаху. (Оставим на совести С. Горского подобные «измышлизмы», который бросают тень на кабардинскую княжну. – **Авт.**).

Историк Н. Карамзин делает вывод, что «...брак этот не имел счастливых действий. Современники пишут, что сия княжна черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Иоанна в злых склонностях, не сумев сохранить и любви его». Интересно, что у историка М.Г. Аутлева облик Марии представлен гораздо более привлекательным. По его словам, «Мария Темрюковна оказалась умной и волевой. Несмотря на свою юность, она проявила и незаурядный государственный ум».

ДЕТИ МАРИИ ЧЕРКАССКОЙ. 21 марта 1563 г. у «царицы и великой княгини Марии Черкасской» родился сын – царевич Василий. Вскоре он заболел, и 6 мая, спустя два месяца после рождения, скончался. Эту скоропостижную смерть многие современники связывали с отравлением. Сын Марии был похоронен в царской усыпальнице – Архангельском соборе. Судя по известным источникам, это единственный ребенок, родившийся у Ивана Васильевича и Марии Темрюковны за все годы их совместной жизни. (Тем не менее, в книге М.Н. Куницына «Александрова слобода», вышедшей в Ярославле в 1976 г., высказывается мысль, что в Троицком соборе г. Александрова Владимирской области «захоронены малолетние дочери царя Ивана Грозного от Марии Темрюковны». Впрочем, это предположение требует тщательной проверки. – **Авт.**) (Опрышко О.Л., 2007. С. 39).

По сообщению С.Н. Бейтуганова, «...Мария Темрюковна была женой-царицей, т. е. дети в этом браке могли наследовать Российский царский трон. Не случайно Иван Грозный после второго бракосочетания составил новое завещание. Как пишет Р.Г. Скрынников (1997), «царь рассчитывал раз и навсегда решить вопрос о престолонаследии в пользу старшей ветви династии и пресечь любые покушения на трон со стороны детей от второго брака». Неизвестно, кому бы достался царский трон, – пишет С.Н. Бейтуганов (2007), – если бы Василий, ребенок Ивана IV и Марии Темрюковны так рано не умер, особенно в условиях смуты, когда и лицо совершенно нецарской крови – Лжедмитрий сумел объявить себя царем России».

«ОНА НЕ УДЕРЖИТ СИЛЫ В РУКАХ СВОИХ»: СУДЬБА ГУАЩЭНЕЙ И ЕЕ РОДСТВЕННИКОВ. Поистине, как говорится в Библии, «...через несколько лет они сблизятся, и дочь южного царя придет к царю северному, чтобы установить правильные отношения между ними, но она не удержит силы в руках своих. Но восстанет отрасль от корня ее, ...придет к войску и войдет в укрепления царя северного, и будет действовать в них, и усилится» (Книга пророка Даниила, 11; 6-7).

Дальнейшая судьба прелестной Гуащэней и ее ближайших родственников была трагичной. Брат покойной царицы князь Михаил Темрюкович был посажен на кол по подозрению в отравлении очередной, третьей жены Иоанна – Марфы. Не менее трагичной была судьба и отца Гуащэней, а также и остальных ее

братьев. По русским источникам, «...в 1570 г. крымский царевич Адил-Гирей ходил на земли черкасов и во время жестокого сражения с татарами князь Темрюк был тяжело ранен. А сыновья Темрюка – Мамстрюк и Булгайрук (Беберюк) взяты в плен и увезены в Крым». Не избежала гнева государя и его юная жена. Узнав об участии Марии в заговоре против царя, Иоанн велел поставить царицу под бдительный надзор опричников, никого к ней не пускать и ей не позволять покидать Кремлевский дворец. Это распоряжение царя произвело на Марию сильное впечатление». Как далее отмечает С. Горский (1912), «...пылкая южанка, лишенная возможности удовлетворять свои страсти, начала чахнуть. В ночь на 1 сентября 1569 г. она скончалась».

«ЦАРИЦА И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ПРЕСТАВИСЯ». Русский историк Н.М. Карамзин так освещает этот эпизод: «1 сентября скончалась супруга Иоаннова, Мария, едва ли искренно оплаканная и самим царем. Распустив слух, что Мария, подобно Анастасии, была отравлена тайными злодеями, он пригрозил тем России к ужаснейшим иступлениям своей ярости».

В летописях сохранилась следующая запись: «В лето 7078-го от сотворения мира царица и великая княгиня Мария преставися». 4 сентября, после отпевания царицы в Благовещенском соборе Кремля, состоялись ее похороны. По свидетельству очевидцев, «царь не рыдал... И только непомерная бледность окаменевшего, угрюмого лица да мрачный, тяжелый взгляд воспаленных от бессонницы глаз выдавали горе, давившее Ивана, и клокотавшую в нем ярость, которую он сразу же после похорон выплеснет на многих бояр и близких людей, обвинив их в том, что они «отравили царицу».

Марию Темрюковну похоронили в Вознесенском девичьем монастыре, находившемся тогда у Фроловских (ныне Спасских) ворот Кремля. Его основала еще в 1387 г. жена Дмитрия Донского Евдокия. И с тех пор в соборе этого монастыря хоронили великих княгинь московских, а потом и русских цариц, вплоть до перенесения столицы России в Петербург в начале XVIII в. В 1928 г., во время работ по расчистке и перепланировке территории Кремля, монастырь снесли, а каменные саркофаги с останками великокняжеских и царских жен перенесли в подвал палаты, пристроенной в 1801 г. к Архангельскому собору.

В конце 60-х гг. XX столетия публицист О.Л. Опрышко (2007) посетил место вечного упокоения Марии Темрюковны: «Стоим перед массивной, обитой железом дверью палаты Архангельского собора. Научный работник кремлевских музеев Е. Сизов снял тяжелый замок и приоткрыл ее... Крутой лестницей уходим вниз, в подземелье. Выложенные из кирпича стены, сводчатые потолки, неяркий свет лампочек и мертвая тишина, – все это настраивает на определенное состояние. В подземной палате – гробницы женщин, умерших много веков назад. Мы медленно вчитывались в витиеватую старославянскую вязь, выбитую на надгробиях. ...А вот и то, к чему мы шли, – гробница Марии Темрюковны. На каменной плите сохранилась надпись, выбитая в сентябре 1569 г.: «Лета 7078-го сентября 1 дни в семы час нощи [ночи] преставися благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси благоверная царица великая княгиня Марья» (Опрышко О.Л., 2007).

УПРОЧЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КНЯЗЯ ТЕМРЮКА В КАЧЕСТВЕ ВЕРХОВНОГО КНЯЗЯ КАБАРДЫ. Более подробно о последних годах князя Темрюка повествует В.А. Потто (1885). «Недовольный дружбой Темрюка с Московским государем, крымский хан Девлет-Гирей вторгся в земли шапсугов, разбил Темрюка на Кубани, а затем повернул на Москву и предал ее совершенному опустошению. Такая неудача, жестокие раны, полученные в последнем бою на Кубани и потеря двух сыновей, плененных Девлет-Гиреем, не охладили, однако, дружеских чувств Темрюка к Москве, и скоро мы видим его пришедшим со своими войсками под Азов на помощь московским воеводам. Царь весьма благодарил Темрюка за верность и щедро награждал кабардинцев, а для защиты их на будущее время заложена была Терская крепость на Сунже и царь, отдавая ее казакам, приказал им «беречи вотчину кабардинскую».

Здесь уместно отметить, что в 1557 г., когда старший (верховный) князь Кабарды Темрюк Идаров и московский царь Иван IV (Грозный) скрепили союзом отношения между Кабардой и Россией, «Кабардинская земля» была восточной частью обширной страны под названием «Черкесия». Поэтому князь Темрюк действовал в данном случае не только от имени Кабарды, но и от имени всех адыгов и конкретно от тех владельцев Черкесии, которые еще раньше вступили с Иваном IV в дипломатический контакт:

- посольство в Москву от Бесленя и Абазии во главе с Маашуком, Иваном Езбозлуковым и Танашуком в ноябре 1552 г.,
- посольство в Москву жанеевского князя Сибока и абазинского князя Тутарука в августе 1555 г.,
- посольство в Москву Сибока и Маашука Канукова от Жанетии и Бесленя в июне 1557 г.

На завершающем этапе этих переговоров в июле 1557 г. от имени Темрюка Идарова как самого влиятельного черкесского князя и правителя Кабарды в Москву прибыло посольство во главе с бесленейским князем Канклычем Кануковым и установило русско-кабардинский военно-политический союз. В контексте геополитической ситуации того времени он воспринимался как союз Московского царства с Черкесией в целом, а в определенной мере и как союз со всеми народами Северного Кавказа, в особенности с теми из них, которые находились в зоне политического влияния Кабарды («История многовекового...», 2007).

В период княжения Темрюка область влияния адыгов значительно расширилась. В 1570 г., по словам русского посла в Турции И. Новосильцева, Темрюк Идаров утверждал, что «...земля по Терке по реке и до моря (Каспийского. – Авт.) – его, Темрюкова, и зверь бил, и рыбу ловил». Князь Темрюк умер от старых

ран, полученных в бою. Народ сохранил память о нем: *«Хахуэу ди пиышхуэ пальэр, эдильмэ лыхуу цэджацэр диэжктым»* – «Нет более доблестного героя храброго витязя нашего, князя Темрюка».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БРАЧНОГО СОЮЗА ИВАНА ГРОЗНОГО И МАРИИ ТЕМРЮКОВНЫ.

В заключение данной темы следует отметить следующее. То, что сватовство царя к кабардинской княжне стояло в одном ряду со сватовством к польской и шведским принцессам (хотя возможному браку с представительницей европейской династии, конечно же, отдавалось предпочтение), ясно свидетельствует о *династическом характере* второй женитьбы Ивана IV. Хотя с российской стороны кабардинские князья и считались находящимися на службе царя, по терминологии того времени «холопами», они признавались и на самом деле оставались «государями», то есть правителями самостоятельных государственных образований (в данном случае княжеств), что, конечно, ещё раз служит подтверждением того, что Кабарда в то время частью Российского государства не была.

Родство со своим сюзереном существенно упрочило положение Темрюка в Кабарде в качестве верховного князя. Существенно укрепило оно и позиции Московского царства в борьбе с ее противниками. Русский посол Афанасий Нагой сообщал хану Девлет-Гирею, что после брака царь «...Темгрюка князя и землю Черкасскую пожаловал, велел ему служить, и ныне Темгрюк князь и Черкасская земля в государя нашего воля» (Дзамихов К.Ф., 2008).

Мнение большинства комментаторов однозначно: женитьба русского царя на кабардинской княжне привела к укреплению связей России с адыгскими народами, способствовала возрастанию значения и роли Кабардинской земли и ее главного князя Темрюка – тестя могущественного русского царя.

Оценивая брачный союз Ивана IV и Марии Темрюковны, русский историк Семен Броневский (1823) писал в своей книге «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»: «Сей поступок, был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам *весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, которые в походах царя Ивана на Лифляндию, Польшу, против крымских татар отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью им свойственною много способствовали его победам*» (Опрышко О.Л., 2007; Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

Эту же мысль о значении брака русского царя на кабардинской княжне разделяет в своих записках английский дипломат при дворе Ивана Грозного Джером Горсей: «После этого он (Иван Грозный) женился на одной из черкесских княжен, от которой, насколько известно, у него не было потомства. ...*Могущество царя усилилось* не только в результате завоеваний царств, называемых Казань и Астрахань, и пленения большинства их князей и наиболее храбрых их полководцев, но также *вследствие упомянутого брака, принесшего ему власть и силу этих черкесов, более стойких воинов, чем они сами.* Этих черкесов он использовал также для подавления и усмирения тех его князей и бояр, кто, как он полагал, был недоволен и бунтовал против него из-за его жестокостей, кровопролития, беспрестанных грабежей и казней знати».

3.14.4. «Династические браки» знатных черкешенок с генуэзскими князьями и молдавскими государями

3.14.4.1. Брак генуэзского князя Захария де Гизольфи с дочерью адыгского князя Безрука

Женитьба на Бикэ-ханум дала Гизольфи в удел принадлежавший Безруку город Матрегу (Тамань).

К.Ф. Дзамихов (2008).

В архивных источниках сохранился небезынтересный факт, относящийся к адыго-генуэзским связям в период средневековья, – переписка царя Ивана III с «таманским князем» Захарьей Гуйгурсисом. Историки Ф.К. Брун, Л.И. Лавров и А.М. Некрасов в своих работах убедительно доказали, что упоминавшийся русским царем Захарья Гуйгурсис и хорошо известный по генуэзским материалам владетель Матреги князь Захария де Гизольфи – одно лицо. Захария был сыном знатного генуэзца Винченцо ди Гизольфи и Бикэ-ханум (Бихе, Быхъэ-ханум, *Bicha-canom*) – дочери адыгского князя Безрука (Берзоха, Берозоха) из местного рода Биберди. Женитьба на Бикэ-ханум дала Гизольфи в удел принадлежавший Безруку (Берозоху) город Матрегу-Тамань. С этого времени Матрега находилась в двойном подчинении – генуэзским властям и адыгским князьям, но при этом сохранила значительную самостоятельность («История многовекового...», 2007; Дзамихов К.Ф., 2008). Об этом свидетельствует, как отмечают Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко (2007. Вып. V), «...письмо Десимони к Бруну, где он ссылается на один из документов, датированных 1448 г.».

3.14.4.2. Жена молдавского господаря Стефана Великого – черкесская княгиня Мария

Княгиня Мария из Мангула, столицы крымских готов, вышедшая замуж за молдавского господаря (государя) Стефана Великого в 1472 г., была черкешенкой.

С.Х. Хотко (2008).

В начале XV в., как отмечает С.Х. Хотко (2008), власть зихов Причерноморья-Приазовья распространилась и на готов Крыма. Около 1403 г. к власти над крымской Готией приходит зихское семейство. Извест-

но, что оно поддерживало родственные и политические отношения с князьями Западной Зихии. Зихи управляли Готией до османского вторжения в Крым в 1475 г. Ханс-Файт Байер, автор обстоятельного труда по крымским готам, отмечает, что западнозихский князь Уздеморох, известный по гемузской переписке, на законных основаниях претендовал на готский престол и овладел им на какое-то время в 1446 г. Х-Ф. Байер приводит сведения из верхненемецкой хроники раннего нового времени, охватывающей события с 1457 по 1499 гг., согласно которым княгиня Мария из Мангуа, столицы крымских гот, вышедшая замуж за молдавского господаря Стефана Великого в 1472 г., была черкешенкой: «В том же году (1472) в месяце сентябре 14 дня привезли Стефану воеводе княгиню из Маугопа (так в оригинале, *Maugor* – Авт.) с именем Мария; она была черкешенкой (*sy was ein Zerkassin*) и он имел с ней двух дочерей». Мария Мангупская скончалась в 1477 г. в возрасте 27 лет (Хотко С.Х., 2008. С. 17; 2012. Вып. 5. С.6).

3.14.5. Черкешенки – жены царей, шахов, ханов, султанов и королей

Правители практически всех восточных стран считали чрезвычайно почетным иметь жену или наложницу-черкешенку, – лучше даже несколько. О том, что Коран допускал многоженство, говорится, в частности, в следующем тексте: «Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах, – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы – то на одной...» (Сура 4; 3). Библейские пророки так писали о красоте юных девушек: «И не было на всей земле таких прекрасных женщин, как дочери Иова, и дал им отец их наследство между братьями их» (Книга Иова, 42; 15).

При этом самыми красивыми в мире считались адыгские женщины. У персов даже существовала поговорка, гласившая, что одна капля черкесской крови облагораживает целое поколение. «Если бы я мог с большей смелостью судить о путях провидения, я подумал бы, что его намерением было воссоздать, обновить другие вырождающиеся расы смешением их с прекрасной черкесской нацией», – писал в своих записках французский ученый Дюбуа де Монпере (1839), потрясенный умом и храбростью черкесов-мужчин и красотой горских девушек (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

3.14.5.1. Кабардино-грузинские родственные связи

Грузинские цари и кабардинские князья издавна находились в родственных отношениях... эти связи восходят к XVI в.

С.Н. Бейтуганов (2007).

В 60-80-е гг. XVI в. в Грузии было три черкесских царицы, и все три были родными тетками кабардинского князя Алегуки.

С.Х. Хотко (2008. С. 368).

Черкесы в XI-XVIII вв. служили в Грузии, у правителей Картли, Кахети, Имерети, Гурии. Многие грузинские правители были женаты на знатных черкешенках. Частые браки грузинских царей и князей на дочерях адыгских (особенно кабардинских) князей определялись большой заинтересованностью в союзе с Черкесией, как с наиболее крупным и влиятельным политическим образованием на Северном Кавказе. (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

В 1563 г., т. е. через 2 года после женитьбы Ивана Грозного на Гуащаней (Марии), наследник имеретинского трона Георгий I женится на Русудан, дочери старшего князя Большой Кабарды. Еще через два года при военной поддержке родственников жены Георгий II становится царем Имеретии (1565-1583). Одновременно старшая сестра царицы Русудан стала женой владетельного князя Гурии Георгия II Гуриели (1564-1583), а младшая – женой Георгия III Дадияни (1572-1582), владетельного князя Мингрелии (Хотко С.Х., 2007. с. 10).

В.С. Бесланев приводит информацию, что во второй половине XVI в. царь Кахетии был женат на дочери малокабардинского князя Джамурзы – сына Гиляхстана (родоначальника фамилии Гиляхстановых). В донесении в Посольский приказ русские послы в Кахетии князь Семен Звенигородский и дьяк Торх Антонов по этому поводу сообщали, что осенью 1589 г. они встретили во дворе кахетинского царя Александра знатного кабардинского князя Алкаса Джанмурзина, – внука Гиляхстана (Килехстана), который «...приезжал к Александру-царю по-свойски погостить». И поведал им уздень Алкаса, что «Алкас-князь Александру-царю по родству дядя, и он приехал к Александру-царю челом ударить и привел к нему полоняников (пленных) да привез рыбу» (Опрышко О.Л., 2007).

В марте 1640 г. (по другим данным – в 1635 г.) царь Мингрелии Леван II Дадияни (правил с 1611 по 1657 гг.) женил своего сына на дочери кабардинского правителя Алегуко Шогенукова, о чем сохранились следующие документы. «Владетель Мегрелии Леван II Дадияни. «...послал в Кабарду к Алегуке-мурзе посла своего азнаура..., а имя ему Тавей, просить за сына своего за Александра дочь», – говорится в статейном списке русского посла в Грузию Федота Елчина. В мае Азнаур Тавей вернулся из Кабарды в Зугдиди, где находилась царская резиденция, с доверенным лицом от князя Алегуко Шеганукова (дво-

юродного брата Джамбулата Казыева – деда Бековичей) для окончательной договоренности о женитьбе. После состоявшихся переговоров брачный союз между мегрельским царем и кабардинским князем был скреплен. Леван II, беря «...у Алегуки за сына своего дочь», отсылал в Кабарду в дар Шеганукову «100 душ ясырю [тур. *esir* – «пленный; раб], да 100 серебряных сосудов, да 100 золотых платой, да 100 кобылиц, 100 быков, 100 пищалей, на том у них договор и стал» (Опрышко О.Л., 2007).

В начале XVIII в. грузинский царь Вахтанг VI женился на княжне Гиляхстановой. Более подробно об этом эпизоде сообщает В.С. Бесланев. По его словам, в начале XVIII в. могущественный князь Малой Кабарды Гиляхстан Татарханович породнился с картлийским царем Вахтангом, отдав за него замуж свою 16-летнюю дочь. Среди сопровождавших молодую грузинскую царицу в Картли были ее братья Гиляхстановы. «Ее родные братья Адильгирей, «находящийся в Татаруте», и Канчоко, живший неподалеку от него, как видно из материалов Коллегии иностранных дел за 1743 г., «...покойному грузинскому царю Вахтангу – шурия [шурины], а Казы их родственник; живут при горах в Малой Кабарде и чрез их владение лежит тракт в Грузию». С большими почестями встречали картлийцы гостей и новых родственников царя из Кабарды по всей Грузии. После крещения в христианскую веру молодая кабардинская княжна получила имя Русудан, она стала женой наследника картлийского престола, а потом и царицей Картли. В Грузии ее называли «солнцеподобно сияющей царицей». Брак Вахтанга на кабардинской княжне из рода Гиляхстановых, через владения которых «лежит тракт в Грузию», и которые по сути дела прикрывали его от врагов, служил укреплению давних связей с Кабардой, а через нее и с Российским государством...

У царя Вахтанга и Русудан родилось пятеро детей. Двое сыновей – Бакар и Георгий – служили в России, причем Бакар дослужился до звания генерал-поручика артиллерии, а Георгий – до генерал-аншефа. Одна из дочерей – Тамара, выйдя замуж за царя Теймураза II, стала первой (и также последней) женщиной-царицей Кахети. В начале XIX в. из ответов на вопросы главнокомандующего Кнорринга были составлены «Сведения о Грузии 1801 г.». В справке отмечается: «Женского же полу никто, кроме царской дочери Тамары и ее ж дочери Русудан, не принимал Грузинского царства» (Опрышко О.Л., 2007; Бейтуганов С.Н., 2007).

Сыном Теймураза и царицы Тамары был Ираклий II (1720-1798), царь Картли-Кахети, объединенных, не в последнюю очередь, усилиями женщин-цариц. Политика Ираклия II, завершившаяся установлением покровительства России над Картли-Кахети (а не присоединением, как принято утверждать), во многом можно объяснить позицией *его матери Тамары, предки которой – кабардинцы с давних времен находились в тесных связях с Россией*. У Ираклия II было пятеро сыновей: Георгий, Юлон, Мириан, Парнаоз и Александр, – правнук кабардинской княжны и грузинской царицы Русудан (Бейтуганов С.Н., 2007).

«Династические браки» положили начало грузинским княжеским фамилиям черкесского происхождения – Черкезишвили, Черкезия, Кашакишвили, Бараташвили, Ингорква (Инджорква) и другие. Примечательно, что аристократическим языком в Грузии XVIII столетия был адыгский язык, а на грузинском языке говорили только простолюдины. Англичанин Э.Спенсер писал: «Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с черкесами. Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами, от которых мы узнали много подробностей и которые охарактеризовали знать Мегрелии как расу, резко отличающуюся от зависимых сословий» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

3.14.5.2. «Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом»: контакты с Дагестаном, Осетией и Балкарией

Чиркасы [черкесы] гордятся благородством крови... Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание; касательно чести черкесы щепетильнее итальянцев.

Эмиддио Дортелли д'Асколи (1634).

Общность социальных интересов являлась одной из основ мирных отношений между крестьянскими массами Кабарды, Осетии и Балкарии; их связывали и общие экономические интересы. Они между собой вели торговлю, часто вступали в брачные отношения...

К.Ф. Дзамихов (2008).

ДАГЕСТАН. В свое время князь Тау-Султанов наказывал сыновьям отдать одну из своих дочерей – Фатиму (Гуэцэнэ) за наиболее достойного: «Первое право сватать дадите кабардинским князьям, второе – дигорским». Не случайно еще Эмиддио Дортелли д'Асколи (1634) особо подчеркивал, что «...благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание; касательно чести черкесы щепетильнее итальянцев» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007. С. 368).

Племянница кабардинского князя Анзорова была замужем за Тарковским шамхалом (дагестанским владетелем) Чополау. От этого брака родился Султан-Махмуд. Женой другого кумыкского шамхала – Будая тоже была кабардинка (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Есть документально подтвержденные сведения, что в Дагестанской Кумыкии находились дочери и соплеменницы малокабардинского князя Шолоха. По преданию, народный герой кабардинцев Каншоубий выдал свою младшую дочь Каз за кумыкского князя. Не случайно со временем, в Кабарде, Карачае и у западных адыгов возникли целые фамилии не местного происхождения. Так, родоначальники кабардинских фамилий Шамхаловых, Кумыковых, Казанишевых были выходцами из Дагестана; фамилии Баташевых, Кабардиевых, Тамбиевых, проживающих в Дагестане, – выходцы из Кабарды, Балкарии, Черкесии и Западной Адыгеи (Кушева Е.Н., 1963. с. 110; Пчелов Е.В., 2007. С. 77).

Много позже, в конце XIX в. кабардинский князь, генерал-майор Тембот Жанхотович (Федор Николаевич) Бекович-Черкасский взял в жены невесту из Дагестана – Надживу. Так, в одном из документов сообщается: «Княгиня Наджива Бекович-Черкасская, урожденная Капланова из Дагестана, жена правителя Кабарды Бековича-Черкасского. С 1920 г. в эмиграции. Умерла в 1979 г. во Франции...» (Опрышко О.Л., 2007).

ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ. Как отмечает В.С. Бесланев, в генеалогиях осетинских феодалов нашли широкое отражение их брачные союзы с кабардинцами, начиная с XVI в. Феодалная прослойка Стур-Дигории – союз фамилий, именуемый Царгасати – стала таковой при активном содействии и союзе с малокабардинскими князьями Таусултановыми (Талостановыми).

БАЛКАРИЯ. Дочь князя Камбулата Идарова, родного брата Темрюка, была выдана замуж за балкарского таубия (князя) и жила «в горах в Балкарах» в Черекском ущелье. В документе за 1629 г. говорилось, что двое ее сыновей «мурзы Болкарских князей» князю Пшимахо Черкасскому племянники, мать их князю Пшимахо сестра» (Опрышко О.Л., 2007).

3.14.5.3. Брачные союзы калмыцких ханов с кабардинскими князьями

Так как гордость знати нигде так не проявляется, как у черкесов, то у них не бывает неравных браков.

Клапрот (1808).

Кабардинка Джанет, вдова калмыцкого хана Дондук-Омбо, получила новое имя, став княгиней Верой Дондуковой, родоначальницей известной в истории России фамилии Дондуковых-Корсаковых.

О.Л. Опрышко (2007).

Калмыцкий Аюка-хан (1673-1724 гг.) был женат на кабардинке Абай-хан, – родной сестре кабардинского князя Каспулата Муцаловича (она же племянница астраханского воеводы Григория Сунчалеевича Черкасского) (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Впоследствии Аюка закрепляет свои родственные связи с кабардинской феодалной знатью, женив своего внука – калмыцкого хана Дондук-Омбо на Жан (Жан) Кургокиной (Хатокшоковой) – сестре одного из авторитетнейших князей Кабарды Магомеда Кургокина (Атажукина), являвшегося к тому же троюродным братом лейб-гвардии капитана Александра Бековича-Черкасского (Дзамихов К.Ф., 2008). Вначале хан правил своим улусом Богу-Цохур, а в середине 30-х гг. XVIII в. стал наместником всей Калмыкии. После смерти Дондук-Омбо в 1741 г. началась ожесточенная борьба за власть. Претендентом на ханский престол выступила и его жена, урожденная княжна Кургокина из рода Атажукиных, кабардинка Джанет, именуемая в русских документах «ханшей Жан». Властная и энергичная, к тому же и красивая женщина, она пользовалась большими правами и влиянием как при жизни Дондук-Омбо, так и после его смерти. Сыном Магомеда Кургокина и родным племянником калмыцкой ханши Жан был кабардинский князь Мисост Боматов (Дзамихов К.Ф., 2008).

В конце 1743 г. ханша с детьми препровождается в Петербург, где она «приняла святое крещение». Отныне кабардинка Джанет, вдова калмыцкого хана Дондук-Омбо, получила новое имя, став княгиней Верой Дондуковой, родоначальницей известной в истории России фамилии Дондуковых-Корсаковых (Опрышко О.Л., 2007; Хотко С.Х., 2008. С. 355).

3.14.5.4. Саин-Булат: сын астраханского царевича Бекбулата и дочери князя Темрюка Алтынчач

Через кабардинскую княжну Алтынчач и астраханского царевича Бекбулата Иван IV находился в родстве с казанскими, касимовскими и астраханскими ханами.

Е.В. Пчелов (2007. С. 20).

В период так называемой второй Опричнины (1575-1576 гг.), Саин-Булат (он же Симеон Бекбулатович) – сын астраханского царевича Бекбулата и дочери князя Темрюка – Алтынчач-царицы, исполнял обязанности русского царя и носил титул великого князя...

С.Х. Хотко (2008).

Посаженный в 1532 г. на астраханский престол хан Ахкубек (Акобек), спустя год, взял в жены кабардинскую княжну (Хотко С.Х., 2008). А через два десятилетия, в 1551 г. кабардинцы захватывают Астрахань и возводят на астраханский трон своего ставленника Ямгурчя, женатого на черкешенке («История многовекового...», 2007).

Несколько позже, продолжая традицию династических браков, занимавших большое место во внешней политике, князь Кабарды Темрюк Идарович отдает свою старшую дочь княгиню Алтынчач («Золотоволосую») за астраханского царевича Бекбулата, имевшего права на престол и в Астрахани, и в Бахчисарае, который был братом царевича Тохтамыша, выехавшего служить в Москву еще в 1556 г. (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II; Опришко О.Л., 2007).

Позже, в 1561 г. Бекбулат вместе с сыном Саин-Булатом, будущим Симеоном Бекбулатовичем, одновременно с приездом Марии Темрюковны выехал служить в Москву, где уже давно хлопотали об этом, стремясь, по-видимому, собрать при дворе возможных претендентов на астраханский юрт. Это было тем более важно, что сын астраханского царя Дервиш-Алея Магмет находился в Турции под охраной, получая жалованье («олафу») от султана; по-видимому, на его дочери был женат сын Сулеймана Селим, ставший в свою очередь султаном в 1566 г.

Происхождение Бекбулата не вполне ясно. Очевидно только, что он был родственником последнего хана Большой Орды Ахмата и, соответственно, чингизидом (отдаленным потомком Чингис-хана и потомком Орда-Ичена, одного из сыновей Джучи и брата Батые).

В свою очередь, автор специального исследования о Симеоне Бекбулатовиче, Н.В. Лилеев, опираясь на русские родословные книги XVI в., полагал, что Бекбулат был родным внуком Ахмата (через сына Ахмата Бахтияра). Лилеев полагал, что Бекбулат доводился Шах-Али (Шигалею), казанскому и касимовскому хану (царю), троюродным братом. В свою очередь, А.В. Беляков, считает, что Тохтамыш и Бек-Пулад (Бекбулат) были скорее всего двоюродными братьями Шах-Али, т. е. внуками Бахтияра. Как бы то ни было, факт родства Бекбулата с Шах-Али бесспорен. Также бесспорно родство Бекбулата и с последним казанским ханом Едигером (Ядыгар-Мухаммедом), сыном астраханского хана Касима: Едигер был правнуком Ахмата. Одним словом, через кабардинскую княжну Алтынчач и астраханского царевича Бекбулата Иван IV находился в родстве с казанскими, касимовскими и астраханскими ханами. (Более подробное жизнеописание князя Симеона Бекбулатовича (Саин-Булата) приводится в разделе 6.3.3).

3.14.5.5. «Темрюк Идарович опирался на князей Большой Ногайской Орды»

Государю зятю нашему Белому царю много много поклон...[и] ты здоров [бы] был на многие лета и на многие месяцы.

**Из письма Малхуруб Темрюковны, жены
ногайского князя Тинехмата, Ивану Грозному
(1565).**

В борьбе с Крымским ханством и его союзницей Малой Ногайской Ордой Темрюк Идарович опирался на князей Большой Ногайской Орды. Его дочь Малхуруб была замужем за ногайским князем Тинехматом, который выступал за союз с Россией.

К.Ф. Дзамихов (2008).

Князья Большой и Малой Ногайской Орды в период наиболее тяжелых междоусобных войн ищут поддержку среди черкесских князей и укрепляют свои связи с черкесами женитьбой на дочерях наиболее сильных кабардинских князей. О том, что их выбор не случаен, говорит то, что ногайцы, придерживающиеся прорусской ориентации, рождаются с феодальной знатью Кабарды, ориентирующейся на Москву, и наоборот, придерживающиеся прокрымской ориентации – берут в жены дочерей князя, находившегося в союзнических отношениях с крымским ханом.

Иллюстрирует эту мысль исследование Б.Х. Бгажнокова. Он отмечает, что к середине XVI в. относятся частые контакты адыгов с Ногайской Ордой. Продолжая традицию династических браков, занимавших большое место во внешней политике Кабарды, один из могущественных князей Темрюк Идаров отдает свою дочь Малхуруб (Малхоруб) – за Тинахмета (Тинехмата), одного из сыновей Измаила, хана Большой Ногайской Орды, придерживающегося, как и Темрюк, прорусской ориентации. А после смерти Измаила старшим князем Большой Ногайской орды стал именно кабардинский зять и при этом – свояк царя Ивана Грозного. В дальнейшем русский посол по поручению царя неоднократно использовал тему «племянства» по женам, которая, по мысли самого Ивана Грозного, должна была способствовать продолжению прежнего политического курса (Бгажноков Б.Х., 2005. Вып. II; Хотко С.Х., 2008. С. 439).

После того, как в 1563 г. умер хан Измаил, и князем (ханом) Большой Ногайской орды стал Тинехмат, отношения Ивана Грозного с князем Большого Ногай становятся дружескими. Иван IV поддерживал родственные отношения с Малхуруб – сестрой Гошаней (Марии Темрюковны). Между московским царем и княжеской четой из Большого Ногай велась активная переписка. Так, 6 июля 1565 г. Иван Грозный отправил к князю Тинехмату, его братьям и мурзам с письмом и дорогими подарками «к Тинехматовой княжне Черкасской и Малхуруб княгине». В древних русских архивах сохранились и послания Малхуруб на имя царя

Ивана IV и к своей сестре Гошаней. Так, в одной из грамот ногайская «Тинехматова княгиня Малхуруб княгиня Черкасская», обращаясь к Ивану Грозному, просит его «Гошевне царице поклон молвить словом». В другом послании ногайской княгини, «великие Малхуруб царевны», направленном Ивану Грозному, по родственному сказано: «...Государю зятю нашему Белому царю много много поклон... [и] ты здоров [бы] был на многие лета и на многие месяцы». И во здравие своего зятя – русского царя, Малхуруб Темрюковна посылала ему в подарок коня (Опрышко О.Л., 2007).

В работе Е.В. Пчелова подробно рассматриваются генеалогические связи жены Ивана Грозного Гуашэней-Марии: «Другая сестра Марии Темрюковны, Малхуруб, стала женой сына правителя Ногайской орды бия Исмаила (союзника Ивана IV) – Дин-Ахмеда (Тинехмат русских источников). Впрочем, она была одной из четырёх его жён («старшей женой считалась Хандаза, дочь бия Саид-Ахмеда, за ней по рангу шла некая Хантай»), однако, когда в 1563 г. после смерти отца Дин-Ахмед возглавил Большую Ногайскую Орду, Иван Грозный в личном обращении к нему подчёркивал взаимное «племянство». На дочери Дин-Ахмеда Ханзаде был женат старший сын и наследник сибирского хана Кучума Али («Алей») (в 1598 г. она вместе с другими родичами Кучума попала в русский плен) (Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

Объективности ради, следует отметить, что не все кабардино-ногайские связи (в том числе брачные контакты) были ориентированы на дружбу с Россией. С этой точки зрения несомненный интерес представляет такой пример, приведенный в работе К.Ф. Дзамихова: «В XVI в. в Ногайской Орде вспыхнула междоусобная война между различными группировками ногайских феодалов. Среди всех противников князя Исмаила самым активным и наиболее опасным был в последние годы его жизни его внучатый племянник Казимурза (Казый), основатель Малой Ногайской Орды, сын Ураки. Казимурза ищет контакты для сближения с черкесскими племенами после того, как его Орда начинает кочевать на Северном Кавказе, «другой постоянной поддержкой Казы стали его новые соседи черкесы, с которыми он породнился, женившись на черкесской княгине». Женой князя Малой Ногайской Орды Казимурза Уракова стала дочь одного из князей Кабарды Пшиапшоко Кайтукина, ориентирующегося, в отличие от князя Темрюка, на дружбу с крымским ханом, а женой сына Казы – сестра князя Алегуки Шогенукова (Дзамихов К.Ф., 2008). Впрочем, такие случаи были единичными, и не они «делали погоду» в русско-адыгских отношениях.

3.14.5.6. В гареме турецкого султана: «В короткое время дворец наводнился выходцами с Кавказа»

Любимая жена турецкого султана Абдул-Азиза, черкешенка из племени шапсугов, много способствовала своим единоплеменникам, и в короткое время дворец [турецкого султана] наводнился выходцами с Кавказа.

М. Ечерух (1910).

На протяжении нескольких столетий черкешенки играли заметную роль в Османской империи. Турция ...методично и систематически выкачивала основное богатство Черкесии – генофонд нации. Земля адыгов стала жертвой своих богатств – райской природы и ангельской красоты ее женщин.

Б.К. Мальбахов (1998).

Начиная с эпохи средневековья и много позже, вплоть до середины XIX столетия, черкесские девочки и девушки вывозились в большом количестве для гаремов знатных турок и самого султана. Н. Дубровин писал, что «гаремы пополнялись черкешенками, торговля которыми, с основанием турками крепостей Анапа и Сухума, еще более усилилась. Вывоз женщин в Турцию производился в таком большом количестве, что некоторые приписывают черкешенкам улучшение турецкой породы». В «Обзоре положения в Черкесии» (1837) говорится, что «у многих турецких важных сановников по женам есть родственники в Черкесии. По этой причине контрабандная торговля с Кавказом пользуется скрытым покровительством многих из местных начальников, несмотря на запрещения и фирманы Порты».

Пейсонель в своих наблюдениях отмечал: «Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецким султаном и татарскими князьями». Подобное же мнение высказал и более поздний турецкий автор Осман-бей: «Судьба черкешенок гораздо привлекательнее судьбы турчанок. Можно сказать, что между черкешенками и турчанками даже не существует никакой конкуренции, так как черкешенки делают почти исключительно все самые лучшие партии. Не говоря уже о гареме султана, состоящем исключительно из одних черкешенок». По свидетельству С. Броневского, «восточные правители гордились, когда в числе их жен и наложниц имелись черкешенки» (Цит. по: Мальбахов Б.К., 1998).

Некоторые авторы отмечают, что постепенно формировалась так называемая «гаремная политика». Черкешенки стали занимать доминирующее положение в османских гаремах и могли оказывать влияние на отношение к черкесам османских правителей. В гареме султана могло быть от 1000 до 15 000 женщин-невольниц (Кудаева С.Г., 2007).

Имеются многочисленные свидетельства, что в XVI-XIX вв. у многих знатных турок (в том числе султанов, визирей и пашей) жены были из рабынь-черкешенок. Например, бабушка турецкого султана Селима была родом из Черкесии. Мать турецкого султана Сулеймана I Великолепного (годы правления 1520-1566), представительница ханского рода Гиреев, была наполовину черкешенка. Она имела тесные связи с родиной своей матери-черкешенки и устроила женитьбу своего сына на черкесской – бесленеевской княжне из рода Кануко, о чем свидетельствуют итальянские источники. Сын от этого брака Мустафа был наследником турецкого престола. Историк С.Х. Хотко (2008) так пишет о родственных связях сына султана Селима: «Жена величайшего владыки эпохи, самого могущественного турецкого правителя середины XVI в. – Сулеймана Великолепного – Махидевран была сестрой бесленеевского князя Маашука Канукова и одновременно дочерью старшего князя Бесленея».

На прекрасной черкешенке был женат и султан Ахмед III (1703-1730). Свою будущую жену он встретил в доме главного придворного медика и сразу же был пленен ее красотой. Но любопытно знать, каким путем прекрасная черкешенка очутилась у придворного медика? Возможно, теми же путями, каким мадемуазель Айссе (Хъишэт), будущий классик французской литературы в эпистолярном жанре, очутилась в семье французского посла: Турции де Ферриоля.

При своем дворе султан Селим II Сары уничтожил всех черкесов за то, что в Черкесию бежал его брат и соперник в борьбе за трон Баязид, которому, как и его русской жене, приписывали намерение «уйти к москвитам». Селим II сделал это из опасения, что Баязид впоследствии сможет свергнуть его с престола, опираясь на уже тогда влиятельную адыгскую общину Османской империи. Этот султан вообще опасался черкесов, не без оснований видя в них силу, которая может реально влиять на политику Османского государства (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Женой султана Мустафы III (1757-1773) также была красавица-черкешенка Валида. Их сын вззошел на престол Турции под именем Селима III (1789-1807) и вошел в историю империи как правитель-реформатор. Он неустанно занимался совершенствованием и укреплением сухопутных вооруженных сил и флота. Не последнюю роль в головокружительной карьере адыгов – адмирала Гусейн-паши, великого визиря Джезаирли-паши и губернатора Египта Хосрев-паши сыграли черкешенки-султанши. Это предположение имеет под собой серьезные основания. Многие источники подтверждают, что черкесские женщины зачастую имели довольно-таки большое влияние на турецких султанов – своих мужей или детей. Как отмечает А.В. Кушхабиев (2007. Вып. V. С. 290), «...значительную помощь оказали своим соотечественникам-иммигрантам и кавказские женщины – жены крупных сановников Османской империи и самих султанов. Известно, что черкешенками были: жена Махмуда II (1808-1839), она же мать Абдул-Меджида I (1839-1861), мать Абдул-Азиза (1861-1876); жена султана Абдул-Меджида, она же мать Мурада V (1876) и Абдул-Хамида II (1876-1908); кроме того, жена Абдул-Хамида II также была родом из Черкесии. Все они обладали большим влиянием – по их советам могли назначать и смещать министров и губернаторов.

Историк ранней диаспоры адыгов Магомет Ечерух, сотрудничавший с парижским изданием журнала «Мусульманин», писал в 1910 г.: «...Любимая жена турецкого султана Абдул-Азиза (Абд-Уль-Азиза), черкешенка из племени шапсугов, много способствовала своим единоплеменникам, и в короткое время дворец наводнили выходцами с Кавказа». Сын Абдул-Азиза от этой черкешенки, Абдул-Меджид, стал последним халифом (1922-1924). Абдул-Меджид прожил долгую жизнь и скончался в Париже в 1947 г. (Максидов А.А., 2003. С. 73; Кушхабиев А.В., 2007).

Женой следующего султана – Махмуда II (1808-1839) – также была адыгская женщина по имени Валиде. Этот султан во многом способствовал быстрому продвижению черкесов. Особенно преуспели братья Галим и Сайд. Галим был послом Османской империи в России в 1829 г. Он женился на дочери султана Махмуда II, а Саид-паша женился на другой его дочери. Два сына султанши Валиде поочередно были султанами Турции. Старший – Абдул-Меджид (1839-1861) – занял трон сразу после отца Махмуда II. Он тоже был женат на черкешенке, которую впервые увидел в доме вдовы вице-короля Египта (В 60-е гг. XIX в., вице-королевой Египта была бывшая черкешенка-невольница). Вот как описывает этот эпизод Осман-бей: «Султан пленился Бессиме, красота которой положительно превосходила все идеалы поэтов и артистов. Прекрасные темно-голубые, могущественно-выразительные глаза ее могли свести с ума даже анахорета. Белизна ее кожи превосходила все, что создавала фантазия Рубенсов и Тицианов». Родной брат Абдул-Меджида, Абдул-Азиз, вступивший на престол в 1861 г., правил страной 15 лет. Красавица-черкешенка Бессиме подарила Турции и двух следующих султанов: Мурада V (1876) и Абдул-Хамида II (1876 -1908). Жена последнего тоже была черкешенкой...(Мальбахов Б.К., 1998).

Родственные связи упомянутого выше Абдул-Меджида и его сына – последнего значительного османского султана Абдул-Хамида. не случайно представляют особый интерес. Как отмечает А.А. Максидов, Абдул-Меджид был рожден черкешенкой, известной под именем Бесме-Аллем; о ее черкесском происхождении писали Садык-паша и Мелек-Ханум, жена великого визиря Кипризли Мехмед-паши (грека с Кипра). Мемуары Садык-паши и Мелек-Ханум наполнены кавказскими персонажами – черкесами, абхазами, грузинами, дагестанцами. Поэтому указание на черкесское происхождение вполне адекватно. Бесме-Аллем (Бессиме) была чрезвычайно влиятельной валиде-султан и подобрала себе невесток из числа соплеменниц.

О матери Абдул-Хамида I известно, что она родилась в Черкесии, на территории современной Адыгеи. В свою очередь она подобрала жен сына из черкешенок, самые известные из них – Азизе-Ханум и Мёшфика – остались с низвергнутым султаном до конца. Известно, что Карзег Сулейман-паша являлся султанским шурином (Максидов А.А., 2003). Мать султана Абдул Хамида II по происхождению также была черкешенкой, и все окружавшие ее женщины тоже были с Кавказа. Черкесом был Касым, паша в Каффе (Федосия). Мать известного турецкого писателя Назыма Хикмета также была черкешенкой. Как видим, все последние османские султаны рождались от браков с черкешенками и, в свою очередь, женились на черкешенках. Это обстоятельство сыграло свою роль в формировании отношения перечисленных выше султанов к Черкесии и к той войне (Кавказской), которая велась Россией на родине их жен и матерей. Последние, как известно, обладали большим влиянием на круги, близкие к султану, и считали своим долгом помогать всем кавказским (черкесским) просителям. Султаны эти в определенной мере были черкесами и презирали к тому же все турецкое. Эти факты следует учитывать при рассмотрении влияния Порты на ход Кавказской войны.

Некоторые из офицеров-черкесов породнились с семьями султанов, что также способствовало их продвижению по службе. Так, черкес генерал Хусейн-паша, бывший в 1792-1804 гг. командующим военноморского флота и великим везиром, был женат на дочери султана Абдул-Хамида I. Приемный сын великого везира абхазца Хузрева-паши Халил-паша, женатый на дочери турецкого султана Махмуда, был назначен командующим военно-морским флотом, а затем – военным министром. Другой приемный сын Хузрева-паши Саид-паша, женатый на второй дочери султана, был назначен командующим гвардии султана, а позднее – министром торговли (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V).

Освещение данной темы будет неполным, если не упомянуть тот факт, что близкая родственница грозного Тамерлана (она же бабушка турецкого султана Селима) была черкешенкой (Тюркель А., 2009).

3.14.5.7. «Гирей – крымские ханы – часто женились на черкешенках из княжеских фамилий...»

В целом сведений о происхождении ханских жен немного, но известно, например, что во второй половине XVI в. среди них все чаще появляются уроженки Северного Кавказа, в первую очередь, черкешенки.

А.М. Некрасов (2000).

Гирей – крымские ханы – часто женились на черкешенках из княжеских фамилий и их сыновья воспитывались среди черкесов... Подавляющее большинство крымских ханов XVII-XVIII вв. являлись потомками Девлет-Гирея и черкешенки Айше-Фатьмы-Султан по ветви их сына Мухаммед-Гирея II.

С.Х. Хотко (2008).

Есть немало фактов, подтверждающих, что не только турецкие султаны, но и крымские ханы зачастую брали себе в жены девушек из знатных родов в Черкесии. «Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецким султаном и татарскими князьями», – писал К. Пейсонель (1762). «Гирей – крымские ханы – часто женились на черкешенках из княжеских фамилий и, согласно системе аталычества, их сыновья воспитывались среди черкесов», – отмечал В. Аллен (Цит. по: Хотко С.Х., 2008. С. 24). Об этом же сообщает и современный автор: «Турецкие султаны и крымские ханы... нередко брали себе жён из адыгских княжеских родов. Поэтому, когда Иван Грозный посылал сватов к Сибоку и князю Темрюку, московское правительство, несомненно, преследовало политические цели, противопоставляя свои планы сватовства брачным связям турецкого султана и крымского хана» (Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

С этой точки зрения несомненный интерес представляет приведенный в работах А.А. Максидова (2003), С.Х. Хотко (2008) и других авторов обзор «династических браков» черкесских девушек с крымскими ханами. Как отмечают историки, Девлет-Гирей I (1551-1577) – один из наиболее могущественных крымских ханов, сжегший в 1571 г. Москву, – имел значительное черкесское окружение. Девлет-Гирей, имел четырех жен, из которых две были черкесские княжны, одна из которых – Айше-Фатьма-Султан (по другим источникам: Айшебрат Масалтан, Айшеатма Салтан, Айшафат Масалтан) – являлась его старшей женой, что было очень важно для продвижения по службе ее родственников.

Хан Девлет-Гирей был зятем князя Тарзатыка, сыновья которого, упоминаемые в русских источниках, Татар-мурза и Ахмет-Аспат Черкасские, служили при его дворе и были членами крымского дивана (парламента). И другие черкесы при этом хане занимали ведущие государственные посты, отчего в 1577 г. последовал античеркесский бунт в Крыму, жестоко подавленный властями.

Младшая жена хана была черкесской аристократкой, а ее брат служил у хана. Главными конюшими у Девлет-Гирея и у калга-султана Мухаммед-Гирея (сына старшей черкешенки) были черкесские дворяне Толбулдук и Верхуша Черкасские. «В целом сведений о происхождении ханских жен немного, – отмечает

А.М. Некрасов, – но известно, например, что во второй половине XVI в. среди них все чаще появляются уроженки Северного Кавказа, в первую очередь, черкешенки».

По некоторым данным («История многовекового...», 2007), Айше была ближайшей родственницей Марии Темрюковны – дочери князя Темрюка Идарова. Царь Иван Грозный относился к родне Марии, как к своей, и после смерти жены, о чём говорят и хлопоты Ивана IV о выкупе сыновей Темрюка (Мамстрюка и Беберюка) из крымского плена в 1570 г., и слова из письма, направленного по этому поводу ханше («большой царице», т. е. старшей жене Девлет-Гирея) Айше-Фатьме Султан: «...И в нашем законе христианском обычай и по смерти тело разлучаетца, а душа от любви духовнаго совета не отлучаетца. А мы, памятуя свою царицу и великую княгиню Марию, и по смерти ее кровных ее беречи и жаловати вперед рады есмь» (одно- временно ханше было послано 300 руб. для поездки в Мекку) (Пчелов Е.В., 2007. С. 20).

По другим данным, Айше-Фатьма происходила из западночеркесского знатного рода. Её отцом был Тарзатык-мурза, а братья Татар-мурза и Азхад (Ахмед-мурза) служили при дворе крымского хана. Татар-мурза вместе с бесленеевским князем Маашуком Кануковым и жанеевским князем Сибоком Кансауковым в июне 1557 г. приехал на службу в Москву. Высокое положение Айше Фатьмы Султан определялось тем, что она была матерью калги, т. е. наследника крымского престола, будущего крымского хана Мухаммед-Гирея II (Некрасов А.М., 2000. С. 216-219; Пчелов Е.В., 2007. С. 75).

Брат Айше-Фатьма-Султан – бей Азхад (Ахмед) входил в число приближенных крымского хана; сестрой находившегося на службе у хана адыга Алклыч-мирзы называют источники другую жену хана, Хан-Сугру. Наконец, черкешенкой была и невестка Девлет-Гирея – жена Ислам-Гирея, при хане состоял брат «царицы» Али-мирза». Некоторые из ханских жен и матерей активно вмешивались в политику, а их политические пристрастия, скорее всего, являлись продолжением внешнеполитических ориентаций княжеских семей Черкесии. Так, «большая царица» – старшая жена Девлет-Гирея Айше-Фатьма, говоря современным языком, откровенно «лоббировала» пропольско-литовский курс ханства. Московский посол А. Нагой сообщал, что хан «жалует свою большую царицу Аиша Фатма-Салтану... думает... со царицею и слушает ее» (Хотко С.Х., 2008).

Есть документально подтвержденные сведения, что подавляющее большинство крымских ханов XVII-XVIII вв. являлись потомками Девлет-Гирея и черкешенки Айше-Фатьмы-Султан по ветви их старшего сына Мухаммед-Гирея II (1577-1584). Полной информации о женах Мухаммед-Гирея мы не имеем, но, по крайней мере, одна из них была черкешенкой из Бесленея – мать Джанибек-Гирея II (1610-1622). В 1616 г., по русским источникам, бесленеевский князь Хакегя был назван шурином крымского хана. Об этом, в частности, писал современник в начале XVII в.: «Особым расположением пользовалось черкесское племя бесленей. У крымских ханов даже бывали из этого племени жены, игравшие большую роль в политических делах ханства» (Бгажников Б.Х., 2005. Вып. II; Хотко С.Х., 2008).

Сестра кабардинского князя Ходождуки Казыева являлась женой крымского хана, и в русских источниках (1653 г.) она фигурирует как «крымская царица» (Хотко С.Х., 2008). В 1725 г. черкесский князь Росланбек Кайтукин отдал свою дочь за крымского хана Бахта-Гирея.

Известно, что аталыком (воспитателем) крымского хана Салих-Гирея являлся кабардинский князь Исламбек Мисостов. В 1723 г. дочь Исламбека вышла замуж за хана Салих-Гирея.

Хан Джанибек-Гирей II (20-е гг. XVIII в.) был женат на кабардинке Накуре, его мать Дурбика была также черкешенкой из бесленеевского рода Каноковых (Кануко). А сестра бесленеевского князя Кануко являлась матерью правящего в 1756-1764 гг. крымского хана Крым-Гирея (Максидов А.А., 2003. С. 59). Ханы Ислам-Гирей III и Казы-Мурза II также были женаты на адыгских девушках. Крымский калга (царевич) Шагин-Гирей был женат на сестре могущественного кабардинского князя Алегуко Шогенукова (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

3.14.5.8. Знатные черкешенки – матери и жены арабских халифов и шахов

Индуски и черкешенки обогородили персидскую кровь...

Гердер, немецкий философ (1856).

ПЕРСИЯ (ИРАН). В середине XVI в., при шахе Тахмаспе наследным принцем Ирана, – сыном черкешенки Периджан-Ханум, являлся Исмаил, ставший позже, в 1577-1578 гг., ненадолго шахом в результате прямого противостояния двух группировок – черкесской и грузинской (Хотко С.Х., 2007. с. 11).

Шах Аббас I был женат на кабардинке (около 1615 г.) (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>). Черкешенкой была и мать персидского шаха Сефи I (1629-1642). За другого персидского шаха – Аббаса II (1642-1666) была просватана Увжугта – 16-летняя сестра князя Муцала Сунчалеевича Черкасского (ок. 1608-1661), младшая дочь кабардинского князя Сунчала Канклычевича («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1095). У Адама Олеария, посетившего в 1637 г. дом княгини Бикэ (Желегоши) в Терках, эта шахская невеста описана как красавица: «...Девушка лет 16-ти, прекрасная, белая и чистая лицом, с черными волосами, распущенными кольцами» (Хотко С.Х., 2007. с. 11). Несколько позже, в 1642-1643 гг. князь Муцал Сунчалеевич Черкасский находился с дипломатической миссией в Иране и встречался со своим родственником – персидским шахом («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.1095; Хотко С.Х., 2008).

ИОРДАНИЯ. В одном из сайтов Интернета приводятся сведения, что черкешенками были бабушка и жена короля Иордании Хусейна бин Талала. Зуль Фукар – иорданская королева Фарида – была близкой родственницей Тамерлана (Тюркель А., 2009).

И еще несколько фактов. Валид Джумблат, являющийся сегодня лидером ливанских друзов, был женат на черкешенке, его бабушка также была черкешенкой. Жена ливанского эмира Башира Пшехаба – Хосм Жихан – также была родом из Черкесии. Черкешенкой была и мать известного турецкого поэта Назыма Хикмета (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Зачастую «династические браки» заключались и между «молодыми» различных адыгских племен. Интересен также факт, что в целях сближения со знатью при объединении черкесских племен наиб Шамяля Мухаммед-Амин (середина XIX в.) женился на сестре темиргоевского князя Карабека Болотокова.

3.15.»Смутные времена»: Черкесия в XVII в.

3.15.1. «Соберу на них бедствия...»: продолжающиеся набеги османов и крымских ханов на черкесов

Соберу на них бедствия...

Второзаконие (32; 23).

*Хан воюет безоглядно,
Словно мечет кость в игре, –
Все заглатывает жадно,
Всем несет разор война.
Стычки, схватки год за годом,
Кучи срубленных голов,
Вновь войска идут походом:
Вечный спутник ссор – война.*

Дильшод (1801–1904).

Сложные времена переживала Черкесия в XVII в. В начале этого столетия резко усилились агрессивные устремления Османской Порты и ее вассала – Крымского ханства относительно западноадыгских племен, занимавших тогда обширную территорию от Тамани до бассейна р. Лабы. Эти исконно адыгские земли крымские татары считали своей вотчиной, плацдармом для дальнейшего продвижения на восток.

В ноябре 1614 г. крымский хан – калга-султан Яман-Гирей-Султан именно отсюда идет войной на темиргоевцев и разоряет 7 селений. Отсюда крымские ханы совершали походы и против Кабарды. Встревоженные этим кабардинские князья просили защитить их, и Россия по возможности оказывала им дипломатическую и военную помощь (Максидов А.А., 2003). Но одновременно царизм вынашивал (и постепенно начинал реализовывать) далеко идущие планы «умиротворения» черкесов. Приводимые ниже факты подтверждают противоречивый характер действий царизма на Кавказе.

Русское правительство считало западных черкесов и абазин своими подданными. Еще в конце XVI в. царь Федор принял титул «государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкасских и горских князей». В дипломатической переписке 1600 г. в числе «вновь прибылых» к России государств названы «Черкасская земля и Абазы (Абхазия)». Но одновременно в 1604 г., по указанию царя Бориса Годунова воевода И. Бутурлин повел 10-тысячное стрелецкое войско на Северный Кавказ. Поход имел явно захватнический характер. Горские народы, сплотившись вокруг дагестанского владетеля, встали на защиту родной земли. Дорога к Терскому городу оказалась наглухо перекрытой для царских отрядов. Эти военные неудачи русских совпали с началом «Смутного времени» на Руси.

В 1615 г. вместе с другими народами Северного Кавказа царю Михаилу Федоровичу присягнули западные адыги. В официальных документах он и последующие русские цари, вплоть до Петра I, именовались как государи «Кабардинской земли, черкасских и горских князей». Таким образом, подданными русского царя в XVII в. считали себя не только кабардинцы, но и западные адыги и абазыны. Но царизм настойчиво стремился еще более укрепить свое влияние на Кавказе. С этой целью в 1622 г. был нанесен удар по враждебным России кабардинским князьям Казыевым. Вследствие этого, часть населения Кабарды вынуждена была бежать за Кубань, под покровительство турок и крымских ханов. О подобных вынужденных переселениях упоминают и более поздние русские документы, относящиеся к 1641 г.: «Увод верховными князьями Кабарды Алигуко Шогенцуковичем, Хатокишуко Казиевичем на Кубань своего зависимого населения, т. е. всю Большую Кабарду без Татлостаня». Позже и молодой царь Петр I стал обдумывать планы выхода России к Черному морю, что, разумеется, не могло бы не затронуть интересы Черкесии.

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что и в этот сложный период адыги оказывали посильную помощь в укреплении южных границ России. Так, в 1653 г. Сунженский острог защищали от персидских и дагестанских войск, вместе с русскими стрельцами, и мурза Тонжехан Арасланов (из малокабардинского рода Гиляхстана) с подвластными ему 300 узденями. Как подчеркивает В.С. Бесланев, во второй половине

XVII в. многие князья Кабарды принимали деятельное участие в российских делах. Воссоединение Украины и России привело к длительной русско-польской войне. И кабардинцы своими постоянными набегами на Крымское ханство не давали возможности Крыму оказывать действенную помощь Польше в ее войне с Россией. Например, в 1665 г. по поручению царского правительства кабардинцы вместе с калмыками и русским отрядом «ходили на Крым» и «разорили новый крымский город». В 1670 г. кабардинцы во главе с Мисостом Кайтукиным совершили новый удачный рейд в Крым (Максидов А.А., 2003).

3.15.2. «Три султана крымских с ратными людьми пришли на нас... и мы бой им дали и их побили»

Кто же преступает против вас – то и вы преступайте против него.

Коран. Сура 2; 190 (194).

Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу.

Псалтырь (65; 12).

В 1672-1674 гг. ряд нападений на Крым предпринял Касбулат (Касполет) Муцалович Черкасский (из потомков князя Инала. – **Авт**), откуда вывел «русский полон». А 1 сентября 1674 г. на подступах к Азову он разгромил высланный против него 1,5-тысячный османский отряд. Касбулат пользовался репутацией талантливое военачальника и вскоре к его отряду стали примыкать запорожские казаки и калмыки.

В августе 1675 г. Касбулат Черкасский во главе отряда из нескольких тысяч всадников, костяк которого составляли кабардинские панцирники, организует новый поход на Крым. В этом походе против крымского хана деятельно участвовал мурза (князь) Малой Кабарды Айдемир Татарханович из рода Гиляхстана со своими узденями. По указу царя за эту службу «...Айдемир-мурза Черкасский был пожалован государевым жалованием по 15-ти рублей человеку придачи к прежним их окладам, хлеба, ржи и овса против денег».

Как отмечает А.А. Максидов (2003), «...в 1676–1681 гг. кабардинцы во главе с Касбулатом приняли самое активное участие в боевых действиях на Украине. Воины Касбулата Муцаловича проявили себя в боях за Чигирин, несли сторожевую службу у Чугуева и Харькова, охраняли переправу через Днепр у Киева. От имени Москвы Касбулат Муцалович вел предварительные переговоры с османами по заключению мирного договора».

Таким образом, в XVII в. положение Западной Черкесии и Кабарды было очень сложным. Наиболее агрессивную политику в отношении горских народов проводили турки и крымские татары. У русского царизма тоже были свои далеко идущие планы «умиротворения» черкесов, а если сказать проще, – захвата и колонизации Земли адыгов.

4. ЧЕРКЕСИЯ ПЕРЕД УГРОЗОЙ НАШЕСТВИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ СО СТОРОНЫ МОГУЩЕСТВЕННЫХ СОСЕДЕЙ: РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ АДЫГОВ В XVIII В.

Черкесия в силу своего географического положения находилась на стыке Запада и Востока, Передней Азии и Восточной Европы, на границе мусульманского и христианского миров. Северокавказский регион всегда имел важное международное значение. Здесь пересекались торговые пути из Западной Европы и Ближнего и Дальнего Востока: Великий шелковый путь, Генуэзская дорога, Османская дорога, Волжско-Каспийский водный путь, Военно-Грузинская и Военно-Сухумская дороги. В силу этого, страна адыгов всегда оказывалась в сфере интересов различных великих держав мира.

4.1. Самоотверженная борьба адыгов против Османской империи и Крымского ханства

Черкесы постоянно бьются с татарами, которые окружают их со всех сторон. Горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучшие вооружены, лошади у них лучшие, да и сами они выказывают большие храбрости.

Дж. Интериано (1501).

В XVIII в. Северо-Западный Кавказ находился в паутине сложных противоречий ряда держав – Османской империи, Крымского ханства, России, Англии и Франции. Для укрепления своего влияния над Черкесией турецкий султан, с одной стороны, посылал войска крымских ханов в земли адыгов для грабежей и угона людей в рабство, а с другой стороны, усиленно распространял среди адыгов ислам, чтобы с его помощью «привязать» их к Порте.

Торговля людьми принесла адыгам неисчислимые беды и страдания. Лишая Закубанье самой молодой и трудоспособной части населения, работорговля задерживала развитие производительных сил региона, сдерживала этническую консолидацию адыгских племен. О масштабах работорговли можно судить по следующим фактам. Даже намного позже, в начале XIX в., когда русские уже вели на восточном берегу Черного моря борьбу с контрабандной торговлей невольниками, ежегодно в Турцию продавалось до 4000 рабов из Черкесии. В описываемое же время масштабы этого позорного промысла были, разумеется, намного шире. Адыги как могли сопротивлялись этому.

4.1.1. Вторжения турок и татар на Землю адыгов

«Татары, которые живут в степях Черкесии и около Таны (г. Азов. – Авт.) пользуются славой безумных храбрецов, потому что делают набеги и грабят черкесов и русских», – писал в свое время итальянский путешественник А. Контарини (1476). Впрочем, пусть этот столь эмоциональный эпитет, применительно к крымским татарам и туркам-османам, остается на совести автора, – как видно будет из последующего изложения, они далеко не всегда были безумными храбрецами...

4.1.1.1. Пейсонель о взаимоотношениях черкесов с крымскими ханами в XVIII столетии

Если коснется тебя Аллах бедствием, то нет избавителя от этого, кроме Него.

Коран. Сура 6; 17

И придет, и поразит землю: кто обречен на смерть, тот предан будет смерти; и кто – в плен, пойдет в плен; и кто – под меч, – под меч...

Библия. Книга пророка Иеремии (43; 11).

О том, на какие ухищрения пускались крымские ханы для того, чтобы отобрать в Черкесии наиболее красивых девушек и юношей в рабство, подробно сообщает Пейсонель в своих записках «Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг.»: «...Черкесы должны быть рассматриваемы скорее как данники, нежели как подданные Крымского хана. Некоторые ханы делали страшные усилия, чтобы покорить совершенно эти народы, подчинить их тем же законам, какие существуют в Крыму, и особенно принудить их к военной службе. Но усилия эти остались безуспешными. Хан не имеет никакого дохода со своих земель и подданных в Черкесии. Только при вступлении на престол они платят ему дань, которая состояла сперва из 300 рабов. Но крымский хан Селим-Гирей (1744-1749) довольно оригинальной хитростью повысил ее до 700 рабов. Когда депутаты от черкесского народа прибыли в Крым, хан приказал призвать беев главных племен, осыпал их любезностями и отпустил обремененных подарками. Несколько времени спустя хан пригласил их снова. Ласковый прием, оказанный черкесам в первый раз, привлек на

вторичное приглашение хана довольно многочисленное общество представителей черкесского народа, по прибытии которых в Крым, хан приказал тотчас же заковать их в цепи, и освободил тогда только, когда они распорядились высылкой и представили требуемое ханом число рабов.

Притеснения, которым подвергались в разные времена от крымских ханов кабардинцы, принудили их сделаться сперва независимыми, а потом отдаться под покровительство России. Хан не имеет права набирать войска из черкесов, но когда предпринимает войну, то просит у беев известное число людей в виде помощи. Удовлетворение таких просьб вполне зависит от степени того влияния и расположения, какими пользуется хан в черкесском народе» (Пейсонель К., 1927. С. 19-20).

4.1.1.2. «Никогда не слыхано было такого их избиения»: разгром кабардинцами османо-татарского войска Каплан-Гирея (1708 г.)

Если за ними (пятигорскими черкесами) бывает погоня, они отступают в неприступные горы, где дороги очень узки, так что они могут перебить врагов, поднимающихся к ним наверх.

Николас Витсен (1641-1717).

Хан какой срам, урон и напасть воспринял от черкесов, – есть дело сие достойное слышанию... Насилу хан жив ушел, а шатры его, и что ни было с ним привезено, все досталось в руки черкесам.

М. Раковиц, господарь Молдавии, – российскому канцлеру Г.И. Головкину (1708).

Весной 1708 г. объединенная крымско-османская армия двинулась на Кабарду. Ее возглавил, по приказу Ахмеда III (1703-1730), крымский хан Каплан-Гирей. От кабардинцев потребовали безоговорочного признания крымского сюзеренитета. На практике это означало полное разорение страны, унижение и выплату огромной контрибуции.

Хотя различные авторы приводили данные о 70-100-тысячном крымско-османском войске, Й. Хамер в своем классическом сочинении об Османской империи (1831) считает, что в походе с Каплан-Гиреем на Кабарду участвовало не более 35 500 воинов, в том числе: 6000 ногайцев из Бессарабии, 1500 сейменов хана, 3000 сипахов (османская кавалерия); 5 ногайских племен численностью до 20 000 всадников, которых хан принудил выступить с ним в поход. Это была грозная сила, для отпора которой верховный князь Кабарды Кургоко Атажукин создает оборонительный союз, объединивший вооруженные силы всей Кабарды. По его приказу в горы были отправлены женщины, дети, старики, имущество и скот. Кабардинское войско ожидало приближения неприятеля. Считая, что для отражения врага сил все же недостаточно и существует реальная опасность оккупации страны, кабардинские владельцы ищут поддержки извне. Весной 1708 г. с просьбой о военной помощи кабардинцы обратились к калмыцкому хану Аюке (1673-1724). Хан вынужден был отказать, поскольку «без указа великого государя людей своих... послать» не может, к тому же «у великого государя с турским салтаном и крымским ханом учинен... мир». Отказ с подобно аргументацией ожидал кабардинских посланников и у донских, терских и гребенских казаков. Кабардинское войско оказалось один на один с превосходящими силами противника («История многовекового...», 2007).

К середине лета 1708 г. османо-крымское войско достигло Кабарды и расположилось лагерем в верхнем течении р. Малки. Пытаясь предотвратить сражение или, по крайней мере, выиграть время, верховный князь Кабарды Кургоко Атажукин вступил в переговоры с Каплан-Гиреем. Современник этих событий, османский историк конца XVII – начала XVIII в. Фындыклылы Мехмед Халифе, в своем обстоятельном сочинении «История Селяхдара» так описывает ход переговоров:

«Когда крымские ханы назначались, то у черкесских беков было принято набирать 300 чел. ясыря [тур. *esir* – «пленный; раб»] и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Герей (т. е. Каплан-Гирей. – **Авт.**) не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: «Меньше трех тысяч я не беру». Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае; но только ведь до сих пор в 15-20 лет один хан был сменяем; теперь же каждый год новый хан – чьих же детей мы будем отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесского освящена благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухаммеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение?».

Каплан-Гирею такой ответ показался оскорбительным. Война была неизбежна. Современники и очевидцы отмечают, что нашествие это не оказалось для кабардинцев неожиданным. Об этом они были предупреждены заранее, когда крымские войска были еще на Кубани, и поэтому отправили в горы жен, детей и стариков, имущество, скот. Кабардинцы, ожидая неприятеля, стали готовиться к обороне. Татары же, «пройдя границу, остановились у подножья высокой горы, раскинув в продолговатой равнине нечто вроде лагеря, наиболее опасные подступы которого были защищены шестью орудиями» (Дзамихов К.Ф., 2008).

По свидетельству участника событий тех дней, кабардинского князя Татархана Бекмурзина, боевые действия кабардинцев с агрессорами продолжались до начала осени, «полтора месяца на всякий день». Решающее сражение произошло в начале сентября 1708 г. вблизи горы Канжал. Согласно данным И.-Г. Гербера (1728), события разворачивались следующим образом: «Черкесы собрались в одно место, к которому между горами дорога узка и тесна и чтоб татар туда к себе обманом привести, отправилось от них 12 человек, которые пришли к татарскому войску и назвались беглецами. И обязались крымские войска, хоть и через узкую, однако же безопасную дорогу в самые черкесы привести, чему крымцы и поверили, и через вышеописанную дорогу без помешательства проехали. А по приближении оного крымского войска черкесы все собрались и около той же дороги за горами в закрытии держались. А как татары оную дорогу прошли и палатки свои в той долине ставить начали, то черкесы из гор с камнями, к тому приготовленными, дорогу завалили, на татар внезапно напали».

Материалы «Описания кабардинского народа» (1748), составленного для Коллегии иностранных дел, подтверждают и дополняют эти сведения. Отмечается, что перед османско-крымским нашествием «кабардинцы, загнав свой скот в горы, сами долгое время сидели в осаде в Баксане». Тогда Каплан-Гирей, осознав «что со степной стороны достать их невозможно», пошел на хитрость и «тайно послал большую часть войск своих в горы, чтобы кабардинцев и оттуда утеснить». Однако кабардинцы, «о том уведав», устроили засады во «все тесные проходы» и, пропустив «через некоторые крымцев и кубанцев, камением те проходы закрывали» («Кабардино-русские отношения...», 1957. Т. 2. С. 153). Похожий эпизод можно встретить в Библии: «Когда же они бежали по скату горы, Господь бросал на них с небес большие камни, и они умирали; больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, кого умертвили мечом» (Книга Иисуса Навина, 10; 11).

Крымско-турецкие войска были окружены, а затем, с наступлением ночи, неожиданно атакованы. Как пишет Ш. Ногмов, в молниеносной ночной атаке кабардинцы разгромили войска крымского хана, в панике оставшиеся татары отступили. Отступавших крымцев кабардинцы настигли у реки Гунделен и довершили доселе невиданный разгром, – в общей сложности погибло более 30 000 чел. крымского войска (по другим данным – число потерь значительно больше). Князь Татархан Бекмурзин сообщал: «Хан ушел с малыми людьми, а иные без бою с гор убивались. Солтана взяли в плен и многих их мурз и простых крымцев, 4 тыс. коней и панцирей множество, 14 пушек, 5 бомб, много пищалей и всю их пороховую взяли. И шатры, которые у них, все взяты».

«И вместо рабов, которых ожидал хан, на них обрушились хорошо вооруженные всадники, не дав им времени опомниться и схватиться за оружие для защиты или же сесть на лошадей, чтобы удрать», – свидетельствует очевидец. Даже турецкий историк вынужден был признать, что «*никогда не слышано было такого избиения*». После этого разгрома Каплан-Гирей, справедливо опасаясь за свою жизнь, укрылся у ногайских мурз. Детали этого крымско-черкесского конфликта были сообщены А. де ла Мотрэ одним армянским купцом из Каффы, который часто бывал в Черкесии и был там как раз во время этого поражения. Правдивость рассказа купца была перепроверена А. де ла Мотрэ через сравнение рассказов других очевидцев (Хотко С.Х., 2008).

Разгром кабардинцами огромной, хорошо подготовленной и оснащенной артиллерией крымской армии был столь сокрушительным, что вызвал большой резонанс как в Османской империи, так и в Европе и России. Господарь Молдавии Михайло Раковиц сообщал российскому канцлеру Г.И. Головкину: «[Крымский] хан какой срам, урон и напасть восприял от черкесов, – есть дело сие достойное слышанию, если наперед сего от кого, иного о сем вы не слышали истинно, что уж пострадал то, чего или никогда или от века не видел Крым, так что из старшины крымской и из шеринбеев очень немного спаслося, також и из яман сайдаков первый мурза и з другими убиты. Насилу хан жив ушел, а шатры его, и что ни было с ним привезено, все досталось в руки черкесам. Сим крымцам погибель и напасть случилась оттого, что неприятели на них в ночи внезапно и нечаянно ударили, и для того с ханства скинули сего хана турки» (Дзамихов К.Ф., 2008).

О том же пишет и точно так же оценивает данное сражение османский историк Фындыклылы (Фундуклу) Мехмед Халифе, в своем сочинении «История Селяхдара»: «*Никогда не слышано было такого их избиения*». Дмитрий Кантемир в своем блистательном труде по истории Османской империи, в главе по Черкесии уделил большое внимание поражению Каплан-Гирея. Благодаря Д. Кантемиру этот сюжет затем многократно воспроизводился в европейской литературе (Хотко С.Х., 2008).

В конце октября 1708 г. о разгроме османско-крымских войск стало известно в Стамбуле, и находящемуся здесь российскому послу П.А. Толстому удалось узнать подробности этой битвы. Согласно сведениям, собранным послом, от ханского войска уцелело лишь 5000 чел. Из османского отряда Муртазы-паши, каффинского бейлербея, располагавшего «четырьмя тысячами турок конных, возвратилось в Керчь всего человек с тридцать». В наказание за неудачный поход, а именно за то, что «он на войне против черкес явился несчастлив, и от черкес побежден», османское правительство сместило Каплан-Гирея I, отправив его в ссылку на Родос, а на крымский трон во второй раз взошел Девлет-Гирей II (1708–1713), который жаждал реванша и возобновления военных действий против Кабарды. Каплан-Гирей еще дважды будет занимать трон, а Кабарда останется для него неразрешимой проблемой («История многовекового...», 2007; Хотко С.Х., 2008).

4.1.1.3. «Татары были разбиты наголову, сам хан едва успел спастись и потерял даже свои сапоги» (1723 г.)

Тех татар разбили и прогнали; много до смерти побито и в полон взято, а Салтана Кази-Гирея раненого до смерти побили ж.

Из русского документа 1739 г. (Максидов А.А., 2003).

После Канжальской победы (1708) кабардинцы в течение первой трети XVIII в. по меньшей мере еще четыре раза разбивали войска Крымского ханства. Более того, в этот период крымские ханы, даже объединившись с кумыкским войском, не решались выступить против Кабарды. Так, в 1712 г. крымские посланцы провели тайные переговоры с шамхалом для совместной войны против кабардинцев. Но реальные результаты этих переговоров свелись к тому, что к границам Кабарды подошел с кумыкским войском Эндереевский владделец Салтан Мамут, однако, «...видя, что не мог с нами (кабардинцами. – Авт.) ничего учинить, отошел от нас». А в 1720 г. кумыки и вовсе были разбиты кабардинскими войсками. И это далеко не полный перечень поражений, понесенных крымскими ханами и их дагестанскими союзниками, от адыгского оружия (Цит. по: Т. Алоев, 2009. С. 18-19). Но, несмотря на крупные поражения османо-крымских войск, их внимание к черкесским землям не ослабевало, и походы захватчиков продолжались чуть ли не ежегодно.

1711 г., 30 октября кабардинцы разгромили войско Мурад-Гирея. «Побили 359, – сообщает русский источник, – да полон взяли 40 чел., а других потопили в р. Кубани; и сам де Салтан ушел ранен с немногими людьми; также и лошадей взято многое число» (Максидов А.А., 2003).

1713 г. Давлет-Гирей II (1708-1713) вторгся в Малую Жанетию, где на р. Пшаде был разбит шапсугско-натухайским ополчением во главе с Немире Шубсом (Максидов А.А., 2003).

1723 г. Тот факт, что походы крымских ханов в Кабарду, при столь тяжких для них последствиях, продолжались вновь и вновь, – можно объяснить традиционными захватническими планами Крыма, усилением османского влияния на Гиреев, а также значительной военной и технической помощью со стороны Османской Порты. Крымский хан, конечно же, не мог успокоиться, пока не отомстит Кабарде за предыдущие неудачи крымцев. Вот что пишет Ксаверию Главани об очередном походе крымских татар в Кабарду: «В 1723 г. Каплан-Гирей (по другим источникам – Саадет-Гирей III) хотел обязать провинцию Кабарду (автор ошибочно считает Кабарду провинцией Крымского ханства. – Авт.), самую значительную из всех, давать ему большее число рабов, чем было установлено (после 1708 г. Кабарда вообще перестала платить что-либо крымским ханам. – Авт.). Народ взялся за оружие, произошло кровопролитное сражение, *татары были разбиты наголову, сам хан едва успел спастись и потерял даже свои сапоги: в битве легло более 5000 татар, в том числе многие мурзы и дворяне*» (Максидов А.А., 2003; Дзамихов К.Ф., 2008).

1724 г. Проживавшие на Черноморском побережье шапсути принимали активное участие в борьбе адыгов с набегами крымских татар. В 1724 г. на р. Пшад они разбили напавших на них татар, а их предводителя хана Девлет-Гирея взяли в плен, о чем свидетельствует сайт Интернета (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

1725 г., 8 августа датируется сообщение о новом походе крымских войск во главе с калгой Бахты-Гиреем против черкесов, «дабы их завоевать» (Максидов А.А., 2003).

В 1729 г. Менгли-Гирей II направил в Черкессию Бахты-Гирея, «который был убит в бою с кабардинцами и много людей потерял» (Максидов А.А., 2003).

В 1734 г., 11 июля в Малой Кабарде состоялось крупное сражение между объединенной русской и кабардинской армией, с одной стороны, и османо-татарской армией, – с другой. При этом на стороне последней выступили и калмыки. Фронтальное столкновение выиграло русское войско, однако командующий князь Гессен-Гамбургский не смог закрепить одержанную победу и вернул войско в укрепленный лагерь вместо того, чтобы преследовать противника. Татары не спешили ретироваться, но, напротив, кинулись грабить гребенские станицы, захватывая пленных, и вместе с калмыками окружили 2-тысячный отряд донских казаков. Кабардинская конница под предводительством Магомета Кургокина разбила крымцев и выручила казаков (Максидов А.А., 2003).

В 1739 г., 14 августа состоялось еще одно сражение между крымцами и кабардинцами, на этот раз на территории Западной Черкесии, на р. Лабе, что, видимо, означает участие в ней и темиргоевцев. Черкесы, ведомые кабардинским князем Кайтуко, разбили войско калги Кази-Гирея. Как отмечает русский источник, «...тех татар разбили и прогнали; много до смерти побито и в полон взято, а Салтана Кази-Гирея раненого до смерти побили ж» (Максидов А.А., 2003).

1746-1747 гг. Крымский хан Селим-Гирей (1744-1749) в письме к атаману Донского войска Д. Ефремову от 24 октября 1746 г. сообщает, что уже в течение года на его подвластных происходят набеги со стороны бжедуг. (Максидов А.А., 2003).

1758 г. Стремясь отомстить крымцам, темиргоевцы в этом году совместно с ногайцами нападают на крымские улусы.

6 июня 1761 г. происходит сражение у современного Усть-Лабинска, в ходе которого победа достается темиргоевцам (Максидов А.А., 2003).

4.1.1.4. «Черкесские владельцы ...изъявили готовность служить русскому царю всею Кабардой»

В Большой Кабарде ханские посланцы не имели успеха; тем не менее, турки намерены соединить под своею властью все кавказские народы вплоть до персидской границы.

А. Бекович-Черкасский, из письма Петру I (1711).

Могу похвалить [в черкесах], что все – такие воины, каких в здешних странах не обретаётся, ибо, что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот.

А. Волынский, астраханский губернатор, из письма Петру I (1711).

Во все века своей нелегкой истории адыгский народ смысл своей жизни видел в свободе, в борьбе против иноземных захватчиков. Поистине, как говорит народная мудрость, «*Банэ зыдэщымылэм гъашлэ щылэн*» – «Где нет борьбы, там нет жизни». Поэтому не случайно русское правительство, нуждаясь в обеспечении безопасности южных границ государства от татаро-турецкой угрозы, старалось привлечь народы Северного Кавказа на свою сторону.

В 1711 г., когда Османская империя готовила очередное нападение на Россию, Петр I писал кабардинцам: «Только желаем, дабы вы показали к нам ныне свою дружбу и верность против султана турецкого и хана крымского, которые против нас войну начали... И ежели будете у нас в подданстве, то с вас никаких податей требовать не будем». Отправившийся на Кавказ А. Бекович-Черкасский уведомил Петра I, что «черкесские владельцы, прочтя царскую грамоту, изъявили готовность служить русскому царю всею Кабардой». «По этому уверению, – писал он, – я их к присяге привел по их вере». Далее Бекович сообщал, что, несмотря на усиленную агитацию среди адыгов, «в Большой Кабарде ханские посланцы не имели успеха; тем не менее, турки намерены соединить под своею властью все кавказские народы вплоть до персидской границы».

Адыги неоднократно совершали ответные походы против татар, появлялись даже под стенами Каффы (Феодосия). При этом их союзником было Русское государство, южные районы которого не меньше, чем Черкесия, страдали от разорительных походов крымских ханов. Поэтому не случайно народы Северного Кавказа и, прежде всего, адыги, приняли деятельное участие в русско-турецкой войне. Кабардинцы летом 1711 г. пошли походом на Кубань, атаковав крымцев с востока, в то время как русские войска наступали с севера. Поход оказался успешным.

Консолидации адыгских племен, как и прежде, в значительной степени мешали внутренние междоусобные распри. С этой точки зрения представляет интерес сообщение князя Волынского Петру I от 5 декабря 1721 г.: «И тако Кабарда ныне видится под рукою Вашего Величества. Житье их самое зверское, и не только посторонние, но и родные друг друга за безделицу режут. Всего их мерзкого житья описать невозможно; только одно могу похвалить, что *все – такие воины, каких в здешних странах не обретаётся, ибо что татар или кумыков тысяча, то черкесов довольно двух сот*». О «склонности» кабардинцев к России писал несколько позже (в 1728 г.) и Гербер: «Черкесы обеих частей Кабарды во всякое время оказывали большую склонность к России, и многие из их князей со своими людьми считались ее подданными, однако это было только на словах, и их свобода благодаря этому нисколько не пострадала».

Противоречия между Россией и Турцией по «черкесскому вопросу» привели к русско-турецкой войне 1736-1739 гг. 13 апреля 1736 г. императрица Анна Иоанновна призвала кабардинцев подняться на борьбу с общим врагом. В ответ на это кабардинцы изъявили полную готовность вступить в войну на стороне России: «Мы на того неприятеля будем наступать сами неприятельски, и в том свой живот не пожалеем». В этой войне Кабарда выступила на стороне русских, потому что тогда именно Турция и Крымское ханство представляли собой главную опасность для их независимости. Активно действовали против турок и татар кабардинские князья М. Кургокин и А. Кайтукин. Важным следствием военных действий было возвращение абазинцев в Кабарду, откуда они насильно были выселены еще в 20-х гг. XVIII в. Белградским мирным договором 1739 г. Черкесия была включена в состав Турецкой империи (правда, «она принадлежала ей только номинально», – как подчеркивает В.А. Потто), а Кабарда была объявлена независимым и нейтральным владением, своеобразным «барьером» между Россией и Турцией. Была принята договоренность, что эти державы не должны были вмешиваться в дела черкесов. Но отдельные нападения крымских татар на Землю адыгов продолжались и много позже. Так, 6 июня 1761 г. крымский хан дошел до р. Лабы, где его войска были разбиты темиргоевцами, причем в плен было захвачено не менее 300 татар.

4.1.2. Конец XVIII в.: усиление позиций России и ослабление турецкого влияния среди адыгов

4.1.2.1. «Черный народ из черкесов о подданстве Крыму и слушать не хотел»

И вот спасли Мы вас от рода Фирауна, которые возлагали на вас злое наказание, убивали ваших сынов и оставляли в живых ваших женщин...

Коран. Сура 7; 137, 141.

Черный народ из черкесов о подданстве Крыму и слушать не хотел.

Из русских документов (1747).

И во второй половине XVIII в. турки-османы совершали разорительные набеги на Северо-Западный Кавказ, добиваясь у адыгских народов дани и покорности. «Кроме турок и крымские ханы делали безуспешные попытки к полному покорению этих народов» – писал К. Пейсонель (1762).

Русское правительство, боясь осложнения международных отношений, официально не объявляло о присоединении к своим владениям Северного Кавказа, хотя и оказывало им помощь и поддержку. И не случайно, когда татары пришли с войском к «кабардинским деревням» и потребовали с них дань, то те отказались, заявив, что «они подданные российские». По этой же причине бесленеевцы и абазинцы не были отнесены к числу народов, «крымского хана точно подданных». 28 июня 1747 г., по данным русских документов, «...от крымского хана отложились темиргоевцы, абазыкеи (абазинцы), бжедухи, сапсыхи (шапсуги), убыхи, которые временно бывают ему послушными и, объединившись с другими народами, готовы были оказать сопротивление хану».

Основной причиной провала агрессивной политики турецкого султана и крымского хана было нежелание народных масс Северного Кавказа поддержать ее. «Черный народ из черкесов, – говорилось в одном из русских документов, – о подданстве Крыму и слушать не хотел». Если некоторые кабардинские князья и хотели поддержать Крым и Порту, «...зато народ явно говорит: если Кабарда отдастся под власть крымскому хану, они все напротив того, передадутся к России». Эту мысль подтверждают и другие источники. Так, в русском сообщении, датированном маем 1753 г., говорится, что «абадзехи, шапсы (шапсуги) и соны (жаневцы) крымскому хану ни малейше не подданны» (Максидов А.А., 2003).

С появлением на Северном Кавказе в роли командующего войсками генерала де-Медема, русское правительство потребовало склонить горцев к более мирным отношениям с русскими. С этой целью генерал послал к кубанским черкесам кабардинского владельца Джанхота Сидокова и узденя Шабаз-Гирея. Посланные побывали у темиргоевцев и бесленеевцев, всюду склоняя принять русское подданство. Но оба этих народа заявили, что они не согласны быть в «вечном подданстве» у России, а склонны дать только присягу, «чтобы с русскими не воевать и воровских набегов на русские жилища не производить». Присягу на подданство Российскому государству дали только ногойцы. Поэтому де-Медем писал Екатерине II от 13 ноября 1764 г.: «Сколько я не старался ласковостью склонить горцев в подданство Вашего императорского Величества, но ни что не предъупрело, почему не остается иного способа, как поступить с ними употреблением оружия». 21 августа 1765 г. горцам был поставлен ультиматум: или принять русское подданство, или же «подвергнуться оружию русских и калмыков». Весьма характерен ответ адыгов: «Все они будут стоять до последней капли крови за свою веру и свое отечество».

4.1.2.2. «Вновь разгорелось пламя очередной русско-турецкой войны...»

Малая Кабарда присягнула без малейшего сопротивления, будучи всегда наклонна и усердна России по причине той, что владельцы Большой Кабарды с давнего времени оную утесняют.

Из русского документа (1777).

Знатное число черкесов переселено в Кавказскую губернию, абазинцы и ногойцы перешли в русское подданство, присягнув на верность России.

Князь Потемкин – Екатерине II (01.12.1787 г.).

В 1768 г. вновь разгорелось пламя очередной русско-турецкой войны. Кюйчук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. между Россией и Турцией значительно изменил внешнеполитическое положение адыгов. По этому договору Крым был признан независимым от Османской империи. К России отходили участки Азовского побережья, крепости Керчь, Еникале и Кинбург. За Россией было признано также право держать на Черном море свой флот, проходить через Дарданеллы. Но за турками-османами еще оставался Таманский полуостров.

Кючук-Кайнарджийским миром окончательно были подтверждены условия договора 1772 г. между русским правительством и крымским ханом, по которому Большая и Малая Кабарда признавались «подданными» Российской империи. По условиям этого договора, Турция, не имевшая ни фактической, ни фор-

мальной власти над Кабардой, «уступает» ее России. Этим актом завершилось юридическое оформление присоединения Кабарды к России, причем этот процесс в значительной степени был облегчен междоусобицами кабардинских князей (Панеш А.Д., 1999).

Старый как мир принцип «Разделяй и властвуй» был применен и здесь. В частности, сохранился документ 1777 г., сообщавший, что «Малая Кабарда присягнула без малейшего сопротивления, будучи всегда наклонна и усердна России по причине той, что владельцы Большой Кабарды с давнего времени оную утесняют». Тем не менее, вопрос о так называемом «добровольном присоединении» Кабарды к России в конце XVIII в. все еще не вполне ясен. В рапорте генерала Якоби князю Потемкину от 9 декабря 1779 г. сообщается: «В письме своем кабардинцы (Большой Кабарды) объявили, что *от самых времен царя Иоанна Васильевича Грозного они никогда не были Российскими подданными, а находились так, как кунаки (гости или приятели) в покровительстве, что и ныне желают покориться на тех же условиях*». Здесь интересен комментарий С. Бейтуганова (1993): «Подданство и покровительство иногда отождествляются, между тем, они существенно различаются. В 1803 г. Чавчавадзе напомнил «забывчивому» князю Цицианову слова князя Куракина: «Государь ведь принял Грузию под покровительство, а не в подданство!».

Западная же Черкесия пока еще оставалась зависимой от Турции, хотя большая ее часть была зависима от султана лишь формально. Упорное сопротивление турецко-татарским завоевателям позволило адыгам в определенной степени сохранить свою независимость. Как писал К. Главани (1724), «Черкесия ни от кого не зависит и состоит под покровительством крымского хана, насколько сама признает для себя это удобным; в случае предъявления им каких-либо требований, отвергает их без стеснения».

С целью укрепления своих позиций на Черноморском побережье Кавказа, в 1781 г. турки с помощью французских инженеров построили крепость Анапу («Бугур-кале»), которая специальным фирманом султана была названа «ключом азиатских берегов Черного моря». Крепость была построена на земле натхокаджей (натухай). Как отмечает В.А. Потто (1885), вообще-то эта местность принадлежала небольшому черкесскому племени хегайк, но племя это было истреблено чумой, потеряло свою самобытность и слилось с натхокаджами. Старейшины родов натхокаджийского племени не особенно благоприятствовали намерениям турок и долго не решались дать согласие на постройку крепости; однако, задобренные подарками, они мало-помалу стали склоняться на сторону турок. И только один старейшина из сильного рода Супако, впоследствии названный Калечатом, не сдавался и упорно противился сооружению крепости на земле своего племени. Он предостерегал сородичей на народных собраниях: «Турция не то, что мы. Турция – государство. Оно может вести войну с другим государством. По жребью войны, крепость может перейти во власть государства более победоносного, а тогда и вся земля, на которой будет стоять завоеванная крепость, законно перейдет в обладание того же государства». Предостережение мудрого адыга (а оно в конечном счете оправдалось!) так и осталось «гласом вопиющего в пустыне». Но пока ненавистная ему крепость строилась, он не раз нападал на нее со своими людьми, за что и получил имя Калечат («Разоритель крепости»).

В 1787 г., опираясь на поддержку Англии и Франции, Османская империя вновь объявила войну России. Турки пытались поднять горцев на борьбу с неверными – русскими. В одном из обращений говорилось: «...чтоб здешние жители веру свою крепкою содержали и соблюдали, и с русскими не мирились». Не об этом ли упоминает одна из сур Корана (47; 4): «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее...»? Но эти попытки не увенчались успехом. Наоборот, некоторые владельцы заняли прорусскую позицию и предложили России свои «воинские услуги». Они были против подчинения Турции и видели в России своего союзника. Так, абазинские мурзы на требование турецкого паши присягнуть на верность султану, заявили, что «туркам служить не желают, а как только появятся российские корабли у берегов, они перейдут на сторону русских». В письме от 5 апреля 1787 г. мурза Юсупов заверил командующего русскими войсками на Кавказе П.П. Текелли, что наврузовцы откажутся от требований султана воевать против России, а темиргоевцы просили его помочь установить дружеские отношения с русскими.

Тогда турецкое командование решило нанести удар русским на кубанской границе силами черкесов и абазинцев во главе с шейхом Мансуром. Показания кабардинского владельца Атажуки Хамурзина от 2 февраля 1788 г. несколько проясняют деятельность шейха среди закубанцев. Мансур рассчитывал поднять их всех на борьбу против России, но это ему не удалось. Тем не менее, шейх сумел привлечь на свою сторону часть феодальной верхушки и собрал войско из горцев в 14000 чел. Князь Г.А. Потемкин (20 сентября 1787 г.), а затем П.А. Текелли (октябрь того же года) нанесли силам Мансура поражение на Большом и Малом Зеленчуках. Часть приверженцев шейха вынуждена была бежать за Лабу, другая – приняла русское подданство. Потемкин доносил 1 декабря 1787 г. Екатерине II: «Знатное число черкесов переселено в Кавказскую губернию, абазинцы и ногайцы перешли в русское подданство, присягнув на верность России».

Таким образом, черкесы и ногайцы не поддержали турок и Мансура. Как сообщал генерал П.А. Текелли Г.А. Потемкину 6 ноября 1787 г., «...горцы не уважают их (турок) и отказывают им в пристанище и пропитании». О «склонности» горцев к России свидетельствует и тот факт, что во время похода русских войск в Закавказье осенью 1787 г. во главе с генералом Текелли на их стороне действовало 9 кабардинских сотен. На сторону России перешли и некоторые абазинские и бесленеевские владельцы с подвластными им народами, а также закубанские ногайцы.

4.1.2.3. «При взятии турецкой крепости Анапа было захвачено 130 вражеских знамен...»

И мы взяли его и его войско и ввергли их в пучину.

Коран. Сура 51; 40.

*Они являют их глазам
Давно минувшие картины,
Глубоко памятные дни...*

А.И. Полежаев (1804-1838)

В 1790 г. русское командование предприняло поход на турецкую крепость Анапу. С первой попытки город взять не удалось. Как отмечают очевидцы, 25 марта 1790 г. отряд генерала Бибикова был атакован 15-тысячным анапским гарнизоном и громадными толпами горцев. Русские войска сражались на два фронта и успешно отбили атаку. Неприятель бежал, оставив на поле сражения более 6000 трупов. Тем не менее, штурм Анапы окончился неудачей и русские войска вынуждены были отступить. В этом же году султанское правительство предприняло широкое наступление вглубь Северного Кавказа. При этом оно рассматривало Левобережную Кубань как удобный плацдарм для вторжения в Кабарду, рассчитывая на то, что закубанцы значительно пополнят ряды войск султана. Но большинство западных адыгов отказались поддержать турок-османов. Тем не менее, как отмечают некоторые источники, около 15 000 черкесов все-таки приняли участие в походе Батал-паши. Участие их, по мнению исследователей, было вызвано не столько турецкой агитацией, сколько возмущением черкесов кровавыми вторжениями в их земли П.С. Потемкина, П.А. Текелли и Ю.Б. Бибичева под предлогом борьбы с турками.

Большое впечатление на закубанских горцев произвел разгром русскими войсками превосходящей по численности турецкой армии Батал-паши в верховьях Кубани. По показанию Ф. Реиза, у черкесов – людей смелых и отважных, – вызвали удивление храбрость и мужество русских солдат. Узнав о поражении Батал-паши, многие феодальные владетели обратились к русскому командованию с просьбой принять их в подданство. Так, в рапорте от 15 ноября 1790 г. генерал Розен сообщал, что протурецки настроенная часть темиргоевцев во главе с Айтажук Измаиловым перешла на сторону России. В рапорте от 25 февраля 1791 г. он же информировал, что 10000 ногайцев тоже перешли на сторону русских. В июле-августе 1791 г. в русское подданство перешла большая часть абадзехов, шапсугов и нутхайцев; присягу на верность России дал «владелец 25 хамышкеевских бжедугских деревень Крым-Гирей».

21 июня 1791 г. войска под командованием генерала И. Гудовича после долгой осады взяли крепость Анапу. Как отмечают очевидцы, когда русские войска подошли к крепости, «8000 черкесов спустились с гор и всей массой обрушились на казаков. Подоспел на помощь со своим подразделением подполковник Львов, а также отряды полковника Спешнева и Загряжского. Черкесы были разгромлены, крепость взята. Победители думали только о мщении. Более 8000 турок были перерезаны в самой Анапе, столько же погибло и потоплено в море...». Как говорится, «И мы взяли его и его войско и ввергли их в пучину» (Коран. Сура 51; 40). Следует отметить, что вместе с русскими солдатами против турок сражались некоторые черкесы, кабардинцы, осетины, дагестанцы и другие горцы. Были взяты в плен комендант крепости Мустафа-паша, его помощник – сын знаменитого Батал-паши, а также пророк шейх Мансур, причем последний был затем сослан на Соловки, где он и впоследствии умер. При взятии турецкой крепости Анапы было захвачено 130 вражеских знамен. Потери русских составили: 93 офицера, 4000 солдат и казаков. Затем русскими войсками был взят Суджук-Кале (Новороссийск).

По Ясскому договору от 29 декабря 1791 г. р. Кубань на всем протяжении была окончательно признана пограничной чертой русских владений, а Анапа снова отошла к Турции. Интересно, что в статье 6 этого договора особо отмечались обязательства Турции по отношению к черкесам: «Порта обязуется употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов на левом берегу Кубани, дабы они на пределы Всероссийской империи набегов не чинили, никаких обид, хищничеств, разорений российским подданным и их селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно, ни явно, и ни под каким видом людей в неволю не захватывали». Таким образом, Яским договором косвенно признавались определенные права Турции по отношению к Черкесии.

Сохранился еще один интересный исторический документ, имеющий непосредственное отношение к адыгским народам. Учитывая в дальнейшем неизбежность войн с Турцией, Екатерина II выдвинула план переселения в Крым закубанских черкесов. Будучи поселены в Крыму и поставлены там в очень выгодные материальные условия, они явились бы, по замыслу императрицы, надежным оплотом царского правительства, «хранителями границы Русского государства». Однако вступивший вскоре на престол Павел I этот план реализовывать не стал.

В конце XVIII в. борьба Османской империи за господство на Северном Кавказе окончилась ее полным поражением, Земля адыгов была практически избавлена от угрозы турецко-татарского нашествия. Как следствие, влияние турок на адыгов в этот период значительно ослабло, о чем не замедлил 9 мая 1795 г. сообщить Екатерине II граф П. Зубов: «Черкесы не признают турков своими властелинами; законам их не повинуются и их не слушают». Более того, были даже попытки со стороны черкесов принять христианство. Как отмечает Ф. Щербина, были также указания, что черкесы и казаки хотели родниться: черкешенки не прочь были выходить за русских, а казацкие старшины мечтали о женитьбе на черкесских князях.

4.1.3. Неудачная попытка крымских ханов наладить разработку золотых и серебряных месторождений в Земле адыгов

4.1.3.1. «Сказывал он, Каншов-мурза, что есть в Черкасских горах ...серебряная руда и свинец»

У серебра есть источная жила, а у золота – место, где его плавят.

Книга Иова (28; 1).

В 1627 г. в Москве побывал мурза Канишов Битемрюков, который рассказал в Посольском приказе о наличии в горах Малой Кабарды руды, содержащей серебро и свинец...

В.С. Бесланеев (1995).

В архивных источниках сохранились интересные факты, подтверждающие своеобразный характер взаимоотношений крымских татар с черкесами. Речь пойдет о попытке Крыма наладить широкомасштабную разработку золотых и серебряных месторождений в Земле адыгов. О наличии залежей драгоценных металлов в горах Северо-Западного и Центрального Кавказа было известно еще с древних времен. В начале XVII в. серебряной рудой на территории Кабарды заинтересовалась Россия, о чем свидетельствуют русские документы, извлеченные из архивных фондов В.С. Бесланеевым. По его данным, в 1627 г. в Москве побывал мурза Каншов Битемрюков, который рассказал в Посольском приказе о наличии в горах Малой Кабарды руды, содержащей серебро и свинец: «...Сказывал он, Каншов-мурза, что есть в Черкасских горах, где живет черкасский Ибак-мурза (из рода Талостановых) з братьею, серебряная руда и свинец, и тоя серебряную руду мочно ль, отуды взяв, для тои руды опыту послать на Терек мастеров, хто серебряную руду знает. Где руда серебряная, и до того де места от Терека ездю 6 дней, а слово де то место Табиста (т. е. Абиста) блиско Ибаковых кабаков».

Русское правительство направило в Кабарду специальную экспедицию во главе с «рудознатцами» и «золотознатцами» С. Фритчем и Г. Герольдом. Экспедиция подтвердила высокое содержание серебра в руде, которая доставлялась в Терский город самими кабардинцами. Однако конкретные места выхода серебряной руды не были показаны членам разведывательной группы, поскольку «добыча серебра составляла профессиональную тайну немногих лиц». Единственно, что удалось установить, что местечко Абиста принадлежало тогда балкарским фамилиям Апше (Апшита) и Абдаулу, которые пользовались поддержкой малокабардинского князя Ибакова. Но приезд экспедиции вызвал волнения среди кабардинцев и «рудознатцы» вынуждены были уехать. Спустя столетие с лишним попытку разработки золотых и серебряных рудников в Земле адыгов предприняли крымские ханы.

4.1.3.2. Крым-Гирей: попытка овладеть Черкесскими серебряными и золотыми рудниками

Рассказывали ему о войнах их, о мужественных подвигах; также о том, что сделали они, чтобы овладеть находящимися там серебряными и золотыми рудниками...

1-я книга Маккавейская (8; 2-3).

Разведка там золотых и серебряных месторождений будет означать вмешательство во внутренние дела черкесских племен...

Нишанди Хамза Хамид-паша, великий визирь (1763).

Крым-Гирей – сын Довлет-Гирея II, крымским ханом становился дважды: в 1758-1764 и 1768-1769 гг., в период правления турецкого султана Мустафы III. Будучи на ханском престоле, особый интерес проявлял к Кабарде, которая по Белградскому договору 1739 г. считалась независимой от великих держав. В частности, хана очень заинтересовала «эксплуатация золотых и серебряных рудников страны черкесов». 5 октября 1763 г. Крым-Гирей отправил в Стамбул послание, в котором сообщает об открытии на Кубанских землях, населенных племенами касай, касполад (касбулат? – Авт.), бесней (бесленей) и шейаке (шегаки) месторождений «серебряной и золотой руды». Но из-за отсутствия специалистов удалось «извлечь очень немного серебра». И далее хан обращается к Порте с просьбой срочно прислать «знающих людей» для определения запасов и разработки рудников. В документе указано местоположение района: «5 или 6 этапов от Тамани», а также подчеркивается, что русские уже несколько лет пытаются проникнуть на Кубань для овладения этими месторождениями.

Однако, в силу чисто политических причин, попытка промышленной разработки месторождений серебра и золота в стране черкесов не увенчалась успехом. На полях послания сохранились пометки великого визиря Нишанди Хамза Хамид-паши: «*Эта страна не находится в османской территории, а принадлежит черкесам, которые согласно договору между Россией и Турцией автономны*». По мнению великого визиря, «разведка там золотых и серебряных месторождений будет означать ...вмешательство во внутренние дела черкесских племен, противоречит статьям мирного договора, ухудшит отношения между двумя странами». И действительно, по статье VI Белградского договора от 18 сентября 1739 г. земли восточных адыгов признавались

независимыми от русского, османского или крымского влияния: «Об обеих Кабардах, – т. е. Большой и Малой – и кабардинском народе с обеих сторон соглашенность, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быть под влиянием ни одной ни другой империи, а токмо за барьеру между обеими империями служить имеют».

Таким образом, становится ясно, что Крым-Гирей, предприняв попытку разработки золотых и серебряных месторождений в «стране черкесов», тем самым грубо нарушил этот пункт Белградского мира. Это вызвало недовольство у турецкого султана. В июле 1764 г. Крым-Гирей был приглашен в Стамбул, по дороге арестован и сослан на остров Хиос. На его место был назначен Селим-Гирей III. Среди причин смещения Крым-Гирея было «отсутствие уважения к договору, подписанному Портой».

4.1.3.3. Добыча золото- и серебросодержащих руд в Черкесии в XIX в.

И наполнилась земля его серебром и золотом...

Книга пророка Исая, 2; 7).

В 80 верстах на полдень (юг) от Усть-Лабинской крепости находится в горах руда, видом серо-желтая с блестящими звездочками, из которой живущий там еврей делает разные вещи, имеющие наружность серебра.

С. Броневский (1823).

Дальнейшее развитие эти попытки получили в XIX в. С окончанием Кавказской войны и колонизацией Черкесии, к разработке золотых и серебряных приисков приступило царское правительство. С этой целью русские инженеры проводили геологические разведочные экспедиции; при этом не оставляли без внимания сообщения местных жителей.

О минеральных богатствах Майкопского уезда ходили легенды, пишет В.К. Мазурик (1997. с. 100). Еще в 1823 г. в книге «Новейшие географические известия о Кавказе, собранные и пополненные С. Броневским», сообщалось: «В 80 верстах на полдень от Усть-Лабинской крепости находится в горах руда, видом серо-желтая с блестящими звездочками, из которой живущий там еврей делает разные вещи, имеющие наружность серебра». Спустя 42 года это подтвердил военный врач И.И. Пантюхов: «Начальник Хамышинского отряда полковник Кишинский говорил мне, что горцы приносили ему куски свинцово-серебряной руды, добываемые недалеко от истоков р. Белой: в этой руде ...оказалось будто бы 10 золотников (43 г) серебра в пуде, следовательно, она лучше Алагирской, дающей всего 4–8 золотников (17–34 г)». Как отмечает Е. Фелицын в своих комментариях к запискам Пейсонеля, «...в верховьях р. Белой, у подножья горы Оштен, существуют развалины серебро-свинцового завода, устроенного в 50-х гг. XIX в. польским эмиссаром Лапинским, с разрешения Мухаммеда-Амина» (Пейсонель К., 1927. С. 32).

Более подробно этот факт освещает В.К. Мазурик (1997): «И.И. Орехов, выбиравший места под поселения в нагорной полосе, слышал от проводников, что во время Крымской войны 1853–1854 гг. несколько иностранцев с разрешения Мухаммеда-Амина, вождя абадзехов, организовали добычу и переработку серебра в горах. В верховьях р. Пшехи, на притоке р. Цице, в районе Лагонаки они построили сереброплавильный заводик на местном, вскоре истощившемся сырье (не отсюда ли название речки Серебрячки, дающей чистейшую, обогащенную серебром, питьевую воду современным майкопчанам?). При этом местным жителям было сказано, что иностранные инженеры заняты якобы изготовлением железных подков для кавалерийского десанта, который вот-вот высадится на Черноморском побережье для участия в боевых действиях против русских войск».

Изготовив из добытого металла около 30 тыс. серебряных подков под видом железных, иностранцы сложили их в сундуки и на вьюках, под охраной местных наездников, через перевал и земли убыхов увезли на побережье. Там в одну из темных ночей, тайно погрузив драгоценные сокровища на корабль, авантюристы вышли в море и отвезли их на родину» (Мазурик В.К., 1997. С. 100).

В настоящее время в Республике Адыгея известно как коренное, так и россыпное (руслевое) золото. Золотоносность рек Адыгеи известна давно и выделены перспективные месторождения с содержанием этого драгоценного металла около 50 кг/км² и более (Бузаров А.Ш. и др., 1995).

4.1.4. «Многие годы от крымцев покою не имеем...»: к положению Кабарды в XVIII в.

4.1.4.1. Марионеточное «Кубанское ханство» в составе Крымского: эпизоды борьбы с крымскими и ногайскими татарами

Присоединение Крыма к России имело прогрессивное значение не только для ее народов, но и для народов Северного Кавказа, способствуя их культурному, экономическому развитию, включению их в систему мировых торговых, культурных и политических связей.

«История Кубани...» (2004).

«В 1689–1694 гг. Россия боролась против Крымского ханства силами главным образом донских и запорожских казаков, но и их походы не могли пресечь новых набегов татар», – отмечают авторы книги «История Кубани...» (2004). Стремясь устранить эту угрозу, а также пробиться к берегам южных морей, Петр I

предпринял в 1694-1695 гг. Азовские походы. Одновременно русские и украинские полки овладели несколькими татарскими крепостями в устье Днепра. Азов отошел к России, на продолжение борьбы у нее тогда не было сил. В ходе всех русско-турецких войн XVIII в. татары продолжали нападать на территорию России. Последний их набег (на Новосербию и Запорожье) состоялся в 1769 г.

Во время военных действий с Турцией в 1711-1713 гг. российские дипломаты едва сумели отбиться от ханского требования возобновить выплату «поминок» (дань, подарки), которые Россия перестала выплачивать с 1686 г. В августе 1711 г. русские войска вторглись на Кубань и нанесли крупное поражение ногайским татарам, имевшее стратегическое значение. В ходе русско-турецкой войны 1735-1739 гг. российские войска огнем и мечом прошли по Кубани, разрушив крепость Копыл – место пребывания кубанского сераскира. Трижды разорению подвергся и сам Крым, причем сожжен был Бахчисарай – столица ханства.

Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. царское правительство сначала пошло по пути создания на территории Крымского ханства марионеточного так называемого «Кубанского ханства». Затем, после завоевания территории ханства, планы меняются: в 1772 г. между Россией и ханством был заключен договор о независимости Крыма. Османская империя долго не признавала эту независимость, и Екатерина II, столкнувшись с непрекращающимися волнениями в ханстве (инспирированными во многом Турцией), мудро разрубила крымский гордиев узел. 8 апреля 1783 г. она подписала указ о ликвидации ханства с одновременным включением его территории в состав Российской империи.

Таким образом, только в конце XVIII в. Кубань стала российским владением. Присоединение Крыма к России имело прогрессивное значение не только для ее народов, но и для народов Северного Кавказа, способствуя их культурному, экономическому развитию, включению их благодаря России в систему мировых торговых, культурных и политических связей («История Кубани...», 2004).

4.1.4.2. «Их (кабардинцев) внушительная сила заставляла трепетать весь Кавказ»

Не захотели повиноваться, и держали шею свою упрямо...

Книга пророка Иезекииля (9:17).

Объединенными силами они (кабардинцы) часто оказывали эффективную помощь Иберии, Грузии, Армении, персам и туркам; их внушительная сила заставляла трепетать весь Кавказ.

Якоб Рейнеггс (1786).

Некоторое представление о положении Кабарды в XVIII в. можно получить из приведенных ниже фактов. О непрекращающейся агрессии со стороны Порты и Крымского ханства против братьев-кабардинцев свидетельствует послание кабардинских князей императрице Анне от 18 августа 1731 г.: «Исстари, как при царе Иоанне Васильевиче Грозном, так и при его императорском величестве отцы наши и мы в повеленные нам места для службы ходили, и мы от того времени, припадая к стопам ее императорского величества, рабами быть присягали, також нашей присяги со всякой верностью служили». И далее в послании сообщается: «Живем при Баксане, где многие годы от крымцев покою не имеем; и на владение наше Каплан-Гирей-хан со многочисленным войском своим для завоевания владения нашего приходил, но войско его разбито и бесчисленно много побито, которое войско само на нас напало, а не мы на них. И тому 27 лет (ошибка: надо 20 лет, т. е. в 1711 г. – **Авт.**), как брат наш Александр Бекович прибыл во владение наше, и тогда крымское войско, пришедшее во владения наши, паки разбито, и многие от них побиты. А потом спустя еще несколько времени из Крыма сераскир султан с Бахты-Гирей салтаном с войском приходил, и паки от нас они разбиты; и сераскир с Бахты-Гирей салтаном до смерти убиты. И сие дело мы не выступая из владения нашего чинили, понеже они сами на нас напали. Ныне мы в бедности обретаемся, и от владения нашего никогда крымское войско не отступает». Кстати, в том же 1731 г. на Кабарду вновь напал Каплан-Гирей, в третий раз к тому времени занявший престол в Крыму.

В эти трудные дни Россия оказывала Кабарде не только дипломатическую, но, по мере возможности, и военную помощь в отражении крымско-турецкой агрессии. Так, в Указе коллегии иностранных дел коменданту крепости св. Креста Д.Ф. Еропкину от 2 декабря 1731 г. упоминается, что в октябре 1731 г. из Крыма к Кабарде подходили войска Арбибеты-Гирея и Араслан-Гирея и «...вначале у кабардинцев на полях хлеб и сено пожгли и другие разорения приключили и намерены были на Кабарду наступление чинить, но, услышав о том, что навстречу им вышел русский отряд, повернули назад, причем при их отступлении кабардинцы учинили нападения и так салтанов с войском разбили и многое число крымцев и кубанцев (т. е. кубанских ногаев) побили, и некоторых в плен побрали». Московские власти одобрили «вышеописанный поступок в посылке команды на защищение кабардинцев». Сообщается, что еще один крымский «салтан» Алди-Гирей-калга собирается напасть на Кабарду «для отмщения кабардинцам за разбитые корпуса». Д.Ф. Еропкину было приказано, что если «кто с крымской или кубанской стороны на Кабарду наступление чинить будет, то в защищение от того кабардинцев поступать во всем по силу этого указа» (т. е. оказывать Кабарде посильную военную помощь. – **Авт.**).

Нет, не намерена была Россия отдавать Кабарду Османской империи. В 1735 г. новые нападения крымского хана и турок на Кабарду послужили поводом для очередной русско-турецкой войны. Последнее нашествие на Кабарду полчищ татарской конницы и турецких янычар было в 1774 г. И на этот раз выручил северный сосед. Сначала войско, которым командовал хан Девлет-Гирей, потерпело сокрушительное поражение у редута Бештамак (Пятиречье), где близко расположены устья Чегема, Баксана, Черема, Малки и русло Терека. С остатками своей орды хан был оттеснен к горам и окончательно разбит у слияния Баксана и Гунделена. А скоро прекратило существование и само Крымское ханство. С этой точки зрения весьма интересно свидетельство Якоба Рейнегса, побывавшего в Кабарде в 1781-1783 гг., о том, как высоко ценили «соседственные» народы борьбу кабардинцев с Крымским ханством: «Прежде они (кабардинцы) были очень могущественны. В 1776 г. они распространяли свою неограниченную власть на всех своих соседей и на многие кавказские народы, которые вынуждены были отдавать им десятую часть своего состояния, даже детьми, если они желали избежать тирании и остаться живыми в своих поселениях. Объединенными силами они часто оказывали эффективную помощь Иберии, Грузии, Армении, персам и туркам; их внушительная сила заставляла трепетать весь Кавказ. Ни лезги, ни чеченцы (такие же разбойники!) никогда не отваживались предпринимать что-либо враждебное по отношению к кабардинцам. За то, что кабардинцы освободили себя от ярма своих прежних господ – крымских татар – и били их некоторое время, весь Кавказ боится их» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 179-200).

4.2. «Двуликий Янус»: притязания царизма на Северо-Западном Кавказе

Они говорят своими устами то, чего нет у них в сердце, а Аллах лучше знает то, что они скрывают!

Коран. Сура 3; 161.

Уста их мягче масла, а в сердце их вражда; ...слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи.

Псалтырь (34,20; 54,22).

Политику царской России на Кавказе и, в частности, в Черкесии в XVIII в. можно сравнить с двуликим Янусом. С одной стороны, Российская империя, имея в виду свои далеко идущие планы, всячески помогала адыгам в их справедливой борьбе с захватническими устремлениями Османской Турции и Крымского ханства, оказывала не только дипломатическую, но и военную помощь. В результате уже к концу XVIII в. Земля адыгов была практически избавлена от угрозы очередных татаро-турецких нашествий. Но с другой стороны, несмотря на многочисленные уверения российских официальных деятелей о своем «миролюбии», царизм не только вынашивал широкомасштабные планы захвата Черкесии, но и предпринял в это время определенные конкретные шаги к присоединению Земли адыгов чисто военным путем с последующим истреблением и выселением из родных мест коренного населения. Уже в начале XVIII в. российское правительство составляет планы своего владычества на Кавказе. Конкретную программу завоевания этого региона разработал Петр I. Он предлагал развернуть наступление по трем направлениям – от Азова до Кубани, от Астрахани через Азербайджан к Ирану, от Пятигорья до Тифлиса.

Царские войска появились на территории Черкесии во время русско-турецкой войны 1710-1711 гг. и действовали как настоящие завоеватели. Генерал П.М. Апраксин наносил удары не только по казакам-некрасовцам, бежавшим на Кубань от царского гнета, но и по укрывавшим их адыгам. В августе 1711 г. войска П.М. Апраксина совершили рейд против кубанских татар, постоянно нападавших на населенные пункты Северного Кавказа, Украины и Южной России. Войско хана Нурадына было разгромлено, более 20000 татар взято в плен. Был уничтожен также отряд кубанских мурз и татар, возвращавшийся из набега на Саратовский и Пензенский уезды; при этом была освобождена большая группа русских пленных. Поражение России в войне с Турцией и ожесточенное сопротивление местного горского населения вынудило генерала Апраксина покинуть Кубань.

В 30-х гг. XVIII в. русско-турецкие отношения вновь обострились. Наряду с другими факторами, этому способствовала борьба из-за «черкесского вопроса». Россия и Турция стремились утвердить свое исключительное господство в Кабарде. В русско-турецкой войне 1736-1739 гг. кабардинцы выступили на стороне России, потому что тогда Турция и Крым представляли собой главную опасность для их независимости. Но несмотря на это, в ходе войны царские войска совершали неоднократные вторжения в земли адыгов. В середине XVIII в. Российская империя активизирует свои действия на Северном Кавказе. В 1763 г. русские войска захватили Моздок. По сути, это был завоевательный акт в отношении Восточной Черкесии, и кабардинцы потребовали освобождения города. Справедливое требование было отклонено. Тогда они стали нападать на царские укрепления, а в 1767 г. переселились на р. Куму и установили связь с закубанскими черкесами.

Внушительной победой России закончилась русско-турецкая война 1768-1774 гг. Еще ранее крымский хан признал Большую и Малую Кабарду составной частью России. Кабардинцы отказались признать свой новый статус и до начала XIX в. вели упорную борьбу с притязаниями царизма. В 1777 г. началось строительство русских укреплений Азово-Моздокской военной линии. Установление контроля над Кабардой обеспечивало царизму прочный тыл для решения вопроса о правобережье Кубани. Именно тогда вплот-

ную стал на повестку дня царской внешней политики «кубанский вопрос». По условиям Кючук-Кайнарджийского мира, Россия укрепилась на побережье Черного моря, в ее состав вошли земли между реками Дон и Ея, Турция потеряла Крым, а само Крымское ханство было объявлено независимым.

Борьба черкесов против притязаний царизма продолжалась. В 1779 г. западные адыги действовали совместно с кабардинцами. Темиргоевцы и бесленеевцы во главе с Чулак-Султаном атаковали г. Ставрополь, а кабардинцы напали на Алексеевский редут. Однако силы были неравные. Поражение кабардинцев в сентябре 1779 г. в жестоком сражении с царскими войсками ухудшило и без того тяжелое положение адыгов. Значительно усилилось национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа, направленное против захватнической политики царской России, в 1785 г. Первоначально это движение вспыхнуло в Чечне (шейх Мансур), а затем его поддержали в Дагестане и Черкесии.

По Ясскому мирному договору 1791 г. Россия прочно укрепила свои позиции в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Договором, в частности, закреплялось вхождение Кабарды, Карачая и Балкарии в состав Российской империи. По этому поводу Екатерина II писала: «Не оружием, а паче правосудием и справедливостью, нужно приобретать их (горцев) к себе доверенность. Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам». К сожалению, как показали дальнейшие события, эти мудрые слова русской императрицы так и остались «благими пожеланиями».

Таким образом, в течение XVIII в. независимости народов Северного Кавказа угрожали и царская Россия и Османская империя. В ходе борьбы адыги еще сумели отстоять свою независимость. Но Российская империя все больше демонстрировала свою решимость к окончательному «умиротворению» Черкесии, что и подтвердили события последующих лет. При этом наиболее ощутимо и потенциально опасно для черкесов международные и геополитические предпосылки перехода России к прямому покорению народов Северного Кавказа стали складываться с последней четверти XVIII в. – начала XIX в.

В январе 1801 г. Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России, а после завершения Русско-турецких и Русско-персидских войн 1800-1820-х гг. Россия окончательно укрепилась в Грузии и присоединила Северный Азербайджан. Но между Предкавказьем и Закавказьем оставалась не контролируемая ею зона Большого Кавказа. Новая геополитическая ситуация позволяла империи приняться за окончательное и полное присоединение горских земель, оказавшихся со всех сторон окруженными российскими владениями. Необъявленное «состояние войны» для России и Северного Кавказа сохранялось до 1864 г. (Боров А.Х., 2006. Вып. III).

4.3. «Игнат-казаки»: некрасовцы на Земле адыгов

Некрасовцами или «игнат-казаками» назывались беглые казаки-раскольники. Некрасовцы являлись потомками донских казаков, участников Булавинского восстания на Дону в 1707-1708 гг., воевавших под началом сторонника Кондратия Булавина – атамана Игната Некрасова. С появлением раскола на Дону, начались усиленные гонения на них со стороны царского правительства. Особенно упорно преследовал раскольников Петр I. Казаки-раскольники вынуждены были поэтому бежать с Дона на Кавказ, в частности, в низовья Кубани. Однако первые группы донских казаков стали прибывать на Кубань задолго до некрасовцев – в XVII в.

4.3.1. Конец XVII в.: появление первых групп донских казаков на Кубани

Казачья колонизация Кубани начинается в конце XVII в., причем, что примечательно, первые кубанские казаки являлись донскими по своему происхождению. С разрешения крымского хана они поселились в междуречье Кубани и Лабы....

«История Кубани...» (2004).

Союзником России в борьбе с агрессией Крымского ханства издавна выступало запорожское и донское казачество. Но в конце XVII в., – отмечают авторы книги «История Кубани...» (2004), – сложилась ситуация, когда часть донских казаков предпочла уйти на Северный Кавказ, нежели покориться Москве. В 1671 г. поражением закончилась крестьянская война под предводительством С.Т. Разина, в которой донцы выступили движущей силой. После кровавой расправы казаки вынуждены были присягнуть на верность царю России, но глухое недовольство крепостнической политикой Москвы на Дону не проходило.

Появление первых групп казаков на Кубани теснейшим образом связано с борьбой донских казаков за свои былые права, в том числе право не выдавать бежавших на Дон людей. К политическим и экономическим основам многолетнего конфликта с Москвой добавился и религиозный. После проведения патриархом Никоном в середине 1650-х гг. церковной реформы в церкви и стране произошел раскол – появились старообрядцы, не принявшие новых правил и обрядов. Они бегут на окраины Российского государства, в степи Дикого поля, находя, в частности, убежище у донских казаков. Донцы отнеслись в целом сочувственно к беглецам, и на севере донской земли стали возникать старообрядческие поселения. Донские казаки-старообрядцы даже захватили власть в войске – их сторонник С. Лаврентьев временно стал в 1686 г. войско-

вым атаманом. Однако в 1687-1689 гг. донские старообрядцы терпят поражение – их предводители были выданы Москве, городки сожжены («История Кубани...», 2004).

В апреле 1688 г. более тысячи непокорных казаков бежало под предводительством Л. Маныцкого на Северный Кавказ, в район Большой Кабарды на реку Куму. Возвращаясь иногда на Дон, они верно в целом служили принявшим их кавказским феодалам, нападая и на донские городки. Часть кумских казаков вскоре переселилась на р. Аграхань (приток р. Сулак), другая – на Кубань в 1689 или 1690 г. Осенью 1692 г., спасаясь от возможной выдачи царизму, новая партия казаков бежит с Аграхани на Кубань, заручившись согласием крымского хана.

Таким образом, казачья колонизация Кубани начинается в конце XVII в., причем, что примечательно, первые кубанские казаки являлись донскими по своему происхождению. С разрешения крымского хана они поселились в междуречье Кубани и Лабы, построив при поддержке татар уже к осени 1693 г. укрепленный деревянный острожек. Казаки стали получать жалованье от крымского хана и азовского бея, избрав «меж себя» атамана. Затем они переселились вниз по течению Кубани и обосновались в Копыле (ныне – Славянск-на-Кубани). Казаки пользовались льготами в налогах и хозяйственной деятельности, находясь в целом под постоянным покровительством крымского хана («История Кубани...», 2004).

4.3.2. Исход некрасовцев с Дона на Кавказ: «Самая устойчивая группа вольного казачества»

Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле...

Библия. Книга Бытие (4; 12).

Некрасовцы – секта раскольников (от «Некраса» – Некрасова, атамана Булавинского восстания, 1707-1708 гг.).

Большая Советская энциклопедия (1985).

Следующее крупное пополнение рядов кубанского казачества произошло в 1708 г. Главные события разыгрались опять же на Дону – осенью 1707 г. там вспыхнуло мощное казачье восстание против царизма, получившее название Булавинского (1707-1708). После ряда поражений повстанцы разработали план отступления на Кубань. Осуществил его ближайший сподвижник К.А. Булавина – Игнат Некрасов, который увел в конце августа 1708 г. несколько сот казаков вместе с семьями с Дона на правобережье Кубани, входившее тогда в состав Крымского ханства.

Вскоре после смещения с престола принявшего их хана Каплан-Гирея, опасаясь за свою дальнейшую судьбу, большая часть казаков во главе с Некрасовым перебралась в дельту Кубани, между Копылом и Темуком. Часть некрасовских казаков (около 3 тыс. чел.) в 1709 г. поселилась недалеко от Анапы. Здесь они образовали, как отмечал Ф. Щербина, «самую устойчивую группу вольного казачества, искавшего вне родины условий для осуществления своей религиозной свободы».

Новый хан пощадил беглецов, поскольку ему было известно о верности и храбрости первых («старых») кубанских казаков-пахомовцев. Летом 1709 г. в Крым был отправлен по царскому указу дворянин В. Блеклый, которому поручалось склонить хана с помощью богатых даров к выдаче казаков-бунтовщиков. Осведомленный об их местонахождении, Девлет-Гирей тем не менее уклонился от решения проблемы в пользу России, рассчитывая найти в лице некрасовцев верных воинов и разведчиков («История Кубани...», 2004).

В интерпретации дореволюционного историка А. Ригельмана (1847), «исход» некрасовцев с Дона выглядел следующим образом: «Игнашка Некрасов ушел со всеми товарищами на Кубань и там в подданство крымскому хану отдался», всего же сюда пришло около 1000 семей. Здесь они осели тремя городками – Блудиловским, Голубинским и Чирянским на Таманском полуострове, вблизи Копыла (ныне Славянск-на-Кубани), а также один городок был заложен в устье р. Лабы (ныне – ст. Некрасовская).

Крымский хан освободил их от налогов, но заставил в случае военных действий против России выставить один конный полк. В лице некрасовцев крымский хан и татары нашли «стойких и озлобленных противников русских войск». И действительно, уйдя за пределы России, Некрасов не прекратил борьбы против царизма. Так, в 1709 г. эти «воровские казаки» дважды появлялись на Дону и были замечены даже у Царицына. В 1711 г. Некрасов предпринимает поход в Пензенскую и Саратовскую губернии, громит усадьбы помещиков. В ответ на это, по приказу Петра I, в августе того же года князь Апраксин идет с карательными целями на Кубань и разоряет городки некрасовцев («селения были сожжены, а жители разогнаны»). Некрасовцы бежали на запад, за «багны», т. е. болота, где на развалинах античных городищ построили новые селения.

В 1713 г. «воровские казаки» совершили набег на Харьковскую губернию и сожгли много помещичьих имений, а в 1717 г. Некрасов с большим конным отрядом, в сопровождении отряда кубанских черкесов под предводительством Султана Бахты-Гирея, пришел на Волгу и Хопер и «учинил расправу с домовитыми казаками». О популярности Некрасова свидетельствуют многочисленные факты побегов крепостных на Кубань. В следственном деле одного из посыльных атамана говорилось: «...многократно повсегодно проводил с Дона казаков к Некрасову, а ныне похвалялся провести с Дону казаков тысяч десять».

4.3.3. «Все правящие крымские ханы видели в некрасовцах... верных защитников своего трона»

В лице некрасовцев крымский хан и татары нашли стойких и озлобленных противников русских войск.

А. Ригельман (1847).

Все правящие крымские ханы видели в некрасовцах не потенциальных изменников, а верных защитников своего трона, что было по достоинству оценено казаками. На протяжении XVIII в. не зафиксировано случаев государственной измены с их стороны.

«История Кубани...» (2004).

Приняв участие в русско-турецкой войне 1710-1711 гг. на стороне татар, казаки-некрасовцы переселились на правый берег Кубани, избрав в качестве своего основного местопребывания болотисто-островные земли Таманского полуострова. В кубанских лиманах они возвели несколько укрепленных городков – Хан-Тюбе, Кара-Игнат и т. д. В 1711 г. правовой статус пребывания некрасовцев на Кубани был определен – по Прутскому мирному договору между Россией и Турцией они признавались подданными крымского хана, а Россия обязывалась более не добиваться их выдачи («История Кубани...», 2004).

Следует отметить, что *все правящие крымские ханы видели в некрасовцах не потенциальных изменников, а верных защитников своего трона, что было по достоинству оценено казаками.* На протяжении XVIII в. не зафиксировано случаев государственной измены с их стороны. Недаром хан Менгли-Гирей держал при себе в 1730-х гг. в качестве личной гвардии сотню некрасовцев во главе с А. Черкесом.

Некрасовцы приняли участие во всех русско-турецких войнах XVIII в., действуя в составе татарского войска. Как правило, они служили в коннице, выступая, быть может, отдельным отрядом. Нередко использовались знания казаков-некрасовцев о землях Подонья, в том числе тайных тропах, бродах и пр. Как носители языка, они нередко обманывали донцов, захватывая их в плен в качестве языков. Донские казаки ненавидели некрасовцев и при поимке обычно убивали. Антироссийские деяния некрасовцев нередко сопровождалось грабежами и убийствами; «преуспели» они и на таком неблагоприятном поприще, как пленопродавство. Высокое воинское искусство, храбрость и честность казаков лежали в основе их личностных взаимоотношений с крымскими Гиреями, причем качества некрасовцев зачастую превосходили соответствующие характеристики турок и татар.

Добывание казаками еды особых проблем не вызывало: условия кубанского региона позволяли в достаточном количестве ловить рыбу, стрелять птицу и более крупную дичь. Ни в одной области хозяйственной, религиозной, военно-политической жизни некрасовцев мы не находим фактов притеснения, которые инициировались бы крымскими ханами. Они оказывали казакам содействие в удовлетворении духовных нужд.

XVIII в. – время расцвета «древлеправославной» (старобрядческой) церкви на Кубани. Здесь возводятся храмы, а в середине XVIII в. на Кубани в потаенном месте был основан даже монастырь. На протяжении десятилетий некрасовцы активно и успешно занимались так называемым сманиванием. Под воздействием их агитации на Кубань бегут донские, терские казаки, крестьяне российских губерний. Как говорилось в одном из документов, «...на Кубани староверят и за старую веру не гонят». Даже в 1773 г. на заседании высших сановников в Петербурге признавалось, что в случае возвращения некрасовцев в Россию «пристанище» для беглых казаков с Дона могло бы «истребиться». Бегство на Кубань в 1752 г. казаков из Маноцкой станицы на Дону вызвало разбирательство дела в Стамбуле. Российский посол безуспешно тогда жаловался на некрасовцев и покровительствовавшего им крымского хана. Термин «шпионы Некрасова» стал нарицательным в российской делопроизводственной документации. В 1720 г. указом Военной коллегии была даже введена смертная казнь за недонесение на этих шпионов, проникавших на Дон, Украину, Тамбовщину.

Казачье население некрасовских городков, объединившись со «старыми» кубанскими казаками, образовало в 1710-1720-х гг. свое войско – *Кубанское казачье войско (ханское)*. Сами казаки окончательно стали служилыми людьми хана. Нельзя, таким образом, говорить о вольном казачестве Кубани, вольной общине казаков и тем более – республике. В войске имелись его неотъемлемые атрибуты – знамя и печать, на которой было написано: «Войско Кубанское Игнатово Кавказское». Войсковой центр располагался в главном городке Хан-Тюбе. Долгое время войсковым атаманом являлся И. Некрасов, фамилию которого сами казаки избрали в качестве самоназвания. Высшую законодательную власть в войске осуществлял Круг, ведавший вопросами внутренней организации: выборами и смещением атамана, есаула, наказанием членов войска (вплоть до смертной казни) и пр. На Кубани стал формироваться уникальный некрасовский фольклор – исторические песни, предания, сказки, их некоторые сюжеты не зафиксированы у других славян. Здесь же взял свое начало особый свод правил жизни некрасовцев – «Заветы Игната», содержание которых охватило со временем почти все стороны их жизни. Первый завет гласил: «Царизме не покоряться, до царя в Расею не возвращаться!». Заветы запрещали казакам обижать жен, работать друг на друга, закрывать церкви, обязывали почитать старших и т. п. («История Кубани...», 2004).

4.3.4. «Разорить гнездо разбойников-некрасовцев...»

Некрасовцы, лишившись своих жилищ, бродят безместно в горах, число их полагается военных от 600 до 800, а всех мужеска пола меньше 3000 чел.

А.В. Суворов – графу П.А.Румянцеву (1778).

Царские власти неоднократно пытались разорить «гнездо разбойников». В апреле 1736 г. 25-тысячный отряд донских казаков во главе с атаманом Краснощековым, а также калмыков с ханом Дондук-Омбо во главе, по приказу императрицы Анны Иоанновны, выступают против живших в низовьях Кубани черкесов и некрасовцев. «Отряд навел ужас и страх на население Кубани», – писал очевидец.

Различными способами царское правительство пыталось нейтрализовать некрасовскую угрозу, подсылая даже наемных убийц к И. Некрасову. Некрасовские казаки были страшны прежде всего опасностью подражания их примеру (исключительно благоприятного проживания под эгидой мусульманского Крыма) российскими подданными. В ходе русско-турецкой войны 1735-1739 гг. императрица Анна Иоанновна впервые предложила казакам-некрасовцам добровольно вернуться в Россию, пообещав прощение и вознаграждение. В их войске произошел политический раскол – бедные казаки готовы были поверить и рискнуть. Но большая часть некрасовцев осталась на месте, за что они были наказаны посланными против них донскими казаками.

В декабре 1737 г., в ответ на разорение татарами и некрасовцами донских станиц, вновь была проведена карательная экспедиция царских войск на Кубань. Казаки и калмыки, «громя татар и черкесов, сожгли и некрасовский городок Хан-тюбе, убили несколько некрасовцев и угнали скот их». Предположительно в конце 1737 г. Игнат Некрасов умер. После его смерти набег «воровских казаков» на Дон и южные окраины Российской империи прекратились. Часть казаков-некрасовцев, опасавшаяся быть обвиненной ханом в сговоре с отщепенцами, покинула кубанские земли и в период 1740-1756 гг. переселилась на земли в низовьях Дуная – в Добруджу (Румынию) – историческую область между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря (в указанное время – территория Турции), где они занимались в основном рыболовством, а также охотой. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. оставшиеся на Кавказе некрасовцы вынуждены были уйти на левую сторону р. Кубани.

Осенью 1777 г. Шагин-Гирей, уже будучи ханом Крыма, предложил некрасовцам переселиться на Крымский полуостров, но они отказались. Императрица Екатерина II тоже несколько раз обращалась к некрасовцам с предложением переселиться на русскую сторону. По ее распоряжению, генерал Бринк послал к некрасовцам делегацию во главе с полковником Барабанчиковым с задачей уговорить их переселиться в Россию. Когда делегаты прибыли в городок некрасовцев, то их туда не допустили, переговоры вести отказались и, угрожая оружием, прогнали делегатов прочь. Одновременно они под тайным воздействием Батыр-Гирея срочно послали делегацию в Турцию с просьбой взять их под свое покровительство. Крымский хан Шагин-Гирей предложил Бринку истребить некрасовцев, но генерал Бринк решил еще раз попытаться переселить их, но уже силой оружия. 17 сентября 1777 г. два отряда под руководством генерала Бринка и полковника Гамбома пошли к городкам некрасовцев. Но те, будучи предупреждены, заранее переправили к черкесам в Закубанье свои семьи и весь скот. Оставшиеся мужчины решили защищаться, но генерал Гамбом начал пушечный обстрел селений, и некрасовцы бежали. Их жилища были разорены, часть казаков погибла, другая – бежала в Закубанье. Вскоре они построили вдоль левого берега Кубани несколько селений.

О положении некрасовцев в этот период можно узнать из докладной записки генерала А.В. Суворова графу П.А. Румянцеву от 28 января 1778 г.: «Некрасовцы, лишившись своих жилищ, бродят безместно в горах, число их полагается военных от 600 до 800, а всех мужеска пола меньше 3000 чел. В нынешнюю мою поездку со здешнего берега через Кубань с некоторыми из них, усмотренных на том берегу, я говорил, и они, между прочим, оказывали желание к спокойствию и возвращению на нашу сторону...». Главным условием возвращения некрасовцев в Россию было то, чтобы царские власти не затрагивали их религиозных убеждений. Не получив положительного ответа, некрасовцы приняли турецкое подданство и ушли с левобережной Кубани сначала в Закавказье, а затем в Турцию. Авторы книги «История Кубани...» (2004) так освещают этот эпизод: «Безрезультатно увещевал некрасовцев сам А.В. Суворов – летом 1778 г. они беспрепятственно вышли судами из бухты Суджук-кале (район современного Новороссийска) и отплыли в Турцию, расселившись затем близ крупных ее портовых городов. Оттуда некрасовцы переселились на Дунай к своим собратьям. Потерпев в начале XIX в. поражение в борьбе с задунайскими запорожцами, они отправились на побережье Эгейского моря, а затем прочно обосновались на берегу озера Майнос в Анатолии (неподалеку от Мраморного моря в Турции)». Но до 100 семей осталось на левом берегу Кубани, живя вместе с черкесами. Как отмечает В.А. Соловьев, «...ушли в пределы Турции в основном богатые казаки, а беднота осталась. Шайки некрасовцев нападали на русские посты и кордоны черноморцев до конца XVIII в.». В конце XVIII – начале XIX вв. жившие на Кубани некрасовцы перешли к своим единоверцам на Дунай и выселились в Анатолию, а частью «растворились» в черкесской массе.

4.3.5. Возвращение на родину: дальнейшая судьба некрасовцев

Казаки-некрасовцы никогда не забывали о России, и сотни их с гордостью смогли повторить слова одного из них: «Живем теперича на своей земле. Откуда Игнат уводил нас, туда мы и возвратились!»

«История Кубани...» (2004).

Основным занятием некрасовцев стало земледелие: сеяли рожь, гречиху, овес, ячмень, немного кукурузы, выращивали картофель (и даже продавали остатки на рынке в Сочи). Из подсобных промыслов большое значение имела охота.

Т.В. Половинкина (2006).

В период русско-турецких войн 1806-1812 и 1828-1829 гг. небольшие группы некрасовцев перешли на русскую территорию и были поселены около Измаила, а также в селении Высоком близ Сочи. Но официальное разрешение «О дозволении некрасовцам возвратиться из турецких владений» было принято властями только 15 мая 1834 г.

До революции в Россию (на Кавказ) вернулись три значительные группы староверов-некрасовцев, первая – в 1911 г. из Добруджи. Это были молодые казаки, спасавшиеся от призыва в турецкую армию. Семейный «исход» казаков-некрасовцев начался в 1912-1913 гг. из Азиатской Турции, – сначала в Грузию. Наиболее массовое возвращение на Родину некрасовских казаков было в 1947 и 1962 гг. Они возвращались из Турции, Румынии, Болгарии – оттуда, куда их забросила судьба. Вернувшиеся некрасовцы были поселены на Кубани и в Астраханской области, но большая часть – в Левокумском районе Ставропольского края. Первая группа казаков-некрасовцев (160 семей) была водворена в Сочинском округе на переселенческом участке «Бабуков аул» (6–7 десятков семей), а также в урочище «Головинка» (в Матросской Щели) и в Имеретинской бухте (переселенческий участок «Марлинский»). Произошло это на основании решения «Особого Совещания» («Высочайше утвержденное Совещание для обсуждения мероприятий по развитию Черноморского побережья Кавказа») под председательством А.С. Ермолова. Совещание предложило «пополнить» число жителей побережья «возвратом русских из Турции». Однако Общество изучения Черноморского побережья Кавказа выразило сомнение в том, что «...появившиеся из Турции русские сектанты-некрасовцы, занимающиеся главным образом рыболовством, подойдут к жизни в нагорной местности, вдали от моря».

Поселение казаков-некрасовцев в верховьях р. Шахе получило официальное название Бабуков аул. Под этим наименованием оно включено в перечень населенных пунктов Сочинского округа Черноморской губернии за 1916 и 1917 гг. Одновременно существовало и название Некрасовка. По сведениям старожилов, поселок некрасовцев состоял из 68 однотипных домов площадью примерно 100 кв. м каждый, тянувшихся вдоль одной улицы на 850 м, по обеим ее сторонам. При каждом доме был небольшой сад. Основным занятием некрасовцев стало земледелие: сеяли рожь, гречиху, овес, ячмень, немного кукурузы, выращивали картофель (и даже продавали остатки на рынке в Сочи). Из подсобных промыслов большое значение имела охота.

В 1921-1923 гг. старообрядцы постепенно оставляют Бабуков аул, продавая свои дома семьям офицеров бывшей деникинской армии, уходившим с Кубани от преследований советской власти. Большая часть некрасовцев переселилась в Имеретинскую бухту, другие – в Головинку (Половинкина Т.В., 2006. С.148-149).

Дополняют информацию о возвращении некрасовцев в Краснодарский край авторы книги «История Кубани...» (2004): «В 1918 г. некрасовцы появились на Кубани, основав сначала хутор Некрасовский, а затем – Новонекрасовский (современный Приморско-Ахтарский район). Их переселение уже в СССР продолжилось в 20-е гг. XX в., завершившись в 1962 г. (Ставропольский край). Незначительная группа казаков выехала из Турции вместе со старообрядцами-липованами в 1963 г. в США. Казаки-некрасовцы никогда не забывали о России, и сотни их с гордостью смогли повторить в XX в. слова одного из них, сказанные в 1940 г.: «Живем теперича на своей земле. Откуда Игнат уводил нас, туда мы и возвратились!»..

4.4. Суворов на Кубани: портрет без ретуши

А.В. Суворов – 20 походов, 80 сражений, ни одного поражения. Умение быстро оценить обстановку, принять решение, а главное – солдаты шли за ним в огонь и в воду, верили и всегда побеждали...

И.В. Сталин (1943).

О Суворове написаны сотни книг и нигде нет о нем ни одного слова как о поработителе и истребителе народов. Время – суровый судья деяниям рук и ума человеческих; одним оно рано или поздно приносит забвение, других же, как А.В. Суворова, оно подымает и носит на крыльях истории.

В.А. Соловьев (1990).

Спектр мнений о роли пребывания А.В. Суворова на Кубани в 70-х – 80-х гг. XVIII в. весьма широк. Одни расценивают его деяния здесь как подвиг во славу русского оружия, особо отмечая при этом диплома-

тические способности будущего генералиссимуса. Вот, например, мнение профессора-историка Кубанского университета В.Н. Ратушняка: «На Кубани Суворов проявил себя как мудрый политик и дипломат». Такого же мнения придерживается и В.А. Соловьев (1990): «Успешные действия Суворова на Кубани способствовали еще большему укреплению авторитета России. Летом 1783 г. он блестяще проявил свои способности как дипломат, проводя церемонию добровольного присоединения правобережья Кубани к России».

Это с одной стороны. Если же спросить отдаленных потомков кубанских ногайцев, несколько тысяч которых были уничтожены А.В. Суворовым в 1783 г., а остатки принудительно выселены чуть ли не в Уральские степи, – здесь думается, оценка будущего генералиссимуса будет несколько иной. Да и горцам-адыгам есть что вспомнить о времени его пребывания на Кубани. Не случайно так долго и трудно решался вопрос с возведением памятника Суворову в казачьей столице (сейчас он установлен в самом начале ул. Октябрьской).

Учитывая большой интерес жителей Кубани к этой, несомненно, незаурядной, выдающейся личности, кратко рассмотрим основные вехи жизненного пути А.В. Суворова, которые в конце-концов привели его на Кубань.

4.4.1. «Знаменитейший полководец сего и других веков»: вехи биографии

Служу я больше 40 лет и почти 60-ти лет одно мое желание, чтоб кончить службу с оружием в руках.

А.В. Суворов (1788).

Награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высший степень, чести и героизму представленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков.

Павел I, император (1799).

Александр Васильевич Суворов (1730-1800 гг.) – великий полководец, генералиссимус русской армии. Родился он 13(24) ноября 1730 г. в Москве. Отец Суворова начал службу в должности денщика и переводчика при Петре I, а закончил ее генерал-аншефом, членом Военной коллегии, сенатором.

23 октября 1742 г. «недоросль Александр Васильев сын Суворов» был зачислен солдатом в Семеновский полк. Спустя пять лет, 25 апреля 1747 г. Суворов получил свое первое повышение – стал капралом, а в декабре того же года он оставил Москву и отправился в Санкт-Петербург служить в Семеновском полку. Исполнительный и инициативный, Суворов 22 декабря 1749 г. был записан в подпрапорщики, а 8 июня 1751 г. произведен в гвардии сержанты. В этом звании ему, владевшему французским, немецким и итальянским языками, поручались «разные должности и посылки» – с делами он неоднократно бывал в Дрездене, Вене и других зарубежных городах.

В 1754 г. Суворов в числе других 34 гвардейцев получил чин поручика, Военная коллегия определила его в Ингерманландский полк, одну из лучших частей русской армии, предварительно предоставив ему на год «домовой» отпуск. Армейский офицер Суворов был активным участником Семилетней войны (1756-1763 гг.), участвовал в Кунерсдорфском сражении, в походе на Берлин в 1760 г. Вступившая на престол Екатерина II в только что построенном Зимнем дворце в 1762 г. приняла отца и сына Суворовых. Как писал впоследствии сам А.В. Суворов, он был произведен в полковники следующим собственноручным указом императрицы: «Подполковника А.В. Суворова жалуюм мы в наши полковники в Астраханский пехотный полк».

В 1768-1772 гг. под руководством Суворова русские войска нанесли поражение польским конфедератам. С 1770 г. он был произведен в генералы. Битва в Столновицах сделала Суворова известным всей Европе – сам Фридрих II обратил на него внимание, советуя полякам остерегаться этого внешне неприметного генерала. За «совершенное разбитие литовского гетмана графа Огинского» Суворов был удостоен ордена св.Александра Невского. Затем сбылось его желание – он получил назначение в 1-ю армию, к П.А. Румянцеву.

Прибыв на русско-турецкий театр военных действий, Суворов не замедлил на деле показать свои полководческие способности: 10 мая и 17 июня 1773 г. осуществил две победоносные вылазки на Туртукай с переправой через Дунай, 3 сентября одержал победу над турками у Гирсова, а в следующем году 9 июня наголову разгромил их при Козинудже. Эти победы в значительной степени повлияли на исход русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и на заключение мира в Кючук-Кайнарджи. В том же 1774 г. Суворов был отозван к графу Петру Панину – на подавление крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачева, принявшего угрожающий для правительства размах. 15 сентября он доставил Пугачева под конвоем в г. Симбирск.

С 1777 г. Суворов – командующий Кубанским корпусом; строил укрепления по Кубанской линии. В январе 1780 г. направлен в Астрахань. С 1782 г. вновь назначен командующим в Крыму и на Кубани; спустя год «приводил в покорность» ногайцев. С 1784 г. – командир Владимирской, а с 1785 г. – С.-Петербургской дивизии. Крупными событиями в русской истории стали блестящие победы русских войск над турками, одержанные под предводительством Суворова в период 1787-1791 гг. Сражение на Кинбурнской косе, осада Очакова, поражение армии Осман-паши при Фокшанах, разгром войск турецкого визиря Юсуф-паши на берегах Рымника и, наконец, блистательный штурм Измаила – эти яркие страницы полководческой деятельности Суворова не только явились неожиданным сюрпризом для всей Европы, но и стали одной из главных

причин, заставивших Турцию подписать с Россией Ясский мирный договор. За победы Суворова на р. Рымник (у неприятеля было в 4 раза больше войск, чем у Суворова) ему был присвоен титул графа Рымникского и дан орден Георгия 1-го класса.

С 1792 г. Суворов – командующий войсками юга России; в августе 1794 г. участвовал в подавлении Польского освободительного восстания. В ноябре 1794 г. ему присвоено звание «генерал-фельдмаршал». С 1797 г. находился в опале, откуда был, так сказать, «востребован» для участия в военных действиях в Италии. Итальянский и Швейцарский походы Суворова стали легендой – они увенчали полководца новой славой. Павел I отмечал в октябре 1799 г.: «Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов отечества, недоставало вам одного рода славы – преодолеть и самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх». В ознаменование заслуг Суворова Павел пожаловал ему титул князя Италийского и звание генералиссимуса. В рескрипте от 29 октября 1799 г., которым объявлялось эта награда, император указывал: «Награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высший степень, чести и геройству представленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков». 6 (18) мая 1800 г. престарелый А.В. Суворов скончался в Петербурге. На могиле, вместо его многочисленных громких титулов и званий – скромная надпись в три слова: «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ СУВОРОВ».

4.4.2. «Хан Кубани» Шагин-Гирей: предыстория трагедии ногайского народа

Ждем мира, а ничего доброго нет, – и вот ужасы...

Книга пророка Иереми (8; 15).

Политические резоны требуют держать татар, султанов и черкес в чаянии от стороны нашей особливых себе выгод, а больше угождений...

А.Д. Константинов (1777).

В середине XVIII в. Крымское ханство оставалось еще в подчинении Турции; турецкий флот продолжал господствовать на Азовском и Черном морях, что, разумеется, совсем не устраивало Россию. Вот почему русское правительство в период войны с Турцией 1768-1774 гг. упорно добивалось предоставления независимости Крымскому ханству и заключения с ним союзнических отношений. Важная роль в достижении этой цели отводилась Прикубанью, особенно после переселения туда в 1771 г. около 30000 ногаев с Днепра. Это были едисанские, буджацкие и джамбуйлуцкие ногаи – первые из крымцев, порвавшие отношения с Турцией и заключившие союз с Россией.

Правобережная Кубань входила в то время в состав Крымского ханства. Основное население территории между реками Ея и Кубань составляли ногаи и адыги. И Россия, и Турция хотели использовать эти народы в борьбе за овладение Крымом. В частности, русская дипломатия выдвинула план создания на Правобережной Кубани самостоятельного и независимого от Крыма «Кубанского ханства», чтобы заставить татар отмежеваться от Порты. Под угрозой потерять Прикубанье и под давлением русских войск, введенных на территорию Крыма в 1772 г., Крымское ханство вышло из подчинения Турции. Утратив свои позиции на полуострове, турки пытались использовать Закубанье в качестве плацдарма для возвращения Крыма. Они рассчитывали на поддержку закубанских народов, которые находились, как было отмечено выше, в номинальной зависимости от них и были их единоверцами.

Султанское правительство прислало горцам свои войска и нового хана – Девлет-Гирея. Однако турки просчитались. Они не нашли сколько-нибудь серьезной поддержки у народов Закубанья. Только заключение в июле 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора спасло турок и Девлет-Гирея от окончательного разгрома. Спустя год, при поддержке турецкого десанта Девлет-Гирей захватил крымский престол, стремясь ликвидировать независимость Крымского государства. В создавшейся обстановке русское правительство решило возвести на ханский престол своего ставленника Шагин-Гирея. Первая часть плана заключалась в том, чтобы ногаи сами провозгласили его крымским ханом на Кубани.

Шагин-Гирей – брат свергнутого в 1775 г. крымского хана Сагиб-Гирея. В свое время он побывал в России. В 1771 г. он посетил во главе делегации Санкт-Петербург и там обратил на себя внимание не только как прямой потомок Чингис-хана, но и как сторонник сближения с Россией. За годы, проведенные в столице, он изучил язык, экономику, писал стихи. Царица наградила его несколькими орденами и дала чин капитана Преображенского гвардейского полка, ибо рассмотрела в молодом феодале подходящую кандидатуру для занятия ханского престола, к чему и он сам сильно стремился. Борьба между сторонниками прорусской и протурецкой ориентации на Кубани усилилась. В ноябре 1776 г. закубанские ногаи и черкесы напали на крепость Копыл (Славянск-на-Кубани), где находился Шагин-Гирей. Взятие Темрюка в декабре отрядами ногаев заставило турецкие войска покинуть Таманский полуостров. Наконец, в январе 1777 г. Шагин-Гирей был провозглашен «ханом Кубани», а в марте он переправился на Крымский полуостров, где при поддержке русских войск был провозглашен и крымским ханом. Осуществлению этого плана способствовало местное население. Несмотря на общность религии и торговые связи с Турцией, на подстрекательство с ее стороны,

большая часть населения Кубани «была склонна к России. Только едичкулы, темиргоевцы, часть шапсугов и абазинцев перешли на сторону турок».

Политика России на Северо-Западном Кавказе в немалой степени способствовала усилению прорусской ориентации у местного населения. Общее направление ее было выражено русским резидентом в Крыму А.Д. Константиновым в письме к бригадиру Макарову: «Политические резоны требуют держать татар, султанов и черкес в чаянии от стороны нашей особливых себе выгод, а больше угодений». Правительство Екатерины II стремилось расположить к себе местное население с помощью не только политических, но и торговых связей. Турецкий султан, обеспокоенный усилением позиций России на Кубани, стал подстрекать черкесов к нападению на русские укрепления. В 1778 г. было совершено нападение на Павловскую крепость, но подошедший с войсками генерал Якоби отбил это нападение. Весной следующего года кабардинцы, темиргоевцы, бесленеевцы подошли к крепости Марьинской и потребовали немедленно срыть ее, но их отряды были разбиты казаками. Усилия турок поднять кубанские народы против России не увенчались успехом.

Дальнейшая судьба хана Кубани Шагин-Гирея была трагичной. После разгрома Суворовым ногайцев, хан был вывезен в Крым, а оттуда в Воронеж. Затем он жил в Калуге, но тосковал о Кубани, и русское правительство, уже не опасаясь влияния Шагин-Гирея на татар и ногайцев, отпустило его в Турцию, куда его неоднократно приглашали. Там его вначале приняли с почетом, но вскоре потихоньку сослали на о.Родос и по личному приказу султана отрубили голову. Так бесславно закончил свой жизненный путь первый и последний хан Кубани – Шагин-Гирей.

4.4.3. Суворов – горцам: «Давайте жить дружно, иначе ...»

*Грех – напрасно убивать, помилуй Бог, мы – русские...
Воин должен быть враг зависти, ненависти и мщения;
противников своих низлагает он своим снисхождением...
Христианский закон служит ему нравоучением его.*

А.В. Суворов.

В связи со сложной военно-политической обстановкой на Северо-Западном Кавказе, командиром Кубанского корпуса был назначен генерал А.В. Суворов. Перед ним были поставлены задачи: прекратить волнения ногайского народа, разъединить силы ногаев и адыгов, ликвидировать опасность вторжений горцев и турок на Правобережную Кубань, создать условия для возможного отделения ее от Крыма. Следует отметить стремление Суворова сохранить дружеские отношения с горцами. Докладывая об обстановке на Кубани, он сообщал, что «...черкесы имеют частое с войсками российскими обращение и начинают помалу производить уже торги лошадьми, скотом, маслом, молоком и другими товарами». Суворов предлагал закупить в Ростове сахар, чай и другие продукты для подарков черкесским феодалам. Подарки с приложением денег следовало разослать через верных людей в Закубанье и вручить лично князьям.

А.В. Суворов призывал своих командиров терпеливо вести деловые переговоры с горцами и миром решать пограничные распри и спорные вопросы, не торопиться применять оружие, справедливо считая, что «благородное великодушие иногда более полезно, нежели стремглавной военной меч» (Бардадым В., 1992). Он постоянно требовал «...соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиянами и разных званий местных обывателей». К нарушителям этого требования вообще был суров: «На стоянках и походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко, тотчас на месте. Солдат – не разбойник».

Начал Суворов с того, что разослал закубанским черкесам письма с приглашением жить в мире и дружбе, о чем он доносил 17 марта 1778 г. графу Румянцеву. Что же касается набегов закубанских абреков на мирных ногайцев и русские посты, то Суворов проявлял большую выдержку и даже запрещал преследовать их за Кубанью, чтобы не пострадали мирные жители. Даже обращаясь к закубанским феодалам с «увещательными письмами», он не смешивал черкесов-абреков со всеми черкесским народом: «Боям всех закубанских племен черкесских и абазинских, узденям и всем вообще надежным приятелям моим через сие объявляю: получаю я известия, что из ваших народов многие хищники, скопляясь большими шайками, переправляются часто воровски через Кубань: скот, имение и людей, так и российских лошадей воруют и, нападая на наши кордоны, оказывают часто свое злодейство. Сие побудило меня увещевать вас, приятелей моих, дабы вы запретили своим народам такие воровства и хищения, обращались бы с ногайцами и нашими людьми дружественно». Если же черкесы не прекратят своих набегов, то Суворов грозил «...переправить через Кубань войска и наказывать за такую дерзость огнем и мечом, и в том вы сами себя пенять должны будете. Впрочем, ожидая дружественного вашего обращения, всегда вам доброжелательный и к услугам готовый, – А.В. Суворов». При этом, как отмечал Ф. Щербина, «замечательно, что величайший во всем мире полководец меньше всего желал прибегать к оружию и проливать кровь».

В сообщении графу Румянцеву А.В. Суворов приводит также собранные им сведения о закубанских горцах. Силы черкесов, по его мнению, составляют около 20 000 чел., из которых вооружено не более 15 000 чел. Ближайшими к Таманскому полуострову племенами управляют три султана, из которых са-

мый сильный Батыр-Гирей. Всех же черкесских орд, по Суворову, – восемь: 1) Абаза, 2) Черкес, 3) Тукай, 4) Кабарда, 5) Базалук, 6) Шапсуг, 7) Темиргой, 8) Угай. Из них самые большие Абазинская, Кабарда и Угай. При объезде позиций в 1778 г. Суворов встречался с некрасовцами и говорил с ними через Кубань. По их рассказам, они «лишены жилищ и бродят беспринутно в горах». Всего населения у них около 3000 душ обоего пола и от 600 до 800 чел. строевых.

4.4.4. Строительство Кубанской укрепленной линии

Расположение хорошего шанца на собственном грунте черкесов будет сдерживать их порыв к набегам...

А.В. Суворов (1777).

Новая цепь укреплений, значительно затруднившая набеги черкесов, не могла нравиться и хищным, считавшимся в подданстве крымского хана, ногайцам, жившим по Кубани; для них она имела фатальное значение...

В.А. Потто.

В 1777-1778 гг. генерал А.В. Суворов, командовавший Кубанским корпусом, призван был укрепить южно-русскую границу против набегов горцев. С этой целью он решил построить военные укрепления по правому берегу Кубани и далее на восток до Ставропольской крепости. Генерал наметил главные и второстепенные посты так, чтобы русские войска надежно сдерживали прорывы горцев в степную сторону Прикубанья. Он намечал также возвести новые укрепления и по левой «турецкой» стороне Кубани, что, по мнению полководца, должно было бы «сдерживать их (черкесов) порыв к набегам». Так, в рапорте П.А. Румянцеву от 23 января 1778 г. А.В. Суворов предлагал: «А к лучшему этих ветреных народов (черкесов, абазинцев) обузданию, полагаю я надобным, на собственном их грунте построить хороший шанец по ту сторону Кубани». Однако во избежание трений с Турцией, правительство не разрешило строительство укреплений в Закубанье.

За короткий срок Суворов укрепил пограничную линию от Тамани до верховьев р. Кубани и далее до старой Терско-Моздокской линии; в общей сложности было построено 10 крепостей и 26 редутов и фельдшанцев. В частности, были сооружены следующие крепости: Таманская на Таманском полуострове, Александровская – теперь г. Усть-Лабинск, Павловская – ныне ст. Кавказская и т. д. В архивных источниках сохранилось «Описание, сколько на Кубани сделано укреплений», подготовленное не без участия А.В. Суворова. Согласно этому «Описанию», на Кубани в то время были следующие укрепления:

Крепости			
Александровская	Екатерининская	Ново-Троицкая	Таманская
Ачувская	Марьянская	Павловская	Темрюкская
Благовещенская			
Фельдшанцы			
Ангелинский	Духовой	Михайловский	Славянский
Архангельский	Ейский Большой	Правый	Солнечный
Восточный	Елдбуздинский	Пещаный	Спасский
Всехсвятский	Западный	Подгорный	Терновский
Гавриловский	Кубанский	Римский	Усть-Кубанский
Державный	Левый	Сарский (Царский)	
Редуты			
Бейсугский	Ейский	Керпильский	

Поскольку эти укрепления, в нарушение Кючук-Кайнарджийского договора, строились на территории чужого государства – Крымского ханства, это привело к обострению русско-турецких отношений. Одновременно строительство царских укреплений на правом берегу Кубани вызвало возмущение и адыгов, справедливо усмотревших в этом акт агрессии. Кубанская линия мешала адыгам использовать пашни и пастбища степного правобережья. Кроме того, не следует забывать, что еще в конце XV в. территория между Азовом и Кубанью являлась составной частью Черкесии, и лишь в XVI в. попала под контроль кочевников. Сохранился примечательный факт, что в сентябре 1778 г. Хаджи-Гирей-султан, желая наказать своего соседа и недруга Дулак-султана, попросил командира Кубанского корпуса генерала В.В. Райзера помочь ему войсками. Союзники переправились через Кубань и атаковали у правого берега Лабы ногайские аулы Дулак-султана. Когда озлобленный Дулак-султан стал громить союзников, Хаджи-Гирей сбежал. Лишь пушечная картечь спасла русский отряд Гинцеля от неминуемого поражения. Суворов был этим очень недоволен и писал генералу Райзеру в марте следующего года: «Стыд императорского оружия, не грозных неприятелей, но малолюдных заречных разбойников Ваше превосходительство давно унять могли бы». Под натиском Суворова адыги-жанеевцы оставили в 1778 г. свои земли по правому берегу р. Кубани. Можно было ожидать, что царизм не остановится на правобережье Кубани и вслед за ногайской землей и адыгская террито-

рия может явиться объектом его притязаний; поэтому черкесы неоднократно нападали на суворовские военные укрепления, стремясь их разрушить. Позже по договору с Турцией русские войска были выведены с Правобережной Кубани, а суворовские укрепления уничтожены.

Много лет спустя А.В. Суворов вспоминал: «Я рыл Кубань от Черного моря в смежность Каспийского под небесной кровлею, преуспел в один Великий пост утвердить связь множественных крепостей, среди непостоянной погоды и несказанных трудов», и с горечью заключил: «И за то – ни одного доброго слова».

4.4.5. Выселение ногайцев с Кубани: первый опыт депортации кавказских народов?

Своеобразной «генеральной репетицией» будущих принудительных выселений кавказских (и не только кавказских!) народов явилась депортация (изгнание) с Кубани ногайцев в 1783 г. Напомним, что, согласно «Словарю иностранных слов» (1995), «депортация (лат. *deportation* «изгнание») – «принудительное выселение лиц, признанных «социально-опасными», из места их постоянного жительства и поселение их в новом месте с ограничением свободы передвижения».

4.4.5.1. «Турция, вопреки трактату, возмущает татарские орды...»

Турция, вопреки трактату, возмущает татарские орды; ...она не только абазинцев и черкес, но и наших подданных со всего острова Тамани приводит в смятение и бунт.

Из письма хана Шагин-Гирея П.П. Веселицкому (1782).

В «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицын писал: «Историки могут нас поправить, но наша человеческая память не удержала ни от XIX, ни от XVIII, ни от XVII века массовой насильственной пересылки народов. Да, были колониальные покорения, победители приобретали власть над коренным населением, но как-то не приходило в головы колонизаторов разлучить это население с его исконной землей, с его предковскими домами...» Нет, лукавит господин Солженицын! Было, было такое, и в XIX в. (принудительное выселение адыгов в Турцию), и в XVIII в. (изгнание с Кубани ногайского народа). Причем, – историю не подправить, – руку к последнему позорному делу приложил наш будущий генералиссимус.

«При явной опасности военных столкновений с Турцией за Северо-Западный Кавказ, – утверждают авторы монографии «Дон и степное Предкавказье» (1977), – А.В. Суворов мирным путем выселил ногайцев-кочевников с Правобережной Кубани в Уральские степи». О том, что «...присоединение Правобережной Кубани было осуществлено в целом мирным путем», – пишут и авторы современной «Истории Кубани...» (2004). Но авторы упомянутых книг скромно умалчивают, как именно «мирным путем» был сорван с места целый народ и переселен с родной Кубани за тысячи верст в бесплодные степи. Ниже мы увидим, как происходило это переселение на самом деле.

В мае 1781 г. среди кубанских ногайцев началось стихийное восстание против ставленника царской России хана Шагин-Гирея. Поводом к выступлению был отказ хана выполнить просьбу ногайцев-едичкулов присоединить к ним осевших около Тамани соплеменников. Восстание охватило касаевцев, каспулатовцев, едичкулов, едисанов, – всех ногаев кроме джамбуйлуков. Весной 1782 г. восстание на Кубани вспыхнуло с новой силой. Братья крымского хана Батыр-Гирей и Арслан-Гирей, заручившись поддержкой турок, решили захватить власть в свои руки. Шагин-Гирей жаловался русскому резиденту П.П. Веселицкому, что «...Турция, вопреки трактату, возмущает татарские орды; ...она не только абазинцев и черкес, но и наших подданных со всего острова Тамани приводит в смятение и бунт».

Понимая, что Крым и Кубань будут предметом осложнений русско-турецких отношений и в дальнейшем, правительство Екатерины II решило присоединить Крымское ханство к России, – так сказать, одним ударом «разрубить Гордиев узел». 8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала «высочайший» Манифест о присоединении Крымского ханства (в том числе всей территории Крыма, Таманского полуострова и Правобережной Кубани) к России. Цель этой акции – закрепиться на Кавказе и вместе с тем осуществить вековую цель российской политики на юге: ликвидировать страшную угрозу со стороны хищнического Крымского ханства. Теперь надо было добиться, чтобы новые подданные – ногайский народ – приняли русское подданство. Как отмечает Ф. Щербина, приведение в подданство России ногайцев было поручено генералу Суворову лично Екатериной II. «Покорение ногайцев, – писал Суворов Иловайскому, – может быть, обойдется без всякого кровопролития». И действительно, первоначально А.В. Суворов употребил все возможные мирные средства, чтобы удержать ногайцев от побега за Кубань к черкесам, куда их усиленно приглашали турецкие эмиссары. Чтобы не допустить этого, генерал Суворов расположил свои войска на правом берегу р. Кубани и 28 июня 1783 г. осуществил приведение ногайцев к присяге, «обставив особой торжественностью этот акт».

В. Потто (1885) пишет, что в этот день вся степь вокруг г. Ейска покрылась кибитками. Суворов, сопровождаемый блестящей свитой, явился в кругу ногайских старшин и зачитал манифест Шагин-Гирея, в

котором он, отказываясь от престола, уступал свое царство русской императрице. После этого начался пир. 100 волов и 800 баранов было изжарено и сварено для угощения народа. 6000 ногайцев, сидя на коврах и забывая постановления Корана, дружно осушали кружки с вином, медом и пивом. Два дня подряд длился пир, а третий день завершился конскими скачками и джигитовкой. Затем ногайцы разъехались по степи, считая себя друзьями русских. Хану Шагин-Гирею от русского правительства была пожалована пожизненная пенсия в 200 тыс. руб. в год. Как писал очевидец, «край сразу был умиротворен». Но грабежи ногайцев продолжались. Подполковник Лешкович сообщал Суворову, что «едисаны, джамбулуки, касаевцы, капшатцы и каспулатовцы не перестают один другого грабить, скот отбивать и в свои аулы отгонять». Царское правительство не могло примириться с этим. По предложению князя Потемкина, ногайские татары должны были переселиться еще дальше на восток, в Уральские степи по соседству с киргизами, причем обеспечение этой акции было поручено генералу Суворову, которому придали Кубанский корпус в составе 12 батальонов и 20 эскадронов при 16 орудиях. Кроме того, в его распоряжении были 20 донских полков (Осипов К., 1954).

4.4.5.2. «Переселение было в самом своем основании насилием»

На Кубани пришлось приводить в покорность ногайцев. Это деликатное дело, несмотря на значительные затруднения, ему (А.В. Суворову) удалось исполнить без каких либо жестокостей и кровопролития.

И.А. Заичкин (1994).

Принудительное выселение ногайского народа с правобережья Кубани началось в июле 1783 г. Ногайцы не хотели уходить с родной земли. Русский историк А. Петрушевский справедливо писал по этому поводу, что «переселение было в самом своем основании насилием». Отойдя всего 100 верст от г. Ейска, ногайцы подняли восстание. Возглавили его Канакай-мурза и Тав-Султан.

Ночью 31 июля ногайцы напали на войска подполковника Лешковича. В жестоком бою было убито 1300 ногайцев, а потери русских составили всего 20 чел. Уговоры Суворова прекратить кровопролитие не увенчались успехом и началась, по его словам, «полная рубка татарам». Об этом последующем сражении генерал Суворов так сообщал атаману Иловайскому: «Все теперь благополучно, только ногайцы-канакаевцы почти все перекрошены. Самого мурзу Канакая небрежно прострелили в ухо». Опрокинутые казаками ногайцы бросились в болотистую речку, вязли в ней и были поражаемы пулями и картечью. Свои арбы и имущество с яростью истребляли сами ногайцы, чтобы не достались они русским; собственных женщин резали, а грудных детей вырывали у матерей и бросали в реку. Как писал очевидец, «...отчаяние было полное, и ногайцы точно обезумели в этом ужасном бою». В общей сложности убито было около 3000 ногайцев, захвачено 20 000 лошадей и крупного рогатого скота. При этом потери русских составили 100 чел. Так войсками А.В. Суворова было подавлено восстание кубанских ногайцев. В свете этого полным лицемерия представляется признание будущего генералиссимуса: «Трепещу, но люблю моего ближнего; в жизнь мою никого не сделал несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил моей рукой ни одного насекомого...». Интересно отношение царского правительства к этим «деяниям» генерала. Когда Суворов доложил князю Потемкину о провале «добровольного» переселения ногайцев, то в ответ получил выговор за самовольно начатое переселение и приказ «...считать возмутившихся ногайцев не подданными России, а врагами отечества, достойными всякого наказания оружием». А по сообщению В. Потто (1885), наоборот, «...императрица щедро наградила участников; Суворову пожалован был орден св. Владимира 1-й степени, а генералу Иловайскому – 2-й степени». Факт награждения Суворова подтверждает и В.А. Соловьев: «Этот подвиг и неустанные труды Суворова были оценены правительством Екатерины II одним из высших орденов – св. Владимира 1-й степени».

4.4.5.3. «Мятеж охватил все ногайские орды»

...Пресечь такую дерзость мятежных ногайцев и дать им энергичный и сильный удар для жестокого урока всем недоброжелателям России.

**Из приказа генерала П.С. Потемкина
А.В. Суворову (1783).**

Замечательно, что величайший во всем мире полководец меньше всего желал прибегать к оружию и проливать кровь.

Ф.А. Щербина (1910).

В ответ на карательные действия российских войск мятеж охватил все ногайские орды. В середине сентября турки подговорили Тав-султана, еще совсем недавно сидевшего на ковре рядом с Суворовым и пившего с ним из одного кубка, нанести удар по Ейскому укреплению и захватить семью Суворова. Однако эта попытка не увенчалась успехом. Часть ногайцев (с Шагин-Гиреем) ушла за Кубань, откуда вместе с чер-

кесами неоднократно пытались атаковать русские укрепления. Спустя несколько дней Суворов получил приказ генерала П.С. Потемкина совершить поход в Закубанье с целью «пресечь такую дерзость мятежных ногайцев и дать им энергичный и сильный удар для жестокого урока всем недоброжелателям России».

Покорение почти не знавших огнестрельного оружия ногайцев казалось нетрудной задачей. С военной стороны ее выполнение не представляло трудностей: было очевидно, что кочевые, плохо вооруженные племена не могут противостоять регулярным частям, оснащенным огнестрельным оружием и пушками. Трудность заключалась в другом: надо было «не спугнуть» неторопливо передвигавшихся кочевников и не дать им уйти в леса и горы. С этой целью были распушены слухи, что Суворов навсегда уехал в Россию и что закубанских ногайцев решено оставить в покое. А на самом деле 19 сентября 1783 г. отряд под началом Суворова выступил в решающий поход против мятежников; для конспирации двигались только ночами. В ночь на 1 октября показались ногайские становища, расположенные на противоположном берегу Кубани. Предстояло совершить незаметно для кочевников переправу через реку 16 рот пехоты, 16 эскадронов драгун и 16 казачьих полков. Переправа эта, по словам Суворова, была «наитруднейшая, широтою более 75 сажен (около 150 м), едва не вплавь, противный берег весьма крутой, высокий – только тверд». В полной темноте войска без шума перебрались на другой берег. Пройдя 12 верст от реки, в урочище Керменчик войска Суворова вместе с донскими казаками во главе с атаманом Иловайским настигли первые таборы ногайцев и дали им решающий бой (Осипов К., 1954).

Как писал сам Суворов, «кампания 1783 г. принесла полный успех...». Следуя правилу *«преследовать неприятеля денно и ночно, пока истреблен не будет»*, А.В. Суворов добился полного уничтожения противника. К концу битвы около 5000 трупов усеяли пространство, не менее 4000 ногайцев были захвачены в плен. [Впрочем, некоторые другие источники приводят более скромные цифры потерь ногайцев. Так, К. Осипов (1954) пишет: «После непродолжительной ожесточенной схватки началось избиение почти безоружных кочевников. В течение дня было убито много ногайцев и 1000 их взято в плен. Остальные рассеялись по лесам. Русские потеряли 50 чел.].

Примечательно, что, по сообщению П.Г. Буткова, «...в продолжение сих действий российских войск за Кубанью, черкесы закубанские не упустили случая найти свои пользы. Они столько расхитили ногайцев, ловили и брали в плен, – более, нежели сколько их истреблено и захвачено от войск российских; даже меняли двух человек на одну лошадь». И казаки, и солдаты, как отмечают очевидцы, одинаково не давали никому пощады, – убивали, резали и кололи мужчин, женщин, стариков и детей. И здесь ногайцы в отчаянии убивали своих жен и детей, чтобы избавить их от позорного плена. Не правда ли, это злодеяние напоминает библейские сцены изгнания многострадального еврейского народа: «Испытали поругания, побои. Были избиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке; умирали от меча, скитались, терпя скорби, озлобления...» (Послание к Евреям, 11; 36-38).

Как с горечью отмечает Ф. Щербина, пожаром, кровью и трупами были огагрены последние потомки великой монгольской орды. Страшный урок, данный ногайцам, был так поучителен, что навел панический страх не только на все Закубанье, но даже на крымских татар. Последние тысячами бежали в Турцию, опасаясь подвергнуться подобной же участи. Ногайцы поступили иначе. Как сообщает В. Потто, только злейшие противники России отдались под покровительство черкесов, остальные же явились к Суворову с повинной головой. На местах, где прежде кочевали ногайцы, поселено было впоследствии Черноморское казачье войско.

4.4.5.4. «Уничтожение Суворовым ногайских татар на Кубани много содействовало развитию и процветанию Кавказского края»

И побили уцелевший там остаток амаликитян, и живут там до сего дня...

1-я книга Паралипоменон (4;43).

Покорение кабардинцев генералом Якоби и почти одновременное уничтожение генералом Суворовым ногайских татар на Кубани много содействовало развитию и процветанию Кавказского края. Край быстро стал заселяться и богатеть...

В. Потто, царский историограф (1885).

Жесткую (и исторически-объективную) оценку этой карательной акции А.В. Суворова дал в свое время историк А. Лещенко (1930): «Истребление и изгнание ногайского народа, а потом еще более многочисленного и культурного адыгского – дела, достойные ассирийских завоевателей, Чингис-ханов и Тамерланов». Подобную же оценку мы встречаем и у Ф. Антинга: «Со времени Мамайя никогда татары не терпели такого жестокого поражения, как в тот несчастный день».

Спустя 10 лет после этой «акции» очевидцы, побывавшие на Кубани, сообщали, что за Усть-Лабинской станицей, вниз по течению Кубани, вплоть до самого моря, оставались привольные, но пустынные

ные степи, расстилавшиеся к северу до самого Дона и оставшиеся после выселения из этих мест Суворовым ногайских татар почти совершенно без населения. Огромные степные территории правобережья Кубани «освободились» и были готовы принять к себе новых жителей – черноморских казаков. Оптимизмом полны слова царского историографа В. Потто о будущем этого края: *«Покорение кабардинцев генералом Якоби и почти одновременное уничтожение генералом Суворовым ногайских татар на Кубани много содействовало развитию и процветанию Кавказского края.* Край быстро стал заселяться и богатеть. Это обилие земли, это приволье сделали то, что богатство жителей в короткое время возросло до высокой степени».

Столетием позже подобную же восторженную оценку этой «акции» мы встречаем и у современного историка В.А. Соловьева: *«Операция блестящая по скрытности и внезапности, увенчалась полным успехом, и ногайская конница как военная сила, постоянно угрожавшая южным землям России, перестала существовать».* И далее: *«Все посещения Кубани Суворовым составили особую полосу времени, разделившую историю Кубани как бы на две части: досуворовскую – эру тьмы, и послесуворовскую – эру света, ибо народы Кубани вступили в состав России с её высокой культурой».* Написано именно так, не больше и не меньше. Оказывается, царские каратели, убивая ногайцев, их жен и детей, изгоняя их из родных мест, несли им «эру света». Уж не руководствовался ли кубанский историк В.А. Соловьев в своей оценке итогов карательной акции царских войск библейскими текстами: «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет...» (Евангелие от Матфея, 4; 16)?

Таким образом, факты подтверждают, что царизм осуществил присоединение правобережья Кубани исключительно военными средствами. Усилиями А.В. Суворова была воздвигнута цепь укреплений вдоль р. Кубани и сломлено сопротивление ногайского народа. Благодаря всему этому, Турция была вынуждена в 1783 г. окончательно согласиться на уступку России Крыма.

4.5. «Пожаловали в вечное владение...»: переселение запорожских казаков на Кубань

Их было мало числом, очень мало, и они были пришельцами в ней [этой земле].

Псалтырь (104; 12).

Черноморские казаки приняли участие в русско-турецкой войне 1788-1790 гг. По ходатайству Г.А. Потемкина – «Великого гетмана императорских казачьих войск Черноморских и Екатеринославских», Черноморскому казачьему войску были отведены под поселение украинские земли между реками Днестром и Южным Бугом. Также князь Потемкин подарил черноморцам принадлежащие лично ему на Тамани «места с рыбными ловлями», самыми изобильными» («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 14).

После взятия г. Анапы российскими войсками, «турецкое владычество на Кавказе было потрясено в самом основании». Для того, чтобы закрепить этот успех, а также обезопасить южные границы России от набегов горцев, нашествий турок и крымских татар, царское правительство решает заселить Правобережную Кубань своими подданными – запорожскими (черноморскими) казаками. Тем более, что усилиями Суворова эта территория была уже «очищена» от кубанских ногайцев. Как говорят библейские тексты, «Прогнал от лица их народы, и землю их разделил в наследие им» (Псалтырь, 77; 55).

4.5.1. «За верну службу мать-царица Тамань с Кубанью подарила...»: предыстория переселения казаков

4.5.1.1. «Испросить» у Екатерины II новые земли для поселения Черноморского казачьего войска

*Земля, в которую идете вы, чтоб овладеть ею...
Укрепиться вам и питаться благами земли той и передать ее в наследство сыновьям вашим навеки.*

Книга Ездры (9; 11-12).

С уходом черноморцев на юге Украины, где к тому времени уверенно закреплялись представители петербургской знати и украинские помещики, устранялся беспокойный казачий элемент...

Н.В. Варивода (2006. Вып. III).

Как было отмечено выше, в конце XVIII столетия в низовьях Кубани кочевали многочисленные ногайские орды. Но, когда территория всего Крымского ханства вошла в состав России, ногайцы были «добровольно-принудительно» переселены в уральские, прикаспийские и крымские степи. Это сразу же сделало Прикубанье почти необитаемым, – кроме горцев-адыгов, коренного населения здесь почти не осталось. Отошедшая к Российскому государству территория подлежала хозяйственному освоению. Кроме того, южная граница России, по сути, была еще открыта, и ее надо было во что бы то ни стало укрепить (Варивода Н.В., 2006. Вып. III).

Для обеспечения внешней безопасности владений России в Прикубанье, а также для дальнейшего продвижения на Кавказе, царское правительство решило переселить на эти южные рубежи черноморских и донских казаков. Для самодержавия казаки были самым дешевым, а значит наиболее выгодным и удобным видом войск. К тому же правительству было выгодно высвободить регулярные войска, занятые несением пограничной службы. За счет кубанских земель царизм надеялся удовлетворить интересы казачьих верхов, создать из них опору для своего владычества на этой окраине империи для продолжения своей колониальной политики на Кавказе. Переселив казаков на кубанские земли, правительство тем самым ликвидировало бы и давний социальный конфликт. С уходом черноморцев на юге Украины, где к тому времени уверенно закреплялись представители петербургской знати и украинские помещики, устранялся беспокойный казачий элемент, который своими вольностями причинял им немало неприятностей (Варивода Н.В., 2006. Вып. III).

Объективности ради, следует отметить, что инициатива переселения именно на кубанские земли исходила не только от русского правительства, но и во многом – от самих казаков. Еще 29 февраля 1792 г. черноморцы собрали Радy и выбрали делегацию в Санкт-Петербург, которая должна была «испросить» у государыни новые земли для поселения Черноморского казачьего войска. «Депутацию» возглавил войсковой судья полковник А.А. Головатый, по мнению современников, человек талантливый, умный и хитрый.

4.5.1.2. «Пойдите в эту южную страну и осмотрите землю, какова она»: рекогносцировочная миссия Мокия Гулика

И послал их Моисей высмотреть землю Ханаанскую, и сказал им: «Пойдите в эту южную страну и осмотрите землю, какова она...».

Библия. Книга Числа (13; 18-19).

Пока делегация добиралась до Петербурга, войсковой атаман Захарий Чепига (в другом написании – Чепега, Чапегга) направляет на Кубань рекогносцировочный отряд во главе с войсковым есаулом Мокием Гуликом (1728-1807), которому вместе с землемером Писменным поручалось осмотреть Тамань и правобережные кубанские земли. Здесь уместно вспомнить библейское: «И послал их Моисей высмотреть землю Ханаанскую, и сказал им: «Пойдите в эту южную страну и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, – силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен? И какова земля, на которой он живет, – хороша ли она или худа? И какова земля, тучна ли она или тоща; есть ли на ней деревья или нет?» (Числа, 13; 18,19). Или еще: «И послал Иисус, сын Навин, двух соглядатаев тайно, и сказал: «Пойдите, осмотрите землю... «Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, Я даю вам...» (Книга Иисуса Навина, 1, 3; 2, 1).

Отряд Мокия Гулика прошел правым берегом р. Кубани, дойдя затем даже до Ставрополя. По результатам экспедиции, завершённой 15 июня 1792 г., была подготовлена «Ведомость о положении Тамани и Кубанской земли», в которой, в частности, говорилось: «Земля так способна, что для поселения, хлебопашества, скотоводства, сенокосов, рыбных ловлей и к протчему лучшей быть не можно, да и лесов по-над Кубанью много, и воды добрые». При этом на рукописной карте Мокия Гулика по всему Таманскому полуострову вверх по Кубани и от него до будущего Екатеринодара и выше сделана одна и та же пометка: «степь ко всему способна». При этом М. Гулик рекомендовал «как можно скорее испросить повеление на переселение» («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 15, 16).

Как говорится в Библии, «...и нашли пастбища тучные и хорошие, и землю обширную, спокойную и безопасную» (1-я книга Паралипоменон, 4;40). Или еще, не менее живописное: «И высмотрев землю, возвратились они через 40 дней... И рассказали ему: мы ходили в землю, в которую ты посылал нас, в ней plentifulно течет молоко и мед. Но народ, живущий на земле той, силен... Но Халев успокаивал народ, говоря: пойдем и завладеем ею, потому что мы можем одолеть ее» (Числа. 13; 26-31).

4.5.1.3. «Делегация запорожцев, отправленная в Петербург, выдвигала огромные претензии в отношении территории»

*Взошла для войска вновь зарница,
За верну службу мать-царица
Тамань с Кубанью подарила...*

Старинная казачья песня

Войсковая территория должна была занимать огромные пространства степей почти до самого Ставрополя, а от него на запад до Недреманного редута на Кубани и до ее низовьев включительно. Кроме того, испрашивалась часть Крымского полуострова...

В.А. Голобуцкий (1958).

Тем временем в Санкт-Петербурге казачья делегация долго добивалась приема у императрицы, и только по ходатайству И.В. Гудовича, которому нужно было срочно прикрыть берега Кубани от набегов закубанских горцев, Екатерина II соизволила подписать 30 июня 1792 г. «высочайший» манифест, жаловавший земли казакам.

Сохранились любопытные документы, свидетельствующие о том, что первоначально запорожцы претендовали на гораздо большие территории, чем они затем фактически получили. По данным В.А. Голобуцкого, приведенным в книге «Черноморское казачество» (1958), делегация запорожцев, отправленная в Петербург, «...выдвигала огромные претензии в отношении территории. Делегация должна была добиваться пожалования войску далеко не одного Таманского полуострова. Границы просимой местности должны были идти от Азовского моря по р. Кагальник в направлении урочища Хомутицкого до р. Маныч и далее. Войсковая территория должна была занимать огромные пространства степей почти до самого Ставрополя, а от него на запад до Недреманного редута и Овечьего брода на Кубани и до ее низовьев включительно. Кроме того, испрашивалась часть Крымского полуострова, расположенная против Тамани». Однако императрица, взвесив все «за» и «против», пожаловала Черноморскому казачьему войску лишь Таманский полуостров и территорию по правобережью Кубани. Земли же, лежащие восточнее, отводились Донскому войску. Как говорится в священных книгах, «И дал им земли народов, и они наследовали труд иноплеменных» (Псалтырь, 104; 45).

4.5.2. «Всемиловейше пожаловали в вечное владение остров Фанагорию со всею землею, лежащею на правой стороне р. Кубани»

Говорил: «...Дам Я землю Ханаанскую, в наследственный удел вам». Они были тогда малочисленны и ничтожны, пришельцы в ней.

1-я книга Паралипоменон (16;18-19).

Мы надеемся, что войско Черноморское, соответствуя Нашему о нем попечению, потщится бдительным охранением границ соблюсти имя храбрых воинов...

Из грамоты Екатерины II от 30 июня 1792 г.

Результатом хлопот казачьей «депутации» в Петербурге были две царские жалованные грамоты: от 30 июня и от 1 июля 1792 г. Приведем давно ставший библиографической редкостью полный текст первой из них – своеобразного «высочайшего манифеста»:

«Жалованная грамота Екатерины II Черноморскому казачьему войску на кубанские земли от 30 июня 1792 г.

Мы по тому, желая воздать заслугам войска Черноморского утверждением всегдшнего его благосостояния и до- ставлением способов к благополучному пребыванию, Всемиловейше пожаловали оному в вечное владение состоя- щий в области Таврической остров Фанагорию со всею землею, лежащею на правой стороне р. Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому редуту, так, чтобы с одной стороны р. Кубань, с другой же Азовское море до Ейского городка, служи- ли границею войсковой земли. С прочих же сторон разграничение указали Мы делать генерал-губернатору Кавказскому и губернаторам Екатеринославскому и Таврическому, обще с депутатами от Войска Донского и Черноморского.

Все состоящие на помянутой, Нами пожалованной, земле всякого рода угоды, на водах же рыбные ловли, остаются в точном и полном владении и распоряжении войска Черноморского, исключая только мест для крепости на острове Фанагории и для другой при р. Кубани, с подлежащим для каждой выгоном, которые на случай военной безопасности сооружены быть имеют.

Войску Черноморскому предложит бдение и стража пограничная от набегов народов Закубанских. Мы надеемся, что войско Черноморское, соответствуя Нашему о нем попечению, потщится бдительным охранением границ соблюсти имя храбрых воинов... На производство жалованья кошевому атаману с войсковыми старшинами по приложенной рос- писи, на употребляемые к содержанию стражи отряды и на прочие по войску нужные расходы, повелели Мы отпускать из казны Нашей по 20 тыс. руб. на год. Желаем Мы, чтоб Земское управление сего войска для лучшего порядка и благо- устройства соображаемо было с изданными от Нас учреждениями о управлении губерний. Мы предоставляем прави- тельству войсковому расправу и наказание впадающих в погрешности в войске; но важных преступников повелеваем для осуждения по законам отсылать к губернатору Таврическому.

Мы Всемиловейше позволяем войску Черноморскому пользоваться свободою внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковых землях...».

В приведенной выше грамоте были удовлетворены почти все требования войска, изложенные в про- шении депутатов.

4.5.3. «В Тамани жыть, вирно служить, граньцю держаты, рыбу ловыть, горилку пыть...»

*В Тамани жыть, вирно служить,
Граньцю держаты...
Хто прыйде кь намъ из нивирныхъ,
То, якъ врага, биты.*

А. Головатый. «Благодарственная песня».

Ни угрюмая пустыня кубанских степей, ни пер- спектива нужды и лишений, ни опасность близко- го соседства горцев – ничто не могло остановить казаков от переселения. Это было, так сказать, их исторической миссией...

В.А. Потто (1885).

В начале августа 1792 г. хорунжий Чернявский доставил в Кош войска долгожданный манифест. Начинаясь новая страница в истории черноморских казаков. Их ждала Кубань:

Ой, пора нам, братцы, в поход убираться,
Та за Днистром прощаться,
Ой, прощай ты, Днистр, ти реченька быстра,
Та пойдём на Кубань пить водицу чистую.
Ой, прощайте, курени любезные, –
Треба вид вас повалити на чужи земли...

Было принято решение идти двумя путями: по морю и по суше.

Морской путь. Первая партия переселенцев состояла из строевых казаков. 14 (25) августа 1792 г. под командованием полковника Саввы Белого прибыли они в Тамань на 50-ти канонерских лодках и яхте. Точную численность первого «десанта» установить, по-видимому, не удастся. В рапорте С. Белого от 10 сентября 1792 г. о казаках, «находящихся на гребной флотилии при Тамани», сказано: «Полковников – 4, старшин – 4, есаулов – 4, хорунжих – 4, квартирмейстеров – 4, сотников – 51, атаманов и пушкарей – 21, канониров – 124, казаков – 3031. А всего: 3247 чел.». Эту цифру, – подчеркивает Н.В. Варивода (2006. Вып. III), – следует принять за ориентир, но абсолютизировать нельзя и ее. Дело в том, что на Кубани еще до переселения туда черноморцев уже находилось значительное количество «разного рода бурлак», которые бродяжничали и занимались промыслами. Мокий Гулик во время своего знаменитого осмотра «Кубанской стороны» насчитал их более 2 000, из них 114 чел. записались сразу же в казаки. Нет полной уверенности в том, что подобную процедуру не проделал С. Белый и не показал вновь поступивших в казаки в общем списке.

«*Сухопутный эшелон*» под командой кошевого атамана З. Чепига, с войсковым штабом, с обозом, с тремя конными и двумя пешими пятисотенными полками, обогнув Азовское море, прибыл 23 октября 1792 г. в урочище Чебаклея в районе Ейской косы, где возвышались валы большой крепости – Ханского городка (современный Ейск), – несостоявшейся столицы ногайского Кубанского ханства. Деревянный дворец бывшего хана Шагин-Гирея казаки приспособили под молельный дом. Весной следующего, 1793 г. Антон Головатый собрал всех оставшихся в Слободзее казаков и казачьи семьи и отправил их на Кубань (Варивода Н.В., 2006. Вып. III).

Ф.А. Щербина (а вслед за ним и многие другие авторы) пишет о 3847 казаках, высадившихся на Тамани. Увеличение численности произошло за счет шестисотенной команды (два неполных полка) полковника Кордовского, прибывшей на Тамань сухопутным путем через Крым. Спустя год, в 1794 г., общее число переселенцев-казаков определялось в 25 тыс., из которых мужчин было 17 тыс. Но на Кубани поселились не только бывшие запорожцы. В состав Черноморского войска было зачислено большое количество беглых крепостных из разных мест, которых нанимали вместо себя на службу богатые запорожские казаки. Это были выходцы из Тульской, Орловской, Рязанской, Курской, Калужской, Пензенской и других губерний. В официальной переписке конца XVIII в. указывалось, что многие казаки «при собрании сего войска поступили на службу из разных мест Российской империи и Польской области» (Варивода Н.В., 2006. Вып. III).

Несколько иные цифры первых переселенцев приводят другие авторы. Так, С.Н. Бейтуганов (2007) пишет: «В 1792 г. казаки переселились на Кубань в числе 13 000 чел. Затем вследствие особых мер к ним правительство присоединило еще в виде отсталых до 700 семейных и бессемейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Новороссийского края. Это составило коренное население казацкого Черноморья. К нему с течением времени присоединилось до 500 запорожцев, убежавших к султану, около 52 000 добровольных переселенцев мужского пола из губерний Полтавской, Черниговской и Харьковской и до 1000 душ мужского пола добровольно вышедших из-за Кубани черкес и татар. Всего войсковой состав простирался в первые годы после переселения до 73 000 мужского и 50 000 женского пола душ».

О том, с каким настроением казаки обживали новые земли, свидетельствует «Благодарственная песня», текст которой был написан самим А. Головатым:

В Тамани жить, вирно служить,
Границю держаты,
Рыбу ловить, горилку пить,
Ще й будемь богаты.

Да вже треба и жынытыся,
И хлиба робыты,
Хто прыйде кь намь из нивирныхъ,
То, якь врага, биты.

С наступлением весны казаки начали заселение Кубани. 10 мая 1793 г. З. Чепига с двумя конными полками выступил к устью Лабы, где генерал И.В. Гудович начал строить на месте суворовской Александровской крепости новую и гораздо большую, которую назвал Усть-Лабинской. Спускаясь вниз по реке, З. Чепига выбирал места под пограничные кордоны. В конце-концов линия кордонов была протянута длиной 260 верст до берега Черного моря, куда в те времена впадала р. Кубань.

4.5.4. «Расставивши по р. Кубани пограничную стражу, ...место сыскал под войсковой град»

Я, расставивши по р. Кубани пограничную стражу, состою с правительством над оною при урочище Карасунский кут, где и место сыскал под войсковой град.

**Атаман З. Чепига – войсковому судье
А.А. Головатому (12.06.1793 г.).**

В Карасунском куте, против дубравы, называемой Круглик, в достопамятное воспоминание имени Жизнедательницы нашей Великой Государыни императрицы Екатерины Алексеевны, воздвигнуть главный город Екатеринодар...

Из документа 15.08.1793 г.

Весной 1793 г. перезимовавшие в Ханском городке казаки направились вдоль р. Кубани. В начале июня атаман Чепига прибыл к бывшему суворовскому укреплению Архангельскому, западнее которого он обнаружил очень удобное место для строительства города – будущей столицы Черноморского войска (Варивода Н.В., 2006. Вып. III). Об этом свидетельствует его письмо А. Головатому от 12 июня 1793 г. (по ст. ст.) «Я, расставивши по р. Кубани пограничную стражу, состою с правительством над оною при урочище Карасунский кут, где и место сыскал под войсковой град». Несколько позже, 15 августа 1793 г., как свидетельствуют архивные источники, собрались члены войскового правительства – кошевой атаман, войсковые старшины и атаманы, и решили «...в Карасунском куте, против дубравы, называемой Круглик, в достопамятное воспоминание имени Жизнедательницы нашей Великой Государыни императрицы Екатерины Алексеевны, воздвигнуть главный город Екатеринодар; построить в нем войсковое правительство и 40 куреней» (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 239, л. 13, 30; «Екатеринодар-Краснодар...», 1993).

4.5.4.1. «На месте пригорода Екатеринодара – Круглика был бжедугский аул Кушьмезуко-уй»

Прогнал от лица их народы, и землю их разделил в наследие им... И дал им земли народов, и они наследовали труд иноплемennых.

Псалтырь (77, 55; 104; 45).

Адыги называли Екатеринодар «Бжедугкала» из-за соседства бжедуг с городом, или «Къэлэшко» – «Большой город», но чаще всего – просто «Къалэ» – «Город».

ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 248, л. 60, 91.

Но город Екатеринодар был заложен, оказывается, не на пустом месте. Как отмечают авторы книги «Екатеринодар-Краснодар...» (1993), нынешний г. Краснодар «...расположен на земле адыгского племени жанэ, истребленного еще в XVIII в. во время экспедиции Суворова». А по сообщению Султана Девлет-Гирея, на том самом месте, где сейчас находится пригород Екатеринодара – Круглик, был аул Кушьмезуко-уй, т. е. «Кушьмезукова роща». Здесь жили бжедуги, главой которых был Кушьмезуко. С устройством Екатеринодара, черкесы вынуждены были выселиться из своего аула. Часть их переселилась на левый берег Кубани, а часть выселилась в Кабарду и образовала там новый аул Кушьмезуко, под каковым названием он и теперь (написано в 1910 г.) существует. В связи с этим нельзя не отметить и другие источники, несколько по-иному освещающие этот примечательный факт. Так, согласно архивным изысканиям В. Бардадыма (1992), 5 июня 1793 г. Черноморское войсковое правительство доносило в рапорте, адресованном Таврическому губернатору С.С. Жегулину, о том, что «...учрежденная по р. Кубани кордонная стража во всем обстоит благополучна, от закубанской стороны противностей не замечено» и что вот неожиданно-негаданно «сыскана казаками на войсковой земле, при р. Кубани, в лесах Карасунского Кута, закубанского мурзы (владельца) Гаджина Оглу Батых-Гирея (Батыр-Гирея) деревушка, состоящая из 20 хат, где живут черкесы с женами, детьми и имением, где и хлеба засеяно множество».

Миролюбивый, уважительный мурза сам пожаловал на Главный Ореховатый (в дальнейшем – Екатеринодарский) кордон, находившийся рядом с Карасунским Кутом, за рекой Карасун (ныне старая КРЭС и территория завода им. Г. Седина), и просил полковника Кузьму Белого позволить ему и его подопечным «покудова сего года хлеба посеянные соберут» остаться на месте. Одновременно он передал Белому запечатанное письмо на турецком языке. Но так как при казаках не имелось толмача, то черноморцы просили сделать перевод «людей сведущих». Как выяснилось позже, часть мирных горцев-бжедуг выразили готовность жить «под управлением российских начальников» и обещали «противу неприятеля стоять и, по известности нам тамошних мест, скопища их истреблять» (Бардадым В., 1992).

4.5.4.2. «К домостроительству удобное время сего лета проходит, а у нас еще ничего не начато»

Хорошо сделали, что заняли на Кубани место нужное.

**Екатерина II, из беседы с атаманом З. Чепигой
(16.06.1794).**

Несомненный интерес представляют следующие документы, имеющие отношение к выбору места, основанию и возведению «войскового града»:

Рапорт кошевого атамана Черноморского казачьего войска Захария Чепиги генерал-аншефу Гудовичу о прибытии к р. Кубани. 19 мая 1793 г. (ст. ст.)

«Вашему высокопревосходительству честь имею доложить, что я ко исполнению высочайшей Ея императорского величества воли для учреждения от Усть-Лабинского редута вниз по реке Кубани пограничной стражи с конной командой прибыл. Всей команды налицо состоит старшин и козаков (так в тексте. – Авт.) 1011 чел.» (Дмитренко И.И., 1896. С. 612).

Из рапорта войскового правительства Черноморского казачьего войска Таврическому губернатору Жегулину о намерении построить «войсковой град». 9 июня 1793 г.

«..Оного войска старшины и козаки по общему желанию, усовествуя на... пожалованной земле [не теряя к домостроительству нынешнего удобного времени] заводят свои воинские селения по-над рекою Кубаном, начиная от устья ея до Усть-Лабинской линии, между коими повыше Козачьего Ерика верст за 50 и главный войсковой град, а в нем для нужного пристанища бездомовных и престарелых козаков и порядка войску 40 куреней по прежним их названиям... о позволении просим рассмотрения...» (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 239, л. 13).

Письмо кошевого атамана Захария Чепиги войсковому судье Антону Головатому о выборе места для закладки войскового города. 12 июня 1793 г.

«Милостивый государь мой Антон Андреевич. Поздравляя вас [с] прибытием в Тамань, на войсковую землю, с желанием со всею вашею фамилиею на сей долголетнего и щастливого жития, уведомляю, что я, расставивши по реке Кубани пограничную стражу, состою с правительством над оною при урочище Карасунском Куте, где и место сыскал под войсковой град, о чем вам и сего подателя, господа Кулик, Чернышев и Животовской, подробно сказать могут, а для лучшей апробации и общего утверждения вас, милостивого государя моего, покорно прошу поспешить своим прибытием с любезнейшею вашею женою и моею кумою и протчими старшинами, ибо и сами изволите знать, яко к домостроительству удобное время сего лета проходит, а у нас еще ничего не начато. А ежели зачем вам прибыть не можно, уведомлением не оставьте пребывающего к вам с почтением и совершенною преданностию.

Милостивый государь мой, ваш покорнейший слуга Захарий Чепига». (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 239, л. 30).

Письмо Таврического вице-губернатора Габлица Черноморскому войсковому правительству о разрешении строительства города [Екатеринодара]. 17 июня 1793 г.

«От Таврического вице-губернатора, коллежского советника и кавалера коша войска Черноморского – войсковому правительству.

По представлению оного Черноморского правительства о построении на пожалованной... земле по-над рекою Кубани главного воинского города и селений... его сиятельству господину генералу-аншефу и кавалеру графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому* на разрешение от меня представлено. – Карл Габлиц». (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 239, л. 20).

[*Поскольку А.В. Суворов в то время командовал войсками в Екатеринославском наместничестве и Таврической области и руководил «строением крепостей во всех здешних местах», К. Габлиц обратился за резолюцией именно к нему. Ответные документы неизвестны. Когда в апреле 1794 г. вопрос об утверждении города возник снова, войсковое правительство сообщило Таврическому губернатору, что, по наведенным справкам, о городе Екатеринодаре «никакого повеления от вышнего начальства в получении не было»].

Ордер кошевого атамана Захария Чепиги полковнику Савве Белому о присылке строителей. 13 июля 1793 г.

«Для выготовления и резания на постройку войсковому правительству покоев деревьев рекомендую вашему высокоблагородию с вверенной вам части собрать мастеровых козаков 10 чел., да пильщиков 5 пар, отпустив им из войскового цейхгауза потребное число инструмента и на подчинку оного железа, при нарочном старшине прислать ко мне в немедленном времени» (Дмитренко И.И. 1896. С. 649).

4.5.4.3. «Приводить жителей ленивых к трудолюбию, шалунов к благонравию...»

Приводить жителей ленивых к трудолюбию, шалунов к благонравию, непокоряющихся к должному повиновению, ...неповинующих паки наказывать... Воров же и мошенников брать под караул, посаждая в тюрьму.

Из ордера Чепиги городничему Волкорезу (1793)

Ордер кошевого атамана Захария Чепиги городничему Даниле Волкорезу с инструкцией об управлении городом Екатеринодаром.

19 ноября 1793 г.

«Как в новостроящемся войсковом граде Екатеринодаре на первый раз избраны вы в должность городничего, то и предписываю вам исполнять по нижеследующему:

1-е. Разделя град, по рассмотрению вашему, на кварталы и учредя с общества квартальных, смотреть за жителями, дабы они по данному вам плану во граде строили порядочно.

2-е. Между жителями маловажные ссоры и драки разбирать и решать по справедливости, с доставлением обиженной стороне удовольствия, а о важных доносить мне обстоятельными рапортами на разрешение.

3-е. За промышленниками смотреть, дабы во всем были меры и весы справедливы и в продаже товары производили в самой точности, без малейшего примешательства и дороговизны.

4-е. Наблюдая и воинскую дисциплину, смотреть за жителями, дабы все на всякую мужеска пола взрослую душу имели мушкеты исправные и пики и были готовыми навсегда к отражению нечаянного нападения, и ночью по всему граду иметь обходы и шатающихся не в свое время без дела брать в тюрьму и держать до утра, а тогда, расспросивши, ежели за ними винности не будет, отпускать, а сомнительных рапортовать мне под резолюцию каждое утро.

5-е. Квартальные должны каждое утро обойти свои кварталы и расспросить жителей о благополучии всякого, также и о приезжих со стороны разного звания людях (о коих каждый житель долженствует с приведением приезжих давать знать квартальному) и рапортовать к вам, а вы как о благосостоянии жителей, так и приезжих, кто и откудова, с какими билетами или без билетов, по утрам и меня рапортовать имеете.

6-е. Смотреть за жителями, дабы они около града состоящих лесов отнюдь не рубили, кроме на дрова валежника, также в лес скотину не пускали, да и без пастухов оных с домов не пригоняли, а учредили бы для такового скота общего пастуха, который должен гонять его на корм в степь.

7-е. Приводить жителей ленивых к трудолюбию, шалунов к благонавию, непокоряющихся к должному повиновению, благосклонным вашим усовещаниям, а неповинующихся из рядовых, по мере вины в обществе, паки наказывать, а об ослушниках доносить мне. Воров же и мошенников брать под караул, посадив в тюрьму, ко мне рапортовать.

Что все возлагаю на вас, так как на испытанного в других делах офицера, надеясь, что потщитесь сию возложенную на вас должность исполнить в самой точности и без малейшего упущения и тем явитесь достойнейшим моего, войсковых старшин и всего общества внимания...» (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 239, л. 87, 92).

Из письма войскового судьи Антона Головатого кошевому атаману Захарии Чепиге* о новостях в Екатеринодаре. 15 сентября 1795 г.

«...Слава богу, в городе Екатеринодаре и во всех войсковых пределах благополучно. Хлеб по малой части во урожаях. Размежевание войсковой земли кончилось сего лета, с пользою нашею, церква скоро заложится, кирпичный завод устроен, кирпич же делается на церковь, куренные и войсковые дома. Соседи наши горцы, большей частью набережные (т. е. прибрежные, прикубанские. – Авт.), сделались очень дружелюбными; с них князь Батыр Гирей Щербатой поехал в Санкт-Петербург и теперь тамо. Куренные селения порядочно заселяются в своих местах; флотилия и пограничная стража благодествуют; балыков, икры и чего потребно пришло вам в скорости с нарочным. Вашего превосходительства милостивого государя войсковой судья Антон Головатый» (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 333, л. 2, 3; Мирошниченко О.В., Пукас Л.М., 1989).

[Примечание * Атаман Чепига в это время находился в походе за пределами Кубани].

4.5.4.4. «Порядок общей пользы»: свод правил «ратной и гражданской жизни для каждого живущего в Черномории человека»

Не утвержденный высочайшею властью... тем более замечателен, что выработан собственными, домашними силами и без участия посторонних сил, весьма часто чуждых интересам народным.

И.В. Бентковский (1883).

О предыстории и содержании главного документа Черноморского (Кубанского) казачьего войска – «Порядка общей пользы» сообщает В. Бардадым (1992). Как отмечает краевед, войсковой судья Антон Головатый, прибыв из Крыма, узнал, что войсковой град – Екатеринодар уже начал строиться. Вот только нет официальной бумаги на строительство. Но она будет получена, правда, задним числом. Войсковой судья принялся за составление уникальной записки для Черноморского войска – достопамятного наказа под названием «Порядок общей пользы», где, учитывая законы Российской империи, кубанский законодатель выработал правила ратной и гражданской жизни для каждого живущего в Черномории человека. Любопытно, что этот документ, как писал историк Черномории И. Бентковский, «...не утвержденный высочайшею властью, как единственный исторический пример децентрализации, тем более замечателен, что выработан собственными, домашними силами и без участия посторонних сил, весьма часто чуждых интересам народным». Что же это за *Charta magna* («Великая хартия») черноморских казаков, начисто лишавшая их запорожских вольностей и обращавшая черноморцев в обыкновенных граждан России?

«Порядок общей пользы», вступивший в силу 1 января 1794 г., состоял из 25 параграфов с витиеватой преамбулой и столь же высокопарным по слогу и изысканному заключению. Но нельзя не подивиться толковости, практичности, ясности и объемности содержания этого старинного документа, нормализовавшего жизнь на дальних берегах кубанских и утверждавшего новый ее порядок и течение на многие лета. Вот только некоторые узловые, характерные пункты этого знаменитого казачьего «наказа» в кратком его изложении:

«Да будет в сем Войске, – читаем мы, – войсковое правительство, навсегда управляющее Войском на точном и непоколебимом основании всероссийских законов, без малейшей отмены». Так гласит первый пункт. А «ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению на пограничной страже кордонов при р. Кубану (именно так написано – Кубану!), в Карасунском Куте воздвигнуть град и для вечного достопамятства нынешней жизнедеятельности и благодетельности нашей... именовать его Екатеринодар». Ради же собрания войска и «устроения довлеемого порядка и прибежища бездомовных казаков во граде Екатерино-

даре выстроились 40 куреней» с прежними названиями их, кроме двух новых – Екатерининского и Березанского. Войско же поселить куренными селениями в тех местах, где «какому куреню по жребии принадлежать будет», избирая куренных атаманов на один год 29 июня и приводя их к присяге на верность должности.

Далее в документе говорилось: «Разделить войсковую землю на 5 округов и завести окружные правления. При этом границы округов очерчивались: 1) *Екатеринодарский* с центром в курене Васюринском — от р. Протоки по р. Кубани до Изрядного Источника (ныне ст. Воронежская), оттуда до р. Кирпили, а от нее — до Азовского моря; 2) *Фанагорийский* с центром в городке Тамань (Фанагория) — пределами всего полуострова с его побережьем по Черному морю до р. Черная Протока; 3) *Бейсугский* с центром в курене Батуринском — пространством между реками Кирпили и Челбас от их впадения в Азовское море до границ Кавказского наместничества; 4) *Ейский* с центром в курене Щербиновском — территорией между реками Челбас и Еей, Азовским морем и верховьям Еи до Усть-Кугоейки, а от нее поворотом вправо к проходившей там большой почтовой дороге; 5) *Григорьевский* с центром в курене Калниболотском — от Ейской округи в районе рек Челбас и Кугоейки до границы Кавказского наместничества» (Павлов А.М., 1989. С. 88).

Таким образом, Кубанская войсковая земля — «к долгоденственному спокойствию благоустроенного порядка» — разделялась на пять округов с окружными правлениями во главе, назначался небольшой штат, а для постоянного пребывания его выстроить города; завести печати с гербами (на Екатеринодарской, например, предлагалось изобразить казака, водружающего ратище (ратовище — древко копья. — Авт.) в землю и держащего левою рукою ратище и ружье, а другою «приклад, врага стреляющий»).

Главная задача окружных правлений, согласно «Порядку общей пользы», заключалась в том, чтобы «иметь попечение о заведении» кубанскими жителями хлебопашества, мельниц, лесов, садов, виноградников, скотоводства, рыболовных заводов, купечества и прочих «художеств, к оживлению человеческому собственности», чтобы имеющиеся леса и каждое «родючее дерево» сохранять от порубки, «обиженных защищать с доставлением справедливого удовольствия, свирепых укрощать, злонравных исправлять, сирот и вдов заступать и во всем им помогать».

Нельзя не удивляться добрым, человеколюбивым устремлениям этого давнего исторического документа. Особо указывалось, чтобы ленивых понуждали к трудолюбию, а холостых — к женитьбе «для распространения семейственного жития», неслухов же, «не покоряющихся власти и не почитающих старейших, по мере преступления, штрафовать, содеявших важное преступление к законному осуждению присылать в войсковое правление». Тунеядство, уклонение от общественных обязанностей и труда, бездушие, нерадение и хамство пресекалось самыми суровыми мерами. Так как казачество по сути своей являлось военным сословием, то особенное внимание уделялось боеготовности черноморца: он должен был в любой час дня и ночи иметь «оружие во всякой чистоте исправное, на случай наглого военного времени». В куренных селениях должны быть исправны мосты и гати, на улицах и во дворах должен поддерживаться примерный порядок, а для тушения пожара должны быть наготове «железные инструменты».

Дважды в документе оговариваются преимущества старых маститых казаков-воинов, бравших штурмом крепости Березань, Измаил, Очаков, как сказано, «кровь проливавших и тем вольность приобретших», именно за их труды и подвиги, что вполне справедливо, им позволялось иметь собственные дворы, а в степи — хутора и мельницы. И, особо подчеркивалось, ни в какие «общественные и войсковые тягости под конец их жизни не употреблять», что тоже нравственно оправдано. Как видим, ни один аспект пусть нехитрой, простой, но тем не менее многогранной жизни черноморца не остался без внимания доморожденного законодателя А.А. Головатого. «Надеемся, — говорилось в заключение «Порядка общей пользы», — что наше войсковое общество примет сей в кротости духа и... посвятит себя в неперменном его исполнении. Навсегда благополучный град Екатеринодар, 1794 г.» И далее шли три подписи — Чепига, Головатый, Котляревский.

Таков этот самобытный документ, составленный черноморцами, в конце XVIII в. в диких ковыльных просторах Прикубанья еще на голой, неустроенной и невозделанной земле, где предстояло много, очень много потрудиться переселенцам и отстоять край от напастей войны, моровых поветрий, губительного климата, чтобы выполнить свою воинскую и гражданскую клятву: «Мы воздвигнем грады, напомним села, сохраним безопасность Российских пределов», — заканчивает свое эссе В. Бардадым (1992).

4.5.4.5. «Буде кто злообычен в пьянстве, непрерывно пьян, — такого присылать в правительство для определения на воздержание»

Буде кто злообычен в пьянстве, непрерывно пьян, — такого присылать в правительство для определения на воздержание... Буде кто возьмет с кого ...подкуп или взятки, — доставлять яко лихоимца в правительство.

Из «Наставления...» (1794).

Несколько позже, в начале 1794 г., был подготовлен еще один важный документ, — своего рода исчерпывающая инструкция по управлению городом, регламентирующая внутреннюю жизнь жителей Екатеринодара. В ней содержались: раздел «О должностях», извлечения из «Порядка общей пользы», а также из общероссийских законоположений (в частности, из «Устава благочиния»), немного подправленные на мест-

ный лад. Приведем извлечения из этого уникального документа, который, увы, так же злободневен и актуален сегодня, как и 200 с лишним лет назад. Судите сами:

Наставление из войскового Черноморского правительства Екатеринодарскому окружному правлению
«Буде кто определенной должности учнет ради дел требовать, или брать, или возьмет с кого плату, или подарок, или посул, или иной подкуп или взятку, – доставлять яко лихоимца в правительство.

Буде кто злообычен в пьянстве, беспрерывно пьян или более времени в году пьян, нежели трезв, – такого присылать в правительство для определения на воздержание.

Буде кто в общенародном месте или при благородном или выше его чином, или старше летами, или при степенных людях, или при женском поле употребит бранные или непотребные слова, – с того взыскать пене [пеню], полусуточное содержание в смиренном доме и взять его под стражу, донесе заплатит.

Буде кто учнет чинить колдовство, или чародейство, или иной подобный обман, происходящий от суеверия, или невежества, или мошенничества... или пугание чудовищем, или толкование снов, или искание клада, или имение видений, или нашептывание на бумагу, или траву, или питии, – того отослать в правительство...».

Приведенное выше «Наставление» неукоснительно выполнялось: в архивных фондах сохранились рапорты городничего об арестах провинившихся за сквернословие и «обитание в пьяном виде». Правда, таких случаев было не очень много... («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 23).

4.5.4.6. «Смотреть за жителями, дабы они около войскового града состоящих лесов отнюдь не рубили...»

Смотреть за жителями, дабы они около войскового града состоящих лесов отнюдь не рубили, кроме на дрова валежника, также в лес скотину не пускали, да и без пастухов оных с домов не пригоняли, а учредили бы для такового скота общего пастуха, который должен гонять его на корм в степь.

Из ордера Чепиги городничему Волкореzu (1793)

Главная задача окружных правлений заключалась в том, чтобы «иметь попечение о заведении» кубанскими жителями хлебопашества, мельниц, лесов, садов, виноградников, ...чтобы имеющиеся леса и каждое «родящее дерево» сохранять от порубки.

В. Бардадым (1992).

Первоначально строящийся город был полностью деревянным, – казаки жили или в землянках или в хатках из самана (замешанные на глине навоз и сечка из соломы) или бревен, для которых требовалось много леса. Поэтому уже с первых дней существования города власти обращали самое серьезное внимание на проблему сбережения окружающих Екатеринодар лесов.

Как пишет В. Бардадым (1992), кошевому атаману З.А. Чепиге донесли, что казаки-переселенцы, занявшие Карасунский Кут, всю занялись домостроительством: их топоры уж больно разгулялись в лесных чащах, «глядишь, ни одного дуба не останется, ни единого кусточка, ни малого квиточка (цветочка)». И он, встревоженный за судьбу общественных лесных угодий (удивляет и ныне его государственная дальновидность и распорядительность рачительного хозяина!), пишет 4 июля 1793 г. начальнику Ореховатого кордона Кузьме Белому: «Известился я, что переселяющиеся на войсковую землю старшины и казаки многие выстраивают около речки сей свои жилые дома, лясься тамо оставаться навсегда жительством... Разные жители, приезжая многими обозами, рубят самовольно без всякого позволения на свои необходимости стоящие на правой стороне р. Кубани леса и тем оные приводят в крайнее опустошение». И он строго наказывал, «чтобы ни под каким видом никого без ведома моего к вырубке леса не допускали...» (Бардадым В., 1992).

И в дальнейшем кошевой атаман, несмотря на сотню других важных и срочных дел и начинаний, не оставляет своей заботы о сохранении кубанских степных лесов. Так, в ордере Чепиги городничему Волкореzu (19.11.1793) было строго-настрого указано: «Смотреть за жителями, дабы они около войскового града состоящих лесов отнюдь не рубили, кроме на дрова валежника, также в лес скотину не пускали». Эту же мысль встречаем в «Порядке общей пользы» (01.01.1794), в котором обращается особое внимание на то, чтобы все имеющиеся леса и каждое «родящее дерево» сохранять от порубки.

4.5.4.7. Взгляд из 1818 г.: «Думал ли я, чтобы столица целого народа была не что иное, как обыкновенная деревня?»

Екатеринодар... Каким он был много лет назад? Все это принадлежит прошлому, но и нынешним дням тоже, потому что история неразрывна.

Г.С. Шахова (1992).

Блэкыгъэ зымышлэрэм непэрэм уасэ фишлырэн – «Кто не знает прошлого, – не оценит наших дней».

Адыгская пословица

О том, каким был Екатеринодар в первые годы своего существования, и позже, свидетельствуют архивные документы.

1794 г. Согласно самой первой переписи жителей города, произведенной городничим Д. Волкорезом, результаты которой изложены в «Ведомости о живущих в Екатеринодаре старшинах и казаках...» (11 ноября 1794 г.), в городе в то время проживали представители 38 из 40 куреней Черноморского казачьего войска; числилось 9 домов, 75 хат на «верси» (т. е. на поверхности земли. – Авт.), 154 землянки. Не имели своего жилья 42 казака. Согласно итоговой записи, *всего горожан обоего пола было 580 чел.* (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 283, л. 10, 16; «Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 27-28). Постепенно население города росло, достигнув, спустя два века, почти миллионной отметки (табл. 1)

Таблица 1 – Динамика роста населения г. Екатеринодара (Краснодара)

Год	Количество, чел.	Источник*	Год	Количество, чел.	Источник*	Год	Количество, чел.	Источник*
1794	580	28	1897	65 606	211	1953	256 700	647
1805	1710	52	1908	79 179	307	1959	357 416	670
1809	2500	61	1912	98 422	345	1970	522 300	692
1818	5 000	70	1920	146 700	454	1975	600 000	699
1838	7 178	91	1923	144 327	482	1979	658 713	709
1852	10 554	110	1926	157 263	509	1989	732 049	728
1864	13 554	127	1931	180 000	539	1993	753 400	758
1871	17 622	141	1939	203 946	575	2001	783 000	стат. сб.**
1876	32 530	151	1947	197 800	647	2010	834 100	стат. сб.**
1886	37 871	165						

*Указаны соответствующие страницы из книги «Екатеринодар-Краснодар: Два века города» (1993), где приводятся архивные сведения о численности населения в городе в те или иные годы.

**Статистические сборники за соответствующие годы.

1808 г. Более поздние источники сообщают о том, как постепенно рос и благоустраивался казачий город. Французский путешественник Шарль Сикар, побывавший в Екатеринодаре в июле 1808 г., писал: «...Город в окружности столь же велик, как и Париж. Улицы в нем чрезвычайно широки, а места суть обширные равнины... Дома строены в одно только жилье и крыты соломою; у каждого есть свой сад, а иногда и маленький в стороне лесок».

1809 г. В апреле 1809 г. в Екатеринодар приехал медик, некий С*, который оставил следующие воспоминания о войсковом граде: «Город состоит большей частью из далеко отстоящих один от другого, соломою покрытых домов или изб, с садами, площадками, покрытыми дерном и пашнями. На широких улицах и в больших промежутках между домами часто видишь пасущийся скот. Мне сказали, что домов здесь 560, а жителей 2500. Съестные припасы необыкновенно дешевы: фунт (около 400 г) говядины стоит от 5 до 6 коп., курица – 8, фазан – 25, а фунт хлеба 8 коп. («Комсомольская правда», 2010, 23 июля. С. 10).

1818 г. Учитель И.М. Сбитнев (1825) оставил следующие воспоминания о Екатеринодаре, относящиеся к началу XIX в.: «10 декабря 1818 г. Непривлекательный наружный вид Екатеринодара, бедные хижинки погрузили меня в совершенную тоску, произведшую печальные размышления. Думал ли я, чтобы столица целого народа была не что иное, как обыкновенная деревня? Город Екатеринодар стоит на низком и болотном месте. Улицы имеет прямые, длинные и широкие. Во время моего там пребывания не было никаких тротуаров. Быстрая река Кубань с двух сторон примыкает к городу. Она в избытке снабжает город красною и всякого рода вкусною рыбою».

1828 г., январь. Из письма полковника В.А. Перовского поэту В.А. Жуковскому о посещении Екатеринодара: «Это не город и не село; домов мало, улиц много, но теперь по ним ничего не ходит, потому что ни ходить, ни ездить нельзя – грязь лошадям по брюхо» (Цит. по: Бардадым В.П., 1992).

1830 г. Из воспоминаний М. Соболева (1831), относящихся к октябрю 1830 г.: «Екатеринодар – преобладающая красивая деревня с длинными, до 3-х верст, прямыми улицами, на коих преглубокая грязь лежит не менее полугода. Домов, домиков и хижин в Екатеринодаре до 1300. Весной обширный Екатеринодар стоит весь в цвету плодовых деревьев...»

1845 г. А вот свидетельство из середины XIX столетия. В своем сочинении «Плач Василия при реке Кубани» (1845) В.Ф. Золоторенко писал: «Дома турлучные, каменного или двухэтажного дома нет ни одного... Большая улица называется Красною. Она вымощена деревянным тротуаром для пешеходов. Когда наступает осень, то грязь бывает до того глубока, что не ходят, а бродят по колени. Мужчины в такое время ездят верхом, а кому надо проехать в коляске, то не пара, а четверо лошадей с трудом везут ничем не нагруженный экипаж. Едва только смеркнется, как у всех ставни уже закрыты. Начинается безмолвие. Через полчаса город делается гробом...» («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 99).

1856 г. Дополняют эту неприглядную картину воспоминания Н. Филиппова, побывавшего здесь летом 1856 г.: «Город Екатеринодар до того оригинален по своей наружности, что, по всей вероятности, есть единственный в своем роде. Представьте себе плоскую местность, спланированную очень правильно на прямые

и широкие улицы. Но кварталы между улицами наполнены густым лесом – не садами, а именно лесом. Местами такой лес занимает весь квартал, и только на одном углу его – дом хозяина этого леса... Город огромен по занимаемому им пространству, несмотря на малое население: в нем всего 7 700 жителей, а могло бы поместиться более 100 000. ...В большую часть года грязь там так велика, что невозможно ездить ни в каком экипаже. Бывали случаи, что экипаж, рискнувший проехать по улице, завязал в грязи, так что никакими усилиями, ни лошадьми, ни волами, не могли его вытащить и оставляли зимовать на том же месте» («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 115-116).

1870 г. Еще одно свидетельство очевидца: «По улице Красной от груд кочек засохшей грязи и от бесчисленного множества разной величины и глубины рытвин нет никакой возможности проехать в порядочном экипаже, без опасения за его целостность... Поэтому извозчики, боясь испортить лошадей, просили у седоков согласия объехать центральную городскую улицу, сделав крюк влево или вправо» (Цит. по: Бардадым В.П., 1992).

И много позже местная газета «Кубанские областные ведомости» писала: «Улицы представляют сплошные болота, по которым безопасно можно проехать, только имея кучером человека, хорошо изучившего уличные фарватеры» (Цит. по: (Солодухин Л.А., Куценко Я.И., Чучмай Г.Т., 1968. С. 38).

Сегодняшний Краснодар, как небо от земли, отличается от того, прежнего, провинциального Екатеринодара – «большой деревни», по выражению очевидцев. В настоящее время Краснодар – крупный современный город с почти миллионным населением, развитой транспортной инфраструктурой, десятками промышленных и перерабатывающих предприятий, объектов торговли, культурного строительства, образования, здравоохранения, физкультуры и спорта. Не исключена возможность, что в будущем город сможет по праву претендовать на звание «Южной столицы России». Во всяком случае, предпосылки для этого уже есть...

4.5.4.8. «Вернуть Краснодару его историческое название: Екатеринодар». ...А надо ли?

...Считая название города «Екатеринодар» напоминающим рабские времена, совершенно бессмысленным в Республике Труда, навсегда освободившейся от потомков Екатерины и их приспешников, ...просить ВЦИК именовать город Краснодаром.

**Ян Полуян, председатель Кубчеробревкома
(7.11.1920).**

За сохранение названия «Краснодар» проголосовали 157,5 тыс. чел. (т. е. 76,5 %), а за название «Екатеринодар» – 45,3 тыс. (22,0 %).

Результаты городского референдума (15.11.1992).

В настоящее время в средствах массовой информации усиленно муссируется вопрос о целесообразности переименования города – «возвращения ему исторического названия Екатеринодар». При этом инициаторы переименования обращают внимание на то, что название Краснодар означает «Красный дар» («Дар красных») – и восходит к временам Гражданской войны, которую, что греха таить, некоторые казаки сегодня воспринимали негативно. И действительно, сохранились архивные документы, свидетельствующие, что 7 ноября 1920 г. в ходе торжественного заседания в Екатеринодаре, посвященного третьей годовщине Октябрьской революции, единогласно была принята и отправлена в центр следующая телеграмма:

«Москва, ВЦИК. Копия – Наркомвнудел.

Горсовдеп совместно с Облревкомом, РВС 9-й армии, Облпарткомом РКП... на торжественном заседании в ознаменование Октябрьской революции, считая название города «Екатеринодар» напоминающим рабские времена, совершенно бессмысленным в Республике Труда, навсегда освободившейся от потомков Екатерины и их приспешников, ПОСТАНОВИЛ просить ВЦИК именовать город Краснодаром.

Предкубчеробревкома Ян Полуян».

Спустя месяц, 7 декабря 1920 г. принято постановление Наркома внутренних дел РСФСР № 24378, в соответствии с которым «...город Екатеринодар, согласно ходатайству Кубчерревкома, переименовать в Краснодар». А несколько позже, 22 декабря 1920 г., «...Екатеринодарский городской Совет переименовал г. Екатеринодар в г. Краснодар, воздав этим должное признание Красной Армии, освободившей город» (ГАКК, ф.р. 158, оп. 1, д. 115, л. 16; «Красное знамя», 1920, 28 дек.; «Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 459).

Вместе с тем, большинство населения весьма скептически относится к инициативе переименования города, обосновывая свою позицию как большими финансовыми затратами на это мероприятие («уж лучше построить несколько многоэтажных домов для ветеранов и малоимущих...»), так и тем, что с глубокой древности слово «красный» означало у славян «красивый», «прекрасный», – например, «весна-красна», «красная девица», «красный угол» (почетный угол в избе с иконостасом), князь Владимир Красно Солнышко и т. д. Такой же глубинный смысл прилагательного «красный» – «красивый, славный» прослеживается и во многих русских народных пословицах: «Красен человек статью»; «Красна речь пословицей»; «Красное лето – зеленый покос»; «Красное словцо – не ложь»; «Вот тебе грош за красную ложь»; «Красна баба поводем, а корова удодем»; «Красна птица перьем, а человек ученьем».

Нельзя не отметить также негативную оценку частью населения государственной деятельности и, главное, довольно-таки «свободной» личной жизни императрицы Екатерины II (впрочем, опросы показывают, что последний довод – отнюдь не определяющий при решении вопроса о необходимости переименования).

Примечательно, что уже А.С. Пушкин в своих «Исторических заметках» дал весьма и весьма нелестную характеристику деятельности императрицы: «Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она (Екатерина II) обогатила их за счет народа и унизила беспокойное наше дворянство... Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих правителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях... Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости; народ, угнетенный наместниками; казну, расхищенную любовниками, важнейшие ошибки в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, – и тогда голос оболенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России. От канцлера до последнего протоколита, – все крало и все было продано. Таким образом, развратная государыня развратила свое государство» (Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 томах. Т. 7. – М., 1981).

... Если уж речь зашла о социологических опросах, то уместно вспомнить следующий, увы, уже мало кому памятный факт. По решению Краснодарского горсовета от 22 октября 1992 г., 15 ноября был проведен городской референдум по вопросу: «Какое, по вашему мнению, название должен носить наш город – «Краснодар» или «Екатеринодар»?

Из 542,7 тыс. граждан, внесенных в списки, в голосовании приняло участие 205,9 тыс. чел, т. е. всего 37,9 %. Причем, за сохранение названия «Краснодар» проголосовали 157,5 тыс. чел. (76,5 %), а за название «Екатеринодар» – 45,3 тыс. (т. е. 22,0 %). Но референдум был признан несостоявшимся, поскольку в нем участвовало менее необходимого по закону (50+1 %) числа избирателей. Тем не менее, результаты даже такого «несостоявшегося» голосования заставляют о многом задуматься... («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 753).

4.5.5. «Ради собрания войска и прибежища бездомных казаков, выстроить 40 куреней...»

Ради собрания войска, устройства довлеемого порядка и прибежища бездомных казаков, выстроить 40 куреней... Разделить войсковую землю на 5 округов и завести окружные правления...

«Порядок общей пользы» (1794).

Кроме Екатеринодара, предложено было выстроить еще 4 города – Фанагорию, Бейсу, Ейский и Григорьевский.

Ф.А. Щербина (1910).

Строительство казачьей крепости – центра города, который позже получит название Екатеринодар, началось в конце 1793 – начале 1794 г. По примеру Запорожского войска, в Екатеринодарской крепости построены были курени-казармы вокруг церкви. Казаки поселились на новых землях куренями или куренными селениями, 38 из которых получили прежние, сечевые названия: Батуринский, Васюринский, Деревянковский, Полтавский, Щербиновский и т. д. Два куреня получили новые названия – Екатериновский и Березанский. Места для поселения определялись по жребию как близ р. Кубани, так и в глубине от границы. Одновременно с заселением Черномории куренными селениями возникли в ней и другого рода поселочные формы. Это были хутора, зимовники и коши.

Перечень первых 40 куреней, заложенных на Кубани, приводится в так называемом «Порядке общей пользы» (январь 1794 г.), регламентировавшем всю внутреннюю жизнь казаков. В этом документе, в частности, говорится: «...3). Ради собрания войска, устройства довлеемого порядка и прибежища бездомных казаков, выстроить 40 куреней под названием сим (орфография названий приводится без изменений, как в документе. – Авт.): Екатериновский (с 1961 г. – ст. Крыловская), Кисляковский, Ивановский, Конеловский, Сергиевский, Динский, Крыливский, Каневский, Батуринский, Поповический (ныне – ст. Калининская), Васюринский, Незамаивский, Ирклеевский, Щербиновский, Титаровский, Шкуринский, Коренинский, Рогивский, Корсунский, Калниболотский, Уманский (ныне ст. Ленинградская), Деревянковский, Нижестеблиевский, Вышестеблиевский, Джерелиевский, Переяславский, Полтавский (с 1933 г. – ст. Красноармейская), Мышастовский, Минский, Тимошовский, Величковский, Леушковский, Пластуновский, Дядьковский, Брюховецкий, Ведмедовский (ныне ст. Медведовская), Платнировский, Пашковский, Кушовский и Березанский...».

Перечисленные выше 40 куреней и сейчас существуют в виде станиц или городов. Одновременно с этими населенными пунктами в конце XVIII – начале XIX вв. возникли и станицы по правому берегу р. Кубани. Их заселяли донские казаки, которые несли здесь сторожевую службу. Были образованы, в частности, Усть-Лабинская, Кавказская, Прочноокопская и отошедшие сейчас к Ставропольскому краю Григорополисская, Темнолесская и Воровсколесская станицы. Заселялась в это время и северо-восточная часть

области. В 1794-1801 гг. пришедшие на Кубань крестьяне Курской, Орловской и Воронежской губерний образовали следующие селения, часть из которых позже отошла к Ставрополью: Рождественское, Новотроицкое, Богоявленское-Сенгилеевское, Каменнобродское, Безпаш-Покровское (Новопротокровское), Расшеватское, Дмитриевское, Ильинское, Архангельское и др. В 1802-1804 гг. были основаны ст. Ладожская, Тифлисская, Казанская, Темижбекская и Воронежская.

Подавляющая часть селений была образована сразу же после передачи Черномории во владение черноморских казаков (в 1792 г. – 9, в 1793 г. – 19). Всего в 1792-1794 гг. возникло 31 селение (64,6 % всех селений, существующих в 1811 г.). Переселение же 1809-1811 гг. производилось в уже существующие старые селения.

Несколько иные цифры приводит Ф.А. Щербина. По его данным, в 1801 г. в Черномории было всего 2 города, 42 селения или куреня, 30 церквей, 2 763 двора с 23 474 душами мужского и 9 135 – женского пола. Как отмечал этот историк, «все земли Войска первоначально решено было разбить на 5 округов: 1) Екатеринодарский, 2) Фанагорийский, 3) Бейсугский, 4) Ейский, 5) Григорьевский. Кроме Екатеринодара, предложено было выстроить еще 4 города – Фанагорию, Бейсу, Ейский и Григорьевский».

Проведенное тогда же административное деление вновь приобретенных казачьих земель дало возможность уточнить границы будущей Кубанской области. По данным архивных источников, граница этой территории проходила по р. Кубани от ее устья у Черного моря до ст. Воронежской, а оттуда на 20 верст на восток через р. Кирпили до впадения р. Камышеватой в р. Челбасы и далее к северо-востоку к верховьям рек Плоская, Кавалерка, Грязная и Куго-Ея. Эта часть территории Северо-Западного Кавказа, отведенная под заселение казачьему войску, по правому берегу нижнего и среднего течения р. Кубани, получила название «Черномория». Северную границу Черномории составляли реки Куго-Ея и Ея до впадения последней в Ейский залив Азовского моря. Общая площадь «пожалованной» казакам земли составляла почти 3 млн. десятин, или 3,27 млн. га; общее же население Черномории в первые годы после переселения не превышало 25 тыс. чел.

4.5.6. «Вратари Кавказа»: так на рубеже XVIII-XIX вв. назовут себя эти защитники южных рубежей России

На стенах твоих Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью.

Книга пророка Исайи (62; 6).

Дикie черкесы напуганы (?!- Авт.); древняя дерзость их исчезает... Видел я берега Кубани и сторожевые станицы – любовался нашими казаками. Вечно верхом, вечно готовы драться; в вечной предосторожности!

А.С. Пушкин, из письма от 24.09.1820 г.

Известный публицист и общественный деятель Н.А. Добролюбов (1836-1861), живо интересовавшийся социальным и этническим составом первых групп переселенцев на Кубань, пишет: «Правительство, имея в виду заселение этой границы народом, привыкшим к постоянной войне, обратилось к бывшим запорожцам с призывом на службу, ...только на новом месте. Казаки, разумеется, с радостью встретили этот призыв, и в 1792 г. переселились на Кубань в числе 13 000 чел. Затем вследствие особых мер к ним правительство присоединило еще в виде отсталых до 700 семейных и бессемейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Новороссийского края. Это составило коренное население казачьего Черноморья. К нему с течением времени присоединилось до 500 запорожцев, убежавших к султану, около 52 000 добровольных переселенцев мужского пола из губерний Полтавской, Черниговской и Харьковской и до 1000 душ мужского пола добровольно вышедших из-за Кубани черкес и татар. Всего войсковой состав простирался тогда до 73 000 мужского и 50 000 женского пола душ». Это была значительная военная сила. Перед ней ставилась задача: «...служить защитой южных пределов Европейской России от вторжения неприятельных нам обитателей Кавказа».

На рубеже XVIII-XIX вв. эти защитники южных рубежей России назовут себя «вратарями Кавказа» (т. е. стоящими на страже «ворот» Кавказа). В этом новом качестве казаков застал А.С. Пушкин в 1820 г. 24 сентября он пишет брату: «Дикie черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает... Видел я берега Кубани и сторожевые станицы – любовался нашими казаками. Вечно верхом, вечно готовы драться; в вечной предосторожности!» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

С переселением казаков на Кубань южная граница России с подвластными турецкими территориями была надежно прикрыта Кубанской (Черноморской) кордонной линией, включавшей около 60 постов и батарей, до 100 пикетов. Она протянулась от устья Кубани до впадения в нее Лабы, где охрана русской границы переходила в руки Кавказского линейного казачества.

Почти одновременно с заселением северо-западных районов Кубани происходила колонизация правобережных степных пространств восточнее впадения р. Лабы. Кавказская линия укреплений, расположенная восточнее р. Лабы до укрепления Преградный стан, называлась Старой линией. Еще только был подписан мир в Яссах, а уже последовало распоряжение правительства кавказским властям создать 12 станиц на новой линии, выдвинув ее вперед от р. Малки к Кубани до Усть-Лабинского укрепления. Эти стани-

цы решено было заселить «выселенцами» с Дона – казаками Усть-Медвединского, Хоперского и Второго Донского округов в количестве до 3 тыс. семей. «Однако казаки не захотели покориться, взбунтовали, бежали на Дон и там возродили смятение...». Наконец, в августе 1794 г. прибыли с Дона только 1000 семей, которые разместились следующим образом: Усть-Лабинская крепость – 300 семей; Кавказская крепость – 150, Григориопольское укрепление – 150, Прочноокопская крепость – 150, Темнолесский ретраншмент – 150, Воровсколесский редут – 100 семей (Варивода Н.В., 2006. Вып. III).

4.6. Адыги и казаки – добрые соседи

4.6.1. «Запорожские казаки живут по Кубанской стороне моря в шишах, где и стоят немалыми ватагами...»

Кубанским людям определено: чтоб вы для рыбных ловель по Кубанской стороне моря не в принадлежащие Российской империи места отнюдь не въезжали и тем кубанцам, яко соседним людям, обид не чинили и ссор с ними не имели...

Из указа императрицы Елизаветы запорожскому кошевому атаману (1745).

Мирнолюбивые устремления горского населения издавна были известны русскому правительству, и они всегда находили понимание и поддержку со стороны России.

В. Бардадым (1992).

Как было отмечено выше, дружеские контакты адыгов и русских имеют глубокие корни, восходя еще ко временам славянского Тмутараканского княжества. И позже черкесы не раз становились союзниками русских, оказывая им необходимую военную помощь. Так, адыги в составе русских войск участвовали в Ливонской войне. «В лето 1558 г., – говорит летописец, – разгневался царь и великий князь на ливонских немцев, и послал на них рать свою, в том числе черкасы; князьям черкасским государь велел быти в передовом полку». В начале XVII в. адыги совместно с другими народами помогали русским в борьбе против польских интервентов. В 1645 г., когда орды крымских ханов осадили г. Черкасск, на помощь донским казакам пришли и адыги. Сочувственно отнеслись горцы и к национально-освободительной борьбе украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого. В июне 1648 г. они прислали к Хмельницкому своих послов, которые заявили, что выделяют в его распоряжение для борьбы с турками и крымским ханом 7000 лучших воинов-всадников.

К этому периоду относится интереснейшая информация, раскрывающая малоизвестные грани борьбы запорожских казаков с турецкими и крымскими захватчиками. Как вспоминает дочь И.В. Сталина Светлана Аллилуева в своей книге «Двадцать писем другу» (2000), на сталинской даче в кабинете «...висела в рамке под стеклом репродукция репинского «Ответа запорожцев турецкому султану», – отец обожал эту вещь и очень любил повторять кому угодно непристойный текст этого самого ответа». Поскольку практически все знают картину Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», но мало кому известно само содержание их «дипломатической» переписки, – приведем оригинальный текст этих любопытных документов:

Султан Мохаммед IV – запорожским казакам (1663 г.):

«Я, султан и владыка Блистательной Порты, сын Магомета, брат Солнца и Луны, внук и наместник Аллаха на Земле, властелин всех царств: Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта; царь над всеми царями; властелин над властелинами; несравненный рыцарь, никем не победимый воин; владетель Древа жизни, хранитель неотступный гроба Иисуса Христа; попечитель Бога самого; надежда и утешитель мусульман; устрашитель и великий защитник христиан, – повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и безо всякого сопротивления, и меня вашими нападениями не заставлять беспокоить! – Султан турецкий Мохаммед IV».

Запорожские казаки – турецкому султану Мохаммеду IV (1663 г.):

«Ти, шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Який ти в чорта лыцарь, коли голою сра...й ижака (по В. Далю, ижак – «ёж») не вбьёшь? Чорт висирае, а ти и твое вийско пожирае. Не будешь ти, сукин ти син, синив (сынов) христианских пид собою мати (иметь); твоего вийська мы не боимось, землю и водою будем биться мы з тобою, распро... твою мать.

Вавилонский ти кухарь, Македонский колесник, Иерусалимский броварник («пивовар»), Александрийский козолуп, Великого и Малого Египту свинарь, Армянская свиня, Татарский сагайдак, Камьянецкий кат («палач»), Подольянский злодюка, самого гаспида (аспид – «ядовитая змея; злой, коварный человек». – **Авт.**) внук и всего свиту и пид свиту блазень («глупый недоросль»), а нашего Бога дурень. Свиняча ти морда, кобиляча ср...ка, ризницька собака, нехрещений лоб, мать твою чорт парив! От так тоби казаки видсказали, плюгавче, негоден еси мати вирных христиан.

Теперь кончаемо, бо числа не знаемо и календаря не маемо (не имеем), – мисяц у неби, а год у книжици, а день такой у нас, який и у вас. За це поцелуй в сра...у нас! Та й убирайся вид нас, бо будемо лупити вас.

Кошовый отоман Иван Сирко зо всем кошом Запорозьким» (Цит. по: Рат-Вег Иштван. Комедия книги. / Пер. с венг. – М.: Книга, 1987. С. 284-285; «Ва-банкъ», 2008, 10 окт. С. 43).

С переселением в конце XVIII в. казаков на Кубань контакты их с адыгами укрепились еще более. Как отмечает М.В. Покровский, вопреки широко распространенному в исторической литературе мнению, Прикубанье для бывших запорожцев отнюдь не было какой-то «терра инкогнито» (неизвестной территории).

ей). Так, уже в 1745 г. правительство Елизаветы Петровны направило запорожскому кошевому атаману указ, в котором писало, что «...запорожские казаки живут по Кубанской стороне моря в шишах, где и стоят немалыми ватагами; а кубанским людям определено: чтоб вы для рыбных ловель по Кубанской стороне моря не в принадлежащие Российской империи места отнюдь не въезжали и тем кубанцам, яко соседним людям, обид не чинили и ссор с ними не имели... и для того построенные шиши все сжечь».

Проникновение запорожцев за Кубань по-прежнему продолжалось. Вслед за ними во второй половине XVIII в. потянулись сюда купцы и мещане, организовавшие на восточном берегу Азовского моря рыболовные заводы. Несомненно, эти заводы возникали и действовали с ведома и согласия ногайских мурз и адыгской знати. Люди, работавшие здесь, подвергались со стороны ногайцев и крымских татар постоянной опасности захвата в плен. Так, большое число русских и украинцев было захвачено «...в полон в Фаногорском острове при Бугазском лимане на рыбной ловле». Массовое же переселение запорожцев на Кубань состоялось, как известно, в конце XVIII в. (1793-1794 гг.)

4.6.2. «Соседей не выбирают, – это дар Аллаха»

*Дружба людей – неприступная вечная крепость
(«Зэкьот купыр мыкьутэжьын къутанI»).*

Адыгская пословица.

*Я шел к тебе – не компас и не звезды,
Но сердце мне указывало путь.
Как сложен был и крут невыносимо
Неторный путь к тебе, моя Россия...*

И. Машбаш.

Кубанские черкесы встречали казаков-переселенцев дружелюбно. И казаки, со своей стороны, старались жить с горцами в мире и согласии. Военный историк В.А. Потто (1885) по этому поводу писал: «Черноморские казаки с удивлением увидели перед собой народ татарского склада, но в высшей степени трудолюбивый, честный, без мелких хищнических замашек, но в то же время грозно-воинственный, превосходно и вечно вооруженный, потому что он не составлял из себя государства, и каждый отдельный член его должен был сам заботиться о своей безопасности. И казаки не могли отказать черкесам в глубоком уважении как к народу, равному ему по доблести. Черкесы, со своей стороны, также скоро выучились уважать лучшие стороны казачества. Увидев новое воинственное племя, Бог весть откуда и зачем пришедшее и поселившееся с ними бок о бок, сначала они смотрели на него не совсем дружелюбно, но мало-помалу они помирились с ним, видя рыцарские качества пришельцев, так прекрасно вооруженных, так смело и бесстрашно приходивших к ним на Кубань, партиями и поодиночке, рубить леса, ловить рыбу и очевидно не желавших причинить им никакого вреда...».

На этой почве взаимного уважения между казаками и черкесами в первое время возникли самые дружественные отношения. Открыта была меновая торговля, казаки и черкесы ездили друг к другу в гости, становились кунаками. На этот счет имеется немало документальных свидетельств. Вот одно из них. 27 мая 1794 г. несколько черкесских князей, что примечательно, – подданных Турции, явились к казакам с визитом вежливости. «Они того приезжали, чтобы жить им мирно с войском», – отмечал очевидец. Радушно принятые гости выразили казакам самые добросердечные заверения: «Мы никогда не думали с вами в соседстве жить, но теперь раз Бог привел, то и надобно жить нам хорошо». Ведь недаром восточная мудрость гласит: «Соседей не выбирают, – это дар Аллаха».

Миролюбивые устремления горского населения издавна были известны русскому правительству, и они всегда находили понимание и поддержку со стороны России. Черноморцы, следуя указаниям русского правительства и заветам своего высокого покровителя А.В. Суворова, неуклонно стремились к мирной жизни с кубанцами, которых и явно и тайно подбивала и натравливала на русских людей недоброжелательная Турция и ее властители, все еще лелея напрасную призрачную мечту о возвращении Крыма и Кубани. Именно с взаимовыгодной целью черноморские казаки построили на берегах Кубани, на кордонах, меновые дворы, где за войсковую соль выменивали у горцев пшеницу, овес, мед, строевой лес, черкесские бурки (Бардадым В., 1992).

Приведенные ниже факты подтверждают, что взаимоотношения адыгов с пришлыми казаками были изначально дружеские:

29 декабря 1795 г. в Екатеринодар прибыли из С.-Петербурга черкесские князья Батыр-Гирей и Холубат (Колобат)-оглу Магмет. В своем прошении на имя Екатерины II они выражали верность России, обещали «никаких обид войску Черноморскому не делать» и просили разрешения пасти конские табуны на войсковой земле, «дабы избавиться из похищений, абазинами чинимых». В Екатеринодаре гостей встречал войсковой судья А. Головатый. Князья были «награждены хлебом», и в сопровождении Головатого и команды казаков переправлены через Кубань. На левом берегу их «приветствовал бжедугский народ во многих толпах». После речей и взаимных тостов А. Головатый возвратился в Екатеринодар, а князья «...уехали в свои владения с уговором, что соберут всех соплеменников к Екатеринодарскому меновому двору 4 января 1796 г. для объявления монаршей милости, – их прошение было удовлетворено царицей (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 248, л. 60, 61, 91).

4 января 1796 г. в Екатеринодар прибыли черкесские князья, мурзы, дворяне и, как сообщалось в документе, «множество бжедугских и хатукайских народов». По их просьбе войсковой судья А. Головатый переправился на левый («черкесский») берег р. Кубани, где был торжественно встречен князьями и узденями «с духовною музыкою, состоявшею из четырех серебряных и одною медною по их обряду сопилок, двух в серебряной оправе трещоток, играющею с тремя плясунами».

После того, как зачитали решение Екатерины II о принятии большой группы черкесов по их просьбе в число подданных России, музыка и пляски возобновились, а «некоторые из князей и народов, посидав на лошадях, сколько можно шибе на оных по берегу Кубани скакали, показывая собою на лошадях свойственные им примеры». Далее, – как вспоминал А. Головатый, – «запивали могорыч (бузу?); все князья, мурзы, дворяне и народ, распрощаясь со мною, проводили к пристани с музыкою, где я, сев в лодку, поехал в свою сторону».

Торжество это явилось, по сути, первым совместным праздником двух народов, ставших по воле истории, близкими соседями (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 248, л. 109-112).

В октябре 1804 г. в Екатеринодар приезжали с закубанской стороны «...черкесы, доброе согласие и приверженность имевшие». Как сообщают архивные источники, гостей угощали булками, водкой, мясом, медом и пшенной кашей за войсковой счет (ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 96).

В 1822 г. засуха... истребила посевы, в Черномории начался голод. В Черноморию, спасаясь от голода, «...толпами переходили закубанские черкесы, особенно женщины с детьми, и войсковое правительство принимало и водворяло их между азиатцами (горцами), обитающими на нашей земле» («Кубанский сборник», 1907. Т. 13. С. 82-83).

4.6.3. «Следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам»

4.6.3.1. «Наблюдать, чтобы владельцы поселившиеся при Кубани, не имели от местного казачьего населения никаких притеснений»

Не оружием, а паче правосудием и справедливостью, нужно приобретать их (черкесов. – Авт.) к себе доверенность. ...Следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам.

Из указа императрицы Екатерины II (1794).

Виновные в подобном поступке (набегах кубанских казаков на черкесское Закубанье. – Авт.) будут отданы горцам на их суд. Особенно наблюдать, чтобы владельцы, поселившиеся при Кубани, не имели от местного казачьего населения никаких притеснений.

Павел I, император (1797).

Изучение материалов, относящихся к вопросу о торговых связях адыгов с русским населением, позволяет утверждать, что между ними, несмотря на препятствия, создаваемые политикой царизма и подстрекательской деятельностью турок, быстро стал развиваться оживленный торговый обмен. Немалое значение имело то обстоятельство, что император Павел I запретил кубанским казакам производить набеги на черкесское Закубанье; в противном случае «...впредь виновные в подобном поступке будут отданы горцам на их суд. Особенно наблюдать, чтобы владельцы, поселившиеся при Кубани, не имели от местного казачьего населения никаких притеснений» («История народов Северного Кавказа». Т.2. 1988).

Эта же мысль о недопущении никаких притеснений по отношению к адыгам звучала и в указе императрицы Екатерины II: «Не оружием, а паче правосудием и справедливостью, нужно приобретать их (черкесов. – Авт.) к себе доверенность. Всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего; тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями. Следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам».

4.6.3.2. «Черноморцы полюбили горцев за их честность и в торговле всегда верили им на слово...»

Если твой сосед могуществен, найди в себе силы и мудрость подружиться с ним или хотя бы наберись терпения для мирного соседства.

Адыгская мудрость

Черноморцы полюбили горцев за их честность, и в торговле всегда верили им на слово... С течением времени дружба между черноморцами и вблизи живущими черкесами постепенно укреплялась...».

«Россия и Кавказ...» (2001. С. 79).

Как писал казачий историк А.В. Певнев (1911), «...закубанские горцы весьма дружелюбно встретили появившихся на Кубани черноморцев. Видя, что черноморцы терпели большие невзгоды и нуждались в хозяй-

ственных вещах, горцы на первых порах пришли к ним на помощь. Они привозили из-за Кубани лес и деревянные изделия (грабли, вилы, лопаты и т. п.) и обменивали черноморцам преимущественно на соль. Они же снабжали черноморцев скотом и лошадьми и дарили хлеб для посева. Так как в торговых делах черноморцы не брали с должников расписок и всегда верили на слово, а черкесы, оставаясь должниками, никогда не обманывали черноморцев и всегда в назначенное время являлись для расчета, то *черноморцы полюбили горцев за их честность и в торговле всегда верили им на слово...* С течением времени дружба между черноморцами и вблизи живущими черкесами постепенно укреплялась...» (Певнев А.В., 1911; «Россия и Кавказ...», 2001. С. 79).

И действительно, многие документы свидетельствуют, что переселившиеся казаки первое время в очень трудных бытовых условиях вынуждены были пользоваться почти исключительно товарами, которые горцы привозили из-за Кубани. Так, в донесении от 4 сентября 1794 г. говорилось: «С закубанской стороны привозят разные товары для мены на крупный рогатый скот». Архивные документы подтверждают, что когда в 1792-1793 гг. по правобережью Кубани начали заселяться черноморские казаки, их в значительной мере стали снабжать хлебом соседние, жившие на левобережье, адыгские племена.

Дело в том, что практически все адыгские народы, жившие в Закубанье (бесленевцы, темиргоевцы, жаневцы, махошевы, бжедуги) издавна занимались земледелием, причем зачастую выращивали хлеб в размерах, превышающих их собственные потребности в зерне. По данным П. Короленко, с 1792 по 1796 гг. они «доставляли казакам все нужное по хозяйству и во всем пособляли, сколько могли. Хлеб всех родов в зерне для посева, фруктовые деревья для разведения садов и даже оружие они сами привозили на кордоны и отдавали казакам за самое ничтожное количество соли, а иногда и даром».

Так, только в 1798 г. и только через Екатеринодарский меновой двор адыгами было продано казакам 17 528 пудов хлеба, а также 2 426 пудов яблок и груш, 24 030 кольев для частокола, 3 890 брусьев, 1 396 бревен, 20 лодок, 154 лопаты и т. д. В связи с этим уместно привести свидетельство очевидца – Адыль-Гирей Кешева (Каламбия): «Все тут (на ярмарке. – Авт.), что может производить горец. Душа радовалась при виде этой смешанной толпы, и недаром: торговля – лучшее средство к сближению народов; в ней исчезает все, что разъединяет их».

4.6.4. «Было много желающих записаться в казаки и служить под российскими знаменами»: переход адыгов на правобережье р. Кубани

Соседи наши горцы, большей частью набережные (прибрежные, прикубанские), сделались очень дружескими; с них князь Батыр Гирей Щербатой поехал в Санкт-Петербург и теперь там.

Из письма А. Головатого З. Чепиге (15.09.1795 г.).

Добрый наш сосед и истинный друг! Покорнейше просим Вас, чтобы позволено было купечеству людям с нашей стороны переезжать в российские места для торгового промысла, а из россиян – в наши места беспрепятственно.

**Из прошения горских князей на имя войскового
судьи А. Головатого (1799).**

Горцы неоднократно обращались к русским властям с просьбой перейти под покровительство России. Интересно, что с этим переходом горские князья связывали и получение некоторых торговых привилегий. Так, в письме на имя войскового судьи А. Головатого они писали: «Добрый наш сосед и истинный друг! Покорнейше просим Вас, чтобы позволено было купечеству людям с нашей стороны переезжать в российские места для торгового промысла, а из россиян – в наши места беспрепятственно». О том, что препятствий для взаимовыгодной торговли горцев с русскими практически не было, свидетельствует тот факт, что князь Издемир, например, имел целую флотилию из 10 больших лодок, которые регулярно курсировали с товарами между Константиновским постом и Екатеринодаром. Однако, учитывая сложившуюся внешнеполитическую ситуацию, далеко не все прошения адыгов о подданстве российские власти удовлетворяли.

Документы свидетельствуют, что, принимая русское подданство, адыгские князья были готовы оказывать необходимую военную помощь России в ее борьбе с турками. В одном из сообщений на «высочайшее» имя, А. Головатый писал в 1795 г.: «Натухайский князь Аслан-Гирей, оказавший неоднократно помощь казакам, заявил о своей готовности принять подданство России. Он обещал, что черкесы будут приведены к присяге, в обеспечение их верности России; что в случае войны с турками черкесы не только не будут предпринимать враждебных действий против русских, но еще будут помогать им в борьбе с турками. Низшие же классы натухайцев хлопотали даже о переселении на правую, т. е. русскую сторону Кубани. Впоследствии часть князей и черкесов приняли действительно присягу».

Непрекращавшаяся вражда между отдельными адыгскими племенами постоянно заставляла потерпевших поражение вместе с семьями бежать на русскую сторону и, не считаясь с запрещением, переходить

через р. Кубань. Доставленные в канцелярию войскового атамана, они давали, как правило, один и тот же стереотипный ответ: «Ежели вскорости Россия нас на жительство к себе добровольно не примет, то мы будем через Кубань к вам переправляться и без позволения начальства, а вы с нами что хотите, то и делайте». Задерживаемые на берегу, они умоляли спасти их от гибели, а семьи от рабства. В делах, относящихся к 1797-1798 гг. имеется большое количество описаний пограничных инцидентов, связанных с отказом царских властей принимать адыгов на русскую сторону. Были случаи, когда люди в отчаянии бросались в воду. Поэтому с 1798 г. эти запреты стали нарушаться.

В результате новой вспышки межплеменной вражды за Кубанью в конце XVIII в. на русскую сторону устремились сотни беглецов. Например, когда дворянина Шостен-Али с семьей силой отправляли обратно, он заявил: «Не пойду, а ежели хочешь, топи меня, все семейство и подданных». Войсковая канцелярия вынуждена была давать разрешение селиться в ближайших прикубанских аулах, удаленных от мест их прежнего жительства.

В конце XVIII- начале XIX в. участились обращения ряда адыгских князей и дворян к российским властям с просьбой о принятии их в подданство России с поселением на правой стороне р. Кубани. Однако правительство России первоначально отклоняло эти просьбы. Так, в рескрипте Екатерины II к графу Зубову от 3 мая 1795 г. по поводу просьбы бжедугских и натухайских князей о принятии в русское подданство говорилось, что «удовлетворение таковому желанию их завело бы нас в неприятные объяснения и хлопоты с Портой Оттоманской, подав ей причину укорять нас в нарушении заключенного с нею трактата». Поэтому Екатерина II считала необходимым «отклонить их от сего шагу», но, «содержа помянутых князей в добром к нам расположении и обнадеживая их сохранением мирного соседства, ...позволить конским табунам их ходить на пастбы на земле Войска Черноморского» (ГАКК, Ф. 249, оп. 1, д. 248, л. 60-61). Такого же содержания был рескрипт императора Павла I от 3 декабря 1796 г. к графу Зубову в ответ на подобные просьбы (Панеш А.Д., 1999).

Обращения адыгских князей свидетельствовали о стремлении определенной части черкесской знати сблизиться с Россией. В 1798 г. Павел I, в нарушение собственного указа, был вынужден разрешить Али Шеретлук-Оглы со всеми своими подданными поселиться на правобережье Кубани. Переселенцы из-за Кубани числом 75 душ мужского пола основали Гривенский аул в устье р. Ангелинки; его жителям войсковые власти выделили 2795 десятин земли. Спустя несколько лет в этом ауле проживало уже 651 чел. На этот раз Россия изменила свою тактику по вопросу взаимоотношений с закубанскими адыгами. С этого времени *участились переходы или просто бегство на казачьи земли адыгских крестьян и рабов*, где они селились целыми аулами и назывались «мирными горцами» (Панеш А.Д., 1999). Однако, зачастую, с изменением политической обстановки, некоторые князья, сначала просившие у русских убежища, вновь уходили на левую сторону р. Кубани. Так, например, в 1799 г. бежал обратно за Кубань шапсугский дворянин Явбук-бей, поселенный ранее на Ангелинском ерике.

Обращает на себя внимание первоначальная позиция русских царей по отношению к черкесам, направленная на «дружеское общение» с ними. Так, в рескрипте Александра I генералу И.И. Михельсону от 31 декабря 1801 г. говорилось: «Чтобы утвердить спокойствие границы нашей, предписываю отнюдь *никакой несправедливости с соседственными (горскими) народами не делать, а иметь с оными дружественное обращение*; всякий же противный сему поступок наистрожайше наказан будет. Второе. Если не взирая на сие доброе обращение, соседственные народы беспокоят границу нашу, тогда немедленно сделать репрессаль им для наказания и преследования их, если нужда этого востребует, – в пределах их. Но не участвующих в учиненных злодеяниях не трогать».

Архивные документы свидетельствуют, что почти из всех социальных групп адыгов было достаточно много желающих записаться в казаки и служить под российскими знаменами. Бежали в казаки одиночки, бежали семьями и даже аулами. Бежали рабы, свободные крестьяне, дворяне и даже иногда князья. В самом начале XIX в. в Черномории уже числилось 27 аулов переселенцев-адыгов, давших клятву на верность России. Около 1000 адыгов дослужились до чина урядника, сотни – до офицерских чинов, а несколько – до генеральских эполет.

И казаки с уважением и явной симпатией относились к горцам. Это выразилось в осуждении простыми казаками участия русских войск в Бзюкской битве на стороне адыгской знати. Да и во время волнений черноморских казаков в 1797–1799 гг. («Персидский бунт») казаки твердо заявили, что если власти не пойдут им навстречу, то они «...всех в войске старшин вырежем и, вырезавши оных, пойдем на закубанскую сторону к черкесам». Все приведенные выше материалы еще раз подтверждают, что вопреки реакционной политике царизма и проискам турецких эмиссаров, направленных на насаждение взаимной ненависти русских и адыгов, объективных предпосылок для возникновения вражды между этими двумя народами в то время не было. Однако вскоре положение на границе осложнилось. Кроме постоянных набегов на казачьи селения горских абреков-одинок, грабивших, кстати, и своих соотечественников-адыгов, начались набеги больших отрядов во главе с дворянами и даже князьями. «Действие рождает противодействие», – все это не могло не вызвать ответные карательные меры со стороны казаков, причем меры, зачастую несоизмеримые с тяжестью проступка. И постепенно «цепная реакция» взаимных обид выходит из-под контроля...

4.6.5. Казаки-переселенцы: первые опыты хозяйствования на вновь обретенной родине

Во время заселения Черномории казачеству предстояло не только защищать свою новую родину от иноплемennых соседей, некоторые из которых были враждебно настроены, но и организовать экономическую жизнь. Казаки повели свою хозяйственную деятельность в духе тех приемов, какими характеризовалась экономическая жизнь Запорожья. Земледелие было еще слабо развито, главный промысел первоначально составляли скотоводство и рыболовство. Этому способствовали и природные особенности края (Варивода Н.В., 2006. Вып. III).

4.6.5.1. «Чем же порадовала и одарила Кубань казаков-воинов, казаков-пахарей...»

Так что же представляла собой Кубань, когда в 1792-1793 гг. здесь поселились запорожцы? Какими располагала ресурсами и богатствами? Чем же порадовала и одарила Кубань казаков-воинов, казаков-пахарей...».

В.П. Бардадым (1992).

На вопрос, вынесенный в заголовок, отвечает известный кубанский краевед, писатель-публицист В.П. Бардадым. Используя материалы фондов Краснодарского государственного архива, писатель приводит переписку землемера В. Калчигина с войсковым судьей А. Головатым от 6 ноября 1795 г.

Будучи в Екатеринодаре, землемер посетил хату Головатого, чтобы передать свой отчет об увиденном на Черноморской земле, но не застал его. Тогда он написал записку войсковому судье с просьбой сделать на представленном отчете «посильные поправки»: «Вы, по знанию Вашему в экономии (т. е. в экономике, хозяйстве, в житейских делах. – **Авт.**) не оставите дополнить мое примечание, которое я должен при карте о Земле Войска Черноморского представить в Правительствующий Сенат».

Антону Головатому, – пишет краевед, буквально осведомленному во всем, что касается жизни и хозяйства казаков, ничего не стоило оставить на полях отчета свои ремарки, замечания и дополнения. Особенно подробно он пишет о хлебопашестве, сообщая, что «сеется на зиму рожь и пшеница озимая, а весною рано ярына, яко-то: рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха, просо, горох, конопля и лен, и ежели на оное весною дожди обыкновенные бывают, то оных посевы чрезвычайный плод дают». Большой знаток сельского хозяйства, он умел высказаться коротко, весьма точно и ясно.

Среди «поваренных растений» зон отмечает «земляные яблоки» – картофель, петрушку, укроп, бобы, фасоль, хрен, пастернак, а также многие другие известные овощи. С истой любовью к плодовым деревьям, к садоводству войсковой судья перечисляет и кизил, и терен, и глед (боярышник), и полевые вишни, лесные яблоки-кислицы и абрикосы.

О птицах Головатый замечает, что на Кубани, кроме орлов, куропаток и бакланов, водятся также чижи, жаворонки, дрозды, сойки, фазаны, сороки, чапуры (цапли), а также серые и рябые утки. Словом, живности сколько душе угодно, как и обитателей вод – от «водяных тварей» до самых различных рыб. «Сверх щук и окуней есть ...караси и раки, а в р. Кубани – визы («по В. Далю, «рыбий вожак, князек, за которым идет косяк осетровых рыб». – **Авт.**), стерлядь, белуга, короп (сазан), сомы, рыбец, ...а при Тамани – бычки и тарань». А. Головатый подробно останавливается на рыбном промысле: в какое время рыба идет лучше всего, сколько она стоит (например, тысяча штук судака – 20 руб., а столько же тарани – 1 руб.50 коп.!).

И в заключение Головатый сообщает в С.-Петербург о промысловом звере: зайцах, норках, лесных котках, в море – тюлени, в р. Кубани – выдныхи (выдры. – **Авт.**), и бобры, уточняя, что волчий мех стоит 20 руб., лисий – 25, «норковая кожа» – 1 руб., а «кожа заячья» – 10 коп. Как мы видим, – заключает свое эссе В. Бардадым, Антон Головатый был первым географом Кубанской земли, внимательно, толково изучившим ее зеленое, живое богатство.

4.6.5.2. Эксплуатация «фантастических рыбных богатств»

В пору нереста рыбы в Кубани и Протоке набивалось столько, что по плотно сжатой живой массе от дна до поверхности воды казаки свободно проезжали на своих телегах-мажарах с берега на берег без опаски провалиться в водный поток...

Е.Д. Фелицын (1896).

Казаков-переселенцев встретило настоящее рыбное Эльдorado. Как пишет А.М. Павлов (1989), по всем рекам и лиманам Приазовья и Прикубанья вновь обретенной родины рыба водилась в изобилии. И, прежде всего, красная – белуга, севрюга, осетр, стерлядь. А уж белой – судака, леща, карпа, рыба, шемаи, тарани – завались не хочю. Особенно щедры были водоемы у Копыла и Ачуева, Тамани и Темрюка, на Челбасах, Ее, Бейсуге, Кирпилях.

Спустя столетие о фантастических рыбных богатствах предков в районе нынешнего Славянска-на-Кубани известный историк-краевед Е.Д. Фелицын сообщал удивительные факты. В пору нереста рыбы в Кубани и Протоке набивалось столько, что *по плотно сжатой живой массе от дна до поверхности воды казаки свободно проезжали на своих телегах-мажарах с берега на берег без опаски провалиться в водный поток.*

Всего же в 1795 г. только в 14 пунктах Азовского побережья, расположенных в основном на выступающих песчаных косах, насчитывалось 60 частных рыбных заводов с 2013 забродчиками и бурлаками.

Наличие больших запасов рыбы позволяло засаливать, вялить и коптить ее впрок, вывозить на продажу. Рыба отправлялась даже на восточные базары Константинополя, не говоря уже о центральных губерниях России. По свидетельству Ф.А. Щербины, севрюжки и белужьи балыки шли по цене 5 руб. 50 коп. «ассигнациями за пуд, то есть по 4 копейки серебром за фунт». Он же называет цену на икру 4 руб. 50 коп. за пуд, или около 3 коп. за фунт, 1000 шт. тарани стоила 1 руб. 50 коп. ассигнациями, или 43 коп. серебром. Любопытны другие данные: «Пуд белуги стоил на наши деньги (начало XX в. – Авт.) 20 коп., пуд севрюги 23 коп., а пуд осетра около 35 коп., то есть менее 1 коп. за фунт. При этом 1000 шт. карпов размером в аршин (около 30 см) продавалась по 21 руб., а так как карп в аршин размером весил не менее 20 фунтов, то, следовательно, 1 фунт этой жирной и вкусной рыбы стоил совершенно ничего – 0,1 коп.» (Цит. по: Павлов А.М., 1989. С. 106).

4.6.5.3. Пшеница становится главной зерновой культурой Кубани

Полученная в 14 день марта по повелению Вашего Высокографского Сиятельства в 2-х мешочках египетская пшеница ...посеяна и сберегается под надежным наблюдением; как же скоро она взойдет и в каком существе, – доложить не умею.

Из письма А.А. Головатого графу П.А. Зубову (22.03.1795 г.).

Слава Богу, в городе Екатеринодаре и во всех войсковых пределах благополучно. Хлеб по малой части во урожаях...

Из письма А. Головатого З. Чепиге (15.09.1795 г.).

Придя на Кубань в конце XVIII в., запорожские казаки, наряду со своей главной обязанностью – «сбережением» южных границ Российской империи, стали заниматься земледелием. В 1794 г. они посеяли пшеницу привезенными с собой семенами. Почва оказалась плодородной. Урожай удивил их. Это были робкие шаги первых кубанских земледельцев-переселенцев. К тому же времени относятся опыты Антона Головатого с «египетской пшеницей», посадка которой вызвала оживленную переписку казачьего сеятеля с вельможным Петербургом.

30 января 1795 г. граф П.А. Зубов отправил из северной столицы в адрес А.А. Головатого посылку – два мешочка пшеницы «для пробного посева» – с просьбой высеять ее и затем, по получении урожая, «выслать некоторое количество в зерне с описанием, сколько и с какою доброотою она уродится». Доподлинно неизвестно, почему важный петербургский сановник избрал именно войскового судью для своего «опыта» и почему решил провести его на берегах Кубани. Эта необычная просьба являлась своеобразной честью, оказанной казачьему вожаку. Граф был лично знаком с Головатым, знал о нем, как о толковом администраторе и опытном хозяине, и дабы подчеркнуть «проявление дружбы» к нему, обратился с деловым поручением. Почта ходила чрезвычайно медленно. Только спустя полтора месяца семена – «два мешка за печатями» – попали в руки Антона Андреевича, который, с присущей ему исполнительностью, подробно сообщал в Петербург:

«Полученная в 14 день марта по повелению Вашего Высокографского Сиятельства в 2-х мешочках египетская пшеница по порядку хозяйственному с молитвою и благословением войскового протоиерея на самоудобнейшей вспаханной земле, отведенной мне в городе Екатеринодаре, по р. Карасун, под сад месте, искусными хозяевами казаком Яковом Бойко первой с мешка 7 фунтов (около 2,8 кг) марта 20-го в половине восьмого часа по полуночи, а второй, Федором Диденко, крупной три фунта (1,2 кг) 22 числа по полудни во 2-м часу посеяна и сберегается под надежным наблюдением; как же скоро она взойдет и в каком существе... доложить не умею» (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 320).

И усердный черноморец, обремененный сотней неотложных дел, внимательно следил за произрастанием семян, о чем свидетельствуют его рапорты. 10 апреля он писал, что пшеничные зерна двух сортов «взошли порядочно»: большая зерном – 30 марта, меньшая – 1 апреля. «Какой же Бог пошлет дальше возраст, – заключает Головатый, – не умею Вашему Высокографскому Сиятельству донести». И действительно, 2 мая он информирует, что «двух родов египетская пшеница по небытию в здешнем крае дождя выросла только на 7,5 вершка (33 см). 25 июня он с радостью извещает о своем хлеборобском эксперименте: «С помощью бываемых в нынешнем месяце дождей (дождей. – Авт.) выросла оная мерою от корня в 1 аршин (71 см)». Спустя несколько дней корреспондент уведомляет о состоянии земледелия во вновь пожалованном краю: «Поселившиеся на острове Фанагории (Тамани. – Авт.) верного войска Черноморского старшины и казаки, слава Богу, обзаводятся хлебопашеством и скотоводством... но при том делают, – подчеркивает он, – в рассуждении плодovitой здесь земли, виноградные сады» (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 320, л. 21).

Сохранился рапорт А. Головатого от 1 октября 1795 г., где он сообщает, что египетской пшеницы, посеянной в Екатеринодаре, «по жатве и измолоте оказалось в зерне длиннейшего роду с трех – один фунт (0,4 кг), круглого рода с семи – 16 фунтов (6,4 кг)». И рачительный хозяин с горечью замечает, что «онный настоящий урожай был, по бурным ветрам и жарам, не допущен к совершенной дозрети (полному созреванию. – **Авт.**)», обещая вскорости через нарочного доставить означенное число фунтов пшеницы в Петербург», – завершает свое эссе В. Бардадым (1992).

4.6.5.4. Рис на Кубани: первые опыты возделывания «сарачинского пшена»

Если возможно будет производство этого продукта (риса) в Черномории, то рукою Вашего превосходительства будет даровано краю золотое руно.

Из письма М.И. Савиничева – Л.И. Кусакову (16.12.1857 г.).

Есть шансы на то, что в богатом водою Таманском отделе мы имеем в будущем крупный центр рисовой культуры.

«Кубанские областные ведомости» (1909, №112)

Первая информация о появлении на Кубани такой специфической теплолюбивой культуры, как рис, относится к концу XVIII столетия. Но, судя по всему, рис был знаком коренному населению Северо-Западного Кавказа намного раньше. В частности, есть все основания полагать, что меоты-черкесы впервые познакомились с рисом в результате торговли с Боспором (Римом) и Парфянским царством, по крайней мере, в начале н. э., то есть около 2000 лет тому назад. В XIII-XIV вв. рис был одним из наиболее распространенных товаров на рынках генуэзских колоний на территории Северо-Западного Кавказа. В это время его возделывали и в низовьях Терека (Шеуджен А.Х., 2005).

Интересный материал для анализа процесса проникновения риса на территорию Северо-Западного Кавказа дает фонетика адыгского названия риса «*пынджы*», которое явственно связано с исходным восточноиранским названием «*вриджи*». Это подтверждает предположение о проникновении культуры риса на территорию Северо-Западного Кавказа через Закавказье или Боспор в период господства на Ближнем Востоке эллинистических государств и восточноиранских племен (парфян). О близком знакомстве адыгов с культурой риса в какой-то мере свидетельствует и сохранившееся древнее географическое название Пынджыпкь (Пинджику) – местность в Темрюкском районе Краснодарского края, что в буквальном переводе означает «Рисовая долина».

Есть еще некоторые факты, свидетельствующие о давнем знакомстве адыгов с рисом. Так, Дж. Интериано (1551) писал: «...пшеницы у черкесов нет вовсе, зато много проса и других водянистых семян (в тексте у Интериано по латыни: «*semense aquatiche*»), – предположительно рис? – **Авт.**), из которых делают хлеб, разные кушанья и напиток под названием буза». Действительно, до Кавказской войны отдельные адыгские племена, населявшие Восточное Приазовье и Причерноморье, возделывали рис на небольших площадях в низовьях Кубани.

Английский эмиссар Э. Спенсер, побывавший в 1830 г. в Черкесии, обращал внимание на то, что здесь «...климат благоприятный; почва, подобно мингрельской, богата и приспособлена к выращиванию всех видов злаков, особенно к возделыванию табака, хлопка, риса». Он же упоминал рис и в составе обычного меню черкесов: «Плов здесь (в Черкесии) так же, как и в Турции, образует основной предмет пищи, и является предпочтительным для любого путешественника на Востоке не только потому, что он самый аппетитный и питательный, но и потому, что он легко усваивается. Об этом я могу говорить исходя из опыта, т.к. я всегда предпочитал его любой другой пище, сделанной или из риса, или из гречихи... Обычная пища черкесов мало отличается от пищи татар, которые населяют горные части Крыма: баранина, козленок, птица, рис, гречиха, просо, сушеные фрукты и мед образуют главные составляющие стола» (Шеуджен А.Х., 2005).

В период Кавказской войны эта культура была надолго забыта. Правда, местные власти после войны не раз предпринимали робкие попытки возобновить возделывание риса на Кубани. Лишь с установлением советской власти на Кубани, созданием мелиоративных товариществ, развитием научных исследований в области рисоводства, появлением специализированной рисоводческой техники, появились реальные предпосылки для широкого развития отрасли рисоводства на Северо-Западном Кавказе.

4.7. Этнический состав населения Черкесии в XVIII в.

4.7.1. Изменения в расселении адыгов в XVII-XVIII вв.

И приведет тебя Господь в землю, которой владели отцы твои, и получишь ее во владение, и облагодетельствует тебя, и размножит тебя более отцов твоих...

Второзаконие (30; 5).

К концу XVII в. владения адыгов несколько сократились и северные границы их территории проходили в основном по р. Кубани. В то время адыги все еще считали степи по правому берегу Кубани своими собственными землями и пользовались ими по мере надобности, однако не заселяли их из-за невозможности охранять столь

обширные территории от кочевников. Поселения восточных адыгов – кабардинцев доходили в то время почти до Каспийского моря. Граница же между Черкесией и Абхазией на Черноморском побережье практически не изменялась с X в., т. е. со времени правления византийского императора Константина Багрянородного.

В XVIII в. земли, заселенные западными адыгами, были ограничены с севера р. Кубанью до места впадения в нее р. Лабы. По Черному морю граница шла от Тамани до р. Шахе, с юга адыги граничили с абазинами, на востоке граница шла по левому берегу р. Лабы. На северо-востоке адыги граничили с ногайцами. Вследствие замедленного процесса политической консолидации – объединения племен, в рассматриваемом районе все еще сохранялось множество этнических подразделений. К концу XVIII – началу XIX вв. некоторые известные ранее племена исчезли или же почти исчезли с этнической карты Северо-Западного Кавказа. Другие племена, делившиеся в прошлом на отдельные мелкие подразделения, начали постепенно утрачивать свои местные особенности и значение. За счет них постепенно начинают складываться более крупные этнические группы. В частности, в рассматриваемое время западные адыги имели следующие основные племенные образования: на юге Закубанья: шапсуги, абадзехи и натухайцы; на востоке и севере региона: темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, бесленеевцы, егерухаевцы, махоши, адами и мамхеги. Территория, занимаемая тем или иным адыгским племенем, часто менялась в зависимости от различных причин, например, военных действий, голода, эпидемий «моровой язвы» – чумы, а позже – депортации адыгов в Турцию, и т. д. От более сильных соседей адыгам иногда приходилось уходить в труднодоступные горы. Поиски новых пастбищ также вынуждали отдельные племена переходить с одних мест обитания в другие.

Исчерпывающий перечень адыгских племен, относящийся к концу XVIII – началу XIX вв., приводится в работе Ф.Ф. Торнау (1835; 1839). Прежде всего, автор останавливается на расселении племен, проживающих на берегу Черного моря, т. е. на той территории, которую он смог узнать лучше всего по время его пребывания здесь в начале 30-х гг. XIX столетия. При этом Торнау обращает особое внимание на довольно-таки значительную плотность населения на этой узкой полосе побережья:

«Полоса земли, заключающаяся между берегом Черного моря, хребтом Кавказских гор и реками Сочи и Бзыбом, представляет до 4000 кв. верст пространства, заселенного повсюду, где только местность представляла малейшее удобство для жительства. Приблизительно можно положить, что всего на сем пространстве поселено 2300 семейств, или около 11500 голов.

Река Бзыбь резко отделила от покорной нам Абхазии пространства земли, населенные *садзами* и *сашою* (*саше*), живущими по берегу моря *медовеевцами* и *убыхами*, прислонившимися к юго-западной покатости каменистого хребта Кавказских гор... Далее на север, *шапсуги* распространились от Кубани к берегу моря, близ которого разделились на отдельные вольные общества. Ближе к Анапе берег моря занят поколением черкес, или адыге, известным под названием *натухайцы*. Кроме Бзыба, совершенно принадлежащего Абхазии, по сему пространству протекают еще три реки, они суть: Сочи, Мдзимта и Псоу. Реки Мца, Худапс, Хучупсу, Бебегуча или Багрыпш, и Агис уступают в величине упомянутым рекам. Река Сочи выходит из гор противу истока Белой речки, текущей на северо-запад по другую сторону хребта, и отделяет племя *абадза*, или *абазин*, от *убых*, жительства коих начинаются от правого берега сей реки. Мдзимта имеет начало свое противу истока Малой Лабы; перерезав долину Лиешь, одним устьем впадает в море. Псоу вытекает из отрога высоты Сагдан, дающей начало Большой Лабе».

И далее Ф.Ф. Торнау переходит к детальному описанию местоположения адыгских племен: «Племя черкес разделилось на два поколения, не сходных между собой как в отношении политического быта, так и в отношении наречий, которыми говорят.

1) *Поколение черкес*, сохранившее коренной (кабардинский) язык свой во всей его чистоте, признающее над собою власть родовых князей, преимущественно присваивает себе название «адыге». Оно распалось на несколько феодальных владений:

а) *Бесленей*, повинуются князьям Кануковым и Шалоховым. До 1834 г. бесленеевцы занимали левый берег Большой и Малой Лабы; изъявив покорность русскому правительству, они в том же году были переселены на правый берег Большой Лабы и на Большой и Малый Тегени, впадающие в Уруп. Число народонаселения у бесленеевцев простирается до 3750 душ мужского полу.

б) *Келиоргой* и в) *Егерукай*, – достояние двух линий князей Балатуковых, соединены ныне под управлением князя Шерлетука (здесь и далее написание фамилий и названий племен, приведенное Ф. Торнау, – сохраняется без исправлений. – **Авт.**). Два владения эти во время малолетства настоящего владельца повиновались князю Джембулату Балатукову. Прежнее место жительства келиоргоевцев (темиргоевцев. – **Авт.**) было между Лабою и Белой речкой; в 1835 г. Засс вместе с махошевцами выселил их на Лабу, где они и находятся поныне, занимая левый берег низовья этой реки. В Келиоргое и Егерукае считают 4580 душ мужского полу.

г) *Мохошь*, повинуются князьям Богорсук. Селения мохошевские расположены на левом берегу Лабы, выше егерукаевских жителей. У мохошевцев 1270 душ мужского полу.

д) *Гатюкой*, расположен частью на Лабе и частью на правом берегу Белой речки, между устьями ее и впадением в нее р. Пшахи. Гатюкаевцы, которых считают 2390 душ мужского полу, повинуются князьям из рода Гатюк.

е) *Бжедухи*, живут по низовьям рек Пшукупса и Пшиша, частью и над самой Кубанью, признавая над собой власть многих князей, ведущих происхождение свое от двух родов – Черчиней и Камышей. Бжедухи покорны русскому правительству; число их полагают в 3000 душ мужского полу.

ж) *Кабардинцы*. За Кубанью, на Тегенях, между бесленеевцами и отдельно по Урупы и на Большом и Малом Зеленчуках, поселены кабардинцы, с позволения правительства возвратившиеся из бегов (так называемые «беглые кабардинцы». – **Авт.**). Число их простирается до 1950 душ мужского полу.

2) *Черкесы, живущие по лесам и ущельям хребта Кавказских гор*, на пространстве земли, ограниченном Белою речкою, Кубанью и берегом Черного моря от Анапы до устья р. Саше, носят между горами общее название *абадза*; они разделены на две породы вольных, неповинующихся князьям – на сапсуг (шапсуг) и на абадзех.

а) *Сапсуги (шапсуги)*, народ воинственный и смелый, занимает северную покатость хребта гор – от источника р. Пшукупс до Кубани и берег Черного моря – от Анапы до р. Шахе. Сапсуг сами горцы делят на больших и малых, называя большими сапсугами тех, которые живут на северной покатости гор, против Кубани; малыми – сапсуг, занимающих берег Черного моря. Так называемые *натухайцы*, также сапсути, получили название это от земли, называемой Наткуадж (Натов аул). Дворянских фамилий у сапсуг три: Абаты, Немиры и Шерлетуки.

Между приморскими сапсугскими обществами особо примечательно *тагапса* – на вершине речки того же имени. Общество это, состоящее не более как из 100 или 120 семейств, подобно медовеевцам, поселилось в неприступных скалах, враждуя со всеми горскими племенами, за исключением сапсуг. Тагапсы занимают дороги, ведущие близ поселения их к берегу моря, и без пощады убивают и грабят каждого встречного. Всего сапсуг считают до 150000 душ мужского полу.

б) *Абадзехи*, отделенные от сапсуг р. Пшукупс, занимали прежде северную покатость хребта Кавказских гор вплоть до Белой речки; страх, наведенный в последнее время набегами русских отрядов, заставил их удалиться с открытых и привольных мест по Белой речке и по низовьям рек Пшахи и Пшиша; они стеснились в лесах и ущельях, где терпят недостаток в пастбищных местах, в пахотной земле, часто и в воде, ибо летом большая часть ручьев пересыхает. Дворянские фамилии у абадзех – Инемуква, Эдыге, Даур, Джангыта, Амфок и Берзеки. Народонаселение абадзех можно положить не более как 80000 душ мужского полу» (Торнау Ф.Ф., 1999).

Несколько ранее исчерпывающая информация об абадзехах (абадзехах) была приведена в записках Якубовича (1825 г.): «Абадзехи происхождения черкесского, населяют лесистый разряд гор в вершинах рек Фаза, Шагуши и Спага, разбросаны хуторами по непроходимым лесам и полям. Абадзех свободен, не терпит другой власти, кроме обычаев и страстей, *беден, но храбр. Храбры, удобно переносят всякого рода труды, и на родине сражаются превосходно; вне же отчизны с меньшим ожесточением*. Более 30 тысяч сего племени носит оружие, но невозможность соединиться и недостаток в продовольствии не позволяют им замышлять общего противу свободы своих соседей».

4.7.2. Различия адыгских племен по характеру общественного строя

Источники XVI–XVIII вв. позволяют выделить в различные периоды до 18 этнотерриториальных подразделений адыгов, среди которых наиболее значительными были «вольные», или «демократические» черкесы и «аристократические»...

К.Ф. Дзамихов (2008).

Общественное устройство адыгских племен отличалось неоднородностью. Единого государства у адыгов не было. В конце XVIII – первой половине XIX в. родовые отношения у адыгов находились в стадии разложения, шел процесс складывания феодализма. Однако темпы феодализации у различных адыгских племен были неодинаковы: существовало разделение на «аристократические» и «демократические» племена. При этом, как справедливо отмечал Н.Ф. Дубровин (1871), «сильно развитая самостоятельность общин и аристократический элемент, не желавший отказаться от своих вековых преимуществ; препятствовали слиянию черкесов в одно целое» («История Кубани...», 2004).

Установлено, что понятия «*аристократический*» и «*демократический*» по отношению к горским народам впервые употребил в «Географических и исторических известиях о новой пограничной линии...» И.А. Гюльденштедт (1809), описывая политический строй кабардинцев, а не С.М. Броневский, как полагал М.О. Косвен (Дзамихов К.Ф., 2008).

Султан Хан-Гирей (1837) в свое время писал: «Разделим эти (черкесские) племена на две части: а) на княжеские владения и б) племена, не подчиненные власти князей, или имеющие народное правление. Первые, т. е. княжеские владения, как-то: Кабардинское, Бейсленийское, Меххошское, Тчемргойское, Черчанейское, Хмшийское и Хаттикоайское (здесь и далее орфография и искаженное написание географических названий Хан-Гирея сохраняются. – **Авт.**) – расположены на равнинах, с северной стороны гор лежащих. Напротив того, племена, имеющие народное правление, а именно: Абадзахское, Шапсугское и Натххокоадское, живут в горах и жилища свои располагают по ущельям и отлогостям гор». О наличии у адыгов двух типов «общественного устройства» сообщает и В.А. Потто (1885): «Все закубанские племена делились на две группы: к первой принадлежали шапсуги, натухайцы, убыхи и абадзехи, имевшие у себя республиканский образ правления; другую составляли темиргоевцы, кабардинцы, бжедухи, бесленеевцы, махошевцы и иные, управляемые родовыми князьями. Во главе этих последних народов, по рыцарской отваге, благо-

родству чувств и даже благовоспитанности, стояли темиргоевские князья. От них перенимались моды и дворянские обычаи всеми закубанскими племенами. ...К настоящему времени темиргоевцы делились на две части, управляемые членами одной и той же фамилии. Одна часть, обитавшая в верховьях Лабы и имевшая во главе своей Джембулата, питала непримиримую вражду к России; другая, сидевшая по левому берегу Кубани, напротив, была сторонницей русского протектората и дорожила своим положением. Пока управлял закубанскими темиргоевцами старый князь Мисост Болотоко, среди них господствовало согласие. Но едва умер старик, как его молодые преемники, Шумаф и Тау-Султан, поддались влиянию враждебного русским Джембулата и бежали со всеми подвластными им аулами в горы» (Потто В.А., 1885).

Дополняет эту информацию Ф.А. Щербина: «Все черкесские племена делились на две отличные одна от другой группы. К первой группе нужно отнести абадзехов, шапсугов, натухайцев, убыхов и часть абазинских племен. У них никогда не было князей, но были дворяне. Во вторую группу входили бжедуги, темиргоевцы, бесленеевцы, егерухаевцы, махошевцы, мамхатовцы и хатухаевцы. У этих племен были князья».

Ниже мы рассмотрим сначала численно-превосходящую группу адыгских племен с менее развитым общественным строем – шапсугов, натухайцев, абадзехов и др., – так называемые «демократические» племена, управляемые народным собранием; а затем – «аристократические» племена, которые имели князей и управлялись советами пши и орков. Кстати, в зависимости от степени развития общественного строя, те или иные племена имели особые названия у своих соседей и соплеменников. Так, по словам Л. Люлье, относящимся к рассматриваемому периоду, адыги признавали за «адыгов» лишь кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, хатукаевцев и хегайков. Бжедуги, махошевцы и жанеевцы звали иногда «абадзе». Кабардинцы называли абадзехов, шапсугов и натухайцев общим именем «абадзе-тлепк», т. е. абазинские народности; всех же закубанцев, исключая бесленеевцев, – «кях» (*klax*), т. е. низовые жители. Абадзехи же, шапсуги и натухайцы звали все племена с более развитым социальным строем, в том числе кабардинцев, – «адыгечилэ», т. е. адыгейские племена.

4.7.2.1. Местоположение племен с «демократическим» управлением

Еще не в весьма отдаленные времена народ черкесский управлялся князьями и дворянами, но у них происходила потом сильная внутренняя борьба за уравнивание прав всех сословий, окончившаяся для дворянства утратою почти всех преимуществ.

«Исторический обзор Терека...» (1851).

На предыстории появления племен с демократическим управлением останавливаются авторы книги «Исторический обзор Терека...» (1851): «Необходимо изложить здесь вкратце общественное устройство черкесов и убыхов, населяющих край Черноморской береговой линии. Народонаселение это, составляющее чисто демократические общества, не имеет, в собственном смысле, никакого образа правления, потому что у него нет постоянного учреждения властей. Народ хотя и разделяется на сословия князей, дворян, свободных, подвластных и рабов, но в точном значении есть у него только два сословия: свободные и рабы.

Достоверно известно, что *еще не в весьма отдаленные времена народ черкесский управлялся князьями и дворянами, но что у них происходила потом сильная внутренняя борьба за уравнивание прав всех сословий, окончившаяся для дворянства утратою почти всех преимуществ.* В последнее 20-летие оно потеряло и незначительные остатки своих прав, состоявшие в некотором почете, облегчениях и преимуществах над низшим сословием в общественных и тяжёлых делах. Теперь оно не только не пользуется никакими правами и властью, но у натухайцев и частью у шапсугов в последнее время даже преследуется в наказание за желание возвратить свое влияние на народ и за надменность («Исторический обзор Терека...», 1851).

Подробно о размещении «демократических» племен рассказывается в более ранней работе Хан-Гирея (1837). По мнению автора, «... к племенам, имевшим народное правление, относились:

«Абедзахи. Многочисленное и сильное это племя занимает обширное пространство гор, которое в длину, начиная с запада от восточного берега р. Деккоай, служащей на севере границей между ними и шапсугами, на восток до р. Псфр (Псефирь?); простирается около 200 верст; оно граничит на запад, как сказано, с шапсугами; к северу – с княжескими владениями: Хмшийским, Черчанейским, Ххатиккоайским, Тчмергойским, Меххошским и Бейсленейским; к востоку и югу – с абхазскими или абадзинскими коленами.

К дворянским родам относятся: Анфекко, Дянчате, Бешикко, Едде, Инемкко, Даурс, Ххуштекко, Недькко.

Натухайцы. Граничат к востоку с шапсугами, к северу с Таманским полуостровом, к югу с Черным морем, к юго-востоку (где живут смешанно с шапсугами) – с абхазцами. Дворянские роды, или фамилии: Ввапо, Ддхге, Ккуйцкко, Зжьэ, Ккази, Деде, Тайхо, Меко, Ккерзде, Дрфе.

Жанинцы (жане). Жанинское поколение было некогда в Кавказе сильным и могущественным. Отвага, гордость, непокорный дух и пламенный характер резко отличали жанинцев между воинственными племенами адыге. Отважные набеги их, часто обливала берега тихого Дона и величественной Волги кровью их обитателей. Кабардинцы, самое отдаленное поколение, не раз испытывали алчность, безмерную гордость и истребительные набеги жанинцев. Более всех подвергались опустошительным набегам их крымские татары

и подвластные им ногайцы, что порождало часто кровопролитные войны между крымскими ханами и гордыми жанинцами. Однако же, по соседству своему с татарами, они первые из низовых племен черкесских приняли магометанское исповедание, но оно не мешало им предаваться языческим обрядам.

Автор XVII в. Э.Челеби говорит, что «жанинцы – некогда могущественное адыгское племя – жили выше последних абхазских племен котасы по берегу Черного моря между реками Пшада и Цемез». На карте Кавказа Хаджи Халфа (XVII в.) земли жанэ находятся на правом берегу нижнего течения Кубани, возле рукава Каракубань, за Таманью и Атчу (Ачуев). Продвижение царских войск на Северо-Западный Кавказ привело к заметному стеснению адыгов. В 1778 г. жанеевцы под натиском России покинули прикубанские степи и перешли на левый берег р. Кубани. В дальнейшем вследствие непрерывных столкновений с соседями-татарами произошло значительное сокращение территории и численности народа жанэ, и в конце XVIII в. остались только 6 небольших жанеевских селений на левом берегу р. Кубани. Часть жанеевцев влилась в состав других адыгских племен, в частности, шапсугов и натухайцев.

Хегаты. Между черкесскими племенами хегатское занимало некогда важное место. Князья этого племени, Атвонук и Канбулат, родные братья, славились мужеством и щедростью. Хегатское племя занимало в это время все равнины близ устья Кубани. Следовательно, оно было близко к владениям крымских татар; но черкесы вообще имели мало тогда сообщения с крымскими ханами.

Шапсуги. Шапсугское племя в наше время (начало XIX в. – **Авт.**), по многочисленности своей самое сильное между черкесскими племенами, при водворении своем в горах состояло из пяти союзных родов. Эти кланы именовались: Кобли, Схопте, Севотох, Натхо и Нетдахо. Первые три клана водворились на р. Шапсхо и были основателями шапсугского племени, которое, как полагают, от названия этой речки приняло нынешнее свое наименование. Впоследствии народонаселение в шапсугском племени до такой степени увеличилось от присоединявшихся к нему жителей равнин, что оно принуждено было занять обширное пространство гор и ущелий и выдвинуться к северным покатосям и равнинам.

При быстром приращении населенности шапсугского племени оно образовало три главных союза, или соприязничества: первый из них, состоящий ныне (1837 г. – **Авт.**), кажется, более чем из 30 кланов, известен под общим названием Кобли; второй Хохо-Севотох, а третий – Схапте. В каждом из последних двух союзов считается не менее 20 кланов. Бжедугское поколение (племя. – **Авт.**) было тогда очень сильно. Хамышейское общество, в то время важнейшее отделение этого поколения, имело тесные сношения с шапсугами, своими соседями.

Шапсуги создали многочисленное, дотоле невиданное в их земле ополчение; страшное числом, а не воинственностью, оно двинулось к хамышейским аулам с намерением истребить мечом и огнем покровителей изгнанников (князей Шеретлуковых, укрывшихся у бжедуг. – **Авт.**). Бжедуги презирали шапсугов и всегда побеждали их в открытом поле. Неприязненные ополчения встретились на берегах Бзийко, и тут произошло кровопролитие, в позднейшее время невиданное в междоусобных войнах черкесских племен. Потерю шапсугов верно определить невозможно; полагаю, однако ж, что 800 тел осталось на поле, целыми толпами пригоняли пленных к сборному месту, добычу – оружие – свозили туда же для дележа и, говорят, его навалили целые горы. Для настоящего поколения низовых черкесов Бзийское поражение составляет эпоху.

Большую часть черкесских племен разумеют под именем «тчах» (низовых). Быть может, название «чи-хи» (зихи), которое дает Стробон адыгским племенам, происходит от слова «тчах» (Султан Хан-Гирей, 1837).

Убыхи (самоназвание *пех*; адыги называли их *уббух*). В XVIII в. они жили на Черноморском побережье в прибрежном обществе Вордане (Вардане) и в горном обществе Убых. В целом же территория этого народа располагалась по рекам Лоу, Дагомыс, Шахе и Хоста. На юго-востоке их земли граничили с территориями абхазских племен джигетов (садзов) и ахчипсоу, населявших современный Гагринский район и часть Сочинского района. На северо-западе владения убыхов граничили с шапсугскими, а на севере Кавказский хребет отделял их земли от владений абадзехов. Знатными убыхскими фамилиями считались Берзек и Дишан».

4.7.2.2. «Аристократические» племена у адыгов

*Для людей земля сотворена,
И людьми украшена она.
Прежде и безлюдна и темна,
Вся она теперь людьми полна.*

Дильшод (1801–1904).

Верховными владетелями на подвластной территории обычно выступали князья. Обладая реальной властью, именно они определяли решения племенных сходов.

А.Т. Керашев, А.Ю. Чирг (1994).

Перечень и краткое описание «аристократических» племен у адыгов приводится в книге Султана Хан-Гирея (1837).

«Владение Бейсленийское. Наименование Бейслений (здесь и далее искаженные названия племен приводятся без исправлений, как в тексте. – **Авт.**) производят от имени одного из потомков князя Инала. Князья бейсленийские (бесленеевские) ведут свой род от Кканокка, потомка упомянутого Инала; они разделяются на две отрасли, а именно: Солох-хе (Шолох) и Бекмрзе-хе (Бек-Мурза).

По Б.Х. Балкарову, бесленеевцы – одно из кабардинских племен, которые не последовали за основной массой народа в предгорье Кавказа и остались в древних местах поселения кабардинцев. Подтверждение сказанному можно найти в документах, относящихся к 1747 г., где словами кабардинского князя Кургокина Бамата сказано о родстве этих племен: «Родственники – одного отца дети и жили все вместе; по умножению нашего народа в здешних местах стало жить тесно; к тому же между собой имели ссору и по этой же причине разделились: Бесланей пошел за Кубань, и как родственники наши неоднократно к нам в Кабарду, и мы к ним ездили». Как отмечает Б.Х. Балкаров, таким образом, мы видим факт обычного раскола, расщепления средневекового феодального рода на отдельные линии. При этом продолжались поддерживаться родственные отношения. Беслан явился родоначальником адыгского племени бесленеевцев, а доказательством его древнего родства с главным кабардинским родом Атажукиных является общее для обоих родов тавро.

Владение Меххошское (махоши, мохоши). Небольшое это владение расположено на запад от бейсленейцев по рекам: Фарз, Псфр и Ккелль. Княжеский род, им владеющий и именуемый Бехгарсококко-хе (Богарсуковы?), не разделяется на отрасли. Нынешний князь, меххошцами владеющий, именем Байзрокко, почитается в числе отличных князей и воинов черкесских. Предшествовавший ему князь Яххбокко, убитый в драке с абадзехами, был предметом удивления черкес по мужеству и уму.

Владение Тчемргойское (темиргойцы, кемгой, чемгуй, кѣмгуй). Владение это именуется на наречии низовых черкес Тчемкуй, что на наречии кабардинском выговаривается Тчемргой. Эти князья почитаются потомками Инала. Народные предания представляют тчемргойское (темиргойское) поколение разделенным на две части двумя князьями – братьями по именам Болотокко и Ххатикко.

Владение Ххатиккоайское (хатукайцы). Князь Ххатикко, младший брат Болотокко, родоначальника тчемргойских князей, получив свой удел, подвинулся на запад и там поселился. Ххатиккоайцы долгое время обитали на южном берегу Кубани, пониже того места, где в нее впадает р. Афипс; они славились воинственностью, были многочисленны, следовательно, и сильны. Полагают, что колено хехгатчское от них отделилось.

Ответвлением хатукаевцев, по мнению некоторых авторов, являлось племя хатко («хетук»), известное у татар под именем «адали» или «адеми».

Адеми (адами, адамиш, адале, адали) первоначально жили на Таманском полуострове по побережью между Темрюком и Таманью. В 1711 г. их насчитывалось более 2000, однако в конце XVIII в. большая часть адеми ушла на восток и поселилась среди темиргоевцев, с которыми позже слилась. В это время они жили в нескольких селениях вблизи Кубани на р. Пшиш и по обеим сторонам нижнего течения р. Белой, а затем были вытеснены на правый берег Кубани. К началу XIX в., с приходом казаков, они вновь перешли на левобережье Кубани. Подчинялись адеми темиргоевским князьям Болотоковым.

Бжедуги. Наименование бжедуг (бжедуг) столь древнее, что туземцы не полагают, чтобы его предки были откуда-либо пришельцами, а думают, что они, так сказать, природные жители их теперешнего отечества. Все народные предания согласуются в том, что при появлении прочих черкесских колен (за исключением разве жанинского и натххоккоадского) в этой стране застали еще бжедугское поколение, обитающее внутри гор, на полдень (юг) от Кубани лежащих. По нартским сказаниям, родоначальником бжедугских князей был знаменитый воин Дяндеко-Севай. Судя по народным преданиям, другие черкесские племена при своем переселении застали бжедуг в северо-западной части Кавказских гор, на юг от Кубани лежащих, как коренных туземцев. Не подлежит сомнению то, что они за несколько веков до нас жили на верховьях речки Тдоапс (Туапсе), протекающей из гор в Черное море, где и теперь не изгладились следы их пребывания.

Вследствие постепенного прироста народонаселения бжедуги должны были искать более привольных долин: обитаемые ими ущелья были уже недостаточны для них, между тем как прекрасные равнины, раскинутые у северных, покатистых гор, представляли много выгод; к тому же и войны с усиливающимися соседями, вероятно, их стесняли. И они подвинулись к этим равнинам и поселились на р. Пшиш, не выходя, однако, из гор (Пророчества старцев, предсказывавших им гибель, если они переселятся на равнины, так устрашали суверенных бжедуг, что они поклялись никогда не покидать гор).

Четыре брата, князя бжедугские, разделили племя на четыре части, или удела. Эти князья назывались: Черчан, Хмиш, Бегорсеко и Бастеко. Впоследствии уделы последних двух князей подвинулись – один на восток, другой на запад и, таким образом, там оставались отдельные колена, получившие названия Меххош и Вепсн. Первые же два удела сохранили между собою связь и удержали свое древнее наименование Бжедуг; удел Черчана назывался (при этом) Черчанай, а Хмиша – Хмший. Потомки бжедугского князя Черчана, основателя черчанейского племени, разделились впоследствии на две главные отрасли – Мисост и Пшьсевокан, которые (в свою очередь) опять раздробились на разные колена.

Постепенно выдвигаясь на северные равнины, которым естественной границей служат – на юге цепь гор, на северо-западе и востоке – реки Кубань, Шхакоаше (Псекупс? Белая?) и Адвипс (Афипс), бжедуги, то есть племена черчанейское и хмшийское, заняли их, построили себе селения. Отсюда перейдем к обозрению обоих этих владений бжедугского поколения, каждого в особенности.

Владение Черчанейское. Черчанейцы к востоку граничат с тчемргойцами и ххатиккоайцами; к западу – с хмшийцами. Черчанейцы в военном ремесле никакому племени не уступают; между их князьями есть отличные воины, уважаемые ими и соседями.

Княжеский род Черчане разделяется на две отрасли:

1) Пшьсевоккан (которая, в свою очередь, разделяется на две отрасли: Ахедякко и Дедекко). Им принадлежат аулы: Яхгбокко (на р. Пдчасшь), Пшьккуй-хабль (на р. Кубань), Ххападче-иккоадь (на р. Шердикко), Дударикко-иккоадь, Асланбечь-иккоадь и Циекко-иккоадь (последние три аула на р. Мате).

2) Мсост (подразделяется на две отрасли: Ккунчиккокко и Бешьккокко). Им принадлежат аулы: Энфекко-иккоадь (на р. Пшишь), Мхамчери-иккоадь, Асланчerie-иккоадь и Пшьмафе-иккоадь (последние три аула на р. Пшишь); Бешькко-ххабль (на р. Пдчасшь).

Дворянские роды владения Черчанейского:

1. Батекко (аулы Пшккуй-ххабль и Тхгузжькко икком-иккоадь на р. Кубань, в совокупности называются Едепскокой).

2. Асекколекко (а.Асеккелай на р. Мате).

3. Нефекко (три аула Нефеккоай на р. Лабе и Пшишь).

4. Емзекко (а.Емзеккоай на р. Мате).

5. Ккерекозкко (а.Ккерекозком-иккоадь на р. Ц-це).

6. Нечерезикко (два аула Нечерезие на р. Мате и Пшишь).

7. Шебане (а.Шебане-ххабль на р. Пшишь).

8. Теу-хе (а.Теуй на р. Мате).

9. Датчекко (а.Датчеккоай на р. Пгчасшь).

10. Псебхгупебше (а.Псехгуб на р. Мате).

11. Беречеткко (а.Беречет-ххабль на р. Мате).

12. Тетер (а.Тетер-ххабль на р. Пшишь).

13. Ккезанекко (а.Ккезанеккоай на р. Псекупс).

14. Ккетсемекко (а.Ккетсем-ххабль на р. Псекупс).

15. Очепше (а.Очепший на р. Псекупс).

Владение Хмшийское. Потомки упомянутого выше князя Хмиша разделились впоследствии на два дома: Ххазем-кко и Ккмчериекко; первый из них имеет еще отрасль Теркканекко. Хмшийцы в числе своем ныне (30-е гг. XIX в.) весьма умалены, но при всем своем уничижении еще храбры и воинственны.

Колено Вепсское. Вепсцы тоже суть колено бжедугское. Они, отделяясь от своих соплеменников, под предводительством князя Бастокка продвинулись на север и заняли окрестности р. Вепсн, впадающей в Черное море.

Бжедуги были в глубокой древности язычниками. Распространившееся впоследствии христианское исповедание, которого следы видны и поныне в их языке и обычаях, было посеяно слабой рукой. Мугамеданская религия, не очень давно принятая ими, легко вытеснила языческие предания и слабые зачатки христианских идей, насажденных греческой церковью. Новое исповедание, однако, долго не имело никакого влияния на народные и общественные их дела. Таким образом, бжедуги, как и все низовые черкесы, по вере мугамедане, оставались во всем язычниками, т. е. придерживались унаследованных от предков обычаев. Однако торговые и другие сношения с Турцией постепенно развили дух исламизма.

Мамхеговцы (*мамхэгъ*) – небольшое адыгское племя, жившее на территории, имевшей форму треугольника, вершиной которого было устье р. Курджипс при впадении в р. Белую.

Егерухаевцы (*еджэркьуай*) жили между реками Белая и Лаба и граничили на северо-западе с владениями темиргоевцев, на юго-востоке – махашевцев и на юге – с владениями абадзехов.

Хакучи (*хьакьцъу*) жили по верховьям рек Аше, Псезуапсе и Шахе, впадающих в Черное море между современным Туапсе и Сочи. Они граничили с убыхами и Малой Шапсугией. Некоторые авторы предполагают, что хакучи образовались из абреков соседних племен: абадзехов, шапсугов, убыхов и др. Бжедуги, шапсуги и натухайцы называли их «агой», а темиргоевцы и некоторые другие племена – «хакучи» (Султан Хан-Гирей, 1837).

Кабардинцы. Гораздо более существенно менялась территория восточных адыгов – кабардинцев. Во второй половине XVIII в. Большая Кабарда занимала земли по рекам Малка, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек, Куркужин, Шалушка, Гунделен и частично по р. Терек. Малая Кабарда располагалась по обоим берегам Терека в районе Татартупа до места впадения р. Малки, а также по притокам Терека – Курпу, Пседаху, Ассокаю, Яманкулу и др. Кроме того, малокабардинские поселения имелись западнее этой территории – на р. Лескен. Однако не все указанные места, считавшиеся в XVIII в. территорией Кабарды, были местом постоянного жительства кабардинцев. Таковы, например, земли по Верхнему Закубанью, Пятигорью, верховьям р. Кумы, которые использовались кабардинцами под пашни и пастбища. Карта Кабарды 1744 г. обозначает территорию Большой Кабарды между верховьем р. Кумы на западе и р. Урух на востоке, но не фиксирует постоянные кабардинские поселения в Пятигорье. В верховьях р. Кумы находились абазинские села, но эти земли также использовались кабардинцами под пашни и пастбища. Во второй половине XVIII в. произошло заметное расширение территории Малой Кабарды за счет освоения равнин в районе рек Фиагдон и Дур-дур. На севере граница кабардинских поселений продвинулась к урочищу Моздок, на западе – в сторону Пятигорья.

4.7.2.3. «Беглые (кубанские, или закубанские) кабардинцы»

Между беглыми кабардинцами было много храбрецов и наездников, предводительствовавших хищническими партиями, причинявшими много тревог и вреда нашим казачьим поселениям.

М.Я. Ольшевский, царский генерал (2003).

Кабардинцы, переселившиеся за Кубань в конце XVIII – начале XIX вв., известны под названием «беглых кабардинцев». Как утверждает Б.Х. Балкаров, «...переселение кабардинцев за Кубань относится к концу XVIII в.». Одним из подтверждений этого мнения является документ, относящийся к данному периоду, в котором приводится факт переселения кабардинского князя Хаджи-Темрюка Атажукина со своими людьми на р. Инжидж (Зеленчук). Если судить по народным преданиям, это переселение было связано с чисто «бытовыми» причинами: «После того как сыновья Кабарды напомнили сыновьям Казия о том, что они выросли на объездах с их стола, последние, не стерпев это оскорбление, со своими людьми переселились в верховья Псыж» (Ципинов А.А., 2004). Разумеется, причины этой миграции гораздо глубже. Так, по мнению Т.В. Половинкиной (2006), «...в результате событий первой трети XIX в. – восстаниями 1804, 1813, 1822 гг. в Кабарде против русского царизма, ...произошел значительный отток кабардинцев в Закубанье. В литературе прошлого они известны как «беглые» кабардинцы».

Этот термин одним из первых употребил Ф.Ф. Торнау (1835): «За Кубанью, на Тегенях, между бесленевцами и отдельно по Урупу и на Большом и Малом Зеленчуках, поселены кабардинцы, с позволения правительства возвратившиеся из бегов, – так называемые «беглые кабардинцы». Число их простирается до 1950 душ мужского полу».

Дополняет эту информацию И.Ф. Бларамберг (1840). «Кабардинцы, переселившиеся за Кубань в начале XIX в., известны под названием «беглых кабардинцев». Со времени волнений в Кабарде в 1807 г. значительная часть этой народности укрылась в Кавказских горах. Те, кто искал убежища у кубанских черкесов, занимают в настоящее время долины Верхнего Урупа и Верхнего Улу-Инджика. Экспедиция 1821 г. (имеется в виду карательная акция царских войск. – **Авт.**) ускорила падение кабардинцев, которые в это время распались на две части: одна переселилась за Кубань к бесленевцам и другим закубанским черкесам, и там живут они ныне (1840 г. – **Авт.**), рассеявшись между тамошними племенами; одни из них уехали в Турцию и Египет, а другие возвращаются постепенно в Большую Кабарду. Именно эти беглые кабардинцы всегда возглавляли ватаги разбойников, совершавших набеги на русскую территорию; связи, которые они сохранили со своими соотечественниками, проживающими в долинах, облегчают эти нападения» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

О расселении «беглых кабардинцев» в своем очерке «Описание племен кавказских в 1841-1864 гг.» рассказывает царский генерал М.Я. Ольшевский (2003): «Беглые кабардинцы... одно из обществ, обитавших по северо-восточному склону Главного Кавказского хребта. Беглые кабардинцы принадлежали к выходцам из Кабарды, после усмирения ее в 1822 г. генералом Ермоловым. Сначала они жили в верховьях Зеленчуков и Урупа. С устройством же Лабинской линии они расселились по разным местам Залабинского пространства. Между беглыми кабардинцами было много храбрецов и наездников, предводительствовавших хищническими партиями, причинявшими много тревог и вреда нашим казачьим поселениям».

О появлении кабардинцев на Кубани сообщают и авторы книги «Исторический обзор Терека...» (1851): «Беглые кабардинцы до 1804 г. жили в Кабарде; когда вспыхнул там мятеж, впоследствии нами усмиренный, то некоторые из князей и узденей, не желая оставаться под властью русских и страшась наказания, бежали за Кубань, где и теперь живут между верховьями Лабы, по верхним и средним частям Урупа, по Куме и по некоторым другим мелким ручьям. Это самое доблестное и храброе племя на Правом фланге; их князья по происхождению первые между черкесами. Они считаются покорными, но втайне ненавидят нас (русских) и стараются вредить незаметным образом. Ныне, для прекращения такого рода беспорядков, беглые кабардинцы, по требованию начальства, выдали аманатов и переселены вниз по Урупу и Большому Зеленчуку».

Дополняет информацию об этой группе кабардинцев Ф.А. Щербина (1913): «Самым беспокойным элементом в Кубанской области служили «беглые кабардинцы». Это были беглецы, ушедшие на Кубань, чтобы избежать одних – кровавой мести, а другие – крепостного состояния. Между ними было много абреков. Беглые кабардинцы уходили на Кубань группами и разновременно. Так, 30 сентября 1822 г. в верховьях рек Кубани, Зеленчуков и Урупа поселились в большом количестве беглые кабардинцы, с Тау-Султаном во главе. Поселившись между бесленевцами и карачаевцами, они подняли воинственный дух в этих племенах. Под их влиянием, например, в 1826 г. предводитель одного из мирных племен Мисоуст Айтеков намеривался уйти со своим аулом с равнины в горы. Чтобы задержать беглецов, был организован особый отряд».

4.7.3. Ближайшие соседи адыгов в конце XVIII в.

*Мы вышли из своих узких ущелий,
После многих бедствий, скитаний
Мы поселились в ущелье Теберда.
Здесь мы вспахали поля,
Посеяли пшеницу и ячмень.
Но судьба не дала пользоваться урожаем;
Всех нас постигло горе:
Пришла чума, посланница злого духа,
И унесла всех она, все погибли...*

Народная балкарская песня «Урубиевы».

Определенный интерес представляют взаимоотношения адыгов с их соседями в период, предшествующий Кавказской войне. В сочинениях русских и иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX вв. существуют многочисленные упоминания о вассальной зависимости от Кабарды соседних народов и горских обществ Центрального Кавказа. Как пишет З.А. Кожев (2005. Вып. I), ссылаясь на академика И.А. Гюльденштедта (1809), «базианские» округа Малкар, Безинги, Хулам, Чегем и Карачай платили «разным кабардинским князьям дань, обыкновенно с каждой семьи в год по овце». По его же сведениям, кабардинские князья «от части» присваивали себе «верховную власть» и над осетинами.

Другой русский путешественник, академик П.С. Паллас отмечал, что «горные народы, сделавшиеся данниками черкесских князей, вроде абазов, осетин, дигорцев, басиян, балкар, карачаевцев и карабулаков, платят им обычно с каждой семьи по одной овце или ее стоимости бурками, полотном, посудой и др. подобными предметами». Г.Ю. Клапрот в начале XIX в. отмечал: «...Раньше могущество черкесских князей распространялось на осетин, чеченцев, абазин и татарские племена, жившие в высоких горах у истоков Чегема, Баксана, Малки и Кубани, но их могущество ослабело, в результате занятия этих районов русскими. Однако эти князья продолжают рассматривать себя как господ этого народа» (Кожев З.А., 2005. Вып. I).

Южнее кабардинских аулов, в верховьях рек от Кубани до Терека располагались многочисленные горские общества карачаевцев, балкарцев и северных осетин. Сведения о них в письменных источниках XVI – начала XVIII в. весьма скудны. Достоверные данные о горцах Центрального Кавказа были собраны при опросе кабардинских князей Мухаммеда Атажукина (род Мисостовых), Адиль-Гирея Джилыхстанова и кумыкского владельца Али Хамзина, проведенном в Коллегии иностранных дел России в 1743 г. (Кожев З.А., 2006).

4.7.3.1. Карачаево-балкарская народность

*Законы были к нам суровы,
Заковывали нас в оковы,
Но мы идем, не зная страха,
Нас тысячи, и мы сплотимся,
Погибнем или освободимся
От гнета князя, власти шаха.*

Балкарская народная песня

Ближайшие соседи адыгов – карачаевцы этнически родственны балкарцам. Язык и тех и других относится к кипчакско-половецкой подгруппе западнохунской ветви тюркских языков. Из вымерших языков наиболее близко к нему стоит куманский и язык древних булгар, а из современных – крымско-татарский и кумыкский. Карачаево-балкарская народность окончательно сложилась в XIII–XIV вв. Они занимали смежную территорию у отрогов Эльбруса (ущелья Карачая и Балкарии). В источниках того периода они встречаются под названием «аланы» и «асы».

В начале XVII в. и позже карачаевцы и балкарцы жили на северных склонах центральной части Кавказского хребта в труднодоступных ущельях. Первые к концу XVIII в. занимали верховья р. Кубани, вторые – ущелья по рекам Баксан, Чегем и Черек. На востоке балкарцы граничили с осетинами.

Н.Г. Волкова пишет в своей монографии «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в.» (1974. С. 107, 111): «В 30-х гг. XIX в. население всех балкарских ущелий составляло 658 дворов... Карачаевцы к этому времени насчитывали 800 дворов и могли выставить до 1000 вооруженных». Общая численность карачаевцев и балкарцев могла немногим превышать 10 тыс. чел. Н.Г. Волкова приходит к выводу «о значительных изменениях этнической территории карачаевцев и балкарцев...» То есть кочевали не только адыги и осетины. «Второй вывод касается длительности процесса этнической ассимиляции тюрками иноязычных групп населения...».

По данным Всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), в Кубанской области карачаевцев насчитывалось 26 877 (1,4% населения). При этом балкарцы не названы (тех и других нет в данных по Ставропольской губернии и Терской области). Очевидно, в связи с малочисленностью, они вошли в число «другие» (Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 438).

КАРАЧАЕВЦЫ. У адыгов карачаевцы известны под именем «кърэшей», абхазцев – «акарач», абазинцев – «кърчэ», осетин – «къарасейаг». По преданиям, карачаевцы живут постоянно на территории Большого Карачая более 600 лет; «колыбелью» этого народа считается Архыз. Однако в сражениях с Тимуром в 1395-1396 гг. большая часть карачаевцев погибла. Но феодальное государство «Карачай» долгое время сохраняло свою независимость, причем его влияние в эпоху позднего средневековья простиралось от р. Терека до р. Лабы и от Кавказского хребта до Ставропольской возвышенности. Есть документально подтвержденные сведения, что до середины XVII в. карачаевцы жили в ущелье Баксана, но во второй половине века переселились на Кубань (аулы Карт Джурт, Хурзук, Учкулан). В монографии Н.Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в.» (1974. С. 102) приводится описание 1811 г., подтверждающее местожительство карачаевцев в верховьях Кубани: «Жители Карачая... располагались небольшими усадьбами, в бревенчатых домах и находились в зависимости от князей Большой Кабарды, которым они платили дань в год по одному барану с каждого двора. Карачаевцев насчитывалось до 600 дворов» (Кожев З.А., 2006).

В русских источниках самые первые сведения о карачаевцах (самоназвание «къарачайлыпа») относятся к началу XVII в. Позже академик П.С. Паллас (1741-1811), побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг., так писал об этом народе: «Карачаи (каргиагас, карачеркес, или карачоли) – ногайское племя, поселившееся в плодородной долине, лежащей у северного подножия Эльбруса, вокруг истоков Кубани, на расстоянии 140 верст от Георгиевска. Их насчитывается всего около 200 фамилий, которые платят дань некоторым черкесским князьям. Они имеют прекрасные стада скота, но уделяют мало внимания обработке земли. Они живут вообще раздельно по фамилиям и граничат на западе с Урупом и бешилбаем, на юге – с сона, или сванетами, на востоке с кабардинцами и на севере – с алтикесек-абазой. Их внутренние дела регулируются вождем или старейшиной, который получает от них овцу как знак их ему повиновения. Единственный путь ведет к жилищам этого народа, и он очень труден для путешествующих верхом; он лежит вдоль берегов Баксана и Кубани. Они выращивают небольшую, но выносливую и горячую породу лошадей, которые известны своими выдающимися качествами» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

Дореволюционные письменные источники отмечают, что «власть феодалов Кабарды распространялась и на Карачай». В частности, Клапрот писал по этому поводу, что «они (карачаевцы) второй половины XVIII в. очень послушны и относятся с большой почтительностью к своим владыкам – кабардинским князьям, и выполняют все их приказы с точностью и услужливостью». Подвластность карачаевцев Кабарде кроме прочего подтверждается следующим фактом. В письме российскому командованию на Кавказе (1788) карачаевская знать просила «приказать кабардинским владельцам, чтобы поступали они с нами по обычаям наших предков», то есть вносили дань в прежних размерах, не увеличивали ее. Действительно, в источниках зафиксированы факты жесткого управления кабардинских феодалов в Карачае, приобретшее крайне унижительные формы угнетения. Подчиненное положение карачаевского народа настолько укоренилось в сознании правящей элиты Кабарды, что ее представители еще через пять лет после полной потери независимости в центре страны, в 1827 г., предъявляли претензии в числе других и на карачаевцев. Хотя, фактически, кабардинцы, но уже «беглые», владели Карачаем до октября 1828 г. Окончательно Карачай присоединился к России в 1830 г. (Алоев Т.Х., 2006. Вып. III. С. 258-270).

В очерке Ф.Ф. Торнау «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше» (1835) можно найти следующее сообщение о расселении карачаевцев: «Карачаевцы, говорящие языком татарским же, занимают скалистые ущелья по верховью Кубани и р. Теберды. У карачаевцев одна дворянская фамилия – Крым-Шакал, которая, как и народ, платит дань кабардинским князьям Атажукиным. Число народонаселения в Карачае простирается до 4000 душ мужского полу».

БАЛКАРЦЫ (малкары, чегемы). Якоб Рейнегтс (1786) отмечал, что подвластны кабардинцам и платят им ежегодную дань «...племя Балкар, состоящее из 1000 семейств на р. Пшуган, к востоку от них племя Биссинги, состоящее из 300 очагов; к западу на р. Черик лежат 114 домов племени Шакмена (Шакмановых – владельческого рода Хуламского общества. – **Авт.**), еще западнее, на р. Чегем племя Чегем с 400 домами. Еще дальше бедное племя Оруспи, насчитывающее 160 душ и обитающее в горах Баксана. Господство над этими племенами такое же, как и в Большой Кабарде: они разделены и названы по имени кабардинских княжеских фамилий» (Кожев З.А., 2005. Вып. I).

Общество Чегем находилось в верховьях одноименной реки, «волости» Безенги, Хулам, Малкар и Хусыр располагались в верховьях реки Черек и его притоков. Карачаево-балкарские общества управлялись собственной наследственной знатью – имели «малых своих владельцев» Примечательно, что население чегемского, хуламского, безингиевского, малкарского (балкарского) обществ и «волости Хусыр», наряду с «татарским» (балкарским) языком употребляло еще и другой – «особливый», что свидетельствует о том, что в горах Балкарии еще в первой половине XVIII в. были живы дотюркские языковые традиции (Кожев З.А., 2006).

Академик П.С. Паллас, побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг., отмечал: «Балкары занимают область у истоков Аргудана, но в основном у истоков Черема; по их словам, у них насчитывается 1236 фамилий, которые частично живут рассеянно, но в основном в следующих 9 деревнях: Улу-Малкар, Шаварда, Гобсарта, Адшалга, Ишканта, Хурдаира, Мохлаула, Безинга, Холам. Согласно информации, полученной от кабардин-

цев, в последней (из названных) деревне свирепствовала чума в то время, когда мы находились по соседству с этими местностями. Под этим зловредным предлогом они закрыли узкий проход, ведущий в страну балкар, и угрожали застрелить каждого, кто попытается пройти через Кабарду, имея целью прервать сообщение между балкарами и русскими войсками, которые стояли лагерем на берегу Баксана. Эти племена первоначально населяли места, которыми сейчас владеют кабардинцы, но затем они ушли в горы вследствие преследований и до настоящего времени остаются трибутариями этих незаконных странствующих рыцарей.

Товары, которые балкары приносят на рынок Радши, состоят из кусков войлока, кольчуг, одежды из грубой ткани, шкур куниц, лисиц и других животных, которые они обменивают на каменную соль, хлопчатобумажную одежду и другие необходимые в их стране товары. Их основной скот – это овцы и козы. Они обрабатывают небольшие участки земли, которые засевают ячменем и просом, редко пшеницей» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

И далее П.С. Паллас пишет: «Чегемы, или балкары, иногда называемые *малкары*, называются еще *басианами* по имени вождя, которого звали Басиан. Они утверждают, что, согласно преданию, их общими предками были потомки смешавшихся между собой булгар и греков, к которым позже добавились кумыки, ногаи и калмыки.

По множеству обнаруживаемых здесь старых развалин можно судить о том, что эти чегемы были ранее более многочисленны, когда придерживались христианской религии. Действительно, у них до сих пор есть церкви, из которых одна находится на берегу Чегема и весьма примечательна; она построена на скале, в которой они прорыли змеевидную тропинку, оградив ее с обеих сторон железными балясинами. В этой церкви до сих пор еще сохраняются фрагменты книг, несколько страниц которых я добыл, отправив одного человека в это опасное предприятие. Один из листов содержит часть Евангелия на древнегреческом языке; другие оказались разрозненными частями книг, используемых в греческой литургии.

Чегемы имеют несколько священных источников, в соседстве с которыми запрещено рубить лес. Их стада скота весьма многочисленны, но вместо лошадей они разводят и используют для различных работ разновидность мула, которая у них называется *кадра*. Пахотная земля, вследствие ее недостатка, является их величайшим национальным богатством, и они отдают все свои силы ее обработке. Просо и овес – основные зерновые, которыми засевают свои поля эти племена; из овса они готовят напиток и также кормят им своих мулов. Их мед имеет восхитительный вкус, и их пчелы иногда также производят сорт опьяняющего меда, который упоминается Ксенофонтom.

Этот народ живет в области около истоков Аргудана, но главным образом, в верховьях Черека, высоко в горах. Для того чтобы иметь возможность пасти свой скот в низовых долинах, они вынуждены платить ренту черкесам, которые рассматривают их как данников. Однако совершенно очевидно, что чегемы стремятся к своей прежней свободе и добиваются покровительства России; этот возможный союз никак не устраивает черкесов, и они стараются помешать его заключению всеми силами, и поэтому не разрешают ни одному чегемцу добраться до Кавказской линии. В 1783 г. несколько депутатов от басиан, посланных просить покровительства России, сумели укрыться от бдительности черкесов, пройдя кружным путем, и прибыли к подполковнику Штедеру, чтобы поступить на службу, но эти несчастные посланники были отпущены только с обещанием будущей помощи, которое так никогда и не было исполнено. Поскольку черкесы поставили всевозможные препятствия на путях торговых сношений, чегемы вынуждены посещать Радшу, расположенную на другой стороне гор, где они бывают на рынке, чаще всего для покупки каменной соли».

Другие источники дополняют эту информацию: «Чегемы, которые иногда называются *«гиги»*, или *«джиги»*, населяют область, простирающуюся до истоков реки Чегем, вдоль ее левого рукава, называемого Шаудан, и насчитывают 368 фамилий, которые проживают в следующих 11 деревнях: Улу-Ельт, Табениндшил, Бер-деби, Мимала, Адше, Чегет, Кам, Арсундак, Булунгу, Шерлиге и Уштосырт. Их страна богата железистой землей, из которой они выплавляют железо; у них есть также свинцовые рудники в Каргашине, или Свинцовой горе, где этот металл виден на самой поверхности и из которого они отливают пули. Они также изготавливают селитру в большом количестве, большую часть которой употребляют на изготовление ружейного пороха для продажи. Некоторые писатели называют людей этого племени *цехами* и по сходству названий считают, что они являются выходцами из Богемии» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

В 1794 г. князю Потемкину было подано прошение о принятии Балкарии в подданство России и защите от притеснений со стороны кабардинских князей. На картах Северного Кавказа 90-х гг. XVIII в. территория балкарцев уже обозначена как часть Российской империи. Но окончательно этот народ присоединился к России лишь в 1827 г.

4.7.3.2. Абазины

Это племя (абазины), имеющее собственный, коренной язык свой, ничем не сходный с языком черкесским, занимает берег Черного моря от Ингура до р. Саше, прилегающую к сему пространству юго-западную покатость хребта Кавказских гор и некоторые ущелья на северном склоне их, между Урупом и Белой речкой.

Ф.Ф. Торнау (1839).

Абазины (алтыкисек или басихог) населяют самую возвышенную полосу по северной покатости хребта, между верховьями Кумы и Подкумка, на левом берегу Кубани и у истоков рек Кефара, Бежеона, Лабы, Ходзя и Губса. Племя это разделяется на кумских и кубанских абазинцев.

Ш.Б. Ногмов (1861).

Ближайшими соседями-«родственниками» западных черкесов и кабардинцев были абазины, этнически близкие адыгским племенам. К XVIII в., как было отмечено выше, они составляли две обособленные группы – северокавказскую (тапанта и шкарауа) и южную. В состав тапанта, как и ранее, входили лоо, дударук, клыч, кяч и др., называвшиеся по фамилиям своих князей. В составе шкарауа были башилбай, бег, чаграй, кызылбек, баракай и др.

В середине XVIII в. (и позже, до начала XIX в.) абазины занимали высокогорную часть северного склона Кавказского хребта между верховьями рек Кума и Подкумок, по левому берегу Кубани и в бассейнах рек Кефар, Уруп, Бежгон, Большая и Малая Лаба, Белая, Зеленчуки, Ходзь и Губс. Их земли граничили с территориями, занимаемыми бесленеевцами и ногойцами на севере, мамхеговцами – на северо-западе, карачаевцами – на юго-востоке и основным ядром абхазского населения – на юго-западе. В обычаях и образе жизни абазин имелось много общего с адыгами. Большое влияние на них оказали кабардинцы, бесленеевцы и абадзехи. К началу XIX в. из-за эпидемии чумы абазины-шкарауа ушли с р. Большой Зеленчук на р. Уруп. К этому времени они становятся неизвестными и по р. Фарс, где, возможно, они слились с адыгами-абадзехами. Продолжительное разобщение абазин с абхазами положило начало отличиям не только в языке, но и в других видах материальной и духовной культуры.

Проведенные К.Ф. Дзамиховым (2008) исследования позволяют судить о границах территории, занимаемой собственно абазинами в конце XVIII – начале XIX в. Южной границей расселения абазин в то время служил Главный Кавказский хребет от верховьев р. Кубани до истоков р. Урупа, включая долину рек Теберды и Мары, где они граничили с карачаевцами.

Абазины-тапанта населяли и долины рек Хсаут (Хасаут), Къарданыг (Кардоник), Марыха (Маруха), Инджыг ЧкIвын (Малый Зеленчук). Далее на запад по северным склонам Главного Кавказского хребта проживали абазины-шкарауа, населявшие верховья рек Инджып Ду (Большой Зеленчук) и Уарп (Урупа) с притоками. На восток селения абазин-тапанта доходили до крепости Георгиевской, населяя долины рек Малки, Подкумка и Кумы. Северной границей служила линия от крепости Георгиевской до среднего течения р. Кубани в районе ст. Невинномысской. Оттуда абазинские аулы ушли в начале XIX в. с началом Кавказской войны. На севере в степной зоне абазины граничили с ногойцами, на востоке – с кабардинцами по р. Малке, на северо-западе, по среднему течению Большого Зеленчука, – с бесленеевцами и на западе, по реке Белой, – с абадзехами. Такое расселение абазинских племен в конце XVIII в. в целом соответствует данным карты Большой и Малой Кабарды Степана Чичагова, составленной в 1744 г. (Дзамихов К.Ф., 2008).

Более стабильной в XVIII – начале XIX вв. была территория расселения южных абазин, занимавших прибрежные и горные районы Причерноморья. Абазины, жившие ближе к морю, назывались садзми и занимали район между Гагринским хребтом и р. Соча. Речка Бзыбь на юге была границей садзов с абхазами. Горные абазины жили в то время в верховьях рек Мзымта, Псоу и были известны под названием «медовеевцев». К абазинам относилась также часть населения общества Облагакуадж, находившегося в долине р. Соча. Кроме абазин, здесь жили убыхи и адыги.

Примечательно, что во многих источниках рефреном звучит мысль об «уступке» кабардинцами своей территории при переселении абазин с южных склонов Кавказа. Это позволяет думать, что сами кабардинцы и абазины в течение столетий отчетливо осознавали, чьей этнической территорией является восточная часть Закубанья. Ведь в отличие от всех иноэтнических подданных Кабарды, абазины являются единственной этнической группой, получившей территории обитания от своих сюзеренов. Таким образом, исходя из археологических и письменных источников, можно заключить, что Восточное Закубанье издавна являлось частью этнической территории кабардинцев (Алоев Т.Х., 2006. Вып. III. С. 258-270).

В записках русского офицера Ф.Ф. Торнау «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше» (1835) приводится исчерпывающая информация о составе и расселении южной группы абазин в начале XIX в.:

«От р. Бзыба до р. Сочи обитают абазины (абадза) – поколение, одноплеменное с абхазцами, говорящее с ним одним и тем же языком. Называют они себя сами абадзою, иногда и садзами, под каким названием более известны соседям, ибо абадза – слишком общее название и принадлежит всему племени, колена которого находятся и на северо-восточной покатости Кавказских гор и распространились до самой Кубани. Места, занимаемые ими, горы и леса сделали из них пеших воинов и хороших стрелков; особенно отличаются целью стрельбою медовеевцы. Добродетель садзов, общая со всеми горцами, – гостеприимство, которое свято соблюдается.

Абадза, населяющая восточный берег Черного моря от Бзыба до Сочи, разделяется на множество обществ, независимых одно от другого, вольных, неповинуемых никакой власти. В каждом обществе есть одна или две фамилии, которые по древности рода, достатку и многочисленности пользуются общим уважением и неприкосновенностью. Обществ столько же, сколько селений, они следующие:

1. *Ахчипсу*, у верховья р. Мдзимты, расположено по покатолям и на небольших полянах при подошве гор, образующих ущелья помянутых рек. Дома (которых всего до 200), разбросаны один от другого на довольно значительное расстояние, на протяжении 5-ти верст. Господствующая здесь фамилия Маршания чрезвычайно многочисленна, старший и более уважаемый в народе есть Дударуква Багаркан-ипа Маршания.

2. *Аибга*, у верховья р. Псоу, несколько менее Ахчипсу и вмещает до 180 семейств, также заселено Маршаниями; кроме них в сем селении есть еще уздени Вахох, Тлабог и Кота, имеющие некоторый вес в народе.

3. *Чужгуча*, на р. Чужипсы, впадающей в Мдзимту; население его простирается до 100 семейств. И здесь Маршаниями имеют первенство в народе; старшим и более зажиточным в сем селении считается Казда-тук Дударуква Маршания. Селения Ахчипсу, Аибга и Чужгуча... в соединении своем известны соседям под названием *медовеевцев*. Между горцами они отличаются хищничеством.

4. *Чужи*, на р. Худапс, около 100 семейств. Общество Чужи признает над собою власть князя Джимир-ипа Ислам Бага.

5. *Чуа*, на р. Мце; семейств считается в сем селении 150, живут растянуто и признают над собою власть князя Безишь Ачу. Жители обществ Чужи и Чуа называют себя *абадзою*, не принимая названия садзов.

6. *Сочипсы*, или Облагу-куадж. Это селение расположено по обеим сторонам р. Сочи, близ устья ее; в нем считают до 450 семейств, частью абазин, частью убых и небольшого числа турок, соединенных названием саше. Князь Али Ахмет Облагу, происхождение которого от племени адыга, сам ревностный мусульманин и окружен турками. В сел. Сочипсы в употреблении три языка: черкесский, абазинский и убыхский.

7. *Халцис*, на правом берегу р. Мцы, близ устья ее; до 60 семейств, придерживается общества Хамышь.

8. *Хамышь*, на покатости горы, над самым морем по речке того же имени; признает князем своим Джембулата Хамышь, малосильного даже в собственном владении своем. Полагают в селении около 80 семейств.

9. *Эсхориши*, или Арткуадж. Это общество считает до 200 семейств, поселенных по р. Худапс, в двух верстах от устья ее; в нем проживают уздени фамилии Арта.

10. *Аредба*. Это общество, поселенное в долине Лиешь, считает около 430 семейств. Братья Аредба – Беслан, Соусран и Чигуа – старшие в роде. Влияние свое они утратили с того времени, как вступили в сношение с русскими, и должны выдерживать за сие частые упреки. Общество Аредба разделено на следующие аулы: Керека, Абаха, Банширипш, Учуга и Хышхорипш, лежащие по покатолям холмов, ограничивающих с востока долину Лиешь, Ката и Джанхота.

11. *Гечкуадж*, на правой стороне р. Псоу; вмещает до 80 семейств и занято фамилиею Гечь, из которых Едырбей более других имеет значение.

12. *Цандрыпи*, или Цанкуадж, по р. Хучупсу; в нем считают до 120 домов, занятых большей частью узденями фамилии Цонбай, из которых старший хаджи Салама.

13. *Хысха*, на горе; местожительство фамилии Анчабадзе, считает не более 40 семейств.

14. *Бегеуча*, или Багрыпш, ближайшее к Гаграм селение, вмещает в себя около 100 семейств» (Торнау Ф.Ф., 1999).

В своей более поздней работе («Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура» (1839) Ф.Ф. Торнау уточняет и дополняет приведенную выше информацию:

«Абазины. Это племя, имеющее собственный, коренной язык свой, ничем не сходный с языком черкесским, занимает берег Черного моря от Ингура до р. Саше, прилегающую к сему пространству юго-западную покатость хребта Кавказских гор и некоторые ущелья на северном склоне их, между Урупом и Белой речкой.

К племенам абазинским относятся:

а) *Абхазы* повинуются владетелю из древнего рода Ачь (Шарвашидзе). Занимают они берег Черного моря от р. Ингура до р. Бзыби. Жителей в Абхазии, не исключая Самурзакани, считают около 45000 душ мужского полу.

б) *Садзы* занимают берег Черного моря от укрепления Гагры до р. Саше. Разделены на несколько обществ. Округов этих семь: Гечь, Цандрыпш, Аредба, Арткуадж (или Эсхорипш), Хамышь, Чужи и Чуа.

[Комментарий Г.А.Дзидзария: «Речь идет о садзах (точнее, садзуа или асадзкуа) – джигетах, занимавших территорию от Гагринских теснин до р. Хоста (Хамышь). Они делились на горных и береговых. Первые (ахчипсаа, аибгаа, псхуаа и др.), обитавшие в верховьях рек Мзымта и Псоу и в среднем течении

р. Бзыбь, были известны под названием «мдюаа» (в русских источниках «медовеевцы»). Здесь господствовала главным образом княжеская фамилия Маршания (Маршьян). Территория же, занятая прибрежными садзами, делилась на общества, связанные главным образом с наиболее знатными родами данного региона: Гечба (Геч), Арыдба (Арыд, Аред), Артба (Арт) и др.].

в) *Саиша*, на р. Саше, или Сочи. Настоящий владетель Саше – Али Ахмет. Саше не суть чистые абазинцы, они представляют смесь трех сопредельных племен – абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят. Садзы вместе с сашою полагают до 12000 душ мужского полу.

г) *Цебельда*, называемая черкесами Херпыскуадж (аул Херпыс) по имени родоначальника цебельдинцев Херпыса Маршания, иногда и Цымпар. Живут цебельдинцы по верховью Кодора. Часть их вследствие семейного раздора между князьями Маршаниями переселилась в место, известное под названием Дал. Жителей в Цебельде до 4000 душ мужского полу.

д) *Медовеевцы*. На юго-западной покатости хребта находятся еще: Псоу – между истоками Бзыба и Апста; Аибга – у верховья р. Псоу; Ахчипсу – у верховья р. Мдзимты; Чужгуча – у верховья р. Мцы. Четыре общества эти, известные у черкес под общим именем медовеевцев, суть абхазцы, удалившиеся по разным причинам в неприступные скалы, сопредельные вечным снегам. С черкесами медовеевцы ведут открытую вражду; переходя хребет Кавказских гор, они спускаются в лесистые ущелья Урупа, Лабы, Ходза и Белой речки, убивают там черкес и захватывают у них людей и скот. Во всех четырех медовеевских селениях первенствует фамилия Маршания, разделившаяся на две линии: на Мас-ипа и на Багаркан-ипа; первые живут в селении Псоу, последние – в Аибге, Ахчипсу и Чужгуче. Медовеевцев нельзя полагать более 5000 душ мужского полу.

е) *Башилбаевцы* живут на северо-восточной покатости Кавказского хребта, в верховьях Урупа. Они признают над собой власть первостепенных узденей Маршания, прежде плативших дань бесленеевским князьям Кануковым, что ныне прекратилось. Жителей в Башилбае – 860 душ мужского полу.

ж) *Там*, у верховья Большой Лабы. В Таме первенствуют уздени Заурумовы; жителей в Таме – 270 душ мужского полу.

з) *Кызылбеков аул*, названный так по имени родоначальника жителей его, Кызылбека Маршания; находится за горою Ахмет, у верховья р. Андрюк. В Кызылбековском ауле проживают три султана – Кабардинский, Сапсугский (Шапсугский) и Султан-Ханш, взимающие подать с жителей сего. Жителей в Кызылбековском ауле – 220 душ мужского полу.

и) *Шегирей*, лежит у подошвы хребта Кавказских гор, над берегом Малой Лабы. Дворянская фамилия Шиокош, равно как и другие жители Шегирея, платят дань бесленеевским князьям Шалоховым и Кануковым. Жителей в Шегирее – 330 душ мужского полу.

к) *Баговцы* живут в трех небольших селениях, расположенных над р. Ходзою, у подошвы горы Ашишбог. Первенствующие в Баге уздени Баг – данники бесленеевских князей Шалохов. Баговцев считают не более 300 душ мужского полу.

л) *Баракаевцы* занимают в трех селениях берега Губса, близ подошвы Главного хребта Кавказских гор. Они считаются данниками бесленеевских князей Шалохов. Признавая над собою власть первостепенных узденей Лях и Анчок, вступивших в родство с Даурами, одной из сильных абазинских фамилий, баракаевцы пользуются покровительством абадзех. Число их полагают в 620 душ мужского полу.

По несогласиям с соотечественниками, три княжеские фамилии Лоовы, Дударуковы и Биберды с подвластными им дворянами и узденями выселились из Абхазии на северную сторону Кавказских гор и образовали там три отдельных общества, от которых теперь остаются только два селения:

м) *Лоовов аул* – на р. Куме, по правую сторону Кубани. Теперь в Лоовом ауле считают до 980 душ мужского полу.

н) *Дударуков аул*, поселен на левом берегу Кубани, против ст. Баталпашинской. Жители его, которых считают 870 душ мужского полу, повинуются князьям Дударуковым.

Бибердов аул существовал до 1829 г., когда в наказание за измену был razорен русскими войсками. Часть жителей его отведена в плен, остальные погибли...» (Торнау Ф.Ф., 1839).

Дополняет эту информацию исследование Ф.А. Щербины (1913), в котором рассматривается расселение абазин в середине-конце XIX в.: «Видную роль в жизни закубанских горцев играли выходцы из Абхазии. На Северном Кавказе они известны были под именем абазы или абазинцев и занимали длинную полосу по верховьям рек Теберды и Аксаута с Марухом до линии Усть-Джегутинского укрепления. Отсюда на запад расположились разветвления той же абхазской или абазинской народности под разными названиями – башилбаевцы, тамовцы, кизилбековцы, шагиреевцы, баговцы и баракаевцы. Они занимали верхние части речных бассейнов Большой и Малой Лабы, Уруштена, Урупа, Большого Зеленчука и его притока Кефара. Кроме того, абазинцы жили и на землях шапсугов и натухайцев в горах недалеко от Кубани и г. Анапы. Об этих абазинцах упоминали в 1825 г. натухайцы из фамилии Супако, а в 1828 г. князь Пшекуй с 200 арбами и абазинцами переселил свои аулы с Кубани в горы к абазинцам. Все эти народности в конце XVII в. вышли на северные склоны Кавказского хребта из Цебельды в Абхазии под именем бяхсаге или алтыкисек т. е. «шестиродных», по числу шести родоначальников – Биберда, Лоу (Лоова), Дударука, Кияша, Джантемира и Клиша» (Щербина Ф.А., 1913).

4.7.3.3. Ногайцы

Народ ногайцев побратался с черкесским племенем по имени шегаке, взял девиц у черкесов (не отдавая, впрочем, своих) и породнился с черкесами.

Эвлия Челеби (1666).

В 30-40 гг. XVII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков из-под Азова поселились как Малые ногаи (Касаев улус), так и Большие ногаи, кочевавшие до этого под Азовом.

К этому периоду относится следующее сообщение Эвлия Челеби (1666): «Народ ногайцев побратался с черкесским племенем по имени шегаке, взял девиц у черкесов (не отдавая, впрочем, своих) и породнился с черкесами. Установив юрты в стане шегаке – Черкесстане, они жили там и кочевали в горах и степях, имея 10000 шатров. Все 20000 сильных и отважных ногайских воинов являются богатырями».

В конце XVII – начале XVIII вв. ногайцы кочевали в верховьях рек Кубань, Лаба, Уруп, Зеленчуки. В середине XVIII в. между р. Кубанью и Азовским морем располагалась Кубанская Орда, население которой в основном составляли ногайцы, кочевавшие в то время от крепости Атчу (Ачуев) до г. Азова. Группы ногайцев жили и среди черкесов Закубанья, а также кочевали не только в верховьях Кубани, но и вокруг Анапы. Оседлые поселения ногайцев были в устье р. Лабы. В верхней части бассейна Кубани были известны в это время аулы ногайских князей Крыкова, Туганова, Ахлова, Юсупова, а по р. Лабе – аулы Мансурова и Абдулова. В 1771 г. на Кубани проживало 37000 ногайцев. Позже, в 1790 г. под натиском адыгов они были вынуждены были уйти на правобережье Кубани.

В ряду народов и субэтнических групп, находившихся под эгидой Кабарды, ногайцы имели наиболее «независимый» статус. В 1747 г. князь Бамат Кургокин определенно заявлял о принадлежности ногайцев Кабарде. Однако нужно отметить, что форма их взаимоотношений, выстроенная по принципу патроната, была весьма мягкой по сравнению с отношениями, навязанными правителями Кабарды остальной иноэтнической периферии страны. Так, бештаугорские ногайцы находились под покровительством кабардинских князей. Вассалами последних считались также мансуровцы, кочевавшие в низовьях рек Уруп и Большой Зеленчук. Мансуровцы зависели от князей Атажукиных, но «по обстоятельствам переходили от одного покровителя к другому (Алоев Т.Х., 2006. Вып. III. С. 258-270).

В обзоре Ф.Ф. Торнау «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше» (1835) о ногайцах говорится следующее: «Ногайские татары поселены вдоль Кубани от ст. Баталпагинской вниз до устья Лабы. У ногайцев нет дворян, а есть вольные люди, признающие над собой власть родовых князей, разделенных на пять поколений, как то: на Келембетей, Мангит, Кипчак, Карамурзиных и на Наврузов. Ногайцев считают 5760 душ мужского полу».

В «Историческом обзоре Терека, Ставрополя и Кубани», подготовленном в 1851 г. капитаном Генерального Штаба И. Забудским, приводятся следующие сведения о соседях кабардинцев – ногайцах: «Ногайцы управляются своими султанами, потомками Чингис-хана, узденями и мурзами, составляющими их аристократию. Прежде власть этого сословия была неограниченная, но ныне она упала и сделалась ничтожною от влияния русского правительства и собственного их духовенства. Особенно при новом религиозном направлении и при вновь учрежденном образе правления, мирской сходки (джеме), где решаются дела избранными от народа, подобно как и у Черкес, власть князей еще сильнее поколебалась.

Они живут частью на правом, частью на левом берегу Кубани. Во всех их аулах считается: 8 025 душ мужского пола и 8 348 душ женского пола, итого 16 373 души обоего пола. Народ этот мирный и послушный своим приставам; жители исполняют охотно все их требования; хлебопашество имеют скудное, преимущественно сеют кукурузу, просо и в недавнем времени стали сеять ячмень, собственно для домашнего употребления; скотоводство у них развито в большой степени и находится в весьма хорошем положении. Сбывают кожи животных и овчины на Пятигорской ярмарке и имеют хорошие конские табуны, довольно ценящиеся на Кавказе.

Повинностей никаких не отбывают; получают довольно значительные выгоды от перевоза в разные места каменного угля, провианта и строевого леса; почти всякий год закупают хлеб у окрестных жителей. Выставляют милиции до 1000 чел., наклонны к хищничеству; милиция их изрядна, а частью и весьма хороша».

«В районе Правого фланга Кавказской линии жили, кроме черкесов, еще ногайцы – татарского или тюркского происхождения, – пишут авторы середины XIX в. («Кавказ...». Вып. IV. 2010). – По рукописи барона К.Ф. Сталля, ногайцы разделяются на несколько «фамилий» и известны своим хищничеством и воровством, которые поддерживаются их связями с черкесами, как и магометанством. Ногайцы — по преимуществу кочевые скотоводы. Высшее сословие состоит из султанов (потомков крымских ханов), мурз, или князей, и дворян, или узденей, эти классы называются «белой костью». Класс несвободных, или «черная кость», есть собственность белой кости. Шариат, постепенно входящий в употребление у ногайцев, ограничил права князей и дворян мирской сходкой, которой характер и устройство то же, что и у черкесов.

Ногайцы разделяются на 5 фамилий: Тахтамышевских, Мансуровских, Кипчаковских, Карамурзинских и Наврузовских. В каждом из этих родов есть свои князья и дворяне. Кроме того, был еще один аул

ногайский на Урупе — Султановский. Это было пристанище воров, занимавшихся кражей скота и лошадей в ногойских аулах и станицах и передачей их в горы, как и получавших из гор уворованный там скот и лошадей. Часть ногойцев, не желавшая в 1823 г. вернуться на Кубань, осталась за р. Белой, сюда уходят в одиночку ногойцы из всех фамилий на Кубани, уличенные в воровстве или же давшие обет пойти на несколько лет в *хаджиреты* («бойцы за веру») (Сталь К.Ф., 1849) («Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010).

Несомненный интерес представляет очерк о ногойцах, подготовленный Н.Ф. Дубровиным (1871): «Нравы, обычаи и особенности быта черкесов служили образцом, достойным подражания для многих соседних им племен, в том числе и для ногойцев, поселившихся между реками Кубанью и Лабою и известных под именем *закубанских*. Эти последние настолько сходны в образе жизни с черкесами, что чаще дают своим детям черкесские имена, чем общеногойские; большинство из них говорит черкесским и абазинским языком и почти все обряды, костюм, постройка и расположение домов, песни и танцы, — все перенято ими у черкесов.

Собственно соседству и влиянию черкесов надо приписать и то, что закубанские ногойцы, как по умственным способностям, так и по религиозным верованиям, стоят неизмеримо выше своих единоплеменников, живущих в Ставропольской губернии. С другой стороны, то же соседство черкесов было причиной того, что все их способности направлены были более на жизнь удалую, чем на мирную и спокойную. Закубанские ногойцы, точно так же, как и черкесы, воинственны, неустрашимы и способны переносить невероятные трудности. Во многих случаях они даже перешеголяли черкесов, как, например, в конной драке и стойкости их всадников на поле битвы. Закубанский ногоец отлично владеет своим оружием, которое он любит и сохраняет более всего. Будучи склонен к хищничеству и разбою, народ этот в дни кочевой и подвижной жизни переносился с одного места на другое с удивительною быстротою. При малейшей тревоге на пути ногойцы тотчас же делали из своих телег четырехугольное укрепление, внутри которого помещали свое имущество, жен и детей, и защищались отчаянно. «Не было еще примера, — пишет Дебу, — чтобы мурза или простой ногоец взят был в плен, ибо сие почитают они крайним бесчестьем, посрамляющим весь их род».

Такая воинственность, составляя до сих пор исключительную особенность закубанских ногойцев, отличает их от остальных поколений ногойского племени» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 176).

О расселении ногойцев в середине-конце XIX в. сообщает Ф.А. Щербина (1913): «По Кубани, в нижних течениях рек Большого и Малого Зеленчуков, по Урупу и до Лабы между черкесскими племенами, с одной стороны, и русскими владениями, с другой, кочевали ногойские племена, потомки грозных монгольских орд Батыя и Тамерлана. Прикубанские ногойцы делились на пять фамилий или родов и назывались по именам своих родоначальников: Тохтамышевцы, Мансуровцы, Кипчаковцы, Карамурзинцы и Наврузовцы. Кроме того, на Урупе был ногойский аул Султановский, пристанище самых отъявленных воров».

4.7.3.4. Осетины

Кабардинцы с одной стороны, грузины — с другой, держали осетин по целым столетиям взаперти в их мрачных заоблачных аулах, не пропуская на равнину ни для торгов, ни для сношений с другими племенами.

Е.Л. Марков (1887. С.143).

«Ближайшими соседями кабардинцев были осетины, — пишет К.Ф. Дзамихов (2008). — В сообщении кабардинских князей Магомеда Атажукина, Адиль-гирея Гиляхстанова и кумыкского феодала Хамзина, сделанного в ноябре 1743 г., в Коллегию иностранных дел, относительно осетин говорилось: «Шестой народ Дюгор, седьмой народ Сюрдюгор. Живут в горах по вершинам реки Урюха и двух ближайших рек против Малой Кабарды расстоянием от деревни владельца Альдигирея Гиляксанова день езды и с тою Малою Кабардою постоянно имеют мир и некоторую малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собою женятся, дюгоры и сюрдюгоры на кабардинках, и кабардинцы на их дочерях».

Тесное и постоянное общение между народами Кабарды и Осетии диктовалось прежде всего вопросами экономического порядка. В первую очередь, это был вопрос о земле. В памяти народа сохранились сведения, что осетины-дигорцы совместно с балкарцами пользовались обширными горными пастбищами под названием «Харес». Они не раз вместе противостояли попыткам социальных верхов Дигории, которые пытались превратить эти земли в свою собственность.

В XVIII в. предгорная равнина нынешней Северной Осетии, находилась во власти кабардинских феодалов. У входа в Дигорское ущелье были владения кабардинских князей Мударовых, у входа в Куртатинское ущелье, где ныне с. Дзуарикау находилось владение под именем Барукино, которое принадлежало крупному кабардинскому князю Гиляхстанову. Далее к западу от Барукино лежали владения — Кубатей-кабак, Эльтюхов-кабак, Камбекуков-кабак, Тузаров-кабак и другие. Осетины могли пользоваться землями предгорной равнины только с согласия кабардинских князей. Решение проблемы малоземелья было жизненно важным для осетинского народа. В донесении архимандрита Пахомия в апреле 1755 г. говорилось,

что осетины «живут внутри горах весьма тесно и неисправно и для своего пропитания подлые люди (крестьяне. – **Авт.**) не имеют пашенной земли, где сеять хлеба и прочее» (Дзамихов К.Ф., 2008).

Дополняет информацию о местоположении осетин З.А. Кожев (2006): «Водораздел между верховьями рек Черек Балкарский и Урух служил границей между балкарскими и осетинскими обществами. Верховья р. Урух и его притоков занимали осетины-дигорцы — «народ Дюгор» (Уаллаг-ком или «верхнее ущелье»), «Сюрдюгор» (Стур-Дигория, или «Старая древняя Дигория»), общества Донифарс и Лезгор. Осетины-иронцы населяли высокогорную часть Центрального Кавказа по ущельям рек Ардон (алагирцы), Фиагдон (куртатинцы), Терек, Геналдон и Гизельдон (тагаурцы). Осетины жили в горной Давлетии (ущелья Касарайком, Зараймаг, Жгеле, Нара, Зруг, Закка), а также на южных склонах Большого Кавказского хребта, где они занимали бассейны верховьев рек Большая и Малая Лиахва, Ксани и Джоджора.

Грузинский автор первой половины XVIII в. царевич Вахушти Багратиони включал в число «осских» (т. е. осетинских) областей и общество Малкар (Балкар). Это было связано с тем, что согласно источникам XVIII в. «...горские народы, начав от абазы до чеченского народа (под чеченцами автор подразумевает всех вайнахов – **Авт.**), грузинцы на своем языке называют осии, то есть горцы». Кабардинцы – ближайшие северные соседи карачаево-балкарцев и осетин, так же как и грузины, всех горцев от «Абазы до чеченского народа» называли *къуишхъэ* (т. е. «горцы») и отличали их лишь по названиям горных обществ (Кожев З.А., 2006).

4.7.3.5. Вайнахи (ингуши, чеченцы)

Иные [вайнахи] подвластны сильным своим соседям, коим частью платят дань; иногда свергают с себя сие иго, либо покоряются другим владетелям....

И.А. Гюльденштедт (1809).

Восточными соседями кабардинцев и осетин были вайнахи, которые делились на большое число локальных этнических подразделений и занимали труднодоступные горные и частично предгорно-плоскостные земли по р. Сунжа и ее притокам вплоть до Большого Кавказского и Андийского хребтов, гранича на востоке с Дагестаном. По грузинским источникам, крайние западные общества вайнахов — «Кистети, Джариехи (Джейрахское общество), Глигви (Галгай), Дзурдзукети» находились к востоку от Дарьяльского ущелья. Эти общества располагались в среднем и нижнем течении р. Армхи («Кистети и Джариехи»), в верховьях р. Асса («Глигви») и по рекам Джута и Охкарохи («Дзурдзукети»). Кроме того, по свидетельству Вахушти, в Терской долине, на р. Камбилеевка существовало большое селение Ангусти (Ангушт) с вайнахским населением. Восточнее в ущелье р. Фортанга, располагались земли карабулаков (Арштхой – орстхойцы, или карабулаки).

Верховья рек Гехи, Мартан, Чанти-Аргун, Шаро-Аргун, Хулхулау, Мичик и Аксай занимали вайнахские общества Пешхой, Терлой, Мулкой, Нашхой, Шатой, Чеберлой, Мичкиз, Ичкерия (Нохчи мохк) и др. В конце XVII – начале XVIII в. стали появляться первые плоскостные чеченские аулы. Это – Гехи на одноименной реке, Чечен-аул, недалеко от впадения Сунжи в Терек и селения Хаджи-Али-аул, Астанкул, Жатага (Атага), Шихкери, Сурь-Хашват (Сури-корт), Бешем-Баха-аул, Алды в долине р. Аргун. Крайней восточной группой вайнахского населения были качкальковцы, которые в первой четверти XVIII в. занимали несколько селений по Качкальковскому хребту, и ауховцы («окочане», «ококи» русских источников). Ауховцы или качкальковцы (ныне чеченцы-аккинцы) представляли собой часть орстхойцев, переселившихся на восток (не позднее XVI в.) и осевших в предгорьях Ичкерии по долинам рек Ямансу и Ярыксу до р. Акташ, отделявшей их от аварцев общества Салатау. Значительная часть предгорных и плоскостных земель на правом берегу р. Сунжи еще в начале XVIII в. оставалась совершенно не освоенной (Кожев З.А., 2006).

Описывая различные вайнахские общества, И.А. Гюльденштедт (1809) отмечал: «Иные подвластны сильным своим соседям, коим частью платят дань; иногда свергают с себя сие иго, либо покоряются другим владетелям, так например: округа Вапи, Ангушт, Галга и Карабулак были подвластны то Аксайским, то Кабардинским князьям. Они присягнули в верности России и дали аманатов. Но сие не мешает упомянутым князьям иметь право на владение ими» (Цит. по: Кожев З.А., 2005. Вып. I).

5. ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕРКЕСИИ ПЕРЕД НАЧАЛОМ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX В.)

5.1. «Черкесская карта» в русско-турецких отношениях

В итоге русско-турецких войн второй половины XVIII в. Россия практически завершила колонизацию степного Предкавказья, ее позиции укрепились и на правобережье р. Кубани. С конца столетия здесь продолжалось заселение прикубанских степей казаками-черноморцами. В основе этого переселения, в первую очередь, лежала захватническая политика царизма, полностью игнорирующая интересы коренного населения Земли адыгов.

5.1.1. Усиление колониальных притязаний Российской империи на черкесские земли

*Хор:
Отчего наш властитель
Так уныл и печален?*

*Певец:
Иль волнуется непокорная страна черкесов,
И шлет ей помощь фирман дивана?*

Хан-Гирей «Черкесские предания»
*Что – племя, родина, род,
Если сильный с сильным
Лицом к лицу
У края земли встает?...*

Р. Киплинг (1865-1936).

Особенно усилились колониальные притязания Российской империи на черкесские земли с начала XIX в. Мрачную сущность наступившего столетия хорошо выразил А. Блок:

*Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век...
Тобою в мрак ночной, беззвездный,
Беспечный брошен человек.*

В первой трети XIX в. Северо-Западный Кавказ продолжал являться ареной острого соперничества между Османской и Российской империями. Хотя до 1829 г. Черкесия номинально входила в состав Турецкой державы и в руках Порты продолжали оставаться несколько крепостей на Кавказском побережье, адыгские племена и народности фактически не подчинялись султану и были в достаточной степени независимы, что вынужден был отметить даже генерал Ермолов в своем донесении в Санкт-Петербург: «Народы закубанские явно непослушны турецкому правительству...».

Порта стремилась поработить адыгов и использовать их в своей борьбе с Россией. Для утверждения своего владычества в Черкесии турецкие колонизаторы применяли неприкрытый захват и военное насилие, разжигали межплеменную борьбу среди горцев. В эту междоусобную вражду адыгских племен часто вмешивались и царские войска. Так, в 1807 г. адыгские князья Бейзрук и Ахматук обратились к русскому царю с просьбой об оказании им помощи против восставших абадзехов. Однако абадзехи нанесли и черкесским дворянам и казакам серьезное поражение.

Вмешательство царизма во внутренние дела западных адыгов, формально еще считавшихся подданными турецкого султана, стало одним из факторов, ввергнувших Россию в новую длительную войну с Турцией, начавшуюся в 1806 г. Согласно Бухарестскому мирному договору 1812 г., в состав Российской империи вошло Кавказское побережье Черного моря от устья р. Бзыбь до Риони. Черкесское же побережье все еще оставалось в сфере влияния Порты, как и Анапа, и Суджук-кале (Новороссийск). К трагическому периоду Российской истории – нашествию Наполеона в 1812 г. относятся малоизвестные факты, подтверждающие, что адыги всегда были готовы оказать помощь, – не царскому самодержавию, но – русскому народу. В освободительной войне от Черномории приняли участие: Черноморская гвардейская казачья сотня, 9-й Черноморский пеший полк, 1-й сборный Черноморский конный полк. В наиболее тяжелый период Отечественной войны некий Роман Медокс предложил сформировать кабардино-горское ополчение и двинуть его на помощь русским войскам, изгонявшим французов из пределов России. Несомненно, появление на европейском театре военных действий отборной кабардинской конницы не только бы облегчило боевые операции русских войск, но и произвело бы большое впечатление в военных и общественных кругах, как русских, так и западноевропейских. Однако это мероприятие, задуманное, как выяснилось позже, авантюристом, не было осуществлено, и 5-тысячное кабардино-горское ополчение, уже давшее торжественную клятву на верность России, было распущено по домам. Тем не менее, документы свидетельствуют, что адыги и кабардинцы приняли участие в войне 1812 г. Сначала они были под командованием Багратиона, а затем Дениса Давыдова. У адыгов сохранилось предание об отряде шапсугов во главе с легендарным Магомедом Хатхе. Лихой наездник и бесстрашный воин, он узнал о завидных успехах партизан Дениса Давыдова и перешел к нему. Теперь отряд Хатхе вместе с давыдовскими партизанами нападал на французов в тылу, отнимал у них обозы, громил штабы. Однажды, когда Давыдова окружили враги, ему на выручку пришел Хатхе. Еще не раз Давыдов и Хатхе помогали друг другу, и сам Кутузов ставил их дружбу всем в пример.

5.1.2. Калаусская трагедия шапсугов: «Ужас наводило на живых людей это необычайное кладбище лучших сынов Черкесии»

...Со времени водворения войска Черноморского в Тамани, не было подобного поражения закубанцев.

А.П. Ермолов, генерал (1821).

Ужас наводило на живых людей это необычайное кладбище лучших сынов Черкесии.

Ф. Щербина (1910).

С 1818 г. усилилось сопротивление горцев колонизаторской политике царизма на Северном Кавказе. Начало постройки новых русских укреплений в Кабарде и перенос военной линии к верховьям р. Кубани сопровождалось учащением «наездов» закубанцев на русские укрепления и ответными карательными мерами царских войск. Однако плохо обученное и слабо вооруженное горское ополчение не могло в то время противостоять регулярным войскам царского самодержавия. Так, по свидетельству очевидцев, поздно вечером 2 октября 1821 г. «огромное скопище шапсугов и жанеевцев» во главе с Измаилом появилось на Кубани близ р. Давыдовки и двинулись на хутора ст. Петровской. Генерал Власов со своими 611 конных и 65 пеших казаков, а также с двумя орудиями вышел навстречу. Орудийные выстрелы и внезапно запыхавшиеся в мраке ночи огромные костры сбили черкесов с дороги и они углубились в топкий Калаусский (Калаузский) лиман, где и начали гибнуть. Не об этом ли писали библейские пророки: «Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня. Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне... Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей. Враги мои, преследующие меня несправедливо, усилились: чего я не отнимал, то должен отдать» (Псалтырь, 68; 3-5, 15).

Сами шапсуги насчитали утонувшими в лимане более 20 знатнейших князей и 1200 всадников. О потерях горцев в эту страшную ночь сообщал и генерал А.П. Ермолов: «Закубанцы, приезжавшие для вымена пленных, признавались, что в сем случае лишились они храбрейших из своих вожатых, и что вообще потери их простирается свыше 1000 чел.».

Очевидцы с болью писали: «Утро открыло страшную картину гибели черкесов: калаусские поля были усеяны трупами горцев; волны лимана бороздились еще от предсмертных судорог тонувших. Слышались стоны и вопли погибавших, трупы людей и лошадей плавали в воде целыми группами...». При этом потери русских составили всего 5 убитых и 14 раненых.

Определенный интерес представляет описание этой «страшной гибели шапсугов в Калаузском лимане, случившейся в 1821 г.», в изложении Султана Хан-Гирея (1893): «Многочисленная масса шапсугских всадников ворвалась в пределы черноморских казаков. По внушению анапского паши, Кзильбеч (Казбич) не только отказался участвовать в этом набеге шапсугов, но даже уговаривал их не предпринимать его. Они не послушали. Между тем командовавший черноморскими казаками генерал Власов приготовился встретить неприятеля, и его распоряжения показывали в нем человека распорядительного и искусного в подобной войне. Он раздробил отряд свой на части: одной приказал следовать к переправе через реку, как только неприятель перейдет ее; другой – идти по следам шапсугов, когда откроет их движение, а с остальной сам продолжал наблюдать за пунктами, на которые, по его расчетам, неприятель направит свое движение.

Как только неприятель перешел границу и углубился довольно далеко за пределы Черноморья, по условленному знаку гром пушек раздался во всех частях отряда распорядительного генерала, и обвитые сеном «маяки», которыми усеяно все протяжение линии, запылали яркими огненными столбами, освещая мрачную осеннюю ночь. Это было совершенно ново для шапсугов, и они оробели, смешались, а к довершению их несчастья и ночь была очень темная. Напрасно предводители и более опытные старшины старались ободрять оробевшие толпы: никто их не слушал. Густые массы долго топтались на одном месте, наконец двинулись и вошли в Калаузский лиман, при берегах неглубокий и нетопкий, но по обширности своей непроходимый, и вошли никем не преследуемые! Передовые всадники, не видя конца воды, хотели воротиться, но это было уже невозможно: за ними вслед стремились в воду остальные, и никакая сила не могла их остановить — все они шли вперед, тщетно надеясь достигнуть берега, и... погибли. Между тем казаки удивлялись, не зная, куда исчез неприятель.

Настало утро, и казачий отряд, по следам шапсугов пришедший к необозримому лиману, увидел их гибель, самым providением посланную и более страшную, чем обыкновенное поражение: более 1200 человек, как полагают, погибло в лимане, войдя туда без выстрела; тела людей и лошадей плавали по поверхности мутной воды горами, как бы отверженные останки покойников, брошенные живыми в болото — на поругание...» (Султан Хан-Гирей, 1893). Как здесь не воскликнуть вместе с французским поэтом Верленом (1844–1896):

Est-il possible, – le fut-il? –
Возможно ли, – было ли это?

Какова же была реакция царских властей на эту бесчеловечную бойню? Как отмечает В.А. Потто (1885), победа, одержанная Власовым, была оценена Ермоловым по достоинству. Он просил императора наградить Власова орденом св. Анны 1-й степени, учитывая, что «со времени водворения войска Черноморского в Тама-

ни, не было подобного поражения закубанцев». Однако император Александр, минуя Анненскую ленту, пожаловал Власову сразу орден св. Владимира 2-й степени. Сподвижники «кровавого генерала» – старшина Журавль и есаул Залесский также были награждены Владимирскими крестами, а артиллерист Пшекуй Могуков, чьи батареи разрывали на куски безоружных горцев и, в конечном счете, решили исход сражения на Калаусском лимане, – орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (Епифанцев А.А. 2010. С.103-104).

Но лучшей наградой генералу Власову «со товарищи», – заключает В.А. Потто (1885), – осталась вековая память о нем в Черномории. Однако память памяти рознь. И хотя пишет А.С. Пушкин:

И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе...,

– в адыгских народных сказаниях и песнях на века сохранилась память – но не о палаче Власове, а о героях-адыгах, погибших в этой битве. Не удивительно, что адыги отвечали на подобные карательные акции героическим сопротивлением; нападения на казачьи станицы и хутора продолжались.

5.1.3. «Турция, готовясь к войне с Россией, сообразила, каким богатым для нее контингентом послужат воинственные черкесы...»

5.1.3.1. Конфликт между черкесами и анапским пашой Хаджи-Хассан Чечен-оглы

Черкесы ...открыто восстали против турок и обложили крепость Анапу; паша оказался в полной блокаде. Он обратился за помощью к своим врагам – русскому командованию, прося его для умирения горцев закрыть все меновые дворы.

В.А. Потто (1885).

Исходя из своих интересов, турецкий паша оказывал адыгам дипломатическую поддержку и реальную помощь в отражении вторжений царских войск. Как отмечает В.А. Потто (1885), Турция, готовясь к войне с Россией, сообразила, каким богатым для нее контингентом послужат воинственные черкесы, если власть ее над ними будет не номинальная, как это было прежде, но действительная, абсолютная, какую признавали над собой все другие подвластные ей мусульманские народы. Случай к тому не заставил себя ждать.

В начале 1825 г. один из влиятельнейших шапсугов Бесленей Аббат с несколькими другими почетными лицами явился в Константинополь просить у турок защиты против русских. Порта с жадностью ухватилась за этот случай и не только приняла все черкесские племена под свой верховный протекторат, но и назначила пашой в Анапу одного из кавказских уроженцев, бывшего трапезундского правителя Хаджи-Хассан-Чечен-оглы. Более того, турки потребовали от черкесов присяги на подданство султану или дани для содержания анапского гарнизона. Черкесы признали султана главой религии, но отказались принести присягу, а относительно покорности ему как властителю Черкесии не хотели и слышать. Что же касается дани, – она в их глазах равносильна была потере независимости.

Таким образом, заключает В.А. Потто, между черкесским народом и правительством, присланным Портой, сразу же началась глухая борьба. Черкесы, выведенные из терпения настойчивостью анапского паши Чечен-оглы, открыто восстали против турок и обложили крепость Анапу; паша оказался в полной блокаде. Поставленный в безвыходное положение, он, как это не покажется парадоксальным, обратился за помощью к своим врагам – русскому командованию, прося его для умирения горцев и ухудшения их материального положения закрыть все меновые дворы. Разумеется, просьба паши удовлетворена не была. Турция же, в ответ на обращение Чечен-оглы, прислала войска, которые разместились по черкесским аулам. Однако это решение турецких властей не нашло поддержки среди основной массы адыгов, которые отнюдь не желали оказаться под владычеством Турции. Практически все горские народы решительно воспротивились. От шапсугского «простого народа», нутхайцев и абадзехов к русскому командованию поступали просьбы о покровительстве.

5.1.3.2. Обострение противоречий между Россией и Турцией: взятие русскими войсками крепости Анапа

Положение Анапы принимало характер почти безнадежный, и только слабая надежда на помощь черкесов кое-как придерживала дух гарнизона. Черкесы ожесточенно все время нападали на наши войска, желая оказать поддержку туркам.

В.А. Потто (1885).

Постепенно русско-турецкие противоречия на Северо-Западном Кавказе обострились, что привело к войне 1828-1829 гг. и взятию русскими войсками крепости Анапа. В этой операции принимали участие объединенные силы казачьего атамана Бескровного (позже «прославившегося» уничтожением мирных закубан-

ских аулов), полковника В.А. Перовского и адмирала Грейга. Как отмечали русские источники, «...положение Анапы принимало характер почти безнадежный, и только слабая надежда на помощь черкесов кое-как придерживала дух гарнизона. Черкесы ожесточенно все время нападали на наши войска, желая оказать поддержку туркам». Из других источников можно узнать подробности этого штурма. 28 мая 1828 г. произошло крупное сражение у Анапы. Турки совершили вылазку, подкрепленную наступлением черкесского ополчения. Среди наступающих были темиргоевцы, черченейцы, абадзехи, шапсуги, натухайцы. Во главе отряда из 5000 человек стоял князь Пшикуй и натухайский владетель Даше Нунуко. Последний, будучи в Константинополе с Пшикуем, получил от турецкого султана звание полковника. Но, несмотря на поддержку орудий из крепости, наступавшие были частью разбиты, более 700 – сброшены с высокого утеса на морской берег, а остальные скрылись в горы. В сражении погиб Даше Нунуко. После военных неудач часть черкесов покинула Анапу. Первыми ушли натухайцы. 24 июня 1828 г. Комендант Анапы Чатыр-Осман-оглы вынужден был сдаться; около 4000 турок было захвачено в плен, русские захватили 29 знамен и 85 орудий.

5.1.3.3. «Я готов быть с вами (черкесами) в дружбе и непритязательности»: из прокламации генерала Эммануэля

Крепость Анапа теперь в наших руках. Это место, бывшее гнездом всех злонамеренных людей и капитулянтов и тем, что омрачало ваше будущее и было причиной недоразумения между вами, – теперь это место будет подоплекой для установления вновь дружеских отношений между вами.

Г.А. Эммануэль, генерал (24.06.1828 г.).

В Турецком (Османском) государственном архиве сохранилась прокламация генерала Эммануэля (Емануеля) «К горским народам, живущим по Кубани и по берегу Черного моря, князьям, дворянам, старшинам и пр.», направленная черкесам после взятия русскими войсками крепости Анапа:

«В желании правительства нашего, объявленном вам через прокламацию, чтобы вы оставались мирными во время войны нашей с турками, все старания мои склонить вас к спокойной жизни, были тщетными. Вы не хотели следовать благодетельным намерениям в отношении к вам всеавгустейшего монарха нашего. Из вас многие злонамеренные, взяли сторону турок и, вовлекая в заблуждение многих из тех, кои не желали участвовать...

Я знаю, что вас обольщали, говоря о защите религии. Наконец войска наши восторжествовали над врагами нашими. Крепость Анапа теперь в наших руках. Это место, бывшее гнездом всех злонамеренных людей и капитулянтов и тем, что омрачало ваше будущее и было причиной недоразумения между вами, – теперь это место блага, и будет подоплекой для установления вновь дружеских отношений между вами. Здесь пребываете [живете] вы.

Я готов в пространстве вдоль нашей границы быть с вами в дружбе и непритязательности. Я даю слово, что сообщу о тех делах, которые вы потребовали исходя из духа дружбы. Если они соответствуют величию, чести и интересам нашего государства, то будут приняты. Однако в первую очередь будут рассмотрены те дела, которые необходимы в ближайшие дни. Только предупреждаю вас, чтобы вы всегда вели себя спокойно в наших границах. Я не доверяю пустым словам, тогда как вы постоянно отступаете от своего слова. Вы должны по настоящему дать гарантию, что будете вести себя мирно, будете искренними и не нарушите дружбу с нами.

С нашей стороны вам всегда будет оказана помощь. Откроются торговые дела. Будет обеспечено приобретение необходимых вещей для вашей стороны и для нашей границы. Еще раз, повторно уведомляю вас, что в нужное время подавлю тех, кто не откажется от враждебности и не прекратит враждебные действия и ослушается моих наставлений. Я приказал немедленно сообщить о ваших требованиях, доведенных вами до командующих военных частей и людей лица, уполномоченного моим императором рассмотреть все дела горцев Кавказа...

От кавалерии генерал-лейтенант, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории и областного начальник Кавказской области, Эммануэль» (Цит. по: «История адыгов...», 2009. С. 47).

Русско-турецкая война завершилась победой России, что, в конечном счете, развязало ей руки и в дальнейшем дало, так сказать, «законные» основания для открытой агрессии против Черкесии. Размышляя об итогах этой войны, А.С. Пушкин писал: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться». Но, к сожалению, это «сближение» пошло совсем не по тому пути, который имел в виду поэт...

5.2. Трагедия Кабарды: «Распространился великий ужас...»

Задолго до начала Кавказской войны, – пишет Н. Дубровин (1871 г.), – «...ниже г. Георгиевска, на юг от казачьих земель, поселилось одно из значительнейших племен адыге, – кабардинцы (кабертай), разделившиеся на Большую и Малую Кабарду.

Большая Кабарда, примыкая на юге к осетинам, расположена между реками Малкою и Тереком, а Малая Кабарда, занимая правый берег р. Терека, до предгорий и берегов Сунжи, прилегает на востоке к чеченцам. Несколько кабардинских семейств, в разное время оставив свое отечество и, со всеми своими под-

властными, переселившись в долины рек обоих Зеленчуков, образовали особые поселения абреков, или «беглых кабардинцев». В прежнее время жители Большой Кабарды были разделены между четырьмя княжескими фамилиями: Кайгукиных, Бек-Мурзиных, Мисостовых и Атажукиных, которым принадлежало соответственно 3210; 7737; 6306 и 7029 душ обоего пола.

Малая Кабарда состояла из трех обществ: Бековича, Ахлова и Тау-Султанова. Составляя часть племени адыге и говоря с ним одним языком, кабардинцы не прилегали непосредственно к остальным поколениям этого народа. Казаки и племена татарского происхождения отделяли их от соплеменных им народов черкесского (адыгского) племени» (Дубровин Н., 1871 г.).

Дополняет эту информацию В.А. Потто (1885): «В 20-х гг. XIX в. вся Большая Кабарда подчинялась 4-м княжеским фамилиям: Бек-Мурзины и Кантукины владели землями, простиравшимися до Горной Осетии; аулы Атажукиных и Мисостовых находились при верховьях Баксана, сообщаясь непосредственно с Закубаньем, поддерживавшим в них дух мятежа и сопротивления».

О достаточно высоком уровне хозяйства кабардинцев перед началом Кавказской войны (конец XVIII–начало XIX вв.) сообщают авторы книги «Исторический обзор Терека...» (1851): «Кабардинцы мало занимаются земледелием, оно у них в большем пренебрежении; скотоводство же в хорошем состоянии. Крупного рогатого скота приходится на каждый двор от 4 до 5 шт., а овец по 10 и 15. но что у них в особенности хорошо, так это лошади отличной породы; самый большой табун в 1500 лошадей принадлежит князю Атажукину. Средним счетом приходится по 2 и по 3 коня на каждую душу мужского пола. Кабардинцы хотя по преимуществу народ склонный к хищничеству, но, однако, не упускают и промышленных выгод. Они пригоняют на наши ярмарки своих лошадей, скот и сбывают их очень выгодно; хлеб и соль выменивают на Кавказской линии на овец и коров и, в особенности, ведут этот торг с Наврузовскими ногайцами, где бывает всегда избыток хлеба.

Беднейшие из кабардинцев доставляют на Линию душистый мед и воск, весьма ценящийся нашими промышленниками. Всех кабардинских аулов считается 34, но они не велики, в 15-20 и, самый большой, в 60 дворов. Кабардинцы любят жить на просторе и всякий князь или уздень, приобретя подвластных, старается поселиться отдельно. Всех дворов считается у них 1 177; жителей мужского пола 3 800, женского – 3 600, всего 7 400 душ обоего пола; в случае надобности кабардинцы могут выставить 800 чел. отличных всадников. Между кабардинцами поселен еще один аул шапсугского племени, в 25 дворов и в 142 души обоего пола, которыми владеет князь Шаган Гирей Абатов».

5.2.1. «Нужно привести Кабарду в такое состояние, чтобы впредь можно ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно»

...Живущие горские народы во всем следуют Великой Кабарде. Нужно привести Кабарду в такое состояние, чтобы впредь можно ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно.

Из записки капитана Гастоти правительству России (1770).

Видя гибель родного и привычного быта, они (кабардинцы) думали, что рушится счастье и будущность их вольного края. Не сознавали они, что то занимается заря светлого будущего, которое превратит их кровью покрытые поля в роскошные нивы...

В.А. Потто (1885).

Одной из самых потерпевших и разоренных областей Северного Кавказа, против которой было направлено острие колониальной политики царизма в начале XIX столетия, была земля восточных адыгов – Кабарда. Еще задолго до Кавказской войны, в 70-х гг. XVIII в., существовали планы захвата Кабарды царским самодержавием. Князь Потемкин-Таврический, изучив положение на юге России после Кючук-Кайнарджийского мира, предложил четко определить границы России на Северном Кавказе и под видом их охраны постепенно продвигаться вглубь территорий горцев. Согласно этого плана и были построены Кавказская линия в 1780 г., Черноморская кордонная линия в 1793 г. и Сунженская линия в 1817 г.

В 1770 г. капитан Гастоти в своей записке правительству России писал: «Как небызвестно, что под защитением России, да и в независимости живущие горские народы во всем следуют Великой Кабарде. Нужно привести Кабарду в такое состояние, чтобы впредь можно ее принудить ко всему, что нам угодно и потребно». Существуют еще документы, отражающие военные планы царизма относительно кабардинцев. Так, много позже, в 1808 г., генерал Дельпоццо писал в докладе императору Александру I: «Таким образом, как скоро только первые кабардинцы будут покорены, прочие магометанского закона народы тотчас перемнят свои поступки и обычаи. Тогда все сии народы принуждены будут покориться силе и власти российского правительства и приступить в совершенное и вечное подданство скипетру российского престола».

Уже с 1779 г. начались военные экспедиции царских войск против Кабарды. Генерал Якоби захватил земли по Куме, Зольские пастбища, районы Пятигорья и озера Тамбукан, т. е. третью часть Кабарды. Эти экс-

педии неизменно сопровождалась истреблением населения и угоном скота и табунов лошадей. Тяжелейшее положение горцев усугубляла чума («моровая язва»), охватившая к тому времени большую часть Кабарды и Балкарии. Как здесь не вспомнить библейское: «Вне дома – меч, а в доме мор и голод. Кто в поле, тот умрет от меча, а кто в городе, того пожрут голод и моровая язва» (Книга пророка Иезекииля, 7; 15-16).

5.2.2. Восстание 1804–1805 гг.: начало широкого антиколониального движения в Кабарде

5.2.2.1. Год 1804: «Ждите, говорю я вам, пролития вашей крови реками...»

Упою стрелы свои кровию, и меч мой насытится плотию, кровию убитых и пленных, головами начальников врага...

Библия. Второзаконие (32; 42).

Ждите, говорю я вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками... Не мутная вода потечет в реках, протекающих через ваши земли, а красная, ваших семейств кровию выкрашенная.

Из прокламации князя Цицианова (04.04.1804 г.).

Широкое антиколониальное движение в Кабарде начинается с восстания 1804 г. Годом раньше, в 1803 г. царизм начал строительство Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в Пятигорье, что послужило поводом крупного восстания в Кабарде, основным требованием которого являлось уничтожение Кисловодской крепости и ликвидация кордонной линии. Восстание охватило почти все населенные пункты Кабарды (Дзамихов К.Ф., 2008).

Это восстание было самым крупным выступлением горцев против царизма, в котором приняли участие не только кабардинцы и закубанские адыги, но и соседние народы: балкарцы, карачаевцы, абазины, осетины, ингуши и чеченцы. Восстание сильно напугало царские власти, и они решили сначала путем угроз заставить горцев сложить оружие. Так, 4 апреля 1804 г. с прокламацией к восставшим – кабардинским князьям, узденям и эфендиям обратился князь Цицианов: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены во мне трясутся от жадности напоить земли ваши кровью преслушников (т. е. ослушников); *ждите, говорю я вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками!* Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная ваших семейств кровию выкрашенная». (Как здесь не вспомнить библейское: «И превратил реки их и потоки в кровь, чтобы они не могли пить...» (Псалтырь, 77; 44).

Впрочем, горцы мало обращали внимания на кровожадные призывы царского генерала. Как говорится в Книге Иова (6; 26): «...вы придумываете речи для обличения? – На ветер пускаете слова ваши». Или в 1-й Книге Царств (2; 3): «Не умножайте речей надменных; дерзкие слова да не исходят из уст ваших».

Восстание разрасталось. Напрасно ногайский пристав генерал Султан Менгли-Гирей пытался прекратить волнения горцев. Полковник Давыдов и есаул Ляпин при поддержке артиллерии нанесли поражение закубанским горцам, но и это не помогло. Тогда сам генерал-лейтенант Г.И. Глазенап пошел за Кубань усмирять кабардинцев.

Одновременно в Кабарде и других горских землях продолжалось строительство укреплений, сопровождавшееся уничтожением населенных пунктов и вырубкой лесов. Эти меры должны были поставить поработавшее население в полнейшую зависимость от представителей царской администрации и «...не позволять непокорным собирать хлеб и расти свои стада» (Дзамихов К.Ф., 2008).

Ниже приведем сохранившиеся в архивных и литературных источниках воспоминания очевидцев об этом столь памятном для кабардинцев антиколониальном восстании 1804-1805 гг.:

3 мая 1804 г. Большой отряд под командованием генерала Глазенапа, с 24 орудиями вступил в Кабарду, на р. Баксан. Генерал Лихачев со своими егерями зашел в тыл, и кабардинцы были «разбиты наголову»; 14 мая перешли Чегем, всюду наступали и истребляли врагов. Один из кабардинских князей Рослаббек Мисостов бежал за Кубань и поднял местные племена; бунт охватил все Закубанье. Балкарцы и карачаевцы, пришедшие на помощь восставшим, совместно с кабардинцами оказали упорное сопротивление отряду генерала Г.И. Глазенапа во время решающего сражения на реке Чегем. Однако, силы были неравные. Итог похода – 80 разоренных аулов, огромное число убитых и раненых. Описывая в своем рапорте Цицианову подробности ожесточенного сражения около р. Чегем, которое продолжалось с 11 ч утра до 6 ч вечера, генерал Глазенап отмечал, что «...после артиллерийского обстрела некоторые аулы браны (т. е. захвачены) были штыками и преданы пламени... Потери их (кабардинцев), – писал генерал, – в порохе и свинце, великое число убитых и раненых и лишение толикого числа панцирников будут служить им вечными памятниками, ибо в конце стреляли они уже глиняными пулями». При этом генерал отмечал весьма примечательное обстоятельство: «Впрочем честь имею вашему сиятельству донести, что из кабардинских князей многие остались нам приверженными, полковник Рослаббек Мисостов и подполковник Кучук Джанхотов, также ротмистр Темир Булат Мисостов были со мной в сражении, а полковник Атажук Хамурзин и Девлет Мурза Хасаев оставались в вагенбурге (вагенбург – временное укрепление, состоящее из телег, расположенных в виде квадрата, – для защиты от врага. – **Авт.**) с прочими князьями».

Тем самым, – пишет В.Х. Кажаров (2006), – Кабарда очередной раз продемонстрировала органическую неспособность объединиться даже в случае очевидной внешней опасности. Тем большее удивление вызывает самоотверженность части кабардинских князей, дворян и крестьян, сражавшихся с превосходящими силами противника. И еще один момент заслуживает самого пристального внимания: когда коллаборационисты (фр. *collaboration* – «сотрудничество; изменник, предатель родины») бросили на произвол судьбы восставших, к последним пришли на помощь горцы Центрального Предкавказья – балкарцы, карачаевцы и осетины.

Позже генерал Глазенап в рапорте российскому императору Александру I с энтузиазмом восклицал: «Победоносное российское войско столь страшное сделало впечатление на кабардинцев, никогда нас далеко к себе прийти не вообразивших, что их теперь можно со справедливостью почесть вновь покоренным народом!». Основание для такого заявления у генерала было. По свидетельству очевидцев, в результате этого «победоносного» похода река Камбалеевка в эти дни была красной от крови убитых кабардинцев. Судя по всему, полностью оправдалось библейское пророчество: «Что хвалишься долинами? Потечет долина твоя кровью...» (Книга пророка Иеремии, 49, 4). Или: «И вода в реке превратилась в кровь, и рыба в реке вымерла, и река воссмердела, ... и была кровь по всей земле...» (Исход, 7; 20-21). Об этом же памятное пророчество Апокалипсиса: (16, 4): «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод, – и сделалась вода кровью». До сих пор сохранилась кабардинская пословица: «*Емынэм кьелар хьумбалейм ехьыж*» («Что осталось от чумы, – унесла Камбалеевка»).

В том же восторженном тоне выдержан рапорт генерала Глазенапа Александру I от 8 июля 1804 г., в котором он, нисколько не стыдясь преувеличений, пишет о своих победах над «одинадцатью тысячами отчаянно сражавшихся кабардинцев, чегемцев, карачаевцев и осетинцев». Любопытен сам контекст прямого обращения Глазенапа к царю, а не к Цицианову, своему прямому начальнику. Дело в том, что он, долгое время не получая от него известия, уже не сомневался в том, что «по причине повсеместного ныне восстания горских, закубанских и кабардинских народов коммуникация между Кавказской линией и Грузией была совершенно расторгнутою».

Привлечение ряда других источников дало возможность получить более полную информацию об этом карательном походе в Кабарду. Отряд генерала А.К. Мейера пошел на Малку на подавление кабардинцев. Горцев возглавляли их знаменитые князья: Джембулат Мисостов, Аслан-Гирей, Касай, братья Наврузовы и, наконец, Адель-Гирей Атажукин. Кабардинцы были разбиты. В числе погибших были 2 владетельных князя, 6 мулл. «Все поле сражения, – доносил Мейер, – на котором лежало 113 кабардинских тел, было усеяно клочьями мяса и ребрами». Потери русских: 2 офицера и 75 солдат. Атажукины и Мисостовы потерпели поражение и отступили к Чегему. Несмотря на это, они заявили в письме Глазенапу, что кроме «духовного суда при кавказском правлении не приемлют».

21 июля 1804 г. император извещает генерала Глазенапа его о том, что он «с совершенным удовольствием получил известие от 8-го сего месяца о двукратном поражении кабардинцев». За эти карательные походы в Кабарду и усмирении закубанских горцев Глазенап был награжден орденом св. Анны 1-й степени, украшенным алмазами, и орденом св. Владимира 2-й степени (Кажаров В.Х., 2006. Вып. III. С. 412-415).

Сентябрь 1804 г. На Малке произошло еще одно крупное сражение кабардинцев с войсками генерала Глазенапа, после чего началось массовое переселение за Кубань в долины рек Малый и Большой Зеленчук, Уруп, Малая Лаба кабардинцев, прикумских абазин и ногойцев. Памятью об этих походах оставались солдатские песни:

Кабардинцы, вы не чваньтесь!
Ваши панцири нам прах!
Лучше все в горах останьтесь,
Чем торчать вам на штыках.

На конях своих лихватских
Вы летали, как черн вран,
Но споткнулись на казацких
Дротиках, крича яман.

Басурманы, не гордитесь
Вы булатом и конем,
Златом, серебром поступитесь
И, к земле склоняясь челом,

Александра умоляйте
О пощаде ваших дней
И колена преклоняйте
Пред великим из царей!

Он вам даст благоволение,
Мир, щадя своих людей,
Вашей кротостью смягченный,
Не лишит вас ясных дней.

Вы ж гоните к нам в подарок
Волов жирных и овец,
Нам их нравится пояроч
И опоек от телец.

Мы за ваше здесь здоровье
Кашу маслом обольем,
На углях мяса коровья
Мы поджарим и попьем...

Когда хотите, идите,
Кабардинцы, к нам сюда,
Но свои дары несите,
А то будет вам беда!

Без даров мы вас не примем,
Нам не нужен супостат;
Принесите – вас обнимем,
Скажем: сядь, любезный сват!

5.2.2.2. Год 1805-й: восстание разрастается...

В военных походах против Кабарды царские генералы использовали те же самые методы, что и крымские ханы, приурочивая их к весне или осени, не давая возможности в первом случае вспахать землю и посеять хлеб, а во втором – собрать урожай.

В.Х. Кажаров (2006. Вып. III).

Кабардинцы готовы отстаивать свои жизненные права не только прошениями, но и с оружием в руках, причем в союзе с другими народами Северного Кавказа.

«История многовекового...» (2007).

Прошедшее лето 1804 г. показало, что кабардинцы *готовы теперь отстаивать свои жизненные права не только прошениями, но и с оружием в руках*, причем в союзе с другими народами Северного Кавказа. Поэтому Глазенапу в марте 1805 г. пришлось «вновь покорять» Кабарду. Проведение новой карательной экспедиции облегчалось основательным разорением края в ходе прошлогодней кампании. Русские войска тогда уничтожили все запасы хлеба и сена, захватив огромное количество скота. В довершение к этим бедам военные не дали возможности кабардинцам провести весенние полевые работы, а отсутствие доступа к зимним пастбищам вызвало массовый падеж скота («История многовекового...», 2007. с. 601).

В военных походах против Кабарды царские генералы использовали те же самые методы, что и крымские ханы, приурочивая их к весне или осени, не давая возможности в первом случае вспахать землю и посеять хлеб, а во втором – собрать урожай. В результате карательной экспедиции Глазенапа в Кабарду в марте 1805 г. были сожжены 80 аулов. 11 марта 1805 г. на левом берегу Баксана в неравном бою погибли лучшие представители княжества Мисостовых, защищавшие вход в ущелье. Бекмурзины и Кайтукины и на этот раз не оказали сопротивление вторгнвшимся войскам. Приняв присягу на «Алкоране» с избранных от них судей и взяв обещание с Атажукиных и Мисостовых последовать их примеру, Глазенап 21 марта 1805 г. вернулся в ст. Прохладную (Кажаров В.Х., 2006. Вып. III. С. 413-415).

Восстание кабардинцев, как и предсказывал князь Цицианов, было потоплено в крови. Возвращаясь в свои казармы, солдаты бодро пели:

Кабардинцев победивши,
Мы в обратный путь идем;
Их ручьями кровь проливши,
Сладостной награды ждем.

Торжествуй, наш православный,
Небесам любезный царь!
Мы свершили подвиг славный,
Славься, славься государь!

Это восстание поставило под сомнение успехи «победоносного российского войска» в Кабарде в мае минувшего, 1804 г. По всей вероятности, именно в это время и была составлена Измаил-беем Атажукиным «Записка о беспорядках на Кавказской линии». В ней автор хорошо выразил главное требование кабардинцев, заключающееся в том, чтобы «возвратить» им «отрезанные у них земли, на коих устроена Линия и поселены слободы, а если сие невозможно, то по крайней мере дать им свободный выход во все прежде им принадлежавшие места для пастбы скота и прочих нужд, не повергая их необходимости брать билеты». Этот пункт вызвал особое возмущение у Цицианова. 28 февраля 1805 г. он, отмечая в донесении министру внутренних дел графу Кочубею, что большая часть мер, предлагаемых Измаил-беем Атажукиным, изложена им самим «во всеподданнейшем донесении», счел необходимым указать следующее: «Но одно предложение, им поставленное в той записке, *превышает меру дерзости и состоящее в том, чтобы русские селения с Линии взять и им отдать земли*».

5.2.3. «Затишье перед бурей»: посольство кабардинцев к русскому царю

Уста твои открываешь на злословие, а язык твой сплетает коварство.

Псалтырь (49; 19).

На будущее время не дам никакой пощады уличенным разбойникам; деревни их будут истреблены, имущество взято, жены и дети вырезаны.

Из письма генерала Ермолова кабардинцам (май 1818 г.).

Последующие годы характеризовались некоторой стабилизацией обстановки в Кабарде, но это было, так сказать, затишье перед бурей. Очередная крупная карательная экспедиция против кабардинцев состоялась в 1810 г., когда было разграблено и сожжено около 200 адыгских и балкарских аулов, захвачено более 20000 голов скота. Экспедиции Булгакова в 1810 г., различные карантинные ограничения кавказской администрации, лишавшие кабардинцев доступа к соляным озерам, вызвали массовый падеж скота, что усугубило и без того свирепствовавшую в крае эпидемию. Генерал Савельев в своем рапорте (ноябрь 1810 г.) отмечал, что «кабардинцы лошадей своих и баранов беспрестанно пригоняют на земли чеченские и продают за бесценок. Говорят, что лучшую кобылу можно достать за 10 руб., а барана менее 1 руб.; это они делают для спасения от гибели их достояния, когда им отказано начисто в перегонах скота на здешнюю сторону», то есть на их пастбищные равнинные земли (Дзамихов К.Ф., 2008).

Кроме Кабарды, летом-осенью 1810 г. пострадали и закубанские горцы. Так, генерал Булгаков сообщает в рапорте главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии генералу А.П. Тормасову о том, что в результате предпринятой экспедиции «закубанцы действительно наказаны взятым у них 20 000 скотом». («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 260, 560-561; Кушхабиев А.В., 2007. С. 31).

Генерал Булгаков этой своей «акцией», несомненно, охладил потеплевшие было кабардино-русские отношения, но не смог их окончательно прервать. Мужественная борьба Измаил-бея Атажукина и его сторонников против карателя Булгакова, повлекшая за собой отставку последнего, привела в определенной степени к созданию климата доверия между кабардинским и русским народами, закрепленного посольством кабардинцев к царю в конце 1811 г. Состав делегации был очень представительным: князь Мурзабек Хамурзин – влиятельная личность Кабарды того времени, человек, которому турецкое правительство предлагало титул паши в случае его перехода на сторону Турции; князь Кучук Бек Касаев, князь Шолох Ахлов, перво-степенные уздени: Темрюко Казанчев, Гетаешь Куденетов, Мисост Анзоров и др. Члены делегации привезли из Санкт-Петербурга высочайшую грамоту от 20 января 1812 г. «О подтверждении прежних прав и привилегий кабардинского народа», что, несомненно, укрепило русско-кабардинские отношения.

Новый виток политической дестабилизации Кабарды начался с акцией генерала Ермолова по уничтожению аула Трамова в мае 1818 г. Ермолов приказал генералу Дельпоццо истребить этот аул как «гнездо разбоев и вечной чумы». Ночью войска окружили аул с четырех сторон и подожгли его, имущество было разграблено, стада и табуны захвачены. «На этот раз, – писал Ермолов кабардинцам, – ограничиваюсь этим; на будущее же время не дам никакой пощады уличенным разбойникам; деревни их будут истреблены, имущество взято, жены и дети вырезаны». Жестокая мера, принятая Ермоловым в отношении Трамова аула, вызвала сильное волнение в Кабарде. Положение обострилось настолько, что генерал считал необходимым лично встретиться со знатными кабардинскими князьями и потребовал прекратить «разбой» и выдать «преступников». Но князья отказались пойти на предательство своих соплеменников, поскольку «кто это сделает, тот навлечет на себя презрение и поругание народа».

Память о «кровавом генерале» надолго сохранилась в сердцах горцев. Так, в своей эпиграмме «Генерал Ермолов» М.Ш. Психоматов писал («Исповедь». – Черкесск, 2011. С. 37):

Герой войны с Наполеоном,
Вампир тщеславный «чистил» нас.
Он уничтожил миллионы
Невинных горцев за Кавказ...

5.2.4. «Не сражения или сшибки с кабардинцами, но лишение их стад и табунов...»

Против кабардинцев с пользой употребить можно будет озлобленных ими ингушей; охотно возьмут участие и угнетенные ими тагаурцы и жители Алагирского ущелья.

А.П. Ермолов, генерал (01.07.1821 г.).

Требуите, чтобы все желающие удалились отсюда до весны, а земли, покидаемые ими, предоставьте линейным казакам. Чем меньше жителей останется на прежних местах, тем лучше, ибо менее будет мошенников в соседстве.

А.П. Ермолов – генералу Сталю (1821).

Новый командующий войсками на Кавказской линии генерал Сталь получил в 1819 г. установку на ужесточение политики в отношении горских народов. Первой подверглась репрессиям Малая Кабарда. В

сентябре 1820 г. царские войска вошли на ее территорию и начали насильственное переселение аулов, расположенных по р. Курп близ Терека. После этого от малокабардинских князей потребовали дать клятву в верности правительству и безусловном повиновении царским войскам. Репрессивная политика генерала вызвала ответные акции со стороны кабардинцев, носящие полупартизанский характер. Суть политики царизма по отношению к Кабарде была четко изложена Ермоловым в предписании генералу Сталю от 1 июля 1821 г. Следуя старому колониальному принципу «разделяй и властвуй», Ермолов советует «...против кабардинцев с пользой употребить можно будет озлобленных ими ингушей; охотно возьмут участие и угнетенные ими тагаурцы и жители Алагирского ущелья».

Учитывая, что кабардинцы не отдадут свою землю без борьбы, было решено ввести в Кабарду несколько специальных экспедиционных отрядов, перед которыми ставилась следующая задача: «...не сражения или сшибки (стычки) с кабардинцами, но лишение их стад и табунов, которых, конечно, они укрыть не смогут, ибо в горах грозит им неприязнь угнетенных ими народов, которые, будучи ободрены появлением наших войск, пожелают сами отомстить им за все понесенные оскорбления». Основной экспедиционный корпус под командованием полковника Коцарева состоял из 1500 штюков и 7 орудий. Появление отряда серьезно обеспокоило кабардинцев, началось массовое их переселение в горы. Аулы Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий ушли в верховья Уруха, Лескене и Черека; аулы Мисостовых и Атажукиных – в верховья рек Гунделен и Баксан, чтобы быть ближе к закубанцам, поддерживавшим в них дух сопротивления. Подобное положение весьма устраивало генерала А.П. Ермолова. В своем предписании генералу Сталю он подчеркивал: «Требуите, чтобы все желающие переселиться в горы удалились отсюда до весны, а земли, покидаемые ими на плоскости, предоставьте линейным казакам. Чем меньше жителей останется на прежних местах, тем лучше, ибо менее будет мошенников в соседстве». Как здесь не вспомнить библейское: «Они злое мыслят в сердце; всякий день ополчаются на брань... Изошряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их» (Псалтырь, 139; 3-4).

5.2.5. «После поздно будет просить о пощаде!»: прокламации генерала Ермолова, обращенные к кабардинцам

Небо откроет беззаконие его, и земля восстанет против него.

Книга Иова (20; 27).

Кабардинцы жалуются на утеснение и наказание невинных и до сего времени, в продолжение более пяти лет моего здесь начальствования, кроме гнусной измены, нарушения клятвы, воровства и убийств, ничего не делали.

А.П. Ермолов, генерал (26.06.1822 г.).

Осенью 1821 г. начались операции войск в Кабарде, составившие, как справедливо отмечает Р.У. Туганов, одну из позорнейших страниц в истории колониальной политики царизма на Кавказе. В результате карательных операций были сожжены десятки кабардинских и абазинских аулов, а имущество жителей разграблено; стада крупного рогатого скота, отары овец и табуны конфискованы, запасы хлеба и сена уничтожены. Кабарда была почти полностью деморализована этим разгромом. Полагая, что созрели подходящие условия, Ермолов обратился в этом году с серией прокламаций к кабардинскому народу, требуя от него «безусловной покорности». Завершается одна из таких прокламаций обещанием счастливой жизни: «*Не отмщевая я простому народу и в последний раз обещаю ему жизнь покойную, счастливую, свободную. После поздно будет просить о пощаде!*» Одновременно вся кабардинская земля была объявлена собственностью российского правительства.

Принимая во внимание несомненный интерес к этому вопросу, приведем тексты некоторых прокламаций генерала Ермолова, главнокомандующего Кавказской армией, обращенных к кабардинскому народу:

Прокламация от 14 января 1822 г.

«Беспрестанные набеги на наши границы, разорение жителей и сами убийства, производимые кабардинскими владельцами, заставили меня употребить силу для наказания их.

Долго и без успеха употребляя я терпение и кротость, и знают кабардинцы, сколько желал я отвратить от них бедствия. В 1818 г. лично даны мне обещания главнейшими эфенди и владельцами, и обещания сии, так же как и прежде много раз данные клятвы, не исполнены, и, вместо того, чтобы исполнять обязанности верноподданных, разбой и убийства умножились. Я дал повеление войскам вступить в Кабарду, и жителям оной объявлено:

Владельцы, которые чувствуют себя невинными, могут обратиться ко мне с доверенностью; они сохраняют права свои, сохраняют власть над подданными их, и они одни признаны будут в достоинстве владельцев. Те владельцы, которые не явятся к начальнику российских войск, будучи прежде замешаны в злодействах, будут изгнаны из Кабарды. Подвластным их объявляется свобода и независимость; они принимаются под защиту и покровительство, и впредь нет над ними власти, кроме великого нашего государя; их в самой Кабарде наделяю я землями и выгонами.

Убеждаю народ кабардинский не верить обещаниям своих владельцев. Они обманывают вас и первые оставят в крайности. Не спасут их твердые места, в которых думают они укрыться, и нет таковых, куда бы не прошли наши войска. Не защитят вас мошенники, которые ничего не понимают, кроме подлого воровства и разбоев.

Не отмщевая я простому народу и в последний раз обещаю ему жизнь покойную, счастливую и свободную. После поздно уже будет просить о пощаде».

Прокламация от 26 июня 1822 г.

«Рассмотрев поданную мне просьбу, объявляю:

Кабардинцы жалуются на утеснение и наказание невинных и до сего времени, в продолжение более пяти лет моего здесь начальствования, кроме гнусной измены, нарушения клятвы, воровства и убийств, ничего не делали. Кто из владельцев, которого сын, брат или ближайший из родственников, или подвластный, уздень или рабы их, свободу получившие, не делали злодейств? Кто сказать может в оправдание свое, что не знал о том? Через чьи земли не проходили шайки разбойников, кто оказал им пристанище? Возвратившиеся из плена люди называют их по именам; бегущих подлецов не раз видели в лицо преследующие наши войска. Полковник Подпрятков и полковник Коцарев никого не наказывали самопроизвольно. Все участвовали в измене, все должны были нести наказание.

Я требовал разбойников для наказания; их не выдали, хотя их было малое число; укрывая их злодейства, умножили число их и справедливо за то потерпели. Я хочу забыть прежнее и владельцам, и узденям, вышедшим из гор по моему приказанию, не только не допущу впредь делать ни малейшей обиды, напротив, готов быть полезным.

Всемиловнейшие грамоты покойной императрицы Екатерины II и ныне благополучно царствующего великого императора даны были кабардинцам как подданным, покорным и верным; будут впредь кабардинцы таковыми – и их заслужить должно. Теперь же в пользу кабардинцев устанавливаю:

- сохраню свободное отправление веры и прежние обычаи, принимаю выселившихся из гор владельцев и узденей в прежнем их достоинстве и звании;
- не отъемлю земель их и ничего из собственности. Незначущая часть земли занята будет большие дороги для общей пользы, для устраивающихся крепостей и с небольшим участком для огородов и сенокоса;
- установлю суд из самих владельцев и узденей на правах российских и назначу, в каких случаях надобно будет приывать власть духовных людей. Свободный торг не только не воспрещу никому, но, напротив, буду всячески способствовать;
- предоставляю владельцам и узденям прежние права над подвластными; но отныне впредь уничтожается власть лишать рабов жизни; кто из владельцев и узденей нарушит сие, будет жестоко наказан, а семейство лишенного жизни получит свободу;
- рабов, обвиняемых в уголовных преступлениях, отдавать под военный суд и препровождать к начальнику ближайшей крепости. Детей, бывших прежде аманатами, возвращу родителям, когда поведением и верностью сих последних правительством будет довольно;
- желающих принять христианский закон я не могу отклонять от оного, но отнюдь не допущу приглашать к тому обольщениями. До сего принявших закон возвратить не могу. Возвращу рабов, которые бежали от своих владельцев по переселении уже их из гор;
- позволяю пасти скот на пустопорожней земле за Малкой, но не стесняя тех, кои туда переселиться пожелают; – позволяю брать для скота соляную грязь со стороны Кубани, и будет назначено время, когда для того отправляться караваном;
- владельцы и уздени сохраняют в своей собственности летние места для пастбищ скота в горах;
- владельцы и уздени, остающиеся в горах, лишаются достоинства своего, равно и дети их; лишаются также земель, которые без разрешения моего никем занимаемы быть не могут. Рабы их, которые выбежали, получают вольность;
- подлые сии изменники захотят продать их, но воспрещено покупать их, и покупка признается мною незаконной со времени прокламации моей, объявленной полковником Коцаревым;
- владельцам и узденям, верноподданным великого государя, воспрещается всякое с ними, изменщиками, сношение; и накажу строго, если узнаю о том. Имена сих мошенников, лишенных прежнего достоинства, мною обнаружены будут».

Прокламация от 1 августа 1822 г.

«Несмотря на желание мое, чтобы кабардинцы жили счастливо и спокойно, многие не выходят из гор и, продолжая подлые мошенничества, грабят тех, кои переселились, и делают убийства. Некоторые обманули, прося позволения переселиться; другие, получив оное лично от меня, не только бежали сами, но и других склонили к побегу.

Я объявляю всем кабардинцам, и в особенности простому народу, что всех владельцев и узденей, бежавших за Кубань или укрывающихся в горах, как явных изменников своему великому государю лишаю всех прав их и достоинств. Если кто из кабардинцев будет с ними иметь связи и сношения, будет строго наказан. С ними запрещается вступать в новые связи родства. Ежели до сего были с ними разбирательства по шариату, отныне все уничтожается; ибо люди честные, подданные верные не судятся с изменниками и подлыми мошенниками.

Узденям и простому народу повелеваю при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют. Если кто из изменников, бежавших за Кубань или укрывающихся в горах, будет нападать на селения или догнан будет в преследовании и против него простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием, о чем и дано уже приказание начальникам строящихся крепостей. Мошенники по глупому прежнему обыкновению будут защищаться тем, что они князья. Простой народ не должен сему верить, и я еще повторю, что со всех вообще изменников сняты прежние их достоинства. Отныне впредь воспрещается всем кабардинским владельцам и узденям отдавать детей своих на воспитание к чужим народам, т. е. к закубанцам, карачаевцам и вообще горским народам, но воспитывать их в Кабарде. Тех, кои отданы прежде, тотчас возвратить».

Прокламация 9 августа 1822 г.

«Владельцам кабардинским, узденям и народу на просьбу, 6-го числа августа с. г. поданную, отвечаю:

О крепостях просьбы бесполезны; я сказал, что они будут, и они строятся. Подвластные, которые примут христианскую веру, останутся в той же, как прежде, зависимости и отбираемы не будут. Владельцы не должны препятствовать им в отправлении веры, и я строго накажу тех эфенди и мулл, которые по гнусному невежеству своему их утеснять будут.

Цену соли уменьшить не могу. За земли, которыми пользуются, должны ответственствовать и потому защищать их от прорыва разбойников. В случае набега мошенников, будет всегда делася следствие; виновные заплатят за похищенное, если видели партии разбойников, не препятствовали, не противились оружием или тотчас не уведомят начальников ближайших крепостей. В случае измены или участия в разбоях, всякий владелец и уздень теряет свое достоинство и наказывается, как всякий преступник, по законам российским.

Подтверждаю еще, что рабы тех подлых мошенников, кои ушли за Кубань или скрываются в горах, оставив свое отечество, получают вольность, когда от них выбегут. Лучшие и верные меры, дабы не бежали рабы, принадлежащие владельцам и узденям, выселившимся из гор, есть кроткое и снисходительное их с ними обращение. Воспрещаю иметь сношение с бежавшими в горы мошенниками, и напрасно думают уверить меня, что есть из них ушедшие поневоле. Нарушающий сие запрещение будет наказываем, как изменник.

Хочу видеть, кто желает и может продолжать связи с подлыми мошенниками, лишенными прежних достоинств владельцев и узденей. Если же кто из бежавших в горы, обманутый злонамеренными внушениями, вознамерится ввернуть себя российскому начальству, или даже те, кои, боясь наказания за прежние воровства, раскаиваясь, придут просить прощения и позволения поселиться на равнине, я дал наставления начальнику, который будет назначен мною в Кабарде, рассматривать, кто того достоин, и давать позволение. Если же кто не получил одного, может безопасно возвратиться и оставлен не будет, но прощения просить должен не иначе как лично. В случае отгона табуна, скота или другой кражи у поселившихся на равнине, для отыскания оных никто не имеет права ездить в горы без билета начальника, а, дабы отвратить вредные сношения, билеты будут выдаваться только известным людям.

Из слов простого народа вижу я, что приказания мои им совсем не сообщаются или истолковываются в другом смысле, и тем более глупыми муллами, которые в Кабарде по большей части происходят из самого подлого состояния. Пришло я чиновника, который в присутствии владельцев и узденей каждого аула соберет старейшин из простого народа и им истолкует мои распоряжения.

Дав повеление черному народу не употреблять оружия против подозрительных мошенников, скрывающихся в горах, слышал я, что думают владельцы и уздени делать какое-то насчет того постановление. Я предостерегаю, что умею требовать исполнения моих повелений и исполнять заставить» («Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010. С. 155-158).

5.2.6. «Трагедия Кабарды, по сути, послужила прологом к последующему завоеванию Западной Черкесии»

Ты сказал им, чтоб они пошли и овладели землею, которую Ты, подняв руку Твою, клялся дать им.

Книга Неемии (9; 15).

Кабардинцы делают большие пакости по наущению закубанцев, которые партиями приходят им в помощь, нападают на линию. Я намерен порядочно уже проучить их.

А.П. Ермолов, генерал (29.04.1822 г.).

Прокламации Ермолова ускорили процесс «исхода» кабардинцев из родных мест. Только в течение марта 1822 г. на плоскость выселилось 14 больших аулов, насчитывавших 945 дворов. Большая их часть осела по левому берегу Терека, другие – по рекам Урух и Баксан. Заслуживает внимания тот факт, что выселившийся из Кабарды еще в конце XVIII в. Бабуковский аул был причислен к казачьему сословию и жители его несли службу как казаки, зачастую участвуя в карательных акциях против своих же соплеменников. Чтобы окончательно разорвать между ними и кабардинцами всякую связь, генерал Вельяминов дал любопытное распоряжение, поражающее своим цинизмом: «Из получаемой добычи в делах, в коих будут находиться бабуковцы, давать сим последнюю некоторую часть, а ежели не захотят брать оной, то принуждать к тому силой».

Новая экспедиция в Кабарду состоялась весной 1822 г. О цели ее сообщил Ермолов в своем письме от 29 апреля: «Кабардинцы делают большие пакости по наущению закубанцев, которые партиями приходят им в помощь, нападают на линию. Я намерен порядочно уже проучить их». Отряды под командованием генерала Ермолова, подполковника Коцарева, полковника Победнова и генерала Сталя разгромили аулы Таусултана Атажукина в Баксанском ущелье и изгнали урусбиевцев. *Среди мятежных кабардинских феодалов, по выражению Ермолова, «распространился великий ужас».*

По имеющимся данным, только за период с 1779 по 1818 гг., то есть практически еще до начала «полномасштабной» Кавказской войны, в результате карательных акций царских войск, а также из-за эпидемии чумы, от 350 тыс. кабардинцев осталось 35 тыс., то есть 1/10 часть. «Трагедия Кабарды, – с горечью отмечали очевидцы, – по сути, послужила прологом к последующему завоеванию Западной Черкесии».

5.3. Территориальные изменения в расселении адыгов в начале XIX в.

5.3.1. «И новые придут вослед за ним...»: изменения в племенном составе адыгов (первая треть XIX в.)

*И новые придут вослед за ним,
И пропадут, все уступив другим.
Пришло, ушло их столько – счета нет,
За тысячей идет сто тысяч вслед...*

Алишер Навои (1441-1501).

К началу XIX в. на Северном Кавказе произошли определенные изменения в этническом составе и расселении народов. На картах того периода земли адыгов постоянно обозначались термином «Черкесия»; иногда

отдельно особо выделялась Большая и Малая Кабарда. Сношения между адыгскими племенами были в достаточной степени свободными, включая и кабардинцев, которые, к примеру, роднились с бесленеевцами, темиргоевцами, бжедугами и т. д. Однако примерно с 90-х гг. XVIII в., когда Кубань становится пограничной рекой между владениями Турции и России, а тем более в начале XIX в., связи между адыгами, жившими за Кубанью, и входящими в Российскую империю (т. е. в Большой и Малой Кабарде) становятся затруднительными.

Адыги, как и прежде, вели полукочевой образ жизни. Бывали случаи, когда целые аулы переходили с места на место. Междоусобицы «вытесняли» более слабые общества, а то и народности, на новые необжитые земли. Постоянная угроза нападений извне нередко побуждала адыгов укрываться в труднодоступных, глухих районах своей страны. Наконец, перемещения отвечали и хозяйственным нуждам черкесов (поиск пахотных земель, новых пастбищ и т. д.). Эпидемии чумы, время от времени охватывавшие закубанские народы, также в какой-то степени отражались на миграции адыгских племен.

До начала Кавказской войны адыги занимали обширную территорию. «Черкесские земли, – писал Хан-Гирей, – простираются в длину слишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с р. Терек». Кроме того, по побережью Черного моря адыги занимали территорию протяженностью около 250 км, гранича на юге по р. Шахе с убыхами. В самом широком месте земли адыгов тянулись от берегов Черного моря на восток до Лабы примерно на 150 км, затем при переходе из бассейна Кубани в бассейн Терека они сильно сужались, чтобы потом опять расшириться на территории Большой Кабарды до 100 км с лишним.

Имеющиеся сведения об общей численности адыгов перед Кавказской войной весьма противоречивы. Постоянные междоусобицы, острые вспышки смертоносных болезней, работорговля и не имевшие конца кровопролитные войны с Турцией, Крымским ханством и позже – с Россией, тормозили рост населения. Основную массу населения составляли в начале XIX в. три большие народности – натухайцы, шапсуги и абадзехи – 3/4 общей численности Черкесии.

Земля, простиравшаяся вдоль Кавказского хребта и по северо-восточному побережью Черного моря, уходящая клином к р. Кубань, была занята в основном одним из самых многочисленных адыгских народов – натухайцами. Кроме них, в этом же районе, начиная от Цемесской бухты до р. Пшады, жили шапсуги, которые в источниках начала XIX в. назывались «шапсугскими натухайцами».

В окрестностях Анапы, расселившись по натухайским аулам, проживали хейгаки, по ряду обстоятельств утратившие свою самобытность. Долины рек Адагум, Бакан, Цемес, Таслис, Псиф, Хупс, Кудако и Абин, обжитые натухайцами, отличались от других мест расселения адыгов наибольшей плотностью населения.

На востоке натухайцы граничили с шапсугами, земли которых к началу XIX в. разделялись на две территории – Большую и Малую Шапсугию. Большая Шапсугия находилась севернее, и от натухайцев отделялась р. Адагумом, а также Главным Кавказским хребтом и представляла собой большой четырехугольник, образуемый р. Адагумом, Кубанью и р. Супс. Малая Шапсугия была расположена по побережью Черного моря от р. Пшады до р. Шахе. Последняя, как и раньше, была границей между убыхами и шапсугами, а от натухайцев последних отделяла р. Джубга.

Рядом с Шапсугией обитали воинственные абадзехи. По А.Р. Дьячкову-Тарасову, «...территория абадзехов была огромной, достигая 7150 кв. верст (это значительно больше, чем территория современной Республики Адыгея. – Авт.); плотность населения была весьма высокой. Особенно густое население было по рекам Хоарзе и Псефабе, Курджис, Пшиш и Белая». Южную границу Абадзехии составлял Главный Кавказский хребет, восточную – р. Белая, на западе – верховья р. Афипс. На севере владения абадзехов подходили к территории, занимаемой бжедугами и хатукайцами. По данным М.И. Венюкова, у абадзехов, «...с изгнанием в 1828 г. князей, выделились богатые и влиятельные рода: Хатуко, Хожа, Цее, Гетау, Куба (Туба), Хопышта, Басирби, Тлышь, Гоша, Шокард, Унорко, Лоу, Шокен, Гиша и Узыба». Все эти 15 родов, по мнению М.И. Венюкова, пользовались почти таким же уважением в народе, как и сами уздени.

По расселению бжедуг сведения противоречивы. Ранее, в середине XVII в., Э. Челеби зафиксировал их в верховьях р. Белой, а также в Причерноморье – в районе современного г. Сочи. Как считал этот автор, перемещение бжедуг к Кубани стало следствием борьбы за верховенство четырех братьев – князей: Черчана, Хмиша (Хамиша), Бегерсеко и Бастеко. Но на карте 1830 г. бжедуги обозначены уже севернее абадзехов: по среднему и отчасти нижнему течению р. Кубани (левый берег); на западе граничили с шапсугами, на востоке – с хатукаевцами. Бжедуги, как и раньше, делились на хамышеевцев и черченеевцев, расселившись перед Кавказской войной на плодородных низинах рек Супс, Псекупс и Пшиш.

Жанеевцы, которых некоторые авторы (Ф. Щербина, М. Покровский) причисляют к бжедугам, а другие выделяют в самостоятельную этническую группу, к началу XIX в. были вынуждены оставить правый берег р. Кубани, спасаясь от постоянных столкновений с казаками. В этот период жанеевцы были расселены между другими народами, в частности, среди натухайцев и бжедуг, на острове Каракубань, в долинах рек Иль, Хабль и Пшад.

Междуречье р. Пшиша и Белой в их нижнем течении занимали хатукайцы. К востоку от них и к северу от абадзехов, между реками Белая и Лаба жили адемиевцы, а также темиргоевцы, – некогда, по П.С. Палласу, «самые сильные и могущественные». Владения темиргоевцев постепенно расширялись и в начале XIX в. все они, вместе с егерухаевцами и махошами, объединились под властью темиргоевских князей Болотоковых.

Мамхеговцы в начале XIX в. обитали при слиянии р. Белой и Курджипс, в верховьях р. Уль, на территории современного г. Майкопа. После погрома, учиненного в 1823 г. полковником Коцаревым над мамхеговцами, последние «резко сократившись в численности, вынуждены были искать убежище среди абадзехов».

Восточнее темиргоевцев и мамхеговцев, по нижнему течению р. Лабы проживали родственные им егерухаевцы. Юго-восточнее егерухаевцев простирались владения махосевцев. Через их земли протекали река Псифиж, Псифир, Фарс, Понако, Шимблонах, Чехрак и др. И, наконец, убыхи, родственные адыгам и ставшие впоследствии жертвой царской политики геноцида, населяли в начале XIX в. южную оконечность Черноморского побережья Черкесии. На севере они граничили с Малой Шапсугией, на юге – с Абхазией, а на востоке – с Абадзехией. До начала Кавказской войны они располагались по рекам Лоу, Дагомыс, Шахе, Псызуапсе (ПсышIупсы) и Хоста (Хамыш), в основном, в урочищах Вардане и Саше (Сочи) (Волкова Н.Г., 1984).

5.3.2. Расселение западных адыгов в период перед Кавказской войной, по свидетельству очевидцев

5.3.2.1. Первая половина XIX в.

Существует 12 или 13 племен, которые поклялись обеспечить свою независимость против доминииона (англ. dominion – «владение, власть») России и которые приняли своим национальным знаменем Санджак Шериф.

Э. Спенсер (1830).

...Пространство между Малкою или кочевьями кабардинцев и Черноморским берегом занято различными племенами; ...они все суть не что иное, как отрасли многочисленного народа черкесского, который сам себя именует адиге.

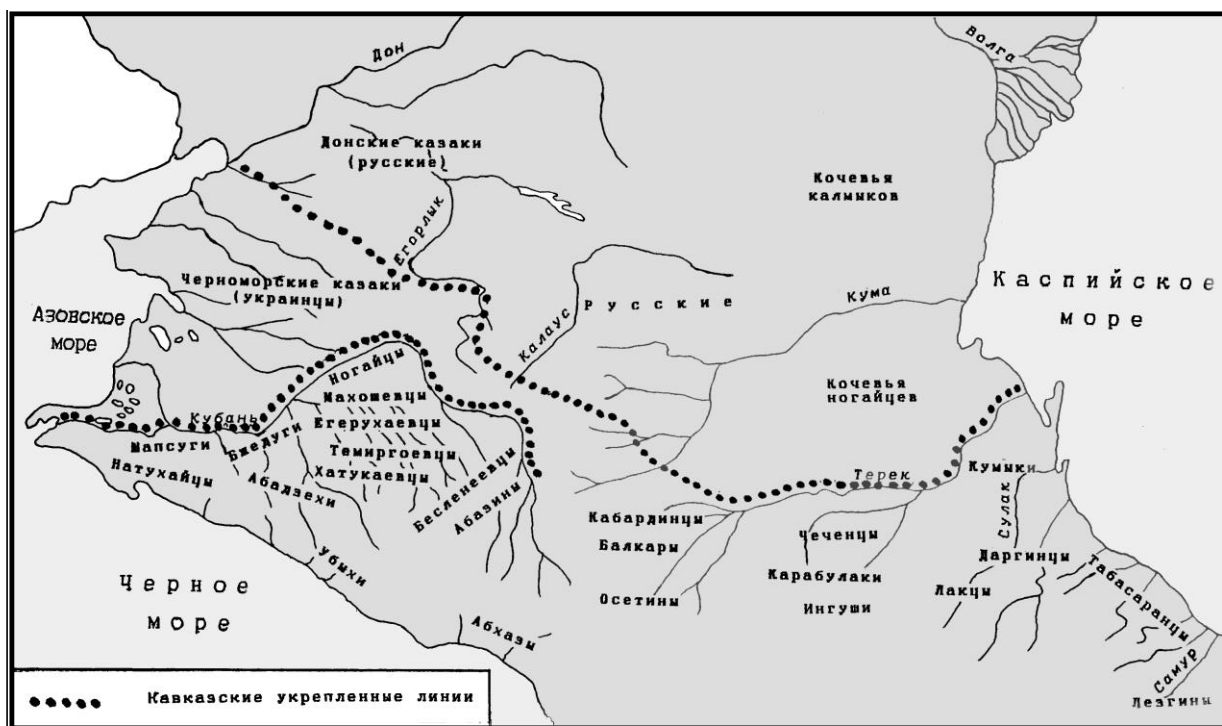
Из «Журнала Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края» (23.03.1830).

Юлиус Клапрот (1808): «В Восточном Приазовье живут прианаские жанеевцы (в ряде источников они известны под именем хегаки или шегак. – Авт.). Племя «азге», живущее у истоков Убуха – притока верхнего течения Шагваши (Белой), называется аланами».

И.А. Гюльденштедт, академик (1809): «Сия земля (Черкесия) при северной стороне Кавказа занимает плоскость у подошвы Главного и Передового хребта, от Черного моря вверх по Кубани и далее на восток, до самого устья р. Сунджи, текущей в Терек, почему и смежна она с Абхазией и Осетинскою землей, с землею кистов... Округи Черкесии суть: Малая и Большая Кабарда, Безлен (Бесленей?) при Улу-Лабе; Темиргой, при р. Шагваше; Мамшах, при той же реке, при которой лежит и Адимос; Абазех при Пшазии; Бжедух при р. Кизляр-каткене (Псекупс); Гатукей и Бшанер при р. Каракубани и Апахе. Все сии реки впадают в Кубань».

Измаил Атажукин (1810). Несомненный интерес с точки зрения пополнения наших знаний о расселении западных адыгов в конце XVIII – начале XIX вв. представляет очерк И. Атажукина «Краткое описание жителей горских черкес, начиная от Большой и Малой Кабарды, покоренных Российской державе и расположенных между рек Терека и Кубани, а от сего места по берегу Черного моря, примыкая до селения бывших некрасовских казаков к селению Шегака, принадлежащих к турецкому владению», в котором, в частности, говорится: «По другую сторону реки Кубани начинаются Бесленейцы, а между сих и реки Кубани поселились в разных местах во владении Бесленеевских князей народы, называемые Бешельбайцы, как суть: Чигирайцы и Баракайцы. За сим следуют к Черному морю до селения Шегаки, где были некрасовские казаки близ острова Тамани, следующие народы, под названием их селений, как то: Махоши, Абезихи, Шапсиги, Темиргойцы, Бжедухи, Гатюгайцы, Жаны и потом упомянутые Шегаки. Все сии селения, кроме Абезихи и Шапсиг, кои остались республиканцами и при своем правлении, имеют своих князей, именуемых Кануковы, Багарсуковы, Булатуковы, Ахегаковы, Кунчуковы, Хатюковы, Жановы и Зановы. Сии князья вообще во владении Турков; происхождение свое имеют от арабских князей, именуемыми Курейшеми чрез выходцев двух братьев, называемых Чер и Кес, отчего горские жители и наименование черкесов получили. От сих произошло поколение князя Иналанефа, а от сего в Большой Кабарде произошли князья Атажуковы, Мисостовы и Жанбулатовы, в Малой Кабарде – Таусултановы, Гилахстановы, да за Кубанью в бесленейских селениях и отошедших к турецкому владению князья Кануковы.

Сии нации имеют одинаковое наречие, а прочия один от одного разнствуют (отличаются). Закона все магометанского, токмо принявший из разных вер начало свое не более, как полтора ста лет, с крайним и доднесь колебанием, так что во всех народах происходят разные суеверия, что и служит им к разным друг противу друга негодованиям, вовлекающий их в жестокие брани и кровопролитные сражения, ведущие уже за собою, как следствии, грабежи, что сделалось у них наилучшим упражнением, и во всякой нации между своими вменяется в немалую славу, токмо час от часу ныне в меньшем употреблении как и прочие навыки оказывающиеся, а от сего и произошло, что вообще народы сии на предрассудке сем, а притом на самой корысти, а от сего истекающей, основывают всю свою жизнь» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

Расселение народов Северного Кавказа в начале XIX в.

С. Броневский (1823): «Черкесские земли лежат между 55 и 63⁰ в.д. и между 45 и 44⁰ с.ш. и, следовательно, простираются в длину слишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по сей реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, достигавших прежде до самого стечения Сунжи с Тереком, а ныне полагаемых умственно супротив Наура. Ширина оных различна и заключается от вышеупомянутых рек на полдень (юг) по долинам и по скатам гор, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя, таким образом, длинную узкую полосу. Граничат к северу с землей войска Черноморских казаков и с Кавказской губернией, от которых отделены Кубанью, Малкою и Тереком; к западу с Черным морем; к востоку с аксаевскими кумыками, с чеченцами и ингушами; к югу с землями кистов, осетинцев, балкарцев и абхазов неопределенною чертою.

Область черкесов закубанских и область Кабардинская суть два главных разделения (одного народа). С некоторого времени кабардинцы, занимавшие прежде все пространство земель до стечения Сунжи с Тереком, отступили на запад, оставив довольно обширную полосу земли совершенно пустой.

Область черкесов закубанских простирается от Черного моря по западному рукаву Кубани до самых вершин этой реки; к западу определяется Черным морем; к югу Большою Абхазиею, к востоку Малою Абазою и областю Кабардинскою. При различной ширине, которая не превосходит 100 верст, имеет в длину более 300 верст. Закубанские черкесы разделяются на множество колен (племен), из коих знатнейшие (начиная от устья Кубани вверх по левой стороне сей реки) суть следующие:

1. ШЕГАКИ (ШЕГАЧИ) – малозначашее колено, живущее на речке Бугур около Анапы. Шегаки крайне разорены и в числе своем умалены как от соседей своих натухажцев, так и от бывшей у них чумы. В 1791 г. владетель их Магмет-Гирей-Захал-Одум присягнул на подданство России.

2. НАТУХАЖЦЫ (НОХТОКАЖЕ) – сильное колено, живут на нижнем скате Черных гор, частью при-мыкающих к Черному морю похоты Анапы и частью подающихся на севере до Кубани. Земли их сопредельные с Большою Абхазиею, начинаются в 20 вестах на юг от Суджук-Кале (Новороссийск) по западной стороне Кавказа и по берегам Черного моря, простираясь во внутренность гор около 100 верст по следующим речкам: Атакум (здесь живет род Куйчука), Бакан (Харзеков род), Цемес. В горах, идущих на север до Кубани, земли натухажей простираются вдоль по сей реке на 40 верст расстояния с запада на восток по следующим речкам: Тазипш (здесь живет Щубаков род, имеющий старшину Навруза), Джуп (род Газан-Шукши), Прибебс (род Ислам-Шукши), Щупш (тот же род), Нефиль (деревни старшины Шумако-Кашо), Псиф (прежде здесь был город темиргойского владетельца по имени Шанджир), Кудака (деревни родов: Немера, При-Мурзы и Шупаш-Хаша). Натухажи состоят во вражде со всеми своими соседями, кроме жанинцев.

3. ШАПСУГИ (САПЧУГИ) – живут на лесистых горах, имеющих протяжение к западу, по речкам: Антигир, Бугундур (на коих лежат селения, принадлежащие роду Абатовых), Апин, Оф, Чебик, Садта, Жинз. В их же владении частично состоят речки: Убиг, Ильгапс, Шебши, Афибс или Каракубан, Обун и Кучубав. Управляются старшинами рода: Абатовы, Кугош-Шеншлуговы и Арслан Гирей-Аркашевы. Числом их полагают до 10000 семей.

4. ЖАНИНЦЫ (ЖАНИНЫ, БЖАНА) – живут против Талызиной переправы в шести деревнях, из которых четыре лежат на Атакуме, а две – на лимане или озере. Они жили прежде на правом берегу Кубани повыше Копыла (Славянск-на-Кубани), но в 1778 г. ушли на левый берег, спасая себя от Российских войск. В 1802 г. Черноморские казаки в отмщение за беспрестанные их шалости, разорили жанинцев совершенно, побили и забрали в плен. Владельцы их, оставшиеся за Кубанью с 20 или 30 семьями, называются: Альхос-Мальгирей и Мета-Гуко.

5. ГАТУХАЙ (ХАТУКАЙ, ГАТУКАЙЦЫ) – живут у подошвы Черных гор до самых кубанских болот, определяемых с южной стороны рекою Ямансу по следующим речкам: а) Кара-Кубань, черкесами называемая Афибс; на ней лежат деревни Беци и Падиз; б) Убин, – ручей, впадающий в Кара-Кубань. На нем деревня Пзушахай; в) Гиль, или Иль, на коей лежит деревня владельца Шеретука; г) Ашипс, на коей лежит деревня Савбай. Всех гатукайцев числится не более 400 семей. Старший владелец у них Арслан Гирей-Керекапов.

6. АБАДЗЕХИ – многолюдное колено, коего жилища расположены на некотором расстоянии от Кубани повыше бжедухов и на восток от шапсугов на северной стороне Кавказа по Черным горам, начиная от вершин Лабы и Шаг-Ваши (Белой), по речкам: а) Кучибс, – приток Шаг-Ваши; б) Пшага, или Пса; в) Пшекупс; г) Суп, отделяет их от шапсугов.

Абадзехи весьма многочисленны и занимают пространство земли вдоль по Черным горам от запада на восток до 200 верст в длину и до 100 верст в ширину. Число всех жителей, принадлежащих к сему колену, полагают до 15 000 семей. Их не почитают за коренное черкесское колено, но происшедшее от смешения абхазов и черкесов. Не имеют владельцев, а знатнейшие старшины суть: Едик, Ена-Моков, Анчоков и Жангатов.

7. БЖЕДУХИ (может быть, Страбоновы скептухи) живут у подошвы Черных гор ближе к Кубани, против Усть-Лабинской крепости по речкам: а) Пшиша, на коей лежат деревни: Едепсухай, принадлежащая узденю Батуге и Карагусу; б) Мат, или Пчахомат; на ней деревни узденя Нешуха, называемые Габухай и Нетухай или Нешухай; в) Пшекупс; на ней Лахчукай, Хатугуй, Мамрюкай, принадлежащие владельцу Кельмышеву; г) Унабат, на коей лежат деревни, называемые Зугуркай; д) Чеби, на ней деревни князя Кельмышева: Ширги и Тугуркай; е) Суп; на ней деревня Уем.

8. АДЕМЕЙ – небольшое колено, живет далее на восток и заключает в себя несколько деревень, расположенных по р. Шаг-Вашу и речкам Пшага и Пшиша, смежно с темиргойцами и в зависимости от оных. Три деревни узденя Хакелмиса и три деревни, называемые Адемир-Нешухай, подвластны темиргойскому владельцу Атажуке-Ейтеку.

9. ТЕМИРГОЙЦЫ (КОМЮРГЕЕ) – знатное черкесское колено, заключающее в себе до 5000 семей; живут по р. Шаг-Вашу и речкам, в нее впадающим; граничат с адемеями и мухошами; от первых отделяются р. Пшага, от последних ручьем Арим, на коем лежит темиргойская деревня Черикай, населенная егерейцами и принадлежащая князю Арслан-Беку и Атажук-Ейтеку. Сему последнему князю принадлежит еще на р. Булансу, впадающей в Лабу, егерейская деревня Ратазай; на Шаг-Ваши деревни: Минбулатай, Псинаок и знатная армянская деревня Гаур-Габль. Всех же деревень более 40. Темиргойцы состоят в родственных и дружественных связях с бесленейцами, мухошами и бжедухами, с коими вместе поставить могут до 5000 чел. конно-вооруженных. Неприятелями их абхазские колена, прилегающие к ним тубинцы и убыхи, с коими беспрерывно происходят у них захваты и кровомщения. Между темиргойцами есть княжеский род Довкжиев, достойный примечания: к одному принадлежат предки царицы Марии Темрюковны, второй супруги царя Ивана (Грозного).

10. МУХОШИ (МАХАШ, МУХОШЕВЦЫ) – у подошвы Черных гор. Во владении их состоят речки от востока на запад: а) Шимблонтах и Шограг, впадают в левый берег Лабы; б) Псефир, на коей деревни Мербери и Кургукан; сия река служит границей между мухошами и бесленейцами; в) Псехуш, на ней три деревни узденя Недерби, принадлежащего владельцу Салат-Гирею Багарсукову. Оба сих ручья впадают в р. Ямансу; г) Фарз или Зузарука, имеет на себе три деревни; д) Понако, впадает в Ямансу, на ней деревни, называемые Длебугай; е) Калх, впадает в Ямансу, имеет на себе деревни Биргабль и Дешука, принадлежащие князю Салат-Гирею; ж) Арим, впадает в Булансу и составляет западную мухошев границу. На ней деревни Лабугай. Часть мухошев живет также и по левому берегу Лабы. Все колено заключает в себе не более 670 семей. Главный владелец их Хапац Багарсуков.

11. БЕСЛЕНЕ (БЕСЛЕНЕЙЦЫ) – живут по Малой и Большой Лабе и частью между оными, а также по речкам: Хоц, впадающей в левый берег Лабы, и Псефирь, впадающий в Ямансу. Граничат с мухошами, с абазинцами шестиродными и на юг – с абазинскими коленами: баракаевцами и кызылбеками. Происходят от одного с Малою Кабардою родоначальника Кануки и состоят с кабардинцами в родственных связях. Живут в больших деревнях до 1500 семей. Старший княжеский род Канаков. Между бесленейцами укрываются около 100 семей бежавших мухошевцев, поселенных на р. Магмаке, впадающей в Хоц.

Некоторые черкесские колена, как-то: натухажи, шапсуги и абазехи смешались с абазами и частью с татарами-ногайцами, почему иные причисляют их к черкесам, иные – к абхамам. Может быть, теснота мест, обитаемых абхамами, или междоусобные распри побудили их в древнейшие времена совокупно с татарами переселиться на черкесские земли, которые были малонаселенными в то время, когда черкесы жили большей частью на правом берегу Кубани, на острове Тамане и далее по берегам Азовского моря.

Всех закубанских черкесов, по последним известиям (около 1823 г. – Авт.) полагать можно от 35000 до 40000 семей. За бесленейцами следуют мансуровцы и абазинцы шестиродные, живущие на черкесских землях, к северному отделению принадлежащих».

Э. Спенсер (1830): «Эта часть Западного Кавказа все еще независима, известна под названием земли Атте-хей (земли адыгов), лежит между 43 и 45⁰ с.ш. и 37 и 43⁰ в.д.; она ограничена на западе Черным морем, с протяженностью берега от Кубани к Мингрелии почти на 200 английских миль; к северу и северо-востоку она отделяется от территории черноморских казаков Кубанью; и к югу и юго-западу от Мингрелии высочайшей грядой Кавказа спускается к маленькой реке Саламах, или Бурзуклу, которая впадает в Черное море недалеко от Искурии.

Вся страна, населенная племенами аттехей, за исключением нижних земель на Кубани, разбита на самые красивые равнины и везде пересечена плодородными реками; но вследствие близости гор к морю, они являются большей частью, неважными (т. е. малыми. – Авт.), за исключением Кубани. Лаба, Убин, или Абун, Демент, или Афибс (Афипс) и одна или две другие являются лишь мелкими потоками во время летних месяцев. И Терек, и Кубань – две главные реки на Кавказе, – берут свое начало у подножья Эльбруса; первая впадает в Каспийское море, а последняя, после пересечения Земли Аттехей в двух различных руслах, объединяет свои воды, образуя прекрасную реку и отделяя кавказские районы от страны, называемой Кубанской Татарией.

Существует 12 или 13 племен, которые поклялись обеспечить свою независимость против доминиона (англ. *dominion* – «владение, власть») России и которые приняли своим национальным знаменем Санджак Шериф (Санджак – «флаг»). Очевидно, имеется в виду национальное знамя адыгов, переданное им в 1830 г. Д. Уркартом. – Авт.). Эти племена соответственно различаются под именами: хапсухи, хатоухай, бжедухи, мицудзехи, абзехи, демергхой, херкпети, чипакоуай, ноттахайцы, киркиней, лезги, оссеты и др., кроме огромных орд татар, турок и калмыков. ...Все эти племена находятся под властью князей и аристократов; их владения были некогда, кажется, очень значительными, включающими почти все кавказские районы, Кубанскую Татарию и часть Крыма».

Из «Журнала Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края» (23 марта 1830 г.): «Пространство между Малкою или кочевьями кабардинцев с их вассалами и Черноморским берегом занято различными племенами; они все говорят почти одним с Кабардою наречием и суть не что иное, как отрасли многочисленного народа черкесского, который, по свидетельству новейших путешественников, сам себя именует адиге. Сих племен, с включением кабардинцев, первенствующих между ними по образованности и богатству, можно положить числом до 13 и более. Впрочем, все сии племена разделены между собою только по местам их селитьбы (т. е. проживания) и названиям, производимым от различных старшин или родоначальников, которых память сохранилась в потомстве. По своим обычаям, внутреннему производству дел и постановлениям они большею частью сходятся одно с другим, т. е. управляются частью князьями, частью духовенством. Из племен, обитающих поблизости моря, замечательны три, изменившие у себя внутренний порядок в конце минувшего (т. е. XVIII) века. Сии три колена, именно шапсуги, абадзехи и натухайцы, свергли иго владетельных князей и в виде малых демократий управляются судами присяжных, известных под именем *хас*. Князья существуют у них, но не пользуются никакими особыми правами.

Сильнейшими из черкесов можно почитать абадзехов, шапсугов и темиргойцев. Последние гордятся браком царя Иоанна Грозного с Мариєю Темрюковною, которую признают за свою единоплеменницу. Между прочими черкесами примечательны натухайцы, если не по силе, то по миролюбивым сношениям с нами, ибо имя сего племени и принадлежащего к оному князя Инхир-оглу всего чаще упоминается в донесениях Керченского попечительства торговли с сими народами» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 313-316).

Тебу де Мариньи (1836): «Черкесские народы населяют сегодня всю страну, расположенную между 43 и 45⁰ с.ш. и 35 и 45⁰ в.д. На севере она ограничена реками Кубанью и Терекон, которые отделяют ее от земель казаков-черноморцев и гребенцов; на востоке она граничит с Дагестаном, на юге – с Имеретией, Мингрелией и Грузией; наконец, на западе она выходит к Черному морю. Народности, проживающие за Кубанью и до самых высоких вершин Кавказа, а также те, кто занимает побережье, принадлежат к трем различным нациям: черкесам, абазам и татарам».

Султан Хан-Гирей (1837): «Черкесские земли простираются в длину с лишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с рекою Терекон. Ширина различна и заключается от вышеупомянутых рек на полдень (то есть на юг) по долинам и по скатам гор в разных кривизнах, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя таким образом длинную узкую полосу, которая, начиная от восточного угла, образуемого слиянием Сунжи с Терекон, то расширяется, то опять стесняется, следуя на запад вниз по Кубани до берегов Черного моря.

Жан Шарль де Бесс (он же: Янош Карой Беш) (1838): «Черкесам принадлежит самая красивая часть Северного и Западного Кавказа. Земли там очень плодородные, имеются обширные пастбища с превосходной травой. Эта многочисленная и храбрая нация образует 8–10 республик или народностей: 1) Натухайцы, 2) Шапсуги, 3) Абадзехи, 4) Бжедухи, 5) Убухи, 6) Хатукайцы, 7) Абазы, 8) Бесланевцы, которые считают себя потомками мадьяр. Эти народности, зачастую пребывающие во вражде, всегда объединяются при приближении опасности, способной угрожать их независимости».

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839): «Черкесские племена разделяются на черкесов, в подлинном смысле, или адигов; кабардинцев, абадзов и абхазов.

Собственно черкесы были мало-помалу оттеснены и замкнуты в остром углу, который образует Черное море вместе с р. Кубанью. Их племена расположены по отрогу Кавказского горного хребта, этот отрог

тянется на 280 верст. Между ними насчитывают 15 главных племен; первое находится вблизи Анапы и называется шегаки, или «морские жители», их граница доходит почти до Суджук-Кале (Новороссийск), где маленькая речка Шапсин отделяет их от второго племени натухаджей; это племя распространяется вдоль морского берега до Пшада, соприкасаясь на севере с Кубанью.

За Пшадом и Абином начинается третье и главное черкесское племя, а именно, шапсуги, занимающие берег на расстоянии 95 верст, начиная от Пшада до аула Мамай. Река Тапсе, или Туабсе, вливается в море в углублении залива рядом с аулом Мамай, – главным прибежищем черкесских пиратов. У мамайских шапсугов есть две большие галеры, на которых они могут посадить до 120 чел. Вдоль морского берега за ними следуют убыхи, которые от Мамае распространяются только до селения Фагурка. Далее племя саша, обитает на мысу Зенги и до р. Камуишелар. У Гюльденштедта это племя называется «сахи», у Пейсонеля – «саша». [Комментарий ред.: Фредерик де Монпере ошибается, называя «саша» черкесским племенем. Это одно из племен убыхов]. Ардона – последнее черкесское племя на юго-востоке вдоль берега моря; Гагры – это граница, отделяющая его от абхазов.

По всему противоположному склону обитает седьмое племя – альбедзехов (абадзехов), истинных горцев. Это племя у Пейсонеля называется «абезахи», у Клапрота – «абазех». Им принадлежит узкая полоса в 130 верст. Восьмое маленькое племя эзерукаи (егерухайцы) отделяет их на востоке от абаздов.

Равнина и низменность вдоль р. Кубани, начиная от шапсугов до Урупа, поделены между собой семью племенами: хамишии, хатикои, черченеги, кемиургой (темиургой), адеми, мохоши, безлени».

И.Ф. Бларамберг (1840): «Черкесы (адыге, адехе) населяют северные склоны Кавказа, а также долины от крепости Анапа до слияния Терека с Сунджей. Границами их страны являются: на юго-западе – Абхазия и Черное море; на юге – Малая Абхазия и Осетия; на севере – реки Кубань, Малка и Терек отделяют их от России; на востоке Терек и Сунджа служат границей между черкесами и народностью кистов. Черное море омывает западные границы Черкесии от устья Кубани до речки Агрипш. Черкесов можно разделить на две ветви, а именно: кубанские черкесы и кабардинские черкесы, эти последние заселяют местности между Кубанью, Малкой, Терекон и Сунджей.

Страна, населенная кубанскими черкесами, простирается вдоль левого берега Кубани от ее истоков до впадения в Черное море, и от ее левобережья до склонов Главного Кавказского хребта. Ее границами являются: на юго-западе – Абхазия и Черное море, на юге – Малая Абхазия и земли карачаевцев, на севере и востоке – река Кубань, которая отделяет их от русских территорий и земель ряда ногайских, абазинских и кабардинских племен. С юго-запада и запада земли черкесов омывает Черное море от устья Кубани до границ с Абхазией. Площадь этого края может быть приблизительно определена в 24 тыс. кв. верст.

Наименование племен, занимающих северные склоны Кавказа от крепости Анапа до истоков Кубани: 1. Натухайцы (натохайцы), 2. Шапсуги, 3. Абадзехи (абедзехи), 4. Туби, 5. Убыхи, 6. Саше, 7. Бзедуки (а) хамыши, б) черчиней), 8. Хаттукаи, 9. Темиргой, 10. Эгеркуай, 11. Жане, 12. Адеми, 13. Мохошевы, 14. Хегайки, 15. Бесланевцы.

Земли, которые занимают убыхи, чепсоны (одно из племен шапсугов) и гусие, – благодетельствованы природой, потому что они дают человеку самые разнообразные фрукты».

М.Я. Ольшевский, царский генерал. Географическую «привязку» расселения западноадыгских племен в начале – середине XIX столетия, в разгар Кавказской войны, в своем очерке «Описание племен кавказских в 1841-1864 гг.» дает царский генерал М.Я. Ольшевский (2003): «По обеим сторонам Ходза, значительного притока Большой Лабы, жили *беслени*. Это черкесское общество, равнявшееся по своей величине четырём другим обществам, несравненно превосходило их храбростью и наездничеством. Без бесленеев не совершался на нашу Линию ни один набег. В особенности бесленей страшны были для наших поселений в то время, когда они жили на Тегенях, между Урупом и Большой Лабой и когда ими управлял и предводительствовал их князь Айтек Каноков. Это было в 30-х гг. Тогда зачастую страдали наши поселения на Кубани от его смелых наездов.

Не менее страшны были в 30-х гг. для Кубанской линии, а с 40-х гг. для лабинских казаков, соплеменники бесленеев – *махоши, темиргой и егерукаи*. Их князья не только умели управлять своими подвластными, но и с честью предводительствовали ими. Особенную же известность приобрели Богорсуковы и Болотоковы; первые были князья махошевские, а вторые – темиргоевские.

В последние годы своего существования на Западном Кавказе махоши, темиргой и егерукаи жили в лесных трущобах по Фарсу, а также между этой небольшой рекой и Белой. Леса, окружающие Майкоп, а также ст. Кужорскую и Фарскую, были наполнены их аулами и хуторами, а поляны засеяны просом и кукурузой. Махош, темиргоев и егерукаев считалось до 4-х тыс. семей.

Выше бесленеев в верховьях Ходза жили *баговцы* – а по Гупсу были разбросаны хуторами *баракаи*, небольшие общества абазинского племени. Выше махош, темиргоев и егерукаев находилось несколько абадзехских аулов. За Каменным мостом, на Белой, в глубокой котловине жили *даховцы*, а далее, за другим хребтом, хамыши, те самые, которые несколько лет тому назад жили на низовьях Белой под именем *хамышейцев*.

Перечислив таким образом небольшие общества, населявшие пространство между Лабой и Белой, перейдем на левый берег этой последней реки.

По Куржупсу и Пшехе, притокам Белой, Пшишу и Псекупсу, впадающим в Кубань, находились многочисленные и богатые поселения *абадзехов* – народа, с которым мы начали вступать в более частые столкновения только с 50-х гг. До того же времени, если и известны были нам, то только окраины абадзехской

земли, изредка посещаемые нашими войсками. Сами же абадзехи не боялись нас, потому что, кроме трудно доступной местности, были защищены со стороны Лабинской линии храбрыми бесленеями, махочами, темиргоями и егерукаями, а со стороны Черномории бжедухами и гатюгаями (т. е. хатукайцами. – Авт.) или черченеями. При том же, живя в довольствии, они не имели надобности заниматься хищничеством и добывать себе существование грабежом. Когда же пришлось абадзехам защищать свои собственные пределы, то они, со времени заложения Майкопа и до своего падения, дрались неустрашимо, мужественно и храбро.

Иными являются сопредельные абадзехам *шапсуги*, жившие между Шебшем и Абином. Они считались злейшими и опасными соседями черноморцев, и только пластунами сдерживались в своих хищнических и разбоях в наших пределах. Шапсуги умели мужественно и стойко защищаться на своей земле, что доказывалось значительными потерями, во всех случаях, когда нашим войскам приходилось с ними драться. И между ними были лихие наездники-предводители, например Шеретлуков и Казбич. Несмотря на это, шапсуги не пользовались добрым именем между своими соплеменниками. Абадзехи пренебрегали ими и не вступали с ними в сношения; натухайцы и бжедухи боялись их. Это происходило от их сварливости, кровожадности, непостоянства и страсти к хищничеству.

За Абином вплоть до Новороссийска, Анапы и устьев Кубани в Черное море жили натухайцы. По причине ли близости моря или менее суровой местности, но только натухайцы отличались более мирными, нежели воинственными наклонностями. Хищничеством же вовсе не занимались, как их соседи шапсуги, потому что не были способны к приобретениям, соединенным с опасностями, или не находили в том нужды по довольствию в жизни, к чему много способствовала торговля.

Обратимся теперь к перечислению обществ, живших по юго-западному склону Кавказского хребта или обитавших на Западном Кавказе по восточному берегу Черного моря. Между Новороссийской бухтой и Псеуапсе жили опять шапсуги... В своих нравах и обычаях они недалеко опередили своих собратьев, живших по северному склону Кавказского хребта... То, что приморские шапсуги были мужественно храбры и неустрашимы, доказывает то, что они, не имея главы и единства в управлении, не только решались на штурм наших укреплений (Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское), но и достигали своей цели.

Начиная от Псеуапсе по рекам Аше, Шахе, Вардане, Дагомысу и Сочи жили *убыхи*, слывшие между всеми приморскими жителями из храбрейших. Между Мзымтой и Бзыбью по берегу моря жили *джигеты* – страбовновские зихи. Над джигетами находились аулы псхоу и анчипсхоу, известных под именем *медовеевцев*. В верховьях рек Аше и Псеуапсе жили *хакучи*» (Ольшевский М.Я., 2003. С. 486-491).

Несколько иную картину расселения адыгов в начале-середине XIX столетия дает барон К.Ф. Сталь (1849). По его мнению, у черкесов насчитывается, по крайней мере, 10 племенных образований (орфография автора сохраняется): 1. Абазинцы. 2. Беглые кабардинцы – выходцы из Большой Кабарды (с 1804 г.). 3. Беслинеевцы. 4. Махочевцы. 5. Темиргоевцы (Кемгой). 6. Егерукаевцы. 7. Машхирцы. 8. Бжедухи. 9. Гатюкаевцы. И, наконец, 10. Абадзехи (абадзехи) – самое многочисленное и воинское (воинственное?) черкесское племя. Абадзехи разделяются на нагорных (или дальних) и на равнинных (ближних) и живут сплошными аулами и хуторами, в числе девяти отдельных обществ: Туба, Темдаши, Даур-хабль, Джангет-хабль, Гатюко-хабль (или Тфишебс), Нежуко-хабль, Анчоко-хабль, Бешуко-хабль и Едиче-хабль. Каждое общество (*хабль*) разделяется на общины (*псхо*), независимые друг от друга, но не враждебные между собой и тесно связанные союзом (блягага). Абадзехи не имеют князей; их главное сословие — дворяне (*уорк-тляхотляж*). Псхо управляется своей сходкой, на которой важную роль играют старшины (*тошата*). Каждое общество (хабль) также имеет свое народное собрание. В важных случаях весь абазинский народ (*абазехе-чиллаго*), в лице своих старшин, собирается на общее собрание (*за-уча* или *ибар*), где обсуждаются вопросы, касающиеся войны и мира и пр. Сходное же устройство имеют и другие кубанские горцы. Количество населения абазехов с достоверностью неизвестно; но можно считать, что оно не меньше 40 тыс. душ обоего пола («Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010).

В «Историческом обзоре Терека, Ставрополя и Кубани», опубликованном в 1851 г. капитаном Генерального Штаба И. Забудским, приводятся следующие сведения о племенах и народах, населявших Северо-Западный Кавказ в 20-30-х гг. XIX в.:

«Горские народы, живущие в районе правого фланга Кавказской линии, по происхождению принадлежат к двум главным племенам: к тюркскому, или турецко-татарскому, и черкесскому, или адыге. К татарскому принадлежат ногойцы, имеющие князей или владельцев, потомков Крымских ханов. Эти племена и по физиологическим признакам причисляются к монгольскому племени.

К черкесскому племени принадлежат:

1) Абазинцы, выходцы из Абхазии, состоящие из шести колен или родов, потому-то этот народ известен под названием Алтыкисек (шестиродных), они суть: а) Прикубанские абазинцы Лоова и Дударукова аулов и Башильбаевцы, б) Тамовцы, в) Шагиреевцы, г) Казильбековцы, д) Баговцы, е) Баракаевцы, получившие название от имен прежних или настоящих своих владельцев;

2) Беглые кабардинцы;

3) Бесленеевцы;

4) Махошевцы;
5) Темиргоевцы (Кемгой);
6) Егерукаевцы;
7) Бжедухи (или Киркиней),
8) Абадзехи, состоящие из 7 главных племен: а) Темдаши, б) Джингет-Хабль, в) Даур-Хабль, г) Не- жуко-Хабль, д) Гатюко-Хабль, е) Тфишебс, ж) Туба. Кроме этих племен, за Кубанью, около Прочного Окопа находится большой аул армян.

В отношении нашего влияния на все эти народы их можно разделить: на 1) покорных, 2) подчиненных до некоторой степени влиянию нашему и 3) непокорных, находящихся противу нас во враждебных отношениях.

[Много позже, подобной градации стал придерживаться и А.Д. Панеш (1999. С. 103): «К 1840 г. значительная часть западных адыгов находилась еще вне административно-политического контроля царских властей. В «Обзоре политического состояния Кавказа», составленном царскими властями, народы Северного Кавказа по степени зависимости от России разделились на три разряда: «покорные», «полупокорные» и «непокорные». К покорным адыгам относились кабардинцы Большой и Малой Кабарды, к полупокорным – закубанские адыги «аристократической» группы, к непокорным – абадзехи, нутхайцы, шапсуги, убыхи»].

К первым, т. е. покорным горцам, принадлежат 5 ногойских фамилий, абазинцы Лоова и Дударукова аулов и закубанские армяне; ко второму разряду относятся: а) Беглые кабардинцы, б) Бесленевцы, в) Башильбаевцы, г) Махошевцы, д) Темиргоевцы, е) Хатукаевцы, ж) Егерукаевцы и з) Бжедухи.

К непокорным принадлежат остальные 5 родов абазинцев и абадзехи. Для управления горские племена на первых двух разрядов разделены на 5 приставств, а именно:

1. Главное приставство Закубанских народов заведует Ногойскими народами: Мансуровским, Кипчаковским и Султановским и Абазинцами Дударукова аулов.

2. Приставство Тахтамышевское заведует ногойцами рода Тахтамышевцев, частью абазинскими и частью кабардинскими аулами.

3. Приставство Бесленевское и Закубанских армян заведует ногойцами Наврузовской фамилии, частью Султановского племени, народом Бесленевским и Закубанскими армянами.

4. Приставство Залабинских народов заведует народами Темиргоевским, Хатукаевским, Бжедуховским и частью Бесленевского племени.

5. Приставство при управлении командующего Зеленчукскою линиею, в ведении которого состоят частью абазинцы и частью кабардинцы» («Исторический обзор Терека...», 1851).

И далее автор этого сборника дополняет: «Бесленевцы по своему характеру и по происхождению сходны с кабардинцами и управляются князьями, потомками Бесленея, младшего сына Кассая (Касая). Они склонны к хищничеству, часто вредят нам, подводя неприятельские партии. Имея между абадзехами своих одноплеменников, они находятся в непрерывных сношениях с непокорными. Бесленевцы занимают места по течению рек: Окорта, Урупа и за Лабою, повинностей никаких не несут. В их владении находится превосходная земля, орошенная реками, и потому у них довольно развито земледелие (разумеется, говоря сравнительно) и в хлебе никогда недостатка не имеется. Скотоводство в хорошем состоянии, как у всех народов Закубанских; имеют достаточное количество лошадей; всего покорных аулов в наших пределах считается 18, а за Лабою один Балбич Кодзиева. Аулы их также невелики, как у кабардинцев, самый большой аул Арслана Атажукина в 150 дворов. Сакель всего у них считается 645, жителей мужского пола 2 450, женского 2 500, всего около 5 000. Сколько немирных Бесленевцев живет за Лабою, достоверных сведений не имеется, но приблизительно полагают около 500. Бесленевцы могут выставить, как говорят, около 600 всадников.

О Залабинских народах, находящихся в ведении нашего пристава, статистические цифры не имеют большой достоверности, все определено приблизительно. Что касается до абадзехов, нам непокорных, то об них мы еще знаем гораздо менее.

МАХОШЕВЦЫ живут за Лабой против Зассовскаго укрепления, всех дворов у них считается примерно до 700, а жителей обоего пола до 4 000; могут выставить до 300 чел. конных; население располагается более хуторами, чем в аулах. Старшие князья у них Багарсуковы из рода Кабардинских.

ЕГЕРУКАЕВЦЫ живут между Белой и Фарсом, севернее махошевцев, племя небольшое, в таком числе душ как и махошевцы; занимаются земледелием по преимуществу пред другими племенами и редко участвуют в хищничествах. Старшие князья их Айтековы, сыновья знаменитого Джембулата Айтекова, так много имевшего влияния на Закубанцев. Со смертью его, егерукаевцы как бы утратили воинственность.

ТЕМИРГОЕВЦЫ, племя довольно значительное, живет около Длинного леса между Фарсом и Белой в 29 аулах. Всего дворов считается у них около 1 500, и жителей мужского пола около 5 600, женского почти столько же, всего примерно будет 11 000 душ обоего пола. Темиргоевцы воинственное племя, управляются князьями, из коих старшие, Болотоковы, лихие наездники; они могут выставить около 1000 всадников. Занимаются преимущественно скотоводством. С ними соединен небольшой народ мамхырцы или мамхаевцы (мамхеги – Авт.), живущие в 4 аулах, в коих считается семей около 500, жителей обоего пола около 2 000 душ.

ХАТУКАЕВЦЫ (Хатуко-Хабль) небольшое общество, одноплеменное с абадзехами, живет с ними мирно и не принимает большого участия в незначительных грабежах. В 1850 г., при общем волнении заку-

банцев, хатукаевцы не изменили нам. Они занимают земли между реками Уль и Белая и размещаются в 8 аулах, где считается около 450 сакель (домов); жителей считается мужского пола 1 500, женского – почти столько же, всего около 3 000 душ.

БЖЕДУХИ племя также небольшое, живет против низовьев Лабы, управляется князьями, из которых старшие Кирканокоты считаются мирными, но по родству с абадзехами помогают им в хищничествах и набегах. Их всего считается около 4 000 душ обоего пола.

АБАДЗЕХИ, самое многочисленное и воинственное племя из Закубанских народов, разделяются на 7-м обществ: 1) Туба, 2) Темдаши, 3) Джингет-Хабль (прежде нам покорное, ныне отложившееся), 4) Даур-Хабль, 5) Нежуко-Хабль, 6) Гатюко-Хабль (или Хатукаевцы, часть их мирная описана выше) и 7) Тфишебс; прежде они имели у себя собственных князей, но в 1828 г. были все классы уравнены. Лучшие фамилии их суть: Аджи-Кляши, Джау-Баторовы, Унароковы, Хауковы, Безруковы и другие. Все абадзехи тесно связаны между собою и управляются народным собранием Мехкеме. Они живут между р. Лаба, Пшеха, Гурджипс и Пшекупс. Самое густое население их теснится у подножия Черных гор, в ущельях; они в постоянной вражде с нами и поджигают другие мирные народы на хищничество в наших границах. Признают главою турецкого султана, коего считают своим родственником, ибо прежде доставляли жен в гаремы этих государей, также и первым их сановником; но этот выгодный торг, с учреждением Черноморской кордонной линии, прекратился. Абадзехи могут выставить, как говорят, до 4 000 всадников, число душ их обоего пола во всех племенах около 40 000, т. е. 5,5 тыс. в каждом обществе («Исторический обзор Терека...», 1851).

5.3.2.2. Источники, опубликованные в середине-конце XIX в.

*И всякий в этом множестве племен,
Так рано поспешивших в мир нетленный,
Не без причины разнo наделен...*

Данте. «Божественная комедия»

Черкесы (адыги) жили по берегам р. Кубани, Черного моря и Терека, занимая почти всю Кубанскую и часть Терской области. Черкесы делились на 10 политически независимых племен, а именно: 1) Большая и Малая Кабарда, 2) шапсуги, 3) натухай, 4) абадзехи, 5) хатукаи, 6) бжедухи, 7) жане, 8) темиргои, 9) бесленей и 10) махош.

Т. Хаджимуков (1908).

Дополняют наши представления о размещении адыгских племен перед Кавказской войной некоторые другие дореволюционные источники, опубликованные, правда, несколько позже – в середине-конце XIX в.:

Л.Я. Люлье (1857): «Черкесское племя (адыге). Оно состоит из следующих отраслей: 1) абадзех, 2) шапсуг, 3) надкуадж, 4) кабертай, 5) бесленей, 6) мохошь, 7) кемгуй, 8) хатюкай, 9) бзедуг, 10) жан. Не лишне будет упомянуть и о племенах адыге, коих самобытность прекратилась:

1. ЧЕБСИН. Оно совершенно слилось и вошло в состав натухажского народа. Одна из долин восточного берега Черного моря – пепелище этого племени, сохранило его имя и поныне. Между натухажцами проживает потомок их владетельного дома, князь Бастоко Пшимаф.

[Примечание ред.: Чебсин (Вулан на прежних картах) был занят в 1837 г. генералом Вельяминовым, и на этом месте построено укрепление Михайловское].

2. ХЕГАЙК. Большое некогда племя, занимавшее окрестности Анапы, где живут теперь (1857 г.) натухажцы, в котловине Чехурай. Истребленные войною и окончательно чумою в 1812 г., и будучи не в состоянии, по малочисленности своей, сохранить самобытность, хегайки совершенно слились с натухажцами.

3. ХЕТУК, или адале. Они жили на полуострове Тамани до занятия его Войском Черноморским, и потому-то татары прозвали их «адале», что значит «островитянин». Некоторые причисляют их к корню адыге, а другие к корню азеге, но будучи окружены с одной стороны татарами, а с другой черкесами, они потеряли свою народность. Несколько семей рассеяны между натухажцами, а ничтожные остатки этого племени проживали в последнее время (до 1857 г.) в 30 верстах от Тамани, в деревне Ада, будучи перемешаны в ней с ногайцами, татарами и выходцами с гор – черкесами.

4. ТУБЫ. Паллас упоминает о тубах, которых он смешивает с абадзехами и убыхами. Но Туб есть название не племени, а местности, находящейся на верховьях Абадзехской земли и населенной этим племенем; убыхи же в отношении абадзехов живут за хребтом.

Географическое положение земель, занимаемых адыгскими племенами, следующее:

1. АБАДЗЕХ. Это племя занимает места на северном склоне Кавказского хребта в долинах, по коим протекают следующие реки, впадающие в р. Кубань (Пшиз): Схагуаше, или Белая речка; Лаба с притоками; Шегипсинь (Чохраге); Курджипсе, Пчеха, Пхаць, Тфисепс; Хагур (Ходзь), Фарз; Псекупсе, Пшишь с притоками; Суп, служащая границей с шапсугским племенем.

2. ШАПСУГ. За речкою Суп следует племя шапсугов, которое населяет долины по следующим речкам: Убин, Шебж (Пшибж), Афипис, Иль, Азюпсь (Азипсь), Халль, Антхирь, Богундюр, Абин, Коафь, Шебик, Шипсь.

3. НОТКУАДЖ (натухай). Это племя живет в горах и на равнинах, окрестных крепости Анапе.

4. КАБЕРТАЙ – одно из значительнейших племен адыге; они разделяются на Большую и Малую Кабарду. Большая расположена между реками Малкою и Тереком, а к югу примыкает к осетинам. Малая занимает правый берег Терека до предгорий и берегов Сунжи.

5. БЕСЛЕНЕЙ. Это племя занимает в кубанской котловине земли, орошаемые водами речек Ферзь, Гегене (Б. Тегень), Гегенезий (М. Тегень) и Воарп.

6. МОХОШЬ. Земли, ими занимаемые, орошаются ручьями Чехурадж, Белогияк и Шеде.

7. КЕМГУЙ, или темиргой. Это племя живет на пространстве, заключающемся между р. Кубанью, Лабою и Схагуаше.

8. ХАТЮКАЙ. Племя, живущее между р. Схагуаше и Пшибь.

9. БЗЕДУГ (бжедух). Общее наименование двух поколений черченей и хамышей; первое расположено на левом берегу Кубани между р. Пшибь и Псекупс, а второе – от Псекупса до границ шапсугов.

10. ЖАНЬ, или жанеевцы. Племя некогда могущественное и сильное. Слабые остатки его ныне (до 1857 г.) расположены в 70 верстах ниже бжедугов, на острове, образуемом двумя рукавами Кубани и называемом черкесами Детлясь, а черноморскими казаками – Каракубанский остров. Несколько семейств этого племени живут на Адекуме между натухажцами.

Абхазские племена (азега, абазы):

1. САДЗЕН, занимающие пространство по берегу Черного моря от р. Хамыш до Гагры и известные под именем джигет.

2. АБСУА, носящие у нас название абхазцев.

3. МЕДОЗЮИ, или медовеевцы, – живущие на восток от убыхов и подразделяющиеся на псху, ахчипсу и айбга (айбу).

4. ЗАМБАЛ, или цебельдинцы, известные у черкесов под именем хирпсь-куадж. Жилье их – по р. Кодор. Абхазские племена, обозначенные на картах Кавказа под названием *абазинцев*, следующие:

5. БАРАКАЙ, или бракий, живущие в горах на верховьях р. Гупс.

6. БАГ – на верховьях р. Ходзь.

7. ШЕГЕРАЙ – на верховьях р. Малой Лабы.

8. ТАМ – на верховьях р. Большой Лабы.

9. КАЗИЛЬБЕК, или казбек-коадж, – между верховьями Большой и Малой Лабы.

10. БАШИЛЬБАЙ – в верховьях р. Урупа и Б.Зеленчука.

11. БАСЬХОГ, называемое татарами «алты-кесек»: и действительно, эта отрасль составлена из шести племен, носящих имена князей своих. Они живут в разных местах кубанской котловины. Имена их следующие: а) Биберд, б) Лоу или Лов, в) Дударук, г) Кияшь, д) Джантемир, е) Клишь.

Переселение последних племен с южного на северный склон Кавказского хребта совершилось в конце XVII в., с предварительного согласия кабардинцев, которые уступили им часть своих земель. Причиной переселения были внутренние раздоры и отчасти недостаток земли на прежнем их месте жительства – Вардане (на Черном море. – Авт.)

Другие, упомянутые выше абхазские племена (№№ 5-10), одновременно последовали примеру басьхогов и переселились на северный склон Кавказского хребта.

Между землями, населенными с одной стороны натухажцами, а с другой джигетами, находится отдельное племя убыхи. Из них «прибрежных» черкесы называют «абадзе»; живущих же на верховьях речек к хребту – «убыхами».

А. Берже (1858): «Черкесское племя (адыге):

1. ШАПСУГИ. Они разделяются на Больших и Малых по двум разным участкам, на которых они обитают. Участок, занимаемый Большими Шапсугами, находится на Нижней Кубани и граничит с юга Главным хребтом, с запада р. Адекум, которая составляет границу между шапсугами и натухажцами; с востока р. Псекупс отделяет шапсугов от абадзехов и наконец, на севере границу составляет Нижняя Кубань. Участок Малых Шапсугов прилегает к восточному берегу Черного моря и граничит с севера с Главным хребтом, а с юга р. Шахе, за которой живут убыхи.

2. НАТУХАЖЦЫ (Натхокуадж; от Нат-куадж, то есть Натов аул). Племя это занимает западную оконечность понижающегося к Черному морю Кавказского хребта. Земли его простираются по восточному берегу моря, от р. Джубы до крепости Анапы и граничат на севере с Нижней Кубанью и Главным хребтом.

Шапсуг и натхокуадж составляют почти один народ по характеру, по правам, обычаям и языку, живут смежно и непокорны. Между шапсугами нет князей, а есть дворяне, из них особенно важны фамилии Шеретлуко, Абат и Немере.

К этому же племени принадлежит замечательное приморское общество Тагапс, в верховьях реки того же имени. Оно состоит из 100 или 120 домов, живет среди недоступных скал, враждует почти со всеми гор-

скими племенами. Натухажцы и даже прибрежные шапсуги, вошедшие издавна в торговые сношения сперва с Турцией, а потом с русскими, склонны к повиновению. Ни шапсуги, ни натухажцы никакого внутреннего управления и устройства не имеют.

3. ШЕГЕКИ или Хеаки. Шебеки составляли прежде особое владение Бея-Магомета Занова, бежавшего в Турцию. Теперь они живут между Натухажцами, строгие мусульмане.

4. АБАДЗЕХИ. Земли их граничат на восток р. Белой, к югу Главным хребтом, отделяющим их от убыхов и малых шапсуг; к западу р. Афипс, за которою живут большие шапсуги, и, наконец, к северу бжедухами, живущими на низовьях рек Пчага, Псекупса и Афипса. Абадзехи по родовым отношениям тесно связаны с убыхами и составляют с ними почти один народ. В 1834 г. они по общественной присяге соединились с шапсугами к западу р. Афипс, за которою живут большие шапсуги. Между черкесами абадзехи считаются самыми воинственными. Народонаселение их весьма значительно и притом самобытно, не сливаясь с шапсугами и натухажцами, как эти два племени между собой; оно разбросано на большом пространстве.

Абадзехи разделяются на нагорных, или дальних и на равнинных, или ближних. Общества дальних абадзехов нам не известны. Из обществ ближних абадзехов могу поименовать: Нежуко-Хабль, Туба, Темдаши, Даур-Хабль, Джангет-Хабль и др. В 1846 г. четыре последних общества заключили с нами мирный договор, который, однако, был им нарушен вследствие подстрекательства дальних абадзехов, в 1847 г. они отложились и до сих пор признают турецкого султана своим халифом.

5. ГАТЮКАЙ – живут по р. Белой близ ее устья, один аул – при устье Лабы. К важнейшим фамилиям принадлежат: Керкеноко, Доброко, Шоган-Гирей, Батоко, Шумануко, Кодзь, Кабахо, Хавшуко, Тамуко и др.

6. БЖЕДУХИ – занимают земли по левую сторону Кубани, по низовьям рек Пшиша и Псекупса до границы шапсугов. Бжедухи (которых Броневский принимает за скептухов Страбона) разделяются на черченейцев и хамышейцев. Старшие князья у бжедухов Керкеновы. Они находятся в тесных связях с абадзехами.

7. ЖАНЕЕВЦЫ («санихи» античных авторов), некогда могущественное племя, подвергшееся разорению от военных смут, бывших в 1804 г. От него уцелел небольшой остаток, живущий теперь на острове, образуемом двумя рукавами Кубани (Каракубанский остров).

8. КЕМГУЙ (или кемиргой и темиргой).

9. ЕГЕРУКОЙ – обитали на левом берегу р. Лабы, вблизи впадения ее в р. Кубань.

Оба эти племени находятся под властью князей Болотоковых. В 1849 г. темиргоевцы и егерукаевцы, по наущению Магомет Амина, бежали за Белую. В 1851 г. князь Болоток, возвратившись, покорился нам с частью своего народа, между тем как другая, большая, осталась за Лабою. Важнейшие фамилии суть следующие: Болотоковы, Каноко, Анчоко, Четоржоко и др.

10. БЕСЛЕНЕЕВЦЫ – жили на правом берегу Большой Лабы и по рекам Большому и Малому Тегеням (Гегене и Гегенезии), впадающим в Уруп. Бесленеевцы также имеют князей и дворянство. Старшими князьями у них считаются Каноковы и Шолоховы, ведущие свой род от Инала, родоначальника кабардинских князей. В 1843 г. они, по наущению Хаджи-Магомеда, бежали было за Лабу и поселились по р. Ходзу, но в 1844 г. возвратились в наши пределы. Главнейшие фамилии суть: Каноко, Шолохо, Тазартуко, Маршоко, Тляходуко, Дахоко, Докшуко, Асланоко и др. В 1847 г., проискав Магомет Амина, они снова были увлечены и бежали за Белую.

11. МОХОШ (махошевцы), на левом берегу Лабы, выше Гатюкой. Старшие князья у них Багарсуковы, кабардинского происхождения. Махошевцы вообще воинственны и склонны к хищничеству.

12. ЧЕБСИНЫ.

13. АДАЛЕ.

Кроме названных черкесских племен есть еще другие, как например, чебсины, остатки коих подобно хегакам уцелели между натухажцами; адале и др; но как об них нет почти никаких сведений, то я не считаю нужным вносить их в свой перечень.

Абхазское племя

1). АБХАЗЦЫ (абсуа).

2). САМУРЗАКАНЦЫ.

3). ЦЕБЕЛЬДИНЦЫ (замбаль).

4). ДЖИГЕТЫ (салзен, садзуа). Земля их граничит на востоке р. Бзыб, на западе и юге Черным морем, на севере – с Кавказским хребтом.

Джигеты состоят из:

а) Псху. Племя это обитает на верховьях р. Бзыба и Меджиты. Часть его в 1840 г. покорилась, выдала аманатов и приняла к себе пристава. Другая часть общества садзуа (джигетов), живущая в окрестностях укрепления св. Духа, в 1841 г. изъявила тоже покорность и отказалась от содействия убыхам в набегах на наши пределы.

б) Ахчипсоу, живут по верховьям рек Псху и Мдзымта. Никому не покорные, они отличаются духом воинственным, отважным и находятся в тесной связи с убыхами.

в) Айбуга, обитают между обществами Ахчипсоу, Псху, Цандрипш, на пространстве между реками Псху и Бзыбом и выше верховья реки Хашупсе. Это – небольшое разбойничье общество.

Все упомянутые три общества: Псху, Ахчипсоу и Айбуга, известны у черкес, живущих на северной стороне Кавказских гор, под общим именем медовеевцев, которые ведут с ними открытую вражду.

г) Цандрипш, живут на берегу Черного моря от устья р. Хашупсе, во внутрь же края простираются до Ахчипсоу и Айбуга. Общество цандрипш составляет владение князей Цан или Цанбеев; часть цандрипша покорилась в 1840 г. и выдала аманатов, но покорность эта ненадежна по влиянию на это общество беспокорных соседей – убыхов.

д) Кечьба, владения князей Кечь, лежащее между реками Мдзымта и Хашупса.

е) Аредба, владение князей Аред, находящееся между реками Мдзымта и Хоста, на берегу Черного моря до границ убыхского общества саше.

Два эти общества, как и вообще приморские джигетские, расположены к покорности, но удерживаются страхом убыхов и ахчипсоу.

ж) Цвиджа.

з) Бага. Цвиджа и бага – между реками Хоста и Мдзымта и обществами ахчипсоу и аредба. Это два небольших общества, не имеющие самостоятельности, потому что состоят из пришельцев и людей свободного состояния. Они находятся под сильным влиянием убыхов.

5). АБАЗИНЦЫ (алтыкисек или басихог): Они населяют самую возвышенную полосу по северной покатости хребта, на пространстве между верховьями Кумы, Подкумка, на левом берегу Кубани и у истоков рек Кефары, Бежеона, Лабы, Ходза и Губса. Племя это разделяется на кумских и кубанских абазинцев.

а) Кумские абазинцы (на Верхней Куме и Подкумке в четырех аулах). Они управляются карачаевским приставом. Верхние кумские абазинцы вели под предводительством князя Нартуко упорную войну во время восстания Большой Кабарды в 1822 г., но, наконец, усмирены...

б) Кубанские абазинцы – подчинялись прежде князьям Большой Кабарды, но в 1822 г. также изъявили покорность нашему правительству.

6). БЕСИЛЬБЕЙ, обитали по верховьям рек Урупа и Зеленчука. Они признают над собой власть узденей Мармиапи, бывшей княжеской фамилии, переселившейся с берегов Черного моря на северную сторону Кавказских гор, где они вынуждены были подчиниться черкесским князьям. Впоследствии они большею частью выселились за р. Лабу и Белую.

7). ТАМ (на верховьях Большой Лабы). Первенствующая у них фамилия уздени Заурумовы.

8). КИЗЫЛБЕКОВ АУЛ (за горою Ахметь, у верховьев р. Андрюк). Аул этот получил название от родоначальника его обитателей, Кизылбека, крымского султана, некогда укрывавшегося в их земле.

9). ШЕГИРЕЙ (по верховью р. Малой Лабы). Они платят дань Бесленеевским князьям Шолоховым и Кануковым. Три последние, названные нами племена: там, кизылбек и шегирей одинаково дики, хищны и бедны.

10). БАГО или бег, живут в трех небольших селениях, расположенных у р. Ходз, у горы Ашишбах.

11). БРАКИ или баракай. Они занимают три селения на берегах р. Губса, близ подошвы Главного Кавказского хребта. Баракаевцы также считаются данниками князей Шолоховых.

12). Наконец, нам остается упомянуть еще о трех княжеских фамилиях: Лови, Дударуковых и Бибердовых, выселившихся, вследствие внутренних несогласий, из Абхазии на северную сторону Кавказского хребта; от них в настоящее время остались:

Лоов аул, по р. Куме, по правую сторону Кубани. Общество это до чумы, свирепствовавшей здесь в 1814 г., было многочисленно, но с тех пор значительно уменьшилось.

Дударуков аул, на левом берегу Кубани, против Баталпашинской станицы (ныне г. Черкесск). Жители двух последних аулов совершенно покорны.

Бибердов аул, существовал до 1829 г., когда в наказание за измену был совершенно razорен нашими войсками.

Н. Дубровин (1871): «Кубанская котловина, орошаемая реками Фарс, Гегене (Большая Тегень), Гегенезий (Малая Тегень) и Воарп, занята была бесленейцами. Бесленевский уздень первой степени Кодзь, недовольный князем Коноковым (тоже бесленевским) перешел со своим аулом к темиргоевцам, а когда темиргоевцы сами бежали за р. Белую, то Кодзь со своими подвластными поселился на Кубани, где его аул существует и ныне (1871 г.) среди мирных ногайцев. На северо-запад от бесленейцев по долине, орошаемой ручьями Чехурадж, Белогиак и Шеде, жили мохошевцы. К западу от последних, между рекою Схагуаше (Белой) и Пишишем, обитали хатюкайцы, а севернее их, между реками Кубанью, Лабою и Схагуаше, поселилось племя кемгуй, или темиргой, примыкавшее к абадзехам.

Абадзехи населяли северный склон Кавказского хребта, пространство между р. Схагуаше и р. Суп, отделявшею их от шапсугов. Абадзехи, будучи племенем самым многочисленным и воинственным, разделялось на нагорных, или дальних, и на равнинных, или ближних. Главные поселения или аулы были расположены в долинах Курджипса, Пчехи, Пишиша и Псекупса. Они разделялись на девять обществ, или хаблей: Туба, Темдаши, Даур-Хабль, Джентет-Хабль, Гатюко-Хабль, Нежуко-Хабль, Анчоко-Хабль, Бешуко-Хабль и Эдиге-Хабль.

Начиная от р. Суп, все долины, лежащие на северо-запад до р. Шипса, теряющейся, как и многие ей соседние, в болотах, окружающих Кубань, заняты были шапсугами. Непосредственно к шапсугам и на во-

сток от них, по левому берегу р. Кубани до р. Пшиша, обитали бзедуи, разделявшиеся на два поколения: хамышей, живших от шапсугской границы до р. Псекупса, и черченей – далее до р. Пшиша (Относительно разделения этих поколений и переселения их с р. Туапсе на нынешние места, сохранилась легенда, о содержании которой см. статью «Бассейн Псекупса» в «Кубанских войсковых ведомостях», (1867 г. № 5).

За рекою Шипс весь угол между низовьем Кубани и Черным морем и обе покатости Главного хребта заселены были племенем натухажским (натхакуадж), простиравшимся по южному склону хребта и прибрежью Черного моря до небольшой речки Бу или Буань, протекающей ниже Головинского поста и впадающей в Черное море. Начиная от р. Аше, натухажские общества, жившие вдоль юго-восточного берега Черного моря, имели, сверх общего племенного названия, другие, отдельные, по имени урочищ: Гоаие или Шехокуадж; далее на юго-запад, по порядку следовали: Цюхух, Шимитокуадж и Хизе.

Кроме того, к племени адыге принадлежат остатки некогда могущественного племени жан, или жаневцев. Аулы их расположены были в 70 верстах ниже бзедухов, на острове, образуемом двумя рукавами Кубани и называемом Каракубанским островом (по-черкесски Детляев). Среди натухажцев жили три поколения племени адыге, потерявшие свою самобытность и слившиеся с натухажцами: хетук, или адале, жившие на полуострове Тамани, а теперь разбросанные в разных местах среди натухажцев; чебсин; хегайк, жившие в окрестности Анапы, в котловине Чехурай.

Хегайкское племя занимало прежде важное место между черкесскими племенами. Князя этого племени, два брата – Атвонук и Канбулат, – славились своим мужеством.

К черкесскому племени (адыге) мы должны причислить и убыхов, живших по берегу Черного моря, на юго-восток от натухажцев, между реками Зюебзе и Хамишь (или Хоста), в двух урочищах, Вардане и Саше» (Дубровин Н., 1871 г.).

Дополняют приведенную выше информацию дореволюционные авторы С. Сиюхов и С. Эсадзе.

С. Сиюхов (1913), на основании архивных и литературных источников, так описывает расселение черкесских племен в начале-середине XIX в.: «Назовем самые крупные племена и укажем места, где они жили. В самом северо-западном углу Кавказа жили натухайцы. Они занимали земли, лежащие от устьев р. Кубани до р. Адагума. Далее к востоку жили шапсуги. Далее на восток и глубже в горы жили абадзехи. Сталь делит абадзехов на девять обществ («хабль»), которые делились на общины («псухо»), независимые друг от друга, но связанные союзом или «блягага».

Начиная от р. Афипса, несколько южнее нынешней ст. Афипской и по направлению к р. Белой, южнее ст. Бжедужской, абадзехи соприкасались с бжедужами и хатукаевцами. К юго-востоку граница абадзехских земель шла по р. Белой до теперешнего г. Майкопа. По нижнему течению р. Курджипса жили мамхеговцы. Обойдя их у нынешней ст. Курджипской, абадзехская граница снова шла по р. Белой, несколько южнее ст. Тульской пересекала эту реку и направлялась в верхние части бассейнов Фарса и Псефира; отсюда она снова поворачивала на юг и упиралась в Главный Кавказский хребет.

Племя темиргоевцев занимало долину между нижними течениями Белой и Лабы. На севере граница темиргоевских земель упиралась в Кубань. К указанным значительным племенам относятся кабардинцы, населявшие нынешнюю Терскую область, в районе рек Нальчик и Баксан. Историки полагают, что до начала Кавказской войны всех черкесов было до двух миллионов» (Сиюхов С., 1913).

С. Эсадзе (1914): «Враждебные племена, населявшие Западный Кавказ, принадлежали к двум главным племенам: адыге (черкесы) и абазинскому.

К черкесским племенам принадлежали: бесленей, бжедуги, махоши, егерукаи, темиргои, хамышейцы, натухайцы, верхние и нижние абадзехи, ближние и дальние шапсуги и убыхи; они жили между реками Лабой, Белой, Афипсом, по обеим сторонам Кавказского хребта до самого моря, в пределах от Сочи до Анапы. Абазинские племена составляли: башильбаи, тамовцы, кызыльбеки, шах-гирей, баракаи, баговцы, ахчипсху и джигеты (саадзен).

Из всех черкесских племен наибольшее значение имели бесленей, абадзехи, убыхи, шапсуги и натухайцы. Без бесленеевцев, живших по р. Лабе, не совершался ни один набег; наши поселения на Кубани часто страдали от их смелых наездов. Бесленеевцами в 30-х гг. XIX в. управлял князь Айтек Каноков. Абадзехи – самый сильный и воинственный из черкесских племен, занимали горный край, прилегающий к Главному Кавказскому хребту, и были расселены по рекам Белой с притоками к Курджипсу и Пшехе; Пшишу, Псекупсу и другим рекам до р. Супс, которая считалась их границей с шапсугами. Абадзехи разделялись на семь главных родов, ведущих свое происхождение от двух фамилий: Качмез и Воздемир.

Убыхи занимали гористый край от Черного моря до снегового хребта, по рекам от Псекуапсе, Аше, Шахе, Вардане, Дагомысу и Сочи. Народом управляли влиятельные фамилии из рода Берзеков и Дишанов. В 1864 г. наиболее влиятельные владельцы убыхов были трое представителей фамилий Берзеков: Хаджи Керендук Догомуков, Хаджи Алим-Гирей-Бабуков, Эльбуз-бек Хапах, и представитель фамилии Зефш: Исмаил Баракай.

На западе от абадзехов и убыхов, по обеим сторонам Кавказского хребта, жили шапсуги и натухайцы. Шапсуги – самый многочисленный народ, занимали богатый край между реками Шахе и Пшадю на южной стороне Главного хребта и между реками Супс и Адагумом, на северной стороне хребта.

Натухайцы жили за Абином, вплоть до Новороссийска, Анапы и впадения Кубани в Черное море. Что касается абазинских племен, то между ними выделялись джигеты (по Страбону – «зиш»), между реками Мзымтой и Бзыбью; выше джигетов по р. Псху жили племена псху и ахчипсху, известные под именем медовеевцев; в верховьях рек Аше и Псезуапсе – хакучи. Кроме того, по течению Урупа жили ногойцы. Вдоль по р. Кубани до Екатеринодара жили бжедуги. В районе Кубани, Лабы, Урупа, Большого и Малого Зеленчука жили «беглые» кабардинцы и башильбаевцы (в долинах Большого и Малого Зеленчуков), бесленеевцы, махошевцы, темиргоевцы, егерухаевцы, хатукайцы, бжедуги, населявшие всю плоскость и подножья Черных гор за р. Белой» (Эсадзе С., 1914).

Как видно из изложенного выше, для западных адыгов как в период позднего средневековья, так и в новое время еще было характерно устойчивое деление на племенные группы. В частности, и в XVI, и в XVII-XVIII вв. адыги подразделялись на 10-12 этнических групп, во главе которых стояли феодально-родовые вожди. Наличие таких племенных групп отметили в свое время еще в XV столетии И. Барбаро (1452) и Дж. Интериано (1501).

Привлечение дополнительных архивных и литературных источников дало возможность обобщить и детализировать картину расселения западных адыгов перед Кавказской войной. Применительно к рассматриваемому периоду, эта картина представляется следующим образом. Западную часть Черкесии занимали адыгские племена и шегаров (шагаков) и жане. Жанеевцы, одно из самых многочисленных и древних западноадыгских племен, составляли две территориально независимые группы: Малая Жана была расположена к северо-западу от современного Туапсе, а Большая Жана, как видно из приведенных выше записок Эвлия Челеби, занимала территорию «от Крыма до р. Абин». Шегары («шефакийские черкесы») жили вблизи Анапы, у подножья Бешкуйских гор. На прибрежной полосе Черкесии проживала еще одна группа адыгов – адаме. Но наиболее крупной этнической группой среди западных адыгов были хатукаевцы, жившие к востоку от Большой Жаны в «Земле Хундуг» по рекам Абин, Иль и Абурган. Документы начала XVII в. также упоминают Кундуки («Кундукские кабаки»). Историки полагают, что это название относилось к объединению адыгов, впоследствии известному под именем Хатюкой (Гатюкой, Атукан, современные хатукаевцы). Одним из крупных племенных объединений были также кемиргой (темиргой), жившие в бассейнах рек Пшиш и Шхагуаше (Белая). По русским источникам 1634 г., территория «Кумургейской земли» (страна Кемиргой) находилась под властью князя Мурзабека Болотокова. В 4-х днях пути от них было владение Белстопоа.

Ближайшую к Кабарде территорию в гористых местах «за Кубаном» занимали бесленеевцы, жившие в междуречье Лабы и верхнего течения Кубани. В территориальном, этническом и языковом отношении они были весьма близки кабардинцам, живущим на Тереке. По адыгским преданиям, они отделились от кабардинцев при князе Коноко. Родословная XVII в. выводит бесленеевцев и кабардинских князей от одного и того же родоначальника – Акабчу.

Проживающие в горах наиболее многочисленные общества натухайцев, шапсугов, абадзехов и др. исторические источники называют «вольными черкесами», поскольку они не имели владетелей, а правили ими старики.

5.3.2.3. «Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами, абхазцами и другими смежными с ними...»

Настоящими адыгами признают: кабардинцев, бесленеевцев, темиргойцев, хатукайцев и хегайков; другие же племена, управляемые также феодально, как то: бздугов, мохошевцев и жанеевцев называют иногда абадзэ.

Л.Я. Люлье (1857).

Приведенный в предыдущем разделе обзор расселения черкесов в середине XIX в. (до начала массового выселения их в Турцию), подготовленный официальным царским историографом Л.Я. Люлье в его сообщении «О натухажцах, шапсугах и абадзехах» (1857) историк дополняет сведениями, приведенными им в других источниках («Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними», и др.). Приведем эту информацию, хорошо дополняющую предыдущее изложение, в кратком виде: «Вот основание разделений адыгского народа:

Бесленеевцы отделились от кабардинцев под предводительством их князя Канок и по настоящее время (1857 г. – Авт.) не потеряли еще нити родства, соединяющего их с последними. От переселения этого произошло не более 100 лет (т. е. около 1757 г. – Авт.).

Темиргойцы, хатукайцы и хегаки имели общего родоначальника Болеток, который разделил владения свои между тремя сыновьями: Айтенок получил в удел Темиргой (Кемгуй); Хатиок дал полученному им уделу свое имя: Хатукай; Занок владел уделом Хегайк (потомок этой фамилии Карабатыр жил между натухажцами; отец же его Сефер-бей после занятия Анапы в 1828 г. выехал в Турцию). Княжеские дома эти признают и ныне узы родства, их соединяющие.

Бздуг имел двух сыновей: Киркян и Хамышь. Именами их назвались два племени: *киркинай (черченай)* и *хамышей*.

У *мохошевцев* родоначальник Богарсок, у *жанеевцев* – Бекхан.

Настоящими адыгами признают: кабардинцев, бесленеевцев, темиргойцев, хатукайцев и хегайков; другие же племена, управляемые также феодально, как то: бзедугов, мохошевцев и жанеевцев называют иногда абадзе. Причина такого различия: потому что первые из перечисленных племен, по-видимому, на южном скате гор никогда не жили, тогда как последние занимали некогда различные пункты морского побережья. Из исследований моих я (т. е. Л.Я. Люлье, 1857. – Авт.) мог вывести следующие сведения о переселениях адыгских племен:

Жанеевцы жили некогда в долине Цемезь, примыкающей к Суджук-Кальской бухте (у современного Новороссийска. – Авт.), и вдоль берегов Черного моря до Пшады; оттуда перешли они на северный скат гор, и под влиянием различных событий, окончательно водворились на Адекуме. Тут они были разорены отрядом русских войск в 1804 г. Ныне слабый остаток этого племени живет на Каракубанском острове.

Чебсины, сродники жанеевцев, оставили после себя память, дав имя свое одной из долин, примыкающей к Черному морю, и ныне слились, как выше сказано, с *натухажцами*.

Бзедуги жили некогда в приморской долине, называемой Туапсе, а оттуда перешли на Кубань.

Мохошевцы тоже жили на южном склоне Кавказских гор до перехода на северный склон.

Гоаие занимали долину Псеюзе и несколько других. Значительность этого племени доказывается ныне числом фамилий, слившихся с натухажцами и шапсугами. Главные дворянские фамилии этого племени Карзейк и Куищюк; княжеская же – Шесхако – пресеклась. Цюхух. Этим именем называется урочище на побережье Черного моря. В настоящее время там живет дворянский род Цюхь; княжеский же – Арин – пресекался.

У Дюбуа вкрались некоторые ошибки в отношении подразделений нынешних черкесских племен. Например, езерукай (еджеркуай) и адемий не составляют отдельных племен, но входят в состав: первый черченейцев, а последний – темиргойцев. Это усадьбы, названные именами их владельцев, дворян Езеруко и Адемий.

До образования своей самобытности *натухажцы* и *шапсуги*, в числе прочих племен Черноморского побережья, из коих главное племя было гоаие, занимало следующие места: а) натухажцы в урочище Тагапс, в верховьях долины Псезюе или Псезюапе; б) шапсуги в урочищах Айсейниб и Бебе-колайге, в той же долине Псезюе. В это время оба эти народа состояли только из пяти коренных отраслей: 1) надхо, 2) нетахо, 3) кобле, 4) скапете, 5) сотох. Первые две (надхо и нетахо) вошли впоследствии в состав натухажцев, а последние три – шапсугов. Впоследствии племя гоаие вошло тоже в состав натухажцев.

Абадзехи первоначально составляли тоже небольшое племя и занимали, по мнению одних, места в урочище Мадзмей, области нынешних убыхов, в верховьях рр. Шахе и Саше; по мнению других, они обитали в урочище Туб, на северном склоне Кавказского хребта. Место это и ныне (1857 г.) находится в составе земель. То, что они жили первоначально в верховьях р. Пчеха под покровительством дворянского рода Бешок, – это не подлежит никакому сомнению. Хотя по разности в названиях, натухажцы и шапсуги считаются отдельными народами, но, в сущности, они одноплеменны. И те, и другие называют себя «агучипс».

Абадзех в переводе значит «ниже абазцев» (то есть абхазов). Название это некоторым образом доказывает, что абадзехи жили в соседстве с абазцами и, не составляя самобытного племени, получили это название от своих соседей. Действительно, черкесское племя абадзехов живет в местности «Нижне-Абадзех». А абхазские племена абадзе (азега, абадзинцы, абазинцы) были выше их.

По рассказам стариков, шапсуги занимали в долине Абин земли только до узкого прохода Недийапч, далеко от того места, где долина эта расширяется в плоскость; за ней в 1834 г. была построена генералом Вельяминовым крепость Абинская.

Описываемые мною народы давали у себя убежище всем недовольным из соседних племен, от этого народонаселение их быстро увеличивалось. Так, род Гоаго, происхождения хатюкайского, пришел к шапсугам искать покровительства против угнетавших его князей и вошел в состав шапсугского народа. Род Тлебзу, подвластный абадзехскому дворянину Едиге Хатооко, перешел также к шапсугам. О численности этого рода можно судить по его имуществу, которое было перевезено на 300 арбах. В 1826 г. несколько семейств, подвластных абадзехскому дворянину Джанкята Мамехога, были причислены к натухажской фамилии Тлечась.

Абадзехи, подобно натухажцам и шапсугам, увеличились в народонаселении тоже пришельцами, в особенности присоединением к ним дворянского рода Едиге, происхождения монголо-ногайского, с подвластными фамилии Цей (следует отметить, что одна отрасль фамилии Едиге, о которой здесь упоминается, существует между ногайцами, живущими на левом берегу Кубани; другая же находится в Крыму под именем Кекуат. Обе отрасли признают между собой родство).

С увеличением народонаселения оказался недостаток в земле, и это заставило племена искать простора. Натухажцы начали постепенно занимать прибрежные морю долины, а шапсуги – переходить на северный склон Кавказских гор, и при этом заняли первоначально верховья долин; абадзехи, выходя из горных мест, стали водворяться постепенно на бесплодных или малонаселенных землях, там, где живут и в настоящее время (1857 г.). Занимая земли по мере надобности, натухажцы удержали за собою пространство от р. Адекум до крепости Анапы и котловину Чохурай. Шапсуги расположились по северному склону Кавказского хребта, между р. Суп, отделяющей их от абадзехов, и Адекум, служащей границей с землями натухажцев. Начиная от Анапы, к югу по берегу моря оба народа занимают вместе все долины, примыкающие к морю, до р. Бу или Буапе, отделяющей их от убыхов.

В прежние времена земли в окрестностях Анапы были населены племенем *хегайк*, а предгорья и плоскости прикубанские к р. Адекум – племенем жан или жанеевцами. Самобытность этих двух племен прекратилась, и они слились с нутухайцами. За р. Адекум жили и разные другие черкесские племена (адыге), которые впоследствии перешли на другие места. Ф. Дюбуа ошибается, упоминая о существовании хегайков в 1833 г., как отдельного народа, в коем он насчитал до 20000 душ. Племя это окончательно истреблено чумою, свирепствовавшей на Кавказе в 1812 г.

Коренные отрасли (небольшие племена – кланы): надхо, нетахо, кобле, схапете, сотох и гоаго, вошедшие в состав шапсугов и нутухайцев, разветвились на множество других, но сохранили узы родства и сохраняют один народ. В этом отношении они имеют сходство с кланами у шотландских горцев», – завершает свой обзор Л.Я. Люлье (1857).

5.3.2.4. Современные представления о расселении адыгов перед Кавказской войной

В начале XIX вв. западная граница Западной Черкесии проходила по Черноморскому побережью от Тамани до реки Шах; северная – по р. Кубань, до места впадения в нее р. Лабы; восточная – проходила по р. Лабе, а южная граница примыкала к Большому Кавказскому хребту. Правобережье р. Кубани, захваченное ногайцами, черкесы продолжали считать своим...

А.В. Кушхабиев (2007. С. 47-48).

Начиная от северо-западной оконечности гор Большого Кавказа, адыги заселяли обширную территорию по обе стороны Главного хребта примерно на 275 км (считая по водораздельному хребту с северо-запада на юго-восток), после чего их земли переходили уже исключительно на северные склоны Кавказского хребта, в бассейн Кубани, а потом Терека, простираясь на юго-восток еще примерно на 350 км. Один из лучших знатоков адыгской истории Хан-Гирей в работе «Записки о Черкесии» писал: «Черкесские земли простираются в длину с лишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с рекой Тереком».

Таким образом, территория, занятая адыгами, тянулась от границ Абхазии до низовьев р. Терек, поэтому в исторической литературе прошлого ее обозначали как земли «от моря до моря» или «от Тамани до Каспия». Общая площадь, оставшаяся в распоряжении адыгов в первой половине XIX в. составляла 180 тыс. кв. км. С запада она ограничивалась Черноморским побережьем и еще в конце XVI в. включала восточное побережье Азовского моря к юго-западу от устья Дона. Как северную границу исторические документы чаще указывают Кубань, хотя в разные периоды истории земли по правому берегу этой реки занимали отдельные этнические группы адыгов. На востоке крайние адыгские владения располагались южнее слияния р. Сунжи с Терексом по направлению к Каспию. На юге адыгские земли вплотную примыкали к Большому Кавказскому хребту. Анализ вышеназванной специальной литературы позволяет сделать вывод, что *общая этническая территория адыгов и ее внешние границы оставались в целом неизменными с конца XV до конца XVIII – начала XIX вв.* (Дзамихов К.Ф., 2008).

Большинство современных авторов сходятся в мнении, что к началу Кавказской войны на территории Западной Черкесии проживали следующие этнические группы (племена): шапсуги, нутухайцы, абадзехи, темиргоевцы, или кемиргоевцы, которые подразделялись на адамиевцев, егерукаевцев, мамхеговцев и хатукаевцев; бжедуги, которые, в свою очередь, подразделялись на черченеевцев и хамышеевцев; махошевцы, жанеевцы, бесленеевцы, убыхи; в Западной Черкесии также жили кубанские («беглые») кабардинцы. В наиболее концентрированном виде информация о местоположении этих племен в период перед Кавказской войной приводится в книгах: «Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006) и «История адыгов...» (2009).

АБАДЗЕХИ. В течение XVIII в. особенно расширилась территория абадзехов, вытеснивших с верхнего течения р. Псекупс бжедуг, а из бассейна Белой в ее среднем течении – темиргоевцев и егерухаевцев. На рубеже XVIII – XIX вв. абадзехи занимали обширные пространства в верхней части бассейнов рек Псекупс, Пшиш, Пшеха, Белая до Большого Кавказского хребта, по которому они граничили с шапсугами и убыхами. Северными соседями абадзехов были бжедуги, хатукаевцы и темиргоевцы. В источниках конца XVIII – первой половины XIX в. принято деление абадзехов на горных («дальних») и равнинных («ближних»), обусловленное тем, что они обладали большой территорией, включавшей как высокогорную зону, так и плодородные речные долины.

НАТУХАЙЦЫ фактически представляли собой часть шапсугского субэтнуса, вместе с которым они были известны под общим именем ахгутчипсе. Активно ассимилируя остатки хегаков, жанеевцев и вепсненцев, нутухайцы заметно расширили ареал расселения. К концу XVIII в. они занимали долины рек Адагум, Бакан, а также земли по Черноморскому побережью от Анапы до Геленджикского залива. Южнее Цемесской бухты они тесно соприкасались с шапсугами, не имея с ними четкого разграничения территории. В силу численного преобладания последних, население этой местности именовалось русскими источниками начала XIX в. «шапсугскими нутухайцами».

ШАПСУГИ. В Причерноморье их земли простирались до р. Шахе, которая отделяла их от убыхов. Территория шапсугов вдвое превосходила натухайскую, однако отличалась более гористым рельефом. На северных склонах Большого Кавказского хребта шапсугские села в конце XVIII в. располагались также по рекам Антхир, Бугундур, Абин, Чибик и Афипс. Кроме того, шапсугское население в виде анклавов проживало в приморских (приграничных) обществах Убыхии.

Бжедуги, темиргоевцы, махошевцы и бесленевцы, несмотря на некоторые демографические потери, все же сохранились как самостоятельные и достаточно устойчивые этнотерриториальные единицы Западной Черкесии.

БЖЕДУГИ, делившиеся на хамишеевцев и черченеевцев, оказались оттеснены из предгорий к левому берегу Кубани. Хамишеевский удел располагался между нижним течением рек Афипс и Псекупс, а Черченеевский – далее на восток между низовьями Псекупса и Пшиша.

ТЕМИРГОЕВЦЫ, БЕСЛЕНЕЕВЦЫ и все связанные с ними локальные субэтнические подразделения западных адыгов (адамиевцы, егерухаевцы, мамхеги), также уступая натиску абадзехов, оставили предгорные территории бассейна Белой и переместились севернее – в степное междуречье Белой и Лабы. Махошевцы и бесленевцы сохранили свои этнические ареалы в бассейне средней и верхней Лабы. Территория землепользования и политического влияния темиргоевцев и бесленевцев, поддерживавших наиболее тесные связи с Кабардой, на рубеже XVIII-XIX вв. не ограничивалась собственными этническими ареалами. Как и прежде, бассейн верхней Кубани и степные пространства между Кубанью и Лабой, населенные соответственно локальными группами северокавказских абазин, а также закубанскими ногайцами, оставались в сфере действенного политического и хозяйственно-экономического контроля княжеских домов Темиргоя, Бесленея и Кабарды.

ЖАНЕЕВЦЫ, ХЕГАКИ, ХАТУКАЕВЦЫ. Одной из причин существенного сокращения территории и численности этих трех племенных образований являлась наибольшая подверженность крымской экспансии в XVI-XVII вв. Затем сказались и результаты российской колониальной политики в регионе в последней четверти XVIII в. К началу XIX в. от обширных *жанеевских* владений оставалось лишь 6 небольших селений, расположенных в низовьях р. Кубань на левом берегу. Основная часть жанеевцев влилась в состав других адыгских субэтносов, главным образом шапсугов и натухайцев. Существенно уменьшились владения *хегачей*, занимавших в начале XVIII в. обширную область в Причерноморье и Приазовье. В 90-х гг. XVIII в. от них сохранялась только немногочисленная группа под Анапой. Эпидемия чумы и нападения более могущественных соседей стали причиной миграции части хегачей на восток к кемиргоевцам. Катастрофически сократилась численность *хатукайцев*. Остатки этого субэтноса оказались прижаты к левобережью Кубани. В начале XIX в. часть хатукоевцев, живших по рекам Иль, Абин и Надис (приток р. Афипс), переселилась к темиргоевцам в низменную часть междуречья Пшиша и Белой (Кожев А., Прасолов Д.Н., «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.118-1203).

Дополняют эту информацию авторы книги «История адыгов...» (2009):

ШАПСУГИ (ШАПСЫГЪ). К началу XIX в. самой многочисленной субэтнической группой в Западной Черкесии были шапсуги, территория которых граничила с натухайцами (на западе) по р. Адагум и Главному Кавказскому хребту, простираясь по Черноморскому побережью от р. Джубга до р. Шахэ. Шапсуги подразделялись на 8 локальных обществ.

НАТУХАЙЦЫ (НАТХЪУАДЖ) проживали на территории от нижнего течения Кубани на севере до р. Джубги на юге, Восточная граница натухайцев проходила по течению р. Адагум и ее притокам. Небольшая субэтническая группа *хегачей*, проживавшая в районе Анапы, в первой половине XIX в. была ассимилирована натухайцами.

АБАДЗЕХИ (АБДЗАХ) занимали горную территорию от бассейна р. Афипс до бассейна р. Лабы. На западе абадзехи граничили с шапсугами, на юго-западе с убыхами, на севере с бжедугами и локальными группами кемиргоевцев, на востоке с мамхеговцами.

ТЕМИРГОЕВЦЫ, или КЕМИРГОЕВЦЫ (КІЭМГУЙ) занимали территории между нижними течениями рек Схагуаше (Белая) и Лаба. На севере их граница проходила по р. Кубань, на юге по р. Схагуаше. Темиргоевцы подразделялись на локальные группы: *адамиевцев*, *егерухаевцев*, *мамхеговцев*, *хатукоевцев*. Адамиевцы жили вблизи рек Кубань, Пшиш, нижнего течения Схагуаше. Егерухаевцы жили между реками Схагуаше и Лаба, мамхеговцы в бассейне р. Курджипс.

БЖЕДУГИ (БЖЪЭДЫГЪУ) жили в междуречье Афипса и Пшиша. На юге Бжедугия граничила с Абадзехией, на западе с Шапсугией. Бжедуги занимали и часть правобережья Кубани до расселения там казаков в конце XVIII в. Подразделялись на две локальные группы *черченеевцев* и *хамииеевцев*.

МАХОШЕВЦЫ (МЭХЪОШ) группа, отделившаяся от бжедуг. На севере граничили с ногайцами, на юге с мамхеговцами, на западе – с егерухаевцами, на востоке с бесленевцами.

ЖАНЕЕВЦЫ (ЖАНЕЙ, ЖАНЭ) в XVI-XVII вв. занимали равнинные земли по обоим берегам Нижней Кубани и часть отрогов Кавказского хребта с выходом на Черноморское побережье от Цемесской бухты до р. Пшады. К концу XVIII в. жанеевцы были вытеснены Крымским ханством со своей территории и слились с другими черкесскими субэтническими группами.

БЕСЛЕНЕЕВЦЫ (БЕСЛЪЭНЕЙ) представляли группу, отделившуюся от кабардинцев в результате междоусобиц в конце XV – начале XVI в. Территория бесленеевцев простиралась по правому берегу р. Лабы и ее притоку Ходзь, на востоке и северо-востоке до р. Уруп. Граничили на северо-западе с мамхеговцами, на юге и юго-востоке с абазинами.

УБЫХИ (УБЫХ, ТУАХЪЫ) представляли собой этническую группу, родственную адыгам и абхазо-абазинам. Жили на территории, примыкающей к Черноморскому побережью, между реками Хоста и Шахэ. На северо-западе территории убыхов граничили с Шапсугией, на юго-востоке с землями абхазо-абазинских обществ садзов и ахчипсоу.

КУБАНСКИЕ («БЕГЛЫЕ») КАБАРДИНЦЫ, – отказавшиеся подчиняться царской власти и высланные из Кабарды в первой четверти XIX в.

В конце XVIII – начале XIX вв. адыги также проживали на Таманском полуострове в окрестностях османских укреплений (Тамань, Темрюк, Кизил-Таш) и в 80-ти селениях («История адыгов...», 2009. С. 351-353)

5.3.3. «Одна из лучших жемчужин в короне русского царя»: к расселению адыгов на Черноморском побережье Кавказа

Черноморское побережье Кавказа, этот дивный край лазурного моря и неба, изумрудно зеленых лесов, с одной стороны омываемых морской волною и с другой – взбегающих на склоны гор, увенчанных в заоблачной вышине вечными снегами, – одна из лучших жемчужин в короне русского царя.

«Черноморское побережье...» (1916).

Расселение адыгов на побережье Черного моря имело в рассматриваемый период свои особенности. «На Черноморском побережье, между Кубанью и р. Шахе, – сообщают авторы книги «Исторический обзор Терек...» (1851), – прибрежный край населен племенем адиге, известным более под именем черкесов. В пределах этого пространства обитают две отрасли этого племени натухайцы и шапсуги, между которыми за черту раздела их земель можно принять приблизительно линию, проведенную от моря к Кавказскому хребту, около середины расстояния между укреплениями Новотроицким и Тенгинским. К югу от р. Шахе до северного ската возвышенной плоскости Ахчипскоу, живут убыхи, обыкновенно причисляемые к племени черкесов, но в самом деле племя совершенно особое, имеющее свой язык, не подходящий ни к одному из кавказских наречий».

Более подробная информация о местоположении адыгских племенных групп на Черноморском побережье в начале-середине XIX в. приводится в работе Т.В. Половинкиной (2006). К коренным жителям Черноморского побережья Кавказа, – отмечает автор, – относятся садзы, садза (самоназвание), асадзуа (абхазск.), абадза (адыгск.), джики (грузинск.), джикеты или джигеты (русск.), южные абазины, абазы. В литературе первой половины XIX в. под именем садзов было более известно прибрежное население; для обозначения горных жителей использовали преимущественно названия отдельных общин или селений. В начале-середине XIX в. они занимали территорию между реками Агура и Бзыбь, от берега моря до перевалов через Большой Кавказский хребет. На северо-западе граничили с убыхами, на юго-востоке с абхазами. Этнические границы не были четкими: на сопредельных землях население было смешанным. К горным селениям относили общества:

ПСХУ – у верховьев рек Бзыбь и Апста; Аибга (Айбга) – в верховьях р. Псоу, правый берег (в 1835 г. насчитывало до 180 дворов); *Ахчипсы* – в верхнем течении р. Мзымта, по обоим ее берегам, но более на правом берегу, в бассейне притока Пдзико (Дзико или Зикуюй), современной р. Ачипсы; *Чужгуча* или Чигахуча (селение фамилии Чыгу) – среднее и нижнее течение р. Чвижипсе (Цвижи), правого притока р. Мзымта, на левом берегу (до 100 дворов); *Цвижа* (Цвиджа) – правый берег р. Чвижипсе, вблизи впадения ее в р. Мзымта.

МЕДОВЕЕВЦЫ. Все эти общины часто объединялись источниками под названием адыгского происхождения *мдажъуи* (формы написания в литературе: мдазой, медозой, мдавей, мудавей; по-русски – медовеевцы). В качестве названия их страны (области проживания) в специальной литературе встречается термин «Мдзимта», который этимологизируется как «место мдазой». Прямую связь с этнонимом имеет гидроним Мзымта, известный по сообщениям первой половины XIX столетия в нескольких вариантах: Мдзимта, Медозюмта, Мезюмта, Мдзимта.

ЧУЖА, ЧУА. Между медовеевцами и приморскими садзами проживали еще две общины: *Чужа* – в междуречье Мзымта и Кудепсты (Худапс), находилась под влиянием фамилии Баг (Багба); и *Чуа* (*Чыуа*) на р. Мацеста (Мца). Первая насчитывала около 100 дворов, вторая – до 150, раскинутых на протяжении 3 верст. В селении Чуа пользовалась влиянием фамилия Ачу. Среди этих двух общин, по словам Ф.Ф. Торнау, было распространено самоназвание абадза.

САДЗЫ. На побережье от Сочи до Хосты включительно садзы жили смешанно с убыхами, в том числе в селении Сочипсы и Облагукуадж на р. Сочи, известном также под названием Саше и Соча, по рекам Мацеста и Хоста (Хамыш). Значительную плотность населения имел район Хоста-Адлер. Из отдельных селений с этой территории остались известными лишь некоторые. Так, по сообщению А. Нордмана (1837), «в верстах шести от Адлера расстоянием от моря почти на две версты, расположено на высотах большое селе-

ние. Между реками Хуоста и Хуорота находится другое, меньше первого, селение в подобном же расстоянии от моря. Между самими селениями не более пяти верст». Где-то в этом же районе существовало по берегу моря селение Зенги, которое было «красиво разбросано в глубоком ущелье».

Убыхское название садзов – «джихи», грузинское «джики» (в эпоху средневековья), русское «джикеты» или «джигеты» также увязывается с греческим термином «зихи», который имеет местные корни. Известно, что раннесредневековыми источниками этноним «джики» распространялся только на адыгов. Русскоязычный этноним «джикеты» образован от грузинского слова «Джикети» («страна джиков», то есть зихов). Именем «джики», «джикеты» садзы себя не называли (Половинкина Т.В., 2006).

5.3.4. Расселение кабардинцев перед Кавказской войной

Кабертай – одно из значительнейших племен адыге; они разделяются на Большую и Малую Кабарду. Несколько кабардинских семейств с подвластными перешли разновременно в долины двух Зеленчуков и составили усадьбу в соседстве с абадзехами. Они известны у нас под именем «абреков».

Л.Я. Люлье (1857).

Перед Кавказской войной обширные пространства равнин и предгорий в бассейнах рек Кума, Малка, Баксан, Черек и Терек занимали кабардинцы. Терек делил их земли на Большую и Малую Кабарду. В начале XIX в. территория Большой Кабарды сократилась до р. Малки за счет «исхода» кабардинцев из родных мест. В 1804 г. жесточайшим образом было подавлено антиколониальное восстание в Кабарде; царскими войсками была «разорена и рассеяна вся Кабарда». Именно в этот период в знак протеста против бесчинств колонизаторов начинается одно из последних массовых переселений кабардинцев за Кубань, к закубанским адыгам – бесленеевцам. Эти так называемые «беглые кабардинцы» вместе с частью уцелевших бесленеевцев и составляют сегодня ту этническую группу адыгов Карачаево-Черкесии, которая известна под названием «черкесы». А в Адыгее потомками этих кабардинцев заселены аулы: Кошехабль, Уляп, Блечепсин и Ходзь.

Особенно много кабардинцев переселилось за Кубань на земли, контролируемые Турцией, после карательных операций царских войск в 1822 г. В результате переселения 8 аулов обосновались в верховьях Фарса; аул Магомеда Багашева – на р. Ходзь; между Лабой и Фарсом отстроились аулы Натырбова, Созарукова, Мошозова, Жудова и Мамижева. Но вскоре и их постигла судьба бесленеевцев и махошевцев: беглые кабардинцы были насильственно переселены русскими на менее плодородные земли левобережья Лабы. В начале XIX в. западные кабардинцы основали на Кубани владение Бесленеевское, разделенное на два удела. К западу от них по рекам Псафр и Ккель располагались владения Машоковское, Хатукаевское, Бжедухское, Черченеевское, Хамышевское, а также владение князей Болотоковых. Самостоятельными были владения княжеского дома Бастокко, который, по словам очевидцев, «...живет с малым числом подвластных на берегу моря в окрестностях р. Вепсне». Вблизи южного (черноморского) устья р. Кубани и на Таманском полуострове были владения еще трех княжеских родов.

Некоторое представление о расселении кабардинцев перед Кавказской войной можно получить из следующих свидетельств современников.

Юлиус Клапрот (1808): «У Владикавказа кончается степь, известная под именем Малой Кабарды. Малая Кабарда ограничена на севере Терекон, на востоке – Сунджей (Сунжа), а на юге – ручьем Кумбалей и на западе – рекой Лескен, которая, соединившись с Аргуданом, впадает слева в Терек. Она образует почти правильный треугольник шириной на севере до 140 верст, южнее только 60 верст, а с севера на юг – 70 верст. Ее восточная часть называется Шлахстани (Джилахстан?) и принадлежит князю Ишахсану, сыну Кайтуко, главная деревня которого у ручья Пседах, названа русскими Ахловы кабаки. Западная часть называется Талостани (по-татарски Тау-Султан – «горный господин») и принадлежит князю Али Махил Мудареку, сыну Алхаса. Он живет в деревне Пши-Ткау у небольших рек Псипша, или Черная вода, а вторая деревня также называется Талостани, а у русских – Кабаки Тау-Султана. Анзори называют деревни богатого узденя между левым берегом Терека и рекой Лескен. Две цепи узких гор, которые у русских называют «гребень», а у черкесов «арак» или «арек», простираются с запада на восток через долину Малой Кабарды, параллельно текущему Тереку, а также направлению Главного хребта...».

[Комментируя этот документ, В.С. Бесланев (1995) отмечает, что Клапрот допустил здесь некоторую неточность, считая Али Махил Мударека, сына Алхаса, представителем Талостановского рода и владельцем Талостаней. Согласно «Родословной кабардинских князей и мурз XVII в.», Мударек, сын Алхаса, или Мудар Алкасов, был внуком Джамурзы (Жамурзы) – родоначальника Мударовой фамилии. Джамурза – старший сын Гилахстана. Мудар Алкасов владел не «Талостаней», как пишет Клапрот, а западной частью Гилахстаней. Подобная неточность допущена и в двухтомной «Истории Кабардино-Балкарской АССР» (1967, т.1, с.132), где сказано, что деревни Гилахстановых главным образом располагались в западной части Малой Кабарды, а в восточной части – Таусултановых. Фактически же в восточной части Малой Кабарды (до Татартупа и ущелий на юге) находились владения Гилахстановых, а в западной – Таусултановых (Талостановых)].

Измаил Атажукин (1810). В своем очерке «Краткое описание жителей горских черкес...» И. Атажукин останавливается на расселении восточных адыгов – кабардинцев:

«...Горские черкесы, расположенные по сю сторону между рек Кубани и Терека, впадающая первая в Черное море, а последняя в Каспийское, суть Большая и Малая Кабарда, а во оных нации в зависимости Большой Кабарды, разделенные на три части и трем кабардинским князьям Атажуковым, Мисостовым и Жамбулатовым принадлежащая, в коих состоят разные селения, как то: Абаза, или по турецкому наименованию Алтыкесекских Абаза, а имянно: Лов, Дадарук, Биберт, Киача, Кылыч и Жантемир. Потом Карачай, Чегемы и Малкары, особой своей испорченной татарской язык имеющие. За ними следуют Дугор, Кубатии, Куртат, Тагаур и Ингушевцы, с прочими малыми селениями вообще под названием Асетинцев именуемые, состоят под владением Большой же Кабарды со вмещением некоторой части и Малой Кабарды. Сии принадлежат России» (Цит. по: Дзамихов К.Ф. (2008).

С. Броневский (1823): «Кабарда лежит против Моздока и Георгиевска параллельно на юг, по рекам: Тереку, Черему, Нальчику, Чегему, Баксану и Малке, простирается в ширину от 30 до 80 верст до Черных гор, а в длину слишком на 200 верст, начиная от правого берега Малки до левого берега Сунжи; со включением Малой Абазы, ей подвластной (то есть от Кубани до границ Малой Кабарды содержит около 300 верст в длину). Кабарда граничит к северу с Георгиевским и Моздокским уездами Кавказской губернии; к востоку – с кистами, к югу – с осетинами и балкарцами, к западу – с Малою Абазою и закубанскими черкесами. В Российской истории кабардинцы известны под именем «пятигорских черкес».

БОЛЬШАЯ КАБАРДА. Границы Большой Кабарды определяются с трех сторон углом, происшедшим от слияния Малки с Тереком; к югу землями осетинцев, дигорцев и балкарцев. Реки протекающие через земли Большой Кабарды: Малка, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек и часть Терека. Постоянные их усадьбы (аулы) расположены по Баксану: Атажукины аулы, Мисостовы, Джембулатовы, Татархановы, Куденетовы аулы.

Князья разделяются на три главных рода или колена: Мисост, Атажука и Джембулат. Джембулатов род разделен еще на два колена: Бек-Мурзы и Кайтуцы (от: Кайтук). Атажукин род, заключающий до 4000 дворов, почитается сильнейшим. Знатнейшие дворянские роды в Большой Кабарде. Гнардукова колена: Куденетовы и Тамбиевы; Анзорова колена: Барука, Зарека и Ельмурза. Число всех жителей в Большой Кабарде – 10000 семей, которые могут поставить до 6000 чел. доброй конной войска.

МАЛАЯ КАБАРДА. Простирается по правому берегу Терека прямо напротив Моздока, начиная от подошвы Черных гор до левого берега Сунжи напротив Наура. Граничит к западу с Большой Кабардой, от которой отделяется Тереком, к северу с Моздокским уездом, от которого также отделена Тереком, к востоку – с чеченцами и ингушами, к югу – с осетинцами.

В Малой Кабарде властвуют два княжеских колена, происходящих от кабардинского родоначальника Инала: колено Тау-Султана и колено Гелеслана (Гелехстана). Тау-Султановы аулы расположены от Татар-Тупа вниз по правому берегу Терека и заключают всего около 1000 дворов. Главное селение Гелесланового колена – Малая Кабарда или Ахловы Кабаки, в 25 верстах от Моздока, содержит в себе 500 дворов. На р. Псидах лежат еще 3 деревни Кайтукина рода. Оба эти колена вместе составляли до 3000 конного войска. Девлет-Гиреева деревня лежит напротив Червленской станицы и принадлежит черкесскому князю Девлет-Гирею Магомет-Беку, из рода князей Бековичей, находящемуся в Российском подданстве. Сия деревня населена черкесами, кумыками и др. Население всех черкесских областей заключает в себе около 50 000 дворов, могущих выставить до 25 000 воинов».

Султан Хан-Гирей (1837): «Владения Кабардинские. Обширное пространство земли, лежащей, начиная с востока от левого берега Сунжи, на запад до правого или восточного берега Кубани, – простирающееся в длину около 300, а в ширину от 30 до 80-ти верст, и которое граничит: к востоку – с Аксаевскими кумыками, Брагунскою деревнею и чеченцами; к югу – с осетинцами, шедемцами (чегемцами) и карашаевцами (карачаевцами); к западу – с закубанскими черкесами; к северу – с Георгиевским и Моздокским уездами Кавказской области, – искони составляло собственность кабардинцев, которые ныне (30-е гг. XIX в. – **Авт.**), будучи умалены в числе своем, занимают места на запад только до Малки и немного далее до окрестностей речек Пцеликко и Етдакко.

Это пространство, длиною около 200 верст простирающееся, на котором кабардинцы господствуют, разделено на два участка: на земли Большой Кабарды (составляемой уделами или владениями Дянботие, Хатожкокоае и Мсостие) и так называемой Малой Кабарды, состоящей из уделов Талостение и Кьлехстение».

И.Ф. Бларамберг (1840): «Границей Малой Кабарды на западе служит Терек (некоторые называют его еще Аргудан); на севере она граничит с Моздокским уездом, граница там также проходит по Тереку. Северный берег Сунжи отделяет ее от чеченцев, и левый западный берег той же речки – от земель Ингушетии; эта река образует восточную границу Малой Кабарды; на юге она граничит с территориями осетин и ингушей. Ее ширина и протяженность почти одинаковы: от Моздока до предместий Владикавказа около 80 верст; от правого берега Терека до горячих источников св.Екатерины («Екатерининские теплицы») также около 80 верст.

Реки Терек и Сунжа образуют почти всю границу Малой Кабарды; на ее территории протекают только речка Курп, или Курпи, а также нижнее течение р. Комбулеевки. Эта речка течет в северо-западном направлении и впадает в Терек семью верстами выше Татартупа. Вместо рек в Малой Кабарде имеется

большое число ручьев и источников, так что можно сказать, что этот край изобилует лесом и водой. Малую Кабарду пересекает хребет Арак-Алагарек (Арыкъ), который тянется с запада на восток от Терека до устья Сунжи. Этот хребет большей частью покрыт лесами; его северные склоны покатые, там есть залежи песка, глины и мерзля (мергель? – Авт.). Земля в Малой Кабарде очень плодородная и пригодна для развития земледелия и животноводства. Однако этот край, по сравнению с его размерами, очень слабо заселен, так как горцы используют все эти плодородные земли только под пастбища, тогда как они могли бы прокормить куда большее население, если бы оно занималось земледелием. В Малой Кабарде господствуют два княжеских семейства, ведущих свой род от Инала – основателя родословной кабардинских князей. Это семейства Тау-Султана и Галеслана, или Гелеслана».

«Исторический обзор Терека...» (1851): «Пространство земли, ныне занимаемой кабардинцами, разделяется на две главные части: на Большую и Малую Кабарду.

БОЛЬШАЯ КАБАРДА заключается между уступом Черных гор от Эльбруса до Лазгух-Хох, Тереком и Малкою, Хасаутом, Марою и Карачаевским обществом, занимая пространства около 5 975 кв. верст; из этого числа, за исключением лесистых покатоств Черных гор и весьма небольших участков на Кабардинской плоскости, остальная земля чрезвычайно удобна для хлебопашества и принадлежит к самым тучным и плодородным почвам Кавказского края, орошенным множеством рек, речек и ручьев. В последнее время к Владикавказскому полку прирезана земля от кабардинцев за денежное вознаграждение, в числе 39 041 десятины, так что в настоящее время жители Большой Кабарды владеют полосой земли около 594 107 десятины.

Жители Большой Кабарды живут на Кабардинской плоскости по течению рек, в ущельях оных и весьма в немногих аулах на последних уступах Черных гор. Аулы их представляют разбросанный вид; сакля от сакли широко расставлены; аулы не велики. Самый большой аул, как, например, князя Атажукина имеет около 120 дворов, в других же число сакель простирается от 50 до 60. Вся земля Большой Кабарды разделена между 4 княжескими фамилиями и фамилиями узденей 1 степени: Куденетовой, Анзоровой, Тамбиевой и Куголкиной, и потом на мелкие участки подвластным им узденям. Кроме того, в Большой Кабарде около Нальчика поселен Вольный аул на правой стороне реки. Его жители происходят от холопов, принадлежавших прежде кабардинским князьям и узденям и выбежавших от них в разное время. На основании прокламации генерала Ермолова им была предоставлена свобода с тем, чтобы они не делали побега к непокорным и жительствовавали в Кабарде. Число душ их обоого пола 814. Кроме того, в Большой Кабарде находится незначительное число евреев, высланных сюда одновременно из деревни Андреевой (на левом фланге Кавказской линии), они поселены 36 дворами, в коих считается душ обоого пола 275, за Нальчикским разгонным постом у берега р. Нальчика. Всего же числа жителей собственно в Большой Кабарде около 27 371 душ обоого пола.

МАЛАЯ КАБАРДА находится между Тереком и Сунжею. Южная граница ее немного не доходит до Камбилеевки; всего же малокабардинцы занимают полосу земли в 2 100 кв. верст, или около 220 000 десятины.

Жители Малой Кабарды подобно своим единоплеменникам, а равно и все пространство земли ими занимаемой принадлежит княжеской фамилии Бековичам-Черкасским и дворянским старинным родам (узденям), из коих известнейшие: Эльхотовы, Надоровы, Ахловы, Астемировы и другие. Здесь живут не такими малыми и рассеянными аулами, как в Большой Кабарде, но соединяются в довольно большие селения, как, например, аул князя Бековича-Черкасского имеет 1 390 душ, а Астемирова, Исламова и Анарокова по 1 200 и более душ. Всего же аулов в Малой Кабарде 26; в них считается дворов около 2125 и жителей 12 756 душ обоого пола» («Исторический обзор Терека...», 1851).

Л.Я. Люлье (1857): «Кабертай – одно из значительнейших племен адыге; они разделяются на Большую и Малую Кабарду. Большая расположена между реками Малкою и Тереком, а к югу примыкает к осетинам. Она разделена между четырьмя княжескими родами: Джинбот, Месост, Хатохшок и Кайток. Малая занимает правый берег Терека до предгорий и берегов Сунжи. Она управляется двумя княжескими родами: Татлостан и Гилогхан. Несколько кабардинских семейств с подвластными перешли одновременно в долины двух Зеленчуков и составили усадьбу в соседстве с абадзеками. Они известны у нас под именем «абреков».

А. Берже (1858): «Кабардинцы (Кабертай) населяют так называемые Большую и Малую Кабарду.

1. **БОЛЬШАЯ КАБАРДА** занимает: северную покатоств Кавказских гор, между реками Кубанью, Малкою и Тереком. Живущие здесь черкесы управляются следующими четырьмя княжескими фамилиями, происходящими от Инала или Касая и ведущими свой род от Аравийских эмиратов: Джинбот, Месост, Хатохшок и Кайток. После двух кровопролитных мятежей 1804 и 1822 гг., вследствие которых многие из кабардинских князей и дворянства бежали за Кубань, в страну тогда еще независимую, Русское правительство успело водворить свою власть в Кабарде.

2. **МАЛАЯ КАБАРДА** – на правой стороне Терека, занимает плоскость, образуемую изгибом этой реки на юг от г. Моздока. Она состоит из трех обществ: Бековического, Ахловского и Таусултановского, населяющих 26 аулов. Жители Малой Кабарды покорны. Податей не платят, несут повинности кордонной службы.

3. Беглые кабардинцы до 1804 г. жили в Кабарде. Когда же там вспыхнул мятеж, часть князей и дворянства, не желая быть под нашей властью, бежали за Кубань, – край, тогда еще находившийся под влиянием Турецкого султана.

У кабардинцев важнейшие по происхождению и влиянию своему фамилии суть: Атажуко, Навруз, Карамурза, Касай, Кайтуко, Бабуко, Джаноко, Беслан, Куденет, Докшуко и др.».

5.3.5. К проблеме взаимоотношений между адыгскими племенами в начале–середине XIX в.

Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и не подчиняется религии истины... Не повинуйся же неверным и борись с ними великой борьбой!

Коран. Суры 9, 29; 25, 54.

Как было отмечено выше, межплеменная борьба вносила свои жестокие коррективы в расселение и численность адыгских племен. Так, к началу Кавказской войны значительно уменьшилась численность бжедуг. По архивным данным, к абадзехам и шапсугам в это время отошло 1200 одних только хамышевских дворов. В результате этой междоусобицы «...убито князей одновременно 4, дворян 40, простых более 1000 и свыше 900 душ мужчин и женщин с их имуществами взято в плен».

В свою очередь, взятие Анапы царскими войсками ввергло абадзехов в кровопролитную войну с темиргоевцами, «по завершении которой был оформлен антирусский союз этих двух племен». В результате поглощения крупными народами более мелких к тому времени прекратили свое существование шегак, большая часть жанеевцев и ряд других мелких этнических групп. Военные экспедиции царских войск привели практически к исчезновению еще одного племени – махошевцев. Уцелевшие несколько десятков человек нашли приют у бесленеевцев, проживавших в верховьях Лабы. В 30-х гг. XIX в. бесленеевцев и мамхеговцев принудительно переселяют в низменные долины Большого и Малого Тегиней и р. Уль.

В результате к концу XIX в. местоположение этих племен значительно изменилось. Так, расселение мамхеговцев (мамхегов), по А.Н. Дьячкову-Тарасову (1901 г.), выглядело следующим образом: «Мамхеговцы составляли следующие аулы: Тлевцежевы – на р. Кубиок, впадающей в Белую; Патукай – в 6-ти верстах от Майкопа на р. Куро; Духхабль – в 1 версте выше ст. Курджипской; Хачемзий – на месте нынешнего пос. Тульского; Даче-Хабль – между Курджипсом и Белой; Кураль – центральный аул мамхегов, на водоразделе между Белой и Курджипсом. Впоследствии число мамхегских аулов увеличилось следующими новыми: Хоретли, Барджукай, Бадженай, Урдане (Ордэнхэр), Куиже (Къуижьхэр), Тагъанай и Хакунай».

Насколько сложны были взаимоотношения между адыгскими племенами в начале XIX в., можно судить по сообщению Н.Г. Волковой. Она отмечает, что адамиевцы до этого времени находились в зависимости от темиргоевцев. После эпидемии чумы численность адамиевцев значительно уменьшилась; притесняемые соседними племенами, они вынуждены были перейти на земли бесленеевцев по р. Урупу, которым и стали подвластны. В зависимости от темиргоевцев были группы хатукаевцев и бжедуг, переселившиеся на темиргоевские земли из-за малоземелья. В политической зависимости от убыхов находились садзы и т. д. По Н.Г. Волковой, в зависимости от бесленеевских князей Кануковых и Шолоховых были северокавказские абазыны башильбаевцы и баракаевцы. Кроме того, «башильбаевцы признавали также власть абхазских князей Маршаниа, а баракаевцы – шапсугских узденей Лах и Анчок, вступивших в родство с Даурами одной из влиятельных абадзехских фамилий».

Таким образом видно, что в описываемое время северо-западные адыги, как и раньше, были разделены на множество мелких этнических образований и кланов. Поэтому в начале XIX в., когда угроза открытого вторжения со стороны царской России стала реальностью, делались неоднократные попытки объединения адыгского народа. При этом инициатива исходила не только от самих адыгов (например, народное собрание «Хоуо-хясь» в 1822 г.), но также и со стороны иноземных агрессоров (Турции, Англии), рассчитывавших таким путем привлечь адыгов к совместной борьбе с Россией.

Усиленное обращение черкесов в мусульманскую веру подводило, так сказать, идеологическую базу этой борьбе: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и не подчиняется религии истины... Не повинуйся же неверным и борись с ними великой борьбой!» (Коран. Суры 9, 29; 25, 54). Колонизация Северного Кавказа русскими и украинскими поселенцами привела к значительному сокращению владений адыгов. Но тем не менее, до 30-х гг. XIX в. адыги занимали еще обширную территорию в Причерноморье и на Северном Кавказе. Владения их простирались от Таманского полуострова на западе до Терека на востоке и в общей сложности составляли, по свидетельству А.Х. Бижева, 180 тыс. кв. км.

Кроме собственно адыгов, на Кубани перед Кавказской войной жили и другие народности. В междуречье Кубани и Лабы уже издавна поселились кубанские ногайцы, в верховьях Лабы, Белой и Зеленчуков – абазыны. Северными соседями адыгов были казаки, занимавшие правобережье р. Кубани. В 1801 г. в Черномории было уже 2 города, 42 куреня, в которых проживало 32609 чел. В дальнейшем русскоязычное население быстро увеличивалось (1843 г. – 122344 чел., в 1860 г. – 172317 чел.).

6. «ГИБЕЛЬ ЧЕРКЕСИИ» В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ: ЦАРСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ ПРОТИВ АДЫГСКОГО НАРОДА

Если притязание кончается войной, то в ней погибает много безвинных («Даом ыкIэ зао хъумэ, зимылофыбэ хэкIуадэ»).

Адыгская пословица.

Кавказская война символизирует борьбу черкесского народа за свою независимость против сил, намного превосходящих его собственные...

Хавжоко Наукат Муфти (1994).

Проводимая царским самодержавием с конца XVIII в. политика колонизации, вытеснения кавказских горцев вызвала закономерное противодействие, вылившееся в широкое народно-освободительное движение адыгов и других народов Северного Кавказа, которое особенно широкий размах приняло в XIX в. В упорной и неравной борьбе, известной в исторической литературе как Кавказская война, адыги пытались отстаивать свою родину и свободу. К. Маркс и Ф. Энгельс, внимательно следившие за событиями на Кавказе, рассматривали борьбу горцев с русским царизмом как освободительную, в которой участвует сам народ. Как справедливо отмечал атаман Кубанской казачьей Рады В.П. Громов, в настоящее время самый сложный период в истории русско-адыгских отношений (Кавказская война) вызывает обостренный интерес, и не случайно. Причиной тому – утвердившаяся в советской историографии точка зрения о только прогрессивном влиянии России на адыгов. А ведь на самом деле это было время, полное трагизма для Адыгеи, период, до последнего времени упорно замалчиваемый «официальной» исторической наукой. Лишь публикации последних лет смогли прервать этот «заговор молчания» во круг, пожалуй, самого «больного» вопроса в истории Земли адыгов. Как с болью писал И. Машбаш:

Девятнадцатый век – он для вечности миг,
Но суровая память для нас...

6.1. «Кавказская» или «Русско-Черкесская»? : к терминологии и хронологии Кавказской войны

6.1.1. «Термин Кавказская война не столько условный, сколько ошибочный»

Предписано вам сражение, а оно ненавистно для вас...

Коран. Сура 2; 212.

Что се есть? до чего мы дожили, о, россияне! что видим? что делаем?

Из проповеди Ф. Прокоповича (1681-1736).

Прежде всего, следует уточнить правомерность самого термина «Кавказская война» и ее сроки. Как отмечает П.У. Аутлев, «термин Кавказская война не столько условный, сколько ошибочный». Действительно, царизм вел войну не против всех народов Кавказа, а против отдельных из них, восставших против самодержавной политики утверждения своей администрации на местах. На Северном Кавказе такими повстанцами являлись, в первую очередь, адыги, желавшие быть в составе России лишь на основе соприсяжничества (*зэтхьарIогъу*), но без вмешательства царских властей во внутренние дела адыгов. С этой точки зрения некоторым авторам представляется более точным именовать эту войну «Русско-Черкесской» («Русско-Адыгской»), имея в виду, разумеется, борьбу адыгов не с русским народом, но с колониальными притязаниями царского самодержавия.

Однако группа историков Кубанского госуниверситета (А. Авраменко и др.) решительно отвергают и это название: «Еще меньше подходит определение ее как Русско-Черкесской войны, так как наиболее организованное сопротивление российской экспансии было в Чечне и Дагестане. Да и черкесы далеко не все противостояли России. Бесленевцы, бжедуги, хатукаевцы, например, в споре России и Турции предпочитали держаться первой стороны...». Определение этой войны как «Русско-Кавказская» или «Русско-Черкесская» ничем не хуже общепринятого названия «Кавказская война», которого мы и будем придерживаться в дальнейшем изложении.

6.1.2. «Вопрос о хронологических рамках Кавказской войны давно вызывает споры у историков»

В советское время в отечественной историографии были установлены хронологические рамки Кавказской войны с 1817-го по 1864 гг. и условно выделены три ее этапа (Кудаева С.Г., 2007):

I – с 1817 по 1829 г.

II – с 1829 по 1856 г.

III – с 1856 по 1864 г.

Однако это деление является в настоящее время далеко не общепринятым, – перефразируя известное выражение, можно сказать: сколько историков, столько и мнений...

6.1.2.1. Спектр мнений исследователей о дате начала Кавказской войны

Историки не могут договориться о дате начала Кавказской войны... Само понятие «Кавказская война» является настолько широким, что позволяет делать шокирующие заявления о ее якобы 400-летней или полуторавековой истории.

И.В. Карпеев (2001).

По мнению царского генерала М.Я. Ольшевского (1880), «...вопрос о хронологических рамках Кавказской войны давно вызывает споры у историков: одни датируют начало Кавказской войны концом XVI – началом XVII столетий; вторые, говоря о дате начала войны, высказывают мнение о том, что отсчет надо вести с Персидского похода Петра Великого; третьи – с 1801 г., когда Грузия вошла в состав Российской империи; четвертые говорят о 1817 г. начале активных действий Ермолова; пятые датируют начало войны 1829 г., – и все приводят значимые аргументы в пользу своей правоты...».

Некоторые исследователи (В.А. Потто; Р. Трахо) начальной точкой отсчета считают 1763 г. Другие авторы (А.Х. Касумов и Х.А. Касумов) датируют начало Кавказской войны 1800 г., третьи – 1803-1804 гг., когда боевые действия со стороны черкесов начинают принимать массовый и плановый характер; четвертые – 1816-1818 гг., когда с приходом А.П. Ермолова война на Кавказе приобретает жесткую наступательную и даже карательную форму; пятые – 1830 г., когда пожар войны охватил всю Черкесию, и т. д. (Елифанцев А.А. 2010).

Фактически же *первые карательные акции царских войск против западных адыгов относятся еще к 1711 и 1736 гг.* (см. раздел 1.6.14.1). Эту дату начала войны (1711 г.) встречаем и у А.А. Схалыхо. Тем не менее, общепринято относить начало Кавказской (Русско-Черкесской) войны к 1830 г., то есть ко времени начала открытой агрессии царизма в Черкесии.

6.1.2.2. «Правительство Екатерины II перешло к колониальной политике в 1763-1764 гг.»

В 1763-1764 гг. правительство Екатерины II фактически ликвидировало военно-политический союз (никак не вассальный!) России и Кабарды, существовавший с 1557 г., ...и перешло к колониальной политике.

А.В. Кушхабиев (2008. Вып. VII).

Как было отмечено выше, некоторые исследователи начальной точкой отсчета считают 1763 г. Так, автор книги «Черкесы» (Мюнхен, 1956) Рамазан Трахо утверждает, что «Кавказская война началась еще в 1763 г. завоеванием Кабарды. Покорение же населения Северо-Западного Кавказа началось в 1786 г.». Первую из этих дат приводит в своей книге и один из известных историков этой войны – генерал русской армии В.А. Потто, бывший в свое время начальником военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа. Он связывает начало войны с началом строительства в 1763 г. на кабардинских землях русской крепости Моздок. Эту же дату («первое вооруженное восстание в 1763 г., ставшее началом столетней войны между Черкесией и Россией») приводят и авторы одного из сайтов в Интернете (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Рассматривая исторические события, предшествующие началу Кавказской войны, А.В. Кушхабиев (2008) пишет: «Как известно, Кавказской или Русско-кавказской войной (1763-1864) называют процесс завоевания царской Россией Северного Кавказа. По мнению многих северокавказских историков, *начало Кавказской войны приходится на 1763 г., когда царские власти перешли к колониальной политике на Северном Кавказе.* На окраинах Кабарды царские власти аннексировали значительную часть территории. Началось строительство Моздокской крепости и военной Кизляр-Моздокской линии, представлявшей собой цепь укреплений и казачьих станиц.

Попытки депутации кабардинских феодалов в 1764 г. решить в Санкт-Петербурге вопрос о ликвидации Моздокской крепости и военной линии завершились безрезультатно. В 1763-1764 гг. правительство Екатерины II фактически ликвидировало военно-политический союз (никак не вассальный!) России и Кабарды, существовавший с 1557 г., нарушило условия Белградского мирного договора 1739 г., по которому Российская и Османская империи признавали независимость Кабарды, и перешло к колониальной политике. Захват в первую очередь именно Кабарды был обусловлен военно-стратегическим значением ее территории, находившейся в центре Северного Кавказа. К тому же Кабарда в то время являлась наиболее сильным и организованным политическим образованием в регионе, оказывавшим влияние на соседние народы. В случае ее захвата Северный Кавказ становился расчлененным на две части, что облегчало ведение военных действий против других народов», – завершает свое эссе А.В. Кушхабиев (2008. Вып. VII).

6.1.2.3. К дате окончания Кавказской войны

*Умолкла грозная война!
Конец борьбе ожесточенной!*

Ф.М. Достоевский (1821-1881).

Общепринятым является утверждение, что Кавказская война завершилась 21 мая 1864 г. в урочище Губаадва (ныне Красная Поляна, часто неправильно именуемая Кбаада или Кбаадэ). Тем не менее, и в

1865 г., и позже отряды так называемых «охотников» продолжали «искоренять остатки мятежных племен» в лесах и горных ущельях.

По мнению генерала М.Я. Ольшевского (1880), «...с датой окончания войны разброс мнений значительно меньше: называют даты 1859 г. – пленение Шамиля и покорение Восточного Кавказа, 1864 г. окончательное покорение Западного Кавказа, но также говорят о подавлении восстания 1877-1878 гг. в Чечне во время русско-турецкой войны как об окончательном покорении горцев. Почти все сходятся в том, что даже после официального объявления о покорении Кавказа спокойствие в этом крае не наступало еще долго...».

Историки А.Х. Касумов и Х.А. Касумов народно-освободительную борьбу черкесов в XIX в. условно разбивают на два основных периода: первый – с 1800 по 1829 гг., когда центром этой борьбы была Кабарда, и второй – с 1830 по 1864 гг., когда центр борьбы переместился к закубанским горцам. Ниже более детально будет рассмотрен именно последний, наиболее трагичный для западных адыгов, этап Кавказской войны.

6.2. «Покорение горских народов или истребление непокорных...»: причины и цели Кавказской войны

6.2.1. «Русско-черкесская война началась по вине... самих горцев»?

От севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли... Бегите, дети Вениаминовы, ...ибо от севера появляется беда и великая гибель.

Книга пророка Иеремии (1, 14; 6, 1).

XIX в. на Кубани началась организованная борьба между казаками и черкесами. Черкесы стали собираться в скопища и нападать на укрепления казаков и населенные места. Казаки вместе с русскими войсками ходили на черкесов и громили их владения и жилища. Началась Русско-черкесская война...

Ф. Щербина (1910).

До настоящего времени нет единого мнения о причинах и целях Кавказской войны. В 1912 г. просвещенный адыгский мулла-этнограф Н.Т. Меретуков опубликовал на арабском языке книгу «Позволяющее увидеть свет в истории черкесов», в которой виновниками войны признаны... сами адыги. По мнению автора, горцы «проникали в Россию вплоть до Дона-Волги и занимались грабежом. Такими разбоями они разбудили спящую Русь, вынудили ее в порядке самообороны собрать огромные вооруженные силы и двинуть их против адыгов...». Завоевание Северо-Западного Кавказа он фаталистически объяснял проявлением воли Аллаха: *«Ау тхьам ыџуагъэр, къызысыкъэ, зи хэпшыхъэн плъэкъыштэн»* – *«Что предопределено Аллахом, – то неотвратимо»*.

Разумеется, такое понимание причин Кавказской войны глубоко ошибочно. Упрощенно трактует истоки этой трагедии и кубанский историк Ф. Щербина (1910), который утверждал: «XIX в. на Кубани начался организованная борьба между казаками и черкесами. Черкесы стали собираться в скопища и нападать на укрепления казаков и населенные места. Казаки вместе с русскими войсками ходили на черкесов и громили их владения и жилища. Началась Русско-черкесская война, длившаяся 65 лет подряд, с 1800 по 1864 гг., когда был покорен Северный Кавказ». При этом и Ф. Щербина основную «вину» за начало войны возлагает на горцев: «Нарушение мирных отношений между казаками и черкесами началось единичными случаями воровства, грабежей, поранений, убийств и пленения со стороны черкесов. С течением времени эти мелкие столкновения превратились в непрерывную войну...».

Действительно, перечисленные факты имели место. Так, адыгский историк А. Керашев пишет: «Известно, сколь широкое распространение в Черкесии получила практика воровства имущества и людей, и нет ничего удивительного, что естественная потребность адыгов в наездничестве стала питаться за счет набегов на казачьи селения. Частые наезды адыгских партий на российские владения обычно воспринимались как повод для совершения карательных экспедиций...». Близка к этому мнению и позиция некоторых современных историков: «Постоянные разорительные набеги горцев пришли в противоречие с устремлениями России на Северо-Западном Кавказе». Поэтому не случайно, в ответ на нападения атаман Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсак получил «высочайшее» разрешение переходить р. Кубань, что раньше было категорически запрещено, и преследовать отступающие шайки хаджиретов-абреков. *Одна из инструкций, полученных атаманом, предписывала шапсугов наказывать примерно, но щадить стариков, женщин и детей.* При наказании шапсугов не трогать других черкесских племен.

Затрагивают этот столь болезненный для адыгов вопрос и авторы книги «История Кубани...» (2004): «Первоначально черноморским казакам не разрешалось преследовать партии горцев на левом берегу Кубани. Однако постоянные проникновения и разбои, остающиеся безнаказанными, приводили к активизации набегов. В конце 1802 г. Александр I в предписании генералу И.И. Михельсону указывал на необходимость наказания подобных хищнических акций, поскольку попытки решения данного вопроса мирными средствами расценивались горцами как проявление слабости и неспособности противодействовать удалству наездников. Поэтому со времени атаманства Ф.Я. Бурсака ответные карательные экспедиции черноморцев в глубь территории горцев стали новой тактикой в борьбе с хищничеством».

«Кавказская война началась по вине самих горцев»: такое объяснение прослеживается и в «трудах», которые опубликовал некий В.Н. Федорович (1994). Чтобы не быть голословными, приведем лишь один фрагмент из его книги «Как запорожцы Кубань обживали», претендующей на историческую достоверность и написанной с явными потугами на народный юмор: «Пока прикубанские степи были безлюдными, горцы набегов туда не совершали. Кого грабить-то? А когда там выросли казачьи поселения, замычали стада, заблеяли отары, заржали табуны, эти равнины стали привлекать горцев, как мед привлекает пчел, как тухлое мясо мух и как аромат навоза скарабеев (навозных жуков. – Авт.). Атаманы сначала уговаривали горцев. Потом стали их «учить». Горцы эту учебу усваивали и давали обещание жить в мире. Им за это давали подарки, разрешали в казачьих поселениях беспощинно торговать, а в степях пасти скот. Вообще-то горцы не виноваты в том, что нарушали обещания. Просто, у них была очень короткая память. Кубанский склероз. Аптек в ту пору не было, поэтому казаки применяли испытанные лекарства: сабли и пики, ружья и пушки. Наконец, эпидемия склероза разрослась и сделалась настолько угрожающей, что царь сдался: *в черкесские аулы начали снаряжать профилактические экспедиции и уж там лечили всех подряд. После такой «профилактики» память у горцев держалась год-два, а то и несколько лет...*». Что здесь скажешь? Пусть эти оскорбительные для адыгского народа строки останутся на совести этого «историка». Как говорит восточная мудрость, собака лает, а караван идет...

В исторической памяти кубанских казаков сохранилась и такая версия причин «охлаждения» казаков к горцам в начале XIX столетия – от первоначальной дружбы и взаимопонимания – к конфронтации и открытым военным действиям. Как писал казачий историк А.В. Певнев (1911), «...закубанские горцы весьма дружелюбно встретили появившихся на Кубани черноморцев. Видя, что черноморцы терпели большие невзгоды и нуждались в хозяйственных вещах, горцы на первых порах пришли к ним на помощь... Так как в торговых делах черноморцы не брали с должников расписок и всегда верили на слово, а черкесы, оставаясь должниками, никогда не обманывали черноморцев и всегда в назначенное время являлись для расчета, то черноморцы полюбили горцев за их честность и в торговле всегда верили им на слово... С течением времени дружба между черноморцами и вблизи живущими черкесами постепенно укреплялась...». Но вот здесь, – утверждает автор, – наступил предел понимания, поскольку пограничные отношения перешли в политическую форму: «...Бжедухский князь Батырь-Гирей явился к кошевому атаману Чепиге и заявил о своем намерении перейти в подданство России вместе с подвластными ему бжедухами. Императрица согласилась принять в подданство Батырь-Гирей и повелела Чепиге защищать его от враждебных горцев». Но вмешательство казаков Чепиги в пользу одной из сторон в бесконечно идущей войне между адыгскими племенами эпохи «военной демократии» вовлекло их в совершенно иной круг военных отношений: «С этого времени враждебные племена горцев начали мстить черноморцам. ...Они переправлялись через Кубань, нападая на казачьи поселения и хутора: грабили их, угоняли скот и уводили людей в плен. Для наказания горцев за учиняемые набеги Войсковое Правительство посылало черноморцев за Кубань, которые в свою очередь, жгли горские аулы, угоняли скот и уводили в плен людей...» («Россия и Кавказ...», 2001).

И эта, и другие подобные попытки объяснения «охлаждения» горцев-адыгов к казакам, послужившего своеобразным «спусковым механизмом» начала Кавказской войны, – несостоятельны.

Да, – отмечают историки Кубанского госуниверситета, – несомненно, наибольшая часть черкесского общества (крепостные, рабы, крестьяне-земледельцы и скотоводы) работала, пахала землю, выращивала скот, в то время как для людей, свободных от всяких работ, набеги составляли их единственное занятие. Междоусобицы среди феодальной и старшинской верхушки, межэтнические конфликты, давление избытка населения на недостаточно высокий уровень производительных сил, пропаганда турецких эмисаров и наивов Шамиля, набеги карательных экспедиций, российская экспансия и подстрекательство Англии, – без учета всего этого невозможно понять характер, истоки и сущность Кавказской войны (Авраменко А.М. и др., 1994; 1995).

6.2.2. «Обеспечить свой тыл завоеванием горских племен»: истинные цели и задачи Кавказской войны

После того, когда выполнена задача покорения Армянского нагорья, предстоит Вам другая задача, в моих глазах не менее важная, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшая, – это покорение горских народов или истребление непокорных...

Николай I – графу И. Паскевичу (1828).

Мы кончаем колониальную торговую политику и переходим к политике завоевания новых земель. Будущей целью нашей внешней политики должна быть политика приобретения необходимой территории...

А. Гитлер. «Майн кампф» (1935).

Приведенное выше утверждение группы университетских историков в определенной степени справедливо, но подлинные истоки, главнейшие причины Кавказской войны, конечно, лежат намного глубже. Несомненно, с позиций России того времени у нее были веские мотивы для присоединения Северного Кав-

каза после вхождения в состав империи Грузии и Армении. При этой в качестве конечной цели царское правительство выдвигало доктрину полного овладения Черным морем. Так, рапорт генерала Погодина императору Александру II четко определяет место Кавказа во внешнеполитических планах России: «Восток должен принадлежать нам по праву. Необходимо овладеть Черноморским побережьем, Босфором и Дарданеллами. Черное море должно стать местом наших маневров. Нам предстоят немалые труды – сооружение крепостей на Черноморском побережье, снабжение всех стратегических пунктов всеми видами вооружений. Необходимо завершить войну с народами Кавказа, которая потребует еще немалых затрат и большого упорства. Эта война должна послужить приобретению нашими войсками должного опыта и стать прикрытием всех наших подготовительных операций по овладению Черным морем».

Эту же мысль мы встречаем и у известного русского историка В.О. Ключевского: «Но, как скоро русские стали на Каспийском и Черноморском берегах Закавказья, они должны были, естественно, обеспечить свой тыл завоеванием горских племен». «Высшими государственными интересами» объясняли (вернее, оправдывали) Кавказскую войну и другие историки. Так, В.А. Потто (1885) отмечал: «Покорение это – исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России».

Разумеется, не «набеговая система» горцев и ответные карательные акции со стороны казаков вызвали эту войну. Внешнеполитической стороной этого процесса были колониальные притязания царского самодержавия. Военно-политические цели царизма на Кавказе, с предельной четкостью сформулированные императором Николаем I, заключались в «покорении горских народов или истреблении непокорных». И это не просто эффектные слова. Действительно, царизм ставил своей целью физически уничтожить население и захватить их земли. В этом он видел залог утверждения своего владычества на Кавказе. Как справедливо подчеркивает А. Схалыхо, Кавказская война была не война армий (ибо не было армии у адыгов – выступали народные ополченцы), и не война на покорение и подчинение, а на истребление.

6.2.3. «Не вина казаков, а беда их, что они оказались марионетками в руках царского самодержавия»

Войску Черноморскому вверяем бдение и охранение пограничное от набегов народов закубанских.

Павел I, император (1754–1801)

Главное назначение казачества состоит в выполнении той цели, которую ставит перед собой русская политика. Эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его колонизации.

Александр II, император (1818–1881)

Нельзя закрывать глаза на тот факт, что немаловажная роль в «умиротворении» адыгов, наряду с регулярными царскими войсками, была отведена казачеству. Империя, расселяя в свое время на Кубани запорожских казаков, заведомо обрекала их на неизбежные столкновения с горцами, видевшими в них не только возможность как-то «поправить» свое экономическое положение, но и угрозу своей независимости. Приведем лишь несколько выдержек из грамот и писем российских самодержцев. Например, Екатерина II (30 июня 1792 г.): «Войску Черноморскому подлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских». Павел I: «Войску Черноморскому вверяем бдение и охранение пограничное от набегов народов закубанских». Николай I (10 октября 1843 г.): «Во внимание полезной службы черноморцев, их храбрости, неоднократно доказанной при отражении скопищ горцев...» и т. д.

«Главное назначение казачества, – говорил Александр II, – состоит в выполнении той цели, которую ставит перед собой русская политика. Эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его колонизации». Потомственный казак Г.Вивчарь, чьи предки пришли на Кубань с первым потоком переселенцев, также оценивает суть Кавказской войны, как войны колонизаторской: «Царица повелела казакам заселить Таманский полуостров и продвигаться вглубь левобережья и правобережья Кубани и обживать их. Здесь с давних времен проживали адыги, и это был настоящий захват их земли... Казаки думали, что черкесы встретят их огнем и мечом, но те не хотели крови. Они отступили, надеясь на благоразумие казаков и царицы. Переселенцы, однако, все дальше и дальше продвигались вглубь, захватывая их богатые земли. К слову, многие казаки не хотели насилия и захвата земель, но в то время того, кто выражал протест, ждали порка и каторга». Благословляя казаков на их «ратный труд», архиепископ Агафодор в своей проповеди восклицал: «И будем молить Всевышнего: да благословит он казачье войско силою крепкою и мышцею высокою в дни брани!». И казаки оправдали эти надежды. Как писал в 1861 г. поэт С.Д. Нечаев,

Но грозным казакам безвестны страхи битв:
С пицалью меткою союз они скрепляют
И, оградясь щитом молитв,
На все опасности дерзают...

Но, разумеется, не вина казаков, а беда их, что они оказались марионетками в руках царского самодержавия – «самого деспотичного и самого кровожадного», по выражению В.И. Ленина. В свое время К. Маркс заметил: «Цель, для которой требуются неправо́ые средства, не есть правая цель». В полной мере эти слова относятся и к Кавказской войне, которая велась средствами самыми неправо́ыми, самыми безжалостными, самыми жестокими, самыми кровавыми...

6.3. Проекты и «прожекты»: планы царизма по «умиротворению» кавказских горцев

Когда русско-турецкая война 1828-1829 гг. близилась к своей развязке, царские власти занимала мысль об окончательном покорении Кавказа. Уже видно было, что отдельные карательные экспедиции, предпринимаемые для наказания горцев, мало приносили пользы. Нужно сказать, писал В.А. Потто (1885), что это было время возможных проектов «умиротворения» кавказских горцев.

6.3.1. «Цивилизованные», относительно гуманные способы «умиротворения» горцев

Военное министерство было засыпано трактатами, в которых было много странных идей, показывавших только усердие, но никак не знакомство с Кавказом составителей планов...

В.А. Потто (1885).

Справедливости ради следует отметить, что не все царские вельможи были на стороне решения кавказской проблемы военной силой. Были прогрессивные, трезво мыслящие русские военные и государственные деятели, которые советовали царю избрать иной, «цивилизованный» путь установления нормальных, мирных отношений с адыгами.

Но были и другие проекты, которые иначе, чем «прожекты» назвать нельзя. «Военное министерство, – писал В.А. Потто, – было засыпано трактатами, в которых было много странных идей, показывавших только усердие, но никак не знакомство с Кавказом составителей планов...». Предлагалось например, действовать против закубанцев, подвигаясь не с равнины к горам, в напротив, с гор к равнинам, строить крепости на хребтах, рвать самые горы порохом, а против горцев растягивать проволочные сети по берегам Кубани и Терека. Также советовали покорять горцев не оружием, а культурой, то есть просвещением, торговлей, водворением среди горских народов роскоши и даже пьянства. Даже в конце войны командующий Кавказским корпусом генерал Н.Н. Муравьев признавал возможным «...в иных частях Кавказа действовать проповедью, в других – учреждением школ и развитием между горцами промышленности – средства, которыми при военных действиях не должно пренебрегать». Были также предложения учредить в Анапе кадетский корпус, в котором воспитывались бы черкесские юноши вместе с детьми казаков, полагая, что «общность воспитания родит дружеские связи, которые не замедлят отразиться в будущем и на дружеском согласии обоих народов». Давался совет, чтобы в этом заведении русский священник, поставленный рядом с муллой, внушал бы мусульманским детям понятия о превосходстве христианской веры. Некоторые предлагали прежде всего побеспокоиться о смягчении нравов посредством открытия у горцев специальных музыкальных школ.

6.3.1.1. «Вместо того, чтобы истребить и разорить горские народы, – обратить их к нам убеждением собственной их пользы...»

Мирных из них [горцев], ...занимающихся хлебопашеством и скотоводством, не только ни под каким предлогом не обижать, но покровительствовать и доставлять им возможные выгоды.

Из рапорта генерала А.П. Тормасова (1810).

Князю Цицианову первому принадлежит благотворительная мысль привязывать к нам горские народы образованием и торговлею. Сей генерал подал первый голос держать здесь эскадрон из знатнейших горцев и пропускать в их земли хлеб и необходимые для жизни товары беспошлинно.

«Кавказ и Российская империя...» (2005. С. 315).

В начале XIX столетия, с расширением масштабов проникновения России на Кавказ, перед царскими властями вплотную встал вопрос: что же делать с аборигенами, издавна населяющими Предкавказье – западными адыгами и кабардинцами. Эту непростую проблему пытались решить, используя современную терминологию, как «ястребы», так и «голуби».

Как пишет современный («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 315), «...князю Цицианову первому принадлежит благотворительная мысль привязывать к нам горские народы образованием и торговлею.

Сей генерал подал первый голос держать здесь эскадрон из знатнейших горцев и пропускать в их земли хлеб и необходимые для жизни товары беспоплавно. Согласно сему предположению, устроена в 1810 г. по обеим Линиям цепь меновых дворов, откуда сии народы снабжались в особенности солью, привозимую с озер Черномории». Впрочем, незадолго до этого все тому же князю Цицианову принадлежит диаметрально противоположное высказывание в адрес участников восстания в Кабарде (1804): «Ждите, говорю я вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками!». Не о таких ли двуличных людях писали библейские пророки: «Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их; уста их полны злословия и горечи» (Послание к римлянам, 3; 13-14).

К сторонникам, как мы сказали бы сегодня, «цивилизованного», не военного решения «черкесской проблемы» можно отнести главнокомандующего в Грузии и на Кавказской линии генерала А.П. Тормасова, который в своем рапорте военному министру от 12 октября 1810 г. излагал свое видение проблемы «умиротворения» горцев путем учреждения меновых дворов по Линии («Журнал Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края» (23 марта 1830 г.): «Сей полудикий образ жизни замедляет для сих народов успехи промышленности. Можно сказать, что оное доселе находится у них в детстве, несмотря на то, что богатая почва доставляет им способы для богатого хлебопашества, виноделия и шелководства, а леса их представляют богатую добычу для зверолова; притом сии леса богаты деревьями плодовитыми, строевыми и даже мачтовыми, а равнины, прилежащие к рекам, производят в изобилии пшеницу, кукурузу и многие другие хлебные растения.

С особенным успехом занимаются черкесы пчеловодством и скотоводством. Все сие доставляет немалую прибыль армянам, торгующим в черкесских владениях, и служит уже отчасти предметом торговли внешней, которая при лучших обстоятельствах, без сомнения, может распространиться еще более. Наш флот, например, мог бы снабжаться строевым лесом из Черкесии, но ее жители, и без того уже беспечные, не были ободраемы привозить оный к нам. Напротив, по исследованию графа Строганова в 1826 г., известно, что черноморские казаки нередко вырубали насильно лес за Кубанью, и казна принужденною нашлась вознаграждать тамошнего князя Алхазу за подобный убыток. Сие уже доказывает, что лес мог бы служить важною статьею в торговом обороте между закубанцами и черноморцами. Однако здешняя торговля ограничивалась доселе меною товаров, ибо черкесы едва знакомы с употреблением денег, а наше правительство доселе неизменно следовало правилу запрещать вывоз к ним звонкой монеты». И далее генерал Тормасов пишет: «...Расширение Кавказской линии за счет лучшей их земли сделало кабардинцев к нам недоверчивыми, жестокости начальников привели их в уныние, система, принятая, чтобы через сокровенные пружины производить вражду между владельцами, узденями и народом и содержать посреди их междоусобие, родила в них привычку к войне...

Судя о кабардинцах, как о сильнейшем народе, владычествовавшем некогда над многими другими, должно разуместь то же самое и о всех прочих горских народах, ибо они совершенно одинаковых свойств и обычаев; тем же способом всегда поступаемо было и со всеми ими с самого устроения Кавказской линии.

Итак, весьма естественно, что горские народы не могут быть привязаны к России и хотя некоторые по слабости своей показывают вид покорности, но сердечные в них впечатления долго будут оставаться неизгладимы, следствием чего иные из них, выходя из терпения, вооружаются, потом, не находя сил своих достаточными, покоряются, дают аманатов, присягают и, скрывая на время чувствуемую ими ненависть, при первом случае оную обнаруживают. По сим причинам и по долгу звания моего старался я испытать для усмирения их другие средства и *вместо того, чтобы истребить и разорить горские народы, обратить их к нам убеждением собственной их пользы*. По всем соображениям надежнейшими средствами представились мне следующие:

1) Отнять у сих народов всякое сообщение с Турцией, которая влиянием своим подстрекает в них злобу к России, – что завладением береговых на Черном море крепостей и пристаней уже исполнено.

2) Мирных из них, жительствующих на плоскостях близ границы Кавказской линии, занимающихся хлебопашеством и скотоводством, не только ни под каким предлогом не обижать, но покровительствовать и доставлять им возможные выгоды, – что от части исполнено учреждением в прошлом (1809) году для кабардинцев соляного магазина при Прохладенском пограничном карантине.

3) Как горские народы по мухаммеданской религии управляются и в гражданских делах духовенством, то стараться, по прекращении сообщения их с Турцией, откуда духовные чины к ним доставлялись, определять в сие звание людей благомыслящих, кротких и приверженных к России, дабы через них можно было знать все намерения горских народов и, так сказать, управлять их умами.

4) Содержать кордонную на Линии стражу наистрожайшим образом, чтобы при первом покушении горцев на внутренность Линии сии хищные злодеи не токмо были примерно наказаны, но совершенно истреблены, к чему достаточное число войск на кордоне и частые укрепления по черте оного дают все способы.

5) Привлекать горцев в наши города, где устроить мечети, жилища для духовенства и при них школы для образования юношества, и, наконец, учредить торговое сообщение между ними и жителями Кавказской губернии» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 258-260).

6.3.1.2. Адмирал Мордвинов: «Таковых народов оружием покорить невозможно»

Народы кавказские... останутся навсегда и вечно в независимости, доколе сохранят свои нравы, обычаи, доколе довольны будут дарами единыя природы и вне домов своих находить будут все, что умеренным и обыкновенно при диком состоянии малочисленным желаниям удовлетворяет избыточно.

Н.С. Мордвинов, адмирал (1816).

Несомненный интерес представляет позиция адмирала Н.С. Мордвинова, который еще в 1816 г. подготовил на «высочайшее утверждение» докладную записку «О способах, коими России удобно привязать к себе постепенно кавказских жителей». Вместо военной блокады Черкесии с моря, адмирал предлагал строить отношения с горцами на основе развития торговли, обмена продуктами своего труда, хозяйственной взаимопомощи, строительства дорог и т. д. В записке особо говорилось о том, что вместо насильственного «покорения» горцев следует использовать «...способы, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силою оружия». В частности, Н.С. Мордвинов писал царю: «Обладание Российской державы между Каспийским и Черным морями пресекается внутри земли народами, независимыми от оной, живущими в ущельях гор Кавказских, и уделом земли вскрай [т. е. по побережью] Черного моря, принадлежащим турецкому императору.

Народы кавказские, огражденные твердо быстрыми потоками вод, утесами гор, ущельями неприступными, лесами непроходимыми, долинами, от нападения безопасными, останутся навсегда и вечно в независимости, доколе сохранят свои нравы, обычаи, доколе довольны будут дарами единыя природы и вне домов своих находить будут все, что умеренным и обыкновенно при диком состоянии малочисленным желаниям удовлетворяет избыточно.

Таковых народов оружием покорить невозможно; вечная вражда происходит на границе их и часто успевает в грабежах и разорениях, когда менее она ожидаема. Число войск, великие воинские снаряды и превосходство в военном искусстве не оградят с безопасностью от временных их нападений. Часто будут они удачны, всегда будут вредны соседственным мирным селениям.

Необходимость потребует содержать великое число войск, истощевать великие сокровища денег, иметь повсюду воинские отряды, испытывать в людях великий ущерб от беспрестанного бдения, от беспрестанных переходов, от недостатка различных, от всего, что здравую человеческому вредно: от зноя солнца, от ветра, от дождя, от испарений влажной земли. И все таковые усилия едва доставят спокойствие ограждаемым воинскою стражею селениям.

Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному, состоянию, должно приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, новые нужды, новые привычки, должно ознакомить их с нашими обычаями, нашими услаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий. Тогда не токмо сдружимся с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими токмо вечную вражду питать возможно. Но дабы преуспеть в великом сем намерении, должно употреблять приличные для верного успеха способы. Первоначальные способы должны быть в удовлетворении первым их нуждам, и сии нужды состоят в соли и железе. Для сего всю соль, заготовляемую от казны по границе Кавказской, предоставить должно в полное и неограниченное распоряжение главнокомандующего. Ему должно предоставить всякие отпуска, ссуду, образы обменов, назначение цен для продажи и употребление соли даже в подарки безотчетно; за сим способом главнокомандующий возможет соделаться благотворителем жителей горных и положить укоренение владычества России над сими народами. На таковом же основании снабдить его соответственным количеством и железа, ежегодно потребного для всякого рода надобностей горских жителей.

Азиатские народы первейшею добродетелью почитают гостеприимство. Они благоговейно к сей добродетели, и настолько велика и священна она между ними, что признанный гость есть наидражайшая особа в доме, и все семейство обязано служить раболепно и жизнью своею сохранять его безопасность.

Должно сею всеобщую народную добродетелью воспользоваться и привязать к себе оною всех родона начальников, чиновников и старшин семейств. Главнокомандующий и все чиновники российские должны в домах своих иметь особые комнаты, всегда готовые к принятию гостей своих, устроенные и снабженные всем, что для горского жителя может быть приятным, покойным и увеселительным. Для содержания таковых гостиных и размножения оных при всех чиновниках, равно и для соделания подарков гостям, предоставлять ежегодно в распоряжение главнокомандующего по 200 тыс. руб. Подарки должны быть того рода, кои приучить их могут более к нашим обычаям и к новым нуждам, дабы таковые подарки, размножаясь употреблением внутри их земли, приучили их к покупке таковых же впредь.

Для вящего поощрения к присоединению к нам народов сих полезно было бы учредить временные в году празднества, кои могли бы разными увеселениями привлекать на оные горских жителей. Дабы успешнее действовать на нравы их и водворять между ними понятия и обычаи наши, полезно бы было завести в городах наших школы для воспитания молодых князей и детей старшин народных. И сии училища устроить

так, чтобы в оных находили они свои обряды и свойственные горским жителям упражнения, как-то: употребление оружия, ристания на конях и другие им сродные телодвижения. Некоторых из них привлекать и в С.-Петербург, составив из них Гвардейский Кавказский отряд, с ограничением служения их на 4 года. Когда народы кавказские сближаться с нами станут чрез снабжение всем для них потребным, когда привязаны они будут к нам тесными союзами гостеприимства и благотворения, когда взаимные обмены торговли учредятся, когда суровость нравов ослабнет наслаждениями и привычкою к прихотям роскошным, тогда владение турецкое на отдельном уделе тощей Абазии [Абхазии] соделается ничтожным, и турки, оставленные горскими жителями, едва ли не упразднят сию землю, которая ни доходами, ни военным своим положением не послужит нисколько к могуществу Турецкой империи, ниже к успокоению России. Предлагаемые здесь новые по полуденному краю издержки основаны на хозяйственном расчете. Издерживая, как здесь предполагается, по 100 тыс. руб., сберегутся миллионы рублей, издерживаемые ежегодно на содержание великого числа войск для единого сохранения границы, без приобретения в доход и единого рубля в пользу империи.

Кавказские обширные долины, простирающиеся на миллионы десятин в окружности, издревле принадлежали горским жителям и составляли богатейшее их обладание, с избытком вознаграждавшее скудость, обитающую вечно в ущельях, рыгвинах и на вершинах тощих каменных гор. От сих степей получали они пищу и одежду, имели все, что для жизни их потребно, довольны были своим состоянием, жили мирно с соседями и, в случаях внутреннего между собой несогласия, ходили на суд к начальнику двух российских батальонов, стоявших на страже собственных границ. Но когда военною цепью загнали горцев в тесные пределы, поставили у подошв гор войска, и когда с отнятием у них таким образом степей, ущелья обитаемых ими гор не представили ни единой пространной площади, на коей бы производить могли земледелие и содержать нужный для них скот, когда разрушилась взаимная у них с нами дружба и возманила на место оной вражда, долженствующая дотоль существовать, покуда вседневные недостатки в жизненных потребностях не престанут им напоминать об источнике оных, то есть отнятии у них Россиию древнего и богатейшего их достояния. А когда с возрождением у сих народов злобы и негодования, к природной дикости их присоединились лютость и мщение, тогда в каждом почти месте, при каждом отверстии гор потребовался особый военный отряд, отчего пространная Кавказская граница и не может быть охраняема иначе, как непрерывном содержанием там многочисленной армии.

К постепенному ослаблению неприязненных действий таковой вражды и ко всевозможному водворению там прежнего доброго согласия одним из действительнейших средств могло бы быть следующее:

Соединяясь посредством гостеприимства, столь за священное горцами почитаемого, с сильнейшими из их родоначальников в знак теснейших с ними дружеских связей, *назначить им в дар по тысяче и даже по несколько тысяч десятин земли в степях наших*. Для обитающего в каменных горах и тысяча десятин в плодородной степи составлять будет обладание драгоценнейшее, чем 100 тыс. десятин бесплодных вертепов и вершин на горах. По сим получаемым в наделение землям родоначальники таковые станут подданными России, а когда со временем удостоверятся они, что держава сия способна благотворить соседним народам, а не притеснять их, то и *почувствуют сердечную к ней преданность и станут время от времени и других соплеменников своих преклонять к мирным с нами сношениям*. Торговля же, взаимные услуги и сближение во нравах и вкусах усилят оные. А для вящего удержания горцев от набегов на наши границы нужно бы умножить тамошние поселения наши...», – завершает свой проект мирного «умиротворения» горцев адмирал Н.М. Мордвинов. Подобные же предложения выдвигал и флигель-адъютант Николая I адыг Хан-Гирей в своем труде «Записки о Черкесии» (Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 149-155; «Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 265-269).

Много позже, в конце 1830-х – начале 1840-х гг., о необходимости «цивилизованных» способов завоевания Кавказа размышлял и начальник первого отделения Черноморской прибрежной линии (впоследствии переименованной в Черноморскую береговую линию) генерал-лейтенант Н.Н. Раевский. В составленных им различных записках, в частности, в «Записке о торговле с Восточного берега», он настаивал на том, что России следует стремиться устанавливать с коренными народами Северного Кавказа толерантные отношения и *организовывать населенные пункты казаков и крестьян без ущемления прав местных жителей на свободных территориях*, а также активизировать доброжелательную торговлю казаков с горцами для предоставления последним средств к существованию и развитию их экономики (Думанов З.Б., 2006. Вып. III. С. 273).

6.3.1.3. Проект князя Селим-Гирея: «Повергнуть [адыгский] народ во всероссийское подданство способом самым легким и без помощи оружия»

*Кто себе друзей не ищет,
Самому себе он враг.*

Шота Руставели (XII в.).

Повергнуть [адыгский] народ во всероссийское подданство способом самым легким и без помощи оружия, ...доставить сему храброму народу благоденствие под скипетром великого монарха России.

Селим-Гирей, князь (1819).

Был ли грядущий насильственный захват Черкесии чисто военными способами исторически неизбежным, или же имелись какие-либо альтернативные мирные варианты? Ответ на этот вопрос могут дать приве-

денные ниже малоизвестные факты. В начале XIX в. на имя императора Александра I поступило от некоторых адыгских князей несколько проектов о присоединении Черкесии к России мирным путем. Интересно, что в этих проектах адыгские князья именуют себя не иначе как «представителями независимой стороны». Так, в «Проекте присоединения к Российской державе черкесского народа» (1819 г.) податель проекта Селим-Гирей жаловался на жестокое обращение турецкого султана с адыгскими князьями и народом. Всякому, кто пробовал возражать султану, грозила верная гибель. Поэтому он, «...боясь убиенным быть султаном турецким, рассудя, прибегнул под державу всеавгустейшего государя императора переселиться в город Тамань». Адыги, заинтересованные в мире с Россией, жаловались Селим-Гирею на притеснение со стороны турецкого султана, указывали на необходимость прекращения междоусобной борьбы между отдельными племенами. «По всем сим обстоятельствам, – писал Селим-Гирей императору, – некоторые из почтеннейших фамилий и многие из простого народа присылали ко мне доверенных с убедительною просьбою, чтобы я был ходатаем перед престолом всеавгустейшего монарха о принятии их в покровительство и верноподданство Российской державы».

Проект мирного присоединения адыгов к России начинался с изложения внутреннего и внешнего положения Черкесии. В этой части проекта указывалось наличие «внутреннего бессилия черкесского народа» и междоусобных распри, что, по мнению автора проекта, могло бы привести к «разрушению порядка» и усилению в Черкесии позиций Оттоманской Порты. Видя все это, Селим-Гирей, подобно прочим сопредельным народам, решил «повергнуть [адыгский] народ во всероссийское подданство способом самым легким и без помощи оружия». Отражая мнение простого народа, он видел в присоединении Черкесии к России залог безопасности от притязаний и жестокостей Оттоманской Порты, надеясь также этим актом «...доставить сему храброму народу благоденствие под скипетром великого монарха России».

«Проект присоединения к Российской державе черкесского народа» Селим-Гирея, в частности, включал такие пункты: 1. Открыть свободную и беспопышную торговлю между адыгами и Россией в некоторых пограничных пунктах. 2. Россия по своему усмотрению должна была отвести во владение адыгов «свободные пустопорожные места из земли, прилежащей к Черному морю, для постоянного распространения скотоводства». 3. Для того, чтобы привлечь будущих переселенцев на правый берег р. Кубани, намечалось отвести им плодородную землю для хлебопашества, предоставив им ряд льгот и т. д.

К сожалению, проект так и остался проектом; жестокая действительность Кавказской войны внесла в него свои кровавые коррективы.

6.3.1.4. «Положение об устройстве Закубанского края»: «Показывать горцам превосходство образованного народа над грубыми племенами»

Сохранять строгую правосудность в отношении к горским народам, не нарушая их обычаев и выгод, когда оные безвредны... Являть им, по временам и с разборчивостью, доводы снисходительности и великодушия высшей власти отличиями и наградами.

Из проекта «Положения об устройстве Закубанского края» (1830).

В архивных источниках сохранилась следующая запись: «1830 г., марта 23 дня. Особый Комитет, учрежденный для устройства Закубанского края, слушал приобщенную к сему журналу записку об обитающих на Кавказе народах:

а) Показывать горцам при всех случаях, где только дадут они к тому повод, неусыпную бдительность в наблюдении за их замыслами, предприятиями и поступками, и превосходство господствующего народа над грубыми племенами. Неукоснительно преследовать и наказывать вооруженною рукою хищничества, грабежи и разбой кавказских народов, щадя к тому неприкосновенных.

б) Сохранять строгую правосудность в отношении к горским народам, не нарушая их обычаев и выгод, когда оные безвредны.

в) Являть им, по временам и с разборчивостью, доводы снисходительности и великодушия высшей власти отличиями и наградами, имея всегда в виду, что мщение и благодарность суть природные, сильные чувствования, можно сказать страсти в народах, почти полудиках, и что сии качества племенам кавказским, может быть более, нежели каким-либо другим, принадлежат,

г) Вводимыми у них исподволь установлениями заставить их почувствовать блага мира, порядка, торговли и просвещения.

Изложив мнение свое о политической системе, Комитет обращается к будущему устройству Закубанского края. Меры, какие на сей конец члены Комитета признали полезным принять, хотя предварительно разделяются по свойству своему на отрицательные и положительные, и состоят в следующем:

А) МЕРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ:

1) Решительно пресечь сообщение турок и всех чужестранцев с закубанцами и вообще с жителями восточного берега Черного моря и положить твердый оплот против всякого влияния на сии народы, прямого и косвенного со стороны Порты. Последствия, коих от сего с полною уверенностью ожидать должно, будут весьма

важны. Тогда у турок отнимутся два сильных орудия: сила веры и покупка невольников, которыми прежде с таким успехом действовали они на закубанцев и вообще на мусульманских жителей Кавказа во вред России.

С уничтожением случаев сбывать пленников и другие плоды своего грабительства племена кавказские не будут уже находить выгоды продолжать хищнические набеги против сопредельных им областей России и взаимно между собою, или производить разбои в прибрежных водах Черного моря.

Необходимость продовольствия и удовлетворения некоторым прихотям побудят закубанцев, абхазцев и прочих кавказских горцев обратиться поневоле к другим источникам промышленности, кои ныне почитают они, а особливо кичливые их князья, унижительными; наклонят их к усилению земледелия и разных предметов сельского домоводства, к введению у себя ремесел, к занятиям торговым; сблизят их с коренными подданными России и мало-помалу поведут сии коснеющие в невежестве и дикости народы к лучшему порядку, к просвещению.

Б) МЕРЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ. Избранию их должны предшествовать следующие распоряжения:

1) Определить границу области Закубанской со стороны Мингрелии и Имеретии. Само по себе, разумеется, что далее ограничиваться она будет левым берегом р. Кубани и Черным морем.

2) Пригласить окружными обещаниями в Анапу почетнейших жителей из племен закубанских и абхазов или старейшин их, более известных по благоразумию и силе, в сем собрании, которое должно иметь приличную торжественность, под руководством командующего Кавказскою линиею и в присутствии чиновника, по Высочайшему усмотрению избранного, объявить оным представителям народа, что Государь Император, великодушный в милостях и строгий в правосудии, полагает положить конец неустройствам, существующим на Кавказе, что в сем благом намерении Его Величество повелел созвать их для совокупного совещания с русскими чиновниками об изъяснении удобнейших средств к исполнению священной, непреложной Монаршей воли; что они должны изъяснить свои мнения со всею искренностью и прямодушием, и что в противном случае их нечистосердечие и несправедливость навлекут неминуемую гибель и им и их соотечественникам. Главные предметы рассуждения сего народного съезда или сейма будут:

3) Разделить все поколения, желающие войти в состав управления областью Закубанскою, на известное число округов, имея при этом в виду удобства местных, единоплеменность и старинные дружественные связи между поколениями, не усиливая, однако же, тех из них, кои ознаменовали себя духом непокорности и хищничества, и, не благоприятствуя учреждению в сей стране введенного уже временем и обычаями феодализма, имеющего на Кавказе все оттенки самоуправства средних веков Европы.

4) В каждом округе учредить для управления и производства дел один совет. Он будет состоять из председателя, назначаемого и утверждаемого Его Императорским Величеством из русских чиновников, коему придан будет письмоводитель, знающий язык народа, а в противном случае особый переводчик, и из шести заседателей, избираемых народом на три года и утверждаемых ближайшим областным начальством.

5) Для постоянного пребывания окружных советов избирать со вниманием точки, соединяющие в себе местные и физические выгоды, тем более что тут естественно образуются впоследствии большие селения или города.

6) Так называемые мирные жители пограничных мест, столь часто употреблявшие во зло оказываемую им доверенность, должны войти в общий состав закубанских народов.

7) Учредить в Ставрополе Кавказскую комиссию, как главное областное правление, которому должны быть подчинены окружные советы. Члены комиссии от целого народа избираемы будут из числа закубанцев, заседающих в окружных советах, по жребию: сперва три члена в один год, а впоследствии от каждого совета по одному на три года, если сей срок в звании своем пробывать пожелают; в противном случае заменяются другими подобным образом избираемыми.

8) Предметы, подлежащие занятию советов, суть: суд и расправа между округами вообще и по взаимным их распрям, притязаниям, тяжбам и проч.; по делам, касающимся до измены, предательства правительству, нападений, грабежей и убийств, производимых в русских пределах; во внутренний же распорядок и разбирательства между семействами и частными лицами должно стараться не вмешиваться, поскольку те обстоятельства будут позволять. Русским чиновникам комиссии и советов предстоит похвальный труд собрать и привести в порядок обычаи, коими народы закубанские в делах своих руководствуются.

9) Для избежания многих недоумений и, может быть, даже беспорядков, постановить правилом, чтобы никто из коренных русских подданных и обитателей Закубанья не имел права ходить: первые за Кубань, а вторые внутрь назначаемой правительством Линии, без письменных видов от комиссии или советов. На сей предмет будут установлены печати, и слепки их сообщены по принадлежности.

10) Привести всех жителей Закубанской области и той части Абхазии, какая с нею соединена будет, к присяге на верность подданства России. Для чего сочинить здесь форму присяги, в которую, между прочим, включить изъяснение, что обитатели закубанские и абхазцы дают клятву почитать российского императора своим верховным могущественным повелителем (падишахом), жить с русскими, как с братьями, в мире и дружбе, беспрекословно повиноваться установленным советам и комиссии.

11) Взять из Ставрополя из каждого округа или знатнейшего рода по несколько аманатов из молодых людей, которых, не оставляя в праздности, образовать прилично.

12) Оживить торговлю закубанцев и абхазцев всеми способами, какие в подобных случаях употребляются. Карантины останутся по берегу Черного моря, а учрежденные по Кубани прекратят со временем свое действие, когда зараза в Закавказском крае, до сего еще хотя уже слабодействующая, вовсе истреблена

будет, и сохранятся только в виде запасных на случай могущей явиться за Кубанью моровой язвы. Начальство местное, без сомнения, употребит на сей конец строжайшую бдительность в рассуждении карантинных со стороны границы с Малою Азией.

13) Закубанская область, как часть России, пользуется беспошлинным торгом с другими российскими областями и обращением в ней Российской монеты.

14) Направить торговлю закубанцев и вообще обитателей северной покатости Кавказских гор в Ставрополь и воспользоваться на сей конец одною из ярмарок, бывающих в сем городе, а именно, осенью, 1-го ноября, в день Козьмы и Дамиана (Кузьмы и Демьяна). Ярмарка сия имеет свою выгоду и по привычке в ней закубанцев, и по пребыванию тут главного местного начальства, и потому, что она производится позже ярмарки Макарьевской, как собственно Нижегородской, бывающей в августе месяце.

Начальству откроется тут приличный случай ласкать закубанцев подарками, увеселениями, празднествами и в то время узнавать их личные свойства и полезность для службы государству и неприметно вести их к образованию. Что же касается до Анапы, то сей пункт останется постоянным открытым торговым местом для горцев, кои издавна уже приобвыкли посещать оный.

15) Установить в жилищах закубанцев и абхазцев празднества, один раз в году, а именно, в день коронации Его Величества и, сохраняя уважение к обычаям края, знакомить горцев с превосходнейшими обыкновениями народов просвещенных. К сему времени отнести можно обнародование Высочайших постановлений, раздачу наград, коих члены советов, Комиссии и другие лица удостоены будут.

16) При каждом окружном совете иметь походную, благолепную церковь, умного, благонравного священника и несколько человек церковников и певчих из молодых грамотных детей казачьих, кои должны учиться языкам горского народа, дабы со временем заступить места толмачей и переводчиков. Равным образом назначить ко всякому совету по одному врачу с походного аптекой, который бедным будет отпускать лекарства безденежно с разрешения председателя совета.

Комитет полагает на сей раз ограничиться только вышеизложенными распоряжениями; ... журнал же сей представить вице-канцлеру для поднесения на Высочайшее благоусмотрение («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 300-306).

6.3.1.5. Проект титулярного советника Бегичева «О введении христианской веры на Кавказе между горскими народами»

...Греция, желая обезопасить свои колонии по берегам Азовского и Черного морей от воинственных горцев, нашла одну только возможность сблизить их с собою, а именно – водворить там христианство.

А.А. Бегичев (1846).

Несомненный интерес представляет подготовленный 30 сентября 1846 г. проект титулярного советника А.А. Бегичева о введении христианской веры на Кавказе между горскими народами: «...Все историки согласно говорят, что Греция, желая обезопасить свои колонии по берегам Азовского и Черного морей от воинственных горцев, нашла одну только возможность сблизить их с собою, а именно – водворить там христианство. Для этой цели посланы были искусные проповедники, которые имели такой блестящий успех, что в короткое время многие горские племена приняли христианскую веру. А для удобнейшего управления новою паствою (в 536 г. от Р.Х.) поставлен был новый епископ в Никопсисе. Греки, ревностно стараясь об удержании в христианском законе горцев, живших около берегов Черного моря и Кубани, перевели основанное ими в Никопсисе епископство ближе к себе, на остров Таман, в город Метрах (Матраха), и наименовали архиепископством.

Из этого краткого обозрения видно, что действия христианства сосредоточивались на северо-западной и частью юго-западной стороне Кавказа, а на южной и восточной, начиная с III в. н. э., непрерывно сменялись победители: аланы, римляне, хазары, персы, гунны, аравитяне и монголы» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 395-396).

Завершая исторический обзор становления христианства на Кавказе, А.А. Бегичев, обращаясь к высшим чинам Российской империи, рекомендовал вместо карательных мер, нести горцам «свет христианской веры» и этим способствовать «их «умиротворению». Как и следовало ожидать, предложение это реализовано не было, – царскому правительству импонировали совершенно иные проекты...

6.3.1.6. «Генерал Филиппсон: «Мерами кроткими... упрочить нашу власть в этом крае»

Мерами кроткими... упрочить нашу власть в этом крае... введением управления сообразно быту и нравам туземных племен в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией.

Г.И. Филиппсон, генерал (29.09.1860).

В отношении к горцам Северо-Западного Кавказа, кроме «ястребов», были, как отмечено выше, и высокопоставленные военные, которые трезво оценивали положение на Кавказе и выступали за относительно

мирные способы решения конфликта. Одним из таких военных был генерал Г.И. Филипсон, протестовавший против изгнания горского населения Черкесии. Как пишет С.Х. Хотко (2011), генерал проявил удивительную стойкость. 29 сентября 1860 г. на совещании во Владикавказе Филипсон, уже отстраненный с поста командующего войсками Кубанской области, последовательно отстаивал свою позицию в присутствии Барятинского, Евдокимова, Милютина и ряда других высших генералов. «По мнению Филипсона, – вспоминает Милютин, – следовало мерами кроткими при содействии Магомет-Амина достигнуть во всем Западном Кавказе такой же степени покорности, какая уже достигнута относительно абадзехов и натухайцев, стараясь упрочить нашу власть в этом крае только занятием некоторых укрепленных пунктов, прокладыванием дорог, рубкой просек, введением управления сообразно быту и нравам туземных племен в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией и т. д.».

Вполне возможно, – предполагает историк, – что Филипсоном в данной ситуации двигало уязвленное самолюбие. С ним обошлись очень несправедливо: отобрали руководство войсками у победоносного и заслуженного генерала, все этапы карьерного роста которого были связаны с Черкесией. Его триумфальное приведение к покорности грозных абадзехов, ведомых знаменитым Магомет-Амином, было ошельмовано, растоптано и забыто. Военная карьера Филипсона была завершена... (Хотко С.Х., 2011. С. 6).

6.3.2. «Одна военная сила должна быть принята за основание укрощения племен закубанских»: военные способы покорения Кавказа

Разинули на нас пасть свою все враги наши. Ужас и яма, опустошение и разорение – доля наша...

Плач Иеремии (3; 46-47).

У нас в России в высших сферах существует страсть к завоеваниям или, вернее, к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит.

С.Ю. Витте (1849-1915)

Царизм для укрепления своих позиций в Черкесии применял самые разнообразные методы, преимущественно военные. Уже в XVIII в., задолго до Кавказской войны, стали делаться попытки военно-казацкой и крестьянской колонизации Северного Кавказа. На отобранных и завоеванных горских землях началось строительство большого комплекса военных сооружений, дорог, укреплений и крепостей. Позже, в условиях Кавказской войны происходит активизация колонизационной политики царизма.

С 1816 г. в истории завоевания царизмом северокавказских народов наступает эпоха, связанная с именем генерала А. Ермолова. В завоевательные планы ермоловского командования входило прежде всего насильственное покорение горцев, причем сам Ермолов неоднократно указывал, что это «должно производиться постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, и не распространяясь иначе, как став твердою ногой и обеспечив занятое пространство от покушений неприязненных» (Дзамихов К.Ф., 2008).

6.3.2.1. «Меры кротости одни недостаточны»: предложения генерала Паскевича по покорению закубанских горцев

Одна военная сила должна быть принята за первоначальное основание укрощения племен кавказских и особенно закубанских.

И.Ф. Паскевич, генерал (1830).

Копия проекта «Положения об устройстве Закубанского края» (1830) была передана для рассмотрения кавказскому военачальнику, генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, который прислал свое «особое мнение». В своей записке граф Паскевич-Эриванский (он же – князь Варшавский), главный военный эксперт и практик, к мнению которого прислушивалось все военное руководство, включая императора, в частности, писал: «*Меры кротости одни недостаточны: они дают воинственным горцам ложную идею, будто только слабость наша препятствует нам принять меры более решительные. Доказательством служат нынешние события...*».

[Примечательно, что это предложение графа Паскевича восходит к более ранней записке генерала И.Р. Анрепа. Как отмечают авторы книги «История Кубани...» (2004), «...опыт долголетней войны приво-дил к мысли о невозможности одними только военными действиями добиться желаемого результата – присоединения Закубанья. А одни только меры увещевания приводили к активизации горских набегов. Сменивший на посту командующего Черноморской береговой линией Н.Н. Раевского генерал И.Р. Анреп в данной связи указывал: «*Меры кротости и убеждения вполне достаточны, пока опираются на силу и возможность с успехом действовать оружием: без сей опоры они для горцев не действительны и сами по себе никогда не поведут к желательным результатам*»].

И далее «главный эксперт и практик» граф Паскевич продолжает: «*Одна военная сила должна быть принята за первоначальное основание укрощения племен кавказских и особенно закубанских.* Но для сего вре-

менные победы бесполезны. Горцы всегда избегают решительной с нами встречи и ведут войну партизанскую. Только лишая их способов существования постоянным занятием пунктов, которые служат ключами их промышленности, можно надеяться заставить их самих прибегнуть к покровительству и великодушию правительства нашего. Основываясь на сих началах, можно разделить все распоряжения, какие должны быть сделаны для достижения предположенной правительством цели, на три последовательные общие мероположения:

1) Занятие войсками всех тех пунктов, кои заключают в себе главные способы существования закубанских народов, чтобы вся промышленность их находилась в наших руках.

2) Приготовительные меры ко введению между горцами гражданского порядка.

3) Меры, кои должны упрочить сие новое устройство...».

Однако, – пишет П.П. Короленко (1893), – несмотря ни на какие договоры России с Турцией относительно передачи Закубанского края под владычество России, жившие там черкесские племена упорно отказывались признавать над собой власть русского царя и быть покорными подданными Его Величества. Нужно было принимать особые меры, заставить этот своевольный и хищный народ покориться державной власти русского императора.

В работе Л.И. Цвижба (2001) приводится следующий красноречивый документ – представленный 8 мая 1830 г. генералом И.Ф. Паскевичем императору Николаю I «План военных действий», включающий оценку местного населения как серьезного противника: «Предпринимая покорение народов, не знающих нас, можно еще надеяться успеха, их можно утратить и привести в изумление неожиданной новостью, превосходством войск, оружием, и даже с пользою употребить политику, деньги, подарки, поэтому я желал бы, чтобы горцы вовсе нас не знали и чтобы прибытие русских для их поощрения было еще в первый раз, но уже более 50-ти лет как они имеют дело с нами, к сожалению, были случаи, которые достаточны поселить в них мнение не в пользу нашу... *Одна мысль лишиться вольности и быть под властью русского коменданта приводит их (закубанских горцев) в отчаяние.* С другой стороны, 50-летняя борьба без успеха проникнуть в горные их убежища дает им уверенность, что горы их для нас недоступны. Обе сии причины достаточны побудить их к упорнейшему сопротивлению. Нет сомнения, что мелкие владельцы скорее могут быть покорены видами личных своих выгод, но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависящих, представляет более трудностей» («Россия и Кавказ...», 2001. С. 247; Цвижба Л.И. (2001).

В заключение Паскевич излагал два плана покорения горцев:

Первый план: «войдя стремительно в горы, пройти оные во всех направлениях. В сем случае неприятель, пользуясь ущельями, чащами леса, горными протоками и другими местными препятствиями, противопоставит на каждом шагу оборону, хотя недостаточную для удержания войск, но весьма способную утомить их. Горцы, не имея ни богатых селений, которые стоили бы того, чтобы защищать их, ни даже прочных жилищ, будут оставлять одно место за другим, угоня свой скот вместе с семействами в отдаленнейшие горные ущелья, а по мере приближения к ним войск наших займут высоты, или разбегутся во все стороны, предавая сами огню (как это неоднократно случалось) разбросанные свои хижины, которые, по местной удобности, нетрудно для них вновь выстроить; сами же, выжидая удобного случая в местах закрытых, не перестанут наносить вред войскам.

Второй план: войдя в горы, занять выгоднейшие господствующие над окрестными странами пункты, сделать в оных укрепления для защиты гарнизона и, устроив безопасные коммуникации, приготовить для будущих кампаний сборные места войскам. Таким образом, подвигаясь вперед с осмотрительностью и покоряя одну область после другой, завоевание горцев будет хотя медленнее, но вернее и благонадежнее...».

Придерживаясь последнего плана, граф Паскевич в том же (1830) году приступил к военным действиям против горцев, построив за Кубанью на первый раз три укрепления, одно у самого левого берега Кубани Мостовое-Алексеевское, другое – на р. Афиписе Георгие-Афипское и последнее на р. Шебш – Ивано-Шебшское. У первого укрепления наши войска имели удобную переправу за Кубань и беспощадно громили черкес в их земле, но горцы в свою очередь делали набеги на наши пределы, особенно в то время славился в горах своею смелостью, отвагою и успехами шапсугский предводитель Казбич.

Вскоре за сим, – продолжает П.П. Короленко (1893), – Паскевич был отозван для усмирения Польши; при этом его планы дальнейшим исполнением приостановились («Кавказ и Российская империя...», 2005).

Несколько позже граф Паскевич дополнил и конкретизировал ранее высказанные им «главнейшие основания и меры к усмирению и покорению закубанцев»:

Отношение генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича к вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде, № 1102 от 5 июня 1831 г.

Цель правительства в отношении горцев, населяющих Кавказ, состоит в том, чтобы, водворив общее и частное спокойствие между сими полудикими племенами, сделать их мирными и полезными подданными Его Императорского Величества и вместе оградить безопасность сопредельных русских земель. Предрасудки, нрав необузданный, различие веры, дикая привязанность к независимости и давнишняя вражда с Россией, конечно, позволят достигнуть сей цели не иначе, как постепенно, мало-помалу, потому постоянная система в действиях должна быть первым для того условием.

Собрав, по возможности, в особенности в последнюю экспедицию мою за Кубань в прошедшем (1830) году, некоторые сведения о народах, населяющих правый фланг Кавказа, я полагаю, что главнейшие основания и меры к усмирению и покорению закубанцев должны заключаться в следующем:

а) Постоянно занимать войсками одно за другим важнейшие для них пункты – равнины близ гор и выходы рек из ущелий, где находится вся промышленность и все способы их существования. Таковыми местами на Правом фланге можно считать: 1) окрестности Усть-Джегуты и Баталпагинска на Кубани; 2) урочище Каладж на р. Лабе; 3) урочище Майкоп на р. Белой; 4) равнину при впадении р. Пшепша в р. Афипс; 5) равнину на р. Адагуме ниже гробницы Калубатбея; 6) окрестности Анапы; 7) окрестности Геленджикского залива; 8) места при устье р. Сочи, впадающей в Черное море.

б) Устроить в тех местах укрепления и около них военные поселения.

в) Сделать повсеместно вновь военные обозрения, так чтобы ни одно из значительных мест не было упущено, и потом уже, дав почувствовать горцам силу нашу, приступить к предположенному Комитетом разделению на округа.

г) Содержать от каждого покоренного нами общества некоторое число конных и пеших вооруженных людей, кои были бы всегда в готовности вместе с нашими отрядами действовать против непокорных и ослушных (т. е. непослушных), награждая их по заслугам. Мера сия отчасти приводится уже в действие.

д) Благоприятствовать возникающим между горскими племенами несогласиям и помогать слабейшим.

е) Стараться, по возможности, прекращать укрывательство преступников, находящихся под защитой за Кубанью, в ложно понимаемом гостеприимстве. Должно заметить, что при достижении сего встретятся весьма многие затруднения.

ж) Вызвать из-за Кубани бежавших туда кабардинцев, ибо они, живя между закубанцами, возбуждают их против русских. Но, с другой стороны, опыт показал нам, что те из них, которые были уже вызваны и поселены в Кабарде, будучи близ границ, делали еще более разбоев.

з) Изыскать средства, по возможности, к ослаблению духа удалства, составляющего первую причину набегов и хищничества.

и) Скоро, неизбежно строго, но справедливо наказывать все хищничества и разбои.

й) Впоследствии, при устройстве предполагаемого управления, делаемые преступления судить по нашим законам.

к) В каждом частном покоренном колене поставить, хотя на первый раз, особых приставов из русских чиновников, назначив к ним по одному помощнику из преданных нам старшин.

л) Для приведения в совершенную известность народных прав и обычаев назначить при окружных советах особых, способных для сего чиновников.

м) Когда по прекращении сношения горцев с турками не должно будет опасаться уже внесения заразы со стороны Черного моря, тогда для поощрения и облегчения торговли уничтожить внутренние карантинны, причем стараться выменивать у горцев на наши товары оружие.

н) Для смягчения нравов горцев и распространения между ними просвещения заводить, где только можно, училища. Большим для сего пособием могут также служить миссионеры.

В сем должны, кажется, состоять главнейшие первоначальные распоряжения правительства по сему предмету. Время и обстоятельства укажут дальнейшие подробности» («Акты, собранные Кавказской...», 1878. Т. 7. С. 902–904; Короленко П.П., 1893; Панеш А.Д., 1999. с. 81).

Граф Паскевич настоятельно подчеркивал *необходимость разрушения системы жизнеобеспечения горцев, как одно из главных средств к достижению победы над ними*. Соответствующие «рекомендации» генерала были изложены в его записках: «Об общем плане действий к усмирению горских народов и о действиях на правом фланге Кавказской линии в 1834 г.», «Всподданнейшая докладная записка генерал-фельдмаршала князя Варшавского (Относительно учреждения новых военных линий за Кубанью)» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6288; «Старые черкесские сады...». Т. 1., 2005).

Комментируя эти предложенные Паскевичем меры, П.П. Короленко (1893) пишет: «Действительно, время и обстоятельства, как думал граф Паскевич, указали, что ничего подобного, что проектировал петербургский *комитет* для устройства Закубанского края, нельзя было применять на деле между враждебным нам горским населением. *Нужно было сначала все закубанские азиатские племена покорить силою оружия, а уж потом вводить между ними порядки*, Комитетом намеченные, которых Паскевич хотя и не отвергал, но находил преждевременными («Кавказ и Российская империя...», 2005).

6.3.2.2. Генерал Вельяминов: проект «быстрого и решительного покорения Кабарды»

...Рекомендации генерала Вельяминова сводились к обоснованию необходимости колонизации земель адыгов, так как только в этом случае можно было рассчитывать на их фактическое покорение.

З.Б. Думанов (2006).

По мнению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерала А.А. Вельяминова, главный вред, который терпела от горцев Кавказская линия, происходил всегда от их конных набегов; поэтому, если поставить горцев в такое положение, чтобы они с большим трудом доставали лошадей, то будет полностью исключена опасность набегов. Достигнуть это можно было бы, заняв казачьими станицами все места, избыточные пастбищами, перенеся линии укреплений за Кубань и на Сунжу и постепенно вытесняя горцев с равнин в горы, истребляя у сопротивляющихся посевы и жилища. В соответствии с этим, представленный на «высочайшее утверждение» проект «быстрого и решительного покорения Кабарды», подготовленный в 1830 г.

генералом А.А. Вельяминовым, состоял в покорении Северного Кавказа путем создания здесь массива русских поселений. По его мнению, в основу этого проекта был положен «совершенно новый принцип решения проблемы завоевания горцев»: в целях лишения Кабарды главного преимущества, необходимо было нанести удар по коневодству черкесов. Этого можно было достигнуть, заняв русскими поселениями, в основном, казачьими станицами, те территории, которые Кабарда традиционно использовала в качестве пастбищ для разведения своих лошадей. Как отмечает З.Б. Думанов (2006. Вып. III. С. 280), «...в сущности, рекомендации генерала Вельяминова сводились к обоснованию необходимости колонизации земель адыгов, так как только в этом случае можно было рассчитывать на их фактическое покорение. В качестве главного колонизаторского элемента традиционно рассматривалось казачество, имевшее опыт выживания в столь сложных военных условиях».

6.3.2.3. Барон Розен: «Действовать к укрощению горцев... примерными наказаниями поколений, наиболее к нам враждебных»

Стараться скорее восстановить спокойствие на Кубани, утишить общее раздражение горцев, привести Кавказскую линию в надежное оборонительное положение, а потом уже действовать к укрощению горцев...

Г.В.Розен, барон (1831).

Мнения графа И.Ф. Паскевича и генерала А.А. Вельяминова относительно способов покорения горцев исключительно военными, репрессивными мерами, не вполне разделялись некоторыми, также авторитетными в кавказских делах, лицами. Так, командир Кавказского корпуса барон Г.В. Розен, находил неудобным одновременно занимать многие закубанские пункты, указанные Паскевичем, для стеснения неприятельских горцев и приведения их тем к покорности. Г.В. Розен в 1831 г. писал графу Чернышеву, что, «...атакуя горцев вдруг на многих пунктах, мы не могли удерживать всех занимаемых мест, а временные экспедиции, не принося существенной пользы, только раздражали и ожесточали бы против нас неприятелей; самое занятие многих новых пунктов рассеяло и ослабило бы наши силы». Ввиду этого барон Г.В. Розен полагал необходимым стараться скорее *восстановить спокойствие на Кубани, утишить (т. е. уменьшить) общее раздражение горцев*, привести Кавказскую линию в надежное оборонительное положение, а потом уже действовать к укрощению горцев частью путем мирных сношений и торговли, частью примерными наказаниями поколений, наиболее к нам враждебных, а частью и постепенным утверждением русской власти в Закубанском крае, на пунктах, которые обстоятельства и силы наши позволят занимать.

Признавая силы Кавказской армии недостаточными для наступательных действий против неприятелей за Кубанью, Розен потребовал мнение об этом и командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, на что генерал Вельяминов отвечал: «По теперешнему положению дел на Кавказской линии средства наши так малы, что нет возможности восстановить скоро спокойствие. Сего не иначе можно достигнуть, как показав в нескольких местах вдруг отряды войск довольно значительные; а потому полагаю необходимым прибавить на Кавказской линии от 12 000 до 15 000 пехоты и, по крайней мере, 10 конных полков, ибо без сильной конницы нет возможности отражать конные набеги, наносящие столь значительный вред жителям Кавказской области». Г.В. Розен согласился с мнением Вельяминова и об усилении войск отдельного Кавказского корпуса для военных действий против закубанских горцев.

Находя представления барона Розена об усилении войсками Кавказского корпуса основательными и соглашаясь с мнениями по этому вопросу графа Паскевича и министра финансов, император в 1832 г. повелеть соизволил: присоединить к кавказским линейным казакам 33 казенных селения Ставропольской губернии и, зачислив жителей этих селений в казачье сословие, образовать Кавказское линейное казачье войско. Для управления оным назначен наказной атаман и составлено войсковое правление, по примеру других казачьих войск. Управление этого войска сосредоточено в городе Ставрополе и подчинено командующему войсками Кавказской линии, штаб которого находился в том же городе (Короленко П.П., 1893; «Кавказ и Российская империя...», 2005).

6.3.2.4. Очередной план Паскевича: «Поставить неперменным правилом отомщать горцам истреблением их собственных аулов...»

И сказал я: беда мне, увь, мне! Злодеи злодействуют; и злодействуют злодеи злодейски... Ужас и яма, петля для тебя, житель земли.

Книга пророка Исайи (24; 16-17).

Если из племен горских какое-либо решилось бы обнаруживать неприязненность к нам вторжениями и набегами, то поставить неперменным правилом отомщать горцам истреблением их собственных аулов, а в особенности возмездием плена семейств...

И.Ф. Паскевич, генерал (1832).

В 1832 г. граф И.Ф. Паскевич составил очереднойновый план покорения горцев на Западном Кавказе, вновь основанный исключительно на силе оружия, как на «*аргументе, единственно доступном пониманию*

горца». Он предлагал произвести одновременное движение имеющихся войск против всех горских племен, чтобы лишить их взаимной помощи. То, что генерал Ермолов достигал упорным военным трудом, продвигаясь в течение 10 лет шаг за шагом, Паскевичу казалось легко осуществить одним стремительным натиском.

Чтобы разъединить силы черкесов, Паскевич имел в виду вторгнуться к ним с 4-х различных сторон: главные силы должны были идти со стороны Кубани против шапсугов и абадзехов; отряд из Абхазии, перейдя Главный хребет в истоках р. Белой, устремиться на убыхов; остальные два – действовать со стороны Анапы и Гагр. Сверх того в распоряжение Паскевича должна была поступить часть Черноморского флота. По собственным словам генерала, суть его предложения заключалась в том, чтобы «провести укрепленную линию с Кубани на Геленджик, поставить на берегу Черного моря несколько укреплений, а затем, когда все это будет готово, угрожать им (адыгам. – Авт.) истреблением, если они не подчинятся русской власти». В дополнение к вышеизложенному, граф Паскевич предлагал:

1) Обязать мирных горцев, поселенных близ берегов Кубани, Малки и Терека и сухой границы, содержать собственную стражу и подвергать наказанию жителей той местности, где будут открыты следы хищнических партий.

2) Всем мирным, где бы то ни было живущим, строго воспретить ездить с оружием внутри Кавказской области, без билетов, выданных кордонным начальством.

3) Вменить в обязанность командующего войсками иметь везде хороших лазутчиков.

4) На места приставов у мирных горских племен избирать лучших и достойнейших военных офицеров.

5) Если и засим из племен горских какое-либо решилось бы обнаруживать неприязненность к нам усиленными вторжениями и набегами, то поставить неперменным правилом, по основательном дознании виновных, отомщать горцам всякий раз истреблением их собственных аулов, а в особенности возмездием плена семейств, дабы каждый из владельцев и простолюдинов был уверен, что ни одна шалость в границах наших не может им обойтись дешево».

Такие меры правительства, по мнению Паскевича, могли служить кратчайшими путями к скорому водворению безопасности и спокойствия кавказской линии. Затем, по истечении двух или трех лет такой оборонительной системы, Паскевич полагал приступить к преобразованию Кавказского края в следующем направлении:

«1) Постепенное обращение в казаки казенных крестьян Кавказской области.

2) С начатием сего преобразования полезно также принять меры к увеличению народонаселения Кавказской области (из внутренних губерний империи).

3) Исполнить Высочайше предназначенное переселение в Анапу малороссийских казаков. Учредить, если найдутся средства, подобные же поселения в Геленджике и Суджук-кале (Новороссийск).

4) Говоря о необходимости сохранить оборонительное положение против горцев, я нисколько не изменяю моего прежнего мнения о выгодах учредить теперь же военную коммуникационную линию между Ольгинским редутом и Геленджиком.

5) Постепенно стараться формировать из мусульман, обитающих внутри Кавказской области, и вообще из мирных конные полки, по примеру заведенных мною в Грузии.

6) Для примера сей новоучрежденной конницы и для лучшего возбуждения в ней соревновательности не излишне также поставить правилом отправлять из Грузии на Кавказскую линию, для летнего служения, каждый год по одному из тамошних мусульманских полков.

Когда, таким образом, после нескольких опытов систематических мер и усилий на Кавказе мы, наконец, придем к тому, что горцы, увидев, с одной стороны, беспрестанно возрастающую над ними поверхность нашу, а с другой, убедившись в невозможности существовать по-прежнему легким приобретением добычи, обратятся по необходимости к земледелию и скотоводству, – надлежит мало-помалу открыть развитие других средств промышленности и торговли, вместе с общественным образованием. Лишившись возможности сбывать за море произведения собственной земли и рук, им останется одно средство искать и держаться торговых и промышленных сношений с Россией, и отсюда наступит вторая и, может быть, более прочнейшая эпоха их зависимости от Российского престола» (Короленко П.П., 1893; «Кавказ и Российская империя...», 2005).

К началу 30-х гг. XIX в. относится и проект генерала Г.А. Эмануэля (Эммануэля), который предусматривал, наряду с уже имеющейся линией укреплений по р. Кубани, организовать «резервную» линию за Кубанью, где лежали обширные, никем не охраняемые пространства. Более того, он предлагал привлекать самих кавказских горцев к пограничной кордонной службе на этой «резервной» линии наряду с казачьими войсками, разделив их на полки и сотни.

6.3.2.5. Генерал Вельяминов: «Голод – вернейший и легчайший способ покорения Кавказа»

Для достижения сей цели нужно наносить горцам самый чувствительный вред в необходимых средствах существования. Уничтожение полей, несколько лет сряду, – единственное и верное средство достигнуть сей цели.

А.А. Вельяминов, генерал (1832).

Генерал А.А. Вельяминов считал, что голод – вернейший и легчайший способ покорения Кавказа. Единственным средством достигнуть прочного спокойствия и совершенной безопасности он полагал по-

рить и обезоружить горцев. Постоянное занятие неприятельских земель укреплениями и казачьим населением будет мало-помалу утеснять горцев в средствах к набегам и со временем может довести до совершенного покорения сих народов. Но для достижения сей цели означенным способом потребно около 30-ти лет времени, даже при средствах значительных.

Для достижения сей цели нужно наносить горцам самый чувствительный вред в необходимых средствах существования. Уничтожение полей, несколько лет сряду, было, по мнению Вельяминова, единственное и верное средство достигнуть сей цели. Хлеб есть необходимая потребность в жизни. Принудив горцев отдать оружие, можно будет тотчас уменьшить количество войск на Кавказской линии, оставив их не более того, что необходимо для устройства важнейших заведений. Потом дальнейшее устройство Кавказской области довершить обыкновенными средствами, какие употребляются во внутренних губерниях. Для поддержания спокойствия и полицейского порядка весьма достаточно будет казаков и линейных батальонов (Короленко П.П., 1893; «Кавказ и Российская империя...», 2005).

Спустя некоторое время, барон Г.В. Розен потребовал от генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова еще раз мнение об окончательном покорении горцев. Отвечая барону, Вельяминов писал в своей записке от 20 мая 1833 г.:

«Генерал-фельдмаршал Паскевич находит бесполезным или даже вредным занимать укреплениями земли горцев, потому что для охранения оных нужно раздроблять войска... Но он (Вельяминов) полагает, что такое мнение Паскевича происходит от двух причин: «во-первых, от того, что его светлость, будучи почти все время начальства своего на Кавказе занят сперва войною персидскою, а потом турецкою, не имел довольно свободы, чтобы коротко ознакомиться с Кавказскою линиею и, можно сказать, мимоходом видел только войну горцев. Во-вторых, от того, что в рассуждениях своих принял он за основание предположение, чтобы количество войск на Кавказской линии не увеличивать. Если только есть неперменное мнение Государя Императора, то нет сомнения, что невозможно занимать укреплениями земли горцев. Но в сем случае нельзя помышлять и о покорении оных... *Чтобы покорить горцев прочным образом, нахожу необходимым занять важнейшие в топографическом отношении места в землях их укреплениями.* Средства для сего нужны значительные».

По мнению А.А. Вельяминова, для скорейшего покорения горцев необходимо было поселить казачьи станицы. Он говорил, что станицы – те же укрепления, кои, несмотря на обширность довольно значительную, требуют для обороны гораздо менее пехоты, а в продолжение некоторого времени совсем не будут иметь нужды в оной. Кроме того, станицы представляют еще ту выгоду, что каждая из них может вмещать в себе человек 200 и более казаков, чего в мелочных укреплениях иметь невозможно. Наконец, поселением сих станиц отнимаются у горцев значительные пастбища, отчего они лишаются своих лошадей, т. е. одного из главнейших средств делать набеги на границы наши с успехом. Сверх этого, А.А. Вельяминов находил нужным многие места занять собственно укреплениями. Самые станицы селить в местах просторных, изобильных лугами и пашнями, а укреплениями занять входы в ущелья или устроить их в самых теснинах, дабы возбранить, по мере возможности, проезды в сих убежищах, своевольство и безначалия. Еще и еще раз генерал-лейтенант А. Вельяминов подчеркивает эту мысль, раскрывающую, по сути, стратегию и тактику политики царского самодержавия по отношению к горцам Северного Кавказа:

«1) Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографических отношениях мест.

2. Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами.

3. Истребление полей их в продолжение пяти лет кряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия.

4. Полезнее всего, по моему мнению, начать с истребления полей. Овладев плоскостями, поселить на оных казачьи станицы. Наконец, по поселении станиц устроить в приличных местах укрепления» (Панеш А.Д., 1999; Дзамихов К.Ф., 2008).

Далее Вельяминов писал: «Опыт показал, что военные суда наши, крейсирующие около восточных берегов Черного моря, не могут с желаемым успехом ловить турецкие купеческие лодки, приходящие для торга с горцами, коим доставляют жизненные потребности и другого рода товары, а от них берут пленных, которых потом продают в различных местах Турецкой империи с большою выгодною. Лодки сии ходят большею частью около берегов и имеют верное пристанище в устьях, впадающих в Черное море. Наши суда по величине не могут так близко держаться берега, а вход в устья рек совершенно для них невозможен. Единственное средство решительно возбранить доступ сим лодкам к черкесам состоит в том, чтобы построить укрепления при устьях всех рек, впадающих в Черное море, между Кубанью и Рионом. Мера сия имеет связь с одним из главнейших, по моему мнению, средств ускорить покорение горцев...». Но главным средством к покорению горцев Вельяминов считал все-таки голод, который необходимо всеми мерами усилить между черкесами, лишив их возможности получать жизненные потребности со стороны моря, берега которого занять особым отрядом и крейсирующими судами между Анапою и Гаграми (Короленко П.П., 1893; «Кавказ и Российская империя...», 2005).

В сконцентрированном виде проект покорения кавказских горцев, подготовленный А.А. Вельяминовым в 1833-1834 гг., излагается генералом М.Ф. Федоровым (1879. С. 98-99). В своих вос-

поминаниях он отмечает, что в присутствии царя Николая I в Геленджике прошло совещание, на котором «...генерал Вельяминов настойчиво защищал свой проект покорения Черкесии, составленный им в 1834 г. Известно, что главная мысль проекта состояла в том, чтобы, усилив при берегах крейсерство, занимать постепенно сухим путем примыкающие к морю ущелья – обыкновенные приюты турецких и горских контрабандистов и места их торговыми пленными; устроить там укрепления, в окрестности от них на 25 верст уничтожив все аулы. Но первоначально отделить всю дельту между левым берегом Кубани и северо-восточным берегом Черного моря большой операционной линией укреплений с сильными гарнизонами, дабы можно было постоянно не смирившимся аулам угрожать набегами из-за Кубани посредством «летучих отрядов», могущих, при нужде, найти в этих укреплениях необходимые пособия. Самые же укрепления снабдить в достаточном количестве запасами провианта и всеми предметами военных потребностей; при том соединить их между собою удобными дорогами для движения транспортов и артиллерии, а равно для возможности во всякое время года, в случае нападения горцев на занятые прибрежные пункты, послать туда своевременно секурс или в крайности доставить гарнизонам возможность, уничтожив форты, отступить к главным укреплениям. Часть этих предложений была уже исполнена в предшествующие экспедиции...».

Учитывая, что проект Паскевича обещал «скорое и окончательное решение черкесского вопроса», вначале ему было отдано предпочтение. Однако, когда «блицкриг» не удался, дальнейшее завоевание Земли адыгов пошло согласно рекомендациям Г.А. Эмануэля и А.А. Вельяминова – путем постепенного вытеснения горцев с равнин в горы и немедленного занятия освободившихся земель казачьими станицами и укреплениями.

6.3.2.6. Высочайше предначертанный «План общего усмирения кавказских горских племен»

Военные действия производить в порядке последовательном... для того, чтобы, совершив усмирение одной части горских племен, те же войска могли перейти непосредственно к усмирению части сопредельной.

Из «Плана общего усмирения кавказских горских племен» (1834).

Необходимо первоначально завладеть всеми низменностями, которые горцы используют для хлебопашества и скотоводства и по мере выселения их переводить туда станицы кавказских линейных и черноморских казаков.

Г.А. Розен, генерал (1834).

В начале 1834 г. командиром Отдельного Кавказского корпуса генералом Г.А. Розеном был подготовлен очередной «Проект» покорения Кавказа», в котором, в частности, отмечено: «...Необходимо первоначально завладеть всеми низменностями, которые горцы используют для хлебопашества и скотоводства и по мере выселения их переводить туда станицы кавказских линейных и черноморских казаков. Потом занять особыми укреплениями вершины рек и ущелий, через которые идут пути горцев. Для заселения низменностей, с которых будут вытеснены горцы, назначается учредить по главнейшим рекам 34 станицы линейных казаков». Этот «Проект» был обсужден и дополнен высшими чинами военного ведомства. Как пишет П.П. Короленко (1893), «...результатом сосредоточенных в военном министерстве различных проектов и мнений компетентных в военном деле лиц о положении Закубанского края в апреле 1834 г. состоялся Высочайше предначертанный «План общего усмирения кавказских горских племен». По плану этому предполагалось действовать начальникам частей однообразно на всем Кавказе. Главные основания сих действий заключались в том, чтобы, с одной стороны, стеснить горцев в их землях посредством занятия русским поселением удобных к хлебопашеству низменностей, а с другой – пресечение им всех путей к внешним сношениям и к приобретению им необходимых жизненных потребностей не иначе, как по непосредственному распоряжению правительства, или с его согласия и дозволения.

Для достижения этой цели предполагалось: *во-первых*, производить с настойчивостью и постоянством военные действия в пределах того пространства или участка, в коих будут предприняты; *во-вторых*, действия эти предпринимать не иначе, как постепенно, дабы на данном пункте иметь всегда достаточные силы и собственными способами Кавказского корпуса подвигаться хотя медленно, но твердыми шагами к достижению предположенной цели, и, наконец, *в-третьих*, означенные военные действия производить в порядке последовательном для взаимной связи между собою и для того, чтобы, совершив усмирение одной части горских племен, те же войска могли перейти непосредственно к усмирению части сопредельной. Вновь занятые земли удерживать посредством укреплений, которых потом обращать в станицы, а войска передвигать далее для занятия передовых пространств в неприятельской земле; вновь же устроенные станицы оставлять на попечение и защиту казачьих поселений, а гарнизоны укреплений переводить в таковые же, впереди устраиваемые в занятых войсками местах. При этом, прежде покорения горцев оружием, следует обращаться к ним с воззванием об изъявлении покорности России мирным путем и тогда только употреблять силу оружия, если горцы добровольно не покорятся.

Сообразно с сими началами Его Величество указал и порядок действительного исполнения означенного плана: прорезывая земли горцев несколькими укрепленными линиями от берегов Кубани к Черному морю, учредить прочное сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря. Начало предположено сделать покорением натухайцев, проложив прямое сообщение от Поти к северу постройкою укреплений, при которых завести русские поселения. Окончив покорение горцев на одной укрепленной линии, от Кубани до Черного моря, начинать действия таким же порядком на другой полосе неприятельской земли, подвигаясь постоянно к востоку.

Таким образом, – отмечает П.П. Короленко (1893); только на 5-й год после поступления Закубанского края в ведение России состоялся настоящий план действий наших за Кубанью для приведения в покорность русскому царю новых мятежных подданных горцев. Оставалось теперь только следовать неуклонно этому плану и от точного исполнения оного ожидать благоприятных результатов («Кавказ и Российская империя...», 2005).

В письме военного министра А.И. Чернышева на имя командира Отдельного Кавказского корпуса генерала Розена от 4 апреля 1834 г. особое внимание уделялось «необходимости покорения воинственных племен на Правом фланге Кавказской линии» и отмечено, что необходимо «поддерживая политическое влияние, – которое мы имеем над некоторыми горскими племенами, употреблять одно поколение против другого и обессиливать оные враждой между частными владельцами и независимыми обществами».

9 апреля 1834 г. генералу А.А. Вельяминову сообщалось, что *Императору угодно, чтобы с горцами поступали с жестокостью генерала Ермолова, но чтобы сначала непременно было предложено им покориться добровольно и действовать за нас*. В случае же сопротивления, поступать уже по предписанной методе (Цвижба Л.И., 2001).

6.3.2.7. Граф Чернышев: «...Вынудить горцев к безусловной покорности воле правительства»

Предначертанный Императором план усмирения Кавказских племен основан на той главной мысли, что оно возможно только посредством постепенного овладения всеми... способами, какие теперь имеют горцы к своему существованию...

А.И. Чернышев, военный министр, граф (1840).

Мысль о колонизации горских земель, сильно развитая и поддерживаемая генералом Вельяминовым, была в 1839 г., по особому высочайшему повелению, подробно рассмотрена генералами Головиным, Грабе и Зассом. Сходясь с генералом Вельяминовым, император Николай I приказал начать заселение с востока...

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

В 1836 г., командовавший войсками Кавказской линии генерал-майор Г.Х. Засс делал представление корпусному командиру, барону Г.В. Розену, о перенесении Кавказской кордонной линии с верхней части Кубани на Лабу. Таким передвижением, по мнению Засса, к пределам Российской империи присоединялась часть неприятельской земли, населенной менее враждебными пограничными горцами, и значительно сокращалась расстоянием пограничная черта, требовавшая для содержания оной гораздо менее войск, чем на протяжении всей Кубани. Эта мысль Засса имела некоторое сходство с проектами Вельяминова, так как местность между Кубанью и Лабой представляет много удобных плоскостей для занятия русскими поселениями, которых Вельяминов полагал водворить на черкесской земле.

Конкретные указания к «покорению хищников» исходили как от Николая I, так и от военного министра графа Чернышева. Так, в «Обзрении Высочайше предначертанного плана к общему усмирению Кавказских горских племен» от 13 марта 1840 г., за подписью Чернышева говорится:

«Предначертанный Государем Императором план общего усмирения Кавказских племен основан на той главной мысли, что оно возможно только посредством постепенного овладения всеми, или большею частью способов, какие теперь имеют горцы к своему существованию, дабы стеснив их чрез то в общественном и частном их быте до возможной степени, вынудить их к безусловной покорности воле правительства. Сообразно с сим, предположительные действия имеют целью с одной стороны, стеснение горцев в их землях, посредством занятия русским поселением удобных к хлебопашеству низменностей, а с другой, – пресечение им всех путей к внешним сношениям...» (РГВИА. Ф. ВУА 846, оп. 16, д. 6380 (2), л. 65; Хотко С.Х., 2008. С. 112).

«Не все разработанные тогда предложения кавказских генералов удостоились тогда Высочайшего одобрения, – пишет П.П. Короленко (1893), – но спустя четверть века (т. е. в середине 60-х гг. XX в. – Авт.) большинство из них были приведены в исполнение («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 112-115).

6.3.2.8. Проект Милютин-Бястинского о выселении горцев «вовнутрь Российской империи»

Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, – государственная необходимость требует отнятия у них земель.

А.И. Бястинский, князь (1859).

Предложение Д.А. Милютин. Очередные предложения о выселении горцев из родных мест и колонизации Северного Кавказа были выдвинуты начальником Главного штаба Кавказской армии генералом Милути-

ным. Эта идея была им обоснована в 1857 г. в особой докладной записке, в которой он предложил поселить покорившихся горцев на Дону. Проект Милютина о переселении адыгов в российские пределы был отклонен, но, тем не менее, царские власти в 1859 г. отправили на поселение 159 натухайцев в Новоузенский уезд Самарской губернии. Однако в 1860 г. они были вынуждены вернуть адыгов из-за большой смертности в условиях непригодного для них климата. Из 159 горцев через год осталось в живых только 81 чел. (Панеш А.Д., 1999. С. 221).

Проект А.И. Барятинского. Развивая дальше предложение Милютина, главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский предложил применять эту меру главным образом в отношении горцев Северо-Западного Кавказа. Единственным средством прочного утверждения России в Закубанском крае он считал «водворение казаков на передовых Линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни» (Кияшко И.И. 1909; 2005). Более полно он изложил свое мнение о путях и способах покорения Кавказа 29 декабря 1859 г. в докладе на имя военного министра: А.И. Чернышева: «...Единственное надежное средство, для прочного утверждения нашего владычества в Западном Кавказе, есть занятие горного и предгорного пространств нашим вооруженным казачьим населением по обеим сторонам хребта; учреждение опорных пунктов и военных путей; водворение туземного горского населения на богатых равнинах прикубанских и введение правильного за ним надзора и управления. Всякая другая система может иметь временные выгоды, но решительно не ведет к прочному утверждению нашему в этом крае».

А.И. Барятинский особо подчеркивал, что «...единственным средством прочного утверждения нашего (то есть Российского. – Авт.) в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни. *Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, – государственная необходимость требует отнятия у них земель*» (Думанов З.Б., 2006. Вып. III. С. 280).

Для достижения этой цели, – писал генерал, – очевидна необходимость производить водворение новых казачьих станиц в обширном размере, начиная от р. Лабы, через верхние части рек Белой, Пшехи, Пескупса и далее к западу по обоим скатам хребта до берега моря. По мере этого движения, конечно, представится необходимость занимать временно оборонительные линии, для прикрытия водворяемых станиц, и первым эшелоном будет, конечно, р. Белая; но следует заметить, что, по мере удаления к западу, все притоки Кубани становятся короче и представляют более удобств для временного устройства их охранения.

Как отмечает И.И. Кияшко (2005. С. 303), в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. интенсивно шло заселение казачьими станицами пространства, заключающегося между р. Шебш и восточным берегом Черного моря, с одной стороны, и с другой – от предгорий Главного хребта до берегов р. Кубани. На этом огромном пространстве земли, заключающем в себе несколько сот тысяч десятин, обитали в то время следующие главные горские племена, в приблизительной численности их: 1) шапсуги по обеим сторонам Главного хребта – до 60 тыс., 2) убыхи – 10 тыс. и 3) натухайцы, как живущие внутри края, так и приморские – до 15 тыс., а всего горского населения было около 85 тыс. душ обоего пола.

По проекту князя Барятинского предполагалось выселить горцев из занимаемых ими мест в предгорьях на плоскость близ р. Кубани, где имелось для этой цели до 200 тыс. десятин свободной, никем не занятой, земли. На местах же, которые они занимали до того времени, должны были быть поселены казачьи станицы. Таким образом, горцы были окружены русскими поселениями, как кольцом, и поневоле должны были бы смириться и навсегда отказаться от былых своеволий» (Кияшко И.И. 1909; 2005. С. 301).

6.3.2.9. «Главнейшие доводы графа Евдокимова в пользу необходимости переселения и вспомоществования горцам»

С выселением горцев, изъявивших на это желание, Кавказ избавлялся от населения самого беспокойного и наименее расположенного к заселению берегов Кубани, чем ускорялось окончательное покорение Кавказа.

Н.И. Евдокимов, граф (1860).

После разгрома движения Шамиля на Северо-Западный Кавказ были посланы большие силы царских войск: 172 батальона регулярной пехоты и 13 батальонов и 7 сотен иррегулярных войск; конницы 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных, при 242 полевых орудиях.

В октябре 1860 г. главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский провел совещание во Владикавказе, на котором был разработан новый план военных действий против западных адыгов: сломить сопротивление горцев, вытеснить их из гор на равнину и на занятых местах строить казачьи и крестьянские поселения. Однако среди участников совещания наметились разногласия о методах решения поставленной задачи. Так, атаман Черноморского казачьего войска, генерал Г.И. Филиппсон отстаивал мнение о том, что «горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от населения восточной: к нему вовсе не применим тот образ действий, который привел к таким успешным результатам в Чечне и Дагестане, что крутые меры против шапсугов и убыхов только доведут эти многочисленные племена до ожесточения и даже, быть может вызовут вмешательство европейских держав, особенно Англии, которое не признает прав России на восточный берег Черного моря» («Трагические последствия...», 2000. С. 28-29).

Совершенно противоположное мнение высказывал командующий войсками Кубанской области генерал-адъютант Н.И. Евдокимов, которого поддерживали почти все участники совещания вместе с Барятинским. Граф Н.И. Евдокимов был одним из инициаторов активизации казачьей и крестьянской колонизации Северо-Западного Кавказа. Известна его «Пояснительная записка по вопросу переселения Кубанских казаков на передовые линии и по другим предметам, вошедшим в связи с этим делом». Н.И. Евдокимов выделяет три этапа казачьей колонизации. Два из них относятся к дореформенному периоду: конец XVIII – 1830-е гг. XIX в. – система переселения казаков целыми казачьими обществами в полковом своем составе; 1840-1860-е гг. – новая система переселения казаков в связи с занятием Лабинской линии: по жребии из всех ближайших к этой линии казачьих полков (Думанов З.Б., 2006. Вып. III. С. 280).

Выдвинутый Евдокимовым план состоял в том, чтобы заставить адыгов переселяться на открытые равнины или же уходить в Турцию. «Главнейшие доводы графа Н.И. Евдокимова в пользу необходимости переселения и вспомоществования горцам» были изложены в докладе Комиссии по делу о переселении в Турцию:

а) с выселением горцев, изъявивших на это желание, Кавказ избавлялся от населения самого беспокойного и наименее расположенного к заселению берегов Кубани, чем ускорялось окончательное покорение Кавказа;

б) с покорением Кавказа представлялась возможность в будущем уменьшить количество войск на Кавказе, чем сбереглись бы для казны огромные суммы, ими потребляемые;

в) так как большая часть горцев, вышедших с покорностью и выразивших вследствие успехов нашего оружия, желание поселиться на берегу р. Кубани, по причине всеобщего стремления к переезду в Турцию и при облегчении им эмиграции, вероятно, отправятся туда же, то казна будет избавлена от издержек на заготовление провиантов для прокормления их во время зимы» (Кудаева С.Г., 2007).

Напуганное многолетним упорным сопротивлением кавказских горцев царское правительство хотело переселить их на новые места обитания, где не было необходимых природных условий для продолжения их борьбы. В 1861 г. Александр II издал указ о выделении для них 1 млн. десятин земли в предгорной зоне Северо-Западного Кавказа. Освобождающиеся в результате переселения адыгов земли должны были заселить казаки (Панеш А.Д., 1999. С. 216-217).

Как видно из изложенного выше перечня проектов и «прожектов», разработанных видными военачальниками и разного рода общественными деятелями, никакого продуманного, социально и экономически обусловленного плана «умиротворения», а точнее – покорения Северо-Западного Кавказа у царского правительства не было и не могло быть. Об этом, в частности, с горечью пишет в своем «Письме с Кавказа» царский генерал Р.А. Фадеев, которого трудно заподозрить в излишнем гуманизме по отношению к горцам: «Не было никакого общего плана для управления покорными и вновь покоряющимися горцами, для уравнивания различных общественных элементов, боровшихся в среде их, элементов, из которых одни были благоприятны, другие враждебны нам, и к которым мы не могли, не должны были относиться равнодушно; тем более, что состояние мирных имело величайшее влияние на умы непокорных, на степень ожесточенности их сопротивления. Мы действовали одною силою оружия, без политики, и оттого везде встречали только врагов и ни одного доброжелателя, хотя все люди старого порядка между горцами, подавленные, но еще не вконец уничтоженные мюридизмом, могли представить нам значительную точку опоры...» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 580-581; Кушхабиев А.В., 2007).

6.3.3. «Это был великодушный, самый гуманный выбор из всех, которые государство-колонизатор давало побежденному народу...» Но был ли выбор?

Александр II... дает адыгам выбор – переселиться на равнину, где им будет предоставлена едва ли не лучшая в Европе земля и все права русского гражданства, или уйти к союзникам-туркам... В результате черкесы выбрали уход к союзникам – это было их право, их выбор, который нужно уважать, но и отвечать за который тоже надо...

А.А. Епифанцев (2010. С. 283-284).

Отношение к перечисленным выше «прожекам» и проектам «умиротворения» горцев Северо-Западного Кавказа у современных исследователей неоднозначное. Как и следовало ожидать, подавляющее большинство из них объективно и непредвзято оценивают эти предложения высших сановников Российской империи и царских генералов. Но есть и такие «исследователи», которые, по сути, снимают с царских колонизаторов ответственность за изгнание черкесов, возлагая вину за это на ...саких горцев. Дескать, «те, кто хотел – остался, кто хотел – ушел», и более того, «отвечать за этот выбор тоже надо». С этой точки зрения несомненный интерес представляет эссе историка А.А. Епифанцева (2010), основные тезисы которого, чтобы не быть голословными, приведем в кратком изложении.

«Вопрос о том, что делать с побежденными адыгами, – пишет историк, – начинает обсуждаться русским командованием уже с 1857 г. Год, как закончилась Крымская война, еще не сдался и еще не побежден Шамиль,

еще не принесли присягу не только черкесы, живущие в горах, но и многие «равнинные» народности, на Западном Кавказе еще не собрана огромная армия, а русские генералы уже рассуждают, что делать с побежденными черкесами. Создается Особый комитет для решения этого вопроса, обсуждаются разные проекты, но вскоре стороны сходятся на том, что будущее народов Западного Кавказа должно быть отлично от того будущего, что скоро придет к народам Кавказа Восточного. Если чеченцев и дагестанцев предполагалось оставить в местах своего традиционного проживания, то адыгов нужно было частично выселить, а частично оставить.

Как писал Милютин в своем «Плане покорения Северо-Западного Кавказа», представленном Александру II, «завоевание края», т. е. Кавказа, «производится одним из двух способов – или покорением местных жителей с оставлением их на занимаемых землях, или отнятием у жителей земель и водворением на них победителей». Причин такой разницы в подходах было несколько. Можно назвать, по крайней мере, четыре:

1. Милютин указывал на крайнюю разрозненность и раздробленность черкесских племен, их «тысячелетнюю привычку к безначалию, вольности и легкомысленной подвижности». По его мысли, эти «черты» черкесов не позволяли надеяться, чтобы их когда-нибудь было возможно подчинить «правильному устройству и законным властям».

2. С раздробленностью была связана еще одна причина, – черкесы находились в таком состоянии, которое современные дипломаты называют «недоговороспособностью», – с ними нельзя было ни о чем договариваться. Зачастую черкесы враждовали между собой; российское командование могло договариваться о мире с одной группой абадзехов, выдающих себя за представителей всего народа, а в этот самый момент другая группа все тех же абадзехов, никак не соотносившаяся с первой, могла нанести неожиданный удар.

3. Несколько основных, еще не покоренных адыгских племен располагались на территории, которая была идеально приспособлена для ведения партизанской войны. И если ситуацию еще можно было как-то контролировать, имея в горах и лесах значительное количество русских войск, то после грядущей победы и вывода войск, можно было быть уверенным в том, что набеги горцев продолжатся.

4. В отличие от чеченцев, значительная часть адыгов, которых намеривались выселить, жила непосредственно на морском побережье, что определяло относительную легкость их поддержки враждебными России государствами – Турцией, Англией, Францией».

И далее А.А. Епифанцев (С. 279) пишет: «Хочу отметить особо: ни в одном из планов речь об уничтожении всех черкесов не шла. Более того, одной из существеннейших причин и целей высылки черкесов генералы считали... сохранение адыгам жизни. В переписке немало говорится о том, что оставшиеся племена являются самыми непримиримыми и будут воевать до конца, следовательно, чтобы не уничтожить их, необходимо не доводить их до отчаяния, а дать им возможность выбора и ухода с Кавказа.

Члены Особого комитета понимают, что предложенное решение жестоко и приводят в пример как раз колонизацию европейцами Америки, которая вылилась в «истребление почти всех первобытных там жителей», говоря, что такого исхода нужно избежать. Эта мысль всячески и постоянно подчеркивается генералами... Так, Александр II требует, «...чтобы это развитие (русского населения в Закубанском крае – Авт.) было соразмерно с поземельным довольствием, которое можно доставить вновь водворяемым казакам без крайнего стеснения туземцев». Д.А. Милютин несколько раз пишет, что «наши обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже враждебных к нам племен». В какой-то момент даже созревает ссора, – Барятинский посчитал себя оскорбленным тем, что члены Особого комитета, по его мнению, выставили его предложения так, как будто он «предлагает систему действий для покорения кавказских горских племен, основанную на *истреблении всего туземного населения*». Он пишет, что ему приписывают «бесчеловечное намерение» и по этой причине даже не считает нужным оправдываться... Это очень важный момент, который дает нам понимание того, почему произошло то, что произошло. *Никто не хотел уничтожить адыгов как народ*. Предполагалось организованно переселить три племена – абадзехов, шапсугов и убыхов на равнину, для чего на левобережье Кубани выделялось 864 тыс. десятин земли и, кроме этого, для этих же целей в районе Пятигорья выделялось 409 тыс. десятин. Эти земли держали свободными и казаков туда не заселяли. Натухаевцев, которые тоже жили у моря, но в основном на безлесной холмистой равнине, и которые показали себя гораздо более лояльными к России, предполагалось не выселять куда-то далеко, а собрать в одном месте где-то между нынешними Анапой и Новороссийском и учредить отдельный «Натухайский округ» под началом генерал-майора. К новому округу должны были отойти более 100 тыс. десятин земли.

По весьма сомнительному мнению А.А. Епифанцева (С. 279), *это были лучшие, самые плодородные земли, которые несколько не уступали тем, которые нарезались казакам* и были лучше земель, которые адыги имели в горах. Кроме этого, российское правительство подсчитало, что в условиях горно-лесистой местности, средний надел у адыгов составлял около 1 десятины на душу, и рассчитало выделяемые земли так, чтобы на равнине на душу приходилось минимум 3-4 десятины, а в среднем 7 десятин с тем, чтобы на семью было выделено как минимум 20 десятин. При таком подсчете, с учетом уже имеющихся в степной части Кубани аулов, земли которых не принимались во внимание при расчете, на Кубани и в Ставрополье можно было разместить как минимум 350-400 тыс. черкесов. Вот, что пишет на этот счет генерал Фадеев:

«Не было никакой надобности гнать горцев в Турцию. У нас было довольно места для них, во-первых, в 1 млн. десятин по левому берегу Кубани, отведенных исключительно для этого назначения; во-вторых, в 300 000 десятин хороших земель, оставшихся в Пятигорском уезде за выселением части кочевых ногайцев в Турцию еще в 1860 г.; в-третьих, в казачьих землях, покинутых населением, передвинутым на передовые линии. Все количество земель, которое правительство располагало по соседству для помещения горцев, можно считать в 1 500 000 десятин». Кроме этого, в качестве вспомогательной меры открывалась граница с Турцией, и правительство рассчитывало, что часть народа – наиболее непримиримые – переселятся туда. Подчеркиваю, – пишет А.А. Епифанцев (2010), – и это очень важно для всего последующего понимания ситуации, *переселение части адыгов в Турцию считалось дополнительной, вспомогательной мерой*, рассчитанной на относительно небольшую часть людей.

Вот, что пишет граф Евдокимов: «Переселение непокорных горцев в Турцию без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок, без большого напряжения с нашей стороны; но, во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру, как на вспомогательное средство покорения Западного Кавказа, которая даст возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть и разорение, чем покорность русскому правительству».

Что же делает Александр II – этот «палач адыгского народа», уничтожавший всех его представителей по национальному признаку? – спрашивает А.А. Епифанцев. – Он *дает адыгам выбор – переселиться на равнину, где им будет предоставлена едва ли не лучшая в Европе земля и все права российского гражданства, или уйти к союзникам-туркам*, которые много десятилетий поддерживали адыгов, звали их к себе, обещали помощь.

Это был великолепный, просто лучший и самый гуманный выбор из всех, которые государство-колонизатор того времени давало побежденному местному народу. Подчеркиваю, лучший и наиболее гуманный выбор из всех, имевшихся в истории того времени! – восклицает историк. Я знаю, что эти мои слова станут объектом критики немалой части адыгов. Но так было! Ну не давали немцы побежденным африканским племенам гереро права выбора – уход к союзникам, либо переселение в Германию с получением там немецкого гражданства и наделов в 3 раза больше, чем они имели в Африке! И американцы не давали индейцам, и бельгийцы – неграм. Подобных примеров в истории того времени просто нет. Не существует.

В результате черкесы выбрали уход к союзникам (туркам. – Авт.), – это было их право, их выбор, который нужно уважать, но и отвечать за который тоже надо. Те, кто хотел – остался, кто хотел – ушел, – завершает свое эссе А.А. Епифанцев (2010. С. 283-284).

Думается, комментарии к столь неожиданному и, несомненно, оскорбительному для большинства адыгов выводу излишни...

6.4. Сговор: турецкий султан «уступает» Черкесию русскому царю

6.4.1. «Россия признала закубанцев подданными Турецкой империи, но они сами не признают себя совершенно таковыми»

Цари, когда входят в селение, губят его и делают славных из его жителей униженными...

Коран. Сура 27; 34

По заключении Адрианопольского мира, Россия получила на Кавказе все, что до того находилось под покровительством Турции; но когда мы потребовали от черкес покорности и повиновения, они вздумали отстаивать свою свободу. Тогда-то и началась эта кровопролитная война с закубанцами...

А. Берже (1858).

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. завершилась подписанием Адрианопольского мира. По условиям статьи 4 этого договора, восточный берег Черного моря, от устья р. Кубани до пристани св. Николая (в районе современного г. Поти) входил в состав Российской империи. Турция перестала считать адыгов своими подданными и вынуждена была признать переход земель, населенных западными адыгами, в сферу влияния русского правительства. Но эта уступка отнюдь не означала, что черкесские земли включались в состав Российской империи, то есть присоединялись к ней.

Русский офицер Ф. Торнау правильно подчеркивал в своих воспоминаниях: «В 1829 г. Порты отказалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря и уступила ей черкесские земли, лежащие между Кубанью и морским берегом вплоть до границы Абхазии. Эта уступка имела значение на одной только бумаге – на деле Россия могла завладеть «уступленным» ей пространством не иначе как силой. *Кавказские племена, которые султан считал своими подданными, никогда ему не повиновались.* Они признавали его, как наследника Магомета и падишаха всех мусульман, своим духовным главою, но не платили податей и не ставили солдат. Турок, занимавших несколько крепостей на морском берегу, горцы терпели у себя по праву единоверия, но не допускали их вмешиваться в свои внутренние дела и били их без пощады при всяком подобном вмешатель-

стве...». О том же писал и граф Нессельроде в 1828 г.: «Россия признала закубанцев подданными Турецкой империи, но *они сами не признают себя совершенно таковыми*». При этом, как отмечал Н. Дубровин, черкесы не представляли мощь Российской империи и не понимали, что ей нужно в Земле адыгов: «Когда рассказывали им (горцам) о могуществе России, о пространстве ее земель, то они весьма недоверчиво качали головою: «Странно, зачем же русским нуждаться в наших горах, в нашей маленькой земле? Нет, видимо им негде жить».

И действительно, *адыги отказались признать договор, которым турецкий султан «уступил» их русскому царю, как какую-то вещь*. Во-первых, потому что договор был заключен без их участия. Во-вторых, и это самое главное, – подавляющее большинство горцев никогда не считало себя подданными (в полном смысле этого слова) турецких султанов. Говоря словами Ф. Щербины, они не признавали чужой власти над собою и терпели турок как единоверцев, а не владетелей. Следовательно, как писал К.Маркс, «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама». И далее он подчеркивал: «Черкесия всегда была настолько независима от Порты, что даже в те времена, когда в Анапе еще находился турецкий паша, Россия заключила несколько соглашений с черкесскими вождями о прибрежной торговле».

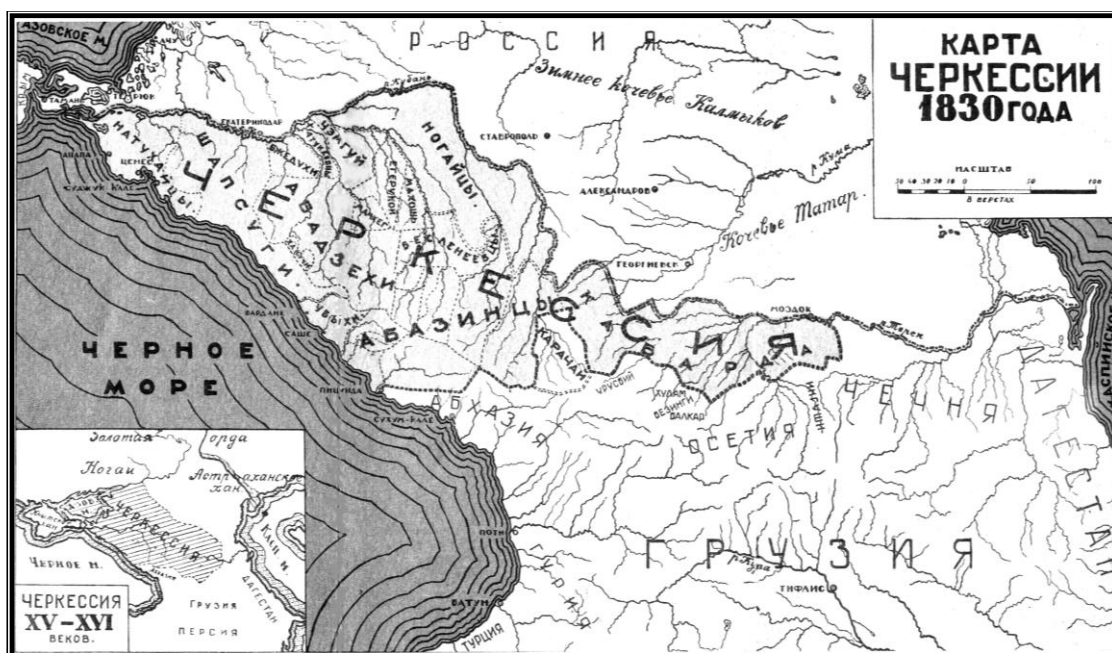
Весьма ценно мнение самих горцев по этому вопросу. Так, жители окрестностей Сочи – джигеты писали генералу Симборскому в 1837 г.: «Если вы (царские власти. – Авт.) говорите, что ваш падишах дал вам эти горы, – он нас не уведомил, что отдал вам нас лично; а если бы мы знали, что эти земли вам отданы, то мы не остались бы на них жить». Подобные же мысли были изложены Симборскому кубанскими черкесами и в ответе на его воззвание от 17 апреля 1838 г.:

Ответ черкесов на воззвание генерала Симборского

«Вы говорите, что по Адрианопольскому миру земля наша вам отдана, но это несправедливо; мы с незапамятных времен ничьими рабами не были, неужели впредь мы ими будем? Слава Богу, уже десять лет, как мы ни в каких делах (с вами) не находимся и того не желаем, а вы нас преследуете, не зная наших обстоятельств. Решительный наш ответ таков: мы не станем вам ни на волос повиноваться. Вы пишете, что подвластные вам мусульмане живут в благоденствии; но что они терпят – мы знаем, слышим и видим; видим и теперь, как вы собираете войска из областей, с вами помирившихся, и заставляете их воевать с нами. Если вы так сильны, то зачем берете их с собою?»

Мы не знаем, сколь угнетены казанские, крымские татары и прочие, в империи вашей живущие. Из ваших крепостей бегут к нам те (из них), которых берете вы в солдаты, и мы собственными своими глазами видим, что бегущие от вас наслаждаются у нас (только) покоем. Если желаете ответа, то вот он: оставьте крепости, находящиеся в Черкесской земле, перейдите за Кубань и мы туда ходить не станем. Вы же сюда не ходите. Тогда, если захотим, то будем с вами в дружбе. В письме вашем вы просите выдачи от нас аманатов и хотите поставить начальника над нами. Вы написали к нам довольно надменное и заносчивое письмо. Кто над нами начальник и кто может давать нам приказания? Тем ли вы возгордились, что овладели на берегу моря клочком земли величиною с рогожу? Более мы к вам переговорщиков посылать не будем, и вы не посылайте; не пишите к нам более писем, а если это сделаете, то посланного уьем, письмо же разорвем в клочки. Лунный месяц сефер 1254 г. (май 1838 г.). [Приложены печати Хаджи Дагомукко и других старейшин].»

Однако это обращение адыгов к высшим царским властям осталось «гласом вопиющего в пустыне», – уже ничего не могло остановить открытого вторжения войск могущественной Российской империи на территорию Земли адыгов.

Карта Черкесии 1830 г.

6.4.2. «Русское правительство... решило попросту разрубить мечом гордые узлы горской политики»

Русское правительство, спешившее поскорее навести порядок на Северном Кавказе и посчитавшее излишним глубоко вникать в местные тонкости, решило попросту разрубить мечом гордые узлы горской политики. Но вместо решения проблемы оно получило Кавказскую войну.

В.В. Дегоев (2003).

Свое мнение о причинах, способствовавших началу Кавказской войны, излагает публицист А.Х. Боров (2006). Показательно, – пишет автор, – что еще в ходе Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Николай I поставил перед командующим русскими войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичем задачу «...не менее важную, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшую, – это покорение горских народов или истребление непокорных...». Эта установка не связывается с какими-либо внешними угрозами государству, а сфокусирована на самих местных народах.

Данное обстоятельство уже получило четкое отражение в современных подходах к Кавказской войне. Непонятность образа жизни, обычаев, психологии народов Северного Кавказа, отсутствие у них государственных институтов (за исключением приморского Дагестана) требовали значительного такта, времени и терпения. Русское правительство, «...спешившее поскорее навести порядок на Северном Кавказе и посчитавшее излишним глубоко вникать в местные тонкости, решило попросту разрубить мечом гордые узлы горской политики. Но вместо решения проблемы оно получило Кавказскую войну», – пишет известный специалист в этой области В.В. Дегоев (2003). С другой стороны, как отмечает известный автор-кавказовед Я.А. Гордин (2000), «для горцев подчинение чьей-то посторонней, чуждой власти означало катастрофическое крушение всего миропорядка, потерю органичного мироощущения и самовосприятия. Отсюда и уровень непримиримости» (Боров А.Х., 2006. Вып. III).

6.5. Вторжение: «Мстили целым племенам за вину нескольких людей...»

6.5.1. Начало «укрощения племен кавказских»

Приблизился час...И изгнали вас из ваших жилищ, и помогли вашему изгнанию.

Коран. Суры 54, 1; 60, 9.

И предаю землю в руки злым, и рукою иноземцев опустошу землю и все, наполняющее ее...

Библия. Книга пророка Иезекииля (30; 12).

Правительство Николая I считало Адрианопольский договор между Россией и Турцией достаточным основанием для аннексии (лат. *annexio* – «насилованное присоединение страны или части ее другой страной») Северо-Западного Кавказа. По повелению царя русские войска в 1830 г. вероломно вторглись в Черкесию со стороны р. Кубани, а также на Черноморском побережье. Разгорелась пламя Кавказской войны, в ходе которой Земля адыгов была в конечном счете завоевана царизмом. Примечателен тот факт, что уже с 1829 г., то есть еще до вторжения на территорию Северо-Западного Кавказа, на картах России Черкесия изображалась как часть Российской империи. Но, как говорится, «...гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Потребовалось долгих 35 лет, чтобы физически уничтожить и изгнать из родных мест большую часть адыгского народа. Лишь тогда географическое понятие «Черкесия» утратило свой смысл...

Активные военные действия против закубанских горцев начались с 1830 г. Наибольший размах они приобрели в 1837-1839 г., когда было построено 17 укреплений, объединенных в Черноморскую береговую линию. В частности, особое внимание царское военное командование уделяло строительству укреплений в приморских пунктах – в Пицунде, Бамборе, Гаграх, а также в Закубанье – Абинского и Николаевского укреплений. С целью разъединения натухайцев и шапсугов создается военная дорога через горный хребет от с. Ольгинского на р. Кубани до Геленджика. При «умиротворении» черкесов ставка была сделана на применение в отношении их вооруженной силы. «Одна военная сила должна быть принята за первоначальное основание при укрощении племен кавказских», – откровенно признавался командующий войсками на Кавказе генерал И. Паскевич. Завершив строительство укреплений на Черноморском побережье Кавказа, командование царских войск развернуло широкие наступательные действия против адыгов.

Черноморская береговая линия принесла страшные бедствия адыгам. Фактически она означала полную экономическую изоляцию Черкесии. «Объявляя блокаду, Россия тем самым объявляла Черкесию враждебной иноземной страной», – писал К.Маркс. Но эта изоляция не только не дала ожидаемого результата, но, напротив, вынудила черкесов объединяться в борьбе за свободу. «Шапсуги, абадзехи, натухайцы остались совершенно непокорными, – свидетельствуют архивные источники. Согласно рапорту генералу Вельяминова, «...за исключением жителей Малой Кабарды, все остальные народы были готовы поднять оружие против наших (царских. – Авт.) войск». Обстановка, в которой приходилось действовать царизму, так была охарактеризована генералом

И.Ф. Паскевичем: «До того времени (до 1829 г.), имея войны с Персией и Турцией, мы не делали никаких предприятий против горцев и снисходительная политика сия удалась нам в полной мере; ибо горцы во все то время оставались спокойными. В истекшем 1830 г. мы переменили образ действий наших и атаковали их во многих пунктах; сие заставило их понять настоящие намерения наши и со своей стороны вооружиться почти повсеместно».

Как писала Галимет Бешкок в одном из своих стихотворений,

Кавказ, я дочь тех поколений,
Живших в объятьях твоих,
Ты возвышался веками над ними,
Как страж, боготворимый ими.
Но вот раздалась залпы орудий
И запах пороха заполнил долины;
Аулы охвачены были смятеньем,
И эта беда обернулась столетием...

6.5.2. Посредник: миссия Хан-Гирея к черкесам

*Мы послали тебя с истиной вестником и увещателем.
Нет никакого народа, в котором не прошел бы увещатель!*

Коран. Сура 35; 22

*Если ты имеешь общение со мной, то прими его,
как меня. Прими его, как мое сердце».*

Библия. Послание к Филимону (1; 12,17).

Сопротивление адыгов, с одной стороны, а также недовольство иностранных держав приобретениями России на Северном Кавказе серьезно беспокоили Николая I. Он считал, что «...упорство черкесов, основанное отчасти на невежественном мнении сих горцев противостоять России собственными силами, отчасти – на обещаниях иностранных эмиссаров», должно быть сломлено при сотрудничестве царизма с адыгским дворянством. И поскольку царские чиновники не пользовались доверием не только адыгов, но и русского народа, Николай I решил вступить в переговоры с адыгскими представителями при посредничестве Хан-Гирея.

Хан-Гирей был командирован на Северо-Западный Кавказ с чрезвычайно важным поручением – известить соплеменников в предстоящем визите в Черкесию Николая I, а также «искусно внушить им необходимость воспользоваться сим счастливым для кавказских народов событием для изъявления покорности их лично и непосредственно Его величеству». В частности, Хан-Гирею было поручено: организовать встречу депутатов, избранных адыгскими народами, с императором России; «подсказать» адыгам, чтобы они просили у Николая I «постоянного управления под непосредственным ведением Российского начальства»; «во избежание всяких недоразумений и сбивчивости», следует заранее подготовить программу обязательств, которые горские племена возьмут на себя.

Император Николай I попросил Хан-Гирея собственноручно «...начертать проект положения об управлении в покоряющихся горских обществах». Интересно, что в этом проекте император *требовал, по возможности, не отступать от коренных обычаев горцев, и одновременно стараться добиваться среди них «...образованности народа, смягчения его нравов и сближения с Российским населением края»*. При разработке положения об управлении адыгами Хан-Гирею должен был помогать адъютант военного министра барон Вревский; контролировать же их работу поручено было генералу Вельяминову – командующему войсками на Кавказской линии.

Хан-Гирей приступил к выполнению императорского поручения, установив в первую очередь контакт с бжедугскими и темиргоевскими дворянами. Последние же, опасаясь что процесс «демократизации» распространится на подвластное им население, сами искали покровительства царизма. Однако усилия Хан-Гирея не нашли понимания у народов с демократической формой правления – шапсугов, натухайцев, абадзехов. Они активно противостояли царизму и возлагали определенную надежду на поддержку Англии и Франции. Миссия Хан-Гирея, как проводника политики царизма, не увенчалась успехом, и царские власти нашли другие пути и способы «умиротворения» черкесов.

6.5.3. «Преступление... без наказания»: военная машина царизма набирает обороты

Начался следующий этап эскалации Кавказской войны. Походы царских войск сопровождались уничтожением адыгских аулов и репрессиями по отношению к мирным жителям. В одном только 1836 г. в Закубанье были истреблены крупные аулы Соут, Хойст, Хочелк, Лезерок, Тайлис и многие другие. В связи с этим представляет определенный интерес признание начальника Черноморской береговой линии генерала Н.Н. Раевского (1841): «Царские военачальники мстили целым племенам за вину нескольких людей, уничтожая и стирая с лица земли целые аулы и села». Как здесь не вспомнить строки из трагедии В.Шекспира «Генрих V»:

Закрывают милосердия двери,
И воин грубый и жестокосердный,
Чья совесть все вмещает, словно ад,
Руке своей кровавой даст свободу.

6.5.3.1. Попытки со стороны адыгов мирного решения военного конфликта

Если вы не слушаете, ...мы отнимем у вас вашу землю и обойдемся с вами с величайшей суровостью. ...Будет не моя вина, если ваши долины будут преданы огню и мечу и ваши горы – обращены в пыль.

Николай I, (28.05.1837 г.).

Мы надеемся, что вы сравняете с землей ваши крепости и уйдете на другую сторону Кубани, и мы сможем заключить договор, по которому вы не будете больше нам вредить, также как и мы вам...

Из ответа черкесов Николаю I (29.05.1837 г.).

Объективности ради, следует отметить, что даже в условиях явной агрессии со стороны царизма, адыги пытались найти мирное решение военного конфликта. Так, в своем рапорте генерал Раевский сообщал: «В 1836 г. в июне месяце натухайцы и шапсуги имели собрание близ урочища Вардан, целью которого было вступить под покровительство России». В 1837 г. в ответе российскому императору предводители абадзехского, натухайского и шапсугского обществ писали, что их желание заключается в том, «...чтобы черкесы с намерением убийства и грабежа не вступали никогда в российские пределы, а россиянам удалиться от черкесов и более не вступать с войском в наши земли, и на сих условиях утвердить договор, и возобновить мир и согласие. Объявляя о сем и Вам, мы совершенно в том уверены, что дружба и согласие между нами водворятся тогда, когда все войска Ваши и крепости переведены будут за р. Кубань, в таком случае мы все единодушно согласны покориться». Эти слова не только свидетельствуют о дипломатическом такте горцев-черкесов, но, главное, еще раз подчеркивает их высокое чувство собственного достоинства. Принимая во внимание несомненный интерес, который вызывают у читателей малоизвестные факты из истории русско-черкесских отношений, приведем несколько выдержек из подборки уникальных документов, впервые опубликованных в работе Н. Бэрзэджа (1996):

Письмо царя Николая I

...На что вы надеетесь? Разве вы не знаете, что даже если небеса рухнут на землю, Россия достаточно могущественна, чтобы поддержать их своими штками. Другие страны – хорошие мастера, ремесленники и т. д., но могущество принадлежит только России. Ни одна страна никогда не имела успеха в войне с Россией. Нет нации такой же сильной, как Россия; и если вы хотите мира, то должны уверовать, что существуют только две власти – Бог на небе и Император на земле!

Нам должно быть позволено передвигаться, где мы того пожелаем; сооружать укрепления, где мы сочтем нужным и по нашему требованию должны предоставляться ремесленники, рабочая сила и материалы. Если вы не слушаете и не поверите тому, что я сейчас сказал вам, мы отнимем у вас вашу землю и обойдемся с вами с величайшей суровостью; а посему повинуйтесь тому, что я сказал вам и не делайте так, как я приказываю. Вы должны поверить в то, что я говорю и с вами будут обходиться с большой мягкостью; в противном случае, будет не моя вина, если ваши долины будут преданы огню и мечу и ваши горы – обращены в пыль. Сдавшись, вы сохраните вашу собственность; ежели нет, все, даже ваше оружие, будет отобрано у вас и вы превратитесь в рабов».

Генерал-адъютант (подпись неразборчива). 28 мая 1937 г.

Ответ черкесов на предыдущее письмо царя Николая I

Великому Императору Николаю Российскому и нашему другу, его верному генералу и слуге.

Вот уже десять лет мы воюем с вами и все нации Европы знают, что мы не друзья друг другу... Ныне мы все едины до самого Каспийского моря; мы пишем вам от имени всех и все, что мы пишем – истина. Так как мы теперь едины, то можем ручаться, что никто не ступит ни ногой на вашу территорию; и в то время как черкесы не будут досажать вам в ваших провинциях, мы надеемся, что вы сравняете с землей ваши крепости и уйдете на другую сторону Кубани, и мы сможем заключить договор, по которому вы не будете больше нам вредить, также как и мы вам... Вы излишне самоуверенны, говоря, что разрушите эту страну; говоря так, вы надменно присваиваете себе свойства Бога-Творца. Вы говорите с чрезмерной заносчивостью и, кажется, думаете, что вы действительно можете сделать то, о чем говорите; но хотя мы и маленькая нация, с благословения Бога все другие народы будут на нашей стороне. ...И если нам, не хватит людей, мы найдем их даже в чреве их матерей и вложим оружие в их руки.

29 мая 1837 г. (Печати Верховного Судьи и других старейшин).

Послание генерала Раевского народу Натухая

Если, желая мира, вы придете ко мне как друзья, то я приму вас благосклонно; но если вы считаете, что война неизбежна, хотя я против этого, то вы сами раскаетесь и вина будет на вашей совести, так как исход войны будет ужасен для вас...

В мире наша дружба продлится до конца дней, в то время как война будет усиливать враждебность... Натухайцы, проживающие между морем и дорогой на Анапу, должны, как кабардинцы, или заключить с нами мирный договор, или покинуть места обитания». Октябрь 1838 г.

Ответ черкесов на предыдущее письмо генерал-лейтенанта, благородного сеньора Раевского, находящегося на службе Шаха Русского правительства Императора Николая

На протяжении 12-ти лет Вы обманываете, утверждая, что Черкесия была Вам отдана и опубликовали ложные известия о том, что «от одного моря до другого все провинции Черкесии мне были отданы оттоманским правительством и представлены заложники, чтобы укрепить мою власть над ними». И Вы не перестаете публиковать ложные сообщения: «черкесы мне подчинены и стали данниками; я окружил их страну крепостями и с двух сторон блокировал морями...». Но, ясно, как день, что все это ложь, так как оттоманское правительство никогда не завоевывало нашу страну силой оружия; никогда оно не покупало ее за свои драгоценности; и уже 12 лет, как оно нам ничем не помогает; никогда оно не требовало от нас покорности и никогда мы ей ее не высказывали. Каким же образом Оттоманская империя могла нас уступить русским?...

Никогда мы не были подданными русских и пусть Бог, который прежде отвращал от нас такое несчастье, сделает так, чтобы оно нас никогда не коснулось. Всемогущий Бог справедлив; Он ниспошлет нам свою помощь, и до последнего человека наших племен мы всегда будем врагами русских и будем всегда воевать с вами.

Когда султан позволил вам занять государство Шахан-Гирея в Крыму, мы поняли тогда по вашему поведению, что значит ваша дружба и ваша вражда...Русские всегда были бессердечны и ненасытны и никогда еще никто с ними не вел дружбы, чтобы потом не раскаяться в ней...

Если вы хотите нашей дружбы, уведите ваши жалкие войска с нашей границы от Анапы до Карачая, снесите ваши крепости, уведите все ваши гарнизоны за Кубань и тогда, если желаете заключить мир с нашими племенами, мы сможем принять это во внимание, потому что мы сможем доверять только тому, что видим своими собственными глазами.

Когда умер Ахмет-Гирей, брат крымского султана, его известные сыновья были русскими гостями, а вы заставили служить их как солдат, ради средств к существованию. Видя все это, как можно верить дружбе? Все наши племена будут воевать с вами до последнего человека; и так как Бог справедлив и всемогущ, то Он пошлет нам помощь, чтобы правоправные мусульмане никогда не заключали дружбы с русскими. Это все, что мы можем сказать.

21-й день луны мохарема 1254 г. (ноябрь 1838 г.). (Печати Верховного Судьи и других старейшин)

Заявление Верховного Судьи Черкесии и других вождей относительно Суджук-Кале

Россия говорит, что оттоманское правительство считало нас своими подданными, и «теперь они мои рабы, и власть моя единственна». Мы отвечаем на эти русские претензии, что оттоманское правительство есть единственный глава и законодатель мусульманского права, и, желая остаться истинными мусульманами, мы поклялись быть друзьями с его друзьями и врагами с его врагами. Но никогда оно от нас не получало никакой контрибуции; так как же оно могло отдать нас русским? Отдать нас таким образом было не во власти падишаха.

Подписано: Хафун-оглу Ислам, Маска-оглу Магхоль, Сева-оглу Хассан, Хауд-оглу Мансур, Хуна Мукирай Самхор, Черкес Карисси Хаджи Дауд, Мухаммед Эмин Абд-илнур Эфенди.

24-й день лунного месяца мохарема 1255 г. (1839 г.)».

6.5.3.2. «Пронизано необыкновенным чувством собственного достоинства»

В природе холмовника (крестьянина-горца. – Авт.) нет ни малейшего признака раболепства.

А.-Г. Кешев (1871).

Дополняют предыдущий раздел еще несколько выдержек из писем черкесов высшим военным чинам Российской империи, строки которых, по мнению современников, были «пронизаны необыкновенным чувством собственного достоинства». Так, с непоколебимой уверенностью в своей правоте черкесы отвечают генералу Симборскому (май 1838 г.): «Вы говорите, что по Адрианопольскому миру земля наша вам отдана; но это несправедливо, мы с незапамятных времен ничьими рабами не были, – неужели впредь ими будем? Решительный наш ответ таков: мы не станем вам ни на волос повиноваться».

Или такой весьма примечательный факт. В 1840 г. при осаде крепости Михайловской причерноморскими шапсугами русский солдат Архип Осипов взорвал пороховой погреб и погиб с несколькими нападавшими. В его честь назван поселок Архипо-Осиповка, стоящий ныне на том месте Черноморского побережья. Ни в коей мере не умаляя храбрости и мужества русского солдата, хотелось бы осветить, так сказать, подоплеку этого подвига. Как сообщает В.Х. Пшемурзов (2003. С. 45), «...причина, приведшая к этому подвигу, – в том, что офицер этой крепости выпорол (естественно, с помощью солдат) не понравившегося ему сына местного горского князя, явившегося на торговые переговоры. Офицер мыслил категориями крепостничества, при котором порка была естественным и не очень значительным наказанием. Он не учел того, что, по словам А.Г. Кешева, «в природе холмовника (крестьянина-горца. – Авт.) нет ни малейшего признака раболепства. Он так же свободно говорит со своим господином, как с ровней, и никогда не позволит ему возложить десницу (имеется в виду ударить рукой. – Авт.) на свою физиономию. Впрочем, это унижительное проявление гнева еще неизвестно между адыгами».

Реакцией на смертельную обиду, нанесенную князю, и была яростная атака всего местного племени шапсугов, в результате которой с обеих сторон погибли тысячи людей» (Казанов Х.М., 1994. С. 26-27).

6.5.3.3. «С неподкупною любовью к родине черкес сохранял твердую веру в блестящую будущность своего народа»

Для черкеса, жившего в маленькой независимой общине, родина казалась большою; он видел, что она независима, воюет и заключает мир с такими же соседями, как она сама, – и это придавало ему гордость и сознание собственного достоинства.

Н.Ф. Дубровин (1871).

«С неподкупною любовью к родине черкес сохранял твердую веру в блестящую будущность своего народа», – эти замечательные слова принадлежат дореволюционному кубанскому историку Н.Ф. Дубровину (1871. С. 56). И далее автор подробно останавливается на истоках этой любви, с которой теснейшим образом

переплетается чувство собственного достоинства, гордость черкесов: «У полудикого человека любовь к родине проявляется бессознательно привязанностью к месту рождения, обычаям, которые он считает лучшими в мире. Насильственно оторванный от родных гор и ущелий, он тоскует. Бывали частые примеры, что, изгнанный из общества и не имевший возможности явиться, без явной опасности, на родину, часто ночью приезжал на родные ему поля, просиживая целые ночи вблизи того аула, где провел молодость, и с рассветом уезжал.

Для черкеса, жившего в маленькой независимой общине, родина казалась большою; он видел, что она независима, воюет и заключает мир с такими же соседями, как она сама, — и это придавало ему гордость и сознание собственного достоинства. Все иноземное, иноплеменное черкес ненавидел, гордился своею родиною, в которой считал себя человеком не последним, а играющим часто весьма важную, по его понятиям, роль. Спросите черкеса: откуда он родом? — он ответит: шапсуг или бесленеевец, но ответит с такою серьезностью, как бы был вельможею огромного государства. Сознание собственного достоинства развило в характере черкесов заносчивость, а необузданная свобода сделала их неуживчивыми, самонадеянными и в высшей степени гордыми.

Особенности характера мужчин перешли частью и на женщин, которые не менее гордились своим происхождением, отлично знали старшинство родов княжеских и дворянских и важность каждого рода. Необходимые по этим статьям сведения передавались из поколения в поколение с истинно аристократическим отпечатком», — завершает свое эссе Н.Ф. Дубровин (1871. С. 56).

6.5.3.4. «Захват адыгских земель продолжался...»

Ибо пришел на землю мою народ сильный и бесчисленный; зубы у него — зубы львиные, и челюсти у него, — как у львицы. Опустошено поле, сетует земля, ибо истреблен хлеб.

Книга пророка Иойля (1; 6, 10).

Великая борьба, которая возгорелась между племенами этой (черкесской) нации и Россией, привлекает внимание всей Европы. Благодаря этой борьбе, черкесский народ, до сих пор неведомый, выявится в совершенно ином свете.

Ф. Дюбуа де-Монперэ (1839)

Официальная политика самодержавия была рассчитана отнюдь не на мирное решение вопроса, а на насильственное вытеснение адыгов и заселение «освободившихся» земель военизированными казачьими станицами. Обращение черкесских предводителей к императору осталось без ответа. Захват адыгских земель продолжался. В 1840 г. на Кубанской линии было основано уже 36 станиц. Как отмечают современники, в этом году было решено кордонную линию, занимаемую Кубанским и Кавказским полками, передвинуть с Кубани на Лабу, заселив «освободившиеся» земли казачьими станицами. Для осуществления этого плана был сформирован под командованием генерала Засса Лабинский отряд, который и открыл на пространстве между Лабой и Белой военные действия против горцев, намеревавшихся препятствовать строительству на месте адыгских аулов новых станиц и укреплений. Поистине, «ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладеет народами и населит опустошенные города» (Книга пророка Исая, 54;3). К осени Лабинская линия была уже прикрыта от горцев укреплениями Зассовским, Махошевским и Темиргоевским, а в 1841 г. — станицами Вознесенской, Лабинской, Чамлыкской и Урупской.

Колонизаторы шли в обозе наступающих войск, а «очищали» территорию от горцев своеобразные ударные отряды регулярных войск и казаков. По словам очевидцев, «царские войска ураганом пронеслись по горским землям, оставляя за собою кровавые следы и груды развалин». Сразу вспоминается библейское: «Посему и называется земля та «землею крови» до сего дня...» (Матфей, 27; 8). Или как писал Т. Шевченко,

За горами горы хмарю повиты,
Засеяны горем, кровию политы...

В условиях явного преобладания сил захватчиков, адыги вынуждены были выработать свои «партизанские» методы защиты родной земли. Разумеется, способы и характер войны, которую царизм навязал черкесам, далеко не соответствовали лучшим боевым традициям горцев, но были вызваны конкретными условиями борьбы с превосходящими силами царских войск. По этому поводу Адиль-Гирей Кешев писал (заранее приносим извинение за обширную выдержку, но ведь из песни слова не выкинешь...): «Немногочисленные, разъединенные вечною враждою племена не могли не чувствовать слишком живо громадной разницы в собственных ничтожных средствах к защите с подавляющим превосходством и неистощимыми средствами противника. Самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предложенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им при других обстоятельствах унижительными для чести наездника. Но все-таки не корысть и не кровожадность, а жажда подвигов и не умиравшая в сердце народа любовь к независимости и свободе одушевляли адыгов в продолжительной борьбе за политическое свое существование...».

6.5.3.5. «Плач адыгов»: «Русский царь вторгся в пределы Кавказа, навязывает нам войну»

Повергаем к стопам Вашим нижайшую нашу просьбу: оставьте нам наши земли, ...не посылайте на нас войск своих и потушите огонь войны, между нами существующий. Отбросьте негодование Ваше на нас и, повелев снять крепости, основанные Вашими властями в недрах нашей земли, успокойте нас.

Из послания черкесских кадиев к Российскому императору (1844).

Трагические события войны нашли свое отражение в народном фольклоре, в частности, в «Плаче адыгов»:

Урыс пачтыхъэу Кавказым кыхьагъэр,
Лыгъэр зэтрахъэуей заор кыташыллагъ.
Ар кыгъзышлагъэхэри мелуанишгъэм къехъу,
Зэрашллагъэ лъэпкъ цыкфур бжыб изы мыхъу.
«Русский царь вторгся в пределы Кавказа,
Состязаясь в мужестве, навязывает нам войну.
Зачинатель войны обладает более чем 100-миллионным народом,
Навязали же ее маленькому народу, едва уместяющемуся на ладони».

Приведенная в «Плаче адыгов» мысль о несоизмеримости огромного 100-миллионного русского народа и небольшого 1,5-миллионного населения Черкесии встречается и в послании закубанских черкесов Российскому императору (1844), в котором горцы еще и еще раз призывают его решить конфликт между двумя народами мирным путем. И, как и в предыдущих посланиях, в этих строках прослеживается отнюдь не слабость, но сила черкесов, их собственное понимание справедливости, высокое чувство гордости и одновременно, боли за поруганную Родину (РГВИА, ф.13454, оп.6., д.634):

Послание черкесских кадиев к императору. С именем Бога, именем наилучшим, от кадиев, мулл и старейшин черкесских Его Императорскому Величеству, Самодержцу Всероссийскому

Всемилоостивейший Государь! Повергаем к стопам Вашим нижайшую нашу просьбу: оставьте нам наши земли, не мешайте нам пользоваться своим богослужением и достоянием, не посылайте на нас войск своих и потушите огонь войны, между нами существующий. Отбросьте негодование Ваше на нас и, повелев снять крепости, основанные Вашими властями в недрах нашей земли, успокойте нас.

Если Ваше Императорское Величество сего не сделаете, то каким образом будем мы заниматься хлебопашеством и скотоводством? Бог по мере сил требует от человека воздаяния; имея это в виду, облегчите нашу участь и не вергайте нас в положение, которое перенести мы не будем в состоянии.

Земли наши в сравнении с Вашим могуществом и величием, составят столько пространства, сколько нужно под упалого (так в тексте. – **Авт.**) верблюда, и будучи столько пред Вами ничтожны, не имеют еще у себя ни золотых, ни серебряных руд и вовсе нет в них своей монеты. Все это Вам известно. Посему припадая к милосердию Вашего Императорского Величества, всепокорнейше просим оставить нас в покое. Тогда мы, поведав всю Вашу к нам благодать и вкушая плоды собственных земель наших, будем достойны Высокого Вашего удовольствия, поведем себя добропорядочно и трудами своими будем снискивать честное себе пропитание.

С просьбою этою посылаем нашего доверенного к генералу Заводовскому и полковнику Могукорову; никому больше мы не верим и надеемся, что они нас не обманут.

Да будет воля Ваша; а мы просим не лишать нас ни веры, ни земель, ни обычаев предков, тесно связанных с отношениями нашими к блистательной Порте Оттоманской. Мы следуем по своей вере, а Вы следуйте по своей. Мы призываем исполнять все догматы Алкорана, что должны свято сохранить и избежать всякого повода, клонящегося к нарушению оной. Мир Следующему по пути истины.

1260-го года от хиджры (т. е. 1844 г. от Р.Х.).

[Приложены 7 печатей Закубанских Старшин: Мустафы, Закареи, Хаджи и еще 4-х чел.]. Переводил с арабского капитан Шихаплев».

6.6. «Будем вешать и прощать, и плюем на историю!»: методы и способы покорения Кавказа

6.6.1. Генерал Ермолов: «Нам нужны черкесские земли, – в самих черкесах нет никакой надобности»

Хочу, чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатцев законом вернее неизбежной смерти...

А.П. Ермолов, генерал (1816).

*Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой, –
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Но се – Восток подымлет вой!
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!*

А.С. Пушкин.

Тяжело писать о нечеловеческих методах «умиротворения» адыгских народов, которые практиковал царизм в Кавказской войне. Главный закон здесь был сила, в чем признавался сам командующий Кавказ-

ским корпусом генерал А.П. Ермолов, которому, кстати, принадлежит приоритет в создании «мертвых зон» с тотальным уничтожением как самих горцев, так и их жилищ, садов, полей, запасов хлеба и сена: «Здесь между народами, заглубленными в невежество, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила. *Один только страх русского оружия может удержать горцев в покорности*». И далее он цинично заявлял: «Нам нужны черкесские земли, – в самих черкесах нет никакой надобности». Хочу, чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатцев законом вернее неизбежной смерти. Снисхождение в глазах азиатцев – знак слабости, и я прямо из человеколюбия (!? – Авт.) бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены».

Даже сами участники карательных акций против адыгов зачастую вынуждены были признать: «При наших погромах множество людей разбегалось по лесу, и в этой кровавой трагедии нередко матери разбивали головы своим детям, чтобы они не достались в наши руки» (Цит. по: Фонвилль А., 1927. С. 4). Тяжелейшее впечатление производят эти циничные строки из записок очевидцев (соучастников?) деяний царских карателей, уж очень напоминающие бедствия ветхозаветных иудеев: «Пришел Ассур с севера, пришел с мириадами войска своего, и множество их запрудило воду в источниках, и конница их покрыла холмы. Он сказал, что пределы мои сожжет, юношей моих мечом истребит, грудных младенцев бросит о землю, малых детей моих отдаст на расхищение, дев моих пленит» (Книга Юдифь, 16; 3-4).

6.6.2. Генерал Засс: «Бью черкесов как душе моей угодно!»

6.6.2.1. «Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище...»

И умер (царь) Саул... И раздели его, и сняли с него голову его и оружие его... И голову его воткнули (на шест) в доме Дагона.

1-я книга Паралипоменон (10;6-10).

До середины 30-х гг. XIX в. у линейных казаков существовала традиция отсекать у убитых горцев головы и привозить их в станицы на показ как трофеи. Этот обычай для устрашения горцев продолжал использовать генерал Засс...

«Очерки истории Кубани» (1996).

Достойным учеником «кровавого генерала» Ермолова был генерал Г.Х. Засс. Его откровенные высказывания почти полностью повторяют слова своего учителя: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, – нашими неприятелями, – чем взять, как не страхом и грозой? Тут не годится филантропия» И далее он с гордостью заключает: «*Бью черкесов как душе моей угодно!*» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008). Как здесь не вспомнить библейское: «Что хвалишься злодейством, сильный? Гибель вымышляет язык твой; как изощренная бритва, он у тебя коварный! Ты любишь больше зло, нежели добро, больше ложь, нежели говорить правду. Ты любишь всякие гибельные речи, язык коварный...» (Псалтырь, 51; 3-6). Или еще в том же источнике (108; 2-3): «Отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные; говорят со мною языком лживым. Отовсюду окружают меня словами ненависти, вооружаются против меня без причины».

Когда ссыльный декабрист А. Бестужев-Марлинский оказался в отряде генерала Засса, он с нескрываемым сарказмом отметил: «До сих пор я учился воевать, а теперь выучился и разбойничать». С болью писал декабрист Н. Лорер, что в поддержку проповедуемой этим генералом идеи страха, на специально насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе «...постоянно торчали черкесские головы, и бороды их развевались на ветру. Грустно было смотреть на это отвратительное зрелище». А нам не менее грустно было встретить в личном письме известного русского писателя и дипломата А.С. Грибоедова С.Н. Бегичеву (1825) такое его восклицание, относящееся к кавказским горцам: «*Будем вешать и прощать, и плюем на историю!*»

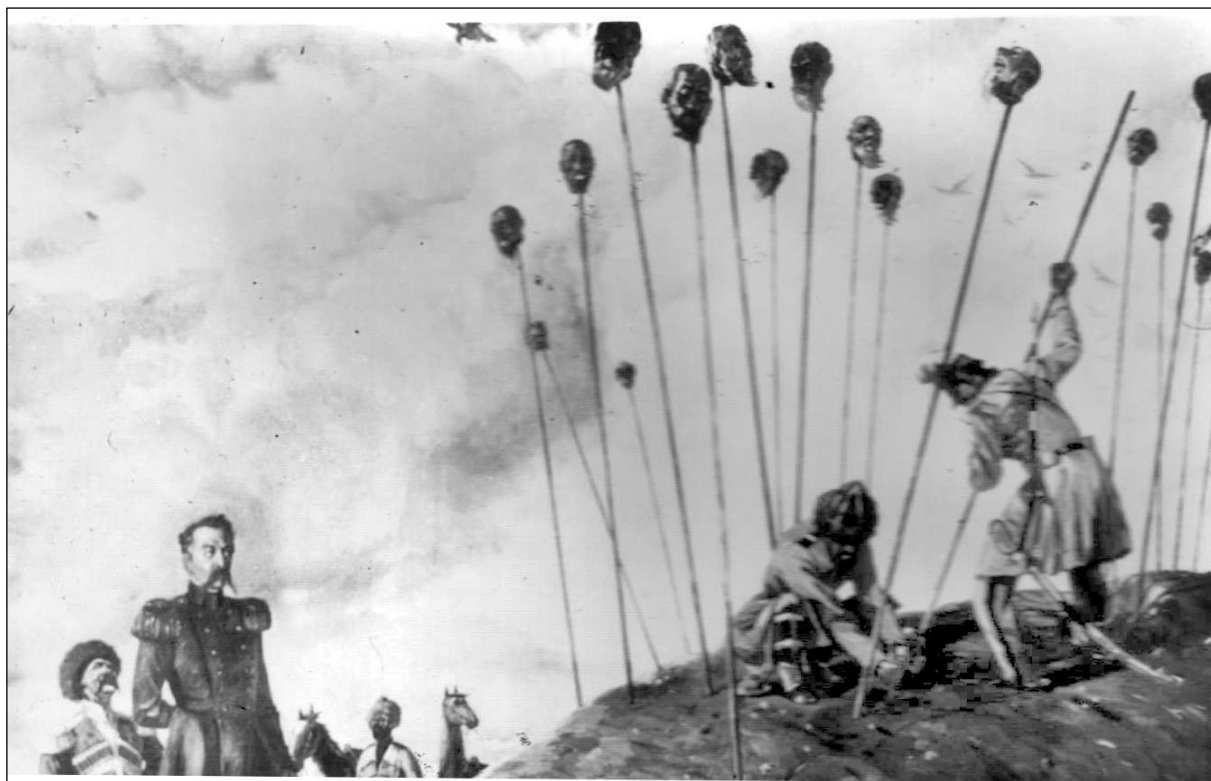
Поскольку речь зашла о генерале Зассе, то хотелось бы несколько подробнее остановиться на приведенном выше эпизоде кровавой биографии царского карателя, тем более, что после выхода в свет 1-го издания «Земли адыгов» именно этот аспект вызвал больше всего споров и нареканий в «предвзятости», «сознательном нагнетании страстей» и т. д. Один из оппонентов договорился даже до того, что приведенная информация якобы вообще не соответствовала действительности и была подброшена турецкими эмиссарами еще в XIX в. в провокационных целях. Эта же мысль прослеживается и в историческом эссе сотрудника Кубанского госуниверситета О. Матвеева, опубликованном в свое время в газете «Комсомолец Кубани» (1991, 31 янв.). Он, в частности, утверждал, что «...ни один из серьезных источников, кроме разве работы Д.В. Раковича (1900), не подтверждает этого факта. Романтика кавказских войн часто влияла на авторов того времени, которые стремились драматизировать ситуацию поверх реального события. *Кодекс дворянской чести (!? – Авт.) не позволил бы Зассу пользоваться столь бесчеловечными приемами по отношению к противнику*, – его осудили бы свои офицеры-декабристы...».

К сожалению, приведенный факт имел место, и исторические источники сохранили немало примеров жестокости противоборствующих сторон (подчеркнем: как царских войск, так зачастую и черкесов). Этот

факт не скрывают и авторы монографии «Очерки истории Кубани» (1996), подготовленной группой историков Кубанского госуниверситета: «До середины 30-х гг. XIX в. у линейных казаков существовала традиция отсекать у убитых горцев головы и привозить их в станицы на показ как трофеи. Этот обычай для устрашения горцев продолжал использовать генерал Засс...».

Откуда же пошла эта «традиция»? Объективности ради, следует сказать, что и действия закубанских черкесов, по словам В.А.Потто (1885), «заставляли бледнеть все ужасы чеченских и кабардинских набегов». Участник боев в Закубанье И.Дроздов также отмечал, что русские солдаты вынуждены были «скрывать могилы от горцев, которые, разрывая их, вынимали трупы и делали над ними всевозможные поругания». Об этом писал и бесленеевский пристав Г. Атаршиков, сообщавший, что горцы «...уважают одну лишь силу, храбрость, крутые меры и некоторые принятые у них обычаи, немыслимые в европейской войне, как, например, отрубать у убитых неприятелей головы и выставлять на шесты, что делал и барон Засс в первый год своего прибытия на Кубанскую линию».

О том, что подобные случаи встречались как у горцев, так и у казаков, сообщал и Ф.А. Щербина (1913): «Черкесы зверски поступали не только с живыми врагами, но даже с их трупами, уродуя мертвых и производя над ними поругания. Линейцы не уступали в этом отношении своим противникам. При успехе, по свидетельству есаула Толстова, победители, кто бы они ни были, – линейные ли казаки или черкесы, «редко щадили побежденных и жестоко расплачивались за старые счета: даже мертвых иногда не оставляли в покое». С этой точки зрения интересно привести выдержку из письма генерала А.А. Вельяминова своему другу, кабардинскому князю Ф.А. Бековичу-Черкасскому от 28 декабря 1825 г.: «Ты пишешь, что тела убитых закубанцев (адыгов) зарыты в станицах и что ожидаешь за ними послов, но ведь присланный от тебя казак сказывал, что они каждый день привешиваются перед воротами станицы. Сей последний способ весьма недурен: пускай спеют, как былыки (судя по всему, имеется в виду вяленая на солнце рыба. – Авт.), в ожидании выкупа». Комментируя этот бесчеловечный документ, Ф.А. Щербина отмечал, что подобные кощунственные шутки над мертвецами являются, в устах командующего армией, более ярким показателем жестоких нравов и диких обычаев, господствовавших в войсках и населении Кавказской линии, чем отсечение голов рядовыми воинами в пылу кровавой битвы.

Курган генерала Засса. На копьях головы черкесов.

6.6.2.2. «Император приказывает проверить эти слухи и, если это правда, то релятивно прекратить бесчеловечные поступки»

До сведения Государя Императора дошло, будто бы некоторые частные начальники на Кавказе отсекают головы горцев, убитых в битвах, и втыкают их на шесты, к общему раздражению жителей. Вследствие сего... принять самые решительные меры к прекращению таковых бесчеловечных поступков...

Из рапорта генерала И. Поповича генералу П.Х. Граббе (1841).

Генерал Е.А. Головин сообщал П.Х. Граббе 21 сентября 1841 г.: «По поводу слухов о том, что некоторые частные начальники втыкают на шесты отсеченные головы неприятелей к общему негодованию и раздражению жителей, император (Николай I) приказывает проверить эти слухи и, если это правда, то релятивно (здесь: «путем издания соответствующего приказа». – **Авт.**) прекратить бесчеловечные поступки». Проведя расследование, П.Х. Граббе ответил, что «...головы втыкались на шесты только у начальника Правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенанта Г.Х. Засса...».

С этой точки зрения представляют несомненный интерес следующие архивные документы (РГВИА, ф.13454, оп.6, д.1213), впервые обнародованные С.Х. Хотко (2001):

Командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину генерал-лейтенанту и кавалеру Граббе

До сведения Государя Императора дошло, будто бы некоторые частные начальники на Кавказе отсекают головы горцев, убитых в битвах, и втыкают их на шесты, к общему раздражению жителей. Вследствие сего Его Величество высочайше предоставляет мне удостовериться ближайшим образом в истине этих слухов и, будь они действительно справедливы, принять самые решительные меры к прекращению, на будущее время, таковых бесчеловечных поступков, столь противных благим видам Его Величества. Высочайшую волю сию, переданную мне г. Военным министром в отзыве от 24 августа, № 576, сообщая Вашему превосходительству к надлежащему руководству, прошу донести мне: были ли означенные случаи на Кавказской линии, где и у кого именно из частных начальников?

Командир Корпуса, генерал от инфантерии Попович

Рапорт г-ну Корпусному командиру

На протяжении Вашего Высочайшего превосходительства № 824, имею честь донести, что головы убитых горцев втыкали на шесты только у начальника Правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенанта Засса.

Но по дошедшим до меня об этом сведениям при вступлении моем в управление краем, я сообщил ему о прекращении такого рода поступков; в в настоящее время, препровождая ему копию с предписанием Вашего Высочайшего превосходительства ко мне за № 824, где изложена Высочайшая воля по этому предмету, предписал руководствоваться ею.

От Командующего войсками 8 октября 1841 г. Верно.

За старшего адъютанта – Штабс-капитан (подпись)

Генерал-лейтенанту Зассу

При вступлении моем по Высочайшей воле в командование войсками на Кавказской линии и в Черномории, я имел честь сообщать Вашему превосходительству мое мнение насчет противного благодетельной воле Государя обыкновения отсекал головы горцев, павших в битвах, и втыкать их на шесты.

Получив предписание по этому предмету от г. Корпусного командира за № 824, которое при сем в копии препровождаю, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, на будущее время руководствоваться Высочайшей волею, в нем изложенною.

Верно: За старшего адъютанта Штабс-капитан (подпись)

Однако кровавый генерал был известен не только подобными «подвигами». По сведениям А.Ю. Гвашева (1996), Г.Х. Засс «держал под кроватью большой сундук с черкесскими головами, для того, чтобы отправлять их в анатомические кабинеты к друзьям в Берлин» (спустя век с лишним подобное проделывали «врачи» в гитлеровских концлагерях. – **Авт.**). Более того, по данным последнего источника, генералом был издан приказ, согласно которому «...солдатам и офицерам царской армии разрешалось надругательство над черкесскими девочками старше семи лет». Объективности ради, следует отметить, что за подобные действия Засс, несмотря на свои заслуги перед царизмом, был отстранен от командования и отправлен в отставку.

В своих воспоминаниях современник генерала Засса – В.С. Толстой следующим образом характеризовал эту одиозную личность: «Курляндец без признака образования и убеждений, имевший особые способности на вооруженные разбои на широкую ногу, которому в случаях надобности наказывать вероломство какого-либо туземного племени Вельяминовым поручался набег, – остальное же время этот славный генерал держал Засса, как говорится, на цепи».

Комментируя это высказывание, Я.А. Гордин (2000) обращает внимание, что, верно определив главную функцию генерала Засса, В.С. Толстой ошибся в последнем утверждении – особенность положения командовавшего Правым флангом Кавказской линии Засса в том и заключалась, что ему предоставлено было право самому выбирать время и цели набегов, чтобы избежать огласки. Одетые по-черкесски кавалеристы Засса во главе со своим безжалостным и отчаянным генералом буквально терроризировали непокорные общества, грабя и сжигая черкесские аулы.

Еще один современник и очевидец деяний этого генерала – барон А.Е. Розен в своих «Записках декабриста» (1984) отмечал, что «...генерал Засс, страшилище черкесов, оставил по себе продолжительное воспоминание на Кавказе. Экспедиции были для него забавою, как травля для охотника, как вода для рыбы. Он своею личностью наводил величайший страх на неустрашимых черкесов». Поистине, как писал Р. Тагор, «...человек хуже зверя, когда он зверь». Или, как говорит древняя притча: «От беззаконных исходит беззаконие» (1-я книга Царств, 24; 14).

6.6.2.3. «Генерал Засс пользовался уважением черкесов (?!), которые чтили в нем истинно рыцарскую храбрость»

Человек характера твердого и веселого, верный данному слову, всегда шутиливый с горцами, генерал Засс пользовался уважением черкесов (?! – Авт.), которые чтили в нем истинно рыцарскую храбрость.

Н.Ф. Дубровин (1871. С. 49).

Об истинной сущности командующего войсками Кавказской линии генерал-майора Г.Х. Засса хорошо сказано в эпиграмме, написанной М.Ш. Психоматовым («Исповедь» (Черкесск, 2011. С. 37).

Засс зверем пил из черепа черкеса
Бодрящий горский наш кумыс.
Хоть чуть, но усмирили мракобеса
Адыгэ хабзэ и намыс*.

Вместе с тем, некоторые авторы находили в характере генерала и иные, не столь одиозные, черты. Так, дореволюционный историк Н.Ф. Дубровин (1871. С. 49) на основе только ему известных источников отмечал, что черкесы «с уважением» относились к Зассу и «чтили в нем истинно рыцарскую храбрость»: «...Никто из русских не обращал, с таким успехом, в свою пользу суеверия черкесов, как генерал Г.Х. Засс. Человек характера твердого и веселого, верный данному слову, всегда шутиливый с горцами, Засс пользовался уважением черкесов (?! – Авт.), которые чтили в нем истинно рыцарскую храбрость. Черкесы звали его шайтаном (чертом) за те штуки и фокусы, которые Засс им показывал. При помощи волшебных зеркал, панорамы, электрической машины, музыкальной табакерки и прочих вещей он сильно действовал на воображение горцев и извлекал из того значительную для себя пользу». Впрочем, оставим этот панегирик в честь ненавистного черкесами генерала на совести автора.

Вполне закономерное продолжение эта тема получила уже в наши дни. В письме бывшего Президента Республики Адыгея А.А. Джаримова тогдашнему губернатору Краснодарского края Н.И. Кондратенко, направленном после завершения работы IV Конгресса МЧА, поднимается вопрос об исторической нецелесообразности сохранения названия одной из казачьих станиц – «Зассовская». Подчеркивая несомненную пользу совместных усилий по сохранению мира и стабильности на Северном Кавказе, А.А. Джаримов, в частности, писал:

Из письма бывшего Президента Республики Адыгея А.А. Джаримова губернатору Краснодарского края Н.И. Кондратенко:

«На наш взгляд, конструктивную роль в этом процессе могло бы сыграть устранение некоторых проблем, касающихся событий общей истории черкесов (адыгов), русского народа, кубанского казачества и имеющих отношение к Кавказской войне. В частности, это касается моральной оценки деятельности генерал-лейтенанта Г.Х. Засса – начальника Правого фланга Кавказской линии. Упоминание имени генерала Засса вызывает негативные ассоциации не только у представителей черкесского (адыгского) народа. Совершенные им преступления против адыгов в период его пребывания на указанной должности возмутили в свое время даже императора Николая I.

По приказу генерала Засса отрезанные головы черкесов выставлялись на шестах на всеобщее обозрение, а также отправлялись в Германию, якобы, для анатомических исследований. За эти зверства Засс был отстранен от должности и отправлен в отставку. Преступления Засса достаточно подробно описаны в литературе его современниками, отмечены в архивах.

Уважаемый Николай Игнатович! В связи с изложенным, прошу Вас обратить внимание на то, что на территории Краснодарского края, в непосредственной близости от адыгского аула Ходзь располагается станица, до сих пор носящая имя упомянутого Г.Х. Засса. Выражаем надежду, что мудрость руководства края, народа Кубани, жителей данной станицы сделает возможным рассмотрение вопроса о ее переименовании. Такой акт доброй воли и справедливости, несомненно, станет еще одним серьезным шагом на пути дальнейшего сближения наших народов и укрепления доверия между ними». [Насколько нам известно, эта станица до настоящего времени так и не переименована. Поистине, обращение А.А. Джаримова к руководству Краснодарского края оказалось «гласом вопиющего в пустыне». – Авт.].

6.6.2.4. «За каждую голову генерал Вельяминов платил по червонцу...»

И поразили его, и умертвили его, и отрубили голову его, и взяли голову его с собою...

2-я Книга Царств (4; 7).

За каждую голову генерал Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлялись в Академию наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка...

Генерал Г.И. Филиппсон (1885).

Но, оказывается, в своих кровавых деяниях генерал Г.Х. Засс был не одинок, – у него был достойный ученик (или учитель?) – генерал А.А. Вельяминов. С этой точки зрения представляют интерес дневниковые записи от 7 августа 1837 г. поручика Н.В. Симановского, принимавшего участие в составе царских войск в «очистке» Черноморского побережья от адыгов в районе Навагинской горы: «Егеря, кинувшись на ура, захватили одно черкесское тело и притащили его в лагерь, за что один из первых получил от генерала Вельяминова червонец...».

* Намыс – кодекс адыгской чести.

Привлекая ряд дополнительных источников, С. Хотко (2012. С. 12) следующим образом комментирует эту фразу: «О том, как Вельяминов платил за голову черкеса 10 руб. – видимо, далеко не каждого, но по какому-то соображению заинтересовавшего его своим типажом, – писал генерал-лейтенант Г.И. Филипсон, начавший службу на Кавказе под руководством Вельяминова: «Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову генерал Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлялись в Академию наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка... Драка за трупы и отрезывание голов вошли в нравы и обычаи Кавказских войск. На первый раз, несмотря на воодушевление новизной картин и впечатлений, вид завернутых в холст голов, привязанных к концу казачьих пик, вызвал у меня чувство гадливости и омерзения» («Воспоминания Г.И. Филипсона». – М., 1885. С. 127).

М.Ф. Федоров, также участник этой экспедиции, вспоминал: «23 мая 1837 г. в полдень мы приближались к гребню высот Виородабуй. В это время в передовой цепи завязалась сильная перестрелка; мингрельская и имеретинская дружина из колонны по ущелью понеслась вперед. Вскоре на правом фланге той цепи, примыкавшей к нашей, послышался гик горцев и крики «ура!». Затем, когда наша рота приближалась к месту схватки, навстречу к нам спустилось с горы несколько милиционеров. Они везли пять неприятельских голов к начальнику отряда. Мне рассказывали люди, приближенные к генералу А.А. Вельяминову, что он с ученой целью отделял черепа от неприятельских голов; иногда с замечательных чем-то лиц снимал портреты и все это отправлял в Петербург в общество физиогномов (фр. *physis* «природа» + *gnomon* «знающий» – совокупность особенностей лица, определяющих личность человека), да и сам занимался френологией (греч. *phrenos* «ум, разум» + *logos* «понятие, учение» – реакционное, расистское учение о связи между наружной формой черепа и умственными и моральными качествами человека) по системам Галля и Лафатера. Кроме того, он очень уважал гомеопатию (греч. *homoios* «подобный» + *pathos* «страдание» – способ лечения, заключающийся в применении лекарств в минимальных дозах), любил пользоваться своих приближенных по этой методе, для чего и в походах имел при себе гомеопатическую аптеку» (Федоров М.Ф., 1879. Т. III. С. 84-85).

6.6.3. «Год 1841-й памятен в истории Западного Кавказа тем, что с него началась колонизация Закубанской страны»

Сходясь в мнении с генералом Вельяминовым, император Николай I приказал начать заселение с востока с тем, чтобы в первый же год достигнуть Лабы и таким образом отделить с юга часть прикубанских ногайцев, отдаленнейшую от гор, и стать прочной ногой в середине Закубанского края.

М.А. Кумахов (2006).

Очевидец сообщает: «Год 1841-й памятен в истории Западного Кавказа тем, что с него началась колонизация Закубанской страны. До того времени в крае между Кубанью и морем не было русского населения. Наши войска по временам проникали туда для наказания хищников, иногда строили укрепления за Кубанью, но никогда не водворялись так прочно, а держались вообще по окраинам: на Кубани и по восточному берегу Черного моря, где была линия укреплений» (Кумахов М.А., 2006).

Здесь уместно отметить, что сама идея колонизации Кавказа русскоязычным населением была предложена не в 1841 г., а намного раньше. Здесь можно вспомнить представленный на «высочайшее утверждение» проект «быстрого и решительного покорения Кабарды», подготовленный в 1830 г. генералом А.А. Вельяминовым, который состоял в покорении Северного Кавказа путем создания здесь массива русских поселений. Как пишет З.Б. Думанов (2006. Вып. III. С. 280), «...в сущности, рекомендации генерала Вельяминова сводились к обоснованию необходимости колонизации земель адыгов, так как только в этом случае можно было рассчитывать на их фактическое покорение. В качестве главного колонизаторского элемента традиционно рассматривалось казачество, имевшее опыт выживания в столь сложных военных условиях».

И вновь слово очевидцу: «Мысль о колонизации горских земель, сильно развитая и поддерживаемая генералом Вельяминовым, была в 1839 г., по особому высочайшему повелению, подробно рассмотрена генералами Головиным, Грабе и Зассом. Сходясь в мнении с генералом Вельяминовым, император Николай I приказал начать заселение с востока с тем, чтобы в первый же год достигнуть Лабы и таким образом отделить с юга часть прикубанских ногайцев, отдаленнейшую от гор, и стать прочной ногой в середине Закубанского края.

Первыми переселенцами были казаки Кавказского линейного войска, выселенные за Кубань большей частью по приговору обществ и, стало быть, принадлежащие к самым буйным, которых станичники хотели удалить от себя в опасный край...» (Кумахов М.А., 2006).

6.6.4. «Черкесы, не помышляя о покорности, умирали от голода»: иные способы «умиротворения» горцев

Господь сказал мне: пойди на землю сию, и разори ее.

4-я Книга Царств (18; 25).

Кроме чисто военных, царская администрация использовала в борьбе против адыгов все другие средства, в том числе голод, эпидемии, стихийные бедствия, а также такие меры, как экономическая блокада,

запрещение горцам вести меновую торговлю с казаками и т. д. В своих «Военных заметках», представленных военному министру Чернышеву, комендант г. Геленджика полковник Чайковский писал (имея в виду голод 1833 г.): «Тщетно к спасению от голодной смерти каждый раз я предлагал им (адыгам. – Авт.) на первый раз муки 1000 четвертей, если их старшины явятся с покорностью, примут присягу. Но черкесы, не помышляя о покорности, умирали от голода». Как говорится в Книге Бытия (42; 33), «И сказал нам начальствующий над той землею: возьмите хлеб ради голода семейств ваших...». Но адыги не приняли подачку колонизаторов в обмен на свою «драгоценную» свободу.

Чайковский сообщает командованию, что им были предприняты радикальные меры для полной изоляции черкесов от внешнего мира: «С 1832 г. усиленное крейсерство, а с 1833 г. и десантные операции с нашей стороны много помешали береговой внешней торговле с горцами: помешали столько, что немалая часть их обходилась без соли и белья». Но в 1833 г., боясь, что голодающие горцы получают помощь от шапсугов и абадзехов, генерал Заводовский разрешает казакам продавать хлеб черкесам: «Разрешение сие последовало потому, что покорные нам черкесы-хамышейцы (и паче бзедухи), чирчинейцы и жанейцы, будучи доведены до крайности голодом, могут вступить в неприязненные для нас сношения с шапсугами и абадзехами, для получения от них пропитания». Однако ни карательные акции, ни экономические «санкции» не могли сломить решимость адыгов защищать до последнего свою Родину.

«Смирись, Кавказ: идет Ермолов!» – восклицал А.С. Пушкин в строках. Спустя век с лишним Расул Гамзатов ответил поэту:

Нет, не смирились и не гнули спины
Ни горские сыны, ни их вершины
При виде генеральских эполет.

6.7. Восстание причерноморских горцев

*Грозным строем встали
беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью
и ударим на врагов!*

Архилох (VII в. до н. э.).

*Жаль убивать народ даром! Ядра ведь попадают и
в виноватого и в невинного.*

М.П. Лазарев, адмирал (1838).

В 1838 г. началась крупномасштабная десантная операция Черноморского флота генерала Н.Н. Раевского в устье р. Туапсе. Руководил высадкой адмирал М.П. Лазарев. Мощный залп корабельной артиллерии разогнал отряды горцев, пытавшихся помешать высадке, и гребные суда доставили на берег около 3000 десантников. «Черкесы, хорошо, если бы образумились и перевешали сбивающих их с толку авантюристов англичан и французов, – писал в одном из писем адмирал М.П. Лазарев, – жаль убивать народ даром! Ядра ведь попадают и в виноватого и в невинного».

К 1840 г. укрепления св. Духа на мысе Адлер, Новотроицкое в устье р. Пшада, Михайловское при р. Вулан, Вельяминовское на р. Туапсе, Тенгинское при р. Шапсуге, Новороссийск в Суджукской (Цемесской) бухте, Навагинское в устье р. Сочи, Головинское близ р. Шахе и форт Лазарев на р. Псеуапсе были объединены в Черноморскую береговую линию. В этом же году вспыхнуло мощное восстание на Черноморском побережье Кавказа. Начатое убыхами, шапсугами, садзами, оно перекинулось и в горные общества Абхазии – в Цебельду и Дал.

1840 г. был отмечен целым рядом побед горцев. В течение 14 февраля и марта адыги штурмом взяли один за другим укрепления Лазаревское, Головинское, Вельяминовское, Михайловское на Черноморском побережье. В этих сражениях принимали участие убыхи под предводительством Хаджи-Берзека Дагомук. Он стоял во главе 15-тысячного войска, штурмовавшего береговые укрепления. В ответ на это весной 1840 г. в земли адыгов была направлена карательная экспедиция, в результате которой было сожжено 13 шапсугских аулов в долине р. Псеуапсе».

Под влиянием убыхов повстанческое движение летом стало развиваться и среди кодорских абхазов, возглавляемых знаменитым абреком Исмаилом Джапуа. В октябре начальник Черноморской береговой линии генерал Н.Н. Раевский сообщал: «Цебельдинцы подстрекаются убыхами. В Абхазии часть народа готова восстать и присоединиться к убыхам».

В ответ на просьбу Раевского о помощи, в декабре 1840 – январе 1841 гг. карательная экспедиция полковника Н.Н. Муравьева обрушилась на Цебельду и Дал. Дальцы были изгнаны в Цебельду, а их жилища и зимние запасы продовольствия «преданы огню». Для того, чтобы отомстить карателям за разорение убыхской и абхазской земли, отряд из 1000 убыхов во главе с Керендуком (Керантуком) Берзеком – племянником Хаджи Берзека напал в феврале 1841 г. на с. Отхара, а также на Гагрскую крепость, где их встретили орудийным огнем.

Повстанческое движение на Черноморском побережье продолжалось еще многие годы. Летом 1857 г. убыхи и садзы-джигеты неоднократно штурмуют Гагрское укрепление. Под влиянием убыхов разгорается вос-

стание и в горной части Абхазии, на границе с землей убыхов. В январе 1859 г. на р. Псху был двинут экспедиционный отряд под командованием генерала М.Т. Лорис-Меликова, который подверг разорению аулы горцев. После пленения Шамиля царские власти приняли самые энергичные меры против повстанцев. В августе 1860 г. на р. Псху были двинуты значительные силы под командованием генерала Корганова (казаки, солдаты, 3000 ополченцев, артиллерия), которые встретили яростное сопротивление военного союза горцев – убыхов и абхазов. Но силы были неравные, восстание было потоплено в крови. Каратели могли быть довольны: «Что хвалишься долинами? Потечет долина твоя кровью» (Книга пророка Иеремии, 49; 4). Но борьба убыхов против захватчиков продолжалась до самого конца Кавказской войны. Более того, они были последними, кто в неравной борьбе сложил свое оружие, а немногие оставшиеся в живых были изгнаны в Турцию.

6.8. «От любви до ненависти один шаг»: к истории взаимоотношений адыгов и русских

Перед раскрытием этой сложной темы уместно вспомнить мудрую мысль Аслана Ципинова: «В адыгском представлении и вражда, и дружба – понятия не равнозначные, нет, а равновеликие: *Бгъэбиймэ уигъэбийжыфу, бгъэныбжъэгъумэ уигъэныбжъэгъужыфу* – «Если враждовать, – надо, чтобы противник отвечал достойной враждой, если дружить – рассчитывать на достойную ответную дружбу». Об этом двумя тысячелетиями раньше говорили и библейские пророки: «Ненависть возбуждает раздоры; но любовь покрывает все грехи» (Притчи царя Соломона, 10; 12).

6.8.1. «Поддержка и любовь со стороны всех порядочных людей русской земли...»

6.8.1.1. «Кавказу суждены в будущем великие судьбы»: отношение декабристов к горцам

Черкесы вытеснены из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены...

А.С. Пушкин (1799-1837).

*Кавказ! Далекая страна,
Жилище вольности простой.
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!...*

М.Ю. Лермонтов (1814-1841).

Антинародную политику царизма резко осуждали прогрессивные деятели русского народа. По достоинству оценил народы Кавказа А.С. Грибоедов. «Он был одним из первых русских писателей, с любовью относящихся к нашему краю, – писал известный грузинский деятель Г. Эристави, – он первый сумел понять, что на Кавказе живут и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли...». А.С. Пушкин глубоко сочувствовал угнетенным горским народам. И не случайно В. Белинский особо отмечал: «Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем». М.Ю. Лермонтов с неизменным уважением относился к народам Кавказа. Сочувствием трагической судьбе кавказских горцев и ненавистью к царским карателям пронизаны его слова:

И с грустью тайной и серьезной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет ...небо ясно,
Под небом места много всем,
Но непрестанно и напрасно
Один враждует он, – зачем?»...

Чеченский писатель А. Авторханов признается: «Неудивительно, что мое поколение горской молодежи училось любви к Кавказу в одинаковой мере как у величественной кавказской поэзии Лермонтова, так и у богатого кавказского фольклора. Кавказская поэзия Лермонтова стала Кораном каждого интеллигентного горца. Горцы зачитывались Лермонтовым, обожествляли его, они проклинали тот день, когда появился Мартынов, так безжалостно потушивший это кавказское солнце».

Все декабристы, сосланные сюда царским самодержавием (а их, по Г.А. Дзидзария, только в 1827 г. насчитывалось на Кавказе не менее 2800 чел.), выступали против применения насильственных мер по отношению к горцам. Рассматривая присоединение Кавказа к России как объективно-положительное явление, они были уверены, что русскому народу предназначена большая прогрессивная роль в экономическом и культурном возрождении горских народов.

Попав на Кавказ, более всего внимание ссыльных декабристов привлекали люди, населявшие этот незнакомый им край. Декабрист А.А. Бестужев-Марлинский называл Кавказ «страною благородных, простых и прекрасных сердец, что в нашем мире встречается нечасто...». «Кавказу суждены в будущем великие судьбы», – предсказывал он. И далее, размышляя, кто же прав, кто виноват в кавказской бойне, он особо подчеркивал оборонительный, освободительный характер борьбы черкесов: «Правду сказать, и мы к ним не с доб-

ром пожаловали: мы жгли их села, истребляли их хлеба, сено и пометали золу за собой». С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», иронически отзываясь о сочинениях зарубежных кавказоведов, А.А. Бестужев-Марлинский писал: «...для человека самая нужная, самая поучительная статья есть человек, и нам хотелось бы лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними меланхленами (одно из древних племен, проживавших в середине I тысячелетия до н. э. в низовьях Дона – Авт.)». Глубоко сочувствуя горцам, он восклицал: «Черт меня возьми, какие удалыцы, что я готов расцеловать иного!».

Ссылный декабрист называл «себе подобными людьми» тех, кого в официальных кругах дворянской империи, в реакционной прессе и литературе именовали не иначе, как «дикарями», «туземцами», «хищниками» и «разбойниками». «Что сказать вам о племенах Кавказа? – спрашивал А. Бестужев-Марлинский. – О них так много вздора говорили путешественники, и так мало знают их соседи – русские. Наружность их величава: особенно черкесы отличаются гордой осанкой. Ступит ли, станет ли он – это модель Аякса или Ахиллеса... Все обнаруживает силу и свободу». И далее он продолжал: «Трудно вообразить, чтобы, живучи так близко друг с другом, мы могли иметь столь ошибочные понятия о политическом составе управы между горцами и о личности видных между ними людей» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

Читая эти строки, проникнутые глубоким сочувствием к черкесам, тем не менее, нельзя и идеализировать Бестужева-Марлинского, – ведь он, как, впрочем, и все люди, – продукт своего времени. И не случайно тому же ссылке декабристу принадлежат и совершенно иные слова, проникнутые верноподданническим духом по отношению к императору и «зоркому оку правительства». Теперь называет закубанских черкесов «разбойниками» и «горскими хищниками» (см. дневниковую запись, датированную 24 октября 1834 г.): «Ура, мы в Геленджике! Мы штыками проторили дорогу от Кубани до Черного моря, сквозь неприступные доселе ущелья, под градом пуль и стрел, и камней, и картечей! Могучее слово Николая набросило нам мост на пропасти, сгладило горы в уровень. Великая мысль увенчалась великим исполнением: бесстрашный вождь наш наступил твердой стопой на гнездо самых дерзких и воинственных грабителей Черноморья... Зоркое око русского правительства вдали предвидело пользу, которую можно будет пролить на Лию и все наши закавказские провинции, обеспечив их торговлей и мирными поселениями, на месте, занятом теперь приморскими разбойниками, притонами турецких контрабандистов и горскими хищниками...» (Бестужев-Марлинский А., 1877. Кн. 3. С. 109; «Дневник поручика...», 2012. Вып. 9-10. С. 8).

Декабрист А.П. Беляев, проезжая по Военно-Грузинской дороге, пытливо вглядывался в разбросанные по склонам гор селения и размышлял об их обитателях: «В этих прилепленных к скале жилищах действительно живут люди, и тут бьются сердца радостью и любовью, и тут же человеческие страсти и желания, мучения и отрада – словом, та же, только в различных формах, жизнь сынов человеческих, рассеянных по лику земли для одной и той же цели – жить, трудиться, печалиться, радоваться, любить». В период политической реакции и разгула великодержавного шовинизма, в обстановке кровопролитной Кавказской войны подобные заявления звучали как проповедь подлинного гуманизма и всеобщего равноправия.

Уважение к другим народам и гуманное отношение к ним приводили ссылных декабристов к критике колонизаторской политики царизма, что можно отметить в их многочисленных высказываниях. В силу своего положения многие из них принимали невольное участие в военных походах, но не испытывали вражды к горцам.

«Признаюсь, – говорил В.С. Норов, – что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением». Об этом писал в одной из своих заметок и А. Бестужев-Марлинский: «Я дерусь совершенно без цели, без долга даже...». «Побежденными друзьями нашими» называл кавказцев декабрист А.В. Веденяпин (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

Разумеется, со стороны царских властей подобное отношение к горцам вызывало самое негативное отношение. Так, в феврале 1841 г. был отстранен от должности начальник Черноморской береговой линии генерал Н.Н. Раевский. «Я здесь первый, – писал он, – восстал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край». Резко осуждая колониальную политику самодержавия, А. Герцен настоятельно подчеркивал коренное различие между царизмом и русским народом. Он писал: «Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа, – ничего не понимают. Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, действительных статских пилигримов...». Это мнение известного общественного деятеля-демократа разделяет и простой русский солдат, прошедший все «круги ада» Кавказской войны: «Разговоры о том, что захватить Кавказ было исконной мечтой русского народа – гнусная ложь! Монархи всегда прикрывают свои гнусности ссылкой на исполнение ими мечты и воли народа». Н. Чернышевский также был убежден, что борьба горцев направлена не против русского народа, а против царского правительства. И работы Н.А. Добролюбова пронизаны мыслью о том, что не русский народ, а самодержавие осуществляет на Кавказе насилие. Русский народ, по его мнению, сам – жертва военной машины царизма и является естественным союзником народов Кавказа. В статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе» Добролюбов отмечал, что «...борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта».

В защиту угнетенных народов Кавказа выступил и украинский поэт Т.Г. Шевченко. Называя кавказских горцев «великими рыцарями», он подчеркивал справедливый характер их борьбы против царизма:

С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Произведения Л.Н. Толстого пронизаны уважением к горцам и мыслью о необходимости прекращения «братоубийственной» войны на Северном Кавказе. «Я начинаю любить Кавказ, хотя и посмертной, но сильной любовью, – признавался он. – Действительно, хорош этот край дикости, в котором соединяются самые противоположные вещи – война и свобода». И что примечательно, – даже князь Потемкин, самый ревностный исполнитель царского плана порабощения горцев Кавказа, вынужден был признать: «Я восхищаюсь героизму, с которым эти малочисленные народы борются за свою независимость... Их прошлое это сотни тысяч героически павших один за другим в долгой и упорной борьбе против русского самодержавия. Герои Кавказа может быть больше, чем другие народы имеют право на торжество справедливости и востать против беззакония и самодержавия» («Исторический очерк...», 2006).

О глубококом уважении к горцам и восхищении их самоотверженной борьбой свидетельствуют и высказывания других авторов, которые, казалось бы, должны были стоять на проправительственных позициях. Так, официальный царский историограф В.А. Потто писал, что черкесы «...народ в высшей степени трудолюбивый, честный, без мелких хищнических замашек, но в то же время грозно-воинственный, превосходно и вечно вооруженный, потому что он не представлял из себя государства, и каждый отдельный его член должен был сам заботиться о своей безопасности». А царский генерал Р.А. Фадеев вспоминал в своих мемуарах: «Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно. Как отдельный человек в поле не сдавался перед целым войском, но умирал, убивая, так и народ после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах... Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

6.8.1.2. «Наши кавказские мероприятия должны быть направлены на благо, а не на гибель Кавказа»

Поменьше грубой ломки, поменьше торопливости и выдумок, побольше терпения и уважения к исторической жизни народов... На этой почве легче всего произойдет естественное слияние различных народностей и объединение разнородных интересов.

Е.Л. Марков (1887).

Зачем лишили всю массу русского народа, столь разноплеменного, нового члена семьи, духовный облик которого так богат лучшими чертами человеческой личности? Зачем?...

П. Цирульников (1910).

А вот пронизанные горечью слова опять же *русского* автора конца XIX столетия, ученого агронома И.Н. Клингена (2005) о *черкесах*, вытесненных в ходе кровавой Кавказской войны из родных мест. Он задает вопрос, было ли выселение адыгов вызвано необходимостью? Не лучше ли было употребить все усилия, чтобы привязать к себе талантливый народ и преклонить его фанатизм пред более высокой, разумной и справедливой христианской культурой? И отвечает: «К чести России можно сказать, что она употребила в этом направлении немало усилий, но все они были парализованы фанатической пропагандой магометанских хаджей, которых турки, несмотря на Адрианопольский договор, целые десятки лет посылали к горцам для разжигания ненависти против России. Кроме того, многочисленные английские и французские эмиссары шныряли по всему восточному побережью и убеждали горцев, что страна их необорима, что иноземцы готовы постоять за их вольности и помочь им боевыми припасами. Когда же доверчивые горцы ушли в «святую Турцию», то турки сумели загубить их, частью обманом потопив их в море на гнилых судах, частью заморив в болотах Малой Азии, куда загнали их на поселение. Даже воюющая сторона, Россия, из человеколюбия должна была вмешаться в судьбу несчастных: по приказу наместника Великого князя, русские эмиссары отправились оказывать самую широкую помощь. К несчастью, это было уже при конце великой трагедии... (Клиngen И.Н., 2005).

Развивает эту мысль о необходимости бережного отношения к горцам П. Цирульников (1910): «Читатель заметил, конечно, предпочтение, которое я отдаю черкесам перед казаками? Да, я им отдаю предпочтение и вместе с тем глубоко скорблю о них. Я только миллионной долей своего чувства могу постичь то горе, которое перенесли черкесы, теснимые сначала русскими войсками, а затем подвергшиеся всем невзгодам переселения в Турцию.

Что наполняло сердце всего народа, когда он, имея с одной стороны нависшие штыки, а с другой – море, предпочел довериться последнему? Что вынесли отцы и матери, братья и сестры, когда, разлучая их –

брали в плен, продавая на улицах и базарах Стамбула, заставляли умирать от голодной смерти? Как львы, защищались черкесы, имея перед собой многочисленного, организованного и лучше вооруженного врага; десятки лет отстаивали свою свободу и родину-мать, уступая ее врагу по вершкам, и все же не удержались. Сломлены гордые племена адыгэ русскими полками и сметены с лица кавказской земли. ...Нельзя забыть народа, осколки которого живут на Кавказе, не пожелавшего включить себя в семью многомиллионного народа, которого он не знал и не видел за обступившими его полками.

Зачем русские государственные умы не поднялись на должную высоту и не удержали эти племена в пределах их родины? Зачем мерами государственной мудрости не сделали полувековых врагов – своими верными сынами? *Зачем лишили всю массу российского народа, столь разноплеменного, нового члена семьи, духовный облик которого так богат лучшими чертами человеческой личности? Зачем?...* (Цирульников П., 1910, 2005. С. 359-360).

О том, как прогрессивная русская интеллигенция пыталась внедрить в сознание высших официальных лиц Российской империи мысль о необходимости уважительного отношения к кавказским народам, к их самобытной истории и культуре, свидетельствует следующее высказывание Е.Л. Маркова (1887): «Поменьше грубой ломки, поменьше торопливости и выдумок, побольше терпения и уважения к исторической жизни народов — вот каков должен быть характер наших кавказских мероприятий, если они должны быть направлены на благо, а не на погибель Кавказа. На этой почве легче всего произойдет естественное слияние различных народностей и объединение разнородных интересов.

Энергия же наших правителей должна обратиться не на искусственное перекраивание существующих племен по образу и подобию нашему, а на нравственную доброкачественность тех деятелей, которых мы призываем к делу цивилизации Кавказа. Если наши интенданты, строители, управители не будут воспитывать кавказские народности в обычаях хищничества и обмана, если в лице их и подобных им не будет безнаказанно торжествовать и издеваться над правдой наглая неправда, если источники местного богатства — земли, леса, рыбная ловля, нефтяные источники Кавказа — не будут легкомысленно бросаемы в жертву личной корысти, к непоправимому вреду для страны, *если ко всякому делу будут призываться не лезть и бездарность, а честные силы труда и знания*, способные с пользой послужить ему, — одним словом, если над всем и во всем воцарится наконец здесь непоколебимый закон, — тогда можно будет сказать, что русская власть на Кавказе повела народности Кавказа по истинному пути просвещения и благоденствия, тогда можно будет ручаться, что Кавказские горы станут действительно русскими горами» (Марков Е.Л., 1887. С.483-484).

... *«Ко всякому делу приывать не лезть и бездарность, а честные силы труда и знания»*, — насколько актуальными представляются нам эти слова, написанные, казалось бы, не 120 с лишним лет назад, а буквально сегодня. Не правда ли?

6.8.2. Дружеские чувства адыгов к русскому народу

ЛъыкIэ зэш нэхърэ гуыкIэ зэш – «Узы сердечной дружбы крепче братства по крови».

Адыгская пословица

*Есть в Китае некий камень
С мудрой надписью такою:
«Кто друзей себе не ищет,
Тот враждует сам с собою».*

III. Руставели (XII в.).

Добрососедские отношения, установившиеся между адыгами и русскими с незапамятных времен до конца XVIII в., сохранялись и позже. «Казалось бы, — писал Ф. Щербина, — что мирные отношения между черкесами и казаками должны были упрочиться навсегда. К сожалению, этого не случилось. Порча взаимных отношений началась с мелких случаев воровства, воровство перешло в грабежи, за грабежами последовало пленение людей; все это закончилось боевыми стычками. На этой почве завязалась между черноморцами и черкесами борьба не на живот, а на смерть, длившаяся затем целые десятилетия, пока не сломлена была окончательно слабейшая народность — черкесы...». Так упрощенно объясняет историк истоки «конфликта» между казаками и черкесами, конфликта, переросшего затем в Кавказскую войну. Тем не менее, многочисленные факты свидетельствуют о том, что добрососедские отношения адыгов с русским народом сохранялись и в XIX столетии, даже в самый разгар военных действий. Например, большинство натухаевцев издавна считались «мирными» горами. Еще с 1803 г., когда князь Калабат-оглу из рода Супако изъявил покорность России, натухайцы «...заявили себя самыми миролюбивыми соседями русских. Позже сын Калабата воспитывался в России. Аслан Гирей-бек Калабатов служил есаулом в Черноморском казачьем войске. Нурадин-Казак-оглу из рода Супако дважды отыскивал скот, похищенный черкесами у казаков, и возвращал им». И когда генерал Власов «ошибочно» уничтожил несколько их аулов, то по жалобе натухайцев этот генерал был отстранен от должности и предан суду.

Спасаясь от междоусобицы, голода, эпидемий, заразных болезней, черкесы переходили на русскую сторону — правобережье Кубани. Зачастую путь отдельных адыгов под покровительство России был сложен и

причудливо запутан. Приведем один характерный пример. Хамышейский дворянин Клюко-Хануко Абидок после смерти своего патрона Ханука перешел к абадзехам. Пробыв у них 3 года, он отправился к шапсугам. Не ужившись у них, он 1825 г. перешел в Анапу к родственнику его покойного сеньора Хануку Баречeko. Новый патрон Абидока был в добрых отношениях с турецкими властями в Анапе и с влиятельными натухайскими старшинами. Имея такую поддержку, он решил «сделать Абидока крепостным и продать туркам»; после чего ему оставалось только бежать к русским с тем, как он заявил, чтобы «быть навсегда преданным России».

Факты подтверждают, что в ряде случаев адыги бежали на русскую сторону, спасаясь от кровной мести. Так, бежавший в 1841 г. 80-летний шапсугский тфокотль Хатуг Хазук рассказывал: «Сделал я с одним черкесином нашего аула – Джамбулетом спор за потравлю овцами его жита, которого я при споре оттолкнул, и он упал и помер; отчего по возбуждении на меня шапсугами и принужден под покровительство России с семейством бежать и желаю водвориться на Каракубанском острове».

Подобный же случай отмечен и в следующем году. В 1842 г. пятеро крепостных богатого шапсугского тфокотля Циока: Гакар, Алебий, Гасан, Веситль и Укупь, перебежав на русскую сторону, показали, что их владелец делал им «жестокое тиранство и притеснения», затем начал ходить к их женам и «намеревался сделать с ними прелюбодеяние». Заметив его намерение, они сначала просили его «сего избегнуть» и, по их словам, «пристойно напоминали закон религии, но Циок не оставлял сего и еще более начал усиливаться». Оскорбленные крепостные стали думать о мести, и скоро им представился благоприятный случай. 20 мая Циок приехал в кош, где находились его стада под надзором названных беглецов. Произошла ссора, во время которой они, как сами откровенно признались на допросе, «пришедши в азартность, повалили его на землю и закололи кинжалами».

Зачастую беглые рабы и крепостные, придя на русскую сторону Кубани, приносили с собой страстную ненависть и жажду мщения бывшим хозяевам, разрушившим их семьи. Многие из них, служа в казачьих полках, получали звание урядников, награждались орденами и медалями. Приток закубанских черкесов на русскую сторону усилился в период деятельности среди горцев Мухаммеда Амина. Не желая идти за наибом Шамиля и поддерживать турок в приближающейся войне, многие черкесы просили русское командование разрешить им переселиться на его сторону. Несколько сот закубанцев были размещены даже в самом Екатеринодаре, в сушильных и сараях кирпичного завода. Приведенный скот им разрешили пастись на общегородском пастбище. Жителям же аулов Бжегокай и Малый Энем, «поголовно» бежавшим на русскую сторону Кубани, было позволено произвести запашку земли и посевы хлеба на правом берегу Кубани. В силу политико-стратегических соображений это разрешение было затем распространено и на жителей всех других прикубанских аулов, которые отказывали в повиновении Мухаммеду Амину.

Следует подчеркнуть, что вопреки официальной политике царизма, между простыми людьми – русскими и адыгами – не было (да и не могло быть) ненависти друг к другу. Стоит прислушаться к мудрым словам адыга Аслана из романа И. Машбаша «Гошевной»: «Это там наверху вечно нас сталкивают лбами. А ведь когда-то мы жили добрыми соседями, не враждовали. Но и теперь надо понимать: хоть царь и двинул на нас свои войска, простой русский человек тут не причем, я не должен его ненавидеть».

Соответственно, не было ненависти и у русских к адыгам. Так, жена отставного солдата Н. Щуклина из Абинска Прасковья, которая также служила в войсках, говорила писателю М. Владыкину: «А чтобы ненависти – так у нас ее к горцам никакой не было. У всякого казака из них кунаки были. Что правда, то правда, – воровали и обижали они нас частенько, да ведь и наши не давали им спуска. Сойдутся на сотовку (базар. – Авт.), бывало ровно друзья какие; твоя кунак, моя кунак – говорят. Не бойтесь, черкесы народ хороший». Судя по всему, и те, и другие придерживались библейских заповедей: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы возлюбите друг друга» (Евангелие от Иоанна, 13; 34).

Простые люди уважали горцев и сочувствовали их освободительной борьбе. Солдат Пимен Прокопенко, например, говорил: «Горцы самый героический народ. Свою ридну землю, свое ридне гнездечко оборяя. Его тут правда була, не наша!». И Лев Толстой, хорошо знавший военный казачий быт, также отмечал: «Казаки уважают врага – горцев и стремятся наладить с ними добрососедские отношения».

История завоевания адыгов царизмом полна фактов, когда русские солдаты отказывались выполнять приказы своих командиров по истреблению горцев. Русские солдаты не раз спасали от гибели адыгских детей, женщин и стариков, предоставляя им приют, делясь с ними своим скудным солдатским пайком. Немало солдат убегало из царской армии и переходило на сторону адыгов, с которыми вместе боролись против царских колонизаторов. Так, только за полгода в 1839 г. из Новороссийского отряда убежало к горцам 67 человек. Офицер Генерального штаба В. Мочульский писал: «Солдаты, уходя в горы, постоянно находят приют у неприятелей. Им дают пищу, одежду и помещение. Их принимают с радостью. По прибытии ими некоторого времени в горах, горцы дают им жен и земли. Они вступают во все права коренных жителей».

Когда в августе 1824 г. полковник Кацырев громил абазинские и бесленеевские аулы в верховьях Зеленчука, ему пришлось убедиться в героизме русских, воюющих на стороне черкесов. «Во время перестрелки, – рассказывает участник этого похода, – среди черкесов заметили беглого русского солдата. Правая рука у него была оторвана по локоть, но он проворно управлялся левой и стрелял с замечательной ловкостью. Точно заколдованный, стоял он на высокой скале, осыпаясь пулями, и только когда некоторые из них ло-

жились уж очень близко, он громко кричал: «Жидко брызжешь – не попадешь!» и посылал выстрел за выстрелом. Этот отчаянный молодец бесил и солдат и Кацырева. Видно было, что он был слишком ожесточен против нас и слишком уважаем черкесами за свою отчаянную храбрость...». С этой точки зрения представляет интерес сообщение Дж. Белла от 10 июня 1837 г. о его беседе с русским солдатом, породнившимся с адыгами и решившим остаться у них: «Когда мы спросили о причинах, побудивших его переселиться в Черкесию, он отвечал: «Ради какой цели ведут войну против этой страны? В прошлом году только половина нашей армии вернулась, а остальные погибли в Черкесии. Всем моим товарищам опостылела эта война».

В русских официальных источниках, датированных 28 июня 1859 г., сообщается, что в рядах адыгов самоотверженно сражается отряд в 100-200 человек, предводительствуемый неким Колосовым. Он жил в долине Курджипса, пользуясь «большим влиянием в народе абадзехском». И таких фактов много.

Завершить этот раздел хотелось бы словами М.Б. Беджанова, протягивающего «нить» от трудного прошлого ко дню сегодняшнему. Он совершенно справедливо подчеркивает, что Кавказская война, развязанная царским самодержавием, стала трагедией как для адыгов, так и для русских. Поэтому было бы безумием отношения абсолютизма и крепостничества механически переносить на отношения между русскими и адыгами в наше время, – одних сегодня считать «завоевателями», а других – «угнетаемым коренным населением». К счастью, в истории наших взаимоотношений накоплено неизмеримо больше того, что нас всех объединяет, чем того, что разъединяет...

6.8.3. «Ты мне, я – тебе...»: торговые связи адыгов с русскими в конце XVIII – начале XIX в.

В обмен на соль и самые разнообразные промышленные изделия горцы давали казакам рожь, пшено, ячмень, мед, воск, лук, чеснок, циновки, ратовища для пик, седла, бурки, шкуры диких животных и иные обиходные принадлежности.

«Исторический обзор Терека...» (1851).

Торговые связи адыгов и русских имеют давнюю историю. Особенно расширились они в 90-х гг. XVIII в., с переселением казаков на Кубань. В обмен на соль, добываемую казаками осадочным способом в лиманах Приазовья, горцы отдавали им хлеб, саженцы и даже оружие. При этом обмен производился из расчета «...за всякую мерку соли с верхом – по две таковых же пшеницы». Сами добытчики соли и фурщики, ее доставлявшие, получали оплату деньгами, а ее потребители – горцы рассчитывались за продукт натурой. В исторической хронике запечатлено, как ценили горцы пищевой компонент, говоря казакам: «Давайте нам в обмен соль, нам без соли жить нельзя». Но ассортимент не ограничивался названным продуктом.

«Внутренняя торговля у этого народа, – пишут авторы книги «Исторический обзор Терека...» (1851), – производится армянами, под покровительством гостеприимства, священного правила у всех горцев, что касается до коммерческого сношения с Россией, то оно ограничивается торгом на меновых дворах, устроенных по воле русского правительства на границах от Анапы по Черномории и Кавказской Линии. Адыги получают от России соль, хлеб, разные холщевые и бумажные изделия, а взамен того дают лес, воск, медь и мягкую рухлядь (имеются в виду меха ценных пушных зверей. – Авт.)».

И далее: «Казаки предлагали соседям в обмен гвозди, топоры, пилы, медные котлы, шерстяные и простые ткани, зеркала и другие изделия, завозимые из центральной России. У горских девушек и женщин большим спросом пользовались бусы, шейные подвески и иные украшения, изготовленные руками русских мастеров. В обмен же на соль и самые разнообразные промышленные изделия горцы давали казакам рожь, пшено, ячмень, мед, воск, лук, чеснок, циновки, седла, бурки, шкуры диких животных и иные обиходные принадлежности.

Об этом сообщал и Ф.А. Щербина (1913): «Весьма интересны для сравнения хозяйственных форм, существовавших тогда у туземцев (адыгов. – Авт.) и переселенцев, те вековые отношения, которые установились между ними. Казаки меняли соль на бурки, циновки, сукно чёрное, белое и серое, черкески чёрные и серые, пистолеты, ружья и ратовища (древко пик), меняли соль на рожь, пшено или пшеницу... Черкесы первое время дарили даже зерно казакам на продовольствие и посевы. Земледелие у переселенцев вообще было только подспорьем к другим отраслям хозяйства» (Щербина Ф.А., 1910; Гольдентул И., 1924. С. 25).

Взаимовыгодный характер обменных операций регламентировался строгими предписаниями войскового правительства. В октябре 1793 г. полковому хорунжему Л. Земе был вручен специальный ордер, в котором по пунктам излагались требования к служителям меновых дворов. Персонально Зема предупреждался: «За подкомандными смотреть, дабы от них драки, воровства, ограбления не происходило». «Подкомандными» означало – участниками обмена.

О характере взаимоотношений русских с адыгами в начале XIX в. можно судить по документам 1822 г., когда из-за эпидемии в Закубанье была ограничена торговля русских с адыгами, что весьма затруднило содержание войск, несших кордонную службу. В связи с этим атаман Черноморского казачьего войска Г.М. Матвеев ходатайствовал о возобновлении «с закубанцами по-прежнему мены хлеба, леса и прочего». В 1823 г. на Редутском дворе адыги выменяли на соль более 6,8 тыс. пуд. хлеба (Кудаева С.Г., 2007).

Отношения между Россией и адыгами в то время не ограничивались только торговлей. Не вмешиваясь во внутреннюю специфику, на «покоренных» землях российская администрация пыталась прививать более прогрессивные методы хозяйствования. Это касалось внедрения нового сельскохозяйственного оборота и новых видов растений, ранее у черкесов не встречавшихся, таких, как картофель, помидоры, кукуруза. Причем, зачастую власть сталкивалась с нежеланием казаков и крестьян заниматься новыми культурами, и тогда она раздавала горцам посевные материалы и саженцы бесплатно – «объявить повсеместно, что князья, уздени... могут явиться для получения семян» (Епифанцев А.А., 2010. С. 183).

6.8.3.1. Место Османской империи во внешней торговле адыгов до переселения казаков на Кубань

Русский генерал Н.Н. Раевский, служивший в 30-х гг. XIX в. на Кавказском побережье, писал, что здесь «...власть Турецкого правительства заключалась во влиянии, которое давала ему торговля».

А.Ю. Чирг, Н.Х. Женетль (2006).

К началу XIX в. значительное место во внешней торговле адыгов занимала Османская империя. Османское правительство всячески способствовало активизации торгово-экономических связей с адыгами, тем самым пытаясь усилить свое политическое влияние в регионе.

С.Г. Кудашова (2007).

Черкесский импорт и экспорт были довольно разнообразны. Адыги поддерживали торговые связи с Османской империей, Австрией, Францией и, что немаловажно, – с Россией. Экспортировалась продукция главнейших отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности: коневодства, пчеловодства, а также ткацкие, оружейные изделия. Стоимость товаров, вывозимых из Черкесии и ввозимых, достигала ежегодно 834 630 руб. серебром (по И. Клингену, оборот черкесской торговли в конце XVIII в. – начале XIX в. составлял несколько больше – около 1 млн. руб. серебром) (Кудашова С.Г., 2007).

К началу XIX в. значительное место во внешней торговле адыгов занимала Османская империя. Главным транзитным пунктом экспорта и импорта Черкесии была крепость Анапа. Османское правительство всячески способствовало активизации торгово-экономических связей с адыгами, тем самым пытаясь усилить свое политическое влияние в регионе.

Несколько слов о предыстории черкесско-турецкой торговли. Как сообщают А.Ю. Чирг и Н.Х. Женетль (2006), торговля купцов из Османской империи стала деятельно вестись на Северо-Западном Кавказе со времени утверждения (XVI в.) господства Порты на Черноморском побережье. «Порты Анатолии от Батума до Синопа, – отмечалось в одном из документов русской кавказской администрации, – имеют с давних времен торговые связи с восточными берегами Черного моря. Торговля сия, как самая выгоднейшая, обратила все капиталы анатолийского купечества». В первой четверти XIX в. турецкая торговля с горцами Кавказа достигла значительного развития. Из одной лишь Новороссийской бухты, по сведениям С. Пушкирева, отплывало во времена османского господства ежегодно до 120 больших кораблей, везших местные продукты в Турцию. Большое место в этой торговле занимал вывоз невольников. Немалое число судов, груженных адыгским сырьем, покидало живописные берега Западного Кавказа и плыло в Англию.

Успешному развитию турецкой торговли на северо-восточном побережье Черного моря весьма благоприятствовало то обстоятельство, что вплоть до 1829 г. оно, согласно существующим международным договорам, считалось владением Османской империи. Порта всячески поощряла торговое проникновение в Черкесию, считая его одним из важных средств для утверждения своего политического влияния среди горцев. Русский генерал Н.Н. Раевский, служивший в 30-х гг. XIX в. на Кавказском побережье, писал, что здесь «...власть Турецкого правительства заключалась во влиянии, которое давала ему торговля».

Положение изменилось после перехода восточного берега Черного моря под власть России согласно условиям Адрианопольского договора 1829 г. Царское правительство запретило свободную торговлю иностранных купцов с прибрежными адыгами. Оно хотело лишить черкесов помощи извне. Блокада Черноморского побережья была одним из методов завоевания Черкесии царизмом. Горцы, однако, не признавали права царизма на регулирование своих экономических связей с внешним миром. Вопреки запрещению правительства России, они продолжали вести торговлю с иностранными купцами. Так как царское правительство силами своего флота и сухопутных войск преследовало запрещенную им на Кавказском побережье торговлю, то она принимает контрабандный характер.

Статьи черкесского экспорта в Османскую империю и в европейские страны в первой половине XIX в. весьма разнообразны. Большой спрос имели на внешнем рынке предметы, связанные со скотоводством и его продуктами. Иностранные купцы охотно покупали у адыгов крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и кожи: коровьи, буйволовы, бараньи, козьи. Приобретались торговцами из-за рубежа также коро-

вье масло, говяжье и баранье сало, турьи и коровьи рога. Из продуктов земледелия вывозили пшеницу, кукурузу, ячмень, овес, фрукты и орехи, небольшое количество табака. Большой спрос был на продукты пчеловодства и охоты – мед и воск, медвежьи, волчьи, лисьи, куньи, выдровые, бобровые меха. Весьма ходкими предметами адыгского экспорта являлись искусно отделанные народными умельцами холодное оружие и изделия из шерсти (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

А.Х. Бижев (1994. С. 118) приводит данные В.С. Шамрая *по анапской торговле до 1828 г., когда порт перешел окончательно в русские руки*. Согласно Шамраю, турецкие и другие купцы ежегодно через Анапу вывозили около 55 тыс. четвертей хлеба, в том числе пшеницы 10 000 четвертей (1536 т), 30 000 четвертей ржи (4608 т); 15 000 четвертей ячменя (2304 т), 3000 четвертей овса; от 25 до 30 тыс. кож коровьих, 4 тыс. кабаньих кож, 150 тыс. заячьих шкур, 80100 тыс. ц шерсти, 100 тыс. шт. чекменей (верхняя одежда), 5060 тыс. штанов из грубого сукна с начесом, 200 тыс. плащей (т. е. бурок), 50 тыс. куньих шкур, 500 тыс. шкур овечьих и многие тысячи пудов воска, меда, масла, сала. Сюда же относится строевой лес, в котором остро нуждались все без исключения европейские страны. Обращает на себя внимание тот факт, что, в списке зерновых у В.С. Шамрая нет проса – основной хлебной культуры Черкесии, охотно скупавшейся османами. Османские и западноевропейские купцы доставляли в Черкесию оружие, порох, свинец, серу, железо и сталь. Привозились и предметы роскоши, в основном удовлетворявшие потребности феодалов (Бижев А.Х., 1994; Кудиева С.Г., 2007).

Переселение казаков на Кубань и расширение их торговых операций с горцами не могло не встревожить турок-османов. «Цель наших торговых сношений с закубанцами, – отмечают авторы книги «Кавказ и Российская империя...» (2005), – не могла оставаться тайною для турок, и анапские паши, особенно в последние годы турецкого владычества на сем берегу Черного моря, употребляли все средства привлечь жителей оного предпочтительно к себе. Доставляя со своей стороны более дешевые товары, они не щадили подарков для знатнейших черкесов. От сего происходило, что нередко черкесские князья, расточив нам уверения в своей преданности, ездили потом повторять оные анапскому начальству. Так, султаны киргизские, повинувшись подобным побуждениям, признавали себя попеременно приверженцами китайского и русского правительств. При сем должно признаться, что турки имели против нас много преимуществ. Черкесы в Анапе не были задерживаемы несносными для них карантинами; они могли продавать там невольников, кроме того, турецкие муллы не щадили фанатических внушений. Они действовали с таким успехом в последние годы, что большая часть черкесов, согласно записок Критского, начала исповедовать строже веру Мухаммеда и многие из них даже подчинились обряду обрезания, для них долго противному. Черкесские промышленники от самой Кабарды приезжают на арбах до Анапы и Суджук-Кале, оттуда же товары провозятся на выюках к границам Мингрелии» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 313-316).

6.8.3.2. «Мера эта (открытие меновых дворов) была по вкусу черкесам, и торговля немедленно завязалась»

Аллах разрешил торговлю и запретил рост... Не указать ли мне вам на торговлю, которая спасет вас от мучительного наказания?

Коран. Суры 2, 276; 61, 10

*В то время русские охотно
Желали видеть их базар.
Чеченец мирный, кабардинец,
Кумык, лезгин, косубилинец
И персианин, и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь, как у друзей,
Красою праздничных нарядов...*

А. Полежаев (1805-1838).

В конце XVIII в. основными пунктами российско-горской торговли были три города – Екатеринодар, Моздок и Кизляр. Особо расширились торговые связи русских с горцами в начале XIX в., причем, что примечательно, – «особо содействовала» этому кавказская уроженка, жена коменданта Анапы генерала Бухольца (Екатерина Михайловна Бухольц происходила из известной фамилии Эдиге-Дауровых племени абадзехов. – Авт.). Как отмечали современники, в 1810 г. была «... устроена по Правой илевой илевой линии цепь меновых дворов, откуда сии народы снабжались в особенности солью, привозимую с озер Черномории» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 313-316).

В октябре 1811 г. были изданы утвержденные императором Александром I особые «Правила для торговых сношений с черкесами и абадзинцами», в которых говорилось, что правительство хочет «...возбудить сколько можно более сношений и посредством деятельности и выгод торговли внушить сим народам ее пользу и приучать к употреблению наших продуктов и изделий». Естественно, что российская администрация позволяла торговать на этих меновых дворах только с «мирными» горцами и продавать им только раз-

решенные виды товаров. Если соль, недостаток в которой испытывали адыги, в эти товары, как правило, входила, либо же её разрешалось продавать тем «немирным», которые выдадут имевшихся у них российских дезертиров, – то с железом, например, происходит вообще курьезная ситуация – зная об острой нехватке у горцев железа и опасаясь, что оно будет использовано для производства оружия, российские власти даже вычисляют какое-то его среднее количество, которое можно было ежегодно продавать «мирным» черкесам для покрытия их потребностей в сельскохозяйственных орудиях. Для этих целей была выдумана специальная формула, по которой, вроде бы, можно было высчитать ежегодную потребность каких-то адыгских аулов в железе так, чтобы его хватило на плуги и бороны, но не хватило на шашки и ружейные стволы. ...Такой подход очень зримо иллюстрирует намерения российского командования по отношению к адыгам. В соответствии с указанными выше «Правилами...», были устроены меновые дворы в Керчи и Бугазе.

Русская администрация со своей стороны рассматривала предоставление права свободной торговли для адыгской знати как своеобразную привилегию и поощрение. Так, в 1813 г. герцог Ришелье «...во уважение услуг, оказанных России приверженным к оной закубанским владельцем Хануком», приказал атаману Бурсаку беспрепятственно пропускать через Кубань все перевозимые им товары. Об обменных операциях с черкесами упоминает и предписание графа Ланжерона атаману Черноморского казачьего войска полковнику И.Н. Матвееву от 30 сентября 1816 г.: «Государь император повелеть изволил отпустить надворному советнику Р. Скасси некоторое количество крымской соли для промена черкесским народам и установления через то торговых с ними сношений. Следует содействовать господину Р. Скасси в сношениях с черкесскими народами». Со своей стороны Скасси сообщал властям, что «мера эта (открытие меновых дворов) была по вкусу черкесам, и торговля немедленно завязалась». Так, в соответствии с утвержденными «правилами», в 1814 г. был отправлен транспорт «Дунай» с солью в прибрежную долину р. Пшад – местопребывание адыгского дворянина Ендарко-Магмета Супако, который, по сообщению Л.Я. Люлье, «обещал оказывать нам свое содействие и покровительство». В 1818 г. была отправлена из Керчи в р. Пшад шхуна «Черкешенка» с солью, там же построены магазины и склады для обменных операций с горцами.

«С учреждением попечительства, – отмечают очевидцы, – был дозволен также беспошлинный отпуск крымской соли в Черкесию для поощрения торговли между сею землею и новооткрытым Керченским портом. На сем основании, согласно отчету статского советника Р. Скасси о торговле, отпущено морем в черкесские земли в продолжении 1825 г. до 45 тыс. пудов соли, сверх того, изрядное количество железа, бумажных и шерстяных материй, сафьяна и посуды. В обмен сего поступили преимущественно хлеб, мед, воск и пушные товары. Сия торговля производилась большею частью через гавани Геленджик, Суджук-кале и Анапа» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 313-316).

К началу 20-х гг. XIX в. «...считали по границе 6 меновых дворов, огражденных карантинами. Из числа сих дворов один расположен против живущих за Терекон чеченцев, два против кабардинцев, один против малых абхазов, два против закубанцев. К сему присовокупить должно меновые дворы, по учреждении в Керчи попечительства, устроенные в Екатеринодаре, близ Талызинской переправы, и на Бугазе; предполагалось также устроить такой же двор близ Каракубанска. Хотя главная цель сих учреждений была политическая, однако и торговая прибыль по расчету оставалась на нашей стороне. Промышленники наши нередко употребляли во зло своими преимуществами, полагая своим товарам цену слишком высокую, что принудило уравнивать выгоду продавцов и покупателей постановлением примерного тарифа» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 315).

В 1826 г. на правом берегу Кубани в пределах Черноморья функционировали уже более 10 меновых дворов: Усть-Лабинский, Прочноокопский, Прохладненский, Константиногорский, Редутский, Малолагерный, Великолагерный, Екатеринодарский, Ново-Екатеринославский и Славянский. Кроме того, такими же дворами являлись порты в Керчи и Бугазе, откуда доставлялись товары прибрежным адыгам (только на Бугазе существовали два меновых двора и карантинная таможня).

Бжедугский князь Батыр-Гирей, нутухаевский Магомет Калабатов, братья Айтек и Баток Гаджиевы, другие «мирные» князья и уздени, выразители чаяний соплеменников, получили неограниченный доступ к Екатеринодарскому меновому двору, им постоянно оказывались «дружеские ласки».

А 10 сентября 1827 г. на Чернолесский (Ново-Екатеринославский) меновой двор прибыла депутация от шапсугов, живших на реках Иль, Хабль, Бугундир, Антхир и Абин, которую возглавляли старшины Хапач и Лепсегач. Они просили разрешения вести торговлю на русских меновых дворах. В прошении указывалось, что шапсуги находят для себя гораздо более выгодным вести торговлю с Россией, «...нежели с турецкою державою. Бедные должны для необходимых своих нужд в вымене от Анапы лишиться последнего своего имущества. При самых необходимых случаях они принуждены будут пустить в продажу детей, что для них невыгодно. От России же они признают удобнейшим и легчайшим способом получать все нужное для себя через вымен леса, лесных овощей, хлеба, рогатого скота». В свою очередь, «...уполномоченный от общества шапсугского племени, расположенного на р. Камлук, Ногой Шеретль просил позволить ему и черкесам того же общества доставлять в Екатеринодар для продажи лес, кожи, сало, мед, воск, орехи, чеканки, бурки и другие закубанские произведения».

О масштабах обменных операций на меновых дворах Кубани можно судить по следующим цифрам. В 1796 г. смотрителем Екатеринодарского менового двора был прапорщик Степан Шепелев. Только от окружающих правлений к нему в октябре и ноябре поступило для обмена 1855 пудов соли по 10 копеек за пуд. За это время немало соли он принял от отдельных казаков. Например, от Филиппа Трегуба из Кисляковского куреня, Ивана Карпенко из Медведовского, Григория Куриненко из Щербиновского и т. д.

За январь-март 1797 г. шепелевские подчиненные обменяли 2516 пудов соли на 6037 пудов пшеницы, соответственно за 410 пудов соли 656 пудов пшена, за 102 пуда 20 фунтов соли – 246 пудов 32 фунта ржаной муки... По обоюдному согласию были осуществлены и другие, обмены. Все поступившее продовольствие тут же было передано на оприходование войсковому провиантмейстеру Косовичу.

С расширением масштабов деятельности Екатеринодарского менового двора возрастал и его штатный состав. В 1798 г. здесь уже стало два смотрителя, столько, же толмачей, введен в штат писарь, 30 казаков находились под ружьем.

Объемы товарообмена возрастали и по другим меновым дворам. В целом с 1795 по 1799 гг. только соли, поступившей в виде пошлины, войсковое правительство пустило в обмен на горские товары (по преимуществу на зерно) свыше 93 000 пудов (1488 т). По эквиваленту за это время оно приобрело более 100 000 пудов (1600 т) хлеба (Павлов А.М., 1993. С. 100).

Несколько иные цифры приводятся в работе Ф.А. Щербины (2010): «Соль, добываемая казаками, обменивалась, главным образом, на хлеба. Так например, в 1797 г. только на двух меновых дворах и в течение короткого времени было получено от черкесов в обмен на соль 31 707 пуд. (507 т) разного рода хлеба, преимущественно пшеницы (21879 пуд.) и пшена (7005 пуд.), 20 пуд. меду и т. д. За период с 1795 по 1799 гг. было передано на меновые дворы 93 141 пуд. соли. Так как черкесы в обмен на соль давали столько же хлеба или даже двойное его количество, то войсковое правительство добыло этим путем свыше 100 000 пуд. (1600 т) хлеба».

6.8.3.3. Екатеринодар, Кизляр, Моздок: центры ярмарочной торговли с горцами

Торговля – лучшее средство к сближению народов; в ней исчезает все, что разъединяет их.

Адыль-Гирей Кешев-Каламбий (1988).

В течение одной недели на Екатеринодарскую ярмарку могло собраться до 10 000 адыгов на 4000 арбах. Без хороших дорог и мостов в Черкесии подобная торговля была бы попросту невозможна.

А.Х. Бижев (1994).

Проходила торговля и на сезонных ярмарках, которые периодически проводились в Екатеринодаре и других местах Закубанья, и которые могли быть довольно крупными. В течение одной недели на Екатеринодарскую ярмарку могло собраться до 10 000 адыгов на 4000 арбах. Очевидцы утверждают, что без хороших дорог и мостов в Черкесии подобная торговля была бы попросту невозможна. В 1837 г., например, на всех ярмарках Екатеринодара было продано товаров на 1 млн. 335 тыс. руб., львиная часть которых приходилась на долю адыгов (Епифанцев А.А. 2010).

Кроме торговли, ярмарки и меновые дворы являлись своеобразными центрами найма беднейших горцев на сезонные работы в русские и казачьи хозяйства. К сожалению, их количество в то время не учитывалось, но известно, например, что в середине XIX в. в Кизляре с весны по осень проживали от 20 до 25 тыс. сезонных наемных работников – черкесов, ногайцев и др.; их было настолько много, что в 1842 г. было учреждено даже специальное ведомство для «попечительства над приходящими в город мирными горцами».

В ярмарочные и базарные дни в крупных, по кавказским меркам, городах – Кизляре, Моздоке и Екатеринодаре наблюдались огромные скопления горцев. Немецкий путешественник Мориц Вагнер, говоря о черкесах, виденных им в Екатеринодаре, который он посетил в 1847 г., писал: «Странно видеть этих людей, которые несколькими днями ранее совершали набеги, возможно, грабили и убивали, ныне мирно бродящими среди групп казаков». Причем, такая ситуация наблюдалась не только в степных районах, где российские позиции были традиционно сильны, но и в некоторых черноморских фортах и крепостях, отрезанных от тогдашней «Большой земли». Так, офицеры, служившие в Навагинской крепости, располагавшейся на месте нынешнего Сочи, неоднократно писали об убыхах и джигетах, пришедших к крепости в поисках заработка, а в голодные годы предлагавших на продажу крепостных или даже своих детей (Епифанцев А.А. 2010. С. 180-183).

Крупным центром ярмарочной торговли стал Екатеринодар, где ежегодно проводились 4 ярмарки: «...а именно: первая – 25 марта, на Благовещение Богородицы; вторая – в мае-июне, на Троицын день; третья – 6 августа на Преображение Господне; а четвертая – в первый день сентября, на Покров Богородицы» (ГАКК, ф. 250, оп. 1, д. 1, л.260 об.).

О характере русско-черкесской торговли на Екатеринодарском меновом дворе сообщает в своих воспоминаниях, относящиеся к началу XIX в., учитель И.М. Сбитнев: «10 декабря 1818 г. С восточной стороны го-

род омывает весьма рыбная река Карасун. Чрез р. Карасун на берегу Кубани построен меновой двор и близ него карантин. Здесь происходит мена продуктов между черноморским казаками и черкесами. От нас горцы получают преимущественно соль, в коей кавказские жители нуждаются, а нам они отпускают лес, плоды, свои изделия, называемые черкесскими, – а иногда и пленных казаков, получая за сие или убитого черкеса (если имеется), или несколько сот пудов соли, судя по званию и достатку пленного» (Сбитнев И.М., 1825).

Примечательно, что даже в разгар Кавказской войны горцам было официально разрешено свободное посещение ярмарок в Черномории. «Здесь, на диком плоскобережье Кубани, – писал корреспондент газеты «Кавказ», – где еще вчера имел казак ночную сшибку с горцем, сегодня встречает и принимает он своего закубанского соседа как гостя и участника своего базара, своей шумной, веселой ярмарки».

10-11 мая 1844 г. черноморские казаки торжественно отметили 50-летие переселения на Кубань. Торжества совпали с ежегодной Троицкой ярмаркой. На праздник были приглашены «...мирные черкесы и даже немирные недалеких от Кубани аулов». Историк И.Д. Попко свидетельствует: «11 мая хлынули в лагерь толпы народа. Туда же спешили и нарядно одетые черкесы... Церемония завершилась тысячеустным «ура!», грохотом 16-ти орудий. При этом энтузиазм казаков сообщился и черкесским дружинам. Хамышейцы, стоявшие до той минуты внимательными зрителями на том, левом берегу Кубани у а. Бжегокай, подняли гик и пальбу, потом бросились на лошадях в реку, вплавь переправились через нее и, полуизмокшие, присоединились в ликующему собранию» (Попко И.Д., 1858. С. 208-217).

В конце мая – начале июня 1845 г. в Екатеринодаре проводилась большая ярмарка, на которую, как отмечал Ф. Щербина, «...явились множество горцев, в числе которых 1/4 часть составляли враждебные нам шапсуги и абадзехи, а остальные мирные». Всего же из-за Кубани в город прибыло свыше 9800 горцев, в том числе 7 205 «мирных» и 2595 «немирных»; 4000 арб, 250 выючных лошадей с товарами. Как свидетельствовали очевидцы, «мирных» и «немирных» черкесов в Екатеринодар съехалось значительно больше, чем было коренных жителей города. Все горцы являлись к переправе без оружия и пешими; только князья могли приезжать с оружием и верхом. Общий оборот русско-адыгской торговли составил 24 000 руб. серебром. Такой же оборот ярмарочной торговли был и в последующие годы («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 97).

В 1846 г. на Троицкую ярмарку в Екатеринодар съехалось также большое количество горцев; как сообщали очевидцы, «...в черкесском таборе заключалось 5139 арб, а народу при арбах было 6244 чел.». Поистине, как говорил в свое время Адыль-Гирей Кешев (Каламбий), *торговля – лучшее средство к сближению народов; в ней исчезает все, что разъединяет их*. Несмотря на серьезные препятствия (почти непрерывные военные действия, набег горцев и ответные карательные акции казаков и солдат, турецкая контрабанда, негарантированность безопасности личности и сохранности товаров «купцов»), торговля с горцами практически не прекращалась.

Дополняет эту информацию живописное описание осенней Покровской ярмарки в Екатеринодаре, подготовленное корреспондентом газеты «Кавказ» в октябре 1846 г.: «Торговое движение закубанских караванов продолжалось целую неделю (с 25 сентября по 2 октября ст. ст.). Видеть это решительное сближение, без малейшей тени неприязни, или точнее, – смешение двух народонаселений, между которыми проходит порог вооруженной линии; видеть огромный, многолюдный черкесский караван, следующий по глухой степной тропе за одним казаком, беззаботно откинувшим от плеча свою пику, – зрелище истинно утешительное и много предзнаменующее в будущем».

В съезде из-за Кубани на ярмарку черкесских арб с предметами торга закубанского производства было 1387; людей при арбах 2491 чел. (выше приводятся несколько иные цифры. – Авт.); сумма привоза восходила до 4500 руб. серебром. Предметами привоза, как и прежде, были: лес в суровом виде и в различных хозяйственных изделиях; одежда, кожи, масло, мед, воск, лесные плоды и пр.

Кроме того, черкесы вели с казаками мену лошадей и забирали молодняк дородного черноморского рогатого скота. Требования закубанцев от нас... заключались преимущественно в предметах, относящихся к потребностям и удобствам жизни, а также в некоторой степени и к предметам роскоши.

Закубанские посетители ярмарки были преимущественно из отдаленных от Кубани бжедугских и темиргоевских аулов, а также из обществ абадзехского и шапсугского племен. Что же касается обитателей прибрежных бжедугских аулов (наиболее многолюдных), то они были изгнаны из своих жилищ необыкновенными наводнениями; в продолжении всего минувшего лета они гостили со своими семьями и стадами на войсковой (правой) стороне Кубани. Более зажиточные из них, быв на время жильцами у казаков, обеспечивали себя всем необходимым, а бедные, в отдалении от своего домоводства, не могли приготовить запасов для ярмарочного торга.

Нельзя умолчать, что в минувшую ярмарку со стороны черкесов не возникло ни одного покушения как против общественной безопасности, так и в отношении полицейском или нравственном. А поэтому, если мы могли уже однажды сделать вывод, что сближение и знакомство посредством торговли легко возможно даже при преградах, полагаемых самою природою, то теперь представляем себе основательное право присовокупить к нему замечание, что *выгоды свободной торговли с горцами, споспешествуя усовершенствованию и улучшению материального быта народов, вместе совершенствуют и облагораживают их нравы* («Кавказ» 1846, № 171; «Екатеринодар-Краснодар...» (1993. С. 101-102).

6.8.3.4. Основные товары, приобретаемые у черкесов на меновых дворах и ярмарках

Основными товарами, которые русские приобретали у черкесов на меновых дворах, были зерно, рогатый скот и прекрасные адыгские лошади, мед и воск, одежда, конская сбруя, дрова и т. д. Общий оборот меновых дворов в 1835 г. составил более 193 тыс. руб., в том числе 117 тыс. руб. горских товаров.

А.А. Епифанцев (2010).

Необходимо отметить то, что русские войска и поселенцы, еще не прочно обосновавшиеся в регионе, остро нуждались в продуктах сельскохозяйственного и ремесленного труда. Основными товарами, которые русские приобретали у черкесов на меновых дворах, были зерно, рогатый скот и прекрасные адыгские лошади, мед и воск, одежда, конская сбруя, дрова и т. д. О масштабах этой торговли можно судить по следующим данным. На Редутском дворе только в апреле 1823 г. адыги выменяли на соль 6888 пудов (48,2 т) хлеба. В 1824 г. по заданию крымского губернатора русские предприниматели закупили у натухаевцев и шапсугов столько хлеба, сколько требовалось для прокормления голодающего населения Феодосийского уезда.

Как было отмечено выше, даже в разгар Кавказской войны не прерывались торговые связи адыгов и казаков. При этом адыгские князья обнаруживали большую заинтересованность в торговле с русскими. С наиболее влиятельным из них, каким был, например, живший близ Усть-Лабинской крепости князь Тетлустен Болатуков, русскому командованию приходилось даже согласовывать вопрос о выборе наиболее удобных базарных дней. При принятии в 1830 г. русского подданства князьями Джембулатом Айтековым и Магомет-Гиреем Кончуковым им также была разрешена свободная торговля на войсковых меновых дворах.

Одной из основных статей хозяйства и торговли черкесов была продукция пчеловодства. В конце XVIII в. академик П. Паллас сообщает о продажах черкесами большого количества меда и воска в Астрахани. Позже, в документах 1834 г. содержится просьба бжедугов о разрешении им реализовать в Екатеринодаре 380 пудов (6,1 т) меда. На этом же рынке в 1842-1843 гг. черкесы продали 4476 пудов (71,6 т) меда и 666 пудов (10,6 т) воска. Только за неделю, с 21 по 26 мая 1846 г. в Екатеринодар прибыло из Черкесии 58 арб, нагруженных воском (Хотко С.Х., 2008).

О масштабах обменной торговли в эти годы можно судить по следующим фактам. В мае 1834 г. прибыли по р. Кубани на 19 каюках к Екатеринодарскому меновому двору «...подвластные прапорщику Биберде Батуку простые черкесы 15 чел., а также и подвластные прапорщику Шеретлуку Гаджемуку 46 чел., с их товарами, а именно: кож бычьих и буйволиных – 1208, заячьих – 7385, овечьих и козьих – 632, медвежьих – 4, волчьих – 1, лисьих – 201, кошечьих – 135 (разумеется, имеются в виду не кошки, а, возможно, хищники – пантеры? барсы? – Авт.), куньих – 50; меду 34 тулука (короб. – Авт.) весом 60 пудов 24 фунта (около 970 кг), масла коровьего 20 тулуков весом 40 пудов (640 кг). Кроме того, гости везли баранье и говяжье сало, воск, медный лом, а также лошадей и рогатый скот. Все это предназначалось для торговли на Троицкой ярмарке в Екатеринодаре (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1384, л. 470).

В исследовании А.Х. Бижева (1994. С. 114–115) приводятся данные по торговле на кубанских меновых дворах: так, например, в 1835 г. общий оборот меновых дворов составил более 193 тыс. руб., в том числе адыги продали своих товаров на сумму 117 450 руб. и приобрели русских товаров на 76 360 руб.

Спустя 4 года, в 1839 г. только через Екатеринодарский карантин горцы ввезли в меновые дворы товаров на 175 тыс. руб., а через них было пропущено русских товаров в пределы Закубанья почти на 101 тыс. руб. При этом в перечне товаров, доставленных в 1839 г. в Екатеринодар «простым черкесином» Жанетлем, значатся: «...кож бычьих и коровьих – 131, буйволиных – 9, овечьих и козьих – 280, заячьих – 20, кошечьих – 9, сала говяжьего – 1 пуд, воску – 20 фунтов».

В последующие годы характер обменной торговли сохранялся. Так, в феврале 1840 г. «черкесин» Баук Хападже привез в Екатеринодар: «кож воловьих и коровьих – 100, буйволиных – 50, овечьих – 60, масла – 12 пудов, меду – 11 пудов, воску – 4 пуда, рогож – 30 шт. А в 1841 г. натухаевцы привезли в Анапу леса на 5138 арбах и купили 1500 пудов (24 т) соли (Епифанцев А.А. 2010. С. 180-183).

Дополняют информацию о товарообороте торговли на Черноморском побережье авторы сборника «Исторический обзор Терка...» (1851): «Черкесы и убыхи прибрежного края ...занимаются земледелием и скотоводством, разводят виноград и в некоторых местах выделяют даже вино, которое сами употребляют, не следуя запрещению Корана. Предметы сбыта их в торговле состоят в кожах, в меде, воске, скоте, плодах, дровах, в буковом дереве, неправильно называемом здесь пальмою, иногда в строевом лесе, в живности, предметах сельского хозяйства и проч. Натухайцы ведут также значительную торговлю пивками. В малых укреплениях горцы меняют свои произведения на соль и бумажные, шерстяные и шелковые изделия для одежды, а натухайцы торгуют в Анапе и Новороссийске на деньги и уже хорошо знают ценность монет».

6.8.3.5. «Запрещение торговли как одно из эффективных средств «давления» на горцев

Жители Черномории испытывают от закрытия меновых дворов гораздо большие невыгоды: шапсуги могут ...получать от турков через Суджук-кале почти все то, в чем они имеют нужду, но ...казаки с закрытием меновых дворов лишаются всякой возможности доставлять лес для самых необходимых потребностей.

Кодинец, надворный советник (1847).

Толпы голодных, тощих и полунагих горцев, преимущественно детей, тянутся вокруг прикрытий, высылаемых на рубку леса; умоляющими знаками и жалостными криками стараются возбудить сострадание солдат, на коленях вымаливают изредка бросаемый кусок хлеба.

Из рапорта контр-адмирала Л.М. Серебрякова (13.01.1847 г.).

Однако двуличные царские власти зачастую использовали и торговлю (вернее, запрещение ее), как одно из эффективных средств «давления» на горцев. Так, запрещая контрабандную торговлю и тем самым пресекая торговый обмен горцев с Турцией, Россия, наносила существенный вред экономике Черкесии, что вело к обнищанию населения. «Толпы голодных, тощих и полунагих горцев, преимущественно детей, тянутся вокруг прикрытий, высылаемых на рубку леса; умоляющими знаками и жалостными криками стараются возбудить сострадание солдат, на коленях вымаливают изредка бросаемый кусок хлеба», – писал в своем рапорте 13 января 1847 г. контр-адмирал Л.М. Серебряков. В свою очередь, закрывая меновые дворы на территории Черкесии, военные власти наносили ущерб не только горцам, но и самим казакам, которые нуждались в меновой торговле ничуть не меньше, чем черкесы. Так, надворный советник Кодинец в своем рапорте на имя начальника войскового правления отмечал: «Жители Черномории испытывают от закрытия меновых дворов гораздо большие невыгоды: шапсуги, как известно, могут, хотя и с трудом, получать от турков через Суджук-кале (Новороссийск) и другие места почти все то, в чем они имеют нужду, но живущие в Черномории казаки с закрытием меновых дворов лишаются всякой возможности доставлять лес для самых необходимых потребностей».

6.8.4. «И ненависть безмерна, как любовь...»

6.8.4.1. Р. Скасси: «Основные причины настроенности черкесов, их ненависти против России»

Не так связывают любовь, дружба, уважение, как общая ненависть к чему-либо.

А.П. Чехов (1860-1904).

«Любовь – ненависть»... Действительно, эти понятия взаимосвязаны. Любовь к свободе и независимости теснейшим образом связана с чувством Родины, без которой она просто не существует. И справедливая борьба горцев за независимость как раз и была проявлением этой самой любви к свободе и одновременно – проявлением их ненависти к угнетателям, мстью за поруганную родную землю.

Казачий историк Ф. Щербина объяснял вражду и ненависть горцев к захватчикам следующими причинами: «С тех пор, как черноморцы осели на Кубани рядом с черкесами, силою исторических обстоятельств они поставлены были в условия взаимной вражды. Черкесы пользовались всяким подходящим моментом, чтобы отплатить соседям сторицею за те ужасные опустошения, какие производили в черкесских аулах и на черкесских полях казаки и русские войска во время походов за Кубань». Как говорится в одной из сур Корана (3; 114), «...обнаружилась ненависть из их уст, а то, что скрывают их груди, – больше». В свое время Р. Скасси (1816) так сформулировал «основные причины настроенности черкесов, их ненависти против России»:

1. Дурное поведение запорожских казаков и других чиновников правительства против них.
2. Следствие внутренних войн.
3. Пророчество, существующее между ними, – якобы, они должны быть погублены Россией.
4. Подстрекательства турок.
5. Надежда захватить пленников.

6.8.4.2. «Жестокость умножала ненависть и возбуждала мщение»

Всему свое время, и есть время всякому делу под небом: время любить и время ненавидеть; время войне и время миру.

Библия. Экклезиаст (3; 1, 8).

О глубинных истоках этой ненависти размышлял и Фредерик де Монперэ: «Когда черкесские отряды нападали на русские деревни, увозя пленников для того, чтобы обратить их в рабов, им воздавали злом за

зло, но обыкновенно возмездие это падало на невинных, и в этой стране мести русские приобретали себе новых ожесточенных врагов, разжигая ничем не угасимую ненависть». Ему вторит другой дореволюционный автор – Э. Спенсер (1830): «Враждебность, питаемая жителями Кавказа к русским, за последнее время увеличилась тысячекратно из-за собственных страданий. Вдобавок к длительной и непрекращающейся партизанской войне, продолжающей лишать их страну независимости, они обвиняют русских в бессмысленном сжигании их деревень, в насильственном захвате их жен и детей и поддержке их соседей-грабителей, черноморских казаков, проживающих на другом берегу Кубани. Эти, они говорят, вопреки самым торжественным договорам, тем не менее, пересекают реку, грабя и опустошая все перед собой...».

Даже царские генералы вынуждены были признать, что ненависть горцев – результат жестокой колониальной политики самодержавия. Так, генерал Паскевич: «Жестокость умножала ненависть и возбуждала мщение». Генерал Ермолов: «Война родит ненависть, родящую войну...». Военный министр Барклай де Толли: «Экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие эти действия только возбудили к нам ненависть их. И вообще, такое обращение более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том краю спокойствия». Находившийся на царской службе генерал Муса Кандухов в своем рапорте генералу А.П. Карцову от 25 августа 1863 г. также пытался вскрыть причины взаимной ненависти горцев и казаков: «На сегодняшний день трудно найти горца, который был бы доволен своим положением, не тревожился бы за будущее своих детей. Не найти сегодня и казака, не считающего горца своим врагом, даже просто говорящего о нем без ненависти. Вот почему даже маленькие дети горцев не могут терпеть казаков, спокойно смотреть на них; разговаривать с ними считают для себя оскорблением. Если так будет продолжаться и дальше, противостояние будет нарастать».

Эти же причины ненависти адыгов к царским колонизаторам называет и А.С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум»: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги... Дружба «мирных» черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам... Здешняя сторона полна молвой об их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующих между ними наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием... Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом? Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться...». М.Ю. Лермонтов в своей поэме «Измаил-бей» также объяснял это чувство ненависти к царским карателям местью горцев – безразлично: чеченцев ли, ингушей или черкесов – за поруганную землю, за гибель родных и близких:

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет младая грудь
И усмирится дум волненье?
Черкес не хочет отдохнуть, --
Ужели отдыхает мщенье?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел --
Все уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолеей,
И так отмстит за унижение
Любезной Родины своей...
«Я знаю вас, -- он шепчет, -- знаю,
И вы узнаете меня.
Давно уж вас я презираю,
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»...

Эту же мысль поэт подчеркивает и в другом своем стихотворении:

И дики тех ущелий племена:
Им Бог -- свобода, их закон -- война;
Там поразить врага не преступленье,
Верна там дружба, но вернее мщенье:
Там за добро -- добро, и кровь за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь...

Поэтому не удивительно, что Я. Абрамова – одного из очевидцев массового переселения горцев в Турцию «...страшно поразила взаимная ненависть, которую питают друг к другу два главных элемента населения области – казаки и туземцы; ненависть эта проявляется в чувствах и воззрениях казаков и туземцев и в тысячах столкновений тех и других друг с другом. Для казака туземец является не человеком, а так, «тва-

рю» какой-то, церемониться с которою решительно нет никакого резона. В свою очередь, и туземец видит в казаке только «неверную собаку». Как говорится в одной из сур Корана (5; 51): «Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому».

Силой художественного слова Л.Н. Толстой в повести «Хаджи Мурат» дополняет это свидетельство очевидца. Правда, речь здесь идет о разорении чеченского аула: «О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

Чувство ненависти адыгов к захватчикам-колонизаторам не могла не вызвать и политика царизма «разделяй и властвуй», направленная на поддержку горских князей и дворян в их борьбе против собственного народа. Наиболее ярким примером такой двойственной политики царских властей явилась, в частности, Бзиюкская битва. Как единогласно утверждают исследователи, лишь поддержка со стороны казачьей артиллерии привела к поражению этого крестьянского восстания. Но Бзиюкская битва была не единственным примером поддержки со стороны царских властей адыгских князей и дворян. В 1830 г., когда у князя Алкаса произошло столкновение с абадзехами, которые на основании соглашения с бжедугами начали запахивать пустующую землю, русским командованием ему была оказана вооруженная помощь, и абадзехи были прогнаны.

Вслед за этим такая же вооруженная помощь была оказана Магом-Гирею и другим закубанским князьям. Царские войска, переправляясь с артиллерией на левый берег Кубани, помогали владельцам аулов справляться с их противниками. В 1832 г., в целях быстрого оказания в случае надобности вооруженной помощи закубанским князьям, жившим близ Екатеринодара, был специально устроен паром для быстрой переброски русских войск через Кубань, и в этом же году была оказана серьезная военная помощь одному из них – князю Магмету. Обращаясь к горскому дворянству, князь М.С. Воронцов 10 июля 1848 г. особо предупреждал: «Если вы будете действовать противу людей, в дружбе с нами живущих, то мы вынуждены будем прибегнуть к оружию и истреблять ваши аулы, хлеба, а может быть, построить среди вашей земли крепости, сделать русские поселения и таким образом лишить вас богатых и лучших мест, на коих жили ваши предки».

6.8.4.3. Мотив «Родина или смерть» в народных песнях адыгов

*Нас мало, чтобы противиться могучему государству.
Стоит ли нам еще жить в этом недостойном мире?
Лучше, если мы с чистой совестью умрем!*

Из народной песни «Большое ночное нападение».

В свое время Наполеон, а позже Гитлер навязали русскому народу Отечественные войны. На защиту своей Родины встал весь народ, и стар, и млад, в результате чего агрессоры потерпели сокрушительное поражение. Когда же гигантская военная мощь царского самодержавия обрушилась на Землю адыгов, то же чувство самосохранения подвигло черкесские народы на героическую борьбу с агрессором. И то, что эта неравная война окончилась поражением маленького адыгского народа, – не вина его, а беда, вечный позор царской России. «Навязанный» извне характер этой несправедливой войны прослеживается в старинных кабардинских песнях. Адыги не хотели, но были *вынуждены* воевать, отстаивая свободу и независимость своей Родины:

Дэ ди жагуэр дызэрызауэрщ.
Дызауэрэ ди гьашцэ псор етхьэклащ,
Дымыувьлэххэурэ ди гьашцэр кьытщлэзэрыхьаш,
Ильэсищэ зи палъэ зауэм ди гьашцэр дэдухаш.
«Нам неприятно, что мы воюем.
Воюя, мы всю жизнь свою прожили.
Непрестанно воюя, мы всю свою жизнь провели,
С окончанием 100-летней войны окончилась и наша жизнь».

Мотивы «Родина или смерть» встречаются и в другой кабардинской песне «Большое ночное нападение» (Бейтуганов С.Н., 2007. С. 549):

Фи Гэмыщлэм кьымыхуэххэным фыщлукъу.
Дунеижьым щыдгъэщлэжыным дыхулэ.
Напэ ди Гэу дызэрылэнур нэхьыфлц!
«Нас мало, чтобы противиться могучему государству.
Стоит ли нам еще жить в этом недостойном мире?
Лучше, если мы с чистой совестью умрем!»

А.Г. Кешев считал, что эти народные песни – лучшее доказательство того, что главнейшим побуждением горцев к войне остались все-таки врожденная склонность адыгов к подвигам молодчества и желание сохранить свою независимость. А у Исхака Машбаша свой взгляд на причины противостояния казаков с горцами. Какой человек отдаст за просто так землю своих предков, свою землю-кормилицу? – спрашивает он. Не от злобы, не от ненависти, а от боли за попанную отчую землю адыги обнажали кинжалы против пришельцев, от боли сердечной нападали они на солдат, которые, кстати, пришли сюда не по своей воле.

В 1917 г. был уничтожен царизм, а с ним ушла в небытие и ненависть, которую адыгские народы справедливо испытывали к колонизаторам. Именно об этом писал еще в 1922 г. Г.К. Орджоникидзе: «В течение этого периода (Кавказской войны. – **Авт.**) царское правительство сознательно разжигало ненависть между горскими народностями, натравливая их одна на другую. Перед нами встал вопрос об искоренении ненависти горского населения к России, которую они отождествляли с царизмом. Нужно пробудить среди населения братское чувство к России, которая стала Советской». Пророческие слова «железного наркома» сбылись. Уже более 70 лет адыги и русские живут в мире и согласии, помогая друг другу, вместе преодолевая трудности и вместе радуясь общим успехам. Хотелось бы верить, что никогда больше это чувство не разделит наши народы: «И пусть не навлекут на вас ненависть к людям» (Коран. Сура 5; 3).

6.9. Герои и предатели: «сладкая и горькая вода из одного источника»

Не могут сравняться два моря: это – сладкое, пресное, приятное для питья, а это – соленое, горькое.

Коран. Сура 35; 13.

Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Один источник не может изливать соленую и сладкую воду...

Библия. Послание Иакова (3; 11-12).

Как и у любого другого народа, у адыгов были и свои герои, самоотверженно защищавшие Родину от иноземных захватчиков, и, – в семье не без урода, – люди, предававшие своих соотечественников. Первых народ любил и чтит, гордился ими, слагал песни и сказания, воспевавшие их подвиги. Их имена, несомненно, переживут века. Другие же еще при жизни были убиты презрением; соплеменники изгоняли их из родных мест, их имена старались забыть, стереть из памяти народной. Что ж, каждому свое. Как говорится, «...какою мерою мерите, такою отмерено будет и вам» (Евангелие от Марка, 4; 24). Исторические факты подтверждают, что первых было несоизмеримо больше.

И это, кстати, одна из причин того, что колоссальная военная мощь царской России в течение многих десятилетий не могла победить маленький, но гордый свободолюбивый адыгский народ. Недаром до сегодняшнего дня у адыгов сохранилась древняя пословица: «Девиз нарта: победа или смерть!».

6.9.1. Мужество как важнейшая моральная категория *адыгэ хабзэ*

Семен Эсадзе (1914) писал в своей книге: «Предки черкесов вообще (адыге) отличались большим благородством, умом и славились деятельностью и трудолюбием. С течением времени мирная жизнь их нарушалась военными тревогами, и они вместе с необоримым стремлением к независимости *развили в себе необыкновенную воинственность и стали грозой своих соседей*. Строгое воспитание приучило переносить их и сильный зной, и горный холод, и безропотно испытывать лишения. Умение владеть оружием стало главной обязанностью черкеса. *Не смерти, но бесстрашной жизни (т. е. жизни без страха и волнений, спокойной. – Авт.) боялся черкес*, и смело шел на врага. Черкес весь был создан для войны. Отлично владея оружием, он умел прекрасно выезжать своего боевого коня, был ловок в набегах, умел вовремя уйти от погони и неожиданно напасть на противника» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

6.9.1.1. «Он храбр, как черкес»: к истокам мужества (*Лыгъэ*)

«Он храбр как черкес», – говорят грузины, желая похвалить мужчину.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Горцы решились лучше умереть с оружием в руках, чем оставлять занимаемые им места... и потому, укрыв свои семейства и имущество в лесах и трущобах, дрались упорно.

А.И. Барятинский, главнокомандующий Кавказской армией (1865).

Мужество (*Лыгъэ*) – важное моральное качество, ассоциирующееся с силой нравственных позиций и устремлений личности или, как говорил еще Платон, со «стойкостью в исполнении должного». Благодаря мужеству человек преодолевает страх, преодолевает боль, усталость, голод, холод, стойко переносит удары судьбы, действует решительно в условиях опасности. Традиционно все это связывают с чертами настоящего мужчины, воина, рыцаря, и нет, следовательно, ничего удивительного в том, что в основе термина «мужество» лежит слово «мужчина», ср.: *лы* – «мужчина», *Лыгъэ* – «мужество». О мужественном человеке говорят: *Лыгъэ хэлъыц* – «обладает мужеством». Но можно ограничиться коротким *лы*, *Лыц* – «мужчина» (Бгажноков Б.Х., 1999).

Б.Х. Бгажноковым (2006) подготовлено эссе, посвященное глубинным истокам героизма мужества у адыгов. Принимая во внимание интерес с точки зрения раскрытия данной темы, приведем его в кратком изложении.

В представлении адыгов мужество (*лыгъэ*) – это большая воля и необходимое моральное качество, ассоциирующееся с силой нравственных позиций и устремлений личности, со «стойкостью в исполнении должного». Когда говорят о ком-либо: *лыгъэ хэлъыш* – «обладает мужеством», обычно имеют в виду, что он честен, добр, внимателен, скромен. В целом это способствует взаимному усилению волевых и нравственных побуждений и свойств: воля укрепляется и облагораживается нравственностью, нравственность повышает свою весомость и значимость за счет воли. Мужество – это сплав волевых и моральных качеств.

С идеей природного мужества связан афоризм *Лым йыкӀуэцӀ лы йытиш* (букв.: «Внутри мужчины – мужчина»). Из этого следует, что об истинно мужских качествах нужно судить не по внешнему облику, а по внутренним, скрытым от глаз качествам органа мужества – сердца. В конечном итоге не внешние признаки, а внутренняя энергия или сила духа считается высшей инстанцией мужества. Только она и определяет характер действий человека в минуту опасности. Говорят: *Шухэр зэдилъмэ шӀхэж йыгу йыль ешӀэж* – букв.: «После того, как всадники ринулись в бой, каждый из них совершает лишь то, что заложено в его сердце». Это означает, что в экстремальных условиях каждый человек действует индивидуально, сообразно свойственной ему силе духа, хотя перед боем кажется, что все воины одинаковы – по облику, по решимости действовать храбро, не на жизнь, а на смерть.

В таких случаях актуальна и дает о себе знать не только природная решительность и смелость, но и храбрость, основанная на понятиях о чести и бесчестии. Она дополняет, порой многократно усиливает «врожденное» мужество. На первый план выступает здесь этический страх – *шынэуыкӀытэ*, боязнь прослыть трусом, покрыть себя позором. В отличие от обычных эмоций страха, парализующих или дезорганизующих деятельность, этический страх организует и мобилизует волю. В стремлении избежать бесчестия человек демонстрирует иногда необыкновенное мужество. Вдохновляет сама мысль о том, что, подавляя страх и проявляя мужество, можно приобрести честь и славу, уважение и признание. Конечно, продолжает автор, – нельзя сводить все к простому честолюбию. В социокультурном обосновании мужества принимает участие вся система известных этических принципов и установок. Например, существенное значение имеет управляющий волей разум как дополнительная сила, которая дается человеку сверх природных сил и возможностей, ср.: *Цыфым кӀуэцӀэ лыу хэлъыр акъылы* – «В резерве человека сила разума». Истинными считаются лишь такие формы и проявления мужества, которые остаются под контролем разума, сопряжены с глубоким анализом и правильной оценкой ситуации, а также с самоанализом – с учетом имеющихся в распоряжении человека знаний, навыков, средств (Бгажников Б.Х., 2006. С. 556).

В более ранней работе Б.Х. Бгажников (1999) отмечает, что по традиции, идущей из глубины веков, мужество, силу духа относят к числу врожденных свойств, и отсюда устойчивые определения и характеристики: *Янэ лыуэ къильхуащ* – «Мужем (мужественным) из утробы матери вышел»; *Цыгъужьыгу кӀуэцӀылыщ* – «В его груди сердце волка»; *Цыгъужьыгу шихащ* – «Сердце волка съел»; *Гу кӀуэцӀылыщ* – «С мощным сердцем в груди»; *Гуцхуэ кӀуэцӀылыщ* – «Большое сердце в груди». Сложилось мнение, что материальный носитель мужества формируется еще в утробе матери, и в этом качестве выступает сердце. Вместе с тем, есть и выражения, свидетельствующие об обратном – состоянии отчаяния, растерянности, смятения, что передается через известное сочетание *«гу кӀуэд»* – букв.: «потеря сердца», «парализующий страх»: *Гур кӀуэдым лъэр цӀэкӀыркъым* – «У потерявшего сердце (присутствие духа) ноги не идут»; *Гур кӀуэдым шыр жэркъым* – «У потерявшего сердце всадника конь спотыкается (не идет)».

Сложилось мнение, что благодаря мужеству наилучшим образом проявляются лучшие человеческие свойства, в том числе доброта и сострадание. Иногда они прямо соотносятся с мужеством. К примеру, в «Толковом словаре адыгейского языка» человечность определяется как мужество – *лыгъэ* и сострадание – *гуцӀэгъу* (Хатанов А.А., Керашева З.И., 1960). Если человек добродетелен, о нем говорят: *лыгъэ хэлъыш* – «обладает мужеством». Так характеризуют и мудрого старца, и скромного, исполнительного юношу, и прекрасную хозяйку, хранительницу домашнего очага (Бгажников Б.Х., 1999).

6.9.1.2. «Мужество не знает страха перед смертью»

Шыгъэр ажалым щыцтэркъым – Мужество не знает страха перед смертью.

Умереть своей (естественной) смертью – это действительно смерть, погибнуть достойно – это бессмертие.

Адыгские народные пословицы.

Черкесский воин никогда не сдается в плен и сражается до тех пор, пока в нем не останется хоть одна искра жизни.

Эдмонд Спенсер (1830).

«К экстремальным ситуациям, когда исполнение долга чести сопряжено с риском для жизни, – пишет Б.Х. Бгажников (1999), – приурочены высказывания: *Е улӀын, е улӀэн* – «Мужество или смерть»; *Шыгъэр*

ажалым цыцтэркым – «Мужество не знает страха перед смертью». Словом, это социальная обязанность и ценность высшего порядка, перед которой меркнет ценность самой жизни.

Большой нравственной силой обладает афоризм *Лэным лыгъэ хэлыц* – «В смерти заключено мужество». При всех обстоятельствах необходимо принять смерть с честью – без паники, без жалоб, с благодарностью к близким. Недаром говорят: *Улын – зы, улэн – тIу* – «Быть (жить) мужчиной – во-первых, умереть мужчиной – во-вторых». Идеал мужества – достойная жизнь, заканчивающаяся не менее достойной смертью.

Адыги безоглядно отдавали предпочтение смерти, нежели позорной жизни. И на этом воспитывались подрастающие поколения: *Лэныгъэм нэхрэ емыкIум фIэлIыкI* – «Бойся позора больше, чем смерти»; *Лыгъэр ажалым цыцтэркым* – «Мужество не боится смерти»; *ГъацIэр зы напIэц, напэ уимыIэу улIэжмэ псэхэлIэц* – «Жизнь – одно мгновение, умереть опозорившись – уподобиться околелшему животному»; *Ныбжърей хъуэн нэхрэ зы махуэ гъацIэ* – «Чем позор на всю оставшуюся жизнь, лучше один день достойной жизни»; *Псэр тыи напэр къацтэ* – «Отдай душу (жизнь) и выбери совесть (достоинство)». Как видно из этих примеров, во имя сохранения совести и достоинства адыги безоглядно расставались с жизнью.

Столь длительное пребывание адыгского общества в состоянии войны отторгало представление о счастливой старости, ибо погибнуть, защищая отечество, было делом каждого мужчины. И как непреложная истина, от поколения к поколению передавалась: *Уи ажалкIэ дунейм уехыжыныр – лIэныгъэц, лIэгъуэджэу гъацIэр бухыныр – уахътыныцэц* – «Умереть своей (естественной) смертью – это действительно смерть, погибнуть достойно – это бессмертие».

6.9.1.3. «Страх бесчестья сильнее страха смерти...»

*Горец, случайно отрезанный от своих и окруженный
целым отрядом, не сдавался и умирал с оружием в руках.*

Р. Фадеев, генерал (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Многочисленные примеры времен Кавказской войны свидетельствуют о том, что если у горцев был выбор: погибнуть, но сохранить честь, – или продолжать жить, но в бесчестье, то они выбирали первое. Воинское мужество поддерживалось силой общественного мнения, сознанием позора, который ожидает человека, дрогнувшего в бою. Нравственной пружиной доблести является часто страх, но не животный, инстинктивный, а этический, то есть «страх-стыд» или боязнь «потерять лицо», лишиться уважения и самоуважения (Бгажноков Б.Х., 1999).

С этой точки зрения примечательно свидетельство Султана Хан-Гирея (1893), приведенное в его повести «Беслый Аббат»: «А знаешь ли ты, – наши черкесы, ей-богу, храбрее всех народов на свете и безрассуднее; никто их не посылает на войну против их воли, а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно! Ранят ли их – нет награды; убьют – их семейство никто не призрит; за все, если скажут «храбры» – вот и награда для них! За это одно слово они идут навстречу верной гибели! У других народов совсем не то: там велят, там поневоле идут на войну; награды же так велики, что и трус делается на время храбрым...».

О том, что страх бесчестья сильнее страха смерти хорошо сказано в одной из адыгских героических песен:

*ДыIуохъэри – даукI,
ДыIуокIри – дауб.
Вступим в бой – погибнем,
Отступим – покроем себя позором.*

Будучи по своей натуре прирожденными воинами, адыги вполне трезво оценивали свои шансы в предстоящих сражениях, – они были готовы умереть за родину уже молодыми. Как отмечают Б.Х. Бгажноков и С.Д. Берзегова, адыги «...сознательно или бессознательно проектировали короткий, но яркий жизненный путь отдельной личности, рода, целого племени. Например, о князьях Татлостановых говорили, что это род одиноких воинов (*Тальостэнхэ лы закъуэ лъэкъыц*), имея в виду, что, отличаясь необычайной храбростью на поле боя, большинство из них погибает в молодом возрасте, не успевая обзавестись семьей, оставить потомство. Другой пример теперь уже демонстративной расточительности – князя Каноквы. Считая постыдным дожить до седин, они говорили: «*Къэнокъуэхэ гъацIэу зэхуэдгъувыжыр илIэс тIоцIрэ тхурэц* – «Мы, Каноквы, планируем жить не более 25 лет». Это означало, что с юных лет они сознательно ищут опасностей, чтобы до 25 лет принять смерть, достойную воина.

Наконец, можно вспомнить одно из интереснейших преданий о племени нартов. Великий бог Тха дал им право выбора: прожить короткую, но яркую жизнь, полную благородных поступков и подвигов, или длинную, но серую, ничем не примечательную. Нарты, как утверждают, выбрали первое...» (Бгажноков Б.Х., Берзегова С.Д., 2005. Вып. I).

6.9.1.4. «Он решил лучше умереть, чем лишиться своей свободы!»

Отдай жизнь, но честь сохрани. Честь дороже жизни («Напэм и пэ псэр ихуэ»).

Адыгская мудрость

Как вам нравится дух этого черкеса? Но не трусость ли это, не боязнь ли сделаться пленником? – Нет, думаю, что это не что иное как азиатская твердость характера: он решил лучше умереть, чем сделаться зависимым, чем лишиться своей свободы!

Н.В. Симановский (1837).

Хорошо иллюстрируют приведенные выше положения дневниковые записи от 7 июня 1837 г. поручика Н.В. Симановского, принимавшего участие в составе царских войск в «очистке» Черноморского побережья от адыгов в районе Вулана (Чепсина): «На второй версте отрезали мы одного черкеса, стоявшего на пикете; он, заметивши нас, побежал в балку и с балки к морю. Когда он окружен был нашей цепью со всех сторон, то переводчик кричал ему, чтобы он сдался, что ему решительно ничего не сделают, но он, добежав до берега, бросает на берегу свою шапку и чевяки и кидается в море вплавь. Отплывши шагов сто, кидает в сторону пистолет и пашку (ружье закинул еще в балке) и кричит, что он лучше утонет, чем сдастся. Пули градом на него посыпались, и он пошел ко дну; кровавое пятно лишь означало место, где он тонул, и линейный казак нырял несколько раз, чтобы достать его тело, но оно было слишком глубоко; оружия его тоже не могли достать.

Как вам нравится дух этого черкеса? Но не трусость ли это, не боязнь ли сделаться пленником?» – спрашивает Н.В. Симановский. И отвечает: «Нет, думаю, что это не что иное, как азиатская твердость характера: он решил лучше умереть, чем сделаться зависимым, чем лишиться своей свободы!» («Дневник...», 2012. С. 10).

6.9.2. «Гордиться славою своих предков...»

6.9.2.1. Мужество адыгов в борьбе с турками и крымским ханом

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

А.С. Пушкин (1799–1837).

Многочисленные факты подтверждают, что в XVI–XVIII вв., да и позже, в XIX столетии, предки адыгов проявляли беззаветную храбрость и мужество в борьбе с Крымским ханом и турецкими захватчиками.

1501 г.: «Каждый день они (черкесы) бьются с татарами, которые окружают их со всех сторон... Поэтому черкесские мужчины спят всегда с броней, либо кольчугой под головами, с оружием при себе, как бы внезапно им ни случилось подняться, первое их дело надеть панцирь... Черкесы ходят даже за Босфор (Керченский пролив), вплоть до Херсонеса Таврического. Горстка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов (имеются в виду татары. – Авт.), так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости» (Дж. Интериано).

1539 г. Задолго до легендарного Ивана Сусанина отдал свою жизнь, к сожалению, безымянный адыг, что способствовало разгрому 40-тысячного войска крымского хана Сахиб-Гирея в 1539 г.

1708 г. В этом году несколько черкесов вновь повторили подвиг Ивана Сусанина, в результате чего, как сообщали С. Броневский и И. Гербер (1760), из 30-тысячного войска крымского хана Каплан-Гирея «ни один человек не вернулся обратно». (Более подробно эти эпизоды приводятся в разделе 6.3.1). После этого «сокрушительного» разгрома Каплан-Гирей, опасаясь за свою жизнь, укрылся у ногайских мурз. Султан лишил его крымского престола и назначил ханом уже правившего ранее Давлет-Гирея II.

1711 г. Но на этом череда крупных поражений для крымцев не завершилась: 30 октября 1711 г. кабардинцы разгромили войско Мурад-Гирея. «Побили 359, – сообщает русский источник, – да полон взяли 40 чел., а других потопили в р. Кубани; и сам де Салтан ушел ранен с немногими людьми; также и лошадей взято многое число».

Хотелось бы привести еще несколько примеров героической, самоотверженной борьбы горцев-адыгов против турецких и крымско-татарских захватчиков, когда во имя сохранения своих чести и достоинства, спасения родных и близких они жертвовали самым дорогим, что у них было, – жизнью:

1713 г. Давлет-Гирей II (1708–1713) вторгся в Малую Жанетию, где на р. Пшаде был разбит шапсугско-натухайским ополчением во главе с Немире Шубсом. Дальнейшие походы крымцев в Кабарду при столь тяжких последствиях можно объяснить, наряду с традиционными захватническими планами Крыма, усилением османского влияния на Гиреев, а также значительной военной и технической помощью со стороны Османской Порты.

В 1717 г. крымский хан Саадат-Гирей остановился вблизи нынешней ст. Ханской в Майкопском районе и потребовал от абадзехов принятия ислама. Но абадзехи хитростью заманили татарское войско в Гуамское ущелье, закупили их завалом из камней и уничтожили. Существует мнение, что якобы раньше это поселение называлось аул Ханцево, а также Ханхабль, что значит «аул хана» (Костарнова Н.К., 2009).

1723 г. Как отмечал К. Главани, «...в 1723 г. крымский хан Каплан-Гирей хотел обязать провинцию Кабарта, самую значительную из всех, давать ему большее число рабов, чем было условлено. Народ взялся за оружие, произошло кровопролитное сражение, татары были разбиты наголову, сам хан едва успел спастись и потерял свои сапоги; в битве легло более 5000 татар, в том числе многие мирзы и дворяне».

В 1729 г. Менгли-Гирей II (1723-1730) направил в Черкесию Бахты-Гирея, «который был убит в бою с кабардинцами и много людей потерял».

1734 г., 11 июля в Малой Кабарде состоялось крупное сражение между русской и кабардинской армией, с одной стороны, и османо-татарской армией, с другой стороны. При этом на стороне последней выступили и калмыки. Фронтальное столкновение выиграло русское войско, однако командующий князь Гессен-Гамбургский не смог закрепить одержанную победу и вернул войско в укрепленный лагерь вместо того, чтобы преследовать противника. Татары не спешили ретироваться, но, напротив, кинулись грабить гребенские станицы, захватывая пленных, и вместе с калмыками окружили 2-тысячный отряд донских казаков. Кабардинская конница под предводительством Магомета Кургокина разбила крымцев и выручила казаков.

В 1739 г., август. Состоялось еще одно сражение между крымскими татарами и кабардинцами, на этот раз на территории Западной Черкесии, на р. Лабе, что, видимо, означает участие в ней и темиргоевцев. Черкесы, ведомые кабардинским князем Кайтуко, разбили войско калги Кази-Гирея: «...Тех татар разбила и прогнала; много до смерти побито и в полон взято, а Салтана Кази-Гирея раненого до смерти побили ж».

24 октября 1746 г. крымский хан Селим-Гирей (годы правления 1744-1749) в письме к атаману Донского войска Д. Ефремову сообщает, что уже «в течение года на его подвластных происходят набеги со стороны бжедугов».

28 июня 1747 г. сообщается, что от крымского хана «отложились темиргойцы, абазыкеи (абадзехи. – Авт.), бжедухи, сапсык (шапсуги), убыхи, которые временно бывают крымскому хану послушными».

В мае 1753 г. русский источник сообщает, что абадзехи, шапсуги и жанеевцы крымскому хану «ни малейше не подданы».

В 1758 г. темиргоевцы совместно с ногайцами нападают на улусы крымских татар.

1761 г., 6 июня. Происходит сражение черкесов с войсками крымского хана у современного Усть-Лабинска, в ходе которого победа вновь достается темиргоевцам (Максидов А.А., 2003).

1779 г. Показателен в этом отношении эпизод, имевший место 27 сентября 1779 г. На одном из островов излучины Малки отряд кабардинцев оказался в полном окружении многократно превосходившими его силами противника. В течение пяти часов кабардинцы мужественно оборонялись. Даже находясь в таком безвыходном положении, они не подумали о том, чтобы сдаться, и были почти все уничтожены артиллерийским огнем. Командовавший царскими войсками генерал И.В. Якоби отмечал: «Замечательно, что в этом бою сражались против нас одни князья со своими вассалами, уорками и узденями. Вся тяжесть потери легла, таким образом, на одних князей и дворян, благородных представителей кабардинского народа». В том году только убитыми кабардинцы потеряли до 3-х тыс. чел., большинство из которых были представителями княжеских и дворянских фамилий (Пшемурзов В.Х., 2003. с. 49).

6.9.2.2. «Горец, окруженный целым отрядом, не сдавался и умирал с оружием в руках»: примеры мужества черкесов в борьбе с царскими колонизаторами

Ожесточение, с которым они (черкесы) бросались на стрелков, было изумительное, – в буквальном смысле они лезли на штыки, на которых и погибли.

И. Дроздов (1877).

1807 г. Несколько тысяч конных черкесов, под предводительством князя Султан-Гирея напали на ст. Воровсколескую, в которой находилась штаб-квартира донского полка войскового старшины Ф.М. Персиянова. «Развернулся большой бой, в Воровсколесском редуте отбивались окружённые егеря 16-го полка и драгуны Нижегородского полка. В конечном итоге донцы Персиянова (52 казака вместе с ним) и часть линейцев смогли спасти часть жителей, полковые знамена и орудие, положив на месте до 300 горцев. От полной гибели станицу спасли подоспевшие 2 эскадрона нижегородцев с артиллерией: они прогнали партию. Потери: убито много людей, горцы захватили в плен 136 мужчин и 179 женщин, забрали скот и имущество» (Епифанцев А.А. 2010. С.61-64).

1822 г. В начале февраля 1822 г. в районе Кумского поста конный резерв Кубанского казачьего полка, а также донцы в количестве около 100 всадников столкнулись с партией кабардинцев. Казаки были опрокинуты и, оставив на поле боя более десятка «изрубленных товарищей», вынуждены были отступить.

1835 г. В этом году группа горцев у ст. Каменнобродской была застигнута казаками и окружена со всех сторон. «Черкесы, – писал майор Рот генералу Зассу, – большей частью раненые, лишённые возможности спастись бегством, закололи своих лошадей, разбила ружья и с песнею смерти, по обычаю горцев, бросились с шашками и кинжалами в отчаянный бой. Погибли все (выделено нами. – Авт.)». Как здесь не вспомнить строки французского поэта П. Эмманюэля:

Да! Эти люди,
Чтоб людьми остаться,
Умели умирать...

1838 г. Военные экспедиции царских войск встречали упорное сопротивление адыгов. Применяя тактику партизанской войны, горцы наносили отрядам ощутимые урон. 24 октября 1838 г. отряд адыгов, состоявший из шапсугов и нутхайцев, завязал перестрелку с казаками в районе Абинского укрепления и вынудил их к отступлению. 20 ноября того же года горцы вступили в бой с казаками в районе р. Абин. На следующий день, по дороге, идущей из Николаевского в Абинское укрепление, шапсуги и нутхайцы в течение 4-х часов вели бой с многочисленным отрядом царских войск, в результате чего с обеих сторон были значительные потери (Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

1839 г. Адыги храбро сражались с превосходящими военными силами Российской империи. Так, карательная экспедиция генерала Вельяминова против адыгов в мае 1839 г. в районе Пшады и Суджук-кале (Новороссийск) завершается ранением самого генерала и гибелью 20 офицеров (именно офицеров, так как черкесы, по словам очевидца, «не любят стрелять в простых солдат и метят только в их начальников, которых прекрасно узнают по их одежде и лошадям»).

1840 г. Характерной особенностью военного искусства адыгов являлось сосредоточение сил на важнейших стратегических направлениях и выбор слабейшего звена в обороне противника. Так, в первом полугодии 1840 г., с интервалом в 15-20 дней, с целью прорыва блокады Черкесии, нутхайско-шапсуго-убыхо-садзское ополчение штурмом овладело пятью русскими фортами (Лазаревский, Вельяминовский, Николаевский, Михайловский, Навагинский), гарнизон каждого из них состоял из 2-3-х тыс. солдат при большом количестве мощных морских орудий. В этих сражениях принимали участие убыхи под предводительством Хаджи-Берзека. Он стоял во главе 15-тысячного войска, штурмовавшего береговые укрепления. Под впечатлением гибели этих гарнизонов, Джеймс Камерон писал: «Потери русской армии в Черкесии представляют собой ужасающую картину человеческого жертвоприношения». В ответ на это в земли адыгов была направлена карательная экспедиция, в результате которой было сожжено 13 шапсугских аулов в долине р. Псеузапе. В результате ряда десантных операций царские войска к лету 1840 г. заняли все потерянные укрепления на побережье. Однако сломить до конца сопротивление причерноморских горцев не удалось (Панеш А.Д., 1999; Губжиков М.Н., Прасолов Д.Н., Думанов Х.М., Думанова Х.М., 2006; Хотко С.Х., 2008).

1846 г. По свидетельству очевидцев, «примером отважности нападения черкесов» может служить штурм форта Головинского 28 ноября 1846 г.: «Днем, тремя густыми толпами бросились они на лошадях на три фронта укрепления. На каждой лошади было по два всадника и третий человек пеший бежал подле, держась за стремя. Одна толпа, до 1000 чел., проскакала между блокгаузом и морем, по песчаной полосе в 20 сажень (42,6 м) шириною, под картечным огнем трех орудий. Другая толпа под убийственным картечным огнем 9-ти орудий подскочила к укреплению, спешилась, перешла через два ряда волчьих ям, спустилась в ров, перескочила через палисад и бросилась на бруствер. Все три толпы вели атаку на куртины (фр. *courtine* – «часть крепостной стены между двумя бастионами»)» («Исторический обзор Терек...», 1851).

1861 г. Жесткая политика царского правительства, носившая бескомпромиссный характер, встретила отпор со стороны закубанских и причерноморских адыгов. Начались военные действия против царизма в Закубанье, где уже с 1860 г. действовало три крупных царских отряда (Адагумский, Шапсугский и Лабинский). Западные адыги оказывали упорное противодействие, защищали каждый аул, каждую гору. Так, в 1861 г. шапсуги атаковали батальон, укрепившийся на горе, которая три раза переходила из рук в руки. «Ожесточение, с которым они бросались на стрелков, было изумительное, – вспоминает участник событий И. Дроздов (1877), – в буквальном смысле они лезли на штыки, на которых и погибали» (Панеш А.Д., 1999. С. 217).

1862 г. Широкомасштабные наступления горцев, требовавшие колоссальных усилий и четкой координации, были не столь часты. Таково было контрнаступление летом 1862 г., когда воинскими контингентами Великого Меджлиса был нанесен целый ряд комбинированных ударов: убыхи, перешедшие на северный склон Кавказского хребта, вместе с абадзехами атаковали укрепления и станицы в тылу передовых линий; шапсуги вторглись в уже потерянный Нутхай, штурмовали крепости в самой Шапсугии; нападению подверглись и станицы в самой Черномории; вся хозяйственная жизнь закубанских колонистов была практически парализована. 12 июня у ст. Даховской адыги завязали бой с превосходящими силами царских войск и вывели из строя более 70 чел. Отчаянно сражались горцы в бою у ст. Абадзехской 18 августа 1862 г. 8 ноября того же года был окружен а. Наджукохабль, но он был взят только на следующий день. Сопротивление адыгов было настолько велико, что царским войскам приходилось постоянно пополнять свои ряды новыми резервами. Это было последнее напряжение сил независимой Черкесии, которое, тем не менее, на некоторое время сумело установить паритет сил, связав почти 300-тысячную группировку российских войск, сосредоточенную на Северо-Западном Кавказе (Панеш А.Д., 1999; Губжиков М.Н., Прасолов Д.Н., Думанов Х.М., Думанова Х.М., 2006).

В конце года шапсуги и абадзехи оказали упорное сопротивление отряду царских войск, посланному для уничтожения аулов, расположенных между Белой и Пшехой. Они героически защищали каждый аул. Ожесточенный бой произошел у а. Шабанохабль в декабре 1862 г. «Горцы дрались с редким ожесточением,

кидаясь то на одно, то на другое место нашей колонны, – вспоминает участник тех событий, – они невольно открывали наши ошибки и пользовались ими, как умели. Конные партии противника подскакивали к пехоте нашей шагов на пятьдесят, спешивались перед ее носом и кидались в шашки» (Панеш А.Д., 1999. С. 218)

1863 г. Против абадзехов на р. Фарс действовал специальный отряд. 3 января 1863 г. близ урочища Мамрюкгой горцы в течение нескольких часов вели бой с царским отрядом. 12-16 марта 1863 г. было уничтожено 33 аула, расположенных по течению Фарса и между этой рекой и Псефиром. Как свидетельствуют архивные источники, адыги не оставляли ни один аул без боя (Панеш А.Д., 1999. С. 218)

Даже в начале 1863 г., за полтора года до завершения кровопролитной Кавказской войны, у высшего военного руководства Российской империи не было уверенности в достижении победы над черкесами. Об этом свидетельствует, например, следующий отрывок из записки Франкини, военного советника при русском посольстве в Стамбуле, с которым был согласен военный министр Милютин: «Самая лучшая система обороны для черкесов состоит в наступлении, и если они перейдут смело в атаку одновременно на несколько пунктов наших новых позиций, то все результаты трехлетнего успеха подвергнутся большой опасности. Если черкесы успеют уничтожить часть некрепко связанных еще между собой наших передовых линий, если успеют сбросить нас с гор на плоскость, то уничтожится моральное действие нынешней нашей системы, призванной сжимать неприятеля в тисках. Пройдет много времени, пока нам ценой новых жертв и усилий удастся возвратить себе перевес».

Генерал Р. Фадеев отмечал, что несмотря на видимые успехи русских войск ситуация на Западном Кавказе представляла серьезную опасность для России: «Еще в 1863 г. *горец, случайно отрезанный от своих и окруженный целым отрядом, не сдавался и умирал с оружием в руках*. Горские скопища были так же многочисленны, как прежде...» (Хотко С.Х., 2008).

1865 г. Примеры царских «подвигов» на Кавказе убеждают, что они не могли не вызвать ожесточенного сопротивления. Это отмечал в своем рапорте сам Главнокомандующий Кавказской армией. Уже после «официального» завершения Кавказской войны, в ответ на действия царских войск адыги *«решились лучше умереть с оружием в руках, чем оставлять занимаемые им места в Нуажинской долине и потому, укрыв свои семейства и имущество в лесах и трупобах, дрались упорно»*. Но в результате 8-дневного натиска военных, все их поселения были разорены, а сами они отброшены к Туапсинской линии. Адыги потеряли 147 чел. пленными, не считая убитых, 2908 голов скота, уничтожено более 500 домов, взято много имущества и оружия (Кудаева С.Г., 2007).

6.9.2.3. «Необычайная храбрость и военная удаля делают это племя страшным врагом для любого противника»: свидетельства очевидцев

Храбрость у черкесов – первая добродетель. У них воспитание направлено к тому, чтобы внушить величайшую храбрость, воздержанность, повиновение родителям и почтение старикам.

Рафаэль Скасси (1811).

Черкесы – один из храбрейших на всем земном шаре народов.

Ф. Канитц (1860).

Органически дополняют приведенные выше примеры героизма, храбрости и мужества черкесов в борьбе с царскими колонизаторами мнения очевидцев и современников, относящиеся к более раннему периоду, начиная с XVI-XVII вв.:

«Ежели против дагестанцев (кумыков) выедут узденей (кабардинских дворян. – Авт.) 100 человек, то против их не могут стоять ни 300 человек дагестанцев; к тому ж хоша б наших казаков послать 500 человек, а узденей кабардинских 100, то дагестанцы больше боятся 100 человек узденей, нежели 500 человек казаков» (В.В. Долгоруков, российский военачальник, фельдмаршал, 1730; цит. по: Алоев Т.Х., 2009. С. 14).

«Народ сей весьма храбр и отважен», – писал академик И.Г. Георги, побывавший в Черкесии в 1766 г. («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 174).

«Храбрость у черкесов – первая добродетель. У них воспитание направлено к тому, чтобы внушить величайшую храбрость, воздержанность, повиновение родителям и почтение старикам» (Рафаэль Скасси, коммерсант, дипломат (1811); цит. по: «Хасэ», 2009, № 1/4. С. 15).

«Черкесы представляют собой многочисленный, храбрый, сдержанный, отважный, но малоизвестный в Европе народ... Нужно заметить, что *чер* в персидском языке означает «воитель», «мужественный», а *кес* означает «личность», «индивидуум», «один из них» (Жан-Шарль де Бесс, 1830; цит. по: Кудаева С.Г., 2007).

«Свобода и жажда воинской славы – вот два идола черкесских всадников. Никто не посылает их на войну, – говорил Бесльный Абат, воспитатель Хан-Гирея (1847), – а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно...за все, если скажут «храбрый» – вот и награда для них. За это одно слово они идут навстречу верной гибели!». Барасби Бгажноков в своем ставшем уже классическим этнологическом эссе писал в этой связи: «Желание заслужить славу удачливого наездника, храброго воина, человека неутомимого во всех

делах и к тому же гостеприимного и на черкесский манер галантного превращалось в господствующую тенденцию устремлений военно-феодальной знати, подчас остро, болезненно переживаемую» (Максидов А.А., 2003).

«Необычайная храбрость и военная удаля делают это племя страшным врагом для любого противника. Черкесы могли бы стать повелителями всего Кавказа, если бы объединились, ...соседи стараются во всем походить на них». Не остались вне внимания автора и свободолюбие, воинственность черкесов не только мужчин, но и женщин, постоянное воздержание от крепких спиртных напитков, мастерство, с которым они владеют оружием («*Записка к карте стран...*», 1855; цит. по: Пшемурзов В.Х., 2003).

«Черкесы – один из храбрейших на всем земном шаре народов» (Ф. Канитц, 1860; цит. по: «Хасэ», 2009, № 1-4).

«Нет, Кавказ будет или нашей любимой колыбелью, или нашей могилой, но живыми мы его не отдадим. Лучше гибель, чем рабская жизнь. Не опозорим воинской славы наших предков и не забудем их первой заповеди – будь героем или умри!» (Из выступления *Тлиша Цейко* во время приезда царя, 1861).

«Храбрые по природе, привыкшие с детства бороться с опасностью, черкесы в высшей степени пренебрегали самохвалством. О военных подвигах своих черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью; говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить место и замолчать в споре; зато на действительное оскорбление отвечали оружием с быстротою молнии, но без угрозы, без крика и брани» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 55).

«Как львы защищались черкесы, имея перед собой многочисленного, организованного и лучше вооруженного врага; десятки лет отстаивали свою свободу и родину-мать, уступая ее врагу по вершкам, и все же не удержались. Сломлены гордые племена адыгэ русскими полками и сметены с лица кавказской земли...» (Цирульников П., 1910).

6.9.2.4. К. Маркс: «Героическая борьба горцев за свободу против наседаящего царизма»

О, избранныки Бога, вы не знали ни страха, ни траура...

Коран. Сура 16; 4.

Народам Европы следовало бы поучиться примеру героической борьбы горцев за свободу против наседаящего царизма.

К.Маркс (1847).

Говоря об адыгах вообще, следует вспомнить, что еще Шота Руставели высшую степень непреклонности сравнивал «только с Зихом». Адыги, являясь потомками этого грозного племени, должны были наследовать (и унаследовали!) их исключительную воинственность и мужество. С древних времен сохранилась и грузинская пословица: «Он храбр, как черкес».

Силу черкесов в свое время почувствовали на себе и авары, и татаро-монголы, и турки, и крымский хан. О храбрости и «военной предприимчивости» черкесов сообщается во многих источниках. Так, кабардинский предводитель Баток Бекмурзин писал канцлеру Головкину 20 апреля 1721 г.: «А ныне кумыцкие князья при крымском хане... все нам неприятели для того, как мы... чеченцев разорили, и оные, на то озлобясь, нас неприятелями признали, ...то *извольте на нас надеяться, что мы с кумыками и с другими справимся*». Видимо, поэтому в русском документе первой трети XVIII в. сказано: «Кумыки (здесь под кумыками подразумеваются и другие народы Дагестана, находившиеся под влиянием кумыкских владений. – Авт.) многочисленнее кабардинцев, но меньше предприимчивы [в военном деле]» (Цит. по: Алоев Т., 2009. С. 17-18).

Несколько позже, осуществляя свою завоевательную политику на Кавказе, и русский царизм столкнулся с максимально готовым к отражению агрессии и исключительно свободолюбивым адыгским народом. Многие авторы отмечали беспримерный героизм адыгов в борьбе за свою независимость во время Кавказской войны. Так, А. Фонвиль писал: «Теперь, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою Родину и свою свободу до полного истощения сил». Действуя небольшими партизанскими отрядами, адыги наносили чувствительные удары царским завоевателям. По словам участника Кавказской войны генерала Г. Филиппсона, черкесы отличались «замечательной храбростью».

Очевидцев поражала беспримерная отвага горцев, которые предпочитали смерть позорному плену. Как писал один из участников военных действий И. Дроздов, они связывались друг с другом ремнями, чтобы ни один не посмел подумать об отступлении, бросались в пропасть, чтобы избежать плена. Этот момент особо отмечал Э.Спенсер (1830): «Они (черкесы) переносят все превратности войны не только без сетования, но с бодростью. Русские офицеры уверяли меня, что черкесский воин никогда не сдастся, сражаясь до последнего дыхания, даже с целым войском врагов; лишь только когда он обессиливает от ран, тогда только он может сдаться на милость победителя». И далее: «Непокорный черкес предпочитает быть разрезанным на кусочки, чем сдаться». Храбрые горцы бились до последней капли крови. Ожесточение, с которым они бросались на стрелков, было изумительное, в буквальном смысле они лезли на штыки, на которых и погибали. Как писал о них А.С. Пушкин,

Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно...

Зачастую ощутимые удары со стороны горцев получал и «сам» генерал Ермолов. Период его командования на Кавказе был самым кровопролитным. Очевидцы свидетельствуют, что несмотря на просьбы шапсугов не пересекать их границы, Ермолов пошел на них войной. Он опустошил территорию левобережья от Екатеринодара до предгорий, уничтожил много аулов. Но и он сам потерпел жестокое поражение, потеряв в этой экспедиции более 3/4 личного состава. И только нежелание шапсугов воевать спасло его лично и остатки его войск от полного уничтожения. После заявления оказавшегося в безвыходном положении Ермолова о том, что государь приказал ему больше не воевать с шапсугами, последние выпустили его вместе с немногочисленными оставшимися войсками из окружения.

Массовый героизм демонстрировали адыги при штурме русских укрепленных пунктов. Одно из таких крупных выступлений против царских войск было в 1840 г., когда горцы взяли штурмом одно за другим несколько укреплений на Черноморской береговой линии. При этом вместе, плечом к плечу сражались шапсуги, нутхайцы, абадзехи и убыхи.

Даже царский генерал Р. Фадеев, один из участников Кавказской войны, особо отмечал мужество, с которым горцы защищали свои очаги, свою Родину: «Адыги и лезгины брали голыми руками крепости, где сидел целый кавказский (русский. – Авт.) батальон; они шли на картечь и штыки неустрашимых людей, решившихся умереть до одного, и все-таки – шли; заваливали ров и покрывали бруствер своими телами, взлетали на воздух вместе с защитниками, но овладевали крепостью». Другой царский генерал Л.В. Симонов также вынужден был признать храбрость и воинскую доблесть своих противников: «Черкес прежде всего был достойным защитником своей Родины и не дорожил своей жизнью в действиях против врагов ее. Черкесы были не легко сокрушимой силой и, как воины, неоспоримо достойны славы». Эта же мысль прослеживается и в такой оценке мужества горцев: «Этот маленький, по сравнению с российским колоссом, народ достоин быть победленным – так велико мужество и самоотвержение, так велика любовь к своей земле, к Родине этого народа».

Вместе с тем, у Н.Ф. Дубровина несколько другое представление о храбрости адыгов: «Когда черкес находился в составе партии и принужден был сражаться в присутствии своих товарищей, то высказывал удивительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвования. Он знал, что подвиги его видят все, что храбрость его с избытком будет вознаграждена общою молвою; но на одиночном хищничестве, где не было свидетелей его поведения, черкес не всегда хлопотал о блеске подвига, а старался скорее убить, ограбить или украсть что попало и затем убраться, избегая погони...». Впрочем, оставим эти измышления на совести автора.

Освободительная борьба кавказских горцев, их храбрость и героизм вызывали сочувствие и восхищение прогрессивных деятелей не только в России, но и во всем мире. «Народы, учитесь у них (черкесов. – Авт.), на что способны люди, желающие оставаться свободными!» – восклицал Ф. Энгельс в «Коммунистическом журнале» (сентябрь 1847 г.). Об этом же писал и К.Маркс: «Народам Европы следовало бы поучиться примеру героической борьбы горцев за свободу против наседающего царизма».

6.9.2.5. Наполеон о мужестве черкесов-мамлюков

По восточному обычаю произошло большое число поединков между наиболее смелыми из мамлюков и неустрашимыми альпийскими стрелками. Мамлюк демонстрировал свою ловкость и храбрость, он вызывал восхищение. Он был привязан к своей лошади, которая, казалось, разделяла все его страсти...

Наполеон (1810).

На Руси, в странах Европы, Кавказа и Востока издавна знали об отваге и удали кабардинских и черкесских воинов. Они славились мужеством, умением мастерски владеть саблей и меткостью в стрельбе из лука. Монах Доминиканского ордена итальянец Джовани де Лукка, проехавший по Кавказу в начале XVII в., также отметил: «Оружием для нападения, кроме лука, служат им (черкесам) копьа и дротики. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар...» (Опрышко О.Л., 2007).

Успехи кабардинского оружия в борьбе с крымскими ханами не остались незамеченными. Князь Артемий Волынский, астраханский губернатор, в своем сообщении от 5 декабря 1721 г. писал Петру I об адыгах: «Могу похвалить (в черкесах. – Авт.), что все – такие воины, каких в здешних странах не обретаются, ибо, что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот, и никто против них не стоит, и все от них трепещут». Поистине, как говорит одна из сур Корана (8; 66), «Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни, а если будет среди вас сотня, то они победят тысячу...». Эту же мысль можно встретить в Библии: «Пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму (т. е. 10 000. – Авт.), и падут враги ваши перед вами от меча» (Книга Левит, 26; 8).

Здесь уместно вспомнить замечание Наполеона, который, оценивая боевые качества и способы ведения военных действий мамлюков, писал в своем дневнике: «Один мамлюк был сильнее одного француза; он

был лучше натренирован и вооружен... Два мамелюка-черкеса безусловно превосходили трех французов; 100 мамелюков были равны по силе 100 французам; 300 французов обычно одерживали верх над 300 мамелюками, а 1000 французов всегда побивали 1500 мамелюков» (Бейтуганов С.Н., 2007). Эту же мысль можно встретить и в других источниках: Так, Дмитрий Кантемир писал: «Эти люди настолько храбрые, что, по утверждению самих татар, насколько 10 крымцев сильнее 15 буджакан, настолько 5 черкесов сильнее 10 крымцев» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Наполеон оставил красочное описание мамлюкского войска: «Солнце, игравшее на шлемах и панцирях мамлюков, придавало этому прекрасному войску особенный блеск. По восточному обычаю произошло большое число поединков между наиболее смелыми из мамлюков и неустрашимыми альпийскими стрелками. Мамлюк демонстрировал свою ловкость и храбрость, он вызывал восхищение. Он был привязан к своей лошади, которая, казалось, разделяла все его страсти; с саблей, подвешенной к запястью; он стрелял из своего карабина, мушкетона и четырех пистолетов и, разрядив таким образом шесть образцов огнестрельного оружия, огибал взвод стрелков и с поразительной ловкостью проскакивал между ними и боевой линией». Французам было замечено, что семь начальников с отрядами отборных воинов, служивших им охраной, собрались в центральном пункте, на холмике; то были беи, державшие совет. В одно мгновение эта прекрасная конница во главе с семью беями пустилась вскачь и проникла в промежуток между каре генерала Ренье и каре генерала Дюгуа, где находился главнокомандующий, без сомнения рассчитывая найти их открытыми с тыла и ударить им в спину. Картечь и ружейный огонь с фронта каре, тотчас же затем – с флангов и, наконец, с тыла – убили и ранили многих из них. Несколько храбрецов, бросившихся на каре с тыла, погибли на штыках. Но, когда Мурад-бей заметил, что с тыла огонь столь же силен, сколь и с фронта, он поспешно удалился и атаковал две укрепленные деревни, где был поставлен резерв. На поле боя остались 60 мамлюков, что весьма обрадовало французских солдат». И далее Наполеон писал: «У них (т. е. мамлюков. – **Авт.**) есть обычай, отправляясь в бой, носить все свое золото с собой в поясе. Независимо от этого конь, одежда и оружие стоили много, и это заставило солдат понять, что страна, имеющая столь богатых защитников, не могла быть такой нищей, как они думали» (Дзамихов К.Ф., 2008).

6.9.2.6. Вечная слава героям...

*Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его –
достойные враги! Какие куклы перед ними персы и
турки, как искусно они умеют сражаться, как геройски
решаются умирать!*

А.А. Бестужев-Марлинский (1797-1837).

*Горцы отстаивали свою свободу и человеческое
достоинство. Они и были подлинными героями Кавказской войны...*

И.Я. Куценко (1995).

Тысячелетие назад русский князь Святослав произнес мудрые слова: «Нет у нас в обычае спасать себя постыдным бегством. Или останемся живы и победим, или умрем со славой. Мертвые сраму не знают, а убежавши от битвы, – как покажемся людям на глаза?...». Эти слова вполне можно было бы применить и к адыгам, чей лозунг «Победа или смерть» направлял их в самоотверженной борьбе с захватчиками.

Невозможно перечислить всех адыгов – героев Кавказской войны, – многие из них так и ушли в небытие, не оставив о себе следа в человеческой истории. Но адыгские народные песни, сказания, свидетельства очевидцев, документальные источники русских и западноевропейских военных архивов, тем не менее, донесли до нас некоторые имена, особо сохранившиеся в памяти народа. Как говорил Саади (1181-1291),

Никто не вечен в мире – все уйдет,
Но вечно имя доброе живет...

Среди адыгских вождей и руководителей военными действиями против царских войск особенно выделялись своей отвагой, мужеством и умом: Дзадзу Али, Гирцижико Алий, Инал Аслан-Гирей, Джамбулат Болотоко, Джанхот, Ширух-Дугуж (Шурухуко Тугуз, Шурухо Тугуз), Уардазау Зепш, Султан Кургум-Гирей, Шеретлук Тугужуко Кызбеч (Казбич), Дзадзу-Магомет, Хаджи Магомет, Хуадуко Мансур (он же: Хаудуко, Хауд Мансур), Дзадзу Науруз, Индар Ногай, Бести (Басте) Пшемаф, Айтек Шумаф, Хатуко Сельмен, Хаджимоко, Шарат Хамыз, Калабат Хатуко, Джирандук Хаджи Берзег, Гирей Шамыз, Шамуз Щупак (он же: Шамук Керуко Шупако), бесленеевский князь Айтек Каноков, Сефер-бей Заноко (он же: Сефербий Заноко) и др. (Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

Ширухуко Тугуз (в другом написании: Шурухуко Тугуз, Шурухо Тугуз, Ширух-Дугуж) – один из самых прославленных предводителей, родом из натухаевских дворян. Ему посвящены героические оды – пшинатли. Подавая пример отчаянной храбрости и презрения к опасности, он разъезжал под пушечным обстрелом на своем белом коне. Современники сравнивали его со знаменитым предводителем крестоносцев – Ричардом Львиное Сердце.

Шамуз Щупак. Особого внимания заслуживает деятельность народного героя Хуадуко Мансура, которого называли «мечом страны» и «королем»; а также Шамуза Щупака. Последний был опытным и отважным воином. В боях с царскими войсками погибли два его брата и 32 родственника. Но он не оплакивал их, а говорил, что хотел бы погибнуть такой же славной смертью. Как писал еще в VII в. поэт Тиртей,

Славное дело – в передних рядах со врагами сражаясь,
Храбромому мужу в бою смерть за отчизну принять...

Спустя тысячелетие, эта же мысль встречается и у Шота Руставели:

Лучше гибель, но со славой,
Чем бесславных дней позор.

Широкой известностью не только среди шапсугов и нутухайцев, но и у бжедугов и жансеевцев пользовался уздень первой степени Джанхот, родом из аула на р. Хотецай (ныне пос. Джанхот). Прославленными вождями адыгов, о подвигах которых и сегодня еще рассказывают в своих песнях народные сказители, являлись Сефер-бей Заноко, Керандук Берзек и Хаджи Берзек (в различных источниках он же: Хаджи Докум Берзеч, Хаджи Исмаил Догомуко Берзек, Гирандуко Хаджи Берзеч).

Пишкуй Ахеджаков (Ахеджаго) являлся одним из выдающихся военачальников; выделялся своим умом, мужеством и отвагой, а также обладал непревзойденным даром красноречия. Он имел постоянное войско в 6000 всадников, а во время боевых действий его отряд доходил до 12 000 всадников, с которыми он не раз наносил поражение регулярным войскам генерала Вельяминова. В середине мая 1838 г. бжедугский князь Ахеджаго, храбрый воин, мудрый предводитель пал на поле битвы. В память о его победах в борьбе с царскими захватчиками была сочинена народная песня.

Джембулат Болотоко. Хорошо известен был среди горцев и Джембулат, вождь «первенствующего племени» – темиргоевцев; человек, выделявшийся среди окружающих своей отвагой, находчивостью и порядительностью. Он был достойным потомком своего прапрадеда Инала. С неустранимостью он соединял дар красноречия, проницательный ум, железную волю, скрытность и замкнутость. О нем складывали легенды, его подвиги воспевали в песнях. Так восторженно характеризует личность Джембулата дореволюционный историограф Кавказской войны В.А. Потто (1885).

Не менее благостную картину о военных подвигах Джембулата рисует и современный историк Н.И. Сообцокова (2010. С. 80): «2-х тысячная конница этого предводителя представляла собой незаурядное явление, – почти половина ее состояла из представителей знатнейших адыгских фамилий, рыцарские доспехи которых – дорогие шлемы, кольчуги, налокотники – ярко горели и сверкали под лучами солнца. Это было, по свидетельству очевидцев, – грозное и великолепное зрелище. За всю историю борьбы с царскими завоевателями Джембулат не потерпел ни одного поражения и погиб от пули предателя, нанятого генералом Зассом».

Однако романтический ореол вокруг этого героя несколько бледнеет при более близком ознакомлении с его «деяниями». Вот лишь один из эпизодов Кавказской войны, связанный с его именем. 8 июня 1828 г. партия горцев во главе с Джембулатом напала на русское село Незлобное. На рассвете, когда жители еще спали, село было зажжено с четырех сторон. Оружия у жителей не было и защищать их было некому. По словам очевидца, горцы врываются в дома, и в них повторялись те же страшные кровавые сцены, что и на улицах: молодых забирали в плен, стариков и старух резали или бросали в огонь; дети, отторгнутые от матерей, гибли десятками. На пороге церкви были убиты священник и дьякон. Из 600 жителей только 230 успели спастись, а остальные были уничтожены или уведены в плен. Как отмечают очевидцы, за разорение с. Незлобного Джембулат заплатил своими лучшими наездниками. В стычке с царскими войсками, мстившими за гибель села, были убиты кабардинские князья: Султан-Аслан-Гирей, Аслан Рослаббек и Дженгот Аша; тяжело ранен Хаджи-Мурза-Бек-Хамурзин и др.

Исчерпывающую информацию о том, как из злого врага России Джембулат превратился если не в друга, то хотя бы в «нейтрального», «мирного» горца, спрятав, правда, «свою самую неукротимую ненависть» как можно глубже, – можно получить из докладной записки генерала Е.А. Головина генералу А.И. Чернышеву от 5 июня 1838 г.:

«Князь Джембулат Ойтеков (он же: Айтеков, Болотоков) до 1830 г., будучи предводителем сильной партии враждебных нам горцев, делал набеги на Кавказскую линию, разорял, грабил наши станицы. В 1830 г. Главнокомандовавший корпусом генерал-фельдмаршал князь Варшавский, признав полезным склонить на нашу сторону Джембулата, изволил вызвать его к себе и, в последствии данных им обещаний в покорности нам, утвердил его владетелем Кемиргойского (Темиргойского) народа, населявшего пространство между Кубанью и Белой речкой.

С тех пор Джембулат прекратил свои набеги, *но не переставал питать самой неукротимой ненависти к нам, действуя тайно против нас.* Живя в весьма неприступных местах на Белой речке, в кругу враждебных нам горцев, он имел дружбу с известнейшими разбойниками закубанскими, предводителями партий и сборищ; наклонял горцев к вражде против нас, имея на них большое влияние по знатности происхождения, уму, храбрости и фанатической ненависти к нам; был в переписке с находящимся в Турции близким родственником своим – известным Сафар-беом, поддерживая в горах убеждение в покровительстве турецкого правительства. Сверх сего, он имел у себя пленных наших, вопреки условиям мирного горца, и жил в самой тесной дружбе с беглым урядником Кавказского линейного казачьего войска, известным разбойником Брагуновым, которого никогда не хотел выдать нам.

Генерал Засс, видя столь неблагонамеренные действия Джембулата, требовал, чтобы он выселился из неприступных мест на равнину, если он предан нам. Князь Джембулат Ойтеков, решительно не желая исполнить это, намерился бежать в горы... и неизвестно кем [был] убит» («Лики адыгского прошлого». Ист. приложение к газете «Адыгэ макъ». 2012. Вып. 11 (70). С. 5).

Одним из прославленных героев Кавказской войны был Тугузуко Кызбеч-хаджи – реальный прототип лермонтовского Казбича. Думается, он заслуживает более подробного описания своей легендарной борьбы против царских колонизаторов.

6.9.3. «Слышал я, что у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец...»

6.9.3.1. «Отличался поражающей неустрашимостью...»

Слышал я, что у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешикте разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко...

М.Ю. Лермонтов (1814-1841).

Неувядаемой славой в годы Кавказской войны покрыл себя Шеретлук Тугузуко Казбич (Кизбеч, Кзильбеч), которого прозвали «Львом Черкесии».

А.Д. Панеш (1999).

В народном эпосе сохранились предания об одном из вождей черкесов времен Кавказской войны – легендарном шапсугском уорке Кызбече-хаджи из известной фамилии Шеретлуковых (он же: Шеретлук Тугузуко Казбич, Тугузуко Кызбеч-хаджи, Хаджи Хуз-бек, Кзильбич, Кзильбеч, Кизбич, Кизбеч) – «Льве черкесов», по выражению Дж. Белла (1837).

Вот несколько эпизодов, подтверждающих храбрость и мужество народного героя. 9 октября 1823 г. партия горцев во главе с Казбичем напала на Елизаветинское селение. Войска генерала Власова окружили черкесов. По свидетельству очевидцев, сам Казбич дрался как бешеный: ему разрубили левый висок и шею, проткнули насквозь бок пикой. Но он все-таки возвратился за Кубань на коне, окровавленный и не с пустыми руками – захватил трех казаков. В этой стычке погиб сын Казбича. Особую славу ему принесли два сражения с царскими войсками в 1834 г., когда, кстати, ему было уже 60 лет. В первом случае, стоя во главе 700 шапсугских всадников, в районе р. Абин, Казбич рассеял 14-тысячный (по данным А.Д. Панеша, 1999. С. 90, – казаков было не более 1200 чел.) царский отряд, потерявший в схватке 150 воинов. Во втором случае, предводительствуя 900 горцами, он рассеял еще больший отряд царских войск, отобрав у него всю его добычу из 9 аулов, освободив при этом всех пленных. Но не всегда его военные предприятия кончались удачно.

30 января 1830 г. Казбич с 4000 горцев атакует ст. Елизаветовскую (ныне – Новотитаровский район), но терпит сокрушительное поражение от отряда атамана Бескровного. В другом, но уже победоносном бою (1836 г.) Казбич получил семь тяжелых ран.

Р.Трахо приводит один из эпизодов военной судьбы Казбича (Казбека), свидетельствующий о его благородстве по отношению к своим противникам: «Раз черкесы, в числе 25 человек, напали на казачий пост, состоявший из урядника и 7 казаков, и забравши их в плен, хвастались своей победой. Казбек, узнав об этом, потребовал к себе черкесов; казаков отпустил, а черкесов устыдил, что они в числе 25 человек напали на 8 казаков и считают это победой: «Победа, которой мы можем хвастаться, – сказал он, – есть следующая: разбить и обратить в бегство отряд, вооруженный пушками и в численности более нашего. Самая завидная и похвальная победа та, когда человек с оружием в руках падает за свою свободу и честь».

Как воин, он пользовался большим уважением в среде своих противников. Русские генералы много раз предлагали ему все, что он потребует, чтобы он согласился перейти на их сторону или хотя бы вести переговоры о мире, но напрасно. По словам В.А. Потто, «даже среди черкесских головорезов и удалцов Казбич был личностью необыкновенной, исключительной. С самых юных лет он отличался поражающей неустрашимостью, соединенной с характером суровым, упрямым и грубым». В народе сложилось суеверное представление, что Казбич своим присутствием приносит счастье в набеге. Впоследствии ни гибель сыновей, ни множество ран, ни старость не отучили его от любимого ремесла – войны и набегов. Храбрость и мужество людей, подобных Казбичу, всегда привлекали внимание поэтов. Как писал Алишер Навои (1441-1501), -

Когда ж, неумолима и грозна,
Со всех сторон надвинется война;
И станет темен неба лик и взгляд,
И молниями сабли заблестят;
Когда при виде бедствий и смертей
Смятенье потрясет сердца людей,
Тогда вставай, джигит, – являй свою
Отвагу, силу, опытность в бою...

Под старость Казбич побывал в Мекке, но, как пишут очевидцы, «...священный титул хаджи не усмирил в нем строптивое сердце сурового наездника». Умер он в 1840 г. от раны, полученной в набеге еще в 1839 г., оставив о себе долгую и признательную память.

6.9.3.2. «Пользовался удивительным влиянием на шапсугов, когда надобно было действовать вооруженной рукой»

Кзильбеч... пользовался удивительным влиянием на шапсугов... Несколько удачных набегов на линии черноморских казаков, более полувека уже борющихся в кровавых схватках с шапсугами, сделали имя его сигналом сборищ для подобных предприятий.

Султан Хан-Гирей (1893).

Несомненный интерес представляет жизнеописание Казбича (Кзильбеча), изложенное Султаном Хан-Гиреем (1893): «Кзильбеч происходил из Шеретлуковой фамилии; с самых малых лет отличался храбростью и грубыми приемами. Не почитавшись никогда ни умным, ни общественным человеком, он пользовался, однако ж, удивительным влиянием на шапсугов в тех случаях, когда надобно было действовать вооруженной рукой. Тогда как для предводителей шапсугских необходимы были крайние усилия, чтобы собрать несколько сот всадников, стоило только разослать гонцов от имени Кзильбеча, и тысячи стекались под его предводительство.

Несколько удачных набегов на линии черноморских казаков, более полувека уже борющихся в кровавых схватках с шапсугами, сделали имя его сигналом сборищ для подобных предприятий, а несчастные случаи с другими шапсугскими предводителями утвердили суеверный народ в том мнении, что без Кзильбеча никакое военное предприятие не может кончиться счастливо. Страшная гибель шапсугов в Калаузском лимане, случившаяся в 1821 г., немало способствовала поддержанию этого суеверного мнения.

В продолжение нескольких лет после страшного этого происшествия трудно было собирать шапсугов для набега на казачьи станицы, но имя Кзильбеча все еще сзывало толпы: так было велико их доверие к его счастью. Смерть сыновей Кзильбеча, убитых казаками, множество ран, даже старость не отлучили его от любимого ремесла, от войны и набегов. По настоянию Хасан-паши он съездил в Мекку, но и звание хаджи, священное для мусульман, не наставило Кзильбеча на путь правоверных: во всю свою жизнь он остался грубым шапсугом старого покроя. Огромный рост, громкий голос, дерзкие и грубые ухватки, словом, все в нем соответствовало бурной, беспечной, удалой жизни, которую вел этот знаменитый предводитель шапсугский и для которой казался созданным. Кзильбеч был уже стар, когда получил рану, от которой и умер в 1840 г., оставив по себе множество рассказов...» (Султан Хан-Гирей, 1893).

6.9.3.3. «Его по достоинству прозвали «Львом Кавказа»

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения -
Бессмертья, может быть, залог!*

А.С. Пушкин (1799-1837).

Восторженный панегирик (греч. *panegyrikos* – «хвалебный отзыв о ком-либо, чрезмерная похвала») в честь Казбича можно найти в работе М.Х. Меретуковой (2001). Приведем этот очерк в кратком изложении:

Кто такой Казбич Шеретлуко? Кто бы ни писал о Казбиче, всегда попадал под его влияние и обаяние. Нарисовать его разбойником, хищником у них не получалось, потому что он им никогда не был.

Не смог этого сделать ни М.Ю.Лермонтов в «Герое нашего времени», ни художник – князь Г.Г. Гагарин на своей картине «Набег закубанцев», ни Олекса Кирий в поэме «Адыге», ни И.А.Шереметьев в «Ольгинском кордоне», хотя на него сверху давили силы, ни Петлора в «Истории Кубанского казачьего войска» под редакцией Ф.Щербины. Не получалось у них. Все они преклонялись перед ним, восхищались, а, может, завидовали его храбрости и удали.

Казбич Тугузович (он же – Кызбеч Тугужоко Шеретлуко, 1777-1840) был настоящий мужчина – верный, неподкупный, смелый, ловкий, бесстрашный, неутомимый, добрый, щедрый. Единственным его «недостатком» была влюбленность в свою бедную родину, в свою свободу, в свою независимость. Эта влюбленность питала его силы, окрыляла на подвиг. С кем только не встречался Казбич с 1810 по 1839 гг. на поле брани! Он – предводитель шапсугских отрядов, нигде не прошедший азы военного искусства, противостоял таким «зубрам», как Бурсак, Власов, Завадовский, Бескровный, Кухаренко и многим другим предводителям регулярных царских войск!

Ни одна личность адыгов не пользовалась такой славой, почетом, как Казбич. Вокруг его имени, под его знамена становились тысячи и шли на защиту отечества. Ни одного крупного поражения за 30 лет своего предводительства. Это снискало ему уважение и его по достоинству прозвали «Львом Кавказа». Он плавал в лучах славы, и кызбечевцы, испытывая на себе его внимание, делили с ним его славу. Он мог дарить людям радость! Мог без усталы танцевать на джегу. Мог петь в два голоса.

Он родился в 1777 г. Семерка – магическая цифра, приносящая счастье, славу, почет, память... Был у отца Тугуза Ельмишуковича одним из семи (?) братьев. Родился в ауле Беаннеш, что находился в бассейне р. Адагум, притоке Кубани. Это земля в нынешнем Крымском районе. В 1796 г. принимал участие в Бзюкской битве, где чуть не лишился головы, отделался глубоким рубцом. За годы борьбы его тело покрылось шрамами, рубцами. Ранам он счет потерял. Основными объектами военных действий его отряда были станицы и укрепления: Елизаветинская, Марьянская, Георгие-Афипская (ныне пос. Афипский), Абинская и

другие. В конце 1839 г. в одной из схваток с царскими войсками он получил несколько тяжелых ранений, которые привели к его кончине. Шапсуги потеряли своего предводителя. Он ушел из жизни, но остались легенды, песни. Не только остались, но и слагаются, рождаются новые произведения о нем и будут впредь сочиняться, потому что он был любим народом и почитаем этим народом (Меретукова М.Х., 2001. С. 7-10).

6.9.4. «Все богатство тактических возможностей адыгов...»: тактика партизанской войны против царских захватчиков

Военные экспедиции царских войск встречали упорное сопротивление адыгов. Применяя тактику партизанской войны, горцы наносили отрядам ощутимые урон.

А.Д. Панеш (1999. Вып. 2).

Боевые действия периода Кавказской войны наглядно продемонстрировали не только стратегическое искусство, но и все богатство тактических возможностей черкесов.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Военно-стратегические задачи, стоявшие перед вооруженными силами исторических областей Черкесии в периоды их политического единства, были продиктованы комплексом представлений адыгов о целях и характере возможной войны. Как подчеркивают авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии», 2006. С. 369-370), – «краеугольным камнем адыгской военной доктрины являлось сохранение политической независимости страны.

В случае неудачи мирных переговоров основной вид стратегических действий избирался в соответствии с военно-политической обстановкой и мог меняться в зависимости от ситуации. Так, например, активная оборона, которой западные адыги главным образом придерживались с начала 1830-х гг. и препятствовавшая российскому проникновению вглубь Черкесии, все чаще сменяется наступательными действиями – нанесением ударов по российским укреплениям и поселениям как на территории Закубанья, так и вне его пределов с целью прорыва блокады, недопущения казачьей колонизации адыгских земель, уничтожения опорных пунктов и живой силы противника.

Несомненной новинкой в тактике адыгов, – продолжают авторы, – стали массовые атаки российских укреплений. Эти акции явились своеобразной демонстрацией всего арсенала тактических возможностей и военных приемов адыгов. При этом имело место скрытное накапливание сил у самого укрепления в ночь перед атакой, которая следовала перед рассветом либо на заре, с соблюдением полной тишины до момента обнаружения наступающих часовыми. Удар наносился по самым уязвимым местам укрепления, а при отсутствии таковых атака производилась с трех или четырех сторон одновременно. При этом использовались всевозможные подручные средства для преодоления (заваливания) крепостного рва и подъема на бруствер: лестницы, веревки, крючья, связки хвороста и колья.

Боевые действия периода Кавказской войны наглядно продемонстрировали не только стратегическое искусство, но и все богатство тактических возможностей черкесов. Перед началом военной операции осуществлялся комплекс мероприятий разведывательного характера. В то же время предпринимались все возможные меры для сохранения собственных военных планов в тайне от противника. С целью сосредоточения военных сил вблизи места ожидаемого боевого соприкосновения с противником создавался военный лагерь, где проходил военный совет и откуда, разделяясь на авангард, основные силы и боевое охранение, выдвигались войска. Стратегическое сосредоточение и развертывание войск стало более эффективным с появлением в Западной Черкесии с 1840-х гг. системы *мехкеме* – административных и военно-политических центров. При планировании военной операции сбор войскам теперь назначался в мехкеме, ближайших к избранной цели выступления. Управление войсками в бою осуществлялось рассылкой гонцов и подачей условных сигналов, в том числе положением знамен.

6.9.4.1. Гибкость тактики черкесов в условиях «малой» (партизанской) войны

Невозможно коротко дать представление о стремительности черкесской атаки, для самых храбрых европейских войск она должна быть абсолютно ужасной, поскольку осуществляется буквально с быстротой молнии.

Эдмонд Спенсер (1830).

Тактические приемы ведения боевых действий, использовавшиеся адыгами, были многократно апробированы в условиях «малой» (партизанской) войны – единственно возможного способа борьбы с превосходящими силами противника

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

При рассмотрении данного вопроса нельзя не учитывать, что во время Кавказской войны против адыгов была направлена колоссальная военная машина Российской империи. «В таких условиях, – пишет А.А. Елифан-

цев (2010), – при наличии достаточного количества войск, включая артиллерию, Российская армия могла вести практически любые военные операции в полном соответствии с развитием военной науки того времени – от построения прочной и эшелонированной обороны в тылу своих войск, до глубоких наступательных операций на вражеской территории, с блокированием отдельных районов, либо всей черкесской территории, в том числе с моря, с разрушением материальной базы адыгов, с постройкой опорных пунктов и укреплений в тылу врага и т. д.

Многочисленные факты подтверждают, что при обороне своей территории горцы придерживались излюбленной наступательной тактики. Адыги совершали нападения на царские отряды, отлично пользуясь местностью. Вот что писал И. Дроздов по этому поводу: «Война Кавказская – война лесная и горная. Эта величаво-мрачная природа сама по себе производит впечатление тяжелое. Прибавьте к этому ловкого, отважного неприятеля и невозможность угадать время и место встречи с ним» (Цит. по: Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

Еще в начале русско-адыгского противостояния после нескольких болезненных поражений черкесы поняли, что лобовые столкновения больших конных масс с регулярными войсками, действующими в правильном боевом порядке с использованием пехоты и артиллерии, заведомо проигрышны для них и могут привести только к большим потерям. Уже тогда это становилось правилом войны и не зависело от того, кто и против кого его применял. Понимание этого правила коренным образом изменило тактику черкесов и практически исключило из их военных операций действия большими отрядами.

Адыги были обречены постоянно прибегать только к одному виду операций – быстрому и короткому нападению по принципу «ударил-отошел», причем, как на территории, занятой российскими войсками, так и на своей земле во время наступательных операций русских войск» (Епифанцев А.А. 2010. С.61-64).

Тактические приемы ведения боевых действий, использовавшиеся адыгами, были на протяжении столетий многократно апробированы в условиях «малой» (партизанской) войны – единственно возможного способа борьбы с превосходящими силами противника в условиях как степной Кабарды, так и (особенно!) горно-лесного Закубанья. Осуществлению крупных военных операций препятствовала и политическая дезинтеграция, характерная для феодальной Черкесии XVI – первой половины XIX в. Так, К.Ф. Сталь писал, что «закубанские черкесы, привыкнув к политической раздельности, не подчинены одной власти, одному князю из своих и потому более способны к набегу небольшими силами, чем к правильной войне». На равнине, где лесные массивы отсутствовали, адыги предпочитали использовать конницу. Здесь уместно привести мнение очевидца – Эдмонда Спенсера (1830), английского путешественника, посетившего Черкессию в XIX в., бывшего свидетелем конной атаки горцев: «Невозможно коротко дать представление о стремительности черкесской атаки, для самых храбрых европейских войск она должна быть абсолютно ужасной, поскольку осуществляется буквально с быстротой молнии. Восхитительная тренированность лошади и всадника таковы, что все это кажется невозможным для человеческого организма». И далее он отмечает: «Чтобы дать вам представление об их отчаянной храбрости, скажу вам, что русские офицеры уверяли меня, что черкесский воин никогда не сдается в плен и сражается до тех пор, пока в нем останется хоть одна искра жизни, даже с толпой врагов... Из числа других превратностей войны, они весьма замечательны в преследовании; если их противник допустит малейший беспорядок при отступлении, отряд этих партизан способен совершенно уничтожить целую армию» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

В условиях пересеченного ландшафта возрастала роль пехоты. А в оборонительном бою адыги придерживались рассыпного строя, позволявшего свести к минимуму потери от ружейного и (в особенности) артиллерийского огня противника; при этом максимально использовались особенности рельефа, местные укрытия. Основным оружием в этой фазе являлось огнестрельное, эффективность которого была обеспечена сочетанием стрелковой подготовки адыгских воинов, высокой скоростью перезаряжения и прекрасными тактико-техническими данными нарезных винтовок.

Дополняет информацию об особенностях наступательно-оборонительной тактики адыгов очевидец – один из участников «репрессалий» царских войск против горцев в 1837 г. – некий Н.М. (1847. С. 67-68): «Горец легок, как серна, и трудно угнаться за ним по гористой местности: он быстро взбирается на гору, еще быстрее сбегает с нее, прыгает через рвы, заряжает в то же время ружье, стреляет, опять бежит; солдат теряет его из виду, и вдруг падает о его пули. В горах черкесы сражаются пешими; оружие у них хорошее, потому что лошадь, шашка и ружье составляют все желания горца; все приобретенное им употребляет он на них; и когда раз желание его сбылось, он сгорает нетерпением померяться своей шашкой, похвастать меткостью пули своей и прыткостью коня. Иногда появляются между горцами и панцирники; они сражаются конные, на голове их шишак с забралом, а на груди стальной панцирь под чекменем».

Если уж речь зашла об оружии черкесов, уместно отметить следующий факт. В литературе нередко можно встретить спорное утверждение, что горцы были, по сравнению с казаками, гораздо хуже вооружены. Но вместе с тем есть и такое свидетельство очевидца: «Черкесы имели и оружие, и все прочее боевое снаряжение несравненно лучшего качества, нежели казаки: азиатская шашка «волчок» или «гурда», кинжал дамаской стали, пистолет с арабским или английским замком и нарезное ружье составляли предмет зависти и желание для казака, вооруженного довольно худшим и несовершенным оружием, даже по тогдашним временам», – писал казачий офицер В.Толстов во второй половине XIX в.» (Цит. по: Каюр Ю., 2011).

О том, что, действительно, оружие черкесов было отнюдь не хуже вооружения царских солдат и казаков, сообщает и цитируемый выше Н.М. (1847): «У горцев вообще ружья – винтовки, которые бьют чрезвычайно далеко и так метко, что на расстоянии, где выстрелы наших ружей уже недействительны, – винтовки горцев наносят еще сильный вред: огонь их бывает убийствен, когда горцы, засев в закрытом месте, стреляют, положив ружья свои на так называемые подсохи; но при отступлении выстрелы их уже не так верны, и потому тут они часто заменяю их шашками, которыми дерутся отчаянно».

При контратаках и преследовании отступающего врага боевые порядки адыгов становились более слитными. При этом посредством огневого контакта адыги стремились ошеломить противника, расстроить его боевые порядки и довершить разгром внезапным ударом холодным оружием. Подобная тактика неоднократно описана в российских источниках: «Вступили в лес, – и лес, будто очарованный, ожил. Каждый куст, каждое дерево, каждый камень грозят смертью. Людей не видно; слышны только выстрелы, вырывающие из фронта солдат. Не знаешь, как силен неприятель; но избави Бог смутиться хотя на мгновение! Враг из-за кустов зорко следит за этим. Шашки вон – и тогда от роты обыкновенно не оставалось ничего, – так быстры и решительны бывали в таких случаях натиски горцев...», – вспоминает очевидец (цит. по: Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

Наступательные операции требовали максимальной концентрации сил в месте наносимого удара, которая достигалась у адыгов использованием сомкнутого строя (несколько, впрочем, не означавшего отказа от индивидуальных поединков). Доминантой наступательного боя адыгов был конный «удар в шашки», устоять против которого не могла никакая кавалерия, в том числе и казачья: «С первого раза казачья конница должна была уступить коннице черкесской и потом никогда уже не была в состоянии взять над ней преимущество, ни даже поравняться с нею», – свидетельствует другой очевидец.

Гибкость адыгской тактики обуславливала и подвижность, текучесть боевого построения. Так, при неудачной атаке, попав под артиллерийский обстрел, сомкнутый строй адыгской конницы стремительно «рассыпался», чтобы тут же, закрепившись на оборонительном рубеже, предпринять контратаку. Подобному переходу из одного состояния в другое соответствовала и отработанная последовательность применения оружия в бою: «В деле черкес насккивает на своего противника с плетью в руке, шагах в двадцати выхватывает из чехла ружье, делает выстрел, перекидывает ружье через плечо, обнажает шашку и рубит, или, быстро поворотив лошадь, уходит назад и на скаку заряжает ружье для вторичного выстрела». Один-два пистолета, входившие в состав экипировки адыгских воинов, являлись оружием ближнего боя, при переходе к рукопашному бою использовались кинжалы.

К числу излюбленных приемов адыгов относилась тактика ложного отступления с последующей контратакой или с наведением на засаду. Тщательно отработывался и широко использовался адыгскими кавалеристами и прием *шыу клансэ* (от *шыу* – «всадник» и *клансэ* – «веревка»), согласно которому всадник, уходя от погони, растягивал преследователей в цепь, а затем, внезапно разворачивая хорошо тренированного коня, поочередно расправлялся с противниками.

В эпоху Кавказской войны продолжала существовать древняя традиция вызова противника на единоборство, память о которой сохранялась у адыгов во множестве фольклорных текстов. Естественно, что такие эпизоды в значительной степени утратили сакральный характер, и воюющие стороны уже не ставили исход сражения или всей военной кампании в зависимость от исхода таких поединков, как в эпоху легендарного противостояния Мстислава и Редеди. Вызов на рыцарскую дуэль при столкновениях адыгов и казаков теперь означал готовность испытать свою личную судьбу, блеснуть воинским умением.

Как видим, для адыгов был характерен исключительно высокий уровень военного искусства, позволявший Черкесии на протяжении столетий успешно отстаивать свою независимость и обеспечивавший политическое доминирование в регионе. Даже в условиях жесточайшего прессинга со стороны России адыгская культура войны обеспечила максимально возможную длительность сопротивления в ходе столетнего противостояния с империей...», – завершают свое исследование М.Н. Губжоков, Д.Н. Прасолов, Х.М. Думанов, Х.М. Думанова (2006).

6.9.4.2. «Черкесы и убыхи ведут войну по образу всех горских народов...»

Черкесы и убыхи ведут войну по образу всех горских народов. Они не имеют правильного строя, действуют преимущественно пешие, врассыпную на закрытой и пересеченной местности и отлично пользуются всеми выгодами ее...

«Исторический обзор Терека...» (1851).

Дополняют информацию о тактических возможностях адыгов при условии превосходящих сил противника авторы книги «Исторический обзор Терека...» (1851): «Должно сказать еще о наездничестве народа адыге, страсть к которому составляет отличительную черту его характера. С этой целью привожу здесь рассказ одного очевидца – русского офицера, приведенный в «Энциклопедическом Лексиконе» (т. I. С. 193-194):

«Все племена Адыге в совокупности могли бы при большем между собою согласии выставить в случае нужды до 50 000 всадников. В общих походах они подчиняются умнейшим и опытнейшим из князей. Во время сражения начальники эти распоряжаются по своему произволу, действуя всегда врассыпную. Они никогда не бывают решительно разбиты, ибо уничтоженная толпа тотчас меняется другою, другая третьею, и так далее. 10 или 15 чел., залегши за скалами, в оврагах или кустарниках близ дороги, беспокоят целую колонну, которая могла бы беспрепятственно и без малейшей потери двигаться среди ровного и открытого места. Разорение их аулов не может нанести им решительного вреда, ибо материалы для постройки их домов находятся повсюду. Между тем семейства их и главное имущество – стада, при малейшей опасности удаляются в горы и остаются там до окончания военных действий.

Замечателен образ набегов их на наши границы. Впереди едет *белат* (вожатый), несколько человек по бокам, остальная партия дробится на небольшие кучи и едет произвольно; вожатый суетится, – то скачет вперед, прикинув к седлу или поднявшись на стремяна, то из-за кургана окидывает окрестности привычным глазом; вдруг палец приложит ко рту, – и вся партия остановилась; укажет наземь, – и все спешат долой с коней; махнет к себе, и вихрем скажут, не смея перевести дыхания: так много горцы доверяют своему *белату*, которому успех дает две доли добычи, знаменитость и доверенность, неудача – позор, а часто и самую смерть. Когда он увидит предмет, наводящий сомнение, или партия станет приближаться к цели своей поездки, то спешась, ползет на курган, с которого осматривает окрестности, и, если заметит людей, мечет вверх шапку и сам скатывается с кургана. Эту хитрость употребляют для того, чтобы ввести в обман осторожность неприятеля и заставить думать, будто птица слетела. При отдыхе, когда партия расположится в ложине, а окрестности не позволяют скрыть соглядата, делается защита из высокой травы, вроде снопа, под прикрытием которой караульный ползет на удобное место и, спрятавшись в траве, лежит незаметным.

Ночью порядок похода изменяется: боковые патрули съезжаются к партии и никто не отстает от большой купы (куча, толпа, отряд. – **Авт.**), – из страха растеряться: один только *белат* в нескольких сотнях шагов, со взведенным курком ружья, вслушиваясь в малейший шорох, и, не сводя глаз с ушей своего коня, медленно подвигается; глухой свист, по условию, распоряжает (руководит) движениями всей партии. Во время ночного отдыха партия окружает себя караульными, которые, залегши по тропинкам или дорогам, прикинув ухом к земле, различают по гулу на большое пространство бег оленя от топота конского. Расторопность и сметливость вожатого почти невероятны: в самую темную ночь, когда небо покрыто облаками, партия редко сбивается со своего направления. *Белат*, заметив ветер, чувствует малейшее его изменение и часто проверяет себя компасом. В звездную ночь полярная звезда, Большая и Малая Медведицы – их вожатые. В случае, когда компас разобьется или потеряется, и сухая погода мало увлажит росой землю, тогда первая кочка служит компасом: приложив руку, согретою за пазухой, к четырем сторонам возвышения, влажнейшую определяют север, и направление берется с необыкновенной верностью. Одни только туманы рассеивают партии: путь искры, добытой огнем, служат сигналом. Нередко по этим сигналам засада русской передовой стражи в мрачную осеннюю ночь узнавала близость горцев. Тогда с обеих сторон завязывалась перестрелка: на русских постах зажигались маяки, и горцы в страхе, чтобы не быть окруженными, скакали обратно в горы, протяжно переключаясь с клятвами и угрозами...» («Исторический обзор Терека...» (1851).

И далее авторы упомянутой книги вновь возвращаются к тактике черкесов в условиях партизанской войны: «*Черкесы и убыхи ведут войну по образу всех горских народов*. Они не имеют правильного строя, действуют преимущественно пешие, врассыпную на закрытой и пересеченной местности и отлично пользуются всеми выгодами ее. Скрываясь за деревьями, камнями, кустами и в ложинах, и с ловкостью переменяя места, они стараются нанести вред своим противникам и ослабить их выстрелами из ружей и винтовок, и тогда только бросаются толпами в шашки, когда имеют превосходство в силах и надежду на успех. Иногда часть их действует и на лошадях, особенно если необходимо быстро пройти пространство, обстреливаемое артиллерию; по недостатку пастбищных мест лошадей у них не много.

Лошади их малы ростом и не статны, но крепки, быстры, способны для переездов по горной местности и хорошо выезжены. Между черкесами и убыхами много хороших наездников, которые ловко управляют лошадьми, смело доскакивают до самых штыков пехоты, на всем скаку поворачивают лошадь назад, не уменьшая ее бега, и быстро уносятся из вида. Черкесы и убыхи стройны, ловки и крепки, удобно и легко одеты и, хотя обвешаны оружием, но столь легким и так ловко накинута, что оно не препятствует свободному движению пеших по трудной горной местности («Исторический обзор Терека...» (1851).

Не менее ценно (хотя и далеко не бесспорно) мнение очевидца (Дубровин Н.Ф., 1871) об оборонительной тактике черкесов в борьбе с царскими колонизаторами: «В поле черкесы действовали более врассыпную и редко наступательно. Причиной тому было сознание в превосходстве над собою русских отрядов. Черкес, как и каждый горец, был храбр, и слыл отличным стрелком, но, несмотря на то, в деле с русскими вся невыгода была на его стороне. Заряжая ружье, он загонял пулю в ствол молотком, мог попасть в цель на значительном расстоянии, но пока он заряжал и производил выстрел, русский солдат, по меньшей мере, успевал сделать пять выстрелов. Для верного выстрела черкес опирал свое ружье на сошку, тогда как русский солдат не терял на это времени. С тех пор, как пресечены были всякие сношения черкесов с Турцией, они стали ощущать недостаток в порохе, до-

рожили патронами и, боясь истратить даром свой порох, стреляли только в таком случае, когда уверены были в своем выстреле; русский же солдат не жалел зарядов, хотя и стрелял не всегда наверняка. Выстреливший черкес на несколько времени был пропащий человек: можно было делать с ним что угодно, пока он снова заряжал ружье. Он сам сознавал это, и потому почти никогда не тратил времени на вторичное зарядание.

Ко всем этим сравнениям надо прибавить еще и то, что кавказский солдат соединял в себе, вместе с дисциплиною, ловкость черкеса. Он так же шибко умел бегать по открытым местам, так же ловко взбирался на крутизны и горы, ложился за кустарники, высматривал неприятеля, был развязен и зорок. Все такие качества и преимущества русских отрядов заставляли черкесов только в самых крайних случаях действовать наступательно. В последнем случае они насакивали на противника с плетью в руке; шагах в двадцати от русского строя наездник выхватывал ружье из чехла, делал выстрел, перекидывал ружье через плечо, обнажал шашку и рубил.

В больших массах черкесская конница любила действовать холодным оружием, и то только тогда, когда была значительно сильнее русских числом и замечала в русской цепи или в рядах беспорядок. Но если черкесы видели свою слабость, то искусно скрывались за деревьями, за камнями и за другими местными преградами и почти никогда не встречали русские войска с фронта, а нападали на боковые цепи и на арьергард. С фронта они действовали только тогда, когда местность особенно способствовала преграждению пути завалами. Пешком черкесы дрались у себя в лесах и в горах, защищаясь от натиска русских войск, и в этом случае метко стреляли из-за деревьев, камней или с присошек, чтобы вернее целить своими длинными винтовками.

В оборонительной войне они отлично умели пользоваться местностью и при малейшей оплошности со стороны наступающего вырастали как из земли, чтобы, нанести неожиданный удар. Это происходило обыкновенно в лесу или в ущелье. Завязывалась горячая драка; лес был весь в пороховом дыму, «перестрелка звучала в нем лучше всякой симфонии»; но едва только отряд выходил на чистое поле, как неприятель исчезал в одно мгновение, точно сквозь землю проваливался.

6.9.4.3. «Эта артиллерия не представляет для черкесов никакой пользы...»

В 1828 г. в районе Анапы черкесы получили от турок 8 пушек, ...но они не умеют ими пользоваться, эта артиллерия не представляет для черкесов никакой пользы – ни во время их набегов, ни для защиты их территорий.

И.Ф. Бларамберг (1840).

У черкесов было несколько орудий, но они не умели их употреблять. Опасаясь потерять орудие в открытом бою, они обыкновенно ставили их на таком дальнем от русских расстоянии, что выстрелы не наносили русским никакого вреда.

Н.Ф. Дубровин (1871).

«У черкесов было несколько орудий, но они не умели их употреблять. – писал Н.Ф. Дубровин (1871. С. 162-163). – Опасаясь потерять орудие в открытом бою, они обыкновенно ставили их на таком дальнем от русских расстоянии, что выстрелы не наносили русским никакого вреда. Как только замечали, что против орудий направлены войска, черкесы тотчас же свозили их с позиции и скрывали».

Дополняет информацию об использовании черкесами во время Кавказской войны артиллерийских орудий исследование А.А. Епифанцева (2010). Он обращает внимание на тот факт, что «...в подходе к использованию артиллерии народы Западного Кавказа отличаются от народов Кавказа Восточного. Шамиль, например, придавал артиллерии очень большое значение. У него практически постоянно было больше десятка орудий и, мало кто знает, но он не просто где-то доставал их, а занимался отливкой! Причем, мастерами в этом деле у него были русские дезертиры – солдаты и офицеры, по каким-то причинам оставившие свои части и перешедшие на сторону чеченцев.

Хроники того времени дают нам обрывочные упоминания об артиллерии в связи с черкесами – то, по слухам, где-то в окрестностях нынешнего Майкопа у абадзехов появляется беглый русский капитан, формирующий из дезертиров команду артиллерийской батареи, то турецкий паша Анапы обещает дать 15 пушек, то во время боя с отрядом генерала Фабрициана адыги захватывают пушку, но к концу сражения русские отбивают её назад. Иоганн Бларамберг пишет: «В 1828 г. в районе Анапы черкесы получили от турок 8 пушек, которые еще находятся у них; но, по уверениям некоторых из наших соотечественников, *они не умеют ими пользоваться, эта артиллерия не представляет для черкесов никакой пользы – ни во время их набегов, ни для защиты их территорий*». Другой иностранец – Э. Спенсер подтверждает его слова: «Если бы горцы знали ценность хотя бы только легких гаубиц, то без сомнения русские были бы полностью истреблены если бы попытались пройти через внутреннюю часть страны». Примеров реального использования адыгами артиллерии в бою за редчайшими исключениями не встречается. И это в то время, когда российские войска используют орудия повсеместно и совершенно в массовом порядке. Только в Усть-Лабинской крепости, нынешнем городе Усть-Лабинске, по плану застройки должны были находиться 79 (!) пушек, 2 гаубицы и 4 мортиры.

Лишь в самом конце войны, в 1857-1858 гг., мы встречаем осознанное и тактически грамотное применение артиллерии адыгскими войсками. Это делают бойцы польского волонтера Т. Лапинского, который привез черкесам несколько пушек и, что очень важно, европейских канониров-профессионалов. Во время первого сражения против русских войск в апреле 1857 г. поляки применили 2 пушки и сделали из них 12 выстрелов. Несмотря на то, что для адыгов это была революция в военном отношении, *подобное использование артиллерии все равно было ничтожно мало для какого-либо серьезного противодействия русским* (Епифанцев А.А. 2010. С. 60).

Некоторое, правда, косвенное, отношение к рассматриваемой теме имеет следующий факт. Как свидетельствует очевидец, «...в одной акции против русских они (черкесы) прибыли на поле боя, двигая перед собой нечто вроде барабана, наполненного хворостом, шерстью и другими мягкими вещами, и покрытого шкурой. Эти «машины» были подвижны, отражали ядра и предохраняли их от какого-либо урона. После длительного боя, в котором русские потеряли много людей от огня противника, они пошли на эти ретраншементы (укрепление, бруствер) в штыковую атаку и вынудили черкесов отступить. [Граф Ф. Сепор, посол Франции при дворе Екатерины, в своих «Воспоминаниях» пишет, что шейх Мансур научил кабардинцев и других горцев изготавливать подвижные брустверы из телег, наполненных хворостом и землей. Но их эффективность оказалась очень невысокой].

6.9.4.4. «Штурм и осада – два варианта действий царских войск на Северном Кавказе»

Многие русские генералы, воевавшие с горцами, сравнивали Кавказ с крепостью, охраняемой многочисленным гарнизоном. Известно, что крепость можно покорить двумя способами: штурмом или осадой.

М.Я. Ольшевский, царский генерал (2003).

Выше мы рассмотрели тактику горцев ведения партизанской войны против царских захватчиков, раскрывшую, по мнению очевидцев, «все богатство тактических возможностей адыгов». Для сравнения приведем особенности ведения военных действий против горцев, характерные для царских войск.

Как пишет очевидец – А. Фонвиль (1865), «...в начале войны с черкесами русские ограничивались передвижением вперед оборонительной линии, стесняя черкесов в пользовании пастбищами, а также время от времени совершая экспедиции для их «наказания» за нападения на русские станицы, клином врезавшиеся в земли, искони считаемые черкесами, своими. А с 30-х гг. XIX в. эта система «наказаний» уступила место планомерному движению русских войск, с прокладкой дорог, прорубкой просек и одновременным заселением занимаемых земель казачьими станицами и русскими поселениями».

«Штурм и осада», – так назвал русский генерал М.Я. Ольшевский (2003) свое эссе о тактических возможностях царских войск, которое привожу в кратком изложении.

Многие русские генералы, воевавшие с горцами, – пишет автор, – сравнивали Кавказ с крепостью, охраняемой многочисленным гарнизоном. Известно, что крепость можно покорить двумя способами: штурмом или осадой. Штурм, как способ взятия крепости, предполагает большие потери среди штурмующих, но сравнительно быстрый результат. Осада – минимальные людские потери, но огромные по сравнению со штурмом материальные затраты и самое главное – требует очень много времени.

ШТУРМ. Первой формой боевых действий против горцев, которая сопоставима со штурмом, можно назвать экспедицию или набег. Как правило, экспедиция заключалась в следующем: русский отряд с наступлением лета вторгался в горы, стараясь привести к покорности горские аулы, уничтожая не желающих подчиниться, после чего возвращался на Кавказскую линию, считая свою задачу выполненной. Иногда отряды строили укрепления, которые становились опорными пунктами для борьбы с горскими набегами и прикрывали территории, контролируемые русскими.

Практика экспедиций, которые можно назвать штурмом, была начата еще при А.П. Ермолове. Однако, в отличие от своих последователей, Ермолов умел сочетать штурм и осаду. При преемниках Ермолова И.Ф. Паскевиче, Г.В. Розене, Е.А. Головине, П.А. Нейтгарде русское командование пыталось взять Кавказ чередой кровопролитных штурмов, но даже значительное, почти в два раза, увеличение в 1844-1845 гг. числа штурмующих привело лишь к огромным потерям, и самое главное, штурмы были отбиты.

ОСАДА. Видя бесперспективность продолжения атак на горы, русское правительство и командование Кавказского корпуса перешло к планомерной осаде «крепости Кавказ», идя на огромные финансовые затраты: на содержание русских войск на Кавказе только в 1845 г. было выделено 7 млн. руб. серебром. Эти действия по постоянному давлению на горцев принесли успех даже раньше, чем рассчитывали. Осада длилась меньше, чем штурм. Восточный Кавказ штурмовали с 1817 по 1845 г. – 28 лет, а осаждали с 1846 по 1859 г. – 13 лет (Ольшевский М.Я., 2003. С. 15-16).

6.9.5. По обе стороны баррикады: «Черкесы являются великолепными наездниками и блестящими воинами»

Все восточные наездники стояли ниже закубанских горцев в храбрости, насколько и в вооружении. Самому курду, так славному на Востоке удалством, черкес не доверил бы даже почистить свою винтовку или шашку.

В. Потто (1885).

И вновь вернемся к рассмотрению военного искусства черкесов и, в частности, кабардинцев. Царский историограф В. Потто писал: «Черкес весь был поэтическое создание войны и вместе с тем творец ее. И если справедливо, что по достоинству оружия можно безошибочно судить о военном достоинстве народа, – то всего справедливее это было по отношению к черкесам, потому что *все восточные наездники стояли ниже закубанских горцев в храбрости, насколько и в вооружении*. Самому курду, так славному на Востоке удалством, черкес не доверил бы даже почистить свою винтовку или шашку».

При этом черкес, – отмечали дореволюционные авторы, – «постоянно жаждал приключений, опасностей, отыскивал их всюду, где только рассчитывал натолкнуться на них. Он не любил засиживаться дома, в своем околотке. Дым родной сакли, жена, дети, родные – все это, по его понятиям, было создано нарочно для искушения его железного духа коварными обольщениями, для того чтобы, чтобы опутать слабое сердце заманчивыми узами любви, нежности и ласки. Чувствуя всю опасность подобной обстановки для своей репутации, он избегал ее всеми силами, старался почаще отрываться от нее. Он сознавал себя больше человеком и мужем, когда изголовьем служило ему вместо мягкой подушки жесткое седло, постелью – бурка».

Военное дело считалось единственным достойным занятием мужчины, и кабардино-черкесская аристократия с детства готовилась к войнам и походам, а смерть в бою была почетной (Кармов Т.М., 2006. Вып. III). Причем, что примечательно, зачастую черкесы сражались (и весьма успешно!) и на стороне турок против русских войск, и в составе Русской армии, – в боях с турками и Крымским ханом.

6.9.5.1. «Эта блестящая, великолепная черкесская конница...»

По своей силе черкесская конница превосходила все конные части российской армии – ни драгуны, ни гусары не могли с ней тягаться и только кавказские казаки, перенявшие у черкесов их тактику, повадки и вооружение, были в состоянии состязаться с адыгами на равных.

А.А. Епифанцев (2010).

«Эта блестящая, великолепная черкесская конница... – отмечает А.А. Епифанцев (2010. С. 55). – Ее сила и боевые качества были настолько высоки, что даже через 150 лет после поражения адыгов в Кавказской войне о ней восторженно отзываются все без исключения историки и бытописатели событий. По своей силе черкесская конница превосходила все конные части российской армии – ни драгуны, ни гусары не могли с ней тягаться и только кавказские казаки, перенявшие у черкесов их тактику, повадки и вооружение – все вплоть до одежды, были в состоянии состязаться с адыгами на равных».

В «мамлюкской» истории средневекового Египта можно найти немало примеров храбрости черкесов-конников. Немало мужества проявили они 22 января 1517 г. в сражении при Ридане (близ Каира). Черкесский эмир Туманбай, которого провозгласили султаном Египта, собрал армию против наступавших турок-османов. Костяк этой армии составляла черкесская конница. По свидетельству очевидцев, «...она поражала своим великолепием и одновременно вселяла ужас в сердца османов». И вот по знаку своего султана черкесы храбро кинулись на врага. Это была последняя великая кавалерийская атака средневековья. Об эмире Туманбае пишут, что в этот день он зарубил свыше тысячи (!?) человек. Но мамлюков было слишком мало, чтобы одолеть более чем 100-тысячную армию турок. Они отступили, и османские войска заняли столицу Египта (Хабаху А.П., 2000).

Информация о действиях черкесской конницы в эпоху средневековья содержится и в работах других авторов. «Князья и уздени, одетые в панцири, с ближними людьми составляют отборную конницу наездников», – отмечал С.М. Броневский. Как правило, война у черкесов (особенно у кабардинцев) была прерогативой знатного сословия. Военная аристократия всю свою жизнь проводила в бесконечных столкновениях. Кабардинские всадники удачно сочетали различные приемы. В частности, рукопашный бой считался непременным атрибутом схватки наряду с лучшей стрельбой. *Несмотря на наличие доспехов, такая конница не уступала в подвижности татарской*. Адыгские всадники, особенно из Кабарды, где знатная прослойка была наиболее развита и многочисленна, по своим признакам относились и к легкой коннице, и к тяжелой. Именно этот универсализм, сочетающий в себе подвижность, меткость в стрельбе и рукопашный бой, привлекал русских воевод. Любопытно, что С.М. Броневский сравнивал кабардинскую конницу с парфянской. Уже после Ливонской войны царь Федор, сын Ивана Грозного, заключая соглашение о присылке черкесами отряда, скрупулезно торговался из-за каждого всадника. Основу русского войска составляло поместное конное ополчение, попадающее под категорию тяжелой кавалерии (Кармов Т.М., 2006. Вып. III).

Монах Доминиканского ордена итальянец Джовани де Лукка, проехавший по Кавказу и узнавший жизнь его народов, в своем «Описании перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин...», составленном в начале XVII в., также отметил военное мастерство черкесов-конников: *«Постоянное беспокойство, причиняемое татарами и ногайцами, приучило черкесов к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют пашкой. Голову защищают кольчатым шишаком, прикрывающим лицо. Орудием для нападения кроме лука служат им копья и дротики. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар. Они не считают стыдом ограбить друг друга, и воровство здесь так обыкновенно, что пойманных удалцов не наказывают, питая даже некоторое уважение к тому, кто ловок в этом отношении»* (Опрышко О.Л., 2007; «Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 37-39).

Задолго до Кавказской войны черкесская конница показала свое превосходство и над персидскими войсками. В 1748-1753 гг. цари Картли и Кахети Теймураз и Ираклий привлекли на службу большое количество кабардинцев, с помощью которых покорили Ереванское, Гянджинское и Нахичеванское ханства. В разгроме персидских войск у Тбилиси в 1753 году решающую роль сыграла адыгская конница. Вот как описывал участие черкесов в этой битве князь Орбелиани: *«Врезались черкесы (в персидскую армию) и, как кошек, рубили кизилбашей, сын правителя Большой Черкесии по имени Кургоко вторгся в ряды кизилбашских войск с таким видом, словно шел на пир. Он проявил такую львиную отвагу, что и перехвалить его нельзя. Там и все войско черкесское сражалось доблестно и хорошо поработало мечом»*. Примечательно, что у грузин адыг выступает как носитель высших воинских качеств. «Он храбр как черкес», – говорят они, желая похвалить мужчину (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Хорошо дополняет информацию о «великолепии черкесской конницы» следующий эпизод. В 1839 г. в Тифлисе шотландец Камерон Джеймс стал свидетелем красочного рыцарского турнира, на который съехались представители народов Кавказа, Ирана и Турции. «Этот турнир, – вспоминал очевидец, – проводится ежегодно, и те, кто желает воскресить древние сцены рыцарства в Англии, могут с пользой для себя посетить грузинскую столицу и взять несколько уроков в очень опасном, но благородном искусстве копейного боя и турнира. Турнир был великолепен сверх всяких похвал и включал среди прочих поединков блистательную дуэль между 12 татарскими ханами и беками в позолоченных пластинчатых доспехах на черных конях, с одной стороны, и равным числом черкесских князей и предводителей в ослепительных изысканных кольчугах на белых боевых конях, с другой стороны.

После жестокой схватки победу провозгласили для последних (т. е. черкесов. – Авт.) – шестеро из их числа до конца удержались в своих седлах, в то время как все татары до последнего человека были сбиты с коней и повержены ниц. Некоторые из них, а также 2-3 черкеса были сильно ранены в ходе поединка» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 191).

6.9.5.2. Адыги на службе в Русской армии: «Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия»

Кавказ был завоеван как оружием русских, ...так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении 60-летней войны на Кавказе, мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы. Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия.

Мещерский, князь (1876).

Нельзя игнорировать то значение, которое имели в покорении Кавказа сами туземцы...

**С.Ю. Витте (1849-1915), министр финансов
Российской империи.**

«Очень и очень многие из адыгов, перешедших на русскую сторону, начинают не заниматься сельским хозяйством, а добровольно и инициативно идут служить в русскую армию, – пишет А.А. Епифанцев (2010). Причин этого было множество – глубокие военные традиции адыгского народа; особая, более, наверное, нигде не встречающаяся структура адыгского общества, в соответствии с которой уделом дворянства была исключительно война, а сами дворяне ничего больше делать не умели и применения себе в других сферах не мыслили; традиционное отсутствие моральных и социальных барьеров, запрещавших адыгам поднимать оружие против адыгов, т. к. традиционно черкесы были разобщены и веками противостояли друг другу; стремление получить земельный надел и подъемные деньги, дававшиеся, в частности, казакам; желание выбиться в офицеры, стать обладателем социального статуса и неплохого жалования; в конце концов, очень много было тех, кто в своем вступлении в российскую армию видел гарантию того, что его не выдадут бывшим хозяевам, от которых он бежал и т. д. Так, в 1846 г. уже принесшие присягу России черченевские и хамышевские князья и дворяне подали российским властям просьбу о возвращении им 125 беглых крестьян. При проведении расследования оказалось, что к тому времени почти все эти крестьяне служили на

русской военной службе в казачьих полках, а четверо из них за боевые заслуги на Кавказе даже были произведены в урядники, что соответствуют современным сержантам, или были награждены Георгиевскими крестами. Естественно, просьба князей не была удовлетворена.

«Поразительно, но подавляющее большинство адыгов служат не просто в Русской армии, но как раз в казачьих частях!», – восклицает А.А. Епифанцев (2010. С. 219). Именно казачьими полковниками были Рослаб-бек Мисостов и Измаил-бей Атажукин – прототипы лермонтовских героев поэмы «Измаил-бей». Адыги служат во всех казачьих войсках юга России – в Донском, Кубанском, Терском, причем, если некоторых из них берут туда, что называется, «по разнарядке», то другие сами просто упрашивают, умоляют власти зачислить их в казачье сословие.

На Кубани и Ставрополье образовывается несколько горских казачьих селений – станицы Гривенская, Бабуковская, Луковская, селение Ады, в которых живут почти исключительно горцы-казаки – черкесы, абазинцы, осетины. Ст. Гривенскую, кстати, основал Али Шеретлуков – тот самый сподвижник легендарного бжедугского князя Баты Гирея, ездивший к Екатерине II, и которому шапсуги после урегулирования вопроса с дворянами, не разрешили вернуться на Родину, а казаком ст. Луковской, в которой в 1875 г. насчитывалось 775 казаков-черкесов и 118 казаков-осетин, был князь Заур-Бек Даутоков-Серебряков – много позже руководитель антибольшевистского восстания на Центральном и Северном Кавказе, командир Кабардинской бригады.

Возле «черкесских» станиц как грибы начинают расти черкесские хутора, некоторые из них стоят и до сих пор, например, х. Могуково в Крымском районе Краснодарского края. Многих черкесов приписывают к чисто казачьим станицам с исключительно славянским населением.

К середине XIX в. мусульман в российских казачьих частях становится столько, что в феврале 1855 г. Военный совет Российской империи принимает специальные «Правила устройства духовной жизни магометан казачьего сословия».

Адыги служат хорошо, на совесть, их фамилии в наградных реляциях периода Кавказской войны совсем нередки. Вот некоторые интересные примеры. При взятии крепости Анапа 12 июня 1828 г. Георгиевский крест получает казак «из закубанских дворян жанеевского племени, магометанского исповедания» Бейслан Шаган-Гирей Гусаров...16 лет от роду. За тот же поход и за участие «...во многих с турками и черкесами сражениях» Георгиевским крестом удостоивается 17-летний Магмет Шеритлу-Оглы. Всаднику 1-го разряда Анапского горского эскадрона Шеретлуку Супаю в одном из боев пуля попадает в крест, полученный ранее «за отличную храбрость, оказанную в ноябре 1851 г. в земле непокорных натахайцев», в личном деле героя имеется короткая запись: «Знак раздроблен пулею, послан другой».

С 1844 по 1864 г. только «бесстепенных» крестов для мусульман (с имперским орлом вместо Георгия Победоносца) за отличие на Кавказе было выдано более 750. Да и награждать их действительно было за что! Так, в 1846 г. кабардинское ополчение отразило нападение Шамиля, устроившего поход в Кабарду, где он надеялся соединить силы с, как ему казалось, враждебными русским адыгами. За один только 1851г. около 200 кабардинских князей и дворян были награждены за отличие в военных действиях против Шамиля (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 36, л. 1).

А.А. Епифанцев (2010) особо подчеркивает, что нельзя, невозможно не учитывать, какую огромную роль сыграли адыги в Кавказской войне. Эта оценка содержится в целом ряде высказываний царских генералов. В частности, выдающийся государственный деятель России рубежа XIX-XX вв. С.Ю. Витте говорил, что «...нельзя игнорировать то значение, которое имели в покорении Кавказа сами туземцы...». А вот что писал в своем путевом дневнике, изданном в 1876 г., вскоре после окончания Кавказской войны, князь Менцерский: «Кавказ был завоеван как оружием русских, ...так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении 60-летней войны на Кавказе, мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы... Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия» (Епифанцев А.А. 2010. С. 226).

«Позже, – пишет автор, – именно адыги приняли деятельное участие в завершающей стадии Кавказской войны и в выселении других черкесских народностей – причерноморских шапсугов, убыхов и натахайцев. Вот что, например, уже в 1896 г. пишет отставной генерал-лейтенант Т.И. Шипшев, адыг: «...теперешнее областное начальство не доверяет горским интеллигентам и не дает им должностей. А вот в 1863 г. Евдокимов назначил меня начальником Шапсугского военного округа в чине ротмистра, хотя претендовали русские полковники. Затем, он назначил меня начальником крупного летучего отряда по истреблению непокорных горцев. Потом поручил выселение шапсугских черкесов в Турцию. И я выселил 63 тысяч душ обоего пола; оставлявшие тогда Шапсугский округ, были высланы мною безо всякого насилия по указанию графа. За выполнение этого поручения я удостоился многих благодарностей и награжден следующим чином» (ЦГВИА, ф. 330, оп. 69, д. 56, л. 9, 13).

Кстати, к концу войны среди адыгов имеются несколько генералов, 15-20 полковников, большое количество офицеров меньшего ранга. Например, генерал Султан Адиль-Гирей, младший брат известного адыгского историка и просветителя Хан-Гирея, являлся комендантом третьей столицы Российской империи – Варшавы.

Немало адыгов за свою жизнь несколько раз служат «по разные стороны баррикады», по разным причинам переходя с российской на горскую сторону и наоборот. В этом, кстати, война на Западном Кавказе сходна с тем, что происходило на Кавказе Восточном. Количество чеченцев и дагестанцев, воевавших в рядах российских войск, было ничуть не меньшим, чем в Адыгее и Кабарде» (Епифанцев А.А. 2010. С. 226)

6.9.5.3. «Черкесы составляли лучшую часть османской кавалерии»: участие махаджиров в войнах на стороне Турции

Храбрость и стойкость черкесских всадников достойны того, чтобы украсить страницы истории. Мы были свидетелями их необыкновенного мужества...

Из рапорта Ахмета Мухтар-паши (08.07.1877).

По свидетельствам российских офицеров, [во время Русско-турецкой войны] черкесская конница действовала довольно эффективно, применяя свои традиционные тактические правила: стремительные атаки; неожиданные отступления и притворное бегство, ...неожиданные контратаки и т. п.

А.В. Кушхабиев (2007).

Не меньшее мужество и храбрость проявляли черкесы и в военных кампаниях после окончания Кавказской войны, причем они зачастую располагались, образно говоря, по обе стороны баррикады. При этом мужество и стойкость черкесских воинов в равной степени проявлялись и в тех случаях, когда они воевали на стороне русских против турок, и тогда, когда они воевали на стороне Османской армии против русских войск (речь идет об участии адыгов-махаджиров в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг.). Не случайно итальянский путешественник Эмилио Дортелли д'Асколи писал: «Черкесы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их черкес-спага, что значит благородный, конный воин».

А.В. Кушхабиев (2007) обращает внимание на тот немаловажный факт, что Османское правительство, воспользовавшись тяжелым положением изгнанных из своей родины черкесских переселенцев, стало проводить среди них массовую вербовку в вооруженные силы, игнорируя при этом собственное обещание освободить их от несения службы в регулярной армии сроком на 20 лет. Десятки тысяч северокавказских иммигрантов таким путем оказались на службе в регулярных, иррегулярных и полицейских частях, а также в гвардии султана. Из первых групп иммигрантов были сформированы три черкесских кавалерийских полка. По данным российского консульства в Трапезунде, уже к июню 1864 г. около 10 тыс. черкесских изгнанников вступили в османскую армию.

Правительства Османской империи и Великобритании возлагали большие надежды на северокавказских иммигрантов в войне с Российской империей: предполагали использовать их опыт войны с российскими войсками (знание ими российской военной тактики, владение многими из иммигрантов русским языком), знание ими географических особенностей Кавказа, где намечалось открытие одного из фронтов. На фронты русско-турецкой войны планировалось отправить до 80 тыс. черкесских воинов.

В определенной степени эти планы имели успех. Как было отмечено выше, значительное число северокавказских иммигрантов было вовлечено в боевые действия Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. На Азиатском фронте в составе Анатолийской армии Мухтара-паши действовали отдельные иррегулярные полки черкесской кавалерии. По данным османских источников, из северокавказских иммигрантов, расселившихся в районах Азизие, Сиваса и Джаника, были сформированы три кавалерийские бригады по 1000 чел. в каждой. Первой бригадой, состоявшей из 6 эскадронов, командовал генерал Мустафа-паша; второй, состоявшей также из 6 эскадронов, – генерал Муса Кундух, в прошлом офицер российской службы; третьей, состоявшей из 10 эскадронов, – генерал Гази Мухаммед-паша, сын Шамиля. Черкесские кавалерийские отряды принимали активное участие в боях с царскими войсками на Малоазиатском фронте и отличились в боях под Карсом.

Отряды черкесских и абхазских иммигрантов участвовали также в боях на Западном Кавказе весной и летом 1877 г. В начале мая 1877 г. к Черноморскому побережью Кавказа было направлено 5 османских транспортных фрегатов с целью доставки 10-тысячного десанта под командованием Фазли-паши. Значительная часть этого десанта состояла из черкесских и абхазских иммигрантов. Туда же османское командование планировало перебросить еще 5-тысячный черкесский отряд, выступивший из Батума и других пунктов. Отдельными подразделениями этого десанта командовали абхазские князья полковник Камлат Маан и полковник Хасан Чачба. Османская эскадра производила обстрелы российских береговых укреплений и населенных пунктов, высаживала отряды, вступавшие в бой с царскими войсками, а также пыталась взволновать местное абхазское и черкесское население.

Османское командование предоставило черкесам хорошее вооружение: магазинные карабины Винчестера, прицельная дальность которых была выше, чем у российских ружей; револьверы (у некоторых по два). Но клинковое оружие черкесы использовали исключительно свое традиционное – шашки и кинжалы. В качестве униформы также сохраняли привычную черкеску.

Значительное число черкесских воинов привлекалось и в снайперские группы, действовавшие в привычной для них горной, покрытой лесами местности. Помимо участия в боевых действиях, на черкесских воинов возлагались обязанности проведения разведки, охраны дорог, баз и т. п. В военных действиях принимали участие и десятки офицеров-черкесов в составе Египетского экспедиционного корпуса.

Документы, приводимые Берзедж Сафером, показывают, что адыги-переселенцы оправдали планы Османского правительства по использованию их в качестве военной силы в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Примечательно, что в военных действиях на Балканах в составе османских войск принимали участие черкесские военачальники: маршал Моджан Рауф-паша (по окончании войны главнокомандующий османской армией), Дилавер Карзег-паша – адмирал Дунайской морской флотилии, Ферик Туга Фуат-паша, получивший после войны звание маршала и должность заместителя главнокомандующего Османской армией. Один из последних черкесских предводителей времен Кавказской войны Хаджи Берзег Керендук (Герандук) в возрасте более 100 лет храбро воевал на Балканах, где командовал адыго-абхазо-убыхским кавалерийским отрядом (Кудаева С.Г., 2007).

Многочисленные архивные документы, впервые введенные в научный оборот Н. Бэрзэджем, подтверждают героизм адыгов-махаджиров в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Вновь, на этот раз на фронтах Русско-турецкой войны, столкнулись лицом к лицу казаки и черкесы. Турки особо отмечали героизм горцев в этом поединке.

В качестве подтверждения мужества и героизма горцев – потомков махаджиров приведем несколько рапортов турецких военачальников, относящихся к летней кампании 1877 г.:

Рапорт Ахмета Мухтар-паши главнокомандующему Османской армии (7 июля 1877 г.)

«Вчера утром противник выдвинулся в районе нашего правого фланга. В качестве подкрепления туда были направлены конные части. Кавалерийское сражение продолжалось около трех часов. *Неудержимая атака черкесских всадников заставила отступить кавалеристов противника...* Неожданное наступление противника силами более 6 тыс. всадников...В этом столкновении наши потери составили около 80 чел. убитыми и ранеными. Получили ранение командующий черкесской кавалерией Закерия-бей и майор Рашид-бей. Погибли командиры черкесских добровольцев Хаджи Мурат-бей и Хаджи Мустафа-бей. Враг потерял около 250 всадников».

Рапорт Ахмета Мухтар-паши командующему кавалерийской бригадой
Мустафе Джавид-паше (8 июля 1877 г.)

«Во вчерашнем кавалерийском сражении отличились черкесы. Храбрость и стойкость черкесских всадников достойны того, чтобы украсить страницы истории. Черкесские махаджиры с давних пор известны своим патриотизмом, и сегодня они еще раз доказали это. Мы были свидетелями их необыкновенного мужества, о чем доносим до Вашего сведения».

Рапорт Ахмета Мухтар-паши главнокомандующему Османской армии
(7 августа 1877 г. после сражения при Яхнилере)

«Какое удивительное мужество проявили черкесские кавалеристы-добровольцы, особенно полк черкесов из Карса и абазинский полк из Сиваса. Всадники мужественно, не зная усталости, так атаковали противника, что даже прославленным казакам и драгунам не оставалось ничего иного, как отступить. Потери черкесских добровольцев составили 49 чел. ранеными и 29 убитыми. У противника убито и ранено около 1500 чел.».

Рапорт Мехмета Хулюси-паши главнокомандующему Османской армии (Шипка, 24 августа 1877 г.)

«...Черкесские добровольцы здесь уже 5-6 раз спасали жизнь нашим солдатам. Да будет Аллах всегда благосклонен к ним!» (Кудаева С.Г., 2007).

Выше приведены свидетельства мужества черкесов, оставленные турецкими авторами, на стороне которых они сражались в 1877-1878 гг. Не менее интересны аналогичные свидетельства, но уже российских офицеров. Приведем лишь два из них, наиболее характерные. По мнению очевидцев, черкесская конница во время русско-турецкой войны, сражаясь на стороне турок, действовала довольно эффективно, применяя свои традиционные тактические правила: стремительные атаки; неожиданные отступления и притворное (обманное) бегство с целью наведения преследующего противника под артиллерийский и ружейный огонь пехотных цепей, скрытых батарей, засад; неожиданные контратаки и т. п. (Кушхабиев А.В., 2007).

Описывая действия черкесской конницы на стороне турок, А.В. Кушхабиев (2007. Вып. V. С. 286) из огромного числа хвалебных, восхищенных отчетов о действиях и боеспособности черкесских частей выделяет характеристику, данную царским военачальником, полковником А. Бильдерлингом, который, в частности, отмечал: «Вообще *надо отдать справедливость черкесам: выросшие в бою на Кавказе, они составляют лучшую часть кавалерии турок*. Посаженные на маленьких, быстрых, выносливых лошадях, оседланные легким казачьим седлом, без выюка, с магазинным ружьем и острой шашкой, неутомимые, предприимчивые, смелые в одиночном бою, они постоянно тревожили наши аванпосты, и мы многому у них научились. Вырастая как из земли и неожиданно нападая на отдельные посты и разъезды, они вмиг рассыпались и исчезали при появлении силы, никогда не принимая атаки. В бою черкес метко бьет. Убитых и раненых он не бросает и, во время самого дела необыкновенно ловко их подхватывает и увозит. Даже с убитых лошадей успевают снимать седла. Во время всей кампании не только ни один черкес живым не дался нам в руки, но и мертвые попадались нам редко».

Другой российский офицер, полковник И. Дукмасов (адыютант М.Д. Скобелева. – Авт.) записал эпизод сражения, характеризующий черкесскую тактику: «Против нашей сотни, на первом же гребне, находилась цепь черкесов, с которой мы изредка перестреливались. Я получил приказ отбросить эту цепь. Медленно начал я продвигаться со своими людьми вперед, постепенно учащая огонь. Черкесы сначала шагом отступали, затем быстро очистили фронт и навели нас на свою пехоту, которая и открыла по казакам сильный огонь. Волей-неволей пришлось остановиться, и я послал просить себе помощи». Еще один аналогичный отчет из воспоминаний того же полковника Дукмасова: «Я со своею полусотней находился в заслоне, который смело повел наступление на черкесскую цепь. Поняв хитрую тактику отступающих черкесов и безрас-

судность преследования, я вовремя поворотил своих людей. И действительно, только мы начали отступать, как черкесы быстро очистили фронт перед своею позицией, поскакав на фланги ее, и позади нас вдруг раздалась сильные ружейные залпы и орудийные выстрелы. Все это было так неожиданно и так дурно действовало на нас в нравственном отношении, что в рядах смущенных казаков произошел некоторый беспорядок, путаница, и наиболее трусливые бросились даже было наутек» (Цит. по: Кудасева С.Г., 2007). *Практически все российские офицеры подчеркивали, что черкесы составляли лучшую часть османской кавалерии...*

Приведенные факты, со всей очевидностью подтверждают сложившееся мнение о доблести и мужестве черкесов, вынужденных защищать свои семьи и жилища в местах своих новых поселений. Вместе с тем, нельзя не отметить, что во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отряды, сформированные из представителей северокавказских народов, участвовали в боях в составе Российской армии. Так, на Мало-азиатском фронте действовали, наряду с Дагестанским и Чеченским, также Кабардино-кумыкский конно-иррегулярный полк и Горская сотня Кубано-Горского иррегулярного полка (Кушхабиев А.В., 2007).

6.9.5.4. Мужество и стойкость черкесов на фронтах первой мировой войны

...4-я сотня Кабардинского полка имела славный 9-часовой бой с превосходящей численностью пехотой, укрепленной в окопах. Рад сообщить представителям Кабарды, что их сыны с честью и славой поддержали своих предков.

Из рапорта командира 4-й сотни В.К. Соколовского (1914).

Черкесы являются великолепными наездниками и блестящими воинами. Они всегда относятся с глубоким уважением к благородному происхождению, однако особое почтение испытывают к военным подвигам,

Мишель Сапен-Линьер (2008).

Не меньший интерес представляют эпизоды участия черкесов (на этот раз на стороне русских) на фронтах первой мировой войны. Особенное мужество здесь проявили горцы Кавказской туземной конной дивизии (так называемой «Дикой дивизии»).

В очерке «Горцы», опубликованном в газете «Львовское военное слово» (1915, 7 февр.), автор А.Е. Котомкин делится своими наблюдениями о тактике горцев в конной атаке, отмечает их умелые действия с холодным оружием и способность к разведывательным и диверсионным операциям в горных условиях: «И скачут они не тесной колонной, а редкой цепью, что исключает возможность наибольшего попадания в них пулями. Низко наклонившись к луке седла, они почти сливаются с лошадыю: и лошадь, и всадник представляют из себя одно целое. До остроты бритвы отточенные (у многих из дамасской стали) клинки описывают, точно пропеллер, круги в воздухе и кажутся бесчисленными молниями. Сабельный удар поразительно силен.

Как разведчики, горцы незаменимы, в особенности в Карпатах. Их невзыскательные к корму лошади до такой степени резвы и выносливы, что диву даешься, где кроется их сила. Ловкий, осторожный и зоркий горец в разведке творит невероятное. Много было случаев, что он не только разузнавал расположение противника, но еще умудрялся притащить на седле «снятого» им с поста часового и притом обязательно с полным вооружением – оружия, какого бы то ни было, горец никогда не бросит» (Цит. по: Дзагалов А.С., 2007. Вып. V).

Вообще, автор отзывается о горцах с большим восторгом: «Их пребывание в армии очень ценно, в особенности, когда эти лихие наездники-добровольцы успели приучиться к дисциплине. Особенная страсть горцев – к рукопашным схваткам. Обычно горцы образуют в рядах противника «просеки», затем поворачиваются лицом на обе стороны «просеки» и начинают беспощадно уничтожать врага. Фехтование доведено у них до совершенства и состязаться с ними в этом искусстве венгры не могут. Брать пленных горцы не любят. Они заставляют врага биться до последних сил с оружием в руках, рискуя при этом и своей жизнью. Несмотря на непрерывные участия в боях, потери горцев весьма незначительны, в особенности ничтожны потери у них при кавалерийских атаках, когда горцы неминуемо выходят победителями. Австрийские солдаты безумно боятся встреч с черкесами и всегда спешат скрыться при одном лишь признаке появления откуда-либо горцев», – завершает свое эссе А.Е. Котомкин (Цит. по: Дзагалов А.С., 2007. Вып. V).

Дополняет эту информацию О.Л. Опрышко (1993). Он отмечает, что в Австро-Венгрии, у деревни Ветлино, в предгорьях Карпат, в ночь с 17-го на 18 декабря 1914 г. всадники и офицеры Кабардинского конного полка приняли свой первый бой, *проявив исключительную храбрость*. После того боя пошла в Нальчик подполковнику Клишбиеву телеграмма из действующей армии от полковника Воронцова-Дашкова: «Рад сообщить о блестящей ночной схватке. Взяты нами пленные, оружие. Батальон противника понес большие потери. Паника. Бросив позицию, отступил». Телеграмма командира полка в Нальчике была размножена в копиях и разослана старшинам селений в Кабарде и обществ в Балкарии, всадники из которых вели бой с противником на австрийском фронте.

Вслед за сообщением полкового командира в Нальчик на имя начальника округа пришла телеграмма от командира 4-й сотни штабс-ротмистра В.К. Соколовского:

«В ночь с 17 на 18 декабря 1914 г. четвертая сотня Кабардинского полка имела славный 9-часовой бой с превосходящей численностью пехотой, укрепленной в окопах. Рад сообщить представителям Кабарды и Горского общества, что *их сыны с честью и славой поддержали своих предков*.

Смертью храбрых пали: Хату Анзоров, Асланбек Абаев, Амуш Шакманов, Исмаил Орков, Ибрагим Максидов, Люта Тумов, Диго Ходов и Хагуро Шагиринов. Ранены: юнкер Исхак Эльтухов, Крым Абаев, Тита Тарлоев, Беймурза Маремкулов, Мухажид Ансоков, Масхуд Цирхоев, Исмаил Охов, Хасанш Сохов, Иналукко Бетров, Таусултан Афаунов, Асланбек Исламов» (Опрышко О.Л., 1993).

До наших дней сохранилась народная кабардинская песня о героях этих боёв:

Мы смотрим на Кабарду, честь ее защищаем!
Государства великого мы защитники, мы выступаем...
Нас, кабардинцев, чтобы не позорили, мы наступаем...

6.9.5.5. Солдаты и офицеры Черкесского полка на службе Сирийского правительства

Черкесы являются великолепными наездниками и блестящими воинами. Они всегда относятся с глубоким уважением к благородному происхождению, однако особое почтение испытывают к военным подвигам...

Мишель Сапен-Линьер (2008).

И вновь черкесы – потомки махаджиров принимают участие в военных действиях, на этот раз на службе Сирийского правительства в 1920-1946 гг. Своими впечатлениями о мужестве солдат и офицеров Черкесского полка делится очевидец – француз Мишель Сапен-Линьер (2008):

«Черкесы являются великолепными наездниками и блестящими воинами. Они всегда относятся с глубоким уважением к благородному происхождению, однако особое почтение испытывают к военным подвигам, причем до такой степени, что по погибшим в бою, чьи высокие заслуги облагораживают всю родню и близких, не носят траур. И, напротив, семья, в которой нет воина, способного сражаться и защищать ее честь, считается несчастной и достойной жалости.

Черкесы любят красивых лошадей, чьи ноги вернее, чем у козули. Благодаря грациозным лихим скакунам они легко взбираются на вершины крутых склонов и застают противника, нередко превосходящего их по численности, врасплох. Особую любовь вызывает у черкесов красивое оружие. Они посвящают стихи своим кинжалам, воспевая их, как возлюбленную, а в бой идут, как на любовное свидание. Самое страшное проклятие у черкесов звучит так: «Чтобы твой кинжал заржавел (без дела)» (Мишель Сапен-Линьер, 2008).

В подтверждение автор приводит несколько официальных документов:

ПРИКАЗ № 78 от 22 ноября 1924 г.:

«Генерал Бийотт, командующий 2-й дивизией Ближневосточной армии, объявляет благодарность 1-му эскадрону Сирийской Республиканской Гвардии.

Первый эскадрон Республиканской Гвардии («Черкесский») под командованием лейтенанта Колле, а также офицеров, лейтенантов Тауфик-бея и Осман-бея, *продемонстрировал необычайную стойкость и самоотверженность при выполнении возложенных на него ответственных и рискованных боевых заданий*. С июля 1922 г. произошли 10 столкновений с группировками четников в казах (селениях) Идлиб, Джисрэш-Шугур, Арим и Кирик-Хан, в ходе которых было уничтожено, выведено из строя и захвачено в плен большое количество бандитов.

Весьма весомый вклад в процесс ликвидации волнений, повстанческих умонастроений местных жителей и восстановления порядка внесен с присущей Черкесскому эскадрону энергией и самоотверженностью в апреле 1924 г. в районе Хаджилара. В ходе осуществлявшихся операций по разоружению эскадрон изыął более 3000 винтовок и 80000 патронов. При любых обстоятельствах эскадрон проявил себя в качестве первоклассного вспомогательного подразделения, продемонстрировав абсолютную преданность своему французскому командиру».

ПРИКАЗ № 367 от 7 ноября 1925 г.:

«Главкомандующий Ближневосточной армией объявляет благодарность и представляет к награде Военным крестом Черкесский эскадрон.

Под командованием лейтенанта Колле эскадрон принял участие во всех операциях в провинции Джебель-Друз в сентябре-октябре 1925 г. и *продемонстрировал образец смелости и дисциплины*. Действуя в авангарде, часто в отрыве от основных сил, неизменно одерживал победу над противником благодаря удивительной предприимчивости и отваге командира.

24 сентября стремительным марш-броском эскадрон ворвался в Сувейду, тогда еще занятую врагом, вихрем пронесся по поселку и до прибытия колонны восстановил связь с цитаделью. 3 октября в Аере блестяще взял приступом селение и потеснил друзские подразделения к источнику, который занял раньше, чем враг успел опомниться. 8 октября эскадрон первым проник в Сежан, несмотря на массированный обстрел со стороны противника, находившегося в хорошо защищенном укрытии.

Будучи чрезвычайно мобильным и необычайно маневренным, эскадрон неизменно осуществляет наиболее значительные операции по ликвидации повстанческих группировок в окрестностях Дамаска. В ночь со 2 на 3 ноября, находясь в ночном дозоре в Калаат-Джендале, эскадрон был атакован десятикратно превосходящими силами противника, однако нападение было отражено, и враг понес тяжелые потери».

ПРИКАЗ №527 от 16 марта 1926 г.:

«Главкомандующий Ближневосточной армией объявляет благодарность и представляет к награде Военным крестом Черкесский полк.

Черкесский полк под командованием отважного лейтенанта Колле, эскадронных командиров, лейтенантов Бютри и Эршена, и их помощников, черкесских капитанов Тауфик-бея и Осман-бея, с момента своего образования (1 ноября 1925 г.) принял участие во всех операциях, осуществлявшихся в районе Дамаска. За четыре месяца полк провел 12 тяжелых боев, в ходе которых захватил у повстанцев: знамя (Богата, 1.12.1925), пулемет (Хараста, 14.12.1925), 37-мм орудие (Эшрафье, 14.12.1925), большое количество винтовок, тем самым нанеся противнику значительный урон.

Действуя самостоятельно или совместно с регулярными войсками, полк *превосходил врага яростью атак и смелыми маневрами*. Став в руках командира совершенным, не знающим себе равных орудием войны, группа особенно отличилась 3, 4 и 5 марта 1926 г. в ходе военных операций по возобновлению и замене гарнизонов Дума и Отайя. Трижды черкесы сходились в рукопашной схватке, вытесняя бандитов с занимаемых позиций; последние оставили 50 тел на поле боя».

ПРИКАЗ №725 от 7 октября 1926 г.:

«Главкомандующий Ближневосточной армией объявляет благодарность и представляет к награде Военным крестом группу Черкесских эскадронов (13-й, 27-й и 28-й) под командованием капитана Колле.

Блестяще проявив себя в ходе военных операций в Гуте в июле 1926 г., группа снова отличилась 22 августа, став врасплох и уничтожив повстанческую группировку в Джебель-Беркуте (Восточный Хермон). Далее, участвуя в боевых действиях в Антиливане, 8 сентября успешно атаковала объединенные силы банд Аккаша, эмира Иззеддина и Саида аль-Касса близ Мараба. После тяжелого 2-часового сражения повстанческие группировки, оставившие на поле боя 45 убитых и 25 трупов лошадей, были окончательно рассеяны и обращены в беспорядочное бегство. В ходе настойчивого преследования захвачено двое пленных, 25 лошадей и 1 пулемет.

Два дня спустя, 10 сентября, близ Бир-джебаба, группа атаковала банду Тауфика Айдар, укрепившуюся на гористых, труднодоступных вершинах, которую в результате жестокой битвы обратила в беспорядочное бегство. Повстанцы потеряли 9 чел., 1 был взят в плен, захвачены 7 лошадей и значительное количество вооружения».

ПРИКАЗ №790 от 2 декабря 1926 г.:

«Главкомандующий Ближневосточной армией объявляет благодарность и представляет к награде Военным крестом 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 19-й, 27-й и 28-й Черкесские эскадроны, 9-й эскадрон мобильной гвардии и 5-й эскадрон под командованием капитана Колле.

Элитные боевые подразделения нанесли сокрушительное поражение самым организованным повстанческим группировкам Сирии в Гуте и районе Дамаска 23, 24 и 25 октября 1926 г. Вдохновляемые капитаном Колле и черкесскими капитанами Осман-беем и Рефик-беем (геройски пали в ходе операции), Фуад-беем (получил ранение), Айдар-беем, Тауфик-беем, Бешир-беем, атаковали с поразительным пылом объединенные отряды Иззеддина, Фаузи, Шакиба Уахаба, насчитывавшие более 250 повстанцев.

В ходе многократных ожесточенных схваток, проводимых с не знающей себе равных яростью, переходивших в рукопашную и сопровождавшихся преследованием через крайне труднопроходимую местность, повстанцам было нанесено окончательное поражение. Бандиты вынуждены были бежать с поля боя, оставив 96 трупов, среди которых 8 командиров; захвачено 5 пленных, 4 станковых пулемета, 3 – ручных, 85 винтовок и прочее вооружение.

Черкесские эскадроны тем самым добавили еще одну яркую страницу в свою славную историю».

ПРИКАЗ № 8003 от 20 декабря 1927 г.:

«Военный министр Французской республики объявляет благодарность и представляет к награде Военным крестом за участие в боевых действиях на внешних театрах военных действий 13-й и 19-й Черкесские эскадроны легкой кавалерии и 56-й эскадрон мобильной гвардии.

Первоклассные вспомогательные части – эскадроны под командованием капитана Колле, лейтенантов Юло, Пепонне, Перрье и Кристена – нанесли решительное и окончательное поражение повстанческой группировке эмира Иззеддина. После сокрушительного удара, нанесенного по группировке 17 мая 1927 г. близ фермы Бала, 13-й и 19-й эскадроны легкой кавалерии и 56-й эскадрон мобильной гвардии в течение двух последующих дней непрерывно преследовали ее остатки. Настигнув 19 мая в районе Албуна главные силы отступавших во главе с эмиром Иззеддином, эскадроны дали еще один бой, в ходе которого офицеры и кавалеристы словно состязались в поразительной храбрости.

Благодаря своим выдающимся воинским качествам эскадроны причинили существенный урон врагу, потерявшему 40 чел. убитыми, в том числе эмира Иззеддина и двух его лейтенантов, 20 – ранеными и 12 пленными; а также захватили значительное количество вооружения, нанеся окончательное поражение повстанческой группировке» (Мишель Сапен-Линьер, 2008).

И позже, во второй половине XX столетия, немало имен черкесских офицеров вошло в военную историю независимой Сирии. Среди них – отличившиеся в арабо-израильских войнах и получившие правительственные награды: генерал Мемдух Абаза, возглавлявший Военно-воздушные силы Сирийской арабской республики (САР) в 1980-1982 гг.; генерал-лейтенант Ауад Баг – в прошлом заместитель министра обороны; генерал Бадруддин Тагир Бажнук; генерал Исса Апиш – в прошлом директор военного (танкового) училища в Хомсе; генерал бронетанковых войск Рияд Халид Цей; генерал Сайд Баратар; генерал службы безопасности Уалид Абаза; генерал Сами Баг; генерал Омар Шапсуг; генерал Нури Бас-сам; генерал Мухаммед Шеркас и др. В настоящее время в армии и полиции САР служат 35 генералов-черкесов (Кушхабиев А.В., 2007).

6.9.6. «В поисках славы и добычи»: у истоков средневекового черкесского рыцарства

Нынешнее состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии в античной Греции.

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839).

Ведь мы – дети тех гордых горных рыцарей, которые сошли с арены жизни. Да не помрачим их героической памяти!

С. Синохов (1887–1966).

Истоки средневекового черкесского рыцарства восходят, по мнению А.П. Хабаху (2000), к тяжелейшему периоду адыгской (как и русской) истории – к татаро-монгольскому игу. Он отмечает, что численность адыгов в это время была, по всей видимости, довольно высока: наши предки занимали территорию в половину Северного Кавказа, а численности феодальной конницы хватало не только на оборону этих обширных земель, но и на дальние походы. Кроме того, черкесское феодальное общество к XIII в. начало выдавать на сторону излишек воинов – дворянских детей, которым не находилось применения на родной земле.

Иоанн де Галонифонтибус в 1404 г. писал: «Зихи – народ чрезвычайно талантливый и способный к различным делам, но не в своей собственной стране». Черкесское воинство «не довольствовалось репутацией воина храброго, бесстрашного, смелого, предприимчивого, испытанного всякого рода лишениями и невзгодами, но метило гораздо дальше, добываясь вместе с тем славы благородного, великодушного рыцаря». (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

«Черкесы были скитающиеся рыцари», – писал академик П.С. Паллас (1793). Ватаги этих всадников, этих «странствующих рыцарей» рыскали по всему Кавказу и Восточной Европе в поисках славы и добычи. Черкесские всадники сражались в XIII–XVI вв. одновременно в Азии, Европе и Африке, покрыв свое имя неувядаемой славой бесстрашных и искусных воинов.

«Черкес благородно представляет на Кавказе последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы средних веков... Храбрость, ум, замечательная красота: природа дала им все, и чем я особенно восхищалась в их характере – это холодное и благородное достоинство, которое никогда не опровергалось и которое у них сочеталось с чувствами наиболее рыцарскими и с горячей любовью национальной свободы», – восклицала много позже Хоммайре де Гель. «Рыцарями Кавказа» называл черкесов брат известного театрального деятеля В.И. Немирович-Данченко (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С.33; 165).

Приведем лишь несколько фактов поистине рыцарского отношения черкесов к своим противникам, относящихся к правлению мамлюкской династии в Египте.

В результате военных действий мамлюков против вторгнувшихся в Египет франков-крестоносцев в феврале 1250 г. большая часть последних во главе с самим королем Людовиком была взята в плен. *Однако французы не были казнены, – черкесы-мамлюки за выкуп освободили из плена Людовика, королеву Маргариту, брата короля Альфонса, а также 12 тыс. франкских воинов.* Людовик со своим воинством беспрепятственно ушел в Аку. «Это был поистине благородный, рыцарский жест со стороны мамлюков и их предводителей», – пишет А.П. Хабаху (2000).

Не менее впечатляющий и такой факт, относящийся к знаменитой битве при Пирамидах – вторжению 21 июля 1798 г. армии Наполеона в Египет. Мамлюков было не более 12 тыс., тогда как французов более 30 тыс. *Мамлюки ни разу не воспользовались возможностью напасть на французов ночью, когда, при своем умении орудовать саблей и кинжалом, они могли бы тихо вырезать всех или почти всех.* Но «рыцарям Кавказа» сама эта мысль, по всей видимости, не приходила в голову. Большинство их погибло в открытом бою (Кушхабиев А.В., 2007). И такие факты можно многократно умножить.

Б.Х. Бгажноков (1999) считает, что дальние походы рыцарей-наездников с целью грабежа, известные под названием «зеклуэ», по своей значимости в экономической и духовной жизни Черкесии – одна из самых важных страниц ее истории. И далее Б.Х. Бгажноков развивает эту мысль. Как отмечает историк, в период феодализма в социальной структуре адыгского общества доминирующее положение занимал класс профессиональных воинов – странствующих рыцарей – *уэркъ*. В некоторых областях Черкесии (в Кабарде, Бесленее, Темиргое, Бжедугии, Хатукае и др.) он составлял едва ли не треть всего населения. Уорки несли службу у князей – *пиш* и первостепенных дворян – *лакьуэлэш*. Принимая рыцаря на службу, князь или тлекотлеш одаривал его боевым конем, оружием, земельным участком, рабами, крепостными. Этот дар так и назывался: *уэркъ тин* – «дарение рыцарю». Условия несения военной службы закреплялись присягой: уорк давал клятву служить сеньору верой и правдой, считая его врагов своими врагами. Деревням с подвластным уорку населением присваивалось имя их владельца, что поднимало авторитет воина, престиж рыцарского звания.

Свобода и жажда славы – вот два идеала средневековых черкесских рыцарей. Герой одноименной повести Хан-Гирея Бесльный Абат говорит: «Наши черкесы, ей-богу, храбрее всех народов на свете и безрас-

суднее; никто их не посылает на войну против их воли, а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно». Рыцарские нравы эпохи средневековья сохранились у адыгов почти до наших дней; особо они проявили себя во время Кавказской войны – войны за независимость своей Родины.

Многие источники сообщают, что, несмотря на вполне объяснимое ожесточение с обеих сторон, характерное для сурового военного времени, адыги сохраняли свое исконное благородство. История Кавказской войны знает много случаев, когда гибли в бою прославившиеся своей храбростью русские офицеры, и черкесы, проявляя уважение к их мужеству, посылали на похороны своих представителей; в честь павших три дня сохраняли перемирие, а по павшему герою, несмотря на то, что он враг, устраивали у себя прощальные пиры.

Именно подобный рыцарский дух, который, по словам А.-Г. Кешева, «жил в их крови и отражался в их действиях», в конечном итоге обернулось против горцев. Как писал российский офицер И. Дроздов, очевидец и участник войны на Западном Кавказе, писал: *«Рыцарский образ ведения войны, постоянно открытые встречи, сбор большими массами – ускорили окончание войны. Если бы способный руководитель в состоянии был растолковать горцам их бессилие и, вооружаясь им, из-за угла встречать наступление русских отрядов, то, вероятно, война не окончилась бы так быстро»*... (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Как отмечает Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839), «...черкесов обычно представляют как некое собрание разбойников, дикарей, не имеющих ни веры, ни закона: это мнение ошибочно. Нынешнее (1839 г.) состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии в античной Греции. Племена Кавказа представляют обычно редкий пример того постоянства, с каким некоторые народы сохраняют свои древние нравы: что делалось за тысячу лет до нашей эры, то делается и сейчас. Ни одно из первобытных племен не осталось более верным своим античным нравам, чем черкесское».

6.9.6.1. «Черкесия... единственная рыцарская страна Кавказа»

В их (адыгов) обычаях так много рыцарского и прекрасного, что это трудно себе представить...

Карл Кох (1842).

Мы выделяем Кабарду как самую большую рыцарскую страну Кавказа, а вкупе с Западной Черкесией, как единственную рыцарскую страну Кавказа и даже всего обширного региона к востоку от Речи Посполитой и к западу от Японии.

С.Х. Хотко (2008).

Именно в Кабарде наиболее сконцентрированное выражение получает рыцарский образ Черкесии, – отмечает С.Х. Хотко (2008). – ...Мы выделяем Кабарду как самую большую рыцарскую страну Кавказа, а вкупе с Западной Черкесией, как единственную рыцарскую страну Кавказа и даже всего обширного региона к востоку от Речи Посполитой и к западу от Японии.

Влияние кабардинцев на соседние народы в эпоху средневековья и более поздние столетия, по мнению Р.Ж. Бетрозова (1991), объясняется наличием у них традиционной древней культуры (в частности, этикета) и наиболее высокого уровня феодализации.

«В XVI–XVIII вв. Кабарда, переживавшая расцвет феодализма, достигла значительного могущества и получила преобладающее влияние на Северном Кавказе, – пишет В.И. Абаев, – Эпитет «кабардинский» был в это время синонимом аристократической изысканности и коммифотности (фр. *comme il faut* – «как надо», «приличный, прилично»).

Авторы разных времен, говоря об адыгах, отмечали их храбрость, рыцарство и великодушие. Так, академик П.С. Паллас (1793) писал о черкесах: «Это род рыцарей, которые поддерживают между собой и в отношении подданных настоящую феодальную систему, подобную той, которое немецкое рыцарство ввело раньше в Пруссию и Лифляндию, с еще большей строгостью и бесчеловечностью».

«Черкесы благородно представляют на Кавказе тот рыцарский и воинственный дух, который пролил столько блеска на народы средних веков. Храбрость, ум, красота: природа дала им благородное достоинство, которое никогда не опровергалось и которое у них сочеталось с чувствами наиболее рыцарскими и с горячей любовью национальной свободы», – отмечал Ксавье Омер де Гель (1812-1848 гг.), французский геолог и путешественник («Хасэ», 2009, № 1-4, февр.-март. С. 4).

Карл Кох, немецкий ученый-биолог, в 30-е и 40-е гг. XIX в. совершивший два продолжительных путешествия по Кавказу, писал о своих впечатлениях о кабардинских обычаях: «В их обычаях так много рыцарского и прекрасного, что это трудно себе представить. О рыцарском духе, воодушевляющем их, я уже имел возможность говорить, а также о том, как он напоминает то время, когда у нас в Европе, а больше всего на юге Франции, царили храбрость и мужество; что касается состояния музыки у черкесов, то оно в еще большей степени позволяет сделать подобное сравнение». По словам Дюбуа де Монперэ (1839), законы черкесского рыцарства базируются на трех основных принципах: гостеприимство, уважение к старшим и право

мести. Он заметил, что у черкесов уважение к старикам или, наконец, ко всякому человеку, который старше по возрасту, таково, что когда он входит, все обязаны встать, будь даже этот человек ниже вас по положению. Это практикуется как среди мужчин, так и среди женщин.

И.Ф. Бларамберг (1840) дополняет: «Из всех горских племен кабардинцы завоевали наиболее громкую известность благодаря своему рыцарскому и воинственному духу, храбрости, проявленной ими в борьбе против крымских татар и в других исторических ситуациях, а также в силу того главенствующего положения, которое они занимали по отношению к своим соседям» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

Ф. Бодеништедт (1859): «Происхождение адыге восходит ко временам самым отдаленным; их рыцарские чувства, их нравы патриархальной чистоты, их поразительно прекрасные черты ставят их бесспорно на первый ряд свободных народов Кавказа».

Представляет интерес следующее свидетельство современника, относящееся к завершающей стадии Отечественной войны 1812 г. «Улица Сент Оноре, – приводит *А. Валлоттон* воспоминания очевидца оккупации Парижа союзной армией в 1813 г., – выглядела совершенно необычно, – по ней прогуливались... черкесские вожди, рожденные у подножья Кавказа, с головы до ног в блестящих стальных кольчугах и остроконечных шлемах, точь-в-точь таких, что носили рыцари в Англии в XII и XIII вв.» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008. С. 112). Первый же взгляд на черкесов, облаченных в «норманнские», рыцарские доспехи, побуждал ученого аристократа с Запада, к поискам древних связей между народами Западной Европы и Кавказа: «Ясно, что черкесы не первобытное племя, – восклицает барон *Август фон Гакстгаузен* в 1855 г., – Удивительная легкость лошадей, необыкновенное проворство всадников, рыцарское вооружение и одежда, представляли оригинальное и прекрасное зрелище... Жители неоспоримо красивейшие из всего света и, в самом деле, не без основания славятся среди европейских народов своим происхождением от кавказского племени... Эта страна имеет такой богатый запас материалов, что дальнейшие исследования их могут бросить ясный свет даже на некоторые страны Европы».

«Их (черкесов) храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славилось, как красота и грация их мужчин и женщин» (Энциклопедический словарь *Ф.А. Брокгауза* и *И.А. Ефрона*. Т. XXXVIII. – СПб., 1903. С. 580-582).

Мориц Вагнер, посетивший Кавказ в 1843-1846 гг., употребляет термины «уорк» и «рыцарь» как синонимы: «Черкесская знать, то есть уорки-рыцари, составляют самое большее пятую часть, а, по мнению некоторых знающих русских, может быть, только десятую часть многочисленного народа адигэ. Они одни имеют наследственную земельную собственность, рабов и голос в совещательных собраниях. Только эти уорки и еще более знатные представители княжеских домов (пши) могут претендовать с полным правом на далеко распространенную молву о черкесской красоте. Это аристократическое сословие пренебрегает всяким родством с плебеем, даже когда он свободный человек и сделался богатым благодаря торговле. Знатный черкес сватается только за дочь равной ему по происхождению семьи и сохраняет этим чистоту расы, благородство крови и фигуры, красоту лица, рыцарскую гордость в осанке и особенную утонченность в движениях, манерах и разговоре...». Это описание ценно для нас тем, что немецкий автор определяет уорков именно как рыцарей и подчеркивает манерность, утонченность их поведения.

Дополняет эту информацию *А.П. Хабаха* (2000): «Ватаги этих всадников, этих странствующих рыцарей рыскали по всему Кавказу и Восточной Европе в поисках славы и добычи. Костяк этих отрядов составляли уорки – младшие дворяне, и можно предположить, что знаменитое малороссийское слово *урка* произошло от адыгейского «уорк» (Согласно современному «Словарю жаргонизмов», *урка*, *уркаган* – это хулиган, уголовник, «дерзкий преступник-рецидивист, занимающий видное положение в преступной группе». Впрочем, оставим это сомнительное предположение о взаимосвязи термина *уорк-урка* на совести автора. – *Авт.*). Черкесские всадники сражались в XIII-XVI вв. одновременно в Азии, Европе и Африке, покрыв свое имя неуываемой славой бесстрашных и искусных воинов».

Отношения уорков между собой и с другими сословиями определялись и регулировались обычным феодальным правом. Но дополнительно к этому сложились и действовали такие институты, как *уэркъыгъэ* – рыцарская этика (или рыцарский моральный кодекс) и – *уэркъ хабзэ* – рыцарско-дворянский этикет (Бгажноков Б.Х., 1999).

6.9.6.2. Кодекс чести адыгского рыцарства – *уэркъ хабзэ*

Племя это (адиге) может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства...

А.-Г. Кешев (Каламбий) (1871).

Адыгский этикет, проникнутый духом рыцарской чести и жесткой дисциплины, не прочь были воспринять соседние кавказские народы...

Б.Х. Бгажноков (1978).

Для адыгов характерна необычайная чувствительность к общественному мнению. Именно на этой почве, как отмечают авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 556), вырос специальный кодекс чести адыгского рыцарства – *уэркъ хабзэ*, во многом напоминающий кодекс чести японских самураев –

бусидо. По сей день бусидо оказывает воздействие на поведение японцев, что напоминает ситуацию в адыгском обществе, в котором для воинов (и не только для них!) характерно желание быть и слыть мужественным, чтобы удовлетворить ожидания группы, добиться таким образом признания и авторитета.

В чем же особенность рыцарской этики, как выглядит она на фоне общеадыгской этики, или адыгства? Странно, но на первый взгляд каких-либо существенных различий нет. *Уэркьыгъэ* строится на тех же заповедях, что и *адыгагъэ*: человечность, почтительность, мудрость, мужество, честь.

Б.Х. Бгажноков (1981; 1983) обращает внимание на повышенные требования, предъявляемые к рыцарю. В системе *уэркьыгъэ* круг обязанностей, связанных с каждым из названных принципов, был гораздо шире, разнообразнее и жестче, чем в общеадыгской этике. Например, до аскетизма доходило отношение к некоторым элементарным потребностям и желаниям: предосудительным считались сооружение благоустроенных жилищ, страсть к нарядам, излишнее любопытство, жалобы на трудности, недомогание, холод, голод, жару. Мало того, дожить до седины – и то казалось постыдным. Полагалось принять смерть в молодом или юном возрасте, совершая очередной подвиг, то есть прожить жизнь короткую, но яркую, полную опасных приключений. Все это свидетельствует о том, что быть и оставаться истинным уорком было чрезвычайно трудно. И отсюда сентенции типа: *Уэркьыгъэ дэгъэзеигъуэ кӀыхьыц* – «Рыцарская этика (рыцарство) – трудный подъем»; *Уэркь бгы задэц* – «Рыцарство – отвесная, неприступная скала»; *Уэркьыгъэр абрэ мывэм хуэдэц* – «Рыцарство – ноша, подобная каменной глыбе» (Бгажноков Б.Х., 1999).

6.9.6.3. «Князья... были элитой адыгского рыцарства и самыми ревностными хранителями и носителями рыцарской этики»

В эти времена варварства гордый князь Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа.

О.Л. Опрышко (2007).

В XIX в. у всех на устах были имена таких князей и дворян, как Атажуко Магомет, Ажгери Кушук, Заноко Карабатыр, Хирциж Али, Шеретлоко Гузбеч (Казбич) и др. ...Великодушные и ум, изысканные манеры и красноречие, необычайная храбрость и стойкость снискали им славу первых рыцарей Черкесии и Кавказа.

Б.Х. Бгажноков (1999).

У С. Броневского, можно встретить интересную мысль, относящуюся к началу XIX в.: «Кабардинские князья считают себя по рождению и по делам своим первыми рыцарями не только между черкесами, но и между всеми кавказскими народами. В самом деле, нельзя отрицать сего первенства, кабардинским чванством (?!. – **Авт.**) увеличенного».

Такая оценка собственного социального статуса, по весьма спорному мнению З.А. Кожева (2005. Вып. I), якобы «...не позволяла кабардинским князьям претендовать на сюзеренную власть над феодальными владениями Черкесии, – ведь княжеские династии, правившие ими (за исключением жанеевских, бжедугских, махашевских), как и кабардинские владельческие фамилии, вели свою родословную от единого предка – Инала»

С этой точки зрения ценно свидетельство Б.Х. Бгажнокова (1999), который обращает внимание на следующий факт: «Что касается князей (пши) и первостепенных дворян (тлектотлешей), то они не были уорками в собственном, сословном смысле этого слова. Тем не менее, именно князья считались и на самом деле были элитой адыгского рыцарства и самыми ревностными хранителями и носителями рыцарской этики, ничуть не уступая в этом отношении уоркам». Хорошо иллюстрирует эту мысль приведенный в работе О.Л. Опрышко (2007) пример, относящийся к середине XVI столетия. Как отмечает историк, в сознании и памяти кабардинского народа имя Темрюка вот уже несколько веков овеяно легендами и сказаниями. «Душа его пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возродить древнюю славу адыгского народа... – рассказывается в одном из сказаний, записанных Ш. Ногмовым. – Он презирал удовольствия роскоши... *Гекуоки* (народные певцы-сказители. – **Авт.**) сохранили для потомства еще одну прекрасную черту его характера: князь Темрюк Идаров никогда не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: «Иду на вас!». *В эти времена варварства гордый князь Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа.*

В XIX в. у всех на устах были имена таких князей и дворян, как Атажуко Магомет (Махамат-аш), Ажгери Кушук, Заноко Карабатыр, Хирциж Али, Шеретлоко Гузбеч (Казбич), Шеретлоко (Куаджаберд) Махамат и др. Великодушные и ум, изысканные манеры и красноречие, необычайная храбрость и стойкость снискали им славу первых рыцарей Черкесии и Кавказа. Суровый образ жизни этих героев дополнялся некоторыми очень существенными для той эпохи деталями. К примеру, Махамат-аш великолепно играл на двухструнной скрипке, исполняя героические песни; Шеретлоко Гузбеч (Казбич), прозванный Львом Черкесии, был известен как один из лучших танцоров, о чем писал в свое время Дж. Белл (1837). Характеризуя

Ажгирея Кушук, всегда отмечали, что это защитник чести и достоинства черкесских женщин. В 1824 г. он, преодолев расстояние более 400 км, явился в аул Астемирова в Малой Кабарде, чтобы вызволить взятую Астемировым в наложницы жену погибшего князя Али Карамурзова – Эльмесхан. Кушук вызвал Астемирова на дуэль, застрелил его, затем вернулся за Кубань вместе с Эльмесхан.

Разумеется, *не был чужд высоким принципам и идеалам рыцарской этики и этикета и простой народ Черкесии*. Он перенимал и осваивал традиции рыцарской культуры, приспособляя их к условиям повседневного мирного быта. Поэтому уорками называли часто и крестьян, отличавшихся щедростью, великодушием, храбростью, верностью данным обязательствам, хорошими манерами. Л.И. Лавров (1936. С. 133) после поездки в Причерноморскую Шапсугию не зря подчеркивал: «В настоящее время это слово употребляется среди них не в социальном смысле, а в моральном: человек хорошего поведения, человек, строго придерживающийся предписаний адата». Это свидетельствует лишний раз о цивилизующей роли рыцарства, о мощном и в целом благотворном воздействии его на все слои адыгского общества. Без всякого преувеличения можно сказать, что по своему строю, по характеру предъявляемых требований и образцов поведения *адыгагъэ* является во многом или в основном рыцарской этикой. То же касается и традиционного адыгского этикета, который несет в себе лучшие черты *уэркъ хабзэ* (Бгажноков Б.Х., 1999).

6.9.6.4. «Не следует и идеализировать рыцарскую этику...»

По своей сути уэркъыгъэ – типично максималистская этика. Чтобы отвечать в полной мере ее требованиям, необходимо было проявлять повседневный героизм, что многим было не по плечу и, более того, зачастую было не под силу человеку.

Б.Х. Бгажноков (1999).

Б.Х. Бгажноков (1999) пишет, – «Не следует и идеализировать рыцарскую этику. Уже в XVIII в. она была своего рода анахронизмом, препятствовавшим социальному развитию адыгского общества, организованному и эффективному противостоянию экспансии царских войск на Кавказе. Дело в том, что по своей сути *уэркъыгъэ* – типично максималистская этика. Чтобы отвечать в полной мере ее требованиям, *необходимо было проявлять повседневный – подчас ничем не оправданный – героизм*, что многим было не по плечу и, более того, зачастую было не под силу человеку.

Несомненный интерес представляют размышления Б.Х. Бгажнокова (1999) о дальнейшей судьбе рыцарской этики – *уэркъыгъэ* и рыцарско-дворянского этикета – *уэркъ хабзэ*. После окончания Русско-Кавказской войны и также несмотря на последовавшую за этим отмену крепостного права и домашнего рабства, адыгские князья и дворяне сохраняли значительную часть своих прав и привилегий. Пши и уорки были приравнены в полном объеме к русским князьям и дворянам, что создавало условия для сохранения основ рыцарско-дворянской этики и этикета. Претерпев некоторые изменения, эти институты продолжали оказывать прямое и ощутимое воздействие на духовную жизнь адыгского общества. Во всяком случае, так было вплоть до начала 20-х гг. XX столетия. После известных событий данного периода, когда почти вся элита адыгского общества была уничтожена, казалось, уничтожена вместе с ней и рыцарская этика. Но это не совсем верно. Принципы и нормы рыцарской этики и этикета и по сей день оказывают воздействие на мышление и поведение адыгов, хотя в значительной мере только опосредованное и часто не вполне осознаваемое. Роль связующего звена и механизма сохранения такой преемственности выполняет общеадыгская этика – *адыгагъэ* и традиционный адыгский этикет – *адыгэ щэнхабзэ*.

Потеряв юридический статус и смысл, *адыгэ хабзэ* тем не менее не утратил своего значения как «вмещатель» этикетных и обрядовых норм. Он остается системой живых традиций общения, в том числе и традиций рыцарско-дворянского этикета. Именно с их помощью реализует себя один из пяти важнейших принципов адыгской этики – *нэмыс* («почтительность») (Бгажноков Б.Х., 1999).

6.9.7. «В семье не без урода»: неприглядные факты предательства горцами своих соотечественников

Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят...

Евангелие от Луки (21:16).

«ТхъэгъэпцI дамыгъэ» – у адыгов знак (клеймо) предателя, труса, клятвопреступника.

Х. Яхтанигов (1993).

Отдавая должное героизму и мужеству адыгов в борьбе с иноземными захватчиками, их беззаветной любви к своей Родине, царский генерал Л.В. Симонов не мог не отметить, что «...вместе с тем, другим черкесам не

чужды были увлечения прислужиться русским из корыстных видов, как например, сын известного Хаджи Догомукова – Хаджи Бабуков, а также Эльбуз и Хуаз-Хадж». Не случайно в «Плаче адыгов» есть скорбные строки:

*Пыидзэм теклоу ышыгыгэхэр
Езыгышыгыгэхэр тэ тыцыц –
«Победы вражеских войск одержаны
И с помощью наших предателей».*

Существование этих «наших предателей» подтверждается документально. М. Владыкин свидетельствует: «Из их (горцев) перебежчиков был образован целый отряд так называемых «всадников»; эти-то всадники и водили русские войска на разорение своих родичей. Ничто не могло сравниться со свирепостью этих извергов-грабителей, которым, однако же, по окончании войны должны были нарезать богатые участки за верную службу».

Политику царизма по «вербовке» горцев на борьбу против своих же соплеменников хорошо раскрывает фрагмент из «Отношения генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича к вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде», № 1102 от 5 июня 1831 г.: «Содержать от каждого покоренного нами общества некоторое число конных и пеших вооруженных горцев, кои были бы всегда в готовности вместе с нашими отрядами *действовать против непокорных и ослушных* (т. е. непослушных. – **Авт.**), *награждая их по заслугам*. Мера сия отчасти приводится уже в действие» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С.47).

Приведем несколько фактов использования русским командованием горцев в качестве проводников. Так, кабардинец Пачев был «обласкан всеми ими, приведен к присяге на верное подданство и оставлен при русском отряде волонтером». С этого времени, как отмечают очевидцы, он начал оказывать «непоколебимую преданность правительству, узнавал в среде родины своей тайные замыслы, о чем заблаговременно предостерегал кордонных начальников; мог доставить все средства русскому отряду на покорение народа кабардинского». Дальнейшая судьба предателя-стукача была плачевной. Как он сам жаловался русским властям, «...но не избег я на целую мою жизнь врагов из соотечественников, достигаю крайнего угнетения».

«Вожатыми» во время карательных экспедиций в Кабарде были также уздени Хажимет Кожоков и Бармамытов. Последний «после услуги этой, будучи сильно гоним соотечественниками своими, должен был скрываться вне Кабарды, но несмотря на это, продолжал исполнять все возложенные на него поручения по долгу службы своей». За особые услуги царское правительство наградило его крупным земельным участком. Кроме того, в расходной ведомости за январь-февраль 1822 г. мы находим запись: «Уздению Бармамытову куплены новые сапоги к походу». В этом же перечне есть и такие строки: «Шерданову за его полезные заслуги подарена зрительная труба; узденю Напцову за доведение до табуна – золотые часы брикет (брегет. – **Авт.**), стоящие 600 руб.». Как здесь не вспомнить библейскую сцену: «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: «Что вы дадите мне, и я вам предаю Его?» Они предложили ему 30 сребреников. И с того времени он искал удобного случая предать Его» (Евангелие от Матфея, 26; 14-16).

Или еще пример. 25 января 1836 г. была предпринята экспедиция в аулы абадзехов на р. Пшиш, совершенная войсками командующего Кубанской линией генерал-майора Г.Х. Засса в отместку за набег горцев на казачью станицу. Эта «репрессалия» завершилась сожжением аула, гибелью в огне части населения и пленением оставшихся в живых. Как следует из рапорта Г.Х. Засса временному командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу Молиновскому от 31 января 1836 г., *в экспедиции принимали участие и некоторые бжедугские князья и старины: «они шли впереди отряда и показали примерное усердие и храбрость»* (Цвижба Л.И., 2001).

При взятии «сердца убыхской земли» – г. Сочи в середине апреля 1838 г. в составе 8-тысячного русского десанта находились также грузины, абазины, темиргоевцы, бжедуги. Подкупая черкесскую верхушку, царизм заставлял горцев сражаться против своих соплеменников. При этом они были, как утверждают архивные источники, «...более опасные, чем русские регулярные войска». В свою очередь, в документах, относящихся к «кабардинским делам», сохранилось прошение, в котором перечисляются «заслуги» некого Уважуко Шереужева, который «...с 40 всадниками убивал врагов войск русских и не щадил своей крови за царя; помогал русским указанием дорог, которые им не были известны; убивал в сражениях единоверцев своих». Народная память сохранила имена таких царских генералов черкесского происхождения, как Карахок и Шипшев, отличавшихся особой жестокостью. Генерал Бекович-Черкасский являлся заместителем командующего российскими войсками на Кавказе, осетин генерал Муса Кундухов возглавлял операции русской армии в Чечне. В 1848 г. на Северном Кавказе был сформирован специальный полк и под командованием Кундухова отправлен в составе российских частей в Варшаву на подавление польского национально-освободительного движения.

Черкесы презирали и строго наказывали предателей. Так, «дефтер» (договор. – **Авт.**), принятый народным собранием адыгов на р. Пшехе в 1841 г., следующим образом выразил свое отношение к предателям и изменникам черкесского народа: «Никто не должен предупреждать русских о сборе партии черкесов для набега в русские пределы. Кто же донесет и оттого будет причинен вред партии, тот должен заплатить: если доносчик свободного сословия, – 200 коров, а крестьянин 100 коров. Кто перейдет к русским и будет служить им, то такие лица, как враги своего края, не будут иметь (ни они сами, ни их родные) никакого права на наше сострадание» (Дубровин Н.Ф., 1871. С. 158).

Шариатом также предусматривался ряд наказаний для предателей. В частности, если изменник бежит к русским, то с десяти его поручителей взыскивалось 50 рублей; сакля бежавшего сжигалась, а его брат, отец или сын заключались в яму. Воистину, «Господи наш! Прости же нам наши грехи и очисти нас от наших скверных деяний!» (Коран. Сура 3; 191).

Песенный фольклор того периода, собранный и бережно сохраненный кабардинцем Асланом Ципиновым, запечатлел и оставил нам множество фамилий и имен изменников и предателей Родины, – «жасус», как называли их адыги:

Зи гъашIэр шагъырыбафэ,
Щогъуруэ хъэ джафэжытIым
Ди адэ и жылэр ятекIуэдащ.
Инэрал гуцэм кхъуэлыр кыдешх,
Натхуокъуажэр щашхым шуунэр
Тамбииккъуэ ЛIыкIэщI.
Мы лажьэр кыгъхуэзыхъа гуцэри
Хъэджимыкъуэу Хъэжыпшымахуэщ
Пщацэу щысхэр хуремыгъэдж.

Всю жизнь пьющие вино
Шогуровых две проклятые борзые,
Из-за них сгинуло село отца.
С генералом свинину ест
Натхуокуаже когда «ели»
Передовым всадником был
Тамбиевых сын Тличеш.
Кто нам это горе принес –
Хаджимуко Хаджипшимахо,
Отныне пусть из-за него девушки не встают.

Разговор о «жасус» – предателях и изменниках дополним еще двумя фрагментами старинной адыгской песни:

*ЛIы яцэхуагъэу тхэтхэри зэрыгъаблэ нэгухэ
Былымьжэ нэкIухэти ди хэгъэгур яцэ.
Мужчины из нас, которых купили,
Какие они ненасытные (словно в неурожайный год).
Скотские морды продают нашу Родину...*

Или еще:

Бьется ли здесь сердце предателя,
Обманиваемое коварным московским искусством,
Который свою страну за золото бы продал?
Пусть умрет или бездетным живет!..

6.9.7.1. «Князья Чиркасии более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели»

Чиркасия разделена между многими владельцами... Князья Чиркасии более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели, и постоянно воюют из-за краж, ... а иногда из-за вопросов чести, они дерутся без пощады.

Эмиддио Дортелли д'Асколи (1634).

Междоусобицы ослабляли Кабарду, силы народа растрачивались в братоубийственных, кровопролитных войнах.

О.Л. Опрышко (2007).

«...Упадок народа и междоусобия князей, – писал в «Истории адыгейского народа» первый историк и просветитель кабардинского народа Шора Бекмурзович Ногмов (1893), – много способствовали успехам врагов наших. Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам».

Об этом же, более чем за 200 лет до Ш. Ногмова, свидетельствовал католический монах итальянец Эмиддио Дортелли д'Асколи, возглавлявший в 1624-1634 гг. миссию в генуэзской колонии Каффе, хорошо осведомленный о событиях на Северном Кавказе: «...Хан отправляется туда, ...когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю... Чиркасия разделена между многими владельцами. Князья Чиркасии более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели, и постоянно воюют из-за краж, так что иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата; враждуя по поводу судебных приговоров и убийств, что у них случается ежедневно, а иногда из-за вопросов чести, они

дерутся без пощады. Хан более чем охотно идет к позвавшему владельцу... Правду говорят, что, когда двое ссорятся, третий радуется, иначе татарину было бы мало выгоды от черкесов, ... тем более, что они очень воинственны и у них густейшие леса и крутые горы» (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991; Опышко О.Л., 2007).

Начиная с эпохи средневековья, когда Кабарда была разделена между множеством владетелей, политическая раздробленность приводила к кровопролитным столкновениям не только между различными феодалами, но даже внутри самих же феодальных семей. Как здесь не вспомнить библейское: «Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? ...Прóсите и не получаете, потому что прóсите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Послание Иакова, 4; 1-3).

Болью пронизаны строки современной поэтессы И. Кашежевой:

Коварны и лживы соседи-князья.
Приходится туго в союзе таком
Под саблею турка,
Под крымским клинком.
Орда за ордою, беда на беде...

Свое мнение о пагубности междоусобицы у черкесских властителей излагает академик П.С. Паллас (1741-1811), побывавший на Кавказе в 1793-1794 гг.: «Трудно установить точно численность населения черкесов, но если допустить, что подданные Атажука составляют третью часть населения Кабарды а она равна более чем 3 тыс. крестьян и 500 узденей, то из этого следует, что кабардинцы могут выставить в поле около 10 тыс. рядовых и 1500 узденей. Если к этому числу прибавить различные племена за Кубанью, которые могут выставить значительное число людей, то они могут составить очень значительный корпус воинов, которые *вследствие их воинственности и храбрости могли бы оказаться очень опасными для соседей, если бы не были разделены между множеством князей, которые почти непрерывно ссорятся между собой*» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

И далее академик развивает свою мысль «Все князья между собою равны, также и дворяне, и свободные люди; каждый сам себе господин, слушается только самого себя, а поэтому самый влиятельный и даровитый ум едва ли успеет водворить единство, привести в исполнение общий оборонительный и наступательный военный план у *этого народа, который распадается на множество независимых друг от друга племен, часто враждующих между собой*, ...и нередко мог выставить для войны с Россией, по крайней мере, 100 тыс. чел. Каждый поход, для которого предводитель всегда выбирается на собранном нарочно для того сейме, ограничивается вторжением в неприятельский край, и притом главное старание обращено на то, чтобы вернуться с богатой добычей и множеством пленников. О занятии завоеванной земли не думают никогда: такое намерение предполагало бы многосложное государственное устройство, но его нет совсем, да оно и невозможно, *пока не только племена, но даже и семейства разделены будут тысячею разнообразных побуждений и расчетов*» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 247-283).

О пагубной роли межплеменной вражды, препятствующей объединительным процессам в Черкесии в период, предшествующий началу Кавказской войны (XVII-XVIII вв.), размышляют авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006). Если в отношениях с Московским государством князья Идаровы вели себя как его подданные, то во взаимоотношениях друг с другом – как суверенные феодальные властители. *Участие в междоусобицах является, пожалуй, единственной формой проявления ими самостоятельности в политической сфере.* Тем разрушительнее были спровоцированные ими военные конфликты. Все они, несмотря на разнообразие вызвавших их причин и быструю смену декораций и действующих лиц, проходили по одному сценарию, когда враждующие стороны вовлекали в них другие кабардинские княжества, не гнушаясь вмешательством в их внутренние дела иноземных владельцев. В результате создавался огромный, практически неиссякаемый потенциал насилия, постоянно возобновляющийся источник антагонизмов и войн. Цепная реакция разрушительных столкновений, вызванных амбициями одного князя, могла продолжаться десятилетиями, ослабляя и непосредственных участников междоусобиц, и страну в целом.

В 1643 г. Камбулат-мурза Черкасский (правнук Идара) призывает Кельмамета Ибакова из Шолоховой Кабарды и эндерейского мурзу Казаналпа идти войной на Нарчова Елбузлукова (тоже правнука Идара). Естественно, что эти действия приводили к разорению и упадку княжества Идаровых, ослабляя позиции Кабарды в прикаспийских районах (Кажаров В.Х., 2006).

Дальнейшее развитие эта тема находит в работе Р.З. Фидаровой (2007. Вып. V). Вступая в XVIII в., – пишет автор, – Кабарда представляла собой одно из крупных политических образований на Северном Кавказе. Занимая обширные пространства Центрального Предкавказья, обладая значительными людскими и военными ресурсами (около трети населения составляло дворянство), она имела все возможности для защиты своей независимости. Однако дальнейшее развитие кабардинского общества сдерживалось крайне консервативной политической системой, не претерпевшей сколько-нибудь существенных изменений с XVI в. Она характеризовалась полицентричностью, отсутствием устойчивой тенденции к образованию централизованного государства, выборностью верховного князя, сравнительно незначительной ролью сословно-представительных собраний. В рамках этой системы *нормой считалось не объединение отдельных частей страны в одно прочное целое, а их разъединение и сбалансированное равновесие с временными союзами в случае внешней угрозы.* Большая Кабар-

да в начале XVIII в. была разделена на четыре удельных княжества между Кайтукиными, Бекмурзиными, Атажукиными и Мисостовыми, происходившими от Казия Пшиапшокова (Фидарова Р.З., 2007. Вып. V).

Неисчислимые беды адыгам принесла Кавказская война и ее последствия. И здесь уместно еще раз сказать об ответственности национальной элиты – князей, дворян, мулл и других представителей привилегированных классов адыгов, которые занимались более междоусобицей, но не совместной защитой чести и достоинства своего народа. Чем и воспользовались колонизаторы.

Нельзя забывать, что военные операции царских войск против адыгов проводились с невиданной жестокостью. Уничтожалось все: посеы, жилища, а самое страшное – погибали женщины, старики и дети. Закубанские адыги не всегда могли оказать организованный отпор царским войскам. Этому мешала политическая и экономическая раздробленность Черкесии, а также феодальные междоусобицы. В то время у адыгов еще не было организованной армии с единым руководством. В основном это были отдельные отряды в 500–600 чел. во главе с князем, уорком или старшиною. В периоды общей опасности адыги могли выставить не более 25 тыс. вооруженных людей, из которых половину составляла конница (Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

Об отсутствии единства среди черкесов перед лицом общего врага с горечью размышляет Хайире Хунжиева, потомок махаджиров, переживавшая гибель своего народа: «Адыги пропали по той причине, по которой из мира ушли многие племена, многие народы. Из этих причин главное – это междоусобица, разногласие. Уже много веков адыги страдают от мелкого соперничества и межплеменных раздоров. Уже много веков ни разу не образовали они единой силы, объединившей всех до одного. Они не поняли, что сверх личной жизни человека, должна быть бессмертная жизнь самого народа. Самое печальное, самое горькое – они ни на один день не поняли того, что существование и жизнь этноса важнее существования и жизни одного племени» (Цит. по: Хутыз К.К., Шебзухова Э.А, 2007). Трудно не прислушаться к этим мудрым словам...

6.9.7.2. «Мы, князья-дворяне, всегда остаемся честны...»

Отдельные личности могут морально разложиться, народ – никогда.

Ю. Фучик (1903–1943).

Царизм самыми бесчеловечными, самыми гнусными способами стремился сломить сопротивление горцев. Царизм бесновался: подкупал предателей, осыпая их золотом и чинами.

С. Слюхов (1887–1966).

Сохранилась любопытная запись беседы одного адыгского князя с генералом Раевским, в которой, в частности, князь с гордостью говорит: «И у нас (горцев), как и у вас (русских) есть негодяи, которых можно купить, но мы, князья-дворяне, всегда остаемся честны и нет у вас столько золота и серебра, чтобы совратить нас с пути чести». Увы, документальные факты свидетельствуют, что именно адыгские князья и феодалы, в первую очередь, выслуживались перед царскими властями, помогали им держать в узде свой народ. Жажда наживы и чинов толкала черкесскую знать на весьма неблагоприятные дела. Об этом же свидетельствуют проникнутые горечью строки из стихотворного «Обращения черкесов к народам Европы» (1830):

Черкес не сдается,
Но золото врага уже
Поколебало многих наших...

Приведем несколько примеров, подтверждающих эту мысль. Факты подкупа черкесской верхушки царским правительством за оказанные услуги известны с конца XVIII в. Так, правительство Екатерины II щедро платило тем князьям и дворянам, которые переходили на сторону России и оказывали ей различные услуги; для них были установлены «пенсии». В одном из рапортов за 1784 г. на имя императрицы П.С. Потемкин просил определить денежное вознаграждение Арслан-Гирею, – сыну Казы-Гирея, т.к. он «в течение нескольких лет верен России и оказывает ей помощь».

Описывая в своем рапорте князю Цицианову подробности ожесточенного сражения около р. Чегем, которое продолжалось 9 мая 1804 г. с 11 ч утра до 6 ч вечера, один из очевидцев отметил весьма интересное обстоятельство (Кажаров В.Х., 2006. Вып. III. С. 413): «Впрочем честь имею вашему сиятельству донести, что из кабардинских князей многие оставались нам приверженными, полковник Рослаббек Мисостов и подполковник Кучук Джанхотов, также ротмистр Темир Булат Мисостов были со мной в сражении, а полковник Атажук Хамурзин и Девлет Мурза Хасаев оставались в вагенбурге с прочими князьями» [«вагенбург» – передвижное полевое укрепление в XV–XVIII вв. Представляло собой несколько сцепленных друг с другом прочных телег, оснащенных большими щитами, обеспечивавшими защиту от легкого стрелкового оружия (стрелы, дротики, копьё). С развитием огнестрельного оружия и артиллерии эти укрепления перестали применяться].

При генералах Ермолове и Власове, 19 февраля 1821 г., за храбрость были награждены золотыми медалями сотник Шагин Гирей Гусаров, дворяне Баштан Шеретлуков и Урусбий Могуков.

В 1824 г. генерал Ермолов выдал одному из князей Бековичей-Черкесских акт на право владения землями Малой Кабарды в количестве около 100 тыс. десятин. И это при том, что «Положением 1842 г.» для потомственных казаков эти нормы были намного ниже: для рядового казака – 30 десятин, для обер-офицера – 200, для штаб-офицера – 400 десятин, для генерала русской армии – 1 500 десятин и т. д. (Гольденгул И, 1924).

В свою очередь, эти князья верой и правдой служили русскому императору; при этом, как пишут А.Х. Касумов и Х.А. Касумов, «зачастую даже *превосходя царских генералов в жестокостях и насилиях по отношению к непокорным горцам*».

Часть феодальной верхушки Кабарды и Черкесии была тесно связана с царизмом, поддерживала его в борьбе с освободительным движением кавказских горцев, за что царское правительство щедро их вознаграждало. Так, 2 марта 1844 г. за доблесть и мужество, преданность властям и помощь в борьбе с «враждебными горцами» правительство Николая I наградило некоторых кабардинских князей и дворян «Почетным знаменем», а также орденами и медалями. В частности, в царской грамоте говорилось: «Постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность (! – **Авт.**) к поднятию оружия против враждебных горцев, оказываемые кабардинскими жителями, обратили на себя особенное Наше благоволение, в ознаменование коего всемилостивейше жалует кабардинским жителям Почетное знамя, которое повелеваем хранить...».

Многим кабардинским князьям и дворянам за «особые услуги», оказанные в борьбе против освободительного движения горцев, в 1846 г. было определено ежегодное «жалование» в 215 руб. серебром (да, это не 30 сребреников Иуды. – **Авт.**). За один только 1851 г. царским правительством было награждено «за отличие» около 200 дворян. Среди них адыгский князь В. Хаджимуков, который в рядах царских войск участвовал в изгнании своих соотечественников. Другой документ свидетельствует, что в 1834 г. семье шапсугского дворянина подпоручика Убыха Абатова была назначена пенсия: жене 250 руб. серебром в год, до выхода замуж дочерей. Князьям Беслану Пшибокову и Беслану Улооку назначено жалование по 125 руб. серебром в год с произведением их в прапорщики. Еще из одного документа узнаем, что в 1847 г. дворянину Алкасу Бжегако был присвоен чин прапорщика и назначено жалование 125 руб. в год; жанеевским князьям Яндару и Эдичь Бечкановым, а также натухайскому князю Яндару Керкенукову – также «125 руб. серебром в год сроком на 50 лет». Со специальным заданием среди горцев действовал и командир Кавказского конногорского дивизиона подполковник Султан Адиль-Гирей. Он настраивал черкесов против Мухаммеда Амина. Как докладывал атаман войска Донского генерал Хомутов военному министру от 15 сентября 1855 г., «Адиль-Гирей вполне справляется со своим заданием».

Гневно и беспощадно обличал таких людей адыгский мыслитель Сефербий Сихов: «Прежние идеалы черкесов: мужество, храбрость, благородство, гордость стали уступать место подхалимству и желанию прислуживаться; правительство стало применять и здесь испытанное и старое средство – раздачу земельных участков, чинов, орденов и т. д.».

После осуществления земельной реформы лучшие земли были розданы переселенцам из России. Огромные участки были предоставлены царским высшим военным чинам, активно воевавшим против горцев. Не забыты были и «услуги» черкесских феодалов, всемерно помогавших царизму поработить свой народ. Царское правительство особым указом распорядилось наделить их землей «...на полном помещичьем праве, в вечное и потомственное владение, большим или меньшим участком земли от 1000 до 5000 дес., смотря по степени значения и оказания каждым услуг правительству». Большие земельные наделы получили, в частности, генерал Пшекуй Могуков, полковник Адиль-Гирей Капланов-Нечаев и др. Генералу царской службы, князю Султану Адиль-Гирею было пожаловано «с барского плеча» свыше 13 тыс. десятин земли, а опора царского самодержавия в Кабарде – князь Бекович-Черкасский получил около 100 тыс. десятин (и это при том, что на долю «рядового» горца приходилось не более 3-5 десятин земли). Думается, приведенный ниже список получателей «30 сребреников» говорит сам за себя.

Размер земельных участков, выделенных царскими властями горцам за «особые заслуги», в десятинах:

Бекович-Черкасский	князь	100 000	Мамаев Султан Мурат	штабс-капитан	1 569
Султан Адиль-Гирей	князь	13 000	Ахеджаков	поручик	1 200
Могуков Пшекуй	генерал	6 000	Болотоков Байзрук	князь, прапорщик	1 104
Могуков Х.	полковник	6 000	Дукмасов И.	полковник	1 080
Адиль-Гирей Капланов-Нечаев	полковник	5 334	Наурузов		1 000
Магомет (Мамет) Гирей Лоов	князь	5 000	Азамат-Гирей		870
Туганов Мусса	князь	5 000	Догужиев	подпоручик	525
Улагай Т.	поручик	3 500	Давлет-Гирей Бибердов		500
Улагай С.	ротмистр	3 000	Султан Крым-Гирей	сотник	425
Богарсуков И.П.	майор	2 400	Ажигоев Б.		410
Абуков Эдык	майор	2 300	Шабанов Х.		310

6.9.7.3. «Раскололи нас наши братья...»

*И вкусили они вред своих дел и последствия их дел
оказались убытком.*

Коран. Сура 65; 9-10.

*Если же друг друга угрызаете и съедаете, – бере-
гитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом.*

Библия. Послание к Галатам (5; 15).

Согласно историческим воззрениям Ш. Ногмова (1893), славной была лишь древняя история адыгов. Затем их жизнь пришла в упадок, и воцарились кровавые междоусобицы. Горечью проникнуты слова адыгского мыслителя: «Упадок народа и междоусобица князей много способствовали успехам врагов внешних. Сами князья были причиной бедствий своей родины...».

«Каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник – сам себе хозяин и подчиняется только самому себе... Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, за-
вистливым взором следящих друг за другом, ревниво оберегающих свою свободу и зачастую разьединенных
навсегда ужасным законом крови, законом мести, который увековечивает на многие столетия ненависть
между племенами или отдельными родами и семьями. Этот дух независимости и недоверия проявляется в
их нравах, характере их жилищ, их законах», – пишет Ф. Дюбуа де-Монперэ (Цит. по: Бетров Р.Ж., 1991).

О том, что именно по причине «внутренней вражды», междоусобицы горцы не имеют возможности объединиться для организации коллективного отпора царским колонизаторам, пишет и И.Ф. Бларамберг (1840): «К счастью, они (черкесы) никогда не могут собрать...силы воедино по причинам внутренней враж-
ды и полнейшего отсутствия дисциплины и средств для содержания в течение определенного времени такой
массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в
виду также и их воинственный характер; они были бы просто непобедимы в своих краях, ...они не признают
ни дисциплины, ни субординации, каждый волен отправиться к себе домой, когда ему заблагорассудится,
что они частенько и проделывают, особенно если их отряды находятся неподалеку от их жилищ».

Здесь уместно привести мнение современного автора – А.А. Епифанцева (2010) о глубинных причинах такой разобщенности адыгов перед лицом неприятеля: «Причина этой разобщенности абсолютно понятна –
нахождение разных адыгских этносов на разных ступенях общественного развития, отсутствие концентрации
власти и её распыленность между множеством мелких феодальных властителей, более-менее равные силы
основных этносов и жестокая внутренняя конкуренция. По другому быть просто не могло и для воспроизвод-
ства системы, существовавшей несколько столетий. В той системе адыгского мироустройства в целом ряде
ситуаций адыги выступали по отношению друг к другу не как союзники, а как конкуренты и соперники и
необходимости в сильном лидере-объединителе у них не было – Черкесия прекрасно жила без него много-
много лет! В условиях отсутствия смертельного врага, разобщенность адыгов не могла представлять им гло-
бальную опасность. Так, наличие 5 тыс. адыгов-темиргоевцев в крымско-татарском войске во время самой
большой битвы в черкесской истории – Канжальской – никак не сказалось на последующей адыгской истории.
Это, кстати, ...ответ на вопрос, почему черкесы не выставили 200-тысячное войско, которое вполне в состоя-
нии были выставить. Как его можно собрать, если народ разобщен?» (Епифанцев А.А. 2010. С. 70; 97-98).

Многочисленные факты подтверждают, что царское командование разжигало в своих интересах меж-
племенную рознь, натравливало одни племена адыгов на другие. В концентрированном виде эту задачу хо-
рошо сформулировал генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич в своем «Отношении к вице-канцлеру графу
К.В. Нессельроде», № 1102 от 5 июня 1831 г.: «*Благоприятствовать возникающим между горскими племе-
нами несогласиям и помогать слабейшим*» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С.47).

Архивные источники свидетельствуют, что в 1846 г. бесленеевский князь Адиль-Гирей Коноков, вслед-
ствие давно существовавшего кровомщения, убил кабардинского князя Магомета Атажукина. Племена встре-
тились на р. Урупе; от перестрелки с обеих сторон погибло 14 чел. В «Плаче адыгов» есть следующие строки:

Пхъэр щымыш хьалым ыкьутэрэп,
Тызыкьутагъэхэр тикъошых. –
«Чужеродный для дров клин не раскалывает,
Раскололи (разбили) нас наши братья».

Существует много фактов межплеменной вражды у адыгов, спровоцированной специально царскими
властями. Так, в карательной экспедиции генерала Текелли против закубанских горцев 6 ноября 1787 г.
принимал участие и «особый» отряд кабардинцев под предводительством бригадира Большого Горича. Сам
бригадир следующим образом докладывал генералу «деяния» своего отряда, состоящего из 40 кабардинских
князей, 2000-й панцирной конницы и 3000 рядовых: перейдя Кубань, он покорил 2000 дворов Бобсхерских
владельцев, 800 дворов башилбайцев, 2000 кибиток кочевых ногайцев, 1500 дворов бесленеевцев. Все поко-
ренные дали подписку на подданство России.

Справедливости ради, следует отметить комментарий Ф. Щербины по этому поводу «...Кабардинцы
действовали совершенно иначе, чем русские войска. Они покоряли и водворяли, а не грабили и разоряли». Не

менее примечателен и такой факт. В ответ на нападения горцев, Александр I приказал сделать «сильную репрессаль» в землях шапсугов, как наиболее враждебных России горцев. Предварительно приказано было опросить другие горские народы, как они отнесутся к карательной экспедиции русских против шапсугов. Результаты проведенного, так сказать, «социологического опроса» заставляют о многом задуматься. Более или менее миролюбиво настроенные к России черкесы ответили: пусть русские войска потреплют шапсугов, а остальное докончим мы, горцы. Разумеется, такая позиция горцев и в этом, и во многих подобных случаях была только на руку царскому самодержавию. О нечистоплотных мерах, какими пользовались царские власти, натравливая черкесов друг на друга, свидетельствует и такой эпизод. В январе 1822 г. майор Тарановский с отрядом казаков громил кабардинские аулы. В состав карательного отряда входили 75 человек бабуковцев, жителей кабардинского аула. Генерал Ермолов, чтобы окончательно рассорить бабуковцев с соплеменниками, приказал: «Из получаемой добычи в делах, где будут находиться бабуковцы, непременно давать им некоторую часть оной, а если не захотят брать, то принуждать к тому силой». Или такой факт. В конце октября 1852 г. русский отряд под командованием генерала Заводовского истребляет богатый аул Эрич в низовьях р. Абин. Примечательно, что вместе с царскими карателями в этой «акции» принимала активное участие и «дружина мирных черкесов».

Своеобразной «кузницей кадров» будущих помощников царизма в борьбе с горцами стал «высочайше» утвержденный горский эскадрон в Анапе. В состав его входили, по собственному желанию, натухайцы, шапсуги и абадзехи, а также жители черноморского аула Адды. Учреждение эскадрона мотивировалось «целью доставить горцам средства доказать свою готовность и преданность нашему правительству полезною службою».

6.9.7.4. «Шапка труса»: отношение адыгов к малодушию и трусости в бою

Уличенных в трусости адыги выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления и налагали пеню, которая определялась ценою в пару волов.

К.Х. Унежев (1997).

Для воина-наездника дерзость и удачливость в предприятии служили мерилом уважения и знаком чести. Трус, неудачливый джигит не мог рассчитывать на уважение соплеменников, девушки в выборе супруга предпочитали ловкого джигита зажиточному неудачнику.

«История Кубани...» (2004)

В разных странах, – отмечает Н.И. Сообцокова (2010), – по-разному выражали свое отношение к трусости. Японцы и многие другие народы казнили трусов. И греки карали смертью бежавшего с поля брани, а позже в Элладе трусов было принято выставлять на три дня в женском платье на городской площади.

В далеком прошлом предки адыгов также казнили трусов, а позже их стали изгонять из рода. Человеку, проявившему малодушие в бою, адыги всенародно прожигали его головной убор и надевали «шапку труса». С трусом никто не считался, каждый стыдился даже общаться с ним. Ни одна девушка не связала бы свою жизнь с таким недостойным человеком. Его с позором изгоняли из селения.

В этом ритуале прожигания шапки – выражение всеобщего презрения и осуждения. О трусах говорили не иначе, как о людях с «дырявой головой». Это было самым страшным унижением для горцев, воспитанных на традициях чести, верности и преданности друзьям, соседям, односельчанам, своему народу. Если мужчина не держал своего слова, вел себя недостойно, позор ложился не только на него, но и на весь его род, всю его семью. Вернуться из похода без своего коня, оружия, шлема, шапки было не меньшим позором.

Адыгский князь не мог оставаться дома больше недели, если он не хотел прослыть трусом. К этой же теме относится следующее любопытное свидетельство Дж. Интериано (1501), который в своих записках так объяснял факт отсутствия укрепленных городов на Земле адыгов: «Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если бы он выстроил замок или жилище с крепкими каменными стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться, – и вследствие этого все живут в вышеописанных деревушках...».

Мужчина, прослышавший трусом, не смел появляться ни на одном торжестве, пока каким-либо достойным поступком не смывал с себя позор. В течение всего этого времени вся его семья пребывала в трауре. Жене опозорившего себя трусостью сочувствовали и высказывали пожелание: «И да поможет Великий Бог восстановить доброе имя твоего мужа!» (Сообцокова Н.И., 2010. С. 310; 312).

И далее автор освещает еще один немаловажный аспект этой многогранной темы: «Обычай кровной мести был в древности широко распространен на Северном Кавказе. Не миновал он и адыгов. Согласно обычаю, каждый мужчина должен был мстить убийце своего родственника, друга или тому, кто нанес оскорбление близким ему людям и ему самому. Тот, кто уклонялся от этой священной обязанности, изгонялся из рода, из селения и даже из страны. Ему надевали «шапку труса», он был всеми презираем. От него отказывались жена, дети, мать, отец, невеста...». Об этом, в частности, писал в свое время и Дюбуа де Монпере (1839): «Нигде этот карательный закон («закон крови») не выполняется с такой жестокостью, с такой строгостью, как у черкесов. Пролитая кровь должна быть отомщена; хозяин должен отомстить за гостя, в противном случае ему грозит изгнание за трусость».

6.9.8. Национальные горские формирования в составе российских войск на Кавказе

К концу войны общее количество адыгов, принимающих участие в боевых действиях на стороне России и против России, становится практически одинаковым.

А.А. Епифанцев (2010).

В ходе Кавказской войны, по разным причинам, на русскую сторону переходят довольно много адыгов, что потребовало у царского правительства создания целого ряда национальных горских формирований. Так, по А.А. Епифанцеву (2010), во втором периоде военных действий в составе российских войск находились следующие части, где служили только и исключительно черкесы:

- Горская милиция, достаточно многочисленная, выполнявшая охранные и милицейские функции на территориях, занятых «мирными» черкесами, её представителей российское командование использовало как переводчиков, разведчиков, проводников и т. д.;
- Кабардинское конное ополчение;
- Кабардинский гвардейский эскадрон;
- Лабинский конно-иррегулярный эскадрон;
- Терский конный полк, в котором служили постоянно несколько сотен кабардинцев и которым долгое время командовал Али Анубекович Тамбиев;
- Кавказский конный горский дивизион;
- Кавказско-Горский конный полк, половина которого комплектовалась горцами;
- Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон, располагавшийся в Петербурге и несший охрану Императора, а также сражавшийся в Польше против повстанцев в 1831 г.;
- Анапский горский эскадрон.

Кроме указанных выше национальных горских формирований, очень много адыгов самостоятельно записывались в казаки и служили на Кавказе в казачьих полках Донского, Кубанского и Терского войск. По мнению А.А. Епифанцева (2010. С. 218-224), «...к концу войны общее количество адыгов, принимающих участие в боевых действиях на стороне России и против России становится практически одинаковым. При сравнении прорусски настроенных черкесских формирований с количеством войск, применяемых горцами как в нападениях на российскую территорию, так и в отражении российских наступлений, мы увидим, что цифры адыгов с той и с другой стороны если и не равны, то уж, по крайней мере, одного порядка. А после 1840-х гг. это уже были цифры одного масштаба». И далее автор восклицает: «И на той, и на другой стороне в реальных боях сражалось примерно равное количество людей!».

6.9.8.1. «Кавказско-Горский полуэскадрон собственного Его Императорского Величества конвоя»

Кавказско-горский полуэскадрон из адыгских князей и дворян... выполнял охранные функции, составляя личный конвой императора. Заметим, что в этот же период адыги осуществляли те же функции телохранителей при дворе турецкого султана.

<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>

Правила для обучения горцев составил лично Бенкендорф с учетом особенностей психологии и вероисповедания. Например, предписывалось «...наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменять ее».

«Сокровища культуры...» (2007).

Для большего вовлечения в военно-политические структуры, усиления влияния на народности «вновь приобретенных» территорий, царским правительством был сформирован лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон собственного Его Императорского Величества конвоя для несения службы в Петербурге.

Такое гвардейское войсковое подразделение предполагалось учредить еще в 1812 г. при особе императора «в виде особого благоволения к кабардинцам» наравне с другими лейб-гвардии полками собой гвардии» из представителей знатнейших кабардинских фамилий численностью в 100 чел., снаряженных и обмундированных по кабардинскому обычаю. Предполагалось, что они будут заменяться через каждые три или пять лет. Но из-за сильной эпидемии чумы в начале XIX в. этот план не осуществился. Кавказско-Горский полуэскадрон был сформирован только при Николае I в 1828 г.

Полуэскадрон был введен в состав собственного его императорского величества конвоя. Первоначально в нем проходили службу 12 князей и знатных дворян из Кабарды и других черкесских территорий

Западного Кавказа. Командовал ими ротмистр Султан Азамат-Гирей, потомок крымских ханов. При этом небольшой отряд горской кавалерии находился в ведении шефа жандармов и командующего Главной императорской квартирой А.Х. Бенкендорфа. В конвой принимались исключительно представители знатнейших фамилий горских народов. Через это привилегированное подразделение, расквартированное в Петербурге, прошли сотни адыгов. В конвой, как правило, горцев, в том числе адыгов, зачисляли в качестве оруженосцев (рядовые). Через два года наиболее отличившиеся производились в юнкера (урядники), а к концу 4-летней службы присваивалось офицерское звание.

Для ответственной службы в конвое горцев предварительно обучали в Дворянском полку, поскольку все они происходили из знатных кавказских родов. В связи с тем, что горцы были мусульманами, правила для их обучения составил лично Бенкендорф с учетом особенностей психологии и вероисповедания. Например, предписывалось не кормить их свининой и ветчиной, не допускать насмешек дворян и стараться, чтобы они дружили с горцами, а главное, «...наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменять ее» («Сокровища культуры...», 2007. С. 128).

Одни из адыгов, начинавшие свою карьеру в лейб-гвардии, становились кадровыми военными и достигали довольно высоких воинских чинов в российской армии. Другие поступали на Кавказе на административную службу. В разное время командовали горским конвоем или занимали высокое положение Султан Адиль-Гирей, Бекмурза Айдемиров и Хату Анзоров, Измаил Куденетов и др.; в его составе проходили службу многие представители адыгских владетельных фамилий, сыгравшие значительную роль в укреплении отношений Черкесии с Россией: Шора Ногмов, Батырбек Тамбиев, Мимбулат Айдебулов, Магомет Мисостов, Бекмурза Тлостаналиев, Али Шакманов и др. («История многовекового...», 2007. с. 604).

Личный состав полуэскадрона нес повседневную службу по охране императора, в том числе в его поездках по различным уголкам страны и за ее пределами, принимал участие в военных кампаниях в Польше, Венгрии и Трансильвании, на Кавказе. Позже полуэскадрон был увеличен до эскадрона.

Несомненный интерес представляют воспоминания побывавшего в России венгерского историка, путешественника Жан-Шарль де Бесса (1799-1838 гг.), относящиеся к этому вопросу: «Вот уже несколько лет при дворе императора Николая находится черкесский эскадрон, исполняющий функции императорской стражи; его численность достигает, должно быть, около 500 чел. Уверяют, что их военная форма великолепна и привлекает взоры всех в столице. Действительно, у черкесов воинственный вид, особенно хороши они в седле, так как с детства носят оружие и сядутся на горячих скакунов, причем иногда проводят в седле день; они никогда не выходят из дома без оружия, как минимум, без сабли, которую они называют *«фоч»*, и кинжала на поясе. Как правило, их оружие превосходно, но очень дорого, оно всегда содержится в чистоте и сверкает. Лошади у них всегда ухожены, а седла, похожие на венгерские, элегантны. Во время моего пребывания в Константиногорске я имел возможность беседовать с двумя черкесами, недавно возвратившимися из Санкт-Петербурга; они служили в императорской гвардии в течение года, то есть в течение оговоренного срока, после которого они возвращаются на родину и заменяются другими. Я спросил у этих двух людей, понравилось ли им пребывание в Санкт-Петербурге; они отвечали, что тысячу раз предпочли бы великолепие столицы свои родные очаги; не то чтобы они были недовольны обращением с ними в столице, но, как они повторяли, для них в тысячу раз дороже их родина и независимое существование» (Цит. по: Гориславский И.А., Зюзин С.А., Хаширов А.В., 2007).

В 1882 г. царская администрация расформировала полуэскадрон, посчитав, что свои функции это формирование выполнило. Представители знатных фамилий адыгов продолжали службу в других подразделениях лейб-гвардии (Казаков А.В., 2006).

6.9.8.2. Анапский горский эскадрон: участие в карательных экспедициях царских войск

Потом конец тех, которые творили злое, оказался злом...

Коран. Сура 30; 9.

Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы? Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь...

Библия. Послание к римлянам (6; 16, 21).

Стремясь ослабить накал народно-освободительного движения адыгов, царизм пытался применять и иные, мирные формы утверждения своей власти в Черкесии. Таковыми являлись привлечение адыгской аристократии на военную службу, создание национальных воинских частей, входящих в состав царских войск.

С 20-х годов XIX в. кадры офицеров-адыгов начинают постепенно пополняться окончившими специальные русские военно-учебные заведения. Из их числа вышел ряд офицеров, занявших видное служебное положение в русской военной администрации: флигель-адъютант Николая I бжедуг Султан Хан-Гирей, известный историко-этнографическими очерками племен Западного Кавказа; генерал Пшекуй Могуков и др. К началу 1842 г. в ведомстве Черноморской кордонной линии числилось свыше ста офицеров-адыгов.

Большая часть из них были владельцами аулов, постоянной службы в воинских частях не несли, жалование же получали «из окладов высочайше назначенных каждому». Остальные служили в полках Черноморского казачьего войска на общих основаниях с русскими офицерами. Они получили и определенные земельные наделы: генералы по 1500 десятин, штабс-офицеры по 400, обер-офицеры по 200 десятин.

Воспитание детей адыгейских князей и дворян в русских военно-учебных заведениях преследовало цель создать кадры проводников правительственного влияния в среду их соплеменников и подготовить преданных специалистов-офицеров. Наиболее отчетливо эти стремления царского правительства были высказаны в 1835 г. шефом жандармов графом Бенкендорфом, который особым предписанием предложил генералу Заводовскому направить для поступления в учебные заведения «детей горцев из фамилий княжеских и дворянских, имея при сем строгую разборчивость, чтобы сии фамилии имели важность по древности существования оных, по особенно важным заслугам, оказанным предками нашему правительству, или, наконец, по уважению в народе». Выполняя это предписание, с 40-х гг. XIX в. началось формирование Анапского горского конного полуполка (эскадрона). Приказом военного министра от 3 января 1842 г. предписывалось «...сформировать при Анапском коменданте из натухайцев эскадрон, дав этой команде единообразное обмундирование и приличное содержание от казны».

Штат эскадрона состоял из 59 чел. (50 всадников, 6 урядников, 3 офицера). При комплектовании подразделения предпочтение отдавалось выходцам из дворян и лицам свободного сословия. Командир эскадрона назначался исключительно из кабардинцев и при этом из лучших, известнейших фамилий. Этим эскадронам, а позже сформированном на его базе Кубанском (Лабинском) конно-иррегулярном эскадроне, преобразованном в дивизион, в разное время командовали адыги из числа кабардинцев: Фица Абдрахманов, Али Тамбиев, Магомет Безороков и др. (Казаков А.В., 2006). При эскадроне существовала 4-х летняя школа для обучения детей черкесов. Выходцы этой школы, как правило, зачислялись в эскадрон, а часть продолжала образование дальше. Важным методом политики России в отношении горцев, находящихся на русской службе, была их христианизация.

Первоначально Анапский эскадрон был создан для того, чтобы «способствовать развитию и урегулированию мирных отношений с горцами». Однако, вследствие активизации действий царских войск в 40-50 гг. XIX в., основное его предназначение переносится на борьбу с самими горцами-соотечественниками. Как составная часть воинских формирований царизма, эскадрон становится активным участником карательных экспедиций против прибрежных аулов. Особенно ожесточенные столкновения наблюдаются в середине-конце 50-х гг. Так, горцы этого полуполка участвовали в экспедиции вице-адмирала Серебрякова в октябре 1854 г. в долину Сукко, в карательной экспедиции против натухайцев в июне 1855 г. и т. д. Многие горцы, участвовавшие в действиях царских войск, награждались. Все это, естественно, вызывало у адыгов враждебное отношение к горцам, находившимся на русской службе.

6.9.8.3. Кубанско-горский полк на фронтах русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Со стороны турецкого командования были попытки переманить всадников-адыгов на свою сторону. При этом турки обещали им всяческие блага, но ни один из них не поддавался на такие уговоры.

М.Г. Аутлев (2001).

Приведенное выше описание воинских горских формирований, сражавшихся на стороне России, будет не полным, если не упомянуть еще одно подразделение, состоящее преимущественно из адыгов. В газете «Согласие» (1993, 26 окт.) была опубликована статья академика М.Г. Аутлева, раскрывающая малоизвестные страницы участия адыгов в войне с турками в 1877-1878 гг. Принимая во внимание несомненный интерес к этому вопросу, привожу эту публикацию в кратком изложении.

«Тяжелая, изнурительная для нашего народа Кавказская война закончилась 21 мая 1864 г. Закончилась трагедией, – от большого этнического массива народа адыгов остались только осколки. Но и оставшиеся осколки адыгов жили. Стали устраиваться, оформлять свои населенные пункты, устанавливать свои отношения с властями завоевателей.

В 1877 г. 12 апреля Россия объявила войну Турции. Царизм решил подвергнуть испытанию и горцев Северного Кавказа, в том числе и адыгов. Было задумано сформировать Кубанско-горский конно-иррегулярный полк шестисотенного состава. В него вовлекались так называемые «охотники» (добровольцы) из всех аулов Кубанской области. Таким образом в полку оказались не только адыги, но и карачаевцы. Приказ о создании полка был отдан по Кубанскому казачьему войску 27 апреля 1877 г.

Согласно приказу каждый «доброволец» должен иметь своего боевого коня, полное обмундирование (папаху, башлык, бурку, две черкески, два бешмета, две пары сабы, холодное оружие и т. д.). Огнестрельное оружие было казенным и выдавалось из арсенала Кубанского казачьего войска.

Полком командовал подполковник Пентюхов Алексей Гаврилович, участник Кавказской войны, за что получил от царского правительства 450 десятин земли в районе города Майкоп. В полку были азиатский

лекарь – Нану Трухов и полковой мулла – Алмахсид Нагоев. Полк формировался в станице Усть-Лабинской (ныне город того же названия). В полку одним из офицеров был Леван Хетагуров – отец будущего великого осетинского поэта Косты Хетагурова.

После принятия присяги полк был отправлен в город Владикавказ (железной дорогой со станции Кавказской), а потом своим ходом по Военно-Грузинской дороге в Закавказье на турецкую границу в район Ахалкалаки, где он принял участие в боевых действиях и имел успехи.

Командир полка отмечал высокие боевые качества адыгов-всадников, их организованность и дисциплину. Это еще раз подтверждает несостоятельность официальной русской историографии XIX в., обслуживавшей экспансионистскую политику царизма, которая по отношению к горцам употребляла оскорбительные эпитеты: «толпа», «сборище», «хищники» и т. д.

Ниже приводятся списки всадников-адыгов из аулов Тахтамукайского района.

а. Тахтамукай: Исхак Тлепперше, Пшекуй Сообцок, Мусса Сообцок, Хатит Сообцок, Цикужи Тугуз, Ильяс Эдыджи, Нахтлеш Хатыт;

а. Шенджий: Учужук Куб, Магамтали Вашагунов, Пшемаф Гыш, Тлук Праток, Тлемаф Хаджимуков, Мешеост Куйсоков;

а. Козет: Огурлы Капсергенов, Ляш Тлехас, Пшемаф Гыш, Камбулет Хакуй;

а. Гривенский: Айе Хачак;

а. Лакиукай: Бамо Чениб, Бечь Тахтамуков, Баток Тлиш, Куй Почебак;

а. Тузугукой: Пенехес Учужиек, Ганбеш Хуако;

а. Тлюстенхабль: урядник Аслан-Гирей Эдыджи;

а. Бжегокай: Индар Бесленей, Алхасс Бжассо, Каджибий Хах, Тлюхунеш Хун, Лях Хатыт, Эмсых Натхо, Шупац Борен, Саукар Бжегаков;

а. Афуцип: урядник Хаджид Непсу; Исхак Шхоляхо, Смаил Хадехуане, Шахан Гирей Бжассо, Хасан Челешме, Сольшен Бадзаше, Аслан Гирей Тлехуж, Паух Тлеппок.

а. Псейтук: Умар Натхо (он же Андрей Кузьминский после крещения), Паты Шеретль, Начай Куше, Закерий Шхоляхо, Тлемаф Тхагуш;

а. Хапотук (Хаитук): Циок Натхо, Несу Тлехузов, Каспулет Баате, Цыку Ачмиз.

В декабре 1877 г. полк вернулся на Кубань и в городе Армавире всадники отправились по домам. Пен-тюхов отмечал, что со стороны турецкого командования были попытки переманить всадников-адыгов на свою сторону. При этом турки обещали им всяческие блага, но ни один из них не поддавался на такие уговоры.

В мае 1878 г. полк снова был сформирован. В него пришли те же всадники, которые побывали в Закавказье. Но в 1878 г. полк был отправлен на западную границу в район города Луцк для несения службы. В пути оставшихся или дезертиров не было.

16 августа полку устроил смотр прибывший в Киевский военный округ Александр II. Полк получил от царя высокую оценку и денежные награды» (ГАКК, ф.349, оп. 1, д.30; Аутлев М.Г., 2001).

6.9.9. Князья и владельцы аулов против своих соплеменников

6.9.9.1. «Гонимые черкесы желают поселиться в Черномории»: судьба клана Шеретлуковых

Повелеваем, по его желанию отвести в незаселенных местах черноморских казаков потребное пространство земли с угодьями ему для жительства и всем тем, кои с ним из-за Кубани переселиться пожелают.

Император Павел I (19.11.1798 г.).

Представляет интерес судьба Султана-Али Шеретлукова, сыгравшего немалую роль в трагическом исходе Бзюкской битвы – «Бзиикъзауи».

В 1792 г. вспыхнуло волнение шапсугского крестьянства. Поводом к этому восстанию послужили бесчинства и жестокость князей Шеретлуковых. Возмущенная толпа шапсугских тфокотлей-крестьян напала и разгромила двор одного из Шеретлуковых, оскорбила его мать и увела в плен молодую девушку. Многочисленные члены фамилии Шеретлука поклялись отомстить тфокотлям. Убежав со своими подданными в землю бжедугов, они обратились за помощью к бжедугскому князю Бат-Гирею. В 1795 г. Али-Шеретлук и Бат-Гирей побывали в Петербурге, где Екатерина II пообещала им военную помощь. Решающая битва состоялась 10 июня 1796 г. на берегу р. Бзюко, находившейся в 18 км к юго-западу от Екатеринодара; с обеих сторон в ней принимало участие свыше 50 тыс. чел.

В июле 1797 г. в рапорте атамана Котляревского Бердяеву упоминается шапсугский дворянин Султан-Али Шеретлуков. «Пересказывая мне, – говорится в рапорте, – что горские народы и их люди так притеснили, что не знают они, ежели Россия не примет, куды им деваться, просят о пропуске их самых к вашему высокопревосходительству для испрошения себе о приеме их с подвластными им обществами тысяч до

двух домов, ради всегдашнего под Россиюю жительства на Российскую землю, где приказано будет высочайшей монаршей милости, моего рассмотрения». Причем выговаривали с прискорбием и сие: «Ежели вскорости Россия на жительство к себе добровольно не примет, то мы, более не имея защиты и покровительства, будем через р. Кубань к вам на землю переправляться и без позволения начальства, а вы с нами что хотите, то и делайте. Пушай мы под Россиюю и помрем, только б враги наши с нас не посмеялись, ибо уже нас горские народы притеснили до Кубани так, что и к спасению себя с нашими людьми от горцев другого средства, кроме уходить под защиту России, не имеем» (Дмитренко.И.И., 1898. Т. 4).

Так и случилось. Теснимый шапсугами с одной стороны и бжедугами с другой, дворянин Султан-Али Шеретлуков 16 апреля 1798 г. самовольно переправляется на правый берег Кубани. С ним было 31 мужского и 17 душ женского пола. Гонимый просил приюта на казачьей земле.

Есаул Гулик довел до его сведения, что по велению царя выходцы с левобережья Кубани не могут быть приняты. А Шеретлуков сказал тому же есаулу Гулику, временно управляющему Черноморским войском, что *за свою приверженность России он должен погибнуть от своих же соплеменников*. Поэтому дворянин ищет покровительства и решается лучше умереть между черкесами и русскими, утопив себя со своим семейством и подданными в Кубань-реке. И добавил, что ему черкесами предназначена насильственная смерть.

Все же Гулик не решился принять дворянина, а доложил обо всем Новороссийскому губернатору генералу Коховскому. 4 мая 1798 г. граф Коховский предписал удалить беглых черкесов на левобережье Кубани. После категорических отказов Шеретлукова идти обратно за Кубань ему было разрешено «...со всеми находящимися при нем людьми плыть на лунтрах (черкесские малые суда) Кубанью мимо наших берегов до темиргоевских селений».

В Петербурге атаман Черноморского войска генерал Котляревский через действительного статского советника Лашкарева докладывал царю, что *гонимые черкесы желают не только поселиться в Черномории, но и зачислить их в войско*. Пользу от этого Котляревский мотивировал тем, что беглые черкесы могут увеличить воинственное население на кубанской границе. Заверял он при этом, «что если примут первых перебежчиков, то за ними последуют другие. И, чтоб они не имели сообщений с соплеменниками, нужно только удалить закубанских выходцев хотя бы на первое время от Кубани верст на 300...».

Это сообщение Котляревского было вызвано прибытием в Петербург Шеретлукова. Теснимый, гонимый дворянин Султан-Али просил принять его в русское подданство. Государь Павел I рескриптами 19 и 29 ноября 1798 г. на имя графа Коховского дал разрешение дворянину Шеретлукову со своими подданными селиться на правобережье Кубани «...и всем тем, кои с ним из-за Кубани переселиться пожелают». Воля государя была передана графом Коховским атаману Черноморского войска Котляревскому 22 февраля 1799 г. К нему прибыл Султан-Али Шеретлуков с подданными в числе 100 душ. В марте того же года они поселились в урочище Гривенном, вблизи устья Ангелинского ерика. Ниже приведем подлинный текст рескрипта Павла I:

«Господин генерал от инфантерии и Новороссийской военной губернатор граф Коховский!

Всемиловитейше снисходя на прошение Султана-Али Шеретлуг Оглу, владельца закубанского народа шапсига, и приемля его со всем семейством и его подданными в наше покровительство и подданство, повелеваем, по его желанию отвести в незаселенных местах черноморских казаков потребное пространство земли с угодьями ему для жительства и всем тем, кои с ним из-за Кубани переселиться пожелают. Какое же сему распоряжение вами учинено будет нам представить и пребываем к вам благосклонны.

Оригинальный подписал собственною Его Императорского Величества рукою тако: Павел.

Санкт-Петербург, ноября 19 дня 1798 г.» (ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 20, л. 25; Чемсо А.К., 2002. с. 19).

6.9.9.2. Султан-Али Шеретлуков: «За репрессалии, чинимые закубанским абазинцам и черкесам, ...пожалован монаршим благоволением»

Султан-Али Шеретлуков был весьма полезен. Кроме репрессалий, деланных черкесам за Кубанью, где он всегда был проводником войскам нашим, по известности ему тамошних мест, не менее способствовал поражению неприятеля лично своею храбростью.

Из рапорта современника (Цит. по: Чемсо А.К., 2002).

Шеретлуковы-дворяне, рыская в степи, подобно волкам, Серызали ради гоми жизнь людскую. За то прогнали их с земли своей шапсуги...

Из старинной адыгской песни.

Дальнейшая жизнь Султана-Али Шеретлукова – непрерывная цепь предательств, «репрессалий» (карательная акция. – Авт.) против своих же соотечественников. Как сообщают архивные источники, Али Шеретлуков был «...первоначально за отличное усердие к службе и верности во второй день июля 1802 г. пожалован чином подполковника».

Позже атаман Бурсак в рапорте Розенбергу от 15 декабря 1804 г. сообщает, что во время похода в Закубанье в свой отряд он «...привлек перешедшего на сторону России подполковника, шапсугского дворянина Султана Али Шеретлук оглу «для показания дорог» и с ним пятерых черкесских дворян. За отличную

верность и усердие в службе, оказанные им в чинимой закубанским шапсугским народам в декабре месяце репрессалии, пожалован кавалером св. Анны 3-го класса. За его «разведочную службу» ему было назначено жалование 450 руб. Потом за отличие в сражениях, оказанные в репрессалиях же, чинимых закубанским абазинцам и черкесам с 5 по 10 мая 1807 г. и в феврале 1810 г., Али Шеретлуков пожалован: за первую монаршим благоволением, а за последнюю орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В марте месяце сего последнего года (1810) был за Кубанью в походе, и за отличия в действии противу неприятеля, оказанные 11 числа, награжден орденом св. Анны 2-го класса. Затем, по засвидетельствованию господина генерал-лейтенанта и кавалера Дюка де Ришелье, за отличное усердие в службе и мужество, вновь оказанные в сражении с черкесами 21 и 22 чисел декабря 1810 г., при занятии турецкой крепости Суджук-кале (ныне – Новороссийск) пожалован в полковники в феврале 1811 г..

Далее читаем: «...Султан-Али Шеретлуков был весьма полезен. Кроме репрессалий, деланных черкесам за Кубанью, где он всегда путеводительствовал (был проводником) войскам нашим, по известности ему тамошних мест, не менее опоспешествовал (способствовал) поражению неприятеля личною своею храбростью ...». Вот такие «заслуги» перед новым отечеством оказал Шеретлуков за короткий промежуток времени (Чемсо А.К., 2002. с. 19-20).

6.9.10. «Я твой Бог и царь!»: генерал Пшекуй Могуков против своих соотечественников

*Час страданий нескончаем,
Дольше долгих-долгих лет,
О, когда ж мы повстречаем
Миг спасения от бед?*

Дильшод (1801–1904).

«Казачи-адыги», перешедшие на русскую сторону и служившие в Черноморском казачьем войске, жили в селении Ады и ст. Гривенской, основанной в конце XVIII в. неизвестным Али Шеретлуковым, занимаясь земледелием и скотоводством. Главную роль в жизни населения ст. Гривенской играли офицеры-адыги из числа дворян, перешедших на сторону царизма. Следует отметить, что гнет со стороны «своих» феодалов был для простых адыгов зачастую даже сильнее царского, колониального.

Начало недовольства казаков ст. Гривенской связано с действиями полковника (позже генерал-майора) Пшекуя Могукова. Этот адыгский дворянин на русской службе пользовался большим доверием командования и выполнял ответственные поручения.

6.9.10.1. Пшекуй Могуков: к биографической хронике

...Пшекуй Могуков, участник Отечественной войны 1812 г., штурм Анапы в 1828 г., боевой казачий генерал (родом из черкесов).

Очерки истории Кубани (1996).

Могуков Пшекуй Довлетчирович (1788–1864), шапсуг, – генерал-майор (1849). С 10.06.1808 г. – казак на службе в Черноморском казачьем войске; участник Русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Произведен в чин хорунжего 30.01.1812 г. Участник Отечественной войны 1812 г., награжден серебряной медалью. С 1821-го по 1825 г. – есаул 6-го конного полка, в 1826 г. – командир этого полка, к 1830 г. – войсковой старшина, к 1844 г. – полковник.

В 1821 г. награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом «За Калаусское сражение». Именно он, Пшекуй Могуков, был тем «умелым артиллеристом», чьи батареи решили исход сражения на Калаусском лимане, в результате которого погибло свыше 1000 горцев (Епифанцев А.А. 2010. С.103-104). «За отличие, проявленное против нутхайцев в 1830 г.», награжден орденом св. Владимира 4-й степени; «За отличие против шапсугов» – орденом св. Анны 2-й степени (1831). Награжден также орденами св. Станислава 2-й степени, св. Анны 2-й степени с императорской короной, св. Станислава 2-й степени с императорской короной, св. Владимира 3-й степени с бантом, золотым оружием – саблей с надписью «За храбрость» (Казаков А.В., 2006).

Родные братья – Крым-Гирей, а также Бешук (подполковник) и Урус-Бей (полковник).

Бешук Довлет-Гиреевич Могуков шапсуг. 1796 г. рождения. Первый офицерский чин хорунжего получил 19 июля 1828 г. Имел ордена св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Анны с надписью «За храбрость», св. Анны 3-й степени с бантом. Получал жалованье в 123 руб. серебром. Дослужился до чина подполковника.

Есаул Урус-Бей Довлет-Гиреевич Могуков (его имя встречается как Абрам, Брак, Брам, а в песнях – Хьэбрак), шапсуг. 1799 г. рождения 12 декабря 1831 г. хорунжий. Награжден орденами: св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени, св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Станислава 2-й степени, знаком ордена св. Георгия. Жалованье 123 руб. серебром плюс пенсия 3 руб. 45 коп. Дослужился до чина полковника (Чемсо А.К., 2002).

В одной черкесской песне о нем так поется:

Шапсыгъэ быдзыщэм укъешьо,
Къо лэпсым уешьоуи озау,
Мыгукъок1э Хъэбыракъыжъ,
Къэгъазэба, джаурмэ яшыу!

Вскормленный грудью шапсугской женщины,
Воюешь, хлебная бульон свиной,
Могуков, презренный Хабрак,
Возвращайся же домой, всадник гяуров!

Сам Пшекуй Довлетчериевич (он же: Петр Дмитриевич) Могуков проживал в ст. Гривенно-Черкесской. Был опекуном Хан-Гирея и женат на его родной сестре – Ханифе Мамат-Гиреевне. Детей не имел.

6.9.10.2. Произвол высокопоставленного самодура

Он (Могуков) творил казакам-адыгам Гривенской обиды отобранием незаконными путями не только имущества, но даже жен и детей.

**Из депутатской справки о «деяниях»
владельца аула (июнь 1844 г.).**

Рост хозяйственного благополучия Могукова начался с того, что он в начале своей карьеры, в 1822 г., из партии захваченных за Кубанью пленников часть взял себе, а часть отдал жившему на Тамани есаулу Султану Селим-Гирею. По существу, пленные адыги были превращены в полных и безответных рабов Могукова. С садистской жестокостью Могуков выгонял маленьких детей из дома, разрешая им ночевать лишь в холодных сенях. Это привело к тому, что один шестилетний ребенок, «будучи полунагой, искал убежища от стужи около огня и, оставшись в ночи один около мечета (печь. – Авт.), который был наполнен с вечера, и не бывши никем взят в хату, от принуждения стужи влез в мечет, коего, к сожалению, и нашли на другой день поутру испеченным». До каких пределов доходил произвол Могукова, можно судить по следующему случаю: сотник Гусейн избил казака Готпша Рождока, и когда тот, не выдержав побоев, изругал Гусейна, то Могуков приговорил пострадавшего к уплате 250 руб. в пользу Гусейна за оскорбление.

Беглый шапсугский крепостной крестьянин Пшеон Тлепсук жаловался во время следствия, что он после зачисления в списки казаков ст. Гривенской был взят Могуковым в качестве работника, трудился у него два с половиной года и получил за это только 5 руб. серебром. Попытка с его стороны напомнить, что он, Тлепсук, казак и «находится под покровительством русского правительства», привела лишь к тому, что Могуков заявил ему: «Я твой Бог и царь!». Не останавливаясь на этом, Могуков пошел еще дальше. Он, как показали прибывшие в Екатеринодар депутаты, «творил казакам-адыгам Гривенской обиды отобранием незаконными путями не только имущества, но даже жен и детей». На почве подобных злоупотреблений столкновение между рядовой станичной массой и офицерской верхушкой стало неизбежным.

6.9.10.3. Бунт: «Требуем беспристрастных выборов новых станичных правителей»

Противники Могукова не прекратят борьбы до тех пор, пока не добьются удаления Могукова из станицы или же не изведут все их колено.

Гусейн Керзечь (февраль 1847 г.).

Волнения в станице начались в начале июня 1844 г. Группа рядовых казаков: Бату Ротук, Хабоху Борен, Балу Гапач Жаде, Сахут Керзечь и урядник Бзекочас Козик – взяла на себя инициативу организовать своих одностаничников и ходатайствовать перед начальством об отстранении от станичных дел полковника Могукова. Однако власти не решились идти против Могукова. В ответ на это казаки ст. Гривенской в сентябре 1844 г. подали генералу Раппину докладную записку, в которой просили установить у них управление «по русскому закону». Введенные войсковой администрацией в состав станичного правления новый атаман хорунжий Гацук Тотаюк (Хацук Тутаюк) и судья урядник Бейзрук (Байзрук) Баронов принадлежали к дворянско-офицерской группировке и послушно проводили ее желания. Сообщение об их назначении 17 декабря 1844 г. вызвало бурный взрыв негодования «партии низшего класса» и сопровождалось столкновениями со станичной верхушкой. Примириться с таким положением русские военные власти не могли и немедленно встали на путь репрессий: «главнейшие из противящейся партии» казаки Бату Ротук, Гапач и Товкмаш Жаде, Смаил (Исмаил) Козик и Гучапс Борен были арестованы и под конвоем отправлены в Екатеринодар, но по дороге их догнали 70 человек вооруженных адыгов из числа их сторонников и объединились с ними в ст. Старонижестеблиевской. Русские конвойные казаки, сочувствуя повстанцам, не оказали сопротивления, и арестованные вместе со своими освободителями беспрепятственно возвратились в Гривенскую.

А.К. Чемсо (2002): так освещает этот аспект противостояния Могукова и станичников: «С возрастанием населения обострялось и противоборство между отдельными группами. Так, группа людей начала

ставить вопрос об удалении полковника П. Могукова из станицы. 12 июня 1844 г. жители Черкесской станицы в составе двух урядников и 41 черкеса казака прибыли в Тамань. Почти все они имели боевые награды. Просили разрешить самим «...избрать из своей среды атамана и судей в станичные правители, а господину Могукову воспретить самоуправство». П. Могуков был заметной фигурой в станице. Он, как старший и по званию, и по годам среди служивших в Черномории своих единостаничников, видимо, считал себя более опытным руководителем, потому и рассчитывал на уважение к своим распоряжениям. Действительно, препровожденным в сию станицу пленным черкесам он давал приют, хоть и не ласкал их, но на первое время обеспечивал первой необходимостью. Разумеется, они у него работали. Также, продолжая состоять на службе, он одновременно активизировал свою деятельность по обустройству и руководству родной станицей. Он советовал войсковой администрации, кого можно назначить атаманом и судьями станицы.

С таким положением дел не хотела считаться определенная часть станичников, которая 4 августа 1844 г. дала письменное клятвенное обещание, где, между прочим, говорилось (орфография и стиль авторов сохраняются): «...Когда меня будут спрашивать, с каким намерением в Гривенском Черкесском ауле составила секретная партия черкес и принята ими присяга, скажу самую сущую правду, ниже чего утаить ли прибавить, не для дружбы, вражды, свойства склонности и подарков, ни страха ради, злости и ненависти, но по сущей моей магометанской вере. Велик мне всемогущий Господь Бог и 4 пророка, да помогут. В заключение сей моей клятвы целую слова Алкорана, – книги, данной от Бога моего. Аминь, Аминь, Аминь. Сотник Хусейн Цей, хорунжий Хацук Тутаяк, прапорщики Хумед Бжадже (Хумит Бжассо), Дако Нагой, Тлюстенгаз Карзеч, урядник Эбергам Козин, простые черкесы: Нат Козин; Ислам Хадипаш, Тлехук Тлиш, Акар Хурум, Нарчу Джарим...» (ГАКК, ф. 254, оп. 1, д. 357, л. 22).

6.9.10.4. Князь Воронцов: «Отстранить от управления станицей сторонников Могукова...»

Поистине, всякому полностью воздаст твой Господь за их дела: ведь Он сведущ в том, что они творят...

Коран. Сура 11; 113.

Я прошу объявить жителям, что они в поступках их прощаются, но внушить им, чтобы они жили мирно, повиновались начальству и что справедливые жалобы их никогда не будут оставлены без рассмотрения и удовлетворения.

М.С. Воронцов, князь, наместник Кавказа (9.02.1847 г.).

В ответ на справедливое требование жителей станицы, командование потребовало у бунтовщиков «испросить прощение у полковника за несправедливые жалобы». Но наиболее непримиримые из бывших адыгских крепостных решительно отказались идти на поклон к Могукову. Гусейн Керзеч выступил с горячей отповедью. Он заявил, что противники Могукова не прекратят борьбы до тех пор, «пока не добьются удаления Могукова из станицы или же не изведут все их колена». И наконец, 9 февраля 1847 г. при полном сборе станичного общества командированный в Гривенскую полковник Борзик прочел предписание князя М.С. Воронцова, в котором тот отстранял от управления станицей сторонников Могукова и разрешал произвести перевыборы станичного правления. После этого торжественно были произведены «беспристрастные выборы новых станичных правителей». Предательская деятельность Могукова по отношению к своему народу была прекращена, в конечном счете, силами самих адыгов...

Этот эпизод в освещении А.К. Чемсо представляется следующим образом: «Когда 17 декабря 1844 г. представитель войсковых властей объявил, что войсковая администрация назначила атаманом Хацука Тутаяка и судьей урядника Байзрука Баронова, произошло столкновение между офицерской верхушкой и простыми людьми. Простолюдины не были согласны с назначением указанных лиц на эти должности. Произошло столкновение, где пострадали обе стороны. У некоторых офицеров были разрушены хозяйственные постройки, а у двора княжны Ахиджаковой была сломана ограда. Большая группа из числа «секретной» партии заявила представителю властей, что назначенным начальникам станицы они подчиняться не будут. В ответ русские военные власти решаются арестовать главных зачинщиков: братьев Хапача и Товкмаша Жаде, Балу Ротока, Гучапса Борена, Исмаила Козина. Их действительно арестовали и под конвоем отправили в Екатеринодар. Но на пути их догнала партия из 70 вооруженных всадников Черкесской станицы в районе ст. Старонижестеблиевской. Примечательно, что конвойные русские казаки не оказали никакого сопротивления и арестованные со своими освободителями благополучно возвратились домой. Власти не стали пускать в ход оружие.

Дело дошло до наместника Кавказа, князя Воронцова. И по его распоряжению в конце ноября 1846 г., в Екатеринодар были вызваны представители враждующих партий. Войсковой атаман Завадовский, выслушав претензии обеих сторон, дал согласие обществу ст. Гривенско-Черкесской избрать по своему усмотрению атамана и судью. И 9 февраля 1847 г. при полном сборе жителей станицы командированный к ним полковник Борзик прочел предписание князя Воронцова, где, между прочим, было сказано: «...Я прошу объявить жителям, что они в поступках их прощаются, но внушить им, чтобы они жили мирно, повиновались начальству и что справедливые жалобы их никогда не будут оставлены без рассмотрения и удовлетворения». В тот же день отстранялись атаман и судья, и они приобрели статус выборных должностей» (Чемсо А.К., 2002).

6.9.11. «Они вкусили зловредность своих дел...»

6.9.11.1. Князь Данбек-Лов: судьба предателя

Они вкусили зловредность своих дел, и им – мучительное наказание.

Коран. Сура 59; 15.

Не они ли бесславят доброе имя, которым вы называетесь?

Библия. Послание Иакова (2; 7).

Военные операции против адыгов готовились царскими генералами тщательно, и во многих случаях их успеху способствовали сведения, получаемые от лазутчиков. Нередко в качестве лазутчиков использовались адыги, в том числе высокопоставленные, получавшие денежные вознаграждения за информацию (Панеш А.Д., 1999. с. 87).

Впервые имя предателя адыгского народа Данбек-Лова встречается в сообщении о разгроме в мае 1824 г. аулов между Лабой и Зеленчуком отрядом полковника Кацырева (Коцырева), который «...через своего лазутчика, абазинского князя Данбек-Лова знал решительно все, что горцы задумывали». Именно о людях, подобных ему, писал Шота Руставели:

*Вслед за телом губят душу
Двоедушье и обман...*

Как сообщает В.А. Потто (1885), Кацырев «порешил наказать абaziнов». Но прежде чем напасть на них, принял меры к усыплению их бдительности, и лучший лазутчик его князь Данбек-Лов отправился с этой целью в землю своих соотечественников. Лов ездил по аулам, куначил и бражничал там, уверяя всех и каждого, что Кацырев собирается громить абадзехов, а об абазинах и не думает. Между тем, он высматривал и изучал удобные пути, чтобы быть проводником русского отряда. 18 июня 1824 г. казаки Кацырева спустились в долину Малого Зеленчука, где увидели три больших аула. Лов сообщил, что это аулы Клычева и князей Дударуковых.

Казаки окружили аулы; жители полураздетые, безоружные метались во все стороны; скоро в аулах, по словам очевидцев, уже «шумели и ходили волны пламени». С мужеством отчаяния черкесы защищали свои семьи, но это приводило только к их гибели. Началось поголовное истребление. Гибель мужей, отчаяние жен и детей, отторгнутых от своих защитников, представляло, по словам очевидцев, ужасное зрелище. *200 трупов разбросаны были по оврагам и лесным тропинкам, 370 пленных, согнанных в кучу, оглашали воздух воплями. Среди убитых были карачаевский старшина Кубиев (Хубиев. – Авт.), молодой сын кабардинского князя Магомета Атажукина, владельцы аулов Клычев и князь Мамсир Дударуков, а жена последнего, раненная пашкой, была взята в плен. Многие жители утонули при спешной переправе через речку; особенно много погибло детей, спасать которых было некому (Барзbieв М.И., 2005. Вып. II). Эта тяжелейшая сцена напоминает библейское пророчество: «Беда единственная, вот идет беда. Конец пришел, встал на тебя; вот дошла. Дошла напасть на тебя... Приходит время, приближается день смуты, а не веселых восклицаний на горах» (Книга пророка Иезекииля, 7; 5-7).*

Добыча оказалась огромной: лошадей захвачено 600, крупного рогатого скота 1200, овец свыше 10 тыс. голов. *Потери царских войск: 2 убитых и 5 раненых.* Такова была «цена» предательства князя Данбек-Лова. Как сообщает В.А. Потто (1885), его поступок скоро огласился по всем закубанским аулам, и имя его стало в горах синонимом измены и предательства. Данбек-Лов не избежал кровавого мщения своих соотечественников. Через два месяца брат убитого князя Мамсира Дударукова подстерег его со своими уздениками в то время, когда Лов подъезжал к своему аулу на левом берегу р. Кубани. Семью пулями он был убит наповал. Поистине, «Кто делает зло, будет тому воздано тем же» (Коран. Сура 4; 122). Или библейское: «Глаз за глаз, зуб за зуб, рана за рану...» (Исход, 21; 24-25).

Эта история имела свое продолжение. Как отмечали современники, «гибель одного не уменьшила числа людей, преданных России даже в среде гордых черкесских князей, и после Данбек-Лова стал водить русские отряды Измаил Алиев (как говорится, свято место пусто не бывает. – Авт.). А полковник Кацырев запомнил смерть своего лазутчика и не упустил случая отомстить за нее. 24 июля его войска перешли р. Уруп, разорили аулы абазинского князя Дударука, сожгли уже сжатое, в снопах, просо. Несколько позже они разгромили абазинские аулы Джантемирова в верховьях Зеленчука. Аулы сожгли, а поля специально вытоптали. Все, что оказало сопротивление, погибло, – завершает свое скорбное повествование очевидец.

6.9.11.2. Каратель кабардинского народа – полковник, князь Ф.А. Бекович-Черкасский – «родом кабардинец»

Князь Бекович теряет право на награду тем, что ...дело было окончено совершенным истреблением более 300 семейств, в коих, конечно, большая часть были женщины и дети.

Император Александр I (1825).

Генерал А.А. Вельяминов, командующий Кавказской линией, воспользовавшись сведениями, что закубанцы и «беглые» кабардинцы готовятся освободить Кабарду от царских войск, решил сам нанести по

ним упреждающий удар. В апреле 1825 г., проведя подготовительные мероприятия, он двинулся на «беглых» кабардинцев и закубанцев, перенеся таким образом военные действия за Кубань. Крупный отряд, состоявший из трех батальонов пехоты, двух казачьих полков (Кубанского и Кавказского) при поддержке 18-ти орудий, во главе с самим Вельяминовым, форсировал Кубань. Целью похода было захватить в верховьях Кубани «...беглые кабардинские аулы князя Али Кара-Мурзина, богатейшего и влиятельнейшего из кабардинских владетелей» («История многовекового...», 2007).

Экспедиция завершилась «несомненным успехом»: казаки захватили огромный аул Кара-Мурзина «совершенно врасплох». Начался, по словам очевидцев, беспощадный приступ, казаки зажгли дома – и население гибло в пламени. Владелец аула Кара-Мурзин был убит в бою. Увидев это, княгиня выскочила из дома, держа в руках мешок с 700 червонцами. Как пишут очевидцы, казаки мгновенно выхватили золото, но ее оставили в живых. Другая женщина, жена только что убитого узденя, сама подожгла свой дом и сгорела в нем. Каратели захватили 4000 голов скота и лошадей, в плен было взято только 139 душ, а все остальное население погибло или в бою, или в пламени. Казакам удалось собрать и похоронить 570 трупов, но по свидетельству самих кабардинцев, одних убитых среди них было более 1000 чел. «Никогда еще кабардинцы не терпели такого страшного опустошения!», – восклицает В.А. Потто (1885).

Этот эпизод, несмотря на его тяжелейшие натуралистические подробности, по сути, ничем не отличался бы от подобных «акций» царского самодержавия по покорению Кабарды, если бы не один «незначительный» факт. Возглавлял тогда отряд казаков – карателей кабардинского народа тоже кабардинец – полковник царской армии, князь Федор Александрович Бекович-Черкасский. Как отмечает В.А. Потто (1885), «...не лишен значения тот факт, что этот страшный погром беглым кабардинцам был нанесен, в лице Бековича, их же соплеменником прежней княжеской фамилии, одной из отраслей рода Джембулата».

Подробная родословная этого «героя» – покорителя женщин и детей, – была приведена выше, в разделе 1.3.11.7. Напомним, что князь Федор Александрович, виновник разгрома Кара-Мурзинского аула, был младшим сыном князя Бековича-Черкасского, тоже Александра. Его отец был генералом русской службы. Женился на княгине Любове Александровне Кончаковой (из кабардинской фамилии Мударовых), воспитывавшейся в России.

В 1806 г., во время покорения Баку Федор Александрович за отличие был произведен в поручики. В 1810 г. воевал за Кубанью. Молодой князь сопровождал в Петербург персидского посла, привезшего императору в подарок от шаха слона. В 1816 г. переведен в гвардию. Генерал Ермолов, отправляясь на Кавказ, пригласил Ф.А. Бековича с собой, видя в нем человека, незаменимого в предстоящих ему делах, т.к. кроме нескольких европейских и своего черкесского, князь владел в совершенстве языками: турецким, персидским, кумыкским и татарским. Дослужился до чина полковника, в коем и участвовал в разгроме кабардинских аулов.

Получив донесение об уничтожении аулов беглых кабардинцев, Ермолов ходатайствовал о награждении его орденом св. Георгия 4-й степени «за предприятие отлично смелое и самым удачным образом исполненное». Но император Александр не был доволен действиями Бековича. Он писал Ермолову: «Если распоряжения его к первоначальному нападению и заслуживают награды, – то, с другой стороны, он теряет право на нее тем, что благоразумно начатое дело было окончено совершенным истреблением более трехсот семейств, в коих, конечно, большая часть были женщины и дети, не принимавшие участие в защите» (Опрышко О.Л., 2007).

Но неудовольствие государя не имело для Бековича-Черкасского дальнейших последствий, а следующая затем экспедиция доставила ему даже Георгиевский крест. Более того, по распоряжению императора князю Бековичу был «пожалован» участок земли 98 тыс. десятин в Малой Кабарде. Беглые кабардинцы, со своей стороны, поклялись тогда истребить весь род и аулы Бековича; они решили даже похитить престарелую мать его и предать ее истязаниям из мести к сыну. Но им не удалось привести этот план в исполнение.

6.9.11.3. «Предатели ненавистны всем...»

Предательство, может, кому и нравится, предатели же ненавистны всем.

М. Сервантес (1547-1616).

И мы знали, что Бог жаждет их крови, ибо на их душе лежал грех предательства, – они предали тех, чей хлеб и чью соль они ели.

Р. Киплинг (1865-1936).

Гордясь своими предками-героями, наш современник должен знать и имена тех, кто, увы, предавал (и продавал) свою Родину, свой народ. Вот имена некоторых из них:

Абуков Эдык, майор
Адил-Гирей Султан, ген.
Ажигоев Б.
Али Букк, работ.
Али-Бей, работ.
Анзоров Таусултан

Ахеджаков Аледжук, князь
Ахеджаков Альбек, князь
Бабуков Хаджи
Бармамытов, уздень
Батуков Гатазук, двор.
Бекович-Черкасский Ф., князь

Бечканов Эдичь, князь
Бечканов Яндар, князь
Бибердов Давлет-Гирей
Богарсуков И.П.
Болотоков Байзрук, князь
Борук Ибрагим, работ.

Букк Али, работ.
Вели Саид, работ.
Гайдар Ибрагим, работ.
Гирей Азамат Улагай
Догужиев, подп.
Дукмасов И., полк.
Дунахай, работ.
Иранек Измаил, работ.
Ирил Оглу Ахмет, работ.
Казак-оглы Нурадин, пров.
Калабатов Аслан Гирей-бек, есаул
Капланов-Нечаев
Карма Идрис, работ.
Карма Мустафа, работ.
Керендуков Яндар, князь
Кимки Осман, работ.
Кожоков Хажимет, уздень

Кончукоко Пшемаф, князь
Лоов Мамет-Гирей, князь
Мамаев Султан Мурат, кап.
Могуков Пшекуй, ген.
Могуков Урусбий, полк.
Напцов, уздень
Наурузов
Начь Хагучь, работ.
Пачев, пров.
Сагат-Гирей, ротм.
Тавшук, поруч.
Тагир Агвай, работ.
Трапизон Аслангер, работ.
Туганов Муса, князь
Тугуруков Ч.
Туко Ислам, ротм.
Умер Гоген, работ.

Хаджи Агвай, работ.
Хаджи Беггеней (Бегленей), работ.
Хаджи Оглу Саид, работ.
Хаджимуков В., князь
Хадко Селим, работ.
Хатавжука-Необате, работ.
Хуаз-Хадж
Хуциж Агиш, работ.
Черченоков Пшекуй, двор.
Шабанов Х.
Шерданов, уздень
Шеретлуков Алкас, двор.
Шеретлуков Баштан, двор.
Шеретлук-оглы Султан, полк.
Шереужев, пров.
Эльбуз
Энох Неглу, работ.

Условные обозначения: бриг. – бригадир; ген. – генерал; двор. – дворянин; кап. – капитан; подп. – подпоручик; полк. – полковник; поруч. – поручик; пров. – проводник царских войск; работ. – работоторговец; ротм. – ротмистр.

6.10. Судьба братьев-кабардинцев: «Разорил и рассеял всю Кабарду...»

6.10.1. Генерал Засс: «В сей поход наши войска явили пример мужества, усердия и терпения»

Не призывайте сегодня одну гибель, а зовите много гибелей!

Коран. Сура 25; 15.

Земля опустошена вконец и совершенно разграблена...

Библия. Книга пророка Исайи (24; 3).

Как отмечал барон Сталь (1849), «...издревле Кабарда принадлежала к странам самым сильным, богатым и страшным на Кавказе. Гордясь своим именем и отечеством, они (кабардинцы) сохраняют воинственный дух, переданный им предками». Однако, несмотря на мужество и героизм горцев, судьба Кабарды как независимой территории, была решена. Как было отмечено выше, с 1830 г. центр тяжести военных действий царизма переносится в Западную Черкессию, но карательные экспедиции в Кабарду продолжались практически до конца Кавказской войны. Приведем лишь несколько примеров «акций умиротворения» братьев-кабардинцев.

С 20 по 23 ноября 1831 г. отряд генерала Флорова громил аулы абазинских князей Кечевых и кабардинского князя Хаджи-Хамурзина; взято в плен 360 душ горского населения, угнано до 1000 голов скота. 15 июня 1834 г. «кровавый генерал» Засс с отрядом в 2300 человек и с 5 пушками разграбил два аула баракаевцев. Захвачено в плен 56 человек, убито 10. При этом потери русских войск: 4 убито, 14 ранено. Затем Засс отправился в новый поход к кабардинскому аулу Анзорова, населенному абреками. Аул сожгли. В начале ноября этого же года Засс решил разорить Тамовский аул, чтобы, по его словам, «еще более устрасшить горцев». Аул был взят приступом, сожжен, и под развалинами было погребено немало джигитов. В пламени погибли и мирные жители, не успевшие скрыться в горах; 24 человека взято в плен. «В сей поход, – гордо рапортовал Засс, – наши войска явили пример мужества, усердия и терпения».

Жестокие, непрекращающиеся военные экспедиции царских войск способствовали уходу кабардинцев за Кубань. Скорбные строки старинной кабардинской песни донесли до нас горе изгнанников:

Мирно мы жили – о, горе!
И овцы паслись на равнине.
В диких горах теперь мыкаем горе:
Бежать нам пришлось с равнины...

Особенно усилились карательные акции с приходом на Кавказ генерала Ермолова, который не без гордости говорил: «Хочу, чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатцев законом, вернее неизбежной смерти». Как свидетельствуют документы, Ермолов «...разорил и рассеял всю Кабарду».

6.10.2. Генерал Ермолов: «Моровая язва была союзницей нашей против кабардинцев»

Третья часть у тебя умрет от язвы и погибнет от голода; вторая – падет от меча, а третью часть развею по всем ветрам.

Книга пророка Иезекииля (5; 12).

Без этой страшной природной стихии, по существу, уничтожившей Кабарду как значительную военную силу, исход противостояния царских войск и кабардинцев был бы неясен.

С.Н. Бейтуганов (2007).

С устройством генералом Ермоловым новых укреплений и крепостей, Кабарда оказалась отрезанной от закубанских адыгов. Лишенные крова и средств к существованию, десятки тысяч кабардинцев умирали от голода, чумы и других болезней.

По данным разного рода писцовых книг, в середине-конце XVIII столетия в Кабарде было около 200 больших и малых аулов. Но уже в 1824 г., согласно «Ведомости...» Якуба Шарданова, здесь оставалось 105 населенных пунктов: 84 – в Большой Кабарде и 21 – в Малой Кабарде. А на карте, составленной в 1842 г., в Большой Кабарде осталось только 52 аула, а в Малой Кабарде и того меньше – всего 18 аулов. Конечно, в таком катастрофическом сокращении количества аулов (население в них также сокращалось) повинна не только колонизация Кабарды царскими войсками, хотя это, разумеется, главная причина.

Генерал Ермолов, не гнушаясь никакими низменными средствами, даже если это повальная смерть целого народа, лишь бы эти средства верно служили интересам своей колониальной империи, с поразительным злорадством и равнодушием к судьбам кабардинцев писал: *«Моровая язва была союзницей нашей против кабардинцев, ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и произведя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже, как прежде, собираться в больших силах, но делали набеги малыми партиями».*

Как свидетельствует один из очевидцев, в результате эпидемий чумы 1804 и 1810-1812 гг., «кабардинцев осталась едва пятая часть, да и те истребляются язвою». А согласно рапорту бывшего пристава Кабарды Дельпоццо генералу Тормасову, «...кабардинцы от заразной болезни остались совершенно бессильны, будучи потеряв из своей силы прежнего величия девять долей (т. е. потеряли 9/10 своей силы. – Авт.)». Есть и другие аналогичные сведения об опустошениях, произведенных чумой в Кабарде, но уже сказанного достаточно, чтобы убедиться в ее катастрофических последствиях для судеб адыгского народа. Как справедливо подчеркивает С.Н. Бейтуганов (2007), «...без этой страшной природной стихии, по существу, уничтожившей Кабарду как значительную военную силу, исход противостояния царских войск и кабардинцев был бы неясен».

6.11. «Лучше быть с русскими, чем повиноваться турецкому султану»: участие адыгов в Крымской войне

*Турок презренный, кровавый и злой падишах,
Что тебе надо в свободных адыгских краях,
Что ты, беснуясь, по морю ведешь корабли,
Мало ль тебе, о неверный, турецкой земли?*

А. Гадагатль.

*Их (черкесов) пассивность в годы Крымской войны
лишний раз доказывает ту простую мысль, что черкесы
не желали выступать в планах Турции и ее союзников
в роли «пушечного мяса».*

А. Керашев (1989).

В октябре 1853 г. началась Крымская война, в которой России противостояли Англия, Франция и Турция. Учитывая ненависть адыгов к царским колонизаторам, союзники стремились использовать подъем национально-освободительной борьбы горцев для достижения своих захватнических целей на Северо-Западном Кавказе. Одним из «рычагов» воздействия на черкесов была пропагандистская миссия Мухаммеда Амина. Англо-франко-турецкое командование возлагало на нее большие надежды. В частности, союзники ожидали от Мухаммеда Амина предоставления 10-тысячной черкесской конницы. Однако, этим замыслом не суждено было сбыться. Большое число жителей аулов, прилегавших к левому берегу р. Кубани, не желая идти за Мухаммедом Амином и поддерживать турок в наступающей войне, просили русские власти разрешить им переселиться на правобережье Кубани. В конце-концов, Мухаммед Амин почувствовал свое бессилие поднять народы Западного Кавказа на поддержку Турции в ее борьбе с Россией. Интересны официальные английские донесения относительно положения набе: «Его влияние в стране очевидно ослабло, в частности, на побережье, благодаря оппозиции тех, кто привык к сношениям с русскими, а это большая часть натухайцев, с которыми он сурово обошелся».

Отстаивая свою независимость в борьбе с царизмом, горцы отнюдь не собирались подчиняться новым колонизаторам. После высадки десанта в Крыму союзные дипломаты явились в Черкесию и предложили адыгам избавить их раз и навсегда от русских, если они примут покровительство Англии. Но горцы ответили, что против русских они, собственно, ничего не имеют, но воюют с царем потому, что он захватывает их земли, и если французы и англичане сделают то же, то они и с ними будут драться так же ожесточенно, как и с русскими. Как писала газета «Таймс» от 30 мая 1854 г., «...черкесы не доверяли по-настоящему ни гяурам (т. е. англичанам и французам. – Авт.), пришедшим сюда захватить их землю, ни туркам, которые с этими гяурами связались; и помощи горцы союзникам (к полному разочарованию последних) не оказали». В других статьях, опубликованных в западной прессе, черкесов упрекали в том, что они не только не выставили 10 тыс. всадников, как того добивались английские и французские агенты, но многие из них выступили в рядах русских войск против союзников. Так, бжедугская дружина под начальством князя Мишауста Хаджемуклова ходатайствовала об отправке в русскую Дунайскую армию для участия в войне против турок. И таких фактов были десятки.

Таким образом, усилия союзников использовать в своих интересах военные силы адыгов так и не увенчались успехом. Черкесы не желали служить «пушечным мясом» для заморских стран. Турецкий офицер Осман-бей вспоминал: «Вступая в Сухум, мы с уверенностью полагали быть встреченными и окруженными черкесами. Но эти господа не торопились явиться приветствовать нас: многие из них остались у себя на вершинах своих суровых гор».

Когда в мае 1855 г. царские войска оставили Анапу, ее занял отряд адыгов во главе с Сефер-беем Занокко. Летом этого же года англичане решили высадить свои войска в Анапе и потребовали от Занокко уступить им эту крепость. Однако Сефер-бей, «...имеющий целью, – как сообщал царский генерал Дебу, – выгоды родного своего края, решительно отказал им в этом, объясняя, что эта крепость принадлежит черкесам». Адыги поддержали своего вождя и заявили, что если англичане и французы займут Анапу, то против них они станут действовать, как против своих врагов. Этот факт особо отразил в своих трудах академик Тарле. «Взять хотя бы этого Сефер-бея, – писал он, – черкеса, бежавшего еще с войны к туркам, числившегося турецким офицером. Он, турецкий офицер, ответил самому Омер-паше, приказавшему допустить в Анапу англичан, что ни за что их туда не пустит. И не пустил. Так решительно были настроены закубанские горцы». К. Маркс и Ф. Энгельс четко определили позицию адыгов в годы Крымской войны: «Перспектива присоединения к Турции, по видимому, отнюдь не приводит их в восторг». За отказ участвовать в войне на стороне англо-франко-турецкой коалиции английские агенты, прибывшие к абадзехам в июле 1855 г., называли их «подлецами, которые предпочитают лучше быть с русскими, чем повиноваться турецкому султану». Как видно из изложенного выше, здесь Сефер-бей предстает перед нами как мудрый руководитель, стремившийся как-то нейтрализовать влияние турок, посягавших на земли Черкесии. Вместе с тем, есть информация, что во время Крымской войны 1853-1856 гг. под его руководством горцы принимали самое активное участие в десанте союзных войск на Таманском полуострове: «Стремясь облегчить положение турецких войск в Азиатской Турции, командование Англии и Франции вынашивало планы вовлечь горцев в активные военные действия, их силами напасть на укрепления кордонной линии и захватить Екатеринодар – крупный военно-административный центр Черномории. Высадка 12 сентября 1855 г. англо-французского десанта на Таманском полуострове придавала плану овладения Екатеринодаром особое значение. В середине сентября 7 000 всадников князя Сефер-бея, включая его сына Карабатыра, вместе с турецкой пехотой пытались с боем переправиться на правый берег Кубани, но потерпели поражение у Джигинской батареи, а затем у Варениковского укрепления. В ночь с 28 на 29 декабря в Екатеринодар ворвались мутазиги (передовые отряды) князя Сефер-бея. Они заняли прилегающие к р. Кубани кварталы, но затем были выбиты оттуда с большими потерями» («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 113-114).

Интересно, что в этот сложный для России период и Шамиль посчитал недостойным ударить в спину своему врагу – царской России, с которой он вел долгий и неравный поединок лицом к лицу. Особое внимание на «бездействие» Шамиля во время войны обратил генерал Н.Н. Муравьев. Так, в своем дневнике он отмечал: «Многие удивляются, что во время пребывания моего на Кавказе Шамиль и горцы ничего не предпринимали, приписывая сие особенному моему счастью. Явление это в самом деле покажется странным, если не расследовать причины оного. *Горцы и Шамиль равно гнушаются подданничества султану и нам; домогаются они только свободы* и потому их не могло польстить сближение с союзными державами, старавшимися их к тому склонить, да и не постигали они подобного союза». Хотя царское правительство в целом потерпело поражение в Крымской войне, владения России на Кавказе были за ней сохранены.

Закончилась Крымская война. Несмотря на то, что адыги в основном поддерживали Россию в борьбе с англо-франко-турецкими интервентами, царизм, тем не менее, «отблагодарил» горцев новыми карательными акциями.

В июне 1857 г. консул Р. Саррел доносил английскому послу в Константинополе: «Русские, по видимому, решили возобновить свои операции против Черкесии в очень большом масштабе. Они укрепили все свои посты на Кубани и Лабе, а кроме того сосредоточили крупные воинские части в трех пунктах: в Ламе, что в верховьях р. Лаба, на р. Лагуач – притоке Кубани и в Адагуме, что в Шапсугском районе. Численность русских войск, сосредоточенных по обоим рукавам Кубани, значительно превышает 8 тыс., и черкесы не надеются на то, что смогут успешно сопротивляться такому соединенному наступлению». Непосредственно сразу же

после Крымской войны был принят план генерала Евдокимова – при «умиротворении» Северо-Западного Кавказа опираться на Кубанское казачье войско и линиями новых поселений «стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах; совершенно вытеснить их из страны».

После Крымской войны, в которой черкесы-адыги, по сомнительному мнению авторов одного из сайтов Интернета, «перешли на сторону турок, французов и англичан», им был поставлен ультиматум: они должны были освободить приграничные земли (побережье и горы) и выселяться либо за Кубань на равнину, либо в Османскую империю. Небольшая часть адыгской знати к этому моменту перешла на службу Российской империи; около 500 тыс. чел. адыго-черкесов было выселено в Турцию (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Адыги>).

Учитывая, что сейчас идет «волна» идеализации патриархального прошлого, в том числе истории кубанского казачества, здесь уместно вспомнить ту оценку, которую дал Александр II в своем рескрипте «Нашему верноподданному Кубанскому казачьему войску в связи с его 200-летием». Это войско, отметил царь, «...составляя первоначально на южной окраине государства оплот против турок, ногайцев и кавказских горных племен, способствовало впоследствии покорению последних мужественным участием в экспедициях, а также прочному водворению на северных склонах Кавказского хребта, постепенно продвигаясь своими станицами вглубь края и устраивая их среди упорно-враждебного населения, вызывавшего необходимость вести жизнь постоянно с оружием в руках. Кубанцы проявили свойственную им отвагу и находчивость при подавлении восстания мусульман Чечни и Дагестана...».

6.12. Бжедуги: трагические страницы истории

Как народ, бжедуги, бесспорно, первый по своим качествам между закубанцами и при том вековые наши союзники.

Р.А. Фадеев, генерал (1890).

Следует отметить, что до настоящего времени истории бжедугов – одной из крупнейших субэтнических групп адыгов – в отечественной исторической науке уделялось недопустимо мало внимания. Среди дореволюционных источников можно упомянуть лишь «Записки о Черкесии» Хан-Гирея (1936), «Этнографический очерк черкесского народа» К.Ф. Сталя (1852). «Записки о черкесах» П.П. Короленко (1908), а также в достаточной мере глубокое исследование «Народы Западного Кавказа. По неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова» (1910). Однако в них основное внимание уделялось преимущественно этнографическим и частично хозяйственно-экономическим аспектам жизни этого племенного образования, а вопросы социально-политических отношений остались практически неосвещенными.

Определенный вклад в историю адыгов, в т. ч. бжедугов, внесли советские ученые С.К. Бушуев, Е.С. Зевакин, М.З. Азаматова (1957), Л.И. Лавров (1965), Б.М. Джимов (1970); М.В. Покровский (1989); М.М. Блиев, В.В. Дегоев (1994). Однако, как правило, практически все перечисленные авторы освещали историю племенных образований адыгов в целом, уделяя бжедугам недопустимо мало внимания. Особняком в этом плане стоит книга А.Ю. Чирга и Н.Х. Женетль «Бжедуги в конце XVIII – первой половине XIX в.: социально-экономические отношения и политическое развитие» (2006), в которой, наряду с другими вопросами, авторы рассматривают социально-экономическое положение бжедугского племени с момента переселения казаков на Кубань до середины XIX столетия. Много внимания уделено довольно-таки высокому уровню хозяйства бжедугов, о чем, в частности, свидетельствовал В.К. Гарданов (1967): «Из числа крупных адыгских племен, обитавших на равнине, только, пожалуй, у бжедугов земледелие в XVIII – первой половине XIX в. играло важную роль и давало продукцию, с избытком покрывавшую внутренние потребности этого племени». Определенное внимание уделено также эволюции взаимоотношений адыгов и русских – от добрососедских отношений с простыми казаками в конце XVIII – начале XIX в. – до освободительной борьбы с царскими колонизаторами в 30-60-х гг. XIX столетия.

6.12.1. Племенное название бжедуг (*бжэдыгъу*): актуальные вопросы этнонимии и топонимии

6.12.1.1. «Воровавшие рог»? «пчелокрады»? «самшитовцы»? «пятигорцы»?: калейдоскоп мнений о происхождении этнонима *бжедуги*

При рассмотрении и анализе происхождения слова бжэдыгъу «бжедуг», (этническая группа адыгов с бжедугской речью; бжедугский диалект адыгейского языка) – выясняется совершенно иное значение, чем его интерпретируют в литературе.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

На основании легенд и довольно-таки оригинальных трактовок значения этого слова, лексема *бжэдыгъу* «бжедуг» (этническая группа адыгов с бжедугской речью; бжедугский диалект адыгейского языка) истолковывалась различными исследователями по-разному. В частности, П.С. Паллас слово *бже-*

дуг увязывал со скептухами («скипетроносцами»), о которых упоминал Страбон (Чирг А.Ю., Жене- тль Н.Х., 2006; Коков Дж.Н., 2006).

«ВОРОВАВШИЕ РОГ»? «ПЯТИГОРЦЫ»? Н. Каменев разлагал слово «бжедуг» на *бжа* «чаша», «рог» и *дуг / туг* «вор», и переводил как «рогokraдцы». О явной сомнительности такого «объяснения» раз- мышляет Т. Хаджимуков (1910). По сообщению последнего, бжедуги, под предводительством двух братьев – Хамши и Черчана, переселились в бассейн р. Псекупс. Это вызвало недовольство темиргоевского князя Безруко Болотокова, который считал долину Псекупса территорией, находящейся под его юрисдикцией. Он заявил, что разрешит бжедугам поселиться на этой земле, если Хамши и Черчан присягнут ему на поддан- ство. Однако гордые бжедугские князья ответили отказом.

Следствием такого развития событий явилась трехдневная кровопролитная битва между бжедугами и темиргоевцами. Победу в ней одержали бжедуги. Болотоков тогда «...представил решение вопроса – кому владеть бассейном Псекупса – «*тхоахасу*», т. е. суду божьему. В члены этого суда выбраны были с обеих сторон мудрые, правдивые старцы, которые произнесли следующий приговор: если Хамши и Черчан найдут уорка благородной адыгской крови, который согласится быть их оруженосцем и будет возить их оружие, то князь Болотоков признает их князьями и отдаст земли без всякого сопротивления».

Вскоре братья нашли такого человека – кабардинского уорка Кашмезыко, согласившегося стать ору- женосцем, если они пощадят его землю. Болотоков признал Хамши и Черчана князьями и устроил в их честь большой пир. По сообщению Н.Л. Каменева, во время этого пира один из бжедугугов якобы украл чашу из турьего рога, почему другие адыги стали называть выходцев из-под Туапсе «бжедугами», т. е. «ворами чаш». Т. Хаджимуков категорически отверг эту версию происхождения слова «бжедуг», утверждая, что «...предание это идет со стороны их врагов, потому что едва ли бжедуги сами приняли бы это название, не сохранив даже наряду с ним и настоящее имя своего племени». Сам он выдвинул свою версию: «Слово бже- дуг происходит от тюркских слов «беш» (пять) и «даг» (гора), причем «даг» в различных тюркских наречиях видоизменялся и в «дуг» и в «дог». Следовательно, нужно предполагать, что название это произошло от пя- ти гор, где первоначально сформировалось это племя».

«КНЯЗЬ-ВОР»? «ПЧЕЛОКРАДЫ»? П.П. Короленко слово *бжедуг* подает как *пшедухи*, которое, по его мнению, состоит из *пше* «князь» и *дух* «вор», т. е. «князь-вор». И.Х. Калмыков *бжедуг* сближает с *бжъэ* «пче- ла» и *дыгъу* «вор», т. е. с понятием «пчелокрады», а В.И. Пожидаев переводит *бжедуг* словом «пчеловоды».

Из всех рассмотренных выше вариантов наиболее распространенным является предположение Н. Каменева. Однако для такого толкования данного слова нет никаких оснований. Дело в том, что первая часть слова *бжъэдыгъу* – *бжъэ* в современном звучании переводится как «рог», «тост», хотя исторически она означала «язык», «речь». Вторая же часть, т. е. *дыгъу* отсутствует в адыгейском языке. *Дыгъуэ-н* имеется в кабардинском языке в значении «воровать». Если бы в слове *бжъэдыгъу* морфема *дыгъу(э)* означала «во- ровать, красть», то она должна была бы звучать в адыгейском языке как *тыгъу(э)* в том же значении. Обыч- ного фонетического перехода *д* в *т* или наоборот не происходит в данном случае. Значит, надо полагать, что *дыгъу* не имеет никакого отношения к воровству (Коков Дж.Н., 2006).

«САМШИТОВЦЫ»? П.У. Аутлев (1975) убедительно доказал несостоятельность версий Н.Л. Каменева, П.П. Короленко и Т. Хаджимукова. По его мнению, почти все приведенные выше высказывания по этнониму *бжъэдыгъу* не отличаются ни убедительностью, ни научной аргументированностью, в силу чего вряд ли стоит их опровергать. Однако мимо флористического объяснения его происхождения пройти нельзя, так как оно вроде бы опирается на его языковой морфологический строй и на сравнение с данными других языков. Согласно концеп- ции П.У. Аутлева, «в морфологическом отношении этноним *бжъэдыгъу*... состоит из корня *бжъэ*, восходящего, вероятно, к грузинско-мингрельскому *бза* со значением «самшит», и двух суффиксов – *д*, *гъу*. Первый из них придает слову *бжъад* приблизительно такой смысл: «место, «напичканное» множеством самшитов, самшитник (ср. *шэфы-д* – «напичканный воском материал»). Второй суффикс, считающийся в фонетике вариантом звонкого заднеязычного спиранта *гъ*, выполняет... якобы роль собирательного суффикса *х(хи)* со значением «со» (ср. *шъэогъу* «сотоварищ» – *бжъэдыгъу* «собжадовцы» или «бжадовцы» – «самшитовцы»).

Увязка корневого элемента *бжъэ* с грузинским *бза* «самшит» не имеет, по мнению Дж.Н. Кокова (2006), отношения к объяснению этнонима *бжъэдыгъу*. Такая увязка не совсем правомерна, во-первых, по- тому, что элемент *бжъэ* еще с большим успехом можно было бы увязать с адыгейско-кабардинским *бзы/бзи* (*бзыфы/бзишу* «липа») или же с убыхским *бзы* (*бзыс* «ива»); во-вторых, в ближайших родственных языках – абазинском и абхазском – не встречается *бза/бзы/бзи* в значении «самшит», «ива», «липа»; в-третьих, в са- мих адыгских языках нет слова *бзы/бза/бзи* в значении «самшит», – понятие «самшит» передается в адыгей- ском языке словом *хэшъай*; в-четвертых, если даже *бжъэ* возводить к понятию «самшит», «липа» или «ива», то географическое расположение древних бжедугугов-гуитхов (*гъуитхов*) выступает против такого утвержде- ния, ибо *гъуи* означает «кустарник», а *тхи* «хребет», «гора», т. е. «кустарниково-горцы». А как известно, ни самшит, ни липа, ни ива не относятся к кустарниковым породам деревьев. Морфологический строй *дыгъу* Г.В. Рогая объясняет следующим образом: «В основе *тыгъу/дыгъу* корнем является *гъу*, а *ты-/ды-* пред- ставляет собой сросшийся с корнем аффикс, выражавший грамматический класс вещей (Чирг А.Ю., Жене- тль Н.Х., 2006; «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 725–726).

«НОВАЯ РЕЧЬ»? «НОВЫЙ ЯЗЫК»? Можно предположить, что лексема *бжъэдыгъу* «бжедуг» состоит из *бжъэ* < *бзэ* «язык», «речь» и *дыгъу* < *дэгъуы* «хороший», «новый». Отсюда слово *бжъэдыгъу* следовало бы перевести не как «воровавший рог», а как «новая речь», «новый язык». На эту мысль наталкивают и данные убыхского языка. Как отмечают многие зарубежные лингвисты, в убыхском языке *бжъэ* в общем-то означает «язык», «речь» (например, в убыхском *бжъэ* – «язык» (Трубецкой), *бжъэцуы* «картавый», «косноязычный», «заика» (Дюмезиль) и др., а *дыгъу/дэгъуы* – «хороший», «новый», «свежий», «молодой» (например, в убыхском *дагъъэ* «свежий» «новый», «молодой», «храбрый», «мужественный» (Фогт) и др.

Убыхское *дагъъэ*, адыгейское *дэгъуы* и кабардинское *дэгъуэ* следует рассматривать как слова с одинаковой основой и семантикой. Однако в ходе исторического развития в них произошли некоторые фонетические изменения, которые не повлияли на их значения. Например, современная адыгейская словоформа *дэгъуы* имеет на конце ударный гласный *ы*, который способствует появлению безударного гласного *э* в первом слоге. Когда же данное слово выступает в составе сложной основы, то происходит отпадение ударного гласного *ы* на конце и, соответственно, ударение переходит с конечного слога на предыдущий, которое, в свою очередь, вызывает замену безударного гласного *э* в ударный гласный *ы* (см. *дэгъуы* – *бжъэ* + *дэгъуы* – *бжъэдыгъу*). Судя по всему, такая трактовка этнонима *бжъэдыгъу* более приемлемая, чем все остальные. Таким образом, этноним *бжъэдыгъу* «бжедуг», видимо, означает «новый язык», «новая речь» (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006; Коков Дж.Н., 2006).

6.12.1.2. Племенное название бжедуги в топонимике Черкесии-Адыгеи

Судя по всему, гидроним бжид (бзид) запечатлел пребывание бжедугов на территории Черноморского побережья Кавказа, в устье реки Джубга.

В.И. Ворошилов (2007).

С племенным названием «бжедуги (бзедух, бозудук)» связано немало географических названий Черкесии-Адыгеи:

1. Бжъэдыгъу мзэ («лес бжедугов») – в 3 км к востоку от а. Псейтук, по названию адыгского племени. На полянах леса бжедуги из Шенджия выращивали просо.

2. Бжъэдыгъухабл («квартал бжедугов») – часть а. Шеудженхабль (а. Шовгеновский).

3. Также – ст. Бжедуховская.

4. Бжид – река, впадающая в Черное море в 4 км от устья р. Джубга. Эвлия Челеби в 1641 г. сообщает о проживавшем здесь племени бозудук (бжедуги). Л.Я. Люлье (1927) упоминает здесь реку Бзид; он же употребляет для обозначения бжедугского племени форму бзедух. Судя по всему, гидроним *бжид* (*бзид*) запечатлел пребывание бжедугов на территории Черноморского побережья Кавказа, в устье реки Джубга (Ворошилов В.И., 2007. С. 80).

5. По сообщению Султана Крым-Гирея, до основания города Екатеринодара-Краснодара на этом месте располагался адыгейский аул Бжедуг-кале (*кале* – от тюркского «крепость, укрепление») (Костарнова Н.К., 2009).

Десятки имен предков бжедугов встречаем мы в песне о Казбурунском сражении: князь Эльжэруко, Эльжер Хамишев, Тлаходуов, Алтай Богарсоков, Семигда Касибиев, Кургоков Женгери, братья Пишцуковы, Нашипасев, косой Коноко, Амифоков, Самагу Шипшов, Дохшуков, Кургок и др. Особо отмечается в этой песне отвага бжедугов:

Храбрость малочисленной дружины
бжедугских всадников,
Подобно невидимой чуме,
нагоняет ужас на души противников...

Другая старинная племенная песня бжедугов, дошедшая до нашего времени через поколения певцов-сказателей, сохранила для нас имена реальных людей-героев, отличившихся в знаменитой Бзидской битве 10 июня 1796 г.: Ислам, Алхас и Агубок Хаджимуковы, Анчек и Бек-Мирза Ахеджаковы, Пшемаф Батоков, Алхас Лакшоков, Казы Декыджев, Едыг Берзеков, Есенгел Ешуков, Закерей Хеусоков.

6.12.2. Краткий очерк истории бжедугов

Наименование бжжедугх (бжедуг) столь древнее, что туземцы не полагают, чтобы его предки были откуда-либо пришельцами, а думают, что они, так сказать, природные жители их теперешнего отечества.

Султан Хан-Гирей (1837).

По словам стариков, бжедуги ведут свое происхождение из Шама (Сирия). Весьма возможно, что оттуда вышла их аристократия. Но есть еще одна древняя легенда. Она повествует, что родоначальником бжедугских князей является один из нартов – Дяденко Севай.

Т. Хаджимуков (1908).

В одной из своих работ князь Т. Хаджимуков (1908) пишет: «По мнению некоторых, бжедухи есть те же «скептухи», о которых упоминает Страбон. По словам стариков, бжедухи, кои и другие черкесские

племена, ведут свое происхождение из Шама (Сирия). Весьма возможно, что оттуда вышла их аристократия. Но есть еще одна древняя легенда. Она повествует, что родоначальником бжедугских князей является один из нартов (богатырей) Дяденко Севай».

«Бжедуг» (*Бжэдыгъу*), – адыгское племенное название, известное в письменных источниках с XVII в. (впрочем, по сведениям Ш. Ногмова, первое упоминание о бжедугском роде хамышей относится к VI в.). Большая часть бжедугов во время Кавказской войны осталась на исторической родине; часть – выселилась в Османскую Турцию.

Бжедугов делят на западных – хамышеевцев (*хъымышый*) и восточных – черченеевцев (*чэчэнай*). В конце XVIII в. бжедуги занимали земли по левому берегу р. Кубани между реками Супс и Пшиш. Однако они не сразу поселились на этой территории. Согласно имеющимся материалам, в середине XVII в. бжедуги проживали на Черноморском побережье Кавказа, между нынешними Сочи и Туапсе.

6.12.2.1. «Тэхътэмырькьо-Чыгу»: к миграции бжедугов в древности и средневековье

Археология Тахтамукай и его окрестностей показывает непрерывную жизнь здесь адыгского этноса с VI-V вв. до н. э. по XVII в. н. э. и позже.

Н.Г. Ловпаче (1995).

*Земля моя – она в веках стояла
От яростных нашествий чужаков...
И падали в боях с врагами предки,
Стремясь к свободе, презирая страх.
Гробницами служили им нередко
Ущелья безымянные в горах.*

Д. Чуюко.

Не так давно тахтамукайцы отметили 270-летний юбилей своего аула. Действительно, если отсчитывать время с момента обоснования на этом месте поселенцев вслед за Тахтамуком в начале XVIII в., то возраст Тахтамукай кьуадже составит около 270-300 лет. Вместе с тем, по данным известного адыгского ученого Н.Г. Ловпаче и кубанского археолога Н.В. Анфимова, обнаружены следы пребывания на территории *Тахтамукай кьуадже* адыгского этноса, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э. Историк Н.Г. Ловпаче (1995) следующим образом освещает полную драматизма историю расселения бжедугов-хамышеевцев в древности и средневековье.

В 1984-1985 гг. были опубликованы материалы по изучению Тахтамукайского могильника первых веков н. э. Весьма интересно, – отмечает Н.Г. Ловпаче, – что в самом основании нижнего горизонта культурного слоя археологами был обнаружен материал раннемеотского времени VI-V вв. до н. э. Несколько позже древнее адыго-меотское население оставило надпойменную террасу Пшиза и переселилось на «Тахтамукай Чыгу» с южной стороны котловины, ныне заполненной водохранилищем.

В V в. н. э., когда Зихское государство под руководством потомков Стахенмафа (царствовавшего во II в. н. э. и посаженного на престол римским императором) расширяло свою территорию в будущем Малом Шапсуге, часть керкетов, расположившихся вокруг г.Ерим (Цэмэз-кале, ныне Новороссийск) и торетов вокруг Пагры была вытеснена из Причерноморья и перешла в Закубанье на территорию племени фатов (фатеев).

По данным Н.Г. Ловпаче, в V в. н. э. на берегах рек Пшиш, Марта, Пчас, Псекупс, Чибий, Супс появляются племена, отличавшиеся от фатов позднемеотского периода, но со всеми признаками адыгской культуры. Новые поселенцы, в отличие от фатов, не использовали солнцепоклоннические городища-святилища, но в то же время применяли некоторые формы материальной культуры причерноморских племен.

Нашествие аваров в Центральное Закубанье керкеты и тореты встретили вместе с фатами. По сведениям Ш. Ногмова, самое первое упоминание о роде Хамышей в эпоху средневековья относится к VI в., в связи с войной адыгов против аварского хана Байкана. Только Лавристан (Лауристан) Хамышейский смог организовать сопротивление этому нашествию тюркоязычных кочевников. Очевидно, князю Лавристану пришлось опереться на зихов Причерноморья, поскольку они в те времена были более сплочены и организованы в единое государство, объединившее под эгидой зихов и бывших соседей-ахеев, и прибрежную часть керкетов и торетов и даже абхазско-адыгских генихов.

Н.Г. Ловпаче предполагает, что, возможно, Лавристан Хамышейский был в то время царем Зихии, если представить керкетов будущими черченеевцами, а торетов – хамышеевцами. Именно на зихской территории в районе нынешнего Геленджика, который в то время именовался гаванью Пагры, легенда указывает белые камни, обозначающие путь «Байканова коня». В процессе отражения аварского нашествия роды и общины перемещались, а племена и племенные союзы «перекомпановались». Часть населения закубанских долин ушла в горы, а часть перешла Кавказский хребет и расположилась на его южных склонах и ущельях. По Ш. Ногмову, не позднее XI в. потомок Инала – Идар, а также его дядя князь Эльжеруко и дед Эльжер окончательно оседают на р. Бзыбь на Черноморском побережье Кавказа. Небольшая же часть населения оставалась в равнинной части Закубанья, укрывшись в залесенных и заболоченных местах.

Здесь вновь следует обратиться к археологическим данным. По берегам р. Супс, на юго-западном берегу Октябрьского водохранилища, на месте позднемеотского поселения первых веков н. э., обнаружены касожские поселения, датируемые концом XII в. Н.Г. Ловпаче считает, что наверняка это были «тахтамукайцы», укрывшиеся от аварского погрома в залесенной и более низменной части «Тэхьутэмрыкьо-чЫгу». Поселение, судя по археологическим находкам, существовало на р. Супс и до X в. Затем наблюдается некоторое ослабление жизнедеятельности (но не прекращение). Очевидно, часть жителей отселилась на древнюю террасу р. Пшиз, – место жизни своих предков античной эпохи. Следы их пребывания здесь находят по огородам жителей современного Тахтамукай, расположенным по северным склонам террасы. Но с XIII в. тахтамукайская община вновь перебирается на южную сторону котловины, разделяющей плато террасы Пшиза и «Тэхьутэмрыкьо-чЫгу» Супса и х. Апостолиди. На поселении Супс обнаружено большое количество позднесредневекового материала. Кроме того, курганы, характерные именно для этого периода (XIII-XV вв.), разбросаны по всему южному берегу водохранилища. Видимо, уход с открытой террасы можно объяснить татаро-монгольским нашествием. Судя по всему, захватчики не раз беспокоили своими набегами закубанцев, особенно в летне-осенние месяцы, во время обмеления Лабы, Пшиза и Шхагуаше (Белая). Из этого общества «Тэхьутэмрыкьо-чЫгу» на р. Супс и мог переселиться Тахтамуко еще до возвращения основной массы хамышеевцев с юга.

Во второй половине XV в. бжедуги-хамышеевцы вновь появляются на северном склоне Кавказского хребта и оставляют после себя топоним Хамыши в верховьях р. Белой. И наконец, уже совместно с черченевцами, спустя почти два столетия (в 1642 г.) после долгой и упорной борьбы с абадзехами, хамышеевцы оттесняются с верховьев рек Пшиш, Марта, Псекупс, Чибий в низовья этих рек и потеснив, в свою очередь, кемиргойцев, занимают места нынешнего поселения и частично правый берег Пшиша.

Таким образом, Тахтамукайская община могла появиться здесь в середине XVII в. и, следовательно, ее возраст исчисляется, по Л.И. Лаврову, около трех столетий. Но в любом случае, это надо считать не приходом бжедуг-хамышеевцев на новое место жительства, а возвращением или же внутриадыгской миграцией. Есть также предположение, что Тахтамуко был выходец не из прибывших с юга обществ, а из постоянно проживающих здесь поселенцев, уцелевших еще с аварского нашествия.

Привлечение этнографического материала, в свою очередь, дает возможность уточнить чуть ли не пофамильно древних жителей «Тэхьутэмрыкьо-чЫгу». Так называемые меотские «таблетки», впервые обнаруженные Н.В. Анфимовым именно на Тахтамукайском городище, несут на себе загадочные знаки, среди которых по меньшей мере треть, несомненно, связана с древней геральдикой адыгов. Из полусотни изображений на этих меотских «таблетках» узнаются тамги знаменитых в свое время адыгских родов:

Шеуджен	Карабаш	Бешуко	Тауй	Хокон
Хатко	Натхо	Дабаго	Хачемиз	Цей
Шартан	Евтых	Тлиш	Абазок	Кабарда
Сиюх	Гиш	Тлехас	Натырбей	Коц
Абида	Хатогу	Хакуз	Тлепперше	Джан дар
Хамдок	Бзакамук			

Первые 14 фамилий можно найти среди современных тахтамукайцев.

Разумеется, это не означает, что указанные адыгские роды живут здесь с III в. до н. э., когда появляются «таблетки» у племени фатов. Было много перемещений, родственных переориентаций и родовых перемешиваний. Но это еще раз доказывает, в первую очередь, адыгско-меотскую этническую принадлежность древних тахтамукайцев. И не случайно, наверное, профессор Н.В. Анфимов в своей справке по возрасту Тахтамукай подчеркнул: «Это селение имеет полное право отмечать и праздновать не 270-летие, а 2500-летнюю дату со времени основания» (Ловпаче Н.Г., 1995, 14 окт.; 1996, 4 окт.).

6.12.2.2. Черноморское побережье Кавказа – «прародина» бжедугов?

Историки и этнографы считают исторически достоверным предание о переселении бжедугов с Черноморского побережья на р. Псекупс, откуда они абадзехами были оттеснены на Кубань.

А.Ю. Чирг, Н.Х. Женетль (2006).

Н.Г. Волкова приходит к выводу, что «...среди бжедуг на протяжении трех столетий (XVI-XVIII вв.) имели место не только неоднократные передвижения, но и процессы этнической ассимиляции абазин адыгами, в результате которых можно говорить об изменении реального этнического содержания термина «бжедуг». В XVIII в. все бжедуги уже считались адыгами».

О предыстории бжедугского племени размышляет Т. Хаджимуков (1908): «Племя бжедухов обитало в последнее время по Кубани и ее притокам – Пшишу, Псекупсу, Супу и Афипсу. По мнению некоторых, бжедухи есть те же «скентухи», о которых упоминает Страбон. По словам стариков, бжедухи, кои и другие черкесские племена, ведут свое происхождение из Шама (Сирия). Весьма возможно, что оттуда вышла их аристократия. Но

есть еще одна древняя легенда. Она повествует, что родоначальником бжедужских князей является один из нартов (богатырей) Дяденко Севай. *Исторические факты говорят, что племя бжедужов жило у Черного моря на р. Туапсе*, и предание сохранило даже имена трех бжедужских князей: Циока, Ягбока и Абадзежи.

Приблизительно в XVI в., – продолжает Т. Хаджимуков, – несколько султанов, побочных родственников крымского хана, спасаясь от его гнева, бежали к бжедужам и просили их покровительства. Поселившись среди бжедужов, султаны стали убеждать народ переселиться в другие более удобные места. Бжедужский народ поднялся со своих мест и под начальством двух братьев, Хамши и Черчана, двинулся к бассейну р. Псекупса. Но здесь ему пришлось встретиться с темиргоевцами, которыми управлял «князь над князьями» Бесрук Болотоков. Трехдневная кровопролитная битва неподалеку от нынешней станицы Пятигорской решилась в пользу бжедужов. Болотоков признал Хамши и Черчана князьями и ушел назад со своими темиргоевцами. В бассейне Псекупса остались только подвластные князю Черчану; брат его Хамши осел в верховьях р. Белой в урочище Хамышки; третья часть, подчинившаяся младшему из братьев, Махошу, стала называться махошевцами. Со временем первые две части соединились вместе и они, собственно, и назывались бжедужами. Третья часть (махошевцы) составили особое племя, самостоятельное, но родственное бжедужам. Местом пребывания княжеской фамилии Черчан (черчанеевцев) была долина между хребтами Пшаф и Хотх. Среди бжедужов известны князья Арслан Джанхотов, Ахмет Колобатов и князь Алхас.

Приход абадзинцев во главе с князем Оздемиром вынудил бжедужов-хамышевцев покинуть Хамышки и удалиться на Псекупс к родичам своим черчанеевцам. Последним пришлось потесниться и, очистив бассейн Псекупса, перейти за р. Чегияхо, отодвинув живших там жанеевцев к Кубани и Белой. В то же время шапсуги уступили хамышевскому князю урочище Адыгечо. Между тем абадзинцы, завладев Хамышками, образовали новое сильное племя, известное под именем абадзехов. Они направили против бжедужов отряды под начальством Едика и Неджюка. После многолетней войны абадзехи завладели всем бассейном Псекупса вплоть до р. Чегияхо и вынудили бжедужов подвинуться к Кубани. Там они встретили племя жанеевцев, часть которого слилась с бжедужами, а другая удалась на остров Кара-Кубань в низовьях Кубани. На Кубани бжедужа заняли сначала правый берег, где ныне стоит Екатеринодар, но с приходом казаков в конце XVIII в. бжедужам пришлось удалиться на левый берег.

Из имен бжедужов позднейшего времени выделяется один из потомков Хамши – князь Айтеч, первый из кавказских горцев, посетивший Мекку. Позже он получил титул «Хаджи», а дети его стали именоваться Хаджи-Мук (сын Хаджи). В результате появилась фамилия Гаджимуковых. Из потомков Черчана известны братья: Крымчаран, Ахаджан и Ельбузак. После Айтеча одним из самых выдающихся бжедужских князей считается Алхас Хаджимуков, достигший 130-летнего возраста. Будучи уже в очень преклонном возрасте, он отказался от власти в пользу своего племянника Батыр-Гирея, а сам отдался под покровительство России. Позже его примеру последовал и весь бжедужский народ.

Батыр-Гирей значительно расширил бжедужские владения за счет шапсугов и абадзехов, которые, объединившись, пошли на него войной. Бжедужа обратились за помощью к России. 10 июня 1796 г. произошла Бзюкская битва; сражалось до 50 000 чел. В битве погибло до 800 шапсугов и абадзехов, погибли натухайский вождь Калабат и сам Батыр-Гирей, но союзники были разбиты.

После смерти Батыр-Гирея, могила которого находится в ауле Тахтамукай, правление перешло в руки его брата Явбук-Гирея, затем к Ботоку и наконец, к князю Джанклишу. К середине XIX в. правителем был князь Тархан Хаджимуков, которому судьба судила быть последним бжедужским князем. Он присягнул на подданство России и отдал в качестве заложника своего сына Темтеча, который изъявил желание принять святое крещение и назван был Николаем.

На Кавказе долго еще лилась кровь, пока все независимые дотле племена не были задавлены могущественной Россией. Народ побежденный, но не покоренный, ушел в Турцию; туда же переселилась часть фамилии Хаджимуковых. Из потомков последнего князя Тархана в настоящее время (1908 г. – **Авт.**) остался только один Хассан-паша, директор военных училищ в Турции. Два других его брата, Николай, – офицер первого Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска, и Бачирей умерли в 1907-1908 гг.» (Хаджимуков Т., 1908).

А. Намиток, основываясь на народных преданиях, приводит следующие сведения о «родословной» бжедужов: «Бжедужа, перед тем как прийти в долину р. Псиш, жили у истоков р. Туапсе на Черноморском побережье Кавказа. Четыре брата князя: Керкен, Кхамыш, Багорско и Басроко были их вождями. Багорско (Бегорско) создал округ Махош, Басроко – округ Верпсин, Керкен и Кхамыш остались с бжедужами и дали имя двум ветвям: керкеней и кхамыш» (Цит. по: Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006; Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006).

Более подробно легендарные сведения о пребывании предков бжедужов на Черноморском побережье и разделении их на четыре колена приводятся в работе Султана Хан-Гирея (1837 г.): «Бжедужа — самое древнее племя черкесское. Наименование Бжедужх (Бжедуж) столь древнее, что туземцы не полагают, чтобы его предки были откуда-либо пришельцами, а думают, что они, так сказать, природные жители их теперешнего отечества. Все народные предания согласуются в том, что при появлении прочих черкесских колен (за исключением разве жанинского и натххоккоадьского) в этой стране застали еще бжедужское поколение, обитающее внутри гор, на полдень (т. е. на юг) от Кубани лежащих. По нартским сказаниям, родоначальни-

ком бжедугских князей был знаменитый воин Дяндеко-Севай. Судя по народным преданиям, другие черкесские племена при своем переселении застали бжедуг в северо-западной части Кавказских гор, на юг от Кубани лежащих, как коренных туземцев. Не подлежит сомнению то, что они за несколько веков до нас жили на верховьях речки Тдоапс (Туапсе), протекающей из гор в Черное море, где и теперь не изгладились следы их пребывания, как доказывают названия многих мест».

Подытоживая вышесказанное, авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006) обращают внимание на то, что «...в XVI – первой половине XVII в. основной тенденцией развития феодальных владений Западной Черкесии было их дробление и возникновение в связи с процессами социально-политической дезинтеграции новых субэтнических единиц. При этом бжедуги разделились на четыре отрасли. Князья Черчан, Хамиш, Богорсоко и Бастоко стали родоначальниками самостоятельных княжеских домов. Черченеевское и Хамышевское владения удержали общее субэтническое название бжедуг. Подданные Богорсоко передвинулись на северо-восток, в бассейн средней Лабы (реки Фарс, Псефирь) и под именем махочевцев вошли в число самостоятельных этнотерриториальных единиц Западной Черкесии. Подданные Бастоко мигрировали в западном направлении и осели на Черноморском побережье в долине р. Вепсне на границе хегакских владений. Эта локальная группа адыгского населения известна источникам как вепсне или вепсненцы» (Кожев З.А., Прасолов Д.Н., 2006).

6.12.2.3. Миграции и расселение бжедуг в XVII-XIX вв.

Бжедуги должны были искать более привольных долин... Прекрасные долины, раскинутые у северных, покатиных гор, представляли много выгод... И они продвинулись к этим равнинам и поселились на р. Пшиши...

Султан Хан-Гирей (1837).

Бжедуги (бжэдыгъу), жили в междуречье Аффиса и Пшиши. На юге Бжедугия граничила с Абадзехией, на западе с Шапсугией. Бжедуги занимали и часть правобережья Кубани до расселения там казаков в конце XVIII в.

«История адыгов...» (2009. С. 351-353).

Со второй половины XVII в. началось переселение бжедуг с древнейшей территории их проживания на северную покатость Главного Кавказского хребта, о чем есть свидетельства рядов авторов.

С. Броневский (1823) приводит подробные сведения о расселении бжедуг в конце XVIII – начале XIX в.: «Закубанские черкесы разделяются на множество колен (племен), из коих знатнейшие (начиная от устья Кубани вверх по левой стороне сей реки) суть следующие:

...7. Бжедухи (может быть, Страбоновы скептухи) живут у подошвы Черных гор ближе к Кубани, против Усть-Лабинской крепости по речкам:

- а) Пшиша, на коей лежат деревни: Едепсухай, принадлежащая узденю Батуге и Карагусу;
- б) Мат, или Пчахомат; на ней деревни узденя Нешуха, называемые Габухай и Нетухай или Нешухай;
- в) Пшекупс; на ней Лахчукай, Хатугуй, Мамрюкай, принадлежащие владельцу Кельмышеву;
- г) Унабат, на коей лежат деревни, называемые Зугуркай;
- д) Чеби, на ней деревни князя Кельмышева: Ширги и Тугуркай;
- е) Суп; на ней деревня Уем.

Бжедухов исчисляются не более 670 семей; между закубанцами, которые славятся разбоями, они не последние. Главный владетель у них Бат-Мурза Пшекуев, а по нем Батырь-Мурза Окзуков, Джанчик, Карепенов и Агабан-Кельмышев. Между ними живет крымский султан Чобан-Гирей с малым числом своих подданных татар. В 1788 г. во время похода генерала Текелли бжедуховский владетель Уздемир Шаманахин, по его прошению, был принят в Российское подданство с подвластными его, которые тем самым спаслись от разорения».

Дополняют эту информацию более поздние авторы:

Ф. Ф. Торнау (1835): «Бжедухи, живут по низовьям рек Пшекупса и Пшиши, частью и над самой Кубанью, признавая над собой власть многих князей, ведущих происхождение свое от двух родов – Черчиней и Камышей (Хамышей). Бжедухи покорны русскому правительству; число их полагают в 3000 душ мужского полу».

«Исторический обзор Терек...» (1851): «Бжедухи племя небольшое, живет против низовьев Лабы, управляется князьями, из которых старшие Кирканоковы считаются мирными, но по родству с абадзехами помогают им в хищничествах и набегах. Их всего считается около 4 000 душ обоего пола».

А.П. Берже (1858): «Бжедухи – занимают земли по левую сторону Кубани, по низовьям рек Пшиши и Пшекупса до границы шапсугов. Бжедухи разделяются на черченейцев и хамышейцев. Старшие князья у бжедухов Керкеновы. Они находятся в тесных связях с абадзехами». В таблице «Численность черкесских племен и родственных или соседственных с ними, до переселения в Турцию» А.П. Берже указывает численность черченейцев и хамышейцев – отраслей бжедугского племени – по 2000 душ в каждом подразделении.

Ф.А. Щербина (1913): «Между р. Кубанью и северной границей владений абадзехов расположены были бжедухи, делившиеся в свою очередь, на хамышевцев, черченеевцев и жанеевцев. Хамышевцы сна-

чала осели на том месте по р. Белой, где ныне поселок Хамышки, то есть среди абадзехов. Последние вытеснили хамышеевцев сначала в верховья р. Псекупса, где жили в то время черченеевцы, а отсюда и те и другие вынуждены были передвинуться еще ближе к р. Кубани. Тогда хамышеевцы заняли пространство между реками Супсом и Псекупсом, а черченеевцы – между Псекупсом и Пшишем. Третья же община бжедугов – жанеевцы, прижатые единоплеменниками к самой Кубани, частью слились с хамышеевцами и черченеевцами, а частью перешли на остров Кара-Кубань».

6.12.2.4. Пребывание бжедугов в бассейне р. Псекупс

Храбрость малочисленной дружины бжедугских всадников, Подобно невидимой чуме, нагоняет ужас на души противников...

Из песни о Казбурунском сражении.

В начале XVIII в. бжедуги еще проживали в бассейне Псекупса, в районе современного города Горячий Ключ... Абадзехи завладели всем бассейном Псекупса и вынудили бжедугов подвинуться к Кубани. По мнению Л.И. Лаврова, переселение бжедугов к р. Кубани произошло между 1710-1792 гг.

А.Ю. Чирг, Н.Х. Женетль (2006).

О проживании бжедугов в бассейне Псекупса свидетельствуют не только народные предания, но и эпиграфические памятники. Так, в г. Горячий Ключ сохранилась мраморная колонна с надписью на турецком языке, из которой явствует, что бжедугский князь Айтеч Хаджи (родоначальник княжеской фамилии Хаджимуковых), поставил этот памятник в честь верного дворянина Хапача Лакшука, совершившего вместе с ним хадж и скончавшегося в Дамаске. На памятнике указана дата – 1710 г. (см. раздел 10.1.5.2). Таким образом, в начале XVIII в. бжедуги еще проживали в бассейне Псекупса, в районе современного города Горячий Ключ. При этом в бассейне Псекупса остались бжедуги-черченеевцы, а другая часть бжедугов – хамышеевцы, переселились в верховья р. Белой, где позже, в начале XX в. известно было урочище Хамышки.

Впоследствии, в результате кровопролитной борьбы, хамышеевцы под давлением абадзехов вынуждены были покинуть берега р. Белой и поселиться в бассейне Псекупса по соседству со своими сородичами – черченеевцами. Однако абадзехи вытеснили всех бжедугов из занимаемых ими земель на север, к р. Кубани. Как писал Т. Хаджимуков, против бжедугов «...абадзехи направили два сильных отряда под начальством Едика и Неджюка, пламеневших непримиримой ненавистью к хамышеевским князьям. Возгорелась многолетняя война, окончившаяся тем, что абадзехи завладели всем бассейном Псекупса вплоть до р. Чегияхо и вынудили бжедугов подвинуться к Кубани. Там они встретили племя жанеевцев, часть которого слилась с бжедугами, а другая удалилась на остров Кара-Кубань». По мнению Л.И. Лаврова, переселение бжедугов к р. Кубани произошло между 1710-1792 гг.

Основными отраслями хозяйственной деятельности бжедугов были в XVIII-XIX вв. земледелие, скотоводство, ремесленное производство. В.К. Гарданов (1967) обратил особое внимание на важную роль земледелия в экономике этого племенного образования: «Из числа крупных адыгских племен, обитавших на равнине, только, пожалуй, у бжедугов земледелие в XVIII – первой половине XIX в. играло важную роль и давало продукцию, с избытком покрывавшую внутренние потребности этого племени». Важнейшими полеводческими культурами у бжедугов были просо, пшеница, полба, ячмень, рожь, овес и кукуруза. Значительное количество хлеба они поставляли на рынки Черноморского казачьего войска (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006. С. 20-21).

6.12.3. Бзиюкская битва: «Сражайтесь, храбрые бжедуги!»

6.12.3.1. «И восстает вражда; и поднимается раздор...»: предистория битвы

Началась между вами ненависть и вражда навсегда... И оставим Мы их тогда препираться друг с другом.

Коран. Суры 18,99; 60, 4.

И восстает вражда; и поднимается раздор...

Библия. Книга пророка Аввакума (1; 3).

Эффективность борьбы адыгов против агрессивных устремлений Порты и крымских татар в значительной степени снижалась за счет разрозненности черкесских племен, постоянной междоусобной борьбы между ними. «Междоусобия князей, – писал Ш. Ногмов, – много способствовали успехам врагов внешних. Сами же князья были причиной бедствий своей Родины». А ведь не случайно говорится в Коране: «И не будьте таковы, как те, которые разделились и стали разногласить» (Сура 3, 101). К чему это приводило, можно судить по произведению Хан-Гирея «Записки о Черкесии». Болью за свой народ пронизаны строки

просветителя адыгов: «Брат проливал кровь брата, отец не щадил детей. Даже невинные младенцы безжалостно были побиваемы камнями, и женский пол, столь много уважаемый черкесами, в это пагубное время не был щадим. Села пылали и пустели. Княжеские и многие дворянские фамилии вовсе были истреблены, а другие, покинув свое отечество, искали спасения под чужим небом». Но наиболее ярко и трагично проявилась междоусобица у адыгов во время известной Бзиюкской битвы – «Бзиюкзоу».

Как отмечает В.А. Потто (1885), по странному совпадению, одновременно с Французской революцией, в 90-е гг. XVIII в. в землях шапсугов и абадзехов также обнаружили яркие признаки революционного движения. В 1792 г. вспыхнуло волнение шапсугского крестьянства. Поводом к этому восстанию послужили бесчинства и жестокость князей Шеретлуковых. Последним толчком, который непосредственно предшествовал событию, стало разграбление шапсугскими дворянами Шеретлуковыми торгового купеческого каравана, находившегося под охраной одной из шапсугских общин. Возмущенная толпа шапсугских тфокотлей-крестьян напала и разгромила двор одного из Шеретлуков, оскорбила его мать и увела в плен молодую девушку. И далее В.А. Потто пишет: «*Шапсуги восстали против своих дворян и князей, и гордая блестящая аристократия их пала в неравной борьбе*. Князья были изгнаны из отечества, а народ ввел у себя чисто демократические порядки. Многочисленные члены фамилии Шеретлука поклялись отомстить тфокотлям. Убедив со своими подданными в землю бжедугов, они обратились за помощью к наиболее влиятельному бжедугскому князю Бат-Гирею. В 1795 г. Али-Шеретлук и Бат-Гирей побывали в Петербурге, где Екатерина II пообещала им военную помощь».

Более подробно этот эпизод излагает, основываясь на архивных источниках, А.К. Чемсо (2002). До начала Бзиюкской битвы, – пишет историк, – черкесская княжеско-дворянская делегация во главе с Батчерием Хаджимуковым ездил в Петербург к Екатерине II. Целью поездки было ходатайство о принятии бжедугов и хатукайцев в русское подданство. Но в этой просьбе было отказано императрицей, мотивировавшей тем, что «...удовлетворение таковому желанию их завело бы нас в неприятные объяснения и хлопоты с Портою Оттоманскою, подав ей причину укорять нас в нарушении заключенного с нею трактата». Вместе тем императрица дала разрешение «...содержа помянутых князей в добром к нам расположении и обнадеживая их сохранением мирного соседства и вспоможением при всяком случае в их надобностях, можно позволить конским табунам их ходить на пастьбе на земле войска Черноморского».

Несмотря на формальный (дипломатический) отказ Екатерины II бжедугской знати в принятии под свое покровительство, последующий ход событий свидетельствует о полной поддержке бжедугов. Тому доказательство следующий документ:

Из письма губернатора С.С. Жегулина генерал-майору Чепеге:

«При самом отправлении курьера сего к несказанному моему обрадованию получил я рапорт Вашего превосходительства о благополучном вашем купно с веренными начальству вашему двумя полками из Польши в Екатеринодар прибытии, с чем наусерднейше от всея души и сердца моего вас поздравляю.

Я твердо уповаю на милосердие всемогущего Бога и потому надеюсь, что прибытие Вашего превосходительства в теперешнее время тем нам нужнее и драгоценнее, поскольку дошедшие слухи оглашают неприязненное намерение соседей ваших черкес. Войско же Черноморское, будучи присутствием вашим ободрено и обрадовано, не щадить всех возможных сил по отражению злоумышленников и к нанесению им жесточайшего поражения. А дабы наивысше подкрепить оное к славе победоносного оружия Всеавгустейшей монархини нашей, требую я от начальствующего в Тавриде войсками господина генерал-аншефа и кавалера М.В. Коховского, дабы повелел он изготовить отряд из двух рот егерей в полном комплекте с двумя пушками, чтобы они, коль скоро понадобятся, по уведомлению о том Вашего превосходительства или его высокоблагородия войскового судьи господина полковника и кавалера Головатого в назначенное место из крепости Фанагорийской немедленно следовали и купно с Войском Черноморским соединенными силами отразили наихудейшие злоумышленные нарушения.

Нам необходимо при первом случае нанести тяжкий удар и истребление появившемуся врагу, дабы тем отнять у него охоту на будущие времена зломыслить верному Войску Черноморскому.

Буде же, Ваше превосходительство, не находите нужным оное мною требование усиления, отдаю на вашу волю, оставить его, но я от стороны моей счел нужным сие подкрепление.

Я надеюсь несомненно, что Ваше превосходительство изберете сколь храброго, столь и испытанного офицера к начальству отрядом Войска Черноморского противу вышеупомянутого покушения назначенного.

А в заключение прошу всемогущего Бога, да подаст вам и состоящему под начальством вашим, верному Войску Черноморскому силу и крепость противу всех врагов его и соделает его им страшным на все будущие времена.

14 января 1796 г. Симферополь» (Цит. по: Чемсо А.К., 2002).

По черкесским преданиям, шапсугская эмиграция, водворившись у бжедугов, конечно, не оставалась сидеть сложа руки и кровавыми набегами расплачивалась со своим народом за их изгнание. Узнав, что князья заручились поддержкой Екатерины II, обещавшей им посильную военную помощь, шапсуги поднялись сами, чтобы мечом отплатить покровителям изгнанников – бжедугским князьям, и в то же время распространить свою «революцию» дальше, требуя, чтобы и бжедуги изгнали своих князей. Но это требование, как отмечает В.А. Потто (1885), могло только возмутить народное чувство бжедугов, преданных своим князьям и свято чтившим законы гостеприимства. При этом ненависть с обеих сторон была чрезвычайная. Как говорится в Коране, «...ярость их между ними сильна: ты думаешь, что они вместе, а сердца их врозь» (Сура 59; 14).

6.12.3.2. «Шапсуги подверглись страшному истреблению»

Сражайтесь за братьев своих, за сыновей своих и за дочерей своих, за жен своих и за дома свои.

Книга Неемии (4; 14).

Шапсуги создали многочисленное, дотоле невиданное в их земле ополчение; страшное числом, а не воинственностью, оно двинулось к хамышейским аулам с намерением истребить мечом и огнем покровителей изгнанников...

Султан Хан-Гирей (1837).

Вспыхнула война между племенами. Битва состоялась 10 июня 1796 г. (по другим источникам – 29 июня) на берегу р. Бзюко, находившейся в 18 км к юго-западу от Екатеринодара; с обеих сторон в ней принимало участие свыше 50 тыс.чел. Под натиском бжедугов «...шапсуги подверглись страшному истреблению». Поле сражения было покрыто убитыми и ранеными; целыми толпами пригоняли пленных, оружия навезли целую гору.

«При этом участие казаков заключалось лишь в нескольких выстрелах картечью из орудия, внушивших, однако, сильный страх шапсугам», – пишет Потто. Однако, судя по другим источникам, участие в этом конфликте казаков и русской артиллерии имело гораздо более серьезные последствия.

Как пишет современный историк А.К. Чемсо (2002), на стороне бжедугской аристократии от Черноморского казачьего войска выступило около 300 чел. с двумя артиллерийскими орудиями во главе с Еремеевым. Они-то и решили исход битвы: воодушевленные своей атакой на пехоту шапсуги рвались вперед тогда, как бжедугская конница внезапно очутилась сзади них. Еще несколько выстрелов из пушек, – и шапсуги оказались в замешательстве. «Шапсугские старшины напрасно старались удерживать оробевших воинов; напрасно храбрейшие из них, стыдясь бежать, смертью своею искупляли постыдную трусость товарищей: их усилия были тщетны!» (Хан-Гирей.1989; Чемсо А.К., 2002. С. 9-10).

Всего у тфокотлей было убито 4 тыс. человек и 2 тыс. взято в плен. Дорого обошлась Бзюкская битва шапсугам, но еще дороже она стала победителям – бжедугам, «утратившим в лице погибшего князя Батыр-Гирея влияние на соседние горские племена». Князь Батыр-Гирей Хаджемuko (Батчерий Хаджимуков) был тяжело ранен в самом начале боя. Когда ему было сообщено о поражении шапсугов, он, как подобает настоящему рыцарю, сказал: «Теперь я умру спокойно!..» И вскорости умер» (Хан-Гирей.1989; Чемсо А.К., 2002).

Народное предание донесло нас скорбные слова одной из шапсугских матерей, потерявшей в этой роковой битве 6 своих сыновей. Когда ей сообщили о гибели бжедугского князя Батыр-Гирей Хаджемuko, она печально произнесла: «Плачь, земля адыгов, ибо таких храбрых воинов, как мои сыновья, шапсуги еще родят, а такого отважного воина и мудрого предводителя, как Хаджемuko, бжедуги не родят и за тысячу лет...» (Сообцкова Н.И., 2010. С. 78).

В старинной бжедугской песне героической гибели их предводителя посвящены следующие строки:

Заплакали бжедуги, потеряв в бою
Любимого вождя Баты-Гирея.
Оплакала смерть его и великая царица,
Сражайтесь, храбрые бжедуги!...

В «шапсугском» варианте песни при изложении этого события расставлены несколько иные акценты:

Шеретлуковы-дворяне, рыская в степи, подобно волкам,
Сгрызали ради гоми жизнь людскую.
За то прогнали их с земли своей шапсуги...
Приветил волков бжедугский князь Батчери,
Чтоб вновь на шею посадить дворян шапсугам.
Собрал он воинов, и пушек попросил
У русской императрицы Катерины.
И тут за вдов и сирот месть его настигла,
Один из умирающих поднялся и пулею
Последней Батчерия свалил,
Хвала герою-мстителю, о люди!...

Несколько по-иному причины и последствия Бзюкской битвы излагает Султан Хан-Гирей (1837): «Бжедугское поколение (племя. – **Авт.**) было тогда очень сильно. Хамышейское общество, в то время важнейшее отделение этого поколения, имело тесные сношения с шапсугами, своими соседями.

Шапсуги создали многочисленное, дотоле невиданное в их земле ополчение; страшное числом, а не воинственностью, оно двинулось к хамышейским аулам с намерением истребить мечом и огнем покровителей изгнанников (князей Шеретлуковых, укрывшихся у бжедугов. – **Авт.**).

Бжедуги презирали шапсугов и всегда побеждали их в открытом поле. Неприязненные ополчения встретились на берегах Бзийко, и тут произошло кровопролитие, в позднейшее время невиданное в междоусобных войнах черкесских племен. Потерю шапсугов верно определить невозможно; полагаю, однако ж, что 800 тел осталось на поле, целыми толпами пригоняли пленных к сборному месту, добычу – оружие – свозили туда же для дележа и, говорят, его навалили целые горы. Для настоящего поколения низовых черкесов (имеются в виду западные адыги, в отличие от восточных – кабардинцев. – **Авт.**) Бзийское поражение составляет эпоху» (Султан Хан-Гирей, 1837).

6.12.3.3. «Всероссийская государыня не дает позволения, чтобы перейдя установленную мирными договорами границу, делать поражение»

Надеюсь, что всероссийская государыня не дает на такое разорение подвластных его султанскому величеству народов позволения, чтобы перейдя установленную мирными договорами границу, нападать и делать поражение.

Из письма Сеида Мустафы-паши атаману З. Чепеги (1796).

И для историков, и для широкого круга читателей, интересующихся историей своего народа и края, должно представить интерес следующее письмо турецкого визиря Сеида Мустафы-паши в адрес Черноморского кошевого атамана З. Чепеги, в котором автор выражал свое недовольство результатами Бзюкской битвы и, главное, тем, что своим участием в битве казаки со своей артиллерией нарушили существовавшую границу между Турцией и Россией, которая тогда пролегла по р. Кубани:

«Народы из черкес и абазинцев, именуемые: первые шапсик (т. е. шапсуги), а последние бзадук (бжедуги), имея между собой почти всегда непрестанную ссору, и хотя от стороны моей посылаемо было письмо-уведомление ради примирения их, но бзадуки, в рассуждении жительства своего близ р. Кубани и, имея дружбу с черноморскими казаками, видно, прибегли к ним под защиту и, по незнанию вашему, собрали из нерассудительных казаков с оружиями и двумя пушками через учрежденную границу по сию сторону р. Кубани и соединя казаков с бзадуками и напав на шапсиков, учинили чрезвычайное поражение, где побито немалое число народа. И как я, уповаю на сие от стороны вашей не было дано позволения, то, конечно, вы имеете долг обязанности таковых бунтовщиков строго наказать, дабы на подобные дерзости и другие не отважились. В случае же буде вы о сем были известны и от сего зла не удержали, то сим средством между высокими государствами утвержденная дружба, мир и благоденствие, до сего времени продолжавшиеся, разрушатся. Однако совершенно и несомненно надеюсь, что всероссийская государыня не дает на такое разорение подвластных его султанскому величеству народов позволения, чтобы перейдя установленную мирными договорами границу, нападать и делать поражение. Я прежде сего письмом моим дал знать и просил от вас уведомления, но и доньше не получал, то вторично вас сим, любезнейший сосед, извещая, прошу не оставить неукоснительным меня уведомлением, ибо обязан я по делу моему донести о сем его султанскому величеству» (Цит. по: Дмитренко.И.И., 1898. Т. 4. С. 44).

6.12.3.4. «Бзюкская битва стала эрой в жизни черкесов и крепко залегла в памяти народной»

Бзюкская битва стала эрой в жизни черкесов и крепко залегла в памяти народной. Она положила начало ненависти и полувековой борьбе черкесов с русскими. Шапсуги мстили за вмешательство русских в свои дела постоянными набегами...

В.А. Потто (1885).

Мнение различных авторов о Бзюкской битве неоднозначно. Современные авторы в первую очередь подчеркивают антиколониальную направленность этого выступления, отмечая, впрочем, при этом его «...отрицательное воздействие на русско-адыгские отношения». Так, А.Д. Панеш (1999) пишет: «Царские власти внимательно следили за ходом социальных движений, начавшихся в Западной Черкесии в начале 90-х гг. XVIII в. В период наивысшего подъема борьбы крестьян в Бзюкской битве 1796 г. царизм оказал военную помощь адыгской феодальной верхушке. Этой акцией Россия стремилась приобрести сторонников в среде адыгской знати. Однако это оказало отрицательное воздействие на русско-адыгские отношения. По справедливому мнению А.Х. Бижева (1994. С. 168), «...Российская империя противопоставила себе абсолютное большинство шапсугских, натухайских и абадзехских крестьян». Свою солидарность с ними выражало крестьянство других племенных образований Западной Черкесии, у которых князья и дворяне сохраняли свои владельческие права. Таким образом, антифеодальная борьба крестьян приобретала и четкую антиколониальную направленность».

О том, что для казаков участие в данной битве обернулось «осложнением отношений с шапсугами и абадзехами», пишут и авторы книги «История Кубани...» (2004): «Предпринимались попытки (не всегда удачные) налаживания политического сотрудничества между казаками и адыгами. Пример – участие казачьего отряда в Бзюкской битве между шапсугскими, абадзехскими и натухайскими тфокотлями, с одной стороны, и шапсугскими и бжедугскими дворянами – с другой. Русские выступили на стороне дворянства. Все-го с обеих сторон в Бзюкской битве приняло участие свыше 50 тыс. чел. Княжеское войско одержало победу, однако своей цели (ликвидации демократических порядков в землях шапсугов, абадзехов и натухайцев) не достигли. Для казаков участие в данной битве обернулось осложнением отношений с шапсугами и абад-

зехами. Как следствие, в последующем шапсугские и абадзехские тфокотли неоднократно совершали нападения на укрепления Черноморской кордонной линии и казачьи селения».

Несколько иное мнение у Хан-Гирея. «...Поражение не смирило шапсугов. Наоборот, оно еще больше усилило ненависть к победителям. Шапсуги часто вторгались в земли Бжедугии большими партиями. Тяжелые непрерывные бои до такой степени обескровили обе стороны, что при последнем вторжении шапсугов не произошло сражения... «И так немало погибло людей!» говорили предводители обеих сторон и удерживали своих воинов от неприязненных действий», – пишет Хан-Гирей в очерке «Бесльный Абат» (1847).

Прошло какое-то время, и завязались скрытые переговоры между шапсугами-простоллюдинами и выходцами из дворян. Последние возвратились на родину поодиночке. Но главному виновнику гибели многих людей, Султану-Али Шеретлукову, разрешения от тфокотлей не последовало. Позже в присутствии шапсугских дворян и простого народа состоялся съезд, называемый черкесами «*ПэкІэтныкъо зэфэс*», который подвел итоги Бзиюкской битвы (Чемсо А.К., 2002. С. 15-16).

Близко к Хан-Гирею мнение царского историографа В.А. Потто, который считал, что «...именно Бзиюкская битва стала эрой в жизни черкесов и крепко залегла в памяти народной. Она положила начало ненависти и полувековой борьбе черкесов с русскими. Шапсуги мстили за вмешательство русских в свои дела постоянными набегами и добровольно (? – Авт.) перешли на сторону турок, только и ждавших момента поссорить горцев с казаками. Бжедуги, натухайцы и некоторые другие племена еще держались некоторое время союза с русскими, но те же шапсуги и турки скоро переманили их на свою сторону. Шапсуги, абадзехи самые первые стали производить нападения на Кавказскую линию, захватывать людей и продавать их в рабство в Анапу; за ними последовали и другие племена, – и война запылала».

Разумеется, такое понимание причин Кавказской войны, приведенное царским историографом, в значительной степени упрощено. Причины войны русского царизма с кавказскими горцами были намного глубже и серьезнее...

6.12.4. Участие бжедуг в Кавказской войне

6.12.4.1. «Пиши-орк-зау»: восстание народа против бжедугской аристократии

Когда крестьяне боролись сообща, они побеждали. Во время Пиши-орк-зау бжедугские крестьяне прогнали своих кичливых князей...

Т. Керашев (1981).

«Пиши-орк-зау» завершился знаменитым Понежукским боем в январе 1856 г. Крестьяне одержали полную победу. В Бжедугии было введено демократическое политическое устройство. Власть была сосредоточена в руках парламента (хасэ) из 17 чел.

А.Ю. Чирг, Н.Х. Женетль (2006).

В 40-50-х гг. XIX в., в разгар кровопролитной Кавказской войны, с новой силой развернулась борьба адыгских крестьян за свои права против феодального гнета. Поддержку крестьянам оказал наиб Шамиля на Северо-Западном Кавказе Мухаммед-Амин, руководивший вооруженными силами абадзехов и ряда других субэтнических групп. Социальной опорой наиба были тфокотли.

Особенно усилилась борьба между адыгскими дворянами и «простым народом» после Крымской войны 1853-1854 гг., причем наиболее острые формы она приняла у бжедуг. После Бзиюкской битвы, в ходе которой бжедугская знать олицетворяла наиболее реакционные силы, тфокотли перешли в открытое наступление против своих князей и уорков.

Восстание Пиши-орк-зау («Война против князей и дворян») имело свою предысторию. Осенью 1851 г. бжедугские тфокотли отказались принести присягу на верность царизму. Тогда царские власти приняли решение силой оружия подчинить Бжедугию. В ноябре 1851 г. войска под командованием Г.А. Рашпиля двинулись в земли бжедуг. Первый удар предполагалось нанести по а. Энем. Под угрозой разгрома энемцы подчинились и принесли присягу 26 ноября. Вслед за тем покорились России и остальные хамышейские аулы. В декабре 1851 г. Г.А. Рашпиль принял присягу от жителей черченеевского аула Вочепший. После этого покорились другие черченеевские аулы (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

Подчинение бжедугов российской власти не прекратило борьбу между крестьянами и феодалами. Она продолжалась с неослабевающей силой вплоть до настоящего погрома знати, осуществленного в 1856 г.

Некоторые авторы пишут, что «Пиши-орк-зау» имел место в феврале 1856 г. Однако документальные материалы подтверждают точку зрения известного историка П.У. Аутлева, утверждавшего, что «Пиши-орк-зау» проходил в несколько этапов и состоялся в 1853-1856 гг., т. е. борьба против князей и дворян протекала несколько лет.

Развертывание упорной борьбы против князей и дворян произошло в 1853 г. Организаторами крестьянского восстания были, согласно материалам фольклорного фонда АРИГИ, Кимчерий Ханахоко из а. Гатлукай,

Хаджи Депчен из а. Энем и Шиханчериико Пшимаф. Они боролись против бесчинств князей и дворян, стремились установить в обществе социальное равенство. Их активно поддерживал Мухаммед Амин.

В декабре 1853 г. бжедугские князья и дворяне подали начальству Черноморского казачьего войска записку, в которой предлагали создать у бжедуг особый дворянско-княжеский суд. Введение этого суда должно было закрепить власть феодалов над крестьянами. Однако попытка атамана Я.Г. Кухаренко учредить в Бжедугии такой суд была сорвана из-за противодействия тфокотлей. Было проведено несколько общепбжедугских крестьянских собраний с приглашением представителей феодалов. Тфокотли пытались мирным путем, без кровопролития, установить равенство в обществе.

В этой обстановке казачий атаман Я.Г. Кухаренко решает вооруженными силами поддержать бжедугских князей и не допустить вторичного утверждения власти Мухаммеда Амина в Бжедугии. В мае 1853 г. два отряда царских войск под командованием полковника Крыжановского и подполковника Барыштитченко были двинуты в Бжедугию. Между тем бжедугские тфокотли вели интенсивную переписку с Мухаммедом Амином, просили у него помощи. Сподвижниками наиба были жители а. Гатлукай Гаджи Ислам Ханахок и его брат Эфенди Магомет Ханахок (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

Во главе своих мутазигов, составленных из представителей абадзехов и шапсугов, Мухаммед Амин в мае 1853 г. также вошел в Бжедугию. 24 мая 1853 г. состоялось возле урочища Ошхануко ожесточенное сражение между царскими войсками и мутазигами Мухаммеда Амина. Из-за отсутствия артиллерии адыги проиграли это сражение и наиб отступил.

В 1856 г. выведенные из терпения тфокотли потребовали от князей и дворян полного отказа от их феодальных прав и привилегий. Однако феодалы отказались. Как и следовало ожидать, в результате развернулась жестокая вооруженная борьба.

«Пши-орк-зау» завершился знаменитым Понежукайским боем на левом берегу Кубани в январе 1856 г. Князья и дворяне совещались в это время в а. Понежукай в кунацкой князя Эльбуздоко Ендара. Они были окружены вооруженными тфокотлями. Феодалы упорно отстреливались. Тогда по совету одной женщины тфокотли подожгли дом, где засели князья и дворяне. Спасаясь от огня, те стали выскакивать из дома и попадали под пули тфокотлей. Было убито или ранено 25 феодалов из бжедугской знати. Также был убит один из главарей феодалов князь Пшимаф Кунчукоко.

Как с горечью писал сын последнего владетельного бжедугского князя Тархана Хаджимукова, офицер 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска, князь Темтеч Хаджимуков, «...вспыхнула революция, причем многие князья и дворяне поплатились жизнью, а другие бежали и отдались под защиту русских».

Из числа пленных урков тфокотли даровали жизнь и позволили поселиться на прежних местах только тем, которые торжественно поклялись навсегда отказаться от своих владельческих прав. Все остальные князья и дворяне покинули родину и расположились отдельным аулом в а. Бжегокай на р. Уанабот – притоке р. Чибий.

После победоносного окончания «Пши-орк зау» в Бжедугии было введено демократическое политическое устройство. Власть была сосредоточена в руках парламента (хасэ) из 17 чел. Председателем хасэ стал К. Ханахоко, а судьей – Х. Депчен. Демократические преобразования в Бжедугии явились вторым крупным шагом в ходе общественно-политических преобразований в Западной Черкесии после переворота конца XVIII в. у абадзехов, шапсугов и натухайцев. Бжедугская республика активно участвовала в борьбе адыгов за независимость в 1856-1859 гг., вплоть до окончательного завоевания бжедугских земель царскими войсками. В составе отрядов Мухаммеда Амина в 1857 г. бжедуги вели активные боевые действия против царских войск (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

6.12.4.2. «Бжедуги решили драться, и драться жестоко...»

*Скрытые холмами, в смятении и горе,
Глядят бжедуги-юноши,
Как льются реки крови...*

Из адыгской песни о Цужкуапэ.

Генерал Бабыч вновь обрушился на бжедухов. Не смотря на всю очевидную нелепость, безрассудность сопротивления, бжедуги решили драться, и драться жестоко, до последнего издыхания.

Н. Вишневецкий (1860).

1860-й год был одним из самых трагичных для адыгов. После пленения Шамиля основные силы Кавказской армии были брошены на «умиротворение» западных адыгов. Лишь шапсуги, часть натухайцев и убыхи продолжили борьбу с царскими войсками, а абадзехи отказались выполнять соглашения, принятые Сочинским меджлисом о прекращении распрей и объединении усилий для борьбы с русскими.

Продолжали ожесточенную борьбу с царскими колонизаторами и бжедуги. Как писал в своих мемуарах Н. Вишневецкий, «...генерал Бабыч (Бабиц) вновь обрушился на бжедухов. Несмотря на всю оче-

видную нелепость, безрассудность сопротивления, бжедухи решили драться, и драться жестоко, до последнего издыхания. При приближении русских войск все население от мала до велика стало под ружье; все это, словно кровожадные звери, притаилось за камнями, деревьями, завалами и горело единственной жаждой истребить ненавистных «гяуров». При таких условиях покорение бжедухов представлялось делом чрезвычайной трудности, великим подвигом».

И далее Н. Вишневецкий продолжает свой восторженный рассказ о том, как происходило «добровольное (?) присоединение» этого адыгского племени: «Геройские войска, ведомые вождем-героем (генералом Бабычем), брали пядь за пядью вражескую землю. Тут бились насмерть. Здесь не знали жалости, здесь не просили пощады: и русский солдат, и черноморский казак, и воинственный бжедух гибли без стога, без возгласа. Каждый из них сознавал, что это идет последний смертный бой! И так продолжалось с 18 февраля 1859 г. по 3 февраля 1860 г. без перерыва, в течение долгих 350 дней!».

Автор официоза, разумеется, не стал сравнивать военные возможности плохо вооруженного черкесского ополчения и регулярных войск одного из самых могущественных государств мира. Он только с гордостью констатировал, что скопища бжедугов были опрокинуты и рассеяны, аулы и сакли их истреблены и самый народ их, как независимое горское племя, перестал существовать на земле. Судя по всему, каратели строго придерживались духу и букве библейских текстов: «Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их...» (Псалтырь, 17; 38). Однако остатки бжедугов и дальше продолжали героическое сопротивление захватчикам.

В архиве сохранился документ, свидетельствующий о весьма бесцеремонном отношении царских властей к адыгским племенам, в частности, к бжедугам. В 1862 г. М. Венюков работал над составлением этнографической карты Закубанья, на которой отдельной краской он изобразил территорию бжедугов, за что и получил упрек от генерала Евдокимова: «Если вы хотите придать вашей карте интерес современности, то сотрите бжедугов, – я их выгоню, как и всех остальных горцев, в Турцию!».

6.12.4.3. «Отдаться под покровительство России...»: к взаимоотношениям бжедугов и русских

Старожилы-бжедуги приняли вновь прибывших на Кубанскую границу черноморских казаков с миром и радушием и, на первых порах, покуда казаки окрепли на новом своем жительство и устроились, черкесы снабжали их хлебом и жизненными продуктами...

П.П. Короленко (1902).

Будучи уже в очень преклонном возрасте, он (Алхас Хаджимуков) отказался от власти в пользу своего племянника Батыр-Гирея, а сам отдался под покровительство России. Позже его примеру последовал и весь бжедугский народ.

Т. Хаджимуков (1908).

Рассматривая предысторию появления бжедугов на нынешней территории, бжедугский князь Т. Хаджимуков отмечает: «На Кубани бжедуги заняли сначала правый берег (бжедугский аул Кушмезуко на месте будущего Екатеринодара), но в конце XVIII в., когда появились новые пришельцы с севера – казаки, и Черноморское войско раскинуло свою кордонную цепь вдоль русской границы, – бжедугам пришлось удалиться. Часть их переселилась на левый берег Кубани, а часть выселилась в Кабарду и образовала там новый аул Кушмезуко. С тех пор до самого окончания Кавказской войны они оставались ближайшими пограничными соседями русских» (Хаджимуков Т., 1908; Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

Архивные материалы, письменные источники, эпистолярное наследие современников свидетельствуют, что бжедугские князья были в конце XVIII – начале XIX в. одними из первых сторонников России. Они приезжали к казакам в гости, посылали табуны своих лошадей на выпас в Черноморию, привозили на обмен различные товары. По этому поводу П. Короленко писал: «Старожилы-бжедуги приняли вновь прибывших на Кубанскую границу черноморских казаков с миром и радушием и, на первых порах, покуда казаки окрепли на новом своем жительство и устроились, черкесы снабжали их хлебом и жизненными продуктами, как-то: медом, маслом, сыром, яйцами, а также скотом, птицей, мясом битых диких свиней, которых черкесы сами не ели, по дружбе же отдавали русским». И далее он же: «Из всех черкесских племен бжедухи более дружили с русскими, или, правильнее сказать, менее других были враждебны России. Они охотно сближались с русскими, и даже поступали на русскую службу». Недаром российское правительство оказало в 1796 г. вооруженную помощь бжедугским феодалам в их борьбе против крестьянского движения абадзехов, шапсугов и натухайцев. Незадолго до этого, в 1794 г., правители Бжедугии обратились с просьбой о принятии в подданство России. Рассмотрев этот вопрос, Императрица Екатерина II вынуждена была отказать бжедугам в их просьбе, поскольку ее связывали условия Ясского трактата 1791 г. с Турцией (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

Как сообщает Ф. Щербина (1913), одним из активных сторонников сохранения единства с Россией был бжедугский князь Батыр-Гирей, который «открыто признавал себя и подвластных ему горцев подданными России». Более того, сохранились сведения, что в июле 1793 г. «...владельцы базадзской (бжедугской) орды Батыр-Гирей Мурза и Тогур-Оглу Мурза, желая покончить с притеснениями абадзехов и шапсугов, объявили о своей готовности переселиться с подданными в Таманскую степь. К тому же решению пришли хатукайские князья Керкет-Оглу Арслан-Гирей-бей, Девлет-Гирей-бей и Банчук-бей». Подобные прошения о переходе в русское подданство подавались черкесскими князьями и в конце 1794 г.

В 1858 г. бжедуги приняли решение официально перейти в русское подданство. Ведя переговоры по этому поводу с русским командованием, бжедугские старшины от имени всех тфокотлей выставили условие, чтобы никого из изгнанных бжедугами «пше, тляхотлежей и уорков вновь к себе не принимать». В следующем году они обратились с особым письмом «К русскому народу», в котором, развивая выдвинутые требования, писали, чтобы русское начальство не доверяло их князьям и дворянам, «...потому что они есть ни что иное, как обманщики. То, что они вам говорят, то же предлагают и нам. Изменщики – то же, что они делают против нас, то же самое делают и против вас».

Высказав столь нелестное мнение относительно морального облика своей феодальной знати, бжедугские «почетные граждане», переходя к деловой стороне вопроса, решительно рекомендовали вслед за тем русским властям «...умертвить их вероломных дворян или изгнать их из русских владений, – *только тогда водворится мир между черкесами и русскими*», а русские найдут в лице бжедугов «...не дворян, а искренних и приверженных людей». Для местной администрации факт социально-политического заката старой бжедугской аристократии был совершенно ясен. В силу этого власти, исходя из соображений скорейшего урегулирования отношений с бжедугами, сочли разумным прислушаться к голосу «почетных бжедугских тфокотлей». Это, однако, вызвало бурю негодования бжедугских князей и дворян. Вскоре адыгские князья и дворяне, жившие на р. Унабот, были переселены под прикрытие русских войск на левый берег Кубани и водворены здесь в особом ауле, построенном напротив бывшего Малолагерного поста. Аул этот получил название Тлюстенхабль («Дворянский»).

В июле 1859 г. бжедуги принесли присягу на верность России. Примечательно, что бжедугские крестьяне присягали отдельно от князей и дворян. Как сообщал А.И. Барятинский военному министру И.О. Сухозанету, «...в половине июля присяга была выполнена народом поголовно на сборных пунктах за Кубанью, в присутствии Черноморского казачьего войска полковника Борзикова и подполковника Могукурова. *К присяге приводил их наши эфенди. Она принята народом с замечательным одушевлением*; только князья и дворяне, по вражде своей с низшими сословиями, не принимали в ней никакого участия и потому с ними прерваны всякие переговоры до выполнения ими в точности всех наших требований» (Цит. по: Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

6.13. Эскалация безумия: хроника «вытеснения» адыгов с родной земли

Если они встретят вас, то будут вам врагами и протянут к вам свои руки и языки со злом...

Коран. Сура 60; 2.

И обратятся богатства их в добычу, и дома их – в запустение: они построят дома, а жить в них не будут, насадят виноградники, а вина из них не будут пить...

Библия. Книга пророка Сафони (1; 13).

В результате проведения «твердого курса» – решительного наступления царизма на Кавказе – в августе 1859 г. Шамиль вынужден был сложить оружие. Его пленением в Гунибе завершилось завоевание Восточного Кавказа. Этот удар немедленно отразился и на Западном Кавказе. «Конец Шамиля был сигналом к решительному наступлению на адыгов здесь», – писал М. Покровский.

Против западных горцев, зажатых царскими войсками с двух сторон – Кавказской линией по р. Кубани и Черноморской – вдоль морского берега, – было сосредоточено 70 батальонов, драгунская дивизия, 20 казачьих полков и 100 орудий. Всего же, по данным М.А. Керашева и др., против горцев была двинута Кавказская армия, в составе которой в 1859 г. насчитывалось свыше 308 тыс. чел. Наступил завершающий этап Кавказской войны. По словам очевидца М. Венюкова, «...война шла с неумолимою, беспощадной суровостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека (! – Авт.) всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва лишь сходил снег, посевы вытравлялись конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уведимо под конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее, в Турцию». При этом царские военачальники совершенно не стеснялись своих кровавых деяний. «Помню, – поэтически живописал полковник Шарап, – наш отряд под командою генерала Бабыча, в чудеснейшие дни начала лета, как саранча, передвигался к чудным землям горцев, и их на диво богатые нивы: пшеницы, ржи, проса, кукурузы, – ломом ложились под ногами солдат, лошадей, артиллерии; разбросанные причудливо хуторками аулы горели и своим дымом заставляли принимать только что вполне

развившуюся изумрудную листву окружающих лесов неестественно бурый цвет». Поневоле вспомнишь библейское: «И сказал Авессалом слугам своим: видите участок поля Иоава, и у него там ячмень; пойдите, выжгите его огнем. И выжгли слуги тот участок поля огнем...» (2-я книга Царств, 14; 30).

Цель и «стратегия» принудительного выселения, изгнания адыгов со своей исторической Родины четко была изложена в позиции главного «идеолога» изгнания адыгов – графа Евдокимова: «Его твердым убеждением было, – писал М. Венюков, – что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей для России войны, есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Кубанью хотя бы в качестве мирных подданных, он смотрел как на неизбежное зло и делал все, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобство жизни». Многие другие документы тех лет убедительно свидетельствуют о том, что у российского правительства было твердое намерение очистить Северо-Западный Кавказ от его коренных обитателей. То, что поворота в принятом решении не будет, явствует из текста «высочайшей» царской грамоты к ордену св. Георгия II степени, которым был награжден командующий войсками Кубанской области граф Н.И. Евдокимов. До окончания Кавказской войны оставалось еще несколько долгих лет – самых кровопролитных, самых тяжелых для адыгов. Еще 6 лет (1859-1864 гг.) адыги сопротивлялись натиску царских войск, прежде чем они были сброшены в море и изгнаны в Турцию. Как говорится в книге пророка Даниила (8; 13-14), «...и сказал он вопрошавшему: «На сколько времени простирается эта ежедневная жертва и опустошительное нечестие?» И сказал мне: на 2300 вечеров и утр (т. е. около 6 лет. – **Авт.**)».

6.13.1. Год 1859-й: «Решительное наступление на адыгов...»

Вы будете призваны на народ, обладающий великой яростью. Вы будете сражаться с ними, или они предадутся.

Коран. Сура 48; 16.

Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб?

Псалтырь (52; 5).

В этом году царские войска усилили наступление на «непокорных» горцев Северо-Западного Кавказа. Без захвата территории между р. Кубанью на севере, Лабой и Урупом на востоке и Черноморским побережьем до района современного Сочи, – российское господство на Кавказе не могло быть прочным и основательным. Несмотря на героическое сопротивление горцев, они не могли изменить задуманного царизмом плана систематического «покорения» Кавказа. А план этот в последние годы войны, по определению Р. Фадеева, заключался «...в изгнании горцев из их тущоб и заселении Западного Кавказа русскими». Война шла «с неумолимой суровостью». Черкесские аулы выжигались сотнями, посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на плоскость; непокорные же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию. Так описывает последние годы войны Е. Фелицын. По словам К. Гейнса, «в ясные дни нередко скрывалось солнце от бесчисленных пожаров» (аулов и посевов. – **Авт.**).

«Непокорные» племена потеряли с падением Шамиля надежду на успешное сопротивление и постепенно стали заявлять о своей «покорности» России или же согласии переселиться в Турцию. Первыми летом 1859 г. присягнула часть бжедуг, живших на левом берегу р. Кубани, по низовьям рек Пшиша и Псекупса, до границ Шапсугии. Однако, основная масса бжедуг продолжала сопротивляться и в последующие годы. В ноябре 1859 г. капитулировал Мухаммед-Амин, который вместе с абадзехами поклялся «на вечные времена» быть верным русскому царю. Генерал-фельдмаршал А. Барятинский в приказе по войскам 27 ноября 1859 г. писал по этому поводу: «Вы покорили главное и грозное племя Западного Кавказа: 100 тыс. абадзехов и самого Магомета-Амина. Да поможет Бог совершить нам скоро и остальное завоевание непокорных племен!».

6.13.2. Год 1860-й: «Приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами»

Сражайтесь с ними, – накажет их Аллах вашими руками, и опозорит их, и поможет вам против них...

Коран. Сура 9; 14.

В 1860 г. решено было прекратить бесполезные экспедиции и приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами; горцев же выселить на плоскость, подчиняя там нашему управлению.

А.П. Карцов, генерал (1860).

События завершающего этапа Кавказской войны развивались весьма драматично. В 1860 г. действия царских войск против Черкесии активизировались. После разгрома движения Шамиля на Северо-Западный Кавказ были посланы большие силы: 172 батальона регулярной пехоты и 13 батальонов и 7 сотен иррегу-

лярных войск; конницы 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных, при 242 полевых орудиях (Панеш А.Д., 1999. С. 216)

Земли, захваченные у адыгов, немедленно заселялись русским казачьим населением. Командующий Кавказской армией А.И. Барятинский писал военному министру: «Единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением по обеим сторонам хребта». Об этом писал и генерал Карцов: «В 1860 г. решено было прекратить бесполезные экспедиции и приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами; горцев же выселить на плоскость, подчиняя там нашему управлению».

Горцы Северо-Западного Кавказа в этих условиях вновь взялись за оружие и продолжали борьбу за свою свободу и независимость. Однако силы были неравны. Еще весной 1860 г. под ударами царских войск капитулировали натухайцы (натхокуадж), «...естественные окончателно между морем и Адагумской линией, убедившись опытом нескольких предшествующих зим в неминуемом своем разорении от войск, обложивших их грозным кругом». Они занимали западную оконечность понижающегося к Черному морю Кавказского хребта и южный склон этого хребта от Анапы до р. Джубга. Барятинский писал об «упадке духа» этих горцев и их «сильном развитии наклонности» к переселению в Турцию.

Как отмечает русский источник, «...к началу 1860 г. против нас оставался один сильный и воинственный народ – шапсугский, прочное подчинение которого, естественно, являлось главною целью действий и предметом первой важности». В соответствии с этим, весной этого года открыты были военные действия против шапсугов тремя главными отрядами: Шапсугским, Лабинским и Адагумским. Эти отряды своими совместными действиями очистили от горского населения все пространства между реками Абин и Афипс. Как бодро пели в то время Адагумские казаки:

Лихо бросились на горы,
Сперли орду на овраги,
Мы бросились и в овраги,
Не давали им пощады...
Как враги от нас бежали,
А в дыму «Аллах!» кричали,
Им досталось тогда, –
Не забудут никогда!

Представляет интерес тот факт, что именно в 1860 г., задолго до завершения Кавказской войны и окончательной «очистки» территории от горцев, специальным указом Александра II была юридически оформлена новая административная единица Российской империи – Кубанская область. Согласно указу, новая область занимала площадь свыше 81 тыс. кв. км, на севере граничила с Областью войска Донского, на востоке и юго-востоке – со Ставропольской губернией и Терской областью. Западная ее граница имела выход к Черному и Азовскому морям.

6.13.3. Год 1861-й: изгнание бесленеевцев, «самых опасных и вредных из черкесов»

*Жьым йыкIэр уэшигыи, зауэм йыкIэр хьэдагъэшъ.
– «Ветер приносит дождь, а война – горе».*

Адыгская пословица.

*И войдет он в прекраснейшую из земель, и многие
области страдают...*

Книга пророка Даниила (11; 41).

Процесс «умиротворения» адыгов набирал обороты. Против непокорных горцев начали активные боевые действия крупные части русских войск: Нижне-абадзехский и Верхне-абадзехский, Нижне-фарсский и Средне-фарсский, Бзыбский, Адагумский и другие отряды. Первыми, кому пришлось покинуть в этом году свои родные места, были бесленеевцы, занимавшие долину р. Ходзь, где именно с 1861 г. началось возведение казачьих станиц. Царские власти, которые считали бесленеевцев «самыми опасными и вредными из черкесов, дававшими всегда отличных вожаков», пришли к выводу, что им нельзя было оставаться на прежних местах жительства и им было предложено или перейти в указанные для них места или же отправиться в Турцию «в кратчайший срок». Как сообщают очевидцы, бесленеевцы внезапно были окружены царскими войсками и «...выведены силою на Кубань, откуда 600 семейств отправилось под конвоем в Турцию», а оставшиеся 200 семейств поселились на предписанных местах на левом берегу р. Кубани, образовав «первое ядро закубанских аулов». За бесленеевцами последовала очередь кубанских кабардинцев, проживавших за р. Лабой, темиргоевцев, абазин и др. Но основная масса закубанских народов: абадзеи, натухайцы, шапсуги, убыхи пока еще оставались на своих местах. Непокорные горцы понимали, что приближается последний час их независимости. Но они не пали духом и продолжали оказывать упорное сопротивление колонизаторам. Когда в 1861 г. абадзеи объявили генералу Евдокимову, что царские войска должны остановиться на р. Фарс, так как дальше горцы их не пустят, то получили такой ответ: «Я требую от абадзехов не мирного соседства, а безусловной покорности; не прекращу наступления до тех пор, пока последний горец не пере-

селится на места, указанные мною». Уж очень напоминают эти безжалостные слова высказывание другого высокопоставленного «деятеля» – наместника Кавказа князя Г.С. Голицына: «Я успокоюсь только тогда, когда в тифлисском музее будут показывать чучело армянина в подтверждение факта, что жили когда-то и армяне на Кавказе». И эти угрозы адресовались большому единоверному, христианскому народу! А что говорить о малых мусульманских народностях?

В 1861 г. генерал Бабыч взял Геленджик: «Предав огню неприятельские сакли, войска двинулись дальше и, разрушив еще несколько аулов вокруг Геленджикского укрепления, продолжали свои великие подвиги». В «обозе» наступающих царских войск неизменно шли колонизаторы, захватывающие «освобожденные» от адыгов земли. По распоряжению императора было организовано массовое переселение в Закубанье кубанских и азовских казаков; объявлены по всем губерниям России льготные условия переселения на левобережье Кубани казенных крестьян и лиц всех сословий империи. Только за один год, с весны 1861 до весны 1862 г. в Закубанском крае было основано 35 станиц с населением в 5480 семейств. Было заселено все пространство между Лабой и Белой, с одной стороны, и Урупом и Ходзью – с другой. Большая часть горцев вынуждена была уйти за р. Белую, а остальные – в прикубанские степи. Причем сплошь и рядом это добровольно-принудительное «переселение» шло насильственным путем.

6.13.4. Адыги – императору Александру II: «Живыми мы Кавказ не отдадим...»

6.13.4.1. «Вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и водворить на сих последних русское христианское население»

В награду за постоянное доблестное служение оного [Кубанского казачьего войска] престолу и Отечеству предоставляются в пользование войску освобождаемые от горских племен в предгорьях Западного Кавказского хребта новые, щедро наделенные дарами природы земли.

Александр II, император (24 июня 1861 г.).

24 июня 1861 г. Александром II был подписан «высочайший» рескрипт «О заселении Северного Кавказа» (как будто раньше там никто не жил! – **Авт.**): Обращаясь к наказному атаману Кубанского казачьего войска графу Евдокимову, император пишет: «Переселение вперед наших линий, конечно, не может не быть тягостным, но это переселение есть жертва, приносимая верноподданными для блага отечества. Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселять отнимаемые у них земли. В продолжение почти целого столетия казачьи войска, бывшие Черноморские и Кавказское линейное, с помощью донских и малороссийских казаков, дружно действовали для покорения враждебных племен; в особенности в последнее время они оказали большие заслуги, постепенно оттесняя неприятеля далее в горы и заселяя оставленные им земли...

Ныне, с Божьей помощью, дело полного завоевания Кавказа близко уже к окончанию. Остается несколько лет настойчивых усилий, чтобы совершенно вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и навсегда водворить на сих последних русское христианское население. Честь выполнения этого славного дела принадлежит преимущественно казакам Кубанского войска» («Архивные материалы...», 2003. С. 80-81).

И далее император в своем рескрипте останавливается на преимуществах вновь занимаемых казаками земель, отнятых у горцев: «Обширные земли, которыми они (казаки. – **Авт.**) теперь владеют, состоят большей частью из степных пространств, во многих местах маловодных, и почти везде безлесных; новые же земли, отводимые им в предгорьях Кавказа, богаты водами, пастбищами, лесами. Земли эти впоследствии, при трудолюбивом и смышленном населении, могут доставить [Кубанскому казачьему] войску полное благоденствие... В награду за постоянное доблестное служение оного престолу и Отечеству предоставляются в пользование войску освобождаемые от горских племен в предгорьях Западного Кавказского хребта новые, в особо указанных пределах, щедро наделенные дарами природы земли» (Цит. по: Ольшевский М.Я., 2003. С. 80).

Император сулил казакам денежные вознаграждения, а также другие привилегии: «Сверх того, Мы даруем следующие преимущества: 1) Те офицерские и казачьи семейства, которые, добровольно вызвавшись на переселение в предгорные пространства Западного Кавказа, составят первых основателей этого нового и важного русского поселения, будут наделены участками земли в частную собственность вечную и потомственную...».

Тем не менее, сами казаки переселяться не спешили; более того, начались, как доносил князь Барятинский императору, «между черноморскими казаками бунты и неповиновения». Дело дошло до того, что 270 казачьих офицеров, собравшись на территории современного Краснодарского городского парка, приняли текст прошения на имя императора с просьбой приостановить переселение. Главный мотив – необходимость «очистить предварительно эту землю от неприятеля военной силою».

Опыт прошедших лет, а также продолжавшиеся в ходе Кавказской войны бесконечные «репрессалии» царских войск против местных горцев, показали адыгам, что позиция царских военных чинов относительно их судьбы остается неизменной и надеяться на какое-либо смягчение завоевательной политики царизма уже нель-

зя. Но, тем не менее, горцы продолжали поиск мирных путей урегулирования разгоравшегося военного конфликта, хотя и понимали безнадежность их усилий в этом направлении. К такой попытке относится, в частности, направленное «командующему Кавказской армии» прошение, подготовленное ими в конце июля – начале августа 1861 г., то есть буквально за полтора месяца до приезда в Черкессию императора Александра II:

Прощение обществ Абадзехского. Убыхского и Шапсугского со всеми деревнями, к ним принадлежащими, командующему Кавказской армии

Мы, общества Абадзехское, Убыхское и Шапсугское, с принадлежащими к нам деревнями, для блага и пользы нашей соединились для светских и духовных дел нашего края и обществ, во зло тем людям, которые были причиной нарушения прежних наших мирных условий с Вами, по каковым условиям мы отнюдь не домогались сделаться какими-то самовластными, а искали только мира и согласия. Ныне же, благодаря Бога, мы приняли на свою ответственность, что впредь ни явных, ни тайных со стороны наших обществ измен уже не случится, а кто из нас нарушит такое наше общее условие, то он будет наказан нами смертью; а потому надеемся, что В.С. (Ваше сиятельство. – **Авт.**) примете нас, так и принадлежащих нам людей, простив нам все наши прежние вины, происшедшие от недоразумений и [горячности] молодежи нашей. Вследствие сего, мы сообщили письмом графу Евдокимову и просили совещания с ним насчет земель, религии и пропитания нашего. Граф Евдокимов вслед же за этим двинулся в наши земли с большими силами и, хотя наши общества и просили его приостановиться и не разорять наши деревни, но он ответил нам, что идет для рубки леса, постройки дорог, укреплений и станиц на нашей незначительной земле и что просьбу нашу не иначе может исполнить, как с дозволения В.С.

Согласно отзыва генерала Евдокимова, мы имеем честь с сей просьбой обратиться к В.С. Мы узнали, что когда перед сим были заключены мирные условия генералом Филипсоном с абадзехскими обществами, тогда обещано было абадзехам не входить в их земли войскам, дабы защитить их пропитание от разорения, не производить постройку укреплений и станиц, а оставить Химкетское и Майкопское укрепления и не обижать начальников оного общества в отношении религии и пропитания. На том основании мы, все три общества с подвластными нам деревнями, посоветовались между собой и полагаем, что нарушение мирного условия нашего произошло через наших врагов, и что двуличие и обман не бывают со стороны правительства. А потому мы решили общим нашим советом так, что между нами и правительством русским не может быть впредь никакой измены и обвинения.

Поэтому мы покорнейше просим согласия В.С. не впускать в наши общества войск, а также не производить постройки укреплений и станиц, ибо, как Вам известно, у нас имеется малое количество земли, которая даже нам самим недостаточна, а в случае постройки больших станиц, как мы, так и скотоводство наше, крайне будут стеснены. Равномерно мы просим, чтобы земли наши оставить в нашем владении и предоставить нам свободу вероисповедания. Присланных тремя нашими обществами депутатов мы посылаем к В.С. довести до сведения Вашего жалобы о бедности нашей, равно жен и детей наших. Мы убеждены, что В.С. обратит Ваше внимание на просьбу нашу и словесные доклады Ваших поверенных, и не оставите их повергнуть к стопам его Императорского Величества для доставления нам вечного спокойствия, чего мы ожидаем, по милости Божьей, от В.С. А потому мы, по милости Бога, будем исполнять по силе и возможности нашей заключенное с нами условие, и впредь со стороны нашей не может быть никаких измен, как это случалось в прежние времена. А потому остаемся в ожидании милости и спокойствия от государя императора посредством ходатайства Вашего, по примеру других подданных» («Акты, собранные...», Т. XII. Ч. 1. С. 926; Хотко С.Х., 2011, Вып. 14 (50). С. 3).

Однако, судя по всему, ответа на это пронизанное болью «Прощение...» адыги так и не дождались. Вся надежда была на предстоящую личную встречу горцев с императором Александром II. Но и эта надежда, как увидим ниже, растаяла, как дым...

6.13.4.2. «Он желает известить вас из вашей земли...»

Он желает известить вас из вашей земли...

Коран. Сура 26; 34.

Опустошу землю вашу, так что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся на ней. А вас рассею между народами, и будет земля ваша пуста и города будут разрушены...

Библия. Книга Левит (26; 32-33).

Для того, чтобы лично оценить возможности колонизации кубанскими казаками Земли адыгов, а также подчеркнуть «особую государственную значимость» этой акции, Александр II прибыл в сентябре 1861 г. в Екатеринодар, а затем совершил экскурсию в районы, предназначенные для переселения. Из этой поездки за Кубань, где всюду, для безопасности, его провожал большой конвой (целый полк! – **Авт.**), Александр убедился, что действительно, переселение в этот не вполне еще покоренный край пока быть не может.

11 сентября император прибыл в Тамань. Депутация горцев в 500 человек обратилась к нему с ответственной речью, в которой, в частности, говорилось: «Мы все без изъятия, жены, юноши и дети, убедительно просим оставить за нами в неприкосновенности все земли. Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где ходили и жили наши отцы и деды. Отныне мы эти места, наряду с войсками Вашими, будем защищать от врагов до последней крови нашей».

Переговоры с представителями абадзехского народа проходили 18 сентября в Хамкетах. В качестве переводчика был приглашен полковник князь Мамат-Гирей Лоов, из знатной абазинской фамилии. Очевидцы так описывают эту сцену. Александр II: «Я к вам прибыл не как враг, а как доброжелательный друг. Я хочу, чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест, чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе».

Встреча императора Александра II с представителями абадзехского народа близ укрепления Хамкеты (Хашхеты), 11 сентября 1861 г.

Россия – большое государство, перед которым стоят великие исторические задачи. Нам необходимо укрепить наши границы, приобрести моря для выхода к другим странам. Наша торговля с другими странами должна идти через моря. Мы не можем обойтись без Черного моря. Предлагаю дать ваше согласие на прокладку через ваши земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Казна моя выплатит за это вознаграждение тем аулам, которым придется переселиться с территории, отведенной под эти дороги.

Вы должны признать подданство русского царя, это не лишит вас национальной самобытности: будете жить и управляться по своим адатам, сохраните неприкосновенность своей религии, никто не будет вмешиваться в ваши внутренние дела. Администрация и суд будут из ваших выборных людей. Вы много лет воюете храбро, но ваши лучшие люди гибнут, и вам не отстоять самостоятельности потому, что моя армия велика и сильна. Уже ясно виден конец: Кавказ будет русским. Нет никакого разумного основания губить и дальше людей. Если вы прекратите губительную войну, ваш народ сохранится и ему будет легче жить. Русское государство будет вас охранять от врагов и блюсти ваши интересы. Залечатся раны, утихнет вражда и забудутся обиды, и через полвека вы будете жить государственной жизнью и управляться по справедливым законам. Ваши дети и внуки воспримут грамоту и культурные навыки в ведении хозяйства. И им будет жить легче, чем вам.

В этот решительный час я прошу вас понять неизбежность покорения русскими Кавказа и принять мои условия, при которых ваш народ сохранится в наибольшей целостности и будет иметь возможность жить и развиваться себе на пользу и благоденствие.

Если мои условия будут вами отвергнуты, буду принужден приказать своим генералам закончить войну в ближайшие годы, несмотря ни на какие жертвы, и царский приказ будет исполнен, но это принесет вам неисчислимые бедствия и истребление народа. Будьте же благоразумны и примиритесь с исторической неизбежностью. Царское слово крепкое, и я торжественно заявляю, что мое слово будет свято и нерушимо, это все я подтверждаю царским указом» (Цит. по: Сообцокова Н.И., 2010. С. 84-85).

Народ, – рассказывает дальше очевидец, – слушал в гробовой тишине. Потом заговорил Хаджемуко-Хадже (он же Асланбеч Хаджемуков, Пшымаф), которому заранее было поручено сказать первое слово: «У меня любовь к Родине так велика, что был готов любой ценой сохранить ее для наших детей. Но теперь я вижу, что у нас не хватит сил оружием отстоять свои земли. Русских много, нас – мало, силы неравные. Мое

мнение – покориться судьбе, за это Бог не осудит нас. Пришло время, когда мы должны войти в одно из соседних государств. Нам ближе по религии Турция, но она не хочет оказать нам военной помощи...». После этих слов шепот в задних рядах стал усиливаться и вылился в мощный ропот. Царь побледнел и спросил у переводчика, что сказал этот старец: видимо, его слова взволновали народ. Когда слова Хаджемукко перевели, царь сказал: «Старец сказал правильно, но, видимо, народу эти слова не понравились...».

Последний, судьбоносный ответ черкесов высшим властям Российской империи был озвучен устами Тлиша Шущежуко Цейко (он же Хатырбай Цей). Это был, по воспоминаниям очевидцев, высокий сухой старик с небольшой седой бородой, с суровым мужественным лицом. Цейко был известен как выдающийся оратор и человек, который никогда и никого не боялся, всегда открыто говорил, что думал. Он оглядел собравшихся, повернулся к царю и заговорил: «Русский царь нам сказал то, что он должен был сказать по своему долгу, – я его не осуждаю, но мои слова не совпадут с его желаниями. Народ рождается, как отдельный человек, один раз; как отдельный человек, он развивается, стареет и умирает. Самый большой век человека, говорят, сто лет, а народ живет тысячелетиями... Нет ничего вечного под солнцем. Русскому царю понравился Кавказ, и он уже 60 лет ведет кровавую войну за его покорение, но нам любя и дорога наша Родина-мать, и мы, не жалея жизни, защищаем и отстаиваем ее. Мы должны дать ответ своим предкам и Богу за это священное дело. Нас никто не упрекнет, что мы щадим себя. Нет, мы обильно проливаем свою кровь и кладем свои головы... Мы гибнем, но лучше гибель, чем рабство.

Русский царь обещает неприкосновенность наших адатов и нашей религии. Но разве это возможно? Бросьте горсть соли в кадку воды и посмотрите, что случится с солью: она растворится. Маленький народ, покоренный большим народом, должен раствориться в нем... С окончанием нашей свободы окончится и наша самобытность, – иначе и быть не может. Мы храбро и беззаветно должны продолжать борьбу. Бог не в силе, а в правде. Будем биться до конца. Если погибнем за Родину, за веру, за честь, то позора нам не будет. Может, Кавказ и будет русским, но черкесы не будут рабами русского царя, пока в их жилах течет кровь. Русский царь называет себя нашим доброжелателем... Как это странно, наш «доброжелатель» 60 лет безжалостно проливает нашу кровь...

Завершил свою речь Тлише Цейко пророческими словами, получившими одобрение у всех присутствовавших на встрече адыгов: *«Нет, Кавказ будет или нашей любимой колыбелью, или нашей могилой, но живыми мы его не отдадим. Лучше гибель, чем рабская жизнь. Не опозорим воинской славы наших предков и не забудем их первой заповеди – БУДЬ ГЕРОЕМ ИЛИ УМРИ! Считается неприличным в лицо говорить горькую истину, но не могу не сказать, что русский царь нам вовсе не друг, а исконный и непримиримый враг и кровник. И напрасно он нас призывает к покорности. Сильные духом умрут, но не покорятся. Ну а если слабые духом, как Хаджемукко-Хадже, и покорятся, то это не опозорит лучшей героической части черкесского народа».*

Тлебланы (т. е. «герои», «мужественные». – Авт.), – смерть нашим врагам-завоевателям! Да живет и развивается священная война – газават! Слава героям!» (Цит. по: Беджанов М. Б., 1997. С. 21-24; Пшемурзов В.Х., 2003. С. 46; Сообцокова Н.И., 2010. С. 85-86).

Старец умолк. Несколько человек из ближайших рядов крикнули: «Правда! Правда!». По воспоминаниям очевидца, последние слова Цейко подхватили сотни и тысячи, и скоро все поле огласилось грозным, устрашающим кличем. Царь испуганно озирался вокруг, окружающая его свита волновалась, опасаясь ярости народной. Но Шущежуко Цейко сделал рукой знак, и постепенно все утихло. Тогда Цейко сказал: «Царь в настоящее время наш гость, а гость – священная особа, и пусть никто не подумает, что абадзехи способны нарушить долг гостеприимства. Пусть народ расходится и ждет указаний своих уполномоченных». Народ сразу стал расходиться. Царь попрощался с уполномоченными и уехал в свою ставку, а черкесы приступили к обсуждению планов предстоящих сражений с «гяурами». Надеждой и опорой в их справедливой борьбе с захватчиками, несомненно, были строки суры Корана: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами. И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас» (Сура 2; 186-187).

6.13.4.3. «Депутация черкесов была очень дерзка»: воспоминания царских генералов о визите Александра II к горцам

Депутатам объявлено было, что в продолжение месяца они должны окончательно решить: желают ли выселиться из гор на указанные им места, или переселиться в Турцию? В противном же случае откроются военные действия и их заставят исполнить уже силою оружия то или другое.

М.Я. Ольшевский, генерал (2003).

А вот впечатления об этой же встрече, так сказать, с другой стороны. По воспоминаниям очевидцев – царских генералов, «депутация черкесов была очень дерзка». Дерзость ее, по их мнению, заключалась в том, что она просила прекращения захватов их земли и заселения ее станицами и крепостями, чтобы не выжигались аулы, не избивались жители и прекратились военные действия.

Принимая во внимание то, что эти воспоминания как нельзя лучше характеризуют атмосферу, сложившуюся на встрече императора Александра II с депутатами от абадзехского народа, приведем их в достаточно полном объеме. Как вспоминает очевидец – царский генерал М.Я. Ольшевский (2003), «...приезжавших в лагерь горцев я радушно принимал и угощал. Беседуя с ними, разумеется, через переводчика, я узнал, что в верховья р. Белой, – а именно в Даховском обществе, – кроме дальних абадзехов, прибыло много шапсугов, убыхов и представителей от других горных обществ; что ближние абадзехи с покорностью отдают себя в наше распоряжение, тогда как шапсуги и в особенности убыхи требуют войны или ухода русских за Лабу. Представителям последних я советовал не предлагать никаких условий, а тем более требований, и ожидать милости от великодушия императора. Но, как увидим, эти мои советы были бесполезны.

Бывшим у меня старшинам и депутатам было повторено, но более категорически и с некоторыми дополнениями все то, что было объявлено абадзехам, шапсугам и натухайцам графом Евдокимовым еще в начале августа: что сборы, в каком бы числе они ни были, не должны спускаться ниже так называемых Черных гор, а тем более являться в виду наших укреплений и расположения войск; что с 16-го числа, накануне приезда государя императора, никто из горцев не должен приближаться к лагерю на пушечный выстрел, и что по таким послушникам будут стрелять; если же будут захвачены, то с ними будут поступать как с военнопленными, что прием депутации будет зависеть от воли нашего царя и что она должна дожидаться в верховьях Фарса особого об этом извещения (Ольшевский М.Я., 2003. С. 524).

По окончании завтрака, поданного в полдень, и за которым присутствовали государева свита и начальствующие лица Кавказа, две разнородные картины представляли лагерь и лесистые предгорья Фарса. Одновременно с тем, как оставшиеся свободными от войск, охраняющих лагерь, 8 батальонов, 4 эскадрона драгун, 500 казаков и милиции, при 12-ти орудиях, выстраивались в колоннах, начиная от царской ставки до Маврюкгоя («Урочище Маврюкгой, – пишет очевидец, – с находящейся на нем рощей примыкало к восточному фасу лагеря. Это урочище огибала дорога, ведущая с Кунактау, и по которой въехал государь император в лагерь. Маврюкгой, по живописности своего местоположения, был любимым местом нижних абадзехов. Под его развесистыми чинарами и дубами любили они собираться и рассуждать о своих делах»).

Лесистые предгорья верховьев Фарса начали наполняться сотнями (преимущественно конных) абадзехов, шапсугов и убыхов. В то время, как войска, построенные для смотра, приветствовали громким «ура!», смешанным со звуками музыки, громом барабанов, проезжавшего по фронту любимого монарха, – в верховьях Фарса раздавались бранные и раздражительные крики тех из молодых горцев, которые желали ехать вместе с депутатами в наш лагерь, чего старшины не могли дозволить потому, что это противно было условиям, объявленным им графом Евдокимовым накануне в Майкопе. В то время, когда вышеозначенные войска проходили церемониальным маршем мимо царя, хотя не так стройно, как гвардия на Марсовом поле, но со свойственной кавказскому солдату своеобычностью и молодцеватостью, – от сбора горцев, состоящего из нескольких тысяч человек (расположившихся против юго-западного фаса лагеря, занятого тремя батальонами с шестью заряженными орудиями), отделилось 50 всадников на разномастных лошадях и в различных костюмах. В толпе этой были и панцирники, и кольчужники, и вооруженные длинными азиатскими винтовками, и даже луками и колчанами со стрелами. Эта толпа преимущественно пестрела черными, белыми и серыми папахами; однако виднелись и чалмы, покрывавшие головы эфендиев, хаджи и мулл. Эти 50 всадников и составляли депутацию от абадзехов, шапсугов, убыхов и других обществ Западного Кавказа.

Представ перед государем императором спешенными и обезоруженными, они были приняты великодушно явившимся перед ними русским царем. Но так как заявления депутатов были требовательны, то им *объявлено было, что в продолжение месяца они должны окончательно решить: желают ли выселиться из гор на указанные им места, или переселиться в Турцию?* В противном же случае, с наступлением ноября, откроются военные действия и их заставят исполнить уже силою оружия то или другое.

А в то время, когда русский царь, среди умолкшего, но еще пылающего огнями лагеря, играл в вист со своими приближенными, в верховьях Фарса происходили трагические сцены, столь присущие горцам, при возбужденном состоянии. Нам известно, что они находились в таком ненормальном настроении еще до отправления депутации. Когда же о царском ответе узнано было в неприятельском стане, то одновременно с тем, как абадзехи, в особенности ближние, пришли в уныние, шапсуги с убыхами явились подстрекателями. Много было употреблено усилий и убеждений со стороны стариков, чтобы успокоить взволнованные умы молодежи. Не раз обнажались кинжалы и шашки, и даже дошло до незначительной кровавой схватки.

И далее генерал М.Я. Ольшевский вспоминает: «По случаю воскресного дня, государь император оставил Хамкетинский отряд в 10 ч, после ранней обедни, отслуженной в походной церкви, при пальбе из орудий и громких криках «ура!» бежавших за ним солдат. Когда проехали Маврюкгойское урочище, то Его Величество, остановив лошадь, подозвал меня к себе. Подав мне руку на прощанье, выразив в самых милостивых словах свою благодарность и пожелав всего хорошего как мне, так и войскам, состоящим под моим начальством, закончил, указывая на верховья Фарса, следующими словами: «Постарайся до времени не раздражать твоих разгневанных соседей» (Ольшевский М.Я., 2003. С. 528-531).

Итак, не кто иной, как император Александр II, которого, кстати, окрестили «освободителем» в России и Болгарии, своим указующим монаршим перстом перечеркнул судьбу адыгских племен, натравив на них ка-

зачью силу. Казаки же, приученные беспрекословно выполнять царскую волю, старательно исполнили ее и на этот раз. В старой солдатской песне надолго сохранилась память о пребывании Александра II в Земле адыгов:

Кабардинцы, вы не чваньтесь,
Ваши панцири нам прах!
Лучше вы в горах останьтесь,
Чем торчать вам на штыках!

Александра умоляйте
О пощаде ваших дней!
И колени преклоняйте
Пред великим из царей...

6.13.5. «Мы будем драться и все умрем, но не покинем наших лесов и гор»: обстановка в Черкесии после отъезда императора

Нельзя было ожидать, чтобы после ответа нашего царя на дерзкие и нелепые (?) предложения старшин нашего неприятеля вся масса населения могла изъявить согласие поселиться на указываемых им местах.

М.Я. Ольшевский, генерал (2003).

Приезд царя Александра II в Абадзехию не установил мир, а подстегнул военные действия.

С.Х. Хотко (2011).

О том, какая обстановка сложилась в Черкесии после отъезда императора Александра II, сообщает царский генерал М.Я. Ольшевский (2003): «Отсрочка на один месяц, данная 18 сентября 1861 г., лично нашим великодушным и добросердечным государем императором, старшинам абадзехов, шапсугов, убыхов и других горских народов Западного Кавказа, не повлекла ни к каким для них благоприятным последствиям.

Нельзя было ожидать, чтобы после ответа нашего царя на дерзкие и нелепые (?) предложения старшин нашего неприятеля вся масса населения могла изъявить согласие поселиться на указываемых им местах. Такие условия заставили бы призадуматься и более благоустроенные общества, нежели горские племена Западного Кавказа, между которыми не существовало единства мысли, а каждый глава семейства действовал по своему убеждению и внушению.

Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди миазм, или переселившиеся туда со степного пространства, то каким образом могли перенести эти миазмы жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом?

К тому же каждый абадзех, шапсуг, убых понимал, что, с переселением в Черноморию и на Лабу, он будет лишен той независимости и свободы, которой пользовался в трудно доступных для нас горах и лесах. Каждый горец хорошо понимал, что, будучи окружен нашими укреплениями, станицами и войсками, он лишается возможности действовать произвольно, и что, находясь под постоянным надзором, каждое неблагоприятное его действие будет замечено и подвергнет его ответственности.

Большинство дальних абадзехов и шапсугов не хотели слышать и о переселении в Турцию. К этому большинству принадлежали беззаботная молодежь и «байгуши», то есть люди, не имеющие, как говорится, ни кола, ни двора.

«Мы будем драться и все умрем, но не покинем наших лесов и гор», – кричали они, подстрекаемые убыхами. – Пусть только падишах пришлет нам обещанную помощь, то мы освободим вас от ненавистных гяуров, – вторили им убыхи. – Нам нечего бояться русских, нас защищают от них горы», – добавляли они с надменной гордостью, столь свойственного легковерному молодому горцу.

Однако благоразумные не только абадзехи и шапсуги, но убыхи видели настоящее свое печальное положение и понимали, что то время, когда они должны будут покинуть свои заветные горы и леса, приближается. Некоторые из них втайне приготавливались к переселению, разумеется, не в наши пределы, а в Турцию; делали же это не явно, потому что боялись укора не только со стороны других, но даже от своих родичей.

Лихорадочная деятельность была заметна между теми абадзехами, темиргоями, махошами и егеруками, которые жили между Фарсом и Белой. Их беспокоил не столько абадзехский отряд, по-прежнему расположенный на том месте, где осчастливил своим трехдневным пребыванием государь император, сколько просека, прокладываемая войсками этого отряда, вниз по Фарсу на ст. Нижнефарскую и Кужорскую. Жители этих мест видели и понимали, что, с проложением сообщения через недоступный и заветный лес, имеющий более 20-ти верст протяжения, они должны будут безусловно покориться или немедленно переселиться в Турцию и уйти в горы. На первое они не согласились, а поспешили удалиться в горы и частью переселились в Турцию» (Ольшевский М.Я., 2003).

6.13.6. Год 1862-й: «Все еще питая безумную мечту отстоять свою независимость, они решили сопротивляться»

6.13.6.1. «Высочайше» утверждено Положение о заселении казаками западной части Северного Кавказа

Я приведу от севера бедствие и великую гибель. Выходит лев из своей чащи и выступает истребитель народов, чтобы землю твою сделать пустынею; горда твои будут разорены.

Книга пророка Иеремии (4; 6-7).

Предгорья Западной части Кавказского хребта занимаются казачьими станицами с целью окончательного покорения горских племен, остающихся нам враждебными.

Из «Положения о заселении...» (10.05.1862 г.).

«Вытеснение» адыгов из их родных земель и заселение освободившейся территории новыми «жильцами» продолжалось с новой силой. 10 мая 1862 г. императором Александром II было «высочайше» утверждено «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками...». Этим документом, как отмечает С. Хотко (2011), – четко были определены границы той весьма и весьма скромной территории, которая столь «щедро» предоставлялась для расселения изгоняемых горцев:

Положение

о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. 10 мая 1862 г.

1. Предгорья Западной части Кавказского хребта занимают казачьи станицы с целью окончательного покорения горских племен, остающихся нам враждебными.

2. Границы пространства, назначаемого для новых казачьих поселений Кубанского войска, полагаются: к югу и западу гребень Главного Кавказского хребта, от верховьев р. Малой Лабы до истоков р. Пшиша, а далее берег Черного моря от устья р. Мокуссе до устья р. Кубани; к северу – низовья рек Кубани и Адагума и далее прямая линия от Адагумского укрепления до укрепления Дмитриевского, а от сего последнего до р. Большой Лабы против ст. Родниковской; к востоку – реки Большая и Малая Лаба.

Примечание. Пространство между северной границей вновь назначаемых для казаков земель, р. Кубанью и нижней частью р. Большой Лабы назначается для поселения тех горских племен, земли которых поступят под наши казачьи поселения.

3. Пространство, означенными границами определенное, включает в себе по приблизительному исчислению около 1 360 000 десятин земли, удобной для занятия казачьими станицами...» («Положение о заселении...», 1899. С.2).

Комментируя это «Положение...», С.Х. Хотко (2011) пишет: «Таким образом, под резервацию (лат. *reservare* – «сохранять»; «места насильственного поселения туземных племен») черкесам отводилась узкая полоса ближайшего Закубанья. Почти все пространство западного сектора резервации занимают Тляхофижские и Аушедские болота. Центральный сектор – явно не располагал излишками земли, поскольку был густо заселен бжедугами. По сути, эта часть «Высочайше предоставленной» земли являлась территорией двух бжедугских княжеств – Хамышея и Черченея. Весь восточный сектор также не имел излишков земельного фонда, поскольку здесь было скучено темиргоевское, егерухаевское и иное адыгское население.

Фактически, – завершает свой комментарий историк, – ни рескрипт 1861 г., ни «Положение...» 1862 г. не предусматривали выделение хоть сколько-нибудь существенной земельной компенсации для горского и равнинного населения Черкесии, которое, согласно этим правительственным документам, лишалось своих исконных земель (Хотко С.Х., 2011. С. 5).

«Положение» это, предоставляя казакам право приобретать земли в частную собственность, привлекало к переселению в Закубанье «массу охотников». В этом году было образовано 15 станиц: Абадзехская, Баговская, Белореченская, Гиагинская, Даховская, Егерухаевская, Махошевская, Псебайская, Псефирская, Севастопольская, Ханская, Хамкетинская, Царская (ныне х. Свободный), Пшехская, Келермесская. В Натухайском округе были поселены 12 станиц: Анапская, Благовещенская, Варениковская, Верхнеабадзехская, Гостагаевская, Крымская, Натухайская, Неберджаевская, Нижнебаканская, Новороссийская, Раевская и Анапский поселок. Во всех этих 27 станицах поселилось 4387 казачьих семей.

С 24 декабря 1861 г. по 3 июля 1862 г. Адагумская армия охраняла переселенцев, упорно продвигавшихся по р. Хабль к Джубге «...по рекам Иль и Абино, где все еще было сплошное население горцев». Непокорившимся горцам было предложено выселяться на равнину или же перебираться в Турцию. «Все еще питая безумную мечту отстоять свою независимость, они решили сопротивляться», – возмущался Н. Вишневецкий. Как отмечают очевидцы, снова по ущельям загрели громы артиллерийских выстрелов (против кинжалов, шашек, дротиков и даже луков горцев. – **Авт.**), запылали снова черкесские сакли и кровавый бой закипел в самом сердце непокоренного края. Тысячами гибли вольнолюбивые горцы под тяжкими ударами русских воинов, широкою рекой лилась благородная кровь российских витязей, увлажняя и орошая землю, покоряемую для их детей и внуков...

6.13.6.2. Шапсуги и нутухайцы против царских войск: «закипел кровавый ужасный бой...»

*Среди белого дня
Взволновалась черкесня...*

Песня Адагумских казаков (1860).

*И вот толпой ожесточенной
Врывались злобные враги
В шатры защиты изумленной,
И обагрjali глyбь реки
Горячей кровью казаки...*

А.И. Полежаев (1805-1838).

В 1861 г. войсками генерала Бабыча был захвачен Геленджик. «Очередь была за шапсугами и нутухайцами», – сообщает очевидец. В мае 1862 г. нутухайцам было объявлено, что они «должны непременно поселиться на указанные им места». В противном случае царским военачальникам предписывалось «...принудить нутухайцев к этому силою оружия. Если же они пожелают удалиться целыми обществами в Турцию, то не только им в этом не препятствовать, но способствовать всеми зависящими средствами всегда и во всякое время».

Выполняя это предписание, 22 июля 1862 г. генерал Бабыч двинулся со своими войсками в ущелья Богаче и Баканское под Новороссийском. Как отмечает в своих дневниковых записях участник похода, по обеим сторонам ущелья Богаче-Баканское, скрываясь как хищные звери от людей и солнечного света, кишмя-кишели горцы. Тут были и пешие, и конные, старые и молодые: шапсуги и нутухаевцы, только что разбитые наголову бжедуги, даже живущие в отдалении абадзехи и убыхи собрались здесь несметною силою. Общее число горцев здесь простиралось до 15 тыс. чел. – все, что было в горах, все, что было способно сражаться, – явилось сюда. Далее слушаем очевидца: «Как только русские части втянулись в ущелья, молчаливые до сего времени склоны гор, овраги и леса огласились диким, нечеловеческим гиком тысяч грудей, грянули залпы, и со всех сторон, словно снежная лавина, ринулись на русские войска полчища горцев. Закипел бой, поистине кровавый, ужасный бой. Словно волны разбушевавшегося моря в прибрежный гранит, ударяли горцы раз за разом на наши войска. Атака сменялась атакою, на месте одного павшего появлялись десятки, сотни, тысячи новых горцев с окровавленными пашками, с лицами, искаженными бешенством и злобою, они лезли на штыки, сходились грудь с грудью с адагумцами, рубили, кололи, топтали конями, выли. Это были не люди, а дьяволы; это был не бой – крошечный ад. Могучим русским «ура» встречали адагумцы налетавшего на них врага, на смерть одного русского уничтожали десятки горцев...» Как здесь не вспомнить строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова (1814-1841):

*Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчались на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» – и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили...*

Неизвестно, как закончился бы бой, если бы горцы сохранили единство. Но ушли абадзехские князья со своими воинами. Они перессорились с предводителями остальных племен. С ними ушли бжедуги и убыхи. Поле боя осталось за русскими – казаками и солдатами. Как говорится в Коране (Сура 59; 12), «Если с ними будут сражаться, то они им не помогут; а если они и помогут, то обратят тыл, и не будет им помощи».

В августе 1862 г. генерал Г. Орбелиани сообщал, что большая часть земель шапсугов и нутухайцев уже занята казаками, и горцы «...так стеснены, что им действительно трудно существовать на оставшейся в их владении земле». К концу же этого года нутухайцы и шапсуги полностью оказались в кольце казачьих поселений, а в следующем году основная масса их двинулась пешком к побережью Черного моря для переселения в Турцию. Двинулись в свой последний, скорбный путь и абадзехи. В одном из писем генерал В.А. Гейман, описывая драматическую картину последних схваток горцев с царизмом, отмечал: «Абадзехи голые, нищие, пробираются на Туапсе. Мы действительно поступаем с ними варварски, но нет другого исхода...».

6.13.6.3. «Борьба эта была... последними конвульсиями предсмертной агонии»

*Сражайтесь с теми из неверных, которые близки
к вам. И пусть они найдут в вас суровость...*

Коран. Сура 9; 124.

Последние минуты их (черкесов) вольного существования уже были сочтены. Они должны были неминуемо или безусловно покориться, или же окончательно погибнуть всем до единого.

И.И. Княшко (1909).

Своими воспоминаниями о «репрессалиях» 1862 г. делится царский историограф И.И. Княшко (1909): «Горцы, убеждаясь постепенно из действий наших, что никаких уступок им не будет оказано и что уже

больше нельзя нас обманывать так, как они раньше обманывали в течение многих десятков лет, понемногу начали собираться с силами и быстро перешли от пассивной обороны к активной, причем открыли против нас целый ряд покушений и даже открытых нападений на наши недавно устроенные станицы, не теряя надежды этим заставить нас отказаться от своих дальнейших планов.

Борьба эта была, так сказать, последними конвульсиями предсмертной агонии. Подобно тяжело раненному хищному зверю, который прежде чем умереть все еще может наделать много вреда окружающим, неосторожно приблизившимся к нему, так и горские племена, стесняемые постепенно и отовсюду нашими войсками, готовы были на все, чтобы как можно дороже продать свои былые вольности. Они предприняли целый ряд мелких и крупных нападений на наши передовые линии, но все напрасно – *последние минуты их вольного существования уже были сочтены. Они должны были неминуемо или безусловно покориться, или же окончательно погибнуть всем до единого.*

И далее И.И. Кияшко завершает свое эссе: «Конец 1862 г., хотя и не отличался особо выдающимися боевыми действиями наших войск в Натухайском крае, тем не менее результаты этих действий были для нас весьма благоприятны. Горцы почти всюду поставлены были в самое безвыходное положение; преследуемые на всех пунктах северного склона предгорий Западного Кавказа, *лишившись почти всех зимних запасов и крова, разоренных во время набегов нашими войсками,* они, ввиду крайне суровой зимы, поневоле должны были покориться своему исконному врагу и во множестве являлись в наши пределы, изъявляя полную готовность подчиниться всем нашим распоряжениям, лишь бы только им дали возможность прокормиться до весны.

Только незначительная часть горцев по-прежнему не желала подчиниться, не будучи в состоянии отказать от былых своих вольностей, но они нам не были опасны как по своей малочисленности, так и еще больше по тем несогласиям, какие происходили в среде их...» (Кияшко И.И., 1909: 2005. С. 320).

6.13.7. Год 1863-й: «Северный склон Кавказа покорен...»

6.13.7.1. «Заключительная фаза столкновения превратилась в подлинное побоище черкесов»

И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; ими вы устранили врага Аллаха, и вашего врага, и других, помимо них.

Коран. Сура 8; 62.

Поразит поражением великим народ твой, и сыновей твоих, и жен твоих, и все имущество твоё...

Библия. 2-я Книга Паралипоменон (21; 14).

23 февраля 1863 г. в армию генерала Бабыча приехал с огромным отрядом сопровождающих казаков наместник Кавказа великий князь Михаил, чтобы ускорить «умиротворение» черкесов. А горцы решили дать еще один бой, надеясь переломить ход Кавказской войны. Как говорится, «...когда встречаете отряд, то будьте стойки и поминайте Аллаха много, – может быть, вы получите успех!» (Коран. Сура 8; 47). По словам очевидца, «все, что было возможно собрать в окрестных горах пригодного для боя, было ими собрано; явились бжедухи, абадзехи, убыхи и бежавшие сюда шапсуги, в общем, набралось до 12 тыс. отважных духом и привычных к битвам воинов. Были забыты старые распри и счёты между отдельными племенами, все это сплотилось в одну могучую силу и запыхало одним чувством: разбить Бабука (генерала Бабыча. – Авт.)». Сражение, окончательно решившее судьбу закубанских горцев, произошло 28 февраля у р. Псекупс в местности Догай. Но вновь пушки оказались сильнее решительности и отваги мужественных горцев.

Заключительная фаза столкновения превратилась, по словам участника битвы есаула Левицкого, в «подлинное побоище черкесов». В марте 1863 г. некоторые «почетные убыхи» ездили к владельцу Абхазии М. Шервашидзе за советом. Тот рекомендовал сложить оружие, считая сопротивление бесполезным. Но убыхи приготовились к ответному сопротивлению.

В октябре 1863 г. принесли «безусловную покорность» абадзехи и шапсуги, причем их единственной просьбой было: разрешить им пока остаться в родных местах, чтобы в следующем году уехать в Турцию. Тем не менее, шапсуги были частично переселены на Кубань, а остальные – на юго-западный склон Кавказского хребта. Вытесняемые царскими войсками, адыги скапливались на узкой прибрежной полосе Черного моря в ожидании переселения в Турцию. Турецкое правительство разослало к адыгам воззвание, в котором, в частности, говорилось: «Мусульмане! Если вы хотите опустошить ваши земли, – то переселяйтесь в Турцию; если же желаете быть покорными неверным, – то переселяйтесь к ним. Но если не желаете ни то, ни другое, то подождите, пока мы увидимся с вами лицом к лицу. Мы прибудем к вам скоро, если угодно Богу. Уже в Совете держав положено: 1). Чтобы русские держались в прежних границах и оставили бы черкесам занятые ими места. 2). Чтобы черкесы вошли в состав подданных турецкой державы. 3). Чтобы все державы были врагами русских...». С призывами «священной войны» и скорой помощи со стороны Турции и западных держав обратились к своим соотечественникам и руководители Черкес-

ского Комитета в Стамбуле Измаил Бей, Карабатыр и др. Они советовали убыхам, шапсугам и абадзехам продолжить освободительную борьбу и не покидать родные земли.

К этому времени (конец 1863 г.) большая часть территории Черкесии, северный склон Кавказского хребта были уже в руках царских войск. Как считают А. Касумов и Х. Касумов, здесь адыгов оставалось 110068 чел., из них: Натухайский округ – 26684 чел., Шапсугский – 16600 чел., Бжедугский – 23782 чел., Абадзехский – 16314, Нижне-Кубанское приставство – 4340, Верхне-Кубанское – 26348. Русское же население Закубанского края составляло 106000 чел. в 92 станицах. По И. Бентковскому, только в 1863 г. было поселено 20 станиц: Апшеронская, Бжедуховская, Хатукаевская, Дагестанская, Кубанская, Курджипская, Нижегородская, Прусская, Пишишская, Самурская, Тверская, Ширванская, Абинская, Ахтырская, Грузинская, Ильская, Мингрельская, Хабльская, Шапсугская, Эриванская. Станицы эти были расположены между реками Белая и Пишиш с одной стороны, а с другой – между реками Адагум и Иль.

В своем рескрипте от 1 декабря 1863 г. командующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич с нескрываемой радостью сообщал генералу Н.И. Евдокимову: «Северный склон Кавказа покорен! Ближко время, когда и юго-западный скат будет очищен от дикого враждебного нам народа, и недоступный доселе восточный берег Черного моря, приняв русское население, станет на самом деле берегом русским». Более четко эта мысль была сформулирована в письме наместника Кавказа императору: «Можно с уверенностью сказать, что в течение зимы 1863-1864 гг. все непокорное нам население, остающееся на северном склоне хребта, будет изгнано оттуда, и весь этот край будет очищен». Другие источники также утверждали, что война близка к завершению: «5 декабря неутомимый генерал Бабыч закончил свои операции по покорению Западного Кавказа». Но до окончания войны было еще далеко...

6.13.7.2. «Горцы отчаянно защищались и шаг за шагом отступали в лесные тущобы»: из дневника царского офицера

В уничтоженных аулах найдены были большие запасы сена и хлеба в зерне, а также свежие распаши земли. Судя по этим данным, горцы вовсе и не намеревались оставлять свои аулы и переселяться к р. Кубани...

И.И. Княшко (2005).

Определенный интерес представляют воспоминания царского офицера о «репрессалиях» 1863 г., направленных на «выдавливание» горцев с мест их обитания. Приведем их в кратком изложении:

«24-го октября 1863 г., в 3 ч ночи, подполковник Фролов выступил с отрядом, собранным из войск, бывших в его распоряжении, как начальника Абинской и Хабльской кордонных линий, и, перейдя р. Азипс в 6 верстах выше поста, почти на первых же возвышенностях открыл горский пикет из 3 чел., но, не трогая его, скрытно двинулся далее и на рассвете приблизился к нескольким пустым и жилым аулам при истоках рек Шужнако и Чемоца, которые и предал огню; при этом было взято в плен 55 душ обоего пола с детьми, 40 шт. баранов и 2 шт. рогатого скота. После чего вернулся с отрядом и добычей обратно в ст. Хабльскую.

В уничтоженных аулах найдены были большие запасы сена и хлеба в зерне, а также свежие распаши земли. Судя по этим данным, горцы вовсе и не намеревались оставлять свои аулы и переселяться к р. Кубани, хотя пленные и уверяли, что они были задержаны уборкою хлеба, после которой предполагали переселиться на указанные им места. При возвращении отряда в ст. Хабльскую были арестованы еще три горца с верховьев р. Азипса. Из последних происшествий в районе Абинского полка можно легко заключить, что эти хищники (так в тексте. – Авт.) скрываются в верховьях р. Азипса, по ущельям между этой рекой и р. Иль, где осталось еще много горского населения, по наружности не враждебного нам, потому что горцы... пользовались каждым удобным случаем, чтобы причинить жителям наших станиц какой-либо вред. Донося об этом генералу Бабычу, подполковник Фролов просил разрешения по временам делать движения по этим местам, для вытеснения горцев из их жилищ и позволения брать в пользу жителей запасы горских сена и зерна, находимые войсками в покинутых аулах на верховьях рек по правую сторону просеки.

Получив это донесение, генерал Бабыч остался весьма доволен деятельностью подполковника Фролова и разрешил ему и на будущее время производить подобные движения... *Военную добычу и скот разрешено было делить на две равные части: одна назначалась в пользу войск, а другая – жителям казачьих станиц, пострадавших от разорения горцами. Что касается горцев, живущих еще по правую сторону просеки, то с ними были запрещены всякие мирные сношения и, если бы они продолжали являться в станицы, то брать их в плен.*

Получив разрешение, подполковник Фролов вскоре собрал новый отряд в составе: 4-х рот пехоты, команды пластунов 9-го пешего батальона и 4,5 сотен конных казаков (в том числе две сотни Абинского полка – 1-я Хабльская и 3-я Антхырская).

11 ноября, на рассвете, подполковник Фролов с отрядом обошел гору Папай с северной ее стороны, но, кроме пустых аулов, там ничего не было найдено. Все аулы уже были брошены и даже сожжены самими горцами, которые скрылись в лесу. Для преследования их была отряжена одна конная сотня и команда пла-

Оставление горцами аулов при приближении русских войск (Переселение горцев).
Картина П.Н. Грузинского, 1872 г.

стунов, остальные силы отряда поспешили вслед за авангардом старшины Головинского, который в 8 ч утра достиг одного из больших притоков р. Шедигобса, где в довольно крутом овраге занял а. Хотун-Хабль и завязал легкую перестрелку с уходящими горцами; в ауле этом им было захвачено в плен одно семейство горцев и несколько штук рогатого и мелкого скота.

Пройдя назад 4 версты, отряд остановился в а. Мишле-Хабль, откуда подполковник Фролов тотчас же разослал по окрестностям несколько команд для уничтожения брошенных горцами аулов. Окончив с успехом данное им поручение, команды к вечеру возвратились в а. Мишле-Хабль, приведя с собой захваченных ими в аулах несколько семейств и одиночных, а также крупный и мелкий скот. Потеря с нашей стороны в этот день: убит один казак Мингрельской сотни и ранен милиционер; со стороны неприятеля: осталось на месте 5 убитых, взято в плен 8 душ обоего пола, 20 шт. рогатого скота, 3 лошади и 80 шт. мелкого скота.

12 ноября 1863 г., в 5 ч утра, отряд выступил вверх по р. Шедигобсу по направлению к горе Папай и, сжегши несколько брошенных горцами аулов, остановился у подошвы этой горы с восточной стороны; отсюда подполковник Фролов также разослал по окрестностям несколько конных и пеших команд, которые возвратились обратно в 12 ч дня с несколькими пленными, рогатым скотом и барантой. Одна команда нашла в а. Хахо-Эфенди артиллерийский лафет турецкого полевого орудия, без колес, а в соседнем ауле той же командой найдена была артиллерийская конная амуниция. Когда все команды вернулись к отряду, после отдыха в 2 ч дня посланы были по трюцобам и на вершину горы Папай пластуны; стрелковая рота пошла в обход с северной стороны Папая, а конные сотни с южной, причем нами также было взято в плен несколько горцев, скот и баранта.

Горцы, укрываясь, отчаянно защищались и медленно, шаг за шагом отступали в лесные трюцобы; при этом особенно отличилась 3-я сотня (Анхырская) Абинского полка, нижние чины которой во главе с вахмистром Нудьгой с полным самоотвержением взбирались на крутые скалы под непрерывным дождем неприятельских пуль; на этих скалах ими захвачено в плен 3 горца и 50 шт. козлов. В этот день войсками отряда взято в плен 6 душ обоего пола горцев, 25 шт. рогатого скота и 75 шт. баранты. 17-го числа взято в плен 30 горцев и 11 шт. рогатого скота.

С 18 по 29 ноября поиски производились по рекам: Убин, Малый Убин, Большой и Малый Иль, причем сожжено было несколько аулов, убит один горец и 10 душ взято в плен и отбито: 4 лошади, 8 шт. рогатого скота и 7 шт. баранты...» (Кияшко И.И., 2005). Думается, дальше продолжать этот дневник царского офицера – красноречивое свидетельство бесчеловечных методов ведения Кавказской войны, – нет необходимости.

6.13.8. Год 1864-й: кровавый Молох войны собирает последние жертвы

Молох: 1) У древних финикийцев – бог солнца, огня и войны, которому приносились человеческие жертвы. 2) Нечто, требующее тяжелых жертв, в том числе и человеческих, например, Молох войны («Словарь иностранных слов», 1995).

6.13.8.1. «За Кубанью поселиться на аркане поведём...»

*Если хотите мириться,
Мы вам место отведём,
За Кубанью поселиться
На аркане поведём.*

Солдатская песня (1864).

Наступил 1864 г. – год завершения Кавказской войны, – национальной трагедии адыгского народа, национального позора царской России. Кровавый Молох войны спешил собрать последние (последние ли?) жертвы. Как отмечает И. Бентковский, после интенсивного заселения казаками адыгских земель в предшествующие годы, к 1864 г. на северном склоне во власти аборигенов осталось только пространство между реками Иль и Пшиш, а также весь южный склон хребта от р. Бзыбь до Константиновского укрепления (близ Сочи). Абадзехи, стесненные с востока и с запада линиями казачьих станиц по рекам Пшиш и Шебш и отрезанные от гор войсками, вынуждены были в феврале 1864 г. «покориться безусловно». Затем, по требованию генерала Евдокимова, они оставили свои жилища и горные ущелья – одни для поселения на Прикубанской равнине, другие – для переселения в Турцию. «Таким образом, – рапортовал в Петербург генерал А. Карцов, – на северной покатости западной части Кавказских гор не осталось ни одного (! – **Авт.**) горца; южная покатость, вплоть до морского берега от Новороссийской бухты до Туапсе, совершенно очищена от всякого населения». Уже к весне 1864 г. все Закубанье было очищено от горцев, которых, по сообщению очевидцев, царские войска под конвоем, «как стадо», согнали к Черноморскому побережью.

Что же беспокоило царское командование в этот столь драматичный для горцев момент? «При переселении горцев в Турцию, – писал в своем донесении один из штабных офицеров, – нужно было принять особые меры, чтобы не заставить их разбежаться по трущобам и тем самым населить край бездомными людьми, готовыми на всякое хищничество. Чтобы не доводить их до крайности, войска должны были двигаться облавой и понуждать целые аулы к переселению, давая им кратковременный срок для сбора имущества».

6.13.8.2. «Отряды открыли совокупные действия для изгнания этих туземцев»

*И вышли из стана Филистимского три отряда для
опустошения земли...*

1-я Книга Царств (13; 17).

*Джубгский отряд прошел несколькими колоннами,
уничтожая население, после чего, поднявшись вверх
по Шапсуго и перевалившись в бассейн Псекупса, очистил
от туземцев левый берег этой реки...*

Из отчета генерала Евдокимова (1864).

Дополняют эту информацию авторы книги «Сокровища культуры...» (2007), которые привлекли к анализу ряд малоизвестных исторических источников. В конце февраля генерал Евдокимов принял решение «...возобновить военные действия на южном склоне, чтобы вынудить племена хищников (так в тексте. – **Авт.**), там обитавшие, либо перейти на места, предписанные им вдоль Кубани после того, как они откажутся от прежнего образа жизни, либо переселиться в Турцию». Выполняя этот план, царские войска двинулись на южный склон Главного Кавказского хребта. Это было сделано именно зимой, когда, по словам начальника Главного штаба Кавказской армии, «...уничтожение запасов и селений действует особенно губительно; горцы остаются совершенно без крова, с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище».

Определенный интерес представляет ознакомление с оригиналом Отчета генерала Евдокимова о военных действиях с 1 июля 1863 г. по 1 июля 1864 г. Самые распространенные выражения в этом документе: «уничтожить», «изгнать», «очистить», «удалить». Анализ отчета Евдокимова не оставляет сомнения в том, что адыги всеми силами пытались остаться на родине и покидали ее лишь под тотальным военным натиском: «С 15-го по 19-е сентября (1863 г.) отдельные наши колонны исходили все местности по обе стороны Главного хребта, от Адагумской линии до Абина и Геленджика, куда в течение весны и лета возвратилось значительное число туземцев, уничтожили все найденные запасы и постройки, и в видах окончательного изгнания последних горцев произвели движение по разным направлениям...». И далее: «Повторные рекогносцировки показали также, что остатки туземцев укрывались еще в лесных ущельях, между реками Пшеха и Пшиш, почему с половины сентября как Пшехский, так и Даховский отряды открыли совокупные действия для изгнания этих туземцев».

Случалось, что однажды изгнанные и испытывшие все ужасы погрома адыги возвращались на свои пепелища, либо пережидали, а точнее, пытались переждать военную угрозу в труднодоступных районах: «...А силы Пшехского и Даховского отрядов следует обратить к изгнанию туземцев, водворившихся во временных жилищах по вершинам Пшехи и Пшиша и между этими реками», – указывал генерал Евдокимов. Не о этом ли писали в свое время библейские пророки: «От шума всадников и стрелков разбегутся; ...они уйдут в густые леса и влезут на скалы» (Книга пророка Иеремии, 4; 29). В первой половине 1864 г. войска по секторам прочесывали все пространство Западного Кавказа – «не осталось ли где-нибудь в трущобах горских жилищ». Таким образом, было осуществлено полное изгнание адыгского народа с территорий северного и южного склонов Кавказского хребта («Сокровища культуры...», 2007. С. 149).

6.13.8.3. «Надо было истребить черкесов наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие»

Поразительное зрелище представилось глазам нашим: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимающие ноги от слабости, падавшие от изнеможения...

И. Дроздов (1864).

На окончательное «умиротворение» немногочисленных остатков адыгских племен, вытесненных предыдущими карательными акциями на морское побережье, царская Россия двинула внушительные силы. Приведем дневниковую запись одного из участников этой экспедиции: «Даховский отряд генерала Геймана должен был достичь Главного Кавказского хребта у истоков Пшиша и занять долину Туапсе. Генералу Сумарокову было предписано с частью Джубгского отряда двигаться в бассейн р. Шапсухо и оттуда направиться к устью р. Туапсе на соединение с Даховским отрядом; остальная часть Джубгского отряда должна была со стороны Псекупса действовать совместно с Пшехским отрядом.

21 февраля Даховский отряд под личным командованием генерала Евдокимова прошел через перевал Главного Кавказского хребта и достиг устья Туапсе, где он занял форт Вельяминовский, потеряв всего двоих убитыми. Результатом этих действий стало «...покорение всех горских племен, проживавших между Туапсе и Псецуапсе. Одновременно часть Джубгского отряда через верховья р. Шебш достигла устья р. Шапсухо. Со своей стороны, Пшехский отряд генерала Граббе к 1 марта прошел от истоков Псекупса в долину Туапсе и, очистив от населения верхнее течение этой реки, вошел в форт Хадыжи, расположенный на северном склоне».

Как именно происходила эта «очистка» адыгских земель, свидетельствует другой очевидец – И. Дроздов: «В конце февраля Пшехский отряд двинулся к р. Мартэ, чтобы наблюдать за выселением горцев, а если понадобится, так и силою выгонять их. Поразительное зрелище представилось глазам нашим: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимающие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо (! – Авт.) делавшиеся добычей голодных собак». Как здесь не вспомнить библейское пророчество: «И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их» (Второзаконие, 28; 26).

4 марта генерал Гейман с Даховским отрядом двинулся вдоль р. Псецуапсе и на следующий день занял форт Лазарева и укрепление Головинское. Как сообщают очевидцы, убыхи приготовились к отчаянному сопротивлению, но после «падения» абадзехов и шапсугов это было уже совершенно бессмысленно. Приведем выдержку из письма генерала Геймана убыхским старшинам от 5 марта 1864 г.: «Наши требования относительно вас: немедленно выдать всех русских пленных; те, кто желает идти в Турцию, должны собраться на берегу моря. Те же, кто хочет идти к нам, должны сейчас же выселиться на Кубань. На свободный проезд я дам билеты. Если вы этого не захотите исполнить и с вашей стороны будет сопротивление, тогда да рассудит нас Бог!». Скоро ни одного убыха в горах не осталось – все они тронулись в Турцию.

С 6 по 16 марта отряд генерала Геймана полностью очистил на южном склоне пространство между Туапсе и Псецуапсе; результатом этих действий стало массовое переселение шапсугов, которых партии согноли в устье р. Туапсе для отправки в Турцию. В марте 1864 г. к наместнику Кавказа приехали представители прибрежных садзов-джигетов. Они заявили: «Мы – джигеты, мы народ вольный, никогда ни с кем открыто не воевали и никогда и никому не подчинялись. Теперь видим, что все кругом нас покоряется русским и мы уже считаем землю нашу собственностью российского императора». Их примеру последовали и представители некоторых других народов, заявив «безусловную покорность». Наместник дал им один месяц срока для того, чтобы они могли приготовиться к переселению в Турцию, «...а если кто не исполнит этого требования, то будут присланы еще новые войска».

В свое время поэт-декабрист А.И. Полежаев (1805-1838), будучи на Северо-Западном Кавказе, задавал риторический вопрос:

Куда исчезли друг за другом
Твоих владельцев племена,
О коих весть нам предана
Одним злопамятным досугом?

Ответ на этот вопрос читатель частично уже получил. А вот еще ценное свидетельство очевидца – генерала Р.А. Фадеева, раскрывающее замыслы и методы колонизаторов. В одном из своих «Писем с Кавказа» он писал: «Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа только потому, что черкесы не хотели покориться. *Надо было истребить черкесов наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие.* Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения – женщины и дети. Когда черкесы столпились на берегу для отправки в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин. При наших погромах нередко матери разбивали головы своим детям, чтобы они не достались в наши руки...» (Цит. по: «Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 580-581). Поистине, «беззаконие составляете в сердце, кладете на весы злодеяния рук ваших на земле» (Псалтырь, 57; 3).

Подводя итоги колонизации Кавказа, один из высокопоставленных военных чинов писал: «В настоящем 1864 г. совершился факт, почти не имевший примера в истории: огромное горское население, обладавшее некогда большим богатством, вооруженное и способное к военному ремеслу, занимавшее обширный Закубанский край от верховьев р. Кубани до Анапы и от Суджукской (Новороссийской) бухты до р. Бзыбь, владея самыми неприступными местностями в крае, вдруг исчезает с этой земли. Между ними происходит переворот поразительный: ни один из горских жителей не остается на прежнем месте жительства – все стремятся очищать край с тем, чтобы уступить его новому русскому населению...».

И действительно, именно в 1864 г. колонизация Закубанского края приняла «особо выдающиеся» размеры. С этой целью только в этом году было основано 17 станиц: Бакинская, Ключевая, Калужская, Георгие-Афипская, Мартанская, Ново-Дмитриевская, Пензенская, Смоленская, Саратовская, Азовская, Северская, Холмская, Гурийская, Имеретинская, Кабардинская, Кутаисская, Хадыженская, а также 7 поселков: Ставропольский, Суздальский, Азовский, Холмский, Линейный, Нефтяной, Черноморский. А казаки и «иностранцы» из центральных российских губерний все прибывали и прибывали на «освободившиеся» земли, с целью их освоения... Впрочем, о том, *как* и с какими трудностями проходила колонизация бывших адыгских земель, – речь пойдет ниже.

6.13.9. «Исходил кровью на берегах Черного моря один из храбрейших на всем земном шаре народов»: завершающий этап Кавказской войны

6.13.9.1. Урочище Кбааде: последний форпост черкесов

Подведенная тяжелая артиллерия начала изрыгать железо и огонь в маленькую долину Аибго. Ни один из защитников, символизировавших гибель Черкесии, не спасся. Взятие этой маленькой, затерянной в горах долины было последним актом длинной трагедии черкесского народа.

Р. Трахо (1992).

Документы свидетельствуют, что на изгнании черкесов настаивал лично император Александр II. Симптоматична и реакция императора на завершение процесса «зачистки» черкесской территории. В марте 1864 г. великий князь Михаил Николаевич доносил военному министру: «Все пространство северного склона к западу от р. Лабы и южный склон от устья р. Кубани до Туапсе очищены от враждебного нам населения». На этом документе рукой Александра II крупно начертано: «СЛАВА БОГУ!» (Цит. по: Хотко С.Х., 2011. С.6).

Собственно, Кавказскую войну уже можно было считать оконченной. Только некоторые западноабхазские племена (аибга и псху), занимавшие наиболее труднодоступные ущелья в верховьях рек Псоу, Хашупсе, Мзымта и Бзыбь, «...не хотели расстаться со своей свободой и готовы были оказать сопротивление». Для завершения покорения Кавказа против этих горцев были направлены в мае 1864 г. каратели. Первая их колонна, под начальством генерала Шатилова, двигалась от Гагр в долину р. Псху; вторая, под командованием генерала Святополк-Мирского, – вверх по р. Мзымта; третья, генерала Геймана, – от верховьев р. Шахе через земли убыхов; четвертая, генерала Граббе, – из верховьев Малой Лабы через Главный Кавказский хребет. Каратели, по их собственным словам, «успешно справились с этим делом», остатки мятежных племен были разбиты.

О последних днях героического сопротивления горцев сообщает Р. Трахо (1992): «В течение мая эти племена (псху, аибга, ахципсоу и джигеты) были почти поголовно уничтожены. Видя это, часть черкесов, собранных во всех концах страны, бросилась в иступлении отчаяния в долину Аибго. За 4 дня (с 7 по 11 мая) русские были отбиты с большими потерями. Подведенная тяжелая артиллерия (!) начала тогда изрыгать железо и огонь в маленькую долину. *Ни один из защитников, символизировавших гибель Черкесии, не спасся.* Взятие этой маленькой, затерянной в горах долины было последним актом длинной трагедии черкесского народа».

Дополняют информацию о взятии царскими войсками последнего форпоста черкесов – Кбааде – авторы книги «Черноморское побережье...», 1916. С. 354): «Черкесы считались хорошими садоводами, и вся местность Красной Поляны и долины р. Мзымты была густо покрыта садами. Черкесы и называли это место

Кбааде, что значит по-русски «Красная Поляна», хотя многие ошибочно говорят, что название произошло от густых зарослей папоротника, окрашивающегося осенью в красный цвет...

Горцы Кбааде не сдавались русским. Они так были уверены в неприступности своей, когда все другие горцы Кавказа признали уже полную невозможность борьбы и изъявили покорность, что и слышать об этом не хотели. «Века пройдут, прежде чем какой-либо другой русский прочтёт эту надпись», – уверенно заметил русскому офицеру, проходившему с отрядом войск в 1835 г. мимо крепости Кбааде, один горец, видя, что этот офицер вырезывает на одном дереве своё имя.

Краснополянские поляны защищены чрезвычайно узким проходом, в котором сотня ружей может надевать больших бед. Теснина эта казалась черкесам такую грозною и неприступною, что горские женщины похвалялись всех русских ножницами перерезать. Но, увы, русские, к ужасу и удивлению их, пришли совершенно не оттуда, откуда горцы их ожидали, – не через теснину, где русским грозила опасность от ножниц горских красавиц, а с северной стороны, и так внезапно, что горцы, в чём были и кто лишь успел, разбежались по лесам и горам...», – завершают свой пронизанный болью рассказ авторы книги «Черноморское побережье...» (1916).

6.13.9.2. «Если это не фашизм, то что это?...»

*Столь длинная спешила
Чреда людей, что верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих поглотила?*

Данте «Божественная комедия».

Фашизм – наиболее реакционное течение, стремящееся путем кровавой тотальной войны захватить другие страны, поработить другие народы. «Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия» (И.В. Сталин).

Словарь иностранных слов (1949).

Финал Кавказской войны, продолжавшейся в общей сложности около полутора столетий, приближался; уже не месяцы, а считанные дни оставались до ее «победоносного» окончания. Как здесь не вспомнить библейское пророчество: «Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду. И разорят тебя, и побьют детей твоих, и не оставят камня на камне» (Евангелие от Луки, 19; 43-44). Как писал Ф. Канитц (1860), «...война велась обеими сторонами с беспощадной жестокостью. Страдания окруженных со всех сторон неприятелем адыгских племен, превосходили все, что можно себе представить. Исходил кровью на берегах Черного моря, под мечом победителя, один из храбрейших на всем земном шаре народов».

Весьма эмоционально, но, тем не менее, строго придерживаясь фактов, описал этот завершающий этап Кавказской войны просветитель адыгского народа С. Сиюхов (1887–1966): «Царизм самыми бесчеловечными, самыми гнусными способами стремился сломить сопротивление горцев, уничтожал сплошными пожарами поселения, нивы и покосы. Царизм бесновался: угонял скот, так же, как и скот, угонял пленных людей в далекий тыл; кровь лилась потоками, гибли люди, изнемогая и истекая кровью; горские племена отступали к Черному морю. Царизм совершал на виду у всего мира чудовищное злодеяние – казнил сотни тысяч горцев с хладнокровием профессионального палача...».

Впрочем, так царизм действовал не только на Кавказе, но и в других регионах Российской империи, в том числе и на Крайнем Севере. Вот пронзительные до боли строки из «Янгал-Маа» – ненецкой баллады XIX столетия, в которой как нельзя лучше отражены «деяния» царских колонизаторов по отношению к «малым» народам Русского Севера (Цит. по: Тополь Э. Красный газ. – М., АСТ, 1995. С. 148):

И как волки на добычу,
Потекли тогда потоки
Русских орд на нашу землю,
Оттесняя нас все дальше,
Отбирая наши земли,
Наши реки, нашу рыбу,
И насилуя повсюду
Наших жен, сестер и дочек...

Известный кинорежиссер С. Говорухин сказал: «Помимо всего прочего, для нас фашизм – это такое состояние общества, когда все мерзкое, что есть в человеке, вырывается наружу, приводя в трепет и содрогание сердца людей. А теперь я хочу спросить, если это не фашизм, то что это такое?...». Так и мы, познакомив читателя (очень бегло!) с трагической историей Кавказской войны, неравной войны колоссальной военной мощи царской России с маленьким, но гордым и свободолюбивым адыгским народом, войны на истребление, – мы вместе с С. Говорухиным тоже спросим: «Если это не фашизм, то что это такое?». Думается, что ответ может быть только один...

6.13.9.3. Апофеоз войны: «Пир во время чумы»

*Вознаграждены ли неверные за то, что они тво-
рили?... И сказал: Это день тяжкий. Не ликуй, – Аллах
не любит ликующих!*

Коран. Суры 11 (79); 28 (76); 83 (36).

*Разинули на тебя пасть свою все враги твои, свищут
и скрежещут зубами, говорят: «Поглотили мы его,
только этого дня и ждали мы, дождались, увидели!»...*

Библия. Плач Иеремии (2; 16).

Очистив территорию от «хищников», к 20 мая 1864 г. все четыре колонны карателей с разных сторон сосредоточились в центре земли Ахчипсху – урочище Кбаада (ныне Красная Поляна, часто именуемая Кбаадэ или Губаадва). Этому глухому местечку суждено было стать местом «всенародных торжеств» по поводу окончания Кавказской войны, состоявшихся 21 мая в присутствии великого князя Михаила Николаевича. Судя по всему, «августейший» наследник не последовал мудрому совету Плутарха: «Негоже было Цезарю справлять триумф над несчастьями отечества». Или библейское: «Умертвили из неприятелей своих семьдесят тысяч. Это было в 13-й день месяца Адара, а в 14-й день того же месяца они успокоились, и сделали его днем пиршества и веселья» (Книга Есфирь, 9; 17). Или же известное пушкинское:

А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов – и землю
Над мертвыми телами потрясают!

Вот как описывают этот знаменательный день очевидцы. Начался парад, вышли вперед знамена. На кургане стоял великий князь-главнокомандующий Михаил, окруженный генералами, а далее со всех сторон стройные густые колонны со сверкающими штыками. После молитвы великий князь объехал войска, благодарил всех за совершенное «трудное и великое дело». Здесь же им был отдан приказ по Кавказской армии: «С чувством искренней радости поздравляю вас с покорением Западного Кавказа и с окончанием Кавказской войны. Своим мужеством в боях сослужили вы Государю и Отечеству великую службу: ни отчаянное сопротивление обитателей гор, – ничто не остановило вас, и вы достигли цели. Слава и признательность Отечеству вам, покорители Кавказа!». По просьбе командиров всех собравшихся в Кбааде отрядов великий князь Михаил Николаевич дал селению Кбааде наименование Романовск. «А спустя 35 лет, 7 июня 1899 г., как пишут авторы книги «Черноморское побережье...» (1916), – это название было высочайше закреплено законом, образовавшим на этом месте уже не поселок, а город Романовск».

В Петербурге окончание Кавказской войны праздновалось большим парадом в Царскосельском лагере. Как вспоминают очевидцы, «12 июля 1864 г. войска в составе 70 батальонов пехоты, 45 эскадронов кавалерии и 132 орудий построились на военном поле, перед Царским Валиком. В 10 ч утра прибыл государь император и, объехав войска, приказал собрать знамена и штандарты к Царскому Валику, куда вслед за ними подошли и вызванные из рядов георгиевские кавалеры. Их было 1250 чел., – все старые кавказские служивые. Государь обошел их и еще раз поблагодарил за боевую кавказскую службу» (Чемсо А.К., 2002).

В ознаменование «исключительных» заслуг участников Кавказской войны император Александр II обратился с праздничным рескриптом к великому князю: «Ряд блистательных подвигов, совершенных Кавказскими войсками, ознаменовал многолетнюю кровавую борьбу, подвзятую для ограждения наших владений от набегов хищников и для умиротворения края, представлявшего издревле постоянное зрелище междоусобия, грабежей и разбоев. На вашу долю выпал завидный жребий завершить начатое полтора века тому назад дело покорения Кавказа и впервые известить русскому народу, что отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокоренного племени. В воздаяние же храбрым войскам, стяжавшим себе вечную славу, учредить для них особый крест в память покорения Кавказа и особую медаль для принимавших участие в военных действиях 1859-1864 гг. Нижним чином сократить срок службы с 20 до 15 лет и разрешить увольняемым чином отвод земель в покоренном крае». А вот как были оценены Александром II заслуги кубанского казачества в «Высочайшей грамоте» от 12 июля 1864 г.: «Покорение Западного Кавказа, достигнутое рядом доблестных подвигов и долговременных трудов наших войск, закончило многолетнюю Кавказскую войну. С достославным событием этим связано и имя вернolюбезного Нам Кубанского казачьего войска, издавна стяжавшего себе громкую славу на Кавказе. Более 70 лет охраняло оно пределы Наши от хищнических набегов горцев; каждый день вынуждалось оно отстаивать от погромов диких соседей и жизнь семейств своих, и свой домашний кров...».

Своеобразные «итоги» Кавказской войны подвел император Александр II в своем рескрипте на имя графа Евдокимова: «Представленное Вами и одобренное Нами предложение о способе действий для скорейшего окончания войны на Западном Кавказе увенчалось ныне блистательным успехом, превзошедшим даже ожидания Наши. В три года умиротворенный и совершенно очищенный от враждебного нам туземного населения Западный Кавказ уже в большей части своей занят прочно водворенными русскими поселениями, и долговременная кровопролитная война окончена, избавляя государство от огромных жертв, в течение 150

лет его обременявших, и доставляя ему обширный и богатый край». Развивая эту мысль и заглядывая вперед, в своей речи в Тифлисе великий князь сказал: «Отныне Кавказская война принадлежит уже истории. Нам предстоит теперь заботы о гражданском устройстве умиротворенного края...».

День торжества русского царизма стал одновременно и днем национального траура адыгов, – траура по утраченной свободе и независимости, а для изгнанных в Турцию – и траура по утерянной Родине. Как говорит адыгская пословица, «Конец войны – это горе и плач». У поэта С.Д. Нечаева есть такие строки:

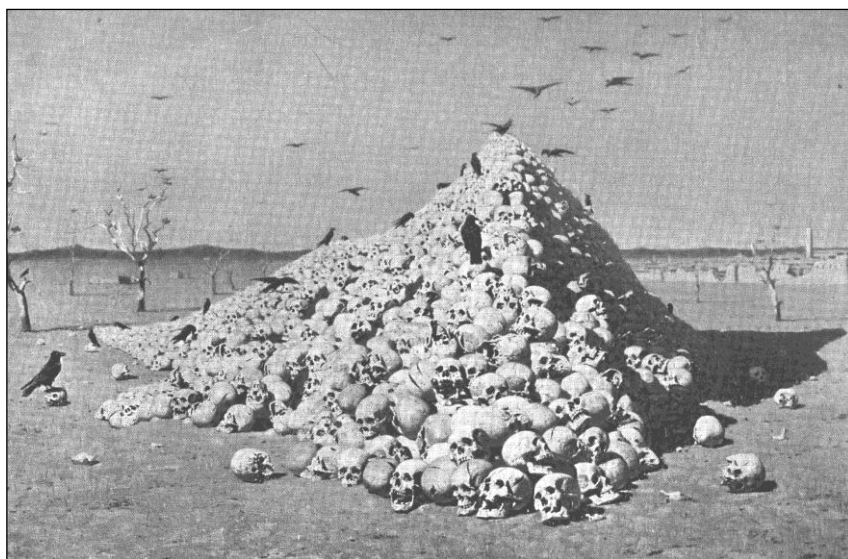
Предчувством тайным возмущен,
Певец тоску свою с слезами
На струны тихо изливал, –
И скорбь он пробудил в униженном народе,
И мнилось мне, он возглашал
Надгробный гимн своей свободе...

«Празднованием событий громадной исторической важности» с пафосом называл этот день и полковник С. Эсадзе в 1864 г. А спустя ровно 50 лет это событие уже называют «исключительно выдающимся». Так, в праздничном приказе графа Воронцова-Дашкова от 21 мая 1914 г. говорится: «Подвиги Кавказской армии вызвали в свое время удивление всего мира; они передавались в войска из поколения в поколение; они поддерживали славные боевые традиции войска». Увы, с позиций же сегодняшнего дня это «эпохальное» событие видится нам несколько иным. Как говорится, «...и славу их обращу в бесславие» (Книга пророка Осии, 4; 7).

В том, что во время войны были физически уничтожены «многие кавказские народности», признаются авторы юбилейного издания «Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны», вышедшего в 1914 г. в Тифлисе: «Борьба России с горцами Западного Кавказа носила исключительный характер, состоявший в том, что страна завоевывалась, и покоренные обитатели ее сейчас же выселялись отсюда... уже одно то, что *военные действия на Западном Кавказе сняли с исторической карты некоторые кавказские народности* (Выделено нами. – Авт.) и уничтожили даже память о них говорит о серьезном значении этой последней части Кавказской войны...» (Цит. по: Кудяева С.Г., 2007).

Достоинным памятником этой самой продолжительной и кровопролитной войны является одна из сильнейших по своему эмоциональному воздействию картин В.В. Верещагина «Апофеоз войны» (апофеоз: прославление или же торжественное завершение какого-либо события). Картина была написана Верещагиным в 1871 г. во время пребывания его в Средней Азии. Есть мнение, что замысел картины был взят из эпохи великого среднеазиатского завоевателя Тимура, повелевшего, по преданию, в честь побед составлять пирамиды из черепов своих врагов. Она не потеряла своей актуальности. Не случайно на раме картины написано: «Посвящается всем великим завоевателям – прошедшим, настоящим и будущим». Картина стала как бы символом варварства, символом безумия войны, смерти, разорения и опустошения. И здесь нельзя не вспомнить, что художник был перед этим на Кавказе. Период его пребывания здесь (1863-1865) – самый драматичный в истории Кавказской войны. Не исключено, что сюжет этой картины был навеян именно тяжелейшими впечатлениями о кровавой кавказской бойне. Глядя на эту вздымающуюся до неба пирамиду из костей и черепов, невольно вспоминаются человеконенавистнические строки из стихотворения немецкого поэта Фирордта, которого, кстати, часто цитировали фашисты:

Пусть выше гор, до самых облаков
Людские кости и дымящееся мясо громоздятся!...

«Апофеоз войны». Картина
В.В. Верещагина (1871)

Эта тяжелейшая сцена напоминает библейское пророчество: «Солнце превратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий...» (Деяния святых апостолов, 2;20). Или: «Трубите трубою на Сионе и бейте тревогу на святой горе Моей; да трепещут все жители земли, ибо наступает день Господень, ...ибо он близок» (Книга Иоиля, 2; 1). Еще более эмоционально о «Дне скорби» говорится в Книге пророка Софония (1; 15):

День тот есть День гнева,
День скорби и тесноты,
День ужаса и опустошения,
День тьмы и мрака,
День тучи и мглы...

О трагической судьбе оставшихся в живых «умиротворенных» горцев под пятой царских колонизаторов речь пойдет в следующих главах. Этот же раздел хотелось бы завершить словами Ш. Руставели:

Станет жизнь их днем и ночью одинаково черна,
Воронье на пир покличу, станет прахом их страна...

6.13.9.4. Война окончена – борьба продолжается?...

Я пошлю множество рыболовов, – говорит Господь, – и они будут ловить их; а потом пошлю множество охотников, и они погонят их со всякой горы и со всякого холма и из ущелий скал.

Книга пророка Иеремии (16; 16).

Варварство, продолжавшееся уже после окончания войны, было настолько чудовищным, что оно вынуждало горцев покидать родные места.

Н. Бэрзэдж (1996).

Оттремели «торжества» по поводу окончания Кавказской войны. Как отмечали очевидцы, в результате военного разгрома горцы «совершенно упали духом и не знали, на что решиться». Основная масса горского крестьянства отказывалась переселяться в места, указанные им царскими войсками. Не хотели они и идти в Турцию, куда их «подталкивали» князья и дворяне. Адыги-крестьяне целыми семьями уходили в горы и оттуда продолжали вести борьбу за свою свободу и независимость. Как говорили библейские пророки: «Бегите, уходите скорее, сокройтесь в пропасти, ибо царь Вавилонский сделал решение о вас и составил против вас замысел» (Книга пророка Иеремии, 49; 30). Или: «Кто в поле – умрут от меча... А уцелевшие из них убегут и будут на горах, как голуби долин; все они будут стенать» (Книга пророка Иезекииля, 7; 15-16). В конце 1864 г., отмечает А.В. Кушхабиев (2007), – царские власти в целом завершили выселение западных черкесов.

Тем не менее, уверенности в полной и окончательной победе над горцами у царских колонизаторов еще не было. Об этом, в частности, свидетельствует уж очень откровенное признание генерал-адъютанта Святополк-Мирского, датируемое ноябрем 1864 г.: «После огромных жертв и долгих усилий восточный берег Черного моря очищен, наконец, от враждебного нам народонаселения и сделался покамест неоспоримым достоянием России. Я говорю «покамест» потому, что обстоятельства могут вдруг перемениться». Но, увы, «обстоятельства» не переменились...

В 1865 г. войска снова прошли по завоеванным территориям и выселили небольшие группы черкесов, укрывшихся в горах от депортации. С этой точки зрения определенную историческую ценность представляет сообщение очевидца – царского офицера С. Духовского, о времени его пребывания на Черноморском побережье в 1864-1865 гг.: «В то самое время, как на горах и в долинах, пройденных войсками, не было ни души, в трущобах под Главным хребтом, куда до наступления лета нечего было думать пуститься, встречались люди, которые, по выражению самих горцев, «сами не знали, чего хотели». Без крова и без постоянного убежища они бродили с места на место и поддерживали себя, вырывая из земли запасы, зарытые прежними жителями. Бродяги эти были остатки шапсугов, ахчипсхуцев и преимущественно абадзехов; но ни одного убыха, ни одного джигета (садза). Два последних племени выселились, можно сказать, разом, дочиста...».

Несмотря на то, что «официально» Кавказская война завершилась в мае 1864 г., «полупартизанская» война продолжалась здесь и в следующем году. Для борьбы с горцами военные власти вынуждены были создавать специальные отряды «охотников» или «истребителей». Так, один из современников сообщал: «Кавказское войско, очищая заселенный край от враждебных горцев, наряжало отдельные команды, чтобы разыскивать скрывавшихся в малодоступных дебрях и трущобах туземцев, не хотевших расставаться со своей землей. Привязанность их к родине до того была сильна в этом народе, что они нередко, забравшись в какое-нибудь темное ущелье, там и умирали от холода и голода с винтовкою в руке, чтобы пустить в русского последнюю пулю за свое изгнание». Как здесь не вспомнить Книгу пророка Исаи (34; 3): «И убитые их будут разбросаны, и от трупов их поднимется смрад, и горы размокнут от крови их».

О деятельности этих своеобразных «охотников» рассказывает и другой очевидец: «Для изгнания тех черкесов, которые, не желая покидать родину, скрывались в горных трущобах и там спокойно ожидали сво-

ей смерти, организовывались особые команды. Таких бродячих горцев много было в Кавказских горах, где они в конце концов находили свою могилу».

Война была окончена, но борьба адыгов за свою свободу продолжалась. «Сотни одиноких, оставшихся в живых борцов, ушли в леса и горы продолжать в одиночку борьбу против захватчиков, – пишет историк. – Их называли абреками, и они еще десятки лет продолжали свою уже безнадежную войну. Но ведь даже былинке в поле свойственно свободолюбие (Сообцокова Н.И., 2010. С. 82).

6.13.9.5. Трагедия хакучей: «искоренение остатков мятежных племен»

...Народ был стеснен; укрывались в пещерах и ущельях, и между скалами, и в башиях и рвах.

1-я Книга Царств (13; 6).

По вековым лесам и глухим ущельям еще бродят люди, издавна привыкшие к скитальчеству. Только с введением в горы постоянных наших обитателей могут окончательно искорениться эти остатки бывшего полумиллионного населения...

С. Духовский (1865).

Судьба хакучинского племени – еще одна трагическая страница истории адыгов. По И.Х. Тхамоковой, хакучами (*«хьакъуцу»*) называли небольшую группу, точнее, несколько локальных групп шапсугов, живших высоко в горах, в верховьях рек Аше, Псезуапсе, Шахе и их притоков, впадающих в Черное море между современным Туапсе и Сочи.

Хакучи граничили с убыхами и Малой Шапсутией. Некоторые авторы предполагают, что хакучи образовались из абреков соседних племен: абадзехов, шапсугов, убыхов и др. Бжедуги, шапсуги и натухайцы называли их «агой», а темиргоевцы и некоторые другие племена – «хакучи» (Султан Хан-Гирей, 1837; Щербина Ф.А., 1913).

Летом и осенью 1864 г., т. е. уже после официального окончания Кавказской войны, отряды царской армии направились в горы, чтобы выселить хакучей с занимаемой ими территории. Пользуясь труднодоступностью своих ущелий, хакучи упорно сопротивлялись, не желая переселяться ни на Лабу, ни в Турцию. Против них были применены обычные для Кавказской войны методы: уничтожение аулов, посевов, запасов продовольствия. Только после этого часть хакучей покорилась и согласилась покинуть родные места, но другой части удалось избежать выселения.

Как писал очевидец выселения хакучей К. Гейнс (1866), «...трудно сказать, что руководило их действиями, но нельзя отнять их достоинства: они были воинственны и крайне единодушны: ни одного лазутчика, ни одного проводника не являлось к нам с их стороны; во все время действий ни одного парламентаря не выслали они с просьбой о мире, да и ни один человек не попался к нам в плен. Понимая всю слабость свою, хакучинцы рассыпались по трущобам: скрываясь удобно не только вдали от войск, но и около нашего расположения, они выжидали оплошных одиноких людей и убивали их в упор».

Поэтому в 1865 г. карательную экспедицию против хакучей пришлось повторить. И вновь слово К. Гейнсу, принимавшему непосредственное участие в «акции» по выселению хакучей: «Как вернейший и скорейший способ покончить с ними (хакучинцами) все расчеты, было предложено уничтожить весь хлеб на корню и все, что могло служить поддержанием существования жителей. К северу от Главного хребта оставалось еще много аулов, принадлежавших шапсугам, которым не хотелось выселяться, и замечены обширные посевы. Истребить совершенно то и другое было главной задачей для наших войск. Слава правительству за принятую систему войны! Результаты ее особенно резко высказались весной 1864 г.: *нельзя было не любоваться, как русское племя, заняв уже все ущелья по северной стороне Кавказского хребта, спокойно бороздило плугом землю.* (Поражает откровенный цинизм царского офицера-карателя, хладнокровно описывающего способы «умиротворения» черкесов. – Авт.).

Дополняет эту информацию Т.В. Половинкина (2006): «После окончания Кавказской войны (1864) местные жители (шапсуги, в том числе хакучи а также убыхи и абазинцы-садзы) подверглись массовой депортации в Османскую империю, частично на Кубань. Однако некоторой части населения, проживавшей в бассейнах средних и верхних течений рек Аше и Псезуапсе или успевшей скрыться от наступающих войск в лесах, удалось ее избежать. Горцы не собирались покидать свои насиженные места и в дальнейшем. Как говорится в Библии, «Тот будет обитать на высотах; убежище его – неприступные скалы...» (Книга пророка Исайи, 33; 16).

Для «выкуривания» хакучинцев из горных пещер весной 1865 г. была послана особая военная экспедиция (охотники) под командованием полковника Кузьминского, которая в течение нескольких месяцев, говоря современным языком, «зачищала» верховья названных выше рек от местных жителей. При этом жилища и хлеба сжигались, скот и имущество захватывались, а оставшиеся в живых люди сгонялись на берег моря близ Туапсе и насильственно, на фелюгах, отправлялись в Турцию. К этому времени относится народное предание, записанное в одном из шапсугских аулов летом 1939 г., о храброй девушке по имени Айшет, которая помогала в бою трем своим братьям, непрерывно заряжая для них ружья. В честь нее гора близ причерноморского аула Тхагапш зовется Айшедаг.

Однако отряду Кузьминского не удалось полностью «очистить» горы от «упрямцев», не желавших покидать родину. В 1866-1874 гг. на горной поляне, называемой русскими источниками Раушхатам («возвышенность (рода) Рау») или Божья Вода (в форме Тахопс, Тахапс), на месте современного а. Тхагапш размещался штаб 1-го Кавказского линейного батальона и одна из его рот. Целью войск было полное и окончательное «выдавливание» из горных укрытий остатков населения. Пленных и добровольно выходивших оттуда расселяли вблизи расположения войск, разбросанных небольшими отрядами по южным склонам гор.

Так, летом 1866 г. несколько семей хакучей (пойманных недавно в горах) жило при 2-й роте на р. Хакучипс возле впадения ее в р. Псезуапсе. Они голодали и «ели лебеду» (траву), жили в пещерах. На левом берегу р. Псезуапсе, «в урочище Божья Вода», напротив роты, было поселено 15 пленных семей. В конце 1869 г. место расквартирования войск стало официально именоваться селением Божья Вода (здесь «Божья вода» – вода высокого качества, целебная; именно таковой нашли воду источника, бьющего и поныне из горы на краю а. Тхагапш, русские солдаты)» (Половинкина Т.В., 2006).

В результате акции по «умиротворению» причерноморских черкесов, как отмечает И.Х. Тхамокова, почти все хакучи были выселены в аулы Кубанской области, хотя отдельные небольшие группы продолжали скрываться в горах еще на протяжении нескольких лет. Как здесь не вспомнить библейское: «Нагие ночуют без покров и без одеяния на стуже. Мокнут от горных дождей и, не имея убежища, жмутся к скале» (Книга Иова, 24; 7-8). Время от времени в печати проскальзывали сообщения такого типа: «Год от году число шаек этих черкесов в горах уменьшилось, но некоторые, весьма немногие, упорно держались в ущельях и переносили все лишения. Одну подобную шайку недавно удалось путем обещания всепрощения обратить в мирную. 28 августа 1874 г. (т. е. спустя 10 лет после окончания войны! – Авт.) в Сочи были приведены из ущелий гор 4 черкеса и 1 женщина с двумя детьми (9 и 1 год) и отправлены на жительство в деревню Лесную...» («Одесский вестник», 1874, 2 ноября). И лишь к концу XIX в., когда стало ясно, что несколько сот оставшихся в живых хакучей не могут представлять реальной угрозы для безопасности Черноморского побережья, им было «высочайше» разрешено вернуться в родные места. Ныне, в начале XXI в., большую часть черноморских шапсугов составляют именно потомки хакучей.

6.14. Кровавый «мартиролог» Кавказской войны: «Белая книга» преступлений царизма против адыгов

Мартиролог (от греч. «мученик» + «слово, сказание») – перечень жертв преследований, гонений, а также перечень перенесенных кем-либо страданий.

Энциклопедический словарь (2000).

И пошли войною на Мадиама, и убили всех мужеского полу. А жен Мадиамских и детей их взяли в плен, и весь скот их, и все стада их, и все имение их взяли в добычу. И все селения их сожгли огнем...

Библия. Числа (31; 7-10).

Невозможно без волнения читать прилагаемый ниже перечень, – своего рода «Белую книгу» преступлений царизма против маленького, но гордого и свободолюбивого адыгского народа. Стратегия и тактика политики «умиротворения» адыгов предельно четко была изложена в секретном предписании № 214 от 29 ноября 1821 г. генерала Ермолова генералу Власову: «Не перестрелками с кубанцами (адыгами. – Авт.) можно нанести им более вреда, но лишением их имущества, т. е. табунов и скотоводства». Эта мысль находит дальнейшее развитие в российских официальных документах, относящихся к более позднему периоду: «Такие набеги имели решающее значение в ходе наших (царских войск. – Авт.) военных действий в Закубанском крае. Без них мы не могли бы утвердиться в плодородных долинах, которые были житницей для горцев; им приходилось волей-неволей покидать эти места и бежать в горы, где они не могли долго существовать без пропитания. Это ускоряло дело покорения».

А как практически выполнялось это предписание, сообщал очевидец (газета «Кавказ», 1848, № 23): «Генералы предпринимали экспедиции в горы и шли, истребляя все огнем и штыком, захватывая пленных и скот. Ничтожное воровство, отгон горцами нескольких штук рогатого скота наказывались истреблением целых аулов».

Уж недаром слетаются орлы,
Как на пир, на черкесские скалы.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Как на пир, на черкесские скалы,

– бодро пели солдаты, маршировавшие по Земле адыгов в разгар Кавказской войны. И это отнюдь не литературный пассаж какого-либо бойкого корреспондента. Действительность была намного страшнее. Итак, факты свидетельствуют...

6.14.1. Прелюдия (1711-1829 гг.): «Навели ужас и страх на население Кубани...»

6.14.1.1. «Дела их – дела несправедливые, и насилие в руках их»

*Дела их – дела несправедливые, и насилие в руках их.
Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови, опустошение и гибель на стезях их.*

Книга пророка Исайи (59; 6-8).

1711 г., август. Впервые в качестве завоевателей царские войска появляются на Земле адыгов в 1711 г. Как отмечают письменные источники, войска астраханского губернатора П.М. Апраксина в борьбе с татарами и казаками-некрасовцами действовали как настоящие завоеватели, – генерал наносил удары не только по некрасовцам, бежавшим на Кубань от царского гнета, но и по укрывавшим их адыгам. Генерал Апраксин сообщал Петру I, что «...он полонил, разорил и пожег все кубанские татарские жилища и забрал у них много богатства, добычи и полону». На обратном пути домой он узнал, что 20 татарских мурз со своими войсками, под общим командованием Чан-Араслана, идут с Саратовского и Пензенского уездов, где грабили русские села. П.М. Апраксин отбил весь русский полон и нанес татарам такое поражение, что из 3000 всадников остались в живых только один мурза и два простых татарина. Страшное поражение татар подняло на ноги все Закубанье. 7000 ногайцев и черкесов, под начальством Нурадин-султана, настигли Апраксина 5 сентября на реке Чаны, но были разбиты. Калмыки преследовали их за Кубань и возвратились с несметными стадами – до полумиллиона голов.

1736 г., апрель. По приказу императрицы Анны Иоанновны, на Кубань пришло объединенное русско-калмыцкое войско. 25-тысячный отряд донских казаков возглавлял атаман Краснощеков; 40-тысячное калмыцкое войско шло во главе с ханом Дондук-Омбо. Как отмечал очевидец, они «навели ужас и страх на население Кубани». Другие источники позволяют узнать некоторые подробности этого карательного похода. В верховьях реки Уруп «...все мужчины-ногайцы, в числе 6000, были вырезаны, а 20 000 жен и детей отправлены на р. Егорлык. Осенью калмыки снова пошли на Кубань, взяли турецкую крепость Копыл, остальные города, становища, аулы были истреблены, и вся страна, превращенная в пустыню, была спалена огнем и покрыта развалинами, пеплом и трупами. За 14 дней цветущая страна превращена в обширное кладбище. Досталось мимоходом и некрасовским раскольникам. Когда калмыки и казаки двинулись назад, то они оставили после себя больше 15 000 трупов, которые валялись по полям, потому что прибирать их было некому».

1737 г. Привлечение донских казаков к походам графа Миниха обезлюдило станицы по Дону и дало возможность кубанским горцам и калмыкам делать туда набег. Все кубанские мурзы соединились под начальством Салим-Гирея, сына Бахты-Гирея; к татарам примкнули кубанские темиргоевцы, азовские турки и некрасовцы. На Дону татары и черкесы сожгли и разорили Кумшацкий городок, взяли в плен 968 чел., убили и ранили 41, угнали 4000 лошадей, 10000 коров, 21900 овец, сожгли 12400 копен хлеба.

Царское правительство, как пишет Ф. Щербина, решило наказать татар и черкесов за их набег на донские станицы. Карательная акция была возложена на донских казаков (атаман Фролов) и калмыков (хан Дондук-Омбо). По сообщению Сената, в числе других жилищ они взяли и столичный город татар Копыл (Славянск-на-Кубани), разорили его «вконец». С 26 ноября по 8 декабря «...весь наличный мужской пол был побит, причем жен и детей до 10000 душ в полон взято, а еще более того в Кубани оных потонуло». Как, говорится, «...и взяли все захваченное и всю добычу, от человека до скота» (Числа, 31; 11). В этом же году казаки и калмыки, громя татар и черкесов, сожгли некрасовский городок Хан-тюбе, убили несколько некрасовцев и угнали скот их.

1769 г., весна. Отряд под начальством генерала де Медема прибыл в Моздок, отсюда должен был действовать против кабардинцев и закубанских черкесов, «оказавшихся особенно восприимчивыми к турецкой пропаганде». Несколько позже кубанские черкесы и татары напали на калмыков. Но войска калмыцкого хана Убаша (20 000 конников) разбили черкесов. Как писал очевидец, «...калмыки насели на них, как дикие звери: они их рубили, резали, загоняли в болота, топили в Калаусе. Все 5 знамен, множество оружия, 5000 лошадей, обозы, – все осталось в руках победителей. Пленных взято было немного, а все остальные пали на поле сражения».

Июнь-июль. В июне 1769 г. отряд генерала Медема стал лагерем у горы Бештау, соединившись 20-тысячным войском калмыцкого хана. Как только русские и калмыки вошли в Кабарду, большая часть кабардинцев сразу же присягнула на подданство Анне Иоанновне. Но часть их «стремилась отстаивать свою независимость». 6 июня 1769 г. генерал Медем послал к ним отряд майора, князя Ратиева и моздокских казаков во главе с атаманом Савельевым. В районе реки Эшкакон, выше нынешнего Кисловодска, завязался жестокий бой. В своем рапорте де Медем отмечал: «Кабардинцы дрались отважно... Князь Ратиев и капитан Фромгольд покорили ногаев в устье Теберды. Только один князь Мисост Боматов (сын Магомеда Кургокина и родной племянник калмыцкой ханши Джан. – Авт.), младший из всех князей по летам, скрылся в горах и успел собрать вокруг себя значительную партию» (Дзамихов К.Ф., 2008).

1771 г., осень. Волнения в среде кабардинцев и закубанских черкесов побудили генерала де-Медема направить русские войска за Кубань с карательными целями. Майор Криднер проник с отрядом в земли черкесского владельца Келемета, было захвачено 450 голов скота. Чтобы избавиться от нашествия русских

войск, реквизиций и разорения, 15 октября к Медему явились представители горских племен и приняли присягу на русское подданство четыре фамилии: Кипчаковы, Мангатовы, Наврузовы, Казбулатовы.

1778 г., 19 июля. Особенно жестокая расправа с горцами (в ответ на их нападения на русские пикеты) была произведена отрядом полковника Соллогуба. Сопровождаемый братьями мурзами Джан Мамбетом и Килимбетом, отряд внезапно окружил нутхайский аул Хапай. Атакованный с четырех сторон и подожженный аул выгорел вместе с населением, бывшие вблизи аула на сенокосах 400 черкесов убиты и изрублены, в плен взято 40 чел. обоюбого пола. При возвращении отряда 5000 горцев пытались отбить пленных. Произошло жаркое сражение. Пленники были перебиты солдатами и казаками, в бою погибло еще до 300 черкесов. Потери русских войск: 13 убитых и 38 раненых. Как здесь не вспомнить библейское: «Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их. Они не знают пути мира» (Послание к Римлянам св. апостола Павла, 3; 15-17).

В сентябре этого же года адыги во главе с Дулак-Султаном атаковали Архангельское военное укрепление на р. Кубани. Генерал В.В. Райзер во главе экспедиции вторгся в Закубанье и проводил там карательные акции.

1779 г., 29 сентября. Войска генерала Фабрициана и генерала Якоби атаковали главный стан кабардинцев, расположенный в Большой Кабарде на одном из островов р. Малки, около впадения в нее р. Шолкужин. Лагерь был взят приступом, и все, что было на острове, легло под штыками русских солдат. Как пишут очевидцы, «...черкесы были внезапно атакованы бравым генералом Фабрицианом, который рассеял их после великого кровопролития. Победа была отмечена большими надмогильными курганами, содержащими тела убитых горцев» («Кавказ...»). Вып. III, 2010. С. 257). По собственному признанию кабардинцев, они «...потеряли до 3000 чел., в том числе лучших людей и князей их». У кабардинцев было захвачено более 2000 лошадей, 5000 голов рогатого скота, свыше 5000 овец, у горцев потребовали 10 000 руб. Потерпевшие поражение прислали к Якоби своих представителей – «просить прощение». Но генерал-майор Якоби «вступил опять с войсками в пределы кабардинские». Потерпев поражение и на этот раз, кабардинцы «беспрекословно присягнули на подданство, как владельцы, так и черный народ» (Бейтуганов С.Н. (2007).

1783 г., март. Полковник Орлов послан был из Кавказского корпуса за Кубань, к черкесам. Там он, отогнав 600 лошадей, 800 голов крупного рогатого скота и 5000 овец, – убил до 60, пленил 20 чел. и вернулся на правый берег. Скрытно сосредоточив свои силы напротив устья р. Лабы, генерал А.В. Суворов ночью 1 октября вторгся в Черкессию и атаковал ногойцев, которые оказали отчаянное сопротивление, но были разгромлены. Расправа над ними была жестокой. Казаки «поубивали без разбора стариков, детей, женщины». Было убито более 4000 чел.

1787 г., сентябрь-октябрь. Шейх Мансур (Ушурма) во главе 8-тысячного войска, состоящего из черкесов и закубанских ногойцев, расположился между реками Уруп и Лаба. Усиленная деятельность закубанских горцев под предводительством Мансура побудила генерала П.А. Текелли организовать «внушительную» экспедицию в Закубанье. К горцам было направлено несколько отрядов – под руководством генералов: Иловайского, Розена, Елагина, Ратиева, полковника Ребиндера и др. Стесненные со всех сторон и лишённые войсками своего имущества, абазинцы первыми изъявили готовность принять подданство России. В верховьях Большого Зеленчука и Урупа черкесский князь Асланбек также перешел в русское подданство. 24-25 октября войска выводили пленных черкесов из гор и истребляли жилища бесленеевцев и темиргоевцев между Тегинями и Лабой. «Повсюду убегающий неприятель бросал не только имущество, но стариков, детей и немощных». Разгром горцев был, как сообщает Ф. Щербина, «полный и ужасный». Всеми отрядами, по донесению Текелли князю Потемкину, «...было сожжено аулов более 300; арб с имуществом нашли до 4000, истреблен хлеб, сокрытый в ямах, все сено сожжено. Взято в плен ногойских татар 1858 душ мужского и 1622 женского пола, абазинских семей Бибердова владения – 200 семей, семей Батыр-Гирея Султана – 30, Ислама Мурзина – 56 семей. Освобождено из плена 100 чел. русских.

«Успехи» других отрядов были не менее впечатляющие. 22 октября полковник Астахов взял аул за Лабой и сжег его. 23 октября войска вытеснили горцев из махашевского аула, сожгли его, убили 30 горцев. Потери отряда – один раненый. На следующий день уничтожена группа черкесов, защищавших аулы, убито 25 чел., в том числе и их предводитель Коргоко. 27 октября, по сообщению Иловайского, казаки занимались «сожжением аулов, отысканием скрытых в деревнях вещей, сжиганием хлеба и сена, истреблением чрезвычайного количества пчельников (пасек)...» Отряд подполковника Бузина сжег 36 аулов «с довольным числом побитых черкесов». Потери русских войск: 4 раненых. В бассейне Лабы войска продолжали жечь аулы, хлеб и сено. 80 горцев убито, взято в плен 2 чел., захвачено 200 голов рогатого скота. Потери русских войск: убито 4 и ранено 15 чел. 31 октября, в один день на Лабе было сожжено 60 аулов. Убито горцев – 29, русских – 7 чел. Отряд генерала Розена, по его собственным словам, «более 100 аулов обратил в пепел вместе с хлебом и сеном». При этом он жаловался, что мог бы еще больше «преуспеть» в этом, если бы шедшее впереди Донское войско не опережало его в карательных действиях. Как здесь не вспомнить библейское: «Да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем» (Деяния святых апостолов, 1;20).

Особым отрядом кабардинцев (в составе царских войск) во главе с их соплеменником Большим Горичем были исполнены следующие «деяния»: приведены в покорность абазинцы, бесленеевцы, башильбаи и кипчакские татары; в частности, покорено 2000 дворов Бобсхерских владельцев, а именно: Устши Кячева, Хамурзы Лоова, Сулеймана Лоова и Трамова; 800 дворов башилбайцев по р. Уруп; 2000 кибиток ногойцев; 1500 дворов бесленеевцев.

евцев по р. Лабее; взято 87 пленных. «Я считаю, – с гордостью доносил Текелли князю Потемкину, – что не только закубанцам, но и прочим горским народам останутся навсегда в свежей памяти действия нашего оружия».

1788 г., август. В середине этого месяца отряд царских войск во главе с бригадиром Берхманом «истребил несколько аулов в земле абадзинов, сжег их хлеба и возвратился с большой добычей».

19 сентября. Карательная экспедиция подполковника Мансурова и князя Ратиева (15851 чел. и 53 пушки) была направлена к черкесам в верховья р. Убин. Но, как пишет Ф. Щербина, «...шествие генерала Текелли на этот раз было далеко не таким торжественным и победоносным, русские везде встречали отпоры и противодействия. В битве на р. Убин участвовало до 8000 черкесов, из них 800 погибло». Потери русских войск: 28 убитых и 205 раненых. В пяти селениях вблизи Анапы истреблено до 2000 домов с оставшимся в них имуществом.

1789 г., май. В Закубанье в сражении убито 233 горцев, добыто 83 лошади и рогатого скота более 1600 голов.

1790 г., 7-8 октября. Вслед за поражением армии Батал-паши, значительный отряд под начальством генерал-поручика Розена перешел Кубань и обрушился на бжедугские и адамиевские селения. Отряд Розена предал огню оставленные бжедугами три аула между Псекупсом и Пчасом. Силами другого отряда на Марте истребил 8 селений; следуя вверх по левобережью р. Кубани к границам темиргоевцев, по пути сжег еще 28 бжедугских аулов. При этом отмечается, что «деревня Кайчуко-Габле была местом, где неприятель имел знатное количество свезенных припасов, многочисленную толпою охраняемое». Затем настал черед темиргоевцев. 22 октября генерал Розен «...истребил 3 темиргоевские деревни со множеством хлеба и сена. Тут были убиты 4 мурзы и до 50 простых людей; знатная получена добыча» (Хотко С.Х., 2008).

1796 г. Кошевой атаман З. Чепега послал отряд казаков в Закубанье, которые «устроили погром на землях шапсугов».

6.14.1.2. «Все, что осмелилось сопротивляться, было истреблено...»

Все, что осмелилось сопротивляться, было истреблено... Все имущество и стада их (черкесов) составили военную добычу: жилища, запасы хлеба и сена были сожжены.

Ю.П. Коцарев, подполковник (20.11.1822 г.).

1800 г., 29 февраля. Около 400 горцев напали на Медведовский курень. Спустя 18 дней, переправившись по льду через Кубань, они в количестве 1000 чел. напали на Славянский кордон, а также 5000 воинов – на Копыл (ныне Славянск-на-Кубани). В ответ на эти нападения атаман полковник Ф.Я. Бурсак добился разрешения переходить Кубань и преследовать отступающие партии.

5 июня. Выполняя высочайшее повеление «учинить горским народам репрессалий в наказание их дерзости», атаман Бурсак сообщил генералу Драшкевичу, что казакам пришлось вступить в серьезную борьбу, вытесняя черкесов из аулов, принадлежащих Арслан-Гирею и Давлет-Гирею при р. Аушед. Здесь казаки захватили более 1500 голов скота, а отряду под командою подполковника Еремеева удалось отбить у черкесов 2542 головы разного рода скота. Император Павел, объявив войскам, участвовавшим в погроме закубанцев, «высочайшее благоволение», приказал разделить всю добычу пополам между казаками и регулярными войсками. Как здесь не вспомнить библейское: «Сочти добычу плена, от человека до скота. И раздели добычу пополам между воевавшими, ходившими на войну и между всем обществом» (Числа, 31; 26-27).

4 июля. Партия Явбук-бея в 500 чел. напала врасплох на казаков, рубивших лес в Головатом куте, и пленила 5 чел. Казаки под командованием капитана Кобиняка «наказали», заодно с черкесами Явбук-бея, и аул Султана Магмет-Паки. Хотя жители этого аула и разбежались, но казаки «пошарпали» его и захватили 500 голов крупного рогатого скота, до 2000 овец, 3 лошади и много всякого имущества.

1802 г., 29 мая. В ответ на «шалости жанинцев» (захват черкесами казачьего байдака с оружием), по распоряжению императора Александра I, произведена «репрессаль». Карательный отряд был составлен из 336 офицеров, 2245 пеших и 3858 конных казаков, под командованием атамана Бурсака; вел отряд проводник Шеретл-оглы. Разгромлены 4 аула князя Буджука у р. Пшиш, убито 200, ранено 300 и взято в плен 532 черкеса, в том числе и князь Буджук с семьей. Захвачено 1158 голов крупного рогатого скота, 1396 овец и 2432 коз. Потери казаков: убито 4, ранено 15 чел. Царь приказал произвести Бурсака в полковники. Другой отряд казаков напал на адыгские аулы у Прочного Окопа и взял 800 овец. Генерал А.С. Михельсон, рапортуя императору, писал о «совершении репрессалий с успехом».

1804 г. В этом году в Кабарде произошло крупное антиколониальное восстание, вызванное протестом горцев против начала строительства царскими войсками Кисловодского укрепления и казачьих станиц в районе Пятигорья.

Апрель-май. Князь Цицианов решил «основательно» наказать Кабарду. В своем письме к кабардинским князьям, узденям и эфендиям от 4 апреля 1804 г. он, в частности, писал: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровию непослушников. Ждите, говорю вам, по моему правилу, штыков, ядер, и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная ваших семейств кровию выкрашенная». (Эту же мысль встречаем в Библии:

«Упою стрелы Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага» (Второзаконие, 32; 42). Цицианов сполна сдержал свое обещание.

3 мая большой отряд под командованием генерала Глазенапа, с 24 орудиями вступил в Кабарду, на р. Баксан. Генерал Лихачев со своими егерями зашел в тыл. 8 мая 1804 г. генерал Глазенап переправился через Малку и на следующий день дал сражение на р. Баксане. Решающее сражение было 9 мая 1804 г. на реке Чегем. Сам Глазенап в рапорте российскому императору Александру I докладывал, что бой продолжался 11 ч утра до 6 ч вечера, отмечая при этом: «...дрались в ущельях большею частью с 11 000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинами, выбитыми из 12 окопанных аулов». И далее генерал отмечал, что после артиллерийского обстрела «некоторые аулы браны (т. е. захвачены) были штыками и преданы пламени». Кабардинцы, понеся тяжелые потери, проиграли и это сражение. «Потери их, – писал Глазенап, – в порохе и свинце, великое число убитых и раненых и лишение толикого числа панцирников будут служить им вечными памятниками, ибо наконец стреляли они уже глиняными пулями» (Барзbieв М.И., 2005. Вып. II; Кажаров В.Х., 2006. Вып. III. С. 412-413; Дзамихов К.Ф., 2008).

Атажукины и Мисостовы потерпели поражение и отступили к Чегему. Один из кабардинских князей Росламбек Мисостов бежал за Кубань и поднял местные племена; восстание охватило все Закубанье. Напрасно ногайский пристав генерал Султан Менгли-Гирей пытался прекратить волнения горцев. Полковник Давыдов и есаул Ляпин разбили закубанцев, но и это не помогло. Тогда сам Глазенап пошел за Кубань усмирять кабардинцев. Итог похода – 80 разоренных аулов, великое число убитых и раненых.

Подводя итоги своей карательной экспедиции в Кабарду, Глазенап заявлял, что «...победоносное российское войско столь страшное сделало впечатление на кабардинцев, никогда нас далеко к себе прийти не вообразивших, что их теперь можно со справедливостью почесть вновь покоренным народом». Основание для такого заявления у генерала было. По свидетельству очевидцев, в результате этого «победоносного» похода река Камбалеевка в течение недели была красной от крови убитых кабардинцев. До сих пор сохранилась кабардинская пословица: «Емынэм кьелар хьумбалеим ехьыж» («Что осталось от чумы, – унесла Камбалеевка»).

Обращает на себя внимание следующий факт: 21 июля 1804 г. император извещает генерала о том, что он «с совершенным удовольствием получил известие от 8-го сего месяца о двукратном поражении кабардинцев». За «двукратный поход в Кабарду» и усмирение закубанских горцев Глазенап был награжден орденом св. Анны 1-й степени, украшенным алмазами, и орденом св. Владимира 2-й степени (Кажаров В.Х., 2006. Вып. III. С. 413-415).

Привлечение ряда других источников дало возможность получить дополнительную информацию об этом карательном походе в Кабарду. В этом же 1804 г. отряд генерала А.К. Мейера пошел на Малку на подавление кабардинцев. Горцев возглавляли их знаменитые князья: Джембулат Мисостов, Аслан-Гирей, Касай, братья Наврузовы и, наконец, Адель-Гирей Атажукин. Кабардинцы были разбиты. В числе погибших были 2 владетельных князя, 6 мулл. «Все поле сражения, – доносил Мейер, – на котором лежало 113 кабардинских тел, было усеяно клочьями мяса и ребрами». Потери русских: 2 офицера и 75 солдат.

Сентябрь. На Малке произошло еще одно крупное сражение кабардинцев с войсками Глазенапа. Началось массовое переселение за Кубань в долины рек Малый и Большой Зеленчук, Уруп, Малая Лаба кабардинцев, прикумских абазин и ногайцев («История многовекового...», 2007. с. 601).

5 декабря. В ответ на нападения горцев, организована карательная экспедиция против шапсугов, под командованием атамана Бурсака, состоящая из 8 конных и 5 пеших полков, батальона егерей и 6 орудий. Войска разорили все попадающиеся им по пути аулы между реками Шебш и Афипс, стянули к отряду до 1300 голов крупного рогатого скота и до 6000 овец. Как писал в своем рапорте от 5 декабря 1804 г. атаман Бурсак, «...все по прописанным рекам жилища шапсугов в корень с их пожитками истреблены; скот и овцы их нами взяты, и злодеев сопротивляющихся убито до 400 душ». 12 декабря войска выступили против другой части шапсугов, оставшихся «ненаказанными», на р. Обун (т. е. Абин). Захвачено 50 голов крупного рогатого скота и 2000 овец, сожжены строения, хлеб и сено. Всего же в обе экспедиции было убито до 650 чел. и столько же ранено, сожжено было более 2000 дворов. Потери русских войск: 5 офицеров и 57 казаков, ранено 41 чел. Как отмечали очевидцы, «...лишенные жилищ и имущества, оставленные на зиму без крова и хлеба, черкесы просили пощады. За храбрость и распорядительность в этой экспедиции Бурсак награжден орденом св. Анны 2-й степени, украшенным алмазами».

1805 г., март. Царские войска разорили у темиргоевцев 2 деревни и забрали в плен 100 чел. Их князь Хопач пробыл в плену в России год, где он отморозил себе руки и ноги. Незадолго перед этим русские разорили у них две деревни и угнали стадо овец. Продолжались карательные акции царских войск и в Кабарде, «...с целью полного подавления сопротивления». 11 марта 1805 г. на левом берегу Баксана в неравном бою погибли лучшие представители княжества Мисостовых, защищавшие вход в ущелье (Кажаров В.Х., 2006. Вып. III. С. 413-415; «История многовекового...», 2007. с. 601).

1806 г. 9 мая. Войска жгли и разоряли аулы по рекам Кудак, Агильтх, Гайтух, Гичипсин и Земес.

1807 г., март-май. 500 черкесов разгромили хутора близ Андреевского кордона, причем отрубили голову казаку Шаньке и его жене, а двух детей взяли в плен. Ограбили Курчанские хутора, многих жителей убили, а некоторых отвели в плен. В Стеблиевском хуторе взяли в плен 20 душ жителей. 2000 конных чер-

кесов разгромили курень Титаровский, сожгли 9 хат, угнали почти весь скот, но зарубили только одного старика. Для наказания горцев организована экспедиция за Кубань. Войска и казаки генерала Гангеблова и атамана Бурсака жгли и разоряли аулы у р. Псебета. Убито 30 горцев и 40 ранено.

Октябрь. Черкесские князья Ахметук, Бейзрук, Ханук, Алкас и Аслан-Гирей попросили атамана Бурсака оказать помощь в их борьбе с абадзехами. Во главе казачьего отряда, назначенного в помощь черкесам, был поставлен подполковник Еремеев. В совместной экспедиции участвовали казаки (1150 чел.), 10 000 «мирных» черкесов и 1000 ногойцев, чей владелец был Батерша. Как отмечал очевидец, «полковник Порывай вихрем ударил на неприятеля. Картечный залп произвел в рядах абадзехов страшное опустошение, все скопище обратилось в бегство». В бою был убит черкесский князь Бейзрук; абадзехи потеряли 10 знатных дворян, до 150 убитых и до 200 раненых.

1809 г., май-июль. До 2000 горцев напали на Новогригорьевский кордон, сожгли его, убили 14 казаков и 3 солдата, 42 ранено. На очередь снова встал вопрос о возмездии. По распоряжению маркиза де Траверсе, командира Черноморского флота, был сформирован отряд численностью 5000 чел., во главе с атаманом Бурсаком. По пути от Пскупса до р. Шедук и Марте казаки сожгли несколько аулов Бат-Мурзы, который то принимал присягу на подданство России, то изменял ей. Сожжены 18 шапсугских аулов, много хуторов, пасек, истреблены запасы хлеба и сена; черкесы потеряли 300 чел. убитыми и 520 ранеными. Потери русских войск: 12 убито, 56 ранено. Как отмечали очевидцы, «казаки проникали в самое сердце неприятельской земли и всюду вносили за собой смерть и разорение». Объясняя причины столь сурового наказания шапсугам, адмирал маркиз де Траверсе обратился к ним со следующим воззванием: «Я строго вас наказываю за то, что вы, как хищники, делали вторжения в пределы моего Государя; теперь вы видите ужас, огонь и истребление на землях ваших. Вы сами навлекли на себя сие несчастье, и оно еще будет повторяемо, если вы вновь будете нарушать спокойствие мирных наших обитателей; теперь от вас зависит жить с нами, как надлежит жить добрым соседям». Он предупреждал, что «...всякий хищник, который встречен будет по сию сторону Кубани, будет наказан по строгости законов Российских».

Июль. До 40 аулов, не считая отдельных домов, было сожжено, князь Айдамир совершенно разорен, его имение уничтожено, не пощадили и хлеб на корню.

Ноябрь. Около 5000 бесленеевцев, темиргоевцев, наурузовцев, абадзехов, махосевцев, малой абазы, бжедухов, шапсугам, убыхов, баракаевцев и хатукаевцев ночью 2 ноября напали на селение Каменнобродское у р. Кубани. Селение было захвачено ими врасплох и разгромлено. Черкесы сожгли в нем 35 домов, перерезали в церкви «массу населения», взяли в плен до 200 душ обоего пола и угнали 5000 голов скота. В ответ отряды генерала Булгакова и майора Данилевского произвели «жестокую репрессалию», на протяжении 14 верст преследовали горцев. От пушечной картечи погибло до 500 черкесов, много было утонувшими и ранеными. Одних только черкесских князей и дворян было убито 55 чел. Потери русских войск: 11 убитых, 18 раненых.

1810 г., февраль-апрель. В ответ на нападение 3000 горцев на Ольгинский кордон (убито 146 казаков, в том числе полковник Тиховский), атаман Бурсак «горел нетерпением отомстить черкесам за их набеги». 17 февраля был направлен отряд в земли черченеевцев и абадзехов на р. Суп. Черкесы были застигнуты врасплох и не успели даже вооружиться. На этот раз и казаки, по свидетельству очевидцев, выказали чрезвычайную жестокость. Они жгли все и убивали всех без различия пола и возраста – мужчин, женщин и детей (! – **Авт.**) Казаки произвели полное опустошение, сожгли аулы, хлеб, сено и имущество. Часть имущества – медную посуду, ткани, оружие, они захватили с собой и угнали до 100 лошадей, 3000 голов крупного рогатого скота и столько же овец.

Комментарии к этому тяжелейшему, кровавому, позорному документу излишни. Хотелось бы лишь провести некоторые параллели. В одном из обращений гитлеровского командования к своим солдатам говорилось: «...У тебя нет сердца и нервов, – на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай; этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки». Стоит заменить в этой выдержке слова: «русского, советского» на черкесов или «хищников» (как их называли «цивилизованные» царские историографы), – и жестокие деяния Ермолова, Власова, Бурсака, Засса не будут ничем отличаться от людоеда Гитлера. Как призывали библейские пророки: «...Убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте. А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых у себя» (Числа, 31; 15-18). У Плутарха (46-126 гг. н. э.) есть свое мнение по отношению к таким «героям»: «Нет зверя свирепее человека, совмещающего в себе дурные страсти и власть». Эту же мысль в стихотворной форме изложил и М. Лермонтов в поэме «Измаил-Бей»:

Горят аулы, нет у них защиты.
Врагом сыны отчества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.

Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей

Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал,
Отпрянул русский – захрипел и пал!

«Отмсти, товарищ!» – и в одно мгновенье
(Достойное за смерть убийцы мщение)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит – черкесской вольности костер!

Март. Во второй раз Бурсак выступил за Кубань в районе Елизаветинского кордона 10 марта 1810 г. С ним было 12 казачьих полков, 2 роты егерей и 6 орудий. Один из отрядов возглавлял полковник Кобиняк, другой старшина Дубонос. Казаки напали на аулы; между р. Иль и р. Зерки все было разрушено и уничтожено. Одних убитых пушечным огнем сами черкесы насчитали до 500 чел. Войска забрали много оружия и домашних вещей, взяли в плен 45 черкесов и угнали 40 лошадей и 80 голов рогатого скота.

Апрель. Этот месяц отмечен жестокой карательной экспедицией генералов Булгакова Дельпоццо (Дельноцо) которая «страшно разорила Кабарду». В частности, С.А. Булгаков, введя войска в Кабарду, производил «поиски по разным горам и ущельям, по рекам Баксану, Чегему, Шалущке и Нальчику» и, не найдя никого из желающих переселиться за Линию, «решил наказать всю Кабарду силою оружия», хотя, по словам А.П. Тормасова, эту экспедицию он «позволил единственно для того только, чтобы переселить 2000 семей черного народа». В конце апреля 1810 г. карательный отряд Булгакова соединился с войсками генерал-майора Дельпоццо. 30 апреля 1810 г. генерал Булгаков рапортовал из лагеря на реке Черек: «Вооруженное их (кабардинцев) собрание более 2000 человек конных и столько же, как слышно пеших, с помощью балкарцев держащееся в двух укрепленных ущельях при подошве снежных гор, мною заперто» (Барзbieв М.И., 2005. Вып. II; Бубенок О.Б., 2006. Вып. IV. С. 19).

В общей сложности разгрому подверглось 200 аулов; по некоторым источникам, погибли десятки тысяч человек. 30 апреля 1810 г. в своем рапорте главнокомандующему Тормасову генерал Булгаков доносил: «*Кабардинский народ доселе никогда такой чувствительной не имел потери* и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски, и что они, потеряв много имущества, которое сожжено с двумястами селений, не начнут неблагонамеренных действий противу границ линии Кавказской». Результаты экспедиции в журнале Комитета министра были отмечены как «чувствительное наказание горских народов и кабардинцев». Однако выражалось сомнение в том, что они окончательно усмирены. Как указывалось в том журнале, жители «...деревень, будучи лишены всех жизненных способов», следуя почитаемому ими священному закону мести, должны были возобновить борьбу.

Представители кабардинского общества обратились к центральным властям со следующей жалобой на генерала С.А. Булгакова:

Покорнейшее прошение

высочайшему и превосходительному господину генерал-майору и разных орденов кавалеру
Николаю Ивановичу [Вердеревскому] от всего кабардинского общества князей, узденей,
эфендиев и хаджиев (1810 г.)

Известились мы, ниженаименованный: что Его Императорского величества Всепресветлейший державнейший и всемиловитейший великий покровитель вселенной государь прислал от себя уполномоченную особу с тем, дабы взошел и рассмотрел все народные нужды и состояния, по поводу сего, мы, народ кабардинский, будучи подданными Его величества, осмелились изъяснить Ваше превосходительству на письме о нуждах их, которое покорнейше просим милостиво принять и благосклонно вникнуть в подробности, и если угодно вопрос и в чем оно значит, то состоит в следующем:

Мы, народ кабардинский, издревле отцы и прадеды наши всегда были под покровительством и властью престола российского; ныне главнокомандующий в Грузии и милостивый г-н генерал-аншеф кавалер Александр Петрович Тормозов повелел находящемуся здесь г-ну генерал-аншефу и кавалеру Сергею Александровичу Булгакову, он (...) объявил высокопочтенному родственнику нашему князю Измаилу Атажукову, чтоб мы слушались и приняли б его наставление, который добавил нам сведение, подтверждал и внушал нам, дабы мы, яко древние России приверженные, старались елико можно быть верными усердными, что послужит общему нашему благу, и воспользуемся монаршей милостью, свободно будем получать для жизненности нашей соль и разные товары, а молодых и глупых людей от шалостей удерживали, что тщательно старались делать во время сего нашего действия по внушению князя Измаила Атажукова...

Ныне текущего 1810 г. генерал-аншеф кавалер Булгаков, собрав сильные и высокочластные войска его императорского величества, внезапно учинил на нас нападение, истребил огнем наши дома, имущество разграбил, скот отнял, людей побил, а что именно: ...6150 рогатой скотины; 515 лошадей, 125 буйволов, 44 015 овец, 6310 пуд. медной посуды, 5895 пуд. меду, 52 панциря, 180 ружей, 300 шашек, 145 сабель, 2900 серебряной монеты, на 5800 разного товару по цене серебряной монеты, 1420 ароб проса; *убито Куденетовой и Танбиевой фамилии узденей и протчи 31 чел., пожжено домов – 9585, панцирных шашаков – 31, мечетей – 111, хуторов – 1000, в плен взято 41 чел.,* сверх того, много захвачено нарукавников панцирни и разного имущества, коего счесть не можно, а что все сие показано поистине, покорнейше просим не сомневаться, за тем еще похищенное чеченцами, абазинцами и казаками взыскал с нас 1000 лошадей и рогатой скотины 500; почему остались наги и без пропитания; ибо нашествие таковое учинил он во время весенней пахоты, хотя уже убедительно умоляли его, так как подданные его Императорского величества всемиловитейшего государя, чтоб сделал нам пощаду, допустил бы пахать землю и не разорил бы и не посрамил бы, но ничего во уважение не приме, а потому, видимо, вскоре от голоду люди наши будут помирать...» (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

Примечательно, что на этот раз действия русских войск в Кабарде не получили одобрения в Петербурге. 24 августа 1810 г. военный министр Барклай де Толли писал А.П. Тормасову: «Разные дошедшие слухи подают повод к суждению, что в средствах, предпринятых к усмирению мятежников, г-н *Булгаков употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечности перешел границы своей обязанности*. Если верить известиям, то экспедиция против кабардинцев и закубанцев состояла в *совершенном разграблении и сожжении их жилищ*; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависть их, и вообще обращение его с соседними сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том крае спокойствия» (Кажаров В.Х., 2006. Вып. IV. С. 261). Как следствие, начальник Кавказской линии Булгаков в 1810 г. был освобожден от должности. В том же году был вынужден сменить должность главного пристава Кабарды на пост начальника Владикавказской крепости и генерал-майор Дельпоццо, во многом способствовавший подготовке и осуществлению кровавой экспедиции (Бейтуганов С.Н. (2007).

12 сентября. Партия горцев 200 чел. пробралась на хутора близ Елизаветинского кордона, взяла в плен 5 мужчин и 1 женщину с мальчиком, убила казака с женою и тремя детьми, захватила 20 лошадей и 250 голов рогатого скота. В ответ Бурсак с отрядом из 12 конных и пеших казачьих полков, 2 полков регулярного войска, 3 батальонов егерей при 10 орудиях выступил за Кубань. К утру они подошли к абазинским аулам и начали разорять их, как противников приверженного России князя Алкаса. Аулы по р. Чубу были разрушены, хлеб и сено сожжены.

14 декабря. В рапорте Бурсаку подполковник Еремеев сообщил, что у шапсугов отбито до 400 голов скота и более 3000 овец. 21 декабря 1810 г. был сожжен аул и черкесы из него вытеснены. 22 декабря отряд сжег по пути «немалое количество жилищ, имений, хлеба и сена», 24 декабря колонна вновь напала на большие аулы.

В декабре этого же года полковник Рудзевич с отрядом пошел разорять турецкую крепость Суджук-кале (Новороссийск). Как отмечал очевидец, «...черкесы дорожили этим местом не меньше турок, потому что здесь они получали оружие, боеприпасы, деньги и хлеб; здесь они продавали своих дочерей и невольников. В этом именно и лежала причина, почему шапсуги и натухайцы, земли которых прилегали к Суджукской крепости, так крепко встали на ее защиту. Полковник Рудзевич разбил их скопища наголову и 24 декабря захватил и разорил Суджук-Кале до основания. Экспедиция эта имела последствием, что все племена, обитавшие по северо-восточному берегу Черного моря, изъявили покорность. Рудзевич получил за нее чин генерал-майора и орден св.Георгия 3-й степени».

1811 г., январь. Два отряда, под командой атамана Бурсака и полковника Рудзевича направлены были в земли шапсугов и натухайцев. Захвачено до 100 голов рогатого скота. Особенно отличился полковник Лысенко, разбивший шапсугов и сжегший несколько аулов. На р. Антхир казаки и егеря сожгли и разорили еще несколько аулов. Как писал В.А. Потто, «...погромы Бурсака и сейчас остались в памяти горцев. За отличие в боях его произвели в генерал-майоры».

1813 г., 8 сентября. «Большая партия горцев перешла р. Кубань близ Невинномысского укрепления и соединилась с 2000 «ногайских семейств». Отряд под начальством генерала Портягина завязал бой, длившийся 6 часов. До 1 миллиона (!) голов разного скота досталось в добычу русским» (Потто В.А., 1885).

24 октября. «Чтобы предупредить «...новое нашествие черкесских полчищ, генерал Портягин с отрядом двинулся к Лабе. Но горцы их опередили, окруживши огромным полчищем в 12 000 чел. Отряд Портягина по выбору расстреливал, рубил или колол разрозненные части огромной толпы. До 1800 убитых и раненых черкесов заплатились жизнью» (Потто В.А., 1885).

1818 г., май. Генерал А.П. Ермолов был назначен командующим русскими войсками на Кавказе. Первая акция Ермолова, направленная против Кабарды, заключалась в сожжении Трамова аула близ горы Бештау в мае 1818 г. Это кабардинское селение считалось одним из «мирных» аулов, вместе с тем наносивших «ощутительный вред» военным поселениям, поскольку «хищники в нем находили себе приют» (Кажаров В.Х., 2006. Вып. IV. С. 267; Бейтуганов С.Н., 2007).

Как сообщают источники, в ночь на 4 мая войска генерала Ермолова и генерала Дельпоццо окружили вольный Трамов аул – «это гнездо разбоев и вечной чумы в Кабарде». Жителям (женщинам и детям) приказали удалиться. Вскоре он зажжен был с четырех сторон, стада и табуны пошли на «удовлетворение жителей Кавказской линии», а имущество полностью разграблено. О подобных эпизодах библейские пророки писали так: «...Воины грабили каждый для себя» (Числа, 31; 53).

О некоторых подробностях разорения аула свидетельствует сам Ермолов: «...По приказанию моему разрушен до основания, взято до 2 тыс. лошадей и весь скот». «...На этот раз, – писал генерал Ермолов кабардинцам, – ограничиваюсь этим; на будущее же время не дам никакой пощады уличенным разбойникам: деревни их будут истреблены, имущество взято, жены и дети (!) вырезаны» («Утверждение...», 1904, Т.3. Ч. 2. С. 23; «История многовекового...», 2007).

1820 г., сентябрь-октябрь. Майор Тарановский из г. Урмия докладывал: «В 1820 г. в сентябре или октябре месяцах бывший тогда кордонный командир полковник Подпратов, ...выступил с отрядом войск за Малок в Большую Кабарду к наказанию непокорных российскому правительству. ...Приближаясь к кошам, зашел (стал, начал. – Авт.) собирать с оных скот... Скота действительно рогатого было ...малое число; баранов большое коли-

чество, коего я не поверял, да и время не было... Сколько при том случае побито кабардинцев, осмелившихся вооружиться равно и не побитых при том случае ...не припомню. А сам никого и никому умерщвлять не приказывал, кроме что вынужден к тому был, в чем кабардинцы были сами виною» (Бейтуганов С.Н., 2007).

1821 г., осень. Большое количество шапсугских всадников ворвались ночью в пределы черноморских казаков у Черноерковских хуторов. Генерал Власов, собрав 600 конных казаков и 65 пеших, под командованием старшины Журавля и есаула Залесского, приготовился встретить неприятеля. Как отмечают очевидцы, «... гром пушек раздался во всех частях распорядительного генерала, и маяки (т. е. костры или стога сена. – Авт.) запылали яркими огненными столбами. Это было совершенно ново для шапсугов, и они оробели, смешались. Густые массы двинулись и сбившись в темноте с дороги, вошли в Калаусский лиман, по обширности своей непроходимый, и стали тонуть в нем». По сообщению В.А. Потто (1885), «...сами шапсуги считают утонувшими в лимане более 20 знатнейших князей и 1200 всадников, не считая погибших на суше. При этом потери русских были незначительные: 5 погибло, 14 ранено.

Ноябрь-декабрь. «Для устрашения кабардинцев и частичного обуздания их нападений на Линию» генерал Ермолов решил нанести превентивный удар по их тылам. 28 ноября 1821 г. он приказал генерал-майору Сталю «составить отряд из 1000 человек пехоты и 4 орудий артиллерии» и 200 линейных казаков с одним конным орудием. Командование отрядом было поручено подполковнику Коцареву (в других источниках встречаются варианты: Коцырев, Кацарев, Кацырев. – Авт.). Генерал Ермолов следующим образом уточнил его задачу: «Начальнику отряда поставить *главнейшей целью не сражения или сшибки с кабардинцами, но лишение их стад и табунов, которых они, конечно, укрыть не смогут*». При этом генерал-майору Сталю предписывалось «оказывать великодушие черному народу». «Если черный народ, – указывал Ермолов, – пожелает переселиться, то отвести ему места на р. Малке и по левому берегу Терека в приближении его к Малке, на местах, прежде принадлежащих Кучуку Джанхотову. Переселяющемуся народу объявлять свободу и независимость от владельцев и одну власть над ними императора» (Кажаров В.Х., 2006. Вып. IV. С. 266-267).

В первую очередь, генерал Сталь решил наказать абазинские аулы на р. Куме, служившие «вечным приетоном» для закубанских горцев. Обречены были на гибель три наиболее населенных аула: Махуков, Хохандуков и Бибердов. Первый такой удар по ним был нанесен отрядом штабс-капитана Токаревского. Проникнув в горы и истребив сторожевой пикет кабардинцев, он отогнал большое стадо крупного рогатого скота. В захвате аулов принимали участие отряды капитана Вирзилина, ротмистра Якубовича, под общей командой майора Курилы. Сотни есаула Лучкина и хорунжего Старожилова первыми ворвались в аулы. Все, что захвачено вне домов, было изрублено. Захвачено до 1000 голов лошадей и крупного рогатого скота и 149 чел. пленных. Когда казаки возвращались с добычей, кабардинская конница во главе с князем Арслан-беком Биарслановым пыталась задержать отряд, но безуспешно («Утверждение...», 1904, Т.3. Ч. 2. С. 360-361).

1822 г., январь. 1 января генерал Ермолов приказывает Коцареву, подполковнику артиллерии, «офицеру расторопному и деятельному», «...вступить в Кабарду и стараться наносить возможный вред хищникам. Однако Коцарев, при всем своем милосердии, не достиг поставленной перед ним цели – по малочисленности войск», что вызвало недовольство Ермолова. Тем не менее, в январе отряд Коцарева (1200 штыков, 4 орудия) истребил Боруковские аулы, принадлежащие Кучуку Джанхотову, а также аулы Баташева и Анзорова, 30 чел. убито, 12 – взято в плен. Отряд пошел дальше, предавая огню и опустошению лежащие по пути аулы.

Выдержка из послужного списка капитана Н. Наттера о карательных акциях в январе-апреле, проведенных им в Большой Кабарде: «...Генваря 2,4-10 участвовал при разбитии аулов Али Мурзы Коголкава, Анзорова, Докшукова, Созрокова; февраля 16,19 и 20-го – при истреблении аулов Дженсиоха, Ашабова и Седакова; марта 11,12 и 13-го – при истреблении аулов в Баксанском ущелье Хутатова и Кочасовых; 14-20, 25-28 – при истреблении хищнических аулов и кутанов в Чегемском ущелье, аула Дугуллюки Тамбиева; апреля 1, 4 и 17-го – в разных движениях на реках Чегеме, Нальчике, Машкике, Кишпеке и по вершинам Черных гор и ущельев».

3 февраля. Генерал Власов решил не щадить черкесов и за мелкие набеги. С легким отрядом он прошел по рекам Пшециз, Кун и Богундыр, по землям шапсугов, захватив до 700 голов рогатого скота, 400 овец. В «деле» участвовали также отряды полковника Бескровного, полковника Табанца и подполковника Кундрюцкого. Всего же во время этой и подобных экспедиций в 1822 г. только войсками генерала Власова за Кубанью было сожжено 17 черкесских аулов и 119 хуторов, угнано несколько тысяч голов скота, уничтожены посевы.

19 февраля. Отряд полковника Коцарева по приказу генерала Сталя за р. Гунделеном истребил кабардинский аул узденя Мансоха, а 20 февраля в ущелье Табашин после ожесточенного сражения истребил 2 аула, принадлежащих Мисостовым и Атажукиным. 11 марта, направляясь к горам, Коцарев истребил «до основания» 5 больших аулов, не считая хуторов и кошей. Несмотря на неравенство сил, кабардинцы умело защищали каждый населенный пункт. Аул «...владельцев Касаевых защищался настолько упорно, что раздраженные солдаты переклоли в нем всех, не успевших скрыться, – и мужчин, и женщин» («История многовекового...», 2007. С. 158-159).

Март. В конце марта 1822 г. Коцырев в низовьях Чегемского ущелья уничтожает аулы Тамбиева. В начале апреля им были заняты кабардинские аулы по р. Хеу, в верховьях и среднем течении Нальчика – Тлостанаково, Выково, Токуланово, Махуково, Клишпицево и др. Кабардинцы просили Коцарева дать им возможность собраться для принятия окончательного решения по вопросу переселения на плоскость. Но с

Коцаревым договориться не удалось; он неожиданно напал на аул Каспулата Кильчукина, где происходила встреча кабардинских депутатов, и уничтожил его. При этом отряд Коцарева потерял убитыми 10 чел. («История многовекового...», 2007. С. 158-159).

В результате карательных акций царских войск зимой 1821/22 г. и в начале весны были уничтожены полностью десятки кабардинских и абазинских аулов (Махуков, Хагундоков, Бибердов и др.), имущество их жителей разграблено и сожжено; огромные стада крупного рогатого скота, табуны лошадей и отары овец конфискованы; хлеб, фураж, забран для войск. Судьба пленных также была незавидна, о чем можно судить по одному из приказов Коцарева: «Годных на службу отобрать и немедленно отправить, менее годных назначить на крепостную работу; жен и детей разменять на наших пленных; тех, кои за разменом оставаться будут, отдать казакам в услуги...» («История многовекового...», 2007).

2 апреля. Полковник Коцарев истребил кабардинские аулы Шаупцова и Кондорова на р. Нальчик. 4 апреля истреблен аул Каспулата Канчукова, при этом ранены оба сына князя Арслан-бека Бесленеева – Тембот и Адыг, причем последний смертельно. В этот же день по приказу генерала Сталя полковник Победный с 700 казаками захватил в районе Каменного моста в верховьях Кубани принадлежавший абазинцам огромный конский табун и отару овец 6000 голов. 17 апреля полковник Коцарев разорил кабардинский аул Аджи Тамбеева на р. Кешпек. Человек 20 горцев, захваченных в нем, заперлись в сакле, объявив, что будут драться насмерть. Озлобленные солдаты ринулись на приступ, ворвались и истребили всех без пощады. 18 трупов, вытасненных из сакли, были так обезображены, что бывшие в отряде мирные кабардинцы не могли узнать ни одного из них.

22 мая. Из рапорта генерала Ермолова: «...В Екатеринограде собрал я отряд войск и 22 мая (1822 г. – Авт.) вступил в Кабарду», где приступил к строительству нового ряда укреплений...в самом сердце Кабарды: на Тереке, Нальчике, Чегеме, Баксане и в верховьях Малки – «у Каменного моста, где лучшие проходят за Кубань дороги» (Бейтуганов С.Н. (2007). 28 мая, по приказанию генерала Ермолова, отряд артиллерийского офицера Ю.П. Коцарева вступил в сражение с жителями аула кабардинского князя Таусултана Атажукина; селение было уничтожено, урусбиевцы изгнаны (Барзбиев М.И., 2005. Вып. II). 22 июля 1822 г. военная экспедиция Ермолова была завершена. Делясь впечатлениями о своих «деяниях» по уничтожению кабардинцев, А.П. Ермолов писал А.В. Казадаеву: «Недели две как возвратился из Кабарды, которую прошел два раза с храбрыми моими легионами. Наказал своевольных и дерзких...» («История многовекового...», 2007. С. 179).

20 ноября. Уже после отъезда генерала Ермолова в Тифлис командующий войсками в Кабарде Коцарев провел еще одну карательную экспедицию. Узнав из донесения, что «в верховьях Чегемского ущелья скрываются семейства беглых кабардинцев», он 20 ноября 1822 г. направил туда войска, и «все, что осмелилось сопротивляться, было истреблено... Все имущество и стада их составили военную добычу: жилища, запасы хлеба и сена были сожжены» («История многовекового...», 2007. С. 179, 602).

Декабрь. Как видно из донесения подполковника Тихоцкого генералу Сталю от 31 декабря 1822 г., карательный отряд (733 чел. пехоты и 553 чел. конницы) был послан для разорения аула Дударукова. Аул был обложен русскими войсками и сожжен, взято в плен 66 чел. населения. А всего в 1822 г. царскими войсками было сожжено 126 аулов (Кушхабиев А.В., 2007. С. 31).

1823 г., апрель. Источники сообщают: «Отряд Вельяминова (3 батальона пехоты, Кубанский и Кавказский полки, 18 орудий пешей и конной артиллерии) переправился у Прочного Окопа для захвата «беглых кабардинских аулов» за Лабой. Отряд полковника Фёдора Бековича-Черкасского послали разведать их местоположение. За Лабой он обнаружил укрепленный аул «беглого» кабардинского князя Али Карамурзина. Аул был сожжён, его население погибло в огне (только знатных узденей – 68 человек). Всего у кабардинцев погибло более 1000 человек, в плен взято 139 «душ», захвачено до 4000 голов скота и лошадей. Потери русского отряда – 3 раненых казака, из них 2 – смертельно» (Скиба К.В., 2005; Епифанцев А.А. 2010. С. 158-159).

Май. 14 мая, во время набега черкесы буквально разгромили селение Круглолесское. Огромная партия их напала врасплох на мирных жителей, взято в плен 146 мужчин и 199 женщин, убито 41 мужчин и 9 женщин, ранено 41 чел., угнано 868 голов рогатого скота и 522 лошадей. Генерал Вельяминов решил наказать прежде всего ногайцев, участвовавших в набеге, а также черкесов («черкесы нуждались в хорошем уроке», по словам Вельяминова). Объединенный отряд под руководством капитана Якубовича, сотника Гречишкина, майора Степановского, капитана Ильинского и подполковника Урнижевского (1558 солдат и 823 казаков, с 25 орудиями) 8 июня перешел р. Кубань в районе ст. Баталпашинской. Захвачены аулы ногайских князей Науруза Уракова и Мусы Таганова, первый взят в плен. На Большом Зеленчуке захвачены 5 ногайских аулов, в плен взят «цвет ногайской аристократии»: князь Алакай Мансуров со своей семьей, состоящей из 8 чел.; малолетний князь Магомет Нургадынов со своей матерью, князь Измаил Кирым-Гиреев, – родной брат князя Бай-Мурзы и, наконец, княгиня Карачачь с 2 детьми. На помощь ногайцам пришли беглые кабардинцы, башильбаевцы, бесленеевцы и абазины, а также абадзехи во главе с Измаилом Атуковым. Но нападение горцев не увенчалось успехом, ранены были их «главнейшие вожди»: Измаил Атуков, Карамурзин и Мамбетов. Русский отряд захватил в общей сложности 1467 пленных, 5500 голов крупного рогатого скота, 2000 овец, одежду, оружие.

Июнь. С таким же карательными целями был направлен и отряд полковника Коцарева против черкесских аулов, расположенных по р. Зеленчукам. 20 июня перед рассветом солдаты внезапно напали на аулы

Клычева и Дударуковых. Аулы были окружены со всех сторон. Как писали очевидцы, «...полураздетые и забывшие впопыхах оружие черкесы выскакивали из саклей и бежали в лес. Рев встревоженных животных и лай собак усиливали общую сумятицу. Настоящего сражения, в котором противники боролись бы грудь с грудью, – не было, Русские, пользуясь выгодами своего положения, могли свободно расстреливать бежавших черкесов. На месте осталось до 200 трупов. Много населения, особенно малолетних и детей, утонуло в Зеленчуке. В плен взято 370 чел., захвачено 600 лошадей, 1200 голов рогатого скота, 7000 овец. Разгром аулов был полный и не менее жестокий, чем разорение ногайцами и черкесами казачьего Круглолесского селения».

Июль. Царские войска устраивают «репрессалии» за набег Джембулата. Войска вновь перешли Кубань, вышли к р. Б. Зеленчук и захватили врасплох 5 ногайских аулов. В плену оказались 3 князя с семьями и родственниками, много «простого народа». 2 июля отряд, с большим числом пленных и скота, пошёл обратно. На помощь ногайцам прибыло около 1000 «беглых кабардинцев», бесленеевцев, абазин и абадзехов. Русские войска разбили их у Усть-Тохтамышского поста. Итог экспедиции – горцы потеряли много убитыми и ранеными, попало в плен 1467 чел., взято около 5500 голов рогатого скота, 2000 овец. Мужчин отправили в Георгиевск на казённые работы, а стариков, женщин, детей раздали по станицам и селам. Официальные потери русского отряда – убиты 1 солдат и 2 казака, 2 навагинца утонули, ранены 1 солдат и 8 казаков» (Скиба К.В., 2005; Епифанцев А.А. 2010. С. 158-159).

Сентябрь. В конце сентября отряд, состоявший из 3000 чел. и 16 орудий под командованием генерала Вельяминова пошел на Чамлык и Лабу. Казаки майора Верзилина и капитана Якубовича окружили три аула. Это были ногайцы, прогнанные с Зеленчука и только что начинавшие устраивать свои новые поселения на Лабе по указанию своего владельца Эдиге Мансурова. Аулы были захвачены совершенно врасплох. *Из жителей не спаслось почти ни одного: 300 чел. были вырезаны, 566 душ взято в плен, захвачено 2000 голов скота.* «Непомерная потеря неприятеля, – писал генерал Ермолов, – произошла от того, что казаки застали на рассвете жителей спящими». В числе пленных были: малолетний князь Шабан-Гирей, дочь князя Камукая Мансурова и 2 сестры князя Салибея, а также сын султана Менгли-Гирея, генерала русской службы, отданный на воспитание закубанцам; тяжело ранен князь Измаил Касаев. При этом потери казаков составили всего 8 чел.

22 ноября. Нападения горцев, как пишет В.А. Потто (1885), – вынудили генерала Власова ответить на них опустошением самих черкесских земель. Главной целью похода было показать шапсугам и абадзехам, что их разбой не останутся безнаказанными. Но земли этих народов были отделены от русских границ владениями народа хамышейского. Особенно враждебен был русским хамышейский князь Нагай Крым-Гирей. Его аул был сожжен казаками.

15 декабря. Как отмечают очевидцы, «...генерал Власов с 1000 конных и 1000 пеших казаков, с 4 орудиями пошел жечь шапсугские аулы, впереди шел с отрядом полковник Табанец. И вот большой аул на р. Азыпс и 30 прилежавших к нему хуторов по р. Хаблю запылали разом, брошенное имущество проворно перемещалось в казацкие сумки, скот захватывался». Потери русских: 4 офицера, 27 казаков.

1824 г., январь. 10 января полковник Коцарев со своим отрядом (2357 человек пехоты, 950 линейцев, 14 орудий) перешел р. Кубань в районе Усть-Лабинской крепости, чтобы остановить передвижение жителей аулов князя Мисоста Айтеко. Но Джембулат Айтеков успел увести принадлежавшие ему 6 аулов; они оказались пустыми. «...Тогда раздосадованный Коцарев повернул с казаками к бжедугам (кстати, не имевших никакого отношения к первоначальной цели похода) и на них, что называется, сорвал свое сердце. Аулы их были разгромлены. Ротмистр Шахов с казаками понесся на обозы бежавших женщин, детей и стариков, капитан Якубович ударил на прикрытие, майор Дадымов скакал наперерез. Из огромного обоза только 150 чел. стариков, женщин и детей было захвачено в плен; все остальные, пытавшиеся сопротивляться, были перебиты или потоплены. 5 бжедугских старшин заплатили жизнью за свою отвагу. 14 января Коцарев вернулся с пленными, захватив также 1000 голов скота. Император Александр I, узнав об экспедиции, остался весьма недоволен кровавым эпизодом и объявил Коцареву выговор» (Скиба К.В., 2005; Епифанцев А.А. 2010. С. 158-159).

28 января. Генерал Власов с отрядом ходил на абадзехов. «Хотя черкесы держали себя сдержанной и тише, но Власов продолжал их карать за прошлое».

31 января. Горцы напали на коши в Сенгилеевской балке, 4-х казаков изрубили, 4-х ранили, 7 чел. взяли в плен. Полковник Коцарев решил отомстить. 3 февраля пошел с войсками на р. Чамлык. В темирговском ауле Мишхион Коцарев не оставил камня на камне. Та же участь постигла и соседний аул. Потери горцев были огромны, кроме того, 250 чел. взяты в плен, отбито 2000 скота.

5 февраля. Власов громил аулы Джамбора, Аслан-мурзы и Цап-Дедека. Как пишут очевидцы (вернее, соучастники этих «деяний»), «...он на рассвете осторожно подошел к аулам, поджег их и начал истреблять население. Охвативший черкесов страх был так велик, что они не пробовали даже сопротивляться. Взято в плен 143 чел., захвачено 700 голов крупного рогатого скота, 100 лошадей, 1000 овец. Обратной дорогой разорены два аула хамышеевцев. По справедливости редкая приверженность (России. – Авт.) натухайцев не спасла их от ужасного бедствия, постигшего их, когда значительный отряд черноморских казаков ворвался неожиданно в их жилища, разорил все и увлек с собою, что не подверглось истреблению».

Июнь. Летом полковник Коцарев и подполковник Волжинский громили аулы между Лабой и Зеленчуками. 14 мая Волжинским разгромлены 2 бесленеевских аула в верховьях Тегеней, захвачено 250 лоша-

дей, 350 голов крупного рогатого скота, 1000 баранов. Затем, 18 июня с помощью проводника-предателя абазинского князя Данбек-Лова захвачены в долине М.Зеленчука абазинские аулы Клычева и князей Дударуковых. Аулы сожгли, 200 чел. убито, 370 взято в плен, многие погибли при спешной переправе через речку; особенно много гибло детей. В.А. Потто, упоминая об этом событии, отмечал, что среди множества убитых в этой битве горцев находились тела молодого сына князя Магомета Атажукина и карачаевского старшины Кубиева (Хубиева. – Авт.). (Баразбиев М.И., 2005. Вып. II). Захвачено 600 лошадей, 1200 голов крупного рогатого скота, 10000 овец. Потери русских: 2 чел. убито, 5 ранено.

5 августа. Полковник Коцарев и майор Пирятинский со своим отрядом громили абазинские аулы Джантемирова в верховьях Зеленчука. Аулы сожгли, поля вытоптали. «Все, что оказало сопротивление, погибло, а 39 душ взято в плен». О результатах летней «репрессалии» сообщал в своих мемуарах генерал А.П. Ермолов: «В течение лета войска наши за Кубанью имели повсюду весьма счастливые успехи. Полковник Коцарев преследовал укрывшихся там беглых кабардинцев. Абазинцы, принявшие их, наиболее за то потерпели: селения их разорены, лошади и скот захвачены во множестве, в людях имели они урон необыкновенный. Страх распространен между соседственными народами».

1825 г., 1 апреля. Значительный отряд под командованием генерала Вельяминова, с 18 орудиями перешел через Кубань у Прочного Окопа. С ним был отряд полковника князя Ф. Бековича-Черкасского. Цель была – захватить аулы беглых кабардинцев князя Али Кара-Мурзина, «богачейшего и влиятельнейшего из кабардинских владетелей». Казаки Бековича-Черкасского захватили аул «совершенно врасплох». Начался беспощадный приступ, казаки зажгли дома – и население гибло в пламени. Командиром Кавказского полка Дадымовым был убит князь Али Кара-Мурзин. Увидев это, княгиня выскочила из дома, держа в руках мешок с 700 червонцами. Казаки «мгновенно выхватили золото», но ее оставили в живых. Другая женщина, жена убитого узденя, сама подожгла строения, окружавшие ее, и сгорела вместе с имуществом. Казаки захватили 4000 голов скота и лошадей, в плен взято только 139 душ, а все остальное население погибло или в бою, или в пламени. Казаки собрали и похоронили 570 трупов, но по свидетельству самих кабардинцев, одних убитых среди них было более 1000 чел. *«Никогда еще кабардинцы не терпели такого страшного опустошения»*, – заключает царский историограф В.А. Потто (Потто В.А., 1994; «История многовекового...», 2007).

Генерал Ермолов за разгром полковником Бековичем-Черкасским аула «беглых» кабардинцев представил его к награждению орденом, но император Александр I отказался утвердить представление к награде на князя Бековича, так обосновав свое решение: «Если распоряжения его к первоначальному нападению и заслуживают награды, – то, с другой стороны, он теряет право на нее тем, что благоразумно начатое дело было окончено совершенным истреблением более трехсот семейств, в коих, конечно, большая часть были женщины и дети, не принимавшие участие в защите». (Опрышко О.Л., 2007).

Июнь. 30 июня, близ урочища Майкоп происходит сражение между Херсонским полком во главе с полковником, князем Ф. Бековичем-Черкасским и «скопищами» абадзехов, которые совершали неоднократные нападения на полк для защиты своих посевов от их «истребителей.» Абадзехи терпят поражение.

16 августа. Войска генерала Вельяминова пошли на аул абадзехского старшины Аджи-Тляма, человека «замечательно богатого и храброго». Батарея из 10 орудий, по словам Ермолова, «растолковала неприятелю, что сие место сражения не довольно для него выгодно». На заре 18 августа запыхал «знаменитый в горах богатством и красотой строений аул Аджи-Тлямов». Три дня простоял отряд на месте, опустошая за р. Белой абадзехские земли. Когда истреблять на правом берегу р. Белой больше уже было нечего, Вельяминов возвратился в Майкопский стан, оставив позади себя длинный ряд сожженных аулов и вытопанные, опустошенные поля.

Октябрь. Генерал Власов через владения хамышейцев бросился на их аулы по р. Догай, впадающей в Шебже (Шебш). Полковник Табанец и полковник Перекрестов с конницей с двух сторон обошли аулы. «Власов приказал зажечь аулы с 4-х сторон, и пламя быстро охватило все сакли. К 9 часам утра казаки отошли от аулов, в которых слышались вопли людей и рев скота, погибавших в пламени». Истреблено в этот набег было 4 больших аула, но в плен взято только 4 старика и 7 женщин, остальные, как доносил Власов, «погорели в пламени».

Подводя итоги года, современник этих «репрессалий» так писал о карательных экспедициях за Кубань генерала Власова: «В продолжение всего почти 1825 г. отряды наши (царские) бороздили по Закубанскому краю, истребляя аулы враждебных горцев и запасы их. В пылавших селениях черкесы гибли целыми сотнями или от огня, и от оружия ожесточенных казаков; нередко женщины и дети, спасаясь от грозившей смерти, толпами попадались к нам в плен, или же предпочитая смерть плену, бросались в бурные горные реки. Кроме множества взятых в плен черкесов, большею частью в землях шапсугского и абадзехского племен, войска наши захватывали ценное имущество горцев, а стада их целыми тысячами угоняли в Черноморию» (Цит. по: Панеш А.Д., 1999).

Весьма «поэтично» описал этот этап Кавказской войны другой современник: «Война то тлела чуть заметно, то разгоралась в крупное зарево. Пылали черкесские аулы, хлеб и сено, угонялся скот и приносились в жертву военному Молоху человеческие жизни».

По подсчетам самих адыгов, только за 25 лет (1801-1825 гг.) в ходе перечисленных акций они потеряли 25 225 чел. убитыми и пленными; 50 000 лошадей, 60 000 голов крупного рогатого скота и 100 000 овец. (Для сравнения: потери царской армии за это время – 2 100 чел.).

1826 г., 13 февраля. Очевидцы свидетельствуют: «Горцы собирались прорваться на Кавказскую линию. Власов решил предупредить это нападение разорением черкесских аулов в районе Афипса. Казаки шли колоннами под руководством генерала Власова, есаула Ольхового, старшины Черного и полковника Стороженко. Рассеянные на большом протяжении горцы не могли остановить истребление, и с ужасом видели, как на огромном пространстве кругом горели их хутора, погибал скот, уничтожались запасы».

25 февраля. Выведенный из терпения захватом нутухайцами казачьих табунов, Власов решил жестоко наказать нутухайцев. 25 февраля 1826 г. в полночь отряд был на р. Псебепс и разделился. Отряды полковника Стороженко и полковника Табанца окружили аулы. Часть жителей была убита, а часть взяли в плен, другие, засев в домах, защищались упорно. Тогда Власов приказал зажечь аулы и истребить все «до основания». Сгорело 4 аула, забрано 2000 голов скота, в плен взято 46 чел., остальное население погибло или в огне, или от оружия. Но потом выяснилось, что в этом походе «ошибочно» были разорены аулы, принадлежавшие одному из мирных князей – Согат-Гирею Калабат-оглы. Тот подал жалобу, в результате чего Власова отстранили от командования Черноморским войском и предали суду. Свое «неудовольствие» действиями генерала высказал сам император: «...Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и подчиненных знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием».

1828 г., июль. 16 июля отряд полковника Широкова на р. Псинафе захватил у темиргоевцев 4000 овец. 31 августа. Генерал Антропов сделал набег из Прочного Окопа на земли башильбаевцев, чтобы отомстить за истребление с.Незлобного. Двое из старшин Аслан-Гирей и Аджи Хахандуков захвачены; последний был убит. Взято 75 пленных.

Август-сентябрь. Отряд полковника Бескровного двинулся в земли нутухайцев в составе 1267 казаков и 350 солдат. Истреблено 4 аула в урочище Унепыхорай, а 16 сентября 2 аула в урочище Уташ в балке Хан-Чокрак, взято в плен 23 черкеса, захвачено много скота.

8 сентября. Генерал Антропов пошел на аулы махошевцев между Лабой и Белой. Махошевцы, управляемые князьями Богортоко, были, по утверждению современников, «злейшими врагами русских». Убито 70 чел., 42 взято в плен, захвачено 8000 голов скота, поля сожжены и вытоптаны. 10 сентября 1828 г. Отряд майора Капивальского громил аулы Бибердова и Лова; князь Лов был убит.

Ноябрь-декабрь. За Кубань был двинут большой отряд под командованием генерала Эммануэля. В течение месяца отряд совершил с карательными целями ряд переходов. Три колонны русских войск совершили нападение на аулы беглых кабардинцев князей Хаджи-Мурза-бека Хамурзина и Кучук-Хаджи-Гирея. Аул Бесленевский аул Атажукино был оставлен жителями, но было захвачено 250 голов рогатого скота. Карательные экспедиции были совершены и против абадзехов. 23 ноября 1828 г. две колонны царских войск вторглись в их земли на р. Псефир. От жителей местных аулов потребовали выдачи аманатов, в чем было отказано. Тогда войска с применением оружия атаковали эти аулы и разгромили их (Панеш А.Д., 1999. С. 83).

«Разные части отряда, – пишет очевидец, – успели побывать на реках Зеленчуке, Урупе, Чамлыке, Тегенях, Ходзе, Лаббе, Фарсе, Псефире, Губсе, Гиаге, Белой, Курджипсе и имели дела с беглыми кабардинцами, ногайцами, бесленевцами, башилбаевцами, абадзехами, баракаевцами, махошевцами, темиргоевцами, егерухаевцами. Только за 4 дня, с 6 по 9 декабря 1828 г. у абадзехов по р. Курджипсу было истреблено 25 аулов с населением в 1348 дворов. Горцы понесли значительные потери убитыми и ранеными, но сколько именно человек, – осталось неизвестным».

Всего же в 1828 г. в Западной Черкесии было сожжено войскам генерала Эммануэля 210 аулов (Кушхабиев А.В., 2007. С. 31). «Абадзехи после этого были доведены до крайнего обнищания и вынуждены были обменивать на хлеб своих детей», – свидетельствует очевидец.

1829 г., июль. 21 июля для наказания черкесов за набеги на казачье население и Великолагерный меновой двор полковник Бескровный, с разрешения генерала Эммануэля, снарядил экспедицию на р. Иль, в урочище Берко, где были сосредоточены нутухайские жилища. Убито 62 черкеса, 70 ранено. Отряд сжег 17 хуторов, 300 стогов хлеба, 500 стогов сена, 4 пасеки. Потери русских войск: убит – 1, ранено 13 чел.

Август. Отряд казаков под началом командующего Хоперского полка полковника Капивальского «обрушился на Большой Зеленчук, дабы задать остротку горцам за их хищнические набеги».

Сентябрь. Подполковник Васмунд поручил сотнику Гречишкину с 56 казаками и 3 урядниками произвести поиски «неприятеля» между Кубанью и Лабой. Внезапно казаки были окружены 500 горцами, которыми командовал Джембулат Айтеков, кстати, кунак Гречишкина. «Произошла ужасная схватка. Живых и убитых казаков черкесы изрубили пашками и кинжалами с таким ожесточением, что впоследствии оказалось трудным сложить из отдельных частей трупы; головы, руки, ноги и другие части тел казаков и черкесов были смешаны в одну общую массу». Отряд казаков уничтожен весь, у горцев убито 84 и ранено 32 чел. В ответ на это «злодеяние» отряд генерала Антропова прошел по р. Белой и Лаббе. У главного виновника гибели казаков – Джембулата Айтекова было разорено 6 аулов, сожжено 10000 копен сена.

Экспедицией 18 сентября генерала Бескровного к абадзехам по рекам Суп, Илик, Униобат сожжено 200 стогов хлеба, 350 стогов сена, захвачено 259 овец и взят в плен один черкес. Под предлогом «проучить

темиргоевского князя Джембулата Болотокова», за один только 1829 г. царскими войсками генерала Эммануэля было истреблено 210 адыгских аулов (на территории современных Апшеронского, Белореченского, Мостовского районов Краснодарского края и Гиагинского, Майкопского, Кошехабльского районов Адыгеи). А другие, более 90 аулов, были разорены и насильственно выселены к болотам р. Кубани. Уничтожены запасы хлеба, захвачено огромное количество скота. Совершенно были разрушены царскими войсками абазинский Дударуков аул, а также Бибердов аул, часть жителей которого отведена в плен, остальные погибли. «Все хищнические аулы от Верхней Кубани до Курджипса понесли заслуженное наказание, – писал очевидец, – и теперь еще (1858 г.) закубанцы не могут забыть этого урока, данного им нашими войсками».

6.14.2. «Кавказская война – преступление против человечности»: документы свидетельствуют

*Ужасен лев в остервенении,
Ужасен тигра пыл когтей;
Но всех страшней в освирепении
Разнузданная страсть людей.*

И.Ф. Шиллер (1759-1805).

Легко вообразить себе уныние их (шапсугов, абадзехов и натухайцев) при виде пылающих селений своих, при истреблении огромных запасов заготовленного ими хлеба и сена. До 200 селений, со всеми запасами хлеба и сена, истреблены огнем.

Из статьи очевидца – русского офицера, во французском журнале (1831).

1830 г., 29 января. Генерал Бескровный двинулся против шапсугов на р. Дехач. С невероятной храбростью и ожесточением горцы во главе с Маамкиреем Цоко-Моко набросились на русский отряд. В ходе сражения черкесский предводитель был убит, а русский генерал ранен. Более 100 убитых и 200 раненых черкесы унесли с собой, 45 тел они не успели подобрать. Сожжен аул и 35 хуторов, 650 стогов хлеба и сена, захвачен скот. Потери русского отряда: убито 3 казака, ранено 34 чел.

10 октября. Осенью, когда урожай с полей был уже (адыгами) убран, «...имея поручение истреблять на пути своем жилища шапсугов и наносить им разорение огнем и мечом, колонна генерала Эммануэля опустошила долины рек Ажипса, Уби, Хапли; колонна же генерала Панкратьева – долину Антхыра». Очевидец, офицер русской армии, опубликовал по этому поводу статью во французском журнале: «Легко вообразить себе уныние их (шапсугов, абадзехов и натухайцев) при виде пылающих селений своих, при истреблении огромных запасов заготовленного ими хлеба и сена. До 200 селений, со всеми запасами хлеба и сена, истреблены огнем».

Ноябрь-декабрь. Для лучшего ознакомления с горной войной, в конце 1830 г. генерал-фельдмаршал граф Паскевич прибыл в Черноморию, сформировал возле Екатеринодара большой отряд и сам лично двинулся с войсками за Кубань, где прошел по земле черкесов до самого Черного моря, откуда возвратился опять в Черноморию. Ввиду большого числа войска черкесы не могли делать препятствий к проходу отряда Паскевича, но и покорности не изъявляли (Короленко П.П., 1893; «Кавказ и Российская империя...», 2005. С.105).

1831 г., 20-23 ноября. Как сообщают очевидцы, «...отряд генерала Флорова громил аулы абазинских князей Кечевых и кабардинского князя Хаджи-Хамурзина, взято в плен 360 горцев, утнано до 1000 голов скота».

1833 г., ноябрь. Чтобы предупредить нападение горцев, генерал Засс сам стал делать набег на Закубанскую сторону. Захвачена огромная отара овец с тремя пастухами на р. Малый Тегень. Окружен аул на р. Чамлык. Когда подошла артиллерия, Засс стал громить аул из пушек, и когда черкесы вынуждены были оставить сакли, солдаты и казаки бросились на них, почти всех убили, а разграбленный аул сожгли. Захвачено в плен 68 чел. В этом же месяце русским отрядом был взят аул бесленеевского князя Айтека Конокова. Было убито много людей. Во время отступления отряд подвергся нападению со стороны адыгов и понес значительные потери (Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

Декабрь. В первой половине декабря 1833 г. были уничтожены аулы князей Сидова и Ингебокова (Панеш А.Д., 1999. С. 86-87). 27 декабря, по приказанию Засса, подполковник Капивальский послал казаков на баран-коши Батыр-Гирея и Докшука Карамурзина чтобы они захватили пастухов. Из 20 черкесов 15 полегли насмерть и 5 спаслись бегством. Захвачено 1000 голов баранты.

1834 г., февраль. Генерал Засс продолжал набег в горы с целями устрашения горцев. Им был совершен целый ряд военных действий, «высоко поднявших и без того громкое имя Засса среди горцев и русских». В феврале отряд Засса, состоявший из 800 чел. конницы, 7 рот пехоты, 4 конных и 4 пеших орудий, из ст. Убеженской двинулся в земли махошевцев. Бжедуги, узнав об этом, решили помочь махошевцам и отправились в а. Тлабгай. В сражении аул был захвачен, 193 чел. было убито, взято в плен 71 чел., 300 голов рогатого скота и 80 лошадей. В неравном бою погиб бжедугский князь Жан (Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

23 марта. В ночь на 23 марта 1834 г. отряд полковника Засса из 980 чел. пехоты и 500 чел. конницы совершил поход против кизылбековцев. По пути был уничтожен аул кабардинского князя Шамова в верховьях Лабы. Захвачено 80 лошадей, убито 70 чел. Потери русских войск: 2 убито, 2 ранено (Панеш А.Д., 1999. С. 86-87).

15 июня. Засс с отрядом в 2300 чел. и 5 пушками разграбил 2 аула баракаевцев. Захвачено в плен 56 чел., убито 10 черкесов. Потери русских войск: 4 убито, 14 ранено. Затем Засс отправился в новый поход к Анзоровскому аулу, населенному абреками. Казаки забрали часть имущества, оставшегося в сакях, а аул сожгли.

Июль. Царскими войсками полковника Засса были сожжены шапсугские аулы, расположенные на р. Азипс (Афипс). При этом горцы оказали мужественное сопротивление, нанося казакам чувствительные удары (Кудаева С.Г., 2007).

Ноябрь. Как сказал Засс, «чтобы еще больше утратить горцев», – он решил взять Тамовский аул – гнездо самых отважных наездников. 4 ноября аул был взят приступом, сожжен, и под развалинами было погребено немало джигитов. В пламени погибли и жители, не успевшие скрыться в скалах, 24 чел. взято в плен. «...В сей поход, – гордо рапортовал Засс, – наши войска явили пример мужества, усердия и терпения».

6 декабря. Отряд из 1470 чел. пехоты и 811 конницы угнал за Кубанью 1500 овец и 100 голов крупного рогатого скота, сожжено много сена и баран-коши, принадлежавшие абадзехскому старшине Али Харцывову.

1835, февраль. В ночь на 11 февраля царские войска, возглавляемые Зассом, в составе 860 чел. конницы, соединившись на рассвете с пехотой в 721 чел., двинулись в земли убыхов в верховьях р. Чадаго, где паслись их стада баранов. Узнав об уничтожении имущества, горцы долго преследовали казаков и нанесли им большой урон (Панеш А.Д., 1999. Вып. 2).

1836, 25 января. Экспедиция в аулы абадзехов, расположенные на р. Пшиш, совершенная войсками командующего Кубанской линией генерал-майора Г.Х. Засса в отместку за набег горцев на казачью станицу, завершилась сожжением аула, гибелью в огне части населения и пленением оставшихся в живых. Как следует из рапорта Г.Х. Засса временному командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу Молиновскому от 31 января 1836 г., в экспедиции принимали участие и некоторые бжедугские князья и старшины: «они шли впереди отряда и показали примерное усердие и храбрость» (Цвижба Л.И., 2001).

Март. Произошли наиболее крупные столкновения абадзехов с отрядами Засса. В одном из боев погиб старшина (Едыдж) Дударов, пользовавшийся большим уважением в Абадзехии (Панеш А.Д., 1999. С. 87).

Сентябрь. Генерал Г.Х. Засс учинил жестокую расправу над аулом беглых кабардинцев на р. Псефир. В Закубанье были истреблены аулы Соут, Хойст, Хочелк, Лезерок, Тайлис. Одновременно, 12 сентября 1836 г., чтобы заставить горцев прекратить набеги на казачьи границы, генерал Завадовский с отрядом в 1210 чел. сжег шапсугский аул Хабль, взял в плен 6 чел. было угнано 146 голов крупного рогатого скота.

1834-1836 гг. О масштабах царских «репрессалий» можно судить по картографическому отчету о походах генералов Засса и Вельяминова в 1834, 1835, 1836 гг. Место действия – долины рек Абин, Убин, Шебш, Бакан, Атакуф, Хабль. На карте черным цветом отмечено около 200 уничтоженных черкесских аулов и еще порядка 70 еще не покоренных (РГВИА, Ф. ВУА, 846, оп. 16, д. 6732, л. 2; Цвижба Л.И., 2001; Хотко С.Х., 2008).

1837 г., апрель. Для наказания горцев за набеги был снаряжен за Кубань отряд из 1105 чел. пехоты, 510 конницы и 3-х взводов артиллерии. Отряд был направлен в абадзехские аулы по р. Суп и Илик. Быстро разорив аулы, двинулись обратно к Кубани. Убито у абадзехов 3 дворян и 36 чел. простого народа. Потери русских: 14 убитых и 7 ранено. В этом же году отрядом генерала Засса разгромлены аулы племени шегирей на Малой Лабе.

9 мая. В недавно опубликованном дневнике поручика Н.В. Симановского, принимавшего участие в экспедиции 1837 г. в западные районы Черкесии, говорится: «Вышедши из лесу, сожгли аул, находившийся на опушке, и пошли по дороге к Абину... Дорогой в долине р. Абин прелестные сады... Хлеба у них (черкесов) прекрасные, густые, и жито вышиною более 2-х аршин (1,4 м !?)» (Хотко С.Х., 2008. С.204).

26 июня. Рассказывая об одном из аулов в устье р. Пшады на Черноморском побережье, поручик Н.В. Симановский с сожалением пишет: «Аул их (мы) совсем разобрали для дров, а хлеб покосили для лошадей. Мне жаль было сегодня смотреть, какой овес и просо мы выкосили: сколько трудов стоило им вспахать, посеять и на сколько бы времени достало им хлеба» (Гордин Я.А., 2000. С. 64).

1 сентября. Запись в дневнике Н.В. Симановского: «Я полагаю, что в Пшаде и здесь истребили мы столько фуражу, что, верно бы, 1000 семействам черкесским достаточно было для прокормления себя целый год» (Гордин Я.А., 2000. С. 64).

1838 г., февраль. Для того, чтобы наказать горцев за их набег на Марьянский кордон, отряд генерала Завадовского двинулся к аулам Абин и Тчех. За час до рассвета аулы были атакованы, убито 4 черкеса, угнано 930 овец, 180 голов крупного рогатого скота. «Люди, – говорится в рапорте генерала Завадовского, – шли бодрые и веселые, ибо при разорении аулов с нашей стороны потерь не было».

Май. Приведем один из эпизодов деятельности по «умиротворению» прибрежных горцев адмирала М.П. Лазарева, имя которого до сих пор носит населенный пункт близ Сочи. При артиллерийской поддержке кораблей Черноморского флота 3 мая в районе устья р. Субаш и Шапаучи был высажен десант. «Ужасное действие морской артиллерии, – писал очевидец, – принудило горцев оставить прибрежные окопы, коими они укрепили все пространство между устьями». Гребные суда доставили на берег более 3000 десантников. «Черкесы..., хорошо, если бы образумились и перевешали сбивающих их с толку англичан и французов, – писал в одном из своих писем М.П. Лазарев, – жаль убивать народ даром. Ядра ведь попадают и в виноватого, и в невинного».

8 октября. Для «наказания горцев» отряд из 515 чел. конницы и 1610 пехоты направлен на р. Убин. Сожжено 4000 стогов сена и 300 стогов хлеба.

1840 г., апрель. В ответ на разгром горцами ряда укреплений Черноморской береговой линии (Лазаревское, Головинское, Вельяминовское, Михайловское), военный министр А. Чернышев приказал 12 апреля 1840 г. командиру отдельного Кавказского корпуса немедленно направить карательную экспедицию в землю убыхов, требуя «жесть и уничтожить их посевы, жатву и запасы». В результате этой экспедиции было сожжено 13 шапсугских аулов в долине р. Псезуап (Панеш А.Д., 1999. С. 89).

1841 г., январь. В результате похода генерала Засса 26 января были уничтожены абадзехские аулы Догхабль, Догужийхабль и Кошкохабль, расположенные за р. Белой. Горцы оказали стойкое сопротивление, но внезапность нападения не позволила им собраться с силами (Панеш А.Д., 1999. С. 87). На следующий день, 27 января, в ответ на нападения черкесов, генерал Завадовский направил отряд старшины Косолапа к шапсугским аулам на р. Абин. Захвачено 6 черкесов, угнано 500 голов рогатого скота.

24 марта. По распоряжению генерала Завадовского отряд старшины Борзика ночью напал на аул Пшихор. Захвачено в плен 13 чел., 20 голов крупного рогатого скота, 115 овец, аул сожжен.

Июнь. Отряд старшины Борзика «пробрался на р. Униабат для разорения скопища горцев. Захвачено 507 овец». В этом же месяце генерал Засс делал поиски по р. Тегень и по р. Лабе близ Махошевского укрепления. Отряд состоял из 5 батальонов пехоты, казаков, 10 орудий. Два аула Себеней и Джаракай в земле егерухаевцев были застигнуты врасплох и разорены. Взято в плен 8 чел., захвачено 100 лошадей, 400 шт. рогатого скота. Потери горцев неизвестны, потери русских – 22 убитых и 57 раненых.

Декабрь. Отряд Косолапа разорил аул на р. Абин, взято в плен 7 горцев. В конце декабря 1841 г. абадзехи напали на хамышевцев из мести за приверженность их к России. До 400 горцев ворвались в аул Тугуза Инемкова Эдиге на р. Кубани. С помощью казаков аул отбит, абадзехи бежали, захватив в плен 8 женщин и 120 овец.

1842 г., 8 июня (по другим источникам – 1841 г.). При строительстве Гостагаевского укрепления горцы готовились напасть на русский лагерь. Контр-адмирал Серебряков решил предупредить нападение горцев и 8 июня выступил на хребет Сенетх, где войска начали жесть расположенные там аулы. Всего истреблено было 150 аулов по р. Гостагай и в прилегающих местностях. Потери русских – 2 убитых, 8 раненых. «...Потери горцев, – писал Серебряков, – чрезвычайно значительны». Но это ему казалось мало: «...Я полагаю 15 числа этого месяца начать истребление хлебов и жилищ на всем пространстве между Анапою, Гостагаем и Кубанью».

1843 г., январь. Был сформирован Шебский отряд. Пройдя по рекам Афипс, Чебий, Униабат, Супс, отряд всюду сжигал аулы и истреблял имущество. «Это было опустошение в полном смысле слова. Все, что попадалось на глаза отряду, было уничтожено и горцы были доведены до крайнего ожесточения».

22 августа. Желая наказать виновных в набегах черкесов, генерал Завадовский направился с отрядом на Кубань. Как отмечает очевидец, «...узнав, что отряд направляется в земли абадзехов, шапсуги всячески помогали русским, указывали им дороги и относились вообще дружелюбно к казакам. Русские жгли сено и вытаптывали лошаадьми и людьми хлеба абадзехов. Только за один день, 28 августа, отряд сжег до 1700 стогов сена; казаки вытоптали, а местами даже выкосили, просо на пространстве 3-х верст. Всего же сожжено до 200 000 стогов сена (цифра вызывает сомнения. – Авт.), а хлеба скошено, потоптано и истреблено до 25 квадратных верст». Потери у горцев были значительные. Потери русских – 1 убитый и 47 раненых.

1845 г., 23 января. Генерал Рихтер решил предпринять наступление против темиргоевцев, нападавших на русские укрепления. Отряд окружил большие аулы Темрюкая и Хаджи-Эффенди на р. Белой. В аулах было взято 36 чел. в плен, а остальные предпочли смерть. Захвачено оружие, лошади, скот, «красные товары», аулы сожжены. Потери горцев – 150 убитыми и ранеными. Потери русских: 4 чел. убито, 33 – ранено.

1850 г., 11 апреля. «Чтобы показать бессилие Мухаммеда Амина, решено было взять Херписавский аул, в 12 верстах от р. Урупа». Отряд полковника Васмунда, под общим командованием полковника Войццкого взял приступом аул и сжег его.

Октябрь. Как пишет очевидец, «...2-12 октября по пути от Лабы к Белой отряды генерала Н. Завадовского уничтожают абадзехский аул Каир-Бека – злейшего врага нашего, предают огню сакли и запасы хлеба. Отряд генерала Рашиля производит удачный набег в земли абадзехов на р. Суп. В набеге гибнет 50 абадзехов. Части вице-адмирала Серебрякова в натухайской земле (долина Худако) истребляют 2000 дворов. Адмирал теряет из своих войск 44 чел.».

22-29 ноября. Партия горцев до 1000 чел. производит нападение на ст. Лабинскую; подполковник Мазан под Абинской разбивает отряд шапсугов в 50 чел.

13 декабря. Русские военные власти нашли нужным «напомнить черкесам о силе русского оружия» и послали отряд в Адагумскую долину, где сливались два племени – натухайцы и шапсуги. В отряде было 2612 чел. и 8 орудий, возглавлял его вице-адмирал Серебряков. Отряд начал поражать горцев артиллерийским огнем, сжигая аулы, запасы хлеба и сена. «Это был жестокий урок, лишивший не одну сотню населения пристанища и имущества». Потери горцев – 100 чел. убитыми и ранеными. Потери русских – 2 убитых, 31 раненых.

1851 г. ноябрь. Из-за отказа черченевцев принять присягу и выдать аманатов, 20 ноября генерал Г.А. Рашиль двинул против них отряд из 2115 чел. пехоты, 416 – конницы, 8 орудий и 50 милиционеров-хамышевцев под начальством ротмистра Сагат-Гирея, добровольно изъявивших желание участвовать в экспедиции. Первый удар предполагалось нанести по а. Энэм. Под угрозой разгрома энэмцы подчинились и принесли присягу 26 ноября. В декабре 1851 г. Г.А. Рашиль принял присягу от жителей черченевского аула Вочепший. После этого покорились другие черченевские аулы (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006. С. 89).

Декабрь. «Чувствительную потерю неприятель (то есть адыги) понес на Черноморском побережье от истребления жилищ с запасами хлеба и сена, числом до 1500 дворов».

1852 г., 19 января 1852 г. Газета «Кавказ» так сообщала о действиях за Кубанью отряда под командой генерал-лейтенанта Рашпиля: «Только один а. Псегуб (в черченейской Бжедугии. – **Авт.**) обнаружил враждебное расположение, надеясь на свое крепкое местоположение и соседство с абадзехами, но дорого заплатил за эту попытку; войска наши быстро двинулись на приступ, заняли аул и, в наказание разбежавшихся жителей, предали огню сакли их с огромными запасами хлеба и сена» (Хотко С.Х., 2008).

21 января. Генерал Евдокимов с большим отрядом казаков и солдат двинулся к урочищу Кошхо, где располагались абадзехские общества Тфишебс и Анчокохабль. Казачья кавалерия атаковала аулы по р. Пшекоц. Горцы оказывали сопротивление, но вынуждены были отступить. Дальнейшее движение отряда все же было остановлено абадзехами. В приказе князя Воронцова по Отдельному Кавказскому корпусу от 15 февраля 1852 г. было отмечено, что причиной наступления царского отряда на абадзехские общества явилась «поддержка этими обществами политики Мухаммед-Эмина» (Панеш А.Д., 1999. С. 159)

25-27 января. В течение трех дней отрядом вице-адмирала Серебрякова были истреблены шапсугские аулы на реках Бугундире и Антхире. По данным Р.Трахо, в общей сложности было разорено тогда 44 шапсугских и натухайских аула.

20 октября-8 ноября. 6000-й русский отряд под командованием генерала Н. Завадовского совершает поход против шапсугов; с помощью дружины мирных адыгов в низовьях Абина истребляет многонаселенный и богатый аул Эрич (ОрычI).

1853 г., февраль. 3-4 февраля отряд Я.Г. Кухаренко совершил нападение на аулы по р. Хабль. Итог: 17 аулов сожжены, угнано 110 голов крупного рогатого скота.

11-12 февраля. Истребление отрядом полковника Я.Г. Кухаренко аулов в урочище Мезишху и а. Куаф, аулов по р. Пезаде-Тлях, аулов Аледжукохабль и Неджукохабль в верховьях р. Супс.

Май. Как сообщал генерал Рашпиль, «...пройдя от Пскупса на юго-восток верст пять, сжег по этому пути несколько хуторов (т. е. черкесских аулов. – **Авт.**), в которых было захвачено 120 голов крупного рогатого скота и несколько сот овец».

12 июня. Истребление царскими отрядами аула Сахок в долине р. Адагум.

Осень. Капитан Шпаковский с 20 пластунами-лабинцами прокрадывается в горы за Майкопским ущельем к Богарсуковским аулам. Захватывает пленников, среди которых оказался мулла Абдул Керим, – «вожак партии». Затем скрыто проводит русский отряд к аулам, жители которых «были жестоко наказаны за их набеги». В приказе М. Воронцова от 19 ноября 1853 г. отмечаются «заслуги» генерала Козловского: «Истребил все окрестные аулы, а равно заготовления, сделанные жителями на зиму».

1854 г., октябрь. Н.И. Евдокимовым был полностью разорен хатукаевский аул Клычева. Уведомляя об этом событии начальника Черноморской кордонной линии генерал-майора Кухаренко, он пишет, что 19 октября, «...переправившись через р. Белую, напал и уничтожил гатлукаевский аул Клычева. Жители аула были застигнуты в совершенной беспечности, так что весь скот и все дочиста имущество аула досталось в наши руки. Жители, которые не успели спастись в лесных трущобах, перебиты...». Далее в рапорте отмечается, что отряд в течение двух суток находился у разоренного аула, но «неприятель ничего не предпринимал, несмотря на то, что от отряда посылаемы были колонны для сожжения хлебов и сена, заготовленного гатлукаевцами между р. Белою и Пшиш, которое в огромном количестве предано пламени». Комментируя причины своего успеха, Н.И. Евдокимов писал, что «сосредоточение Черноморского отряда у поста Константиновского, по всей вероятности, присутствием своим парализовало неприятеля, заставляя его опасаться нападения со стороны Нижней Кубани, что дало мне возможность совершить столь удачно мое предприятие» (ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 1414, л. 23; Кудаева С.Г., 2007). В этом же году отрядом Завадовского были разорены аулы в урочище Бзабзу.

1855 г. – разорение аулов Шенджий, Эдепсукай, аулов на р. Пскупс. В разгроме а. Эдепсукай особо «отличился» отряд атамана Кухаренко.

1856 г. В рапорте полковника Геннинга, командующего войсками в укреплении Белореченском, начальнику правого фланга Кавказской линии генерал-майору Дебу сообщалось об уничтожении двух бжедугских аулов Лабокуой и Татархабель: «В обоих аулах более 100 дворов, с огромнейшим запасом в складах разного хлеба, с запасом который можно бы только найти в самом предприимчивом земледельческом обществе» (Хотко С.Х., 2008).

Л. Богуславский, летописец Апшеронского полка, повествует об уничтожении адыгских селений: «Колонна на рассвете подошла к аулам Этогуако, расположенным в густых садах... Взятые аулы немедленно сожжены, а большие запасы только что собранного хлеба уничтожены... Все три колонны двинулись вверх по реке и уничтожили в ущелье Афипса 8 больших аулов с запасами только что собранного хлеба... Истреблено в ущелье Шебша 17 аулов с большими запасами хлеба... На ночь весь отряд расположился бивуаком, найдя в изобилии во взятых аулах сено и необмолоченный хлеб... Уничтожено 38 больших аулов и множество отдельных хуторов, с громадными запасами хлеба и домашним хозяйством». И далее летописец свидетельствует: «Два батальона, после весьма упорного боя, овладели большим аулом Лагумжи-Хаблем (на р. Пшехе. – **Авт.**) и еще другим – меньшим, захватив огромные запасы хлеба, предали аулы огню» (Хотко С.Х., 2008).

В этом же 1856 г. было восстание бжедугских крестьян «Пши-орк-зауо». Князья и дворяне, перешедшие на службу к царю, привели казачьи отряды под командованием полковника Борзика в а. Энем, где жил Хусен Депчен, один из руководителей восстания. В разгроме а. Энем принимал участие отряд из 2971 чел. пехоты, 736 – конницы, 8 орудий и 12 ракетных станков (? – Авт.). Часть населения успела скрыться за р. Суп. Оставшиеся в ауле жители заперлись в саклях и защищались там до тех пор, пока не погибли в пламени подожженного аула. Сожжено было и более 2000 стогов сена и хлеба. Этим же отрядом уничтожен а. Бжегокай. Потери бжедухов трудно было учесть. Потери русских войск: 3 убитых и 11 раненых. Отрядом Крыжановского разорены аулы Хатухабль и Кошей в урочище Нагой-шо.

1857 г. В феврале отряд под командованием генерала Дебу разорил а. Кунчукохабль (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006).

Сентябрь. Бжедугские феодалы, перешедшие на службу к царю, организовали карательную экспедицию царских войск в а. Энем, который был взят штурмом и сожжен отрядом под командованием полковника Борзиков (Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006). В этом же году войска разорили а. Гатлукай (где жил еще один из руководителей крестьянского восстания Кимчерий Ханахоко). Были уничтожены аулы на р. Пшециз, а также на р. Адагум аулы Гахузиноко-Хабль, Минишоко-Хабль.

1858 г. По сведениям Р. Трахо, отрядом полковника Бабича было уничтожено осенью 23 шапсугских и натухайских аула.

1859 г. В этом году, как и предыдущем, производились военные действия и против натухайцев. Зимние военные экспедиции совершенно опустошили их земли. Кроме того, в феврале были истреблены аулы бесленеевских старшин Хаджи и Магомета Али Тлаходуковых по р. Ходзь. Взято в плен несколько женщин и детей, захвачен скот, аулы сожжены. В мае в верховьях р. Ходзь истреблен Шахгиреевский аул.

Январь. Против бжедугов, занимавших территорию на левом берегу Кубани между абадзехами и шапсугами, зимой 1859 г. был направлен крупный военный отряд генерала Войццкого. По приказанию генерала Бабича, войска прорубили просеку в лесах, прикрывавших жилища горцев, и вторглись в их земли. Отряд взял с боем и истребил один за другим 44 укрепленных аула.

Другие источники дополняют эту информацию: «Главкомандующий Кавказской армией генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский писал, что в январе 1859 г. «...генерал Бабич прорубил просеку в лесах, прикрывавших жилье бжедухов и, вторгнувшись в земли этого племени, взял с боем и истребил один за другим 44 укрепленных аула. Население бжедухов осталось на снегу, посреди своих погоревших деревень, без крова и пищи, в стране, открытой просекой постоянным вторжениям с нашей стороны. Они поняли невозможность отстоять против нас занимаемые ими места» (ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 24, л. 61; Панеш А.Д., 1999. С. 167; Чирг А.Ю., Женетль Н.Х., 2006):

Апрель-май. В мемуарах Д.А. Милютин читает: «Отряд Шапсугский, или Ильский, под начальством генерал-майора Рудановского, состоявший из 20 батальонов, 2-х драгунских полков и массы казаков, назначен был для возведения нескольких укреплений за Кубанью и для нанесения удара шапсугам. Переправившись за Кубань в 20-х числах апреля, отряд выбил горцев из а. Кабаниц, разрушил его, а 5 мая двинулся на место, избранное для постройки укрепления, получившего потом название Ильского... В Шапсугском отряде пробыл я пять дней (16-21 мая), принимал участие в действиях колонн, ежедневно высылаемых из лагеря на рубку леса и на истребление окрестных аулов шапсугских. Горцы оказывали сопротивление везде, где закрытая местность доставляла им укрытие... Более значительное дело в моем присутствии происходило 18 мая на р. Убине на том самом месте, где впоследствии водворена станция Северная (ныне – Северская. – Авт.)» (Кияшко И.И. 2005. С. 301).

24 августа. «За то, что бжедугские князья поддерживали Мухаммед-Амина, царскими войсками был сожжен дотла а. Шенджий, а половина жителей истреблена» (Панеш А.Д., 1999. С. 155).

1860 г., 24 мая-1 июня. При обозрении передвижения отрядов царских войск Богуславский пишет: «Разорено и совершенно уничтожено до 30 неприятельских аулов, течение Убина и большая часть пространства между ним и Афином очищены от неприятельских жилищ...» (Хотко С.Х., 2008).

8-9 июня. Истреблено войсками 35 аулов в Шапсугии. Генерал Колубакин решил нанести «нравственный» (как он пишет) удар со стороны Абхазии. Высадившись у Сочи, войска истребили огнем постройки «свободного меджлиса». Очевидцы писали: «Тщетно черкесы сбежались со всех сторон и старались спасти свое священное здание: все было напрасно».

Август. Как пишут очевидцы, в глухую августовскую ночь из Григорьевского укрепления выступила сотня поручика графа Н. Воронцова-Дашкова (в дальнейшем – царский наместник и главнокомандующий войсками на Кавказе). С ними были кабардинцы-охотники из Кабардинского полка. В долине Афины был зажжен сразу с 4-х сторон и разорен огромный, в 1000 домов, шапсугский аул Сухунояк, захвачено много скота и арб, доверху нагруженных еще необмолоченным хлебом. Население успело уйти в лес.

2 сентября, отряд князя И. Амилахвари (командир полка – полковник Шереметьев) разорил два аула у р. Шебш, захвачено много скота. «Казаки ворвались в аул и все, что не успело бежать, легло под их ударами или было захвачено в плен. Посреди этой сумятицы убитыми оказались дети и женщины». В связи с этим, полным лицемерия представляется утверждение участника Кавказской войны есаула Д.Соколова, слова которого приводятся авторами монографии «Очерки истории Кубани»: «Русские никогда не употребляли вооруженную силу против женщин, т.к. это было воспрещено под страхом очень строгого наказания, несмотря на то, что они причиняли вред нам, обваривали кипятком, стреляли из пистолетов...».

Декабрь. Все тот же Богуславский отмечает: «Действия наших отрядов в земле шапсугов в течение декабря 1861 г. имели своим результатом... совершенное очищение всей плоскости между реками Адагумом и Сулсом от неприязненного нам населения. На всем этом пространстве, свыше 2000 квадратных верст, не осталось ни одного сколько-нибудь значительного аула, и не только жилища шапсугов, но и все их запасы истреблены» (Хотко С.Х., 2008).

1861 г., март. Около 90 аулов в междуречье рек Ходзь и Белой было разорено войсками Н. Евдокимова. В конце апреля занято самое труднодоступное абадзехское общество Дахо.

Июнь. Царские войска внезапно окружили и отправили на Кубань, а затем в Османскую империю 600 бесленеевских семей (свыше 5000 чел.), живших возле р. Ходзь, где началось возведение казачьих станиц (Кушхабиев А.В., 2007. С. 34). Другие источники приводят несколько иные цифры изгнанников: «Аулы бесленеевцев были внезапно окружены, и все 4000-ое племя было выведено под конвоем на правый берег Урупа, под сильным прикрытием войск. Все племя изъявило желание переселиться в Турцию, за исключением 110 семейств, водворенных в Нижнекубанском приставстве».

1862 г., март. Как писали очевидцы, «...всем туземцам, жившим между верховьями рек Лабы и Белой, было предъявлено требование немедленно очистить занимаемые ими места и переселиться за Кубань. Ни верхние абадзехи, ни махошевцы, ни егерухаевцы, ни баракаевцы не испугались этой угрозы; поэтому была назначена экспедиция для уничтожения их жилищ, хлебов и запасов. К 27 марта войска вытеснили горцев, принудили удалиться за р. Белую и занялись устройством своих станиц».

24 мая-4 июня. Генерал Тихоцкий с войсками совершает поход в бассейн р. Курджипс, сталкивается с силами абадзехов в 700-800 чел., преодолевает их сопротивление и возвращается в Майкоп с потерей 95 чел.

6 июня. В районе ст. Царской (ныне Новосвободная) происходит упорный бой между объединенным абадзехско-убыхским ополчением в 3500 чел. и русской колонной, состоящей из 6-ти рот. Последние теряют 53, а горцы до 120 чел. Как свидетельствует очевидец, «...в начале июня был собран в укреплении Крымском отряд, в составе: 8 батальонов пехоты, 6 пеших и 6 конных орудий и сотен кавалерии. ...Действия отряда были очень удачны и наделали в горах много шума; несколько аулов было сожжено, причем уничтожены были в них и все найденные запасы продовольствия. 21 июня из отряда на р. Хабль были посланы две колонны под начальством полковников Головинского и Фадеева для уничтожения хлеба и жилищ на реках Иль и Азипс. ...Успешное истребление полковником Фадеевым аулов по ущелью р. Иль, где войска получили хорошую добычу и захватили 730 шт. баранов...» (Кияшко И.И. 2005. С. 310-311).

19 июня морской десант в 300 чел. под командованием капитана Бараховича завершает уничтожение Сочинского меджлиса – первого своеобразного адыгейского «парламента». Так печально завершается двухгодичный «парламентский строй» в Адыгее.

На пространстве между М. Лабой и Верхней Пшехой действовал особый военный отряд. В течение лета 1862 г. он уничтожил аулы в долинах Шундуко и Курджипса. Были опустошены черкесские селения на реках Псикабе, Хокоц и Дземуко (Панеш А.Д., 1999. С. 218)

24 октября. В отряде полковника Крыжановского участвовали в делах с горцами команды есаула Королькова и сотника Черного и сводная рота под командой хорунжего Залезняка. Отряд этот, под начальством есаула Стороженко, выступил на фуражировку к оставленным горцами аулам по р. Шипс. На другой день тот же отряд, достигнув неприятельских кошей на р. Богаге, сделал там большой запас сена и овса и захватил двух лошадей. Как сообщают источники, «...в половине октября генерал Бабыч предпринял с отрядом движение в горы... Движение это было очень удачно и в течение недели отрядом уничтожено множество аулов по рекам Абину и Антхырю и часть имущества, которое жители не успели увезти с собой» (Кияшко И.И. 2005. С. 313).

Ноябрь-декабрь. Войсками Адагумской кордонной линии произведены были удачные набеги на землю шапсугов с двух сторон от ст. Крымской и Неберджайской. Из укрепления Крымского был двинут отряд под начальством подполковника Баскакова. Отряд этот, следуя через р. Шипс и верховья р. Шебика, уничтожив на пути запасы хлеба и сена, возвратился в укрепление Крымское с добычей: 14 пленных горцев и несколько штук рогатого скота, потеряв со своей стороны: одного убитого казака и двух лошадей. Другой отряд под начальством есаула Стороженко, прошел через верховья рек Шапсуга и Коафа, успев захватить лишь 23 шт. рогатого скота и 5 лошадей, и вернулся обратно в станицу, потеряв казака раненым и двух лошадей Кияшко И.И. 2005. С. 319).

Войска принца Альберта Прусского 4-11 ноября истребляют 20 аулов на р. Пшехе и захватывают много разного скота. За свои «подвиги» в бассейне р. Курджипса и Пшехи «его немецкое королевское высочество» 1 декабря 1862 г., награждается орденом св. Георгия 4-й степени. В декабре, по данным Р.Трахо, «...под личным командованием Великого князя Михаила уничтожены все селения между Белой и Пшехой. 31 декабря здесь в бою погиб известный абхазский деятель и герой Цемук».

1863 г., 12-16 марта. Царским отрядом было уничтожено 33 абадзехских аула, расположенных по течению Фарса и между этой рекой и Псефиром (Панеш А.Д., 1999. С. 218).

Сентябрь. Из «Отчета генерала Евдокимова о военных действиях»: «С 15-го по 19-е сентября отдельные колонны исходили все местности по обе стороны Главного хребта, от Адагумской линии до Абина и Геленджика, куда в течение весны и лета возвратилось значительное число туземцев, уничтожили все найденные запасы и постройки, и в видах окончательного изгнания последних горцев произвели движение по разным направлениям...». Далее говорится: «Джубгский отряд прошел несколькими колоннами, уничто-

жая население, после чего, поднявшись вверх по Шапсугу и перевалившись в бассейн Псекупса, очистил от туземцев левый берег этой реки...» («Сокровища культуры...», 2007. С. 149).

24 октября. В 3 ч ночи подполковник Фролов выступил с отрядом и, перейдя р. Азипс в 6 верстах выше поста, скрытно двинулся далее и на рассвете приблизился к нескольким пустым и жилым аулам при истоках рек Шужнако и Чемоза, которые и предал огню; при этом было взято в плен 55 душ обоего пола с детьми, 40 шт. баранов и 2 шт. рогатого скота. При возвращении отряда в ст. Хабльскую были арестованы еще три горца с верховьев р. Азипса.

11-12 ноября. Подполковник Фролов с отрядом под начальством старшины Головинского обошел гору Папай... Пройдя назад 4 версты, отряд остановился в а. Мишле-Хабль, откуда подполковник Фролов тотчас же разослал по окрестностям несколько команд для уничтожения брошенных горцами аулов. Окончив с успехом данное им поручение, команды к вечеру возвратились в а. Мишле-Хабль. Потеря с нашей стороны – убит один казак и ранен милиционер; со стороны неприятеля: осталось на месте 5 убитых, взято в плен 8 душ обоего пола, 20 шт. рогатого скота, 3 лошади и 80 шт. мелкого скота. На следующий день, 12 ноября, отряд подполковника Фролова выступил вверх по р. Шедигобсу по направлению к горе Папай и сжег несколько брошенных горцами аулов... Особенно отличилась 3-я сотня, нижние чины которой были под начальством вахмистра Нудьги. Войсками отряда взято в плен 6 душ обоего пола горцев, 25 шт. рогатого скота и 75 шт. баранты. 17-го числа взято в плен 30 горцев и 11 шт. рогатого скота (Кияшко И.И., 2005).

18-29 ноября. Поиски производились по рекам: Убин, Малый Убин, Большой и Малый Иль, причем сожжено было несколько аулов, убит один горец и 10 душ взято в плен и отбито: 4 лошади, 8 шт. рогатого скота и 7 шт. баранты (Кияшко И.И., 2005).

1864 г., март. По свидетельству очевидцев, «...6-го числа истек срок, данный шапсугам для выселения. Как сообщал в своем донесении царю великий князь Михаил, – генерал Гейман с 5 батальонами, 4 горными орудиями, очистив пространство между р. Туапсе и Псезуапсе и истребив все аулы по течению этих рек, двинулся во внутрь страны. Войска, разделенные на 3 колонны, в течение трех дней выжгли все селения и вытеснили жителей к берегу моря. 16 марта был занят форт Лазарево. 19 марта взято укрепление Головинское, 25 марта – Сочи, – сердце убыхской земли. Многочисленные селения общества Вардане были уничтожены, в т.ч. а. Баракая. Отчаянно защищавшиеся шапсуги и убыхи вынуждены были отступить в горы».

1865 г., июнь. Как сообщается в рапорте главнокомандующего Кавказской армией от 14.06.1865 г. военному министру, в Нуажинской долине в ответ на действия царских войск адыги «...решились лучше умереть с оружием в руках, чем оставлять занимаемые ими места и потому, укрыв свои семейства и имущество в лесах и тущобах, дрались упорно». Но в результате 8-дневного натиска военных, все их поселения были разорены, а сами они отброшены к Туапсинской линии. Адыги потеряли 147 чел. пленными, не считая убитых, 2908 голов скота, уничтожено более 500 домов, взято много имущества и оружия (РГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 880, д. 21, л. 1-2; Кудашева С.Г., 2007. С. 165).

Командующий действующими отрядами в Кубанской области Кузьминский доносил: «Полагаю, что к осени успею выкурить горцев, которые занимают скальные недоступные части гор у Главного хребта, тысяч 8 или более наберется. Мы их бьем на каждом шагу и, вероятно, у них отойдет охота воевать». В 1865 г., на Черноморском побережье между р. Туапсе и Гаграми были уничтожены или разогнаны появившиеся еще кое-какие «мятежные остатки племен» (Кияшко И.И., 2005).

На этом кровавый «мариолог» Кавказской войны завершается. В свое время историк В.А. Потто писал: «Вековую жизнь Грузии в обширном смысле называют мариологом – повестью страданий. И едва ли можно приискать для нее лучшее имя». Не в меньшей, если не в большей степени, и трагические страницы истории адыгов времен Кавказской войны можно тоже назвать мариологом - «повестью страданий».

6.14.3. «Поминальник» карателей адыгского народа

...Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых.

Послание к Римлянам (13; 3).

Никакая ненависть, никакие отвращения не будут чрезмерны по отношению к людям, которые являются виновниками стольких зол...

Жан Мелье (1664-1729).

В «праздничном» приказе по Кавказскому военному округу № 103 от 21 мая 1914 г., к 50-летию со дня окончания Кавказской войны, генерал, граф Воронцов-Дашков писал: «...Помянем же ныне наших доблестных вождей, водивших к славе войска – фельдмаршала, князя Барятинского, графа Евдокимова и августейшего главнокомандующего, Великого князя Михаила Николаевича».

С этими словами перекликается и «патриотический» панегирик царского историографа В.А. Потто: «Кавказская война окончилась, великая цель достигнута! Но Русь, уже не тревожимая более громами постоянной войны, не

забудет героев своих, без которых немыслимо было бы покорение воинственного и природою запущенного края, покорение исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России!».

Вспомним же и мы имена этих «героев», а фактически – палачей адыгского народа, чтобы их имена не стерлись в памяти народной, чтобы наши потомки знали поименно, кого следует «благодарить» за растоптанную, униженную Родину, за миллионы погибших и покинувших благословенную Землю адыгов. Не о них ли писал еще в 1555 г. известный провидец Нострадамус:

Люди становятся хуже зверей,
В тюрьму превращается прежняя воля,
Анафеме предан закон «не убей»...

Не менее эмоционально описывал подобных им людей и Максимилиан Волошин:

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком –
Опаснейшим и злейшим из зверей...

Вспомним и мы эти имена, но не для того, чтобы, спустя столетия, в чем-то упрекать их, судить или даже «пригвоздить к столбу истории». Отнюдь нет. Как говорил А.М. Горький, «прошлое небезупречно, но упрекать его бессмысленно, а вот изучать – необходимо». Эту же мысль выразил в свое время первый президент Республики Адыгея А.А. Джаримов (1997): «...Кавказская война стала достоянием истории, и никто не ищет виновников трагедии. Но ее уроки необходимо знать нашим современникам, чтобы крепить взаимопонимание между народами». Грех не прислушаться к этим мудрым словам...

Итак, вот имена этих «полулюдей-полузверей», поистине достойных славы Герострата.

<i>Павел I, император</i>	Головинский, полковник	Кухаренко Я.Г., полковник
<i>Александр I, император</i>	Горич-Большой И.П., бригадир	Лазарев М.П., адмирал
<i>Александр II, император</i>	Грабе П.Х., генерал, атаман	Левицкий, есаул
<i>Николай I, император</i>	Гречишкин, сотник	Лихачев П.Г., генерал
<i>Михаил Николаевич, Великий князь</i>	Давыдов, полковник	Лорис-Меликов М.Т., генерал
<i>Альберт Прусский, принц</i>	Дадымов, майор	Лучкин, есаул
Амилахвари И., князь	Данилевский, майор	Лысенко, полковник
Анреп И., генерал	Дебу, генерал-майор	Ляпин, есаул
Антропов И.Р., генерал	Дельпоццо И.П., генерал	Мазан, подполковник
Апраксин П.М., генерал, князь	Джан Мамбет-Мурза	Матвеев И.Н., командующий Таманской армией
Астахов Г., полковник	Догмитцов, полковник	де-Медем И.Ф., генерал
Бабыч (Бабич) П.Д., генерал	Дондук-Омбо, хан	Мейер А.К., генерал
Барабанщиков, полковник	Драшкевич, генерал	Милютин Д.А., генерал
Барахович, капитан флота	Дубонос (Дубоносов), старшина	Михельсон А.С., генерал
Барятинский А.И., князь	Евдокимов Н.И., генерал, граф	Муравьев Н.Н., полковник
Баскаков, подполковник	Елагин, генерал	Наттер Н.И., капитан
Беднягин, полковник	Емануэль (Эммануэль) Г.Д., генерал	Нудьга, вахмистр
Бекович-Черкасский Ф.А., подполковник, князь	Еремеев, подполковник	Ольховой, есаул
Берхман, бригадир	Ермолов А.П., генерал	Орлов, полковник
Бескровный А.Д., полковник, атаман	Журавль, старшина	Панкратьев, генерал
Богуславский Л.	Завадовский Н.С., генерал	Паскевич И.Ф., генерал-фельдмаршал, граф
Борзик, старшина	Загряжский, генерал	Перекрестов, полковник
Борзиков, полковник	Залезняк, хорунжий	Пирятинский, майор
Бринк, генерал	Залесский, есаул	Победный (Победнов), полковник
Бузин, подполковник	Засс Г.Х., генерал	Подпрятков, полковник
Булгаков С.А., генерал	Иловайский В.Д., генерал, атаман	Портнягин С.А., генерал
Бурсак Ф.Я., атаман	Ильинский, капитан	Порывай, полковник
Васмунд, генерал	Капивальский, подполковник	Радзевич (Рудзевич) Н.А., генерал, атаман
Вельяминов А.А., генерал	Килимбет, мурза	Райзер В.В., генерал
Верзилин (Вирзилин) П.С., капитан	Кобиняк, полковник	Ратиев, генерал, князь
Власов М.Г., генерал	Козловский, генерал	Рашиль Г.А., генерал
Войццкий, генерал	Колубакин, генерал	Ребиндер, полковник
Волжинский, подполковник	Корганов, генерал	Реттер И., есаул
Воронцов М.С., генерал	Корольков, есаул	Рихтер, генерал
Воронцов-Дашков Н., граф, генерал	Косолап П.С., полковник	Розен Г.В., генерал, барон
Гамбом, и полковник	Котляревский Т.Т., атаман	Рудановский, генерал-майор
Гангблов, генерал	Коцарев (Кацарев) Ю.П., полковник	Савельев, атаман
Гейман В.А., генерал	Краснощекоев, атаман	Сагат-Гирей, ротмистр
Гейнс К, капитан	Криднер, майор	Серебряков Л.М., адмирал
Геннинг, полковник	Крыжановский, капитан	Соллогуб В.А., полковник
Глазенап Г.И., генерал	Кузьминский, генерал	
Головин Е.А., генерал	Кундрюцкий, подполковник	
	Курило, майор	

Спешнев, полковник
Сталь К., генерал
Старожилов, хорунжий
Степаневский, майор
Стороженко, есаул
Стороженко, полковник
Табанец, полковник
Тарановский, майор
Текелли П.А., генерал
Тихоцкий, генерал

де-Траверсе, маркиз
Урннжевский, подполковник
Фабрициан, генерал
Фадеев, полковник
Федоров М.Ф.
фельдмаршал, князь
Флоров, генерал
Фролов, атаман, подполковник
Фромгольд, капитан
Чернов, пристав

Черный, старшина
Чернышев А.И., граф
Шарап, полковник
Шахов, ротмистр
Шереметьев, полковник
Широков, полковник
Шпаковский, капитан
Якоби И.В., генерал
Якубович, капитан

Разумеется, приведенный выше список далеко не полон, да и невозможно перечислить имена ВСЕХ, кто принимал участие в «репрессалиях» – принудительном «выдворении» черкесов с их исторической родины. Уже после завершения работы над этой книгой, в мемуарной литературе и архивных источниках мы встречаем все новые и новые имена, – как говорится, имя им легион. Вот только три-четыре примера новых «фигурантов» – участников карательных действий в летне-осенние месяцы 1836 г., имена которых по тем или иным причинам не попали в упомянутый перечень:

1836 г., 11 июля. «Колонной под начальством *полковника Ольшевского*, набравши фуража, сожгли небольшой черкесский аул, вблизи находившийся...

26 сентября – 7 октября. «Колонной *генерала Лингена*, направленной для захвата фуража и последующего сожжения аула, уничтожен аул на р. Шепс... Колонной *Лингена* уничтожены 9 аулов в ущелье Тасвибж. ...Отрядом *генерала Фезе* уничтожены 7 аулов в ущелье Копеса, довольно населенных, в коих очень много найдено хлеба и фуража»

11 октября. «Внушительная колонна под начальством *полковника, графа Цукато*, анапского коменданта, направлена в соседние аулы... Набравши фуража, он зажег аул. ... Сверх того, для истребления аула подле самого лагеря послан был *полковник Полтинин* с батальоном пехоты и с одним орудием артиллерии, который, забравши фураж, истребил два аула», и т. д... («Дневник...», 2012. Вып. 9-10 (68-69).

6.15. «Занавес опущен...»: Кавказская война – трагическая страница в истории адыгов

6.15.1. Характер Кавказской войны: мнения и оценки

Война с горцами Кавказа кончилась. Последний акт этой трагической эпопеи доиграли. Занавес был опущен...

В.И. Немирович-Данченко (1858-1943).

Писать и говорить о Кавказской войне открыто и честно – значит проявить уважение к нашей истории со всеми ее светлыми и черными пятнами...

Н.Ш. Чеучев (1994).

В 1864 г. завершилась Кавказская война. (Впрочем, говоря современным языком, «зачистка» территории адыгов продолжалась еще не один год). С горечью отмечал известный кавказовед П. Услар: «Теперь судьба туземных обитателей Западного Кавказа уже доведена до окончательной развязки. Черкесы, которых знали греки еще 2500 лет назад, уложены на кладбище народов, рядом с лидийцами, фригийцами, гуннами и т. д.». 1 июня в Лондоне Д.Уркхарт выпустил специальный номер «Фри Пресс» («Свободная пресса»), окруженный траурной каймой. Он сообщал миру конец Черкесии. Почти вся европейская печать выражала сожаление по поводу потери черкесами своей независимости. Как образно заметил В.И. Немирович-Данченко, «...война с горцами Кавказа кончилась. Последний акт этой трагической эпопеи доиграли. Занавес был опущен... Настоящая трагедия только и начиналась с этого момента. Русские не могли оставить горцев в их орлиных гнездах и предложили им или идти в долины селиться между русскими и казаками, или бросить все и убраться в Турцию. Гордые соколы и коршуны, эти рыцари-хищники, наотрез отказались исполнить требования русских. И как мы были правы со своей стороны, так же были правы и они. В самом деле, не идти же орлам в курятник, не сделаться же матерому горному волку домашним животным, смирным и трудолюбивым! Горцы решили умереть, защищая свои вершины». Правда, это напоминало, как говорил С. Сиюхов, Пиррову победу, но царское правительство торжествовало, – оно теперь владело всем Кавказом, доставшимся, правда, дорогой ценой. Хвалебными панегириками победителям были переполнены газеты и журналы того времени: «Итак, гордый Кавказ, удивление Вселенной, зрит перед лицом своим пресветлое россиян торжество!», – восклицал в своей проповеди Иоанн Скоцин.

И среди этих «верноподданных» опусов терялись объективные оценки человеконенавистнической сущности войны. Даже царский генерал А. Зиссерман вынужден был признать: «Только посредством усиленных военных действий с суши, посредством образования линии казачьих станиц, посредством отнятия плоскостей вынудили мы горцев уйти в Турцию и прекратили бесконечную войну». Об этом же говорит и другой источник: «Пришлось употребить все усилия, чтобы искоренить внутреннего врага из недр Кавказа». Глубокое уважение к своим противникам-горцам звучит в словах другого генерала – Л.В. Симонова: «Чер-

кесы сдали нам свою Родину обильно политую их и нашей кровью и, как бывшие обитатели Западного Кавказа, должны вызывать в нашей памяти не порицание и высокомерное отношение, а более обстоятельное и достойное их слово». И, наконец, мнение царского офицера Л. Дроздова, также участника Кавказской войны: «Чувствуешь невольное уважение к неприятелю (черкесам. – Авт.), который при своей относительной малочисленности, мог столько десятков лет бороться с исполином и умереть без единого звука жалобы». Неприкрытым сочувствием к горцам проникнуты и следующие пушкинские строки:

И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа горные сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас ваша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Многолетняя кровопролитная Кавказская война принесла горцам неисчислимые страдания, гибель сотен тысяч людей, разрушение экономики и выселение большей части адыгов в пределы Османской империи. Она потребовала также больших жертв и со стороны русского народа. «Теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 тыс. русских солдат», – писал Н.Г. Чернышевский, узнав о прекращении военных действий. В ходе самой длительной войны, которую когда-либо вела Россия, по обе стороны погибло, по разным оценкам, от полумиллиона до миллиона людей. Страшная цена за свободу, независимость и вообще за право оставаться самобытным народом с одной стороны, и приобретенные территории – с другой. Именно территории, ибо российский самодержец был столь же прямолинеен, сколь и циничен: «Нам черкесы не нужны, нам нужны черкесские земли».

Национально-освободительная борьба горцев Северо-Западного Кавказа – трагическая, но вместе с тем яркая страница в истории адыгов. Ее непреходящее значение подчеркнуто в обращении руководимого К. Марксом и Ф. Энгельсом «Союза коммунистов». В частности, они подчеркивали, что горцы умеют сражаться за свою независимость, и ставили их в пример другим народам: «Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений. Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие остаться свободными».

По мнению И.Я. Куценко, одним из «парадоксов» советской историографии является то, что она не заострила внимания на судьбах народностей Кавказа. В целом разработка этой темы не поощрялась. Считалось, что освободительная война со стороны горцев являлась, так сказать, не вполне прогрессивной, поскольку ее идеологией был мюридизм. Эта идеология горцев, якобы, «...разжигая фанатическую ненависть к немусульманам, отвлекала их от решения социальных проблем». Но позвольте, – восклицает И.Я. Куценко, – какая может быть более важная «социальная проблема», чем защита родного очага, когда на пороге твоего дома стоит вооруженный поработитель? Отстаивающий свободу всегда прав, а захватчики, пусть даже утонченно интеллигентные, – всегда захватчики. Еще совсем недавно считалось, что напоминания о жестокостях русских по отношению к горцам могут навредить «нерушимой дружбе народов». Но именно историческая неправда или полуправда, замалчивание, «лакировка» фактов принесла и приносит огромный вред. Блестящим примером такого замалчивания является исторический опус Н.Ф. Юркина, предназначенный, кстати, для воспитания подрастающего поколения, в котором о Кавказской войне царского самодержавия против адыгского народа не говорится НИ СЛОВА. Сразу же после подробного освещения борьбы русского народа с нашествием Наполеона автор глухо упоминает лишь о декабристах, но они, оказывается, были сосланы на Кавказ «для участия в войне против Турции и Ирана». В исторической литературе даже недавних лет старались не упоминать о восхищении Марксом и Энгельсом героизмом горцев, о том, что они были полностью на стороне защищавших свои родные горы от «ненавистного москвиты». Карл Маркс писал, что ничто «не заглушит голоса истории и не заставит смолкнуть кавказских горцев, звон оружия которых доказывает миру, что Кавказ не принадлежит России». Фридрих Энгельс также считал, что именно эта борьба «принесла жителям гор наибольшую славу, в ней участвует сам народ».

Не без их влияния, в последние годы историки, в первую очередь, адыгейские, дали оценку Кавказской войне как антиколониальной, национально-освободительной, которую вели горцы Северного Кавказа, отстаивая свою независимость. Эта концепция утвердилась и стала общепринятой. Но тем не менее, и сейчас в современной исторической литературе зачастую можно встретить мнение о чуть ли не «благотворном» характере Кавказской войны, поскольку она в какой-то степени обезопасила кавказские народы (а вместе с ними и южные рубежи Российской империи) от угрозы поглощения со стороны Турции, Персии, Англии и других государств. К сожалению, подобный ошибочный тезис поддерживает и лидер российских коммунистов Г.А. Зюганов: «Кавказская война 1817-1864 г., закончившаяся присоединением к России Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа, *вовсе не была завоевательной или агрессивной акцией* (выделено нами. – Авт.). После добровольного вхождения в состав России Грузинского царства (1801-1810) и Азербайджана (1803-1813) Северо-Западный Кавказ превратился в плацдарм турецкой и иранской экспансии в регионе, порождавший бесконечные военные конфликты, несший разорение целым областям, горе и смерть сотням тысяч мирных жителей. О результатах присоединения Кавказа можно судить хотя бы по тому, что под российским скипетром надолго прекратились бесконечные кровопролитные войны, из века в век почти непрерывно тер-

завшие этот регион...». Хотелось бы надеяться, что читатели, ознакомившись с настоящей книгой, уже сами получили представление, была или не была Кавказская война «завоевательной, агрессивной акцией». Интересно, что в печатном органе белогвардейского Кубанского краевого правительства – газете «Вольная Кубань» от 20 июня 1919 г. прозвучала оценка Кавказской войны, почти полностью совпадающая с мнением Маркса: «Лучшие страницы военной истории – долголетняя и героическая борьба горцев Кавказа за свободу и независимость против старой деспотической России едва ли могла быть столь продолжительной и упорной, если бы она не была борьбой национальной, борьбой за свое физическое существование и против уничтожающего и несущего за собой рабства, ненавистного для свободолюбивых горцев московского царизма».

6.15.2. Геноцид адыгов в Кавказской войне

«На завершающем этапе Кавказской войны, в 1858-1864 гг., царским самодержавием по отношению к адыгам был осуществлен массовый геноцид. Оставшиеся в живых адыги были вышвырнуты царским правительством в Малую Азию и прилегающие районы. При той депортации были умерщвлены, утоплены в море, умерли от инфекций не тысячи, а многие десятки тысяч мужчин, женщин, детей. После этой царской операции на Западном Кавказе осталось 5% адыгского населения», – пишет, не скрывая боли, историк М.Ш. Психоматов (2011. С. 25).

6.15.2.1. Понятие геноцида

Великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей. И падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы.

Евангелие от Луки (21; 23-24).

Геноцид – действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую группу. Предумышленное создание условий, которые рассчитаны на полное или частичное уничтожение таких групп...

Словарь иностранных слов (1995).

Предысторию возникновения этого термина излагает А.А. Епифанцев (2010). По его мнению, сам термин «геноцид» был придуман Р. Лемкиным, по происхождению польским евреем, который в 30-х гг. XX столетия занимался вопросом преступлений против национальных групп, беря за основу резню армян в Турции и еврейские погромы. В начале 1940-х гг. он эмигрировал в США. В августе 1941г., услышав по радио выступление английского премьер-министра Уинстона Черчилля, где тот сказал: «На наших глазах совершается преступление, которому еще не придумано название...», Лемкин тут же предложил использовать изобретенный им термин «геноцид». В годы войны термин получает развитие, его даже фиксируют в документах Нюрнбергского процесса, описывая «преднамеренное и систематическое истребление расовых или национальных групп гражданского населения на определенных оккупированных территориях с целью уничтожить определенные расы и слои наций и народностей, расовых и религиозных групп...» Но наибольшее развитие термин «геноцид» получает в послевоенное время. В 1948 г. ООН принимает Конвенцию «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» и постепенно это понятие входит в нашу повседневную политическую и историческую культуру как одно из наиболее серьезных преступлений, которое должно быть осуждено и наказано.

В Конвенции дается определение геноцида, остающееся в силе и по сей день: «Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- убийство членов такой группы;
- причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую» (Епифанцев А.А., 2010. С.120-121).

6.15.2.2. «Вот ухищряются, ...чтобы задержать тебя, или умертвить, или изгнать»

Вот ухищряются против тебя те, которые не веруют, чтобы задержать тебя, или умертвить, или изгнать. ...Поистине скверно, что они делают!

Коран. Сура 8,30; 58,16.

И поразили они его, и сынов его, и весь народ его, так что ни одного не осталось, и овладели землею его...

Библия. Числа (21; 35).

Как говорил председатель республиканского совета «Адыге хасэ» А.А. Схалыхо, Кавказская война была развязана царизмом именно против горцев. По своим масштабам и жертвам война вылилась в подлин-

ный геноцид в отношении коренного населения и вписала трагические страницы в историю адыгов. Тысячи из них погибли в неравной борьбе, более полумиллиона выселились в Турцию и оказались рассеянными во всему миру. Жестокая война замедлила естественное развитие адыгского народа, обрекла оставшихся на земле предков на медленное вымирание.

Видя все эти преступления против человечности и человечества, беспокоясь за нравственный облик своего Отечества, русский патриот генерал Н.Н. Раевский-младший писал: «Наши действия на Кавказе (имеется в виду Черкесия. – **Авт.**) напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами. Но я не вижу здесь ни подвигов героизма, ни успехов завоеваний Пизаро и Кортеса. Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобного тому, какой оставили эти завоеватели в истории Испанской». Он отмечал также, что царские генералы и военачальники «мстили целым племенам за вину нескольких людей, уничтожая и стирая с лица земли целые аулы и села».

Судя по всему, генерал Раевский не случайно взял эпоху завоевания Америки в качестве «параллели» завоеванию Черкесии. Нам удалось обнаружить документальное свидетельство одного из очевидцев – монаха-доминиканца Лас Касаса (1612 г.), уж очень напоминающее события на Северо-Западном Кавказе: «Когда испанцы вступали в индейские поселения, жертвами их ярости становились старики, дети и женщины... Они загоняли индейцев, как стадо баранов, в огороженное пространство и ссорились друг с другом в том, кто ловчее разрубит индейца пополам с одного удара».

Несколько слов о дальнейшей судьбе этого генерала, с теплотой относившегося к горцам. 15 февраля 1840 г. П.Х. Граббе писал А.П. Ермолову: «Что касается до Раевского, я вынужден этого... (при печатании выпущено какое-то резкое слово) вывести на чистую воду, иначе надобно было бы допустить много важного и непоправимого вреда. Говоря языком картежных игроков, он играет на свои и вовсе не думает ни о чем другом». Покидая службу, Н.Н. Раевский пишет в 1841 г.: «Наследнику моему предстоит блестящее поприще, если он убедится, что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам».

Преемники генерала Н.Н. Раевского на Северо-Западном Кавказе не отказались от карательных акций и опустошений, не устояли «против общего влечения к сим мнимым подвигам». Напротив, усилились карательные экспедиции, в ходе которых гибли люди в массовом порядке, уничтожались мирные аулы, их посевы и продовольственные запасы («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 509).

Как видим, беспокойство генерала Н.Н. Раевского имело под собой реальную почву – российский царизм творил небывалый до этого и после длительный (более века) кровавый геноцид против адыгского народа. Это была политика сплошного физического уничтожения коренного населения, осуществления тактики выжженной земли и колонизации «очищенной» от черкесов территории русско-казачьим населением. Методы, которыми действовали «цивилизованные» колонизаторы, опустошая Землю адыгов, напоминают нам сцены из библейской истории: «Пред ним пожирает огонь, за ним палит пламя; перед ним земля как сад Эдемский, а позади его будет опустошенная степь, и никому не будет спасения от него» (Книга пророка Иеремии, 2, 3). Помимо несоизмеримых с русскими огромных потерь в боевых столкновениях, царская агрессия стала причиной массового переселения (вернее, изгнания) адыгов в Турцию.

Как справедливо отмечается в монографии «Черкесия в XIX в.» (1991), Кавказская война – тягчайшее преступление царского самодержавия против человечности, которое не может вообразить себе человеческий разум. Все действия царизма были направлены на насильственное уничтожение превосходящей военной силой генофонда адыгского народа, его духа вообще. Адыги были просто обречены на вымирание. Лишь революция 1917 г., как бы ее сейчас ни оценивали всевозможные «псевдодемократы», смела царизм и уничтожила колониальную систему тотального унижения и уничтожения адыгского народа. Как говорится, «...деяния их – как пепел, усилился над ним вихрь в бурный день; они не властны ни над чем, что приобрели» (Коран. Сура 14; 21).

6.15.2.3. Историк Епифанцев: «А был ли вообще геноцид адыгов со стороны царского правительства?»

Факт геноцида против черкесского народа несомненен. И те, кто его отрицает, – либо кривят душой, либо – что мало вероятно – добросовестно заблуждаются.

Гордин Я.А. (2000).

Они [адыгские ученые] почему-то никогда не объясняли своему собственному народу что такое геноцид, ...сравнива ли ситуация, сложившаяся с адыгами, с тем, что испытывали другие народы, геноцид которых признан?

А.А. Епифанцев (2010).

В своем историческом очерке «Черкесия – Кавказская Атлантида» Яков Гордин, военный историк, один из крупных знатоков истории Кавказской войны, проанализировавший большой массив архивных источников,

уверенно утверждает: «Да, факт геноцида против черкесского народа несомненен. И те, кто его отрицает, – либо кривят душой, либо – что мало вероятно – добросовестно заблуждаются» (Цит. по: Психоматов М.Ш., 2011. С. 19).

Тем не менее, А.А. Епифанцев (2010. С.142) выражает серьезные сомнения: *да был ли вообще геноцид адыгов со стороны царского правительства?* «Что интересно, – говорит он, – такой анализ никогда не про- изводился (!?) адыгскими учеными и общественными деятелями. Опираясь доказательствами типа «Как можно не верить в геноцид адыгов?» и «Наличие адыгского геноцида – бесспорно», они почему-то никогда не объясняли своему собственному народу, что такое геноцид, какова международная правоприменительная практика в его случае и *сравнима ли ситуация, сложившаяся с адыгами, с тем, что испытали другие наро- ды, геноцид которых признан?* Меня лично (А.А. Епифанцева) такая укороченная аргументация всегда сильно настораживала и побуждала к поиску информации...».

Примечательно, что А.А. Епифанцев не одинок в своем отрицании геноцида адыгов. Так, о том, что адыги якобы «добровольно» ушли в Турцию, писала и З.Б. Кипкеева в своей более ранней работе: «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение» (М., 2006). Итоги Кавказской войны и сокращение численности населения адыгов на 95% она предлагает рассматривать как *добровольный мигра- ционный процесс, не допуская и мысли о геноциде, о массовом истреблении народов, об их изгнании с исто- рических земель*. В частности, выселение адыгов в Османскую империю З.Б. Кипкеева предлагает рассмат- ривать не в связи с ходом и последствиями Кавказской войны, а с волеизъявлением людей, в которых был заложен «ген кочевничества». При этом оседлые и, по мнению Кипкеевой, более высокие по культуре наро- ды – карачаевцы и балкарцы, лишённые этого гена, остались на Кавказе, где они сформировались в незапа- мятные времена (Цит. по: Ошроев Р.Г., 2007. Вып. VI. С. 458).

6.15.2.4. Во всех бедах адыгов во время Кавказской войны виноваты... сами адыги?

Было ли то, что Ермолов делал, жестоко? – Да! Несомненно! Но ведь это была та самая политика, которую на протяжении многих десятилетий демон- стрировали сами адыги.

А.А. Епифанцев (2010).

А.А. Епифанцев ненавязчиво подводит читателя к мысли, что во всех бедах адыгов во время Кав- казской войны, оказывается, виноваты... сами адыги. Чтобы не быть голословными, приведем выдержку из его «исторического» эссе: «С приходом Ермолова кавказская политика России становится принци- пально другой. Ермолов был первым, кто понял, что на Кавказе нельзя вести войну по европейским прин- ципам и перешел на местные правила и нормы военных действий. Это касается и его приказов в обяза- тельном порядке жестоко карать за каждый набег, и его политики взятия в селениях аманатов (заложни- ков), совершенно немыслимой при войне в Европе, и того, что операции русских войск при нем преврати- лись тоже в какое-то подобие набегов, в которых действительно гибли мирные жители и, наконец привле- чение для военных операций против горцев самих горцев.

Было ли то, что Ермолов делал, жестоко? – спрашивает А.А. Епифанцев (2010. С. 164). – И сам же от- вечает: Да! Несомненно! *Но ведь это была та самая политика, которую на протяжении многих десятиле- тий демонстрировали сами адыги*. Это была политика, целью которой (хотя, конечно же, не единственной!) во многом, как раз и была нейтрализация адыгских набегов!

Разве можем мы теперь забывать о массовых и постоянных черкесских набегах на Кубанскую линию, в первый период военных действий не являвшуюся угрозой черкесским землям, и превозносить исключи- тельно страдания адыгов во второй их период? Разве справедливо видеть только черкесские головы, наса- женные на пики генералом Зассом и заставлять потомков сотен убитых и угнанных в рабство жителей ст. Романовской учитывать только их и считать это страшным геноцидом, а страдания своих предков полно- стью забывать? (Епифанцев А.А. 2010. С. 163-164).

6.15.2.5. «Зачастую переселение имело целью не убийство адыгов, а абсолютно обратную задачу – их выживание!»

Если бы царские генералы действительно хотели уничтожить адыгов, то легче всего это сделать можно было бы как раз на последней стадии войны, когда черке- сы прекратили сопротивление... Вместо этого, россий- ский император предлагает черкесам переселиться.

А.А. Епифанцев (2010).

А.А. Епифанцев (2010) особо подчеркивает: «Хочу особо отметить, что цель убить всех адыгов (что действительно можно было расценить как геноцид!) не стояла в принципе. Если бы задача была поставлена именно так, если бы царские генералы действительно хотели уничтожить адыгов, то легче всего это сделать

можно было бы как раз на последней стадии войны, когда черкесы прекратили сопротивление, не представляли никакой военной силы, потеряли управление и все племена, кроме убыхов, были полностью дезорганизованы. Вместо этого, российский император предлагает черкесам переселиться. Да, переселение смешало адыгские народности, что привело к ассимиляции самых малых из них и разорвало единую линию расселения адыгов. Да, переселение иной раз совершалось в не самые удобные места, откуда потом приходилось сниматься и переезжать всем аулом. Это тоже было. Но так было не только с черкесами, но и с казаками – они и здесь были поставлены в равные условия. Так, только в одном 1868 г. были упразднены или перенесены целых 12 станиц Кубанской области как говорилось в приказах, «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщения и отчасти климата».

И, как следствие, А.А. Епифанцев приходит к парадоксальному выводу: «Наоборот, зачастую, переселение имело целью не убийство адыгов, а абсолютно обратную задачу – их выживание! Так, например, было в случае с аулом Тлюстенхабль, который основали бжедугские князья и дворяне, против которых выступили крестьяне. Народ изгоняет дворян, кого ловит – убивает, те убегают к русским и просят о защите. Под прикрытием русских войск их селят на левом берегу Кубани напротив сильного русского поста, рядом с Екатеринодаром и ст. Пашковской. Бжедуги несколько раз пытаются захватить дворян и расправиться с ними, но русские не дают. В конце-концов, бжедуги ставят выдачу дворян им на расправу условием перехода целого народа на русскую сторону. Русские отказывают. ...Аул Тлюстенхабль стоит до сих пор. Дворянский аул. Кто кого тут спас? Кто кому тут устраивал геноцид? Интересно, хотят ли судить Россию за геноцид своих предков потомки спасенных Россией дворян?» (Епифанцев А.А. 2010. С. 241-242).

6.15.2.6. «Если это не было геноцидом, то что же это было? Колонизация и глобальный передел мира – вот имя той войне!»

При возможности уничтожить адыгов, уж извиняюсь за формулировку, бесплатно, царская власть платит очень немалые деньги за перевоз адыгов в Турцию... и это предлагают назвать «геноцидом».

А.А. Епифанцев (2010).

Завершая свои исторические изыскания, А.А. Епифанцев обращает внимание читателей на «безусловно гуманные» действия царского правительства, направленные на облегчение принудительной депортации горцев в Турцию: «Что делает «палач адыгского народа» Александр II? Он платит деньги для переселения адыгов. 289 тыс. руб. на пособия горцам, 10 руб. пособия на семью – это много или мало? Так, что при возможности уничтожить адыгов, уж извиняюсь за формулировку, бесплатно, царская власть платит очень немалые деньги за перевоз адыгов в Турцию... и это предлагают назвать геноцидом – «действием, совершаемым с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»? Не думаю, что кто-то, владея вопросом, в это поверит, – утверждает автор.

Ну хорошо, если это не было геноцидом, то что же это было? Война, абсолютно не похожая на боевые действия, к которым мы привыкли сейчас, она не подчинялась законам современных военных уставов и практических наставлений. Это была война, которая стала мельчайшей частичкой несравнимо более глобальных процессов. *Колонизация и глобальный передел мира – вот имя той войне!* В ходе той войны великие державы того времени окончательно разделили весь мир, и Западный Кавказ был лишь маленькой точкой на карте грандиозных переделов эпохи» (Епифанцев А.А. 2010. С. 307).

Эта война, – продолжает автор, – не была похожа на привычную нам картинку непрерывных боевых действий. Она была сродни медленному освоению территории, сопровождающемуся как активными периодами боев, так и перемириями и полузатишьями длиной в годы и десятилетия. В ходе войны Россия не ставит целью уничтожить всех адыгов. Она довольно четко делит их на «мирных»-«немирных» и насколько жестоко относится к немирным, настолько же лояльно и благоприятно она воспринимает других.

Одержав победу, Россия подвергает четыре адыгских народа, оказавших наиболее ожесточенное сопротивление и проживавших в наиболее опасных с точки зрения российской геополитики местностях, принудительной депортации, предоставив им выбор переселения в степную часть с получением всех прав гражданства, либо на территорию давнего союзника и покровителя черкесов – в Турцию. Попав под влияние турецких эмиссаров и собственной знати, преследовавшей личные цели, эти народы практически полностью уходят в Турцию. Вслед за ними и по тем же причинам уходит и значительная часть адыгов, в отношении которых депортация не осуществлялась. *Оставшиеся получают равные права и равные условия жизни (!?) со всеми остальными подданными Российской империи»* (Епифанцев А.А. 2010. С. 309).

6.15.2.7. «Просим Европарламент ...признать геноцид адыгского народа, совершенный Российским государством с конца XVIII до начала XX вв.»

Россия ставила целью не только захват территории, но и полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель.

Из Обращения черкесских организаций в Европарламент (1990).

Для того, чтобы укрепить (или рассеять) свои сомнения по поводу того, а был ли вообще геноцид адыгов в ходе Кавказской войны, А.А. Елифанцев приводит выдержку из Обращения адыгской общественности в Европарламент:

Обращение черкесских организаций в Европарламент

«В ходе военных действий осуществлялись: захват территорий, целенаправленное лишение мирного населения основных средств жизнеобеспечения: уничтожение садов и посевов, захват скота, сожжение дотла мирных селений. Совершались массовые убийства мирного населения: женщин, детей, стариков. К середине XIX в. организованное сопротивление адыгов (черкесов) было сломлено. С 1862 г. начинается массовая насильственная депортация коренного населения. Сотни тысяч людей, согнанных на побережье Черного моря, гибнут от холода, голода, эпидемий. По заниженным данным Адольфа Берже (1828-1886 гг.), который считался в то время официальным историком Русско-Кавказской войны, из более чем 1 млн. адыгов (черкесов) в войне погибло свыше 400 тыс. чел., выселено 497 тыс. чел., на исторической родине осталось около 80 тыс. чел. Однако беды нашего народа на этом не закончились... В многочисленных архивных документах есть сведения участников трагических событий, которые позволяют сделать главный вывод – войну, которую вело Российское государство в XVIII-XIX вв. против адыгов (черкесов) на их исторической территории, нельзя рассматривать как обычные военные действия. Россия ставила целью не только захват территории, но и полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель. Иначе нельзя объяснить причины нечеловеческой жестокости, проявленной российскими войсками на Северо-Западном Кавказе.

Процесс насильственной депортации продолжался вплоть до первой мировой войны, как отдельными семьями, так и целыми населенными пунктами... За 142 года после окончания Русско-Кавказской войны Россия неоднократно меняла свое политическое устройство, но отношение к адыгам (черкесам) оставалось неизменным – это насильственная культурная ассимиляция оставшегося коренного населения на своей исторической территории и запрет на возвращение изгнанных с Северо-Западного Кавказа адыгов (черкесов)...».

«Итак, суммируем все вышеизложенное: невероятная жестокость, стремление уничтожить или выселить целый народ, насильственная депортация, принудительная культурная ассимиляция. Отсюда абсолютно логично вытекает следствие: «Просим Европарламент всесторонне и объективно рассмотреть наше Обращение и признать геноцид адыгского (черкесского) народа, совершенный Российским государством с конца XVIII до начала XX вв.» (Елифанцев А.А. 2010. С. 151-153).

Примечательно, что аналогичное требование о признании Россией факта геноцида адыгского народа прозвучало и в принятом Верховным Советом КБ АССР в августе 1990 г. Постановлении «Об осуждении геноцида адыгов в годы Русско-Кавказской войны», в котором, в частности, отмечалось: «Столетняя колониальная Русско-Кавказская война (1760-1864), принесла адыгам неисчислимые бедствия. Свыше 90 % населения Кабарды были физически уничтожены. Из 3 млн. населения Черкесии в ходе войны было истреблено более половины, а около 1 млн. было насильственно изгнано в Османскую империю, из которого в пути следования от голода, холода, болезней и бесчеловечного обращения погибла значительная часть».

В настоящее время несколько миллионов адыгов разбросано по всему миру. Их точную численность пока установить невозможно. По приблизительным расчетам, которые приводил в своем докладе на Всесоюзной научно-практической конференции «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы махаджирства» председатель Кабардино-Балкарского отделения Ассоциации «Родина» К.К. Эфендиев, в Турции проживают от 1,5 до 2 млн. адыгов, Сирии – от 60 до 70 тыс., Иордании – от 50 до 60 тыс., ФРГ – от 15 до 20 тыс., США – от 5 до 7 тыс., Югославии и Израиле — по 3-4 тыс. человек.

Верховный Совет Кабардино-Балкарии, а затем Парламент республики неоднократно обращались к Президенту Российской Федерации с конкретными предложениями о признании факта геноцида адыгов (черкесов), предоставления зарубежным адыгам двойного гражданства и статус народа-изгнанника через соответствующие международные организации. Но вопрос до сего времени не получил положительного решения» (Бгажноков Б.Х., Берзегова С.Д., вып. I. 2005; Гугова М.Х., 2005, вып. I).

Комментируя эти пронизанные болью документы, А.А. Елифанцев задает вопрос: «Правомерно ли теперь в смерти многих тысяч адыгов, павших за столетний период от болезней и лишений, обвинять русских, которые и сами были в такой же ситуации?». И сам же отвечает: «Подход к вопросу о геноциде, выраженный в обращении в Европарламент, не дает ответа на эти вопросы. Не дают его и современные черкесские историки и общественные деятели. Они его просто не ставят. Этот вопрос «этнопатриоты» обходят стороной годами, застенчиво не обращая на него внимания и приписывая 360 тыс. скончавшихся от болезней голода и лишений к 40 тыс. чел., погибших в результате боевых действий. Без сомнения, такая односторонняя забывчивость очень удобна, и по отношению к самому адыгскому народу это работает. Люди верят!» (Елифанцев А.А., 2010. С. 174). Что здесь можно сказать? «Обвинять русских» и «обвинять царское самодержавие» – это не одно и то же. И не надо подменять понятия, вводя осознанную путаницу.

6.15.2.8. «Черкесский вопрос» и Зимняя Олимпиада-2014

Конференция в Тбилиси по «черкесскому вопросу» осудила действия Российской империи по отношению к черкесам и признала геноцид по отношению к этому народу, а члены американской делегации даже призвали к созданию Независимого (!) Черкесского государства, – разумеется, за счет территории России.

Д. Асламова (2010).

Специальный корреспондент газеты «Комсомольская правда» Дарья Асламова пытается выяснить, кто стоит за людьми или организациями, призывающими сорвать проведение Зимней олимпиады-2014 в Сочи, выставляя в качестве основного довода «геноцид черкесов». Принимая во внимание интерес читателей к этой теме, приведем интервью Д. Асламовой в кратком изложении:

«В Стамбуле у меня вышел горячий спор об армянском геноциде с турецким политологом Мехметом Перинчем. «Геноцид – политический инструмент, изобретенный в XX в., и средство шантажа одного народа другим, – резко заявил Мехмет. – Пока вы, русские, хлопчете о своих братьях-армянах, добивающихся мирового признания их геноцида, вам самим дело о геноциде шьют».

– «Что вы имеете в виду? – насторожилась я. – Голодомор?»

– «Не только. Геноцид черкесов».

– «Абсурд! – недоверчиво усмехнулась я. – Если вы говорите о Кавказской войне, то кто сейчас, в XXI столетии, будет поднимать на щит раздоры 150-летней давности? И при чем тут геноцид? Шла беспощадная война, Российская империя завоевывала новые земли и подчиняла новые народы, люди сражались и умирали с оружием в руках. При большом желании любую войну можно подвести под понятие «геноцид».

– «Об этом я вам и толкую, – говорит Мехмет – Начинается большая игра, спонсируемая американцами, в которой первый удар нанесет Грузия. Игроков много, цели разные. У Грузии – сорвать или хотя бы изгадить Олимпиаду (согласно правилам Олимпийские игры не могут проходить в местах массового убийства людей – я говорю о Красной Поляне, где когда-то погибли и похоронены сотни черкесов); у США – зажечь новый конфликт на Кавказе и тем самым окончательно отрезать его от России. За игрой пристально наблюдает Турция, и не стоит забывать, что значительная часть турецкой военной элиты – черкесы по крови. О черкесском «геноциде» вы еще услышите и очень скоро».

Мехмет оказался прав. Уже в марте 2010 г. в Тбилиси прошла международная конференция по «черкесскому вопросу», принявшая резолюцию, в которой осудила действия Российской империи по отношению к черкесам и признала геноцид по отношению к этому маленькому народу, а члены американской делегации даже призвали к созданию Независимого (!) Черкесского государства, – разумеется, за счет территории России. Правда, большинство наших отечественных черкесов грузинскую конференцию демонстративно проигнорировали, но отнюдь не из соображений лояльности по отношению к России, а из братских чувств к абхазам. Черкесы и абхазы – народы-родственники».

И далее корреспондент Д. Асламова продолжает: «Продуманную атаку на «черкесский вопрос» еще два года назад повел Израильский институт восточного партнерства в лице своего президента Авраама Шмулевича. Серия его статей под броскими заголовками: «Кровь Красной Поляны. Зимняя Олимпиада на земле геноцида как ловушка для русского медведя»; «Удар в черкесском направлении» – наделала много шума. Позицию израильского раввина и либерального «гиперсиониста» Шмулевича я всегда рассматривала как позицию умного и тонкого врага, а к врагам надо прислушиваться. Статьи читала с нескрываемым раздражением: «Почему бы Аврааму, страстному пропагандисту черкесского «геноцида», случившегося аж в середине XIX в., не заняться геноцидом тех же палестинцев, который творится прямо под его носом?! Кавказ – дело тонкое, и не надо быть экспертом, чтобы понимать: даже капля яда, попавшая в систему его общественного кровообращения, способна вызвать лихорадку, которую не вылечат никакие врачи».

Я бросила Шмулевичу обвинение: «Провокатор». Он ответил на него с присущей ему долей пафоса: «Вот представь себе человека, который в совершенстве умеет обращаться с ножом и знает анатомию. Он может быть абсолютным убийцей, способным одним легким движением убить человека, но может быть и абсолютным хирургом. Умение одно и то же, – все зависит от задачи. Вот и я такой же человек. Зная историю, хорошо понимая текущую ситуацию и обладая четким и исчерпывающим пониманием идущих процессов, можно как подготовить взрыв, так и предотвратить его...».

Думается, какие-либо комментарии к этому интервью излишни. Как мы видим адыги (черкесы) снова стали заложниками политических интриг. Цель «сострадающих» – взбудоражить адыгский мир, сорвать проведение Зимней Олимпиады и разжечь новый конфликт на Кавказе. Эти «благие» планы обречены на провал, т. к. адыги не ставят в вину ни советской, ни нынешней российской власти, а тем более русскому народу геноцид, совершенный царским самодержавием. Именно в составе Российской Федерации адыги видят свое будущее.

6.15.2.9. «Четыре причины, по которым однозначно нельзя признавать геноцид»

Лидеры адыгов начинают требовать от России уж если и не перевезти на Кавказ в знак покаяния за страшный геноцид всю адыгскую диаспору, то хотя бы раздать нескольким миллионам этнических зарубежных адыгов российские паспорта.

А.А. Епифанцев (2010).

По мнению А.А. Епифанцева, которое авторы настоящей книги не могут полностью разделить, – существует, по крайней мере, четыре причины, по которым «однозначно нельзя признавать геноцид»:

1). Однозначно нельзя признавать геноцид. Хотя бы потому, что его не было (!!).

2). Необходимо совершенно четко осознать: *никакого признания геноцида Европарламентом не будет. Это совершенно невозможно.* Это полная нереальность и абсолютный уход в какой-то другой, параллельный мир, существующий только в головах людей, которые из года в год кормят адыгов этой пустой и бесплодной жвачкой. Да, надо признать, что процесс колонизации во всем мире сопровождался значительными страданиями колонизируемых коренных народов, уменьшением их численности, изменением их образа жизни, форм хозяйствования и территории обитания. Но так было во всем мире! И если в этом контексте говорить о признании геноцида, то пусть Англия, Франция, США, Германия, Бельгия, Испания, Италия, Португалия, Голландия и Турция встанут рядом с Россией и покаются за страдания, причиненные их предками. Можно так ставить вопрос? Можно! Но выдергивать из этого списка по каким-то своим причинам одну лишь Россию, распинать её на кресте, выставляя другие страны, отличавшиеся в своей колонизаторской политике намного большей жестокостью, в качестве арбитров и судей этого признания – принципиально неправильно и этому следует всячески противиться... Я (т. е. А.А. Епифанцев) уверен, что активисты движения за признание геноцида уже сами начинают осознавать всю обреченность этой затеи. Подтверждением этого является хотя бы то, что вопрос о геноциде уже 3 года абсолютно безрезультатно болтается в Европарламенте, а лидеры адыгов начинают требовать от России уж если и не перевезти на Кавказ в знак покаяния за страшный геноцид всю адыгскую диаспору, то хотя бы (!) раздать нескольким миллионам этнических зарубежных адыгов российские паспорта.

3). Абсолютно неправильно рассматривать вопрос геноцида в отрыве от той роли, которую в этом вопросе сыграли сами адыгские народности. Она – огромна! *Роль эта заключается как в участии адыгов в военных действиях как против российских войск, так и на их стороне и в добровольном принятии решений, приведших часть их народа в исторический тупик.* Опять же, следует иметь в виду, что подобные решения были вызваны абсолютно объективными факторами и развивались аналогично тому, как это было на других территориях и в других странах, но ведь это было. Разве правильно сейчас устраивать «тут помню – тут не помню» и обвинять только одну сторону и только по её национальному признаку?

4). При рассмотрении вопроса колонизации Кавказа Россией и её результатов недопустимо концентрироваться исключительно на негативных сторонах этого явления, полностью опуская позитивные моменты, которых тоже было немало. Не вдаваясь в детали, типа письменности, прогрессивных методов хозяйствования и т. д., можно лишь сказать, что *после прихода России на Кавказ, адыгское общество перепрыгнуло в уровне своего общественного развития сразу через 2-3 ступеньки.* Из закрытого раннефеодального, а в некоторых случаях и родоплеменного общества оно в течение 50-100 лет превратилось в общество, стоящее на пороге капиталистического периода» (Епифанцев А.А. 2010. С. 293-294; 333-335).

Завершая эту столь болезненную и для сегодняшних адыгов тему, приведем мнение уже не историка А.А. Епифанцева, а одного из государственных деятелей РФ. Когда в 1999 г. некий высокопоставленный представитель Чечни (Ичкерии) заявил о претензиях чеченцев к русскому народу, бывший министр национальной политики Российской Федерации В.А. Михайлов ответил: «На Кавказе есть единственный народ, который вправе выразить горькую обиду России за геноцид, – это адыги. *Но у этого народа хватило мудрости, чтобы не переносить на русское население гнев за преступления царизма.* Исторический опыт подтвердил это лучше всяких книг: за десятилетия советской власти русский народ бескорыстно, по-братски, самоотверженно помог народам Кавказа, как и всем другим в многонациональной стране, подняться к высотам цивилизованности, ощутить себя полноправными гражданами общей Родины – России. Самодержавие преступно пресекло естественный процесс развития самобытного народа. Если бы не учиненный им бесчеловечный погром, сегодня на склонах Эльбруса, Западного Кавказа проживала бы черкесская нация численностью до 3 млн. чел.» (Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 443).

И вновь возвращаемся к вопросу, который А.А. Епифанцев то и дело задает себе (и читателям): «А был ли вообще геноцид адыгов со стороны царского правительства?». Думается, факты, изложенные нами в настоящей книге, в полной мере отвечают на этот столь «сложный» для нашего историка вопрос...

6.15.3. «Кто виноват?...»

Преступления властителей нельзя вменять в вину тем, над кем они властвуют; правительства подчас бывают бандитами, – народы же никогда.

В. Гюго (1802-1885).

Что же это, наконец, за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв...?

А.И. Герцен (1812-1870).

Присоединение Северного Кавказа к России имело как негативные, так и позитивные последствия. К числу первых, несомненно, относились гибель и исход сотен тысяч горцев (в первую очередь, адыгов) в Турцию. Причем, в последнее время некоторые «историки» всю вину за эту трагедию перекладывают на

одну только Россию. Между тем, есть ряд документов, подтверждающих и вину многих князей – местной феодальной верхушки адыгского общества, и мусульманского духовенства, и Турции, бросившей на произвол судьбы своих единоверцев, и провокационную роль западных держав (Англии и Франции) и т. д.

Авторы вышедшей в 1991 г. в Майкопе монографии «Черкесия в XIX в.» справедливо подчеркивают, что признание основной вины русского царизма за трагедию Кавказской войны и выселение горцев не налагает никакой вины на русский народ. Еще в 1847 г. Ф. Энгельс писал, что демократия «...должна отказаться от всякой ответственности за прошлое, полное нищеты, тирании, классового угнетения и суеверия; демократы не обязаны принимать на себя ответственность за действия своих королей и аристократов прежних времен». Но, несмотря на установившийся жестокий колониальный гнет, присоединение к России оставшейся на родине части адыгов имело, тем не менее, объективно-положительное значение. Оно положило конец постоянным угрозам извне и междоусобицам внутри, выкорчевало позорную систему работорговли, а также отменило крепостную зависимость. Бывшие крепостные горцы получили землю в общинно-наделное пользование, причем в 2-3 раза больше, чем имели тогда русские крестьяне-общинники в Европейской России. Вхождение горцев в состав России приобщило адыгов к богатствам русской и мировой культуры, втянуло их в общее русло более передовой общественной системы. Другой вопрос, – какой ценой...

Ведь были пути и способы мирного «урегулирования» черкесского вопроса. На них неоднократно (и безуспешно!) указывали царским сатрапам передовые русские люди, сосланные в свое время на «погибельный» Кавказ. Так, декабрист Н. Лорер писал: «Огонь и меч не принесут пользы, да и кто дал нам право таким образом вносить образование к людям, которые довольствуются своей свободой и собственностью?». Такой же точки зрения придерживался и А. Розен, который подчеркивал, что присоединение Кавказа к России должно осуществляться «не исключительно одним оружием», а другими, мирными способами. «Много горцев уже поступили добровольно в подданство России, – отмечал он, – они известны под общим названием мирных черкесов, этим людям следовало дать все возможные льготы и выгоды, оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им судей-исправников». А.С. Пушкин также был уверен, что мирное присоединение кавказских народов к России, приобщение к русской культуре должно было привести к тому, что

...Кавказ
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.

Даже Д.А. Милютин, будущий военный министр царского правительства, писал в 1841 г.: «Чтобы горцы терпеливо несли иго русского владычества, одно необходимое условие: то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни». И далее он сокрушенно восклицает: «Нет, не в таком духе действовали мы до сих пор на Кавказе!» Что добавить к этим словам? Поистине, русский мужик задним умом крепок...

6.15.4. «По ком звонят колокола...»

Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий.

Б.Н. Ельцин, Президент РФ (1994).

Давайте извлечем верный урок из истории. Кубань и весь Северный Кавказ были и должны оставаться регионом мира и процветания. За это в ответе и адыг, и казак, каждый человек, живущий на нашей общей земле...

Н.И. Кондратенко (1997).

Со дня окончания Кавказской войны прошло уже около полутора столетий, но она все еще в памяти отдаленных потомков этого кровопролитного противостояния двух народов. Напоминают нам о ней и нижеприведенные документы, которые мы помещаем без комментариев:

Обращение Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина к народам Кавказа, в связи с 130-летием окончания Кавказской войны:

Уважаемые соотечественники!

События более чем вековой давности возвращают нас к далеким годам, когда в борьбе за Кавказ столкнулись интересы Российской империи, Великобритании, Франции, Ирана и Турции. Все эти государства несут свою долю ответственности за многострадальную судьбу горских народов.

Эхо Кавказской войны, которой были принесены большие человеческие жертвы и материальные потери, до сих пор больно отзывается в сердцах многих россиян. Пусть земля будет пухом тем, кто пал на поле боя, потерял жизнь от жестокостей войны, и тем, кто, будучи вынужденным покинуть Отчизну, умер на чужбине, испытав горечь утраты Родины. Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий.

В разные периоды истории, в зависимости от политической обстановки, Кавказская война 20-60-х гг. XIX в. оценивалась и освещалась по-разному. В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет

общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера.

Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны, и, в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон.

Дорогие соотечественники! В нашем сознании Россия и Кавказ стали неразрывно-связанными понятиями, одно невозможно представить без другого. В Нальчике, столице Кабардино-Балкарии, поставлен памятник Марии Темрюковне, на котором высечены слова: «Навеки с Россией». Эти слова святы и дороги каждому россиянину.

Уверен, что сплоченность в построении демократического государства, общественное и межнациональное согласие, гражданский мир явились бы верной порукой тому, что мечты лучших представителей России и Кавказа о благополучии и процветании народов, населяющих нашу страну, станут реальностью.

Б. Ельцин, Президент Российской Федерации
18 мая 1994 г.

Выступление генерального секретаря МЧА – Международной черкесской ассоциации А. Охтова на 53-й сессии Комиссии ООН по правам человека:

Уважаемый господин Председатель!

Ассоциация по защите репрессированных народов (*Gesellschaft für bedrohte Völker*) следила за работой Комиссии по правам человека, и мы поддерживаем позитивный вклад работы рабочей группы по меньшинствам, восстановленной Подкомиссией ООН, и мы просим продлить мандат этой важной рабочей группе.

На этом заседании был обсужден ряд вопросов, относящихся к делу черкесского, или адыгского народа, но в которых редко упоминается о них. Права и положение этого кавказского народа должны быть приняты во внимание этой Комиссией.

В ходе Русско-Кавказской войны (1711-1864) значительная часть черкесского (адыгского) народа была физически истреблена по этническому и религиозному признакам. Из оставшихся в живых к концу войны более 90 % черкесов были насильственно депортированы со своей родины – Северо-Западного Кавказа и Причерноморья – в Османскую империю. Вследствие этого страна Черкесия исчезла с географической карты и исторической арены. Сегодня в странах Ближнего Востока (Турция, Сирия, Иордания) проживает около 3-х млн. черкесов, официально именуемых турками, арабами в силу насильственного лишения их своей национальной принадлежности. Часть из них желает вернуться на историческую Родину.

В Российской Федерации черкесский народ живет разобщенно в следующих республиках или районах: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, Республика Адыгея, Краснодарский край, Курский район Ставропольского края, Моздокский район Республики Северная Осетия–Алания. В разных районах, проживая под разными названиями, черкесы не имеют возможности слушать единое черкесское радио, единую систему телепередач на черкесском языке. Они, следовательно, не имеют возможности пользоваться единой культурой, родным языком.

До 1945 г. Лазаревский район существовал как Шапсугский национальный район – черкесская территория. Однако, в нарушение ст. 5 «Декларации по правам человека, принадлежащего к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам», этот статус национального района ликвидировали (упразднили). Сейчас черкесы не могут добиться возвращения этого статуса. Шапсугов (черкесов) осталось всего 10 тыс. Все они проживают в Лазаревском и Туапсинском районах Краснодарского края. В нарушение ст. 4 п. 3 «Декларации...», шапсуги (черкесы) не имеют возможности преподавать детям на родном языке или пользоваться своей культурой. Из-за недостатка радио-, телепередач на родном языке это коренное население рискует раствориться в русскоязычной среде.

В Успенском районе Краснодарского края осталось три черкесских селения. Российское правительство не выделяет им необходимые деньги на обучение родному языку или на выпуск хоть какой-нибудь литературы на родном языке.

В Курском районе Ставропольского края, в Моздокском районе в нарушение ст. 4 п. 4 той же «Декларации...», Российское правительство не принимает никаких мер, чтобы черкесы изучали историю, традиции, культуру своего народа и тех меньшинств, которые живут рядом с ними.

В нарушение ст. 27 «Международного Билля о правах человека» (Международный Пакт о Гражданских и Политических Правах), черкесское меньшинство лишено возможности «совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком».

Согласно ст. 6 «Декларации по правам человека, принадлежащего к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам», Российское правительство должно сотрудничать в вопросах, касающихся лиц, принадлежащих к меньшинствам. В данном случае Российское правительство должно сотрудничать с Международной Черкесской Ассоциацией, которая занимается интересами этого меньшинства.

Российская Федерация не желает вступать в диалог с черкесским (адыгским) народом о трагических последствиях, которые они испытывают вследствие Русско-Кавказской войны. Российское правительство должно было бы принимать усилия, чтобы решить черкесский вопрос, предоставляя потомкам депортированных черкесов, желающим вернуться, право беспрепятственного возвращения на историческую родину и оказывать финансовую помощь и поддержку репатриантам.

Черкесский народ убедительно просит Комиссию ООН по правам человека продолжать уделять внимание правам меньшинств и поощрять усилия к диалогу между правительствами и меньшинствами под его контролем.

Благодарю за внимание!

А. Охтов, генеральный секретарь МЧА
24 марта 1997 г. («Черкесское зарубежье», 1998, № 4. С. 2).

Обращение Организации Непредставленных Народов (ОНН) президенту Российской Федерации
Б.Н. Ельцину:

Ваше Превосходительство! Организация Непредставленных Народов передает поклон народу и Правительству Российской Федерации.

Организация Непредставленных Народов рассмотрела документы, приложенные Международной Черкесской Ассоциацией к своему Обращению. Эти документы показывают, что во время Русско-Кавказской войны черкесский (адыгский) народ подвергся жестокому геноциду со стороны царского самодержавия: в ходе войны была физически истреблена значительная часть коренного населения по национальному и религиозному признакам, из оставшихся в живых к концу войны более 90 % черкесов (адыгов) были депортированы со своей исторической родины – Северо-Западного Кавказа и Причерноморья в Османскую империю, в результате чего страна Черкесия исчезла с географической карты и исторической арены. Трагедия черкесского (адыгского) народа в советское время тщательно скрывалась от российской и мировой общественности, а целые поколения черкесов (адыгов) выросли даже не зная своего трагического прошлого.

Прежде всего хотелось бы заранее оговорить некоторые моменты. Например, когда речь идет о Русско-Кавказской войне, то подразумевается царское самодержавие, поэтому здесь не предусматривается вина сегодняшней России и россиян за эту войну. Признание сегодняшним руководством Российской Федерации факта геноцида черкесов (адыгов) со стороны царского самодержавия привлекло бы внимание многих народов к тому, что Россия сегодня есть миролюбивая страна, что отношения с национальными меньшинствами руководство Российской Федерации налаживает мирным путем, соблюдая международные права человека и национальных меньшинств. Это явилось бы моральным удовлетворением для черкесского (адыгского) народа, что в свою очередь сняло бы напряженность в известных регионах России и во многом предупредило бы возникновение конфликтов на этнической основе. Тем более, что Российская Федерация приняла закон «О реабилитации репрессированных народов России» (карачаевцы, балкарцы, казачество и т. д.), а черкесский (адыгский) народ, пострадавший во время Русско-Кавказской войны, остался без внимания. Уважительное отношение зарубежных черкесов (адыгов) к дипломатии и к мудрости сегодняшнего руководства РФ во многом возросло бы и вызвало бы их доверие к Российской Федерации. В свою очередь, такое доверие могло бы открыть дорогу многим преуспевающим в бизнесе черкесам (адыгам) за рубежом к инвестициям в российскую экономику, в особенности в строительную индустрию.

Сегодня черкесский (адыгский) народ живет разобщенно как на своей исторической родине, так и за ее пределами. В странах Ближнего Востока (Турции, Иордании, Сирии) проживает примерно 3 млн. черкесов (адыгов), официально именуемых турками, арабами в силу насильственного лишения их своей национальной принадлежности. Часть из них желает вернуться на историческую родину и пользоваться правами человека и гражданина Российской Федерации.

Россия перешла на демократический путь. Сегодня, когда открылись многие секретные в советское время архивы, трудно утаить от людей истину об историческом прошлом народов. Поэтому целесообразно признавать перед народом до конца правду о прошлых событиях. Черкесы (адыги) с благодарностью восприняли Ваше «Обращение к народам Кавказа» от 18 мая 1994 г. в связи с 130-летием окончания Кавказской войны, где в частности отмечено, что «...в настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны, как мужественной борьбы народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера».

В «Обращении к народам Кавказа» говорится о том, что «проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны, и, в частности, возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину, должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон». Своим Обращением, Ваше Превосходительство, Вы дали надежду черкесскому народу на сохранение их языка, культуры, их самобытности, на возвращение на историческую Родину хотя бы какой-то части народа, которая за рубежом теряет свой язык, стоит на грани окончательного растворения в иноязычной среде.

Рассмотрев Обращение Международной Черкесской Ассоциации и считая необходимым восстановление исторической справедливости по отношению к народу черкесов (адыгов), я имею честь от имени Руководящего Комитета Организации Непредставленных Народов (ОНН) обратиться к Вашему Превосходительству, Президенту Российской Федерации Борису Николаевичу Ельцину, с просьбой решить следующие вопросы:

- официально признать акт геноцида черкесов (адыгов) со стороны царского самодержавия;
- закрепить за черкесским (адыгским) народом статус народа-изгнанника;
- признать право беспрепятственного возвращения потомков депортированных черкесов (адыгов), желающих вернуться на историческую родину;
- оказать государственную помощь и поддержку репатриантам;
- воссоздать Шапсугский национальный район на территории Краснодарского края Российской Федерации, ликвидированный в 1945 г.

Для принятия Государственной Программы Российской Федерации по возрождению культуры черкесского (адыгского) народа (аналогично принятым программам по тюркским и финно-угорским народам РФ) необходимо принять во внимание, что шапсуги, черкесы, кабардинцы, адыгейцы – это один этнос, одна нация. Исходя из этого:

- признать как единый народ тех, кого сегодня именуют черкесами в Карачаево-Черкесии, кабардинцами в Кабардино-Балкарии, адыгейцами в Республике Адыгея, шапсугами в Краснодарском крае, а также этнических черкесов (адыгов), проживающих в Российской Федерации и за рубежом, которые исторически являются адыгами по самоназванию и черкесами по иноназванию, ибо все черкесы (адыги) являются носителями одного языка, одной культуры, одного этикета, и, в первую очередь, одного эпоса «Нарты».

Я надеюсь, что эта информация принесет Вам пользу, и я жду Вашего скорого ответа. ОНН уверяет Вас в самом глубоком уважении.

С уважением –

М. ван Валт ван Праг, доктор, Генеральный Секретарь ОНН.
Гаага, 23 апреля 1997 г. («Черкесское зарубежье», 1998, № 4. С. 2).

В том же 1997 г. в краевой и республиканской печати были опубликованы еще два документа, текст которых приведен ниже. Они далеко не случайно расположены рядом: в них четко сформулирована оценка Кавказской войны, высказанная отдаленными потомками как подвергшихся геноциду черкесов, так и потомками запорожских (черноморских) казаков, переселившихся в конце XVIII в. на Землю адыгов:

Обращение к многонациональному народу Республики Адыгея

Дорогие сограждане!

Сегодня, 21 мая 1997 г. исполняется 133 года со дня окончания Кавказской войны. Из множества трагических страниц, пережитых адыгским народом, Кавказская война по своим последствиям явилась самой драматичной. Итогом этой одной из самых длительных в истории человечества войн стало разрушение целостности этноса и его исторической территории. Абсолютное большинство адыгов (черкесов) стали изгнанниками и оказались разбросанными по всему миру.

Проходят годы, но наша память вновь и вновь возвращает нас к трагическим временам. Горе и неисчислимые жертвы, понесенные народами, болью отзываются в наших сердцах. *Кавказская война стала достоянием истории, и никто не ищет виновников трагедии. Но ее уроки необходимо знать нашим современникам, чтобы крепить взаимопонимание между народами.*

За годы, прошедшие после войны, многое изменилось на Северном Кавказе. Теперь здесь рядом живут представители многих народов, объединенные общей судьбой, неразрывными узами добрососедства и братства, для которых наш регион стал общим домом, а Россия – неделимой Родиной. Как показали события в Чеченской Республике и других горячих точках юга России, попытки проигнорировать сложившиеся реалии неприемлемы, более того – губительны для наших народов.

Мы ценим новое время, благодаря которому появилась возможность объективной трактовки Кавказской войны. Впервые на государственном уровне Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин сказал правду о войне, о мужественной борьбе народов Северного Кавказа не только за выживание, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера.

Проблем, доставшихся от Кавказской войны, немало. Главные из них – возрождение адыгского этноса, его национально-культурное развитие. Мы уверены, что это возможно только на основе гражданского и межнационального согласия. Мы делаем и будем делать все, чтобы в Республике Адыгея царили взаимопонимание и уважение всех населяющих ее народов.

Мира, спокойствия и благополучия вам, дорогие соотечественники!

Президент Республики Адыгея – **А. Джаримов**

Обращение руководства Краснодарского края в связи с 133-й годовщиной окончания Кавказской войны.

21 мая – памятная дата в истории России. В этот день отмечается 133-я годовщина окончания Кавказской войны. Особое значение эта дата имеет для нас, жителей Кубани и других регионов Северного Кавказа. Эхо той войны болью отзывается в сердцах русских, адыгов и других народов, веками живущих на благодатной земле предгорий седого Кавказа.

Неоднозначны оценки Кавказской войны. Ее итоги и до сих пор нередко трактуются с амбиционных позиций или позиций, преследующих узкополитические цели; не исключены из жизни факты стравливания народов друг с другом. К чему приводят подобные оценки и действия, весь мир с содроганием убедился на примере чеченской трагедии. Невинная кровь тысяч наших соотечественников разных национальностей, в том числе стариков, женщин и детей, колоссальные экономические потери принесены в жертву политическим интригам.

Мы не вправе забывать о том, что веками спланивало народы Кавказа. Это извечное стремление жить в мире. Это крепкие межнациональные связи, установленные за годы добрососедства. Наконец, это общие проблемы и заботы во всех сферах жизни.

Дорогие земляки, кубанцы! Дорогие наши кунаки, адыги! Уважаемые соседи, проживающие в республиках, краях и областях Северного Кавказа!

Будем всегда помнить, что историческая судьба сделала наши народы кровными братьями. Ведь наша земля обильно полита кровью всех народов Северного Кавказа. Трудом и потом наших отцов и дедов она стала красивой и благодатной. Об этом надо чаще напоминать тем, кто пытается исказить правду, вбивать клин между народами, сеять вражду и недоверие. *Давайте извлечем верный урок из истории. Кубань и весь Северный Кавказ были и должны оставаться регионом мира и процветания. За это в ответе и адыг, и казак, каждый человек, живущий на нашей общей земле.*

Наша общая Родина – Россия помнит трагедию своих детей. Родина – наша мать, а для матери все дети равны. Поэтому ее колокола в этот день звонят по всем ее детям, погибшим в Кавказской войне. Убеждены, нет в отношениях между вековыми соседями таких проблем, которые нельзя решить мирно.

Так будем же всегда и во всем жить по общим законам и святым обычаям наших предков и нашей общей земли. Будем жить в мире и согласии!

Н. Кондратенко, глава администрации Краснодарского края;

В. Бекетов, председатель Законодательного Собрания Краснодарского края;

В. Спиридонов, полномочный представитель Президента РФ по Краснодарскому краю
21 мая 1997 г.

7. МАХАДЖИРСТВО: «ВЕЛИКИЙ ИСХОД» АДЫГОВ В ТУРЦИЮ

*Зачем нам вспоминать про эти времена?
Но память, как волна, поднимется со дна.*

И. Машбаш.

Одним из самых трагических последствий Кавказской войны явилось переселение значительной части горцев в Османскую империю и другие страны Ближнего Востока. Колониальные власти всячески поощряли и подталкивали горцев к переселению, поскольку это была возможность освободиться от наиболее непокорной части населения, физически и духовно ослабить ту или иную этническую общность, заодно укрепить свое влияние. Освобождающиеся земли оперативно заселялись военными казаками и переселенцами из различных губерний России. Массовое переселение горцев продолжалось до начала Октябрьской революции 1917 г. (Тетуев А.И., 2006).

Развивает эту мысль А.Д. Панеш (1999. С. 221). Как отмечает историк, убедившись на практике, что адыги решительно отказываются принимать покорность с последующим выселением их в российские пределы, высшее кавказское начальство решило избрать более легкий и удобный путь – выселение их в Турцию. Выселением адыгов в Османскую империю царское правительство стремилось ускорить военно-политическое завоевание Северо-Западного Кавказа. С другой стороны, царизм путем колонизации Кавказа пытался разрешить земельный вопрос. Очевидно, для развивающейся промышленности Центральной России Северо-Западный Кавказ мог стать рынком сбыта ее товаров и источником сырья для фабрик и заводов. Не случайно у царского историографа Р.А. Фадеева (1865) можно встретить примечательный тезис: «...Земля закубанцев была нужна государству, а в них самих не было никакой надобности».

7.1. «Первые ласточки»: в преддверии массового переселения

*В тот день, когда услышат они вопль, воистину:
это – день исхода.*

Коран. Сура 50; 41

*Изыди из земли твоей, от родства и из дома отца
твоего... И сказал Моисей: пойдем с малолетними нашими,
и стариками нашими, с сыновьями нашими и дочерьми
нашими, и с овцами нашими и с волами нашими...*

Библия. Книга Исход (11; 9-14).

7.1.1. Основные этапы переселения адыгов

В свое время Давлет-Гирей Хатококор (1911) с болью и горечью писал: «Из многочисленных кровавых страниц турецкой истории последнего времени едва ли не самая кровавая – это история махаджирства, и да будет упрёком совести тем лицам, которые вольно или невольно способствовали гибели своих единоверцев».

Что же такое «махаджирство»? Это слово происходит от арабского *«мухаджерет»* и означает «переселение, эмиграция»; но чаще всего его переводят как «изгнанники». На адыгейском языке это слово звучит как *Стамболикыжьытху* – «Великий уход в Стамбул», или иначе: *Хъыджырэтытху* – «Великое переселение» или даже как *Псыикыжь* – «Уход за воду».

Переселение адыгов в Турцию хронологически принято обозначать рамками 1858-1865 гг. Этот взгляд верен в том смысле, что основной поток переселенцев относился к данному периоду. Однако трагедия адыгов в ее различных аспектах охватывает значительно более длительный период. Она продолжалась и до, и после указанных лет.

Когда же появились первые адыги-махаджиры? Уничтожение и изгнание непокорного населения, аннексия большей части равнинных земель осуществлялись царскими властями в Кабарде еще во второй половине XVIII в. Восстание кабардинцев против царизма, начатое в 1794 г., продолжалось с перерывами до 1805 г. и позже. Восстание потерпело поражение, что повлекло за собой переселение части кабардинцев за Кубань. Здесь уместно вспомнить, что в то время р. Кубань служила границей между Турцией и Россией, одновременно разделяя адыгов между двумя империями. Поэтому переход этой границы в 1794-1805 гг. был первым, самым ранним этапом переселения адыгов в пределы Османской империи – своего рода «первой ласточкой» будущего массового махаджирства («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 405).

Новый этап «раннего» махаджирства адыгов-кабардинцев следует отнести к 1821-1822 гг. Карательные акции царских войск неизменно влекли за собой массовое переселение кабардинских аулов за Кубань, т. е., в конечном счете, в пределы турецкой территории. Хан-Гирей писал, что до переселения во всей Кабарде насчитывалось 176 аулов, в том числе 156 в Большой и 20 – в Малой Кабарде. После переселения в Большой Кабарде осталось всего 94 аула, т. е. около 60 аулов ушло в 1821-1822 гг. в Турцию. По количеству ушедших в это время нет точных данных. Хан-Гирей считает, что за эти два года ушло из Кабарды 12 400 чел., С. Бейтуганов – около 20 000 чел.

7.1.2. Главнейшие события, сопутствующие «волнам» переселения адыгов в последний период войны

Как мы ограблены! ...Ибо оставляем землю, потому что разрушили жилища наши...

Книга пророка Иеремии (9; 19).

Блэкыгъэ зымышлэрэм непэрэм уасэ фишлэрэп – «Кто не знает прошлого – не оценит наших дней».

Адыгейская пословица.

Самый «пик» массового выселения адыгов в Османскую империю, осуществленного царизмом в ходе и по окончании Кавказской войны, приходится на период 1858-1865 гг., с максимумом в 1864 г., когда, по официальным данным, только морским путем было перевезено 354 537 чел., на что царское правительство истратило 252 тыс. руб. (Кудаева С.Г., 2007. С.168).

Известный историк Г.А. Дзидзария (1982) выделяет следующие «главнейшие события, сопутствующие «волнам» переселения адыгов в последний период войны».

– С 1858 г. вопрос о переселенческом движении адыгов Западного Кавказа становится предметом «весьма деятельной» дипломатической переписки царского правительства с Османской Портой.

– Лето 1859 г. – бжедуги первыми заявили о своей «покорности» или согласии переселиться в Турцию.

– В августе 1859 г. Шамиль был вынужден сложить оружие. Это событие сильно отразилось на Северо-Западном Кавказе, – усилилось наступление русских войск.

– С 1860 г. главным средством покорения Кавказа была «признана» военная колонизация,

– В 1862 г. начато «официальное» выселение адыгейских (черкесских) племен, когда 10 мая состоялось «высочайшее утверждение» постановления Кавказского комитета о переселении горцев, которое последовало за усилившимися военными действиями на Северном Кавказе после Крымской войны. Прежде всего, был поставлен вопрос о переселении абадзехов и шапсугов, чтобы широко развернуть колонизацию в данном районе.

– Октябрь 1863 г. – с абадзехами и шапсугами было покончено.

– Февраль 1864 г. – по требованию генерала Евдокимова абадзехи оставили свои жилища – одни для поселения на Прикубанской равнине, другие для переселения в Турцию.

– К 19 апреля 1864 г. войска не встречали уже в горах убыхов – они тронулись в Турцию.

– Июль 1864 г. Псуховцы и другие приморские племена вынуждены были спуститься к морскому берегу для отправления в Турцию. По выражению одного из участников военных операций на Кавказе Р.А. Фадеева, «действия порохом и железом кончились». Так закончилась одна из драматических эпох в истории Кавказа (Дзидзария Г.А., 1982).

7.2. Причины массового махаджирства адыгов

Мы – адыги! Мы всегда жили на этих землях. В Туретчину наших дедов с родной земли изгнал царь. Царские войска!

Гошевнай Шовгенова (1917).

Переселение горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны...

Н.И. Евдокимов, генерал (1863).

Финал Кавказской войны ознаменовался для адыгов подлинной национальной трагедией – вынужденным переселением сотен тысяч человек в Османскую империю. Царское правительство стремилось «очистить» Северо-Западный Кавказ от коренного населения, чтобы прочно закрепить за собой завоеванные земли. Уже начиная с конца 50-х гг. XIX в. среди части горцев, продолжавших ориентироваться на Порту, началось массовое движение за уход в турецкие владения.

При этом следует учесть, что при разработке и осуществлении планов массового выселения кавказских народов российское командование использовало опыт европейских колониальных держав. Как известно, испанские, португальские, британские и французские завоеватели широко применяли тактику насильственного удаления местного населения с удобных земель в Южной и Северной Америке, в Австралии и Новой Зеландии (Кушхабиев А.В., 2006. С. 405).

«Результат массового перемещения адыгских народов трагичен», – пишет П.А. Кузьминов (2006). – Тысячи и тысячи переселенцев погибли во время переселения. Инфекционные заболевания (чума, холера, дизентерия), голод, холод, недостаток материальных средств и средств передвижения губительно влияли на людей, принявших решение покинуть Родину. Те мизерные средства, которые выделялись переселенцам, проблему не решали.

Правительства России и Турции официально обещали переселенцам:

1) «райскую жизнь» (выполнили по отношению к тем, кто умер);

2) духовное и религиозное объединение с единоверцами (греческим священникам запрещали в России вести «службу» на родном языке, а горцы, по мнению турецких алимов, были скорее язычники, чем правоверные мусульмане, поэтому реального единения быть не могло). «Что касается племен, живущих на Кубани, – пишет Хавжоко Шаукат Муфти, – они не были мусульманами до XIX в., то есть почти вплоть до массового переселения в 1864 г. По видимому, они приняли ислам, когда потеряли всякую надежду на помощь европейских государств в их борьбе против русских и нуждались в помощи Османской империи»;

3) землю (дали, но в самых непригодных для развития сельского хозяйства местах);

4) различные льготы (освобождение от налогов (8 лет) и воинской повинности, уравнивание в правах с титульной нацией – выполнили частично) (Кузьминов П.А., 2006). Вып. III).

В числе первых продолжает стоять вопрос о причинах столь массового переселения и его последствиях. Приведенный выше перечень обещаний турецкого и российского правительств (кстати, так и не выполненных) в какой-то степени отвечает на этот вопрос. Но есть и другие, не менее важные причины.

На протяжении многих лет преобладали конъюнктурные, а то и великодержавные подходы к оценке причин адыгской эмиграции. Среди прочих, учеными высказывалась мысль о том, что адыги не являются автохтонами Северо-Западного Кавказа, и именно это послужило причиной их «легкого», т. е. без весомых на то причин, переселения в пределы другого государства. Почвой для таких высказываний послужила господствовавшая долгое время в дореволюционной и западной историографии так называемая миграционная теория происхождения адыгов. Тем самым отрицался факт формирования адыгской общности на территории Северо-Западного Кавказа (Епифанцев А.А., 2010. С. 290-291).

В настоящее время существуют различные точки зрения на причины переселения. Как справедливо отмечает Н. Бэрэддж (1996), вряд ли какой-то одной причиной можно объяснить переселение черкесов, разом обрубивших тысячелетние корни, связывавшие их с родной землей. Одни авторы считают, что основной причиной была политика царизма, другие подчеркивают провокационное влияние турецких эмиссаров на кавказские дела, третьи обвиняют в этом самих черкесских князей и дворян или же объясняют переселение религиозным фанатизмом горцев и т. д.. Судя по всему, все эти причины, взятые вместе, в совокупности, и предопределили национальную трагедию черкесского народа – махаджирство. Учитывая особую важность этого вопроса, рассмотрим причины «исхода» адыгов в Турцию более подробно.

7.2.1. Царизм – главный и непосредственный виновник трагедии адыгов

Значительное большинство черкесов не приняло русских условий и с болью в сердце решило искать себе приюта в чужой, неведомой, хотя и единоверной стране – Турции. Но нашли ли они счастье?...

В. Хаджимуков, князь (1910).

Причина первая: царизм – главный и непосредственный виновник трагедии адыгов. Адыгский князь В. Хаджимуков (кстати, в рядах царских войск участвовавший в изгнании своих соотечественников с Земли адыгов) в 1910 г. так объяснял причины махаджирства: «С падением Гуниба, последнего убежища Шамиля (1859 г.) начинается безостановочное наступление русских и зимой и летом. Железное кольцо стягивалось все уже и уже, – и участь Западного Кавказа, наконец, в 1864 г. была решена. Вытесненные из горных ущелий и прижатые к морю черкесы поставлены были в безвыходное положение. Им предложили на выбор: навсегда покинуть горы и поселиться на Кубани на местах, указанных русским правительством, или же удалиться в Турцию. Меньшая часть из них, не имея сил расстаться с родной землей, с могилами предков, покорилась своей участи, поселившись на Кубани. Значительное же большинство черкесов не приняло русских условий и с болью в сердце решило искать себе приюта в чужой, неведомой, хотя и единоверной стране – Турции. Но нашли ли они счастье?...». В свою очередь, Султан Довлет-Гирей так раскрывает провокационную роль генерала Ермолова в трагедии адыгов: «Вместо того, чтобы приостановить переселение, он сам всячески поощрял тяготение кавказских племен к Турции, думая, что через уменьшение численности населения будет ослаблено то упорство, с которым русским войскам так долго и бесплодно приходилось бороться. Принудительное выселение кавказских племен продолжалось». Судя по всему, набожный царский генерал руководствовался заветами библейских пророков: «Выброшу вас из земли сей в землю, которой не знали ни вы, ни отцы ваши. И выброшу тебя и твою мать, которая родила тебя, в чужую страну, где вы не родились, и там умрете» (Книга пророка Иеремии, 16,13; 22,26).

Таким образом, главным виновником трагедии адыгского народа, главным ответчиком перед судом истории являлся царизм. Как отмечал Р.А. Фадеев, «земля закубанцев нужна была государству, в них же (черкесах) не было никакой надобности». Предлагая при этом адыгам переселиться на заболоченные участки левобережья Кубани, царские колонизаторы точно знали, что горцы не согласятся перейти на эти «гибельные места». Даже сам генерал Евдокимов признавал: «Немногие из черкесов согласятся покинуть свою родину, свою живописную природу, чтобы переселиться на Кубань. Поэтому в видах человеколюбия (выделено нами. – Авт.) и в видах облегчения задачи, предстоящей нашей армии, необходимо открыть им другой путь, – переселиться в Турцию». Кроме того, царская Россия сама подталкивала, провоцировала адыгов на выселение в Турцию. Царские войска сжигали

аулы, дома и посеы горцев, а все население, даже стариков, женщин, и детей, сгоняли к берегу Черного моря, чтобы они скорее «убирались» с Кавказа. Насколько царизм был заинтересован в быстрейшем «выдворении» горцев с родной земли, говорят и следующие факты. Царские власти нанимали специальных людей, которые вели агитацию в адыгских аулах за переселение. Например, среди шапсугов такую работу вел эфенди Исхак, которому за это была обещана пожизненная пенсия в 200 руб., а если пожелает уехать в Турцию, – то одновременно 400 руб. (весьма высокая сумма по тем временам). Среди натухайцев вел агитацию некий Каштанок, которому было обещано 2000 руб., если уедет все население. В Кабарде, Осетии и Чечне подобную работу проводил генерал Муса Кундухов, который в 1865 г. спровоцировал выселение в Турцию 3000 кабардинских семей и 22 000 чел. чеченцев, за что получил большую сумму денег от царского правительства. Чтобы ускорить переселение натухайцев, в 1864 г. генерал Евдокимов дал распоряжение «...выдавать беднейшим многодетным семьям черкесов по 10 руб., лишь бы не останавливать их переселение в Турцию».

Приведенные в предыдущих главах материалы раскрывают роль царской России как агрессора, захватчика территории адыгов. Но Россия была одновременно и крупнейшая колониальная держава. И с этой точки зрения махаджирство – своеобразный пассивный протест населения Черкесии против «нового порядка» – жесткого колониального режима царизма. «Стремление к переселению в Турцию служило и служит в этом населении выражением протеста против всякой правительственной меры, которая покажется для него почему-то неприятною или тягостною», – отмечали сами представители царской администрации.

Я. Абрамов также объяснял причины махаджирства стихийным протестом горцев против их дискриминации и тяжелейшего экономического положения, что делало «буквально невозможной» жизнь их на родине и заставляло бежать в Турцию. Как отмечает этот автор, «...такое положение вещей было создано совершенно искусственно, являясь продуктом грубого напоминания интересов России на Кавказе, а во многих случаях и прямых злоупотреблений». Этому же мнению придерживается и царский историограф Р. Фадеев: «В народе укореняется мнение, что можно найти спасение только в переселении в Турцию. Можно положительно сказать, что вся масса шапсугов и абадзехов, выдвинутая весной из гор, сначала не думала идти в Турцию, и для того, чтобы направить ее туда, приставам пришлось, вследствие полученных указаний, показать горцам суровое лицо. Однако, вопреки желанию графа Евдокимова, бжедухский народ не идет в Турцию массою». Таким образом, несмотря на усилия царской администрации, переселение адыгов в Турцию совершилось в основном вопреки желанию горцев покинуть родные края. Черкесы, говоря словами графини П.С. Уваровой, «...с горем покидали свое насиженное гнездо».

Но наряду с авторами, объективно оценивающими роль царских властей (и царских войск!) в принудительном выселении адыгов, есть и иные мнения, возлагающие вину отнюдь не на имперские амбиции царской России, а на «турецкое правительство и европейскую дипломатию; распространение среди адыгов нелепых слухов» и т. д. С этой точки зрения интерес представляет следующее эссе А.А. Епифанцева (2010. С. 293-294):

«Никто не ожидал, что переселиться захочет настолько большое количество адыгов. Никто – ни Россия, ни Турция, ни, наверное, сами адыги. *Цели выселить в Турцию всех адыгов не было никогда.* Российское правительство считало, что основная масса горцев начнет переселяться на Кубань и видело в Турции всего лишь запасной вариант, которым захотят воспользоваться только самые непримиримые. Вот, что пишет на этот счет придворный историк А. Берже: «Наше правительство, очевидно, никогда не думало изгонять горцев, как писалось тогда в европейских газетах, но желало лишь окончания тяжелой вековой войны на Кавказе и прочного покорения беспокойных обществ, предоставляя им все средства к мирному и удобному водворению на плоскостных, черноземных землях долины р. Кубани и впадающих в нее рек. Если же такой мирный переход горцев к гражданственности не свершился, то *винить в том, по всей справедливости, следует не нас, а турецкое правительство и европейскую дипломатию*, которые в этом случае вовсе и не думали о благоденствии горцев, а пользовались ими как средством противодействия развитию России».

И далее современный публицист продолжает: «Призывы Турции, агитация адыгской знати, религиозных служителей, распространение среди адыгов нелепых слухов о поголовном крещении, о записи всех в солдаты или в казаки, о размещении оставшихся черкесов в хлеву со свиньями, все это, помноженное на религиозный фанатизм и непоколебимую уверенность горцев в ожидающей их в Турции радушности, которую в таких ярких красках рисовали османские эмиссары», и стало причиной того, что между Турцией и Кубанью адыги выбрали Турцию» (Епифанцев А.А. 2010. С. 293-294).

7.2.2. Провокационная роль Турции в переселении адыгов

В течение многих десятилетий подстрекая адыгов на борьбу против русских, а значит и на защиту турецких интересов, Турция обещала адыгам, что не бросит их в случае катастрофического развития событий...

А.А. Епифанцев (2010).

Причина вторая: провокационная роль Турции в переселении адыгов. Отдаленный потомок черкесских махаджиров Н. Бэрэдж так объясняет в своей книге заинтересованность Турции в переселении туда кавказ-

ских горцев: Османская империя, находившаяся тогда в состоянии глубокого военно-политического и экономического кризиса, всячески способствовала процессу изгнания черкесов. В надежде разрешить свои внутренние проблемы, Порты избрала испытанный путь переселения и колонизации. Учитывая немногочисленность турецкого населения империи, Османское правительство вынашивало план, который мог бы увеличить процент мусульманского населения в этих регионах и, главное, значительно улучшить качественный и количественный состав армии. Таковы были основные цели османов в отношении северокавказских переселенцев.

Н. Бэрэдждж считает, что переселением черкесов турецкое правительство надеялось решить следующие задачи: а) укрепить с их помощью военную мощь османской армии; б) увеличить численность крестьянских хозяйств, использовать черкесов для освоения малопригодных пустынных земель; в) увеличить удельный вес мусульман в регионах с преобладанием христианского населения (в первую очередь, в балканской части Османской империи); г) использовать черкесов-махаджиров в роли своеобразного «буфера» в районах, населенных курдами, туркменами, бедуинами и т. д., возложив на них жандармско-полицейские функции.

При этом первые попытки спровоцировать уход всего черкесского населения в Турцию были сделаны еще в 1830 г., т. е. за 30 с лишним лет до начала массового переселения. В ноябре 1830 г. из Константинополя прибыл в Черкесию высокопоставленный турецкий чиновник Салахур-Магмет-ага. Он привез фирман турецкого султана, обращенный к адыгам, в котором объявлялось, в частности, что желающие остаться подданными султана должны срочно, не позднее марта-апреля 1831 г. прибыть в Константинополь. Для этого в Суджук-кале (Новороссийск) из Турции будет прислано необходимое число судов. Те же, кто не переедет, должны будут признать себя подданными России. Фирман был прочтен на общем собрании шапсугов и нутхайцев и вызвал «огромное негодование». Только защита князя Сефер-бея помогла Салахур-Магмету спастись от неминуемой смерти.

В 1856 г., за несколько лет до начала массового «исхода» адыгов в Турцию, между правительствами России и Османской империи было заключено секретное соглашение, определяющее порядок переселения нескольких черкесских племен, а 9 марта 1857 г. вступил в силу Закон о махаджирах. Этот закон, в частности, предусматривал: а) желающим переселиться в Османскую империю султан гарантирует безопасность, свободу личности и неприкосновенность имущества; б) земля, предоставляемая переселенцам, налогом не облагается; в) балканские поселения – на 6 лет, а азиатские – на 12 (по некоторым источникам – на 25) лет освобождаются от воинской повинности. Несмотря на то, что практически все эти обещания выполнены не были, османские «агитаторы» продолжали санивать адыгов к переселению обещанием «райской» жизни в Турции. Как отмечали современники, султанское правительство настраивало своих эмиссаров в Черкесии «волновать горцев обещаниями всех благ в случае переселения», призывать их к «мусульманскому братству». По словам А. Танина, правящие круги Турции с самого начала поощряли и всячески провоцировали переселенческое движение. Они все больше наводняли Кавказ своими тайными агентами, призывавшими его население переселиться в Турцию. Вот строки из народной песни «Плач адыгов», относящиеся к провокационной роли турецких эмиссаров:

Хэмэ молэу кытхэхьагэм зегъэшыхьышью,
Ащ тхьлофыташьохэри кызэтрельашью:
Мы хэгъэгоу шьузэрысыр джаур хэгъэгущь,
Мусльымэн джэнэт хэгъэгум шлэху тыжъугъэкложьёо. –

«Чужестранные муллы, проникшие к нам, выдают себя за святых,
Натягивают на себя маску посланников Божьих и увещевают:
«Страна, в которой мы живем, – это гяурская страна,
Надо поскорее уехать в мусульманскую страну!».

В одной из турецких прокламаций к черкесам было сказано: «С давних пор турецкие подданные, любя вас как детей, употребляли все возможные старания помогать вам. Берите ваши семейства, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов, и весь народ наш принимает в этом деятельное участие». (К тому, в каких «домах» вынуждены были жить черкесы на пустынном турецком берегу, мы вернемся несколько позже. – **Авт.**).

Сторонники Турции подчеркивали, что «...черкесская кровь течет в жилах султана. Его мать, его гарем – черкешенки; его рабы черкесы, его министры и генералы – черкесы. Он глава нашей веры, а также нашей расы». Агитируя черкесов на переселение, турецкий султан призывал: «Оставя свои жилища, поспешите ко Мне немедленно, дабы не заслужить гнев всемогущего Бога и победоносца-султана». Все это, разумеется, сбивало с толку малосведущее в политике горское крестьянство; переселенцы наивно рассчитывали избавиться от тяжелой жизни и притеснений на Родине. По мнению М.В. Покровского, такая тактика являлась политико-стратегическим шагом по отношению к России со стороны Турции, которая, нуждаясь в «пушечном мясе» для своей армии и готовясь к будущим войнам с Россией, жадно поглощала с этой целью горцев Кавказа. Но нельзя не отметить еще одну причину, «склонявшую» горцев переселяться в единоверную Турцию. Как справедливо писал Э. Дюлавер (1866), для черкесов турки были дружественным и священным народом. Они представляли себе султана, великого падишаха истинно верующих, как самого могущественного монарха в мире, могущего осыпать их щедрой рукой неисчислимыми богатствами. По словам Э. Дюлаверра, они воображали государство султанов убежищем, в котором будут жить в довольствии и

изобилии. Земли, которые они найдут там, будут широкой компенсацией за то, что Россия опустошила огнем и мечом. На все советы остаться на Кубани они отвечали: «Мы хотим жить и умереть среди наших братьев-мусульман. Наше желание – дать покой нашим костям на священной земле».

Вряд ли вожаки движения за переселение ясно осознавали, что же представляла собой Турция, каковым было действительное отношение Порты к адыгам вообще. Крым-Гирей в 1866 г. по горячим следам переселенцев писал: «Трудно поверить, до какого педантизма турки охарактеризовались в отношении к нам в былые годы. К горцам они никогда не были искренни и едва-едва удостоивали их звания людей... Турки, по словам горцев-старожилов, видели в нас только одно – механическое орудие против соседственной России, и цель господства их на Кавказе не заключалась в видах просвещения отсталых братьев человечества» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

7.2.3. «Сами князья-дворяне провоцировали адыгов на уход в единоверную Турцию»

Более почетные и влиятельные из горцев, боясь с принятием нашего подданства лишиться своих подвластных, стали уходить в Турцию, увлекая за собой невежественную массу горцев, доверявшую их уму, знанию и опытности. Эти именно лица и должны считаться инициаторами выселения.

Адольф Берже (1882).

Роль адыгской элиты в принятии решения на уход черкесских народов с Кавказа и на катастрофу последних лет войны огромна!

А.А. Епифанцев (2010).

Причина третья: роль черкесской «верхушки» в переселении адыгских племен. По мнению Н. Бэрзджа, действия местных феодалов никак не могли явиться одной из причин массового махаджирства горцев. Разъясняя свою позицию, он отмечает, что «...на всем Северном Кавказе феодальный класс никогда не обладал такой большой административной властью. В Чечне еще не было классовых различий, у племен Северо-Западного Кавказа (абадзехов, шапсугов, нутхайцев, убыхов) не было князей, а административная власть находилась в руках Совета старейшин. С другой стороны, большинство возглавлявшихся князьями бжедугов, темиргоевцев, кабардинцев осталось на Родине, в то время как большая часть представителей «демократических» племен (80 % абадзехов, шапсугов, нутхайцев и 100 % убыхов) была изгнана из родных мест».

По нашему же мнению, и сами черкесские князья-дворяне (не все, разумеется) во многом способствовали трагедии адыгов, провоцируя их на уход в единоверную Турцию. Кроме турецких агентов, действующих в пользу переселения в Турцию, в 1863-1864 гг. большую роль играла этом протурецки настроенная социальная верхушка убыхов, шапсугов, нутхайцев и абадзехов, а также сохранившиеся у них пережитки родового строя, что подтверждается многочисленными фактами. Так, невыполнение принятого тлеушем (собранием объединения общин) решения всем выехать в Турцию, автоматически ставило отказавшегося уехать в положение изгоя. Решиться на это простому человеку было очень трудно. Непринятие решения общины грозило «отступникам» в буквальном смысле слова физическим уничтожением. Тем не менее, несмотря на прямое противодействие царизма, многие тысячи адыгов все же решились, порвав крепкие еще общинно-родовые связи, остаться на Кавказе. Так, у бжедугов, которые десятки лет вели оживленную торговлю с русскими в прикубанской полосе, почти все крестьяне в Турцию ехать отказались и остались на Родине. Большинство же дворян, видя неизбежность подчинения России, предпочли со своими рабами и крепостными уйти в Турцию. Дело в том, что слухи об отмене крепостного права в Российской империи очень тревожили горцев. И князья-старейшины шапсугов, абадзехов, нутхайцев скорее готовы были увести своих рабов и крепостных на страдания и лишения, чем остаться на родине и лишиться их вообще.

О влиянии адыгской знати на переселении адыгов в Турцию очень хорошо сказал Адольф Берже (1882): «Более почетные и влиятельные из горцев, после освобождения крестьян в России, боясь с принятием нашего подданства лишиться своих подвластных, стали уходить в Турцию, увлекая за собой невежественную массу горцев, доверявшую их уму, знанию и опытности. Эти именно лица и должны считаться инициаторами выселения. Влияние их на народ было неотразимо. Руководствуясь личными интересами, они употребляли все усилия, чтобы запугать желавших перейти к нам произволом русских властей, солдатчиною и необходимостью отказаться в будущем от мусульманской религии, сносились с турецким правительством, ездили в Константинополь, представляясь султану, его сановникам, иностранным послам, принимали у себя всяких эмиссаров, придавая им несвойственное значение и пр. При таких обстоятельствах все предложения нашего правительства горцам о свободном выселении их на плоскость, где им бесплатно отводились в собственность участки, мало достигали цели....».

Свое мнение о влиянии черкесской верхушки на махаджирство адыгов высказывает А.А. Епифанцев (2010. С. 290-291): «Другой стороной конфликта, внесшей огромнейшую роль в выселе-

ние адыгов, стала черкесская знать. Эта тема всячески скрывается и тщательно ретушируется в современной черкесской исторической науке, возлагающей на русских львиную долю ответственности за катастрофу выселения 1800-х гг. и за разделение адыгского народа, лишь мельком упоминая, что, мол, турки тоже не были идеалом, и полностью закрывающей глаза на вину в этой трагедии самих адыгов, в частности, их элиты. Роль адыгской элиты в принятии решения на уход черкесских народов с Кавказа и на катастрофу последних лет войны огромна!», – восклицает автор.

7.2.4. Религиозный фанатизм адыгов – одна из причин махаджирства?

Поголовное выселение горцев в Турцию происходило по их доброй воле, исключительно в результате мусульманской пропаганды и необузданного фанатизма.

П.В. Апрельев (1866).

Распространенное утверждение, будто черкесы переселились в Османскую империю ради сохранения своей веры, – противоречит здравому смыслу.

Н. Бэрэдж (1996).

Причина четвертая: религиозный фанатизм адыгов – одна из причин махаджирства? Современник этих событий некий П.В. Апрельев, доказывая «необходимость удаления от моря туземцев», доходил до абсурдного утверждения, что «...поголовное выселение горцев в Турцию происходило по их доброй воле, исключительно в результате мусульманской пропаганды и *необузданного фанатизма*». Факты, однако, подтверждают, что религиозного фанатизма как такового (в той крайней степени, как, например, у чеченцев) у западных адыгов не было, почему и рассматривать его в качестве одной из «причин» махаджирства, пожалуй, не стоит. На этом особо настаивает и Н. Бэрэдж. По его мнению, распространенное утверждение, будто черкесы переселились в Османскую империю ради сохранения своей веры, противоречит здравому смыслу. Ислам раньше всего и в наибольшей степени получил распространение в Чечне и Дагестане, однако 90% населения Северо-Восточного Кавказа осталось на исторической Родине. Напротив, племена, практически не знакомые с исламом, а также христиане подверглись изгнанию на 9/10.

Несколько другие акценты при освещении вопроса о причинах возникновения религиозного фанатизма на Земле адыгов расставляет Адиль-Гирей Кешев: «Мусульманство внесло в черкесское общество весьма заметные преобразования. Оно сообщило сильный толчок и дало несколько отличное от прежнего направление и господствующей наклонности черкеса – воинственности. Направление это мы уже назвали фанатизмом, хотя в строгом смысле черкесы не успели поравняться в отношении религиозной ревности даже с некоторыми кавказскими племенами, например, с кумыками, дагестанцами, чеченцами и ближайшими своими соседями – ногайцами».

«Дух свободы и независимости, исстари пронизывавший господствующую наклонность адыгов – воинственность, в значительной степени был вытеснен религиозным фанатизмом. Он, исподволь аккумулировавший центробежный потенциал в народе, а не мусульманская религия как таковая, что должно быть особо отмечено, послужил (в сочетании с преданиями об исторической родине, ежегодным паломничеством немалого числа людей, полусоседностью, неуверенностью в завтрашнем дне, усугублявшейся затянувшимся на многие десятилетия неблагоприятным военным фактором) первотолчком к переселению», – считает С.Н. Бейтуганов (2007).

Более приемлемой является позиция, высказанная в работе А.Д. Панеша (1999. С. 223): «Роль религиозного фактора в переселении адыгов в Турцию была весьма незначительной. Еще в 1913 г. Ахмат Цаликов указывал на то, что *религиозный фанатизм не мог играть большой роли в махаджирстве, по причине слабости позиций ислама в Черкесии*».

Тем не менее, призывы мулл покинуть Кавказ, чтобы «воссоединиться с единоверным народом», не могли быть не услышаны горцами, в основном малограмотными крестьянами. И здесь уместно привести строки из старинной адыгской песни-плача о том, с какими мыслями горцы покидали родину:

Молэ ныкьзуу тхэтхэм уаз пхэнжхэр кьытхуащЫр,
Дэ тхуэпсэу хуэдэу жалэурэ леишхуэ кьыдахыр.
Тырку кьур!энаджэр ди гум и жагьуэщ
Мыр зи Іужьым бгышхуэ кьытеуэ!
Ди гур кьутауэ хэжум докЫж!

Полу-муллы, что среди нас, лживые проповеди читают,
«Ради вас живем», говоря, большое насилие чинят.
Турецкие поминки нам не в радость,
Кто в этом повинен, пусть на них обрушится огромная гора!
С разбитыми сердцами покидаем родину!

Наряду с перечисленными выше причинами «исхода» адыгов в Турцию, которые в основном поддерживаются большинством исследователей, к сожалению, встречаются и прямо противоположные точки зрения на этот столь больной и для сегодняшних адыгов вопрос, которые нельзя даже назвать дискуссионными из-за их

дремучего невежества. Так, в своих чрезвычайно вольных «исторических» экскурсах, изложенных в книге «Шаг к истине. Эльбрус между адыгами и карачаевцами» (1998), карачаевский «историк-исследователь» М.О. Будаи дает собственную уж очень оригинальную трактовку причин переселения адыгов в Турцию во время Кавказской войны. На стр. 5 своего «труда», отличающегося, кстати говоря, явно выраженной не только антирусской, но и антиадыгской направленностью, есть следующее вполне выдержанное в духе новейших натуралистических телеэпизодов умозаключение: «...Едва услышав боевой клич шапсугов, русские офицеры и солдаты от испуга тут же мочились под себя». Отсюда напрашивается следующий вывод. «По моему мнению, – пишет Будаи, – адыги, вероятно, покинули Кавказ не в силу натиска со стороны русских войск, а в силу страха утонуть в русской моче (!?), которую те выпускали от страха перед адыгским боевым кличем (Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 427). Думается, это безапелляционное утверждение «историка» Будаи, бьющее все рекорды по своей дремучей глупости, в комментариях не нуждается...

7.3. Этапы переселения адыгов в Турцию

И выброшу тебя и твою мать, которая родила тебя, в чужую страну, где вы не родились, и там умрете. А в землю, куда душа их будет желать возвратиться, туда не возвратятся.

Книга пророка Иеремии (22; 26-27).

Переселение черкесов в Турцию явилось одной из величайших трагедий в истории человечества.

Р.У. Туганов (1990).

Массовое переселение адыгов в Турцию совершалось в три этапа: 1) 1858-1862 гг.; 2) 1863-1864 гг.; 3) 1865 г. В первую очередь удаляли «ненадежных» горцев, что особо подчеркивал граф Евдокимов: «Полагая полезным для народа и правительства удаление беспокойных людей».

В 1859 и 1860 гг. начали покидать свои земли «в большом числе» абазины и прикубанские ногойцы. Их примеру последовали кабардинцы, чеченцы и др. В эти же годы стали переселяться в Турцию и крымские татары (Турция дала согласие принять 300 тыс. переселенцев из Крыма). В 1859 г. из абазинского аула Лоова изъявило желание переселиться 66 семей; кроме того выселилось 296 семейств (2693 чел.) закубанских ногойцев; 306 семейств (около 3000 чел.) хатукайцев. Абазин же, по А. Берже, было выселено в 1858-1864 гг. 30 тыс. чел. По свидетельству очевидцев, население Северного Кавказа отправилось в Турцию «в таком значительном числе, что в приставствах прикубанских ушло 2/3 всего мирного населения». Особенно усилилось переселенческое движение в 1861 г. В июле этого года всем абазинским подразделениям (баговцы, казильбековцы, башилбаевцы, шагиреевцы, тамовцы) в ультимативной форме было предложено покинуть родные места. «Благодаря присутствию войск и готовности их начать немедленные военные действия, эти племена очистили свои места жительства и удалились в Турцию», за исключением бесленеевцев, которые «вследствие их упорства» внезапно были окружены войсками и в количестве 4000 чел. переведены на р. Уруп, откуда затем большая часть их переселилась в Турцию.

В начале 60-х гг. движение за переселение началось в Кабарде. В 1861 г. 442 семейства кабардинцев покинули родные края. В «разъяснении» генерала Евдокимова местным властям особо подчеркивалось: «Уменьшение вредного народонаселения избавит нас от многих хлопот. Не жалеете об уходе этих 442 семейств. Что же касается до угрозы, будто уйдет все народонаселение, то если бы это и свершилось, то оно бы кроме удовольствия (!) принесло бы нам еще существенную пользу, освободив от народа, к нам недоброжелательного». В результате только в 1860-1861 гг. в Турцию переселилось из Большой Кабарды 940 семейств (10343 чел.), что составляло, по данным Н. Грабовского, 1/8 часть населения Кабарды. «И в последующие годы кабардинцы неудержимо продолжали эмигрировать в Турцию, хотя и не в таком количестве, как первые два года», – отмечали современники. Генерал Евдокимов считал, что на первом этапе необходимо выселить из Кубанской области не менее 10000 семей, что примерно составляло 80-100 тыс. чел. Тем самым, утверждал он, можно было бы избавиться «от населения самого беспокойного и наименее расположенного к заселению берегов Кубани».

О масштабах переселенческого движения можно судить по следующим фактам. Только за один (!) день 21 мая 1864 г. через Анапский порт было отправлено в Турцию 2475 семей натухайцев (16500 чел.); 27 мая из укрепления Константиновского – 5848 шапсугов. В конце 1864 г. начальник Шапсугского округа сообщал: «За выселением шапсуг, отправившихся на всегданнее переселение в Турцию, осталось на прежнем месте жительства противу Елизаветинской и Марьянской станиц всего 99 семей, изъявивших согласие остаться в подданстве России». Садзов-джигетов было выселено в 1863-1864 гг., по официальным данным, не менее 19925 чел. (по А. Дьячкову-Тарасову – около 25000 чел.). Еще не успели отгреметь «торжества» по поводу окончания Кавказской войны, в 1865 г. началось новое массовое переселение горцев Северного Кавказа. Этот акт осуществлялся царскими властями исключительно для того, чтобы «окончательно разгрузить край от ненадежных горцев». По подсчетам М. Тотоева, только в 1865 г. количество переселившихся горцев

колеблется между 40000 и 50000 чел. Кроме дагестанцев, по его словам, значительное число переселенцев дали также Осетия и Кабарда. По данным А. Убичини и П. де Куртейля, к началу 1866 г. общее число кавказских переселенцев достигло 1 млн. чел. Это же мнение разделяет и турецкий историк И. Беркок. Горечью пронизаны слова поэта В. Стражева о покидающих Родину горцах в стихотворении «Махаджир»:

Земли моей я взял и на чужбину
Священных семь горстей.
Вот все, что я сберег, – скажу угрюмо сыну, –
От Родины твоей...

7.4. Ход переселения: политика вытеснения адыгов из родных мест

*Спасишися от меча, уходите, не останавливай-
тесь. ...Бегите, спасайте жизнь свою, и будьте по-
добны обнаженному дереву в пустыне.*

Книга пророка Иеремии (48,6; 51,50).

*НепэкIэ хэкур тыбгынэми,
Тигухэлэ тэ тфомыбгынэн.
Тянэ папкIэу тэ тихэкужъыри,
ТызэлтэкIызэ къызэтэнэкIы. –
«Хотя мы покидаем Родину лицом,
Думы наши не покинем.
Матери подобную нашу Родину,
Назад оглядываясь, мы оставляем»*

Из «Плача адыгов».

В 1858-1864 гг. царские войска продолжали реализовывать человеконенавистнический план генерала Евдокимова по «очистке» черкесской территории. Евдокимов действовал как безжалостный колонизатор. Его отряды окружали горцев, разрушали и жгли аулы и вынуждали жителей уходить из своих родных мест на заболоченные равнины, где свирепствовала лихорадка. Поистине, «...соберу на них бедствия. Будут истощены голодом, истреблены горячкою и лютою заразою. Отвне будет губить их меч, а в домах – ужас – и юношу, и девушку, и грудного младенца, и покрытого сединою старца» (Второзаконие, 32; 24-25). Освободившиеся от горцев земли сразу же заселялись казачьими станицами. Так, к концу Кавказской войны было основано 111 станиц, заселенных 142 333 семьями. Отбирая земли у местного населения, царское правительство тем самым побуждало горцев к отъезду в Турцию. Именно этим, как писал в 1861 г. генерал Г. Орбелиани, «...следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества, бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами, а в последнее время, – чтобы выселиться в Турцию». Переселенцы (вернее, изгнанники) несли при этом огромный материальный ущерб, оставляя на покинутой Родине землю, дома, скот, практически все свое имущество. Как говорится в Книге пророка Михея (2; 2), «...обирают человека и его дом, мужа и его наследие».

Царский наместник на Кавказе не случайно строго запретил переселенцам продавать принадлежащую им землю с тем, чтобы «...все земли, после ухода их в Турцию остающиеся, поступили бы в распоряжение казны». Резко упали цены на скот. Как сообщал генерал Толстой, только в Цебельде подлежало распродаже (за бесценок) до 11000 голов крупного рогатого скота и до 53000 овец, – последнее имущество уходящих в Турцию. Махаджеры могли взять с собой не более 4 пудов «ручной клади»; повозки, лошади и скот на судна не принимались.

Атмосферу изгнания горцев передают следующие факты. По сообщению очевидца И. Дроздова, «...заяв в стране абадзехов Пшеху, мы врзались в самое густое население: аулы на каждой версте, или, вернее сказать, иногда верст на пять тянутся сплошные аулы, расположенные хуторами. Судя по количеству домов и запасам хлеба, надо предполагать, что здесь было чрезвычайно большое население; но навстречу к нам, при истреблении их жилищ, выезжало обыкновенно не более двух-трех человек, и то редко». Дополняют эту информацию авторы книги «Черноморское побережье...» (1916): «Ушли в Турцию целые племена, как натухайцы, убыхи и др., всего, как говорят, до 500 тыс. чел. Поистине потрясающую картину представляло их переселение. Свое скудное имущество горцы перед уходом частью зарыли в землю, частью предали огню и оставили нетронутыми только сады. Тысячи разоренных семейств покинули родные горы и направились к морю, терпя лишения от голода и холода, умирая от болезней».

В 1867 г. началось массовое переселение абхазов и садзов-джигетов. Впрочем, переселение – не то слово. Происходило насильственное изгнание горцев, причем последние не хотели уходить из родных мест. Наместник Кавказа, великий князь Михаил подчеркивал, что «...жители Бзыбского округа не желают идти в Турцию». Корреспондент газеты «Дрозба» сообщал, что население было готово нести любое наказание, лишь бы их не выселили. «Многие из них, – писал он, – которые никак не хотели уходить отсюда, когда их выгоняли из своих домов, бились головой о стены домов и стволы деревьев, везде слышны плач и рыдания». Генерал Толстой также отмечал, что садзам-джигетам, уцелевшим от переселения 1864 г., было объявлено приказание удалиться в Турцию, но сами они не хотели уходить туда. Документы сообщают о случаях, ко-

гда горцы подолгу скрывались в горах, избегая переселения. В те мрачные для свободолюбивого народа годы изгнания свое великое горе – горечь оставления своей Родины адыги запечатали в песне:

Марыекъ мэзы гуцэм
Топыр кыщэгырза,
Тхьэм тыригъзыгъ гуцэшъ
Хэкур къэтэгын,
Е-о-ой,
Стамболы текыжь...—

В лесу Марыеко, горе мое,
Пушки грохочут,
Богом принужденные – горе мое,
Родину мы покидаем,
Е-о-ой,
В Стамбул мы уходим...

Эту песню и сегодня можно услышать из уст сказителей в Адыгее, Черкесии и Кабарде.

7.5. Шествие обреченных: на пути к морскому берегу

Сколько погубили селений, которые гордились своей жизнью! Вот – их обиталища необитаемы после них, кроме немногих...

Коран. Сура 28; 58.

Тяжкими смертями умрут они, и не будут ни оплаканы, ни похоронены; будут навозом на поверхности земли; мечом и голодом будут истреблены, и трупы их будут пищею птицам небесным и зверям земным...

Библия. Книга пророка Иеремии (16; 4).

Исторические источники оставили нам полные драматизма описания начала «Великого исхода» адыгов в Турцию: «Черкесы, всюду разбитые и вытесненные русскими войсками из родных аулов в самые отдаленные дебри и ущелья, вынуждены были оставить Родину и выселиться в Турцию. Ушли целые племена: натухайцы, абадзехи, убыхи и др.». Как говорится в Книге пророка Захарии (12;12), «И будет рыдать земля, каждое племя особо».

Как свидетельствуют очевидцы, по пути с гор к берегам Черного моря картина разрушения сменялась ужасами еще большего горя и лишений переселенцев. Черкесу приходилось терять не только имущество и Родину, но близких и дорогих людей. При переходах через горные хребты и на перевалах, в особенности зимой, черкесские переселенцы отмораживали руки и ноги; слабые не переносили непосильного пути и умирали, а одинокие могилы с покойниками остались памятниками этого передвижения вольнолюбивых детей Кавказа. Но затем наступило нечто еще худшее. Местами беглецы не могли тащить с собой наиболее слабых своих близких и родных, и черкесы стали бросать по дороге даже детей. Казаки и солдаты находили малюток, завернутых в тряпки и войлок, и некоторые из этих спасенных детей и их потомки и теперь еще живут в казачьих станицах и на Черноморском побережье («Кубань и Черноморское побережье...», 1914). «Не это ли имел в виду библейский пророк, который в своих проповедях восклицал: «И пошло на вас голод и лютых зверей, и обесчадят тебя («чадо» – ребенок; т. е. их дети погибли. – **Авт.**), и язва и кровь пройдет по тебе, и меч наведу в тебя» (Книга пророка Иезекииля, 5; 17).

По этому поводу граф Евдокимов рассказывал своим офицерам: «Я писал графу Сумарокову, – для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве великий князь и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отвлечь это бедствие?». И это писал сам автор и непосредственный исполнитель бесчеловечного проекта выселения горцев!

Даже царский генерал А. Зиссерман вынужден был признать: «Вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорья в горы, с гор – к морскому берегу, полумиллионное население горцев перенесло все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод и повальные болезни, а очутившись на берегу – должно было искать спасения в переселении в Турцию». Если известную дорогу через Ладогу под Ленинградом называли «Дорогой жизни», то этот скорбный путь адыгов, изгоняемых с Родины; путь, буквально усеянный человеческими костями, можно было бы назвать «Дорогой смерти».

Нельзя без содрогания читать свидетельства очевидцев. А. Фонвилль (1864) пишет: «Мы имели случай вблизи видеть поражающую нищету этого несчастного народа; ежедневно мы встречали новые партии горцев, выселявшихся в земли, еще не занятые войсками; последние дожди и наводнения погубили большое число этих переселенцев, и мы беспрестанно встречали на пути нашем трупы. Голод был страшный; нас принимали в аулах, но мы бежали оттуда, боясь заразиться болезнями, которые уничтожали целые населения аулов». И далее он пишет: «Общественное бедствие (переселение в Турцию. – **Авт.**) возрастало, число эмигрировавших постоянно увеличивалось. Со всех мест, последовательно занимаемых русскими, бежали жители аулов, и их

голодные партии проходили страну в разных направлениях, рассеивая на пути своем больных и умирающих; иногда целые толпы переселенцев замерзали или заносились снежными бурями, и мы часто замечали, проезжая, их кровавые следы. Волки и медведи разгребали снег и выкапывали из-под него человеческие трупы». Как здесь не вспомнить библейское пророчество: «И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их» (Второзаконие, 28; 26). Об этом же писал и пророк Иеремия (9; 22): «И будут повержены трупы людей, как навоз в поле, и как снопы позади жнеца, и некому будет собирать их».

7.6. На берегу: прощание с Родиной

7.6.1. Граф Евдокимов: «режиссер» акции по выселению адыгов

Спешите, чтобы нам уйти, чтобы он не застиг и не захватил нас, и не навел на нас беды, и не истребил мечом.

2-я книга Царств (15; 14).

Евдокимов не любил шутить и, согнав их (адыгов) к морю, желающим поселиться за Кубанью предложил следовать туда, а для нежелающих готовы были уже пароходы, на которых они и отправились в Турцию. Западный Кавказ превратился в пустырь.

К. Бородин (1877).

Середина 60-х гг. XIX столетия. Тысячи, десятки тысяч адыгов, вытесняемые царскими войсками, отправлялись в свой скорбный путь – к морю, а оттуда в «землю обетованную» – Турцию, где их ждали, как они думали, свобода и счастье. «Режиссером» этой национальной трагедии адыгов был, как уже отмечали выше, граф Евдокимов, действовавший, разумеется, с «высочайшего» одобрения императора Александра II. Как писал очевидец К. Бородин (1877), «Евдокимов не любил шутить и, согнав их (адыгов) к морю, желающим поселиться за Кубанью предложил следовать туда, а для нежелающих готовы были уже пароходы, на которых они и отправились в Турцию. Западный Кавказ превратился в пустырь».

Если уж речь зашла об этом палаче адыгского народа, нельзя не вспомнить следующий примечательный факт. После завершения Кавказской войны Александр II наградил Евдокимова орденом св. Георгия. Как отмечалось в «высочайшем» рескрипте, «...награда следовала за представленное Вами в 1860 г. и одобренное Нами предположение о способе действий, для скорейшего окончания войны на Западном Кавказе». *Впервые это высшее воинское отличие было выдано не за боевую доблесть, а за кабинетный «рецепт» истребления горских племен.*

С этой точки зрения представляет интерес историческое эссе члена Фонда культуры кубанского казачества В. Шкуро «Герои России» («Кубанские новости», 1995, 9 декабря), в котором автор подробно рассказывает, за что были удостоены столь высокого ордена кубанцы. Но о графе Евдокимове сказано уж очень скромно: «Получил он его (Георгиевский крест), будучи начальником Кубанской области и командиром расположенных в ней войск». И все. За что, почему и как – история, как говорится, умалчивает. Более того, статья В. Шкуро завершается на минорной ноте: «Это лишь часть забытых российских героев...», откуда можно заключить, что и кровавый палач адыгского народа генерал Евдокимов стараниями автора причислен к славному ряду героев России. До каких же пор читателя будут кормить полуправдой? Не пора ли вспомнить мудрые слова Конфуция: «Я ненавижу то, что имеет подобие истинного, но не есть истинное...». Или у И. Сельвинского:

Мы все правдивы. Но в иные дни
Считаем правду не совсем удобной,
Бестактной, старомодной, допотопной...

7.6.2. «Народ умирал на берегу массами»

Весь северо-восточный берег Черного моря был усеян трупами и умирающими, между которыми сохранились небольшие оазисы еле живых, ожидавших своей очереди отправления в Турцию...

А. Фонвиль (1864).

От Анапы до Сочи был сплошной лагерь: шалаши, землянки, навесы... Ограбленный народ без пропитания и крова оставался под открытым небом на произвол судьбы. Появились неизбежные спутники больших народных передвижений – голод, тиф, дизентерия, черная оспа. Народ умирал на берегу массами.

С. Сиюхов (1887–1966).

Уходя, адыги оставляли свои жилища, уцелевший от «реквизиций» скот, запасы хлеба; конечно, все это доставалось поселившимся на их местах казакам. И уже без всякого имущества переселенцы скапливались в Анапе, Новороссийске и в других бухтах побережья. С болью и негодованием описывает «исход»

адыгов из родной земли С. Сиюхов: «Остатки разбитых черкесов текли сплошной лавой широкими дорогами к черноморскому берегу. Картина эта напоминала передвижение народа в средние века. От Анапы до Сочи был сплошной лагерь: шалаши, землянки, навесы занимали огромное пространство. Тут же происходило грандиозное торжище, распродажа всего народного достояния. Цены были неслыханно низкие. Происходил мировой грабеж под благовидным предлогом войны. Ограбленный народ без пропитания и крова оставался под открытым небом на произвол судьбы. Появились неизбежные спутники больших народных передвижений – голод, тиф, дизентерия, черная оспа. Народ умирал на берегу массами». Тяжелейшую обстановку изгнания черкесов из родной земли характеризует народная песня «Гонят нас в Стамбул»:

Всем паспорта нам всучили обманом,
Нас обдурили, а спорить нельзя нам,
Гонят нас, гонят из края родного!
С близким проститься – сердцу казнить,
Консул турецкий торопит и злится,
Гонят, увозят нас в дальние дали...

Свидетельства других очевидцев дают возможность в полной мере представить себе тяжелейшую картину изгнания адыгов, которая никого не может оставить равнодушным. В своих записках А. Берже (1864) вспоминает, «Никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 тыс. чел. К ноябрю же 1864 г. в Новороссийске накопилось уже около 24 790 абадзехов, шапсугов и бжедугов, из которых в Турцию выехало лишь 14 900 чел., а остальные погибли. Чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей в зимнее время на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего труп матери. А подобных сцен встречалось немало». Поневоле вспомнишь древнее пророчество: «Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою. Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Евангелие от Матфея, 24; 19-21).

«У самого берега Черного моря черкесов ждала новая беда, – вспоминал другой очевидец. – Турецких судов, так называемых кочерм, было мало, а количество желавших переселиться в Турцию очень велико. Русское правительство выдавало переселенцам незначительное денежное пособие в размере 12 руб., которые к тому же не всегда полностью попадали в руки черкеса, а турецкие шкипера бесцеремонно обирали своих единоверцев. Черкесы отдавали последние крохи, чтобы поскорее увидеть обещанные земли Турции. Впереди все-таки мерещились наивному горцу если не рай, то братские объятия единоверного народа. Но ведь говорят, что не рай, а ад усеян добрыми намерениями» («Кубань и Черноморское побережье...», 1914).

А. Фонвилль (1865) так описывает события тех лет: «Страна представляла крайне плачевный вид; черкесы, расположившиеся на берегу моря, с нетерпением дожидались своей очереди к отплытию. Отчаяние и безнадежность так овладели этими несчастными, что им и в голову не приходило устроить себе на берегу шалаши, чтобы скрыться от непогоды. Единственная мысль, одно желание, их занимавшее, – это поскорее отправиться в Турцию. Все дни они проводили в том, что взбирались на прибрежные утесы и оттуда криками и разными знаками манили к себе всякое показавшееся в море судно. Снег начинал уже таять, и это еще более увеличивало их нетерпение; они хорошо понимали, что как только сойдет снег, русские не замедлят сюда явиться, и эта мысль отнимала у них и последнюю энергию».

7.6.3. «Исход» адыгов в свидетельствах царских генералов: «то были похороны исчезающего народа»

Тесно скученные в тысячных массах на небольшой равнине, ...терпя недостаток в продовольствии, дети, женщины и старики начали сильно болеть и умирать...

М.Я. Ольшевский, генерал (2003).

Определенный интерес представляют воспоминания высших царских военных чинов о муках, пережитых адыгами на черноморском берегу во время ожидания отправки их в Турцию. Свои записки об «исходе» черкесов оставил царский историк генерал Р.А. Фадеев (1890): «В течение первой половины лета 1864 г. восточный берег Черного моря представлял необыкновенное зрелище. До сих пор не было на свете берега, пустынное кавказского. ...И вдруг все изменилось. Весь берег унизился судами и покрылся народом. На каждой версте из 400 верст его протяжения белели большие и малые паруса, подымались мачты, дымились трубы пароходов; на каждом мыску развевались флаги наших пикетов; в каждой балке толпился народ и стоял базар. Глядя с моря, никогда никакой берег Англии или Голландии не представлял такой суматохи, такой жизни. Правда, *то были похороны исчезающего народа, и движение редело по мере того, как пустел берег*. Непрерывно день за днем уплывали целые тысячи людей с тем, чтобы погибнуть вскоре на новой родине от руки лукавых друзей. А оставшиеся на берегу гибли мало-помалу от

голода и болезней. Сотнями умирали дети на глазах родителей, а к концу переселения черкесы лишились почти всех своих женщин. Дома их были истреблены войной, а движимое имущество они истребили сами, чтобы не досталось врагу. Скотина зарезана и съедена, пристрелены любимые кони, истреблены пчелы, сожжены хлебные посевы, порублены и искалечены фруктовые сады, забиты и скрыты колодцы и криницы и уничтожены все хлебные запасы, которых нельзя было унести с собой. Доведенные до крайней степени отчаяния, некоторые убивали себя и детей своих. Так погибло 500 000 чел., десятки лет удивлявших Европу своим мужеством и героизмом борьбы» (Цит. по: Клинген .Н., 2005).

Другой царский генерал – М.Я. Ольшевский (2003) вспоминает: «Положение выселяемых в Турцию абадзехов и шапсугов с каждым днем ухудшалось. Наконец, положение их доведено было до отчаяния, когда все жившее как по побережью Черного моря, так между хребтом и Кубанью, столпилось у устья Туапсе, единственного пункта, назначенного для их отплытия в Турцию. Самое большое число абадзехов и шапсугов столпилось у устья Туапсе, как бы на большую их гибель, во время весеннего равноденствия, когда царство Нептуна вообще бывает беспокойно, и в особенности бушует Черное море. По непреложному велению судьбы в начале марта к шапсугам, жившим по течению Туапсе с ее притоками и принужденным оставить свои жилища Даховским отрядом, присоединились как шапсуги, жившие с незапамятных времен по побережью Черного моря, так и соплеменники их, обитавшие по Кунипсу, Абину, Хаблю, Супсу и другим речкам, впадающим в Кубань, а равно абадзехи, населявшие долины Белой, Куржипса, Пшехи, Ишипса и Пскупса» И далее генерал продолжает: «Тесно скученные в тысячных массах на небольшой равнине, ...терпя недостаток в продовольствии, дети, женщины и старики начали сильно болеть и умирать... Большие и частые могилы свидетельствовали о множестве жертв, погибших на родном берегу, еще недавно столь для них дорогом, а теперь им опротивевшем» (Ольшевский .Я., 2003. С. 549).

О «поистине трагических эпизодах», связанных с переселением, пишут и другие очевидцы: «Горцы, всюду разбитые и вытесненные русскими войсками в самые отдаленные горные дебри и ущелья, вынуждены были оставить родину и выселиться в Турцию. Ушли целые племена, как натухайцы, абадзехи, убыхи и др. *Самое переселение их сопровождалось поистине трагическими эпизодами.* Не имея ни времени, ни возможности захватить с собой свое добро, черкесы на скорую руку зарыли в землю и спрятали в укромные места наиболее ценные предметы своего убогого хозяйства – котлы, медную посуду, косы, серпы и пр., заделали войлоком и покрыли дерном горные ключи и питьевые источники, сожгли сакли и строения там, где не сделали этого русские войска, предали огню хлеба и сено и оставили нетронутыми лишь пашни, поляны и сады. По-видимому, у многих теплилась надежда на то, что, быть может, придет еще время, когда они возвратятся на родину и займут свои пепелища. Этим, пожалуй, отчасти объясняется, почему разрушительная рука горцев не коснулась садов» (Цит. по: «Кубань и Черноморское побережье...», 1914).

Не менее ужасающую картину описывает Я. Абрамов: «Горцы без всякого имущества скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах берега Черного моря. Так как транспортный флот был крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев пришлось ждать своей очереди по полугоду, году и более (!). Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к жизни. Страдания, которые пришлось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимой к этому присоединялся холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда же их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в это время. Один рассказывает о трупе матери, грудь которой сосет ребенок; другой – о матери же, носившей на руках двух замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий – о целой гряде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших, и т. д.». Как писал в своей «песне сквозь слезы» один из абхазских поэтов-махаджиров Д. Гулиа,

Выброшенные на берег моря,
На произвол судьбы,
Они гибли от голода и холода,
Повсюду на побережье,
Живые и мертвые лежали вповалку;
Вороны-вороны
Каркали над ними...

Однако переселенцы не знали, что подлинное горе, подлинное страдание были для них еще впереди – при переезде через море, а также на чужбине...

7.7. Дорога в никуда: переезд адыгов-махаджиров через море в Турцию

Тем, кому удалось вырваться из кольца царских войск, вытеснивших горцев на морское побережье, и кому «посчастливилось» с огромным трудом сесть на турецкое судно, не знали, что их мучения только начинались. Слушай, читатель, голоса из прошлого, свидетельства очевидцев, которые и сейчас, спустя более века, нельзя читать без содрогания...

7.7.1. «Жертвенной кровью вскипели моря...»

Алчные работарговы стремились взять на борт как можно больше «живого груза». Людей укладывали вплотную друг к другу, заставляя сгибать ноги в коленях. Как выразился капитан невольничьего судна, «...негру на корабле отводилось меньше места, чем покойному в гробу». Треть, а иногда и половина их обычно погибала в пути...

Из записок очевидца транспортировки негров из Африки в Америку (1783).

Турецкие шкиперы, из жадности, наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество...

Из записок очевидца транспортировки адыгов из Черкесии в Турцию (1864).

Перенесший тяготы этой депортации в детстве, офицер османской армии, черкес по происхождению Нури впоследствии вспоминал: «Нас швыряли, как собак, в парусные лодки, задыхаясь, голодные, оборванные, мы ждали смерти, как лучшей доли нашей судьбы. Ничего не принималось в расчет: ни глухая старость, ни болезнь, ни беременность! Все деньги, которые ассигновало ваше (российское. – Авт.) правительство на поддержку переселенцев, все они уходили куда-то, но куда? Мы их не видели! С нами обращались, как со скотом, нас валили на общий каик сотнями, не разбирая, кто здоров, кто болен, и выбрасывали на ближайший турецкий берег. Многие из нас умерли, остальные приткнулись, где попало» (Цит. по: Кушхабиев А.В., 2007).

Еще один очевидец переселения адыгов – А. Фонвилль свидетельствует: «Черкесы так торопились уезжать в Турцию, а турки до такой степени были жадны и корыстолюбивы, что суда обыкновенно нагружались, что называется, доверху; 300 или 400 чел. наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось от 50 до 60 чел. Вся провизия, которую горцы брали с собою, состояла из нескольких горстей пшена и воды; плавание открытым морем иногда продолжалось от 5 до 6-ти дней, и в таком-то положении и с таким запасом провизии этим несчастным приходилось совершать переезд столь гибельный и столь опасный. Когда поднималась непогода на море, каюки, нагруженные так, что вода достигала до самых краев, не могли держаться и тонули. Те, которые были менее нагружены, при волнении подвергались такой качке, что несчастные пассажиры бились и давили друг друга. Безветрие же задерживало их плавание, и они предавались тогда на жертву всем ужасам голодной смерти. Возвратившиеся турецкие матросы рассказывали нам подробности страшных сцен. Несколько судов с переселенцами потонуло; на других более половины пассажиров, умерших в дороге, были выброшены за борт...». Сам Фонвилль плыл на суденышке, в котором было 347 чел., причем «мужчины разместились на палубе в такой тесноте, что матросы вынуждены были ходить по головам (!) пассажиров». Из 600 переселенцев, посаженных на одно из таких судов, через 3-4 дня на турецком берегу высадилось только 370 чел.

Дополняет эту информацию А.В. Кушхабиев (2007): «Нередки были случаи, когда барки тонули от перегруженности и неблагоприятных погодных условий в осенне-зимний период. Так, 17 ноября 1864 г. в Новороссийском порту в результате сильных порывов ветра потерпело крушение османское судно «Нусрет Бахри» (судно было выброшено на берег и разрушено). Из 470 черкесов, находившихся на борту, погибли 300. А всего в ноябре 1864 г. в Новороссийском порту и окрестностях находилось около 25 тыс. черкесов, ожидавших очереди на отплытие».

Жертвенной кровью
Вскипели моря,
Отягченные мчатся суда...

– этими словами А. Блока можно было бы охарактеризовать атмосферу горя и ужаса, которая окружала горцев во время долгой «дороги в никуда» – к турецким берегам.

7.7.2. «Конвейер смерти» продолжает свою работу...

Турецкие шкипера, перегрузивши до невозможности переселенцами кочермы и выбравшись в открытое море, ...бесцеремонно выбрасывали потом лишний «балласт» из судов – бросали в море больных и беспомощных, дряхлых стариков и старух и вообще всех, кого считали лишними.

«Кубань и Черноморское побережье...» (1914).

О том, как у турецких судовладельцев было поставлено «богоугодное» дело с перевозкой махаджиров через море, сообщают многие источники. Вот один из них: «Многие барки, нагруженные горцами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы, оставались в карманах заведовавших делом лиц. Официально же эти случаи были констатированы как затопление «от бурь». Не это ли предвидели в свое время мусульманские пророки: «И пошли они; и когда они были в судне, тот его продырявил. Сказал ему: «Ты его продырявил, чтобы потопить находящихся на нем? Ты совершил дело удивительное!» (Коран. Сура 18; 70).

О том, как действовал этот «конвейер смерти», рассказывает еще один очевидец. Владельцы барок, получившие плату вперед, набирали переселенцев, вывозили в море, выбрасывали их в воду и быстро возвращались за новой партией, зарабатывая таким образом огромные деньги. Этот не укладывающийся в голову страшный факт специального умерщвления адыгов, тем не менее, подтверждается другими источниками. Как пишут авторы книги «Кубань и Черноморское побережье...» (1914), «...турецкие шкипера, перегрузивши до невозможности переселенцами кочермы и выбравшись в открытое море подальше от берегов и надзора русских гяуров, бесцеремонно выбрасывали потом лишний «балласт» из судов – бросали в море больных и беспомощных, дряхлых стариков и старух и вообще всех, кого считали лишними». Об этом пишет и адыгский просветитель С. Сиюхов: «Многие шкипера, нагрузившие переселенцами кочермы, выбравшись в открытое море, раздевали, обирали всех пассажиров и без церемоний, выбросивши живой балласт из судов в море, возвращались к берегу за новыми жертвами. Беспристрастными свидетелями – морскими волнами – были выброшены на берег тысячи черкесских трупов». Есть свидетельства, что умерших на кораблях в открытом море адыги привязывали к доскам и спускали на воду, в надежде, что волны рано или поздно прибьют мертвых к берегу и их кто-то похоронит по-человечески. А некоторые привязывали доски со своими умершими к спинам, рассчитывая довести и похоронить их хотя бы на чужбине:

*Дэ ди хьэдэ пхьэбгъуху ди цIыбхэм ипхэхэр
Ирыдагъэху жаIэурэ псори дагъэшынэ.
Доски с трупами, что привязаны к нашим спинам,
«Заставят снять», говоря, пугают нас.*

Известен и такой факт, в какой-то мере характеризующий общую атмосферу переселения. Уже в то время, когда переселенцы взойшли на турецкое судно и тронулись в путь, у одной молодой черкешенки родился ребенок, которого она выбросила за борт; пароход остановился, чтобы спасти ребенка, но отчаявшаяся и обреченная на гибель мать отказалась от его спасения. По свидетельству Ф. Канитца, палубы турецких кораблей, перевозивших переселенцев на Балканы, «...представляли самое ужасное, раздирающее душу зрелище голодных, обезображенных оспой людей и трупов».

7.7.3. «В крови будут волны, на дно канут трупы убитых...»

Капитан одного из турецких пароходов сообщил, что он видел много мертвых человеческих тел; одни из них были обезглавлены, другие покрыты колотыми ранами, третьи носили следы удушения, и большинство их было изувечено до неузнаваемости.

Из донесения Х. Диксона (4 ноября 1864 г.).

Сочувствием к горцам пронизаны воспоминания царского генерала М.Я. Ольшевского (2003): «Немало абадзехов и шапсугов погибло во время переезда по морю. Хозяева судов, в особенности турецких кочерм, из жадного корыстолюбия брали на свои суда более переселенцев, нежели могли вмещать в себе или выдержать по дурной конструкции и ветхости, ту тяжесть, которая составляла груз. А от тесноты и заразного воздуха увеличилась смертность и без того уже страждущих болезнями переселенцев. Или и того хуже, – когда суда, носимые по волнам бушующего моря, погибали. Впрочем, в своей гибели были отчасти виноваты и сами переселенцы (?!), которые из желания скорее оставить прежде столь дорогую, а теперь столь ненавистную родину, употребляли силу, хитрость и платили втридорога, чтобы попасть на отплывающую кочерму. И действительно ни одно судно не отплывало без печальной или трагической катастрофы для переселенцев. Один из них утопал, штурмывая баркас или лодку, долженствующую перевезти его от берега к судну; другой с отчаяния, что не попал на отходящую кочерму, бросался в море и погибал в волнах.

Здесь удрученный годами и изнеможенный болезнью старик с проклятиями распарывал себе живот кинжалом. Там в ужасных корчах испускала дух на берегу мать, держа в своих объятиях умирающего грудного младенца» (Ольшевский М.Я., 2003. с. 550-551).

Тяжелейшую картину бедствий черкесов-махаджиров на пути к своей Голгофе описывает Ф. Канитц в газете «*Allemeine Zeitung*»: «В гавань Ларнак, на острове Кипр, вошли три маленьких судна, заключавших в себе 2100 черкесов, из которых дорогой умерло от заразной болезни, жажды и голода в продолжение 32-суточного переезда около 1300 чел. (более половины! – Авт.). Народонаселение Ларнака и тамошний французский консул восставали энергически против высадки на берег полумертвых людей, зараженных тифом и оспой. Один пароход, плывший по той же самой дороге, по которой прошли незадолго перед ним эти суда с черкесами, *мог проследить их путь по плавающим трупам*» (Кушхабиев А.В., 2007). Не этот ли эпизод предвидел еще в 1555 г. Нострадамус, когда писал:

В крови будут волны,
На дно канут трупы убитых...

Несколько иначе описывает этот тяжелейший эпизод другой свидетель. В частности, в донесении Диксона от 4 ноября 1864 г. рассказывается, что 22 сентября из Константинополя вышли три турецких корабля с 2346 черкесскими эмигрантами, которые направлялись на о. Кипр. Однако, когда представители медицинской службы пересчитали прибывших черкесов, оказалось, что их прибыло всего 1362 чел. (в том числе 826 больных и 19 мертвых). Карантинная служба была «крайне удивлена», обнаружив исчезновение в пути почти тысячи человек. Капитан одного из турецких пароходов сообщил, что он видел много мертвых человеческих тел; одни из них были обезглавлены, другие покрыты колотыми ранами, третьи носили следы удушения, и большинство их было изувчено до неузнаваемости. Командир одного русского судна заявил под присягой во французском консульстве, что будучи в море и поравнявшись с тремя вышеназванными судами, он видел, как с них бросали за борт живых черкесов, и те отчаянно барахтались в воде, пока не оставались без сил и тонули. Как говорится в Коране (Сура 26; 120), «...и спасли Мы его и тех, кто был с ним в нагруженном судне. Потом потопили Мы еще оставшихся».

Источники приводят ужасающие цифры о смертности среди переселенцев. В апреле 1864 г. в прибывшем в Трабзон пароходе из 600 пассажиров доехало 370 чел. А в прибывшем на Кипр в ноябре того же года пароходе из 2700 чел. высадилось на берег только 1344, остальные же или умерли, или были при смерти на судах. Ежедневно умирало от 40 до 50-ти пассажиров; это продолжалось еще 4 дня после высадки на берег (Кудаева С.Г., 2007).

Как отмечают очевидцы, теснота и давка на турецких судах, с присоединением крайнего недостатка съестных припасов и воды, производили страшный мор среди переселенцев. Так, шкипер турецкого баркаса Юнус Ахмед сделал пометку на своем патенте, что было отправлено из одного пункта Черноморского побережья 140 чел., а прибыло в Трапезунд лишь 35 (!). Всего же за один только месяц с 18 апреля по 18 мая 1867 г., так сказать, «отход» человеческого материала только из-за болезней составил на турецких судах 1105 чел. Несколько ранее о подобных случаях сообщалось в газете «Московские ведомости» (1864, 5 мая, № 99): «...Из 600 черкесов, ехавших на пароходе, после трех- или четырехдневного переезда только 370 прибыли к месту своего назначения. Женщины в родах, не имеющие даже предметов первой необходимости, завертывающие новорожденных в лохмотья, оторванные от своих одежд; палубы, заваленные трупами и умирающими, – вот что совершается теперь ежедневно на водах Черного моря».

Переполненные донельзя суда не только тонули, но и горели. Р. Рушди сообщает об одном из таких случаев. Шапсуги-махаджиры направлялись на пароходе в Иорданию. Когда они вышли в открытое море, вспыхнул пожар, погибло около 700 чел.

Жуткие факты зверского обращения с горцами-переселенцами приводит Н. Кучицкий по сообщениям иностранных корреспондентов (правда, они относятся в основном к абхазам-махаджирам, садзам и убыхам): «Турки на пароходы брали абхазцев – и старых и молодых; но как только пароход удалялся от берега, – тут происходила «сортировка»: всех стариков, не способных носить оружие, а также старух, не годных к отправлению животных потребностей (!?), и малюток, за которыми еще нужен уход родителей, бросали за борт». К абхазам-махаджирам относится и следующее сообщение очевидца: «Пароход был переполнен людьми, которые страдали от недостатка пищи, а больше от недостатка воды. Взрослые пили морскую соленую воду. Болезни делались смертельными; преимущественно гибли дети. Трупы малюток бросали в море, несмотря на отчаянное сопротивление матерей. Одна мать долго скрывала смерть своего ребенка. Она держала его на руках, прижав к груди, и когда кто-нибудь из турок проходил мимо, начинала разговаривать с ним, как с живым. Так скрывала она его до тех пор, пока на пароходе не начал распространяться трупный запах. Тогда сделали обыск и нашли мертвого ребенка; и когда его все-таки вырвали из ее рук и бросили в море, она сама пыталась броситься за ним. Крик этой матери и до сих пор раздается в ушах». Не эти ли душераздирающие сцены запечатлены в старинном «Плаче адыгов»:

НыбжьыкIабзэ кьухьэм исыгъэм,
эпсыкIэрэ зьлягъэшпюкIы.
Хэкужьыри агу имыкIэу,

НыбжьыкIабэр хышхом хэпкIэжьых.
Много молодых, находившихся на корабле,
Слезам его орошают,
Не в силах расстаться с Родиной в сердце,
Многие молодые прыгают в огромное море.

Думается, какие-либо комментарии к этим фактам излишни. Хотелось бы лишь завершить это тяжелейшее повествование словами Эсхила, написанными, казалось бы, не 2,5 тысячелетия назад, а в середине XIX столетия:

Стон с рыданиями стоял над гладью моря,
Пока всего не кончил мрак ночной...

7.8. В «лагерях смерти»: на турецком берегу

Все страдания и муки, перенесенные адыгами-махаджирами при переезде через море, бледнеют перед тем, что им пришлось испытать в «благословенной» Турции. На малоазиатском берегу им были созданы невыносимые условия, в результате чего переселенцы гибли тысячами.

7.8.1. «У турок не было ни средств, ни умения более или менее сносно устроить переселенцев»

...Обитал он на земле обетованной, как на чужой.

Послание к Евреям (11; 9).

Оставь надежду всяк сюда входящий...

Данте. «Божественная комедия».

Как видно из предыдущих разделов, черкесы отдавали последние крохи, чтобы скорее увидеть «обетованную землю» Турции. Впереди все-таки им виделся если не рай, то хотя бы братский прием единоплеменного народа. Однако вместо мусульманского «рая» переселенцам пришлось еще пройти, образно говоря, по семи кругам дантевского «Ада». Поэтому не случайно Ф. Канитц писал, что «многие переселенцы погибли в волнах Черного моря – грустная участь, но все-таки менее достойная сожаления, чем та, которая постигла высадившихся на турецкий берег». О скорбном пути адыгов к своей Голгофе размышляет и А.А. Схалыхо: «Путь адыгов в Турцию – это путь скорби, путь страданий. Пути продвижения к морю, берег Черного моря от Анапы до Сочи, морское дно, берег турецкий – все было усеяно трупами».

Султанское правительство увидело в десятках и сотнях тысяч переселенцев опасность для «внутреннего спокойствия». Более того, как отмечал очевидец, «...когда стремление к переселению охватило целые кавказские народности и в Турцию прибыли тысячи горцев, то оказалось, что у турок не было ни средств, ни умения более или менее сносно устроить переселенцев». Пособия турецкого правительства были крайне недостаточны и не всегда доходили до самих переселенцев, число которых с каждым днем увеличивалось. Как писал один из очевидцев, мизерные суммы, отпущенные на устройство махаджиров, неизменно разворывались чиновниками и несчастные гибли тысячами прямо на улицах Стамбула.

7.8.2. «В Трапезунде все кладбища наполнены могилами, от нечистот нет проходу»: свидетельства очевидцев

*Тихо все – одно кладбище
Не пустеет, не молчит, –
Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо Бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой...*

А.С. Пушкин.

Болью пронизаны архивные документы, относящиеся к этому периоду истории адыгов. Русский вице-консул в Батуме доносил о «безвыходном положении», в которое переселенцы были поставлены «равнодушием к их судьбе турецких властей». Другие очевидцы рассказывают, как «бесстрашные орлы Кавказских гор покорно ютились вблизи Ени-Джамэ, не имея пристанища. Вот когда началась знаменитая продажа девиц в турецкие гаремы!...». Многие очевидцы рассказывают о нечеловеческих страданиях кавказских горцев в «земле обетованной». Как ни тяжело, все-таки приведем несколько таких фактов, от которых и сейчас щемит сердце. А каково было несчастным изгнанникам пережить все это?

Громадное число горцев погибло от вспыхнувших эпидемий чумы и оспы. О высокой смертности переселенцев можно судить из донесений консулов в различных городах Османской империи. Так, в рапорте

русского консула в Трабзоне генерала А. Мошнина от 25 декабря 1863 г. говорится: «С начала выселения в Трапезунде и в окрестностях перебывало до 247 000 душ, умерло около 19 000. Теперь остается 63 290 чел. Средняя смертность 180-250 чел. в день. В Самсуне и окрестностях живет 110 000 душ, ежедневная смертность около 200 чел. Только за два месяца в ноябре и декабре 1863 г. в Трапезунд прибыло 100 кочерм (около 10 000 чел.); из них 5 450 черкесов было переброшено на пароходах в Константинополь, Смирну и Варну. Из числа последних умерло 2 400 душ, причем в среднем по 40 чел. в день...» (Кудаева С.Г., 2007).

И далее консул продолжает: «Черкесы по прибытии размещаются в дырявых палатках, среди грязи, в которой они буквально тонут. Тифозность – главная болезнь. На весну следует ожидать развития заразы, так как тела зарываются с возмутительной (!) небрежностью. Турецкое население вознаграждает себя покупкой невольниц, на которых цены сильно упали...». В донесении от 7 февраля 1864 г. консул сообщал, что в Трапезунде «...все кладбища наполнены могилами, от нечистот нет проходу». Общее количество кавказских переселенцев, живших «табором» около Трапезунда к 18 марта 1864 г. Мошнин определял цифрой 20000, а всего сюда прибыло с ноября прошлого года не менее 40000 чел.. Из следующего донесения консула узнаем, что за период с начала переселения до мая 1864 г. из прибывших в Трапезунд черкесов умерло 30 000 чел.

Тяжелейшую обстановку в этом городе во время массового переселения черкесов дополняет письмо британского консула в Трапезунде Ф. Стивенса лорду Расселу в феврале 1864 г.: «Скопление черкесских эмигрантов в этом городе сделалось чрезвычайной проблемой. За последние три дня сюда высадилось 3000 чел. Среди них сотни страдают болезнями, вызванными голодом и всякими другими бедствиями. Между тем, болезни со страшной быстротой распространяются как среди черкесов, так и среди местных жителей; смертность от тифа все растет. Главный акведук, снабжающий город водой, пришел в негодность; на улицах и площадях ужасающая грязь; в продовольствии ощущается недостаток, а топливо исчезло совершенно. Кварталы, расположенные рядом с кладбищем, сделались непригодными для жилья, так как мертвых хоронят кое-как и разлагающиеся трупы распространяют страшное зловоние; в результате целые семьи покидают свои жилища». Как здесь не вспомнить библейское: «И назначат людей, которые постоянно обходили бы землю и с помощью прохожих погребали бы оставшихся на поверхности земли... И когда кто из обходящих землю увидит кость человеческую, то поставит возле нее знак, доколе погребатели не похоронят ее» (Книга пророка Иезекииля, 39; 14-15).

7.8.3. «Первые эмигранты прибыли в Турцию в начале зимы, в числе 12 000 душ, – и почти все перемерли»

У них будет недостаток в хлебе и воде, и они с ужасом будут смотреть друг на друга и исчахнут...

Книга пророка Иезекииля (4; 17).

Я поражен физической и духовной силой этого народа (адыгов) – из каждых пяти человек один все же жив, несмотря на перенесенные ужасы.

Корреспондент газеты «Дрозба» (1866).

Большая часть горцев была поселена лагерем в некотором удалении от Трапезунда, в Ачка-Кале, во избежание заражения ими местного турецкого населения тифом и оспой. Положение переселенцев здесь, в этом своеобразном «лагере смерти», оказалось плачевным. По свидетельству очевидцев, количество переселенцев, «обустроенных» в этих лагерях, превышало все допустимые «нормы»:

Современник этих событий – А. Фонвилль (1865) писал: «Я узнал, что первые эмигранты прибыли в Турцию в начале зимы, в числе 12 000 душ и почти все перемерли. Нуждаясь в пище, изнуренные переездом и болезнями, они принесли с собою в Трапезунд тиф, оспу и другие эпидемические болезни, так легко зарождающиеся от нищеты и лишений; и население этого города подверглось вследствие того страшной смертности.

В то время, как я высадился на малоазиатский берег, эмиграция была в полном ходу; она достигла уже 60 000 черкесов и в одном Аче-Кале было 15 000 переселенцев, которые, несмотря на суровость сезона (январь, февраль. – **Авт.**), были расположены под защитой жалких листьев оливковых деревьев, которых они ошпыливали; не имея никакой провизии, они существовали только теми ничтожными средствами, которыми снабжало их турецкое правительство». Как здесь не вспомнить библейскую Книгу Иова (30; 3-8): «Бедностью и голодом истощенные, они убегают в степь безводную, мрачную и опустошенную. Щиплют зелень подле кустов, и ягоды можжевельника – хлеб их. Люди отверженные, люди без имени...». И далее Фонвилль продолжает свой скорбный рассказ: «Турки, напуганные этим, и ввиду постоянно увеличивавшегося числа переселявшихся черкесов, решили расположить эмигрантов в нескольких местах вдоль берега и расставили войска, которые не должны были пропускать их к населенным пунктам. Таким образом, мы были блокированы этим чумным кордоном, и меня уверяли, что нельзя пройти через него без фирмана (указ, разрешение. – **Авт.**) трепизондского паши.

А. Фонвилль так делился впечатлениями об этом лагере: «Я обходил все места, где были расположены переселенцы. Они разделились по племенам, по долинам. Чувствовалось, что это могучий народ, который, если и был побежден русскими, тем не менее, он отстаивал свою страну сколько мог, и что, во всяком случае, в нем не

было недостатка ни в храбрости, ни в энергии». Смертность в этом лагере была особенно высокой. Тот же Фон-виль свидетельствовал: «В Ачка-Кале было столько умерших, что эти «концерты» (оплакивание покойников) дошли до невыносимых размеров; раздирающие душу вопли отдавались эхом по окрестным горам». В конце концов возник вопрос об уничтожении этого лагеря, так как там нельзя было жить от нечистот и трупного разложения. Как видно из письма консула Мошнина генералу Карцову от 13 мая 1864 г., зачастую, чтобы воспользоваться лишними порциями еды, люди не убирали своих мертвецов из палаток и часто скрывали их, зарывая в самих палатках, где и спали. Особенно много переселенцев погибло в лагерях вблизи Трапезунда, Варны, Синопа, Самсуна и Кефкена. Огромные кладбища изгнанников сохранились там до настоящего времени. По этому поводу известный турецкий писатель Сулейман Пазиф писал: «Там, где на окраинах Турции поселялись черкесы, кладбища возникали раньше деревень». Ему вторит Ф.Канитц, своими глазами видевший «лагеря смерти» на болгарском берегу Черного моря: «...Одно черное пятно выдавалось на этой светлой картине, – пятно, которое мешало мне наслаждаться очаровательными ландшафтами природы. Пятно это составляли свежие черкесские могилы, тянувшиеся рядом с правой и левой стороны дороги между группами деревьев или разбросанные на низких холмах в количестве от 2-3 до 20. Эти могилы громко свидетельствовали о бедствиях великого черкесского похода, тянувшегося незадолго перед тем по новой дороге, которую по справедливости можно назвать «могильной». Как здесь не вспомнить предсказание великого пророка Нострадамуса, написанное еще в 1555 г.:

Становится кладбищем все побережье,
Повсюду разруха, и жителей нет в городах...

Об огромном размахе эпидемических заболеваний в этих «лагерях смерти» сообщал и С. Сиюхов: «Черкесы, переехавшие с величайшими лишениями и трудностями на анатолийский берег, попадали в места, где уже распространились эпидемические болезни и от этого гибли десятками и сотнями тысяч. Тяжелейшее впечатление оставляет доклад санитарного инспектора Бароцци (Бародзи), подготовленный в мае 1864 г. турецкому Комитету здоровья: «В Самсуне на каждом шагу встречаются больные, умирающие и трупы, – у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах». (Невольно вспоминаются сцены из 2-й Книги Паралипоменона (20; 24): «И взглянули на то многолюдство, и вот – трупы, лежащие на земле, и нет уцелевших»). И далее врач Бароцци продолжает свое скорбное повествование: «Лагерное расположение представляет не менее ужасный вид. До 40-50 тыс. чел. в самой крайней нищете, изнуренные голодом, поражаемые смертью, остаются там без хлеба, без крова и без погребения. В Варне в настоящее время 70-80 тыс. чел. без хлеба. В несколько дней число это удвоится». В другой справке он дополняет эту страшную картину: «Никто о черкесах не заботится. Поэтому они живут в нищете, посреди дохлых животных и мертвецов, остающихся без погребения. Оспа, занесенная ими с Кавказа, тиф и другие болезни, как следствие разных лишений и голода, – истребляют их так исправно, что вымирают целые семьи. Больные остаются без всякого попечения и ухода; они лежат на голой земле, ничем не прикрытые от непогоды, лишенные всякой медицинской помощи. Понятно, что большинство из них умирает, а трупы остаются гнить на том же месте».

О трагедии черкесов-переселенцев в этом болгарском городе сообщает и другой очевидец: «Пароходы пришли в Варну... Первое время местное население оказывало переселенцам помощь. Однако когда с кораблей стали выгружать больных и даже мертвых, помощь прекратилась и даже стали предприниматься попытки препятствовать приему переселенцев. А. Берге свидетельствует, что 11 декабря 1863 г. в Варну прибыли два парохода с 1030 переселенцами. Когда лодчики стали высаживать голых, босых, истощенных, больных, едва живых людей, было обнаружено 46 трупов» (Цит. по: Кудасева С.Г., 2007).

Или еще свидетельство, дополняющее предыдущее: «В портовый город Варна привезли 80 тыс. махаджиров, зараженных тифом и малярией. Для борьбы с болезнями не было ни врачей, ни лекарств, ни самых элементарных средств гигиены и санитарии. Был введен карантин, но он уже не имел никакого смысла: болезни охватили всех привезенных. Берег Черного моря заполнился телами умерших. В первое время турки хоронили мертвых, но когда они уже не успевали, на помощь им пригнали заключенных. Но и это не спасало положения. Тогда трупы стали сбрасывать в море. После захода солнца аскеры выгоняли черкесов из города, но каждое утро их вновь можно было увидеть на улицах, пытающихся найти в мусоре хоть что-то из им необходимого. Оставшиеся в живых только много времени спустя научились добывать немного хлеба». Здесь уместно вспомнить библейское пророчество: «Все имели бесчисленных мертвецов, умерших одинаковой смертью; и живых не доставало для погребения, т.к. в одно мгновение погублено было все драгоценнейшее их поколение» (Книга премудрости Соломона, 18; 12).

Завершая свой обзор положения переселенцев на турецком берегу, С.Г. Кудасева (2007) пишет: «Далеко не полный перечень описанных фактов массовой гибели подтверждают, что оценка многими авторами смертности переселенцев в 500 000 чел. не завышена. А в сообщении корреспондента газеты «Дрозба» (1866) утверждается, что эта цифра значительно занижена: *«Я поражен физической и духовной силой этого народа – из каждых пяти человек один все же жив, несмотря на перенесенные ужасы».*

В заключение приведем еще одно свидетельство очевидца. Дочь английского консула так описывала один из «лагерей смерти» на турецком берегу: «Истощенные страданиями своего долгого морского путешествия, покрытые насекомыми и почти умирающие с голоду, они расположились лагерем прямо на земле, еще не просохшей, так как в то время была ранняя весна. Весь этот жалкий люд лежал скучившись, больные

валялись рядом с умершими, живые как тени бродили среди них. Кучки мужчин и женщин обступили нас, ведя за руку своих детей и предлагая купить их всякому, кто пожелает. Несчастные маленькие создания сами, по-видимому, желали, чтобы их разлучили с родителями, лишь бы дали им кров и пищу». Читая эти ужасающие подробности, невольно вспоминаются строки из стихотворения А. Теннисона:

Я шел, казалось,
Средь живых теней...

Или Шекспира:

Сознайтесь правды ради,
Вы призраки или существа живые?...

7.9. Из лагерей – в «резервации»?

Резервация (лат. «сохранять») – места насильственного поселения туземных племен, представляющие неблагоприятные для жизни и невыгодные для освоения территории, на которые империалистические правительства переселяют с захваченных ими земель поработенное или коренное население, обрекая его на лишения и вымирание.

Словарь иностранных слов (1995).

*Там жизнь идет из года в год
В зловонных конурах,
Там смерть ползет из всех щелей
И прячется в углах...*

Оскар Уайльд (1854-1900).

Переселенцы были поставлены в самые ужасные для человеческого существования условия, напоминающие, по словам Г.А. Дзидзария, резервации североамериканских индейцев. Официальные сообщения о том, что махаджирам якобы раздали безвозмездно лучшие земли, скот, пахотные орудия, выстроили для них дома и поселки, – были ложью, призванной заманить как можно больше дешевой рабочей силы в Османскую империю. Например, в Карском пашалыке «...эмигрантам отвели голые камни, без леса, без воды» («Кавказ», 1877, 7 июля).

Одной из задач переселения, как было отмечено выше, являлось освоение болотистых и вообще малопригодных земель. В архиве Министерства иностранных дел Турции сохранилось решение правительства о заселении черкесами районов Чукурова, Биреджик, Ракка. В документе выражалась надежда, что черкесские изгнанники освоят непригодные земельные участки. Эти районы, всегда считавшиеся нездоровыми, опасными из-за болезней, и были отведены для «людей второго сорта» – черкесов. Большинство поселенных там горцев вымерло от эпидемий. Особенно много черкесов погибло в заселившихся под нажимом правительства низменных районах близ Средиземного моря. В районе Чукурова, по сведениям Н. Бэрэджа, из 74 тыс. черкесов, поселенных там в XIX в., сегодня осталось не более 4 тыс. Как сообщала газета «Кавказ» в 1861 г., «многие погибли там жертвою голода и климата и вообще все разорились. Турецкое правительство не оказывает никакой помощи своим единоверцам, земли дает мало и ни к чему не годные. Многие переселенцы продавали в Константинополе своих детей на покупку хлеба» (Кудаева С.Г., 2007).

Факты, подтверждающие такую бесчеловечную политику Турции, приводит и Батырай Озбек. Он пишет, что седая абадзехская женщина Гошехурай из Иелемы, еще ребенком высадившаяся в Анатолии, сообщает по рассказам, услышанным от старых жителей деревни: «...Жара была невыносимой. Везде были болота и бесчисленное множество комаров. Убежали в горы, где мы сейчас живем, хотя земля здесь не особенно плодородна». О том, на каких землях селили переселенцев видно из слов одного из них – Мустафы Ашуба, абхаза по национальности. Он рассказывал, что по прибытии на место их поселили в какие-то казармы с мрачными камерами. Но когда «...люди стали умирать пачками, решили расселить нас деревнями. В этих деревнях нельзя было увидеть никакого растения, кроме сухих табачных, представлявших собой как бы единственных свидетелей жизни на земле» (Кудаева С.Г., 2007).

Ф. Канитц, побывавший в колониях черкесских переселенцев в Турецкой Болгарии, сообщал: «В этой области расположено 14 черкесских колоний. Часто видел я трех-четырех больных в семье, валявшихся на голом глиняном, отсыревшем от ночной росы полу их убогих жилищ; больные, скученные вместе со здоровыми, глотали с жадностью «лихорадки голода» неспелые плоды и куски черствого тяжелого маисового хлеба. Многие страдали от лихорадки. Положение их ухудшалось еще более невозможностью объясниться со своими соседями». Об условиях жизни в этих «резервациях» писал и побывавший там Давлет-Гирей Хатококор: «Положение переселенцев стало невыносимым. Безотраднее турецкой деревни трудно даже себе представить, но деревню, где живут черкесы, невозможно описать. Это сборище нищих и голодных оборванцев; в доме нет ничего. Все мрачно и пустынно кругом. Кажется, на первый взгляд, что все жители вымерли, и в деревне нет ни одной живой души. Бродящие уныло фигуры – турецкие крестьяне, бывшие некогда гордые кавказские

горцы – теперь подданные султана». И далее он прямо называл виновников трагедии адыгов на чужбине: «Я смею думать, что именно Турция и никто больше погубила горцев в нравственном, моральном и физическом отношениях. Нет и нет, Турция не родина нам, а самая злая мачеха. Когда-то, чтобы насолить гяурам-русским, они сманивали черкесов с Кубани, но прошло то время, и они им больше не нужны».

Адыги-махаджеры поняли, что они стали жертвой бессовестного обмана. «Мы гораздо охотнее пойдем в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири, мы можем избавить многих горцев от гибели своим возвращением, из нас и так погибла одна треть. Турки говорили, что нам укажут место для жительства, а на указанном ими месте можно только умереть, а не жить», – писали они в 1865 г. наместнику Кавказа. Об этом же сообщала газета «Московские ведомости» (1865, 24 марта): «Черкесы терпят страшные бедствия, и их, как кажется, постигнет такая же участь, как и их собратьев татар. «Если будут продолжаться злоупотребления, которые происходят со стороны турецких властей, – говорят они, – то мы будем принуждены обратиться к русским консулам и просить их о возвращении нас в Россию. Мы думали, что магометане-турки будут для нас лучше русских, но оказывается, что мы или умрем с голоду, или замерзнем в поле, чего с нами, наверное, уж не случилось бы в России». О стремлении вернуться в Россию писала и газета «Голос» (1867, 18 мая): «Черкесы, населяющие нашу Софийскую губернию, бунтуются и хотят воротиться в Россию. Они просили сербское правительство или пропустить их через Сербию удалиться в Россию, или же позволить им поселиться в княжестве и сделаться сербскими подданными, а если угодно, и христианами. Сербский народ не соглашается пустить в свое княжество этих дикарей, боясь, чтобы они не поели сербских детей. Действительно, черкесы, умирая с голоду, ели людей». Состояние эмигрантов хорошо выражают полные горечи и боли строки из стихотворения Бориса Савинкова:

Нет родины – и все кругом неверно,
Нет родины – и все кругом ничтожно,
Нет родины – и вера невозможна,
Нет родины – и слово лицемерно,
Нет родины – и радость без улыбки,
Нет родины – и горе без названья,
Нет родины – и жизнь, как призрак зыбкий,
Нет родины – и смерть, как увяданье...

7.10. «Как им живется там, в чужой стране?»

*Как им живется там, в чужой стране?
Всегда ведь тяжело нам в чужой стране!*

Алишер Навои (1441 1501).

*Уимыхэзгу идышэбг нахьи узыцангугэм
ичлыгу Гэмыч. – «Лучше горсть вскормившей тебя
родной земли, чем чужая золотая гора».*

Адыгская пословица.

Еще Гомер признавал, что «...нет ничего худшего, чем блуждать в чужих краях». Увы, адыги имели безрадостную возможность проверить этот афоризм на себе. Много трудностей и невзгод перенесли они при переселении в Турцию, гибли в переселенческих лагерях и отведенных для них «резервациях». Да и потом положение их (за редким исключением) по-прежнему оставалось невыносимым. Поистине, «...обитал он на земле обетованной, как на чужой» (Послание к Евреям, 11; 9). Вместо обещанных готовых домов в селениях на плодородном побережье Черного моря, оставшихся в живых черкесов-махаджиров принудительно направляли в разные районы Турецкой империи, в основном, в места, малопригодные для жилья, а также в Ливан, Египет, Сирию, Иорданию, на остров Кипр, где смертность уносила людей тысячами.

7.10.1. «Адаптация северокавказских иммигрантов протекала медленно и болезненно»

Правительство отводит этим переселенцам пустопорожние земли, но не имеет средств снабдить их рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями и зерном, необходимым на посевы и их пропитание.

К. Петкович (1878).

На поджидавших их турецких кочермах горцы отплывали в Малую Азию, надеясь найти там приют и новое счастье, но встретили там лишь бедствия, нищету и массовую смерть.

«Черноморское побережье...» (1916).

Адаптация северокавказских иммигрантов к новым условиям проживания протекала медленно и болезненно. Природно-климатические особенности большинства районов расселения иммигрантов (за исключением

Балкан) отличались от условий Северо-Западного Кавказа. Районам Внутренней Анатолии свойственны холодная длинная зима (до 6 мес.) и короткое знойное лето. Непривычным для иммигрантов был и жаркий (сухой субтропический) климат арабских регионов. Местные власти, как правило, расселяли иммигрантов на голой земле, не снабдив ни зерном, ни скотом, ни сельскохозяйственными инструментами. В октябре 1878 г. К. Петкович отмечал следующее: «Правительство отводит этим переселенцам пустопорожние земли, но не имеет средств снабдить их рабочим скотом, земледельческими орудиями и зерном, необходимым на посевы и их пропитание».

Земельные наделы, предоставленные иммигрантам, также ранее не обрабатывались или были мало пригодными к обрабатыванию. Например, Голанские высоты в Сирии представляли собой нагорье (на высоте 980 м над уровнем моря), покрытое кратерами и усыпанное камнями. Климат нагорья отличается от соседних районов холодными зимами и сильными ветрами (Кушхабиев А.В., 2007).

7.10.2. Нелегкая судьба черкесов-махаджиров на Балканах

Расселяя черкесов в разных вилайетах империи, османские власти не оказывали им существенной помощи в дальнейшем обустройстве.

А.В. Кушхабиев (2007).

Часть черкесов-переселенцев была размещена в Европейской Турции – на Балканском полуострове, причем без выделения им участков земли для жительства.

О нелегкой судьбе черкесов-махаджиров, размещенных османскими властями на Балканах (в Болгарии), размышляет А.В. Кушхабиев (2007). Историк пишет, что, расселяя черкесов в разных вилайетах империи, османские власти не оказывали им существенной помощи в дальнейшем обустройстве. На Балканах содержание иммигрантов было возложено на славянское население. Земельные участки, которыми власти наделяли черкесов, фактически отторгались у местного населения на основании того, что распорядителем всех земель империи являлся султан. Строительство жилья для черкесов также было возложено на местное население. До завершения строительства жилья болгары должны были содержать иммигрантов в своих домах и обрабатывать их земли, от чего местные жители, разумеется, были далеко не в восторге.

Разноречивые сведения приводят очевидцы событий в отношении занятий черкесов на Балканах (кроме военной службы). В одних источниках отмечалось, что черкесы отказывались заниматься сельским хозяйством и жили за счет эксплуатации и «ограбления болгар и сербов». В других случаях, наоборот, указывалось, что черкесы стали, не без успеха, заниматься сельскохозяйственными работами.

7.10.3. «Отчаянное положение изгнанников ...заставляло их браться за оружие, чтобы добывать средства к существованию»

Усердно распространяемые отзывы о ... беспокойной праздности черкесских выселенцев по большей части ложны. Этих переселенцев можно причислить к самой трудолюбивой и порядочной части всего населения; прибытие их принесло стране много пользы.

Пальгрев, английский консул (1872).

Чтобы как-то выжить, черкесы-махаджиры были вынуждены вступить буквально в состояние войны с местными жителями. Ряд источников подтверждают, что «отчаянное положение изгнанников, голод, нужда заставляли их браться за оружие, чтобы добывать средства к существованию. Кавказские махаджиры были вынуждены заниматься разбоем, да так, что «...турки и болгары сказали «аман!» (помилуй!) от них», – сообщает Р. Блысков. «Абазинские и черкесские поселенцы составляют тяжелое бремя для православного народа, – писал в 1880 г. архимандрит Гарегин, – не только на дорогах от них нет спокойствия, но и в самом городе и в домах воровство, грабежи и убийства стали обыкновенным делом». Почти так же охарактеризовал их много позже, в 1925 г. В. Аболтин: «Отличаясь предприимчивостью, горцы вообще не покидают и своих старых привычек: угон скота, воровство лошадей, грабеж при удобном случае практикуется и поныне. Горцы чрезвычайно храбры, их боятся даже дерзкие курды».

Вместе с тем, многие современники отмечали, что «...черкесы наиболее трудолюбивые, хотя и наиболее трудноуправляемые». Полковник Ч. Уилсон писал, что «абхазы, кабардинцы, абадзехи, шапсуги – красивое племя; они сильнее, мужественнее, смысленнее местных крестьян и способны к образованию. Черкесы ввели в крае лучшие телеги, стали строить более удобные дома и лучше возделывать землю; вообще они могли бы сделать много для развития края, если бы турецкое правительство более позаботилось о них». В свою очередь, российский консул К.Н. Смирнов сообщал в 1904 г.: «Наиболее культурный элемент в крае – наши кавказские выходцы, известные под общим именем черкесов. Что же касается турок, то они, видя во многом превосходство черкесов, подчас ненавидя их, все-таки уважают и стараются расположить в свою пользу». Английский консул Пальгрев (1872) также обращал внимание на трудолюбие и порядочность чер-

кесов-махаджиров: «Здесь будет кстати отметить, что усердно распространяемые отзывы о дурном поведении, беспокойной праздности и разбойничьих наклонностях черкесских и абхазских выселенцев по большей части ложны и во всяком случае сильно преувеличены. *Этих переселенцев можно причислить к самой трудолюбивой и порядочной части всего населения; прибытие их принесло стране много пользы.*»

7.10.4. «Черкесы привезли с собой с Кавказа в Палестину привычку к усовершенствованным земледельческим орудиям...»

7.10.4.1. Хозяйственная деятельность северокавказских иммигрантов в новых местах проживания

В конце XIX – начале XX в. русские и европейские путешественники отмечали, что уровень развития сельского хозяйства и ремесел у черкесских иммигрантов значительно отличался и превосходил состояние земледелия и ремесел населения азиатских вилайетов Османской империи.

А.В. Кушхабиев (2007).

В первые годы, в связи с неприспособленностью к новым природно-климатическим условиям, отсутствием жилья и сложным характером отношений с местным населением, северокавказским иммигрантам приходилось фактически выживать (Кушхабиев А.В., 2007).

СКОВОДСТВО. Первоначально у адыгов-переселенцев не было возможности заниматься земледелием; поэтому они стали заниматься преимущественно скотоводством. Приобретали у местного населения крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей, а позднее и домашнюю птицу. Но уже к началу XX в. в селениях кабардинцев-переселенцев одна семья, в среднем, владела от 10 до 50 голов крупного рогатого скота и по несколько сот овец, что, в целом, обеспечивало их существование. Историк В. Кюине отметил, что к началу XX в. черкесы на Голанских высотах уже были основными поставщиками мяса на базаре в Кунейтре. В некоторых черкесских селениях занимались и пчеловодством.

КОНЕВОДСТВО. Со временем в селениях черкесских иммигрантов получило развитие коневодство, что было обусловлено как традиционным образом жизни, так и служебной необходимостью (военной службой). Также коневодство было довольно прибыльным занятием. Военные части Османской империи (позднее Турции, Сирии и Иордании) регулярно закупали лошадей для кавалерии вплоть до середины XX в. По сообщениям жителей кабардинских селений района Узуняйла, кабардинские эмигранты перегнали с собой (через Закавказье) немалое количество лошадей, которые значительно превосходили лошадей местных пород и ценились намного дороже. Путем скрещивания черкесских пород лошадей с местными, они основали два конных завода в Аданском вилайете (Кудаева С.Г., 2007). Есть информация, что к началу XX столетия жители одного села (несколько десятков семей) могли владеть табуном около 100-200 лошадей.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. Постепенно в селениях черкесских иммигрантов стало развиваться и земледелие. При этом черкесы проявляли привязанность к традиционным сельскохозяйственным инструментам: плугам, граблям, косам и др. В азиатских регионах империи, в частности в арабских вилайетах, инструменты, использовавшиеся иммигрантами, не были известны местному населению (косы, грабли). В первые годы черкесские иммигранты выращивали только культуры, вывезенные с Кавказа и не возделывавшиеся местным населением (просо, овес). Шапсуги стали выращивать даже фундук, вывезенный с Кавказа. Со временем иммигранты стали выращивать кукурузу, ячмень, пшеницу, арбузы, различные овощи, фруктовые деревья и виноград. В районах Внутренней Анатолии, в связи с неблагоприятным климатом, земледелие развивалось медленными темпами. В селениях иммигрантов количество выращиваемых культур было незначительным. Невысокими были и урожаи.

Но уже в конце XIX – начале XX в. русские и европейские путешественники отмечали, что *уровень развития сельского хозяйства и ремесел у черкесских иммигрантов значительно отличался и превосходил состояние земледелия и ремесел населения азиатских вилайетов Османской империи.* Российский ученый А. Беркенгейм, изучавший состояние экономики Сирии и Палестины в конце XIX в., указал, что урожаи черкесской колонии Кунейтра превосходили урожаи немецкой колонии Сарона и еврейской колонии Хедера (Кудаева С.Г., 2007).

Историк В.Кюине отметил, что вокруг Аммана «...расстилаются отлично обработанные поля, что вообще надо заметить про все черкесские колонии в Азиатской Турции». Русский исследователь А. Руппин, изучавший Палестину на протяжении 10 лет, писал относительно развития сельского хозяйства у черкесских иммигрантов: «*Черкесы привезли с собой с Кавказа в Палестину привычку к усовершенствованным земледельческим орудиям, пользование грузовой телегой (с двумя сплошными деревянными колесами и железными ободами), возделывание овса и большой порядок в домообзаводстве [т. е. в домашнем хозяйстве. – Авт.], а в особенности опыт в животноводстве. Кроме того, они трудолюбивы, очищают свои поля от камней и почти все добились обеспеченного существования.*»

В связи с тем, что преобладающая часть взрослого мужского населения была занята на военной службе, а женщины по черкесским обычаям не занимались сельскохозяйственными работами, в черкесских ко-

лониях получил развитие наемный труд. Для обработки полей и ухода за скотом стали нанимать местное население (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 260-261).

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО. Налаживалось в черкесских поселениях также и ремесленное производство, и в первую очередь оружейное – изготовление шашек, кинжалов и т. п. В условиях непрекращающихся столкновений с соседними общинами иммигранты нуждались в значительном количестве оружия. Кузнецы изготавливали также и сельскохозяйственные инструменты: молотки, лопаты, пилы, косы, серпы и т. п. Однако кузнечное дело осложнялось в связи с нехваткой железа. В более выгодном положении оказались плотники и столяры, добывавшие необходимое количество древесины в окрестных лесах (большая часть поселений северокавказских иммигрантов в разных районах Анатолии и в арабских регионах была основана вблизи лесов). Ими изготавливались инструменты для обработки земли, двух- или четырехколесные телеги и повозки, двери, оконные рамы со ставнями, деревянные ведра и различные предметы домашнего обихода. Ремесленники занимались также шорным и кожевенным производством, а в отдельных селениях были и свои ювелиры.

Важно отметить, что в курдские и арабские регионы империи именно черкесы занесли с собой традицию изготовления колесных повозок и телег и стали прокладывать для них дороги. Местное же население использовало для перевозок грузов в основном верблюдов и не изготавливало колесного транспорта. Иммигранты также начали сооружать большие мельницы (Кушхабиев А.В., 2007).

7.10.4.2. «Кавказская водяница»: черкесские водяные мельницы *псыцхьэл* на Балканах

Ни одно селение горцев Северного Кавказа не обходилось без водяной мельницы. Это свидетельствует о высоком уровне развития земледелия.

Б.А.Калоев (1981).

Можно быть уверенным, что секреты строительства таких мельниц были вывезены с Кавказа. Говорю так потому, что подобных мельниц ни один другой народ на Балканах не строил.

Г. Чемсо (2000).

История происхождения водяных мельниц для помола зерна насчитывает, по Л.В. Викторову (1974), по крайней мере, 3–4 тысячелетия. Точное время появления водяного колеса для помола зерна на Северном Кавказе, как пишет Б.А. Калоев (1981), «пока не установлено археологическими находками». Вместе с тем, по мнению исследователя, материалы нартского эпоса свидетельствуют о том, что появление первых водяных мельниц относится, по крайней мере, к эпохе зарождения эпоса «Нарты», т. е. ко II-I тысячелетиям до н.э. Примечательно, что в нартском эпосе мельничное колесо считалось даром богов. По мнению Б.А. Калоева, не исключена возможность, что истоки северокавказской водяной мельницы идут от народов античных государств Средиземноморья. Но с другой стороны, этот же автор говорит, что «...фольклорные данные по другим народам северокавказского региона свидетельствуют, что мельница, работающая без помощи человека, только на силе воды, известна горцам с древнейших времен, задолго до расцвета античной культуры». О несомненной древности водяной мельницы у северокавказских народов в какой-то мере свидетельствуют и ее названия. Так, кабардинцы и черкесы называют ее *псыцхьэл цхьэл*, а адыгейцы – *псы шьхьэл*.

Многочисленные факты подтверждают, что после Кавказской войны и изгнания горцев с Северного Кавказа, свою высокую земледельческую культуру адыги-махаджиры перенесли в другие страны Ближнего и Среднего Востока, в Европу и Азию. Как отмечает Г. Чемсо (2000), на Балканах – бывшей территории Османской империи, – издавна славились построенные адыгами-махаджирами водяные мельницы: «От г. Велика-рика до с. Граце в Сербии, на протяжении 6 км, было построено 6 водяных мельниц, которые сербы называли «кавказская водяница». Мельницы адыгов работали при любом уровне воды, – так они были построены. А мельницы, построенные сербами или албанцами, не могли так надежно работать. Если у последних мельницы работали за счет водопада, у наших соплеменников – за счет течения отведенной воды. Как вспоминают очевидцы, особым мастерством по строительству мельниц отличался Индар Жьэу. Не используя ни одного металлического гвоздя, с помощью деревянных колышек, умело обструганных, он сколачивал все деревянные детали мельницы. И сегодня (информация Г. Чемсо относится к 1999-2000 гг.) можно увидеть остатки таких мельниц».

Комментируя эти свидетельства очевидцев, публицист отмечает, что «...можно быть уверенным, что секреты строительства таких мельниц были вывезены с Кавказа. Говорю так потому, что подобных мельниц ни один другой народ на Балканах не строил». Далее автор пытается ответить на вопрос, а куда же делась эта технология на Кавказе, почему она не сохранилась в Адыгее? «Предположительно я бы ответил на этот вопрос так, – пишет далее автор, – наверное, такие мельницы строились в Западной Черкесии, откуда родом югославские адыги, и строили их жители гор, используя бурные потоки местных рек. Настоящих же горцев, как известно, после войны не осталось на Кавказе: исполняя волю русского царя, все горцы ушли на равнину и поселились рядом с русскими, которые строили мельницы по другой, «русской» технологии, более приспособленной к условиям равнины.

Таким образом, черкесская национальная мельница тоже стала жертвой исторических обстоятельств». И далее автор сообщает, что на р. Аше в Лазаревском районе г. Сочи, там, где сохранилось адыгское горское население, недавно были обнаружены остатки *псышьхал* – водяной мельницы, которой пользовались жители этих мест в далеком прошлом; сейчас она воссоздается как памятник старины (Чемсо Г., 2000).

7.10.5. И вновь депортация: «Остались без каких-либо средств к существованию, без самых элементарных условий жизни»

После поражения Османской империи в войне 1877–1878 гг. Турция была вынуждена освободить свои бывшие европейские территории. В результате сотни тысяч черкесов были изгнаны с Балкан в азиатскую часть империи. Опять повторились все ужасы, невзгоды и страдания, которые сопровождали горцев во время «Великого исхода» их с Кавказа. Как отмечает Н. Бэрзедж, местные администрации регионов, куда переселялись черкесы, абсолютно не были готовы к такому повороту событий. В Стамбуле и Дамаске горцев размещали во дворах школ и мечетей. В марте 1878 г. в Стамбуле ежедневно умирало по 900 чел. балканских эмигрантов, из них на территории мечети Айя-София – 25–30 чел. В Бандырме каждый день смерть уносила 4–5 жизней изгнанников.

В марте 1878 г. пароход «Сфинск» австрийской фирмы «Ллойд» в Балканском порту Кавала принял на борт 3 тыс. черкесских эмигрантов и взял курс на порт Латакия в Сирии. Когда судно проходило близ Магоса (Кипр), разразилась буря. Ураганный ветер смел с палубы 40 чел., тут же утонувших в море. Затем начался пожар. Изгнанники, запертые в трюме, сгорали заживо и задохнулись от дыма. Ужасная трагедия стоила жизни 600 горцам.

Не менее трагические последствия имел и другой рейс турецкого судна, также перевозивший «вторичных изгнанников», о чем сообщает автор письма, посланного из посольства Франции в Везират Османской империи от 24 июля 1878 г. о положении черкесских иммигрантов в Сирии:

«Османское государство, видимо, забыло данное им обещание относительно статьи об отправке в Сирию черкесов. В конце июня один османский транспортный пароход высадил в Траблусе [Триполи] 500 черкесов, которые увеличили число бедствующих там от голода и нищеты. В Лазкии [Латакии] и Траблусе насчитываются 2000 черкесов. Из-за размещения в очень тесных местах, и отсутствия пищи кроме черствого хлеба, они заболевают оспой, тифом и подобными инфекционными болезнями. 400 иммигрантов, из числа ранее прибывших, должны были отправить в Акку [Акру]. Местные власти пустили их в «Марьен» для посадки на пароход, хотя дни отправления известны. Не было решено, будут ли они перевезены арабскими судами или английским почтовым пароходом. Поэтому все они со своим багажом и больными были высажены прямо на песчаный берег. По истечении 4-х дней они попросили разместить их в закрытых мечетях, но местные власти отказали. Когда черкесы, исчерпав все свое терпение и выдержку, силой открыли и вошли внутрь одной из мечетей, мусульмане воспротивились этому, и между ними произошло столкновение. Говорят, что среди пострадавших несколько тяжело раненых. Драгуны поспешили и разняли стороны. Черкесов держат в мечетях в ожидании судна уже 14 дней. Вчера тоже произошло одно столкновение между черкесами и мусульманским населением города. Черкесы стали угрожать кинжалами и горожане призвали на помощь своих земляков. Полиция вовремя вмешалась и, арестовав нескольких, утихомирила ссору. Этот случай затеяли мусульмане города («История адыгов...», 2009. С. 93). *Так происходило второе изгнание адыгов, но на это раз силами не Российской империи, а Турции.*

К тяжелым условиям социального и национального гнета на их новой родине добавлялся и тяжелейший «свой», феодально-крепостнический гнет. Адыгские крестьяне-переселенцы (около 8500 семейств) в 1872 г. писали русскому послу в Константинополе о своих бедах следующее: «Вот уже восемь лет как наши баи нас держат в состоянии невообразимого рабства, совершая тысячу жестокостей и чиня тысячу препятствий. Днем и ночью мы и наши семьи подвергаемся варварскому обращению баев. Мы лишены свободы, семьи, имущества, так как баи нас угнетают и отбирают ежегодно половину того, что мы зарабатываем. ...Они угоняют овец и коров, опустошают наши дома. Мы умираем от таких жестокостей» (Кушхабиев А.В., 2007).

Серия статей в газете «Голос», подготовленная корреспондентом Френкелем в 1881 г., также свидетельствует о том, что «...переселенцы испытывают в Турции всякие невзгоды: они буквально голодают, мрут от холода». О бесправном и тяжелом положении горских переселенцев в Османской империи вспоминал много позже (23 мая 1918 г.) и председатель Совнаркома Терской республики С. Буачидзе: «Я два с половиной года провел в Турции и с болью в сердце вспоминаю о тех ужасах, когда свободолюбивые горцы убегали от ига наших (царской России. – Авт.) палачей и искали спасения в Турции. Но и там над ними так же издевались и смотрели на них как на «гяуров»; они не имели земли, права голоса на судах. *И горцы-эмигранты говорили, что положение их при царизме в России было гораздо лучше, чем в Турции.*»

В связи с этим уместно вспомнить письмо министру внутренних дел Османской империи, подписанное Сулейманом Тэуфиком и Ахмедом Джавидом. Говоря о судьбе переселенцев уже в начале XX в., они писали: «40 семей – кавказских махаджиров проживает в поселке Ракка в окрестностях Алеппо. Это те семьи, которые еще до своего выселения с Кавказа получили официальное разрешение и которым было обещано поселить их в хорошие районы с предоставлением домов до 1904 г. В течение пяти лет махаджиры вынуждены отражать нападения со стороны местных жителей. В течение пяти лет махаджирам так и не удалось обработать свои участки, кончились и те сбережения, которые привезли со своей Родины. Они остались в полной нищете, каждый день мечтая о куске хлеба, голод и смерть стали преследовать их. Самое тревожное – что если даже вы

сможете впредь предотвращать эти нападения, то махаджирам это уже не поможет, потому что *они остались без каких-либо средств к существованию, без самых элементарных условий жизни*. Эти люди переселились сюда по официальному разрешению из чувства братства к жителям этой страны. Эти махаджиры известны своей порядочностью, человечностью, силой характера, высоким этикетом. Они лишились средств к существованию и погибают из-за того, что правительство не выполняет свое обещание, что никак не соответствует статусу Великого Османского государства». Однако и это, и все подобные письма-жалобы остались «гласом вопиющего в пустыне», – помощи от правительства черкесы так и не дождались.

Но если бедняки – трудящиеся махаджиры нещадно эксплуатировались как своими феодалами, так и турецкими помещиками и чиновниками, то зачастую по-иному складывалась судьба горской знати. Князьям, черкесским дворянам с самого начала отводили наиболее плодородные земли, выделяли значительное денежное пособие, бесплатно строили дома. Именно они, главным образом, продвигались высоко по административной и военной лестнице.

7.10.6. Мобилизация в турецкую армию: «Черкесские полки были повсюду на линии огня; они мужественно сражались...»

Черкесские полки были повсюду на линии огня; они мужественно сражались, но дорого заплатили за свою победу. Часто из десяти мобилизованных черкесов возвращался живым лишь один.

Ж. Дюмезиль (1878).

В целом, положение кавказских переселенцев, особенно в первые годы изгнания, было очень тяжелым. Турецкие власти, пользуясь их безвыходным положением, формировали из них черкесские кавалерийские полки и, прежде всего, – «черкесскую гвардию» султана. Предполагалось довести численность этих «добровольцев» до 12 000 чел. Поскольку в рекруты брали только неженатых, то многие горцы вынуждены были продавать своих жен и детей, чтобы поступить на военную службу (впрочем, получив обмундирование и деньги, рекруты в подавляющем большинстве бежали из турецкой армии или к своим семьям, или обратно на Кавказ). Но те черкесы, которые все-таки оставались в рядах турецкой армии, воевали на совесть. Из молодых черкесов-махаджиров было сформировано несколько полков, а также кавалерийский корпус, который принял участие в русско-турецкой войне 1877-1878 г. Как свидетельствует Ж. Дюмезиль, «Черкесские полки были повсюду на линии огня; они мужественно сражались, но дорого заплатили за свою победу. Часто из десяти мобилизованных черкесов возвращался живым лишь один».

Мужество черкесов на поле боя во многом способствовало продвижению их на высшие военные посты Османской империи, о чем свидетельствуют многие факты. Так, дивизионным генералом Эрзерумского отряда был в 40-х гг. XIX в. Гасан-паша, – «природный черкес, с детства увезенный в Константинополь, где и воспитан». Кстати, он был «весьма расположен к русским». В его свите, по словам генерала Я. Проскурова, находилось несколько офицеров из черкесов, составлявших лучшую часть его конвоя. Сын последнего бжедугского владетельного князя Тархана Хаджимукова – Хасан занимал в конце XIX – начале XX столетия в звании паши пост главного директора военных училищ в Турции, а черкес Махмуд Шевкет-паша являлся военным министром и генералиссимусом (!) турецкой армии. Среди других горцев, занимавших видные посты, можно назвать Мамеда Саид-пашу, Зия-бея (начальника тайной полиции при Абдул Хамиде II), генералов Ахмеда Риза-пашу, Хусейна Даима-пашу, министра полиции Назым-пашу. В период Крымской войны 1853-1856 гг. одним из лучших турецких военачальников считался убух Гуссейн-паша. Маршал Фуад-паша Тхуго, тоже убух по происхождению, стал во главе «Партии черкесов» – противников кровавого монарха Абдул Хамида II.

Вообще-то в Турции в начале этого века, по сообщению Султана Довлет-Гирея, офицерский состав турецкой армии состоял на 30 % из черкесов-махаджиров. Видный писатель Мидхат, который внес достойный вклад в турецкую литературу, был родом шапсуг. Черкес по происхождению и Юсуф Иззет-паша, – председатель Черкесского благотворительного общества в Константинополе, автор трехтомной «Истории Кавказа» и ряда других книг по истории черкесского народа.

7.10.7. «Черкесские иммигранты, в целом, сохраняли свою материальную и духовную культуру»

Состояние кабардинского (и шире – адыгского) народа во многом точно передает пословица: «Истамбылыжьым имыкыр шоллэ, иklar йолыхь» – «Кто не переселился в Стамбул, жаждет его, а кто переселился, мучается».

С.Н. Бейтуганов (2007).

Дошедшие до нас описания путешественников, посетивших черкесские поселения в различных частях Османской империи в конце XIX – начале XX в., свидетельствуют о том, что *несмотря на зачастую*

нечеловеческие условия жизни в «благословенной» Турции, черкесские иммигранты, в целом, сохраняли свою материальную и духовную культуру. Они придерживались своих народных обычаев и традиций. Образ жизни черкесских иммигрантов в разных регионах империи в годы монархического правления мало чем отличался от их образа жизни на Кавказе. Известный русский путешественник-антрополог А. Елисеев, посетивший черкесские селения в Малой Азии и Сирии, отмечал не ослабевавшую тягу иммигрантов к своей родине. Во время путешествия в 1884 г. он записал следующее: «...Черкесы все-таки сильно скучают по своей родине и вспоминают о родных горах, эти дорогие воспоминания, связанные с Кавказом, вероятно, и были причиной того, что эти отчаянные джигиты и головорезы принимали скромного русского путешественника с таким почетом, что нельзя было не верить искренности этих детей природы» (Кушхабиев А.В., 2007).

В работе С.Н. Бейтуганова (2007) много внимания уделено вопросу о том, как столь масштабное и трагическое переселение кавказских народов отразилось в фольклоре. В истории общественной мысли адыгов, – пишет автор, – известно имя Лиуана Бжихатлокова – предшественника Жабаги Казаного. Ему приписывается изречение: *«Бахъсэдрэ урысрэ зымыбгынэр, жылагъуэу къэйджыныц»* – «Кто Баксан и Россию не покинет, народом останется» (Другой вариант перевода, более полно передающий смысл изречения: «Кто Баксан и русских не покинет, народом останется»). Огромно патриотическое значение этой мудрой мысли. Недаром ее часто повторял Жабаги Казаного, очевидно, стремясь удержать людей от гибельного для народа переселенчества.

Одна народная пословица, обращенная, видимо, непосредственно к переселенцам конца 1850-х – начала 1860-х гг., напоминая изречение Бжихатлокова, выражена в более категоричной форме: *«Уицымылъыну, уи хэку уикъыж»* – «Когда не быть тебе мужественным, покинь отчизну». Пословица осталась в памяти народа вечным, горьким укором для тех организаторов, кто в тяжелую годину на свой страх и риск предпочел чужбину истерзанной и более чем когда бы то ни было нуждавшейся в своих сыновьях и дочерях родине.

Стала ли судьба десятков тысяч первых переселенцев, закончившаяся трагедией, уроком для оставшихся на родине? Состояние кабардинского (и шире – адыгского) народа во многом точно передает другая пословица: *«Истамбылыжым ымыкълыр щоллэ, иклар йоллыхъ»* – «Кто не переселился в Стамбул, жаждет его, а кто переселился, мучается» (Бейтуганов С.Н., 2007).

7.11. Убыхи: народ, который был... и которого не стало

Для торжества одного из народов нужно, чтобы погиб другой.

С.С. Уваров, граф (1901).

Убыхи (убых, уббух, пёх, туахъы) представляли собой этническую группу, родственную адыгам и абхазо-абазинам. Жили на территории, примыкающей к Черноморскому побережью, между реками Хоста и Шахэ. На северо-западе территории убыхов граничили с Шапсугией, на юго-востоке с землями абхазо-абазинских обществ садзов и ахчипсоу. В первой половине XIX в. шел процесс вытеснения убыхского языка адыгским (Кушхабиев А.В., 2007. С. 47-48; «История адыгов...», 2009. С. 351-353).

В исторической литературе об убыхах имеются лишь отрывочные сведения, касающиеся в основном XVIII столетия, а также периода Кавказской войны (1830–1864 гг.). Полное выселение убыхов в Турцию весной 1864 г., после капитуляции их в самом конце Кавказской войны, последующая почти полная их ассимиляция там и потеря убыхского языка, не имевшего письменности и оставившего лишь слабые следы в трудах отдельных исследователей, в совокупности составили значительные трудности в изучении убыхского этноса и языка, заметно выделявшегося в окружающей адыго-абхазской среде. Положение усугубляется почти полным отсутствием памятников материальной и духовной культуры убыхов как в России, так и в Турции (Ворошилов В.И., 2007).

7.11.1. К вопросу об этногенезе убыхов

7.11.1.1. «Убыхи – связующее звено между адыгскими народностями и абхазами»

В литературе кавказской этнографии убыхи играют весьма странную роль. То называются они племенем, совершенно особым от адыгов и абхазцев, то причисляются к адыгам, то к абхазцам...

П.К. Услар (1887).

Не совсем похожие на адыгов, но и не абхазы, убыхи служили связующим звеном между адыгскими народностями и абхазами, были соединительной цепочкой между двумя ветвями одной этнической группы...

А.А. Епифанцев (2010).

Убыхи – это основное этническое название народа, под которым он известен источникам первой половины XIX в. В указанное время о них писали многие авторы, так как убыхи играли значительную роль в собы-

тиях Кавказской войны. В литературе этого периода для обозначения приморского населения, в том числе убыхов, изредка употреблялись собирательные термины: абаза, абадза и, гораздо чаще, – черкесы. При этом языком межэтнического общения, по свидетельству очевидцев, был на побережье черкесский (адыгский) язык.

До Кавказской войны убыхи проживали на Черноморском побережье Кавказа между реками Псыш-Иупсы (Псызуапсе) и Хамыш (Хоста) в двух урочищах: Вардане и Саше (Сшатче), к северу от г. Адлера. По происхождению и языку убыхи самостоятельный народ. Однако по нраву, обычаям, общественному устройству, а также по общему употреблению у них адыгейского языка, наравне со своим природным языком, убыхи причисляют себя к адыгам.

Немецкий лингвист А. Дирр отмечал, что в начале XX столетия абхазы не употребляли названия убых, а использовали для обозначения этого народа этноним *садзуа* (*асадзуа*), т. е. считали убыхов и садзов-джигетов, проживавших в междуречье Хоста-Хашупсе, одним народом. Чаще различные убыхские общества именовались по господствовавшим в них дворянским фамилиям: Чизмаа (убыхи долины Псахе и правобережья низовьев р. Сочи), Аублаа (убыхо-абазинцы современного Центрального района г. Сочи), Хамыш (убыхо-абазинцы района Хосты) и т. д.

7.11.1.2. «Праязык разделился на три ветви: адыгскую, убыхскую и абхазскую»

Убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским. Со временем язык этот может исчезнуть, по всеобщему употреблению языка черкесского.

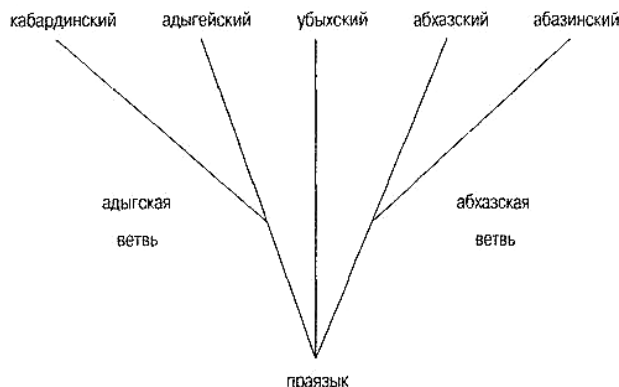
Л.Я. Люлье (1846).

Горные убыхи сохраняли в быту свой собственный убыхский язык. Ученые относят его к адыго-абхазской (западнокавказской) ветви северокавказской языковой семьи.

Т.В. Половинкина (2006).

Анализ древнейшего «праязыка» адыгских народов дал возможность авторам «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006) прийти к следующим выводам: «Праязык разделился на три ветви: адыгскую, убыхскую, абхазскую. Убыхский язык занимает в целом промежуточное положение между двумя ветвями – адыгской и абхазской. В дальнейшем из адыгской ветви выделились адыгейский и кабардинский языки, из абхазской – собственно абхазский и абазинский. Для адыгов (адыгейцев и кабардинцев) самыми близкими являются убыхи, а затем – абхазская ветвь (абхазы и абазинцы).

Приведенная ниже схема отражает деление общего праязыка и образование самостоятельных языков и народов в период после распада праязыкового единства:

Эта схема (своеобразное «генеалогическое древо») показывает происхождение и место каждого из пяти членов абхазско-адыгской (западнокавказской или северозападнокавказской) группы языков и народов: адыгейского языка, кабардинского, убыхского, абхазского, и абазинского.

Впрочем, существует и другая точка зрения (Г.А. Климов, 1986; К.Х. Шмидт, 1996), согласно которой убыхская ветвь ближе примыкает к адыгской. По мнению М.А. Кумахова (1986), С.А. Старостина (1996) и других, убыхский язык вместе с адыгской ветвью в хронологическом плане после распада изначальной общности всей группы образуют убыхско-адыгское единство. Однако и в этом случае убыхская ветвь остается в целом промежуточным звеном («Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Изучение своеобразного языка убыхов сталкивалось с большими трудностями. Постоянная военномобилизационная готовность убыхов, замкнутость и недоступность горных территорий, где они проживали,

вплоть до конца Кавказской войны, не позволяли кому-либо из исследователей проникнуть в глубь Убыхии. Исключением является русский разведчик Ф.Ф. Торнау, побывавший здесь в 1835 и 1837 гг. Вслед за Торнау в Убыхии появляется английский военный разведчик Д.С. Белль, опубликовавший в 1840 г. «Дневник о пребывании в Черкесии в течение 1837-1839 гг.». В приложении к этой работе содержится список из 44 убыхских слов в сопоставлении с однозначными словами черкесского и абхазского языков.

Первым русским исследователем убыхского языка был П.К. Услар. Его работа «О языке убыхов» (1887) явилась основой для всех последующих исследований об этом народе. Статья П.К. Услара содержит краткий грамматический очерк с объяснениями 90 убыхских слов, из них 30 уже были ранее приведены в словаре Белля. Таким образом, к началу XX в. словарный запас по убыхскому языку ограничивался знанием всего лишь 100 слов с одновременным очень незначительным количеством грамматических сведений. Но несмотря на все старания, Услару не удалось побывать среди убыхов. Его единственным информатором по убыхскому языку в течение недели в 1861 г. был 14-летний сын предводителя убыхов Хаджи Берзека Керендука (Герандука), случайно оказавшийся со своим воспитателем, абхазским дворянином Сулейманом Хаджилизовым, в лагере русских войск на р. Белой, в районе укрепления Майкопского, где находился в то время и Услар.

В.И. Ворошилов (2007) обращает внимание на то, что «раскрытие вопроса о своеобразном языке убыхов, несмотря на кажущееся обилие материалов, остается не на много более высоком уровне, чем это было отмечено столетие назад П.К. Усларом в его статье «О языке убыхов» (1887), в которой он писал: «В литературе кавказской этнографии, скудной фактами, но обширной по объему, убыхи играют весьма странную роль. *То называются они племенем, совершенно особым от адыгов и абхазцев, то причисляются к адыгам, то к абхазцам...*».

К настоящему времени достоверно известно значение всего лишь около 500 исконно убыхских слов. Исследованиями лингвистов выявлены определенные связи убыхского языка с языком протохеттов (хаттов), являвшихся доиндоевропейским населением Малой Азии во II тысячелетии до н. э.

7.11.1.3. Самоназвание убыхов: некоторые этно- и топонимические параллели

Самоназвание убыхов туахъы (t'axэ). Этноним «убых» – адыгское название убыхов. Адыги дали это название убыхам и их стране по названию реки и горы Убых на территории Убыхии.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Принято считать, что самоназвание убыхов – *nëx*. Однако есть и другие мнения, отличающиеся от общепринятого. В качестве одного из убыхских этнонимов норвежский исследователь Х. Фогт указывает на термин «туахы», который в источниках первой четверти XIX в. был, по сведениям Н.Г. Волковой, садзским названием страны убыхов Туахы. Существуют и другие литературные варианты этого топонима, а именно: Твахы, Твах, увязываемые с местностью в верховьях р. Сочи. Таким образом, этноним «туахы» является одним из локальных имен убыхов (Половинкина Т.В., 2006). К этому мнению присоединяются и авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 475), утверждающие, что «...самоназвание убыхов *туахъы (t'axэ)*».

По свидетельству Услара, «название убыхов перешло к ним от черкесов, которые называли их *убъых*, в то время как сам себя этот народ называл *апех* или просто *пех*». Интересно отметить, что сохранилось название реки и горы Убых, а центр горной Убыхии – аул Мутыхуа-суа, располагавшийся на месте современного с. Пластунки, носил параллельное название Пех, а в долине р. Псахе (Мамайка) находился а. Апохуа, т. е. «селение убыхов» (Ворошилов В.И., 2007). Впрочем, встречающееся в историко-этнографической и отчасти лингвистической литературе название убыхов в формах *рех*, *pjox* (П. Услар), нем. *rahu* (Ю. Месарош) отсутствуют в текстах, записанных у основного знатока убыхского языка – Тевфика Есенча. Не исключено, что самое первое упоминание об убыхах содержится в клинописных записях ассирийского царя Тиглатпаласора I (1112 г. до н. э.), в которых упоминается северная страна Хабхи (Хапхи), располагавшаяся на берегах Верхнего (Северного), т. е. Черного моря, Ш.Д. Инал-Ипа предполагает (в качестве рабочей гипотезы), что в этом названии, возможно, кроется корень названия «Абхазия» или самоназвание убыхов – *пех (апех)* (Ворошилов В.И., 2007).

Есть известные основания согласиться с мнением ряда авторов (В. Томашека, А. Дирра, Ж. Дюмезиля), что самоназвание убыхов *туахъы (t'axэ)* исторически сближается с названием *брухи*, которое упоминается Прокопием Кесарийским, античным автором VI в., а еще раньше в V в. встречается у Псевдо-Арриана с *Брухонта (Брухонт)* – названием реки на Западном Кавказе, т. е. в районе исторического расселения убыхов на Черноморском побережье. Эта река одновременно названа также Мизигом («Вестник древней истории», 1948, №4), – в последней угадывается название наиболее крупной реки сочинского побережья Мзымты (Мизимты).

Византиец Прокопий Кесарийский помещает *брухов* в горах Восточного Причерноморья, между абасгами (предками абазин) и аланами – жителями верховий Кубани (Западная Алания) (Половинкина Т.В., 2006). По Ж. Дюмезилю, начальный звуковой комплекс *бр (br)* – неправильная запись античными авторами специфического согласного *ту (t')*, свойственного убыхской фонетике.

Убыхи, точнее, один из основных субэтносов этого народа — *садиша (саиша)* упоминаются в работе Эвлия Челеби, совершившего в 1641 г. путешествие из Трабзона до Анапы по Черноморскому берегу Кавказа. А.Н. Генко, подробно исследовав записи Эвлия Челеби, заключает: «Верхнее течение рек Херота, Кудепста с ее притоками и, может быть, частично бассейны рек Мдымта и Хоста, — вот местоположение садша в эпоху Эвлия Челеби». Самое главное в сочинениях турецкого автора для нас — список слов и словосочетаний, бесспорно принадлежащих убыхскому языку. На основании этих слов А.Н. Генко приходит к далеко идущему выводу: «В середине XVII в. джигетские Садша, и теперь еще именуемые по абхазски *sazwa*, говорили на убыхском языке». Но если во времена турецкого путешественника Эвлия Челеби (1641 г.), оставившего нам богатые этнографические сведения по побережью, под названием Садша подразумевалось все убыхское население, занимавшее в то время обширную территорию к северо-западу от устья Мзымты (вероятно вплоть до Псеуапсе), то в первой половине XIX в. при общем сокращении территории с убыхоязычным населением в пределах междуречья Шахе-Хоста, наименование садша-саиша относилось уже только к прибрежному смешанному убыхо-абазинскому населению междуречья Сочи-Хоста, т. е. в пределах современного Центрального и Хостинского районов г. Сочи. Наименование племени садша (саше, чшаче, саче), по-видимому, запечатлелось и в названии наиболее крупной реки этого района и современного города Сочи (Ворошилов В.И., 2007). Название *Sachi* приводит И.А. Гюльденштедт, — оно неотделимо от *Cadsha (Sadsha)* Эвлия Челеби и более поздних его форм: *Саиша, Соча, Сочи*.

В исторических свидетельствах XVIII столетия название этого народа встречается редко и всегда в форме адыгского названия народа — «убых». С его именем связан, видимо, термин *Onbech (Onbeck)* у Пейсонеля. Этноним «убыхи» в форме *Oubouch (Oubuch)* зафиксирован также И.А. Гюльденштедтом и П.-С. Палласом (*Ubouch*). В списке причерноморских местностей немецкий ученый Тунманн, наряду с Шаши, называет область Убух.

В русских источниках убыхи упоминаются впервые в 40-х гг. XVIII в. Название *убых* прочно входит в перечень народов и племен Кавказа только после Г.Ю. Клапрота, опубликовавшего двухтомный труд о Кавказе в 1812 г. При этом наиболее широкое распространение в самых различных источниках этноним убых получает в период Кавказской войны, что объясняется особым местом убыхов в этой войне и ее последствиями для них («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 475).

По мнению В.И. Ворошилова (2007), «...убыхский язык, по всей видимости, является наиболее древним языком аборигенного населения территории Большого Сочи. Без знания лексического запаса, фонетики и элементов грамматического строя убыхского языка не могут быть достоверно расшифрованы многие топонимы Причерноморья, зачастую имеющие сложное убыхо-абхазо (абазино)-адыгское происхождение. Так, известно географическое название Тох-аул (Тух-аул) — урочище на месте бывшего аула на правом берегу р. Шахе. Возможно, этот топоним может означать «Убыхский аул». Широко известно и название Туапсе — город и река, впадающая в Черное море. Наряду с другими объяснениями, не исключено, что и этот топоним, как и Тух-аул, связан с самоназванием убыхов *туахы*.

Наиболее характерный убыхский корень *бзи*, означающий «вода» «река» является основой целого ряда гидронимов Черноморского побережья Кавказа: реки Бзыбь, Бзогу, Бзныч, Бзыч, Бзыш, Бзугу, Хобзы и др. Убыхское и предположительно убыхское происхождение имеют также топонимы Апохуа, Пех, Арлан, Цице, Арета, Мзыч, Мзымта, Мзи, Мацеста, Бытха, Битха, Ажу, Ажек, Сочи, Сочена и др.» (Ворошилов В.И., 2007. С. 209).

7.11.1.4. Место убыхов среди генетически родственных народов и субэтносов

Убыхи никогда не считали себя ни адыгами, ни абхазами, называя первых адыга, вторых азра, а себя — туахы. В то же время включение своей страны в историческую Черкессию убыхи считали естественным.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Вопрос об этногенезе убыхов по разному трактуется не только в дореволюционной литературе, но и в советской, даже постсоветской. Исчерпывающий обзор этих взглядов приводят авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006). В кратком изложении весь «спектр» мнений об этногенезе адыгов представляется следующим образом:

«Одни авторы (Эвлия Челеби, П.С. Паллас, Г.Ю. Клапрот и др.) относят убыхов к абазам, другие (Г.В. Новицкий, Ф. Дюбуа, К.Ф. Сталь, Л.Я. Люлье, А. Фонвилль, Н.Ф. Дубровин и др.) считают, что убыхи входят в этнический состав адыгов (черкесов). Даже в крупном двухтомном издании книги «История народов Северного Кавказа» (1988) убыхи рассматриваются как одно из адыгских племен: «На Северо-Западном Кавказе и Черноморском побережье в XVIII в. жили адыгские племена: натухайцы, шапсуги, *убыхи*». При этом название «черкесы», известное в европейской и восточной литературе со времен средневековья, зачастую употребляется и в отношении убыхов, — большинство авторов относит последних к черкесам. При этом применительно к убыхам используются термины «черкесский народ», «черкесское поколение», «черкесское владение» и др. Нередко этнонимы «черкесы», «адыги» употребляются как синонимы, а к ним причисляют-

ся убыхи. Так, Н.Ф. Дубровин пишет, что «...к черкесскому племени (адыги) мы должны причислить и убыхов». Н. Бэрэдж, продолжая традицию употребления имени черкесы в очень широком значении, понимает под ним «все автохтонные (коренные) народы Северного Кавказа». Это связано с тем, что в истории убыхов, особенно в период их длительного сопротивления, события в Убыхии и Западной Черкесии тесно переплетались, ибо борьба за независимость велась убыхами совместно с западными черкесами, садзами и другими абхазскими локальными этническими группами.

Нужно также помнить, что Т. Лапинский и другие авторы, зачастую называя убыхов (и не только убыхов) то абазами, то черкесами, то адыгами, в то же время оставили ценные этнологические, исторические и другие материалы, нередко привязывая свои наблюдения к определенным географическим точкам Убыхии, что дает основания считать их вполне репрезентативными в отношении истории убыхов.

Наряду с общим убыхско-адыгским достоянием, унаследованным из прошлого, сами убыхи обладают многими яркими особенностями собственной истории, культуры, классического фольклора и, особенно, языка.

Убыхи никогда не считали себя ни адыгами, ни абхазами, называя первых *адыга*, вторых *азра*, а себя, как отмечалось выше, *туахы*. В то же время включение своей страны в историческую Черкессию убыхи считали естественным.

Дж. Белл, наиболее информированный автор первой половины XIX в., большую часть своих известных дневников в течение трех лет писал, непосредственно находясь в гуще убыхских событий – в Вардане, Сочи, Хизы и других регионах исторической Убыхии. А такие авторы, как А. Фонвилль и другие, находились в основном только на территории убыхов. Сошлемся еще на примеры. Дж. Интерпано не знает этнонима *убыхи*, но отмечает, что *зихи* по берегу моря граничат с Абхазией. Поэтому многое из того, что пишет автор о *зихах*, относится также к убыхам, поскольку именно последние граничили с Абхазией. К. Пейсонель, автор подробного описания торговли Черкесии, в известном двухтомном исследовании «*Traite sur le commerce de la Mer Noire*» называет убыхов абазами. В этой связи вспомним тонкое замечание известнейшего и весьма авторитетного кавказоведа дореволюционного периода П.К. Услара: «Три языка восточного берега Черного моря, названные Дж. Беллем *адыге*, *абаза* и *азра* следует назвать *адыге*, *убых* и *абхаз*». К сожалению, в последующий период мало кто обратил внимание на обоснованное мнение П.К. Услара, что постоянно приводило к отождествлению убыхов с абазинами. Между тем обозначение убыхов термином «абаза» Дж. Белл усвоил у предшественников, в том числе у К. Пейсонеля, считавшего, что «шесть племен абазов давно уже поселились в Черкесии». Поэтому данные автора о торговых отношениях в Черкесии в равной мере относятся также к указанным шести «племенам абазов», в том числе убыхов. Таких примеров множество. Не следует обеднять историю и героическое прошлое убыхов, потерпевших подлинную катастрофу в результате долголетней Кавказской войны, полностью исчезнув с карты народов мира.

До сих пор не разграничиваются разные проблемы: с одной стороны, этногенез убыхов, их древняя история, культура, собственный и глубоко самобытный, оригинальный язык, с другой геополитическое положение убыхов, входивших (особенно в период длительной Кавказской войны) в историческую Черкессию, что нашло отражение во многих дореволюционных русских, советских и зарубежных изданиях. В последних, как правило, убыхские явления экстраполируются на адыгов (черкесов). Даже известнейших убыхских предводителей Хаджи Исмаила Берзека и Хаджи Керендука Берзека, одних из главных лидеров западнокавказского сопротивления и сыгравших огромную роль в период Кавказской войны, многие исследователи зачастую относят не к убыхам, а к соседним народам или субэтносам. Как известно, первого, широко известного в борьбе народов Западного Кавказа за независимость, называли «черкесским Вашингтоном», а второго, ставшего в 1861 г. руководителем парламента «Черкесского государства», – «главным предводителем черкесов».

Не вдаваясь в подробный анализ употребления в литературе этнонимов *убыхи*, *адыги*, *черкесы*, *абазы* и их соотношений, следует еще раз отметить главное, а именно: убыхи – самостоятельный народ со своим глубоко самобытным языком, национальной культурой и этнической территорией на Западном Кавказе. Ни абхазы, ни абазыны, ни адыгейцы, ни кабардинцы, хотя составляют вместе с убыхами единое генеалогическое древо, после распада праязыка и образования самостоятельных ветвей не понимали убыхского языка. Не только иностранные ученые, путешественники и миссионеры не разграничивали убыхов и других приморских жителей, их этническую и субэтническую принадлежность. Отцы адыгской истории и этнографии Хан-Гирей и Ш.Б. Ногмов, внесшие огромный вклад в науку и культуру адыгов, к сожалению, также не определили места убыхов среди генетически родственных народов и субэтносов. Первый включал убыхов в состав шапсугов. По Хан-Гирею, шапсуги граничили «на юго-востоке с абхазскими коленами». В действительности на юго-востоке с абхазскими (джигетскими) «коленами» граничили не шапсуги, а убыхи. Что касается Ш.Б. Ногмова, то в тексте его «Истории адыгейского народа» вообще отсутствует этноним «убыхи», хотя встречаются названия «Абхазия», «джихи», «Джихетия» и др.

Аналогичный подход к рассматриваемой проблеме усвоили многие дореволюционные, советские (и даже постсоветские) специалисты, не только относящие убыхов к соседним народам и этническим группам, но полностью экстраполирующие на последних собственно убыхские события, в том числе их героическое сопротивление жестокой экспансионистской политике имперского самодержавия.

Убыхи по происхождению родственны адыгам, абхазам и абазинам. Адыги (адыгейцы и кабардинцы), убыхи, абхазы и абазыны образуют в генетической классификации языков и народов Кавказа отдельную группу. Ее называют абхазско-адыгской или западно-кавказской и часто северозападнокавказской.

Родство между адыгами (адыгейцами и кабардинцами), убыхами, абхазами и абазинами особенно заметно в духовной и материальной культуре, что объясняется не только общностью их происхождения, но их длительными и плотными контактами, тесными социально-экономическими и политическими связями в период после разделения праязыка и образования самостоятельных народов. Убыхи находились в тесных отношениях как с адыгами, так и с абхазами (абазинами) на протяжении многих столетий. Среди родственных субэтносов убыхи имели длительные контакты с шапсугами и абадзехами на северо-западе и с джигетами (садзами) на востоке. Отсюда на северо-западе некоторые убыхи владели также адыгейским языком (шапсугским диалектом), на востоке – абхазским языком (садзским диалектом).

Вместе с тем в специальной литературе утвердилось необоснованное мнение, согласно которому процессы «растворения» убыхов среди адыгов начались еще задолго до их выселения в пределы Османской империи. Утверждение о начале исчезновения убыхов еще на своей исторической родине упорно распространялось в период колониальной войны царского самодержавия на Кавказе и было частью оправдательной доктрины как Кавказской войны в целом, так и полного выселения убыхов в Турцию («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 478-479).

7.11.2. «Свирепые и вольные наездники»: участие убыхов в причерноморском пиратстве и прибрежной работорговле

Эту несчастную страну (Абхазию) терзали и цебельдинцы, и самурзаканцы, и особенно убыхи, свирепые и вольные наездники, пускавшие в свои набеги не для добычи, не из нужды в средствах существования, а просто из неугомонной страсти к приключениям и грабежам.

В.А. Потто (1994).

Первые сведения об убыхах относятся к античным авторам, которые, впрочем, как и раннесредневековые писатели, отмечают их участие в причерноморском пиратстве и прибрежной работорговле.

Район исторического расселения убыхов (по Прокопию Кесарийскому – *брухи*) – территория нынешнего Большого Сочи и прилегающие районы Черноморского побережья Кавказа, где сохранились немногочисленные географические названия, свидетельствующие о пребывании здесь этого племени.

Во времена средневековья причерноморское пиратство и работорговля не сократились, а, наоборот, приняли еще большие масштабы. Даже в XVI в., когда Османская держава пребывала в зените своего могущества, черкесские пираты нападали на турецкие торговые и военные суда в Черном море и даже совершали вылазки на южный, турецкий берег. Так, венецианский посол в Персии в своем донесении от 25 июля 1572 г. из г. Конья сообщал, что черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разграбили за 300 миль отсюда все поселения побережья, перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары. А когда в 1579 г. черкесские пираты razорили все турецкое побережье от Трабзона до Синопа, султан Селим II запретил выход всех турецких судов в море из-за опасения и их захвата кавказцами (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Несколько позже о пиратских набегах свидетельствовал Эвлия Челеби, совершивший в 1641 г. путешествие из Трабзона до Анапы по Черноморскому побережью Кавказа и описавший убыхов, а точнее, один из основных субэтносов этого народа – садша (саша) («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 475).

Говоря о средневековой Абхазии, дореволюционный историк В.А. Потто (1909) особо отмечал роль убыхов в разорении прибрежных племен: «Эту несчастную страну (Абхазию) терзали и цебельдинцы, и самурзаканцы, и особенно убыхи, свирепые и вольные наездники, пускавшие в свои набеги не для добычи, не из нужды в средствах существования, а просто из неугомонной страсти к приключениям и грабежам».

Примечательно, что рабовладение сохранилось у убыхов (как, впрочем, и у шапсугов и абадзехов) вплоть до XVIII-XIX вв. Как отмечает А.А. Епифанцев (2010), «количество рабов из расчета на душу населения у убыхов было в несколько раз больше, чем у любого другого адыгского племени. В «Очерках истории Адыгеи», в частности, говорится, что «в среднем на 10 свободных шапсугов приходился 1 раб, у абадзехов – 2, у убыхов – 3». Там же дается ссылка на Белля, по утверждению которого в род Берзека – высшего и знатнейшего рода Убыхии, из которого были все последние лидеры этой народности, – «входило до 400 знатных семейств, из которых каждое в отдельности имело от 5 до 20 рабов».

7.11.3. «Были известны как люди необыкновенно храбрые и энергичные...»: сведения дореволюционных авторов об убыхах

Убыхи отличались в набегах своею дерзостью, и между черкесами были известны как люди необыкновенно храбрые и энергичные.

Н. Дубровин (1871).

С. Броневский (1823 г.): «Область черкесов. Темиргойцы состоят в родственных и дружественных связях с бесленейцами, мухошами и бжедухами, с коими вместе поставить могут до 5000 чел. конно-вооруженных. Неприятели их – абхазские колена, прилегающие к ним тубинцы и убыхи, с коими беспрерывно происходят у них захваты и кровомщения».

Ф.Ф. Торнау (1835): «Описание части восточного берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше. Река Бзыбь резко отделила от покорной нам Абхазии пространства земли, населенные садзами и сашою (саше), живущими по берегу моря медовеевцами и убыхами, прислонившимися к юго-западной покатости каменистого хребта Кавказских гор... Река Сочи выходит из гор противу истока Белой речки, текущей на северо-запад по другую сторону хребта, и отделяет племя абадза, или абазин, от убых, жительства коих начинаются от правого берега сей реки. ...Сочипсы, или Облагу-куадж. Это селение расположено по обеим сторонам р. Сочи, близ устья ее; в нем считают до 450 семейств, частью абазин, частью убых и небольшого числа турок, соединенных названием саше. В сел. Сочипсы в употреблении три языка: черкесский, абазинский и убыхский.

Это племя (убыхи), имеющее собственный, коренной язык свой, ничем не сходный с языком черкесским, занимает берег Черного моря от Ингура до р. Саше, прилегающую к сему пространству юго-западную покатость хребта Кавказских гор и некоторые ущелья на северном склоне их, между Урупом и Белой речкой.

Убыхи, хотя по происхождению своему и не принадлежат к имени черкесскому, но, слившись с соседями своими, которых язык предпочитают собственному, могут также быть причислены к абадза – название, которое присвоили им турки, общее с другими горцами. Убыхи – народ, между черкесами славившийся своим молодецтвом и неустрашимостью, занимают юго-восточную покатость хребта Кавказских гор, между реками Саше и Шахе. По берегу моря, между устьями сих рек, убыхи живут мешано с сапсугами, составляя несколько отдельных обществ – Хизе, Урдане (Вардане), Шлисткаудж, а также селения Зюешь, известные у соседей их под названием Ардона. Дворянских фамилий у убыхов две – Дещен и Берзеки. Убыхи говорят собственным языком, не похожим ни на одно из наречий языков абазинского или черкесского. Народонаселение у убых не простирается за 5000 или за 6000 душ мужского полу». [Комментарий Г.А.Дзидзария к запискам Ф.Ф. Торнау: «Убыхи занимали также часть Черноморского побережья между реками Хоста и Шахе; на востоке они граничили с абхазскими племенами, на западе – с шапсугами и подразделялись на несколько племен. Этнически и лингвистически убыхи составляли промежуточное звено между абхазами и адыгами (черкесами)»].

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839): «Река Тапсе, или Туабсе, вливается в море в углублении залива рядом с аулом Мамай, – главным прибежищем черкесских пиратов. Вдоль морского берега за ними следуют убыхи, которые от Мамаея распространяются только до селения Фагурка. Далее племя саша, обитает на мысу Зенги и до р. Кауишелар. У Гюльденштедта это племя называется «сахи», у Пейсонеля – «саша». [Комментарий ред.: Фредерик де Монпере ошибается, называя «саша» черкесским племенем. Это одно из племен убыхов]». По подсчетам Фредерика Дюбуа де Монперэ, общая численность убыхов, включающих в себя подразделения саша и ардона (вардане), составляла в 1839 г. 9 000 чел.

«Исторический обзор Терек...» (1851): «К югу от р. Шахе до северного ската возвышенной плоскости Ахчипскоу, живут убыхи, обыкновенно причисляемые к племени черкесов, но на самом деле племя совершенно особое, имеющее свой язык, не подходящий ни к одному из кавказских наречий. Происхождение убыхов неизвестно, но по образу жизни, общественному устройству, нравам и обычаям они сходны с черкесами и все вообще говорят, кроме своего природного, на черкесском языке. Черкесы и убыхи прибрежного края живут рассеянно в одиночных домах, нигде не имеют селений, занимаются земледелием и скотоводством, разводят виноград и в некоторых местах выделывают даже вино, которое сами употребляют, не следуя запрещению Корана. Предметы сбыта их в торговле состоят в кожах, в меде, воске, скоте, плодах, дровах, в буковом дереве, неправильно называемом здесь пальмою, иногда в строевом лесе, в живности, предметах сельского хозяйства и проч. Племена эти исповедуют веру магометанскую, но имеют о ней мало понятия».

Л.Я. Люлье (1857): «На берегу Черного моря, между землями натухажцев и джигетов, обитает племя убыхов. Оно не принадлежит ни к адыгскому, ни к абхазскому корню. По исследованиям графа Поттоцкого, не будут ли это остатки древних алан? Замечательно, что поныне (1857 г.) существует у убыхов племя, носящее имя алань. Убыхи еще очень недавно не считались отдельным народом, а причислялись к черкесскому племени (адыге)». И далее Л. Люлье пишет: «Географическое положение земель, занимаемых адыгскими племенами, следующее: «Между землями, населенными с одной стороны натухажцами, а с другой джигетами, находится отдельное племя убыхи. Из них «прибрежных» черкесы называют «абадзе»; живущих же на верховьях речек к хребту – «убыхами». Жилища убыхов расположены на следующих речках, впадающих в

море: Зюебзе, Лоу и Лоупь, Ниге, Батхь, Догомепсе, Психе или Момай (все это урочище Вардане), Саше или Сочи, Хамишь или Хоста (эти две – урочище Сочи)».

А. Берже (1858): «Племя Убых. Обитают (по данным 1846-1852 гг., до переселения в Турцию. – Авт.) на юго-западном склоне Кавказских гор, между реками Хоста и Шахе, в ущельях по течению р. Убых, простирающейся на 40 верст и впадающей в р. Шахе. Страна эта весьма гориста и покрыта лесами; жители составляют самое воинственное племя во всей западной части Кавказского края. Убыхи не имеют князей, но зато класс дворян у них многочислен и силен; главные фамилии: Берзек и Дишан. Убыхи тесно связаны родством и присягою с абадзехами, с которыми составляли прежде один народ, живший на юго-западной покатости Главного Кавказского хребта. Язык убыхский ныне язык простонародия. Дворяне убыхские все говорят адыгским языком.

Убыхи разделяются на: а) собственно – убых, которые живут верстах в 20 от морского берега между верховьями рек Хоста и Шахе. Племя это не имеет никакого управления и, питая закоренелую к нам ненависть, старается поддержать и в других горах вражду к русским. Убыхи в постоянных сношениях с абадзехами. б) Саше, – между р. Хоста и долиною р. Соча включительно. Племя саше пользуется вольностью, упорно отстаивая свою независимость, народ вообще воинственный. в) Вардане (от долины р. Сочи и Сюэпсе с ее притоками включительно). Племена вардане и саше вели прежде значительную торговлю, не так враждебны к русским, как их соплеменники. Численность черкесских племен и родственных или соседственных с ними, до переселения в Турцию... собственно убых – (включающих общества саше и вардане) – 25 000»

А. Дюма (1869): «Убыхское племя (25 000 чел.) находится между Абхазией и рекою Суэпсой».

Н. Дубровин (1871): «К черкесскому племени (адыге) мы должны причислить и убыхов, живших по берегу Черного моря, на юго-восток от натухажцев, между реками Зюебзе и Хамишь (или Хоста), в двух урочищах, Вардане и Саше. По происхождению и языку убыхи вовсе не принадлежат к племени адыге, но по нравам, обычаям, общественному устройству и по всеобщему употреблению у них черкесского языка наравне с природным языком, должны быть причислены к группе черкесских племен. Убыхи отличались в набегах своею дерзостью, и между черкесами были известны как люди необыкновенно храбрые и энергичные. Славу свою они поддерживали постоянным хищничеством у разных племен черкесского народа. Перевалившись через Главный хребет, они хищничали у махошевцев и у верхних абадзехов... В таблице «Численность адыгских племен» приводятся сведения о количестве убыхов в 1835 г. (19 000) и уточненные – в 1858 г. (25 000).

Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон (1903): «Убыхи занимали часть Черноморского побережья, между р. Хоста (Хамишь) и р. Шахе, гранича на востоке с абхазскими племенами, а на западе – с шапсугами, подразделяясь на ряд племен. Этнически и лингвистически они составляли промежуточное звено между абхазами и адыге (черкесами). Численность убыхов в 30-х гг. XIX в. равнялась около 40000 чел. Но поскольку убыхи в Кавказской войне играли выдающуюся роль, – считали их народом многочисленным и сильным. Царские генералы называли их «самым воинственным» племенем на Западном Кавказе».

Ф.А. Щербина (1913): «По Черноморскому побережью, в соседстве с шапсугами, между реками Шахе и Хоста, обитали убыхи, дикое и воинственное племя. Барон К.Ф. Сталь делил убыхов на пять обществ: Убых, Вардан, Соче, Адзах и Ахучипси. По его мнению, только убыхское дворянство представляло чистокровных черкесов; убыхская же чернь или народ состояла из черкесов и абхазцев. Убыхи даже у черкесов считались отчаянными головорезами. Восточнее по побережью, в соседстве с убыхами, в местах, где ныне Адлер и Гагры, длинную прибрежную полосу занимали садзех или джигеты, – абазинская отрасль».

С. Эсадзе (1914): «Убыхи занимали гористый край от Черного моря до снегового хребта, по рекам от Псеуапсе, Аше, Шахе, Вардане, Дагомысу и Сочи. Народом управляли влиятельные фамилии из рода Берзеков и Дишанов. В 1864 г. наиболее влиятельные владельцы убыхов были трое представителей фамилий Берзеков: Хаджи Керендук Догомуков, Хаджи Алим-Гирей-Бабуков, Эльбуз-бек Хапах, и представитель фамилии Зефш: Исмаил Баракай. На западе от абадзехов и убыхов, по обеим сторонам Кавказского хребта, жили шапсуги и натухайцы».

7.11.4. Героизм убыхов в Кавказской войне

7.11.4.1. Расселение убыхов до начала Кавказской войны

Для вас на земле местопребывание и пользование во времени. ...На ней вы будете жить, и на ней будете умирать, и из нее будете изведены.

Коран. Суры 2 (34); 7 (23-24).

Исследования Т.В. Половинкиной (2006) и В.И. Ворошилова (2007) обобщают и во многом дополняют приведенные выше документальные материалы о расселении убыхского племени в первой половине XIX в. В этот период, предшествующий Кавказской войне, убыхи занимали территорию между реками Шахе и Хоста (Хамишь). На северо-западе их селения были смешаны с шапсугскими, на юго-востоке с абазинскими (садзско-джикетскими). На севере Большой Кавказский хребет отделял убыхов от адыгов-абадзехов. В приморской полосе среди убыхов жили адыги и садзы.

ПРИМОРСКАЯ УБЫХИЯ. В специальной литературе распространено деление убыхской земли на *три составные части*: Вардан(э), Саше и Убых. Но в общественном устройстве края такого деления не было. По мнению Л.И. Лаврова, оно может быть оправдано с лингвистической точки зрения: в XIX в. убыхский язык удерживался в быту только в верхней (собственно) Убыхии, в то время как в Варданэ его вытеснил адыгский, а в Саше – садзско-джикетский.

Под общим именем Вардан были известны сельские общества Субаш, Хизе и собственно Вардан, а также (часто) Псахо (от *псухо* – «река», «долина»). Все эти названия, как справедливо заметил Ф.Ф. Торнау, «принадлежат собственно местности, а не жителям», то есть обозначают собой отдельные территориальные единицы (округа), являясь уже в то время давно сложившимися географическими наименованиями.

Общество Субаш (Субешх) охватывало смешанное убыхо-шапсугское население низовьев Шахе, долины Кодес (Кодеш, Матросская щель), Чимит и Асакай. В более раннее время северо-западная граница убыхского этноса, вероятно, проходила по долине Псеуапсе. В одной из старинных убыхских песен местность в устье Псеуапсе, на месте современного пос. Лазаревское, называется Экирхан и сообщается, что в прошлом здесь проживали убыхи (Ковач К.В., 1929, с. 12). В 40-е гг. XIX в. старшинство в обществе Субешх принадлежало роду Аткавья. На р. Кодеш, в 6 км от устья р. Шахе на север, источник отмечает одноименное селение, уничтоженное в 1851 г. отрядом генерала Вагнера в отместку за нападение убыхов на русское военное укрепление св. Духа (Адлер). В конце Кавказской войны (1864 г.) большинство старшин в этом обществе выбирались уже из рода Берзеков, а также из знатных фамилий Магу и Аткавья. Главное селение общества Субешх лежало в долине Шахе, в 3 км от ее устья, и насчитывало до 200 дворов. Для долины р. Шахе вообще была характерна густая заселенность, селения здесь тянулись по обоим берегам, почти сливаясь друг с другом, на многие километры. (Ворошилов В.И., 2007).

Общество Хизе (Хобзы, Пишогия) обитало в долинах рек Хажий (Хожиепс, Якорная щель), Веранда, Детляшха, Осакай (Осохой), Буу (Бу) и Жёобзы (Сюэпсе). Для этого общества, особенно в береговой полосе, было характерно смешанное убыхо-шапсугское население. Густо населенной местностью была долина р. Буу. В ее низовьях находилось селение в 200 дворов, в верхнем течении – селение Эбжноу. Большим уважением в обществе Хизе пользовалась фамилия Дизза (Дизе, Дзейш). Плотной была заселена долина р. Жёобзы (современная р. Хобза). Здесь, в частности, было местожительство Гассан-бея, одного из влиятельнейших людей Убыхии 1830-х гг. Источники отмечают приустье названной реки как пункт оживленной морской торговли убыхов с Турцией.

Общество Вордане (Вардан) занимало прибрежную полосу от долины р. Буу до Мамайского перевала. Вардане (старые варианты: Ордане, Ардон, Урдане) – поселок в устье р. Буу, в 20 км от г. Сочи. Этот убыхский (абазинский?) этноним в середине XIX в. относился к наиболее могущественному приморскому убыхскому обществу (племени), располагавшемуся в междуречье Буу-Дагомыс. Селения этого общества располагались на реках Хобза, Лоо (селение Дзепш или Лоупе имело до 200 дворов), Нижи, или Ниже (современная р. Уч-Дере к югу от Лоо), Легутай (современная р. Битха) и Дагомыс. Л.И. Лавров к долине Дагомыса относит крупнейшее в Убыхии сел. Фагуа (у Дюбуа де Монпере – сел. Фагурка), или Дзеша, имевшее более 800 дворов и тянувшееся по Западному Дагомысу (Фигуркадзе) на 18 км (Лавров, 1968. С. 6; Ворошилов В.И., 2007. С. 84).

Общество Псахе (Псахо, Чизымогуа, Чизма, Мамай) размещалось к юго-востоку от общества Вордане, занимая долину р. Псахе (Мамайка) и междуречье Псахе-Сочи, включая долину современного Хлудовского ручья (Шлабистага). В этом обществе считалось не менее 500 дворов. Из селений общества Псахе остались известными: с. Чизымогуа Ахмеда, тянувшееся на несколько километров вдоль р. Шахе (это же селение называлось Апохуа, т. е. «селение убыхов») и с. Чизымогуа Мисоуста, располагавшееся в долине Хлудовского ручья и на правом берегу устья р. Сочи. Оба селения были названы по именам старшин из знатного и многочисленного рода Чизымогуа (Чизмуко, Чизма) (Лавров, 1968, с. 7). В верховьях Псахе известно было селение Титла (Ворошилов В.И., 2007).

Общество Саше (Соча, Соцва) простиралось от р. Сочи (Сочипста, Сочипсы) до р. Агуры. Смешанное убыхо-абазинское население этого общества Торнау определял в 10 тыс. чел. Общество Саше состояло из селений, разбросанных по долинам рек Сочи, Хокоча (современная Верещагинка), Сочапа (Гнилушка), Бзугу и Мацеста (Мысуа). Вблизи устья р. Сочи располагалось главное селение общества, в котором проживала господствовавшая фамилия Облагу (или Аубла). Оно располагалось на левобережье приустьевой части долины р. Сочи, в пределах современных Завокзального и Заречного (Корчагинского) микрорайонов г. Сочи и у подножия приморского склона горы Батарейка (Аублааныхта, т. е. «место святыни рода Аубла»), где находилась резиденция предводителя общества Саше Аубла Али-Ахмета.

Другое название этого селения – Сочипсы (от *псы* – «вода», «река»), или иначе Облагукуадж («селение (фамилии) Облагу»). В 1835 г. в нем насчитывалось до 450 дворов. Здесь проживали убыхи, садзы, адыги (Половинкина Т.В., 2006).

В верховьях рек Хокоча и Сочапа располагались два селения под одинаковым названием Арлан (Арлана), уничтоженных во время Кавказской войны в 1838 г. Ранее, в XVIII в., Э. Челеби упоминал племя Арлан в районе Пицунды (Ворошилов В.И., 2007. С. 61).

Вся прибрежная местность в междуречье Сочи-Бзугу носила общее название Суджа, что очень близко к этнониму садша или садзен, относившемуся к абазинам-джигетам междуречья Хоста-Хашупсе (см. Джи-

гетия). В 5–6 км от устья р. Сочи находилось крупное убыхское сел. Аршна-Аху. Выше по долине Сочи начинались владения горных убыхов, где господствовал воинственный род Берзек-Догомуковых.

Практически все исследователи приходят к выводу, что название города Сочи и одноименной реки «...является производным от наименования племени убыхской народности, у многих народов известного в виде Саше (Саша, Шаша, Сшача, Садша, Шеача, Соцва, Соца)» (Ворошилов В.И., 2007. С. 195, 215).

Общество Хамыш являлось крайним на юге убыхским приморским обществом, также имевшим смешанное убыхо-абазинское население. Главное и наиболее крупное селение этого общества располагалось на высотах вдоль долины р. Хоста (Хуоста) в 1,5–2 км от берега моря. Между реками Хоста и Агура (Хуорта) находилось другое селение, располагавшееся от главного на расстоянии не более 5 верст (Лавров, 1968. С. 7; Ворошилов В.И., 2007).

Из всех перечисленных приморских убыхских обществ наиболее плодородные и удобные в климатическом отношении земли занимали общества Вордане и Саше. Они имели развитое земледелие и плодоводство, вели активную торговлю с турецкими купцами и поэтому отличались в экономическом и социальном отношении от остальных убыхских обществ, заселявших горную территорию, занимавшихся преимущественно скотоводством и склонных более других к грабительским набегам на соседние и дальние племена.

ГОРНАЯ УБЫХИЯ. Если о приморских убыхских обществах мы находим отрывочные сведения у различных исследователей, то о горной Убыхии такие сведения единичны и крайне скудны. Из селений горной или собственно Убыхии наиболее было известно Пех (параллельное название с. Мутыхуаса), располагавшееся до 1864 г. на правом берегу р. Сочи в 12 км от ее устья, на месте современного с. Пластунка. Это селение до начала XIX в. принадлежало обществу Саше, но затем было отвоевано горными убыхами (ориентировочно в 1803–1805 гг.). Известна также Пех (Пехь, Пеху, Пхьау) – гора в центральной Абхазии, к западу от горы Гуарап. С этнонимом *пех* связаны и Пеху кулядж – название правого притока р. Хаджико, в переводе – «Долина Пехуа», т. е. «Долина убыхов», а также Псахе (Псыхе) старое адыгское название реки Мамай-ка, впадающей в Черное море в 5 км от устья р. Сочи. Возможно, что Псахе является шапсугской интерпретацией древнего названия этой долины Пехоа – «Долина (племени) убыхов», – в основе лежит слово *пех* – самоназвание убыхов (Ворошилов В.И., 2007. С. 84, 144).

В низовьях р. Бзыч (левый приток р. Шахе) располагалось одноименное крупное селение, в котором главенствовала привилегированная фамилия Дишан (Дечен, Десчен). В верховьях Шахе находилось селение Бабуков-Аул, названное по фамилии военного предводителя горного общества Алань Хаджи Бабукова.

На водораздельной гряде между верховьями Хобзы и средним течением Шахе было большое селение Уцуа (Уцкуа), в верховьях р. Буу – сел. Эбжноу (Лавров, 1968). На Убыхской поляне в верховьях р. Ац располагалось селение, условно названное по наименованию урочища Убых-Аулом (Ворошилов В.И., 2007).

Как говорится в одной из сур Корана (7; 23–24), «Для вас на земле местопребывание и пользование во времени. На ней вы будете жить, и на ней будете умирать, и из нее будете изведены». Судя по всему, древнее пророчество оправдалось в полной мере...

7.11.4.2. «Это племя (убыхи) отличается упорством в войне, храбростью, отважностью предприятий и единодушием»

Воинственное это племя (убыхи) отличается предпочтительно пред другими, враждебными нам, племенами, населяющими прибрежный край, упорством в войне, храбростью, отважностью предприятий и единодушием.

«Исторический обзор Терека...» (1851).

Дореволюционных и современных историков удивляет необыкновенная воинственность этого малочисленного народа, на протяжении более 30 лет являвшегося цесвоеобразным ядром западно-кавказских племен в их оборонительной войне против экспансии русского царизма на Кавказе в середине XIX в. Военная организация убыхов и возглавлявшегося ими союза западнокавказских племен, как отмечал Энгельс, очень напоминает военную организацию ирокезов, вставших во главе военного союза племен американских индейцев района Великих озер в начальный период завоевания англичанами и французами странств Северной Америки (Ворошилов В.И., 2007).

О союзнических отношениях черкесов и убыхов в годы Кавказской войны рассказывают авторы книги («Исторический обзор Терека...», 1851): «Черкесы и убыхи прибрежного края, хотя и движутся общим духом своей народности, но по местоположению, затруднительному для сообщений и по отдаленности между собою обществ, населяющих оконечности края, *они составляют два почти отдельных союза*. Натухайцы соединились со своими единоплемниками и шапсугами, обитающими на северном скате Кавказского хребта, а прибрежные шапсуги составили другой союз с убыхами. Каждый из этих союзов имеет в виду одну, главную цель – отстоять против нас (царской России. – Авт.) свою независимость, но предприятия их по большей части бывают отдельные.

Натухайцы ведут против нас малую войну, мелкими партиями, которые, впрочем, не управляется обдуманною мыслью, а более имеет целью хищничество. Убыхи могут считаться главою второго союза. *Воин-*

ственное это племя отличается предпочтительно пред другими, враждебными нам, племенами, населяющими прибрежный край, упорством в войне, храбростью, отважностью предприятий и единодушием. Другие племена охотно сознают преимущества их над собою и подражают их примеру. По созыву убыхов стекаются прибрежные шапсуги, а также с северной покатости хребта – абадзехи, для смелых нападений на наши укрепления, а кроме того они ведут непрерывную малую войну, пользуясь всяким удобным случаем для нанесения нам вреда. Впрочем, и между ними наклонность к торговле и мирным сношениям с нами постепенно усиливается. Торговля сделала даже более быстрые успехи в форте Навагинском, построенном в стране убыхов, чем в укреплениях Шапсугского края» («Исторический обзор Терека...», 1851).

Примечательно, что в 1861 г. именно убыхи выступили с инициативой создания единого государства независимых горцев во главе с Национальным Советом – меджлисом (парламентом) или Хасэ. Его власть распространялась на Убыхию, Шапсугию, Абадзехию и Садзен-Джикетию (земли южных абазин). На завершающем этапе Русско-кавказской войны именно убыхам принадлежало руководство на политическом и дипломатическом направлениях деятельности меджлиса. Признанными лидерами горцев Западного Кавказа этого времени были убыхи Берзек Хаджи Керандук и Дзепш Баракай Исмаил (Половинкина Т.В., 2006).

7.11.4.3. Хаджи Берзек: «беспримерный по храбрости штурм укреплений Черноморской береговой линии»

*Кто отрубит голову Берзеку Хаджи, пусть тот-
час же приходит в одну из наших крепостей, там от-
дано приказание, и в течение часа ему отсчитают в
собственные руки тысячу рублей серебром.*

Из прокламации генерала Раевского (7.07.1839 г.).

*Черкесы гибнут – враг повсюду...
Отец и два родные брата
За честь и вольность там леги,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли...*

М.Ю. Лермонтов (1814-1841).

К 1840 г. ряд военных укреплений, построенных на побережье Черного моря, были объединены в Черноморскую береговую линию. В этом же году вспыхнуло мощное восстание на Черноморском побережье Кавказа. Начатое убыхами, шапсугами, садзами, оно перекинулось и в горные общества Абхазии – в Цебельду и Дал.

Как было отмечено ранее (раздел 1.6.7), 1840 г. характеризовался целым рядом побед горцев. В течение февраля и марта адыги штурмом взяли один за другим укрепления: 7 февраля форт Лазарева, 27 февраля – форт Головинский, 29 февраля – укрепление Вельяминовское и Туапсе; 21 марта – штурм и взятие 11-тысячным отрядом горцев Михайловского укрепления (ныне Архипо-Осиповка на Черноморском побережье).

Объединил разрозненные силы убыхов и садзов (15 000 чел.) широко известный среди приморских горцев Хаджи-Берзек Дагомук (он же Адагуа-апа), – тот самый Берзек, за голову которого царские власти давали 1000 руб. серебром. Так, в прокламации генерала Раевского от 7 июля 1839 г. говорилось: «Берзек Хаджи посеял интриги среди народа и распространил ложные известия, что султан и король Англии идут на помощь черкесам; я со своей стороны заявляю всему народу, что тот, кто отрубит ему голову и принесет мне, получит тысячу монет серебром. Кто отрубит голову Берзеку Хаджи, пусть тотчас же приходит в одну из наших крепостей, там отдано приказание, и в течение часа ему отсчитают в собственные руки тысячу рублей серебром».

В ответ на выступление горцев, весной 1840 г. в земли адыгов была направлена карательная экспедиция, в результате которой было сожжено 13 шапсугских аулов в долине р. Псезуапс. Под влиянием убыхов повстанческое движение летом стало развиваться и среди кодорских абхазов, возглавляемых знаменитым абреком Исмаилом Джапуа. В октябре начальник Черноморской береговой линии генерал Н.Н. Раевский сообщал: «Цебельдинцы подстрекаются убыхами. В Абхазии часть народа готова восстать и присоединиться к убыхам».

В ответ на просьбу Раевского о помощи, в декабре 1840 – январе 1841 гг. карательная экспедиция полковника Н.Н. Муравьева обрушилась на Цебельду и Дал. Дальцы были изгнаны в Цебельду, а их жилища и зимние запасы продовольствия «преданы огню». Для того, чтобы отомстить карателям за разорение убыхской и абхазской земли, отряд из 1000 убыхов во главе с Керандуком (Керантуком) Берзек – племянником Хаджи Берзека напал в феврале 1841 г. на с.Отхара, а также на Гагрскую крепость, где их встретили орудийным огнем.

В мае 1841 г. убыхи во главе с Хаджи Берзек встретились с новым начальником Черноморской береговой линии генералом И. Анрепом для переговоров. В них принимали участие также Михаил Шервашидзе и некоторые «почетные абхазские дворяне». Переговоры не дали результатов из-за старых разногласий между Али Ахметом и лидерами убыхских обществ Вардане и Шахе – сторонниками более жесткой борьбы за независимость Убыхии. В этой связи М.А. Кумахов («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006) отмечает довольно-таки одностороннее освещение многими авторами деятельности Хаджи Берзека в отношении к России. Этот лидер сопротивления в историографии XIX в. изображается как жесткий противник переговоров и сближения с русскими. Действительно, Хаджи Берзек вел активную борьбу за независимость убыхов и соседних

прибрежных народов, пользовался огромным авторитетом среди них. Вместе с тем Хаджи Берзек прекрасно знал силу и мощь России, видел, с кем он и его народ ведут борьбу за сохранение независимости страны. Убыхский лидер не выступал против мирного и экономического сближения с Россией. В этом отношении показателен ответ Хаджи Берзека на декларацию русских, посланную из лагеря Саши (Сочи) 6 мая 1838 г. В декларации говорится что «...согласно Адрианопольскому договору, только что заключенному русским правительством с Оттоманским правительством, вы должны находиться под покровительством и подчинением России, так как это условие было принято и утверждено Оттоманским двором». Ответ убыхского лидера гласит, что страна которая никогда не принадлежала Турции, не могла быть отдана другой стране. Хаджи Берзек пишет: *«Все, о чем мы просили, – это эвакуировать построенные крепости на черкесской земле. Мы останемся тогда на линии наших границ, и ни один из нас не будет воевать с вами, и мы будем жить добрыми соседями»*. Более того, Хаджи Берзек был готов принять покорность России на условиях мирного сосуществования с ней. Тот же генерал Анреп отмечает, что на упомянутых переговорах Хаджи Берзек, который находился в давних дружеских отношениях с владельцем Абхазии, выслушав обещания последнего, «...дал ему слово, что не будет противиться даже покорности убыхов, если они на оную решатся» (Кумахов М.А., 2006. С. 508).

Вскоре после вышеуказанных переговоров генерала Анрепа с убыхами Н.И. Муравьев поставил им условия, назначив жесткий «срок для размышления и принести присягу в верности», что не могло привести к мирному решению вопроса о взаимоотношениях обеих сторон. Формальное соглашение с убыхами было достигнуто 4 июня 1841 г., но оно было нарушено царским военным командованием. Тот же генерал Анреп писал в своем рапорте от 18 июня 1841 г., что «...высочайше одобренная сухопутная экспедиция к убыхам непременно должна быть произведена в нынешнем году». Экспедиция, о которой говорил генерал, означала обычную в тот период карательную акцию, т. е. переговоры с убыхами преследовали тактическую цель, и в нужное время они были нарушены царскими генералами. Хотя «высочайше одобренная сухопутная экспедиция» вглубь территории Убыхии не достигла своих целей, все же были уничтожены прибрежные аулы, что было очередным разорением для жителей, скрывшихся в горах и ущельях.

Очередной поход против убыхов состоялся в октябре 1841 г., в котором приняли участие 2600 чел. из состава регулярных и вспомогательных войск. Их доставили морем до Адлерского форта, оттуда этот хорошо вооруженный отряд предпринял попытку проникнуть вглубь Убыхии. Отряду удалось пройти 20 миль по направлению к Сочи, потеряв 500 чел. и не достигнув желаемого результата. Потери убыхов были еще более значительными. Оборону убыхов возглавил бессменный Хаджи Керендук. Мориц Вагнер, который описал этот поход, отметил: «Единственно, что удалось в результате этой операции, был более тщательный контроль части побережья между Адлером и Сочи. Хотя, по всей видимости, потери среди убыхов были больше, чем среди русских. Обстоятельства этого дела говорят о том, что этот поход, который, собственно, был последней серьезной операцией на побережье Черного моря, был не столь уж победоносным для русских». Это было частью тех наступательных действий, которые А.А. Вельяминов развернул против убыхов и их соседей еще в 1835 г. «Угрожая поначалу тактикой «выжженной земли» и сознательно прибегая к жестокостям, он затем попытался уговорить черкесов подчиниться требованиям царских властей. Ни один из этих подходов не сработал. Не способствовало усилению контроля над побережьем и строительство фортов, не помогла и морская блокада побережья», – отмечали современники.

К этому времени относится принятие дефтера (договора) Майкопским собранием черкесов и убыхов. Дефтер 1841 г. способствовал консолидации убыхов и западных черкесов в борьбе за независимость и в какой-то мере подготовил почву для Адагумского собрания 1848 г., разработавшего основы административного устройства убыхов, шапсугов, натуханцев и абадзехов. Однако до этого собрания произошли важные события. Весной 1842 г. убыхские лидеры, в первую очередь, из клана Берзек, вновь предприняли попытку сближения с Россией, вступив в переговоры с военным командованием на Северо-Западном Кавказе Генерал Анреп пишет военному министру А.И. Чернышеву, что он убедился в искренности убыхов и их лидеров, просивших принять их покорность на тех же условиях, что и джигеты: «Жители окрестных долин были в сборе недалеко от укрепления, а 27 апреля убыхские лидеры Шеулех-уко-Амшук Берзек, Хапшек уко-Эльбуз Берзек, Шеулех-уко-Эдик Берзек и Шауей-уко-Мату Берзек присягнули за себя и за своих подвластных на вечное подданство великому государю. Обязательства, которые приняли на себя присягнувшие, Ваше сиятельство, извольте усмотреть из представленной при сем копии клятвенного обещания». Военное командование вновь убедилось, что влияние убыхов остается очень сильным на Северо-Западном Кавказе. Более того, оно считает, что «...от прочного покорения убыхов зависит покорение и спокойствие всего нагорного края Кавказа от Военно-Грузинской дороги до берегов Черного моря». Как видно, завоевание Убыхии было необходимым условием для покорения огромной части Кавказа (Кумахов М.А., 2006. С. 509).

А о Керендуке Берзеке, более жестком в переговорах, чем его дядя Хаджи Берзек, генерал Анреп пишет, что он показался ему «человеком замечательным и могущим впоследствии быть для нас полезным». Интересна дальнейшая судьба убыха Хаджи Берзег Керендука (Герандука). Источники сообщают, что он был «...одним из последних черкесских предводителей времен Кавказской войны, а позже, в возрасте 100 с лишним лет, командовал во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканах адыго-абхазо-убыхским кавалерийским отрядом» (Кушхабиев А.В., 2007; Кудаяева С.Г., 2007).

7.11.5. Трагедия убыхов: «Непременное условие окончания войны – очищение Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию»

«Ушел весь убыхский народ – значительная ветвь абхазо-адыгского (черкесского) дерева, являющаяся мостом, соединяющим два близкородственных народа – адыгов и абхазов», – с горечью пишет публицист А.К. Чемсо (2002).

7.11.5.1. Александр II: «Искренно радуюсь счастливому обороту дел с убыхами...»

Вам ли, убыхам, переговоры вести? О милости и жалости к вам вы и не думайте. Уступок с моей стороны нет и не будет впереди!

В.А. Гейман, царский генерал (19 марта 1864 г.).

Искренно радуюсь счастливому обороту дел с убыхами. Остается благодарить Бога за достигнутый результат...

Александр II, император (18 мая 1864 г.).

«Исход» убыхов в Турцию произошел в марте 1864 г. В своей работе «Изгнания черкесов» Н. Бэрэдж подробно останавливается на последних днях этого гордого племени на родной земле и обстоятельствах, предшествующих уходу его на чужбину. Привлекаемые им русские архивные источники дают, в частности, следующую картину. В начале-середине марта 1864 г. кольцо царских войск сжималось вокруг остатков непокоренных адыгов на Черноморском побережье – Кавказская война шла к своему завершению. 5 марта без единого выстрела царские войска заняли форт Лазарева и укрепление Головинское. Как отмечают русские источники, «...было получено известие, что убыхская молодежь, призвав на помощь ахчипсхувцев, решила противостоять нашему последующему продвижению к Шахе и с этой целью собралась на побережье, в выгодной позиции на р. Горлик. Чтобы помешать им получить подкрепление, генерал В.А. Гейман, командовавший Даховским отрядом, счел необходимым немедленно начать наступление в направлении р. Шахе и 18 марта он выступил от устья Псеузапсе тремя колоннами. В 2 ч пополудни 19 марта генерал, сопровождаемый сотней казаков и 300 шапсугскими всадниками, овладел фортом Головина. Донесения лазутчиков свидетельствуют о том, что ужас, внушаемый поражением убыхского сбора в день 18 марта, все далее и далее распространяется по горам Убыхии, и другие враждебные племена, оставшиеся на южном склоне, потеряли всякую надежду защитить свою независимость. Пользуясь таким положением дел, генерал Гейман решил незамедлительно двинуться вперед, чтобы занять центральную часть убыхской земли, не дав им времени опомниться...».

Убыхи приготвились к отчаянному сопротивлению, но после разгрома абадзехов и шапсугов это было совершенно бессмысленно, что хорошо учитывалось царскими войсками. А последние «*непременным условием окончания войны по-прежнему считали совершенное очищение восточного Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию*». На берегах р. Дагомыс генерал Гейман, как вспоминает очевидец, «...принял изъявление покорности от убыхского старшины Хаджи-Догомукова, возглавлявшего шайку из убыхов, шапсугов и абадзехов, которых он собирал, чтобы атаковать наши линии и наши войска».

О том, как велись переговоры убыхов с царским карателем, рассказывает другой источник. Убыхи пытались еще выставлять свои требования и пожелания: «*Но мы все-таки остаемся убыхами, мы все-таки целый народ и, кажется, можем для своего блага вступить в сношения и заявлять свои требования...*». Но генерал Гейман, не слушая их, категорически потребовал от убыхов: «Сейчас же, без обозначения срока, те, кто желают идти в Турцию, должны собраться табором на берегу моря к устьям Шахе, Вардане и Сочи. Те же, кто хочет идти к нам, должны сейчас же выселяться на Кубань». При этом Гейман разговаривал с делегатами категоричным, если не сказать наглым, тоном: «*Вам ли, убыхам, переговоры вести? О милости и жалости к вам вы и не думайте*. Кто как не вы бесчеловечно, безжалостно поступили с абадзехами? Кто поджигал их на войну с русскими? Уступок с моей стороны нет и не будет впереди!».

Убыхские предводители поняли, что участь их народа решена бесповоротно, и они вынуждены были «признать себя бессильными». В земле общества Вардане все селения были сожжены отрядом Геймана, а 25 марта был занят форт Сочи – «сердце убыхской земли». С гордыми и воинственными убыхами было покончено. Как писал очевидец, «...огромные массы убыхов и шапсугов, расположившиеся лагерем в разных местах на берегу моря, отплывают в Турцию. В течение марта 30 тыс. чел. отплыли из Туапсе, и около 50 тыс. еще ждут своей очереди в Анапе, Новороссийске, Джубге и еще столько же уедет с территории Убыхии и Джигетии». К 19 апреля 1864 г., еще до «официального» окончания Кавказской войны, войска не встречали уже в горах убыхов – они тронулись в Турцию (Кудаева С.Г., 2007. С.168).

После завершения «операции» император Александр II отправил 18 мая 1864 г. Кавказскому наместнику телеграмму с выражением радости за «счастливое» завершение военной операции: «Искренно радуюсь счастливому обороту дел с убыхами. Остается благодарить Бога за достигнутый результат...».

7.11.5.2. «Мы сгинем, наш сотрется след...»: печальная статистика депортации убыхов

*Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон...*

М.Ю. Лермонтов (1814-1841).

Точная численность убыхов неизвестна. Авторы первой половины XIX в. приводят разные цифровые данные: от 9,6 тыс. чел. мужского пола до 115 тыс. чел.

Т.В. Половинкина (2006).

До настоящего времени нет ясности относительно общей численности выселившихся убыхов. По мнению И.И. Кияшко (1909), в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. их было всего 10 000 чел., А.М. Гадагатль считает, что в 1858 г., то есть задолго до своего переселения, убыхов было не больше 25 000 чел.; эту же цифру называл в свое время и А. Дюма; по данным Новицкого, их было 40 000 душ. У Султана Довлет-Гирея встречаем цифру 44 939 чел. В свою очередь, Г.А. Дзидзария считает, что убыхов было 45 000 чел., которые все и выселились в Турцию. По мнению В.И. Ворошилова (2007), убыхов было «не менее 50 000 чел.». Несколько иную цифру встречаем у С.Х. Хотко (2008. С. 106): «Из Сочи империя депортировала более 70 000 убыхов, а сумела заселить туда всего несколько тысяч колонистов всех национальностей и вероисповеданий: чехов, эстонцев, армян, греков, украинцев, молдаван, грузин, немцев и русских». По Т. Кумыкову, численность убыхов составляла 74 000 чел. Уточняет эту цифру А.Х. Бижев (1994), сообщающий, что «...за 1858-1865 гг. через восточные порты Черного моря отправлено убыхов 74 567 чел.». В «Истории Абхазии» приводится эта же, но округленная цифра: 75 000 чел., которая, судя по всему, наиболее близка к реальности.

Впрочем, есть и более высокие цифры. Так, по А.А. Епифанцеву (2010), «...до Кавказской войны убыхов было около 80 тыс. чел.». Правда, в другом месте своего капитального труда он пишет, что «...убыхи – это единственная адыгская народность, которая эмигрировала в Турцию практически в полном составе. Их ушло 74,5 тыс. чел.» (а какова судьба остальных: 80,0-74,5=5,5 тыс. чел.? – Авт.). У этого же автора можно встретить еще одну, меньшую цифру: «Убыхов было [в Турции] всего 73 тыс. чел.». В свою очередь, по сведениям официального русского историографа Кавказской войны академика А.П. Берже, только в 1858-1864 гг. покинуло Кавказ и выселилось в Турцию «более 90 тыс. убыхов» (Цит. по: Половинкина Т.В., 2006. 21-23).

Весной 1864 г. убыхи, как и многие другие западнокавказские племена, были выселены царским правительством в Турцию. Они расселились в пределах Малоазийского полуострова, образовав поселения в районе Бандырмы близ Бурсы и в районе Измира на побережье Мраморного моря, в районе Самсуна на Анатолийском побережье Черного моря, на берегу озера Сапанджа, в районе Адона на побережье Мерсийского залива Средиземного моря, на Усунском нагорье и в ряде других пунктов Анатолии.

Убыхи переселялись целыми аулами и обществами во главе со своими старшинами. Убыхи общества Вардане во главе с Измаилом Баракаем (Дзейш) высадились в районе Трапезунда, где образовали смешанные лагеря с шапсугами и претерпели наибольшие лишения и невзгоды; почти половина переселенцев погибла здесь в карантинных лагерях от болезней и голода. Значительно больше повезло 350 убыхским семьям (более 2 тыс. чел.), сопровождавшим Хаджи Берзека Керендука (Керантуха, Герандука), которому за «особые заслуги» в агитации убыхов к переселению в Турцию были выделены удобные земли в районе Родосто на берегу Мраморного моря. В настоящее время убыхи живут *вместе с шапсугами, абадзехами и кабардинцами*, по крайней мере, в трех областях Турции: Адана, Балыкесир и Синоп.

Примечательно, что после переселения в Турцию некоторые убыхи достигли высоких воинских званий и постов. Вот только несколько примеров:

Эдхем-бей-паша (Дитигъзу) (1886-1948). Убых по происхождению, участник Балканских и первой мировой войн. После оккупации Османской империи становится партизанским командиром Западной Анатолии, выступая против интервентов и халифатской армии. Отказавшись подчиняться лидеру освободительного движения Кемалю Ататюрку, создал соединение «Зеленая армия». За это кемалисты приговорили Эдхем-пашу к смерти. Он вынужден был бежать в Грецию. Умер и похоронен в Иордании. Остался в народной памяти как легендарный герой национально-освободительного движения в Турции (Хотко С.Х. 2007. С. 314-319).

Мехмет Зеки-паша (Берзег) (1864-1921). Из убыхов. За отличия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. был удостоен звания маршала Османской империи. Один из создателей полков иррегулярной курдской кавалерии «хамидие». Являлся зятем Абдул-Хамида II.

Кучук Хусейн-паша. Убых. В период войны с Наполеоном был капудан-пашой. Он модернизировал османский флот при помощи французских инженеров (Максидов А.А., 2003).

Фуад-паша. Одним из наиболее влиятельных сановников Османской империи в 70-80 гг. XIX в. являлся убых маршал *Фуад-паша (Тхуго)*. Степень его заслуг перед государством и личное влияние были столь велики, что он позволял себе открытую критику Абдул-Хамида II и возглавил оппозиционную «Партию черкесов». После крушения султаната Фуад-паша сыграл важную роль в становлении Турецкой Республики (Максидов А.А., 2003).

Окончилась Кавказская война, до сих пор отзываящаяся пронзительной болью в сердцах адыгов. Многие из оставшихся на Кавказе убыхов были поселены на Кубани, а затем большинство их подверглось принудительной ссылке в Костромскую губернию, где они вскоре забыли свой язык и смешались с местным населением. В первой половине 1880-х гг. в Кубанской области числилось 13 убыхских семей (80 чел.). По данным Г.А. Дзидзария (1982), после выселения несколько убыхов остались в черкесских аулах Кубанской области Бгуашеахаль и Кошеахаль, а также на Черноморском побережье, близ сел. Головинского. Во всяком случае, перепись 1926 г. в строке «убыхи» дает итоговую цифру всего 9 (девять!) чел. *И это все, что осталось от некогда могущественного, храброго и гордого убыхского народа* (Половинкина Т.В., 2006).

В настоящее время в Сочи живут несколько человек – потомков убыхов, в том числе фамилии Чёрен, еще помнящие о своих убыхских корнях. Поистине, как писал М.Ю. Лермонтов,

Тот век прошел, и люди те прошли;
Сменили их другие; род старинный перевелся...

7.11.5.3. «У убыхов были и желание, и возможность эмигрировать»: спорное мнение публициста

От Кавказской войны убыхи пострадали меньше всех остальных черкесских народностей! По ее итогам они оказались в невероятно более благоприятном положении, чем другие черкесские этносы.

А.А. Епифанцев (2010).

В 2010 г. в Москве вышла книга публициста А.А. Епифанцева «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?», в которой, будем прямо говорить, подвергается сомнению разрушительный характер Кавказской войны относительно адыгского этноса. Не соглашаясь принципиально с основными выводами, сделанными А.А. Епифанцевым, тем не менее, считаем полезным ознакомить читателей с его позицией, столь отличающейся от мнения большинства адыгов о трагических последствиях Кавказской войны. В кратком изложении основные «доказательства» А.А. Епифанцева чуть ли не благотворного воздействия Кавказской войны, в частности, на убыхов как этнос, представляются следующим образом:

«...Еще одним мифом является трагическая судьба убыхов. Почему-то в общественное сознание вошел факт, что русские войска уничтожили *всех* убыхов. Причем, даже если кто-то знает, что их никто не убивал и они были депортированы, то все равно считает Российскую империю виновной в их смерти. По какой-то иронии судьбы, приводить в пример убыхов стало «модно» у современных грузин. Разговаривая с абхазами и черкесами, они любят вернуть что-нибудь, типа «вот, мол, если уйдете от грузин и будете жить с русскими, то они с вами сделают то, что сделали с убыхами». Ну и, конечно же, к убыхскому вопросу привлекает внимание интересная и печальная книга абхазского советского писателя Баграта Шинкубы «Последний из ушедших», где он описал свою встречу в конце 1960-х – начале 1970-х гг. с последним человеком, являвшимся носителем убыхского языка.

Для тех, кто не знаком с исторической канвой, – продолжает А.А. Епифанцев, – скажу: убыхи – это адыгский народ, который в результате Кавказской войны и депортации к нашему времени полностью исчез. То есть, до Кавказской войны их было около 80 тыс. чел., а в 1970-х гг. Баграт Шинкуба уже разговаривал с последним из них.

Это трагично, это печально, это достойно памяти и всяческого сожаления. Почему же так произошло? Это непростой разговор. Начнем с того, что убыхи не были обычным, рядовым адыгским племенем, – они не были похожи на шапсугов, махошевцев или других. Они сильно и чуть ли не во всем отличались от остальных черкесских племен. Здесь налицо исторический парадокс, о котором почему-то никто не говорит: народ, который любят приводить в качестве абсолютной жертвы Кавказской войны, и народ, в результате Кавказской войны исчезнувший полностью... ну... продолжайте сами... от этой войны пострадал меньше всех!

От Кавказской войны убыхи пострадали меньше всех остальных черкесских народностей! По ее итогам они оказались в невероятно более благоприятном положении, чем другие черкесские этносы.

Эта народность проживала на территории примерно между современными Лазаревским и Адлером, гранича с абхазами. Когда от карательных операций русских начали гореть кабардинские аулы, у убыхов было еще около 100 лет относительно спокойной жизни. Если тот же бжедугский аул Энем горел несколько раз, то у убыхов таких аулов не было. За исключением 2-3-х небольших операций, предпринятых русскими с территории Абхазии и нескольких приморских крепостей, нога российского солдата вступила на землю Убыхии только в 1864 г. – произошло одно столкновение совсем среднего характера и война сразу же прекратилась.

Убыхи – это единственная черкесская народность, которая сохранила организацию, порядок и управляемость до самого конца и даже после поражения, капитуляции и изъявления покорности. В 1864 г. черкесская знать сумела сагитировать народ на выселение, но в значительной мере потеряла управление людьми, что в огромной степени вызвало анархичное, беспорядочное и неуправляемое бегство адыгов к Черноморским пор-

там для отъезда в Турцию, во многом обусловило трагедию 1864 г. и многотысячные потери адыгов в ходе депортации. Ничего этого убыхи не знали. Они были единственными, кто сохранили порядок, смогли сами организовать аренду кораблей и, повинаясь воле своих легендарных руководителей, организованно и в полном порядке в течение двух недель выселились в Турцию. При депортации убыхи не потеряли ни одного человека!

Убыхи – это единственная адыгская народность, которая эмигрировала в Турцию практически в полном составе. Их ушло 74,5 тыс. чел. Нам известно где их всех поселили, в какие деревни, рядом с кем и кто ими командовал. На родине остались только несколько десятков человек. И вот он исторический вопрос – как в такой ситуации, когда народность находится в самом благоприятном положении по результатам Кавказской войны в отношении к остальным, когда они не теряют тысячи людей от голода и болезней на берегу моря во время ожидания кораблей, когда они переселяются вообще всем народом, ...как же так получилось, что они вообще исчезли, а другие народности остались?

Убыхи были обречены на ассимиляцию! Они не могли не уйти и не могли не исчезнуть. Убыхи были обречены. Я удивлен почему этого никто не видит. Другого варианта эмиграция в Турцию, по крайней мере, в том виде, в котором она была сделана, им не предоставляла.

Во-первых, убыхи не могли не уйти. Я несколько раз сталкивался с высказываниями, мол «если бы Россия не выселила убыхов, не уйди они за море, не эмигрируй они, – было бы сейчас в районе Краснодара или Усть-Лабинска 10-15 убыхских аулов, жил бы убыхский язык и никто бы не исчез». *Пустые словопрения и ничего кроме! Убыхи более чем кто-либо еще должны были уйти.* В сложившихся условиях Кавказа, как мы знаем, одной из трех основных причин добровольно-принудительного переселения были агитация и прямые приказы черкесской знати, которая рассчитывала посредством ухода в Турцию сохранить своих рабов и невольников, – это обещали черкесам турки и не обещали русские. Тот же самый вопрос рабовладения, от которого сейчас всеми силами отворачиваются черкесские этнопатриоты и который, без всякого сомнения, сыграл огромнейшую роль в катастрофе адыгов в Кавказской войне! Так вот, количество рабов из расчета на душу населения у убыхов было в несколько раз больше, чем у любого другого адыгского племени. В «Очерках истории Адыгей», в частности, говорится, что «в среднем на 10 свободных шапсугов приходился 1 раб, у абадзехов – 2, у убыхов – 3». То есть, побудительные мотивы к эмиграции у убыхов были сильнее, чем у кого-либо еще. Если у бжедугов в 1873 г. было желание эмигрировать, но уже не было возможности, и поэтому они остаются, то у убыхов были и желание, и возможность. Причем, возможность в тот момент у них была бо́льшая, чем у остальных племен именно потому, что они сохранили организацию и повиновение лидерам.

Теперь сведем все это вместе: народ, который дольше, чем другие, сопротивлялся русским; народ, который сохранил свою организацию, порядок и повиновение знати; народ, знать которого имела в 2-3 раза больше рабов по сравнению с другими родственными этносами, и, следовательно, в 2-3 раза сильнее должна была хотеть их сохранить; народ, который мог самостоятельно найти и оплатить свой переезд в Турцию в полном составе...Что это нам дает? Они не могли остаться!

Ситуация сложилась так, что в коротком периоде убыхи оказывались в намного более выигрышной ситуации, чем другие адыги. Но выигрыш в коротком периоде неминуемо вел их к оглушительному проигрышу в длинном! *Приняв решение на уход, убыхи тем самым подписали себе приговор, как отдельному этносу!*

Причина этого заключается в том, что их основное отличие от других адыгских племен было не в организации, не в степени военных потерь и в количестве рабов. Убыхи были вообще другими. Иными! Они имели пограничную национальную идентичность между адыгами и абхазами и были связующим звеном между двумя ветвями адыго-абхазской группы. Место проживания убыхов – на границе между адыгскими народами и родственными им абхазами – определило социальную, этнографическую функцию, которую они исполняли в адыго-абхазском мире. Не совсем похожие на адыгов, но и не абхазы, они служили связующим звеном между адыгскими народностями и абхазами, были соединительной цепочкой между двумя ветвями одной этнической группы, в некотором роде «пере-адыгами» и «недо-абхазами». Подтверждением этому, кстати, был и исчезнувший ныне убыхский язык, мало похожий как на адыгские диалекты, так и непосредственно на абхазский, некоторыми лингвистами он считается переходным звеном между этими языками. Среди десятка черкесских наречий убыхский язык был единственным, который другие адыги не понимали.

Постепенно складывалась ситуация, когда еще будучи там, на Кавказе, убыхский народ должен был делать выбор между собственной принадлежностью либо к черкесам, либо к абхамам. Об обреченности такой пограничной ситуации для убыхов говорит, в частности, Л.Я. Люлье, известный этнограф, лингвист, в совершенстве знавший черкесский язык и составивший в 1820-х гг. первый адыгский алфавит на основе кириллицы: «Убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским. Со временем язык этот может исчезнуть, по всеобщему употреблению языка черкесского». И если такие процессы шли уже на Кавказе, то в условиях перехода в Турцию они многократно обострялись. Это необходимо было осознать уже тогда, до принятия решения на уход в Турцию, но трагедия убыхов была еще и в том, что для понимания этого им были нужны интеллигенты, а у них были только воины и рабы!

Так что, если бы даже не случилось никакой Кавказской войны, то, скорее всего, с течением времени и со все большей открытостью Причерноморья миру, убыхи все равно бы ассимилировались, влившись либо

в один, либо в другой родственный народ – черкесский или абхазский. Если бы... Однако, у Истории нет сослагательного наклонения...» (Епифанцев А.А. 2010. С. 262-270).

Завершая свое эссе, автор вновь останавливается на причинах исчезновения убыхов как этноса, причем, даже не упоминая царизм, как основного виновника: «Будучи важной и почетной на Кавказе, убыхская уникальность сыграла с ними злую шутку в Турции – убыхи не могли её поддерживать. Исчезал важный элемент самоидентификации народа, который убыхи не могли восполнить в черкесском этносе. Адыгов – не-убыхов было намного больше – в Турцию их переселилось сотни тысяч (только на Голанских высотах было два десятка адыгских деревень) и из-за общности языка на чужбине они могли чувствовать свое единство и поддерживать свою «черкесскость». Убыхов же было всего 73 тыс. чел., расселены они были в нескольких достаточно удаленных друг от друга деревнях и общение с остальными черкесами было затруднено из-за разности их языков. В таких условиях должна была состояться новая национальная самоидентификация – убыхи должны были определиться, кем они хотят быть в новых условиях – адыгами или турками. Наверняка, кто-то выбрал быть турком, кто-то – адыгом. Их никто не убивал, как это зачастую преподносят, – просто их кровь теперь в черкесах и турках...» (Епифанцев А.А. 2010. С. 262-270).

7.11.5.4. «Участи рабов мы предпочитаем смерть»: так было ли у убыхов «желание эмигрировать»?

*Мы бессильны остаться.
Мы можем тебе оставить
Только одно: свою душу.
Мы навсегда уходим.
Она навсегда остается...*

Из старинной песни убыхов.

После ознакомления с приведенными выше выдержками из сочинения А.А. Епифанцева «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?» остается чувство недоумения, если не сказать жестче. Как же «историк», которым он, очевидно, себя считает, может безапелляционно утверждать, что «никакой трагедии убыхов не было и не могло быть, – они сами сделали выбор», тем более, что у них, по утверждению автора, «были и желание (!?), и возможность эмигрировать». Более того, – продолжает А.А. Епифанцев, – «по итогам Кавказской войны они оказались в невероятно более благоприятном положении (!?), чем другие черкесские этносы».

Нет, нет и еще раз нет. Ошибается Епифанцев: убыхи, как и остальные адыги покидали родину *против* своего желания. Это решение далось им нелегко. В своем обращении к королеве Великобритании горцы писали, что «выселение на чужбину будет для черкесов величайшей трагедией». Но, продолжали они, «Россия, намного превосходя нас в военном отношении, вынуждает нас покинуть родину. *Участи ее рабов мы предпочитаем смерть*».

Трагедия переселения убыхов, их горестное расставание с родной землей, скитания на чужбине и исчезновение этого гордого свободолюбивого народа в результате ассимиляции ярко и с использованием исторических документов описаны в замечательной книге известного абхазского поэта и писателя Б.В. Шинкубы «Последний из ушедших» (1976). Болью пронизана старинная убыхская песня, приведенная в этой книге:

О, какая горькая участь,
Какая горькая участь –
Какое большое море
И какая малая горсть
Родной земли.

Бедная земля опустеет,
И кукушка замерзнет на ветке.
Ей некому пророчить года.
Простились ли вы с мертвыми?
Сказали вы, что мы не вернемся?

Надо было сказать им.
Мертвых нельзя обманывать!
Обернемся к нашим горам, –
Они не знают, куда мы уходим.
Обернемся, оставим им песню,
Чтобы она бродила, как эхо,
От одной горы до другой.

Если ребенок уходит от матери,
Значит, она виновата,
Но разве она виновата?
Разве она виновата?
«Почему вы уходите, дети?
В чем виновата я, дети?» –
Плачет наша земля.

Прости нас, бедных,
Прости нас!
Мы бессильны остаться.
Мы можем тебе оставить
Только одно: свою душу.
Мы навсегда уходим.
Она навсегда остается...

Горькие слова этой песни-плача – прощания с родной землей – лучший ответ господину Епифанцеву. Дальнейшие комментарии здесь, как говорится, излишни...

Небольшое послесловие. Хорошо дополняют приведенные выше свидетельства более поздняя информация, относящаяся ко времени относительно недавних арабо-израильских войн (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>). Во время первой войны, в 1947 г., корреспондент английской газеты спросил командира одного из убыхских отрядов: «Чем объяснить неслыханную доселе дерзость и храбрость, проявленную убыхами в боях?».

Убых ответил: «Храбро дрались наши отцы там, на Кавказе, защищая свою родину. Но... проиграли войну. *Мы потеряли самое святое, чем жив человек – Родину. И теперь нам остается только умереть*».

– «Так вы погибаете за интересы чужой страны?»

– «Это неважно. Для нас главное быть честным перед самим собой и умереть на поле битвы честно, как подобает убыху. Так нас учили». **УМЕРЕТЬ НА ПОЛЕ БИТВЫ ЧЕСТНО, КАК ПОДОБАЕТ УБЫХУ...** Добавить к этим гордым и горьким словам, пожалуй, нечего.

7.12. Махаджирство и рабство: масштабы работорговли во время «исхода» адыгов в Турцию

О, горе для рабов!...

Коран. Сура 36; 29

*И был тот век и тот далекий год,
Спасенья ждал наивный мой народ.
Но приплывало рабство на галерах,
И плакали черкешенки в гаремах.*

И. Машбаш

Во время «Великого исхода» резко усилилось «пленопродавство», или работорговля. Это поистине национальное бедствие, история которого восходит к весьма отдаленным временам, в определенной степени продолжалось вплоть до 60-х гг. XIX в., пока политическое укрепление России на Кавказе и процесс разложения феодализма среди горских племен не подорвали основы позорного промысла. Н.А. Смирнов считает, что до 50 % всех переселенцев в Турцию погибло от эпидемий и в пути; а из уцелевших было продано в рабство до 15 % (в основном, женщин и детей). Сколько это представляет в количественном отношении – можно хотя бы приблизительно судить по следующим цифрам. Так, из 220 тыс. черкесов, переселившихся с Кавказа в Анатолию только за два года в 1863-1864 гг., было продано в рабство 10 тыс. чел., причем, как утверждают архивные источники, их продали в рабство сами переселенцы. Однако основная доля вины в расцвете работорговли в период массового махаджирства адыгов ложится на турецкие власти. Как отмечал известный русский ученый П. Чихачев в 1858 г., «с тех пор, как Россия лишилась черноморского флота, Турция открыто покровительствует гнусной торговле рабами». При этом, как особо подчеркивал Г. Орбелиани в своем рапорте от 4 мая 1862 г. военному министру, «...усилившаяся в настоящее время продажа в Турции черкесских детей и женщин есть естественное следствие переселения в течение последних двух лет значительных масс кавказских горцев». В письме премьер-министра Османской империи султану от 30 марта 1867 г. приводится общее количество рабов среди переселенцев – более 150 тыс. Но Н. Бэрзедж справедливо сомневается в этой явно завышенной цифре: «Это исходит из незнания действительности адыгского общества. Законы крестьянской жизни, привезенные с собой черкесами-переселенцами, воспринимались по исламским законам как рабство».

Архивные источники следующим образом характеризуют атмосферу работорговли в эти скорбные для адыгов дни: «Турецкие судохозяева привыкли плавать к восточному берегу Черного моря почти исключительно для торговли рабами; они внесли тот же дух и в перевозку свободных людей – махаджиров. За неимением денег или вещей расплата происходила женщинами или детьми. Для черкешенок это было, впрочем, все равно, потому что в каком бы качестве они ни достигали турецкого берега, их потом все-таки гуртами отправляли на базар». По сообщению переселенцев, которым посчастливилось вернуться на родину, некоторые из них «вынуждены были распродать своих детей и жен, чтобы сохранить себе жизнь».

Рабы с Кавказа вывозились в Константинополь, в Анатолию, Румелию и другие области Османской империи. Большой спрос был на детей 6-12 лет, а также на способных к службе в армии юношей. Повышенным спросом пользовались молодые девушки и женщины, которые, как правило, попадали в гаремы знатных османов или даже самого султана. Как писали очевидцы, переселение горцев-махаджиров в Турцию вызвало настоящий ажиотаж в деле гаремных поставок «живого товара». При этом «...на Кавказском берегу Черного моря англичане и

турки красавицами набивали трюмы; несчастные с плачем обращались к русским офицерам, умоляя освободить их оттуда. Поставщики гаремов и турецкие покупщики остались в больших барышах от нашего товара».

Не удовлетворяясь закупкой девушек и женщин в прибрежных пунктах, турецкие работоторговцы проникли в отдаленные аулы черкесской территории, где выискивали «особенно ценный товар». При этом женщин переселенок продавали и покупали целыми партиями. В период массового переселения в устье р. Туапсе возник один из последних на Кавказе рынков рабов. Очевидец А. Фонвилль наблюдал в Туапсе «...целый поселок (до 100 хижин) турецких купцов, торговавших женщинами. Когда у них составлялся потребный запас этого товара, они отправляли его в Турцию на одном из каюков, всегда находившихся в Туапсе».

Приведем еще несколько фактов, относящихся к позорной торговле черкешенками. Еще 15 октября 1858 г. – в самом начале массовой эмиграции адыгов П. Чихачев писал: «В бытность мою в Самсуне сам паша (имеется в виду Осман-паша. – **Авт.**) купил на глазах у всех молодую девушку у торговцев-черкесов». В мае 1865 г. на австрийском пароходе было отправлено 80 черкесских мальчиков и девочек, закупленных турецкими работоторговцами для их «реализации» в Египте. В середине 1865 г. трапезундский губернатор Эмин Мухлис-паша отправил в Константинополь своего зятя со 130 молодыми черкесскими невольницами, предназначенными для подарков разным «влиятельным лицам».

Адыгские крестьяне-переселенцы в 1872 г. жаловались русскому послу в Константинополе о продаже их детей в рабство своими же баями-князьями: «Мы лишены свободы, семьи, имущества, так как баи нас угнетают и отбирают ежегодно половину того, что мы зарабатываем. Не довольствуясь этим, *они отнимают у нас вооруженной силой наших дорогих детей, мальчиков и девочек, и продают их в рабство*. Мы умираем от таких жестокостей» (Кушхабиев А.В., 2007).

Горько писать, но зачастую этим позорным промыслом занимались в период «исхода» адыгов и сами черкесы. О том, что в среде черкесских переселенцев на Балканах сформировались «...группировки работоторговцев, принесшие им печально-знаменитую славу», – пишет А.В. Кушхабиев (2007). Их деятельность заключалась в поставках на невольничьи рынки Ближнего Востока и Северной Африки девушек и мальчиков, захваченных в европейских вилайетах империи. При этом указанные группировки осуществляли свою деятельность под протекцией и даже содействием султанского двора. Попытки же отдельных чиновников воспрепятствовать им нередко завершались для самих блюстителей закона лишением занимаемой должности, по особому распоряжению из Стамбула. В то же время, следует отметить, что эти группировки сформировались, в основном, из числа молодежи, потерявшей своих родителей и близких во время депортации. Дочь одного из британских консулов в Османской империи отметила в отношении черкесских группировок следующее: «...Та часть молодого поколения, которая выжила среди лишений и болезней, губивших поселенцев в первое время по прибытии их в Турцию, выросла и образовала из себя буйную орду, которая так же мало уважала власть Порты, как жизнь и собственность своих сограждан» (Кушхабиев А.В., 2007).

О «деяниях» адыгов-работоторговцев рассказывает очевидец – П. Чихачев в своем письме из Турции от 15 октября 1858 г.: «В четырех милях от Амасьи находится деревня Куту, населенная одними черкесами. Роль черкесских работоторговцев сводится к организации в крупном масштабе этого преступного промысла на Кавказе. Дабы заручиться неистощимым «питомником», они не довольствуются только товаром, который могут сбывать тотчас по получении. Колония живого товара в Куту весьма охотно принимает лиц обоего пола, с трудом могущих привлечь выгодных покупателей, но годных как «жеребцы» и «кобылы» для продолжения породы. Их спаривают (!) и ждут, пока дети приобретут качества, необходимые потребителям или спекулянтам, приезжающим на эту фабрику живого товара, чтобы приобрести его для себя или для императорских гаремов...» (Как напоминают эти эксперименты на людях известные опыты по человеческой «селекции», проводимые в гитлеровских концлагерях!). Поистине, как писал И. Машбаш в своей поэме «Турецкий берег»,

Ты здесь искал свобод, о добрый мой народ.
Да цепи и беда – замена хоть куда!

7.13. «Отуречить черкесов...»

Ассимиляция (лат. «уподобление») – шовинистическая политика империалистических государств, направленная на уничтожение национальных особенностей угнетенного народа путем принудительного навязывания ему языка, культуры, религии господствующей нации.

Словарь иностранных слов (1995).

Теряющий Родину – теряет все.

Абхазская пословица

По данным переписи, в Турции в конце XIX – начале XX вв. собственно турки составляли около 80 % населения; кроме них проживали более 25 национальностей, в основном, – выходцы с Кавказа, в первую очередь, адыги. Все эти национальные меньшинства подвергались всевозможным ограничениям.

И речи не могло быть об автономии, о праве обучения на родном языке и т. д. Более того, всякая самостоятельная общественно-политическая деятельность национальных меньшинств беспощадно преследовалась властями. Правда, в 20-х гг. XX столетия были сделаны попытки открыть в Стамбуле черкесские и курдские школы, а также издавать на этих языках газеты и художественную литературу, однако турецкая администрация сразу же пресекла подобные попытки.

Османское правительство проводило политику «отуречивания» по отношению ко всем национальным меньшинствам, в первую очередь, к «черкесам». Однако бывший в 20-х гг. на дипломатической службе Г. Астахов разъяснял в связи с этим: «...Черкесами» называются все вообще выселенцы-махаджирь с Кавказа. Среди них большинство действительно черкесы и родственные им абхазцы. Эти народы, рассеявшись в разных местах Анатолии, не растворились в окружающей среде, а полностью сохранили свой родовой быт, непокорный дух и связанную с этим приверженность к разбоям и ссорам с миролюбивыми земледельцами, каковыми являются турки». Чем больше черкесы-махаджирь находились в Турции, тем больше власти старались ассимилировать, «отуречить» их. Ассимиляторскую политику они проводили под лозунгом «османизма», который заключался в следующем: в Османской империи нет турок, славян, греков, армян, арабов, курдов, черкесов и т. д., а есть только турки-«османы». Не случайно адыги стремились вернуться на родину. Так, в письме советским властям от 1 сентября 1924 г. некий Халис Дорух-оглы с болью писал: «Уже в течение 15 лет турки и турецкое правительство, с целью отуречить, преследуют всех остальных народов (не турок), и в первую очередь, нас – черкесов. Теперь проживающих в своих селах черкесов выселяют и поселяют по 1-2 семейства в турецкие села; становится с каждым днем все тяжелее и тяжелее жить нам в Анатолии». И далее он писал: «Наше желание – вернуться в наше отечество, в наши земли, покинутые нашими предками, и жить с нашими братьями вместе». Но до возвращения домой было еще очень и очень далеко...

Закончить этот тяжелейший раздел хотелось бы словами Галимет Бешкок, пронизанные болью за «ушедшее поколение». В дословном переводе эти строки звучат следующим образом:

Живет чужестранцем народ мой – изгнанник,
И с каждым восходом зари
Вдаль устремляет влажный свой взор
В сторону наших Кавказских гор.
При каждой встрече с тобой, мой Кавказ,

С болью в душе стою пред тобой,
Молчу, словно всему я виной
За то ушедшее мое поколение...

7.14. Дальнейшая судьба махаджиров: «И рассеял их по народам...»

И в тот день, когда настанет час, – тогда они рассеются... Скажи: Он – тот, кто рассеял вас по земле.

Коран. Суры 30, 13; 67, 24

А вас рассею между народами, и будет земля ваша пуста и города ваши будут разрушены...

Библия. Книга Левит (26; 33).

Основной «поток» переселенцев-адыгов в Турцию приходился, как было отмечено выше, на 1858-1865 гг. – годы изгнания горцев с их исторической Родины. Тем не менее, группы переселенцев прибывали в Турцию и раньше и позже этого срока. Так, Хан-Гирей писал еще в 1835 г., что «...часть беглых кабардинцев уже уехала в Турцию и Египет». Некоторые количественные сведения, относящиеся к этому «потoku» переселенцев, приводятся в работе Г.А. Дзидзария. Согласно обзору политического положения Черкесии (1837), около 370 семейств, вышедших в середине 30-х гг. из разных мест Кабарды и Адыгеи, были расселены по Черноморскому побережью Азиатской Турции – в Трапезунде, Самсуне, Синопе и др. Занимались они здесь земледелием; кроме того, некоторые их уздени отправлялись в Черкесию и вывозили оттуда невольников для продажи в Турцию.

С самого начала переселенческого движения положение большинства черкесов-махаджиров в Османской империи оказалось трагическим. Долгое время переселенцев «выдерживали» в специальных лагерях на берегу Черного моря, где они массами гибли от болезней и лишений. И лишь потом оставшихся в живых переселенцев султанское правительство расселяло по всей Османской империи. Турецкие власти не случайно расселяли черкесов-махаджиров во всей территории империи. Английский посол Бульвер-Литтон в свое время предлагал Порте расселять черкесов в наиболее «горячих точках» Османской империи. «Турецкое правительство, – писал Новиков, – намерено расселять черкесов небольшими группами в местах, наиболее уязвимых, как часовых на страже империи в будущих войнах». Султанское правительство видело в переселении огромных масс горцев возможность увеличения доли мусульманского населения в среде христианских народов. «Черкесы, – сообщал русский консул Мошнин, – были расселены всюду, где только требовалось усилить мусульманский элемент населения». При этом черкесов специально расселяли малыми группами, чтобы они не имели возможности создать в пределах Османской империи своей государственности. Вместе с тем, одно вре-

мья Англия вынашивала план с помощью Порты создать из черкесов «автономное княжество на границе с Кавказом» и сделать из них нечто вроде военного поселения, как «новый рассадник для турецких войск».

Большая масса переселенцев с Кавказа (около 50000 семейств) по совету английского правительства была расселена в Европейской части Османской империи – главным образом, в Болгарии, Румынии, Албании, Македонии. По проекту Ахмед Мидхат-паши черкесами было заселено все пространство от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. В этих местах были созданы военизированные колонии (вроде казачьих станиц на Кубани), из которых формировалась черкесская «милиция» для защиты пограничных линий. Поселения черкесов были рассеяны по всей Болгарии малыми группами, вперемежку с деревнями болгарскими, что необходимо было, по словам русского консула в Варне, «чтобы парализовать всякое движение славян к освобождению и независимости». Эта «цепь» поселений тянулась от Добруджи, где находились села крымских татар, до границ Сербии и Черногории. На Косовом поле, например, было 23 черкесских поселения. Как следует из книги «История Болгарии», заселение черкесами болгарских территорий происходило следующим образом: «Около 6 000 семей были переброшены через Бургас и обосновались во Фракии; 13 000 семейств – через Варну и Шумен – в Силистрию и Видин; 12 000 – в Софию и Ниш. Остальные 10 000 семейств размещены в Свиштовской, Никопольской, Оряховской и других околиях». Только в 1861-1862 гг. в Дунайском вилайете Османской империи общее количество переселившихся определялось в 41 000 семейств. Непосредственным руководителем и исполнителем этих мероприятий был черкес по происхождению Нусрет-паша, генерал турецкой службы, окончивший курс военных наук в Париже. Кроме того, черкесов селили в Греции – в южной части Эпира и на о. Кипр. Значительная по численности черкесская колония была в Пандерме, на берегу Мраморного моря. Таким образом, сеть черкесских поселений охватывала собой практически всю Европейскую часть Османской империи. Однако большая часть переселенцев осела в Азиатской части Турецкой империи: по обширной Анатолии, между Сивасом и Токатом, вблизи Амазии, Самсуна, Киликии, Месопотамии, на полуострове Чаршамба, по побережью Эгейского моря, в Турецкой Армении, Адапазаре, Дюздже, Ески-Шеире, Балыкесире. В Азиатской части Турции султанское правительство специально расселяло черкесов среди христианского армянского и греческого населения. «Турецкое правительство, – писал русский поверенный в Стамбуле, – желает перевозить горцев в разные пункты, чтобы не селить их сплошными массами, для предупреждения могущей произойти от того опасности для общественного порядка и для государственной власти. Из Трапезунда горцев направляют прямо к Карсу и Арзингану, отчего по всей дороге страшные разбои. На черкесов никакого суда нет, и местные власти их боятся». В Азиатской Турции основная масса переселенцев в 1859-1865 гг. была расселена в Сивасском вилайете, на обширном пустынном пространстве между Токатом и Сивасом.

По С.Г. Кудасовой и Л.Р. Хут (1991), общее количество махаджиров, переселившихся в Турецкую империю в XIX столетии, оценивается около 1 млн. чел., причем часть их погибла из-за тяжелейших условий жизни на «земле обетованной». По данным же Султана Довлет-Гирея, опубликованным в 1912 г., в Турции в конце XIX в. проживало 2750000 черкесов, из которых 105000 находилось в Константинополе, а остальные в разных губерниях Малой Азии, Турецкой Армении, Сирии, Месопотамии, Египта, Ливана, Иордании. В частности, в Иорданию группы бжедугов и кабардинцев прибывали, по свидетельству Р. Рушди, в 1880, 1882, 1901 и 1909 гг. Такую многочисленность черкесов-махаджиров (около 3 млн.) Султан Довлет-Гирей объяснял тем, что многие другие кавказские народы, переселившиеся в Турцию, смешались с ними, потеряли свою самобытность, национальность и язык, – всех их теперь называют «черкесами».

Турецкий историк адыгского происхождения Мет (Ахмет) Юсуф Иззет-паша (1912) утверждал, что результатом завоевания Черкесии русским царизмом явилось расселение горцев в чужих странах: «С тех пор звезда беспутного народа закатилась, началось его исчезновение. Они стали подобны рассеянным по земному шару джуртам (евреям. – Авт.), но с разницей, что последние были материально более самостоятельны, просвещены и обладали большей репутацией». Если уж речь зашла о евреях, то здесь уместно привести библейское пророчество, относящееся к сынам Израилевым: «Рассею их и изглажу из среды людей память о них» (Второзаконие, 32; 26). Исторические параллели всегда рискованы, но уж очень близки судьбы этих двух народов-изгоев...

7.15. Новые «волны» переселенческого движения в Турцию

Царские власти осуществили массовую депортацию именно адыгов в связи с тем, что их территория имела важное военно-стратегическое значение. В меньших масштабах выселение адыгов и других народов Северного Кавказа в Османскую империю продолжалось вплоть до начала 20-х гг. XX в. (Кушхабиев А.В., 2005. Вып. I).

После окончания Кавказской войны, в начале 70-х гг. XIX в. политическая обстановка на Северном Кавказе значительно осложнилась в связи с ростом народных выступлений, направленных против национально-колониального гнета. Царские власти расценили восстания в Дагестане, Чечне и Ингушетии как антирусские выступления мусульманского населения. Поэтому в правительственных кругах царской России стали высказываться мнения о необходимости массового выселения с Кавказа мусульман, если не всех, то, по крайней мере, большинства из них. Вновь стали появляться проекты по «полному умиротворению» Северного Кавказа, сущность которых сводилась к необходимости выселения «неблагонадежных» горцев, как чуждого и враждебного элемента, в Османскую империю. Среди северокавказских народов снова активизировали деятельность всевозможные агитаторы, обещавшие лучшие условия в единоверной Турции.

7.15.1. «Поголовное выселение оставшихся горцев»: очередная провокация царских властей

7.15.1.1. Проект Буткевича: «Выселение мусульман в самых широких размерах в Турцию»

Переселенческие волны, то спадая, то вновь набирая разрушительную силу, еще много десятилетий подтачивали устои Земли адыгов...

С. Бейтуганов (1993).

В меньших масштабах выселение адыгов и других народов Северного Кавказа в Османскую империю продолжалось вплоть до начала 20-х гг. XX в.

А.В. Кушхабиев (2005. Вып. I).

В начале 70х гг. XIX в. стал широко известен проект «окончательного решения кавказского вопроса», подготовленный видным царским чиновником Н. Буткевичем. Смысл его предложений: *«выселение мусульман в самых широких размерах в Турцию»*. Перефразируя печально известный афоризм «Нет человека – нет проблемы», проект Н. Буткевича можно было бы охарактеризовать фразой «Нет народа – нет проблемы». Вопрос этот, по его мнению, был уже успешно решен в Кубанской области. Автором детально было проработано, какие именно народности и из каких областей Северного Кавказа «было бы желательно выселить в Турцию по соображениям чисто политическим». Из Кубанской области, по его мнению, могло бы быть выселено до 70 тыс. оставшихся там горцев, преимущественно адыгов и абазинцев, которые «...вследствие выселения большинства соплеменников их в Османскую империю поддерживают с ними постоянные связи и неоднократно высказывали стремление к выселению в Турцию». (Напомним, что из 100 тыс. адыгов, оставшихся на Родине после Кавказской войны, к этому времени сохранилось едва ли 60-70 тыс. чел., – остальные вымерли из-за нечеловеческих условий жизни, болезней или же ушли в Турцию с «дополнительными» потоками эмиграции. И эти жалкие остатки некогда сильного и многочисленного народа царское правительство решило изгнать из родных мест и тем самым «окончательно решить» этот вопрос. – **Авт.**). В Терской области, как считал Н. Буткевич, выселению должны были подлежать кабардинцы и чеченцы, «...занимающие богатейшую во всех отношениях часть области». При этом автор предлагал «содействовать их выселению, а если оно не состоится добровольно, то следует употребить для этого силу». Всего же из Терской области должно быть выселено до 200 тыс., а из Дагестана – 30 тыс. горцев. В целом же по всему Кавказу, по мнению Н. Буткевича, «...необходимо выселить до 850 тыс. мусульман». На освободившихся землях автор проекта предлагал «водворить исключительно русское население». Этот проект был принят царским правительством «благодарно» и передан для широкого обсуждения руководству Кубанской и Терской областей.

В связи с этим представляет интерес следующий факт, еще раз подтверждающий бесцеремонное отношение царских властей к судьбе горцев Северного Кавказа. В 1874 г. русское правительство командировало генерала Р.А. Фадеева в Турцию «переговорить» с Мусой-пашой Кундуховым, а также с сыновьями Шамиля – Кази Магаметом и Фазиль-пашой относительно «переселения на афганскую границу оставшегося на Северном Кавказе и в Дагестане населения для образования там «Кавказского государства» под протекторатом России и отнесением всех расходов по переселению за счет русского правительства». К чести горцев, это циничное и авантюрное предложение было отвергнуто Кази Магаметом и Муса-пашой.

7.15.1.2. Проект князя Дондукова-Корсакова: «Этот народ (черкесы) совсем нежелателен в пределах России...»

Этот народ (черкесы) совсем нежелателен в пределах России... Чем скорее, если не все, то часть горцев, живущих на равнине, оставит пределы России, тем лучше для нас.

Из донесения атамана Екатеринодарского отдела начальнику Кубанской области (1887).

В стремлении к переселению туземцев из Кубанской области я не вижу не только какого-либо ущерба интересам правительства, но, наоборот, большую пользу в удалении этого беспокойного элемента.

Александр III, император (1888).

Изложенные выше предложения Н. Буткевича весьма заинтересовали кубанские власти, у которых к тому времени созрела и оформилась идея «поголовного» выселения западных адыгов. На черкесов – жителей Кубанской области, местные царские власти всегда смотрели как на чуждый и беспокойный элемент, который желательно выселить с Кавказа, а их земли передать казачьему и русскому населению. В донесении атамана Екатеринодарского отдела начальнику Кубанской области от 16 января 1887 г. говорилось, что «...черкесы при том управлении, какое создано после покорения Западного Кавказа, не могут исправить-

ся, а если присоединить трудности управления ими, то *этот народ совсем нежелателен в пределах России*». Он предлагал как можно скорее «окончательно решить» этот вопрос: *«Чем скорее, если не все, то часть горцев, живущих на равнине, оставит пределы России, тем лучше для нас»*. С такими же предложениями обращались к начальнику Кубанской области и атаманы Лабинского, Майкопского и Баталпашинского отделов. Обобщив все эти донесения, командующий войсками Кавказского военного округа князь Дондуков-Корсаков в докладе военному министру от 21 января 1889 г. высказал по этому вопросу следующие соображения: «Поголовное выселение в Турцию желательно только известной части туземцев Кубанской области, а именно: жителей Екатеринодарского и Лабинского отделов» (т. е. практически всех адыгов, оставшихся на родине после массового изгнания их соотечественников на чужбину в 1858-1865 гг. – Авт.).

Вопрос о «поголовном» выселении оставшихся горцев Кубанской области, таким образом, снова стал предметом обсуждения в высших кругах царской России. Все министры правительственного кабинета положительно оценили предложение князя Дондукова-Корсакова. А о позиции императора Александра III по этому вопросу можно судить по его собственным словам (1888 г.): *«В стремлении к переселению туземцев из Кубанской области я не вижу не только какого-либо ущерба интересам правительства, но, наоборот, большую пользу в удалении этого беспокойного элемента»*. В ноябре 1889 г. вопрос о «поголовном» выселении адыгов Екатеринодарского и Лабинского отделов в Турцию получил высочайшее одобрение; на основании военного министра император наложил резолюцию: «Согласен». Выселение адыгов намечалось в несколько этапов, причем на первом планировалось выселить 24 тыс. чел.. Турция согласилась принять кубанских переселенцев, пообещав им пустующие участки в вилайете Кония и Адана. Казалось бы, все уже было подготовлено для «окончательного решения кавказского вопроса» – поголовного выселения всех оставшихся горцев-мусульман Северного Кавказа в Турцию. Однако, боясь всеобщего восстания, в первую очередь, в Чечне и Дагестане, и не встретив одобрения со стороны русских промышленников и местной буржуазии, правительство не пошло на осуществление этого человеконенавистнического проекта.

7.15.2. «Стремление к переселению не исчезло среди значительной части горцев Кавказа...»

Стремление к переселению не исчезло среди значительной части горцев Кавказа, даже тех из них, которые сначала подчинились царской власти и переселились с гор в кубанские болота. Это были преимущественно крестьяне, которые, гонимые нуждой и разорением, искали спасения в эмиграции.

Г.А. Дзидзария (1982).

Как пишет П.У. Аутлев, «...в мае 1865 г. на турецких пароходах из Новороссийска в Турцию переправляется последняя группа адыгов (абадзехов, шапсугов, бжедугов) более 4000 человек». Увы, это была далеко не «последняя» группа переселенцев. И позже (и намного позже, – до первой мировой войны 1914 г.) не прекращался «исход» адыгов в Турцию – «землю обетованную». По окончании войны царская администрация на Северном Кавказе проводила политику по избавлению от «неблагонадежных горцев».

1867 г. Так, после жестокого подавления антиколонизального восстания в Абхазии (в июле-августе 1866 г.), в 1867 г. царские власти и некоторые местные феодалы насильственно выселили в Османскую империю 3 358 семей абхазов и часть причерноморских адыгов (всего 19 342 чел.) (Кушхабиев А.В., 2007). Как отмечает Г.А. Дзидзария, *«...стремление к переселению не исчезло среди значительной части горцев Кавказа, даже тех из них, которые сначала подчинились царской власти и переселились с гор в кубанские болота. Это были преимущественно крестьяне, которые, гонимые нуждой и разорением, искали спасения в эмиграции»*. И не случайно, что именно с начала 70-х гг. XIX в., после так называемой «крестьянской реформы», новая волна переселения растет по всему Кавказскому краю.

1872 г. Екатеринодарский уездный начальник Макаров доносил в конце 1872 г.: «Жители аулов бжедугского племени и большинство шапсугов приняли между собой присягу о составлении поголовной просьбы о переселении в Турцию. Предварительно в Турцию были посланы депутаты-эфенди: Шапсуго Асколок из а. Асоколай, Хаджбий Шевабуок из а. Тахтамукай, Хахпат Тэш из а. Лакшукай, Гасан Хаджи Шумыук из а. Пчегатлукай, Натхо Хацац из а. Кончукохабль и Хаджи Хут из а. Понежукай. Однако их прошение султану об отводе в Турции земель для 3000 переселенцев-черкесов осталось без ответа». Тем не менее, стремление адыгов к переселению в Турцию не ослабевало. Как отмечают архивные источники, «в наибольшем волнении пребывали аулы Бжедугского округа («История сельского хозяйства...», 1994).

Наиболее деятельными агентами-агитаторами переселенческого движения по-прежнему оставались муллы, бывшие князья, уздени и аульные старшины, которые надеялись «по переселении в Турцию приобрести больше значения среди своих сограждан». Особенно активную агитацию вели: эфенди Мухаммед Ганахон (в аулах Тугурговском, Шенокиевском и др.), эфенди Хут (в аулах Казанукоевском, Шаган-Чернехабльском, Шабанохабльском и др.), эфенди Челябинтук, а также старшина Таркан-Куйсак. Их агитация сводилась к при-

зывают добиваться переселения адыгов в Турцию на том основании, что «они должны удалиться к законному своему государю – турецкому султану». Упомянутый эфенди Мухаммед Ганахон (житель а. Лакшукай) мотивировал это стремление тем, что они обязаны служить Богу и Государю (т. е. турецкому султану. – **Авт.**). Старшина аула Тлюстенхабль Таркан Куйсок заявил: «Бжедуги не могут оставаться на этой оскверненной земле, потому что, живя здесь, они не могут достигнуть Рая (т. е. «земли обетованной»)– Турции. – **Авт.**)».

В 1873 г. в Турцию выехало несколько сот черкесских семейств (3400 чел.). Но когда в том же году оставшиеся на Кавказе бжедуги и абадзехи просили позволения выселиться «поголовно», им это не только было запрещено, но наиболее влиятельные из них были арестованы и сосланы в Сибирь.

В 1874 г. стремление к переселению в Турцию приняло массовый характер в а. Габукай, Гатлукай, Лакшукай, Казанукай. Движение это также было подавлено. Однако жителям некоторых абадзехских, кабардинских, чемгуйских и шапсугских аулов удалось выселиться в Турцию.

1877-1878 гг. Очередное организованное выселение кавказских народов связано с Русско-турецкой войной 1877-1878 гг., во время которой разгорелись антиколониальные восстания в Чечне, Дагестане и Абхазии. Особенно пострадали от военных действий и выселения районы Абхазии. В 1877 г. османское командование организовало фактически насильственное выселение абхазов и абазин вместе с покидавшими Кавказ войсками. В итоге, из 75-тысячного абхазского населения в Османскую империю было выселено 50 тыс. чел. Всего в 60-70-е гг. XIX в. было выселено свыше 80 тыс. абхазов; при этом общая численность абхазов и абазин, выселенных в Османскую империю в XIX – начале XX в., составляет 135 тыс. чел. (Кушхабиев А.В., 2005. Вып. I).

Своими впечатлениями об обезлюдевшем Черноморском побережье делится В.А. Разевиг, посетивший в 1906 г. «с целью изучения сельскохозяйственных перспектив» большинство районов Абхазии: «Страна обезлюдела и одичала еще более (после второй волны изгнания в 1878 г. – **Авт.**), и где 30-40 лет тому назад жили люди, стояли живописные аулы, зеленели поля и сады, – теперь груды камней» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Конец 1870-х – начало 1880-х гг. Наиболее широкий размах антиколониальное движение приняло в 70-х – 80-х гг. XIX столетия в Майкопском отделе. Организаторы восстания К. Унароков, Э. Джанкетов за короткое время «возволновали в тех местностях, где проезжала толпа, русское население отдела...».

И на этот раз царские власти использовали против восставших горцев военную силу. Они установили «караулы из казаков... между ст. Тенгинской, Гиагинской и в районе ст. Келермесской, по р. Ульке, чтобы воспрепятствовать возможному совместным действиям адыгских трудовых масс. Одновременно солдаты были посланы в Гатлукай, Лакшукай, Казанукай, Габукай и другие аулы Екатеринодарского отдела, в которых выступление было особенно мощным. В вышестоящие инстанции начальник Кубанской области докладывал, что он применил всю полноту своей власти «для обуздания некоторых горцев». Были арестованы 29 участников восстания, в том числе главные вожаки – Унароков и Джанкетов,

Получив донесение об усмирении антиколониального выступления адыгских крестьян, император пометил циркуляр следующей визой: «*Весьма желательно, чтобы оно (т. е. волнение адыгов – **Авт.**) не возобновлялось*». По разрешению Кавказской администрации в 80-х гг. XIX в. значительная часть жителей 8-ми аулов Майкопского уезда переселилась в Турцию («История сельского хозяйства...», 1994).

По данным Е. Фелицына, из Кубанской области в Османскую империю с 1871 по 1883 гг. включительно переселилось 13 586 чел., в том числе адыгов – 11 417, абазин 1 809 человек. У А.Х. Касумова и Х.А. Касумова (табл. 2) приводятся несколько другие сведения о количестве переселенцев:

Совершенно иные цифры, заведомо завышенные, приводятся в Турецкой энциклопедии, которые отмечают, что в общей сложности в Османскую империю «...после Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. выселилось еще свыше 300 тыс. чел.». По данным британского консульства в Стамбуле (от 21.03.1890), численность только «новых» черкесских иммигрантов к тому времени составляла 50 тыс. чел., а в ноябре 1890 г. в Османскую империю прибыло еще 2,4 тыс. черкесов (Кушхабиев А.В., 2007).

В 80-х – начале 90-х гг. XIX в. княжеская верхушка и мусульманское духовенство всемерно подстрекали горцев Кубанской области к переселению в Турцию. Как отмечала газета российского правительства «Новое время» от 31 мая 1890 г., «горцев-мусульман всяческими средствами провоцируют к переселению с Северного Кавказа в Турцию, чтобы заселить ими земли, пустующие после бегства живших там армян в российские пределы. Турецкие чиновники обещают переселенцам хорошие земли, освобождение на 10 лет от налогов и защиту от всех возможных злоупотреблений и посягательств». Но основная масса крестьян не

поддалась на провокацию. В своих прошениях властям они писали, что не хотят оставлять «дорогую родину свою», соглашались даже жить среди русского населения и «составлять с ним одно общество». Жители сел. Коноковского жаловались, что их «...насиленно принуждают к переселению в Турцию. Мы люди бедные, обремененные семьями, со слезами плачевно просим обратить ласковое внимание на нас и наших детей». Однако власти были глухи к этим «слезным» просьбам.

Таблица 2 – Число адыгов-переселенцев в Османскую империю

Год	Численность
1895 г.	16 708
1900-1902 гг.	2 601
1905 г.	115
Итого:	19 424

О масштабах переселения горцев в 1888-1890 гг. свидетельствуют следующие цифры. Уже к 1888 г. все жители а. Хаджимукохабль (580 семейств) переселились в Турцию, а в 1890 г. – почти все жители аулов Унарокохабль, Бгуашеахаль, Натырбово, Джанкетовского (Джаньятова), Беноково и др., занимавшие до этого плодородные земли в среднем и верхнем течении р. Лабы. Махаджиры 1884 г. из аулов Унарокохабль и Хаджимукохабль были поселены вблизи города Коджаэли, где основали аул Актопрак (Унарокохабль). Половина аула Кугуркой, покидая Родину в 1890 г. сочинила про остающихся презрительную песню со словами: «...на шею повесили крест». По данным одной из стамбульских газет от 11 февраля 1891 г., только за ноябрь предыдущего года четырьмя кораблями с Кавказа было доставлено 9345 чел.

Усилилось движение за переселение и в среде кабардинцев. В 80-е гг. XIX в. с семьей и со своими крестьянами уехал в Турцию малокабардинский князь Бато Ахлов. Его примеру последовали многие уорки из селений Абеева, Хапцева, Астемирова, Исламова, Кулугкаева, Болатова и др. А эти же годы в Турцию выехали некоторые из известных фамилий Шогеновых, Таповых, Бориевых из селения Хапцева; Хачетловых, Сруковых и Шогеновых из сел. Кулугкаева и многие другие.

1891-1894 гг. Новая «волна» эмиграции адыгов в Турцию датируется началом 90-х гг. XIX в. В ноябре 1891 г. между Комиссией по делам иммигрантов и Министерством внутренних дел Османской империи шла интенсивная переписка по поводу «...приема в Турции (в районах Самсуна, Синопа и Сиваса) 5 тыс. черкесских эмигрантов, получивших разрешение на переселение в Османское государство, выезжающих первыми из числа указанных местными властями 15 тыс. чел.» («История адыгов...», 2009. С. 113-114).

Из официальной переписки в 1893-1894 гг. между Министерством внутренних дел Османской империи и Комиссией по делам иммигрантов: «Принято заявление за подписью представителя от населения Иль-яса и его товарищей с просьбой разрешить переселиться в Османское государство и обосноваться в Анатолии 300 черкесским семьям из Кубанской области Кавказа... Относительно поселения 1150 чел. из села Дольна Кубанской области, просивших принять их на территорию Османского государства, они будут перевезены без захода в Стамбул» («История адыгов...», 2009. С. 122-123).

Вместе с тем, вызывает серьезное сомнение утверждение А.В. Кушхабиева (2006. Вып. III. С. 379) о том, что «...в 1871-1895 гг. из 50 тыс. оставшихся на родине западных адыгов в Османскую империю вынужденно переселилось свыше 20 тыс. чел.» (сомнительно, что на исторической родине осталось столь мало адыгов: 50-20=30 тыс. чел. – **Авт.**).

Дальнейшее усиление социального и национального гнета на Северном Кавказе вызвало новую волну переселенческого движения в Турцию. По этому поводу начальник Гражданской части на Кавказе в своем секретном донесении писал: «С 1893 г. среди мусульманского населения Кавказского края стало усиленно обнаруживаться стремление к оставлению своего отечества и переселению в пределы соседней единоверной Турции, носившее до того времени периодический, в зависимости от случайных причин, характер. Мало-помалу движение это охватило почти все губернии Кавказского края».

В это время усиливается пропаганда турецких агентов, имамов и мулл, склонявших горцев к уходу в Турцию. Так, в Кабарде и Балкарии были задержаны турецкие агенты Ахмед Абдулла Татар-оглы, Хусейн Мехмет Хаду-оглы, Шейх Али-оглы и Магомет Армет-оглы. В 1896 г. выселилось большинство населения аула Бэчмизей, насчитывавшего 600 семей. При этом в документах по переселению твердо значилось: «Возвращение из Турции на родину будет караться со всей строгостью закона». Освободившиеся земли, разумеется, немедленно были розданы чиновникам и казачьей верхушке.

1895 г. Массовое движение за переселение развернулось не только в Кубанской области, но и в Кабарде. За один только март 1895 г. 2108 кабардинских семейств (16708 чел.) «пожелали» уехать в Турцию. Горцам разъяснили, что «...желающих переселиться задерживать не будут; земля, оставшаяся после них, отойдет в казну; переселившиеся обратно в Россию принимаемы не будут».

1900-1905 гг. Первые годы XX в. характеризуются новым этапом эмиграции кабардинцев в Турцию, происходившим в обстановке усиления среди них пропаганды идей «панисламизма». По данным начальника Нальчикского округа М.А. Страхова, приведенным в работе С.Н. Бейтуганова (2007), за три года (1900, 1901 и 1902) только из Нальчикского округа в Турцию переселилось 3382 чел., причем из них 2601 кабардинец (табл. 3). И в 1903 г. по крайней мере 260 семьям кабардинцев было разрешено переселиться, на этот раз, в Сирию. А в начале 1904 г. только из Малой Кабарды выехали в Турцию через Севастополь 536 семей (Кажаров А.Г., 2005. Вып. II).

В это время в Кабарду прибыли два агента-кабардинца: Таусултан Анзоров и Кануко Шерегов, развернувшие широкую агитацию за переселение соплеменников. Для успеха дела Анзоров «...решился прибегнуть к особым способам агитации», а именно: он привез всем своим родственникам дорогие подарки, при этом рассказывал им «великие легенды о райском житье в Турции». Вот строки из народной песни «Гонят нас в Стамбул» о неблагоприятной роли этих «агитаторов» за переселение:

Таблица 3 – Сведения о числе жителей Нальчикского округа, переселившихся в Турцию в 1900-1902 гг.

Участок Нальчикского округа	Число душ		Всего
	мужчин	женщин	
1-й участок	1112	979	2091
2-й участок	406	375	781
3-й участок	262	248	510
Итого:	1780	1602	3382

Черные вороны машут крылами,
Подлый Анзоров правит делами,
Родина, мы не увидимся снова...

Как здесь не вспомнить библейское: «Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь...» (2-е послание к Тимофею, 3; 13).

Некоторая часть горцев поверила этим обещаниям. В 1905 г. уехало в Турцию 115 семейств кабардинцев и 300 семейств карачаевцев. Всего же с этими «дополнительными» волнами эмиграции ушло в Турцию 15 000 кабардинцев. Очевидец так описывал сцену прощания одной из групп переселенцев с Родиной, – при посадке горцев в поезд в Минводах: «К толпе подошел кондуктор и закричал: «Ну, татарва! Идите занимать места...» Вслед за этим произошло нечто неожиданное. Дети и женщины заголосили, хватаясь друг за друга, взрослые мужчины зарыдали, старики бросились на землю, стали ее целовать и поливать своими слезами. Эта ужасная сцена продолжалась минуты две; затем вся толпа бросилась в указанный вагон. Оттуда послышались глухие рыдания».

По данным царской администрации, явно заниженным, в 1860-1862 гг. в Османскую империю вынужденно переселились 10 343, в 1865 г. – 3 000, а в 1900-1905 гг. – еще свыше 3 000 кабардинцев. По «официальным» статистическим данным, во второй половине XIX – начале XX в. всего кабардинцев было выселено в Османскую империю свыше 17 000, а по данным Т.Х. Кумыкова – около 60 000 чел. (Кушхабиев А.В., 2005. Вып. I).

При этом численность карачаевцев, выселившихся в Османскую империю, составила: в 1884-1887 гг. около 5 тыс. чел., в 1905-1906 гг. – также около 5 тыс. чел., а число балкарцев, переселившихся в Османскую империю, составляет приблизительно 900 чел. Численность народов Дагестана, переселившихся в Османскую империю в период с 20-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в., составляет приблизительно 20 тыс. чел. (Цифры, несопоставимые с сотнями тысяч выселенных адыгов! – Авт.) (Кушхабиев А.В., 2007).

1909 г. Попытки найти счастье на чужбине предпринимались и позже, вплоть до Октябрьской революции. В.С. Бесланев приводит скорбный рассказ пожилой женщины Фатимат Емишевой из Малой Кабарды, в котором она делилась своими впечатлениями о жизни на чужбине: «В 1909 г. вся наша семья выехала в Турцию. От голода и болезней люди умирали десятками в день. Их тела не разрешали предать земле, их выбрасывали в море. Я видела, как родители продавали в рабство своих детей или меняли на продукты, чтобы спасти остальных членов семьи от голодной смерти. Я видела, как маленькое дите сосало грудь умершей матери. Все это забыть невозможно!».

1913-1914 гг. Новая (и последняя) вспышка переселенческого движения кабардинцев была отмечена в 1913-1914 гг. Как отмечает С. Бейтуганов, этот исход адыгов мог продолжаться неопределенно долго и прекратиться лишь с исчезновением адыгов, как народа, с этнической карты Кавказа. Развязка пришла со стороны. Первая мировая война 1914 г., в которой Россия и Турция были противниками, а также события 1917 г. в России, положили конец беспрецедентной в мировой истории драме народа, продолжавшейся с перерывами более столетия. Именно Октябрьская революция, как бы ее сейчас не пытались очернить, спасла адыгский народ от окончательного уничтожения.

7.15.3. «Желание высшего начальства состоит в том, чтоб выпроваживать народ в Турцию»

Правосудие не достигает нас; ждем света, и вот тьма; озарения – и ходим во мраке...

Книга пророка Исаии (59; 9).

Желающих переселиться в Турцию оказывается значительное число, но без определенного сознания, зачем они это делают. Движение это действует как поветрие. Идет один, за ним идет его родственник и так дальше...

Р.А. Фадеев (1890).

Анализируя причины «вторичных» и последующих волн эмиграции адыгов, авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С. 405) пишут: «После окончания военных действий в Кабарде был установлен военно-оккупационный режим, Царские власти игнорировали традиционный жизненный уклад кабардинцев и их обычаи. Были наложены запреты на свободу передвижения (билетно-пропускная система), на общение с соседними народами, на прием в гости лиц, неугодных царским властям. Существенно осложнилась жизнь кабардинцев в результате аннексии царскими властями большей части земель – пахотных угодий, пастбищ и др. Кабардинцам теперь уже приходилось арендовать свои же земли у казаков, которые получили значительные наделы из аннексированных территорий. Все эти меры послужили причиной вынужденной эмиграции кабардинцев в Османскую империю».

С этой точки зрения определенный интерес представляют размышления царского историографа, генерала Р.А. Фадеева (1890) о причинах и перспективах новых «волн» черкесской эмиграции в Турцию в конце XIX столетия. В кратком изложении его соображения (кстати, в достаточной степени объективные) выглядят следующим образом.

Желающих переселиться в Турцию оказывается значительное число, но без определенного сознания, зачем они это делают, – пишет автор. Движение это действует как поветрие. Идет один, за ним идет его родственник и так дальше. Есть люди, которые положительно хотят выселиться, которые поэтому не работали и не строились и распродали все имущество. Таких нечего удерживать, потому что они останутся с недоброжелательством к нам и будут сеять неудовольствие вокруг себя.

Все прочие останутся или уйдут, смотря по тому, какое лицо сделает их пристав. Это совершенно зависит от воли начальства. Граф Евдокимов говорил мне, что он желает выселения бжедухов, слишком близких к морю; прочих будет удерживать; но пристава хоть и не имеют на этот счет положительных приказаний, руководятся совсем другим понятием, именно, что *желание высшего начальства состоит в том, чтоб выпроваживать народ в Турцию*. Сами они говорят, что без малейшей понудительной меры тот или другой исход вполне зависит от них. Известной прокламации, приглашающей горцев переселиться в Турцию, не придают здесь никакого значения. Она написана на клочке оберточной бумаги, скреплена сомнительной печатью и привезена одним ничтожным горцем, несколько времени перед этим ушедшим в Турцию. Прокламацию эту приписывают какому-нибудь из поставщиков морских судов, желающему продолжать выгодную операцию. Заявивших официально желание ехать в Турцию до сих пор немного, так как списки только на этих днях стали составляться; но в народе известно, кто хочет идти. Таких желающих в настоящее время (в 1890 г.) насчитывают 24 000 чел.» (табл. 4):

Таблица 4 – Количество горских жителей, желающих переселиться в Турцию (Фадеев Р.А., 1890)

Округа	Число душ
Шапсугский	3 000
Бжедуховский (абадзехов)	3 000
Бжедуховский (бжедухов)	4 000
Абадзехский	12 000
Приставства Кубанские	2 000
Итого:	24 000

И далее генерал Р.А. Фадеев пишет: «Выселение этих людей зависит совершенно, как я уже сказал, от воли кавказского начальства. При нынешнем положении вещей и полной нейтральности приставов будет все-таки много колебаний в народе, и кроме упорных, многие из заявивших желание идти, в последнюю минуту пожелают остаться.

Несмотря на желание графа Евдокимова, бжедуховский народ не идет в Турцию массой; ослабление же его несколькими сотнями семейств не составляет никакой разницы. Мне кажется, что сто верст поперек

казачьего населения, отделяющие бжедухов от моря, позволяют считать население это внутренним; а *как народ, бжедухи, бесспорно, первый по своим качествам между закубанцами и при том вековые наши союзники*. Жители Шапсугского округа, оставшиеся от весеннего переселения, идут теперь поголовно за ними, следуют абадзехские аулы, приписанные к Бжедуховскому округу; бжедухи сами желают их выселить. О тех и других, действительно близких к морю и притом людей бездомных, обнищавших, не оседлых, жалеть нечего. Но, начиная от бжедухов, по Кубани сидит население, по большей части оседлое и по положению своему внутреннее.

Если русские власти будут действовать, как теперь, с затаенной мыслью способствовать выселению, то рождается вопрос – до какого предела оно должно дойти? Если правительству угодно изгонять постепенно все население Северного Кавказа, то дело это пойдет само собой; за каждым двинувшимся слоем населения, будет двигаться следующий слой. Если же правительство не имеет в виду систематического изгнания всех горцев, то ему нужно сказать только одно слово своим местным агентам, – и движение остановится.

Нет ничего легче как действовать на горцев, взявшись как следует за дело. Шапсугов выгнали весной с северной покатоости гор почти без войск. По мере того, как выходили одни, из них набирали милицию и с помощью ее гнали других; потом первых спускали в Турцию, а вторых собирали в милицию и гнали третьих и т. д. После урока, данного закубанцам последними событиями, ими можно распоряжаться как послушными детьми. Они представляют теперь не воинственные племена, а рабочие руки, которых Россия не имеет в таком изобилии, чтоб без самой крайней надобности, добровольно обращать возделанные и населенные земли в пустыни.

Но если правительство не имеет в виду поголовного изгнания закубанцев, то, по моему мнению, надобно немедленно упрочить во владении собственностью тех из них, которые еще сомневаются в своем праве; прекратить до удобного времени перепись крепостных, возбуждающую тревожные слухи; отнять распоряжение крепостными у выселяющихся в Турцию; оградить строгим приказом и несколькими примерами туземное население от притеснений казаков и войск и сделать гласным, что правительство не считает более полезным выселение черкесов в Турцию, но хочет упрочить благосостояние оставшихся. Объезжая черкесские племена, я везде говорил горцам, что по русскому закону им всегда обеспечен в их нуждах доступ к самому государю императору. Если бы они могли в этом убедиться, то, без всякого сомнения, *истерзанные остатки адыгского народа очень скоро стали бы полезными и мирными подданными русской державы*», – завершает свое эссе Р.А. Фадеев (1890).

7.15.4. «Удержать безумцев» от губительного шага

Не убегайте и вернитесь к тому, что вам было дано в изобилии, к вашим жилищам...

Коран. Сура 21; 13

Мне писали с родины, что опять думают переселиться к нам (в Турцию). Надо употребить все меры, чтобы удержать безумцев. Они совершают самоубийство, переселяясь к нам. Если уж суждено умереть, то лучше это сделать на родине, на земле своих отцов...

Давлет-Гирей Хотокор (1910).

Ученые, писатели, просветители адыгского народа, зачастую сами побывавшие в Турции и вкусившие там «свобод», предостерегали своих соотечественников от ухода с родной земли. Они особо подчеркивали, что Турция для адыгов – далеко не «земля обетованная», в которой текут молоко и мед, а отношение коренных турок к махаджирам оставляет желать много лучшего. Так, Крым-Гирей писал еще в 1866 г.: «К горцам они (турки. – **Авт.**) никогда не были искренни, и едва-едва удостоивали их звания людей. Турки, по словам горцев-старожилов, видели в нас только одно – механическое орудие против соседственной России, и цель господства их на Кавказе совсем не заключалась в видах просвещения отсталых братьев человечества».

Предостерегая горцев от «губительного шага» – ухода в Турцию, кабардинский писатель Нури Цагов в своей статье «Как исчезают адыги» (1913) писал: «Более 60 лет мы, покидая нашу добрую отчизну, переселяемся в Турцию. Нам кажется, что как только мы окажемся в Турции, мы тут же попадем в Рай. Полагая, что совершаем праведное дело, мы и не подозреваем, что впадаем в грех, подвергая себя несчастью на этом и на том свете». И далее он сравнивает жизнь и быт переселенцев с теми, кто удержался на родине: «Кабардинцы здесь (на родине) живут вольготнее. Живут дольше. Они богаче. Нет на земле уголка, который славился бы так же, как Кавказ. Куда мы отправляемся, оставляя свою родину, прекрасней которой нет? Какое это несчастье! Как мы глубоко заблуждаемся!». И в заключение Н. Цагов предупреждал: «Если мы, несмотря ни на что, начнем переселяться, то обнищаем, наши дети в пути пропадут бесследно, и Бог нас проклянет. Проклянет нас и потомство! Чем заслужить такое, не лучше ли немного подумать, набраться мужества и ждать, не лучше ли заслужить благодарность потомков?» (Благодарность потомков к тем, кто проявил истинное мужество, оставшись в нечеловеческих условиях на своей исторической Родине, – безгранична. – **Авт.**). Среди противников переселения в Турцию были Казим-Бек Ахметуков (Адыгея), Хамид Абуков (Черкесия), Бекмурза Пачев (Кабарда), Мисост Абаев (Балкария).

Осуждали переселенческое движение горцев и зарубежные черкесы, в частности Давлет-Гирей Хотокор (Хаджибей), который еще ребенком с первой волной изгнанников был увезен в Турцию и сполна вкусил горький хлеб чужбины. Обращаясь к своим соотечественникам на Кавказе, он писал: «Берегитесь, дорогие единоверцы, приезжать в Турцию, там неминуемо ждет вас холодная могила. Как бы плохо ни было, на Кавказе все же лучше, чем в Турции. Крепко держитесь за свою родину и никогда не бросайте ее!». Снова и снова он призывал оставшихся на Кавказе горцев, чтобы они «...берегли родину и ни под каким видом не верили бы разным проходимцам, что в Турции рай. На самом деле там, за редким исключением, всех ждет нищета, позор и голодная смерть». Трепетной любовью к Земле адыгов пронизаны следующие его строки: «Я могу не любить Россию по каким-либо причинам, но во имя личной обиды лгать не буду. Берегитесь переселения в Турцию. *Не приезжайте к нам. Живите себе на своей боготворной родине и берегите ее. Нет на свете краше и лучше Кавказа!*».

После нескольких лет, проведенных на чужбине, в 1896 г. на Родину возвратился кабардинец Веко из аула Хумара. Свои впечатления о переселении и жизни на «земле обетованной» он выразил так: «Не ушедшие в Стамбул о нем мечтают, достигшие его – умирают». Х.Мезох из Тахтамукай, вернувшийся из Турции в 1899 г., заявил, что «и врагу не пожелает переселения в Турцию, несмотря на то, что там два брата его остались». Чтобы остановить новую волну выселения после 1890 г., адыгский поэт Бекмурза Пачев собирал по кабардинским аулам письма, приходящие от изгнанников и зачитывал их на сходах. В них переселенцы рассказывали о бедах, безграничном горе, выпавшем на их долю в чужой стране. Обвиненный муллами в фальсификации этих посланий, Бекмурза в 1901 г. отправляется в Османскую империю и по возвращении привозит кабардинцам письма их родственников, наполненные болью и страданиями обманутых изгнанников. Именно благодаря Б. Пачеву и другим просвещенным черкесам – патриотам своей Родины, многие горцы, узнав правду, отказались от рокового выбора и оставили мысль о переселении на чужбину.

7.16. Возвращение на Родину: «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?»

Говоря о махаджирстве – принудительном выселении адыгов в Турцию, нельзя не упомянуть и «обратную эмиграцию», то есть стремление горцев вернуться на Родину. Начиная с 60-х гг. XIX столетия, посольство России в Турции было завалено тысячами прошений с просьбой разрешить им вернуться домой на Кавказ. Многие горцы, обходя кордоны и посты, самовольно возвращались в Чечню, Осетию, Кабарду, Черкесию, Адыгею... (Кузьминов П.А., 2006). Но родина весьма и весьма неласково встретила возвращающихся переселенцев. Как писал А. Блок,

Бежим, бежим, дитя свободы,
К родной стране!...
И приняла земля родная своих детей
И, поманив их невозможным, –
Вновь предала
Дням быстротечным, дням тревожным,
Злым дням – без срока, без числа...

7.16.1. Причины, способствующие желанию черкесов-махаджиров вернуться на родину

7.16.1.1. «Тяготы переселения, высокий уровень смертности среди иммигрантов ...способствовали стремлению их к возвращению на Кавказ»

Тяготы переселения, столкновения с местными народами, неприспособленность к новым климатическим условиям, высокий уровень смертности среди иммигрантов способствовали росту среди них числа недовольных и стремлению их к возвращению на Кавказ.

А.В. Кушхабиев (2007).

Процесс возвращения на Кавказ начался практически сразу же, поскольку переселенцы, попав в невыносимо тяжелые условия жизни в Османской империи, были глубоко разочарованы; стало ясно, что они оказались жертвой чуждой им «высокой» политики и совершили роковую ошибку. Действительно, как уже было отмечено выше, переселенцы оказались в Турции в тяжелейшем положении. Они были расселены как попало, на самых плохих землях.

Секретарь английского посольства в Константинополе, осмотрев прибывшую с Кавказа группу переселенцев, отмечал, что из 1400 человек через три месяца остались в живых лишь 211 (т. е. из каждых семи горцев погибло шесть! – **Авт.**). «У них нет другого убежища, – писал он, – как под тенью деревьев; другой пищи, кроме как плодов на деревьях». Многие из переселенцев дошли до продажи своих детей в рабство, другие предались грабежам, – отмечал корреспондент газеты «Голос» (1879, № 230).

Русский вице-консул в Трапезунде А.Н. Мошнин сообщал: «Переплыв в зимнее время Черное море, черкесы не встречают здесь тех забот, какие бы должны быть им оказаны местными властями. Отсюда и та ужасающая смертность, – 1/4 на всю численность выселенных». Об этом же свидетельствовали и другие источники: «Смерть уносила ежедневно от 300 до 500 чел. в каждом пункте высадки».

Тяготы переселения, столкновения с местными народами, неприспособленность к новым климатическим условиям, высокий уровень смертности среди иммигрантов, – все это способствовало росту среди них числа недовольных и стремлению их к возвращению на Кавказ. Как справедливо отмечает Р.У. Туганов (1996), «...оказавшись в турецком «раю», черкесы никогда не признавали его за свою родину. Их родина всегда была там – на земле их предков, и они искали любую возможность, чтобы вернуться туда».

7.16.1.2. Обострение недовольства кавказских горцев мерами турецкого правительства

Черкесы-переселенцы, избавленные до сих пор от рекрутской повинности, отныне, согласно решению Порты, лишаются этой привилегии и с настоящего года обязаны нести эту повинность.

**Из приказа в военные корпуса Дамасского
вилайета (март 1888 г.).**

Недовольство черкесов-махаджиров обострилось после принятия турецким правительством в конце 1880-х гг. постановлений, лишивших их прежних льгот – освобождения от уплаты налогов в течение 10 лет после иммиграции и призыва на военную службу в регулярную армию. В начале марта 1888 г. в военные корпуса Дамасского вилайета (арабск. *wilayat* – крупная административно-территориальная единица Османской империи с 1866 г. – **Авт.**) поступили приказы следующего содержания: «...Черкесы-переселенцы, избавленные до сих пор от рекрутской повинности, отныне, согласно решению Порты, лишаются этой привилегии и с настоящего года обязаны нести эту повинность. Распоряжение относится безразлично как к черкесам, переселившимся в Турцию из Восточной Румелии и Боснии и Герцеговины, так и ко всем переселенцам мусульманского вероисповедания». Значительная часть черкесов Дамасского вилайета бойкотировала такое решение и отказалась выплачивать налоги, а некоторые из них стали предпринимать попытки вернуться на Кавказ.

В феврале 1904 г., следуя указаниям правительства, вали Дамасского вилайета Назим-паша попытался провести среди черкесов Хаурана перепись населения с целью обложения их налогами. На это мероприятие черкесская община снова ответила всеобщим неповиновением, во время которого жители некоторых селений потребовали предоставления им более удобных земель, в частности в Маанском округе. Неповиновение черкесской общины, считавшейся опорой правительства, произвело широкий общественный резонанс в регионе. Назим-паша решил даже на крайнюю меру – на выдворение непокорных черкесов обратно на Кавказ, в связи

с чем обратился в российское консульство. Однако, в связи с существовавшей договоренностью между Российской и Османской империями, запрещавшей репатриацию черкесов, губернатору пришлось отказаться от своих планов и искать другие пути урегулирования конфликта. В сентябре 1905 г. на переговоры с восставшими был командирован Хосров-паша. В ходе острых дискуссий ему удалось убедить своих соотечественников прекратить кампанию неповиновения властям и временно оставаться на своих местах.

7.16.1.3. «Почти все они (черкесы) всегда выражали и выражают желание возвратиться на родину»

Так говорит Господь: «На том месте, о котором вы говорите: «Оно пусто, без людей и без скота», – Я возвращу пленённых сей земли в прежнее состояние».

Книга пророка Иеремии (33; 10-11).

Когда мне приходилось бывать среди черкесов [в Турции], первое, о чем они ко мне обращались, – это просьба перейти в русское подданство, или вернуться обратно в Россию.

В.Н. Гаджимуков (июнь 1915 г.).

Так как обещания правительств России и Турции не были выполнены и люди оказались в чрезвычайно тяжелом положении в местах нового поселения, они стали требовать возвращения на Родину. Урезание прежних льгот способствовало уменьшению притока в Турцию северокавказских иммигрантов и, соответственно, росту числа желающих вернуться на Кавказ. Российский консул в Дамаске Самсонов в марте 1906 г. писал относительно стремления черкесов к репатриации: «Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы эмигрировавшие были довольны своим положением и не желали вернуться обратно в свои горы Кавказа».

В 60-70-е гг. XIX в. группы северокавказских иммигрантов неоднократно обращались в российские консульства в Османской империи с просьбами о предоставлении им права на репатриацию. Но на их обращения следовали только отказы. Вернуться на родину, в силу запрета и строгости турецкого и русского царского правительств, было исключительно трудно и сложно, поэтому мечты переселенцев о возвращении в основном так и оставались мечтами (Кушхабиев А.В., 2007).

Посол России в Турции П. Игнатьев был завален тысячами прошений с просьбой разрешить им вернуться домой на Кавказ. Более 30 тыс. шапсугов и 2 тыс. натухайцев под руководством Карабатыра, сына Сефер-бея, требовали возвращения на Кавказ. Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич получал от греков-переселенцев аналогичные просьбы (Кузьминов П.А., 2006. Вып. III).

8 июня 1861 г. русский консул в Трапезунде А.Н. Мошнин в рапорте русскому посланнику в Константинополе с тревогой сообщал: «Значительная часть черкесов и татар имела полное право быть недовольными турецким правительством, их обманувшим, желает оставить Турцию, чтобы возвратиться на прежние свои жилища в Россию, куда им закрыто возвращение распоряжениями высшего нашего начальства... Неудовольствие означенных переселенцев Турецким правительством с каждым днем усиливается» (Цит. по: Кудаева С.Г., 2007). В более позднем сообщении (15 июля 1864 г.) он также отмечал: «Материальное положение переселенцев очень печально и многие просятся назад, даже с условием принять христианство».

Летом 1864 г. 100 семейств шапсугов, обратившись к русскому консулу в Константинополе, заявили о своем желании возвратиться на родину и подчиниться российским законам. Позже с просьбой вернуться на Кавказ поступило 100 заявлений от натухайцев. Они писали, что согласны жить не только в Прикубанье, но и в Сибири, на Соловках, соглашались на все условия, кроме перемены веры и службы в рекрутах, лишь бы им разрешили вернуться на Родину. В марте 1865 г. о желании возвратиться на родину заявили еще 2 тыс. адыгов. В 1872 г. 8500 черкесских семей обратились к российскому послу в Стамбуле Н.П. Игнатьеву с просьбой о разрешении возвратиться на Кавказ (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 292-293).

Относительно стремления черкесов к возвращению на родину российский консул в Диарбекирском вилайете Якиманский сообщал в феврале 1881 г.: «В Диарбекирском вилайете и в смежных с ним вилайетах было поселено до 30 тыс. семейств (северокавказцев. – Авт.). Голод, бедность, непривычка к климату, непрестанная борьба с кочующими курдскими и арабскими племенами сокращали их с каждым годом. Почти все они всегда выражали и выражают желание возвратиться на Родину, употребляли и употребляют все возможные к тому средства... Кроме того, сам факт единодушного желания кавказских горцев с проклятиями покинуть Турцию – него-степриимный приют своих единоверцев и возвратиться в Россию под иноверное господство должен убедить местное мусульманское население в той очевидной истине, что черкесы не стремились бы в Россию, если бы не видели в этом перемены своего положения, которое сделалось для них невыносимым среди их единоверцев и под гнетом единоверного правительства (т. е. Турции)» (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 292-293).

С каждым годом у махаджиров росло стремление вернуться на Кавказ. В.Н. Гаджимуков в июне 1915 г. сообщал следующее: «Когда мне приходилось бывать среди черкесов [в Турции], первое, о чем они ко мне обращались, – это просьба перейти в русское подданство, или вернуться обратно в Россию. Ко мне приезжали специально старшины и предлагали представить прошения с тысячами подписей о возвращении их в Россию, и даже раз обратились с просьбой исходатайствовать учреждение консульского агента в Изми-де и Ада-Базаре для их защиты» (Цит. по: Кушхабиев А.В., 2007).

7.16.2. Меры по «недопущению возвращения северокавказских эмигрантов из Османской империи»

7.16.2.1. Александр II: «О возвращении горцев и речи быть не может»

Русскому консульству в Турции царское правительство дало строжайшее указание «безусловно, отказывать в пометке паспортов уроженцам Кавказского края, перешедшим в Турецкое подданство и желающим возвратиться на родину».

С.Г. Кудеева (2007).

В газете «Русский инвалид» за 1867 г. (№ 133) было опубликовано сообщение, что «...все черкесы, поселившиеся в течение последних двух-трех лет в Турции, (около 200 тыс. душ) сожгли свои дома и вознамеривались возвратиться в Россию». О стремлении горцев вернуться в родные места писал и корреспондент газеты «Кавказ» (1868, № 127): «Черкесы так недовольны своим новым отечеством, что если бы им только было позволено, то они массами возвратились бы на родину».

В 1865 г. черкесы, поселенные в Джанике, направили императору Александру II письмо, в котором буквально умоляли разрешить им вернуться в Россию. Ответа не было. В 1872 г. доведенные до отчаяния адыги-переселенцы вновь обратились к русскому послу в Константинополе с прошением на имя русского императора: «От имени 8500 семейств просим Вас испросить разрешение вернуться на Родину, за что мы готовы почти на всякие жертвы». Но Александр II наложил резолюцию: «*О возвращении горцев и речи быть не может*».

Этот же категоричный ответ давался адыгам-махаджирам, стремящимся вернуться на родину, на протяжении всех 60-70 гг. XIX в. Да и много позже, в конце 80-х гг., в документах по переселению адыгов была обязательная приписка: «*Возвращение из Турции на родину будет караться со всей строгостью закона*».

Русскому консульству в Турции царское правительство дало строжайшее указание «безусловно, отказывать в пометке паспортов уроженцам Кавказского края, перешедшим в Турецкое подданство и желающим возвратиться на родину».

7.16.2.2. «Принять все возможные меры для воспрепятствования намерению горцев»

Вернуться на родину, в силу запрета и строгости турецкого и русского царского правительств, было исключительно трудно и сложно, поэтому мечты переселенцев о возвращении в основном так и оставались мечтами.

А.В. Кушхабиев (2007).

В июле 1860 г. царские власти признали необходимым принять меры по недопущению возвращения северокавказских эмигрантов из Османской империи. Как свидетельствуют архивные источники, «...еще по первым известиям о желании большей части горцев, переселившихся в Турцию, возвратиться на Кавказ, кавказский наместник признал необходимым принять все возможные меры для воспрепятствования намерению горцев».

В феврале 1861 г. вышло «Предписание Главного управления наместника Кавказа командующему войсками Терской области», в котором отмечалось: если возвращающиеся на Кавказ принадлежат к покорным горским обществам Кавказа, немедленно ссылать их внутрь России на поселение навсегда. Если же будут принадлежать к еще непокорным (враждебным) обществам, то задерживать их для обмена на пленных, находящихся в горах. В случае, если обмен не состоялся, высылать их в Сибирь на постоянное поселение. Северокавказских эмигрантов, возвращающихся из Османской империи, стали отправлять, в частности, в Оренбургский край с зачислением в государственные крестьяне (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 292-293).

7.16.2.3. «Горцев отсылать в Сибирь на поселение навсегда...»

По прибытии означенных лиц (махаджиров-возвращенцев) в наши пределы немедленно арестовать их, ...задерживать в течение 3-х месяцев для размена на наших пленных; ежели таковой вымен не состоится, горцев отсылать в Сибирь на поселение навсегда.

Из циркуляра генерала Зотова (09.01.1861 г.).

Дополняют приведенную выше информацию о возможности и «настоятельной необходимости» ссылки махаджиров-возвращенцев в Сибирь исследования С.Г. Кудеевой (2007). Историк обращает внимание на то, что вопрос о том, как поступать с возвращающимися из Турции в Россию горцами-эмигрантами, детально прорабатывался в Кавказском комитете. Были выработаны «Правила относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев». В одном из документов говорилось, что «...горцы могут быть возвращаемы на Кавказ в том только случае, ежели они заявят, что имеют на родине оседлость и имущество. Причем, консулы наши должны предворять (предупреждать. — Авт.) таковых, что в случае несправедливости сделанных им показаний, они не будут водворены на прежних местах жительства и с ними будет поступлено по усмотрению русского правительства» (Кудеева С.Г., 2007).

Наряду с этим, были подготовлены специальные циркуляры, разъясняющие порядок ареста и ссылки горцев, вернувшихся на родину.

Циркулярное предписание начальника штаба генерал-майора Зотова начальнику Натухайского округа об аресте горцев, возвращающихся из Турции, и ссылке их в Сибирь (09.01.1861 г.).

«В разрешении вопроса, каким образом поступать с теми горцами, коим запрещается циркулярным предписанием Чрезвычайного Посланника министра нашего при Порте Османской нашим консульствам на Востоке делать помету паспортов и кои, несмотря на то, найдут случай возвратиться на родину, господин главнокомандующий изволил приказать:

По прибытии означенных лиц в наши пределы немедленно арестовать их, и ежели окажется: а) что они принадлежат к покорным горским обществам Кавказа, то немедленно *ссылать их вовнутрь России на поселение навсегда*, и б) ежели же таковые лица будут принадлежать к тем из горских обществ, кои находятся с нами во враждебных отношениях, то таковых задерживать в течение 3-х месяцев для размена на наших пленных, находящихся в горах; по истечении же сказанного трехмесячного срока, ежели вымен не состоится, *горцев отсылать в Сибирь на поселение навсегда* и в обоих случаях установленным административным порядком, с утверждения г. главнокомандующего. Что же касается до тех лиц, кои принадлежат вообще к жителям Кавказа и кои, будучи уволены в Турцию по различным причинам и просрочив там свои паспорта, явятся на родину, то, ежели они не представят свидетельств от консулов в продолжении им отпуска или в уважительности причины их просрочки, с таковыми поступать согласно первого отдела вышеозначенного правила, т. е. *ссылать их вовнутрь России на поселение навсегда*.

О таком распоряжении его сиятельства князя Александра Ивановича [Барятинского], по приказанию г. командующего войсками Кубанской области, сообщая Вашему превосходительству для надлежащего руководства, имею честь покорнейше просить по заарестовании туземцев, кои будут возвращаться из Турции на Кавказ без свидетельств наших консулов на Востоке о причинах просрочки отпуска, немедленно доносить для дальнейшего распоряжения генерал-адъютанту графу Евдокимову» («Проблемы Кавказской войны...», 2001. С. 116).

7.16.2.4. Артиллерия против черкесов-переселенцев: меры турецких властей против единоверных горцев

...Выехали из отечества, послушавшись турецких ходжей, звавших их во имя Магомета к мусульманским братьям, и очень раскаиваются, потому что в христианской России им было лучше во всех отношениях.

Из прошения черкесов в адрес русских властей (1866).

Не только русские, но и власти единоверной Турции всячески препятствовали возвращению горцев на Кавказ. Например, черкесы, проживавшие в Болгарии, составили прошение на имя русского царя и поручили шапсугу, бывшему подполковнику русской службы Мухаммеду Шеретлугову передать это прошение в русское посольство в Стамбуле. Турецкие власти, узнав об этом, арестовали Шеретлугова. При аресте он заявил им, что хочет обратно выселиться потому, что «действительно не может больше жить в Турции». А в прошении, составленном черкесами, говорилось, что «...они выехали из отечества, послушавшись турецких ходжей, звавших их во имя Магомета к мусульманским братьям, и очень раскаиваются, потому что в христианской России им было лучше во всех отношениях».

О том, что со стороны турецкого правительства принимались строгие меры против возвращения кавказских переселенцев на родину, свидетельствуют следующие факты. В 1865 г. во многих вилайетах Турции горцы-махаджеры, стремящиеся уйти на родину, подняли восстание, вступив в ожесточенную схватку с янычарами. У р. Арпачая (район Ардагана) восстание переселенцев было настолько мощным, что против них турецкий султан вынужден был использовать оснащенные артиллерией регулярные войска, которые преградили им путь и отделили от османо-русской границы. В 1867 г. 400 черкесских семей, поселенных в округах Призрена и Пристини на Балканах, отправились на родину. По распоряжению властей, на пути их следования были разрушены мосты и подтянуты части регулярной армии («История сельского хозяйства...», 1994; Кудаяев С.Г., 2007).

7.16.3. «Поток беженцев из Турции на Кавказ не прекращался вплоть до 1914 г.»

7.16.3.1. «Каждое лето по несколько тысяч душ этих переселенцев возвращаются из Турции на Кавказ»

*Когда посетил я, увидел Стамбул,
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,
Но мне показалось, что вновь я родился,
Когда возвратился в мой бедный аул.*

К. Мечиев, балкарский поэт (1910).

Несмотря на усиление границ и все строгости турецкого правительства и царизма, поток беженцев из Турции на Кавказ не прекращался вплоть до 1914 г. Начиная с 60-х гг. XIX в., переселенцы отдельными семьями, а иногда большими партиями нелегально возвращались в свои родные места через черноморские порты на парусных лодках и по суше – через Закавказский край. Обходя кордоны и посты, они самовольно возвращались в Чечню, Осетию, Кабарду, Черкессию, Адыгею...

В архивных документах приводятся факты, что в 1861 г. из Турции через Закавказье вернулись 6 семейств кабардинцев (76 чел.), а через Керченский порт – 51 чел. 21 августа 1862 г. в Нальчик явился «выбывавший из Турции холоп Огурли», который просил разрешения поселиться в Кабарде. На допросе он показал: «В прошлом году я по добровольному согласию отправился с владельцем своим Казраном Кожевным на всегдашнее поселение в Турцию. Через несколько времени владелец мой, оставив жену мою и детей, продал меня какому-то арабу. Считая себя неправильно проданным, я решился бежать на родину».

В сентябре 1862 г., генерал Евдокимов писал генералу Карцову, что «...каждое лето по несколько тысяч душ этих переселенцев возвращаются из Турции на Кавказ». Так, в 1861 г. из Кубанской и Терской областей было выселено в Турцию 10045 чел., а возвратились обратно спустя год 7149 чел.

Процесс возвращения горцев продолжался и в последующие годы. Прорываясь через турецкие и русские пограничные посты, адыгейцы, кабардинцы, черкесы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы небольшими группами возвращались на родину, принося страшные вести о положении махаджиров. Х. Мезох из Тахтамукай, вернувшийся из Турции в 1899 г., отмечал, что «и врагу своему не пожелает переселения в Турцию, несмотря на то, что там два брата его остались» («История сельского хозяйства...», 1994).

Несмотря на все запреты султанского и русского правительств, беженцы из «благословенной» Турции нелегально возвращались в родные места. Они возвращались на парусных лодках и по суше – через Закавказье, отдельными семьями, а иногда и партиями в 100-150 чел. Это были адыги, абазинцы, осетины и другие горцы, «опухшие от голода, едва живые, с умирающими детьми». Как отмечают очевидцы, они готовы были идти куда угодно, «хоть в Сибирь, лишь бы спасти свои семейства от голодной смерти».

Новая волна возвращения махаджиров на Родину приходится на начало 70-х гг. XIX в. Так, Н.П. Игнатьев в секретном донесении от 21 декабря 1872 г. писал товарищу министра иностранных дел: «8500 черкесских семейств, переселившихся одновременно с Кавказа в Турцию, жалуясь на бедственное положение, в котором они находятся, и на невыносимые притеснения, ходатайствуют о возвращении в Россию». Даже такой известный человек, как капитан турецкой армии черкес Бекер-бей Хатанов, адъютант генерала Осман-паши, в 1880 г. возвратился на русскую службу и по его примеру, как сообщала газета «Голос» (1880, № 278), готовился перейти на сторону России «целый авангард черкесских переселенцев». В одной из сур Корана (3; 194) есть строки: «А тем, которые выселились или были изгнаны из своих жилищ, и были подвергнуты страданиям на Моем пути, – Я введу их в сады, где внизу текут реки...».

7.16.3.2. «Как же встречала Родина-мать своих возвращающихся переселенцев?»

Начальник Сухумского отдела Аракин «... ружейным и артиллерийским (!) огнем встретил несчастных переселенцев, как встречал он и других горцев, вступивших на родную землю».

«Голос» (1880, 7 сент.).

Между ними (возвращающимися на родину горцами) началась смертность, опасность повальной заразы. Судно, набитое детьми, мужчинами и женщинами, превратилось в клоаку.

Из телеграммы А.И. Гревесу, командира Батумского порта (1880).

Однако, как увидим дальше, страдания махаджиров-«возвращенцев» продолжались и на их родной земле. Как же встречала Родина-мать своих возвращающихся переселенцев? Некоторое представление об этом можно получить из сохранившихся свидетельств очевидцев.

14 июля 1880 г. под английским флагом в Батум прибыло судно с абхазами и черкесами, желающими возвратиться на Родину, однако военный губернатор области не разрешил, как «беспаспортных», выпустить их на берег; турецкий консул тоже не принял в этом деле никакого участия. А между тем, «...на судне голод, 18 дней они находятся на корабле, там им тесно, они не укрыты от дождя, зноя, не имеют хлеба; от голода погибло 10 чел.». Начальник Сухумского отдела Аракин «...ружейным и артиллерийским (! – Авт.) огнем встретил несчастных переселенцев, как встречал он и других горцев, вступивших на родную землю».

Из других источников можно почерпнуть некоторые ужасающие подробности этой трагической «встречи» переселенцев: «Под английским флагом в Батум прибыло из Турции судно «Агиос Петрос» с большой группой горцев-махаджиров (в основном, абхазцев). По предъявленному турецкому паспорту, судно, по вместимости своей могло принять не более 400 чел., но «Агиос Петрос» прибыл с 1200 несчастных. Комиссия, приближаясь к судну, была поражена зловонием, исходящим от судна, и взошедшим на него членам комиссии представилось зрелище ужасающее: 1200 чел., в числе которых было четверо мертвых, кишели в этом судне, как черви, переползая один через другого, так как ходить не было физической возможности» («Голос», 1880, 7 сентября). Тем не менее, махаджирам не разрешили выйти на берег, и шкиперу судна было предложено немедленно удалиться в турецкие пределы.

15 августа командир Батумского порта А.И. Гревес телеграфировал в Тифлис: «Между ними началась смертность, опасность повальной заразы. Судно, набитое детьми, мужчинами и женщинами, превратилось в клоаку». Когда на судне началась течь, горцы-махаджиры, наконец, были высажены на берег, где началась массовая их гибель от голода, жары и болезней. Корреспондент газеты «Голос» сообщает о дальнейшей судьбе этих несчастных: «Из Тифлиса получено было распоряжение – отправить их обратно в Турцию. Описать картину, как их сажали обратно на судно военной силой – трудно, почти невозможно. Общий стон, крик и отдельные раздирающие душу вопли, способны были тронуть самое черствое сердце. 7 сентября судно «Агиос Петрос» подошло к турецкому берегу, но было встречено там ружейными выстрелами и вынуждено было возвратиться к батумским берегам, где шкипер, желая скорее отделаться от живого груза, ночью

выгрузил всех несчастных на пустынный берег в 20 милях от Батума, где не было ни воды, ни пищи. 17 сентября немногих оставшихся в живых переселенцев, наконец-то, перевезли в Батум».

Тем не менее, несмотря на все трудности, поток беженцев из Турции на Кавказ продолжался вплоть до начала первой мировой войны. Но судьба горцев, которым каким-то образом удалось вернуться на Родину, также сложилась далеко не лучшим образом. Еще в 1876 г., когда у горцев-махаджиров было особенно сильное стремление вернуться в родные края, действовало «повеление» наместника Кавказа, чтобы «всех абхазцев из числа выселившихся в Турцию, кои будут прибывать в Абхазию на будущее время, безусловно возвращать в Турцию» (Такая же установка была и для кубанских черкесов. – Авт.). Только накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг. положение несколько изменилось и возвращающихся махаджиров стали рассматривать как «перебежчиков, ищущих убежища от недружественного правительства». Однако, на них продолжали смотреть как на «преступников» и, само собой разумеется, что такие «перебежчики» не должны были иметь никаких претензий на возвращение своих земель. Черкесам-переселенцам, которым удалось вернуться в родные края, пришлось владеть жалкое существование. Из эмигрантов не создавали отдельных общин, а причисляли их к уже образовавшимся, куда они, как правило, не шли из-за того, что землю им там не выделяли.

Махаджиры вынуждены были прибегать к аренде земли на кабальных условиях, залезая в «долговое рабство» и пополняя ряды самой нищей части населения. У них не оставалось ничего, кроме надежды... Той самой надежды, о которой столь эмоционально и ярко писал в свое время молодой И. Джугашвили-Сталин (1896):

Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, –
Тогда гнетущей душу тучи
Развеян сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь...
Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

Хотелось бы завершить этот раздел словами Э.-М. Ремарка, – тоже эмигранта, вернувшегося в свое время на родину, правда, не в Российскую империю, а в фашистскую Германию: «Самое тяжкое разочарование наступило, когда мы вернулись: *мы вернулись в чужой безразличный мир, нас встретила тайная ненависть*». В какой-то степени эти горькие слова применимы и к адыгским махаджиром, вернувшимся на Родину в дореволюционный период. Не правда ли?...

7.16.3.3. «Сделать зависящее распоряжение, чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы...»

Сделать зависящее распоряжение, чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы не только без паспортов от Русского правительства, но и с паспортами, невизированными нашими консулами.

Николай, начальник Главного управления наместника Кавказа (1863).

Начальник Кабардинского округа полковник Кобулов 14 декабря 1863 г. написал рапорт исполняющему должность начальника Западного военного отдела Терской области. Кобулов докладывал, что уздень Цекуна Абазов 9 декабря явился к нему «без всякого письменного вида (Бейтуганов С.Н., 2007).

Абазов был с теми, кто в 1861 г. переселился в Турцию, однако он, как и многие эмигранты, понял, что их обманули. Он был уполномочен шестью семействами «отправиться в Кабарду и просить содействия своих соотечественников к возвращению их на родину». Турецкие власти отказались снабдить Абазова соответствующими документами на его возвращение. Но это не остановило его. Он решил осуществить свое намерение и «отправиться из Турции пешком без всякого письменного вида, перешел границу, не будучи никем остановлен, и прибыл в Тифлис». В Тифлисе у Абазова не было знакомых и, не решаясь обратиться к властям города, он прибыл в Нальчик к Кобулову. Не зная, что предпринять в подобной ситуации, Кобулов просил дать ему предписание, как поступить с узденем Абазовым. Однако и областное начальство оказалось не в состоянии давать конкретные указания на этот счет и, в свою очередь, обратилось к наместнику Кавказа. Из Главного управления наместника 18 марта 1864 г. поступил следующий циркуляр, предназначенный для начальников губерний и управляющих отдельными частями Кавказского и Закавказского края. В нем, в частности, отмечено: «По окончании последней войны с Турцией между магометанскими народами, живущими в Ставропольской губернии, распространился слух о том, что будто правительство наше при заключении мира обязалось предоставить подданным магометанского исповедания право к переселению в Турцию на жительство. Как ни нелеп был этот слух, однако же маго-

метане, прельщенные надеждою на лучшую жизнь и большие выгоды в единоверной стране, целыми аулами начали обращаться с просьбами об увольнении их с семействами в Мекку для богомолья, скрывая под этою религиозною причиною тайную цель поселиться навсегда в Турции. Вскоре затем *народы эти, обманутые в своих надеждах, стали изыскивать все способы для возвращения на родину...*».

Казалось бы, власти должны были воспользоваться с выгодой для себя этим обстоятельством и предоставить такую возможность желающим вернуться. Но царская администрация еще раньше, в 1861 г., приняла «...все возможные меры для воспрепятствования их намерению, и, между прочим, по сношению об этом с императорскою миссиею в Константинополе циркулярно предложено консульствам нашим на Востоке безусловно отказывать желающим возвратиться в отечество».

Касаясь конкретного случая с Цекуной Абазовым, начальник Главного управления наместника Кавказа, сенатор, статс-секретарь барон А. Николаи предписывал: «Сделать зависящее распоряжение, чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы не только без паспортов от Русского правительства, но и с паспортами, невизированными нашими консулами» (Бейтуганов С.Н., 2007).

7.16.3.4. «Вторичная депортация»: принудительное выселение в Турцию возвратившихся на родину горцев

Строго следить за всеми появляющимися в наших пределах лицами, выселившимися в Турцию, с целью обратного возвращения, и таковых, немедленно по обнаружению, высылать из края.

Из распоряжения Российского правительства начальникам областей и округов на Кавказе.

Обратное выселение меня в Турцию обречет меня с семейством, состоявшим из 12 душ, к явной гибели потому, что первое переселение мое с семейством в Турцию довело меня до полной нищеты.

Хаджи-Кануко Уметов, кабардинец.

Царские власти на Кавказе строго пресекали попытки черкесов возвратиться на родину. Черкесские семьи, которым удавалось пробраться на Северный Кавказ, подвергались «вторичной депортации». Российские генерал-губернаторы, начальники областей и округов на Кавказе имели распоряжение правительства, «...строго следить за всеми появляющимися в наших пределах лицами, выселившимися в Турцию, с целью обратного возвращения, и таковых, немедленно по обнаружению, высылать из края». Лишь отдельным семьям удавалось возвратиться и обустроиться на своей родине (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 292-293).

Как правило, царские власти отказывались принимать переселенцев обратно и возвратившихся на Родину махаджиров вновь принудительно выселяли в Османскую империю. Так, например, поступили с кабардинцем Хаджи-Кануко Уметовым, бежавшим из Турции домой. В прошении своем он писал: «Обратное же выселение меня в Турцию обречет меня с семейством, состоявшим из 12 душ, к явной гибели потому, что первое переселение мое с семейством в Турцию довело меня до полной нищеты».

Вторичное выселение в Турцию возвратившихся горцев царские власти объясняли тем, что переселенцы «представляют из себя элемент религиозно-фанатический, беспокойный, склонный к хищничеству, как к промыслу, а потому и нежелательный для оставления в крае. Вместе с тем, как отмечало кавказское начальство, возвращение переселенцев вело к неурядице и путанице в землепользовании, хозяйственной жизни и административно-полицейском устройстве мусульманского населения». А европейские державы, вместо оказания материальной помощи горцам Кавказа, в чем они крайне нуждались, ограничивались всякими «советами» (Кудаева С.Г., 2007).

В заключение отметим следующий немаловажный момент. Возвращение части махаджиров на Северный Кавказ показало, что уход их в Турцию был вызван тяжелым материальным положением, в котором они оказались после их включения в административную систему России. Это обстоятельство и повлекло за собой определенное смягчение официальной политики царизма в крае. Была прекращена выдача удостоверений адыгам для поездки в Турцию, а в 1897 г. некоторым семьям из Екатеринодарского отдела даже было запрещено переселение в Турцию. Пресекались действия турецкой агентуры в Закубанье, удалялись из аулов турецко-подданные. Следствием этого явился и заметный спад в аулах остроты переселенческого движения.

Как следствие, к концу 70-х – началу 80-х гг. движение за переселение в Турцию среди адыгов начало постепенно угасать. Во многом этому способствовали поступавшие сведения из Турции, в частности, о тяжелом положении махаджиров, о намерении царского правительства якобы завершить разрешение земельного вопроса на Северо-Западном Кавказе, об определенных изменениях во взгляде Кавказской администрации на махаджирство адыгов, о борьбе последних за возвращение на родину из-за тяжелого положения их в «единоверной» Турции («История сельского хозяйства...», 1994. С. 39-41; Кудаева С.Г., 2007).

7.17. «Младотурки» и «кемалисты»: участие черкесов-махаджиров в двух революциях в Турции

«Младотурки» – название членов партии «Единение и прогресс». В 1908 г. в результате «младотурецкой» революции они пришли к власти. Проводили политику пантюркизма, способствовали подчинению Турции германскому империализму.

Советский энциклопедический словарь (1995).

Черкесы-махаджиры играли видную роль в общественно-политической жизни Османской империи. Так, инициатором первой «младотурецкой» организации (1889 г.), направленной на свержение султанского режима, был черкес Ибрагим Темо. Лидером одного из направлений младотурецкой революции являлся принц Сабахаддин (Квадзба) – абхаз, а его ближайшим сподвижником был убых Хусейн Тосун-бей. Но младотурки преследовали пантюркистские и панисламистские цели. На всякую попытку возрождения и поднятия национального самосознания кавказских народов они смотрели крайне недоверчиво, а впоследствии стали применять и репрессивные меры.

Ведущую роль сыграли черкесы в так называемой «кемалистской» революции. В это время, когда фактически решалась судьба Турции, одними из первых, кто поднялся на борьбу за ее независимость и сыграл выдающуюся роль в деле становления Турецкой республики, были кавказские партизанские отряды, возглавляемые шапсугом Иатым-беем. Эти отряды были сформированы в основном из адыгов и абхазов. Ближайшее окружение Кемаля Ататюрка также состояло из горцев Кавказа, в основном из адыгов – потомков махаджиров. [Кемаль Ататюрк – турецкий государственный деятель. С 1919 г. возглавлял т.н. «кемалистскую» революцию в Турции, приведшую к изгнанию английских оккупантов, ликвидации султаната и провозглашению Турецкой республики, первым президентом которой он стал («Советский энциклопедический словарь», 1995)].

Самыми ближайшими сподвижниками Кемаля Ататюрка в самое трудное время являлись: Хаккы Бехич бей, Омер Муитаз Танбий, Юсуф бей, Камил Полат и многие другие. Все они были делегатами Сивасского конгресса, откуда и пошел мощный импульс, давший начало национально-освободительному движению в Турции, которое возглавлял шапсуг Этхем-бей (из рода Пшау). Фактически вначале ядро движения составляли черкесы и остальные горцы Кавказа, но впоследствии, как и все диктаторы, Кемаль-паша Ататюрк расправился почти со всеми горцами Кавказа, в том числе с адыгами, а народ подверг жесткому преследованию, не выполнив своих обещаний (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Нельзя не отметить, что часть кавказской аристократии, которая при султанском режиме пользовалась определенными привилегиями, с большим недовольством встретила революцию; их настроение использовала Антанта и греческое правительство. Чтобы привлечь кавказских горцев на свою сторону, они стали выдвигать идею образования Черкесского автономного государства в Анатолии. С этой целью в 1920 г. был созван Черкесский национальный съезд, на котором было принято решение создать в западной Азии Азиатской Турции так называемую «Черкесскую республику». Особенно крупным было выступление черкесов и абхазов против кемалистов весной 1920 г., когда восставшими была захвачена большая территория. Впоследствии часть абхазов и черкесов, принявших участие в мятеже, была вынуждена переселиться в Грецию. «Горцы составляют около четверти «черного списка» из 150 лиц, объявленных изменниками родины в Турции», – сообщал журнал «Новый Восток» в 1925 г. Одновременно часть горской интеллигенции ведет переговоры с меньшевистским правительством Грузии о возвращении части черкесов-махаджиров на Кавказ, но, увы, безрезультатно.

В работе Б.Н. Берзегова и М. Хафице «Кто есть кто в черкесском зарубежье» (Черкесское зарубежье, 1998, № 4) приводятся сведения о некоторых деятелях младотурецкой революции – отдаленных потомках адыгов-махаджиров:

БЕХИЧ (БЕИЧ) ХАККЫ (1886-1943). Видный турецкий политический и государственный деятель. Убых. Родился в Стамбуле. Окончил Высшую школу гражданских чиновников. Один из основателей младотурецкой партии «Единение и прогресс». Делегат Сивасского конгресса. Вместе с Мустафой Кемалем, Рауфом Орбаем, Бекиром Сами-беем был членом Представительного комитета. Видный участник национально-освободительного движения. Депутат Великого Национального Собрания Турецкой Республики первого созыва. Министр финансов и внутренних дел Временного правительства (1920). Один из организаторов левого движения «Зеленая армия». Генеральный секретарь Коммунистической партии Турции. Страстный пропагандист идей научного коммунизма. Главный редактор и издатель газеты «Новый день». После ликвидации в Турции левых организаций (1921) отошел от политики. Умер в Анкаре.

САБАХЕДДИН (КВЕЦБА) (1877-1948). Турецкий принц, видный политический деятель. Абхаз. Родился в Стамбуле. Руководитель одного из направлений младотурецкого движения в Османской империи. Его отец Дамад Махмуд Джелаледдин-паша был женат на сестре султана Абдул-Хамида II. Образование получил в Европе. Находился под сильным влиянием французских социологов Фредерика де-Пле и Эдмонда де-Молена. Борясь против султана, создал «Общество частной инициативы и децентрализации». Его политическая платформа основывалась на идеях освобождения Османской империи от монархии через децентрализацию и развитие личной инициативы граждан страны. В 1908 г. вернулся из эмиграции в Стамбул и участвовал в младотурецкой революции. Во время контрреволюционного мятежа (1909) был арестован. После освобождения уехал в Европу и больше не возвращался в Турцию. Умер в Швейцарии.

ФУАД-ПАША (ТХЪУГЪЭ) ДЕЛИ (1835-1931). Известный турецкий маршал, дипломат, видный деятель черкесского зарубежья. Родился в Каире. Отец его – Хасан-паша – отправился из Черкесии на учебу в Османскую империю и остался на службе у турецкого султана. Среднюю школу окончил в Стамбуле, военное училище – в Каире. Отличился в русско-турецкой войне (1877-1878). Маршал Османской империи. Главнокомандующий вооруженными силами Турции. Посол в нескольких странах Европы. Как один из лидеров махаджиров, был обвинен в попытке свержения султана Абдул-Хамида II и сослан в Сирию (1902-1908). После младотурецкой революции вернулся в Стамбул и активно участвовал в создании Общества черкесского единения и взаимопомощи. Депутат Меджлиса. Возглавлял Комитет независимости Кавказа и Комитет северокавказских политических эмигрантов в Турции (1915-1919). В период национально-освободительного движения прилагал немало усилий для сохранения единства турецких черкесов. Так, когда в оккупированном греческими войсками Измире группа махаджиров организовала Общество юридического признания адыгов Ближнего Востока, собрал в Стамбуле Всеобщий конгресс черкесов (октябрь 1921 г.). Умер и похоронен в Стамбуле.

ХУЛУСИ-ПАША (КЪАРЗЭДЖ) САЛИХ (1864-1939). Видный военный и государственный деятель Османской империи. Шапсуг. Родился в Стамбуле. Его отец, адмирал Дилавер-паша Карзег, командовал Дунайским флотом во время русско-турецкой войны (1877-1878). Окончил военное училище (1885) и военные академии в Стамбуле (1888) и Берлине (1894). В звании дивизионного генерала был одним из руководителей Генштаба турецкой армии. Когда его шурина, маршала Фуад-пашу Тугу, обвинили в попытке свержения султана Абдул-Хамида II, был отправлен в ссылку в Дамаск. После победы младотурецкой революции вернулся в Стамбул и стал заместителем начальника Генерального штаба, затем – командующим 2-й армией. Министр военно-морских сил Османской империи. Депутат Великого Национального Собрания. Главный военный инспектор 4-й, 5-й, 6-й армий. В 1922 г. ушел на пенсию. Умер в Стамбуле.

7.18. Махаджирство адыгов – позорная страница в истории царской России и Турции

Так соорудили себе русский царизм и турецкий султан позорный памятник – необозримое кладбище кавказских горцев.

С. Сиюхов (1920).

Нет сильнее бедствия и более плачевной катастрофы, как эта эмиграция, предоставленная самой себе...

Бароцци, врач (1864).

Переселение в Турцию обернулось для кавказских горцев подлинной национальной трагедией, в результате которой на чужбину ушли сотни тысяч адыгов, черкесов и кабардинцев. Как признавал царский историограф А. Берже (1858), «...полумиллионное население из многих черкесских племен, со своеобразными этнографическими особенностями, с самобытным строем внутренней и общественной жизни, покинуло родные горы, в которых пережило длинный ряд веков и рассеялось по разным провинциям Европейской и Азиатской Турции, где частью погибло от трудностей переселения и других условий жизни, частью смешалось с разнородными племенами на местах нового водворения». Это было, как справедливо считают А.Х. Касумов и Х.А. Касумов, крупнейшим актом геноцида адыгского народа, учиненным царским самодержавием на завершающем этапе Кавказской войны. А с точки зрения истории и экономики, это было быстрое и бесследное разрушение древнейшей культуры. После этой культуры, как бы там ни была она примитивна и своеобразна, ничего почти не осталось на месте – ни мертвого капитала в виде жилищ, строений и хозяйственных заведений, ни рабочего инвентаря – земледельческих орудий и инструмента, если не считать перержавевших кос и серпов, ни животных, за исключением отдельных особей, ни предметов домашней обстановки, ничего, одним словом, материального, что накоплено было черкесами исторически, в последовательной смене экономической эволюции. Остались лишь черкесские сады и поляны, но и ими, как увидим далее, не воспользовались русские, осевшие на черкесских землях. То же случилось и с культурой духовной. Черкесы бесследно унесли ее с собой, по крайней мере, те из них, которые ушли с Кавказа в Турцию поголовно («Кубань и Черноморское побережье...», 1914).

Разумеется, нельзя снимать ответственности за эту трагедию с политики царизма на Кавказе, но в огромной мере она лежит и на Османской империи, мусульманском духовенстве, разжигавшем религиозный фанатизм, агентах западных держав, а также на алчных адыгских князьях, боявшихся лишиться своих крепостных и рабов после отмены крепостного права в России.

Царская Россия и султанская Турция в равной степени виновны в трагедии адыгов, – такой вывод сделал и просветитель адыгского народа С. Сиюхов. Нельзя не привести его взволнованное, может быть, даже слишком эмоционально окрашенное высказывание по этому вопросу: «Пути передвижения к морю, восточный берег Черного моря от Анапы до Сочи, анатолийский берег Малой Азии, морское дно, – все это было усеяно могилами, могилами, могилами. Старая родина и новая махеча-страна стали грандиозным кладбищем для черкесов Западного Кавказа. Так «гуманный» царь Александр II расправился с кавказскими горцами за их свободолюбие. Так встретил махаджиров-единоверцев мусульманский «халиф» – турецкий султан Абдул. Александр II и Абдул превзошли жесточайшего тирана – римского императора Калигулу, который хотел бы видеть римский народ с одной головой, чтобы сразу одним ударом ее отсечь. Калигула только мечтал об этом, а Александр II и султан Абдул совершили такую казнь. Они вполне обеспечили в истории имя коронованных палачей и безусловно заслужили проклятие многих поколений...». Вряд ли что можно добавить к этой жесткой и точной оценке махаджирства – позорной страницы в истории царской России и султанской Турции.

8. «КРОВАВАЯ СТАТИСТИКА»: ИТОГИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И «ИСХОДА» АДЫГОВ В ТУРЦИЮ

*Мировые катастрофы здесь переводятся в дебит
и кредит...*

Э.М. Ремарк (1898–1970)

*Долгое время правда о Кавказской войне и ее
жертвах (горцах и русских) замалчивалась...*

Н.Ш. Чеучев (1994).

Для подведения «итогов» Кавказской войны и махаджирства в статистическом отношении надо точно знать или иметь хотя бы ориентировочное представление о следующих «составляющих»:

С – Суммарная (общая) численность адыгов до начала Кавказской войны;

П – Потери адыгов в ходе Кавказской войны;

М – Махаджиры, – численность адыгов, выселившихся в Турцию;

К – Количество адыгов, оставшихся на Родине.

Тогда общий «баланс» Кавказской войны и махаджирства адыгов должен быть выглядеть следующим образом: **С = П+М+К**.

Следует подчеркнуть, что слепое, «механическое» использование приводимых в многочисленных архивных и литературных источниках сведений, относящихся к «убыли» адыгов в Кавказской войне и после нее, чревато самыми неожиданными, парадоксальными «открытиями», когда, образно говоря, при сложении 2+2 в ответе вместо 4-х может получиться самое неожиданное число: и 3, и 5, и 10 и даже отрицательные величины. Вот несколько примеров:

Парадокс № 1. По В. Гарданову, до начала Кавказской войны адыгов было 0,5 млн., а ушло в Турцию, по Д. Бейкеру, – 1 млн. чел. (Ушло в 2 раза больше, чем было фактически?).

Парадокс № 2. По Г.Ю. Клапроту, до начала Кавказской войны было всего 2,4 млн. адыгов; ушло в Турцию, по К. Бороздину, около 0,4 млн. чел., а на Кубани осталось, по Б.М. Джимову, 0,1 млн. чел. (А где же остальные около 2 млн.?).

Парадокс № 3. По Н. Буткевичу, ушло в Турцию 0,5 млн. адыгов; погибло в пути на чужбину, по Р. Рушди, столько же (0,5 млн.). Но есть сведения, что в Турции расселилось в результате эмиграции не менее 1 млн. адыгов. (Откуда же они взялись, если все погибли в пути?). И т. д.

Постараемся дать ориентировочную оценку каждой из «статей» этого «кровавого баланса», наиболее близкую историческим реалиям.

8.1. Численность адыгов до начала Кавказской войны

*И увидишь, что семя твоё многочисленно, и от-
расли твои, как трава на земле.*

Книга Иова (5; 25).

Несомненный интерес представляет хотя бы ориентировочная оценка численности адыгов до начала массового переселения горцев в Османскую империю. Решение этой задачи осложняется тем, что, по словам А. Берже (1858), «горцев никогда никто не считал, почему и точных статистических сведений о них не существовало».

Первые ориентировочные сведения о численности населения Черкесии относятся к середине XVI в. Так, турецкий автор Эвлия Челеби считал, что в период его пребывания в Западной Черкесии (1666 г.) такие группы, как жанеевцы, бесленеевцы, темиргоевцы, бждуги, хатукаевцы и шегаки вместе могут выставить 33-тысячное конное войско. Указанной дворянской коннице *могло соответствовать население в 759 000 чел. обоёго пола*. Позже эту цифру уточнил англичанин Эдмунд Спенсер (1830), который в своей книге «Путешествие по Черкесии» отметил: «Среди них, они (т. е. черкесы) говорят, 200 тыс. чел., всегда готовых выйти на поле брани. Общее же количество населения, как русские подсчитали, самое большее, достигает 500 тыс. семей... Мы должны иметь в виду, – продолжает Спенсер, – что 10 чел. – не чрезмерное вычисление для одной семьи; действительно, я обычно находил семейство численностью более, чем 15 чел... (Таким образом, по Э. Спенсеру, население Черкесии составляло в начале XIX в. не менее 500 тыс. x 10 = 5 млн. чел. – **Авт.**). Это перекликается со сведениями Пейсонеля, который веком ранее упоминал, что черкесы «...вместе взятые легко могут выставить 100 тыс. людей и гораздо больше в случае необходимости»; после чего – во второй половине XVIII в., как мы знаем из трудов профессора М. Блиева, население Северного Кавказа во многом из-за выращивания кукурузы значительно увеличилось, что вполне могло довести общую численность войск до 200 тыс.

В работе известного западного историка А. Беннигсена содержится оценка, которую давала служба великого визиря Османской Турции в 1785 г. относительно военной и политической картины народов Северного Кавказа (имелся в виду Северо-Западный Кавказ), как могущих выставить до 100 тыс. чел. Если половину указанного войска считать дворянской конницей в 50 тыс. чел. (а по различным источникам ее было значительно больше), то ей могло по самым минимальным подсчетам соответствовать население в 1 млн. 250 тыс. чел. к середине XVIII в. (Цит. по: Дзамихов К.Ф., 2008).

8.1.1. «Соппротивление переписи – ...частный случай присущего многим народам чувства отвращения к подсчету людей»

По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или же обманывали, не имея возможности сопротивляться.

Ф.Ф. Торнау (1852).

Соппротивление переписи, оказанное Яхве или, вернее, иудеями, представляет собой частный случай присущего многим невежественным народам чувства отвращения к подсчету людей, их скота и имущества».

Д.Д. Фрэзер (1989).

Оценка численности горцев проводилась и Челеби, и Пейсонелем по косвенным данным. Дать же более или менее *точную* итоговую численность адыгского народа было весьма затруднительно. Это связано с тем, что сами горцы не вели учет народонаселения, а всякая попытка царского правительства провести перепись не удавалась. С этой точки зрения несомненный интерес представляет мнение Ф.Ф. Торнау – русского офицера, попавшего к черкесам в плен и проведенного там два года. Хотя в данном случае он говорил скорее о родственниках адыгам абхазах, то же самое в полной мере относилось и к самим черкесам: «...Все эти цифры, которыми означали кавказское население, брались приблизительно и, можно сказать, на глаз. По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или же обманывали, не имея возможности сопротивляться». Эту же мысль встречаем и у А. Дюма, побывавшего в середине XIX в. в Земле адыгов: «Если спросите их (горцев) сколько разных племен расселено от Апшеронского мыса на Каспии до полуострова Тамани, они ответят: «Столько, сколько бывает капель росы на траве после майской зари, или сколько песчинок вздымается декабрьскими ураганами». Следует также подчеркнуть, что еще до «исхода» адыгов в Турцию частые эпидемии (холера, чума), непрекращающиеся межплеменные столкновения и междоусобица, захваты и продажа людей в рабство в Османскую империю, – все это вносило немалые коррективы в общую численность горцев.

Приведенная выше, на первый взгляд, совершенно необъяснимая «боязнь» переписи у адыгов имеет, тем не менее, глубокие исторические корни и вполне определенные параллели в суевериях других народов. Так, еще из Библии, написание первых книг которой датируется серединой I тысячелетия до н.э., мы узнаем, что верховный Бог Яхве питал глубокое отвращение к народной переписи и рассматривал ее как тяжкий грех: И сказал [царь] Давид Богу: «Не я ли велел исчислить народ? я согрешил, я сделал зло...» (1-я книга Паралипоменон, 21; 17).

Как предполагает Д.Д. Фрэзер, «...сопротивление переписи, оказанное Яхве или, вернее, иудеями, представляет собой частный случай присущего многим невежественным народам чувства отвращения к подсчету людей, их скота и имущества». Это странное суеверие широко распространено, в частности, среди африканских племен. Так, племя бакота близ р. Конго считает чрезвычайно губительным для женщины пересчитывать своих детей, потому что злые духи услышат ее и, наслав смерть, отнимут у нее ребенка. Племя васена в Восточной Африке также «изо всех сил противится попыткам пересчитать их, в полной уверенности, что кто-нибудь из сосчитанных людей скоро после этого умрет». Сходные суеверия, по Д.Д. Фрэзеру, можно найти и в Европе, причем даже в наше время. Так, лапландцы не подсчитывали, а, может быть, и теперь еще не считают свое население и не объявляют его численность, полагая, что это может вызвать среди народа большую смертность. В горной Шотландии «население верит, что счет людей приносит несчастье»; сирийские арабы и по сей день также не любят ни считать, ни подвергаться счету.

8.1.2. «Вопрос о численности адыгов накануне их массового переселения в Турцию до настоящего времени остается спорным»

И сказал Давид Иоаву и начальствующим в народе: пойдите, исчислите израильтян. И подал Иоав Давиду список народной переписи; и было всех израильтян тысяча тысяч и сто тысяч мужей, обнажающих меч...

1-я книга Паралипоменон (21; 2-5).

*Не сочтешь людей на свете,
Не измеришь мир земной*

Саади (1181-1291).

Как справедливо отмечает А.Х. Бижев, вопрос о численности адыгов накануне их массового переселения в Турцию до настоящего времени остается спорным. У разных авторов существовали разные подходы к оценке сведений, полученных из источников, а также разные системы исчисления. Фактически существует столько оценок, сколько авторов обращались к этому вопросу – от 0,12 млн. до 6,0 млн. чел.

На одну из причин такого положения указывает Т.В. Половинкина (2006): «Численность адыгов в первой половине XIX в. с достоверностью не установлена, причем диапазон ее колебаний в источниках довольно велик: от 265 тыс. до 1,0 млн. чел и более. Такие расхождения вызваны, видимо, в том числе, важностью этих сведений, приобретаемой ими в условиях войны. Минимальные данные объясняются, как можно предположить, желанием информаторов скрыть, уменьшить подлинное число жителей Черкесии с тем, чтобы минимизировать силу нападавшей стороны».

Еще на одну причину столь удивительной «пестроты» в цифрах указывает С.Г. Кудаева (2007): «Следует отметить, что некоторыми исследователями учитывалась только мужская часть населения (Ф.Ф. Торнау), а другие исходили из самых минимальных предположений о численности отдельных адыгских племен (Хан-Гирей, К.Ф. Сталь). Так, по данным авторов книги «Исторический обзор Терека...» (1851. С.105), «...число душ всех Закубанских народов, вместе взятых, простирается до 120 000 и никак не более. Те, которые хорошо знают здешний край, полагают, что все эти народы, в случае надобности, могут выставить до 10 000 всадников, с малой помощью от соседних шапсугов, часто действующих против Лабинской линии, немалое тоже число абадзехов выставляется пешими».

Получение достоверных статистических данных о народонаселении Черкесии затруднено, по мнению некоторых авторов, и тем, что горские аулы часто меняют свое местонахождение. Так, в «Журнале Комитета, учрежденного для устройства Закубанского края» (23 марта 1830 г.), отмечается: «Полагают, что все ветви народа адыге, взятые совокупно, могут выставить около 50 тыс. вооруженных (статья Новицкого) и что число их народонаселения простирается до 300 тыс. душ. Сие показание, разумеется, приблизительно, ибо черкесы беспрестанно перемещают места своих селений, следственно, не могут быть подчинены правильному народоисчислению» («Кавказ и Российская империя...», 2005. С. 313-316).

Хан-Гирей насчитал пред Кавказской войной всех адыгов 265 140 чел. По данным К.Ф. Сталя эта цифра составляет 307 478 чел., по Ф.Ф. Торнау – 495 500 чел. По подсчетам посланца имама Шамиля наиба Мухаммеда Амина, население Черкесии перед Кавказской войной составляло не более 500 тыс. чел. («Сокровища культуры...», 2007. С. 123). По данным И. Бларамберга (1840), основанных на сведениях Новицкого и Тауша, общее число черкесов составляет 600 000 душ (Цит. по: Хотко С.Х., 2008). У А. Лонгворта мы встречаем цифру около 1 000 000 чел.

Из многочисленных авторов первой половины XIX в. более достоверными считаются сведения по Западной Черкесии, приводимые Г.В. Новицким (1 082 200 чел.), Т. Лапинским, прожившим в Черкесии около трех лет, – 1 500 000 чел., – военными офицерами, которые собирали свой материал непосредственно среди адыгов и руководствовались профессиональной заинтересованностью. Из дореволюционных историков интересно мнение Ф.А. Щербины; который полагал, что «черкесов было еще больше, чем сколько показано у Новицкого».

Н. Дьячков-Тарасов, автор не утратившей своей значимости работы «Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и правый фланг Кавказа перед Восточной войной 1853 г.», считал: «По имеющимся официальным сведениям, собранным по распоряжению князя Паскевича в 1830 г., всего перечисленного выше населения горцев (адыгов. – Авт.) было до 1 700 000 и будто эти горцы могли выставить до 250 000 вооруженных людей». В новейшем исследовании А.Х. Бижева (1994. С. 70), где дан тщательный анализ всех материалов по первой половине XIX в., автор считает, что «...можно согласиться с теми данными, которыми располагал фельдмаршал Паскевич: 1 700 000 чел.».

Не менее противоречивые цифры встречаются в работах современных исследователей. Так, В.К. Гарданов (1967. С.43) считает, что общее население адыгов в первой половине XIX в. составляло 500 000 чел. Т.Х. Кумыков (1971. С. 31-32) утверждает, что в тот период адыгов насчитывалось как минимум 500 000-600 000 чел. М.В. Покровский (1958. С. 93) считает, что только западных адыгов было 700 000-750 000 чел.

По мнению ряда историков-кавказоведов (А.Х. Касумов, Т.Х. Кумыков), численность западных адыгов в середине XIX в. составляла приблизительно 1 000 000 чел. (Кушхабиев А.В., 2005. Вып. I; «Сокровища культуры...» (2007. С. 146). Авторы книги «История адыгов...» (2009. С. 353) считают, что «по наиболее достоверным данным численность западных черкесов достигала в 1830-х гг. 1 520 000 чел.». А.Х. Бижев пишет, что численность адыгов составляла 1 700 000 чел. При этом он опирался на данные И.Ф. Паскевича – командира Отдельного Кавказского корпуса (Панеш А.Д., 1999. С. 38).

«Поскольку, – пишет К.Ф. Дзамихов (2008), большая группа авторов XIX в. и историков новейшего времени считают, что в период кровавых событий Кавказской войны и трагедии геноцида население Западной Черкесии составляло от 1,5 до 1,7 млн. чел., то к середине XVIII в. его, наверное, было не меньше 1 млн. чел.»

Дореволюционный автор А. Дьячков-Тарасов приводит сведения, собранные по распоряжению князя Паскевича в 1830 г., согласно которым 1,7 млн. западных адыгов могли выставить до 250 тыс. вооруженных людей. Однако В.К. Гарданов считал эти цифры преувеличенными. Но в своих подсчетах он исходит из того, что в среднем адыгский двор состоял из 5-8 чел. Сопоставив сведения Новицкого и Лапинского с данными Бларамберга, Хан Гирея, Торнау, Сталя и Коха, он пришел к заключению, что в первой половине XIX в. численность населения Западной Черкесии максимально могла составлять не более 500 тыс. чел. А.Х. Бижев, напротив, вполне достоверной считает численность западных адыгов в 1,7 млн. чел.

Насколько запутанная картина складывается при оценке численности адыгов перед Кавказской войной, можно судить по следующим фактам. Так, ссылаясь на подсчеты автора XIX в. К. Сталя, историки А.Х. Бижев, А.Х. Касумов и Х.А. Касумов утверждают, что черкесов было 307 478 чел., а М.А. Керашев с

соавторами (1994), ссылаясь все на того же К. Сталя, говорят, что их было около 2 000 000 чел. Второй пример еще парадоксальнее. На стр.64 своей работы А.Х. Бижев (1994) утверждает, что до Кавказской войны «...по Т. Лапинскому, черкесов было 0,8 млн. чел.». А на стр.65 и 71 этой же своей книги он, ссылаясь на того же Т. Лапинского, оценивает численность адыгов перед Кавказской войной уже 1,5 млн. чел. и т. д.

О том, насколько «пестрая» складывается картина при оценке численности адыгов перед Кавказской войной, можно судить по таблице 5, в которой мы попытались свести вместе все разноречивые сведения по этому вопросу.

Таблица 5 – Сведения о численности адыгов до начала Кавказской войны и их переселения в Турцию

Название источника	Численность, чел.
Аталиков В.М. (1995)	247 300
Бижев А.Х. (1994)	250 445 (а)
«Очерки истории...» (1957)	262 800
Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992)	265 140
Дюма А. (1992)	290 549
Бижев А.Х. (1994); Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992)	307 478
«История народов... Т.2» (1988)	350 000
«Очерки истории...» (1957)	423 010
Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992)	495 500
Аутлев П.У. (1990)	497 000
Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992); Бижев А.Х. (1994); «Россия и Кавказ...» (2001. С.253)	500 000
«Очерки истории...» (1957)	501 000
Бижев А.Х. (1994)	505 090
«Черкесия в XIX в.» (1991); Хотко С.Х. (2008)	600 000
Бижев А.Х. (1994)	660 000 (б)
Покровский М.В. (1989)	700 000
Джимов Б.М. (1986)	750 000
Челеби Эвлия (1979)	759 000
Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992)	800 000
«Очерки истории...» (1957)	900 000
Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. (1957)	1 000 000 (в)
Анфимов Н.В., Джимов Б.М., Емтыль Р.Х. (1993)	«более 1 000 000»
Щербина Ф.А. (1913)	1 082 200
Хотко С.Х. (2008)	1 220 000
Бижев А.Х. (1994)	1 500 000
«Адыгейская...» (1947)	«более 1 500 000»
Бижев А.Х. (1994)	1 700 000 (г)
«Сефербий...» (1991)	2 000 000
«Культура адыгов...» (1993)	2 375 487
Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. (1994)	3 000 000
Дзидзария Г.А. (1982)	3 500 000
«Живая старина...» (1993)	4 000 000 (д)
Берже А. (1858; 1992)	4 830 000 (е)
Рушди Р. (1957; 1993).	6 000 000 (ж)

Примечания:

а) как отмечает А.Х. Бижев, оценка Хан-Гирея (1978) численности всех черкесов (250 445 чел.) сильно занижена. И это не случайно, поскольку Хан-Гирей, желая помочь черкесам, «...счел за лучшее представить народонаселение этой страны в виде уменьшенном, противу мнения лиц, уже писавших об этом предмете». (С тем, чтобы попытаться отвести удар русского царизма по Черкесии. — Авт.);

б) по мнению Т. Кумыкова, «...всего адыгов было 660 000 чел., а с убыхами — 734 000 чел.»;

в) как писал английский агент Д. Лонгворт (1839), «...я оцениваю население Черкесии в целом 1 000 000 чел., следовательно, число мужчин, достигших совершеннолетия и способных носить оружие, можно оценить в 150 000 чел.»;

г) по подсчетам историка-краеведа конца XIX в. Н. Дьячкова-Тарасова, «черкесов было всего 1 700 000 чел.; они могли бы выставить 250 000 хорошо вооруженных людей»;

д) в «Декларации независимости Черкесии» (1835 г.), в частности говорится: «Нас 4 000 000, но, к несчастью, мы разделены на множество племен, языков и вер»;

е) по мнению А. Берже (1858), «в Турцию переселилось 439 194 чел., или 1/11 часть населения Черкесии». Таким образом, по А. Берже, первоначальное, до изгнания, население Земли адыгов составляло 4 830 000 чел. (из расчета 439 194 x 11);

ж) на мой взгляд, сильно завышено мнение Р. Рушди о первоначальной численности адыгов. Как он пишет, «...численность черкесов ко времени начала Черкесско-Русской войны была 6 000 000 чел. Большая часть из них погибла в боях; около 500 000 погибло от голода и болезни во время эмиграции» («Сокровища культуры...», 2007. С. 123).

Изучение перечисленных и ряда других источников, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу, дает нам основание ориентировочно оценить общую численность адыгов до начала Кавказской войны и массового переселения в Турцию не менее 1,6 млн. чел., что подтверждается мнением и некоторых других авторов.

8.2. «Исчислите все общество по племенам их...»

8.2.1. Численность племенных образований западных адыгов

Исчислите все общество по племенам их, по родам их, по семействам их, по числу имен, всех мужского пола поголовно...

Библия. Книга Числа (1; 2).

До выселения в Турцию черкесы составляли 32 народа. Самые многочисленные были: абадзехи, бжедуги, кабардинцы, натухайцы, тимиргоевцы, убыхи и шапсуги.

Х.Х. Сукунов (1992).

Какова была численность тех или иных племен в конце XVIII – начале XIX в., до их изгнания из родных мест? К сожалению, и сведения по этому вопросу, имеющиеся в источниках, также противоречивы.

Основная масса адыгов в XVII-XVIII вв. жила в 32 850 дворах, по несколько семейств в каждом. При этом только на Таманском полуострове насчитывалось, по Э. Челеби, не менее 80 адыгских селений. Все источники свидетельствуют о том, что самыми многочисленными были шапсуги, абадзехи и натухаевцы – больше половины всего населения Черкесии. О том, что эти племена были наиболее многочисленными, свидетельствуют и материалы, приведенные в газете «Русский инвалид» (1864, 18 сентября, № 206): «Численность всего вообще племени адыге трудно определить с надлежащей точностью, но приблизительно можно сказать, что оно простиралось в 1858 г. от 380 000 до 400 000 душ. В частности, бжедухов, подчинившихся нашему управлению в 1861 г., было 38 000 душ, натухайцев 40 000, абадзехов – до 100 000, шапсугов – 150 000, убыхов – 20 000. и мелких племен – до 35 000 душ. Эти цифры можно считать весьма близкими к истинным: во-первых, по счету Магомет-Амина; во-вторых, по итогу переселившихся теперь в Турцию и оставшихся в наших пределах...».

При изучении статистических данных в Черкесии следует учитывать и внутренние миграции, заметно изменившие численное соотношение отдельных племен. В частности, массовые переселения в первой половине XIX в. крепостных крестьян из княжеских владений Черкесии в районы проживания «демократических адыгов» способствовали увеличению численности абадзехов, шапсугов и натухайцев. В результате удельный вес населения «демократических» субэтносов достиг 2/3 от общей численности адыгов.

Важно отметить, что охватившая Кабарду в 1804-1809 гг. эпидемия чумы, от которой, по данным С.Х. Хотко (2008), «вымерло 9/10 населения Кабарды», затронула и западных адыгов, в частности адамиевцев, махошевцев и бесленеевцев. Так, по данным Буцковского, эпидемия, к 1812 г. еще продолжавшаяся у бесленеевцев, лишила их «большой части народного населения» (РГВИА, ф. 414, д. 300, л. 83; «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.129-130).

Для нас особый интерес представляют сведения офицеров Г. Новицкого и Т. Лапинского, которым впервые удалось проехать в 30-х гг. XIX в. через все адыгские территории с запада на восток с целью получить представление о стране черкесов. По данным Г. Новицкого (табл. 6), общая численность адыгов составляла в то время 1 082 200 чел., в том числе:

Таблица 6 – Общее количество адыгов, по племенам, чел.

Племена	Количество	Племена	Количество	Племена	Количество
1. Шапсугов	300 000	5. Бесленеевцев	70 000	9. Махошевцев	8 000
2. Абадзехов	260 000	6. Бжедугов	60 000	10. Адамиевцев	3 000
3. Натухайцев	240 000	7. Убыхов	40 000	11. Жанеевцев	1 200
4. Темиргоевцев	80 000	8. Хатукаевцев	20 000	Итого:	1 082 200

Таким образом, по Г. Новицкому, в Черкесии до Кавказской войны и массового выселения в Турцию насчитывалось 11 наиболее крупных племенных образований. Как здесь не вспомнить известную суру Корана (12; 4): «Вот сказал Йусуф своему отцу: Отец мой, я видел 11 звезд, и солнце, и луну, – я видел их мне поклонившимися...».

Вместе с тем, Ф. Щербина (1913), комментируя результаты исследований Г. Новицкого, пишет, что в них «...не показано количество егерухаевцев, мамхяговцев, а также беглых кабардинцев (их, по К. Сталю, было 4 700). Надо полагать, что черкесов было больше, чем показано у Новицкого...». Но по Мухаммеду Амину, в 50-х гг. XIX в. общая численность адыгов была намного меньше – 505 090 чел., в том числе: шапсугов – 150 000; абадзехов – 100 000 чел. (впрочем, на этом уменьшении, возможно, сказались потери адыгов в кровопролитной Кавказской войне? – Авт.). Еще меньшие цифры приводятся у Платона Зубова, причем они тоже относятся к первой трети XIX в.: «Число адехе, или черкесов закубанских, приблизительно до 272 400 душ (в другом источнике 247 300. – Авт.): натухайцы – 62 000, шапсуги – 54 000, жане – 560, гашукаи (хатукайцы) – 12 000, бжедухи – 11 800, абадзехи – 76 000, темиргойцы – 23 000, мохоши – 1 500, беслинейцы – 6 500 душ».

Еще одна информация о численности западных адыгов, содержится в работе И. Бларамберга (1840). Ссылаясь на сведения все того же Новицкого, а также Тауша – двух русских агентов, побывавших в Черкесии, автор приводит совершенно иные цифры численности адыгских племен (табл. 7):

Итак, – подытоживает И. Бларамберг, – если принять во внимание, что каждая черкесская семья занимает обычно большой двор с несколькими строениями, можно общее число черкесов принять за 600 000 душ (кстати, по данным, приведенным в таблице 7, получается 517 900 чел. – **Авт.**)» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Некоторые сведения о численности отдельных племен в конце XVIII – начале XIX вв. (впрочем, судя по всему, заниженные) встречаются также в работе П.У. Аутлева: «В 1769 г. в Черкесии числится бжедугов при владельце Нетохо – 1 000 семей, хатукайцев при владельце Кази Едикове – 700 семей, натухайцев – 1 500 семей, темиргоевцев – 5 000 семей».

Таблица 7 – Численность западных адыгов, по сведениям Новицкого и Тауша (Хотко С.Х., 2008).

Племена	Количество		Племена	Количество	
	дворов	жителей		дворов	жителей
Натухайцы	6 800	55 000	Темиргоевцы	1 200	10 000
Шапсуги	25 000	200 000	Эгерквасцы*	500	2 500
Абадзехи	15 800	160 000	Жане	60	600
Туби	900	7 000	Адеми	180	1 800
Убыхи	700	5 000	Мохошевцы	600	5 000
Саше	1 200	9 000	Хегайки	700	5 000
Бжедухи	1 200	9 000	Бесленеевцы	3 000	25 000
Хатукаевцы	1 150	8 000	Беглые кабардинцы	2 000	15 000

*Егерухаевцы.

Фредерик Дюбуа де Монперэ (1839 г.) приводит «...приблизительную таблицу населения Черкесии, в которую не включены Кабарда, Абадза и Абхазия» (табл. 8):

Таблица 8 – Население Черкесии (без Кабарды, Абхазии и Абадзы – абазинцев). 1839 г.

Племена	Количество, чел.	Племена	Количество, чел.
Шегаки	20 000	Гатикой (хатукайцы)	2 000
Натухаджи (натухайцы)	60 000	Черченеги	10 000
Шапсуги	200 000	Темиургой, адеми	25 000
Убыхи, саша, ардона	19 000	Мохоши	3 350
Альбедзехи (абадзехи)	160 000	Безлени (бесленеевцы)	7 500
Эзерукаи (егерукайцы)	10 000	Всего:	526 850
Хамиши (хамыши)	10 000		

«Между прочим, – продолжает Дюбуа де Монперэ (1839) – Пейсонель говорит, что племена абадзские и собственно черкесские в его время могли поставлять на ноги до 100 000 чел. и больше, что составило бы население приблизительно в 700 000 чел.».

К середине XIX в. относится информация о племенах Северо-Западного и Центрального Кавказа, приведенная в работе барона К.Ф. Сталья (1849): «Беглых кабардинцев числится 664 двора, 4700 душ; бесленеевцев — 11 аулов, 610 дворов, 5100 душ; махошевцев — 4 аула, 5 тыс. душ. Темиргоевцы, егерухаевцы и машхирцы соединены в числе более 8 тыс. душ под властью одной владельческой фамилии – Болотоковых. Машхирцы состоят из трех родов — Петукаевых, Хуратлиевых и Силахметовых. Бжедухи — 50 аулов, около 4 тыс. душ, разделяются на три части, или общества: черченеевцы, хамышеевцы и адемиевцы. Гатюкаевцев (хатукай. – **Авт.**) числится 6500 душ обоего пола» («Кавказ. Адамы горских народов...». Вып. IV. 2010).

О противоречивости сведений о численности адыгских племен в конце XVIII – начале XIX в. свидетельствуют такие факты. К. Сталь, например, определял суммарное число темиргоевцев и егерухаевцев всего в 8 тыс. чел., а Г. Новицкий утверждал, что одних только темиргоевцев было не менее 80 тыс. душ. Численность абадзехов, по К. Сталю, достигала 40-50 тыс. чел., а Г. Новицкий насчитывал их 260 тыс. чел. Общее число шапсугов К. Сталь определял в 160 тыс. душ обоего пола, а Г. Новицкий – 300 тыс. чел; М. Венюков же считал, что их было только 90 тыс. чел.

Подробный перечень адыгских племен, проживавших в начале XIX в., перед Кавказской войной, на Северо-Западном Кавказе, с указанием их численности, мы находим в книге «Исторический обзор Терка...» (1851):

«Бесленеевцы. Живут в 645-ти саклях, жителей мужского пола 2 450, женского 2 500, всего около 5 000.

Махошевцы. Живут за Лабой против Зассовскаго укрепления, всех дворов у них считается примерно до 700, а жителей обоего пола до 4 000; могут выставить до 300 чел. конных.

Темиргоевцы. Всего дворов считается у них около 1 500, и жителей мужского пола около 5 600, женского почти столько же, всего примерно будет 11 000 душ обоего пола, могут выставить около 1000 всадников.

Мамхырцы или мамхаевцы (мамхеги? – **Авт.**), живущие в 4-х аулах, в коих считается семей около 500, жителей обоего пола около 2 000 душ.

Хатукаевцы. Размещаются в 8 аулах, где считается около 450 сакель; жителей считается мужского пола 1 500, женского – почти столько же, всего около 3 000 душ.

Бжедухи. Их всего считается около 4 000 душ обоего пола.

Абадзехи. Могут выставить, как говорят, до 4 000 всадников, число душ их обоего пола во всех племенах около 40 000, т. е. 5,5 тыс. в каждом обществе.

Закубанские кабардинцы. Всех дворов считается у них 1 177; жителей мужского пола 3 800, женского – 3 600, всего 7 400 душ обоего пола; в случае надобности кабардинцы могут выставить 800 чел. отличных всадников.

Абазины. Всего в абазинском племени около 22 тыс. чел.

Из этих кратких статистических сведений видно, что число душ всех Закубанских народов, вместе взятых, простирается до 120 000 и никак не более...» («Исторический обзор Терека...», 1851). Обращает на себя внимание тот факт, что в вышеприведенном перечне, по какой-то причине, отсутствуют сведения о таких крупных племенах, как шапсуги и натухайцы, а также об адамиевцах и жане. В работе официального царского статистика-историографа А. Берже (1858) приводятся следующие сведения о племенном составе адыгов и их численности (табл. 9).

Таблица 9 – Численность черкесских племен и родственников или соседственных с ними, до переселения в Турцию (по А. Берже, 1858)

Племена	Число душ	Племена	Число душ
1. Племя адиге (черкесы)		е) Аредба	
1). Большая Кабарда	24 282	ж) Цвиджа	
2). Малая Кабарда	12 756	з) Бага	
3). Беглые кабардинцы	4707	5). Абадзинцы:	
4). Шапсуги	160 000	а) Кумские	2550
5). Натухажцы (натхокуад)	20 000	б) Кубанские	3900
6). Шегеки или хеаки	?	6). Бесильбей	2677
7). Абадзехи	40 000	7). Там	690
8). Гатюкай	6521	8). Кизылбеков аул	600
9). Бжедухи		9). Шегирей	630
а) Черченейцы	2000	10). Баго или Бег	480
б) Хамышейцы	2000	11). Браки или Баракай	960
10). Жанеевцы	?	12). Ловов аул	1000
11). Кемгуй (кемиргой и темиргой)	8168	13). Дударуков аул	890
12). Егерукой	?	14). Бибердов аул	?
13). Бесленей	5115	4. Тюркское племя	
14). Мохош	5000	1). Ногайцы	
15). Чебсины	?	А. Закубанские ногайцы	
16). Адале	?	А) Тахтамышевские	4021
Всего:	290 549	Б) Мансуровские	2314
2. Племя убых		В) Карамурзинские	1955
а) Собственно убых	25000	Г) Кипчакские	2650
б) Саше		Д) Наврузовские	5419
в) Вардане		Б. Кумыкские ногайцы	5400
3. Абхазское племя		а) Аксайские	
1). Абхазцы		б) Костековские	
2). Самурзаканцы		2). Карачай	7380
3). Цебельдинцы		3). Урусипевцы	500
4). Садзен (джигеты):	16 923	4). Малкарцы или балкарцы	4450
а) Псху		а) Балкарцы	
б) Ахчипсоу		б) Чегемцы	
в) Айбуга		в) Хуламцы	
г) Цандрипш		г) Безингиевцы	
д) Кечьба		Всего:	34 089

**Примечание.* Приведенные А. Берже сведения о численности адыгских племен, относящиеся к 1846-1852 гг., – занижены.

Более поздние комментаторы также обращают внимание на явно заниженные цифры численности некоторых адыгских племен, приведенные А.П. Берже (1858; 1882). Так, авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С.130), ссылаясь на Д.Н. Прасолова и М.Н. Губжокова, подчеркивают «приблизительность оценки численности адыгских племен», произведенной А.П. Берже, в частности, племен абадзехов, натухайцев, бжедугов: «Необходимо учитывать, что эти показатели не отражают ни действительного соотношения

Таблица 10 – Численность населения черкесского племени в два разные периода времени (Дубровин Н.Ф., 1871).

Племена	Число душ	
	в 1835 г.*	в 1858 г.
Шапсуги	200 000	160 000
Натухажцы	60 000	20 000
Абадзехи	160 000	40 000
Хатюкайцы	4 500	6 521
Бзедухи	4 500	4 000
Кемгуй (Темиргой)	15 000	8 168
Бесленейцы	25 000	5 115
Мохошевы	5 000	5 000
Убыхи	19 000	25 000
Итого:	493 000	273 804

*) До начала массового переселения в Турцию.

) Разница (493 000-273 804= 219 196 чел.) – явно заниженная цифра потерь западных адыгов в Кавказской войне. – **Авт.

ных субэтносов и адыгской общности в целом, в 1830 г. натухайцев насчитывалось 240 тыс., бжедугов 60 тыс., темиргоевцев 80 тыс. чел. Поэтому есть основания полагать, что в конце 50-х – первой половине 60 х гг. XIX в численность махаджиров была существенно искажена российскими чиновниками, которые пытались таким образом скрыть истинные масштабы свершившейся трагедии и сам факт геноцида некогда многочисленного адыгского этноса».

Путешествуя по Кавказу, А. Дюма (1869 г.) в своих записках сделал попытку оценить численность адыгов: «Красота Черкесии своеобразна, красота силы и сурового могущества! Могучи скалы, и должен быть крепок и силен человек, тогда он может жить и властвовать в этом гордом и непреклонном царстве. Мы пытаемся перечислить различные племена, составляющие национальный состав Кавказа, и сообщим, из скольких душ состоит в настоящее время каждое из них:

Адыгское, или Черкесское племя разделяется на 16 родов:	290 549
Убыхское племя – на 3 рода:	25 000
Ногайское племя – на 5 родов:	44 989
Абхазское племя – на 14 родов:	144552
И т. д.	
.....	
Всех 11 племен – 122 рода	1 059 665 чел.

Адыгское, или черкесское племя, – продолжает А. Дюма, – населяет пространство от горы Кубани до устьев реки Кубани, потом тянется до Каспийского моря и занимает Большую и Малую Кабарду...».

Несколько иные цифры мы встречаем у Н.Ф. Дубровина (1871. С. 22) (табл. 10).

8.2.2. Сведения о численности кабардинцев

«Несмотря на то, что о численности населения Кабарды в XVIII в. написано немало, эта проблема остается одной из самых спорных в адыговедении, – отмечают авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006). – Так как по этому периоду нет достаточно полных и достоверных сведений, большинство авторов устанавливало численность ее населения по косвенным данным о количестве селений и дворов, составе семьи, численности дворянского сословия и выставяемого им войска...».

8.2.2.1. «Полону взяли больше двадцати тысяч»: ориентировочное число жителей Кабарды в XVI-XVIII вв.

И сказал царь: пройдите по всем коленам израильским и исчислите народ, чтобы мне знать число народа.

2-я Книга Царств (24; 2).

Несмотря на то, что о численности населения Кабарды в XVIII в. написано немало, эта проблема остается одной из самых спорных в адыговедении.

«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006).

Сведения о численности кабардинцев до их «исхода» в Турцию весьма скудны. В 1567 г. крымский хан Магмет-Гирей, хвалясь в грамоте Ивану IV успехами своего набега на «кабардинских черкес», писал: «Полону

взяли больше двадцати тысяч». Эта цифра говорит о многочисленности кабардинского населения в этот период (Дзамихов К.Ф., 2008). В середине XVII в. (1640 г.) документы приводят данные о количестве в Кабарде «кабаков», т. е. населенных пунктов: «кабаков 112» (сюда не входили кабаки удельного княжества Калехстана в Малой Кабарде). Впрочем, Е.Н. Кушева считает эти данные очень заниженными (Дзамихов К.Ф., 2008).

Некоторые косвенные сведения о населении Кабарды можно получить из донесения князя П.М. Апраксина (1711 г.), в котором приводится оценка численности кабардинского войска членом делегации Али-Мурзой Алеевым: «Князей-де их и мурз, и узденей, и черкес, которые всегда готовы к войне, конницы, оружейных, кроме черных работных людей, – тысяч с 15, а в нужный случай с работными людьми их соберется тысяч 30 или больше» (Кудашев В.Н., 1991. С. 42).

Несомненный интерес представляют «Расспросные речи в Посольском приказе кабардинского посла Султана-Али Абашева», – документ, составленный в начале 1718 г., содержащий сведения о численности кабардинского войска в начале XVIII в. По оценке Али Абашева, «...черкасских и кабардинских войск выходит в поле до 10 тыс. чел.» (РГАДА, ф. Посольский приказ, Кабард. дела, 1718 г., д. 1, л. 28; «История многовекового...», 2007).

По данным Ксаверии Главани (1724 г.), население Кабарды (Большая Кабарда) составляло около 3000 жилищ. «А в Кучук-Кабарте (Малая Кабарда) насчитывалось 800 жилищ, в Тауз-Султан-кабаке (Таусултания) – 600 дворов и Гилаксане (Гилахстан, включая Ахлова и Мударова кабаки) – 400 дворов» (Цит. по: Бейтуганов С.Н., 2007).

Примечательно, что в «Протоколе расспроса кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел о Большой и Малой Кабарде», датированном 7 марта 1732 г., мы находим сведения, совпадающие с приведенной выше оценкой Султана-Али Абашева. Так, на вопрос «Сколько военных людей может собраться как в Большой, так и в Малой Кабарде порознь от каждой?» Атажукин отвечал: «В Большой Кабарде военных людей собирается 10 тыс. чел., половина конных, другая пехоты. А в Малой Кабарде конного войска с 700 чел. конных, а сколько пехоты, того он, Магомет-бек не знает» (Архив внешней политики Российской империи, ф. «Кабардинские дела», 1731-1732 гг., д. 2, л. 133; Рахаев Дж.Я. 2005. Вып. I). По другим данным, кабардинцы в те годы могли выставить в течение суток 30 тыс. чел., половину которого составляла княжеско-дворянская конница. О 15-тысячной кабардинской коннице свидетельствует и документ 1755 г.» (Дзамихов К.Ф., 2008).

К концу XVIII в., по подсчетам академика Палласа, население Кабарды (вероятно, Большой Кабарды) составляло «20 000 чел. простолюди и 1 500 узденей». Под этими цифрами, надо полагать, имеется в виду не общее число жителей, а количество дворов (Бейтуганов С.Н. (2007)).

По А.Х. Касумову и Х.А. Касумову, до выселения в Турцию кабардинцев насчитывалось 200 000 чел. Близкие цифры мы встречаем и в других источниках. Так, историк О.Б. Бубенок (2006. Вып. IV) считает, что в первой половине XVIII в. в Большой Кабарде насчитывалось 8500 дворов, в Малой Кабарде дворов было вдвое меньше. Исходя из этого, общее число их для всей Кабарды составляло около 13 тыс. Так как кабардинцы проживали обычно большими семьями по 10-12 человек, то имеются основания полагать, что их общая численность достигала 130-160 тыс. чел. К концу XVIII в. количество кабардинцев увеличилось до 165-200 тыс. чел. (Бубенок О.Б., 2006. Вып. IV).

Обобщив и проанализировав косвенные данные о количестве кабардинских селений и дворов и численности выставляемого войска, В.К. Гарданов пришел к выводу, что в первой половине XVIII в. население Кабарды составляло 130-160 тыс., а концу столетия достигало 180-200 тыс. чел. Причем в качестве основной единицы исчисления он тоже использовал «двор», численный состав которого он определял в 10-12 чел. Однако В.К. Гарданов не учитывал особенностей семейного быта и традиционной поселенческой культуры кабардинцев и отождествлял двор, в котором проживала одна семья, с феодальным двором.

Исследователи обращают внимание на то, что «в подавляющем большинстве случаев в одном кабардинском дворе проживало несколько семейств. В частности, характерным явлением для кабардинских феодальных семей являлось то, что они вместе со своими крепостными крестьянами проживали в одном и том же дворе». Кроме того, по свидетельству П.С. Потемкина, в XVIII в. у кабардинцев доминирующей формой семейной организации была большая семья. В силу этих обстоятельств в адыгском дворе могло проживать до 30-50, а иногда и до 100 чел. Исходя из этого, К.Ф. Дзамихов пришел к заключению, что население Кабарды в XVIII в. могло составлять 350-450 тыс. чел.

Для сравнения можно привести сведения И. Бларамберга (1840). Он отмечал, что «по подсчетам, проделанным в 1804 г., в Большой Кабарде проживало 30 тыс. семей, а в Малой Кабарде – 15 тыс. семей...». Эти данные были получены до начала эпидемии чумы и наиболее опустошительных карательных экспедиций царских войск в Кабарду. При умножении числа семей на коэффициент «10» население Кабарды может составить 450 000 чел. Но по мнению С.Х. Хотко (2008), эти цифры завышены по крайней мере вдвое: «...В годы до эпидемии чумы в 1804 г. население Кабарды равнялось 100 000 чел., проживавших в 4500 дворах, средняя численность семьи составляла 21 чел.».

И другие авторы не согласны с этим «коэффициентом». Анализируя «Списки узденей» 1825 г., Х.М. Думанов установил, что в первой половине XIX в. средняя численность семьи в целом по Кабарде составляла 6 чел. Опираясь на эти материалы, можно предположить, что примерная численность населения Кабарды на рубеже XVIII-XIX вв. составляла не менее 270 тыс. чел. (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Еще в 1808 г. И.П. Дельпоццо писал, что вследствие чумы кабардинцев осталась «почти десятая часть». По данным Генерального штаба, к 1834 г. население Кабарды только от чумы сократилось в 6 раз. По сведениям И. Бларамберга, к 30-м гг. XIX в численность кабардинцев уже не превышала 30 тыс. чел., из которых 24 тыс. чел. проживали в Большой Кабарде, а 6 тыс. – в Малой. Историк Т.Х. Кумыков (1994) отмечает, что в результате военных действий, опустошительной чумы и переселения в Османскую Турцию население Кабарды, составлявшее к середине XVIII в. 300 тыс. чел., к последней четверти XIX в. насчитывало 35 тыс., т. е. сократилось в 9 раз. (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 437, л. 7; Панеш А.Д., 1999. С. 38).

Следовательно, до начала действия этих разрушительных факторов, т. е. в конце XVIII в., численность кабардинцев могла достигать 350-400 тыс. чел. (Впрочем, авторы книги «История адыгов...» (2009. С. 353) приводят иную, заведомо завышенную цифру: «Во второй половине XVIII в. численность кабардинцев колебалась в пределах 500 тыс. чел.»). По мнению же авторов «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С.128-130), наиболее вероятная численность населения Кабарды в XVIII в. могла составлять около 300 тыс. чел. В первой трети XIX в., в силу указанных выше факторов, она сократилась в 10 раз.

В сводном виде все мнения о численности кабардинцев перед Кавказской войной представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Численность населения Кабарды в конце XVIII в., по данным различных авторов

Автор	Количество, чел.	Автор	Количество, чел.
О.Б. Бубенок (2006. Вып. IV)	165 000-200 000	А.В. Кушхабиев (2007)	300 000-450 000
В.К. Гарданов (1961)	180 000-200 000	Х.М. Думанов (1991)	350 000
А.Х. Касумов, Х.А. Касумов (1992)	200 000	К.Ф. Дзамихов (2008)	351 000
Х.М. Думанов	270 000	А.Д. Панеш (1999. С. 38)	350 000-400 000
С. Броневской (1823)	300 000-350 000	К.Ф. Дзамихов (2008)	350 000-450 000
«Адыгская (черкесская) энциклопедия» (2006. С.128-130),	300 000	«История адыгов...» (2009. С. 353)	500 000

8.2.2.2. Оценка численности населения Кабарды в первой половине XIX в.

Если Он пожелает, то уведет вас, о, люди, и приведет других...

Коран. Сура 4; 132

В результате военных действий, эпидемии чумы, завезенной из Астрахани (с царской почтой), и вынужденной эмиграции численность кабардинского населения сократилась... с 300-450 тыс. до 60 тыс. чел.

Кушхабиев А.В (2008. Вып. VII).

В начале XIX в. в результате военных действий, карательных экспедиций Глазенапа в 1804 г., Булгакова в 1810 г. и Ермолова в 1821-1827 гг., эпидемии чумы, тяжелых условий существования от некогда многочисленного кабардинского народа к 30-40-м гг. XIX в. осталось всего 35-40 тыс. чел. Как сообщает «Ведомость...» Якуба Шарданова, в 1824-1825 гг. в Кабарде оставалось 105 аулов: 84 – в Большой Кабарде и 21 – в Малой Кабарде. А на карте, составленной в 1842 г., в Большой Кабарде было только 52 аула, а в Малой Кабарде и того меньше – всего 18 аулов (Бейтуганов С.Н., 2007). По данным С. Броневского (1823), «...население Кабарды 50 000 дворов, могущих выставить до 25 000 вооруженных всадников». Если принять общепринятое исчисление 1 двор (семья) = 6-7 чел., то тогда численность Большой и Малой Кабарды составляла до начала Кавказской войны 300 000-350 000 чел.

Наиболее ранние, строго документированные, официальные переписи населения Кабарды, дошедшие до нас, относятся к 1825 г. Они дают довольно-таки реальную картину структуры и численности населения, потому что вследствие чумы и военного завоевания Кабарды царизмом с конца XVIII в. до 1822 г. ее население сократилось в 10 раз. Так, согласно «Ведомости исчисления кабардинского народа...» (1825), численность только мужского населения Кабарды составляла 13 611 душ («История многовекового...», 2007. с. 603). Таблицы, составленные по данным 1825 г., показывают, что в средней дворянской семье проживало свыше 5 чел. Значит, за 15 тысячами вооруженных дворян стояло 75-тысячное уоркское сословие по самым допустимым минимальным расчетам. По этим же таблицам, удельный вес дворянства по отношению ко всему другому населению выступал как 1:4,68. Таким образом, по этим расчетам всего кабардинского населения к середине XVIII в. получается 351 000 (Дзамихов К.Ф., 2008). К этим цифрам близка и оценка Х.М. Думанова (350 000 чел.).

Использованная К.Ф. Дзамиховым методика подсчета дает в общей сложности 100 тыс. людей мужского и женского пола только дворянского сословия. С учетом его удельного веса все население Кабарды составляло до 450 тыс. чел.

По неполным сведениям, собранным бароном Вревским, в 1837 г. в Большой Кабарде было 76 деревень (3693 двора) – 10 243 души мужского пола; в Малой Кабарде – 17 деревень (909 дворов) – 4377 душ мужского пола (Бубенок О.Б., 2006. Вып. IV).

Некоторые статистические сведения о расселении кабардинцев приводят авторы книги «Исторический обзор Терека...» (1851): «Вся земля Большой Кабарды разделена между 4 княжескими фамилиями и фамилиями узденей 1 степени: Куденетовой, Анзоровой, Тамбиевой и Куголкиной, и потом на мелкие участки подвластным им узденям. Кроме того, в Большой Кабарде около Нальчика поселен Вольный аул на правой стороне реки. Народонаселение распределено между фамилиями следующим образом (табл. 12).

Таблица 12 – Распределение народонаселения в Кабарде по фамилиям владельцев аулов

Княжеские фамилии	Число аулов	Число дворов	Число жителей обоого пола
Большая Кабарда			
Атажукины	22		7 029
Мисостовы	17		6 306
Бек-Мурзины	24		7 737
Кайтукины	19		5 210
Вольный кабардинский аул			814
Аул евреев			275
Всего	82	4 350	27 371
Малая Кабарда			
Эльхотовы, Надоровы, Ахловы, Астемировы; аулы Бековича-Черкасского	26	2 125	12 756
Всего			

Определенную ценность для подсчета населения Кабарды имеет составленный в 1859 г. «Список аулам, населенным в Кабардинском округе, с обозначением дворов в каждом...». Этот «Список...» имеет важную особенность: он указывает количество дворов в каждом ауле, что позволяет установить приблизительную численность населения. По данным С.Н. Бейтуганова (2007), в Большой Кабарде в 1859 г. насчитывалось примерно 3362 двора. Полагая, что на каждый двор в среднем приходилось по 6 душ, население Большой Кабарды составляло в то время около 22 000 жителей. В июне 1858 г. Малая Кабарда вошла в состав Кабардинского округа. От Большой Кабарды Малая Кабарда отличалась этническим разнообразием. В 1859 г. она состояла «из 1060 дворов ма-локабардинцев, до 150 дворов осетин магометан и христиан, 225 дворов чеченцев и до 450 дворов кумык».

Придерживаясь указанного выше принципа исчисления населения, С.Н. Бейтуганов (2007) считает, что в *Малой Кабарде проживало немногим более 11 300 чел., в том числе приблизительно 6 400 кабардинцев* (Бейтуганов С.Н., 2007).

По С. Броневскому, в Кабарде в это время насчитывалось около 50 000 чел. При этом численность ближайших «соседей» адыгов не превышала: карачаевцев – 15 000 и балкарцев – 9 000 чел. Близкие цифры числа кабардинцев приводятся таблице 13, помещенной в книге Н.Ф. Дубровина (1871. С. 22).

Анализ сведений, относящихся к статистике Кабарды, дал возможность А.В. Кушхабиеву утверждать: «В результате военных действий, эпидемии чумы, завезенной из Астрахани (с царской почтой), и вынужденной эмиграции численность кабардинского населения сократилась в значительной степени. По мнению ряда историков, во второй половине XVIII в. численность кабардинцев находилась в пределах 300-450 тыс. чел. К 30-м гг. XIX в. она сократилась до 60 тыс. чел. Установленный в Кабарде военно-оккупационный режим и аннексия значительной части земель – пахотных угодий и пастбищ – послужили причиной антиколонизальных восстаний в Кабарде в 1837, 1838, 1846, 1854 гг. Десятки кабардинских дворян и крестьян уходили в Имамат Шамиля, чтобы принять участие в борьбе за независимость (Кушхабиев А.В., 2008. Вып. VII. С. 357).

О том, что движение Шамиля пользовалось поддержкой некоторой части адыгов, сообщают и авторы одного из сайтов Интернета: «Черкесы во время Русско-Кавказской войны занимали важные позиции в госу-дарстве имама Шамиля. Известно, что они участвовали в обороне аула Ахульго в 1839 году. Кабардинец

Магомет-Мирза Анзоров был наибом Малой Чечни, а затем Шамиль назначил его мудиром (т. е. управляющим несколькими наибствами)» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

В заключение, подытоживая вышеска-занное, остановимся на *суммарной численно-сти западных адыгов и кабардинцев* в конце XVIII – начале XIX в., перед Кавказской вой-ной. По данным авторов «Адыгской (черкес-ской) энциклопедии» (2006. С.129-130), «...численность населения Западной Черкесии в первой половине XIX в. составляла около 1,0 млн. чел. Вероятно, в XVIII в. численность

Таблица 13 – Численность населения Большой и Малой Кабарды в два разные периода времени (Дубровин Н.Ф., 1871)

Наименование	Число душ	
	1835 г.**	1858 г.
Большая Кабарда	24 000	24 282
Малая Кабарда	6 000	12 756
Беглые кабардинцы*	4 000	4 707
Итого:	34 000	41 745

*Имеются в виду кабардинцы, бежавшие за р. Кубань

**) До начала массового переселения в Турцию.

***) Разница (41 745-34 000=7 745 чел.) – явно заниженная цифра потерь кабардинцев в Кавказской войне. – Авт.).

западных адыгов не могла быть меньшей. *Если приплюсовать к ним кабардинцев, то всех адыгов насчитывалось около 1,3 млн. чел.*». По нашему же мнению, подтвержденному рядом дополнительных источников, суммарная численность западных адыгов (1 400 000 чел.) и кабардинцев (200 000) до начала Кавказской войны и массового «исхода» в Турцию составляла несколько больше – около 1 600 000 чел.

8.3. Потери адыгов и царских войск в Кавказской войне

Комментируя книгу И.И. Кияшко (Екатеринодар, 1911; Репринт, 2007. – 343 с.), доктор исторических наук, профессор В.Н. Ратушняк высказывает сомнение, что потери адыгов и русских в Кавказской войне были значительные: «Число казаков, павших в военных стычках с горцами, не так уж велико, как это пытаются представить некоторые авторы, говоря о каких-то *громадных мифических потерях с обеих сторон в период так называемой Кавказской войны*. Между тем, своеобразие Кавказской войны (не случайно ряд ученых опровергает сам этот термин) заключалось в том, что это была война без линии фронта, и во время военных действий одни горцы воевали, а другие мирно торговали с русскими, в том числе с казаками». Насколько потери адыгов были «мифическими», станет видно из последующего изложения.

8.3.1. Потери адыгов: «Яростное, бессмысленное избиение, истребление непокорных горцев...»

Горе тебе и горе! ... И паки горе тебе и горе!

Коран. Сура 75; 34,35.

Потеря черкес была ужасная: они едва успевали подбирать тела, а у нас (царских солдат) убито всего трое и ранено два.

Н.В. Симановский (1837).

К сожалению, точных сведений о числе погибших адыгов (как, впрочем, и русских солдат и офицеров, а также казаков) в ходе Кавказской войны нет; есть лишь весьма приблизительные. Единственно, что можно утверждать с достаточной уверенностью, – то, что потери адыгов в ходе войны были несоизмеримы с потерями царских войск. Так, архивные документы свидетельствуют, что в ходе карательных экспедиций царских войск против адыгов, сражений, как таковых, не было, – было «*яростное, бессмысленное избиение, истребление непокорных горцев*» [во всяком случае, в конце XVIII – начале XIX вв., когда у адыгов еще не было ни опыта, ни соответствующего вооружения. В одном из официальных отчетов встречается даже упоминание об использовавшихся адыгами стрелах! Об этом писал и Николас Витсен (1641-1717): «Черкесы – хорошие наездники, употребляют луки и стрелы, а также копыя и дротики» («Кавказ...». Вып. III. 2010. С. 65-71). Лук и стрелы против пушек с картечью, – поистине, борьба шла «на-равных»...]. А о том, как обычно шла эта бойня, свидетельствовали сами очевидцы:

«1802 г., 29 мая. Карательный отряд был составлен из 336 офицеров, 2245 пеших и 3858 конных казаков, под командованием атамана Бурсака; вел отряд проводник Шеретл-оглы. Разгромлены 4 аула князя Буджука у р. Пшиш, убито 200, ранено 300 и взято в плен 532 черкеса. Потери казаков: убито 4, ранено 15 чел.»

1813 г., 24 октября. Царские войска под командованием генерала Портягина окружили толпу горцев численностью более 12 тыс. чел. *Было убито и ранено до 1800 черкесов*».

«1821 г., осень. Большое количество шапсугских всадников ворвались ночью в пределы черноморских казаков у Черноерковских хуторов. Генерал Власов, собрав 600 конных казаков и 65 пеших, под командованием старшины Журавля и есаула Залесского, приготовился встретить неприятеля. Как отмечают очевидцы, «...гром пушек раздался во всех частях распорядительного генерала... Густые массы шапсугов двинулись и, сбившись в темноте с дороги, вошли в Калаусский лиман, по обширности своей непроходимый, и стали тонуть в нем». По сообщению В.А. Потто, «...сами шапсуги считают утонувшими в лимане более 20 знатнейших князей и 1200 всадников, не считая погибших на суше. Как пишет Ф. Щербина, «ужас наводило на живых людей это необычайное кладбище лучших сынов Черкесии». Потери русских: 5 чел. погибло, 14 ранено.

1823 г., июль. Царские войска устраивают «репрессалии» за набег Джембулата. Войска перешли Кубань, вышли к р. Б. Зеленчук и захватили врасплох 5 ногайских аулов. В плену оказались 3 князя с семьями и родственниками, много «простого народа». 2 июля отряд, с большим числом пленных и скота, пошел обратно. На помощь ногайцам прибыло около 1000 «беглых кабардинцев», бесленеевцев, абазинцев и абадзехов. Русские войска разбили их у Усть-Тохтамышского поста. Итог экспедиции – горцы потеряли много убитыми и ранеными, *попало в плен 1467 чел., взято около 5500 голов рогатого скота, 2000 овец. Официальные потери русского отряда – убиты 1 солдат и 2 казака, 2 навагинца утонули, ранены 1 солдат и 8 казаков*» (Скиба К.В., 2005; Епифанцев А.А. 2010. С. 158-159).

1823 г., сентябрь-декабрь. В конце сентября отряд, состоявший из 3000 чел. и 16 орудий под командованием генерала Вельяминова пошел на Чамлык и Лабу. Казаки майора Верзилина и капитана Якубовича окружили три аула. Это были ногайцы, прогнанные с Зеленчука и только что начинавшие устраивать свои новые поселения на Лабе по указанию своего владельца Эдиге Мансурова. Аулы были захвачены совершенно врасплох. Из

жителей не спаслось почти ни одного: 300 чел. были вырезаны, 566 душ взято в плен, захвачено 2000 голов скота. «Непомерная потеря неприятеля, – писал генерал Ермолов, – произошла от того, что казаки застали на расвете жителей спящими». В числе пленных были: малолетний князь Шабан-Гирей, дочь князя Камукая Мансурова и 2 сестры князя Салибея, а также сын султана Менгли-Гирея, генерала русской службы, отданный на воспитание закубанцам; тяжело ранен князь Измаил Касаев. При этом потери казаков составили всего 8 чел.

1824 г. Полковник Коцарев и подполковник Волжинский громили аулы между Лабой и Зеленчуками. 18 июня с помощью проводника-предателя абазинского князя Данбек-Лова захвачены в долине М.Зеленчука абазинские аулы Клычева и князей Дударуковых. Аулы сожгли, 200 чел. убито, 370 взято в плен, многие погибли при спешной переправе через речку; особенно много гибло детей. В.А. Потто, упоминая об этом событии, отмечал, что среди множества убитых в этой битве горцев находились тела молодого сына князя Магомета Атажукина и карачаевского старшины Кубиева (Хубиева. – Авт.). Захвачено 600 лошадей, 1200 голов крупного рогатого скота, 10 000 овец. Потери русских: 2 чел. убито, 5 ранено (Барзbieв М.И., 2005. Вып. II).

1862 г., 3 октября. Царский историограф описывает в своем дневнике результаты нападения горцев на ст. Нижнебаканскую: «Потери наши в деле 3-го октября были следующие: убито жителей ст. Нижнебаканской – 5 мужчин и 2 женщины, и в частях войск: 2 обер-офицера и 17 нижних чинов; ранено: жителей – 7 мужчин и в частях войск: 2 штаб-офицера, 2 обер-офицера, 62 нижних чина. (То есть, суммарно – 7 жителей и 19 военных убиты, 7 жителей и 66 военных ранены. – Авт.). И далее он продолжает: «Потери неприятеля (т. е. горцев) в этот день были далеко значительнее: они оставили на месте боя до 400 трупов, из которых большая часть унесена горцами лишь в ночь на 4 октября, а около 100 тел осталось в наших руках и за них горцы предлагали на выменять наших пленных. Кроме убитых, неприятель понес значительную потерю ранеными... Дело 3 октября своим исходом для горцев напоминает их старикам поражение, нанесенное им в 1821 г. в знаменитом деле на р. Калаусе (Кияшко И.И., 2005. С. 318). ...Судя по всему, царские каратели строго придерживались библейских «рекомендаций»: «А вы не останавливайтесь, но преследуйте врагов ваших, и истребляйте заднюю часть войска, и не давайте им уйти» (Книга Иисуса Навина, 10; 19).

Сами адыги в августе 1825 г. «...через анапского пашу сообщали турецкому султану, что за первые 25 лет войны по Кубани и Терек у черкесских племен было убито русскими 25 225 черкесов». После 1825 г. масштабы военных действий расширяются; соответственно, растут и людские потери с обеих сторон. По подсчетам Н. Дубровина, только за период с 1835 по 1858 гг. (т. е. до начала массового переселения в Турцию) «...численность черкесов уменьшилась на 211 451 чел. В их числе потери абдзахов (абадзехов) составляли 120 000 чел., шапсугов – 40 000, натухайцев – 40 000, бесланейцев – 19 985 чел.».

Таким образом, суммарные потери адыгов в ходе военных действий и карательных экспедиций царских войск ориентировочно можно оценить, по меньшей мере:

По данным адыгов, за 1801-1825 гг.	25 225 чел.
По Н. Дубровину, за 1835-1858 гг.	+ 211 451 чел.
Итого:	236 676 чел.

При этом, как видно из приведенных данных, периоды 1826-1834 гг. и 1859-1864 гг. «выпадают» из статистики. Если же учесть, что это были годы наиболее кровопролитных сражений (особенно на завершающем этапе Кавказской войны), мы не сильно ошибемся, если имеющиеся цифры потерь удвоим. Тогда потери западных адыгов составят ориентировочно около 350-400 тыс. чел. Эту же цифру можно встретить в работе А.А. Епифанцева (2010. С. 152), который приводит фрагмент из «Обращения черкесских организаций в Европарламент»: «По заниженным данным Адольфа Берже (1828-1886 гг.), который считался в то время официальным историком Русско-Кавказской войны, из более чем 1 млн. адыгов (черкесов) в войне погибло свыше 400 тыс. чел.».

Вместе с тем, по мнению А.В. Кушхабиева (2007), «...в результате перманентных военных действий численность западных адыгов к концу 1850-х – началу 1860-х гг. сократилась и могла составлять вместо 1 млн. чел. – не менее 800-850 тыс. чел., включая убытков». (То есть, в ходе военных действий погибло, по мнению этого автора, 150-200 тыс., что представляется нам заниженным, по крайней мере, вдвое).

Потери кабардинцев, судя по всему, составляют по меньшей мере половину цифры потерь западных адыгов. По разным источникам, вследствие эпидемии чумы, карательных действий царских войск и разного рода переселенческих процессов, количество кабардинцев к 30-м гг. XIX в. уменьшилось, по сравнению с XVIII столетием, в 8-10 раз и составило: по Н.Ф. Дубровину (1871. С. 22), – 34 000; по Т.Х. Кумыкову (1994), – 35 000; по А.В. Кушхабиеву (2008. Вып. VII. С. 357), – 60 000 чел.

Как отмечают А.Х. Касумов и Х.А. Касумов, «...в первой трети XIX в. из адыгских народов наибольшие потери от эпидемии чумы и карательных экспедиций царизма понесли кабардинцы. Если к концу XVIII в. их численность достигала 200 тыс. чел., то к 30-м гг. XIX столетия их осталось 30-35 тыс. Многие кабардинцы бежали к закубанским черкесам («беглые кабардинцы»)....». Таким образом, по оценке этих авторов, потери кабардинцев составили около 150-170 тыс. чел., что наиболее соответствует историческим реалиям. По мнению же историка Х.М. Думанова, «...население Кабарды по официальным данным только в течение 1800-1820 гг. сократилось в 10 раз, с 350 до 37 тыс. чел., то есть уменьшилось на 313 тыс. чел., что нам представляется завышенным. К сожалению, данных об их потерях за последующий период 1830-1864 гг. пока не выявлено.

8.3.2. Потери регулярных царских войск и казаков в ходе Кавказской войны

С учетом вышесказанного, можно предполагать, что потери западных адыгов в период Кавказской войны составили около 350–400 тыс. чел, а кабардинцев – не менее 150 тыс. чел., что в сумме составляет около 500–550 тыс. чел. Для сравнения ниже приведем цифры потерь царских войск (также сугубо ориентировочные).

8.3.2.1. «Против адыгов после 1830 г. обрушилась вся мощь Кавказской армии Российской империи»

Российское командование было вынуждено сконцентрировать в Черкесии беспрецедентную группировку в 280 000 штыков... Против черкесов было выставлено вдвое больше (чем против Шамиля) полевой артиллерии, не считая крепостных и корабельных орудий.

С.Х. Хотко (2008).

Диапазон мнений о потерях царских войск в Кавказской войне весьма широк. Прежде всего, отметим, что против маленького свободолюбивого народа адыгов после 1830 г. обрушилась вся мощь Кавказской армии Российской империи. Даже в 1854 г., во время военных действий Российской армии с турками под Севастополем, царское командование содержало на Западном Кавказе значительные военные части против адыгов, – в них насчитывалось 112 000 солдат и 208 орудий. А в 1860 г, по отчету военного министра Д.А. Милютина, против адыгов была сконцентрирована армия в 256 000 солдат при 242 орудиях (Хотко С.Х., 2008).

И далее историк пишет: «Несколько позже российское командование было вынуждено сконцентрировать в Черкесии беспрецедентную группировку в 280 000 штыков. (Для сравнения: группировка на Балканах в 1877 г. состояла из 300 000 солдат). В целом, на протяжении всей Кавказской войны против Черкесии были задействованы более крупные силы, чем против имамата Шамиля. Против черкесов в среднем было выставлено вдвое больше полевой артиллерии, не считая крепостных и корабельных орудий. Соответственно и потери царских войск также были больше в Черкесии, нежели в других районах Центрального и Восточного Кавказа» (Хотко С.Х., 2008).

Как отмечают М.А. Керашев с соавторами, «...после падения Шамиля основные силы царских войск были двинуты против западных адыгов. По разным оценкам, численность царских войск составляла от 200 до 300 тыс. чел.». О том, что в 1862 г. «на Северо-Западном Кавказе была сосредоточена 300-тысячная группировка российских войск», – свидетельствуют и авторы «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (2006. С.369).

В работе А.А. Епифанцева (2010. С. 16; 21–22) рассматриваются основные этапы эскалации российских войск на Западном Кавказе. В кратком изложении эти этапы представляются следующим образом:

В 1763 г. была заложена крепость Моздок. В то время, за исключением небольшого гарнизона в Кизляре и малочисленного терского казачества, русский отряд в Моздоке был практически единственной частью регулярной русской армии на Северном Кавказе. Её численность, например, в 1770 г. известна точно – крепость получила штатное расписание в 214 солдат, а через 3 года гарнизон крепости насчитывает уже 2 342 чел. С того времени, за исключением 1804, 1811 и 1854 гг., количество русских войск на Кавказе постоянно увеличивается: в 1796 г. их больше 20 000 чел., в 1809 г. – до 27 648 чел. пехоты, 15 886 чел. кавалерии с 36 батарейными и 64 лёгкими артиллерийскими орудиями. К 1816 г. на Западном и Восточном Кавказе уже находятся до 45 000 пехотинцев, 6 926 чел. кавалерии и 131 орудие.

В 1816 г. на Кавказ приходит А.П. Ермолов. С его появлением порядок ведения боевых действий полностью меняется, – вместо глухой, безнадёжной обороны и коротких карательных акций, по сути тех же набегов, российская армия начинает планомерно и широко наступать, создавая плацдармы, вырубая леса и уничтожая экономическую базу горцев. Это изменение тактики, естественно, проходит на фоне дальнейшего увеличения войск. К 1834 г., по некоторым данным, на Кавказе располагаются уже около 80 тыс. российских солдат, а через 20 лет – в 1854 г. – во время Крымской войны Россия держит на Кавказе более 110 тыс. солдат при 200 орудиях, при этом резервы, расквартированные в Закавказье, составляют ещё 90 тыс. солдат и около 200 орудий. С этого периода к действующим против адыгов частям правомерно относить и Черноморский флот, так как в начале 1830-х гг. он начинает блокирование адыгского морского побережья, что играет очень важную и пока недооцененную роль в поражении горцев в войне. К этому времени войск на Кавказе становится уже столько, что они могут очень плотно и гарантировано прикрыть всю линию границы общей протяженностью 1500 км, почти не оставляя слабых мест для прорыва даже небольших партий горцев.

После Крымской войны начинается ещё более резкая концентрация войск и активизация боевых действий на Кавказе. Сначала против Шамиля на востоке, а после его поражения и против горцев Западного Кавказа разворачивается огромная регулярная армия – до 240 тыс. чел. и дополнительно к ним до 40 тыс. казаков, несших постоянную службу (Епифанцев А.А. 2010. С. 33).

Несомненный интерес представляет сопоставление численности царских войск, действующих на Северном Кавказе против горцев, с мобилизационными возможностями (не армией! – регулярной армии как таковой у них не было) адыгейцев, черкесов и кабардинцев.

И вновь слово А.А. Епифанцеву (2010), который останавливается на вопросе о численности армии адыгов в Кавказской войне. Ссылаясь на работы некоторых авторов, считавших, что Черкесия могла выставить

вить против царских войск армию в 200 тыс. чел, А.А. Епифанцев пишет: «Примерно такую же цифру – 200 тыс. – мы можем вывести из работ Сокурова, Швецово́й и Бриммера, которые оценивают численность только кабардинского профессионального войска от 15 до 30 тыс. чел. Зная, что кабардинцы составляли примерно 1/5 часть всех адыгов, можно предположить, что только профессиональная, неотмобилизованная армия адыгов, которая с определенной натяжкой может быть названа регулярной, составляла в то время от 100 до 150 тыс. чел., что легко дает нам гораздо *больше 200 тыс. при мобилизации всего народа на борьбу против смертельного врага*. Каких-либо других прямых данных о численности адыгской армии не имеется и поэтому мы с достаточно высокой степенью уверенности можем оперировать этими цифрами.

«Но где же эти 200 тыс. воинов, десятилетиями ведущие смертный бой за свободу с оккупантами? – спрашивает А.А. Епифанцев (2010. С. 33). – В истории Кавказской войны такой армии адыгских племен никогда не было. Причем, *не было не только именно 200 тыс. чел., но даже и армии горцев в 2, в 5 или даже в 10 раз меньше!* Разница с фактическими данными просто огромна и исчисляется порядковыми, знаковыми величинами. *Такой черкесской армии на Кавказе не было никогда!* То есть, получается, что, несмотря на то, что адыги *могли* выставить такую армию, но в действительности против русских воевало гораздо, гораздо меньше горцев.

Вот тут становится совсем непонятно, – недоумевает историк. – Получается, что, имея мобилизационные возможности собрать армию по численности, во многие десятки раз превышающие все российские силы на Кавказе в начальный период войны, в 4-5 раз их превышающие в середине войны и сопоставимые по численности в конце войны, адыги этого не делают и целенаправленно не планируют делать даже на завершающем отрезке Кавказской войны, когда в результате российского вторжения адыгский мир уже сжался до пределов территории нескольких племен и когда конец традиционного адыгского мироустройства был уже близок» (Епифанцев А.А., 2010).

Впрочем, ответ на этот вопрос очевиден. Причины, по которым полуторамиллионная Черкесия не смогла собрать все свои силы в весомый кулак и противопоставить свои немалые мобилизационные возможности 200-300-тысячной царской армии, – межэтнические конфликты, пропаганда турецких эмиссаров и наибо́в Шамиля, подстрекательство Англии и Турции, недостаточно высокий уровень производительных сил, низкий технический уровень вооружения горцев... К этому, во многом справедливому, мнению группы историков Кубанского госуниверситета можно добавить и предательство некоторых своих же соотечественников, о чем свидетельствовал М. Владыкин: «Из их (горцев) перебежчиков был образован целый отряд так называемых «всадников»; эти-то всадники и водили русские войска на разорение своих родичей. Ничто не могло сравниться со свирепостью этих извергов-грабителей...».

Кроме того, – и это самое главное, – объединению горцев в единую, все сокрушающую силу мешали постоянные распри и междоусобицы среди феодальной и старшинской верхушки. «...Упадок народа и междоусобия князей, – писал в «Истории адыгейского народа» Шора Ногмов (1893), – много способствовали успехам врагов наших. Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался». Эту точку зрения разделяют и современный историк О.Л. Опришко (2007): «Междоусобицы ослабляли Кабарду, силы народа растрачивались в братоубийственных, кровопролитных войнах».

8.3.2.2. «Потери русской армии в Черкесии представляют собой ужасную картину человеческого жертвоприношения»

Боевая, испытанная, на все готовая 280-тысячная армия, с которой можно было разгромить весь материк от Египта до Японии, была на весах европейской политики обращена в ноль враждебной независимостью кавказского населения.

Р.А. Фадеев, генерал (1889).

Все годы наши резко окрашены для нас, и – увьи! – забыть их нельзя, – они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью ...

А. Блок (1880-1921).

Уже более века (1763-1864) шла Русско-Кавказская война. Российская армия, обладавшая самой сильной армией в Европе, лучшим оружием и неограниченным количеством солдат, целое столетие не могла сломить сопротивление немногочисленных черкесов, имевших недостаток в вооружении и продовольствии. *Ежегодные потери 200-тысячной российской армии на Кавказе составляли около 20 000 чел.* Эта цифра не учитывает потери казаков. Английский офицер Дж. Камерон отмечал: «*Потери русской армии в Черкесии представляют собой ужасную картину человеческого жертвоприношения*». Далее он писал, что «привыкшая к легким победам в Азии, сумевшая остановить наполеоновскую армию, Россия не ожидала встретить значительное сопротивление со стороны малочисленных и разрозненных горских народов. Против них были брошены огромные силы из черноморских, линейных и донских казаков. Однако черкесы без особых усилий отразили этот натиск».

Генерал Р. Фадеев в своих мемуарах отмечал: «Боевая, испытанная, на все готовая 280-тысячная армия, с которой можно было разгромить весь материк от Египта до Японии, была на весах европейской политики обращена в ноль враждебной независимостью кавказского населения».

За время войны с Черкесией Россия успела аннексировать Польшу, Прибалтику и Финляндию, выиграть 4 войны с Турцией, нанести поражение Персии, разгромить армию Наполеона, захватить Крым, Дагестан, Чечню и Закавказье, уничтожить ногайцев, подавить казачьи восстания. Регулярная армия Российской империи, уступая по боевому духу и воинским качествам, превосходила черкесское ополчение только в двух вещах – в численности и вооружении. К сожалению, именно данные факторы сыграли решающую роль в этой войне... (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

8.3.2.3. «Слава Богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно до 25 000 русских солдат!»: сведения о потерях царских войск

Регулярные потери России на Северном Кавказе составляли примерно 1/4 всех сил, переброшенных в этот регион. Ежегодно 200-тысячная Кавказская армия теряла около 20 тыс. чел. Каждые 7 лет на Кавказе погибало 120 тыс. солдат, что равнялось по численности целой армии.

Н. Бэрэддж (1996).

П.У. Аутлев оценивает потери русских войск за начальный период войны (1801-1825 гг.) в 2 100 чел. Судя по всему, эта совсем небольшая цифра близка к истине. Архивные источники свидетельствуют, что на первом этапе Кавказской войны (конец XVIII – начало XIX вв.) потери регулярных царских войск по сравнению с потерями горцев были незначительны и составляли пропорцию около 1:10. В какой-то мере правомерность такой пропорции подтверждают извлеченные из раздела «Кровавый мартиролог Кавказской войны» цифры потерь с обеих сторон только за несколько лет, до 1824 г. (табл. 14).

Таблица 14 – Потери адыгов и русских во время карательных акций царизма против горцев*

Год	Адыги				Русские			
	убито	ранено	плен	Итого	убито	ранено	плен	Итого
1778	700	–	40	740	13	38	–	51
1788	800	–	–	800	28	205	–	233
1802	200	300	532	1032	4	15	–	19
1804	650	650	–	1300	62	41	–	103
1809	300	520	–	820	12	56	–	68
1810	500	–	45	545	-	–	–	–
1813	900	900	–	1800	-	–	–	?**
1821	1200	–	–	1200	-	–	–	?**
1823, VII	«много»	–	1467	1467?	5	9	–	14
1823, IX-XII	300	-	566	866				8
1824	200		370	570	2	5		7

Примечания: * данные неполные;

** отсутствие потерь царских войск сомнительно.

С 1830 г. «центр тяжести» военных действий постепенно перемещается на Северо-Западный Кавказ, что подтверждают и цифры потерь царских войск (табл. 15).

Таблица 15 – Потери царской армии в 1830-1840 гг. убитыми, ранеными и взятыми в плен (по Бижеву А.Х.)

Год	На Северном Кавказе		
	всего, чел.	в том числе на Северо-Западном Кавказе	
		чел.	%
1830	1364	182	13,3
1831	2768	314	11,3
1832	1897	193	10,2
1833	392	120	30,6
1834	983	789	80,3
1835	715	599	83,9
1836	887	778	87,7
1837	2489	923	37,1
1838	1577	1127	71,6
1839	4821	668	14,0
1840	3653	1806	49,4
Итого:	21 546	7499	34,8

Основные же потери как царских войск, так и адыгов, были еще впереди, – в самый кровопролитный последующий период Кавказской войны. С этой точки зрения вызывает недоумение явно заниженная оценка П.У. Аутлевым суммарных потерь русских войск в Кавказской войне: «В 1801-1864 гг. царские войска, по неполным данным, потеряли 23 000 чел.». Ведь уже генерал М. Коцебу отмечал, что «...в 40-х гг. ежегодная убыль в русских войсках Кавказского корпуса простирается до 10 000 чел.». А по мнению Е. Головина, в 1838-1843 гг. на Кавказе ежегодно гибло до 30 000 чел. Близкую этой цифру называл и Н.Г. Чернышевский после окончания Кавказской войны: «Слава Богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно до 25 000 русских солдат!».

Суммарные потери царских войск приводит А.Л. Газетти (1901), использовавший мате-

риалы кавказских военных архивов: «вся потеря за время 64-летней Кавказо-горской войны выражается: убитыми – офицеров 804, низших чинов – 24 143; ранеными – офицеров 3154 и низших чинов – 61 971 чел.; пленными – офицеров – 92 и низших чинов – 5915 чел. То есть всего 96 079 чел. Кроме того, среди жителей на Кавказской линии, в Черномории, на Лезгинской кордонной линии погибло более 2000 чел. Покорение Кавказа унесло еще более чем втрое умершими от болезней».

Результаты архивных изысканий группы историков Кубанского госуниверситета близки к этой цифре: «В Кавказской войне потери русских за 60 лет – 92 225 чел.». В обоих случаях речь идет о потерях *на всех фронтах* Северного Кавказа (Восточном и Западном), причем лишь регулярных войск. Вместе с тем по изысканиям Н. Бэрзэджа (1996), общая сумма потерь царских войск составила около 1,5 млн. чел. (не считая казаков). Для объективности приведем мнение автора полностью: «Регулярные потери России на Северном Кавказе составляли примерно одну четвертую всех сил, переброшенных в этот регион. Ежегодно 200-тысячная Кавказская армия теряла около 20 тыс. чел. Каждые 7 лет на Кавказе погибало 120 тыс. солдат, что равнялось по численности целой армии. Со времен Екатерины II по 1864 г. 1,5 млн. российских солдат легли в кавказскую землю. Эта цифра не учитывает потери казаков, не входивших в состав регулярной армии». Судя по всему, истина лежит где-то посередине между этими крайними цифрами (92 тыс. и 1,5 млн. чел.). Дополнительные изыскания позволят уточнить суммарные потери царских войск. О потерях же кубанских казаков в их операциях против черкесов сообщает И.И. Кияшко – не менее 4000 чел.

8.4. «Точных статистических данных о махаджирах не существует»: ориентировочная оценка числа переселенцев с Северного Кавказа

«Война, длившаяся около ста лет, нанесла по абазо-адыгскому этносу удар колоссальной силы, – пишет Б.Х. Акбашев (1999). – Огромные людские потери и массовая депортация поставили один из самых многочисленных народов Кавказа на грань исчезновения».

8.4.1. Этнический состав переселенцев

Сколько тысяч горцев было отправлено на частных, казенных и турецких судах, – определить еще можно, но кто именно отправлялся: бжедуги, абадзехи или шапсуги, оказывалось известным только в редких случаях.

А.П. Берже (1882).

Сложнее обстоит дело с определением этнического состава переселенцев. «Сколько тысяч горцев было отправлено на частных, казенных и турецких судах, – определить еще можно, – писал А.П. Берже (1882), – но *кто именно* отправлялся: бжедуги, абадзехи или шапсуги, оказывалось известным только в редких случаях». Однако, он все же попытался установить этнический состав переселенцев (табл. 16).

Известный исследователь Т.Х. Кумыков попытался внести ясность в вопрос об этническом составе переселенцев. Исследуя архивные источники, он пришел к выводу, что с 1859-го по 1865 г. было выселено: натухайцев 45 тыс., абадзехов более 43 тыс. (у А.П. Берже – 27 тыс. – **Авт.**), шапсугов – 168 тыс., убытков около 75 тыс., темиргоевцев, махошевцев и егерухайцев – 14 тыс., кабардинцев с бесленеевцами около 17 тыс. Но и эти данные не отражают действительного положения. В одной из последних работ Т.Х. Кумыков пишет, что данные «цифры нуждаются в серьезной корректировке» («Проблемы Кавказской войны...», 2001. С. 22).

8.4.1.1. Численность западных адыгов-махаджиров, переселившихся в Турцию

Но Я сберегу остаток, так что будут у вас среди народов уцелевшие от меча, когда вы будете рассеяны по землям.

Книга пророка Иезекииля (6; 8).

Вопрос о численности адыгских махаджиров – один из самых сложных и малоизученных. Не существует точных статистических данных о махаджирах – в строгой постановке учета не были заинтересованы ни Россия, ни Турция, ни сами переселенцы...

С.Х. Хотко (2001).

Основная «волна» переселенческого движения адыгов в Турцию приходилась на 1858-1865 гг., с максимумом в 1864 г. – завершающем году Кавказской войны. Так, в газете «Кавказ» от 4 октября 1864 г. читаем: «Число переселившихся в Турцию в 1858, 1859, 1862 гг. и в течение лета 1863 г. – до 80 000, а только в течение зимы и весны 1863 г. до 10 июля 1864 г. отправилось в Турцию еще 318 068 горцев, так что всего с начала войны вышло из Кубанской области до 400 000 душ обоего пола».

По сведениям российского генерала, очевидца событий, Р. Фадеева, число переселившихся только в 1864 г. составило 210 000 чел., в том числе 15 000 неучтенных переселенцев. По данным того же автора в 1865 г. переселилось 40 000 чел., а общее количество переселившихся за указанный период достигает

250 000 чел. Близкую этому цифру приводит И. Гольдентул (1924): «Устоять... против европейской регулярной армии с артиллерией было невозможно, несмотря на беззаветную храбрость защитников родных аулов. После покорения бóльшая часть черкесов (300 тыс. чел.) ушла в Турцию». В статье «Царский генерал на Кавказе», опубликованной в турецком журнале «Birlesik Kafkasya» («Объединенный Кавказ») в 1864 г., число переселившихся в Турцию оценивается в 1 млн. чел. (Кудаева С.Г., 2007).

Исследователи по-разному оценивают масштабы эмиграции в этом «пиковом» 1864 г. Так, по данным С.Г. Кудаевой (2007. С.168), в 1864 г. только морским путем было перевезено 354 537 чел., на что царское правительство истратило 252 тыс. руб.; по А.Х. Касумову и Х.А. Касумову – около 342 748 чел. Кроме того, в том же году, 21 350 чел., «самостоятельно изыскав возможности», отправились из других пунктов. В свою очередь, по данным архивных источников, приведенных в работе Н. Бэрзеджа, только за несколько месяцев в период с января по июль 1864 г. в пределы Османской империи переправилось следующее количество черкесов:

Из Тамани	27 337 чел.
Из Анапы	16 452 «
Из Новороссийска	61 995 »
Из Туапсе	63 449 »
Из Сочи	46 754 »
Из Адлера и Хосты	20 731 »
Итого	236 718 чел.

Велик разброс мнений по суммарному количеству адыгов-переселенцев в Турцию *за весь период эмиграции*: от 337,6 по официальным отчетам царских властей, до 1,0 млн. чел., по Д. Бейкеру, и даже до 3,1 млн. чел., по Султан Довлет-Гирею (впрочем, последняя цифра включает не только адыгов, но и всех северокавказских переселенцев).

Так, в отчетах генерала Евдокимова приводятся следующие статистические данные (кстати, значительно заниженные): В 1858-1864 гг. в Османскую империю было выселено: западных черкесов – 337 642 чел., прикубанских ногайцев – 30 650 чел., абазин – 30 000 (Кушхабиев А.В., 2008. Вып. VII. С. 364-366). О.Х. Лайпанов считает, что численность махаджиров-адыгов составляет 307 тыс. чел. Историк А.Х. Касумов (1992) приводит цифру в 470 тыс., но по его мнению, «эти цифры явно занижены».

По сведениям А.П. Берже, основанным на анализе официальных данных, совокупная численность адыгов-махаджиров составила 493 194 тыс. чел. (Впрочем, в «Адыгской (черкесской) энциклопедии», 2006. С.129-130; со ссылкой на того же А.П. Берже, приводится несколько иная цифра – 471 тыс. чел.). Османский чиновник Салахеддин-бей, составлявший по поручению правительства статистические данные о черкесском иммигрантах, определил их численность на территории Османской империи в 1867 г. (без учета погибших) в 595 тыс. чел. (Кушхабиев А.В., 2008. Вып. VII. С. 364-366). Численность около 600 тыс. переселенцев приводят и Ахмет Джевад Эрен, а также иорданский адыг Мохаммед Хейр Хагондока, автор книги «Черкесы в Иордании». По данным А. Убичини и П. де Куртейль – современников событий, численность черкесов в Османской империи в 1864 г. составляла 700 тыс. чел., а после 1866 г. – до 1 млн. чел. Авторы Турецкой энциклопедии также отмечают, что в Османскую империю с середины 50-х гг. XIX в. до 1877 г. выселилось около 1 млн. черкесов. Эту же цифру можно встретить в работе турецкого генерала северокавказского происхождения Салиха Палаткана (Цит по: Кудаева С.Г., 2007. С. 198).

По данным авторов Исламской энциклопедии, численность черкесов, выселенных в Османскую империю, составляет 1,5 млн. чел. (Кудаева С.Г., 2007. С. 198). Этому же мнению придерживаются турецкий историк Ахмет Хазер Хызал и составитель сборника «Переселение турок из Румелии» – Билал Шимшир. А по мнению Кемаля Карпата, численность черкесов, выселенных в Османскую империю в период с 1862-го по 1870 г., находится в пределах 1,2-2,0 млн. чел., из которых около 500 тыс. чел. умерло в процессе выселения (Кушхабиев А.В., 2008. Вып. VII). Один из потомков адыгов-махаджиров, известный историк Н. Берзедж (1996) считает, что с 1857-го по 1910 г. с Северного Кавказа было насильственно выселено не менее 1 млн. 700 тыс. адыгов (Цит. по: Панеш А.Д., 1999. С. 224).

Практически все имеющиеся в литературе сведения по этому вопросу (а разброс их чрезвычайно велик – от 90 000 до 5 млн. чел.!) – сведены нами в таблице 16.

Таблица 16 – Численность адыгов-махаджиров, выселившихся в Турцию и другие страны, по данным различных авторов, чел.

Название источника	Численность адыгов-переселенцев
1	2
Реклю Э. (Париж, 1876); Крусс Ф. (1876);	90 000
Рокштрох Э. (Лейпциг, 1874); Кудаева С.Г. (2007)	100 000
Равенштайн Э. (Лондон, 1876); Кудаева С.Г. (2007)	144 000
Берже А.П. (1882)	157 531 (а)
«Архив премьер-министра Османской имп.» (Анкара, 1877); Кудаева С.Г. (2007)	250 000

1	2
Палаткан С. (Анкара, 1987); Кудасева С.Г. (2007)	271 000
Давидович В.Е., Сущий С.Я. (1996); Кудасева С.Г. (2007)	350 000-700 000
Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992)	398 955
«Сборник...» (1977); «Черкесия в XIX в.» (1991)	400 000 (б)
«Адыгейская...» (1947)	400 590
«Россия и Кавказ...» (2001)	410 000 (в)
Эсадзе С. (1993)	418 000
«История народов...» (1988)	418 292
Дзидзария Г.А. (1982)	439 194
Дзидзария Г.А. (1982)	450 000
Керашев М.А. и др. (1994); Половинкина Т.В. (2006)	470 000
Дзидзария Г.А. (1982)	470 730
«Черкесия в XIX в.» (1991)	470 730
Берже А.П. (1882)	471 000
«История народов...» (1988); «Черкесия в XIX в.» (1991); («История Кубани...», 2004. С 137); Кудасева С.Г. (2007)	493 000
Берже А.П. (1882); Абрамов Я. (1927)	493 194
Лопатинский Л.Г. (1891); «Кубань и Черноморское побережье» (1914); Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992); Бубенок О.Б. (2006. Вып. IV); Кудасева С.Г. (2007).	500 000
Хагандока М.Х. (Амман, 1965); Эрен А.Д. (Стамбул, 1966); «Черкесия в XIX в.» (1991); Кудасева С.Г. (2007)	600 000
Дзидзария Г.А. (1982); Сапен-Линьер М. (2008)	700 000
Тотосев М.С. (1948); Касумов А.Х. (1967); Кудасева С.Г. (2007); Половинкина Т.В. (2006)	700 000-900 000
Керашев М.А. и др. (1994)	750 000
Кушхабиев А.В. (2008. Вып. VII. С.364-366)	750 000-800 000 (г)
«История народов...» (1988)	900 000
Фадеев Р. (1864); Сакс (Вена, 1873); Убичини А. (Париж, 1876); Бейкер Д. (Штутгарт, 1878); Кокнев Г. (1929); Беркок И. (Стамбул, 1958); Хизал А.Х. (Анкара, 1961); «Культура и быт...» (1991); Кудасева С.Г. (2007)	1 000 000
Трахо Р. (Мюнхен, 1959)	более 1 000 000
Сайдам А. (Анкара, 1997)	1 000 000-1 200 000
«Культура и быт...» (1991)	1 300 000 (д)
Кудасева С.Г. (2007. С. 198)	1 400 000-1 500 000
Торнау Ф.Ф. (1864); «Исламская энциклопедия» (Стамбул, 1945); Карпат К. (Висконсин, 1985); Иззет А. (Анкара, 1998); Кудасева С.Г. (2007)	1 500 000
«Культура и быт...» (1991)	1 510 000 (е)
Н. Берзедж (1996)	1 700 000
Еремеев Д.Е. (1971); Дзидзария Г.А. (1982); Кудасева С.Г. (2007)	1 800 000 (ж)
Басария С. (Цит. по: Кудасева С.Г., 2007).	2 000 000
Султан Давлет-Гирей (1911); Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992); Кудасева С.Г. (2007)	2 750 000
Хензе П.Б. (1985)	3 000 000-5 000 000 (з)

Примечания:

а) Сведения А.П. Берже (1882), основанные на переписи горцев (157 531 чел.), относятся к «исходу» адыгов только с территории Черноморского побережья «между Джубгой и Бзыбью» в период 1858-1864 гг. По более полным сведениям того же автора, основанным на анализе официальных (кстати, значительно заниженных) данных, *совокупная численность махаджиров-адыгов* составила 471 тыс. чел. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.129-130).

б) 400 000 чел. – «официальные» данные по статистике махаджирства адыгов, приведенные в Центральном архиве Грузии;

в) Из сообщения великого князя Михаила российскому императору: до начала 60-х гг. на Западном Кавказе было 500 000 горцев, а к 1864 г. осталось 90 000 чел. Разница (500 000 – 90 000 = 410 000) – число переселенцев в Турцию.

г) Имеется в виду «...численность западных адыгов и убыхов, выселенных и погибших при выселении в 1858-1865 гг.».

д) цифры И. Брауна (1 300 000) относятся только к Европейской Турции, т. е. к Балканскому полуострову;

е) оценка К. Андре (1 510 000) также относится к Балканам, включая, кроме адыгов, и часть татар;

ж) как пишет В. Аболтин, «...эту цифру (1 800 000) надо признать сильно приуменьшенной, т.к. много горцев ушло в Турцию без ведома царских властей»;

з) Заведомо завышенная цифра (3 000 000-5 000 000 чел.), по данным П.Б. Хензе (1985), – число потомков тех адыгов-черкесов, которые переселились в Турцию.

8.4.1.2. Статистика переселения кабардинцев в Турцию – «могилу заблуждающегося и обманутого народа»

В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX столетия ...кабардинцы, как и другие адыгские народности, начинают гибельное переселение в Турцию, в эту, по образному выражению Д.С. Кодзокова, – «могилу заблуждающегося и обманутого народа».

С.Н. Бейтуганов (2007).

В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. переселенческое движение принимает характер народной драмы: кабардинцы, как и другие адыгские народности, начинают гибельное переселение в Турцию, в эту, по образному выражению Д.С. Кодзокова, – «могилу заблуждающегося и обманутого народа». При этом тактика «выдавливания» кабардинцев из родных мест несколько отличалась от той, которая использовалась царскими колонизаторами применительно к западным черкесам. В частности, власти осуществляли выселение в Османскую империю народов Центрального Предкавказья, *которые уже прекратили вооруженное сопротивление*. В отличие от Западной Черкесии, где народ подвергся депортации, в Терской области царская администрация вытесняла часть «неблагонадежного» населения, создавая ему крайне неблагоприятные условия. На крестьян оказывалось давление; их (мусульман) запугивали насильственной христианизацией; дальнейшей аннексией земель и т. п. Применялась также тактика шантажа и подкупа северокавказских владельцев и части духовенства, которых обязывали проводить среди населения агитацию к переселению в Османскую империю.

Масштабы переселений в Турцию из Большой и Малой Кабарды были скромнее, чем из Западной Черкесии, да и статистических данных по Кабарде почти не сохранилось. С этой точки зрения несомненный интерес представляет подготовленная 22 февраля 1862 г. начальником Кабардинского округа генерал-майором князем Орбелиани записка, переданная в Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев (Бейтуганов С.Н., 2007): «Вследствие отношения одного Комитета от 9 февраля сего года – имею честь при сем препроводить сведения о числе семейств кабардинцев, переселившихся в Турцию в прошлых 1860 и 1861 гг. с показанием, из какого именно аула и сколько душ отправилось на переселение» (табл. 17).

Таблица 17 – «Сведения о числе переселившихся в Турцию кабардинских семейств и других в течение 1860 и 1861 гг.»

Название аулов*	Число семейств	Число душ	Название аулов*	Число семейств	Число душ
1	2	3	4	5	6
Агзагова, узденя	3	25	Конова, корнета	1	5
Агубекова Глостана, узденя	1	7	Кошева, узденя	3	54
Аджиева Хамурзы, узденя	2	10	Кошеровкова, майора	7	20
Алтудокова, узденя	23	297	Кудаева, узденя	15	110
Альпшаова, узденя	12	117	Кудинетова Асламурзы, узденя	23	247
Анзорова Асламурзы, узденя	18	175	Кудинетова Батраша, узденя	20	190
Анзорова Тембота, узденя	49	533	Кудинетова Изманла, узденя	20	156
Анзорова Хатакшуко, узденя	25	200	Кудинетова, поручика	15	116
Анзорова, есаула	25	150	Кунашева, поручика	10	100
Анзорова, подполковника	4	50	Кунижева, узденя	3	179
Атажукина Бекмурзы, юнкера	1	8	Кучмазукина, прапорщика	11	125
Атажукина Хасанбия, князя	13	175	Лафишева, прапорщика	10	150
Атажукина, подполковника	8	92	Макенова, узденя	17	180
Атласкирова, узденя	16	165	Махарова, подпоручика	19	206
Ашабова, юнкера	20	250	Муллаева, узденя	10	160
Бабукова, узденя	24	370	Наурузова Бекмурзы, князя	5	49
Бешказакова, узденя	13	115	Отпанова, узденя	3	35
Бжехокова, узденя	6	95	Перхичева Бекмурзы, узденя	6	70
Гетежева Бекмурзы, узденя	5	40	Седакова, подпоручика	4	30
Даутокова, юнкера	5	85	Сидакора, корнета	7	80
Джамботова К., прапорщика	26	250	Тамбиева Батырбека, полковника	8	89
Джамботова Т., прапорщика	46	478	Тамбиева Берта, узденя	7	109
Джанхотова, князя	5	50	Тамбиева Заракуша, поручика	51	558
Догужокова Магомета, узденя	16	200	Тамбиева, ротмистра	3	25
Докшукина Джамбота, князя	3	16	Таова, узденя	11	190
Думанова, узденя	1	10	Тлостаналиева, князя	7	95
Ельбуздукина, узденя	8	95	Тогланова, узденя	7	70
Жамбекова, штабс-капитана	9	78	Тохтамышева, узденя	24	188
Захохова, узденя	12	114	Трамова Даута, узденя	1	3
Иналова, князя	12	170	Тыжева, поручика	2	15
Казаншева Магомета, узденя	4	38	Хамурзина Казия, князя	5	35
Казаншева Х, узденя	7	70	Хаудова, подпоручика	8	115

1	2	3	4	5	6
Казиева К., поручика	19	463	Хостова, узденя	27	217
Кармова Кизильбека, ротмистра	4	37	Шакманова	10	90
Касаева, подполковника	1	10	Шанибова, узденя	21	340
Кильчукина, юнкера, князя	15	179	Шарданова, поручика	5	57
Клешбиева, узденя	17	120	Шипшева, узденя	2	15
Коголкина, прапорщика	10	100	Шогенова Кайсына, хаджи	22	200
Кожокова Муссы, корнета	5	80	Эльтарова, узденя	7	59
Кожокова, узденя	2	19	И т о г о :	941**	10343**

*Для удобства пользования, фамилии владельцев аулов расположены нами по алфавиту.

**Неверный подсчет. Должно быть: 942 и 10 268 соответственно. Но по данным Н.Ф. Грабовского, в 1860-1861 гг. эмигрировало меньше – 881 семейство. Он пишет: «В 1860 г. выселились из Кабарды в Турцию 347 семейств, а в следующем, 1861 г. – 534 семейства, т. е. в течение 2-х лет удалась из Кабарды почти 1/8 часть населения ее» (Цит. по: Бейтуганов С.Н. (2007)).

Согласно вышеприведенной таблице 18, только за два года переселилось в Турцию 941 кабардинское семейство (по Н.Ф. Грабовскому – 881 семейство, или 10 343 чел.), т. е. «...в течение двух лет удалась из Кабарды почти 1/8 часть населения ее». По данным других авторов, в 1864 г. в Большой Кабарде насчитывалось 97 аулов; в переселенческое движение из них был вовлечен 81 населенный пункт, причем из 20 аулов выселилось более половины жителей.

О.Б. Бубенок (2006. Вып. IV) утверждает, что «...в 1860-1867 гг. из Кабарды выселилось около 10 тыс. чел., причем, только в 1865 г. – 3 тыс. чел. К 1867 г. на Северном Кавказе кабардинцев насчитывалось всего до 44 тыс. чел. (7384 двора). Это была трагедия кабардинского народа». По официальным царским статистическим данным, явно заниженным, кабардинцев с территории Кабарды выселилось в Османскую империю 17 тыс. чел. Часть кабардинцев выселялась с территории Западной Черкесии. А по данным Т.Х. Кумыкова, *общая численность кабардинцев, выселенных в Османскую империю, составляет 60 тыс. чел.* (Кушхабиев А.В., 2007).

Дальнейшие исследования дадут возможность уточнить эти цифры махаджирства восточных адыгов-кабардинцев.

8.4.1.3. Сведения о числе *всех* северокавказских переселенцев в Турцию

Я не знаю, может быть, это испытание для вас и доля во времени...

Коран. Сура 21; 111.

До настоящего времени у исследователей нет единого мнения относительно итоговой численности народов Северного Кавказа, выселенных в Османскую империю в период с конца 50-х гг. XIX в. до 1917 г. Авторы приводят цифры от 500 тыс. до 3 млн. чел.

А.В. Кушхабиев (2007).

Велик разброс мнений и о числе *всех* переселенцев с Северного Кавказа (в том числе и адыгов) в ходе Кавказской войны и в последующие периоды. При этом значительный интерес представляет информация о численности переселившихся, представленная в официальных турецких источниках, а также турецкими авторами, представителями адыгского зарубежья. Так, в результате анализа данных различных турецких исследователей, В.Е. Давидович и С.Я. Суций пришли к выводу, что Россию покинуло от 350 до 700 тыс. чел., принадлежащих к 10-15 различным народностям Северного Кавказа (Кудаева С.Г., 2007).

А.Г. Авакян приводит официальные статистические данные Османского правительства, опубликованные в одном из номеров газеты «Takvim-i Vekaî». По сообщению газеты, в 1870 г. султану был представлен специальный доклад *о всех переселенцах с Кавказа*. Согласно этому докладу, с 1855 по 1863 гг. из прибывающих переселенцев в различных вилайетах Османской империи было поселено 311 333 чел. По официальным османским данным к июню 1864 г. число переселенцев достигло 595 000 чел., при этом учитывались только те, которые были уже поселены. А с 6.06.1864 г. по 26.05.1865 г. в Анатолию прибыло еще свыше 87 000 переселенцев с Северного Кавказа. При этом А.Г. Авакян отмечает интересный факт, что данные издаваемых в Турции Исламской и Турецкой энциклопедий существенно разнятся. Первая называет число в 1 млн. 500 тыс. переселенцев, а вторая – всего 500 тыс. Эту же цифру (500 тыс. чел.) называет и Шаукат Муфти Хабажок (Кудаева С.Г., 2007. С. 198).

Авторы монографии «История многовекового...» (2007. с. 608) отмечают, что «...основная масса черкесского (адыгского) населения, включая родственных абазин, убыхов, садзов – свыше 900 тыс. чел. – была депортирована в 1863-1864 гг. Всего же было выселено *свыше 1 млн. адыгов и других северокавказцев*, в том числе свыше 70 тыс. кабардинцев. Почти половина изгнанников погибла в пути».

Определенный интерес представляют следующие данные турецких историков. Так, Али Мерам Кемаль считает, что только за 1860-1865 гг. с Кавказа и Крыма было выселено 1 млн. чел., за вычетом отправленных на Балканы 300 тыс. и тех, кого вывезли в Сирию и Иорданию. Только в Анатолии, – как считает автор, – осело более 600 тыс. переселенцев. Историк, генерал турецкой армии И. Беркок и турецкий автор Эрел Шерефеддин также называют цифру в 1 млн. чел. (Кудаева С.Г., 2007. С. 198).

Принимая за основу статистические данные Османского правительства, с учетом смертности переселяющихся (20-25 %), турецкий историк Абдуллах Сайдам считает, что в 1856-1876 гг. из Крыма и Кавказа в Османскую империю прибыло 1,0-1,2 млн. северокавказских переселенцев. Эту же цифру приводят и отечественные авторы: «Численность всех северокавказских народов, выселенных в Османскую империю в конце 50-х гг. XIX – начале XX в., включая и численность погибших в процессе переселения, составляет приблизительно 1,0-1,2 млн. чел. Преобладающую часть их, около 800-850 тыс. чел., составляют черкесы (западные адыги, кабардинцы) и убыхы» (Панеш А.Д., 1999. С. 224; Тетуев А.И., 2006; «История многовекового...», 2007. с. 644).

По мнению А.В. Кушхабиева, проработавшего большой массив архивной информации, «...общая численность всех народов Северного и Западного Кавказа, выселенных в Османскую империю в конце 50-х гг. XIX – начале XX в., включая и численность погибших в процессе переселения, составляет приблизительно 1,0-1,2 млн. чел.». При этом приблизительная численность других народов Кавказа, выселенных в Османскую империю, составляет: 135 тыс. абхазов и абазин, 39 тыс. ногайцев, 23 тыс. вайнахов, 20 тыс. дагестанцев, 10 тыс. карачаевцев, 3 тыс. осетин, 900 балкарцев (Кушхабиев А.В., 2006. Вып. III. С. 379). Примечательно, что спустя два года, этот же автор приводит несколько иные цифры этнического состава переселенцев: «Численность абхазов, выселенных во второй половине XIX в., – свыше 80 000, абазин – около 55 000, чеченцев и ингушей, – около 23 000; численность ногайцев, выселенных в 1858-1859 гг., – около 30 000; численность народов Дагестана, переселившихся в XIX в. – начале XX в., – приблизительно 20 000, других – около 10 000 чел.» (А.В. Кушхабиев, 2008. Вып. VII. С. 365-366):

Иорданский адыг Мохаммед Хейр Хагондока, автор книги «Черкесы в Иордании», считает, что за период с 1858-го по 1878 г., Северный Кавказ покинуло 1,5 млн. чел. Иззет Айдемир также определил численность черкесов, абхазов и других народов, выселенных в Османскую империю, в 1,5 млн. чел. Кафли Кадыржан считает, что в Анатолию перешло 1,616 млн. северокавказцев. Нехат Берзедж приводит итоговую цифру 1,7 млн. северокавказцев, выселенных в Османскую империю (Кушхабиев А.В., 2007). По данным же турецкого журнала «Nokta», во время «Великого переселения» в Османскую империю эмигрировало 2 млн. чел. В свою очередь, российский автор Р.Г. Ланда в работе «Ислам в истории России» отмечает, что число всех переселившихся северокавказцев колеблется от 1,0 до 3,0 млн. чел. Весьма примечательно мнение автора, что «из всех переселившихся северокавказцев национальное самосознание более всего сохранили черкесы» (Кудаева С.Г., 2007).

В нижеследующей таблице 18 приводятся данные о числе всех северокавказских переселенцев в Турцию (в том числе – адыгов), извлеченные исключительно из иностранных источников и сведенные воедино в работе Б.Н. Берзегова (1994), с нашими многочисленными дополнениями. Интересно, что эти цифры турецких, немецких и английских авторов в основном близки к нашим данным, собранным преимущественно из отечественных источников, в первую очередь, дореволюционных.

Таблица 18 – Суммарная численность всех северокавказских переселенцев (в том числе – адыгов) в Османскую империю, чел.

Название источника	Численность всех северокавказских переселенцев*
1	2
Шаукат Муфти (Бейрут, 1972)	500 000
«Австрийский журнал для Востока» (Вена, 1877); Закс К.Р. (Вена, 1908); Конквест Р. (Лондон, 1960); Эрен Ахмет Джевад (Стамбул, 1969); Мерам Али Кемаль (Стамбул, 1969)	600 000
Ален В.Е., Муратов П. (Анкара, 1966); Хензе П.Б. (Анкара, 1985)	более 600 000 (по суше)
Вассан-Гирай Джевад (Анкара, 1962)	более 780 000
«Кавказско-русско-османские отношения...» (Анкара, 1988)	900 000 (за 1855-1864 гг.)
Хаяти Бидже (Анкара, 1991)	700 000-1 000 000 (за 60-е гг. XIX в.)
Беркок Исмаил (Стамбул, 1958); Косок П. (Стамбул, 1960); Эрел Шерефеддин (Стамбул, 1961)	1 000 000
Ланда Р.Г. (1995); Кудаева С.Г. (2007)	1 000 000-3 000 000
Кушхабиев А.В. (2008. Вып. VII. С. 365-366)	1 200 000
Браун И. (Эдинбург, 1876); Кудаева С.Г. (2007)	1 300 000
Байтуган Барасби (Мюнхен-Анкара, 1973)	1 338 000-1 538 000 (а)
Карпат Кемаль (Даллас, США, 1972)	1 400 000 (только по морю)
Хизал Ахмет Хазер (Анкара, 1961); «Исламская энциклопедия» (Анкара, 1968); Айдемир Иззет (Анкара, 1988)	1 500 000
Чуреико А. (Анкара, 1978)	1 500 000-2 000 000

1	2
Андре К. (Штутгарт, 1877)	1 510 000
Кафлы Кадырджан (Стамбул, 1966)	1 616 000
Берзедж Н. (1996)	1 7000 000 (б)
Газета «Гъуазэ» (Стамбул, 1911)	1 760 000
Басария С. (1923); Авджыоглу Доган (Стамбул, 1974); Журнал «Nokta» (1990); Хаяти Бидже (Анкара, 1991); «Россия и Черкесия...» (1995); Кудасва С.Г. (2007)	2 000 000 (в)
Дзидзария Г.А. (1982)	3 097 949 (г)

Примечания:

*Под «северокавказцами» авторы XIX в. понимали, наряду с адыгейцами, черкесами и кабардинцами, – также татар, армян, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, турок-мехетинцев и горцев Дагестана.

а) Эти цифры взяты из следующих рассуждений. По Б. Барасби (1973), всё горское население Северного Кавказа за 1850-1860 гг. составляло 3 000 000-3 200 000 чел. По переписи 1887 г. оно уменьшилось до 1 662 000 чел. Разница между этими показателями, по мнению Б. Барасби, дает ориентировочные цифры «убыли» северокавказских горцев в Турцию;

б) по Н. Берзеджу, за 1857-1876 гг. с Северного Кавказа ушло в Турцию в общей сложности 1 400 000 горцев (включая адыгов), а за весь период 1857-1910 гг. — 1 7000 000 горцев;

в) Кемаль Карпат оценивает махаджирство горцев *всего* Северного Кавказа за 1859-1879 гг. цифрой в 2 000 000 чел.;

г) по мнению Султан Довлет-Гирея, масштабы эмиграции *всех северокавказских горцев* (включая адыгов и кабардинцев) за период 1816-1910 гг. оцениваются величиной около 3 100 000 чел.

8.4.2. Причины исключительно высокого разброса мнений о масштабах «исхода» адыгов в Турцию

Существующая статистика Великого Черкесского изгнания не является абсолютно надежной и не позволяет назвать точную численность коренных жителей Северо-Западного Кавказа, насильственно выселенных с исторической Родины.

Н. Бэрзедж (1996).

Чем же вызван разброс мнений по общей численности северокавказских переселенцев и, в частности, адыгов-махаджиров? Причины этого следующие:

1. По русским официальным данным, за период массового махаджирства 1858-1864 гг. с Северо-Западного Кавказа выселилось в Турцию не более 400-500 тыс. чел. Но, как справедливо отмечал А. Берже, «...число выселившихся душ в действительности значительно более показанного, так как все переселенцы, отправившиеся на свой счет на турецких кочермах из портов, нам не подвластных, остались неизвестны для официальных лиц, а это составляет весьма солидную поправку». Действительно, архивные материалы подтверждают, что часть горцев переселялась не из Анапы и Новороссийска, где велся хоть какой-никакой учет, а из еще не занятых русскими приморских пунктов. Даже по приблизительным данным, в 1861-1862 гг., например, таким «нелегальным» образом, не попадая ни в какие официальные списки, уехало в Турцию 20 156 чел., а в 1864 г. – 21 350 горцев.

2. С другой стороны, как отмечал А. Берже, «...зачастую сами судовладельцы намного завывшали число перевозимых для получения за это лишних денег, а власти поступали точно так же, чтобы утаить деньги и отчитаться в выполнении высочайшего распоряжения о «поголовном» выселении горцев».

3. Многие тысячи горцев, разумеется, не попавших в официальные списки, ушли в Турцию самостоятельно, по Военно-Грузинской дороге, а также через другие горные перевалы.

4. По С.Г. Кудасовой и Л.Р. Хут, количество горцев-переселенцев, оказавшихся в Турецкой империи, несомненно занижено, поскольку «...как правило, местными властями в военных целях учитывалась только мужская часть населения».

5. Приведенные в письменных источниках данные относятся в основном к периоду массового махаджирства адыгов – 1858-1864 гг. Однако процесс переселения в Турцию продолжался практически с конца XVIII до начала XX вв. (разумеется, в меньшей степени). Это обстоятельство также необходимо учитывать при оценке суммарной численности махаджиров.

6. Как отмечает Н. Бэрзедж в своей монографии «Изгнания черкесов», свою «лепту» в искажение статистики внесли и турецкие власти. Изгнанники высаживались на турецком берегу более чем в 10 портах приема, в которых не велось практически никаких статистических подсчетов прибывавших черкесов.

7. Свои «коррективы» в статистику махаджирства внесла и исключительно высокая смертность среди переселенцев. Н. Бэрзедж объясняет такое положение тем, что «...пик изгнания, пришедший на 1864-1865 гг., характеризовался крайней неорганизованностью ввиду неготовности Турции к приему такой массы

черкесов». Дополняет эту информацию А.В. Кушхабиев (2007): «Не отражена в официальных документах и точная численность погибших в процессе депортации как в пути следования к восточному побережью Черного моря, так и во время плавания. Так, в докладе Горского отделения штаба войск Кубанской области (в январе 1865 г.) отмечалось, что только в северо-восточной части Новороссийской бухты, где находился лагерь черкесских изгнанников, «почти на 5-верстном пространстве разбросаны горские кладбища, в которых погребены до 1480 трупов». Сами царские власти признавались, что определить точно численность переселенцев трудно, тем более что во время выселения «...горцы подверглись значительной смертности от повальных болезней, неразлучных с войной и лишениями». (Цит. по: «Сокровища культуры...», 2007. С. 146).

8. И, наконец, пожалуй, самое главное. Россия, опасаясь настроить против себя европейское общественное мнение, оглашала явно заниженные цифры покидающих Кавказ черкесов. Так же поступала и Османская империя, чтобы приглушить протесты мировых держав по поводу заселения черкесами-мусульманами Балканского полуострова, населенного преимущественно христианами.

В заключение хотелось бы привести слова Н. Бэрэджа, имеющие непосредственное отношение к этому вопросу: «Существующая статистика Великого Черкесского изгнания не является абсолютно надежной и не позволяет назвать точную численность коренных жителей Северо-Западного Кавказа, насильственно выселенных с исторической Родины». Тем не менее, на мой взгляд, наиболее близка к реальности суммарная оценка махаджирства адыгов около 1 млн. чел.

8.4.3. Гибель махаджиров на чужбине: цифры и факты

Скажи: Идите по земле и посмотрите, каков был конец тех, которые были раньше!...

Коран. Сура 30; 41.

Вспомните прежние дни ваши, когда вы выдержали великий подвиг страданий, среди поношений и скорбей...

Библия. Послание к Евреям (10; 32).

Известный американский фантаст Г. Гаррисон писал: «В истории эти годы известны как Годы Смерти, – цифры умерших тогда людей превосходят всякое воображение». «Превосходят всякое воображение» и приводимые ниже цифры. Но, увы, это не фантастика, – это реальность. Вот несколько фактов, свидетельствующих о трагической судьбе адыгов-махаджиров как во время переселения, так и в первые месяцы проживания на «земле обетованной» – азиатском берегу Турции. Сами царские власти признаются, что определить точно численность переселенцев трудно, тем более что во время выселения «...горцы подверглись значительной смертности от повальных болезней, неразлучных с войной и лишениями» («Сокровища культуры...», 2007. С. 146). Большинство очевидцев и современников событий сходятся во мнении, что в 1863-1864 гг. до Османской империи добралось около ½ западночеркесских изгнанников (Кушхабиев А.В., 2007). По мнению же Кемаля Карпата, численность черкесов, выселенных в Османскую империю в период с 1862-го по 1870 г., находится в пределах 1,2-2,0 млн. чел., из которых около 500 тыс. чел. (то есть около ¼) умерло в процессе выселения (Кушхабиев А.В., 2008. Вып. VII). И по И.Н. Клингену (2005), только во время «исхода» адыгов, из-за лишений и болезней во время ожидания возможности отправиться в Турцию, на кавказском берегу «...погибло 500 тыс. чел., десятки лет удивлявших Европу своим мужеством и героизмом борьбы».

Не лучшая встреча ожидала черкесов на чужбине. Русский вице-консул в Трапезунде А.Н. Мошнин сообщал: «Переплыв в зимнее время Черное море, черкесы не встречают здесь тех забот, какие бы должны быть им оказаны местными властями. Отсюда и та ужасающая смертность, – 1/4 на всю численность выселенных». Об этом же свидетельствовали и другие источники: «Смерть уносила ежедневно от 300 до 500 чел. в каждом пункте высадки». По свидетельству Р.У. Туганова, «голод, а затем и повальные болезни начали здесь разрушительную работу. Уже к февралю 1863 г. из 10 000 черкесов, высадившихся в Трапезунде, погибло 3 000». В декабре того же года консул сообщал: «...5 450 черкесов были переброшены на пароходах из Трапезунда в Константинополь, Смирну и Варну. Из числа последних умерло 2 400 чел., причем в среднем по 40 чел. в день». По сообщению Канитца, в сентябре 1864 г. «...только в Самсуне насчитывалось 50 000 черкесских трупов (! – Авт.) рядом с 60 000 живых переселенцев». В газете «Русский инвалид» за 1867 г. (№ 133) встречаем следующее сообщение: «Климат, недостаток в продовольствии и нищета были причиной того, что черкесы, переселившиеся с Кавказа в Турцию в числе 200 000 душ, наполовину вымерли». По мнению профессора Н. Смирнова, в общем до 50 % всех переселенцев в Турцию погибло от различных эпидемий и в пути; из уцелевших до 15 % были проданы в рабство. Такого же мнения (50 %) придерживается и К. Сакс.

Сколько же это составляет в абсолютных цифрах? Имеющиеся на этот счет сведения весьма противоречивы. Так по данным английского консула в Трапезунде, из переселившихся в Турцию с ноября 1863 г. по сентябрь 1864 г. 220 тыс. адыгов – около 10 тыс. чел. были проданы в рабство, а 100 тыс. умерли от голода и болезней. Как здесь не вспомнить библейское: «Ибо проданы мы, я и народ мой, на истребление, убийство и погибель» (Книга Есфирь, 7; 4).

По свидетельствам очевидцев событий, только в Трапезунде к маю 1864 г. умерло свыше 30 тыс. черкесов. В Самсуне к сентябрю того же года – свыше 50 тыс. черкесов. Всего только в 1863-1864 гг. численность черкесских изгнанников, погибших в Османской империи, составила свыше 100 тыс. чел. (Кушхабиев А.В., 2008. Вып. VII. С. 364-366). Такие же цифры гибели махаджиров приводятся у А.Х. Касумова и Х.А. Касумова: «...Только за 1863 и 1864 гг. от болезней и голода в Турции умерло 100 тыс. чел.».

В свою очередь, Н. Бэрэддж сообщает, что «...400 тыс. черкесов, осевших на Балканах, потеряли около 200 тыс. соплеменников на всем трагическом пути изгнания от родных аулов на Кавказе до мест окончательного расселения в пределах европейских владений Османской империи». Оценка Р. Рушди количества погибших адыгов-махаджиров за все годы эмиграции намного больше и составляет около 500 000 чел. На первый взгляд, эта не укладывающаяся в голову цифра слишком завышена. Вместе с тем, если принять общее число адыгов, переселившихся в Турцию, около 1 млн. чел., то приводимая Р. Рушди оценка гибели махаджиров на чужбине близка к мнению Н. Смирнова о гибели «до 50 % всех переселенцев». Косвенно подтверждает эту цифру и сообщение русского консула Мошнина от 10 июня 1864 г. В письме на имя генерала Карцова он приводит следующие факты: «С начала выселения в Трапезунде и окрестностях пребывало до 247 000 душ, из них умерло 19 000; теперь в наличности в Трапезунде и его окрестностях 83 190 тыс. чел. ...В Самсуне и его окрестностях было свыше 110 000 душ; средняя смертность в день 180-250 чел. Свирепствует сильный тиф. Если мы примем в соображение все эти числа, то получим только для анатолийского берега цифру смертности черкесов в 350 000 душ» (Цит. по: Кушхабиев А.В., 2007). Британский консул в Трапезунде Стивенс в своем донесении от 19 мая 1864 г. также отмечал, что в Ачка-Кале и Сари-Дере... смертность составляла 120-150 чел. в день.

Но ведь «волны» эмиграции продолжали выносить на анатолийский берег адыгов-махаджиров и после 1864 г. А сколько их погибло в пути к «земле обетованной»? Думается, что цифра гибели 500 000 переселенцев, которую приводит Кемаль Карпат (т. е. из всего потока махаджиров погиб каждый второй!) – не так уж завышена. Тем более, что эта людоедская «пропорция» (умерших к живым), по другим источникам была намного выше. Так, в 1871 г. в газете «Всемирный путешественник» сообщалось: «Через год после прибытия в Турцию *две трети* из переселенцев умерли от голода, холода и заразных болезней; из 22 000 эмигрантов, поселившихся около Батума, осталось только 7 000; из 30 000 чел., поселившихся около Самсуна, осталось только 1800 (т. е. из каждых 17-ти горцев погибло 16! – Авт.). Подобный факт приводит и секретарь английского посольства в Константинополе. Осмотрев прибывших в Турцию из Батумской области переселенцев, он отмечал, что «из 1400 чел. через три месяца остались в живых лишь 211» (т. е. *из каждых 7-ми махаджиров погибло 6.* – Авт.).

В какой-то мере эти, казалось бы, чрезмерные по своей величине цифры «убыли» адыгов-махаджиров подтверждают и расчеты российского историка и этнографа Д.Е. Еремеева, считавшего, что число переселившихся в Турцию достигало 1,8 млн. чел. При этом автор указывает, что при переселении большое количество людей погибло из-за болезней, непривычного климата и тяжелых условий и к 1875-1876 гг. их осталось около 1,0 млн. чел. То есть, по мнению историка, погибло 1,8-1,0=0,8 млн. чел. (Кудаева С.Г., 2007).

С учетом всего перечисленного выше, в дальнейших статистических расчетах нами принята общая численность погибших на чужбине адыгов-переселенцев не менее 500 000 чел.

8.4.4. Численность адыгов, оставшихся на своей исторической Родине после Кавказской войны

*И ты видишь народ там поверженным, словно
стволы пальм опрокинутых...*

Коран. Сура 69; 7.

*И останется вас немного, тогда как множеством
вы были подобны звездам небесным...*

Библия. Второзаконие (28; 62).

До настоящего времени нет единого мнения о численности адыгов, уцелевших в ходе Кавказской войны и оставшихся на Родине после изгнания основной массы коренного населения в Турцию и другие страны. Имеющиеся по этому вопросу сведения весьма разноречивы (табл. 19).

Как видно, в этой таблице приводятся как заниженные, так и заведомо завышенные цифры. Так, по мнению Н.И. Бондаря (1990), «...имеются сведения о том, что в 1867 г., после переселения значительной части горцев в Турцию, в Кубанской области их оставалось свыше 75 тыс. чел.» Наряду с ними, есть и чрезмерно завышенные цифры. Сомнительным представляется и мнение Р. Трахо, который, ссылаясь на А. Берже, сообщает, что «...после Кавказской войны были выселены на указанные русским правительством места 120-150 тыс. черкесов». Ближе к историческим реалиям мнение А.Х. Касумова и Х.А. Касумова (1992. С. 157), сообщавших, что «к концу 1865 г., т. е. уже после массового переселения в Турцию, в Кубанской области осталось 106 798 адыгов». Близкую этой цифру (100 000 чел.) приводит и Б.М. Джимов.

Таблица 19 – Численность западных адыгов, оставшихся на своей исторической Родине после Кавказской войны, по данным различных авторов

Название источника	Численность, чел.
<i>1865-1867 гг.</i>	
Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. (1994)	46 000
Кушхабиев А.В. (2008. Вып. VII. С.364)	50 000
«Культура и быт...» (1991)	51 000
Фелицын Е.Д. (1880)	61 000
«Сборник статей...» (1977)	71 775
Бондарь Н.И. (1990)	75 000
«Живая старина» (1993)	75 806
«Черкесия в XIX в.» (1991)	80 000
«Россия и Черкесия...» (1995)	87 000
Дзидзария Г.А. (1982)	90 000
Джимов Б.М. (1986); Гольдентул И. (1924)	100 000
Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992); «Сокровища культуры...» (2007. С. 146)	106 798
<i>1870-1873 гг.</i>	
Фелицын Е. (1880); Кудалева С.Г., 2007. С. 249)	60 000
«Очерки истории...» (1957)	60 424
Мазурик В.К. (1997. С.99)	84 000
Джимов Б.М. (1986); Кудалева С.Г. (2007)	86 756
«История адыгов...» (2009. С. 88)	90 000
<i>1882 г.</i>	
«Черкесия в XIX в.» (1991)	53 000
Перепись-1882 («Очерки истории...», 1957)	58 663
Касумов А.Х., Касумов Х.А. (1992)	61 231
<i>1890 г.</i>	
Фадеев Р.А.. («Старые черкесские сады». Т. 1. С. 366).	132 766
<i>1897 г.</i>	
«Очерки истории...» (1957)	41 631
Аутлев П.У. (1990)	41 869
«Адыгея» (1989)	44 700
«История народов... Т. 2 (1988)	59 800
Керефов Б.М., Керефов Т.Б. (2005. Вып. I).	145 000
<i>1914-1915 гг.</i>	
Аутлев П.У. (1990)	52 715
Озова Ф.А. (1992)	53 250

Постепенно, по ряду обстоятельств, численность адыгов, оставшихся на исторической родине, сокращалась. Так, к 1882 г., ссылаясь на результаты Всероссийской переписи, различные авторы оценивают численность коренного населения в Кубанской области не более 53 000–61 231 чел. К революции 1917 г. количество адыгов в Кубанской области еще более уменьшилась. Так, статистические сведения за 1915-1916 гг. показывают, что в Кубанской области проживало 58,6 тыс. адыгов, а в Черноморской губернии – 2,8 тыс. (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I; «Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С.289).

Сокращение почти в 2 раза численности коренного населения на Кубани можно объяснить следующими причинами: сомнительность самих подсчетов горского населения; «дополнительная» эмиграция в Турцию после 1865 г., вымирание адыгов за счет невыносимых условий жизни на заболоченных низинах, куда они были принудительно выселены царскими властями.

Архивные материалы свидетельствуют, что «...оставшиеся 75 806 черкесов разделены по округам следующим образом:

1. Псекупский – 16 155 чел.
2. Лабинский – 20 088 чел. (с «выходцами из трущоб» 25 000 чел.).
3. Урупский – 8 986 чел. (к ним добавились группы 1 160 и 1 893 чел.).
4. Зеленчукский – 14 761 чел.
5. Эльбрусский – 15 816 чел.».

Кто же из горцев конкретно и в каком количестве остался на Земле адыгов после кровопролитной Кавказской войны и изгнания их с родных мест? Как явствует из доклада полковника Дукмасова, к 1865 г., на Кубани остались следующие группы коренного населения:

1. Бжедуги (включая шапсугов и нутхайцев) – 13 500 чел.
2. Абадзехи, темиргоевцы и егерухаевцы – около 10 000 чел.
3. Кабардинцы и махошевцы – 11 000 чел.
4. Адыги Армавирского участка – 4 500 чел.
5. Абазины и бесленевцы – 12 000 чел., что в общей сумме составляет 51 000 чел.

Впрочем, у С.Г. Кудасовой (2007) приводятся несколько иные цифры численности адыгов по округам и приставам: «После 1864 г. адыгское население распределялось следующим образом: Натухайский округ – 26 684 чел., Шапсугский – 12 600 чел., Бжедугский – 23 782 чел., Абадзехский округ – 16 314 чел., Нижнее-Кубанское приставство – 4 340 чел., Верхнее-Кубанское приставство – 26 348 чел.), – итого 110 068 чел.».

Более правдоподобны сведения Е. Фелицына, относящиеся к началу 70-х гг. XIX в. (табл. 20). У А.Х. Касумова и Х.А. Касумова приводятся несколько иные сведения по численности адыгских племен, оставшихся на Кубани. Ссылаясь на данные переписи 1882 г., эти авторы сообщают, что «из общего числа мусульманского населения Кубанской области, составляющего 103 600 чел., адыгов было 61 231 чел., в том числе: бжедуги – 16 771; кабардинцы – 15 440; абадзехов – 13 961; бесленеевцев – 6 551; темиргоевцев – 5 127; шапсугов – 3 381 чел.». Все они жили в следующих уездах, переименованных впоследствии в отделы: Баталпашинском, Майкопском, Екатеринодарском, Лабинском, Темрюкском и Ейском. Спустя десятилетие, Р.А. Фадеев (1890) приводит в таблице 21 более уточненные цифры.

Таблица 20 – Численность и этнический состав адыгского населения Кубанской области на 01.01.1871 г., чел.
(Кудасова С.Г., 2007. С. 249).

Название племени	Уезд			Всего в области
	Екатеринодарский	Майкопский	Баталпашинский	
Бжедуги	14 405	756	102	15 263
Абадзехи	1 993	11 359	1 308	14 660
Кабардинцы кубанские	39	6 547	5 045	11 631
Бесленеевцы	—	1 327	4 548	5 875
Шапсуги	2 723	2 050	210	4 983
Темиргоевцы	3	2 789	348	3 140
Егерухаевцы	—	1 256	422	1 678
Махашевцы	—	1 076	128	1 204
Мамхоевцы	—	887	—	887
Хатукаевцы	—	606	—	606
Малошевы*)	—	—	235	235
Натухайцы	175	—	—	175
Хакучи	—	87	—	87
Итого адыгов:	19 338	28 740	12 346	60 424

*) Так в тексте

Как отмечает Р.А. Фадеев (1890), «...числовые данные Штаба командующего войсками и у местных начальников различны, особенно в итоге старых, давно покоренных населений Верхне- и Нижне-Кубанского приставств, где цифры, показываемые приставами, почти вдвое превосходят цифры, показанные Штабом. Вообще, – продолжает автор, – цифры населения можно принимать только приблизительно, потому что они основаны на показаниях самих туземцев, изменявшихся вследствие каждого нового впечатления. Так, в одном ауле прошел слух о близком обложении податью, и горцы до крайности уменьшали число жителей аула; в другом, соседнем говорили о наделении земель по количеству показанных душ, и жители чрезвычайно их преувеличивали. При замкнутости жизни, не допускающей гостя проникнуть далее кунацкой, стоящей особняком в поле, нельзя было проверить показаний, тем более, что серьезная статистическая работа до сих пор далеко не по силам местному начальству. Можно, однако, с достаточной верностью считать, что общее «туземное» население в Кубанской области на 1890 г. составляло около 130 000 душ (по разным данным, от 106 798 до 132 766 чел.)».

Таблица 21 – Число горцев («туземных жителей») в Кубанской области, 1890 г.

Наименование округов (приставств)	По сведениям	
	штаба	приставов
Приставство:		
Верхне-Кубанское	26 348	43 932
Нижне-Кубанское	4 540	8 252
Округ:		
Абадзехский	38 434	38 434
Бжедугский	37 476	37 648
Шапсугский	—	4 500
Итого:	106 798	132 766

Эти цифры (106 798-132 766 чел.), приведенные Р.А. Фадеевым, далеко не окончательные. По данным И. Гольдентула (1924. С. 58), «...к началу революции 1917 г. адыгейцев было в Кубанской области не более 68 000. Всех аулов в области было 83, без Карачая; из них большая часть – в Краснодарском отделе -32 аула; в Баталпашинском – 34, в Майкопском отделе -16, в Темрюкском отделе – 1 аул. Всей земли считалось за ними 311 056 десятин, из неё удобной – 291 508; на душу обоего пола приходилось по 3,1 десятины удобной земли».

Представляет интерес и количество восточных адыгов-кабардинцев, оставшихся на Родине после Кавказской войны и переселения в

Турцию. По данным А.Х. Касумова и Х.А. Касумова, относящимся, правда, к середине XIX в., их осталось не более 30-35 тыс. чел. К этим цифрам близка оценка Х.М. Думанова – 37 тыс. чел.

А.Г. Кажаров (2005. Вып. II) обращает внимание на то, что вопросы общей численности населения Терской области в дореволюционный период принадлежат к числу недостаточно изученных. Накануне революции, в 1916 г. общее количество населения Терской области составило 180 966 чел., т. е. на 40 335 больше, чем в 1906 г. Такой быстрый рост численности населения происходил главным образом за счет переселенцев. С 1901 по 1915 г. русское население увеличилось на 10 713 чел., немецкое – на 1344, грузинское – на 283. Особенно значительным было количество украинских переселенцев. В то же время представители коренных народов покидали историческую Родину. Тем не менее, численность кабардинцев и балкарцев, проживавших в Нальчикском округе, увеличивалась. В 1910 г., например, кабардинцев насчитывалось 95 528 чел., а балкарцев 22 620. В 1914 г. кабардинцев насчитывалось уже 110 642 чел. Выяснение проблемы численности балкарцев сопряжено с определенными трудностями. В статистических данных 1914 г. в ведомостях о национальном составе Нальчикского округа, они обозначаются как «кабардинские горцы», а перед этим они включались в графу «горские татары и другие горцы». Жители селения Хасаут в статистических сведениях за 1914 г. обозначались также в графе «кабардинцы». Трудно уличить царских чиновников в стремлении «окабардинизировать» население Нальчикского округа. Видимо, сказывалось этнополитическое доминирование Кабарды в рамках этой административной единицы (Кажаров А.Г., 2005. Вып. II).

В настоящее время кабардинцы живут, кроме Кабардино-Балкарской Республики, также в республиках Адыгея, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания (р-н г. Моздока), Краснодарском и Ставропольском краях РФ (р-ны Армавира и Курпской), а также за границей. Общее число кабардинцев в Российской Федерации – 520,1 тыс. чел. (по переписи 2003 г.), а также в странах СНГ – 5 тыс. чел. (Керефов Б.М., Керефов Т.Б., 2005. Вып. I).

Интересно проследить соотношение горского и русского населения на Кубани. Численность русскоязычного населения Кубанской области неуклонно увеличивалась, причем темпы роста резко возросли после 1864 г., с потоком переселенцев на «освободившиеся от туземцев» плодородные кубанские земли. В частности, общее количество русскоязычного населения составляло в Кубанской области, чел.:

1800 г. – 32 609	1850 г. – 149 461	1860 г. – 172 317	1867 г. – 600 000
1882 г. – 1 084 571	1897 г. – 1 976 400	1914 г. – 2 739 000	

По переписи 1897 г. в Кубанской области проживали, помимо русского населения (а к «русским» в дореволюционной России относили мало- и великорусов, а также белорусов), – еще немцы, евреи, ногайцы, азербайджанцы, адыгейцы, черкесы, молдаване, греки, грузины, карачаевцы, абхазы, кабардинцы, татары, эстонцы и некоторые другие. Из 1 976 400 чел. русские составляли 90,4 %, адыги – 4,08 %, немцы 1,08 %, остальные – менее 1 % («История Кубани...», 2004. С. 138; 151).

К началу 1917 г., по данным Отчёта начальника Кубанской области за 1916 г., население области состояло из 3 336 475 чел. «казаков» и 1 789 430 чел. лиц «невойскового сословия» или лиц «иностранцев». Это деление, как отмечает И. Гольдентул (1924. С. 14), наложило особый отпечаток на жизнь всего края. Несомненно, что и здесь были налицо общие условия дифференциации населения во всей стране и что частое игнорирование этих условий бытописателями края ни на чём не основано; но несомненно и то, что отношения между казаками и иностранцами являются особо важным фактором в социально-экономической жизни края.

После революции 1917 г. соотношение адыгов и русских начало несколько выравниваться, во всяком случае, на территории вновь образованной в те годы Адыгейской автономной области (табл. 22).

Объективно оценивая имеющиеся в нашем распоряжении статистические материалы, можно предполагать, что численность «остатков» адыгского народа, сохранившихся на своей исторической Родине после Кавказской войны и массового изгнания коренного населения в Турцию, составляла около 100 000 чел. В дальнейшем, по ряду причин, число адыгов сократилось почти вдвое. Некогда многочисленный и могущественный народ подошел к крайней черте – возможности полного вымирания и исчезновения его как этноса. Поистине, как говорится в Коране (Сура 7; 32). «...у всякого народа – свой предел, и когда придет их предел,

то они не замедлят ни на час и не ускорят» Или в Библии: «Хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, – только остаток спасется» (Послание к Римлянам, 9; 27). Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив колониальный гнет в бывших «окраинах» Российской империи, дала возможность адыгскому народу, как Феникс из пепла, возродиться и занять достойное место среди других народов России.

Таблица 22 – Численность адыгов и русских, проживавших в Адыгейской автономной области, чел.

Год	Адыги	Русские	Всего
1920	54 000	36 000	90 000
1922	68 000	36 000	104 000
1926	50 821	61 946	112 767
1939			241 773
1990	103 000	250 000	263 000

8.5. Итоги: «баланс» Кавказской войны и махаджирства

*Сколько сокрушили Мы селений, и воздвигли после
них другие народы...*

Коран. Сура 21; 11.

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...

С. Есенин (1895-1925).

Типичной ошибкой большинства авторов, «разрабатывающих» тему Кавказской войны и махаджирства, является недоучет всех «статей» этого страшного баланса. Так, А.Х. Касумов считает, что «...если на Северо-Западном Кавказе к середине XIX в. проживало более 1 000 000 адыгов, а после окончания Кавказской войны и переселения в Турцию их осталось около 100 000 чел., то, следовательно, речь идет более чем о 900 000 переселенцев» (А гибель адыгов в ходе Кавказской войны? – **Авт.**). И таких примеров немало в исторической литературе, затрагивающей эту тему.

С учетом исторических реалий, кровавый «баланс» Кавказской войны и махаджирства выглядит следующим образом (разумеется, оценки сугубо ориентировочные):

С – суммарная численность адыгов до Кавказской войны составляла, по нашим расчетам, около 1 600 000 чел.;

П – потери адыгов во время военных действий в ходе Кавказской войны и карательных акций царизма, по меньшей мере 500 000 чел.;

М – масштабы махаджирства – «исхода» адыгов в Турцию можно оценить 1 000 000 чел. При этом гибель адыгов при переезде в Турцию и на чужбине оценивается около 500 000 чел.;

К – количество адыгов, оставшихся на своей исторической Родине первоначально составило 100 000 чел. В дальнейшем, к 1914 г. эта цифра уменьшилась, по крайней мере, вдвое.

Тогда: 500 000 (**П**) + 1 000 000 (**М**) + 100 000 (**К**) = 1 600 000 (**С**).

Дальнейшие изыскания позволят уточнить эти цифры и конкретизировать отдельные «статьи» этого кровавого «баланса».

9. ЗЕМЛЯ АДЫГОВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ГЕНОЦИД ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

9.1. «Опустела без тебя земля...»

«Земля останется в запустении, поля ее загложнут, дороги ее и все тропинки ее зарастут терном, потому что некому будет ходить по ним» (3-я Книга Ездры, 16; 33), – с болью писали библейские пророки более чем 2000 лет назад. Или еще не менее трагичный пассаж: «О горах подниму плач и вопль, и о степных пастбищах – рыдания, потому что они выжжены, так что никто там не проходит, и не слышно блеяния стад; от птиц небесных до скота – все рассеялись, ушли...» (Книга пророка Иеремии, 9; 10).

В полной мере это скорбное пророчество оправдалось в ходе Кавказской войны, которая привела к гибели и принудительному выселению из родных мест значительной части горцев. По сообщению А. Берже, «от стройного прежде и цельного народа остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок на Кубани, Зеленчуке и другим впадающим в Кубань рекам».

9.1.1. Что было и что стало с Землей адыгов после вмешательства царизма...

Как отмечал в начале XX столетия известный адыгский просветитель С.Сиюхов, «...всегда принято было считать, что большинство населения Черкесии занималось в основном разбоями и грабежами и что это служило источником их существования. Это большая ошибка», – подчеркивает писатель. Чтобы показать, на какой высокой степени развития стояло у черкесов земледелие, скотоводство, садоводство и т. д., приведем несколько выдержек из работ разных авторов XIX в., – очевидцев того, что *было* до изгнания горцев и что *стало* с Землей адыгов и ее земледельческой культурой после вмешательства царизма.

9.1.1.1. Что было...: «Самая практичная система хозяйства»

Народ этот (адыги) имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур.

И.Н. Клинген (1897).

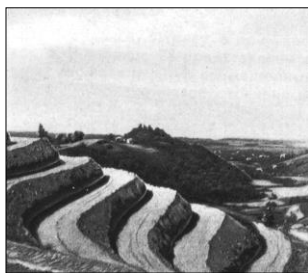
Прилегающая страна – Черноморское побережье, не в пример нынешнему времени (т. е. 1864 г.) была в то время обильна молоком и медом. В конце 30-х гг. все побережье, с прилегающей к нему горной полосой, представляло тщательно разработанный оазис...

Л. Личков (1864).

О том, какой цветущий вид имела Земля адыгов в прошлом (в том числе и в не столь далеком прошлом), а также о специфике традиционных, «аборигенных» систем земледелия у предков адыгов сообщают многие авторы. К первой половине XIV в. относится следующее свидетельство очевидца – Ал-Омари (умер в 1349 г.): «До покорения (татаро-монголами) страны черкесов и ясов она была повсюду возделана. Теперь видны остатки этой возделанности. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т. е. водится скот. – Авт.) и добываются плоды. Они (черкесы) отличаются мужеством и лукавством... Владения князя Биберди (округ Кремух близ Таманского полуострова. – Авт.) изобилуют лесами и плодоносными равнинами, орошаемыми множеством рек. Его земля изобилует хлебом, скотом и медом, но зато в ней нет вовсе вина».

Много позже, в середине XVII в. Ж.Б. Тавернье (1605-1689) так писал о земледелии адыгов: «Почва настолько плодородна, что плоды прекрасно вызревают в изобилии, не требуя особого труда. Черкесы не сеют ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для выпечки хлеба... Они не засевают дважды один и тот же участок, меняя место каждый год. Они не сеют рожь не потому, что почва недостаточно хороша для ее произрастания, а потому, что они не интересуются ею, предпочитая хлеб из проса... У них (причерноморских адыгов – шапсугов и натухайцев) нет других садов, кроме полей, покрытых дикими вишнями, яблонями, орешником, грушевыми и другими фруктовыми деревьями. Дополняет эту информацию Н. Витсен (1675): «Земля черкесов живописна, хороша и очень приятна; там есть долины, поля и леса, а также прекрасные источники; встречаются также вишневые деревья, яблони, груши, орех и т. д. Земля очень плодородная; у них нет садов, только поля. Это очень плодородная страна, изобилующая всеми сортами зерновых хлебов, богатая прекрасными лугами со всевозможными дикими плодами...».

Английский путешественник Ж.-Ш. Бесс (1830) сообщает в своих записках: «Черкесам принадлежит самая красивая часть Северного и Западного Кавказа. Земли там очень плодородные, имеются обширные пастбища с превосходной травой. Один и тот же участок земли обрабатывают в течение трех лет подряд». Дополняет эту информацию И.Ф. Бларамберг (1840), сообщавший, что у черкесов один и тот же участок земли обрабатывается в течение двух-трех лет подряд, а когда земля истощается или падает урожай, переходят на другой участок».

Террасы в горных районах
Северного Кавказа

Расширяют наши представления о земледелии у адыгов свидетельства других авторов. Так, один из участников карательной экспедиции царских войск против причерноморских адыгов поручик Н.В. Симановский в своей дневниковой записи от 10 мая 1837 г. вынужден был признать: «Доро́гой были видны по обеим сторонам прелестные сады, по опушке виднеются большие аулы, некоторые хижины покрыты тесом. Народонаселение здесь очень большое, хлеба у них прекрасные, густые, а жито вышиной более 2-х аршин (около 1,5 м), пшеница тоже недурна, поля их засеяны большей частью, огорожены плетнем, дабы скот не пасся». В записи от 24 мая 1837 г. автор пишет: «Во время привала мы расположились под тенью благоуханного орехового дерева вблизи черкесского аула. Кругом нас вьется по деревьям виноградная лоза. Жито, овес, ячмень, конопля, лен, кукуруза и пр., – всего есть в этом месте в большом изобилии; поля их огорожены плетнями; я видел даже привитые фруктовые деревья, что, вероятно, работа русских беглых (?)» («Дневник...», 2012. Вып. 9. С. 5; 8).

К.Кох (1842) отмечает: «Земледелие в Черкесии распространено в той мере, в какой оно необходимо для собственного потребления. В плодородных долинах и равнинах черкесам легко дается сельское хозяйство, т.к. они выбирают себе плодородный участок земли, разрыхляют его плугом или мотыгой и делают его пригодным для земледелия. Об удобрении никто не заботится... Черкесы имеют достаточно земли и употребляют только ту, которая дает обильный урожай даже после обработки только поверхности земли».

Об удивительном трудолюбии адыгов при возделывании земли сообщает А.Н. Дьячков-Тарасов (1901): «В долинах по скатам гор, в ущельях зеленели нивы, зеленели они и на вершинах, заставляя уделяться терпению, с каким абадзех очищал от леса несколько десятин...».

Определенный интерес представляет информация известного русского агронома И.Н. Клингена (1897), кстати, высоко ценившего сложившуюся у предков адыгов «аборигенную» систему земледелия. Так, в отчете Комиссии, изучавшей в 60-х гг. XIX в. хозяйство причерноморских адыгов, автор отмечал: «Народ этот имел возможность выработать самую практичную систему хозяйства, самые разумнейшие приемы обработки, сделать самый счастливый подбор высших и низших культур» (выделено нами. – Авт.). Хлебные поля черкесов никогда не располагались большими сплошными площадями, а представляли собой небольшие прямоугольники, несколько вытянутые перпендикулярно направлению склона и обыкновенно не превышавшие 1 десятины, редко 2-3. Такие поля в лесной подгорной полосе тонули в чаще вековых деревьев и сильно ими притеснялись. Черкесы разрабатывали их из-под строевого леса подсечиванием или корчеванием. Эксплуатацию же земли под пашню начинали через год, не дожидаясь корчевки больших деревьев». И далее И.Н. Клинген пишет: «Водосточные каналы, предохранявшие верхние питательные слои почвы от смыва во время ливневых дождей, служили одновременно дренажем самой почве, весьма склонной к заболачиванию... В местах слишком покатых, но с плодородною почвою горцы прибегали к искусственной террасовке... Между реками Псезуапсе и Аше близ моря (1,5 версты) замечена правильная террасовка с укреплением отвесных стенок каменными стенами, а на террасах – следы бывшего сада».

О широком распространении террасного земледелия у адыгов сообщают и многие другие дореволюционные авторы. Так, К. Гейнс (1866), осматривая места, где некогда жили причерноморские горцы, позже принудительно выселенные в Турцию, отмечал, что «...в земледелии не такую важную роль играет искусство, какую нужда. Кому не случилось слышать от приезжающих из-за границы презамечательные рассказы по этой части; но, вероятно, никто из них не передавал о возможности обделывать поля по скатам крутизною в 50°, а мы видели подобные места со спелым овсом и решительно недоумевали, каким способом обделывали горцы землю. Эта же самая нужда заставила их сжигать леса на вершинах холмов со сколько-нибудь приличными площадками, почему и вид на хакучинские высоты имел свою особенность». И далее автор продолжает: «Несмотря на большую пересеченность местности с южной стороны хребта, чем с северной, тут можно было найти более удобных мест для посевов, нежели среди лесов северных отрогов; порой встречались целые горы, засеянные по преимуществу овсом, кукурузой и просом».

О распространении у горцев Черноморского побережья Кавказа земледелия «на самых неприступных местах» сообщает и И.С. Хатисов (1867): «На склонах (ущелья р. Хакучипс, правого притока Псезуапсе) очень много хлебоборонных участков, которые еще в то время местами были засеяны оставшимися в горах хакучинцами кукурузой и гоми. Поля эти находились на самых неприступных местах, которые с первого раза могут показаться совершенно непригодными для культуры. Нахождение хозяйственных посевов на подобных крутизнах заставляло нас верить рассказам многих бывавших здесь прежде офицеров, сообщавших нам, что горы эти

когда-то сверху донизу были покрыты прекрасными полями и что горцы всегда имели большой запас хлеба. В руках таких обитателей, нет сомнения, что и эти крутые возвышенности с богатой почвой в состоянии производить и хлеба и кукурузу. Высокие хребты с обеих сторон ущелья р. Шахе очень богаты хлебобородными участками и горными пастбищами...». Эту информацию дополняет корреспондент «Одесского вестника» (1871): «Черкесы обрабатывают землю на склонах довольно высоких гор, где сеют кукурузу, гоми, занимаются пчеловодством, скотоводством и охотой»; а также Л.С. Лычков (1902), сообщавший, что прекрасные виноградники и роскошные нивы были расположены у черкесов «местами на искусственных террасах, снабжаемых водой из нарочито устроенных каналов, оберегаемых от ливней искусственными водоотводами».

Дореволюционные авторы отмечают, что черкесы сеяли «рано и густо», предусматривая возможные потери семян. Боронование тяжелой почвы после сева было неэффективным. Поэтому горцы при помощи специальной плетенки слегка заделывали семена землей, а нередко просто прикрывали их ветвями для защиты от птиц. «Удивительно простой, но весьма эффективный прием», – подчеркивали авторы начала XIX в. Многие авторы отмечали также, что черкесы издавна владели навыками севооборота. После распашки целины они сеяли просо и кукурузу, имеющие длинный корень, затем – рожь и пшеницу.

Есть ряд ценных свидетельств о бережном отношении адыгов к лесным богатствам своего края. Об этом, в частности, писал Дюбуа де Монпере (1839): «Черкес, расчищая землю, окружавшую его жилище, для возделывания проса или пшеницы, заботился о том, чтобы сохранить вокруг своего поля гирлянду деревьев для его защиты и доставления влаги, необходимой в этом климате... Он оставляет там и сям посреди своих полей самые красивые деревья. Так, что при взгляде с моря нет ничего более живописного, чем эти склоны лесистых холмов, в которых, как в рамке, находятся все эти поля» (Цит. по: Кудеева С.Г., 2007). Расчищая лесные массивы, адыги оставляли деревья также близ родников и ручьев для того, чтобы уберечь их в пору летней жары, а также в целях предохранения речных берегов от разрушения. Таким образом, горские жители хорошо понимали всю пользу лесных насаждений, и поэтому леса отнюдь не вырубались без разбора. Дополняет эту информацию сообщение И.Н.Клингена (1897). Описывая в 60-х гг. XIX в. хозяйственную жизнь причерноморских адыгов, он отмечает: «Обращают на себя внимание их защитные насаждения вдоль рек, живые изгороди, лесные опушки кругом полей, древесные группы для затенения, воздушные силосы из листьев и ветвей».

Прослеживается несомненная преемственность данного лесомелиоративного приема, используемого предками адыгов, – и применявшегося еще в древнейших государствах Месопотамии по крайней мере 6 000 лет назад. На этот факт, в частности, обратил внимание С.М. Скорняков (1977): «О том, что сады и огороды защищали от ветра и зноя лесными посадками, сообщается еще в «Календаре земледельца», обнаруженном при раскопках государства Шумер (IV тысячелетие до н.э.)».

Известный дореволюционный агроном Н.А. Тхагушев (2008) так характеризовал систему земледелия у горцев: «У адыгов применительно к местным условиям вырабатывается своя оригинальная народная агрозоотехническая система в области земледелия и животноводства. Например, система корчевки леса, очистка полевых участков от камней, террасирование склонов и их укрепление с нижней стороны каменными стенами, водоотводные канавы в горах, лесные полосы поперек гор (против оползней, смыва почвы дождевыми водами и выдувания их ветрами), поперечные задерненные полосы между полевыми участками на склонах, оросительная система, живые изгороди вдоль рек, табунный метод содержания лошадей, заготовка веточных кормов («воздушный силос»), содержание скота летом на высокогорных альпийских пастбищах, а остальное время года в долинах рек, на берегу моря».

Применяемая предками адыгов оригинальная «аборигенная» система хозяйства с древних времен не только обеспечивала их самих хлебом, но и давала возможность вывозить часть его (зачастую, значительную) на внешний рынок. Еще античные авторы сообщали о весьма больших поставках хлеба с Боспора в страны Аттики; немало зерна отвозилось в Турцию и другие ближневосточные страны и в эпоху средневековья. А в конце XVIII в., в первые годы переселения запорожских казаков на Кубань именно горцы снабжали их хлебом в неурожайные годы, о чем свидетельствуют самые разнообразные архивные и литературные источники.

Как здесь не воскликнуть, вместе с библейским пророком: «И есть ли такой мудрец, который бы объяснил, за что погибла страна и выжжена, как пустыня, так, что никто не проходит по ней?» (Книга пророка Иеремии, 9; 12).

9.1.1.2. Что стало...: «Опустошено поле, сетует земля, ибо истреблен хлеб»

Приблизился час... И изгнали вас из ваших жилищ, и помогли вашему изгнанию.

Коран. Сура 54, 1; 60, 9.

Ибо пришел на землю мою народ сильный и бесчисленный. Опустошено поле, сетует земля, ибо истреблен хлеб...

Библия. Книга Иова (1; 10).

Неисчислимы бедствия адыгам, другим горским народам Северного Кавказа принесла развязанная царскими колонизаторами Кавказская война, которая надолго отбросила назад развитие адыгского этноса, в том числе и его земледельческой культуры. Как с нескрываемой болью отмечает А.М. Гадагатль (1997), «адыги в XIX в. были частью истреблены, частью изгнаны с родных мест, а живописные места их поселений

превращены в руины и пепелища царским самодержавием, – злейшим врагом всех народов России, «жан-дармом Европы», по определению В.И.Ленина». Как здесь не вспомнить библейское: «Опустошу землю вашу так, что изумятся о ней враги ваши, поселившиеся в ней» (Книга Левит, 26; 32). Или: «Ты пришел, чтобы произвести грабеж, собрал полчище твое, чтобы ...отнять скот и имущество, захватить большую добычу» (Книга пророка Иезекииля, 38; 13). Или еще: «И призвал голод на землю; всякий стебель хлебный истребил» (Псалтырь, 104; 16). Тяжело писать об этом, но ведь это было, было...

Царское самодержавие руками своих военачальников – Ермолова, Засса, Власова, имя им легион, – проводило политику физического уничтожения коренного населения и последующей колонизации «очищенной» от черкесов территории казаками и иногородними – переселенцами из центральных губерний России. Даже царский генерал А. Зиссерман вынужден был признать: «Вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорья в горы, с гор – к морскому берегу, полумиллионное население горцев перенесло все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод и поварные болезни».

«Доро́гой мы всё истребляли; попадавшиеся копны сена и хлеба или брали с собой, или жгли; все аулы предавали пламени, так что все ущелье (вблизи перевала Суемчеуатель) сзади было в дыму», – пишет 2 сентября 1837 г. в своем дневнике участник «репрессалий» против адыгов поручик Н.В. Симановский («Дневник...», 2012. С. 12). Как видно, методы, которыми действовали «цивилизованные» колонизаторы, напоминают сцены из библейской истории: «И зажег факелы, и пустил их на жатву Филистимскую и выжег и копны, и несжатый хлеб...» (Книга Судей, 15; 5). Или еще: «Пред ним пожирает огонь, за ним палит пламя; пред ним земля как сад Эдемский, а позади его будет опустошенная степь, и никому не будет спасения от него» (Книга Исайя, 2; 3).

Приведем лишь несколько красноречивых фактов из обширного мартиролога Кавказской войны, раскрывающих, так сказать, «технологию» осуществления царскими войсками тактики «выжженной земли» – сознательного уничтожения жилищ, посевов, запасов хлеба и сена, – с целью последующего вытеснения адыгов с исконных мест их обитания:

1787 г. Экспедиция в Закубанье: генерала Текелли: «Всеми отрядами было сожжено аулов более 300, арб с имуществом нашли до 4000, *истреблен хлеб, сокрытый в ямах, все сено сожжено*». По сообщению генерала Иловайского, «казаки занимались сожжением аулов, сжиганием хлеба и сена, истреблением чрезвычайного количества пчельников (пасек)».

1809 г. Царскими войсками по рекам Марте и Шедук «сожжены 18 шапсугских аулов, много хуторов, пасек, *истреблены запасы хлеба и сена*... Князь Айдамир совершенно разорен, *не пощадили и хлеб на корню*».

1810 г. Экспедицией генералов Булгакова и Дельпоццо «разгрому подверглись 200 кабардинских аулов; сожжено домов – 9085, мечетей – 111; *захвачено 1420 арб пшена*». Позже подполковник Еремеев сообщал о действиях в шапсугских аулах: «По пути отряд сжег немалое количество жилищ, имений, хлеба и сена».

1825 г. Подводя итоги года, один из участников военных действий сообщал: «Отряды наши бороздили по Закубанскому краю, истребляя аулы враждебных горцев и запасы их; стада их целыми тысячами угоняли в Черноморию». Весьма «поэтично» описал этот этап Кавказской войны другой современник: «Война то тлела чуть заметно, то разгоралась в крупное зарево. *Пылали черкесские аулы, хлеб и сено...*».

1830 г. В январе войсками генерала Бескровного у шапсугов «*сожжено 35 стогов хлеба и сена*». Позже, осенью, когда урожай с полей уже был черкесами убран, отряды генералов Эммануэля и Панкратьева совершили экспедицию к абадзехам и натухайцам. Очевидец, царский офицер, опубликовал по этому поводу статью во французском журнале: «Легко вообразить себе уныние их (горцев) при виде пылающих селений своих, при истреблении огромных запасов заготовленного ими хлеба и сена. *До 200 селений, со всеми запасами хлеба и сена, истреблены огнем*». (Интересно, а с каким «унынием» смотрел бы этот офицер на то, как разоряют и поджигают его собственное жилище? – Авт.).

1836 г., 5-10 октября уничтожено отрядом генерала Фезе 10 черкесских аулов: «Отряд сей с рассветом прибыл в ущелье Куматирь, где немедленно занял 4 аула, в коих *с избытком найден для всего отряда хлеб и фураж; взято анапскими переселенцами 50 повозок обмолоченного хлеба*. Затем эти 4 аула сожжены и отряд двинулся для сожжения других аулов, – в ущелье Копеса занято и сожжено со всеми значительными запасами хлеба и фуража 6 больших аулов» («Дневник...», 2012. Вып. 9-10 (68-69)).

1837 г. Участник экспедиции царских войск свидетельствует: «Фуражировка (т. е. заготовка фуража для лошадей, захват сена и жита у адыгов. – Авт.) обходилась нам недешево, потому что горцы, видя уничтожение своих роскошных нив, обработка которых стоила им больших трудов, дрались отчаянно. *Не знаю, что после нас осталось горцам для зимнего пропитания. Все хлеба были выкашиваемы, и все плоды обираемы нами...* Невзирая на это, воинственные горцы не хотели покориться!» (Н.М., 1847).

1840 г. В ответ на разгром горцами царских укреплений Черноморской береговой линии военный министр Чернышев приказал 12 апреля «направить экспедицию в землю убыхов, *жесть и уничтожить их посевы, жатву и запасы*».

1842 г. С целью предупредить нападение горцев, контр-адмирал Серебряков сообщал: «Я полагаю 15 июня *начать истребление хлебов и жилищ на всем пространстве между Анапою, Гостагаем и Кубанью*».

1843 г. Царские войска «жгли сено и вытаптывали лошадьми и людьми хлеба абадзехов. Только за один день, 28 августа, отряд генерала Завадовского *сжег до 1700 стогов сена; казаки вытоптали, а места-*

ми даже выкосили, просо на пространстве 3-х верст. Всего же сожжено до 200 тыс. стогов сена, а хлеба скошено, вытоптанно и истреблено до 25 кв. верст».

1851 г. Из отчета о военных действиях: «Чувствительную потерю неприятель (т. е. горцы) понес на Черноморском побережье от истребления жилищ с запасами хлеба и сена, числом до 1500 дворов».

1853 г. В приказе генерала Воронцова отмечаются «заслуги» генерала Козловского: «Истребил все окрестные аулы, а равно заготовления, сделанные жителями на зиму».

1856 г. Отрядом полковника Борзика в районе Энема «сожжено более 2000 стогов сена и хлеба».

1860 г. В долине Афиписа войсками графа Воронцова-Дашкова «зажжен сразу с четырех сторон огромный, в 1000 домов, шапсугский аул Сухунояк, захвачено много скота и арб, доверху нагруженных еще не обмолоченным хлебом».

1864 г. Из записок царского карателя К. Гейнса (1866): «Как вернейший и скорейший способ покончить с ними (т. е. с адыгами-хакучинцами) все расчеты, было предложено уничтожить весь хлеб на корню и все, что могло служить поддержанием существования жителей. К северу от Главного хребта оставалось еще много аулов, принадлежавших шапсугам, которым не хотелось выселяться, и замечены обширные посевы. Истребить совершенно то и другое было главной задачей для наших войск». И в заключение автор с энтузиазмом восклицает: «Слава правительству за принятую систему войны! Результаты ее особенно резко высказались весной 1864 г.: нельзя было не любоваться, как русское племя, заняв уже все ущелья по северной стороне Кавказского хребта, спокойно бороздило плугом землю».

Перечисленные выше факты сознательного, планомерного разрушения земледельческой культуры горцев, лишения их мало-мальских средств существования (а это лишь малая часть подобных свидетельств!), предпринятого царскими колонизаторами, – в каких-либо комментариях не нуждаются.

9.1.2. «И земля их сделалась пустынею от ярости опустошителя»

И земля их сделалась пустынею от ярости опустошителя...

Книга пророка Иеремии (25; 38).

Противник должен получить совершенно негодную, на длительное время не заселенную, пустынную землю...

Из директивы гитлеровского командования (1943).

В начале XIX в. английский автор Спенсер (1837) писал о кавказских горах: «Эти провинции (Черкесия. – Авт.) столь богато одарены природой, что жители имеют достаточно причин быть довольными. Климат благоприятный; почва подобно мингрельской, богата и приспособлена к выращиванию всех видов злаков, особенно к возделыванию табака, хлопка, риса... Представления, сделанные русскими путешественниками, что «большинство жителей Кавказа не занимаются никакой сельскохозяйственной работой, завися от грабежа для существования», – являются преднамеренно ошибочными...

Когда открылись передо мной черкесские долины, вид страны и населения превзошел самые пылкие мои представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов; почти ни одного клочка не было некультивированного. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по роскошной траве. На вершине одного из плато я нашел цветущую деревню, окруженную фруктовыми садами и сельскохозяйственными полями – все чрезвычайно плодородные и в высокой степени ухоженные. На далеком расстоянии глаз блуждал над сельскохозяйственными полями, на которых были мужчины, женщины и дети; их зеленеющие пастбища пестрели многочисленными стадами».

Прошло всего 30 лет и, как пишет очевидец, «...громданейшие пространства Западного Кавказа превратились в малонаселенную и совершенно разоренную пустошь, не дававшую пропитания русским и прочим колонистам, которые не знали местных условий и особенностей хозяйствования». Тяжело читать и строки другого очевидца – М. Ечеруха (1866) о некогда цветущей Земле адыгов: «В продолжение короткого периода времени черкесские аулы, кишевшие еще так недавно жизнью, замерли, а полуразвалившиеся дома уныло напоминали о минувших днях». Об опустошении Земли адыгов писал и М. Покровский: «Западный Кавказ на добрую долю просто превратился в пустыню, усеянную развалинами, свидетельствовавшими о некогда завязавшейся здесь культурной жизни». По восточному берегу Черного моря в те годы путешествовал известный режиссер В.Немирович-Данченко. В своих воспоминаниях он с болью восклицал: «Я проезжал кладбищем мертвого народа, – обезлюдевшей после переселения земель адыгов. Ни в чьих преданиях, ни в чьей песне не останется памяти об исчезнувшем народе, и скоро, проходя мимо его могил, мимо этих безмолвных и безлюдных аулов, никто не будет знать, какая жизнь кипела под этими плоскими кровлями!». Эта картина уж очень напоминает сцены ада Данте из его «Божественной комедии»:

Ступив вовнутрь, кидаю взгляд поспешный,
И вижу лишь пустынные места,
Исполненные скорби безутешной...

С.Иловайский, посетивший Черкесию в 1888 г., также отмечал: «Выселившиеся в Турцию племена оставили в наследство свои кладбища, развалины своих аулов и свои теперь уже одичалые сады». Изгнание черкесов называет «поистине потрясающей историей» Л. Личков (1864). Сравнивая то, что *было* и что *стало*, он отмечал: «Надо сказать, что и сама прилегающая страна – Черноморское побережье, не в пример нынешнему времени (т. е. 1864 г.) была в то время обильна молоком и медом». (Как здесь не вспомнить библейское: «И привел нас на место сие, и дал нам землю, в которой течет молоко и мед» (Второзаконие, 26; 9).

И далее Л. Личков продолжает: «В конце 30-х гг. все побережье, с прилегающей к нему горной полосой, представляло тщательно разработанный оазис, где бок о бок с дикими неприступными скалами и вековыми (теперь беспощадно вырубленными) лесами ютились прекрасные виноградники, зеленели роскошные нивы, расположенные местами на искусственных террасах, снабжаемых водой из нарочито устроенных каналов. По побережью пестрели густые сады, в которых зрели разнообразные фрукты, составляющие для местного горского населения один из важных предметов торговли, как и мед, и воск; на полях росли кукуруза, ячмень и просо. *Но кровавая война изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру, каналы заросли и засорились, стоившие много труда искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены, частью одичали...*».

9.1.2.1. «Необыкновенное зрелище представлял вновь покоренный край: все мертво, нигде не души»

Я развеял их по всем народам, которых они не знали, и земля сия опустела после них, так что никто не ходил по ней ни взад, ни вперед, и они сделали вождь-ленную страну пустынею...

Книга пророка Захарии (7; 14).

Необыкновенное зрелище представлял вновь покоренный край: ...все мертво, нигде не души. Местами свежие всходы хлебов еще свидетельствуют о недавнем присутствии населения, но большей частью пахотные поля заброшены и заглохли.

С. Духовский (1864).

Побывавший после Кавказской войны на Черноморском побережье известный географ Э. Реклю отмечал безлюдность этой местности: «На огромном, ныне пустом пространстве, занимающем 10 000 кв. км, насчитывалось всего лишь 15 000 жителей. Из их числа 4/5 составляют абхазцы, 600 (!) черкесов, остальные переселенцы различного происхождения». Как говорится в Библии, «...опустели дороги, не стало путешествующих. Земля сетует, сохнет... Исчезло с плодоносной земли веселье и ликование» (Книга пророка Исайи, 16, 10; 33, 8-9).

С болью писал об обезлюдевшей Черкесии побывавший там В.Г. Тепляков:

Как ты мертва теперь, пустынная страна!
Как молчалива ты! Лишь ветер в ущельях мшистых
Трепещет – и с вершин кремнистых
От скал отторженный гранит
В глухие пропасти катит...

Своими впечатлениями об опустевшей Земле адыгов делится С. Духовский (1864): «Необыкновенное зрелище представлял вновь покоренный край. Случалось, смотришь с высокой горы во все стороны: видно множество чудных долин, хребтов, гор, рек и речек, среди старых, похожих на лес садов, то там, то здесь следы бывших жилищ. Но все это было мертво, нигде ни души. Местами свежие всходы хлебов еще свидетельствовали о недавнем присутствии населения, но большею частью пахотные поля заброшены и заглохли, и только обрезки стеблей прошлогодней кукурузы указывали, что здесь некогда жили и работали люди». Именно тогда на Черноморском побережье появилась черкесская поговорка: «Теперь даже женщина может пройти от Сухум-кале до Анапы, не опасаясь встретить хоть одного живого мужчину». И это отнюдь не преувеличение. Этот не имеющий себе аналогов факт принудительного «обезлюдивания» Причерноморской Черкесии получил официальное подтверждение в Отчете комиссии Министерства земледелия и государственных имуществ 1865-1866 г. Специальной экспедицией была произведена детальная съемка земель на огромном пространстве между Большим Кавказским хребтом и берегом моря, с целью выяснения возможности колонизации «освобожденного» от горцев края в сельскохозяйственном отношении.

Хотелось бы кратко остановиться на результатах деятельности этой экспедиции. Все пространство морского побережья подразделяется в отчете комиссии на три яруса-террасы: нагорный, средний и приморский. Несмотря на то, что со времени окончательного изгнания горцев прошло уже несколько лет и все бывшие аулы и участки пашни заросли кустарником и молодым лесом, у комиссии была возможность зафиксировать прежние места их расположения с достаточной степенью достоверности, основываясь на следах бывших террасных полей, развалин жилых построек, остатков садов и виноградников. Все эти места получили в отчете название «хлебородных», а значит, годных к заселению казаками и переселенцами из центральных районов России. О масштабах бывлой земледельческой культуры горцев свидетельствуют, в частности, следующие документально подтвержденные факты.

Нагорная терраса. Члены комиссии констатировали, что нагорная полоса, примыкающая к Большому Кавказскому хребту между р. Псецуапсе и Туапсе, хорошо расчищена и, «судя по истребленному состоянию лесов и по числу пахотных полей, население жило здесь повсеместно». В ущелье р. Хакучипс, правого притока р. Псецуапсе, комиссия увидела «очень много хлеботородных участков, засеянных кукурузой и гоми». По рекам Ажу и Бзыч – правому и левому притокам р. Шахе, отмечено много садов и пахотных мест. Нагорная полоса р. Аше также была покрыта хлеботородными участками и фруктовыми деревьями; начиная с ее правого притока – р. Загатляш, «повсеместно встречались виноградные посадки».

Средняя терраса. По свидетельству комиссии, она также была плотно заселена и обрабатывалась под посевы кукурузы и проса. Особо отмечена густая заселенность долины р. Кичмай, горные склоны которой «почти сплошь покрыты хлеботородными участками и носили на себе следы земледельческой деятельности».

Приморская полоса. По заключению комиссии, она была бедна лесами, что свидетельствовало об активной хозяйственной деятельности горского населения в этом районе. Здесь было больше всего фруктовых садов. Именно здесь, в третьем, нижнем ярусе «находили более по сравнению с двумя верхними, расчищенные поляны; лучшие террасы для культуры и жительства лежат недалеко от морского берега». Следуя от устья р. Шахе вверх по ее течению, экспедиция отметила повсеместные следы бывшей хозяйственной деятельности горцев: участки земли у устьев мелких притоков были засажены виноградом, много было и фруктовых деревьев. Склоны гор по обеим сторонам ущелья были «очень богаты хлеботородными участками и горными пастбищами».

Весьма интересен зафиксированный комиссией факт, свидетельствующий о высокой культуре земледелия горского населения. Имеется в виду способ, с помощью которого горцы эффективно боролись с водной эрозией почв: по горным склонам лесов почти не было, – лишь поперек хребта в несколько этажей длинными рядами тянулись насаждения деревьев, игравших роль своеобразной «...живой изгороди для укрепления почвы и преграды против разрушительного действия дождевых потоков, смывающих верхний слой почвы».

Членами комиссии отмечено, что от поста Лазаревского до урочища Тхапс (Божьи Воды) на протяжении 13 верст по р. Псецуапсе «лесов по всей окрестности очень мало и горные склоны по преимуществу покрыты хлеботородными участками». Богатые виноградники встречались в окрестностях современных аулов Лыготх, Калез и Хаджико. В отчете есть указание на то, что склоны ущелья Шмитокуадж покрыты богатыми хлеботородными полями и садами. Горные склоны между р. Чухукх и Годлик также отмечены комиссией как хлеботородные. Все пространство между р. Аше и Псецуапсе покрыто полями и садами.

В районе р. Мокупсе (Макопсе) обнаружено возвышающееся над морским берегом плато, покрытое травой и фруктовыми деревьями, а с его восточной стороны сохранились остатки кукурузных полей. Правый берег Мокупсинского ущелья покрыт множеством фруктовых деревьев: слив, яблонь, персиков, груш; много имелось пахотных участков. Все эти факты, приведенные в «Отчете комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между р. Туапсе и Бзыбью» (1867) и впервые введенные в научный оборот Т.В. Половинкиной (1999), дают возможность в какой-то степени реконструировать следы бывшей земледельческой культуры адыгов.

9.1.2.2. «Теперь только редкие остатки черкесской архитектуры свидетельствуют о чрезвычайном трудолюбии аборигенов страны»

Поднимусь я на землю неогражденную, пойду на беззаботных, живущих беспечно (все они живут без стен, и нет у них ни заборов, ни дверей), – чтобы произвести грабеж и набрать добычи, наложить руку... на народ, занимающийся хозяйством и торговлей.

Книга пророка Иезекииля (38; 10-12).

Теперь только редкие остатки черкесской архитектуры свидетельствуют о деятельной жизни, царившей в этом крае, превратившемся ныне в пустыню, и о чрезвычайном трудолюбии аборигенов страны, превратившихся впоследствии в диких башибузуков.

Я. Абрамов (1884).

Будучи в окрестностях г. Туапсе, Ф. Овсянников (1902) отмечал: «После ухода черкесов все старое, веками установившееся, культурное разрушилось. Леса и плодовые деревья уничтожались без всякой жалости...». Дополняет эту тяжелейшую картину и свидетельство Л.В. Македонова. По его словам, даже в 1907 г. (спустя более 40 лет после окончания Кавказской войны! – **Авт.**) «вся нагорная полоса производит впечатление запущенного, забытого края, где мирно покоятся нетронутые естественные богатства и дремлет мысль населения, не имеющего возможности разобраться в своей жизни».

Автор XIX в. Я. Абрамов так охарактеризовал состояние края после ухода горцев: «Места прежде занятые многочисленным горским населением, пустуют до сих пор. Только незначительная часть этой местности занята казачьими станицами, а другая роздана разным чиновникам и нечиновным культуртрегерам. *Казачье*

население, однако, оказалось очень непригодным для условий горной местности и его приходилось, и отчасти приходится и теперь, содержать на казенный счет. Многие станицы пришлось даже упразднить, так как русскому населению оказалось совершенно невозможным жить в местах, занятых этими станицами: так, в одном 1868 г. состоялось упразднение целых 12 станиц Кубанской области, «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщения и отчасти климата», как сказано в официальном приказе. Земли, розданные в частную собственность, также остаются до сих пор совершенно пустыми и некультивированными.

Наконец, огромные пространства, прежде занятые горами, не вызывают даже ни в ком желания приобретения, – так мало кажутся они пригодными для культуры. А между тем эти пространства были прежде заняты многочисленным населением и прекрасно культивированы. Теперь же превосходнейшие нивы и луга, буквально созданные руками человеческими на голых каменных скалах, заросли мелким колючим кустарником и совершенно пропали для культуры. Богатейшие сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли. И только одичавший виноград, встречающийся на склонах гор, да редкие остатки черкесской архитектуры свидетельствуют о деятельной жизни, царившей в этом крае, превратившемся ныне в пустыню, и о чрезвычайном трудолюбии аборигенов страны».

Комментируя это эмоциональное высказывание Я. Абрамова, С.Х. Хотко (2008) отмечает: «Таким образом, и через 20-25 лет степень усвоения обширного черкесского наследия оставалась на очень низкой отметке. Обращает на себя внимание упразднение большого числа нагорных станиц Закубанья – этим действием власти расписались в полнейшей неспособности освоить черкесский ландшафт. Я. Абрамов зафиксировал факт содержания нагорных станиц за казенный счет, т. е. за большой срок они не сумели достичь хотя бы уровня самообеспечения продуктами питания. Пройдет еще 20 лет, и авторы начала XX в. по-прежнему будут отмечать этот несуразный факт поддержания населения нагорных станиц «казенным пайком» и выделением пахотных участков в Прикубанье». Дополняет эту картину сообщение П. Цирульникова: «Край очищен от «полудикого» населения и представлен «культурному» народу, несущему знание, свет Христового учения, государственность. Прошло 46 лет. Все Закубанье прежней территории черкесов занято сплошь русскими. Черкесы же остались по Зеленчуку, Лабе и около Средней Кубани». В заключение этот автор, обращаясь к царским властям, спрашивает: *«Зачем вы лишили всю массу российского народа столь разноплеменного, нового члена семьи, духовный облик которого так богат лучшими чертами человеческой личности? Зачем?»*. Но этот законный вопрос так и остался без ответа.

Определенный интерес представляет и свидетельство В.П. Христиановича (1917): «Сперва попробовали поселить здесь (на Черноморском побережье) отставных солдат, казаков с Кубани, а потом эстонцев, греков и т. п. культуртрегеров. Тогда черкесские сады стали быстро уничтожаться. Их вырубали, чтобы на их месте, кое-как всковыряв почву, посеять кукурузу или томаты. Чтобы остругать палку, валили роскошный экземпляр черешни, вывезенной из Анатолии каким-нибудь рачительным хозяином и любителем из черкесских узденей». И далее автор спрашивает: *«Как же существовали и, вероятно, не одну сотню лет черкесские сады, пользовавшиеся притом прекрасной славой?»*. Но и этот вопрос остается без ответа...

9.1.2.3. «Черкесов уже нет, местность совершенно опустела и ждет новых деятелей...»

Отдал нас на поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас.

Псалтырь (42; 14).

Каждая ровная площадка на горе, способная к возделыванию хлеба, была культивирована черкесами и обнесена довольно широкой и густой живой изгородью из бука. И теперь еще ясно видны остатки этой культуры.

В. Борисов (1873).

В. Борисов (1873), побывавший в окрестностях Туапсе на Черноморском побережье спустя 10 лет после окончания Кавказской войны, оставил свои воспоминания, где он поделился как своим восхищением «сугубо рациональным» способом хозяйствования когда-то проживающих там черкесов, так и тяжелейшим впечатлением от сознательного и планомерного разрушения земледельческой культуры горцев царскими войсками:

«Нужно только удивляться громадности того народонаселения, которое занимало эти местности Кавказа лет десять тому назад. На каждой версте можно найти следы бывших аулов. Аульные места можно узнать теперь только по остаткам садов, да по столбам, на которых стояли различные хозяйственные постройки черкесов, вроде амбаров и т.п. Сами же постройки частью сожжены во время войны, частью разобраны теперешними поселенцами-станичниками; есть целые станицы, где дома выстроены из черкесского леса.

У черкесов доски были не пиленные, а тесаные, иногда вершков 12 (53 см) шириной и в 1,5-2 вершка (7-9 см) толщиной; амбары они устраивали на высоких столбах в 1,5-2 аршина (1,1-1,4 м) вышиною, на каждый столб накладывалась широкая тонкая каменная плита, которая заменяла те чугунные колокола, которые употребляются в Англии на столбах подстожья для воспрепятствования проникновению мышей в стога; на этих плитах уже воздвигались постройки, и эти плиты также препятствовали проникновению мышей в амбары.

Каждая ровная площадка на горе, способная к возделыванию хлеба, была культивирована черкесами и обнесена довольно широкой и густой живой изгородью из бука. И теперь еще ясно видны остатки этой культуры. Вы можете видеть целые горы, разделенные на неровные гладкие участки, когда-то культивированные, и каждый подобный участок обнесен живою изгородью. Другие горы, сплошь покрытые хорошим строевым лесом, не были культивированы. Вся обработка этих культивированных пространств производилась руками, при помощи санок или мотыг. Дороги у черкесов были не особенно хороши, но по ним все-таки можно было удобно ездить на арбах. Местами, именно там, где дорога шла крутыми косогами, ставились плетни для того, чтобы арбы не могли скатываться; плетень из парикового дерева (*Rhus cotinus et coriaria*), богатого желтым красителем и дубильным веществом, простоявший на такой дороге более 10 лет, еще очень хорошо сохранился и очень крепок. Вот в каком виде представлялась Туапсинская долина и окружающие ее, на несколько десятков верст в окружности, горы лет 10 тому назад (первые поселенцы, русские станичники пришли в эти места в 1864 г.). *В настоящее же время все изменилось. Черкесов уже нет, местность совершенно опустела и ждет пока новых деятелей.* Скоро ли явятся они и скоро ли примутся за создание нового – отвечать на эти вопросы теперь еще нельзя», – завершает свое эссе В. Борисов (1873).

9.1.2.4. «Государственная необходимость свела их (горцев) с лица земли единым порывом...»

Эти воины-орлы, одаренные от природы, не хотели побораться с православным народом, и государственная необходимость свела их с лица земли единым порывом.

И. Клингген (1899).

О роли «государственной необходимости» (разумеется, с точки зрения царского самодержавия) изгнания адыгов с родной земли и последствиях этого шага размышлял в свое время русский агроном И. Клингген (1899): «Эти воины-орлы, одаренные от природы, не хотели побораться с православным народом, и государственная необходимость свела их с лица земли единым порывом. *Исчезли горцы, но вместе с ними исчезло их знание местных условий, их опытность, та народная мудрость, которая у беднейших народов составляет лучшее сокровище и которою не должен брезгать даже самый культурный европеец. Предстояло или смириться, или погибнуть, а с ними вместе погибла и культура, которая копилась тысячами лет, а погибла в 30 лет* (выделено нами. – Авт.)».

«Удалив из страны черкесов в силу общих государственных соображений, – продолжает И.Н. Клингген, – мы взяли на себя тяжелый нравственный долг удовлетворить цивилизацию за утраченные силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лет, а погибла в 30 лет под напором чудовищно-творческой силы природы, уже несдерживаемой опытной и сильной рукой аборигена. 60 лет употребила русская армия для того, чтобы ценой невероятных страданий, усилиями неслыханного героизма, завоевать нам эту страну. Сотни миллионов рублей затрачены, сотни тысяч жизней загублены, а теперь эту страну снова нужно брать с бою, как в то первобытное время, когда еще в ней не было человека. Как тогда, так и теперь, от горных ледников до самого моря, властно и громко звучит песня торжествующей природы, вконец заглушая жалкий лепет жалкой колонизации. Бессильны здесь меч и огонь, и не спасут здесь никакие беспочвенные проекты, потому что *погибли навсегда старые традиции и почти без следа исчезла старая культура.* Только наука, как отражение коллективной опытности всех времен и народов, только наука, дающая точное знакомство со всею совокупностью разнообразнейших условий этой многострадальной страны, может служить путеводной звездой при отыскании почетного исхода, достойного великого народа» (Клингген И.Н., 2005).

И далее автор, цитируя Л. Личкова, с болью отмечает: «Кровавая война изгнала и уничтожила горцев, в корне разрушила их культуру, искусственные каналы заросли и засорились, стоившие много труда искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены во время войны и в период заселения страны, и так обросли другими породами деревьев, что теперь уже трудно определить, где кончается перевитая дикой виноградной лозой лесная чаща, и где начинается культурное насаждение. После выселения черкесов могучие древесные массы с сетями всевозможных лиан все гуще и гуще набрасывают на мрачную картину разорения свой зеленый саван. Лишенные света и воздуха, фруктовые деревья изнывают и покрываются мириадами паразитов, мельчают плоды, исчезает нежность вкуса...».

Гнетущее впечатление от опустевшей Земли адыгов вынес и побывавший там известный поэт А.И.Полежаев. В своем стихотворении «Ночь на Кубани» он с грустью писал:

Но миновало время брани,
Смирился дерзостный джигит,
И редко-редко на Кубани
Свинец убийственный свистит.

Молчаньем мрачным и печальным
Окрестность битв обложена,
И будто миром погребальным
Убита бранная страна...

9.1.2.5. «Их обиталища необитаемы после них, кроме немногих...»

Их обиталища необитаемы после них, кроме немногих...

Коран. Сура 28, 58.

Жилище их да будет пусто, и в шатрах их да не будет живущих.

Псалтырь (68; 26).

«Наше кавказское чиновничество, – размышляет Е.Л. Марков (1887), – по-видимому, вошло во вкус обезземеливания туземных племен и избрало себе его любимейшей системой управления. Выселение в Турцию береговых жителей Черноморского округа, джигетов, шапсугов и всякого имени черкесских племен Западного хребта из-за Кубани, Белой, Лабы, оставило такое соблазнительное наследство кавказскому чиновничеству, военному и гражданскому, которое не могло не возбудить надолго аппетита к лакомым кусочкам. Целыми тысячами десятин отводились высшим служилым людям Кавказа плодородные земли изгнанных племен, их старые сады и плантации.

Когда черкесская «дележка» была кончена, захотелось абхазской; равно в Абхазии – рай земной, растительность чуть не тропическая, плодородие почвы баснословное, вся страна — один сплошной сад... Сами абхазцы — отличный народ, даровитый, тонкий, изящный, «французы Кавказа», как их величают в Грузии; они большей частью христиане, и притом старинные христиане, со времен Андрея Первозванного и Симона Хананейского. У абхазцев великолепные сады и плантации на берегу моря. И их, и сады их бросили на произвол судьбы, не оставив на защиту их ни одной роты войска. А когда турки забрали их имущество, жен и дочерей и потребовали, чтобы они стали на их сторону, то абхазцев, ненавидящих турок, сделали бунтовщиками. *Собственной непредусмотрительностью, собственной небрежностью своей мы убили чудную страну, которая долго теперь не оправится, которую уже ничем не вознаградить. Все пусто там до сих пор, как передают очевидцы* (Марков Е.Л., 1887. С.256-257).

«В течение первой половины лета 1864 г., – пишет генерал Фадеев, – восточный берег Черного моря представлял необыкновенное зрелище. До сих пор не было на свете берега, пустынное кавказское. Населенный разбойниками, торговавшими только рабами, содержимый в постоянной блокаде нашими крейсерами, он казался с моря необитаемой землей. Ни хижины, ни дымка на зеленом берегу, ни одного челнока в голубых заливах. Только под ночь, когда разыгрывалась буря или начинал стлаться туман, можно было иногда заметить на темном море крадущуюся под берегом кочерму... Это был заколдованный берег, как в сказке, на который не дозволено было ступить человеку». ...Как говорится в библейских текстах, «...жилище их да будет пусто, и в шатрах их да не будет живущих» (Псалтырь, 68; 26). Об этом же говорит сура Корана (28, 58): «Их обиталища необитаемы после них, кроме немногих...».

9.2. Колонизация Черкесии: «Кем же заселить эту пустынную страну?»

Колонизация – захват какой-либо страны или края, сопровождаемый покорением, зверской эксплуатацией, подчас истреблением местного населения...

Словарь иностранных слов (1995).

Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами.

Из записки генерала А.А. Вельяминова Г.В. Розену (20.05.1833 г.).

«Царизм для укрепления своих позиций в Черкесии применял самые разнообразные методы», – отмечает А.Д. Панеш (1999. Вып. 2). Начавшийся в середине XVI в. процесс колонизации горских земель значительно усилился в период Кавказской войны, в ходе которой проводилась широкая военно-казачья и крестьянская колонизация Северного Кавказа. На отобранных и завоеванных горских землях началось строительство большого комплекса военных сооружений, дорог, укреплений и крепостей.

В условиях Кавказской войны происходит активизация политики заселения адыгских земель казаками. Так, в записке генерала А.А. Вельяминова от 20 мая 1833 г. к командиру Кавказского корпуса Г.В. Розену отмечалось: «Главное и надежное средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографическом отношении у них мест... Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселении оных казачьими станицами».

Другие дореволюционные авторы обращают внимание на попытки властей заселить «освободившиеся от горцев» земли сначала казаками – принудительным порядком, а когда эта попытка не удалась – то путем привлечения «культуртрегеров» – армян, эстонцев и т. д. Так, авторы книги «Черноморское побережье...» (1916 пишут, что «...опустевший край долгое время оставался незаселенным. В первое время засе-

ление производилось принудительным порядком: на побережье выселяли «порочные» элементы из кубанских полков, образовавшие так называемый «Шапсугский батальон», просуществовавший лишь до 1871 г. Плохой выбор местоположения для новых поселков, лихорадки, полная неприспособленность поселенцев к местным условиям – все это принесло столь печальные результаты, что заставило отказаться от дальнейшей колонизации края принудительным порядком. Жители широких степей оказались совершенно непригодными колонизаторами для края интенсивной садовой культуры. До 1888 г., т. е. более чем за 20 лет колонизаторской деятельности, было образовано всего только 56 поселений с 10 тысячами жителей обоего пола.

Равным образом оказалась неудачной попытка колонизовать побережье при посредстве турецких армян и греков, а также немцев, чехов и эстонцев. Новые поселенцы повели хищническое хозяйство и весьма мало способствовали насаждению культуры в крае. Еще более неудачной мерой пришлось признать бесплатную или на весьма льготных условиях раздачу земли крупными участками в одни руки, главным образом потомкам завоевателей края. Мера эта привела к быстрому истощению земельных запасов, концентрации земель в немногих руках и развитию земельной спекуляции, но несколько не содействовала заселению края, так как громадные участки земли единоличных владельцев оставались, а места и до сих пор остаются, по-прежнему незаселенными и необработанными» («Черноморское побережье...», 1916. С. 46).

9.2.1. «Правительство хочет избавиться от самих горцев...»

Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь...

И.В.Сталин (1925).

В отчете Управления наместника Кавказа за 1862-1872 гг. разъяснялась задача предстоящей (послевоенной) колонизации Кубанской области и Черноморского побережья Кавказа: «Вновь заселить этот пограничный, природой богато одаренный, но опустошенный край. Создать новую промышленную жизнь. Заселение это вместе с тем должно удовлетворить и другой немаловажной государственной потребности – иметь на этой приморской окраине население, вполне благонадежное в политическом отношении».

Этой же «государственной необходимостью» обосновывал колонизацию Земли адыгов и В. Кривенко (1893): «Громадное 100-миллионное государство нуждается в колонии с мягким южным климатом; нуждается оно в тех произведениях, которые может дать богато одаренный природой Северо-Западный Кавказ». Претворяя в жизнь эти «рекомендации», особо быстрыми темпами велась колонизация Черноморского побережья Кавказа. Особая роль в этом деле отводилась кубанским казакам, которым передавались «в вечную собственность» все захваченные у адыгов в ходе Кавказской войны земли. Официальным основанием для этого был рескрипт Александра II: «Закрепить за Кубанским казачьим войском в вечную собственность находящиеся в его пользовании земли за р. Кубанью, занятые им на основе Положения от 10 мая 1862 г.» И далее Александр II писал: «В этой колонизации казаки призваны играть главную роль не только своей военной службой, но они должны, сверх того, явиться первыми переселенцами на завоеванных местах и закреплять их своими станицами». Исходя из этих указаний царя, генерал А.И. Бяргинский вместе с военным министром Д.А. Милютиным разработали план заселения земель, с которых были согнаны сотни тысяч адыгов. Он предусматривал переселение сюда 7500 казачьих и 100 офицерских семейств с Дона. В то же время авторы предлагали переселить на Дон оставшихся черкесов с тем расчетом, что они не вынесут новых условий и в скором времени вымрут. Как здесь не вспомнить стихи Вергилия, написанные, казалось бы, не 2 тысячелетия назад, а в середине XIX в.:

Пришлец, завладевший нашей землею
(Чего никогда-то мы не боялись),
Это мое, – нам сказал, – уходите, бывшие владельцы...

В 1864 г. решено было заселить казачьими поселениями территорию между реками Туапсе и Бзыбь, образовав при этом Черноморский округ. В пояснительной записке к Положению о заселении Черноморского округа отмечалось, что «...предположения о заселении прибрежного пространства от Анапы до р. Бзыбь вооруженным казачьим населением в 1864 г. было частично приведено в исполнение водворением 628 казачьих семейств между Константиновским укреплением (близ Сочи. – **Авт.**) и р. Туапсе». По данным отчета за 1866 г., во всей указанной местности «хлеботородные участки» составляли 80000 десятин, что было достаточно для поселения 3376 семейств. Современник этих событий А. Варгас де-Бедмар писал: «Черноморский берег в настоящее время совершенно освобожден от горцев. Последние остатки населения, искавшие убежища в горах, вытеснены оттуда несколькими колоннами наших войск». В 1871 г. Главное управление наместника Кавказа опубликовало Положение о продаже в прибрежной полосе Черного моря (Адлерский и частично Гагрский районы) 65 000 десятин казенной земли в частные руки, которая спустя 3 года была «полностью раскуплена».

9.2.2. «Вновь заселить этот пограничный, природой богато одаренный, но опустошенный край»

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. нанесла большой удар делу колонизации Черноморского побережья Кавказа. «В Адлере одни развалины, – писал А. Верещагин. – Все заросло сильно. *Вред, нанесенный поселянам, громадный – все или сожжено или изуродовано злым десантом*». Однако вскоре после окончания войны колонизация Северо-Западного Кавказа усиливается. Российская империя вплотную занялась освоением этого края с целью превратить его в один из районов капиталистического земледелия, производившего на продажу пшеницу, табак и т. д.

Немногочисленные адыгские племена, оставшиеся на Северо-Западном Кавказе, поголовно были переселены с морского побережья и гор с их здоровым климатом, на узкую полосу низменности, в заболоченные долины по левым берегам рек Кубани и Лабы, – «рассадник всяческих болезней». По военно-стратегическим соображениям, адыгские поселения были крайне раздроблены, разобщены и охвачены со всех сторон цепью казачьих станиц.

9.2.2.1. Генерал Фадеев: «Земля закубанцев была нужна государству, а в них самих не было никакой надобности»

Береговая полоса ожидает теперь, как неразработанный рудник, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. Нечего жалеть, что она пуста покуда. Вырваны плевела, – взойдет пшеница».

Р.А. Фадеев (1890).

В 1864 г., сразу после окончания Кавказской войны, дело колонизации бывших черкесских земель представлялось идеологам изгнания адыгов в совершенно радужных тонах. Царский генерал Ростислав Фадеев (2003) с нескрываемым оптимизмом писал: «На покинутых пепелищах осужденного черкесского племени стало великое племя русское; в одно лето вдоль моря выросло 12 станиц. И главное: восточный берег с его великолепной красотой составляет теперь часть России. Очарование снято с него». И далее историк продолжает: «Береговая полоса ожидает теперь, как неразработанный рудник, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. *Нечего жалеть, что она пуста покуда. Вырваны плевела, – взойдет пшеница*». Комментарии к этим бесчеловечным словам царского историографа, пожалуй, излишни... Мысль о «полнейшей несостоятельности» горской экономики повторяется генералом Фадеевым еще и еще раз: «Земля закубанцев была нужна государству, а в них самих не было никакой надобности. В отношении производства, народного богатства десять русских крестьян производят больше, чем сто горцев».

Примечательно, что к этому утверждению царского генерала близко высказывание... декабриста Пестеля. В «Русской правде» Павла Пестеля исключительно жестокий курс в отношении горцев оправдывается уверенностью в их гражданской и хозяйственной неполноценности, необходимостью рационально использовать природные ресурсы, которыми якобы не умеют пользоваться «полудикие народы». Отсюда совет Пестеля: «Завести в Кавказской земле русские селения и сим русским переразделить все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом *изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей* и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую». Как видим, точка зрения известного декабриста, пламенного борца против царского самодержавия на кавказскую проблему полностью идентична взглядам Александра II, Николая I, Ермолова, Барятинского, Засса, Евдокимова и иже с ними («Старые черкесские сады...». Т. 1., 2005).

9.2.2.2. «На нас лежала нравственная и политическая обязанность вновь заселить эту страну»

Обезлюдив целую обширную страну и найдя в ней следы сельскохозяйственной культуры, мы не могли бросить ее на произвол судьбы; на нас лежала нравственная и политическая обязанность вновь заселить эту страну».

И. Дукмасов (1887).

«Более 20-ти лет тому назад, – пишет царский историограф И. Дукмасов (1887), – последним актом Кавказской войны было выселение черкесов из западной части Кавказа, прибрежной к Черному морю. Обезлюдив таким образом целую обширную страну и найдя в ней следы сельскохозяйственной культуры, мы не могли бросить ее на произвол судьбы; на нас лежала нравственная и политическая обязанность вновь заселить эту страну и, конечно, ближе всего детьми тех, кто проливали кровь и сложили головы свои в продолжение 60-летнего покорения Кавказа, а неприступная и пересеченная внутри местность края указывала на необходимость, одновременно с ее заселением устройства в ней сухопутных и морских сообщений. Задача эта легла на местное кавказское управление. Следуя общей бюрократической рутине, управление это послало в 1865 г. в Черноморский округ особую комиссию; председателем ее был начальник лесной части на Кавказе, а членами два агронома. Согласно с соображениями этой комиссии, представленными в главное управление, выработалось «Положение о колонизации Западного Кавказа», Высочайше утвержденное 10 марта 1866 г.

Кавказ составлял в те времена такую отдельную единицу, такой отрезанный ломоть, что о нем мало и думали. О том же что творится там с колонизацией, никто не имел ни малейшего понятия, а потому заговорившая о ней впервые передовая статья в «Московских Ведомостях» от 24 декабря 1867 г. обратила на себя всеобщее внимание. Из нее все узнали что на Кавказе дела идут не совсем так, как бы желалось русским людям: в течение 60-ти лет лились потоки русской крови, сыпалось дождем русское золото и в конце концов покоренный и замиренный ценой таких жертв Кавказ предназначался местным управлением его, согласно соображениям комиссии с двумя агрономами-армянами, к заселению «греками из Бургаса» и «армянами из Анатолии».

Местная администрация, находя, что русские люди не могут быть полезным контингентом для заселения края, который требует культуры, более высокой нежели та, какую может дать русский земледельческий народ, командировала агентов в Турцию для приглашения греков и армян к поселению в крае; приглашала чехов, молдаван, чухонцев и проч.; принимала иногда и русских, если таковые заблудились как-нибудь и попали на Черноморский берег». И далее И. Дукмасов развивает свою мысль: «Применяя к заселению края первый способ, местная администрация пришла было к заключению, что русские поселенцы как хлебопашцы не могут стать в уровень с потребностью края в высшей культуре, то есть с виноделием, садоводством, огородничеством, пчеловодством, скотоводством и проч., и потому порешила призвать для заселения Западного Кавказа немцев, греков, армян и проч., для чего и был командирован в Турцию какой-то агроном из армян. При этом: 1) совершенно было упущено из вида, что виноделие, садоводство, огородничество и пчеловодство в России, слава Богу, существовали и теперь существуют, и 2) обойдена была и вторая основная задача этого вопроса – «политическая благонадежность», ибо, говоря серьезно, нельзя же было считать сброд разных народностей благонадежным элементом; попытка же заселить край этим иностранным людом далеко не дала тех результатов, на которые рассчитывала местная администрация, так что край остается и теперь пустынным и необработанным...» (Дукмасов И., 1887).

9.2.2.3. «Кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»: бедственное положение горских крестьян

Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет.

Евангелие от Марка (4; 25).

У горцев складывается убеждение, что правительство хочет горцев Екатеринодарского отдела вовсе лишить земли и леса и избавиться от самих горцев.

Из рапорта М. Абаева, начальника участка (1899).

Царское самодержавие, не довольствуясь уже отнятой у адыгов в процессе их выселения земель, проводило политику дальнейшего систематического уменьшения наделов горских крестьян. Судя по всему, царские колонизаторы с крестом и мечом буквально следовали библейской заповеди: «Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Евангелие от Марка, 4; 25). При этом, что примечательно, эта политика «обезземеливания» горцев совершенно не касалась горской верхушки, некоторые представители которой ревностно служили царизму. Даже наоборот, что подтверждается приведенными ниже примерами.

Норма надела земель была установлена не только для крупных военных и гражданских чинов, имеющих «особые» заслуги перед царским правительством, но и для адыгских князей и дворян. О том, как и кому распределялись земельные участки, говорит документ Главного штаба «О наделении горской знати землей», от 28 августа 1899 г.: «В 1861 г. император Александр Николаевич лично изволил повелеть командующему войсками Кубанской области графу Евдокимову наделить туземцев этой области землею в вечное и потомственное владение в том размере, как это будет признано возможным. На этом основании, имевшиеся в этой области 58000 десятин земли разделены на 20 участков и распределены в надел между влиятельными и почетными лицами из туземцев...».

В соответствии с этими «нормативами», более 3 000 десятин земли каждый получили представители адыгской феодальной знати, в т.ч.: генерал П. Могуков, полковник Могуков, поручик Т. Улагай. А князь Атажук Капланов-Нечаев получил в Лабинском отделе (сел. Кубанское) 5 150 десятин; Тенгез Ачмиз Тугу и Мыс Тхазеус Убухо – в ст. Северской вместе получили 5 451; поручик Ахеджаков – 1 100 десятин и т. д.

При этом в правительственных документах особо разъяснялось, что надел для простых горцев «ни в каком случае не должен составлять даже половины казачьего надела». В соответствии с этим рескриптом, горские князья получали «за особые заслуги» от 1000 до 5000 десятин; дворяне 100-200, а простой народ 3-5 десятин на мужскую душу. Да и то генерал Евдокимов считал, что «...и это для горцев большой надел». Действительно, например, в Кабарде горцам-крестьянам наделялось и того меньше – от 1,25 до 2,5 десятин земли.

Крохотные клочки земли, выделенные адыгам-крестьянам, были явно недостаточны для удовлетворения минимальных жизненных потребностей семьи, занимающейся скотоводством и земледелием. Сохранились документы, подтверждающие бедственное положение малоземельных горских крестьян. Не случайно в конце XIX – начале XX вв. целые горские аулы просились переселиться с Северного Кавказа, а начальнику Кубанской области шли от них бесконечные прошения-жалобы на земельную нужду. Вот одно из та-

ких писем: «Ввиду неурожая подряд около 7 лет в нашем крае, а главным образом, из-за недостатка земли, жители аулов Дударуковского, Клычовского, Мансуровского и Шабаловского испытывают страшную нужду в жизненных потребностях, как-то в хлебе и сене. Мы распродали свой скот и лошадей, дабы этим помочь своей крайности; в результате сильно сократилось у каждого свое хозяйство...».

Как докладывал властям начальник одного из участков Екатеринодарского отдела Мисост Абаев, «у горцев складывается убеждение, что правительство хочет горцев Екатеринодарского отдела вовсе лишить земли и леса и избавиться от самих горцев». Увы, эта тактика создания невыносимых условий, изгнания коренного населения из родных мест далеко не нова. Еще 2 тысячелетия назад ее успешно применяли в древней Иудее: «Прогоните от себя всех жителей земли. И возьмите во владение их землю, и поселитесь на ней, и разделите землю по жребию. Если же вы не прогоните от себя жителей земли, то оставшиеся из них будут тернами для глаз ваших и иглами для боков ваших, и будут теснить вас на земле, в которой вы будете жить» (Числа, 33; 52-55).

9.2.2.4. «Громадная часть земель и лесов из рук первоначальных владетелей (черкесов) перешла в руки победителей»

Взгляни, как Мы одним дали преимущества над другими...

Коран. Сура 17; 22.

Громадная часть земель и лесов из рук первоначальных владетелей (черкесов) перешла в руки победителей и распределялась между казной, чиновниками и казаками. Что же касается туземцев, то они обделены землею.

Ф. Щербина (1910).

В ходе послевоенной колонизации Северного Кавказа лучшие земельные участки были отобраны у черкесов и розданы царскими властями военной, казачьей и горской верхушке за «верную службу на Кавказе». Как с болью писали библейские пророки, «...мы ныне рабы: на той земле, которую Ты дал отцам нашим, чтобы питаться ее плодами и ее добром, – мы рабствуем. И произведения свои земля эта приносит для царей, которым Ты покорил нас. И телами нашими, и скотом нашим они владеют по своему произволу, и мы в великом стеснении...» (Книга Неемии, 9; 36-37). Об этом же говорит и одна из сур Корана (17; 22): «Взгляни, как Мы одним дали преимущества над другими...». Тем более, что «опыт» подобных акций был накоплен здесь задолго до Кавказской войны. Кубанское войсковое правительство, выражая интересы старшинской верхушки, поощряло захват войсковой земли. Хотя официально считалось, что до 60-х гг. XIX в. в Черномории частной собственности на землю не было, фактически же она существовала с момента переселения черноморцев на Кубань.

Примером таких «потомственных» владений могут служить владения кошевого атамана З. Чепеги, войскового судьи А. Головатого, войскового писаря Т. Котляревского, армейского капитана Ф. Бурсака и др. Так, например, черноморский помещик Ф. Бурсак еще в 1808 г. имел на Кубани 16 500 десятин земли; его сын Павел получил по наследству от отца всю землю и крепостных крестьян. Даже спустя 100 лет в архивных ведомостях за 1910 г. встречается фамилия их отдаленного потомка: «П.П. Бурсак – выделено 4 088 десятин земли в ст. Ново-Малороссийской». И таких примеров было немало. Как писал Ф. Щербина (1910), «...громадная часть земель и лесов из рук первоначальных владетелей (черкесов) перешла в руки победителей и распределялась между казной, чиновниками и казаками. Что же касается туземцев, то они обделены землею». Поистине, «...и дома их перейдут к другим, равно поля и жены» (Книга пророка Иеремии, 6; 12).

Всего же, по мнению А.Т. Керашева и А.Ю. Чирга, после Кавказской войны царское правительство отобрало у адыгов и раздало казакам и переселенцам лучшие земли общей площадью 1 360 000 десятин. «Высочайше» утвержденным Положением о Черноморском казачьем войске от 1 июля 1842 г. предусматривались следующие нормы раздачи «освободившихся от горцев» земель: генералам 1500 десятин, офицерам 400, нижним чинам – по 30 десятин на душу. Как на практике выполнялось это Положение, можно судить по следующим фактам. Так, по решению Кавказского земельного комитета, в течение 1867-1870 гг. в Екатеринодарском уезде 30 крупным царским военным сановникам было выделено около 80 000 десятин лучшей земли, в т.ч.: генералам Евдокимову 10 600 и Карцову 7 600, графу Сумарокову-Эльстон 6 500. (Вспомним, что по Положению, подготовленному самим графом Евдокимовым, ему как генералу полагалось всего 1 500 десятин, но отнюдь не 10 600. Как здесь не вспомнить библейское: «Видите, как велик тот, которому Авраам-патриарх дал десятину из лучших добыч своих» (Послание к Евреям, 7; 4).

В Майкопском отделе царским военным чинам было отмежевано более 100 000 десятин земли, в т.ч. генералу Кравцову 1 100, полковнику Смеловскому 1 063. Свои «30 сребреников» получили и адыгские феодалы, принимавшие участие в операциях царских войск по «умиротворению» своих соотечественников: поручик Ахеджаков 1 100, прапорщик Б. Болотоков 1 100, подпоручик Догужиев 525 десятин и т. д. Некоторое представление о масштабах разграбления исконных адыгских земель можно получить из прилагаемой таблицы 23.

Постепенно на Черноморском побережье Кавказа и в других плодородных местах Кубанской области возникли огромные имения Романовых, князей Оболенских, Щербатовых, Юсуповых, Голицыных, Урусовых, царских министров Витте, Сазонова, барона Миллер-Закомельского и др. Один только брат царя Михаил имел здесь более 6000 десятин земли.

Таблица 23 – Площадь земельных участков, выделенных на Северо-Западном Кавказе высшим воинским и гражданским чинам за «особые заслуги» перед Российской империей

Фамилия	Звание, титул	Количество десятин	Фамилия	Звание, титул	Количество десятин
Евдокимов Н.И.	генерал, граф	10 600	Абдурахманов	генерал	3 554
Леван-Меликов	генерал	8 200	Шереметьев С.Д.	граф	3 554
Карцов А.П.	генерал	7 600	Кесслер	генерал	3 525
Сумароков-Эльстон	граф	6 500	Могуков П.	генерал	3 000
Михаил Николаевич	великий князь	6 426	Улагай Т.	поручик	3 000
Коцебу М.	граф, генерал	6 070	Оголин	сенатор	2 548
Врангель 2-й	барон	6 056	Карлгоф Н.	генерал	2 022
Граббе П.Х.	граф, генерал	6 050	Кармалин	полковник	1 344
Филипсон Г.	генерал	6 040	Дукмасов И.	полковник	1 325
Капланов-Нечаев А.	князь	5 150	Кравцов	генерал	1 100
Лорис-Меликов Т.М.	генерал	4 484	Ахеджаков	поручик	1 100
Урусов П.	князь	4 000	Болотоков Б.	прапорщик	1 100
Лобанов-Ростовский	князь	4 000	Смеловский	полковник	1 063
Голицын Б.Б.	князь	3 879	Бюнтинг	полковник	1 030

9.2.2.5. Красноречивые цифры: статистика колонизации Черкесии

Черкесы ушли, и всю их территорию заняли казаки. Благодатный край для казаков стал мачехой. Все, более или менее сознательные лица, осуждают русских поселенцев и отдают предпочтение черкесам.

П. Цирульников (1910).

Некоторое представление о масштабах колонизации адыгских земель можно получить из следующих цифр. В середине 1864 г. Россия поселила на месте бывших черкесских аулов 90 казачьих станиц с населением 103 тыс. чел. А за период с 1861 г. по 1865 г. за Кубанью были основаны 73 новых станицы и 8 поселков общей численностью 16 тыс. семейств (Кудаева С.Г., 2007. С. 249).

По данным 1899 г., обобщенным старшим помощником правителя канцелярии губернатора Черноморской губернии П. Леонтьевым, в Геленджике, Джубге, Туапсе, Адлере и Сочи число постоянного приписанного населения составляло 1746 душ обоего пола, и сверх того числилось еще 2670 душ иногородних. Так, в Геленджике проживало из так называемой «коренной» группы населения: русских – 776; греков – 92; поляков – 7; немцев – 6. Иногородних в Геленджике – 632 (без указания национальностей); иностранцев – 130. В Туапсе «коренное население» было представлено следующими цифрами: русских – 180; чехов – 5; греков – 82; поляков – 3; грузин – 18; мингрельцев – 3. Иногородних в Туапсе – 967; иностранцев – 162. В Сочи «коренных» русских – 58; немцев – 11; грузин – 14; имеретинцев – 3; мингрельцев – 5. Иногородние в Сочи – 1128; иностранцы – 190. (Как видно, в справке П. Леонтьева нет ни слова об истинно коренных жителях Черноморского побережья – адыгах. – **Авт.**).

На момент посещения Сочинского округа С. Васюковым в 1902 г. здесь проживало 3,5 тыс. чел.; в Туапсинском округе 2,5 тыс. чел. В Черноморской губернии всего насчитывалось не более 60 000 населения, при том, что 80 % его было сконцентрировано в районе Новороссийска. На фоне цифр дожившего до конца войны и изгнанного в Турцию адыгского населения – шапсугов 200 000; натухайцев 150 000, убухов 70 000 (без садзов, абадзехов, бжедугов, темиргоевцев, бесленеевцев, кабардинцев, абазин, хатукаевцев) такая «колонизация» выглядела несостоятельной... (Хотко С.Х., 2008).

9.2.2.6. «Печальные памятники ошибок прошлого»: итоги непродуманной колонизации «освободившихся от горцев» земель

Перед нами встали задачи – водворение на место полудиких туземцев русских людей, распространение в новом нашем крае культуры, поднятие его производительности и использование его природных богатств. Но надо признать, что эта задача оказалась нелегкой...

«Черноморское побережье...» (1916).

Своеобразные итоги столь непродуманной колонизации «освободившихся от горцев» земель, в том числе береговой полосы Черного моря, подводят авторы книги «Черноморское побережье Кавказа» (1916). «Уже свыше 50 лет, – пишут они, – прошло с той поры, когда на одной из красивейших долин Черноморской губернии, ныне носящей название Красной Поляны, было 21 мая 1864 г. отслужено благодарственное Господу Богу молебствие после окончательной победы русского оружия над полчищами горных племен, прежде этим краем

владевших. Покорились тогда эти племена и частью эмигрировали в Турцию, уступив свои исконные владения русской силе. А после этого завоевания перед нами встали другие задачи – водворение на место полудиких туземцев русских людей, распространение в новом нашем крае культуры, поднятие его производительности и использование его природных богатств. Но надо признать, что эта задача оказалась нелегкой, и при осуществлении её сделано было немало ошибок, последствия которых дают себя чувствовать еще до сих пор. Природные богатства края скоро были оценены, но для надлежащего пользования ими в интересах нашей великой России русскому человеку, уже не воину, а мирному деятелю культуры, пришлось вести долгую и упорную борьбу при незнакомых ему и отчасти неблагоприятных условиях этого края, который на первых порах встретил русских пришельцев весьма недружелюбно. И первые водворившиеся и частью даже насильственно водворенные в нем выходцы из России, малознакомые с этими условиями, столь отличными от того, к чему они привыкли у себя дома, долгое время совсем не умели с ними совладать и готовы были признать себя неспособными к выполнению предстоявшей им трудной, но и благодарной задачи.

И сложились тогда про Черноморское побережье целые легенды, отчасти повторяемые до сих пор. Распространилась худая слава об его лихорадках, боялись разбойничьих в нем нападений, рассказывали про опустошения, производимые дикими зверями; уверяли даже, что русские люди совсем к водворению в этом крае непригодны. И взамен коренных русских людей высшая администрация того времени стала привлекать на Черноморское побережье и водворять в нем с большими пожертвованиями от казны разных инородцев, турецких подданных – греков и армян из Малой Азии, которые хотя обитают в нем и поныне, но мало сделали для его культуры, сохранив свою обособленность и многие своеобразные и отчасти малосимпатичные черты своего характера, при полной до сих пор отчужденности от русского населения. Можно теперь с полной уверенностью утверждать, что эта мера была крайне неудачной и не принесла тех плодов, которые от неё ожидалось.

Столь же неудачна была и другая правительственная мера того времени – раздача в частные руки громадных пространств земель, опустевших с уходом горцев, крупными участками в сотни и тысячи десятин, либо совсем безвозмездно, либо за ничтожную плату – 10 руб. с десятины, с рассрочкой и этой платы на десять лет, но без всяких условий относительно водворения в крае и культивирования этих земель. Таким способом думали привлечь туда богатых людей, которые сами были бы заинтересованы в его эксплуатации и насаждении соответственных его природным условиям культур. *И эксплуатация действительно началась, но только не в том направлении, как ожидалось, и свелась она к беспощадному расхищению природных богатств края, к уничтожению вековых лесов, к сплошной вырубке одной из самых ценных древесных пород, нигде в Европе не встречающейся – кавказской пальмы, или самшита. А напущенные в край инородцы, как равно и первые русские поселенцы, оставленные без всякого руководства в новых и чуждых им условиях, стали вырубать и плодовые деревья, выращенные горцами, чтобы облегчать себе труд сбора с них плодов. И с горечью приходится отметить, что многие из этих крупных по пространству, но попавших в ненадлежащие руки земельных владений и доныне пребывают в полном запустении, служа гнездилищем малярии и являясь печальными памятниками ошибок прошлого* («Черноморское побережье...», 1916. С. 10-11).

9.2.3. «Погибельный Кавказ»: трудности переселенцев при освоении новых земель

9.2.3.1. «Хлебопашество Черноморского края чуждо всякого полеводного порядка»

Хлебопашество Черноморского края чуждо всякого полеводного порядка и не всегда достаточно для пропитания местного народонаселения.

И.Д. Попко (1858).

С переселением черноморских казаков на Кубань в конце XVIII – начале XIX вв. вплотную встал вопрос об освоении сначала необъятных степных массивов, а позже – и предгорных районов. Но в отличие от горских народов, выработавших за предыдущие тысячелетия оригинальную и «самую совершенную» (по И.Н. Клингену, 1899) систему ведения хозяйства, приобретение земледельческого опыта черноморскими казаками и «иногородними», переселившимися из центральных губерний России, – шло с немалыми трудностями. В первую очередь, это объяснялось совершенно иными почвенно-климатическими условиями Северного Кавказа. Немаловажно и то, что казаки, поставленные Екатериной II на охрану южных рубежей России, были, по словам Ф. Щербины (1910), «скорее воинами, чем земледельцами», и для них гораздо привычнее были казачья сабля и мушкет, чем соха или плуг. Позже казаки постепенно «обратились лицом к земледелию», – как писал И.Д. Попко (1858): «Нынешний казак сдружился с плугом и в нем ищет твердой опоры своему существованию. По изречению одного из семи мудрецов, он молится Богу о хлебе насущном, держась за плуг».

Как отмечают авторы монографии «Очерки истории Кубани...» (1996), несмотря на наличие обширных участков плодородной земли, в целом урожай сельскохозяйственных культур в Черномории получали невысокие. Низкая урожайность объяснялась тем, что земледелие велось без правильных севооборотов, с использованием залежной и переложной систем. Займочная форма землепользования позволяла распахать целину и через некоторое время переходить на новые участки. Беспорядочная эксплуатация земли приводила к ее исто-

щению и низким урожаям. Об этом сообщают и авторы монографии «Дон и степное Предкавказье» (1977): «На Нижнем Дону и Северном Кавказе правильного севооборота не было. Обычно в первый год поле засеивали просом или яровой пшеницей, на второй и третий годы – снова яровой пшеницей, а на четвертый год – овсом или ячменем. При этом севообороте сохранялась односторонняя культура хлебов и почва сильно истощалась».

В «Описании Черномории» Якименко и Ярина (1852) сообщается о преобладающих системах земледелия у черноморских казаков в середине XIX в.: «При таком удобстве для земледельца, представляемом свойством грунта и теплого климата, в Черномории обыкновенно употребляется трехпольная с паром, а иногда с перелогом плодопеременная система земледелия, и пахотная земля чужда великой меры удобрения, которое в Черномории так же, как и ирригация, совершенно невозможны по весьма ограниченному числу рабочих и по недостатку капиталов».

Недоставало земледельческих орудий, а те, что имелись у казаков, были примитивными и тяжелыми в эксплуатации: Как писал И.Д.Попка (1858), «...земледельческих орудий среди (казачьего) населения было самое ничтожное количество, и редкий хозяин мог пахать землю своими средствами, не делая складчины с другими хозяевами. [По комментарию М.И.Лукомца (1992), «земледелие у казаков считалось ненадежным занятием и, по описанию современников, в конце 50-х гг. здесь господствовали совершенно первобытные приемы обработки почвы»].

О трудностях, с которыми сталкивались при возделывании земли черноморские казаки, а позже – переселенцы из центральных губерний России, зачастую игнорировавшие многовековой опыт горских народов, писали многие дореволюционные авторы. Так, в официальном «Годовом отчете Кубанского казачьего войска» (1862) особо подчеркивалось, что даже спустя полвека после начала переселения черноморских казаков на Кубань «хлебопашество в войске находится почти в первобытном состоянии. Выгод собственно от обрабатывания земли войско, кроме прокормления себя, или совсем не извлекает, или же извлекает в незначительной пропорции, несмотря на то, что почва плодородна и с избытком вознаграждает труд земледельца». Одной из причин такого положения является, по мнению О. Серафиновича (1876) тот факт, что «хлебопашество и сенокосение производится на Кубани каждым хозяином по своему усмотрению, где заблагорассудится, или где первый явится с плугом и косой».

В литературных источниках, преимущественно XIX столетия, есть немало характерных примеров, свидетельствующих о трудностях, с которыми переселенцы сталкивались при освоении новых земель. Так, еще в 1874 г. в селении Вардане на Черноморском побережье Кавказа, на левом берегу р.Буу, был заложен первый питомник яблони и груши, причем саженцы выписывались из Чехословакии (Как будто не было возможности использовать местные, проверенные временем черкесские сорта! – Авт.). Здесь же, спустя 8 лет, были посажены выписанные из турецкого города Смирны несколько тысяч саженцев маслины и инжира. Посадка «пришельцев» оказалась неудачной, и вскоре была заменена новой: 20 га сливы и 20 га фундука; 10 га абрикосов, миндаля и персика. Но и эту последнюю также постигла неудача: участок оказался низинным, и деревья сильно болели от избытка влаги; при этом персики, миндаль и абрикосы погибли полностью. «Такая же неудача, – отмечает современный исследователь П.Д. Юрченко (1971), – постигла все другие сады, заложенные без учета и знания местных природных условий, при полном безразличии к выбору нужных садовых пород и сортов».

Абрикос, миндаль, маслина – все эти садовые породы не могли мириться с сырыми переувлажненными почвами. Но даже те сорта, которые оказывались удачными, не получали правильного ухода. Характеризуя гибель сада в Вардане из-за «вопиющей» агрономической неграмотности его владельцев, сотрудник журнала «Плодоводство» (1889) в редакционной статье с горечью писал: «В Черноморской губернии, столь богато одаренной природой, местные хозяева совсем еще не научились применяться к данным условиям. Сад в Вардане имеет самый жалкий вид: все деревья были покрыты мхом и омелой, сливы истекали камедью, яблони изуродованы раком и кровавой тлею». Глядя на эту печальную картину, переселенцы из центральных губерний России делали вывод: «Плодоводство при данных почвенно-климатических условиях невозможно». – «Но это заключение, – писал редактор журнала, – было ошибочно. Неудача зависела от неумелой посадки и ухода».

О трудностях колонизации Черноморского побережья, связанных, в первую очередь, с недоучетом русскими переселенцами опыта местных горцев, пишет И.Н. Клинген (1897): «...Один из самых серьезных бичей здешнего садоводства представляют морские туманы, которые здесь проникают в долины, смотря по защищенности их от 2 до 4-х верст; но на высоте 600 футов (около 180 м) в 1,5 верстах от моря они очень мало вредят плодовым деревьям. Самые лучшие плодовые сады находились ближе к нагорной полосе. Большинство черкесских аулов лежит в указанных границах (т. е. вне сферы морских туманов). После выселения черкесов могучие древесные массы с сетями всевозможных лиан все гуще и гуще набрасывают на мрачную картину разорения свой зеленый саван. Лишенные света и воздуха, фруктовые деревья изнывают и покрываются мириадами паразитов, мельчают плоды, исчезает нежность вкуса. Потребовалось более 30-ти лет, пока поселенцы поняли, наконец, что хозяйство здесь по преимуществу должно быть горным, а потому кто не мог изучить горского хозяйства, кто не хотел или не мог обратиться в настоящего горца, тот должен был умереть с голоду или навсегда проститься с этой страной...».

Своеобразный «пик» кампании по насаждению садовых пород был отмечен в Сочинском округе в самом начале XX в. Поскольку местных питомников было недостаточно, то саженцы привозили из Одессы, Крыма, Ро-

стова-на-Дону, а также из Германии, Чехословакии, Франции. Сажали самые различные породы, до 100 сортов на одном участке, – без всякой системы и знания их, руководствуясь характеристикой в рекламных каталогах.

Я.Ф. Гейдук (1899, 1902) дополняет информацию о неудачных опытах колонистов по разведению фруктовых садов: «Плодоводство или, вернее, добыча плодов имеет важное значение в жизни населения Туапсинского и Сочинского округов, добывающего средства к жизни по преимуществу сбором и сбытом плодов оставшихся после горцев садов; жители Туапсинского округа до сих пор возят собранные плоды через имеющиеся перевалы в Кубанскую область для обмена на муку и хлеб... Разводимые поселенцами новые сады не оправдали их надежд, приносят лишь в редких случаях урожай, в то время как горские сады дают урожаи гораздо чаще, почти ежегодно».

О нежелании перенимать у горцев опыт разведения фруктовых садов пишет и А.В. Македонов (1908): «Жители рассказывали, как «азиаты» (черкесы) разводили постоянно сады: «Уж без того он в лес не пойдет, чтобы прищепы (приспособления для окулировки, прививки. – Авт.) с собой не захватить». Но, наблюдая за быстрым и умелым разведением черкесских садов, *сами переселенцы не думали следовать их примеру*».

Ф. Овсянников (1902), описывая окрестности г. Туапсе, с болью отмечает: «После ухода черкесов все старое, веками установившееся, культурное разрушилось. Леса и плодовые деревья уничтожались без всякой жалости». Продолжает эту тему В.И. Сузгин (1908): «Кому приходилось бывать на Черноморском побережье в 1902-1905 гг., – тот, конечно, помнит лихорадочную работу по насаждению в крае плодовых плантаций. Под топором и в пламени костра гибли вековые деревья, в вязкой глине наскоро рыли ямы и поспешно, оглядываясь на пятилетний срок аренды, засаживали плодовыми деревьями. Чем засадить, какими сортами, где их взять? И вот, на палубах нашего торгового флота из разных уголков и всей континентальной России, и даже питомников Германии и Франции, к нам потянулись целые леса прищельцев. В хаосе сортимента тонет доходное производство». В этом же году, характеризуя садоводство в окрестностях Сочи, агроном Я.Ф. Гейдук (1908) писал: «Черноморское побережье представляет собой невообразимую смесь различных сортов, большей частью неопределенных, гадательных и условных». Несколько позже, подводя итоги «переселенческой кампании», Я.Ф. Гейдук (1914) отмечал: «*Разводимые русскими поселенцами новые сады не оправдали их надежд, приносят лишь в редких случаях урожаи, в то время как горские сады дают урожаи гораздо чаще, почти ежегодно*».

О непродуманном, зачастую безжалостном отношении переселенцев к существовавшей на побережье сельскохозяйственной культуре горцев писал и В.П. Христианович (1917): «Черкесы ушли и страна быстро одичала. Сейчас трудно поверить, что всего только 52 года назад здесь был сплошной фруктовый сад, тянувшийся на сотни верст. Известные только аборигенам страны – черкесам, источники и колодцы были засыпаны. Сады, переплетенные лианами, заглохли и превратились в непроходимый лес; колючка, дикие кабаны и малярия стали безраздельно царить в этом крае».

О том, что переселенцы зачастую игнорировали накопленный веками и тысячелетиями опыт земледелия горских народов, сообщал в конце XIX столетия Я. Абрамов (1883): «Богатейший край опустел. Казачество оказалось совершенно непригодным для внесения культуры. Огромные пространства земли, занятые прежде горцами, не вызывают даже ни в ком желания преобразования, т.к. кажутся совершенно непригодными. А между тем, эти пространства были прежде заняты многочисленным населением и прекрасно культивировались». И далее автор подчеркивает, что такое же положение характерно и для других районов Северного Кавказа: «Я уже указывал на запустение под русским владычеством огромных пространств на Западном Кавказе, которые прежде были покрыты горными лугами, нивами и виноградниками. То же самое явление приходится наблюдать и в Терской области».

Одной из причин отставания сельскохозяйственного производства на Кубани является поистине «хищническое» пользование землей, приводящее к истощению почв. Об этом, в частности, свидетельствует «Отчет начальника Кубанской области о состоянии сельского хозяйства» (1897), в котором высказываются «...серьезные опасения за сущность этой отрасли хозяйства, когда наконец и тучная почва края не выдержит чисто хищнического извлечения из нее производительных сил и откажет вознаграждать труды земледельца. Этому обстоятельству придаю важное значение, так как целинного запаса почти нет, а эксплуатируемая поверхность, как бы ни была богата, в конце-концов истощится. В силу этого, переход к более интенсивной трехпольной форме хозяйства с применением удобрения представляется безусловно необходимым, но сила привычки, отсутствие сельскохозяйственных знаний, незнакомство с иными формами хозяйства не позволяют сделать решительный шаг в этом направлении».

О зачастую самых примитивных способах ведения сельскохозяйственного хозяйства казаками, особенно в первые десятилетия после переселения, сообщал и Ф.А. Щербина (1910): «...Хозяйственные формы были настолько примитивны, что земледелие не составляло еще преобладающего занятия. Пустующих земель было много, и казак мог производить запашки, где хотел. Обыкновенно распашки велись небольшими полосами или нивами; посевы производились большей частью с весны; размеры посевов были невелики. Последнее отчасти объяснялось тем, что заселение края только начиналось; но казак вообще не любил в то время земледелия». И далее, говоря об опасности «чрезмерной» монокультуры, автор пишет: «В степи все превращается в зерно. Чрезмерные распашки начинают истощать землю, и рядом с золотистыми хлебами

все более начинает развиваться сорная, заглушающая все, растительность. От частых, неглубоких и непомерных распахов почвы верхние ее пласты настолько разрыхлены и открыты, что дают громадный материал для пыли, переполняющий атмосферу и покрывающей налетом растения».

Дополняет это свидетельство В.И. Майгур (1913), описывающий на примере рядовой казачьей ст. Шкуринской, как он пишет, «хищническое» обращение с землей: «...С каждым годом в ст. Шкуринской количество распаханной земли все увеличивалось. Наконец, за невозможностью уже больше расширить посевную площадь, жители из года в год стали распахивать всю землю на своих паях, нередко сея хлеб на хлеб и ничем не удабривая землю. Обработка земли еще и по настоящее время идет самым первобытным способом. Вспахал как-нибудь, посеял что-нибудь, и дальше все надежды свои возлагает на небо. Такое хищническое обращение с землей привело к тому, что урожаи сильно понизились. Хронические неурожаи заставили, наконец, жителей в 1912 г. принять трехпольную систему, заключающуюся в том, что в каждой полосе 1/3 часть отрезывается под толоку или пропашные растения; такой порядок меняет место посева колосовых хлебов каждый год» (Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., 2001).

9.2.3.2. «С отраслями, соответствующими местным условиям, они (казаки) не знакомы вовсе»

Казаки, жившие издавна в хлеботорных равнинах, не сумели приспособиться к новым, непонятным для них условиям гористого края и доселе смотрят на него как на место своего заточения.

Ф.И. Гейдук (1871).

Руководясь военными целями, правительство заселило уже в начале 1864 г., то есть еще до «умиротворения» этой части Кавказа, половину нынешнего Черноморского округа казаками (Гейдук Ф.И., 1871). На пространстве приблизительно 3000 квадратных верст, или около 300 000 десятин земли, было основано 12 небольших станиц, с населением около 500 семейств, часть которых (по несколько семейств в каждой станице), составляют семейства матросов бывшего Черноморского флота, потому что правительство имело в виду развитие прибрежного судоходства.

Поселения эти, однако ж, не удалось. Казаки, жившие издавна в хлеботорных равнинах, не сумели приспособиться к новым, непонятным для них условиям гористого края и доселе смотрят на него как на место своего заточения. Большая часть переведенного ими сюда рогатого скота степной породы пропала от повальных болезней; посевы хлебов не удаются, а с другими отраслями сельского хозяйства, с отраслями, соответствующими местным условиям, они не знакомы вовсе. Да и знакомиться трудно с ними населению малоразвитому, привыкшему получать в хлеботорной земле богатые урожаи при самой первобытной обработке ее.

Не мудрено, что при таких обстоятельствах это население чувствует себя крайне несчастным и, надеясь на перевод на старые места своего жительства, с недоверием и враждой относится к благонамеренным советам об улучшении и перемене рода хозяйства. Нужно согласиться и с тем, что нет даже возможности для населения приняться за необычные ему отрасли, требующие многолетнего труда и забот (как, например, за разведение виноградников и фруктовых садов и пр.), в то время когда ему недостает насущного хлеба, не достает собственных знаний и нет пред глазами примера выгоды этих отраслей производства (Гейдук Ф.И. (1871).

9.2.3.3. Основные причины «застоя прилива поселенцев»

Поселяне, большей частью, являются в край без всякой подготовки к предстоящему им труду, а ведь новое население, особенно в приморской полосе, должно быть знакомо с садоводством, виноделием, табаководством, шелководством и пчеловодством...

А.В. Верещагин (1878).

«Со дня окончания Кавказской войны прошло более 10 лет, – пишет А.В. Верещагин (1878), – но число переселенцев, призванных заселить и благоустроить освобожденные от черкесов земли было весьма ничтожно». Причинами «застоя прилива поселенцев», на взгляд А.В. Верещагина (1878), служили и служат:

1) Поселенцы, прежде всего, ищут хлеба и избирают места, удобные для хлебопашества, но таких мест весьма мало.

2) Поселяне, большей частью, являются в край без всякой подготовки к предстоящему им труду, а ведь новое население, особенно в приморской полосе, должно быть знакомо с садоводством, виноделием, табаководством, шелководством и пчеловодством, и что хлебопашество отнюдь не может составлять главной отрасли хозяйства, но лишь второстепенную, и ограничиваться размером домашней потребности.

3) Отсутствие руководящей интеллигенции. «Жители степей, – говорится в материалах комиссии 1866 г., – попавши в горы, с изумлением смотрят на все капризы и причуды чуждой им горной природы,

которая как бы старается парализовать все предпринимаемые ими работы и на каждом шагу заставляет их чувствовать свое незнание и бессилие». «Бывшие казаки, – говорит в своем отчете попечитель Вельяминовского отдела, – уроженцы хлеботородных степей, воспитанные на известной системе хозяйства, – они здесь не видят на практике примера соответствующего местности хозяйства. Они только слышат от всякого постоянного человека о выгодах такого-то и такого-то хозяйства, но результатов его на практике они не видят, а потому и не верят выгоде от него». И вот эти-то поселяне-казаки, чтобы обеспечить себя хлебом, занимаются сбором фруктов с деревьев бывших черкесских садов, и по своей собственной инициативе и самолично изыскивают и прокладывают пути сообщения через Главный хребет, в Кубанскую область, где им за пуд сырых фруктов дают равное по весу количество пшеничной муки.

4) Одичалость края и, вследствие этого, тяжкие труды, потребные для расчистки избранных местностей. Природа в этом крае идет далеко вперед, чем колонизация; при благоприятных условиях климата и почвы, она работает как бы на парах. *Со времени поголовного выселения черкесов в Турцию, горные котловины и скаты, которые были богаты покосами и хлеботородными местами, представляются теперь весьма заросшими разными негодными кустарниками и папоротником.* Весьма колючее дерево *Paliurus aculeatus* (держидерево, характерно названное переселенцами черт-дерево), вместе с другими колючими растениями... размножились в сильной степени и совершенно заглушили упомянутые покосные места и поляны. Эти же и подобные им растения, вместе с выходящими, в состав которых нередко входят плющ, хмель, дикий виноград и др., расплодились и в лесах и на местах, где существовали аулы горцев; в первых они образовали непроходимые чащи, а во вторых заглушают и губят фруктовые деревья. Вообще, *весь край, при настоящем его положении, наводит на путешественника какое-то странное, нередко даже грустное настроение, весь он кажется какой-то негостеприимной пустыней...*

5) Изолированность положения, вследствие затруднительной и во многих случаях даже невозможной переправы через реки и полного отсутствия сухопутных путей сообщения. Эта причина некоторых из поселян побудила даже покинуть край.

6) Поселяне являлись без средств в новый для них край, вследствие чего правительство, кроме безвозвратных вспомоществований, вынуждено было выдавать им ссуды, – выдача же ссуд повела к накоплению на поселянах значительных недоимок. Так, например, на поселянах юго-восточной части округа, по отчету сочинского попечителя, ссудная недоимка к 1876 г. показана в 74 517 руб. 51 коп., что составляет около 100 руб. на каждую душу мужского пола. Теперь же, вследствие военных событий, на этих поселян обрушилось полное разорение, и постигшие их нужды – им не по силам», – завершает свой анализ причин «застоя прилива поселенцев» А.В. Верещагин (1878).

9.2.3.4. «Новые поселенцы... мало способные к хозяйству, ленивы и не доброй нравственности»

Станичные жители преимущественно степные казаки, не имеющие никакого понятия о горном хозяйстве. Горные склоны не могут быть обрабатываемы ни степным плугом, ни степной скотиной.

И.С. Хатисов (1867).

И.С. Хатисов (1867) жестко оценивает неспособность казаков-переселенцев приспособиться к специфическим условиям новообретенных земель или хотя бы воспринять бесценный опыт ведения земледельческой культуры аборигенов-горцев: «Новые поселенцы ...мало способные к хозяйству, ленивы и не доброй нравственности... Нечего говорить, что станичные жители не имеют понятия ни о садоводстве, ни о виноделии, ни о шелководстве, что собственно должно составлять главный предмет их хозяйства. Даже пчеловодством казаки не занимаются...».

Дополняют данную тему результаты исследования этого автора, изложенные в «Отчете комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря между реками Туапсе и Бзыбью» (1867), в котором, в частности, говорится:

«Ст. Вельяминовская, устроенная на низменности, имеет в распоряжении все земли от ущелья Мокупсе (Макопсе) до ущелья р. Агой, несколько севернее р. Туапсе к востоку же 10 верст от морского берега, что составляет приблизительно 10 тыс. десятин... Но несмотря на это обилие земель, ст. Вельяминовская не имеет вовсе собственного хлеба; мы не видели ни одного засеянного поля: вся земледельческая деятельность ее ограничивается кошением сена и то лишь в самом ничтожном размере.

Ст. Георгиевская пыталась засеивать некоторые участки пшеницей и рожью, но без всякого успеха; во всей станице не было более 40 или 50 снопов хлеба. Существование этих станиц поддерживалось, в начале переселения, денежным содействием правительства, а в настоящее время готовым казенным провиантом и другими съестными припасами.

Причины подобной недейтельности и безуспешности произведенных опытов, – пишет И.С. Хатисов, – мы полагаем в следующем:

Все количество удобных земель находится на горных склонах; *станичные же жители преимущественно степные казаки, не имеющие никакого понятия о горном хозяйстве*. Горные склоны не могут быть обрабатываемы ни степным плугом, ни степной скотиной.

Опыты посева пшеницы сделаны на местах низменных и сырых, широкими ровными загонами, вследствие чего посевное семя частью не взошло, частью, вскоре по всходам, от сырости пожелтело и пропало. В этих местах лучше сеять кукурузу, если же хотят возделывать пшеницу, то на узких загонах, в виде грядок, не шире 1,5 аршина (около 1 м), как это делается во многих речных долинах южной Германии, дабы дать возможность излишней сырости стекать по бороздам. Кукуруза же потому успешнее произрастает, что будучи разрыхляема несколько раз в лето, для полотья сорных трав, почва скоро высыхает.

Вследствие несчастного скотского падежа, почти по всей Кубанской области в 1864 г., новые поселенцы лишились большей части приведенного с собой рабочего скота.

Новые поселенцы, при такой еще невыгодной для них обстановке, сами люди мало способные к хозяйству, ленивы и не доброй нравственности; большая часть их и на прежнем жительстве не имела ни собственного хозяйства, никакого либо постоянного занятия, а жила поденной работой.

Местечко Туапсе снабжается всеми жизненными припасами из Батума и Трапезонда; станица же не доставляет ничего.

Нечего говорить, что станичные жители не имеют понятия ни о садоводстве, ни о виноделии, ни о шелководстве, что собственно должно составлять главный предмет их хозяйства. Даже пчеловодством казаки не занимаются; во всей станице не было почти ни одного улья. Живя 8 дней в станице, мы с трудом находили для себя молоко, яйца и кур» (Хатисов И.С., 1867).

И далее автор излагает конкретные предложения, реализация которых позволит новым переселенцам наладить земледельческое хозяйство: «...Все эти обстоятельства ясно доказывают действительность наших предположений относительно будущего заселения этого края:

Деревни, колонии, хутора должны быть помещены на высотах, а не на низменностях, ибо главная причина лихорадочности климата происходит от резких перемен в температуре дня и ночи. На высотах разница эта гораздо менее ощутительна, нежели на дне ущелий. Факт этот доказан уже многочисленными метеорологическими наблюдениями во многих странах.

Новое поселение в приморской полосе должно быть знакомо с садоводством, виноделием, шелководством и пчеловодством и что хлебопашество отнюдь не может составлять главной отрасли хозяйства, но лишь второстепенную, и ограничиваться размером домашней потребности.

Поселение должно быть из местностей горных, а не степных. Для хозяйственного акклиматизирования степняков в горных местностях, нужно, по крайней мере, два поколения и ряд бесчисленных неудачных опытов в хозяйстве. Нелегко заставить рутинного земледельца бросить свой плуг, разводить новые породы домашних животных, переменить совершенно свой образ жизни и систему хозяйства.

Чувствуя свое безвыходное положение, новые поселенцы просят словесно и письменно каждого более или менее влиятельного путешественника, чтобы ходатайствовать у высшего начальства о переселении их на старое жительство. Бедные поселенцы сами чувствуют свое бессилие и незнание местных условий. Они же рассказывают всем, что в год переселения их, они видели все эти горы покрытыми прекрасными хлебами, кукурузой и гоми, но что, вероятно, *незнание времени посева, способа обработки почвы, выбора, соответственно местностям, хозяйственных растений, суть причины их успеха*» (Хатисов И.С., 1867).

Дальнейшее развитие изложенная выше информация получает в «Обзоре местности северо-восточного берега Черного моря между Новороссийском и постом Вельяминовским на р. Туапсе», подготовленном в 1867 г. все тем же И.С. Хатисовым, в соавторстве с А.Д. Ротиньянцем:

«В настоящее время (60-е гг. XIX в.) *станции, расположенные на Черноморском побережье, находятся в крайне жалком и несчастном состоянии*, так что и то незначительное число хороших черноморских казаков, которые желали бы трудиться, вследствие постоянных неудач, бросают совершенно всякое занятие и предаются пьянству, увлекаясь примером большинства.

Нечего говорить о том, что садоводство, виноделие, шелководство и пчеловодство, статьи хозяйства, дававшие горцам немало заработков, совершенно неизвестны казакам. Для сохранения садов, станичные правления, по предписаниям высшего начальства, разделили все сады, предоставив каждому двору отдельный участок, за которым хозяин обязан смотреть и поддерживать его. Но *новые хозяева эти, вместо поддержки, беспощадно рубят фруктовые деревья и портят совершенно сады*, уверяя, что «со своей собственностью они могут делать все, что им угодно».

Что будет с этими казаками с будущего года, когда они лишатся казенного провианта, мяса, перца, лука и водки, коими их снабжает теперь правительство? Настоящее состояние казачьих станиц красноречиво свидетельствует о том, что степное казачье население не совсем соответствует этим местностям, и что для заселения этих гор надобно обратиться скорее к племенам, обитающим в горных местностях и знакомым с виноделием и шелководством, привыкшим есть кукурузный хлеб и просо, разведение которых здесь более надежно, нежели пшеницы и ржи» (Хатисов И.С., Ротиньянц А.Д., 1867).

9.2.3.5. Графиня Уварова: «Становится и горько, и досадно смотреть на этих поселян...»

Край покорен, черкесы выселены и новые поселенцы – малороссы, казаки, греки поля запустили, фруктовые сады уничтожили, леса вырубают, а сами, не смотря на благодатный край, ходят такими же нищими, голыми, невзрачными, как и на севере.

П.С. Уварова, графиня (1891).

Весьма интересными с точки зрения рассмотрения данной темы нам представляются записки графини П.С. Уваровой (1891), путешествовавшей по Земле адыгов в конце XIX в.: «Черкесы, заселявшие этот край, вероятно, с *очень давних пор, отнеслись весьма разумно к сельскохозяйственному богатству края*: они не стеснялись и не останавливались пред глубокой обработкой отдельных горных полей и, заселив все горные ущелья, сумели, несмотря на постоянные набеги, жить с достатком, иметь поля и фруктовые сады, водить пчел, рогатый скот и целые табуны лошадей. Достатка этого хватало и на лихого скакуна, и на богатое вооружение, и на изящную одежду.

Теперь все изменилось: край покорен, черкесы выселены. Переселенцы из России приходили, жили, пользовались всем, с краем не знакомились, ставили себе лачуги, годные только для скота, и *не захотели прилагать рук ни к чему, уверяя, что настоящей земли нет, а которая есть – не производительна*. Начальство, зная, что черкесы кормились и даже вели торговлю на тех же землях, не могло согласиться с такими выводами. Приезжало, уговаривало, наводило справки; *тогда жители нашли следующий выход: подмачивали выданные им семена, поджаривали их, и в таком виде сеяли пред начальством, которое в следующем году принуждено было согласиться, что земля на самом деле не в состоянии родить печеного хлеба*.

Итак, «плевела вырваны» – черкесы изгнаны, но новые поселенцы – малороссы, казаки, греки поля запустили, фруктовые сады уничтожили, леса вырубают, а сами, несмотря на благодатный край, ходят такими же нищими, голодными, невзрачными, как и на севере. Приедешь в станицу – построек мало, земли пропасть; вместе с тем нет ни куска мяса, ни курицы, ни яйца, ни хлеба, ни крынки молока, ни зерна овса, ни клока сена. Хлеба и тут, подобно нашим средним и северным губерниям, не хватает дальше января. Спрашиваем: «Отчего не сеете больше?» Ответ один: «Сил не хватает»; и одна и та же причина: лень, нерадение и крайнее невежество. Становится и горько, и досадно смотреть на этих поселян: насилу двигаются, насилу отвечают, грязны до безобразия; начальство же их (избранные или назначенные старосты) и та молодежь, которая возвращается среди них с какой-либо служебной или научной целью, – все поголовно какие-то униженные, бескостные, бескровные существа», – завершает свои воспоминания о посещении Черномории графиня П.С. Уварова (1891).

Этот отзыв был сделан графиней Уваровой спустя 20 лет после отзыва комиссии 1866 г., когда, казалось бы, уже можно было подводить предварительные итоги крупномасштабной колонизации края... Итоги, скажем прямо, далеко не радостные. Чего стоит, к примеру, одна лишь такая цифра. В 1888 г., то есть через 24 года после начала колонизации адыгских земель, В.С. Кривенко (1893) был вынужден признать: *«Из всех этих 90 000 десятин лучшей в Черноморском округе земли в 1886 г. было обработано только 420 десятин, или 0,5 % !»* (Цит. по: «Старые черкесские сады...». Т. 1., 2005).

9.2.3.6. «В таком переселении мы видим неизбежную для себя гибель и окончательное разорение»

Поселенец сразу и решительно был вышиблен из хозяйственной колеи... Запашки не удалось, скот почти весь передох, птица, свиньи, даже собаки были передуманы волками и шакалами, население повально болело малярийными лихорадками и на первых порах сильно вымирало.

Ф.А. Щербина (1894).

Переселенцы из центральных губерний России с ментальностью степняков-земледельцев не могли понять и определить ценности нового для них культурного мира адыгов, в который они попали...

Г.Г. Тхагапсова (1999. Вып. 2).

Предпринятая царскими властями колонизация Северо-Западного Кавказа осуществлялась крайне сложно. Во-первых, заселение края осуществлялось не только без предварительного изучения мест размещения, но и без предварительного осмотра, без конкретного плана, учета санитарно-гигиенических условий, возможностей хозяйствования, удобств построения жилья. Во-вторых, отсутствовала положительная миграционная мотивация у переселенцев (Тхагапсова Г.Г., 1999. Вып. 2).

Казаками предложения о переселении на новые места жительства принимались негативно. Никто, кроме самых бедных, не хотел покидать родные места, оставлять дома, огороды, пашни. Общества казаков тайно от своих начальников писали письма и отправляли депутации в Тифлис к главнокомандующему с прошениями об изменении условий переселения, о вознаграждении за усадьбы, разоренные хозяйства, поэтапном переселении,

жеребьевке. Так, в рапорте Старо-Щербиновского станичного правления сообщалось: «В таком переселении мы видим неизбежную для себя гибель и окончательное разорение». Истории известен бунт хоперских казаков, отказавшихся переселяться на новые места. Но правительство настаивало, требовало, сулило всякие пособия, льготы, блага. Мигранты, изнуренные и измученные длительным (иногда до трех месяцев) тяжелым переходом, попадали в условия, требующие максимального напряжения физиологических механизмов организма.

Известный исследователь экономики и социальной жизни Кубани Л.В. Македонов собрал воспоминания старожилов о переселении ряда станиц. Вот что они вспоминают: «Привели нас в это место и говорят – здесь будете жить. На пропитание – паяк из муки слеглой, да крупа с червями. От такого казенного пайка у нас все ребята перемерли, мерли не дай бог». Казаки, населявшие ст. Кабардинскую, шли из Оренбургского войска «за Кубань», а вместо того пришлось идти и за Лабу, и за Белую. «Шли, шли, все думали, как бы поровнее местечко выбрать, а оно все круче, да круче. От того места, где теперь с. Елизаветпольское, загнали нас в урочище Гунайское. Сотник, что вел нас, и говорит: вот вам станица – аж взвыли все. Сидели там три года, наполовину перемерли. Начали просить начальство разрешить искать другое место, – нам разрешили, только около себя. Вызвали нас на Кубань, а потом в Лабинске сделали сбор и погнали дальше. Ведший эту партию переселенцев офицер, действительно, указал место около перевала в ущелье, где и доныне свирепствует малярия. Особенно гибельно было место для детей – все дети перемерли, новые народились на нынешнем месте станицы...» (Цит. по: Тхагапсова Г.Г., 1999. Вып. 2).

Казаки ст. Кутаисской сначала были «загнаны» за Хадыжи. «И там бы нам и помереть, – рассказывали старики, – да спасибо, нашелся хороший человек – писарек один полковой – разыскал он здесь землю». За Хадыжами переселенцы из Оренбурга перемерли наполовину, а «наемные с Дона – все начисто».

Новые поселенцы не могли «совладать» достаточно быстро даже с пищевыми ресурсами. Для решения продовольственного вопроса было принято распоряжение правительства выдавать переселенцам в течение трех лет продовольственные пайки из войсковых запасов. Предполагалось, что за это время они обзаведутся хозяйством и будут обеспечивать себя сами, но эти предположения не оправдались.

Сложности культурной адаптации мигрантов, по Г.Г. Тхагапсовой (1999. Вып. 2), были обусловлены причинами: отсутствие восприимчивости мигрантов к новой среде, тревога, отвращение, негодование по причине осознания культурных различий, неспособность «совладать» с новой средой, отсутствие дружеских контактов с аборигенной культурой. В свою очередь, сложности биологической адаптации были обусловлены резким контрастом природно-климатических условий мест проживания и новых мест заселения. Бичом для переселенцев было расстройство функций желудочно-кишечного тракта, эндемическая перемежающаяся лихорадка, а также цинга, которая в колонизируемых местах Кавказа свирепствовала особенно сильно. При этом местное население – горцы – практически не болели этими тяжелейшими болезнями, поскольку знали, в каких местах можно жить, какую воду можно пить, какую пищу лучше всего есть, какие травы, овощи и фрукты предохраняют от перечисленных выше заболеваний.

И.И. Пантюхов отмечал: «Инстинкт туземцев указал им всю важность употребления растительной пищи, в частности черемши, как равно перцу и других горько-ароматических растений. Они едят пищу преимущественно мясную с таким большим количеством чеснока и перца, что непривычный человек едва в состоянии проглотить кусок ее, и зато цинга между ними не известна, зубы до глубокой старости белы и крепки, лихорадки бывают редко».

Однако переселенцы из центральных губерний России с ментальностью степняков-земледельцев не могли понять и определить ценности нового для них культурного мира адыгов, в который они попали. Известные русские агрономы Серебряков и Клинген, изучив причины неудач колонистов, «имевших дело с гладкой степью» и привыкших к «экстенсивной системе земледелия», видели *главную причину в пренебрежении многовековым хозяйственным опытом горцев*. Такое пренебрежение объясняется, по Г.Г. Тхагапсовой (1999. Вып. 2), следующими причинами.

Первое – у переселенцев была уже заранее сформирована психологическая установка, что заселяемый край – дикий, там живут туземцы-дикири и ни о какой культуре не может быть речи, – культуру несут лишь они, переселенцы. Такая пропаганда проводилась с самой высокой правительственной санкции.

Второе – агрессивность новой для переселенцев среды. Местное население, адыги, разоренные и изгоняемые из родных мест, где остаются могилы родных и близких, были ожесточены, и их можно понять. Уходя на чужбину, они, по возможности, уничтожали все, засыпали колодцы, забивали родники чистой хорошей воды, заваливали тропинки, старались испортить источники минеральной воды, в особенности уничтожались все следы известных им месторождений добываемых минералов. (Как здесь не вспомнить библейское: «И сказал Елисей: «Вы... все лучшие деревья срубите, и все источники водные запрудите, и все лучшие участки полевые испортите камнями... И на всякий лучший участок в поле бросили каждый по камню, и закидали его; и все протоки вод запрудили, и все деревья лучшие срубили...» (4-я книга Царств, 3;19, 25). Все это, – отмечает Г.Г. Тхагапсова, – прерывало преемственность культуры, обостряло у переселенцев чувство неспособности «совладать» с новой средой, создавало трудности в области культурных контактов с горцами-аборигенами.

Своими впечатлениями о нелегкой жизни переселенцев в первые годы колонизации Кубани делится Ф.А. Щербина (1894). «Едва ли где-либо в России найдутся места, – пишет историк, – в которых произошли бы в столь короткое время и столь существенные перемены, как в Закубанской полосе. Чтобы уловить характер этих перемен, достаточно сказать, что Кавказские леса и горы были призваны заселить житель-степняк. В крае не было ни сносных дорог и мостов, ни торговли, ни промышленности, ни даже жителей-аборигенов, привыкших к природе, выработавших известную хозяйственную практику.

Черкесы, предшественники казаков, были выселены из насиженных мест, и все, созданное ими, оказалось или разрушенным благодаря войне, или же чуждо, непривычно и непонятно для новых поселенцев. При таких условиях нельзя было рассчитывать на правильное течение экономической жизни и удачную постановку хозяйства. Те традиционные экономические и хозяйственные формы, с которыми пришли сюда поселенцы, оказались непригодными. Поселенец сразу и решительно был вышиблен, что называется, из хозяйственной колеи. Самые богатые из новоселов в два-три года стали бедняками. Запашки не удались, скот почти весь передох, птица, свиньи, даже собаки были передушены волками и шакалами, население повально болело малярийными лихорадками и на первых порах сильно вымирало.

Всего лет 12 или 15 тому назад население в большинстве станиц последней Кавказской колонизации буквально-таки было еще нищим, неимущим, экономически обесиленным и обездоленным. Пишущий эти строки был свидетелем поразительной нищеты «закубанцев» в это, так недавнее еще время. Во многих станицах в рабочую пору все население выходило на заработки в станицы степной полосы. Вновь приезжему человеку трудно было найти пищу по таким заброшенным станицам; часто нельзя было достать даже хлеба. Дикie свиньи, медведи, волки и шакалы свободно разгуливали по полям, дорогам, у околлиц поселений и хищничали в последних. *Население, его обстановка и жизнь производили тяжелое, удручающее впечатление...*» (Щербина Ф.А., 1894).

И далее историк вновь обращается к этой мысли. Выступая на Черноморском съезде в Петербурге, Ф. Щербина отмечал, что после занятия русскими побережья этот край (Черноморское побережье Кавказа. – **Авт.**) оставался фактически незанятым. Никаких хозяйственных начинаний предпринято там не было. Первыми колонизаторами явились казаки, из которых был образован береговой Шапсугский батальон. Казаков принудительно поставили в неподходящие условия жизни. По незнакомству с местными условиями, казаки устроились селениями на неподходящих для заселения местах. Они осели преимущественно в низких речных долинах. Это повело к поголовным малярийным заболеваниям населения, которое сразу очутилось в безвыходном положении. Посевов и скота у него оказалось так мало, что ему нечего было есть и нечем стало жить.

Произошел полный экономический крах. Одна часть жителей начала бросать занятые ими места и уходить на родину и на сторону, а другая обирала природу и черкесские сады. Поселенцы стали рубить леса и собирать фрукты и возить то и другое в степную полосу, меняя их там на хлеб. Таким образом, *получилось одичание природы и безвозвратная потеря того, что создано было примитивною, но многовековою культурой горцев*» (Цит. по: Левандовский В.А. 1913; 2005. С. 379).

9.2.3.7. «После ухода горцев в течение четверти века на побережье вовсе не было сельского хозяйства»

Неуспешность колонизации Черноморского побережья обуславливалась главным образом неудачным ведением сельского хозяйства новыми поселенцами.

«Черноморское побережье...» (1916).

Первые поселенцы, как сказано выше, вообще сельским хозяйством и, в частности, хлебопашеством почти не занимались, утверждая, что здесь «земля не родит». Станицы Шапсугского батальона не имели своего хлеба для прокормления и жили за счет казенного пайка. В этих станицах и многих селениях хлеб получался из Кубанской области в обмен на фрукты, собранные в горских садах.

Утверждение, что на побережье «земля не родит» было основано на первых опытах переселенцев, занявшихся в первое время хлебопашеством. Опыты оказались неудачными потому, что переселенцы целиком перенесли в новые условия все приемы земледелия средней и южной (степной) полосы России. На местах, весьма пригодных для садоводства и виноградарства, как это видно из насаждений горцев, переселенцы пытались повести зерновое хозяйство и, конечно, получали весьма печальные результаты, так как незначительный доход от собранного зерна не вознаграждал всех трудов по выкорчевке и обработке заросших кустарниками склонов гор. В низменных же местах, кроме того, переселенцам приходилось бороться с заболоченностью почвы и с сильнейшими лихорадками.

Не обладая ни достаточными средствами, ни нужным инвентарем для успешной борьбы с природой, не имея собственного опыта и не видя перед глазами опыта прежних жителей, переселенцы чувствовали себя беспомощными в новых условиях и постепенно приходили к убеждению в невозможности ведения сельского хозяйства на побережье.

Впрочем, когда специальная комиссия пожелала убедиться в справедливости утверждения поселенцев, что «земля не родит», казаки-переселенцы Шапсугского батальона, очевидно не полагаясь на постоянство характера земли, которая, может, и родит, и боясь подвести казаков перед начальством, *сочли нужным*

перед посевом обварить семена кипятком (!), чтобы таким путем добиться признания полной неплодородности земли. Очевидно, что казаки Шапсугского батальона здравым умом наследственных земледельцев понимали, что виною неудачности опытов сельского хозяйства является не скудность почвы или вредность климата, а многие другие причины, устранить которые были не в силах первые поселенцы. Это доказывает еще и тем, что некоторые другие селения, колонизация которых прошла в более благоприятных условиях (главным образом – сознательного выбора местности и добровольного переселения), сумели с большим успехом повести хлебопашество и скотоводство в пригодных к тому районах.

И далее авторы книги «Черноморское побережье...» (1916) вновь возвращаются к мысли о том, что «...неуспешность колонизации обуславливалась главным образом неудачным ведением сельского хозяйства новыми поселенцами. И если в первые 20 лет колонизации края успех её выразился в водворении (зачастую принудительном) 649 русских переселенцев, то столь же плачевный результат получился и в отношении развития сельского хозяйства. Можно сказать, что *после ухода горцев в течение четверти века на побережье вовсе не было сельского хозяйства*» («Черноморское побережье...», 1916).

Немногочисленные обитатели побережья, не будучи в состоянии вести сельское хозяйство, долгое время жили за счет расхищения плодов оставшейся от горцев сельскохозяйственной культуры. Не будет преувеличением сказать, что за это время были частью расхищены, частью разрушены и брошены огромные богатства, заключавшиеся в фруктовых насаждениях и в возделанных полях и виноградниках.

В эти 25 лет было бесследно утеряно то, что трудолюбивым народам Кавказа удалось отвоевать от природы в течение сотен лет. В самом деле, после ухода горцев остались на побережье обширные площади возделанных под садовую и виноградную культуры земель, дававшие возможность кормиться 500 000 жителям и, кроме того, сбывать за море продукты сельского хозяйства – кукурузу, мед, воск, кожу и т. п. А спустя 30 лет комиссия по исследованию побережья нашла, что вся береговая полоса находится, за самым небольшим исключением, в первобытном своем состоянии, производя впечатление, что земля эта от создания мира не была известна человеку и что «под зарослями леса, кустарников и цепких лиан окончательно схоронены культурные участки бывших черкесских аулов».

Беспристрастные цифры также доказывают отсутствие на побережье сельского хозяйства; например, в отношении наиболее пригодных культур садоводства и виноградарства в 1887 г. положение представлялось в следующем виде: в 62 селениях состояло всего только 202 десятины приусадебных садов и 19 десятин виноградников, т. е. по 3,2 десятины садов на каждую деревню и по 0,3 десятины виноградников. Со всех культурных садов переселенцев собрано в 1888 г. 8000 пуд. (128 т) фруктов на сумму 6400 руб. и 1000 пуд. (16 т) винограда на 2400 руб., что по разверстке на каждую душу населения 62 деревень составит дохода от садов по 30 коп., а от виноградников – всего по 12 коп. в год.

Вот результат 25 лет существования сельского хозяйства переселенцев. Между тем оставшиеся после горцев сады, даже без всякого ухода за ними, долгое время давали обильный урожай и часто служили для переселенцев единственным источником пропитания. Фрукты из горских садов в сыром и сушеном виде вывозились через перевал в ближайшие города и станицы Кубанской области и частью обменивались на хлеб, частью продавались. Даже готовыми плодами рук прежних хозяев края переселенцы не сумели воспользоваться в полной мере, предоставив фруктовые богатства гниению и разрушению.

Таковы были первые опыты ведения сельского хозяйства на Черноморском побережье. В дальнейшем после образования крупных частновладельческих имений развитие сельского хозяйства также не продвинулось вперед, а скорее, обратно: это был момент наибольшего регресса в сельском хозяйстве». На этом авторы книги «Черноморское побережье...» (1916) завершают свой экскурс в историю неудачной колонизации Черноморского побережья, которая после ухода горцев привела, конечном счете, к длительному застою сельского хозяйства в этом уникальном по богатству и разнообразию почвенно-климатических условий уголке России – поистине «одной из лучших жемчужин в короне русского царя».

9.2.3.8. «Непродуманная колонизация, отсутствие понимания хозяйственно-культурных задач привели к экологическим бедствиям»

И славный лес его, и сад его истребит, и он будет, как чахлый умирающий. И остаток дерев леса его так будет малочислен, что дети в состоянии сделать опись их.

Книга пророка Исайи (10; 18-19).

Черкесы ушли, и страна быстро одичала. Сейчас трудно поверить, что всего только 52 года назад здесь был сплошной фруктовый сад, тянувшийся на сотню верст.

В. Христианович (1916).

«Тысячелетний опыт горской культуры, оказавшийся непонятым, а потому и непривычным для новых поселенцев, пропал для них бесследно, – с горечью пишет Г.Г. Тхагапсова (1999. Вып. 2). – Непродуманная колонизация, отсутствие понимания хозяйственно-культурных задач привели к экологическим бедствиям».

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧЕРКЕССКИХ САДОВ. Особенно наглядно полное пренебрежение опытом горцев и экологическая неграмотность переселенцев стали проявляться в их обращении с оставленными горцами старыми черкесскими садами. Как отмечает С.Х. Хотко, «наиболее долговечными свидетелями бывшего процветания страны, естественно, оказались сады». Деревья, посаженные адыгами до 1864 г., пережили ту империю, которая так стремилась покорить их страну, а некоторые из них стоят в горах по сей день и плодоносят. Самим фактом своего существования они заставляли задуматься очень многих – так ли уж дики были люди, сумевшие вывести столь превосходные, жизнестойкие сорта плодовых культур? «А давно ли, – восклицал в 1902 г. С. Васюков, – 40 с небольшим лет здесь, в горах, была блестящая черкесская культура. Горцы прекрасно умели возделывать зерновые растения, культивировать плодовые, производили хлопок и мед, причем последний в огромном количестве отправляли за границу. Веками выработанные предупредительные меры против лихорадок, этого действительного бича для русских, известны тем, кто интересовался *черкесской культурой, плодами которой мы, к сожалению, не воспользовались и не сохранили*, не поддерживали того опыта, который эти люди оставили нам в наследие: то же должно сказать о фруктовых садах и горных дорогах – как те, так и другие заросли и одичали».

И далее краевед вновь возвращается к этой мысли: «После завоевания Кавказа в наследие русским осталась горная культура, т. е. прекрасные фруктовые сады и хорошие, крепкие горные дороги, но ни тем, ни другим русские не воспользовались; ни садов, ни дорог не поддерживали, а потому *о черкесской культуре остались более чем бледные воспоминания*. Черкесы имели прекрасный мелкий скот, их лошади славилась быстротой и выносливостью. Огромные стада овец и коз паслись в горах – горцы умели хранить и поддерживать породу. В настоящее время скот плохой, кони жалкие, а овец и вовсе не разводят русские поселенцы» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008. С. 77).

О поистине хищническом отношении к прекрасным фруктовым садам, оставшимся после изгнания горцев, сообщали многие дореволюционные авторы: «Казаку нужен хлеб – вот исходная точка его хозяйства; опыт показал ему, что в Черноморском округе хлеба много он не вырастит – и земли удобной для исключительного хлебопашества мало, и обработка земли должна вестись иначе, нежели в степи, другими орудиями и приемами. *Тогда он стал искать исхода из своего неприглядного положения и нашел его в горских лесных садах*» («Старые черкесские сады». Т. 1).

А ведь еще библейские пророки предупреждали: «Не порти дерев, от которых можно питаться, ибо дерево на поле – не человек, чтобы могло уйти от тебя. Только те деревья, о которых ты знаешь, что они ничего не приносят в пищу, – можешь портить и рубить, и строить укрепления...» (Второзаконие, 20; 19-20).

О варварском отношении к старым черкесским садам писал и Л.В. Македонов (1908): «Обширные и прекрасные горские сады из прививок яблок и груш (бергамотов) были частью истреблены при разорении аулов во время покорения Северо-Западного Кавказа, частью погибли от варварского пользования ими в первые годы русской колонизации. Много рассказов приходилось слышать о том, как срубались яблони и грушевые деревья в садах только для того, чтобы легче обобрать плоды, как разводились костры в фруктовых садах, как нарубались ступени на стволах деревьев, чтобы подняться по ним для сбора фруктов, и т. д. В настоящее время, сады, конечно, уже не истребляются, но и не поддерживаются, деревья стареют, и новых прививок не делается». И далее автор заключает: «Тысячелетний опыт горской культуры для новых людей, пришедших сюда с традициями равнинного степного хозяйства, пропал бесследно, и в результате плодородные цветущие местности заглохли, сенокосные поляны заросли, бесчисленные сады пропали, огромное скотоводство горцев погибло, а переселенцы не нашли ничего, кроме леса, который и начали у истреблять» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008, С. 94).

И еще одно свидетельство очевидца: «Первые опыты садоводства русских землевладельцев были произведены сейчас же после Кавказской войны. Видя роскошную растительность и обилие черкесских садов с их результатами, они совершенно справедливо решили, что в данной местности должно хорошо пойти садоводство; но задумали поставить его с несколько иной целью, а именно – с коммерческой. *Не обладая достаточными знаниями по этой специальности, а, главное, – не изучив местных условий, они потерпели полнейшую неудачу*. Одна из главных причин неудачи – неумение выбрать сорта и подходящее место; все их сады расположены в долинах, на низких местах, вследствие чего деревья сильно страдали от чрезмерной влаги. Сады засаживались главным образом яблонями и фундуками. Видя, что их предположение относительно доходности не оправдалось, они махнули рукой на садоводство. С тех пор этот вопрос до настоящего времени не двигался вперед, если не считать 3–4 садов, заложенных в этот промежуток времени» (Л.А., 1899).

ХИЩНИЧЕСКАЯ ВЫРУБКА ЛЕСОВ. Так же как и продукты сельского хозяйства горцев, подверглись расхищению и лесные богатства. О правильном лесном хозяйстве никто и не думал, и громадные площади лесов, свыше 300 000 десятин с весьма ценными насаждениями были оставлены на произвол судьбы («Черноморское побережье...», 1916).

Поиск степных просторов и пашни, упорное желание использовать опыт русского степного земледелия положил начало истреблению лесов. И если казаки, как постоянные жители, наделенные землями в «вечное пользование», как-то еще щадили природные богатства, то после закона 1868 г., отменившего запрет лицам неказачьего сословия «селиться и приобретать какую-либо собственность в землях казачьего войска», усилил-

ся поток иногородних, которые варварски уничтожали лес в целях скорейшей наживы. До 1885 г. билеты на рубку леса выдавались всем, лес вывозился тысячами кубов. Шла беспорядочная рубка, уничтожались ценные породы деревьев. Как следствие, некогда густые леса стали прозрачными, оголились склоны, опустели и засохли пастбища, пересохли многочисленные ручьи и речки (Тхагапсова Г.Г., 1999. Вып. 2).

Сколько миллионов деревьев было вырублено войсками в Закубанье в 30-60-е гг. XIX в., и в какой степени это повлияло на климат? – спрашивает С.Х. Хотко (2008). Ярko выраженная динамика климатического регресса была зафиксирована исследователями уже в первые десятилетия колонизации региона. Так, И.Н. Клингген приводит в пример Черноморский округ: «С удалением горцев, в самый короткий срок вырублены дремучие леса, и самшит расхищен в неимоверно короткое время... уничтожена была благодетельная и мощная береговая лесная завеса, которую черкесы берегли. А не стало завесы, стали срывать к морскому берегу холодные бризы и северо-западные холодные морские ветры, приносящие холод и мороз, – и поэтому типичная физиономия средиземноморской флоры, соответствующей узкой прибрежно-морской полосе, стала мало-помалу утрачиваться, и на место более нежных вечнозеленых появились в гораздо большем количестве выносливые представители северо-западного побережья Черного моря... Вообще со времени удаления горцев природа сильно изменилась. *В приморской полосе было при горцах несравненно суше, теплее весной и здоровее, чем теперь.* В черте же крайней ленточки прибрежно-морской полосы было несравненно теплее, защитнее, чем в настоящее время» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

Дополняет эту информацию графиня П.С. Уварова, побывавшая в 80-х гг. XIX в. на Кубани, которая тонко подмечает причины оскудения ранее плодородных почв. Болью за уничтоженные лесные богатства края пронизаны ее слова: «Из всего видно, что край нуждается в разумных поселенцах и, в особенности, в разумной администрации, направленной к сохранению, а не уничтожению богатств края: *горы, когда-то покрытые сплошным лесом, превращаются мало-помалу в пустыню, благодаря варварскому обращению строителей железной дороги и, в особенности, местных жителей-казаков, которые, очищая осенью поля от бурьяна и кустарника, выжигают огромные площади. Лес пылает тогда по всей округности, и лесничий, приставленный правительством для его разумного сохранения, любителю со своего балкона пожарами, как в былое время Нерон пожаром, уничтожавшим Рим. Истребление лесов в этой местности, равно как и на Кубани, зловредно действует на плодородие почвы и на местные урожаи: вот уж несколько лет, как фруктовые деревья Черноморского округа не приносят более плодов* (Уварова П.С., 1891).

Исследования Л.В. Македонова, спустя полвека после Кавказской войны, быта и хозяйства горных станиц показали, что никакой собственно адаптации к местным условиям у колонистов пока еще не было. Переселенцы, невежественные и неосведомленные даже в лице своих руководителей, пришли сюда как в «темный лес». Казаки, подавленные неведомыми им силами грозной природы, испытав здесь всю безуспешность приемов привычных им издревле методов хозяйствования, впали в депрессию, опустили руки.

Никто не мог научить их тем приемам хозяйствования, которые ранее сделали из нагорной полосы цветущую, богатую местность, привлекавшую внимание иностранцев. *Тысячелетний опыт горской культуры, оказавшийся непонятным, а потому и непривычным для новых поселенцев, пропал для них бесследно.* В результате плодородная, цветущая местность заглохла.

Некоторые долины Закубанья, как например Псекупская, в старину славились особым плодородием, за что черкесы называли ее Массир (Египет), После ухода адыгов колонисты основали здесь ст. Екатеринодарскую, которая, несмотря на былое «хлебобродство» местности, стала одной из беднейших... (Тхагапсова Г.Г., 1999. Вып. 2).

9.2.3.9. «Господи! Если хочешь испакостить свое творение – природу, отдай ее русскому человеку, а уж он ее «произведет»

Именно традиционная культура ведения хозяйства [народов Северного Кавказа] в горных условиях, построенная на принципах экологического подхода, более других сторон жизни пострадала в ходе Кавказской войны.

В.А. Дмитриев (2003).

О том, какими варварскими способами шло уничтожение царскими войсками девственных лесов Черкесии, к примеру, во время строительства одного из укреплений в устье р. Пшада, пишет, не без поэтических изысков, поручик Н.В. Симановский (дневниковая запись от 1 июня 1837 г.): «Прелестная роща, бывшая на берегу Черного моря, уже вся вырублена – как жаль мне ее! Этаких рощ мало можно встретить; посреди этой рощи был аульчик, судя по всему, какого-нибудь князя, вероятно, черкесы в свободные часы отдыхали под тенью дерев, увитых виноградной лозой, или гуляли, наслаждаясь чистым, благовонным воздухом. Я не в силах описать хорошо это место, скажу только, что оно очаровательно. Теперь его как не бывало: от вековых деревьев и благовонного орешника остались лишь одни пни, но и те со временем вырывают. Секира все истребила...» («Дневник поручика...», 2012. Вып. 9-10).

И другой участник этой экспедиции – некий Н.М. – с неприкрытым сожалением пишет: «Близ устья р. Пшада генерал Вельяминов приступил к разбивке укрепления. Для этого первоначально истреблены были

все окружающие леса, на расстоянии пушечного выстрела, чтобы тем лишить горцев возможности скрытно приблизиться к крепости. Жаль было смотреть на эти могучие дубы, которых сама железная рука времени щадила целые столетия, и которые теперь падали под нашей железной секирой! Жаль было уничтожать красивые рощи серебристой пальмы, роскошные купы виноградных лоз, и этот приветливый плющ, который так ласково обвивал своими молодыми, свежими стеблями ветхие корни буков и вязов. Но такова участь войны – в ней гибнет жизнь для новой жизни!» (Н.М., 1847. С. 69).

Развивает тему негативного влияния непродуманной военно-казачьей колонизации на экологию региона дореволюционный автор П. Цирульников (1910): «Черкесы ушли, и всю их территорию заняли казаки. Благодатный край для казаков стал мачехой... Все, более или менее сознательные лица, осуждают русских поселенцев и отдают предпочтение черкесам. По рассказам их, казаки заняли места по предгорьям Главного хребта, где отношение площади пастбищ и пахотных земель к лесу было 9:1, теперь же отношение стало обратное, леса в 9 раз более, чем полей. Эти остатки скоро зарастут, и казаков, не умевших воспользоваться роскошными пастбищными участками, погубившими свой строевой лес, придется переселять на новые места, покорив предварительно какого-либо супостата... ну, хоть бы, киргиза.

Занимаясь только земледелием, казаки не могли уберечь пастбищ от захвата их лесом, тем более, что наделы были даны по 30 десятин на мужскую душу. За время своего хищнического хозяйничанья казаки уничтожили породы ясеня, клена, липы, оставив один дуб, который, как бы мстя за своих первых хозяев, старался заглушить собою все поляны и покорить в своих зарослях покорителей.

Проезжая часто по лесу и возмущаясь казачьей системой хозяйства, я как-то в порыве искреннего чувства воскликнул: «Господи! Если хочешь испакостить свое творение – природу, отдай ее русскому человеку, а уж он ее произведет». Нужен, допустим, казаку ствол дуба длиной один аршин на дрань (аршин – около 70 см; дрань – тонкие, узкие пластинки дуба, которыми покрывают дома наподобие черепицы. – Авт.), он валит столетний великан, отпиливает нужный ему аршин, остальное бросает. Если же ему нужен лес для других целей, он не едет к этому дереву, а рубит первое попавшееся, рассуждая, что, «если я буду беречь лес, то другой не будет, а потому...».

Если бы не греки-табаководы, то не выдержали бы казаки борьбы с лесом. Греки арендуют большие лесные площади, раскорчевывают их и сдают табак. Иногда земля отдается им бесплатно, лишь бы ее раскорчевали. Греки раскорчевывают, а у казаков эти поляны вновь зарастают.

Население, бедствуя от недостатка удобных земель, бедствует еще от недостатка воды. Водой пользуются из рек, протекающих около станиц (Тухо, Тиш, Пшеха и др.). Летом некоторые из них пересыхают и вот тогда начинается общий водяной голод. Черкесы пользовались водой из родников, которые позабывали сваями и камнями, покидая свою родину-мать. Есть родники, которые могут дать десятки тысяч ведер в сутки, но «культурные» переселенцы, страдая от безводья, лихорадок, никак не соберутся очистить эти родники в течение вот уже 46 лет, ежегодно поднимая этот вопрос.

Сады черкесские погибли в надвинувшемся лесу, а на Черноморском побережье вырублены для посевов овса. Овес не растет, крестьяне его сеют, а гребная флотилия из года в год доставляет семена. За 1 руб. в летний период общество станицы дает «иногороднему» билет на право собирания фруктов в черкесских садах.

Пути сообщения до невозможности плохи или, правильнее, их совсем нет. На всю Кубанскую область имеется одно шоссе от Майкопа до Туапсе, а вне его топь, грязь, ...вообще – российские пути сообщения. Черкесы имели дороги главным образом по хребтам, где их нельзя было так разбить и где обнажение твердых пород делало дорогу похожей на шоссе. И поселения черкесские, о чем говорят кладбища и сады, располагались на холмах, чем уберегали себя от сырости и лихорадки.

Беспросветная темнота, подобно невылазной грязи, держит казака в тисках, а его особое положение служилого человека не дает ему возможности развить свою самостоятельность. Невежество и условия жизни заставляют его кичиться званием казака и с пренебрежением относиться ко всему, что не носит бешмета. Лишение казачьего звания – самое страшное наказание», – заканчивает свое проникнутое болью эссе П. Цирульников (1910, 2005. С. 358).

Уже тогда передовые деятели-аграрники выступали против хищнического использования вод, земель, растительного и животного мира в новоприобретенном крае. Так, о неприглядной судьбе некогда знаменитых черкесских садов с горечью сообщал в конце XIX столетия Н. Кузнецов (1890): «Горские сады разбросаны в ущельях Кубанской области и Черноморского округа и встречаются там нередко. Они теперь сильно одичали, заросли терном, бурьяном, бузиной и др. Деревья, уже старые, доживающие свой век и мало приносящие плодов, покрыты в изобилии омелой. Многие из них поломаны медведем и жителями, которые сначала обращались с ними весьма неэкономно: во время сборов плодов зачастую казаки для скорости обрубали целые ветки или даже подрубали деревья. Конечно, о каком-нибудь уходе, подрезке, обкопках и говорить нечего».

Несколько позже о необходимости принятия неотложных мер по защите окружающей среды еще в 1913 г. размышлял В.А. Левандовский: «Край и природа заглушены, заглохли, одичали, колонизация в нем началась очень недавно, требуется созидать все заново... Во многих случаях необходимы защитные законы для ограждения естественных богатств края. Хищничество и обезображение природы и ее богатств грозят

неисчислимыми бедствиями для края. Богатейшие горные почвы, накопившиеся в течение целого ряда тысячелетий, в настоящее время ползут и смываются потоками воды на скатах и выдуваются на ровных, обнаженных от леса местах. Лучшие породы леса давно уже истреблены, и лес вообще вырубается не только беспощадно, но на таких местах, где отсутствие его грозит разрушением почвенных покровов и ухудшением растительности. *Люди легкомысленно и нерасчетливо расхищают у природы все, что только попадает им на глаза...*» (Левандовский В.А. 1913; 2005. С. 379).

Напоминая об опыте предков адыгов при возделывании земель в горных местностях, Н.А. Тхагушев (2008) сетует, что зачастую этот бесценный опыт бережного отношения к природе, к земле-матушке не был востребован как русскими колонистами в дореволюционный период, так и современными ему колхозниками: «В борьбе с горными потоками после ливневых дождей, которые смывали верхние питательные слои почвы, применялись водоотводные каналы, прочно укрепленные камнями, поперечные лесозащитные полосы (иногда, в зависимости от высоты и крутизны склона, в несколько рядов), между посевами оставлялись задерненные полосы, вдоль горных рек устраивались берегоукрепительные живые изгороди, вокруг открытых полевых участков – лесные опушки для защиты их от выдувания почвы господствующими ветрами.

Живые изгороди, – продолжает Н.А. Тхагушев, – столь широко применявшиеся адыгами в то время, не потеряли своего значения и сейчас, но, к сожалению, некоторые руководители колхозов, совхозов и МТС в горных и черноморских районах с этим вековым опытом не считаются. Например, при раскорчевке лесов, расположенных на склонах гор, для возделывания различных сельскохозяйственных культур не оставляются лесные полосы на больших площадях, вследствие чего наблюдаются оползни больших участков и смыв верхних питательных слоев почвы дождевыми водами. В тех же районах в долинах рек леса часто рубят. В результате этого при паводке реки выходят из своих русел и заносят камнями обрабатываемые участки, уменьшая, таким образом, фонд удобных земель для сельскохозяйственных культур. Подобные явления можно наблюдать в долинах рек Пшада, Нечепсухо, Небуг, Агуй, Туапсе, Аше, Шахе.

Нельзя пренебрегать этим простым, но ценным вековым опытом – необходимо оставлять живые изгороди при раскорчевке лесов как на склонах, так и вокруг земельных участков, расположенных в долинах рек.

Благодаря народному опыту применению таких простых, но весьма целесообразных способов, в практике сельскохозяйственного производства адыгам удавалось вводить в эксплуатацию земельные участки, расположенные на крутых склонах гор, и получать на них хорошие урожаи различных полевых культур. Остатки таких полей встречаются в верховьях рек Аше, Псишо, Хаджуко, Шахе, Сочи, Мзымты (Тхагушев Н.А., 2008).

9.2.4. «Учиться у черкесов»: взаимодействие и взаимовлияние земледельческой культуры адыгов и русских

9.2.4.1. «Фундаментальные приемы в сельском хозяйстве горцам известны лучше, чем могут знать это новые поселенцы»

Фундаментальные приемы в сельском хозяйстве, каковы, например: вспашка земли, пора посева и уборки хлебов, истребление сорных трав, средство защищать посевы от вредных животных, горцам были известны лучше, чем могут знать это новые поселенцы...

И. Серебряков (1867).

Живя долгое время в одних и тех же местах и обрабатывая с незапамятных времен одну и ту же землю, они (горцы-адыги), с учетом векового опыта, не могли не научиться лучшим приемам обработки и примениться к требованиям местных условий, – отмечает И. Серебряков (1867). Нет никакого сомнения и в том, что *фундаментальные приемы в сельском хозяйстве, каковы, например: вспашка земли, пора посева и уборки хлебов, истребление сорных трав, средство защищать посевы от вредных животных, горцам были известны лучше, чем могут знать это новые поселенцы*, ибо, испытывая различные неудачи со времени водворения своего, они не могли наконец не остановиться на тех приемах, которые давали лучшие результаты.

Казакам-колонистам было затруднительно, при неимении данных о местном климате, угадать лучшую пору вспашки земли и посева хлебов, от которой зависит весь успех земледелия, а между тем нельзя отвергать, что *горцы достигли известной степени ловкости в назначении этой поры*, то же самое можно сказать и о множестве других приемов по части хлебопашества, скотоводства и домашней гигиены. Важно было иметь также сведения о породах семян возделываемых растений и знать какие из них сеялись в горах и какие на равнине. К сожалению, нет возможности собрать обо всем этом положительные сведения, потому что *горцы, населявшие описываемую местность, ушли все, до последнего человека в Турцию* (имеются в виду племена Черноморского побережья Кавказа. – Авт.), не оставив памяти об устройстве своего сельского быта, в той подробности, как этого требует интерес нового населения. Поэтому о хозяйстве их можно судить лишь по земледельческим орудиям, находимым в оставленных аулах, по пашням и садам, родам возделываемых растений, найденных новыми поселенцами по уходу горцев, по устройству помещений для домашнего животного и для склада земледельческих продуктов и вообще по вещам, относящимся до домашнего их быта (Серебряков И., 1867).

9.2.4.2. Генерал Гейман: «Приселить к горным казачьим станицам черкесских семейств, способных передать свой опыт работы на земле»

Прибывшие из великорусских губерний перенимают у горцев это средство (т. е. систему земледелия), как уже испытанное и как бы необходимое.

ЦНИАЛ, ф.866, ед.хр.54 (1871)

Приселить к горным казачьим станицам из аулов бжедуховских и по Лабе черкесских семейств, способных передать свой опыт работы на земле. Эта мера является необходимой даже для станиц на плоскости...

В.А. Гейман, генерал-лейтенант (1866).

Казачий историк и просветитель И.Д. Попко (1810-1893) был одним из немногих, кто сумел дать объективную оценку познаниям и умению адыгов работать на земле: «Кабардинцы – народ земледельческий и разумно ведущий земледелие, благодаря всесторонней наблюдательности ума: работают легким плугом, пахут мелко, тонкими пластами, с геометрической правильностью линий, зерно сеют близко к солнечному лучу и атмосферическому воздуху и редко испытывают неурожай» (Цит. по: Хотко С.Х., 2008).

О том, какими орудиями пахали в то время горцы, сообщает А.Н. Дьячков-Тарасов (1902): «Абадзехи пахали сохою (*«пхаашажи»*), в которую впрягалась только пара быков; соха имела одну ручку, лемех отворачивал землю в обе стороны. Глубоко подобный плуг (судя по всему, имеется в виду легкое горное пахотное орудие у адыгов. – **Авт.**) не забирал; но в этом и нужды не было: девственная почва Абадзехии очень редко давала неурожай». Здесь речь шла только о горных склонах. А тяжелый плуг использовался только на равнинных землях.

Дополняет информацию об использовании адыгами двух типов плугов, максимально оберегающих почву на горных склонах, И.Л.Серебряков (1867): «Землю горцы (т. е. адыги) вспахивали двумя орудиями, из которых одно, более тяжелое, имело все главные принадлежности плуга, а другое, легкое, было похоже на рало. Черкесский плуг сходствует с грузинским с той только разницей, что первый без передка, имеет прямое дышло и несравненно меньше и легче последнего (т. е. грузинского). Самая большая ширина лемеха черкесского плуга – 4 вершка (18 см), длина режущей части ножа – 3 вершка (13 см), отвал прямой, деревянный; длина всего плуга 4 аршина (2,8 м), из которых 1 аршин (около 70 см) приходится на корпус плуга, а остальные – на дышло. Рало на 1 аршин длиннее последнего орудия и отличается от него отсутствием резца и отвала, а также большей легкостью. Все части орудия, как деревянные, так и железные, отделаны довольно тщательно, что служит доказательством особой заботливости туземцев об этих орудиях... Конструкция тяжелого черкесского плуга позволяет распахать землю не более как на 4 вершка (около 18 см) глубины; рало же (горное орудие) может поднимать землю только на 2,5 вершка (11 см)»

Говоря о приемах обработки земли и орудиях земледелия, такие специалисты как И.И. Герко, И.Л. Серебряков и другие настоятельно советовали казакам-колонистам следовать адыгскому опыту и ни в коем случае не подвергать почву глубокой плужной вспашке. Но советы эти усвоены не были. Отчасти это объясняется тем, что *поселенцы не имели возможности учиться у аборигенов, и, оказавшись в новых условиях, пытались внедрить на новые места свою, привычную в повседневной жизни методику возделывания земель.*

Показательно, что одним из первых мысль о необходимости учиться у черкесов высказал царский генерал-лейтенант В.А. Гейман. Он же руководил комиссией 1866 г., назначенной главнокомандующим Кавказской армией для выяснения причин бедственного состояния горных казачьих станиц Кубанской области. Комиссия пришла к заключению о необходимости «...*приселить к горным казачьим станицам из аулов бжедуховских и по Лабе черкесских семейств, способных передать свой опыт работы на земле.*» Эта мера, – указывает Гейман, – является необходимой даже для станиц на плоскости; если приселение горцев признано будет почему-либо неудобным, то не без пользы было бы разрешение им запахивать небольшие участки земли вблизи станиц...». Удивление и раздражение – вот основные чувства, сопутствовавшие отчетам высшего кавказского начальства на протяжении полувека по поводу того, что русские поселенцы бедствовали там, где до того процветало земледелие, садоводство, скотоводство, пчеловодство.

Одной из наиболее существенных черт адыгской агрикультуры является террасирование. Вопрос о применении искусственных террас в Черкесии нашел всестороннее освещение в монографии М.В. Кантария (1989): «Используя для нужд земледелия нередко крутые склоны гор, адыги прибегали к их искусственному террасированию, укрепляя склоны при помощи каменных стен. Участки террасного земледелия встречались в горах Черкесии повсюду. В частности, их отмечает в своем отчете комиссия Хатисова и Ротиньянца: «На склонах (ущелья р. Хакучипс, притока Псезуапс с правой стороны. – **Авт.**) очень много хлебоборodных участков... Поля эти находились на самых неприступных местах, которые с первого раза могут показаться совершенно невозможными для культуры. Нахождение хозяйственных посевов на подобных крутизнах заставляло нас верить рассказам многих бывавших здесь прежде офицеров, сообщавших нам, что горы эти когда-то сверху донизу были покрыты прекрасными полями, и что горцы всегда имели большой запас хлебов».

9.2.4.3. «Переселенцы... стали присматриваться к местным народам, у которых, земледелие было поставлено удивительно хорошо»

Переселенцы, усомнившись в своих традиционных методах земледелия, стали присматриваться к местным народам, у которых, «оно было поставлено удивительно хорошо».

Р.Н. Дзагов (2006).

Придя на вновь приобретенные земли, колонисты – казаки и крестьяне из центральных губерний России – столкнулись с совершенно новыми для них природными условиями, которые во многом затрудняли ведение сельского хозяйства. Действуя «методом проб и ошибок», они зачастую не могли даже обеспечить себя продуктами питания и вынуждены были обратиться к опыту аборигенов Северо-Западного Кавказа – адыгам. Историк Р.Н. Дзагов (2006. Вып. III) следующим образом освещает эту проблему: «Переселенцы, прибыв на новые места, в новых природных и социальных условиях поначалу старались сохранить характерные для них традиции и обычаи в ведении хозяйства. Традиционно главным занятием восточных славян было земледелие. А природные условия и плодородная почва Северного Кавказа благоприятствовали развитию этой отрасли. Однако русские пытались использовать трудовые навыки и агротехнические приемы, выработанные веками в центральных районах России, которые часто не соответствовали новым климатическим, почвенным и другим природным условиям. Неподходящими нередко оказывались и привычные орудия производства, календарь полевых работ и многое другое».

Об этом же пишет Т.П. Казначеева (1993): «Первые переселенцы в полной мере испытали тяготы новой жизни, ломки старых, укоренившихся традиций ведения хозяйства. Но помощь пришла – *они познакомились с горской культурой, удивившей их своей экзотичностью, а затем поразившей глубокой целесообразностью и разумностью*».

Естественно, что каждый элемент национальной культуры наилучшим образом приспособлен к тем условиям, в которых живет народ. А отмеченная многими путешественниками и исследователями особая система земледелия горцев с оригинальными способами обработки почвы, уборки хлеба, хранения зерна и т. д. сформировалась на основе продуманного отбора на протяжении многовекового общения с родной природой наиболее рациональных способов хлебопашества.

Переселенцы, усомнившись в своих традиционных методах земледелия, *стали присматриваться к местным народам, у которых, «оно было поставлено удивительно хорошо».* Таким образом налаживаются межэтнические коммуникации, происходит процесс взаимообогащения культур многонационального населения Черкесии (Дзагов Р.Н., 2006. Вып. III).

Представляет интерес сообщение Е Максимова (1893): «Своею хозяйственностью гребенцы (т. е. казаки Гребенского казачьего войска в низовьях Терека. – Авт.) в значительной мере обязаны женам-туземкам, вносившим и поддерживающим земледельческие занятия у казаков. Культура марены, шелководство, виноградарство, а отчасти и посев кукурузы указывают, что гребенское казачье население заимствовало как сами виды сельскохозяйственной производительности, так и технику их от туземных племен, с которыми так долго жили в дружбе...».

9.2.4.4. «Два почетные абадзеха, бывшие хорошими хозяевами, дают советы на счет хлебопашества в здешних местах»

Совет абадзехов – весьма разумный и, видимо, основан на опыте, но жаль, что он остался только советом, но не делом.

И. Герко (1869).

Казакам и иногородним, переселившимся на Кубань в основной их средней полосы России, зачастую приходилось учиться «правильному» ведению сельского хозяйства у немногочисленных местных жителей, оставшихся после Кавказской войны на родине. Так, командир Псекупского полка, видя у станичников неправильное ведение хлебопашества, дал по полку приказ такого содержания: «Два почетные абадзеха, жившие много лет здесь на Псекупсе, один Ходзун Чемиче 56-ти, а другой Кой-Жау 45-ти лет, бывшие хорошими хозяевами, вот какие дают советы на счет хлебопашества в здешних местах:

Пахать надобно легким плугом и не глубоко. Вспахав один раз, следует сождать (подождать) неделю и потом сделать перепашку впоперек, стараясь как можно вспушить землю, чтобы не было крупных комьев. Здесь земля скоро твердеет, и если только один раз поле не было пахано, то уж делается новой или целиной. После первой распашки такой твердой земли следует посеять такой хлеб, который имеет большой корень, а именно просо или кукурузу, и только уж на другой год, сделав новую распашку, можно сеять рожь или пшеницу. Скаты гор под пашни надо выбирать обращенные к солнцу, на юг, чтобы они были под солнечными лучами. Когда хлеб взойдет, надо его полоть, чтобы не заросло поле травой. Озимые хлеба сеять в сентябре, а яровые в апреле, когда уже появится подножный корм. Кто так будет работать, у того никогда неурожая не будет».

Совет абадзехов, – пишет И. Герко (1869), – весьма разумный и, видимо, основан на опыте, но жаль, что он остался только советом, но не делом».

9.2.4.5. К вопросу о влиянии русской земледельческой культуры на развитие земледелия местного населения

Первые переселенцы... познакомились с горской культурой, удивившей их своей экзотичностью, а затем поразившей глубокой целесообразностью и разумностью.

Т.П. Казначеева (1993).

В своей статье «Взаимовлияние культур переселенцев и местного населения Кабарды в области земледелия в XIX – начале XX в.» историк Р.Н. Дзагов (2006) отмечает, что «большинство исследователей, затрагивавших проблему взаимодействия народов Кабарды в сельском хозяйстве, в угоду господствовавшей идеологии (!) не вполне обосновано и однозначно констатировали благотворное влияние русской земледельческой культуры на развитие земледелия местного населения. В частности, Т.Х. Кумыков пишет, что кабардинцы заимствовали от русских переселенцев более совершенные приемы полеводства, стали применять не известные им ранее озимые посевы, начали возделывать в больших масштабах почти не знакомые им прежде – пшеницу, кукурузу. Семена же для посева они покупали или получали в подарок от русских крестьян. М.С. Тотоев также отмечает, что кабардинцы, осетины и другие народы Северного Кавказа перенимали от русских переселенцев многие овощные культуры, в частности: капусту, огурцы, помидоры, редьку и картофель. Современники отмечали, – пишет А.В. Фадеев, – что «кабардинцы начали приметно более заниматься хлебопашеством» с 30-х гг. XIX в., и что они стали сеять пшеницу вместо одного проса, и «вообще хозяйство кабардинцев стало приближаться к русскому» (Дзагов Р.Н., 2006. Вып. III).

Завершая тему колонизации, кстати, во многом неудачной, плодородных («хлебобородных») черкесских земель, хотелось бы привести довольно-таки сомнительное утверждение еще одного дореволюционного автора. Осматривая разрушенные горские аулы в районе р. Дагомыс, Ф.И. Гейдук пишет: «Развалины и остатки эти, окруженные дикой растительностью и вековыми деревьями, наводили на меня странное, нередко даже несколько грустное настроение. В такие минуты я не мог удержаться от сожаления о людях, религиозный фанатизм (!) которых заставил покинуть родимый очаг и любимые горы. Судьба народов однако же, подумал я потом, предначертана Всемогущим. Эти народы, отжив свой век, оказались неспособными (!) к высшему умственному развитию и к восприятию новейшей цивилизации, и поэтому они должны были уступить свое место элементу, назначенному провидением перенести европейскую культуру в Азию – элементу славянскому (Гейдук Ф.И., 1871).

О том, каким же образом царские колонизаторы оказались, в отличие от горских народов, «способными к высшему умственному развитию и к восприятию новейшей цивилизации», думается, читатель уже получил представление из предыдущих разделов настоящей книги...

9.3. «Кем заселить эту страну?»: соотношение адыгов и русских в пореформенный период

И пришли сии, и перебили кочующих и оседлых, которые там находились, и истребили их навсегда, и поселились на месте их; ибо там были пастбища для стад их...

1-я книга Паралипоменон (4;41).

Переселение черкесов, без всякого сомнения, не временное, а безвозвратное. Обстоятельство это ставит на очередь вопрос: кем заселить эту страну, навсегда покинутую ее обитателями?...

«Тифлисский вестник» (1877, 27 сент.).

С окончанием кровопролитной Кавказской войны, поставившей адыгский этнос на грань исчезновения, перед военными и гражданскими властями вплотную встал вопрос: каким образом и кем заселить эту «освободившуюся» территорию? С этой точки зрения представляет интерес мнение царского полковника И. Дукмасова (1887): «Мы должны прийти безусловно к единственно возможному для нас заключению: заселить Западный Кавказ в возможно скорейшее время, чтобы край этот не одичал окончательно; но *это заселение должно сделать посредством русских народных сил с топором, лопатой и винтовкой в руках*, как это и делалось казаками на реках Тереке и Кубани на наших еще глазах. Вот какое заселение прежде всего нужно Западному Кавказу...». К чему привело такое заселение «с топором, лопатой и винтовкой в руках», хорошо видно из предыдущих разделов.

Ответ на вопрос, кем же заселить Черкессию, дал император Александр II в своем рескрипте к генералу Евдокимову еще в 1861 г.: «*Вытеснить горцев с занимаемых ими плодородных земель и навсегда водворить на сих последних русское христианское население*» (выделено нами. – Авт.). Интересы же адыгов при этом, разумеется, совершенно не учитывались. Как отмечал английский посол в Константинополе в своем письме лорду Расселу (1864), «...теперь русское правительство забрало себе территорию этого храброго и

преданного своей родине народа, который больше своей страны ценил только одно – свободу, или, по крайней мере, жизнь не под властью чужеземного врага».

Начиная с середины XIX в., в результате колониальной политики русского царизма, происходило постоянное неуклонное сокращение территории, населенной адыгами. Одновременно происходило и сокращение численности адыгского населения, при ускоренном росте русскоязычного. Если в начале XIX столетия наблюдалось явное преобладание адыгов в структуре населения Закубанья, то после массового выселения горцев в Турцию и окончательного завоевания Черкесии устанавливается численное преобладание русскоязычного населения. Н. Башенев отмечал, что «...за главными силами русских войск тянулись бесчисленные переселенческие транспорты, которые водворялись на местах, прежде принадлежащих горцам, чтобы лишить последних возможности возвратиться обратно». При этом сами горцы хорошо понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием ее, т. е. заселением. Они говорили: «Укрепление (крепость) – это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица же – это растение, которое впирается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле».

Еще задолго до окончания Кавказской войны, на постепенно «освобождающихся» адыгских землях стали, как грибы, расти казачьи станицы и хутора. Архивные фонды подтверждают, что в 1839 г. в Кубанской области было 1954 хуторов, в 1845 г. – 2694, в 1855 г. – 3113, а к 1860 г. число казачьих хуторов достигло 3395. В 1861-1862 гг. стало заселяться русскими пространство восточнее р. Белой. В это время у дымящихся пепелищ адыгских аулов были основаны 37 первых казачьих станиц с 6000 переселенцев. В 1863-1864 гг. в Закубанье возникло еще 74 станицы и 3 поселка, в которых было «водворено 8000 семейств». К концу 1864 г. в новых казачьих станицах проживало уже 103 700 чел., не считая стоящих на Кубани многочисленных войсковых частей. Как говорится в Книге пророка Неемии, 9; 25, «...и заняли они тучную землю, и взяли во владение дома, наполненные всяким добром. Они ели, насыщались, тучнели и наслаждались».

По данным монографии «Черкесия в XIX в.», в конце 60-х гг. XIX в. русскоязычное население Черкесии, за вычетом станиц правобережья Кубани, насчитывало 136 932 чел., а адыгское – 45 119 чел. (по другим источникам – вдвое больше). С 80-х гг. в аграрном переселенческом движении наступает качественно новый этап, когда, по словам Д. Исмаила-Заде, «...огромная масса крестьян из обнищавших внутренних губерний России, спасавшихся от растущего малоземелья, устремилась сюда».

И действительно, после отмены крепостного права в Кубанскую область прибыло русских переселенцев из центральных областей Российской империи в 6 раз больше, чем за весь дореформенный период. К 1897 г. русских в Кубанской области насчитывалось уже 1 976 400 чел. (по Б.М. Джимову – около

2 500 000 чел., т. е. увеличилось в 14 раз (!). В то же время в работе «История народов Северного Кавказа» (1988) приводятся несколько более «скромные» цифры темпов прироста русскоязычного населения Северо-Западного и Центрального Кавказа за этот период (табл. 24):

Таблица 24 – Рост населения Кубани и Ставрополя за период 1867–1897 гг., чел.

Губерния, область	Год		Увеличение,	
	1867	1897	чел.	%
Кубанская область	600 000	1 976 400	1 376 400	229,4
Ставропольская губ.	341 400	873 300	531 900	155,8

Различные исследователи по-разному оценивают национальный состав Северо-Западного Кавказа в конце XIX столетия. В частности, в работе П.П. Надеждина (1895) приводятся следующие сведения о народностях, проживавших в Кубанской области (табл. 25):

Таблица 25 – Распределение населения Кубанской области по народностям. 1890–1892 гг.

Народности	Кубанская область	Черноморский округ	Всего в Кавказском крае
Русские	1 262 000	8 060	2 329 095
Черкесы	105 000	1 200	106 200
Кабардинцы	12 000	–	82 185
Абазинцы	10 000	–	10 000
Карачаевцы	20 000	–	20 000
Армяне	44 385	2 500	1 016 153
Латыши	10 000	–	10 000
Немцы	7 759	500	33 398
Евреи	5 652	23	49 502
Греки	200	–	57 486
Молдаване	–	1 000	1 070
Эстонцы	–	300	2 082

В работе «Черкесия в XIX в.» (1991) указывается, что население этого региона на 1897 г. представлено было следующими категориями: иногородние 51,9 %, казаки 41,2, коренное население 2,8, «неучтенный элемент» 4,1 %. Таким образом, адыги (коренное население) составляли всего 2,8 % населения области. Но в этой же работе, правда, на другой странице отмечается, что «горцы составляли 4,7 % всего населения Кубанской области». Близкая к последней цифра (5,4 %) приводится и в других работах со следующей расшифровкой: черкесы (38 500 чел.), адыгейцы (21 300 чел.).

В своих расчетах авторы неизменно ссылаются на результаты Всероссийской переписи 1897 г., по которой в Кубанской области насчитывалось 41 631 чел. коренного населения, а также 1 938 шапсугов, проживавших в Черноморском округе между Туапсе и Сочи. Вообще-то особо полагаться на данные этой переписи не следовало бы, поскольку анкеты не выделяли именно коренное адыгское население, ограничиваясь неопределенным понятием «горцы», куда входили и ногайцы, и татары, и карачаевцы, и абхазцы, проживавшие в Кубанской области. Более того, эта перепись по ряду причин не учла 5 % населения, за счет чего из итоговых цифр «выпало» примерно 12 315 горцев. Тем не менее, одно можно твердо сказать: «пик» колонизации Кубани достиг максимума к концу XIX в.; при этом доля «пришельцев» увеличилась до 95 % от всего населения области, а коренного населения – адыгов, соответственно, уменьшилась до 5 %. Эта диспропорция углублялась практически до 1917 г. Поистине, «...пришелец, который среди тебя, будет возвышаться над тобою выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Будешь служить врагу твоему в голоде, и жажде, и наготы, и во всяком недостатке; он возложит на шею твою железное ярмо, так что измучит тебя» (Второзаконие, 28; 43,44,48).

9.4. Судьба абазин в середине-конце XIX в.

Абазины, малочисленное племя, в сущности, те же абхазцы, которые покинули родину вследствие внутренних раздоров, ссор и кровомщений и, перевалившись через Кавказский хребет, поселились среди закубанских черкесов...

В.А. Потто (1885).

Большинство абазинских племен «растворились» среди кабардинцев и других адыгских племен...

Х. Яхтанигов (1984).

Как было отмечено ранее, абазины (абаза, абдзах) – ближайшие «родственники» адыгов. Даже сегодня многие абазины, живущие в Адыгее и Карачаево-Черкесии, свободно говорят и по-абазински, и по-адыгейски. Эту мысль особо подчеркивает И.Х.Калмыков: «Несмотря на то, что абазины имели и имеют свое самоназвание, они продолжают себя относить к адыгам. Современный абазин, чтобы узнать у своего собеседника его национальность, обычно спрашивает: «Уадыгъума?» («Ты адыг?»). По Ф. Леонтовичу, и адыги, и абхазы, и абазины имели одного и того же общего родоначальника – Инала. Переселившись в эпоху средневековья с Черноморского побережья Кавказа, абазины «влились во многие адыгские племена, от черноморских шапсугов до кабардинцев, постепенно растворившись в них». Масштабы переселения абазин, в частности, в Кабарду изменялись от года к году: от отдельных лиц, семей до целых аулов. Например, в 1828 г. кабардинский князь Мисост Атажукин подарил отцу абазинского владельца Кучука Лафишева участок на правом берегу р. Малки, где тот и поселился со всем своим аулом.

Сохранились многочисленные документы, подтверждающие, что абазины переселились на Северный Кавказ «с предварительного согласия кабардинцев, которые уступили им часть своих земель». Так, по данным Ш.Д. Инал-ипа, абазинские (тапантские) князья платили дань кабардинским: дударуковцы, клычевцы и кячевцы – Атажукиным; бибердовцы и часть лоовцев – Жамбулатовым; другая часть лоовцев и джантемировцы – Мисостовым и т. д. В условиях таких близких территориальных, социально-политических и родственных связей происходил постепенный процесс ассимиляции части абазин со стороны кабардинцев.

Барон К.Ф. Сталь (1849), характеризуя племенной состав кубанских черкесов в начале XIX в., писал: «К народам черкесского происхождения, обитающим в районе Правого фланга Кавказской линии (нынешней Кубанской области), принадлежат... *Абазины* (Басхаги или Алты-Кисек, т. е. «шестиродные») – происхождения цебельдинского, выходцы из Абхазии. Они подразделяются на восемь отдельных частей, или обществ: 1) кумские (или верхнекумские) абазинцы, по месту жительства подчиненные Управлению Центра Кавказской линии, 2) кубанские абазинцы, 3) башильбаевцы, 4) ташевцы, 5) шагиреевцы, 6) кизильбековцы, 7) баговцы и 8) баракаевцы.

Кумские абазинцы живут в 4 аулах на верхней Куме и Подкумке, в числе 2550 душ обоего пола. Важнейшие фамилии этого народа: Абуко, Жантемир, Трам и Лоов. *Кубанские абазинцы* живут на левом берегу Кубани, в числе 536 дворов, до 4 тыс. душ обоего пола; их главные фамилии: Лоов, Дударуко, Клыч, Биберд, Исмаил, Траш. *Башильбаевцы* — абазинского происхождения, живут в 327 дворах, до 2700 душ обоего пола. *Ташевцы*, в числе 511 дворов, управляются старшинами из дома Зурумовых и Лаховых. *Шагиреевцы* живут в 4 аулах, 110 дворов. *Кизильбековцы* — 8 аулов, 170 дворов, управляются, как и остальные общества, своими старшинами, но признают своим главою Ярика Султана; живут в ущельях и неприступных местах. *Баговцы* – 205 дворов. *Баракаевцы* – 180 дворов. Всех абазинцев – 14 тыс. душ обоего пола («Кавказ. Алаты горских народов...». Вып. IV. 2010).

Большие изменения в расселении абазин произошли в ходе Кавказской войны. До начала военных действий они населяли самую возвышенную полосу северного склона Главного Кавказского хребта, между верховьями Кумы и Подкумка; на левом берегу Кубани и у истоков рек Лабы, Ходзь и Губс. К 1866 г. многие семьи абазин-шкаровцев (шкарауовцев) оказались разбросанными по адыгским селам. В а. Ульском проживали,

Абазинки Бибердовского аула.
Кубанская область. 1887 г.

например, 27 семей кизилбековцев, 21 – баракаевцев, 11 – шах-гиреевцев, 7 семей башильбаевцев. В аулах Майкопского уезда в 1883 г. насчитывалось 119 семей абазин-шкаровцев. Шло быстрое разрушение родоплеменных связей. Например, по сведениям Статистического комитета, в 1877 г. в Кубанской области «из 85 аулов не было ни одного, населенного одним племенем. В а. Кошехабль из 1485 жителей было: кабардинцев 933, абадзехов 181, бесленеевцев 115, ногойцев 27, махошевцев 8, шапсугов 5. Абазин же в этом ауле было 216».

По свидетельству Х. Яхтанигова, и ныне в Кабарде встречаются следующие фамилии явно абхазо-абазинского происхождения: Абазовы, Абазоковы, Баговы, Борукаевы, Говы, Жантемировы, Клычевы, Локовы, Маршанок, Мидовы, Трамовы, Шадзовы, Шачевы, Шикхаро. Единичных представителей потомков абазин и абхазов можно обнаружить сейчас практически в каждом ауле Адыгеи, Черкесии и Кабарды.

В настоящее время абазин – один из основных народов Карачаево-Черкесской Республики; зоной их компактного проживания являются 15 аулов и сел: аулы Псыж, Кара-Даго, Кубина, Эльбурган, Инжич-Чкун и др. Абазин проживают также в Кабардино-Балкарии, Республике Адыгея, Краснодарском крае, где преимущественно рассеяны по верховьям рек Кубани, Большого и Малого Зеленчука. Проживают они и в

ряде других регионов РФ, в том числе в Москве, где имеется немногочисленная абазинская община. Диаспорные группы абазин совместно с адыгами проживают в Турции и в других странах Ближнего Востока.

Демографическое развитие абазин в РФ (СССР), по данным последних переписей, выглядит следующим образом: 1926 г. – 13 825 чел., 1959 г. – 18 159, 1970 г. – 22 896, 1979 г. – 24 245, 1989 г. – 27 475, 2002 г. – 38 000 чел. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 532).

9.5. «Отомстить туркам...»: участие адыгов в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

9.5.1. Примеры боевого содружества горцев Северного Кавказа с русским народом

Те, которые творят дурное, получают в воздаяние только то, что делали...

Коран. Сура 28; 84.

В 70-х гг. XIX в. отмечается подъем национально-освободительной борьбы балканских народов, направленной на свержение многовекового турецко-османского ига. Борьба славянских народов за свое освобождение вызвала небывалое в истории России общественное движение в их поддержку. Попытки урегулировать конфликт мирным путем не увенчались успехом, и в апреле 1877 г. началась новая русско-турецкая война. Рабочие, крестьяне, все передовые люди России воспринимали эту войну как освободительную, как шаг к избавлению братьев-славян от игоземного ига. Действия русских войск были успешными не только на Балканах, но и в Закавказье, где была освобождена значительная территория Турецкой Армении, взяты Карс и Адрианополь, очищена от турок Абхазия.

История войны 1877-1878 гг. изобилует фактами, свидетельствующими об укреплении боевого содружества горцев Северного Кавказа с русским народом. Адыги не случайно пришли на помощь России. Дело в том, что муки и лишения, перенесенные в свое время горцами-переселенцами в Турецкой империи, разумеется, стали известными оставшимся на Северо-Западном Кавказе и вызвали резкое негодование против Турции. Особенно оно проявилось в войне 1877-1878 гг., во время которой, как считает М.В. Покровский, «многие адыги стремились отомстить туркам за гибель на чужбине родных и близких, сражаясь в рядах русской армии». (Как говорит народная мудрость, «постучит беда в окошко, – подружится и собака с кошкой»).

С началом войны турецкое правительство направило на Северо-Западный Кавказ своих агентов, призывавших адыгов к восстанию против России, но их не только не слушали, но изгоняли из аулов или же арестовывали сами горцы.

Представители северокавказских народов участвовали во всех сражениях как на Балканском, так и на Кавказском театре войны. Когда из пределов Кубанской области была предпринята военная экспедиция в Абхазию против турецких войск, то участвовавшие в ней адыги проявили себя так, что «...всякое недоверие к ним должно бы исчезнуть». Особенно в войне с османами на малоазиатском театре военных действий отличились Горско-Моздокский, а также Кабардино-Кумыкский конный полк, состоящий из 400 кабардинцев, 100 кумыков и 100 салатавцев. Последний представлял собой, как утверждали очевидцы, такую кавалерийскую часть,

какой можно было бы «...щегольнуть в любой европейской армии». Этим конным полком командовал в те годы малокабардинский князь, подполковник русской службы Кази Шолохович Ахлов, награжденный за свое мужество многими воинскими знаками отличия. В сражениях с турками принимали участие также Кубаногорская (адыгейская) и Черноморская горская (адыгейская) иррегулярные сотни. Неувядаемой славой покрыли себя адыги в боях за Карс; многие из них были награждены орденами и Георгиевскими крестами за храбрость. И дело, конечно, заключалось не в какой-то мифической «преданности» адыгов царскому режиму, который основная масса горцев ненавидела, а в братской помощи их в трудную минуту русскому народу.

9.5.2. «Адыги-махаджиры воевали в этой войне и на стороне Турции, и воевали неплохо»

Однако освещение этой темы было бы неполным и односторонним, если бы мы ограничились лишь оценкой участия адыгов в войне *на стороне Российской империи*. Но ведь адыги-махаджиры воевали в этой войне и *на стороне Турции*, и воевали неплохо. Правда, современные историки сознательно «сглаживают» этот «неудобный» вопрос, например, такими словами: «Большинство черкесов-махаджиров, завербованных в свое время в Османскую империю и высадившихся в составе турецких войск в Сухуми, сразу же вступило в контакт с русским военным командованием, обещаясь немедленно сложить оружие при условии разрешения остаться на Родине...». Были, конечно, и такие случаи. Но, наряду с этим, сохранились многочисленные факты, подтверждающие героизм и храбрость черкесов-махаджиров, воевавших на стороне Турции.

9.5.2.1. «Войну... черкесы-махаджиры приветствовали, в надежде, что в случае победы Турции они смогут вернуться на Кавказ»

*Когда изострю сверкающий меч Мой, то отомщу
врагам Моим, и ненавидящим Меня воздам...*

Второзаконие (32; 41).

Начавшуюся войну 1877-1878 гг. черкесы (махаджиры. – Авт.) приветствовали, в надежде, что в случае победы Турции они смогут вернуться на Кавказ.

А.Х. Касумов и Х.А. Касумов (1992).

По Н. Бэрэджу, на Балканах, где происходили основные сражения, черкесские поселенцы стали одним из главных факторов войны – предназначенная им роль «буфера» вынудила их всех взять оружие. В составе турецкого десанта в Абхазию было отправлено подразделение под командованием Чачба Хасана и Маан Камлата, состоящее из адыгов, убыхов и абхазов, расселенных в районе Мраморного моря. Командующим пехотной дивизии на Карском фронте был генерал Быжнау Мухлис-паша. В его подчинении были добровольцы из адыгов и абхазов. Единственный кавалерийский полк, который находился в районе Карса, был полностью сформирован из черкесов, осевших в вилайетах Самсун, Сивас и Токат. Командовал им Кундух Муса-паша (Муса Кундуков). Как отмечают А.Х. Касумов и Х.А. Касумов, *начавшуюся войну 1877-1878 гг. черкесы (махаджиры. – Авт.) приветствовали, в надежде, что в случае победы Турции они смогут вернуться на Кавказ.*

Сформированные черкесские отряды приняли активное участие не только на Кавказском, но и на Балканском фронте, в частности, в боях за Шипский перевал, в обороне городов Ловеч, Бяла, Стара-Загара и др. Один из последних черкесских предводителей времен освободительной Кавказской войны Берзег Хаджи Герандук в возрасте более 100 лет командовал на Балканах адыго-абхазско-убыхским кавалерийским отрядом. В составе османских войск на Балканах принимали участие черкесские военачальники: маршал Моджан Рауф-паша (по окончании войны – главнокомандующий турецкой армией); Дагестанлы Мирлива Мехмет Мухлис-паша – командующий кавалерией на Балканском фронте; Черкес Ибрагим-паша – командующий добровольческими конными подразделениями; полковник Садетин-бей, полковник Дели Хусреубей; Дилавер Карзег-паша – адмирал Дунайской морской флотилии; Ферик Туга Фуат-паша, получивший после войны звание маршала и должность заместителя главнокомандующего армии Османской империи.

9.5.2.2. «В составе армии Мухтара-паши действовали отдельные иррегулярные полки черкесской кавалерии»

Черкесские кавалерийские отряды принимали активное участие в боях с царскими войсками на Мало-азиатском фронте и отличились в боях под Карсом.

А.В. Кушхабиев (2007).

К 70-м гг. XIX в. численность черкесов-махаджиров на Балканах достигла 600 тыс. чел. Расселение черкесов на Балканах предопределило их участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Для черкесов-изгнанников русско-турецкая война стала продолжением вековой войны с Российской империей. Черкесская

конница, согласно данным русской разведки, исчислялась следующими цифрами: в Западной Болгарии – 9250 сабель; в Восточной Болгарии – 5000 сабель; в Бабадагской области – 1800. Итого 16 000 черкесских всадников, что в два с лишним раза превышало численность турецкой кавалерии – 7300 всадников. В командном составе черкесы были представлены по меньшей мере двумя десятками генералов, в том числе и самим главнокомандующим и военным министром Реуф-пашой (Хотко С.Х. 2007. С. 314-319).

Особенно массовым, – отмечает А.В. Кушхабиев (2007), – было участие черкесских иммигрантов в боевых действиях на Балканском фронте в составе регулярной армии и иррегулярной кавалерии. Отряды черкесской иррегулярной кавалерии были привлечены к подавлению восстаний на Балканах еще в 1867, 1868 и 1876 гг. Османское командование использовало черкесские отряды наряду с отрядами башибузуков в борьбе с партизанскими отрядами в привычной для черкесов горной местности. Известно, что отряд лидера болгарского освободительного движения Христо Ботева был разбит черкесским отрядом в мае 1876 г.

Довольно сложно установить численность черкесских воинов, принимавших участие в боевых действиях на Балканском фронте в 1877–1878 гг. Расселившиеся там черкесы восприняли войну как оборонную, как защиту своих семей от наступающих частей российской армии, как выполнение долга перед султаном, в связи с чем к османским войскам примкнула практически вся боеспособная часть черкесского населения. В ряде районов черкесы заявляли, что не покинут Балканы и требовали от османского командования раздачи оружия. А.В. Кушхабиев (2007) отмечает, что на Азиатском фронте в составе Анатолийской армии Мухтара-паши действовали отдельные иррегулярные полки черкесской кавалерии. По данным османских источников, из северокавказских иммигрантов, расселившихся в районах Азизие, Сиваса и Джаника, были сформированы три кавалерийские бригады по 1000 чел. в каждой. Первой бригадой, состоявшей из 6 эскадронов, командовал генерал Мустафа-паша; второй, состоявшей также из 6 эскадронов, — генерал Муса Кундух, в прошлом офицер российской службы; третьей, состоявшей из 10 эскадронов, — генерал Гази Мухаммед-паша – сын Шамиля. Черкесские кавалерийские отряды принимали активное участие в боях с царскими войсками на Малоазиатском фронте и отличились в боях под Карсом (Максидов А.А., 2003).

Отряды черкесских и абхазских иммигрантов участвовали также в боях на Западном Кавказе и в Абхазии весной и летом 1877 г. Османский десант состоял почти исключительно из абхазов, убыхов, садзов и адыгов. В начале мая 1877 г. к Черноморскому побережью Кавказа было направлено 5 османских транспортных фрегатов с целью доставки 10-тысячного десанта под командованием Фазли-паши. Значительная часть этого десанта состояла из черкесских и абхазских иммигрантов. Туда же османское командование планировало перебросить еще 5-тысячный черкесский отряд, выступивший из Батума и других пунктов. Отдельными подразделениями этого десанта командовали абхазские князья полковник Камлат Маан и полковник Хасан Чачба. Османская эскадра производила обстрелы российских береговых укреплений и населенных пунктов, высаживала отряды, вступавшие в бой с царскими войсками, а также пыталась взволновать местное абхазское и черкесское население (Максидов А.А., 2003).

9.5.2.3. «Регулярные турецкие войска, сильно деморализованные, возлагают свою надежду на поддержку черкесов...»

Мирлива Дилавер-паша (шапсуг) с 50 всадниками в ходе разведки в местечке Мачка столкнулся с противником, силами в четыре батальона пехоты и два кавалерийских эскадрона. В ходе боя враг потерял 200 чел. убитыми.

Из рапорта Мехмет Али-паши султану (1877).

Источники подтверждают, что Османская империя вела русско-турецкую войну 1877–1878 гг. во многом силами черкесов. «Черкесские полки были повсюду на линии огня. Они мужественно сражались, но дорого заплатили за свою победу. Часто из десяти мобилизованных возвращался лишь один», – отмечает Ж. Дюмезиль. А вот сведения из переписки турецких генералов: «Черкесские добровольцы здесь уже пять-шесть раз спасали жизнь нашим солдатам. Да будет Аллах всегда благосклонен к ним!»; «Кавалерийское сражение продолжалось около трех часов. Неудержимая атака черкесских всадников заставила отступить кавалеристов противника»; «Во вчерашнем кавалерийском сражении опять отличились черкесы. Мужество и стойкость черкесских всадников достойны того, чтобы украсить страницы истории. Черкесские махаджеры с давних пор известны своим патриотизмом и сегодня они еще раз доказали это. Мы были свидетелями их необыкновенного мужества, о чем и доносим до вашего сведения».

Русские генералы тоже отмечали заслуги черкесов в этой войне: «По сведениям, полученным от болгар, в Рушук насчитывают до 27 тысяч регулярных турецких войск, сильно деморализованных и возлагающих свою надежду на поддержку черкесов». В районе Рушук, как и везде в Болгарии, только кавказцы могли адекватно противостоять русским. Они вели наступательные действия, практически не получая помощи от регулярной турецкой армии. Так, Мехмет Али-паша рапортовал султану: «Мирлива Дилавер-паша (шапсуг) с 50 всадниками в ходе разведки в местечке Мачка столкнулся с противником, силами в четыре батальона пехоты и два кавалерийских эскадрона. В ходе боя враг потерял 200 чел. убитыми» (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

9.5.2.4. «Правление Абдул-Хамида II стало периодом наивысшего военно-политического могущества черкесов»

О значении черкесского фактора в этой войне (1877-1878 гг.) свидетельствует большое число офицеров-черкесов, занимавших высшие посты в Османской империи.

А.А. Максидов (2003).

Правление Абдул-Хамида II (1876–1909), как отмечает А.А. Максидов (2003), стало периодом наивысшего военно-политического могущества черкесов. Этот взлет стал возможен ввиду активного участия черкесов в последней Русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

О значении черкесского фактора в этой войне свидетельствует большое число офицеров-черкесов, занимавших высшие посты в Османской империи. Это командующий Западно-Дунайской армии маршал Осман-паша (командовал обороной Плевны); командующий Южной армии на Балканах генерал Сулейман-паша; маршал Моджан Рауф-паша (Реуф-паша), ставший после окончания войны главнокомандующим османской армии. В этой войне командовали войсками его отец Абли-паша и брат Дели Хосрев-паша. Черкес Осман-паша командовал 4-й дивизией Восточной армии. Отличился также адмирал Дунайской военной флотилии Дилавер Карзег-паша. Среди генералов черкесских кавалерийских корпусов был широко известен черкес Дилавер-паша. Восточную группировку (армию) возглавлял абхазский князь Сулейман-паша (Ча-чба). Комендантом Софии являлся черкес Хасан-паша. Отдельными черкесскими кавалерийскими отрядами командовали: Берзег Хаджи Герандук, известный еще на Кавказе убыхский лидер; полковники – Дели-Хусреу-бей, Садети-бей, Хаджи Мустафа-бей, Сулейман-бей, Рашид-бей, Хаджи Мурад-бей, Закария-бей и др. (Максидов А.А., 2003; Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 287).

Значительное число офицеров-черкесов получили высокие назначения в вооруженных силах и административных органах. Среди представителей черкесской диаспоры, находившихся на высоких постах в годы правления султана Абдул-Хамида II, можно отметить следующих: адъютанты султана генерал Ахмед-паша и генерал Якуб-паша; великий визир (в 1878-1879 гг.) Хайреддин ат-Туниси; министр полиции Назим-паша; министр тайной полиции Зия-бей; командующий четвертым корпусом, инициатор создания кавалерии «Хамидие», маршал Зеки-паша; командующий 6-й кавалерийской дивизии, части которой дислоцировались на территории современного Ирака, генерал Казим-паша; генерал Шукри-паша; губернатор Токата Бекир-паша; начальник полиции Дамасского вилайета Хосров-паша (лично командовал полицейскими частями при проведении сложных операций) и многие другие (Кушхабиев А.В., 2007. Вып. V. С. 289).

Одним из наиболее влиятельных сановников империи в этот период являлся убых маршал *Фуад-паша (Тхуго)*. Степень его заслуг перед государством и личное влияние были столь велики, что он позволял себе открытую критику Абдул-Хамида II и возглавил оппозиционную «Партию черкесов». После крушения султаната Фуад-паша сыграл важную роль в становлении Турецкой Республики (Максидов А.А., 2003). Пост военного министра занимал Махмуд Шевкет-паша. Во время войны 1877–1878 гг. он возглавлял западную группировку войск. Позднее, при младотурках, за подавление контрреволюционного мятежа он получил звание генералиссимуса и с января по июнь 1913 г. являлся премьер-министром.

Черкесский корпус «Хамидие», напрямую подчинявшийся Абдул-Хамиду, создал и долгие годы возглавлял убыхский аристократ из рода Берзегов, маршал Зеки-паша. Казим-паша командовал османскими войсками в Ираке; губернатором же Ирака был Магомед (Мехмед) Фаик-паша (уроженец нынешней Адыгеи), до того отличившийся на русской службе, затем эмигрировавший в Турцию, где был личным телохранителем Абдул-Хамида и отличился в войне на Балканах.

Наместником Аравии в конце XIX в. являлся фельдмаршал Беретуко Осман Ферид-паша (уроженец нынешней Адыгеи). Беретуко имел резиденцию в Медине и был женат на внучке имама Шамиля. Наместником Ливии был черкес-шапсуг Тлецерук Шамседдин-паша: он занял этот пост при Абдул-Хамиде и удерживал его при младотурках, что свидетельствует о степени его влияния. Тлецерук-паша правил Ливией до 1912 г., когда эту страну оккупировали итальянцы. По отчетам, Тлецерук проявил в ходе этой краткосрочной итало-турецкой войны большое личное мужество, но силы были слишком неравны. Младотурецкое правительство, слишком слабое и занятое стамбульскими интригами, предоставило Ливии самой обороняться от мощной итальянской армии.

Наместником Сирии с резиденцией в Дамаске в начале XX в. также был черкес – маршал Осман Февзи-паша. При этом начальником сирийской полиции являлся черкес Хосрев-паша, создавший из числа соплеменников особое кавалерийское подразделение. Главным инспектором военных училищ империи при Абдул-Хамиде был Хасан-паша (Хаджимуко), сын последнего старшего князя Бжедугии Тархана Хаджимуко (Максидов А.А., 2003).

9.6. На грани национальной катастрофы

9.6.1. «Край очищен от полудикого населения и предоставлен культурному народу, несущему свет Христова учения»

...И лук, и меч, и войну истреблю от земли той, и дам им жить в безопасности.

Книга пророка Осии (2; 18).

Край очищен от «полудикого» населения и предоставлен «культурному» народу, несущему знание, «свет Христова учения» и государственность...

П. Цирульников (1910).

Давно окончилась кровопролитная Кавказская война. Сотни тысяч адыгов были изгнаны из родных мест, многие из них погибли при переселении или в лагерях на турецком берегу. Участь оставшихся была не лучше. Прежде всего их выселили из гор, с мест привычных и любимых, на равнины, причём их поселения были рассеяны, распланы на огромном пространстве среди казачьих и крестьянских станиц. Их поселили на плохих землях, изобиловавших плавнями, солончаками и кустарниками. Заметная часть земель была подвержена во время осенних и весенних половодий затоплению и была непригодна для возделывания зерновых культур.

К моменту покорения Кавказа, по отзывам компетентных знатоков края, скотоводство, земледелие и садоводство были весьма развиты. Виднейший знаток северо-кавказской окраины Яков Абрамов говорит: «Я уже указывал на запустение под русским владычеством огромных пространств на Западном Кавказе, которые были покрыты прежде горскими лугами, нивами и виноградниками».

Особенно ярко характеризует это П. Цирульников, обозреватель Кубанской области, в своей работе «На старом пепелище черкесов-абадзехов». Приведем целиком выдержку, взятую оттуда С. Сиюховым: «Как администрация выселяла население, доходившее до миллиона, лучше не вспоминать... Как бы там ни было, край очищен от «полудикого» населения и предоставлен «культурному» народу, несущему знание, «свет Христова учения» и государственность... Прошло 46 лет. Всё Закубанье занято сплошь русскими, по преимуществу казаками; крестьянские сёла встречаются как редкие исключения, большей частью на купленных частновладельческих землях. Черкесы же остались на Лабе и около средней Кубани. Предание говорит, что когда граф Евдокимов, заперев черкесов в железное кольцо и примкнув левое крыло войск к горам, а правое – к Азовскому морю, предложил им покориться и переселиться за р. Маныч, на границе калмыцких степей Ставропольской губернии и Донской области, или же уходить в Турцию, черкесы предпочли последнее...».

9.6.2. «Скорбит земля родная...»

*Скорбит земля родная, плачут реки,
И топчет сильный тех, кто послабей.
Чтоб мой народ свободным стал навеки, –
Помочь прошу я Бога и людей...*

К. Мечнев.

Царизм вступал в качестве палача и мучителя нерусских народов. Царская Россия была очагом всякого рода гнета – и капиталистического, и колониального, и военного, – взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме.

И.В. Сталин (1922).

Царское правительство добилось в Черкесии своей колониальной цели. Следуя формуле самодержавия: «нам черкесы не нужны, – нам нужны черкесские земли», оставшаяся часть некогда сильного многочисленного народа была принудительно переселена на болотистые равнины. При этом оставшиеся на Родине несколько десятков тысяч горцев, расселенные между казачьими станицами и хуторами, не представляли уже военной угрозы для колонизаторов. Тем не менее, дальнейшая колонизация Черкесии была направлена на то, чтобы окончательно «очистить от местного элемента благодатный край». Так, ещё 7 мая 1864 г. командующий войсками Терской области в письме к начальнику штаба Кавказской армии откровенно писал: «В Кубанской области незначительные остатки тамошних племен, лишённые всякой жизни, должны будут исчезнуть бесследно в среде преобладающего русского населения, не причинив никаких новых забот правительству».

Непривычные условия жизни обрекли оставшихся на Кубани горцев на медленное вымирание, физическую и моральную деградацию. Бедность, забитость, темнота, отсутствие элементарной медицинской помощи порождали всевозможные болезни: туберкулез, оспу, малярию и т. д. Исследованиями доказано, что, например, в бжедугских аулах – преобладающей части оставшихся в Закубанье черкесов, – к 1917 г. смертность значительно превышала рождаемость. По данным отчета начальника Кубанской области за 1910 г., в аулах Майкопского отдела: Уляп, Блечепсин, Пшизов, Хачемзий, Хакуринохабль, Егерухай умерло на 11 % больше, чем

родилось, а в 1911 г. в этих же аулах смертность превысила рождаемость уже на 32 % и т. д. в возрастающем порядке. По информации Международного Красного Креста, относящейся к тому периоду, у адыгов «идет отмирание населения, не доживающего до своего полезного (продуктивного) возраста. Из 7 рожденных остается в живых 3 с небольшим...». Как здесь не вспомнить библейское: «Тебя постигли два бедствия, – кто пожалует о тебе? – опустошение и истребление, голод и меч: кем я утешу тебя?» (Исайя, 51; 19).

Правильный вывод делал И.Я. Куценко: еще несколько десятилетий, и черкесов, как народа, на Кавказе не осталось бы. Об этом же с болью писал в свое время и кубанский историк Е. Фелицын: «Печальный факт совершающего на наших глазах вымирания горских племен внушает основательные опасения, что народ этот в недалеком будущем исчезнет окончательно». А задолго до них, и более эмоционально, эту же мысль выразил бжедугский князь Н. Хаджимуков (1907): «Больно сознавать, что пройдут года, и память о черкесском народе исчезнет бесследно, как исчезает в море след идущего корабля». Лишь свержение царского самодержавия и установление народной власти в 1917 г. позволило предотвратить национальную катастрофу адыгов – исчезновение их как этноса.

9.6.3. Дискриминация, ассимиляция, система круговой поруки: полный «джентльменский набор» царских колонизаторов

В конце мая 1864 г. был обнародован указ Александра II о том, что за горскими народами Северного Кавказа «...незыблемо, на вечные времена, сохраняются неприкосновенность их религии, адатов, земель и лесов». Но этот указ, как отмечает Р. Трахо, был очень скоро нарушен. Вместо «неприкосновенности адатов» было введено «военно-народное управление» с военно-судебной юрисдикцией. Религиозные начала и свобода вероисповедания были урезаны. «Неприкосновенность земель и лесов» оказалась также пустым обещанием. Сотни тысяч гектаров земли частью были розданы военной и казачьей верхушке, частью же объявлены собственностью казны. Так, при общей земельной площади Кубанской области и Черноморского округа 9,3 млн. десятин земли, из них лишь 0,3 млн. (не более 3 %) находились в общинном владении адыгов. «Оставшиеся... находятся там, в стране своей, в великом бедствии и унижении», – писали библейские пророки о совершенно другом народе и в совершенно другие времена (Книга Неемии, 1; 3). Но эти же горькие слова можно отнести и к оставшимся на родине адыгам, также жившим в дореволюционный период «в великом бедствии и унижении».

9.6.3.1. «С черкесами сбывается басня об умирающем льве: всякий их топчет»: положение горцев в пореформенный период

Не господствуй над ним с жестокостью, и бойся Бога твоего.

Книга Левит (25; 43).

Понимая бессилие свое для борьбы против русской империи, но не понимая еще своих прав русского гражданина, черкесы покорились своей участи и безропотно переносят непрерывные притеснения и насилия от своих соседей казаков и всякого чужого человека.

Р.А. Фадеев, генерал (1890).

Царский генерал Р.А. Фадеев, которого трудно заподозрить в излишнем гуманизме по отношению к горцам, ужасался результатам деятельности графа Евдокимова по «умиротворению» черкесов. По поручению нового наместника, великого князя Михаила Николаевича, Фадеев объехал покоренный Западный Кавказ и написал отчет *«Дело о выселении горцев»*, где помимо всего прочего оценивал психологическое состояние горцев после «победоносного завершения» Кавказской войны (*«Кавказ и Российская империя...»*, 2005. С. 279-281):

«Кроме распада общественного быта, – пишет генерал, – закубанские черкесы испытали в последнее время такое неимоверное нравственное потрясение, что им уже нет возможности от него оправиться, они отданы теперь во власть России как малые дети. Понятия их до того спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивятся, что бы с ними ни сделали, и малейшее снисхождение примут как благодеяние. Едва веришь глазам, смотря, как черкес, несколько месяцев тому назад отчаянно прорывавшийся для грабежа сквозь тройной ряд военных линий, теперь в своей земле, в глухом лесу, робко сторонится перед встречным крестьянином, мальчишка бьет его, и он не смеет отводить его ударов, чему я сам был свидетелем. Понимая бессилие свое для борьбы против русской империи, но не понимая еще своих прав русского гражданина, черкесы покорились своей участи и безропотно переносят непрерывные притеснения и насилия от своих соседей казаков и всякого чужого человека».

И далее Фадеев описывает эти «насилия». «...С черкесами сбывается басня об умирающем льве: всякий их топчет... От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной для них земли им пришлось многое вытерпеть. Как казаки вне дома вооружены, а горцы безоружны, то первым легко позволить себе насилие, побить без причины горца для многих составляет забаву... Захваты земли тоже производятся без зазрения совести не только казаками, но и войсками, которые выкашивают у горцев поко-сы...» (*«Кавказ и Российская империя...»*, 2005. С. 580-581).

9.6.3.2. Дискриминация: «бесправное положение колониальных и зависимых народов»

Дискриминация (лат: discriminatio – разделение) – умаление прав; бесправное положение колониальных и зависимых народов; издевательское отношение к национальным меньшинствам в капиталистических странах.

Словарь иностранных слов (1995).

По мнению М.А. Керашева, адыги остались на своей Родине в гораздо худших условиях, чем американские индейцы. Для колонизаторов они стали на своей собственной земле «иностранцами», – без намека на какое-то государственное самоуправление, без элементарных гражданских прав. Простой адыг был лишен права свободного перемещения. Только по особому письменному разрешению аульского начальства (утвержденного казачьим атаманом) он мог выехать за пределы своего селения. Причем в этом билете-разрешении обязательно указывались внешний вид, рост, цвет волос и глаз, форма и размер носа, рта и подбородка, возраст и особые приметы. В билете строго оговаривался пункт выезда, время пребывания. По возвращении нужно было обязательно доложить начальству. За нарушение этих установленных правил предусматривалось строгое наказание. (Уж очень этот «билет» напоминает пропуск-«аусвайс», предусмотренный для мирных советских жителей в оккупированных немецкими фашистами городах и селах нашей страны. Впрочем, это будет лишь спустя полвека. – Авт.).

Дискриминация горцев со стороны властей проявлялась повсюду. Подтверждение этому мы находим в рапорте полковника Дукмасова: «Общества Гатлукаевского и Пчегатлукаевского аулов, жалуюсь в самых сильных выражениях на свое незащищенное положение в отношении казаков, прямо говорили, что они решились выселиться в Турцию, потому что считают свое положение (с поселением на их землях 24-го и Псекупского полков) еще худшим, чем прежде, когда их грабили неприязненные нам абадзехи». Сохранились документы, в которых бжедуги жаловались властям на несправедливое взимание штрафов, которые брались не только за воровство, но и за подозрение в воровстве. Более того, для аулов была установлена система круговой поруки, когда за преступление одного человека должен был отвечать весь аул.

9.6.3.3. Система круговой поруки – коллективной ответственности за вину двух-трех человек

Как орёл, налетит народ, которого языка ты не разумеешь. И будет он есть плод скота твоего и плод земли твоей, доколе не разорит тебя. И будет теснить тебя во всех жилищах твоих...

Второзаконие (28; 49-52).

В монографии Н. Бэрэджа «Изгнания черкесов» приводятся красноречивые факты использования на практике системы круговой поруки – коллективной ответственности за вину двух-трех человек (а иногда и одного). Так, генерал Ермолов распорядился расселить абазин – обитателей одного ущелья по казачьим станицам от Моздока до Екатеринодара. Вся вина их состояла лишь в том, что несколько местных жителей угнали лошадей из соседней станицы. Еще факт. Несколько абазин из числа переселенных в казачью станицу Бабуково, в одну из ночей 1858 г. приняли гостей – соплеменников с другой стороны Кубани. Получив об этом донесение, местная администрация приняла решение наказать 20 абазинских семейств, переселив их вглубь России. Попытки горцев жаловаться командующему Отдельным Кавказским корпусом, а затем и наместнику Кавказа, имели трагические последствия: карательная команда, присланная в станицу, учинила над несговорчивыми абазинами кровавую расправу.

Не менее красноречив и следующий факт, характеризующий методы «цивилизованных» колонизаторов. В 1868 г. жители аула Кудинеток, получив распоряжение выселяться в Турцию, распродали всю свою живность и отправились в путь по Керченской дороге. Однако начальник отдела полковник Догмитцов догнал их и приказал возвращаться. Черкесы, обратившиеся за советом к своему эфенди, получили такой ответ: «Для нас, правоверных мусульман, возвращение в аул будет означать согласие на Российское подданство, измену своей вере и добровольное превращение в гяуров». Двое аульчан, посланные с этим ответом к полковнику, были тут же арестованы разгневанным Догмитцовым. *Артиллерия открыла огонь прямой наводкой по черкесам, занявшим оборону за арбами.* Раздались ответные ружейные выстрелы, группа всадников ринулась прямо на пушки. Из всего населения аула в живых осталась только одна женщина с ребенком. Все убитые (233 чел.) были брошены в две большие ямы, вырытые по приказу Догмитцова.

В приведенном выше рапорте Дукмасова упоминается желание адыгов из-за невыносимых условий жизни выселиться в Турцию. В связи с этим уместно привести мнение Я. Абрамова о причинах махаджирства адыгов именно с точки зрения «невозможности» проживания адыгов на своей исторической Родине. Расценивая «исход» адыгов в Турцию как своеобразный протест горцев против их дискриминации и тяжелейшего положения, автор сформулировал следующие причины, «подталкивающие» адыгов к вынужденной эмиграции:

1. Несомненно менее выгодные экономические условия горцев, чем казаков. Например, в Кубанской области если казаки получили полный 30-десятинный душевой надел, то черкесы были наделены по 7 десятин на душу (Я. Абрамов ошибается. 3-5 десятин. – **Авт.**), и притом преимущественно никуда не годными плавнями по р. Кубани. Это создавало экономическую зависимость туземцев от казаков, что приводило к крайне плачевным результатам.

2. Отношение властей к случаям нападения на горцев, т. е. дискриминация туземцев. По странному взгляду, все преступления в крае приписывались горцам, на которых смотрели как на воров и разбойников.

3. Введение круговой ответственности за преступления горцев.

4. Намерения властей привлечь горцев к отбыванию воинской повинности («и пугает горцев собственн 25-летняя солдатская служба, с ее муштровкой и дисциплиной», – писал современник).

5. Официальный запрет адыгам носить оружие, что расценивалось ими как бесчестие.

6. Затруднения относительно исполнения горцами своих религиозных обрядов.

Перечисленные выше и другие факты, отмечает Я. Абрамов, делали «буквально невозможностью» для горцев жизнь на Родине и заставляли бежать в Турцию. Немногочисленные остатки адыгов, обессиленные недавними военными действиями, набегами, реквизициями, а зачастую и просто мародерством победителей, не имели ни сил, ни возможностей что-либо противопоставить недружественным акциям многочисленного казачества, сохранившего по большей части неприязненное отношение к горцам. Поистине, «...наследие наше перешло к чужим, дома наши – к иноплеменным. Мы сделались сиротами, без отца, матери наши – как вдовы. Нас погоняют в шею, мы работаем – и не имеем отдыха» (Плач Иеремии, 5; 2-5). Слова С. Сиюхова (1913) как нельзя лучше характеризуют мрачную жизнь адыгов в дореволюционный период: «Да, много зла в черкесской жизни, так много, что можно сравнить его лишь с морем-океаном».

9.6.4. «Физическое уничтожение коренного населения Северного Кавказа сопровождалось духовным истреблением»

9.6.4.1. «Какова же участь той части народа, которая осталась в России?»

Будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь, в голоде, и жажде, и наготе, и во всяком недостатке; он возложит на шею твою железное ярмо, так что измучит тебя.

Второзаконие (28; 48).

Физическое уничтожение коренного населения Северного Кавказа сопровождалось духовным истреблением. Горцам, в том числе и адыгам, запрещалось соблюдать свои древние обычаи, сложившиеся тысячелетия назад. Известные институты – гостеприимство, аталычество, куначество, побратимство, уважение к старшим, – теперь ставились горцам в вину и часто служили поводом для репрессий. В то же время большое распространение получает аманатство – выдача детей властям в качестве заложников на случай неповиновения. Жизнь горцев была строго регламентирована и полностью подчинялась аульскому начальству. Не только старосты, но и муллы и даже муэдзины того или иного аула в обязательном порядке назначались на должность приказами наказного атамана. Сопротивление северокавказских народов слабело с каждым годом. Именно поэтому один из авторов начала XX в. с уверенностью писал, что «адыги будут ассимилированы в ближайшее время», а до этого другой автор (анонимный) красноречиво назвал свою статью: «Отживающий тип (черкесы и адыги)».

Размышляя о судьбе горцев, оставшихся на Родине после окончания Кавказской войны, просветитель адыгского народа С.Сиюхов с горечью писал: «Какова же участь той части народа, которая осталась в России? Прежде всего она была выселена из гор, с мест привычных и любимых, на равнины. Черкесские поселения-аулы были рассеяны, расплывены на протяжении огромного пространства между казачьими станицами и крестьянскими селами, которые окружали черкесскую полосу со всех сторон, так что получилась живая тюрьма в замкнутом кольце... Покоренные мстят. Мстят так, как может мстить бессильный. Грабежи и разбои в темную ночь, похищение скота и лошадей, убийство при случае. И покоровшие отвечают. Виноват или нет, а заехал черкес в станицу или село не вовремя и в одиночку – прикончат. Устраивают засады на дорогах и переправах и убивают проезжающих черкесов...». Как говорится в Библии: «Будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь, в голоде, и жажде, и наготе, и во всяком недостатке; он возложит на шею твою железное ярмо, так что измучит тебя» (Второзаконие, 28; 48). Или еще: «От множества притеснителей стонут притесняемые, и от руки сильных вопиют» (Книга пророка Иовы, 35; 9).

9.6.4.2. «Деятельно заниматься обрусением горцев...»

Политика царизма по отношению к этим малым народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать...

И.В. Сталин (1927).

*Народ наш когда-то великий
Всю тяжесть он мрака несет,
От света бежит полудикий,
Как зверь, по берлогам живет.*

С. Сиюхов (1915).

Оставшиеся на Кавказе адыги оказались под гнетом жестокого колониального режима, перед угрозой ликвидации национальной самобытности и исчезновения как этноса. «Очевидно, – писал один из высокопоставленных царских офицеров в 1865 г., – что эта пестрая масса туземцев не имеет уже того своеобразного порядка в управлении по своим традициям и обычаям, который был вкоренен издревле в целых отдельных племенах». Став, по сути, колонией Российской империи, здесь, разумеется, и речи не могло быть ни о каком-либо культурном развитии. Ведь для царских колонизаторов завоеванный народ по-прежнему был «дикарем». Они исходили из того, что горцы еще «не достигли необходимого чувства гражданственности». Образование для адыгов, по словам С. Сиюхова (1912), «является какой-то мечтой, неосуществимой утопией». И действительно, население Адыгеи было практически полностью неграмотным. Школ (кроме медресе и 2-3-х «светских» школ), больниц, библиотек, театров в аулах не было. Адыгский народ до Октябрьской революции не имел своей письменности. Обучение на родном языке также не разрешалось властями. Царизм хотел лишить адыгов их национальных черт, родного языка, традиций предков и т. д. Разумеется, ни о какой науке, культуре в таких условиях не могло быть и речи. Вся политика царизма была направлена на физическое и духовное уничтожение народа, а судьба оставшихся была одна: «раствориться» среди преобладающей массы «пришельцев». Не случайно одной из главных задач колониальной политики царской России на Северном Кавказе было, наряду с экономическим и политическим угнетением «туземного населения», также насильственная его русификация. Царское правительство в своей директиве наместнику Кавказа обращало особое внимание на то, чтобы «...сделать Северный Кавказ вполне русским краем». В рапорте атамана Лабинского отдела полковника Савицкого есть заверение, что он будет «...деятельно заниматься обрусением горцев».

Исконные географические названия на Земле адыгов, насчитывавшие столетия, а то и тысячелетия, преднамеренно предавались забвению и заменялись чуждыми адыгскому уху русскими названиями. Из обихода исчезает даже название обреченного народа. Если в начале XIX в. самоназвание «адыгэ» еще кое-где встречается в историко-этнографической литературе, то с середины XIX столетия это слово употребляется в редчайших случаях. Первым на это внимание обратил Л. Люлье: «Не знаю почему, но мы привыкли все племена, населяющие северную покатость Кавказских гор, называть черкесами, между тем как они называют себя адыге». Духовный, культурный геноцид адыгского народа со стороны царских колонизаторов был прекращен лишь с распадом Российской империи и установлением народной власти в Адыгее.

9.7. Территориальное размещение оставшихся на родине адыгов

Трудно привыкали друг к другу казаки и адыги, но привыкли, поняв, что другого выхода нет...

Исхак Машбаш

*Тоскливо жизнь моя плыла,
Бессильна песнь моя была,
Ее давил тяжелый гнет
Бесправья, бедности, забот.*

Цуг Теучеж

Во второй половине XIX в., наряду с освобождением крестьян от крепостной зависимости, царскими властями были проведены административные, военные и другие реформы, цель которых на Кубани состояла в окончательном подчинении горских народов военно-административной власти самодержавия. Напомним, что с 1793 г. территория, занятая переселившимися казаками-черноморцами, носила официальное название «Черномория». В 1860 г., после упразднения Кавказской военной линии, на Северном Кавказе создаются три административные единицы: Кубанская обл. (с 8 февраля 1860 г.), Ставропольская губ. и (несколько ранее) – Терская обл. После окончательного завоевания Черкесии царизмом, победители установили военно-полицейскую систему колониального господства над поработленным народом.

Оставшиеся на Родине адыги из военно-стратегических соображений были разбросаны по различным военным округам. Горские аулы, крайне раздробленные и разобщенные, были размещены в основном по

левым, заболоченным берегам Кубани и Лабы. Их цепочка постоянно прерывалась казачьими станицами, селами и хуторами. Малая Кабарда была искусственно оторвана от Большой и включена в состав Сунженского отдела, т. е. «под казачье начало». Постепенно изменилось и традиционное национальное название территории: вместо Малой Кабарды – Мало-Кабардинский участок, а позже и вообще безличные «3-й и 4-й участки». При этом «Черкесия» как географическое понятие полностью исчезает со всех карт Кавказа.

В 1865 г. было принято Положение о Кавказском горском управлении. Несмотря на окончание военных действий, Земля адыгов продолжала управляться военным ведомством. В частности, в Кубанской области было создано 11 полковых округов, в том числе для управления горцами – 5 округов:

1. Псекупский, куда вошли аулы западных адыгов по среднему течению Кубани и нижнему течению Псекупа;
2. Лабинский, объединявший аулы западных адыгов, расположенные по Лабе и Белой;
3. Урупский, населенный черкесами, ногайцами и армянами;
4. Зеленчукский, в который вошли черкесы, абазины и ногайцы, жившие по Зеленчукам;
5. Эльбрусский, населенный карачаевцами и абазинами по р. Куме и ее притокам.

Еще в 1858 г. был образован Кабардинский округ, входивший тогда в состав восьми округов, составлявших Терскую область. Однако в 1869 г. его переименовывают в Георгиевский округ, куда входит Большая Кабарда, а Малая Кабарда отходит к Сунженскому отделу. Таким образом, осуществлялась политика «Разделяй и властвуй»; шло планомерное предание забвению не только исконных названий территории адыгов, этнонимов, гидронимов и т. д., – шла насильственная ассимиляция оставшегося в крае коренного населения.

В 1871 г. военные округа были ликвидированы; Кубанская область была разделена на уезды. Адыгские аулы и соседние казачьи станицы вошли в основном в состав Майкопского и Екатеринодарского уездов (табл. 26):

Таблица 26 – Перечень аулов, населенных адыгами, по состоянию на 15.12.1875 г.

Аул	Число жителей	Аул	Число жителей	Аул	Число жителей
<i>Екатеринодарский уезд</i>					
Ассоколай	209 (1)*	Лакшуклай	813 (4)	Тахтамукай	1132 (2)
Афипсип	838 (1)	Нечерзий	254 (1)	Тлюстенхабль	1283 (1)
Бжегокай	1132 (2)	Нешукай 1-й	414 (1)	Тугургой	337 (1)
Вочепший	997 (2)	Нешукай 2-й	380 (1)	Хаштук	603 (1)
Габуклай	1206 (3)	Понежуклай	1103 (2)	Шабанохабль	449 (1)
Гатлуклай	1093 (2)	Псейтук	766 (1)	Шаханчериехабль	215 (1)
Джиджихабль	682 (1)	Пчегатлуклай	1009 (2)	Шенджий	83 (2)
Казануклай	523 (2)	Пшекуйхабль	142 (1)	Эдепсукай 1-й	431 (1)
Козет	391 (1)	Тоуйхабль	237 (1)	Эдепсукай 2-й	420 (1)
Кончукохабль	354 (1)				
<i>Майкопский уезд</i>					
Адамийский	587 (2)	Кошехабльский	557 (6)	Унароковский	1018 (1)
Бгуашехабль	1237 (3)	Курджипский	579 (1)	Хаджимуковский	3089 (6)
Бенокский	2143 (5)	Мамхеговский	1159 (2)	Хакуриновский	769 (2)
Бжедуховский	1000 (1)	Натырбовский	1425 (2)	Хатажукаевский	2776 (6)
Блечепсин	1959 (5)	Пшизовский	683 (2)	Хатукаевский	623 (2)
Джанкятовский	793 (2)	Темиргоевский	857 (2)	Хачемзиевский	450 (1)
Джаракаевский	558 (2)	Ульский	1632 (2)	Ходзский	2184 (5)
Егерухаевский	1758 (5)				
Итого: число жителей – 49 132 чел.; количество мечетей – 105					

*В скобках – количество мечетей в каждом ауле.

В 1888 г. вместо уездов были созданы отделы. В частности, Кубанская область стала делиться на 7 отделов: Екатеринодарский, Ейский, Кавказский, Лабинский, Майкопский, Темрюкский, Баталпашинский. Если в 1875 г. в Екатеринодарском и Майкопском отделах насчитывалось 50 адыгейских аулов с 49 132 жителями, то в 1881 г. – 52 аула с 58 663, а в 1897 г. – 45 аулов с 41 630 жителями. При этом разница в показателях за два последних года объясняется тем, что многие адыги выселились в Турцию; при этом ряд аулов ликвидировались (Щербина Ф., 1910). Интересно сопоставить эту цифру горского населения (41 630 чел.) с общим населением Кубанской области (1 918 881) и Черноморской губернии (57 478 чел.) в этом же году.

Определенные административные изменения произошли и с территориями, расположенными на Черноморском побережье Кавказа. Еще в 1866 г. здесь был образован Черноморский округ, который позже (в 1888 г.) вошел в состав Кубанской области на правах уезда. К 1896 г. этот округ был преобразован в Черноморскую губернию, с центром в г. Новороссийске. Эта губерния делилась на три округа: Новороссийский, Туапсинский и Сочинский. Сохранилось распоряжение кубанских властей от 23 мая 1896 г.: «1) Черноморский округ изъять из подчинения Кубанской области. 2) Образовать из него Черноморскую губернию, введя оную в состав Закавказья...».

Таблица 27 – Размещение адыгов в отделах Кубанской области. 1897 г.

Отдел	Количество горских селений	Всего жителей
Екатеринодарский	30	20 261
Майкопский	15	22 116
Баталпашинский	28	37 422
Темрюкский	1	482
Итого:	74	80 281

Таблица 28 – Распределение хозяйств «коренного»*) населения Кубанской области, 1897 г.

Отдел	Количество хозяйств		
	у казаков	у горцев	у других сословий
Екатеринодарский	13 667	330	3 250
Майкопский	14 618	3 141	3 647
Баталпашинский	9 462	1 931	5 332
Темрюкский	24 992	1 048	86
Ейский	22 708	74	–
Кавказский	19 149	334	–
Лабинский	22 070	1 688	–
Итого:	126 666	8 546	12 315

*) В состав «коренных» жителей, по переписи, входят те хозяйства, которые осели на Кубани до реформы 1861 г.

ская, Курджипская, Дагестанская, Нижегородская, Прусская, Самурская, Ширванская, Апшеронская, Нефтяная, Хадыженская с пос. Хадыженским, Кабардинская, Кубинская, Тверская, Гурийская, Абхазская, Линейная, Имеретинская, Черниговская, Пшехская, Бжедуховская с пос. Михайловским, Белореченская, а также вновь образуемая ст. Дондуковская; селения: Хамышки, Темнолесское, Леонтьевское, Филипповское, Николаевское, Ивановское, Бурное, Черноречье; слобода Сергиевская и Шедок, а также 22 адыгских аула, перечень которых был приведен ранее, в таблице 27.

О соотношении горского и казачьего населения в том же Майкопском отделе можно судить по следующим цифрам: из общей численности населения отдела 293 260 чел. число адыгов составляло всего 22 116, т. е. менее 10 %. В конце XIX в. Майкопский и Екатеринодарский отделы, населенные адыгами, занимали более 1,9 млн. десятин земли, причем горцам принадлежало всего 212 тыс. десятин – около 10,7 %. Остальная территория, – преимущественно самые лучшие земли, – принадлежала казачьим станицам и хуторам.

К концу XIX в. на 50 адыгских аулов приходилось в Кубанской области 210 казачьих станиц, 60 поселков, 40 селений и слободок, а также множество мелких хуторов. Земля адыгов, наконец-то, обрела себе нового «хозяина». Поистине, «...и будут плакать горьким плачем и говорить: Мы совершенно разорены, удел народа моего отдан другим, поля наши уже разделены иноплеменикам» (Книга пророка Михея, 2; 4).

9.8. «Что же дал завоеватель черкесскому народу?»

*Прости согрешения наши,
Прости твой безумный народ,
Избави от горькой нас чаши
И путь укажи нам вперед...*

С. Сиюхов (1915).

*Счастлив тот народ, у которого исписаны еще не
все страницы в книге его истории.*

Т. Карлейль (1864).

Что же дал завоеватель черкесскому народу? Такой вопрос задает С. Сиюхов и сам же отвечает: «С первых же дней управления дали себя знать классическое взяточничество и продажность русского чиновника. Прежние идеалы черкесов: мужество, храбрость, благородство, гордость стали уступать свое место под-

По Всероссийской переписи 1897 г. западные адыги проживали в основном в Майкопском и Екатеринодарском отделах; в Баталпашинском отделе жили закубанские кабардинцы и абазыны (табл. 27).

О том, насколько несоизмеримо было количество крестьянских хозяйств у горцев и русскоязычного населения даже в этих исконно адыгских районах, можно судить по таблице 28, извлеченной также из материалов переписи.

Как видно из приведенных выше таблиц, большинство западных адыгов, оставшихся на Родине, размещались в Майкопском отделе. Однако их немногочисленные аулы буквально «растворялись» среди огромной массы казачьих станиц, поселков, сел и хуторов. Так, согласно «Новому распределению населенных мест Кубанской области» (от 7 февраля 1891 г.), в состав Майкопского отдела входили: «Город Майкоп, станицы: Некрасовская, Новолабинская с пос. Александровским, Тенгинская с пос. Геймановским, Воздвиженская, Гиатинская, Келермесская, Ханская, Кужорская, Ярославская, Махошевская, Костромская, Переправная, Андрюковская с пос. Черным, Псебайская, Бесленевская, Баговская, Хамкетинская, Губская, Баракаевская, Царская, Севастопольская, Абадзехская, Даховская, Каменноостская, Туль-

халимству, лакейству и низкопоклонству. Старое русское правительство стало применять и здесь испытанное средство: раздача земельных участков, чинов, орденов и т. д...». Некогда самый многочисленный на Северном Кавказе, гордый и свободолюбивый народ был почти полностью уничтожен физически, растоптан духовно, скован «железным ярмом» колониального рабства. Как писал Омар Хайям (1048-1131):

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов – язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе, –

Правда, эти слова относились к совершенно другим временам и к другому народу, но тем не менее их можно было бы применить и к адыгам, отмеченным «черной печатью рабства», ввергнутым царским произволом в самые глубины ада Данте – и физического, и духовного.

Мнение просветителя адыгского народа – С. Сиюхова о «плодах» царской колонизации подтверждает и русский автор Е. Марков: «Распущенность в образе жизни и распущенность в нравственных понятиях – вот обычные горькие плоды, которые пожинают от нас все более или менее девственные народности, попадающие нам под руку, – крымские татары, как и инородцы Сибири, как финские лопари, как горцы Кавказа. Пьянство, мотовство и плутовство – идут стаею, как мародеры за вторгнувшимся войском, за печальной колесницею нашей русской цивилизации, благодетельствующей далекие окраины наши». Разумеется, здесь надо четко разграничивать понятия: царская Россия и русский народ. Как справедливо отмечает И. Куценко, их никак нельзя отождествлять. «Считаю, – говорит он, – что на рубеже XIX-XX вв. в мире не было более косного, дикого, антигуманного режима, чем самодержавный. Он подвел общество к тупику. Социальный гнойник, давно вызревший в российском обществе, мог быть вскрыт только хирургическим вмешательством революции».

Все это так. Но нельзя согласиться и с утверждением С. Сиюхова, что «полустолетняя жизнь в относительно культурном государстве (России) *ничего нам не дала, а если что и дала, то больше в отрицательном направлении, чем положительном*». Даже то тяжелейшее прошлое адыгов нельзя окрашивать одной только черной краской. Ведь войдя в состав Российской империи, адыги столкнулись не только с колониальной политикой самодержавия. Они соприкоснулись и с борющимся за свое освобождение великим русским народом, с передовой культурой. Это объективно способствовало не только культурному, но и экономическому развитию горцев, поскольку Россия уже встала на капиталистический путь. Вместе с русским народом адыги продолжали борьбу против колониальной политики царского самодержавия, которая все чаще переплеталась с борьбой горцев против собственных князей и феодалов. И, в конечном счете, именно русский народ воплотил в жизнь идеи В.И. Ленина об освобождении народов окраин от национального и классового гнета, о равноправии и самоопределении народов. А Великая Октябрьская социалистическая революция, как бы ее ни оценивали сегодняшние «демократы», – разрушила «тюрьму народов» – царскую Россию и этим спасла адыгский народ от окончательного уничтожения, сохранила адыгов как этнос.

10. ЗЕМЛЯ АДЫГОВ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С этого дня, 7 ноября 1917 г. начинается новый отсчет времени в Адыгее, как и во всей России. Резонанс же от событий Великого Октября был слышен (и до сих пор отзывается) во всем мире.

10.1. Адыгея в период Гражданской войны

10.1.1. Революция 17-го года и адыги

Держись же того, что тебе ниспослано! Ты ведь на верной дороге. И ведь это – напоминание тебе и твоему народу...

Коран. Сура 43; 42-43.

Бывал ли день ужасней и славнее?

В. Шекспир (1564–1616).

До революции Адыгея была одной из самых отсталых окраин Российской империи. Политически и экономически бесправный адыгский народ страдал под двойным гнетом – царского самодержавия и местных эксплуататоров – черкесской знати. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила адыгов от многовековой эксплуатации, спасла от вымирания и возродила их к новой жизни. От Советской власти горцы получили свою государственность, право на создание сначала автономной области, а затем и своей республики. Как писал М. Паранук,

На бой с темнотой и орковским игом
Советская власть подняла всех адыгов,
Народ мой воспрянул, поднялся и вскоре
Развевал, как пепел, извечное горе.

Опираясь на помощь народов нашей страны, трудящиеся Адыгеи за годы Советской власти создали индустриальную базу и крупный агропромышленный комплекс, вырастили национальные кадры рабочих и интеллигенции, создали свою письменность, развили культуру. Сейчас Республика Адыгея обладает значительным экономическим, научным и культурным потенциалом, занимает достойное место в ряду многих других «малых» народов – полноправных субъектов Российской Федерации. Советский период, как ни пытаются сейчас его очернить или перечеркнуть некоторые «демократы», тем не менее является одной из значительных и ярких страниц в истории Адыгеи. И как справедливо отмечает М. Керашев, «...в угоду политической конъюнктуры, было бы непорядочно отрицать все то, прямо скажем, спасительное для адыгского этноса, что дала и сделала Советская власть черкесам».

Советская власть на Кубани и в Адыгее устанавливалась с огромными трудностями и многочисленными жертвами. Как считает И. Куценко, острота противостояния в те годы, помимо главных социальных факторов, объяснялась «состоянием ожесточения и озверения, принесенного империалистической войной, вошедшего в привычку падения ценности человеческой жизни». И единственный урок, который должен быть извлечен из опыта Гражданской войны, состоит в следующем: ЭТО НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ! Тысячу раз прав писатель А. Проханов, написавший: «Основная, насущная задача сегодняшнего общественного сознания – это немедленно провозгласить гражданский мир. Надо, наконец, снести в одну общую братскую могилу красные и белые кости. Надо отслужить на этой могиле всенародную поминальную тризну».

10.1.1.1. «И камни вопли издадут...»: в предвидении революционных катаклизмов

И раньше они стремились к смуте, пока не пришла истина.

Коран. Сура 9; 48.

И будет сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством.

Библия. Книга пророка Исайи (19; 2).

Удивительные по своей достоверности пророчества-предвидения грядущих социальных катаклизмов можно найти во многих источниках. Мы уж не говорим о Библии, – нас могут просто не понять. А ведь чего стоят одни только эти строки: «В те времена не будет мира ни выходящему, ни входящему; ибо великие волнения будут у всех жителей земель. Народ будет сражаться с народом...» (2-я Книга Паралипоменон, 15; 5-6). Или: «Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына, и восстанут дети на родителей и умертвят их...» (Евангелие от Матфея, 10; 21). Или еще: «Восстанет народ на народ. И тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга» (там же, 24; 7, 10). Разве это не предвидение будущих событий нашей Гражданской войны, своеобразный «прогноз», который, увы, полностью оправдался?

За 600 (!) лет до Великого Октября предвидел события начала XX в. Василий Немчин (род. в 1376 г. под Полоцком). Над своей книгой пророчеств он работал около 30 лет; в ней он с удивительной точностью предсказал царствование на Руси *всех* царей после Василия II, войну с Наполеоном и другие важные события. Переходя к началу XX столетия, Василий Немчин писал о «страшной бесовской силе под красными

стягами» и о царе, обреченном на жертву. И далее он предсказывал, что «после семи десятков лет мерзости и запустения, бесы побегут с Руси», но последующие 15 лет будут очень тяжелые. За власть в это время, после ухода сначала «меченого» (Горбачев?), а потом «великана» (Ельцин?), будут бороться «наполовину лысый и наполовину волосатый», затем появится «шлемоносец (т. е. военный), и после них, уже в XXI в. – Великий Гончар», которому суждено долгое и блаженное правление».

А чего стоят строки из «Центурий» Нострадамуса, написанные еще в 1555 г. (!):

Век двадцатый, жестокий и страшный,
Две войны, самовластье рабов,
И наука в кровавом пожаре
Из безверья воздвигнет богов...

«Самовластье рабов» в нашем сегодняшнем понимании – это, разумеется, «диктатура пролетариата». И если это не предвидение 1917 г., то что же? У Нострадамуса есть и более определенное указание на грядущую Октябрьскую революцию: «И в октябре вспыхнет Великая революция, которую многие сочтут самой грозной из всех, когда-либо существовавших; и это продлится 73 года и 7 месяцев...». Если предполагать, что это пророчество имеет непосредственное отношение к нашей Октябрьской революции, то надо согласиться и с тем, что начало крушения порожденного этой революцией строя, распад СССР, – пришлось на август 1991 г., т. е. спустя ровно 73 года и 7 месяцев (!). А вот как Нострадамус предвидел ход Гражданской войны (не следует забывать, что эти строки написаны около 455 лет назад:

Народ домогается новых жакерий,
Разделится поле Гражданской войной...
Гриффон будет править Восточной Европой,
Где белых и красных пьянят грабежи...
Один на другого поднялись два брата,
И вспыхнет война не на жизнь, а на смерть,
Любая победа умножит утраты,
И пролитой крови векам не стереть...

В самом конце XVIII в. трагические события Гражданской войны предсказывал монах Авель, в миру – Василий Васильев (1757–1841). Именно его пророчества о будущем России и судьбе дома Романовых запечатал в конверт около 1800 г. император Павел, написав: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины». Когда пришел срок, 11 марта 1901 г. его пра-правнук Николай II вскрыл этот конверт. Прочитав пророчество, он, по свидетельству очевидцев, сильно побледнел и сказал загадочную фразу: «До 1918 г. я ничего не боюсь» Сейчас стало известно, что пророк за 120 лет предсказал «великие испытания для России» в 1918 г., когда «кровавые реки потекут, брат на брата восстанет, торжествовать будет аспид и безбожник». Он сообщил также, что в XX в. будут две мировые войны, «одна горше другой». Но одновременно предсказал он и окончание «ига безбожников» в конце нашего века, а также восстановление монархии в России: «И восстанет в изгнании из дома твоего Князь великий. Велика будет потом Россия...».

Заглядывая в отдаленное будущее, М. Лермонтов еще в 1830 г. увидел трагические события грядущей революции:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь.

За полвека до событий Октября 1917-го Ф.М. Достоевский пророчески писал: «Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...». Это из его «Бесов» (1871). А вот строки из его «Дневника писателя» (1877): «Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств. Предвидится страшная, колоссальная, стихийная революция, которая потрясет все царства мира с изменением лика мира сего. Но для этого потребуется сто миллионов голов. Весь мир будет залит кровью».

За много лет до революции, еще в XIX в. известный пророк Серафим Саровский уже зримо видел кровавый лик грядущей Гражданской войны: «В начале царствования сего монарха (Николая II) будет война неудачная; настанет смута великая внутри государства; отец поднимется на сына и брат на брата». За 7 лет до революции предсказывал «невиданные мятежи» А. Блок (1910):

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла;
Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла.
Пожары дымные заката –
Пророчества о нашем дне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

В свою очередь, большевики еще в 1905 г., задолго до Великого Октября, предупреждали о грядущем расколе России на два враждебных друг другу лагеря: «Не сегодня-завтра грянет оглушительный гром русской революции! Потекут целые реки крови и слез, засвищут пули и бомбы, заскрежещут сабли и кинжалы; стон, вопли и проклятия повиснут над нашей землей. И в этом смертельном споре население России расколется: одни станут за царя и его грязное правительство, другие – против» (Из листовки Кубанского комитета РСДРП, 9 января 1905 г.). Страшно читать эти вещие строки. Но действительность оказалась намного страшнее. В ходе братоубийственной бойни оправдалось и пророчество А. Григорьева, написанное в 1846 г., за 70 лет до Октябрьской революции:

Но встанет грозный день, но воззовет свобода,
И камни вопли издадут...

10.1.1.2. «Кубань зашевелилась...»: участие адыгов в Гражданской войне

Горцы увидели, что Кубань зашевелилась, и они своим чутким сердцем почувствовали яркое солнце свободы, равенство и братство; и всей душой, душой отважных орлов Кавказа примкнули к рядовым революции...

М. Шовгенов (1918).

Был вынужден взяться за тему Гражданской войны. И все же я не встал на позицию «белые-красные». Я видел, что есть лишь Добро и Зло. Об этом и старался рассказать людям.

А. Ананьев (1995).

В Адыгее к числу «отважных орлов Кавказа» следует отнести первого большевика-адыга Моса Хакаровича Шовгенова. Весть об Октябрьской революции воодушевила их на борьбу за освобождение горских народов от царского и национального гнета. Он принимал непосредственное участие в установлении Советской власти и формировании первых красногвардейских отрядов в Адыгее. При этом в первую очередь Мос Шовгенов опирался на помощь русского народа. Еще летом 1917 г. он писал: «Горцы Кубани, отбрасывая раз и навсегда различие национальностей, смело протягивают руку всему русскому трудовому народу». Позже, обращаясь к горцам крестьянам, Мос Хакарович говорил: «Вашими врагами являются ваши же богатеи, князья и султаны, а не русские рабочие и крестьяне, они ваши друзья и братья; не идите к богачам и князьям, а идите к русским рабочим и крестьянам – они дадут вам свободу». На его призывы к совместной борьбе против эксплуататоров адыги отвечали: «Мы все как один пойдем с оружием в руках храбро сражаться за свободный труд. Клянемся честно и беззаветно вместе с русским пролетариатом бороться за свободу угнетенных». Эта же мысль прозвучала и в речи Хабалы Бесланеева на состоявшемся в 1917 г. съезде представителей Кабарды и Балкарии: «Неверно, что мы, кабардинцы и балкарцы, против русских. Никогда этого не было и нет. Наоборот, мы очень благодарны русским рабочим и солдатам за то, что они свергли царское самодержавие и открыли дорогу к свободе всем народам России...».

Трудящиеся Адыгеи включились в борьбу за установление Советской власти. В ноябре 1917 г. Советская власть была установлена в с. Николаевском (ныне с. Красногвардейское), в Орехове и 14 близлежащих хуторах; в декабре – в с. Филипповском (ныне с. Великовечное), а. Бжедугхабль. Созданные здесь красногвардейские отряды в январе 1918 г. слились в единую Филипповскую революционную армию. В ночь с 8 на 9 (21-22) января 1918 г. отряды Красной Гвардии овладели Майкопом, а к концу января Советская власть установилась почти во всех селах, аулах и станицах Адыгеи. На митинге представителей 12 аулов Майкопского отдела была принята следующая характерная для того времени резолюция: «Мы, горцы, приветствуем Советскую власть, несущую нам полную свободу и раскрепощение от рабства и гнета капитала. Мы все как один пойдем с оружием в руках на славные красные баррикады и будем храбро сражаться на благо и процветание свободного труда и культуры. Клянемся честно и беззаветно умирать, наряду с русским пролетариатом за мир трудящихся и угнетенных».

С начала 1918 г. волны белой контрреволюции начинают заливать Кубань и Адыгею. 18 января 1918 г. Красной Гвардией был разгромлен белогвардейский отряд генерала Султан Келеч-Гирея (Клыч-Гирея), который вынужден был покинуть Землю адыгов. Но через месяц он снова вместе с полковником Улагаем создает на Кубани белогвардейский полк. Начался новый «виток» Гражданской войны.

В марте 1918 г. состоялась конференция представителей 42 адыгейских аулов. В Декрет о земле конференция внесла существенную поправку о том, что «...земли рядовых казаков, крестьян и горцев не конфискуются». В состав Майкопского Совета были избраны: Хатанов Сагид, Цеев Нух, Хуажев Карабатыр, Шехов Крым-Гирей, Кулов Битлюстен, Туов Сефербий. Представители а. Ульского заверили конференцию, что «...в аулах проклятой братоубийственной войны не будет, и наш, братья казаки и крестьяне, священный долг от глубины души приветствовать мир и тишину».

10 апреля 1918 г. белые под командованием Корнилова стали наступать на Екатеринодар. Большевистские организации Майкопа, Ейска, Тихорецка, Армавира срочно формировали отряды и направляли их в Ека-

теринодар. Адыги, руководимые М. Шовгеновым, также приняли участие в защите Екатеринодара. Прибывшая в штаб по борьбе с Корниловым делегация заявила, что «трудовое горское население является противником политики Филимонова и Корнилова и всеми мерами будет содействовать укреплению Советской власти».

В дни работы III Чрезвычайного съезда Советов Кубани и Черноморья 30 мая 1918 г. Совнарком РСФСР обратился к трудящимся Дона и Кубани с призывом подняться на борьбу с контрреволюцией: «Бывшие помещики-дворяне и царские генералы хотят захватить на Дону и Кубани власть в свои руки и передать эти благодатные и плодородные области иноземным захватчикам. Они заявляют от вашего имени, будто вы хотите отделиться от России и стать рабами помещиков и капиталистов наподобие Украины...». Отвечая на этот призыв, трудящиеся-адыги, плечом к плечу с рабочими, казаками, иногородними встали на защиту молодой Советской республики.

В мае 1918 г. к северо-западной границе Кубани подошли германские войска. В условиях нарастающей военной опасности среди горского населения активизировалась работа по вовлечению адыгов в ряды Красной Армии. В а. Хатажукай, Джамбечий, Уляп, Адамий добровольно записались в Красную Армию от 30 до 80 чел. Практически не было ни одного аула, который не послал бы своих добровольцев. В а. Джамбечий в Красную Армию записались Нух Наурзов. Нагой Тхагапсов, Мухтар Блане, воевавшие в «чертовой сотне» Стальной дивизии Д. Жлобы. В этой же сотне служили Кадырбеч Суц Абрегов из а. Хатажукай, Юсуф-Диду Меретуков из а. Хакуринохабль, Хасин Кушхов из а. Кошехабль, Махмуд Хатит из а. Бжегокай, Сагид Коджесау из а. Хаштук, Петр Дефтеров из а. Бжедугхабль. Вместе с братьями Махмудом и Нагоем Могуковыми в Красную Армию записалась их сестра Чишхан из а. Ассоколай. Она стала сестрой милосердия в Кубанской бригаде И. Кочубея. Поистине, как говорит адыгская народная мудрость, «*Бэр зышлэхъайэмэ, шыр йагъэхъей*» – «Когда массы поднимаются, земля содрогается». Документально установлено, что в эти дни ушли добровольцами на защиту революции около 500 адыгов, в том числе 2 женщины. При этом 10 из ушедших на фронт были удостоены правительственных наград. По другим источникам, в частях Красной армии на различных участках Гражданской войны находилось около 3000 жителей Адыгеи, в том числе около 700 адыгов. Большую работу по формированию Черкесского добровольческого кавалерийского полка провели М. Шовгенов, И. Цей, М. Мамижев. Позже этот полк влился в бригаду героя Гражданской войны И.А. Кочубея.

14 августа 1918 г. белогвардейские войска захватили г. Екатеринодар. В это время в п. Джигинке под Анапой Таманская армия держала фронт против восставших казаков и поддерживавших их в то время германцев. В районе Архипо-Осиповки произошел первый бой с белогвардейцами, и оттуда армия пошла на Туапсе. На территорию Майкопского отдела первые части Таманской армии под командованием Е.И. Ковтюха вступили 9 сентября, а 24 сентября вышли в район ст. Михайловской. Бои с белогвардейцами продолжались и в следующем году. В конце 1919 г. усилилась борьба трудящихся Сочинского округа против белогвардейцев-деникинцев; в горах создавались партизанские отряды. Крестьяне горных селений в районе Аибга-Медовеевка отказались выполнять приказ деникинских властей о поставке продовольствия и фуража, за что были подвергнуты репрессиям карательного отряда. Селения Сулево-Сальма, Эстонка и др. были сожжены. Разоренные крестьяне, вооружившись, ушли в горы и создали три партизанских отряда: Аибгинский, Краснополянский и Медовеевский.

Деникинские власти решили подавить сопротивление горских крестьян. В горы почти одновременно вышло несколько карательных отрядов. Один из них, с пушками и пулеметами, под командованием полковника Чайковского направился в район Пластунки, где проходил так называемый Тайный съезд трудового горского крестьянства Сочинского округа. Партизаны, объединившись, истребили много карателей во главе с их командиром, а оставшиеся в живых бежали. И далее действия партизан Сочинского округа наносили немало ущерба деникинцам. 28-30 января 1920 г. они освободили Молдованку, Адлер, Кудепсту, Хосту, Агуру, Лоо, Дагомыс, Головинку и Мамайку. 2 февраля партизаны вошли в Сочи, а 24 февраля – заняли Туапсе.

К январю-февралю 1920 г. силами красно-зеленых контролировалась вся горная полоса Майкопского отдела, часть территории нынешних Красногвардейского, Теучежского, Тахтамукайского, Гиагинского и Шовгеновского районов. Отряды красно-зеленых вели открытую борьбу против Деникина. Соединившиеся в Туапсе повстанческие формирования образовали в марте 1920 г. Красную Армию Черноморья, успешно развернувшую наступательные операции в направлении Новороссийск-Белореченская. 17 марта 1920 г. IX армия под командованием И.П. Уборевича освободила Екатеринодар. В ее состав входил 1-й конный корпус Д. Жлобы, в рядах которого отважно сражались Нух Наурзов из а. Джамбечи и Сагид Коджесау из а. Хаштук. 21 марта 1920 г. Майкоп был освобожден, а 31 марта был создан Горский ревком, на который возлагалась задача «...энергично обслуживать и защищать интересы трудовых горцев». На большей части территории Кубани была восстановлена Советская власть.

В годы Гражданской войны в рядах Красной армии сражались 2847 граждан Адыгеи, из них 675 – адыгейцы. Многие из них служили в Первой конной армии С.М. Буденного, а также в кавалерийской бригаде И.А. Кочубея. Активными борцами за победу народной власти, наряду с Мосом Шовгеновым, были Гошевной Шовгенова, Хаджи Мурза Лафишев, Муса Мамижев, Даут Гетекулов, Осман Азаматов, Петраш Цезанов, Нух Наурзов, Нагой Тхагапсов, Сагид Коджесау, Шахан-Гиреем Хакурте и др. Многие, очень мно-

гие адыги пали смертью храбрых. Как пророчески предвидели большевики-авторы листовки Кубанского комитета РСДРП (1905 г.), «...в революционной борьбе многие из нас погибнут. Ну, что же! Наши кости благословят тысячи народных рук; над нашей могилой заплачут миллионы молодых благодарных очей нового поколения. Над мрачной же могилой врагов наших повиснет страшное проклятие!».

10.1.2. Белый террор в Адыгее

Осенью 1918 г. Кубань была полностью захвачена белогвардейскими частями Деникина. Была восстановлена власть войсковых атаманов. В Адыгее наступила полоса тяжелейшей реакции. Фактически деникинские власти развернули настоящий белый террор против коммунистов и мирного населения.

Белогвардейцы делали ставку на национализм, на разъединение людей по национальному признаку. В Екатеринодаре, Майкопе и других городах белыми учреждались специальные комиссии, призванные привлекать к суду рабочих и крестьян, принимавших участие на стороне революции. Только в Майкопе в течение первых трех дней оккупации было убито около 4 тыс. чел., а спустя две недели число убитых возросло до 7 тыс. чел. («История сельского хозяйства...», 1994. С. 59).

10.1.1.1. «Горские аулы сносились белыми добровольцами с лица земли; население, не успевшее бежать, – вырезалось...»

Поистине, всякому полностью воздаст твой Господь за их дела: ведь Он сведущ в том, что они творят...

Коран. Сура 11; 113.

И трупы их оставит на улице города. И многие из народов и племен будут смотреть на трупы их три дня с половиной, и не позволят положить трупы их во гробы...

Библия. Апокалипсис (11; 8-9).

В конце сентября 1918 г. Майкоп захватили белогвардейские части генерала Покровского. «Горские аулы сносились белыми добровольцами с лица земли; скот и все добро грабилось, сакли разрушались и сжигались; население, не успевшее бежать, – вырезалось...», – вспоминал эти черные дни С.М. Киров (1919).

Как потом отмечал С.В. Расторгуев, большинство красногвардейцев, «...будучи окруженными со всех сторон, дрались до последней минуты своей жизни. Они умирали с оружием в руках». За то, что население города оказало белогвардейцам упорное сопротивление, генерал Покровский наложил на него контрибуцию в 1 млн. руб., которую необходимо было выплатить в 3-х дневный срок. За невыполнение этого требования каратель угрожал сжечь город дотла. Жители смогли уплатить ее частично.

Черным в истории Майкопа стал день 21 сентября. «За день частями дивизии по приблизительному подсчету было изрублено свыше 1500 большевиков и взято в плен около 1000», – восторженно сообщал 25 сентября 1918 г. корреспондент газеты «Кубанец». В качестве «награды» своим «доблестным» воинам генерал Покровский на три дня дал им полную свободу действий, – фактически отдал город на разграбление. Не это ли предвидели библейские пророки, свидетельствовавшие: «В городе люди стонут, и душа убиваемых вопиёт, а Бог не воспрещает того» (Книга Иова, 24; 12). Или: «Много убитых ваших... положили в сем городе, и улицы его наполнили трупами» (Книга пророка Иезекииля, 11, 6).

В фондах Истпарту бывшего краевого архива КПСС (ф. 2830, д. 645) сохранились следующие свидетельства очевидцев о расправе белоказачков в Майкопе: «Всю ночь на 21 сентября и в последующие дни царил дикий разгул пьяных казаков и офицеров. Все население окраин сидело в подвалах и пряталось на чердаках, где их находили головорезы-казаки... По распоряжению самого Покровского началась рубка красноармейцев. Их выводили целыми сотнями, заставляли сначала рыть большие могилы, а потом им по очереди рубили головы. Многих зарывали живыми. В особенности отличились в рубке голов местные майкопские белогвардейцы Сергей Передериев и Иван Шопин... В кровавый день 21 сентября было расстреляно, зарублено, повешено, закопано живыми свыше 4000 красных бойцов и трудящихся Майкопа. Покровский разрешил три дня грабить и вешать не только большевиков, но и подозреваемых в сочувствии Советской власти». Как говорили библейские пророки, «...земля эта наполнена кровавыми злодеяниями, и город полон насилий» (Книга пророка Иезекииля, 7; 23). Или у него же: «И отдам тебя в руки людей свирепых, опытных в убийстве...» (21; 31).

Не так давно были опубликованы ранее засекреченные воспоминания эмигранта Н. Вороновича. Он рассказал о страшных массовых расправах над сторонниками Советов в Адыгее. Нельзя без содрогания читать эти свидетельства очевидца: «После захвата Майкопа в сентябре 1918 г. отрядом генерала Покровского были расстреляны и повешены пленные. На следующий день казни продолжались, но не хватало виселиц. Изрядно подвыпившие казаки обратились к генералу с просьбой разрешить им рубить головы осужденным. Генерал разрешил. На базаре около виселиц, на которых болтались казненные уже большевики, поставили несколько деревянных плах, и охмелевшие от вина и крови казаки начали топорами и шашками рубить головы рабочим и красногвардейцам. Очень немногих приканчивали сразу, большинство же казнимых после

первого удара вскакивали с зияющими ранами на голове, их снова валили на плаху и вторично принимались дорубивать» (Цит. по: «Революция и гражданская война...», 1991. С. 160). Не эту ли братоубийственную бойню предвидел 500 с лишним лет назад Нострадамус:

Вся жизнь перепахана бешеным бунтом,
Раз Север мятеж направляет на Юг,
Свои бьют своих на обугленном грунте,
И кровь на кустах появилась не вдруг...

21 сентября, в день, когда от рук белогвардейцев потоками лилась кровь и город был завален тысячами трупов, собралась городская Дума. Перед открытием ее заседания священники Сократов и Молчанов отслужили благодарственный молебен по случаю взятия белыми Майкопа и заодно благословили «деяния» генерала Покровского. Можно лишь предполагать, какими библейскими текстами духовные пастыри напутствовали карателей. Может быть, этим? «Он прогонит врагов от лица твоего и скажет: истребляй!» (Второзаконие, 33; 27). Или этим? «Ибо руки ваши осквернены кровию и персты ваши – беззаконием» (Книга пророка Исайи, 59; 2-3).

10.1.1.2. Волна беззаконий и террора прокатилась по аулам, станицам и селам Адыгеи

С нами что хотели, то и делали банды белой армии, – грабили, убивали и издевались, делали всевозможные над нами пытки.

Из письма жителей а. Асоколай (19.07.1920).

Волна беззаконий и террора прокатилась по аулам, станицам и селам Адыгеи. Репрессии проводились в отношении всех сторонников Советской власти. Как приказывал генерал Л.Г.Корнилов, «...в плен не брать! Чем больше террора, тем больше победы». Ему вторил генерал В.Л.Покровский, говоривший, что *лучше повесить тысячу невиновных, чем оправдать одного виновного*. Верным помощником деникинцев в проведении карательных акций стала «Дикая дивизия» под командованием Султана Келеч (Клыч)-Гирея, о чем речь пойдет ниже. О бесчинствах белых на Кубани сообщал и его ближайший сподвижник генерал С.Г. Улагай: «Все города провожали нас с ненавистью...». Как писали библейские пророки, «...и будут разорены населенные города, и земля делается пустою» (Книга пророка Иезекииля, 12; 20).

Репрессии охватили многие аулы Адыгеи. Только в а. Габукай деникинцами было убито 320 жителей; в ауле осталось 600 сирот, вдов и стариков. Этот аул, как и окрестные хутора, в 1920 г. был вторично подвергнут разорению отступающими деникинскими войсками. «С нами что хотели, то и делали банды белой армии, – писали жители аулов Асоколайского общества в Екатеринодарский Совет 19 июля 1920 г., – грабили, убивали и издевались, делали всевозможные над нами пытки». Как писал о тех временах И. Сельвинский:

Ехали казаки до дому из набега.
По усищам патока, по бородинам мед.
Только что там завтра? Ведь наша жизнь – копейка:
Не дорубит шашка – дохлопнет пулемет!

Vae victis! («Горе побеждённым!»), – восклицает очевидец белого террора на Кубани и в Адыгее некий Фарафонов. Во всех станицах белогвардейцы водворяли «законность и порядок», производили «чистку». Несмотря на то, что при отступлении революционная армия увлекала за собой десятки тысяч беженцев, причём не только активные большевики, не только все способные носить оружие, но и семьи, родственники, близкие уходили от мести озверевших белогвардейцев, и остались только те, которым, казалось, нечего было опасаться, – всё же белогвардейцы производили чудовищные насилия над оставшимся безоружным, беззащитным населением. Белые каратели грабили имущество, сжигали аулы горцев и казачьи станицы, расстреливали женщин, детей и стариков. Не это ли предвидели библейские пророки: «Кого схватят – падет от меча. И младенцы их будут разбиты пред глазами их, дома их будут разграблены и жены их обесчещены» (Книга пророка Исайи, 13; 15-16).

Расстреливая рабочих, крестьян и взятых в плен красноармейцев, каратели заставляли их рыть себе могилы. Большевикам белогвардейцы выламывали руки, вырезали на их теле звезды. Истекавших кровью Н. Лоханина и А. Глотову связали веревками и надолго повесили вниз головой. Но, даже находясь в таком мучительном положении, они запели Интернационал. Тогда белогвардейцы не выдержали и изрубили их на куски.

«Части белой армии, – вспоминает Фарафонов, – входили в станицы, встречаемые местными кулаками и богатеями «хлебом и солью», и начинали генеральную чистку «большевистского элемента», вешали и расстреливали даже тех, кто усердно ходил на собрания и митинги; иногородних крестьян повально порол, а казачьи семьи, из которых родственники ушли в Красную армию, разорялись кулаками-богатеями. За одно слово «товарищ» – засекали человека насмерть. Пьяные чеченцы, калмыки, юнкера насиловали жён и детей «большевиков» – добровольцев Красной армии. Местные станичные тюрьмы-казематы были переполнены, полевые суды не успевали рассмотреть списка своих жертв, как погромщики (из кулачья) набрасывались на «красных» и тут же на станичных площадях, перед церквями, убивали» (Цит. по: Гольдентул И, 1924. С. 93-94).

В аулах карательные экспедиции белых проводили «волчьи сотни», действовали специальные военные комиссии. Выжигались целые хутора, население которых поддерживало советскую власть. Так, в ходе

карательной экспедиции был полностью razoren х. Касаткин, дотла сожжен х. Орехов, частично уничтожен х. Чернышев и др. (Джимов Б.М., 1976. С. 181, 186).

Осенью 1918 г. банды Султана Клыч-Гирея схватили Моса Шовгенова вместе с Гошевной Шовгеновой и в ауле Хакуринохабль зверски расправились с ними. Белыми бандитами были расстреляны также красноармейцы Махмуд Могуков и его сестра Чишхан, инструктор Муса Мамижев, Махмуд Хатит и многие другие. Были приговорены к расстрелу и просветители адыгов С. Сиюхов, И. Цей, А. Бжасо, но по настойчивому ходатайству жителей аулов были «помилованы». Вспоминая эти зверства белых карателей в Адыгее, нельзя не вспомнить трагически-мрачные слова М. Булгакова: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, от начала же революции второй... И особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс».

22 марта 1920 г. в Майкоп вступили части 1-й Конной армии. Все Кубано-Черноморье было освобождено от полчищ белогвардейцев.

10.1.1.3. «Дикая дивизия: ...это вихрь, грозный, беспощадный ураган, сметающий на своем пути все живое»

Какая же эта дикая стихийная красота – «кавказец в работе». Это вихрь, грозный, беспощадный ураган, сметающий на своем пути все живое. Страшно смотреть, когда они мчатся на врагов бешеным галопом...

А.Е. Котомкин (1915, 7 февр.).

Война – это, по их (горцев) мнению, – рукопашный бой, честный открытый бой, когда враги сходятся грудью с грудью и меряются силой. Они хотят сводить счёты в рыцарском поединке. Современные способы войны приводят их в негодование.

Де-Пассан (1915, 27 марта).

«Дикая дивизия»... Для сегодняшнего читателя это название мало что говорит, – разве что вспомнятся какие-то карательные акции этой дивизии против народа. Однако оценивать ее деятельность только с этой стороны, разумеется, нельзя.

НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. История возникновения этого воинского соединения восходит еще к предвоенному периоду. На фронтах первой мировой на стороне России принимало участие много адыгов. Из числа добровольцев-горцев была сформирована Кавказская конная туземная дивизия, получившая название «Дикая дивизия». Один из шести ее полков, в котором служили адыги из Майкопского, Екатеринодарского, Баталпашинского отделов назывался «Черкесским». Добровольцы находились в каждом ауле, только из аула Хакуринохабль ушли на войну больше 20 адыгов.

Формированию этой дивизии посвящено исследование О.Л. Опрышко (1993). В самом начале войны 1914 г., – пишет автор, доверенные лица – «почетные представители от селений Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ Балкарии» собрались в Нальчике и вынесли решение о формировании в Нальчикском округе конного полка для участия в боевых действиях. Несколько позже начальник Терской области генерал Флейшер сообщил: «...Государь император вполне одобрил и утвердил распоряжение относительно формирования Кабардинского конного полка и рад горячему порыву населения Кабарды и Горских обществ».

По кабардинским селениям и балкарским аулам комитетами и комиссиями начал проводиться отбор добровольцев в полковые сотни. Кабардинский конный полк стал первым полком 1-й бригады Кавказской конной дивизии, в которую также входил и 2-й Дагестанский полк. В то же время в Петербурге, Тифлисе и Владикавказе спешно решался вопрос об офицерском составе Кабардинского конного полка. Первым из них в Нальчик прибыл командир полка полковник граф И. Воронцов-Дашков. Бригадным командиром был назначен генерал-майор князь Д.П. Багратион. А помощником командира Кабардинского конного полка по строевой части в сентябре 1914 г. был назначен князь Ф.Н. Бекович-Черкасский, который, будучи самым опытным из полковых офицеров по службе и боевому опыту, сыграл важную роль в формировании полка, а потом и в его подготовке для действий на фронте (Опрышко О.Л., 1993).

В середине октября 1914 г. Кабардинский конный полк прибыл в Винницу, куда направлялись все полки Кавказской конной дивизии. Здесь, в Подолии, в окрестностях города, еще полтора месяца всадники-горцы проходили усиленную военную подготовку, чтобы успешно вести боевые действия как в конном, так, при необходимости, и в пешем строю. К концу октября в Виннице сосредоточились все бригады Кавказской конной дивизии, состоявшие из полков: 1-я – из Кабардинского и 2-го Дагестанского, 2-я – из Чеченского и Татарского, 3-я – из Черкесского и Ингушского. В состав дивизии также вошли Донской артиллерийский дивизион, мотоциклетный отряд и отряд моряков Балтийского флота.

Кавказская конная дивизия, ставшая известной тогда на фронте и как «Дикая дивизия», благодаря неустрашимости и удали ее всадников и офицеров, с воинственным кличем сметающих в конных атаках не-

приятеля, вошла во 2-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Хана Нахичеванского. В Виннице все чины кавказских полков нашли на свои черкески погоны с буквенными обозначениями «ККД» – Кавказская конная дивизия (Опрышко О.Л., 1993).

В составе 8 и 9-й армий дивизия воевала на Юго-Западном фронте. В Австро-Венгрии, у деревни Ветлино, в предгорьях Карпат, в ночь с 17-го на 18 декабря 1914 г. всадники и офицеры Кабардинского конного полка приняли свой первый бой, проявив исключительную храбрость. Смелость и отвага горцев отмечались всеми, кто видел их в бою: «Скачут они не тесной колонной, – писал один из офицеров, – а редкой цепью, что исключает возможность наибольшего попадания в них пулями, сильно пригнувшись, почти лежа на лошади, с характерным криком «но!»; особенная страсть горцев к рукопашным схваткам. Обычно горцы образуют в рядах противника «просеку», затем поворачиваются лицом на обе стороны «просеки» и начинают беспощадно уничтожать врага».

После этого боя была отправлена в Нальчик подполковнику Клишбиеву телеграмма из действующей армии от полковника Воронцова-Дашкова: «Рад сообщить о блестящей ночной схватке. Взяты нами пленные, оружие. Батальон противника понес большие потери. Паника. Бросив позицию, отступил». Телеграмма командира полка в Нальчике была размножена в копиях и разослана старшинам селений в Кабарде и обшествах в Балкарии, всадники из которых вели бой с противником на австрийском фронте.

Вслед за сообщением полкового командира в Нальчик на имя начальника округа пришла телеграмма от командира 4-й сотни штабс-ротмистра В.К. Соколовского:

«В ночь с 17 на 18 декабря 1914 г. четвертая сотня Кабардинского полка имела славный 9-часовой бой с превосходящей численностью пехотой, укрепленной в окопах. Рад сообщить представителям Кабарды и Горского общества, что их сыны с честью и славой поддержали своих предков. Смертью храбрых пали: Хату Анзоров, Асланбек Абаев, Амуш Шакманов, Исмаил Орков, Ибрагим Максидов, Люта Тумов, Диго Ходов и Хагуро Шагиров. Ранены: юнкер Исхак Эльтухов, Крым Абаев, Тита Тарлоев, Беймурза Маремкулов, Мухажид Ансоков, Масхун Цирхоев, Исмаил Охов, Хасанш Сохов, Иналукко Бетров, Таусултан Афануов, Асланбек Исламов...» (Опрышко О.Л., 1993).

До наших дней сохранилась народная кабардинская песня о героях этих боёв:

Мы смотрим на Кабарду, честь ее защищаем!
Государства великого мы защитники, мы выступаем,
В земли Австрии, большого государства мы вступаем.
На землях, куда мы вступили, бои большие ведутся,
Страх не знающий всадник в разведку уходит...
Зимой по колени снег, мы его утаптываем,
Нас, кабардинцев, чтобы не позорили, мы наступаем...

Более подробно об истории создания «Дикой дивизии» и ее участии в военных действиях на фронтах первой мировой войны и позже, – во время Гражданской войны, – рассказывается в работе А.С. Дзагалова (2007. Вып. V). С началом первой мировой войны, – пишет публицист, – в июле 1914 г. российский театр военных действий был образован из двух фронтов – Северо-Западного и Юго-Западного. На Юго-Западном фронте в составе российских войск воевали и воинские части, сформированные царским правительством России на территории Терской области Северного Кавказа. Крупнейшим подразделением из них стала Кавказская туземная конная дивизия, состоящая из добровольцев от горских народов: кабардинцев, черкесов, абхазцев, балкарцев, осетин, дагестанцев, ингушей и чеченцев. В состав дивизии также были зачислены добровольцами русские и украинцы, находившиеся в запасе или же на кадровой службе в кавалерийских и казачьих воинских частях, в задачу которых входило обучение всадников-горцев военному делу и «кавалерийскому строю».

Дивизия, которая в военном обиходе именовалась «Дикой», состояла из шести конных полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Ингушского, Татарского, Чеченского и Черкесского. (По другим источникам, «Дикой дивизией» называли только лишь Черкесский полк Кавказской туземной конно-иррегулярной дивизии).

Формирование дивизии завершилось в сентябре 1914 г., а в начале октября ее полки прибыли на Украину, в Подольскую губернию. К дивизии были прикреплены Донской артиллерийский дивизион и пулеметная команда Балтийского флота.

Кавказская туземная конная дивизия вошла в состав 2-го кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Хана Гусейна Нахичеванского. Всадники и офицеры дивизии были одеты в красивые кавказские черкески с нашитыми на них морскими погонами. Кабардинцы – в черных черкесках с синими башлыками и синими верхами черных папах, дагестанцы с красными башлыками. Выделялись также чеченцы и ингуши в желтых и синих башлыках. Красиво смотрелась 4я сотня Черкесского конного полка, состоящая из абхазцев, головы которых были обвязаны национальными белыми башлыками. У каждого всадника висел на поясе свой кинжал, а сбоку шашка.

Чтобы поднять и без того приподнятый дух горцев, во главе дивизии был поставлен брат государя-императора, – великий князь Михаил Александрович, лихой спортсмен и конник. Красивая экзотическая кавказская форма, личность царственного командира, восхищение в войсках удалыми и храбрыми горцами-всадниками привлекли в конную дивизию представителей разных национальностей, что позволило покрыть с лихвой имеющийся при ее формировании недостаток офицерских и унтер-офицерских должностей.

Дивизия стала одной из самых боеспособных воинских частей в российской армии на Юго-Западном фронте. Несмотря на то, что дивизия за время своей боевой деятельности понесла много потерь, в ней не было характерных в русской армии, особенно в последний период войны, панического бегства с позиций, сдачи в плен, отказа от ведения военных действий и выполнения приказов, неподчинения командирам и братания с врагом. При этом всадники «Дикой дивизии» на поле боя встречались не только с насильно мобилизованными воинскими частями, состоявшими из представителей второстепенных и покоренных народов, проживавших на территории империи Габсбургов: чехов, словаков, поляков, русинов, у которых практически отсутствовали желание воевать, боевой дух и дисциплина, но и с наиболее боеспособными частями неприятеля – венгерской кавалерией, тирольскими стрелками и германской пехотой (Опрышко О.Л., 1999; Дзагалов А.С., 2007. Вып. V).

Во время первой мировой войны Чеченским и Татарским полками Кавказской («Дикой») дивизии командовал генерал-майор российской армии Константин Николаевич (Едидж Исметлович) Хагондоков (1871-1960). С 1916 г. – военный губернатор Амурской области, наказной атаман Амурского казачьего войска. В начале Гражданской войны эмигрировал во Францию. Написал мемуары (Хотко С.Х. 2007. С. 314-319).

На страницах газеты «Львовское военное слово» за 7 февраля 1915 г. опубликован очерк «Горцы», где автор – А.Е. Котомкин описывает быт горцев, прибывших в армию в качестве добровольцев. «Правду сказать, – пишет он, – набрались мы с ними первое время хлопот. Люди, не понимающие техники современной войны, но готовые каждую минуту рвануться на врага, в десятки раз превышающего их численностью, эти люди заставляют каждый момент беспокоиться за целостность их голов. Слово «нельзя» для них не знакомо, не существует, и стоит многих усилий отговорить их от той или иной явно опасной выходки, но зато, – *какая же эта дикая стихийная красота – «кавказец в работе». Это вихрь, грозный, беспощадный ураган, сметающий на своем пути все живое.* Искать живых после «дела» горцев – напрасный труд. Их вы не найдете. Удар горцев поразительно меток, промаха не бывает. Страшно смотреть, когда они мчатся на врагов бешеным галопом. Характерные, восточные, сильно подвижные лица принимают какое-то сатанинское выражение. Глаза горят, точно уголья. Рот искривлен в злобной гримасе, а сквозь зубы несется кошмарный вой – «ы...ы...ы» (Цит. по: Дзагалов А.С., 2007. Вып. V).

Приведем еще несколько свидетельств очевидцев: «Дикая дивизия» – так называют кавказских добровольцев, находящихся под командой Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича. Эти доблестные сыны кавказских гор производят на наших врагов сильное впечатление, вызывая у них панический страх. Отбросив в сторону винтовки, с кинжалом в зубах они, как змеи, подползают к неприятельским траншеям, батареям и нередко убивают в них всех до единого человека, не производя ни малейшего шума...».

В своем очерке «Дикая дивизия» («Юго-Западный край», 1915, 27 марта) Де-Пассан особо подчеркивает, что отряды, сформированные из черкесов, чеченцев и других кавказских народностей, – творят на фронте чудеса храбрости: «Эти истинные «дети природы» сохранили понятия о мужестве и военной доблести в самой первобытной простоте. Война – это, по их мнению, рукопашный бой, честный открытый бой, когда враги сходятся грудь с грудью и меряются силой. Они хотят сводить счеты в рыцарском поединке. Современные способы войны приводят их в негодование. Стрелять на расстоянии, не видя врага, косить пулеметами колонну за колонной, сидеть в окопах – это не для них. Они – «поэты войны» и им необходимо упоение боем» (Цит. по: Дзагалов А.С., 2007. Вып. V).

В середине июля 1915 г. в расположение дивизии приехал военный корреспондент популярного журнала «Нива», выходившего в Петрограде, Н.Н. Брешко-Брешковский. В своем очерке «Кавказские орлы в Галиции» («Нива». Вып. 34) он пишет:

«...Штаб дивизии кавказских орлов, слетевшихся на этой галицийской равнине из Осетии, Чечни, Кабарды и Абхазии, отовсюду из гордой страны прирожденных воинов, с детства джигитующих и владеющих шашкой, помещается в небольшом еврейско-польском местечке. На каждом шагу попадаются – вот уж никак нежданные-невиданные здесь – всадники Кавказской дивизии. Одни в нарядных черкесках, другие попросту в черных бешметах, оружие – шашки, револьверы и кинжалы в серебре... Папахи лихо откинута назад на бритых головах, и лица, обожженные солнцем, с таким резким очертанием линий, говорящих о другой, далекой стране, и других небесах, улыбаются с наивным приветом... К своим прежним Георгиевским крестам они успели заслужить новые, заслужить ценою этих самых подвигов, о которых уже прокатилась молва по всем закоулкам необъятного отечества нашего. Прирожденные воины... Бранное поле со всеми кровавыми переживаниями – родная стихия для них. Безмерная храбрость и такая же выносливость...»

Горцы, все на подбор лихие джигиты, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то беззаветным восточным фанатизмом боготворят своего вождя – Великого князя Михаила Александровича. Между собою они любовно называют его «наш Михаил». Великий князь поименно знает всех своих офицеров, до прапорщиков включительно.

Слетевшиеся из Чечни, Кабарды и Осетии на бранный пир кавказские орлы хотя и привезли с собою свои партизанские повадки, свою одиночную, если так можно выразиться, удаль, но это нисколько не мешает им представлять собою стройную, регулярную, хорошо обученную часть.

Казалось бы, по самой порывистой и огненной натуре своей, сохранившие до сих пор еще на войну рыцарские взгляды средневековья кавказцы должны презирать нынешнее кротовое закапывание и сидение в око-

пах. Так оно, впрочем, и есть. Но это нисколько не мешает кавказцам терпеливо и стойко вести позиционную войну. Конечно, это для них неизбежное зло, конечно, величайшим счастьем рисуется им стремительная атака или даже более энергичное, чем сидение в окопах, действие в пешем строю. Стихийной, бешеной лавиной кидаются они, артистически работая острым, как бритва кинжалом, против штыков и прикладов. Австрийцы давно прозвали кавказских орлов «дьяволами в мохнатых шапках» (Цит. по: Опрышко О.Л., 1993).

«ДИКАЯ ДИВИЗИЯ» НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. На завершающем этапе первой мировой войны в рядах «Дикой дивизии» есаулом служил С.Г. Улагай, будущий генерал белой армии. А в годы Гражданской войны командиром этой дивизии стал, тоже генерал, Султан Келеч-Гирей, о чем пишет А.В. Казаков (2005. Вып. I): «Черкесским конным полком с момента формирования 1 марта 1918 г. командовал полковник Султан Келеч-Гирей, а с назначением последнего в декабре 1918 г. командиром Черкесской конной дивизии («Дикой дивизии») командование Черкесским конным полком принял ротмистр Кучук Улагай».

Более подробно их неприглядные «деяния» во время Гражданской войны будут изложены ниже. Здесь же хотелось бы привести мнение генерала Врангеля о роли Кабардинского конного полка в белом движении на Северном Кавказе.

Правитель Кабарды Т.Ж. Бекович-Черкасский в приказе, отданном им 18 сентября 1919 г. в слободе Нальчик, писал: «Счастлив объявить всему Кабардинскому народу отзыв командующего войсками Кавказской армии генерал-лейтенанта Врангеля, сказанный мне в штабе армии о службе наших конных полков, действовавших под его командованием на Царицынском фронте, и слова Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта Деникина. Генерал Врангель, в частности, сказал мне: «Вас, правителя Кабарды, прошу передать славному кабардинскому народу, что работой Кабардинских конных полков я очень доволен; *кабардинцы выделяются из всех горских народов своей храбростью и доблестной службой на фронте*. Их службу, как равно и имена народных героев, никогда не забудет благодарная Великая Россия». Генерал-лейтенант Деникин просил передать следующие его слова: «Я знаю, какую помощь дала Кабарда Добровольческой армии, я хорошо знаю, что для кабардинского народа принесенные жертвы не легки, но Вы передайте народу, что Россия не забудет ни этой помощи, ни жертв» (Опрышко О.Л., 1993).

В начале 1920 г. белые были изгнаны с Дона и Северного Кавказа в Крым. Кровавая драма Гражданской войны была близка к завершению. Там, в Крыму, 17 мая 1920 г. генерал-майор князь Тембот Бекович-Черкасский, назначенный командиром конной бригады, обратился к своему отряду с приказом. Он напомнил о событиях, происшедших в марте в Кабарде, когда им, отрезанным от всех сил Добровольческой армии, пришлось отходить на Владикавказ, о том, что ждало их потом. И вот теперь, как говорилось в том приказе, «слава Аллаху, хотя и с большими лишениями, но с честью мы добрались до Крыма и вступили в ряды грозной, могучей Русской армии, чтобы вместе с ней кончить начатое нами еще в 1918 г. святое дело – освобождение родины от засилья большевиков».

Горечью пронизаны слова этого «патриота» своей малой родины – Кабарды: «Будьте храбры в бою – честными в миру. Оправдайте доверие к вам нового начальства в Крыму, так же как на берегах Волги и степях астраханских, и докажите, что вы кабардинцы. В чем да поможет вам Всевышний Аллах» (Цит. по: Опрышко О.Л., 1993).

10.1.1.4. «Ни при каких обстоятельствах для подавления каких-либо беспорядков в России мы, горцы, не должны быть привлечены»

...Все чины нашей «Дикой» дивизии преисполнены желанием наилучшим способом исполнить свой долг перед Россией и, кому суждено – вернуться, не замазав честь тех народов, которые послали нас и теперь вправе этого ожидать от нас.

Султан Крым-Гирей (1917, 15 июля).

После корниловского выступления на Петроград летом 1917 г., – пишет О.Л. Опрышко (2007), – некоторая часть российской «демократической» прессы инспирировала шумиху по поводу «контрреволюционности» Кавказской конной («Дикой») дивизии и якобы исходившей от нее постоянной угрозы.

В связи с этим 2 сентября 1917 г. Петроградское телеграфное агентство передало на всю Россию сообщение, связанное с кавказскими полками. Телеграфное агентство, «...за подписью председателя корпусного комитета, командира Черкесского конного полка полковника Султана Крым-Гирея, врача Кабардинского конного полка Бекмурзы Шогенова и представителей других частей корпуса», – опубликовало воззвание ко всем гражданам России, в котором, в частности, особо подчеркивалось, что «Конная туземная дивизия, развернутая в корпус, с самого начала революции примкнула к ней решительно и бесповоротно... Всеякие выпады по адресу Туземного корпуса будем считать носящими характер инсинуации и провокации».

Почти за полтора месяца до «корниловского мятежа», 15 июля 1917 г., в газете «Новая жизнь» в Екатеринодаре была помещена публикация «Кавказская туземная конная дивизия» (Письмо полковника «Дикой дивизии»), подписанная уроженцем Кубанской области полковником Черкесского конного полка Султаном Крым-Гиреем. Этот материал перепечатали екатеринодарские газеты «Вольная Кубань» и «Листок войны». 13 сентября

публикация была помещена и в газете «Терский вестник» во Владикавказе. «Письмо» полковника Крым-Гирея было весьма актуально в то тревожное и напряженное время политической борьбы и нестабильности в России.

«С самого начала этой великой войны на Западном фронте непрерывно работает целая дивизия кавказских добровольцев, – читаем в «Письме» Султана Крым-Гирея. – Не мне напоминать читателю о славных делах этой дивизии. Они достаточно ярко обрисованы, почти во всех сообщениях Верховного Главнокомандующего и в бесчисленных корреспонденциях с театра войны.

Достаточно, если вспомнить о действиях так называемой «Дикой дивизии» в прошлогоднем наступлении генерала Брусилова, когда наша дивизия за лето 1916 г. сделала 16 конных атак, причем в каждой из этих атак принимали участие не менее сотни, а зачастую дивизионы, целые полки и даже бригады. Атаки эти производились неоднократно против нерастроенной австро-германской пехоты, тяжелых и легких батарей и пулеметов. В числе прошлогодних трофеев дивизии были: 6 германских тяжелых гаубиц, много пулеметов и несколько тысяч пленных германцев и венгров. За это же время наша дивизия ходила в атаку и в пешем строю, совершая подвиги, чем приводила в восхищение как боевых соседей, так и высший командный состав... Я могу заверить своих земляков и читателей, что все чины нашей «Дикой» дивизии преисполнены желанием наилучшим способом исполнить свой долг перед Россией и, кому суждено – вернуться, не замарав честь тех народов, которые послали нас и теперь вправе этого ожидать от нас...»

Далее Султан Крым-Гирей в публикации касался обстановки накануне и после Февральской революции 1917 г. «...Перед самым переворотом ходили упорные слухи, что нашу дивизию возьмут в Петроград для поддержания ускользавшей власти старого правительства... К величайшему счастью старая власть нас для этих целей не беспокоила, и мы продолжали нести нашу почетную, боевую службу на поле чести.

Когда переворот [в феврале] совершился и новое правительство стало нуждаться в опоре верных долгу войск – стали поговаривать, что нас могут для наведения порядка в России взять в тыл. На эти слухи я, как председатель Комитета Кавказской конной дивизии и полкового Комитета Черкесского конного полка, неизменно отвечал, что ни при каких обстоятельствах для подавления каких-либо беспорядков в России мы, горцы, не должны быть привлечены, и свое отрицательное отношение к этому вопросу объяснял так:

Несмотря на то, что наши мусульманские полки в настоящее время самые надежные и они всецело (как подобает истинным солдатам) повинуются своим начальникам и Временному Правительству, но все же они не чисто русские люди... Великая Россия сумеет найти среди своей многомиллионной армии верных долгу людей. Русская болезнь должна быть вылечена русскими же средствами, т. к. если необходимо, то русские полки должны сами навести порядок внутри страны. Если бы я был среди русских солдат, то звал бы их всех исполнить свой долг перед родиной как на фронте, так и в тылу... Если бы среди нашего горского населения появились бы политические или иные группы людей, готовых погубить Россию и русскую свободу, то все наши конные полки и я первый пошел бы против них и своими усилиями уничтожили бы подобные явления. А против русских людей, какие бы преступления они ни совершали, не следует нас посылать. Я убежден, что таково господствующее мнение наших полков и всего горского населения...

Все это дает право, – завершает свое «Письмо» полковник Султан Крым-Гирей, – надеяться, что нашей дивизии нет и не будет в Петрограде. Она с беззаветным мужеством будет прикрывать Родину от грозного наступающего внешнего врага...» (Цит. по: Опрышко О.Л., 2007).

10.1.1.5. «Сын луны» Султан Келеч-Гирей: к кровавой биографии белого карателя

Кто делает благо – для своей души; а кто делает зло – против нее.

Коран. Сура 45; 14.

Волны Гражданской войны опустошительно прокатывались вдоль и поперек Адыгеи. Дорого обошелся Адыгее 18-й год. Чуть ли не каждая канава, обрыв и ямы хранят останки сложивших головы свои...

В. Черный (1928).

«Дикая дивизия» оставила после себя кровавую память о пребывании в Адыгее. На завершающем этапе первой мировой войны в рядах этой дивизии есаулом служил С.Г. Улагай, будущий генерал белой армии. А в годы Гражданской войны командиром этой дивизии стал генерал Султан Клыч-Гирей Шаханович (он же Келеч Шаган-Гиреевич). Клыч-Гирей (15.03.1880-17.01.1947) – уроженец а. Уляп, из семьи очеркесившихся крымских Гиреев, обосновавшихся в Черкесии в XVIII в. и сформировавших здесь особую группу аристократии, известную как *хануко* – «сыновья [потомки] хана».

Султан Клыч-Гирей родился в 1880 г. Окончил 4 класса Ларинской гимназии в г. Санкт-Петербурге. В 1897 г. он вступил вольноопределяющимся в 18-й Северский драгунский полк Датского Христиана IX полк. С 05 сентября 1897 г. обучался в Елисаветградском кавалерийском юнкерском училище; с 28 декабря 1901 г. – корнет 12-й уланского Белгородского полка. В 1905 г. он произведен в поручики, а в 1907 г. переведен в Кав-

Белые генералы на службе у гитлеровцев: посещение генералом П.Н. Красновым казачьей дивизии под командованием немецкого генерала фон Панивица. Честь отдает генерал А.Г. Шкуро, справа от него генерал Султан Клыч-Гирей. 1943 г.

что писал о «деяниях» кровавого генерала очевидец В.Черный (1928): «Султан Келеч-Гирей дал Корнилову хороший крепкий отряд черкесов-добровольцев, разудалых головорезов, готовых в любую минуту на расправу. Не за страх, а на совесть этот «актив» охранял покой корниловских офицеров и в 1918 г., проделав знаменитый «Кубанский ледяной поход». И в Ставрополе, и на Кубани, и на Украине, и в Крыму это они «приводили в порядок» непокорное население и память ужаса об этом хранится до сих пор на местах, где прошла «Дикая дивизия» Султана Келеч-Гирея».

На счету банды Султан Келеч-Гирея сотни жертв адыгов, в том числе Мос Шовгенов и его жена Гошевнай. И вновь слово очевидцам кровавой расправы. Как они отмечают, с приходом белых М. Шовгенов скрывался в а. Хатажукай. Банды Султан Келеч-Гирея проводили жестокую расправу со всеми сочувствующими Советской власти. Осенью 1918 г. Султан Келеч-Гирей обманным путем, используя для этой цели «почетного старика» Хаджи Шумгохова (Шулнахова), арестовывает М. Шовгенова в а. Хатажукай и привозит в а. Хакуринохабль, якобы для переговоров. На крыльце правления полковник Шестаков избивает М. Шовгенова. Затем лежащего на земле большевика избивают всадники. В тот же момент, как видно из показаний свидетелей Даурова и Чамокова, стоящий на крыльце Едык Тыков крикнул: «Разве так бьют? Рубить надо его, и куски разбросать собакам!». После этого ему отрубили ноги и руки, а оставшуюся часть тела привязали к хвосту коня, протащили по главной улице а. Хакуринохабль, выволокли за его пределы выбросили в канаву.

Мучениям была подвергнута и Гошевнай Шовгенова. Перед казнью она была подвергнута изощренным издевательствам и пыткам. Надругавшись над ней, белогвардейцы зарубили мужественную патриотку шашкой. Потомки должны знать пофамильно убийц Моса и Гошевнай Шовгеновых: Вот имена тех, кто участвовал, по приказу генерала Султан Келеч-Гирея, в их казни: полковник Кучук Улагай, полковник Шестаков, Султан Забит-Гирей (Султан Забыт-Черий), Юнус Багов, Мхамчерий Жемадуков, Тах Потоков, Едык Тыков и Хапекеж Хачемизов. Как здесь не вспомнить эпизод из библейской истории: «А Иасон нещадно производил кровопролитие между своими согражданами, не размышляя о том, что успех против одноплемеников есть величайшее несчастье...» (2-я Книга Маккавейская, 5; 6).

«Отлавливая» большевиков, как цинично называли эту акцию белые каратели, они строго руководствовались приказом Султан Келеч-Гирея: «Вам известны большевики-черкесы. В случае задержания их, не трудитесь доставлять их в штаб, а отведите на Кубань и расстреливайте!». Стремясь сыграть на религиозных чувствах своих соотечественников, белогвардейский каратель обращался к ним со следующими словами: «Истинно говорю вам, – *безупречный мусульманин определенно попадет в рай с прощением ему всех грехов*, – клянусь Кораном, который у меня подмышкой, – *тот, кто убьет или повесит хоть одного большевика-черкеса!*». (Цит. по: Беджанов М.Б., 1999. С. 92; 186).

казский запасной кавалерийский дивизион; в сентябре 1909 г. – штабс-ротмистр, с 13 октября 1909 г. – обучался в Офицерской кавалерийской школе, которую окончил на «отлично» в 1910 г.

С началом первой мировой войны 09.09.1914 г. переведен из 12-го уланского Белгородского полка в Черкесский полк Кавказской Туземной конной дивизии командиром 2-й сотни. Тяжело ранен 05.05.1915 г. В марте 1916 г. произведен в ротмистры; в апреле 1916 г. – в подполковники; в июле 1916 г. – в полковники.

За служебные отличия и мужество, проявленное на фронтах первой мировой войны, награжден орденом св. Станислава 3-й степени (1906), мечами и бантом к ордену св. Станислава 3-й степени (1915); орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, «для нехристиан установленным» (09.01.1915), св. Анны 2-й степени с мечами (05.09.1915), св. Анны 3-й степени (10.12.1911); мечами и бантом к ордену св. Анны 3-й степени (21.11.1915), орденом св. Анны 4-й степени, «для нехристиан установленным» с надписью «За храбрость» (05.11.1915), орденом св. Станислава 2-й степени с мечами, «для нехристиан установленным» (03.09.1916) (Казаков А.В., 2006).

После революции в марте 1918 г. Султан Клыч-Гирей возглавил Черкесский конный полк, сформированный в а. Шенджий, и в том же месяце стал командиром 2-й бригады 1-й конной дивизии. Кубанской Радой 12 марта 1918 г. ему был присвоен чин генерал-майора («Сокровища культуры...», 2007. С. 153).

С декабря 1918 г. Султан Клыч-Гирей – командир Черкесской конной («Дикой») дивизии. «Дикая дивизия» стала верным помощником денкинцев в проведении карательных акций. Вот

Погромы аулов, убийства, насильственная мобилизация подростков от 14 до 17 лет, побег с украденной полковой казной за границу, – вот далеко не полный перечень злодеяний Клыч-Гирея на Земле адыгов. Много лет спустя, когда его судил советский суд, Султан Клыч-Гирей вынужден был признать: «Возглавляемая мною «Дикая дивизия», действуя на протяжении всего периода Гражданской войны на Кавказе, чинила грабежи, насилия и издевательства в отношении мирного населения. Всадники моей дивизии принимали участие в убийствах».

После Гражданской войны Султан Келеч-Гирей бежал с остатками своего «войска» во Францию. В газете «Адыгейская жизнь» за 1928 г. (№ 23, 20 марта) сохранилось любопытное обращение к бывшему генералу от жителей Адыгеи: «Слышишь ли, Султан Келеч-Гирей, дрессируя сейчас английских кобыл для цирка все еще той же плеткой, которой загонял черкесов в мобилизацию, – слышишь ли ты, как сегодня на народе звенит оружие красных черкесов? Эх, Султан, не зазевайся: смотри, лягнет задом холеная кобыла – зубы выбьет. Она же, дура английская не знает, что ты у черкесов был когда-то «Сыном луны»!»

Интересна и поучительна дальнейшая судьба белого генерала. Во время второй мировой войны вступил в вермахт, служил в кавказских национальных частях германской армии, получил звание генерал-лейтенанта. С оккупацией в 1942 г. Кубани и Адыгеи, фашисты убеждали адыгов поддержать их в борьбе с Советской Армией. Для осуществления своих планов они привезли с собой представителей эмигрантского сословия. Большие надежды, в частности, они возлагали на Султана Келеч-Гирея, который должен был организовать из адыгов «Черкесский легион». Однако он не оправдал доверия Гитлера. Выступая в аулах Адыгеи, он, наоборот, говорил: «Оставайтесь на местах, немцы скоро покинут Северный Кавказ». Келеч-Гирей не призывал горцев вступать в немецкие части. Свое появление в лагере немецких войск он объяснял тоской по земле предков. В конечном счете, на Кубани не было создано ни одного воинского формирования в составе немецких войск из адыгов. Он пытался защитить адыгов от фашистов. Это все так. Султан-Гирей Клыч был далеко не глупым человеком. Не мог он второй раз наступить на одни и те же грабли. Генерал чувствовал близость конца фашисткой Германии, чувствовал и свою безысходность. Хотел хоть как-то искупить свои грехи в период Гражданской войны.

Несколько иные акценты в эпизоде о пребывании Султана Клыч-Гирея на земле предков во время Великой Отечественной войны расставляют авторы книги «Сокровища культуры...» (2007. С. 153): «В период оккупации Адыгеи Султан Клыч-Гирей посетил родной аул, где встречался с немногими оставшимися в живых родственниками. Он был сразу окружен теми людьми, которые *уважали его за честность и благородство, проявленные в годы Гражданской войны*. Стоило только ему кинуть клич, и он собрал бы значительный отряд адыгов и казаков – тем более что многие были ограблены и унижены советской властью. Но боевой генерал был выше низменного карьеризма, ему было чуждо желание выслужиться перед Берлином.

Он понимал, что может с легкостью сформировать некий Черкесский легион для борьбы с большевизмом, как трубила германская пропаганда. Но он понимал главное: немцы пришли ненадолго и ни в коем случае нельзя делать свой народ заложником чужих интересов. В доверительных встречах с ветеранами «Дикой дивизии» генерал убедил их не поддаваться на фашистскую пропаганду. Поведи себя генерал самолюбиво и эгоистично, то уже через год адыгейский народ вполне мог бы разделить участь ряда горских народов Северного Кавказа и быть депортированным в Среднюю Азию.

Во время событий в Линце (Австрийские Альпы), когда несколько тысяч белоказачков и горцев были выданы командованием союзников советским властям, Султан Клыч-Гирей имел возможность воспользоваться своими связями и избежать смерти, но он предпочел до конца оставаться со своими подчиненными. В 1947 г. он был задержан в Англии и выдан Советскому Союзу, доставлен в Москву и в ночь с 16 на 17 января 1947 г. казнен за враждебные действия против Советской власти в период Гражданской войны. Был женат, имел дочь» («Сокровища культуры...», 2007. С. 153-154; Казаков А.В., 2006).

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик, Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе: председательствующего – генерал-полковника юстиции В.В. Ульриха; членов: генерал-майора юстиции Л.Д. Дмитриева, полковника юстиции И.В. Детистова и секретарей: полковника юстиции М.С. Почиталина и майора юстиции А.С. Мазура в закрытом судебном заседании, в г. Москве, 15-16 января 1947 г., рассмотрела дело по обвинению:

1. Краснова Петра Николаевича, 1869 г. р., уроженца г. Петрограда, русского, бывшего командующего всеми вооруженными силами Временного правительства Керенского, атамана Войска Донского, генерала от кавалерии белой армии;
2. Шкуро Андрея Григорьевича, 1886 г. р., уроженца ст. Пашковской Краснодарского края, русского, бывшего командующего 3-м конным корпусом армии Деникина, генерал-лейтенанта белой армии;
3. *Султан-Гирея Клыча*, 1880 г. р., уроженца а. Уляп Майкопского района Краснодарского края, из князей, черкеса, бывшего командира т.н. «Дикой дивизии», генерал-майора белой армии –
– всех троих в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6 и 58-1 УК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.
4. Краснова Семена Николаевича, 1893 г. р., уроженца слободы Краснополье Сталинградской области, русского, бывшего помощника командира лейб-гвардии казачьего полка, полковника белой армии – генерал-майора германской армии...

5. Доманова Тимофея Ивановича, 1887 г. р., уроженца ст. Мигуленской Ростовской области, русского, бывшего сотника белой армии – генерал-майора Германской армии...

6. Фон-Паннвиц Гельмута, 1898 г. р., уроженца Германии, немца, из семьи помещика, генерал-лейтенанта Германской армии...

Руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного суда СССР

ПРИГОВОРИЛА:

Краснова Петра Николаевича,

Шкуро Андрея Григорьевича,

Султан-Гирея Клыча,

Краснова Семена Николаевича,

Доманова Тимофея Ивановича,

Фон-Паннвиц Гельмута,

на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., всех шестерых к смертной казни через повешение, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями

Начальник СШО Военной Коллегии Верховного Суда СССР – майор юстиции Вайнтриуб.

СПРАВКА

о приведении приговора в исполнение

Совершенно секретно

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 15-16 января 1947 г. в отношении осужденных к ВМН (высшей мере наказания) через повешение:

Краснова Петра Николаевича, 1869 г. р.;

Шкуро Андрея Григорьевича, 1886 г. р.;

Султан-Гирея Клыча, 1880 г. р.;

Краснова Семена Николаевича, 1893 г. р.;

Доманова Тимофея Ивановича, 1887 г. р.;

Фон-Паннвиц Гельмута, 1898 г. р.

– приведен в исполнение 16 января 1947 г. в г. Москве.

Зам. начальника 1-го отделения отдела «А» МГБ СССР – подполковник Балишанский (Цит. по: Беджанов М.Б., 1999. С. 362-366).

«Биография генерал-майора Султана Клыч-Гирея – пример верности долгу и родине», – на такой мнорной ноте завершают свое эссе авторы книги «Сокровища культуры...» (2007. С. 153–154). Думается, предпринятая ими попытка обелить карьериста и карателя своего народа Клыч-Гирея, мягко говоря, не корректна, а фраза: «стоило только ему кинуть клич, – и он собрал бы значительный отряд адыгов и казаков...», даже оскорбительна. Мало того, что Султан Клыч-Гирей оставил о себе кровавую память во время его пребывания в Адыгее в годы Гражданской войны. Его появление на оккупированной «родине» в немецком обозе, да еще в форме гитлеровского генерала, окончательно стирает белые пятна в «героической» биографии и характере «Сына луны» – Султана Клыч-Гирея.

10.1.1.6. Генерал Улагай: «Мне безразлично, где и кому служить...»

Развал армии Деникина совершился только исключительно благодаря грабёжам и насилиям войск над мирным населением. Все города провожали нас с ненавистью...

С.Г. Улагай (1920).

Как верный раб, проливающий кровь за Улагаев, попросил я у генерала 5 пиастров и получил ответ: «Бог вам подаст...»

Лаштабега, есаул, эмигрант (1922).

Трагична и противоречива судьба пяти братьев Улагаев, как младшего – Кучука, так и старшего – генерала С.Г. Улагая, которые оставили памятный след на Кубани и в Адыгее во время пребывания здесь белогвардейских войск. Приведем некоторые малоизвестные или даже совсем неизвестные факты из их богатой на события жизни.

УЛАГАЙ КУЧУК (23.01.1893-08.04.1953). Трагичной была судьба младшего брата Улагая – Кучука, родом из а. Суворово-Черкесского близ Новороссийска. В «Казачьем словаре-справочнике», вышедшем в США в 1970 г., сообщается следующее: «Кучук Касполетович Улагай происходил из натухайских дворян. Окончив Екатеринодарское реальное училище, поступил в Варшавский политехнический институт, но вскоре перешел в Елисаветградское кавалерийское училище, которое окончил в 1913 г.» (Цит. по: Казаков А.В., 2006).

Впервые имя Кучука Улагая мы встречаем в газетных публикациях, относящихся к 1908 г.: «18 января в помещении 2-го общественного собрания г. Екатеринодара состоялся благотворительный вечер, устроенный местной черкесской интеллигенцией в пользу горцев, пострадавших от наводнения. В числе организаторов вечера были: Кучук Улагай, Султан-Довлет-Гирей, Гамид Трахов и др.».

После окончания Елисаветградского кавалерийского училища Кучук направлен в 18-й драгунский полк корнетом, где провоевал всю первую мировую войну. В военные годы он воевал на Западном и Кавказском (Турецком) фронтах, награжден орденами св. Анны и св. Станислава различных степеней.

В вышедшей в Тифлисе газете «Кавказ» от 26 августа 1916 г. была помещена информация: «Приказом Августейшего Главнокомандующего Кавказского армией от 21 августа 1916 г., награждены военные чины Кавказской армии, за отличия, оказанные в делах против неприятеля, орденами: св. Анны 2-й степени с мечами – 18-го драгунского Северского короля датского Христиана IX полка корнет Кучук Улагай». Награждение орденом св. Анны 2-й степени с мечами означает, что он к этому времени уже имел за боевые отличия ордена: св. Станислава 3-й степени с мечами; св. Анны 3-й степени с мечами; св. Станислава 2-й степени с мечами (Казаков А.В., 2005. Вып. I). В 1917 г. Кучук Улагай – штаб-ротмистр; в 1918 г. – ротмистр.

«Кучук Касполетович Улагай – родственник Сергея Георгиевича Улагая, также *боевой офицер, ярко проявивший себя в годы Гражданской войны*», безапелляционно утверждают авторы книги «Сокровища культуры...» (2007. С. 155). Так ли это? Посмотрим же, каким образом он столь «ярко проявил себя» в годы Гражданской войны.

В вышедшей в 2002 г. книге В.С. Волкова «Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны» о Кучуке Улагае написано, что в ноябре–декабре 1917 г. он сформировал добровольческий черкесский отряд в 300 сабель, а в начале 1918 г. он выступил со своим отрядом против Красной Армии. В марте 1918 г. – командует 3-й сотней Черкесского конного полка, принимает участие в Кубанском («Ледяном») походе Добровольческой армии. С 11 декабря 1918 г. по март 1920 г. Кучук Улагай командует 1-м Черкесским конным полком Черкесской конной дивизии в составе Добровольческой армии.

Как отмечают очевидцы, «...в своих родных местах он со своими головорезами оставил памятный кровавый след». Достаточно сказать, что Кучук принимал непосредственное участие в злодейском убийстве Гошевнай Шовгеновой осенью 1918 г. Спустя год, он уже в чине полковника, принял командование черкесской конной дивизией. После взятия Екатеринодара красными он бежал со своим отрядом в горы. Совершал налеты на аулы и станицы, где установилась советская власть, грабил, расстреливал.

Отряд под командованием Кучука Улагая, в отличие от большинства частей Белой армии, в марте 1920 г. не был эвакуирован в Крым, а оставался до октября 1920 г. на стыке Абхазии, Карачая и Кубани. Это является общеизвестным фактом и засвидетельствовано во многих документах, этому посвящено произведение И. Лиманского «Партизанский отряд полковника Кучука Улагая» (Цит. по: Казаков А.В., 2005. Вып. I). Позже Кучук, как и его старший брат Сергей, с остатками отряда белогвардейцев бежал в Турцию. С осени 1920 г. он жил в Турции и Югославии. В эмиграции Кучук Улагай был близок к «кровавому» генералу В.Л. Покровскому. Будучи в Софии в 1922 г., Покровский вызвал Кучука в Болгарию, поручив ему организовать покушение на советских представителей в Софии. Но заговор был раскрыт, а сам генерал В.Л. Покровский убит. Кучук Улагай бежал в Сербию, в штаб Врангеля, а спустя год вновь появляется в Константинополе, где занимался подготовкой групп для заброски на Кубань.

Вошел в состав сформированного в декабре 1924 г. в югославском г. Дебари Русского отряда в качестве начальника пулеметной команды и совершил рейд из Сербии через албанскую границу. В конце декабря 1924 г., с боями помог вернуться в Тирану изгнанному премьер-министру Ахмету Зогу, позднее провозглашенному королем. В чине капитана 1-го класса, а с октября 1927 г. – майора (высшее воинское звание тогдашней Албании, где всего 4 чел. имели этот чин), состоял на военной службе при короле Албании. Декретом короля назначен инспектором кавалерии, позже служил в военном министерстве в Тиране и Эльбасане. С 1931 г. в Тиране состоял в ближайшем окружении короля А. Зогу, с которым находился в дружеских отношениях. В то время Улагай был назначен губернатором города Тираны – столицы Албании (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

После оккупации Албании фашистской Италией в 1939 г. (по другим данным – в 1937 г.), выехал в Иран, где к 1940 г. занимал пост начальника военного училища.

Во время второй мировой войны Кучук Улагай был командиром Кавказского горского отряда у генерала Краснова, главой Мусульманского комитета по освобождению Кавказа (Волков В.С., 2002).

В 1945 г., будучи командующим боевой группой «Северный Кавказ», в чине ваффенштандартенфюрера СС (т. е. полковника негерманских частей СС), сумел избежать выдачи советским войскам и переехал на жительство сначала в Италию, а затем – в столицу Чили Сантьяго, где преподавал в Военно-географическом институте. Незадолго до смерти был избран атаманом общеказачьей станицы в Чили.

Кучук Касполетович умер 8 апреля 1953 г., оставив жену Людмилу Петровну, сына и дочь. Похоронен на русском кладбище в Сантьяго. В бывшем доме Кучука Касполетовича Улагая в Краснодаре ныне располагается руководство Кубанского казачьего войска («Сокровища культуры...», 2007. С. 155; Казаков А.В., 2006).

Представляют интерес взаимоотношения Кучука Улагая с другим лидером Белого движения – Султаном Клыч-Гиреем. Как отмечает А.В. Казаков (2005), после ряда неудачных попыток Клыч-Гирея поднять восстание в Карачае осенью 1920 г. отношение к нему Кучука Улагая стало в целом негативное. В эмиграции в Турции, затем в Европе, между ними сохранялась известная дистанция. В одном из писем В.Л. Покровскому Кучук Улагай в 1922 г. пишет, что «...в делах Кавказа – Султан Келеч-Гирей полный ноль».

В начале 30-х гг. Кучук Улагай был избран в руководство главной политической организации северокавказской эмиграции — Народной партии горцев Кавказа. В это же время Султан Келеч-Гирей вел раскольническую деятельность в этой организации, создав свою фракцию и препятствуя принятию серьезных решений. Тем не менее, во время войны оба они выполняли указания Берлинского Северо-Кавказского комитета. В 1945 г., во время передачи казаков и кавказцев англичанами СССР в Лиенце (Австрия), Кучук Улагай предлагал свои услуги Султану Келеч-Гирею по реальному его спасению, однако последний отказался от помощи Улагая, результатом чего стала его передача СССР и последующая казнь в Москве (Казаков А.В., 2005. Вып. I).

УЛАГАЙ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ (19.10.1875-20.03.1947). Не менее трагичной была судьба старшего брата Улагая — Сергея, белогвардейского генерал-лейтенанта, родом из семьи казачьего офицера. По сообщению М.Г. Аутлева (2000), «...белый генерал Сергей Георгиевич (Ислам Гиреевич) Улагай по деду происходил из натахайских (шапсугских) узденей. Сам он, обрусевший и крещенный в православной вере, прошедший через кадетский корпус и императорские военные учебные заведения, был царским и белогвардейским генералом. Он был русским (?), но знавшим исторические корни своего рода». В 1895 г. окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, в 1897 г. — сотню Николаевского кавалерийского училища по 1-му разряду (Казаков А.В., 2006).

С 13.08.1897 г. С.Г. Улагай — хорунжий Хоперского казачьего полка, с 04.08.1904 г. — подъесаул. Участник Русско-японской войны с 19.04.1904 г. по 01.10.1905 г. В бою под деревней Дапу тяжело ранен. Награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (24.05.1904), св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (25.11.1905), св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (16.04.1905), св. Станислава 2-й степени с мечами (16.04.1905), св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (27.05.1907). С 29.05.1907 г. — заведующий хозяйством Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона Кубанского казачьего войска. Участник первой мировой войны, он сначала служил есаулом в печально известной «Дикой дивизии». Затем Улагая перевели в казачий полк.

Расширяют наши представления о «родословной» С.Г. Улагая изыскания авторов книги «Сокровища культуры...» (2007. С. 154-155): «Наряду с Султаном Клыч-Гиреем, высокое положение в белом движении занимал еще один офицер адыгского происхождения — генерал-лейтенант Сергей Георгиевич (Ислам Гиреевич) Улагай (1875-1947). Он был сыном офицера из шапсугских дворян, участвовал в русско-японской войне, на которой был тяжело ранен и награжден пятью орденами: св. Анны, св. Станислава и св. Владимира различных степеней.

В годы первой мировой войны он прошел путь от подъесаула Кубанского казачьего артиллерийского дивизиона, есаула 2-го Запорожского казачьего полка, помощника коменданта 1-го Линейного полка — до полковника (04.03.1917 г.) и командира 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска (07.06.1917 г.). Награжден орденом св. Георгия 4-й степени, другими орденами, а также Георгиевским оружием «за отличие 17 сентября 1915 г. у селения Кухоцка-Воля» (03.01.1917).

По свидетельству очевидцев, хладнокровие и распорядительность в бою, отчаянная храбрость заслужили ему уважение среди казаков. Зимой 1916 г. он уже стал помощником командира полка. Всегда ровный, выдержанный, он служил своеобразным «буфером» между вспыльчивым командиром полка и офицерами. При всем этом он очень любил лесть и не выносил поражения в споре. За смелость и решительность в проведении дерзких военных операций получил Георгиевский крест и дорогое оружие. В представлении на получение награды, в частности, было отмечено: «Награжден орденом св. Георгия 4-й степени за то, что в бою 26 июня 1916 г., командуя тремя сотнями и пулеметным взводом, под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем переправился вплавь через три рукава р. Стохода у деревни Рудни-Червице и быстро окопался на неприятельском берегу перед проволочными заграждениями врага, немедленно открывшим по нему напряженный огонь. Эта лихая переправа сотен, руководимых доблестным их начальником, много способствовала переправе нашей пехоты сравнительно с малыми потерями и дала возможность ей закрепиться на неприятельском берегу». Закончил первую мировую войну в чине полковника.

В 1917 г. С.Г. Улагай признал Февральскую революцию и был избран командиром полка, хотя и возмущался красными бантами и флагами. За участие в контрреволюционном мятеже Корнилова в сентябре 1917 г. был арестован Временным правительством. В могиловской тюрьме он оказался в одной камере с А.И. Деникиным, и это знакомство в дальнейшем помогло молодому казачьему офицеру выдвинуться.

Бежал из-под ареста на Кубань, где в ноябре 1917 г. приступил к формированию добровольческих отрядов. К середине января 1918 г. организовал Пластунский отряд на Кубани, в марте 1918 г. вошел в Добровольческую армию. С 1 июля 1918 г. — начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии. В августе 1918 г. при захвате белыми Екатеринодара С. Улагай был тяжело ранен.

С февраля 1919 г. в чине генерала назначен командиром 2-го Кубанского казачьего корпуса, с декабря командовал конной группой. По свидетельству очевидцев, он отличался несомненной храбростью и предпочитал во время боя находиться вместе с бойцами на самых опасных участках. В его дивизии были запрещены грабежи и мародерство. Белые политики пытались привлечь его к политической деятельности. Когда умер екатеринодарский атаман Успенский, этот пост был предложен С. Улагая, но тот это предложение

отклонил. В узком кругу он признавался: «Мне безразлично, где служить и кому служить. Будь то монархия или республика в каком угодно виде. Лишь бы был порядок».

Получив назначение командующим одной из деникинских армий, С. Улагай был вскоре разбит Красной Армией и бежал в Крым. В августе 1920 г. принимал участие в организации крупного десанта белогвардейских войск из Крыма на восточное побережье Черного моря, во время третьего похода Антанты против Советской России. Цель десанта: пополнить свои войска за счет кубанского казачества и образовать новый фронт против Красной Армии. Оперативный план генерала Улагая заключался в высадке главных сил (8000 штыков и сабель, 17 орудий, 43 пулемета, 3 броневых автомобиля, 3 самолета) в районе ст. Приморско-Ахтарской и вспомогательных десантов генерала Харламова (2500 штыков, 6 орудий, 25 пулеметов) на Таманском полуострове и генерала Черепова (1500 штыков, 2 орудия, 15 пулеметов) в районе Новороссийска. После этого десанта войска должны были войти в контакт с повстанческими бело-зелеными бандами генерала Фостикова, действовавшими южнее Майкопа и ст. Лабинской (так называемая «Армия возрождения России», – около 15 000 штыков и сабель), и занять с ними Екатеринодар, Майкоп, а затем всю Кубанскую область.

Десантный отряд врангелевцев под командованием генерала С.Г. Улагая 14 августа высадился в районе ст. Приморско-Ахтарской, при поддержке английских и французских кораблей. Еще два вспомогательных десанта высадились 18 и 24-25 августа у Новороссийска и на Таманском полуострове. Общая численность десантных войск оценивалась в 12 000 штыков и сабель, 25 орудий, 83 пулемета. 18-21 августа войска Улагая не предпринимали активных действий. 23 августа в штаб Улагая, в ст. Новоникитовскую прилетел на аэроплане генерал Коновалов, потребовавший «самого энергичного наступления на Екатеринодар». Но в результате внезапного «красного десанта» – скрытного проникновения красногвардейцев в тылы врангелевских войск, – наступление Улагая было приостановлено, а в начале сентября остатки белых войск спешно эвакуировались из Ачуева в Крым («Екатеринодар-Краснодар...», 1993. С. 453-454). Позже, будучи в эмиграции, С.Г. Улагай оправдывал уничтожение этого десанта тем, что якобы план высадки составлял не он, а кто-то другой, а его «заставили» командовать этой операцией.

После разгрома в сентябре 1920 г. Улагаевского десанта, Сергей Георгиевич отстранен от командования войсками и уволен из армии. Оказавшись после Гражданской войны в Турции, генерал С. Улагай сразу же занял видное положение в кругах белой эмиграции. И там он не прекращал ожесточенной борьбы против Советской республики. Летом 1921 г. генерал возглавил так называемый Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека, который из-за рубежа готовил свержение Советской власти. «Совет» создал в Турции близ Чекмеджи приемо-явочный пункт для казаков-эмигрантов, которых вербовали в Сербии и Болгарии. Из этого пункта после соответствующей подготовки их перебрасывали на Северный Кавказ.

После ряда неудачных попыток поднять казаков и горцев против советской власти генерал уходит от руководства белой эмиграции и поселяется в Марселе. К этому времени относится следующий примечательный факт. В документах ВЧК-ГПУ, отслеживавших обстановку в российской военной эмиграции, признавалось, что С. Улагай является человеком высоких моральных качеств: «...Генерал Улагай – глубоко честный, порядочный человек, прекрасный начальник и бесконечно храбрый офицер»; «Генерал Улагай – безусловно, честен, в боевом отношении отличные отзывы»; «Улагай – прекрасный кавалерист, пользуется любовью и популярностью среди казаков, способен поднять и увлечь массу».

В 1923 г. генералу С. Улагаю удалось на средства английской и французской разведок организовать контрреволюционное ядро из офицеров врангелевской армии. Однако заброшенная на Кубань банда была разгромлена в 1924 г. Спустя 7 лет следы генерала обнаруживаются во Франции (Марсель).

Сергей Улагай не сотрудничал с нацистами. Умер 20 марта 1944 г. в Марселе [по другим данным умер в 1945 г. («Большая советская энциклопедия») или 20 марта 1947 г. («Сокровища культуры...», 2007. С. 155)], а 22 января 1949 г. его прах был перезахоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

10.1.3. Грязная пена: «Железный поток» на Земле адыгов

Проблема «белого» и «красного» террора, – пишут авторы книги «Екатеринодар-Краснодар...» (1993. С. 408), – предмет специального исследования. Архивные материалы и литература изобилуют фактами такого рода; детали их ужасают... Несомненно одно: жестокие расправы творила каждая из сторон, и примерами других каждая стремилась оправдать себя. При этом инквизиции подвергались не только политические противники, но и люди ни в чем не повинные, и число жертв как «революции», так и «контрреволюции» несравнимо превышало количество членов всех политических партий.

Один из крупнейших американских специалистов в области историографии, лауреат Пулитцеровской премии Дж. Толанд (1996) как-то заметил: «Я не отношусь ни к какой группе историков. Я пишу об истории с нейтральных позиций и стараюсь показать все ее стороны... Просто пишите правду. У меня только один окончательный критерий: правда это или нет?». Перефразируя этот справедливый тезис, можно сказать, что и мы в своей книге пишем о столь больных для каждого адыга событиях Гражданской войны с нейтральных позиций и стараемся показать все их стороны (зачастую уж очень неприглядные!), придерживаясь при этом единственного критерия: правда это или нет?

10.1.3.1. «Кровавый ответ в лицах есть...»

И потекли русла, и унес поток пену вздымающуюся. И что касается пены, то она уходит прахом...

Коран. Сура 13; 18.

Всякое революционное движение не обходится без грязной пены, без карьеристов и жуликов, без проходимцев...

В.И. Ленин (1921).

В многовековой истории адыгов, как было показано выше, наиболее драматичным был XIX в., когда царское самодержавие, применив неприкрытый геноцид, уничтожило или принудительно выселило в Турцию большую часть населения. Но не менее трагичным для оставшихся горцев стал 1918 г., когда жертвой террора со стороны так называемых «красногвардейцев» оказались более 4000 адыгов. Как сказано в одной из сур Корана (23; 43), «...и постиг их вопль воистину, и сделали Мы их точно сором в потоке».

По мнению М.Х. Шебзухова и некоторых других авторов, впервые опубликовавших ранее засекреченные документы о кровавых событиях в Адыгее в феврале-марте 1918 г., эти бесчинства являются ни чем иным, как «красным террором». Их можно понять. Но здесь уместно спросить, а был ли вообще «красный террор» на Земле адыгов? Для того, чтобы исторически-объективно ответить на этот вопрос, вспомним, что же такое (и когда он был) «красный террор»? Не его ли в свое время предвидел А. Блок, когда писал:

Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего,
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый ответ в лицах есть...

10.1.3.2. «Красный террор» был... Но не в Адыгее

Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров...

В.И. Ленин (1870-1924).

В последние годы появилось большое количество публикаций, посвященных «красному террору» в России в годы Гражданской войны. Всплеск интереса к этой теме не случаен. Ведь до настоящего времени в советской исторической литературе освещался и публично осуждался лишь террор белогвардейцев, а о «красном терроре» не упоминалось, а если и упоминалось, то вскользь. Еще в начале нынешнего столетия А. Швейцер высказал мудрую мысль: «У правды нет урочного часа. Ее время всякий раз наступает тогда и только тогда, когда она кажется самой несвоевременной». Вместе с тем, такое явление как террор может быть правильно понято только во взаимосвязи с предшествующими ему событиями. Показ террора только с одной стороны («красной») может создать лишь одностороннее представление об этом явлении, подтолкнет к мысли, что якобы большевики были по своей сути сторонниками террора. Но ведь общеизвестно, что Октябрьская революция свершилась практически бескровно. Да и после ее победы до лета-осени 1918 г. Советская власть фактически не прибегала к расстрелам своих политических противников.

«Красный террор» как таковой начался в качестве ответной меры на террор и бесчинства белогвардейцев и направлен был исключительно против контрреволюционеров и буржуазии. Факты свидетельствуют, что красный террор начался после убийства комиссара по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарского в конце июня 1918 г. и подавления в Ярославле антисоветского мятежа 6 июля, т. е. много позже трагических событий в Адыгее. Восставшие осуществляли зверские расправы над большевиками и советскими работниками, расстреливали их сотнями, топили живыми (!) в трюмах барж. Не меньшие зверства чинили и англо-американские интервенты; только в Архангельской тюрьме было расстреляно 8000 чел. Лишь в ответ на эти события Советская власть официально объявила введение красного террора.

26 июня 1918 г. в секретном письме Г.В. Зиновьеву В.И. Ленин писал: «Мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы их удержали. Протестую решительно! Это не-воз-мож-но! Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров». Вслед за этим, 5 сентября 1918 г. Совнарком принял постановление о красном терроре: «Необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концлагерях (вот, оказывается, где истоки ГУЛАГовских концлагерей! – **Авт.**); подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским заговорам и мятежам; необходимо опубликовать имена всех расстрелянных...». Более того, в декрете особо разъяснялось, что уничтожению подлежали все те, кто «...по своему социальному происхождению и положению, а также по своей прежней политической деятельности и профессии, в минуты, опасные для Советской власти, могли стать в ряды ее врагов» (т. е. не были врагами, но могли ими стать. – **Авт.**). Интересно отметить, что и «Краткий курс истории ВКП(б)» тоже объяснял

необходимость введения красного террора как ответной меры на жестокость и злодеяния белых: «Эсеры, убившие М.С. Урицкого и В. Володарского и произведшие злодейское покушение на жизнь Ленина, за белый террор против большевиков были подвергнуты красному террору».

В связи с этим уместно привести выдержки из нескольких документов, имеющих непосредственное отношение к этому вопросу. Недавно появились публикации о роли В.И. Ленина в организации красного террора. С этой точки зрения интересен комментарий А.Г. Ушакова (2006): «Неизвестно, что думали о массовом терроре Маркс и Энгельс, но записки их российского последователя В.И. Ульянова сплошь пестрели такими словами, как «расстрелять», «наказать», «усмирить». Да и что ожидать от человека, который еще в 1905 г. предлагал восставшим рабочим поливать с верхних этажей городских кипятком, обильно разбавленным... серной кислотой. И все те, кто обвинял и обвиняет Сталина в массовых казнях и развязанном им терроре, будут не правы. Он ничего не развязывал, а только продолжал то, что было начато без него. И как мы очень скоро убедимся по высказываниям таких людей, как Троцкий и Бухарин, еще неизвестно, кто из них был страшней».

В частности, недавно было обнаружено письмо Ленина руководству Пензенской губернии: «Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Образец надо дать. 1). Повесить (непреренно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2). Опубликовать имена. 3). Отнять у них весь хлеб. 4). Назначить заложников... Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц-кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение. Найдите людей потверже»... В последних числах июня 1918 г., выступая на V съезде Советов, Ленин заявил: «Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи Гражданской войны, в которых не было бы расстрелов» (Цит. по: Ушаков А.Г., 2006).

Некоторые указания Ленина шокировали даже испытанных палачей. Десятки, сотни его указаний пестрят словами: расстрел, террор, тюрьма и т. д. и т. п. Например, в письме Сокольникову в 1921 г. он пишет: «...Нужен ряд образцовых процессов с применением *жесточайших кар*. Наркомюст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует *новых способов жестокости кар*». Или, например, Уншлихту – 31 января 1922 г.: «Гласность ревтрибуналов не обязательна. Состав их усилить Вашими людьми, усилить их всяческую связь в ВЧК, *усильте быстроту и силу их репрессий*». Или вот такие, сравнительно безобидные: «Тов. Каменеву: «Почему это задержалось? (имеется в виду печатание ленинских «Тезисов о внешней торговле»). Ведь я давал срока 2-3 дня! Христа ради посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-нибудь!.. Ваш Ленин» (11.01.1922). Телеграмма в Саратов тов. Пайкесу: «*Расстреливать никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты* (22.08.1918)» (Козенков Ю., 1998).

С этой точки зрения весьма характерно высказывание видного советского деятеля Я. Свердлова, относящееся еще к 1905 г.: «Революцию в белых перчатках не делают; революция не может быть без крови, без выстрелов». О необходимости пролития «потоков крови» неоднократно предупреждал и Лев Давидович Троцкий: «Мы должны ее (Россию) превратить в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и поблещут все человеческие потери капиталистических войн» (Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., 2009).

Репрессии и кровавый террор были основными инструментами Троцкого и в вопросах строительства Красной Армии: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни... пока люди будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади». С особой жестокостью Троцкий боролся против дезертирства. Известен один из его приказов, который он подписал 30 августа 1918 г.: «Приказ №31 по Красной Армии и Красному Флоту. Вчера по приговору военно-полевого суда 5-й армии Восточного фронта расстреляны 20 дезертиров. В первую голову расстреляны те командиры и комиссары, которые покинули вверенные им позиции. Затем расстреляны трусливые лжецы, прикидывающиеся больными. Наконец, расстреляны несколько дезертиров-красноармейцев...». Известны случаи применения Троцким опыта, позаимствованного из Древнего Рима. Части, оставившие свои позиции без приказов, т. е. дезертировавшие, выстраивали шеренгами и расстреливали каждого десятого. Так расправлялись только с рабами. Но что ему было до жизни или смерти этих русских мужиков, для него это было пушечное мясо, двигавшее его к своей цели... (Козенков Ю., 1998).

М.Х. Шебзухов и вслед за ним К.К. Хутыз называют события февраля 1918 г. в Адыгее «красным террором». На наш же взгляд, эти «акции устрашения» никакого отношения к террору красных не имели, а являлись всего лишь свидетельством бесчинств полууголовных элементов, прикрывавшихся красным флагом – «распущенной банды разбойников», как называл их М.В.Фрунзе. Такое уж было время, – время «великой смуты». Как писал В.Д. Федоров,

Наше время такое:
Живем от борьбы до борьбы.
Мы не знаем покоя,—
То в поту, то в крови наши лбы...

10.1.3.3. «Прошедшее не изменить...»: разные версии одной трагедии

Говорят они: Неужели же мы возвращаемся в прежнее!

Коран. Сура 79; 10.

Несчастные безумцы не понимают, что люди могут иногда изменить будущее, но никогда не могут изменить прошедшего.

А. Дюма (1802-1870).

В годы Гражданской войны, как отмечает М.А. Керашев, как революционеры, так и контрреволюционеры, с одинаковым ожесточением и зверством уничтожали предполагаемого врага, а зачастую и мирное население. Ведь не случайно народная пословица гласит: «*Даом ыкIэ заохъумэ, зымылофыбэ хэжIуадэ*» – «Если притязание кончается войной, то в ней погибает много безвинных».

К трагическим событиям в Адыгее в начале 1918 г. непосредственно были причастны бойцы Таманской армии (так называемого «Железного потока») под общим командованием И.Н. Матвеева. В донесении начальника штаба Таманской армии Г.Н. Батурина находим лишь очень краткое сообщение об этом «досадном инциденте»: «Между прочим, перед Курганной и во время стоянки там были разгромлены черкесские аулы, враждебные нам». Завидная скромность. К счастью, сохранились свидетельства очевидцев этой трагедии. Но прежде познакомимся с версиями этого трагического события и проследим, как «трансформировались» они на протяжении последних десятилетий в зависимости от политической конъюнктуры.

Приведем мнение С.Х. Сиюхова о причинах этого разгрома аулов, изложенное в начале 20-х гг., т. е. по свежим следам событий. «Не случайно, – писал он, – народная масса говорила: Революция – не наше дело, не следует нам в нее вмешиваться. При всяком ее исходе мы будем виноваты, и русские с нами поступят, как в известной басне поступил волк с ягненок». И далее он продолжает: «В а. Габукае в феврале 1918 г. поселилась группа агитаторов и стала мутить аул и подбивать его к выступлению (против красных). А тут же через реку в ст. Рязанской был штаб красного революционного отряда. Отряд потребовал выдачи оружия; черкесы тянули вопрос. Тогда отряд пошел в наступление и начались кровавые мартовские дни расправы с черкесским населением целого ряда аулов».

Интересно проследить, как позже «официальная» историография стала освещать этот вопрос, буквально поставив все «с ног на голову». Вот книга, написанная в 1947 г.: «Во второй половине февраля 1918 г. в районе а. Габукай активными действиями красногвардейцев Филипповского Военно-Революционного Совета был разгромлен крупный белогвардейский отряд Султана Каплан-Гирея». Как видно, здесь уже ни слова нет о разгроме адыгских аулов и гибели сотен их мирных жителей, а «крупный удар» был нанесен в эти трагические дни, оказывается, по белогвардейцам. Эта же версия практически без изменений переходит и в книгу Б.М. Джимова «Адыгея в трех революциях», написанную спустя почти 40 лет: «Во второй половине февраля 1918 г. недалеко от Габукай был нанесен крупный удар по Келеч-Гирею, стремившемуся разбить революционных филипповцев и соединиться с армией В.Л. Покровского».

А вот как «обтекаемо» излагают эти же события источники совсем недавнего прошлого: «Процесс укрепления Советской власти был трудным и противоречивым. Пользуясь тем, что некоторая зажиточная часть адыгов примкнула к контрреволюционному движению, отдельные командиры красногвардейских отрядов допустили случаи самовольных расправ над мирными жителями ряда аулов». Что стоит за этой общей фразой, приведенной в книге «Адыгея» (опубликованной, кстати, в разгар горбачевской перестройки и гласности)? Кто конкретно эти «отдельные командиры»? И что за «расправы»? Вопросы..., вопросы, ответы на которые авторы скромно замалчивают. Даже в книге «История Адыгеи», написанной в 1992 г. первопричину трагедии авторы объясняют следующим образом: «Эти незаконные действия объяснялись тем, что некоторая часть адыгов примкнула к белым». Что можно в связи с этим сказать? Действительно, часть горцев помогала белым (вспомним, например, «Дикую дивизию»). Да и некоторые факты, опубликованные еще по свежим следам Гражданской войны («Адыгейская жизнь», 1928, № 15, 21 февраля), также подтверждают, что «... темные, обманутые султанами и дворянами, черкесы мстили русским (не разбирая их «цвета»: красные, зеленые или белые. – **Авт.**). Были сожжены хутора: Городской, Шевченков, Петров, разграблены хутора: Чернышев, Чабанов, Дукмасов, Сидоров и много других». Но ведь здесь речь идет о темных, неграмотных горцах, вчерашних крестьянах, не разбиравшихся в политике и совершенно запутавшихся в этих всевозможных расцветках: красные, белые, зеленые, красно-зеленые. Хорошо сказал по этому поводу И. Ляпин:

Разделяясь на красных и белых,
И сшибаясь – полки на полки,
Как мы в этих запутались бедах
И в какие зашли тупики!

О том, что это была не вина, а беда темных крестьян, хорошо сказал И.В. Сталин. Беседуя со своим приемным сыном А.Ф. Сергеевым (тогда еще мальчиком), вождь попытался доходчиво разъяснить ему разницу между красными и белыми: «Ведь красные и белые – это только самые крайности. А между ними большая поло-

са от почти красного до почти белого. Так вот, люди, которые там воюют, – одни очень белые, другие чуть-чуть розоватые, но не красные... Никогда не думай, что можно разделить людей на чисто красных и чисто белых. Это только руководители наиболее грамотные, сознательные люди. *А масса идет за теми или другими, часто путается и идет не туда, куда нужно идти*» (Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., 2009).

По мнению ряда авторов, сопротивление отдельной части горцев новому режиму имело под собою определенное основание: для многих из них, что деникинцы, что красногвардейцы были на одно лицо – жуеверцы. Фактор веры не учитывали вожди наспех сколоченных красногвардейских отрядов, которые на Кавказе сметали с лица земли все мусульманское («басурманское») население.

В книге М.А. Керашева, М.Я. Ачмиза и В.М. Аминовой «Гибель Черкесии» (1994) эти события описаны уж очень скупое: «В 1918 г. «Железным потоком» (Таманской дивизией) было поголовно (свыше 500 чел.) зверски убито мужское население а. Кошехабль. Разгромлены, разграблены, расстреляны а. Габукай, Адемий и др.». Подробности этих зверств авторы не приводят. Лишь сейчас в печати появились многочисленные публикации, благодаря чему читатель может ознакомиться с подробностями трагических событий февраля-марта 1918 г. и составить свое собственное мнение: кто прав, кто виноват. Впрочем, как писал В. Васильев, «... в Гражданской войне нет правых и виноватых, нет справедливых и несправедливых, нет ангелов и нет бесов, – только побежденные – мы все, весь наш народ, вся наша Россия».

10.1.3.4. «Бей, жги и грабь черкесов...»: как это было

И не облекайте истину ложью, чтобы скрыть истину...

Коран. Сура 2; 39.

Отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему.

Библия. Послание к Ефесянам (4; 25).

Кровавая расправа над черкесами началась со второй половины февраля 1918 г. в Екатеринодарском отделе. Особенно драматические события развернулись в а. Габукай. Здесь казачья знать совместно с черкесскими князьями развернула пропагандистскую работу среди населения аула о необходимой помощи Корнилову в борьбе с Красной армией. Пропаганда не увенчалась успехом; габукаевцы отказались поддерживать белогвардейцев. Недаром А.И. Деникин позже признавал: «Черкесский народ всегда был лоялен». Но далее, как сказал бы И.Л. Сельвинский,

Раздался стон всего народа
И загремел красногвардейский топ...

Несмотря на «лояльность жителей», 19 февраля начался обстрел а. Габукай красногвардейскими частями, сначала холостыми снарядами, затем – боевыми. Белогвардейцы и часть населения аула бежали, а часть жителей красные взяли заложниками. При транспортировке последних в Майкоп, бойцами Белореченского отряда, состоящими в основном из уголовных элементов, была произведена над черкесами дикая расправа. Наряду с другими, были расстреляны аульский мулла Шумаф Чесебиев с двумя сыновьями.

Чтобы не быть голословными, приведем выдержку из сообщения очевидца этой трагедии («Адыгейская жизнь», 1928, 21 февраля): «Взятые черкесы были отправлены в ст. Рязанскую. Там 90 черкесов были освобождены, предполагалось освободить всех, но обстоятельства изменились. Боясь, что в случае отступления придется бросить этих заложников, которые, с одной стороны, ускользнут от наказания, а с другой – будут беспощадно бороться с красногвардейскими отрядами, Филипповский революционный штаб распорядился отправить остальных черкесов в Майкоп для предания суду революционного трибунала. В это время к х. Молоканскому подошел какой-то неизвестный, никому не подчиняющийся, отчаянно хулиганивший отряд, пустил ложный слух о том, что Корнилов идет выручать этих черкесов. Затем они силой отобрали их у конвоиров и часть была расстреляна, а часть – заколота штыками». И далее очевидец с горечью пишет: «Аулы Габукай, Асоколай, Джиджихабль очень дорого расплатились за то, что их дворяне обманули, а Корнилов подвел. 400 чел. черкесов похоронено в балке под Габукаем».

Не менее трагичными были события в а. Кошехабль. Я.Н. Раенко-Туранский приводит версию, что увидев приближающиеся военные части (Таманской армии), черкесы приняли их за белогвардейцев и первыми обстреляли их. Командование Таманской армии, видя вооруженное выступление черкесов а. Кошехабль против Красной армии, дало распоряжение развернуть в боевом порядке свои части и пойти в наступление. Пройдя весь аул, черкесов собрали в мечети и держали до самого отступления как заложников. В результате боя было убито 214 чел., из них 212 мужчин и 2 женщины, кроме того, было ранено около 50 чел.

Близкая этому версия событий в Кошехабле приводится в фондах Национального архива Адыгеи. Материалы, опубликованные к 10-летней годовщине этой трагедии, сообщают: «В начале 1918 г. при отступлении красных по Туапсинской ветке двигались громадные обозы беженцев и военные части. Черкесы эти военные части приняли за белогвардейские и, не упуская момента, решили захватить часть пожитков беженцев. С этой целью они обстреляли беженцев. Но военные части оказались красногвардейскими; ко-

мандование Н-ского полка, видя картину вооруженного выступления черкесов аула Кошехабль против Красной Армии, развернуло в боевом порядке свою часть; с южной стороны аула часть пошла в наступление. Черкесов собрали возле мечети и держали до самого отступления. В результате боя было убито 214 чел., в том числе 2 женщины; ранено около 50 чел. Несомненно, что среди этого количества убитых и раненых была лишь небольшая кучка настоящих контрреволюционеров; большая часть из пострадавших состояла из обманутых князьями и дворянами подлинных тружеников-хлеборобов.

10.1.3.5. Кто виноват: причины и уроки трагедии

Всему свое время... Время убивать, и время врачевать; время молчать, и время говорить...

Библия. Книга Екклесиаста (3; 1-3).

Во время революции делается глупостей ничуть не меньше, чем во всякое другое время...

К. Маркс (1818-1883).

Кто же виноват в этой трагедии? Попытаемся ответить на этот вопрос, столь важный и болезненный для потомков безвинно погибших. Ведь не случайно библейские пророки утверждали: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Евангелие от Луки, 8; 17).

Современные исследователи по-разному объясняют главные причины, приведшие к разгрому черкесских аулов. Одни считают, что так называемые «ревкомы» проводили ту же политику геноцида, которую в свое время проводила и царская Россия. А в Екатеринодарском и Майкопском отделах она была направлена на окончательное уничтожение адыгского населения с целью захвата и присоединения черкесских земель. Иначе чем можно объяснить высказывание командующего Майкопской революционной армией от 22 мая 1918 г. о недопущении черкесов в свой родной аул Габукай и невозвращении им имущества и хлеба. После разгрома этот аул был заселен беженцами из Карской области. И как тогда понять заявление военного комиссара П. Мачулина, призывавшего выступить против адыгов: «Черкесы усиленно группируются в своих аулах и вооружаются против русского народа». Исследования современных историков не подтверждают ни одного факта массового выступления адыгов против Советской власти. Разгром же адыгских аулов сыграл, в конечном счете, на-руку белым, восстанавливая горцев против Красной Армии. Подобные факты противоречили политике Советской власти, дискредитировали ее, наносили ущерб боевому содружеству адыгов и русских.

Мос Шовгенов неоднократно ставил вопрос перед Президиумом ЦИК о необходимости обуздать и сурово покарать виновных, маскирующихся красным флагом. После тех трагических событий с просьбой о назначении специальной комиссии обратились во ВЦИК РСФСР руководители адыгейского представительства У. Алиев, К. Мишуриев, Ш. Хакурате. Они писали, что «псевдореволюционеры», которые затеяли злодеяние, вернулись затем на Кубань и требовали себе те земли, которые были захвачены у черкесов в годы революции. Возмущение этими незаконными действиями было столь велико, что III съезд Советов Кубани и Черноморья потребовал 30 мая 1918 г. немедленного принятия Обращения ко всему населению Кубано-Черноморской республики, в котором, в частности, говорилось: «По вопросу о грабежах, насилиях и убийствах трудового горского народа, творимых в дни революции отдельными отрядами и жителями некоторых станиц без ведома ЦИК, благодаря чему ныне с лица земли стерты целые аулы и остатки их обречены на гибель и голодную смерть, Чрезвычайный съезд Советов поручает ЦИК немедленно оградить жизнь и имущество горцев от дальнейшего посягательства со стороны каких бы то ни было отрядов, групп и отдельных лиц. Пострадавших горцев немедленно вернуть в родные места и аулы, возратить им отобранное имущество, оказывая материальную и моральную поддержку...».

Справедливости ради, следует отметить, что по свежим следам этой трагедии были сделаны соответствующие «оргвыводы». Так, командующий Майкопской революционной армией Швец обратился к адыгам с воззванием, в котором пытался объяснить причины этой трагедии. Воззвание начиналось весьма драматично: «Братья горцы! Какая жуткая, какая душераздирающая картина рисуется в воображении, когда вспомнишь, что теперь делается у нас на Кубани...». Следом им же был издан приказ, в котором он жестко ставил вопрос о наказании виновных: «Приказываю немедленно принять самые решительные меры к предотвращению грабежей, насилий и всякого рода бесчинств, чинимых над мирными горцами в занятых аулах. Во всех аулах оставить команды, коим вменить в строжайшую обязанность пресекать силой оружия всякие насилия. Надо помнить, что Гражданская война не есть грабеж и насилие. Эти ужаснейшие безобразия есть самое кошмарное, что можно только представить, и я всеми фибрами души (!) приказываю еще раз всем сознательным воинам немедленно приступить к предотвращению этого ужаса, этого безобразия!». Представляет интерес и тот факт, что командующий Таманской армией, один из руководителей массовых убийств мирного черкесского населения Матвеев был за эту акцию расстрелян в штабе главкома Сорокина.

Как справедливо отмечает И. Куценко, мы никогда не разберемся в нашей истории, если вину за трагические испытания будем, как это часто делается сегодня, сваливать только на «аморализм» белых генералов,

большевиков или же слепую ярость разнузданной толпы. Восхвалять или проклинать революцию – это значит восхвалять или проклинать не причину, а следствие. Установить, кто и кого в большом, смертельном столкновении бил и чем именно, кто проявлял бессмысленную жестокость, – важно. Но неизмеримо важнее другая историко-смысловая позиция. Нужно было не допускать самую возможность ожесточения, не доводить людей до черты иступления, за которой дикая злоба и жажда истребления. Поэтому мы обязаны четко представлять, что первопричиной революций в России являлась длительная преступная политика царизма и буржуазии. На них-то, заключает И. Куценко, а не на «белых» и «красных» и должно лежать бремя исторического обвинения.

10.2. Земля адыгов в предвоенные годы

10.2.1. «Начало возрождения черкесов...»: Адыгея в предвоенный период

*И дали мы в наследие людям востоки и запады
земли, которую благословили...*

Коран. Сура 7; 133.

*Тот, кто горечь прошлого изведal,
Новый мир еще сильнее полюбит.
Новый мир и светел и прекрасен,
Пригорошнями радость мы берем...*

Цуг Теучеж.

О советском периоде развития Адыгеи существует обширная литература: десятки книг, монографий, сотни статей в многочисленных журналах и сборниках. Оценивая судьбу адыгов в советский период, М.А. Керашев справедливо подчеркивает, что это был, несомненно, период начала возрождения черкесов после истребительной Кавказской войны и исхода подавляющего большинства оставшихся в живых за пределы Черкесии в страны Османской империи. То, что черкесы сохранились как этнос, – несомненная заслуга советской власти. Цитируемая книга М.А. Керашева, М.Я. Ачмиза и В.М. Аминовой носит глубоко символическое название: «Гибель Черкесии». А как же происходило ее возрождение?

Северный Кавказ вышел из Гражданской войны с полностью разрушенной экономикой. Здесь на 35 % сократились посевные площади по сравнению с 1913 г.; осталось менее половины крупного рогатого скота. В районах, где проживали адыги, не было ни одного более или менее крупного промышленного предприятия. До Октябрьской революции в современной Кабардино-Балкарии вся промышленность насчитывала 413 кустарных «предприятий» с 764 рабочими. В Карачаево-Черкесии насчитывалось всего 38 предприятий с общей численностью рабочих 278 чел. В Адыгее было 20 мельниц, консервная фабрика в х. Яблоновском, поташный, маслоситный и винокурный заводы. Как отмечает А.Ю. Шадже, первый год своей автономии Адыгея начинала с 27 небольших кустарных предприятий, основанных на ручном труде.

Трудящимся-адыгам приходилось восстанавливать разрушенное войной хозяйство и одновременно защищаться от остатков банд белогвардейцев. Было невероятно тяжело. Но у горцев была огромная уверенность в правоте дела, за которое боролись. Они выросли политически и навсегда встали на тот путь, который определила революция. Настроение трудового крестьянства тех лет хорошо видно из резолюции, принятой на сходе жителей адыгейских аулов в марте 1920 г.: «Мы, горцы, иногородние и рабочие вполне поняли, что такое есть советская власть и партия большевиков. Решили идти навстречу нашим доблестным героям Красной Армии и желаем, чтобы поднятое ими Красное Знамя поднималось бы с каждым днем все выше и выше». Об этом же говорилось и на общем собрании 12 июля 1920 г. жителей а. Ново-Бжегокай: «Мы понимаем, что только советская власть может нас окончательно освободить от того невежественного и тяжкого положения, в котором мы находились в течение многих десятков лет, и выведет нас на путь светлой правды, свободы и счастья». И действительно, советская власть покончила с господством капиталистов и помещиков, упразднила социальное, политическое и национальное угнетение, открыла благоприятные перспективы для укрепления дружбы народов, населяющих Северный Кавказ. Как писал адыгейский поэт Исхак Машбаш:

*Давно не пахнут порохом ущелья,
И песен мести пули не поют...*

В результате первых аграрных преобразований трудовое крестьянство получило в свое пользование: в Кабардино-Балкарии 512 500 десятин, в Карачаево-Черкесии – 118 000, в Адыгее – 228 000 десятин земли. Кроме того, горская беднота была полностью освобождена от всевозможных долгов и арендных платежей.

Адыги всецело поддержали все начинания руководства России и СССР по преобразованию и реконструкции страны. Они активно участвовали в аграрном и индустриальном строительстве, создавали экономический потенциал государства. Как отмечал первый президент Республики Адыгея А. Джаримов, «... с установлением советской власти в Адыгее были созданы объективные условия для социалистического переустройства сельского хозяйства». Черкесские автономии одними из первых в России завершили переход на крупноаграрное производство; темпы коллективизации здесь были одними из самых высоких в стране. И эта политика, как бы ее не чернили сегодня, в то тяжелое предвоенное время была, пожалуй, единственно правильной, – без крупноаграрного производства наша страна вряд ли вынесла бы все тяготы Великой Отечественной...

Уже к концу 1931 г. в Адыгейской автономной области был создан 151 колхоз, 8 совхозов; при этом посевные площади возросли с 55 900 га (в 1920 г.) до 162 629 га (в 1931 г.). Здесь добивались рекордных урожаев кукурузы и других сельскохозяйственных культур. Воспевая труд адыгов-колхозников, народный ашуг Ц. Теучеж писал:

Бескрайное небо. Бескрайна земля,
Возделанные безграничны поля.
Пшеница – как море. Вся даль золотая,
Аулы глядят, из садов выступая,
Высокие горы видны вдалеке...

Быстрыми темпами по пути индустриализации развивались Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. В Кабардино-Балкарии к 1941 г. уже насчитывалось 164 крупных и сотни мелких промышленных предприятий.

Немалый вклад в развитие аграрного сектора экономики адыгских республик в предвоенные годы внесли женщины, которые наряду с мужчинами успешно осваивали сложную технику. Горянки учились водить «стальных коней» – трактора, что было, конечно, неслыханным делом у горских народов (Кешева Е.Т., 1981). В 1932 г. Фаризат Жигунова из селения Плановского Кабардино-Балкарии первой вызвалась поехать на курсы трактористов. После окончания учебы вернулась в родной колхоз «Вторая пятилетка» Терского района и стала работать трактористкой. В свободное время обучила сестру и своих подруг Марушу Ахамину, Фицу Замбатову, Жалдусхан Тхайцукову, Сакинату Шидугову вождению трактора. А потом создала в своем колхозе первую в республике женскую тракторную бригаду и возглавила ее. В 1935 г. первая в Кабардино-Балкарии женщина-трактористка была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Бригада Жигуновой в 1936 г. заняла одно из первых мест по Советскому Союзу, дав выработку на один трактор СТЗ 1062 га мягкой пахоты при большой экономии горючего. Первая трактористка-горянка, член КПСС Фаризат Жигунова была награждена орденом Ленина.

Были у Жигуновой и последовательницы – трактористки Куна Ташева из колхоза «Большевик» Баксанского района. Зулихан Губжева из Нальчикской МТС, бригадиры комсомольских тракторных бригад Гукепшева и Балкарова из Терского района. Они выполняли годовые нормы на 130–170 %. Их имена были широко известны в республике и за ее пределами.

В последующие годы по призыву знатной трактористки страны Паши Ангелиной в Кабардино-Балкарии развернулось широкое движение девушек за овладение трактором. При МТС стали создаваться кружки по изучению сельскохозяйственной техники. Сотни девушек без отрыва от производства приобрели теоретические и практические знания по вождению тракторов. В республике началось соревнование за лучшую постановку обучения девушек-трактористок. Только в Терской МТС за год было подготовлено 78 механизаторов из числа девушек. Особенно следует отметить передовую трактористку этой МТС, бригадира тракторной бригады, депутата Верховного Совета КБ АССР Лиозу Хагову. За первый сезон на тракторе ЧТЗ она выработала 1818 га. Через год она настолько овладела трактором, что стала обучать других. К ней потянулись девушки. Лиоза подготовила шесть трактористок и создала женскую тракторную бригаду.

Одной из передовых комбайнерок была коммунистка Каральхан Мамухова из селения Кахун Урванского района, чьи трудовые дела были хорошо известны в республике. Она неоднократно избиралась депутатом Верховного Совета КБАССР. В 1936 г. в республике насчитывалось 58 трактористок, пять женских тракторных бригад, а в 1939 г. на полях колхозов и совхозов трудилось 430 женщин-механизаторов. Это был замечательный, поддержанный партией поход женщин за овладение техникой. Следует отметить, что это движение сыграло огромную роль в период Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Когда на фронт ушли все мужчины, женщины – трактористки и комбайнерки вынесли на своих плечах основную тяжесть по обработке колхозных полей, снабжению страны хлебом и другими продуктами (Кешева Е.Т., 1981).

Кабардинский поэт А.А. Шогенцуков посвятил девушкам-механизаторам свое стихотворение, которое так и назвал: «Трактористка»:

Мерным громом, гулом властным
Оглашен простор степной.
Девушке в платочке красном
Покорился конь стальной.
Конь стальной на пашне черной
Виден всем издалека.
Раздувает ветер горный
Пламя красного платка,
Не смолкает рокот ровный.
Мощный конь разгорячен.
С быстротою баснословной
Поле вспахивает он.
Что ему коряги, кочки!
Он с разбега их берет.

Волей красного платочка
Мерно движется вперед.
Это девушка подругам
Открывает путь побед.
Конь стальной с широким плугом
В поле ждут ее чуть свет...

В Адыгее в предвоенный период была создана современная промышленность, в частности, здесь насчитывалось 26 крупных предприятий союзного значения и 44 – местного подчинения. Большую помощь в становлении промышленного потенциала Адыгеи оказывал русский народ. Только в 1928 г. на восстановление и расширение промышленных предприятий Адыгеи правительство РСФСР отпустило 400 тыс. руб. Со всех концов страны в область поступало промышленное оборудование, машины, станки, строительные материалы, прибывали кадры квалифицированных рабочих и инженеров. С объявлением г. Майкопа центром Адыгеи (1936 г.), в состав области вошли такие крупные предприятия как лесомебельный комбинат, дубильный и станкостроительный заводы. В 1930 г. был введен в строй Адыгейский консервный комбинат. Трудовой героизм проявили передовики производства Чабахан Шеуджен, Хасан Темрук, Ереджибей Мугуч, Сачинет Панеш и др. Успешно осуществлялась здесь культурная революция. Не менее 85 % местного населения было грамотное. Развивалась национальная литература и искусство, появилась своя интеллигенция.

На территории исторической Черкесии в местах компактного проживания адыгского населения были созданы три автономных области: Адыгейская, Кабардинская и Черкесская. В Причерноморье был образован Шапсугский национальный район. 10 августа 1936 г. к Адыгее были присоединены г. Майкоп и Гиагинский район, причем центр автономной области был переведен из Краснодара в Майкоп. Создание Адыгейской автономной области имело важное историческое значение. Впервые адыгские трудящиеся получили политические права, обрели свою государственность.

Как справедливо отмечает К.К. Хутыз, провозглашение автономии Адыгеи (пусть даже в «усеченном» виде, в составе края), тем не менее, давало возможность адыгскому народу создать свое национально-государственное образование, реализовать свое право на национальное самоопределение, способствовало усилению экономических и политических связей с более экономически развитыми областями страны, развивало хозяйственную жизнь адыгского народа.

Автономии сыграли, особенно на первом этапе советской власти, исключительную роль в культурном строительстве, а значит, и сохранении этноса. Началось широкое строительство школ, объектов культуры, здравоохранения, создавались НИИ, издательства, типографии. Но как отмечает авторы книги «Наука-Адыгее», без помощи Краснодарского края и других регионов невозможно было бы создать промышленную индустрию, которую раньше адыги не имели. Благодарный адыгейский народ не забыл и не забудет, какую огромную роль сыграли вузы и научные учреждения, деятели науки и культуры Краснодара, Москвы, Ростова-на-Дону, Тбилиси и других городов СССР. Здесь уместно привести поэтические строки Ш. Руставели, которые как нельзя лучше описывают возрождение ранее угнетенного народа из векового рабства:

Встало солнце над землею,
Бездна мрака отлетела,
Зло убито добротой,
Доброте же нет предела...

10.2.2. 20-е годы: численность коренного населения Земли адыгов

В те дни вышло повеление сделать перепись на всей земле. И пошли все записываться, каждый в свой город...

Евангелие от Луки (2; 1-3).

Не меньше значение имеет и физическое возрождение народа. Стала расти численность адыгейского населения...

М.Г. Аутлев (1999).

В начале 20-х гг. XX столетия в Кубанской области проживало около 2 706 630 чел. (по некоторым другим данным – 2 316 113 чел.), из которых 76% составляли русские, 11 % – украинцы, а остальные 13 % приходилось на десятки других народностей, в т.ч. и коренное население – адыгов. [Для сравнения: перед Великой Отечественной войной население Краснодарского края увеличилось до 3 200 000 чел., а в настоящее время численность жителей в крае достигла 5 170 000 чел. («Социально-экономическое положение Краснодарского края в 2010 г.». – Краснодар, 2011. С. 212)].

В Краснодарском отделе по переписи 1921 г., было 33 горских аула, населенных адыгами, в Майкопском – 12, в Туапсинском округе – 10 аулов. Вновь образованная Адыгейская автономная область располагалась узкой полосой шириной от 10 до 40 верст по левобережью Кубани и Лабы, занимая площадь около 2300 кв. верст.

По численности адыгов на территории Адыгейской автономной области в первые годы советской власти точных сведений нет; разные авторы приводят различные цифры (табл. 29): Большинство авторов

оценивают общее число жителей Адыгейской автономной области около 100-114 тыс. чел., в том числе адыгов – около 50-68 тыс. чел. То есть коренное население – адыги составляли почти половину населения «своей» области и около 2 % населения края.

Таблица 29 – Население Адыгеи в 20-е гг. XX в., чел., по данным различных авторов

Название источника	Всего	в том числе адыгейцев
«История Адыгеи» (1992)	90 000	44 000
Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. (1957)	–	50 821
«Адыги, балкарцы...» (1974)	100 100	–
«Установление Советской власти...» (1980)	104 000	–
«История Адыгеи» (1992)	112 000	–
«Северный Кавказ...» (1994)	112 767	53 389
Анфимов Н.В., Юркин Н.В. (1964)	114 158	–
«Адыги, балкарцы...» (1974)	114 570	–
Схалыхо А. (1994)	–	56 904
«Северный Кавказ...» (1992)	–	68 000

*) прочерк (–) – нет сведений

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Кабарде проживало 112 860 чел., в том числе в Большой – 93 671 чел. и в Малой Кабарде – 19 189 чел. Представляют интерес результаты переписи 1926 г., в которых приводятся сведения по национальному составу адыгских автономий. В каждой из автономий, помимо населявшей ее «основной этнической группы» (ОЭГ), давшей название «своей» области, проживали еще представители 3-5 крупных и мелких других этнических групп (табл. 30):

Таблица 30 – Сведения по национальному составу адыгских автономий, по данным переписи 1926 г.

<i>В Карачаевской автономной области</i>		<i>В Кабардино-Балкарской автономной области</i>	
Всего населения, чел.	64 579	Всего населения, чел.	203 776
в т.ч. карачаевцы	53 627	в т.ч. кабардинцы+балкарцы	159 505
осетины	3 088	украинцы	17 197
украинцы	2 824	русские	15 344
абазыны	2 738	осетины	4 078
кабардинцы	1 182	кумыки	3 505
русские	1 120	немцы	2 674
		горские евреи	1 473
<i>В Черкесской автономной области</i>		<i>В Адыгейской автономной области</i>	
Всего населения, чел.	56 951	Всего населения, чел.	112 767
в т.ч. черкесы	52 69	в т.ч. адыгейцы	53 398
кабардинцы	12 314	русские	29 02
абазыны	10 314	украинцы	26 405
ногайцы	6 206	кабардинцы	1 466
русские	1 473	татары	1 322
украинцы	1 375	белорусы	1 074

Таким образом адыгейцы и западные адыги расселились к 1926 г. следующим образом, чел.:

адыгейцы	–	в Адыгейской АО	53 398
кабардинцы	–	в Карачаевской АО	1 182
	–	в Черкесской АО.	12 314
	–	в Кабардино-Балкарской АО (вместе с балкарцами)	15 9505
черкесы	–	в Черкесской АО	5 269

Представляют определенный интерес сведения Р. Трахо о расселении адыгов, относящиеся к предвоенному периоду (конец 30-х гг.). По его данным, адыги перед Великой Отечественной войной проживали (чел.):

1. В Адыгейской автономной области 88 000
2. В Кабардинской АССР 164 000
3. В Черкесской автономной области 32 000
4. В Шапсугском национальном районе 8 000
5. В г. Армавире и Армавирском районе 5 000*
6. В Моздокском районе 2 000**
7. На Таманском полуострове 600***

Итого: 299 600 чел.

Комментируя вышеприведенные сведения, Рамазан Трахо отмечает:

*В Армавирском р-не Краснодарского края живут около 3000 бесленеевцев и находится один «кяхский» (бжедугский) аул Урупский. В самом же Армавире живут около 2000 «очеркешенных» армян, говорящих только на черкесском языке, но сохранивших православие (армяно-григорианцы).

**В районе Моздока на берегу Терека (Северо-Осетинская АССР) живут около 2000 православных кабардинцев.

***На Таманском полуострове имеется один аул черкесов – Суворово-Черкесский (Хатрамтук). Население этого аула состоит из остатков выселенных после Кавказской войны шапсугов. В 20-х гг. XX в. новая власть, в свою очередь, выселила большое количество шапсугов и расселила их по аулам Адыгейской автономной области (Шенджий, Тахтамукай и др.).

10.2.3. «Черные пятна»: трудности на пути становления советской власти в Адыгее

Сейчас, когда наша страна переживает трудные времена, нам необходимо подлинное знание исторических фактов, понимание причин и обстоятельств деформаций в прошлом. Ибо, как говорил известный отечественный историк Н.М. Карамзин, *история – единственная наука, превращающая человека в гражданина, Гражданина с большой буквы* (Хлобустов О.М., 2009).

10.2.3.1. Искажение ленинских принципов национальной политики

Они смешивали дело доброе и другое – плохое...

Коран. Сура 9, 103.

Советский период истории черкесов нельзя оценивать однозначно, лишь только белыми и черными красками.

М.А. Керашев (1994).

Становление советской власти проходило с большими трудностями. Черкесы на себе испытали все ужасы братоубийственной Гражданской войны, репрессий, коллективизации, голода 1933 г. Определенные трудности в становлении советской власти в областях Северного Кавказа, заселенных адыгами, черкесами, кабардинцами, заключались в том, что этот регион был многонациональный. Поэтому не случайно становление национальной государственности во всех черкесских республиках и областях сопровождалось определением справедливых границ национальных образований, разрешением крайне запутанного земельно-территориального вопроса. Иногда это приводило народы к спорам и конфликтам как вне, так и внутри национальных областей. Главной предпосылкой преодоления этих трудностей стало осуществление ленинской национальной политики. Уже II съезд Советов гарантировал «всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». Идеи равноправия наций, защиты прав малых народностей нашли отражение в «Декларации прав народов России», Обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и других документах.

В 30-х гг. XX столетия в Адыгее, как и во всей стране, отмечается засилье административно-командных методов управления, перерождение идеологии, искривление национальной политики. Под всякими «благовидными» предложениями сокращались и прекращали свое существование национальные школы и классы, не поощрялось знание национального языка. По мнению М.Б. Беджанова, «за все 70 лет советской власти ни в одной адыгейской школе не было ни одного урока по истории адыгского народа». В эти годы в Адыгее упразднили нациздат, было распущено Общество по изучению истории черкесов, затруднился доступ к архивам. В этот период прекратились связи с зарубежными черкесами.

Деформация межнациональных отношений свела самостоятельность национально-государственных образований к минимуму; автономия Адыгеи, по сути, существовала в те годы лишь номинально, «на бумаге», фактически полностью подчиняясь решениям краевых и центральных органов. Именно тогда в состав автономной области не вошли многие адыгские аулы, находящиеся на побережье Черного моря.

10.2.3.2. Была ли «Великая чистка» в Адыгее?

Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения... Ибо беззаконие, как огонь, разгорелось...

Книга пророка Исайи (9,18; 10,1).

30-е гг. XX столетия – политическая и социальная обстановка в стране была крайне напряженной. Борьба за власть различных группировок перешла в активную фазу. В этих условиях партия большевиков предприняла жесткие меры по искоренению враждебных к советской власти элементов. В этот водоворот были вовлечены широкие слои населения, причем наряду с зачинщиками беспорядков, карьеристами, властолюбцами и враждебными к социалистическому строю элементами возмездие коснулось многих ни в чем не виновных простых граждан. Эти смутные времена не обошли стороной и аграрные области. Как писал в

1939 г. Б. Пастернак, «... в эти страшные годы мог быть арестован каждый. Мы тасовались, как колода карт». Частично затронула эта волна и Адыгею. По 58-й статье УК РСФСР был репрессирован ряд руководителей автономной области, директоров предприятий и организаций, деятелей культуры.

В 1937-1939 гг. свыше 300 членов Адыгейской областной партийной организации были исключены из партии и отданы под суд, из них с формулировкой «враг народа» – 100 чел., остальные – «за связь с врагами народа». Им было предъявлено обвинение в том, что они являлись участниками «контрреволюционной буржуазно-националистической организации», существовавшей в области с 1922 г., действовавшей под руководством Азово-Черноморского краевого «Антисоветского правотроцкистского центра» и ставившей своей целью «... насильственное свержение советской власти путем вооруженного восстания и образования буржуазной республики, террор в отношении руководства партии и правительства, вредительство во всех отраслях народного хозяйства, реставрацию старого строя и закабаление адыгейского народа, а также превращение его в рабство». Прокатилась волна массовых исключений из колхозов. Так, в октябре 1937 г. на собрании колхоза «Псейтук» Хакуратинского района были исключены сразу 19 колхозников. Волна репрессий затронула и народное образование. От работы была освобождена большая группа учителей, обвиненных в поддержке «троцкистско-бухаринской оппозиции». Кстати, впоследствии 75 учителей были восстановлены на прежней работе как «неправильно снятые и оклеветанные».

10.2.3.3. Коллективизация на Кубани: издержки и «перегибы»

Умерла старая Адыгея. Выросла советская, колхозная. Адыгея пашет сплошным колхозным трактором.

Ю. Кобрин («Правда», 1931).

*Память, как ты ни горька,
Будь зарубкой на века...*

А.Т. Твардовский (1910-1971).

В сложных условиях протекал в Адыгее, как и в ряде других районов края, процесс становления и упрочения советской власти, формирования государственности народа. Классовой борьбой сопровождались и преобразовательные процессы в условиях принятой в 1921 г. новой экономической политики («История сельского хозяйства...», 1994).

Особенно острую классовую борьбу пережило крестьянство Адыгейской автономной области в период перехода на путь сплошной коллективизации в конце 1929-1932 гг., когда пришлось преодолевать как скрытое, так и открытое выступление против проводимых социалистических преобразований в аграрной сфере.

В 30-е гг. XX в., несомненно, было многое сделано в сельскохозяйственном секторе области, хотя и эти годы не протекали без трудностей. Сказывалась и нехватка техники, плохие урожаи, нехватка продовольствия. Ужесточался и сам режим управления обществом, проводившегося через укрепленную административно-командную систему, персонифицированную власть, репрессии, имевшие место во второй половине 30-х гг. и затронувшие в том числе и село.

Но, несмотря на трудности как объективного, так и субъективного характера, колхозы в Адыгее набирали силу, внося значительный вклад в экономический потенциал страны, а также своей области. Они открывали полный простор для быстрого подъема материального благосостояния колхозов и колхозников, повышения их культурного уровня, вовлечения в управление экономикой и государством. Трудящиеся горцы понимали, что лишь совместным, коллективным трудом можно преодолеть разруху, нищету, сопротивление врагов и добиться успехов в хозяйственном строительстве. Как образно заметил в свое время Сулхан Саба Орбелиани, «... можно сломать одну стрелу, но целую связку стрел нельзя и согнуть. Ведь сила в единении». Это же утверждает и адыгейская пословица: *«Тэхъогъум хэкЫрэ мэлыр тыгъужьым еихы»*. – «Овцу, ушедшую из отары съедает волк» («История сельского хозяйства...», 1994).

В феврале 1931 г. Президиумом ЦИК было особо отмечено, что Адыгея одной из первых среди национальных областей СССР провела коллективизацию. Корреспондент газеты «Правда» Ю. Кобрин писал в том же году: «Умерла старая Адыгея. Выросла советская, колхозная. Адыгея пашет сплошным колхозным трактором».

Какие же трудности вставали на пути коллективизации? Их можно разделить на внутренние и внешние. К «внутренним» можно отнести разруху и яростное сопротивление кулаков; к «внешним» – политику форсирования темпов коллективизации, навязываемую «сверху». Поскольку в Адыгее обе категории имели место, остановимся на них несколько подробнее. Становление советской власти и коллективизация в Адыгее шли в жестокой классовой борьбе. Враги коллективизации не брезговали никакими клеветническими измышлениями, чтобы запугать людей и не допустить их в колхозы, они распространяли измышления о том, что коммунисты «будут шить общее одеяло на весь аул; черкешенки и все мужчины под одним одеялом будут спать в колхозе. Колхозы будут заготавливать лягушек для китайцев и других иностранцев». (Кстати, к слову пришлось, – как-то в одной из газетных публикаций недавних лет промелькнуло сообщение, что какая-то западная фирма заключила контракт с колхозниками Ейского района о заготовке лягушачьих лапок для французских гурманов. Поистине, нет ничего нового под солнцем. Но это к слову... – Авт.).

Кулаки внушали адыгам-крестьянам, вступившим в колхоз: «Помощи вам никакой не окажут; вас водят за нос, чтобы оставить без посевов» (ноябрь 1928 г.) От слов они переходили к делу. Так, в а. Шенджий и Тахтамукай кулаки организовали выступление женщин против колхозов. В а. Ходзь они совершили злодейское убийство коммуниста Жирикова, а в аулах Панахес, Хатажукай и Джерокай были организованы повстанческие боевые группы с целью свержения советской власти. Погибли от рук кулаков комсомольцы Дзепш Кочасок из а. Тлюстенхабль, Махмуд Казнев из а. Хатажукай, коммунист Батырбий Куижев из а. Мамхег и многие другие.

Не меньший ущерб процессу создания в Адыгее колхозов причинила навязываемая сверху политика форсирования темпов коллективизации. Как отмечал инструктор Колхозцентра Баранов, «...местными органами проводится система ударности и кампанейства. Вся работа по организации проходила под лозунгом: «Кто больше». На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг: «Кто не идет в колхоз, то враг советской власти». При этом под директиву «раскулачивания» фактически шло тотальное уничтожение и грабеж не только кулаков, но и середняков, просто зажиточных крестьян, которые неустанно трудились на земле. Так, например, направленная в Вологодский округ Северного края Орггруппа ЦК ВКП(б) дала указание проводить раскулачивание независимо от уровня коллективизации. Руководитель группы И.Т. Морозов прямо указывал: «Перегибов в отношении середняка бояться нечего, так как остальные середняки скорее пойдут в колхоз и будут бояться выходить из колхозов». За одну неделю процент раскулачивания в некоторых районах округа подскочил с 6 до 87 %, а среди раскулаченных оказалось до 60 % середняков.

Попытки местного партийного и советского руководства искусственно ускорить процесс коллективизации предпринимались и на Северном Кавказе, что приводило к трагическим последствиям – вымиранию от голода целых станиц.

Получив многочисленные сигналы об обострении обстановки в деревне, ЦК принял меры, обеспечивающие соблюдение аграрной политики партии, ликвидацию ошибок и перегибов еще до того времени, как в полной мере обнаружались их тяжелые последствия.

В начале февраля 1930 г. в газетах еще публиковались призывы к форсированию коллективизации, а уже в двадцатых числах они были подвергнуты за это критике М.И. Калининым, Г.К. Орджоникидзе и другими партийными работниками на одном из совещаний в ЦК. 20 и 25 февраля 1930 г. были приняты решения ЦК партии об исправлении левацких ошибок в колхозном строительстве ряда районов. Однако эти решения были выполнены не всеми местными организациями. Они, как показывают документы, фактически далеко не всюду были доведены до сведения местных партийных организаций и остались неизвестными многим коммунистам. В связи с этим по решению ЦК партии 2 марта 1930 г. в газете «Правда» была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Сразу же после нее, 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Центральный Комитет потребовал от всех партийных организаций немедленно прекратить какой бы то ни было нажим в проведении коллективизации, продолжать работу по укреплению колхозов, развивать колхозное движение исключительно на основе добровольности. Но в то же время, как Сталин призывал «не пороть горячки с быстрыми темпами коллективизации», человек Троцкого – нарком земледелия Яковлев-Эпштейн рассылал на места грозные циркуляры о «форсировании коллективизации», а местные власти гнали «встречные планы» о завершении сплошной коллективизации любыми способами на 2 или 3 года раньше намеченного срока. И сбитые с толку, искренние, честные, но не сумевшие разобраться в губительности этих «теорий» и «планов» Макары Нагульновы ломали дрова с «досрочным выполнением коллективизации».

И ту и другую сторону коллективизации мастерски изобразил в свое время М. Шолохов. Но при этом подчеркнул величие колхозного труда, дал много примеров того, как коллективный труд преображает человека, раскрывает его таланты, поднимает человека к вершинам трудового творчества. Люди старшего поколения могут вспомнить сотни, тысячи примеров подобного самопожертвования, трудовых подвигов на колхозной ниве Адыгее.

После получения в центре многочисленных сообщений о «перегибах» на местах была отправлена «всем парторганизациям» следующая шифрограмма И.В. Сталина: «С мест получаются сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что только такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии. – Секретарь ЦК ВКП(б) – И. Сталин».

Однако, несмотря на поистине титанические усилия колхозников, крайне неблагоприятные погодные условия на Северном Кавказе в 1932 г. не дали возможности получить хороший урожай зерновых. В связи с невыполнением колхозами заданий по сдаче хлеба, на Северный Кавказ 22 октября 1932 г. командирована Чрезвычайная комиссия, в которую входили Л.М. Каганович (председатель), Г.Г. Ягода, А.И. Микоян, М. Шкирятов, М. Чернов.

5 ноября 1932 г. краевая газета «Молот» опубликовала постановление «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани». Тяжело читать этот мрачный официальный документ, который в последующие годы

старались как бы «забыть»; о нем не найти упоминания в опубликованных материалах по коллективизации на Кубани. Лишь благодаря усилиям И. Куценко и В. Черного этот документ вновь стал доступным для читателя. Он предусматривал жестокие меры. Ряд кубанских станиц занесли на так называемую «черную доску». Среди перечня «репрессированных» районов встречаются и Невинномысский и Лабинский районы, где проживали адыги и верхнекубанские черкесы.

Слово – профессору Кубанского госуниверситета В. Черному (2011): «Что касается станиц, то таких на «черных досках» оказалось 20. Практически выселены все жители станиц Медведовская, Полтавская, Уманская, Урупская. Вот что, например, об этом писал в отчете о работе Чрезвычайной комиссии московский представитель. Не выполнившие план хлебозаготовок колхозы, станицы, хутора заносились на «черную доску». После этого в таких населенных пунктах закрывалась торговля, из магазинов вывозились продукты, выселялось до трети жителей. На местах руководство начало своеобразное соревнование, кто больше выселит саботажников. Подозрения в пособничестве падало на любого, кто выражал сомнение в законности действий Чрезвычайной комиссии. Из тысяч жителей в станицах, занесенных на «черные доски», порой оставались десятки человек. А из городов, где положение было несколько лучше, направляли в село не помощь, а «щупачей» – людей с острыми пиками, которые искали ими зерно в земле, стогах сена и соломы, даже на кладбищах. При этом от населения страны скрывалось происходящее в хлебоборных районах. Контролируемые партийной властью газеты и радио об этом молчали».

В настоящее время по-разному оценивают ход и методы коллективизации. Вот как, например, вспоминает это время участник колхозного строительства на Кубани И.И. Соловьев: «Я пережил это ужасное время, видел убитых кулаками безвинных колхозников, затравленных собаками, сожженное имущество, и признаю, что очень правильное было решение правительства выселить их в Сибирь и на Соловки. В настоящее время в печати пишут, что много Сталин уничтожил безвинных людей. Мне кажется, это те жалуются на Сталина, которые были высланы за зверства над первопроходцами колхозного строительства. Сейчас они подают голос, да еще собираются им ставить памятники, как жертвам Сталина. А почему же никто не вспоминает тех людей, которые погибли от обрезов кулаков?». Что здесь можно сказать? Период коллективизации остался в памяти народной как трагичное и великое время. Трагичное – потому, что значительная часть крестьянства оказалась обреченной на страдания, многие даже на смерть. Великое – потому что большинство советского крестьянства, включившись в активную борьбу за создание колхозного строя, внесло неоценимый вклад в строительство социалистического отечества и во многом способствовало победе нашего народа в Великой Отечественной войне. Думается, забывать об этом нельзя.

10.2.4. Голод в Адыгее в 1933 г.

«Трудно найти более обогланный и извращенный период истории СССР, чем история возникновения голода 1932-1933 гг., – пишет публицист С.С. Миронин (2007). – До сих пор продолжаются споры об этом голоде, который либералы единогласно поставили в вину Сталину и назвали «голодомором». Раздаются голоса о «многих миллионах жертв войны с собственным народом...».

10.2.4.1. «Опустели житницы, ибо не стало хлеба...»

Опустели житницы, разрушены кладовые, ибо не стало хлеба...

Книга пророка Иойля (1; 17).

Мне хорошо известно, как молчат голодающие, и сколько крика в их застывших глазах. Они не закрыты даже у мертвых. Я это видел зимой 32-го...

Б. Васильев, писатель (1998).

Пришлось пережить Земле адыгов и голодные годы. В результате форсирования темпов коллективизации, за 1932-33 гг. посевные площади в Азово-Черноморском крае сократились более чем на 1 млн. га. К январю 1933 г. ценой огромных усилий и жертв, неимоверного напряжения физических и моральных сил, план хлебозаготовок на Северо-Западном Кавказе был выполнен. Это считалось победой. Но это была Пиррова победа, стоившая чрезмерных жертв и неоправданных потерь. Изъятие в колхозах всех «излишков» зерна привело к небывалому голоду, особенно в тех станицах и аулах, которые были занесены на «черную доску». Поистине, оправдывалось библейское пророчество: «И когда пошлю на них лютые стрелы голода, которые будут губить, когда пошлю их на погибель вашу и усилию голод между вами, и сокрушу хлебную опору у вас» (Книга пророка Иезекииля, 5; 16).

Как отмечает П.У. Аутлев, «... в феврале-мае 1933 г. был страшный голод не только в крае, но и в Адыгее, значительно сокративший население автономной области. В одном лишь а. Джамбечий умерло от голода 300 чел. А сколько таких аулов было во всей Адыгее?» Переживший эту трагедию Л.В.Белов из пос. Яблоновского свидетельствует: «Дети бродили как бездомные собаки по улицам в поисках пищи. Обес-

силев от голода, они падали под забором. Ежедневно в детприемник привозили сотни полуживых трупов. Было страшно смотреть на эти изможденные скелеты. Но было уже поздно их кормить, – несчастные дети умирали один за другим» («Единая Россия» на Кубани, 2011, 30 ноября. С. 14).

10.2.4.2. «Низкий урожай 1932 г. сделал голод неизбежным»: причины трагедии

Архивные данные свидетельствуют об очень низкой урожайности во многих областях Украины и Северного Кавказа (по официальным, сильно завышенным данным, – около 8 ц/га, фактически же в отдельных случаях – вдвое меньше, до 3 ц/га).

С.С. Миронин (2007).

Так отчего же все-таки разразился голод осенью 1932 г.? Существует несколько версий о причинах «голодомора». Вот некоторые из основных предположений:

1). Голод был вызван искусственно из-за непомерно высоких планов заготовок. По мнению американского историка П. Увайлса, причиной голода была заготовительная политика руководства, направленная на изъятие колхозного хлеба. По мнению же украинских националистов, Сталин «специально морил украинцев», для того чтобы уничтожить именно их, – это был акт геноцида украинского народа. Но верна ли точка зрения, согласно которой массовая гибель населения Украины от голода была во многом вызвана сознательными и целенаправленными действиями советского руководства, что Сталин и его окружение якобы специально организовали голод на Украине, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, чтобы победить сопротивление крестьян и сломить националистические проявления?

Анализ архивных материалов показывает, что это далеко не так, и это очевидно даже западным историкам. Не только объективные отечественные исследователи голода 1933 г. пишут о несурзности предположения, что Сталин хотел наказать крестьян, – на этом же настаивают американские исследователи, которые сами работали в архивах России и Украины, в частности М. Таугер. Он убедительно доказывает, что голод не был вызван искусственно. Более того, «...никакого намерения вызвать голод у Сталина не было. Если бы советские лидеры захотели «наказать» крестьян, – пишет М. Таугер, – за сопротивление коллективизации, то почему они сделали это только в 1932 г., а не раньше? Если бы советские лидеры захотели «наказать» именно крестьян, то зачем они допустили недоедание и даже смерть от недоедания сотен тысяч рабочих и членов их семей, в том числе в Москве и даже в Красной Армии, не обеспечив ее снабжение продовольствием?». [Кстати, по мнению Е.А. Прудниковой (2007. С. 10), Сталин до последнего момента вообще не знал об этом бедствии, и о его масштабах узнал лишь от Шолохова: «Сталин узнает о голоде на Северном Кавказе из письма Шолохова, а не из информационных сводок, в которых тяжелейшая ситуация с хлебом сознательно замалчивалась»].

2). Причиной голода был плохой урожай. Архивные данные свидетельствуют очень низкой урожайности во многих областях Украины и Северного Кавказа (по официальным, сильно завышенным данным, – около 8 ц/га, фактически же в отдельных случаях – вдвое меньше, до 3 ц/га).

Неурожай был вызван многими факторами, фатально соединившимися в 1932-1933 гг. В числе этих факторов были летние засухи с суховеями в одних районах, а в других, наоборот, обильные дожди, почти повсеместно наблюдалось нашествие грызунов, распространились болезни растений. В частности, если говорить о неблагоприятных климатических условиях, то одной из причин неурожая была плохая погода зимой, а также во время сева и уборки урожая. В январе 1932 г. неожиданное потепление в южных областях СССР привело к началу роста озимых, а затем вернувшиеся зимние холода повредили значительную часть озимых. На Украине это привело к повреждению почти 12 % засеянного осенью озимого поля. Распределение потерь было неравномерным. Например, в одном районе было повреждено 62 % озимых.

Цитируя Пеннера (Penner), М. Таугер отмечает, что сильные дожди в ряде областей существенно затруднили уборку урожая. Хотя в некоторых регионах и были местные засухи, в целом 1932 г. был очень теплым и влажным. В некоторых областях сильные дожди повредили хлеба и снизили урожайность, особенно на правом берегу Волги, на Северном Кавказе и на Украине.

Проведенное нами специальное исследование климатических аномалий в южных районах СССР в эти годы дает основание утверждать, что крайне неблагоприятная агрометеорологическая обстановка стала складываться на Кубани еще в 1931 г., а в два последующих года она еще больше усугубилась:

1931 г. Июньским наводнением 1931 г. затоплена вся левобережная пойма р. Кубани от устья р. Лабы до Азовского моря. Затопленными оказались более 100 тыс. га посевов. Наводнение было вызвано редким по величине и продолжительности летним паводком р. Кубани, максимальный расход которого превышал 2000 куб. м/с и продолжался 26 дней подряд.

1932 г. На Кубани была суровая и чрезвычайно снежная зима. Обильные снегопады, начавшиеся с конца января, привели к образованию мощного слоя снега толщиной в предгорьях до 1 м. Оттепель в начале марта и теплые дожди обусловили интенсивное таяние снега одновременно во всем бассейне. Наблюдалось затопление огромных массивов. Особенно пострадали станицы Федоровская, Троицкая, Михайловская, Мингрельская, Варениковская. Всего было затоплено 65 населенных пунктов, в том числе 40 адыгейских аулов, разрушены 1400 жилых домов. Под водой оказалась

практически вся левобережная пойма р. Кубани от Усть-Лабинска до Азовского моря. Суммарный ущерб наводнений 1931 и 1932 гг. составил 45 млн. руб., в ценах тех лет. При этом катастрофические наводнения, близкие по величине к историческим максимумам, вызванные интенсивным снеготаянием и дождями, отмечены были в эти годы и на ряде других рек Южной Европы (Дон, Днепр, Волга, Терек), что, разумеется, не могло отразиться на урожаях зерновых культур и в этих регионах (Галкин Г.А., 1989. С. 48).

Итак, в 1932 г. урожай хлеба оказался очень низким, преимущественно из-за крайне неблагоприятных метеорологических условий. «Низкий урожай 1932 г. сделал голод неизбежным», – писал М. Таугер. Именно в результате возникшей нехватки продовольствия, как в сельской местности, так и в городах Советского Союза в 1932–1933 гг. наступил голод (Миронин С.С., 2007. С. 54).

Сегодня вновь вернулись к озвучиванию мифа о том, что голод в СССР, в том числе на Украине, был «специально» организован Россией, в частности, Сталиным. Поддержал этот миф президент США Дж. Буш, возложив при этом цветы к памятнику «жертвам голодомора» в Киеве.

Окончательную точку в надуманном вопросе о «вине» СССР (России) в «геноциде» украинского народа путем организации искусственного голода – ставит письмо, направленное 14 ноября 2008 г. президентом РФ Д.А. Медведевым тогдашнему президенту Украины В. Ющенко, в котором, в частности, говорилось: «Голод 1932-1933 гг. в Советском Союзе не был направлен на уничтожение какой-либо отдельной нации. Он стал следствием засухи и проводившихся в отношении всей страны, а не одной только Украины, насильственной коллективизации и раскулачивания. Погибли миллионы жителей Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Центрального Черноземья, Южного Урала, Западной Сибири, Казахстана, Белоруссии...» («Комсомольская правда», 2008, 15 ноября. С. 2).

10.2.4.3. «Советское руководство сработало на удивление профессионально»: оказание помощи бедственным районам

Пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района... Только на Вас надежда.

М.А. Шолохов, из письма И.В. Сталину (1933).

«В условиях отсутствия информации, – пишет С.С. Миронин (2007). – советское руководство сработало на удивление профессионально». В феврале 1933 г. была оказана продовольственная помощь не только Украине (320 тыс. т), но и Северному Кавказу (290 тыс. т). Продовольствие было также послано на Нижнюю Волгу (Миронин С.С., 2007). Разве свидетельствуют приведенные выше цифры о каком-то целенаправленном уничтожении крестьян, в том числе украинских, путем организации Сталиным специального «голодомора», о чем сейчас не перестают вещать СМИ «Незалежной Украины»? Нет, и еще раз нет. Скорее, наоборот.

В книге Ф. Чуева (1991) четко расставлены акценты при объяснении причин этой трагедии и приводятся те действия, которые были немедленно предприняты вождем для предотвращения последствий массового голода. В частности, автор сообщает, что «...в 1933 г. враги народа из краевого руководства бывшего Азово-Черноморского края под видом борьбы с саботажем в колхозах лишили колхозников хлеба. Весь хлеб, в том числе и выданный авансом на трудодни, был изъят. Многие коммунисты, указавшие руководителям края на несправедливость и недопустимость проводимой ими политической линии, были исключены из партии и арестованы. В колхозах начался голод».

М. Шолохов сообщил И.В. Сталину о тяжелейшем положении крестьян в его родном Вешенском районе. В своем письме от 4 апреля 1933 г. он подробно останавливается на методах, которых применяли руководящие работники Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) при заготовках хлеба: «О работе секретаря ячейки уполномоченный крайкома Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей. «Детишек ему, видите ли, стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!» – распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников в суровый мороз на улицу. На бюро РК, в ячейке, в правлении колхоза, громя работавшим по хлебозаготовкам, Шарапов не знал иного обращения, кроме как «сволочь», «подлец», «кусочек слюнтяя», «предатель», «сукин сын». Вот лексикон, при помощи которого уполномоченный крайкома партии объяснялся с районными и сельскими коммунистами... Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной «активности» по части применения репрессий. И большинство коммунистов потеряли чувство меры в применении репрессий. По колхозам широкой волной прокатились перегибы...

Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22000 пудов. Это на три месяца. Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время черт знает чем, уж, наверное, не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году...

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, – пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района... Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда. С приветом – М. Шолохов» (Цит. по: Гуменюк Ю.Н., 2006).

Одновременно группа партийных работников обратилась с письмом к тов. Сталину, в котором просила расследовать неправильные действия краевого руководства и оказать ряду районов продовольственную помощь. Через несколько дней от тов. Сталина была получена телеграмма: «Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру». Снова было послано письмо с расчетами и указанием необходимого количества продовольственной помощи для каждого района. В ответной телеграмме тов. Сталин сообщил, какому району и сколько отпущено хлеба, и упрекнул за промедление: *«Надо было сообщить не письмом, а телеграммой, – получилась потеря времени»*. Тысячи людей были спасены от нужды. С этой точки зрения представляет определенный интерес письмо Сталина, направленное в конце апреля 1933 г. Молотову по поводу «безобразий» с хлебозаготовками в Вешенском районе:

«Вячеслав! Думаю, что надо удовлетворить просьбу Шолохова *целиком* (Здесь и далее выделено И.В. Сталиным. – **Авт.**), т. е. дать дополнительно вешенцам 80 тыс. пудов и верхнедонцам 40 тыс. Дело это приняло, как видно, «общенародную» огласку, и мы после всех допущенных там безобразий – можем только выиграть политически. Лишних 40-50 тыс. пудов *для нас* значения не имеют, а для населения этих двух районов – имеет теперь решающее значение. Итак, давай сейчас же голосовать (скажи Чернову)...

10.2.4.4. Достойная и вполне законная кара организаторам за «непредупреждение массового голода»

Результаты расследования перегибов в Вешенском районе полностью подтвердили правильность письма Шолохова.

М.Ф. Шкирятов (28 мая 1933 г.).

В марте 1933 г. состоялся судебный процесс против ряда работников Наркомзема СССР, как виновных в возникновении голода, а в 1934 г. ряд руководящих работников Наркомзема были репрессированы за «непредупреждение массового голода».

С.С. Миронин (2007).

В письме Сталина Молотову говорится: «...Нужно послать в Вешенский район кого-либо (скажем, т. Шкирятова) выяснить дело и привлечь к ответу Овчинникова и всех других, натворивших безобразия. Это можно сделать завтра. – Сталин». К этому письму приложены следующие комментарии редколлегии. На заседании Политбюро 23 апреля 1933 г. рассматривался вопрос о положении в Вешенском районе. Решено было командировать секретаря Партколлегии ЦКК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова для обследования на месте причин тех перегибов по линии хлебозаготовок, которые были допущены местными и краевыми работниками.

Об итогах этой проверки М. Шкирятов 28 мая 1933 г. доложил Сталину: «Результаты расследования перегибов в Вешенском районе полностью подтвердили правильность письма Шолохова». 4 июля Политбюро заслушало сообщение Шкирятова. Были опрошены руководящие партийные и советские работники Вешенского района и Азово-Черноморского края; в качестве свидетеля – М. Шолохов. В постановлении Политбюро отмечено: «Главная ответственность за перегибы, а именно за массовое изгнание колхозников из домов и запрещение другим колхозникам приютить на ночь изгнанных на улицу колхозников (И это – в лютые морозы зимы 1933 г. – **Авт.**), – падает на крайком партии... Политбюро считает, что совершенно правильная политика нажима на саботирующих хлебозаготовки колхозников была искривлена и скомпрометирована в Вешенском районе благодаря отсутствию достаточного контроля со стороны Азово-Черноморского крайкома ВКП(б)» (Сталин И.В. Собр. соч. Т.18. – М., 2006. С. 46-47).

Особо следует отметить, что виновные в возникновении этого зернового кризиса, унесшего миллионы жизней, не остались безнаказанными, С.П. Кара-Мурза пишет, что в марте 1933 г. состоялся судебный процесс против ряда работников Наркомзема СССР, как виновных в возникновении голода (это было и официальным признанием наличия голода в стране), а в 1934 г. *ряд руководящих работников Наркомзема были репрессированы за «непредупреждение массового голода»* (Впрочем, не исключена возможность, что большинство из них сейчас считаются «незаконно репрессированными» и подлежащими реабилитации. – **Авт.**) (Миронин С.С., 2007). С учетом вышесказанного, можно ли приписывать одному Сталину, как это сейчас делается, ответственность за массовый голод в стране в 1933 г.?

Голод 1933 г. нанес ощутимый ущерб развитию Краснодарского (тогда: Азово-Черноморского) края и Адыгеи в предвоенный период. Как говорится в Книге пророка Иовы (18; 12), «... истощится от голода сила его».

И последнее. После прочтения этого и предыдущих разделов может сложиться впечатление, что в новейшей истории Кубани и Адыгеи автор настоящей монографии не видит ничего иного, кроме «черных пятен», смертей и репрессий. Отнюдь. Разве можно забыть все то положительное, что было в 20-30 гг.? Рост

могущества СССР, победа его в тяжелейшей войне с фашистскими захватчиками были бы невозможны без огромной самоотдачи простых крестьян, рабочих, служащих, интеллигенции, без их глубокой веры в светлое будущее. Но нельзя не отметить и тот факт, что в те трагические годы, по словам К. Борина, «борьба за рекорды и борьба с врагами народа шли вместе. Очень уж хотелось побыстрее построить новую светлую жизнь! В 30-х гг. мы верили, что рождены, чтоб сказку сделать былью».

10.3. Адыги в Великой Отечественной войне

10.3.1. «Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа!»

Пусть содрогается враг перед ненавистью и местью вольных народов Северного Кавказа! ...Пусть исполнится сердце каждого железной решимостью: не сдавать врагу ни пяди священной земли!

«Правда» (1942, 2 сент.).

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. А в конце лета 1942 г. стала реальностью угроза захвата фашистскими полчищами практически всего Северного Кавказа. 2 сентября 1942 г. газета «Правда» писала: «Сейчас внимание нашего народа, народов всего мира обращено к Советскому Кавказу. Грозные тучи нависли над его снеговыми горами, над бескрайними степями. Дым пожаров вздымается над станицами и аулами. Гитлеровские разбойники ворвались на просторы Северного Кавказа. Они уничтожают все, что приобретено народами. Враг не знает, что Кавказ был всегда страной смелых и сильных народов, что здесь в борьбе за независимость народы рождали бесстрашных борцов-джигитов, что трусость слыла всегда здесь самым позорным преступлением.

Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа. Не бывать этому! Святая ненависть к врагу охватила единым пламенем народы Северного Кавказа. Каких людей, бесстрашных борцов за советскую власть, вырастил Северный Кавказ. Лучшие его люди, принадлежащие к разным горским народам, братски сражаются в общих рядах родной Красной Армии. Гитлеровские мерзавцы хотят отделить Кавказ от всей Советской страны. Да разве это возможно! Кровными, неразрывными нитями связан Советский Кавказ со всей страной. Сыны великого советского народа, всей многонациональной братской советской семьи защищают теперь Северный Кавказ.

Жители северокавказских равнин и горцы! Великими и героическими традициями овеяны горы Северного Кавказа. Отважные и бесстрашные предки смотрят теперь на своих сынов и внуков. Не щадили своей жизни отцы, деды и прадеды, чтобы отстоять свободу и независимость своей земли, своих гор. Потомству своему они передавали завет мужества и боевой чести. Пусть содрогается враг перед ненавистью и местью вольных народов Северного Кавказа! Пусть перед их братской дружбой рассыплется фашистская разбойничья свора. Братья! Враг должен быть остановлен и разгромлен! Пусть исполнится сердце каждого железной решимостью: не сдавать врагу ни пяди священной земли!» (Цит. по: Кешева Е.Т., 1981).

10.3.2. Планы фашистов по «использованию» Кавказа

Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, захват нашего хлеба и нашей нефти. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности.

И.В. Сталин (3 июля 1941 г.).

Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы славян? Мы должны большую часть русских и славян уничтожить, часть превратить в рабочий скот, а остальных выбросить за Урал.

А.Гитлер (1941).

Несмотря на ожесточенное сопротивление советских войск, в 1942 г. фашистам удалось прорваться к Кавказу. Немецкое военное командование заблаговременно разработало план непосредственного овладения Кавказом «Эдельвейс». Политическое и военное руководство Германии большие надежды возлагало на внутренние раздоры, которые, по их расчетам, должны были возникнуть между кавказскими народами. О планах руководства фашистской Германии по «использованию» Кавказа и о предполагаемой судьбе кавказских народов можно судить по сохранившимся документам гитлеровского архива. Так, еще задолго до нападения на СССР гитлеровское командование следующим образом определило свои планы в отношении Советского государства и его населения: «Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть» (А. Гитлер); «Русские – это не народ в общепринятом смысле, а сброд, обнаруживающий ярко выраженные животные черты. Это можно с полным основанием отнести как к гражданскому населению, так и к армии» (Й. Геббельс); «Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам наро-

дов, а для того, чтобы выкачать все возможное» (Г. Геринг); «Процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку *представители данной нации нужны нам в качестве рабов*; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса» (Г. Гиммлер).

[В качестве небольшого отступления. Приведенные выше человеконенавистнические призывы гитлеровских главарей к тотальному уничтожению «сброда» – русского народа – можно если не простить, то понять, – такова уж сама природа фашизма. Но можно ли понять и тем более простить подобные высказывания уже наших современников – отечественных «псевдо-демократов», оскорбляющие русский народ? Приведем лишь некоторые из них, публично озвученные в последние годы, в том числе в декабре 2011 г.: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, *вымрет тридцать миллионов*. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут» (А. Чубайс); «*Россия стала страной генетического отребья*. Я бы вообще запретила эту страну» (К. Собчак); «Руководство пытается соответствовать, быть таким же блядским (так в тексте. – Авт.), как народ; тупым, как народ; таким же отсталым, как народ» (Т. Толстая); «Именно этот субъект [русский народ] медленно запрягает и быстро и глупо ездит. Он рукоплескал Сталину... и с удовольствием работал надзирателем, следователем и палачом. Он без оглядки бежал от наступающих гитлеровских войск в сорок первом... Ему «на миру и смерть красна», а *оставшись перед миром один на один, – он трус и конформист* (лат.: *conformis* – «подобный»; – приспособленчество, пассивное принятие господствующих мнений»), каких свет не видывал» (М. Берг).

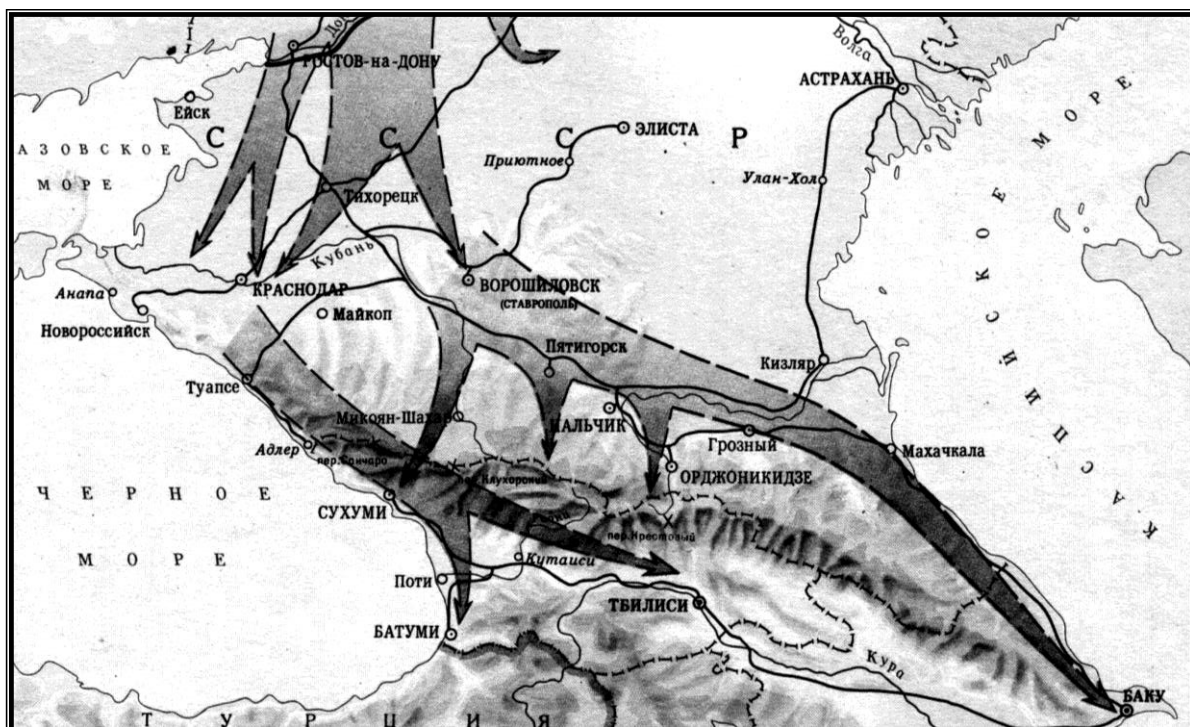
Полной противоположностью к подобным грязным высказываниям, после ознакомления с которыми хочется буквально вымыть руки, является выступление *грузина* И.В. Сталина опять же о *русском* народе на приеме в честь командующих войсками 24 мая 1945 г.: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... потому, что он заслужил в этой войне общее признание... Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение». Как отличаются эти пронизанные глубочайшим уважением к русскому народу слова вождя от высказываний фашистских главарей и наших отечественных «демократов». Но это к слову...]

А вот как виделось гитлеровскому руководству «использование» Северного Кавказа: «Кавказ с его смежными северными территориями должен стать федерацией независимых государств с немецким уполномоченным во главе, с немецкими военно-морскими базами и экстерриториальностью для районов нефтяных промыслов, которые должны эксплуатироваться Рейхом». Позже, на совещании в штабе группы войск «Юг» 1 июня 1942 г. Гитлер заявил: «Моя основная мысль – занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы. Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну». Эту же мысль развил позже Геббельс: «Мы заняли страну на Востоке для того, чтобы организовать ее прежде всего для себя. Мы ведем войну за уголь, железо, нефть. Если к назначенному нашим командованием времени закончатся бои на Кавказе, мы будем иметь в своих руках богатейшие нефтяные области Европы. А кто обладает пшеницей, нефтью, железом и углем – тот выиграет войну».

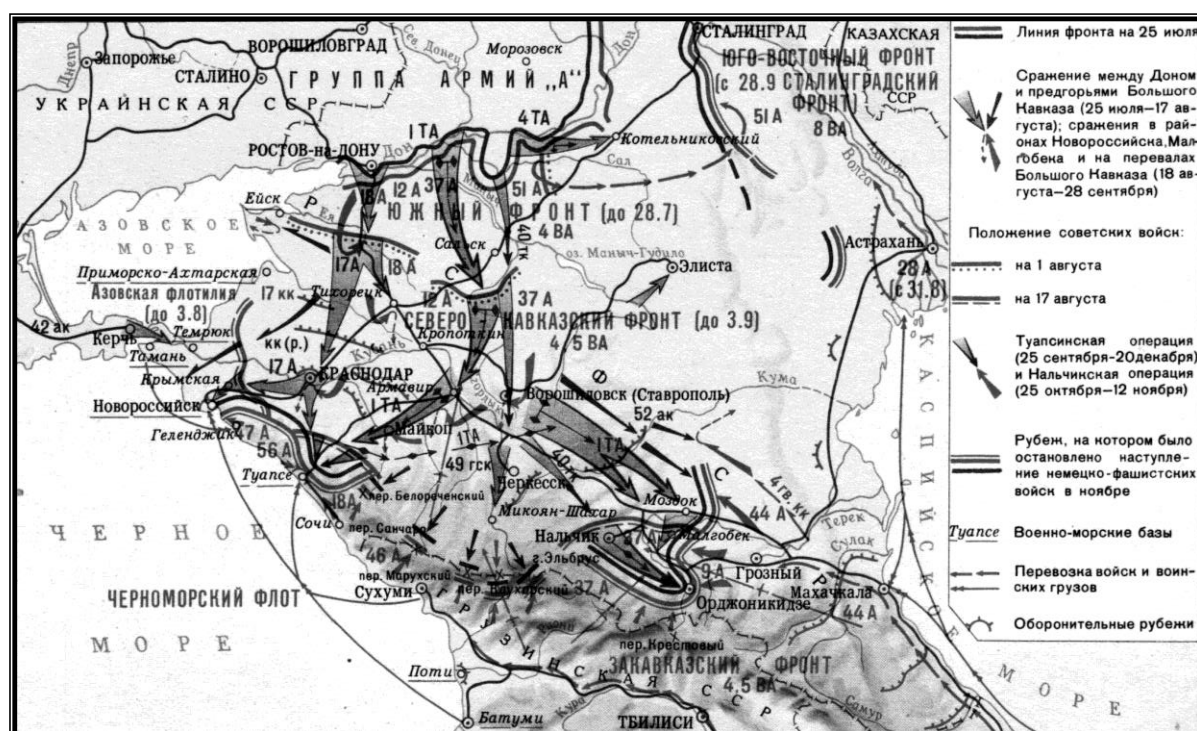
Грабительские цели войны подтверждают и слова Альфреда Розенберга: «Немецкое народное питание стоит, несомненно, во главе германских требований на Востоке. Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить для выравнивания немецкого продовольственного положения. Мы отнюдь не признаем себя обязанными за счет этих плодородных районов кормить также и русский народ». О притязаниях гитлеровцев на майкопскую нефть говорил и генерал-фельдмаршал фон Клейст: «Мы наверняка надеемся в Майкопе получить столько горючего, что его хватит на всю кампанию 1942 г.».

Цель продвижения германского империализма на Восток изложил военный идеолог германского империализма генерал Людендорф, бывший оберквартирмейстер штаба 2-й армии: «Я не мечтал о территориальных приобретениях ни на Украине, ни на Кавказе и намеривался лишь получать оттуда то сырье, которое нам было столь необходимо для жизни вообще и продолжения ведения войны. Я также думал, по мере возможности, использовать людскую силу этих областей, отчасти формированием войск, а отчасти, что обещало много больше, посредством вербовки рабочей силы для родины на смену тех немцев, которых можно было призвать в войска». Так откровенно один из руководителей и идейных вдохновителей германского империализма указывал на ту роль, которая отводилась захвату Украины и Кавказа в германских стратегических планах. Эти области должны были явиться поставщиком сырья для германской военной промышленности, источником пополнения своих вооруженных сил новыми формированиями – пушечного мяса и, наконец, резервом дешевой рабочей силы для германской промышленности. Но Кавказу отводилась не только роль колониального придатка германского рейха, но и стратегического плацдарма для расширения агрессии на Ближний Восток и в Азии. Немецкое командование надеялось, что после выхода в Закавказье, Турция нанесет удар по советскому Кавказу с юга. К тому времени на советско-турецкой границе уже были развернуты 26 дивизий турецкой армии.

Этим гитлеровским планам не суждено было осуществиться. Выступая с Обращением к советскому народу 9 мая 1945 г., И.В. Сталин особо отмечал: «Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было осуществиться, – ход войны развеял их в прах».

Немецко-фашистский план захвата Северного Кавказа (план «Эдельвейс»)

Героическая оборона Кавказа. Июль—декабрь 1942 г.

10.3.3. «Новый порядок»: Земля адыгов под пятой немецко-фашистских оккупантов

10.3.3.1. «Когда в горах наступит спокойствие, всех горцев уничтожить»: фашистская оккупация Адыгеи

«Новый порядок» немцев выразился для местных жителей расстрелами, пытками и насилием. Ужасные рассказы о зверствах немецких захватчиков в Майкопском районе можно услышать и в наши дни.

Прокопий, монах (2007).

*Коварно напав, кровожаден как зверь,
Враг наступал, сжигая селения наши...
И пили мы горечь утрат и потерь
Из чаши единой – из скорбнейшей чаши.*

А. Гадагатль

С вторжением фашистов на Кавказ наступил мрачный период гитлеровской оккупации. Как вспоминает А.А. Гречко, в течение четырех дней – с 8 до 12 августа 1942 г. – шли сильные бои на рубежах рек Кубань, Лаба, Белая. Особенно ожесточенными они были в районах Курганной, Гиагинской, Келермесской, Белореченской, Майкопа. Гитлеровцы все еще имели численное превосходство в танках, артиллерии и авиации. К исходу дня 9 августа подвижные части противника ворвались в Майкоп. В районе Майкопа фашистское командование предполагало захватить большие запасы горючего и нефти. Следом за 1-й танковой армией двигались немецкие специалисты, так называемая «бригада минеральных масел». Однако горючего в Майкопском нефтяном районе враг не получил. Запасы нефти, бензина, вывезены или уничтожены буровые скважины забиты, а оборудование частично эвакуировано, частично зарыто в землю.

С исключительной жестокостью насаждали фашисты свои принципы. В национальных районах Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии они распинались о своем, якобы, благожелательном отношении к горцам, всячески поощряли национализм и даже выступали «инициаторами» мусульманских праздников. Фашистские захватчики пытались предстать в глазах местного населения в качестве активных «защитников» ислама, обычаев и нравов горцев. Дело дошло до того, что командующий 1-й танковой армией генерал фон Макензен «принял магометанство», ходил в мечети, справлял некоторые горские обычаи, а сам Гитлер был возведен в ранг «Великого Имама всего Кавказа». В издаваемой гитлеровцами жалкой газетенке «Пятигорское эхо» было помещено обращение «К жителям гор» – яркий образец цинизма и лжи оккупантов. Там были такие слова: «Горец! У тебя ничего не было. Все твое богатство отняли большевики. У тебя теперь многое, а будет еще больше. Всем этим счастьем твоей семьи и покоем детей ты обязан великому твоему другу Адольфу Гитлеру...» На самом же деле гитлеровцы, как и везде, продолжали осуществлять на практике свою человеконенавистническую расовую теорию, обрекали все народы Кавказа на рабство и постепенное истребление.

О подлинных намерениях фашистов по отношению к горцам цинично и откровенно сказано в директиве Ставки Гитлера от 8 декабря 1941 г.: «Горцы по натуре очень доверчивы, с ними работать легче, чем с другими национальностями. Нам нужно вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск, которые они сохранят для нас. Когда же Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем установить на Кавказе оккупационный режим, ввести гарнизоны и, *когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев уничтожить*» (выделено нами. – **Авт.**). Вот какую «свободу» несли фашисты народам Кавказа, в том числе адыгейцам, кабардинцам, черкесам.

Чем дальше фашистские полчища углублялись в пределы Кавказа, тем «гуманнее» была их политика к жителям этих районов. В декабре 1942 г. по приказу гестаповца Отто Вебера было организовано исключительное по своей жестокости умерщвление детей, больных костным туберкулезом, в санатории курорта Теберда. Очевидцы этого злодеяния – сотрудники детского туберкулезного санатория, сообщили: «Немецкие солдаты вытащили из санатория 54 тяжелобольных ребенка в возрасте от трех лет (сами двигаться они не могли), уложили их штабелями в несколько ярусов в машине, затем захлопнули дверь и впустили газ. Все дети погибли. Потом они были сброшены в Тебердинское ущелье».

Как вспоминает очевидец – монах Прокопий (2007), «...войдя на территорию Свято-Михайло-Афонского монастыря, расположенного у горы Физиабго, фашисты поспешили освободить здание от слепых инвалидов и раненых красноармейцев. Первым делом на два грузовика были погружены беспомощные инвалиды детства, которым сказали, что отвезут их в г. Майкоп, где им будет лучше. Но вскоре после отъезда этих машин, оставшиеся инвалиды и раненные красноармейцы услышали автоматные очереди и душераздирающие крики – это немцы расстреливали увезенных инвалидов в одной из балок по дороге на Хаджох. Такие события отрезвили всех, и кто только мог передвигаться, мгновенно разбежались кто куда. Многих спасли от расстрела жители х. Победа и х. Веселый (до 1920-х гг. х. Монастырский), которые приютили беглецов, а после освобождения вернули их фронту целыми и здоровыми.

А поселок «Михизеева поляна» посетила участь Хатыни. В ноябре 1942 г. по приказу немецкого коменданта фашисты расстреляли 207 чел. – всех жителей поселка: 20 мужчин, 72 женщины и 115 детей (Прокопий, 2007).

Эти жуткие преступления сравнимы разве что с «деяниями» фашистов в октябре 1942 г. в г. Ейске, где 214 мальчиков и девочек, воспитанников детского дома, были *живьем* закопаны в землю. Поистине, «...и возгласил в уши мои великим гласом, говоря: «Пусть приблизятся каратели города, каждый со своим губительным орудием в руке своей. И сказал им: «Оскверните дом и наполните дворы убитыми» (Книга пророка Иезекииля, 9; 1, 7).

Сразу же после захвата Адыгеи (август-сентябрь 1942 г.) фашистские оккупационные власти приступили к массовым арестам и истреблению советских людей. Каратели расстреляли, в частности, Куадже Галимет, замучили в застенках Айтеча Чамокова и многие сотни других мирных жителей. После изгнания оккупантов на территории Майкопа и его окрестностей в 8 ямах было обнаружено 2000 трупов расстрелянных мирных жителей. Как здесь не вспомнить пророчество Нострадамуса, написанное еще в 1555 г.:

Мундиры солдат затопили весь город,
Сегодня пощады не ждать никому...

Кроме того, карательной группой немцев в Майкопском районе было расстреляно 77 чел. и 40 детей отравлено; всего же здесь разными способами было уничтожено около 200 чел. Сотни жителей уничтожены и в других районах Адыгеи, в том числе по Кошехабльскому району – 400, по Гиагинскому – 300 чел. Дополняет этот скорбный перечень сообщение краеведа Г.В. Прибылова. По его данным, в х. Северном только за три дня фашисты истребили более 1000 чел. Вместе с жителями (186 чел.) сожжен пос. Фарсовский. В доме инвалидов в нынешнем пос. Романтика уничтожено 77 больных людей. На станции Хаджох оккупанты закопали живыми 75 чел. – женщин, детей и стариков, а на берегу р. Белой расстреляли 300 чел. Всего в Адыгее за несколько месяцев оккупации фашистами было уничтожено более 4 000 мирных жителей. В целом же по Краснодарскому краю фашисты уничтожили 61 000 советских граждан, а 30 000 юношей и девушек угнали на каторжные работы в Германию.

Оккупировав Теучежский район, фашистские звери соорудили в а. Понежукай виселицу. Очевидцы сообщали: «В страшных муках умерли на виселице Екатерина Сорокина и две ее дочери Зоя и Раиса. Прежде чем задушить беззащитных женщин, палачи по несколько раз вынимали их из петель, а потом снова подвешивали. Мучения Раисы продолжались около трех суток (!). Двух грудных детей Зои и Раисы фашисты отравили». Вслед за семьей Сорокиных в этом же ауле была повешена семья Ереско, расстреляны 12 адыгов, среди них А. Батыз, Г. Ханахок, П. Чесебиев и другие. В Кошехабльском районе мученическую смерть от рук палачей принял М.Д. Бегеретов – председатель колхоза «Непобедимый кабардинец». Гитлеровские палачи с одинаковым усердием вешали и расстреливали русских, украинцев, адыгейцев, кабардинцев и черкесов. На территории Адыгеи фашисты устроили несколько концлагерей. Так, лагерь военнопленных в г. Майкопе был размещен в районе бывшего Центрального рынка. В лагере содержалось 8-9 тыс. чел. Хлеб узникам не выдавался, кормили отбросами, многие от голода умирали. Местных жителей, пытавшихся передать военнопленным продукты, расстреливали.

Население, оставшееся на оккупированных фашистами территориях, облагалось большими налогами, которые платили преимущественно натурой – продуктами, одеждой и скотом. «Новый порядок» немцев выразился для местных жителей расстрелами, пытками и насилием. Ужасные рассказы о зверствах немецких захватчиков в Майкопском районе можно услышать и в наши дни от еще живущих ветеранов войны. Так, рассказывают, что около х. Веселый немцы в конце 1942 г. сожгли целый поселок, у ст. Даховской расстреляли свыше 200 чел., расстреляли в ст. Кужорской 64 чел, на х. Трехречном 24 чел. и т. д. (Прокопий, 2007).

Представляет интерес и «забота» оккупантов о духовной жизни покоренного города. С момента вторжения гитлеровцев в Майкоп (9 августа 1942 г.) не прошло и трех недель, как на русском языке вышел первый номер газеты «Майкопская жизнь». Она сообщала о создании немецкой администрации на территории района и о создании Майкопской городской управы. Город был поделен на кварталы с назначением квартальных старост. Захватчики пытались вытравить из советских людей даже память о своем прошлом. С этой целью городская управа заменила названия улиц: Краснооктябрьскую – на Купеческую, Пионерскую – на Михайловскую, Ленина – на Клубную, Советскую – на Александровскую, Первомайскую – на Соборную, Комсомольскую – на Георгиевскую, К. Маркса – на Офицерскую, М. Шовгенова – на Ставропольскую и т. д.

Зимой 1943 г. фашистские оккупанты были изгнаны с Кубани. Как писал в своих воспоминаниях А.А. Гречко, в ночь на 14 февраля 1943 г. на участке ст. Старокорсунская, а. Шабанохабль приступила к форсированию р. Кубань 18-я армия. Форсирование осложнялось тем, что лед на реке был не очень прочным и во многих местах подорван противником. Поэтому части армии переправлялись на северный берег реки наибольшими группами, где сходу вступали в бой. 5 февраля в наступление перешли и войска 56-й армии. Силами 10-го гвардейского стрелкового корпуса, 55-й гвардейской стрелковой и 83-й горнострелковой дивизий были нанесены удары на а. Тахтамукай, а. Ново-Бжегокай, а силами 32-й гвардейской, 236-й стрелковых дивизий и 76-й морской стрелковой бригады – на а. Лакшукай. Однако из-за ожесточенного сопротивления, которое оказывал противник на обоих направлениях, удалось лишь незначительно продвинуться вперед. Тем не менее, к исходу 5 февраля войска Черноморской группы имели некоторый успех. За три дня боев части 46-й и 18-й армий продвинулись на 8-10 км и создали реальные условия для освобождения Краснодара. А уже 12 февраля голосом Левитана Советское информбюро сообщило: «На Кубани наши войска, в результате решительной атаки, овладели городом Красно-

дар, а также заняли районный центр и железнодорожный узел Тимашевская, районные центры и железнодорожные станции Роговская, Динская, Новотиторовская, районный центр Тахтамукай».

За полгода «хозяйничанья» немецких захватчиков был нанесен огромный ущерб народному хозяйству Адыгеи на общую сумму 1 млрд. руб. (разумеется, в ценах того времени). Было разрушено большое количество зданий и предприятий. Сильно пострадало и сельское хозяйство Адыгеи: поголовье лошадей уменьшилось на 10 тыс., крупного рогатого скота – на 19,2 тыс., овец – на 55 тыс. Ущерб по МТС составил 6,5 млн. руб. Уничтожено, погибло посевов, а также урожая в 1942 г. на сумму 177,4 млн. руб. Всего ущерб сельскому хозяйству составил 471,489 млн. руб. В период оккупации Адыгеи немецко-фашистские банды пытались вернуть адыгов к средневековой отсталости, бескультурью, невежеству. Было разрушено 87 школьных зданий; делу народного образования нанесен ущерб на сумму 8,137 млн. руб.

10.3.3.2. Аул Хатукай под пятой оккупантов: воспоминания очевидца

Пойди на землю сию, и разори ее.

4-я Книга Царств (18; 25).

Воспоминания современников, очевидцев тех или иных событий, – всегда ценны. Ниже приведем записки старожила аула Джафара Нанкуева о зверствах оккупантов в его родном ауле.

Этот год, вспоминает он, – оказался самым тяжелым для жителей а. Хатукай. Сразу же после начала оккупации фашисты стали вводить свои порядки через старост и полицаев. За 6 месяцев пребывания в ауле гитлеровцы ликвидировали в колхозе им. 1-го Мая молочно-товарную ферму, овцеферму, птицеферму и конеферму. Хатукайский консервный завод и 6 товарных магазинов немцы разграбили, что называется, до основания. Словом, все, что десятилетиями создавали и строили жители аула, было уничтожено всего за полгода. Фашисты выгоняли людей на строительство дорог, а тех, кто уклонялся от работы, избивали до потери сознания. Бригадир Измаил Мусович Ханапов за срыв наряда (невыход людей на работу) был зверски избит фашистским надзирателем. Так немцы вводили свой «новый порядок».

Трагична судьба братьев Старцевых – Ивана и Василия. До прихода немцев Иван Андреевич работал завхозом в колхозе 1-го Мая, а Василий – отвечал за бесперебойную работу понтонного моста через р. Кубань. Братья партизанили еще в Гражданскую войну, а с приходом немцев они снова ушли в партизаны. Находясь в лесу, Иван тяжело заболел и его вынуждены были отвезти домой на лечение. Но здесь случилась беда. Когда Василий ушел по своим партизанским делам в ст. Усть-Лабинскую, его там узнал и выдал фашистам предатель Костомаров – бывший рабочий понтонного моста. Василий был арестован и через несколько дней повешен в старой крепости в Усть-Лабе. Вскоре арестовали и больного Ивана Старцева, его увезли в Курганинский лес и расстреляли. О судьбе братьев рассказала мне вдова покойного Ивана – Мария, когда я вернулся с войны в 1945 г.

Другой тяжелый случай рассказал мне 70-летний старик Сагиб Зачериевич Хапиштов. Он со своей женой жил на окраине аула. Вот его рассказ: «Дело было при немецких фашистах. Однажды днем в наш дом вбежала девушка и умоляла спасти ее. Задыхаясь от волнения и усталости, она еле смогла проговорить: «Я из аула Джамбечий прибежала к вам в Хатукай, скрываюсь от фашистов, меня преследуют!». Мы быстро приготовили постель в другой комнате и уложили ее, как заболевшую тифом нашу дочь. Тут в дом вбежали четыре человека, вооруженные автоматами, и закричали: «Где та женщина, которая убежала в ваш дом?» Я им ответил, что ко мне никто не забегал, а выходила во двор моя больная дочь. Полицаи стали обыскивать дом и во второй комнате нашли лежащую девушку. Они узнали в ней партизанку и увели с собой, пригрозив мне карой за обман немецких властей. Когда они спросили, как ее фамилия, она ответила, что ее зовут Нафсет Хатит. Девушку увезли в Курганинский лес и там расстреляли». Я спросил старого Сагиба, откуда она. «Из Бжедугии», – ответил аксакал.

Победоносное наступление Советской Армии заставило немцев бежать с Кубани. При бегстве они угоняли лошадей, крупный рогатый скот, увозили машины и трактора, забирали зерно и фураж. Отступая, немцы увезли с собой и двух адыгейских мальчиков, дальнейшая судьба которых неизвестна. Вот их имена: Борис Сагибович Тхитлянов и Дзегашт Ахметович Хапиштов... И таких примеров зверства немецко-фашистских оккупантов в моем родном ауле я мог бы привести десятки, – завершает свой скорбный рассказ Джафар Нанкуев.

10.3.3.3. Зверства оккупантов в Кабарде и Балкарии

Время оккупации республики – это месяцы истязаний, пыток, массовых убийств советских людей, разрушения всего того, что было создано руками, разумом, волей, героическим трудом народа.

Е.Т. Кешева (1981).

Осенью 1942 г. немецко-фашистские войска вторглись на территорию Кабардино-Балкарии. Непродолжительный период хозяйничанья гитлеровцев не сравнить даже с самыми трагическими страницами истории нашего народа. Время оккупации республики – это месяцы истязаний, пыток, массовых убийств советских

людей, разрушения всего того, что было создано руками, разумом, волей, героическим трудом народа. Пять месяцев хозяйничали фашисты на территории республики. Общий ущерб, нанесенный гитлеровцами народному хозяйству Кабардино-Балкарии, выражается в сумме 2 268 361 863 руб. (Кешева Е.Т., 1981).

В Кабардино-Балкарской республике нет ни одного селения, где бы они не совершали чудовищных злодеяний. Арестовывали и бросали в тюрьму только за то, что люди любили свою Родину и были ее патриотами. В маленьких камерах находились по 40-50 чел., заключенные могли только сесть, лечь было негде. От голода они пухли. Вместо пищи давали по 125 г гнилых кукурузных отрубей. Во многих камерах находились мужчины с женщинами и детьми самых различных возрастов – от грудного до подростка. Большая комната, на столе плетень и пистолет, около стола огромная овчарка. Допрос... Каждый день в 8 ч вечера вся тюрьма замирала. Сотни сердец бились при мысли «чья очередь». Зловещую тишину разрывала лающая команда, стук кованых сапог по асфальту, вопли и мольбы обреченных. Часто с допросов не возвращались.

Славные дочери кабардинского народа, трактористки, секретарь партийной организации колхоза им. Андреева Нальчикского района Зурьят Тхамокова и вожак комсомола этого же села Лёля Блянихова попали в застенки гестапо. Девушки молчали даже тогда, когда они подвергались средневековым пыткам. Изуродованные тела их были найдены в противотанковых рвах около г.Нальчика. Пытая Зурьят, ей выкололи глаза, потом расстреляли. Тхамокова посмертно награждена медалью «За отвагу». В селении Зольском фашистские палачи загнали в силосную яму 48 советских граждан и закидали их гранатами. Среди убитых было 17 детей от 3 до 8 лет. Была найдена семья Ифраимовых в составе 10 чел.: 70-летняя Гогуш, ее дочери и шестеро маленьких детей от 2 до 12 лет...

По заранее разработанному плану немцы производили аресты и расстрелы ни в чем не повинных советских граждан. В противотанковых рвах на подступах к Нальчику и Прохладному, в дубках селения Дейского, в районе селения Прималкинского и других местах немцы расстреляли и замучили 4241 чел., среди них более 600 женщин и детей. Многих из них зарывали в землю еще живыми (Кешева Е.Т., 1981).

Такова страшная статистика фашистского «нового порядка». Абсолютное большинство населения Северо-Западного Кавказа встретило оккупантов враждебно, саботировало их мероприятия. Примером патриотизма, беззаветного служения Родине явилось и то, что во время оккупации многие жители Адыгеи, Кабарды и Черкесии сражались в партизанских отрядах.

10.3.4. Любовь к Родине, дружба народов Кавказа – залог победы над фашистской Германией

Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков...

И.В. Сталин

*И если враг покой страны нарушит,
Протянет лапу к нашим берегам,
Мы дружно все – с морей, небес и суши
Развеем в прах коварного врага!*

Х.Б. Андрухаев

Когда наше Отечество оказалось в смертельной опасности, адыги, как один, встали на его защиту. В автономных областях и республиках Северного Кавказа уже в 1941 г. началось формирование воинских соединений из числа русских, адыгейцев, черкесов, кабардинцев и других народов.

В формируемые кавалерийские части, командирам полков и спецподразделений дивизии, в райгорвоенкоматы в эти памятные дни были поданы сотни заявлений и от граждан пожилого возраста с просьбой принять их добровольцами в ряды советской конницы для отправки на фронт. Вот что писала группа стариков из Урванского района Кабардино-Балкарской республики, – бывших красных партизан и участников Гражданской войны: «Мы готовы оседлать боевых коней. Решили идти добровольцами. Не обращайтесь внимания на наш возраст. Мы еще крепки и сильны, будем бить фашистских гадов, не жалея ни крови своей, ни жизни». С такими же заявлениями приходили убежденные сединой старики из Урожайного и Хамидие, Верхнего и Нижнего Куркужинов, Верхнего и Нижнего Курпов, Былыма и Безенги. В числе их было немало представителей старой гвардии, участников Гражданской войны (Хатукаев А.Т., 1965).

В Адыгее не было практически ни одной семьи, кто не послал бы на защиту Родины своего сына, брата, отца. Только из одного небольшого Кошехабльского района на фронт ушло около 7000 чел., из них половина осталась на полях сражений.

Движимые чувством любви к Родине и стремлением отдать все свои силы делу разгрома немецко-фашистских захватчиков, сотни добровольцев Адыгеи шли в военкоматы с просьбой отправить их на фронт. В числе первых записался добровольцем 55-летний Рамазан Магометович Потоков из а. Мамхег. При этом он заявил: «Советская власть вывела нас, адыгов, в люди, дала возможность жить зажиточно и культурно. Поэто-

му я буду до конца защищать свою Советскую Родину, если даже это будет стоить мне жизни». Пример патриотизма показали старые рабочие, колхозники, бывшие участники Гражданской войны. Так, 65-летний колхозник Бачир Шихов обратился в свой сельсовет со следующими словами: «Мои два сына сражаются с кровожадным врагом – германским фашизмом, который хочет отнять у нас счастье и свободу, чтобы адыгейским народом опять управляли князья и эфенди. Не бывать этому!». С особой силой патриотические чувства адыгов были выражены у отцов и матерей, провожавших на войну своих детей. По семь своих сыновей отправили на фронт З. Кушмазок и Л. Мезуж, а Салих Шеуджен и Ачмиз Хацук проводили в Красную Армию по 4 сына.

В Адыгее был сформирован 1175-й полк, вошедший в состав 347-й Краснодарской стрелковой дивизии. Неувядаемой славой покрыли себя воины 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, преобразованного затем в 4-й гвардейский. Одной из любимых песен бойцов во время войны была:

В бой за Родину, в бой за Сталина!
Боевая честь нам дорога.
Кони сытые, бьют копытами,
Встретим мы по-сталински врага.

В состав этого корпуса входил 8-й Адыгейский добровольческий кавалерийский полк, скомплектованный из жителей Адыгеи. 4 января 1942 г. приказом Ставки Верховного Главнокомандующего Адыгейский добровольческий кавалерийский полк получил официальное наименование «29-й Кубанский казачий кавалерийский полк» и был введен в состав 13-й Кубанской казачьей кавалерийской дивизии, которая в свою очередь вошла в 17-й Кубанский казачий кавалерийский корпус. Начиная с этого дня, вся боевая деятельность полка до конца войны будет неразрывно связана с этими соединениями. Свой боевой путь полк начал в труднейшее время героической обороны Кавказа 2 августа 1942 г. под кубанской станицей Куцевской и завершил его 11 мая 1945 г. под Прагой. За это время добровольцы Адыгеи прошли с боями свыше 8 тыс. км. Они участвовали в кровопролитных боях на Северном Кавказе, в наступательных операциях в Донбассе, на Правобережной Украине и в Белоруссии. Их как освободителей встречали народы Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии. Полк освободил сотни городов и сел, спас тысячи людей от фашистского ига. За проявленные в боях высокое воинское мастерство, героизм и отвагу, свыше 3 тыс. его воинов награждены орденами и медалями. Бывший директор Шенджийской средней школы коммунист Бек-Оглы Бачир Смелович возглавил комсомольскую организацию полка, политруком был назначен Азашиков Яхья Шиханчеринович, являвшийся заведующим военным отделом Шовгеновского райкома ВКП(б).

Первым Героем Советского Союза в Кубанском казачьем гвардейском корпусе за бои под ст. Владимирской стал адыг Айдамир Ачмизов, воспитанник Краснодарского педагогического института, житель а. Б.Кичмай Шапсугского района. Как писала фронтовая газета, весть о подвиге Айдамира Ачмизова облетела все части корпуса, и далеко окрест разносились поэтические строки лейтенанта А. Исакова, посвященные герою:

Враги не выдержали боя,
Который длился пятый час.
Увенчан лаврами героя –
Ачмизов выполнил приказ.

Ордена Красного Знамени был удостоен политрук эскадрона Я. Азашиков. Добрый и чуткий, он был бесстрашен в бою и рубил врагов с невероятной яростью. Недаром на рубке лозы он всегда отличался. Демонстрируя высокую доблесть и мастерство, он личным примером увлекал казаков в атаку и лично зарубил семь гитлеровцев. Не зная страха в борьбе и не отставая от него ни на шаг, смело шел в атаку его земляк Рамазан Потоков. Степенный и рассудительный, готовый всегда прийти на помощь, он ловко орудовал клинком, автоматом и уничтожил четырех гитлеровцев. Наградой бойцу за его доблесть стала медаль «За отвагу». Исключительное мужество, отвагу и ловкость продемонстрировал Датхужев Харун Пацевич. В ходе атаки воин из а. Пшизов стремительно прорвался вперед и в горячке боя не заметил, как оказался в окружении большой группы фашистов. Но Харун не дрогнул, не потерял присутствия духа. Отлично владея конем и по-мушкетерски работая клинком, он зарубил трех немцев и выскользнул из вражеского кольца, получив, правда, при этом тяжелое ранение. Горя ненавистью к врагу, он не покинул боя, а продолжал сражаться и застрелил еще двух гитлеровцев. Грудь отважного воина-адыга украсил орден Красного Знамени.

Орден Красной Звезды был вручен участнику Гражданской войны, коммунисту-добровольцу из а. Ходзь Даурову Хизиру Шуруховичу. Действуя решительно и смело, он все время шел в первой линии атакующих и зарубил четырех гитлеровцев. Мужество и отвагу проявил под Новиус-Артезианом Дедухов Чак Хамаевич из а. Егерухай, служивший в одной батарее с Айдамиром Ачмизовым. Будучи ездовым, он самоотверженно выполнял свои нелегкие обязанности и, невзирая на яростный огонь и атаки гитлеровцев, бесперебойно поставлял на огневые позиции снаряды. Ратный труд казака был отмечен орденом Красной Звезды. Исключительное мужество и отвагу проявил командир орудия Гуатыж Шугаиб Хаточевич из а. Теучежхабль. Помогая эскадронам отражать вражеские атаки, его расчет вышел из строя, и Шугаиб сам стал к орудью. Метким огнем он подбил вражеский танк, но большего сделать не мог, приняв геройскую смерть.

Кушмизов
Айтч Хутатович,
участник ВОВ, командир
партизанской бригады

Бешкок Яхья Ибрагимович,
участник ВОВ, кавалер 3-х боевых
орденов

Кудасев Измаил Ереджибович,
участник ВОВ, кавалер 3-х орденов

Шеуджен
Хазрет Юсуфович,
участник обороны Москвы, кавалер
2-х боевых орденов

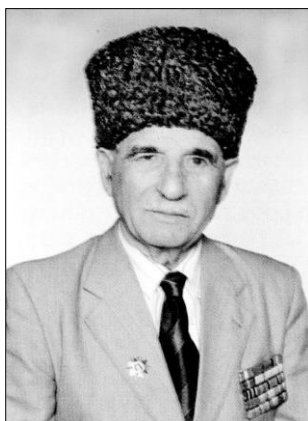
Шеуджен
Айтч Юсуфович, погиб в боях за
освобождение Украины

Шеуджен
Мос Юсуфович, кавалер 2-х боевых
орденов

Ашинов
Сафербий Махмудович,
председатель Совета ветеранов
войны и труда г. Адыгейска

Шу
Шабан Салихович,
участник парада Победы на Красной
площади, кавалер 5-ти боевых
орденов

Чич
Пшисовкан Салихович,
участник парада Победы на Красной
площади, кавалер 2-х боевых
орденов

Залогом воинских подвигов явилась крепкая дружба всех народов Кавказа. С этой точки зрения интересны воспоминания К.Л. Карданова, генерал-майора в отставке, Героя Советского Союза, о воздушных боях над Кубанью: «Нас было пятеро друзей. Все мы – представители разных национальностей. Я – кабардинец, мои друзья: русский, украинцы, белорус. Мы сбили лично и в группе 76 вражеских самолетов. Нас пять друзей, пять братьев. У нас одна Родина – Советский Союз, а край, в котором каждый родился и рос, есть лишь частица этой общей нашей Родины. И поэтому наша дружба нерушима, и поэтому нас никогда никому не победить!». Устами своего поэта-фронтовика, адыги с законной гордостью повторяли:

Мы с русскими рядом под пули вставали, –
И счастье родимой земли отстояли...

О дружбе народов свидетельствуют и другие факты. В августе 1942 г. в г. Орджоникидзе состоялся антифашистский митинг, в котором приняли участие посланцы всех народов Северного Кавказа. Выступая на митинге, представитель адыгейского народа Г.И. Чамоков заявил: «Адыгейский народ никогда не будет рабом германских баронов и капиталистов. Он ни на один день не прекратит своей борьбы, пока хоть один оккупант останется на нашей советской территории».

В центральной и местных газетах военных лет было опубликовано Обращение старейших представителей Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии «Ко всем народам Кавказа». В нем, в частности, говорилось: «Братья кавказцы, кабардинцы и балкары, черкесы и адыгейцы, карачаевцы, калмыки, осетины и трудящиеся многонационального Дагестана! К вам обращаемся мы, старейшие представители кабардино-балкарского и чечено-ингушского народов, своими глазами видевшие ужасы, которые несет коварный Гитлер в наши родные горы. Мы спрашиваем вас, можем ли мы допустить, чтобы немецкие разбойники грабили селения, убивая стариков и детей, насиловали наших женщин, поработили наши свободолюбивые народы? Как горные реки не потекут вспять, как прекрасное солнце не перестанет светить над нашей землей, так и черные тучи фашизма никогда не покроют наши Кавказские горы. Не бывать собаке Гитлеру хозяином над нашим Кавказом, над нашей Советской страной. Слушайте нас, своих стариков, свободолюбивые горцы. Поднимайтесь все, как один, мужчины и женщины, старики и дети, берите любое оружие, бейте, уничтожайте черных свиней Гитлера, которые не знают, что такое человеческая совесть.

Храбрые джигиты Кавказа! На гитлеровских бандитах кровь наших людей. Кровью отомстим им за эту кровь! Мы, народы Кавказа, знаем, что наша сила в неразрывной дружбе между собой и братской помощи нам со стороны великого русского народа. Так поднимемся же все, как один, без различия возраста и национальности, на священную войну с гитлеровскими убийцами и насильниками. Добудем желанную победу в смертельной схватке с ненавистным врагом». В этом обращении говорилось словами Косты Хетагурова, что «лучше умереть народом свободным, чем кровавым потом рабами деспоту служить...».

После этого выступили очевидцы и рассказали о зверствах фашистских убийц и насильников, призвали всех кавказцев к беспощадной мести фашистским бандитам и оказанию всесторонней помощи Красной Армии. «Братья и сестры, горцы и горянки Кавказа! – говорили они. – Мы видели своими глазами мощь нашей Красной Армии, грозное оружие, которым владеет она. Чтобы Кавказские горы стали могилой для всех немецких разбойников, пришедших сюда, мы, сыны и дочери Кавказа, должны всеми силами помочь нашей доблестной Красной Армии». Эти слова были опубликованы во всех фронтовых и местных газетах. Горячий призыв патриотов помогал убеждать население в том, что гитлеровские оккупанты, нагло выдававшие себя за друзей горцев, несут им горе и слезы, стремятся превратить свободные народы Кавказа в своих рабов.

О героизме воинов, защитников Северного Кавказа, ярко свидетельствует листовка «Герои Кавказа», опубликованная в 1943 г. В ней оказались рядом фамилии трех представителей одного и того же народа – адыгов:

Кабардинец летчик-истребитель Ахмет-хан Канкошев в воздушных боях уничтожил 9 и подбил 4 вражеских самолета.

Черкес рядовой Ачмизов в бою заменил погибшего наводчика орудия и метким огнем уничтожил немецкую машину с пехотой.

Адыгеец боец-минер Исмаил Алибердов вместе со своим напарником Алибековым уничтожил три орудия, подбил два танка и истребил около 50 солдат и офицеров противника. Как говорит адыгская мудрость, в единении – сила.

10.3.4.1. «Дерутся они, как львы...»: адыги на фронте

*За Родину – любимую мать,
Дерутся они, как львы...*

К.Х. Жанэ

*Храбрость, мужество, массовый героизм наших воинов
являлись одним из важнейших условий победы над сильным
и коварным врагом – фашистскими захватчиками.*

Х.Ю. Шеуджен

Воины-адыги отличались особой храбростью на фронтах Великой Отечественной войны. 2 сентября 1942 г. газета «Правда» писала: «Враг не знает, что Кавказ всегда был страной смелых и сильных народов, что

здесь, в борьбе за независимость, народы рождали бесстрашных бойцов, джигитов, что трусость слыла всегда здесь самым позорным преступлением. Здесь, у подножия гор, воспитывались поколения советских людей с львиным сердцем, орлиными очами. Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа!».

Обращения к воинам с упоминанием о героизме, проявленном в прошлом, часто звучали из уст отцов и матерей. Так, осенью 1941 г. Крымхан Алибердова, провожая своих уходящих на фронт сыновей добровольцев, говорила: «Ваша мать благословляет вас на боевые подвиги. Смелыми и храбрыми были деды и прадеды ваши. Будьте и вы такими же мужественными и отважными в борьбе против врага: не посрамите славу свободолюбивых адыгов, честно воюйте, беспощадно убивайте врагов нашей Родины». Уходя на фронт, адыги уносили в своем сердце слова напутствия своих отцов и матерей, старейшин аулов, прозвучавшие на митинге 1942 г.: «Черкесы, адыгейцы, кабардинцы! Пусть послужат вам в борьбе против фашистских гадов примером доблести и героизма мужественные образы Моса Шовгенова, Ахмата Гидова и всех тех, кто до последней капли крови дрался за честь и свободу горских народов...».

Наказом всего адыгского народа звучали и слова ашуга Ц. Теучежа, обращенные к уходящим в Красную Армию новобранцам:

Учитесь смелости, отваге,
Геройству пролагайте путь...

И адыги оправдали доверие народа. Не жалея сил и жизни, воины из Адыгеи показывали образцы воинской доблести, отваги и героизма. 8 ноября 1941 г., защищая Родину на Луганщине, адыгский поэт-патриот Хусен Андрухаев проявил героизм. Когда фашисты окружили его и требовали: «Рус, сдавайся!», он со словами «Русские не сдаются!» подорвал себя и около 30 врагов. Пленный позже гитлеровский ефрейтор – очевидец подвига Хусена, признавался: «Первый раз вижу такого героя». Не щадя своей жизни, боролся с врагом разведчики Ибрагим Кобле и Юсуф Мет, уроженцы а. Афипсип. За свои воинские подвиги они были удостоены многих правительственных наград. 20-ю боевыми медалями за особую храбрость и верность воинскому долгу были награждены: Масхуд Нухович Схакумидов, кавалер ордена Славы 3-х степеней, Иван Иванович Чучвага, Владимир Михайлович Тюков и многие другие.

Тысячи сынов Адыгеи героически сражались под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Севастополем, Новороссийском. Храбро сражался на «Малой земле» разведчик Ильяс Тлюстангелов. В боях с фашистами в Ставропольском крае прославился 133-й минометный полк, в котором служил комиссаром Аюб Шеуджен из а. Ассоколай. 3 декабря 1942 г. подразделение А.Шеуджена вывело из строя 17 вражеских танков. В ожесточенных боях на Днестре отличился Алий Кошев, в числе первых удостоенный звания Героя Советского Союза. Смертью храбрых погиб в Орловско-Курской битве Адиль-Гирей Уджуху, выросший от рядового бойца до капитана, командира минометной батареи.

С сентября 1941 г. все советские люди с затаенным дыханием следили за событиями, происходившими под Москвой. Гитлер не скрывал цель: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа». В битве под Москвой зимой 1941 г. особую храбрость и мужество проявили Юсуф Уджуху, Халид Уджуху, Черим Схаляхо, Ахмед Тлехурай, Айдамир Халиш, Аюб Ханаху, Рашид Савв, Хазрет Шеуджен, Шихам Цику, Зазарих Укол, Асланчери Укол. Среди мужественных защитников Ленинграда было также немало жителей Адыгеи: Герой Советского Союза Павел Иванович Чалов из ст. Гиагинской, Юсуф Сетов из а. Шовгеновский, Дауд и Нурдин Гучетль, Абубачир и Анзаур Хагуровы из а. Афипсип, Рамазан Шишхов из а. Егерухай и др.

В обороне Одессы в 1941 г. отличился командир взвода Заурбеч Уджуху из Теучежхабля. Его мужество, проявленное в схватке с врагом, было отмечено орденом Красной Звезды. Отважно сражался в мае 1942 г. в битве за Керчь командир роты Пшимаф Цику из а. Эдепсукай, а также Айдамир Шеуджен из Теучежского района. В кровопролитных боях за освобождение Украины принимали участие Барич Уджуху из а. Псейтук, Барич Схатум из а. Хаштук, Хамед Пшидаток из а. Козет. В боях за освобождение Крыма погиб Рашид Джаримов из а. Новобжегокай; особый героизм проявили Черим Натхо и Исмаил Богус. 26 марта 1944 г. при освобождении г. Николаева был высажен десант моряков под командованием старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского. Отряд отбил 18 атак, уничтожив при этом 700 гитлеровцев. Среди отважных воинов был и адыг – Абубачир Чуц, комсомолец из а. Панахес. «Сколько их было?» – спросил И.В. Сталин, узнав о героях-десантниках. «Шестьдесят семь...».—»Всем шестидесяти семи присвоить звание Героев Советского Союза», – сказал вождь.

Мужественно сражались на фронтах Отечественной войны майор Касим Дауров из а. Хакуринохабль, М. Схатум, Магомет Нагоев, Хамед Ачмиз, Исмаил Курашинов, братья Довлетбий и Исмаил Алибердовы, Исмаил Тхагушев, Гисса Схаплок, Ибрагим Афаунов, Джанбеч Брантов, Катя Чамокова, Халид Каде, Махмуд Шовгенов. Этот перечень можно было бы многократно умножить. Пали смертью храбрых Махмуд и Хаджимук Кудавы, Хаджибий Шхапацев из а. Адамий и сотни, тысячи других. Немало героических подвигов совершили советские воины из Адыгеи и в боях с японскими захватчиками: старшие лейтенанты Ма-

хмуд Брантов и Насурдин Нехай, младший лейтенант Абу Хакуй; Ахмед Нешев, Гисса Бузаров, Салих Карашок, Меджид Шовгенов и Ахмед Цеев из а. Хатажукай, Айдамир Кушу и Абдул Делок из а. Вочепший.

Следует отметить, что на защиту своей Родины уходили не только мужчины, но и женщины Кавказа. Так, ушли на фронт около 700 девушек – добровольцев Карачая и Черкесии. В июне 1942 г., например, из Черкесска оборонять родной Кавказ ушло сразу более 100 молодых патриотов. Все они – незаметные героини боев, участницы великого дела – разгрома фашистской Германии. Мужество многих из них стало легендарным. В памяти народа навечно останется имя черкесской подпольщицы Зурьят Тлисовой. Гитлеровцы выследили и схватили ее. На допросах она молчала. Из Черкесской тюрьмы ей удалось передать записку на волю сестре Цусима. Вот эта записка: «Привет от меня тебе, Цусима, и маме. Не забудьте меня. Я гибну от рук фашистов. Цусима, я так хотела жить, но попала хуже, чем в ад. Цусима! Сегодня сами уже копали себе яму. Осталось вырыть немного. Нас всего 48 чел., и всех нас завтра уничтожат. Да здравствует Коммунистическая партия большевиков! Смерть немецким оккупантам!».

За мужество и отвагу в годы войны более 15000 жителей Адыгейской автономной области, в т.ч. около 5000 адыгейцев (из них 60 адыгеек), были награждены орденами и медалями. 37 уроженцев Адыгеи стали Героями Советского Союза. Как сообщает М.А. Керашев, по числу Героев Советского Союза в расчете на 100 тыс. жителей адыги входят в первую тройку народов бывшего СССР. В их числе 7 адыгейцев: Андрухавев Хусен Борежевич, Ачмизов Айдамир Ахмедович, Бжигаков Кимчерий Борокович, Кошев Алий Юсуфович, Нехай Даут Ереджибович, Тхагушев Исмаил Халылович, Чуц Абубачир Батырович (Батырбиевич). Кроме того, у адыгов есть и полный кавалер ордена Славы 3-х степеней: Схакумидов Масхуд Нухович. Эти имена навсегда останутся в памяти народа. Поистине, как говорит адыгская мудрость, «*Лым ылгъэ заом къыццаи*!» – «Мужество мужчины проявляется на войне».

Директором краеведческого музея г. Адыгейска С.Г. Дакужевой, научным сотрудником Р.Г. Тхагапсо проведена большая работа по сбору материалов о военной судьбе своих земляков – жителей Теучежского района. Приведем лишь некоторые из них:

Ашинов Аслан Сафижеевич – воевал в звании лейтенанта. Героически погиб в 1944 г.

Ашинов Исхак Махмудович – воевал на Западной Украине. Пропал без вести в 1943 г.

Ашинов Шабан Сафижеевич – служил на Дальнем Востоке, в войну был дважды ранен. Пропал без вести в 1943 г.

Баташев Ахмед Джамбечевич из а. Ассоколай – легендарный разведчик, которого все на фронте звали просто Ахмед, а фамилия была никому неизвестна. Популярность его на фронтах Великой Отечественной была очень велика. Он заслужил ее беззаветной храбростью, выдержкой и чувством юмора. Возвращаясь из разведки, Ахмед обязательно приводил «языка». На стенах же в логове немцев он всегда писал по-адыгейски: «Кто следующий? Приду еще». Фотокопия этой надписи была отправлена в Берлин, и лишь там фашисты установили, что она написана на адыгейском языке.

Гатагу Мос Учужукович – сражался с фашистами под Сталинградом и на Курско-Орловской дуге, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда».

Гомлешко Батырбий Зачериевич – освобождал Польшу и Германию. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Берлина», «За отвагу».

Гонезжук Тыркубий Зачериевич – воевал под Москвой. Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Делок Меджид Нибаринович – воевал на Кавказе, в Кенигсберге, Берлине. Награжден орденом Славы III-й степени, многими медалями.

Евтых Шумаф Пачевич – участвовал в освобождении Донбасса, тяжело ранен. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями.

Ереджибок Мадин Саович из а. Лакшукай – награжден орденом Отечественной войны и многими медалями.

Кабанов Тембот Сагидович – воевал на Черноморском флоте. Награжден медалями «За победу над Германией», «За оборону Кавказа» и др.

Кабанова Аминет Шумафовна – ушла на фронт в 1941 г., несла воинскую службу на корабле «Абхазия».

Кушмизоков Айтеш Хутатович из а. Лакшукай – участвовал в обороне городов Минск, Витебск, Смоленск, Барановичи. Четырежды был тяжело ранен. 9 августа 1941 г. он был одним из первых награжден орденом Красной Звезды. Всего же имеет 11 боевых наград.

Мамий Махмуд Психотевич – воевал и погиб в Сталинграде в 1942 г.

Напцок Гисса Чатибович – ушел на фронт в 1941 г. и вернулся с победой в 1945 г. Участник Сталинградской битвы.

Снахов Чатиб Чебечевич – воевал на Карельском и Финском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и др.

Снахов Юсуф Махмудович из а. Тауйхабль – воевал в Сталинграде, получил ранение под Варшавой. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Сталинграда», а также гвардейской медалью.

Сташ Халид Хусенович – участник Финской и Отечественной войн, освобождал Белоруссию, Польшу, участник взятия Берлина. Награжден орденом Красной Звезды и многими медалями.

Ташу Азмет Камболатович – воевал на 3-м Украинском фронте. Награжден орденами Славы, Отечественной войны, медалями.

Тетер Юсуф Джигитович – участвовал в боях за Керчь. После тяжелого ранения демобилизован.

Тлехуч Теурат Савчасович из а. Эдепсукай II – воевал во 2-й пехотной стрелковой дивизии. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Хакуз Алий Хаджимусович – воевал на Черноморском флоте; участвовал в боях за освобождение Ростова-на-Дону, Таганрога, Туапсе. Награжден орденом Отечественной войны, медалями.

Хапенхи Шамиль Ибрагимович – ушел добровольцем на фронт в 1941 г. Награжден орденами Славы двух степеней, медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и др.

Хуако Дзегашит Меджидович – погиб 22 декабря 1942 г. под Сталинградом.

Цику Пишмаф Мерзабечевич – командир дивизии. В Крыму получил тяжелое ранение. Демобилизовался в 1946 г. Отмечен правительственными наградами.

Цику Шихам Бачмизович – воевал на 1-м Белорусском фронте. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина» и др.

Чич Джамболат Амерзанович – участник Гражданской и Отечественной войн. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями.

Шеуджен Заурбий Гучипсович – воевал связистом в 25-й Чапаевской дивизии. Был тяжело ранен под Севастополем, попал в плен, прошел все «круги ада» в фашистских концлагерях. После войны ему был вручен орден Отечественной войны II степени.

Шеуджен Халид Хаджиметович – участник Курской битвы. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией».

Говоря об адыгах, самоотверженно сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, нельзя не упомянуть и *Сафербия Махмудовича Ашинова* из а. Шаханчериехабль. В составе 40-го зенитно-пулеметного полка он освобождал Украину, Румынию, Венгрию; за особый героизм награжден многими орденами и медалями. Все его три старших брата: Шабан, Аслан и Исхак погибли в боях с фашистами; вернулся лишь младший брат отца Сафиж. При этом 50 чел. (!) из 87 призванных на фронт из его родного аула не вернулись с войны.

Многие сыны Адыгеи умело командовали большими военными подразделениями. Среди них следует отметить *Яхья Ибрагимовича Бешикока* из а. Гатлукай. Он со своим взводом в первый же день войны вступил в бой с гитлеровцами. Вскоре 23-летний комсомолец стал начальником штаба, потом командиром полка, был парламентаром корпуса. Начав войну лейтенантом, он закончил ее подполковником. За мужество и отвагу, проявленные в боях на Орловщине, он был награжден орденом Красной Звезды (всего же у него 6 орденов и 18 медалей). Это кровопролитное сражение под Орлом навсегда оставило след в его душе. И родились стихи, написанные самым близким человеком – женой Галимет:

Земля орловская тех лет сороковых,
Тех огненных, кровавых, роковых,
Их горечь испытала ты с лихвой
И значишься в истории ты Огненной дугой.
Но твердо стояли твои сыновья,
За подвигом подвиг верша,
Они не жалели свинец и картечь,
Чтоб тебя для поколений сберечь...

10.3.4.2. Джафар Нанкуев: «Я помню поименно всех, не вернувшихся с войны»

Большой вклад в святое дело сохранения памяти воинов, героически сражавшихся на фронте и зачистую погибших там, – внес старейший житель а. Хатукай д. Нанкуев, буквально по крупицам собравший сведения об участии жителей аула на фронтах Великой Отечественной войны. Предоставим ему слово. В своих воспоминаниях ветеран пишет, что когда началась война, колхозники колхоза им. 1-го Мая работали добросовестно и честно. Мужчины один за другим уходили на фронт, а их место на производстве занимали женщины, старики и дети. Так, из Хатукайского сельского Совета ушли на фронт практически все мужчины призывного возраста, различных национальностей – всего 407 чел. Вернулись же с войны 268 чел., в том числе инвалидами 48 чел. За отвагу и мужество, проявленные на войне, 46 чел. получили правительственные награды. Не вернулись с войны 139 чел.

А из самого небольшого аула Хатукай ушли на войну 130 чел. адыгейской национальности, в том числе 4 женщины. Вернулись домой 63 чел., в том числе инвалидами войны 11 чел. Правительственные награды получили 38 чел. Больше половины (67 чел. из 130!) аульчан-адыгов не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны. Вечная им память! Считаю своим святым долгом, – пишет Д. Нанкуев, – поименно перечислить всех жителей а. Хатукай, ушедших защищать самое дорогое, что у них было – Советскую Родину, свою любимую Адыгею, – ведь не случайно в древнеегипетских текстах говорится: «Мертвого имя назвать – все равно, что вернуть его к жизни»:

1. Адамиев Хамид Магаметович
2. Алкашев Хаджимос Темерканович
3. Аутлев Ереджиб Толевич
4. Баров Орзомес Махмудович
5. Баров Сагид Карбечевич
6. Баронов Асланбеч Хаджебиевич
7. Баронов Дольчерий Умарович
8. Баронов Ибрагим Тохович
9. Биржев Ахмед Магамудович
10. Биржев Джанбеч Челметович
11. Биржев Ханджерий Ибрагимович
12. Богучокова Леля Магометовна
13. Бузаров Гейса Четуневич
14. Бузаров Нурбий Шумафович
15. Вахитов Аюб Хаджибирамович
16. Вахитов Сагид Ереджибович
17. Вахитова Сарра Ереджибовна
18. Востхашев Магамуд Ромозанович
19. Востхашев Ромазан Ромазанович
20. Гадагатль Аскер Магамудович
21. Джанчатов Бузар Мишаустович
22. Джолов Гейса Позандович
23. Джолов Исхак Хапанесович
24. Джолов Ромазан Хапанесович
25. Евтыхов Аргиджан Асланчериевич
26. Евтыхов Аскер Кадырбечевич
27. Евтыхов Аюб Луович
28. Евтыхов Кара Асланчериевич
29. Евтыхов Сагид Асланчериевич
30. Евтыхов Хаджебеч Асланчериевич
31. Жачамуков Хасан Татлюстенович
32. Жуков Каир Амерзанович
33. Жуков Магамуд Ахмедович
34. Жуков Хамед Амерзанович
35. Камоков Ахмед Магаметович
36. Камоков Мухтар Магаметович
37. Катов Измаил Гуатыжьевич
38. Ламжиев Алхос Джефович
39. Ламжиев Меджид Магаметович
40. Ламжиев Хамид Магаметович
41. Маков Гейса Хабалович
42. Маков Джанчерий Ульгучевич
43. Матыжев Асланбий Хаджалович
44. Матыжев Кадырбеч Наурзович
45. Матыжев Колобат Чериевич
46. Матыжев Кушук Хаджалович
47. Митруков Кадыр Тлешихачевич
48. Нагоев Амин Камболевич
49. Нагоев Ахмед Камболевич
50. Нагоев Беч Балович
51. Нанкуев Джафар Якубович
52. Нанкуев Ереджиб Меджидович
53. Нанкуев Индрис Якубович
54. Нанкуев Фуад Якубович
55. Насуцев Аскер Шумафович
56. Насуцев Касей Ажагуевич
57. Насуцев Мурат Безрукович
58. Насуцев Хаджемус Хупхожевич
59. Насуцев Шабан Ханаишхожевич
60. Османов Ильяс Пишбугтович
61. Пчехачеков Ахмед Салихович
62. Совозов Сагид Темботович
63. Титухов Али Алебеевич
64. Титухов Ибрагим Алебеевич
65. Тлипов Гейса Асланчериевич
66. Тлипов Магамуд Асланчериевич
67. Тлипов Нурбий Юнусович
68. Тлипов Юсуф Асланчериевич
69. Тхитлянов Магамуд Мишаустович
70. Тхитлянов Халид Хасанович
71. Уджухов Абу Ибрагимович
72. Уджухов Ромазан Пишихичевич
73. Упчачоков Джанчерий Измаилович
74. Хажмаков Абдул Каспулетович
75. Хажмаков Бочир Хасенович
76. Хажмаков Гейса Хасанович
77. Хажмаков Делет Алиевич
78. Хажмаков Джанчерий Алиевич
79. Хажмаков Джафар Яхьевич
80. Хажмаков Мурат Каспулетович
81. Хажмаков Нух Исхакевич
82. Хажмаков Хусен Хасанович
83. Ханапов Аскер Нусович
84. Ханапов Асхад Мусович
85. Ханапов Гейса Сусович
86. Ханапов Ереджиб Магаметович
87. Ханапов Измаил Муссович
88. Ханапов Магамуд Тохович
89. Ханапов Нальбий Гейсович
90. Ханапов Ромазан Тохович
91. Хапаев Ереджиб Исхакевич
92. Хапаев Нурбий Пшишелкамович
93. Хапаев Ромазан Тарканович
94. Хапачев Хамид Тохович
95. Хачмафов Абдул Хачмафович
96. Хачмафов Амин Езукович
97. Хачмафов Гейса Салихович
98. Хачмафов Меджид Салихович
99. Хачмафов Ромазан Хачмафович
100. Хачмафов Сагид Хачмафович
101. Хачмафов Хамид Хачмафович
102. Хачмафов Юсуф Ромазанович
103. Хуратов Нух Исхакевич
104. Хуратов Сагид Луович
105. Хуратов Ханджерим Якубович
106. Хуштов Нальчий Измаилович
107. Хуштов Юсуф Кадырович
108. Хуштов Япон Хаджеметович
109. Хуштоков Джанчерий Якубович
110. Хуштоков Магамчерий Якубович
111. Хуштоков Шаханчерий Якубович
112. Цей Аскер Хамидович
113. Цей Теучеж Хаукуевич
114. Цей Худ Хамидович
115. Чамокова Асланхан Касимовна
116. Чамокова Каральхан Касимовна
117. Чичев Хаджимус Тугузович
118. Шеблаков Ибрагим Магамудович
119. Шеблаков Ромазан Томхачевич
120. Шеблаков Юсуф Магамудович
121. Шиков Сагид Габлажукович
122. Шиков Хизир Магамудович
123. Шхалахов Асланбеч Купзецевич
124. Шхалахов Бат Блепошаович
125. Шхалахов Измаил Купзецевич
126. Шхалахов Карельбим Блипошаович
127. Шхалахов Касей Купзецевич
128. Шхалахов Магамуд Блипошаович
129. Шхалахов Махмуд Нанцович
130. Шхалахов Хаджумар Купзецевич

Примечание: курсивом выделены имена жителей аула не вернувшихся с войны.

И еще в этом перечне обращает на себя внимание, что на фронтах Великой Отечественной, наряду с мужчинами – жителями а. Хатукай, сражались и женщины. Так, К.К. Чамокова служила техником по вооружению боевых самолетов, награждена орденом Отечественной войны. А.К. Чамокова прошла войну санинструктором, на переднем крае была ранена, награждена также орденом Отечественной войны. С.Е. Вахитова воевала в составе Майкопского партизанского отряда, награждена боевыми медалями.

Но наибольшую славу своему родному аулу, любимой Адыгее принесла отважная летчица Л.М. Богучокова, которую все, кто ее знал, называли ласково: Лёля. Думается, она заслуживает того, чтобы сказать о ней несколько слов. Лёля Магометовна Богучокова родом из а. Лакшукай Теучежского района. Ее отец Магомет был женат на Муминат Хатажуковне Адамиевой, девушке из а. Хатукай. Отца Лёля не помнила, жила с матерью и бабушкой в а. Хатукай, который для нее стал второй родиной. После окончания школы она училась в педагогическом институте. Но грянула война, и комсомолка Лёля Богучокова пошла на курсы воздушных стрелков, после окончания которых стала служить в военной авиации.

Летала и воевала вместе со своим будущим мужем полковником Ликаренко на штурмовиках. «Черная смерть», – так называли немцы нашу штурмовую авиацию. «От Москвы до Берлина!» – было начертано на борту ее самолета. И вот ее мечта сбылась. Праздник Победы Лёля вместе со своим мужем и друзьями-авиаторами встречала в поверженном Берлине. За проявленное мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, десятки сбитых ею вражеских самолетов Л.М. Богучокова была награждена несколькими боевыми орденами, в

том числе «Красной Звезды», «Отечественной войны», а также многими медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За отвагу» (дважды), «За оборону Кавказа», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», а также юбилейными медалями к 50-, 60- и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Лёля демобилизовалась из армии осенью 1945 г., затем окончила педагогический институт, преподавала русский язык и литературу, воспитывала сына – Ликаренко-младшего. Рано ушла из жизни, – сказались старые раны. Похоронили ее в родном а. Хатукай. Ее близкие рассказывают, что Лёля завещала своему четырехлетнему сыну продолжить дело, которое было содержанием и смыслом жизни его родителей. Игорь последовал этому совету, – сейчас он подполковник авиации и служит в Вооруженных Силах страны, – завершает свои воспоминания о тяжелейших военных годах Д. Нанкуев (2010).

10.3.4.3. Аул Эдепсукай-I в годы Великой Отечественной войны

Аул Эдепсукай – I был расположен в одном из живописных уголков Адыгеи, на берегу р. Кубань, несущей сейчас свои бурные воды в «Кубанское море». Аул утопал в зелени садов и виноградников. Вблизи его протекали небольшие, но богатые рыбой речушки Большой и Малый Туапче, здесь же привольно раскинулось живописное озеро Хумаджий («Хьумэджый»), которое славилось своими водяными орехами («аштрам»). В военные и первые послевоенные годы эти чудо-плоды во многом выручали жителей аула от неминуемого голода. Его употребляли в пищу в варенном или слегка поджаренном виде.

Гордостью жителей аула были Большие плавни («Темэн»), в которых во множестве водились утки и редкие болотные животные, а осушенные участки служили пастбищем для аульского скота и местом сенокоса. Рядом с аулом был лес «Мэзхьурай», который изобиловал самыми разнообразными дикорастущими формами яблони, груши, винограда, калины. Старики рассказывали, что эти лесные плоды хорошо выручали жителей аула в голодные военные годы. Кроме того, на берегу р. Кубань располагался вербовый лес, носивший название «Пцеш»; в нем повсеместно встречались дикорастущие плодовые деревья, лесная земляника и грибы. Здесь во все времена, проживавшие рядом семьи заготавливали дрова на зиму, пасли свой скот и собирали плоды и ягоды, а за грибами сюда приезжали не только из близлежащих станиц, но и из г. Краснодара. Как бы ни была красива окружающая природа, как ни щедры были ее дары, главное богатство на земле – люди. Аул наш Эдепсукай – I всегда славился населявшими его людьми – мужественными, трудолюбивыми, с открытым сердцем и душой, отзывчивыми к чужому горю...

В первые месяцы войны из а. Эдепсукай-I на фронт ушли более 130 человек, из которых половина не вернулась с полей сражений. Род Цику потерял – 22 человека, Схашок – 4, Пшипий – 4, Шеуджен – 4, Гадагатель – 4, Схарвалок – 2, Жане – 3, Хакуз – 3, Хот – 3, Четыз – 3, Наток – 2, Каде – 2, Укол – 2, Атах – 1, Картен – 1, Физулин – 1, Яхутль – 1, Негуч – 1, Фоминский – 1, Шеренук – 1. Более пятнадцати выходцев из нашего аула в годы Великой Отечественной войны стали офицерами Красной армии и командовали взводами и ротами: Схашок Нух Юсуфович, Хакуз Исмаил Хаджимосович, Хот Исхак Техачевич, Хут Галимет Ватагеевна, Цику Алий Моссович, Цику Волгей Учужукович, Цику Исмаил Якубович, Цику Пшимаф Межабечевич, Цику Шабан Исхакович, Цику Юнус Исхакович, Четыз Теучеж Мыхаджурович, Шеуджен Айдмир Сагидович, Шеуджен Айтч Юсуфович, Шеуджен Гисса Хухович, Шеуджен Касей Хухович, Шеуджен Мос Юсуфович, Шеуджен Хазрет Юсуфович. Те, кто вернулся с войны имели много правительственных наград за отвагу и героизм. Эти бывшие воины сразу включались в производительный труд, кроме тех, кто стал инвалидом, перенес тяжелые ранения.

Не избежал аул и оккупацию фашистами. В ночь с 9 по 10 августа 1942 г. фашисты вели неумолкающий минометно-артиллерийский обстрел аула. Осколки разорвавшихся снарядов, даже спустя много лет жители аула находили по всей его территории и прилегающих колхозных полях. Обстрел велся со стороны хутора Ленина: были раненные и убитые среди аульчан.

Ранним утром 10 августа в окрестностях аула появились первые вражеские танки и колонна пехоты. У солдат были закатаны рукава, на головах металлические каски, а на плечах висели автоматы. Среди оккупантов были военные части Чехии и Румынии. Буквально за 3-5 дней до оккупации через аул группами проходили отступающие красноармейцы. Аульчане как могли, старались их обогреть, накормить и приютить. Потеснив жителей, оккупанты превратили наш аул в место отдыха – в каждом доме размещалось по 3-4 солдат. Фашисты выгоняли жителей из своих домов и те были вынуждены рыть укрытия на своих огородах, сооружать землянки и так даже зимой можно было ютиться вместе с детьми.

Захватив аул, фашисты установили свой порядок, назначили полицаев. На общественных местах появились приказы комендатуры, где все чаще звучало слово «расстрелять». Немецкие офицеры, владевшие русским языком, усиленно старались внушить населению, что Москва, Ленинград, Сталинград и другие крупные города Советского Союза заняты армией Вермахта. Остается только уничтожить партизан и война будет окончена. Предлагали отправить желающих трудоспособных граждан в райскую Германию и поработать на заводах и фабриках рейха. На такую агитацию не поддался ни один житель аула. Оккупанты грабили население, изымали последние продукты питания, практически весь аул очистили от запасов продовольствия. Солдаты рыскали по всему аулу, хватали курей и индюков. А после такого «улова» сгоняли женщин

ощипать и почистить добычу. Жить было неважно. При немцах старикам и женщинам приходилось работать, их чаще привлекали на заготовку сена для немецких лошадей.

Из воспоминаний Юсуфа Хатужуковича Шеуджена: «Полицай зашел к нам во двор и сказал: «Юсуф, мы забираем у тебя сено». На мои возражения он буркнул: «Ах, ты не раскулаченный старый кулак, не хочешь дать сено для немецких лошадей? Будешь тогда сам его есть». Мгновенно почувствовал нависшую опасность, быстро выдавил из себя, что совсем не понял, для чего хотите забирать. Если для немецких лошадей, то какой разговор здесь может быть, забирайте». И такие были, упивающиеся полученной властью, что поделаешь. Как говорится, в семье не без урода. Но надо отметить, почти все аульчане с большим презрением и ненавистью относились к оккупантам. Все, кому пришлось быть свидетелем этих кошмарных дней, отмечали особую жестокость румын и чехов. Они по-настоящему свирепствовали, вели себя надменно к мирному населению, за малейшее шевеление могли строго наказать любого – дитя, женщину, старика. Мгновенно, движением руки показывали на автомат».

Азахан Хамедовна Цику вспоминала: «Мой муж Ильяс Якубович по инвалидности не подлежал мобилизации в Красную армию. Он еще в детстве лишился одного глаза. По этой причине семья с двумя малолетними детьми (старшему было 9 лет, а младшему – год) оказалась на оккупированной территории. Фашисты заставляли мужа заготавливать дрова и кормить немецких лошадей. А буквально за пару дней до их ухода из нашего аула, к нам в дом вошли два немецких солдата в сопровождении местного полицая, велели мужу срочно одеться и следовать за ними. Я, предчувствуя неладное, стала плакать и просить по наивности его не забирать. Думая их разжалобить, показывала на наших маленьких детей. Полицай меня успокоил, что через пару часов его отпустят и вернут домой. Но, увы, этого не случилось. Увидела я его днем позже. Он весь навьюченный ящиками с патронами и другой поклажей еле плелся в составе вражеской колонны, покидающей наш аул. Я стала рыдать и просить проклятых фашистов отпустить его, но в ответ мне крикнули: «Стой, иначе расстреляем». О нависшей надо мной опасности заметила находившаяся в тот момент рядом Гошехан Утуовна – жена Кадырбеча Ивановича Фоминского. Она и оттащила меня, тем самым спасла от извергов, которые могли расстрелять меня на глазах у детей, не моргнув и глазом. Это был последний день, когда я видела мужа».

Кошмарные дни оккупации нашего аула закончились 2 февраля 1943 г. Аульчане с большим трудом, но выдержали эти 176 дней, которые для каждого были настоящим адом. Они сберегли свою честь, не подвели своих сынов и дочерей, воевавших с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной войны, защищая свою Родину.

Среди женщин аула есть участники Великой Отечественной войны: Жане Сайхат Салиховна, Схашок Фатимет Теучежевна, Хут Галимет и Рахмет Ватогеевны.

О мужестве и героизме женщин на полях сражений, их героическом труде на колхозных полях и фермах написали поэты Павел Барсуков и Василий Половинко в стихотворении «Советская женщина» (8 марта 1950 г. Газета «Сталинский путь» Новолешуковского района):

С Кавказских гор до Берлина
Сквозь битв огонь ты прошла.
И в пекле атак, в клубах дыма
Ты мужеством стойким жила.

Ты поезд водила и трактор
И молот держала в руке,
Спускалась в глубокую шахту
И уголь давала стране.

Так много ты пережила,
Так много перенесла,
Но трудности все победила
За то тебе честь и хвала!

И в послевоенные годы
Ты славил Отчизну свою:
В колхозах, на шахтах, заводах –
Везде ты в труде, как в бою.

В день выборов с песней, ликуя,
Ты будешь голосовать
За партию нашу родную,
За Сталина, Родину-мать.

Славься, вперед шагая,
Женщина нашей страны!
Пусть о тебе слагают
Песни лучистой весны!

10.3.4.4. «Сыны кабардино-балкарского народа достойно, доблестно и храбро защищают нашу Советскую Родину»

Мы счастливы доложить кабардино-балкарскому народу, что его сыны достойно, доблестно и храбро защищают нашу Советскую Родину.

«Социалистическая Кабардино-Балкария» (23.02.1943).

Несомненный интерес представляет опубликованное в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» (1943, 23 февр.) письмо – своеобразный рапорт воинов 115-й кавалерийской дивизии о том, как они выполняют на фронте наказ своих земляков-адыгов:

«Кабардино-Балкарскому обкому ВКП(б)
Президиуму Верховного Совета КБ АССР
Совету народных комиссаров КБ АССР

В дни торжества советского оружия шлем вам и всему кабардино-балкарскому народу боевой красноармейский привет. Поздравляем орденоносную Кабардино-Балкарию с изгнанием немецких разбойников из ее сел и городов...

Народы Советского Союза, как один человек, поднялись на защиту своих прав, свободы, чести и независимости. Наша Красная Армия, как легендарный витязь Андемиркан, единоборствует с вероломным, подлым врагом, громит его кровавые орды.

Мы счастливы доложить кабардино-балкарскому народу, что его сыны достойно, доблестно и храбро защищают нашу Советскую Родину. Ваши горные орлы под славными знаменами 115-й кавалерийской дивизии в огне жестоких оборонительных боев летом 1942 г. дрались мужественно и стойко. На равнинах Придонья они отражали бронированные удары танковой группы Клейста, на берегах извилистого Сала они рубились с кавалерией врага. Как молнии, сверкали их клинки над головами фашистов в калмыцких степях. В схватках с лютым врагом храбрые кабардино-балкарцы всегда сохраняли священную верность народу и беспредельную преданность Родине. «Без нужды не вынимай клинка и без славы не вкладывай», – говорит мудрая кабардинская пословица. Кабардинские и балкарские конники на полях Великой Отечественной войны свято соблюдают этот наказ своего народа.

В суровых боях на подступах к Сталинграду ваши сыны покрыли славой свои боевые знамена. На резвых кабардинских скакунах они вместе с другими нашими конниками хлынули сокрушительной лавой в прорыв немецкой обороны под стенами города Сталинграда и вместе с другими отбросили врага за Дон, к Ростову.

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками получили боевые награды Советского правительства – ордена и медали – славные воины Кабардино-Балкарии: батальонный комиссар Хажсет Ширитов, старший политрук Касим Галачиев, политруки Хажби Мисиров, Мата Казанчев, Магомет Шогов, красноармейцы Шериев, Гызыев, Хакяшев, Томазов и многие другие.

Среди героев немеркнувшей славы сияет имя кабардинца Магомета Шогенова, павшего смертью храбрых при штурме калмыцкого селения Деде-Ламин 21 сентября 1942 г. На рассвете впереди атакующих эскадронов он ворвался в окопы противника и, разя врага на ходу из ручного пулемета, прокладывал огнем и мужеством путь бойцам. В этой схватке Магомет Шогенов истребил более 20 фашистов. Погиб наш отважный воин Шогенов, но село было очищено от немецких захватчиков. 400 фашистских разбойников заплатили своей черной кровью за кровь верного сына Кабарды.

Разгромим врага, придет желанная победа, и отцы будут рассказывать своим детям о подвигах другого славного витязя – о балкарце Гызыеве. В одном ожесточенном наступательном бою дзоты немцев не давали ходу нашим конникам. Фашистские пулеметы заливали свинцом всю окрестность. Атака было захлебнулась. И тогда над рядами залегших бойцов поднялся младший политрук Абдул Гызыев. С кличем: «За родной Кавказ!» он помчался на врага. Пуля пробила ногу, но это не остановило героя, он ворвался во вражеский дзот и гранатами уничтожил пулемет и пулеметчиков. Следом за ним устремились вперед бойцы и полностью уничтожили вражеский гарнизон.

Славные сыны Кабардино-Балкарии, сражающиеся на фронте Великой Отечественной войны, надеются, что трудовой народ орденоносной Кабардино-Балкарской республики приложит все усилия к тому, чтобы в кратчайший срок восстановить разрушенное врагом хозяйство.

Ваши сыны, сохраняя героическую традицию кабардино-балкарского народа, смело пойдут вперед на разгром немецких оккупантов, на изгнание их из пределов нашей Советской Родины.

Командир 4-го кавкорпуса, генерал-лейтенант Шапкин

Зам. командира кавкорпуса по политчасти, полковник Степаненко

Начальник политотдела, подполковник Чиковани».

10.3.4.5 «Без адыгов Кавказ – не Кавказ...»

Не коснется их там забота, и не будут они оттуда выведены...

Коран. Сура 15; 48.

Принудительное выселение (депортация) с давних пор стало важным рычагом узаконенного насилия государственной власти над различными группами населения и целыми народами.

А.С. Хунагов (1999. Вып. 1).

В Адыгее многие помнят и чтут И.В. Сталина. Наряду с прочими, у адыгов есть и свои особые, сугубо личные причины быть благодарными вождю. Чтобы понять эти причины, немного углубимся в историю.

Одной из горьких страниц истории СССР, которая используется для очернения Сталина, является депортация – выселение некоторых кавказских народов, крымских татар, калмыков, немцев Поволжья из мест

их постоянного проживания в годы Великой Отечественной войны. Эта акция до настоящего времени является «больной» темой для многих бывших переселенцев и их потомков. Упрекая «тирана Сталина», у которого якобы «руки по локоть в крови», некоторые современные «исследователи» бездоказательно упрекают вождя в геноциде малых народов. Этот миф часто используют не только для заведомо клеветнических нападок на Сталина, но и для разжигания злобного националистического сепаратизма некоторых малых народов. Но что же было в действительности? – спрашивает А.Б. Мартиросян (2007).

А в действительности, – разъясняет публицист, – основой для столь сурового решения о выселении и переселении некоторых малых народов СССР в конце войны послужило дезертирство их представителей из Красной Армии, их сотрудничество с врагом, массовый переход на сторону врага, их служба в рядах вооруженных сил врага, осуществление ими многочисленных актов вооруженного насилия (включая и диверсионные действия) в тылу собственной страны, в том числе против тылов воюющей Красной Армии, раненых красноармейцев, вплоть до их массового вырезания. Речь идет о крымских татарах и крымских греках, а также чеченцах, ингушах, карачаевцах, балкарцах, калмыках. Эту же мысль встречаем и у П.Д. Сорокина (2001): «Говорить о том, что в годы войны органы власти СССР занимались переселениями нескольких этносов из одного лишь чувства ненависти, что не было никаких оснований для таких акций, – не приходится. И основания были, и законы исполнялись». Можно с уверенностью сказать, что Сталин всего лишь обеспечивал безопасность советского тыла в период войны от ненадежных, по его мнению, элементов.

В то время как немногочисленные сыны этих народов мужественно сражались с ненавистным врагом – ведь мало кому известно, что среди героических защитников Брестской крепости было немало, например, тех же чеченцев, – часть этих народов, к глубокому сожалению, пошла по пути оголтелого предательства. А предательство испокон веку жестоко карается во всех государствах мира вне зависимости от существующих в них режимов, а также от национальности предателей. И всегда эта жестокая кара является высшей мерой справедливости.

Столкнувшись со столь откровенным проявлением вооруженного сепаратизма, руководство страны оказалось перед необходимостью незамедлительно, и притом без какой-либо широкой огласки, разрешить возникшую проблему.

Обращает внимание тот факт, что зачастую инициатива подобных депортаций исходила не сверху, а снизу. Так, одними из первых вариантов решения задачи предложили первый секретарь Ставропольского крайкома М.А. Суслов и начальник управления НКВД по Ставропольскому краю Ткаченко. 5 мая 1943 г., спустя три месяца после освобождения территории от врага, они обратились к командующему войсками Северо-Кавказского фронта И.И. Масленникову с просьбой «выдворить в административном порядке» членов семей ушедших с немцами изменников родины и предателей, бандитов и их пособников; «лиц, подозрительных по шпионажу, в отношении которых не добыто достаточно данных для ареста».

Откровенно незаконный, внесудебный способ разрешения сложной проблемы был тут же принят членами узкого руководства страны, видимо, как единственно возможный и вполне оправданный, по их представлению, в условиях военного времени. Начиная с октября 1943 г., НКВД стал осуществлять депортацию, но не только тех отдельных лиц, кто действительно оказался изменником, а и целых народов.

В начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов. Так, в ноябре 1943 г. по обвинению в «измене Родине» было выселено в Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь 68327 карачаевцев – практически все население упраздненной Карачаевской автономной области. В 1957 г. автономия карачаевцев была восстановлена, но уже не в виде самостоятельной области, а в форме объединенной Карачаево-Черкесской АО.

[Небольшой комментарий. Уж очень «оригинальная» версия причин депортации некоторых кавказских народов (в первую очередь, карачаевцев) приводится в книге М.О. Будая «Шаг к истине. Эльбрус между адыгами и карачаевцами» (1998), антиадыгская и антирусская направленность которой не вызывает сомнений: «Адыги на Кавказе поселились при помощи русских войск... их поддерживают русские с целью угнетения народов Кавказа. Это является истинной причиной, из-за которой коммунистическое правительство переселило коренных жителей Кавказа (М.О. Будай имеет в виду карачаевцев. – Авт.) в Среднюю Азию и Сибирь» (С. 35); «...Черкесы сотрудничали с немецкими властями в деле уничтожения 3 тыс. коммунистов и евреев в г. Баталташинске. Они преуспели в клевете на карачаевцев, перекинув все свои преступления на карачаевцев. И, исходя из этих причин, и переселили карачаевцев в Среднюю Азию» (С. 45), и т. д. (Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 422-423). Впрочем, пусть эти нечистоплотные измышления останутся на совести автора...].

В феврале 1944 г. ликвидирована Чечено-Ингушская автономная область; в Казахстан и Киргизию переселено 487000 чеченцев и 91250 ингушей. Спустя две недели, туда же был выселен практически весь балкарский народ – 37406 чел. С болью писал об этих скорбных днях балкарский поэт Салех Гуртуев («Молодая гвардия», 1991, № 11. С. 266):

На мой народ обрушилась беда.
Тот год, как черный призрак, навсегда,
Навеки в нашей памяти застыл,
Забывать его ни права нет, ни сил.
Не знает жизнь опасней ничего
Всевластья человека одного...

В общей же сложности в 30-40 гг. в бывшем СССР подверглись депортации, по одним источникам – 3 226 340 чел., по другим – 3 441 582 чел. различной национальности. Как своеобразный итог таких акций последовали решения Политбюро, указы Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Калмыцкой, Чечено-Ингушской, Крымской автономных республик, о преобразовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую, Карачаево-Черкесской АО в Черкесскую (Жуков Ю.Н., 2005).

Все шло к тому, что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. С этой точки зрения представляет интерес тот факт, что некоторые адыги, несмотря на вполне понятный риск такого обращения, все же обращались к высшему руководству страны с просьбой отменить возможные санкции против адыгского народа. Одним из таких адыгов, рискнувших обратиться к самому И.В. Сталину, был учитель из а. Ходзь Кошехабльского района А.К. Беданов.

Публицист Х. Баладжиян, ссылаясь на воспоминания бывшего журналиста К.П. Волкова, пишет: «1944 год... В это время на Северном Кавказе и в Крыму насильственно покидали жилища и могилы предков целые народы. Горькая чаша сия минула адыгов, хотя утверждают (думаю, не без основания), что вопрос об их выселении из родных мест стоял».

Но были, оказывается люди, которые не могли понять и принять случившееся. Они не молчали, рискуя, по меньшей мере, свободой, а то и жизнью. Такие люди были, и Аскарбий Каспотович Беданов, участник Великой Отечественной войны, учитель школы в а. Ходзь, позже – председатель Ходзинского колхоза, Герой Социалистического Труда, – в их числе». И далее журналист вспоминает написанное А.К. Бедановым письмо на имя И.В. Сталина: «И сейчас, спустя почти полвека (написано в 1991 г.), – помню главный смысл этого документа. Он сводился к просьбе фронтовика-учителя поверить в преданность адыгейского народа партии, Родине и лично великому вождю и дать этому трудолюбивому народу возможность трудиться на родной земле, героическим трудом ради ближайшей победы над фашизмом искупить позор отдельных отступников и предателей, служащих врагу во время оккупации».

Завершая свою публикацию, Х. Баладжиян дает свою оценку обращению к вождю простого школьного учителя из адыгейского аула, которую мы полностью разделяем: «Верный сын своего народа, он был смел в поступках, которые сегодня иначе, чем безрассудными не назовешь. Он же, будучи Гражданином в самом высоком значении этого слова, эту небезопасность презрел, руководствуясь своим понятием и убеждением о справедливости».

Примечательно, что И.В. Сталин, как сейчас сказали бы, «наложил вето» на этот бесчеловечный проект, запретил даже думать об этом. «Без адыгов Кавказ – не Кавказ», – этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов.

В книге Ю.А. Жданова (2004) этот эпизод выглядит следующим образом: «Когда в ГКО обсуждался вопрос о выселении северокавказских народов, вошел опоздавший маршал Г.К. Жуков и услышал вопрос И.В. Сталина:

- Как ведут себя на фронте кабардинцы?
- Воюют, товарищ Сталин, – ответил ничего не подозревавший Жуков.
- Тогда вычеркни. – И вычеркнули из проекта решения о выселении...».

Сейчас, спустя почти 7 десятилетий, взгляды в те трагические годы, видишь, что такое решение вождя отнюдь не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны – на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу (Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., 2009).

10.3.4.6. Партизанское движение на Северном Кавказе

В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

И.В. Сталин (3 июля 1941 г.).

История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую большую роль, какую оно сыграло в последней войне...

Рендулич, гитлеровский генерал (1943).

К моменту вторжения фашистских войск в пределы Адыгеи (10 августа 1942 г.) для руководства партизанским движением был создан штаб в составе секретаря Адыгейского обкома ВКП(б) Н.Ц. Теучежа, а также А.Х. Чамокова, П.Ц. Джасте и Я.М. Семкина.

Одним из первых был готов к боевым действиям Майкопский партизанский куст, который объединял 18 партизанских отрядов. Особого внимания заслуживает боевая операция, проведенная партизанами 13-15 ноября 1942 г. в районе Махошевской дачи. Гитлеровцы были выброшены из Махошевского леса, потеряв убитыми около 400 солдат и офицеров. Значительные потери понесли и партизаны. Погибли комиссар отряда

Иосиф Бугрименко, бойцы Махмуд Чубит и др. В этой операции отличились Тагир Шхалахов, Сара Вахитова, Адам Бзасежев и др. За 6 месяцев оккупации партизанские отряды только Майкопского куста провели более 200 боевых операций. В результате убито 2211, ранено 526 и взято в плен 190 гитлеровских солдат и офицеров, уничтожено 56 автомашин, 1 автобус с 16 легчиками, 1 самолет, 1 бронемашина, 22 повозки. Было взорвано 3 моста, 385 м железнодорожного полотна, вырезано 33 400 м телефонных проводов, захвачено 20 пулеметов и минометов, сотни автоматов и винтовок; отбито у противника 5620 голов крупного рогатого скота, предназначенного для отправки в Германию. В отряде «За Родину» Тахтамукайского района героически сражались с врагом партизаны Гисса Уджуху, Мустафа Гунай, Довлет Совозу, Даут Коблев и др. В боях с фашистами особенно отличились А.С. Бзасежев, Х.Х. Меретуков, А.Ш. Туов, К. Тлебзу, С. Куцев и многие другие. Родина высоко оценила действия партизан. Только в Адыгее 978 из них были награждены орденами и медалями. В числе награжденных: Х.Х. Берзегов (посмертно), Х.Х. Меретуков (посмертно), П.Ш. Чесебнев (посмертно), М.Ч. Чубит (посмертно), Г.Г. Годизов, П.Ц. Джасте, М.И. Биштов, А.Ш. Туов, А.Х. Чамоков и многие другие.

Партизанским движением были охвачены и другие районы. Всего же на территории Северного Кавказа было создано 250 партизанских отрядов и групп, имевших в своем составе 13000 чел. В партизанских отрядах Черкесии и Кабарды особое мужество проявили Азрет-Али Темиров, разведчицы Асият Кужева и Крымхан Мижева, пулеметчица Залихан Эркенова, а также бойцы Кувинско-Икон-Халкского, Зеленчукского и других отрядов. Партизаны, действовавшие в горах Карачаево-Черкесии, уничтожили 1799 вражеских солдат и офицеров, 11 танков и бронемашин, 22 автомашин, взорвали 17 мостов. В общей сложности в Адыгее и Карачаево-Черкесии в ходе партизанской войны было уничтожено 4211 фашистов. Благодаря героической борьбе партизан, горы и ущелья Северного Кавказа стали непроходимыми для врага, древняя Земля адыгов буквально горела под ногами оккупантов.

10.3.5. «Все для фронта, все для Победы!»

10.3.5.1. Самоотверженный труд адыгов в военные годы

Массовое освоение женщинами новых профессий, овладение новой техникой, выдвижение женщин на руководящие посты дали возможность решить проблему кадров в колхозах в годы Великой Отечественной войны.

Е.Т. Кешева (1981).

Самоотверженно трудились адыги в военные годы. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» был для них не только лозунгом, но и самой жизнью. Тысячи тружеников тыла работали на фабриках и заводах, колхозных полях, своим трудом поддерживая Красную Армию, приближая час победы над врагом. Уже к ноябрю 1941 г. в школах и на курсах механизации получили специальности трактористов и комбайнеров 482 женщины Адыгейской автономной области. Среди них Аминет Цику, Гошевной Шеуджен, Дарихан Нехай, Муслимат Хохузок, Галимет Укол и др. Своими трудовыми успехами во время войны отличились: тракторист Ахмет Коблев из Хакуринохабльской МТС, колхозница Сиджах Хаджет из колхоза «Мафе», Жантемир Меретуков из Тахтамукайского района, Шадже Гошхан из колхоза «Пшиш» и многие другие.

Подвиги колхозников на трудовом фронте регулярно освещались в районной и областной периодической печати. Так, один из номеров газеты «Адыгейская правда» от 2 сентября 1944 г. был почти полностью посвящен труженикам колхоза в а. Ходзь. Некоторое представление о широте и разнообразии тем, затронутых селькорами, можно получить из следующих заметок, написанных самими колхозниками: Ю. Легуфов «Ходзинцы бьют врага»; Ш. Шумахов «Наши старики»; К. Волков «Советский учитель» (о А.К. Беданове); С. Кушхов «Обеспечим колхозу своевременный и качественный сев»; Т. Кирджинов «За себя и за мужей»; М. Бегеретов «Кабардинские кони»; А. Шуков «Первенства мы не уступим» и др.

Напряженно трудились в сельском хозяйстве и женщины Кабардино-Балкарии. Наиболее трудоспособная часть населения ушла на фронт. И в этих условиях решающее значение в колхозном производстве приобрел труд женщин. Обращение комбайнеров и трактористок Прохладненской МТС ко всем женщинам республики («Самоотверженным трудом покажем, на что способны советские патриотки!») и призыв комсомолки-трактористки Нальчикской МТС Лёли Бляниховой («Девушки, на трактор!») в июне 1941 г. вызвали новую волну в подготовке кадров женщин-механизаторов. Только в 1941 г. 732 женщины окончили курсы механизаторов и заменили ушедших на фронт мужчин. Сотни женщин были назначены бригадирами, звеньевыми заместителями председателей, председателями колхозов. Массовое освоение женщинами новых профессий, овладение новой техникой, выдвижение женщин на руководящие посты дали возможность решить проблему кадров в колхозах в годы Великой Отечественной войны (Кешева Е.Т., 1981).

О том, какие трудности стояли перед тружениками Адыгеи при восстановлении разрушенных и разграбленных колхозов, рассказывает очевидец – старожил а. Хатукай Джафар Нанкуев: «После ухода фашистов жители аула кое-как, с большим трудом провели весенний сев. Не было тракторов, лошадей, волов, посевного материала, – все это немцы забрали с собой или уничтожили. Приходилось ходить по дворам и собрать по

крупичам семена кукурузы и подсолнечника. В степь люди выходили с тяпками и в пробитые лунки сажали подсолнечник и кукурузу. Поскольку результаты от этого были незначительные, пришлось в качестве тягловой силы использовать немногих сохранившихся коров. Пахали и бороновали на коровах. Бедные истощенные животные страшно уставали, ложились в борозде, их били и заставляли идти дальше. Жалко было смотреть на этих коров. Но как бы тяжело ни было, колхоз им. 1-го Мая весенний сев 1943 г. провел, и провел неплохо».

После изгнания немецких захватчиков, в восстановлении разрушенного фашистами народного хозяйства принимали участие тысячи и тысячи жителей Адыгеи, в т.ч. Гошнаго Юсуфовна Шеуджен, Асланбеч Бачмизович Цику, Ибрагим Хатуович Хачегогу, Ибрагим Кобле, Аминет Такахова. За самоотверженный труд в военные и послевоенные годы они были отмечены правительственными наградами и Почетными грамотами. Президиум ВС СССР 19 января 1944 г. наградил орденами и медалями около 40 тружеников тыла из Адыгеи, в том числе орденом Трудового Красного Знамени – 2 чел, орденом «Знак почета» – 8 чел. Медалью же «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» в Адыгее и Карачаево-Черкесии было награждено более 2000 чел.

10.3.5.2. Отчисления адыгов в Фонд обороны – посильный вклад тружеников тыла в дело разгрома врага

Передайте трудящимся Адыгейской автономной области мой братский привет и благодарность Красной Армии...

И.В. Сталин (12.02.1944 г.).

В годы войны трудящиеся адыгских республик оказывали большую помощь Красной Армии не только самоотверженным трудом, но и собирали средства в Фонд обороны страны.

Е.Т. Кешева (1981).

Большую помощь фронту оказывали труженики тыла и своими добровольными отчислениями в Фонд обороны. С июня 1941 г. по июль 1942 г. трудящимися Адыгейской автономной области было собрано на вооружение Красной армии около 4 млн. руб. За этот же период из области были направлены на фронт около 30 тыс. шт. теплых вещей и 9 тыс. пар валенок, в блокадный Ленинград – 11 вагонов продовольствия. Посылками бойцам Красной Армии было направлено 16 т мяса, 13 540 шт. яиц, 3,5 т меда, 6 ц масла, 11 т фруктов, 26 т овощей («История сельского хозяйства...», 1994).

«Как только в стране началось создание Фонда обороны Родины, – писала газета «Кабардинская правда» (1944, 24 июня), – трудящиеся Кабардино-Балкарской республики внесли 12 млн. 272 тыс. руб.; около 7 млн. руб. было сдано облигациями госзаймов» («История многовекового...», 2007).

В январе 1943 г. колхозники сельхозартели «Красный Восток» селения Шалушка Кабардино-Балкарской республики выступили с призывом: организовать и быстро провести сбор средств на строительство танковой колонны «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии». В марте 1943 г. в фонд строительства этой танковой колонны трудящиеся республики внесли 12 млн. 680 тыс. руб. В телеграмме обкома ВКП(б) и Совнаркома КБАССР председателю Государственного Комитета Обороны т. Сталину было написано: «Пусть новые и новые тысячи гитлеровских мерзавцев найдут себе смерть под гусеницами танков, построенных на наши сбережения. Таков голос народов Кабардино-Балкарии, испытавших на себе гнет и насилие фашистских поработителей».

В ответ Председатель ГКО СССР И.В. Сталин в своей телеграмме передавал «трудящимся Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической республики», собравшим средства на строительство танковой колонны «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии», «братский привет и благодарность Красной Армии». Всего для строительства этой танковой колонны в Кабардино-Балкарии было собрано 13 млн. 353 тыс. руб. («История многовекового...», 2007).

А вот телеграмма звеньевой колхоза им. Сталина, депутата Верховного Совета СССР (сел. Псыгансу Урванского района Кабардино-Балкарии) Били Мисостишховой обкому ВКП(б) и Совнаркому КБАССР: «6 апреля 1943 г. внесла в Госбанк на строительство танковой колонны «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии» 13 000 руб. деньгами и 2600 облигациями госзаймов. Пусть наши танки, построенные на сбережения трудящихся, с еще большей силой обрушатся на немецко-фашистских оккупантов и приблизят час нашей победы над врагом» («Социалистическая Кабардино-Балкария», 1943, 7 ноября).

Через год, 26 февраля 1944 г. в Кабардино-Балкарии начался сбор средств на строительство новой танковой колонны «Смерть немецким захватчикам!», которая была сформирована на деньги, собранные населением республики. К 14 июня 1944 г. в Кабардино-Балкарии на строительство этой танковой колонны было собрано 20 600 руб. В телеграмме руководства республики об этом И.В. Сталину говорилось: «Пусть народные средства, превращенные в грозные боевые машины, беспощадно громят раненого фашистского зверя, уползающего к своей берлоге под натиском Красной Армии» («Кабардинская правда», 1944, 14 июня).

В республике продолжался сбор средств на строительство боевой техники для Красной Армии. Население республики участвовало в строительстве танковых колонн «Орджоникидзе-железнодорожник»,

«Народный учитель», «Советский школьник». В ноябре 1944 г. жены офицеров-фронтовиков г. Нальчика, готовясь достойно встретить 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, внесли свои сбережения в сумме 10 300 руб. на строительство новых самолетов авиазвена «Боевая подруга». А жены фронтовиков Нагорного района на эти же цели из своих личных сбережений внесли 11 560 руб. деньгами и около 19 000 руб. облигациями государственных займов.

В августе–декабре 1944 г. работники потребкооперации собрали средства на строительство самолета «Кабардинский кооператор». В ноябре–декабре 1944 г. труженики Прималкинского зерносовхоза Прохладненского района внесли деньги для строительства артиллерийской батареи «Прималкинский зерносовхоз» («Кабардинская правда», 1944, 29 окт.; 14 нояб.; 8, 20 дек.).

С конца декабря 1944 г. по начало 1945 г. комсомолцы и молодежь республики собрали 1655 руб. и передали в фонд вооружения Красной Армии на строительство эскадрильи самолетов «Комсомолец Кабардино-Балкарии» («Кабардинская правда» 1945, 14 февр.). Авиаэскадрилья вошла в состав войск 1-го Белорусского фронта и в апреле–мае 1945 г. участвовала во взятии Берлина, как и танковая колонна «Смерть немецким захватчикам!», построенная ранее, в 1944 г., на средства жителей Кабардино-Балкарии («История многовекового...», 2007). Всего же трудящиеся республики внесли на строительство боевой техники 160,6 млн. руб. (Кешева Е.Т., 1981).

Сбор средств в Фонд обороны успешно проходил и в Черкесии. Колхозники Хабезского района на строительство звена самолетов «Хабезский колхозник» собрали 1 млн. 300 тыс. руб. Всего же из Черкесии поступило в фонд обороны 52,3 млн. руб.

Сразу же после освобождения Адыгеи от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 г. колхозники Теучежского района выступили с инициативой возобновить прерванный оккупацией сбор средств на строительство танковой колонны «Советская Адыгея» и эскадрильи самолетов. Уже 12 февраля 1944 г. трудящиеся Адыгеи собрали и внесли на строительство эскадрильи самолетов «Адыгейский осоавиахимовец» около 2,3 млн. руб. 21 февраля 1943 г. Оргбюро Майкопского РК ВКП(б) приняло постановление о поддержке патриотической инициативы колхозников района, и к концу месяца она нашла горячий отклик у трудящихся области. В ответ на этот патриотический поступок И.В. Сталин прислал жителям Адыгеи следующую телеграмму: «Передайте трудящимся Адыгейской автономной области, собравшим 2,3 млн. руб. на строительство самолетов «Адыгейский осоавиахимовец», мой братский привет и благодарность Красной Армии». За два года после освобождения Адыгеи от фашистов трудящиеся области внесли на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий 16,5 млн. Всего же за время войны в фонд Красной Армии жителями области было передано свыше 150 млн. руб. («История сельского хозяйства...», 1994).

В школьном музее а. Асоколай сохранились интереснейшие документы – копия письма юных асоколайцев И.В. Сталину: «В момент, когда наша доблестная Красная Армия под Вашим водительством успешно громит Гитлера, приближается час полного разгрома врага, учащиеся и учителя семилетней школы аула Асоколай Теучежского района, воодушевленные победами над врагом и желая принять участие в восстановлении г. Ленинграда, вносят из своих личных сбережений в Госбанк 20 тыс. руб. в фонд восстановления г. Ленинграда». Письмо было составлено 10 апреля 1944 г. и подписано директором школы А.К. Тугузом председателем месткома Харием Уджуху и учеником Якубом Гучетлем. Вскоре пришла ответная телеграмма из Кремля, с пометкой: «Высшая правительственная». Вот ее текст: «Прошу передать учащимся и учителям семилетней школы аула Асоколай, собравшим 20 тыс. руб. в фонд восстановления Ленинграда, мой горячий привет и благодарность правительства Союза ССР. И.В. Сталин». ...Но не только денежные средства отдавали адыги для Победы, – они послали на защиту Родины своих сыновей. Только из маленького аула Асоколай ушло на фронт несколько сот юношей; 150 из них не вернулись.

Труженики Адыгеи, находясь в тылу, отдавали все свои силы фронту, победе над врагом. Мысли и чаяния адыгов высказал в письме тов. Сталину старик-колхозник из сельхозартели «Мафе» Тахтамукайского района Хакон Куце. Он писал: «Мне 74 года, но тружусь за троих, – за себя и двух сыновей-фронтовиков; план урожайности выполнил на 250 %. Колхоз выдал мне дополнительную оплату, из которой я сдал в фонд Красной Армии 30 пудов. Бывайте здоровы еще много, много лет!». 12 декабря 1944 г. тов. Сталин на это письмо ответил: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии, тов. Куце, за вашу заботу о Красной Армии». 54 пуда зерна сдал в фонд Красной Армии и 75-летний колхозник Асланчерий Надюков из Шовгеновского района. Патриотический поступок старого адыга также был отмечен благодарностью тов. Сталина. 12 января 1945 г. бригадир тракторной бригады К. Дауров из аула Хакуринохаль сдает в фонд Красной Армии 1080 кг. хлеба. В ответ на это И. Сталин пишет: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Касполет Пшемахович, за Вашу заботу о Красной Армии. И. Сталин». 21 января 1945 г. учащиеся школ Теучежского района сдали 74315 руб. для строительства самолета-истребителя «Теучежский школьник». За это И.В. Сталин также выразил благодарность школьникам района.

Этот перечень можно было бы продолжать и дальше, но и из сказанного видно, каким патриотическим подъемом были охвачены в годы войны труженики Адыгеи. А благодарность Верховного Главнокомандующего еще более вдохновляла их на самоотверженный труд. Это еще раз подтверждает, что в деле разгрома фашистского зверя есть частица (и немалая) труда жителей Адыгеи – тружеников тыла.

10.3.6. «Майкоп – Кошехабль – Берлин...»

Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков...

И.В. Сталин

*Твоя была Победа в сорок пятом,
А на рейхстаге флаг твой полыхал.
Другой рукой в Берлине, уже взятом,
Написано твое: «Я дошагал!»...*

М. Яворская

Среди многочисленных надписей на рейхстаге есть такие, под которыми могли бы подписаться многие адыги. «Майкоп – Кошехабль – Берлин», такой «автограф» оставил там Ибрагим Афаунов, прошедший большой и славный боевой путь. Боевые друзья Коссович и Бжассо оставили на рейхстаге надпись: «Мы пришли из маленькой Адыгеи и как победители находимся в Берлине». На одной из колонн расписался и Кирым Ачмед, проявивший особый героизм на фронтах Великой Отечественной. Боевой путь еще одного адыга – Мурата Даурова можно проследить по его надписи на рейхстаге: «Родом из Адамия. Прошел путь от Сталинграда до Берлина». И еще: «Здесь был сын адыгов Сагид Хуако». Поистине, как говорится в Коране (Сура 8; 19), «...если просили победы, то победа пришла к вам». А сколько адыгов не имели возможности расписаться на развалинах фашистского логова, сколько их погибло на дорогах войны...

Бывший сельский учитель Масхуд Исмаилович Халиль принял боевое крещение под Житомиром и завершил войну у рейхстага. А до этого были и защита блокадного Ленинграда, и освобождение Варшавы, и взятие важнейшего стратегического узла – г. Шнайдемюль в Германии. За последний бой Масхуд получил благодарственное письмо за подписью Г.К. Жукова, которое он хранит как самую дорогую реликвию. За свои боевые подвиги М.И. Халиль награжден 17-ю орденами и медалями. Как здесь не вспомнить строки из поэмы Галимет Бешкок «У Вечного огня»:

Не щадя своей жизни, не ведая сна,
Лютого гнали врага,
В вас были доблесть, отвага,
Вы Знамя Победы донесли до рейхстага.
Не знала история за свое бытие
Равного вашим ратным делам,
Не было в мире подобных сражений,
На долю, что выпала вам...

От Кавказа до Берлина – вот боевой путь воздушного стрелка Лели Богужиковой, славной дочери адыгейского народа. 60 боевых вылетов, 8 воздушных боев, сотни уничтоженных гитлеровцев и военной техники, один лично ею сбитый фашистский истребитель, – таковы итоги ее боевого пути. За мужество и героизм она была награждена 7 орденами и медалями, имела 9 благодарностей от тов. Сталина. 672 раненым оказала помощь на поле боя Биба Хапачева. Она участвовала в освобождении родной Адыгеи и прошла славный путь от Кавказа до Берлина. При штурме фашистской столицы также отличился и получил звание Героя Советского Союза Кимчерий Бжегаков из а. Тлюстенхабль. Проявили героизм при взятии Берлина Герой Советского Союза Даут Нехай из а. Вочепший и многие другие адыги. Не о них ли писал в свое время известный адыгейский поэт Х. Беретарь:

Нам этот день так дорого достался!
Запомним тех, кто за него сражался...

Боевую славу 115-й кавалерийской дивизии донесли до Берлина и многие воины кабардинской национальности. В их числе гвардейцы Аппаев А.К. – рядовой, Артабаев – рядовой, Ахметов Т.Х. – рядовой, Ахохов А.Н. – майор, Бабаев М.Т. – младший сержант, Басиев С.У. – капитан, Блянихов Х.П. – капитан, Бозиев К.Х. – майор, Валиев К.М. – майор, Гериев Г.В. – полковник, Гуртуев А.Б. – старший лейтенант, Джаладзе Ш.И. – сержант, Жигунов Г. – старшина, Залиханов М.К. – сержант, Кажаяв Хажмет – рядовой, Каиров М.А. – старший сержант, Катанчиев Т.М. – сержант, Катинов М. – рядовой, Керемов К.Н. – майор, Кешоков А.П. – майор, Ксанаев Ибрагим – лейтенант, Кумыков А.Л. – интендант 3-го ранга, Курашев Д.А. – рядовой, Куршев Хамац – рядовой, Мамукаев И.С. – рядовой, Мамишев М.Х. – рядовой, Махиев Х.Т. – сержант, Настаев С.Я. – сержант, Настуев М.Я. – сержант, Наурзоков Х.И. – капитан, Наурузов М.Х. – майор, Рахаев А.К. – сержант, Сабанчиев М. – рядовой, Сабиев Н.С. – лейтенант, Хоханаев Б.А. – рядовой, Цуциев Б.Е. – капитан, Чеченов И.Д. – лейтенант, Чочаев Мухадин – рядовой, Шаупуков Г.М. – майор, Шидов М. – рядовой, Шимкович Ф.Ф. – старшина, Шортанов А.Т. – майор, Шукаев Х.С. – капитан, Эльмесов А.Х. – старшина и другие.

Пройдя тысячи километров фронтовых дорог, те из них, кто остался жив, вернулись в родную Кабардино-Балкарию и включились в мирный труд по восстановлению разрушенного четырехлетней войной народного хозяйства (Хатукаев А.Т., 1965).

Праздником для всего советского народа стало 9 мая 1945 г. На весь мир прозвучали слова вождя: «Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию. С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!». По мнению И.В. Сталина, «...уроки войны говорят о том, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время». В справедливости этих слов трудно усомниться...

Более полвека прошло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских захватчиков. Но чем дальше уходят в прошлое события военных лет, тем ярче предстает перед нами величие патриотического и интернационального подвига советского народа. Немалую лепту в окончательную победу над врагом внес и адыгский народ. Завершить этот раздел хотелось бы словами простого адыга, участника Великой Отечественной войны, орденосца, лейтенанта Хазрета Юсуфовича Шеуджена: «Оглядываясь на жизненный путь моих боевых друзей, переживших и выдержавших во время войны труднейшие испытания, мне хочется сказать, что наше поколение было достойно своего времени; что, если бы нам пришлось жизнь начинать сначала, мы бы ее начали и продолжали, как прежде. Детям нашим не приходится краснеть за юность своих отцов...». Что можно добавить к этим мудрым словам старого адыга?

10.3.7. Адыги – Герои Советского Союза и России

Установить высшую степень отличия – присвоение за личные или коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением героического подвига, звания Героя Советского Союза.

Постановление ЦИК СССР от 16 апреля 1934 г.

Звания Героя Советского Союза удостоены почти 12700 чел. В едином строю Героев стоят люди разных национальностей, составляя единую братскую семью всех народов. Высшая степень отличия присвоена 16 адыгам:

Андрухаев Хусен Борежевич, род. 2.03.1920 г. Адыгеец. Политрук роты 733-го стрелкового полка (136-я стрелковая дивизия, 18-я армия, Южный фронт) Андрухаев проявил исключительное мужество 8.11.1941 г., в бою у с.Дьяково (Антрацитовский район Ворошиловградской области). Заменяв вышедшего из строя командира роты и прикрывая вынужденный отход подразделения, он в критический момент боя двумя противотанковыми гранатами подорвал себя и окруживших его фашистов. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.03.1942 г. посмертно. Похоронен в братской могиле в с. Дьяково.

Аскаров Алексей Алексеевич, род. в 1901 г. Черкес. Сапер 1031-го стрелкового полка (280-я стрелковая дивизия, 60-я армия, Центральный фронт) рядовой Аскаров отличился при форсировании Днепра 25.09.1943. в районе с.Окуниново (Козелецкий район Черниговской области). Ремонтировал рыбацьи лодки, сколачивал плоты и под сильным огнем противника переправил несколькими рейсами группы бойцов и боеприпасы. 30.09.1943 г. принимал активное участие в переправе подразделений полка через р. Тетерев в Чернобыльском районе Киевской области. Звание Героя Советского Союза присвоено 17.10.1943 г. Умер 12.10.1971 г.

Ачмизов Айдамир Ахмедович, род. в 1912 г. Адыгеец. Заряжающий орудия 2-го гвардейского отряда конно-артиллерийского дивизиона (4-й гвардейский кавалерийский корпус, Закавказский фронт) гвардии рядовой Ачмизов отличился в боях в районе аула Новкус-Артезиан (Нефтекумский район Ставропольского края). 2.12.1942 г. при отражении танковой атаки заменил вышедшего из строя наводчика и вместе с раненым командиром расчета вступил в поединок с 11 вражескими танками. Уничтожил 2 тяжелых и 3 средних танка. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.03.1943 г., посмертно. Похоронен в ауле Новкус-Артезиан, где установлен его бюст.

Бжигаков Кимчерий Борокович, род. 15.11.1919 г. Адыгеец. Командир взвода минометной батареи 7-го гвардейского кавалерийского полка (2-я гвардейская кавалерийская дивизия, 1-й гвардейский кавалерийский корпус, 1-й Украинский фронт) гвардии старший лейтенант Бжигаков в числе первых 30.01.1945 г. форсировал р. Одер в районе севернее г. Ратибор (Рацибурс, Польша), обеспечил огнем захват плацдарма. Участвовал в отражении нескольких контратак противника, уничтожил огнем взвода 5 пулеметов, много гитлеровцев. 23.02. в бою за дер. Вольфсдорф (Вилькув, 4 км южнее г. Злоторыя, Польша) был ранен, но продолжал поддерживать атаку эскадрона. Участвовал в форсировании р. Эльба и в наступательных боях в районе г. Майсен (Германия). Звание Героя Советского Союза присвоено 27.06. 1945 г.

Канкошев Ахмет-хан Талович, род. 28.08.1914 г. Кабардинец. Командир звена 42-го гвардейского истребительного авиационного полка (216-я смешанная авиационная дивизия, 4-я воздушная армия, Северо-Кавказский фронт) гвардии лейтенант Канкошев к июню 1943 г. совершил 108 боевых вылетов, в 45 воздушных боях сбил лично 8 самолетов противника и 3 в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 2.09.1943 г. Погиб 28.12.1943 г. в районе Керчи.

Карданов Кубати Локманович, род. 9.07.1917 г. Кабардинец. Зам. командира эскадрильи 88-го истребительного авиационного полка (229-я истребительная авиационная дивизия, 4-я воздушная армия, Се-

веро-Кавказский фронт) капитан Карданов к июню 1943 г. совершил 550 боевых вылетов, уничтожил и вывел из строя 2 танка, 127 автомашин, 7 орудий 13 зенитных точек, сотни гитлеровцев. В 90 воздушных боях сбил лично 7 самолетов противника и 12 в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 24.08.1943 г.

Карданов Мурат Асхадович, род. 31.12.1916 г. Черкес. Командир взвода 301-го гвардейского стрелкового полка (100-я гвардейская стрелковая дивизия, 7-я армия, Карельский фронт) гвардии старший сержант Карданов умело организовал боевые действия взвода. 22.06.1944 г., при прорыве обороны противника, овладев частью вражеского опорного пункта «Карельская», взвод переправился через р. Янгера в районе г. Лодейное Поле (Ленинградская обл.), захватил и в течение 2 часов удерживал рубеж, обеспечивая форсирование реки батальоном. 25 июня заменил выбывшего из строя командира роты. Рота овладела вражеским опорным пунктом у сел Самбатукса-Пипилица (Карелия). Звание Героя Советского Союза присвоено 21.07.1944 г.

Конукоев Назир Титуевич, род. 10.05.1916 г. Кабардинец. Командир эскадрильи 43-го истребительного авиационного полка (278-я истребительная авиационная дивизия, 16-я воздушная армия, 1-й Белорусский фронт) подполковник Конукоев за годы войны совершил 229 боевых вылетов, в воздушных боях сбил 15 и уничтожил на земле 15 самолетов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 6.05.1965 г. Умер 30.10.1975 г.

Кошев Алий Юсуфович, род. в 1922 г. Адыгеец. Сапер 90-го отдельного саперного батальона (2-й танковый корпус, 2-я танковая армия, 2-й Украинский фронт) ефрейтор Кошев отличился при переправе танков на пароме через Днестр в районе г. Сороки (Молдавия) в марте 1944 г. Осколками снарядов был поврежден канат. Паром стало сносить по течению. Кошев бросился в холодную воду, пытаясь достать канат, который зацепился за подводную сваю. Нырнув второй раз, достал конец тяжелого троса и закрепил на пароме. Танки были спасены. Звание Героя Советского Союза присвоено 13.09.1944 г. Умер 13.01.1971 г.

Кунижев Замахшари Османович, род. 5.12.1916 г. Абазинец. Участник освободительного похода советских войск в Западную Белоруссию 1939 г. и советско-финской войны 1939-1940 гг. Пулеметчик 300-го стрелкового полка (7-я стрелковая дивизия, 7-я армия, Северо-Западный фронт) рядовой Кунижев проявил мужество и героизм в боях на Карельском перешейке зимой 1939-1940 гг. Звание Героя Советского Союза присвоено 11.04.1940 г. Принимал участие в Великой Отечественной войне.

Масаев Аслангери Яхьяевич, род. 5.05.1920 г. Кабардинец. Командир танкового взвода 50-й гвардейской танковой бригады (9-й гвардейский танковый корпус, 2-я гвардейская танковая армия, 1-й Белорусский фронт) гвардии лейтенант Масаев отличился в боях при освобождении Польши в январе-феврале 1945 г. Находясь в разведке в составе взвода, смелыми действиями внес панику в ряды противника и 21.01 в числе первых ворвался в г. Петркув-Куявски, захватив большое количество техники и пленных. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г. Погиб в бою 21.02.1945 г. Похоронен в деревне Шимбраново (Польша).

Мезох Владимир Чемгуевич. За мужество и героизм, проявленный при испытании пассажирских лайнеров Ил-62, Ил-86 и ТУ-154, первым из адыгейцев удостоен звания Героя России; имеет также почетные звания «Заслуженный летчик-испытатель», «Летчик Франции». Кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, Дружбы народов; председатель Совета старейшин Московского общества черкесской культуры «Адыги».

Нехай Даут Ереджибович, род. 27.11.1917 г. Адыгеец. Командир батальона 1083-го стрелкового полка (312-я стрелковая дивизия, 69-я армия, 1-й Белорусский фронт) майор Нехай в бою 14.01.1945 г. умело организовал прорыв обороны противника на западном берегу Вислы в районе пос. Курошув (12 км западнее г. Пулава, Польша). Вклинившись на глубину 12 км, батальон вышел на тыловой рубеж раньше, чем его занял отходивший противник, что способствовало успешному выполнению боевой задачи полком и дивизией. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.02.1945 г.

Тхагушев Исмаил Халалович, род. 17.03.1920 г. Адыгеец. Командир роты 89-го стрелкового полка (23-я стрелковая дивизия, 47-я армия, Воронежский фронт) лейтенант Тхагушев первым в части 25.09.1943 г. переправился через Днепр у с. Студенец (Каневский район Киевской области). Рота заняла позицию на господствующей высоте, обеспечила успешную переправу подразделений полка 2.10.1943 г. и отразила ожесточенные контратаки противника, нанеся ему значительный урон в живой силе и технике. Звания Героя Советского Союза присвоено 25.10.1943 г.

Чуц Абубачир Батербиевич, род. в 1912 г. Адыгеец. Разведчик 384-го отдельного батальона морской пехоты (Черноморский флот) матрос Чуц в ночь на 26.03.1944 г. в составе десантного отряда под командованием старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского высадился в тылу противника в порт г. Николаев. Участвовал в отражении 18 ожесточенных атак противника. Погиб 27.03.1944. Звание Героя Советского Союза присвоено 20.04.1945 г., посмертно. Похоронен в братской могиле в г. Николаеве в сквере 68 десантников.

Яхогоев Михаил Ардошукович, род. 15.09.1919 г. Кабардинец. Телефонист минометной батареи 360-го стрелкового полка (74-я стрелковая дивизия, 13-я армия, Центральный фронт) ефрейтор Яхогоев в бою 20.09.1943 г. за деревню Оболонье (Коропский район Черниговской области), устраняя повреждение на линии, столкнулся с 5 солдатами противника. В коротком бою уничтожил их и восстановил линию. При форсировании Днепра в районе с. Комарин (Гомельская область) 23 сентября под огнем врага сделал 6 рейсов на лодке, перевозя личный состав батареи, минометы и боеприпасы. Звание Героя Советского Союза присвоено 16.10.1943 г.

10.3.8. «И боль, словно пуля, вонзается в грудь»: скорбная статистика войны

*И я подхожу с головой непокрытой
К безмолвной могиле друзей и родных,
И кажется, сердце сильнее забилося,
И боль, словно пуля, вонзается в грудь.*

К. Жанэ

*Имена, имена, имена...
Вы навек рождены,
Вы навек не забыты,
Если Родина-мать спасена*

В. Туркин

Великая Отечественная война нанесла неисчислимый ущерб нашей Родине. Десятки миллионов погибших, почти полностью разрушенное народное хозяйство, развалины городов и сел, – вот с чем пришли мы к маю 1945 г. Но на другой чаше весов – мир, спасенный от коричневой чумы. И какая из этих чаш весомее перед лицом Истории?

Значительно пострадал от военного лихолетья и регион Северного Кавказа, который в 1942-1943 гг. топтал сапог оккупанта. Так, в Ставропольском крае, Черкесии и Кабарде за время оккупации фашисты уничтожили 31645 мирных граждан и 277 военнопленных. А на территории Краснодарского края гитлеровцы расстреляли, повесили, отравили в душегубках 61540 чел.; кроме того, 32000 юношей и девушек угнали на каторгу в Германию.

В одной только маленькой Адыгее было замучено и расстреляно фашистами за время 6-месячной оккупации около 4000 чел., в основном, стариков, женщин и детей. Кроме того, в боях с фашистами погибло не менее 380 партизан – жителей Адыгеи. Вечная им память! Как писал Р. Рождественский в своей поэме «Реквием»,

Помните!

Через века, через года, –

Помните!

О тех, кто уже не придет никогда, –

Помните!...

Но наибольшие потери понесла Адыгея на фронтах Великой Отечественной. Как считают авторы недавно вышедшей книги «История Адыгеи», «... среди тех, кто ушел на войну из Адыгеи, а их было, по неполным данным, около 25000 чел., каждый третий пал на полях сражений». По данным же «Книги Памяти», из Адыгеи ушло на фронт не менее 80000 чел. Но ведь Молох войны «перемолол» не только тех, кто погиб, – ведь многие умерли от военных ран, погибли в плену, пропали без вести. Так, до сих пор считаются без вести пропавшими многие ушедшие на фронт жители а. Егерухай, в том числе Каноков Ибрагим Ахмедович; Джаримовы Ибрагим Ляевич, Нух Исхакович и Юсуф Русович, жители а. Эдепсукай-1: Гадагатль Яхья Тохович, Туркубий Тохович и Муса Тохович; житель а. Лакшукай Гатагу Мос Учужукович и сотни, тысячи других.

В «Книгу Памяти» в этот скорбный список внесены пока имена 30543 чел.; из них 12414 чел. погибли и 18129 чел. пропали без вести (табл. 31):

Ветераны Великой Отечественной войны у памятника Хуаде Адама Хачемизовича – участника абхазской войны

Таблица 31 – Скорбная статистика гибели жителей Адыгеи на фронтах Великой Отечественной войны

Погибшие	Год-					Всего
	1941	1942	1943	1944	1945	
Солдаты	2812	5948	13657	3591	1679	27687
Офицеры	412	714	666	626	239	2657
Партизаны	–	90	9	12	–	111
Женщины	–	25	33	24	6	88
<i>Итого</i>	3224	6777	14365	4253	1924	30543
в т.ч.: погибли в бою	633	2325	3416	991	979	9344
умерли от ран	99	454	837	624	359	2373
умерли от болезней	6	27	71	36	36	176
погибли в плену	57	204	164	88	8	521
пропали без вести	2430	3767	9875	1514	543	18129

Прах погибших на фронте жителей Адыгеи покоится в 27 странах за пределами России (5482 чел.) и в 56 республиках, краях и областях Российской Федерации (5263 чел.), – всего 10745 могил наших земляков рассеяно по всему свету, от Ирана до Финляндии и от Германии до Японии (табл. 32, 33). Поистине, как писал в своих стихах Шабан Кубов,

Нет места на земле,
Где б не было адыгских могил, с-о-ой...

Как видно из приведенных выше данных, десятки тысяч наших земляков не вернулись с фронта. В голове не укладываются эти цифры, – целые гекатомбы трупов, искалеченных жизней, разбитых семей и детей, оставшихся сиротами. Попытаемся представить эти сухие статистические цифры на примере судьбы лишь одной родовой адыгской фамилии Шеуджен (Шовгеновых). Как бесстрастно сообщает Книга Памяти, около 100 чел. из этого рода не вернулись с войны: погибли в бою, умерли от боевых ран, пропали без вести. А сколько таких семей было по всей Адыгее? Сотни? Тысячи? Или еще больше? Никто не знает. Но семьи пропавших без вести все еще живут надеждой, ждут возвращения своих отцов, братьев, мужей, сыновей. Ждут уже 50 лет. Дождутся ли?...

Завершить этот скорбный перечень хотелось бы словами поэта В. Елагина, которые как нельзя лучше характеризуют горечь утраты:

Крещенные войной
Не раз в огне, в дыму.
Уходят в мир иной
Отцы по одному.
Жаль, не было уж сил
Продлить хотя бы миг,
И вот в тиши могил
Оплакиваем их...

Таблица 32 – Республики, края и области России, где покоится прах воинов из Адыгеи, погибших на фронте

Регион	Число захоронений	Регион	Число захоронений	Регион	Число захоронений
Алтайский кр.	2	Карачаево-Черкесия, респ.	1	Рязанская обл.	5
Архангельская обл.	4	Карелия, респ.	72	Саратовская обл.	26
Астраханская обл.	4	Кировская обл.	7	Свердловская обл.	8
Башкортостан, респ.	3	Краснодарский кр.	2023	Северная Осетия, респ.	48
Белгородская обл.	20	Красноярский кр.	1	Смоленская обл.	242
Витебская обл.	47	Курская обл.	204	Ставропольский кр.	112
Владимирская обл.	1	Ленинградская обл.	525	Тамбовская обл.	9
Волгоградская обл.	330	Липецкая обл.	6	Тверская обл.	244
Вологодская обл.	6	Мордовия, респ.	1	Тульская обл.	36
Воронежская обл.	124	Московская обл.	55	Удмуртия, респ.	3
Горьковская обл.	4	Мурманская обл.	31	Хабаровский кр.	3
Дагестан, респ.	19	Новгородская обл.	18	Челябинская обл.	4
Ивановская обл.	6	Новосибирская обл.	4	Чечня, респ.	9
Ингушетия, респ.	12	Орловская обл.	176	Читинская обл.	4
Иркутская обл.	2	Пензенская обл.	6	Чувашия, респ.	1
Кабардино-Балкария, респ.	21	Пермская обл.	4	Якутия, респ.	2
Калининградская обл.	140	Приморский кр.	5	Ярославская обл.	5
Калмыкия, респ.	14	Псковская обл.	31		
Калужская обл.	18	Ростовская обл.	551	Итого:	5263

Таблица 33 – География мест захоронения воинов из Республики Адыгея в странах мира в период Великой Отечественной войны

Страна	Число захоронений	Страна	Число захоронений	Страна	Число захоронений
Австрия	42	Казахстан	6	Таджикистан	1
Азербайджан	17	Китай	2	Узбекистан	9
Албания	1	Корея	1	Украина	3100
Армения	6	Латвия	185	Финляндия	3
Белоруссия	331	Литва	92	Чехословакия	119
Болгария	3	Молдавия	89	Эстония	56
Венгрия	251	Монголия	1	Югославия	23
Германия	448	Польша	598	Япония	1
Грузия	31	Россия	5263	Всего (без России):	5482
Иран	1	Румыния	65	Итого:	10 745

Трагические и героические годы Великой Отечественной войны давно ушли в прошлое. Слава защитников Отечества, подвиги и лишения их в минувшей войне принадлежат теперь не только Родине и народу, но и самой Истории. Как символ негасимой любви и благодарной памяти о бессмертном подвиге сынов и дочерей адыгского народа, горит Вечный Огонь Славы на могилах защитников Родины в Майкопе и многих других населенных пунктах Адыгеи. Вечная им память...

Хорошо сказал о значении этой памяти, Памяти с большой буквы в возрождении духовной культуры народа Глава Республики Адыгея А.К. Тхакушинов: «Уходит из жизни поколение фронтовиков, но не уходит память... У России великое прошлое и прекрасное будущее. Потому что подлинное величие страны – в народе, у которого есть Память» (Цит. по: «Победители». Т. 2. 2007. С. 5).

Достойно ль смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым миром бед
Покончить с ними? –

– спрашивал в свое время В. Шекспир. Адыги своей кровью, своими жизнями ответили на этот столь мучивший Гамлета вопрос. Уйдя на фронты Великой Отечественной, сражаясь в партизанских отрядах, они погибли, чтобы жили мы. И забывать об этом нельзя. В День Победы, 9 мая 1945 г. на собрании в а. Тахтамукай 100-летний старейшина Биль Ужбанокоев сказал: «Война – слезы, горе и страдания народов. Война – это жертвы миллионов людей. Я хочу, чтобы никогда не было больше войны в мире». Что можно добавить к этим мудрым словам старого адыга?

10.4. Адыгея сегодня

10.4.1. Послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства

*Я люблю гор высоких заоблачный взлет,
Сердцу милые с детства края.
Пусть как море шумит золотистая степь –
Богатырская слава твоя...*

С. Яхутль

*В любви, в крови, в огне боренья,
Со славой тех, кто первым пал,
Сменялись, гибли поколенья
За это все, что ты застал...*

В. Федоров

Война и пребывание фашистских оккупантов на Северном Кавказе нанесли огромный ущерб Адыгее. Большинство предприятий, колхозов, совхозов, МТС, жилого фонда, школ и больниц было разрушено и разграблено; суммарный ущерб Адыгейской автономной области составлял около 1 млрд. руб. Примечательно, что фашистский генерал Штюльпнагель, чья армия была разбита советскими войсками на берегах Днепра в 1943 г., оправдываясь, сообщал Гитлеру: «Промежуток в 25 лет – это такой срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами». Однако и здесь фашисты просчитались, – народное хозяйство было восстановлено в значительно более короткие сроки.

В годы мирного послевоенного строительства трудящиеся Адыгеи решали сложные задачи восстановления и развития народного хозяйства и культуры области. Большую активность в этом важном деле проявляла молодежь. В сельскохозяйственном производстве, в частности, трудилось более 80 000 юношей и девушек. Широкую известность в области получили звеньевые К. Кабертай и С. Хурай из колхоза «Путь Ильича» Теучежского района, награжденные за высокие урожаи кукурузы орденами Ленина. Сафет Шугаибовна Хурай

была самым молодым в Адыгее бригадиром комсомольско-молодежного звена. В 1960 г. ее звено вырастило по 100 ц кукурузы с 1 га; за трудовые успехи ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В восстановлении сельского хозяйства Адыгеи и получении первых послевоенных урожаев участвовали буквально все жители. Среди них можно отметить Юсуфа Хатужуковича Шеуджена, Асланбека Бачмизовича Цику, Хазрета Бачмизовича Цику, Пшимафа Алиевича Хота, Чабахан Хамедовну Хут, Хусена Моссовича Цику из а. Эдепсукай-1; Ероджиба Бамбетовича Схалыхо из а. Ассоколай; Худа Хамедовича Цей, Надежду Ивановну Белову, Аскера Туркубиевича Асманова из а. Хатукай; Ачох Каласав Люлюнович из а. Тахтамукай; Рашида Якубовича Паранука из а. Пчегатлукай и тысячи других тружеников села. За успехи в деле восстановления сельского хозяйства высоких правительственных наград были удостоены: чабан колхоза «1-й Егерухай» Кошехабльского района Т. Шишхов, тракторист Понежукайской МТС Ю. Наниз, председатель Шовгеновского райисполкома М. Гунай, механизатор И. Ганиев и др. Наряду с боевыми орденами, труженики области получали награды и за трудовую доблесть. Так, Измаил Ереджибович Кудасев был награжден орденом «Знак Почета», «Трудового Красного Знамени» и многими другими «мирными» наградами. А сколько таких скромных тружеников села было по всей Адыгее... Восстанавливались разрушенные заводы, фабрики, больницы, школы. После освобождения Тахтамукайского района творчески работали, готовя достойную смену, учителя: Зачерий Шеуджен, Шамсет Барчо, Темир Чухо, Гисса Чуяко, Бадур Шеуджен и др.

Большую помощь колхозникам Адыгеи оказывали ученые и специалисты Кубанского сельхозинститута, разработавшие комплекс мероприятий по повышению урожайности сельскохозяйственных культур. В первую очередь среди них следует отметить Н.А. Тхагушева, ставшего первым в истории Адыгеи доктором сельскохозяйственных наук. Значительный вклад в развитие аграрной науки Адыгеи также внес доктор сельскохозяйственных наук П.К. Ажигоев. С помощью ученых Всесоюзного научно-исследовательского института риса, под руководством академика Е.П. Алешина, разработавших применительно к условиям республики технологию возделывания риса, Адыгея стала крупным рисосеющим районом Российской Федерации. Здесь накоплен значительный опыт выращивания высоких урожаев этой культуры. Совхозы «Путь Ильича» Теучежского, им.Хакурата Тахтамукайского, «Хатукайский» Красногвардейского районов, возглавляемые соответственно Р.А. Хамтаху, Ш.Х. Схалыхо и М.И. Кудасевым, независимо от погодных условий, получали стабильно высокие урожаи риса. В 70-80 гг. XX столетия в Адыгее были широко известны рисоводы: звеньевой рисоводческого звена колхоза «Дружба» Теучежского района М.Ш. Бжассо и бригадир Р.Х. Лаюк; звеньевой механизированного звена колхоза «Кавказ» Красногвардейского района Аслан Адамович Чедыгов, вырастивший в 1980 г. 75 ц зерна риса с гектара. В развитие рисосеяния в Адыгее весомый вклад внесли также: Мугдин Ильясович Панеш, Хусен Кимчериевич Схалыхо, Чемаль Кушукович Схалыхо, Махмуд Исакович Тлецери, Мзабеч Исакович Тлецери, Кемал Боричевич Уджуху, Хизир Ибрагимович Хуако, Рашид Махмудович Цику и др.

Передовики производства на торжественном собрании, посвященном «Дню работников сельского хозяйства»
1-й ряд слева направо третья Гошнаг Юсуфовна Шеуджен; 3-й ряд слева первая Раиса Махмудовна Хут

Сокрушительный удар аграрной Адыгее как и всей стране в целом был нанесен на высшем государственном уровне во время пребывания у власти Н.С. Хрущева, а позже – во время так называемой «перестройки», а фактически – сознательного, планомерного разрушения нашего государства. Однако, несмотря на трудности и сложности, Адыгея в короткие сроки оправилась от разрушительных последствий войны и усилий своих доморощенных «экспериментаторов» и достигла значительных успехов в строительстве социалистического народного хозяйства. За успехи в восстановлении и развитии народного хозяйства Адыгейская автономная область была награждена орденом Ленина (27 сентября 1957 г.) и орденом Дружбы народов (29 декабря 1972 г.). В настоящее время экономика Республики Адыгея достаточно многоструктурная. В ней представлены практически все народнохозяйственные отрасли.

Основным занятием населения республики по-прежнему является сельское хозяйство. Почти 400 тыс. га, т.е. больше половины всех земельных угодий Адыгеи, занято пашней, сенокосами, пастбищами, садами и виноградниками; здесь возделывается около 100 видов сельскохозяйственной продукции. Объемы производства основных из них следующие (в тыс.т): зерно – 300, сахарная свекла – 130, подсолнечник – 28, картофель – 38, овощи – 60.

Из полезных ископаемых республики наиболее ценными являются нефть и газ, сырье для производства цемента, извести, стекла, декора интерьеров цветным мрамором и гранитом. Уникальными по свойствам и запасам являются термальные и минеральные воды. Рекреационно-географическое положение Адыгеи весьма благоприятно для развития туризма, бальнеологической сети, отдыха, организации охотничьих угодий.

На базе сельскохозяйственного сырья и ценной древесины были сформированы пищевая и лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленности. Переработка сельскохозяйственной продукции осуществлялась на Адыгейском консервном комбинате, Хатукайском, Ханском и Майкопском консервных заводах.

В конце XX – начале XXI вв. индустриальный «пейзаж» Адыгеи определяли 90 крупных современных промышленных предприятий; объем производства промышленной продукции составил более 700 млн. руб. Около половины общего числа промышленных предприятий республики сосредоточено в г. Майкопе. Это старейший (с 1920 г.) дубильный завод, комбинат «Лесомебель», завод, выпускающий деревообрабатывающие станки, и многие другие. Предприятия лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности г. Майкопа дают 20 % его валовой продукции. Ведущую роль в городе (более 50 % валовой продукции) занимает пищевая промышленность: мясокомбинат, молочный комбинат, консервный и винно-водочный заводы, пищекомбинат. Широкой известностью за пределами Адыгеи пользуются шпигатно-веревочная и обувная фабрики, завод дубильных экстрактов, 4 машиностроительных заводов. Сегодня Республика Адыгея обладает значительным социально-экономическим, научным и культурным потенциалом.

10.4.2. Адыги – Герои Социалистического Труда

*Былые дни!
Былые дни, как исполины
Встают они!
Мы этих дней не позабыли,
Гори огнем
Тех дней, в которые мы жили
Грядущим днем!*

Леонид Мартынов

«Герой Социалистического Труда – почетное звание, высшая степень отличия для лиц, которые проявили трудовой героизм, своей особо выдающейся новаторской деятельностью внесли значительный вклад в повышение эффективности общественного производства, содействовали подъему народного хозяйства, науки и культуры» (Указ Президиума ВС СССР от 27 декабря 1938 г.). Этим почетным званием были удостоены более сотни лучших тружеников наших адыгских республик. Лишь в одной Адыгее Героями Социалистического Труда стали:

Ашинов Якуб Нухович. За успехи, достигнутые в увеличении производства и заготовок пшеницы, кукурузы, ржи, гречихи, риса и других зерновых и кормовых культур при высокопроизводительном использовании техники, Указом Президиума ВС СССР от 23 июня 1966 г. звеньевому колхоза Я.Н. Ашинову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Делов Алий Харунович. За исключительные заслуги перед государством в деле обеспечения перевозок грузов для фронта и народного хозяйства, восстановления железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени Указом Президиума ВС СССР от 5 ноября 1943 г. А.Х. Делову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Еманукова Кунац Сафарбиевна. За успехи, достигнутые в увеличении производства и продажи государству конопля, Указом Президиума ВС СССР от 30 апреля 1966 г. звеньевой колхоза «Путь к коммунизму» К.С. Емануковой присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Меретуков Аслан Ахмедович. За выдающиеся успехи в развитии сельскохозяйственного производства и выполнение пятилетнего плана продажи продуктов земледелия и животноводства Указом Президиу-

продуктов в 1976 г. Президиум ВС СССР Указом от 23 декабря 1976 г. присвоил звеньевому А.М. Сиухову звание Героя Социалистического Труда.

Тхайцухов Юрий Хаджиметович. За большие успехи, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании, и проявленную трудовую доблесть в выполнении принятых социалистических обязательств по увеличению производства зерна и других продуктов земледелия Указом Президиума ВС СССР от 7 декабря 1973 г. председателю колхоза «Россия» Гиагинского района Ю.Х. Тхайцухову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Хурай (Шаззо) Сафет Шугаибовна. В ознаменование пятидесятилетия Международного женского дня, за выдающиеся достижения в труде и особо плодотворную деятельность Президиум ВС СССР своим Указом от 7 марта 1960 г. присвоил звеньевой колхоза «Путь Ильича» С.Ш. Хурай звание Героя Социалистического Труда.

Чамоков Асланчерий Хаджумарович. За выдающиеся успехи в развитии сельскохозяйственного производства и выполнение пятилетнего плана продажи государству продуктов земледелия и животноводства Указом Президиума ВС СССР от 8 апреля 1971 г. директору Майкопской птицефабрики А.Х. Чамокову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Янок Исхак Ибрагимович. За успехи, достигнутые в увеличении производства и заготовок пшеницы, риса и других зерновых и кормовых культур и высокопроизводительное использование техники Указом Президиума ВС СССР от 23 июня 1966 г. И.И. Яноку присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В настоящее время государство уже не присуждает почетного звания «Герой Социалистического Труда». Да и само слово труд находится как бы в забвении. Тем, которые оказались в плену времени – ради сиюминутных конъюнктурных выгод, готовых перечеркнуть все историческое прошлое страны, – хотелось в заключение напомнить слова А.И. Герцена: «Ничего не может быть ошибочнее, как отбрасывать прошедшее, служившее для достижения настоящего, будто это развитие – внешняя подмостка, лишенная всякого внутреннего достоинства. Тогда история была бы оскорбительна, вечное заклятие живого в пользу будущего; настоящее духа человеческого обнимает и хранит все прошедшее, оно не прошло для него; бывшее не утратилось в настоящем, не заменилось им, а исполнилось в нем...».

10.4.3. Лауреаты высшей награды республики «Слава Адыгеи»

Самое главное богатство нашей республики — ее люди, умелые, самоотверженные, готовые на трудовые подвиги ради общего счастья, ради мира на земле.

А.А. Джаримов (1991)

Медаль «Слава Адыгеи» — высшая награда Республики Адыгея. Согласно Закону РА «О медали «Слава Адыгеи», принятому Госсоветом-Хасэ Республики Адыгея от 20.09.1996 г., № 23, эта награда присваивается в целях поощрения граждан, имеющих особые заслуги перед Республикой Адыгея. Медалью награждаются граждане РА, иностранные граждане и лица без гражданства за особые заслуги в становлении государственности Республики Адыгея, развитии законодательства, обеспечении прав и свобод граждан, укреплении демократии, развитии экономики, культуры, науки, просвещения, в охране здоровья, жизни и прав граждан, в благотворительной деятельности, за проявленные отвагу, мужество и героизм.

В настоящее время этой наградой удостоены 210 чел., а также коллективы Адыгейского республиканского книжного издательства, ОАО «Консервный комбинат «Адыгейский», Адыгейского государственного университета, Государственного академического ансамбля народного танца Адыгеи «Нальмэс», Государственного ансамбля народной песни Адыгеи «Исламей» и др.

ПЕРЕЧЕНЬ награжденных медалью «Слава Адыгеи»

- 1996 г.**
1. Джаримов Аслан Алиевич
 2. Государственный академический ансамбль народного танца Адыгеи «Нальмэс»
- 1997 г.**
3. Педан Николай Гаврилович
 4. Адыгейский республиканский Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов
 5. Пшизов Мос Битлестанович
 6. Хаджимова Сара Масхудовна
 7. Чехунова Любовь Ивановна
 8. Совмен Хазрет Маджидович
 9. Самойленко Валерий Александрович
 10. Кондратенко Николай Игнатович
 11. Клепиков Михаил Иванович
 12. Глеуж Адам Хусейнович
 13. Труфанов Николай Николаевич
 14. Храмов Валентин Александрович
 15. Тлюстен Юсуф Ибрагимович
 16. Адыгейское республиканское книжное издательство
 17. Коблев Якуб Камболетович
 18. Бабайцева Тамара Николаевна
 19. Кайтмесов Бирам Хаджибатырович
 20. Кошочков Ким Сафарбиевич
 21. Коссович Петр Федотович
 22. Хачмафова Римма Айдамировна
 23. Жарокова Саньят Хазретовна
- 1998 г.**
24. Гурин Владимир Павлович
 25. Хасанов Мурат Русланович
 26. Схалыхо Абубахир Адышесович
 27. Сиюхов Аслан Мосович
 28. Тхагапсов Меджид Махмудович
 29. Шевоцуков Пшимаф Аскарбиевич
 30. Канарев Емельян Емельянович
 31. Мамиев Ким Салимчеринович
 32. Родин Валерий Иванович
 33. Алекперов Вагит Юсуфович
 34. Гусейнов Сергей Умалатович
- 1999 г.**
35. Столбунова Антонина Прокофьевна
 36. Гизатуллин Хамазан Гатауллинович
 37. Гурьев Михаил Николаевич
 38. Ашинов Сафербий Махмудович
 39. Букреев Петр Васильевич
 40. Жорин Николай Тихонович
 41. Папова Хаджет Анчочковна
 42. Романов Михаил Федорович
 43. Теслев Константин Григорьевич
 44. Туов Мухамед-Вали Шумафович
 45. Хуажев Нурбий Нухович
 46. Черник Алексей Михайлович
 47. Шу Шабан Салихович
 48. Беджанов Мурат Безрукович
 49. Схалыхо Дарихан Салиховна
 50. Смолин Владимир Петрович
 51. Алифиренко Сергей Геннадьевич
 52. Болоков Махмуд Сальманович
 53. Войков Борис Николаевич
- 2000 г.**
54. Кулаков Виктор Иванович
 55. Ячиков Александр Корохович
 56. Хот Казбек Айтчевич
 57. Открытое акционерное общество «Консервный комбинат «Адыгейский»
 58. Машбашев (Машбаш) Исхак Шумафович
 59. Мамгетов Касим Юсуфович
 60. Адыгейский государственный университет
 61. Степанова Анна Артемьевна
 62. Шоров Ибрагим Асхадович
 63. Кудайнетова Любовь Петровна
 64. Чепилка Валентина Николаевна
 65. Яхутль Нуриет Сагидовна
 66. Средняя общеобразовательная школа № 3, а. Адабий
- 2001 г.**
67. Бельдинов Павел Иванович
 68. Берзегов Нух Асланчеринович
 69. Березовой Анатолий Николаевич
 70. Кушу Ася Салиховна
 71. Макаренко Тамара Владимировна
 72. Остапенко Николай Иванович
 73. Янок Исхак Ибрагимович
 74. Дюмина Анна Ивановна
 75. Мельников Владимир Афанасьевич
 76. Глехас Мугдин Салихович
 77. Скоробогатов Владимир Николаевич
- 2002 г.**
78. Зурабов Михаил Юрьевич
 79. Невзоров Владимир Михайлович
 80. Чеучев Нальбий Шабанович
 81. Тхагапсов Хамед Даутович
 82. Ханаху К.Х.
 83. Чундышко Аслан Хаджимосович
 84. Жданов Юрий Андреевич
 85. Хунагов Рашид Думаличевич
 86. Хуаде Хазрет Юнусович
 87. Тхакушинов Аслан Китович
 88. Глецери Хазрет Асланбечевич
 89. Схакумидова Нуриет Салимовна
 90. Михалков Сергей Владимирович
 91. Демчук Николай Васильевич
 92. Тугуз Шамсудин Махмудович
 93. Кудав Мурат Измаилович
- 2003 г.**
94. Зехов Хазретбий Хаджисуфович
 95. Хут Юнус Исмаилович
 96. Майкопский государственный технологический университет
 97. Лукашенко Александр Григорьевич
 98. Союз писателей Адыгеи

99. Альхаов Схатбий Туркубиевич
100. Адыгейский педагогический колледж
101. Орлова Галина Яковлевна
102. Государственное учреждение «Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Адыгея»

2005 г.

103. Кутовой Николай Васильевич
104. Хутыз Ким Кансаович
105. Черков Анатолий Афанасьевич

2006 г.

106. Государственный ансамбль народной песни Адыгеи «Исламей»
107. Колесников Александр Михайлович
108. Ловпаче Асланбек Меджидович
109. Намитов Юрий Сафирович
110. Синюгин Петр Васильевич
111. Бешкок Масхунд Махмудович
112. Республиканская школа самбо
113. Басниев Каплан Сафербиевич
114. Хуако Аслан Хазретович

2007 г.

115. Нарожный Владимир Иванович
116. Кулов Амербий Цуович
117. Керашев Мирзакан Аминович
118. Ходусов Анатолий Григорьевич
119. Воробьев Андрей Юрьевич
120. Хачак Асланбек Шумафович
121. Чич Юрий Калубатович
122. Калашаов Январбий Тевчежевич
123. Хунагов Чатиб Ибрагимович
124. Дауров Анзаур Сафарбиевич
125. Тлинов Нурбий Мухтарович
126. Ткачев Александр Николаевич
127. Бекетов Владимир Андреевич
128. Прихленко Михаил Васильевич
129. Емтыль Зауркан Камболетович
130. Скибицкий Виталий Викентьевич
131. Схалыхо Рамазан Адышесович
132. Тхаркахов Нальбий Хаджиретович
133. Козак Дмитрий Николаевич
134. Чичев Довлетбий Назимбиевич
135. Шеожева Роза Заурбековна
136. Трахов Аслан Исмаилович
137. Мещерякова Екатерина Андреевна
138. Гучетль Мугдин Паливанович
139. Адыгейская школа высшего спортивного мастерства
140. Спортивная школа № 1
141. Блягоз Зулькарин Учужукович
142. Сапиев Юнус Хаджебиевич
143. Барташук Генрих Владимирович
144. Дзыбов Ким Магомедович

2008 г.

145. Захарченко Виктор Гаврилович
146. Хут Теучеж Якубович
147. Аутлев Вячеслав Рамазанович
148. Гадагатль Аскер Магамудович
149. Аташуков Аслан Юнусович
150. Барчо Алий Темирович
151. Камагуров Петр Акимович
152. Бжассо Фатимет Пазадовна
153. Керашев Асланбек Темботович
154. Шаова Сафиев Учужуковна
155. Шишхов Довлетчерий Махмудович
156. Кобзон Иосиф Давыдович
157. Багов Аслан Хаджимосович
158. 131-я Майкопская бригада
159. Рудяк Леонид Соломонович
160. Ахеджак Луиза Юсуфовна
161. Шибинская Елена Петровна
162. Гордеев Алексей Васильевич
163. Хут Юрий Абубаирович
164. Болоков Магомед Адамович
165. Савв Рашид Ханашхович
166. Тхитлянов Вячеслав Ереджибович
167. Хуажев Нальбий Хазретович
168. Дауров Мурат Титуович
169. Панеш Руслан Хатугович
170. Нехай Асланчерий Касимович
171. Беретарь Аскер Сафербиевич
172. Паранук Чатиб Даудович
173. Петуваш Феликс Муратович

2009 г.

174. Мутко Виталий Леонтьевич
175. Бракий Аслан Алиевич
176. Нехай Аскер Махмудович
177. Самогов Алий Туркубиевич
178. Натхо Кадир Исаакович
179. Богомоллов Михаил Андреевич
180. Родионов Сергей Федорович
181. Халибердов Казават Алиевич
182. Джанчатов Султан Мосович
183. Самогов Нурбий Амербиевич
184. Лебедев Вячеслав Михайлович
185. Хот Заур Цикузиевич
186. Хапсироков Хизир Хаджибекирович
187. Берзегов Вадим Нухович
188. Муратов Чапай Измаилович
189. Анзаров Чесик Магомедович
190. Мугу Рашид Сагидович
191. Имгрунт Иван Иванович
192. Непсо Гучехан Исмаиловна

2010 г.

193. Трубилин Иван Тимофеевич
194. Кукан Мурат Рашидович
195. Чеботарев Сергей Валерьевич
196. Мамий Любовь Гаруновна
197. Хапачев Нальбий Юнусович
198. Ерохина Ирина Васильевна
199. Хагундоков Нурбий Цукович
200. Москалев Дмитрий Иванович
201. Схашок Клара Учужуковна
202. Мезужок Любовь Рамазановна
203. Смирнов Геннадий Иванович
204. Афасиев Туркубий Индрисович
205. Шипитько Анатолий Васильевич
206. Василиади Владимир Георгиевич
207. Шеуджен Асхад Хазретович
208. Шишхова Тамара Махмудовна
209. Шверикас Вячеслав Николаевич

210. Сапиев Давлет Исакович
211. Панеш Сафер Ильясович
212. Янок Асхад Исакович
213. Джамирзе Даут Юсуфович
214. Гукетлев Юрий Хаджибирамович
215. Хачмамук Вячеслав Асланович
216. Овчинников Владимир Николаевич
217. Сташ Юрий Махмудович
218. Видный Петр Иванович
219. Жане Аскер Керимович

229. Ляфишев Мурадин Асланбекович
230. Дзыбов Мусса Магометович
231. Хунагов Ахмед Исакович
232. Гишев Нух Туркубисевич
233. Карabetов Аслан Мухаджирович
234. Госфилармония РА
235. Барчо Харит Теучежевна
236. Бижев Схатбий Хасанович
237. Ловпаче Нурбий Газизович
238. Чермит Мугдин Мадинович
239. Зайцев Михаил Григорьевич
240. Бузаров Алик Шумафович
241. Мальков Анатолий Иванович
242. Кошубаев Пшимаф Карбечевич

257. Шаззо Казбек Гиссович
258. Хут Рашид Махмудович
259. Кошаков Григорий Михайлович
260. Ильясов Алям Шагиевич
261. Кунижев Магомет Шамсудинович
262. Хут Рашид Хаджихусенович
263. Богатырев Максим Владимирович
264. Ачмиз Нуриет Чемальевна

272. Кулов Аскарбий Хаджибачирович
273. Арсамаков Абулбакар Алазович
274. Схалыхо Шрахмет Халидович
275. Биданого Мариет Шамиловна
276. Даутова Сарит Шабановна
277. Деревя Вячеслав Эдуардович
278. Гатагу Нальбий Нухович

286. Пословский Василий Митрофанович
287. Пшизов Шамсудин Пшимафович
288. Гиш Аскер Асланчеринович
289. Федоров Николай Васильевич
290. Шаханов Владимир Дмитриевич
291. Бекизова Лейла Абубекировна
292. Цеев Эдуард Кушукевич
293. Шаззо Шамсет Еристовна
294. Погодин Сергей Петрович
295. Ансамбль танца «Кабардинка»
296. Панеш Батырбий Мугдинович
297. Напсо Фазиль Айсович
298. Исаев Ризвангаджи Абдулаевич
299. Глущенко Александр Павлович

314. Зафесов Нуралий Муратович
315. Нехай Хазрет Яхьявич
316. Барчо Аскер Исмаилович
317. Пучков Владимир Андреевич
318. Хафице Мухамед Мусабиевич
319. Парфенчиков Артур Олегович

2011 г.

220. Хуаз Аскер Мусардинович
221. Чиназирова Алий Казбекович
222. Фоменко Виктор Федорович
223. Спиридов Аристотель Авраамович
224. Шекультиров Батырбий Ильясович
225. Хутыз Асланбий Исмаилович
226. Тхархахо Юнус Аюбович
227. Натхо Инвер Юсуфович
228. Пчегатлук Сима Гиссовна

2012 г.

243. Джамирзе Байслан Даудович
244. Девтерев Руслан Миронович
245. Сиджах Хазретбий Исакович
246. Гуляйченко Георгий Владимирович
247. Пономаренко Валерий Валерьевич
248. Кунижев Хаджейтеч Рухович
249. Рассох Виталий Иванович
250. Тутаришев Батырбий Зульевич
251. Бгуашев Реджеб Хаджумарович
252. Кодинов Станислав Иванович
253. Толупов Борис Владимирович
254. Мелихова Любовь Герасимовна
255. Ярахмедов Ярахмед Алаудинович
256. Катбамбетов Измаил Кадырович

2013 г.

265. Басте Азмет Чемальевич
266. Гонезук Муратбек Худович
267. Никитина Фаина Григорьевна
268. Куадже Аслан Аюбович
269. Пченушай Аскер Казбекович
270. Черниченко Михаил Николаевич
271. Сирченко Александр Александрович

2014 г.

279. Трахов Энвер Махмудович
280. Хабаху Аскер Гиссович
281. Картамышев Валерий Николаевич
282. Ачмиз Шамсет Сафербиевна
283. Красногвардейский район
284. Воробьев Сергей Дмитриевич
285. Жаде Анзаур Муратович

2015 г.

300. Бузаров Ким Ибрагимович
301. Шхапацева Мина Хаджебиевна
302. Шаханова Ангелина Владимировна
303. Ашев Мухаммед Джумальдинович
304. Гиш Руслан Айдамирович
305. Тлюстангелов Ибрагим Юрьевич
306. Джарим Адам Шахметович
307. Андрухаев Хазерталь Махмудович
308. Дрыга Виктор Владимирович
309. Тлиап Ибрагим Амерзанович
310. Хурум Хазрет Довлетович
311. Максимов Владимир Салмонович
312. Панеш Каплан Мугдинович
313. Долев Довлетбий Закереевич

2016 г.

320. Айтекова Нафисет Гумеровна
321. Нахушев Черим Хачимович
322. Гаврилов Александр Ильич
323. Порханов Владимир Алексеевич
324. Намитокова Роза Юсуфовна
325. Цыпленкова Людмила Хазретовна

326. Атажахов Джабраил Асхадович
327. Аверин Александр Владимирович
328. Кандауров Измаил Астемирович
329. Басте Гисса Джанхотович
330. Дмитриков Валентин Васильевич
331. Лелюк Анатолий Федорович
332. Богус Адам Асланбиевич
333. Полуботко Александр Анатольевич
334. Дорофеев Александр Александрович
335. Тутов Заур Нажидович
336. Курузов Аслан Рамазанович
337. Шекультиров Мусса Магаметович
338. Даутов Юрий Юнусович
339. Арзуманов Михаил Джеванширович
340. Калинин Виктория Викторовна
341. Мудранов Беслан Заудинович
342. Шхалахов Аскер Асхадович

360. Мешалкин Валерий Спиридонович
361. Потоков Аслан Ибрагимович
362. Чуяко Мурат Учужукович
363. Агиров Аслан Хангиреевич
364. Кубашичев Аслан Капланович
365. Тлехуч Анзаур Махмудович
366. Дивин Игорь Михайлович
367. Селезнев Олег Викторович
368. Терзиян Игорь Сетракович
369. Устов Руслан Байзетович

380. Нехай Рамазан Касимович
381. Еутых Ася Аслановна
382. Уварова Наталья Ивановна
383. Зарудницкий Владимир Борисович
384. Бекух Вячеслав Даутович
385. Онищенко Геннадий Григорьевич
386. Меретуков Аслан Довлетбиевич

394. Киржинов Мухарбий Нурбиевич
395. Берсиров Батырбий Махмудович
396. Напсо Юрий Аисович
397. Хутыз Азмет Консаович
398. Шаменков Виктор Владимирович
399. Тиева Биба Аюбовна

405. Долуда Николай Александрович
406. Тлехатук Аскер Касеевич
407. Нехай Тамара Рашидовна
408. Дзюба Иван Иванович
409. Кукан Зулих Индрисович

415. Осокин Анатолий Яковлевич
416. Мамий Руслан Гилямович
417. Нигоев Оник Амаякович
418. Сохроков Хаути Хазритович
419. Савв Аскер Хаджумарович

343. Абрегов Ачердан Нухович
344. Тлехас Юсуф Чесебиевич
345. Тхакушинов Аслан Китович
346. Эбзеев Борис Сафарович
347. Кумпилов Мурат Каральбиевич
348. Ереджибок Адам Хачамизович
349. Богус Юнус Ахмедович
350. Мамруков Руслан Довлетчериевич
351. Гиш Рамазан Айдамирович
352. Меретуков Сагид Марзаканович
353. Гедуев Аниуар Борисович
354. Савичев Роман Валерьевич
355. Речицкий Александр Георгиевич
356. Кумпилова Светлана Амерзановна
357. Нагоев Вячеслав Индрисович
358. Кат Теучеж Мадинович
359. Ахметов Султан Меджидович

2017 г.

370. Хапачев Аслан Нурбиевич
371. Кудасев Алий Шугайбович
372. Агирбов Юрий Исуфович
373. Хатуов Джамбулат Хизирович
374. Гатагу Адам Моссович
375. Мамий Дауд Казбекович
376. Серенко Надежда Дмитриевна
377. Верхулевский Евгений Петрович
378. Чеботарев Владимир Сергеевич
379. Шаков Аслан Абрекович

2018 г.

387. Хаджимба Рауль Джумкович
388. Егоров Игорь Анатольевич
389. Аршба Валерий Шалвович
390. Колягин Юрий Николаевич
391. Тлемешок Рамазан Мугдинович
392. Дышеков Адам Авесович
393. Щепин Юрий Федорович

2019 г.

400. Хунагова Мулиат Муратовна
401. Хаджимова Натуся Исхаковна
402. Романенко Анна Александровна
403. Чундышко Руслан Асланчериевна
404. Багадиров Рамазан Индрисович

2020 г.

410. Матвеева Елена Николаевна
411. Наролин Александр Владимирович
412. Чич Исмаил Яхьявич
413. Завгородний Сергей Александрович
414. Меретуков Рустем Батырбиевич

2021 г.

420. Тлехас Махмуд Азметович
421. Колледж искусств
422. Эскиндаров Мухадин Абдурахманович
423. Схаплок Касей Алкесович
424. Трубилин Александр Иванович

10.4.4. Проблемы экологии в Адыгее

Не портите землю после ее устройства.

Коран. Сура 7; 83

Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям...

Библия. Откровение Иоанна Богослова (7;3).

В Адыгее развиваются промышленность и транспорт, но в основном экономика республики ориентирована на сельскохозяйственное производство. Сельскохозяйственных угодий здесь около 350 тыс. га, третью часть которых занимает пашня.

Почвенный покров: национальное достояние Республики Адыгея. Почвы – один из важнейших видов природных ресурсов, от которых во многом зависит основное условие жизнедеятельности и благосостояния человека – обеспеченность продуктами питания. Основные почвенные разности представлены в Адыгее преимущественно черноземами, луговыми и лесными почвами. Наиболее богата земельными ресурсами равнинная территория Адыгеи, где залегают самые плодородные в нашей стране кубанские типичные черноземы; имеются лучшие условия рельефа для использования сельскохозяйственной техники, хорошее увлажнение и высокая обеспеченность теплом.

В пределах восточной и северо-восточной части Адыгеи, включающей земли Красногвардейского и Шовгеновского районов, а также земли северной и восточной части Гиагинского района, преобладают высокоплодородные выщелоченные черноземы, мощность которых достигает 2 м. Здесь же встречаются луговые, аллювиально-луговые и лугово-черноземовидные почвы. В Теучежском, Тахтамукайском, Майкопском и юго-западной части Гиагинского районов основные почвенные разности представлены слитыми выщелоченными черноземами. Долины рек Лабы и Белой заняты долинными черноземами коричневого или темно-серого цвета с большим количеством перегноя. В направлении к горам Северо-Западного Кавказа почвенный покров Республики Адыгея изменяется в соответствии с изменением природных условий. Поэтому наряду с черноземами (луговыми, выщелоченными и слитыми) в республике выделяют следующие типы почв: серые и бурые лесные, дерново-карбонатные, горно-лесные и горно-луговые почвы.

В северо-западной части республики, вдоль левого берега р. Кубани расположены аллювиально-луговые и лугово-болотистые почвы. Последние характеризуются высокой плотностью, избыточным содержанием солей, что делает их малопригодными для богарного земледелия, но весьма перспективными с точки зрения использования под посевы риса (Бузаров А.Ш. и др., 1995; Ашинов Ю.Н., Галкин Г.А., Козменко Г.Г. и др., 2005; Шеуджен А.Х., 2005).

«Земля больна...»: деградация почв усиливается. Современное состояние почв в республике, во многом являющееся следствием зачастую непродуманной и экологически неграмотной «интенсификации» аграрного производства во второй половине XX столетия, внушает довольно-таки серьезные опасения.

Распахана первозданная степь, в высокой траве которой когда-то, по свидетельству очевидцев начала XIX в., «мог спрятаться всадник вместе с лошадей». В настоящее время распахано до 50-80% равнинной территории Адыгеи. Значительно больше стало почв, подверженных эрозии, площади которых увеличились в 5,5 раза. По оценке специалистов, сейчас в Адыгее не менее 100 тыс. га эрозионно-опасных земель. Потери почвенных частиц сейчас достигают 30 т на 1 га, что в несколько раз превышает почвообразующие процессы. В результате интенсивного использования почв в сельском хозяйстве естественное плодородие их снизилось вдвое, ухудшилась структура, увеличилась распыленность пахотного горизонта.

Все это во многом способствует возникновению катастрофических пыльных бурь, наносящих в отдельные годы значительный ущерб сельскохозяйственному производству. Особенно часто они проявляются ранней весной, когда поля еще не покрылись зеленой растительностью, – сильные восточные ветры иссушают почву и, поднимая тучи пыли, срывают плодородный слой, рассеивая его на значительные расстояния. Так, в «черную» зиму 1891 г. деревья были занесены пыльными сугробами на высоту до 1,0-1,5 м, а в 1969 г на Кубани и в Адыгее пыльными бурями был сорван слой чернозема на глубину до 10 см с площади около 2 млн. га, и пыль, поднятая ветром на Северо-Западном Кавказе, достигла западных границ СССР; при этом «следы» кубанского чернозема были обнаружены и над акваторией Балтийского моря (Галкин Г.А., 1989).

За последние 10 лет в Адыгее на 1,4 тыс. га увеличились площади засоленных земель; солонцовых почв – на 1,5 тыс. га; площадь земель с повышенной кислотностью составляет в настоящее время не менее 95 тыс. га. Серьезную проблему для сельского хозяйства республики представляют и оползневые процессы, обвалы в высокогорной зоне, в результате которых разрушается около 100 га в год, в т.ч. половина из них – пашни.

Интенсивное использование земель привело к потере части гумуса; снижение его количества в почве происходит ежегодно на 0,1-0,3%, что через 50 лет может привести к полной потере плодородия. Большие площади сельскохозяйственных земель загрязнены тяжелыми металлами, в первую очередь, участки близ автомобильных трасс – около 4,5 тыс. га. Отмечен также рост площадей заболоченных земель, чему во многом способствует Краснодарское водохранилище, в прибрежной части которого отмечается значительный подъем уровня грунтовых вод. При этом наибольший рост площадей переувлажненных земель наблюдается в Теучежском, Красногвардейском и Тахтамукайском районах. Все это приводит к тому, что потенциальная урожайность сельскохозяйственных культур не всегда может быть реализована в полной мере, уменьшаясь в 1,5-2 раза; при этом ухудшается и качество растениеводческой продукции. В целом же состояние почв в Адыгее, как оценивают специалисты-экологи, – близко к критическому.

Земля захламлена: бытовые и промышленные отходы. В числе наиболее актуальных проблем для Республики Адыгея является хранение и переработка твердых бытовых отходов. Кроме г. Майкопа, в некоторых районах республики есть официально утвержденные полигоны для отходов, но значительно больше несанкционированных свалок, которые устраиваются стихийно, без учета требований экологии. Ежегодно предприятиями жилищно-коммунального хозяйства вывозится более 350 тыс. т бытовых отходов. В результате на терри-

тории республики их было накоплено, по состоянию на 01.01.2001 г., не менее 15,5 млн. т («Государственный доклад...», 2002. С. 113), а к настоящему времени объемы накопленных отходов еще более возросли, чему способствовало, в частности, отсутствие в республике специализированного мусороперерабатывающего завода.

Немалый вред как окружающей природной среде, так и здоровью человека наносят отходы промышленных предприятий: гальванические шламы, неиспользуемые отходы мебельного производства и цехов деревообработки, ртутьсодержащие, а также золошлаковые отходы, образующиеся при сжигании каменного угля. Природоохранными службами республики жестко поставлен вопрос о необходимости утилизации как бытовых, так и промышленных отходов в целях предотвращения попадания их в окружающую среду.

Не менее острая ситуация сложилась с сельскохозяйственными отходами, ядохимикатами, запрещенными к использованию или уже непригодными в связи с истечением сроков хранения. В настоящее время на территории Адыгеи накоплено довольно-таки значительное количество пестицидов, подлежащих захоронению. Однако полигона для захоронения этих высокотоксичных препаратов также нет, и строительство его пока не предусматривается.

Опасными загрязнителями почв и водных ресурсов являются и отходы животноводства. Как правило, фермы не имеют оборудованных навозохранилищ и жижесборников, они зачастую не обвалованы, что может привести к попаданию загрязняющих веществ в поверхностные водоемы и, что особенно опасно, – в подземные источники питьевого водоснабжения.

Условия размещения отходов животноводства, как и пестицидов с просроченным сроком хранения, зачастую не отвечают санитарным и экологическим требованиям, что создает реальную угрозу для здоровья населения. Как здесь не вспомнить строки из стихотворения В. Федорова:

Земли не вечна благодать.
Когда далекого потомка
Тыпустишь по миру с котомкой, –
Ей будет нечего подать...

Чем мы дышим: загрязнение воздуха. Основным источником загрязнения атмосферного воздуха Адыгеи является транспорт, в первую очередь, автомобильный. Весомый «вклад» в загрязнение воздушного бассейна вносят также промышленные и коммунальные предприятия. В середине 90-х гг. XX столетия валовой выброс загрязняющих веществ в атмосферу составлял в республике около 100 тыс. т, в том числе выброс от стационарных источников (заводы, комбинаты, ТЭЦ, котельные) – 11,8 тыс. т, а от передвижных (авто-, авиа- и железнодорожный транспорт) – 87,0 тыс. т. К началу XXI в., в результате значительного спада промышленного производства и в целом экономики народного хозяйства, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу сократились почти вдвое и составили 55,3 тыс. т, в том числе от стационарных источников 7,0 и от передвижных – 48,3 тыс. т.

Но несмотря на общую тенденцию сокращения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, антропогенная нагрузка от автотранспорта, число единиц которого с каждым годом увеличивается, по-прежнему велика и превышает объем выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников в разные годы в 5–8 раз. При этом следует учитывать, что каждый автомобиль за год выбрасывает в атмосферу только свинца в виде аэрозоля в среднем 2,5–3,0 кг, не считая целого «букета» других канцерогенных веществ.

«Легкие» Адыгеи: использование лесного фонда. Более трети территории Адыгеи покрыто лесами; почти такую же часть занимают особо охраняемые территории. Леса – золотой фонд Адыгеи. Лесные массивы в республике уникальны тем, что здесь произрастают смешанные твердолиственные породы (76% всего лесного фонда), а также хвойные и мягколиственные породы. Однако и с охраной, и с воспроизводством лесных богатств в республике есть нерешенные проблемы. Проводимые лесозащитные и лесовосстановительные работы явно недостаточны; допускаются нарушения правил рубок. Запасы древесины ценных пород в лесах Адыгеи сократились за последние 30–40 лет более чем вдвое.

Использование водных ресурсов. Поверхностные водные ресурсы республики представлены развитой речной сетью из 130 рек с 3120 притоками длиной до 10 км, Краснодарским, Октябрьским, Шенджийским, Четукским, Майкопским, Кужорским, Шапсугским (последнее в настоящее время не функционирует) водохранилищами и 300 прудами. Годовой сток рек, протекающих по Республике Адыгея, составляет около 10 км³; а речной сток, формирующийся на территории республики не превышает 3,1 км³.

Широко используются в республике и подземные воды. В пределах Адыгеи выделяются две крупные гидрогеологические структуры: Азово-Кубанский артезианский бассейн и Большекавказский бассейн пластово-поровых и трещинно-жилых напорных вод. Первый развит преимущественно в равнинной части республики, второй – в горной и предгорной. Подземные воды, используемые в основном для питьевых и хозяйственно-бытовых нужд населения и предприятий пищевой промышленности, по своему химическому составу преимущественно гидрокарбонатно-натриево-калиевые и гидрокарбонатно-кальциевые с минерализацией 0,2–0,6 г/л («Государственный доклад...», 2002). Эксплуатация подземных водоносных горизонтов осуществляется при помощи артезианских скважин, а при неглубоком их залегании – шахтными колодцами. Предгорная часть Майкопского района осуществляет водоснабжение в основном из Майкопского группового водопровода.

В настоящее время в Адыгее насчитывается около 110 объектов-водопользователей. С каждым годом количество воды, забранной из водных источников для нужд народного хозяйства, увеличивается.

Так, если в 2008 г. было забрано 144 млн. м³ воды (в том числе из подземных источников 18 млн. м³), в 2009 г. – 149, то в 2010 г. – 173 млн. м³.

Основным водопользователем является сельское хозяйство. Объем воды, использованной данной отраслью на орошение, сельхозводоснабжение, на нужды прудового рыбного хозяйства варьируется в последние годы от 57,0 млн. м³ в 2008 г. до 78,0 млн. м³ в 2010 г., и во многом зависит не только от климатических условий, но и от организационно-хозяйственных факторов: соблюдения поливных норм при орошении, выполнения природоохранных мероприятий, повторного использования водных ресурсов и т. д.

На питьевое водоснабжение и хозяйственно-бытовые нужды населения в 2010 г. было использовано 25,23 млн. м³. На производственные нужды промышленных предприятий ежегодно используется около 7,0 млн. м³ свежей воды из природных водных объектов и 25 млн. м³ – из систем оборотного водоснабжения.

Ухудшение качества сточных вод. Сохраняется тенденция к увеличению объема сброса сточных вод в природные водные объекты: в 2008 г. – 102,6 млн. м³; в 2009 г. – 122,0; в 2010 г. – 138,81 млн. м³. Одновременно отмечается тенденция к ухудшению качества сбросных вод. Так, в 2008 и 2009 гг. было сброшено в водные объекты загрязненных стоков соответственно 21,0 и 29,0 млн. м³: без очистки 0,6 млн. м³ и недостаточно очищенных стоков – 20,4 и 28,4 млн. м³.

Некоторое представление о том, какие вещества более всего загрязняют наши реки и водоемы, можно получить из следующих данных, представленных природоохранными службами. В 2010 г. вместе со сточными водами, объем которых составил 28,80 млн. м³, в поверхностные водные объекты были сброшены: взвешенные вещества – 785,54 т, таниды (дубильные вещества) – 250,5; растворимые в воде формы железа Fe²⁺ и Fe³⁺ – 14,99; жиры и масла природного происхождения 2,82; сульфаты (SO₄²⁻) – 591,83; хлориды (Cl⁻) – 1255,15; фосфаты (по Р) – 80,81; азот аммонийный – 40,96; нитрат-анионы (NO₃⁻) – 119,78 и нитрит-анионы (NO₂⁻) – 85,84 и, наконец, БПК полный 250,31 т. Кроме того, в сбросных водах содержались: медь (Cu²⁺) – 7,47 кг; хром (Cr³⁺) – 62,23; фенол – 0,59; СПАВ и смеси эфиров – 126,94 кг, что также превышает допустимые нормативы.

Основными «загрязнителями» некогда кристально-чистых рек Адыгеи являются промышленные и коммунальные предприятия. На территории республики ряд объектов-водопользователей имеют очистные сооружения перед сбросом в водоемы суммарной мощностью 51,0 млн. м³ в год (в том числе МУП «Майкопводоканал» мощностью 42,5 млн. м³), но их работа, как видно из вышеизложенного, – недостаточно эффективна. Поэтому не случайно, что качество воды на большинстве водных объектов не соответствует нормативам. Особо неблагоприятная обстановка складывается в зоне Краснодарского водохранилища. В большинстве населенных пунктов Адыгеи нет канализации и очистных сооружений, а имеющиеся не отвечают экологическим требованиям; 70-80 % воды из колодцев здесь не соответствует нормативам. Малые реки в большинстве своем заилены, утратили дренирующую способность. Это привело повсеместно к тому, что поднимаются грунтовые воды, подтапливая населенные пункты и сельхозугодья. Большинство животноводческих ферм, откуда навоз беспрепятственно сбрасывается в водоемы, расположены непосредственно в водоохранной зоне рек, ухудшая и без того сложную экологическую обстановку.

В настоящее время проблеме охраны вод в республике уделяется серьезное внимание. При непосредственном участии работников Отдела водных ресурсов по Республике Адыгея, состоящего ныне в структуре Кубанского бассейнового водного управления, проведены важные водохозяйственные работы, направленные на минимизацию и ликвидацию негативного воздействия поверхностных вод на инфраструктуру республики. Как отмечают авторы книги «50 лет...» (2012), «...значительно снизились риски для населения, проживающего по берегам рек в следующих населенных пунктах: г. Майкоп, аулы Кошехабль, Понежукай, Хакуринохабль, Асоколай, Хатажукай, Старобжегокай; пос. Яблоновский и Краснооктябрьский, ст. Дагестанская и многих других. За счет строительства защитных дамб уменьшилась площадь затопляемых в результате паводков земель сельскохозяйственного назначения, что, безусловно, повлияло на увеличение сельскохозяйственной продукции в Красногвардейском, Шовгеновском, Теучежском и Кошехабльском районах Республики Адыгея. Много внимания уделяется реконструкции Шапсугского водохранилища, ремонту сбросного сооружения».

Строящимся предприятиям – экологическую экспертизу. Для того, чтобы исключить ущерб, который могут нанести природе вновь строящиеся предприятия, следует в обязательном порядке проводить их экологическую экспертизу. Однако большое количество промышленных объектов Адыгеи на стадии проектирования и строительства такую экспертизу не проходили. Последствия такого подхода к проектированию и строительству объектов (в первую очередь, экологически опасных) могут быть непредсказуемыми.

Как отмечают специалисты, несмотря на то, что в целом экологическая обстановка в Адыгее несколько лучше, чем в других регионах Российской Федерации, тем не менее, уже есть ряд необратимых процессов, вызванных хозяйственной деятельностью человека. Это требует принятия самых неотложных мер по воспроизводству уникальных природных ресурсов Адыгеи, переориентации сельского хозяйства на безгербидные технологии, пересмотру приоритетных направлений развития экономики республики на перспективу с точки зрения экологии (в первую очередь, имеется в виду развитие рекреационной отрасли).

О настоящей необходимости бережного отношения к природным ресурсам, сохранения их для настоящего и будущих поколений говорится в Основном Законе – Конституции Республики Адыгея: «Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам».

10.4.5. Краснодарское водохранилище: благо или зло?

Со дня ввода в строй Краснодарского водохранилища прошло около 40 лет, но до настоящего времени нет единого мнения о целесообразности его строительства и о том, что же оно принесло Краснодарскому краю и РкБеспублике Адыгея: пользу или вред...

10.4.5.1. К истории строительства водохранилища

Принято постановление СМ СССР № 742 от 20.04.1954 г. «О проведении в Краснодарском крае водохозяйственного строительства в целях увеличения производства риса», предусматривающее строительство в 1954-1960 гг. Краснодарского водохранилища емкостью 2 млрд. м³.

Харитонов Е.М., Шеуджен А.Х., Бондарева Т.Н. (2011).

Предыстория вопроса о «полном зарегулировании» кубанских рек и строительстве Краснодарского водохранилища весьма и весьма длительная. Река Кубань с ее притоками издавна использовалась человеком для питьевых и хозяйственных нужд, рыбной ловли, орошения полей, судоходства, лесосплава, устройства водяных мельниц, а в послевоенные годы – также для водоснабжения промышленных предприятий, гидроэнергетики и т. д. Вода – это благо. Но с древнейших времен две стихии – наводнения и засухи наносили Земле адыгов неисчислимый урон. Если десятки и сотни тысяч гектаров плодородных земель в низовьях Кубани периодически затопливались во время разливов, то жители степных районов постоянно испытывали лишения от засухи.

Первые более или менее «капитальные» водооградительные валы, предохранявшие население края от наводнений, начали строить в конце XIX в., после катастрофического наводнения 1877 г., затопившего огромные массивы земель левобережья Кубани. Однако эти работы носили случайный характер, велись при полном отсутствии помощи со стороны царского правительства, примитивными средствами. Лишь с начала 20-х гг. XX столетия дело защиты низовьев р. Кубани от затопления взяли в свои руки государственные органы, при активной помощи со стороны местного населения.

Система водооградительных валов, в основном завершенная в 30-е гг., имела исключительно важное значение для защиты территории от затопления. Однако одно лишь обвалование реки не могло полностью решить проблему наводнений, что подтвердили небывалые по своим масштабам стихийные бедствия 1931 и 1932 гг., нанесшие значительный ущерб народному хозяйству края.

Тяжелые уроки этих двух наводнений не прошли бесследно. Именно в 1932 г. вплотную был поставлен вопрос о необходимости строительства в бассейне р. Кубани регулирующих емкостей. Было положено начало качественно новому этапу – переходу от пассивных средств *защиты* от наводнений к активным способам *воздействия* на водный режим р. Кубани и ее притоков.

В конце 30-х гг. продолжалась реконструкция системы водооградительных валов. Укрепляли старые и возводили новые дамбы с гарантированной пропускной способностью до 1500 куб.м/с. Но одновременно создавался проект крупнейшего в то время гидротехнического сооружения – Тшикского водохранилища. Возводили его методом народной стройки, и к 1941 г. оно вступило в строй. По первоначальному проекту водохранилище было предназначено только для регулирования водности р. Белой в целях защиты от наводнений, однако в дальнейшем его стали использовать также для целей ирригации и поддержания судоходных глубин реки в маловодные периоды. В связи с этим интересно вспомнить, что еще столетием раньше (в 1836 г.) известный просветитель адыгского народа Хан-Гирей в своих «Записках» предлагал запрудить плотинами реки Черкесии (Кубань, Пшиш, Псекупс) с тем, чтобы они «стали судоходными и открыли путь сбыта продуктов горных черкесов» Почти одновременно с Тшикским, на плавневом массиве в устье р. Афипс было начато строительство Шапсугского водохранилища, окончательно введенного в строй в 1952 г.

На первый взгляд, на этом и надо было остановиться, прекратить «покорение» рек Кубани. Казалось бы, к началу 50-х гг. XX в. проблема наводнений на Кубани была в основном решена. Система защитных дамб общим объемом 7 млн. кубометров надежно предохраняла низинные места от затопления, а реки Белая и Афипс были зарегулированы водохранилищами. Однако стихийные бедствия, разразившиеся в 1954 и 1956 гг., заставили пересмотреть эффективность существовавших тогда мер борьбы с наводнениями в низовьях Кубани и, в частности, поставили вопрос о необходимости зарегулирования многочисленных закубанских рек. Только во время паводков 1956 г. эти обычно незначительные пересыхающие речушки вынесли в плавни около миллиарда кубометров воды, что, по расчетам, может случиться раз в 70 лет. Но где гарантия, что не раньше? Поэтому в 1960 г. было начато строительство Варнавинского, а затем Крюковского водохранилищ. Эти регулирующие емкости предназначены также для осушения обширных массивов Закубанских плавней и одновременно являются источниками орошения двух рисовых систем – Варнавинской и Крюковской.

История же создания собственно Краснодарского водохранилища неразрывно связана с историей развития рисосейания на Кубани. Первые опыты по посеву риса, проведенные по инициативе проф. П.А. Витте и ге-

рою Гражданской войны, директора Рисотреста Д.П. Жлобы, проводились в 30-е гг. К 1965 г. площадь, занятая рисом, составляла 60 тыс.га и производилось его 160 тыс.т. Можно было бы остановиться на этом и добиваться на тех же площадях более высоких урожаев за счет внедрения новых сортов и создания новых технологий. Но история распорядилась по-другому. Майский (1966 г.) Пленум ЦК КПСС по предложению Л.И. Брежнева принял развернутую программу мелиорации земель. А Кубань была особо выделена как район интенсивного развития мелиорации и рисосеяния. За период 1966-1970 гг. было построено еще 46 тыс.га рисовых систем. В последующем была поставлена задача за несколько лет ввести в строй еще 100 тыс.га рисовых систем – столько же, сколько за все предшествующие 40 лет. Расширение площадей под рис потребовало увеличения количества воды для его выращивания. Строительство Федоровского гидроузла не решило проблему. Поэтому в 1967 г. и началось строительство Краснодарского водохранилища. Впервые же вопрос о необходимости его создания был поставлен намного раньше, постановлением Совета Министров СССР от 20.04.1954 г. № 742 «О доведении площади рисовых систем в Краснодарском крае до 100 тыс.га, со строительством Краснодарского водохранилища емкостью около 2 млрд. куб.м». Главным «инициатором» строительства нового водохранилища был Минводхоз СССР, а сам проект разработали специалисты «Кубаньгипроводхоза» А.И. Боровиков, Р.М. Гольднер, А.В. Бондарев, В.С. Сергеев, М.З. Крисько, Ф.П. Швецов и др. В 1973 г. водохранилище было принято в эксплуатацию с огромным списком недоделок, которые обещали устранить, но так и не устранили.

С вводом в строй Краснодарского водохранилища появилась возможность полностью зарегулировать водность рек Верхней Кубани, а также Белой, Псекупса и Пшиша. По своему замыслу, наряду с другими важными водохозяйственными функциями (гарантированное обеспечение водой рисовых систем, улучшение условий водообеспечения рыбомелиоративных систем Приазовских лиманов, поддержание судоходных уровней для чуть ли не круглогодичного судоходства, улучшение водоснабжения г. Краснодара, отдых и оздоровление жителей на берегу рукотворного «моря» и т. д.) Краснодарское водохранилище было предназначено для устранения угрозы наводнений на обширных территориях ниже г. Краснодара. Более того, в отдаленной перспективе намечалось строительство в Верхней и Средней Кубани еще нескольких регулирующих емкостей.

Таким образом, создание Краснодарского водохранилища не было случайным действием, – оно органично вписывалось в существовавшую тогда схему поэтапного, планомерного «покорения» природы нашего края (помните: «Мы не должны ждать милостей от природы, – взять их у нее наша задача!»). Добавим: любой ценой. Увы, цена этого «покорения» природы оказалась высока.

10.4.5.2. Негативное влияние водохранилища на окружающую среду

Шумрэ Јаемерэ зэгъусэх – «Добро и зло рядом».

Адыгская пословица.

*Все, что будет: и зло, и добро – пополам
Предписал нам заранее вечный калам...*

Омар Хайям (1048-1131):

«Лес рубят – щепки летят», – эта народная пословица весьма подходит к рассматриваемой проблеме. 40-летний опыт эксплуатации Краснодарского водохранилища выявил ряд негативных моментов, которые не были учтены при разработке проекта (и не могли быть учтены, поскольку экологической экспертизы не проводилось). Более того, важнейшие народнохозяйственные решения, касающиеся экологии всего края, принимались тогда келейно, без широкого обсуждения. Отчуждая у Адыгеи огромные площади сельскохозяйственных угодий и подвешивая «дамоклов меч» переполненной чаши водохранилища над нижележащими адыгейскими аулами, никто, разумеется, не считался с их мнением, – нужно ли адыгам это сооружение, или нет.

Какие же негативные моменты были выявлены при эксплуатации водохранилища? Их несколько. Во-первых, еще при строительстве водохранилища был нанесен значительный ущерб сельскохозяйственному производству: с его пуском было затоплено около 25 тыс. га пахотных земель, в основном, черноземов.

Второе. Согласно неоднократно пересматриваемым правилам эксплуатации водохранилища, для гарантированного обеспечения водой рисовых оросительных систем, объемы накопления воды в чаше были увеличены по крайней мере на 750 млн. куб. м (при этом стоимость такой «реконструкции» была практически равной первоначальной стоимости строительства всего водохранилища); зачастую уровни воды в чаше водохранилища почти по полгода находились на отметках, превышающих оптимальные. Такая эксплуатация Кубанского моря привела к «перегрузкам» в работе гидротехнических сооружений, снижению запасов их устойчивости, интенсивному воздействию на берега и прибрежные земли. Высокими темпами идет размыв русла нижнего бьефа в р. Кубань и просадка уровней, в связи с чем, как утверждают специалисты, могут быть повреждены отдельные сооружения, осложнится работа самого водохранилища (судоходный шлюз, водосбросные сооружения), будет продолжаться подтопление сельскохозяйственных угодий и населенных пунктов. На этом вопросе хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Накапливая в осенне-зимний период значительный объем воды, Краснодарское водохранилище к весне представляет серьезную угрозу для окружающих районов, – ведь сброс воды ограничен. Первый сиг-

нал об этом был в 1988 г., когда объем воды в чаше превысил все допустимые нормы и достиг 2903 млн.куб.м. И в последующие многоводные годы весенний сброс воды производился на максимальных значениях, что приводило к затоплению близлежащего левобережья.

С вводом в эксплуатацию Краснодарского водохранилища в низовьях р. Кубани была создана крупнейшая отечественная база рисосеяния. Рис стал выращиваться в хозяйствах Теучежского, Красногвардейского, Шовгеновского и Кошехабльского районов; валовой сбор риса увеличился в 2 раза. Однако предусмотреть негативные последствия интенсивной мелиорации в то время не удалось, нарушилась экологическая структура почв, происходило засоление, переувлажнение и подтопление земель.

Заполненное почти круглый год Краснодарское водохранилище создает высокий уровень грунтовых вод. Гибнет земля, гибнут сады, постройки, посевы. В период подачи воды на рисовые чеки, когда поднимался уровень р. Кубани, страдали от подтопления ряд аулов Теучежского и Красногвардейского районов (в частности, аулы Старобжегокай и Новая Адыгея, Афиписип, Хаштук, пос. Хомуты), выпадали из сельскохозяйственного оборота тысячи гектаров пахотных земель. Зона влияния Краснодарского водохранилища прослеживается не только в восточной части г. Краснодара (пос. Пашковский), но и захватывает даже часть Тимашевского района. Так, по данным Ю.Я. Нагалева, только из-за переувлажнения земель Тимашевского района в отдельные годы было списано до 12 % от всей пахотной площади района. Разумеется (и это надо подчеркнуть), что здесь сыграли роль не только влияние Краснодарского водохранилища, но и другие антропогенные и естественные факторы, в частности, строительство многочисленных дамб и плотин, затрудняющих нормальный сток малых степных рек района, чрезмерная увлажненность зимних и весенних периодов и т. д.

Появились жалобы населения на ухудшение качества питьевой воды. В опасной зоне – маленькие аулы и населенные пункты Теучежского, Тахтамукайского и Красногвардейского районов. Специалисты предлагают срочно решить вопрос о переводе всех прилегающих к водохранилищу аулов и поселков на централизованное водоснабжение, а до этого районным СЭС усилить внимание к качеству используемой питьевой воды из колодцев. Специалисты утверждают, что в последнее время по качеству вода водохранилища далеко не соответствует санитарным требованиям и оценивается как загрязненная, а по отдельным показателям – как грязная, т. е. эта вода не должна употребляться ни для питья, ни для сельхозводоснабжения; в этой воде нельзя купаться.

Основной причиной загрязнения водохранилища являются стоки промышленности, сельского и коммунального хозяйств, а также сбросные воды рисовых систем. И это только начало длинного перечня негативных последствий влияния водохранилища на экологию бассейна. Нельзя не отметить еще и прогрессирующее заиливание чаши Краснодарского водохранилища. По данным специалистов, за время эксплуатации Кубанского моря его полезный объем уменьшился на 150 млн. куб. м за счет отложений наносов в его ложе. По расчетам, через 100 лет эксплуатации от полезной емкости 2,2 млрд. куб. м останется в лучшем случае половина.

Нанесен водохранилищем ущерб и рыбному хозяйству Краснодарского края и Адыгеи. Сначала Федоровским гидроузлом, а затем и Краснодарской плотиной были отрезаны природные нерестилища осетровых, рыбца, шемаи. Как следствие улов ценных осетровых, карповых и окуневых рыб в Азовском море и его бассейне сократился, по данным специалистов, в 25 раз. Из-за перераспределения и сокращения речного стока Азовское море оказалось сейчас в кризисной ситуации, соленость его неуклонно возрастает. А ведь когда-то (и не так давно) Азовское море по своей уникальной рыбопродуктивности по праву занимало первое место не только в России, но и практически во всей Европе. Как здесь не вспомнить записки К. Пейсонеля «Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг.». Вспомнить и сравнить с днем сегодняшним: «Окрестности Ачу (Ачуев. – **Авт.**) снабжают огромным количеством икры и сухой рыбы. Икра получается из осетров и белуги. Ежегодно (!) из Ачу вывозят около 3 тыс. ц икры (300 т); отправляют ее в больших бочках в Каффу (Феодосию) и Константинополь. Улов сазанов и сулы (судака) бывает иногда столь обильный, что не знают, куда девать эту рыбу, вследствие чего она выбрасывается и гниет на берегу».

И еще один момент. По первоначальному замыслу, Краснодарское водохранилище было предназначено для оптимального перераспределения во времени стока рек Верхней и Средней Кубани, короче, для того, чтобы не было никаких неожиданностей, – ни наводнений, ни чрезмерного обмеления рек во время засух. Однако в очень засушливом 1994 г. водохранилище проявило себя тоже далеко не лучшим образом. Из-за жестокой засухи в чаше водохранилища не смогли накопить достаточного количества воды, что привело к серьезнейшим трудностям в обеспечении водой рисовых систем, гибели рыбы в обмелевших Приазовских лиманах, резкому ухудшению водоснабжения Темрюкского и Анапского районов, использующих кубанскую воду для хозяйственно-бытовых нужд. Специалисты Кубанского бассейнового водохозяйственного объединения с тревогой отмечали в тот год экологическое неблагополучие р. Кубани из-за засухи: «Отравление реки из-за маловодья идет со все увеличивающейся скоростью, ее низовья превратились в клоаку, где гибнет все живое. Словом, идут необратимые экологические процессы...».

10.4.5.3. Нравственный ущерб: утрата могил своих предков

И сказал Иосия: что это за памятник, который я вижу? ...И сказал он: оставьте его в покое; никто не трогай костей его. И сохранили кости его...

4-я Книга Царств (23; 17-18).

Остатки погибших на поле битвы священны для адыгского народа. Могилы предков составляли предмет его особого почитания и забот.

В.А. Потто (1885).

На съездах «Адыгэ Хасэ», в периодической печати последних лет не раз поднимался вопрос о бедах адыгейцев и представителей других народов, попавших в начале 70-х гг. в зону затопления Краснодарского водохранилища. Оно принесло не только экономические, но и большие нравственные потери, – ломку вековых традиций и обычаев крестьянского быта и хозяйства, острое ухудшение не только экологии, но и демографической обстановки, разрушение и потерю навсегда могил своих предков. А о том, насколько важна для людей память о своих предках, писал еще в XVIII в. Д. Дидро (1717-1784): «Отдавая дань мертвым, мы заботимся о живых. Оскорбляя мертвых, мы лишаем живых надежды на справедливость». Позже эту же мысль в поэтическом виде выразил А.С. Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

Болью за затопленный аул и оскверненные могилы своих предков пронизаны и стихи современного поэта Сафербия Ашинова:

Останки моста через речку
Укором остались немым,
Как память о родине вечной,
Как встреча с аулом живым.
Под дамбой зарыты могилы,
На сердце от тяжести стон.
Какие же темные силы
Тот день принесли в мирный дом?

Тема уничтожения родного гнезда прослеживается и в стихотворении Игоря Лапина («Молодая гвардия», 1991, № 11. С. 266). Правда, оно относится к Поволжью, но от этого боль вынужденных переселенцев не становится меньше:

На вольной волжской шири,
Непонятно что творя,
Нас каких святынь лишили,
Сколько кладбищ затопили
Рукотворные моря!
Плещут волнами тугими,
Тень наводят на плетень.
Сколько там лежит под ними,
Прогрессивными такими,
Наших сел и деревень!

В результате затопления Краснодарского водохранилища под водой оказались 26 населенных пунктов и 34,7 тыс. га земли, в т.ч. 25,0 тыс.га пашни. Около 16 000 (по другим источникам – 13 000) человек были переселены из чаши водохранилища. В частности, переселены из чаши водохранилища (полностью или частично) жители следующих аулов и поселков:

Вочепший, аул.	Ленинхабль, аул	Ново-Казанукай, аул	Тлюстенхабль, аул
Городской, хут.	Маяк, пос.	Пчегатлукай, аул	Шабанохабль, аул
Кармалино, пос.	Начерезий, аул	Пшикуйхабль, аул	Шаханчерихабль, аул
Кунчукохабль, аул	Нешукай, аул	Старо-Казанукай, аул	Эдепсукай 1-й, аул
Лакшукай, аул	Ново-Вочепший, аул	Тауйхабль, аул	Эдепсукай 2-й, аул и др.

Причем, для ряда аулов это было далеко не первое принудительное переселение. Так, по сведениям краеведа Шихама Чениба («Единство», 1997, 22.07), а. Лакшукай за последние 130 лет переселяли по крайней мере трижды: из района современной турбазы Горячеключевского района, из района 40 дубов (севернее х. Казазово) и, наконец, при затоплении Краснодарского водохранилища.

Горько и больно было жителям аулов покидать свое родное гнездо. Об этом с присущим ей незаурядным поэтическим даром и тонким лиризмом поведала нам Мерем Шеуджен в своем стихотворении «Наша улица»:

На улице этой в родимом ауле
С рожденья мне каждый кустик знаком.
Под шутки и смех, что сквозь годы тянулись,
Здесь бегало детство мое босиком...
Подруга вдруг горькую весть сообщила,
Что, воспоминания оставив в душе,
Аул малочисленный переселили,
И яблоню нашу срубили уже.
Как больно! Все милое мне и родное
Я вижу теперь только в зеркале сна.
И там я сажаю две яблони новых,
Где раньше для нас зацветала одна.

Но под воду ушли не только населенные пункты и могилы предков. С затоплением водохранилища исчезают из памяти адыгов и многие топонимы – географические названия бывших здесь рек, речек и плавней. Скоро лишь старики будут помнить, что на месте рукотворного «моря» некогда простирались так называемые «Большие плавни», состоявшие, в свою очередь из Харзахских, Начерзийских, Эдепсукайских и Канукайских плавней. Все они питались многочисленными малыми речками: Марта, Пчас, Шендук, Хашхан и другие. Река Туапче собирала воды этих рек и передавала затем Псекупсу. Со строительством водохранилища эти уникальные природные нерестилища ценных пород рыб и гнездовища многочисленных птиц были уничтожены. «Пусть хотя бы названия этих погубленных мест останутся в памяти народа, – с болью пишет простой адыг из г. Адыгейска Сафербий Ашинов.

10.4.5.4. «Ты, Кубанское море, даль твоих берегов, ты народное горе, ты – идея врагов...».

А так ли это?

Более 90% оросительных систем, которые обслуживает водохранилище, находятся на территории Краснодарского края. То есть рукотворное море Республике Адыгея не нужно, оно причиняет лишь ежегодный ущерб, исчисляемый многими миллионами рублей.

Н.И. Сообцокова (2010).

На страницах краевых и республиканских газет все чаще появляются публикации-размышления о дальнейшей судьбе нашего Кубанского моря. В полемическом задоре некоторые авторы провозглашают лозунг «Назад, к природе». В наиболее сконцентрированном виде эта «концепция» была в свое время была изложена Л. Екутчем: «Вернуть р. Кубани ее прежний естественный вид. Сократить рисосеяние, убрать с р. Кубани плотины и спустить Краснодарское водохранилище, приносящее огромный вред». В той или иной степени эта мысль пронизывает и большинство последующих публикаций «зеленых», – людей неравнодушных, радеющих о природе родного края, но зачастую не учитывающих реалии сегодняшнего дня.

Здесь уместно вспомнить, что одним из первых поднял голос против строительства водохранилища известный писатель Исхак Машбаш, особо предупреждая, что нарушение экологического равновесия со временем отзовется большой бедой. Как видно из его беседы с П. Кошубаевым, писателя глубоко волнует не только то, что, построив Краснодарское водохранилище, затопили несколько тысяч гектаров земли, согнали с обжитых мест десятки аулов, хуторов и сел, но и то, что переселенцам выделили плохие земли под застройку, что здесь близко подходят подпочвенные воды. А разве можно молчать о том, что жителям г. Адыгейска построили худые домишки, а сами гидростроители воздвигли для себя целый городок из высотных домов в Краснодаре. Не дает покоя писателю и то, что жители Адыгейска не могут найти у себя работу и вынуждены ездить в Краснодар на заработки.

А вот мнение жителя Адыгеи – Виктора Цику, требующего «наказать злодеев», построивших Кубанское море:

Бьются серые волны о серый бетон.
Из-под толщи воды слышен горестный стон.
Ты, Кубанское море, даль твоих берегов.
Ты народное горе, ты – идея врагов.
Не ломать по весне нам вербовые ветки,
А под мутной водой оскорбленные предки.
Только волны бегут и бегут по бетонке.
Тот кто создал тебя, – тот остался в сторонке,
Сквозь завалы неправды и сквозь скопища лжи,
Отыщи, Бог, злодеев и всех накажи...

Еще более жестко оценивает социальные последствия создания Кубанского моря А.К. Тхакушинов. Он отмечает, что адыгейский народ в 60-70 гг. пережил еще одну национальную трагедию – строительство Краснодарского водохранилища и очередное переселение (уже который раз!) его на новое местожительство. По его мнению, «...переселение на новое место оказалось просто выселением в резервацию похуже американских ре-

зерваций для аборигенов-индейцев: фактически бесплодная глинистая почва, отсутствие нормальной питьевой воды, прежних чистых водоемов, отсутствие рабочих мест для 90 % работоспособного населения, недостаток школ, детских учреждений, непригодность 96 % построенного для переселенцев жилья, отсутствие нормальных коммуникаций и т. д. создали исключительно драматическую социальную ситуацию».

Весьма эмоционально выступает против Краснодарского водохранилища Н.И. Сообцокова (2010), негодующее эссе которой приведем кратком изложении: «В Адыгее было затоплено 22 аула. Потеря такого числа населенных пунктов для маленькой Адыгеи – национальная трагедия. Самым большим проклятием для любого адыга, любого кавказца были слова: «Да зальет твой очаг водой!». Нетрудно представить беду тысяч семей, лишившихся родного дома, родного села, родных могил. Старики так и не смогли оправиться от этой беды. Моральный и материальный ущерб, нанесенный народу, – невосполним.

Между тем замысел московских чиновников был, как всегда, грандиозен. Ежегодно планировалось выращивать «миллион тонн кубанского риса». Но рису нужна вода, много воды. Вот и решили московские чины перегородить Кубань плотиной. Под «барабанный бой» несчастным людям, лишенным родного крова, краевые власти обещали дать комфортабельные квартиры в строящемся тогда краснодарском микрорайоне «Гидрострой». Как и следовало ожидать, это обещание также оказалось мыльным пузырем. Под водой оказались сотни курганов и дольменов с бесценными памятниками истории и археологии. Возле каждого аула были родовые кладбища, за могилами которых местные жители бережно ухаживали.

Аулы стояли на чистом черноземе толщиной в 6 м, который во время Великой Отечественной войны немцы отправляли в Германию эшелонами. Это была прекрасная земля. Люди, естественно, не хотели уходить с этих плодородных земель, на которых испокон веков жили их предки. Но власти добились принудительного переселения в город, который как бы в насмешку был назван Адыгейском.

В первые пять лет после торжественного ввода в строй водохранилища, которое, по иронии судьбы, было названо Краснодарским, выросла смертность и упала рождаемость. В 1996 г. 80% юношей, проживающих рядом с водохранилищем, были признаны негодными к строевой службе...».

И далее публицист Н.И. Сообцокова, в качестве подтверждения своих слов, приводит негодующий и во многом несправедливый выпад в адрес чудовищного «монстра» – Кубанского моря, который в журнале «Российская Федерация» – официальном органе правительства РФ – опубликовал некий А.А. Гуагов: «Огромный водный монстр, занявший территорию до сотни тысяч гектаров, похоже, вообще способен только убивать все живое. О высокой концентрации нитратов и тяжелых металлов молодь рыбы высокоценных пород погибает. А от постоянного колебания уровня воды гибнет первая кладка яиц диких уток и гусей. На территории Адыгеи находится 92% площади рукотворного Краснодарского моря...» (Гуагов А.А., 1996, № 24). Это значит, – продолжает Н.И. Сообцокова, – что маленькая республика потеряла около 100 га (?) плодородной земли [Если же верить Гуагову, – см выше, – «потеряны сотни тысяч гектаров»? По официальным же данным, при затоплении водохранилища «под водой оказались 34,7 тыс. га земли, в т.ч. 25,0 тыс. га пашни». – Авт.].

Необходимо отметить, – продолжает публицист, – что более 90% оросительных систем, которые обслуживает водохранилище, находятся на территории Краснодарского края. *То есть рукотворное море Республики Адыгея не нужно, оно причиняет лишь ежегодный ущерб, исчисляемый многими миллионами рублей*», – делает окончательный вывод Н.И. Сообцокова (2010. С. 101-102).

10.4.5.5. «Без искусственного моря никак нельзя»: предотвратить угрозу катастрофических наводнений

Мы не знаем, как поведет себя р. Кубань в случае, если мы уничтожим водохранилище. Без искусственного моря никак нельзя – невозможным станет судоходство, умрет рисосеяние и, главное, под угрозой затопления в весенний паводок окажутся около 600 тыс. га земель.

Э.П. Топорова, начальник Кубанского бассейнового водохозяйственного объединения.

Выше мы привели спектр мнений о дальнейшей судьбе Кубанского моря – от довольно-таки осторожных («нарушение экологического равновесия со временем может отозваться большой бедой...») до истерически-крикливых («огромный водный монстр вообще способен только убивать все живое...»). Или: «Убрать с р. Кубани плотины и спустить Краснодарское водохранилище, приносящее огромный вред»).

А теперь приведем объективное мнение специалиста Э.П. Топоровой – бывшего начальника Кубанского бассейнового водохозяйственного объединения: «Мы не знаем, как поведет себя р. Кубань в случае, если мы уничтожим водохранилище. Без искусственного моря никак нельзя – невозможным станет судоходство, умрет рисосеяние и, главное, под угрозой затопления в весенний паводок окажутся около 600 тыс.га земель».

Кто же прав? Здесь уместно задать вопрос: неужели Краснодарское водохранилище за все годы его существования нанесло один лишь вред жителям края? И права ли «общественность», выносящая однозначный вердикт: «Море надо ликвидировать. Оно наделало больше вреда, чем пользы. Раскопать плотину, – и

только...»? Но так ставить вопрос, разумеется, нельзя. Мы же почти не затронули основную роль Краснодарского водохранилища – противопаводковую, ради чего, собственно, оно и строилось. В общей сложности, водохранилище защищает от наводнений сотни тысяч гектаров земель Средней и Нижней Кубани.

В свое время Г.А. Галкиным было проведено специальное исследование всех случаев крупных наводнений на р. Кубани за последние 1000 лет. Установлено, что 1-2 раза в столетие наводнения на Кубани носят катастрофический характер, затопливая сотни тысяч гектаров земли, а 1 раз в 200-300 лет эти наводнения носят характер исключительно выдающегося стихийного бедствия. Некоторое представление о масштабах затоплений в прошлом можно получить по приведенной ниже подборке случаев катастрофических наводнений на Кубани.

63 г. до н.э. Первые сохранившиеся в письменных источниках сведения о наводнениях на Земле адыгов восходят к 63 г. до н.э., когда «воды Гипаниса (Кубани), разлившись по низменным равнинам, затопили у дандайцев (одно из меотских племен) все возделанные ими поля и распространили миазмы».

1789 г. В этом году, после «великой зимы, равной которой не было 100 лет», на Кубани прошло две волны выдающегося половодья: 7 марта – 27 мая и 8 августа – 20 сентября (здесь и далее даты по новому стилю). Весенний разлив, затопивший «чуть ли не половину Черномории», был вызван таянием исключительно обильных снегозапасов в бассейне реки.

1795 г. Из письма войскового судьи А. Головатого от 4 мая губернатору Таврической области: «В этом году был особенно сильный разлив Кубани, покрывшей своими водами прибрежные низменности на огромных пространствах».

1845 г. Из рапорта есаула Кузько узнаем, что «от сильных дождей и снегов во всех горных реках, особенно в Кубани и Афипсе – необычайное повышение воды, подъем уровня на 2 аршина (1,4 м) выше обычного. Затоплены и полностью разрушены Афипское и Алексеевское укрепления, батарея в Марьяном Куте».

1877 г. «Небывало многоснежная» зима на огромной территории Восточной Европы, в том числе и на Кубани. Резкое потепление и дожди в конце февраля и начале марта вызвали дружное снеготаяние и вскрытие рек. Пик весеннего половодья (9-27 марта) вызвал «необыкновенный разлив вод Кубани». Все низменное побережье от Екатеринодара до Темрюка покрылось сплошным слоем воды высотой до 1 м. Разлив степных рек также «... в 3-4 раза превышал самое сильное половодье». В период 16 мая – 6 июня отмечен был второй катастрофический пик водности за счет обильных дождей и таяния высокогорных снегов; «беспрерывные наводнения продолжались до глубокой осени». Всего в этом году было затоплено 650 тыс.га земель.

1931 г. Июньским наводнением была затоплена вся левобережная пойма р. Кубани от устья р. Лабы до Азовского моря. Затопленными оказались более 100 тыс.га посевов. Наводнение было вызвано редким по величине и продолжительности паводком р. Кубани; исключительно высокие уровни воды сохранялись 26 дней подряд.

1932 г. На Кубани была суровая и чрезвычайно снежная зима. Обильные снегопады, начавшиеся в конце января, привели к образованию мощного слоя уплотненного снега высотой в предгорьях до 1 м. Оттепель в начале марта и теплые дожди обусловили интенсивное таяние снега одновременно во всем бассейне р. Кубани. Наблюдалось затопление огромных массивов. Особенно пострадали станицы Федоровская, Троицкая, Михайловская, Мингрельская, Варениковская. Всего же было затоплено 65 населенных пунктов, в том числе 40 адыгейских аулов, разрушено 1400 жилых домов. Под водой оказалась практически вся левобережная пойма р. Кубани от Усть-Лабинска до Азовского моря. Суммарный ущерб от наводнений 1931 и 1932 гг. составил 45 млн. руб. (разумеется, в ценах того времени). При этом катастрофические наводнения, близкие по величине к историческим максимумам, были отмечены практически на всех реках Восточной Европы, в первую очередь, на Волге, Дону, Днепре, Тереке.

1954 г. Катастрофическое наводнение этого года на р. Кубани формировалось по такой же схеме: замерзание рек в январе, обильные снегопады, резкое потепление, интенсивное снеготаяние, ледоход на притоках и самой Кубани при сохранившемся ледоставе в низовьях и т. д. Однако на этот раз январские температуры воздуха были более низкими (до -32°C), а толщина льда на реках бассейна достигала 60 см, причем устья Кубани и Протоки к моменту ледохода оказались плотно закупорены морским льдом. Высокие паводки на р. Пшиш и Псекупс не могли взломать «ледяной панцирь» в Нижней Кубани, уровни воды повысились на 3 м и более, водоограничительные валы были прорваны во многих местах одновременно, затоплены сотни тысяч гектаров земли. Убыток составил 10 млн. руб.

1956 г. Это наводнение занимает особое место в ряду стихийных бедствий на Кубани. Уже с конца 1955 г. в крае сложилась чрезвычайно неблагоприятная гидрометеорологическая обстановка, подготовившая условия для формирования паводков редкой повторяемости. Затяжные дожди, часто ливневого характера, охватили огромную территорию, а водность рек бассейна была близка к максимальной за период инструментальных наблюдений, составляя в этот период 11,4 куб. км (при годовой норме стока р. Кубани 13,5 куб. км). Паводок 1956 г. с максимальным расходом воды 1970 куб. м/с имел бы еще более тяжкие последствия, если бы не регулирующее влияние Тщикского и Шапсугского водохранилищ, что позволило срезать пик паводка до 1440 куб. м/с. Тем не менее, было затоплено 150 населенных пунктов, 500 тыс. га земли.

1963 г. Зима 1962-1963 гг. была чрезвычайно суровая и многоснежная практически на всем северном полушарии, в том числе и на Кубани. Особо неблагоприятные гидрометеорологические условия сложились в крае в

зимние месяцы: морозы до -32°C вызвали замерзание рек с 23 января, обильные снегопады образовали значительный снежный покров до 70 см. Резкое потепление в начале февраля вызвало интенсивное таяние снега и ледоход на реках Белой, Пшише, Псекупсе, Афиесе при сохранившемся прочном ледоставе в низовьях р. Кубани. При этом ледовая обстановка в Нижней Кубани многократно осложнялась ветрами западного направления, которые пригнали с Азовского моря значительную массу припая и плотно закупорили устье реки. Как следствие, на р. Кубани и Протоке образовались мощные заторы льда, вызвавшие прорывы водооградительных валов и затопление прилегающих территорий. В частности, полностью были затоплены х. Прикубанский, х. Ханьков и десятки других населенных пунктов, на территории от ст. Троицкой до Переволоки и от Славянска-на-Кубани до Гривенской. Именно в этом году сформировался (в основном за счет многоводной весны) «исторический» максимум годового стока р. Кубани за период инструментальных наблюдений (582 куб.м/с, или 1,4 нормы). Перераспределение стока Тшикским и Шапсугским водохранилищами, переброска большей части стока Верхней Кубани в Ставропольский край, существовавшая тогда система водооградительных валов, – все это несколько смягчило последствия исключительного по величине весенне-летнего половодья на р. Кубани. Тем не менее, оказались затопленными 50 тыс. га земли, ущерб от наводнения составил 14 млн. руб.

1966 г. За весь период инструментальных наблюдений этот год был самым теплым (среднегодовая температура в г. Краснодаре составила $13,4^{\circ}\text{C}$ при норме $11,4^{\circ}\text{C}$) и одним из самых увлажненных (сумма осадков за год 858 мм при норме 643 мм). Сочетание этих двух факторов обусловило выдающееся по масштабам и величине причиненного ущерба наводнение на р. Кубани. Высокое половодье в этом году на реках бассейна продолжалось 7 месяцев, достигнув максимума в мае-июне за счет необычайных по силе и продолжительности ливней и одновременно – интенсивного таяния высокогорных снегов и ледников. Максимальный сток реки Кубани у г. Краснодара составил в июне выдающуюся величину – 1920 куб.м/с, водооградительные валы были прорваны во многих местах, затоплены сотни тысяч гектаров земли, общий ущерб составил 55 млн. руб.

1989 г. С вводом в строй Краснодарского водохранилища угроза столь тяжелых стихийных бедствий была практически полностью снята. Даже в тяжелейшем по погодным условиям 1989 г. были затоплены относительно небольшие площади земель. Здесь следует подчеркнуть: если бы не существующие в крае водохранилища (Краснодарское, Шапсугское, Крюковское, Варнавинское) не приняли на себя основной удар стихии, то ущерб от наводнения 1989 г. был бы многократно больше. Тяжелая обстановка была в крае и в 1985, 1988 гг., особенно в последний, когда лишь Краснодарское водохранилище в буквальном смысле слова спасло жителей низовьев от затопления огромных территорий. Кстати, специалисты подсчитали, что суммарный ущерб только от этих паводков мог бы составить не менее 250 млн. руб. в ценах тех лет. При этом строительство Краснодарского водохранилища тоже обошлось в 250 млн. руб. Так что оно давным-давно уже «окупилось» себя только за счет защиты жителей края и Республики Адыгея от катастрофических наводнений. И в этом его величайшая заслуга. Некоторые негативные последствия эксплуатации Краснодарского водохранилища обусловлены не созданием самого моря, которое является благом для жителей Кубани, а нашим неразумным, порой неграмотным использованием как самого водохранилища, так и малых рек, которые зачастую отгорожены различными дамбами от естественного устья, в силу чего происходит заболачивание местности и подтопление сельскохозяйственных угодий.

2002 г. Выдающееся стихийное бедствие этого года занимает особое место в ряду катастрофических наводнений на р. Кубани. Зима 2001/2002 гг. была на Кубани самой многоводной за последние полвека. В конце декабря по всему краю начались обильные снегопады. Только за один день – 21 декабря – в Краснодаре выпало 74,3 мм снега, или 2 месячные нормы осадков. После небольшого перерыва, в начале января, снегопады еще более усилились; высота снежного покрова в средней части достигла 1 м, а в предгорьях и горах – 2 м и более.

Морозы $25-29^{\circ}\text{C}$, правда, кратковременные, вызвали частичное замерзание рек; последующий ледоход привел к закупорке устьевых участков рек Кубани и Протоки. Положение усугублялось тем, что западные ветры затрудняли выход речных льдов в море. Как следствие, эти ледовые «пробки» сделали невозможным свободный ток воды в реках, привели к быстрому подъему уровней воды выше критических, переливам воды через оградительные дамбы и затоплению обширных территорий. Только в Темрюкском и Славянском районах было затоплено около 2000 домов и нежилых строений; при этом пришлось эвакуировать тысячи людей. Общая площадь затопления составила около 77 тыс.га; суммарный ущерб достиг 1,5 млрд. руб. И лишь самоотверженный труд многих людей (в борьбе со стихией участвовали около 8000 чел.) позволили несколько смягчить катастрофические последствия заторных наводнений.

Особую роль в борьбе со стихией в этом тяжелейшем году сыграло Краснодарское водохранилище. Оперативное регулирование попусков воды из него дало возможность намного снизить катастрофические последствия заторов в низовьях Кубани, – без него нанесенный ущерб жителям пострадавших районов был бы в несколько раз больше.

Неблагоприятные гидрометеорологические условия, создающие угрозу катастрофических наводнений на Кубани, неоднократно складывались в прошлом; разумеется, они будут повторяться и в будущем. И заслоном этим стихийным бедствиям служит (и еще долго будет служить) наше рукотворное Кубанское море. Чаши весов, отмечающие потенциальный вред и пользу Краснодарского водохранилища для жителей Кубани все-таки перевешивают в сторону последней...

В заключение хотелось бы отметить, что строительством Кубанского моря, к сожалению, не завершились попытки окончательно «покорить» природу нашего родного края. В частности, уже разрабатывался (но не был реализован) проект строительства глухой плотины в Керченском проливе. И это не все. Как отмечает А.Ю. Шадже, в начале 80-х гг., забыв о «мине замедленного действия» – Краснодарском водохранилище, в кабинетах уже разрабатывался очередной «проект века» – создание атомной электростанции на нашей благословенной Кубани. Но жестокий урок Чернобыля дал силу и гражданское мужество ученым, писателям, общественности края и Адыгеи выступить против строительства Краснодарской АЭС в Мостовском районе. Большую работу по предотвращению безумного проекта провели члены Краснодарского отдела Русского Географического общества, «Экологический союз», многие природоохранные организации. Напомним, что станцию проектировали над сейсмоопасным глубинным разломом в 50 км (по прямой) от г. Майкопа, в непосредственной близости от границ уникального Кавказского биосферного заповедника. При этом роза ветров обеспечивала, в случае аварии, практически 100 %-ное радиоактивное загрязнение хлебоборных полей, горных лесов, рек и черноморских курортов. И далее А.Ю. Шадже заключает: «Безумие удалось предотвратить. Но надолго ли? ...».

10.4.6. Эхо Чернобыльской трагедии

Чернобыльник («чернобыль») – многолетнее растение рода полынь, горького вкуса.

Большая Советская энциклопедия.

И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

Библия. Апокалипсис (8; 10-11).

С первых дней чернобыльской трагедии лучшие сыны Адыгеи, вместе с представителями других регионов СССР, были направлены на ликвидацию аварии. Средства массовой информации республики систематически сообщали правдивую информацию об участии ликвидаторов из Адыгеи в преодолении последствий катастрофы на ЧАЭС. Наиболее впечатляющими были очерки заслуженного журналиста Республики Адыгея Е.И. Салова, находившегося непосредственно в горячей точке. Его перу принадлежат очерки: «На земле Олеси» («Адыгейская правда», 1986), «Комиссары наших дней», «По тревоге» («Адыгейская правда», 1987), «Красный трилистник», «Чернобыльские записки» («Маяк», 1989), «Красная полоса» («Советская Адыгея», 1991), «Долгое эхо Чернобыля» («Советская Адыгея», 1993), документальная повесть «Адыгея-Чернобыль: космический транзит» (Майкоп, 1994); радиопередачи: «Чернобыльская тетрадь», «Горечь полыни», «Испытание Чернобылем» (Радио Адыгеи, 1987-1991 гг.). В районных и центральной республиканской газетах печатались воспоминания и других участников ликвидации последствий катастрофы – Меджида Сихова, Мунира Нурияхмедова и Геннадия Логвинова.

Много сил отдали в борьбе с общенародной трагедией первые посланцы из Адыгеи:

Анощенко Иван	Женетль Арамбий	Нарожный Петр	Стоянов Виктор
Аутлев Руслан	Женетль Аслан	Натхо Анзаур	Тагобецкий Виктор
Ахматов Равиль	Зекох Учужук	Новоселецкий Владимир	Татлок Адам
Ашинов Юрий	Каракуц Владимир	Пантелеев Евгений	Титовский Виктор
Бекух Ким	Ковалев Сергей	Пархов Александр	Тлехурай Азмет
Блинков Анатолий	Косенко Сергей	Пасюра Николай	Тлехуч Ислам
Бойко Алексей	Кривоносов Анатолий	Петров Анатолий	Фалеев Николай
Бойчевский Алексей	Кротов Геннадий	Пешков Михаил	Хаконов Айтеш
Варшанин Геннадий	Кузин Евгений	Плишкин Михаил	Хакуз Мадин
Воробьев Анатолий	Лазько Александр	Попович Ярослав	Хатхоху Учужук
Воробьев Геннадий	Логвинов Геннадий	Прозоров Юрий	Хашханов Асланчерий
Гадагатль Юрий	Ломашвили Георгий	Репенко Владимир	Хеж Нальбий
Головко Олег	Луковский Иосиф	Салов Евгений	Хуажев Довлетбий
Губжиков Валентин	Малиш Рамазан	Санашоков Рамазан	Хуаз Нурбий
Давлатян Александр	Мамедов Гусейн	Сиксимов Николай	Цику Виктор
Джаримов Рашид	Мамиев Рашид	Сихов Меджид	Чеботов Юрий
Дзетль Адам	Мединцев Николай	Соловьев Геннадий	Шевоцуков Каплан
Дзыбов Муса	Мешвез Аслан	Степанов Владимир	

Как отмечает публицист Е.И. Салов (1994), на фоне глобальных и быстрых политических и социальных перемен беды, связанные с последствиями Чернобыля, не исчезли, напротив, они стали константой нашего бытия.

Конечно, новые проблемы отвлекают внимание государства и общества от горькой темы, кому-то даже кажется, что острота чернобыльских болей прошла, но печальная реальность последствий катастрофы опровергает это мнение. Чернобыльская трагедия продолжается, оставляя горькие плоды своего действия –

болезни, горе, смерть, – считает Е.И. Салов. Сразу после возвращения из района ЧАЭС ушли из жизни: Ашинов Ю.Ю., Бирюков В.С., Галушко С.П., Дуланский В.Н., Еременко В.М., Исаков В.В., Матвеев О.А., Поветкин Е.А., Суслов В.А., Торохин В.И. Увы, с каждым годом «Чернобыльский мартиролог» пополняется все новыми именами ликвидаторов из нашей республики.

Этот скорбный раздел хотелось бы закончить словами чернобыльца-ликвидатора из п. Майского Кошехабльского района нашей республики В.И. Филатова, прозвучавшими в минуты всенародного горя набатом:

Хвала тем, кто борется за мир и права человека!
А я уже был на войне 21-го века...
В безлюдном Чернобыле под небом безоблачно-синим
Себя я почувствовал, как в Хиросиме.
Оцеплена зона. Окончилась эвакуация.
И здесь только мы. И противник вокруг – радиация.
Противник невидимый, сильный – дозиметр зашкаливает.
Но мы наступаем без крика «Ура» и без славы.
Мы графит зараженный надежно в могильник хороним.
За нами все чище и чище становится зона.
И здесь нет окопов. И невозможна отсидка,
Здесь нерв на пределе. И пухнет к утру щитовидка.
Насквозь нас пронзают рентгены, бэры, кюри...
Не вылечат после – за это врачей не кори.

Созвучны этим строкам и стихи другого участника чернобыльской эпопеи Виктора Скоробогатого.

Вы братья милые мои
В плену чернобыльского ада.
Вы стали жертвами – увы
Неукротимого разряда.

Вы шли не опуская лиц
Под пули атомных частиц.
За что вам жребий этот дан
Чернобыль не Афганистан.

Но в чем различие у них,
Когда у тех и у других
Есть много мертвых и живых –
Живых завидующих мертвым.

Вам как и всем хотелось жить,
А вас: «В ружье, вперед!», – служить.
Не знали вы что многим там
Придется головы сложить.

Не меньшей болью за Человека – жертву чернобыльской катастрофы, пронизано и стихотворение Галины Ким, которое так и называется : «Боль Чернобыля»:

Чернобыль, Чернобыль – ты горькая быть,
Ты – шаг роковой Человека,
Могилы хранят смертоносную пыль,
Как драму безумную века.

Был город, как город: любил и мечтал,
Надеждами жил, ошибался,
Но дьявол жестокою шутку сыграл,
И прахом Чернобыль распался.

И белою кровью сочатся сердца
Людей, возвращенных из ада,
Там, словно в щетине, седая земля –
Крестов бесконечная гряда.

Чернобыль, Чернобыль – ты горькая быть,
Ты боль, ты трагедия века,
Для жизни тебя Человек сотворил,
И жертвой ты пал Человека.

Пусть колокол жизни звонит по тебе
Из страшных руин и обломков,
Ты памятник скорби на жгучей земле,
Ты – совесть грядущих потомков...

10.4.7. «Адыгэ Хасэ»: возрождение духовности

Я думаю, что будет мир в нашем большом общем доме – России и малом – Адыгее. Основные принципы, чему мы учим людей, к чему ведем их: добросердечие, любовь к ближнему, сострадание, милосердие к страждущим...

Сагид Хуако, муфтий Адыген.

В культурной и духовной жизни адыгейского народа важным событием явилось создание в 1988 г. общественной организации «Адыгэ Хасэ» («Адыгейское собрание»). Это общество первоначально создавалось как объединение людей адыгской национальности, в основном любителей истории и искусства адыгов. В организации этого движения большую роль сыграли А. Схалыхо, А. Абрегов, Н. Куек, Н. Хуако, Р. Емиж. В соответствии с уставом, «Адыгэ Хасэ» выдвинуло лозунг возрождения адыгской культуры, истории, этнографии.

«Хасэ» у адыгов не только место решения злободневных вопросов («сход, собрание»), но и действенное средство воспитания высоких нравственных черт – справедливости, гуманности, благородства. О престижности «Хасэ» свидетельствует адыгская пословица: «Сначала приобщись к воспитанию дома, а потом иди на «Хасэ». Председатель «Адыгэ Хасэ» доктор филологических наук А.А. Схалыхо в мае 1989 г. на встрече с А.А. Джаримовым, в то время первым секретарем Адыгейского обкома КПСС, подчеркивал, что «Хасэ» решительно выступает против национальной обособленности и нетерпимости, в какие бы формы они не рядились. Эту же мысль выразил на II съезде «Адыгэ Хасэ» в 1990 г. прораб А. Хакуз: «Я за дружбу правдивую и честную. Мы, люди разных народов, находим общий язык и точки соприкосновения, чтобы идти вместе по пути преобразования. Пусть все знают о наших национальных проблемах, чтобы где-то протянуть нам руку помощи».

По инициативе «Адыгэ Хасэ» в республике учрежден День памяти жертв Кавказской войны (21 мая). Это общественное объединение поддерживает движение шапсугов по восстановлению национального района, ликвидированного в 1945 г. Имеет свой печатный орган «Гъуазэ» («Вестник»). Большую работу в рамках Хасэ проводит Всеадыгский Фонд культурного возрождения (президент Фонда Аскер Джанхотович Басте).

В обращении руководства «Адыгэ Хасэ» г. Краснодара говорится: «В последнее время на Кубани заметно нарастает напряженность в обществе. Однако дружными усилиями до сих пор удавалось сохранить спокойствие, мир и лад в этом потенциально взрывоопасном регионе. Достигнутые мир и стабильность в межнациональных отношениях – самое ценное, что мы имеем сегодня. Ими надо дорожить. Люди! Не станем слепым орудием в руках неразборчивых в средствах политиканов и амбициозных авантюристов».

10.4.8. Возрождение казачества и адыги

Переброшенные на Кавказ царским самодержавием для выполнения полицейских функций, казаки стали частью культурно-исторической кавказской общности, стали нашими земляками.

М.Б. Беджанов (1991).

Мудрость и справедливость заключаются в умении построить на основе исторической правды, какой бы горькой она не была, новый дом, дом дружбы нынешних и будущих поколений.

Н.Ш. Чечуев (1994).

Около полутора веков прошло со времени трагических событий Кавказской войны. Уже несколько поколений сменилось здесь – и адыгов, и казаков. Последние (и не без основания) считают, как и горцы, Землю адыгов своей малой Родиной. Как справедливо отмечает Б.Х. Акбашев (1999), «черкесы, живущие в Российской Федерации, разделили с русскими и другими народами бывшего Советского Союза все потрясения и трудности уходящего XX столетия, связанные с революцией, Гражданской войной, коллективизацией, Великой Отечественной войной, восстановительным периодом».

С ростом национального самосознания, у жителей Адыгеи усилился интерес к своей истории, к жизни предков, ныне забытым обрядам и обычаям. Поэтому не случайно коренные жители – адыги объединились в свою общественную организацию «Адыгэ Хасэ». Испытывая не меньшую потребность в единении, в возрождении старинных традиций, казаки, проживающие ныне в республике, также объединились в свою общественную организацию – Союз казаков Адыгеи.

Как отмечает М.Б. Беджанов, жизнь казачества и адыгейского народа похожи как две капли воды. Те и другие подвергались геноциду и пережили труднейшие моменты нашей общей истории. Как писал Р. Самарин,

Ты, выкорчеванное начисто,
Ты, изведенное под корень,
Былое русское казачество –
Незаживающее горе.

И память о тебе «всезнайками»
Заплевана почти по брови, –
Корят казачьи нагайками,
Не помня о казачьей крови...

У казаков и адыгов издавна было широко развито куначество. Обычным явлением стали смешанные браки. На русских девушках женятся адыгейские парни, а русские ребята нередко выбирают себе в жены адыгейских девушек. Сейчас в Адыгее насчитывается более 4000 смешанных браков. Как их можно разделить? Адыгейский народ уважает казаков – мудрых тружеников, которые тянутся к дружбе с другими народами. И адыгейцам присущи эти благородные качества и черты. Только дружба, только добрососедство – другого пути у наших народов нет. У всех адыгейцев есть глубочайшая уверенность, что казачество, вернувшееся к истокам и традициям своей культуры, возродившее с их помощью казака-воина и вольного земледельца, будет силой, способствующей возрождению всей России.

Об истоках и традициях казачества, о возврате к своим «корням» размышляет потомственный казак Г. Вивчарь. Казаки, – справедливо отмечает он, – не нация (хотя в первые годы Советской власти в анкетах писали: «национальность – казак»), а субэтнос, военное сословие. Казаки – это обыкновенные русские люди, славяне, представители и других народов, только со своим укладом жизни, своей одеждой, этикой поведения. Согласно историку Н.М. Карамзину, предками донцов были азовские казаки, которые в XV в. «ужасали всех путешественников в окрестностях Дона», и российские беглецы, которые «искали дикой вольницы и добычи в улусах Орды Батыевой». По мнению В.М. Пуданова, донские казаки – потомки древних славян, несших сторожевую службу у хазар еще в X-XII вв., а затем в течение более 600 лет сохранявших свою веру, народность и боевой строй.

Г. Вивчар напоминает, что понятия «казак», «казачество» издавна живут в сознании народов нашей страны. Уже в героическом былинном эпосе, восходящем к Киевской Руси, среди древнейших образов русских богатырей одним из самых значительных и привлекательных является «старый казак да Илья Муромец». На заре зарождения в казачестве явно прослеживался «симбиоз» славянского и тюркского начал. Ведь первыми «казаками» назывались отряды кочевников-степняков, угрожавшие русским пределам из Дикого Поля во времена борьбы с татаро-монгольским нашествием. Кстати, в тюркских языках «казак» означает «свободный, независимый человек, искатель приключений, забияка и бродяга». Как отмечает Г. Вивчар, «...в понятии «казак» всегда присутствует смутная, волнующая связь со степными или горскими племенами». Казаки самоотверженно и честно несли воинскую службу в российской армии. Не случайно Ф.Энгельс в статье «Кавалерия» (1859) особо отмечал: «Подлинно легкой кавалерией у русских являются казаки, которых у них более чем достаточно для несения всех видов сторожевой, разведывательной и иррегулярной службы в их армиях».

Малоизвестен тот факт, что в 1855 г. последовало высочайшее дозволение «прикомандировать к казачьим полкам, расположенным на Кавказской линии, горцев». В связи с этим представляют интерес некоторые сведения, собранные Г. Вивчаром, о службе этих казаков-горцев при царском дворе. Черкесы, как он отмечает, высоко ценились Николаем I и последующими царями за их преданность и честность; именно Николай I первым из царей начал брать на службу черкесов и «был ими доволен». 18 мая 1811 г. была создана конная охрана царского двора. Первоначально ее осуществляла Черноморская гвардейская сотня, а после восстания декабристов Николай I еще более усиливает охрану собственной персоны. В основном царская охрана состояла из казаков-горцев: черкесов, грузин, армян, крымских татар. Хорошо отзывался о преданности казаков Дона и Кубани и Александр III. Он также, наравне с русскими казаками, доверял охранять свой дворец людям с Кавказа, в первую очередь, черкесам. В архивных источниках и мемуарной литературе сохранилось много записей о службе черкесов (адыгов) при царском дворце. Они были отличными переводчиками, хорошо служили, особенно в конной охране, были лучшими наездниками. На показательных учениях всегда занимали первые места как в стрельбе, так и джигитовке.

Ушла в прошлое кровопролитная Кавказская война, в которой казаки, по сути, являлись марионетками в руках царского правительства, видевшего в казачестве надежную силу для охраны южных рубежей Руси, а затем использовавшего их в операциях по покорению Кавказа и колонизации «освободившихся» территорий. Ушли в прошлое и перегибы послереволюционных лет, когда в целом по стране миллионы казаков были подвергнуты «расказачиванию»; многие из них вынуждены были эмигрировать за границу. Пришли новые времена, и ныне потомки казаков постепенно возвращаются к своим корням. Здесь хотелось бы вспомнить мудрые слова известного писателя, летописца земли кубанской В.Лихоносова: «После семидесяти лет искоренения возрождалось казачество судорожно. Само слово «возрождение» звучало странно. Всем было ясно, что кондовые казаки вымерли, их быт был развеян по ветру, предания засохли в книгах; надели черкески и стали в строй привычные советские люди. Час открытого появления казаков (на улицах Краснодара-Екатеринодара) так же трагичен, как и исход их с родной земли в 1920 г. Но не все казаки поняли: в тот же миг, когда они вышли, души предков благословили их крестным знаменем и возложили на них обет покориться преданиям».

Началом возрождения казачества России был Московский Войсковой Круг. В июне 1990 г. был утвержден Союз казаков и избран атаман Союза – А. Мартынов. А 29 ноября-1 декабря того же года в Краснодаре состоялся первый Совет атаманов Союза казаков; принята «Декларация казачества России», в которой, в частности, говорилось: «Наша главная цель – духовное, культурное, хозяйственное возрождение казачества, корни которого, тесно переплетаясь с судьбами славян, некоторых народов Кавказа, уходят в глубокую древность». Одним из главных вопросов, который с первых же минут встал перед съездом казаков Кубани, был национальный, и прежде всего, как будут строиться взаимоотношения кубанских казаков с адыгами. Но после того,

как перед съездом выступил председатель республиканской организации «Адыгэ Хасэ» А.А. Схалыхо, стало ясно – перед нашими народами не может быть вражды. «Если уж 200 лет назад между нашими предками развивалось экономическое сотрудничество, устанавливались добрососедские отношения, то почему же мы, их потомки, должны порушить эти традиции?» Эти слова известного адыгейского ученого и общественного деятеля были встречены присутствовавшими с глубоким пониманием и поддержаны всем съездом.

В организационном плане в настоящее время казаки края объединены во Всекубанское казачье войско, первым атаманом которого был избран Владимир Прокофьевич Громов. После окончания в 1976 г. Кубанского госуниверситета он работал там сначала преподавателем, а позже – доцентом кафедры дореволюционной истории. С 1990 г. – атаман Кубанской казачьей Рады, затем – Всекубанского казачьего войска. В настоящее время атаманом Кубанского казачьего войска избран Николай Александрович Долуда.

Не все идет гладко на пути возрождения казачества на Кубани, как и в России в целом. Первоначальные проекты президентского Указа о возрождении казачества зачастую были ориентированы на возрождение некоего сословного «феодалного» казачества. В частности, президент Конфедерации репрессированных народов России Исмаил Алиев писал по этому поводу: «Общезвестно: указы вызвали недоумение и у части казачества. Не хотят они под флагом «возрождения» возвращаться на сотню лет назад и возлагать на себя специфические жандармские функции даже в обмен на своеобразные «высочайшие пожалования». К сожалению, в наш чрезвычайно политизированный век находятся люди, которые хотели бы подогреть «страсти», столкнуть казаков с адыгами. М.Б. Беджанов приводит следующие факты. Весной 1994 г. в станице Дондуковской состоялся казачий сход. На него приехали представители из Апшеронска, Белореченска и некоторых других районов Кубани. Но это были не те мудрые и благоразумные казаки, которые стремятся постоянно крепить дружбу с адыгами. Экстремистски был настроен некий Нагай, которого давно уже отлучили от Кубанского войска. Он предлагал отделить от Адыгеи Гиагинский, Красногвардейский и Майкопский районы, так как в них проживает много русских, большинство из них казаки. Речь Нагая не нашла поддержки, ибо в ней было немало оскорбительных слов в адрес Адыгеи. Оратор пытался вбить клин в дружбу адыгов и казаков, что, кстати, вызвало недоумение и резкое осуждение как у тех, так и у других. С этой точки зрения весьма современным и взвешенным представляется нам совместное обращение «Адыгэ Хасэ» и казачьего руководства (10 октября 1990 г.), в котором, в частности говорится: «Однако зреющие перемены не всем по душе: кому-то нынешняя ситуация позволяет накапливать политический капитал на наших трудностях; беспокойство других объясняется отсутствием подробной информации о целях и задачах этих движений, как следствие, – неуверенность в завтрашнем дне. Не исключено, что нас захотят поссорить, это могут быть «крайне правые» или «крайне левые», адыги, русские или представители другого народа. Не поддавайтесь на эти провокации! Помните, казаки и адыги, что большая беда начинается с мелочей: с непродуманного высказывания, неуважения к традициям, бытовой ссоры. До сих пор мы жили в мире, сердечном согласии и дружбе – соблюдаем достоинство и сегодня. Будем разумнее и терпеливее. Будем великодушнее и добрее». Как здесь не вспомнить мудрые строки Исхака Машбаша:

Так хочется, чтоб были все добрее –
Без хитрости, лукавства, суеты,
Так хочется, чтоб люди и деревья,
Взрослея, не теряли чистоты.
Мы все, когда рождаемся, чисты,
Как первый снег, как первые цветы.
Мы все перед Историей равны...

Русские, живущие в Адыгее, с пониманием отнеслись к созданию «Адыгэ Хасэ». С не меньшим пониманием отнеслись и адыги к организации в своей республике «Союза казаков». И в этом понимании, взаимном уважении к традициям своих народов, – залог укрепления дружбы между ними. Как образно заметил М.Б. Беджанов, «в душах кавказцев всегда жила идея общекавказского дома. Было бы безумием, живя в этом доме, разрушать его. Бревна неминуемо упадут на наши головы».

Можно понять бывшего президента Республики Адыгея Х.М. Совмена (2005), который с нескрываемой горечью говорил: «Совсем недавно перед зданием администрации Краснодарского края выросла скульптура казака, объявленного на весь честной мир «первопроходцем и первооткрывателем земли Кубанской», – как будто не было тысячелетней истории адыгского (черкесского) народа, который издавна жил не где-то, а именно на этих, якобы «открытых», подобно Америке, землях... Ни в коем случае нельзя фальсифицировать историю, использовать ее в политических играх, особенно здесь, на Кавказе».

Хотелось бы завершить этот раздел словами кубанского казака Г.Вивчара, который с присущей казачьему сословию мудростью и взвешенностью четко расставляет, так сказать, точки над «i» в непростой проблеме межнациональных отношений на Кубани: «Сегодня мы, русские, казаки, татары, армяне, украинцы и др. говорим, что Адыгея – наша Родина. Но все же мы, кубанские казаки, должны знать, что живем на древней исторической земле адыгов, и не возмущаться, если услышим такие слова, как в песне Исхака Машбаша: «Адыги на земле моей живут». Они вправе так говорить, петь и прославлять свою землю. Это их земля» (выделено нами. – Авт.)...

10.4.9. Сколько же нас сейчас?: численность и расселение адыгов на территории бывшего СССР

О народ мой! Войдите в землю священную, которую Аллах предназначал вам, и не обращайтесь вспять...

Коран. Сура 5, 24.

Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки. И сделаю потомство твое, как песок земной: если кто может сосчитать песок земной, то и потомство твое сочтено будет...

Библия. Бытие (13; 15-16).

Республика Адыгея занимает площадь 7800 кв. км и состоит сейчас из 7 районов: Тахтамукайского, Теучежского, Красногвардейского, Майкопского, Гиагинского, Шовгеновского и Кошехабльского; имеет 2 города – Майкоп и Адыгейск, 40 аулов, 21 село, 12 станиц, 57 поселков, 109 хуторов.

Адыгея, расположенная на левых берегах рек Лабы и Кубани, граничит на севере с г. Краснодаром, Динским и Усть-Лабинским районами; на востоке – с Курганинским и Лабинским районами; на юге – с Адлерским, Хостинским и Лазаревским районами Большого Сочи; на юго-западе – с Северским, Белореченским и Апшеронским районами Краснодарского края.

Из отдельных адыгских этнических групп, сохранившихся до настоящего времени, основную часть адыгского населения Республики Адыгея составляют бжудуги вместе с темиргоевцами. Бжудуги проживают главным образом в аулах Тахтамукайского и Теучежского районов; темиргоевцы с их подразделениями (адами, хатукаевцы, егерухай, мамхеги) – в аулах Кошехабльского и Красногвардейского районов. Из других этнических групп Адыгеи выделяются шапсуги: они проживают в пяти аулах Тахтамукайского района – Афипсип, Натухай, Панахес, Хаштук, Псейтук. Основная часть шапсугов проживает в Лазаревском и в меньшей степени – Туапсинском районах Краснодарского края.

Хакучи живут в Лазаревском районе и в трех аулах Адыгеи вместе с шапсугами. Когда-то многочисленная этническая группа абадзехов проживает в настоящее время только в а. Хакуринохаль Шовгеновского района и говорит на особом диалекте. Бесленевцы проживают главным образом в Карачаево-Черкесии (так называемые «зеленчукские бесленевцы»), в двух аулах близ Армавира и составляют часть населения аулов Блечепсин и Уляп в Адыгее. Они говорят на бесленевском наречии кабардинского языка. В аулах Успенского района – Урупском (Шхъэщэфыж), Кургоковском (Кургъокъуай), Коновском (Бэчымзай) живут бесленевцы, темиргоевцы, абадзехи и другие. В аулах восточной части Адыгеи проживает значительное число кабардинцев, которые в культурном, хозяйственном и прочих отношениях сливаются с адыгами.

По данным А.А. Джаримова, в 1995 г. на территории Адыгеи проживало 449 тыс. чел., причем адыгейцы составляли в то время около 25 % всего населения республики. Кроме адыгов и русских, здесь можно встретить и армян, татар, чехов, греков, грузин и многих других.

Что же касается ближайших «братьев» адыгейцев – кабардинцев и черкесов, то на сегодняшний день расселение их представляется следующим образом. Кабардинцы проживают в основном в Кабардино-Балкарской республике. Всего в Кабардино-Балкарии, на 01.01.2007 г., проживало 891 299 чел. – кабардинцев, балкарцев, русских, татар, армян и др. («Хасэ», 2009, май-июнь, № 8/11. С. 8). При этом только кабардинцев насчитывается по различным также живут в Карачаево-Черкесии и Адыгее. Кабардинцы-христиане проживают в Моздокском районе Северной Осетии, в ряде хуторов Ставропольского края и в двух станицах Ростовской области. Черкесы проживают преимущественно в Карачаево-Черкесии; при этом черкесское население составляет порядка 46-52 тыс. чел. По данным Н.А. Тернавского (2006), в 1989 г. численность адыгейцев составляла 123 тыс. чел., кабардинцев – около 390 тыс., черкесов – 51 тыс. чел.

Общая же численность адыгов на территории бывшего СССР, по оценке некоторых исследователей, не превышает 500 тыс. чел. В монографии «Россия и Черкесия» (1995) общее число адыгов на территории бывшего СССР оценивается в 600 тыс. чел. А согласно переписи 2002 г., численность адыгов, проживающих в современной России, составляет свыше 717 000 чел. («Адыгская (черкесская) энциклопедия», 2006. С. 7). По данным же одного из сайтов в Интернете, в настоящее время в Российской Федерации проживает около 800 000 адыгов (<http://www.adamalla.com/showthread.php?t=997&page=1>).

Если учесть, что сейчас на территории трех адыгских республик (РА, КБР, КЧР) проживает всего 2 млн. чел. различных национальностей, то можно утверждать, что в результате известных геополитических процессов XVIII-XX вв. на земле адыгов коренное население составляет 25 %. К сожалению, точных сведений о численности адыгов в настоящее время не имеется; различные авторы оценивают ее по-разному. Но тем не менее, из прилагаемых таблиц 35-40 можно получить хотя бы ориентировочное представление о том, сколько же в нашей стране адыгов сегодня и где они размещаются (табл. 34).

Таблица 34 – Численность адыгейцев, черкесов и кабардинцев на территории бывшего СССР в конце XX – начале XXI в., по данным различных авторов, чел.

Народность	Численность	Источник	Народность	Численность	Источник
Адыгейцы	80 000	К.Х. Меретуков	Кабардинцы	303 600	К.К. Хутыз
	100 000	Б.М. Джимов		322 000	СЭС*)
	103 000	К.К. Хутыз		383 820	Х.М. Думанов
	109 000	СЭС*		390 000	Н.А. Тернавский
	123 000	Н.А. Тернавский		390 814	Р.Ж. Бетров
	124 826	Р.Ж. Бетров		394651	Х.Х. Сукунов
	124 941	Х.Х. Сукунов	Всего адыгов на Северном Кавказе	453100	К.К. Хутыз
Черкесы	130 970	Н.Т.Гишев		477000	А.М. Гадагatlь
	46 500	К.К. Хутыз		492820	Х.М. Думанов
	51 000	Н.А. Тернавский		500000	М.А. Керашев; Х. Муфти
	52 363	Х.Х. Сукунов		600000	Н.Т. Гишев

*СЭС – Советский энциклопедический словарь. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1984.

Большая часть адыгов проживает сейчас на территории «своих» республик, часть – за их пределами (табл. 35).

Таблица 35 – Численность адыгов, проживающих в «своих» республиках, чел.

Народность	Проживают		Примечание
	в «своих» республиках	в бывшем СССР	
Адыгейцы (Адыгея)	86 400*	109 000**	*По данным Н.И. Бондаря (1990), в Краснодарском крае, включая существовавшую тогда Адыгейскую автономную область, проживало в 1979 г. – 102 972 адыгов; в 1989 г., согласно переписи, – 116 067 чел.; а по данным авторов книги «Россия и Черкесия», в 1995 г., адыгейцев проживало в Адыгее не более 95400 чел.;
Черкесы (Карачаево-Черкесия)	34 400	46 000	**По тем же данным, всего в бывшем СССР в 1995 г. проживало адыгейцев 130 970 чел.
Кабардинцы (Кабардино-Балкария)	304 000	322 000***	***По данным Б.М. Керефова и Т.Б. Керефова (2005. Вып. I), численность кабардинцев в Российской Федерации составляет, по данным переписи 2003 г., – 520 100 чел.
Итого народ адыги:	424 800	477 000	

Представление о том, сколько адыгейцев проживают сейчас на территории Краснодарского края, можно получить из нижеприведенной таблицы 36, подготовленной на основе материалов последней Общероссийской переписи (впрочем, по какой-то неизвестной причине организаторы столь масштабной акции искусственно разделили этнические понятия: «адыгейцы» и «шапсуги». – **Авт.**).

Таблица 36 – Этнический состав населения Краснодарского края. 2011 г.

Национальность	Кол-во, чел.	Национальность	Кол-во, чел.	Национальность	Кол-во, чел.
Русские	4 522 962	Белорусы	16 890	Курды	5 899
Армяне	281 680	<i>Адыгейцы</i>	13 834	Казахи	5 261
Украинцы	83 746	Цыгане	12 920	Молдаване	5 170
Татары	24 840	Немцы	12 171	<i>Шапсуги</i>	3 839
Греки	22 595	Азербайджанцы	10 165	Турки-месхетинцы	158
Грузины	17 826	Турки	8 527	Все население края:	5 226 647*

* «Комсомольская правда-Кубань», 2011, 20 дек. С. 4.)

Таблица 37 – Удельный вес адыгских народов Северного Кавказа в общей численности населения «своих» республик

Республика	Народность	Численность населения, %
Кабардино-Балкария	Кабардинцы	48,2
	Балкары	9,4
	Русские	32,0
Карачаево-Черкесия	Карачаевцы	31,2
	Черкесы	9,7
	Русские	42,4
Адыгея	Адыгейцы	22,1
	Русские	68,0

Представляют определенный интерес и сведения, характеризующие, так сказать, «удельный вес» жителей коренной национальностей в адыгских республиках. Несмотря на то, что приведенные данные относятся к концу XX в., тем не менее, эти процентные соотношения сохранились до сегодняшнего дня (табл.37).

Следует отметить, что судьба разбросала адыгейцев по всем концам бывшего СССР, – от Эстонии до Армении и от Белоруссии до Якутии. С этой точки зрения, представляют интерес и данные таблицы 38.

После распада СССР в Адыгею хлынул поток мигрантов из Азербайджана, Нагорного Карабаха, Чечни, Таджикистана, Узбекистана, Прибалтики и Молдовы. В Майкопском, Кошехабльском, Тахтамукайском, Красногвардейском районах появились беженцы – русские, турки-месхетинцы, армяне, азербайджанцы, корейцы, немцы. По данным М.Б. Беджанова, с 1989 г. по настоящее время на территории Республики Адыгея проживает около 2300 беженцев и вынужденных переселенцев (не считая беженцев из Абхазии). Это в основном лица курдской, армянской, азербайджанской национальностей. Курды наиболее компактно осели в Красногвардейском районе (прописано 935, без прописки – 1256), армяне – в Майкопском, Кошехабльском

Таблица 38 – Расселение и численность адыгейцев на территории бывшего СССР (без Республики Адыгея), чел.

Страна	Численность	Страна	Численность
Российская Федерация, всего:	2370	Корякский А.О.	13
в т.ч.:		Еврейская АО	11
Кабардино-Балкария	828	Автономный округ Эвенкия	6
Карачаево-Черкесия	296	Ближнее зарубежье, всего:	8200
Ханты-Мансийский А.О.	279	в т.ч.:	
Коми	181	Украина	2093
Якутия	162	Казахстан	1257
Чечня + Ингушетия	140	Узбекистан	1658
Северная Осетия	107	Грузия	747
Ямало-Ненецкий А.О.	102	Азербайджан	565
Чувашия	58	Таджикистан	363
Татарстан	36	Туркменистан	347
Дагестан	35	Белоруссия	322
Калмыкия	25	Киргизстан	313
Хакасия	25	Латвия	147
Чукотский А.О.	23	Армения	129
Тува	17	Молдова	99
Марийская Республика	16	Эстония	84
Удмуртия	14		

районах, в городе Майкопе, – около 700 чел. За время трагических событий в Абхазии прибыло в республику еще около 900 чел. – абхазы, русские, армяне и представители других национальностей. Всем им оказана соответствующая помощь, выделены средства, предоставлено временное жилье.

В категорию переселенцев можно включить часть людей адыгской национальности, вернувшихся в последние годы из стран Ближнего и Среднего Востока. Возвращенцы не знают русского языка, – ведущего из двух государственных языков в Адыгее. Воспи-

танные в совершенно других социальных условиях, эти люди испытывают двойное чувство: гордость за возвращение на родину предков и одновременно – подавленность за то, что они «не такие», как местные адыги.

За счет стихийной миграции, к 1992 г. и еще более к 1995 г. национальный состав Адыгеи существенно расширился. По данным последней переписи он выглядит следующим образом (табл. 39). Всего же в Республике Адыгея (по состоянию на сегодняшний день) проживает 472 046 чел., – представителей 82 национальностей.

Таблица 39 – Национальный состав Республики Адыгея, чел.

Национальность	Численность	Национальность	Численность	Национальность	Численность
Русские	293 690	Евреи	252	Таджики	73
Адыгейцы	95 438	Кабардинцы	240	Коми-пермяки	63
Украинцы	13 765	Черкесы	213	Карачаевцы	62
Армяне	10 460	Чеченцы	178	Ингуши	47
Белорусы	2 701	Болгары	165	Туркмены	42
Татары	2 666	Аварцы	157	Абазины	31
Немцы	1 805	Узбеки	137	Балкарцы	29
Греки	1 561	Казахи	119	Карелы	25
Азербайджанцы	1 020	Ассирийцы	115	Румыны	20
Грузины	643	Литовцы	108	Калмыки	20
Корейцы	635	Даргинцы	102	Евреи горские	18
Мордва	536	Коми	98	Ногайцы	16
Чуваши	440	Татары крымские	94	Таты	15
Удмурды	405	Табасараны	90	Китайцы	15
Осетины	279	Эстонцы	79	Гагаузы	14
Курды	262	Латыши	75	Киргизы	12
Лезгины	257	Абхазы	74	Венгры	10
Поляки	256				

В целях восстановления и развития языка, письменности, культуры некоторые из этно-национальных групп, проживающих в Адыгее, создали свои общества и развернули в этом направлении активную работу. В их числе – «Адыгэ Хасэ», Союз славян и казаков, общества татар «Дуслык», немцев Адыгеи «Возрождение» («Видербурт»), армян «Дружба»; греков «Арго», отделение Российского общества «Родина», защищающее интересы черкесской диаспоры, общество «Единство» и др.

10.4.10. «Пусть прекрасные цветы зацветут...»: Республика Адыгея – гарант мира и стабильности в регионе

Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах...

Коран. Сура 5; 53.

Будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию...

Библия. Послание к Римлянам (14; 19).

Проблемы, связанные с межнациональными отношениями, решаются в Адыгее без особых эксцессов и конфронтации, хотя болезненные перемены, происходящие в наше время в социально-экономической жизни региона, не могут обходиться, разумеется, без каких-то противоречий и определенных трудностей.

Но адыги и другие народы, населяющие Республику Адыгею, сумели найти в себе мужество и здравый смысл противостоять отдельным группам экстремистов, склоняющихся к явному национализму и шовинизму, и решают мирно, сообща вставшие перед ними проблемы, в том числе и межнациональные. Среди них немаловажное место занимает проблема, так сказать, «мирного сосуществования» на Земле адыгов коренного и русскоязычного населения. О том, что в некоторых адыгских республиках иногда прорастают ядовитые семена национализма, русофобии, – свидетельствует, в частности, следующий факт. Как было отмечено выше, в 1998 г. в Нальчике вышла книга карачаевского историка М.О. Будая. Наряду с рассмотрением других вопросов, автор стремится вбить клин между русским и адыгским народами. Прежде всего, он не раз повторяет, что адыги не являются коренными жителями Кавказа, что появились они здесь «случайно», в силу определенных обстоятельств: «...Адыги обосновались на постоянной основе на земле, которую дали им русские. До этого они были кочевыми племенами, которых коренные жители Кавказа изгоняли с одного места на другое» (С. 34); «Чтобы избавиться от насильственных переселений и притеснений, которым они подвергались со стороны коренных жителей Кавказа, они стали союзниками русских и призвали их к оккупации Кавказа (!?)» (С. 34); «Адыгские племена становились союзниками всякого, кто приходил войной к жителям Кавказа» (С. 35); «В 1844 г. русский царь Николай 1 наградил черкесов (адыгов) почетным знаменем за их противостояние жителям Кавказа, за их вооруженную защиту интересов России», и т. д. (С. 43) (Цит. по: Куценко И.Я., 2006. Вып. IV. С. 422-423). Оставим эти измышления на совести автора...

О месте и роли русского народа в современном обществе размышляет В.А. Хуажев. Этот вопрос тем более важен, так как на уровне обыденного (вернее сказать, обывательского) сознания в адрес русских зачастую идут незаслуженные упреки и обвинения, вплоть до объявления их «имперской нацией». Действительно, русский народ занимал особое место в процессе формирования Советского государства вокруг национального ядра. Русские играли главную роль в политической, хозяйственной, научной и культурной жизни страны. Их язык служил не только языком межнационального общения, но и выступал фактически в роли государственного. Но правомерно ли, спрашивает В.А. Хуажев, называть русских «имперской нацией»? Как правило, ведущая нация в метрополии имеет ряд существенных льгот и привилегий, прежде всего, в экономике, уровне жизни. Русские же по этим параметрам ни в чем не отличались от народов окраин и даже в чем-то даже уступали им. Парадокс состоит в том, отмечает В.А. Хуажев, что от тоталитаризма русский народ пострадал ничуть не меньше, если не больше других. В самом деле, Гражданская война истребила под корень национальную «элиту» – русскую аристократию; коллективизация опустошила русскую деревню; центральная Россия сегодня один из самых отсталых регионов; положение русских в «ближнем зарубежье» неопределенно и двусмысленно, идет их постепенное «вытеснение» из национальных окраин. А многомиллионные жертвы, который понес именно русский народ в Гражданскую и Великую Отечественную войны?

Если же говорить о казаках, то только по официальным данным, в годы первой мировой и Гражданской войн, а также последующей коллективизации погибло, было выслаано в Сибирь 4,6 млн. чел. из общей численности казаков 5,8 млн., живших в Российской империи в начале века, т. е. из каждых 10 казаков 8 подверглись «расказачиванию», репрессиям и высылке. Да, «имперское мышление» имело место, но носителем его был не русский народ, а командно-административная система тех лет. Об этом надо помнить, и помнить всегда. О том же, что фактически принес русский народ жителям ранее угнетенных национальных окраин, писала в свое время среднеазиатская поэтесса Анбар-атын:

Что ж, пришел – пришел во благо, пусть он новшества заводит,
Школы новые построить для ребят поможет русский.
Он сулил простому люду все, что надобно, уладить, –
Пусть же будет верен слову – чем богат, поможет русский...

«Очернителям» советского периода нашей истории надо напомнить те несомненные исторические достижения, которые мы имели в решении национального вопроса. Как справедливо подчеркивает М.Б. Беджанов, даже командно-административная система и душная атмосфера застоя не смогли истребить в советских людях чувство единой семьи народов, которое и сейчас проявляется в стремлении к сотрудничеству и добрососедству. Особо наглядно это видно на примере адыгов, которым есть чем гордиться в решении вопросов межнационального общения. Вот уже десятки лет адыгские народы проживают в мире и сотрудничестве со многими национальностями, которых исторические судьбы привели на Землю адыгов. Как особо подчеркивал А. Схалыхо, «... последуем святой науке предков – слышать и слушать, и отсюда – понимать и уважать друг друга. Мы по долгу и совести должны сделать все чтобы благоразумие всегда побеждало и в чувствах, и в мыслях, и в поступках».

С повышением государственного статуса – образованием своей республики, это чувство дружбы адыгов и русских еще более укрепилось. «И можно с гордостью отметить, – говорил кандидат в депутаты 10-го избирательного округа г. Краснодара Азмет Хазретович Шеуджен, – что этот процесс прошел безболезненно; все хозяйственные и политические проблемы решались мирно, при обоюдном согласии. Хорошо сказали представители молодой республики: «Уходя, мы остаемся». Этим была подчеркнута неразрывность экономических, культурных, политических и просто человеческих связей между адыгами и русскими, между адыгами и казачеством. Связей, складывавшихся веками...». Руководство Краснодарского края и Республики Адыгея делают все от них зависящее для укрепления этих связей. С этой точки зрения весьма примечателен тот факт, что бывшим губернатором края Н.И. Кондратенко сразу же после его инаугурации было восстановлено представительство Краснодарского края в Республике Адыгея, закрытое прежним губернатором Н. Егоровым. «Восстановление представительства, – сказал он, – это восстановление справедливости».

На фоне всплеска межнациональной вражды во многих регионах бывшего СССР в 90-е гг., руководство Республики Адыгея отличалось и отличается трезвой, взвешенной политикой, являясь своеобразным гарантом мира и спокойствия в северокавказском регионе. Президент, парламент, правительство в это трудное время приняло ряд мер по стабилизации социальной и политической обстановки, созданию благоприятных условий для развития экономики во всех сферах народного хозяйства региона.

Взвешенностью, государственной мудростью отличалась позиция руководства республики во время грузино-абхазского конфликта (точнее агрессии Грузии против Абхазии). Эти события осложнили общественно-политическую ситуацию и в Республике Адыгея. В Майкопе, других населенных пунктах прошли несанкционированные митинги, несколько групп добровольцев из республики находились в зоне конфликта. В памяти адыгейского и братского народов навсегда останутся имена тех, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Абхазии, в том числе бывшего капитана милиции из Теучежского района Адама Хуаде. Как подчеркивает А. Кабертай («Деловая Адыгея», 1997, № 41), «для современных адыгов имя Адама Хуаде стало символом, олицетворяющим нравственную чистоту и патриотизм». Часть населения, трудовые коллективы, матери добровольцев проявили озабоченность втягиванием Адыгеи в опасный очаг напряженности, потребовали возвращения добровольцев, осудили призывы к военному участию в конфликте, настаивали лишь на политиче-

ских методах влияния на урегулирование отношений между Абхазией и Грузией. Понимая чувства солидарности добровольцев к абхазскому народу и выражая тревогу за их судьбу, правительство вместе с тем сочло недопустимым запись и отправку добровольцев в зону конфликта. Это создавало определенную напряженность и в республике: сказалось этническое родство, территориальная близость, естественное стремление помочь попавшему в беду народу. Ведь не случайно адыгская мудрость гласит: *Ем игъом зыых*. – «В беде – братья».

Как отмечает М.Б. Беджанов, много сделавший для «погашения» конфликта мирными, политическими средствами, документы наглядно высвечивают миролюбивую и последовательную позицию Адыгеи в мирном урегулировании этого вопроса. Активность нашего руководства проявилась еще с середины 1992 г. Президент Адыгеи настойчиво убеждал Президента России принять конкретные меры по этой важной проблеме. В апреле 1995 г. Президент Республики Адыгея обратился к Председателю Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину с просьбой об оказании гуманитарной помощи абхазскому народу. Он отметил, что «...в настоящее время Республика Абхазия заблокирована и изолирована от внешнего мира. Представительство МИДа в г. Майкопе ведет посильную работу в республиках Северного Кавказа, в том числе по оказанию гуманитарной помощи Абхазии. Только в мае месяце 1995 г. по инициативе нашего представительства было переправлено через границу по р. Псоу 8 вагонов с мукой весом 518 т, в том числе три вагона с мукой из Адыгеи весом 192 т и 18 т удобрений. Народ Адыгеи оказывает абхамам братскую помощь. Мы твердо верим, что с помощью друзей абхазский народ залечит раны, полученные в грузино-абхазской войне».

Бурные процессы, протекающие сегодня во всех сферах жизни нашего общества, позволили народам страны, в том числе и адыгам, по-новому взглянуть на свое прошлое, настоящее и будущее, на свою материальную и духовную культуру, на потери и обретения. Зримо обнажились те негативные деформационные явления, которые происходили в прошлые десятилетия в строительстве национальной политики, культуры и образования, перегибы и бесконечные «эксперименты» в народном хозяйстве. Но не менее ярко высветились и несомненные достижения адыгского народа в национальном вопросе, развитии народнохозяйственного комплекса, в государственном и культурном строительстве, духовном возрождении народа.

Обращаясь к жителям Адыгеи в связи с 90-летием образования Адыгейской автономной области, Президент республики А.К.Тхакушинов и заместитель Председателя Госсовета-Хасэ РА М. Ашев, особо отметили, что образование области «...обеспечило благоприятные условия для ее экономического и культурного развития, позволило ее народу реализовать свое право на национальное самоопределение, сохранить самобытность, создать письменность и литературу; способствовало развитию образования, науки, здравоохранения и профессионального искусства...»

Уверены, что мудрость, трудолюбие, целеустремленность и неиссякаемый оптимизм, присущие многонациональному народу Адыгеи, будут и в дальнейшем служить надежным фундаментом для процветания нашего общего дома» («Единство», 2012, 28 июля. С. 1).

Сегодня Республика Адыгея является самостоятельным субъектом Российской Федерации со своими законодательными и исполнительными органами. На демократических началах избран Президент, сформировано Правительство, принята Конституция, утверждена государственная символика – Гимн, Герб и Флаг. В республике решительно подняты вопросы восстановления незаслуженно забытых обычаев, традиций, элементов национальной культуры; провозглашена свобода исповедания той или иной религии (мусульманской, христианской и т. д.). Не случайно в священной Книге мусульман свободе выбора веры уделено особое внимание: «Нет принуждения в религии... И скажи: Истина – от вашего Господа: кто хочет, пусть верует, а кто хочет, пусть не верует» (Коран. Суры 2, 257; 18, 28).

И, главное, у адыгов есть завтрашний день. От «Гибели Черкесии» – к ее «Возрождению», – таков путь Адыгеи за семь десятилетий советской власти, как бы не чернили ее сегодняшние «доброжелатели» всех мастей. Как говорится, «...не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения – в пределах твоих» (Книга пророка Исайи, 60; 18). И гимном Жизни звучат сегодня строки адыгской поэтессы Мерем Шеуджен:

Не хочу я видеть разрушенного дома,
Не хочу я видеть покинутого дома.
Пусть в каждом доме будет веселье,
Пусть прекрасные цветы во дворе зацветут...

Хочу я видеть миллион удач,
Пусть бесконечно они с нами пребудут.
Пусть всегда люди будут радостными,
И пусть музыка, удача и счастье их сопровождают!

Пока в Адыгее еще есть такая молодежь, пока рождаются такие стихи, – Земля адыгов жива и у нее есть будущее, Будущее с большой буквы...

Что хотелось бы сказать в заключение? Счастья вам, дорогие жители Адыгеи, кем бы вы по национальности не были; и пусть не будет счета череде ваших лет, как и длине пути, освященного вечным адыгским «Гьогумаф!» – «Счастливого пути». Ведь как гласит адыгская мудрость: *Шьхьафитныгъэр зыдэцылэм гьогур цылухыгъ*. – «Где свобода, там дорога открыта».

Научное издание

Асхад Хазретович Шеуджен

АДЫГИ

Том I

Подписано в печать 11.07.2022 г. Бумага офсетная. Формат бумаги 60х84/8. Способ печати офсетный.
Усл. печ. л. 87,42. Заказ № 0110. Тираж 1000.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Полиграф-Юг».
г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.,
Телефон для справок 8(8772)52-23-92. E-mail: guripp2@yandex.ru

*Плох тот народ, который не ценит
и не любит своей истории.
В.М. Васнецов*

ШЕУДЖЕН Асхад Хазретович – академик Российской академии наук, доктор биологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Республики Адыгея и Кубани, заслуженный работник сельскохозяйственного производства Республики Адыгея, лауреат премии имени Д.Н. Прянишникова Российской Федерации, Государственной премии Республики Адыгея и премии Администрации Краснодарского края, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный гражданин г. Адыгейска, Тахтамукайского и Теучежского районов Республики Адыгея, Герой труда Кубани.

Окончил Эдепсукайскую среднюю школу № 12 (а. Эдепсукай-І Теучежского района Адыгейской автономной области (1958–1969), Кубанский сельскохозяйственный институт (1972–1977), аспирантуру (очно, 1981–1984) и докторантуру (очно, 1990–1992) при Всероссийском научно-исследовательском институте риса. Кандидатскую (1985) и докторскую (1992) диссертации защитил в Всероссийском научно-исследовательском институте агрохимии имени Д.Н. Прянишникова (г. Москва).

Автор 1400 научных работ и 32 патентов на изобретения; научный руководитель 10 докторских, 40 кандидатских и 35 магистерских диссертаций.

Награжден медалями: За вклад в реализацию государственной политики в области научно-технического развития; Герой труда Кубани; За выдающийся вклад в развитие Кубани I, II и III степени; Слава Адыгеи; Закон. Долг. Честь; За вклад в развитие города Адыгейска.